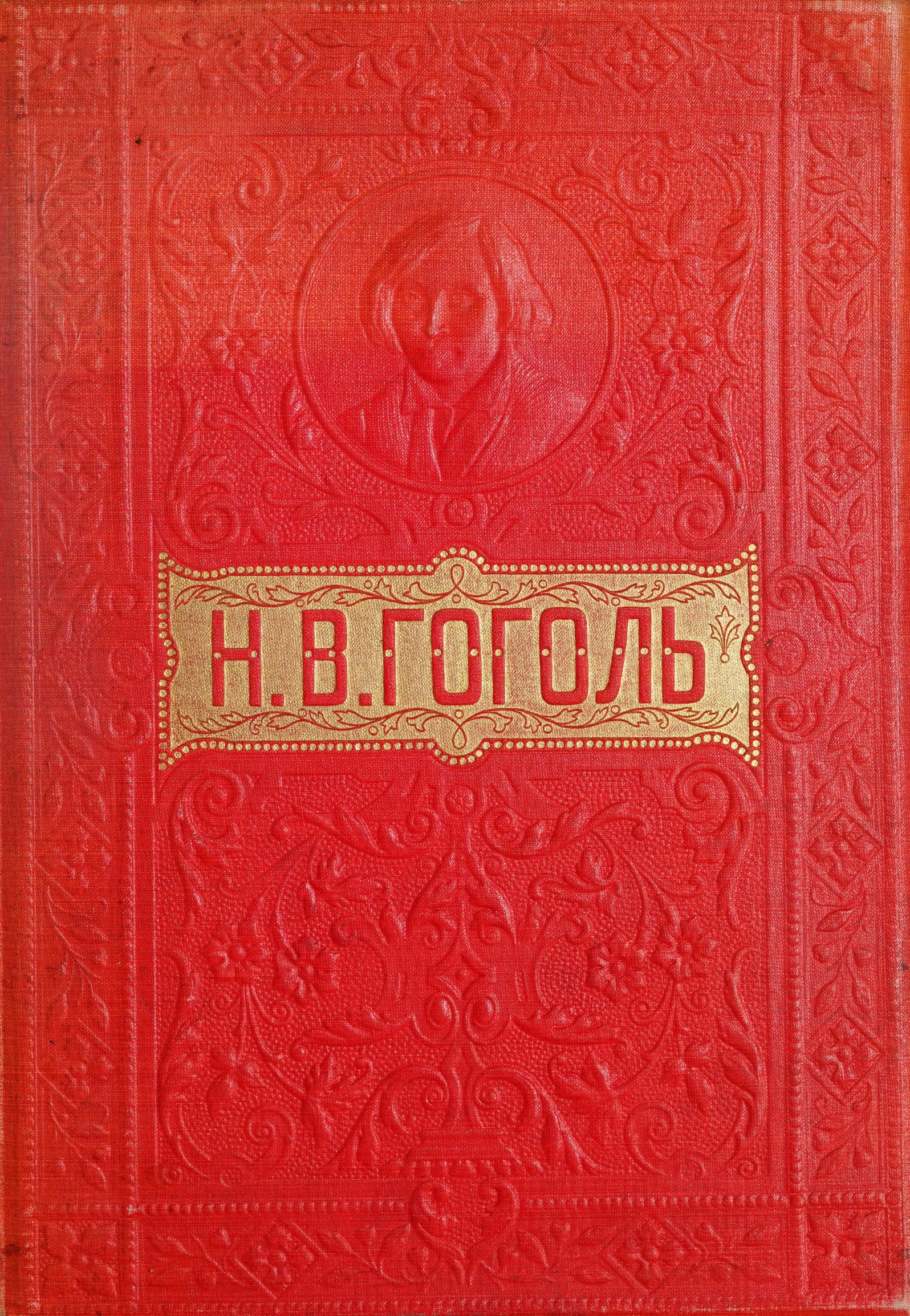

Н.В.ГОГОЛЬ

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

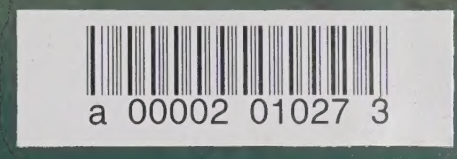
Please keep this card in book pocket

CUTTER NO. | YEAR | VOL. | COPY | PARTIAL TITLE

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

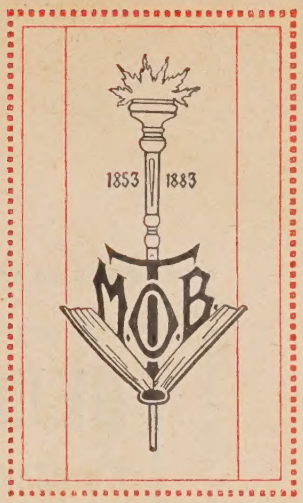
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3332
.A1
1883



This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
FEB 14 1995	FEB 16 '95		
Form No. 513			


1853
1883
MOB

ВЕЛИКІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ, ОДНОТОМНЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ

Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ:

А. С. ПУШКИНА

въ одномъ томѣ, подъ редакціей П. Н. Краснова. Съ жизнеописан. поэта, портретами и рисунк., относящимися къ его жизни, и съ 35 отд. картинами худ. И. В. Симакова. Ц. въ одномъ изящн. коленк. переплетѣ и въ футлярѣ 3 р.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 2-хъ томахъ (въ одной книгѣ). Подъ редакціей В. В. Чуйко. Съ портр. поэта, его біографіей и 41 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 3 р.

Н. В. ГОГОЛЯ

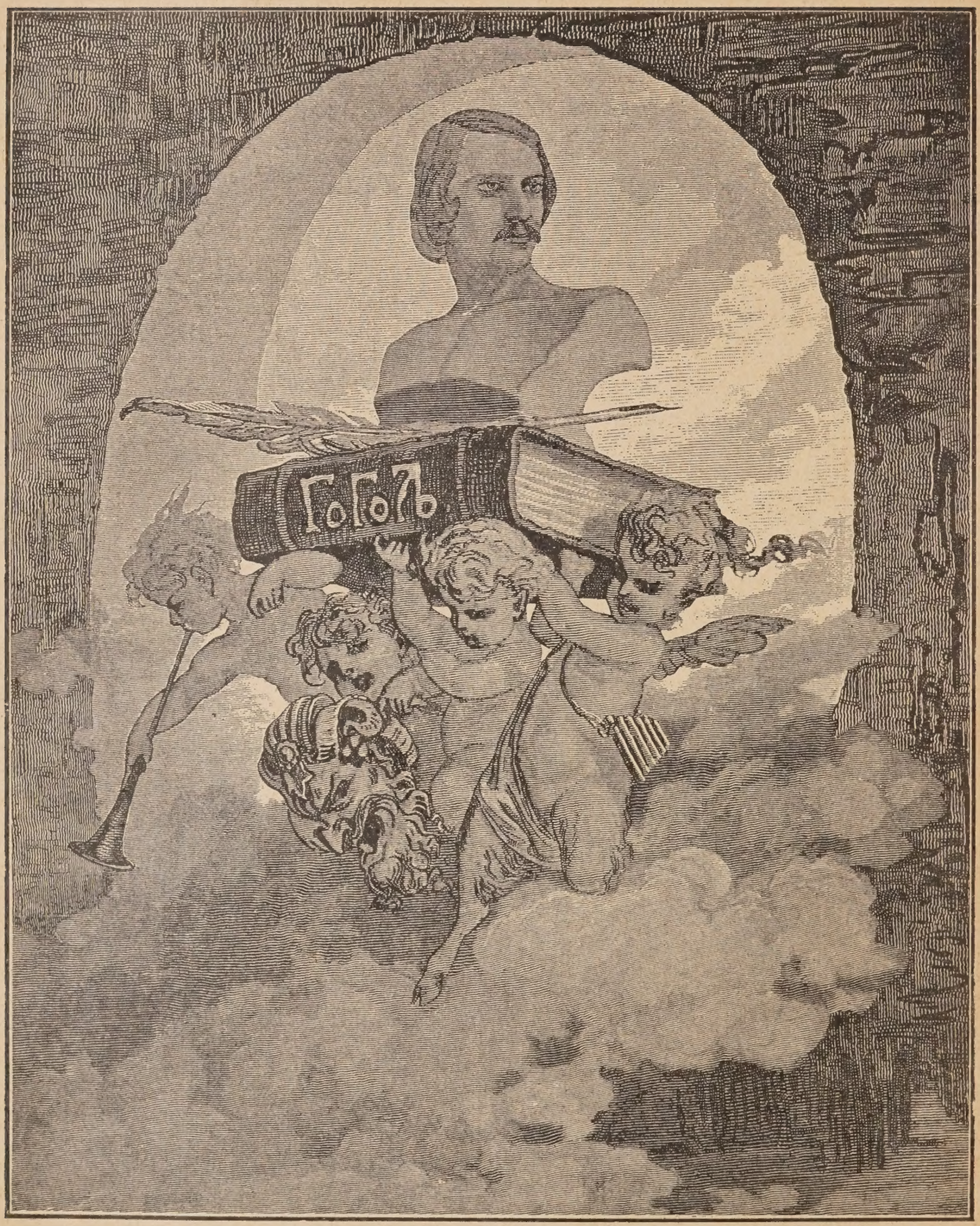
въ одномъ томѣ, подъ редакціей П. В. Быкова. Съ жизнеописаніемъ писателя, портретами, рисунками, относящимися къ его жизни, и съ 32 отдѣльными картинами худ. В. А. Табурина. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 3 р.

В. А. ЖУКОВСКАГО

въ одномъ томѣ, подъ редакціей П. Н. Краснова. Съ жизнеописаніемъ писателя, портретами, рисунками, относящимися къ его жизни, и съ 32 отдѣльными картинами художниковъ: И. П. Гурьева, В. Каульбаха, А. Лиценъ-Мейера и др. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 3 р.

В. Г. БѢЛИНСКАГО

въ одномъ томѣ съ жизнеописаніемъ писателя, портретами, рисунками, относящимися къ его жизни, и пр.
(ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ).



Памяти Гоголя

Рисунокъ академика М. О. Микѣшина.

PG3332
.A1
1883

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

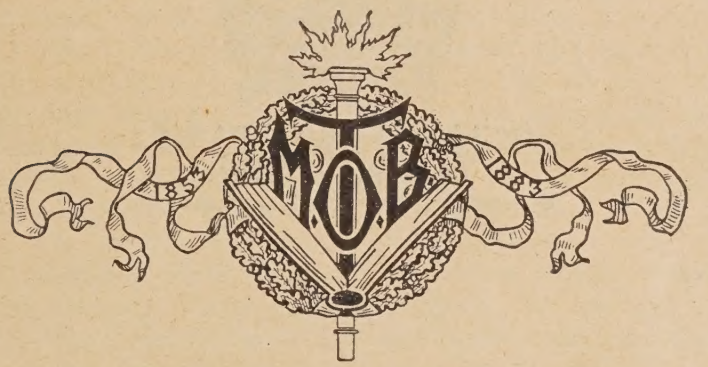
Н. В. ГОГОЛЯ

Polnoe sobranie sochinenii

Подъ редакціей П. В. БЫКОВА

N.V. Gogolia

СЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЕМЪ ПИСАТЕЛЯ, ПОРТРЕТАМИ, РИСУНКАМИ, ОТНОСЯЩИМИСЯ КЪ ЕГО ЖИЗНИ И СЪ 32 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ ХУДОЖНИКА В. А. ТАБУРИНА



ВТОРОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНІЕ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный Дв., 18 и Невскій, 13.
МОСКВА
Кузнецкій М., 12 и Моховая, 22.

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ВА М·О·ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС· ОСТР· 16 ЛИНІЯ СОБ· ДОМЪ·

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

Предки творца „Мертвыхъ душъ“, этого величайшаго изъ нашихъ художниковъ слова, принадлежали къ старинному малороссійскому роду. Какъ это видно изъ дворянскаго протокола Гоголей-Яновскихъ, онъ относится ко временамъ извѣстнаго Евстафія или Остапа Гоголя, сподвижника Богдана Хмѣльницкаго, полковника брацлавскаго, подольскаго или поднѣстрянскаго, впослѣдствіи получившаго отъ польскаго правительства титулъ гетмана, съ которымъ, однако, не соединялось дѣйствительной власти. Его внукъ Иванъ (Янъ) Прокопьевичъ, прадѣдъ писателя, воспитанникъ кіевской духовной академіи, поселился въ селѣ Кохановкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Въ честь этого Яна потомки его и прибавили къ своей фамиліи прозваніе Яновскіе. Прибавку эту нашъ писатель впослѣдствіи уничтожилъ. Сынъ Яна Гоголя Демьянъ былъ священникомъ въ той-же Кохановкѣ, а его сынъ Афанасій уже вышелъ изъ духовнаго званія, но воспитаніе получилъ тоже въ семинаріи и закончилъ его въ Кіевской духовной академіи. Онъ прекрасно зналъ языки, въ особенности латинскій и нѣмецкій, и вообще для своего времени считался человѣкомъ очень образованнымъ. Въ доказательство своихъ правъ на дворянство, онъ, между прочимъ, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ нему отъ дѣда жены его, полковника Таньскаго и тестя бунчуковаго товарища Семена Лизогуба. Служилъ онъ полковымъ писаремъ, позднѣе жилъ въ своемъ имѣніи. П. А. Кулишъ дѣлаетъ догадку—не изъ его-ли разсказовъ великій мастеръ слова заимствовалъ многія обстоятельства жизни бурсака стараго времени, приведенныя въ повѣсти „Вій“. „Если это и не такъ—говоритъ Кулишъ—то можно сказать почти навѣрное, что съ него рисовалъ онъ идиллическаго Афанасія Ивановича“.

Вообще, предки Гоголя сильно тяготѣли къ умственнымъ занятіямъ и были образованнѣйшими людьми той эпохи. Такимъ образомъ, Гоголь былъ коренной малороссъ, безъ примѣси какой-либо иноземщины, украинецъ по происхожденію и воспитанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ право, и по мужской линіи, и по женской, считать себя принадлежащимъ къ высшему сословію Малороссіи и указывать среди предковъ своихъ нѣсколько историческихъ личностей, достаточно памятныхъ. Не говоря уже о полковникѣ Остапѣ Гоголѣ, игравшемъ видную роль въ сношеніяхъ Россіи съ Турціей, и предокъ писателя по женской линіи, полковникъ переяславскій Василій Таньскій, происходилъ изъ извѣстной польской фамиліи и оставилъ Польшу въ моментъ вооруженія царя Петра противъ Лещинскаго, претендента на польскій престолъ, усердно помогая Петру въ шведской войнѣ и всегда занимая видное положеніе среди малороссійскихъ старшинъ. Прадѣдъ Гоголя по той же линіи Семенъ Лизогубъ происходилъ отъ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба, также извѣстнаго въ петровскую эпоху и позднѣе. Оба они, такъ же какъ полковникъ Таньскій, могли похвалиться своей образованностью въ тѣ времена. Гоголь не кичился своими предками, но питалъ и умъ свой, и сердце преданіями о нихъ и тѣхъ временахъ, въ которыя они жили. Онъ живо чувствовалъ свою внутреннюю связь съ ними, со своей родной Украйной, ея стариной, воспоминанія о которой были полны для него неизъяснимою прелестью. „Эхъ, старина, старина!—говоритъ онъ съ нескрываемымъ восторгомъ устами разсказчика дьячка въ „Пропавшей грамотѣ“—что́ за радость, что́ за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что́ давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь ро́дичъ, дѣдъ или прадѣдъ,—ну, тогда и рукой махни: чудится, что вотъ-вотъ самъ все это́ дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ...“

Василій Афанасьевичъ Гоголь, отецъ безсмертнаго писателя, былъ личностью интересной, замѣчательной. Судьба не обидѣла его способностями и умомъ подвижнымъ, любознательнымъ. Удивительно яркій разсказчикъ, почти импровизировавшій свои повѣствованія или анекдоты, по харак-

теру, умственному складу и природному юмору, онъ былъ типичный малороссъ и большой эстетикъ. Восхищался красотами природы, пѣніемъ соловья; ему нравилось украшать старый дѣдовскій садъ горками, гротами, бесѣдками, да и въ убранствѣ, обстановкѣ помѣщичьяго дома сказывался его хорошій вкусъ. При его недюжинныхъ способностяхъ, умѣ и литературномъ талантѣ, онъ могъ бы выйти на широкую дорогу, выдвинуться умственной дѣятельностью. Но ни того, ни другого не случилось, и Василій Афанасьевичъ удовольствовался скромной ролью помѣщика, „души общества“ и дилетанта драматурга и актера. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка онъ близко сошелся со своимъ сосѣдомъ по имѣнію, извѣстнымъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ, бывшимъ министромъ юстиціи, вполнѣ оцѣнившимъ и своеобразный умъ, и рѣдкій даръ слова Василія Афанасьевича. Трощинскій жилъ отъ него неподалеку, въ селѣ Кибинцахъ, и, по примѣру остальныхъ помѣщиковъ, устроилъ у себя домашній театръ. Старикъ Гоголь былъ въ немъ и режиссеромъ, и главнымъ актеромъ. Помимо этого онъ еще ставилъ на сценѣ деревенскаго театра пьесы собственнаго сочиненія на малороссійскомъ языкѣ — „Собака-овца“ и „Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ“, сюжеты которыхъ онъ заимствовалъ изъ народныхъ сказокъ. Историки малороссійской литературы отводятъ видное мѣсто этимъ комедіямъ.

Василій Афанасьевичъ былъ человѣкъ рѣдкаго сердца, добрый, отзывчивый. Прослуживъ недолго въ почтовомъ вѣдомствѣ, онъ мирно наслаждался семейнымъ счастьемъ въ наслѣдственномъ имѣніи — Васильевкѣ или, какъ она называлась по старинному, Яновщинѣ. Оно было—говоритъ Кулишъ—„центромъ общественности всего околотка, такъ какъ гостепріимство, умъ и рѣдкій комизмъ хозяина привлекали туда близкихъ и далекихъ сосѣдей“. Въ этой самой Васильевкѣ В. А. Гоголь и скончался въ 1824 году, 44-хъ лѣтъ отъ роду. Въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, лежащемъ на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ, 19 марта 1809 года, появился на свѣтъ Николай Васильевичъ Гоголь отъ брака его отца съ Маріей Ивановной Косяровской, дочерью надворнаго совѣтника, женщиной необыкновенно доброй, мечтательной и глубоко религіозной. Въ своихъ запискахъ, составленныхъ по просьбѣ Кулиша, вотъ что говоритъ она о себѣ и своей семьѣ: „Жизнь моя была самая спокойная, характеръ у меня и у мужа былъ веселый. Мы окружены были добрыми сосѣдями. Но иногда на меня находили мрачныя мысли. Я предчувствовала несчастія; вѣрила снамъ. Сначала меня безпокоила болѣзнь мужа. До женитьбы у него два года была лихорадка... Потомъ онъ былъ здоровъ, но мнителенъ. У насъ было двѣнадцать дѣтей, изъ которыхъ болѣе половины мы потеряли. Тяжело было это переносить, но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной. Изъ шести сыновей остался одинъ, который замѣнилъ намъ всѣхъ. Но и его взялъ у меня Богъ — да будетъ Его святая воля! Потомъ смерть любимой моей дочери разстроила его здоровье. Потомъ мы лишились всѣхъ среднихъ дѣтей. Старшій сынъ и тогда отличался отъ обыкновенныхъ дѣтей. Дочь Марія была на три года моложе его, а потомъ остались только меньшія три дочери“...

Если Василій Афанасьевичъ вліялъ на сына своей литературностью, то Марія Ивановна зародила въ немъ задатки глубокой вѣры и религіозности, которые впослѣдствіи овладѣли всѣмъ существомъ писателя и играли огромную роль въ его жизни. Марія Ивановна сама подготовляла сына изъ Закона Божія, разсказывала ему о Страшномъ судѣ, рисовала яркія, полныя драматизма картины о вѣчныхъ мукахъ въ аду и о загробномъ вѣчномъ блаженствѣ. Онѣ потрясали воспріимчиваго мальчика и остались памятными ему во всю жизнь. Вспоминая объ этихъ задушевныхъ повѣствованіяхъ матери и ея урокахъ Священной исторіи, Гоголь самъ свидѣтельствовалъ, что они „потрясли и разбудили всю его чувствительность, заронили впослѣдствіи самыя высокія мысли“. Съ другой стороны на него имѣли не малое вліяніе и разсказы талантливаго отца, дышавшіе неподдѣльнымъ юморомъ, которые онъ передавалъ мастерски. Они, быть можетъ, даже впервые затронули въ ребенкѣ симпатіи къ той „рѣзкой чертѣ, которою — какъ говоритъ Пыпинъ — отличается донынѣ отъ другихъ русскихъ братьевъ своихъ южный россіянинъ“.

Живя и развиваясь въ типичной обстановкѣ „малороссійскаго панскаго и крестьянскаго быта“, Гоголь съ самыхъ малыхъ лѣтъ научился любить свою Украйну, проникаться ея поэзіей и, будучи необыкновенно наблюдательнымъ, воочію познакомился съ ея нравами, обычаями, преданіями, пѣснями, сказками, весельемъ и многими характерными особенностями. Изъ домашней жизни въ Васильевкѣ Гоголь почерпнулъ достаточно матеріала. Тутъ, по словамъ Кулиша, „бывали настоящіе вечера на хуторѣ“, которые Николай Васильевичъ, по особенному обстоятельству, помѣстилъ возлѣ Диканьки; тутъ-то онъ видалъ этихъ неистощимыхъ балагуровъ, этихъ оригиналовъ и деревенскихъ франтовъ, которыхъ изобразилъ потомъ, нѣсколько окарикатуря, въ своихъ несравненныхъ предисловіяхъ къ повѣстямъ Рудаго Панька. „Надобно быть жителемъ Малороссіи—говоритъ далѣе Кулишъ—или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ

этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая предисловія, не только чуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь, напитанную запахомъ пироговъ со сметаною или благоуханіемъ сотовъ, атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевской фантазіи". Ребенкомъ Гоголь бывалъ и въ Кибинцахъ Трощинскаго, присутствуя на домашнихъ спектакляхъ, вращаясь въ своего рода сказочномъ міркѣ, полномъ неистощимаго веселья и, такимъ образомъ, въ самые ранніе годы развивалъ свой эстетическій вкусъ, будучи окруженъ литературною и сценическою

Домъ въ Сорочинцахъ, гдѣ родился Гоголь.

сферою. „Онъ, можно сказать,—говоритъ Кулишъ, подъ домашнимъ кровомъ получилъ первые уроки декламаціи и сценическихъ пріемовъ, которыми впослѣдствіи восхищалъ близкихъ своихъ пріятелей" и, пожалуй, тогда уже былъ для него намѣченъ предстоявшій ему путь.

Первоначальное образованіе Гоголь получилъ дома, занимаясь съ приглашеннымъ семинаристомъ и съ матерью, которая, кстати сказать, окружала сына не только нѣжными заботами, но настоящимъ обожаніемъ, что, по мнѣнію Пыпина, могло быть однимъ изъ источниковъ самомнѣнія Гоголя, рано порождавшагося съ другой стороны инстинктивнымъ сознаніемъ таившейся въ немъ геніальной силы. Десяти лѣтъ Гоголь отвезенъ былъ въ Полтаву, гдѣ Спасскій, одинъ изъ тамошнихъ учителей, готовилъ его и младшаго брата его Ивана въ гимназію. Николай Васильевичъ былъ оставленъ на нѣкоторое время дома, а затѣмъ, по открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, помѣщенъ въ пансіонъ при ней въ маѣ мѣсяцѣ 1821 года своекоштнымъ воспитанникомъ. Спустя годъ онъ былъ зачисленъ на казенный счетъ.

По линіи Курско-Кіевской желѣзной дороги, въ ста слишкомъ верстахъ отъ Кіева и верстахъ четырехъ отъ вокзала, въ совершенно ровной, низменной мѣстности лежитъ хорошенькій городокъ. Его нарядныя церкви, которыхъ очень много, и цѣлые ряды привѣтливыхъ каменныхъ зданій дѣлаютъ его издали даже очень красивымъ. Это и есть Нѣжинъ, уѣздное захолустье, которому выпало на долю играть въ жизни нашего геніальнаго писателя далеко не послѣднюю роль. Здѣсь, на берегу пустынной рѣки Остра, съ примыкающимъ къ ней прекраснымъ садомъ, стоитъ длинное зданіе старинной постройки съ неизбѣжными колоннами—зданіе лицея князя Безбородко, бывшей гимназіи высшихъ наукъ, а въ наши времена превращеннаго въ историко-филологическій институтъ. Въ саду лицея нерѣдко бродилъ и мечталъ тотъ—

> ... Возмужавшій въ безвѣстной тиши,
> Людей сердцевѣдецъ великій,
> Чье слово проникло въ тайникъ ихъ души
> И сдѣлалось думъ ихъ владыкой!

Кто, полнъ вдохновенья, уже былъ готовъ
Начать величавыя рѣчи—
И славное имя въ безсмертья скрижаль
Вписавшій чертами созданья,
Въ которомъ улыбка скрываетъ печаль
И смѣхъ заглушаетъ рыданья!..

Бродилъ здѣсь этотъ, въ то время, красивый бѣлокурый юноша въ густой зелени сада, у водъ рѣчки съ зарослями камыша, изъ котораго вылетали чайки и другіе представители пернатаго царства — грезилъ о своей цвѣтущей родинѣ, Украйнѣ, и строилъ всякіе планы. На одномъ изъ деревьевъ, которое сохранялось еще лѣтъ двадцать пять тому назадъ, онъ вырѣзалъ буквы Н. В. Г., такъ много говорящія уму и сердцу каждаго истинно русскаго человѣка. Будущій творецъ великой поэмы, воспѣвшей „похожденія Чичикова“ и прогремѣвшей на всю Русь великую, быть можетъ, въ этомъ самомъ саду почувствовалъ впервые приступы вдохновеннаго творчества.

Марія Ильинишна Косяровская, мать Гоголя.

Тутъ есть много вѣроятія, ибо ученики лицея, проводившіе весною и осенью, чуть не все свободное отъ занятій время въ этомъ плѣнительномъ саду, запасались нерѣдко необходимыми письменными принадлежностями и, взобравшись на дерево или сидя на травѣ, набрасывали на бумагу сочиненія, заданныя учителемъ словесности...

Сочинялъ-ли здѣсь что-нибудь Гоголь заданное, или по собственной охотѣ—Богъ вѣсть! Несомнѣнно одно, что въ лицейскомъ саду онъ передумалъ много думъ, особенно возникавшихъ въ немъ въ силу его внутренняго разлада, той двойственности натуры, которая искоркой тлѣла въ немъ во дни юности и разгорѣлась пожаромъ въ послѣдніе годы его жизни. Въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко—какъ гласитъ документъ—„сынъ дворянина, коллежскаго ассесора Василія Афанасьевича Гоголя-Яновскаго, Николай Яновскій“ поступилъ 1 мая 1821 года. „При семъ — какъ сказано далѣе въ документѣ—г. Яновскій добровольно просилъ о принятіи дворовaго его повара въ число служителей безъ всякой за то ему въ годъ платы“. Въ гимназіи Гоголь не отличался особеннымъ прилежаніемъ да и велъ себя не особенно одобрительно. Напримѣръ, въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ инспектора и надзирателей гимназіи за февраль 1824 года записано, что отмѣтку единицу за поведеніе, въ числѣ другихъ, Гоголь получилъ „за неопрятность, шутовство, упрямство и неповиновеніе“; въ мартѣ онъ исправился: вѣдомости показываютъ, что онъ велъ себя „отлично-хорошо“, но, въ общемъ, начальство не было имъ довольно.

Заниматься усиленно Гоголю мѣшала не одна только хохлацкая лѣнь его, но и достаточно слабое здоровье. Въ письмахъ къ отцу онъ то-и-дѣло жалуется на боль груди и на нервное разстройство. Уроками онъ почти не занимался. Его вывозила превосходная память: онъ схватывалъ кое-что на лекціяхъ на-лету и нѣсколько усерднѣе углублялся въ учебники лишь за нѣсколько дней передъ переходными испытаніями. И его переводили изъ класса въ классъ. Слабые успѣхи дѣлалъ онъ и въ языкахъ: до переѣзда въ столицу, онъ не въ состояніи былъ прочесть самой легкой французской книги безъ помощи словаря, а къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ чувствовалъ какое-то чисто комическое отвращеніе даже и по выходѣ изъ гимназіи. „Не вѣрю—разсказывалъ онъ—чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно, на какомъ-нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ“. Мнѣніе о языкѣ сыновъ туманнаго Альбіона находимъ въ юмористической его характеристикѣ: „По-англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ, и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи“. Не долюбливалъ онъ и точной науки—математики, а какъ шелъ онъ по древнимъ языкамъ, даетъ понятіе разсказъ о Гоголѣ-гимназистѣ одного изъ его наставниковъ,

Ив. Григ. Кулжинскаго, нечуждаго литературѣ—разсказъ, вообще, характерный во многихъ отношеніяхъ. „Онъ учился у меня три года — говоритъ Кулжинскій — и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: „Universum mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram“, за что и былъ прозванъ, вмѣстѣ съ другими латинистами, „Universus mundus“. Во время лекцій Гоголь, всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую-нибудь книгу, не обращая вниманія ни на „coelum“, ни на „terram“. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, неузнанный школою, и, ежели правду сказать, не хотѣвшій или не умѣвшій признаться школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ, но онъ никому не сказывался своимъ настоящимъ именемъ. Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя, повидимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже выучиться русскому правописанію. Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? Можетъ быть, и къ лучшему“.

Если ученіе Гоголя въ гимназіи шло черепашьимъ шагомъ и познанія его были довольно слабыя, то, взамѣнъ этого, его умственное развитіе совершалось съ быстротою очень замѣтною. Тому способствовало усиленное чтеніе; на свои карманныя деньги онъ выписывалъ книги, просилъ отца высылать ему журналы. Появившіяся тогда на свѣтъ поэмы Пушкина „Цыгане“, Полтава“, „Братья разбойники“ и главы „Евгенія Онѣгина“ онъ тщательно переписывалъ на самой лучшей бумагѣ и украшалъ рисунками собственнаго сочиненія. По свидѣтельству извѣстнаго писателя Нестора Васильевича Кукольника, соученика Гоголя по лицею, Николай Васильевичъ страстно любилъ все изящное и высокое. Не преуспѣвая въ другихъ предметахъ, онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ русской словесности и рисованіи и, благодаря бесѣдамъ съ преподавателемъ послѣдняго предмета К. С. Павловымъ о лучшихъ произведеніяхъ живописи и о картинахъ и портретахъ, находившихся въ гимназіи, „получилъ основныя понятія объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ такъ сильно, такъ пламенно писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ“. Такъ-же страстно любилъ онъ и театръ — наслѣдственная черта—принимая горячее участіе въ постановкѣ спектаклей, дававшихся постоянно въ Нѣжинской гимназіи съ разрѣшенія и одобренія начальства ея. Изъ-за крайнаго пристрастія къ театральнымъ представленіямъ, Гоголь имѣлъ даже серьезныя столкновенія съ нѣкоторыми преподавателями — противниками школьнаго театра, „попалъ въ исторію“, по ложному доносу профессора М. В. Билевича, человѣка дрянного, внушавшаго къ себѣ одну антипатію воспитанниковъ. Презрѣнный наушникъ заподозрилъ Гоголя и нѣкоторыхъ его товарищей въ томъ, что они были пьяны, и поднялъ шумъ. Но обвиняемые были освидѣтельство-

Гоголь-студентъ.

ваны и оказались не только трезвыми, но и „безъ малѣйшаго признака хмельныхъ напитковъ“. Вся эта исторія до-нельзя раздражила Гоголя, и, подъ вліяніемъ вполнѣ законнаго чувства негодованія, онъ написалъ одно изъ извѣстныхъ писемъ къ матери, въ которомъ безусловно отрицалъ пользу отъ своего семилѣтняго пребыванія въ нѣжинской гимназіи.

Будучи однимъ изъ главныхъ устроителей театра и защитникомъ его въ гимназіи, Гоголь много содѣйствовалъ успѣху его и былъ, что называется, на седьмомъ небѣ, когда спектакли шли часто и удавались. „Масляницу, всю недѣлю, мы—писалъ онъ матери въ началѣ 1827 года—провели такъ, какъ желаю всякому ее провести;

мы веселились безъ устали. Четыре дня сряду былъ у насъ *театръ*, и, къ чести нашей, всѣ признали единодушно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего! Правда, играли всѣ прекрасно: Двѣ французскія пьесы—Мольера и Флоріана, одну нѣмецкую—Коцебу и русскія: „Недоросль“ Фонъ-Визина и друг. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много, все пріѣзжіе и все съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ. Одиннадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя такого праздника, какой провелъ теперь“!..

женіемъ дьявола, стригущаго монаха и стишками-акростихомъ имени Спиридона. По свидѣтельству другого товарища Гоголя, друга его юношескихъ лѣтъ — Николая Яковлевича Прокоповича, Николай Васильевичъ, будучи еще въ одномъ изъ младшихъ классовъ гимназіи, написалъ стихи „Двѣ рыбы“, нѣчто вродѣ баллады, въ которой пытался изобразить судьбу свою и своего брата и выразилъ эту попытку очень трогательно. Но и это стихотвореніе и акростихъ Спиридона „Се образъ жизни нечестивой“ были далеко не первыми попытками творчества Гоголя. Василій Афанасьевичъ, отецъ писателя, часто ѣздилъ со своими сыновьями Николаемъ и Иваномъ въ поле и до-

Нѣжинскій лицей.

Не меньше театра увлекался Гоголь и литературными занятіями. „Сочиненія Гоголя на заданныя темы—какъ удостовѣряетъ Кулишъ, видѣвшій ихъ—отличаются уже нѣкоторою опытностью, разумѣется, ученическаго пера и силою слова, составляющаго одно изъ существенныхъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. По разсказу Высоцкаго, соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападокъ на товарища Б—на (Бороздина), котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Спиридономъ Растригою. Однажды въ день именинъ Бороздина Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ своей работы съ изобра-

рогою задавалъ имъ разныя темы для импровизаціи: „солнце“, „степь“, „небеса“, и старшій изъ нихъ, Николай, выказывалъ при этомъ удивительныя способности къ импровизаціи. Роскошная природа Украйны, обиліе народныхъ мотивовъ въ окружающей средѣ также дѣлали свое дѣло. Впечатлительному ребенку, отличающемуся наблюдательностью и воспріимчивостью, какъ-то поневолѣ захотѣлось писать.

Гоголю было лѣтъ пять, когда онъ вздумалъ сочинять стихи. Какого рода они были, домашніе не помнятъ. „Извѣстный литераторъ нашъ, Капнистъ — разсказываетъ, со словъ Н. В. Гоголя, Григ. Петр. Данилевскій—заѣхавъ однажды къ отцу молодого поэта, засталъ пятилѣтняго сына его за пе-

ромъ. Малютка-Гоголь сидѣлъ за столомъ, глубокомысленно задумавшись надъ какой-то фразою. Капнисту удалось просьбами, ласками и другими средствами заставить новаго литератора прочесть свое произведеніе. Гоголь отвелъ Капниста въ другую комнату и тамъ прочелъ ему свои стихи... Капнистъ никому не сказалъ о содержаніи этихъ стиховъ. Онъ вышелъ къ домашнимъ Гоголя, глубоко тронутый, лаская и обнимая маленькаго писателя, и сказалъ: „Изъ него будетъ большой талантъ, дай ему только судьба въ руководители учителя-христіанина".

Послѣ „знаменитаго" спиридоновскаго акростиха однимъ изъ первыхъ гимназическихъ произведеній Гоголя была сатира на нѣжинскихъ обывателей—„Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ". Здѣсь великій юмористъ представилъ типическія фигуры разныхъ сословій города, для чего „взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе наиболѣе выказывало характеристическія черты свои, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ свое сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: „Освященіе церкви на Греческомъ кладбищѣ", „Выборъ въ греческій магистратъ", „Всеѣдная ярмарка", „Обѣдъ у предводителя П***", „Роспускъ и съѣздъ студентовъ". У Высоцкаго долго хранилась копія этой сатиры, довольно обширной, но Гоголь, еще оставаясь въ гимназіи, выписалъ ее отъ Высоцкаго, уѣхавшаго въ Петербургъ, подъ предлогомъ будто потерялъ подлинникъ,—и уже не возвратилъ ея владѣльцу. Помимо этихъ литературныхъ попытокъ, Гоголь былъ въ гимназіи еще и журналистомъ, издавая и редактируя журналъ „Звѣзда", просиживая ночи надъ украшеніемъ заглавнаго листа этого школьнаго изданія и напрягая всѣ усилія, чтобы придать ему внѣшность печатнаго изданія. Перваго числа книжка выходила сюрпризомъ для товарищей, которые приходили въ восхищеніе, слушая чтеніе вслухъ содержимаго журнала, въ которомъ работало нѣсколько сотрудниковъ. Самъ Гоголь писалъ въ „Звѣздѣ" почти во всѣхъ отдѣлахъ, помѣстилъ повѣсть „Братья Твердиславичи" — отзывавшуюся подражаніемъ повѣстямъ тогдашнихъ альманаховъ—и нѣсколько стихотвореній. Все было написано „высокимъ слогомъ". Когда въ литературѣ миновала мода на альманахи, чуткій юноша бросилъ свою „Звѣзду" и журнальныя попытки и увлекся театромъ. Онъ великолѣпно исполнялъ на школьной сценѣ роли Простаковой въ „Недорослѣ", няни Василисы въ Крыловской пьесѣ „Урокъ дочкамъ" и вообще старухъ и стариковъ.

Старый Нѣжинъ.

Въ гимназіи Гоголь отличался еще какъ хранитель книгъ, пріобрѣтавшихся въ складчину, Гоголь — по свидѣтельству Кулиша — берегъ книги, какъ драгоцѣнность, и особенно любилъ миніатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до того развилась въ немъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ „Математическую энциклопедію" Не-

ревощикова, на собственныя свои деньги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновала ... но первое изданіе „Вечеровъ на хуторѣ“ еще отзывается ею. Природный юморъ Гоголя, шутливость, которой у него былъ неистощимый запасъ, его развитіе, смѣтливость и другія качества привлекали къ себѣ товарищей его, изъ которыхъ онъ, однако, выбиралъ весьма немногихъ въ соучастники своихъ ребяческихъ проказъ и затѣй, а также про-

Марія Ивановна Гоголь въ концѣ 1820 г.

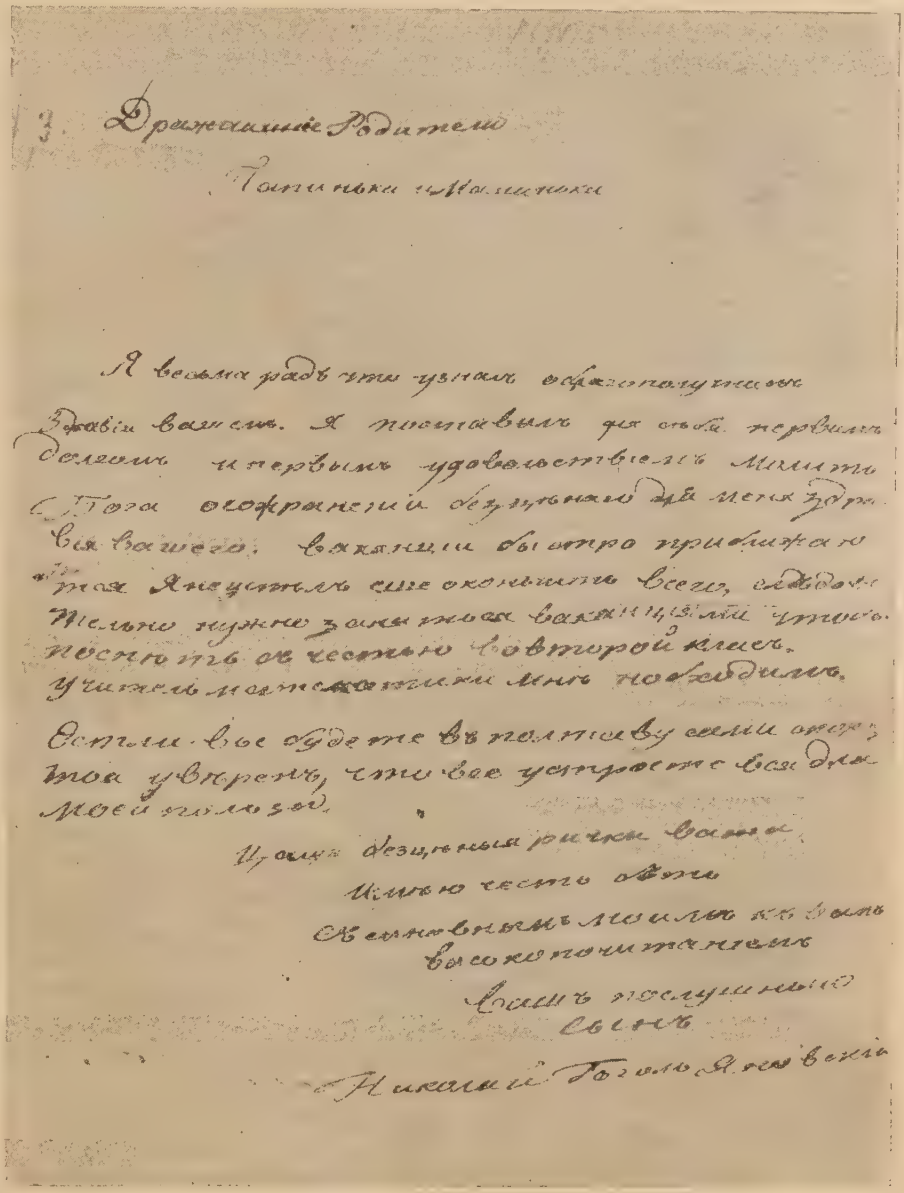
гулокъ и задушевныхъ бесѣдъ. Это были почти исключительно самые нравственные и даровитые, но и такимъ счастливымъ избранникамъ довѣрялся онъ не вполнѣ, утаивая отъ нихъ многое, казалось, совсѣмъ безпричинно или „облекая таинственнымъ покровомъ шутки“. В. И. Любичъ-Романовичъ († 1888 г.), учившійся въ лицеѣ князя Безбородко вмѣстѣ съ Гоголемъ, Гребенкой и Кукольникомъ, переводчикъ Мицкевича и Байрона, писатель достаточно бездарный, въ своихъ воспоминаніяхъ стремится увѣрить, будто товарищи Гоголя, принадлежавшіе большей частью къ аристократіи, смотрѣли на него очень недружелюбно и постоянно насмѣхались надъ нимъ, между прочимъ надъ его неряшливостью, пристрастіемъ къ сластямъ, къ грушевому базарному квасу, къ медовымъ пряникамъ, которые онъ будто бы сосалъ ежеминутно и въ классѣ и внѣ класса, забиваясь въ уголъ, подальше отъ всѣхъ. „Эти насмѣшки наши надъ Гоголемъ — говоритъ пристрастный вспоминатель и скрытый завистникъ генія—еще болѣе усугублялись потому, что онъ держитъ себя какимъ-то демократомъ среди насъ, дѣтей аристократовъ, рѣдко когда мылъ себѣ лицо и руки по утрамъ, ходилъ всегда въ грязномъ бѣльѣ и выпачканномъ платьѣ“. Другіе соученики великаго писателя ничего подобнаго не говорятъ о немъ, и есть вѣроятіе, что Любичъ-Романовичъ или налгалъ, или сгустилъ краски. Впрочемъ, и то сказать, онъ написалъ эти воспоминанія, будучи уже дряхлымъ, выжившимъ изъ ума старикомъ, путавшимъ года, событія, характеристики. Эта дряхлость не мѣшала ему, однако, сохранить злопамятность: онъ не могъ простить Гоголю насмѣшекъ надъ тою рубленою прозою, которую Любичъ-Романовичъ считалъ своими шедеврами.

Гоголь смѣялся надъ Любичемъ-Романовичемъ и другими товарищами, ибо, говоря словами поэта, „надъ тѣмъ смѣяться не грѣшно, что кажется смѣшно“, но вообще въ природѣ Гоголя оригинальность, тонкій юморъ, шутка, стремленіе къ проказамъ и комизмъ, — играли немалую роль. Нѣжинскіе товарищи Гоголя часто бывали свидѣтелями его разнообразныхъ продѣлокъ, проказъ и причудъ. Они особенно любили Гоголя за его неистощимую шутливость, веселость, почти постоянную готовность къ затѣямъ. Если онъ хотѣлъ скрыть что-нибудь отъ товарищей, онъ облекалъ это таинственнымъ покровомъ шутки. Съ уродомъ-надзирателемъ, безобразнымъ до невозможности нѣмцемъ, „смахивавшимъ на свиное рыло“, Гоголь продѣлалъ такую штуку. Сочинивъ стихи на него: „Гицель—морда поросяча, журавлины ножки, той же чортикъ, що въ болоти, приставъ тилько рожки“ — онъ заставилъ сотоварищей пѣть эти стихи нѣмцу, который повелъ ихъ гулять. Идутъ. Надзиратель впереди. Вдругъ заднія пары запѣваютъ это четырехстишіе. Нѣмецъ шагнетъ къ поющимъ: „Кто шмѣла пѣть, што пѣла?“ — сердится нѣмецъ. Тамъ молчаніе, а въ переднихъ парахъ пѣсенка раздается снова. Нѣмецъ— сюда. Здѣсь — молчаніе. Поютъ заднія пары. Злится нѣмецъ. Гоголь глазомъ не моргнетъ, а послѣ покатывается со смѣха. Гоголя однажды сильно заинтересовала чрезвычайная мнительность одного изъ товарищей, юноши очень легковѣрнаго, у котораго былъ собственный лакей Семенъ. И вотъ какъ-то Гоголь подошелъ къ этому товарищу и таинственно объявилъ, что у послѣдняго бычачьи глаза. Тотъ повѣрилъ, провелъ мучительную ночь и постоянно будилъ свего лакея. Под-

говоренный Гоголемъ, бѣдовый Семенъ подтвердилъ сомнѣнія барина и прибавилъ, что это „Николай Васильевичъ Гоголь напустилъ на васъ такое навожденіе“! Утромъ произошла цѣлая трагикомедія. „Что случилось?“—спрашивали ученики. „Р. помѣшался на томъ, что у него бычачьи глаза!“—„Да, да, я еще это вчера замѣтилъ!“—серьезно и съ грустью говоритъ Гоголь. Р. отправили въ лазаретъ. Жертва продѣлки Гоголя пробыла въ немъ недѣлю и навсегда излѣчилась отъ своей мнительности.

А то разъ поднялась по всѣмъ отдѣленіямъ пансіона при нѣжинской гимназіи большая тревога. „Гоголь взбѣсился!“—кричали чуть-ли не всѣ ученики. И дѣйствительно, у него лицо страшно искаженное, глаза сверкаютъ дикимъ блескомъ, волосы какъ будто дыбомъ встали, слышится скрежетъ зубовный, изо рта брызжетъ пѣна. Несчастный бросаетъ мебель объ полъ, прибѣгаетъ флегматичный Орлай; Гоголь взмахиваетъ стуломъ у него подъ самымъ носомъ. „Бѣшенаго“ схватываютъ нѣсколько служителей и влекутъ въ больницу. Здѣсь Гоголь „прохлаждается“ около двухъ мѣсяцевъ и украдкой ведетъ переписку, отдается творчеству. Онъ разыгралъ комедію, чтобы имѣть время сочинять и переписываться, котораго у него не хватало въ виду классныхъ занятій. Бѣшенаго онъ представлялъ мастерски.

Таковы внѣшнія черты бытія творца несравненной эпопеи пошлости жизни въ его школьные годы, во время пребыванія въ Нѣжинѣ. Внутренняя работа въ Гоголѣ шла здѣсь своимъ путемъ. Какъ извѣстно, начальныя стремленія къ чему-то высокому и прекрасному онъ сталъ проявлять еще въ раннемъ возрастѣ, а въ годы ученія передъ нимъ вставалъ въ какой-то мглѣ образъ „чего-то такого, что не всякому дано въ удѣлъ на землѣ, какого-то подвига, какой-то великой задачи, начала расти въ его душѣ потребность чего-то лучшаго, не похожая на окружавшую его сѣренькую дѣйствительность; въ немъ уже зачинался запросъ на міровое, общечеловѣческое, великое. Матеріала для отвѣта на этотъ запросъ у него не было. Учился онъ кое-какъ, но если бы онъ сдѣлалъ даже большіе успѣхи, то мѣсто его школьныхъ лѣтъ, такой, довольно глухой городокъ, какъ Нѣжинъ съ самымъ незначительнымъ запасомъ общественныхъ интересовъ, съ составомъ дюжинныхъ и довольно ограниченныхъ воспитателей, ревностныхъ чиновниковъ, ничего ему не могъ дать, почти никакой пищи для ума и души. Какъ бы то ни было, но въ Нѣжинѣ Гоголь уже обнаружилъ, такъ или иначе, свою природную даровитость и самобытность.



Письмо Н. В. Гоголя къ родителямъ 1820 года.

Сознаніе своихъ силъ будило въ немъ страстное желаніе выдвинуться изъ толпы, возвыситься въ глазахъ окружающихъ. По обыкновенію, онъ прежде всего дѣлился думами своими съ матерью, нѣжно его любившей и также пламенно имъ любимой. Онъ пишетъ ей о своемъ желаніи „положить начало великаго, предначертаннаго имъ зданія". „Человѣкъ страненъ касательно внутренняго своего положенія: — разсуждаетъ онъ въ другомъ письмѣ къ матери—онъ завидѣлъ что-то вдали, и мечта о немъ ни на минуту не оставляетъ его; она смущаетъ покой его и заставляетъ употребить всѣ силы для достиженія существеннаго". А въ посланіи къ другу онъ пишетъ: „Какъ тяжело быть заперту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корой своей земности, ничтожнаго самодовольствія, высокое назначеніе человѣка". Особенно сталъ мужать его духъ, когда онъ лишился отца. Гоголь въ то время былъ шестнадцатилѣтнимъ юношей. Въ его развитіи, съ этого момента, происходитъ огромный переворотъ, работа мысли кипитъ и бьетъ въ немъ ключемъ. Его ученье идетъ все еще туговато, но онъ уже чувствуетъ влеченіе къ исторіи, страстно отдается изученію словесности; онъ сверху внизъ смотритъ на гимназическаго преподавателя этого предмета Никольскаго, „дальше Державина не идущаго впередъ". Онъ пишетъ матери о „неискусномъ преподаваніи наукъ въ гимназіи", горько жалуется, что „утерялъ цѣлыя шесть лѣтъ даромъ". Смутно чувствуетъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ узость своего умственнаго горизонта, отсутствіе вокругъ себя всего того, что могло бы воспитывать въ немъ героизмъ мысли и дѣла. Сильно даетъ ему себя знать его внутренній разладъ. Въ письмахъ къ матери онъ сѣтуетъ, что всѣ его считаютъ какою-то загадкою: „У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите-ли, что я внутренно смѣялся надъ собою съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый скромный, тихій, учтивый; въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотёсанный и пр.; въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до крайности, у иныхъ—уменъ, у другихъ—глупъ!" Сомнѣнія мучатъ необыкновеннаго юношу, но туманомъ подернутая даль все же манитъ его — онъ мечтаетъ о столицѣ, словно о какомъ-то раѣ.

И вотъ послѣдній окончательный экзаменъ выдержанъ. Передъ Гоголемъ во всей грозной дѣйствительности встаетъ настоящая жизнь, клубятся волны ея моря, вѣчно угрюмаго, мутнаго и коварнаго... Прощай школа, прощай густой садъ гимназіи — свидѣтель юныхъ мечтаній и думъ о славѣ, которымъ пришлось осуществиться, хотя и не такъ скоро, но съ такой полнотой и силой, о какой, пожалуй, и не помышлялъ юный мечтатель подъ роскошный соловьиный ропотъ или въ тихую звѣздную ночь въ лицейскомъ саду, либо въ родной Васильевкѣ, которую онъ навѣщалъ съ любовью. Сестра Гоголя свидѣтельствовала, что братъ ея всегда съ какимъ-то волненіемъ подъѣзжалъ къ своему милому деревенскому уголку и на разстояніи версты уже выскакивалъ изъ экипажа и бѣгомъ пускался по направленію къ усадьбѣ.

Гоголь окончилъ курсъ лицея въ іюнѣ 1828 года дѣйствительнымъ студентомъ съ правомъ на чинъ XIV класса. Справедливость требуетъ упомянуть, что передъ выходомъ изъ лицея онъ, въ розовыхъ мечтахъ о грядущей петербургской жизни, рисуя ее самыми привлекательными красками, сталъ какъ-то тяготиться окружавшей его школьной обстановкой. Пошлость многихъ лицъ, среди которыхъ вращался, онъ сталъ подмѣчать все сильнѣе. Она раздражала его, и на „старшихъ", въ которыхъ онъ подмѣчалъ смѣшныя и отрицательныя стороны, потокомъ изливался его природный малороссійскій юморъ. Онъ уже нѣсколько свысока смотрѣлъ на этихъ жалкихъ людей и на товарищей, ни къ чему не стремившихся, и почти не скрывалъ своего презрѣнія къ нимъ. Что касается его мечтаній, душевныхъ порывовъ и исканій въ это время, то они ярко отразились въ его „идилліи въ картинахъ" „Ганцъ Кюхельгартенъ", начатой въ 1827 году и оконченной осенью 1828 года. Проживъ въ деревнѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Гоголь распростился съ родными украинскими полями и запасшись рекомендаціями, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1828 года уѣхалъ въ Петербургъ,—искать службы,—въ сопровожденіи товарища и друга юности „ближайшаго" Александра Семеновича Данилевскаго, впослѣдствіи директора полтавской гимназіи, который явился его руководителемъ въ дорогѣ по части всякихъ хлопотъ, путевыхъ расходовъ и прочаго.

Чтобы не портить себѣ впечатлѣнія, котораго онъ ждалъ при въѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь не захотѣлъ ѣхать черезъ Москву — первый для него большой городъ, и путники наши избрали бѣлорусскій трактъ, держа путь на Нѣжинъ, Черниговъ, Могилевъ, Витебскъ и т. д. Въ первомъ городѣ Гоголь и Данилевскій задержались на недолгое время, чтобы свидѣться со старыми товарищами по гимназіи и въ особенности съ Н. Я. Прокоповичемъ, который тогда уже окончилъ курсъ. По мѣрѣ приближенія къ „землѣ обѣтованной" стремив-

шіеся къ ней украинцы не могли преодолѣть все возраставшаго волненія; нетерпѣніе и любопытство сжигало ихъ. Еще за годъ съ лишнимъ Гоголь писалъ своему товарищу Высоцкому: „Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, а эти полутора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ“. Теперь онъ считалъ дни и часы, и можно себѣ представить чувство, овладѣвшее имъ, когда, не доѣзжая до заставы, путники увидѣли множество огней огромнаго города. Тутъ они перестали быть взрослыми, несмотря на морозъ поминутно высовывались изъ теплаго деревенскаго экипажа и даже становились на цыпочки, чтобы разглядѣть надвигавшійся на нихъ городъ. Гоголь въѣзжалъ въ него далеко не развитымъ юношей со скудными знаніями, но полный безотчетнаго исканія какой-то идеальной службы обществу, вѣчно неумолкаемыхъ желаній сильной души такъ давно манившихъ его въ заманчивую столицу.

Съ самой ранней юности онъ былъ склоненъ къ мистической вѣрѣ въ предопредѣленіе. И, томясь неизвѣстностью, могъ сказать словами поэта:

Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что-жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то...

И Гоголю такъ пламенно хотѣлось свершить что-либо могущее его выдвинуть, положить конецъ неизвѣстности, чтобы онъ уже не „стоялъ въ раздумьи на жизненномъ пути, ожидая рѣшенія еще нѣкоторымъ ожиданіямъ“. На первыхъ порахъ его встрѣтилъ цѣлый рядъ разочарованій, начиная съ квартирнаго вопроса и дороговизны и кончая неудачей въ пріисканіи себѣ занятій. Ему не хотѣлось „вступить на службу обыкновеннымъ порядкомъ, его пугала чисто механическая канцелярская работа“, и онъ медлилъ, тѣмъ болѣе, что рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, которыя достала ему нѣжная мать отъ Трощинскаго, не дали никакихъ положительныхъ результатовъ.

Самый Петербургъ во многомъ далеко не обрадовалъ честолюбиваго юношу. „Каждая столица— писалъ Гоголь матери — вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; въ Петербургѣ же нѣтъ никакого характера; иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ, а русскіе въ свою очередь, объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ“. Но главное недовольство его было въ томъ, что онъ долженъ былъ отказывать себѣ даже въ посѣщеніи театра и другихъ удовольствіяхъ: нужда постучалась къ нему въ дверь. Благодаря ей, онъ цѣлую зиму проходилъ въ лѣтней шинели. Пришлось искать мѣста. Раньше онъ никакъ не могъ остановиться на выборѣ службы, но, наконецъ, онъ вылился въ форму вполнѣ опредѣленную. „Я перебиралъ въ умѣ—

Н. В. Гоголь. Рисунокъ, сдѣланный въ 1835 г. П. А. Каратыгинымъ (изъ коллекціи П. Я. Дашкова).

писалъ онъ своему родному дядѣ П. И. Косяровскому—всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ: на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только могу я быть благодѣяніемъ, что здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце“. Но вмѣсто того, чтобы „быть благодѣяніемъ“, Гоголь

добился лишь скромнаго мѣста незамѣтнаго колесца въ громадной бюрократической машинѣ, поступивъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на самое скромное жалованье (20 рублей въ мѣсяцъ). Лишь въ апрѣлѣ 1830 года положеніе его нѣсколько улучшилось, когда онъ перешелъ на службу

РЕВИЗОРЪ

КОМЕДІЯ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧ. **Н. ГОГОЛЯ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1836.

Титульная страница перваго изданія «Ревизора» Гоголя въ $^1/_2$ натуральной величины.

въ департаментъ удѣловъ съ содержаніемъ вдвое бо́льшимъ.

Ранѣе этого, однако, Гоголь искалъ счастія на разныхъ поприщахъ: пытался поступить въ актеры, задумалъ выступить на литературное поприще. Тутъ первые шаги его были очень робки. Онъ „боялся гласности и прокладывалъ себѣ дорогу къ литературнымъ успѣхамъ тайкомъ даже отъ ближайшихъ друзей своихъ. По странной случайности, по тому, что его фантазія сдѣлала нѣсколько попытокъ въ подражаніе читанному имъ въ книгахъ, Гоголь „впервые дебютировалъ стихотвореніемъ „Италія“, которое онъ отправилъ къ издателю „Сына Отечества“, не обнаруживая своего имени. Стихи появились въ печати. Странная случайность заключалась въ томъ, что Гоголь въ этомъ стихотвореніи обнаружилъ пламенное влеченіе къ тому благодатному краю, гдѣ гораздо позднѣе, съ чувствомъ немалаго разочарованія въ груди, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, питая къ этому краю привязанность не меньше той, какую онъ чувствовалъ къ родинѣ. Въ этихъ стихахъ есть прекрасныя строки, живописущія природу.

Вѣрное изображеніе дѣйствительности, чуткость въ пониманіи окружающаго, особенно природы, и бросающаяся въ глаза живость красокъ трудно не замѣтить и въ юношеской идилліи Гоголя „Ганцъ Кюхельгартенъ“. Теперь уже внѣ всякихъ сомнѣній въ томъ, что „Ганцъ Кюхельгартенъ“ отразилъ личныя чувства и настроенія юнаго автора идилліи. „Въ ней — по вѣрному замѣчанію Н. А. Котляревскаго—безспорно были самыя свѣжія воспоминанія и намеки на собственныя думы и впечатлѣнія, что между прочимъ подтверждается сходствомъ нѣкоторыхъ строфъ этой идилліи съ письмами Гоголя послѣднихъ лѣтъ его лицейской жизни“. Въ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя“ и В. И. Шенрокъ привелъ наглядные примѣры такого сходства или совпаденія, и этимъ рѣшилъ вопросъ также объ оригинальномъ происхожденіи „Ганца Кюхельгартена“. Счастливый женихъ Луизы, заглавный герой идилліи, удаляется отъ своего счастья, бѣжитъ отъ невѣсты, отъ мирной жизни городка. Его „влечетъ невѣдомая сила“ куда-то вдаль, и онъ дѣлается добровольнымъ странникомъ. Однако спустя два года онъ возвращается въ родныя мѣста — разочаровавшись и въ стремленіяхъ своихъ, и въ своихъ силахъ. „Онъ состарѣлся душой, убѣдившись въ томъ, что тотъ, кто не призванъ къ великому поприщу, долженъ спокойно сидѣть на мѣстѣ, довольствуясь скромной долей и тихимъ счастьемъ. Онъ успокоился, отказался отъ романтическихъ грезъ и нашелъ свое счастье въ бракѣ съ Луизой... Такова исторія Ганца,—говоритъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій.—Но не такова будетъ исторія Гоголя: вѣчный странникъ, вѣчный искатель „великаго поприща“, которое ему предопредѣлено, онъ проживетъ свою жизнь „безсемейнымъ путникомъ“, не помышляя о тихомъ счастьѣ, объ уютѣ мирнаго безвѣстнаго существованія... Какъ во время писанія „Ганца“, такъ и въ позднѣйшее время — замѣчаетъ далѣе г. Овсяннико-Куликовскій — не

будетъ ошибкой сказать: всю жизнь Гоголь періодически испытывалъ непреодолимое стремленіе—бѣжать, вырваться изъ привычной обстановки, подняться съ насиженнаго мѣста и пуститься вдаль, чтобы скитаться по свѣту и извѣдать новыя впечатлѣнія. Въ такихъ случаяхъ невольно вспоминаются вѣщія слова изъ XI-ой главы 1-й части „Мертвыхъ Душъ“. „Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога“!..

Мало довѣряя своимъ силамъ и пугаясь критики, Гоголь издалъ отдѣльно свою пробу пера подъ псевдонимомъ В. Алова. Раздавъ своего „Ганца“ на комиссію книгопродавцамъ, Гоголь притаился и ждалъ отзывовъ. Гоголь въ это время жилъ вмѣстѣ съ гимназическимъ товарищемъ Н. Я. Прокоповичемъ, который только и зналъ, откуда появился Аловъ со своей идилліей, для остальныхъ же знакомыхъ это оставалось непроницаемой тайною. Вѣроятно, поэтому знакомые автора молчали о его произведеніи или отзывались съ обиднымъ равнодушіемъ. Н. А. Полевой встрѣтилъ идиллію изрядной насмѣшкой въ своемъ журналѣ, отъ которой „сердце юноши-поэта сжалось болѣзненной скорбью“. Послѣ этого, по словамъ Кулиша, Гоголь „бросился съ своимъ вѣрнымъ слугой Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ экземпляры, нанялъ нумеръ въ гостинницѣ и сжегъ всѣ до одного“. Если вѣрить одному свидѣтельству, Гоголь не ограничился „Ганцомъ“ и пробовалъ еще разъ выступить, подъ плотнымъ забраломъ, со стихами передъ публикой. Довольно извѣстный московскій книгопродавецъ Ив. Гр. Кольчугинъ (†) увѣрялъ нѣсколькихъ библіографовъ, что однажды Гоголь далъ ему на комиссію маленькую, напечатанную въ 32 д. л., со множествомъ виньетокъ, книжку—„Стихотворенія Іосифа Олова“ и что она несомнѣнно принадлежитъ Гоголю, который впослѣдствіи скупалъ книжку, вѣроятно, для уничтоженія. Предисловіе къ книжкѣ по пріемамъ и манерамъ напоминаетъ предисловіе къ „Ганцу Кюхельгартену“, да и самые стихи имѣютъ много сходныхъ черточекъ съ „идилліей въ картинахъ“ В. Алова. Эту фамилію юный авторъ измѣнилъ на новый псевдонимъ Олова, быть можетъ, для бо́льшей таинственности. Какъ знать! Но вопросъ о принадлежности Гоголю „Стихотвореній Іосифа Олова“, — кстати сказать, книжки нынѣ чрезвычайно рѣдкой,—остается открытымъ.

Полный тревожнаго состоянія духа и сильной неудовлетворенности, Гоголь, такимъ образомъ, проявлялъ что-то необыкновенно лихорадочное въ своей дѣятельности—то пробовалъ себя въ поэзіи, гдѣ грудно справлялся съ риѳмой, не могъ овладѣть техникой, то искалъ службы — и разочаровывался въ ней, то стремился поступить на

1836.

НА АЛЕКСАНДРЫНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Сего дня въ Воскресенье, 19 Апрѣля, Россійскими Придворными Актерами представлены будутъ

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ:

РЕВИЗОРЪ,

Оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Н. Гоголя.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, Городничій		Г-нъ Сосницкій.
Анна Андреевна, жена его		Г-жа Сосницкая.
Марья Антоновна, дочь его		Г-жа Асенкова м.
Лука Лукичъ Хлоповъ, Смотритель Училищъ		Г-нъ Хотяинцовъ.
Жена его		Г-жа Шемаева.
Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, Судья		Г-нъ Григорьевъ б.
Артемій Филиповичъ Земляника, Попечитель Богоугодныхъ Заведеній		Г-нъ Толченовъ.
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, Почтмейстеръ		Г-нъ Рославской.
Петръ Ивановичъ Добчинскій, Городскіе помѣщики		Г-нъ Крамолей (восп.)
Петръ Ивановичъ Бобчинскій, Городскіе помѣщики		Г-нъ Петровъ (восп.)
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, Чиновникъ изъ Петербурха		Г-нъ Дюръ.
Осипъ, слуга его		Г-нъ Аванасьевъ.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь		Г-нъ Доллокъ.
Федоръ Андреевичъ Люлюковъ, Иванъ Лазаревичъ Растаковскій, Степанъ Ивановичъ Коробкинъ	отставные чиновники, почетные лица въ городѣ	Г-нъ Горшенковъ (восп.) / Г-нъ Бекеръ 2. / Г-нъ Байковъ.
Жена Коробкина		Г-жа Перхурова.
Игнатій Ильичъ Уховертовъ, Частный Приставъ		Г-нъ Григорьевъ м.
Свистуновъ, Пуговицынъ, Держиморда, Полицейскіе		Г-нъ Дубровинъ. / Г-нъ Чайской. / Г-нъ Ахалинъ (восп.)
Обдулинъ, купецъ		Г-нъ Сосновскій.
Февронья Петрова Пашлепкина, слесарша		Г-жа Гусева.
Мишка, слуга Городничаго		Г-нъ Марковецкій (восп.)
Слуга въ трактирѣ		Г-нъ Краюшкинъ.
Жандармъ		Г-нъ Мильниковъ.

Гости и гостьи, купцы, мѣщане и просители.

СВАТЪ ГАВРИЛЫЧЬ

или СГОВОРЪ НА ЯМУ,

Картина Русскаго народнаго быта съ разговорами, пѣснями, куплетами, плясками и играми, соч. Г. Огюста, музыка набранная изъ національныхъ пѣсенъ.

Въ коей будутъ пѣть Русскіе пѣсни: Г-жа Шелихова м., Какъ за рѣчинькой слободушка стоитъ, Г. Шувaловъ: Братцы дружно веселую съ хоромъ.

Танцовать будутъ: Г. Трифановъ, Г-жи Телешова б., Азарова, Ефремова, Григорьева и Антипова по Руски.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Захаръ Кречетъ, ямщикъ	Г-нъ Сосновскій.
Елена, жена его	Г-жа Телешова б.
Катинька, ихъ племянница	Г-жа Григорьева.
Петрушка, женихъ ея	Г-нъ Тереховъ
Филатка	Г-нъ Воротниковъ б.
Гаврилычъ, мѣльникъ и сватъ	Г-нъ Григорьевъ м.
Сваха	Г-жа Гусева.
Анюта	Г-жа Шелихова м.

ПОРЯДОКЪ СПЕКТАКЛЯ:

1 РЕВИЗОРЪ. — 2. СВАТЪ ГАВРИЛЫЧЬ.

Начало въ 7 часовъ.

Афиша перваго представленія «Ревизора» Гоголя въ $^1/_3$ натуральной величины.

сцену, обладая несомнѣннымъ талантомъ, но потерпѣлъ неудачу и т. д. Онъ все искалъ—и не находилъ себя. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Гоголь, почти со школьной скамьи, очутился въ средѣ маленькаго прозябающаго люда, полуголоднаго, подобно искусному жонглеру, старающагося сохранить равновѣсіе,—умудриться при скудномъ содержаніи свести концы съ концами, а потому выработавшаго большую положительность и практичность. Что могла дать Гоголю такая среда? Однако, поживъ мелкими интересами этой умственно-убогой среды, Гоголь, года два потерявшій для своего внутренняго міра, для развитія, запасся

Гоголь во время чтенія «Мертвыхъ душъ» у Нащокиныхъ въ Москвѣ.—Портретъ карандашомъ Мамонова, сдѣланный въ 1839 году (изъ коллекціи А. А. Журавлева).

такимъ матеріаломъ, изъ котораго онъ потомъ извлекъ свою безподобную повѣсть „Шинель“, комедію „Женитьба“ и цѣлый рядъ другихъ его шедевровъ. Въ данный моментъ его только томила эта мелкота жизни, прозябаніе въ тиши ничтожнаго бытія. Въ письмѣ къ матери, передъ своей первой поѣздкой за границу, онъ сѣтуетъ, что хотѣлъ отклонить душевныя желанія, указанныя ему Промысломъ Божіимъ, которыя по нѣсколькимъ ступенямъ помогли бы ему подняться на высшую ступень, откуда бы онъ „былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра. Но я осмѣлился—говоритъ онъ далѣе—откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней, между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно“. По поводу своихъ неудачъ и какого-то неопредѣленнаго положенія, Гоголь писалъ матери: „Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью“.

Его все еще влекло въ призрачную, но желанную для него даль, и мнилось ему, что, быть можетъ, онъ найдетъ искомое „въ чужой дальней сторонѣ“. И онъ двинулся за границу. Это было въ 1829 году. По его собственному признанію, Гоголь сѣлъ на корабль, не будучи въ силахъ противиться „чувству“, какъ онъ говоритъ, „мнѣ самому не понятному. Проектъ и цѣль моего путешествія были очень не ясны. Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣй, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи, и добуду любовь къ ней вдали отъ нея. Едва только я очутился въ морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей (пароходъ былъ англійскій, и на немъ ни души русской), мнѣ стало грустно; мнѣ сдѣлалось такъ жалко друзей и товарищей моего дѣтства, которыхъ я оставилъ и которыхъ я всегда любилъ, что прежде, чѣмъ вступить на твердую землю, я уже подумалъ о возвратѣ“. По свидѣтельству А. С. Данилевскаго, Гоголь изъ Европы думалъ пробраться въ Америку и тамъ поселиться, а вмѣсто этого, кое-какъ осмотрѣвъ Любекъ, Травемюнде, Гамбургъ, черезъ нѣсколько дней возвратился въ столицу, сталъ вновь хлопотать о пріисканіи мѣста и вернулся къ литературнымъ занятіямъ. Еще передъ этимъ, замѣтивъ, что петербургская публика проявляетъ интересъ къ Малороссіи, Гоголь задумалъ нѣсколько повѣстей изъ быта Украйны, а по возвращеніи въ Петербургъ началъ дѣятельно собирать для этого матеріалы, съ каковой цѣлью и обратился за помощью къ роднымъ и знакомымъ землякамъ. „Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ — писалъ онъ въ 1829 году матери — вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапогъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните, разъ вы видѣли въ

нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ разспросить старожиловъ... Еще обстоятельнѣе описаніе свадьбы, не упуская ни малѣйшихъ подробностей... Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч.". Подобными вопросами Гоголь забрасывалъ въ письмахъ и своихъ знакомыхъ хохловъ. Марья Ивановна Гоголь отнеслась къ просьбѣ сына со свойственной ей нѣжной заботливостью, сообщала все, что знала сама, что добывала отъ сосѣдей, отъ дворовыхъ и такъ далѣе. Она словно предчувствовала, какое прекрасное употребленіе сдѣлаетъ изъ этихъ матеріаловъ обожаемый ею сынъ, въ звѣзду котораго она, хотя и смутно, вѣрила. И вотъ, въ 1830 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ" П. П. Свиньина явился его разсказъ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала". Редакторъ, „Павлушка, мѣдный лобъ" испортилъ эту прелестную, высоко художественную вещь своими неумѣлыми поправками. Но и въ исковерканномъ видѣ разсказъ былъ замѣченъ, и его успѣхъ явился преддверіемъ славы великаго поэта.

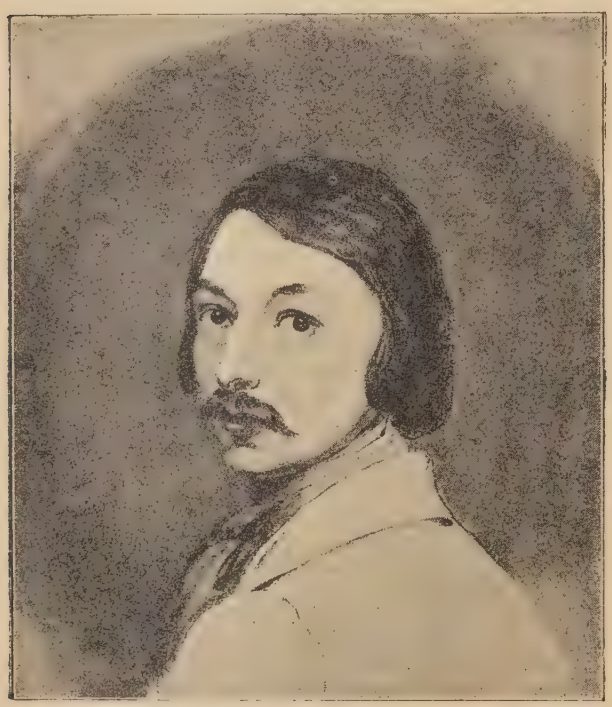
Къ маю слѣдующаго года у него уже набралось нѣсколько подобныхъ разсказовъ, изъ которыхъ и составился первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки". Не зная, какъ распорядиться съ этими повѣстями—говоритъ Кулишъ—Гоголь обратился за совѣтомъ къ П. А. Плетневу. Плетневъ хотѣлъ оградить юношу отъ вліянія литературныхъ партій и въ то же время спасти повѣсти отъ предубѣжденія людей, которые знали Гоголя лично или по первымъ его опытамъ, и не получили о немъ высокаго понятія. Поэтому онъ посовѣтовалъ Гоголю, на первый разъ, строжайшее incognito и придумалъ для его повѣстей заглавіе, которое бы возбудило въ публикѣ любопытство. Такъ появились въ свѣтъ „Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ", который будто бы „жилъ возлѣ Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею". Книга Гоголя имѣла успѣхъ неожиданный, и значительно повліяла на положеніе писателя въ Петербургѣ. Послѣдовало его сближеніе съ свѣтилами нашей литературы, со всѣмъ пушкинскимъ кружкомъ. Сближеніе это нельзя сказать, чтобы прошло совсѣмъ безслѣдно для малообразованнаго малоросса, питомца южныхъ степей; но къ развитію его почти ничего не прибавило. Да не въ этомъ теперь была сила. Гоголь не только уже ощутилъ почву подъ ногами, но и — говоря словами Пушкина — „почувствовалъ въ душѣ приближеніе Бога"... Не только друзья писателя и прозорливые умные люди, понимающіе задачи искусства, назначеніе художника слова, смыслъ его произведеній, восхищались „Вечерами на хуторѣ", но ими зачитывались мало-мальски образованные люди изъ публики, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Первые малороссійскіе разсказы, изданные фантастическимъ пасичникомъ Рудымъ Панькомъ („Сорочинская ярмарка", „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала", „Майская ночь или утопленница", Пропавшая грамота", „Ночь передъ Рождествомъ", „Страшная месть", „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка", „Заколдованное мѣсто") представляли до того времени неви-

Марія Ивановна Гоголь, въ концѣ 40-хъ годовъ.

данное, необычайно новое во всѣхъ отношеніяхъ, и по внутреннему содержанію, и по замыслу, и по формѣ. Небывалой свѣжестью, задушевностью, поэзіей, веселостью и тонкимъ, неподражаемымъ юморомъ вѣяло отъ этихъ великолѣпныхъ картинъ народной жизни и природы того края, который былъ знакомъ русской читающей публикѣ только по роману В. Т. Нарѣжнаго „Бурсакъ". Описывая нравы и народныя преданія и отдавая нѣкоторую дань романтизму, Гоголь въ „Вечерахъ на хуторѣ" обнаружилъ не только крупнѣйшій художественный талантъ, выразившійся въ роскошныхъ, полныхъ колоритности, описаніяхъ природы, типичныхъ чертъ народа, въ богатой обработкѣ фантастическаго элемента, напоминаю-

лей лучшія произведенія Гофмана, но и рѣдкое умѣнье изображать жизнь просто и правдиво, безусловно вѣрною дѣйствительности.

Когда Гоголь трудился надъ своими „Вечерами на хуторѣ“, онъ одновременно помѣщалъ и разныя статьи въ „Литературной Газетѣ“ — „Учитель“ и „Успѣхъ Посольства“, отрывки изъ повѣсти „Страшный кабанъ“, „Женщина“, „Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи“. Около этого времени начались и его литературныя знакомства. Жуковскій, Дельвигъ и Плетневъ сумѣли очень скоро оцѣнить его талантъ, при чемъ первый принялъ въ Гоголѣ живое участіе и оказалъ ему не мало услугъ, а Плетневъ выказалъ ему родственное вниманіе, отечески заботясь о немъ. Онъ на

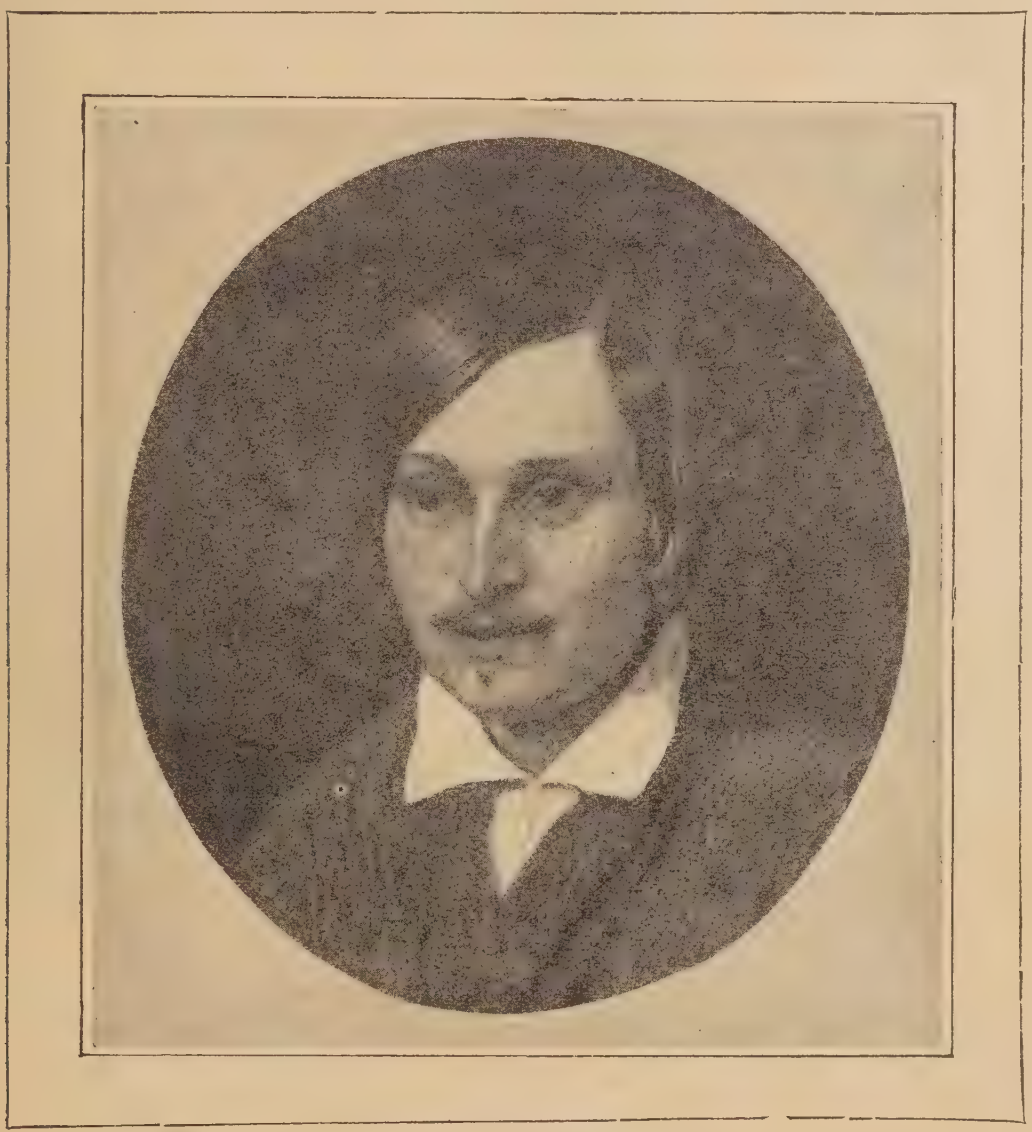


Н. В. Гоголь, портретъ-акварель (современный) работы Жереня (изъ коллекціи А. А. Журавлева).

шелъ Гоголю уроки у Балабановыхъ и Васильчиковыхъ и въ другихъ домахъ столичной знати, свелъ его съ Пушкинымъ, съ которымъ у Гоголя начались вскорѣ вполнѣ дружественныя отношенія. Великій поэтъ чутьемъ генія угадалъ и оцѣнилъ талантъ Гоголя и полюбилъ молодого писателя „какъ новую надежду русской литературы, какъ ея будущую славу“, не упуская случая всячески помочь ему, „ободрить, поощрить самолюбиваго и заносчиваго „хохла“. Плетневъ-же выхлопоталъ ему мѣсто преподавателя исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ, гдѣ самъ онъ былъ инспекторомъ. Гоголь очень дорожилъ этимъ мѣстомъ и вообще чувствовалъ извѣстное удовлетвореніе; успѣхъ „Вечеровъ на хуторѣ“ окрылилъ его, и молодой литературный дебютантъ преисполнился нѣкоторой гордыни. Въ письмахъ къ матери онъ выражаетъ удовольствіе, что не онъ ищетъ знакомства, а другіе добиваются знакомства съ нимъ. „Я душевно былъ радъ,—говоритъ онъ далѣе—оставить ничтожную мою службу (въ департаментѣ), *ничтожную*, я полагаю, *для меня*, что иной Богъ знаетъ за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто“. Счастье, похожее на волшебную сказку, ослѣпляло его, онъ почувствовалъ себя избранникомъ, онъ дѣлалъ себѣ высокую оцѣнку — и уже позволялъ себѣ небрежно относиться къ своимъ учительскимъ обязанностямъ въ институтѣ. Къ этому времени относится его знакомство, въ 1831 году, при посредствѣ Пушкина и Жуковскаго съ Александрой Осиповной Россетъ (впослѣдствіи Смирновой), блестящей фрейлиной, любимицей императрицъ Маріи Ѳедоровны и Александры Ѳедоровны. Въ домѣ А. О. Россетъ собирались самые выдающіеся представители нашей литературы и искусства—„интимный кружокъ писателей и цвѣтъ мыслящаго общества“. „Извѣстныя „записки А. О. Смирновой“,—говоритъ г. Овсянико-Куликовскій,—даютъ намъ наглядное представленіе о бесѣдахъ и спорахъ, какіе велись въ этомъ кружкѣ, гдѣ первыя роли были распредѣлены между Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, А. И. Тургеневымъ и другими. Для Гоголя это была настоящая школа. И это былъ лучшій, счастливѣйшій періодъ его жизни, когда развитіе его геніальнаго дарованія шло впередъ гигантскими шагами, и столь же быстро росла его слава, и когда въ общеніи съ лучшими умами тогдашняго Петербурга, и прежде всего съ Пушкинымъ, онъ имѣлъ возможность отвлечься отъ вѣчнаго самоуглубленія, обогатить свою мысль новыми идеями, набраться новыхъ, освѣжающихъ впечатлѣній и, наконецъ, просто пополнить пробѣлы своего образованія“. А. О. Россетъ интересовалась Гоголемъ не только, какъ писателемъ, но и какъ „хохломъ“. „Я непремѣнно,—говоритъ она въ первой части своихъ „Записокъ“,—хочу видѣть этого упрямаго хохла, поговорить съ нимъ объ Украйнѣ, обо всемъ, что мнѣ такъ дорого. Я просила Плетнева сказать ему, что также хохлачка“. И вскорѣ она заноситъ въ дневникъ такія строки: „Наконецъ-то Сверчокъ и Бычокъ (т. е. Пушкинъ и Жуковскій), мои два арзамасскіе звѣря, привели ко мнѣ Гоголя-Яновскаго“.

И Гоголь, и Россетъ страстно любили Украйну, и это, между прочимъ, помогло ихъ сближенію. Она пользовалась дружбой Гоголя, его довѣріемъ и часть его „Переписки съ друзьями“ была адресована къ ней. Начавъ вращаться въ кружкѣ Пушкина, Гоголь съ нимъ и съ Жуковскимъ про-

велъ лѣто 1831 года въ Царскомъ Селѣ, а слѣдующимъ лѣтомъ отправился на родину, въ милую его сердцу Малороссію, куда онъ рвался всей душой. Проѣздомъ въ Москвѣ онъ познакомился и сблизился съ М. П. Погодинымъ, Сергѣемъ Аксаковымъ и артистомъ М. С. Щепкинымъ, съ которыми дружественныя связи сохранилъ до конца дней своихъ. Не мечтательнымъ юношей посѣтилъ онъ дорогую Украйну, а созрѣвшимъ нравственно человѣкомъ, познавшимъ пошлость и людскую мѣщанскую трагедію земного бытья, суровую дѣйствительность во всей ея циничной откровенности, и этотъ скорбный опытъ жизни не замедлилъ сказаться на дальнѣйшихъ его произведеніяхъ.

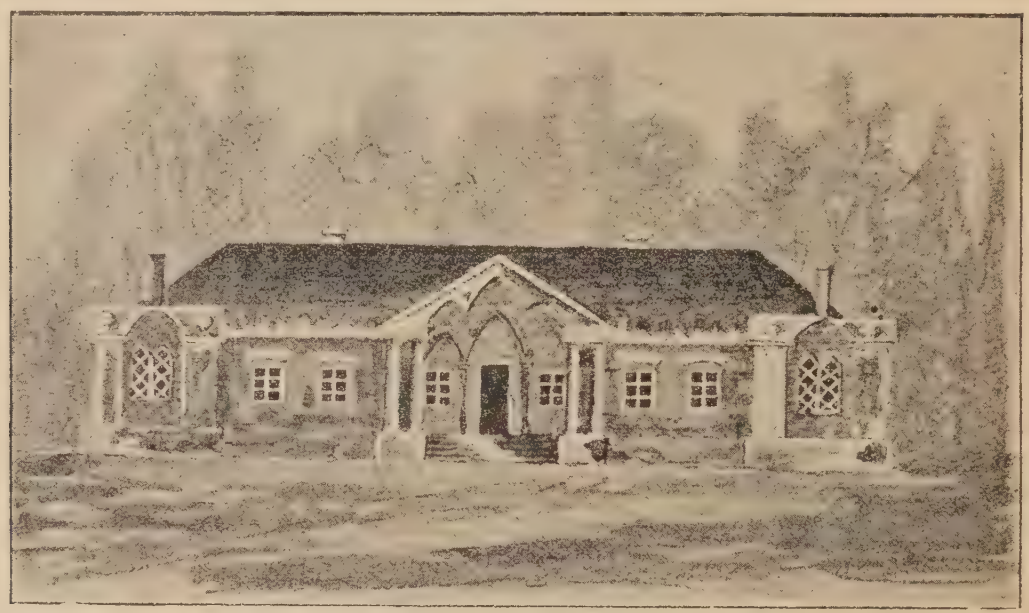


Н. В. Гоголь. Кисти Иванова.

Къ этому времени относятся первые замыслы Гоголя относительно русской драмы, въ области которой онъ явился новаторомъ, сказавъ *свое*, до тѣхъ поръ неслыханное слово и создавъ комедію изъ обыденной жизни, явившуюся противовѣсомъ ходульнымъ драмамъ и трагедіямъ, отъ которыхъ еще вѣяло ложно-классическимъ духомъ. Одинъ изъ біографовъ Гоголя г. Шенрокъ справедливо замѣчаетъ, что „драматическіе замыслы Гоголя явились настоящимъ откровеніемъ для нашей сцены, и если есть еще малѣйшая возможность оспаривать въ пользу Пушкина справедливо установившееся убѣжденіе, что именно Гоголь долженъ считаться отцомъ текущаго литературнаго періода, то это уже совершенно немыслимо въ примѣненіи къ области драматическаго искусства, такъ какъ даже высокохудожественныя созданія Пушкина, какъ, напримѣръ, „Скупой

рыцарь", „Моцартъ и Сальери", „Каменный гость" и „Русалка" никоимъ образомъ не могутъ объяснить собою развитіе послѣдующей драматической литературы". Съ этими удивительными замыслами Гоголь ѣхалъ домой, въ свою Васильевку, и познакомилъ съ ними въ Москвѣ С. Т. Аксакова, М. А. Максимовича, М. П. Погодина и знаменитаго артиста М. С. Щепкина. Въ Москвѣ завязалъ онъ еще нѣсколько литературныхъ знакомствъ, „весьма обдуманно составленныхъ и несомнѣнно имѣвшихъ отношеніе или къ его драматическимъ замысламъ, или къ предполагаемымъ будущимъ занятіямъ исторіей, наукой, которую онъ преподавалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ".

Хотя Гоголь стоялъ на вѣрномъ пути къ славѣ, хотя уже сознавалъ свое истинное призваніе, но вѣстей, пѣсенъ и проч.". Это было въ 1833 году. Добиться профессуры въ Кіевѣ ему, однако, не удалось. Взамѣнъ этого, при содѣйствіи „сильныхъ міра", онъ добился профессуры въ С.-Петербургскомъ университетѣ. 24-го іюня 1834 года онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи; въ томъ же году онъ помѣстилъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" три статьи: „Планъ преподаванія всеобщей исторіи", „Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи" и „О малороссійскихъ пѣсняхъ". На нихъ Гоголь и основывалъ свое призваніе къ историческимъ занятіямъ, выразившимся въ томъ, что онъ сталъ усердно рыться въ лѣтописяхъ. Однако эти статьи обнаруживали въ немъ вовсе не мыслителя и ученаго, а художника. Къ тому же „Гоголь по незна-



Старый господскій домъ въ селѣ Васильевкѣ. Снимокъ съ собственнаго акварельнаго рисунка Гоголя.

его неугомонная душа все еще стремилась къ чему-то. Гоголю представилось, что изъ него можетъ выйти ученый; ему казалось, что университеты наши переполнены „толпою вялыхъ профессоровъ", и онъ предназначенъ судьбою внести живую струю въ университетское преподаваніе. И вотъ, по возвращеніи изъ поѣздки на родину въ Петербургъ, Гоголь начинаетъ хлопотать о полученіи профессорской каѳедры въ Кіевѣ, будучи преисполненъ самыхъ широкихъ замысловъ. „Я восхищаюсь заранѣе — писалъ онъ Пушкину — когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ... Тамъ напишу всеобщую исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только въ Россіи, но даже и въ Европѣ нѣтъ. А сколько соберу тамъ преданій, по-

нію классическихъ древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ, не обладалъ даже и средствами пріобрѣсти надлежащую начитанность, а пріемы научные были ему совершенно неизвѣстны",—говоритъ историкъ С.-Петербургскаго университета В. В. Григорьевъ. Какъ бы то ни было, но первую вступительную лекцію Гоголь прочелъ эффектно, съ полнымъ блескомъ. „Не знаю — разсказываетъ бывшій студентъ Иваницкій, слышавшій эту лекцію—прошло-ли и пять минутъ, какъ уже Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Невозможно было слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи". И еще разъ прочелъ онъ живую, интересную лекцію, въ присутствіи Жу-

ковскаго и Пушкина, сильно интересовавшихся лекціями новоявленнаго „ученаго“. Эта лекція,—„Ал-Мамунъ“,—а также и вступительныя, были затѣмъ напечатаны. Но остальныя лекціи, сухія, безсодержательныя, только разогнали студентовъ. Года за два передъ тѣмъ, Гоголь, вернувшись въ Петербургъ изъ Малороссіи и продолжая свою преподавательскую дѣятельность въ патріотическомъ институтѣ, набросалъ планъ большого историческаго и географическаго труда подъ заглавіемъ „Земля и люди“. Къ тому-же времени принадлежатъ и его попытки въ области комедіи. Онѣ выразились въ пьесѣ „Владиміръ третьей степени“. Однако, самолюбивый писатель остался недоволенъ началомъ пьесы, бросилъ ее и уничтожилъ написанное. Отрывки изъ нея, названные имъ „лоскутками истраченной пьесы“, въ переработанномъ видѣ появились въ печати подъ заглавіями: „Тяжба“, „Утро дѣлового человѣка“ и „Лакейская“.

Опытъ годичнаго преподаванія предмета, весьма неудовлетворительный, убѣдилъ, наконецъ, Гоголя, что онъ взялся не за свое дѣло. А тутъ еще въ концѣ 1835 года вышло постановленіе, по которому онъ долженъ былъ выдержать экзаменъ на степень доктора философіи, если бы пожелалъ быть профессоромъ,—и Гоголь вышелъ въ отставку. Художество не ужилось съ наукой. Самъ-же восклицалъ: „Мся радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь (1833 г.) роюсь, передъ этими живыми лѣтописями!“ И онъ уже не искалъ иныхъ путей, кромѣ литературы, отдавшись всѣми помыслами, всѣми силами своей души. Кстати сказать, незадолго передъ отставкой Гоголь лишился уроковъ и въ Патріотическомъ институтѣ. О профессорской дѣятельности Гоголя небезынтересенъ отзывъ А. В. Никитенко, отзывъ строгій, но небезосновательный; тутъ-же попутно отмѣчена и характерная черта Гоголя—его чрезмѣрное самомнѣніе и „горделивое самочувствіе“. „Что-же вышло?—пишетъ Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“ отъ 21 февраля 1835 года. — Синица явилась зажечь море — и только. Гоголь такъ дурно читаетъ лекціи въ университетѣ, что сдѣлался посмѣшищемъ для студентовъ. Начальство боится, чтобы они не выкинули надъ нимъ какой-нибудь шалости... Попечитель призвалъ его къ себѣ и очень ласково объявилъ ему о непріятной молвѣ, распространившейся о его лекціяхъ. На минуту гордость его уступила мѣсто горькому сознанію своей неопытности и безсилія. Онъ былъ у меня и признался, что для университетскихъ чтеній надо больше опытности... Хотя, послѣ

Н. В. Гоголь. Съ портрета масляными красками Ѳ. Моллера 1840 г., находящагося въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ.

Церковь въ Васильевкѣ.

замѣчанія попечителя, онъ долженъ былъ перемѣнить свой надменный тонъ съ ректоромъ, деканомъ и прочими членами университета, но въ кругу „своихъ“ онъ все тотъ же всезнающій, глубокомысленный, геніальный Гоголь, какимъ былъ до сихъ поръ“. Не лестное свидѣтельство о профессорской дѣятельности Гоголя имѣется и въ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева, бывшаго въ тѣ годы студентомъ петербургскаго университета.

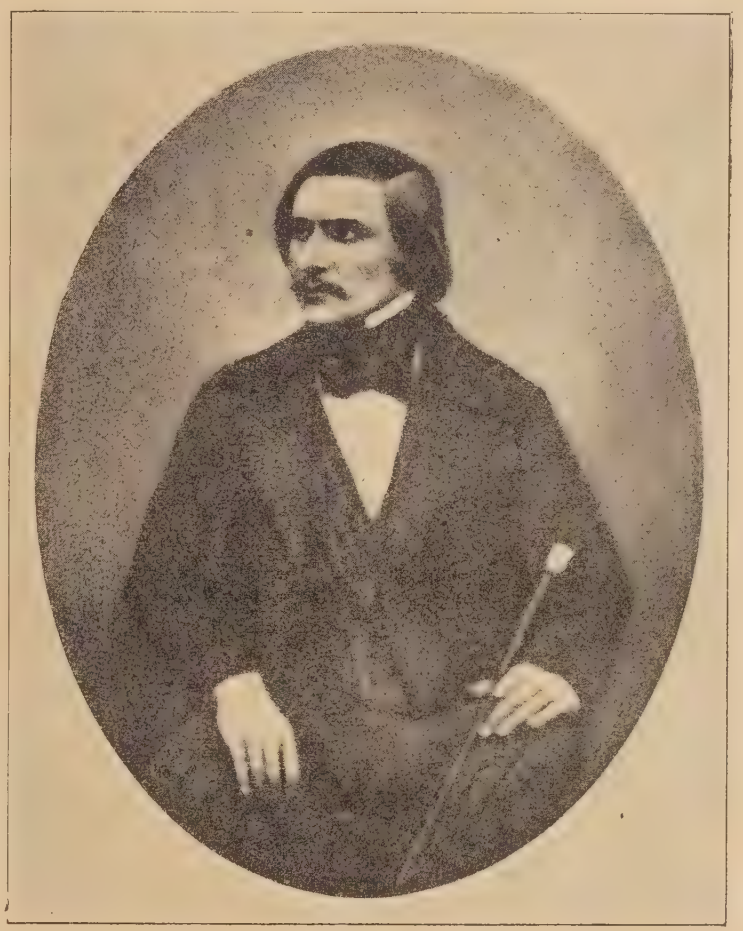
Профессура не помѣшала, однако, художественному творчеству Гоголя. Въ періодъ 1832—

Шествіе въ храмъ Славы. Литографированная каррикатура на современныхъ Гоголю писателей, помѣщенная въ «Ералашѣ» Неваховича. (Вл. Зотовъ, Э. Губеръ, Ѳ. Булгаринъ, кн. В. Одоевскій, гр. В. Соллогубъ. каррикатуристъ Неваховичъ, Гоголь (изображенъ спящимъ), Жуковскій, Вяземскій, Бенедиктовъ, Кукольникъ, Гречъ и Гребенка).

1836 гг. одна за другой выходили его книги: вторая часть „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, „Миргородъ“, „Арабески“, въ которыя вошли его: „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Тарасъ Бульба“, „Вій“, „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, „Невскій проспектъ“, „Портретъ“ и „Записки сумасшедшаго“, а также въ разныхъ изданіяхъ печатались повѣсти „Носъ“, „Шинель“, „Коляска“, „Римъ“ и, наконецъ, начатъ былъ „Ревизоръ“, поставленный на сценѣ 19-го апрѣля 1836 года. Талантъ Гоголя былъ въ полномъ разгарѣ. „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголь положилъ начало народности въ русской литературѣ, въ строгомъ смыслѣ этого понятія, повѣстями обозначилъ еще разъ новое начало, внесенное имъ въ нашу литературу, а съ „Ревизора“ началась и новая эра русской комедіи. Гоголь не занимался изученіемъ соціальныхъ условій народнаго быта, зналъ лишь внѣшнюю сторону жизни, но онъ съ такой любовью впервые сталъ изображать народный бытъ, русскую народность, находя много прекраснаго въ смѣшныхъ и жалкихъ сторонахъ его жизни, что невольно заражалъ читателя своимъ любовнымъ отношеніемъ къ народу, къ его преданіямъ, сказкамъ, его простотѣ, наивности и многимъ симпатичнымъ чертамъ его среды. Наивность, простодушіе и довѣрчивость народа Гоголь имѣлъ возможность узнать точно. Рано еще, 16—17 лѣтнимъ юношей, хорошо позналъ онъ и сердце человѣческое вообще. Въ доказательство П. А. Кулишъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ случай съ Гоголемъ. Какъ-то прогуливаясь, юноша-Гоголь увидѣлъ на завалинкѣ избы бабу съ ребенкомъ; подсѣлъ къ ней, вступилъ въ

разговоръ и распространился о дальнѣйшей судьбѣ ея сына: какъ онъ выростетъ, станетъ пьянствовать, буянить, бить ее, какъ сопьется съ кругу и угодитъ въ солдаты. Онъ такъ искусно развивалъ свою идею, рисовалъ такія яркія картины, что баба, поругавшись съ нимъ предварительно, ударилась, наконецъ, въ слезы. Гоголь, посидѣвъ немного, началъ утѣшать огорченную мать, незамѣтно перешелъ къ изображенію судьбы, совершенно противоположной, насказалъ ей всякихъ благополучій (и разбогатѣетъ-то ея сынъ, и въ контору-то попадетъ и приказчикомъ - то сдѣлается), такъ что баба совсѣмъ просіяла.

Въ данномъ случаѣ сказались также прирожденный юморъ Гоголя, его шутливость. Да, онъ умѣлъ геніально волновать сердца... Умудренный опытомъ жизни, познавшій, что таится за ея внѣшней оболочкой, Гоголь, въ своихъ повѣстяхъ, отъ свѣтлыхъ картинъ Украйны мало - помалу переходитъ къ изображенію темныхъ сторонъ жизни, ея повседневной пошлости. Здѣсь юморъ его выражается съ необыкновенной силой, подергивается дымкой настоящаго, глубокаго трагизма, дѣйствующаго потрясающе, и, наряду съ нимъ, встаетъ во всей силѣ глубочайшая психологическая правда, ударяющая по сердцамъ даже и не особенно мягкимъ. Тревожная, полная лишеній и горя судьба Акакія Акакіевича (въ повѣсти „Шинель“), одного изъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, состояніе сошедшаго съ ума Поприщина,—изображены съ тѣмъ безпощаднымъ и вмѣстѣ высокохудожественнымъ реализмомъ, который производитъ страшное, неизгладимое впечатлѣніе и о которомъ русскій читатель прежде и понятія не имѣлъ. Какъ сказано раньше, Гоголь не могъ похвалиться образованіемъ; за философско-художественными теченіями въ образцовыхъ произведеніяхъ западно-европейской литературы слѣдить былъ не въ состояніи, вслѣдствіе плохого знакомства съ иностранными языками и литературой, — и между тѣмъ онъ съ изумительной вѣрностью угадалъ истинныя задачи искусства и усвоилъ всю глубину настоящаго реальнаго творчества.

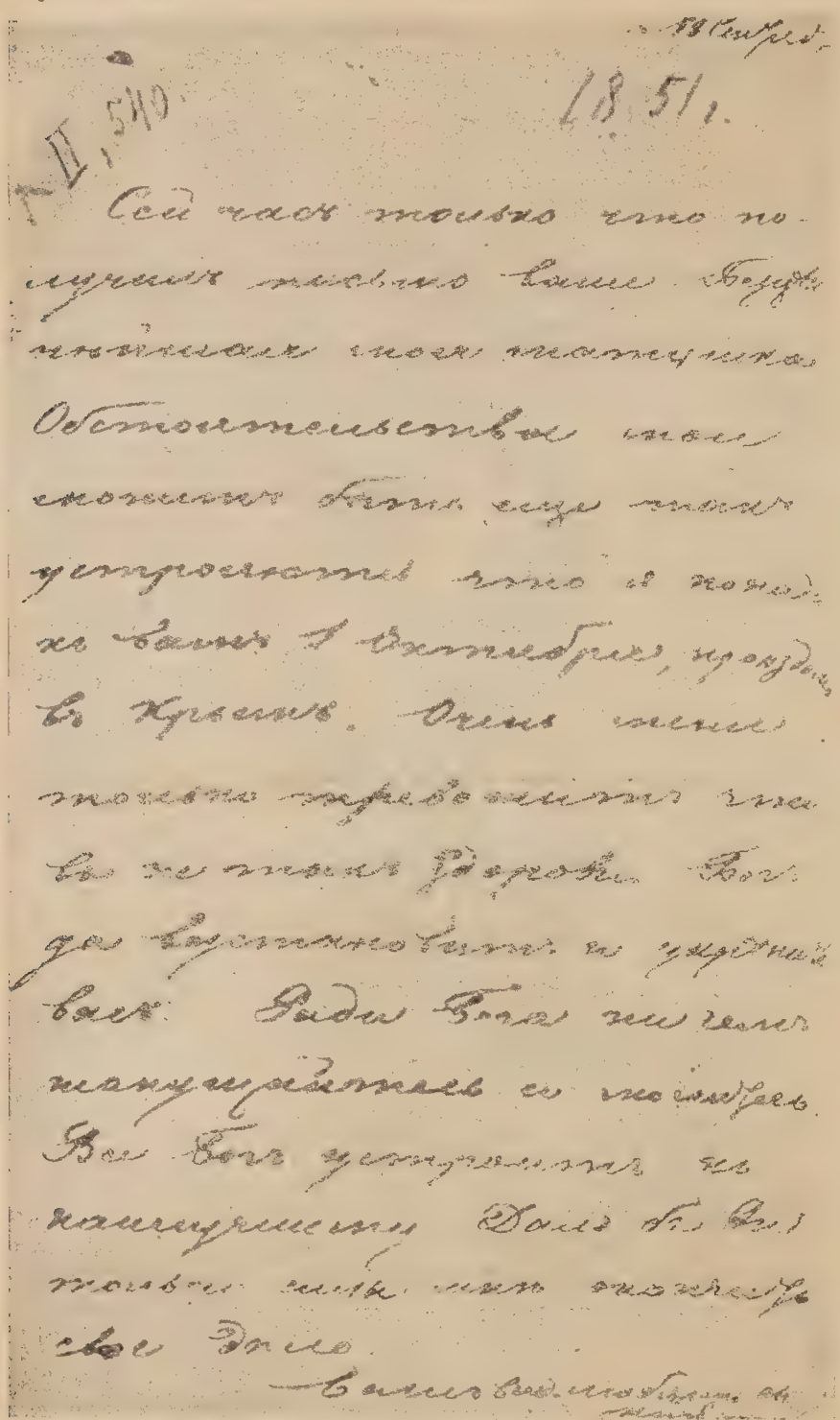


Рѣдкій портретъ Гоголя.

Портретъ Гоголя, выдѣленный изъ снятой въ Римѣ, въ 1844 году дагеротипной группы, изображающей автора «Ревизора» среди русскихъ художниковъ, жившихъ въ «вѣчномъ городѣ».

Въ сравнительно короткое время его талантъ достигъ колоссальныхъ размѣровъ, его вліяніе сдѣлалось неотразимымъ въ литературѣ, которую онъ и вывелъ на совершенно новый, настоящій путь, открывшій собою новый періодъ въ русской словесности, и создалъ новую, *свою* школу въ родной литературѣ, пустившую крѣпкіе, мощные корни въ самую глубь, выросшую до громадныхъ размѣровъ. И этого Гоголь добился не развитіемъ своимъ, не образованіемъ, а единственно при помощи своего генія. Тотъ же геній его сдѣлалъ завоеванія и въ области русской драмы. Начало имъ положилъ „Ревизоръ“. Но сколько мученій его сердцу, его самолюбію принесла постановка этой комедіи, судьбой которой Гоголь жилъ и дышалъ. Огорченія Гоголя начались съ того, что его пьеса прошла множество мытарствъ, раньше чѣмъ попала на сцену. Въ ней была выведена администрація, и, разумѣется, она не могла себя высѣчь: цензура того времени, до комизма придирчивая, гнетущая до абсурда, до подлости, запретила комедію цѣликомъ. И только благородное заступничество нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ спасло безсмертную пьесу. Въ

январѣ 1836 года Гоголь читалъ „Ревизора“ у Жуковскаго, потомъ у А. О. Смирновой въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича, и черезъ дворецъ. Оба поэта познакомили самого государя съ „Ревизоромъ“, и Николай Павловичъ не только разрѣшилъ пьесу, минуя цензуру, но и присутствовалъ на первомъ ея представленіи. „Тутъ всѣмъ досталось, а болѣе всего мнѣ!“ —уѣзжая, замѣтилъ онъ присутствующимъ. Но въ этихъ затрудненіяхъ съ комедіей было только полбѣды. А настоящая бѣда была въ томъ, что часть русскаго общества не поняла *новой* во всѣхъ отношеніяхъ пьесы, сочла ее клеветой, выдумкой и что она пріобрѣла Гоголю много враговъ, не преминувшихъ объявить ея творца отъявленнымъ вольнодумцемъ, опаснымъ человѣкомъ.



Письмо Н. В. Гоголя къ матери 8 сент. 1851 г.

Разумѣется, все, что было лучшаго въ русскомъ обществѣ, привѣтствовало „Ревизора“, понявъ его огромное значеніе, какъ крупнаго общественнаго событія. Даже вліятельный тогда въ литературѣ Никитенко, не особенно расположенный къ геніальному писателю, призналъ, что „Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, произведенное его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накопляются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей“. Но остальная толпа—малообразованная, неразвитая толпа, а съ ней за одно и враждебная часть литературы, въ лицѣ Булгарина, безпринципнаго гаера Сенковскаго, а частью и Полевого, ополчились на Гоголя, осыпая его упреками и бранью. Болѣзненно-чуткая душа писателя глубоко страдала отъ всего этого шума, споровъ, поднявшихся въ обществѣ и литературѣ. И когда хлопотали о постановкѣ „Ревизора“ въ Москвѣ, прекрасная женщина, заручившись содѣйствіемъ князя П. А. Вяземскаго, графа М. Ю. Віельгорскаго, а главнѣе всего Пушкина и Жуковскаго, всѣми силами старалась провести пьесу на сцену Гоголь писалъ другу своему артисту Щепкину: „Дѣлайте, что хотите съ моей пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ и хлопоты о ней. Дѣйствіе,

произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня... бранятъ и ходятъ на пьесу: на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ"... Въ эту эпоху жизни Гоголя, въ 1835 году, геніальный писатель принялся и за величайшее произведеніе свое, начавъ работать надъ „Мертвыми Душами", сюжетъ которыхъ данъ былъ ему Пушкинымъ. Въ 1836 году онъ уже читалъ первыя главы поэмы у Смирновой въ присутствіи Пушкина, Жуковскаго и другихъ корифеевъ нашей литературы, и чуткіе писатели угадывали, за какую гигантскую художественную работу взялся творецъ „Мертвыхъ Душъ".

До сихъ поръ Гоголь не поддавался разнымъ огорченіямъ, вызваннымъ его неудачами, но послѣ исторіи съ „Ревизоромъ" онъ уже не въ состояніи былъ крѣпиться и почувствовалъ снова „стихійное стремленіе бѣжать",—потребность гдѣ-нибудь отдохнуть подальше отъ Россіи, чтобы на чужбинѣ, среди чужого племени, сколько-нибудь забыться. Въ іюнѣ 1836 года, измученный, раздраженный, онъ уѣхалъ за границу. Его спутникомъ, по обыкновенію, былъ старый другъ его А. С. Данилевскій. Какъ только Гоголь переѣхалъ границу, состояніе духа его тотчасъ измѣнилось къ лучшему: у него явились спокойствіе, веселость. Опять передъ нимъ встаетъ заманчиво прекрасная даль, сулящая новый, почти незнакомый міръ, въ глубь котораго ему такъ хочется окунуться! Съ отъѣздомъ Гоголя начался въ жизни великаго писателя новый періодъ. Въ немъ онъ, на основаніи его переписки, „является намъ сперва дѣтски-безпечнымъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на просторъ, и яснымъ, какъ сіяющее небо европейскаго юга, потомъ все болѣе и болѣе сумрачнымъ и, наконецъ, загадочно-торжественнымъ". Отправившись, какъ въ первую заграничную поѣздку, на Любекъ и Гамбургъ, Гоголь въ Ахенѣ разстался со своимъ спутникомъ, отправился въ Кельнъ, прокатился по Рейну и застрялъ на нѣкоторое время въ Швейцаріи, гдѣ нашелъ обильную пищу своему эстетическому чувству, гдѣ все ему нравилось. Въ излюбленномъ сборномъ пунктѣ туристовъ, въ городѣ Веве, далекій отъ петербургскаго чиновничьяго и литературнаго міра и отъ пережитыхъ горькихъ разочарованій и обидъ, Гоголь продолжаетъ работать надъ первой частью своей поэмы „Мертвыя души". Потребность творчества явилась у него объ руку съ проснувшейся въ немъ любовью къ родной землѣ, которую онъ любилъ издалека и къ которой чувствовалъ какое-то нѣжное состраданіе. „Все живѣе—замѣчаетъ г. Овсянико-Куликовскій—чувствовалъ Гоголь и яснѣе сознавалъ невозможность для него ужиться среди непосредственныхъ впечатлѣній тогдашней русской дѣйствительности и, оставаясь въ Россіи, любить ее любовью художника-мыслителя и художника-гражданина. Только на „чужбинѣ", созерцая Русь „изъ прекраснаго далека", онъ ощущалъ живое дѣйствіе этой любви, этого стихійнаго тяготѣнія къ своему національному цѣлому". Въ письмѣ къ Погодину изъ Рима отъ 30 марта 1837 года Гоголь пишетъ: „Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описы-

Н. В. Гоголь, гравюра Ѳ. Іордана съ портрета Ѳ. Моллера (изъ коллекціи П. Ефремова).

вать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ я посвятить чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядящимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны?" Какъ сюжетъ „Ревизора" данъ былъ Гоголю Пушкинымъ, такъ и на мысль о „Похожденіяхъ Чичикова" далъ ему тоже великій поэтъ, вѣсть о смерти котораго застала Гоголя въ Парижѣ и глубоко потрясла его. Вотъ почему посвятивъ нѣкоторое время работѣ надъ „Мертвыми душами", Гоголь долженъ былъ оставить ее. Она возобновилась по переѣздѣ его въ Италію. Гоголь

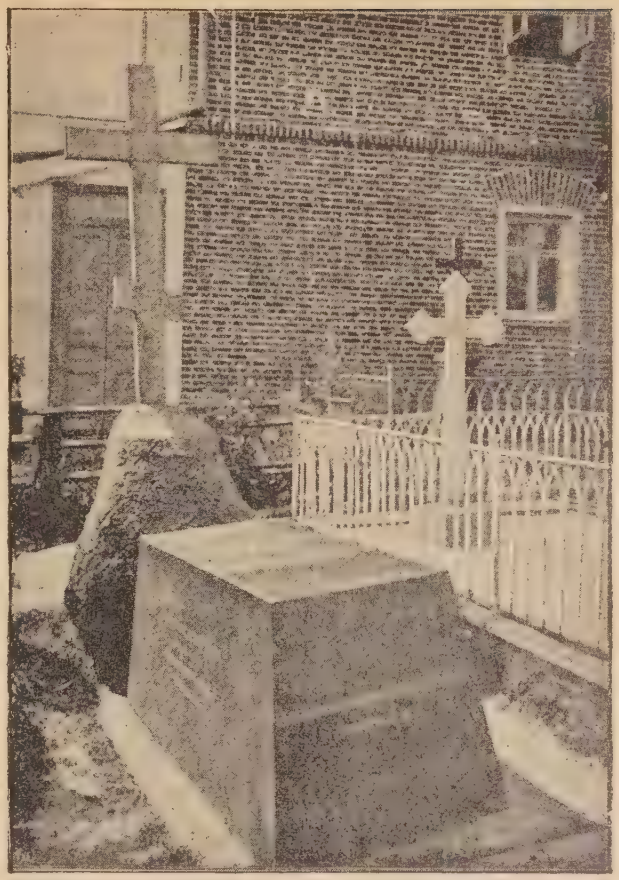
надолго поселился въ Римѣ, все болѣе и болѣе восхищаясь „вѣчнымъ городомъ“ и привязываясь къ нему. Разумѣется, это ничуть не умаляло любви его къ Россіи, которая по прежнему была ему дорога, что видно изъ его писемъ къ Жуковскому и другимъ. Въ Римѣ, откуда онъ переписывался со своими друзьями и гдѣ тѣсно сблизился съ А. О. Смирновой, семействами Репниныхъ и Балабиныхъ, Гоголь передѣлывалъ свои ранѣе написанныя произведенія, окончательно редактировалъ „Тяжбу“, „Лакейскую“ и „Шинель“, и, главное, закончилъ первый томъ „Мертвыхъ душъ“.

Въ 1841 году, осенью, Гоголь уѣхалъ въ Россію въ самомъ радужномъ настроеніи, полный надежды и самыхъ широкихъ плановъ, и прочелъ въ Москвѣ и Петербургѣ нѣсколько главъ изъ „Мертвыхъ душъ“ своимъ друзьямъ и пріятелямъ. Но въ отечествѣ непріятности вновь поджидали его: цензурныя затрудненія стали тормозить выходъ „Мертвыхъ душъ“. Наконецъ, онѣ появились на свѣтъ. Эта величайшая эпопея пошлости жизни произвела ошеломляющее впечатлѣніе на русскаго читателя, смутно сознававшаго, какой удивительной красоты твореніе создалъ Гоголь. Здѣсь отрицаніе пошлости жизни и необычайно трезвый критическій анализъ достигаютъ своей высшей точки; здѣсь, такъ же, какъ въ прежнихъ произведеніяхъ, но съ несравненно большей силой слышится смѣхъ сквозь невидимыя міру слезы; красной нитью проходитъ онъ черезъ всю поэму, гдѣ художникъ нерѣдко борется съ глубокимъ отвлеченнымъ мыслителемъ. Но истинѣ, волшебнымъ перомъ, отъ первой до послѣдней строки, писаны „Мертвыя души“, проникнутыя ужасающей правдой и особеннымъ философскимъ смысломъ. Въ лѣпкѣ своихъ типовъ здѣсь Гоголь проявилъ невиданное дотолѣ, неподражаемое искусство скульптора въ смыслѣ внѣшности; въ приданіи имъ настоящихъ человѣческихъ чертъ ихъ внутренняго міра сказался тонкимъ, геніальнымъ психологомъ, не имѣвшимъ до того времени и донынѣ не имѣющимъ соперниковъ, несравненнымъ и поразительнымъ знатокомъ человѣческаго сердца, изслѣдовавшимъ самыя тонкія фибры его. Не моралистъ, а величественный, геніальный художникъ сказывается въ „Мертвыхъ Душахъ“ и притомъ художникъ-реалистъ. Гоголь—по замѣчанію одного изъ его біографовъ—„не преслѣдовалъ задачи широкаго и разносторонняго бытописанія. Нѣтъ, онъ не задавался цѣлью описывать жизнь людей и изображать общество того времени такъ, чтобы вышла правдивая, исчерпывающая картина дѣйствительности. Онъ хотѣлъ только, чтобы тѣ образы, которые онъ создаетъ, были взяты изъ жизни, пріурочены къ мѣсту и времени и производили иллюзію живыхъ людей, живьемъ выхваченныхъ изъ дѣйствительности“. Это подтверждается въ перепискѣ Гоголя съ его друзьями. „Не будутъ—пишетъ онъ А. О. Смирновой въ февралѣ 1847 г.—живы мои образы, если я не построю ихъ изъ нашего

Домъ бывш. гр. А. П. Толстого (нынѣ Н. А. Шереметевой) въ Москвѣ, гдѣ жилъ и умеръ Гоголь.

матеріала, изъ нашей земли, такъ что всякъ почувствуетъ, что это изъ его же тѣла взято". А въ письмѣ къ А. С. Данилевскому и его женѣ въ мартѣ того-же года онъ говоритъ: „Моя поэма, можетъ быть, очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповѣдь не въ силахъ такъ подѣйствовать, какъ рядъ живыхъ примѣровъ, взятыхъ изъ той-же земли, изъ того-же тѣла, изъ котораго и мы... Мнѣ теперь очень нуженъ русскій человѣкъ, вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, въ какомъ бы званіи и сословіи онъ ни былъ... По поводу этихъ характерныхъ словъ Гоголя г. Овсяннико-Куликовскій замѣчаетъ, что „предметомъ, на которомъ сосредоточивались художественные и иные интересы Гоголя, былъ именно *русскій человѣкъ*, *психологія русскаго человѣка*, а не русская жизнь въ ея цѣломъ, въ ея status quo и ея движеніи. Гоголь былъ по преимуществу *художникъ-психологъ*... Какъ человѣкъ и какъ моралистъ, онъ былъ погруженъ въ тѣ вопросы, которые онъ обозначаетъ терминомъ „душевное дѣло". Оно же составляло и объектъ его художественныхъ изысканій".

Еще и Пушкинъ, и Жуковскій восторгались талантомъ Гоголя, особенно въ изображеніи людской пошлости, его, невѣдомымъ никому другому, искусствомъ схватывать едва примѣтныя или вовсе незримыя для прочихъ людей человѣческія черты и придавать имъ столько выпуклости, столько жизни и столько внутренняго значенія, что каждый, созданный великимъ художникомъ, образъ становится вполнѣ живымъ лицомъ, совершенно понятнымъ читателю, и уже не выходящимъ изъ его памяти. Оттого-то и вѣчны гоголевскіе типы. Они не носятъ на себѣ величественности типовъ Шекспира, но своей простотой гораздо жизненнѣе ихъ. Собакевичи, Ноздревы, Маниловы, Плюшкины, Коробочки существовали и въ былыя времена, и при Гоголѣ, живутъ и здравствуютъ и нынѣ, будутъ дѣйствовать и далѣе до безконечности. Живучесть ихъ неопровержима и не нуждается въ доказательствахъ. Развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что глупость, скупость, тщеславіе, бахвальство, любостяжаніе, плутовство, ханжество и другія тонкія и сложныя проявленія человѣческой природы, отраженія его ума и души, исчезнутъ когда-нибудь въ человѣкѣ? Гоголь глубоко продумалъ, прочувствовалъ, отлично взвѣсилъ всѣ психическія черты людей, далъ имъ вѣрное, превосходное истолкованіе—и оттого-то созданія его генія, его дивная поэма, не умрутъ никогда, какъ не умрутъ черты, присущія человѣку.



Могила Н. В. Гоголя на кладбищѣ Данилова монастыря въ Москвѣ.

Гоголь на смертномъ одрѣ.

Гоголь не получилъ полнаго нравственнаго удовлетворенія отъ перваго тома своихъ „Мертвыхъ душъ". Ему мнилось, что онъ вовсе не то сказалъ русскому обществу, что *долженъ* былъ сказать. И одно утѣшало его: онъ это *должное*, это неотвратимое выскажетъ въ послѣдующихъ томахъ своей поэмы. Въ немъ уже совершалось перерожденіе, и онъ сталъ связывать свое намѣреніе, которое уже почиталъ святымъ непремѣннымъ долгомъ, съ заботами о своемъ спасеніи. Работа его шла, однако, довольно вяло и медленно. Къ этому прибавилась и его болѣзнь, заставившая его снова уѣхать на чужбину. Тамъ онъ переѣзжалъ изъ одного курорта въ другой, начиная съ 1842 по 1845 годъ, жилъ затѣмъ въ Римѣ зиму 1845—1846 года и, чувствуя

упадокъ силъ физическихъ и творческихъ, все больше укрѣплялся въ мысли, что ему необходимо ѣхать въ Палестину, и въ Іерусалимѣ у гроба Господня вымолить себѣ отпущеніе грѣховъ и воскресеніе угасающаго духа. Въ январѣ 1848 года онъ привелъ свою задушевную мысль въ исполненіе, выпустивъ, за годъ съ небольшимъ передъ поѣздкой, книгу „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, гдѣ затронутъ цѣлый рядъ вопросовъ религіозныхъ, философскихъ, литературныхъ и общественныхъ и гдѣ мистицизмъ уже загорается своимъ зловѣщимъ свѣтомъ. На книгу посыпалось не мало упрековъ, и, какъ бы въ огражденіе себя отъ нихъ въ дальнѣйшемъ какъ бы въ оправданіе своихъ новыхъ задушевныхъ мыслей, Гоголь выпустилъ въ 1847 году новую книгу — „Авторскую исповѣдь“. Чѣмъ-то замогильнымъ, таинственно-торжественнымъ, въ связи съ самобичеваніемъ повѣяло отъ этого страннаго произведенія. Чѣмъ-то холоднымъ, чужимъ повѣяло на читателя, удивленнаго и разочарованнаго этой книгой...

Побывавъ въ Іерусалимѣ вмѣстѣ со своимъ соученикомъ по нѣжинской гимназіи Константиномъ Михайловичемъ Базили, котораго Гоголь порядкомъ мучилъ въ пути своими капризами и нетерпѣніемъ, больной писатель весною того же 1848 года вернулся черезъ Константинополь въ Одессу, а оттуда уѣхалъ въ родную свою семью, къ матери и сестрамъ, въ Васильевку. Тогдашнее настроеніе Гоголя характеризовала его замужняя родная сестра Елизавета Васильевна Быкова, говоря, что онъ сдѣлался очень серьезенъ, что ничто уже не веселило его. Осенью Гоголь отправился въ Москву, затѣмъ жилъ въ Одессѣ, Калугѣ, снова въ Москвѣ, а лѣтомъ посѣщалъ Васильевку. Глубокое религіозное настроеніе овладѣвало имъ все сильнѣе, и начатыя имъ еще въ 1845 году „Размышленія о Божественной Литургіи“ очень занимали его; онъ обрабатывалъ ихъ вплоть до 1852 года. Это, однако, не мѣшало ему трудиться и надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ душъ“, который не удовлетворялъ самолюбиваго и не въ мѣру мнительнаго теперь писателя. Онъ терзался своимъ душевнымъ разладомъ, онъ не довѣрялъ своимъ силамъ, не вѣрилъ и въ то, что онъ имѣетъ право быть судьею людей и вѣщать имъ истину, выраженную въ его твореніяхъ. „Гоголь—по замѣчанію Кулиша — подвелъ свое твореніе подъ строгую критику человѣка, покаявшагося во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и готоваго предать духъ свой въ руцѣ Божія“. Тѣмъ не менѣе, когда Гоголь почувствовалъ приближеніе смерти, онъ пригласилъ къ себѣ графа А. П. Толстого, прося его принять на храненіе главы новой части „Мертвыхъ душъ“, а по смерти ихъ творца отвезти рукопись къ священнику Матвѣю Константиновскому, настоятелю ржевской церкви, который „по совѣсти“ долженъ былъ сказать свое мнѣніе, что можно напечатать и чего нельзя. Этотъ о. Матвѣй, пагубному вліянію котораго Гоголь подпалъ еще около 1848 года, былъ изрядный изувѣръ, сурово обличалъ Гоголя за его писанія и пугалъ Страшнымъ Судомъ. Графъ Толстой, въ домѣ котораго жилъ Гоголь, не хотѣлъ брать рукопись, чтобы не показать больному писателю безнадежность его положенія, и этотъ отказъ имѣлъ роковыя послѣдствія. Великимъ постомъ 1852 года Гоголь началъ говѣть, держалъ самый строгій постъ и однажды, „изливъ свою душу предъ Создателемъ въ горячей молитвѣ“, продолжавшейся до трехъ часовъ ночи, рѣшился снова исполнить подвигъ высокаго самоотверженія. Позвавъ въ три часа пополуночи слугу своего, мальчика Семена, Гоголь велѣлъ растопить каминъ въ кабинетѣ и сталъ жечь свои рукописи. „Мальчикъ—говоритъ Кулишъ—бросился передъ нимъ на колѣни и убѣждалъ его не жечь, чтобы не жалѣть, когда выздоровѣетъ. „Не твое дѣло“—отвѣчалъ Гоголь и самъ зажегъ бумаги. Обгорѣли углы тетрадей и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и ворочалъ бумаги, крестясь и тихо творя молитву, до тѣхъ поръ, пока онѣ не превратились въ пепелъ. Окончивъ свое auto da fe, онъ отъ изнеможенія опустился въ кресло. Мальчикъ плакалъ и говорилъ: „Что вы сдѣлали?“—„Тебѣ жаль меня?“ сказалъ Гоголь, обнялъ его, поцѣловалъ и самъ заплакалъ. Потомъ онъ воротился въ спальню, крестясь по прежнему въ каждой комнатѣ, легъ на постель и заплакалъ еще сильнѣе“. На другой день онъ передалъ Толстому о случившемся, раскаивался и приписывалъ свой поступокъ внушенію злого духа. Утромъ въ этотъ день—по свидѣтельству графини Елиз. Васил. Салiасъ (Евгеніи Турь) онъ лежалъ уже въ постели, не пилъ, не спалъ и на всѣ просьбы друзей своихъ, просившихъ его лѣчиться, не отвѣчалъ ни слова, слабѣлъ, и ему дѣлалось все хуже и хуже. Однажды Шевыревъ просилъ его на колѣняхъ принять лѣкарства и плакалъ; Гоголь молчалъ, и, наконецъ, спокойно сказалъ: „Оставь меня, я хочу спать“. Потеряли сочиненій, гордости и славы, убила его, или то было желаніе умереть, или, наконецъ, чувство близкой смерти, неотвратимой и неизбѣжной, кто можетъ знать это? Какъ бы то ни было, но даже просьбы доховника его ни къ чему не послужили. Онъ ничего не хотѣлъ принимать и не отвѣчалъ на вопросы докторовъ. Въ среду, вечеромъ, (20-го февраля) ему стало хуже, показались нѣкоторые признаки тифа, онъ впалъ

въ безпамятство. Этимъ воспользовались, чтобы подать ему помощь, посадили его въ ванну. Онъ опомнился и раза два громко сказалъ: „это безполезно, безполезно!“ Съ того момента, когда онъ

ликаго писателя не стало. Тѣло его, какъ почетнаго члена московскаго университета, перенесли въ университетскую церковь, и 24 февраля совершено его погребеніе въ Даниловомъ монастырѣ

Памятникъ Гоголю въ Александровскомъ саду въ Петербургѣ.

дѣлался все грустнѣе и молчаливѣе, впадалъ въ мрачное уныніе, все время противился лѣченію врачей желая умереть. Что врачи производили надъ нимъ грубыя насилія,—это теперь вполнѣ установлено. 21 февраля 1852 года, въ 8 часовъ вечера, при многочисленномъ стеченіи народа, въ присутствіи московскихъ сановниковъ, профессоровъ и студентовъ, несшихъ гробъ до самого монастыря. Прахъ Гоголя покоится подлѣ могилы поэта П. М. Языкова, его друга. На памятникѣ безсмерт-

наго творца „Мертвыхъ душъ“ вырѣзано изреченіе пророка Іереміи „Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся“. Круто измѣнился веселый нравъ Гоголя въ годъ его кончины. „Въ его натурѣ — по свидѣтельству Сергѣя Тимофѣевича Аксакова — была проказливость, шутка: онъ любилъ спроказить, подшутить, любилъ пуфъ. Онъ былъ не лгунъ, а выдумщикъ, и всегда готовъ былъ сочинить цѣлую сказку, чтобъ отдѣлаться какъ-нибудь отъ скучныхъ или непріятныхъ вопросовъ. По тѣмъ-же причинамъ онъ часто давалъ обѣщанія, которыя и не думалъ исполнять“... Вообще, онъ производилъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе, производилъ обаяніе, пока жизнь, заклейменная „печатью зла и суеты“, разочарованіе въ людяхъ, лицемѣріе которыхъ онъ прозрѣвалъ, полное познаніе ихъ ничтожества, мелкоты и неувѣренность въ себѣ самомъ, душевный разладъ и, наконецъ, серьезный недугъ—не исполнили этого чуднаго нрава. Послѣ напряженія наступаетъ реакція, если не сейчасъ, то потомъ. Геній не застрахованъ отъ непреложныхъ законовъ природы: послѣ страшнаго напряженія умственныхъ и нравственныхъ силъ произошла и въ жизни, и въ дѣятельности Гоголя реакція. Ея результатомъ, быть можетъ, и явилась „Переписка съ друзьями“ и „Авторская исповѣдь“, которыя ставятся на видъ Гоголю и друзьями его, и недругами. Однако и въ этихъ произведеніяхъ все-таки выступаютъ черты генія. Никакіе палачи не могутъ отнять славы вообще, а у генія тѣмъ болѣе. Пришла пора забыть нѣкоторыя слабыя стороны Гоголя-человѣка; довольно рыться всякими грязными руками въ его душѣ, надо преклониться, не мудрствуя лукаво, передъ величіемъ безсмертнаго писателя-художника и писателя-гражданина, всей своей дѣятельностью совершившаго истинный подвигъ на благо родины...

Бюстъ Н. В. Гоголя, находящійся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

ЮНОШЕСКІЯ ПОПЫТКИ

(1825—1834)

(ГОРОЗДИНУ, ПРОЗВАННОМУ СПИРИДОНОМЪ РАЗСТРИГОЙ).

Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище монаховъ всѣхъ,
Инокъ монастыря строптивой,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О, чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй.

Писано въ бытность Гоголя ученикомъ Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ.

НЕПОГОДА.

„Невеселъ ты?“—„Я веселъ былъ“,
Такъ говорю друзьямъ веселья:
„Но радость жизни пережилъ
И грусть зазвалъ на новоселье.—
Я молодъ былъ, и свѣтлый взглядъ
Былъ не печаленъ: съ тяжкой мукой
Не зналось (сердце); .....ый садъ
И голу . . . . . .
. . . . . .
(Теперь), какъ осень, вянетъ младость:
Угрюмъ; не веселится мнѣ,
И я тоскую въ тишинѣ
Одинъ, и радость мнѣ не радость“.
Смѣясь мнѣ говорятъ друзья:
„Зачѣмъ расплакался? Погода
И разгулялась, и ясна,
И не темна, какъ ты, природа“.
А я въ отвѣтъ: „Мнѣ все равно.
Какъ день всѣ измѣненья года:
Свѣтло-ль, темно ли—все одно,
Когда въ семъ сердцѣ непогода“.

Писано Гоголемъ въ Нѣжинѣ, на никольной скамьѣ.

ИЗЪ АЛЬБОМА В. И. ЛЮБИЧА-РОМАНОВИЧА.

Свѣтъ скоро хладѣетъ въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія, несбыточными (sic!), ожиданія неисполненными, и жаръ наслажденія отлетаетъ отъ сердца... Онъ находится въ какомъ-то состояніи безжизненности. Но счастливъ, когда найдетъ цѣну воспоминанію о дняхъ минувшихъ, о дняхъ счастливаго дѣтства, гдѣ онъ покинулъ рождавшіяся мечты будущности, гдѣ онъ покинулъ друзей, преданныхъ ему сердцемъ.

Писано въ Нѣжинскомъ лицеѣ въ 1826 г.

ГАНЦЪ КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ,

идиллія въ картинахъ. Сочиненіе В. Алова.

(Писано въ 1827 г.,

Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бы обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданьемъ юнаго таланта.

Картина I.

Свѣтастъ. Вотъ проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Плѣнительно оборотилось все
Внизъ головой въ серебряной водѣ:
Заборъ и домъ, и садикъ въ ней такіе-жъ;
Все движется въ серебряной водѣ:
Синѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ,
И лѣсъ живой вотъ только не шумитъ.

На берегу, далёко вшедшемъ въ море,
Подъ тѣнью липъ, стоитъ уютный домикъ
Пастора. Въ немъ давно старикъ живетъ.
Встаетъ онъ, и стадценькая коровля
Посунулась; труба вся почернѣла;
И лѣпится давно цвѣтистый мохъ
Ужь по стѣнамъ; и окна искосились;
Но какъ-то мило въ немъ, и ни за что
Старикъ его-бъ не отдалъ. Вотъ та липа,
Гдѣ отдыхать онъ любитъ, тожъ дряхлѣетъ;
За то вкругъ ней зеленые прилавки
Изъ дерну свѣжаго. Въ дуплистыхъ норахъ
Ея гнѣздятся птички, старый домъ
И садъ веселой пѣснью оглашая.
Пасторъ всю ночь не спалъ, да предъ разсвѣтомъ
Ужь вышелъ спать на чистый воздухъ;
И дремлетъ онъ подъ липой въ старыхъ креслахъ,
И вѣтерокъ ему свѣжитъ лицо,
И бѣлые взвѣваетъ волоса.

Но кто прекрасная подходитъ,
Какъ утро свѣжее, горитъ
И на него глаза наводитъ,
Очаровательно стоитъ?
Взгляните же, какъ мило будитъ
Ея лилейная рука,
Его касаяся слегка,
И возвратиться въ міръ нашъ нудитъ.
И вотъ въ-полглаза онъ глядитъ,
И вотъ съ-просонья говоритъ:

„О, дивный, дивный посѣтитель!
Ты навѣстилъ мою обитель!
Зачѣмъ же тайная тоска
Всю душу мнѣ насквозь проходитъ
И на сѣдого старика
Твой образъ дивный сдалека
Волненье странное наводитъ?
Ты посмотри: уже я хилъ,
Давно къ живущему остылъ,
Себя погребъ въ себѣ давно я,
Со дня я на день жду покоя,
О немъ и мыслить ужь привыкъ,
О немъ и молетъ мой языкъ.
Чего-жъ ты, гостья молодая,
Къ себѣ такъ пламенно влечешь?
Или, жилица неба-рая,
Ты мнѣ надежду подаешь,
На небеса меня зовешь?
О, я готовъ, да не достоинъ.
Велики тяжкіе грѣхи:
И я былъ злой на свѣтѣ воинъ,
Меня робѣли пастухи,
Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя—
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть“...

Тоски, смятенія полна,
„Сказать“—подумала она—
„Онъ, Богъ знаетъ, куда заѣдетъ...
Сказать ему, что онъ вѣдь бредитъ“.

Но онъ въ забвенье погруженъ;
Его объемлетъ снова сонъ.
Склонясь надъ нимъ, она чуть дышетъ.
Какъ почиваетъ! какъ онъ спитъ!
Вздохъ чуть замѣтный грудь колышетъ;
Незримымъ воздухомъ обвитъ,
Его архангелъ сторожитъ;
Улыбка райская сіяетъ,
Чело святое осѣняетъ.

Вотъ онъ открылъ свои глаза:
„Луиза, ты-ль? мнѣ снилось... странно...
Ты поднялась, шалунья, рано;
Еще не высохла роса.
Сегодня, кажется, туманно“.

„Нѣтъ, дѣдушка, свѣтло, сводъ чистъ;
Сквозь рощу солнце свѣтитъ ярко;
Не колыхнется свѣжій листъ,
И по-утру уже все жарко.
Узнаете-ль, зачѣмъ я къ вамъ?—
У насъ сегодня будетъ праздникъ,
У насъ ужь старый Лодельгамъ,
Скрипачъ, съ нимъ Фрицъ проказникъ;
Мы будемъ ѣздить по водамъ...
Когда бы Ганцъ...“ Добросердечный
Пасторъ съ улыбкой хитрой ждетъ,
О чемъ разсказъ свой поведетъ
Младенецъ рѣзвый и безпечный.

„Вы, дѣдушка, вы можете помочь
Одни неслыханному горю:
Мой Ганцъ страхъ боленъ; день и ночь
Все ходитъ къ сумрачному морю;
Все не по немъ, всему не радъ,
Самъ говоритъ съ собой, къ намъ скученъ:
Спросить—отвѣтитъ невпопадъ,
И весь ужасно какъ измученъ.
Ему зазнаться ужь съ тоской—
Да этакъ онъ себя погубитъ.
При мысли я дрожу одной:
Быть можетъ, недоволенъ мной;
Быть можетъ, онъ меня не любитъ.
Мнѣ это—въ сердце ножъ стальной.
Я васъ просить, мой ангелъ, смѣю...“
И кинулась къ нему на шею,

Стѣсненной грудью чуть дыша,
И вся зардѣлась, вся смѣшалась
Моя красавица-душа;
Слеза на глазкахъ показалась...
Ахъ, какъ Луиза хороша!

„Не плачь, спокойся, другъ мой милый!
Вѣдь стыдно пла ать“, наконецъ,
Духовный молвилъ ей отецъ.
„Богъ намъ даритъ терпѣнье, силы:
Съ твоей усердною мольбой,
Тебѣ ни въ чемъ онъ не откажетъ.
Повѣрь, Ганцъ дышитъ лишь тобой;
Повѣрь, онъ то тебѣ докажетъ.
Зачѣмъ же мыслію пустой
Душевный растравлять покой?“

Такъ утѣшаетъ онъ свою Луизу,
Ее къ груди дряхлѣющей прижавъ.
Вотъ старая Гертруда ставитъ кофій,
Горячій и весь свѣтлый, какъ янтарь.
Старикъ любилъ на воздухѣ пить кофій,
Держа во рту черешневый чубукъ;
Дымъ уходилъ и кольцами ложился.
И, призадумавшись, Луиза хлѣбомъ
Кормила съ рукъ своихъ кота, который
Мурлыча крался, слыша сладкій запахъ.
Старикъ привсталъ съ цвѣченыхъ старыхъ кре-
селъ,
Принесъ мольбу и руку внучкѣ подалъ.
И вотъ надѣлъ нарядный свой халатъ,
Весь изъ парчи серебряной, блестящей,
И праздничный неношеный колпакъ
—Его въ подарокъ нашему пастору
Изъ города привезъ недавно Ганцъ—
И, опираясь на плечо Луизы
Лилейное, старикъ нашъ вышелъ въ поле.
Какой же день! Веселые вились
И пѣли жаворонки; ходили волны
Отъ вѣтру золотого въ полѣ хлѣба;
Сгустились вотъ надъ ними дерева;
На нихъ плоды предъ солнцемъ паливались
Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленыя; сквозь радужный туманъ
Неслись моря душистыхъ ароматовъ;
Пчела-работница срывала медъ
Съ живыхъ цвѣтовъ; рѣзвунья-стрекоза,
Треща, вилась; разгульная вдали
Неслася пѣснь,—то пѣснь гребцовъ удалыхъ.
Рѣдѣетъ лѣсъ, видна уже долина,
По ней мычатъ игривыя стада;
А издали видна уже и кровля
Луизина; краснѣютъ черепицы,
И ярко лучъ по краямъ ихъ скользитъ.

—

Картина II.

Волнуемъ думой непонятной,
Нашъ Ганцъ разсѣянно глядѣлъ
На міръ великій, необъятной,
На свой незнаемый удѣлъ.
Доселѣ тихій, безмятежной,
Онъ жизнью радостно игралъ,
Душой невинною и нѣжной
Въ ней горькихъ бѣдъ не прозрѣвалъ;
Земного міра уроженецъ,
Земныхъ губительныхъ страстей
Онъ не носилъ въ груди своей,
Безпечный, вѣтреный младенецъ;
И было весело ему.
Онъ разрѣзвлялся мило, живо
Въ толпѣ дѣтей; не вѣрилъ злу:
Предъ нимъ цвѣлъ міръ какъ бы на диво.
Его подруга съ дѣтскихъ дней
Дитя-Луиза, ангелъ свѣтлый,
Блистала прелестью рѣчей;
Сквозь кольца русыя кудрей
Лукавый взглядъ жегъ непримѣтно;
Въ зеленой юбочкѣ сама
Поетъ, танцуетъ ли она—
Все простодушно, въ ней все живо,
Все дѣтски въ ней краснорѣчиво;
На шейкѣ розовый платокъ
Съ груди слетаетъ понемножку,
И стройно бѣлый башмачокъ
Ея охватываетъ ножку.
Въ лѣсу-ль играетъ вмѣстѣ съ нимъ—
Его обгонитъ, все проникнетъ,
Въ кустъ притаясь съ желаньемъ злымъ,
Ему вдругъ въ уши громко крикнетъ
И испугаетъ; спитъ ли онъ—
Ему лицо все разрисуетъ;
И звонкимъ смѣхомъ пробужденъ,
Онъ покидаетъ сладкій сонъ,
Шалунью рѣзвую цѣлуетъ.

Уходитъ за весной весна.
Кругъ дѣтскихъ игръ ихъ сталъ ужь скро-
менъ;
Межъ ними рѣзвость не видна;
Огонь очей его сталъ томенъ;
Она застѣнчиво-грустна.
Они понятно уга али
Васъ, рѣчи первыя любви!
Покуда сладкія печали!
Покуда радужные дни!
Чего-бъ желать съ Луизой милой?
Онъ съ ней и вечеръ, съ ней и день;
Къ ней привлеченъ онъ дивной силой,
Какъ вѣрно бродящая тѣнь.

Полны сердечнаго участья,
Не наглядятся старики
Ихъ, простодушные, на счастье
Своихъ дѣтей; и далеки
Отъ нихъ дни горя, дни сомнѣній:
Ихъ осѣняетъ мирный геній.

Но скоро тайная печаль
Имъ овладѣла; взоръ туманенъ;
И часто смотритъ онъ на даль,
И безпокоенъ весь, и страненъ.
Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ;
Душа, въ волненьи темныхъ думъ,
О чемъ-то, скорбная, тоскуетъ.
Онъ, какъ прикованный, сидитъ,
На море буйное глядитъ;
Въ мечтаньи все кого-то слышитъ
При стройномъ шумѣ ветхихъ водъ.

. . . . . .

Или въ долинѣ ходитъ думный;
Глаза торжественно блестятъ,
Когда несется вѣтеръ шумный
И громы жарко говорятъ;
Огонь мгновенный колетъ тучи;
Дождя источники горючи
Сѣкутся звучно и шумятъ.
Иль въ часъ полночи, въ часъ мечтаній
Сидитъ за книгою преданій
И, перевертывая листъ,
Онъ ловитъ буквы въ ней нѣмыя:
Глаголятъ въ нихъ вѣка сѣдые
И слово дивное гремитъ.
Часъ углубясь въ раздумьи цѣлой,
Съ нея и глазъ онъ не сведетъ.
Кто мимо Ганца ни пройдетъ,
Кто ни посмотритъ, скажетъ смѣло:
Назадъ далеко онъ живетъ.
Чудесной мыслью очарованъ,
Подъ дуба сумрачную сѣнь
Идетъ онъ часто въ лѣтній день;
Къ чему-то тайному прикованъ,
Онъ видитъ тайно чью-то тѣнь,
И къ ней онъ руки простираетъ,
Ее въ забвеньи обнимаетъ.

А простодушна и одна
Луиза-ангелъ что же? гдѣ же?
Ему всѣмъ сердцемъ предана,
Не знаетъ бѣдненькая сна;
Ему приноситъ ласки тѣ же:
Его ручонкой обовьетъ,
Его невинно поцѣлуетъ;
Онъ на минуту растоскуетъ
И снова то же запоетъ.

Они прекрасны, тѣ мгновенья,
Когда прозрачною толпой
Далеко милыя видѣнья
Уносятъ юношу съ собой.
Но если міръ души разрушенъ,
Забытъ счастливый уголокъ,
Къ нему онъ станетъ равнодушенъ,
И для простыхъ людей высокъ;
Они ли юношу наполнятъ,
И сердце радостью-ль исполнятъ?..

Пока въ жилищѣ суеты,
Его подслушаемъ украдкой,
Доселѣ бывшія загадкой,
Разнообразныя мечты.

Картина III.

Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій,
И славныхъ дѣлъ, и вольности земля!
Аѳины, къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самаго Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхинова, гремя и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Иллиса.
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ,
И блещетъ кисть Парразія, Зевкиса.
Подъ портикомъ божественный мудрецъ
Ведетъ высокое о дольнемъ мірѣ слово:
Кому за доблести безсмертіе готово,
Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ;
Персидскій кондисъ весь испещренный блеститъ,
И вьются легкія туники.
Стихи Софокловы порывисто звучатъ;
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить
Но вотъ Аспазія! не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша при черныхъ глазъ сихъ встрѣчѣ.
Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя какъ ночь, тѣ кудри какъ-нибудь,
Волнуясь, падаютъ на грудь,
На бѣломраморныя плечи.
Но что, при звукѣ чашъ, тимпановъ дикій вой?
Плющомъ увѣнчаны вакхическія дѣвы,

Бѣгутъ нестройною, неистовой толпой
Въ священный лѣсъ; все скрылось... что вы? гдѣ вы?

Но вы пропали, я одинъ.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долинъ,
Хотя-бъ прекрасная Дріада
Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
О, какъ чудесно вы свой міръ
Мечтою, греки, населили!
Какъ вы его сбворожили!
А нашъ—и бѣденъ онъ, и сиръ,
И расквадраченъ весь на мили.

И снова новыя мечты
Его, смѣяся, обнимаютъ;
Его воздушно подымаютъ
Изъ океана суеты.

Картина IV.

Въ странѣ, гдѣ сверкаютъ живые ключи,
Гдѣ, чудно сіяя, блистаютъ лучи;
Дыханіе амры и розы ночной
Роскошно объемлетъ эоиръ голубой;
И въ воздухѣ тучи куреній висятъ;
Плоды Мангустана златые горятъ;
Луговъ Кандагарскихъ сверкаетъ коверъ;
И смѣло накинутъ небесный шатеръ;
Роскошно валится дождь яркій цвѣтовъ,
То блещутъ, трепещутъ рои мотыльковъ;
Я вижу тамъ Пери: въ забвеньи она
Не видитъ, не внемлетъ, мечтаній полна.
Какъ солнца два, очи небесно горятъ;
Какъ Гемасагара, такъ кудри блестятъ;
Дыханіе—лилій серебряныхъ чадъ,
Когда засыпаетъ истомленный садъ.
И вѣтеръ ихъ вздохи развѣялъ порой;
А голосъ, какъ звуки сиринды ночной,
Или трепетанье серебряныхъ крылъ,
Когда ими звукнетъ, рѣзвясь, Исразилъ,
Иль плески Хиндары таинственныхъ струй.
А что же улыбка? А что-жъ поцѣлуй?
По вижу, какъ воздухъ, она ужь летитъ,
Въ края поднебесны, къ родимымъ спѣшитъ.
Постой, оглянися! Не внемлетъ она.
И въ радугѣ тонетъ, и вотъ не видна.
Но воспоминанье міръ долго хранитъ,
И благоуханьемъ весь воздухъ обвитъ.

. . . . . .

Живого юности стремленья
Такъ испестрялися мечты.
И рой, небеснаго черты,
Души прекрасной впечатлѣнья
На немъ лежали; но чего,
Въ волненьяхъ сердца своего,
Искалъ онъ думою неясной,
Чего желалъ, чего хотѣлъ,
Къ чему такъ пламенно летѣлъ
Душой и жадною, и страстной,
Какъ будто міръ желалъ обнять,—
Того и самъ не могъ понять.
Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ,
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней сторонѣ.
Тогда когда-бъ вы повидали,
Какъ воздымалась буйно грудь,
Какъ взоры гордо трепетали,
Какъ сердце жаждало прильнуть
Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной;
Какой въ немъ пылъ кипѣлъ прекрасной;
Какая жаркая слеза
Живые полнила глаза.

Картина VI.

Отъ Висмара въ двухъ миляхъ та деревня,
Гдѣ ограничился лицъ нашихъ міръ.
Не знаю, какъ теперь, но Люпендорфомъ
Она тогда, веселая, звалась.
Ужь издали бѣлѣетъ скромный домикъ
Вильгельма Бауха, мызника.—Давно,
Женившися на дочери пастора,
Его построилъ онъ. Веселой домикъ!
Онъ выкрашенъ зеленой краской, крытъ
Красивою и звонкой черепицей;
Вокругъ каштаны старые стоятъ,
Нависши вѣтвями, какъ будто въ окна
Хотятъ продраться; изъ-за нихъ мелькаетъ
Рѣшётка изъ прекрасныхъ лозъ, красиво
И хитро сдѣлана самимъ Вильгельмомъ;
По ней виситъ и змѣйкой вьется хмѣль;
Съ окна протянутъ шестъ, на немъ бѣлье
Блистаетъ бѣлое предъ солнцемъ. Вотъ
Въ проломъ на чердакѣ толпится стая
Мохнатыхъ голубей; протяжно клохчутъ
Индѣйки; хлопая встрѣчаетъ день
Крикунъ-пѣтухъ и по двору вотъ важно,
Межъ пестрыхъ куръ, онъ кучи разгребаетъ
Зернистыя; гуляютъ тутъ же двѣ
Ручныя козы и рѣзвяся щиплютъ
Душистую траву. Давно курился
Ужь дымъ изъ бѣлыхъ трубъ, курчаво онъ
Вился и облака пріумножалъ.
Съ той стороны, гдѣ съ стѣнъ валилась краска
И сѣрые торчали кирпичи,
Гдѣ древніе каштаны стлали тѣнь,
Которую перебѣгало солнце,

Когда вершину ихъ вѣтръ рѣзво колыхалъ,—
Подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, вѣчно милыхъ,
Стоялъ съ утра дубовый столъ, весь чистой
Покрытый скатертью и весь уставленъ
Душистой яствой: желтый вкусный сыръ,
Редисъ и масло въ фарфоровой уткѣ,
И пиво, и вино, и сладкій бишефъ,
И сахаръ, и коричневыя вафли;
Въ корзинѣ спѣлые, блестящіе плоды:
Прозрачный гроздъ, душистая малина,
И, какъ янтарь, желтѣющія груши,
И сливы синія, и яркій персикъ,
Въ затѣйливомъ видѣлось все порядкѣ.
Сегодня праздновалъ живой Вильгельмъ
Рожденье дорогой своей супруги,
Съ пасторомъ и драгими дочерьми:
Луизой старшей и меньшою Фанни.
Но Фанни нѣтъ: она давно пошла
Звать Ганца и не возвращалась. Вѣрно,
Онъ гдѣ-нибудь опять въ раздумьи бродитъ.
А милая Луиза все глядитъ
Внимательно на темное окно
Сосѣда Ганца. Два шага всего вѣдь
Къ нему; но не пошла моя Луиза:
Чтобъ не замѣтилъ онъ въ ея лицѣ
Тоски докучливой, чтобъ не прочелъ
Въ ея глазахъ онъ ѣдкаго упрека.
Вотъ говоритъ Вильгельмъ, отецъ, Луизѣ:
„Смотри ты, Ганца пожури порядкомъ:
Зачѣмъ онъ къ намъ такъ долго не идетъ?
Вѣдь ты его сама избаловала“.
И вотъ дитя-Луиза такъ въ отвѣтъ:
„Боюсь журить прекраснаго я Ганца:
И безъ того онъ боленъ, блѣденъ, худъ...“
„Что за болѣзнь?—сказала мать,
Живая Берта:—не болѣзнь, тоска
Незваная сама къ нему пристала;
Вотъ женится, и отпадетъ тоска.
Такъ молодой побѣгъ, совсѣмъ приглохшій,
Опрыснутый дождемъ, вмигъ зацвѣтетъ.
И что-жъ жена, какъ не веселье мужа?“
„Рѣчь умная,—сѣдой пасторъ примолвилъ:—
Все, вѣрь, пройдетъ, когда захочетъ Богъ,
И будь во всемъ Его святая воля!“
Уже два раза онъ изъ трубки выбивалъ
Золу и въ споръ вступалъ съ Вильгельмомъ,
Разговорясь про новости газетъ,
Про злой неурожай, про грековъ и про турокъ.
Про Мисолунги, про дѣла войны,
Про славнаго вождя Колокотрони,
Про Канинга, про парламентъ,
Про бѣдствія и мятежи въ Мадритѣ.
Какъ вдругъ Луиза вскрикнула и мигомъ,
Увидя Ганца, бросилась къ нему.
Воздушный станъ ея обнявши стройный,
Съ волненьемъ юноша ее поцѣловалъ.
Оборотясь къ нему, вотъ молвитъ пасторъ:
—„Эхъ, стыдно, Ганцъ, забыть своего друга!
Да что, коли уже забылъ Луизу,
Объ насъ ли старикахъ и думать?“—„Полно
Тебѣ все Ганца, паненька, журить!—
Сказала Берта:—лучше сядемъ мы
Теперь за столъ, не то—простынетъ все:
И каша съ рисомъ и виномъ душистымъ,
И сахарный горохъ, кипунъ горячій,
Зажаренный съ изюмомъ въ маслѣ“. Вотъ
За столъ они садятся мирно;
И скоро вмигъ вино все оживило
И, свѣтлое, смѣхъ въ душу пролило.
Старикъ-скрипачъ и Фрицъ на звонкой флейтѣ
Согласно грянули хозяйкѣ въ честь.
Всѣ понеслись и закружились въ вальсѣ:
Развеселясь, румяный нашъ Вильгельмъ
Пустился самъ съ своей женой, какъ съ павой;
Какъ вихорь, несся Ганцъ съ своей Луизой
Въ бурливомъ вальсѣ; и предъ ними міръ
Вертѣлся весь въ чудесномъ, шумномъ строѣ
А милая Луиза ни дохнуть,
Ни посмотрѣть вокругъ не можетъ: вся
Въ движеньи потерялась. Ими
Не налюбуясь, говоритъ пасторъ:
„Любезная, прекрасная чета!
Мила моя веселая Луиза,
Прекрасенъ и уменъ, и скроменъ Ганцъ;
Сотворены они ужь другъ для друга,
И счастливо свою жизнь проведутъ.
Благодарю Тебя, о Боже милосердый!
Что ниспослалъ на старость благодать,
Мои продлилъ дряхлѣющія силы—
Чтобы узрѣть такихъ прекрасныхъ внучатъ,
Чтобы сказать, прощаясь съ ветхимъ тѣломъ:
Прекрасное я видѣлъ на землѣ“.

Картина VII.

Съ прохладою, спокойный тихій вечеръ
Спускается; прощальные лучи
Цѣлуютъ гдѣ-гдѣ сумрачное море;
И искрами живыми, золотыми
Деревья тронуты; и вдалекѣ
Виднѣютъ, сквозь туманъ морской, утесы,
Всѣ разноцвѣтные. Спокойно все.
Пастушьихъ лишь рожковъ унывный голосъ
Несется вдаль съ веселыхъ береговъ,
Да тихій шумъ въ водѣ всплеснувшей рыбы
Чуть пробѣжитъ и вздернетъ море рябью,
Да ласточка, крыломъ черпнувши моря,
Круги по воздуху скользя дастъ.
Вотъ заблестѣлъ вдали, какъ точка, катеръ:
А кто же въ немъ, въ томъ катерѣ, сидитъ?
Сидитъ пасторъ, нашъ старецъ сѣдовласый,
И съ дорогой супругою Вильгельмъ;

А рѣзвая всегда шалунья Фанни,
Съ удой въ рукахъ и свѣсившись съ перилъ,
Смѣясь, ручонкою болтала волны;
Возлѣ кормы съ Луизой милой Ганцъ.
И долго всѣ въ молчаньи любовались:
Какъ за кормой широкая ходила
Волна и въ брызгахъ огнецвѣтныхъ, вдругъ
Весломъ разорванная, трепетала;
Какъ разъяснялась розовая дальность
И южный вѣтръ дыханье навѣвалъ.
И вотъ пасторъ, исполненъ умиленья,
Проговорилъ: „Какъ милъ сей Божій вечеръ!
Прекрасенъ, тихъ онъ, какъ благая жизнь
Безгрѣшнаго: она вѣдь такъ же мирно
Кончаетъ путь, и слезы умиленья
Священный прахъ, прекрасныя, кропятъ.
Пора и мнѣ ужь; срокъ назначенъ,
И скоро, скоро я не буду вашъ,
Но этакъ ли прекрасно опочію?..“
Всѣ прослезились. Ганцъ, который пѣснь
Наигрывалъ на сладостномъ гобоѣ,
Задумался и выронилъ гобой;
И снова сонъ какой-то осѣнилъ
Его чело; далеко мчались мысли,
И чудное на душу натекло.
И вотъ ему такъ говоритъ Луиза:
„Скажи мнѣ, Ганцъ, когда еще ты любишь
Меня, когда я пробудить могу
Хоть жалость, хоть живое состраданье
Въ душѣ твоей, не мучь меня, скажи:
Зачѣмъ одинъ съ какой-то книгой
Ты ночь сидишь? (мнѣ видно все,
И окнами вѣдь другъ мы противъ друга).
Зачѣмъ дичишься всѣхъ? зачѣмъ грустишь?
О, какъ меня твой грустный видъ тревожитъ!
О, какъ меня печаль твоя печалитъ!“
И, тронутый, смутился Ганцъ,
Ее къ груди съ тоскою прижимаетъ,
И брызнула невольная слеза.
„Не спрашивай меня, моя Луиза,
И безпокойствомъ симъ тоски не множь.
Когда-жъ кажусь погруженъ въ мысли—
Вѣрь, занятъ и тогда тобой одною,
И думаю я, какъ бы отвратить
Всѣ отъ тебя печальныя сомнѣнья,
Какъ радостью твое наполнить сердце,
Какъ бы души твоей хранить покой,
Оберегать твой дѣтскій сонъ невинный,
Чтобы недоброе не приближалось,
Чтобы и тѣнь тоски не прикасалась,
Чтобъ счастіе твое всегда цвѣло“.
Спустясь къ нему головкою на грудь,
Въ избыткѣ чувствъ, въ признательности
сердца,
Ни слова вымолвить она не можетъ.
По берегу неслася лодка плавно
И вдругъ причалила. Всѣ вышли
Вмигъ изъ нея. „Ну, берегитесь, дѣти!—
Сказалъ Вильгельмъ,—здѣсь сыро и роса,
Чтобъ не нажить несноснаго вамъ кашля“.
Дорогой Ганцъ нашъ мыслитъ: „что же будетъ,
Когда услышитъ то, чего и знать бы
Не должно ей?“ И на нее глядятъ
И чувствуетъ онъ въ сердцѣ укоризну:
Какъ будто бы недоброе что сдѣлалъ,
Какъ будто бы предъ Богомъ лицемѣрилъ.

Картина VIII.

На башнѣ бьетъ часъ полуночный.
Такъ, это часъ, часъ думъ урочный,
Какъ Ганцъ одинъ всегда сидитъ!
Свѣтъ лампы передъ нимъ дрожитъ
И блѣдно сумракъ освѣщаетъ,
Какъ бы сомнѣнья разливаетъ.
Все спитъ. Ничей блуждящій взоръ
На полѣ никого не встрѣтитъ;
И, какъ далекій разговоръ,
Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ.
Все тихо, дышитъ ночь одна.
Теперь его глубокихъ думъ
Не потревожитъ дневный шумъ;
Надъ нимъ такая-жъ тишина.

А что-жъ она?—Встаетъ она,
Садится прямо у окна:
„Онъ не посмотритъ, не примѣтитъ,
А насмотрюсь я на него;
Не спитъ для счастья моего!..
Благослови, Господь, его!“

Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ;
И вотъ надъ нею вьется сонъ
И голову невольно клонитъ.
Но Ганцъ все также въ мысляхъ тонетъ,
Въ глубь ихъ далеко погруженъ.

1.

Все рѣшено. Теперь ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли
И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславью въ жертву?
При жизни быть для міру мертву!

2.

Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой ли, къ счастью не остывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованья не отмѣтить?

3.

Зачѣмъ влечете такъ къ себѣ вы,
Земли роскошные края?
И день и ночь, какъ птицъ напѣвы,
Призывный голосъ слышу я;
И день и ночь мечтами скованъ
Я вами, вами очарованъ.

4.

Я вашъ! я вашъ! изъ сей пустыни
Вниду я въ райскія мѣста;
Какъ пилигримъ бредетъ къ святынѣ,
. . . . . .
Корабль пойдетъ, забрызжутъ волны,
Имъ чувства вслѣдъ веселья полны.

5.

И онъ спадетъ, покровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ мечта,
И міръ прекрасный, міръ прекрасный
Отворитъ дивныя врата,
Привѣтитъ юношу готовый
И въ наслажденьяхъ вѣчно новый.

6.

Творцы чудесныхъ впечатлѣній!
Рѣзецъ вашъ, кисть увижу я,
И вашихъ пламенныхъ твореній
Душа исполнится моя.
Шуми-жъ, мой океанъ широкій!
Неси корабль мой одинокій!

7.

А ты прости, мой уголъ тѣсный,
И лѣсъ, и поле! лугъ, прости!
Кропи васъ чаще дождь небесный,
И дай Богъ долѣе цвѣсти!
Но васъ душа какъ будто страждетъ,
Въ послѣдній разъ обнять васъ жаждетъ.

8.

Прости, мой ангелъ безмятежный!
Чела слезами не кропи!
Не предавайсь тоскѣ мятежной
И Ганца бѣднаго прости!
Не плачь, не плачь, я скоро буду,
Я возвращусь—тебя-ль забуду?..

Картина IX.

Кто это позднею порой
Крадется тихо, осторожно?
Видна котомка за спиной,
Посохъ за поясомъ дорожній.
Направо домикъ передъ нимъ,
Налѣво дальняя дорога,
Идти путемъ онъ хочетъ симъ
И проситъ твердости у Бога.
Но мукой тайною томимъ,
Назадъ онъ ноги обращаетъ
И въ домикъ тотъ онъ поспѣшаетъ.

Одно окно открыто въ немъ;
Облокотясь предъ тѣмъ окномъ,
Краса-дѣвица почиваетъ,
И, вѣя вѣтръ надъ ней крыломъ,
Ей сны чудесные внушаетъ;
И, ими милая полна,
Вотъ улыбается она.
Съ душеволненьемъ къ ней подходитъ...
Стѣснилась грудь; дрожитъ слеза...
И на прекрасную наводитъ
Свои блестящіе глаза.
Онъ наклонился къ ней, пылаетъ,
Ее цѣлуетъ и стенаетъ.

И, вздрогнувъ, быстро онъ бѣжитъ
Опять дорогою далекой;
Но мрачнъ и неспокойный видъ,
Но грустно въ сей душѣ глубокой.
Вотъ оглянулся онъ назадъ;
Но ужъ туманъ окрестность кроетъ,
И пуще юноши грудь ноетъ,
Прощальный посылая взглядъ.
Вѣтръ, пробудившися, суровой
Качнулъ зеленою дубровой;
Исчезло все въ дали пустой,
Сквозь сонъ лишь смутною порой
Готлибъ-привратникъ будто слышалъ,
Что изъ калитки кто-то вышелъ,
Да вѣрный песъ, какъ бы въ укоръ,
Пролаялъ звучно на весь дворъ.

Картина X.

Не всходитъ долго свѣтлый вождь.
Ненастно утро; на поляны
Валятся сѣрые туманы;
Звенитъ по кровлямъ частый дождь.
Съ зарей красавица проснулась;
Сама дивится, что она
Проспала ночь всю у окна.
Поправивъ кудри, улыбнулась,
Но, противъ воли, взоръ живой
Блеснулъ досадною слезой.
„Что Ганцъ такъ долго не приходитъ?
Онъ обѣщалъ мнѣ быть чуть свѣтъ.
Какой же день! тоску наводитъ:
Туманъ густой по полю ходитъ,
И вѣтръ свиститъ, а Ганца нѣтъ.

Полна живого нетерпѣнья,
Глядитъ на милое окно:
Не отворяется оно.
Ганцъ, вѣрно, спитъ, и сновидѣнья
Ему творятъ любой предметъ;
Но день давно ужь. Рвутъ долины
Ручьи дождя; дубовъ вершины
Шумятъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Ужь скоро полдень. Непримѣтно
Туманъ уходитъ; лѣсъ молчитъ;
Громъ въ размышленіи гремитъ
Вдали... Дугою семицвѣтной
Горитъ на небѣ райскій свѣтъ;
Упав[illegible] искрами дубъ древній;
И пѣсни звонкія съ деревни
Звучатъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Что-бъ это значило?.. находитъ
Злодѣйка-грусть; слухъ утомленъ
Считать часы... Вотъ кто-то входитъ...
И въ дверь... Онъ! онъ!.. ахъ, нѣтъ, не онъ!
Въ халатѣ розовомъ покойномъ,
Въ цвѣтномъ передникѣ съ каймой,
Приходитъ Берта: „Ангелъ мой,
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?
Ты ночь всю спала безпокойно;
Ты вся томна, ты вся блѣдна.
Не дождь ли помѣшалъ шумливый,
Или ревущая волна?
Или пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь не вѣдающій сна?
Иль потревожилъ духъ нечистый
Во снѣ покой дѣвицы чистой,
Навѣялъ черную печаль?
Скажи: тебя всѣмъ сердцемъ жаль!“

„Нѣтъ, не мѣшалъ мнѣ дождь шумливый,
И ни ревущая волна,
И ни пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь не вѣдающій сна;
Не эти сны, не тѣ печали
Мнѣ грудь младую взволновали,
Не ими духъ мой возмущенъ:
Иной мнѣ снился дивный сонъ.

„Мнѣ снилось: въ темной я пустынѣ,
Вокругъ меня туманъ и глушь;
И на болотистой равнинѣ
Нѣтъ мѣста, гдѣ была бы сушь.
Тяжелый запахъ; топко, вязко;
Что шагъ, то бездна подо мной:
Боюся я ступить ногой;
И вдругъ мнѣ сдѣлалось такъ тяжко,
Такъ тяжко, что нельзя сказать...
Гдѣ ни возьмись Ганцъ дикій, странный,
—Бѣжала кровь, струясь изъ раны—
Вдругъ началъ надо мной рыдать;
Но, вмѣсто слезъ, лились потоки
Какой-то мутныя воды...
Проснулась я: на грудь, на щеки,
На кудри русой головы,
Бѣжалъ ручьями дождь досадной,
И было сердцу не отрадно.
Меня предчувствіе беретъ...
И я кудрей не выжимала;
И я все утро тосковала:
Гдѣ онъ? и что съ нимъ? что пойдетъ?“

Стоитъ, качаетъ головою
Разумная предъ нею мать:
„Ну, дочка! мнѣ съ твоей бѣдою,
Не знаю, какъ ужь совладать.
Пойдемъ къ нему, узнаемъ сами,
Да будь святая сила съ нами!“

Вотъ входятъ въ комнату онѣ;
Но въ ней все пусто. Въ сторонѣ
Лежитъ, въ густой пыли, томъ давній,
Платонъ и Шиллеръ своенравный,
Петрарка, Тикъ, Аристофанъ
Да позабытый Винкельманъ;
Куски изодранной бумаги;
На полкѣ—свѣжіе цвѣты;
Перо, которымъ, полнъ отваги,
Передавалъ свои мечты.
Но на столѣ мелькнуло что-то...
Записка!.. съ трепетомъ взяла
Луиза въ руки. Отъ кого-то?
Къ кому?... И что жъ она прочла?..
Языкъ лепечетъ странно пени...
И вдругъ упала на колѣни,
Ее кручина давитъ, жметъ,
Гробовый холодъ въ ней течетъ.

Картина XI.

Ты посмотри, тиранъ жестокій,
На грусть убитыя души!
Какъ вянетъ цвѣтъ сей одинокій,
Забытый въ пасмурной глуши!
Вглядись, вглядись въ свое твореньe:
Ее ты счастія лишилъ,
И жизни радость претворилъ
Въ тоску ей, въ адское мученье,
Въ гнѣздо разоренныхъ могилъ.
О, какъ она тебя любила!
Съ какимъ восторгомъ чувствъ живымъ
Простыя рѣчи говорила!
И какъ внималъ рѣчамъ ты симъ!
Какъ пламененъ и какъ невиненъ

Былъ этотъ блескъ ея очей!
Какъ часто ей, въ тоскѣ своей,
Тотъ день казался скученъ, длиненъ,
Когда, раздумью предана,
Тебя не видѣла она!
И ты-ль, и ты-ль ее оставилъ?
Ты-ль отвернулся отъ всего?
Въ страну чужую путь направилъ;
И для кого? и для чего?
Но посмотри, тиранъ жестокій:
Она все также подъ окномъ
Сидитъ и ждетъ, въ тоскѣ глубокой:
Не промелькнетъ (ли) милый въ немъ?
Ужь гаснетъ день; сіяетъ вечеръ;
На все наброшенъ дивный блескъ;
Прохладный вьется въ небѣ вѣтеръ;
Волны чуть слышенъ дальній плескъ.
Уже ночь тѣни настилаетъ,
Но западъ все еще сіяетъ.
Свирѣль чуть льется; а она
Сидитъ недвижно у окна.

Ночныя видѣнія.

Темнѣетъ, тухнетъ вечеръ красный;
Спитъ въ упоеніи земля;
И вотъ на наши ужь поля
Выходитъ важно мѣсяцъ ясный.
И все прозрачно, все свѣтло;
Сверкаетъ море, какъ стекло.

Въ небѣ чудныя вотъ тѣни
Развилися и свились,
И чудесно понеслись
На небесныя ступени.
Прояснилось: двѣ свѣчи;
Двое рыцарей косматыхъ;
Два зубчатые мечи
И чеканенныя латы;
Что-то ищутъ; стали въ рядъ;
И зачѣмъ-то переходятъ,
И дерутся, и блестятъ,
И чего-то не находятъ...
Все пропало, слилось съ тьмой;
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Блистательно всю рощу оглашаетъ
Царь-соловей. Звукъ тихо разнесенъ.
Чуть дышитъ ночь; земля сквозь сонъ
Мечтательно пѣвцу внимаетъ.
Лѣсъ не колышется; все спитъ,
Лишь вдохновенна пѣснь звучитъ.

Показался дивной феи
Слитый съ воздуха дворецъ,
И въ окнѣ поетъ пѣвецъ
Вдохновенныя затѣи.
На серебряномъ коврѣ,
Весь затканный облаками,
Чудный духъ летитъ въ огнѣ,
Сѣверъ, югъ покрылъ крылами.
Видитъ: фея спитъ въ плѣну
За рѣшеткою коральной;
Перламутрную стѣну
Рушитъ онъ слезой хрустальной.
Обнялись... слилися съ тьмой...
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Сквозь паръ окрестность чуть сверкаетъ.
Какую кучу тайныхъ думъ
Наводитъ моря странный шумъ!
Огромный китъ спиной мелькаетъ;
Рыбакъ закутался и спитъ;
А море все шумитъ, шумитъ.

Вотъ изъ моря молодыя,
Дѣвы чудныя плывутъ;
Голубыя, огневыя,
Волны бѣлыя гребутъ.
Призадумавшись, колышетъ
Грудь лилейную вода,
И красавица чуть дышетъ...
И роскошная нога
Стелетъ брызги въ два ряда...
Улыбается, хохочетъ,
Страстно манитъ и зоветъ,
И задумчиво плыветъ,
Будто хочетъ и не хочетъ;
И задумчиво поетъ
Про себя, младу сирену,
Про коварную измѣну.
А на тверди голубой
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Вотъ въ сторонѣ глухой кладбище:
Ограда ветхая кругомъ,
Кресты, каменья... скрыто мхомъ
Нѣмыхъ покойниковъ жилище.
Полетъ да крики только сов
Тревожатъ сонъ пустыхъ гробовъ

Подымается протяжно
Въ бѣломъ саванѣ мертвецъ,
Кости пыльныя онъ важно
Отираетъ, молодецъ;
Съ чела давняго хладъ вѣетъ,
Въ глазѣ палевой огонь,
И подъ нимъ великой конь,
Необъятный, весь бѣлѣетъ
И все болѣе растетъ,
Скоро небо обойметъ;
И покойники съ покою

Страшной тянутся толпою.
Земля колется и—бухъ
Тѣни разомъ въ бездну... Уфъ!

И стало страшно ей; мгновенно
Она прихлопнула окно.
Все въ сердцѣ трепетномъ смятенно,
И жаръ, и дрожь попеременно
По немъ текутъ. Въ тоскѣ оно.
Вниманіе развлечено.
Когда рукою безпощадной
Судьба надвинетъ камень хладный
На сердце бѣдное,—тогда
Скажите: кто разсудку вѣренъ?
Чья противъ золъ душа тверда?
Кто вѣчно тотъ же завсегда?
Въ несчастьи кто не суевѣренъ?
Кто крѣпкой не блѣднѣлъ душой
Передъ ничтожною мечтой?

Съ боязнью, съ горестію тайной
Въ постель кидается она;
Но ждетъ напрасно въ ложе сна.
Въ тьмѣ прошумитъ ли что случайно,
Скребунья мышь ли пробѣжитъ,—
Отъ вѣждъ коварный сонъ летитъ.

Картина XIII.

Печальны древности Аѳинъ!
Колоннъ, статуй рядъ обветшалый
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ:
Изящный памятникъ разбитъ,
Изломленъ немощный гранитъ,
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще до нынѣ величавъ,
Чернѣетъ дряхлый архитравъ,
И вьется плющъ по капители;
Упалъ расщепленный карнизъ
Въ давно-заглохшіе окопы.
Еще блеститъ сей дивный фризъ,
Сіи рельефные метопы;
Еще донынѣ здѣсь груститъ
Коринѳскій орденъ многолѣпный,
—Рой ящерицъ по немъ скользитъ—
На міръ съ презрѣньемъ онъ глядитъ;
Все тотъ же онъ великолѣпный,
Временъ минувшихъ вдавленъ въ тьму,
И безъ вниманья ко всему.

Печальны древности Аѳинъ!
Туманенъ рядъ былыхъ картинъ:
Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ былое воскресить,
Напрасно силится развить
Протекшихъ дѣлъ истлѣвшій свитокъ,—
Ничтоженъ трудъ безсильныхъ пытокъ!
Вездѣ читаетъ смутный взоръ
И разрушенье, и позоръ.
Промежъ колоннъ чалма мелькаетъ,
И мусульманинъ по стѣнамъ,
По симъ обломкамъ, камнямъ, рвамъ,
Коня свирѣпо напираетъ,
Останки съ воплемъ разоряетъ.
Невыразимая печаль
Мгновенно путника объемлетъ,
Души онъ тяжкій ропотъ внемлетъ;
Ему и горестно, и жаль,
Зачѣмъ онъ путь сюда направилъ.
Не для истлѣвшихъ ли могилъ
Кровъ безмятежный свой оставилъ,
Покой свой тихій позабылъ?
Пускай бы въ мысляхъ обитали
Сіи воздушныя мечты!
Пускай бы сердце волновали
Зерцаломъ чистой красоты!
Но и убійственно, и хладно
Разворожились вы теперь;
Безжалостно и безпощадно
Предъ нимъ захлопнули вы дверь,
Сыны существенности жалкой,
Дверь въ тихій міръ мечтаній жаркой!—
И грустно, медленной стопой
Руины путникъ покидаетъ,
Клянется ихъ забыть душой
И все невольно помышляетъ
О жертвахъ брепности слѣпой.

Картина XVI.

Ушло два года. Въ мирномъ Люпендорфѣ
Попрежнему красуется, цвѣтетъ;
Все тѣ-жъ заботы и забавы тѣ же
Волнуютъ жителей покойныя сердца.
Но не попрежнему въ семьѣ Вильгельма:
Пастора ужь давно на свѣтѣ нѣтъ.
Окончивъ путь и тягостный, и трудный,
Не нашимъ спомъ онъ крѣпко опочилъ.
Всѣ жители останки пров жали
Священные, съ слезами на глазахъ;
Его дѣла, поступки поминали:
Не онъ ли намъ спасеніемъ служилъ?
Насъ надѣлялъ своимъ духовнымъ хлѣбомъ,
Въ словахъ добру прекрасно поучая?
Не онъ ли былъ утѣхою скорбящихъ,
Сиротъ и вдовъ нетрепетнымъ щитомъ?
Въ день праздничный, какъ кротко онъ, бывало,
Всходилъ на каѳедру и съ умиленьемъ
Намъ говорилъ: про мучениковъ чистыхъ,

Про тяжкія страданія Христовы;
А мы ему, растроганны, внимали,
Дивились и слезы проливали.

Отъ Висмара, когда кто держитъ путь,
Встрѣчается налѣво отъ дороги
Ему кладбище: старые кресты
Склонилися, обшиты мхомъ,
И времени изведены рѣзцомъ.
Но промежъ нихъ бѣлѣетъ рѣзко урна
На черномъ камнѣ, и надъ ней смиренно
Два явора зеленые шумятъ,
Далеко хладной обнимая тѣнью.
Тутъ бренные покоятся останки
Пастора. Вызвались на свой же счетъ
Соорудить надъ нимъ благіе поселяне
Послѣдній знакъ его существованья
Въ семъ мірѣ. Надпись съ четырехъ сторонъ
Гласитъ: какъ жилъ и сколько мирныхъ лѣтъ
Провелъ на наствѣ, и когда оставилъ
Свой долгій путь, и Богу духъ вручилъ.

И въ часъ, когда стыдливый развиваетъ
Румяные востокъ свои власы,
Подымется по полю свѣжій вѣтеръ,
Посыплется алмазами роса,
Въ своихъ кустахъ малиновка зальется,
Полсолнца на землѣ всходя горитъ,—
Къ нему идутъ младыя поселянки
Съ гвоздиками и розами въ рукахъ;
Увѣшаютъ душистыми цвѣтами,
Гирляндою зеленой обовьютъ,
И снова въ путь назначенный идутъ.
Изъ нихъ одна, младая, остается
И, опершись лилейною рукой,
Надъ нимъ сидитъ въ раздумьи долго, долго,
Какъ будто бы о непостижномъ мыслитъ.
Въ задумчивой, скорбящей дѣвѣ сей
Кто-бъ не узналъ печальныя Луизы?
Давно въ глазахъ веселье не блеститъ;
Не кажется невинная усмѣшка
Въ ея лицѣ; не пробѣжитъ по немъ,
Хотя ошибкой, радостное чувство;
Но какъ мила она и въ грусти томной!
О, какъ возвышенъ невинной этотъ взглядъ!
Такъ свѣтлый Серафимъ тоскуетъ
О пагубномъ паденьи человѣка.
Мила была счастливая Луиза,
Но какъ-то мнѣ въ несчастіи милѣе.
Осьмнадцать лѣтъ тогда минуло ей,
Когда преставился пасторъ разумный.
Всей дѣтскою она своей душой
Богоподобнаго любила старца;
И думаетъ въ душевной глубинѣ:
„Нѣтъ, не сбылись живыя упованья
Твои. Какъ, добрый старецъ, ты желалъ
Насъ обвѣнчать передъ святымъ налоемъ,
Навѣки нашъ союзъ соединить!
Какъ ты любилъ мечтательнаго Ганца!
А онъ...“

Заглянемъ въ хижину Вильгельма.
Ужъ осень; холодно. И дома онъ
Вытачивалъ съ искусствомъ хитрымъ кружки
Изъ крѣпкаго съ слоями бука,
Затѣйливой рѣзьбою украшая;
У ногъ его свернувшися лежалъ
Любимый другъ, товарищъ вѣрный, Гекторъ.
А вотъ разумная хозяйка Берта
Съ утра уже заботливо хлопочетъ
О всемъ. Толпится также подъ окномъ
Гусей ватага долгошейныхъ; также
Неугомонныя ку ахчутъ куры;
Чиликаютъ нахалы-воробьи,
Весь день въ навозной кучѣ роясь.
Видали ужь красавца-спигиря;
И осенью давно запахло въ полѣ;
И пожелтѣлъ давно зеленый листъ,
И ласточки давно ужь отлетѣли
За дальнія, роскошныя моря.
Кричитъ разумная хозяйка Берта:
„Такъ долго не годится быть Луизѣ!
Темнѣетъ день. Теперь не то, что лѣтомъ:
Ужь сыро, мокро, и густой туманъ
Такъ холодомъ всего и пронимаетъ.
Зачѣмъ бродить? бѣда мнѣ съ этой дѣвкой:
Не выкинетъ она изъ мыслей Ганца!
А Богъ знаетъ, онъ живъ ли, или нѣтъ“.
Не то совсѣмъ раздумываетъ Фанни,
За пяльцами сидя въ своемъ углу.
Шестнадцать лѣтъ ей, и полна тоски
И тайныхъ думъ по идеальномъ другѣ,
Разсѣянно, невнятно говоритъ:
„И я бы такъ, и я-бъ его любила“.

Картина XVII.

Унывна осени пора;
Но день сегодняшній прекрасенъ:
На небѣ волны серебра,
И солнца ликъ блестящъ и ясенъ.
Одинъ дорогой почтовой
Бредетъ, съ котомкой за спиной,
Печальный путникъ изъ чужбины.
Унылъ, и томенъ онъ, и дикъ,
Идетъ согнувшись, какъ старикъ;
Въ немъ Ганца нѣтъ и половины.
Полупотухшій бродитъ взоръ
По злачнымъ холмамъ, желтымъ нивамъ,
По разноцвѣтной цѣни горъ.
Какъ бы въ забвеніи счастливомъ,
Его касается мечта;

Не мысль не тѣмъ ужъ занята:
Онъ въ думы крѣпкія погруженъ.
Ему покой теперь бы нуженъ.

Прошелъ онъ дальній, видно, путь;
Страдаетъ больно, видно, грудь.
Душа страдаетъ, жалко ноя;
Ему теперь не до покоя.

О чемъ же думы крѣпки тѣ?
Дивится самъ онъ суетѣ:
Какъ былъ измученъ онъ судьбою,
И зло смѣется надъ собою:
Что повѣрялъ своей мечтой
Свѣтъ ненавистный, слабоумной;
Что задивился въ блескъ пустой
Своей душою неразумной;
Что, не колеблясь, смѣло онъ
Симъ людямъ кинулся въ объятья
И, околдованъ, охмеленъ,
Въ ихъ злыя вѣрилъ предпріятья.
Какъ гробы, холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки;
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги, и близки.
Они позорятъ дивный даръ:
И попираютъ вдохновенье,
И презираютъ откровенье;
Ихъ холоденъ притворный жаръ,
И гибельно ихъ пробужденье.
О, кто-бъ нетрепетно проникъ
Въ ихъ усыпительный языкъ!
Какъ ядовито ихъ дыханье!
Какъ ложно сердца трепетанье!
Какъ ихъ коварна голова!
Какъ пустозвучны ихъ слова!

И много истинъ онъ, печальный,
Теперь извѣдалъ и узналъ;
Но самъ счастливѣе ли сталъ
Во глубинѣ души опальной?
Лучистой, дальнею звѣздой
Его влекла, тянула слава,
Но ложенъ чадъ ея густой,
Горька блестящая отрава.

Склоняется на западъ день,
Вечерняя длинѣетъ тѣнь;
И облаковъ блестящихъ, бѣлыхъ
Ярчѣе алые края;
На листьяхъ темныхъ, пожелтѣлыхъ
Сверкаетъ золота струя.
И вотъ завидѣлъ странникъ бѣдный
Свои родимые луга,
И взоръ мгновенно вспыхнулъ блѣдный,
Блеснула жаркая слеза.

Рой прежнихъ, тѣхъ забавъ невинныхъ
И тѣхъ проказъ, тѣхъ думъ старинныхъ—
Все разомъ налегло на грудь
И не даетъ ему дохнуть.
И мыслитъ онъ: что это значитъ?..
И, какъ ребенокъ слабый, плачетъ.

Дума.

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ, Небомъ избранный, постигъ
Цѣль высшую существованья;
Когда не грезъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка, и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра;
Его трудамъ великимъ учитъ.
Для нихъ онъ жизни не щадитъ.
Вотще безумно чернь кричитъ:
Онъ твердъ средь сихъ живыхъ обломковъ
И только слышитъ, какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ.

Когда-жъ коварныя мечты
Взволнуютъ жаждой яркой доли,
А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средь суеты, —
Не лучше-ль въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать?

Картина XVIII.

Выходятъ звѣзды плавнымъ хоромъ,
Обозрѣваютъ кроткимъ взоромъ
Опочивающій весь міръ:
Блюдутъ сонъ тихій человѣка,
Ниспосылаютъ добрымъ миръ,
А злымъ ядъ гибельный упрека.
Зачѣмъ же, звѣзды, грустнымъ вы
Не посылаете покоя?
Для горемычной головы
Вы—радость, и, на васъ покоя
Свой грустный, стосковалый взоръ,
Страстей онъ слышитъ разговоръ
Въ душѣ, и васъ онъ призываетъ,
И вамъ онъ пени повѣряетъ.
Попрежнему всегда томна,
Еще Луиза не раздѣлась;
Не спится ей; въ мечтахъ она

На ночь осенню заглядѣлась.
Предметъ и тотъ же, и одинъ...
И вотъ восторгъ къ ней въ душу входитъ:
Пѣснь стройную она заводитъ,
Звучитъ веселый клависинъ.

Внимая шуму листопада,
Промежъ деревьевъ, гдѣ сквозитъ
Изъ стѣнъ рѣшетчатыхъ ограда,
Въ забвеньи сладостномъ, у сада
Нашъ Ганцъ, закутавшись, стоитъ.
И что же съ нимъ, когда онъ звуки
Давно-знакомые узналъ,
И голосъ тотъ, со дня разлуки,
Что долго-долго не слыхалъ,
И пѣсню ту, что въ страсти жаркой,
Въ любви, въ избыткѣ дивныхъ силъ,
Подъ строй души въ напѣвахъ яркой,
Ее, восторженный, сложилъ?
Чрезъ садъ она звенитъ, несется
И въ упоеньи тихомъ льется.

Тебя зову! тебя зову!
Твоей улыбкою чаруюсь,
Съ тобой не часъ, не два сижу,
Съ тебя очей я не свожу:
Дивуюся, не надивуюсь.

* * *

Посшь ли ты—и звонъ рѣчей
Твоихъ, таинственный, невинный,
Ударитъ въ воздухъ ли пустынный—
Звукъ въ небѣ льется соловьиный,
Гремитъ серебряный ручей.

* * *

Приди ко мнѣ, прижмись ко мнѣ,
Въ жару чудеснаго волненья!
Пылаетъ сердце въ тишинѣ;
Они горятъ, они въ огнѣ
Твои покойныя движенья.

* * *

Я безъ тебя грущу, томлюсь,
И позабыть тебя нѣтъ силы.
И пробуждаюсь ли, ложусь—
Все о тебѣ молюсь, молюсь
Все о тебѣ, мой ангелъ милый.

* * *

И вотъ почудилося ей:
Чудеснымъ зарсвомъ очей
Возлѣ нея блистаетъ кто-то,
И слышитъ вздохъ она кого-то,
И страхъ, и дрожь ее беретъ...
И оглянулась...

„Ганцъ!“...

О, кто поймстъ
Всю эту радость чудной встрѣчи
И взоровъ пламенныя рѣчи,
И этотъ чувствъ счастлавый гнетъ!
О, кто такъ пламенно опишетъ
Сію душевную волну,
Когда она грудь рвстъ и пышетъ,
Терзаетъ сердца глубину,
А самъ дрожишь, въ весельи млѣешь,
Ни думъ, ни словъ найти не смѣешь:
Въ восторгѣ, въ кучѣ сладкихъ мукъ,
Сольешься въ стройный, свѣтлый звукъ!

Опомнясь, Ганцъ глядитъ сквозь слезы
Въ глаза подруги своея
И мыслитъ: „Полно, это грезы;
Пусть же не просыпаюсь я!
Она все та-жъ, и такъ любила
Меня всей дѣтскою душой!
Чело печалію накрыла,
Румянецъ свѣжій изсушила,
Губила вѣкъ свой молодой;
А я, безумный, безтолковой,
Летѣлъ искать кручины новой!..“
И спалъ страданій тяжкій сонъ
Съ его души; живой, спокойный,
Переродился снова онъ.
На время бурей возмущенъ,
Такъ снова блещетъ міръ нашъ стройный;
Въ огнѣ закаленный булатъ
Такъ снова ярче во сто кратъ.

Пируютъ гости: рюмки, чаши
Кругомъ обходятъ и гремятъ;
И старики болтаютъ наши;
И въ танцахъ юноши кипятъ.
Звучитъ протяжнымъ, шумнымъ громомъ
Музыка яркая весь день;
Ворочаетъ веселье домомъ;
Гостепріимно блещетъ сѣнь,
И поселянки молодыя
Чету влюбленную дарятъ:
Несутъ фіалки голубыя,
Несутъ имъ розы огневыя,
Ихъ убираютъ и шумятъ:
„Пусть вѣкъ цвѣтутъ ихъ дни младые,
Какъ тѣ фіалки полевыя!
Сердца любовью да горятъ,
Какъ эти розы огневыя!“

И въ упоеньи, въ нѣгѣ чувствъ
Заранѣ юноша трепещетъ,
И свѣтлый взоръ весельемъ блещетъ;
И безпритворно, безъ искусствъ,
Оковы сбросивъ принужденья,

Вкушастъ сердце наслажденья.
И васъ, коварныя мечты,
Боготворить ужь онъ не станетъ, —
Земной поклонникъ красоты.
Но что-жъ опять его туманитъ?
(Какъ непонятенъ человѣкъ!)
Прощаясь съ ними онъ навѣкъ,
Какъ бы по старомъ другѣ вѣрномъ,
Груститъ въ забвеніи усердномъ.
Такъ въ заключеньи школьникъ ждетъ,
Когда желанный срокъ придетъ.
Лѣта къ концу его ученья—
Онъ полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ:
Онъ независимый, онъ вольный,
Собой и міромъ всѣмъ довольный.
Но, разставаяся съ семьей
Своихъ товарищей, душой
Дѣлилъ съ кѣмъ шалость, трудъ, покой,—
И размышляетъ онъ, и стонетъ,
И съ невыразною тоской
Слезу невольную уронитъ.

Эпилогъ.

Въ уединеніи, въ пустынѣ,
Въ никѣмъ незнаемой глуши,
Въ моей невѣдомой святынѣ,
Тамъ созидаются отнынѣ
Мечтанья тихія души.
Дойдетъ ли звукъ подобно шуму?
Взволнуетъ ли кого-нибудь:
Живую юноши ли думу,
Иль дѣвы пламенную грудь?
Веду съ невольнымъ умиленьемъ
Я пѣсню тихую мою,
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Свою Германію пою.
Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя обнявъ, какъ нѣкій Геній,
Великій Гёте бережетъ,
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ.

ИТАЛІЯ.

Италія—роскошная страна!
По ней душа и стонетъ, и тоскуетъ;
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ.
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ, и вѣетъ аромать.

И всю страну объемлетъ вдохновенье;
На всемъ печать протекшаго лежитъ;
И путникъ зрѣетъ великое твореньe,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ;
Душа кипитъ, и весь онъ—умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ, погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно-минувшихъ шуму.

Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ;
И радужной въ сіяньи красоты
И жарче, и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ, и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводитъ;
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ,
Зеленый лѣсъ и синій неба сводъ.

А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышитъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колышетъ.
Среди небесъ, въ сіяніи луна
Глядитъ на міръ, задумалась и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна;
Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучатъ и льются.

Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю-ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятъ,
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ весь звукъ и трепетанье!..

КЛАССНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

1.
О ТОМЪ, ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ОТЪ КРИТИКИ.
(Изъ теоріи словесности).

Что требуется отъ критики? вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе слишкомъ нужно (особливо) въ наши времена, когда благородная цѣль критики унижена несправедливыми притязаніями, личными выходками и часто обращается въ позорную орань—(первое) слѣдствіе необразованности, отсутствія истиннаго просвѣщенія. Первая, главная принадлежность, безъ которой критика не можетъ существовать, это — безпристрастіе, но нужно,

чтобы оно правилось умомъ зоркимъ, истинно-просвѣщеннымъ, могущимъ вполнѣ отдѣлить прекрасное отъ не изящнаго. Критика должна быть строга, чтобы тѣмъ болѣе дать цѣны прекрасному, потому что просвѣщенный писатель не ищетъ безотчетной похвалы и славы, но требуетъ, чтобы она была опредѣлена умомъ строгимъ и вѣрно понявшимъ его мысль, его твореніе; она должна быть благопристойна, чтобы ни одно выраженіе оскорбительное не вкралось, черезъ то уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентомъ водила какая-нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Слѣдственно отсутствіе личности также необходимо для критики. Наконецъ, послѣднее: нужно, чтобы перомъ рецензента или критика правило истинное желаніе добра и пользы, оно должно одушевлять всѣ его изысканія и разборы и быть всегда его неизмѣннымъ водителемъ, какъ высокій, божескій характеръ души просвѣщеннаго мыслителя.

1828 г.

2.

ИЗЛОЖИТЬ ЗАКОННЫЕ ОБРЯДЫ АППЕЛЯЦІИ, КАКЪ ИЗЪ НИЗШИХЪ ИНСТАНЦІЙ ВЪ ВЫСШУЮ И ВЪ ДЕПАРТ. СЕНАТА.

(ИЗЪ РУССКАГО ПРАВА).

Когда недовольны рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ низшихъ инстанцій, тогда имѣютъ право подавать прошеніе въ инстанцію высшую—въ Гражданскую Палату въ томъ, что дѣло ихъ право и резолюція низшихъ инстанцій несправедлива—это называется аппеляціею. При внесеніи ея въ Гражд. Палату нужно внесть и пошлину исковыхъ 12 рублей, послѣ чего Гражданская Палата требуетъ изъ низшей инстанціи все дѣло и рѣшитъ сама. Но прежде еще внесенія аппеляціи онъ долженъ внесть въ низшую инстанцію 25 рублей въ залогъ. Если недоволенъ и рѣшеніемъ Гражданской Палаты, тогда имѣетъ право апеллевать въ Сенатъ, внесши въ Гражд. Палату въ залогъ 200 рублей. Вмѣстѣ съ аппеляціею онъ представляетъ и свидѣтельство въ томъ, что аппеляціонный искъ производился въ срокъ, положенный для сего. Сенатъ, взыскавши 12 пошлинныхъ, принявши аппеляцію и свидѣтельство, судитъ въ собраніи Сената единогласно; когда же нѣтъ, собираетъ чрезвычайное общее собраніе, и рѣшится большинствомъ голосовъ, когда двѣ трети согласны.—Но если генералъ-прокуроръ не согласенъ съ сенаторами, то отъ него требуютъ изложеніе причинъ, послѣ чего онъ рѣшитъ уже самъ или обще съ Государс. Совѣтомъ.

1828 г.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

ПОЭМА ПУШКИНА.

(Посвящается Петру Александровичу Плетневу).

Книжный магазинъ блестѣлъ въ бельэтажѣ ***ой улицы, лампы отбивали теплый свѣтъ на высоко-взгроможденныя стѣны изъ книгъ, живо и рѣзко озаряя заглавія голубыхъ, красныхъ, въ золотомъ обрѣзѣ, и запыленныхъ, и погребенныхъ, означенныхъ силою и безсиліемъ, человѣческихъ твореній. Толпа густилась и росла. Громъ мостовой и экипажей съ улицы отзывался дребезжаніемъ въ цѣльныхъ окнахъ и, казалось, лампы, книги, люди,—все окидывалось легкимъ трепетомъ, удвоявшимъ пестроту картины. Сидѣльцы суетились. „Славная вещь! Отличная вещь!“ отдавалось со всѣхъ сторонъ. „Что батюшка, читали *Бориса Годунова?* Нѣтъ! Ну, ничего же вы не читали хорошаго“, бормотала кофейная шинель запыхавшейся квадратной фигурѣ.—„Каковъ Пушкинъ?“—сказалъ, быстро поворотившись, новоиспеченный гусарскій корнетъ своему сосѣду, нетерпѣливо разрѣзывавшему послѣдніе листы.—„Да, есть мѣста удивительныя!“—„Ну, вотъ, наконецъ, дождались и Годунова!“—„Какъ, *Борисъ Годуновъ* вышелъ? Скажите, что это такое „Борисъ Годуновъ“? Какъ вамъ кажется новое сочиненіе?“—„Единственно! Единственно! Еще бы нѣкоторой картины... О, Пушкинъ далеко шагнулъ!“—„Мастерство-то главное, мастерство; посмотрите, посмотрите, какъ онъ искусно того...“ трещалъ толстенькій кубикъ съ веселыми глазками, поворачивая передъ глазами своими руку съ пригнутыми немного пальцами, какъ будто-бы въ ней лежало спѣлое прозрачное яблоко. „Да, съ большимъ, съ большимъ достоинствомъ!“ твердилъ сухощавый знатокъ, отправляя разомъ полъ-унціи табаку въ свое римское табакохранилище: „конечно, есть мѣста, которыхъ строгая критика... Ну, знаете... еще молодость... Впрочемъ, произведеніе едва-ли не первоклассное!“—„Насчетъ этого позвольте-съ доложить, что за прочность,—присовокупилъ съ довольнымъ видомъ книгопродавецъ,— ручается успѣшная-съ выручка денегъ...“—„А самое-то сочиненіе дѣйствительно-ли чувствительно написано?“ съ смиреннымъ видомъ заикнулся вошедшій сенатскій рябчикъ. „И, конечно, чувствительно! — подхватилъ книгопродавецъ, кинувъ убійственный взглядъ на его истертую шинель: если-бы не чувствительно, то не разобрали-бы 400 экземпляровъ въ два часа!“ Между тѣмъ лица безпрестанно мѣнялись, выходили съ довольною миной и книжкою въ рукахъ. Въ это самое время

Элладій подошелъ къ другу своему Полліору, разсѣянно глядѣвшему на жадную толпу покупателей. „Не правда-ли, милый Полліоръ! не правда-ли, что ни съ чѣмъ не можешь сравнить этого тихаго восторга, напояющаго душу при видѣ, какъ пламенно любимое нами великое твореніе неумолкно звучитъ и отдается сочувствіемъ во всѣхъ сердцахъ, и люди, кажется, отбѣжавшіе навѣки отъ собственнаго, скрытаго въ самихъ себѣ, непостижимаго для нихъ міра души, насильно возвращаются въ ея предѣлы?“ Молчаливо и безмолвно пожалъ Полліоръ ему руку. Они вышли. Но ни томительный, какъ сліяніе радости и грусти, свѣтъ луны, такъ дивно вызывающій изъ глубины души серебряный сонмъ видѣній, когда ночное небо безплотно обнимется вдохновеніемъ и земля полна непонятной любви къ нему, ни тѣ живыя чувства, пробуждающіяся у насъ мгновенно, когда чудный городъ гремитъ и блещетъ, мосты дрожатъ, толпы людей и тѣней мелькаютъ по улицамъ и по палевымъ стѣнамъ домовъ-гигантовъ, которыхъ окна, какъ безчисленныя огненныя очи, кидаютъ пламенныя дороги на снѣжную мостовую, такъ странно сливающіяся съ серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца, — ничто не въ состояніи было его вывесть изъ какой-то торжественной задумчивости: какая-то священная грусть, тихое негодованіе сохранялось въ чертахъ его, какъ будто-бы онъ заслышалъ въ душѣ своей пророчество о вѣчности, какъ будто-бы душа его терпѣла муки, невыразимыя, непостижимыя для земного... „Что же ты до сихъ поръ,—спросилъ его Элладій, когда они вошли въ его уединенную комнату, одиноко озаряемую трепетною лампой, —не повергъ отъ себя дани нашему великому творенію? не принесъ посильнаго выраженія—истолкователя чувствъ въ чашу общаго мнѣнія?“

„Ты понимаешь меня, Элладій, къ чему же ты предлагаешь мнѣ этотъ несвязный вопросъ? Что мнѣ принесть? Кому нужда, кто пожелаетъ знать мои тайныя движенія? Часто, слушая, какъ всенародно судятъ и толкуютъ о поэтѣ, когда пренія ихъ воздымаютъ бурю и запѣнившіяся уста горланятъ на торжищахъ, — думаю во глубинѣ души своей: не святотатство ли это? Не то же ли, если бы кто вздумалъ стремительно ворваться въ площадь, гдѣ чернь кипитъ и суетится, исполняя обычныя свои требы, и возсылать, упадши на колѣни, жаркія молитвы къ небу? И что-бы сказалъ я?— „Прекрасно! безподобно, единственно!“ Но выразятъ-ли эти слова хоть одну струю безграничнаго океана чувствъ? Безсильныя! Они отъ частаго повторенія людьми потеряли даже бѣдное собственное значеніе. Но еще безсмысленнѣе, еще смѣшнѣе мнѣ кажутся люди, которые дарятъ поэтовъ, будто чинами, жалкими эпитетами, называютъ ихъ первоклассными, какъ будто поэты, какъ растенія или безжизненные минералы, требуютъ системы, чтобы удержаться въ головѣ! Великій! когда развертываю дивное твореніе твое, когда вѣчный стихъ твой гремитъ и стремитъ ко мнѣ молнію огненныхъ звуковъ, священный холодъ разливается по жиламъ и душа дрожитъ въ ужасѣ, вызвавши Бога изъ своего безпредѣльнаго лона... что тогда? Если-бы небо, лучи, море, огни, пожирающіе внутренность земли нашей, безконечный воздухъ, объемлющій міры, ангелы, пылающія планеты превратились въ слова и буквы—и тогда бы я не выразилъ ими и десятой доли дивныхъ явленій, совершающихся въ то время въ лонѣ *невидимаго меня*. И что они всѣ противъ души человѣка? противъ воплощенія Бога? Въ какіе звуки, въ какіе свѣтлые звуки превращается она, разрѣшаясь отъ всего, носящаго образъ выразимаго и конечнаго, сильнымъ порывомъ вонзаясь въ безобразную грудь его! Какъ горитъ, какъ сохнетъ бренный страдальческій составъ! Какъ дрожитъ, какъ стонетъ безсильное земное, пока все не сольется въ духовное море, пока потопъ благодарныхъ слезъ не хлынетъ дождемъ въ размученную грудь, не прольетъ примиренія между двумя враждующими природами человѣка. Какъ суетны люди, требующіе отчета впечатлѣній, произведенныхъ великимъ созданіемъ поэта, зная напередъ, что онъ не будетъ отвѣтомъ на безразсудное желаніе ихъ! Когда изъ безобразнаго земного черепа извлекаютъ результатъ—ослѣпительный камень, когда изъ струнъ исторгаютъ звуки—какой же они результатъ хотятъ извлечь изъ звуковъ? Можетъ быть, и исполнится это желаніе, только когда?—Когда человѣкъ исчезнетъ и душа на ветхихъ его развалинахъ воздвижется въ величественномъ необъятномъ зданіи“.

„И такъ, по-твоему,—спросилъ его послѣ мгновеннаго молчанія Элладій,—люди не должны дѣлиться между собою впечатлѣніями и сообщать, какъ откровенія, хотя неполные отчеты чувствъ, можетъ быть убѣдившіе-бы другихъ въ духовной изящности созданія?“

„Нѣтъ, Элладій, нѣтъ! Кто здѣсь требуетъ убѣжденія, тому будутъ безплодны всѣ твои попытки возмутить его душу. Разогни передъ нимъ великое твореніе. Читайте вмѣстѣ и, если дивныя его буквы не ударятъ разомъ въ тайныя струны сердецъ вашихъ, обративъ въ непостижимый трепетъ всѣ нервы, не брызнутъ отвѣтными слезами (на глаза), и души ваши почувствуютъ разъединеніе—закрой книгу и не трать пустыхъ словъ. Но если встрѣтишь ты пламенно понимающее тебя чувство — прекрасную половину прекрасной души твоей—потребуете-ли вы другъ отъ друга отчета?

Къ чему-бы послужилъ онъ вамъ, когда вы такъ чудно сливаетесь въ одно? И какая презрѣнная радость сравнится съ тѣмъ мгновеніемъ, когда твореніе разомъ читается въ васъ? Какъ понимаете вы его? „Боже!“ часто говорю себѣ: „какое высокое, какое дивное наслажденіе даруешь ты человѣку, поселя въ одну душу отвѣтъ на жаркій вопросъ другой! Какъ эти души быстро отыскиваютъ другъ друга, несмотря ни на какія раздѣляющія ихъ бездны“.

Будто прикованный, уничтоживъ окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэтъ! И когда передо мною медленно передвигается минувшее и серебряныя тѣни, въ трепетаніи и чудномъ блескѣ, тянутся безконечнымъ рядомъ изъ могилъ въ грозномъ и тихомъ величіи, когда вся отжившая жизнь отзывается во мнѣ и страсти переживаютъ я снизнова въ душѣ моей,—чего-бы не далъ тогда, чтобы только прочесть въ другомъ повтореніе всего себя?.. Какими-бы, казалось, драгоцѣнностями не искупилъ этого блага? „Возьмите, возьмите отъ меня все“, воскликнулъ-бы тогда съ подъятыми руками къ небесамъ: „и ниспошлите мнѣ это понимающее меня существо! Всемогущій! зачѣмъ далъ Ты мнѣ неполную душу? или пополни ее, или возьми къ Себѣ и остальную половину“.

О, какъ великъ сей царственный страдалецъ! Столько блага, столько пользы, столько счастья міру—и никто не понималъ его... Надъ головой его гремитъ опредѣленіе... Минувшая жизнь, будто на печальный звонъ колокола, вся совокупляется вокругъ него! Умершее живетъ!.. И дивныя картины твои блещутъ и раздаются все необъятнѣе, все необъятнѣе, все необъятнѣе... И въ груди моей снова муки!.. Отвѣтныя струны души гремятъ... Звонъ серебрянаго неба съ его свѣтлыми херувимами стремится по жиламъ... О, дайте же, дайте мнѣ еще, еще этихъ мукъ, и я вылюсь ими весь въ лоно Творца, не оставя презрѣнному тѣлу ни одной ихъ божественной капли...

Великій! надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь!..—Еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, раболѣпства и мелкаго самолюбія не заронялось въ мою душу. — Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоянія; если кремень обхватитъ тихо горящее сердце; если презрѣнная, ничтожная лѣнь окуетъ меня; если дивныя мгновенія души понесу на торжище народныхъ хвалъ; если опозорю въ себѣ тобой исторгнутые звуки... О! тогда пусть обольется оно немолчнымъ ядомъ, вопьется милліонами жалъ въ невидимаго меня, неугасимымъ пламенемъ упрековъ обовьетъ душу и раздастся по мнѣ тѣмъ пронзительнымъ воплемъ, отъ котораго бы изныли всѣ суставы и сама бы безсмертная душа застонала, возвратившись безотвѣтнымъ эхомъ въ свою пустыню... Но нѣтъ! оно какъ Творецъ, какъ благость! Ему ли пламенѣть казнью? Оно обниметъ снова моремъ свѣтлыхъ лучей и звуковъ душу и слезою примиренія задрожитъ на отуманенныхъ глазахъ обратившагося преступника!..

Писано въ концѣ 1830 г.

ХРОМОЙ ЧОРТЪ.

(отрывокъ).

Малороссіяне той вѣры, что (въ пеклѣ=) въ адѣ хитрѣе всѣхъ и умнѣе хромой [крывый] чортъ. Думаю, всякому малороссіянину извѣстенъ анекдотъ про солдата, попавшагося за грѣхи по смерти въ пекло и насолившаго такъ крѣпко чертямъ (обитателямъ его), что они не находили никакихъ средствъ выгнать его. Вотъ гурьбою обратились къ крывому чорту, жалуясь: „що проклятый москаль усе пыше по стѣнамъ хрести та монастыри, такъ що доброму человѣку ни якъ не можно жить у пекли“. Хромой чортъ на другой день надѣлъ барабанъ, ударилъ подъ пекломъ зорю—солдатъ, услышавши объ этомъ и схвативши амуницію, въ одно мгновеніе выбѣжалъ вонъ, и такимъ образомъ избавились черти отъ такого неугомоннаго гостя.

Писано около 1831 г.

О ПОЭЗІИ КОЗЛОВА.

Свѣтлый, полный, — раздольное море жизни,—міръ древнихъ грековъ не властенъ былъ дать направленіе поэзіи Козлова. Когда весь блескъ, все разнообразіе постоянно-свѣтлой, въ безчисленныхъ формахъ проявляющейся жизни природы слилось для него въ одну ужасную единицу—въ мракъ, могла ли душа жить прежними ясными явленьями?—Какъ будто въ изступленіи, какъ будто подавляемая горестью, съ порывомъ, съ немолчною жаждою — торжествовать, возвыситься надъ собственнымъ несчастьемъ, она искала другой встрѣчи и въ изумленіи остановилась предъ Байрономъ, такъ чудно обхватившимъ гигантскою мрачною душою всю жизнь міра и такъ дерзостно посмѣявшемуся (sic) надъ нею, можетъ быть, отъ безсилія передать ея индивидуальную свѣтлость и величіе. Душѣ нашего поэта желалось обвиться около этой гордо-одинокой души, исполински замышлявшей заключить въ себѣ, въ замѣну от-

вергнутаго, собственный, ею же созданный, нестройный и чудный міръ, и, обвившись около нея, горько улыбнуться уже несуществующей для нея прежней Иліадѣ жизни. Кроткое христіанское величіе вѣры, такъ доступное человѣку въ то страшное мгновеніе перерожденія его, проникло и облекло чистымъ сіяніемъ своимъ все, полученное имъ въ сообществѣ съ душою этого исполина, съ которымъ мѣряться не имѣлъ онъ достаточныхъ силъ, и сообщило ему индивидуальность, безъ которой онъ былъ бы только безсильнымъ подражателемъ. Но даже и въ тихомъ порывѣ религіозной души своей, когда благословляетъ онъ тяжкій крестъ несчастій, вырывается у него скорбь, какое-то, можно сказать, даже злобное наслажденіе души собственными муками. Онъ сильно даетъ чувствовать всѣ великія, горькія траты свои, часто собираетъ въ одинъ моментъ все исчезнувшее, живо представляетъ его во всемъ ослѣпительномъ блескѣ, чтобы показать вмѣстѣ (съ тѣмъ), чего стоитъ ему позабыть (о немъ) и удалить мысль о немъ. Глядя на радужные цвѣта и краски, которыми кипятъ и блещутъ его роскошныя картины природы, тотчасъ узнаешь съ грустью, что они уже утрачены для него навѣки: зрящему никогда бы не показались бы (sic!) они въ такомъ яркомъ и даже увеличенномъ блескѣ. Они могутъ быть достояніемъ только такого человѣка, который давно уже не любовался ими, но вѣрно и сильно сохранилъ объ нихъ воспоминаніе, которое росло и увеличивалось въ горячемъ воображеніи и блистало даже въ неразлучномъ съ ними мракѣ. Но и въ сихъ созданіяхъ, въ которыхъ, кажется, онъ стремится позабыть все грустное, касающееся собственной души, и ловитъ невидимыми очами видимую природу—и здѣсь, и подъ цвѣтами, горитъ тихая печаль. Онъ весь въ себѣ. Весь нераздѣльный міръ свой носитъ въ душѣ и не властенъ оторваться отъ него. Иногда стремленіе его центробѣжно и будто хочетъ разлиться во внѣшнемъ, но для того только, чтобы снова съ большею силою устремиться къ своему центру — самому себѣ, какъ будто угадывая, что тамъ только его жизнь, что тамъ только найдетъ отвѣтъ себѣ. Если онъ долго останавливается на внѣшнемъ какомъ-нибудь предметѣ, онъ уже лишаетъ его индивидуальности: онъ проявляетъ уже въ немъ самого себя, и видитъ и развиваетъ въ немъ міръ собственной души. Мнѣ кажутся и донынѣ странными замѣчанія и упреки многихъ Козлову, что въ поэмахъ у него вѣчное тождество и однообразіе жизни, что лица его не имѣютъ полной романической отдѣлки и не живутъ собственною жизнью, что „Безумная“ нимало не похожа на русскую крестьянку—словомъ, требуютъ отъ Козлова того, чего только въ правѣ мы требовать отъ Пушкина, забывая, что для Козлова полная разнообразія внѣшняя жизнь не существуетъ, что весь міръ его сосредоточился въ немъ самомъ и его одного силенъ онъ слѣдить въ многоразличныхъ измѣненіяхъ, а лица и герои у него только образы, условные знаки, въ которые облекаетъ онъ явленія души своей, что обнять во всей полнотѣ внутреннюю и внѣшнюю жизнь—удѣлъ генія всемірнаго, и что, наконецъ, Козловъ относится къ Пушкину такъ, какъ часть къ цѣлому. Поэтъ понимаетъ все достоинство послѣдняго. Оно лестнѣе жаркой душѣ его и кадилъ, и безотчетныхъ хвалъ. И для кого не блистательна, кому не завидна участь: быть частью необъятнаго Пушкина!! *)

Письмо въ концѣ 1831 г.

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ ПОВѢСТИ „СТРАШНЫЙ КАБАНЪ“.

I.

УЧИТЕЛЬ.

Прибытіе новаго лица въ благословенныя мѣста голтвянскія надѣлало болѣе шуму, нежели пропесшіеся за два года предъ тѣмъ слухи о прибавкѣ рекрутъ, нежели внезапно поднявшаяся цѣна на соль, вывозимую изъ Крыма украинскими степовиками. Въ шинкѣ, по улицамъ, на мельницѣ, въ винокурнѣ только и рѣчей было, что про пріѣзжаго учителя. Догадливые политики въ сѣрыхъ кобенякахъ и свитахъ, пуская дымъ себѣ подъ носъ съ самымъ флегматическимъ видомъ, пытались опредѣлить вліяніе такого лица, которому судьба, казалось, при рожденіи указала высоту, чуть-чуть не надъ головами всѣхъ мірянъ, которое живетъ въ панскихъ покояхъ и обѣдаетъ за однимъ столомъ съ обладательницею пятидесяти душъ ихъ селенія. Поговаривали, что званія учителя для него мало, что, безъ всякаго сомнѣнія, вліяніе его будетъ накинуто и на хозяйственную систему; по крайней мѣрѣ уже, вѣрно, не отъ другого кого-либо будетъ зависѣть наряженіе подводъ, отпускъ муки, сала и проч. Нѣкоторые съ значительнымъ видомъ давали замѣтить, что едва ли и самъ приказчикъ не бу-

*) Новыя прелестныя стихотворенія Козлова: «Субботній вечеръ», переводъ и мелкія стихотворенія трогательнымъ «Посвященіемъ»—прекраснымъ цвѣткомъ, брошеннымъ на гробъ

Той красотѣ, которой много
Россійскій жертвовалъ Парнассъ,
Когда туманною дорогой
Брела поэзія у насъ.

Находятся въ такихъ-то книжныхъ лавкахъ. Продается по такой-то цѣнѣ.

дстъ теперь пулемъ. Одинъ только *мирошникъ* *), Солоній Чубко, дерзнулъ утверждать, что старшинамъ со стороны его нечего опасаться, что готовъ онъ держать закладъ объ новой шапкѣ изъ сѣрыхъ рѣшетиловскихъ смушковъ, если смыслитъ учитель, какъ остановить пятерню и поворотить застоявшійся жерновъ. Но важная осанка, блистательное торжество надъ дьячкомъ, громоподобный басъ, приведшій въ умиленіе всѣхъ прихожанъ, живы были во всеобщей памяти, и выгодное мнѣніе объ учителѣ подтверждалось. И если въ честь гостя не было ни одного турнира между именитыми обитателями села, за то любезныя сожительницы ихъ не ударили себя лицомъ въ грязь: одаренныя тѣмъ звонкимъ и пронзительнымъ языкомъ, который, по неисповѣдимымъ велѣніямъ судьбы, у женщинъ почти вчетверо быстрѣе поворачивается нежели у мужчинъ, онѣ гибко развертывали его въ опроверженіе и защиту достоинствъ учителя.

Трескотня и разноголосица, прерываемая взвизгиваньемъ и бранью, раздавались по мирнымъ закоулкамъ села Мандрыкъ. А какъ почтеннѣйшія обитательницы его имѣли похвальную привычку помогать своему языку руками, то по улицамъ то и дѣло, что находили кумушекъ, уцѣпившихся такъ плотно другъ за друга, какъ подлипало цѣпляется за счастливца, какъ скряга за свой боковой карманъ, когда улица уходитъ въ глушь и одинокій фонарь отливаетъ потухающій свѣтъ свой на палевыя стѣны уснувшаго города. Болѣе всего доставалось муженькамъ, пытавшимся разнимать ихъ: очипки, черепья, какъ градъ, летѣли имъ на голову; и часто раздраженная кумушка, въ пылу своего гнѣва, вмѣсто чужого, колотила собственнаго сожителя.

Въ это время педагогъ нашъ почти освоился въ домѣ Анны Ивановны. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ семинаристовъ, *убоявшихся бездны премудрости*, которыми ***ская семинарія снабжаетъ не слишкомъ зажиточныхъ панковъ въ Малороссіи, рублей за сто въ годъ, въ качествѣ домашняго учителя. — Впрочемъ, Иванъ Осиповичъ дошелъ даже до богословія и залетѣлъ-бы не вѣсть куда, вѣроятно, еще далѣе, если-бы не шалуны его товарищи, которые безпрестанно подсмѣивались надъ его усами и колючею его бородою. Съ годами, когда одни выходили совсѣмъ, а на мѣсто ихъ поступали моложе и моложе — ему, наконецъ, не давали прохода: то бросали цѣпкимъ репейникомъ въ бороду и усы, то привѣшивали сзади побрякушки, то пудрили ему голову пескомъ или подсыпали въ табакерку его чемерки, такъ что Иванъ Осиповичъ, паскуча быть безмолвнымъ зрителемъ безпрестанно мѣнявшагося вѣтреннаго поколѣнія и дѣтской игрушкой, принужденъ былъ бросить семинарію и опредѣлиться *на вакансію* *).

Перемѣщеніе это сдѣлало важную эпоху и переломъ въ его жизни. Безпрестанныя насмѣшки и проказы шалуновъ замѣстило, наконецъ, какое-то почтеніе, какая-то особенная пріязнь и расположеніе. Да и какъ было не почувствовать невольнаго почтенія, когда онъ появлялся, бывало, въ праздникъ въ своемъ свѣтло-синемъ сюртукѣ, — замѣтьте: въ свѣтло-синемъ сюртукѣ, это немаловажно. Долгомъ поставляю надоумить читателя, что сюртукъ вообще (не говоря уже о синемъ), будь только онъ не изъ смураго сукна, производитъ въ селахъ, на благословенныхъ берегахъ Голтвы, удивительное вліяніе: гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелетаютъ въ руки, и солидныя, вооруженныя черными, сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясъ почтительные поклоны. Всѣхъ сюртуковъ, полагая въ то число и хламиду дьячка, считалось въ селѣ три; но какъ величественная тыква гордо громоздится и заслоняетъ прочихъ поселенцевъ богатой *бакши* **), такъ и сюртукъ нашего пріятеля затемнялъ прочихъ собратьевъ своихъ. Болѣе всего придавали ему прелести большія костяныя пуговицы, на которыя толпами заглядывались уличные ребятишки. Не безъ удовольствія слышалъ нашъ щеголеватый наставникъ юношества, какъ матери показывали на нихъ грудным ребятамъ, и малютки, протягивая ручонки, лепетали: *цяця, цяця!* ***). За столомъ пріятно было видѣть, какъ чинно, съ какимъ умиленіемъ, почтенный наставникъ, завѣсившись салфеткой, отправлялъ всеобщій процессъ житейскаго насыщенія. Ни слова посторонняго, ни движенія лишняго; весь переселялся онъ, казалось, въ свою тарелку. Опорожнивъ ее такъ, что никакія принадлежащія къ гастрономіи орудія, какъ-то: вилка и ножъ, ничего уже не могли захватить, отрѣзывалъ онъ ломтикъ хлѣба, вздѣвалъ его на вилку и этимъ орудіемъ проходилъ въ другой разъ по тарелкѣ, послѣ чего она выходила чистою, будто изъ фабрики. Но все это, можно сказать, были только наружныя достоинства, выказывавшія въ немъ знаніе тонкихъ обычаевъ свѣта, и читатель дастъ большой промахъ, если заключитъ, что тутъ-то были и всѣ способности его. Почтенный педагогъ имѣлъ необъятныя для простолюдина свѣдѣнія, изъ которыхъ иныя держалъ подъ секретомъ, какъ-то: составленіе лѣ-

*) Мельникъ.

*) Эти слова въ украинскихъ семинаріяхъ значатъ: пойти въ домашніе учителя.

**) Нива, засѣянная арбузами, дынями, тыквами и т. п.

***) Хорошо! Хорошо!

карства противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, искусство окрашивать посредствомъ одной только дубовой коры и острой водки въ лучшій красный цвѣтъ. Сверхъ того, онъ собственноручно приготовлялъ лучшую ваксу и чернила, вырѣзывалъ для маленькаго внучка Анны Ивановны фигурки изъ бумаги; въ зимніе вечера моталъ мотки и даже прялъ.

Удивительно-ли, если съ такими дарованіями сдѣлался онъ необходимымъ человѣкомъ въ домѣ, если вся дворня была безъ ума отъ него, несмотря, что лицо его и окладомъ, и цвѣтомъ совершенно походило на бутылку, что огромнѣйшій ротъ его, котораго дерзкимъ покушеніямъ едва полагали преграду оттопырившіяся уши, поминутно строилъ гримасы, приневоливая себя выразить улыбку, и что глаза его имѣли цвѣтъ яркой зелени,—глаза, какими, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ герой въ лѣтописяхъ романовъ не былъ одаренъ. Но, можетъ быть, женщины видятъ болѣе насъ. Кто разгадаетъ ихъ? Какъ бы то ни было, только и сама старушка, госпожа дома, была очень довольна свѣдѣніями учителя въ домашнемъ хозяйствѣ, въ умѣніи дѣлать настойку на шафранѣ и herba rabarbarum, въ искусномъ разматываніи мотковъ и вообще въ великой наукѣ жить въ свѣтѣ. Ключницѣ болѣе всего нравился щегольской сюртукъ его и умѣнье одѣваться; впрочемъ, и она замѣтила, что учитель имѣлъ удивительно умильный видъ, когда изволилъ молчать или кушать. Маленькаго внучка забавляли до чрезвычайности бумажные пѣтухи и человѣчки. Самъ кудлатый Бровко, едва только завидитъ, бывало, его, выходящаго на крыльцо, какъ, ласково помахивая хвостомъ своимъ, побѣжитъ къ нему навстрѣчу и безъ церемоніи цѣлуетъ его въ губы, если только учитель, забывъ важность, приличную своему сану, соизволитъ присѣсть подъ величественнымъ фронтономъ. Одни только два старшіе внука и домашніе мальчишки, съ которыми проходилъ онъ *Азъ—Ангелъ*, *Архангелъ*, *Буки—Богъ*, *Божество*, *Богородица*,—боялись краснорѣчивыхъ лозъ грознаго педагога.

Въ краткое пребываніе свое Иванъ Осиповичъ успѣлъ уже и самъ сдѣлать свои наблюденія и заключить въ головѣ своей, будто на вогнутомъ стеклѣ, миніатюрное отраженіе окружавшаго его міра. Первымъ лицомъ, на которомъ остановилось почтительное его наблюденіе, какъ, вѣрно, вы догадаетесь, была сама владѣтельница помѣстья. Въ лицѣ ея, тронутомъ рѣзкою кистью, которою время съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, называютъ морщиною, въ темнокофейномъ ея капотѣ, въ чепчикѣ (покрой котораго утратился въ толпѣ событій, знаменовавшихъ XVIII-е столѣтіе), въ коричневомъ шушунѣ, въ башмакахъ безъ задковъ, глаза его узнали тотъ періодъ жизни, который есть слабое повтореніе минувшихъ, холодный, безцвѣтный переводъ созданій пламеннаго, кипящаго вѣчными страстями, поэта,—тотъ періодъ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго, когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключомъ жилы, и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія. Впрочемъ, вѣчныя заботы и страсть хлопотать нѣсколько одушевляли потухшую жизнь въ чертахъ ея, а бодрость и здоровье были вѣрною порукою еще за тридцать лѣтъ впередъ. Все время отъ пяти часовъ утра до шести вечера, то-есть до времени успокоенія, было безпрерывною цѣпью занятій. До семи часовъ утра уже она обходила всѣ хозяйственныя заведенія, отъ кухни до погребовъ и кладовыхъ, успѣвала побраниться съ приказчикомъ, накормить куръ и доморощенныхъ гусей, до которыхъ она была охотница. До обѣда, который не бывалъ позже двѣнадцати часовъ, завертывала въ пекарню и сама даже пекла хлѣбы и особеннаго рода крендели на меду и на яйцахъ, которыхъ одинъ запахъ производилъ непостижимое волненіе въ педагогѣ, страстно привязанномъ ко всему, что питаетъ душевную и тѣлесную природу человѣка. Время отъ обѣда до вечера мало-ли чѣмъ заняться хозяйкѣ?—красить шерсть, мѣрять полотна, солить огурцы, варить варенья, подслащивать наливки. Сколько способовъ, секретовъ, домашнихъ средствъ производится въ это время въ дѣйство! Отъ наблюдательнаго взгляда нашего педагога не могло ускользнуть, что и Анна Ивановна не чужда была тщеславія, и потому положилъ онъ за правило разсыпаться, разумѣется, сколько позволяла природная его застѣнчивость, въ похвалахъ необыкновенному ея искусству и знанію хозяйничать, и это, какъ послѣ увидѣлъ онъ, послужило ему въ пользу: почтенная старушка до тѣхъ поръ не закупоривала сладкихъ наливокъ и варенья, покамѣстъ Иванъ Осиповичъ, отвѣдавъ, не объявлялъ превосходной доброты того и другого. Всѣ прочія лица стояли въ тѣни предъ этимъ свѣтиломъ такъ, какъ всѣ строенія во дворѣ, казалось, пресмыкались предъ чуднымъ зданіемъ съ великолѣпнымъ его фронтономъ. Только для глазъ пронырливаго наблюдателя замѣтны были ихъ взаимныя соотношенія и особенный колоритъ, обозначавшій каждаго, и тогда ему открывалось, словно въ муравьиномъ рою, вѣчное движеніе, суматоха и ни на минуту не останавливавшійся шумъ. И педагогъ нашъ, какъ мы уже видѣли, умѣлъ угодить на вкусъ всѣхъ и, какъ могучій чародѣй, приковать къ себѣ всеобщее почтеніе.

Непонятны только были причины, заставившія его сблизиться съ кухмистеромъ. Высокое ли уваженіе, которое Иванъ Осиповичъ невольно чувствовалъ къ его искусству, другое ли какое обстоятельство—мы этого не беремся рѣшить. Довольно, что не прошло двухъ дней — и въ Мандрыкахъ воскресли Орестъ и Пиладъ новаго міра. Но еще непонятнѣе была власть кухмистера надъ нашимъ педагогомъ, такъ что отъ природы скромный, застѣнчивый учитель, не бравшій ничего въ ротъ, кромѣ лѣкарственной настойки на буквицу и herba rabarbarum, нисколько плелся за нимъ по шинкамъ и по всѣмъ закоулкамъ, куда разгульный кухмистеръ нашъ показывалъ только носъ свой. Ивану Осиповичу нравилось романическое положеніе его мѣстопребыванія. Скоро осмотрѣлъ онъ обступившіе въ неровный кружокъ просторный господскій дворъ—кухню, сараи, амбары, конюшни и кладовыя, съ особеннымъ удовольствіемъ остановился на густо-разросшемся садѣ, котораго гигантскіе обитатели, закутанные темнозелеными плащами, дремали, увѣнчанные чудесными сновидѣніями, или, вдругъ освободясь отъ грёзъ, рѣзали вѣтвями, будто мельничными крыльями, мятежный воздухъ, и тогда по листамъ ходили непонятныя рѣчи, и мѣрныя величественныя движенія всего ихъ тѣла напоминали древнихъ лицедѣевъ, вызывавшихъ на поприще Мельпомены великія тѣни усопшихъ. Но глаза нашего учителя искали своего предмета и лѣпились около не столь высокопарныхъ жильцовъ сада, за то увѣшанныхъ съ ногъ до головы грушами и яблоками, которыми кипитъ роскошная Украйна. Отсюда продрались они къ кухнѣ, за которою стлались плантаціи гороху, капусты, картофелю и вообще всѣхъ зелій, входящихъ въ микстуру деревенской кухни. Не безъ особеннаго удовольствія вошелъ онъ въ чистую, опрятно выбѣленную и прибранную комнату, опредѣленную для его помѣщенія, съ окошкомъ, глядѣвшимъ на прудъ и на лиловую, окутанную туманомъ, окрестность.

Мы имѣли уже случай замѣтить нѣчто о вліяніи нашего учителя на мандрыковскихъ красавицъ: потупленные взгляды, перешептываніе, низкіе поклоны показывали, что овладѣніе имъ считала каждая изъ нихъ немаловажнымъ дѣломъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ припомнить любезному читателю, что на Иванѣ Осиповичѣ былъ синій фабричнаго сукна сюртукъ съ черными, величиною съ большой грошъ, костяными пуговицами; и такъ, ему очень было простительно перетолковать въ свою пользу перемигиванья чернобровыхъ проказницъ. Но, къ счастью или несчастью, чувство, такъ много извѣстное бѣдному человѣчеству, напосившее ему съ незапамятныхъ временъ море нестерпимыхъ мукъ, не касалось нашего педагога. Въ этомъ случаѣ Иванъ Осиповичъ былъ настоящій стоикъ и, несмотря на то, что не дошелъ еще до *философіи*, онъ твердо зналъ, что ни одинъ изъ философовъ, начиная отъ Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинаріи, не ставилъ ни во что причудливую половину человѣческаго рода; ergo, любви не существуетъ. Такія положенія, обратившіяся у него, наконецъ, въ правила, были тверды, слишкомъ тверды... Homo proponit, Deus disponit, говаривалъ часто лекторъ ***ской семинаріи, отсчитывая удары линейкою лѣнивымъ своимъ слушателямъ; а потому и мы въ слѣдующей главѣ увидимъ небольшое обстоятельство, сильно поколебавшее философію учителя и надвинувшее облако недоразумѣнія на умъ его, доселѣ неуклонно шествовавшій стезею своихъ великихъ наставниковъ и бившій ровнымъ пульсомъ въ своей бутылкообразной сферѣ.

II.

УСПѢХЪ ПОСОЛЬСТВА.

(Кухмистеръ, несмотря на собственную сердечную рану, внезапно полученную имъ при видѣ мывшейся на берегу пруда Катерины, рѣшается исполнить данное имъ учителю обѣщаніе и быть посланникомъ и представителемъ его страсти. Съ такимъ намѣреніемъ отправляется онъ въ хату козака Харька Потылицы).

Окончивъ туалетъ свой, Онисько не безъ боязни и тайнаго удовольствія переступилъ черезъ порогъ. Бѣсъ какъ нарочно дразнилъ его (самъ онъ послѣ признавался въ этомъ), поминутно рисуя передъ нимъ стройныя ножки сосѣдки. „Эхъ, если бы не учитель!“ повторялъ онъ нѣсколько разъ самъ себѣ: „ну, что бы задумать ему немного позже влюбиться?..“ И, въ задумчивости, тихими шагами онъ мѣрялъ широкій выгонъ, по которому бѣжала его дорога. Разноголосый лай прорѣзалъ облекавшую его тучу задумчивости, и мысли его, какъ дикія утки, переполошась, разлетѣлись во всѣ стороны. Поднявъ глаза, увидѣлъ онъ, что далѣе идти некуда. Передъ нимъ торчали ворота, сквозь которыя, какъ сквозь транспарантъ, свѣтилось все недвижимое имущество козака. Мелькнула синяя запаска, огненная лента... Сердце въ немъ вспрыгнуло... и бѣлокурая красавица, разгоняя хворостиной докучныхъ собакъ, встрѣтила его, отворяя ворота.

Дворъ Харька представлялъ собою большой, на покатости къ пруду, квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ плетнемъ. Когда ворота были отперты, глаза ударялись прямо въ чисто выбѣленную хату съ большими, неровной величины, окнами, съ почернѣвшею отъ старости дубовою дверью, съ низенькимъ изъ глины фундаментомъ

(*присъбою*), обремененнымъ, по обыкновенію малороссіянъ, бѣльемъ, мисками и какимъ-нибудь инвалид мъ-горшкомъ, которому, несмотря на раны и увѣчье, не даютъ отставки и, въ награду за ревностную службу, наливаютъ помоями. По сторонамъ избы стояли съ растрепанными крышами хлѣвы и амбары. Изъ-за хаты возвышалось гумно, изъ-за гумна еще выше подымалась голубятня, сверхъ которой уже ходили только одни облака и плавали голуби. Къ пруду, какъ богатая турецкая шаль, развернулся огородъ козака. Кучи соломы разнесены были по всему двору.

Катерина показалась немного удивленною приходомъ Ониська. Полагая, что его, безъ всякаго сомнѣнія, завлекла нужда къ ея отцу, отворила вполовину только ворота и проговорила съ нѣкоторою застѣнчивостью:

— *Батька* нѣтъ дома, да врядъ ли и къ вечеру будетъ!

— *Нехай єму такъ легенько гикнется, якъ зъ тыну ввирветься!* Что бы я былъ за олухъ Царя небеснаго, когда бы сталъ убирать постную кашу, когда передъ самымъ носомъ вареники въ сметанѣ?

Бѣлокурая красавица остановилась въ недоумѣніи, не зная, какъ понимать слова его. Улыбка, вызванная наружу этою странностью, показалась на лицѣ ея и ожидала, казалось, изъясненія.

Кухмистеръ почувствовалъ самъ, что выразился не совсѣмъ ясно и притомъ помянулъ отца ея немного шероховатыми словами; онъ продолжалъ:

— Нелегкая понесла бы меня къ *батькѣ*, когда есть такая хорошенькая дочка.

— А вотъ что!—проговорила Катерина, усмѣхнувшись и покраснѣвъ.—Милости просимъ!—и пошла впередъ его къ дверямъ хаты.

Дѣвушки въ Малороссіи имѣютъ гораздо болѣе свободы, нежели гдѣ-либо, и потому не должно показаться удивительнымъ, что красавица наша, безъ вѣдома отца, принимала у себя гостя.

— Ты пѣшкомъ сюда пришелъ, Онисько? — спросила она его, садясь на *присѣбѣ* у дверей хаты и стараясь принять степенный видъ, хотя лукавая улыбка явно измѣняла ей и заставляла противъ воли показать рядъ красивыхъ зубовъ.

„Какъ пѣшкомъ? Что за нелегкая! неужели она знаетъ про вчерашнее?“—подумалъ кухмистеръ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, пѣшкомъ, моя красавица. Чортъ ли бы заставилъ меня запрягать парочно панскаго *гнѣдого*, чтобы только перетащиться изъ одного двора въ другой!

— Однакожъ отъ кухни до *коморы* не такъ-то далеко.

Тутъ, не удержавшись болѣе, она захохотала.

„Нѣтъ, плутовка! самъ лукавый не хитрѣе этой дѣвки!“—повторилъ самъ себѣ нѣсколько разъ кухмистеръ и громогласно послалъ учителя къ чорту, позабывъ и пріязнь, и дружбу ихъ.

— Однако-жъ, моя красавица, я бы согласился, чтобы у меня пригорѣли на сковородѣ караси съ свѣжесолосольными *опенками*, лишь бы только ты еще разъ этакъ засмѣялась.

Сказавъ это, кухмистеръ не утерпѣлъ, чтобы не обнять ее.

— Вотъ этого-то я ужь и не люблю!—вскрикнула, покраснѣвъ, Катерина и принявъ на себя сердитый видъ.—Ей Богу, Онисько, если ты въ другой разъ это сдѣлаешь, то я прямехонько пущу тебѣ въ голову вотъ этотъ горшокъ.

При семъ словѣ сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: „я не въ состояніи буду этого сдѣлать“.

—Полно же, полно! *не возомъ защипилъ тебя*. Есть изъ чего сердиться! какъ будто, Богъ знаетъ, какая бѣда—обнять красную дѣвушку.

—Смотри, Онисько: я не сержусь, — сказала она, садясь немного отъ него подалѣе и принявъ снова веселый видъ. — Да что ты, послышалось мнѣ, упомянулъ про учителя?

Тутъ лицо кухмистера сдѣлало самую жалкую мину и, по крайней мѣрѣ, на вершокъ вытянулось длиннѣе обыкновеннаго.

— Учитель... Иванъ Осиповичъ, то-есть... Тьфу, дьявольщина! у меня, какъ будто и слѣ запеканки, слова глотаются прежде, нежели успѣваютъ выскочить изо рта. Учитель... вотъ что я тебѣ скажу, *сердце*! Иванъ Осиповичъ *вклепался* *) въ тебя такъ, что... ну, словомъ — разсказать нельзя. Кручинится да горюетъ, какъ покойная бурая, которую *пани* купила у жида, и которая околѣла послѣ *запала*. Что дѣлать? сжалился надъ бѣднымъ человѣкомъ: пришелъ паудачу похлопотать за него.

— Хорошую же ты выбралъ себѣ должность!— прервала Катерина съ нѣкоторою досадой.—Развѣ ты ему сватъ, или *родичъ* какой? Я совѣтовала бы тебѣ еще набрать изо всего околотка бродягъ къ себѣ въ кухню, а самому отправиться по міру выпрашивать подъ окнами для нихъ милостыни.

— Да это все такъ; однако-жъ я знаю, что тебѣ любо, и слишкомъ любо, что вздумалось учителю приволокнуться...

— Мнѣ любо? Слушай, Онисько! если ты говоришь съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надо мною, то съ этого мало тебѣ прибудетъ. Стыдно тебѣ же, что ты обносишь бѣдную дѣвушку! Если же вправду

*) То-есть влюбился.

такъ думаешь, то ты, вѣрно, уже наиглупѣйшій изо всего села. Слава Богу, я еще не ослѣпла; слава Богу, я еще при своемъ умѣ... Но ты не съ дуру это сказалъ: я знаю, тебя другое что-то заставило. Ты, вѣрно, думалъ... Нѣтъ, ты не добрый человѣкъ!

Сказавъ это, она отерла шитымъ рукавомъ своей сорочки слезу, мгновенно блеснувшую и прокатившуюся по жарко зардѣвшейся щечкѣ, будто падающая звѣзда по теплому вечернему небу.

„Чортъ побери всѣхъ на свѣтѣ учителей!“—думалъ про себя Онисько, глядя на зардѣвшееся личико Катерины, на которомъ попрежнему показавшаяся улыбка долго спорила съ непріятнымъ чувствомъ и наконецъ разсѣяла его.

— Убей меня громъ на этомъ самомъ мѣстѣ!— вскричалъ онъ, наконецъ, не могши преодолѣть внутренняго волненія и обхватывая одной рукою кругленькій станъ ея,—если я не такъ же радъ тому, что ты не любишь Ивана Осиповича, какъ старый *Бровко*, когда я вынесу ему помои.

— Нашелъ чему радоваться! поэтому ты станешь еще больше скалить зубы, когда услышишь, что почти всѣ дѣвушки нашего села говорятъ то же.

— Нѣтъ, Катерина, этого не говори. Дѣвушки-то любятъ его. Намедни шли мы съ нимъ черезъ село, такъ то и дѣло, что выглядываютъ изъ-за плетня, словно лягушки изъ болота. Глянь направо—такъ и пропала, а съ лѣвой стороны выглядываетъ другая. Только дьяволъ побери ихъ вмѣстѣ съ учителемъ! Я бы отдалъ штофъ лучшей третье-пробной водки, чтобъ узнать отъ тебя, Катерина, любишь ли ты меня хоть на копѣйку?

— Не знаю, люблю ли я тебя; знаю только, что ни за что бы на свѣтѣ не вышла за пьяницу. Кому любо жить съ нимъ? Несчастная доля семьѣ той, гдѣ выберется такой человѣкъ; въ хату и не заглядывай: нищенство да голь; голодныя дѣти плачутъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Пусть Богъ милуетъ! Дрожь обдаетъ меня при одной мысли объ этомъ...

Тутъ прекрасная Катерина пристально взглянула на него. Какъ осужденный, съ поникнутою головою, погрузился кухмистеръ въ свое протекшее. Тяжелыя думы, порожденія тайнаго угрызенія сердечнаго, вырѣзывались на лицѣ его и показывали ясно, что на душѣ у него не слишкомъ было радостно. Пронзительный взоръ Катерины, казалось, прожигалъ его внутренность и подымалъ наружу всѣ разгульные поступки, проходившіе передъ нимъ длинною, почти безконечною цѣпью.

„Въ самомъ дѣлѣ, на что я похожъ? кому угодно житье мое? только что досаждаю *панiи*. Что я сдѣлалъ до сихъ поръ такого, за что бы сказалъ мнѣ спасибо добрый человѣкъ? Все гулялъ да гулялъ! Да гулялъ-ли когда-нибудь такъ, чтобы и на душѣ, и на сердцѣ было весело? Напьешься, какъ собака, да и протрезвишься тоже какъ собака, если не протрезвятъ тебя еще хуже. Нѣтъ! прахъ возьми... собачья моя жизнь!“

Прелестная Катерина, казалось, угадывала его философскія разсужденія съ самимъ собою и потому, положивъ на плечо ему смугленькую руку свою, прошептала вполголоса:

— Не правда-ли, Онисько, ты не станешь болѣе пить?

— Не стану, мое *серденько!* не стану: пусть ему всякая всячина! Все для тебя готовъ сдѣлать.

Дѣвушка посмотрѣла на него умильно, и восхищенный кухмистеръ бросился обнимать ее, осыпая градомъ поцѣлуевъ, какими давно не оглушался мирный и спокойный огородъ Харька.

Едва только влюбленные поцѣлуи успѣли раздаться, какъ звонкій и пронзительный голосъ страшнѣе грома поразилъ слухъ разнѣжившихся. Поднявъ глаза, кухмистеръ съ ужасомъ увидѣлъ стоявшую на плетнѣ Симониху.

— Славно! славно! Ай да ребята! У насъ по селу еще и не знаютъ, какъ парни цѣлуются съ дѣвками, когда батька нѣтъ дома! Славно! Ай да мандрыковская овечка! Говорите же теперь, что лжетъ поговорка: въ тихомъ омутѣ черти водятся. Такъ вотъ что дѣется! такъ вотъ какія шашни!..

Со слезами на глазахъ принуждена была красавица уйти въ хату, зная, что ничѣмъ инымъ нельзя было избавиться отъ ядовитыхъ рѣчей содержательницы шинка.

— Типунъ бы тебѣ подъ языкъ, старая вѣдьма! — проговорилъ кухмистеръ, — тебѣ какое дѣло?

— [Мнѣ какое дѣло?—продолжала неугомонная шинкарка,—вотъ прекрасно! Парни изволятъ лазить черезъ плетни въ чужіе огороды, дѣвки подманиваютъ къ себѣ молодцовъ,—и мнѣ нѣтъ дѣла! Изволятъ *женихаться*, цѣлуются,—и мнѣ нѣтъ дѣла! Ты слышалъ ли, Карпо?—вскричала она, быстро оборотясь къ мимо проходившему мужику, который, не обращая ни на что вниманія, шелъ, помахивая батогомъ, впереди также медленно выступавшей коровы,—слышалъ-ли ты? постой на минуточку. Тутъ такая исторія. Харькова дочка...

— Тфу, дьяволъ!—вскричалъ кухмистеръ, плюнувъ въ сторону и потерявъ послѣднее терпѣніе. —Самъ сатана перерядился въ эту бабу. Постой, Яга! развѣ не найду уже чѣмъ отплатить тебѣ.

Тутъ кухмистеръ нашъ занесъ ногу на плетень и въ одно мгновеніе очутился въ панскомъ саду.

Было уже не рано, когда онъ пришелъ на кухню и принялся стряпать ужинъ. Евдоха, однакожъ, не могла не замѣтить во всемъ необыкновенной его разсѣянности. Часто задумчивый кухмистеръ подливалъ уксусу въ сметанную кашу или съ важнымъ видомъ надвигалъ свою шапку на вертелъ и хотѣлъ жарить ее вмѣсто курицы. За ужиномъ Анна Ивановна никакъ не могла понять, отчего каша была кисла до невѣроятности, а соусъ такъ пересоленъ, что не было никакой возможности взять въ ротъ. Единственно только изъ уваженія къ понесеннымъ имъ въ тотъ день трудамъ оставили его въ покоѣ: въ другое время это не прошло бы даромъ нашему герою.

„Нѣтъ, господинъ учитель!“—твердилъ онъ, ложась на свою деревянную лавку и подмащивая подъ голову свою куртку: „не видать вамъ Катерины, какъ ушей своихъ!“ И, завернувъ голову, какъ доморощенный гусь, погрузился въ мечты, а съ ними и въ сонъ.

ЖЕНЩИНА.

— Адское порожденіе! Зевесъ Олимпіецъ! О! ты неумолимъ въ своей ярости! Ты захотѣлъ наслать бичъ на міръ, ты извлекъ весь ядъ, незамѣтно разлитый въ нѣдрахъ прекрасной земли твоей, сжалъ его въ одну каплю, гнѣвно бросилъ ее свѣтодарною десницей и отравилъ ею чудесное твореніе свое: ты создалъ женщину! Тебѣ завидно стало бѣдное счастье наше; тебѣ не желалось, чтобы человѣкъ источалъ вѣчное благословеніе изъ нѣдръ благодарнаго сердца; пусть лучше проклятіе сверкаетъ на преступныхъ устахъ его... Ты создалъ женщину!

Такъ говорилъ, представъ передъ Платона, Телеклесъ, юный ученикъ его. Глаза его кидали пламя; по щекамъ бушевалъ пожаръ, и дрожащія губы пересказывали мятежную бурю растерзанной души. Рука его съ негодованіемъ откидывала пурпуровыя волны богатой одежды, и разстегнутая пряжка небрежно висѣла на дѣвственной груди юноши.

— Что, мой божественный учитель? не ты ли представлялъ намъ ее въ богоподобномъ, небесномъ облаченіи? Не твои ли благоуханныя уста лили дивныя рѣчи про нѣжную красоту ея? Не ты ли училъ насъ такъ пламенно, такъ невещественно любить ее? Нѣтъ, учитель! твоя божественная мудрость еще младенецъ въ познаніи безконечной бездны коварнаго сердца. Нѣтъ, нѣтъ! и тѣнь свирѣпаго опыта не обхватывала свѣтлыхъ мыслей твоихъ: ты не знаешь женщины.

Огненныя слезы брызнули изъ глазъ его; окутавъ голову хитономъ и закрывъ лицо руками, прислонился онъ къ мраморной колоннѣ, на которой роскошно покоилось богатое коринѳское оглавіе, осыпанное искрами лучей. Глубокій, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди юноши, какъ будто всѣ тайные нервы души, всѣ чувства и все, что находится внутри человѣка, издало у него скорбные звуки, и звуки эти прошли потрясеніемъ по всему составу, и созерцаемая чувствами природа, въ безсиліи разсказать безсмертныя, вѣчныя муки души, переродилась въ одинъ болѣзненный стонъ.

Между тѣмъ вдохновенный мудрецъ въ безмолвіи разсматривалъ его, выражая на лицѣ своемъ думы, еще напечатлѣнныя прежнимъ высокимъ размышленіемъ. Такъ остатки дивнаго сновидѣнія долго еще не разстаются и мѣшаются съ началами идей, покамѣстъ человѣкъ совершенно не входитъ въ міръ дѣйствительности. Свѣтъ сыпался роскошнымъ водопадомъ чрезъ смѣлое отверстіе въ куполѣ на мудреца и обливалъ его сіяніемъ; казалось, въ каждой вдохновенной чертѣ лица его свѣтилась мысль и высокія чувства.

— Умѣешь ли ты любить, Телеклесъ?—спросилъ онъ спокойнымъ голосомъ.

— Умѣю ли любить я!—быстро подхватилъ юноша,—спроси у Зевса, умѣетъ ли онъ наніемъ бровей колебать землю. Спроси у Фидія, умѣетъ ли онъ мраморъ зажечь чувствомъ и воплотить жизнь въ мертвой глыбѣ. Когда въ жилахъ моихъ кипитъ не кровь, но острое пламя, когда всѣ чувства, всѣ мысли, я весь перерождаюсь въ звуки, когда звуки эти горятъ, и душа звучитъ одною любовью, когда рѣчи мои—буря, дыханіе—огонь... Нѣтъ, нѣтъ! я не умѣю любить! Скажи же мнѣ, гдѣ тотъ дивный смертный, кто обладаетъ этимъ чувствомъ? Ужь не открыла ли премудрая Ниѳя это чудо между людьми?

— Бѣдный юноша! Вотъ что люди называютъ любовью! Вотъ какая участь готовится для этого кроткаго существа, въ которомъ боги захотѣли отразить красоту, подарить міру благо и въ немъ показать свое присутствіе на землѣ! Бѣдный юноша! Ты бы сжегъ своимъ раскаленнымъ дыханіемъ это кроткое существо, ты бы возмутилъ бурею страстей это чистое сіяніе! Знаю, ты хочешь говорить мнѣ объ измѣнѣ Алкиноя. Твои глаза были сами свидѣтелями... но были ли они свидѣтелями твоихъ собственныхъ мятежныхъ движеній, совершавшихся въ то время въ глубинѣ души твоей? Высмотрѣлъ ли ты напередъ себя? Не весь ли бунтъ страстей кипѣлъ въ глазахъ твоихъ? а когда страсти узнавали истину? Чего хотятъ люди? они жаждутъ вѣчнаго блаженства, безконечнаго сча-

стья, и довольно одной минутной горечи, чтобы заставить ихъ дѣтски разрушить все медленно строившееся зданіе! Пусть глазами твоими смотрѣла сама истина, пусть это правда, что прекрасная Алкиноя очернила себя коварною измѣной. Но вопроси свою душу: что былъ ты, что была она въ то время, когда ты и жизнь, и счастье, и море восторговъ находилъ въ алкиноиныхъ объятіяхъ? Переверни огненные листы своей жизни, и найдешь ли ты хотя одну страницу краснорѣчивѣе, божественнѣе той? Захотѣлъ ли бы ты взять всѣ драгоцѣнные камни царей персидскихъ, все золото Ливіи за тѣ небесныя мгновенія? И что противъ нихъ и первая почесть въ Аѳинахъ, и верховная власть въ народѣ! И существо, которое, какъ Прометей, все, что ни исхитило прекраснаго отъ боговъ, принесло въ даръ тебѣ, водворило небо со свѣтлыми его небожителями въ твою душу,—ты поражаешь преступнымъ проклятіемъ, когда вся твоя жизнь должна переродиться въ благодарность, когда ты долженъ весь вылиться слезами, и умиленіемъ, и кроткимъ гимномъ жизнедавцу Зевесу, да продлитъ прекрасную жизнь ея, да отвѣетъ облако печали отъ свѣтлаго чела ея.

Устреми на себя испытующее око: чѣмъ былъ ты прежде и чѣмъ сталъ нынѣ, съ тѣхъ поръ, какъ прочиталъ вѣчность въ божественныхъ чертахъ Алкиноп; сколько новыхъ тайнъ, сколько новыхъ откровеній постигъ и разгадалъ ты своею безконечною душою и во сколько придвинулся ближе къ верховному благу! Мы зрѣемъ и совершенствуемся, но когда? когда глубже и совершеннѣе постигаемъ женщину. Посмотри на роскошныхъ персовъ: они переродили своихъ женщинъ въ рабынь, и что же? имъ недоступно чувство изящнаго—безконечное море духовныхъ наслажденій. У нихъ не выбьется изъ сердца искра при видѣ богини Праксителевой; восторженная душа ихъ не заговоритъ съ безсмертною душою мрамора и не найдетъ отвѣтныхъ звуковъ. Что женщина?—Языкъ боговъ! Мы дивимся кроткому, свѣтлому челу мужа; но не подобіе боговъ созерцаемъ въ немъ: мы видимъ въ немъ женщину, мы дивимся въ немъ женщинѣ и въ ней только уже дивимся богамъ. Она поэзія! она мысль, а мы только воплощеніе ея въ дѣйствительности. На насъ горятъ ея впечатлѣнія, и чѣмъ сильнѣе и чѣмъ въ большемъ объемѣ они отразились, тѣмъ выше и прекраснѣе мы становимся. Пока картина еще въ головѣ художника и безплотно округляется и создается—она женщина; когда она переходитъ въ вещество и облекается въ осязаемость—она мужчина. Отчего же художникъ съ такимъ несытымъ желаніемъ стремится превратить безсмертную идею свою въ грубое вещество, покоривъ его обыкновеннымъ нашимъ чувствамъ? Оттого, что имъ управляетъ одно высокое чувство — выразить божество въ самомъ веществѣ, сдѣлать доступною людямъ хотя часть безконечнаго міра души своей, воплотить въ мужчинѣ женщину. И если ненарокомъ ударять въ нее очи жарко понимающаго искусство юноши, что они ловятъ въ безсмертной картинѣ художника? видятъ ли они вещество въ ней? Нѣтъ! оно исчезаетъ, и передъ ними открывается безграничная, безконечная, безплотная идея художника. Какими живыми пѣснями заговорятъ тогда духовныя его струны! какъ ярко отзовутся въ немъ, какъ будто на призывъ родины, и безвозвратно умчавшееся, и неотразимо грядущее! какъ безплотно обнимется душа его съ божественною душою художника! Какъ сольются онѣ въ невыразимомъ духовномъ поцѣлуѣ!.. Что-бъ были высокія добродѣтели мужа, когда бы онѣ не осѣнялись, не преображались нѣжными, кроткими добродѣтелями женщины? Твердость, мужество, гордое презрѣніе къ пороку перешли бы въ звѣрство. Отними лучи у міра — и погибнетъ яркое разнообразіе цвѣтовъ: небо и земля сольются въ мракъ, еще мрачнѣйшій береговъ Аида. Что такое любовь? — Отчизна души, прекрасное стремленіе человѣка къ минувшему, гдѣ совершалось безпорочное начало его жизни, гдѣ на всемъ остался невыразимый, неизгладимый слѣдъ невиннаго младенчества, гдѣ все родина. И когда душа потонетъ въ эѳирномъ лонѣ души женщины, когда отыщетъ въ ней своего отца — вѣчнаго Бога, своихъ братьевъ—дотолѣ невыразимыя землею чувства и явленія — что тогда съ нею? Тогда она повторятъ въ себѣ прежніе звуки, прежнюю райскую въ груди Бога жизнь, развивая ее до безконечности...

Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: передъ ними стояла Алкиноя, незамѣтно вошедшая въ продолженіе ихъ бесѣды. Опершись на истуканъ, она вся, казалось, превратилась въ безмолвное вниманіе, и на прекрасномъ челѣ ея прорывались гордыя движенія богоподобной души. Мраморная рука, сквозь которую свѣтились голубыя жилы, полныя небесной амврозіи, свободно удерживалась въ воздухѣ; стройная, перевитая алыми лентами поножія, нога, въ обнаженномъ, ослѣпительномъ, блескѣ, сбросивъ ревнивую обувь, выступила впередъ и, казалось, не трогала презрѣнной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами и полуприкрывавшая два прозрачныя облака персей одежда трепетала и падала роскошными, живописными линіями на помостъ. Казалось, тонкій, свѣтлый эѳиръ, въ которомъ купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь

въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожитъ благовонное море неизъяснимой музыки, — казалось, этотъ эоиръ облекся въ видимость и стоялъ передъ ними, освятивъ и обоготворивъ прекрасную форму человѣка. Небрежно откинутые назадъ, темные, какъ вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело ея и лились сумрачнымъ каскадомъ на блистательныя плеча. Молнія очей исторгала всю душу...—Нѣтъ! никогда сама царица любви не была такъ прекрасна, даже въ то мгновенье, когда такъ чудно возродилась изъ пѣны дѣвственныхъ волнъ!..

Въ изумленіи, въ благоговѣніи повергнулся юноша къ ногамъ гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки.

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВѢСТИ.

ГЛАВА I.

Былъ апрѣль 1645 года, время, когда природа въ Малороссіи похожа на первый день своего творенія; самая нѣжная зелень убирала очнувшіяся деревья и степи. Этотъ день былъ передъ самымъ Воскресеньемъ Христовымъ. Онъ уже прошелъ, потому что молодая ночь давно уже обнимала землю, а чистый дѣвственный воздухъ, разносившій дыханіе весны, вѣялъ сильнѣе. Сквозь жидкую сѣть вишневыхъ листьевъ мелькали въ огнѣ окна деревянной церкви села Комишны. Старая, истерзанная временемъ, покрытая мохомъ церковь будто обновилась; вокругъ ея, какъ рои пчелъ, толпились козаки изъ ближнихъ и дальнихъ хуторовъ, изъ которыхъ едва десятая часть помѣстилась въ церкви. Было душно, но что-то говорило свѣтлымъ торжествомъ. Авторъ проситъ читателей вообразить себѣ эту картину XVII-го столѣтія. Мужественныя, худощавыя, съ рѣзкими чертами, лица и бритыя головы, опустившіеся внизъ усы, падавшіе на грудь, широкія плечи, атлетическая сила, при каждомъ почти заткнутый за поясъ пистолетъ и сабля показывали уже, въ какую эпоху собрались козаки. Странно было глядѣть на это море головъ, почти не волновавшееся. Благоговѣйное чувство обнимало зрителя. Все здѣсь собравшееся было характеръ и воля; но и то, и другое было тихо и безмолвно. Свѣтъ паникадила, отбрасываясь на всѣхъ, придавалъ еще сильнѣе выраженіе лицамъ. Это была картина великаго художника, вся полная движенія, жизни, дѣйствія и между тѣмъ неподвижная. Почти незамѣтно прибавилось одно новое лицо къ молящимся. Оно возвышалось надъ другими почти цѣлою головою; какой-то крѣпкій, смѣлый окладъ, какая-то легкая безпечность выказывалась на немъ. Оно было спокойно и вмѣстѣ такъ живо, что, взглянувши, ожидалъ бы непремѣнно услышать отъ него слово, чтобы увидѣть его измѣнившимся, какъ будто бы оно непремѣнно должно было все заговорить конвульсіями. Но между тѣмъ какъ всѣ мало-по-малу начали обращаться на него, вся масса двинулась изъ храма, для торжественнаго хода вокругъ церкви, и замѣчательная физіономія смѣшалась съ другими, выходя по церковной лѣстницѣ. У самаго крыльца стояли нѣсколько жидовъ, содержавшіе, по волѣ польскаго правительства, откупъ, и спорили между собою, намѣчая мѣломъ пасхи, приносимыя для освященія христіанами. Нужно было видѣть, какъ на лицѣ каждаго выходившаго дрогнули скулы. Это постановленіе правительства было уже давно объявлено; народъ съ ропотомъ, но покорился силѣ. Оппозиціонисты были испровержены. Къ этому, кажется, всѣ уже привыкли, зная, что это такъ; но, несмотря на это, при видѣ этого постановленія, приводимаго въ исполненіе, онъ такъ изумился, какъ будто бы это была новость. Такъ преступникъ, знающій о своемъ осужденіи на смерть, еще движется, еще думаетъ о своихъ дѣлахъ; но прочитанный приговоръ разомъ разрушаетъ въ немъ жизнь. Послѣ перемѣны въ лицѣ, рука каждаго невольно опустилась къ кинжалу или къ пистолетамъ. Но ходъ окончился; всѣ спокойно вошли въ церковь при пѣніи: «*Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!*» Между тѣмъ совершенно наступило утро. Выстрѣлы изъ пистолетовъ и мушкетовъ потрясали деревянныя стѣны церкви. На всѣхъ лицахъ просіяла радость: у однихъ при мысли о пасхѣ, у дѣвушекъ при цѣлованьи съ козаками, у тѣхъ при попойкѣ, какъ вдругъ страшный шумъ извнѣ заставилъ многихъ выйти. Передъ разрушившеюся церковью собрались въ кучу, изъ которой раздавались брань и крикъ жидовъ. Три жида отбирали у дряхлаго, посѣдѣвшаго, какъ лунь, козака пасху, яйца и барана, утверждая, что онъ не вносилъ за нихъ денегъ. За старика вступилось двое, стоявшихъ около него; къ нимъ пристали еще, и наконецъ цѣлая толпа готовилась задавить жидовъ, если бы тотъ же самый широкоплечій, высокаго роста, чья физіономія такъ поразила находившихся въ церкви, не остановилъ однимъ своимъ мощнымъ взглядомъ.

— Чего вы, хлопцы, сдуру бѣснуетесь? У васъ, видно, нѣтъ ни на волосъ божьяго страха. Люди стоятъ въ церкви и молятся, а вы тутъ, чортъ знаетъ, что дѣлаете. Гайда по мѣстамъ!

Послушно всѣ, какъ овцы, разбрелись по своимъ

мѣстамъ, разсуждая: что это за чудо такое, откудова оно взялось и съ какой стати ввязывается онъ, куда его не просятъ, и отчего онъ хочетъ, чтобы слушались. Но это каждый только думалъ, а не сказалъ вслухъ. Взглядъ и голосъ незнакомца какъ будто имѣли волшебство: такъ были повелительны. Одинъ жидъ стоялъ только, не отходя, и какъ скоро оправился отъ перваго страха незванною помощью, началъ было снова приступать, какъ тотъ же самый и схватилъ его могучею рукою за воротъ такъ, что бѣдный потомокъ Израилевъ съежился и присѣлъ на колѣни.

— Ты чего хочешь, свиное ухо? Такъ тебѣ еще мало, что душа осталась въ галанцахъ? Ступай же, тебѣ говорю, поганая жидовина, пока не оборвалъ тебѣ пейсики.

Послѣ того толкнулъ онъ его, и жидъ разстлался на землѣ, какъ лягушка. Приподнявшись же немного, пустился бѣжать; спустя нѣсколько времени, возвратился съ начальникомъ польскихъ уланъ. Это былъ довольно рослый полякъ съ глупо-дерзкою физіономіею, которая всегда почти отличаетъ полицейскихъ служителей.

— Что это? Какъ это?... Гунство, теремтете! Зачѣмъ драка, холопство проклятое? Лысый бѣсъ въ кашу съ смальцемъ! Развѣ? Что вы? Что тутъ драка? Порвалъ бы васъ собака! — Блюститель порядка не зналъ бы, куда обратиться и на кого излить потокъ своихъ наставленій, приправляемыхъ бранью, если бы жидъ не подвелъ его къ старику-козаку, котораго волосы, вздуваемые вѣтромъ, какъ снѣжный иней серебрились.

— Что ты, глупый холопъ, вздумалъ? Что ты драку началъ, драку? Пасе мазепято, гунство! Знаешь ты, что жидъ? Гунство проклятое!... Знаешь, что борода поповская не стоитъ подошвы?... Чортъ бы тебя схватилъ въ банѣ за пупъ!... У него сломецъ краше, чѣмъ ваша *холопска вяра*...—Тутъ онъ схватилъ за волосы старца и выдернулъ клокъ серебряныхъ волосъ его...

Глухое стенаніе испустилъ старый козакъ.

— Бей еще! Самъ я виноватъ, что дожилъ до такихъ лѣтъ, что и счетъ уже имъ потерялъ. Сто лѣтъ, а можетъ и больше, тому назадъ, меня драли за чубъ, когда я былъ хлопцемъ у батька. Теперь опять бьютъ. Видно снова воротились лѣта мои... Только нѣтъ, не то, не въ силахъ теперь и руки поднять. Бей же меня! — При сихъ словахъ стодвадцатилѣтній старецъ наклонилъ свою бѣлую голову на руки, сложенныя крестомъ на палкѣ, и, подпершись ею, долго стоялъ въ живописномъ положеніи. Въ словахъ старца было невѣроятно трогательное. Замѣтно было, что многіе хватились рукою за сабли и пистолеты, но видъ столькихъ усатыхъ улановъ на лошадяхъ и нѣсколько словъ, сказанныхъ незнакомцемъ, заставили всѣхъ принять положеніе молельщиковъ и креститься.

— Что ты врешь, глупый мужикъ, теремтете! Что(бы) я на тебѣ руки поганилъ, гунство проклятое! Лысый бѣсъ рогатый тебѣ въ кашу! Гершко! возьми отъ него пасху! Пусть его однимъ овсянымъ сухаремъ разговѣется! Вишь, гунство проклятое!—говорилъ блюститель правосудія, подвигаясь къ ряду дѣвичьему и ущипнувъ одну изъ нихъ за руку.—Что за драка? Охъ, славная дѣвка! Вишь, драку!... Ай-да Параска! Ай-да Пидорка! Вишь, глупый мужикъ... порвалъ бы его собака!... Ай, ай, ай! Сколько тутъ жиру! — Блюститель порядка, вѣрно, себѣ позволилъ нескромность, потому что одна изъ дѣвушекъ вскрикнула во все горло. Въ это время пасхи были освящены и обѣдня кончилась, и многіе уже стали расходиться. Нѣсколько только народу обступило козака, такъ заинтересовавшаго толпу, который между тѣмъ подходилъ къ исправлявшему званіе алгіазила.

— Славный у тебя усъ, панъ!—проговорилъ онъ, подступивъ къ нему близко.

— Хорошій! У тебя, холопа, не будетъ такого, — произнесъ онъ, расправляя его рукою.

— Славный! Только не туда ты, панъ, крутишь его. Вотъ куда нужно крутить!—мощный козакъ дернулъ сильною рукою такъ, что половина уса осталась у него.

Старый волокита закряхтѣлъ и заревѣлъ отъ боли. Лицо его сдѣлалось цвѣта вареной свеклы. —Рубите его, рубите, лайдака!—кричалъ онъ, но почувствовалъ себя въ рукахъ высокаго козака, и, увидя насмѣшливыя лица всѣхъ, сталъ искать глазами своихъ воиновъ. Малеванный шутъ струсилъ...

— Какъ же тебѣ, панъ, не совѣстно бить такого старика! А если бы твоего стараго отца кто-нибудь сталъ безчестить такъ поносно при всѣхъ, какъ ты обезчестилъ старѣйшаго изъ всѣхъ насъ,—что тогда? Весело тебѣ было бы терпѣть это? Ступай, панъ! Если бы ты не у короля въ службѣ былъ, я бы тебя не выпустилъ живого.

Выпущенный плѣнникъ побѣжалъ, отряхиваясь. За нимъ слѣдомъ повалилъ народъ. Между тѣмъ козакъ, отвязавши коня, привязаннаго къ церковной оградѣ, готовился сѣсть, какъ былъ остановленъ средняго роста воиномъ, посѣдѣвшимъ человѣкомъ, который долго не отводилъ отъ него вниманія и заглядывалъ ему въ глаза съ такимъ любопытствомъ, какъ иногда собака, когда видитъ ядущаго хлѣбъ.

— Добродію! вѣдь я васъ знаю.

— Можетъ быть и правда.

— Ей-Богу, знаю. Не скажу: таки точно знаю. Ей-Богу, знаю! Чи вы Остраница, чи вы Омельченко?

— Можетъ и онъ.

— Ну, такъ! Я стою въ церкви и говорю: вотъ то, что стоитъ возлѣ его, то Остраница. Ей-ей, Остраница. Да можетъ быть и нѣтъ. Можетъ-быть, и не Остраница. Нѣтъ, Остраница. Ёй, тебѣ такъ показалось! Ну, какъ нѣтъ? Остраница да и Остраница. Какъ только послушалъ голосъ, ну, тогда и рукою махнулъ. Вотъ такъ точнехонько покойный батюшка—пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ!—также разумно, бывало, каждое слово отмѣтитъ.

Остраница внимательно началъ въ него всматриваться и нашелъ, точно, что-то знакомое. Небольшое продолговатое лицо его было уже прорыто морщинами. Носъ, загнувшись внизъ, придавалъ ему нѣсколько горбатое сложеніе и неподвижность членамъ; но за то узенькіе сѣрые глаза продирались довольно увертливо сквозь чащу насунувшихся бровей, которыя, вѣрно, придали бы лицу суровый видъ, если бы нижняя часть лица, что-то простодушное и веселое въ губахъ, не давали ему яротивнаго выраженія. Подъ кобенякомъ, надѣтымъ въ рукава, виденъ былъ овчинный кожухъ, хотя воздухъ былъ довольно тепелъ, и день былъ жарокъ.

— Я вѣрю и не вѣрю, что вижу опять васъ. А что, добродію,—не во гнѣвъ будь сказано,—прошу извинить, только хотѣлъ бы узнать, что сдѣлалось съ тѣми, которые пошли съ вами? Что Дигтяй, Кузубія? Воротились ли они съ вами, или тамъ остались, или воронъ, можетъ, гдѣ-нибудь доѣдаетъ козацки косточки?

— Дигтяй твой сидитъ на колу у турецкаго султана, а Кузубія гуляетъ съ рыбами на днѣ Сиваша и тянетъ гнилую воду вмѣсто горѣлки... Но... ну, послѣ объ этомъ поговоримъ. Я тебя тоже узналъ. Здравствуй, старый Пудько! Христосъ воскресе!...

— Воистину воскресе! — говорилъ, цѣлуясь, Пудько.—Какъ на то, и крашанки нѣтъ! Жинка давала, побоялся взять: народу такое множество... передавилъ бы на кисель. Такъ, добродію, какъ будто сердце знало...

— Ты, ты попрежнему торгуешь всякою дрянью?

— А что-жъ дѣлать? Нужно торговать. Еще слава Богу, что продалъ табакъ. Прошлаго году отецъ съ полвоза накупилъ кремней, дроби, пороху, сѣры, ну, и всего, что до мизеріи относится. Напросился на дорогѣ жидокъ одинъ. „Свези, человиче, на Хыякивску ярмарку,—дамъ три рубля“. Свезъ его какъ добраго, и надулъ проклятый жидокъ, ей Богу, надулъ! Хоть бы чвертку горѣлки далъ, гаспидъ лысый. Знаете, что у меня чуть было ляхи не отняли всего скота? Кобылу взяли подъ верхъ вербуна. Теперь у меня только и конины, что гнѣдко,—примолвилъ онъ, садясь на гнѣдого коня и видя, что Остраница поворотилъ коня ѣхать.—Эхъ, добродію! Если бы теперь кто сказалъ: „А ну, старый, гайда на войну бить ляховъ!“—все бы продалъ, и жинку, и дѣтей бы покинулъ, пошелъ бы въ компанейство,—при этомъ Пудько выпрямился и поскакалъ за Остраницею, который пришпорилъ сильнѣе коня своего.—Скажите, добродію, пане сотнику,—говорилъ онъ, поровнявшись съ нимъ,—можетъ, вы теперь уже и не сотникъ, въ другой ротѣ какой значитесь? Скажите, до какой это поры дожили, что уже и храмы Божіи взяло на откупъ жидовство? Какъ же это, добродію, не обидно? Каково было снесть всякому христіанину, что горѣлка находится у враговъ христіанства? А теперь и храмы Божіи! Тутъ, добродію, нужно намъ взять вправо, ибо мимо валу нѣтъ уже проѣзду. Да, и забылъ, что онъ при васъ былъ подкопанъ. Говорятъ, какъ свѣчка полетѣлъ подъ самое небо. Боже ты мой! сколько народу перемерло! Такъ и Дигтяй, вы говорите, теперь сидитъ на колу? И Кузубія потонулъ? А какой важный, какой сильный народъ былъ! Сколько, подумаешь, пропадаетъ козачества! Вы слышите, какъ постукиваютъ хлопцы изъ мушкетовъ, что земля дрожитъ? Мы сейчасъ будемъ ѣхать мимо площади, гдѣ веселится народъ. Если вы въ хуторъ свой ѣдете, добродію, то и я съ вами. Лучше тамъ разговѣюсь святою пасхою, чѣмъ дома съ бабами. Пусть жинка и дочка остаются сами. Вѣрно, добродію, что произошло межъ народомъ, потому что всѣ столпились въ кучу и бросили всякое гулянье.

Въ самомъ дѣлѣ, на открывшейся въ это время изъ-за хатъ площади народъ сросся въ одну кучу. Качели, стрѣльба и игры были оставлены. Остраница, взглянувши, тотчасъ увидѣлъ причину: на шестѣ былъ повѣшенъ, вверхъ ногами, жидъ, тотъ самый, котораго онъ освободилъ изъ рукъ разгнѣваннаго народа. На ту же самую висѣлицу тащили храбреца съ оборваннымъ усомъ. Остраница ужаснулся, увидѣвъ это.

— Нужно поспѣшить,—говорилъ онъ, пришпоривъ коня.—Народъ не знаетъ самъ, что дѣлаетъ. Дурни! Это на ихъ же головы рушится. Стойте, козаки, рыцарство и посполитый народъ! Развѣ этакъ по-козацки дѣлается?—произнесъ онъ, возвыся голосъ.

— Что смотрѣть его!—послышался говоръ между молодежью. — Въ другой разъ хочетъ у насъ вытащить изъ рукъ.

— Послушайте, у кого есть свой разумъ.

— Онъ правду говоритъ,—говорило нѣсколько умѣренныхъ.

— Молоды вы еще; я вамъ разскажу, какъ дѣлаютъ по-козацки. Когда одинъ да выйдетъ противъ трехъ, то бравый козакъ; противъ десяти— еще лучше; одинъ противъ одного — не шутка; когда-жъ три на одного нападутъ, то всѣ не козаки. Бабы они тогда, то, что... плюнуть хочется; для святого праздника не скажу срамнаго слова. Какъ же хотите теперь, братцы, напасть гурьбою на беззащитнаго, какъ будто на какую крѣпость страшную? Спрашиваю васъ, братцы, — продолжалъ Остраница, замѣтивъ вниманіе, — какъ назвать тѣхъ?..

— А чѣмъ назвать его?—заговорили многіе вполголоса.—Что-жъ есть хуже бабы, или того, что онъ постыдился сказать? мы не знаемъ.

— Э, не къ тому рѣчь, паноче, своротилъ, —произнесло въ голосъ нѣсколько парубковъ. —Что-жъ? Развѣ мы должны позволить, чтобъ всякая падаль топтала насъ ногами?

— Глупы вы еще: не великъ, видно, усъ у васъ, —продолжалъ Остраница.

При этомъ многіе ухватились за усы и стали покручивать ихъ, какъ бы въ опроверженіе сказаннаго имъ.

— Слушайте, я разскажу вамъ одну присказку. Одинъ школяръ учился у одного дьяка. Тому школяру не далось слово Божье. Вѣрно, онъ былъ придурковатъ, а можетъ быть и лѣнь тому мѣшала. Дьякъ его поколотилъ дубинкою разъ, а послѣ въ другой, а тамъ и въ третій. „Крѣпко бьется проклятая дубина,—сказалъ школяръ, принесъ сѣкиру и изрубилъ ее въ куски. „Постой же ты!—сказалъ дьякъ, да и вырубилъ дубину, толщиною въ оглоблю, и такъ погладилъ ему бока, что и теперь еще болятъ. Кто-жъ тутъ виноватъ: дубина развѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—кричала толпа:—тутъ виноватъ, виноватъ король! . . . . . .

Радуясь, что наконецъ удалось успокоить народъ и спасти шляхтича, Остраница выѣхалъ изъ мѣстечка и пришпорилъ коня сильнѣе и услышалъ, что его нагоняетъ Пудько. Какъ-то тягостно ему было видѣть возлѣ себя другого. Множество скопившихся чувствъ нудило его къ раздумью. Свѣжій, тихій, весенній воздухъ и притомъ нѣжно одѣвающіяся деревья какъ-то расположили въ такое состояніе, когда всякій товарищъ бываетъ скученъ въ глазахъ вѣчно упоительной природы. И потому Остраница выдумалъ предлогъ отослать впередъ Пудька въ хуторъ и ожидать его тамъ, а самъ, сказавъ, что ему еще нужно заѣхать къ одному пану, поворотилъ съ дороги.

Этимъ распоряженіемъ Пудько, кажется, не былъ недоволенъ, или, можетъ, только принялъ на себя такой видъ, потому что чрезъ это нимало не измѣнялъ любимой привычкѣ своей говорить. Вся разница, что, вмѣсто Остраницы, онъ все это пересказывалъ своему гнѣдку...

— О, это разумная голова! Ты еще не знаешь его, гнѣдко. Онъ тогда еще, когда было поднялось все наше рыцарство на ляховъ, онъ славную имъ далъ переполку. Дали-бъ и они ему перцу, когда бы не улизнулъ на Запорожье. А правда? не важно жидъ болтается на висѣлицѣ? А пана напрасно было затянули веревкою за шею. Правда, у него недостаетъ одной клепки въ головѣ; ну, да что-жъ дѣлать? Онъ отъ короля поставленъ. Можетъ, ты еще спросишь, за что-жъ жида повѣсили? вѣдь и онъ отъ короля поставленъ? Гм!.. вѣдь ты дуракъ, гнѣдко! Онъ за то врагъ Христовъ, нашего Бога святого.—Тутъ онъ ударилъ хлыстомъ своего скромнаго слушателя: убаюкиваемый его розсказнями, развѣсилъ уши и началъ ступать уже шагомъ. — Оно не такъ далеко и хуторъ, а все лучше раньше поспѣть. Уже давно пора, хочется разговѣться святою пасхою. Говори, молъ: мнѣ не пасхи, мнѣ овса подавай. Потерпи немножко: у пана славный овесъ, и пшеницы дамъ въ волю, и сивухою попотчиваютъ. Я давно хотѣлъ у тебя спросить, гнѣдко, что лучше для тебя, пшеница или овесъ? Молчишь. Ну, и будешь же вѣкъ молчать, потому что Богъ повелѣлъ только человѣку, да еще одной маленькой пташкѣ...

При этомъ онъ опять хлестнулъ гнѣдка, замѣтивъ, что онъ заслушался и сталъ выступать попрежнему... Но, вмѣсто того, чтобы слушать разсужденія нашихъ путешественниковъ на сѣдлѣ и подъ сѣдломъ, обратимся къ Остраницѣ, давно скакавшему по проселочной дорогѣ.

Глава II.

Какъ только рыцарь потерялъ изъ виду своего сотоварища, тотчасъ остановилъ рысь коня своего и поѣхалъ шагомъ. Солнце показывало полдень. День былъ ясный, какъ душа младенца Изрѣдка два или три небольшихъ облака, повиснувъ, еще болѣе увеличивали собою яркость небесной лазури. Лучи солнечные были осязательно-живительны; вѣтру не было, но щеки чувствовали какое-то тонкое вліяніе свѣжести. Птицы чиликали и перепархивали по недавно разрытымъ нивамъ, на которыхъ стройно, какъ будто лѣсъ житныхъ иголъ, восходилъ молодой посѣвъ. Дорога входила въ рытвины и была съ обѣихъ сторонъ сжата крутыми глинистыми стѣнами. Безъ сомнѣнія, очень давно была прорыта эта дорога въ горѣ, потому что́ по обѣимъ сторонамъ обрыва поросла орѣшникомъ, на самой же

горѣ подымались по обѣимъ сторонамъ высокіе, какъ стрѣла, осокори. Иногда перемеживала ихъ лоза, вся въ [illegible]нырискахъ, иногда дубъ толстый, которому сто лѣтъ, и весь убранный повиликой, плющомъ, величаво расширялъ свою [верхушку] надъ ними и казался еще выше отъ обросшаго кустами подмостка. Мѣстами дикая яблоня протягивалась искривленными своими кудрявыми вѣтвями на противоположную сторону и образовала надъ головою сводъ, и сыпала на голову путешественника серебророзовые цвѣты сли[illegible]и, между тѣмъ какъ изъ деревъ часто выглядывалъ обрывъ, весь въ цвѣтахъ и самыхъ нѣжныхъ первенцахъ весны. Уже дорога становилась шире, и наконецъ открылась равнина, раздольная, ограниченная, какъ рамами, синеватыми вдали горами и лѣсами, сквозь которые искрами серебра блестѣла прерванная нить рѣки, и подъ нею стлались хутора. Здѣсь путешественникъ нашъ остановился всталъ съ коня и, какъ будто въ усталости или въ желаніи собраться съ мыслями, сталъ поважи[illegible]вать по лбу. Долго стоялъ онъ въ такомъ положеніи, наконецъ, какъ бы рѣшившись на что, сѣлъ на коня и, уже не останавливаясь болѣе, поѣхалъ въ ту сторону, гдѣ на косогорѣ синѣли сады и, по мѣрѣ приближенія, становились бѣлѣе разбросанныя хаты. Посреди хутора, надъ прудомъ, находилась, вся закрытая вишневыми и сливными деревьями, свѣтлица. Очеретяная ея крыша, мѣстами поросшая зеленью, на которой ярко отливалась желтая свѣжая заплата, съ бѣлою трубою, покрытою китайскою черною крышею, была очень хороша. Въ ту минуту солнце стало кидать лучи уже вечерніе, и тогда нѣжный серебро[illegible]озовый колеръ цвѣтущихъ деревъ становился пурпурнымъ. Путешественникъ слѣзъ съ коня и, держа его за поводъ, пошелъ пѣшкомъ черезъ плотину, стараясь идти какъ можно тише. Полощущіяся утки покрывали прудъ, черезъ плотину дѣвочка лѣтъ семи гнала гусей.

— Дома панъ?—спросилъ путешественникъ.

— Дома,—отвѣчала дѣвочка, разинувъ ротъ и ставъ совершенно въ машинальное положеніе.

— А пани?

— И пани дома.

— А панночка?—Это слово произнесъ путешественникъ какъ-то тише и съ какимъ-то страхомъ.

— И панночка дома.

— Умная дѣвочка! Я дамъ тебѣ пряникъ. А какъ сдѣлаешь то, что я скажу, дамъ и другой, еще и злотый.

— Дай!—говорила простодушно дѣвочка, протягивая руку.

— Дамъ, только пойди напередъ къ панночкѣ и скажи, чтобъ она на минуту вышла; скажи, что одна баба старая дожидается ея. Слышишь? Ну, скажешь ли ты такъ?

— Скажу.

— Какъ же ты скажешь ей?

— Не знаю.

Рыцарь засмѣялся и повторилъ ей снова тѣ самыя слова; и, наконецъ, увѣрившись, что она совершенно поняла, отпустилъ ее впередъ, а самъ, въ ожиданіи, сѣлъ подъ вербою.

Не прошло нѣсколько минутъ, какъ мелькнула между деревьевъ бѣлая сорочка, и дѣвушка лѣтъ осьмнадцати стала спускаться къ греблѣ. Шелковая плахта и кашемировая запаска туго обхватывали станъ ея, такъ что формы ея были какъ будто отлиты. Стройная роскошь совершенно нѣжныхъ [членовъ] не была скрыта. Широкіе рукава, шитые краснымъ шелкомъ и всѣ въ мережкахъ, спускались съ плеча, и обнаженное плечо, слегка зарумянившееся, выказывалось мило, какъ спѣющее яблоко, тогда какъ на груди подъ сорочкою упруго трепетали молодыя перси. Сходя на плотину, она подняла дотолѣ опущенную голову, и черныя очи и брови мелькнули какъ молнія. Это не была совершенно правильная голова, правильное лицо, совершенно приближавшееся къ греческому: ничего въ ней не было закончено, прекрасно-правильно; ни одна черта лица, ничто не соотвѣтствовало съ положенными правилами красоты. Но въ этомъ своенравномъ, нѣсколько смугловатомъ лицѣ что-то было такое, что вдругъ поражало. Всякій взглядъ ея полонилъ сердце, душа занималась, и дыханіе отрывисто становилось.

— Откудова ты, человѣкъ добрый?—спросила она, увидѣвъ козака.

— А изъ Запорожья, панночка; зашелъ сюда по просьбѣ одного пана, коли милости вашей извѣстно,—Остраницы.

Дѣвушка вспыхнула.

— А ты видѣлъ его?

— Видѣлъ. Слушай...

— Нѣтъ, говори по правдѣ! Еще разъ: видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Забожись!

— Ей Богу!

— Ну, теперь я вѣрю,—повторила она, немного успокоившись.—Гдѣ же ты его видѣлъ? Что, онъ не позабылъ меня?

— Тебя позабыть, моя Ганночко, мое серденько, дорогой ты кристаллъ мой, голубочка моя! Развѣ хочется мнѣ быть растоптану татарскимъ конемъ?...—Тутъ онъ схватилъ ее за руку и посадилъ подлѣ себя. Удивленіе дѣвушки такъ было велико, что она краснѣла и блѣднѣла, не произнося ни одного слова.

— Какъ ты сюда прилетѣлъ?—говорила она

шопотомъ.—Тебя поймаютъ. Еще никто не позабылъ про тебя. Ляхи еще не вышли изъ Украины.

— Не бойся, моя голубочка: я не одинъ, не поймаютъ. Со мною соберется кой-кто изъ нашихъ. Слушай, Галю: любишь ли ты меня?

— Люблю,—отвѣчала она и склонила къ нему на грудь разгорѣвшееся лицо.

— Когда любишь, слушай же, что я скажу тебѣ: убѣжимъ отсюда! Мы поѣдемъ въ Польшу къ королю. Онъ, вѣрно, дастъ мнѣ землю. Не то, поѣдемъ хоть въ Галицію, или хоть къ султану; и онъ дастъ мнѣ землю. Мы съ тобою не разлучимся тогда и заживемъ такъ же хорошо, еще лучше, чѣмъ тутъ на хуторахъ нашихъ. Золота у меня много, ходить есть въ чемъ,—суконъ, епанечекъ, чего захочешь только.

— Нѣтъ, нѣтъ, козакъ,—говорила она, кивая головою съ грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ,—не пойду съ тобою. Пусть у тебя и золото, и сукна, и адамашки. Хотя я тебя больше люблю, чѣмъ всѣ сокровища, но не пойду. Какъ я оставлю престарѣлую бѣдную мать мою? Кто приглядитъ за нею? „Глядите, люди“, скажетъ она: „какъ бросила меня родная дочка моя!“ Слезы покатились по ея щекамъ.

— Мы не надолго ее оставимъ, — говорилъ Остраница,—только годъ одинъ пробудемъ на Перекопѣ или на Запорожьи, а тогда я выхлопочу грамоту отъ короля и шляхетства, и мы воротимся снова сюда. Тогда не скажетъ ничего и отецъ твой.

Галя качала головою все съ тою же грустью и слезами на глазахъ.

—Тогда мы оба станемъ присматривать за матерью. И у меня тоже есть старая мать, гораздо старѣе твоей. Но я не сижу съ ней вмѣстѣ. Придетъ время, женюсь, тогда и не то будетъ со мною.

— Нѣтъ, полно. Ты не то, ты—козакъ; тебѣ подавай коня, сбрую да степь, и больше ни о чемъ тебѣ не думать. Если-бъ я была козакомъ, и я бы закурила люльку, сѣла на коня—и все мнѣ (при этомъ она махнула граціозно рукой) трынъ-трава! Но что будешь дѣлать? я козачка. У Бога не вымолишь, чтобъ перемѣнилъ долю... Еще бы я кинула, можетъ-быть, когда бы она была на рукахъ у добрыхъ людей, хоть даже одна; но ты знаешь, каковъ отецъ мой. Онъ прибьетъ ее; жизнь ея, бѣдненькой моей матери, будетъ горше полыни. Она и то говоритъ: „Видно скоро поставятъ надо мною крестъ, потому что мнѣ все снится то, что она замужъ выходитъ, то, что рядятъ ее въ богатое платье, но все съ черными пятнами.“

— Можетъ быть, тебѣ оттого такъ жаль своей матери, что ты не любишь меня,—говорилъ Остраница, поворотивъ голову на сторону.

— Я не люблю тебя? Гляди: я, какъ хмелинонька около дуба, вьюсь къ тебѣ,—говорила она, обвивая его руками.—Я безъ тебя не живу.

— Можетъ быть, вмѣсто меня, какой-нибудь другой съ шпорами, съ золотою кистью?.. что добраго! можетъ быть и ляхъ?

— Тарасъ, Тарасъ! пощади, помилуй! Мало я плакала по тебѣ? Зачѣмъ ты укоряешь меня такъ?—сказала она, почти упавъ на колѣнахъ и въ слезахъ.

— О, вашъ родъ таковъ,—продолжалъ все такъ же Остраница. — Вы, когда захотите, подымете такой вой, какъ десять волчицъ, и слезъ, когда захотите, напускаете въ волю, хоть ведра подставляй, а какъ на дѣлѣ...

— Ну, чего-жъ тебѣ хочется? Скажи, что тебѣ нужно, чтобъ я сдѣлала?

— Ѣдешь со мною или нѣтъ?

— Ѣду, ѣду!

— Ну, вставай, полно плакать; встань, моя голубочка, Галочка!—говорилъ онъ, принимая ее на руки и осыпая поцѣлуями. — Ты теперь моя! Теперь я знаю, что тебя никто не отниметъ. Не плачь, моя... За это согласенъ я, чтобъ ты осталась съ матерью до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ наше горе. Что дѣлаетъ отецъ твой? Отецъ твой?

— Онъ спалъ въ саду подъ грушею. Теперь, я слышу, ведутъ ему коня. Вѣрно, онъ проснулся. Прощай! Совѣтую тебѣ ѣхать скорѣе и лучше не попадаться ему теперь: онъ на тебя сердитъ. — При этомъ Ганна вскочила и побѣжала въ свѣтлицу...

Остраница медленно садился на коня и, выѣхавши, оборачивался нѣсколько разъ назадъ, какъ [бы] желая вспомнить, не позабылъ ли онъ чего, и уже поздно, почти было около полуночи, достигнулъ онъ своего хутора.

Глава III.

Небо звѣздилось, но одѣяніе ночи было такъ темно, что рыцарь едва могъ только примѣтить хаты, почти подъѣхавъ къ самому хутору. Въ другое время путешественникъ нашъ вѣрно бы досадовалъ на темноту, мѣшавшую взглянуть на знакомыя хаты, сады, огороды, нивы, съ которыми срослось его дѣтство. Но теперь столько его занимали происшествія дня, что онъ не обращалъ вниманія, не чувствовалъ, почти не замѣтилъ, какъ заливавшіяся со всѣхъ сторонъ собаки прыгали передъ лошадью его такъ высоко, что, казалось, хотѣли ее укусить за морду. Такъ человѣкъ, котораго будятъ, открываетъ на мгно-

вепіе глаза и тотчасъ ихъ смежаетъ: онъ еще не разлучился со сномъ, лѣнивою рукою берется онъ за халатъ, но это движеніе для того только, чтобы обмануть разбудившаго его, будто онъ хочетъ вставать; а между тѣмъ онъ еще весь въ бреду и во снѣ, щеки его горятъ, можно читать цѣлый водопадъ сповидѣній, и утро дышитъ свѣжестью, и лучи солнца еще такъ живы и прохладны, какъ горный ключъ. Конь самъ собою ускорилъ шагъ, угадавъ родимое стойло, и только однѣ привѣтливыя вѣтви вишенъ, которыя перекидывались черезъ плетень, стѣснявшій узкую улицу, хлестая его по лицу, заставляли его иногда браться рукою. Но это движеніе было машинально. Тогда только, когда конь остановился подъ воротами, онъ очнулся. Низенькія, рѣшетчатыя ворота отворились. Кто такой?.. Наконецъ ворота отворились. Остраница въѣхалъ во дворъ, но, къ изумленію своему, чуть не наѣхалъ на трехъ улановъ, сиящихъ въ мундирахъ.

Это выгнало всѣ мечты изъ головы его. Онъ терялся въ догадкахъ, откудова взялись польскіе уланы. Неужели успѣли уже узнать о его пріѣздѣ? И кто бы могъ открыть это? Если бы точно узнали, то какъ можно въ такомъ скоромъ времени совершить эту экспедицію? И гдѣ же дѣлись его запорожцы, которые должны были еще утромъ поспѣть въ его хуторъ? Все это повергло его въ такое недоумѣніе, что не зналъ, на что рѣшиться: ѣхать ли опрометью назадъ, или остаться и узнать причину такой странности? Онъ былъ тронутъ тѣмъ самимъ, который отперъ ему ворота. Первымъ движеніемъ его было схватиться за саблю, но, увидѣвши, что это запорожецъ, онъ опустилъ руку.

— Но пойдемте, добродію, въ свѣтлицу: здѣсь не въ обычаѣ говорить и слишкомъ многолюдно, —отвѣчалъ послѣдній.

Въ сѣняхъ вышла старая ключница, бывшая нянькою нашего героя, съ каганцемъ въ рукахъ. Осмотрѣвши съ головы до ногъ, она начала ворчать:

— Чего васъ чортъ носитъ сюда? Все только пугаютъ меня. Я думала, что нашъ панъ пріѣхалъ. Что вамъ нужно? Еще мало горѣлки выпили!

— Дурна баба! разсмотри хорошенько: вѣдь это панъ вашъ.

Горпина снова начала осматривать съ ногъ до головы, наконецъ вскрикнула:

— Да это ты, мой голубчикъ! Да это-жъ ты, моя матусенька! Да это-жъ ты, мой соколъ! Какъ ты перемѣнился весь! какъ же ты загорѣлъ! какъ же ты обросъ! Да у тебя, я думаю, и головка не мыта, и сорочки никто не далъ перемѣнить.—Тутъ Горпина рыдала навзрыдъ и подняла такой вой, что лай собакъ, который было началъ стихать, удвоился.

— Сумасшедшая баба!—говорилъ запорожецъ, отступивши и плюнувши ей прямо въ глаза.— Чего сдуру ты заревѣла? Народъ весь разбудишь.

— Довольно, Горпино, — прервалъ Остраница.—Вотъ тебѣ, гляди на меня! Ну, насмотрѣлась?

— Насмотрѣлась, моя матинько родная! Какъ не наглядѣться! Еще когда ты маленькимъ былъ, носила я на рукахъ тебя, и какъ выросталъ, все не спускала глазъ, Боже мой! А теперь вотъ опять вижу тебя! Охо, хо! —И старуха припялась рыдать.

— Слушай, Горпино!—сказалъ Остраница, примѣтивъ, что ключница для праздника наградила себя порядочной кружкой водки.—Лучше ты принеси закусить чего-нибудь и напередъ подай святой пасхи, потому что я, грѣшный, цѣлый день сегодня не ѣлъ ничего и даже не попробовалъ пасхи.

— Да ты-жъ вотъ ото и пасхи не отвѣдывалъ, бѣдная моя головонька! Несчастная горемыка я на этомъ свѣтѣ! Охо, хо!—Тутъ потоки слезъ, разрѣшившись, хлынули цѣлымъ водопадомъ, и, подпершн щеку рукою, снова была готова завыть, если-бъ не увидѣла надъ собою замахнувшейся руки запорожца.

— Добродію! позволь кіемъ угомонить проклятую бабу! Что это за соромный народъ! Пришла-жъ охота Господу Богу породить этакое племя! Или ему недосугъ тогда былъ или Богъ его знаетъ, что ему тогда было...

Остраница вошелъ между тѣмъ въ свѣтлицу и, снявши съ себя кобенякъ, бросился на коверъ. Дорога, голодъ и встрѣчи привели его въ такую усталость, что онъ растянулся на немъ въ совершенной безчувственности, не обращая ни на что глазъ своихъ, а потому наше дѣло представить описаніе свѣтлицы, замѣчательной тѣмъ, что постройка ея принадлежала еще дѣду. Это была просторная, болѣе продолговатая, комната и вмѣстѣ съ тѣмъ низенькая, какъ обыкновенно строилось въ тотъ вѣкъ. Ничто въ ней не говорило о прочности, какъ будто, кажется, строитель былъ твердо увѣренъ, что ея существованіе должно быть эфемерно; но, однако жъ, поправками, придѣлками ветхое строеніе простояло около 50 лѣтъ. Стѣны были очень тонки, вымазаны глиною и выбѣлены снаружи и внутри такъ ярко, что глаза едва могли выносить этотъ блескъ. Весь полъ въ комнатѣ былъ тоже вымазанъ глиною, но такъ былъ чисто выметенъ, что на немъ можно было лечь, не опасаясь запылить платья. Въ углу комнаты, у дверей, находилась огромная печь и занимала почти четверть комнаты; сторона ея, обращенная къ окнамъ, была покрыта

бѣлыми изразцами, на которыхъ синею краскою были нарисованы подобія человѣческимъ лицамъ, съ желтыми глазами и губами; другая сторона состояла изъ зеленыхъ гладкихъ изразцовъ. Окна были невелики, круглы; матовыя стекла, пропуская свѣтъ, не давали видѣть ничего происходящаго на дворѣ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ дѣда Остраницы, воевавшаго съ знаменитымъ Баторіемъ. Онъ былъ изображенъ почти во весь ростъ, въ кольчугѣ, съ парою (пистолетовъ), заткнутыхъ за поясъ; нижняя часть ногъ до колѣнъ не была только видна. Потемнѣвшія краски едва позволяли видѣть суровое, мужественное лицо, которому жалость и все мягкое, казалось, было совершенно не извѣстно. Надъ дверьми висѣла тоже небольшая картина, масляными красками, изображающая беззаботнаго запорожца съ бочонкомъ водки, съ надписью: «*Козакъ душа правдивая, сорочки не мае*», которую и донынѣ можно иногда встрѣтить въ Малороссіи. Противъ дверей—нѣсколько иконъ, убранныхъ калиною и зелеными цвѣтами, а подъ ними на длинной деревянной доскѣ нарисованы сцены изъ Священнаго Писанія: тутъ былъ Авраамъ, прицѣливающійся изъ пистолета въ Исаака; Святой Даміанъ, сидящій на колу, и другія подобныя. Подалѣе висѣло нѣсколько турецкихъ саблей, ружье и разной величины пистолеты; неподвижный подъ образами столъ, накрытый чистою скатертью, шитою по краямъ краснымъ шелкомъ и потемнѣвшимъ серебромъ; два страннаго вида складныхъ стула. Въ этомъ состояло убранство комнаты... Остраница между тѣмъ теперь только замѣтилъ, что столъ былъ уставленъ деревянными блюдами съ яйцами, масломъ и бараниною. Первымъ его дѣломъ было приблизиться къ столу и утолить голодъ, который теперь началъ сильнѣе докучать ему.

Въ это время вошла старая ключница съ пасхой, съ сметаной, сыромъ...

— Вотъ тебѣ, паночѣньку мой, и розговѣны! Вотъ тебѣ и сметанка!—говорила (она).—Куда-жъ, какъ онъ проголодался, бѣдная дытына! Вотъ какъ не подавится, бѣдненькій! А я-то думала, а я хлопотала, а я бѣгала, какъ бы ему, моему сердечному... А вотъ Господь сподобилъ, опять вижу тебя. Охо, хо, хо!

Горпина опять было хотѣла всплакнуть, но запорожецъ Пудько, который началъ было подремывать, сидя возлѣ насыщавшаго свой голодъ рыцаря, устремилъ на нее глаза и проговорилъ:

— Ну, ну, ну! попробуй только заревѣть!...

Это остановило намѣреніе Горпины...

— Кушай, кушай, сынку мой! ѣшь на здоровье, ѣшь, я не мѣшаю тебѣ! Голубчикъ мой! Мы съ тобою только разъ христосовались. Похристосуемся, мое серденько, похристосуемся!..

— Еще и христосоваться!—проговорилъ Пудько сквозь сонъ и схватилъ, вмѣсто пуги, Горпинину ногу.—Пошла, проклятая баба!

— Ступай, Горпино! полно тебѣ! —проговорилъ, поднявшись, Остраница.—А не то я, несмотря на то, что ты стара и что няньчила меня, сниму со стѣны вотъ этотъ батогъ; видишь ты этотъ батогъ?

Горпина, которая привыкла бояться повелительнаго голоса своего пана, немедленно повиновалась.

— Ну, Пудько, гдѣ-жъ Тарасъ? Что онъ дѣлаетъ? Что я его не вижу?

— А что-жъ ему дѣлать? Извѣстно, что дѣлаетъ: спитъ гдѣ-нибудь.

— Ну, такъ пойдемъ же и мы спать, только не въ душной хатѣ, а на вольной землѣ, подъ небомъ.

Запорожецъ натянулъ на себя кобеняк и пошелъ вслѣдъ за Остраницею изъ свѣтлицы, въ которой чуть было не упалъ, зацѣпившись за что-то, лежавшее у порога, но голосу которое не дало,—завернувшееся въ кожухъ туловище. Остраница узналъ Курника, но замѣтно было, что онъ хватилъ не меньше другихъ, потому что въ его словахъ была страшная противоположность тому, что онъ говорилъ въ дверяхъ. Даже самый образъ выраженія былъ не тотъ; множество словъ вмѣшивалось такихъ, которыхъ странно и смѣшно было отъ него слышать. Замѣтно было, что на него много сдѣлали вліянія запорожцы.

— Эхъ, славная конница у запорожцевъ! Торо, торо, торо, гайда, гопъ, гопъ, гопъ! Эка славная конница у запорожцевъ! Торо, торо, торо, гопъ, гопъ, гопъ! Экая конница! Послушай, любезный, скажи мнѣ: какая у тебя конница? У меня конница запорожская. Откуда ты, мужичокъ? Зачѣмъ ты пришелъ? Не могу, у меня конница запорожская! Торо, торо, торо! гопъ, гопъ, гопъ!—и тому подобное.

Остраница попробовалъ было подойти къ атаману, котораго указалъ ему Пудько и который лежалъ, подмостивши себѣ подъ голову бочонокъ, но услышалъ отъ него одни совершенно безсвязныя слова, изъ чего онъ заключилъ, что всѣ гуляли, какъ слѣдуетъ, и рѣшился оставить ихъ въ покоѣ и присоединиться къ другимъ, которыхъ храпѣніе составляло самую фантастическую музыку. Скоро всѣ уснули.

Глава IV.

Однако-жъ, Остраница долго не могъ заснуть; напрасно переворачивался онъ съ боку на бокъ

и пробовалъ всѣ положенія: сонъ убѣгалъ его, а думы незваныя приходили и силою ложились въ его мозгу. И такъ, его пріѣздъ понапрасну; и столько приготовленій, столько заботъ — все по-пустому! Она не хочетъ ѣхать съ нимъ. Такъ вотъ это та любовь, та горячая, безграничная любовь! Ей жаль матери: для матери готова она забыть свою любовь. Способна ли она для страсти, когда можетъ еще думать при ней объ другомъ, объ отцѣ или матери? Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ любовь настоящая, такая, какъ слѣдуетъ, тамъ нѣтъ ни брата, ни отца.

— Нѣтъ, я хочу,—говорилъ онъ, разбрасывая руками,—чтобъ она или меня одного, или никого не любила. Цѣлуй, прижимай меня! Пусть жаръ дыханья твоего пахнетъ мнѣ на щеки! Обнимая дрожащія груди твои, прижму тебя къ моимъ грудямъ... И еще при этомъ думать объ другомъ!.. О, какъ чудно, какъ странно создана женщина! Какъ приводитъ она въ бѣшенство! Весь горишь, пламень въ сердцѣ, душно, тоска, агонія... а сама она, можетъ, и не знаетъ, что творитъ въ насъ; она себѣ такъ, какъ ни въ чемъ не бывало: глядитъ безпечно и не знаетъ, что за муку произвела!

Но между тѣмъ луна, плывшая среди необозримаго синяго роскошнаго неба, и свѣжій воздухъ весенней ночи на время успокоили его мысли. Онѣ излились въ длинномъ монологѣ, изъ котораго, можетъ-быть, узнаютъ (читатели) сколько-нибудь жизнь героя.

— И какъ же ей, въ самомъ дѣлѣ, оставить бѣдную мать, которая когда-то ее лелѣяла и которую теперь она лелѣетъ, для которой нѣтъ ничего и не будетъ уже ничего въ мірѣ, когда не будетъ ея дочери? Она одна для нея радость, пища, жизнь, защита отъ отца. Нѣтъ, права она. И странная судьба моя! Отца я не видалъ: его убили на войлѣ, когда меня еще на свѣтѣ не было. Матери я видѣлъ только посинѣлый и разрѣзанный трупъ. Она, говорятъ, утонула. Ее вытянули мертвую и изъ утробы ея вырѣзали меня, безчувственнаго, неживого. Какъ мнѣ спасли жизнь — самъ не знаю. Кто спасъ? Зачѣмъ спасъ? Лучше бы пропалъ, не живши! Чужіе призрѣли. Еще малъ и глупъ, я уже наѣздничалъ съ запорожцами. Опять случай: меня полонили татары. Не годится жить межъ ними христіанину, пить кобылье молоко, ѣсть конину. Однако-жъ я былъ веселъ душой; ну, вырвусь же когда-нибудь на волю! И вотъ пріѣхалъ я на родину, сирота-сиротою. Не встрѣтилъ никого знакомаго. Хотя бы собака была такая, которая знала меня въ дѣтствѣ. Никого, никого! Однако-жъ, хотя грустная, а все-таки радость была—и печально, и радостно! Больно было глядѣть, какъ посмѣивался католикъ православному народу, и вмѣстѣ весело. Подожди, ляше, увидишь, какъ растычетъ тебя вольный рыцарскій народъ! Что же? Вотъ тебѣ и похвалился! Увидѣлъ хорошую дивчину—и все позабылъ, все къ чорту. Охъ, очи, черныя очи! Захотѣлъ Богъ погубить людей за беззаконья и послалъ васъ. Собиралось компанейство отмстить за ругательства надъ Христовой вѣрой и за безчестье народу. Я ни объ чемъ не думалъ, меня почти силою уже заставили схватиться за саблю. Въ недобрый часъ затѣялась эта битва. Что-то дѣлаютъ теперь въ Польшѣ коронный гетманъ, сеймъ и полковники? Грѣхъ лежать на печкѣ. Еще бы можно было поправить; вражья потеря вѣрно-бъ была сильнѣе, когда бы ударилъ изъ засады я. Бѣжатъ всѣ запорожцы, увидавъ, что и Галькинъ отецъ держитъ вражью сторону. А все вы, черныя брови, вы всему виной! И вотъ я снова пріѣхалъ сюда съ ватагою товарищей; но не правда, и месть, и жажда искупить себѣ славу силой и кровью завели меня, все вы, все вы, черныя брови! Дивно диво—любовь! Ни объ чемъ не думаешь, ничего на свѣтѣ не хочешь, только сидѣть бы возлѣ ней, уставивши на нее очи, прижавши ближе къ себѣ, такъ, чтобы пылающія щеки коснулись щеки, и все бы глядѣть. Боже! какъ хороша она была, смѣясь! Вотъ она глядитъ на меня. Серденько мое, Галя, Галюночка, Галочка, Галюня, душка моя, крошка моя! Что-то теперь дѣлаешь ты? Вѣрно, лежишь и думаешь обо мнѣ! Нѣтъ, не могу, не въ силахъ оставить тебя, не оставлю ни за что... Какъ же придумать?.. Голова моя горитъ, а не знаю, что дѣлать! Поѣду къ королю, упрошу Ивана Остраницу: онъ добудетъ мнѣ грамоту и королевское прощеніе, и тогда, тогда... Богъ знаетъ, что тогда будетъ! Только все лучше, я буду близъ нея жить...

Такъ раздумывалъ и почти разговаривалъ самъ съ собою Остраница; уже онъ обнималъ въ мысляхъ и свою Галю; вмѣстѣ уже воображалъ себя съ нею въ одной свѣтлицѣ; они хозяйничаютъ въ этомъ земномъ раѣ... Но настоящее опять вторгалось въ это обворожительное будущее, и герой нашъ въ досадѣ снова разбрасывалъ руками; кобенякъ слетѣлъ съ плечъ его. Его терзала мысль, какимъ образомъ объявить запорожскому атаману, что теперь уже онъ оставляетъ свое предпріятіе и, стало-быть, помощь его больше не нужна.

Глава V.

Какъ только проснулся Остраница, то увидѣлъ весь дворъ, наполненный народомъ: усы, байбараки, женскіе нарчевые кораблики, бѣлыя на-

митки, синіе кунтуши; однимъ словомъ, дворъ представлялъ игрушечную лавку, или блюдо винегрета, или, еще лучше, пестрый турецкій платокъ. Со всею этою кучею народа (онъ) долженъ былъ перецѣловаться и принять неимовѣрное множество яицъ, подносимыхъ въ шапкахъ, въ платкахъ, утокъ, гусей и прочаго—обыкновенную дань, которую подносили поселяне своему господину, который, съ своей стороны, долженъ былъ отблагодарить угощеніемъ. Подносимое принято; и такъ какъ яйца, будучи сложены въ кучу, казались пирамидою ядеръ, выставленныхъ на крѣпости, (то) противъ этого хозяинъ выкатилъ двѣ страшныя бочки горѣлки для всѣхъ гостей, и хуторянцы сдѣлали самое страшное вторженіе. Поглаживая усы, толпа нетерпѣливо ждала вступить въ бой съ этимъ драгоцѣннымъ непріятелемъ. И между тѣмъ, какъ одна толпа бросилась на столы, трещавшіе подъ баранами, жареными поросятами съ хрѣномъ, а другая къ пустившему хмѣльный водопадъ, боясь ослушаться власти атамана, который наконецъ гостей принималъ, держа въ рукахъ плеть. Онъ хлесталъ ею одного изъ подчиненныхъ своихъ, который стоялъ неподвижно, но только почесываясь и стараясь удерживать свои стенанія при каждомъ ударѣ. Атаманъ приговаривалъ такимъ дружескимъ образомъ, что если бы не было въ рукахъ плети, то можно подумать, что онъ ласкаетъ роднаго сына.

— Вотъ это тебѣ, голубчикъ, за то, чтобъ ты зналъ, какъ почитать старшихъ! Вотъ тебѣ, любезный, еще на придачу! А вотъ еще одинъ разъ! Вотъ тебѣ еще другой! Да, голубчикъ, не дѣлай такъ! А вотъ это какъ тебѣ кажется? А этотъ вкусенъ? Признайся, вкусенъ? Когда по вкусу, такъ вотъ еще! Что за славная плеть! Чудная плеть! Что, какъ вотъ это? Нашлись же такіе искусники, что такъ хитро сплели! Что, танцуешь? Тебѣ, видно, весело? То-то, я зналъ, что будетъ весело. Я затѣмъ тебя и благословляю такъ...

Тутъ атаманъ, наконецъ, увидѣвъ, что молодой преступникъ, несмотря на все стараніе устоять на мѣстѣ, готовъ былъ закричать, остановился.

— Ну, теперь подойди, да поклонись же, да ниже поклонись!

Припявшій удары, съ опущенными глазами, изъ которыхъ ручьемъ полились слезы, приблизился и отвѣсилъ поклонъ въ ноги.

— Говори, любезный: благодарю, атаманъ, за науку!

— Благодарю, атаманъ, за науку.

— Теперь ступай! Гайда! Задай перцу баранамъ и сивухѣ!

— Христосъ воскресъ, атаманъ! Мы съ тобою еще не христосовались.

— Воистину воскресъ!—отвѣчалъ атаманъ.

— Нѣтъ ли у тебя въ запасѣ губки? Охота забираетъ люльку затянуть.—При этомъ вложилъ въ зубы вытянутую изъ кармана трубку.

— Какъ не быть! Это занятіе, когда матерія не клеится.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ дѣло,—промолвилъ Остраница съ нѣкоторою робостью.

— Гмъ!—отвѣчалъ атаманъ, вырубливая огонь.

— Мое дѣло не клеится.

— Не клеится?—промолвилъ, раскуривая трубку,—погано!

— Врядъ ли намъ что-нибудь достанется здѣсь.

— Не достанется?.. Погано!

— Придется намъ возвратиться ни съ чѣмъ.

— Гмъ!..

— Что-жъ ты скажешь?—спросилъ Остраница, удивленный такимъ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ.

— Когда воротиться,—отвѣчалъ запорожецъ, сплевывая,—такъ и воротиться.

Остраницу ободрило такое равнодушіе.

— Только я не пойду съ вами; я поѣду на время въ Варшаву.

— Гмъ!—отвѣчалъ атаманъ.

— Ты, можетъ быть, сердитъ на меня, что я такъ обманулъ и поддѣлъ васъ? Божусь, что я самъ обманутъ!

При этомъ словѣ грянула музыка, и, вмѣстѣ съ нею, гряпуло топанье танцующихъ. Атаманъ, съ трубкою въ зубахъ, ринулся въ кучу танцующей компаніи, очистилъ около себя кругъ и пустился выбивать ногами и навприсядку.

Глава VI.

— Что онъ себѣ думаетъ, этотъ дурень Остраница?—говорилъ старый Пудько.—Щенокъ! Еще и родниться задумалъ со мною! Поганый нечестивецъ! Поди къ матери своей, чтобъ доносила напередъ! И достало духу у него сказать это! Дурень, дурень!—говорилъ онъ, дергая рукою, какъ будто дралъ кого-нибудь за волоса.

— Молодъ козакъ, усъ еще не прошибся!—Старый Кузубія не могъ вынести, когда видѣлъ, что младшій равняется съ старшими. — Знать долженъ, что кто задумалъ мстить, тотъ у того не жди уже милости. Скорѣе солнце носинѣетъ, вмѣсто дождя посыплются раки съ неба, чѣмъ я позабуду прошлое. Пропаду, но не забуду! Не хочу! Не хочу! Жинко! Жинко!

Этимъ восклицаніемъ обыкновенно оканчивалъ онъ свою рѣчь, когда бывалъ сердитъ, и Боже сохрани жинкѣ не явиться тотъ же часъ! На

эту рѣчь, едва передвигая ноги, пришло, или, лучше сказать, приползло изсохнувшее, едва живущее существо. Видъ ея не вдругъ поражалъ. Нужно было вглядѣться въ этотъ несчастный остатокъ человѣка, въ это олицетворенное страданіе, чтобы ощутить въ душѣ неизъяснимотоскливое чувство. Представьте себѣ длинное, все въ морщинахъ, почти безчувственное лицо; глаза черные какъ уголь, нѣкогда—огонь, буря, страсть, нынѣ неподвижные; губы какого-то мертваго цвѣта, но, однако жъ, онѣ были когда-то свѣжи, какъ румянецъ на спѣющемъ яблокѣ. И кто бы подумалъ, что эти, слившіяся въ сухія руины, черты были когда-то чертовски очаровательны, что движеніе этихъ, нѣкогда гордыхъ и величественныхъ, бровей дарило счастье, необитаемое на землѣ? И все прошло, прошло незамѣтно; образовалось, наконецъ, лишь безчувственное терпѣніе и безграничное повиновеніе.

Писано въ 1831—1832 гг.

НАЧАТЫЯ ПОВѢСТИ.

(отрывки и наброски).

I.

Я давно уже ничего не разсказывалъ вамъ. Признаться сказать, оно очень пріятно, если кто станетъ что-нибудь разсказывать. Если же выберется человѣчекъ небольшого роста, съ сиповатымъ баскомъ, да и говоритъ не слишкомъ громко, не слишкомъ тихо, а такъ совершенно, какъ котъ мурчитъ надъ ухомъ, то это такое наслажденіе, что ни перомъ не описать, ни другимъ чѣмъ-нибудь не сдѣлать. Это мнѣ лучше нравится, нежели проливной дождикъ, когда сидишь въ сѣняхъ на полу передъ дверью на улицу, поджавши подъ себя ноги, а онъ, голубчикъ, треплетъ во весь духъ солому на крышѣ, и деревенскія бабы бѣгутъ босыми ногами, мило покрывшись своей руб.... по голову и схвативши подъ руку черевики. Вы никогда не слышали про моего дѣда? Что это былъ за человѣкъ! съ какими достоинствами! Я вамъ скажу, что такихъ людей я теперь нигдѣ не отыскивалъ...

II.

СТРАШНАЯ РУКА.

повѣсть изъ книги подъ названіемъ „лунный свѣтъ въ разбитомъ окошкѣ чердака на васильевскомъ островѣ, въ 16 линіи“.

I.

Было далеко за полночь. Одинъ фонарь только озарялъ капризно улицу и бросалъ какой-то страшный блескъ на каменные дома и оставлялъ во мракѣ деревянные; изъ сѣрыхъ превращались совершенно въ черные...

II.

Фонарь умиралъ на одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго Острова. Одни только бѣлые каменные дома кое-гдѣ вызначивались; деревянные чернѣли и сливались съ густою массою мрака, тяготѣвшаго надъ ними. Какъ страшно, когда каменный тротуаръ прерывается деревяннымъ, когда деревянный даже пропадаетъ, когда все чувствуетъ 12 часовъ, когда отдаленный будочникъ спитъ, когда кошки, безсмысленныя кошки, однѣ снѣ-ваются и бодрствуютъ! Но человѣкъ знаетъ, что онѣ не дадутъ сигнала и не поймутъ его несчастья, если внезапно будетъ атакованъ мошенниками, выскочившими изъ этого темнаго переулка, который распростеръ къ нему свои мрачныя объятья.

Но проходившій въ это время пѣшеходъ ничего подобнаго не имѣлъ въ мысляхъ. Онъ былъ не изъ обыкновенныхъ въ Петербургѣ пѣшеходовъ. Онъ былъ не чиновникъ, не русская борода, не офицеръ и не нѣмецкій ремесленникъ,—существо внѣ гражданства столицы. Это былъ пріѣхавшій изъ Дерпта студентъ на факультеты, готовый на всѣ должности, но еще покамѣстъ ничего, кромѣ студентъ, запавшій полъ-угла въ Мѣщанской, у сапожника-нѣмца. Но обо всемъ этомъ послѣ. Студентъ, который въ этомъ чиномъ городѣ былъ тише воды, безъ шпаги и рапиры, закутавшись шинелью, пробирался подъ домами, отбрасывая отъ себя самую огромную тѣнь, головою терявшуюся во мракѣ.

Все, казалось, умерло! нигдѣ огня. Ставни были закрыты. Наконецъ, подходя къ Большому проспекту, особенно остановилъ вниманіе на одномъ домѣ. Тонкая щель въ ставнѣ, свѣтившаяся огненною чертою, невольно привлекла и заманила заглянуть. Прильнувъ къ ставнѣ и приставивъ глазъ къ тому мѣсту, гдѣ щель была пошире, и задумался. Лампа блистала въ голубой комнатѣ. Вся она была завалена разбросанными штуками матерій. Газъ, почти невидимый, безцвѣтный, воздушно висѣлъ на ручкахъ креселъ и тонкими струями, какъ льющійся водопадъ, падалъ на полъ. Палевые цвѣты, на бѣлой шелковой, блиставшей блескомъ серебра матеріи, свѣтились изъ-подъ газа. Около дюжины шалей, легкихъ и мягкихъ, какъ пухъ, съ цвѣтами, совершенно живыми, смятыя, были брошены на полу. Кушаки, золотыя цѣпи висѣли на взбитыхъ до потолка облакахъ батиста. Но болѣе всего занимала студента стоявшая въ углу комнаты [стройная] женская фигура... все для студента, въ чудесно очаровательномъ, въ

ослѣпительно божественномъ платьѣ — въ самомъ прекраснѣйшемъ бѣломъ. Какъ дышитъ это платье!.. Сколько поэзіи для студента въ женскомъ платьѣ!.. Но бѣлый цвѣтъ—съ нимъ нѣтъ сравненія. Женщина выше въ бѣломъ [платьѣ]. Она — царица, видѣніе, все, что похоже на самую гармоническую мечту. Женщина чувствуетъ это и потому въ.... минуты преображается въ бѣлую. Какія искры пролетаютъ по жиламъ, когда блеснетъ среди мрака бѣлое платье! Я говорю—среди мрака, потому что все тогда кажется мракомъ. Всѣ чувства переселяются тогда въ запахъ, несущійся отъ него, и въ едва слышимый, но музыкальный шумъ, производимый имъ. Это самое высшее и самое сладострастнѣйшее сладострастіе. И потому студентъ нашъ, котораго всякая горничная [дѣвчонка] на улицѣ кидала въ ознобъ, который не зналъ прибрать имени женщинѣ,—пожиралъ глазами чудесное видѣніе, которое, стоя съ наклоненною на сторону головой, охваченное досадною тѣнью, наконецъ, поворотило прямо противъ него ослѣпительную бѣлизну лица и ея шеи съ китайскою прическою. Глаза, неизъяснимые глаза, съ бездною души подъ капризно и обворожительно подымавшимся бархатомъ бровей были невыносимы для студента.

Онъ задрожалъ, и тогда только увидѣлъ другую фигуру, въ черномъ фракѣ, съ самымъ страннымъ профилемъ. Лицо, въ которомъ нельзя было замѣтить ни одного угла, но вмѣстѣ съ симъ оно не означалось легкими, округленными чертами. Лобъ не опускался прямо къ носу, но былъ совершенно покатъ, какъ ледяная гора для катанья. Носъ былъ продолженіемъ его—великъ и тупъ. Губа только верхняя выдвинулась далѣе. Подбородка совсѣмъ не было. Отъ носа шла діагональная линія до самой шеи. Это былъ треугольникъ, вершина котораго находилась въ носѣ: лица, которыя болѣе всего выражаютъ глупость.

III.

Дождь былъ продолжительный, сырой, когда я вышелъ на улицу. Сѣродымное небо предвѣщало его надолго. Ни одной полосы свѣта. Ни въ одномъ мѣстѣ, нигдѣ не разрывалось сѣрое покрывало. Движущаяся сѣть дождя задернула почти совершенно все, что прежде видѣлъ глазъ, и только одни передніе домы мелькали будто сквозь тонкій газъ; тускло мелькали вывѣски; еще тусклѣе надъ ними балконъ, выше его еще этажъ, наконецъ, крыша готова была потеряться въ дождевомъ туманѣ, и только мокрый блескъ ея отличалъ ее немного отъ воздуха. Вода урчала съ трубъ; на тротуарахъ лужи...

Чортъ возьми, люблю я это время! Ни одного зѣваки на улицѣ. Теперь не найдешь ни одного изъ тѣхъ господъ, которые останавливаются для того, чтобы посмотрѣть на сапоги ваши, на штаны, на фракъ, или на шляпу, и потомъ, разинувши ротъ, поворачиваются нѣсколько разъ назадъ для того, чтобы осмотрѣть задній фасадъ вашъ. Теперь раздолье мнѣ закутаться крѣпче въ свой плащъ. Какъ удираетъ этотъ любезный молодой франтъ, съ личикомъ, которое можно упрятать въ дамскій рициюль. Напрасно: не спасетъ новенькаго сюртучка, красу и заглядѣнье Невскаго проспекта. Крѣпче его, крѣпче, дождикъ: пусть онъ вбѣжитъ, какъ мокрая крыса, домой. А! вотъ и суровая дама бѣжитъ въ своихъ пестрыхъ тряпкахъ, поднявши платье, далѣе чего нельзя поднять, не нарушивъ послѣдней благопристойности. Куда дѣвался характеръ! и не ворчитъ, видя, какъ чиновная крыса въ вицъ-мундирѣ съ крестикомъ, запустивъ свои зеленые, какъ его воротникъ, глаза, наслаждается видомъ полныхъ, на каждомъ шагѣ трепещущихъ ногъ, какъ... выпуклостей ноги. О, это таковскій народъ! Они большія бестіи, эти чиновники, ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ дождь, снѣгъ, ведро, всегда эта амфибія на улицѣ. Его воротникъ, какъ хамелеонъ, мѣняетъ свой цвѣтъ каждую минуту отъ температуры; но онъ самъ неизмѣненъ, какъ его канцелярскій порядокъ.

Навстрѣчу русская борода, купецъ, въ синемъ, нѣмецкой работы, сюртукѣ, съ таліею на спинѣ или, лучше, на шеѣ. Съ какою купеческою ловкостью держитъ онъ зонтикъ надъ своею половиною! Какъ тяжело пыхтитъ эта масса мяса, обвернутая въ капотъ и чепчикъ! Ее скорѣе можно причислить къ моллюскамъ, нежели къ позвончатымъ животнымъ. Сильнѣе, дождикъ, ради Бога, сильнѣе кропи его сюртукъ нѣмецкаго покрою и жирное мясо этой обитательницы пуховиковъ и подушекъ! Боже, какую адскую струю они оставили послѣ себя въ воздухѣ изъ капусты и луку! Кропи ихъ, дождь, за все: за наглое безстыдство плутовской бороды, за жадность къ деньгамъ, за бороду, полную насѣкомыхъ, и сыромятную жизнь сожительницы... Какой вздоръ! ихъ не пройметъ оплеуха квартальнаго надзирателя, — что же можетъ сдѣлать дождь?

Но какъ бы то ни было, только такого дождя давно не было. Онъ увеличился и перемѣнилъ косвенное свое направленіе, сдѣлался прямой, [съ] шумомъ хлынулъ въ крыши мостовую, какъ [бы] желая вдавить еще ниже этотъ болотный городъ. Окна въ кондитерскихъ захлопнулись. Головы съ усами и трубкою, долѣе всѣхъ глядѣвшія, спрятались; даже сѣрый рыцарь съ алебардою и завязанною щекою убѣжалъ въ будку...

IV.

— Мнѣ нужно видѣть полковника, я къ нему имѣю дѣло, — говорилъ почти отрокъ 17 лѣтъ.

— Тебѣ полковника?.. — произнесъ съ разстановкою сторожевой козакъ передъ большою ставкою, разсматривая и переминая на своей ладони, съ какой-то недовѣрчивостью, грубый крошеный табакъ, это странное растеніе, которое съ такою изумительною быстротою разнесла во всѣ концы міра новооткрытая часть свѣта. Трубка давно у него была въ зубахъ.—На что тебѣ полковникъ?

При этомъ взглянулъ на просителя. Это былъ почти отрокъ, готовящійся быть юношею, лѣтъ 16, уже съ мужественными чертами лица, воспитаннаго солнцемъ и здоровымъ воздухомъ, въ полотняномъ крашеномъ кунтушѣ и шароварахъ.

— Съ тобою не станетъ говорить полковникъ, —примолвилъ [козакъ], поглядѣвъ на него почти презрительно и закинувъ назадъ алый рукавъ съ золотымъ шнуркомъ.

— Отчего же онъ не станетъ со мною говорить?

— Кто-жъ съ тобою станетъ говорить? ты еще недавно молоко сосалъ. Если-бъ у тебя былъ хоть суконный кунтушъ да пищаль, тогда бы... Вѣдь ты, вѣрно, поповичъ или школяръ? Знаешь ли ты этотъ инструментъ?—примолвилъ [казакъ] съ видомъ самодовольной гордости, указавъ на трубку.

— Ты думаешь...

Но молодой воинъ остановился, увидѣвши, что казакъ вдругъ онѣмѣлъ, потупилъ глаза въ землю и снялъ шапку, до того заломленную на бекрень.

Двое пожилыхъ мужчинъ,—одинъ въ короткомъ плащѣ съ рукавами, выстеганными золотомъ, съ узорно вычеканенными пистолетами, другой въ шитомъ кафтанѣ съ серебряною привязанною къ поясу чернильницею,—прошли мимо и вошли въ ставку. Дрожа и блѣднѣя, шмыгнулъ за ними молодой человѣкъ и вошелъ въ ставку.

Молодой человѣкъ ударилъ поклонъ въ самую землю отъ страха, увидѣвши, какъ вошедшіе передъ нимъ богатые кафтаны поклонились въ поясъ и почтительно потупили глаза въ землю съ тѣмъ безграничнымъ повиновеніемъ, которое такъ странно вмѣщалось вмѣстѣ съ необузданностью, чѣмъ особенно славились козацкія войска.

На разостланномъ коврѣ сидѣлъ полковникъ. Ему, казалось, на видъ было лѣтъ 50. Волоса у него стали сѣдѣть, сизые усы величаво опускались внизъ. Длинный синій рубецъ на щекѣ и лбу тянулся по его почти бронзовому лицу. Кажется, нельзя было отыскать никакой рѣзкой характерной черты, но, просто, оно выражало съ спокойствіемъ увѣренность казака. Глядя на него, можно было тотчасъ узнать, что у него рука желѣзная и мощно можетъ управлять... На немъ были широкіе синіе съ серебромъ шаровары. Верхнее платье небрежно валялось на полу. Нѣсколько пистолетовъ и ружей стояло, и висѣли по угламъ ставки уздечки; въ углу куль соломы. Полковникъ самъ, своею рукой, чинилъ свое сѣдло, когда вошли къ нему писарь и есаулъ.

— Здравствуйте, панове, мои вѣрные, мои добрые товарищи! Вотъ вамъ приказъ: не пускать далеко на попасъ, потому что татарва теперь рыскаетъ по степямъ. Идти, какъ можно подальше, изоирайте траву повыше, и шапки даже не снимайте. Да чтобъ козаки не стрѣляли по дорогамъ дрофъ и гусей, потому что и порохъ избавятъ даромъ, да что за мясоѣдъ такой козаку?.. Сухари да вода—то козацкая ѣда. А вы, мой любый кумъ и мой любезный пріятель! (при этомъ онъ оборотился къ писарю) сдѣлайте сей же часъ перекличку и запишите всѣхъ, которые на лицо. Да смотрите оба, что[бы] все было какъ слѣдуетъ; а то я вамъ скажу, вчера я видѣлъ, какъ козакъ кланялся что-[то] слишкомъ часто [на] конѣ. Я хотѣлъ было.....его, да жаль было заряда: у меня пистолетъ былъ заряженъ хорошимъ порохомъ...

V.

Я знаю одного чрезвычайно замѣчательнаго человѣка. Фамилія его была Рудокоповъ и дѣйствительно отвѣчала его занятіямъ, потому что казалось—къ чему ни притрогивался онъ, все то обращалось въ деньги. Я его еще помню, когда онъ имѣлъ только 20 душъ крестьянъ да сотню десятинъ земли и ничего больше, когда онъ еще принадлежалъ . . . . . .

Писано въ 1831—1833.

1834.

ВЕЛИКАЯ, торжественная минута. Боже, какъ слились и столпились около ней волны различныхъ чувствъ! Нѣтъ, это не мечта. Это та роковая, неотразимая грань между воспоминаніемъ и надеждой... Уже нѣтъ воспоминанія, уже оно несется, уже пересиливаетъ его надежда. У ногъ моихъ шумитъ мое прошедшее; надо мною сквозь туманъ свѣтлѣетъ неразгаданное будущее. Молю тебя, жизнь души моей (хранитель, ангелъ), мой геній! О, не скрывайся отъ меня! Пободрствуй надо мною въ эту минуту и не отходи отъ меня весь этотъ, такъ заманчиво наступающій для меня, годъ. Какое же будешь ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли вели-

кими для меня подвигами, или... О, будь блистательно! будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію! Что же ты такъ таинственно стоишь предо мною, 1834-й [годъ]? Будь и ты моимъ ангеломъ. Если лѣнь и безчувственность хотя на время осмѣлятся коснуться меня—о, разбуди меня тогда! не дай имъ овладѣть мною! Пусть твои многоговорящія цифры, какъ неумолкающіе часы, какъ совѣсть, стоятъ передо мною: чтобы каждая цифра твоя громче набата разила слухъ мой! чтобы она, какъ гальваническій прутъ, производила судорожное потрясеніе во всемъ моемъ составѣ!

Таинственный, непзъяснимый 1834! Гдѣ означу я тебя великими трудами! Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности,—этой безобразной кучи модъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и низкой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ, увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанномъ моимъ южнымъ прекраснымъ, чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ гора обсыпана кустарниками, съ своими какъ [бы] гармоническими обрывами, и подмывающій ее мой чистый и быстрый, мой Днѣпръ.—Тамъ ли?—О!.. Я не знаю, какъ назвать тебя, мой геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такія чудныя, необъяснимыя допынѣ зарождавшій во мнѣ думы, такія необъятныя и упоительныя лелѣявшій во мнѣ мечты! О, взгляни! Прекрасный, низведи на меня свои небесныя очи. Я на колѣняхъ. Я у ногъ твоихъ! О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хоть два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! Я совершу... Я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ Божество! Я совершу..! О, поцѣлуй и благослови меня!

Писано наканунѣ 1834 г.

ОБЪ ИЗДАНІИ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

Досихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ, полезныхъ, какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, большею частію неполныхъ и не указавшихъ донынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить, сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ, наконецъ, навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало-помалу вся страна получила новыя, взамѣнъ прежнихъ, права и, наконецъ, совершенно слилась въ одно съ Россіею. Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ-нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ.

АРАБЕСКИ

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Санктпетербургъ. 1835.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СОБРАНІЕ это составляютъ піесы, писанныя мною въ разныя времена, въ разныя эпохи моей жизни. Я не писалъ ихъ по заказу. Онѣ высказывались отъ души, и предметомъ избиралъ я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели, безъ сомнѣнія, найдутъ много молодого. Признаюсь, нѣкоторыхъ піесъ я бы, можетъ быть, не допустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но вмѣсто того, чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*. Истреблять прежде написанное нами, кажется, такъ же несправедливо, какъ позабывать минувшіе дни своей юности. Притомъ, если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не въ правѣ скрывать его отъ читателя, и за двѣ, три вѣрныя мысли можно простить несовершенство цѣлаго.

Я долженъ сказать о самомъ изданіи: когда я прочиталъ отпечатанные листы, меня самого испугали во многихъ мѣстахъ неисправности въ слогѣ, излишности и пропуски, происшедшіе отъ моей неосмотрительности. Но недосугъ и обстоятельства, иногда не очень пріятныя, не позволяли мнѣ пересматривать спокойно и внимательно свои рукописи, и потому смѣю надѣяться, что читатели великодушно извинятъ меня.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.

БЛАГОДАРНОСТЬ Зиждителю миріадъ за благость и состраданіе къ людямъ! Три чудныя сестры посланы имъ украсить и усладить міръ: безъ нихъ онъ бы былъ пустыня и безъ пѣнія катился бы по своему пути. Дружнѣе, союзнѣе сдвинемъ наши желанія и—первый кубокъ за здравіе скульптуры! Чувственная, прекрасная, она прежде всего посѣтила землю. Она—мгновенное явленіе. Она—оставшійся слѣдъ того народа, который весь заключился въ ней, со всѣмъ своимъ духомъ и жизнью; она—ясный призракъ того свѣтлаго греческаго міра, который ушелъ отъ насъ въ глубокое удаленіе вѣковъ, скрылся уже туманомъ, и до котораго достигаетъ одна только мысль поэта. Міръ, увитый виноградными гроздіями и масличными лозами, гармоническимъ вымысломъ и роскошнымъ язычествомъ; міръ, несущійся въ стройной пляскѣ, при звукѣ тимпановъ, въ порывѣ вакхическихъ движеній, гдѣ чувство красоты проникло всюду: въ хижину бѣдняка, подъ вѣтви платана, подъ мраморъ колоннъ, на площадь, кипящую живымъ, своенравнымъ народомъ, въ рельефъ, украшающій чашу пиршества, изображающій всю вьющуюся вереницу граціозной миѳологіи, гдѣ изъ пѣны волнъ стыдливо выходитъ богиня красоты, тритоны несутся, ударяя въ ладони. Посейдонъ выходитъ изъ глубины своей прекрасной стихіи—серебряный и бѣлый; міръ, гдѣ вся религія заключилась въ красотѣ, въ красотѣ человѣческой, въ богоподобной красотѣ женщины,—этотъ міръ весь остался въ ней, въ этой нѣжной скульптурѣ; ничто кромѣ ея не могло такъ живо выразить его свѣтлое существованіе. Бѣлая, млечная, дышащая въ прозрачномъ мраморѣ красотой, нѣгой и сладострастіемъ, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человѣка. Въ какомъ бы ни было пылу страсти, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, но всегда въ ней человѣкъ является прекраснымъ, гордымъ и невольно остановитъ атлетическимъ, свободнымъ своимъ положеніемъ. Все въ ней слилось въ красоту и чувственность: съ ея страдающими группами не сливаешь страдающій вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самымъ ихъ страданіемъ,—такъ чувство красоты пластической, спокойной пересиливаетъ въ ней стремленіе духа! Она никогда не выражала долгаго глубокаго чувства, она создавала только быстрыя движенія: свирѣпый гнѣвъ, мгновенный вопль страданія, ужасъ, испугъ при внезапности, слезы, гордость и презрѣніе и, наконецъ, красоту, погруженную саму въ себя. Она обращаетъ всѣ чувства зри-

теля въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее за собою нѣгу и самодовольство языческаго міра. Въ ней нѣтъ тѣхъ тайныхъ, безпредѣльныхъ чувствъ, которыя влекутъ за собою безконечныя мечтанія. Въ ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясеній и переворотовъ жизни. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся, видя свое изображеніе, и уже бѣгущая, влача съ торжествомъ за собою толпу гордыхъ юношей. Она очаровательна, какъ жизнь, какъ міръ, какъ чувственная красота, которой она служитъ алтаремъ. Она родилась вмѣстѣ съ языческимъ, ясно образовавшимся міромъ, выразила его—и умерла вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно хотѣли изобразить ею высокія явленія христіанства: она такъ же отдѣлялась отъ него, какъ самая языческая вѣра. Никогда возвышенныя, стремительныя мысли не могли улечься на ея мраморной сладострастной наружности. Онѣ поглощались въ ней чувственностью.

Не таковы двѣ сестры ея, живопись и музыка, которыхъ христіанство воздвигнуло изъ ничтожества и превратило въ исполинское. Его порывомъ онѣ развились и исторгнулись изъ границъ чувственнаго міра. Мнѣ жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но... свѣтлѣе сіяй, покалъ мой, въ моей смиренной кельѣ, и да здравствуетъ живопись! Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ мелькающая сквозь переплетъ окна, увитаго виноградомъ, смиренная и обширная, какъ вселенная, яркая музыка очей —ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить твоихъ небесныхъ откровеній. Никогда не были разлиты по ней тѣ тонкія, тѣ таинственно-земныя черты, вглядываясь въ которыя, слышишь, какъ наполняетъ душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вотъ мелькаютъ, какъ въ облачномъ туманѣ, длинныя галлереи, гдѣ изъ старинныхъ позолоченныхъ рамъ выказываешь ты себя живую и темную отъ неумолимаго времени, и передъ тобою стоитъ, сложивши накрестъ руки, безмолвный зритель; и уже пѣтъ въ его лицѣ наслажденія,—взоръ его дышитъ наслажденіемъ не здѣшнимъ. Ты не была выраженіемъ жизни какой-нибудь націи,—пѣтъ, ты была выше: ты была выраженіемъ всего того, что имѣетъ таинственно-высокій міръ христіанскій. Взгляните на нее задумчивую, опустившую на руку прекрасную свою голову: какъ вдохновенепъ и дологъ ясный взоръ ея! Она не схватываетъ одного только быстраго мгновенія, какое выражаетъ мраморъ; она длитъ это мгновеніе, она продолжаетъ жизнь за границы чувственнаго, она похищаетъ явленія изъ другого безграничнаго міра, для названія которыхъ нѣтъ словъ. Все неопредѣленное, что не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣкаемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью. Она также выражаетъ страсти, понятныя всякому, но чувственность уже не такъ властвуетъ въ нихъ: духовное невольно проникаетъ все. Страданіе выражается живѣе и вызываетъ состраданіе, и вся она требуетъ сочувствія, а не наслажденія. Она беретъ уже не одного человѣка, ея границы шире: она заключаетъ въ себѣ весь міръ; всѣ прекрасныя явленія, окружающія человѣка, въ ея власти; вся тайная гармонія и связь человѣка съ природою—въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ.

Но сильнѣе шипи, третій покалъ мой! Ярче сверкай и брызгай по золотымъ краямъ его звонкая пѣна,—ты сверкаешь въ честь музыки. Онъ восторженнѣе, она стремительнѣе обѣихъ сестеръ своихъ! Она вся—порывъ; она вдругъ, за одинъ разомъ, отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могучихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ. Она властительно ударяетъ, какъ по клавишамъ, по его нервамъ, по всему его существованію и обращаетъ его въ одинъ трепетъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не сострадаетъ,—онъ самъ превращается въ страданіе; душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ, живетъ своею жизнью, живетъ порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь міръ, разлилась и дышетъ въ тысячѣ разныхъ образовъ. Она томительна и мятежна, но могущественнѣй и восторженнѣй подъ безконечными, темными сводами катедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни молельщиковъ стремитъ она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружитъ и несется съ ними горѣ, оставляя послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ, трепещущій въ углубленіи остроконечной башни.

Какъ сравнить васъ между собою, три прекрасныя царицы міра? Чувственная, плѣнительная скульптура внушаетъ наслажденіе, живопись—тихій восторгъ и мечтаніе, музыка—страсть и смятеніе души. Разсматривая мраморное произведеніе скульптуры, духъ невольно погружается въ упоеніе; разсматривая произведеніе живописи, онъ превращается въ созерцаніе; слыша музыку—въ болѣзненный вопль, какъ бы душою овладѣло только одно желаніе—вырваться изъ тѣла. Она—наша! она—принадлежность новаго міра! Она осталась намъ, когда оставили насъ и скульптура, и живопись, и зодчество. Никогда не жаждали мы такъ порывовъ, воздвигающихъ духъ, какъ въ нынѣшнее время, когда наступаетъ на насъ и давитъ вся дробь прихотей и наслажденій, надъ выдумками которыхъ ломаетъ голову нашъ XIX

вѣкъ. Все составляетъ заговоръ противъ насъ; вся эта соблазнительная цѣпь утонченныхъ изобрѣтеній роскоши сильнѣе и сильнѣе порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждемъ спасти нашу бѣдную душу, убѣжать отъ этихъ страшныхъ обольстителей и—бросились въ музыку. О, будь же нашимъ хранителемъ, спасителемъ, музыка! Не оставляй насъ! буди чаще наши меркантильныя души! ударяй рѣзче своими звуками по дремлющимъ нашимъ чувствамъ! Волнуй, разрывай ихъ и гони, хотя на мгновеніе, этотъ холодно-ужасный эгоизмъ, силящійся овладѣть нашимъ міромъ! Пусть, при могущественномъ ударѣ смычка твоего, смятенная душа грабителя почувствуетъ, хотя на мигъ, угрызеніе совѣсти, спекуляторъ растеряетъ свои расчеты, безстыдство и наглость невольно выропитъ слезу предъ созданіемъ таланта. О, не оставляй насъ, божество наше! Великій Зиждитель міра повергъ насъ въ нѣмѣющее безмолвіе своею глубокою мудростью: дикому, еще не развернувшемуся человѣку, Онъ уже вдвинулъ мысль о зодчествѣ. Простыми, безъ помощи механизма, силами, онъ ворочаетъ гранитную гору, высокимъ обрывомъ громоздитъ ее къ небу и повергается ницъ передъ безобразнымъ ея величіемъ. Древнему, ясному, чувственному міру послалъ Онъ прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту—и весь древній міръ обратился въ ѳиміамъ красотѣ. Эстетическое чувство красоты слило его въ одну гармонію и удержало отъ грубыхъ наслажденій. Вѣкамъ неспокойнымъ и темнымъ, гдѣ часто сила и неправда торжествовали, гдѣ демонъ суевѣрія и нетерпимости изгонялъ все радужное въ жизни, далъ Онъ вдохновенную живопись, показавшую міру неземныя явленія, небесныя наслажденія угодниковъ. Но въ нашъ юный и дряхлый вѣкъ ниспослалъ Онъ могущественную музыку—стремительно обращать насъ къ Нему. Но если и музыка насъ оставитъ, что будетъ тогда съ нашимъ міромъ?

1831.

О СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ.

Никогда исторія міра не принимаетъ такой важности и значительности, никогда не показываетъ она такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣка. Всѣ событія міра, приближаясь къ этимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности, текутъ съ усиленною быстротою, какъ въ пучину, какъ въ мятежный водоворотъ, и, закружившись въ немъ, перемѣшавшись, переродившись, выходятъ свѣжими волнами. Въ нихъ совершилось великое преобразованіе всего міра; они составляютъ узелъ, связывающій міръ древній съ новымъ; имъ можно назначить то же самое мѣсто въ исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ устроеніи человѣческаго тѣла сердце, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы. Какъ совершилось это всемірное преобразованіе? какія удержались въ немъ старыя стихіи? что прибавлено новаго? какимъ образомъ онѣ смѣшались? что произошло отъ этого смѣшенія? какъ образовалось величественное, стройное зданіе вѣковъ новыхъ?—это такіе вопросы, которымъ равные по важности едва ли найдутся во всей исторіи. Все, что мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, чѣмъ можемъ похвалиться передъ другими вѣками, все устройство и искусное сложеніе нашихъ административныхъ частей, всѣ отношенія разныхъ сословій между собою, самыя даже сословія, наша религія, наши права и привилегіи, нравы, обычаи, самыя знанія, совершившія такой быстрый прогрессивный ходъ,—все это или получило начало и зародышъ, или даже развилось и образовалось въ темные, закрытые для насъ средніе вѣка. Въ нихъ первоначальныя стихіи и фундаментъ всего новаго; безъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія ихъ не ясна, не удовлетворительна, не полна новая исторія, и слушатели ея похожи на посѣтителей фабрики, которые удивляются быстрой отдѣлкѣ издѣлій, совершающейся почти передъ глазами ихъ, но позабываютъ заглянуть въ темное подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса, дающія толчокъ всему: такая исторія похожа на статую художника, не изучившаго анатоміи человѣка.

Отчего же, несмотря на всю важность этихъ необыкновенныхъ вѣковъ, всегда какъ-то неохотно ими занимались? Отчего, приближаясь къ нимъ, всегда спѣшили скорѣе пройти ихъ и отдѣлаться отъ нихъ, и рѣдкіе, очень рѣдкіе, пораженные величіемъ предмета, возлагали на себя трудъ разрѣшить нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ? Мнѣ кажется, это происходило отъ того, что средней исторіи назначили самое низшее мѣсто. Время ея дѣйствія считали слишкомъ варварскимъ, слишкомъ невѣжественнымъ, и оттого-то оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось для насъ темнымъ, раскрытое не вполнѣ, оцѣненное не по справедливости, представленное не въ геніальномъ величіи. Невѣжественнымъ можно назвать развѣ только одно начало, но это невѣжественное время уже имѣетъ въ себѣ то, что должно родить въ насъ величайшее любопытство. Самый процессъ сліянія двухъ жизней, древняго міра и новаго, это рѣзкое противорѣчіе ихъ образовъ и свойствъ, эти дряхлыя, умирающія стихіи стараго міра, которыя тянутся по новому пространству, какъ рѣки, впавшія въ море, но долго еще не сливающія своихъ прѣсныхъ водъ съ соленными волнами; эти

дикія, мощныя стихіи новаго, упорно не допускающія къ себѣ чуждаго вліянія, но, наконецъ, невольно принимающія его; это стараніе, съ какимъ европейскіе дикари кроятъ по своему римское просвѣщеніе; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римскихъ формъ, законовъ, среди новыхъ, еще неопредѣленныхъ, не получившихъ ни образа, ни границъ, ни порядка; самый этотъ хаосъ, въ которомъ бродятъ разложенныя начала страшнаго величія нынѣшней Европы и тысящелѣтней силы ея,—они всѣ для насъ занимательнѣе и болѣе возбуждаютъ любопытство, нежели неподвижное время всесвѣтной римской имперіи подъ правленіемъ ея безсильныхъ императоровъ.

Другая причина, почему неохотно занимались исторіею среднихъ вѣковъ, это—мнимая сухость, которую привыкли сливать съ понятіемъ о ней. На нее глядѣли, какъ на кучу происшествій нестройныхъ, разнородныхъ, какъ на толпу раздробленныхъ и безсмысленныхъ движеній, не имѣющихъ главной нити, которая бы совокупляла ихъ въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, ея страшная, необыкновенная сложность съ перваго раза не можетъ не показаться чѣмъ-то хаотическимъ; но разсматривайте внимательнѣе и глубже, и вы найдете и связь, и цѣль, и направленіе. Я, однако же, не отрицаю, что, для самаго умѣнья найти все это, нужно быть одарену тѣмъ чутьемъ, которымъ обладаютъ немногіе историки. Этимъ немногимъ предоставленъ завидный даръ увидѣть и представить все въ изумительной ясности и стройности. Послѣ ихъ волшебнаго прикосновенія, происшествіе оживляется и пріобрѣтаетъ свою собственность, свою занимательность; безъ нихъ оно долго представляется для всякаго сухимъ и безсмысленнымъ. Все, что было и происходило, все занимательно, если только о немъ сохранились вѣрныя лѣтописи, выключая развѣ совершенное безстрастіе народовъ; вездѣ есть нить, какъ во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бываетъ заткана утокомъ; какъ въ лучистомъ камнѣ есть невидимый свѣтъ, который онъ отливаетъ, будучи обращенъ къ солнцу—она исчезаетъ только съ утратою извѣстій. Такъ и въ первоначальныхъ вѣкахъ средней исторіи, сквозь всю кучу происшествій, невидимою нитью тянется постепенное возрастаніе папской власти и развивается феодализмъ. Казалось, событія происходили совершенно отдѣльно и блескомъ своимъ затемняли уединеннаго, еще скромнаго римскаго первосвященника; дѣйствовалъ сильный государь или его вассалъ и дѣйствовалъ лично для себя, а между тѣмъ существенныя выгоды незамѣтно текли въ Римъ. И все, что ни происходило, казалось, нарочно происходило для папы. Гильдебрандтъ только отдернулъ занавѣсъ и показалъ власть, уже давно пріобрѣтенную папами.

Исторія среднихъ вѣковъ менѣе всего можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пестроты, такого живого дѣйствія, такихъ рѣзкихъ противоположностей, такой странной яркости, какъ въ ней: ее можно сравнить съ огромнымъ строеніемъ, въ фундаментѣ котораго улегся свѣжій, крѣпкій, какъ вѣчность, гранитъ, а толстыя стѣны выведены изъ различнаго, стараго и новаго, матеріала, такъ что на одномъ кирпичѣ видны готѳскія руны, на другомъ блеститъ римская позолота; арабская рѣзьба, греческій карнизъ, готическое окно—все слѣпилось въ немъ и составило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только внѣшній признакъ событій среднихъ вѣковъ; внутреннее же ихъ достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, дѣлающая ихъ единственными, не встрѣчающими себѣ подобія и повторенія ни въ древнія, ни въ новыя времена.

Бросимъ взглядъ на тѣ изъ событій, которыя произвели сильное вліяніе. Главный сюжетъ средней исторіи есть папа. Онъ—могущественный обладатель этихъ молодыхъ вѣковъ, онъ движетъ всѣми силами ихъ и, какъ громовержецъ, однимъ мановеніемъ своимъ правитъ ихъ судьбою. Словомъ, вся средняя исторія есть исторія папы.—Его непреодолимое желаніе властвовать, его постоянныя средства, исполненныя проницательности и мудрости,—слѣдствія старческаго возраста,—его деспотизмъ и деспотизмъ безчисленныхъ легіоновъ его могущественнаго духовенства—ревностныхъ подданныхъ духовнаго монарха, наложившихъ свои желѣзныя оковы на всѣ углы міра, куда ни проникло знаменіе креста—представляютъ явленіе единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда. Не стану говорить о злоупотребленіи и о тяжести оковъ духовнаго деспота. Проникнувъ болѣе въ это великое событіе, увидимъ изумительную мудрость Провидѣнія: не схвати эта всемогущая власть всего въ свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанію народы—и Европа разсыпалась бы, связи бы не было; нѣкоторыя государства поднялись бы, можетъ быть, вдругъ и вдругъ бы развратились; другія сохранили бы дикость свою на гибель сосѣдямъ; образованіе и духъ народный разлились бы неровно: въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе, въ другомъ бы чернѣлъ мракъ варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновѣсія, которое такъ удивительно ее содержитъ; она бы долѣе была въ хаосѣ, она бы не слилась желѣзною силою энтузіазма въ одну стѣну, устрашившую своею крѣпостью восточныхъ

завоевателей, и, можетъ быть, безъ этого великаго явленія Европа уступила бы ихъ напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы надъ нею вмѣсто креста. Невольно преклонишь колѣна, слѣдя чудные пути Провидѣнія: власть папамъ какъ будто нарочно дана была для того, чтобы въ продолженіе этого времени юныя государства окрѣпли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнутъ возраста повелѣвать другими; чтобы сообщить имъ энергію, безъ которой жизнь народовъ безцвѣтна и безсильна. И какъ только народы достигли состоянія управлять собою, власть папы, какъ исполнившая уже свое предназначеніе, какъ болѣе уже ненужная, вдругъ поколебалась и стала разрушаться, несмотря на всѣ сильныя мѣры, на все желаніе удержать гибнущія силы свои. Власть ихъ въ этомъ отношеніи была то же, что подмостки и лѣсъ для постройки зданія: вначалѣ они выше и кажутся значительнѣе самого строенія; но какъ только строеніе достигло настоящей высоты, они, какъ ненужные, принимаются прочь.

Съ мыслью о среднихъ вѣкахъ невольно сливается мысль о крестовыхъ походахъ—необыкновенномъ событіи, которое стоитъ, какъ исполинъ, въ срединѣ другихъ, тоже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ, въ какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величіемъ? Это не какая-нибудь война за похищенную жену, не порожденіе ненависти двухъ непримиримыхъ націй, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочокъ земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нѣтъ! ни одна изъ страстей, ни одно собственное желаніе, ни одна личная выгода не входятъ сюда: всѣ проникнуты одною мыслью—освободить гробъ Божественнаго Спасителя! Народы текутъ съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы; короли, графы — въ простыхъ власяницахъ, монахи, препоясанные оружіемъ, становятся въ ряды воиновъ; епископы, пустынники, съ крестами въ рукахъ, предводятъ несмѣтными толпами—и всѣ текутъ освободить свою вѣру. Владычество одной мысли объемлетъ всѣ народы. Нѣтъ ли чего-то великаго въ этой мысли? И напрасно крестовые походы называются безразсуднымъ предпріятіемъ. Не странно ли было бы, если бы отрокъ заговорилъ словами разсудительнаго мужа? Они были порожденіе тогдашняго духа и времени. Предпріятіе это—дѣло юноши, но такого юноши, которому опредѣлено быть геніемъ. А какія безчисленныя, какія удивительныя и непредвидѣнныя слѣдствія крестовыхъ походовъ! Нужно было всю массу образовать и воспитать, дать ей увидѣть свѣтъ, который часто заслоняло отъ нея духовенство, и вся масса для этого извергается въ другую часть свѣта, гдѣ потухающее аравійское просвѣщеніе силится передать ей свой пламень, и вся Европа вояжируетъ по Азіи. Не въ правѣ ли мы изумляться? Обыкновенно, какой-нибудь выходецъ изъ земли образованной одинъ приноситъ просвѣщеніе и первыя свѣдѣнія въ неизвѣстную страну и постепенно образуетъ дикарей; но образованіе это тянется медленно, неровно. Здѣсь же, напротивъ, народы сами, всею своею массою, приходятъ за образованіемъ и, несмотря на долгое пребываніе, не сливаются со своими учителями, ничего не перенимаютъ у нихъ роскошнаго и развратнаго, удерживаютъ свою самобытность, при всемъ заимствованіи множества азіатскихъ обыкновеній, и возвращаются въ Европу европейцами, а не азіатцами. Я уже не говорю о тѣхъ слѣдствіяхъ, тѣхъ перемѣнахъ въ феодальномъ правленіи, для которыхъ нужно было временное удаленіе многихъ сильныхъ.

Но бросимъ взглядъ на другія происшествія, наполняющія среднюю исторію. Они хотя, въ сравненіи съ крестовыми походами, могутъ почесться второстепенными, но тѣмъ не менѣе всѣ исполнены чудесности, сообщающей среднимъ вѣкамъ какой-то фантастическій свѣтъ, всѣ—порожденіе юношества прекраснаго, исполненнаго самыхъ сильныхъ и великихъ надеждъ, часто безразсуднаго, но плѣнительнаго и въ самой безразсудности. Разсмотримъ ихъ по порядку времени. Возьмемъ то блестящее время, когда появились аравитяне — краса народовъ восточныхъ. И одному только человѣку и созданной имъ религіи,—роскошной, какъ ночи и вечера Востока, пламенной, какъ природа, близкая къ Индійскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великія пустыни Азіи, —обязаны они всѣмъ своимъ блестящимъ, радужнымъ существованіемъ. Съ непостижимою быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигаютъ свои калифаты съ трехъ сторонъ Средиземнаго моря. И воображеніе ихъ, умъ и всѣ способности, которыми природа такъ чудно одарила араба, развиваются въ виду изумленнаго Запада, отпечатываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ, мечетяхъ, садахъ, фонтанахъ, и такъ же внезапно, какъ въ ихъ сказкахъ, кипящихъ изумрудами и перлами восточной поэзіи. Вѣкъ впередъ — и уже онъ исчезъ, этотъ необыкновенный народъ, такъ что въ раздумьи спрашиваешь себя: точно ли онъ жилъ и существовалъ, или онъ—самое прекрасное созданіе нашего воображенія?

Какъ чудесно и какой сильной исполнено противоположности появленіе норманновъ — народа, котораго гнѣвный сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ нѣдръ своихъ. Горсть людей дерзкихъ, за которыми какъ будто гонятся по пятамъ мрачный ихъ Одинъ и снѣговыя горы Скандинавіи,

наводитъ паническій страхъ на обширныя государства. По Сѣверному океану плывутъ ихъ движущіяся королевства подъ начальствомъ морскихъ своихъ королей,—и все падаетъ ницъ передъ этими малолюдными пришлецами, воспитанными бурею, морями, страшною бѣдностью Скандинавіи и дикою религіею.

Колоссальныя завоеванія и распространеніе монголозъ были также дѣломъ почти сверхъестественнымъ. Необъятная внутренность Азіи, которая была скрыта отъ глазъ всѣхъ народовъ, освѣтилась вдругъ въ самомъ страшномъ величіи. Эти степи, которымъ нѣтъ конца, озера и пустыни исполинскаго размѣра, гдѣ все раздалось въ ширину и безпредѣльную равнину, гдѣ человѣкъ встрѣчается какъ будто для того, чтобы собою увеличить еще болѣе окружающее пространство; степи, шумящія хлѣбомъ, никѣмъ не сѣяннымъ и не собираемымъ, травою, почти равняющеюся ростомъ съ деревьями, степи, гдѣ пасутся табуны и стада, которыхъ отъ вѣка никто не считалъ, и сами владѣльцы не знаютъ настоящаго количества,—эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана, давшаго обѣтъ передъ толпами своихъ узкоглазыхъ, плосколицыхъ, широкоплечихъ, малорослыхъ монголовъ завоевать міръ, и—многолюдный Пекинъ горитъ цѣлый мѣсяцъ, милліонъ народа выстрѣливается монгольскими стрѣлами, государь тунгусскій гибнетъ съ сотнями тысячъ подданныхъ на замерзшемъ озерѣ, стада пригоняются къ границамъ Индіи, табуны кишатъ при Волгѣ. Словомъ, какъ будто на завоеваніяхъ ихъ отразилась колоссальность Азіи. Такого быстраго распространенія тоже не видала ни древняя, ни новая исторія.

Я уже ничего не говорю о важной торговлѣ Венеціи, этого небольшого лоскутка земли, которую всю занималъ одинъ городъ и городъ безъ государства, выжимая золото со всего міра, и коего царственные кущы своими кораблями, горделиво обошедшими всѣ моря, и дворцами при Адріатическомъ морѣ, далеко превосходили многихъ монарховъ. Этого явленія я не считаю единственнымъ и необыкновеннымъ. Оно повторяется въ исторіи міра часто, хотя въ другихъ формахъ и съ разными измѣненіями. Несравненно оригинальнѣе жизнь Европы во время и послѣ крестовыхъ походовъ, когда въ ней все еще темны и неопредѣленны границы государствъ; когда еще государь звучитъ однимъ именемъ своимъ, и вмѣсто того милліоны владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый — маленькій императоръ въ своей землѣ; когда вся Европа облекается въ неприступные замки съ башнями и зубцами, и твердыя крѣпости усѣиваютъ ея поверхность; когда воспитанная взаимнымъ страхомъ и битвами сила рыцарей дѣлается почти львиною и заковывается съ ногъ до головы въ желѣзо, тяжести котораго еще не выносилъ человѣкъ, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души. Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить ихъ и сдѣлать такъ же безчувственными, какъ непроницаемыя ихъ латы. Но какъ удивительно они были укрощены и такимъ явленіемъ, которое представляетъ совершенную противоположность съ ихъ нравами; это—всеобщее безпредѣльное уваженіе къ женщинамъ. Женщина среднихъ вѣковъ является божествомъ: для нея турниры, для нея ломаются копья, ея розовая или голубая лента вьется на шлемахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы, для нея суровый рыцарь удерживаетъ свои страсти такъ же мощно, какъ арабскаго бѣгуна своего, налагаетъ на себя обѣты изумительные и неподражаемые по своей строгости къ себѣ, и все для того, чтобы быть достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь изумительна, то вліяніе ея на нравы и того болѣе. Все благородство въ характерѣ европейцевъ было ея слѣдствіемъ. А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу въ какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытовъ и приключеній каждому и произведшая впослѣдствіи въ европейцахъ жажду къ открытію новыхъ земель! Какъ самыя ихъ взаимныя брани и битвы, вѣчно неспокойное положеніе, вмѣсто того, чтобы ослабить всеобщій духъ и напряженіе, какъ то обыкновенно дѣлается въ періодахъ исторіи, когда роскошь разъѣдаетъ раны нравственной болѣзни народовъ, и алчность выгодъ личныхъ выводитъ за собою низость, лесть и способность устремиться на всѣ утонченные пороки, —вмѣсто этого они только укрѣпили и развили ихъ. Пороки народовъ образованныхъ не смѣли коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неусыпно и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. Едва только возникли улучшенія для жизни, которыя подносила Венеція и Ганза, и начали отдалять рыцарей отъ ихъ обѣтовъ и строгой жизни, подогрѣвать желаніе наслажденій и уменьшать энтузіазмъ религіозный, какъ появившіяся чудныя, небывалыя никогда дотолѣ общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. Никогда исторія не представляла обществъ, связанныхъ такими неразрывными узами, какъ эти духовные ордена рыцарей. Ничего для своей пользы или для своего существованія, что всегда составляло цѣль обществъ! Уничтожить все, что составляетъ желаніе человѣка, и жить для всего человѣчества; жить, чтобы быть грозными хранителями міра, чтобы носить въ себѣ одно— защиту вѣры Христовой; все принести ей въ

жертву и отказаться отъ всего, что отзывается выгодою жизни! Не чудесно ли это явленіе? Эта энергія и сила для него могла быть только вычерпнута изъ среднихъ вѣковъ. И какъ только ордена рыцарскіе стали уклоняться отъ своей цѣли и обращать глаза на другія, какъ только начали заражаться желаніемъ добычи и корысти, и роскошь заставляла ихъ живѣе привязываться къ собственной жизни, и они стали походить сами на тѣхъ, за которыми наложили на себя сами же смотрѣніе,—какъ возникаютъ уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, какъ высшія предопредѣленія, являющіеся уже не совѣстью передъ вѣтренымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни. Ни сила, ни обширныя земли, ни даже самая корона не спасаютъ и не отмѣняютъ произнесеннаго ими приговора. Незнаемые, невидимые, какъ судьба, гдѣ-нибудь въ глуши лѣсовъ, подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья, они взвѣшивали и разбирали всю жизнь и дѣла того, которому, посреди необъятныхъ своихъ земель и сотни покорныхъ вассаловъ, и въ мысль не приходило, есть ли гдѣ въ мірѣ власть выше его. И если эти подземные судьи разъ произносили обвиняющее слово—все кончено. Напрасно властитель грозою могущества своего затрудняетъ къ себѣ приближеніе, напрасно его золото залѣпляетъ уста и заставляетъ всѣхъ прославлять его — неумолимый кинжалъ настигаетъ его на концѣ міра, крадется мимо пышной толпы придворныхъ и разитъ его изъ-за плеча друга. Не составляетъ-ли это чудесности почти сказочной? Только тамъ такъ неотразимо, такъ сверхъестественно, такъ неправильно дѣйствуетъ человѣкъ, оторванный отъ общества, лишенный покрова законной власти, не знающій, что такое слово: „невозможность“.

А самый образъ занятій, царствовавшій въ срединѣ и концѣ среднихъ вѣковъ, — это всеобщее устремленіе всѣхъ къ чудесной наукѣ, это желаніе выпытать и узнать таинственную силу въ природѣ, эта алчность, съ какою всѣ ударились въ волшебство и чародѣйственныя науки, на которыхъ ясно кипитъ признакъ европейскаго любопытства, безъ котораго науки никогда бы не развились и не достигли нынѣшняго совершенства. Самая даже простодушная вѣра ихъ въ духовъ и обвиненія въ сообщеніи съ ними имѣютъ для насъ уже необыкновенную занимательность. А занятія алхиміею, считавшеюся ключомъ ко всѣмъ познаніямъ, вѣнцомъ учености среднихъ вѣковъ, въ которой заключилось дѣтское желаніе открыть совершеннѣйшій металлъ, который бы доставилъ человѣку все. Представьте себѣ какой-нибудь германскій городъ въ средніе вѣка, эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе пестрые готическіе домики и среди нихъ какой-нибудь ветхій, почти валящійся, считаемый необитаемымъ, по растрескавшимся стѣнамъ котораго лѣпится мохъ и старость, окна глухо заколочены—это жилище алхимика. Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы, докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи старца, уже посѣдѣвшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждою,—и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой, и гдѣ, вмѣсто духовъ, основало жилище неугасимое желаніе, непреоборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи—первоначальная стихія всего европейскаго духа—которое напрасно преслѣдуетъ инквизиція, проникая во всѣ тайныя мышленія человѣка: оно вырывается мимо и, облеченное страхомъ, еще съ большимъ наслажденіемъ предается своимъ занятіямъ.

А самая инквизиція? Какое мрачное и ужасное явленіе! Инквизиція свирѣпая, слѣпая, владѣвшая безчисленными сводами и подземельями монастырей, не вѣрящая ничему, кромѣ своихъ ужасныхъ пытокъ, на которыхъ человѣкъ показалъ адскую изобрѣтательность; инквизиція, выпускавшая изъ-подъ монашескихъ мантій свои желѣзные когти; хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только ни предавался страннымъ и необыкновеннымъ занятіямъ, подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа человѣка, доведенная муками, заглушить голосъ души, то въ общей массѣ всего человѣчества душа всегда торжествуетъ надъ тѣломъ.

Не единственны ли всѣ эти явленія? Не даютъ ли они права назвать средніе вѣка вѣками чудесными? Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ, во все теченіе этихъ юныхъ десяти вѣковъ, — юныхъ потому, что въ нихъ дѣйствуетъ все молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшіе о слѣдствіяхъ, не призывавшіе на помощь холоднаго соображенія, еще не имѣвшіе прошедшаго, чтобы оглянуться. Все было въ нихъ поэзія и безотчетность. Вы вдругъ почувствуете переломъ, когда вступите въ область исторіи новой. Перемѣна слишкомъ ощутительна, и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря, прежде воздымавшіяся неправильными, высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающія правильное теченіе. Дѣйствія человѣка въ среднихъ вѣкахъ кажутся совершенно безотчетны; самыя великія происшествія представляютъ совершенные контрасты между собою и противорѣчатъ во всемъ другъ другу; но совокупленіе ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ цѣлое, являетъ изумительную мудрость.

Если можно сравнить жизнь одного человѣка съ жизнію цѣлаго человѣчества, то средніе вѣка будутъ то же, что время воспитанія человѣка въ школѣ. Дни его текутъ незамѣтно для свѣта, дѣянія его не такъ крѣпки и зрѣлы, какъ нужно для міра, объ нихъ никто не знаетъ; но за то они всѣ—слѣдствіе порыва и обнажаютъ за однимъ разомъ всѣ внутреннія движенія человѣка, и безъ нихъ не состоялась бы будущая его дѣятельность въ кругу общества.

Теперь разсмотрите, между какими колоссальными событіями заключается время среднихъ вѣковъ. Великая имперія, повелѣвавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, истощенная, падаетъ; съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь древній міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей, безвкусными писателями, гладіаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата. Это ихъ начало. Оканчиваются средніе вѣка тоже самымъ огромнымъ событіемъ—всеобщимъ взрывомъ, подымающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто всѣ страшныя власти, такъ деспотически ихъ обнявшія. Власть папы подрывается и падаетъ, власть невѣжества подрывается, сокровища и всемірная торговля Венеціи подрываются, и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проясняется, предъ изумленными очами являются: монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; к рабли, расширеннымъ взмахомъ несущіеся по волнамъ необъятнаго океана мимо Средиземнаго моря; въ рукахъ у европейцевъ, вмѣсто безсильнаго оружія, огонь; печатные листы разлетаются по всѣмъ концамъ міра,—и все это результаты среднихъ вѣковъ. Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей, казалось, были для того только, чтобы сильнѣе произвесть всеобщій взрывъ. Умъ человѣка, задвинутый крѣпкою толщею, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всѣ свои усилія, всего себя. И оттого-то, можетъ быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій, какъ XV,—вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются средніе вѣка, величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изузоривающихъ его украшеній, возвышенные, исполненные порывовъ, какъ его летящіе къ небу столбы и стѣны, оканчивающіеся мелькающимъ въ облакахъ шпицемъ.

(Это вступительная лекція, читанная въ Петербургскомъ университетѣ въ августѣ 1834 г.).

ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА*).

Между тѣмъ посланникъ нашъ переѣхалъ границу, отдѣляющую нынѣ пирятинскій повѣтъ отъ лубенскаго. Общихъ ѣзжалыхъ дорогъ тогда не было въ Малороссіи, но почти каждому извѣстна была какая-нибудь проселочная, по мнѣнію его, самая ближайшая. Часто такая дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рытвины, царапалась по косогору, вѣшалась надъ провалами, и одинъ неровный, слегка протоптанный подковою коня, слѣдъ означалъ ея уклоненія. Достаточно было только выѣхать въ дорогу, чтобы выучиться не разбирать почлеговъ. Главное же неудобство для путешественника, не ознакомленнаго съ мѣстами, было то, что онъ долженъ былъ, на разстояніи 25 или 50 ружейныхъ выстрѣловъ, выѣдывать и выспрашивать пути у жителей, которыхъ показанія всегда почти разногласили.

Пустивъ повода и наклонивъ голову, всадникъ нашъ давно уже погруженъ былъ въ раздумье, и только изрѣдка попадавшіеся кочки и пни срубленныхъ деревъ, заставляя спотыкаться вѣрнаго его товарища, борзаго коня, перерѣзывали разомъ его думы,которыя снова обычнымъ ожерельемъ низались въ головѣ его. Въ первый разъ еще случалось ему выполнять такое порученіе: ѣхать, Богъ знаетъ куда, въ незаселенныя степи Украйны. И кто этотъ Глечикъ?.. Какая нужда Казимиру до начальника какой-то шайки, называвшаго себя полковникомъ миргородскаго полку?... Ему не объявлено было ничего удовлетворительнаго ни о характерѣ, ни о силѣ его, ни о томъ, какія онъ имѣетъ сношенія и съ кѣмъ... Къ чему же эта осторожность, какую нужно было имѣть въ рѣчахъ съ нимъ? Зачѣмъ перелетать такую даль, чтобы только доставить ему свѣдѣнія о событіяхъ, волновавшихъ Варшаву? И чѣмъ могъ быть полезенъ такой отдаленный союзникъ?... Мысленно досадовалъ онъ на себя, что не вывѣдалъ обстоятельно объ этомъ отъ Бригитты: ей, безъ сомнѣнія, сколько-нибудь были извѣстны причины такого страннаго посольства. Солнце медленно прощалось съ землею. Живописныя облака, обхваченныя по краямъ огненными лучами, поминутно мѣнялись и разрываясь, летѣли по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тѣнь свою и притворяли мало-помалу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣтлый Божій міръ. Въ это время путникъ нашъ, послѣ

*) Изъ романа подъ заглавіемъ: «Гетьманъ». Первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ; двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи.

долгаго степного странствія, въѣхалъ въ лѣсъ. Раздѣтыя безжалостною осенью деревья сквозили какъ рѣшето и, казалось, дрожали отъ вечерняго холода. Желтые листья, какъ объѣдки и битые ковши отъ недавняго пиршества, валялись не прибранные, и одинъ только шелестъ ихъ, ходя по лѣсу, давалъ знать о присутствіи въ немъ нашего всадника. Сквозь обнаженную вершину лѣса темнѣло небо; рѣзкій вѣтеръ подымался съ поля и мчалъ заунывные свои вопли въ гущу лѣса. Путникъ поневолѣ задумался и остановилъ коня своего въ нерѣшимости, что предпринять, потому что дорога совершенно исчезла, и передъ нимъ торчалъ одинъ только лѣсъ да неизвѣстность; какъ вдругъ громкій голосъ: „цобъ, цобъ!“ поразилъ слухъ его; тяжело нагруженный возъ заскрипѣлъ, и пара воловъ показалась изъ-за деревьевъ. Надобно вообразить себя на мѣстѣ путешественника, чтобы вполнѣ почувствовать радость такой встрѣчи. Луна въ это время вырѣзалась на небѣ. Серебряный свѣтъ, перепутанный тѣнью отъ деревъ, палъ рѣшеткою на землю, освѣтивъ далеко окрестность, и Лапчинскій увидѣлъ передъ собою дюжаго пожилого селянина. Сѣдые, закрученные внизъ, усы его гордо покоились на смугломъ, означенномъ рѣзкими мускулами лицѣ, которое такъ простодушно оттѣняла какая-то азіатская безпечность. По чернымъ бровямъ серебрилась сѣдина, огонь вылеталъ изъ небольшихъ карихъ глазъ, и въ огнѣ томъ высвѣчивались попеременно то хитрость, то простодушіе. На головѣ у него была черная казацкая шапка съ синимъ верхомъ. Коротенькій нагольный тулупъ, затянутый яркоцвѣтнымъ поясомъ, служилъ непроницаемыми латами отъ холода; сверхъ этого одѣянія, въ добавку, накинутъ былъ обыкновенный кобенякъ изъ толстаго смурого сукна, который и понынѣ носятъ малороссійскіе мужики. Изъ-за пояса торчала пищаль и изогнутая татарская сабля, — оружіе, которое въ тогдашнія смутныя времена всякій козакъ, ратникъ и селянинъ почиталъ необходимостью всегда имѣть при себѣ.

— Помогай, Боже! — сказалъ онъ, остановивъ воловъ и обнаживъ увѣнчанную только на верхушкѣ кистью волосъ голову, въ знакъ того уваженія, какое обыкновенно оказывали тогда простые поселяне ратнымъ людямъ. Надобно припомнить, что Лапчинскій, во избѣжаніе непріятностей, какимъ бы онъ неминуемо подвергнулся отъ жителей, не терпѣвшихъ всего, что только носило названіе ляха или принадлежало ляхамъ, принужденъ былъ перемѣнить щегольской костюмъ свой на скромное одѣяніе казацкаго десятника.

Всадникъ нашъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы на сіе привѣтствіе.

— Не знаешь ли, землякъ, — молвилъ онъ съ ласковымъ видомъ,—далеко ли отсюда до Ромодановскаго шляху?

— Не сумѣю, добродію, сказать вдругъ; повремените немножко! — Тутъ принялся онъ высчитывать, что выражали машинально сгибаемые имъ пальцы.—До Ромодановскаго шляху!... Какъ бы вамъ сказать?... оно не такъ, чтобы близко. Надобно знать, что казаки наши немного было неретрусили: кто-то пронесъ слухъ, что все шляхетство собирается къ намъ на Сулу въ гости. Снохватились сдуру и разломали мосты; такъ вамъ, добродію, чтобы не пришлось давать большихъ объѣздовъ. Впрочемъ, Богъ его знаетъ: я говорю это потому, что другіе говорятъ... такъ, можетъ быть, выберется и короткій путь; только, знаете, теперь время осеннее... то станется, что и далеко... Только опять же, какъ подумаешь, то кажется, что и близко. Вотъ другое дѣло, если-бъ были поставлены столбы по дорогѣ, какіе, безъ сомнѣнія, сами, добродію, если бывали въ Польшѣ, встрѣчали по тамошнимъ дорогамъ.

Не должно удивляться противорѣчіямъ, испестрявшимъ монологъ нашего поселянина. Кромѣ дѣйствительной неизвѣстности, малороссіяне любили поусомниться и въ самомъ знакомомъ имъ дѣлѣ. Малороссіянинъ и допынѣ ничего не скажетъ наобумъ, но разъ десять поправитъ себя, а иногда съ умысломъ запутаетъ своего слушателя такъ, что тотъ, къ изумленію своему, видитъ, что до такого-то мѣста и далеко и близко.

— Куда же, по крайней мѣрѣ, мнѣ теперь держать путь?—спросилъ странникъ, вперивъ испытующій взоръ на своего наставника.

Тутъ селянинъ нашъ осмотрѣлъ его хорошенько съ головы до ногъ.

— А вы, добродію, хотите теперь ѣхать?

— Почему же не теперь?

— Богъ съ вами! теперь и нашъ братъ, здѣшній, уже сильно подумавши развѣ поѣдетъ. Знаешь, мосьпане, вѣдь намъ стоитъ только проѣхать такое время, въ какое добрый мужикъ успѣетъ вымолотить полкопны жита, чтобы заслышать собачій лай съ моего двора. Все бы лучше опочить въ теплой хатѣ, а завтра хоть и съ Богомъ!

Отъ такого предложенія нельзя было отказаться путнику, который, кажется, того только и ожидалъ.

— А куда,—спросилъ дорогою поселянинъ нашъ своего будущаго гостя, — лежитъ путь вамъ, мосьпане?

— Ѣду-то я далеко, на ту сторону Ворсклы, къ миргородскому полковнику Глечику. Что, землякъ, не знаешь ли и ты его?

— Какъ не знать этой старой собаки! А изъ какихъ мѣстъ Богъ несетъ?

— Изъ великой станицы, что подъ Лохвицею.

— Какъ же это, добродію, мы не слышали ничего про то, чтобы станица была подъ Лохвицею?—Тутъ вонзилъ онъ въ него острый взоръ свой, который, казалось, хотѣлъ выпытать его душу.—И то сказать! гдѣ уже мужику знать все про войсковыя дѣла; до нашего захолустья еще и слухи не дошли объ этомъ.

Посланникъ нашъ спохватился, что не нужно бросать осторожности въ разсказняхъ и съ простымъ селяниномъ и потому, собравшись немного съ мыслями, продолжалъ:—То-есть, вотъ видишь, землякъ, навѣрное я еще не могу сказать. Въ самой-то станицѣ я не былъ, а встрѣтившійся подъ Лохвицею запорожскій сотникъ Шляйко, узнавъ, что я ѣду въ эти мѣста, далъ мнѣ грамотку къ миргородскому полковнику. Летѣлъ онъ, какъ угорѣлый; изъ разспросовъ его я ничего не могъ узнать навѣрное. Недавно передъ тѣмъ возвратился я изъ Варшавы... Видишь, онъ, можетъ быть, имѣлъ причины не довѣрять мнѣ... то-есть... онъ... ты, думаю, понимаешь меня?

— Что вы говорите, добродію! Развѣ мужикъ поймета то, что толкуютъ паны? Ей Богу, нѣтъ; гдѣ намъ понять! У насъ и голова не такъ сдѣлана, какъ у пановъ: чортъ знаетъ, что такое; больше на капусту похоже, чѣмъ на голову.

— О, да ты штука!—подумалъ про себя Лапчинскій и положилъ себѣ быть какъ можно осторожнѣе въ словахъ.

Онъ все это время ѣхалъ шагомъ, уравнивая легкую поступь своего гордаго копя съ лѣнивою выступкою тяжелыхъ воловъ, впереди которыхъ съ флегматическою важностью шелъ селянинъ, помахивая батогомъ и потягивая коротенькую люльку *). Дымъ отъ нея обнималъ облаками смуглое лицо его, которое, освѣщаясь иногда вспыхивавшимъ огонькомъ, казалось лицомъ какого-нибудь упыря, выказывавшимся по временамъ изъ непробуднаго болотнаго тумана и сѣявшимъ искры чуднаго огня. Это заставляло Лапчинскаго чаще всматриваться ему въ глаза, чтобъ удостовѣриться, точно ли то былъ его товарищъ.

Но селянинъ нашъ самъ отгонялъ всякое насчетъ его сомнѣніе, не давая минуты задуматься своему гостю. — Слыхали-ль вы, добродію, про таковое диво? — говорилъ онъ, не выпуская изо рта своей трубки,—видишь-ли сосну, вонъ далеко, далеко чернѣетъ передъ нами?

И путникъ, къ удивленію своему, точно, увидѣлъ сосну. Какимъ образомъ зашла она сюда, когда во всей почти этой сторонѣ Малороссіи, на разстояніи, можетъ быть, по сту верстъ во всѣ стороны, взоръ не отыскивалъ этой суровой жилицы Сѣвера? Невольно вперилъ онъ на нее глаза свои: она одна только посреди обнаженнаго лѣса сохраняла, казалось, жизнь. Но жизнь-ли это? Это была мумія, которую съ изумленіемъ отыскиваютъ между голыми скелетами одну, не сокрушенную тлѣніемъ. Въ ней видны тѣ же черты, та же прекрасная форма человѣка объемлетъ ее; но, Боже, въ какомъ видѣ! Неотразимое, непонятное чувство тоски и ужаса врывается въ душу при взглядѣ на жалкій обманъ, которымъ суетное искусство силится выхватить и удержать что-то похожее на жизнь.

— Это еще не большое диво, что сосна, а вотъ что диво. Лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, какъ мы балагуримъ съ вами, жилъ, чуть-ли не на вотъ этомъ мѣстѣ, въ хоромахъ великій панъ. Воевода-ли онъ былъ, сотникъ-ли какой, или просто панъ, этого я не умѣю сказать; знаю только, что онъ былъ ляхъ и не нашей вѣры. Жилъ онъ, какъ всѣ нечистые польскіе паны живутъ: домъ съ утра до вечера ходенемъ ходилъ отъ вина да отъ пѣсенъ, и далече прохватывала дрожь крещенаго человѣка, когда онъ слышалъ раздававшіеся изъ лѣсу крики. Хлопцы изъ дворни его то и дѣло что наѣзднячали по хуторамъ да обирали бѣдныхъ жителей. Этого мало. Стали обворовывать да обдирать Божьи церкви, и такое дѣлали... врагъ съ ними! не хочу и говорить, что такое. Побить бы ихъ всѣхъ, добродію,— такъ нельзя, потому что дворни одной у нихъ было, можетъ, съ полторы сотни, да и на каждаго бердыши, самопалы и вся сбруя ратная. Вотъ и вызвался одинъ дьяконъ,—какъ уже его звали и изъ какого приходу онъ былъ, ей-Богу, добродію, не знаю,—вызвался и пришелъ въ лѣсъ. Если бы теперь не ночь и не засыпало листьемъ, то я, можетъ-статься, показалъ бы вамъ останки этого дьявольскаго гнѣзда. На ту пору,—такъ, видно, самъ Богъ уже хотѣлъ,—былъ у нихъ какой-то окаянный праздникъ. Дьяконъ шелъ уже на пропало, сказалъ: „Господи, благослови!“ и, сколько доставало духу, толкнулся въ ворота, запертыя толпившимся народомъ. Цымбалы и бандуры бренчали и гудѣли, словно на свадьбѣ, а пьяные паны и дворня изо всей силы отдирали краковякъ. Какъ только завидѣли дьякона, такъ, добродію, и закричали: „Зачѣмъ сюда принесло попа?“ А панъ говоритъ: „Гей, хлопцы! налейтека попу водки: пусть его гайпустетъ съ нами, добрыми христіанами, краковякъ, да подгоняйте его хорошенько батожьемъ!“ Дьяконъ, исполнившись, видно, Святого Духа, началъ представлять нечестивымъ весь грѣхъ беззаконнаго житья ихъ, и какія на томъ свѣтѣ будутъ имъ муки, и какъ

*) Трубку.

будутъ они плясать въ пеклѣ*), только не по своей волѣ, а подгоняемые горячими вилами чертей.—А, такъ ты еще и проповѣдь читаешь! Гей, хлопцы! поднимите попа на крылосъ, а чтобъ не застудилъ горла, накиньте ему галстукъ на шею!—И тутъ же челядь, съ нечеловѣчьимъ смѣхомъ и гиканьемъ, встащила несчастнаго дьякона на ту самую сосну, мимо которой лежитъ намъ путь. Позвольте, добродію: тутъ-то и исторія. Сосна эта какъ разъ стояла передъ хоромами и какъ нарочно еще передъ самыми окошками панской свѣтлицы. Вотъ, какъ ночь уже разогнала всѣхъ: кого на лавку, кого подъ лавку, пану нашему чудится, что на него каплетъ что-то холодное.—Что за нечистый!—подумалъ панъ:—отчего это каплетъ?—Всталъ съ постели, глядитъ: колючія вѣтви сосны царапаются къ нему сквозь стѣну и, будто живыя, вытягиваются длиннѣе, длиннѣе и какъ разъ достаютъ до него. Перекрестился, можетъ быть, въ первый разъ отъ роду нашъ панъ, когда увидѣлъ, что изъ нихъ каплетъ человѣчья кровь, сначала холодная какъ ледъ, а потомъ жжетъ да и только. Къ окну—такъ и ноги подкосились: сосна вся посинѣла, какъ мертвецъ, и страшно киваетъ ему черною, всклокоченною бородою. Сначала было думалъ панъ, не хмель-ли бродитъ у него въ головѣ: такъ на слѣдующую ночь то же диво, и вся дворня въ одинъ голосъ, что по лѣсу то и дѣло что отпѣваютъ усопшаго такимъ страшнымъ голосомъ, что всякаго морозъ деретъ по кожѣ, и волосы щетиною поднимались на головѣ. Чего ужь ни дѣлали: и погребли съ честью тѣло дьякона, и принимались было рубить сосну,—такъ сѣкира не беретъ: что ни ударятъ, топоръ вызубрится, а дерево стонетъ, будто дитя некрещеное. Рѣшились, наконецъ, бросить это окаянное мѣсто. Вотъ каждый день и соберется вся челядь, осѣдлаютъ коней, заберутъ все съ собою и выѣдутъ, еще черти не бьются на кулачки; ѣдутъ, ѣдутъ, до самаго вечера: кажись, Богъ знаетъ, куда заѣхали! остановятся ночевать—смотрятъ, знакомыя все мѣста: опять тотъ же дикій лѣсъ, тѣ же хоромы, а проклятая сосна, протягивая вѣтви, словно руки, хватаетъ пана и обдаетъ его кровавыми пятнами, а черная, всклокоченная борода также жутко киваетъ ему...

Тутъ разсказчикъ нашъ стремительно ударилъ въ слушателя огненными глазами своими, блиставшими еще ярче посреди ночи, и, казалось, не безъ удовольствія замѣтилъ въ немъ впечатлѣніе, произведенное его разсказомъ. Дѣйствительно, путникъ нашъ не могъ не ощутить какого-то тайно врывавшагося въ душу страха и съ безпокойствомъ посматривалъ вокругъ.

*) Въ адѣ.

Въ это время поравнялись они съ сосной. Серебряный свѣтъ падалъ на печальныя вѣтви ея, и отбрасывавшіяся отъ нихъ тѣни, будто продолженіе ихъ, переламливаясь о встрѣчныя деревья, ложились безконечною лѣстницею на землю. Вѣтеръ слегка покачивалъ вершину, и когда путникъ, немного проѣхавъ, оглянулся назадъ, то ему показалось, что какой-нибудь непріязненный духъ, принявъ дикій, величественный образъ, медленно слѣдовалъ за нимъ, печально покачивая угрюмою бородою и раскидывая темно-зеленыя объятія свои въ намѣреніи схватить его.

— Что же далѣе случилось?—спросилъ онъ умолкшаго разсказчика, стараясь подавить невольную робость.

— Что? Круто пришлось пану: распустилъ всю свою дворню, сталъ схимникомъ и какъ отправилъ пятьдесятъ двѣ панихиды за упокой души дьякона, тогда только стихнуло чудо. Куда же дѣлся послѣ того схимникъ, этого никто не скажетъ вамъ. Дня за три до Купала каплетъ съ этого дерева день и ночь роса. Говорятъ еще, что и стубленная чья-то душа таскается по лѣсу. Теща разсказывала года за четыре, когда была еще при памяти, что встрѣтила однажды въ лѣсу дьявола въ красномъ жупанѣ, въ какомъ ходилъ и покойный панъ. Цобъ, цобъ, цобе! гей! Вотъ мы, добродію, и пріѣхали.

Лапчинскій увидѣлъ дѣйствительно передъ собою низенькія ворота, рѣдко убитыя впоперекъ положенными досками, какія и теперь можно видѣть почти у каждаго малороссійскаго поселянина. Лай собакъ залился по лѣсу, и старая женщина, въ накинутомъ на плечи тулупѣ, вышла отворить ворота. Глазамъ нашего путника представился небольшой дворикъ, обнесенный заборомъ изъ болотнаго тростника, нѣсколько сараевъ и хлѣвовъ, укрытыхъ такимъ же тростникомъ, и обыкновенная малороссійская хата. На дворѣ наваленъ былъ ворохъ ульевъ, изъ которыхъ многіе развѣшены были на деревьяхъ, нагибавшихъ со всѣхъ сторонъ любопытныя вѣтви свои во дворъ, какъ будто низкая буколическая жизнь его могла доставить имъ, величественнымъ, занимательное зрѣлище. Позади двора тянулось еще какое-то строеніе, котораго за темнотою нельзя было распознать. По всему можно было заключить, что имѣніе сіе принадлежало слишкомъ зажиточному казаку: въ тогдашнія времена не у всякаго могло найтись подобное великолѣпіе.

Пока хозяинъ занимался выгрузкою своего вьюка, Лапчинскому было довольно времени разсмотрѣть внутренность этого обиталища. Все въ немъ было почти такъ же, какъ и нынѣ у простолюдиновъ Малороссіи; противъ дверей нѣсколько оконъ, передъ ними столъ, на которомъ замѣтилъ онъ

ржаной хлѣбъ и соль, не снимавшіеся съ него никогда, въ знакъ того, что гость во всякое время можетъ найти радушный пріемъ себѣ. Всю комнату обходили липовыя широкія и узкія лавки; у дверей громоздилась печь, съ отверстіемъ внизу, заслоненнымъ частою рѣшеткою, изъ-за которой выглядывали куры, гуси, индѣйки и домашніе кролики. Каждый изъ сихъ безсловесныхъ жильцовъ суетился по своему: пищалъ, кудахталъ, гоготалъ и давалъ знать, что онъ нимало не послѣднее изъ твореній. На полу мальчишка лѣтъ четырехъ колотилъ огромнымъ подсолнечникомъ по опрокинутому горшку, между тѣмъ какъ другой, годомъ постарѣе, душилъ за горло кота, напѣвая какую-то пѣсню, которую, вѣрно, отъ частаго повторенія его матери, заучилъ навѣки. Передъ большимъ, окованнымъ сундукомъ сидѣла дѣвочка лѣтъ одиннадцати, держа на рукахъ грудного ребенка, плакавшаго изо всѣхъ силъ, несмотря на то, что она, желая забавить его, побрякивала огромнымъ замкомъ и стращала малютку вошедшимъ гостемъ. На стѣнѣ висѣли: серпъ, сабля, ружье, котораго замокъ былъ развинченъ и лежалъ близъ него на полкѣ, вѣроятно, отложенный для починки, сѣкира, турецкій пистолетъ, еще ружье, неотпущенная коса и коротенькая нагайка,—орудія, съ незапамятныхъ временъ вѣчно враждовавшія между собою и которыя непонятный человѣкъ заставляетъ мириться, несмотря на несходныя ихъ свойства.

— Прошу не погнѣваться, добродію, что заставилъ васъ ждать немного!—сказалъ вошедшій хозяинъ, — такъ проклятая ярмарка ошеломила меня, что до сихъ поръ въ головѣ базаръ ходитъ. Счастье еще, что старухи моей нѣтъ дома, а то бы она вымыла мнѣ голову. Дома только насъ: я да теща.

При семъ словѣ вошла та самая старуха, которая отворяла ворота. Съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ разсматривалъ ее путникъ. Казалось, передъ нимъ стояла жертва могилы, въ которой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы показать человѣку всю ничтожность долголѣтія, къ коему такъ жадно стремятся его желанія. Могильное равнодушіе разлилось на усѣянныхъ морщинами чертахъ ея. Ни искры какой-нибудь живости въ глазахъ! мутные, они устремлялись порой на него; но тотъ бы обманулся, кто прочиталъ бы въ нихъ что-нибудь похожее на любопытство. Они ни на что не глядѣли; имъ все казалось смутно, какъ не совсѣмъ проснувшемуся человѣку. Покамѣстъ предавался онъ такимъ чувствамъ, старуха отправилась на печь, всегдашнее свое жилище, весь міръ свой, который такъ же казался ей просторенъ и люденъ, какъ и всякій другой; а хозяинъ обратился къ дѣтямъ своимъ.—Ай да Ѳедотъ!—говорилъ онъ, поднимая одною рукою подъ потолокъ мальчика съ подсолнечникомъ,—гдѣ ты взялъ такой страшный сонечникъ?*) Да этимъ ты какъ-нибудь человѣка убьешь! Ты что тамъ дѣлаешь, Карпо? кота душишь? Какой же я тебѣ гостинецъ привезъ! Ступай же, собачій сынъ! что-жъ ты стоишь и ротъ разинулъ? Вотъ, какъ видите, добродію, сто ра ъ толкую, что я его батька; до сихъ поръ не вѣритъ, ледача дѣтина!**) А ты, плакса, долго будешь ревѣть? А подайте мнѣ батогъ, вотъ я его! Давай его сюда, Маруся, я сейчасъ за окошко: пусть тамъ съѣдятъ его волки, либо ляхи...

— Тебя таки, землякъ, Богъ надѣлилъ дѣтьми? —сказалъ гость нашъ своему хозяину.

— Да, не безъ того, мосьпане! всѣхъ-то ихъ у меня семеро. Два уже поженились на чужой сторонѣ, только чортъ знаетъ, какое приданое взяли за невѣстами: по сажени земли, на которой ничего не родится, кромѣ полыни и бурьяну. Что-жъ ты, Ѳедотъ, не скажешь спасибо? Панъ дастъ пряникъ, а онъ и не поклонится. Не извольте цѣловать его! у него вся рожа выпачкана золою. Были мнѣ съ нимъ порядочныя хлопоты. Услышалъ, что ѣду на ярмарку. „Возьми и меня, тату!“ „Да куда я тебя дѣну? тамъ тебя задавятъ!“ — Нѣтъ, не задавятъ, возьми, да и возьми!— Да тамъ теперь столько цыгановъ, что еще украдутъ тебя, и тогда поминай, какъ звали.—Возьми да и только! Что станешь дѣлать? плачу такого натворилъ, что Боже упаси. Насилу унялъ его обѣщаніемъ привезти медоваго коня съ золотой головою. Ну, Маруся, матери не зачѣмъ дожидаться: давай-ка намъ вечерять***); баба ужь, вѣрно, спитъ. Такъ до кого, добродію,—продолжалъ онъ, вдругъ оборотясь къ гостю и садясь за столъ,—говоришь ты, ѣдешь? У меня подъ старость голова, какъ дырявое ведро: сколько ни лей воды въ него, все пусто; сколько ни толкуй умныхъ рѣчей, все позабудетъ.

— Какъ, землякъ? развѣ я не сказалъ тебѣ, что до Глечика?—отвѣчалъ гость, немного удивленный такою странною забывчивостью.

— До миргородскаго полковника? такъ нечего тебѣ и забираться такъ далеко: никто другой, какъ онъ, сидитъ передъ тобою, мосьпане!

Если бы въ это время пуля пролетѣла мимо ушей Лапчинскаго, онъ былъ бы менѣе удивленъ. Такъ внезапно, такъ неожиданно напасть на него врасплохъ, когда всѣ мысли его разбрелись... когда... Нѣтъ! не можетъ быть! онъ ослышался!

---

*) Подсолнечникъ, по малороссійскому произношенію.
**) Негодный ребенокъ.
***) Ужинать.

И глаза его неподвижно устремились на хозяина, какъ бы желая удостовѣриться въ лживости того, о чемъ донесъ ему слухъ его.

1830.

О ПРЕПОДАВАНІИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

I.

Всеобщая исторія, въ истинномъ ея значеніи, не есть собраніе частныхъ исторій всѣхъ народовъ и государствъ безъ общей связи, безъ общаго плана, безъ общей цѣли, куча происшествій безъ порядка, въ безжизненномъ и сухомъ видѣ, въ какомъ очень часто ее представляютъ. Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество—какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконецъ, достигло нынѣшней эпохи. Показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка кровавыми трудами, борясь отъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препятствіями—вотъ цѣль всеобщей исторіи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму. Происшествіе, не произведшее вліянія на міръ, не имѣетъ права войти сюда. Всѣ событія міра должны быть такъ тѣсно связаны между собою и цѣпляться одно за другое, какъ кольца въ цѣпи. Если одно кольцо будетъ вырвано, то цѣпь разрывается. Связь эту не должно принимать въ буквальномъ смыслѣ: она не есть та видимая, вещественная связь, которою часто насильно связываютъ происшествія, или система, создающаяся въ головѣ независимо отъ фактовъ, и къ которой послѣ своевольно притягиваютъ событія міра. Связь эта должна заключаться въ одной общей мысли, въ одной неразрывной исторіи человѣчества, передъ которою и государства, и событія — временные формы и образы. Міръ долженъ быть представленъ въ томъ же колоссальномъ величіи, въ какомъ онъ являлся, проникнутый тѣми же таинственными путями Промысла, которые такъ непостижимо на немъ означались. Интересъ необходимо долженъ быть доведенъ до высочайшей степени, такъ, чтобы слушателя мучило желаніе узнать далѣе; чтобы онъ не въ состояніи былъ закрыть книгу или не дослушать, но если бы и сдѣлалъ это, то развѣ съ тѣмъ только, чтобы начать сызнова чтеніе; чтобы очевидно было, какъ одно событіе рождаетъ другое и какъ безъ первоначальнаго не было бы послѣдующаго. Только такимъ образомъ должна быть создана исторія.

II.

Все, что ни является въ исторіи: народы, событія—должны быть непремѣнно живы и какъ бы находиться предъ глазами слушателей или читателей, чтобъ каждый народъ, каждое государство сохраняли свой міръ, свои краски, чтобы народъ, со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на міръ, проносился ярко, въ такомъ же точно видѣ и костюмѣ, въ какомъ былъ онъ въ минувшія времена. Для того нужно собрать немногія черты, но такія, которыя бы высказывали много, —черты самыя оригинальныя, самыя рѣзкія, какія только имѣлъ изображаемый народъ. Для того, чтобы извлечь эти черты, нуженъ умъ, сильный схватить всѣ незамѣтные для простого глаза оттѣнки, нужно терпѣніе перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ. Но что уже одинъ узналъ, то другимъ передается легко; и потому слушатели должны узнать это, не роясь въ архивахъ.

III.

Преподаватель долженъ призвать въ помощь географію, но не въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ ее часто принимаютъ, т.-е. для того только, чтобы показать мѣсто, гдѣ что происходило. Нѣтъ! Географія должна разгадать многое, безъ нея неизъяснимое въ исторіи. Она должна показать, какъ положеніе земли имѣло вліяніе на цѣлыя націи; какъ оно дало особенный характеръ имъ; какъ часто гора, вѣчная граница, взгроможденная природою, дала другое направленіе событіямъ, измѣнила видъ міра, преградивъ великое разлитіе опустошительнаго народа, или заключивши въ неприступной своей крѣпости народъ малочисленный; какъ это могучее положеніе земли дало одному народу всю дѣятельность жизни, между тѣмъ какъ другой осудило на неподвижность; какимъ образомъ оно имѣло вліяніе на нравы, обычаи, правленіе, законы. Здѣсь-то они должны увидѣть, какъ образуется правленіе: что его не люди совершенно установляютъ, но нечувствительно устанавливаетъ и развиваетъ самое положеніе земли; что формы его оттого священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастье на народъ.

IV.

Событія и эпохи великія, всемірныя, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться

на первомъ планѣ со всѣми своими слѣдствіями, измѣнившими міръ: не такъ, какъ дѣлаютъ иногда преподаватели, которые, сказавши, что такое-то происшествіе есть великое, тѣмъ и отдѣлываются, или приводятъ близорукія слѣдствія въ видѣ отрубленныхъ вѣтвей, тогда какъ должно развить его во всемъ пространствѣ, вывесть наружу всѣ тайныя причины его явленія и показать, какимъ образомъ слѣдствія отъ него, какъ широкія вѣтви, распростираются по грядущимъ вѣкамъ, болѣе и болѣе развѣтвляются на едва замѣтные отпрыски, слабѣютъ и, наконецъ, совершенно исчезаютъ или глухо отдаются даже въ нынѣшнія времена, подобно сильному звуку въ горномъ ущельи, который вдругъ умираетъ послѣ рожденія, но долго еще отзывается въ своемъ эхѣ. Эти событія должно показать въ такомъ видѣ, чтобы всѣ видѣли ясно, что они великіе маяки всеобщей исторіи, что на нихъ она держится, какъ земля держится на первозданныхъ гранитахъ, какъ животное на своемъ скелетѣ.

V.

Теперь объ образѣ преподаванія. Слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный. Онъ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей. Если хоть одинъ изъ нихъ можетъ предаться во время лекціи посторонннимъ мыслямъ, то вся вина падаетъ на профессора: онъ не умѣлъ быть такъ занимателенъ, чтобы покорить своей волѣ даже мысли слушателей. Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное вліяніе происходитъ отъ того, если слогъ профессора вялъ, сухъ и не имѣетъ той живости, которая не даетъ мыслямъ ни на минуту разсыпаться. Тогда не спасетъ его самая ученость: его не будутъ слушать; тогда никакія истины не произведутъ на слушателей вліянія, потому что ихъ возрастъ есть возрастъ энтузіазма и сильныхъ потрясеній; тогда происходитъ то, что самыя ложныя мысли, слышимыя ими стороною, но выраженныя блестящимъ и привлекательнымъ языкомъ, мгновенно увлекутъ ихъ и дадутъ имъ совершенно ложное направленіе. Что же тогда, когда профессоръ еще сверхъ того облеченъ школьною методою, схоластическими мертвыми правилами и не имѣетъ даже умственныхъ силъ доказать ихъ; когда юный, развертывающійся умъ слушателей, начиная понимать уже выше его, пріучается презирать его? Тогда даже справедливыя замѣчанія возбуждаютъ внутренній смѣхъ и желаніе дѣйствовать и умствовать наперекоръ; тогда самыя священныя слова въ устахъ его, какъ-то: преданность къ религіи и привязанность къ отечеству и государю, превращаются для нихъ въ мнѣнія ничтожныя. Какія изъ этого бываютъ ужасныя слѣдствія, это видимъ, къ сожалѣнію, нерѣдко. И потому-то не должно упускать изъ вниманія, что возрастъ слушателей есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этотъ энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное; чтобы разсказъ профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ. Его убѣжденія должны быть такъ сильны, такъ выведены изъ самой природы, такъ естественны, чтобы слушатели сами увидѣли истину еще прежде, нежели онъ совершенно укажетъ на нее. Разсказъ профессора долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпать и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть простъ и понятенъ для всякаго. Истинно высокое одѣто величественною простотою: гдѣ величіе, тамъ и простота. Онъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что его нѣкоторые понимаютъ: его должны понимать всѣ. Чтобы дѣлаться доступнѣе, онъ не долженъ быть скупъ на сравненія. Какъ часто понятное еще болѣе поясняется сравненіемъ! И потому эти сравненія онъ долженъ всегда брать изъ предметовъ самыхъ знакомыхъ слушателямъ: тогда и идеальное, и отвлеченное становится понятнымъ. Онъ не долженъ говорить слишкомъ много, потому что этимъ утомляется вниманіе слушателей и потому что многосложность и большое обиліе предметовъ не дадутъ возможности удержать всего въ мысляхъ. Каждая лекція профессора непремѣнно должна имѣть цѣлость и казаться оконченною, чтобъ въ умѣ слушателей она представлялась стройною поэмою, чтобы они видѣли вначалѣ, что она должна заключать въ себѣ и что заключаетъ: чрезъ это они сами въ своемъ разсказѣ всегда будутъ соблюдать цѣль и цѣлость. А это необходимѣе всего въ исторіи, гдѣ ни одно событіе не брошено безъ цѣли.

VI.

Планъ же для преподаванія, послѣ многихъ наблюденій, испытаній себя и слушателей, я полагаю лучшимъ слѣдующій:

Прежде всего почитаю необходимымъ представить слушателямъ эскизъ всей исторіи человѣчества въ немногихъ, но сильныхъ словахъ и въ нераздѣльной связи, чтобы они вдругъ обняли все то, о чемъ будутъ слышать; иначе они не такъ скоро и не въ такой ясности постигнутъ весь механизмъ исторіи,—все равно, какъ нельзя узнать совершенно городъ, исходивши всѣ его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное мѣсто, откуда бы онъ виденъ былъ весь, какъ на ладони. Я набрасываю здѣсь эскизъ для того, чтобы

показать вмѣстѣ, въ какомъ видѣ и въ какой связи должна быть исторія.

Прежде всего я долженъ представить, какимъ образомъ человѣчество началось Востокомъ. Я долженъ изобразить Востокъ съ его древними, патріархальными царствами, съ религіями, облеченными въ глубокую таинственность, такъ непонятную для простого народа, кромѣ религіи евреевъ, между коими сохранилось чистое, первобытное вѣдѣніе истиннаго Бога; какъ эти древнія государства оградились другъ отъ друга, будто неприступною стѣною, нетерпимостью и китайскою осторожностью; какъ одинъ только народъ финикійскій, первые мореплаватели древняго міра, приводилъ невольно своею промышленностью въ сообщеніе эти почти неподвижныя государства, и какимъ образомъ первый всемірный завоеватель, Киръ, съ свѣжимъ и сильнымъ народомъ, персами, подвергъ весь Востокъ своей власти и насильно соединилъ разнохарактерные народы; но нравы, религія, формы правленія остались въ государствахъ тѣ же, цари только обратились въ сатраповъ, и весь Востокъ видѣлъ надъ собою одну верховную власть царя царей, персидскаго повелителя; какъ постепенно, отъ взаимнаго сообщенія, эти народы теряли свою особенность и національность и вмѣстѣ съ своимъ царемъ царей, почти богомъ, невидимымъ для народа, повергнись въ азіатскую роскошь.—Здѣсь я останавливаюсь и обращаюсь къ другой части древняго міра, къ Европѣ. Я долженъ изобразить, какъ возникъ въ ней этотъ цвѣтъ его, народъ греческій, съ живымъ, любопытнымъ умомъ, республиканскимъ духомъ, совершенно противоположными формами правленія, поэтической религіей, ясными, живыми идеями, такъ противоборствующими важной таинственности Востока; какъ развернулось у нихъ просвѣщеніе въ такомъ необыкновенномъ блескѣ, и какъ, наконецъ, одинъ честолюбивый грекъ подвергъ ихъ своей монархической власти; какъ этотъ великій грекъ задумалъ гигантское дѣло: соединить Востокъ съ Европою и разнесть вездѣ греческое просвѣщеніе. И вотъ, чтобы связать тѣснѣе три части свѣта, строится городъ Александрія; герой умираетъ, всесвѣтная монархія падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но подвиги его живы, плоды зрѣютъ: настаетъ знаменитый александрійскій вѣкъ, когда весь древній міръ толпится у гавани александрійской, когда греческіе ученые во всѣхъ городахъ, и національность опять исчезаетъ, народы опять смѣшиваются! А между тѣмъ въ Италіи, почти невидимо отъ всѣхъ, созрѣваетъ желѣзная сила римлянъ.

Я долженъ изобразить, какъ этотъ суровый, воинственный народъ покоряетъ одно за другимъ государства, обогащается награбленными богатствами, поглощаетъ весь Востокъ. Легіоны его проникаютъ въ тѣ земли Европы, гдѣ владѣніе уже не доставляетъ ничего нужнаго для человѣка. Уже Цезарь заноситъ ногу въ Британію, римскіе орлы на скалахъ Албіона... Между тѣмъ невѣдомыя степи средней Азіи извергаютъ толпы невѣдомыхъ народовъ, которые тѣснятъ и гонятъ предъ собою другихъ, вгоняютъ ихъ въ Европу, сами несутся по пятамъ ихъ и грозно останавливаются на сѣверѣ, какъ зловѣщая кара, ожидающая обреченной жертвы, скрытые отъ римлянъ германскими лѣсами и непроходимыми болотами. А между тѣмъ уже ни одного не остается независимаго царства. Весь міръ раздѣленъ на римскія провинціи. Римляне перенимаютъ все у побѣжденныхъ народовъ — сначала пороки, потомъ просвѣщеніе. Все мѣшается опять. Всѣ дѣлаются римлянами, и ни одного настоящаго римлянина! И когда развратные императоры, своевольное войско, отпущенники и содержатели зрѣлищъ тиранствуютъ надъ міромъ, — въ нѣдрахъ его непримѣтно совершается великое событіе: въ ветхомъ мірѣ зарождается новый, воплощается, неузнанный міромъ, Божественный Спаситель его, и вѣчное слово, не понятое властелинами, раздается въ темницахъ и пустыняхъ, таинственно выжидая новыхъ народовъ. Наконецъ, на весь древній міръ непостижимо находитъ летаргическій сонъ, та страшная неподвижность, то ужасное онѣмѣніе жизни, когда просвѣщеніе не двигается ни впередъ, ни назадъ, сила и характеръ исчезаютъ, все обращается въ мелкій, ничтожный этикетъ, жалкую, развратную безхарактерность. А въ Азіи, между тѣмъ, новый толчокъ, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ по всей цѣпи: одинъ народъ тѣснитъ и гонитъ передъ собою другой, который въ свою очередь сгоняетъ третій, и самые крайніе появляются уже на римскихъ границахъ, тогда какъ жалкіе побѣдители міра употребляютъ всѣ усилія спасти себя: сначала откупаются золотомъ, потомъ изъ нихъ же составляютъ себѣ войско защитниковъ, потомъ отдаютъ имъ, одну за другою, всѣ свои провинціи, наконецъ, предаютъ имъ Римъ, и тѣ, которые сохраняли еще слабые остатки познаній, бѣгутъ на востокъ; прочіе, невѣжественные и слабые, исчезаютъ въ сильныхъ толпахъ новаго народа.

Я долженъ изобразить, какъ начинается новая жизнь въ Европѣ, какъ основываются и принимаютъ крещеніе дикія государства въ границахъ, назначенныхъ природою, съ феодальными правами, съ вассальными владѣніями, и какъ могущественный папа, прежде только римскій первосвященникъ, дѣлается государемъ, незамѣтно присоединяетъ къ своей сильной религіозной власти свѣтскую. Между тѣмъ, на Востокѣ остатки римлянъ

тѣснятся и покоряются новымъ сильнымъ народомъ, мгновенно, какъ бы фантастически, возродившимся на своемъ каменномъ Аравійскомъ полуостровѣ, подвигнутымъ до изступленія религіей, совершенно восточной, основанной полупомѣшаннымъ энтузіастомъ Магометомъ; какъ этотъ народъ, съ азіатской саблей въ рукахъ, распространялъ магометанство на мѣсто прежнихъ остатковъ греческаго просвѣщенія, и какъ изумительно, быстро этотъ чудесный народъ изъ завоевателей дѣлается просвѣтителемъ, развертывается во всемъ блескѣ, съ своей роскошной фантазіей, глубокими мыслями и поэзіей жизни, и какъ онъ вдругъ меркнетъ и затмевается выходцами изъ-за моря Каспійскаго, которымъ оставляетъ въ наслѣдство одно магометанство, какъ почти въ то же время въ Европѣ корсары сѣверныхъ морей, норманны, съ неслыханною дерзостью, въ маломъ числѣ, грабятъ и овладѣваютъ цѣлыми государствами, наконецъ, перемѣняютъ дикую религію свою на христіанство и прибавляютъ Европѣ свою силу и нравы; а между тѣмъ папа мало-по-малу дѣлается неограниченнымъ монархомъ всей Европы, и самый императоръ нѣмецкій, котораго уважали всѣ народы, не смѣетъ противустать ему, и какъ, по мановенію его, цѣлые народы, вассалы, короли оставляютъ свои земли, богатства, кладутъ пламенный крестъ на рамена и спѣшатъ съ энтузіазмомъ въ Палестину; какъ вся Европа, двинувшись съ мѣстъ, валится въ Азію, Востокъ сшибается съ Западомъ, и двѣ грозныя силы, христіанство съ магометанствомъ; какъ это великое событіе порождаетъ рыцарство, обнявшее всю Европу; какъ возникли орденскія общества, осудившія себя на безбрачную, одинокую жизнь, чтобы быть вѣрными одной цѣли, и произошелъ самый сильно-религіозный христіанскій вѣкъ; какъ энтузіазмъ къ вѣрѣ перешелъ потомъ границы, начертанныя десницею Божественнаго Спасителя, и какъ въ то же время, невидимо отъ всей Европы, совершается великій эпизодъ всемірной исторіи: созидается безпримѣрная по величинѣ монархія Чингисханова, поглотившая всѣ азіатскія земли, неизвѣстныя европейцамъ. Въ Европѣ одни только монастыри имѣютъ землю и осѣдлость; все обратилось въ рыцарство, все кочуетъ, все неспокойно: каждый вмѣстѣ и воинъ, и полководецъ, и вассалъ, и повелитель, и слушается и не слушается,—вѣкъ величайшаго разъединенія и вмѣстѣ единства! Каждый управляется своей волей, и между тѣмъ всѣ согласны въ одной цѣли и мысляхъ. Бѣдные поселяне, вытерпѣвъ чашу бѣдъ, наконецъ, рѣшаются соединиться, независимо отъ своихъ повелителей, въ города. Возникаетъ среднее сословіе гражданъ, города начинаютъ богатѣть, и на сѣверѣ Европы, въ отпоръ рыцарямъ, образуется Ганзейскій союзъ, связывающій всю сѣверную Европу своей торговлей. Между тѣмъ на югѣ возникаетъ порожденіе крестовыхъ походовъ—страшная торговлею Венеція, эта царица морей, эта чудная республика, съ такимъ замысловатымъ и необыкновенно устроеннымъ правленіемъ. Всѣ богатства Европы и Азіи невидимо перешли въ ея руки, и какъ папа религіозною властью, такъ Венеція неисчерпаемымъ богатствомъ повелѣвала Европою. Духовный деспотъ употреблялъ всѣ силы убить ея торговлю, но все было напрасно, пока, наконецъ, генуэзскій гражданинъ не убилъ ее открытіемъ Новаго Свѣта. Наконецъ, я долженъ представить, какъ вдругъ расширился кругъ дѣйствій, какъ пала торговля Средиземнаго моря. Европейцы съ жадностью спѣшатъ въ Америку и вывозятъ кучи золота; Атлантическій и Восточный океаны въ ихъ власти, и въ то же время папскія миссіи проникаютъ въ сѣверовосточную Азію и Африку —и міръ открывается почти вдругъ во всей своей обширности. Между тѣмъ въ Европѣ понемногу сомнѣваются въ справедливости папской власти, и какъ прежде торговлю Венеціи убилъ бѣдный генуэзецъ, такъ власть папы сокрушилъ августинскій монахъ Лютеръ. Какъ образовалась эта мысль въ головѣ смиреннаго монаха, какъ сильно и упрямо защищалъ онъ свои положенія! Какъ, при паденіи своемъ, папа становился грознѣе и изобрѣтательнѣе: ввелъ ужасную инквизицію и страшный невидимою силою орденъ іезуитскій, который вдругъ разсыпался по всему свѣту, проникъ во все, прошелъ вездѣ и тайно сообщался между собою на двухъ розныхъ концахъ міра. Но чѣмъ грознѣе становился папа, тѣмъ сильнѣе противъ него работали типографскіе станки. Вся Европа раздѣлилась на двѣ партіи, и эти партіи, наконецъ, схватились за оружіе, и война жестокая, внутри и внѣ государствъ, долгая, обхватила вдругъ всю Европу. Но уже не копьями и не стрѣлами производилась она,—нѣтъ! Пушками, ядрами, громомъ и огнемъ, ужаснымъ и благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ монаха-алхимиста разыгралась эта великая тяжба. Духовная власть пала. Государи становятся сильнѣе. Я долженъ изобразить, какъ измѣнилась Европа послѣ этихъ войнъ. Государства, народы сливаются плотнѣе въ нераздѣльныя массы. Нѣтъ того разъединенія власти, какъ въ средніе вѣка. Она сосредоточивается болѣе въ одномъ лицѣ. И какъ отъ того сильные характеры становятся видпѣе, кругъ государей, министровъ, полководцевъ обширнѣе! Самъ собою, невольно, завязывается въ Европѣ политическій союзъ, полагающій защищать оружіемъ неприкосновенность каждаго государства. А между тѣмъ неутомимые купцы-голландцы, вырвавшіе

свою землю у моря, овладѣваютъ островами Восточнаго океана, берутъ милліоны за разводимыя на нихъ плантаціи драгоцѣнныхъ растеній юга и, какъ прежде Венеція, схватываютъ торговлю всего міра, пока одинъ необыкновенный государь не подрываетъ ее и не покушается на неприкосновенность государствъ. Я долженъ изобразить блестящій вѣкъ, произведенный этимъ государемъ (Людовикомъ XIV), когда Франція закипѣла издѣліями роскоши, фабриками, писателями, когда Парижъ сдѣлался всемірною столицею, куда съѣзжались со всей Европы, и французскій языкъ, французскіе нравы, французскій этикетъ и обычаи распространились по всей Европѣ. Но, нарушивши неприкосновенность чужихъ владѣній, этотъ честолюбивый король хотя и разстраиваетъ торговлю голландцевъ, но вмѣстѣ разоряетъ свое государство, и самъ убиваетъ свое величіе. Какъ быстро пользуются этимъ островитяне британскіе, которые до того медленно, но вѣрно близились къ своей цѣли, наконецъ, очутились почти вдругъ обладателями торговли всего міра: ворочаютъ милліонами въ Индіи, собираютъ дань съ Америки, и гдѣ только море, тамъ британскій флагъ. Имъ преграждаетъ путь исполинъ XIX вѣка, Наполеонъ, и уже дѣйствуетъ другимъ орудіемъ—совершенно военнымъ деспотизмомъ, своими быстрыми движеньями оглушаетъ Европу и налагаетъ на нее желѣзное свое протекторство. Напрасно гремитъ противъ него въ англійскомъ парламентѣ Питтъ и составляетъ страшные союзы. Ничто не имѣетъ духа ему противиться, пока онъ самъ не набѣгаетъ на гибель свою, вторгнувшись въ Россію, гдѣ невѣдомыя ему пространства, лютость климата и войска, образованныя суворовскою тактикою, погубляютъ его. И Россія, сокрушившая этого исполина о неприступныя твердыни свои, останавливается въ грозномъ величіи на своемъ огромномъ сѣверовостокѣ. Освобожденныя государства получаютъ прежній видъ и прежнія формы, утверждаютъ снова союзъ и неприкосновенность владѣній. Просвѣщеніе, не останавливаемое ничѣмъ, начинаетъ разливаться даже между низшимъ классомъ народа; паровыя машины доводятъ мануфактурность до изумительнаго совершенства, будто невидимые духи помогаютъ во всемъ человѣку и дѣлаютъ силу его еще ужаснѣе и благодѣтельнѣе; —и онъ, въ священномъ трепетѣ, видитъ, какъ Слово изъ Назарета обтекло, наконецъ, весь міръ.

Когда исторія міра будетъ удержана въ такомъ краткомъ, но полномъ эскизѣ, и происшествія будутъ такъ связаны между собою, тогда ничто не улетитъ изъ головы слушателей и въ умѣ ихъ невольно составится цѣлое. Наконецъ, этотъ эскизъ, развившись въ великомъ объемѣ, составитъ полную исторію человѣчества.

VII.

Послѣ изложенія полной исторіи человѣчества, я долженъ разобрать отдѣльно исторію всѣхъ государствъ и народовъ, составляющихъ великій механизмъ всеобщей исторіи. Натурально, та же полнота, та же цѣлость должна быть видна и здѣсь въ обозрѣніи каждаго порознь. Я долженъ обнять его вдругъ, сначала до конца: какъ оно основалось, когда было въ силѣ и блескѣ, когда и отчего пало (если только пало) и какимъ образомъ достигло того вида, въ какомъ находится нынѣ; если же народъ стерся съ лица земли, то какимъ образомъ на мѣсто его образовался новый и что принялъ отъ прежняго.

VIII.

Чтобъ еще глубже все сказанное вошло въ память, по окончаніи курса необходимы повторительные обзоры. Но чтобы повтореніе было успѣшнѣе, нужно стараться давать ему интересъ и занимательность новизны. Послѣ исторіи всего міра и отдѣльно каждой земли и народа, не мѣшаетъ сдѣлать обзоръ каждой части свѣта и тутъ показать все отличіе какъ ихъ, такъ и народовъ, въ нихъ находящихся, чтобъ слушатели сами могли вывесть результатъ.

Во-первыхъ, объ Азіи, этой обширной колыбели младенчествующаго человѣчества, землѣ великихъ переворотовъ, гдѣ вдругъ возрастаютъ въ страшномъ величіи народы и вдругъ стираются другими; гдѣ столько націй невозвратно пронеслись, одна за другою, а между тѣмъ формы правленія, духъ народовъ одни и тѣ же: все также важенъ, также гордъ азіатецъ, также быстро воспламеняется и кипитъ страстями, также скоро предается лѣни и бездѣйственной роскоши. И вмѣстѣ съ симъ эта часть свѣта есть земля разительныхъ противоположностей и какого-то великаго безпорядка: еще одинъ народъ кочуетъ беззаботно въ необозримомъ многолюдствѣ съ необозримыми табунами, а между тѣмъ на другомъ концѣ, гдѣ-нибудь въ пустынѣ, изступленный изувѣръ, изнуряя себя безконечнымъ постомъ, замышляетъ новую религію, которая впослѣдствіи обхватитъ всю Азію, одѣнетъ народъ, какъ непроницаемой бронею, своимъ изступленнымъ вдохновеніемъ и поведетъ его на разрушеніе; и тутъ же, можетъ быть, недалеко отъ него находится народъ, уже перешедшій всѣ эти явленія и кризисы, уже погруженный въ роскошь, утомленный азіатскимъ пресыщеніемъ. Только здѣсь можетъ находиться та страшная противоположность, которой дивимся въ деревѣ юга, гдѣ на одной

вѣтвѣ, въ одно время, одинъ плодъ цвѣтетъ, между тѣмъ какъ другой наливается, третій зрѣетъ, четвертый, перезрѣлый, валится на землю.

Потомъ о Европѣ, исторія которой означена совершенно противоположною характерностью, гдѣ существованіе народовъ, напротивъ, долго и мощно; гдѣ все, напротивъ, порядокъ и стройность: народы разомъ подвигаются тактъ въ тактъ, какъ регулярныя европейскія войска; государства всѣ почти въ одно время растутъ и совершенствуются: при всѣхъ характерныхъ отличіяхъ націй, въ нихъ видно общее единство, и каждая изъ нихъ такъ чудно запутана съ другими, что становится совершенно понятною только въ соединеніи со всей Европою, и вся Европа кажется однимъ государствомъ. И въ этой небольшой части свѣта рѣшилась долгая тяжба: человѣкъ сталъ выше природы, а природа обратилась въ искусство; самая бѣдность и скупость ея вызвали наружу весь безграничный міръ, скрывавшійся въ человѣкѣ, дали ему почувствовать, во сколько онъ выше земного, и превратили всю страну въ вѣчную жизнь ума. Въ этой одной только части свѣта могущественно развился высокій геній христіанства, и необъятная мысль, осѣненная небеснымъ знаменіемъ креста, витаетъ надъ нею, какъ надъ отчизною.

Потомъ объ Африкѣ, представляющей, въ противоположность Европѣ, смерть ума, гдѣ природа всегда деспотически властвовала надъ человѣкомъ; гдѣ она во всемъ своемъ царственномъ величіи и всегда почти возвращала его въ первобытное состояніе, въ жизнь чувственную; гдѣ ни одинъ коренной туземный народъ не прожилъ мощною жизнью и не отбросилъ отъ себя яркихъ лучей на міръ; гдѣ даже переселенцы съ другихъ земель напрасно вступали въ борьбу съ палящею природою африканскою: чѣмъ далѣе погружались они въ Африку, тѣмъ глубже повергались въ чувственность.

Наконецъ, объ Америкѣ, этой всемірной колоніи, вавилонскомъ смѣшеніи націй, гдѣ столкнулись три противорѣчащія части свѣта, смѣшались, но еще не слились въ одно, и потому еще не имѣющей покамѣстъ никакого единства, даже единства религіи; не взирая на частную характерность, не получившей общаго характера; несмотря на огромную массу, все еще состоящей изъ первоначальныхъ стихій, разложенныхъ началъ; несмотря на независимыя государства, все еще похожей на колонію.

Быстрый обзоръ исторіи каждой части свѣта, во всей ея рѣзкой характерности, не поверхностный, но глубокій, результатъ вѣковъ и событій, потому необходимъ, что онъ наводитъ на мысль и заставляетъ слушателей думать. Умъ тогда быстрѣе развивается, когда самъ предлагаетъ себѣ великій и поэтическій вопросъ. Этотъ обзоръ каждой части тѣмъ болѣе еще необходимъ, что показываетъ часто съ новой стороны тѣ же предметы. А для полнаго уразумѣнія нужно, чтобы предметъ былъ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ. Только тогда вы знаете хорошо исторію,—говоритъ Шлецеръ,—когда знаете ее и вдоль, и поперекъ, и вкось, и во всѣхъ направленіяхъ.

IX.

И для того, въ видѣ эпилога, послѣ окончанія курса хорошо разсмотрѣть за однимъ разомъ весь міръ по столѣтіямъ. Тогда всеобщая исторія представитъ у меня великую лѣстницу вѣковъ. Я долженъ непремѣнно показать, чѣмъ ознаменовано начало, средина и конецъ каждаго столѣтія, потомъ—духъ и отличительныя черты его. Чтобы лучше опредѣлить каждый вѣкъ и избѣгнуть монотонности чиселъ, я назову его именемъ того народа или лица, который сталъ въ немъ выше другихъ и ярче дѣйствовалъ на поприщѣ міра. Эта лѣстница столѣтій есть лучшее средство къ утвержденію въ памяти слушателей современности событій, лицъ и явленій.

X.

Мнѣ кажется, что такой образъ преподаванія будетъ дѣйствительнѣе и ближе къ истинѣ. По крайней мѣрѣ, глубоко понимающій величіе исторіи увидитъ, что онъ не произведеніе мгновенной фантазіи, но плодъ долгихъ соображеній и опыта; что ни одинъ эпитетъ, ни одно слово не брошено здѣсь для красоты и мишурнаго блеска, но ихъ породило долговременное чтеніе лѣтописей міра; что составить эскизъ общій, полный исторіи всего человѣчества, хотя даже столь краткій, какъ здѣсь, можно не иначе, какъ когда узнаешь и постигнешь самыя тонкія и запутанныя нити исторіи, и что одна любовь къ наукѣ, составляющей для меня наслажденіе, понудила меня объявить мои мысли: что цѣль моя — образовать сердца юныхъ слушателей той основательной опытностью, которую развертываетъ исторія, понимаемая въ ея истинномъ величіи, сдѣлать ихъ твердыми, мужественными въ своихъ правилахъ, чтобы никакой легкомысленный фанатикъ и никакое минутное волненіе не могло поколебать ихъ,—сдѣлать ихъ кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великаго государя, чтобы ни въ счастьи, ни въ несчастьи не измѣнили они своему долгу, своей вѣрѣ, своей благородной чести и своей клятвѣ—быть вѣрными Отечеству и Государю.

1832.

ВЗГЛЯДЪ НА СОСТАВЛЕНІЕ МАЛОРОССІИ *).

I. Какое ужасно-ничтожное время представляетъ для Россіи XIII вѣкъ! Сотни мелкихъ государствъ единовѣрныхъ, одноплеменныхъ, одноязычныхъ, означенныхъ однимъ общимъ характеромъ и которыхъ, казалось, противъ воли соединяло родство,—эти мелкія государства такъ были между собою разъединены, какъ рѣдко случается съ разнохарактерными народами. Они были разъединены не ненавистью—сильныя страсти не досягали сюда — не постоянною политикою, слѣдствіемъ непреклоннаго ума и познанія жизни: это былъ хаосъ браней за временное, за минутное—браней разрушительныхъ, потому что онѣ мало-по-малу извели народный характеръ, едва начинавшій принимать отличительную фізіогномію при сильныхъ норманскихъ князьяхъ. Религія, которая болѣе всего связываетъ и образуетъ народы, мало на нихъ дѣйствовала. Религія не срослась тогда тѣсно съ законами, съ жизнью. Монахи, настоятели, даже митрополиты были схимники, удалившіеся въ свои кельи и закрывшіе глаза для міра; молившіеся за всѣхъ, но не знавшіе, какъ схватить съ помощью своего сильнаго оружія, вѣры, власть надъ народомъ и возжечь этой вѣрой пламень и ревность до энтузіазма, который одинъ властенъ соединить младенчествующіе народы и настроить ихъ къ великому. Здѣсь была совершенная противоположность Западу, гдѣ самодержавный папа, какъ-будто невидимою паутиною, опуталъ всю Европу своею религіозною властью, гдѣ его могущественное слово прекращало брань или возжигало ее, гдѣ угроза страшнаго проклятія обуздывала страсти и полудикіе народы. Здѣсь монастыри были убѣжищемъ тѣхъ людей, которые кротостью и незлобіемъ составляли исключеніе изъ общаго характера и вѣка. Изрѣдка пастыри, изъ пещеръ и монастырей, увѣщали удѣльныхъ князей; но ихъ увѣщанія были напрасны: князья умѣли только постриться и строить церкви, думая, что исполняютъ этимъ всѣ обязанности христіанской религіи, а не умѣли считать ее закономъ и покоряться ея велѣніямъ. Самыя ничтожныя причины рождали между ними безконечныя войны. Это были не споры королей съ вассалами или вассаловъ съ вассалами:—нѣтъ! это были брани между родственниками, между родными братьями, между отцомъ и дѣтьми. Не ненависть, не сильная страсть воздымала ихъ:—нѣтъ! братъ брата рѣзалъ за клочокъ земли или, просто, чтобы показать удальство. Примѣръ ужасный для народа! Родство рушилось, потому что жители двухъ сосѣднихъ удѣловъ, родственники между собою, готовы были каждую минуту возстать другъ противъ друга съ яростью волковъ. Ихъ не подвигала на это наслѣдственная вражда, потому что кто былъ сегодня другъ, тотъ завтра дѣлался непріятелемъ. Народъ пріобрѣлъ хладнокровное звѣрство, потому что онъ рѣзалъ, самъ не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство—ни фанатизмъ, ни суевѣріе, ни даже предразсудокъ. Отъ того, казалось, умерли въ немъ почти всѣ человѣческія сильныя благородныя страсти, и если бы явился какой-нибудь геній, который бы захотѣлъ тогда съ этимъ народомъ совершить великое, онъ бы не нашелъ въ немъ ни одной струны, за которую бы могъ ухватиться и потрясти безчувственный составъ его, выключая развѣ физической желѣзной силы. Тогда исторія, казалось, застыла и превратилась въ географію: однообразная жизнь, шевелившаяся въ частяхъ и неподвижная въ цѣломъ, могла почесться географическою принадлежностью страны.

II. Тогда случилось дивное происшествіе. Изъ Азіи, изъ средины ея, изъ степей, выбросившихъ столько народовъ въ Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершившій столько завоеваній, сколько до него не производилъ никто. Ужасные монголы, съ многочисленными, никогда дотолѣ невиданными Европою, табунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россію, освѣтивши путь свой пламенемъ и пожарами — прямо азіатскимъ буйнымъ наслажденіемъ. Это нашествіе наложило на Россію двухвѣковое рабство и скрыло ее отъ Европы. Было ли оно спасеніемъ для нея, сберегши ее для независимости, потому что удѣльные князья не сохранили бы ее отъ литовскихъ завоевателей, или оно было наказаніемъ за тѣ безпрерывныя брани,—какъ бы то ни было, но это страшное событіе произвело великія слѣдствія: оно наложило иго на сѣверныя и среднія русскія княженія, но дало между тѣмъ происхожденіе новому славянскому поколѣнію въ южной Россіи, котораго вся жизнь была борьба, и котораго исторію я взялся представить.

III. Южная Россія болѣе всего пострадала отъ татаръ. Выжженные города и степи, обгорѣлые лѣса, древній, разрушенный Кіевъ, безлюдье и пустыня—вотъ что представляла эта несчастная страна! Напуганные жители разбѣжались или въ Польшу, или въ Литву; множество бояръ и князей выѣхало въ сѣверную Россію. Еще прежде народонаселеніе начало замѣтно уменьшаться въ этой сторонѣ. Кіевъ давно уже не былъ столицею; значительныя владѣнія были гораздо сѣвернѣе. Народъ, какъ бы понимая самъ свою

*) Эскизъ этотъ составлялъ введеніе къ Исторіи Малороссіи; но такъ какъ вся первая часть Исторіи Малороссіи передѣлана вовсе, то онъ остался заштатнымъ и помѣщается здѣсь, какъ совершенно отдѣльная статья.

ничтожность, оставлялъ тѣ мѣста, гдѣ разновидная природа начинаетъ становиться изобрѣтательницею, гдѣ она раскинула степи прекрасныя, вольныя, съ безчисленнымъ множествомъ травъ почти гигантскаго роста, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину, всю въ цвѣтахъ, и по всѣмъ вьющимся лентамъ рѣкъ разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днѣпръ съ ненасытными порогами, съ величественными гористыми берегами и неизмѣримыми лугами — и все это согрѣла умѣреннымъ дыханіемъ юга. Онъ оставлялъ эти мѣста и столпялся въ той части Россіи, гдѣ мѣстоположеніе, однообразно-гладкое и ровное, вездѣ почти болотистое, истыканное печальными слями и соснами, показывало не жизнь живую, и полненную движенія, но какое-то прозябаніе, поражающее душу мыслящаго. — Какъ будто бы этимъ подтвердилось правило, что только народъ, сильный жизнью и характеромъ, ищетъ мощныхъ мѣстоположеній или что только смѣлыя и поразительныя мѣстоположенія образуютъ смѣлый, страстный, характерный народъ.

IV. Когда первый страхъ прошелъ, тогда мало-по-малу выходцы изъ Польши, Литвы, Россіи начали селиться въ этой землѣ, настоящей отчизнѣ славянъ, землѣ древнихъ полянъ, сѣверянъ, чистыхъ славянскихъ племенъ, которыя въ Великой Россіи начинали уже смѣшиваться съ народами финскими, но здѣсь сохранялись въ прежней цѣльности, со всѣми языческими повѣрьями, дѣтскими предразсудками, пѣснями, сказками, славянской миѳологіей, такъ простодушно у нихъ смѣшавшейся съ христіанствомъ. Возвращавшіеся на свои мѣста прежніе жители привели по слѣдамъ своимъ и выходцевъ изъ другихъ земель, съ которыми отъ долговременнаго пребыванія составили связи. Это населеніе производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народъ былъ не за горами: ихъ раздѣляли или, лучше сказать, соединяли однѣ степи. Несмотря на пестроту населенія, здѣсь не было тѣхъ браней междоусобныхъ, которыя не переставали во глубинѣ Россіи: опасность со всѣхъ сторонъ не давала возможности заняться ими. Кіевъ, древняя матерь городовъ русскихъ, сильно разрушенный страшными обладателями табуновъ, долго оставался бѣденъ и едва ли могъ сравниться со многими, даже не слишкомъ значительными городами сѣверной Россіи. Всѣ оставили его, даже монахи-лѣтописцы, для которыхъ онъ всегда былъ священъ. Извѣстія о немъ разомъ прервались и, несмотря на то, что тамъ оставалась еще отрасль князей русскихъ, ничто не спасло его отъ полувѣкового забвенія. Изрѣдка только, какъ будто сквозь сонъ, говорятъ лѣтописцы, что онъ былъ страшно разоренъ, что въ немъ были ханскіе баскаки, — и потомъ онъ отъ нихъ задернулся какъ бы непроницаемою завѣсою.

V. Между тѣмъ какъ Россія была повергнута татарами въ бездѣйствіе и оцѣпенѣніе, великій язычникъ, Гедиминъ, вывелъ на сцену тогдашней исторіи новый народъ,—народъ бѣдный и жизнью, и средствами для жизни, населявшій дикіе сосновые лѣса нынѣшней Бѣлоруссіи, еще носившій звѣриную кожу вмѣсто одежды, еще боготворившій Перуна и поклонявшійся древнему огню въ нетроганныхъ топоромъ рощахъ, платившій прежде дань русскимъ князьямъ, извѣстный подъ именемъ литовцевъ. И этотъ народъ при своемъ князѣ Гедиминѣ сдѣлался самымъ виднымъ на огромномъ сѣверо-востокѣ Европы! Тогда города, княжества и народы на западѣ Россіи были какіе-то отрывки, обрѣзки, оставшіеся за гранью татарскаго порабощенія. Они не составляли ничего цѣлаго, и потому литовскій завоеватель почти однимъ движеніемъ языческихъ войскъ своихъ, совершенно созданныхъ имъ, подвергъ своей власти весь промежутокъ между Польшей и татарской Россіей. Потомъ двинулъ онъ войска свои на югъ, во владѣнія волынскихъ князей. Весьма естественно, что успѣхъ сопровождалъ его вездѣ. Въ Луцкѣ, однако-жъ, князь Левъ сильно сопротивлялся, но не въ силахъ былъ отстоять земель своихъ. Гедиминъ, назначивъ своихъ старостъ и начальниковъ, шелъ далѣе на югъ, къ самому сердцу южной Россіи, къ Кіеву. Убѣжавшій луцкій князь Левъ успѣлъ кое-какъ уговорить кіевскаго князя Станислава выйти съ своими немноголюдными дружинами навстрѣчу грозному побѣдителю; дружины были усилены союзниками-татарами; но все бѣжало передъ мощнымъ литовцемъ. Гедиминъ, сильно поразивъ ихъ при рѣкѣ Ирпети, вступилъ съ торжествомъ въ Кіевъ, носившій на себѣ свѣжую печать татарскаго посѣщенія, и постановилъ въ немъ правителемъ князя Миндова Ольшанскаго, принявшаго греческую вѣру. И такъ, литовскій завоеватель у самыхъ татаръ вырвалъ почти передъ глазами ихъ находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедиминъ былъ человѣкъ ума крѣпкаго, былъ политикъ, несмотря на видимую свою дикость и свое невѣжественное время. Онъ умѣлъ сохранить дружбу съ татарами, владѣя отнятыми у нихъ землями и не платя никакой дани. Этотъ дикій политикъ, не знавшій письма и поклонявшійся языческому богу, ни у одного изъ покоренныхъ имъ народовъ не измѣнилъ обычаевъ и древняго правленія: все оставилъ попрежнему, подтвердилъ привилегіи и старшинамъ строго приказалъ уважать народныя права, ни-

гдѣ даже не означилъ пути своего опустошеніемъ. Совершенная ничтожность окружавшихъ его народовъ и прочихъ историческихъ лицъ придаютъ ему какой-то исполинскій размѣръ. Онъ умеръ въ 1340 году; мертвый былъ посаженъ на коня съ своимъ оруженосцемъ, съ охотничьими собаками, соколами и сожженъ по языческому обычаю литовцевъ. Вслѣдъ за нимъ такіе же два сильные характера, Ольгердъ и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику съ присоединенными народами.

VI. И вотъ южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ литовскихъ князей, совершенно отдѣлилась отъ сѣверной. Всякая связь между ними разорвалась; составились два государства, называвшіяся одинакимъ именемъ — Русью, одно подъ татарскимъ игомъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ литовцами. Но уже сношеній между ними не было. Другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги составили на время два совершенно различные характера. Какимъ образомъ это произошло— составляетъ цѣль нашей исторіи. Но прежде всего нужно бросить взглядъ на географическое положеніе этой страны, что непремѣнно должно предшествовать всему, ибо отъ вида земли зависитъ образъ жизни и даже характеръ народа. Многое въ исторіи разрѣшаетъ географія.

Эта земля, получившая послѣ названіе Украины, простирающаяся на сѣверъ не далѣе 50° широты, болѣе ровна, нежели гориста. Небольшія возвышенности встрѣчаются очень часто, но ни одной гористой цѣпи. Сѣверная ея часть перемежается лѣсами, содержавшими прежде въ себѣ цѣлыя шайки медвѣдей и дикихъ кабановъ, южная вся открыта, вся изъ степей, кипѣвшихъ плодородіемъ, но только изрѣдка засѣвавшихся хлѣбомъ. Дѣвственная и могучая почва ихъ своевольно произращала безчисленное множество травъ. Эти степи кипѣли стадами сайгъ, оленей и дикихъ лошадей, бродившихъ табунами. Съ сѣвера на югъ проходитъ великій Днѣпръ, опутанный вѣтвями впадающихъ въ него рѣкъ. Правый берегъ его гористъ и представляетъ плѣнительныя и вмѣстѣ дерзкія мѣстоположенія; лѣвый—весь изъ луговъ, покрытыхъ рощами, потоплявшимися водою. Двѣнадцать пороговъ — выросшихъ изъ дна рѣки скалъ—недалеко отъ впаденія его въ море преграждаютъ теченіе и дѣлаютъ плаваніе по немъ чрезвычайно опаснымъ. Около пороговъ водился родъ дикихъ козъ—*сугаки* съ бѣлыми лоснящимися рогами, съ мягкою, атласною шерстью. Прежде воды въ Днѣпрѣ были выше, разливался онъ шире и далѣе потоплялъ луга свои. Когда воды начинаютъ опадать, тогда видъ поразителенъ; всѣ возвышенности выходятъ и кажутся безчисленными зелеными островами среди необозримаго океана воды. Въ Днѣпръ впадаетъ только одна судоходная рѣка, Десна, проходящая въ сѣверной Украинѣ, съ лѣсистыми берегами, почти съ обѣихъ сторонъ потопляемыми водою; но и эта рѣка только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ судоходна. Кромѣ того, на сѣверѣ Остеръ и часть Сейма, на югѣ Сула, Пселъ, съ цѣпью видовъ, Хоролъ и другія; но ни одна изъ нихъ не судоходна. Сообщенія никакого нѣтъ, произведенія не могли взаимно размѣниваться—и потому здѣсь не могъ и возникнуть торговый народъ. Всѣ рѣки развѣтвляются посерединѣ, ни одна изъ нихъ не протекала на рубежѣ и не служила естественною гранью съ сосѣдственными народами. Къ сѣверу ли съ Россіей, къ востоку ли съ кипчакскими татарами, къ югу ли съ крымскими, къ западу ли съ Польшей,—вездѣ она граничила полемъ, вездѣ равнина, со всѣхъ сторонъ открытое мѣсто. Будь хотя съ одной стороны естественная граница изъ горъ или моря—и народъ, поселившійся здѣсь, удержалъ бы политическое бытіе свое, составилъ бы отдѣльное государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ,—мѣстомъ, гдѣ сшибались три враждующія націи, унавожена костями, утучнена кровью. Одинъ татарскій наѣздъ разрушалъ весь трудъ земледѣльца; луга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкія жилища сносимы до основанія, обитатели разгоняемы или угоняемы въ плѣнъ вмѣстѣ съ скотомъ. Это была земля страха, и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ,—народъ отчаянный, котораго вся жизнь была бы повита и взлелѣяна войною. И вотъ выходцы вольные и невольные, бездомные, тѣ, которымъ нечего было терять, которымъ жизнь— копѣйка, которыхъ буйная воля не могла терпѣть законовъ и власти, которымъ вездѣ грозила висѣлица, расположились и выбрали самое опасное мѣсто въ виду азіатскихъ завоевателей—татаръ и турковъ. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила цѣлый народъ, наб осившій свой характеръ и, можно сказать, колоритъ на всю Украину, сдѣлавшій чудо—превратившій мирныя славянскія поколѣнія въ воинственныя, извѣстный подъ именемъ козаковъ, народъ, составляющій одно изъ замѣчательныхъ явленій европейской исторіи, которое, можетъ быть, одно сдержало это опустошительное разлитіе двухъ магометанскихъ народовъ, грозившихъ поглотить Европу.

VII. Если не къ концу XIII, то къ началу XIV вѣка можно отнести появленіе козачества, къ тѣмъ вѣкамъ, когда святая сильная ревность къ религіи еще не остыла въ Европѣ, когда почти вдругъ во всѣхъ концахъ безпрестанно образовы-

вались братства и ордена рыцарскіе, составлявшіе странную противоположность съ тогдашнимъ разъединеніемъ, съ изумительнымъ самоотверженіемъ разрушившіе и отвергнувшіе условія обыкновенной жизни, безбрачные, суровые, неотразимые соглядатаи дѣлъ міра, желѣзные поборники вѣры Христовой. Чѣмъ слабѣе была связь тогдашнихъ государствъ, тѣмъ сильнѣе росла ужасная сила этихъ обществъ. Разлитіе магометанства и магометанскихъ новыхъ сильныхъ народовъ, уже врывавшихся въ Европу, увеличивало ихъ еще болѣе. Духъ этихъ братствъ распространился вездѣ и не между рыцарями, и не для подобныхъ предназначеній. Въ это время явился близъ пороговъ городокъ, или острогъ—Черкасы, построенный удалыми выходцами, имя котораго звучитъ обитателями Кавказа, котораго даже построеніе многіе приписываютъ имъ, и гдѣ было главное сборище и мѣстопребываніе козаковъ. Вначалѣ частыя нападенія татаръ на сѣверную часть Украины заставляли жителей спасаться бѣгствомъ, приставать къ козакамъ и увеличивать ихъ общество. Это было пестрое сборище самыхъ отчаянныхъ людей пограничныхъ націй. Дикій горецъ, ограбленный россіянинъ, убѣжавшій отъ деспотизма пановъ польскій холопъ, даже бѣглецъ исламизма—татаринъ, можетъ быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днѣпра, вослѣдствіи постановившему цѣлью, подобно орденскимъ рыцарямъ, вѣчную войну съ невѣрными. Это скопище людей не имѣло никакихъ укрѣпленій, ни одного замка. Землянки, пещеры и тайники въ днѣпровскихъ утесахъ, часто подъ водою, на днѣпровскихъ островахъ, въ гущѣ степной травы, служили имъ укрытіемъ для себя и для награбленныхъ богатствъ. Гнѣздо этихъ хищниковъ было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назадъ. Они поворотили противъ татаръ ихъ же образъ войны — тѣ же азіатскіе набѣги. Какъ жизнь ихъ опредѣлена была на вѣчный страхъ, такъ точно, съ своей стороны, они рѣшились быть страхомъ для сосѣдей. Татары и турки должны были всякій часъ ожидать этихъ неумолимыхъ обитателей пороговъ. Магометанскій сосѣдъ не зналъ, какъ назвать этотъ ненавистный народъ. Если кто хотѣлъ къ кому выразить величайшее презрѣніе, то называлъ его козакомъ.

VIII. Большая часть этого общества состояла, однако-жъ, изъ первобытныхъ, коренныхъ обитателей южной Россіи. Доказательство—въ языкѣ, который, несмотря на принятіе множества татарскихъ и польскихъ словъ, имѣлъ всегда чисто-славянскую южную физіогномію, приближавшую его къ тогдашнему русскому, и въ вѣрѣ, которая всегда была греческая. Всякій имѣлъ полную волю приставать къ этому обществу, но онъ долженъ былъ непремѣнно принять греческую религію. Это общество сохраняло всѣ тѣ черты, которыми рисуютъ шайку разбойниковъ, но, бросивши взглядъ глубже, можно было увидѣть въ немъ зародышъ политическаго тѣла, основаніе характернаго народа, уже вначалѣ имѣвшаго одну главную цѣль—воевать съ невѣрными и сохранять чистоту религіи своей. Это, однако-жъ, не были строгіе рыцари католическіе: они не налагали на себя никакихъ обѣтовъ, никакихъ постовъ; не обуздывали себя воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти; были неукротимы, какъ ихъ днѣпровскіе пороги, и въ своихъ неистовыхъ пиршествахъ и бражничествѣ позабывали весь міръ. То же тѣсное братство, которое сохраняется въ разбойничьихъ шайкахъ, связывало ихъ между собою. Все было у нихъ общее—вино, цехины, жилища. Вѣчный страхъ, вѣчная опасность внушали имъ какое-то презрѣніе къ жизни. Козакъ больше заботился о доброй мѣрѣ вина, нежели о своей участи. Но въ нападеніяхъ видна была вся гибкость, вся смѣтливость ума, все умѣнье пользоваться обстоятельствами. Нужно было видѣть этого обитателя пороговъ въ полутатарскомъ, полупольскомъ костюмѣ, на которомъ такъ рѣзко отпечаталась пограничность земли, азіатски мчавшагося на конѣ, пропадавшаго въ густой травѣ, бросавшагося съ быстротою тигра изъ непримѣтныхъ тайниковъ своихъ, или вылѣзавшаго внезапно изъ рѣки или болота, обвѣшаннаго тиною и грязью, казавшагося страшилищемъ бѣгущему татарину. Этотъ же самый козакъ послѣ набѣга, когда гулялъ и бражничалъ съ своими товарищами, сорилъ и разбрасывалъ награбленныя сокровища, былъ безсмысленно пьянъ и безпеченъ до новаго набѣга, если только не предупреждали ихъ татары, не разгоняли ихъ пьяныхъ и безпечныхъ и не разрывали до основанія городка ихъ, который, какъ будто чудомъ, строился вновь, и опустошительный, ужасный набѣгъ былъ отмщеніемъ. Послѣ чего снова та же безпечность, та же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существованіе этого народа было вѣчно. Онъ никогда не уменьшался: выбывшіе, убитые, потонувшіе замѣнялись новыми. Такая разгульная жизнь приманивала всякаго. Тогда было то поэтическое время, когда все добывалось саблею, когда каждый въ свою очередь стремился быть дѣйствующимъ лицомъ, а не зрителемъ. Это скопленіе мало-по-малу получило совершенно одинъ общій характеръ и національность и, чѣмъ ближе къ концу XV вѣка, тѣмъ болѣе увеличивалось приходившими вновь. Наконецъ, цѣлыя деревни и села начали поселяться съ домами и семействами около этого грознаго оплота, чтобы пользоваться

его защитою, съ условіемъ за то нѣкоторыхъ повинностей. И такимъ образомъ мѣста около Кіева начали пустѣть, а между тѣмъ по ту сторону Днѣпра люднѣли. Семейные и женатые мало-помалу отъ обращенія и сношенія съ ними получали тотъ же воинственный характеръ. Сабля и плугъ сдружились между собою и были у всякаго селянина. Между тѣмъ разгульные холостяки, вмѣстѣ съ червонцами, цехинами и лошадьми, стали похищать татарскихъ женъ и дочерей и жениться на нихъ. Отъ этого смѣшенія черты лица ихъ, вначалѣ разнохарактерныя, получили одну общую физіогномію, болѣе азіатскую. И вотъ составился народъ, по вѣрѣ и мѣсту жительства принадлежавшій Европѣ, но, между тѣмъ, по образу жизни, обычаямъ, костюму, совершенно азіатскій,—народъ, въ которомъ такъ странно столкнулись двѣ противоположныя части свѣта, двѣ разнохарактерныя стихіи: европейская осторожность и азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣятельность и величайшая лѣнь и нѣга, стремленіе къ развитію и усовершенствованію—и между тѣмъ желаніе казаться пренебрегающимъ всякое совершенствованіе.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПУШКИНѢ.

При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда, позабывшись, стремится русскій, и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. Судьба, какъ нарочно, забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи перерывается подоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги; и съ этихъ поръ кисть его пріобрѣла тотъ широкій розмахъ, ту быстроту и смѣлость, которая такъ дивила и поражала только-что начинавшую читать Россію. Рисуетъ ли онъ боевую схватку чеченца съ козакомъ—слогъ его молнія; онъ такъ же блещетъ, какъ сверкающія сабли, и летитъ быстрѣе самой битвы. Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всею душою и чувствами; онъ проникнутъ и напитанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными крымскими ночами и садами. Можетъ быть, оттого и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламеннѣе тамъ, гдѣ душа его коснулась юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою, и оттого произведенія его, напитанныя Кавказомъ, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имѣли чудную, магическую силу: имъ изумлялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душевныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу, а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ; ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое и стоило только кому-нибудь изъ досужихъ маратслей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду*).

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ національнъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда національнъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность

*) Подъ именемъ Пушкина разсѣивалось множество самыхъ нелѣпыхъ стиховъ. Это обыкновенная участь таланта, пользующагося сильною извѣстностью. Это вначалѣ смѣшитъ, но послѣ бываетъ досадно, когда наконецъ выходишь изъ молодости и видишь эти глупости не прекращающимися. Такимъ образомъ, начали, наконецъ, Пушкину приписывать: «Лекарство отъ холеры», «Первую ночь» и тому подобныя.

Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетистъ и смѣлъ, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая пьеса всегда стоитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой пьесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно-возносящеюся изъ-за облаковъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполнѣ національнымъ поэтомъ,—эти поэмы уже не всѣхъ поразили тою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышитъ у него все, гдѣ ни являются Эльбрусъ, горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить. Будучи поражены смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, и образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобы отечественныя и историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: „изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были“. Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: „это вяло, это слабо, это не хорошо, это нимало не похоже на то, что было“. Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ! Русская исторія только со времени послѣдняго ея направленія при императорахъ пріобрѣтаетъ яркую живость; до того, характеръ народа большею частью былъ безцвѣтенъ, разнообразіе страстей ему мало было извѣстно. Поэтъ не виноватъ; но и въ народѣ тоже весьма извинительное чувство придать большій размѣръ дѣламъ своихъ предковъ. Поэту оставалось два средства: или натянуть, сколько можно выше, свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара, тогда толпа почитателей, толпа народа—на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и деньги; или быть вѣрну одной истинѣ: быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно-рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случаѣ прощай толпа! ея не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвесть всеобщаго энтузіазма. Перваго средства не избралъ поэтъ, потому что хотѣлъ остаться поэтомъ, и потому что у всякаго, кто только чувствуетъ въ себѣ искру святого призванія, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талантъ такимъ средствомъ. Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный какъ воля, самъ себѣ и судья, и господинъ, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однако же онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участье, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ. Но тотъ и другой, они оба—явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кромѣ нерасчетъ поэта—нерасчетъ передъ его многочисленною публикою, а не предъ собою: онъ ничуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей. Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства. Я всегда чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: „Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущее, а не сухое“. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпѣ. Сочиненія Пушкина, гдѣ дышитъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понять тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто-русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нѣжно организирована и

развилась въ чувствахъ, что способна понять неблестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ; потому что чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина. По справедливости ли оцѣнены послѣднія его поэмы? Опредѣлилъ ли, понялъ ли кто „Бориса Годунова“, это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа? По крайней мѣрѣ, печатно нигдѣ не произнеслась имъ вѣрная оцѣнка, и они остались донынѣ нетронуты.

Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ, этой прелестной антологіи, Пушкинъ разностороненъ необыкновенно и является еще обширнѣе, виднѣе, нежели въ поэмахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ сочиненій такъ рѣзко-ослѣпительны, что ихъ способенъ понимать всякій, но за то большая часть изъ нихъ, и притомъ самыхъ лучшихъ, кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать ихъ, нужно имѣть слишкомъ тонкое обоняніе, нуженъ вкусъ выше того, который можетъ понимать только однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя черты. Для этого нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритомъ, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ѣстъ птичку не болѣе паперстка и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсѣмъ неопредѣленнымъ, страннымъ, безъ всякой пріятности—привыкшему глотать издѣлія крѣпостного повара. Это собраніе его мелкихъ стихотвореній — рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ. Это тотъ ясный міръ, который такъ дышитъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки, въ которомъ быстро и ярко мелькаютъ ослѣпительныя плечи или бѣлыя руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачныя гроздія винограда, или мирты и древесная сѣнь, созданныя для жизни. Тутъ все: и наслажденіе, и простота, и мгновенная высокость мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя. Здѣсь нѣтъ этого каскада краснорѣчія, увлекающаго только многословіемъ, въ которомъ каждая фраза потому только сильна, что соединяется съ другими и оглушаетъ паденіемъ всей массы, но если отдѣлить ее, она становится слабою и безсильною. Здѣсь нѣтъ краснорѣчія, здѣсь одна поэзія: никакого наружнаго блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутренняго блеска, который раскрывается не вдругъ; все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія. Словъ немного, но они такъ точны, что обозначаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ. Отсюда происходитъ то, что эти мелкія сочиненія перечитываешь нѣсколько разъ, тогда какъ достоинства этого не имѣетъ сочиненіе, въ которомъ слишкомъ просвѣчиваетъ одна главная идея.

Мнѣ всегда было странно слышать сужденія объ нихъ многихъ, слывущихъ знатоками и литераторами, которымъ я болѣе довѣрялъ, покамѣстъ еще не слышалъ ихъ толковъ объ этомъ предметѣ. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ можно испытывать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго ихъ критика. Непостижимое дѣло! Казалось, какъ бы имъ не быть доступными всѣмъ! Они такъ просто-возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладострастны и, вмѣстѣ, такъ дѣтски чисты. Какъ бы не понимать ихъ! Но, увы, это неотразимая истина: что чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ болѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя однимъ поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣй уменьшается кругъ обступившей его толпы, и, наконецъ, такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ цѣнителей.

1832.

ОБЪ АРХИТЕКТУРѢ НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ.

Мнѣ всегда становится грустно, когда я гляжу на новыя зданія, безпрерывно строящіяся, на которыя брошены милліоны и изъ которыхъ рѣдкія останавливаютъ изумленный глазъ величествомъ рисунка или своевольной дерзостью воображенія, или даже роскошью и ослѣпительною пестротою украшеній. Невольно втѣсняется мысль: неужели прошелъ невозвратимо вѣкъ архитектуры? неужели величіе и геніальность больше не посѣтятъ насъ? или они—принадлежность народовъ юныхъ, полныхъ одного энтузіазма и энергіи и чуждыхъ усыпляющей, безстрастной образованности? Отчего же тѣ народы, передъ которыми мы такъ самодовольно гордимся, которымъ едва даемъ мѣсто въ исторіи міра, отчего же они такъ возвышаются передъ нами созданіями своего темнаго, не освѣщеннаго дробью познаній, ума? Отчего же колоссальные памятники индусовъ такъ величавы и неизмѣримы, отчего аравійскіе такъ роскошны и очаровательны? Отчего у насъ въ Европѣ въ средніе вѣка такъ много воздвиглось ихъ въ изумительномъ величіи?

Не хотѣлось бы убѣдиться въ этой грустной мысли, но все говоритъ, что она истинна. Они прошли—тѣ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра, устремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и

выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался и предъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣйно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его летѣло къ небу; узкія окна, столпы, своды тянулись нескончаемо въ вышину; прозрачный, почти кружевной шпицъ, какъ дымъ, сквозилъ надъ ними, и величественный храмъ такъ бывалъ великъ передъ обыкновенными жилищами людей, какъ велики требованія души нашей передъ требованіями тѣла.

Была архитектура необыкновенная, христіанская, національная для Европы—и мы ее оставили, забыли, какъ будто чужую; пренебрегли, какъ неуклюжую и варварскую. Не удивительно ли, что три вѣка протекло, и Европа, которая жадно бросалась на все, алчно перенимала все чужое, удивлялась чудесамъ древнимъ, римскимъ и византійскимъ, или уродовала ихъ по своимъ формамъ,—Европа не знала, что среди ея находятся чуда, передъ которыми было ничто все ею видѣнное, что въ нѣдрѣ ея находятся Миланскій и Кельнскій соборы, и еще донынѣ чернѣютъ кирпичи недоконченной башни страсбургскаго мюнстера.

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась передъ окончаніемъ среднихъ вѣковъ, есть явленіе такое, какого еще никогда не производилъ вкусъ и воображеніе человѣка. Ее напрасно производятъ отъ арабской: идеи этихъ двухъ родовъ совершенно расходятся; изъ арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массѣ зданія роскошь украшеній и легкость, но самая эта роскошь украшеній вылилась у ней совершенно въ другую форму. Она обширна и возвышенна, какъ христіанство. Въ ней все соединено вмѣстѣ: этотъ стройно и высоко возносящійся надъ головою лѣсъ сводовъ, окна огромныя, узкія, съ безчисленными измѣненіями и переплетами, присоединеніе къ этой ужасающей колоссальности массы самыхъ мелкихъ, пестрыхъ украшеній; эта легкая паутина рѣзьбы, опутывающая его своею сѣтью, обвивающая его отъ подножія до конца шпица и улетающая вмѣстѣ съ нимъ на небо; величіе и вмѣстѣ красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость—это такія достоинства, которыхъ никогда, кромѣ этого времени, не вмѣщала въ себѣ архитектура. Вступая въ священный мракъ этого храма, сквозь который фантастически глядитъ разноцвѣтный цвѣтъ оконъ, поднявши глаза кверху, гдѣ теряются, пересѣкаясь, стрѣльчатые своды одинъ надъ другимъ, и имъ конца нѣтъ,—весьма естественно ощутитъ въ душѣ невольный ужасъ присутствія святыни, которой не смѣетъ и коснуться дерзновенный умъ человѣка.

Но она исчезла, эта прекрасная архитектура! Какъ только энтузіазмъ среднихъ вѣковъ угасъ и мысль человѣка раздробилась и устремилась на множество разныхъ цѣлей, какъ только единство и цѣлость одного исчезли,—вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и величіе. Силы его, раздробившись, сдѣлались малыми: онъ произвелъ вдругъ во всѣхъ родахъ множество удивительныхъ вещей, но истинно великаго, исполинскаго уже не было. Византійцы, убѣжавши изъ своей развратной столицы, занятой мусульманами, перепортили вкусъ европейцевъ и колоссальную ихъ архитектуру. Византійцы давно уже не имѣли древняго аттическаго вкуса; они уже не имѣли и первоначальнаго византійскаго и принесли только испорченные остатки его. Они языческія, круглыя, плѣнительныя, сладострастныя формы куполовъ и колоннъ тщились примѣнить къ христіанству, и примѣнили такъ же неудачно, какъ неудачно привили христіанство къ своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свѣжести. Куполъ вытянулся вверхъ и сдѣлался почти угловатымъ; стройныя линіи, фронтоны какъ-то странно изломались и произвели ничтожныя формы. Въ такомъ видѣ получили эту архитектуру европейцы, которые съ своей стороны измѣнили ее еще болѣе, потому что въ душѣ своей еще носили первоначальный образъ готическій и мысль совершенно противоположную разслабленной многосторонности грековъ. Тогда произошли тяжелые дворцы съ колоннами, полуколоннами безъ всякой цѣли. Все это было робко, мелко. Это была не роскошь, но искаженность простоты. Множество миѳологическихъ головъ и украшеній безъ смысла, облѣпивъ тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крѣпкихъ чертъ ея нѣжными и не выразили никакой идеи. Стремленіе въ высоту, сообщавшее величіе и легкость самымъ тяжелымъ массамъ, исчезло; вмѣсто того онѣ разъѣхались въ ширину.

Но церкви, строенныя въ XVII и началѣ XVIII вѣка, еще менѣе выражаютъ идею своего назначенія. Глядя на нихъ, кажется, чувствуешь то же, какъ если бы человѣкъ грубый началъ подражать подъ свѣтскую утонченность. Въ нихъ прямая линія безъ всякаго условія вкуса соединялась съ выгнутою и кривою; при полуготической формѣ всей массы они ничего не имѣютъ въ себѣ готическаго: окна мелкія, сбитыя въ кучу, или раскиданныя безъ всякой гармоніи, пилястры, не тянувшіеся во всю длину зданія, но приклеенные иногда вверху, подъ куполомъ, иногда на серединѣ, коротенькіе, неуклюжіе, сверхъ которыхъ часто находится другой этажъ такихъ же колоннъ, маленькихъ, некрасивыхъ; крыша изъ ломаныхъ линій; при этомъ часто удерживался и готическій шпицъ, но уже не тотъ легкій и прозрачный, который подъ рукою художника сред-

нихъ вѣковъ принималъ такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летѣлъ къ небу. Все, что только отзывалось высокими, устремленными кверху готическими деталями, было оставлено, какъ безвкусное.

Хотя въ продолженіе XVIII вѣка вкусъ нѣсколько улучшился, но изъ этого не выиграли мы ровно ничего: онъ улучшился въ веригахъ чужихъ формъ. Тяжесть готическая была справедливо изгнана совершенно, потому что она въ греческой формѣ была уже до невозможности безобразна. Тогда еще съ большимъ рвеніемъ стали изучать древнія формы, но изучали такъ, какъ робкіе ученики, копирующіе съ точностью мелочныя подробности оригинала и позабывающіе объ идеѣ цѣлаго. Брали части и съ необыкновеннымъ излишествомъ лѣпили въ огромную массу, показавшую еще никогда дотолѣ небывалое разъединеніе въ цѣломъ. Колонны и куполъ, больше всего прельстившіе насъ, начали приставлять къ зданію безъ всякой мысли и во всякомъ мѣстѣ: они уже не были главною идеею строенія, а только частями, или, лучше, украшеніями его. Размѣръ самаго строенія мы увеличили гораздо болѣе, а размѣръ купола въ отношеніи къ строенію уменьшили. Мы не посмотрѣли въ увеличительное стекло на строеніе, которое избрали моделью, не взглянули на него, отошедши на извѣстное разстояніе, но смотрѣли вблизи. Куполъ сдѣлался ничтожнымъ, малымъ. Видя его пустынность и одиночество наверху зданія, прибавили къ нему нѣсколько другихъ, возвысили для этого надъ ними башни—и куполы стали походить на грибы. И куполъ, это лучшее, прелестнѣйшее твореніе вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который долженъ былъ обнять все строеніе и роскошно отдыхать на всей его массѣ бѣлою, облачною своей поверхностью, исчезъ совершенно. Я люблю куполъ, тотъ прекрасный, огромный, легко-выпуклый куполъ, который возродилъ роскошный вкусъ грековъ въ александрійскій вѣкъ и позже, въ вѣкъ наслажденій и эгоизма, вѣкъ утонченнаго раздробленія жизни, вѣкъ антологіи, легкой, душистой, дышащей сладострастіемъ, лѣнью и роскошью, когда каждый принадлежалъ себѣ, жилъ для себя, а не для общества, когда на великолѣпныхъ, роскошныхъ баняхъ вездѣ былъ виденъ этотъ смѣло-выпуклый, какъ небесный сводъ, куполъ. Ничто не можетъ такъ сладострастно, такъ плѣнительно украсить массу домовъ, какъ такой куполъ. Но для этого онъ долженъ быть помѣщенъ только на томъ зданіи, которое неизмѣримо своею шириною и какъ можно болѣе захватываетъ пространства; онъ долженъ лечь на всей обширной его платформѣ; онъ долженъ быть свѣтлѣе самого зданія, и лучше, если онъ весь бѣлый. Ослѣпительная бѣлизна сообщаетъ неизъяснимую очаровательность и полноту его легко-выпуклой формѣ,—онъ тогда лучше, роскошнѣе и облачнѣе круглится на небѣ. И донынѣ города сирійскіе и антіохійскіе имѣютъ необыкновенную прелесть черезъ то, что удержали нѣкоторое подобіе этихъ куполовъ; и донынѣ на Востокѣ можно встрѣтить ихъ въ величавомъ и огромномъ видѣ.

Портикъ съ колоннами, это ясное произведеніе аттическаго стройнаго вкуса, который не терпѣлъ надъ собою никакихъ надстроекъ, у насъ тоже пропалъ: ему не догадались дать колоссальнаго размѣра, раздвинуть во всю ширину зданія, возвысить во всю вышину его. Его не развили, не увеличили, но стали употреблять въ обыкновенномъ видѣ. Удивительно ли, что зданія, которыя требовались огромныя, казались пусты, потому что фронтоны съ колоннами лѣпились только надъ крыльцами ихъ. Громоздимыя надъ ними въ церквяхъ, дворцахъ башни и массы, вовсе ему не отвѣчавшія, подавили и уничтожили его совершенно. Такимъ самымъ образомъ поэтъ, не имѣющій обширнаго генія, всегда недоволенъ однимъ простымъ сюжетомъ и, вмѣсто того чтобы развить его и сдѣлать огромнымъ, онъ привязываетъ къ нему множество другихъ; его поэма обременяется пестротою разныхъ предметовъ, но не имѣетъ одной господствующей мысли и не выражаетъ одного цѣлаго.

Въ началѣ XIX столѣтія вдругъ распространилась мысль объ аттической простотѣ и такъ же, какъ обыкновенно бываетъ, обратилась въ моду и отразилась вдругъ на всемъ, начиная съ дамскихъ костюмовъ, преобразовавшихся въ небрежное, легкое одѣяніе гетеръ. Казалось, еще ближе присмотрѣлись къ древнимъ, еще глубже изучили ихъ духъ; но все, что ни строили по ихъ образцу, все носило отпечатокъ мелкости и миніатюрности: узнали искусство болѣе связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величіе всему цѣлому и опредѣлить ему размѣръ, способный вызвать изумленіе. Это новое стремленіе рѣшительно было издержано на мелочныя бесѣдки, павильоны въ садахъ и подобныя небольшія игрушки. Они носили въ себѣ много аттическаго, но ихъ нужно было разсматривать въ микроскопъ. Въ огромныхъ же публичныхъ зданіяхъ не считали за нужное ими руководствоваться; они сдѣлались, наконецъ, просты до плоскости. Самое вредное направленіе архитектурѣ внушила мысль о соразмѣрности, не о той соразмѣрности, которая должна быть въ строеніи въ отношеніи къ нему самому, но просто о соразмѣрности въ отношеніи къ окружающимъ его зданіямъ. Это все равно, если бы геній сталъ удерживаться отъ оригинальнаго и необыкновеннаго

потому только, что передъ нимъ будутъ слишкомъ уже низки и ничтожны обыкновенные люди. Эта соразмѣрность состояла еще въ томъ, чтобы строеніе, какъ бы велико ни было въ своемъ объемѣ, но непремѣнно чтобы казалось малымъ. Его стали уединять и помѣщать на такой огромной и обширной площади, что оно казалось еще болѣе ничтожнымъ. Какъ будто бы старались нарочно внушить мысль, что великое совсѣмъ не велико; какъ будто бы насильно старались истребить въ душѣ благоговѣніе и сдѣлать человѣка равнодушнымъ ко всему.

Всѣмъ строеніямъ городскимъ стали давать совершенно плоскую, простую форму. Дома старались дѣлать какъ можно болѣе похожими одинъ на другого; но они болѣе были похожими на сараи и казармы, нежели на веселыя жилища людей. Совершенно гладкая ихъ форма ничуть не принимала живости отъ маленькихъ правильныхъ оконъ, которыя въ отношеніи ко всему строенію были похожи на зажмуренные глаза. И этою архитектурою мы еще недавно тщеславились, какъ совершенствомъ вкуса, и настроили цѣлые города въ ея духѣ! Осмѣлился бы кто-нибудь даже теперь, среди этой гладко-однообразной кучи, воздвигнуть зданіе, носившее бы на себѣ печать особенной, рѣзкой архитектуры, осмѣлился бы кто-нибудь возлѣ строенія въ аттическомъ вкусѣ непосредственно воздвигнуть готическое,—его бы сочли едва ли не сумасшедшимъ! Отъ того новые города не имѣютъ никакого вида: они такъ правильны, такъ гладки, такъ монотонны, что прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься отъ желанія заглянуть въ другую. Это рядъ стѣнъ, и больше ничего. Напрасно ищетъ взглядъ, чтобы одна изъ этихъ безпрерывныхъ стѣнъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ вдругъ возросла и выбросилась на воздухъ смѣлымъ переломленнымъ сводомъ или изверглась какою-нибудь башней-гигантомъ. Старинный германскій городокъ съ узенькими улицами, съ пестрыми домиками и высокими колокольнями имѣетъ видъ, несравненно болѣе говорящій нашему воображенію. Даже видъ какого-нибудь восточнаго города, съ высокими, тонкими минаретами, съ восточными пестрыми куполами, потонувшими въ садахъ, имѣетъ болѣе характера, болѣе дышитъ поэзіей и воображеніемъ, нежели наши европейскіе города позднѣйшей архитектуры.

Башни огромныя, колоссальныя необходимы въ городѣ, не говоря уже о важности ихъ назначенія для христіанскихъ церквей. Кромѣ того, что онѣ составляютъ видъ и украшеніе, онѣ нужны для сообщенія городу рѣзкихъ примѣтъ, чтобы служить маякомъ, указывавшимъ бы путь всякому, не допуская сбиться съ пути. Онѣ еще болѣе нужны въ столицахъ для наблюденія надъ окрестностями. У насъ обыкновенно ограничиваются высотою, дающею возможность обглядѣть одинъ только городъ, между тѣмъ какъ для столицы необходимо видѣть, по крайней мѣрѣ, на полтораста верстъ во всѣ стороны, и для этого, можетъ быть, одинъ только или два этажа лишнихъ — и все измѣняется. Объемъ кругозора по мѣрѣ возвышенія распространяется необыкновенною прогрессіей. Столица получаетъ существенную выгоду, обозрѣвая провинціи и заранѣе предвидя все; зданіе, сдѣлавшись немного выше обыкновеннаго, уже пріобрѣтаетъ величіе; художникъ выигрываетъ, будучи болѣе настроенъ колоссальностію зданія къ вдохновенію и сильнѣе чувствуя въ себѣ напряженіе.

Это направленіе архитектуры старалось какъ будто нарочно скрывать свое величіе, вмѣсто того чтобы какъ можно болѣе выказывать его пространство. Нѣтъ, не таковъ законъ великаго: строеніе должно неизмѣримо возвышаться почти надъ головою зрителя, чтобы онъ сталъ, пораженный внезапнымъ удивленіемъ, едва будучи въ состояніи окинуть глазами его вершину. И потому строеніе всегда лучше, если стоитъ на тѣсной площади. Къ нему можетъ итти улица, показывающая его въ перспективѣ, издали, но оно должно имѣть поражающее величіе вблизи. Чтобы дорога проходила мимо его! Чтобы кареты гремѣли у самаго его подножія! Чтобы люди лѣпились подъ нимъ и своею малостью увеличивали его величіе! Дайте человѣку большое разстояніе—и онъ уже будетъ глядѣть выше, гордо, на находящіеся предъ нимъ предметы; ему покажется все малымъ. Мы такъ непостижимо устросны, наши нервы такъ странно связаны, что только внезапное, оглушающее съ перваго взгляда, производитъ на насъ потрясеніе. И потому вышину строенія подымайте въ соразмѣрности съ площадью, на которой оно стоитъ. Если оно съ послѣдняго края площади кажется малымъ и зритель не ощущаетъ изумленія, но долженъ для этого близко подходить къ нему, то зданіе пропало, а вмѣстѣ съ нимъ пропали труды и издержки, употребленные на сооруженіе его.

Но возвращаюсь къ простотѣ архитектуры, которая заразила нашъ XIX вѣкъ. Сами греки чувствовали, что однѣ прямыя линіи и совершенная простота строеній будутъ казаться уже черезчуръ плоскими, особливо если множество такого рода строеній соединятся вмѣстѣ. Они чувствовали, что строгая правильность и гладкость строеній должна непремѣнно имѣть возлѣ себя какую-нибудь противоположность, чтобы быть болѣе оригинальною и замѣтною, и потому простирали надъ ними навѣсъ древесный. Бѣлизна прямолинейной стѣны или стройнаго съ колоннами фронтона,

выказываясь изъ темной гущи зелени, дѣйствительно хороша, потому что составляетъ контрастъ съ облачнымъ расположеніемъ дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающаго свои вѣтви. Какъ только зданіе ихъ окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно болѣе игры. Мысль о деревѣ и о природѣ прежде всего приходила имъ въ голову. Но въ городѣ дерево — драгоцѣнность: тогда они чаще начали употреблять не гладкія дорическія колонны, но большею частію коринѳскія съ капителью изъ завитыхъ листьевъ. Вообще убирать строенія листьями, вьющимися гроздьями винограда, или украшеніями, носящими неясный образъ вѣтвей дерева, было инстинктомъ у всѣхъ народовъ. Они невольно, слѣпо слѣдовали тайному внушенію своего вкуса. Въ готической архитектурѣ болѣе всего замѣтенъ отпечатокъ, хотя неясный, тѣсно сплетеннаго лѣса, мрачнаго, величественнаго, гдѣ топоръ не звучалъ отъ вѣка. Эти стремящіяся нескончаемыми линіями украшенія и сѣти сквозной рѣзьбы не что другое, какъ темное воспоминаніе о стволѣ, вѣтвяхъ и листьяхъ древесныхъ. И потому смѣло возлѣ готическаго строенія ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будетъ стоять между ними, какъ между величественными, прекрасными деревьями. И готическое, и греческое получитъ отъ этого двойную прелесть. Истинный эффектъ заключенъ въ рѣзкой противоположности; красота никогда не бываетъ такъ ярка и видна, какъ въ контрастѣ. Контрастъ тогда только бываетъ дуренъ, когда располагается грубымъ вкусомъ или, лучше сказать, совершеннымъ отсутствіемъ вкуса, но, находясь во власти тонкаго, высокаго вкуса, онъ первое условіе всего и дѣйствуетъ ровно на всѣхъ. Разныя части его гармонируютъ между собою по тѣмъ же законамъ, по которымъ цвѣтъ палевый гармонируетъ съ синимъ, бѣлый съ голубымъ, розовый съ зеленымъ, и такъ далѣе. Все зависитъ отъ вкуса и отъ умѣнія расположить. Не мѣшайте только въ одномъ зданіи множества разныхъ вкусовъ и родовъ архитектуры. Пусть каждый носитъ въ себѣ что-то цѣлое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными, въ отношеніи ихъ другъ къ другу, будетъ рѣзка и сильна. Чѣмъ болѣе въ городѣ памятниковъ разныхъ родовъ зодчества, тѣмъ онъ интереснѣе, тѣмъ чаще заставляетъ осматривать себя, останавливаться съ наслажденіемъ на каждомъ шагу. Неужели было бы хорошо, если бы въ англійскомъ саду, вмѣсто безпрерывныхъ, неожиданныхъ видовъ, гуляющій находилъ ту же самую дорожку или, по крайней мѣрѣ, такъ похожую своими окрестностями на видѣнную имъ прежде, что она кажется давно извѣстною?

Терпимость намъ нужна; безъ нея ничего не будетъ для художества. Всѣ роды хороши, когда они хороши въ своемъ родѣ. Какая бы ни была архитектура — гладкая, массивная египетская, огромная ли, пестрая индусовъ, роскошная ли мавровъ, вдохновенная ли и мрачная готическая, граціозная ли греческая—всѣ онѣ хороши, когда приспособлены къ назначенію строенія; всѣ онѣ будутъ величественны, когда только истинно постигнуты.

Если бы, однако-жъ, потребовалось отдать рѣшительное преимущество которой-нибудь изъ этихъ архитектуръ, то я всегда отдамъ его готической. Она чисто-европейская, созданіе европейскаго духа и потому болѣе всего прилична намъ. Чудное ея величіе и красота превосходитъ всѣ другія. Но изъ милости, изъ состраданія не ломайте, не коверкайте ея! Глядите чаще на знаменитый Кёльнскій соборъ—тамъ все ея совершенство и величіе. Лучшаго памятника никогда не производили ни древніе, ни новые вѣка. Я предпочитаю потому еще готическую архитектуру, что она болѣе даетъ разгула художнику. Воображеніе живѣе и пламеннѣе стремится въ высоту, нежели въ ширину, и потому готическую архитектуру нужно употреблять только въ церквахъ и строеніяхъ, высоко возносящихся. Линіи и безкарнизныя готическія пилястры, узко одна отъ другой, должны летѣть черезъ все строеніе. Горе, если онѣ отстоятъ далеко другъ отъ друга, если строеніе не перевысило, по крайней мѣрѣ, вдвое своей ширины, если не втрое! Оно тогда уничтожилось само въ себѣ. Возносите его такимъ, какимъ оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стѣны, чтобы гуще, какъ стрѣлы, какъ тополи, какъ сосны, окружали ихъ безчисленные угольные столбы! Никакого перерѣза или перелома, или карниза, давшаго бы другое направленіе или уменьшившаго бы размѣръ строенія! Чтобы они были ровны отъ основанія до самой вершины! Огромнѣе окна, разнообразнѣе ихъ форму, колоссальнѣе ихъ высоту! Воздушнѣе, легче шпицъ! Чтобы все, чѣмъ болѣе подымалось кверху, тѣмъ болѣе бы летѣло и сквозило. И помните самое главное: никакого сравненія высоты съ шириною. Слово ширина должно исчезнуть. Здѣсь одна законодательная идея—высота.

Я увѣренъ, что нѣкоторые будутъ утверждать, что постройка зданія, слишкомъ высокаго, безполезна, потому что намъ нужно больше мѣста, что высота ни къ чему не служитъ и даромъ истрачиваетъ матеріалы. Но я вовсе не совѣтую этотъ готическій образъ строеній употреблять на театры, на биржи, на какіе-нибудь комитеты и вообще на зданія, назначаемыя для собраній веселящагося или торгующаго, или работающаго народа. Со мною

согласится всякій, что нѣтъ величественнѣе, возвышеннѣе и приличнѣе архитектуры для зданія христіанскому Богу, какъ готическая. И что же должны мы тогда уничтожить, чего лишиться? Величественнаго, колоссальнаго, при взглядѣ на которое мысли устремляются къ одному и отрываютъ молельщика отъ низкой его хижины. Весьма не мѣшаетъ вспомнить великую старую истину, что народъ не въ силахъ понять религіи въ такой же самой чистотѣ и безтѣлесности, какъ получившіе высшее образованіе; что на него болѣе всего производятъ впечатлѣніе видимые предметы; что чѣмъ меньше этотъ видимый предметъ на него дѣйствуетъ, тѣмъ слабѣе его энтузіазмъ и простая вѣра. Великолѣпіе повергаетъ простолюдина въ какое-то онѣмѣніе, и оно-то — единственная пружина, двигающая дикимъ человѣкомъ. Необыкновенное поражаетъ всякаго, но тогда только, когда оно смѣло, рѣзко и разомъ бросается въ глаза. Здѣсь уже прочь всякое скряжничество и расчетъ! Въ противномъ случаѣ этотъ расчетъ будетъ не расчетъ, и выгода, возникшая изъ него, будетъ выгода одного человѣка передъ выгодою цѣлаго человѣчества.

Вальтеръ-Скоттъ первый отряхнулъ пыль съ готической архитектуры и показалъ свѣту все ея достоинство. Съ того времени она быстро распространилась. Въ Англіи всѣ новыя церкви строятъ въ готическомъ вкусѣ. Онѣ очень милы, очень пріятны для глазъ, но, увы, истиннаго величія, дышащаго въ великихъ зданіяхъ старины, въ нихъ нѣтъ. Онѣ, несмотря на стрѣльчатыя окна и шпицы, не сохраняютъ въ цѣломъ истинно-готическаго вкуса и уклонились отъ образцовъ. Во-первыхъ, онѣ сами по себѣ вовсе не огромны (великій недостатокъ готическаго строенія); во-вторыхъ, весь этотъ лѣсъ четырехгранныхъ тонкихъ столбовъ и линій, союзно стремящихся чрезъ все строеніе, позабытъ или отвергнутъ вовсе, оставшаяся чрезъ это гладкость нечувствительно дастъ имъ совершенно другое выраженіе.

Могущественнымъ словомъ Вальтеръ-Скотта вкусъ къ готическому распространился быстро вездѣ и проникнулъ во все. Еще не сдѣлавшись великимъ, онъ уже сдѣлался мелкимъ: сельскіе домики, шкапы, ширмы, столы, стулья — все обратилось въ готическое. И эти величественныя, прекрасныя украшенія употреблены были на игрушки. Вѣкъ нашъ такъ мелокъ, желанія такъ разбросаны по всему, знанія наши такъ энциклопедически, что мы никакъ не можемъ усредоточить на одномъ какомъ-нибудь предметѣ нашихъ помысловъ и оттого поневолѣ раздробляемъ всѣ наши произведенія на мелочи и на прелестныя игрушки. Мы имѣемъ чудный даръ дѣлать все ничтожнымъ. Египетскую архитектуру, которой весь эффектъ въ колоссальности, мы издерживаемъ на небольшіе мостики, на ворота, вершину которыхъ проѣзжающій кучеръ можетъ достать рукою. Изъ готической мы дѣлаемъ серьги, футляры для часовъ; греческую мы употребляемъ въ бесѣдкахъ. Въ публичныхъ же и огромныхъ зданіяхъ показываемъ такую архитектуру, которую врядъ ли можно признать особеннымъ родомъ: въ ней столько безсмыслія, такое негармоническое соединеніе частей, такое отсутствіе всякаго воображенія, что недостаетъ силъ назвать ее имѣющею свой характеръ архитектурою.

Есть рудникъ, о которомъ едва только знаютъ, что онъ существуетъ; есть міръ совершенно особенный, отдѣльный, изъ котораго менѣе всего черпала Европа. Это — архитектура восточная, — архитектура, которая создана однимъ только воображеніемъ, воображеніемъ восточнымъ, горячимъ, чудеснымъ, облекшимся въ гиперболу и аллегорію, пролетѣвшимъ мимо жизни и прозаическихъ нуждъ ея. Жизнь азіатцевъ никогда не имѣла такого многосторонняго развитія, какъ европейцевъ: никогда потребности ихъ не были такъ разнообразны и безчисленны, какъ наши, и потому очень естественно, что обыкновенныя жилища ихъ лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, такъ же скучны отсутствіемъ всякой мысли, какъ самый азіатецъ во время своего покоя. Но за то вездѣ, куда ни проникала только азіатская роскошь, огромная, великолѣпная, та роскошь, которая блещетъ въ ихъ волшебныхъ сказкахъ; вездѣ, куда ни проникала эта увѣшанная ожерельями дочь восточнаго воображенія, тамъ стоятъ донынѣ дворцы, великолѣпіе которыхъ изумительно. Строеніе ихъ захватывало цѣлые вѣка; цѣлый народъ, цѣлая нація надъ нимъ трудилась, и предки вѣрили, какъ въ неотразимое предопредѣленіе, что зданіе будетъ окончено ихъ потомками. Вездѣ, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь или дикій энтузіазмъ первоначальной ихъ религіи, вездѣ громоздились памятники, ужасные своею огромностью, передъ которыми мысль нѣмѣетъ отъ изумленія, когда вспомнишь, какъ бѣдны были ихъ средства и познанія, какъ ничтожны ихъ машины для поднятія и укрѣпленія этихъ страшныхъ массъ. Еще болѣе изумленіе овладѣваетъ духомъ, когда видишь, какъ почти дикій, неразвившійся человѣкъ развился внезапно на этомъ гигантскомъ зданіи, какъ былъ онъ проникнутъ и восторженъ мыслью о божествѣ, что невольно показалъ разоблаченіе своего генія и упредилъ медленные годы вѣкового образованія.

Взгляните на этотъ массивный, величественный Триченгурскій храмъ у индусовъ, едва ли не одно изъ первыхъ зданій по величинѣ своей. Это пира-

видальное склоненіе массы кверху, постепенное уменьшеніе этажей, бездна индійскихъ портиковъ, облѣпливающихъ ихъ стѣны, пилястры, громоздящіяся надъ пилястрами, колонны надъ колоннами, какъ будто ступающія одна на другую, чтобы скорѣе достать вершины этой массы — все это явленіе совершенно оригинальнаго вкуса. Но если Триченгурскій храмъ слишкомъ уже тяжелъ и дышитъ язычествомъ, взгляните на стройный, прекрасный Кутубъ-Минаръ, которымъ по справедливости славятся Дельги. Я не знаю въ мірѣ башни, которая бы, при простотѣ почти аттической, столько дышала глубиною красоты, гдѣ бы воображеніе вылилось такъ чисто и величаво. Если этотъ родъ не можетъ быть совершенно усвоенъ нами, то европейцы вообще могутъ заимствовать съ пользою это пирамидальное или конусообразное устремленіе кверху—рѣзкое отличіе индійскаго стиля.

Восточная архитектура дворцовъ представляетъ совершенно противоположный родъ: здѣсь царство азіатской роскоши. Строеніе раздается пространнѣе въ ширину. Огромный восточный куполъ, или совершенно круглый, или выгибающійся, какъ сладострастная ваза, опрокинутая внизъ, или въ видѣ шара, или обремененный, облѣпленный рѣзьбою и украшеніями, какъ богатая митра, патріархально властвуетъ надъ всѣмъ зданіемъ: внизу, у самаго подножія строенія, небольшіе куполы цѣлою оградою обходятъ его пространныя стѣны, какъ покорные рабы; со всѣхъ сторонъ летятъ тонкіе минареты, представляющіе самый очаровательный контрастъ своею легкою, веселою торнюрою съ важнымъ, величественнымъ видомъ всего зданія. Такъ величественный магометанинъ, въ широкомъ, убранномъ золотомъ и каменьями платьѣ, возлежитъ среди гурій, стройныхъ, обнаженныхъ, ослѣпительныхъ своею бѣлизною.

Нигдѣ зодчество не принимало столькихъ разнообразныхъ формъ, какъ на Востокѣ. Тамъ каждое зданіе выливалось, можно сказать, всегда мимо прежнихъ условій или, лучше сказать, оно выливалось облеченное новыми условіями собственнаго предчувствія, сходствовавшими съ прежними развѣ только въ самомъ отдаленномъ началѣ религіозномъ или національномъ. Вся Индія усѣяна прекрасными зданіями. Каждое изъ нихъ сохраняетъ свое рѣзкое отличіе, свой особый отпечатокъ, до такой степени, что ихъ совершенно нельзя подвесть подъ одну категорію. Множество разныхъ куполовъ всѣхъ возможныхъ формъ, вовсе не похожихъ одинъ на другого, украшеній и убранствъ, совсѣмъ отличныхъ и всегда новыхъ—все говоритъ о необыкновенномъ воображеніи ихъ, которое не стѣснялось особыми правилами. Впрочемъ, причиною этого разнообразія, можетъ быть, было безчисленное множество сектъ, наполняющихъ Индію, производившихъ вѣчную оппозицію, вѣчную раздражительность воображенія. Но болѣе исполнены роскоши очаровательной, которою говоритъ восточная природа, тѣ зданія, которыхъ коснулся вкусъ аравитянъ. Въ Азіи, во время этихъ разрушительныхъ встрѣчъ новыхъ и старыхъ народовъ, особенно магометанъ, произошло необыкновенное смѣшеніе архитектуръ, произошли самыя дерзкія отступленія. Но никогда нигдѣ не соединялось смѣлое съ такою прекрасною роскошью, какъ у аравитянъ. Они заимствовали отъ природы все то, что есть въ ней верхъ прекраснѣйшаго. Ихъ архитектура не носитъ на себѣ печати дремучихъ лѣсовъ; она вся состоитъ изъ цвѣтовъ. Она убрана цвѣтами, она потоплена цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, прекрасныхъ, роскошныхъ, какими убрана нѣжная долина Кашемира. Ихъ узорныя колонны увѣнчаны тюльпаномъ; ихъ рѣзьба въ видѣ незабудокъ и цвѣтовъ съ четырьмя лепестками или развивающихся розъ; ихъ галлереи похожи на вѣтви пальмъ, вершинами своими образующихъ своды. Все отозвалось необыкновенной роскошью цвѣтистаго ихъ вкуса. Эта архитектура какъ-то именно создалась для жизни, отданной наслажденіямъ, для веселыхъ, свѣтлыхъ жилищъ человѣка. Она рѣшительно изгнала изъ себя все мрачное. Зданіе такъ прелестно, очаровательно, какъ восточная красавица съ черными, яркими какъ молнія глазами, въ пестромъ своемъ убранствѣ и драгоцѣнныхъ ожерельяхъ.

Восточная архитектура имѣетъ у себя то, чего никогда еще не употребляли европейцы: это—колонны, не гладкія, но распещренныя украшеніями отъ пьедестала до капители. Иногда эти колонны бываютъ совершенно сквозныя и прозрачныя: рѣзьба проникаетъ ихъ насквозь. Онѣ составляютъ плѣнительнѣйшее изобрѣтеніе восточнаго вкуса. Зданіе, какъ бы ни было громоздко, но съ такими колоннами кажется воздушно. Почему бы, казалось, намъ не перенести ихъ на свою почву? Но умъ и вкусъ человѣка представляютъ странное явленіе: прежде нежели достигнетъ истины, онъ столько дастъ объѣздовъ, столько надѣлаетъ несообразностей, неправильностей, ложнаго, что послѣ самъ дивится своей недогадливости. Обо всѣхъ сихъ памятникахъ Европа и не заботилась. Одинъ только вкусъ китайцевъ, который можно назвать самымъ мелкимъ, самымъ ничтожнымъ изъ всѣхъ восточныхъ народовъ, какимъ-то повѣтріемъ занесся къ намъ въ концѣ XVIII столѣтія. Хорошо, что европейцы, по обыкновенію своему, тотчасъ обратили его на мостики, павильоны, вазы, камины, а не вздумали приспособить къ большимъ строеніямъ. Этотъ вкусъ, точно, былъ недуренъ въ бездѣлкахъ, потому что европейцы его тотчасъ

усовершенствовали по своему и дали ему ту прелесть, которой онъ самъ въ себѣ не имѣетъ, такъ же какъ и его народъ не имѣетъ энергіи, несмотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный родъ архитектуры, совершенно отличный отъ всего, доселѣ показаннаго мною. Это архитектура катакомбъ индійскихъ и египетскихъ, гдѣ эти два народа такъ удивительно сошлись между собою и дали поводъ подозрѣвать древнее между ними родство. Главный характеръ ея—тяжесть. Здѣсь все должно соединиться въ массу и толщу: зданіе тяжело ступаетъ, какъ на слоновыхъ пядяхъ, на короткихъ, тяжелыхъ колоннахъ, которыхъ ширина своимъ діаметромъ равняется почти съ высотою. Здѣсь уже совершенно все ширина и масса. На ней какъ будто отпечаталась тяжесть земли, внутри которой она скрываетъ тяжелое свое величіе. То, что порокъ въ другихъ родахъ ея, то здѣсь достоинство. Эта подземная архитектура имѣетъ что-то также величавое, хотя внушаетъ совершенно другія мысли. Здѣсь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляетъ главную идею всего зданія. Если художникъ предположилъ создать тяжелое и массивное и выполнилъ это, его твореніе, вѣрно, будетъ хорошо; но когда начерталъ онъ планъ тяжелаго, а изъ него вышло вовсе не тяжелое, или, наоборотъ, когда онъ замыслилъ произвесть легкое, а вышло тяжелое, то это уже рѣшительно дурно. Зданіе это, когда съ него сбрасывали землю и оно выходило на свѣтъ, представляло всегда странный и вмѣстѣ страшный видъ—какъ будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, какъ будто бы мракъ очутился вдругъ среди яркаго свѣта, — мракъ, только освѣщаемый свѣтомъ, а не прогоняемый имъ, какъ египетская урна или мертвая голова среди пиршествъ. Мнѣ кажется, напрасно эту архитектуру вгоняютъ въ землю: показавшись вдругъ, нечаянно, среди свѣтлыхъ, легкихъ домиковъ, она должна непремѣнно поразить всякаго и произвести свой эффектъ. Одно такого рода строеніе среди многолюднаго города было бы прелесть, но только одно, не болѣе. Въ строеніяхъ такого рода всѣ части состоятъ изъ тяжестей, но при всемъ томъ отношенія ихъ между собою исполнены какой-то внутренней, нѣсколько страшной гармоніи, и создать въ этомъ родѣ совершенное весьма не легко.

Египетская архитектура надземная составляетъ совершенно другой родъ: она массивна тоже, но стройность и простота въ высшей степени съ нею неразлучны; главный же ея характеръ—колоссальность. Чѣмъ она глаже снизу доверху, безъ всякихъ раздѣленій и рѣзкихъ украшеній, тѣмъ лучше. Но не употребляйте ее на небольшіе мостики: безъ колоссальности эта архитектура менѣе нежели ничто. Еще разъ повторяю: всякая архитектура прекрасна, если соблюдены всѣ ея условія и если она выбрана совершенно согласно назначенію строенія. Безъ этой благонамѣренной, безпристрастной терпимости не будетъ ни истинныхъ талантовъ, ни истинно величественныхъ произведеній. Прочь этотъ схоластицизмъ, предписывающій строенія ранжировать подъ одну мѣрку и строить по одному вкусу! Городъ долженъ состоять изъ разнообразныхъ массъ, если хотимъ, чтобы онъ доставлялъ удовольствіе взорамъ. Пусть въ немъ совокупится болѣе различныхъ вкусовъ. Пусть въ одной и той же улицѣ возвышается и и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшеній восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройнымъ размѣромъ греческое. Пусть въ немъ будутъ видны и легко-выпуклый млечный куполъ, и религіозный безконечный шпицъ, и восточная митра, и плоская крыша итальянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелискъ. Пусть какъ можно рѣже дома сливаются въ одну ровную, однообразную стѣну, но клонятся то вверхъ, то внизъ. Пусть разныхъ родовъ башни какъ можно чаще разнообразятъ улицы. Неужели найдется такой смѣльчакъ или, лучше сказать, несмѣльчакъ, который бы ровное мѣсто въ природѣ осмѣлился сравнить съ видомъ утесовъ, обрывовъ, холмовъ, выходящихъ одинъ изъ-за другого?

Архитекторъ-творецъ долженъ имѣть глубокое познаніе во всѣхъ родахъ зодчества. Онъ менѣе всего долженъ пренебрегать вкусомъ тѣхъ народовъ, которымъ мы въ отношеніи художествъ обыкновенно оказываемъ презрѣніе. Онъ долженъ быть всеобъемлющъ, изучить и вмѣстить въ себѣ всѣ безчисленныя измѣненія ихъ. Но самое главное—долженъ изучить все въ идеѣ, а не въ мелочной наружной формѣ и частяхъ. Но для того, чтобы изучить въ идеѣ, нужно быть ему геніемъ и поэтомъ.

Но обратимся къ архитектурѣ городовъ. Городъ нужно строить такимъ образомъ, чтобы каждая часть, каждая отдѣльно взятая масса домовъ представляла живой пейзажъ. Нужно толпѣ домовъ придать игру, чтобы она, если можно такъ выразиться, заиграла рѣзкостями, чтобы она вдругъ врѣзалась въ память и преслѣдовала бы воображеніе. Есть такіе виды, которые вѣкъ помнишь, и есть такіе, которыхъ, при всѣхъ усиліяхъ, не можешь замѣтить въ памяти. Зодчество грубѣе и вмѣстѣ колоссальнѣе другихъ искусствъ, какъ-то: живописи, скульптуры и музыки, и потому эффектъ его—въ эффектѣ. Масса города имѣетъ уже тѣмъ выгоду, что ее вдругъ можно измѣнить, исправить

по своему произволу. Иногда одно только строеніе среди ея—и она совершенно измѣняетъ видъ свой, принимаетъ другое выраженіе, такъ, какъ всякій рисунокъ ученика вдругъ оживляется подъ кистью или карандашомъ его учителя, который въ одномъ мѣстѣ подкрѣпитъ, въ другомъ отдѣлитъ, въ третьемъ только тронетъ, — и все уже не то. Притомъ, самыя ошибки уже подаютъ идею о томъ, какъ избѣжать ихъ: безхарактерное подаетъ мысль о характерномъ, мелкое и плоское вызываютъ въ противоположность дерзкое и необыкновенное, углубленіе внизъ подаетъ идею о возвышеніи вверхъ, и наоборотъ. Геній — богачъ страшный, передъ которымъ ничто весь міръ и всѣ сокровища.

При построеніи городовъ нужно обращать вниманіе на положеніе земли. Города строятся или на возвышеніи и холмахъ, или на равнинахъ. Городъ на возвышеніи менѣе требуетъ искусства, потому что тамъ природа работаетъ уже сама: то подымаетъ дома на величественныхъ холмахъ своихъ и кажетъ ихъ великанами изъ-за другихъ домовъ, то опускаетъ ихъ внизъ, чтобы дать видъ другимъ. Въ такомъ городѣ можно менѣе употреблять разнообразія. Въ немъ можно болѣе употреблять гладкихъ и одинаковыхъ домовъ, потому что неровное положеніе земли уже даетъ имъ нѣкоторымъ образомъ разнообразіе, помѣщая ихъ въ разныхъ мѣстоположеніяхъ. Нужно наблюдать только, чтобы дома показывали свою вышину одинъ изъза другого, такъ чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядитъ двадцатиэтажная масса. Тамъ мало нужно искусства, гдѣ природа одолѣваетъ искусство; тамъ искусство только для того, чтобъ украсить ее. Но гдѣ положеніе земли гладко совершенно, гдѣ природа спитъ, тамъ должно работать искусство во всей силѣ. Оно должно пропестрить, если можно сказать, изрыть, скрыть равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни. Здѣсь однообразіе и простота будетъ большая погрѣшность. Здѣсь архитектура должна быть какъ можно своенравнѣе: принимать суровую наружность, показывать веселое выраженіе, дышать древностью, блестѣть новостью, обдавать ужасомъ, сверкать красотою, быть то мрачной, какъ день, обхваченный грозою съ громовыми облаками, то ясною, какъ утро въ солнечномъ сіяніи. Архитектура—тоже лѣтопись міра: она говоритъ тогда, когда уже молчатъ и пѣсни, и преданія, и когда уже ничто не говоритъ о погибшемъ народѣ. Пусть же она, хоть отрывками, является среди нашихъ городовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ она была при отжившемъ уже народѣ, чтобы при взглядѣ на нее осѣнила насъ мысль о минувшей его жизни и погрузила бы насъ въ его бытъ, въ его привычки и степень пониманія, и вызвала бы у насъ благодарность за его существованіе, бывшее ступенью нашего собственнаго возвышенія *).

Неужели однако-же не возможно созданіе (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежнихъ условій? Когда дикій и малоразвившійся человѣкъ, которому одна природа, еще грубо имъ понимаемая, служитъ руководствомъ и вдохновеніемъ, создаетъ твореніе, въ которомъ является и красота, и тайный инстинктъ вкуса,—отчего же мы, которыхъ всѣ способности такъ обширно развились, которые болѣе видимъ и понимаемъ природу во всѣхъ ея тайныхъ явленіяхъ,—отчего же мы не производимъ ничего совершенно проникнутаго такимъ богатствомъ нашего познанія? Идея для зодчества вообще была черпана изъ природы, но тогда, когда человѣкъ сильно чувствовалъ на себѣ ея вліяніе; теперь же искусство поставилъ онъ выше самой природы,—развѣ не можетъ онъ черпать своихъ идей изъ самого искусства или, лучше сказать, изъ гармоническаго сліянія природы съ искусствомъ? Разсмотрите только, какую страшную изобрѣтательность показалъ онъ на мелкихъ издѣліяхъ утонченной роскоши; разсмотрите всѣ эти модныя бездѣлицы, которыя каждый день являются и гибнутъ, разсмотрите ихъ, хотя въ микроскопъ, если такъ онѣ не останавливаютъ вашего вниманія,—какого онѣ исполнены тонкаго вкуса! Какія принимаютъ онѣ совершенно небывалыя прелестныя формы! Онѣ создаются въ такомъ особенномъ родѣ, который еще никогда не встрѣчался. Рѣзьба и тонкая отдѣлка ихъ такъ не заимствованы и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хороши, что мы иногда долго любуемся ими и, увы! вовсе не ощущаемъ жалости при видѣ, какъ гибнетъ

*) Мнѣ прежде приходила очень странная мысль: я думалъ, что весьма не мѣшало бы имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себѣ архитектурную лѣтопись: чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, прошедши которыя, зритель видѣлъ бы съ двухъ сторонъ возвышающіяся величественныя зданія первобытнаго дикаго вкуса, общаго первоначальнымъ народамъ, потомъ постепенное измѣненіе ея въ разные виды: высокое преображеніе въ колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потомъ въ красавицу—греческую, потомъ въ сладострастную александрійскую и византійскую съ плоскими куполами, потомъ въ римскую съ арками въ нѣсколько рядовъ, далѣе вновь нисходящую къ дикимъ временамъ и вдругъ потомъ поднявшуюся до необыкновенной роскоши—аравійскую; потомъ дикую готическую, потомъ готико-арабскую, потомъ чисто-готическую, вѣнцомъ искусства, дышащею въ Кельнскомъ соборѣ, потомъ страшнымъ смѣшеніемъ архитектуръ, происшедшимъ отъ обращенія къ византійской, потомъ древнею греческою въ новомъ костюмѣ, и, наконецъ, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключавшими бы въ себѣ стихіи новаго вкуса. Эта улица сдѣлалась бы тогда въ нѣкоторомъ отношеніи исторіею развитія вкуса, и кто лѣнивъ перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобъ узнать все.

вкусъ человѣка въ ничтожномъ и временномъ, тогда какъ онъ былъ бы замѣтенъ въ неподвижномъ и вѣчномъ. Развѣ мы не можемъ эту раздробленную мелочь искусства превратить въ великое? Неужели все то, что встрѣчается въ природѣ, должно быть непремѣнно только колонна, куполъ и арка? Сколько другихъ еще образовъ нами вовсе не тронуто! Сколько прямая линія можетъ ломаться и измѣнять направленіе, сколько кривая выгибаться, сколько новыхъ можно ввести украшеній, которыхъ еще ни одинъ архитекторъ не вносилъ въ свой кодексъ! Въ нашемъ вѣкѣ есть такія пріобрѣтенія и такія новыя, совершенно ему принадлежащія стихіи, изъ которыхъ бездну можно заимствовать никогда прежде не воздвигаемыхъ зданій. Возьмемъ, напримѣръ, тѣ висящія украшенія, которыя начали появляться недавно. Покамѣстъ висящая архитектура только показывается въ ложахъ, балконахъ и въ небольшихъ мостикахъ. Но если цѣлые этажи повиснутъ, если перекинутся смѣлыя арки, если цѣлыя массы вмѣсто тяжелыхъ колоннъ очутятся на сквозныхъ чугунныхъ подпорахъ, если домъ обвѣсится снизу доверху балконами съ узорными чугунными перилами, и отъ нихъ висящія чугунныя украшенія, въ тысячахъ разнообразныхъ видовъ, облекутъ его своею легкою сѣтью, и онъ будетъ глядѣть сквозь нихъ, какъ сквозь прозрачный вуаль, когда эти чугунныя сквозныя украшенія, обвитыя около круглой, прекрасной башни, полетятъ вмѣстѣ съ нею на небо — какую легкость, какую эстетическую воздушность пріобрѣтутъ тогда дома наши! Но какое множество есть разбросанныхъ на всемъ намековъ, могущихъ зародить совершенно необыкновенную живую идею въ головѣ архитектора, если только этотъ архитекторъ—творецъ и поэтъ *).

1831.

АЛ-МАМУНЪ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).

Ни одинъ государь не принималъ правленія въ такую блестящую эпоху своего государства, какъ Ал-Мамунъ. Грозный калифатъ величественно возвышался на классической землѣ древняго міра. Онъ обнималъ на востокѣ всю цвѣтущую юго-западную Азію и замыкался Индіею; на западѣ онъ простирался по берегамъ Африки до Гибралтара. Сильный флотъ покрывалъ Средиземное море. Багдадъ, столица этого новаго чудеснаго міра, видѣлъ повелѣнія свои исполняющимся въ отдаленныхъ краяхъ провинцій; Бассора, Нигабуръ и Куфа зрѣли новообращенную Азію, стекающуюся въ свои блестящія школы. Дамаскъ могъ одѣть всѣхъ сластолюбцевъ дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и арабъ уже думалъ, какъ бы осуществить на землѣ рай Магомета: создавалъ водопроводы, дворцы, цѣлые лѣса пальмъ, гдѣ сладострастно били фонтаны и дымились благовонія Востока. И къ такому развитію роскоши еще не успѣла привиться ни одна нравственная болѣзнь политическаго общества. Всѣ части этой великой имперіи, этого магометанскаго міра, были связаны довольно сильно, и связь эта укрѣплена была волею необыкновеннаго Гаруна, который постигнулъ всѣ разнообразныя способности своего народа. Онъ не былъ исключительно государь-философъ, государь-политикъ, государь-воинъ, или государь-литераторъ. Онъ соединялъ въ себѣ все, умѣлъ ровно разлить свои дѣйствія на все и не доставить перевѣса ни одной отрасли надъ другою. Просвѣщеніе чужеземное онъ прививалъ къ своей націи въ такой только степени, чтобы помочь развитію ея собственнаго. Уже арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваній, но все еще были исполнены энтузіазма, и огненныя страницы Корана перелистывались съ тѣмъ же благоговѣніемъ, исполнялись такъ же раболѣпно. Гарунъ умѣлъ ускорить весь административный государственный ходъ и исполненіе повелѣній страхомъ своей вездѣсущности. Намѣстники и эмиры, изъ которыхъ каждый обыкновенно стремится быть деспотомъ, опасались встрѣтить всезрящаго переодѣтаго калифа—и правленіе безъ законовъ двигалось крѣпко и опредѣленно. Въ такомъ видѣ принялъ государство Ал-Мамунъ, государь, котораго Царьградъ назвалъ великодушнымъ покровителемъ наукъ, котораго имя исторія внесла въ число благодѣтелей человѣческаго рода, и который замыслилъ государство политическое превратить въ государство музъ. Онъ былъ одаренъ всею живостью и способностью къ долгому изученію. Его характеръ исполненъ былъ благородства. Желаніе истины было его девизомъ. Онъ былъ влюбленъ въ науку, и влюбленъ совершенно безкорыстно: онъ любилъ науку для нея же самой, не думая о ея цѣли и примѣненіи. Онъ предался ей съ исключительною страстью. Тогда аравитяне только-что открыли Аристотеля. Многообъемлющій и точный философъ Греціи не могъ сойтись съ ихъ воображеніемъ, слишкомъ стремительнымъ, слишкомъ колоссальнымъ и восточнымъ; но аравійскіе ученые, занимаясь долгое время кропотливою работою, уже нѣсколько привыкли къ точности и формальности, и оттого принялись за него съ ученымъ энтузіаз-

*) Статья эта писана давно. Въ послѣднее время вкусъ въ Европѣ улучшился и особенно въ нашей любезной Россіи. Многіе архитекторы уже ей дѣлаютъ честь; изъ нихъ должно упомянуть о Брюловѣ, котораго зданія исполнены истиннаго вкуса и оригинальности.

момъ. Эти безконечные выводы, это облеченіе въ видимость и порядокъ того, что они прежде чувствовали въ душѣ пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашнихъ ученыхъ. Воспитанный подъ ихъ вліяніемъ, Ал-Мамунъ, исполненный истинной жажды просвѣщенія, употреблялъ всѣ старанія ввести въ свое государство этотъ чуждый дотолѣ греческій міръ. Багдадъ распростеръ дружелюбныя длани всему ученому тогдашнему свѣту. Милости калифа были открыты всякому, кто принадлежалъ къ какому бы то ни было званію, какой бы ни былъ онъ религіи, какихъ бы ни былъ исполненъ противорѣчащихъ началъ. Естественно, что тогда болѣе всего приносили свои познанія въ Багдадъ тѣ, которые еще сохраняли въ душѣ своей образъ политеизма, облеченнаго христіанскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммонія Саккаса, Плотина и другихъ послѣдователей новоплатонизма, которые уже не находили поля для своихъ ученыхъ ристаній въ Царьградѣ, слишкомъ занятомъ спорами о догматахъ христіанства. Багдадъ превратился въ республику разнородныхъ отраслей познаній и мнѣній. Вѣнценосный арабъ вслушивался внимательно въ усыпительную музыку ученыхъ толкованій и тонкостей. Правители государственныхъ мѣстъ не могли не увлечься примѣромъ государя, и тогда высшія ступени государства обняла какая-то литературная мономанія. Визири и эмиры старались окружить свой дворъ учеными пришельцами. Очевидно, что административная часть была какъ будто чѣмъ-то второстепеннымъ, что правители должны были многое, относящееся къ управленію, повѣрять усмотрѣнію своихъ секретарей и любимцевъ, что эти любимцы были иногда вовсе невѣжды, часто получали пронырствами мѣста, что все это должно было отозваться на народѣ и впослѣдствіи времени обрушиться на самихъ правителей. Толпа теоретическихъ философовъ и поэтовъ, занявшихъ правительственныя мѣста, не можетъ доставить государству твердаго правленія. Ихъ сфера совершенно отдѣльна; они пользуются верховнымъ покровительствомъ и текутъ по своей дорогѣ. Отсюда исключаются тѣ великіе поэты, которые соединяютъ въ себѣ и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человѣка, проникли минувшее и прозрѣли будущее, которыхъ глаголъ слышится всѣмъ народомъ. Они—великіе жрецы. Мудрые властители чествуютъ ихъ своею бесѣдою, берегутъ ихъ драгоцѣнную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней дѣятельностью правителя. Ихъ призываютъ они только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдателей глубины человѣческаго сердца.

Благородный Ал-Мамунъ истинно желалъ сдѣлать счастливыми своихъ подданныхъ. Онъ зналъ, что вѣрный путеводитель къ тому—науки, клонящіяся къ развитію человѣка. Онъ всѣми силами заставлялъ своихъ подданныхъ принимать вводимое имъ просвѣщеніе. Но просвѣщеніе, вводимое Ал-Мамуномъ, менѣе всего отвѣчало природнымъ элементамъ и колоссальности воображенія арабовъ. Лишенныя энергіи начала политеизма, обратившіяся въ игру словъ, дерзко обезображенныя идеи христіанства, странно озарившія тогдашнія науки, не слившіяся съ ними, но, можно сказать, уничтожившія ихъ своимъ преобладаніемъ, представляли совершенный контрастъ пламенной природѣ араба, у котораго воображеніе слишкомъ потопляло тощіе выводы холоднаго ума. Этотъ чудный народъ не шелъ, а летѣлъ къ своему развитію. Геній его вдругъ оказывался въ войнѣ, торговлѣ, искусствахъ, мануфактурахъ и въ роскошной поэзіи Востока. Его доселѣ небывалыя въ исторіи человѣчества стихіи вспыхнули богато, ярко, странно и совершенно оригинально. Казалось, этотъ народъ обѣщалъ дотолѣ невиданное совершенство націи. Но Ал-Мамунъ не понялъ его. Онъ упустилъ изъ вида великую истину, что образованіе черпается изъ самого же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ такой степени заимствовано, сколько можетъ оно помогать собственному развитію, но что развиваться народъ долженъ изъ своихъ же національныхъ стихій. Но для арабовъ поле подвиговъ было загреждено этимъ безплоднымъ чужестраннымъ просвѣщеніемъ. Самый космополитизмъ Ал-Мамуна, открывшаго входъ въ государство ученымъ всѣхъ партій, уже зашелъ нѣсколько далеко. Выгоды, которыя въ государствѣ получали христіане, не могли не возродить въ собственныхъ его подданныхъ ненависти, а вмѣстѣ и презрѣнія къ самымъ даже полезнымъ ихъ учрежденіямъ,—и народъ уже терялъ любовь къ своему калифу. Въ правленіи Ал-Мамунъ былъ больше философъ-теоретикъ, нежели философъ-практикъ, какимъ бы долженъ быть государь. Онъ зналъ жизнь своего народа изъ описаній, изъ разсказовъ другихъ, а не извѣдалъ самъ, какъ очевидецъ, какъ извѣдалъ его великій Гарунъ. Въ азіатскихъ образахъ правленія, не имѣющихъ опредѣленныхъ законовъ, вся административная часть падаетъ на самого монарха, и потому дѣятельность его должна быть необыкновенна, вниманіе его должно быть вѣчно напряжено; онъ не можетъ ввѣриться совершенно никому, и глазъ его долженъ имѣть многосторонность Аргуса: минуту засни онъ—и его полномочные намѣстники вдругъ возрастаютъ, и государство наполняется милліонами деспотовъ. Но Ал-Мамунъ въ своемъ Багдадѣ жилъ какъ въ государствѣ музъ, имъ же самимъ созданномъ и совершенно отдѣльномъ отъ міра политическаго. Хри-

стіане, которые стали, наконецъ, вмѣшиваться въ административныя должности, не могли узнать народнаго духа и обычаевъ земли. Притомъ самое иновѣрство ихъ было невыносимо для араба, еще сохранявшаго энтузіазмъ и нетерпимость. И когда имя Ал-Мамуна повторялось на устахъ всѣхъ ученыхъ тогдашняго вѣка, когда его гостепріимство привлекало пестрые флаги къ берегамъ сирійскимъ, власть его внутри государства становилась между тѣмъ слабѣе. Жители провинцій, никогда не видавшіе своего калифа, мало дорожили его именемъ. Военная сила ослабла. Просвѣщеніе обыкновенно стремилось изъ Багдада, какъ изъ центра, уменьшаясь и угасая по мѣрѣ приближенія къ отдаленнымъ границамъ. На границахъ арабы еще сохраняли свой первый періодъ. На границахъ стояли войска, еще полныя фанатизма, еще стремившіяся огнемъ и мечомъ водружать вѣру Магомета. Сильные эмиры ихъ, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости, и Ал-Мамунъ уже при жизни своей видѣлъ отторженіе Персіи, Индіи и дальнихъ провинцій Африки. Но, можетъ быть, все это невѣрное направленіе администраціи было бы еще исправимое зло, если бы Ал-Мамунъ не простеръ уже слишкомъ далеко своей любви къ истинѣ. Онъ захотѣлъ быть религіознымъ реформаторомъ своей націи. Исполненный ума чистотеоретическаго, будучи выше суевѣрій и предразсудковъ, будучи ближе познакомленъ съ нѣкоторыми догмами христіанства, нежели его предшественники, онъ не могъ не видѣть всѣхъ безчисленныхъ противорѣчій, пламенныхъ нелѣпостей, которыя вырывались всемѣстно въ постановленіяхъ изступленнаго творца Корана. Онъ рѣшился очистить и преобразовать священную книгу магометанъ—и въ то самое время, когда еще всѣ низшія государственныя ступени, вся чернь была увѣрена, что она принесена съ неба, и когда усомниться въ маловажномъ постановленіи ея уже считалось величайшимъ преступленіемъ. Полугреческій образъ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слѣпого энтузіазма его подданныхъ. Первымъ шагомъ къ образованію своего народа онъ почиталъ истребленіе энтузіазма,—того энтузіазма, который составлялъ существованіе народа аравійскаго,—того энтузіазма, которому онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ развитіемъ и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политическій составъ всего государства. Ему нелѣпѣе, несообразнѣе всего казался Магометовъ рай, куда арабъ переносилъ всю чувственную земную жизнь свою,—жизнь, назначенную для наслажденія и сладострастія. Но Ал-Мамунъ не принялъ въ соображеніе того, что это постановленіе изверглось изъ огненнаго аравійскаго климата, изъ огненной природы араба, что этотъ рай для магометанина есть великій оазъ среди пустыни его жизни, что надежда въ этотъ рай одна только заставляла чувственнаго араба терпѣливо сносить бѣдность, притѣсненіе, подавлять въ душѣ своей зависть при видѣ утопающаго въ роскоши сибарита. Мысль, что и онъ будетъ, наконецъ, находиться среди гурій, среди роскоши, превышающей роскошь земныхъ владыкъ, одна могла быть доступна для такой чувственности и цвѣтистости воображенія, какими природа надѣлила араба, и что, можетъ быть, съ дальнѣйшимъ только развитіемъ его могла нечувствительно очиститься его вѣра. Ал-Мамунъ не постигалъ азіатской природы своихъ подданныхъ.

Можно себѣ представить силу негодованія многочисленнаго класса народа, когда распространились вѣсти о преобразованіяхъ калифовыхъ. Какъ долженъ былъ принять это народъ, который уже за одно покровительство христіанамъ и привязанность къ иностранцамъ обвинялъ гласно калифа въ мотализмѣ, или ереси? Грубая толпа прежнихъ точныхъ исполнителей Корана жестокимъ упорствомъ своимъ, наконецъ, заставила калифа взяться за оружіе. И благородный, великодушный Ал-Мамунъ, проникнутый истинною любовію къ человѣчеству, явился гонителемъ своихъ подданныхъ. Гоненіемъ своимъ онъ воскресилъ опять въ арабахъ дикій фанатизмъ, но уже не тотъ фанатизмъ, который сдвинулъ прежде кочевыхъ обитателей Аравіи въ одну массу, — онъ произвелъ оппозиціонный фанатизмъ,—фанатизмъ, который растерзалъ массу, который посѣялъ плевелы въ нѣдрахъ государства, который разбудилъ дикія страсти араба, который далъ ножъ и ядъ ненависти въ руки изступленныхъ послѣдователей ислама, который произвелъ множество ослѣпленныхъ сектъ и ужаснѣе всего секту карматіановъ, долго еще свирѣпствовавшую подъ именемъ сирійскихъ убійцъ, во время крестовыхъ походовъ. Среди волненій, оказывавшихся въ разныхъ концахъ государства, среди смутъ и партій, разсыпая одною рукою благодѣянія и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорныхъ, изступленныхъ своихъ подданныхъ, умеръ благородный Ал-Мамунъ,—умеръ, не понявъ своего народа, не понятый своимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ онъ далъ поучительный урокъ. Онъ показалъ собою государя, который, при всемъ желаніи блага, при всей кротости сердца, при самоотверженіи и необыкновенной страсти къ наукамъ, былъ, между прочимъ, невольно одною изъ главныхъ пружинъ, ускорившихъ паденіе государства.

Писано въ октябрѣ 1834 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЖИЗНЬ.

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ.

Лежитъ и разстилается великое Средиземное море, и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ на него палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, сирійскія голыя пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы.

Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ; идутъ безчисленныя ступени. Стоитъ онъ, величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоитъ и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, не сокрушаемая тлѣніемъ.

Раскинула вольныя колоніи веселая Греція. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; кинамонъ, виноградныя лозы, смоковницы помаваютъ облитыми медомъ вѣтвями; колонны, бѣлыя какъ перси дѣвы, круглятся въ роскошномъ мракѣ древесномъ; мраморъ страстный дышитъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любуется своею прекрасною наготою; увитый гроздіями, съ тирсами и чашами въ рукахъ, народъ остановился въ шумной пляскѣ. Жрицы, молодыя и стройныя, съ разметанными кудрями, вдохновенно вонзили свои черныя очи. Тростникъ, связанный въ цѣвницу, тимпаны, мусикійскія орудія мелькаютъ, перевитыя плющемъ. Корабли какъ мухи толпятся близъ Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающійся флагъ дыханію вѣтра. И все стоитъ неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувши свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами.

Весь воздухъ небеснаго океана висѣлъ сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнетъ, какъ будто бы царства предстали всѣ на страшный судъ передъ кончиною міра.

И говоритъ Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнинъ, и устремляя иглы своихъ обелисковъ: „Народы, слушайте! Я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти. Далеко, далеко до воскресенія! Да и будетъ ли когда воскресеніе? Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бѣдное существованіе“.

И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ, слышалось дыханіе цѣвницы: „Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Все неси ему. Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ, какъ дышитъ все согласіемъ. Все въ мірѣ; все, чѣмъ ни владѣютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! Мчись на колесницѣ, искусно правя конями, на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ—красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія—умѣй быть достойнымъ наслажденія!“

И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: „Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка: оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ бранноносныхъ легіоновъ! Слышишь ли, какъ у ногъ твоихъ собрался весь міръ и, потрясая копьями, слился въ одно восклицаніе? Слышишь ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краяхъ міра? Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ. Стремись вѣчно: нѣтъ границъ міру—нѣтъ границъ и желанію. Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ—ты завоюешь, наконецъ, небо“.

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Греція свои влажныя отъ наслажденія, прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; немноголюдная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ

нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Грецiя; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; натнулся Араратъ, древній прапращуръ земли...

1831.

ШЛЕЦЕРЪ, МИЛЛЕРЪ и ГЕРДЕРЪ.

Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ были великіе зодчіе всеобщей исторіи. Мысль о ней была ихъ любимою мыслью и не оставляла ихъ во все время разнообразнаго ихъ поприща. Шлецеръ, можно сказать, первый почувствовалъ идею объ одномъ великомъ цѣломъ, объ одной единицѣ, къ которой должны быть приведены и въ которую должны слиться всѣ времена и народы. Онъ хотѣлъ однимъ взглядомъ обнять весь міръ, все живущее. Казалось, какъ будто бы онъ силился имѣть сто аргусовыхъ глазъ, для того чтобы разомъ видѣть сбывающееся во всѣхъ отдаленныхъ углахъ міра. Его слогъ — молнія, почти вдругъ блещущая то тамъ, то здѣсь, и освѣщающая предметы на одно мгновеніе, но за то въ ослѣпительной ясности. Я не знаю, исполнилъ ли бы онъ въ самомъ дѣлѣ то, что рѣзко показывалъ другимъ; но по крайней мѣрѣ никто такъ сильно не пораженъ былъ самъ своимъ предметомъ, какъ онъ. Онъ имѣлъ достоинство въ высшей степени сжимать все въ малообъемный фокусъ и двумя, тремя яркими чертами, часто даже однимъ эпитетомъ, обозначать вдругъ событіе и народъ. Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодомъ одной счастливой минуты, одного внезапнаго вдохновенія, и такъ исполнены рѣзкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на умъ опредѣлившему себя на долгое, глубокое изслѣдованіе, выключая только, если этотъ изслѣдователь будетъ самъ Шлецеръ. Онъ не былъ историкъ, и я думаю даже, что онъ не могъ быть историкомъ. Его мысли слишкомъ отрывисты, слишкомъ горячи, чтобы улечься въ гармоническую, стройную текучесть повѣствованія. Онъ анализировалъ міръ и всѣ отжившіе и живущіе народы, а не описывалъ ихъ; онъ разсѣкалъ весь міръ анатомическимъ ножомъ, рѣзалъ и дѣлилъ на массивныя части, располагалъ и отдѣлялъ народы такимъ же образомъ, какъ ботаникъ распредѣляетъ растенія по извѣстнымъ ему признакамъ. И оттого начертаніе его исторіи, казалось бы, должно быть слишкомъ скелетнымъ и сухимъ; но, къ удивленію, все у него сверкаетъ такими рѣзкими чертами, могущественный ударъ его глаза такъ вѣренъ, что, читая этотъ сжатый эскизъ міра, замѣчаешь съ изумленіемъ, что собственное воображеніе горитъ, расширяется и дополняетъ все по такому же самому закону, который опредѣлилъ Шлецеръ однимъ всемогущимъ словомъ; иногда оно стремится еще далѣе, потому что ему указана смѣлая дорога. Будучи однимъ изъ первыхъ, тревожимыхъ мыслью о величіи и истинной цѣли всеобщей исторіи, онъ долженствовалъ быть непремѣнно геніемъ оппозиціоннымъ. Это положеніе сообщило ему сильную энергію, жаръ и даже досаду на близорукость предшественниковъ, прорывающіеся очень часто въ его сочиненіяхъ. Онъ уничтожаетъ ихъ однимъ громовымъ словомъ, и въ этомъ одномъ словѣ соединяется и наслажденіе, и сардоническая усмѣшка надъ пораженнымъ, и вмѣстѣ несокрушимая правда; его справедливѣе, нежели Канта, можно назвать всесокрушающимъ. Всегда почти дѣйствующіе въ оппозиціонномъ духѣ слишкомъ увлекаются своимъ положеніемъ и въ энтузіастическомъ порывѣ держатся только одного правила — противорѣчить всему прежнему. Въ этомъ случаѣ нельзя упрекнуть Шлецера: германскій духъ его сталъ неколебимъ на своемъ мѣстѣ. Онъ — какъ строгій, всезрящій судія; его сужденія рѣзки, коротки и справедливы. Можетъ быть, нѣкоторымъ покажется страннымъ, что я говорю о Шлецерѣ, какъ о великомъ зодчемъ всеобщей исторіи, тогда какъ его мысли и труды по этой части улеглись въ небольшой книжкѣ, изданной имъ для студентовъ; но эта маленькая книжка принадлежитъ къ числу тѣхъ, читая которыя, кажется, читаешь цѣлые томы; ее можно сравнить съ небольшимъ окошкомъ, сквозь которое, приставивши къ нему ближе глазъ, можно увидѣть весь міръ. Онъ вдругъ осѣняетъ свѣтомъ и показываетъ, какъ нужно понять, и тогда самъ собою, наконецъ, видишь все.

Миллеръ представляетъ собою историка совершенно въ другомъ родѣ. Спокойный, тихій, размышляющій, онъ представляетъ противоположность Шлецеру. Онъ съ какою-то очаровательною, особенною любовью предается своему предмету. Его слогъ не блеститъ тѣмъ рѣзкимъ отличіемъ, какимъ означенъ слогъ Шлецера; нѣтъ тѣхъ порывовъ, того мѣткаго лаконизма, какимъ исполненъ Шлецеръ. Онъ не схватываетъ вдругъ, однимъ взглядомъ всего и не сжимаетъ его мощною рукою; но онъ изслѣдываетъ все, находящееся въ мірѣ, спокойно, поочередно, не показывая той быстроты и поспѣшности, съ какою выражается авторъ, опасающійся, чтобы у него не перехватилъ кто-нибудь мысли и не предупредилъ его. Слово „изслѣдованіе“ весьма идетъ къ его стилю; его повѣствованіе именно изслѣдовательное. Какъ человѣкъ государственный, онъ болѣе всего за-

нимается изложеніемъ формъ правленія и законовъ существующихъ и минувшихъ государствъ; но онъ не предпочитаетъ эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно въ тѣни всѣ другія, къ чему способенъ бываетъ историкъ односторонній и чего не могъ избѣжать и Геренъ; напротивъ того, онъ обращаетъ вниманіе и на все сопредѣльное. Все, что не ясно въ исторіи, что менѣе разоблачено, все это болѣе другого подвергается его изслѣдованію. Замѣтно даже, что онъ охотнѣе занимается временами первобытными и вообще тѣми эпохами, когда народъ еще не былъ подверженъ образованности и порокамъ, сохранялъ свои простые нравы и независимость. Это время изображаетъ онъ съ ясною подробностью, съ тихимъ жаромъ, какъ будто позабываясь и воображая видѣть себя среди своихъ добрыхъ швейцарцевъ. Главный результатъ, царствующій въ его исторіи, есть тотъ, что народъ тогда только достигаетъ своего счастья, когда сохраняетъ свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость. Вездѣ въ немъ видны старческая мудрость и младенческая ясность души. Благородство мыслей и любовь къ свободѣ проникаютъ все его твореніе. Мысль о единствѣ и нераздѣльной цѣлости не служитъ такою цѣлью, къ которой бы явно устремлялось его повѣствованіе; онъ даже никогда не говоритъ о немъ, но единство чувствуется въ цѣломъ твореніи, несмотря на то, что онъ, кажется, забываетъ вовсе дѣла всего міра, занявшись однимъ народомъ. Исторія его не состоитъ изъ непрерывной движущейся цѣпи происшествій; драматическаго искусства въ немъ нѣтъ; вездѣ виденъ размышляющій мудрецъ. Онъ не высказываетъ слишкомъ ярко своихъ мыслей: онѣ у него таятся такъ скромно, иногда въ такомъ незамѣтномъ уголкѣ, что не ищущій не найдетъ ихъ никогда; но за то онѣ такъ высоки и глубоки, что открывшему ихъ открывается, по выраженію Вагнера въ „Фаустѣ“, на землѣ небо. Этотъ скромный, незамѣтный слогъ его и отсутствіе ослѣпляющей яркости производитъ въ душѣ невольное сожалѣніе: чрезъ него Миллеръ очень мало извѣстенъ, или, лучше сказать, не такъ извѣстенъ, какъ долженъ бы быть. Одни сильно проникнутые мыслью о исторіи и способные къ тонкому развитію могутъ только вполнѣ понимать его; другимъ же онъ кажется легкимъ и неглубокомысленнымъ.

Гердеръ представляетъ совершенно отличный образъ воззрѣнія. Онъ видитъ уже совершенно духовными глазами. У него владычество идеи вовсе поглощаетъ осязательныя формы. Вездѣ онъ видитъ одного человѣка, какъ представителя всего человѣчества. Онъ выпытываетъ глубоко, вдохновенно, какъ браминъ природы,—названіе, которое придаютъ ему нѣмцы. У него крупнѣе группируются событія, его мысли всѣ высоки, глубоки и всемірны. Онѣ у него являются мало соединенными съ видимою природою и какъ будто извлеченными изъ одного только чистаго ея горнила. Оттого онѣ у него не имѣютъ исторической осязательности и видимости. Если событіе колоссально и заключается въ идеѣ, — оно у него развертывается все, со всѣми своими сокровенными явленіями; но если слишкомъ коснулось жизни и практическаго, оно у него не получаетъ опредѣленнаго колорита. Если онъ нисходитъ до самыхъ лицъ и до дѣятелей исторіи, они у него не такъ ярки, какъ общія группы, они принимаютъ слишкомъ общую физіогномію; они у него или добрые, или злые; всѣ безчисленные оттѣнки характеровъ, все смѣшеніе и разнообразіе качествъ, познаніе которыхъ достается въ удѣлъ взирающему съ недовѣрчивостью на другихъ, всѣ эти оттѣнки у него исчезли. Онъ мудрецъ въ познаніи идеальнаго человѣка и человѣчества, но младенецъ въ познаніи человѣка, по весьма естественному ходу вещей, какъ всегда мудрецъ бываетъ великъ въ своихъ мысляхъ и невѣжда въ мелочныхъ занятіяхъ жизни. Какъ поэтъ, онъ выше Шлецера и Миллера. Но, какъ поэтъ, онъ все создаетъ и перевариваетъ въ себѣ, въ своемъ уединенномъ кабинетѣ, полный одного высшаго откровенія, избирая только одно прекрасное и высокое, потому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души. Но высокое и прекрасное вырывается часто изъ низкой и презрѣнной жизни, или оно вызывается натискомъ тѣхъ безчисленныхъ и разнохарактерныхъ явленій, которыя безпрестанно нестрятъ жизнь человѣческую, и которыхъ познаніе рѣдко дается отвлеченному отъ жизни мудрецу. Стиль его, болѣе нежели у кого другого, исполненъ живописи и широкаго размѣра, потому что онъ поэтъ и этимъ рѣзко отличается отъ Миллера, философа-законодателя, всегда спокойнаго и размышляющаго, и Шлецера, философа-критика, всегда почти рѣзкаго и недовольнаго.

Мнѣ кажется, что если бы глубокость результатовъ Гердера, нисходящихъ до самаго начала человѣчества, соединить съ быстрымъ, огненнымъ взглядомъ Шлецера и изыскательною, расторопною мудростью Миллера, тогда бы вышелъ такой историкъ, который бы могъ написать всеобщую исторію. Но при всемъ томъ ему бы еще много кое-чего недоставало; ему бы недоставало высокаго драматическаго искусства, котораго не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумѣю, однако-жъ, подъ словомъ „драматическаго искусства“ не то искусство, которое состоитъ въ умѣніи вести разговоръ, но въ драматическомъ интересѣ всего творенія, который со-

общилъ бы ему неодолимую увлекательность, тотъ интересъ, который иногда дышитъ въ историческихъ отрывкахъ Шиллера, особенно въ *Тридцатилѣтней войнѣ*, и которымъ отличается почти всякое немногосложное происшествіе. Но я бы къ этому присоединилъ еще въ нѣкоторой степени занимательность разсказа Вальтеръ-Скотта и его умѣніе замѣчать самые тонкіе оттѣнки; къ этому присоединилъ бы шекспировское искусство развивать крупныя черты характеровъ въ тѣсныхъ границахъ, и тогда бы, мнѣ кажется, составился такой историкъ, какого требуетъ всеобщая исторія. Но до того времени Миллеръ, Шлецеръ и Гердеръ долго останутся великими путеводителями. Они много, очень много освѣтили всеобщую исторію, и если въ нынѣшнее время мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, то этимъ обязаны имъ однимъ.

1832.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

ПОВѢСТЬ.

Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ: для него онъ составляетъ все. Чѣмъ не блеститъ эта улица-красавица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не промѣняетъ на всѣ блага Невскаго проспекта. Не только кто имѣетъ двадцать пять лѣтъ отъ роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртукъ, но даже тотъ, у кого на подбородкѣ выскакиваютъ бѣлые волоса и голова гладка, какъ серебряное блюдо, и тотъ въ восторгѣ отъ Невскаго проспекта. А дамы! О, дамамъ еще больше пріятенъ Невскій проспектъ. Да и кому же онъ не пріятенъ? Едва только взойдешь на Невскій проспектъ, какъ уже пахнетъ однимъ гуляньемъ. Хотя бы имѣлъ какое-нибудь нужное, необходимое дѣло, но, взошедши на него, вѣрно, позабудешь о всякомъ дѣлѣ. Здѣсь единственное мѣсто, гдѣ показываются люди не по необходимости, куда не загнала ихъ надобность и меркантильный интересъ, объемлющій весь Петербургъ. Кажется, человѣкъ, встрѣченный на Невскомъ проспектѣ, менѣе эгоистъ, нежели въ Морской, Гороховой, Литейной, Мѣщанской и другихъ улицахъ, гдѣ жадность, и корысть, и надобность выражаются на идущихъ и летящихъ въ каретахъ и на дрожкахъ. Невскій проспектъ есть всеобщая коммуникація Петербурга. Здѣсь житель Петербургской или Выборгской части, нѣсколько лѣтъ не бывавшій у своего пріятеля на Пескахъ или у Московской заставы, можетъ быть увѣренъ, что встрѣтится съ нимъ непремѣнно. Никакой адресъ-календарь и справочное мѣсто не доставятъ такого вѣрнаго извѣстія, какъ Невскій проспектъ. Всемогущій Невскій проспектъ! Единственное развлеченіе бѣднаго на гулянья Петербурга! Какъ чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ногъ оставляетъ на немъ слѣды свои! И неуклюжій грязный сапогъ отставного солдата, подъ тяжестью котораго, кажется, трескается самый гранитъ, и миніатюрный, легкій, какъ дымъ, башмачокъ молоденькой дамы, оборачивающей свою головку къ блестящимъ окнамъ магазина, какъ подсолнечникъ къ солнцу, и гремящая сабля исполненнаго надеждъ прапорщика, проводящая по немъ рѣзкую царапину, — все вымещаетъ на немъ могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на немъ фантасмагорія въ теченіе одного только дня! Сколько вытерпитъ онъ перемѣнъ въ теченіе однѣхъ сутокъ! Начнемъ съ самаго ранняго утра, когда весь Петербургъ пахнетъ горячими, только что выпеченными, хлѣбами и наполненъ старухами въ изодранныхъ платьяхъ и салопахъ, совершающими свои наѣзды на церкви и на сострадательныхъ прохожихъ. Тогда Невскій проспектъ пустъ: плотные содержатели магазиновъ и ихъ комми еще спятъ въ своихъ голландскихъ рубашкахъ или мылятъ свою благородную щеку и пьютъ кофе; нищіе собираются у дверей кондитерскихъ, гдѣ сонный ганимедъ, летавшій вчера, какъ муха, съ шоколадомъ, вылѣзаетъ съ метлой въ рукѣ, безъ галстука, и швыряетъ имъ черствые пироги и объѣдки. По улицамъ плетется нужный народъ: иногда переходятъ ее русскіе мужики, спѣшащіе на работу, въ сапогахъ, запачканныхъ известью, которыхъ и Екатерининскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи бы былъ обмыть. Въ это время обыкновенно неприлично ходить дамамъ, потому что русскій народъ любитъ изъясняться такими рѣзкими выраженіями, какихъ онѣ, вѣрно, не услышатъ даже въ театрѣ. Иногда сонный чиновникъ проплетется съ портфелемъ подъ мышкою, если черезъ Невскій проспектъ лежитъ ему дорога въ департаментъ. Можно сказать рѣшительно, что въ это время, т.-е. до 12 часовъ, Невскій проспектъ не составляетъ ни для кого цѣли, онъ служитъ только средствомъ: онъ постепенно наполняется лицами, имѣющими свои занятія, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о немъ. Русскій мужикъ говоритъ о гривнѣ или о семи грошахъ мѣди, старики и старухи размахиваютъ руками или говорятъ сами съ собою, иногда съ довольно разительными жестами, но никто ихъ не слушаетъ и не смѣется надъ ними, выключая только развѣ мальчишекъ въ пестрядевыхъ халатахъ съ пустыми штофами или готовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ

молніями по Невскому проспекту. Въ это время, что бы вы на себя ни надѣли, хотя бы даже, вмѣсто шляпы, картузъ былъ у васъ на головѣ, хотя бы воротнички слишкомъ далеко высунулись изъ вашего галстука,—никто этого не замѣтитъ.

Въ 12 часовъ на Невскій проспектъ дѣлаютъ набѣги гувернеры всѣхъ націй съ своими питомцами въ батистовыхъ воротничкахъ. Англійскіе Джонсы и французскіе Коки идутъ подъ-руку съ ввѣренными ихъ родительскому попеченію питомцами и съ приличною солидностію изъясняютъ имъ, что вывѣски надъ магазинами дѣлаются для того, чтобы можно было посредствомъ ихъ узнать, что находится въ самыхъ магазинахъ. Гувернантки, блѣдныя миссъ и розовыя мадмуазели идутъ величаво позади своихъ легенькихъ, вертлявыхъ дѣвчонокъ, приказывая имъ поднять нѣсколько лѣвое плечо и держаться прямѣе; короче сказать, въ это время Невскій проспектъ—педагогическій Невскій проспектъ. Но чѣмъ ближе къ двумъ часамъ, тѣмъ уменьшается число гувернантокъ, педагоговъ и дѣтей: они, наконецъ, вытѣсняются нѣжными ихъ родителями, идущими подъ-руку съ своими пестрыми, разноцвѣтными, слабонервными подругами. Мало-по-малу присоединяются къ ихъ обществу всѣ окончившіе довольно важныя домашнія занятія, какъ-то: поговорившіе съ своимъ докторомъ о погодѣ и о небольшомъ прыщикѣ, вскочившемъ на носу, узнавшіе о здоровьѣ лошадей и дѣтей своихъ, впрочемъ, показывающихъ большія дарованія, прочитавшіе афишу и важную статью въ газетахъ о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, наконецъ, выпившіе чашку кофею и чаю; къ нимъ присоединяются и тѣ, которыхъ завидная судьба надѣлила благословеннымъ званіемъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Къ нимъ присоединяются и тѣ, которые служатъ въ иностранной коллегіи и отличаются благородствомъ своихъ занятій и привычекъ! Боже, какія есть прекрасныя должности и службы! Какъ онѣ возвышаютъ и услаждаютъ душу! Но, увы, я не служу и лишенъ удовольствія видѣть тонкое обращеніе съ собою начальниковъ. Все, что вы ни встрѣтите на Невскомъ проспектѣ, все исполнено приличія: мужчины въ длинныхъ сюртукахъ съ заложенными въ карманы руками, дамы въ розовыхъ, бѣлыхъ и блѣдно-голубыхъ атласныхъ рединготахъ и щегольскихъ шляпкахъ. Вы здѣсь встрѣтите бакенбарды, единственныя, пропущенныя съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстукъ, бакенбарды бархатныя, атласныя, черныя, какъ соболь или уголь, но, увы! принадлежащія только одной иностранной коллегіи. Служащимъ въ другихъ департаментахъ Провидѣніе отказало въ черныхъ бакенбардахъ; они должны, къ величайшей непріятности своей, носить рыжія. Здѣсь вы встрѣтите усы чудные, никакимъ перомъ, никакою кистью неизобразимые; усы, которымъ посвящена лучшая половина жизни, предметъ долгихъ бдѣній во время дня и ночи; усы, на которые излились восхитительнѣйшіе духи и которыхъ умастили всѣ драгоцѣннѣйшіе и рѣдчайшіе сорты помадъ; усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою; усы, къ которымъ дышитъ самая трогательная привязанность ихъ поссессоровъ, и которымъ завидуютъ проходящіе. Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ, пестрыхъ, легкихъ, къ которымъ иногда въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней сохраняется привязанность ихъ владѣтельницъ, ослѣпятъ хоть кого на Невскомъ проспектѣ. Кажется, какъ будто цѣлое море мотыльковъ поднялось вдругъ со стеблей и волнуется блестящею тучею надъ черными жуками мужескаго пола. Здѣсь вы встрѣтите такія таліи, какія даже вамъ не снились никогда: тоненькія, узенькія, таліи никакъ не толще бутылочной шейки, встрѣтясь къ которыми, вы почтительно отойдете къ сторонкѣ, чтобы какъ-нибудь неосторожно не толкнуть невѣжливымъ локтемъ; сердцемъ вашимъ овладѣетъ робость и страхъ, чтобы какъ-нибудь, отъ неосторожнаго даже дыханія вашего, не переломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства. А какіе встрѣтите вы дамскіе рукава на Невскомъ проспектѣ! Ахъ, какая прелесть! Они нѣсколько похожи на два воздухоплавательные шара, такъ что дама вдругъ бы поднялась на воздухъ, если бы не поддерживалъ ее мужчина; потому что даму такъ же легко и пріятно поднять на воздухъ, какъ подносимый ко рту бокалъ, наполненный шампанскимъ. Нигдѣ при взаимной встрѣчѣ не раскланиваются такъ благородно и непринужденно, какъ на Невскомъ проспектѣ. Здѣсь вы встрѣтите улыбку единственную, улыбку — верхъ искусства, иногда такую, что можно растаять отъ удовольствія, иногда такую, что вы увидите себя вдругъ ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейскаго шпица и поднимете ее вверхъ. Здѣсь вы встрѣтите разговаривающихъ о концертѣ или о погодѣ съ необыкновеннымъ благородствомъ и чувствомъ собственнаго достоинства. Тутъ вы встрѣтите тысячу непостижимыхъ характеровъ и явленій. Создатель! какіе странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектѣ! Есть множество такихъ людей, которые, встрѣтившись съ вами, непремѣнно посмотрятъ на сапоги ваши и, если вы пройдете, они оборотятся назадъ, чтобы посмотрѣть на ваши фалды. Я до сихъ поръ не могу понять, отчего это бываетъ. Сначала я думалъ, что они сапожники, но, однако же, ничуть не бывало: они большею частью служатъ въ разныхъ департаментахъ,

многіе изъ нихъ превосходнымъ образомъ могутъ написать отношеніе изъ одного казеннаго мѣста въ другое; или же—люди, занимающіеся прогулками, чтеніемъ газетъ по кондитерскимъ, — словомъ, большею частью все порядочные люди. Въ это благословенное время отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни, которое можетъ назваться движущеюся столицею Невскаго проспекта, происходитъ главная выставка всѣхъ лучшихъ произведеній человѣка. Одинъ показываетъ щегольской сюртукъ съ лучшимъ бобромъ, другой — греческій прекрасный носъ, третій несетъ превосходныя бакенбарды, четвертая пару хорошенькихъ глазокъ и удивительную шляпку, пятый перстень съ талисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая — ножку въ очаровательномъ башмачкѣ, седьмой — галстукъ, возбуждающій удивленіе, осьмой—усы, повергающіе въ изумленіе. Но бьетъ три часа—и выставка оканчивается, толпа рѣдѣетъ... Въ три часа новая перемѣна. На Невскомъ проспектѣ вдругъ настаетъ весна: онъ покрывается весь чиновниками въ зеленыхъ вицмундирахъ. Голодные титулярные, надворные и прочіе совѣтники стараются всѣми силами ускорить свой ходъ. Молодые коллежскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари спѣшатъ еще воспользоваться временемъ и пройтиться по Невскому проспекту съ осанкою, показывающею, что они вовсе не сидѣли 6 часовъ въ присутствіи. Но старые коллежскіе секретари, титулярные и надворные совѣтники идутъ скоро, потупивши голову: имъ не до того, чтобы заниматься разсматриваніемъ прохожихъ; они еще не вполнѣ оторвались отъ заботъ своихъ; въ ихъ головѣ ералашъ и цѣлый архивъ начатыхъ и не конченныхъ дѣлъ; имъ долго, вмѣсто вывѣски, показывается картонка съ бумагами или полное лицо правителя канцеляріи.

Съ четырехъ часовъ Невскій проспектъ пустъ, и врядъ ли вы встрѣтите на немъ хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея изъ магазина перебѣжитъ чрезъ Невскій проспектъ съ коробкою въ рукахъ; какая-нибудь жалкая добыча человѣколюбиваго повытчика, пущенная по-міру во фризовой шинели; какой-нибудь заѣзжій чудакъ, которому всѣ часы равны; какая-нибудь длинная, высокая англичанка съ ридикюлемъ и книжкою въ рукахъ; какой-нибудь артельщикъ, русскій человѣкъ, въ демикотоновомъ сюртукѣ, съ таліей на спинѣ, съ узенькою бородою, живущій всю жизнь на живую нитку, въ которомъ все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда онъ учтиво проходитъ по тротуару; иногда низкій ремесленникъ... больше никого не встрѣтите вы въ это время на Невскомъ проспектѣ.

Но какъ только сумерки упадутъ на дома и улицы, и будочникъ, накрывшись рогожею, вскарабкается на лѣстницу зажигать фонарь, а изъ низенькихъ окошекъ магазиновъ выглянутъ тѣ эстампы, которые не смѣютъ показаться среди дня, какъ уже Невскій проспектъ опять оживаетъ и начинаетъ шевелиться. Тогда настанетъ то таинственное время, когда лампы даютъ всему какой-то заманчивый, чудесный свѣтъ. Вы встрѣтите очень много молодыхъ людей, большею частью холостыхъ, въ теплыхъ сюртукахъ и шинеляхъ. Въ это время чувствуется какая-то цѣль, или, лучше, что-то похожее на цѣль, что-то чрезвычайно безотчетное; шаги всѣхъ ускоряются и становятся вообще очень неровны; длинныя тѣни мелькаютъ по стѣнамъ и мостовой, и чуть не достаютъ головами Полицейскаго моста. Молодые коллежскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари очень долго прохаживаются; но старые коллежскіе регистраторы, титулярные и надворные совѣтники, большею частью, сидятъ дома или потому, что это народъ женатый, или потому, что имъ очень хорошо готовятъ кушанье живущія у нихъ въ домахъ кухарки-нѣмки. Здѣсь вы встрѣтите почтенныхъ стариковъ, которые съ такою важностью и съ такимъ удивительнымъ благородствомъ прогуливались въ два часа по Невскому проспекту. Вы ихъ увидите бѣгущими такъ же, какъ молодые коллежскіе регистраторы, съ тѣмъ чтобы заглянуть подъ шляпку издали завидѣнной дамы, которой толстыя губы и щеки, наштукатуренныя румянами, такъ нравятся многимъ гуляющимъ, а болѣе всего сидѣльцамъ, артельщикамъ, купцамъ, всегда въ нѣмецкихъ сюртукахъ гуляющимъ цѣлою толпою и обыкновенно подъ руку.

— Стой!—закричалъ въ это время поручикъ Пироговъ, дернувъ шедшаго съ нимъ молодого человѣка во фракѣ и въ плащѣ.—Видѣлъ?

— Видѣлъ. Чудная, совершенно Перуджинова Біанка.

— Да ты объ какой говоришь?

— Объ ней, о той, что съ темными волосами... И какіе глаза! Боже, какіе глаза! Все положеніе и контура, и окладъ лица—чудеса!

— Я говорю тебѣ о блондинкѣ, что прошла за ней въ ту сторону. Что-жъ ты не идешь за брюнеткою, когда она такъ тебѣ понравилась?

— О, какъ можно! — воскликнулъ, закраснѣвшись, молодой человѣкъ во фракѣ. — Какъ будто она изъ тѣхъ, которыя ходятъ ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знатная дама,— продолжалъ онъ, вздохнувши,—одинъ плащъ на ней стоитъ рублей восемьдесятъ!

— Простакъ!—закричалъ Пироговъ, насильно толкнувши его въ ту сторону, гдѣ развѣвался яркій плащъ ея,—ступай, простофиля, прозѣваешь! А я пойду за блондинкою.—Оба пріятеля разошлись.

„Знаемъ мы васъ всѣхъ“,—думалъ про себя съ самодовольною и самонадѣянною улыбкою Пироговъ, увѣренный, что нѣтъ красоты, могшей бы ему противиться.

Молодой человѣкъ во фракѣ и плащѣ робкимъ и трепетнымъ шагомъ пошелъ въ ту сторону, гдѣ развѣвался вдали пестрый плащъ, то окидывавшійся яркимъ блескомъ, но мѣрѣ приближенія къ свѣту фонаря, то мгновенно покрывавшійся тьмою, по удаленіи отъ него. Сердце его билось, и онъ невольно ускорялъ шагъ свой. Онъ не смѣлъ и думать о томъ, чтобы получить какое-нибудь право на вниманіе улетавшей вдали красавицы, тѣмъ болѣе допустить такую черную мысль, о какой намекалъ ему поручикъ Пироговъ; но ему хотѣлось только видѣть домъ, замѣтить, гдѣ имѣетъ жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетѣло съ неба прямо на Невскій проспектъ и, вѣрно, улетитъ неизвѣстно куда. Онъ летѣлъ такъ скоро, что сталкивалъ безпрестанно съ тротуара солидныхъ господъ съ сѣдыми бакенбардами. Этотъ молодой человѣкъ принадлежалъ къ тому классу, который составляетъ у насъ довольно странное явленіе и столько же принадлежитъ къ гражданамъ Петербурга, сколько лицо, являющееся намъ въ сновидѣніи, принадлежитъ къ существенному міру. Это исключительное сословіе очень необыкновенно въ томъ городѣ, гдѣ всѣ или чиновники, или купцы, или ремесленники-нѣмцы. Это былъ художникъ. Не правда ли, странное явленіе—художникъ петербургскій? Художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Эти художники вовсе не похожи на художниковъ итальянскихъ, гордыхъ, горячихъ, какъ Италія и ея небо; напротивъ того, это большею частью добрый, кроткій народъ, застѣнчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе небрегущій объ излишнемъ. Онъ вѣчно зазоветъ къ себѣ какую-нибудь нищую-старуху и заставитъ ее просидѣть битыхъ часовъ шесть, съ тѣмъ, чтобы перевести на полотно ея жалкую, безчувственную мину. Онъ рисуетъ перспективу своей комнаты, въ которой валяется всякій художественный вздоръ: гипсовыя руки и ноги, сдѣлавшіяся кофейными отъ времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, пріятель, играющій на гитарѣ, стѣны, запачканныя красками, съ раствореннымъ окномъ, сквозь которое мелькаетъ блѣдная Нева и бѣдные рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій, мутный колоритъ—неизгладимая печать Сѣвера. При всемъ томъ они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своею работою. Они часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, и если бы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ. Они вообще очень робки: звѣзда и толстый эполетъ приводятъ ихъ въ такое замѣшательство, что они невольно понижаютъ цѣну своихъ произведеній. Они любятъ иногда пощеголять, но щегольство это всегда кажется на нихъ слишкомъ рѣзкимъ и нѣсколько походитъ на заплату. На нихъ встрѣтите вы иногда отличный фракъ и запачканный плащъ, дорогой бархатный жилетъ и сюртукъ весь въ краскахъ,—такимъ же самымъ образомъ, какъ на недоконченномъ ихъ пейзажѣ увидите вы иногда нарисованную внизъ головою нимфу, которую онъ, не найдя другого мѣста, набросалъ на запачканномъ грунтѣ прежняго своего произведенія, когда-то писаннаго имъ съ наслажденіемъ. Онъ никогда не глядитъ вамъ прямо въ глаза; если же глядитъ, то какъ-то мутно, неопредѣленно; онъ не вонзаетъ въ васъ ястребинаго взора наблюдателя или соколинаго взгляда кавалерійскаго офицера. Это происходитъ оттого, что онъ въ одно и то же время видитъ и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсоваго Геркулеса, стоящаго въ его комнатѣ, или ему представляется его же собственная картина, которую онъ еще думаетъ произвесть. Отъ этого онъ отвѣчаетъ часто несвязно, иногда невпопадъ, и мѣшающіеся въ его головѣ предметы еще болѣе увеличиваютъ его робость. Къ такому роду принадлежалъ и описываемый нами молодой человѣкъ, художникъ Пискаревъ, застѣнчивый, робкій, но въ душѣ своей носившій искры чувства, готовыя при удобномъ случаѣ превратиться въ пламя. Съ тайнымъ трепетомъ спѣшилъ онъ за своимъ предметомъ, такъ сильно его поразившимъ, и, казалось, дивился самъ своей дерзости. Незнакомое существо, къ которому такъ прильнули его глаза, мысли и чувства, вдругъ поворотило голову и взглянуло на него. Боже, какія божественныя черты! Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осѣненъ былъ прекрасными, какъ агатъ, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась щеки, тронутой тонкимъ, свѣжимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грёзъ. Все, что остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ, — все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось въ ея гармоническихъ устахъ. Она взглянула на Пискарева и, при этомъ взглядѣ затрепетало его сердце; она

взглянула сурово: чувство негодованія проступило у ней на лицѣ при видѣ такого наглаго преслѣдованія; но на этомъ прекрасномъ лицѣ и самый гнѣвъ былъ обворожителенъ. Постигнутый стыдомъ и робостью, онъ остановился, потупивъ глаза; но какъ утерять это божество и не узнать даже того святилища, гдѣ оно опустилось гостить? Такія мысли пришли въ голову молодому мечтателю, и онъ рѣшился преслѣдовать. Но, чтобы не дать этого замѣтить, онъ отдалился на дальнее разстояніе, безпечно глядѣлъ по сторонамъ и разсматривалъ вывѣски, а между тѣмъ не упускалъ изъ виду ни одного шага незнакомки. Проходящіе рѣже начали мелькать, улица становилась тише, красавица оглянулась, и ему показалось, какъ будто легкая улыбка сверкнула на губахъ ея. Онъ весь задрожалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Нѣтъ, это фонарь обманчивымъ свѣтомъ своимъ выразилъ на лицѣ ея подобіе улыбки; нѣтъ, это собственныя мечты его смѣются надъ нимъ. Но дыханіе занялось въ его груди, все въ немъ обратилось въ неопредѣленный трепетъ, всѣ чувства его горѣли и все передъ нимъ окинулось какимъ-то туманомъ; тротуаръ несся подъ нимъ, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка валилась къ нему навстрѣчу, и алебарда часового, вмѣстѣ съ золотыми словами вывѣски и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ. И все это произвелъ одинъ взглядъ, одинъ поворотъ хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не понимая, онъ несся по легкимъ слѣдамъ прекрасныхъ ножекъ, стараясь самъ умѣрить быстроту своего шага, летѣвшаго подъ тактъ сердца. Иногда овладѣвало имъ сомнѣніе, точно ли выраженіе лица ея было такъ благосклонно, и тогда онъ на минуту останавливался; но сердечное біеніе, непреодолимая сила и тревога всѣхъ чувствъ стремила его впередъ. Онъ даже не замѣтилъ, какъ вдругъ возвысился передъ нимъ четырехъэтажный домъ, всѣ четыре ряда оконъ, свѣтившіеся огнемъ, глянули на него разомъ, и перила у подъѣзда противупоставили ему желѣзный толчокъ свой. Онъ видѣлъ, какъ незнакомка летѣла по лѣстницѣ, оглянулась, положила на губы палецъ и дала знакъ слѣдовать за собою. Колѣни его дрожали; чувства, мысли горѣли; молнія радости нестерпимымъ остріемъ вонзилась въ его сердце. Нѣтъ, это уже не мечта! Боже, столько счастья въ одинъ мигъ! Такая чудесная жизнь въ двухъ минутахъ!

Но не во снѣ ли это все? Ужели та, за одинъ небесный взглядъ которой онъ готовъ былъ бы отдать всю жизнь, приблизиться къ жилищу которой уже онъ почиталъ за неизъяснимое блаженство,—ужели та была сейчасъ такъ благосклонна и внимательна къ нему? Онъ взлетѣлъ на лѣстницу. Онъ не чувствовалъ никакой земной мысли; онъ не былъ разогрѣтъ пламенемъ земной страсти,—нѣтъ, онъ былъ въ эту минуту чистъ и непорочень, какъ дѣвственный юноша, еще дышащій неопредѣленною духовною потребностью любви. И то, что возбудило бы въ развратномъ человѣкѣ дерзкія помышленія, то самое, напротивъ, еще болѣе освятило ихъ. Это довѣріе, которое оказало ему слабое прекрасное существо, это довѣріе наложило на него обѣтъ строгости рыцарской, обѣтъ рабски исполнять всѣ повелѣнія ея. Онъ только желалъ, чтобы эти велѣнія были какъ можно болѣе трудны и неудобоисполняемы, чтобы съ большимъ напряженіемъ силъ летѣть преодолѣвать ихъ. Онъ не сомнѣвался, что какое-нибудь тайное и вмѣстѣ важное происшествіе заставило незнакомку ему ввѣриться; что отъ него, вѣрно, будутъ требоваться значительныя услуги, и онъ чувствовалъ уже въ себѣ силу и рѣшимость на все.

Лѣстница вилась, и вмѣстѣ съ нею вились его быстрыя мечты.

— Идите осторожнѣе!—зазвучалъ, какъ арфа, голосъ и наполнилъ всѣ жилы его новымъ трепетомъ.

Въ темной вышинѣ четвертаго этажа незнакомка постучала въ дверь; она отворилась, и они вошли вмѣстѣ. Женщина довольно недурной наружности встрѣтила ихъ со свѣчою въ рукѣ, но такъ странно и нагло посмотрѣла на Пискарева, что онъ опустилъ невольно свои глаза. Они вошли въ комнату. Три женскія фигуры въ разныхъ углахъ представились его глазамъ. Одна раскладывала карты; другая сидѣла за фортепіаномъ и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобіе стариннаго полонеза; третья сидѣла передъ зеркаломъ, расчесывая гребнемъ свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входѣ незнакомаго лица. Какой-то непріятный безпорядокъ, который можно встрѣтить только въ безпечной комнатѣ холостяка, царствовалъ во всемъ. Мебели, довольно хорошія, были покрыты пылью; паукъ застилалъ своею паутиною лѣпной карнизъ; сквозь непритворенную дверь другой комнаты блестѣлъ сапогъ со шпорой и краснѣла выпушка мундира; громкій мужской голосъ и женскій смѣхъ раздавались безъ всякаго принужденія.

Боже, куда зашелъ онъ! Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить и началъ пристальнѣе всматриваться въ предметы, наполнявшіе комнату; но голыя стѣны и окна безъ занавѣсъ не показывали никакого присутствія заботливой хозяйки; изношен-

ныя лица этихъ жалкихъ созданій, изъ которыхъ одна сѣла почти передъ его носомъ и такъ же спокойно его разсматривала, какъ пятно на чужомъ платьѣ,—все это увѣрило его, что онъ зашелъ въ тотъ отвратительный пріютъ, гдѣ основалъ свое жилище жалкій развратъ, порожденный мишурною образованностью и страшнымъ многолюдствомъ столицы,—тотъ пріютъ, гдѣ человѣкъ святотатственно подавилъ и посмѣялся надъ всѣмъ чистымъ и святымъ, украшающимъ жизнь, гдѣ женщина, эта красавица міра, вѣнецъ творенія, обратилась въ какое-то странное, двусмысленное существо, гдѣ она вмѣстѣ съ чистотою души лишилась всего женскаго и отвратительно присвоила себѣ ухватки и наглость мужчины и уже перестала быть тѣмъ слабымъ, тѣмъ прекраснымъ и такъ отличнымъ отъ насъ существомъ. Пискаревъ мѣрялъ ее съ ногъ до головы изумленными глазами, какъ бы еще желая увѣриться, та ли это, которая такъ околдовала и унесла его на Невскомъ проспектѣ. Но она стояла передъ нимъ такъ же хороша; волосы ея были такъ же прекрасны; глаза ея казались все еще небесными. Она была свѣжа; ей было только 17 лѣтъ; видно было, что еще недавно настигнулъ ее ужасный развратъ: онъ еще не смѣлъ коснуться къ ея щекамъ, онѣ были свѣжи и легко оттѣнены тонкимъ румянцемъ; она была прекрасна.

Онъ неподвижно стоялъ передъ нею и уже готовъ былъ такъ же простодушно позабыться, какъ позабылся прежде. Но красавица наскучила такимъ долгимъ молчаніемъ и значительно улыбнулась, глядя ему прямо въ глаза. Но эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости: она такъ была странна и также шла къ ея лицу, какъ идетъ выраженіе набожности рожѣ взяточника или бухгалтерская книга поэту. Онъ содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькія уста и стала говорить что-то, но все это было такъ глупо, такъ пошло... Какъ будто вмѣстѣ съ непорочностью оставляетъ и умъ человѣка! Онъ уже ничего не хотѣлъ слышать. Онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ и простъ, какъ дитя. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться такою благосклонностью, вмѣсто того, чтобы обрадоваться такому случаю, какому, безъ сомнѣнія, обрадовался бы на его мѣстѣ всякій другой, онъ бросился со всѣхъ ногъ, какъ дикая сайга, и выбѣжалъ на улицу.

Повѣсивши голову и опустивши руки, сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ, какъ бѣднякъ, нашедшій безцѣнную жемчужину и тутъ же уронившій ее въ море.

„Такая красавица, такія божественныя черты! И гдѣ-же? Въ какомъ мѣстѣ?...“—Вотъ все, что онъ могъ выговорить.

Въ самомъ дѣлѣ, никогда жалость такъ сильно не овладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоты, тронутой тлетворнымъ дыханіемъ разврата. Пусть бы еще безобразіе дружилось съ нимъ, но красота, красота нѣжная... Она только съ одной непорочностью и чистотой сливается въ нашихъ мысляхъ. Красавица, такъ околдовавшая бѣднаго Пискарева, была дѣйствительно чудесное, необыкновенное явленіе. Ея пребываніе въ этомъ презрѣнномъ кругу еще болѣе казалось необыкновеннымъ. Всѣ черты ея были такъ чисто образованы, все выраженіе прекраснаго лица ея было означено такимъ благородствомъ, что никакъ бы нельзя было думать, чтобы развратъ уже распустилъ надъ нею страшные свои когти. Она бы составила неоцѣненный перлъ, весь міръ, весь рай, все богатство страстнаго супруга; она была бы прекрасной, тихой звѣздой въ незамѣтномъ семейномъ кругу и однимъ движеніемъ прекрасныхъ устъ своихъ давала бы сладкія приказанія. Она бы составила божество въ многолюдномъ залѣ, на свѣтломъ паркетѣ, при блескѣ свѣчей, при безмолвномъ благоговѣніи толпы поверженныхъ у ногъ ея поклонниковъ; но, увы! она была, какою-то ужасною волею адскаго духа, жаждущаго разрушить гармонію жизни, брошена съ хохотомъ въ эту страшную пучину.

Проникнутый разрывающею жалостью, сидѣлъ онъ передъ нагорѣвшею свѣчою. Уже и полночь давно минула, колоколъ башни билъ половину перваго, а онъ сидѣлъ, неподвижный, безъ сна, безъ дѣятельнаго бдѣнія. Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько одолѣвать его, уже комната начала исчезать, одинъ только огонь свѣчи просвѣчивалъ сквозь одолѣвшія его грезы, какъ вдругъ стукъ у дверей заставилъ его вздрогнуть и очнуться. Дверь отворилась, и вошелъ лакей въ богатой ливреѣ. Въ его уединенную комнату никогда не заглядывала богатая ливрея, притомъ въ такое необыкновенное время... Онъ нед умѣвалъ и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ смотрѣлъ въ оба на пришедшаго лакея.

— Та барыня,—произнесъ съ учтивымъ поклономъ лакей:—у которой вы изволили за нѣсколько часовъ передъ симъ быть, приказала просить васъ къ себѣ и прислала за вами карету.

Пискаревъ стоялъ въ безмолвномъ удивленіи:

„Карету, лакей въ ливреѣ!.. Нѣтъ, здѣсь, вѣрно, есть какая-нибудь ошибка“...

— Послушайте, любезный,—произнесъ онъ съ робостью,—вы, вѣрно, не туда изволили зайти. Васъ барыня, безъ сомнѣнія, прислала за кѣмъ-нибудь другимъ, а не за мною.

— Нѣтъ, сударь, я не ошибся. Вѣдь вы изволили проводить барыню пѣшкомъ къ дому, что въ Литейной, въ комнату четвертаго этажа?

— Я.

— Ну, такъ пожалуйте же скорѣе, барыня непремѣнно желаетъ видѣть васъ и проситъ васъ уже пожаловать прямо къ нимъ на домъ.

Пискаревъ сбѣжалъ съ лѣстницы. На дворѣ, точно, стояла карета. Онъ сѣлъ въ нее, дверцы хлопнули, камни мостовой загремѣли подъ колесами и копытами—и освѣщенная перспектива домовъ, съ фонарями и вывѣсками, понеслась мимо каретныхъ оконъ. Пискаревъ думалъ всю дорогу и не зналъ, какъ разрѣшить это приключеніе. Собственный домъ, карета, лаксй въ богатой ливреѣ... Все это онъ никакъ не могъ согласить съ комнатою въ четвертомъ этажѣ, пыльными окнами и разстроеннымъ фортепіано. Карета остановилась передъ ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ и его разомъ поразили рядъ экипажей, говоръ кучеровъ, ярко освѣщенныя окна и звуки музыки. Лакей въ богатой ливреѣ высадилъ его изъ кареты и почтительно проводилъ въ сѣни съ мраморными колоннами, съ облитымъ золотомъ швейцаромъ, съ разбросанными плащами и шубами, съ яркою лампою. Воздушная лѣстница съ блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверхъ. Онъ уже былъ на ней, уже взошелъ въ первую залу, испугавшись и попятившись съ первымъ шагомъ отъ ужаснаго многолюдства. Необыкновенная пестрота лицъ привела его въ совершенное замѣшательство; ему казалось, что какой-то демонъ искрошилъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ, и всѣ эти куски, безъ смысла, безъ толку, смѣшалъ вмѣстѣ. Сверкающія дамскія плечи и черные фраки, люстры, лампы, воздушные летящіе газы, эѳирныя ленты и толстый контрабасъ, выглядывавшій изъ-за перилъ великолѣпныхъ хоровъ—все было для него блистательно. Онъ увидѣлъ за однимъ разомъ столько почтенныхъ стариковъ и полустариковъ съ звѣздами на фракахъ, дамъ, такъ легко, гордо и граціозно выступавшихъ по паркету или сидѣвшихъ рядами; онъ услышалъ столько словъ французскихъ и англійскихъ; къ тому же молодые люди въ черныхъ фракахъ были исполнены такого благородства, съ такимъ достоинствомъ говорили и молчали, такъ не умѣли сказать ничего лишняго, такъ величаво шутили, такъ почтительно улыбались, такія превосходныя носили бакенбарды, такъ искусно умѣли показывать отличныя руки, поправляя галстукъ, дамы такъ были воздушны, такъ погружены въ совершенное самодовольство и упоеніе, такъ очаровательно потупляли глаза,—что... но одинъ уже смиренный видъ Пискарева, прислонившагося съ боязнью къ колоннѣ, показывалъ, что онъ растерялся вовсе. Въ это время толпа обступила танцующую группу. Онѣ неслись, увитыя прозрачнымъ созданіемъ Парижа, въ платьяхъ, сотканныхъ изъ самого воздуха; небрежно касались онѣ блестящими ножками паркета и были болѣе эѳирны, нежели если бы вовсе его не касались. Но одна между ними всѣхъ лучше, всѣхъ роскошнѣе и блистательнѣе одѣта. Невыразимое, самое тонкое сочетаніе вкуса разлилось во всемъ ея уборѣ, и при всемъ томъ она, казалось, вовсе о немъ не заботилась, и оно вылилось невольно, само собою. Она и глядѣла и не глядѣла на обступившую толпу зрителей, прекрасныя длинныя рѣсницы опустились равнодушно, и сверкающая бѣлизна лица ея еще ослѣпительнѣе бросилась въ глаза, когда легкая тѣнь осѣнила при наклонѣ головы очаровательный лобъ ея.

Пискаревъ употребилъ всѣ усилія, чтобы раздвинуть толпу и разсмотрѣть ее; но, къ величайшей досадѣ, какая-то огромная голова съ темными курчавыми волосами заслоняла ее безпрестанно; притомъ толпа его притиснула такъ, что онъ не смѣлъ податься впередъ, не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ какого-нибудь тайнаго совѣтника. Но вотъ онъ продрался-таки впередъ и взглянулъ на свое платье, желая прилично оправиться. Творецъ небесный! что это? На немъ былъ сюртукъ и весь запачканный красками: спѣша ѣхать, онъ позабылъ даже переодѣться въ пристойное платье. Онъ покраснѣлъ до ушей и, потупивъ голову, хотѣлъ провалиться, но провалиться рѣшительно было некуда: камеръ-юнкеры въ блестящемъ костюмѣ сдвинулись позади его совершенною стѣною. Онъ уже желалъ быть какъ можно подалѣе отъ красавицы съ прекраснымъ лбомъ и рѣсницами. Со страхомъ поднялъ онъ глаза посмотрѣть, не глядитъ ли она на него. Боже! она стоитъ передъ нимъ... Но что это? что это?

— Это она! — вскрикнулъ онъ почти во весь голосъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это была она,—та самая, которую встрѣтилъ онъ на Невскомъ и которую проводилъ къ ея жилищу.

Она подняла между тѣмъ свои рѣсницы и глянула на всѣхъ своимъ яснымъ взглядомъ.

— Ай, ай, ай, какъ хороша!..—могъ только выговорить онъ съ захватившимся дыханіемъ.

Она обвела своими глазами весь кругъ, наперерывъ жаждавшій остановить ея вниманіе, но съ какимъ-то утомленіемъ и невниманіемъ она скоро отвратила ихъ и встрѣтилась съ глазами Пискарева. О, какое небо! какой рай! Дай силы, Создатель, перенести это! Жизнь не вмѣститъ его, онъ разрушитъ ее и унесетъ душу! Она подала знакъ, но не рукою, не наклоненіемъ головы, нѣтъ, въ ея сокрушительныхъ глазахъ выразился этотъ знакъ такимъ тонкимъ, незамѣтнымъ выраженіемъ, что никто не могъ его видѣть, но онъ видѣлъ, онъ

понялъ его. Танецъ длился долго; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала и замирала, и опять вырывалась, визжала и гремѣла; наконецъ, танецъ кончился. Она сѣла; усталая грудь ея воздымалась подъ тонкимъ дымомъ газа; рука ея (Создатель, какая чудесная рука!) упала на колѣни, сжала подъ собою ея воздушное платье, и платье подъ нею, казалось, стало дышать музыкою, и тонкій сиреневый цвѣтъ его еще виднѣе означилъ яркую бѣлизну этой прекрасной руки. Коснуться бы только ея—и ничего больше! Никакихъ другихъ желаній—они всѣ дерзки... Онъ стоялъ у ней за стуломъ, не смѣя говорить, не смѣя дышать.

— Вамъ было скучно? — произнесла она: — я также скучала. Я замѣчаю, что вы меня ненавидите... — прибавила она, потупивъ свои длинныя рѣсницы.

„Васъ ненавидѣть? Мнѣ?.. Я?..“ хотѣлъ было произнесть совершенно потерявшійся Пискаревъ и наговорилъ бы, вѣрно, кучу самыхъ несвязныхъ словъ, но въ это время подошелъ камергеръ съ острыми и пріятными замѣчаніями, съ прекраснымъ завитымъ на головѣ хохломъ. Онъ довольно пріятно показывалъ рядъ довольно недурныхъ зубовъ и каждою остротою своею вбивалъ острый гвоздь въ его сердце. Наконецъ, кто-то изъ постороннихъ, къ счастью, обратился къ камергеру съ какимъ-то вопросомъ.

— Какъ это несносно!—сказала она, поднявъ на него свои небесные глаза.—Я сяду на другомъ концѣ зала: будьте тамъ!—Она проскользнула между толпою и исчезла.

Онъ, какъ помѣшанный, растолкалъ толпу и былъ уже тамъ.

Такъ, это она! Она сидѣла, какъ царица, всѣхъ лучше, всѣхъ прекраснѣе, и искала его глазами.

— Вы здѣсь?—произнесла она тихо.—Я буду откровенна передъ вами: вамъ, вѣрно, странными показались обстоятельства нашей встрѣчи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать къ тому презрѣнному классу твореній, въ которомъ вы встрѣтили меня? Вамъ кажутся странными мои поступки, но я вамъ открою тайну. Будете ли вы въ состояніи,— произнесла она, устремивъ пристально на него глаза свои,—никогда не измѣнить ей?

— О, буду! буду! буду!..

Но въ это время подошелъ довольно пожилой человѣкъ, заговорилъ съ ней на какомъ-то непонятномъ для Пискарева языкѣ и подалъ ей руку. Она умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на Пискарева и дала знакъ остаться на своемъ мѣстѣ и ожидать ея прихода; но въ припадкѣ нетерпѣнія онъ не въ силахъ былъ слушать никакихъ приказаній, даже изъ ея устъ. Онъ отправился вслѣдъ за нею, но толпа раздѣлила ихъ. Онъ уже не видѣлъ сиреневаго платья; съ безпокойствомъ продирался онъ изъ комнаты въ комнату и толкалъ безъ милосердія всѣхъ встрѣчныхъ, но во всѣхъ комнатахъ все сидѣли тузы за вистомъ, погруженные въ мертвое молчаніе. Въ углу комнаты спорило нѣсколько пожилыхъ людей о преимуществѣ военной службы передъ статскою; въ другомъ молодые люди, въ превосходныхъ фракахъ, бросали легкія замѣчанія о многотомныхъ трудахъ поэта-труженика. Пискаревъ чувствовалъ, что одинъ пожилой человѣкъ почтенной наружности схватилъ за пуговицу его фрака и представлялъ на его сужденіе одно весьма справедливое его замѣчаніе, но онъ грубо оттолкнулъ его, даже не замѣтивши, что у него на шеѣ былъ довольно значительный орденъ. Онъ перебѣжалъ въ другую комнату—и тамъ нѣтъ ея, въ третью—тоже нѣтъ.

„Гдѣ же она? Дайте ее мнѣ! О, я не могу жить, не взглянувши на нее! Мнѣ хочется выслушать, что она хотѣла сказать!“

Но всѣ поиски его оставались тщетными. Безпокойный, утомленный, онъ прижался къ углу и смотрѣлъ на толпу; но напряженные глаза его начали ему представлять все въ какомъ-то неясномъ видѣ. Наконецъ, ему начали явственно показываться стѣны его комнаты. Онъ поднялъ глаза: передъ нимъ стоялъ подсвѣчникъ съ огнемъ, почти потухавшимъ въ глубинѣ его; вся свѣча истаяла; сало было налито на ветхомъ столѣ его...

Такъ это онъ спалъ! Боже, какой прекрасный сонъ! И зачѣмъ было просыпаться? Зачѣмъ было одной минуты не подождать? Она бы, вѣрно, опять явилась! Досадный разсвѣтъ непріятнымъ своимъ тусклымъ сіяніемъ глядѣлъ въ его окна. Комната въ такомъ сѣромъ, такомъ мутномъ безпорядкѣ... О, какъ отвратительна дѣйствительность! Что она противъ мечты? Онъ раздѣлся наскоро и легъ въ постель, закутавшись одѣяломъ, желая насильно призвать улетѣвшее сновидѣніе. Сонъ, точно, не замедлилъ къ нему явиться, но представлялъ ему вовсе не то, что бы желалъ онъ видѣть: то поручикъ Пироговъ являлся съ трубкою, то академическій сторожъ, то дѣйствительный статскій совѣтникъ, то голова чухонки, съ которой онъ когда-то рисовалъ портретъ, и тому подобная чепуха.

До самаго полудня пролежалъ онъ въ постели, желая заснуть; но она не являлась. Хотя бы на минуту показала прекрасныя черты свои, хотя бы на минуту зашумѣла ея легкая походка, хотя бы ея обнаженная, яркая, какъ заоблачный снѣгъ, рука мелькнула передъ нимъ!

Все откинувши, все позабывши, сидѣлъ онъ съ

сокрушеннымъ, съ безпадежнымъ видомъ, полный только одного сновидѣнія. Ни къ чему не думалъ онъ притронуться; глаза его безъ всякаго участія, безъ всякой жизни глядѣли въ окно, обращенное во дворъ, гдѣ грязный водовозъ лилъ воду, мерзнувшую на воздухѣ, и козлиный голосъ разносчика дребезжалъ: „стараго платья продать“. Вседневное и дѣйствительное странно поражало его слухъ. Такъ просидѣлъ онъ до самаго вечера и съ жадностью бросился въ постель. Долго боролся онъ съ безсонницею, наконецъ, пересилилъ ее. Опять какой-то сонъ, какой-то пошлый, гадкій сонъ.

„Боже, умилосердись: хотя на минуту, хотя на одну минуту покажи ее!“

Онъ опять ожидалъ вечера, опять заснулъ, опять снился какой-то чиновникъ, который былъ вмѣстѣ и чиновникъ, и фаготъ. О, это нестерпимо! Наконецъ, она явилась! Ея голова и локоны... Она глядитъ... О, какъ не надолго! Опять туманъ, опять какое-то глупое сновидѣніе.

Наконецъ, сновидѣнія сдѣлались его жизнію, и съ этого времени вся жизнь его приняла странный оборотъ: онъ, можно сказать, спалъ наяву и бодрствовалъ во снѣ. Если бы его кто-нибудь видѣлъ сидящимъ безмолвно передъ пустымъ столомъ, или шедшимъ по улицѣ, то, вѣрно бы, принялъ его за лунатика или разрушеннаго крѣпкими напитками: взглядъ его былъ вовсе безъ всякаго значенія, природная разсѣянность, наконецъ, развилась и властительно изгоняла на лицѣ его всѣ чувства, всѣ движенія. Онъ оживлялся только при наступленіи ночи.

Такое состояніе разстроило его силы, и самымъ ужаснымъ мученіемъ было для него то, что, наконецъ, сонъ началъ его оставлять вовсе. Желая спасти это единственное свое богатство, онъ употреблялъ всѣ средства возстановить его. Онъ слышалъ, что есть средство возстановить сонъ—для этого нужно принять только опіумъ. Но гдѣ достать этого опіуму? Онъ вспомнилъ про одного персіянина, содержавшаго магазинъ шалей, который всегда почти, когда ни встрѣчалъ его, просилъ нарисовать ему красавицу. Онъ рѣшился отправиться къ нему, предполагая, что у него, безъ сомнѣнія, есть этотъ опіумъ.

Персіянинъ принялъ его, сидя на диванѣ и поджавши подъ себя ноги.

— На что тебѣ опіумъ?—спросилъ онъ его.

Пискаревъ разсказалъ ему про свою безсонницу.

— Хорошо, я дамъ тебѣ опіуму, только нарисуй мнѣ красавицу. Чтобъ хорошая была красавица! Чтобы брови были черныя и очи большія, какъ маслины; а я сама чтобы лежала возлѣ нея и курила трубку! Слышишь, чтобы хорошая была! Чтобы была красавица!

Пискаревъ обѣщалъ все. Персіянинъ на минуту вышелъ и возвратился съ баночкою, наполненною темною жидкостью, бережно отлилъ часть ея въ другую баночку и далъ Пискареву съ наставленіемъ употреблять не больше, какъ по семи капель въ водѣ. Съ жадностью схватилъ онъ эту драгоцѣнную баночку, которую не отдалъ бы за груду золота, и опрометью побѣжалъ домой.

Пришедши домой, онъ отлилъ нѣсколько капель въ стаканъ съ водою и, проглотивъ, завалился спать.

Боже, какая радость! Она! опять она, но уже совершенно въ другомъ мірѣ! О, какъ хорошо сидитъ она у окна деревенскаго свѣтлаго домика! Нарядъ ея дышитъ такою простотою, въ какую только облекается мысль поэта. Прическа на головѣ ея... Создатель, какъ проста эта прическа и какъ она идетъ къ ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ея шейкѣ; все въ ней скромно, все въ ней тайное, неизъяснимое чувство вкуса. Какъ мила ея граціозная походка! Какъ музыкаленъ шумъ ея шаговъ и простенькаго платья! Какъ хороша рука ея, стиснутая волосянымъ браслетомъ. Она говоритъ ему со слезою на глазахъ:

— Не презирайте меня: я вовсе не та, за которую вы принимаете меня. Взгляните на меня, взгляните пристальнѣе и скажите: развѣ я способна къ тому, что вы думаете?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Пусть тотъ, кто осмѣлился подумать, пусть тотъ...

Но онъ проснулся, растроганный, растерзанный, со слезами на глазахъ.

— Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила въ мірѣ, а была бы созданіе вдохновеннаго художника! Я бы не отходилъ отъ холста, я бы вѣчно глядѣлъ на тебя и цѣловалъ бы тебя, я бы жилъ и дышалъ тобою, какъ прекраснѣйшею мечтою—и я бы былъ тогда счастливъ; никакихъ бы желаній не простиралъ далѣе. Я бы призывалъ тебя, какъ ангела-хранителя, передъ сномъ и бдѣніемъ, и тебя бы ждалъ я, когда бы случилось изобразить божественное и святое. Но теперь... какая ужасная жизнь! Что пользы въ томъ, что она живетъ? Развѣ жизнь сумасшедшаго пріятна его родственникамъ и друзьямъ, нѣкогда его любившимъ? Боже, что за жизнь наша!—Вѣчный раздоръ мечты съ существенностью!

Почти такія мысли занимали его безпрестанно. Ни о чемъ онъ не думалъ, даже почти ничего не ѣлъ и съ нетерпѣніемъ, со страстью любовника ожидалъ вечера и желаннаго видѣнія. Безпрестанное устремленіе мыслей къ одному, наконецъ, взяло такую власть надъ всѣмъ бытіемъ его и воображеніемъ, что желанный образъ являлся ему почти каждый день, всегда въ положеніи про-

тивоположномъ дѣйствительности, потому что мысли его были совершенно чисты, какъ мысли ребенка. Черезъ эти сновидѣнія самый предметъ какъ-то болѣе дѣлался чистымъ и вовсе преображался.

Пріемы опіума еще болѣе раскалили его мысли, и если былъ когда-нибудь влюбленный до послѣдняго градуса безумія, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этотъ несчастный былъ—онъ.

Изъ всѣхъ сновидѣній его одно было радостнѣе для него всѣхъ: ему представилась его мастерская. Онъ такъ былъ веселъ, съ такимъ наслажденіемъ сидѣлъ съ палитрою въ рукахъ! И она тутъ же. Она была уже его женою. Она сидѣла возлѣ него, облокотившись прелестнымъ локоткомъ своимъ на спинку его стула и смотрѣла на его работу. Въ ея глазахъ, томныхъ, усталыхъ, написано было бремя блаженства; все въ комнатѣ его дышало раемъ; было такъ свѣтло, такъ убрано. Создатель! она склонила къ нему на грудь прелестную свою головку... Лучшаго сна онъ еще никогда не видывалъ. Онъ всталъ послѣ него какъ-то свѣжѣе и менѣе разсѣянный, нежели прежде. Въ головѣ его родились странныя мысли.

— Можетъ быть,—думалъ онъ,—она вовлечена какимъ-нибудь невольнымъ, ужаснымъ случаемъ въ разврать; можетъ быть, движенія души ея склонны къ раскаянію; можетъ быть, она желала бы сама вырваться изъ ужаснаго состоянія своего. И неужели равнодушно допустить ея гибель и притомъ тогда, когда только стоитъ подать руку, чтобы спасти ее отъ потопленія?—Мысли его простирались еще далѣе.—Меня никто не знаетъ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—да и кому какое до меня дѣло, да и мнѣ тоже нѣтъ до нихъ дѣла. Если она изъявитъ чистое раскаяніе и перемѣнить жизнь свою, я женюсь на ней. Я долженъ на ней жениться и, вѣрно, сдѣлаю гораздо лучше, нежели многіе, которые женятся на своихъ ключницахъ и даже часто на самыхъ презрѣнныхъ тваряхъ. Но мой подвигъ будетъ безкорыстенъ и, можетъ быть, даже великъ: я возвращу міру прекраснѣйшее его украшеніе!“

Составивши такой легкомысленный планъ, онъ почувствовалъ краску, вспыхнувшую на его лицѣ; онъ подошелъ къ зеркалу и испугался самъ впалыхъ щекъ и блѣдности своего лица. Тщательно началъ онъ принаряжаться; пріумылся, пригладилъ волоса, надѣлъ новый фракъ, щегольской жилетъ, набросилъ плащъ и вышелъ на улицу. Онъ дохнулъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовалъ свѣжесть на сердцѣ, какъ выздоравливающій, рѣшившійся выйти въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни. Сердце его билось, когда онъ подходилъ къ той улицѣ, на которой нога его не была со времени роковой встрѣчи.

Долго онъ искалъ домъ; казалось, память ему измѣнила. Онъ два раза прошелъ улицу и не зналъ, передъ которымъ остановиться. Наконецъ, одинъ показался ему похожимъ. Онъ быстро взбѣжалъ на лѣстницу, постучалъ въ дверь: дверь отворилась, и кто же вышелъ къ нему навстрѣчу? Его идеалъ, его таинственный образъ, оригиналъ мечтательныхъ картинъ,—та, которою онъ жилъ, такъ ужасно, такъ страдательно, такъ сладко жилъ—она, она сама стояла передъ нимъ. Онъ затрепеталъ; онъ едва могъ удержаться на ногахъ отъ слабости, обхваченный порывомъ радости. Она стояла передъ нимъ такъ же прекрасна, хотя глаза ея были заспаны, хотя блѣдность кралась на лицѣ ея, уже не такъ свѣжемъ; но она все была прекрасна.

— А!—вскрикнула она, увидѣвши Пискарева и протирая глаза свои (тогда было уже два часа), —зачѣмъ вы убѣжали тогда отъ насъ?

Онъ въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на нее.

— А я только что теперь проснулась, меня привезли въ семь часовъ утра. Я была совсѣмъ пьяна,—прибавила она съ улыбкою.

О, лучше бы ты была нѣма и лишена вовсе языка, чѣмъ произносить такія рѣчи! Она вдругъ показала ему, какъ въ панорамѣ, всю жизнь ея. Однако-жъ, несмотря на это, скрѣпившись сердцемъ, рѣшился попробовать онъ, не будутъ ли имѣть надъ нею дѣйствія его увѣщанія. Собравшись съ духомъ, онъ дрожащимъ и вмѣстѣ пламеннымъ голосомъ началъ представлять ей ужасное ея положеніе. Она слушала его со внимательнымъ видомъ и съ тѣмъ чувствомъ удивленія, которое мы изъявляемъ при видѣ чего-нибудь неожиданнаго и страннаго. Она взглянула, легко улыбнувшись, на сидѣвшую въ углу свою пріятельницу, которая, оставивши вычищать гребешокъ, тоже слушала съ вниманіемъ новаго проповѣдника.

— Правда, я бѣденъ,—сказалъ, наконецъ, послѣ долгаго и поучительнаго увѣщанія Пискаревъ,—но мы станемъ трудиться, мы постараемся, попеременно одинъ передъ другимъ, улучшить нашу жизнь. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ быть обязану во всемъ самому себѣ. Я буду сидѣть за картинами, ты будешь, сидя возлѣ меня, одушевлять мои труды, вышивать или заниматься другимъ рукодѣліемъ,—и мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недостатка.

— Какъ можно!—прервала она рѣчь съ выраженіемъ какого-то презрѣнія.—Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою.

Боже! въ этихъ словахъ выразилась вся низкая, вся презрѣнная жизнь,—жизнь, исполненная пустоты и праздности, вѣрныхъ спутниковъ разврата.

— Женитесь на мнѣ!—подхватила, съ наглымъ видомъ, молчавшая дотолѣ въ углу ея пріятельница.—Если я буду женою, я буду сидѣть вотъ какъ!—При этомъ она сдѣлала какую-то глупую мину на жалкомъ лицѣ своемъ, которою чрезвычайно разсмѣшила красавицу.

О, это уже слишкомъ! Этого нѣтъ силъ перенести! Онъ бросился вонъ, потерявши и чувства, и мысли. Умъ его помутился: глупо, безъ цѣли, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродилъ онъ весь день. Никто не могъ знать, ночевалъ ли онъ гдѣ-нибудь, или нѣтъ; на другой только день какимъ-то глупымъ инстинктомъ зашелъ онъ на свою квартиру, блѣдный, съ ужаснымъ видомъ, съ растрепанными волосами, съ признаками безумія на лицѣ. Онъ заперся въ своей комнатѣ и никого не впускалъ, ничего не требовалъ. Протекли четыре дня, и его запертая комната ни разу не отворялась; наконецъ, прошла недѣля, и комната все такъ же была заперта. Бросились къ дверямъ, начали звать его, но никакого не было отвѣта; наконецъ, выломали дверь и нашли бездыханный трупъ его съ перерѣзаннымъ горломъ. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутымъ рукамъ и по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была невѣрна, и что онъ долго еще мучился, прежде нежели грѣшная душа его оставила тѣло.

Такъ погибъ, жертва безумной страсти, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣтски-простодушный, носившій въ себѣ искру таланта, быть можетъ, со временемъ бы вспыхнувшаго широко и ярко. Никто не поплакалъ надъ нимъ; никого не видно было возлѣ его бездушнаго трупа, кромѣ обыкновенной фигуры квартальнаго надзирателя и равнодушной мины городового лѣкаря. Гробъ его тихо, даже безъ всякихъ обрядовъ религіи, повезли на Охту; за нимъ идучи, плакалъ одинъ только солдатъ-сторожъ, и то потому, что выпилъ лишній штофъ водки. Даже поручикъ Пироговъ не пришелъ посмотрѣть на трупъ несчастнаго бѣдняка, которому онъ при жизни оказывалъ свое высокое покровительство. Впрочемъ, ему было вовсе не до того: онъ былъ занятъ чрезвычайнымъ происшествіемъ. Но обратимся къ нему.—Я не люблю труповъ и покойниковъ и мнѣ всегда непріятно, когда переходитъ мою дорогу длинная погребальная процессія и инвалидный солдатъ, одѣтый какимъ-то капуциномъ, нюхаетъ лѣвою рукою табакъ, потому что правая занята факеломъ. Я всегда чувствую на душѣ досаду при видѣ богатаго катафалка и бархатнаго гроба; но досада моя смѣшивается съ грустью, когда я вижу, какъ ломовой извозчикъ тащитъ красный, ничѣмъ не покрытый гробъ бѣдняка, и только одна какая-нибудь нищая, встрѣтившись на перекресткѣ, плетется за нимъ, не имѣя другого дѣла.

Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на томъ, какъ онъ разстался съ бѣднымъ Пискаревымъ и устремился за блондинкою. Эта блондинка была легонькое, довольно интересное созданьице. Она останавливалась передъ каждымъ магазиномъ и заглядывалась на выставленные въ окнахъ кушаки, косынки, серьги, перчатки и другія бездѣлушки, безпрестанно вертѣлась, глазѣла во всѣ стороны и оглядывалась назадъ.

— Ты, голубушка, моя! — говорилъ съ самоувѣренностью Пироговъ, продолжая свое преслѣдованіе и закутавши лицо свое воротникомъ шинели, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ.

Но не мѣшаетъ извѣстить читателей, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ.

Но прежде, нежели мы скажемъ, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ, не мѣшаетъ кое-что разсказать о томъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Пироговъ. Есть офицеры, составляющіе въ Петербургѣ какой-то средній классъ общества. На вечерѣ, на обѣдѣ у статскаго совѣтника или у дѣйствительнаго статскаго, который выслужилъ этотъ чинъ сорокалѣтними трудами, вы всегда найдете одного изъ нихъ. Нѣсколько блѣдныхъ, совершенно безцвѣтныхъ, какъ Петербургъ, дочерей, изъ которыхъ иныя перезрѣли, чайный столикъ, фортепіано, домашніе танцы—все это бываетъ нераздѣльно съ свѣтлымъ эполетомъ, который блещетъ при лампѣ между благонравной блондинкой и чернымъ фракомъ братца или домашняго знакомаго. Этихъ хладнокровныхъ дѣвицъ чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смѣяться; для этого нужно большое искусство или, лучше сказать, совсѣмъ не имѣть никакого искусства. Нужно говорить такъ, чтобы не было ни слишкомъ умно, ни слишкомъ смѣшно, чтобы во всемъ была та мелочь, которую любятъ женщины. Въ этомъ надобно отдать справедливость означеннымъ господамъ. Они имѣютъ особенный даръ заставлять смѣяться и слушать этихъ безцвѣтныхъ красавицъ. Восклицанія, задушаемыя смѣхомъ: „Ахъ, перестаньте! Не стыдно ли вамъ такъ смѣшить!“ бываютъ имъ часто лучшею наградою. Въ высшемъ классѣ они попадаются очень рѣдко или, лучше, никогда: оттуда они совершенно вытѣснены тѣмъ, что называютъ въ этомъ обществѣ аристократами. Впрочемъ, они считаются учеными и воспитанными людьми. Они любятъ потолковать объ литературѣ; хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ. Они не пропускаютъ ни одной публичной лекціи, будь она о бухгалтеріи или даже о лѣсоводствѣ. Въ театрѣ, какая бы ни была пьеса, вы всегда найдете одного изъ

нихъ, выключая развѣ, если уже играются какіе-нибудь „Филатки“, которыми очень оскорбляется ихъ разборчивый вкусъ. Въ театрѣ они безсмѣнно. Это самые выгодные люди для театральной дирекціи. Они особенно любятъ въ пьесѣ хорошіе стихи, также очень любятъ громко вызывать актеровъ; многіе изъ нихъ, преподавая въ казенныхъ заведеніяхъ или приготовляя къ казеннымъ заведеніямъ, заводятся, наконецъ, кабріолетомъ и парою лошадей. Тогда кругъ ихъ становится обширнѣе; они достигаютъ, наконецъ, до того, что женятся на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепіано, съ сотнею тысячъ или около того наличныхъ и кучею брадатой родни. Однакожъ, этой чести они не прежде могутъ достигнуть, какъ выслужившись, по крайней мѣрѣ, до полковничьяго чина, потому что русскія бородки, несмотря на то, что отъ нихъ еще нѣсколько отзывается капустою, никакимъ образомъ не хотятъ видѣть дочерей своихъ ни за кѣмъ, кромѣ генераловъ или, по крайней мѣрѣ, полковниковъ. Таковы главныя черты этого сорта молодыхъ людей. Но поручикъ Пироговъ имѣлъ кромѣ этого множество талантовъ, собственно ему принадлежавшихъ. Онъ превосходно декламировалъ стихи изъ „Димитрія Донского“ и „Горе отъ ума“ и имѣлъ особенное искусство пускать изъ трубки дымъ кольцами такъ удачно, что вдругъ могъ нанизать ихъ около десяти одно на другое; умѣлъ очень пріятно разсказать анекдотъ о томъ, что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Впрочемъ, оно нѣсколько трудно перечесть всѣ таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Онъ любилъ поговорить объ актрисѣ и танцовщицѣ, но уже не такъ рѣзко, какъ обыкновенно изъясняется объ этомъ предметѣ молодой прапорщикъ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ чиномъ, въ который былъ произведенъ недавно, и хотя иногда, ложась на диванъ, онъ говорилъ: „Охъ, охъ, охъ! Суета, все суета! Что изъ этого, что я поручикъ?“ но втайнѣ его очень льстило это новое достоинство; онъ въ разговорѣ часто старался намекнуть о немъ обинякомъ, и одинъ разъ, когда попался ему на улицѣ какой-то писарь, показавшійся ему невѣжливымъ, онъ немедленно остановилъ его и въ немногихъ, но рѣзкихъ словахъ далъ замѣтить ему, что передъ нимъ стоялъ поручикъ, а не другой какой офицеръ. Тѣмъ болѣе старался онъ изложить это краснорѣчиво, что тогда проходили мимо его двѣ весьма недурныя дамы. Пироговъ вообще показывалъ страсть ко всему изящному и поощрялъ художника Пискарева; впрочемъ, это происходило, можетъ быть, оттого, что ему весьма желалось видѣть мужественную физіогномію свою на портретѣ. Но довольно о качествахъ Пирогова. Человѣкъ такое дивное существо, что никогда не можно исчислить вдругъ всѣхъ его достоинствъ, и чѣмъ болѣе въ него всматриваешься, тѣмъ болѣе является новыхъ особенностей, и описаніе ихъ было бы безконечно. И такъ Пироговъ не переставалъ преслѣдовать незнакомку, отъ времени до времени занимая ее вопросами, на которые она отвѣчала рѣдко, отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли мокрыми Казанскими воротами въ Мѣщанскую улицу,—улицу табачныхъ и мелочныхъ лавокъ, нѣмцевъ-ремесленниковъ и чухонскихъ нимфъ. Блондинка бѣжала скорѣе и впорхнула въ ворота одного довольно запачканнаго дома. Пироговъ за нею. Она взбѣжала по узенькой темной лѣстницѣ и вошла въ дверь, въ которую тоже смѣло пробрался Пироговъ. Онъ увидѣлъ себя въ большой комнатѣ съ черными стѣнами, съ закопченымъ потолкомъ. Куча желѣзныхъ винтовъ, слесарныхъ инструментовъ, блестящихъ кофейниковъ и подсвѣчниковъ была на столѣ; полъ былъ засоренъ мѣдными и желѣзными опилками. Пироговъ тотчасъ смекнулъ, что это была квартира мастерового. Незнакомка порхнула далѣе въ боковую дверь. Онъ было на минуту задумался, но, слѣдуя русскому правилу, рѣшился идти впередъ. Онъ вошелъ въ другую комнату, вовсе не похожую на первую, убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяинъ былъ нѣмецъ. Онъ былъ пораженъ необыкновенно страннымъ видомъ: передъ нимъ сидѣлъ Шиллеръ,—не тотъ Шиллеръ, который написалъ „Вильгельма Телля“ и „Исторію тридцатилѣтней войны“, но извѣстный Шиллеръ, жестяныхъ дѣлъ мастеръ въ Мѣщанской улицѣ. Возлѣ Шиллера стоялъ Гофманъ,—не писатель Гофманъ, но довольно хорошій сапожникъ съ Офицерской улицы, большой пріятель Шиллера. Шиллеръ былъ пьянъ и сидѣлъ на стулѣ, топая ногою и говоря что-то съ жаромъ. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положеніе обѣихъ фигуръ. Шиллеръ сидѣлъ, выставивъ свой довольно толстый носъ и поднявши вверхъ голову, а Гофманъ держалъ его за этотъ носъ двумя пальцами и вертѣлъ лезвеемъ своего сапожническаго ножа на самой его поверхности. Обѣ особы говорили на нѣмецкомъ языкѣ, и потому поручикъ Пироговъ, который зналъ по-нѣмецки только „гутъ моргенъ“, ничего не могъ понять изъ всей этой исторіи. Впрочемъ, слова Шиллера заключались вотъ въ чемъ:

— Я не хочу, мнѣ не нуженъ носъ!—говорилъ онъ, размахивая руками.—У меня на одинъ носъ выходитъ три фунта табаку въ мѣсяцъ. И я плачу въ русскій скверный магазинъ,—потому что нѣмецкій магазинъ не держитъ русскаго табаку,—я плачу въ русскій скверный магазинъ за каждый фунтъ по 40 копѣекъ—это будетъ рубль двадцать

копѣекъ; двѣнадцать разъ рубль двадцать копѣекъ—это будетъ четырнадцать рублей сорокъ копѣекъ. Слышишь, другъ мой Гофманъ? На одинъ носъ четырнадцать рублей сорокъ копѣекъ! Да по праздникамъ я нюхаю Рапе, потому что я не хочу нюхать по праздникамъ русскій скверный табакъ. Въ годъ я нюхаю два фунта Рапе по два рубля фунтъ. Шесть да четырнадцать—двадцать рублей сорокъ копѣекъ на одинъ табакъ! Это разбой! Я спрашиваю тебя, мой другъ Гофманъ, не такъ ли?

Гофманъ, который самъ былъ пьянъ, отвѣчалъ утвердительно.

— Двадцать рублей сорокъ копѣекъ! Я швабскій нѣмецъ; у меня есть король въ Германіи. Я не хочу носа! Рѣжь мнѣ носъ! Вотъ мой носъ!

И если бы не внезапное появленіе поручика Пирогова, то, безъ всякаго сомнѣнія, Гофманъ отрѣзалъ бы ни за что ни про что Шиллеру носъ, потому что онъ уже привелъ ножъ свой въ такое положеніе, какъ бы хотѣлъ кроить подошву.

Шиллеру показалось очень досадно, что вдругъ незнакомое, непрошенное лицо такъ некстати ему помѣшало. Онъ, несмотря на то, что былъ въ упоительномъ чаду пива и вина, чувствовалъ, что нѣсколько неприлично въ такомъ видѣ и при такомъ дѣйствіи находиться въ присутствіи постороняго свидѣтеля. Между тѣмъ Пироговъ слегка наклонился и съ свойственною ему пріятностію сказалъ:

— Вы извините меня...

— Пошелъ вонъ!—отвѣчалъ протяжно Шиллеръ.

Это озадачило поручика Пирогова. Такое обращеніе ему было совершенно ново. Улыбка, слегка было показавшаяся на его лицѣ, вдругъ пропала. Съ чувствомъ огорченнаго достоинства онъ сказалъ:

— Мнѣ странно, мил стивый государь... Вы, вѣрно, не замѣтили... я офицеръ...

— Что такое офицеръ! Я—швабскій нѣмецъ. Мой самъ (при этомъ Шиллеръ ударилъ кулакомъ по столу) будетъ офицеръ: полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра сейчасъ офицеръ. Но я не хочу служить. Я съ офицеромъ сдѣлаетъ этакъ: фу!—При этомъ Шиллеръ подставилъ ладонь и фукнулъ на нее.

Поручикъ Пироговъ увидѣлъ, что ему больше ничего не оставалось, какъ только удалиться; однакожъ, такое обхожденіе, вовсе не приличное его званію, ему было непріятно. Онъ нѣсколько разъ останавливался на лѣстницѣ, какъ бы желая собраться съ духомъ и подумать о томъ, какимъ бы образомъ дать почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконецъ, разсудилъ, что Шиллера можно извинить, потому что голова его наполнена пивомъ и виномъ; къ тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и онъ рѣшился предать это забвенію. На другой день поручикъ Пироговъ рано поутру явился въ мастерской жестяныхъ дѣлъ мастера. Въ передней комнатѣ встрѣтила его хорошенькая блондинка и довольно суровымъ голосомъ, который очень шелъ къ ея личику, спросила:

— Что вамъ угодно?

— А, здравствуйте, моя миленькая! Вы меня не узнали? Плутовочка, какіе хорошенькіе глазки!

При этомъ поручикъ Пироговъ хотѣлъ очень мило поднять пальцемъ ея подбородокъ; но блондинка произнесла пугливое восклицаніе и съ тою же суровостью спросила:

— Что вамъ угодно?

— Васъ видѣть, больше ничего мнѣ не угодно,—произнесъ поручикъ Пироговъ, довольно пріятно улыбаясь и подступая ближе; но, замѣтивъ, что пугливая блондинка хотѣла проскользнуть въ дверь, прибавилъ:—Мнѣ нужно, моя миленькая, заказать шпоры. Вы можете мнѣ сдѣлать шпоры? Хотя для того, чтобы любить васъ, вовсе не нужно шпоръ, а скорѣе бы уздечку. Какія миленькія ручки!

Поручикъ Пироговъ всегда бывалъ очень любезенъ въ изъясненіяхъ подобнаго рода.

— Я сейчасъ позову моего мужа,—вскрикнула нѣмка и ушла, и черезъ нѣсколько минутъ Пироговъ увидѣлъ Шиллера, выходившаго съ заспанными глазами, едва очнувшагося отъ вчерашняго похмелья. Взглянувши на офицера, онъ припомнилъ, какъ въ смутномъ снѣ, происшествіе вчерашняго дня. Онъ ничего не помнилъ въ такомъ видѣ, въ какомъ было, но чувствовалъ, что сдѣлалъ какую-то глупость, и потому принялъ офицера съ очень суровымъ видомъ.

— Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей,—произнесъ онъ, желая отдѣлаться отъ Пирогова, потому что ему, какъ честному нѣмцу, очень совѣстно было смотрѣть на того, кто видѣлъ его въ неприличномъ положеніи. Шиллеръ любилъ пить совершенно безъ свидѣтелей, съ двумя, тремя пріятелями и запирался на это время даже отъ своихъ работниковъ.

— Зачѣмъ же такъ дорого?—ласково сказалъ Пироговъ.

— Нѣмецкая работа,—хладнокровно произнесъ Шиллеръ, поглаживая подбородокъ: — русскій возьмется сдѣлать за два рубля.

— Извольте, чтобы доказать, что я васъ люблю и желаю съ вами познакомиться, я плачу пятнадцать рублей!

Шиллеръ минуту оставался въ размышленіи: ему, какъ честному нѣмцу, сдѣлалось немного совѣстно. Желая самъ отклонить его отъ заказыванія, онъ объявилъ, что раньше двухъ недѣль не можетъ сдѣлать. Но Пироговъ безъ всякаго пререкословія изъявилъ совершенное согласіе.

Я не хочу носа! Рѣжь мнѣ носъ!..

Нѣмецъ задумался и сталъ размышлять о томъ, какъ бы лучше сдѣлать свою работу, чтобы она дѣйствительно стоила пятнадцати рублей.

Въ это время блондинка вошла въ мастерскую и начала рыться на столѣ, уставленномъ кофейниками. Поручикъ воспользовался задумчивостью Шиллера, подступилъ къ ней и пожалъ ей ручку, обнаженную до самаго плеча.

Это Шиллеру очень не понравилось.

— Мейнъ фрау!—закричалъ онъ.

— Васъ волензи дохъ?— отвѣчала блондинка.

— Гензи на кухня!

Блондинка удалилась.

— Такъ черезъ двѣ недѣли?— сказалъ Пироговъ.

— Да, черезъ двѣ недѣли,—отвѣчалъ въ размышленіи Шиллеръ,—у меня теперь очень много работы.

— До свиданія, я къ вамъ зайду!

— До свиданія,—отвѣчалъ Шиллеръ, запирая за нимъ дверь.

Поручикъ Пироговъ рѣшился не оставлять своихъ исканій, несмотря на то, что нѣмка оказала явный отпоръ. Онъ не могъ понять, чтобы можно было ему противиться, тѣмъ болѣе, что любезность его и блестящій чинъ давали полное право на вниманіе. Надобно, однако же, сказать и то, что жена Шиллера, при всей миловидности своей, была очень глупа. Впрочемъ, глупость составляетъ особенную прелесть въ хорошенькой женѣ. По крайней мѣрѣ, я зналъ много мужей, которые въ восторгѣ отъ глупости своихъ женъ и видятъ въ ней всѣ признаки младенческой невинности. Красота производитъ совершенныя чудеса. Всѣ душевные недостатки въ красавицѣ, вмѣсто того чтобы произвести отвращеніе, становятся какъ-то необыкновенно привлекательны; самый порокъ дышитъ въ нихъ миловидностью; но исчезни она—и женщинѣ нужно быть въ двадцать разъ умнѣе мужчины, чтобы внушить къ себѣ, если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, уваженіе. Впрочемъ, жена Шиллера, при всей глупости, была всегда вѣрна своей обязанности и потому Пирогову довольно трудно было успѣть въ смѣломъ своемъ предпріятіи; но съ побѣдою препятствій всегда соединяется наслажденіе, и блондинка становилась для него интереснѣе день-ото-дня. Онъ началъ довольно часто освѣдомляться о шпорахъ, такъ что Шиллеру это, наконецъ, наскучило. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы окончить скорѣй начатыя шпоры; наконецъ, шпоры были готовы.

— Ахъ, какая отличная работа! — закричалъ поручикъ Пироговъ, увидѣвши шпоры.—Господи, какъ это хорошо сдѣлано! У нашего генерала нѣтъ этакихъ шпоръ.

Чувство самодовольствія распустилось по душѣ Шиллера. Глаза его начали глядѣть довольно весело, и онъ въ мысляхъ совершенно примирился съ Пироговымъ.

„Русскій офицеръ—умный человѣкъ“,—думалъ онъ самъ про себя.

— Такъ вы, стало быть, можете сдѣлать и оправу, напримѣръ, къ кинжалу или другимъ вещамъ?

— О, очень могу!—сказалъ Шиллеръ съ улыбкою.

— Такъ сдѣлайте мнѣ оправу къ кинжалу. Я вамъ принесу. У меня очень хорошій турецкій кинжалъ, но мнѣ бы хотѣлось оправу къ нему сдѣлать другую.

Шиллера это какъ бомбою хватило. Лобъ его вдругъ наморщился.

„Вотъ тебѣ на!“ — подумалъ онъ про себя, внутренно ругая себя за то, что накликалъ самъ работу.

Отказаться онъ почиталъ уже безчестнымъ; при томъ же русскій офицеръ похвалилъ его работу. Онъ, нѣсколько покачавши головою, изъявилъ свое согласіе; но поцѣлуй, который, уходя, Пироговъ влѣпилъ нахально въ самыя губки хорошенькой блондинки, повергъ его въ совершенное недоумѣніе.

Я почитаю не излишнимъ познакомить читателя нѣсколько покороче съ Шиллеромъ. Шиллеръ былъ совершенный нѣмецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, въ которое русскій живетъ на фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никакого, ни въ какомъ случаѣ, не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ и быть пьянымъ каждое воскресенье. Онъ положилъ себѣ въ теченіе 10 лѣтъ составить капиталъ изъ пятидесяти тысячъ, и уже это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово. Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и если цѣна на картофель слишкомъ поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копѣйки, но уменьшалъ только количество, и хотя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, но скоро, однако же, привыкалъ къ этому. Аккуратность его простиралась до того, что онъ положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, а чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной чайной ложечки въ свой супъ; впрочемъ, въ воскресный день это правило не такъ строго исполнялось, потому что Шиллеръ выпивалъ тогда двѣ бутылки

пива и одну бутылку тминной водки, которую, однако же, онъ всегда бранилъ. Пилъ онъ вовсе не такъ, какъ англичанинъ, который тотчасъ послѣ обѣда запираетъ дверь на крючокъ и напивается одинъ. Напротивъ, онъ, какъ нѣмецъ, пилъ всегда вдохновенно, или съ сапожникомъ Гофманомъ, или съ столяромъ Кунцомъ, тоже нѣмцемъ и большимъ пьяницею. Таковъ былъ характеръ благороднаго Шиллера, который, наконецъ, былъ приведенъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Хотя онъ былъ флегматикъ и нѣмецъ, однако-жъ поступки Пирогова возбудили въ немъ что-то похожее на ревность. Онъ ломалъ голову и не могъ придумать, какимъ образомъ ему избавиться отъ этого русскаго офицера. Между тѣмъ, Пироговъ, куря трубку въ кругу своихъ товарищей,—потому что уже такъ Провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки,—куря трубку въ кругу своихъ товарищей, намекалъ значительно и съ пріятною улыбкою объ интрижкѣ съ хорошенькою нѣмкою, съ которою, по словамъ его, онъ уже совершенно былъ накороткѣ и которую онъ, въ самомъ дѣлѣ, едва ли не терялъ уже надежды преклонить на свою сторону.

Въ одинъ день прохаживался онъ по Мѣщанской, поглядывая на домъ, на которомъ красовалась вывѣска Шиллера съ кофейниками и самоварами; къ величайшей радости своей увидѣлъ онъ головку блондинки, свѣсившуюся въ окошко и разглядывавшую прохожихъ. Онъ остановился, сдѣлалъ ей ручкою и сказалъ:

— Гутъ морґенъ.

Блондинка поклонилась ему, какъ знакомому.

— Что, вашъ мужъ дома?

— Дома,—отвѣчала блондинка.

— А когда онъ не бываетъ дома?

— Онъ по воскресеньямъ не бываетъ дома,—сказала глупенькая блондинка.

„Это недурно, — подумалъ про себя Пироговъ,—этимъ нужно воспользоваться“,—и въ слѣдующее воскресенье, какъ снѣгъ на голову, явился передъ блондинкою.

Шиллера, дѣйствительно, не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась; но Пироговъ поступилъ на этотъ разъ довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показалъ всю красоту своего гибкаго, перетянутаго стана. Онъ очень пріятно и учтиво шутилъ, но глупенькая нѣмка отвѣчала на все односложными словами. Наконецъ, заходивши со всѣхъ сторонъ и видя, что ничто не можетъ занять ее, онъ предложилъ ей танцовать. Нѣмка согласилась въ одну минуту, потому что нѣмки всегда охотницы до танцевъ. На этомъ Пироговъ очень много основывалъ надеждъ: во-первыхъ, это уже доставляло ей удовольствіе; во-вторыхъ, это могло показать его турнюру и ловкость; въ-третьихъ, въ танцахъ ближе всего можно сойтись, обнять хорошенькую нѣмку и положить начало всему; короче, онъ выводилъ изъ этого совершенный успѣхъ. Онъ началъ напѣвать какой-то гавотъ, зная, что нѣмкамъ нужна постепенность. Хорошенькая нѣмка выступила на средину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положеніе такъ восхитило Пирогова, что онъ бросился ее цѣловать; нѣмка начала кричать и этимъ еще болѣе увеличила свою прелесть въ глазахъ Пирогова; онъ ее засыпалъ поцѣлуями, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ Шиллеръ съ Гофманомъ и столяромъ Кунцомъ. Всѣ эти достойные ремесленники были пьяны, какъ сапожники.

Но... я предоставляю самимъ читателямъ судить о гнѣвѣ и негодованіи Шиллера.

— Грубіянъ!—закричалъ онъ въ величайшемъ негодованіи, — какъ ты смѣешь цѣловать мою жену? Ты подлецъ, а не русскій офицеръ! Чортъ побери! Не такъ ли, мой другъ Гофманъ? Я нѣмецъ, а не русская свинья (Гофманъ отвѣчалъ утвердительно). О! я не хочу имѣть роги! Бери его, мой другъ Гофманъ, за воротникъ; я не хочу,—продолжалъ онъ, сильно размахивая руками, при чемъ все лицо его было похоже на красное сукно его жилета.—Я восемь лѣтъ живу въ Петербургѣ, у меня въ Швабіи мать моя, и дядя мой въ Нюренбергѣ; я нѣмецъ, а не рогатая говядина! Прочь съ него все, мой другъ Гофманъ! Держи его за рука и нога, камрадъ мой Кунцъ!

И нѣмцы схватили за руки и ноги Пирогова.

Напрасно силился онъ отбиваться; эти три ремесленника были самый дюжій народъ изъ всѣхъ петербургскихъ нѣмцевъ и поступили съ нимъ такъ грубо и невѣжливо, что, признаюсь, я никакъ не нахожу словъ къ изображенію этого печальнаго событія.

Я увѣренъ, что Шиллеръ на другой день былъ въ сильной лихорадкѣ, что онъ дрожалъ, какъ листъ, ожидая съ минуты на минуту прихода полиціи, что онъ Богъ знаетъ чего бы не далъ, чтобы все происходившее вчера было во снѣ. Но что уже было, того нельзя перемѣнить. Ничто не могло сравниться съ гнѣвомъ и негодованіемъ Пирогова. Одна мысль объ такомъ ужасномъ оскорбленіи приводила его въ бѣшенство. Сибирь и плети онъ почиталъ самымъ малымъ наказаніемъ для Шиллера. Онъ летѣлъ домой, чтобы, одѣвшись, оттуда идти прямо къ генералу, описать ему самыми разительными красками буйство нѣмецкихъ ремесленниковъ. Онъ разомъ хотѣлъ подать и письменную просьбу въ Главный Штабъ; если же назначеніе наказанія будетъ неудовлетворительно, тогда идти дальше и дальше.

Но все это какъ-то странно кончилось: по дорогѣ онъ зашелъ въ кондитерскую, съѣлъ два слоеныхъ пирожка, прочиталъ кое-что изъ „Сѣверной Пчелы“ и вышелъ уже не въ столь гнѣвномъ положеніи. Притомъ довольно пріятный прохладный вечеръ заставилъ его нѣсколько пройтись по Невскому проспекту; къ 9 часамъ онъ успокоился и нашелъ, что въ воскресенье нехорошо безпокоить генерала; притомъ онъ, безъ сомнѣнія, куда-нибудь отозванъ. И потому онъ отправился на вечеръ къ одному правителю контрольной комиссіи, гдѣ было очень пріятное собраніе многихъ чиновниковъ и офицеровъ его корпуса. Тамъ съ удовольствіемъ провелъ вечеръ и такъ отличился въ мазуркѣ, что привелъ въ восторгъ не только дамъ, но даже и кавалеровъ.

„Дивно устроенъ свѣтъ нашъ! — думалъ я, бредя третьяго дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествія. — Какъ странно, какъ непостижимо играетъ нами судьба наша! Получаемъ ли мы когда-нибудь то, чего желаемъ? Достигаемъ ли мы того, къ чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходитъ наоборотъ. Тому судьба дала прекраснѣйшихъ лошадей, и онъ равнодушно катается на нихъ, вовсе не замѣчая ихъ красоты, тогда какъ другой, котораго все сердце горитъ лошадиною страстью, идетъ пѣшкомъ и довольствуется только тѣмъ, что пощелкаетъ языкомъ, когда мимо его проводятъ рысака. Тотъ имѣетъ отличнаго повара, но, къ сожалѣнію, такой маленькій ротъ, что больше двухъ кусочковъ никакъ не можетъ пропустить; другой имѣетъ ротъ величиною въ арку Главнаго Штаба, но, увы! долженъ довольствоваться какимъ-нибудь нѣмецкимъ обѣдомъ изъ картофеля. Какъ странно играетъ нами судьба наша!

Но страннѣе всего происшествія, случающіяся на Невскомъ проспектѣ. О, не вѣрьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрѣпче плащомъ своимъ, когда иду по немъ, и стараюсь вовсе не глядѣть на встрѣчающіеся предметы. Все обманъ, все мечта, все не то, чѣмъ кажется! Вы думаете, что этотъ господинъ, который гуляетъ въ отлично сшитомъ сюртучкѣ, очень богатъ?— Ничуть не бывало: онъ весь состоитъ изъ своего сюртучка. Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившіеся передъ строящеюся церковью, судятъ объ архитектурѣ ея? — Совсѣмъ нѣтъ: они говорятъ о томъ, какъ странно сѣли двѣ вороны одна противъ другой. Вы думаете, что этотъ энтузіастъ, размахивающій руками, говоритъ о томъ, какъ жена его бросила изъ окна шарикомъ въ незнакомаго ему вовсе офицера?—Совсѣмъ нѣтъ: онъ говоритъ о Лафаэтѣ. Вы думаете, что эти дамы... но дамамъ меньше всего вѣрьте. Меньше заглядывайте въ окна магазиновъ: бездѣлушки, въ нихъ выставленныя, прекрасны, но пахнутъ страннымъ количествомъ ассигнацій. Но Боже васъ сохрани заглядывать дамамъ подъ шляпки. Какъ привлекательно ни развѣвайся вечеромъ вдали плащъ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далѣе, ради Бога, далѣе отъ фонаря! И скорѣе, сколько можно скорѣе, проходите мимо! Это счастіе еще, если отдѣлаетесь тѣмъ, что онъ зальетъ щегольской сюртукъ вашъ вонючимъ своимъ масломъ. Но и кромѣ фонаря все дышитъ обманомъ. Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, міріады каретъ валятся съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ.

О МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Только въ послѣдніе годы, въ эти времена стремленія къ самобытности и собственной народной поэзіи, обратили на себя вниманіе малороссійскія пѣсни, бывшія до того скрытыми отъ образованнаго общества и державшіяся въ одномъ народѣ. До того времени одна только очаровательная музыка ихъ изрѣдка заносилась въ высшій кругъ, слова же оставались безъ вниманія и почти ни въ комъ не возбуждали любопытства. Даже музыка ихъ не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и клеилъ въ свое безчувственное, деревянное созданіе *). Но лучшія пѣсни и голоса слышали только однѣ украинскія степи: только тамъ, подъ сѣнью низенькихъ глиняныхъ хатъ, увѣнчанныхъ шелковицами и черешнями, при блескѣ утра, полудня и вечера, при лимонной желтизнѣ падающихъ колосьевъ пшеницы, онѣ раздаются, прерываемыя однѣми степными чайками, вереницами жаворонковъ и стенящими иволгами.

Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсенъ. Это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все

*) Впрочемъ, любители музыки и поэзіи могутъ нѣсколько утѣшиться: недавно издано прекрасное собраніе пѣсенъ Максимовичемъ, и при немъ голоса, переложенные Алябьевымъ.

сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Онѣ—надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью- ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи немногія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполнѣ: исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи.

Пѣсни малороссійскія могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что онѣ не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ и тогдашнему состоянію чувствъ. Вездѣ проникаетъ ихъ, вездѣ въ нихъ дышитъ эта широкая воля козацкой жизни. Вездѣ видна та сила, радость, могущество, съ какою козакъ бросаетъ тишину и безпечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзію битвъ, опасностей и разгульнаго пиршества съ товарищами. Ни чернобровая подруга, пылающая свѣжестью, съ карими очами, съ ослѣпительнымъ блескомъ зубовъ, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его, ни престарѣлая мать, разливающаяся какъ ручей слезами, которой всѣмъ существованіемъ завладѣло одно материнское чувство, — ничто не въ силахъ удержать его. Упрямый, непреклонный, онъ спѣшитъ въ степи, въ вольницу товарищей. Его жену, мать, сестру, братьевъ,—все замѣняетъ ватага гулливыхъ рыцарей набѣговъ. Узы этого братства для него выше всего, сильнѣе любви. Сверкаетъ Черное море; вся чудесная, неизмѣримая степь отъ Тамана до Дуная—дикій океанъ цвѣтовъ колышется однимъ налетомъ вѣтра; въ безпредѣльной глубинѣ неба тонутъ лебеди и журавли; умирающій козакъ лежитъ среди этой свѣжести дѣвственной природы и собираетъ всѣ силы, чтобъ не умереть, не взглянувъ еще разъ на своихъ товарищей.

То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вийска козацького не вмирала.

Увидѣвши ихъ, онъ насыщается и умираетъ. Выступаетъ ли козацкое войско въ походъ съ тишиною и повиновеніемъ, извергается ли изъ самопаловъ потопъ дыма и пуль, кружаетъ ли вольно медъ, вино, описываются ли ужасная казнь гетмана, отъ которой дыбомъ подымается волосъ, мщеніе ли козаковъ, видъ ли убитаго козака, съ широко-раскинутыми руками на травѣ, съ разметаннымъ чубомъ, клекты ли орловъ въ небѣ, спорящихъ о томъ, кому изъ нихъ выдирать козацкія очи,—все это живетъ въ пѣсняхъ и окинуто смѣлыми красками. Остальная половина пѣсней изображаетъ другую половину жизни народа: въ нихъ разбросаны черты быта домашняго; здѣсь во всемъ совершенная противоположность. Тамъ одни козаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здѣсь, напротивъ, одинъ женскій міръ, нѣжный, тоскливый, дышащій любовію. Эти два пола видѣлись между собою самое короткое время и потомъ разлучались на цѣлые годы. Годы эти были проводимы женщинами въ тоскѣ, въ ожиданіи своихъ мужей, любовниковъ, мелькнувшихъ передъ ними въ своемъ пышномъ военномъ убранствѣ, какъ сновидѣніе, какъ мечта. Оттого любовь ихъ дѣлается чрезвычайно поэтическою. Свѣжая, невинная, какъ голубка, молодая супруга вдругъ узнала все блаженство, весь рай женщины, которая вся создана для любви. Все начало весны ея, проведенное съ этимъ мощнымъ, вольнымъ питомцемъ войны, столпило для нея радость всей жизни въ одно быстро мелькнувшее мгновеніе. Противъ него ничто вся остальная жизнь; она живетъ однимъ этимъ мгновеніемъ. Тоскуя, ждетъ она съ утра до вечера возврата своего черноброваго супруга

Ой, чорные бровенята!
Лыхо мини зъ вами:
Не хочете почеваты
Ни поченьки сами.

Она вся живетъ воспоминаніемъ. Все, на что они глядѣли вмѣстѣ, куда они вмѣстѣ ходили, что вмѣстѣ говорили,—все это припоминаетъ она, не упуская ни одной мелкой черты. Она обращается ко всему, что ни видитъ въ природѣ, дышащей жизнью, и даже къ безчувственнымъ предметамъ, и всѣмъ имъ говоритъ и жалуется. И какъ просты, какъ поэтически-просты ея исполненныя души рѣчи! Ко всему примѣняетъ она состояніе свое и не можетъ наговориться, потому что человѣкъ многорѣчивъ всегда, когда въ его грусти заключается тайная сладость. Наконецъ, съ тихимъ, но безнадежнымъ отчаяніемъ говоритъ она:

Да вжежъ мини не ходыты
Куда я ходыла!
Да вжежъ мини не любиты,
Кого я любила!
Да вжежъ мини не ходыты
Рынкомъ по-пидъ ганкомъ!

Да вжежъ мини не стояты
Изъ моимъ коханкомъ!
Да вжежъ мини не ходыты
Въ лиски по оришки!
Да вжежъ мини минулися
Дивоцкія смишки!

Чтобы сколько-нибудь сдѣлать доступною для незнающихъ малороссійскаго языка глубину чувствъ, разсыпанныхъ въ этихъ пѣсняхъ, привожу одну изъ нихъ въ переводѣ.

Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вотъ онъ сѣдлаетъ своего вороного коня и ѣдетъ далеко, далеко отъ меня.

К да же ты, мой милый, голубчикъ мой сизый, куда ты уѣзжаешь? Кому ты меня беззащитную, молодую, кому оставляешь?

Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращусь изъ дальней дороги.

О, если-бъ я знала, если бы видѣла, откуда будетъ ѣхать мой милый, я бы ему по всей дорогѣ мостила мосты изъ зеленаго тростника и все бы ждала его въ гости.

Боже Всесильный! выровняй всѣ долины и горы, чтобы вездѣ было ровно, чтобы оттолѣ ему до самаго дому было хорошо ѣхать.

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, по дорогѣ зеленѣетъ трава—это онъ! это мой милый ѣдетъ!

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, расцвѣтаетъ калина—вѣрно, гдѣ-нибудь мой милый, голубчикъ мой сизый, съ другою разговариваетъ.

Зачѣмъ же ты не пріѣхалъ, зачѣмъ не прилетѣлъ, какъ я тебѣ говорила? Коня ли не имѣлъ, дороги ли не зналъ, или мать не велѣла тебѣ?

«Я коня имѣю; я и дорогу знаю, и мать еще вчера съ вечера велѣла мнѣ сѣдлать коня.

Но только лишь сяду на коня, только лишь выѣду за ворота, какъ уже бѣжитъ за мною другая и такъ жалко стонетъ, такъ плачетъ, что тоска ея хватаетъ за самое сердце.

Можно привесть до тысячи подобныхъ пѣсенъ, можетъ быть, даже гораздо лучшихъ. Всѣ онѣ благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Вездѣ новыя краски, вездѣ простота и невыразимая нѣжность чувствъ. Гдѣ же мысли въ нихъ коснулись религіознаго, тамъ онѣ необыкновенно поэтически. Онѣ не изумляются колоссальнымъ созданіямъ вѣчнаго Творца: это изумленіе принадлежитъ уже ступившему на высшую ступень самопознанія; но ихъ вѣра такъ невинна, такъ трогательна, такъ непорочна, какъ непорочна душа младенца. Онѣ обращаются къ Богу, какъ дѣти къ отцу; онѣ вводятъ Его часто въ бытъ своей жизни съ такою невинною простотою, что безыскусственное Его изображеніе становится у нихъ величественнымъ въ самой простотѣ своей. Отъ этого самые обыкновенные предметы въ пѣсняхъ ихъ облекаются невыразимою поэзіей, чему еще болѣе помогаютъ остатки обрядовъ древней славянской миѳологіи, которые онѣ покорили христіанству. Часто тоскующая дѣва умоляетъ Бога, чтобы Онъ засвѣтилъ на небѣ восковую свѣчку, пока ея милый перебредетъ черезъ рѣку Дунай. На всемъ печать чистаго первоначальнаго младенчества, стало-быть—и высокой поэзіи. Изложеніе пѣсней ихъ, какъ женскихъ, такъ и козацкихъ, почти всегда драматическое — признакъ развитія народнаго духа и дѣятельной, безпокойной жизни, долго обнима шей народъ. Пѣсни ихъ почти никогда не обращаются въ описательныя и не занимаются долго изображеніемъ природы. Природа у нихъ едва только скользитъ въ куплетѣ, но тѣмъ не менѣе черты ея такъ новы, тонки, рѣзки, что представляютъ весь предметъ. Впрочемъ, къ нимъ прибѣгаютъ для того только, чтобы сильнѣе выразить чувства души, и потому явленія природы послушно влекутся у нихъ за явленіями чувства. То же самое у нихъ представляется разомъ и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ мірѣ. Часто, вмѣсто цѣлаго внѣшняго находится только одна рѣзкая черта, одна часть его. Въ нихъ нигдѣ нельзя найти подобной фразы: былъ вечеръ, но вмѣсто этого говорится то, что бываетъ вечеромъ, напр.:

Шли коровы изъ дубровы, а овечки съ поля:
Выплакала кари очи, край милого стоя.

Оттого весьма многіе, не понявъ, считали подобные оборотъ безсмыслицей. Чувство у нихъ выражается вдругъ, сильно, рѣзко и никогда не охлаждается длиннымъ періодомъ. Во многихъ пѣсняхъ нѣтъ одной общей мысли, такъ что онѣ походятъ на рядъ куплетовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ отдѣльную мысль. Иногда онѣ кажутся совершенно безпорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и такъ какъ взглядъ народа живъ, то обыкновенно тѣ предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помѣщаются и въ пѣсни; но за то изъ этой пестрой кучи вышибаются такіе куплеты, которые поражаютъ самою очаровательною безотчетностью поэзіи. Самая яркая и вѣрная живопись и самая звонкая звучность словъ разомъ соединяются въ нихъ. Пѣсня сочиняется не съ перомъ въ рукѣ, не на бумагѣ, не съ строгимъ расчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, становятся свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны веселья уносятъ его отъ всего. Это примѣчается даже въ самыхъ заунывныхъ пѣсняхъ, которыхъ раздирающіе звуки съ болью касаются сердца. Они никогда не могли излиться изъ души человѣка въ обыкновенномъ состояніи, при настоящемъ воззрѣніи на предметъ. Только тогда, когда вино перемѣшаетъ и разрушитъ весь прозаическій порядокъ мыслей, когда мысли непостижимо-странно въ разногласіи звучатъ внутреннимъ согласіемъ, — въ такомъ-то разгулѣ, торжественномъ больше, нежели весе-

ломъ, душа, къ непостижимой загадкѣ, изливается нестерпимо-унылыми звуками. Тогда прочь дума и бдѣніе! Весь таинственный составъ его требуетъ звуковъ, однихъ звуковъ. Оттого поэзія въ пѣсняхъ неуловима, очаровательна, граціозна, какъ музыка. Поэзія мыслей болѣе доступна каждому, нежели поэзія звуковъ, или, лучше сказать, поэзія поэзіи. Ее одинъ только избранный, одинъ истинный въ душѣ поэтъ понимаетъ, и потому-то часто самая лучшая пѣсня остается незамѣченною, тогда какъ незавидная выигрываетъ своимъ содержаніемъ.

Стихосложеніе малороссійское самое выгодное для пѣсенъ: въ немъ соединяются вмѣстѣ и размѣръ, и тоника, и рѳома. Паденіе звуковъ въ нихъ скоро, быстро; оттого строка никогда почти не бываетъ слишкомъ длинна; если же это и случается, то цезура посерединѣ, съ звонкою рѳомою, перерѣзываетъ ее. Чистые, протяжные ямбы рѣдко попадаются, большею частію быстрые хореи, дактили, амфибрахіи летятъ шибко, одинъ за другимъ, прихотливо и вольно мѣшаются между собою, производятъ новые размѣры и разнообразятъ ихъ до чрезвычайности. Рѳомы звучатъ и сшибаются одна съ другою, какъ серебряныя подковы танцующихъ. Вѣрность и музыкальность уха—общая принадлежность ихъ. Часто вся строка созвукивается съ другою, несмотря, что иногда у обѣихъ даже рѳомы нѣтъ. Близость рѳомъ изумительна. Часто строка два раза терпитъ цезуру и два раза рѳомуется до замыкающей рѳомы, которой сверхъ того даетъ отвѣтъ вторая строка, тоже два раза созвукнувшись на серединѣ. Иногда встрѣчается такая рѳома, которую, повидимому, нельзя назвать рѳомою, но она такъ вѣрна своимъ отголоскомъ звуковъ, что нравится иногда болѣе, нежели рѳома, и никогда бы не пришла въ голову поэту съ перомъ въ рукѣ.

Характеръ музыки нельзя опредѣлить однимъ словомъ: она необыкновенно разнообразна. Во многихъ пѣсняхъ она легка, граціозна, едва только касается земли и, кажется, шалитъ, рѣзвится звуками. Иногда звуки ея принимаютъ мужественную физіогномію, становятся сильны, могучи, крѣпки; стопы тяжело ударяютъ въ землю, и, кажется, какъ будто бы подъ нихъ можно плясать одного только гопака. Иногда же звуки ея становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантскіе, силящіеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь въ которые танцующій чувствуетъ себя исполиномъ: душа его и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ отдѣляется вдругъ отъ земли, чтобы сильнѣе ударить въ нее блестящими подковами и взнестись опять на воздухъ. Что же касается до музыки грусти, то она нигдѣ не слышна такъ, какъ у нихъ. Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали довеселиться; жалобы ли это на безпріютное положеніе тогдашней Малороссіи... но звуки ея живутъ, жгутъ, раздираютъ душу. Русская заунывная музыка выражаетъ, какъ справедливо замѣтилъ М. Максимовичъ, забвеніе жизни: она стремится уйти отъ нея и заглушить вседневныя нужды и заботы; но въ малороссійскихъ пѣсняхъ она слилась съ жизнью: звуки ея такъ живы, что, кажется, не звучатъ, а говорятъ,—говорятъ словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходитъ душу. Взвизги ея иногда такъ похожи на крикъ сердца, что оно вдругъ и внезапно вздрагиваетъ, какъ будто бы коснулось къ нему острое желѣзо. Безотрадное, равнодушное отчаяніе иногда слышится въ ней такъ сильно, что заслушавшійся забывается и чувствуетъ, что надежда давно улетѣла изъ міра. Въ другомъ мѣстѣ отрывистыя стенанія, вопли, такіе яркіе, живые, что съ трепетомъ спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирѣпое насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень. Ничто не можетъ быть сильнѣе народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни, если натиски насилій и и непреодолимыхъ вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ. Такова была беззащитная Малороссія въ ту годину, когда хищно ворвалась въ нее унія. По нимъ, по этимъ звукамъ, можно догадываться о ея минувшихъ страданіяхъ, такъ точно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по бриллінтовымъ слезамъ, унизывающимъ снизу до вершины освѣженныя деревья, когда солнце мечетъ вечерній лучъ, разрѣженный воздухъ чистъ, вдали звонко дребезжитъ мычаніе стадъ, голубоватый дымъ, вѣстникъ деревенскаго ужина и довольства, несется свѣтлыми кольцами къ небу, и вечеръ, тихій, ясный вечеръ обнимаетъ успокоенную землю.

1833.

МЫСЛИ О ГЕОГРАФІИ.

(для дѣтскаго возраста).

Велика и поразительна область географіи: край, гдѣ кипитъ югъ и каждое твореніе бьется двойною жизнью, и край, гдѣ въ искаженныхъ чертахъ природы прочитывается ужасъ, и земля превращается въ оледенѣлый трупъ; испо-

лины-горы, парящія въ небо, наброшенный небрежно, дышащій всею роскошью растительной силы и разнообразія видъ, и раскаленныя пустыни и степи; оторванный кусокъ земли посреди безграничнаго моря, люди и искусство, и предѣлъ всего живущаго! Гдѣ найдутся предметы, сильнѣе говорящіе юному воображенію? Какая другая наука можетъ быть прекраснѣе для дѣтей, можетъ быстрѣе возвысить поэзію младенческой души ихъ? И не больно-ли, если показываютъ имъ, вмѣсто всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелетъ, холодно говоря: „Вотъ земля, на которой живемъ мы; вотъ тотъ прекрасный міръ, подаренный намъ непостижимымъ его Зодчимъ!“ Этого мало: его совершенно скрываютъ отъ нихъ и даютъ имъ вмѣсто того грызть политическое тѣло, превышающее міръ ихъ понятій и несвязное даже для ума, обладающаго высшими идеями. Невольно при этомъ приходитъ на мысль: неужели великій Гумбольдтъ и тѣ отважные изслѣдователи, принесшіе такъ много свѣдѣній въ область науки, истолковавшіе дивные іероглифы, коими покрытъ міръ нашъ, должны быть доступны немногому числу ученыхъ, а возрастъ, болѣе другихъ нуждающійся въ ясности и опредѣлительности, долженъ видѣть передъ собою одни непонятныя изображенія.

Дѣтскій возрастъ есть еще одна жажда, одно безотчетное стремленіе къ познанію. Онъ всего требуетъ, все хочетъ узнать. Его болѣе всего интересуютъ отдаленныя земли: какъ тамъ, что тамъ такое, какіе тамъ люди, какъ живутъ? Эти вопросы стремятся у него толпою, и всѣ они относятся прямо къ физической географіи, и потому міръ, въ его физическомъ состояніи, величественный, роскошный, грозный, плѣнительный, — долженъ болѣе и обширнѣе занять его.

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей географіи, читаютъ ее въ двухъ и даже въ трехъ классахъ. Это хорошо, и географія стоитъ, чтобъ ее проходили не въ одномъ классѣ; но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на двѣ или, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, разсматриваемая обыкновенно въ политическомъ отношеніи съ подробнѣйшими подробностями, тогда какъ высшіе классы блуждаютъ по степямъ и пескамъ африканскимъ и бесѣдуютъ съ дикарями. Не говоря уже о безразсудности и странной формѣ такого преподаванія, нужно имѣть необыкновенную память, чтобы удержать въ ней всю эту нестройную массу. Если же и допустить такой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ этого феномена никогда не удержится одно прекрасное цѣлое. Это будутъ тщательно отдѣланныя, разрозненныя части, которыми не управляетъ одна мощная жизнь, бьющая ровнымъ пульсомъ по всѣмъ жиламъ. Это народъ, созданный для монархическаго правленія и утратившій его въ бурѣ политическихъ потрясеній.

Гораздо лучше, если воспитанникъ будетъ проходить географію въ два разные періода своего возраста. Въ первомъ онъ долженъ узнать одинъ только великій очеркъ всего міра, но очеркъ такой, который бы показалъ всю внимательность его, который бы показалъ всю обширность и колоссальность географическаго міра. Въ этотъ курсъ должны ниспослать отъ себя дань и естественная исторія, и физика, и статистика, и все, что только соприкасается къ міру, чтобы міръ составилъ одну яркую, живописную поэму, чтобы сколько возможно открыть ему всѣ концы его. Ничего въ подробности, но только однѣ рѣзкія черты, но только, чтобы онъ чувствовалъ, гдѣ стужа, гдѣ болѣе растительность, гдѣ выше мануфактурность, гдѣ сильнѣе образованность, гдѣ глубже невѣжество, гдѣ ниже земля, гдѣ стремительнѣе горы. Во второмъ періодѣ его возраста этотъ міръ долженъ быть передъ нимъ раздвинутъ. Онъ долженъ разсмотрѣть въ микроскопъ тѣ предметы, которые доселѣ видѣлъ простымъ глазомъ. Тогда уже онъ узнаетъ всѣ исключенія и переходы, менѣе рѣзкіе и болѣе исполненные тонкаго отличія.

Воспитанникъ не долженъ имѣть вовсе у себя книги. Она, какая бы ни была, будетъ сжимать его и умерщвлять воображеніе: передъ нимъ должна быть одна только карта. Ни одного географическаго явленія не нужно объяснять, не укрѣпивши на мѣстѣ, хотя бы это было только яркое, живописное описаніе, чтобы воспитанникъ, внимая ему, глядѣлъ на мѣсто въ своей картѣ, и чтобы эта маленькая точка какъ бы раздвигалась передъ нимъ и вмѣстила бы въ себѣ всѣ тѣ карты, которыя онъ видитъ въ рѣчахъ преподавателя. Тогда можно быть увѣреннымъ, что онѣ останутся въ памяти его вѣчно, и, взглянувши на скелетный очеркъ земли, онъ его вмигъ наполнитъ красками.

Фигура земли прежде всего должна удержаться въ его памяти. Черченіе картъ, надъ которымъ заставляютъ воспитанниковъ трудиться, мало приноситъ пользы. Множество мелкихъ подробностей, множество отдѣльныхъ государствъ можетъ только въ головѣ ихъ уничтожиться одно другимъ. Гораздо лучше дать имъ прежде сильную, рѣзкую идею о видѣ земли: для этого я бы совѣтовалъ

сдѣлать всю воду бѣлою и всю землю черною, чтобы онѣ совершенно отдѣлились, рѣзкостью своею невольно вторгнулись въ мысли ихъ и преслѣдовали бы ихъ неотступно неправильною своею фигурою. Послѣ этого будетъ имъ гораздо легче начертить видъ земли, но никакъ не допускать до подробностей, т.-е. означать всѣ мелкіе мысы и искривленія береговъ. Пусть лучше они вначалѣ совсѣмъ не знаютъ ихъ, но за то удержатъ общій видъ земли.

Гораздо лучше проходить вначалѣ разомъ весь міръ, глядѣть разомъ на всѣ части свѣта: чрезъ это очевиднѣе будутъ ихъ взаимныя противоположности. Замѣтивши ихъ въ общей массѣ, они могутъ тогда погрузиться глубже въ каждую часть свѣта. Но въ порядкѣ частей свѣта я бы совѣтовалъ лучше слѣдовать за постепеннымъ развитіемъ человѣка, стало быть, вмѣстѣ и за постепеннымъ открытіемъ земли: начать съ Азіи, съ его колыбели, съ его младенчества, перейти въ Африку, въ его пламенное и вмѣстѣ грубое юношество, обратиться къ Европѣ, къ его быстрому разоблаченію и зрѣлости ума, шагнуть вмѣстѣ съ нимъ въ Америку, гдѣ, развитый и властительный, встрѣтился онъ съ первообразнымъ и чувственнымъ, и окончить разрозненными по необозримому океану островами.

Такое раздѣленіе, мнѣ кажется, будетъ гораздо естественнѣе. Прежде всего воспитанникъ долженъ составить себѣ общее характеристическое понятіе о каждой изъ нихъ. Во-первыхъ, объ Азіи, гдѣ все такъ велико и обширно, гдѣ люди такъ важны, такъ холодны съ вида и вдругъ кипятъ неукротимыми страстями; при дѣтскомъ умѣ своемъ думаютъ, что они умнѣе всѣхъ; гдѣ все гордость и рабство; гдѣ все одѣвается и вооружается легко и свободно, все наѣздничаетъ; гдѣ турокъ радъ просидѣть цѣлый вѣкъ, поджавъ ноги и куря кальянъ свой, и гдѣ бедуинъ, какъ вихорь, мчится по пустынѣ; гдѣ вѣра переходитъ въ фанатизмъ, и вся страна—страна вѣроисповѣданій, разлившихся отсюда по всему міру. Объ Африкѣ, гдѣ солнце жжетъ, и океаны песчаныхъ степей растягиваются на неизмѣримое пространство, львы, тигры, кокосы, пальмы и человѣкъ, мало чѣмъ разнящійся наружностью и своими чувственными наклонностями отъ обезьянъ, кочующихъ по ней ордами, и т. далѣе.

Начертивъ видъ части свѣта, воспитанникъ указываетъ всѣ высочайшія и низменныя мѣста на ней, разсказываетъ, какъ развѣтвляются по ней горы и протягиваютъ свои длинныя, безобразныя цѣпи. Въ этомъ смыслѣ можно съ пользою употреблять Риттерово барельефное изображеніе Европы, хотя оно не совсѣмъ еще удобно для дѣтей, по причинѣ неяснаго отдѣленія свѣта отъ тѣней. Всего бы лучше на этотъ случай отлить изъ клѣпкой глины, или изъ металла, настоящій барельефъ. Тогда воспитаннику стоило бы только взглянуть на него, чтобы сохранить навсегда въ памяти всѣ высокія и низменныя мѣста.

Такъ какъ горы сообщили форму всей землѣ, то познаніе ихъ должно составить, такъ сказать, начало всей географіи. Показавъ развѣтвленіе ихъ по лицу земли, должно показать видъ ихъ, форму, составъ, образованіе и, наконецъ, характеръ и отличіе каждой цѣпи,—все это не сухо, не съ подробною ученостью, но такъ, чтобы онъ зналъ, что такая-то цѣпь изъ темныхъ и твердыхъ гранитовъ, что внутренность другой бѣлая, известковая или глинистая: рыхлая, желтая, темная, красная или, наконецъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ земель и камней. Можно даже разсказать, какъ въ нихъ лежатъ металлы и руды и въ какомъ видѣ—и можно разсказать занимательно. Что же касается до поверхности ихъ, то, само собою разумѣется, что нужно показать высочайшія точки, примѣчательныя явленія на нихъ и высоту, до которой подымался человѣкъ.

Не мѣшало-бы коснуться слегка подземной географіи. Мнѣ кажется, нѣтъ предмета болѣе поэтическаго, какъ она, хотя совершенно понять ее можетъ только возрастъ высшій. Тутъ всѣ явленія и факты дышатъ исполинскою колоссальностью. Здѣсь встрѣчаются цѣлыя массы. Тутъ на всемъ отпечатокъ величественныхъ потрясеній земли; душа сильнѣе чувствуетъ великія дѣла Творца. Тутъ лежатъ погребенными цѣлыя цѣпи подземныхъ лѣсовъ. Тутъ лежитъ въ глубокомъ уединеніи раковина и уже превращается въ мраморъ. Тутъ дышатъ вѣчные огни, и отъ взрыва ихъ измѣняется поверхность земли. Часть этихъ явленій, будучи слегка открыта юному воспитаннику, нельзя чтобъ не тронула его воображенія.

Процессъ и разселеніе растительной силы по землѣ должно показать на картѣ лѣстницею градусовъ: гдѣ растеніе юга—хозяинъ, куда перешло оно какъ гость, подъ какимъ градусомъ умираетъ, гдѣ начинается растеніе сѣвера, гдѣ и оно, наконецъ, гибнетъ, прозябаніе прекращается, природа обмираетъ въ объятіяхъ студенаго океана, и чудный полюсъ закутывается недоступными для человѣка льдами. Такимъ же образомъ и разселеніе животныхъ. Но почва требуетъ другого раздѣленія земли по полосамъ, изъ которыхъ каждая должна заключать въ себѣ особенный видъ ея.

Произведенія искусства вообще являются доселѣ у географовъ отрывисто. Перехода нѣтъ никакого отъ природы къ произведеніямъ человѣка. Они отрублены, какъ топоромъ, отъ своего источника. Я уже не говорю о томъ, что у нихъ не представленъ вовсе этотъ брачный союзъ человѣка съ природою, отъ котораго рождается мануфактурность. Итакъ, прежде нежели воспитанникъ приступитъ къ обозрѣнію мануфактуръ и произведеній рукъ человѣка, нужно, чтобы онъ былъ пріуготовленъ къ тому произведеніями земли, чтобы онъ самъ собою могъ вывесть, какія мануфактуры должны быть въ такомъ-то государствѣ; если же встрѣтится исключеніе, тогда необходимо показать, отчего оно произошло: можетъ быть, безпечный характеръ народа, можетъ, сторонніе обстоятельства, или излишнее богатство сосѣдей, или невозможность дальнѣйшихъ сообщеній, или другія подобныя имъ—воспрепятствовали. Пріуготовивши себя мануфактурностью, онъ можетъ уже переходить къ торговлѣ, которая безъ того будетъ тоже незанимательна и непонятна.

При исчисленіи народовъ, преподаватель необходимо обязанъ показать каждаго физіогномію и тѣ отпечатки, которые принялъ его характеръ, такъ сказать, отъ географическихъ причинъ. Всѣ народы міра онъ долженъ сгруппировать въ большія семейства и представить прежде общія черты каждой группы, потомъ уже развѣтвленіе ихъ. И потомъ физическую ихъ исторію, т.-е. исторію измѣненія ихъ характера, чтобъ объяснилось, отчего, напримѣръ, тевтонское племя среди своей Германіи означено твердостью флегматическаго характера, и отчего оно, перейдя Альпы, напротивъ, принимаетъ всю игривость характера легкаго.

Весьма полезны для дѣтей карты, изображающія разселеніе просвѣщенія по земному шару. Эта польза превращается въ необходимость, когда проходятъ они Европу. Но какъ у насъ нѣтъ такихъ картъ, то преподавателю небольшого труда стоитъ сдѣлать оныя самому. Мѣста, гдѣ просвѣщеніе достигло высочайшей степени, означать свѣтомъ и бросать легкія тѣни, гдѣ оно ниже. Тѣни сіи становятся, чѣмъ далѣе, тѣмъ крѣпче, и наконецъ превращаются въ мракъ, по мѣрѣ того какъ природа дичаетъ, и человѣкъ оканчивается бездушнымъ эскимосомъ.

Величину земель, государствъ, никогда нельзя заучивать исчисленіемъ квадратныхъ миль. Нужно только смотрѣть на карту—вотъ одно средство узнать ее. Не мѣшало бы вырѣзать каждое государство особенно, такъ, чтобы оно составляло отдѣльный кусокъ и, будучи сложено съ другими, составило бы часть міра. Тогда будетъ видима и величина ихъ и форма.

При изображеніи каждаго города, непремѣнно должно означить рѣзко его мѣстоположеніе; подымается ли онъ на горѣ, опрокинутъ ли внизъ; его жизнь, его значительность, его средства—и, вообще, сильными и немногими чертами обозначить характеръ его. Преподаватель обязанъ исторгнуть изъ обширнаго матеріала все, что бросаетъ на городъ отличіе и оттѣняетъ его отъ множества другихъ. Пусть воспитанникъ знаетъ, что такое Римъ, что Парижъ, что Петербургъ. Пусть не мѣряетъ своимъ масштабомъ, составившимся въ его понятіяхъ при видѣ Петербурга, другихъ городовъ Европы. Все общее городамъ должно быть исключено въ опредѣленіи отдѣльно каждаго города. Во многихъ нашихъ географіяхъ и до сихъ поръ еще въ опредѣленіяхъ губернскаго города разсказывается, что въ немъ есть гимназія, соборная церковь; уѣзднаго—что въ немъ есть уѣздное училище и т. п. Къ чему? Воспитаннику довольно сказать сначала, что у насъ гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Пале-рояля, Фальконетова Петра, Кіевопечерской лавры, Кингъ-Бенча—нѣтъ другихъ въ мірѣ. Объ нихъ дитя, вѣрно, потребуетъ подробнаго свѣдѣнія. Не нужно заниматься ничтожнымъ и скучнымъ для воспитанника вычисленіемъ числа домовъ, церквей, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда оно, по своей величинѣ или отрицательно, выходитъ изъ категоріи обыкновеннаго. Вмѣсто этого, можно занять его архитектурой города,—въ какомъ вкусѣ онъ выстроенъ, колоссальны ли, прекрасны ли его строенія. Если онъ древній, то какъ величественна, даже въ самой странности своей, его старинная, повитая столѣтіями и на чудо взлелѣянная самими потрясеніями архитектура, и какъ, напротивъ того, легка и изящна архитектура другого города, созданнаго однимъ столѣтіемъ. При мысли о какомъ-нибудь германскомъ городкѣ, ученикъ тотчасъ долженъ представить себѣ тѣсныя улицы, небольшіе, узенькіе и высокіе домики, гдѣ все такъ просто, такъ мило, такъ буколически, и рядомъ съ ними угловатые, просѣкающіе остріемъ воздухъ, шпицы церквей. При мысли о Римѣ, гдѣ глухо отозвался весь канувшій въ пучину столѣтій древній міръ, у него должна быть неразлучна съ тѣмъ мысль о зданіяхъ-исполинахъ, которыя, свободно поднявшись отъ земли и опершись на стройные портики и гигантскія колонны, дряхлѣютъ, какъ бы размышляя объ утекшихъ событіяхъ великой своей юности. Для этого не мѣшаетъ чаще показывать фасады примѣчательнѣйшихъ зданій: тогда необыкновенный видъ ихъ врѣзается въ памяти; при

этомъ это послужитъ невольно и нечувствительно къ образованію юнаго вкуса.

Исторія изрѣдка должна только озарять воспоминаніями географическій міръ ихъ. Протекшее должно быть слишкомъ разительно, и развѣ уже происходить изъ чисто-географическихъ причинъ, чтобы заставить вызывать его. Но если воспитанникъ проходитъ въ это время и исторію, тогда ему необходимо показать область ея дѣйствія: тогда географія сливается и составляетъ одно тѣло съ исторіей.

Слогъ преподавателя долженъ быть увлекающій, живописный: всѣ поразительныя мѣстоположенія, великія явленія природы — должны быть окинуты яркими красками. Что дѣйствуетъ сильно на воображеніе, то не скоро выбьется изъ головы. Слогъ его долженъ болѣе подходить къ слогу путешественника. Строгая аналитическая систематика не можетъ удержаться въ головѣ отрока, особливо если она распространена въ мелочахъ. Дитя тогда только удерживаетъ систему, когда не видитъ ея глазами, когда она искусно скрыта отъ него. Его система—интересъ, нить происшествій или нить описаній. Все, что истинно нужно, что болѣе относится къ нашей жизни, что болѣе можемъ мы впослѣдствіи приспособить къ себѣ,— все это уже интересно. Да впрочемъ, что неинтересно въ географіи? Она такое глубокое море, такъ раздвигаетъ наши самыя дѣйствія, и несмотря на то, что показываетъ границы каждой земли, такъ скрываетъ свои собственныя, что даже для взрослаго представляетъ философически-увлекательный предметъ. Короче, нужно стараться познакомить сколько можно болѣе съ міромъ, со всѣмъ безчисленнымъ разнообразіемъ его, но чтобы это никакъ не обременило памяти, а представлялось бы свѣтло нарисованною картиною. Богатый для сего запасъ заключается въ описаніяхъ путешественниковъ, которыхъ множество и изъ которыхъ, кажется, донынѣ, въ этомъ отношеніи, мало умѣли извлекать пользы.

Лѣность и непонятливость воспитанника обращается въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія: онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать въ дитяти. Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ ребенокъ, признанный за неспособнаго ни къ чему, обиженнаго природою, слушалъ съ неразвлекаемымъ вниманіемъ страшную сказку, и на лицѣ его, почти бездушномъ, не оживляемомъ до того никакимъ чувствомъ участія, попеременно прорывались черты безпокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого вниманія въ пользу науки?

1829.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

(КАРТИНА БРЮЛОВА).

Картина Брюлова—одно изъ яркихъ явленій XIX вѣка. Она — свѣтлое воскресеніе живописи, пребывавшей долгое время въ какомъ-то полулетаргическомъ состояніи. Не стану говорить о причинѣ этого необыкновеннаго застоя, хотя она представляетъ занимательный предметъ для изслѣдованія; замѣчу только, что если конецъ XVIII столѣтія и начало XIX вѣка ничего не произвели полнаго и колоссальнаго въ живописи, то за то они много разработали ея части. Она распалась на безчисленные атомы и части. Каждый изъ этихъ атомовъ развитъ и постигнутъ несравненно глубже, нежели въ прежнія времена. Замѣтили такія тайныя явленія, какихъ прежде никто не подозрѣвалъ. Вся та природа, каторую чаще видитъ человѣкъ, которая его окружаетъ и живетъ съ нимъ, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которою пренебрегали великіе художники, достигли изумительной истины и совершенства. Всѣ наперерывъ старались замѣтить тотъ живой колоритъ, которымъ дышитъ природа. Все тайное въ ея лонѣ, весь этотъ нѣмой языкъ пейзажа подмѣчены или, лучше сказать, украдены, вырваны изъ самой природы, хотя все это украдено отрывками, хотя всѣ произведенія этого вѣка похожи болѣе на опыты или, лучше сказать, записки, матеріалы, свѣжія мысли, которыя наскоро вноситъ путешественникъ въ свою книгу съ тѣмъ, чтобы не позабыть ихъ и чтобы составить изъ нихъ послѣ нѣчто цѣлое. Живопись раздробилась на низшія ограниченныя ступени: гравировка, литографія и многочисленныя мелкія явленія были съ жадностью разрабатываемы въ частяхъ. Этимъ обязаны мы XIX вѣку. Колоритъ, употребляемый XIX вѣкомъ, показываетъ великій шагъ въ знаніи природы. Взгляните на эти безпрестанно появляющіеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые рѣшительно въ XIX вѣкѣ опредѣлили сліяніе человѣка съ окружающею природою: какъ въ нихъ дѣлится и выходитъ окинутая мракомъ и освѣщенная свѣтомъ перспектива строеній, какъ сквозитъ освѣщенная вода, какъ дышитъ она въ сумракѣ вѣтвей, какъ ярко и знойно уходитъ прекрасное небо и оставляетъ предметы передъ самыми глазами зрителя, какое смѣлое, какое

дерзкое употребленіе тѣней тамъ, гдѣ прежде вовсе ихъ не подозрѣвали, и вмѣстѣ, при всей этой рѣзкости, какая роскошная нѣжность, какая подмѣчена тайная музыка въ предметахъ обыкновенныхъ, безчувственныхъ! Но что сильнѣе всего постигнуто въ наше время, такъ это освѣщеніе. Освѣщеніе придаетъ такую силу и, можно сказать, единство всѣмъ нашимъ твореніямъ, что они, не имѣя въ себѣ никакого глубокаго достоинства, показывающаго геній, необыкновенно, однако же, пріятны для глазъ. Они общимъ выраженіемъ своимъ не могутъ не поразить, хотя, внимательно разсматривая, иногда увидишь въ творцѣ ихъ необширное познаніе искусства.

Возьмите всѣ безпрестанно являющіяся гравюры, эти отпрыски яркаго таланта, въ которыхъ дышитъ и вѣетъ природа такъ, что они, кажется, какъ будто оцвѣчены колоритомъ. Въ нихъ заря такъ тонко свѣтлѣетъ на небѣ, что, всматриваясь, кажется, видишь алый отблескъ вечера; деревья, облитыя сіяніемъ солнца, какъ будто покрыты тонкою пылью, въ нихъ яркая бѣлизна сладострастно сверкаетъ въ самомъ глубокомъ мракѣ тѣни. Разсматривая ихъ, кажется, боишься дохнуть на нихъ. Весь этотъ эффектъ, который разлитъ въ природѣ, который происходитъ отъ сраженія свѣта съ тѣнью, весь этотъ эффектъ сдѣлался цѣлью и стремленіемъ всѣхъ нашихъ артистовъ. Можно сказать, что XIX вѣкъ есть вѣкъ эффектовъ. Всякій, отъ перваго до послѣдняго, топорщится произвесть эффектъ, начиная отъ поэта до кондитера, такъ что эти эффекты, право, уже надоѣдаютъ, и, можетъ быть, XIX вѣкъ, по странной причудѣ своей, наконецъ, обратится ко всему безъэффектному. Впрочемъ, можно сказать, что эффекты болѣе всего выгодны въ живописи и вообще во всемъ томъ, что видимъ нашими глазами: тамъ, если они будутъ ложны и неумѣстны, то ихъ ложность и неумѣстность тотчасъ видна всякому. Но въ произведеніяхъ, подверженныхъ духовному оку, совершенно другое дѣло: тамъ они, если ложны, то вредны тѣмъ, что распространяютъ ложь, потому что простодушная толпа безъ разсужденія кидается на блестящее. Въ рукахъ истиннаго таланта они вѣрны и превращаютъ человѣка въ исполина; но когда они въ рукахъ поддѣльнаго таланта, то для истиннаго понимателя они отвратительны, какъ отвратитель карло, одѣтый въ платье великана, какъ отвратителенъ подлый человѣкъ, пользующійся незаслуженнымъ знакомъ отличія. Но все это, однако-жъ, не относится къ нынѣшнему дѣлу. Должно признаться, что въ общей массѣ стремленіе къ эффектамъ болѣе полезно, нежели вредно: оно болѣе двигаетъ впередъ, нежели назадъ, и даже въ послѣднее время подвинуло все къ усовершенствованію. Желая произвести эффектъ, многіе болѣе стали разсматривать предметъ свой, сильнѣе напрягать умственныя способности. И если вѣрный эффектъ оказывался большею частью только въ мелкомъ, то этому виною безлюдье крупныхъ геніевъ, а не огромное раздробленіе жизни и познаній, которымъ обыкновенно приписываютъ. Притомъ, стремленіе къ эффектамъ обдѣлало многія мелкія части чрезвычайно удовлетворительно и рѣзкою своею очевидностью сдѣлало ихъ доступными для всѣхъ. Не помню, кто-то сказалъ, что въ XIX вѣкѣ невозможно появленіе генія всемірнаго, обнявшаго бы въ себѣ всю жизнь XIX вѣка. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается какимъ-то малодушіемъ. Напротивъ, никогда полетъ генія не будетъ такъ ярокъ, какъ въ нынѣшнія времена; никогда не были для него такъ хорошо приготовлены матеріалы, какъ въ XIX вѣкѣ. И его шаги уже, вѣрно, будутъ исполински и видимы всѣми отъ мала до вели а.

Картина Брюлова можетъ назваться полнымъ, всемірнымъ созданіемъ. Въ ней все заключилось. По крайней мѣрѣ, она захватила въ область свою столько разнороднаго, сколько до него никто не захватывалъ. Мысль ея принадлежитъ совершенно вкусу нашего вѣка, который вообще, какъ бы самъ чувствуя свое страшное раздробленіе, стремится совокуплять всѣ явленія въ общія группы и выбираетъ сильные кризисы, чувствуемые цѣлою массою. Всякому извѣстны прекрасныя созданія, къ которымъ принадлежатъ: „Видѣніе Валтазара“, „Разрушеніе Ниневіи“ и нѣсколько другихъ, гдѣ въ страшномъ величіи представлены эти великія катастрофы, которыя составляютъ совершенство освѣщенія, гдѣ молнія въ грозномъ величіи озаряетъ ужасный мракъ и скользитъ по верхушкамъ головъ молящагося народа. Общее выраженіе этихъ картинъ поразительно и исполнено необыкновеннаго единства; но въ нихъ вообще только одна идея этой мысли. Онѣ похожи на отдаленные виды; въ нихъ только общее выраженіе. Мы чувствуемъ только страшное положеніе всей толпы, но не видимъ человѣка, въ лицѣ котораго былъ бы весь ужасъ имъ самимъ зримаго разрушенія. Ту мысль, которая видѣлась намъ въ такой отдаленной перспективѣ, Брюловъ вдругъ поставилъ передъ самыми нашими глазами. Эта мысль у него разрослась огромно и какъ будто насъ самихъ захватила въ свой міръ. Созданіе и обстановку своей мысли произвелъ онъ необыкновеннымъ и дерзкимъ образомъ: онъ схватилъ молнію и бросилъ ее цѣлымъ потокомъ на свою картину. Молнія у него залила и потопила все какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы все выка-

зать, чтобы ни одинъ предметъ не укрылся отъ зрителя. Оттого на всемъ у него разлита необыкновенная яркость. Фигуры онъ кинулъ сильно, такою рукою, какою мечетъ только могущественный геній: эта вся группа, остановившаяся въ минуту удара и выразившая тысячи разныхъ чувствъ; этотъ гордый атлетъ, издавшій крикъ ужаса, силы, гордости и безсилія, закрывшійся плащомъ отъ летящаго вихря каменьевъ; эта грянувшаяся на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся въ такой красотѣ руку; этотъ ребенокъ, вонзившій въ зрителя взоръ свой; этотъ несомый дѣтьми старикъ, въ страшномъ тѣлѣ котораго дышитъ уже могила, оглушенный ударомъ, котораго рука окаменѣла въ воздухѣ съ распростертыми пальцами; мать, уже не желающая бѣжать и непреклонная на моленія сына, котораго просьбы, кажется, слышитъ зритель; толпа, съ ужасомъ отступающая отъ строеній или со страхомъ, съ дикимъ забвеніемъ страха взирающая на страшное явленіе, наконецъ, знаменующее конецъ міра; жрецъ въ бѣломъ саванѣ, съ безнадежною яростью мечущій взглядъ свой на весь міръ, — все это у него такъ мощно, такъ смѣло, такъ гармонически сведено въ одно, какъ только могло это возникнуть въ головѣ генія всеобщаго.

Я не стану изъяснять содержаніе картины и приводить толкованія и поясненія на изображенныя событія. Для этого у всякаго есть глазъ и мѣрило чувства; притомъ же это слишкомъ очевидно, слишкомъ касается жизни человѣка и той природы, которую онъ видитъ и понимаетъ, потому-то они доступны всѣмъ отъ мала до велика: я замѣчу только тѣ достоинства, тѣ рѣзкія отличія, которыя имѣетъ въ себѣ стиль Брюлова, тѣмъ болѣе что эти замѣчанія, вѣроятно, сдѣлали немногіе. Брюловъ первый изъ живописцевъ, у котораго пластика достигла верховнаго совершенства. Его фигуры, несмотря на ужасъ всеобщаго событія и своего положенія, не вмѣщаютъ въ себѣ того дикаго ужаса, наводящаго содроганіе, какимъ дышатъ суровыя созданія Микель-Анжело. У него нѣтъ также того высокаго преобладанія небесно-непостижимыхъ и тонкихъ чувствъ, которыми весь исполненъ Рафаэль. Его фигуры прекрасны при всемъ ужасѣ своего положенія. Онѣ заглушаютъ его своею красотою. У него не такъ, какъ у Микель-Анжело, у котораго тѣло только служило для того, чтобы показать одну силу души, ея страданія, ея вопль, ея грозныя явленія; у котораго пластика погибала, контура человѣка пріобрѣтала исполинскій размѣръ, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою; у котораго являлся не человѣкъ, но только — его страсти. Напротивъ того, у Брюлова является человѣкъ для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы. Страсти, чувства, вѣрныя, огненныя, выражаются на такомъ прекрасномъ обликѣ, въ такомъ прекрасномъ человѣкѣ, что наслаждаешься до упоенія. Когда я глядѣлъ въ третій, въ четвертый разъ, мнѣ казалось, что скульптура,—та скульптура, которая была постигнута въ такомъ пластическомъ совершенствѣ древними, что скульптура эта перешла, наконецъ, въ живопись и сверхъ того проникнулась какой-то тайной музыкой. Его человѣкъ исполненъ прекрасно-гордыхъ движеній; женщина его блещетъ, но она не женщина Рафаэля: съ тонкими, незамѣтными, ангельскими чертами, — она женщина страстная, сверкающая, южная, итальянка, во всей красотѣ полудня, мощная, крѣпкая, пылающая всею роскошью страсти, всѣмъ могуществомъ красоты,—прекрасная, какъ женщина. Нѣтъ ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотою, гдѣ бы человѣкъ не былъ прекрасенъ. Всѣ общія движенія группъ его дышатъ мощнымъ размѣромъ и въ своемъ общемъ движеніи уже составляютъ красоту. Въ созданіи ихъ онъ такъ же крѣпко и сильно правитъ своимъ воображеніемъ, какъ житель пустыни арабскимъ бѣгуномъ своимъ. Оттого вся картина упруга и роскошна.

Вообще, во всей картинѣ выказывается отсутствіе идеальности, т. - е. идеальности отвлеченной, и въ этомъ-то состоитъ ея первое достоинство. Явись идеальность, явись перевѣсъ мысли, и она бы имѣла совершенно другое выраженіе, она бы не произвела того впечатлѣнія; чувство жалости и страстнаго трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и вѣрной истины, утратилась бы вовсе. Намъ не разрушеніе, не смерть страшны; напротивъ, въ этой минутѣ есть что-то поэтическое, стремящее вихремъ душевное наслажденіе; намъ жалка наша милая чувственность, намъ жалка прекрасная земля наша. Онъ постигнулъ во всей силѣ эту мысль. Онъ представилъ человѣка какъ можно прекраснѣе, его женщина дышитъ всѣмъ, что есть лучшаго въ мірѣ. Ея глаза, свѣтлые какъ звѣзды, ея дышащая нѣгою и силою грудь, обѣщаютъ роскошь блаженства. И эта прекрасная, этотъ вѣнецъ творенія, идеалъ земли, должна погибнуть въ общей гибели, на-ряду съ послѣднимъ презрѣннымъ твореніемъ, которое не достойно было и ползать у ногъ ея. Слезы, испугъ, рыданіе—все въ ней прекрасно.

Видимое отличіе или манера Брюлова уже представляетъ тоже совершенно оригинальный, совершенно особенный шагъ. Въ его картинахъ цѣлое море блеска. Это его характеръ. Тѣни его

рѣзки, сильны, но въ общей массѣ тонутъ и исчезаютъ въ свѣтѣ. Онѣ у него, такъ же какъ и въ природѣ, незамѣтны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекраснаго тѣла у него какъ будто просвѣчиваетъ и кажется фарфоровою; свѣтъ, обливая его сіяньемъ, вмѣстѣ проникаетъ его. Свѣтъ у него такъ нѣженъ, что кажется фосфорическимъ. Самая тѣнь кажется у него такъ будто прозрачною и, при всей крѣпости, дышитъ какою-то чистою, тонкою нѣжностью и поэзіей.

Его кисть остается навѣки въ памяти. Я прежде видѣлъ одну только его картину—семейство Витгенштейна. Она съ перваго раза, вдругъ, врѣзалась въ мое воображеніе и осталась въ немъ вѣчно въ своемъ яркомъ блескѣ. Когда я шелъ смотрѣть картину „Разрушеніе Помпеи“, у меня прежняя вовсе вышла изъ головы. Я приближался вмѣстѣ съ толпою къ той комнатѣ, гдѣ она стояла, и на минуту, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, я позабылъ вовсе о томъ, что иду смотрѣть картину Брюлова; я даже позабылъ о томъ, есть ли на свѣтѣ Брюловъ. Но когда я взглянулъ на нее, когда она блеснула передо мною, въ мысляхъ моихъ, какъ молнія, пролетѣло слово: „Брюловъ!“ Я узналъ его. Кисть его вмѣщаетъ въ себѣ ту поэзію, которую только чувствуешь и можешь узнать всегда: чувства наши всегда знаютъ и видятъ даже отличительные признаки, но слова ихъ никогда не разскажутъ. Колоритъ его такъ ярокъ, какимъ никогда почти не являлся прежде; его краски горятъ и мечутся въ глаза. Они были бы нестерпимы, если-бы явились у художника градусомъ ниже Брюлова, но у него они облечены въ ту гармонію и дышатъ тою внутреннею музыкою, которой исполнены живые предметы природы.

Но главный признакъ, и что выше всего въ Брюловѣ,— такъ это необыкновенная многосторонность и обширность генія. Онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ: все у него, начиная отъ общей мысли и главныхъ фигуръ, до послѣдняго камня на мостовой, живо и свѣжо. Онъ силится обхватить всѣ предметы и на всѣхъ разлить могучую печать своего таланта. Обыкновенно художникъ прежнихъ временъ всегда почти избиралъ себѣ какую-нибудь одну сторону и въ нее погружалъ весь талантъ свой, развивавшійся оттого въ необыкновенномъ и какомъ-то отвлеченномъ величіи. Рафаэль обыкновенно писалъ одни только лица, одно развитіе на нихъ небесныхъ страстей и помышленій; все прочее, даже одежду, бросалъ онъ додѣлывать ученикамъ своимъ. Всѣ другіе великіе художники, настроенные высокостью религіозною или высокостью страстей, небрегли объ окружающемъ и второстепеннымъ въ ихъ картинахъ. У нихъ небо является всегда бурое; облака похожи болѣе на копны сѣна или на гранитныя массы; дерево или дѣтски-однообразно своею правильностью, или неграціозно-безобразно своею неправильностью. Но у Брюлова, напр тивъ, всѣ предметы отъ великихъ до малыхъ для него драгоцѣнны. Онъ силится схватить природу исполинскими объятіями и сжимаетъ ее со страстью любовника. Можетъ быть, въ этомъ ему помогла много раздробленная разработка въ частяхъ, которую приготовилъ для него XIX вѣкъ. Можетъ быть, Брюловъ, явившись прежде, не получилъ бы такого разносторонняго и вмѣстѣ полнаго и колоссальнаго стремленія. Оттого-то его произведенія, можетъ быть, первыя, которыя живостью, чистымъ зеркаломъ природы доступны всякому. Его произведенія первыя, которыя можетъ понимать (хотя не динаково) и художникъ, имѣющій высшее развитіе вкуса, и не знающій, что такое художество. Они первыя, которымъ сужденъ завидный удѣлъ пользованія всемірною славою, и высшею степенью ихъ есть до сихъ поръ — *Послѣдній день Помпеи*, которую, по необыкновенной обширности и соединенію въ себѣ всего прекраснаго, можно сравнить развѣ съ оперою, если только опера есть дѣйствительно соединеніе тройственнаго міра искусствъ: живописи, поэзіи и музыки.

1834, августъ.

ПЛѢННИКЪ.

(Отрывокъ изъ историческаго романа).

Въ 1543 году, въ началѣ весны, ночью, тишина маленькаго городка Лукомья была смущена отрядомъ конныхъ коронныхъ войскъ. Ущербленный мѣсяцъ, вырѣзывался блестящимъ рогомъ своимъ сквозь безпрерывно обступавшія его тучи, на мгновеніе освѣщалъ дно провала, въ которомъ лѣпился этотъ небольшой городокъ. Къ удивленію немногихъ жителей, успѣвшихъ проснуться, отрядъ, котораго одно уже появленіе служило предвѣстіемъ буйства и грабительствъ, ѣхалъ съ какою-то ужасающею тишиною. Замѣтно было, что всю силу напряженнаго вниманія его останавливалъ тащившійся среди его плѣнникъ, въ самомъ странномъ нарядѣ, какой когда-либо налагало насиліе на человѣка: онъ былъ весь съ ногъ до головы увязанъ ружьями, вѣроятно, для сообщенія неподвижности его тѣлу. Пушечный лафетъ былъ укрѣпленъ на спинѣ его. Конь едва ступалъ подъ нимъ. Несчастный плѣнникъ давно бы свалился, если бы толстый канатъ не прирастилъ его къ сѣдлу. Освѣтить бы мѣсяч-

нему лучу хоть на минуту его лицо—и онъ бы, вѣрно, блеснулъ въ капляхъ кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть его лица, потому что оно было заковано въ желѣзную рѣшетку. Любопытные жители, съ разинутыми ртами, иногда рѣшались подступить поближе, но, увидя угрожающій кулакъ или саблю одного изъ провожатыхъ, пятились и бѣжали въ свои тщедушные домики, закутываясь покрѣпче въ наброшенные на плеча татарскіе тулупы и продрагивая отъ свѣжести ночного воздуха.

Отрядъ минулъ городъ и приближался къ уединенному монастырю. Это строеніе, составленное изъ двухъ совершенно противоположныхъ частей, стояло почти въ концѣ города на косогорѣ. Нижняя половина церкви была каменная, и, можно сказать, вся состояла изъ трещинъ, обожжена, закурена порохомъ, почернѣвшая, позеленѣвшая, покрытая крапивою, хмѣлемъ и дикими колокольчиками, носившая на себѣ всю лѣтопись страны, терпѣвшей кровавыя жатвы. Верхъ церкви, съ тѣми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византійская, еще болѣе изуродованная варваризмомъ подражателей, былъ весь деревянный. Новыя доски, желтѣвшія между почернѣлыми старыми, придали ей пестроту и показывали, что еще не такъ давно она была починена богомольными прихожанами. Блѣдный лучъ серпорогаго мѣсяца, продравшись сквозь кудрявыя яблони, укрывавшія вѣтвями въ своей гущѣ часть зданія, упалъ на низкія двери и на выдавшійся надъ ними вызубренный (карнизъ), покрытый небольшими, своевольно выросшими желтыми цвѣтами, которые на тотъ разъ блестѣли и казались огнями или золотою надписью на дикомъ карнизѣ. Одинъ изъ толпы съ неизмѣримыми, когда-либо виданными усами, длиннѣе даже локтей рукъ его, котораго, по замашкамъ и дерзкому повелительному взгляду, признать можно было начальникомъ отряда, ударилъ дуломъ ружья въ дверь. Дряхлыя монастырскія стѣны отозвались и, казалось, испустили умирающій голосъ, уныло потерявшійся въ воздухѣ. Послѣ сего молчаніе снова заступило свое мѣсто. Брань на разныхъ нарѣчіяхъ посыпалась изъ-подъ огромнѣйшихъ усовъ начальника отряда.

— Теремте-те, поповское проклятіе! А то я знаю, чѣмъ васъ разбудить!

Раздался пистолетный выстрѣлъ, пуля пробила ворота и шлепнулась въ церковное окно, стекла котораго съ дребезгомъ посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятеніе въ кельяхъ, которыя примыкали къ церкви; показались огни; связка ключей загремѣла; ворота со скрипомъ отворились—и четыре монаха, предшествуемые игуменомъ, предстали блѣдные, съ крестами въ рукахъ.

— Изыдите, нечистые! кромѣшники! — произнесъ едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ настоятель.—Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, изыди, діаволъ.

— Але то еще и брешетъ, поганый,—прогремѣлъ начальникъ языкомъ, которому ни одинъ человѣкъ не могъ бы дать имени: изъ такихъ разнородныхъ стихій былъ онъ составленъ.—Т брешешь, лайдакъ, же говоришь, что мы дьяволы ато мы не дьяволы, мы—коронные.

— Что вы за люди? Я не знаю васъ! Зачѣм вы пришли смущать православную церковь?

— Я тебѣ, псяюха, порохомъ прочищу глаза! Давай намъ ключи отъ монастырскихъ погребовъ.

— На что вамъ ключи отъ нашихъ погребовъ?

— Я, глупый попъ, не буду съ тобой говорить. А если ты хочешь, басамазенята, поговори зъ моимъ конемъ!

— Принеси имъ, антихристамъ, ключи, братъ Касьянъ!—простоналъ настоятель, оборотившись къ одному монаху.—Только у меня нѣтъ вина! Какъ Богъ святъ, нѣтъ! Ни одной бочки, ни боченка и ничего такого, что бы вамъ было нужно.

— А мнѣ какое дѣло? Ребята хотятъ пить. Я тебѣ говорю, если ты, глупый попъ, сѣна, стойла и пшеницы не дашь лошадямъ, то я ихъ въ костелъ вашъ поставлю и тебя сапогомъ до морды.

Настоятель, не говоря ни слова, возвелъ на нихъ оловянные свои глаза, которые, казалось, давно уже не принадлежали міру сему, потому что не выражали никакой страсти, и встрѣтился съ злобно устремившимися на него глазами іезуита. Онъ отворотился отъ него и остановилъ ихъ на странномъ плѣнникѣ съ желѣзнымъ наличникомъ. Видъ этотъ, казалось, поразилъ почти безчувственнаго ко всему, кромѣ церкви, старца.

— За что вы схватили этого человѣка? Господи, накажи ихъ трехъипостасною силою своею! Вѣрно, опять какой-нибудь мученикъ за вѣру Христову!

Плѣнникъ испустилъ только слабое стенаніе.

Ключи были принесены, и при свѣтѣ сонно горѣвшей свѣтильни вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Какъ только опустились они подъ земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всѣхъ. Въ молчаніи шелъ начальствовавшій отрядомъ, и непостоянный огонь свѣтильни, окруженный туманнымъ кружкомъ, бросалъ въ лицо ему какое-то блѣдное привидѣніе свѣта, тогда какъ тѣнь отъ безконечныхъ усовъ его подымалась вверхъ и двумя длинными полосами покрывала всѣхъ. Однѣ только грубо закругленныя оконечности лица его были опредѣлительно тронуты свѣтомъ и давали разглядѣть глубоко-безчувственное выраженіе его,

показывавшее, что все мягкое умерло и застыло въ этой душѣ, что жизнь и смерть—трынъ-трава. что величайшее наслажденіе—табакъ и водка, что блаженство тамъ, гдѣ все дребезжитъ и валится отъ пьяной руки. Это было какое-то смѣшеніе пограничныхъ націй: родомъ сербъ, буйно искоренившій изъ себя все человѣческое въ венгерскихъ попойкахъ и грабительствахъ, по костюму и нѣсколько по языку полякъ, по жадности къ золоту жидъ, по расточительности его козакъ, по желѣзному равнодушію дьяволъ. Во все время казался онъ спокоенъ; по временамъ только шумѣла между усами его обыкновенная брань, особенно когда неровный земляной полъ, часъ отъ часу уходившій глубже внизъ, заставлялъ его оступаться. Тщательно осматривалъ онъ находившіяся въ земляныхъ стѣнахъ норы, совершенно обсыпавшіяся, служившія когда-то кельями и единственными убѣжищами въ той землѣ, гдѣ въ рѣдкій годъ не проходило по степямъ и полямъ разрушеніе, гдѣ никто не строилъ крѣпкихъ строеній и замковъ, зная, какъ непрочно ихъ существованіе. Наконецъ, показалась деревянная, заросшая мхомъ, зацвѣтшая гнилью, дверь, закиданная тяжелыми бревнами и каменьями. Передъ ней остановился онъ и оглянулъ ее значительно снизу до верху.

— А ну!—сказалъ онъ, мигнувши бровью на дверь, и отъ его волосистой брови, казалось, пахнулъ вѣтеръ.

Нѣсколько человѣкъ принялись и не безъ труда отвалили бревна. Дверь отворилась. Боже, какое ужасное обиталище открылось глазамъ! Присутствовавшіе взглянули безмолвно другъ на друга, прежде нежели осмѣлились войти туда. Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Тамъ царствуетъ въ оцѣпенѣломъ величіи смерть, распустившая свои костистые члены подъ всѣми цвѣтущими весями и городами, подъ всѣмъ веселящимся, живущимъ міромъ. Но если эта дышащая смертью внутренность земли населена еще живущими, тѣми адскими гномами, которыхъ одинъ видъ уже наводитъ содроганіе, тогда она еще ужаснѣе. Запахъ гнили пахнулъ такъ сильно, что сначала заняло у всѣхъ духъ. Почти исполинскаго роста жаба остановилась, неподвижно выпучивъ свои страшные глаза на нарушителей ея уединенія. Это была четырехугольная, безъ всякаго другого выхода, пещера. Цѣлые лоскутья паутины висѣли темными клоками съ земляного свода, служившаго потолкомъ. Обсыпавшаяся со сводовъ земля лежала кучами на полу. На одной изъ нихъ торчали человѣческія кости; летавшія молніями ящерицы быстро мелькали по нимъ. Сова или летучая мышь были бы здѣсь красавицами.

— А чѣмъ не свѣтлица? Свѣтлица хорошая!—проревѣлъ предводитель.—Але тебѣ, псяюхѣ, тутъ добре будетъ спать. Самъ ложись на ковалки, а подъ голову подмости ту жабу, али возьми за женку на ночь!

Одинъ изъ коронныхъ вздумалъ было засмѣяться на это, но смѣхъ его такъ страшно-беззвучно отдался подъ сырыми сводами, что самъ засмѣявшійся испугался. Плѣнникъ, который стоялъ до того неподвижно, былъ столкнутъ на середину и слышалъ только, какъ захрипѣла за нимъ дверь и глухо застучали заваливаемыя бревна. Свѣтъ пропалъ и мракъ поглотилъ пещеру.

Несчастный вздрогнулъ. Ему казалось, что крышка гроба захлопнулась надъ нимъ, и стукъ бревенъ, завалившихъ входъ его, показался стукомъ застуна, когда страшная земля валится на послѣдній признакъ существованія человѣка, и могильно-равнодушная толпа говоритъ, какъ сквозь сонъ: „Его нѣтъ уже, но онъ былъ“. Послѣ перваго ужаса онъ предался какому-то безсмысленному вниманію, бездушному существованію, которому предается человѣкъ, когда ударъ бываетъ такъ ужасенъ, что онъ даже не собирается съ духомъ подумать о немъ, но вмѣсто того устремляетъ глаза на какую-нибудь бездѣлицу и разсматриваетъ ее. Тогда онъ принадлежитъ къ другому міру и ничего не раздѣляетъ человѣческаго: видитъ безъ мыслей; чувствуетъ, не чувствуя; странно живетъ. Прежде всего вниманіе его впилось въ темноту. Все было на время забыто — и ужасъ ея, и мысль о погребеніи живого. Онъ всѣми чувствами вселился въ темноту. И тогда предъ нимъ развернулся совершенно новый, странный міръ: ему начали показываться во мракѣ свѣтлыя струи,—послѣднее воспоминаніе свѣта! Эти струи принимали множество разныхъ узоровъ и цвѣтовъ. Совершеннаго мрака нѣтъ для глаза. Онъ всегда, какъ ни зажмурь его, рисуетъ и представляетъ цвѣта, которые видѣлъ. Эти разноцвѣтные узоры принимали или видъ пестрой шали, или волнистаго мрамора, или, наконецъ, тотъ видъ, который поражаетъ насъ своею чудною необыкновенностью, когда разсматриваемъ въ микроскопѣ часть крылышка или ножки насѣкомаго. Иногда стройный переплетъ окна, котораго, увы! не было въ его темницѣ, проносился передъ нимъ. Лазурь фантастически мелькала въ черной его рамѣ, потомъ измѣнялась въ кофейную, потомъ исчезала совсѣмъ и обращалась въ черную, усѣянную или желтыми, или голубыми, или неопредѣленнаго цвѣта крапинами. Скоро весь этотъ міръ началъ исчезать: плѣнникъ чувствовалъ что-то другое. Сначала чувствованіе это было безотчетное; потомъ начало пріобрѣтать опредѣлительность. Онъ слышалъ на рукѣ своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись къ чему-то слиз-

кому. Мысль о жабѣ вдругъ осѣнила его!.. Онъ вскрикнулъ и разомъ переселился въ міръ дѣйствительный. Мысли его окунулись вдругъ въ весь ужасъ существенности. Къ тому еще присоединилось изнуреніе силъ, ужасный спертый воздухъ: все это повергло его въ продолжительный обморокъ.

Между тѣмъ отрядъ коронныхъ войскъ размѣстился въ монастырскихъ кельяхъ, какъ дома, высылалъ мо ахъ въ подчищать конюшни и пировалъ, радуясь, что, наконецъ, схватилъ того, кто былъ имъ нуженъ.

1830.

О ДВИЖЕНІИ НАРОДОВЪ ВЪ КОНЦѢ V ВѢКА.

Великое странствованіе народовъ, произведшее нынѣшнее населеніе Европы, касается началомъ своимъ глубокой древности. Оно было, можетъ быть, современно основанію Рима, если еще не прежде. Когда Средиземное море омывало еще возрождающіяся государства, видѣло первые шаги возникающей торговли и разливался духъ народовъ, составившихъ цвѣтъ древняго міра,—во глубинѣ Азіи скрывался другой, невѣдомый міръ, которому опредѣлено было уничтожить, убить все древнее величіе, древній духъ, древнія формы прежняго и замѣстить его всѣмъ новымъ. Средняя Азія совершенно противоположна южной, юго-западной, африканскимъ и европейскимъ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ цвѣтущее разнообразіе природы, почвы, произведеній, смѣсь земли и моря, куча безчисленныхъ острововъ, мысовъ, заливовъ, казалось, были созданы нарочно для того, чтобы быстро развить дѣятельность и умъ человѣка. Природа Средней Азіи совершенно другого рода: она однообразна и неизмѣрима. Степи ея безбрежны, какъ-то огромно ровны, какъ будто похожи на пустынный океанъ, нигдѣ не останавливаемый островомъ. Неподвижныя озера безпредѣльныхъ равнинъ не могли возбудить никакой дѣятельности. Казалось, сама природа опредѣлила эту землю народамъ пастушескимъ, чтобы по нимъ имѣли мы понятіе о первобытной жизни первоначальныхъ людей. Неизмѣримость равнинъ не могла внушить человѣку никакой идеи о постоянномъ жилищѣ, которая обыкновенно возрождается у него при видѣ утесистой горы, берега, моря, острова и вообще, гдѣ только есть возможность укрѣпиться. Гдѣ же природа усыплена и недвижима, тамъ и человѣкъ безпеченъ: онъ заботится только о слишкомъ нужномъ. Патріархальные обитатели степей питались только молокомъ, сыромъ, доставляемыми ихъ полудикими животными, и рѣдко питались мясомъ. Оттого стада ихъ множились необыкновеннымъ образомъ: владѣльцы ихъ чаще должны были переходить съ мѣста на мѣсто, степей требовалось съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе—и тѣ земли, которыя ужасаютъ донынѣ своею неизмѣримостью, земли, бывшія вдвое болѣе тогдашняго образованнаго міра, земли, съ которыми бы земледѣльцы всего свѣта не знали, что дѣлать,—эти земли сдѣлались тѣсными. Сильнѣйшіе властители должны были вытѣснить слабѣйшихъ. Народы пастушескіе, не имѣя неподвижной собственности, укрѣпленной давностію владѣнія, легко уступаютъ первому напору и уходятъ съ своими стадами далѣе. И такимъ образомъ Азія сдѣлалась народовержущимъ вулканомъ. Съ каждымъ годомъ выбрасывала она изъ нѣдръ своихъ новыя толпы и стада, которыя, въ свою очередь, сгоняли съ мѣстъ изверженныхъ прежде. Они перешли горы и потянулись въ Европу. Народы, можно сказать, не шли впередъ, а машинально сталкивали другихъ съ мѣстъ. Это не были завоеватели, а какіе-то невольники, дѣйствовавшіе только отъ страха наказанія. Цѣпь народовъ отъ востока и сѣверо-востока протянулась такимъ образомъ по всей Европѣ къ самому югу. На югѣ они встрѣтили первое сопротивленіе, ощутили огромную власть римлянъ и встрѣтились съ древнимъ міромъ. Между тѣмъ Азія продолжала извергать новыя толпы. Толчокъ отъ каждаго новаго изверженія проходилъ по всей цѣпи: новые тѣснили прежнихъ, предыдущіе — послѣдующихъ. Стремленіе народовъ становилось сильно, но зато и отпоръ со стороны римлянъ былъ очень силенъ, и потому-то на границахъ Римской имперіи накопилось такое множество народовъ. Послѣ каждаго новаго изверженія это накопленіе становилось сильнѣе, и римлянамъ труднѣе было сопротивляться имъ. Наконецъ, римляне уступили—и тогда орды стремительнѣе хлынули на югъ Европы. Не имѣй Европа южною границею своею Средиземнаго моря, или имѣй эти толпы народовъ какое-нибудь понятіе о мореплаваніи, это переселеніе долго бы не остановилось,—потому что Азія не переставала извергать новыя толпы,—народы перешли бы въ Африку. Европа еще бы нѣсколько лѣтъ не устоялась, хаосъ бы продолжился надолго, государства составились бы гораздо позже, и, вообще, весь ходъ образованія отодвинулся бы на дальнѣйшія времена. Но какъ только народы, овладѣвшіе югомъ Европы, увидѣли позади себя море и невозможность идти далѣе, то рѣшились всѣми силами сопротивляться нападавшимъ на нихъ непріятелямъ. Сіи послѣдніе, встрѣтивши неожиданный отпоръ, рѣшились отразить и своихъ непріятелей, которые съ своей стороны употребили то же съ своими, и такимъ образомъ толчокъ получилъ обратное направленіе, и движеніе вдругъ остано-

вилось. Слѣдствіе этого почувствовалось даже въ Азіи, гдѣ нѣкоторые пастушескіе народы принуждены были заняться земледѣліемъ.

Это переселеніе совершилось бы гораздо быстрѣе, если бы Европа состояла изъ такихъ гладкихъ, открытыхъ равнинъ, какими исполнена Азія. Но въ ней, напротивъ того, природа на небольшомъ пространствѣ показала страшную нерегулярность и разнообразіе: со всѣхъ сторонъ она изрыта морями, берега ея всѣ изъ полуострововъ и мысовъ, средина почти нигдѣ не имѣетъ ровной поверхности: она идетъ то вверхъ, то внизъ, то подымается безобразными высокими горами, то опускается долинами, какъ будто провалившимися между ними. Къ этому нужно прибавить, что она въ то время вся была облечена дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ и пронята тонкими болотами. И потому движеніе народовъ, чѣмъ глубже касалось Европы, тѣмъ происходило медленнѣе: они должны были продираться сквозь лѣса, перелѣзать черезъ горы и обходить болота. Они селились оазами и были такъ скрыты одинъ отъ другого лѣсами и невѣдомыми мѣстами, что часто долго были безопасны отъ всякихъ нападеній. И когда новое наводненіе толпы, слишкомъ многочисленной, водимой предпріимчивымъ повелителемъ, освѣщало Европу великолѣпными иллюминаціями, зажигая вѣковые лѣса ея, и лѣса исчезали, — тогда изумленнымъ глазамъ ихъ представлялся народъ, котораго существованія они даже и не подозрѣвали и который нравами своими, хотя уже отдалившимися, все еще сходствовалъ съ ними. Вся Европа состояла, можно сказать, изъ клочковъ и отрывковъ, оттолженныхъ другъ отъ друга самою природою; оттого покореніе ея и соединеніе подъ одну власть было вовсе невозможно, и оттого произошли ея безчисленныя націи, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, слились бы и изгладились, если бы она состояла изъ открытыхъ равнинъ. Это былъ новый невидимый міръ, о которомъ древніе просвѣщенные народы ничего не знали и который, можно сказать, самъ мало зналъ себя.

Основу его составляло множество разныхъ отраслей германскихъ племенъ, простиравшихся по всему западу. Берега Нѣмецкаго моря, Рейна и Дуная и вся средина Европы до Балтійскаго моря были заняты ими. Состояніе ихъ во время перваго знакомства съ ними римлянъ уже показывало давнюю осѣдлость въ Европѣ и что переселеніе ихъ совершилось въ глубокой древности. Но что оно истекло изъ Азіи, тому доказательствомъ служитъ странное сходство нѣкоторыхъ коренныхъ словъ языка германскаго съ персидскимъ *). Выбросила ли Азія, въ первоначальной древности, за однимъ разомъ племена на югъ, образовавшіяся среди горъ, въ народъ персидскій, и на сѣверъ, превратившіяся въ лѣсахъ Европы въ германцевъ, или позже тяжелое вліяніе парсянъ, ринувшихся изъ средины Азіи, принесло въ языкъ персидскій множество словъ, раздававшихся дотол въ неизмѣримыхъ степяхъ ея и распространившихся уже и въ Европѣ *),—какъ бы то ни было, но первоначальное происхожденіе германцевъ было изъ Азіи, и переселеніе ихъ свершилось въ отдаленныя времена.

*) Шлегель.

Эти народы представляли совершенно противоположный и вовсе отличный міръ отъ римскаго. Физическая и духовная ихъ природа носила рѣзкій отпечатокъ самобытности и особенности. Ихъ организація физическая совершенно спорила съ организаціей народовъ древняго міра. Черные блестящіе глаза, темные волосы, выразительныя, южныя черты лица, казалось, дышавшія потребностью роскоши и пресыщающихъ наслажденій, — общей физіогноміей уже остановившагося древняго міра, — встрѣчали здѣсь совершенную противоположность: голубоглазые, свѣтловолосые, рослые, крѣпкіе, съ однимъ только свирѣпымъ выраженіемъ войны на лицѣ, германцы показали собою совершенно новую природу, которою означился новый міръ. Ихъ религія, ихъ жизнь, ихъ темпераментъ, первообразныя стихіи характера разнились во всемъ отъ образованныхъ тогдашнихъ народовъ. Религія германскихъ народовъ отличалась особенною оригинальностью. Ихъ божество и предметъ поклоненія была земля. Казалось, какъ будто мрачный видъ тогдашней Европы внушилъ имъ идею этой религіи. Будучи рѣдко освѣщаемы солнцемъ и находясь вѣчно подъ мрачною тѣнью вѣковыхъ дубовъ, роя пещеры для первоначальныхъ своихъ жилищъ или сохраненія сокровищъ, видя одну только землю, могущественно выбрасывавшую на поверхность растенія, приносившія имъ бѣдную пищу, и величественныя высокія деревья, шумѣвшія надъ ними, они почитали ее зиждительницею всего. Отъ нея производили они бога своего Туистона или Тевта, у котораго былъ сынъ Манъ, а отъ него различныя вѣтви германскихъ народовъ, которые, по мнѣнію ихъ, были древнѣйшими обитателями міра. Повидимому, такое понятіе о религіи совершенно отдѣляетъ ихъ отъ Азіи, но мы должны вспомнить, что владычество природы и положенія земли всегда было сильно. Природа деспотически властвуетъ надъ первоначальнымъ человѣкомъ. Развиваясь и зрѣя умомъ, онъ получаетъ надъ нею верхъ и предписываетъ ей законы, но въ первобытномъ, но въ дикомъ состояніи онъ долженъ самъ исполнять ея законы: онъ рабъ ея. Въ Средней Азіи

*) Миллеръ.

небо все открыто передъ глазами. Тамъ оно необозримо и велико. Земля передъ нимъ кажется слишкомъ низменною. Никакое высокое растеніе, никакая остроконечная, высокая, узкая скала не останавливаетъ взора; разстилающаяся по необозримымъ пространствамъ трава представляетъ ее еще низменнѣе. Солнце тамъ течетъ величественно, обливая все своимъ свѣтомъ; звѣзды усыпаютъ густо небесный небосклонъ и однѣ только могутъ остановить человѣка и препятствовать совратиться съ пути. Оттого во всей Азіи царствовало всегда поклоненіе солнцу и небеснымъ свѣтиламъ. Передвигаясь въ Европу, народы рѣже видѣлись съ солнцемъ. Густой и величественный мракъ европейскихъ лѣсовъ сильнѣе поражалъ ихъ дикое воображеніе. Туманы сѣвера и болотныя испаренія скрывали вовсе небо; самая необходимость заниматься иногда земледѣліемъ заставляла ихъ болѣе привязаться къ землѣ. И потому-то у германскихъ народовъ было очень слабо поклоненіе свѣтиламъ; едва у немногихъ сохранилась о немъ память. Во глубинѣ и глуши лѣсовъ, непроницаемыхъ солнцемъ, они приносили свои жертвы богинѣ—матери Гертѣ. Казалось, мракъ считался у нихъ чѣмъ-то священнымъ, и потому-то ихъ религія уже въ самомъ началѣ не сходствовала съ другими. Они вѣрили въ безсмертіе. Но ихъ небеса были мрачны. Они въ своемъ Валгалѣ видѣли продолженіе воинственной ихъ жизни: туда переселяли они свои германскіе дубы, пылающіе костры и громъ оружій; небеса облекали въ свинцовыя тучи и населяли темными тѣнями своихъ великихъ, уже погибшихъ на войнѣ, героевъ. Поклоненіе Гертѣ разошлось между всѣми почти германскими племенами. Къ предметамъ поклоненія ихъ принадлежали также тѣни умершихъ героевъ, которыхъ они представляли въ колоссальномъ видѣ. Такія же почести раздѣляли ихъ товарищи-кони, изъ которыхъ бѣлые почитались, по свидѣтельству Тацита, священными и хранились въ заповѣдныхъ рощахъ. Ихъ впрягали въ священную колесницу, за которою шелъ король, жрецы, и по храпѣнію ихъ узнавали будущее.

Германскіе народы долго сохраняли первобытный образъ жизни. Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звукѣ ея, какъ молодые, исполненные отваги, тигры. Думали о томъ только, чтобы помѣряться силами и повеселиться битвой. Ихъ мало занимала корысть или добыча: блеснуть бы только подвигомъ, чтобы послѣ пересказали его дѣло въ пѣсняхъ. Съ именемъ прославившагося въ бояхъ соединялись у нихъ всѣ выгоды и счастье жизни. Его выбирали въ предводители; къ нему чувствовалось у всѣхъ народовъ уваженіе и изумленіе. Онъ былъ посредникъ и судья во всѣхъ спорахъ, на войнѣ полный распорядитель добычи; ему даже чуждыя, отдаленныя племена присылали конныя сбруи; ему родныя и подвластныя племена добровольно приносили въ даръ произведенія полей своихъ—плоды, скотъ и лошадей. Храбрость казалась чѣмъ-то божескимъ; подъ его знамена всѣ спѣшили наперерывъ и сражались не для добычи, но чтобы показаться передъ нимъ и заслужить его одобрительное слово. Его имя долго поминалось въ пѣсняхъ, и по смерти его, въ честь ему, совершались пиршества; и долго племя, имѣвшее его, превозносилось его подвигами передъ другими; тѣнь его становилась божествомъ и служила предметомъ поклоненія. Такой удѣлъ былъ завиденъ, потому что жажда безсмертія уже кипитъ и въ неразвившемся человѣкѣ. Всѣ наперерывъ стремились прошумѣть подвигами; битвы были часты, и германцы, по первому призванію, готовы были летѣть съ своими дикими силами.

Они сражались почти наги, выказывая во всей простотѣ атлетическую свою силу. Плащъ, застегнутый вмѣсто пряжки терновымъ шипомъ, кожа дикаго звѣря на плечѣ—вотъ ихъ убранство. Они строились густо, кучами, въ видѣ клина; дѣйствовали вблизи и вдали короткими копьями, называемыми фрамеями; львиная сила мышцъ ихъ бросала ихъ такъ далеко, сколько нужно было, чтобы достать непріятеля; одни щиты ихъ показывали роскошь, испещряемые яркими цвѣтами; толпа женъ, дѣтей слѣдовала за ними въ битву, сопровождала ихъ своимъ крикомъ и была причиною новаго мужества: они не мыслили продаться бѣгству, при мысли о рабствѣ, ожидающемъ ихъ женъ и дѣтей, усугубляли дикій напоръ свой, и непріятели отступали. Ихъ жены тутъ же среди битвы высасывали раны мужей своихъ, залѣчивали ихъ и даже уносили на плечахъ своихъ. Смерть предводителя, вмѣсто того, чтобы разстроить ихъ, связывала желѣзною силою мести и дѣлала ихъ несокрушимыми. Бросить щитъ было верхъ безчестія, и несчастный, жертва всеобщаго презрѣнія, убивалъ самъ себя. Предводитель, силою одного уваженія, безъ власти, правилъ самовластно племенами, и воины, съ изумительною покорностью, исполняли его велѣнія. Предводя на войнѣ, они оставляли при себѣ власть эту иногда и среди мира и назывались германцами *).

Они были вольны и не хотѣли никакой имѣть надъ собою власти. Правленія у нихъ почти не было. Они собирались на народныя собранія, стекавшіяся при новолуніи и полнолуніи каждаго мѣсяца, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ и во всякое время. На эти собранія они приходили лѣниво и медленно, желая показать, что дѣлаютъ это по своей волѣ; нѣсколько дней протекало, покамѣстъ

*) Тацитъ.

могло составиться нужное число для совѣщанія. Они сидѣли въ полномъ вооруженіи; одни только жрецы могли приказать наблюдать молчаніе; предсѣдательствовали старѣйшины семействъ, сѣдовласые (grawion), послѣ измѣнившіе это названіе въ графовъ; говорили князья и прославившіеся въ битвахъ; рѣчи ихъ были просты, но исполнены того сильнаго и сжатаго лаконизма, которымъ отличается безхитростное краснорѣчіе народовъ свѣжихъ.

Они были просты, прямодушны; ихъ преступленія были слѣдствіе невѣжества, а не разврата. То, что было безчестіе и низость духа, называлось только преступленіемъ; перемстчики, измѣнники были вѣшаны и предаваемы мучительной казни; за низкіе и безчестные поступки бросали въ болото, забрасывали тиною и фашинникомъ, какъ бы желая скрыть то, что не должно бы никогда показываться. Жена, измѣнившая мужу, была въ его власти: онъ могъ отрѣзать ей волоса, лишить одѣянія и обнаженную, покрытую стыдомъ, гнать розгами чрезъ веси и деревни, и никто не смѣлъ изъявлять сожалѣнія, несмотря на всю красоту ея; но примѣры эти были рѣдки, потому что германцы были дики и жестки нравами и что у нихъ были только обычаи, которые обыкновенно сильнѣе самихъ законовъ.

Они были безпечны, бездѣйственны въ домашней жизни и представляли совершенную противоположность безпокойному быту воинскому. Они были безчувственно-лѣнивы и лежали въ своихъ хижинахъ, не трогаясь съ мѣста. Чѣмъ болѣе кто почиталъ себя храбрымъ, тѣмъ болѣе считалъ для себя низкимъ всякое занятіе; поля обрабатывали старики, безсильные, малолѣтніе и рабы, которые пользовались совершенною свободою и платили только небольшую подать отъ полей своихъ. Всѣ домашнія заботы лежали на женахъ. Жена не приносила мужу приданаго; напротивъ, онъ долженъ былъ самъ, наканунѣ свадьбы, принесть въ даръ быка въ ярмѣ, вооруженную лошадь и копье, какъ бы желая этимъ дать знать, что она должна раздѣлить всѣ его занятія.

Они одѣвались совершенно противоположно римскому міру и всѣмъ народамъ южнымъ, любителямъ вольныхъ, широкихъ одеждъ: они носили платье узкое, которое совершенно обвивалось около ихъ тѣла; звѣриныя кожи, носимыя ими, придавали имъ что-то дикое и звѣрообразное. Одѣянія женъ ихъ мало отличались отъ мужскихъ; у иныхъ платье было льняное алое, доходившее только до пояса, такъ что шея, грудь и руки были открыты. Дѣти были совершенно преданы своей волѣ и росли вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ. Когда они достигали совершеннаго возраста, тогда только получали право носить оружіе и засѣдать въ собраніяхъ. Гостепріимство, свойственное почти всѣмъ дикарямъ и первобытнымъ нравамъ, было ихъ принадлежностью. Гостя дарили подарками; не могшій угостить его отводилъ самъ къ другому.

Но болѣе всего можно было видѣть древняго германца въ его пиршествахъ, въ которыхъ проводили они напролетъ цѣлыя ночи, гдѣ зажженные дубы величественно освѣщали лѣса, и хлѣбный напитокъ изъ ячменя, можетъ быть, пращуръ нынѣшняго пива, такъ употребительнаго въ Германіи, разрѣшалъ ихъ мысли, рѣчи и намѣренія. Въ этихъ-то пиршествахъ созрѣвали всѣ ихъ предпріятія. Тутъ они задумывали свои смѣлыя и дерзкія дѣла, которыя не всегда и не всѣмъ могли придти въ голову во время медленныхъ народныхъ собраній. Они были стремительны, азартны, и какъ только были разбужены, потрясены и выходили изъ своего хладнокровнаго положенія, то уже не знали предѣловъ своему стремленію. Азартность ихъ болѣе всего оказывалась въ игрѣ, въ которую заигрывался дикій германецъ до того, что проигрывалъ свой домъ, оружіе, жену, дѣтей, наконецъ, самого себя и становился рабомъ,— состояніе нестерпимѣе для него самой смерти. Эта азартность, можетъ быть, служила основаніемъ тѣхъ дерзкихъ, сильныхъ страстей, которыми исполнены европейцы.

Таковы были народы германскіе — грубыя стихіи, изъ которыхъ образовалась новая Европа. Они дѣлились на безчисленныя племена и, какъ густые европейскіе лѣса, усѣивали сѣверную Европу. Чтобы яснѣе обозрѣть ихъ, начнемъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ древній міръ уже видѣлъ этихъ первоначальныхъ зиждителей новаго, т.-е. отъ рѣки Дуная, служившаго предѣломъ для римлянъ. Тутъ обитали уже входившіе въ сношеніе съ древнимъ просвѣщеннымъ Римомъ, все еще вольные, но уже не столь одичавшіе, какъ-то: гермундуры, нариски, маркоманы и квады. Потомъ великая цѣпь племенъ германскихъ толпилась по Рейну, отъ устья и внизъ до впаденія его въ море: вангіоны, трибоки, нѣметы, матіаки, убіи; за ними слѣдовали тенктеры, бывшіе первыми наѣздниками, которыхъ конница славилась и у римлянъ, которыхъ все имущество были лошади и оставлялись въ наслѣдство только храбрымъ; за ними узипетры и у самаго впаденія Рейна въ море — сильные батавы. Средина Германіи, погруженная въ лѣса, скрывала самыхъ свирѣпыхъ и сильныхъ народовъ. Начиная съ запада и на востокъ, первые встрѣчались хаты, предки нынѣшнихъ гессенцовъ, жившіе при рѣкѣ Майнѣ, гдѣ Германія состоитъ изъ частыхъ возвышенностей, — народъ, страшившій своею пѣхотою, регулярнымъ устройствомъ ея, осмотрительностью въ нападеніяхъ и дикимъ выраженіемъ лицъ своихъ. Ихъ обычаи невольно

поражали своею оригинальностію. Ни одинъ юноша не смѣлъ отрѣзать волосъ своихъ до тѣхъ поръ, пока не омылъ рукъ своихъ въ крови непріятеля; въ битвахъ они должны были находиться впереди и своими обросшими косматыми лицами наводили робость на врага. Всякій хатъ носилъ на рукѣ своей желѣзное кольцо, что считалось безчестіемъ, потому что напоминало цѣпи; сбросить его онъ могъ тогда только, когда поражалъ собственною рукою непріятеля. На югъ отъ хатовъ были херуски, обитатели Гарца; далѣе слѣдовали фозы, сигамбры, бруктеры, ангруаріи, хазуаріи, наконецъ, аряне, отличавшіеся совершенно особеннымъ родомъ нападеній, которыя они производили въ глухія, мрачныя ночи, и, желая облечь ихъ страхомъ, выкрашивали тѣло, носили щиты, покрытые черною краскою, и въ видѣ погребальной процессіи представлялись изумленнымъ глазамъ непріятелей, не могшихъ выносить такого зрѣлища. За ними на востокъ, въ пространствахъ нѣсколько болѣе открытыхъ, обитали свевы, состоявшіе изъ множества разныхъ племенъ и ведшіе долго еще жизнь пастушескую, несмотря на то, что положеніе земли, еще болотной, мало представляло для нея удобства.

Вообще можно сказать: чѣмъ ближе къ западу и юго-западу, тѣмъ болѣе было занимавшихся земледѣліемъ, или, по крайней мѣрѣ, оно мѣшалось у нихъ съ пастушескою жизнью; чѣмъ ближе къ востоку, къ Венгріи, Дакіи и Польшѣ, тѣмъ болѣе преобладала пастушеская жизнь; чѣмъ глубже въ лѣса Гарца, тѣмъ мрачнѣе и сильнѣе становились германскія племена. Но самые опасные, которыхъ римляне даже вовсе почти не знали и которые были истинные разрушители ихъ владычества — это были всѣ, населявшіе берега морей и прибалтійскія земли. Сюда никогда не досягали римляне. Здѣсь жили пираты, самые предпріимчивые изъ германцевъ, которыхъ уже положеніе земли и моря заставило отваживаться на дерзкія дѣла. Такимъ образомъ по Нѣмецкому морю жили фризы и хавки; за ними самые сильные корсары сѣвера—саксы, въ Голштиніи—кимвры, по Балтійскому морю—готы, варны, ругіи, бургунды и въ Пруссіи—ломбарды, вандалы, герулы. Кромѣ того въ срединѣ Германіи находилось еще множество разныхъ отродій, совершенно скрытыхъ болотами и лѣсами, которыя, во время частыхъ битвъ между ея племенами, были вытѣсняемы и видѣли необходимость избирать неприступныя мѣста. Горы Альпъ и Карпата заключали въ себѣ множество клочковъ или остатковъ разныхъ племенъ галльскихъ, германскихъ и вендскихъ, бандитствовавшихъ въ дикой Европѣ. Сѣверо-востокъ ея, совершенною бѣдностью почвы, уединеніемъ и страшнымъ пространствомъ, не могъ образовать и возрастить сильныхъ народовъ. Въ разсѣянныхъ, бездомовныхъ, безпріютныхъ его обитателяхъ, финнахъ, и отросткахъ народовъ эстскихъ замирала жизнь, какъ и въ самой природѣ того края.

Вотъ какъ былъ тотъ отдѣльный міръ дикой Европы! Вотъ каковы были тѣ народы, которыхъ мощную силу прежде всего должны были испытать римляне. И если всемірная имперія не пала гораздо ранѣе, то причиною этого были чрезвычайное раздробленіе народовъ германскихъ, положеніе Европы, препятствовавшее имъ слиться въ одно, простота нравовъ, заставлявшая ихъ довольствоваться грубыми произведеніями своей земли, незнаніе корысти, такъ свойственной разрушающимъ дикарямъ, осѣдлость и любовь къ свободѣ, заставлявшая ихъ удаляться въ глубину своихъ лѣсовъ. Римляне чувствовали всю опасность отъ этихъ свѣжихъ силъ европейскихъ народовъ. И оттого никакая изъ границъ имперіи, ни восточно-азійская, ни южно-африканская, не была такъ защищена, какъ сѣверо-европейская. Сюда, можно сказать, стеклась вся сила ихъ. И должно признаться, что средства защиты, при тогдашнемъ изнемогающемъ состояніи имперіи, были приняты самыя благоразумныя. Имперія отдавала опасныя границы свои свѣжимъ воинственнымъ народамъ, которые легче всего могли защищать ихъ и были довольны вначалѣ немногимъ. Но къ чести народовъ германскихъ нужно сказать, что одна только сильная необходимость заставляла ихъ принимать этотъ даръ римлянъ. Эта зависимость казалась для нихъ рабствомъ, и они спѣшили въ глубину лѣсовъ своихъ — скрыть тамъ свою свободу. Покушенія римлянъ заставляли ихъ составлять сильные между собою союзы, но эти союзы никогда не были нападательны; цѣль ихъ была только привести въ безопасность свою волю, бывшую для нихъ дороже всего. Одинъ изъ сихъ союзовъ, извѣстный подъ именемъ союза франковъ, болѣе другихъ возросъ и усилился, благодаря благопріятному положенію земли и умножавшимся натискамъ со стороны всѣхъ народовъ. Разнородныя племена, его составлявшія, заняли часть Вестфаліи и Гессена и такъ тѣсно слились, что составили, наконецъ, одну націю подъ именемъ франковъ. Но этотъ союзъ не былъ бы такъ страшенъ для римлянъ, и вся Германія долѣе пребывала бы неподвижною, если бы не дѣйствовали на нее постороннія силы выходившихъ изъ Азіи народовъ. Восточная часть Европы была очень страшна своими равнинами. Это были широкія ворота въ западную Европу, большая дорога, черезъ которую переходили поперемѣнно разноцвѣтные народы; лѣса были здѣсь болѣе выжжены, нежели въ другихъ мѣстахъ; болота скорѣе высохли, и съ каждымъ столѣтіемъ она становилась просторнѣе и удобнѣе

для переходовъ. Открытыя мѣста ея давали средство народамъ и племенамъ соединяться въ большія массы, представляли удобность для кочующей жизни, которая дастъ средства производить великіе набѣги. Народъ вдругъ могъ подняться съ легкихъ жилищъ своихъ и произвести всею массою самое страшное, ничѣмъ не отразимое, разрушительное нападеніе.

Одному изъ народовъ германскихъ опредѣлено было прежде всѣхъ другихъ произвести всеобщее движеніе. Этотъ народъ былъ готы *), народъ, надъ которымъ, казалось, тяготѣло какое-то проклятіе, осудившее его на скитаніе. Долго блуждалъ онъ и показывался то въ Скандинавіи, на противоположныхъ берегахъ Балтійскаго моря, то, наконецъ, на широкомъ востокѣ Европы. По свидѣтельству историка Іорнанда, онъ первобытную жизнь велъ въ Скандинавіи. Можетъ быть даже, что это былъ одинъ изъ первоначальныхъ народовъ Европы. Перебравшись изъ снѣговой своей отчизны, онъ устремился на берегъ Пруссіи и произвелъ страшный всемірный переворотъ, вытѣснивъ оттуда вандаловъ, ломбардовъ, геруловъ, бургундовъ и саксовъ, и, противъ ихъ собственной воли, заставилъ ихъ быть одними изъ ревностныхъ дѣятелей въ разрушеніи Западной имперіи. Всеобщее потрясеніе ощутилось во всей Европѣ: вся эта цѣпь сильныхъ прибалтійскихъ народовъ придвинулась ближе къ границамъ римскимъ, потѣснила въ горы и болота множество племенъ, сжала сильнѣе ихъ силу, и римляне должны были завести новое знакомство: герулы, вандалы, ломбарды уже стали появляться въ войскахъ ихъ.

Между тѣмъ готы, прочистивши передъ собою дорогу, отчасти разогнали, отчасти покорили придунайскихъ народовъ—маркомановъ, квадовъ; соединились въ южныхъ равнинахъ Дакіи въ многочисленныя массы и, съ приведенными подъ власть свою народами, устремились къ Черному морю. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ удобнѣе была имъ дорога и тѣмъ быстрѣе былъ ихъ путь; наконецъ, они очутились въ срединѣ Греціи и въ Малой Азіи, выжгли берега Чернаго моря. Халцедонъ, Эфесъ были обращены въ пепелъ; Аѳины были разграблены страшно, безжалостно. Императоръ Децій видѣлъ опасность восточныхъ границъ обширной своей имперіи, и, между тѣмъ какъ на западныхъ границахъ войска его сражались съ вандалами, свевами, герулами, сдвинутыми съ мѣстъ готами, онъ самъ предводилъ войсками на востокѣ и погибъ съ оружіемъ въ рукахъ. Готы съ великою добычею возвратились, заняли нынѣшнюю Россію, пріобрѣли трактатомъ отъ римлянъ всю Дакію и остались здѣсь, владычествуя надъ придунайскими народами и тревожа присутствіемъ своимъ безпечную имперію. Тогда всемірные императоры, узнавшіе несчастнымъ опытомъ дикое мужество готовъ, составили планъ принимать ихъ въ свои войска и выдавать жалованье этимъ неодолимымъ дикарямъ. Самъ пріобрѣли они сильныхъ защитниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли и сильныхъ непріятелей, потому что открыли имъ тайну благоустроенной тактики, которая еще болѣе могла придать имъ перевѣса. Но, впрочемъ, тактика готовъ и безъ того была неодолима. Она соединяла въ себѣ вмѣстѣ и тактику народовъ легкихъ и кочующихъ, и тактику неподвижныхъ народовъ. Они строились густыми, великими массами и сохраняли одинаковую крѣпость въ порывѣ перваго нападенія, въ разгарѣ битвы и въ потухающей силѣ ея окончанія. Какъ бы долго ни длилась битва, ихъ ряды невозможно было сдвинуть съ мѣста. Нападенія свои они сопровождали такъ же, какъ и другія германскія племена, пѣснями. Въ пѣсняхъ провозглашались имена древнихъ героевъ: Фридигера, Видигана, Этгебамера и другихъ. Власть религіозная заключалась въ одномъ лицѣ, который былъ вмѣстѣ и царь, и предводитель войскъ, и верховный жрецъ, и при всемъ томъ—зависѣлъ отъ совѣта храбрыхъ.

У готовъ съ незапамятныхъ временъ тянулось царственное поколѣніе Бальтовъ, изъ которыхъ только однихъ можно было избирать царей. Поклонялись Водану, бывшему въ отдаленные вѣка ихъ предводителемъ вмѣстѣ съ Оденомъ, этимъ сѣвернымъ Улисомъ *). Изъ всѣхъ народовъ германскихъ готы болѣе другихъ способны были принять цивилизацію. До средины четвертаго вѣка, власть готовъ признавалась болѣе или менѣе народами на Дунаѣ, на западѣ и на востокѣ нынѣшней Россіи. Имя царя ихъ Германриха было уважаемо отъ береговъ Чернаго моря до Ливоніи... Но владычество готовъ было смущено великимъ азіатскимъ нашествіемъ гунновъ.

Гунны или гіонгну, по свидѣтельству Дегиня, были племена сильныя, занимавшія великія степи Татаріи, Манджуріи, потрясшія Китай, но неумѣвшія противиться китайской лукавой политикѣ и обратившіяся впослѣдствіи въ данниковъ китайскихъ монарховъ. Однако же, многочисленная часть поднялась съ своими кибитками и табунами, направляясь на западъ, заняла закаспійскія земли и скрылась такимъ образомъ изъ виду Китая. Поселеніе ихъ на берегахъ каспійскихъ исторіки римскіе относятъ ко времени Домиціана. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что образованный тогдашній римско-греческій міръ ничего не зналъ даже о

*) О готахъ Прокопій, Іорнандъ, Гиббонъ.

*) Шлегель.

томъ, существуетъ ли на свѣтѣ этотъ народъ, до времени императора Валента, т.-е. до того времени, когда увидѣли вдругъ извергавшіяся изъ горъ Азіи толпы гунновъ и съ ними аваровъ, гуннуюровъ, ульзингуровъ и другихъ народовъ, которыхъ имена дико звучали для утонченнаго и вмѣстѣ испорченнаго слуха римлянъ-грековъ. Набѣгъ этихъ обитателей Азіи, разрушительный, неотразимый, обычай ихъ ѣсть сырое мясо, пить изъ непріятельскихъ череповъ и приносить на окровавленномъ кострѣ въ жертву тѣнямъ своихъ предковъ первыхъ попадавшихся плѣнниковъ, самыя ихъ калмыцкія лица, плоскія, неуклюжія, смуглыя, наводившія робость однимъ своимъ свирѣпымъ движеніемъ, ихъ приземистый ростъ, весь состоявшій изъ однихъ мускуловъ,—привели въ такой ужасъ азіатско-римскія провинціи, что жители не смѣли производить ихъ отъ человѣческаго племени. Они думали, что маги и волшебники неизмѣримыхъ каспійскихъ пустынь вошли въ нечистое сношеніе съ дьяволами, и отъ этого союза произошли гунны.

Гунны, по какому-то странному инстинкту, или, можетъ быть, испугавшись слишкомъ пестрой поверхности римской Азіи, усѣянной садами и городами, которыхъ всегда убѣгаютъ кочевые народы, считающіе ихъ темницами, или не находя вольныхъ пустынныхъ степей, необходимыхъ для ихъ неисчисляемыхъ стадъ,— какъ бы то ни было, только они двинулись, вмѣсто того, чтобы на югъ,—на сѣверо-западъ, зацѣпили путемъ своимъ Кавказъ, сорвали съ его подошвы нѣсколько народовъ кавказскихъ и увлекли съ собою. Вся эта кочевая толпа высыпала въ Европу. Великій авангардъ Европы занятъ былъ, какъ мы уже видѣли, владычествомъ готовъ. Ихъ многочисленныя племена и покоренные ими народы были передовыми ея стражами и наполняли ея обширныя ворота, къ несчастію, слишкомъ обширныя для такой небольшой части свѣта, какова Европа. И готы, тѣ готы, которые считались непобѣдимымъ ея оплотомъ и силою, уступили передъ ними. Это такъ и долженствовало быть. Тайна азіатскаго многочисленнаго набѣга была совершенно неизвѣстна готамъ. Если бы они знали, что азіатское нападеніе болѣе всего страшно силою перваго порыва, что умѣніе долѣе противустать ему и продлить битву одни только могутъ выиграть,—если бы готы знали это, то гунны убрались бы снова за Кавказъ, и Европа не почувствовала бы сильнаго потрясенія, измѣнившаго снова ея видъ. Но эта тайна не была постигнута готами. Впрочемъ, надобно сказать и то, что нужно было имѣть нечеловѣческую храбрость и крѣпость духа, чтобы выдержать первый напоръ гунновъ. Нападенія ихъ были производимы съ такимъ ужаснымъ крикомъ, многочисленная масса ихъ летѣла такъ густо и съ такою силою на лошадяхъ, бѣшеныхъ, почти дикихъ, какъ будто бы была сброшена съ крутого утеса и не въ состояніи была сама удержать бѣга; узкій, почти пропадавшій между пухлыхъ щекъ ихъ глазъ былъ такъ быстръ и вѣренъ, въ одно мгновеніе они давали столько измѣненій ходу битвы, такъ быстро могли разсыпаться и исчезнуть изъ виду, такъ скоро собраться въ кучи, такъ мѣтко высылать летящій лѣсъ стрѣлъ; даже убѣгая, такъ ловко они умѣли отстрѣливаться, и все это сопровождали такимъ дикимъ, оглушительнымъ крикомъ, что врядъ ли могъ сыскаться предводитель, чей глазъ не разбѣжался бы и голова не закружилась въ битвѣ съ ними.

Погнавши готовъ, гунны заняли нынѣшній польскій западъ Россіи да сѣверныя и дунайскія земли,—и географія Европы измѣнилась снова. Занявши такое огромное пространство, гунны необходимо должны были произвесть сильное потрясеніе и всеобщую перемѣну мѣстъ. Сдвинутые готы, хотя съ трудомъ, но подались на западъ и югъ; вандалы и свевы, съ которыми римляне, или, лучше сказать, римскіе германцы мѣрялись уже на самыхъ границахъ своими силами, ворвались чрезъ Францію и Альпы въ Испанію. И въ Испаніи, ко всеобщему изумленію, столкнулись народы совершенно съ противоположныхъ странъ свѣта: свевы съ береговъ Балтики и снѣжной Скандинавіи, и алане, оторванные гуннскимъ порывомъ съ подошвы Кавказа

Гунны бродили по степямъ Россіи, переносили свои кибитки и перегоняли табуны въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, не производя дальнихъ завоеваній, потому что западную Европу и на этотъ разъ спасало лѣсистое и неровное положеніе и потому что гуннамъ недоставало предпріимчиваго предводителя. Они производили свои набѣги на сосѣдей, которые обыкновенно состояли въ хищничествѣ женъ, дѣтей и въ угонкѣ стадъ въ свои предѣлы. Эти хищничества болѣе всего должны были испытать готы, какъ ближайшіе къ нимъ народы. Готы въ это время раздѣлились на двѣ великія вѣтви: на визиготовъ, которыхъ цари были избираемы изъ прежней царственной линіи Бальтовъ, и остроготовъ, избиравшихъ царей изъ новой царственной вѣтви Амаловъ. Столкнутые гуннами, они притѣснились къ самому югу нынѣшней Украйны и Молдавіи. Не нашедшая безопасности часть визиготовъ, подъ начальствомъ Фридигера, Алета, Сафраха, обратилась съ просьбою къ римскому императору о позволеніи перейти черезъ Дунай и, поселившись на южной сторонѣ его, защищать провинціи отъ нападенія усиливавшихся варваровъ. Императоръ Валентиніанъ, управлявшій имперіей вмѣстѣ съ братомъ своимъ

Валентомъ, принялъ съ радостію неожиданную помощь—и визиготы перешли чрезъ Дунай. Между тѣмъ остроготы и часть визиготовъ, жившихъ на юго-востокѣ, терпѣли часто голодъ и видѣли безпрестанно увеличивающіяся свои нужды, просили императора Валента, который имѣлъ надзоръ надъ восточными провинціями и жилъ въ Константинополѣ, снабдить ихъ нужными произведеніями и позволить имъ торговать съ тамошними жителями. Императоръ поручилъ удовлетворить ихъ во всемъ оракійскимъ правителямъ, Луципину и Максиму, которые были совершенные греки временъ византійскихъ—коварные, готовые оказать злодѣйскіе поступки даже безъ побудительныхъ причинъ и почитавшіе позволительными всѣ поступки съ варварами. Они не торговали, но просто грабили готовъ и доводили ихъ до крайности продавать женъ и дѣтей; наконецъ, подъ видомъ пріязни, призвали доблестнѣйшихъ готовъ и рѣшились тайно умертвить ихъ. Это пробудило мщеніе въ дикомъ, но сохранявшемъ первоначальныя человѣческія чувства народѣ. Многочисленныя толпы готовъ ворвались во Оракію и до самаго Константинополя жгли, грабили и обратили въ пепелъ всѣ находившіеся по дорогѣ города и окрестности. Императоръ Валентъ находился въ весьма неблагопріятномъ положеніи. Онъ былъ ревностный аріанецъ, и потому гналъ безъ милосердія противниковъ секты, потому имѣлъ враговъ, и самъ братъ его Валентиніанъ, императорствовавшій въ Римѣ, отказался подать ему помощь. Кромѣ того, императоръ Валентъ былъ жестокъ и ужасно подозрителенъ; ему предсказали, что гибель его послѣдуетъ отъ человѣка, котораго имя начинается словомъ *Θεο*,—и онъ перерѣзалъ и передушилъ всѣхъ Θеодориковъ, Θеодотовъ и Θеодосіевъ, которые только занимали какія-нибудь значительныя должности. Само собою разумѣется, что такіе поступки не внушили его подданнымъ излишняго жара защищать своего монарха. Притомъ и самые подданные были жалкій, безхарактерный народъ; войска умѣли только бунтоваться и готовы были бѣжать при первомъ случаѣ; финансы разбрелись по рукамъ евнуховъ, любимцевъ, любовницъ и пронырливаго духовенства. И такъ, Валенту, наконецъ, пришлось поплатиться за прежнюю жизнь свою. Оставленный бѣгущими войсками, онъ спрятался въ бѣдную хижину и былъ сожженъ вмѣстѣ съ нею мстительными готами. Константинополь уцѣлѣлъ, благодаря незнанію готовъ осаждать города. Готы съ торжествомъ, съ безчисленною добычею, возвратились въ свои жилища, оставивъ римлянамъ страшную память своего посѣщенія.

Скоро послѣ этого произошло совершенное раздѣленіе Римской имперіи. Императоръ Θеодосій думалъ спасти ее чрезъ эту секуляризацію, приписывая слабость ея неизмѣримости и невозможности одному управлять. Восточная имперія, которая очень справедливо стала называться Греческою, а еще справедливѣе могла бы назваться имперіей евнуховъ, комедіантовъ, любимцевъ, ристалищъ, заговоровъ, низкихъ убійцъ и диспутствующихъ монаховъ, досталась Аркадію, которымъ управлялъ пронырливый опекунъ его Руфимъ; Западная, которая тоже весьма несправедливо называлась Римскою, потому что всѣ административныя значительныя мѣста были заняты выслужившимися варварами изъ готовъ, вандаловъ и другихъ германцевъ, получившихъ только слабый наружный лоскъ римскаго образованія, которая уже въ собственномъ сердцѣ своемъ видѣла насильно тѣснившихся враговъ, которая въ живомъ трупѣ своемъ видѣла и чувствовала онѣмѣніе жизни,—эта Западная имперія вручена была малолѣтнему Гонорію, которымъ управлялъ Стиликонъ, родомъ вандалъ, бывшій вѣрнымъ и храбрымъ при Θеодосіи и сдѣлавшійся низкимъ и слабымъ при ничтожномъ его сынѣ. Опекуны, правительствовавшіе въ разныхъ углахъ Европы, ненавидѣли другъ друга. Первый подарокъ, который Руфимъ, хитрый, какъ византійскій грекъ, препроводилъ къ своему непріятелю Стиликону, состоялъ въ сильныхъ войскахъ визиготовъ, которыхъ онъ настроилъ воевать Италію, обѣщая съ своей стороны не подавать никакой помощи. Всѣ визиготы поднялись со своихъ становищъ въ Даніи и съ береговъ Дуная и вступили въ Италію. Но Стиликонъ, вмѣсто того, чтобы устрашиться такого нашествія, втайнѣ былъ радъ ему. Онъ основывалъ на немъ кучу плановъ. Прежде всего онъ думалъ этими свѣжими, многочисленными и сильными варварами истребить другихъ варваровъ, уже втѣснявшихся въ самые предѣлы Римской имперіи. Тогда Галлія и принадлежала, и не принадлежала римлянамъ. Сильный франкскій союзъ стоялъ на границахъ ея вмѣстѣ съ накопленными подъ его эгидомъ племенами; на востокѣ и на югѣ, т.-е. въ нѣдрѣ самой Франціи, вольно расположились алеманы и бургунды. Въ Испаніи свевы, алане и вандалы захватили всю лучшую часть ея, т.-е. югъ. Среди ихъ римскіе префекты и начальники играли самую жалкую роль, имѣли достоинство безъ власти. Казалось, вмѣсто Римской имперіи лежала надъ полуміромъ одна только величественная длинная тѣнь ея. Имперія была похожа на тысячелѣтній дубъ, который изумляетъ своею страшною толщиною и котораго средина давно уже обратилась въ гниль и прахъ. Стиликонъ искусно отклонилъ Аларіха отъ желанія поселиться въ Италіи и предложилъ ему богатую, цвѣтущую Испанію. Онъ даже замышлялъ обратить этихъ варваровъ противъ врага

своего Руфима; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ располагалъ даже, въ случаѣ удачи, объявить себя императоромъ вмѣсто слабаго Гонорія, но черезчуръ перехитрилъ, и собственная голова слетѣла съ плечъ его. Слабый, ничтожный Гонорій, не понявшій ни одного проекта Стиликона, велѣлъ одному изъ своихъ, также неразсудительныхъ, полководцевъ напасть съ тыла на готовъ, уже выступавшихъ въ Испанію, съ тѣмъ, чтобы нанести имъ какой-нибудь вредъ. Аларихъ вдругъ обратился и очутился подъ стѣнами Рима. Гонорій по обыкновенію бѣжалъ. Сенатъ, видѣвши безсиліе свое, умолилъ могущественнаго гота отступить, обѣщая дань, часть которой ему была выдана тогда же; остальной рѣшился побѣдитель ждать и отступилъ отъ Рима. Какъ только узналъ Гонорій, что опасность миновала, какъ уже вновь прибылъ въ Римъ и вовсе не думалъ платить дани. На этотъ разъ Аларихъ явился подъ стѣнами уже гнѣвный, грозившій обратить въ пепелъ вѣчный городъ. 23 августа 409 года стѣны всемірной столицы увидѣли среди себя предводителя готовъ. Великолѣпные дома и дворцы были разграблены, но грозный Аларихъ запретилъ зажигательство и пролитіе крови. Изъ этого можно видѣть силу воли и власть, какую онъ имѣлъ надъ своими дикарями, удержавъ ихъ отъ того, отъ чего иногда не властенъ удержать и начальникъ образованныхъ войскъ. Гонорія и слѣда уже не было въ Римѣ, онъ давно умѣлъ скрыться. Но за то побѣдитель показалъ въ величайшей степени презрѣніе, какое чувствовалъ къ римлянамъ: возвелъ имъ царя ихъ же префекта Атала и заставилъ его ползать у дверей палатъ своихъ. Насытивъ свое мщеніе, оставилъ онъ Римъ и обратился на югъ Италіи. Здѣсь онъ замышлялъ великіе планы, строилъ флотъ и намѣревался перенести свои побѣдительныя знамена на берега Африки, но смерть остановила его подвиги. Для гробницы его визиготы отвели теченіе рѣки Везанто, вырыли на бывшемъ днѣ ея глубокую могилу, въ которую зарыли трупъ, и потомъ снова возвратили ее на прежнее лоно, чтобы никто не могъ осквернить и поругаться надъ могилою великаго гота. Избранный послѣ него Астольфъ, наконецъ, вывелъ готовъ въ Испанію, гдѣ они быстро утвердились и составили сильное Готское королевство, изгнавъ не имѣвшихъ значенія римскихъ начальниковъ.

Вторженіе визиготовъ было сильно почувствовано во всѣхъ концахъ Испаніи. Алане и свевы были крѣпко стѣснены, и большая часть ихъ должна была признать власть готовъ. Даже вандалы, бывшіе сильнѣйшими въ Испаніи, были сильно притѣснены и придвинуты къ Средиземному морю. Уже король ихъ, Гензерихъ, помышлялъ о переправѣ въ Африку. Но одно происшествіе, какъ будто нарочно, ускорило исполненіе его мысли. Въ Римѣ управлялъ, именемъ малолѣтняго Валентиніана и его матери, знаменитый Аэцій, предпріимчивый, честолюбивый, хитрый, не слишкомъ разборчивый на средства къ достиженію желаемаго. Онъ имѣлъ сильнаго противника въ Бонифаціѣ, правителѣ Африки, и рѣшился его погубить; для этого призывалъ его именемъ императора въ Римъ. Бонифацій, проникнувши умыселъ, рѣшился остаться въ Африкѣ и призвать на помощь Гензериха. Въ 427 году Гензерихъ съ вандалами и частію алановъ высадился на берегъ Африки и означилъ путь свой пожарами и опустошеніями. Бонифацій увидѣлъ, наконецъ, свою ошибку, что призвалъ такого гостя. Онъ успѣлъ уже примириться съ императоромъ и рѣшился поставить преграду безпокойному своему союзнику. Но съ Гензерихомъ не такъ было легко управиться; Бонифацій былъ разбитъ. Гензерихъ зажегъ Карѳагенъ, ограбилъ домы, рубилъ жителей и извлекъ, гдѣ только могли скрываться, сокровища.

Быстрые успѣхи разожгли его хищное честолюбіе. Скоро весь сѣверный берегъ Африки подвергнулся его вандальскому владычеству. Огнемъ и мечомъ окрестилъ онъ его въ аріанство и составилъ сильнѣйшее въ этотъ мятежный и темный вѣкъ государство. Съ этого времени разгулялся Гензерихъ. Страшный флотъ его разсыпался по Средиземному морю и прекратилъ своимъ корсарствомъ всякое плаваніе. Каждый годъ этотъ нумидійскій левъ появлялся у всѣхъ береговъ Средиземнаго моря, отъ Греціи и Иллиріи до Гибралтара, собирая, какъ жатву на собственномъ полѣ, все, что могла только произвесть цвѣтущая населенность ихъ. Испанія, Сицилія, Сардинія, Далмація попеременно чувствовали ужасную, разрушительную руку этого вѣчнаго пирата, который такъ быстро воздвигнулъ первое государство христіанскихъ корсаровъ. Но, наконецъ, среди величія и награбленныхъ богатствъ, имъ овладѣло то состояніе духа, та свирѣпая задумчивость, которая сушитъ, мучитъ душу и служитъ близкимъ предвѣстіемъ тиранства, ужасной нравственной болѣзни властителя. Онъ сталъ подозрѣвать всѣхъ окружающихъ и подозрѣніе, наконецъ, простеръ на жену свою, дочь визиготскаго короля: ему вообразилось, что она имѣетъ умыселъ отравить его. Наполненный этою мыслью, онъ приказалъ отрѣзать ей носъ и уши и въ такомъ видѣ отправить къ ея отцу. Но, испугавшись самъ мщенія готовъ, пригласилъ Аттилу, предводителя гунновъ, напасть съ сѣвера на Испанію и Италію.

Аттила имѣлъ свою резиденцію въ Даніи, гдѣ, недалеко отъ Дуная, находилось становище изъ грубыхъ деревянныхъ юртъ, среди которыхъ возвышался неуклюжій дворецъ его. Аттила былъ

именно такой предводитель, какого дотолѣ недоставало гуннамъ. Онъ показалъ, какъ можетъ быть ужасна стремительная азіатская сила. Весь сѣверо-востокъ Европы признавалъ его владычество. Цѣнь наро овъ, несшихъ дань непобѣдимому царю гунновъ, начиналась у Кавказа и оканчивалась у Рейна. Готы, гепиды, алане, герулы, аказиры, туринги и славяне очутились въ границахъ его быстро раздавшейся кочевой имперіи. Греческій императоръ, испытавшій его презрѣніе, униженно присылалъ ему дань и ползалъ передъ его могуществомъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, почти карло, съ огромною головою, съ небольшими калмыцкими глазами, но такъ быстрыми, что ни одинъ изъ подданныхъ его не могъ выносить ихъ безъ невольнаго трепета. Однимъ этимъ взглядомъ онъ двигалъ всѣми своими племенами, которыя, несмотря на разбросанное свое положеніе, различіе жизни, нравовъ и обычаевъ, слились его словомъ въ одну душу. Посреди своихъ придворныхъ, блиставшихъ награбленнымъ золотомъ, этотъ необыкновенный человѣкъ носилъ грубую широкую одежду, лежалъ на простомъ войлокѣ, пилъ почти одну воду изъ деревяннаго котла; ни сѣдло, ни лошадь его не видали на себѣ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и самъ себя называлъ бичомъ Божіимъ, посланнымъ для того, чтобы исправить міръ. Власть его надъ войскомъ была безпредѣльна: оно вѣрило, что у него находится чудесный мечъ, который долженъ завоевать ему весь міръ. Повиновеніе покоренныхъ народовъ было изумительно. Впрочемъ, невозможно было и думать имъ о возмущеніи, потому что Аттила могъ выставить возлѣ своей ставки такую пирамиду изъ отрубленныхъ головъ, глядя на которую немного находилось охотниковъ. Онъ не любилъ заводить напрасно войны, особенно, когда миръ могъ ему доставить то же самое. Справедливость его была ужасна. Онъ показывалъ и великодушіе, но только рабамъ, простертымъ у ногъ его. Мщеніе же Аттилы... но вызвать его мщеніе никто не имѣлъ духа.

Предложеніе Гензериха, казалось, упредило его собственную мысль. Властительно собралъ онъ безчисленныя племена свои и шелъ на западъ. Римская имперія почувствовала всю опасность. Всѣ народы, составлявшіе тогда западъ Европы, встревожились. И тогда случилось странное событіе: вся западная дикая Европа сдвинулась въ одинъ союзъ. Римляне соединились со своими разрушителями, визиготами, аланами, франками. Народы кочующіе и пастушескіе шли на неподвижныхъ и уже отчасти земледѣльцевъ, стремительная и деспотическая Азія—на крѣпкую и вольную Европу. Нужно замѣтить, что германскіе народы, чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе означались вольнымъ духомъ. Альпы были древнимъ хранилищемъ европейской свободы, и вокругъ ихъ, на далекое разстояніе племена хранятъ еще и донынѣ черты независимости. Равнинамъ близъ Марны во Франціи опредѣлено было быть театромъ этой единственной битвы. Западная вольная Европа изъ римлянъ, визиготовъ, арморикановъ, бреоновъ, бургундовъ, саксоновъ, алановъ и франковъ, подъ начальствомъ королей, военныхъ предводителей и подъ высшимъ распоряженіемъ искуснаго Аэція, и восточная кочевая Европа изъ остроготовъ, алановъ, гепидовъ, маркомановъ, венедовъ, ломбардовъ, герулевъ, аказировъ, аваровъ, туринговъ, роксолановъ и нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ, подъ начальствомъ своихъ князей, королей и принцевъ, и движимыхъ одною всемогущею волею Аттилы, должны были рѣшить многое важное въ потомствѣ. Вольная Европа устояла. Неотразимая, разрушительная конница Аттилы была опрокинута вмѣстѣ съ союзными народами, и непобѣдимый гуннъ, употребившій все возможное напряженіе своей воли, поворотилъ свои табуны и народы въ равнины Венгріи и Паноніи. Аэцій, не желая дать перевѣса визиготамъ, дѣйствовавшимъ сильнѣе другихъ въ этой кровопролитной сѣчѣ, облегчилъ ему удаленіе. Великая лига, исполнившая свое назначеніе, разошлась и обратилась въ прежнія начала, увидя минувшею опасность.

Но ужасный предводитель гунновъ рвалъ на себѣ благородный клокъ волосъ своихъ отъ гнѣва и черезъ годъ, пополнивши свои войска новыми, вступилъ въ Италію, гдѣ безпечный императоръ Валентиніанъ и даже самъ Аэцій не мыслили объ опасности. Первый городъ, испытавшій его тяжелую руку, былъ Аквилея. Онъ его обратилъ въ пепелъ и заставилъ горсть спасшихся жителей зародить на Адріатическомъ морѣ Венецію. Отсюда прошелъ онъ всю Италію, дѣйствуя какъ огненный бичъ. Города: Конкордія, Бресчіа, Виченца, Падуа, Верона, Мантуа, Миланъ, Модена, Парма—представили однѣ обнаженныя стѣны.—„Клянусь,—гордо провозгласилъ дикій гуннъ,—что, гдѣ коснется копыто коня моего, тамъ болѣе не вырастетъ трава!“ Наконецъ, и Римъ увидѣлъ подъ стѣнами своими Аттилу. Испуганный папа, въ облаченіи, со всѣмъ крестнымъ ходомъ, вышелъ навстрѣчу неумолимому гунну, и великолѣпный ли обрядъ христіанства, или мысль, разсѣянная между дикими, даже языческими народами, о пребываніи чего-то священнаго въ Римѣ,—что бы то ни было, но Аттила отступилъ, взявши великій выкупъ, и вышелъ изъ Италіи.

Теперь предстояла очередь испытать его мщеніе и силу соединенной лигѣ западныхъ народовъ, но внезапная смерть его спасла ее. Аттила умеръ необыкновеннымъ образомъ. Суровый, воздержный,

не позволявшій золотымъ украшеніямъ и камнямъ убрать даже рукояти сабли и войлочнаго сѣдла своего, онъ въ одинъ день измѣнилъ свою жизнь. Сочетавшись бракомъ съ дочерью бактріанскаго царя, необыкновенною красавицею, упоенный виномъ и пиршествомъ, онъ съ такимъ неистовствомъ предался сладострастію, что выпилъ за однимъ разомъ всю желѣзную жизнь свою. Кровь у него пошла изъ ушей, изъ носа, изо рта — и онъ задохнулся.

Въ невѣдомой пустынѣ, среди глубокой ночи, копали могилу Аттилѣ, сопровождая пѣснями о его подвигахъ. Тѣло его было положено въ тройной гробъ — изъ золота, серебра и мѣди; съ нимъ легли его оружія, его конныя сбруи. На могилѣ его были заколоты всѣ рабы и копавшіе землю, чтобы никто изъ живущихъ не вѣдалъ о мѣстѣ, гдѣ лежатъ кости великаго человѣка *).

По смерти Аттилы, гунны вдругъ разсѣялись и разсыпались, какъ всякій азіатскій народъ, связанный только могущественною волею предводителя. Тогда европейскіе народы шире и вольнѣе раздались и болѣе приняли самостоятельности, и на востокѣ начали виднѣе показываться племена славянъ, которыя мало-по-малу разрослись въ шестьдесятъ разныхъ вѣтвей **), протянулись до Тироля, прошумѣли по уходѣ остроготовъ на границахъ имперіи Греческой и, углубившись въ великія пространства, наконецъ, превратились въ осѣдлыхъ народовъ.

Италія еще дымилась послѣ опустошенія Аттилы, но и среди полуразрушенныхъ развалинъ ея крылись еще происки. И въ этомъ изнеможенномъ государствѣ еще нашлись жалкіе честолюбцы! Сенаторъ Максимъ успѣлъ очернить передъ безсильнымъ императоромъ Валентиніаномъ единственную опору его шаткаго трона—Аэція, и неблагодарный Валентиніанъ убилъ его собственною рукою. Но, лишившись этой опоры, онъ самъ погибъ, умерщвленный Максимомъ, который самъ надѣлъ на свою дѣтски-честолюбивую голову императорскую корону и женился на его вдовѣ Евдоксіи. Мстительная вдова, раздраженная низкимъ умерщвленіемъ своего супруга и мало заботившаяся объ участи всей Италіи, тайно пригласила Гензериха вступить въ Римъ и отмстить за смерть императора, его союзника и друга.

Гензерихъ не любилъ заставлять долго ждать себя; онъ немедленно поднялся съ береговъ Африки съ толпами своихъ вандаловъ на пиратскихъ судахъ и высадился въ Италію. И что только уцѣлѣло отъ меча Аттилы, все то истребилъ, по своему обыкновенію, Гензерихъ. Онъ не очень разбиралъ, кто правъ, кто виноватъ, и кому онъ долженъ оказать помощь. Все испытало равную участь. Гензерихъ имѣлъ необыкновенное искусство грабить, послѣ него уже никто не могъ ничѣмъ поживиться. Римъ, который дотолѣ щаженъ былъ даже язычниками, былъ ограбленъ безъ милосердія этимъ христіанскимъ королемъ; все, что только можно было взять, онъ взялъ. Корабли свои онъ наполнилъ множествомъ плѣнниковъ, съ которыми самъ не зналъ что дѣлать; вывезъ множество артистовъ и художниковъ, увезъ даже супругу императора, къ которой пришелъ самъ на помощь, вмѣстѣ съ дочерьми ея, наконецъ, даже сорвалъ золотой куполъ съ Капитолія и утащилъ его вмѣстѣ съ другими сокровищами въ Африку.

Послѣ всѣхъ этихъ событій Италія не походила и на тѣнь прежней своей славы. Цвѣтущая, прекрасная, вѣнецъ европейской природы, она представила дикій видъ опустошенной, уничтоженной страны. Титло императора едва слышалось въ опустѣлыхъ городахъ. Римскій императоръ уже не могъ имѣть никакихъ доходовъ. Онъ не былъ въ состояніи даже платить жалованья собственному войску, набранному изъ геруловъ, ругіевъ и турцелинговъ. И тогда предводитель ихъ, Одоакръ, отрѣшилъ своего императора отъ должности, сдѣлался неограниченнымъ и независимымъ и уже не хотѣлъ принять императорскаго достоинства, но назвался просто королемъ геруловъ. Еще часть римскаго войска находилась какъ бы отрѣзанною за Альпами въ Галліи, и предводитель ея, Сіагрій, не зная ничего о происшествіи въ Италіи, защищалъ не существующую имперію противъ соединеннаго франкскаго союза, который сдѣлался уже слишкомъ страшнымъ, потому что имѣлъ предпріимчиваго короля и полководца Кловиса. Сіагрію, отрѣзанному отъ своего государства, не получавшему никакихъ подкрѣпленій, трудно было противуборствовать этимъ свѣжимъ силамъ: онъ уступилъ— и Галлія потопилась франкскими народами. Скоро послѣ того остроготы, предводимые Ѳеодорикомъ, двинулись съ сѣверныхъ границъ имперіи Восточной и заняли Италію, подчинивъ ея народы своей власти. Скоро послѣ того англосаксы на своихъ неуклюжихъ дерзкихъ корабляхъ перебрались черезъ море и овладѣли Англіею—и потомъ великія эмиграціи народовъ большими массами совершенно остановились, но въ частности и малыми силами онѣ производились безпрерывно. Дикіе охотники, воспитанные этими всеобщими странствіями и безпрерывною перемѣною мѣстъ, получили страсть къ приключеніямъ и путешествіямъ, и вся Европа, несмотря на то, что повидимому уже казалась неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку. Всѣ націи перемѣшались между собою такъ, что уже невозможно было отыскать

*) О гуннахъ и объ Аттилѣ: Іорнандъ, Дегинь, Фишеръ.
**) Конрадъ Гесперъ.

совершенно цѣльной, и только впослѣдствіи постоянный образъ правленія или занятій сообщилъ главнымъ изъ нихъ нѣкоторую особенность и нѣкоторые признаки отличія. Тогда было четыре первенствующихъ великихъ собраній или массъ народа, четыре главные пункта европейской силы. Въ Испаніи — визиготы, вторгнувшіеся туда съ частью покоренныхъ народовъ и присоединившіе къ себѣ уже въ Испаніи алановъ, свевовъ, вандаловъ и разныхъ подданныхъ имъ народовъ, зародившіе толпу сильныхъ противъ себя бандитовъ въ горахъ Астурійскихъ. Въ Галліи франки, уже составившіе націю изъ прежнихъ сосѣдей римлянъ, дунайскихъ и рейнскихъ германцевъ: узипетровъ, сигамбровъ, херусковъ, хатовъ, бруктеровъ, ангриваріевъ, хазуаріевъ и другихъ, соединившіеся съ туземцами римскими галлами, соединившіеся, но не слившіеся съ покоренными арморикапами, бретонами, алеманами, бургундами, отчасти бауарами и фризами, и простершіе владычество за Альпы и Рейнъ. Это было одно изъ сильнѣйшихъ собраній народовъ. Въ сѣверной Германіи саксоны, страшные своею дикостью и пиратствомъ, менѣе смѣшавшіеся съ другими народами, и въ Италіи остроготы, имѣвшіе въ толпахъ своихъ множество отродій народовъ, странствовавшихъ по восточной Европѣ — свевскихъ, аланскихъ, аварскихъ, славянскихъ, гепидскихъ — и, подъ расторопнымъ, твердымъ управленіемъ Ѳеодорика, получившіе на время перевѣсъ въ Европѣ. Сверхъ того еще, всѣ эти великія массы народовъ распространяли покровительственную власть свою надъ многими отдаленными племенами. Взаимныя границы ихъ часто терялись въ неопредѣленныхъ пространствахъ; въ этихъ промежуткахъ земли, иногда черезполосно и независимо, сохранялись многіе народы: такимъ образомъ, въ средней Германіи — ломбарды, потомъ блеснувшіе въ Италіи, часть бауаровъ, всѣ народы, жившіе въ неизмѣнныхъ прежде лѣсахъ Гарца и въ гористыхъ уклоненіяхъ Альпъ. Востокъ Европы занимали совершенно разбросанныя племена славянскія, которыя, находясь подъ вѣчнымъ угнетеніемъ всѣхъ стремившихся изъ Азіи народовъ, еще не успѣли явиться дѣятелями всемірной исторіи. За означеннымъ кругомъ, на сѣверъ и на востокъ, разсѣивались народы, еще покрытые темною недѣятельностью.

Такова была Европа въ это шумное окончаніе V вѣка, когда непостижимою волею Провидѣнія величественный хаосъ, носившій темныя начала новаго свѣта, опустился на Европу, когда разрушающіе народы безобразными массами текли на народы, колоссально совершались мрачныя событія, когда имена Алариха, Гензериха и Аттилы пронеслись безпокойными кометами, когда между тѣмъ древній міръ долго дотлѣвалъ на востокѣ, робкое римское просвѣщеніе прижалось къ берегамъ Сиріи, Александріи, Цареграда, и ереси Несторія и Евтихія раздирали дряхлыя, старческія его силы.

Писано около конца 1834 г.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.

Октября 3.

Сегодняшняго дня случилось необыкновенное приключеніе. Я всталъ поутру довольно поздно, и когда Мавра принесла мнѣ вычищенные сапоги, я спросилъ, который часъ. Услышавши, что уже давно било десять, я поспѣшилъ поскорѣе одѣться. Признаюсь, я бы совсѣмъ не пошелъ въ департаментъ, зная заранѣе, какую кислую мину сдѣлаетъ нашъ начальникъ отдѣленія. Онъ уже давно мнѣ говоритъ: „Что это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда ералашъ такой? Ты иной разъ метаешься, какъ угорѣлый, дѣло подчасъ такъ спутаешь, что самъ сатана не разберетъ, въ титулѣ поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера“. Проклятая цапля! Онъ, вѣрно, завидуетъ, что я сижу въ директорскомъ кабинетѣ и очиниваю перья для его пр—ва. Словомъ, я не пошелъ бы въ департаментъ, если бы не надежда видѣться съ казначеемъ и, авось-либо, выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь изъ жалованья впередъ. Вотъ еще созданіе! Чтобы онъ выдалъ когда-нибудь впередъ за мѣсяцъ деньги—Господи, Боже мой, да скорѣе страшный судъ придетъ. Проси, хоть тресни, хоть будь въ разнуждѣ, — не выдастъ, сѣдой чортъ. А на квартирѣ собственная кухарка бьетъ его по щекамъ; это всему свѣту извѣстно. Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ, фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: „Это,—говоритъ,—докторскій подарокъ“; а ему давай или пару рысаковъ, или дрожки, или боберъ рублей въ триста. Съ виду такой тихенькій, говоритъ такъ деликатно: „Одолжите ножичка починить перышко“, а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ. Правда, у насъ за то служба благородная, чистота во всемъ такая, какой во вѣки не видѣть губернскому правленію, столы изъ краснаго дерева, и всѣ начальники на *вы*... Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставилъ департаментъ.

Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому что шелъ проливной дождь. На улицахъ не было никого; однѣ только бабы, накрывшись полами платья, да русскіе купцы подъ зонтиками, да курьеры попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ только нашъ братъ, чиновникъ, попался мнѣ. Я увидѣлъ его на перекресткѣ. Я, какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: „Эге! нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь, ты спѣшишь вонъ за тою, что бѣжитъ впереди, и глядишь на ея ножки". Что это за бестія нашъ братъ, чиновникъ! Ей Богу, не уступитъ никакому офицеру: пройди только какая-нибудь въ шляпкѣ, непремѣнно зацѣпитъ. Когда я думалъ это, увидѣлъ подъѣхавшую карету къ магазину, мимо котораго я проходилъ. Я сейчасъ узналъ ее: это была карета нашего директора. „На ему незачѣмъ въ магазинъ,—я подумалъ,—вѣрно, это его дочка". Я прижался къ стѣнкѣ. Лакей отворилъ дверцы, и она выпорхнула изъ кареты, какъ птичка. Какъ взглянула она направо и налѣво, какъ мелькнула своими бровями и глазами... Господи, Боже мой, пропалъ я, пропалъ совсѣмъ! И зачѣмъ ей выѣзжать въ такую дождевую пору! Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть до всѣхъ этихъ тряпокъ. Она не знала меня, да и я самъ нарочно старался закутаться какъ можно болѣе, потому что на мнѣ была шинель очень запачканная и притомъ стараго фасона. Теперь плащи носятъ съ длинными воротниками, а на мнѣ были коротенькіе, одинъ на другомъ, да и сукно совсѣмъ не дегатированное. Собачонка ея, не успѣвши вскочить въ дверь магазина, осталась на улицѣ. Я знаю эту собачонку. Ее зовутъ—Меджи. Не успѣлъ я пробыть минуту, какъ вдругъ слышу тоненькій голосокъ: „Здравствуй, Меджи!" Вотъ тебѣ на! кто это говоритъ? Я обсмотрѣлся и увидѣлъ шедшихъ подъ зонтикомъ двухъ дамъ: одну старушку, другую молоденькую; но онѣ уже прошли, а возлѣ меня опять раздалось: „Грѣхъ тебѣ, Меджи!" Что за чортъ! я увидѣлъ, что Меджи обнюхивалась съ собачонкою, шедшею за дамами. „Эге!—сказалъ я самъ себѣ,—да, полно, не пьянъ ли я! Только это, кажется, со мною рѣдко случается". — „Нѣтъ, Фидель, ты напрасно думаешь,—произнесла, — я видѣлъ самъ, что произнесла Меджи,—я была, авъ, авъ, я была, авъ, авъ! очень больна!" Ахъ ты-жъ собачонка! вишь! Признаюсь, я очень удивился, услышавъ ее говорящую по-человѣчески; но послѣ, когда я сообразилъ все это хорошенько, то тогда же пересталъ удивляться. Дѣйствительно, на свѣтѣ уже случилось множество подобныхъ примѣровъ. Говорятъ, въ Англіи выплыла рыба, которая сказала два слова на такомъ страшномъ языкѣ, что ученые уже три года стараются опредѣлить и еще до сихъ поръ ничего не открыли. Я читалъ тоже въ газетахъ о двухъ коровахъ, которыя пришли въ лавку и спросили себѣ фунтъ чаю. Но, признаюсь, я гораздо болѣе удивился, когда Меджи сказала: „Я писала къ тебѣ, Фидель; вѣрно, Полкинъ не принесъ письма моего!" Чортъ возьми! Я еще въ жизнь не слышалъ, чтобы собака могла писать. Правильно писать можетъ только дворянинъ. Оно конечно, нѣкоторые и купчики-конторщики и даже крѣпостной народъ пописываетъ иногда, но ихъ писаніе бо́льшею частью механическое: ни запятыхъ, ни точекъ, ни слога.

Это меня удивило. Признаюсь, съ недавняго времени я начинаю иногда слышать и видѣть такія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ. „Пойду-ка я,—сказалъ я самъ себѣ,—за этой собачонкою и узнаю, что́ она и что́ такое думаетъ". Я развернулъ свой зонтикъ и отправился за двумя дамами. Перешли въ Гороховую, поворотили въ Мѣщанскую, оттуда въ Столярную, наконецъ, къ Кокушкину мосту и остановились передъ большимъ домомъ. „Этотъ домъ я знаю,—сказалъ я самъ въ себѣ,—это домъ Звѣркова". Эка машина! Какого въ немъ народа не живетъ: сколько кухарокъ, сколько пріѣзжихъ! а нашей братьи — чиновниковъ, какъ собакъ, одинъ на другомъ сидитъ, а третьимъ погоняетъ. Тамъ есть и у меня одинъ пріятель, который хорошо играетъ на трубѣ. Дамы взошли въ пятый этажъ. „Хорошо,—подумалъ я,—теперь не пойду, а замѣчу мѣсто и при первомъ случаѣ не премину воспользоваться".

Октября 4.

Сегодня середа, и потому я былъ у нашего начальника въ кабинетѣ. Я нарочно пришелъ пораньше и, засѣвши, перечинилъ всѣ перья. Нашъ директоръ долженъ быть очень умный человѣкъ. Весь кабинетъ его уставленъ шкапами съ книгами. Я читалъ названіе нѣкоторыхъ: все ученость, такая ученость, что нашему брату и приступа нѣтъ,—все или на французскомъ, или на нѣмецкомъ. А посмотрѣть въ лицо ему: фу, какая важность сіяетъ въ глазахъ! Я еще никогда не слышалъ, чтобы онъ сказалъ лишнее слово. Только, развѣ, когда подашь бумаги, спроситъ: „Каково на дворѣ?" — „Сыро, ваше превосходительство!" Да, не нашему брату чета! Государственный человѣкъ. Я замѣчаю, однакоже, что онъ меня особенно любитъ. Если бы и дочка... эхъ, канальство!.. Ничего, ничего, молчаніе! — Читалъ Пчелку. Эка глупый народъ французы! Ну, чего хотятъ они? Взялъ бы, ей Богу, ихъ всѣхъ да и перепоролъ розгами! Тамъ же читалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣ-

щикомъ. Курскіе помѣщики хорошо пишутъ. Послѣ этого замѣтилъ я, что уже било половину перваго, а нашъ не выходилъ изъ своей спальни. Но около половины второго случилось происшествіе, котораго никакое перо не опишетъ. Отворилась дверь, я думалъ, что директоръ, и вскочилъ со стула съ бумагами; но это была она, она сама! Святители, какъ она была одѣта! Платье на ней было бѣлое, какъ лебедь, — фу, какое пышное! А какъ глянула — солнце! ей Богу, солнце! Она поклонилась и сказала: „Папа здѣсь не было?“ Ай, ай, ай! какой голосокъ! Канарейка, право, канарейка! „Ваше превосходительство,—хотѣлъ я было сказать,—не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашею генеральскою ручкою“, да, чортъ возьми, какъ-то языкъ не поворотился, и я сказалъ только: „никакъ нѣтъ-съ“. Она поглядѣла на меня, на книги и уронила платокъ. Я кинулся со всѣхъ ногъ, поскользнулся на проклятомъ паркетѣ и чуть-чуть не расклеилъ носа, однакожъ удержался и досталъ платокъ. Святые, какой платокъ! тончайшій, батистовый — амбра, совершенная амбра! такъ и дышитъ отъ него генеральствомъ. Она поблагодарила и чуть-чуть усмѣхнулась, такъ что сахарныя губки ея почти не тронулись, и послѣ этого ушла. Я еще часъ сидѣлъ, какъ вдругъ пришелъ лакей и сказалъ: „Ступайте, Аксентій Ивановичъ, домой, баринъ уже уѣхалъ изъ дому“. Я терпѣть не могу лакейскаго круга: всегда развалится въ передней и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: одинъ разъ одна изъ этихъ бестій вздумала меня, не вставая съ мѣста, потчевать табачкомъ. Да знаешь ли ты, глупый холопъ, что я чиновникъ, я благороднаго происхожденія? Однакожъ, я взялъ шляпу и надѣлъ самъ на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадутъ, и вышелъ. Дома бо́льшею частью лежалъ на кровати. Потомъ переписалъ очень хорошіе стишки: „Душеньки часокъ не видя, Думалъ, годъ ужь не видалъ; Жизнь мою возненавидя, Льзя ли жить мнѣ, я сказалъ“ Должно быть Пушкина сочиненіе. Ввечеру, закутавшись въ шинель, ходилъ къ подъѣзду ея пр—ва и поджидалъ долго, не выйдетъ ли сѣсть въ карету, чтобы посмотрѣть еще разикъ; но нѣтъ, не выходила.

Ноября 6.

Разбѣсилъ начальникъ отдѣленія. Когда я пришёлъ въ департаментъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и началъ мнѣ говорить такъ: „Ну, скажи, пожалуйста, что ты дѣлаешь?“ — „Какъ что? Я ничего не дѣлаю“,—отвѣчалъ я.—„Ну, размысли хорошенько! Вѣдь тебѣ уже за сорокъ лѣтъ—пора бы ума набраться. Что ты воображаешь себѣ? Ты думаешь, я не знаю всѣхъ твоихъ проказъ? Вѣдь ты волочишься за директорскою дочерью! Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты! Вѣдь ты нуль, болѣе ничего. Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша за душою. Взгляни хоть въ зеркало на свое лицо — куда тебѣ думать о томъ!“ Чортъ возьми, что у него лицо похоже нѣсколько на аптекарскій пузырекъ, да на головѣ клочокъ волосъ, завитый хохолкомъ, да держитъ ее кверху, да примазываетъ ее какою-то розеткою, такъ ужь и думаетъ, что ему только одному все можно. Понимаю, понимаю, отчего онъ злится на меня. Ему завидно: онъ увидѣлъ, можетъ быть, предпочтительно мнѣ оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность надворный совѣтникъ! Вывѣсилъ золотую цѣпочку къ часамъ, заказываетъ сапоги по тридцати рублей—да чортъ его побери! Я развѣ изъ какихъ-нибудь разночинцевъ, изъ портныхъ, или изъ унтеръ-офицерскихъ дѣтей? Я дворянинъ. Что-жъ, и я могу дослужиться. Мнѣ еще сорокъ два года — время такое, въ которое, по-настоящему, только-что начинается служба. Погоди, пріятель! будемъ и мы полковникомъ, а, можетъ быть, если Богъ дастъ, то чѣмъ-нибудь и побольше. Заведемъ и мы себѣ квартиру и еще, можетъ быть, получше твоей. Что-жъ ты себѣ забралъ въ голову, что кромѣ тебя уже нѣтъ вовсе порядочнаго человѣка? Дай-ка мнѣ ручевскій фракъ, сшитый по модѣ, да повяжи я себѣ такой, какъ ты, галстукъ,—тебѣ тогда не стать мнѣ и въ подметки. Достатковъ нѣтъ — вотъ бѣда.

Ноября 8.

Былъ въ театрѣ. Играли русскаго дурака Филатку. Очень смѣялся. Былъ еще какой-то водевиль съ забавными стишками на стрянчихъ, особенно на одного коллежскаго регистратора, весьма вольно написанные, такъ что я дивился, какъ пропустила цензура; а о купцахъ прямо говорятъ, что они обманываютъ народъ, и что сынки ихъ дебошничаютъ и лѣзутъ въ дворяне. Про журналистовъ тоже очень забавный куплетъ: что они любятъ все бранить, и что авторъ проситъ у публики защиты. Очень забавныя пьесы пишутъ нынче сочинители. Я люблю бывать въ театрѣ. Какъ только грошъ заведется въ карманѣ — никакъ не утерпишь не пойти. А вотъ изъ нашей братьи чиновниковъ есть такія свиньи: рѣшительно не пойдетъ, мужикъ, въ театръ; развѣ уже дашь ему билетъ даромъ. Пѣла одна актриса очень хорошо. Я вспомнилъ о той... эхъ, канальство!.. Ничего, ничего... молчаніе.

Ноября 9.

Въ восемь часовъ отправился въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія показалъ такой видъ, какъ будто бы онъ не замѣтилъ моего прихода. Я тоже съ своей стороны, какъ будто бы между нами ничего не было. Пересматривалъ и свѣрялъ бумаги. Вышелъ въ четыре часа. Проходилъ мимо директорской квартиры, но никого не было видно. Послѣ обѣда большею частью лежалъ на кровати.

Ноября 11.

Сегодня сидѣлъ въ кабинетѣ нашего директора, починилъ для него 23 пера, и для ея... ай! ай!.. для ея превосходительства четыре пера. Онъ очень любитъ, чтобы стояло побольше перьевъ. У, долженъ быть голова! Все молчитъ, а въ головѣ, я думаю, все обсуживаетъ. Желалось бы мнѣ узнать, о чемъ онъ больше всего думаетъ, что такое затѣвается въ этой головѣ. Хотѣлось бы мнѣ разсмотрѣть поближе жизнь этихъ господъ, всѣ эти экивоки и придворныя штуки: какъ они, что они дѣлаютъ въ своемъ кругу—вотъ что бы мнѣ хотѣлось узнать! Я думалъ нѣсколько разъ завести разговоръ съ его пр—вомъ, только, чортъ возьми, никакъ не слушается языкъ; скажешь только холодно или тепло на дворѣ, а больше рѣшительно ничего не выговоришь. Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ гостиную, куда видишь только иногда отворенную дверь, за гостиною еще въ одну комнату. Эхъ, какое богатое убранство! Какіе зеркала и фарфоры! Хотѣлось бы заглянуть туда, на ту половину, гдѣ ея пр—во,—вотъ куда хотѣлось бы мнѣ! въ будуаръ, какъ тамъ стоятъ всѣ эти баночки, скляночки, цвѣты такіе, что и дохнуть на нихъ страшно, какъ лежитъ тамъ разбросанное ея платье, больше похожее на воздухъ, чѣмъ на платье. Хотѣлось бы заглянуть въ спальню... тамъ-то, я думаю, чудеса тамъ—что, я думаю, рай, какого и на небесахъ нѣтъ. Посмотрѣть бы ту скамеечку, на которую она становитъ, вставая съ постели, свою ножку, какъ надѣвается на эту ножку бѣлый, какъ снѣгъ, чулочекъ... Ай! ай! ай! ничего, ничего... молчаніе.

Сегодня, однакожъ, меня какъ бы свѣтомъ озарило: я вспомнилъ тотъ разговоръ двухъ собачонокъ, который слышалъ я на Невскомъ проспектѣ. „Хорошо,—подумалъ я самъ въ себѣ,—я теперь узнаю все. Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дряпныя собачонки. Тамъ я, вѣрно, кое-что узнаю“. Признаюсь, я даже подозвалъ было къ себѣ одинъ разъ Меджи и сказалъ ей: „Послушай, Меджи, вотъ мы теперь одни; я, когда хочешь, и дверь запру, такъ что никто не будетъ видѣть,—разскажи мнѣ все, что знаешь про барышню: что она и какъ? Я себѣ побожусь, что никому не открою“. Но хитрая собачонка поджала хвостъ, съежилась вдвое и вышла тихо въ двери, такъ, какъ будто бы ничего не слышала. Я давно подозрѣвалъ, что собака гораздо умнѣе человѣка; я даже былъ увѣренъ, что она можетъ говорить, но что въ ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политикъ: все замѣчаетъ, всѣ шаги человѣка. Нѣтъ, во что бы то ни стало, я завтра же отправлюсь въ домъ Звѣркова, допрошу Фидель и, если удастся, перехвачу всѣ письма, которыя писала къ ней Меджи.

Ноября 12.

Въ два часа пополудни отправился я съ тѣмъ, чтобы непремѣнно увидѣть Фидель и допросить ее. Я терпѣть не люблю капусты, запахъ которой валитъ изъ всѣхъ мелочныхъ лавочекъ въ Мѣщанской; къ тому же изъ-подъ воротъ каждаго дома несетъ такой адъ, что я, заткнувъ носъ, бѣжалъ во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускаютъ копоти и дыму изъ своихъ мастерскихъ такое множество, что человѣку благородному рѣшительно невозможно здѣсь прогуливаться. Когда я пробрался въ шестой этажъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, вышла дѣвчонка не совсѣмъ дурная собою, съ маленькими веснушками. Я узналъ ее: это была та самая, которая шла вмѣстѣ со старушкою. Она немножко закраснѣлась, и я тотчасъ смекнулъ — ты, голубушка, жениха хочешь. „Что вамъ угодно?“ сказала она. „Мнѣ нужно поговорить съ вашей собачонкой“. Дѣвчонка была глупа! Я сейчасъ узналъ, что глупа! Собачонка въ это время прибѣжала съ ласмъ; я хотѣлъ ее схватить, но мерзкая чуть не схватила меня зубами за носъ. Я увидалъ, однако-же, въ углу ея лукошко. Э, вотъ этого мнѣ и нужно! Я подошелъ къ нему, перерылъ солому въ деревянной коробкѣ и, къ необыкновенному удовольствію своему, вытащилъ небольшую связку маленькихъ бумажекъ. Скверная собачонка, увидѣвши это, спачала укусила меня за икру, а потомъ, когда пронюхала, что я взялъ бумаги, начала визжать и ластиться, но я сказалъ: „Нѣтъ, голубушка, прощай!“ и бросился бѣжать. Я думаю, что дѣвчонка приняла меня за сумасшедшаго, потому что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой, я хотѣлъ-было тотъ же часъ приняться за работу и разобрать эти письма, потому что при свѣчахъ нѣсколько дурно вижу; но Мавра вздумала мыть полъ. Эти глупыя чухонки всегда некстати чистоплотны. И потому я пошелъ прохаживаться и обдумывать свое происшествіе. Теперь-то, наконецъ, я узнаю всѣ дѣла, помышленія, всѣ эти пружины, и доберусь, наконецъ, до всего. Эти письма мнѣ все откроютъ. Собаки народъ умный, онѣ знаютъ всѣ политическія отношенія и потому, вѣрно, тамъ будетъ все про нашего: портретъ и

всѣ дѣла этого мужа. Тамъ будетъ что-нибудь и о той, которая... ничего, молчаніе! Къ вечеру я пришелъ домой. Большею частью лежалъ на кровати.

Ноября 13.

А ну, посмотримъ! Письмо довольно четкое, однако-же въ почеркѣ все есть какъ будто что-то собачье. Прочитаемъ:

«Милая Фидель! я все не могу привыкнуть къ твоему мѣщанскому имени. Какъ будто бы уже не могли дать тебѣ лучшаго? Фидель, Роза, — какой пошлый тонъ! Однакожъ, все это въ сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать другъ къ другу».

Письмо писано очень правильно. Пунктуація и даже буква *ъ* вездѣ на своемъ мѣстѣ. Да этакъ, просто, не напишетъ и нашъ начальникъ отдѣленія, хотя онъ и толкуетъ, что гдѣ-то учился въ университетѣ. Посмотримъ далѣе.

«Мнѣ кажется, что раздѣлять мысли, чувства и впечатлѣнія съ другимъ есть одно изъ первыхъ благъ на свѣтѣ»

Гм!.. мысль почерпнута изъ одного сочиненія, переведеннаго съ нѣмецкаго. Названія не припомню.

«Я говорю это по опыту, хотя и не бѣгала по свѣту далѣе воротъ нашего дома. Моя ли жизнь не протекаетъ въ довольствѣ? Моя барышня, которую папа называетъ Софи, любитъ меня безъ памяти»

Ай, ай!.. ничего, ничего! Молчаніе!

«Папа тоже очень часто ласкаетъ. Я пью чай и кофій со сливками. Ахъ, ma chère, я должна тебѣ сказать, что я вовсе не вижу удовольствія въ большихъ обглоданныхъ костяхъ, которыя жретъ на кухнѣ нашъ Полканъ. Кости хороши только изъ дичи и притомъ тогда, когда еще никто не высосалъ изъ нихъ мозга. Очень хорошо мѣшать нѣсколько соусовъ вмѣстѣ, но только безъ капersовъ и безъ зелени; но я не знаю ничего хуже обыкновенія давать собакамъ скатанные изъ хлѣба шарики. Какой-нибудь сидящій за столомъ господинъ, который въ рукахъ своихъ держалъ всякую дрянь, начнетъ мять этими руками хлѣбъ, подзоветъ тебя и сунетъ тебѣ въ зубы шарикъ. Отказаться какъ-то неучтиво,—ну, и ѣшь, съ отвращеніемъ, а ѣшь»...

Чортъ знаетъ, что такое! Экой вздоръ! Какъ будто бы не было предмета получше, о чемъ писать. Посмотримъ на другой страницѣ, не будетъ ли чего подѣльнѣе.

«... Я съ большою охотою готова тебя увѣдомлять о всѣхъ бывающихъ у насъ происшествіяхъ. Я уже тебѣ кое-что говорила о главномъ господинѣ, котораго Софи называетъ папа. Это очень странный человѣкъ»...

А, вотъ наконецъ! Да, я зналъ; у нихъ политическій взглядъ на всѣ предметы. Посмотримъ, что папа.

«...очень странный человѣкъ. Онъ больше все молчитъ; говоритъ очень рѣдко. Но недѣлю назадъ безпрестанно говорилъ самъ съ собою: «Получу, или не получу?» Возьметъ въ одну руку бумажку, другую сложитъ пустую и говоритъ: «Получу или не получу?» Одинъ разъ онъ обратился и ко мнѣ съ вопросомъ. «Какъ ты думаешь, Меджи, получу или не получу?» Я ровно ничего не могла понять, понюхала его сапогъ и ушла прочь. Потомъ, ma chère, черезъ недѣлю папа пришелъ въ большой радости. Все утро ходили къ нему господа въ мундирахъ и съ чѣмъ-то поздравляли. За столомъ онъ былъ такъ веселъ, какъ я еще никогда не видала, отпускалъ анекдоты. А послѣ обѣда поднялъ меня къ своей шеѣ и сказалъ; «А посмотри, Меджи, что это такое». Я увидѣла какую-то ленточку. Я нюхала ее, но рѣшительно не нашла никакого аромата; наконецъ, потихоньку лизнула: соленое немного».

Гмъ! Эта собачонка, мнѣ кажется, уже слишкомъ,.. чтобы ее не высѣкли! А, такъ онъ честолюбецъ! Это нужно взять къ свѣдѣнію.

«...Прощай, ma chère! Я бѣгу и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо.—Ну, здравствуй! я теперь снова съ тобою. Сегодня барышня моя Софи»...

А! ну, посмотримъ, что Софи. Эхъ, каналь-ство!.. Ничего, ничего... будемъ продолжать.

« ..барышня моя Софи была въ чрезвычайной суматохѣ. Она собиралась на балъ, и я очень обрадовалась, что въ отсутствіе ея могу писать къ тебѣ. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ѣхать на балъ, хотя при одѣваніи всегда почти сердится. Я не могу понять, отчего люди одѣваются. Почему не ходить такъ, напримѣръ, какъ мы? И хорошо, и покойно. Я никакъ не понимаю, ma chère, удовольствія ѣхать на балъ. Софи пріѣзжаетъ всегда съ балу домой въ 6 часовъ утра, и я всегда почти угадываю по ея блѣдному и тощему виду, что ей, бѣдняжкѣ, не давали тамъ ѣсть. Я, признаюсь, никогда бы не могла такъ жить Если бы мнѣ не дали соуса съ рябчикомъ, или жаркого куриныхъ крылышекъ, то... я не знаю, что бы со мною было. Хорошъ также соусъ съ кашкою; а морковь, или рѣпа, или артишоки—никогда не будутъ хороши».

Чрезвычайно неровный слогъ! Тотчасъ видно, что не человѣкъ писалъ: начнетъ такъ, какъ слѣдуетъ, а кончитъ собачиною. Посмотримъ-ка еще въ одно письмецо. Что-то длинновато. Гмъ! и числа не выставлено.

«Ахъ, милая, какъ ощутительно приближеніе весны! Сердце мое бьется, какъ будто все кого-то ожидаетъ. Въ ушахъ у меня вѣчный шумъ, такъ что я часто, подпявши ножку, стою нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ дверямъ. Я тебѣ открою, что у меня много куртизановъ. Я часто, сидя на окнѣ, разсматриваю ихъ. Ахъ, если-бъ ты знала, какіе между ними есть уроды! Иной преляповатый, дворняга, глупъ страшно, на лицѣ написана глупость, преважно идетъ по улицѣ и воображаетъ, что онъ презнатная особа, думаетъ, что такъ на него и заглядятся всѣ. Ничуть! Я даже и вниманія не обратила—такъ, какъ бы и не видала его. А какой странный догъ останавливается передъ моимъ окномъ! Если бы онъ сталъ на заднія лапы, чего, грубіянъ, онъ, вѣрно, не умѣетъ, то онъ бы былъ цѣлою головою выше папа моей Софи, который тоже довольно высокаго роста и толстъ собою. Этотъ болванъ, должно-быть, наглецъ преужасный. Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало: хотя бы поморщился! высунулъ свой языкъ, повѣсилъ огромныя уши и глядитъ въ окно—такой мужикъ! Но неужели ты думаешь, ma chère, что сердце мое равнодушно ко всѣмъ искаліямъ? Ахъ, нѣтъ... Если бы ты видѣла одного кавалера, перелѣзающаго черезъ заборъ сосѣдняго дома, именемъ Трезора... Ахъ, ma chère, какая у него мордочка!...»

Тьфу, къ чорту!.. Экая дрянь! И какъ можно наполнять письма этакими глупостями! Мнѣ пода-

вайте человѣка! Я хочу видѣть человѣка, я требую духовной пищи,—той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вмѣсто того этакіе пустяки... Перевернемъ черезъ страницу, не будетъ ли лучше?

«...Софи сидѣла за столикомъ и что-то шила. Я глядѣла въ окно, потому что я люблю разсматривать прохожихъ, какъ вдругъ вошелъ лакей и сказалъ: «Тепловъ!»—«Проси!» закричала Софи и бросилась меня обнимать. «Ахъ, Меджи, Меджи! Если-бъ ты знала, кто это: брюнетъ, камеръ-юнкеръ, а глаза какіе! черные, какъ агатъ!» И Софи убѣжала къ себѣ. Минуту спустя, вошелъ молодой камеръ-юнкеръ, съ черными бакенбардами, подошелъ къ зеркалу, поправилъ волоса и осмотрѣлъ комнату. Я поворчала и сѣла на свое мѣсто. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шаркань; а я себѣ такъ, какъ будто не замѣчая ничего, продолжала глядѣть въ окошко; однакожъ, голову наклонила нѣсколько на-бокъ и старалась услышать, о чемъ они говорятъ, Ахъ, ma chère, о какомъ вздорѣ они говорили! Они говорили о томъ, какъ одна дама въ танцахъ, вмѣсто одной какой-то фигуры, сдѣлала другую; также, что какой-то Бобовъ былъ очень похожъ въ своемъ жабо на аиста, и чуть было не упалъ, что какая-то Лидина воображаетъ, что у нея голубые глаза, между тѣмъ какъ они зеленые,—и тому подобное. «Куда-жъ,—подумала я сама въ себѣ,—если сравнить камеръ-юнкера съ Трезоромъ! Небо! какая разница! Во-первыхъ, у камеръ-юнкера совершенно гладкое широкое лицо и вокругъ бакенбарды, какъ будто бы онъ обвязалъ его чернымъ платкомъ; а у Трезора мордочка тоненькая, и на самомъ лбу бѣлая лысинка Талію Трезора и сравнить нельзя съ камеръ-юнкерскою. А глаза, пріемы, ухватки совершенно не тѣ. О, какая разница! Я не знаю, ma chère, что она нашла въ своемъ Тепловѣ. Отчего она такъ имъ восхищается?...»

Мнѣ самому кажется, здѣсь что-нибудь да не такъ. Не можетъ быть, чтобы ее могъ такъ обворожить Тепловъ. Посмотримъ далѣе:

«Мнѣ кажется, если этотъ камеръ-юнкеръ нравится, то скоро будетъ нравиться и тотъ чиновникъ, который сидитъ у папа въ кабинетѣ. Ахъ, ma chère, еслибъ ты знала, какой это уродъ! Совершенная черепаха въ мѣшкѣ» .

Какой же бы это чиновникъ?..

«Фамилія его престранная. Онъ всегда сидитъ и чинитъ перья. Волоса на головѣ его очень похожи на сѣно. Папа иногда посылаетъ его вмѣсто слуги»...

Мнѣ кажется, что эта мерзкая собачонка мѣтитъ на меня. Гдѣ-жъ у меня волоса какъ сѣно?

«Софи никакъ не можетъ удержаться отъ смѣху, когда глядитъ на него».

Врешь ты, проклятая собачонка! Экій мерзкій языкъ! Какъ будто я не знаю, что это дѣло зависти? Какъ будто я не знаю, чьи здѣсь штуки? Это штуки начальника отдѣленія. Вѣдь поклялся же человѣкъ непримиримою ненавистью — и вотъ вредитъ да и вредитъ, на каждомъ шагу вредитъ. Посмотримъ, однако-же, еще одно письмо. Тамъ, можетъ быть, дѣло раскроется само собою.

«Ma chère Фидель, ты извини меня, что такъ давно не писала Я была въ совершенномъ упоеніи. Подлинно справедливо сказалъ какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Притомъ же у насъ въ домѣ теперь большія перемѣны. Камеръ-юнкеръ теперь у насъ каждый день. Софи влюблена въ него до безумія. Папа очень веселъ. Я даже слышала отъ нашего Григорія, который мететъ полъ и всегда почти разговариваетъ самъ съ собою, что скоро будетъ свадьба, потому что папа хочетъ непремѣнно видѣть Софи или за генераломъ, или за камеръ-юнкеромъ, или за военнымъ полковникомъ»...

Чортъ возьми! я не могу больше читать... Все или камеръ-юнкеръ, или генералъ. Все, что есть лучшаго на свѣтѣ, все достается или камеръ-юнкерамъ, или генераламъ. Найдешь себѣ бѣдное богатство, думаешь достать его рукою,—срываетъ у тебя камеръ-юнкеръ или генералъ. Чортъ побери! Желалъ бы я самъ сдѣлаться генераломъ, не для того, чтобы получить руку и прочее,—нѣтъ, хотѣлъ бы быть генераломъ для того только, чтобы увидѣть, какъ они будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разные придворные штуки и экивоки, и потомъ сказать имъ, что я плюю на васъ обоихъ. Чортъ побери, досадно! Я изорвалъ въ клочки письма глупой собачонки.

Декабря 3.

Не можетъ быть. Враки! Свадьбѣ не бывать! Что-жъ изъ того, что онъ камеръ-юнкеръ? Вѣдь это больше ничего, кромѣ достоинство: не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять въ руки. Вѣдь черезъ то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу. Вѣдь у него же носъ не изъ золота сдѣланъ, а такъ же, какъ и у меня, какъ и у всякаго; вѣдь онъ имъ нюхаетъ, а не ѣстъ, чихаетъ, а не кашляетъ. Я нѣсколько разъ уже хотѣлъ добраться, отчего происходятъ всѣ эти разности. Отчего я титулярный совѣтникъ и съ какой стати я титулярный совѣтникъ? Можетъ быть, я совсѣмъ не титулярный совѣтникъ? Можетъ быть, я какой-нибудь графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ. Можетъ быть, я самъ еще не знаю, кто я таковъ. Вѣдь сколько примѣровъ по исторіи: какой-нибудь простой, не то уже, чтобы дворянинъ, а просто какой-нибудь мѣщанинъ или даже крестьянинъ — и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ, или какъ его... Когда изъ мужика да иногда выходитъ этакое, что же изъ дворянина можетъ выйти? Вдругъ, напримѣръ, я вхожу къ нашему въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета, и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо голубая лента—что? какъ тогда запоетъ красавица моя? Что скажетъ и самъ папа, директоръ нашъ? О, это большой честолюбецъ! Это—масонъ, непремѣнно масонъ; хотя онъ и прикидывается такимъ и этакимъ, но я тотчасъ замѣтилъ, что онъ масонъ: онъ, если даетъ кому руку, то высовываетъ только два пальца. Да развѣ я не могу быть сію же минуту пожалованъ

Въ Испаніи есть король. Онъ отысканъ. Этотъ король—я.

генералъ-губернаторомъ, или интендантомъ, или тамъ другимъ какимъ-нибудь? Мнѣ бы хотѣлось знать, отчего я титулярный совѣтникъ? Почему именно титулярный совѣтникъ?

Декабря 5.

Я сегодня все утро читалъ газеты. Странныя дѣла дѣлаются въ Испаніи. Я даже не могъ хорошенько разобрать ихъ. Пишутъ, что престолъ упраздненъ, и что чины находятся въ затруднительномъ положеніи о избраніи наслѣдника, и отъ того происходятъ возмущенія. Мнѣ кажется это чрезвычайно страннымъ. Какъ же можетъ быть престолъ упраздненъ? Говорятъ, какая-то донна должна взойти на престолъ. Не можетъ взойти донна на престолъ, никакъ не можетъ. На престолѣ долженъ быть король. „Да, — говорятъ, — нѣтъ короля". Не можетъ статься, чтобы не было короля. Государство не можетъ быть безъ короля. Король есть, да только онъ, вѣрно, гдѣ-нибудь находится въ неизвѣстности. Онъ, статься можетъ, находится тамъ же, но какія-нибудь или фамильныя причины, или опасенія со стороны сосѣдственныхъ державъ, какъ-то: Франціи или другихъ земель, заставляютъ его скрываться, или есть какія-нибудь другія причины.

Декабря 8.

Я было уже совсѣмъ хотѣлъ идти въ департаментъ, но разныя причины и размышленія меня удержали. У меня все не могли выйти изъ головы испанскія дѣла. Какъ же можетъ это быть, чтобы донна сдѣ алась королевою? Не позволятъ этого. И, во-первыхъ, Англія не позволитъ. Да притомъ и дѣла политическія всей Европы, австрійскій императоръ, нашъ государь... Признаюсь, эти происшествія такъ меня убили и потрясли, что я рѣшительно ничѣмъ не могъ заняться во весь день. Мавра замѣчала мнѣ, что я за столомъ былъ чрезвычайно развлеченъ. И точно, я двѣ тарелки, кажется, въ разсѣянности бросилъ на полъ, которыя тутъ же расшиблись. Послѣ обѣда ходилъ подъ горы: ничего поучительнаго не могъ извлечь. Большею частью лежалъ на кровати и разсуждалъ о дѣлахъ Испаніи.

Годъ 2000-й апрѣля 43 числа.

Сегодняшній день есть день величайшаго торжества! Въ Испаніи есть король. Онъ отыскался. Этотъ король—я. Именно только сегодня объ этомъ узналъ я. Признаюсь, меня вдругъ какъ будто молніей освѣтило. Я не понимаю, какъ я могъ думать и воображать себѣ, что я титулярный совѣтникъ. Какъ могла взойти мнѣ въ голову эта сумасбродная, сумасшедшая мысль? Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда въ сумасшедшій домъ. Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все, какъ на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною въ какомъ-то туманѣ. И это все происходитъ, думаю, оттого, что люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ: онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря. Сначала я объявилъ Маврѣ, кто я. Когда она услышала, что передъ нею испанскій король, то всплеснула руками и чуть не умерла отъ страха: она, глупая, еще никогда не видала испанскаго короля. Я, однако-же, старался ее успокоить, и въ милостивыхъ словахъ старался ее увѣрить въ благосклонности, сказавши, что я вовсе не сержусь за то, что она мнѣ иногда дурно чистила сапоги. Вѣдь это черный народъ: имъ нельзя говорить о высокихъ матеріяхъ. Она испугалась оттого, что находится въ увѣренности, будто всѣ короли въ Испаніи похожи на Филиппа II. Но я растолковалъ ей, что между мною и Филиппомъ нѣтъ никакого почти сходства и что у меня нѣтъ ни одного капуцина. Въ департаментъ не ходилъ. Чортъ съ нимъ! Нѣтъ, пріятели, теперь не заманите меня: я не стану переписывать гадкихъ бумагъ вашихъ!

Мартобря 86 числа между днемъ и ночью.

Сегодня приходилъ нашъ экзекуторъ съ тѣмъ, чтобы я шелъ въ департаментъ, что уже болѣе трехъ недѣль, какъ я не хожу на должность.

Но люди несправедливы: ведутъ счеты по недѣлямъ. Это жиды ввели, потому раввинъ ихъ въ это время моется. Я, однако-же, для штуки пошелъ въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія думалъ, что я ему поклонюсь и стану извиняться; но я посмотрѣлъ на него равнодушно, не слишкомъ гнѣвно и не слишкомъ благосклонно, и сѣлъ на свое мѣсто, какъ будто никого не замѣчая. Я глядѣлъ на всю канцеляр кую сволочь и думалъ: „что если бы вы знали, кто между вами сидитъ?..." Господи Боже, какую бы вы ералашь подняли! Да и самъ начальникъ отдѣленія началъ бы мнѣ такъ же клапяться въ поясъ, какъ онъ теперь кланяется передъ директоромъ. Передо мною положили какія-то бумаги, чтобы я сдѣлалъ изъ нихъ экстрактъ. Но я и пальцемъ не притронулся. Чрезъ нѣсколько минутъ все засуетилось. Сказали, что директоръ идетъ. Многіе чиновники побѣжали наперерывъ, чтобы показать себя передъ нимъ, но я ни съ мѣста. Когда онъ проходилъ черезъ наше отдѣленіе, всѣ застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего! Что за директоръ? Чтобы я всталъ передъ нимъ—никогда! Какой онъ директоръ? Онъ пробка, а не директоръ. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего— вотъ, которою закупориваютъ бутылки! Мнѣ

больше всего было забавно, когда подсунули мнѣ бумагу, чтобы я подписалъ. Они думали, что я напишу на самомъ кончикѣ листа: столоначальникъ такой-то—какъ бы не такъ! А я на самомъ главномъ мѣстѣ, гдѣ подписывается директоръ департамента, черкнулъ: „Фердинандъ VIII“. Нужно было видѣть, какое благоговѣйное молчаніе воцарилось; но я кивнулъ только рукою, сказавъ: „Не нужно никакихъ знаковъ подданничества!“ и вышелъ. Оттуда я пошелъ прямо въ директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей хотѣлъ меня не впустить, но я ему такое сказалъ, что онъ и руки опустилъ. Я прямо пробрался въ уборную. Она сидѣла передъ зеркаломъ, вскочила и отступила отъ меня. Я, однако-же, не сказалъ ей, что я испанскій король. Я сказалъ только, что счастье ее ожидаетъ такое, какого она и вообразить себѣ не можетъ, и что, несмотря на козни непріятелей, мы будемъ вмѣстѣ. Я больше ничего не хотѣлъ говорить и вышелъ. О, это коварное существо—женщина! Я теперь только постигнулъ, что такое женщина. До сихъ поръ никто еще не узналъ, въ кого она влюблена: я первый открылъ это. Женщина влюблена въ чорта. Да, не шутя. Физики пишутъ глупости, что она то и то,—она любитъ только одного чорта. Вонъ видите, изъ ложи перваго яруса она наводитъ лорнетъ. Вы думаете, что она глядитъ на этого толстяка со звѣздами? Совсѣмъ нѣтъ: она глядитъ на чорта, что у него стоитъ за спиною. Вонъ онъ спрятался къ нему во фракъ. Вонъ онъ киваетъ оттуда къ ней пальцемъ! И она выйдетъ за него, выйдетъ. А вотъ эти всѣ, чиновные отцы ихъ, вотъ эти всѣ, что юлятъ во всѣ стороны и лѣзутъ и ко двору, и говорятъ, что они патріоты, и то, и се: аренды, аренды хотятъ эти патріоты! Мать, отца, Бога продадутъ за деньги, честолюбцы, христопродавцы! Все это честолюбіе, и честолюбіе оттого, что подъ язычкомъ находится маленькій пузырекъ и въ немъ небольшой червячокъ, величиною съ булавочную головку, и это все дѣлаетъ какой-то цырюльникъ, который живетъ въ Гороховой. Я не помню, какъ его зовутъ; но достовѣрно извѣстно, что онъ, вмѣстѣ съ одною повивальною бабкою, хочетъ по всему свѣту распространить магометанство, и оттого уже, говорятъ, во Франціи большая часть народа признаетъ вѣру Магомета.

Никотораго числа. День былъ безъ числа.

Ходилъ инкогнито по Невскому проспекту. Проѣзжалъ государь императоръ. Весь городъ снялъ шапки и я также; однако-же, не подалъ никакого вида, что я испанскій король. Я почелъ неприличнымъ открыться тутъ же при всѣхъ, потому что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сихъ поръ не имѣю испанскаго національнаго костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантію. Я хотѣлъ было заказать портному, но это совершенные ослы; притомъ же они совсѣмъ небрегутъ своею работою, ударились въ аферу и большею частью мостятъ камни на улицѣ. Я рѣшился сдѣлать мантію изъ новаго вицъ-мундира, который надѣвалъ всего только два раза. Но чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я самъ рѣшился шить, заперши дверь, чтобы никто не видалъ. Я изрѣзалъ ножницами его весь, потому что покрой долженъ быть совершенно другой.

Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было, чортъ знаетъ что такое.

Мантія совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надѣлъ ее. Однако-же, я еще не рѣшаюсь представляться ко двору: до сихъ поръ нѣтъ депутаціи изъ Испаніи. Безъ депутатовъ неприлично: никакого не будетъ вѣса моему достоинству. Я ожидаю ихъ съ часа на часъ.

Числа 1-го.

Удивляетъ меня чрезвычайно медленность депутатовъ. Какія-бы причины могли ихъ остановить? Неужели Франція? Да, это сама неблагопріятствующая держава. Ходилъ справляться на почту, не прибыли ли испанскіе депутаты; но почтмейстеръ чрезвычайно глупъ, ничего не знаетъ. „Нѣтъ,—говоритъ,—здѣсь нѣтъ никакихъ испанскихъ депутатовъ, а письмо если угодно написать, то мы примемъ по установленному курсу“. Чортъ возьми! что письмо? Письмо—вздоръ. Письма пишутъ аптекари, да и то прежде смочивши уксусомъ языкъ, потому что безъ этого все лицо было бы въ лишаяхъ.

Мадридъ. Февруаріи тридцатый.

И такъ, я въ Испаніи, и это случилось такъ скоро, что я едва могъ очнуться. Сегодня поутру явились ко мнѣ депутаты испанскіе, и я вмѣстѣ съ ними сѣлъ въ карету. Мнѣ показалась странною необыкновенная скорость. Мы ѣхали такъ шибко, что черезъ полчаса достигли испанскихъ границъ. Впрочемъ, вѣдь теперь по всей Европѣ чугунныя дороги, и пароходы ѣздятъ чрезвычайно скоро. Странная земля Испанія! Когда мы вошли въ первую комнату, то я увидѣлъ множество людей съ выбритыми головами. Я, однако-же, догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты, потому что они бреютъ головы. Мнѣ показалось чрезвычайно страннымъ обхожденіе государственнаго канцлера, который велъ меня за

руку: онъ толкнулъ меня въ небольшую комнату и сказалъ: „Сиди тутъ, и если ты будешь называть себя королемъ Фердинандомъ, то я изъ тебя выбью эту охоту". Но я, зная, что это было больше ничего, кромѣ искушеніе, отвѣчалъ отрицательно, за что канцлеръ ударилъ меня два раза палкою по спинѣ такъ больно, что я чуть было не вскрикнулъ, но удержался, вспомнивши, что это рыцарскій обычай при вступленіи въ высокое званіе, потому что въ Испаніи еще и донынѣ ведутся рыцарскіе обычаи. Оставшись одинъ, я рѣшился заняться дѣлами государственными. Я открылъ, что Китай и Испанія совершенно одна и та же земля, и только по невѣжеству считаютъ ихъ за разныя государства. Я совѣтую всѣмъ нарочно написать на бумагѣ Испанія, то и выйдетъ Китай. Но меня, однако-же, чрезвычайно огорчало событіе, имѣющее быть завтра. Завтра въ семь часовъ совершится странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій химикъ Велингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощутилъ сердечное безпокойство, когда вообразилъ себѣ необыкновенную нѣжность и непрочность луны. Луна вѣдь обыкновенно дѣлается въ Гамбургѣ и прескверно дѣлается. Я удивляюсь, какъ не обратитъ на это вниманіе Англія. Дѣлалъ ее хромой бочаръ, и видно, что, дуракъ, никакого понятія не имѣлъ о лунѣ. Онъ положилъ смоляной канатъ и часть деревяннаго масла; и оттого по всей землѣ вонь страшная, такъ что нужно затыкать носъ. И оттого самая луна такой нѣжный шаръ, что люди никакъ не могутъ жить, и тамъ теперь живутъ только одни носы. И потому-то самому мы не можемъ видѣть носовъ своихъ, ибо они всѣ находятся въ лунѣ. И когда я вообразилъ, что земля вещество тяжелое и можетъ, насѣвши, размолоть въ муку носы наши, то мною овладѣло такое безпокойство, что я, надѣвши чулки и башмаки, поспѣшилъ въ залу государственнаго совѣта, съ тѣмъ, чтобы дать приказъ полиціи не допустить землѣ сѣсть на луну. Бритые гранды, которыхъ я засталъ въ залѣ государственнаго совѣта великое множество, были народъ очень умный, и когда я сказалъ: „Господа, спасемъ луну, потому что земля хочетъ сѣсть на нее!" то всѣ въ ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желаніе и многіе полѣзли на стѣну съ тѣмъ, чтобы достать луну; но въ это время вошелъ великій канцлеръ. Увидѣвши его, всѣ разбѣжались. Я, какъ король, остался одинъ. Но канцлеръ, къ удивленію моему, ударилъ меня палкою и прогналъ въ мою комнату. Такую имѣютъ власть въ Испаніи народные обычаи!

Январь того же года, случившійся послѣ февруарія.

До сихъ поръ не могу понять, что это за земля Испанія. Народные обычаи и этикеты двора совершенно необыкновенны. Не понимаю, не понимаю, рѣшительно не понимаю ничего. Сегодня выбрили мнѣ голову, несмотря на то, что я кричалъ изо всей силы о нежеланіи быть монахомъ. Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда, когда начали мнѣ на голову капать холодною водою. Такого ада я еще никогда не чувствовалъ. Я готовъ былъ впасть въ бѣшенство, такъ что едва могли меня удержать. Я не понимаю вовсе значенія этого страннаго обычая. Обычай глупый, безсмысленный! Для меня непостижима безразсудность королей, которые до сихъ поръ не уничтожаютъ его. Судя по всѣмъ вѣроятіямъ, догадываюсь, не попался ли я въ руки инквизиціи, и тотъ, котораго я принялъ за канцлера, не есть ли самъ великій инквизиторъ. Только я все не могу понять, какъ же могъ король подвергнуться инквизиціи. Оно, правда, могло со стороны Франціи и особенно Полиніякъ. О, это бестія Полиніякъ! Поклялся вредить мнѣ по смерть. И вотъ гонитъ да и гонитъ; но я знаю, пріятель, что тебя водитъ англичанинъ. Англичанинъ большой политикъ. Онъ вездѣ юлитъ. Это уже извѣстно всему свѣту, что когда Англія нюхаетъ табакъ, то Франція чихаетъ.

Число 25.

Сегодня великій инквизиторъ опять пришелъ въ мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался подъ стулъ. Онъ, увидѣвши, что нѣтъ меня, началъ звать. Сначала закричалъ: „Поприщинъ!"—Я ни слова. Потомъ: „Аксентій Ивановъ! Титулярный совѣтникъ! Дворянинъ!"—Я все молчу.—„Фердинандъ VIII, король испанскій!"—Я хотѣлъ было высунуть голову, но послѣ подумалъ: „Нѣтъ, братъ, не надуешь! Знаемъ мы тебя: опять будешь лить холодную воду мнѣ на голову". Однако-же, онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ-подъ стула. Чрезвычайно больно бьется проклятая палка. Впрочемъ, за все это вознаградило меня нынѣшнее открытіе: я узналъ, что у всякаго пѣтуха есть Испанія, что она у него находится подъ перьями, недалеко возлѣ хвоста. Великій инквизиторъ, однако-же, ушелъ отъ меня разгнѣванный и грозя мнѣ какимъ-то наказаніемъ. Но я совершенно пренебрегаю его безсильною злобою, зная, что онъ дѣйствуетъ какъ машина, какъ орудіе англичанина.

Чи 34 сло Мц гдао чгрдвэф 349.

Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что они дѣлаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на го-

лову холодную воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ? За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя, и все кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ какъ вихорь коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеся, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой Италія; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонятъ! Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!.. А знаете ли, что у алжирскаго дея подъ самымъ носомъ шишка?

ВЕЧЕРА
НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ

ПОВѢСТИ,

ИЗДАННЫЯ

ПАСИЧНИКОМЪ РУДЫМЪ ПАНЬКО

Санктпетербургъ. 1831.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Это что за невидаль: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки? Что это за „Вечера“? И швырнулъ въ свѣтъ какой-то пасичникъ! Слава Богу! Еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякаго званія и сброду, вымарало пальцы въ чернилахъ! Дернула же охота и пасичника потащиться вслѣдъ за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть въ нее“.

Слышало, слышало вѣщее мое всѣ эти рѣчи еще за мѣсяцъ! То-есть я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть носъ изъ своего захолустья въ большой свѣтъ—батюшки мои!—это все равно, какъ, случается, иногда зайдешь въ покои великаго пана: всѣ обступятъ тебя и пойдутъ дурачить; еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, —пѣтъ, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотрѣть—дрянь, который копается на заднемъ дворѣ, и тотъ пристанетъ; и начнутъ со всѣхъ сторонъ притопывать ногами: „Куда? куда? зачѣмъ? Пошелъ, мужикъ, пошелъ!“... Я вамъ скажу... Да что говорить! Мнѣ легче два раза въ годъ съѣздить въ Миргородъ, въ которомъ вотъ уже пять лѣтъ, какъ не видалъ меня ни подсудокъ изъ земскаго суда, ни почтенный іерей, чѣмъ показаться въ этотъ великій свѣтъ; а показался—плачь, не плачь, давай отвѣтъ.

У насъ, мои любезные читатели,—не во гнѣвъ будь сказано (вы, можетъ быть, и разсердитесь, что пасичникъ говоритъ вамъ запросто, какъ будто какому-нибудь свату своему или куму),—у насъ на хуторахъ водится издавна: какъ только окончатся работы въ полѣ, мужикъ залѣзетъ отдыхать на всю зиму на печь, и нашъ братъ припрячетъ своихъ пчелъ въ темный погребъ, когда ни журавлей на небѣ, ни грушъ на деревѣ не увидите болѣе, тогда, только вечеръ, уже навѣрно гдѣ-нибудь въ концѣ улицы брезжитъ огонекъ, смѣхъ и пѣсни слышатся издалече, бренчитъ балалайка, а подчасъ и скрипка, говоръ, шумъ... Это у насъ *вечерницы!* Онѣ, изволите видѣть, онѣ похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсѣмъ. На балы если вы ѣдете, то именно для того, чтобы повертѣть ногами и позѣвать въ руку; а у насъ соберется въ одну хату толпа дѣвушекъ совсѣмъ не для балу, съ веретеномъ, съ гребнями. И сначала будто и дѣломъ займутся: веретена шумятъ, льются пѣсни, и каждая не подыметъ и глазъ въ сторону; но только нагрянутъ въ хату парубки съ скрипачомъ — подымется крикъ, затѣется шаль, пойдутъ танцы и заведутся такія штуки, что и разсказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются всѣ въ тѣсную кучку и пустятся загадывать загадки, или просто—нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не разскажутъ! Откуда старины не выкопаютъ! Какихъ страховъ не нанесутъ! Но нигдѣ, можетъ быть, не было разсказываемо столько диковинъ, какъ на вечерахъ у пасичника Рудого Панько. За что меня міряне прозвали Рудымъ Панькомъ—ей Богу, не умѣю сказать. И волосы, кажется, у меня теперь болѣе сѣдые, чѣмъ рыжіе. Но у насъ, не извольте гнѣваться, такой обычай: какъ дадутъ кому люди какое прозвище, то и во вѣки-вѣковъ останется оно. Бывало, соберутся наканунѣ праздничнаго дня добрые люди въ гости въ пасичникову лачужку, усядутся за столъ,—и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какіе-нибудь мужики хуторянскіе; да, можетъ, иному и повыше пасичника сдѣлали бы честь посѣщеніемъ.

Вотъ, напримѣръ, знаете ли вы дьяка Диканьской церкви, Ѳому Григорьевича? Эхъ, голова! Что за исторіи умѣлъ онъ отпускать! Двѣ изъ нихъ найдете въ этой книжкѣ. Онъ никогда не носилъ пестрядеваго халата, какой встрѣтите вы на многихъ деревенскихъ дьячкахъ; но заходите къ нему и въ 6 дни, онъ васъ всегда приметъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна цвѣта застуженнаго картофельнаго киселя, за которое платилъ онъ въ Полтавѣ чуть не по шести рублей за аршинъ. Отъ сапогъ его, у насъ никто не скажетъ на цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя; но всякому извѣстно, что онъ чистилъ ихъ самымъ лучшимъ смальцемъ, какого, думаю, съ радостью иной мужикъ положилъ бы себѣ въ кашу. Никто не скажетъ также, чтобы онъ когда-либо утиралъ носъ полою своего балахона, какъ то дѣлаютъ иные люди его званія; но вынималъ изъ-за пазухи опрятно сложенный бѣлый платокъ, вышитый по всѣмъ краямъ красными нитками и, исправивши, что слѣдуетъ, складывалъ его снова, по обыкновенію, въ двѣнадцатую долю и пряталъ за пазуху. А одинъ изъ гостей... Ну, тотъ уже былъ такой паничъ, что хоть сейчасъ нарядить въ засѣдатели или подкоморіи. Бывало, поставитъ передъ собою палецъ и, глядя на конецъ его, пойдетъ разсказывать—вычурно да хитро, какъ въ печатныхъ книжкахъ. Иной разъ слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападетъ. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда онъ словъ набрался такихъ? Ѳома Григорьевичъ разъ ему насчетъ этого славную сплелъ присказку: онъ разсказалъ ему, какъ одинъ школьникъ, учившійся у какого-то дьяка грамотѣ, пріѣхалъ къ отцу и сталъ такимъ латыньщикомъ, что позабылъ даже нашъ языкъ православный, — всѣ слова сворачиваетъ на *усъ:* лопата у него — лопатусъ, баба — бабусъ. Вотъ, случилось разъ, пошли они вмѣстѣ съ отцомъ въ поле. Латыньщикъ увидѣлъ грабли и спрашиваетъ отца: „Какъ это, батьку, по-вашему называется?“ Да и наступилъ, разинувши ротъ, ногою на зубы. Тотъ не успѣлъ собраться съ отвѣтомъ, какъ ручка, размахнувшись, поднялась и — хвать его по лбу! „Проклятыя грабли!—закричалъ школьникъ, ухватясь рукою за лобъ и подскочивши на аршинъ,—какъ же онѣ,—чортъ бы спихнулъ съ моста отца ихъ, — больно бьются!“ Такъ вотъ какъ! Припомнилъ и имя, голубчикъ! Такая присказка не по душѣ пришлась затѣйливому разсказчику. Не говоря ни слова, всталъ онъ съ мѣста, разставилъ ноги свои посреди комнаты, нагнулъ голову немного впередъ, засунулъ руку въ задній карманъ гороховаго кафтана своего, вытащилъ круглую, подъ лакомъ, табакерку, щелкнулъ пальцемъ по намалеванной рожѣ какого-то бусурманскаго генерала и, захвативши не малую порцію табаку, растертаго съ золою и листьями любистка, поднесъ ее коромысломъ къ носу и вытянулъ носомъ на лету всю кучу, не дотронувшись даже до большого пальца,—и все ни слова. Да какъ полѣзъ въ другой карманъ и вынулъ синій въ клѣткахъ бумажный платокъ, тогда только проворчалъ про-себя, чуть-ли еще не поговорку: *Не мечите бисера передъ свиньями...* „Быть же теперь ссорѣ“,—подумалъ я, замѣтивъ, что пальцы у Ѳомы Григорьевича такъ и складывались дать дулю. Къ счастью, старуха моя догадалась поставить на столъ горячій кишъ съ масломъ. Всѣ принялись за дѣло. Рука Ѳомы Григорьевича вмѣсто того, чтобъ показать шишъ, протянулась къ кишу, и, какъ всегда водится, начали при валивать мастерицу-хозяйку. Еще былъ у насъ одинъ разсказчикъ, но тотъ (нечего бы къ ночи и вспоминать о немъ) такія выкапывалъ страшныя исторіи, что волосы ходили по головѣ. Я нарочно и не помѣщалъ ихъ сюда: еще напугаешь добрыхъ людей такъ, что пасичника, прости Господи, какъ чорта всѣ станутъ бояться. Пусть лучше, какъ доживу, если дастъ Богъ, до новаго года и выпущу другую книжку, тогда можно будетъ пострашать выходцами съ того свѣта и дивами, какія творились въ старину въ православной сторонѣ нашей. Межъ ними, статься можетъ, найдете побасенки самого пасичника, какія разсказывалъ онъ своимъ внукамъ. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, лѣнь только проклятая рыться, наберется и на десять такихъ книжекъ.

Да, вотъ было и позабылъ самое главное: какъ будете, господа, ѣхать ко мнѣ, то прямехонько берите путь по столбовой дорогѣ на Диканьку. Я нарочно и выставилъ ее на первомъ листкѣ, чтобы скорѣе добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслышались вдоволь. И то сказать, что тамъ домъ почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про садъ и говорить нечего: въ Петербургѣ вашемъ, вѣрно, не сыщете такого. Пріѣхавши же въ Диканьку, спросите только перваго попавшагося навстрѣчу мальчишку, пасущаго въ запачканной рубашкѣ гусей: „А гдѣ живетъ пасичникъ Рудый Панько?“ — „А вотъ тамъ!“—скажетъ онъ, указавши пальцемъ и, если хотите, доведетъ васъ до самаго хутора. Прошу, однакожъ, не слишкомъ закладывать назадъ руки и, какъ говорится, финтить, потому что дороги по хуторамъ нашимъ не такъ гладки, какъ передъ вашими хоромами. Ѳома Григорьевичъ третьяго году, пріѣзжая изъ Диканьки, попавѣдался-таки въ провалъ съ новою таратайкою своею и гнѣдою кобылою, несмотря на то, что самъ правилъ и что сверхъ своихъ глазъ надѣвалъ повременамъ еще покупные.

За то уже, какъ пожалуете въ гости, то дынь

подадимъ такихъ, какихъ вы отъ-роду, можетъ быть, не ѣли; а меду, и забожусь, лучшаго не сыщете на хуторахъ: представьте себѣ, что, какъ внесешь сотъ, духъ пойдетъ по всей комнатѣ, вообразить нельзя какой; чистъ, какъ слеза, или хрусталь дорогой, что бываетъ въ серьгахъ. А какими пирогами накормитъ моя старуха! Что за пироги, если-бъ вы только знали: сахаръ, совершенный сахаръ! А масло, такъ вотъ и течетъ по губамъ, когда начнешь ѣсть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квасъ съ терновыми ягодами, или кареиуху съ изюмомъ и сливами? Или не случалось ли вамъ, подчасъ, ѣсть путрю съ молокомъ? Боже ты мой, какихъ на свѣтѣ нѣтъ кушаньевъ! Станешь ѣсть—объѣденье, да и полно: сладость неописанная Прошлаго года... Однакожъ, что я въ самомъ дѣлѣ разболтался?.. Пріѣзжайте только, пріѣзжайте поскорѣй, а накормимъ такъ, что будете разсказывать и встрѣчному и поперечному.

Пасичникъ Рудый Панько.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.

Мини нудно въ хати жить.
Ой ве и жъ мене изъ дому,
Де багацько грому, грому,
Де гопцюютъ все дивкы,
Де гуляютъ паруки!

Изъ старинной легенды.

I.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщетъ золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешенъ, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ... какъ полно сладострастія и нѣги малороссійское лѣто!

Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа тысячу восемьсотъ... восемьсотъ... да лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога, верстъ за десять до мѣстечка Сорочинецъ, кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались, кажется, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою; мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска, или макитра хвастливо выказывалась изъ высоко-взгроможденнаго на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко въ сторонѣ тащился на истомленныхъ волахъ возъ, наваленный мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею, за которымъ брелъ въ чистой полотняной рубашкѣ и запачканныхъ полотняныхъ шароварахъ его хозяинъ. Лѣнивою рукою обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ и къ уроду, и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ уже лѣтъ весь родъ человѣческій. Рядомъ съ нимъ шла привязанная къ возу кобыла, смиренный видъ которой обличалъ преклонныя лѣта ея. Много встрѣчныхъ и особливо молодыхъ парубковъ брались за шапку, поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однакожъ, не сѣдые усы и не важная поступь его заставляли это дѣлать; стоило только поднять глаза немного вверхъ, чтобы увидѣть причину такой почтительности: на возу сидѣла хорошенькая дочка съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно-улыбавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ богатою короною покоились на ея очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново... и хорошенькія глазки безпрестанно бѣгали съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! Въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ осьмнадцать лѣтъ въ

первый разъ на ярмаркѣ!.. Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣзжихъ не зналъ, чего ей стоило упросить отца взять съ собою, который и душою радъ бы былъ это сдѣлать, если бы не злая мачиха, выучившаяся держать его въ рукахъ такъ же ловко, какъ онъ вожжи своей старой кобылы, тащившейся за долгое служеніе теперь на продажу. Неугомонная супруга... Но мы и позабыли, что и она тутъ же сидѣла на высотѣ воза въ парядной шерстяной зеленой кофтѣ, по которой, будто по горностаевому мѣху, нашиты были хвостики краснаго только цвѣта, въ богатой плахтѣ, пестрѣвшей, какъ шахматная доска, и въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ, придававшемъ какую-то особенную важность ея красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь непріятное, столь дикое, что каждый тотчасъ спѣшилъ перенести встревоженный взглядъ свой на веселенькое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ уже открываться Псёлъ; издали уже вѣяло прохладою, которая казалась ощутительнѣе послѣ томительнаго, разрушающаго жара. Сквозь темно- и свѣтло-зеленые листья небрежно раскиданныхъ по лугу осокоровъ, березъ и тополей засверкали огненныя, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри деревъ. Своенравная, какъ она, въ тѣ упоительные часы, когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею, осѣненную темною, упавшею съ русой головы, волною, когда съ презрѣніемъ кидаетъ одни украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ, — она почти каждый годъ перемѣняетъ свои окрестности, выбираетъ себѣ новый путь и окружаетъ себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя свои колеса широкія волны и мощно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдувая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами взъѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей красотѣ и величіи, какъ цѣльное стекло, раскинулась передъ ними. Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы — все опрокинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути, какъ вдругъ слова: „Ай да дивчина!“—поразили слухъ ея. Оглянувшись, увидѣла она толпу стоявшихъ на мосту парубковъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголеватѣе прочихъ, въ бѣлой свиткѣ и сѣрой шапкѣ рѣшетиловскихъ смушекъ, подпершись въ бока, молодецки поглядывалъ на проѣзжающихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, но исполненнаго пріятности лица и огненныхъ очей, казалось, стремившихся видѣть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, можетъ быть, ему принадлежало произнесенное слово.

— Славная дивчина! — продолжалъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ.—Я бы отдалъ все свое хозяйство, чтобы поцѣловать ее. А вотъ впереди и дьяволъ сидитъ!

Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ; но разряженной сожительницѣ медленно выступавшаго супруга не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: красныя щеки ея превратились въ огненныя, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на голову разгульнаго парубка.

— Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ! Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду ожегъ!

— Вишь, какъ ругается! — сказалъ парубокъ, вытаращивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣтствій,—и языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговорить эти слова!

— Столѣтней!... — подхватила пожилая красавица. — Нечестивецъ! поди, умойся напередъ! Сорванецъ негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь. И отецъ дрянь, и тетка дрянь! Столѣтней!.. что у него молоко еще на губахъ...

Тутъ возъ началъ спускаться съ мосту, и послѣднихъ словъ уже невозможно было разслушать; но парубокъ не хотѣлъ, кажется, кончить этимъ: не думая долго, схватилъ онъ комокъ грязи и швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ былъ удачнѣе, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипокъ забрызганъ былъ грязью, и хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился съ новою силою. Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ; но возъ отъѣхалъ въ это время довольно далеко, и месть ея обратилась на безвинную падчерицу и медленнаго сожителя, который, привыкнувъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе и хладнокровно принималъ мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги. Однакожъ, несмотря на это, неутомимый языкъ ея трещалъ и болтался во рту до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали они въ пригородье, къ старому знакомому и куму, козаку Цыбулѣ. Встрѣча съ кумовьями, давно не видавшимися, выгнала на время изъ головы это непріятное происшествіе, заставивъ нашихъ путешественниковъ поговорить объ ярмаркѣ и отдохнуть немного послѣ дальняго пути.

II.

Що Боже, ты мій Господе! чого нема на тій ярмарци! колеса, скло, деготь, тютюнъ, ремень, цыбуля, крамари всяки... такъ, що хоть бы въ кишени було рубливъ и съ тридцять, то и тогди бъ не закупывъ усіеи ярмаркы.

Изъ малороссійской комедіи.

Вамъ, вѣрно, случалось слышать гдѣ-то валящійся отдаленный водопадъ, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаосъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки, когда весь народъ срастается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричитъ, гогочетъ, гремитъ? Шумъ, брань, мычаніе, блеяніе, ревъ—все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки—все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа, ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломается возъ, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ съ чернобровою дочкою давно уже толкался въ народѣ: подходилъ къ одному возу, щупалъ другой, примѣнивался къ цѣнамъ; а между тѣмъ мысли его ворочались безостановочно около десяти мѣшковъ пшеницы и старой кобылы, привезенныхъ имъ на продажу. По лицу его дочки замѣтно было, что ей не слишкомъ пріятно тереться около возовъ съ мукою и пшеницею. Ей бы хотѣлось туда, гдѣ подъ полотняными ятками нарядно развѣшаны красныя ленты, серьги, оловянные, мѣдные кресты и дукаты. Но и тутъ, однакожъ, она находила себѣ много предметовъ для наблюденія: ее смѣшило до крайности, какъ цыганъ и мужикъ били одинъ другого по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя *); какъ поссорившіяся перекупки перекидывались бранью и раками; какъ москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вотъ почувствовала она, кто-то дернулъ ее за шитый рукавъ сорочки. Оглянулась—и парубокъ въ бѣлой свиткѣ, съ яркими очами, стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули, и сердце забилось такъ, какъ еще никогда, ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что дѣлалось съ нею.

— Не бойся, серденько, не бойся! — говорилъ онъ ей вполголоса, взявши ея руку, — я ничего не скажу тебѣ худого!

„Можетъ быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, — подумала про себя красавица,—только мнѣ чудно... вѣрно, это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится такъ... а силы недостаетъ взять отъ него руку“.

Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что-то промолвить дочери, но въ сторонѣ послышалось слово: пшеница. Это магическое слово заставило его въ ту же минуту присоединиться къ двумъ громко разговаривавшимъ негоціантамъ, и приковавшагося къ нимъ вниманія уже ничто не въ состояніи было развлечь. Вотъ что говорили негоціанты о пшеницѣ.

III.

Чи бачишь, вонъ який парнысце?
На свити трохы есть такыхъ,
Сивуху такъ, мовъ брагу хлыще!

Котляревскій. Энеида.

— Такъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница?—говорилъ человѣкъ, съ виду похожій на заѣзжаго мѣщанина, обитателя какого-нибудь мѣстечка, въ пестрядевыхъ, запачканныхъ дегтемъ и засаленныхъ шароварахъ, другому въ синей, мѣстами уже съ заплатами, свиткѣ и съ огромною шишкою на лбу.

— Да думать нечего тутъ: я готовъ вскинуть на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса передъ Рождествомъ на хатѣ, если мы продадимъ хоть одну мѣрку.

— Кого ты, землякъ, морочишь? Привозу вѣдь, кромѣ нашего, нѣтъ вовсе,—возразилъ человѣкъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

„Да, говорите себѣ, что хотите, — думалъ про себя отецъ нашей красавицы, не пропускавшій ни одного слова изъ разговора двухъ негоціантовъ, — а у меня десять мѣшковъ есть въ запасѣ“.

— То-то и есть, что если гдѣ замѣшалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько отъ голоднаго москаля,—значительно сказалъ человѣкъ съ шишкою на лбу.

— Какая чертовщина? — подхватилъ человѣкъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

— Слышалъ ли ты, что поговариваютъ въ

*) «Давать киселя» значитъ ударить кого-нибудь сзади ногъ.

народѣ?—продолжалъ съ шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмыя очи.

— Ну!

— Ну, то-то, ну! Засѣдатель, чтобъ ему не довелось больше обтирать губъ послѣ панской сливянки, отвелъ для ярмарки проклятое мѣсто, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тотъ старый, развалившійся сарай, что вонъ-вонъ стоитъ подъ горою? (Тутъ любопытный отецъ нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во вниманіе). Въ томъ сараѣ то и дѣло, что водятся чертовскія шашни, и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостной писарь проходилъ поздно вечеромъ, только глядь — въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ. Того и жди, что опять покажется *красная свитка*.

— Что-жъ это за *красная свитка?*

Тутъ у нашего внимательнаго слушателя волосы поднялись дыбомъ. Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и парубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки, позабывъ про всѣ находящіяся на свѣтѣ свитки. Это разогнало его страхъ и заставило обратиться къ прежней безпечности.

— Эге, ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и то спасибо куму, бывши *дружкою*, уже надоумилъ.

Парубокъ замѣтилъ тотъ же часъ, что отецъ его любезной не слишкомъ далекъ, и въ мысляхъ принялся строить планъ, какъ бы склонить его въ свою пользу.

— Ты, вѣрно, человѣкъ добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчасъ узналъ.

— Можетъ и узналъ.

— Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину разскажу: тебя зовутъ Солопій Черевикъ.

— Такъ, Солопій Черевикъ.

— А взгляднись-ка хорошенько: не узнаешь ли меня?

— Нѣтъ, не познаю. Не во гнѣвъ будь сказано: на вѣку столько довелось наглядѣться рожъ всякихъ, что чортъ ихъ и припомнитъ всѣхъ!

— Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!

— А ты будто Охримовъ сынъ?

— А кто-жъ? Развѣ одинъ только *лысый дидько*, если не онъ.

Тутъ пріятели побрались за шапки и пошло лобызаніе; нашъ Голопупенковъ сынъ, однакожъ, не теряя времени, рѣшился въ ту же минуту осадить новаго своего знакомаго.

— Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и навѣки жить вмѣстѣ.

— Что-жъ, Параска,—сказалъ Черевикъ, оборотившись и смѣясь къ своей дочери, — можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того... чтобы и паслись на одной травѣ! Что? По рукамъ? А ну-ка, новобранный зять, давай могарычу!

И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной рестораціи — подъ яткою у мидовки, усѣянною многочисленной флотиліей сулей, бутылей, фляжекъ всѣхъ родовъ и возрастовъ.

— Эхъ, хватъ! За это люблю!—говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку, величиною съ полкварты, и, нимало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ ее вдребезги.—Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!..

И посмѣиваясь, и покачиваясь, побрелъ онъ съ нею къ своему возу; а нашъ парубокъ отправился по рядамъ съ красными товарами, въ которыхъ находились купцы даже изъ Гадяча и Миргорода, двухъ знаменитыхъ городовъ Полтавской губерніи, выглядывать получше деревянную люльку въ мѣдной, щегольской оправѣ, цвѣтистый по красному полю платокъ и шапку для свадебныхъ подарковъ тестю и всѣмъ, кому слѣдуетъ.

IV.

Хоть чоловикамъ не онее
Да коли жинци, бачишь, тее,
Такъ треба угодыты...

Котляревскій.

— Ну, жинка, а я нашелъ жениха дочкѣ!

— Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы жениховъ отыскивать! Дурень, дурень! тебѣ, вѣрно, и на роду написано остаться такимъ! Гдѣ-жъ таки ты видѣлъ, гдѣ-жъ таки ты слышалъ, чтобы добрый человѣкъ бѣгалъ теперь за женихами? Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть. Хорошъ долженъ быть и женихъ тамъ! Думаю, оборваннѣйшій изъ всѣхъ голодрабцевъ.

— Э, какъ бы не такъ! Посмотрѣла бы ты, что тамъ за парубокъ! Одна свитка больше стоитъ, чѣмъ твоя зеленая кофта и красные сапоги. А какъ сивуху *важно* дуетъ!.. Чортъ меня возьми вмѣстѣ съ тобою, если я видѣлъ на вѣку своемъ, чтобы парубокъ духомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись!

— Ну, такъ: ему если пьяница бродяга, такъ и его масти. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ самый сорванецъ, который увязался за нами за мосту. Жаль, что до сихъ поръ онъ не попадется мнѣ: я бы дала ему знать.

— Что-жъ, Хивря, хоть бы и тотъ самый: чѣмъ же онъ сорванецъ?

— Э! чѣмъ же онъ сорванецъ! Ахъ, ты, безмозглая башка! Слышишь! Чѣмъ же онъ сорванецъ? Куда же ты запряталъ дурацкіе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы? Ему, хоть бы тутъ же, передъ его запачканнымъ въ табачищѣ носомъ, нанесли жинкѣ его безчестье, ему бы и нуждочки не было.

— Все, однако-же, я не вижу въ немъ ничего худого: парень хоть куда! Только развѣ, что заклеилъ на мигъ образину твою навозомъ.

— Эге! да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить! А что это значитъ? Когда это бывало съ тобою? Вѣрно, успѣлъ уже хлебнуть, не продавши ничего?

Тутъ Черевикъ нашъ замѣтилъ и самъ, что разговорился черезчуръ, и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою руками, предполагая, безъ сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими супружескими когтями.

Куда къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба!—думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ сильно наступавшей супруги.—Придется отказать доброму человѣку ни за что, ни про что. Господи, Боже мой! за что такая напасть на насъ, грѣшныхъ? И такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а Ты еще и жинокъ наплодилъ!“

V.

Не хилися, явороньку,
Ще ты зеленькій;
Не журися, козаченьку,
Ще ты молоденькій!

Малоросс. пѣсня.

Разсѣянно глядѣлъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, сидя у своего воза, на глухо шумѣвшій вокругъ него народъ. Усталое солнце уходило отъ міра, спокойно пропылавъ свой полдень и утро, и угасающій день плѣнительно и ярко румянился. Ослѣпительно блистали верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, осѣненные какимъ-то едва примѣтнымъ огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучами оконницъ горѣли; зеленыя фляжки и чарки на столахъ у шинкарокъ превратились въ огненныя; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота и темн й мѣди. Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше, и усталые языки перекупокъ, мужиковъ и цыганъ лѣнивѣе и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовонный паръ отъ варившихся галушекъ разносился по утихавшимъ улицамъ.

— О чемъ загорюнился, Грыцько?—вскричалъ высокій, загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка.—Что-жъ, отдавай волы за двадцать!

— Тебѣ бы все волы да волы. Вашему племени все бы корысть только; поддѣть да обмануть добраго человѣка.

— Тьфу, дьяволъ! Да тебя не на шутку забрало. Ужь не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?

— Нѣтъ, это не по-моему: я держу свое слово: что разъ сдѣлалъ, тому и навѣки быть. А вотъ у хрыча Черевика нѣтъ совѣсти, видно, и на полъ-шеляга: сказалъ, да и назадъ... Ну, его и винить нечего: онъ — пень, да и полно. Все это штуки старой вѣдьмы, которую мы сегодня съ хлопцами на мосту ругнули на всѣ бока! Эхъ, если-бы я былъ царемъ или паномъ великимъ, я бы первый перевѣшалъ всѣхъ тѣхъ дурней, которые позволяютъ себя сѣдлать бабамъ...

— А спустишь волов за двадцать, если мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску?

Въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него Грыцько. Въ смуглыхъ чертахъ цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вмѣстѣ высокомѣрное: человѣкъ, взглянувшій на него, уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ—висѣлица. Совершенно провалившійся между носомъ и острымъ подбородкомъ ротъ, вѣчно осѣненный язвительною улыбкой, небольшіе, но живые, какъ огонь, глаза и безпрестанно мѣняющіяся на лицѣ молніи предпріятій и умысловъ,—все это какъ будто требовало о обеннаго, такого же страннаго для себя костюма, какой именно былъ тогда на немъ. Этотъ темно-коричневый кафтанъ, прикосновеніе къ которому, казалось, превратило бы его въ пыль; длинные, валившіеся по плечамъ охлопьями черные волосы; башмаки, надѣтые на босыя загорѣлыя ноги, — все это, казалось, приросло къ нему и составляло его природу.

— Не за двадцать, а за пятнадцать отдамъ, если не солжешь только!—отвѣчалъ парубокъ, не сводя съ него испытующихъ очей.

— За пятнадцать? Ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вотъ тебѣ и синица въ задатокъ!

— Ну, а если солжешь?

— Солгу—задатокъ твой!

— Ладно! Ну, давай же по рукамъ!

— Давай!

VI.

Отъ бида: Романъ иде, оттеперъ, якъ разъ, надсадыть мини бебехивъ, да и вамъ, пане Хомо, не безъ лыха буде.

Изъ малоросс. комедіи.

— Сюда, Аѳанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ плетень пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ подъ возы, чтобы москали на случай не подцѣпили чего.

Такъ грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лѣпившагося около забора поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоялъ на немъ въ недоумѣніи, будто длинное, страшное привидѣніе, измѣривая окомъ, куда бы лучше спрыгнуть, и, наконецъ, съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

— Вотъ бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже оборони, шеи?—лепетала заботливая Хивря.

— Тсъ! Ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья Никифоровна! — болѣзненно и шопотно произнесъ поповичъ, подымаясь на ноги,—выключая только уязвленія со стороны крапивы, сего змѣеподобнаго злака, по выраженію покойнаго отца протопопа.

— Пойдемте же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Аѳанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болячка* или *соняшница* пристала: нѣтъ, да и нѣтъ. Каково же вы поживаете? Я слышала, что панъ-отцу перепало теперь не мало всякой всячины!

— Сущая бездѣлица, Хавронья Никифоровна: батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ пятнадцать ярового, проса мѣшка четыре, кнышей съ сотню; а куръ, если сосчитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ; яйца же большею частью протухлыя. Но воистину сладостныя приношенія, сказать примѣрно, единственно отъ васъ предстоитъ получить, Хавронья Никифоровна,—продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

— Вотъ вамъ и приношеніе, Аѳанасій Ивановичъ!—проговорила она, ставя на столъ миски и жеманно застегивая свою, будто не нарочно разстегнувшуюся, кофту,—варенники, галушечки пшеничныя, пампушечки, товченички!

— Бьюсь объ закладъ, если это сдѣлано не хитрѣйшими руками изъ всего Евина рода!—сказалъ поповичъ, принимаясь за товченички и придвигая другою рукою варенички. — Однакожъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ отъ васъ кушанья послаще всѣхъ пампушечекъ и галушечекъ.

— Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Аѳанасій Ивановичъ!—отвѣчала дородная красавица, притворяясь не понимающею.

— Разумѣется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна!—шопотомъ произнесъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая широкій станъ ея.

— Богъ знаетъ, что вы выдумываете, Аѳанасій Ивановичъ!— сказала Хивря, стыдливо потупивъ глаза свои.—Чего добраго, вы, пожалуй, затѣете еще цѣловаться!

— Насчетъ этого я вамъ скажу, хоть бы и про себя,—продолжалъ поповичъ,—въ бытность мою, примѣрно сказать, еще въ бурсѣ, вотъ, какъ теперь помню...

Тутъ послышался на дворѣ лай и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и возвратилась, вся поблѣднѣвши.

— Ну, Аѳанасій Ивановичъ, мы попались съ вами: народу стучится куча, и мнѣ почудился кумовъ голосъ...

Вареникъ остановился въ горлѣ поповича... Глаза его выпялились, какъ будто какой-нибудь выходецъ съ того свѣта только-что сдѣлалъ ему передъ симъ визитъ свой.

— Полѣзайте сюда!—кричала испуганная Хивря, указывая на положенныя подъ самымъ потолкомъ, на двухъ перекладинахъ, доски, на которыхъ была навалена разная домашняя рухлядь.

Опасность придала духу нашему герою. Опамятовавшись немного, вскочилъ онъ на лежанку и полѣзъ оттуда осторожно на доски, а Хивря побѣжала безъ памяти къ воротамъ, потому что стукъ повторялся въ нихъ съ бо́льшею силою и нетерпѣніемъ.

VII.

Да тутъ чудасія, мосьпане!

Изъ малоросс. комедіи.

На ярмаркѣ случилось странное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась *красная свитка*. Старухѣ, продававшей бублики, почудился сатана въ образинѣ свиньи, который безпрестанно наклонялся надъ возами, какъ будто искалъ чего. Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ уже утихнувшаго табора, и всѣ считали преступленіемъ не вѣрить, несмотря на то, что продавица бубликовъ, которой подвижная лавка была рядомъ съ яткою шинкарки, раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенно подобіе своего лакомаго товара. Къ этому присоединились еще увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣнномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ что къ ночи всѣ тѣснѣе

жались другъ къ другу; спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои; а тѣ, которые были не совсѣмъ храбраго десятка и запаслись ночлегами въ избахъ, убрались домой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые вмѣстѣ съ напросившимися къ нимъ въ хату гостями произвели сильный стукъ, такъ перепугавшій нашу Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза проѣхалъ съ своимъ возомъ по двору, покамѣстъ нашелъ хату. Гости тоже были всѣ въ веселомъ расположеніи и, безъ церемоніи, вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевика сидѣла какъ на иголкахъ, когда принялись они шарить по всѣмъ угламъ хаты.

— Что, кума!—вскричалъ вошедшій кумъ, — тебя все еще трясетъ лихорадка?

— Да, нездоровится, — отвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на доски, накладенныя подъ потолкомъ.

— А ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклажку,—говорилъ кумъ пріѣхавшей съ нимъ женѣ, — мы черпнемъ ее съ добрыми людьми, а то проклятыя бабы понапугали насъ такъ, что и сказать стыдно. Вѣдь мы, ей-Богу, братцы, по пустякамъ пріѣхали сюда! — продолжалъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. — Я тутъ же ставлю новую шапку, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ сатана,—что сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сію же минуту вздумалось ему стать вотъ здѣсь, напримѣръ, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему дулю подъ самый носъ!

— Отчего же ты вдругъ поблѣднѣлъ весь? — закричалъ одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ головою и старавшійся всегда выказывать себя храбрецомъ.

— Я?.. Господь съ вами! приснилось?

Гости усмѣхнулись; довольная улыбка показалась на лицѣ рѣчистаго храбреца.

— Куда теперь ему блѣднѣть! — подхватилъ другой,—щеки у него расцвѣли, какъ макъ; теперь онъ не Цыбуля, а бурякъ, или лучше—сама *красная свитка*, которая такъ напугала людей.

Баклажка прокатилась по столу и сдѣлала гостей еще веселѣе прежняго. Тутъ Черевикъ нашъ, котораго давно мучила *красная свитка* и не давала ни на минуту покою его любопытному духу, приступилъ къ куму.

— Скажи, будь ласковъ, кумъ! Вотъ прошусь, да и не допрошусь исторіи про эту проклятую *свитку*.

— Э, кумъ! оно бы не годилось разсказывать на ночь; да развѣ уже для того, чтобы угодить тебѣ и добрымъ людямъ (при семъ обратился онъ къ гостямъ), которымъ, я примѣчаю, столько же, какъ и тебѣ, хочется узнать про эту диковинку. Ну, быть такъ. Слушайте-жъ!

Тутъ онъ почесалъ плеча, утерся полою, положилъ обѣ руки на столъ и началъ:

— Разъ, за какую вину, ей-Богу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта изъ пекла...

— Какъ же, кумъ!—прервалъ Черевикъ,—какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?

— Что-жъ дѣлать, кумъ! Выгнали да и выгнали, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ хаты. Можетъ быть, на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь до рое дѣло: ну, и указали двери. Вотъ, чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно по пеклѣ, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ горя пьянствовать. Угнѣздился въ томъ самомъ сараѣ, который, ты видѣлъ, развалился подъ горою и мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не оградивъ напередъ себя крестомъ святымъ; и сталъ чортъ такой гуляка, какого не сыщешь между парубками: съ утра до вечера то и дѣла, что сидитъ въ шинкѣ!..

Тутъ опять строгій Черевикъ прервалъ нашего разсказчика:

— Богъ знаетъ, что говоришь ты, кумъ! Какъ можно, чтобы чорта впустилъ кто-нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же есть, слава Богу, и когти на лапахъ, и рожки на головѣ.

— Вотъ то-то и штука, что на немъ была шапка и рукавицы. Кто его распознаетъ? Гулялъ-гулялъ—наконецъ пришлось до того, что пропилъ все, что имѣлъ съ собою. Шинкарь долго вѣрилъ, потомъ и пересталъ. Пришлось чорту заложить красную свитку свою, чуть ли не въ треть цѣны, жиду, шинковавшему тогда на Сорочинской ярмаркѣ. Заложилъ и говоритъ ему: „Смотри, жидъ, я приду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!“ — и пропалъ, какъ будто въ воду. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь! А красный цвѣтъ горитъ, какъ огонь, такъ что не наглядѣлся бы! Вотъ жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесалъ себѣ пейсики, да и содралъ съ какого-то проѣзжаго пана мало не пять червонцевъ. О срокѣ жидъ и позабылъ-было совсѣмъ. Какъ вотъ разъ, подъ вечерокъ, приходитъ какой-то человѣкъ: „Ну, жидъ, отдавай мою свитку!“ Жидъ сначала было и не позналъ, а послѣ, какъ разглядѣлъ, такъ и прикинулся, будто въ глаза не видалъ: „Какую свитку? У меня нѣтъ никакой свитки! Я знать не знаю твоей свитки!“ Тотъ, глядь, и ушелъ; только къ вечеру, когда жидъ, заперши свою конуру и пересчитавши по сундукамъ деньги, накинулъ на себя простыню и

началъ по-жидовски молиться Богу—слышитъ шорохъ... Глядь — во всѣхъ окнахъ повыставились свиныя рыла...

Тутъ въ самомъ дѣлѣ послышался какой-то неясный звукъ, весьма похожій на хрюканье свиньи; всѣ поблѣднѣли... Потъ выступилъ на лицѣ разсказчика.

— Что?—произнесъ въ испугѣ Черевикъ.

— Ничего!.. — отвѣчалъ кумъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Ась!—отозвался одинъ изъ гостей.

— Ты сказалъ?..

— Нѣтъ!

— Кто-жъ это хрюкнулъ?

— Богъ знаетъ, чего мы переполошились! Ничего нѣтъ!

Всѣ боязливо стали осматриваться вокругъ и начали шарить по угламъ. Хивря была ни жива, ни мертва.

— Эхъ вы, бабы! бабы! — произнесла она громко, — вамъ ли козаковать и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да и посадить за гребень! Одинъ кто-нибудь, можетъ, прости Господи [угрѣшился]; подъ кѣмъ-нибудь скамейка заскрипѣла, а всѣ и метнулись, какъ полоумные!

Это привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ ободриться. Кумъ хлебнулъ изъ кружки и началъ разсказывать далѣе:

— Жидъ обмеръ; однакожъ свиньи на ногахъ, длинныхъ, какъ ходули, повлѣзали въ окна и мигомъ оживили жида плетеными тройчатками, заставляя его плясать повыше вотъ этого сволока. Жидъ — въ ноги, признался во всемъ.. Только свитки нельзя уже было воротить скоро. Пана обокралъ на дорогѣ какой-то цыганъ и продалъ свитку перекупкѣ; та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но съ тѣхъ поръ уже никто ничего не сталъ покупать у нея. Перекупка дивилась, дивилась и, наконецъ, смекнула: вѣрно, виною всему красная свитка; не даромъ, надѣвая ее, чувствовала, что ее все давитъ что-то. Не думая, не гадая долго, бросила въ огонь—не горитъ бѣсовская одежда!.. „Э, да это чортовъ подарокъ!“ Перекупка умудрилась и подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. „Эхъ, недобрыя руки подкинули свитку!“ Схватилъ топоръ и изрубилъ ее въ куски; глядь—и лѣзетъ одинъ кусокъ къ другому, и опять цѣлая свитка! Перекрестившись, хватилъ топоромъ въ другой разъ, куски разбросалъ по всему мѣсту и уѣхалъ. Только съ тѣхъ поръ каждый годъ, и какъ разъ во время ярмарки, чортъ съ свиною личиною ходитъ по всей площади, хрюкаетъ и подбираетъ куски своей свитки. Теперь, говорятъ, одного только лѣваго рукава недостаетъ ему. Люди съ тѣхъ поръ открещиваются отъ того мѣста, и вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на немъ ярмарки. Да нелегкая дернула теперь засѣдателя от...

Другая половина слова замерла на устахъ разсказчика: окно брякнуло съ шумомъ; стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая: „А что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?“

VIII.

...Пиджавъ хвистъ, мовъ собака,
Мовъ Каинъ, затрусивсь увесь;
Изъ носа потекла табака.

Котляревскій. Энеида.

Ужасъ оковалъ всѣхъ, находившихся въ хатѣ. Кумъ, съ разинутымъ ртомъ, превратился въ камень; глаза его выпучились, какъ будто хотѣли выстрѣлить; разверстые пальцы остались неподвижными въ воздухѣ. Высокій храбрецъ, въ непобѣдимомъ страхѣ, подскочилъ подъ потолокъ и ударился головою объ перекладину; доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю.

— Ай! ай! ай!—отчаянно закричалъ одинъ, повалившись на лавку въ ужасѣ и болтая на ней руками и ногами.

— Спасайте!—горланилъ другой, закрывшись тулупомъ.

Кумъ, выведенный изъ окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, поползъ въ судорогахъ подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрецъ полѣзъ въ печь, несмотря на узкое отверстіе, и самъ задвинулъ себя заслонкою. А Черевикъ, какъ будто облитый горячимъ кипяткомъ, схвативши на голову горшокъ вмѣсто шапки, бросился къ дверямъ и, какъ полоумный, бѣжалъ по улицамъ, не видя подъ собой земли: одна усталость только заставила его уменьшить скорость бѣга. Сердце его колотилось, какъ мельничная ступа; потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи готовъ уже былъ онъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что сзади кто-то гонится за нимъ... Духъ у него занялся...

— Чортъ! чортъ!—кричалъ онъ безъ памяти, утроя силы, и черезъ минуту безъ чувствъ повалился на землю.

— Чортъ! чортъ!—кричало вслѣдъ за нимъ, и онъ слышалъ только, какъ что-то съ шумомъ ринулось на него.

Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный жилецъ тѣснаго гроба, остался нѣмъ и недвижимъ среди дороги.

Глянулъ—въ ней перерѣзанная узда и къ уздѣ привязанный—о ужасъ!—кусокъ краснаго рукава свитки.

IX.

Ще спереди, и такъ и такъ;—
А сзади, ей же ей, на чорта!
Изъ простонародной сказки.

— Слышишь, Власъ, — говорилъ, приподнявшись ночью, одинъ изъ толпы народа, спавшаго на улицѣ, — возлѣ насъ кто-то помянулъ чорта!

— Мнѣ какое дѣло?— проворчалъ, потягиваясь, лежавшій возлѣ него цыганъ,—хоть бы и всѣхъ своихъ родичей помянулъ!

— Но вѣдь такъ закричалъ, какъ будто давятъ его!

— Мало ли чего человѣкъ не совретъ спросонья?

— Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно. А выруби-ка огня!

Другой цыганъ, ворча про себя, поднялся на ноги, два раза освѣтилъ себя искрами, будто молніями, раздулъ губами трутъ и, съ каганцемъ въ рукахъ — обыкновенною малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ разбитаго черепка, налитого бараньимъ жиромъ—отправился, освѣщая дорогу.

— Стой! здѣсь лежитъ что-то. Свѣти сюда!

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

— Что лежитъ, Власъ?

— Такъ, какъ будто бы два человѣка: одинъ наверху, другой внизу: который изъ нихъ чортъ, уже и не распознаю!

— А кто наверху?

— Баба!

— Ну, вотъ, это-жъ-то и есть чортъ!

Всеобщій хохотъ разбудилъ почти всю улицу.

— Баба взлѣзла на человѣка: ну, вѣрно, баба эта знаетъ, какъ ѣздить! — говорилъ одинъ изъ изъ окружавшей толпы.

— Смотрите, братцы!—говорилъ другой, поднимая черепокъ отъ горшка, котораго одна только уцѣлѣвшая половина держалась на головѣ Черевика,— какую шапку надѣлъ на себя этотъ добрый молодецъ!

Увеличившійся шумъ и хохотъ заставили очнуться нашихъ мертвецовъ, Солопія и его супругу, которые, полные прошедшаго испуга, долго глядѣли въ ужасѣ неподвижными глазами на смуглыя лица цыганъ: озаряясь свѣтомъ, невѣрно и трепетно горѣвшимъ, они казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ тяжелымъ подземнымъ паромъ, во мракѣ непробудной ночи.

X.

Цуръ тобѣ, пекъ тобѣ, сатанынько наваждение!
Изъ малоросс. комедіи.

Свѣжесть утра вѣяла надъ пробудившимися сорочинцами. Клубы дыму со всѣхъ трубъ потеснились навстрѣчу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумѣла. Овцы заблеяли, лошади заржали, крикъ гусей и торговокъ понесся снова по всему табору — и страшные толки про *красную свитку*, наведшіе такую робость на народъ въ таинственные часы сумерекъ, исчезли съ появленіемъ утра.

Зѣвая и потягиваясь, дремалъ Черевикъ у кума подъ крытымъ соломою сараемъ, между воловъ, мѣшковъ муки и пшеницы и, кажется, вовсе не имѣлъ желанія разстаться со своими грѣзами, какъ вдругъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ убѣжище лѣни — благословенная печь его хаты, или шинокъ дальней родственницы, находившійся не далѣе десяти шаговъ отъ его порога.

— Вставай, вставай!—дребезжала ему на ухо нѣжная супруга, дергая его изо всей силы за руку.

Черевикъ, вмѣсто отвѣта, надулъ щеки и началъ болтать руками, подражая барабанному бою.

— Сумасшедшій! — закричала она, уклоняясь отъ взмаха руки его, которою онъ чуть-было не задѣлъ ее по лицу.

Черевикъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ.

— Врагъ меня возьми, если мнѣ, голубко, не представилась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня заставили выбивать зорю, словно москаля, тѣ самыя свиныя рожи, отъ которыхъ, какъ говоритъ кумъ...

— Полно, полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди скорѣй кобылу на продажу. Смѣхъ, право, людямъ: пріѣхали на ярмарку, и хоть бы горсть пеньки продали...

— Какъ же, жинка!—подхватилъ Солопій,—съ насъ, вѣдь, теперь смѣяться будутъ.

— Ступай, ступай! съ тебя и безъ того смѣются!

— Ты видишь, что я еще не умывался,—продолжалъ Черевикъ, зѣвая и почесывая спину и стараясь, между прочимъ, выиграть время для своей лѣни.

— Вотъ не кстати пришла блажь быть чистоплотнымъ! Когда это за тобою водилось? Вотъ ручникъ, оботри свою маску.

Тутъ схватила она что-то свернутое въ комокъ— и съ ужасомъ отбросила отъ себя: это былъ *красный обшлагъ свитки!*

— Ступай, дѣлай свое дѣло,—повторила она, собравшись съ духомъ, своему супругу, видя, что у него страхъ отнялъ ноги, и зубы колотились одинъ объ другой.

— Будетъ продажа теперь!—ворчалъ онъ самъ себѣ, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь.— Не даромъ, когда я собирался на эту проклятую ярмарку, на душѣ было такъ тяжело, какъ будто кто взвалилъ на тебя дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще,

какъ вспомнилъ я теперь, не въ понедѣльникъ мы выѣхали. Ну, вотъ и зло все!.. Неугомоненъ и чортъ проклятый: носилъ бы уже свитку безъ одного рукава; такъ нѣтъ, нужно же добрымъ людямъ не давать покою. Будь, примѣрно, я чортъ,—чего оборони Боже,—сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?

Тутъ философствованіе нашего Черевика прервано было толстымъ и рѣзкимъ голосомъ. Предъ нимъ стоялъ высокій цыганъ.

— Что продаешь, добрый человѣкъ?

Продавецъ промолчалъ, посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы и сказалъ съ спокойнымъ видомъ, не останавливаясь и не выпуская изъ рукъ узды:

— Самъ видишь, что продаю!

— Ремешки? — спросилъ цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

— Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки.

— Однакожъ, чортъ возьми, землякъ, ты, видно, ее соломою кормилъ!

— Соломою?

Тутъ Черевикъ хотѣлъ-было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи безстыднаго поносителя, но рука его съ необыкновенною легкостью ударилась въ подбородокъ. Глянулъ — въ ней перерѣзанная узда и къ уздѣ привязанный — о, ужасъ! волосы его поднялись горою! — кусокъ *краснаго рукава свитки!..* Плюнувъ, крестясь и болтая руками, побѣжалъ онъ отъ неожиданнаго подарка и, быстрѣе молодого парубка, пропалъ въ толпѣ.

XI.

За мое-жъ жито, та мене и побыто.

Пословица.

— Лови! лови его!—кричало нѣсколько хлопцевъ въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ почувствовалъ, что схваченъ вдругъ дюжими руками.

— Вязать его! Это тотъ самый, который укралъ у добраго человѣка кобылу.

— Господь съ вами! За что вы меня вяжете?

— Онъ же и спрашиваетъ! А за что ты укралъ кобылу у пріѣзжаго мужика, Черевика?

— Съ ума спятили вы, хлопцы! Гдѣ видано, чтобы человѣкъ самъ у себя укралъ что-нибудь?

— Старыя штуки! старыя штуки! Зачѣмъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ будто бы самъ сатана за тобою по пятамъ гнался?

— Поневолѣ побѣжишь, когда сатанинская одежда...

— Э, голубчикъ! обманывай другихъ этимъ. Будетъ еще тебѣ отъ засѣдателя за то, чтобы не пугалъ чертовщиною людей.

— Лови! лови его!—послышался крикъ на другомъ концѣ улицы,—вотъ онъ, вотъ бѣглецъ!

И глазамъ нашего Черевика представился кумъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, съ заложенными назадъ руками, ведомый нѣсколькими хлопцами.

— Чудеса завелись! — говорилъ одинъ изъ нихъ,—послушали бы вы, что разсказываетъ этотъ мошенникъ, которому стоитъ только заглянуть въ лицо, чтобы увидѣть вора. Когда стали спрашивать: отчего бѣжалъ онъ, какъ полоумный?—„полѣзъ,—говоритъ,—въ карманъ понюхать табаку и, вмѣсто тавлинки, вытащилъ кусокъ чортовой *свитки*, отъ которой вспыхнулъ красный огонь, а онъ—давай Богъ ноги!“

— Эге, ге, ге! да это изъ одного гнѣзда обѣ птицы! Вязать ихъ обоихъ вмѣстѣ.

XII.

«Чымъ, люди добри, такъ още
я провинывся?
«За що глузуете?» сказавъ
нашъ неборакъ:
«За що знущаетесь вы надо
мною такъ?
«За що, за що?» сказавъ тай
попустивъ патіоки,
Патіоки гиркихъ слизъ,
узявшись за боки.

Артемовскій-Гулакъ.
Панъ та собака.

— Можетъ и въ самомъ дѣлѣ, кумъ, ты подцѣпилъ что-нибудь? — спросилъ Черевикъ, лежа связанный вмѣстѣ съ кумомъ подъ соломенною яткою.

— И ты туда же, кумъ! Чтобы мнѣ отсохнули руки и ноги, если что-нибудь когда-либо кралъ, выключая развѣ вареники съ сметаною у матери, да и то еще когда мнѣ было лѣтъ десять отъ роду.

— За что же это, кумъ, на насъ напасть такая? Тебѣ еще ничего: тебя винятъ по крайней мѣрѣ за то, что у другого укралъ; но за что мнѣ, несчастливцу, недобрый поклепъ такой, будто у самого себя стянулъ кобылу? Видно, намъ, кумъ, на роду уже написано не имѣть счастья!

— Горе намъ, сиротамъ бѣднымъ!

Тутъ оба кума принялись всхлипывать навзрыдъ.

— Что съ тобою, Солопій?—сказалъ вошедшій въ это время Грыцько.—Кто это связалъ тебя?

— А! Голопупенко, Голопупенко!—закричалъ, обрадовавшись, Солопій. — Вотъ, кумъ, это тотъ самый, о которомъ я говорилъ тебѣ. Эхъ, хватъ! Вотъ, Богъ убей меня на этомъ мѣстѣ, если не высуслилъ при мнѣ кухоль мало не съ твою голову, и хоть бы разъ поморщился!

— Что-жъ ты, кумъ, такъ не уважилъ такого славнаго парубка?

— Вотъ, какъ видишь,—продолжалъ Черевикъ, оборотясь къ Грыцьку, — наказалъ Богъ, видно, за то, что провинился передъ тобою. Прости, добрый человѣкъ! Ей-Богу, радъ бы былъ сдѣлать все для тебя... Но что прикажешь? Въ старухѣ дьяволъ сидитъ.

— Я не злопамятенъ, Солопій! Если хочешь, я освобожу тебя!

Тутъ онъ мигнулъ хлопцамъ, и тѣ же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать.

— За то и ты дѣлай, какъ нужно: свадьбу! да и попируемъ такъ, чтобы цѣлый годъ болѣли ноги отъ гопака!

— *Добре! отъ добре!* — сказалъ Солопій, хлопнувъ руками. — Да мнѣ такъ теперь сдѣлалось весело, какъ будто мою старуху москали увезли! Да что думать! годится, или не годится такъ—сегодня свадьбу, да и концы въ воду!

— Смотри-жъ, Солопій: черезъ часъ я буду къ тебѣ; а теперь ступай домой: тамъ ожидаютъ тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы!

— Какъ, развѣ кобыла нашлась?

— Нашлась!

Черевикъ отъ радости сталъ неподвиженъ, глядя вслѣдъ уходившему Грыцьку.

— Что, Грыцько, худо мы сдѣлали свое дѣло? — сказалъ высокій цыганъ спѣшившему парубку. — Волы вѣдь мои теперь?

— Твои! твои!

XIII.

Не бійся, матінко, не бійся,
Въ червоные чобитки обуйся,
Топчи вороги
Підъ ноги,
Щобъ твои підківки
Брязчалы!
Щобъ твои вороги
Мовчалы!
Свадебная пѣсня.

Подпершись локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грёзъ обвивалось около русой головы. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство подымало темныя ея брови, а иногда снова облако задумчивости опускало ихъ на карія, свѣтлыя очи.

— Ну, что, если не сбудется то, что говорилъ онъ?—шептала она съ какимъ-то выраженіемъ сомнѣнія.—Ну, что, если меня не выдадутъ? Если... Нѣтъ, нѣтъ; этого не будетъ! Мачиха дѣлаетъ все, что ей ни вздумается: развѣ и я не могу дѣлать того, что мнѣ вздумается? Упрямства-то и у меня достанетъ. Какой же онъ хорошій! Какъ чудно горятъ его черныя очи! Какъ любо говоритъ онъ: „*Парасю, голубко!*“ Какъ пристала къ нему бѣлая свитка! Еще бы поясъ поярче!.. Пускай, уже правда, я ему вытку, какъ перейдемъ жить въ новую хату. Не подумаю безъ радости, — продолжала она, вынимая изъ-за пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмаркѣ, глядясь въ него съ тайнымъ удовольствіемъ,—какъ я встрѣчусь тогда гдѣ-нибудь съ нею, я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себѣ тресни. Нѣтъ, мачиха, полно колотить тебѣ свою падчерицу! Скорѣе песокъ взойдетъ на камнѣ и дубъ погнется въ воду, какъ верба, нежели я нагнусь передъ тобою! Да, я и позабыла... дай примѣрять очипокъ, хоть мачихинъ, какъ-то онъ мнѣ придется.

Тутъ встала она, держа въ рукахъ зеркальце и, наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ, какъ будто бы опасаясь упасть, видя подъ собою, вмѣсто полу, потолокъ съ накладенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся недавно поповичъ, и полки, уставленныя горшками.

— Что я, въ самомъ дѣлѣ, будто дитя, — вскричала она смѣясь,—боюсь ступить ногою!

И начала притопывать ногами, — чѣмъ далѣе, все смѣлѣе; наконецъ, лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла танцовать, побрякивая подковами, держа передъ собою зеркало и напѣвая любимую свою пѣсню:

Зелененькій барвиночку,
Стелися низенько!
А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься близенько!
Зелененькій барвиночку,
Стелися ще нызче!
А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься ще блыжче!

Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего; но когда же услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились: гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ про всѣ дѣла свои. Громкій хохотъ кума заставилъ обоихъ вздрогнуть.

— Вотъ хорошо, батька съ дочкой затѣяли здѣсь сами свадьбу! Ступайте же скорѣе: женихъ пришелъ.

При послѣднемъ словѣ Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а безпечный отецъ ея вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ онъ.

— Ну, дочка, пойдемъ скорѣе! Хивря съ радости, что я продалъ кобылу, побѣжала, — говорилъ онъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ,— побѣжала закупать себѣ плахтъ и дерюгъ всякихъ, такъ нужно до прихода ея все кончить!

Не успѣла Параска переступить за порогъ хаты,

какъ почувствовала себя на рукахъ парубка въ бѣлой свиткѣ, который съ кучею народа выжидалъ ее на улицѣ.

— Боже, благослови!—сказалъ Черевикъ, складывая имъ руки.—Пусть ихъ живутъ, какъ вѣнки вьютъ! *)

Тутъ послышался шумъ въ народѣ.

— Я скорѣе тресну, чѣмъ допущу до этого!— кричала сожительница Солохія, которую, однакожъ, съ хохотомъ отталкивала толпа народа.

— Не бѣсись, не бѣсись, жинка! — говорилъ хладнокровно Черевикъ, видя, что пара дюжихъ цыганъ овладѣла ея руками,—что сдѣлано, то сдѣлано: я перемѣнять не люблю!

— Нѣтъ, нѣтъ! этого-то не будетъ!—кричала Хивря, но никто не слушалъ ея; нѣсколько паръ обступило новую пару и составили около нея непроницаемую танцующую стѣну.

Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта, въ сермяжной свиткѣ, съ длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло къ согласію. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, которыхъ одинъ хмель только, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата, заставляетъ дѣлать что-то подобное человѣческому, онѣ тихо покачивали охмелѣвшими головами, подплясывая за веселящимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету.

Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу и нечѣмъ помочь ему!

1829.

*) Обыкновенное привѣтствіе у малороссіянъ новобрачнымъ.

ВЕЧЕРЪ НАКАНУНѢ ИВАНА КУПАЛА.

БЫЛЬ,

разсказанная дьячкомъ ***ской церкви.

За Ѳомою Григорьевичемъ водилась особенная рода странность: онъ до смерти не любилъ пересказывать одно и то же. Бывало, иногда, если упросишь его разсказать что сызнова, то, смотри, что-нибудь да вкинетъ новое или переиначитъ такъ, что узнать нельзя. Разъ одинъ изъ тѣхъ господъ,—намъ, простымъ людямъ, мудрено и назвать ихъ: писаки они—не писаки, а вотъ то самое, что барышники на нашихъ ярмаркахъ: нахватаютъ, напросятъ, накрадутъ всякой всячины да и выпускаютъ книжечки, не толще букваря, каждый мѣсяцъ или недѣлю,—одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Ѳомы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только пріѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый паничъ, въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я, и котораго одну повѣсть вы, думаю, уже прочли,—привозитъ съ собою небольшую книжечку и, развернувши посерединѣ, показываетъ намъ. Ѳома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками, но, вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумѣю и не ношу очковъ, принялся читать. Не успѣлъ перевернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку.

— Постойте! напередъ скажите мнѣ, что это вы читаете?

Признаюсь, я немного пришелъ втупикъ отъ такого вопроса.

— Какъ, что читаю, Ѳома Григорьевичъ?— Вашу быль, ваши собственныя слова.

— Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?

— Да чего лучше? тутъ и напечатано: *разсказанная такимъ-то дьячкомъ*.

— Плюйте-жъ на голову тому, кто это напечаталъ! *Бреше сучый москаль*! Такъ ли я говорилъ? *Що-то вже, якъ у кого чортъ маклепки въ голови*! Слушайте, я вамъ разскажу ее сейчасъ.

Мы придвинулись къ столу, и онъ началъ:

Дѣдъ мой (царство ему небесное! чтобъ ему на томъ свѣтѣ ѣлись одни только буханци пшеничничные да маковки въ меду!) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведетъ рѣчь,—цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста и все бы слушалъ. Ужь не чета какому-нибудь пынѣшнему балагуру,

который какъ начнетъ *москаля везть* *), да еще и языкомъ такимъ, будто ему три дня ѣсть не давали, то хоть берись за шапку да изъ хаты. Какъ теперь помню,—покойная старуха, мать моя, была еще жива,—какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворѣ трещалъ морозъ и замуровывалъ наглухо узенькое окно нашей хаты, сидѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напѣвая пѣсню, которая какъ будто теперь слышится мнѣ. Каганецъ, дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ. Веретено жужжало, а мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, не слѣзавшаго отъ старости болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь старинное чудное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ, бывало, такой заберетъ отъ нихъ, что съ вечера все показывается Богъ знаетъ какимъ чудищемъ. Случится, ночью выйдешь за чѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели тв ей уклался спать выходецъ съ того свѣта. И, чтобы мнѣ не довелось разсказывать этого въ другой разъ, если я не принималъ часто издали собственную свитку, положенную въ головахъ, за свернувшагося дьявола. Но главное въ разсказахъ дѣда было то, что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ, и что, бывало, ни скажетъ, то именно такъ и было.

Одну изъ его чудныхъ исторій перескажу теперь вамъ. Знаю, что много наберется такихъ умниковъ, пописывающихъ по судамъ и читающихъ даже гражданскую грамоту, которые, если дать имъ въ руки простой часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ, а показывать на позоръ свои зубы—есть умѣнье. Имъ все, что ни разскажешь, въ смѣхъ. Этакое невѣрье разошлось по свѣту! Да чего?—вотъ не люби Богъ меня и Пречистая Дѣва! — вы, можетъ, даже не повѣрите: разъ какъ-то заикнулся про вѣдьмъ—что-жъ? нашелся сорви-голова—вѣдьмамъ не вѣритъ! Да, слава Богу, вотъ я сколько живу уже на свѣтѣ, видѣлъ такихъ иновѣрцевъ, которымъ *провозить попа въ рышеть* **) было легче, нежели нашему брату понюхать табаку, а и тѣ открещивались отъ вѣдьмъ. Но приснись имъ... не хочется только выговорить что такое... Нечего и толковать объ нихъ.

Лѣтъ куды болѣе чѣмъ за сто, говорилъ покойникъ дѣдъ мой, нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, не обмазанныхъ, не укрытыхъ, торчало то тамъ, то сямъ посереди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину или возъ. Это-жъ еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма—вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ Божій. Вы спросите, отчего они жили такъ? Бѣдность не бѣдность, потому что тогда козаковалъ почти всякій и набиралъ въ чужихъ земляхъ не мало добра; а больше отъ того, что незачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то, что и свои наѣдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало.

Въ этомъ-то хуторкѣ показывался часто человѣкъ или, лучше, дьяволъ въ человѣческомъ образѣ. Откуда онъ, зачѣмъ приходилъ, никто не зналъ. Гуляетъ, пьянствуетъ и вдругъ пропадетъ, какъ въ воду, и слуху нѣтъ. Тамъ, глядь—снова будто съ неба упалъ, рыскаетъ по улицамъ села, котораго теперь и слѣду нѣтъ и которое было, можетъ, не дальше ста шаговъ отъ Диканьки. Понаберетъ встрѣчныхъ козаковъ: хохотъ, пѣсни, деньги сыплются, водка—какъ вода... Пристанетъ, бывало, къ краснымъ дѣвушкамъ: надаритъ лентъ, серегъ, монистъ—дѣвать некуда! Правда, что красныя дѣвушки немного призадумывались, принимая подарки: Богъ знаетъ, можетъ, въ самомъ дѣлѣ перешли они черезъ нечистыя руки. Родная тетка моего дѣда, содержавшая въ то время шинокъ по нынѣшней Опошнянской дорогѣ, въ которомъ часто разгульничалъ Басаврюкъ (такъ называли этого бѣсовскаго человѣка), именно говорила, что ни за какія благополучія въ свѣтѣ не согласилась бы принять отъ него подарковъ. Опять, какъ же и не взять?—всякаго проберетъ страхъ, когда нахмуритъ онъ, бывало, свои щетинистыя брови и пуститъ исподлобья такой взглядъ, что, кажется, унесъ бы ноги, Богъ знаетъ куда; а возьмешь, такъ на другую же ночь и тащится въ гости какой-нибудь пріятель изъ болота, съ рогами на головѣ, и давай душить за шею, когда на шеѣ монисто, кусать за палецъ, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда вплетена въ нее лента. Богъ съ ними тогда, съ этими подарками! Но вотъ бѣда—и отвязаться нельзя: бросишь въ воду—плыветъ чертовскій перстень или монисто по верхъ воды и къ тебѣ же въ руки.

Въ селѣ была церковь, чуть ли еще, какъ вспомню, не святого Пантелея. Жилъ тогда при ней іерей, блаженной памяти отецъ Аѳанасій. Замѣтивъ, что Басаврюкъ и на Свѣтлое Воскресеніе

---

*) Т.-е. лгать.

**) Т.-е солгать на исповѣди

не бывалъ въ церкви, задумалъ-было пожурить его, наложить церковное покаяніе. Куда! насилу ноги унесъ.—Слушай, *паноче!*—загремѣлъ онъ ему въ отвѣтъ,—знай лучше свое дѣло, чѣмъ мѣшаться въ чужія, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залѣплено горячею кутьею!—Что дѣлать съ окаяннымъ? Отецъ Аѳанасій объявилъ только, что всякаго, кто спознается съ Басаврюкомъ, станетъ считать за католика, врага Христовой церкви и всего человѣческаго рода.

Въ томъ селѣ былъ у одного козака, прозвищемъ Коржа, работникъ, котораго люди звали Петромъ Безроднымъ, можетъ, оттого, что никто не помнилъ ни отца его, ни матери. Староста церкви говорилъ, правда, что они на другой же годъ померли отъ чумы; но тетка моего дѣда знать этого не хотѣла и всѣми силами старалась надѣлить его родней, хотя бѣдному Петру было въ ней столько нужды, сколько намъ въ прошлогоднемъ снѣгѣ. Она говорила, что отецъ его и теперь на Запорожьи, былъ въ плѣну у турокъ, натерпѣлся мукъ, Богъ знаетъ, какихъ и какимъ-то чудомъ, переодѣвшись евнухомъ, далъ тягу. Чернобровымъ дивчатамъ и молодицамъ мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что если бы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ. Но то бѣда, что у бѣднаго Петруся всего-на-все была одна сѣрая свитка, въ которой было больше дыръ, чѣмъ у иного жида въ карманѣ злотыхъ. И это бы еще не большая бѣда, а вотъ бѣда: у стараго Коржа была дочка, красавица, какую, я думаю, врядъ ли доставалось вамъ видывать. Тетка покойнаго дѣда разсказывала,—а женщинѣ, сами знаете, легче поцѣловаться съ чортомъ, не во гнѣвъ будь сказано, нежели назвать кого красавицею,—что полненькія щеки козачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росою, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только-что поднявшимся солнышкомъ; что брови, словно черные шнурочки, какіе покупаютъ теперь для крестовъ и дукатовъ дѣвушки наши у проходящихъ по селамъ съ коробками москалей, ровно нагнувшись, какъ будто глядѣлись въ ясныя очи; что ротикъ, на который глядя, облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и созданъ былъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни; что волосы ея, черные, какъ крылья ворона, и мягкіе, какъ молодой ленъ (тогда еще дѣвушки наши не заплетали ихъ въ дрибушки, перевивая красивыми, яркихъ цвѣтовъ, синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ кунтушъ. Эхъ! Не доведи Господь возглашать мнѣ больше на клиросѣ аллилуія, если бы, вотъ тутъ же, не расцѣловалъ ея, несмотря на то, что сѣдь пробирается по всему старому лѣсу, покрывающему мою макушку, и подъ бокомъ моя старуха, какъ бѣльмо въ глазу. Ну, если гдѣ парубокъ и дѣвка живутъ близко одинъ отъ другого... сами знаете, что выходитъ. Бывало, ни свѣтъ, ни заря, подковы красныхъ сапоговъ и примѣтны на томъ мѣстѣ, гдѣ раздобаривала Пидорка съ своимъ Петрусемъ. Но все бы Коржу и въ умъ не пришло что-нибудь недоброе, да разъ,—ну, это уже и видно, что не кто другой, какъ лукавый дернулъ,—вздумалось Петрусю, не осмотрѣвшись хорошенько въ сѣняхъ, влѣпить поцѣлуй, какъ говорятъ отъ всей души, въ розовыя губки козачки, и тотъ же самый лукавый,—чтобъ ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой!—настроилъ сдуру стараго хрѣна отворить дверь хаты. Одеревянѣлъ Коржъ, разинувъ ротъ и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцѣлуй, казалось, оглушилъ его совершенно. Ему почудился онъ громче, чѣмъ ударъ макогона объ стѣну, которымъ обыкновенно въ наше время мужикъ прогоняетъ кутю, за неимѣніемъ фузеи и пороха.

Очнувшись, снялъ онъ со стѣны дѣдовскую нагайку и уже хотѣлъ-было покропить ею спину бѣднаго Петра, какъ откуда ни возьмись шестилѣтній братъ Пидоркинъ, Ивась, прибѣжалъ и въ испугѣ схватилъ ручонками его за ноги, закричавъ: „Тятя, тятя! не бей Петруся!“ Что прикажешь дѣлать? У отца сердце не каменное: повѣсивши нагайку на стѣну, вывелъ онъ его потихоньку изъ хаты: „Если ты мнѣ когда-нибудь покажешься въ хатѣ или хоть только подъ окнами, то слушай, Петро: ей-Богу, пропадутъ черные усы да и оселедецъ твой,—вотъ уже онъ два раза обматывается около уха,—не будь я Терентій Коржъ, если не распрощается съ твоею макушей!“ Сказавши это, далъ онъ ему легонькою рукою стусана въ затылокъ, такъ что Петрусь, не взвидя земли, полетѣлъ стремглавъ. Вотъ тебѣ и доцѣловались! Взяла кручина нашихъ голубковъ; а тутъ и слухъ по селу, что къ Коржу повадился ходить какой-то ляхъ, обшитый золотомъ, съ усами, съ саблею, со шпорами, съ карманами, бренчавшими какъ звонокъ отъ мѣшечка, съ которымъ пономарь нашъ, Тарасъ, отправляется каждый день по церкви. Ну, извѣстно, зачѣмъ ходятъ къ отцу, когда у него водится чернобровая дочка. Вотъ одинъ разъ Пидорка схватила, заливаясь слезами, на руки Ивася своего: „Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила-бъ его карія очи, цѣловала бы

его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя. Не одинъ ручникъ вымочила горючими слезами. Тошно мнѣ, тяжело на сердцѣ. И родной отецъ—врагъ мнѣ: неволитъ идти за нелюбаго ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть вмѣсто кобзъ и сопилокъ. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня. Темная, темная моя будетъ хата!—изъ кленоваго дерева и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!"

Какъ будто окаменѣвъ, не сдвинувшись съ мѣста, слушалъ Петро, когда невинное дитя лепетало ему Пидоркины слова. „А я думалъ, несчастный, идти въ Крымъ и Туречину, навоевать золота и съ добромъ пріѣхать къ тебѣ, моя красавица. Да не быть тому. Недобрый глазъ поглядѣлъ на насъ. Будетъ же, моя дорогая рыбка, будетъ и у меня свадьба: только и дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ—воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною; гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча—моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди козацкія косточки и вихорь высушитъ ихъ. Но что я? На кого, кому жаловаться? Такъ уже, видно, Богъ велѣлъ! Пропадать, такъ пропадать!"—Да прямехонько и побрелъ въ шинокъ.

Тетка покойнаго дѣда немного изумилась, увидѣвши Петруся въ шинкѣ, да еще въ такую пору, когда добрый человѣкъ идетъ къ заутрени, и выпучила на него глаза, какъ будто спросонья, когда потребовалъ онъ кухоль сивухи, мало не съ полведра. Только напрасно думалъ бѣдняжка залить свое горе. Водка щипала его за языкъ, словно крапива, и казалась ему горше полыни. Кинулъ отъ себя кухоль на землю.

— Полно горевать тебѣ, козакъ!—загремѣло что-то басомъ надъ нимъ.

Оглянулся: Басаврюкъ! У! какая образина! Волосы—щетина, очи—какъ у вола.

— Знаю, чего недостаетъ тебѣ: вотъ чего!

Тутъ брякнулъ онъ съ бѣсовскою усмѣшкою кожанымъ, висѣвшимъ у него возлѣ пояса, кошелькомъ. Вздрогнулъ Петро.

— Ге, ге, ге! да какъ горитъ! — заревѣлъ онъ, пересыпая на руку червонцы. — Ге, ге, ге! да какъ звенитъ! А вѣдь и дѣла только одного потребуютъ за цѣлую гору такихъ цяцекъ.

— Дьяволъ!—закричалъ Петро.—Давай его! на все готовъ!

Хлопнули по рукамъ.

— Смотри, Петро, ты поспѣлъ какъ разъ въ пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь въ году и цвѣтетъ папоротникъ. Не прозѣвай! Я тебя буду ждать о полночи въ Медвѣжьемъ оврагѣ.

Я думаю, куры такъ не дожидаются той поры, когда баба вынесетъ имъ хлѣбныхъ зеренъ, какъ дожидался Петрусь вечера. То и дѣло, что смотрѣлъ, не становится ли тѣнь отъ дерева длиннѣе, не румянится ли понизившееся солнышко, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нетерпѣливѣй. Экая долгота! Видно, день Божій потерялъ гдѣ-нибудь конецъ свой. Вотъ уже и солнца нѣтъ. Небо только краснѣетъ на одной сторонѣ. И оно уже тускнетъ. Въ полѣ становится холоднѣй. Примеркаетъ, примеркаетъ и—смерклось. Насилу! Съ сердцемъ, только-что не хотѣвшимъ выскочить изъ груди, собрался онъ въ дорогу и бережно спустился густымъ лѣсомъ въ глубокій яръ, называемый Медвѣжьимъ оврагомъ. Басаврюкъ уже поджидалъ тамъ. Темно, хоть въ глаза выстрѣли. Рука объ руку пробирались они по топкимъ болотамъ, цѣпляясь за густо разросшійся терновникъ и спотыкаясь почти на каждомъ шагу. Вотъ и ровное мѣсто. Оглядѣлся Петро: никогда еще не случалось ему заходить сюда. Тутъ остановился и Басаврюкъ.

— Видишь ли ты, стоятъ передъ тобою три пригорка? Много будетъ на нихъ цвѣтовъ разныхъ; но сохрани тебя нездѣшняя сила сорвать хоть одинъ. Только же зацвѣтетъ папоротникъ, хватай его и не оглядывайся, что бы тебѣ позади ни чудилось.

Петро хотѣлъ-было спросить... глядь—и нѣтъ уже его. Подошелъ къ тремъ пригоркамъ; гдѣ же цвѣты? Ничего не видать. Дикій бурьянъ чернѣлъ кругомъ и глушилъ все своею густотою. Но вотъ блеснула на небѣ зарница, и передъ нимъ показалась цѣлая гряда цвѣтовъ, все чудныхъ, все невиданныхъ; тутъ же и простые листья папоротника. Поусомнился Петро и въ раздумьи сталъ передъ ними, подпершись обѣими руками въ боки.

— Что-жъ тутъ за невидальщина? Десять разъ на день, случается, видишь это зелье: какое-жъ тутъ диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмѣяться?

Глядь—краснѣетъ маленькая цвѣточная почка и, какъ будто живая, движется. Въ самомъ дѣлѣ чудно! Движется и становится все больше, больше и краснѣетъ, какъ горячій уголь. Вспыхнула звѣздочка, что-то тихо затрещало—и цвѣтокъ развернулся передъ его очами, словно пламя, освѣтивъ и другіе около себя.

„Теперь пора!" подумалъ Петро и протянулъ руку. Смотритъ, тянутся изъ-за него сотни мохнатыхъ рукъ также къ цвѣтку, а позади его что-то перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто. Зажмуривъ глаза, дернулъ онъ за стебелекъ и цвѣтокъ остался въ его рукахъ. Все утихло. На пнѣ показался сидящимъ Басаврюкъ, весь синій, какъ мертвецъ. Хоть бы пошевелился однимъ пальцемъ. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему

одному только; ротъ вполовину разинутъ, и ни отвѣта. Вокругъ не шелохнетъ. Ухъ, страшно!.. Но вотъ послышался свистъ, отъ котораго захолонуло у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумѣла, цвѣты начали между собою разговаривать голоскомъ тоненькимъ, словно серебряные колокольчики; деревья загремѣли сыпучею бранью... Лицо Басаврюка вдругъ ожило, очи сверкнули.

— Насилу воротилась, яга!—проворчалъ онъ сквозь зубы.

— Гляди, Петро, станетъ передъ тобою сейчасъ красавица: дѣлай все, что ни прикажетъ, не то пропалъ навѣки!

Тутъ раздѣлилъ онъ суковатою палкою кустъ терновника, и передъ ними показалась избушка, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ. Басаврюкъ ударилъ кулакомъ, и стѣна зашаталась. Большая черная собака выбѣжала навстрѣчу и съ визгомъ, оборотившись въ кошку, кинулась въ глаза имъ.—Не бѣсись, не бѣсись, старая чертовка!—проговорилъ Басаврюкъ, приправивъ такимъ словцомъ, что добрый человѣкъ и уши бы заткнулъ. Глядь, вмѣсто кошки, старуха съ лицомъ сморщившимся, какъ печеное яблоко, вся согнутая въ дугу; носъ съ подбородкомъ словно щипцы, которыми щелкаютъ орѣхи.—Славная красавица!—подумалъ Петро, и мурашки пошли по спинѣ его. Вѣдьма вырвала у него цвѣтокъ изъ рукъ, наклонилась и что-то долго шептала надъ нимъ, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта, пѣна показалась на губахъ.—Бросай!—сказала она, отдавая цвѣтокъ ему. Петро подбросилъ, и, что за чудо? цвѣтокъ не упалъ прямо, но долго казался огненнымъ шарикомъ посреди мрака и, словно лодка, плавалъ по воздуху; наконецъ, потихоньку началъ спускаться ниже и упалъ такъ далеко, что едва примѣтна была звѣздочка, не больше маковаго зерна.—Здѣсь!—глухо прохрипѣла старуха, а Басаврюкъ, подавая ему заступъ, примолвилъ:—Копай здѣсь, Петро; тутъ увидишь ты столько золота, сколько ни тебѣ, ни Коржу не снилось.—Петро, поплевавъ въ руки, схватилъ заступъ, надавилъ ногою и выворотилъ землю, въ другой, въ третій, еще разъ... Что-то твердое!.. Заступъ звенитъ и нейдетъ далѣе. Тутъ глаза его ясно начали различать небольшой, окованный желѣзомъ, сундукъ. Уже хотѣлъ онъ было достать его рукою, но сундукъ сталъ уходить въ землю, и все, чѣмъ далѣе, глубже, глубже; а позади его слышался хохотъ, болѣе схожій съ змѣинымъ шипѣньемъ.—Нѣтъ, не видать тебѣ золота, покамѣстъ не достанешь крови человѣческой! — сказала вѣдьма и подвела къ нему дитя, лѣтъ шести, накрытое бѣлою простынею, показывая знакомъ, чтобы онъ отсѣкъ ему голову. Остолбенѣлъ Петро. Малость—отрѣзать ни за что, ни про что человѣку голову, да еще и безвинному ребенку! Въ сердцахъ, сдернулъ онъ простыню, накрывавшую его голову, и что же? Передъ нимъ стоялъ Ивась. И ручонки сложило бѣдное дитя на-крестъ, и головку повѣсило... Какъ бѣшеный, подскочилъ съ ножомъ къ вѣдьмѣ Петро и уже занесъ-было руку...

— А что ты обѣщалъ за дѣвушку?..—грянулъ Басаврюкъ и словно пулю посадилъ ему въ спину. Вѣдьма топнула ногою: синее пламя выхватилось изъ земли; середина ея вся освѣтилась и стала какъ будто изъ хрусталя вылита, и все, что ни было подъ землею, сдѣлалось видимо, какъ на ладони. Червонцы, дорогіе камни въ сундукахъ, въ котлахъ, грудами были навалены подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они стояли. Глаза его загорѣлись... умъ помутился... Какъ безумный, ухватился онъ за ножъ, и безвинная кровь брызнула ему въ очи... Дьявольскій хохотъ загремѣлъ со всѣхъ сторонъ. Безобразныя чудища стаями скакали передъ нимъ. Вѣдьма, вцѣпившись руками въ обезглавленный трупъ, какъ волкъ, пила изъ него кровь... Все пошло кругомъ въ головѣ его! Собравши всѣ силы, бросился онъ бѣжать. Все покрылось передъ нимъ краснымъ свѣтомъ. Деревья всѣ въ крови, казалось, горѣли и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненныя пятна, что молніи, мерещились въ его глазахъ. Выбившись изъ силъ, вбѣжалъ онъ въ свою лачужку и, какъ снопъ, повалился на землю. Мертвый сонъ охватилъ его.

Два дня и двѣ ночи спалъ Петро безъ просыпу. Очнувшись на третій день, долго осматривалъ онъ углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была какъ карманъ стараго скряги, изъ котораго полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышалъ онъ, что въ ногахъ брякнуло. Смотритъ: два мѣшка съ золотомъ. Тутъ только, будто сквозь сонъ, вспомнилъ онъ, что искалъ какого-то клада, что было ему одному страшно въ лѣсу... Но за какую цѣну, какъ достался онъ,—этого никакимъ образомъ не могъ понять.

Увидѣлъ Коржъ мѣшки и—разнѣжился. „Сякой, такой Петрусь, немазаный! Да я ли не любилъ его? Да не былъ ли у меня онъ, какъ сынъ родной?“ И понесъ хрычъ небывальщину, такъ что того до слезъ разобрало. Пидорка стала разсказывать ему, какъ проходившіе мимо цыгане украли Ивася; но Петро не могъ даже вспомнить его: такъ обморочила проклятая бѣсовщина! Мѣшкать было незачѣмъ. Поляку дали подъ носъ дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишекъ, нашили ручниковъ и хустокъ, выкатили бочку горѣлки, посадили за столъ молодыхъ, разрѣзали коровай,

— Бросай!—сказала она, отдавая ему цвѣтокъ.

брякнули въ бандуры, цымбалы, сопилки, кобзы— и пошла потѣха...

Въ старину свадьба водилась не въ сравненье съ нашей. Тетка моего дѣда, бывало, разскажетъ— люли только! Какъ дѣвчата, въ нарядномъ головномъ уборѣ, изъ желтыхъ, синихъ и розовыхъ стричекъ, поверхъ которыхъ навязывался золотой галунъ, въ тонкихъ рубашкахъ, вышитыхъ по всему шву краснымъ шелкомъ и унизанныхъ мелкими серебряными цвѣточками, въ сафьянныхъ сапогахъ на высокихъ желѣзныхъ подковахъ, плавно, словно павы, и съ шумомъ, что вихрь, скакали въ горницѣ. Какъ молодицы, съ корабликомъ на головѣ, котораго верхъ сдѣланъ былъ весь изъ сутозолотой парчи, съ небольшимъ вырѣзомъ на затылкѣ, откуда выглядывалъ золотой очипокъ, съ двумя выдавшимися, одинъ напередъ, другой назадъ, рожками самаго мелкаго чернаго смушка, въ синихъ, изъ лучшаго полутабенеку, съ красными клапанами, кунтуш хъ, важно подбоченившись, выступали поодиночкѣ и мѣрно выбивали гопака. Какъ парубки, въ высокихъ козацкихъ шапкахъ, въ тонкихъ суконныхъ свиткахъ, затянутыхъ шитыми серебромъ поясами, съ люльками въ зубахъ, разсыпались передъ ними мелкимъ бѣсомъ и подпускали турусы. Самъ Коржъ не утерпѣлъ, глядя на молодыхъ, чтобъ не тряхнуть стариною. Съ бандурою въ рукахъ, потягивая люльку и вмѣстѣ припѣвая, съ чаркою на головѣ, пустился старичина, при громкомъ крикѣ гулякъ, въ присядку. Чего не выдумаютъ навеселѣ? Начнутъ, бывало, наряжаться въ хари,—Боже ты мой, на человѣка не похожи! Ужь не чета нынѣшнимъ переодѣваньямъ, что бываетъ на свадьбахъ нашихъ. Что теперь? Только что корчатъ цыганокъ да москалей. Нѣтъ, вотъ, бывало, одинъ одѣнется жидомъ, а другой чортомъ, начнутъ сперва цѣловаться, а послѣ ухватятся за чубы... Богъ съ вами! Смѣхъ нападетъ такой, что за животъ хватаешься. Поодѣнутся въ турецкія и татарскія платья; все горитъ на нихъ, какъ жаръ... А какъ начнутъ дурить да строить штуки... ну, тогда хоть святыхъ выноси! Съ теткой покойнаго дѣда, которая сама была на этой свадьбѣ, случилась забавная исторія: была она одѣта тогда въ татарское широкое платье и, съ чаркою въ рукахъ, угощала собраніе. Вотъ, одного дернулъ лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промахъ, высѣкъ въ ту же минуту огня, да и поджогъ... пламя вспыхнуло: бѣдная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать съ себя, при всѣхъ, платье... Шумъ, хохотъ, ералашъ поднялся, какъ на ярмаркѣ. Словомъ, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно панъ съ панею. Всего вдоволь, все блеститъ... Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на житье ихъ. „Отъ чорта не будетъ добра,— поговаривали всѣ въ одинъ голосъ.—Откуда, какъ не отъ искусителя люда православнаго, пришло къ нему богатство? Гдѣ ему было взять такую кучу золота? Отчего, вдругъ, въ самый тотъ день, когда разбогатѣлъ онъ, Басаврюкъ пропалъ, какъ въ воду?“—Говорите же, что люди выдумываютъ! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не прошло мѣсяца, Петруся никто узнать не могъ. Отчего, что съ нимъ сдѣлалось,—Богъ знаетъ. Сидитъ на одномъ мѣстѣ, и хоть бы слово съ кѣмъ; все думаетъ, какъ будто бы хочетъ что-то припомнить. Когда Пидоркѣ удастся заставить его о чемъ-нибудь заговорить, какъ будто и забудется, и поведетъ рѣчь, и развеселится даже; но ненарокомъ посмотритъ на мѣшки: „Постой, постой, позабылъ!“—кричитъ, и снова задумывается, и снова силится про что-то вспомнить. Иной разъ, когда долго сидитъ на одномъ мѣстѣ, чудится ему, что вотъ-вотъ все сызнова приходитъ на умъ... и опять все ушло. Кажется: сидитъ въ шинкѣ; несутъ ему водку; жжетъ его водка: противна ему водка; кто-то подходитъ, бьетъ по плечу его; онъ... но далѣе все какъ будто туманомъ покрывается передъ нимъ. Потъ валитъ градомъ по лицу его, и онъ, въ изнеможеніи, садится на свое мѣсто.

Чего ни дѣлала Пидорка: и совѣщалась съ знахарями, и переполохъ выливали, и сóняшницу заваривали *)—ничто не помогало. Такъ прошло и лѣто. Много козаковъ обкосилось и обжалось; много козаковъ, поразгульнѣе другихъ, и въ походъ потянулось. Стаи утокъ еще толпились на болотахъ нашихъ; но крапивянокъ уже и въ поминѣ не было. Въ степяхъ закраснѣло. Скирды хлѣба то тамъ, то сямъ, словно козацкія шапки, пестрѣли по полю. Попадались по дорогѣ и возы, навалённые хворостомъ и дровами. Земля сдѣлалась крѣпче и мѣстами стала прохватываться морозомъ. Уже и снѣгъ началъ сѣяться съ неба, и вѣтки деревъ убрались инеемъ, будто заячьимъ мѣхомъ. Вотъ уже въ ясный морозный день красногрудый снигирь, словно щеголеватый польскій шляхтичъ, прогуливается по снѣговымъ кучамъ, вытаскивая зерно, и дѣти огромными кіями гоняли по льду деревянные кубари, между тѣмъ какъ отцы ихъ спокойно вылеживались на печкѣ, выходя по временамъ, съ зажженною люлькою въ зубахъ, ругнуть

*) Выливаютъ переполохъ у насъ въ случаѣ испуга, когда хотятъ узнать, отчего приключился онъ: бросаютъ расплавленное олово или воскъ въ воду, и чье примутъ они подобіе, то самое перепугало больного; послѣ чего и весь испугъ проходитъ. Заваривaютъ сóняшницу отъ дурноты и боли въ животѣ. Для этого зажигаютъ кусокъ пеньки, бросаютъ въ кружку и опрокидываютъ ее вверхъ дномъ въ миску, наполненную водою и поставленную на животѣ больного; потомъ, послѣ зашептываній, даютъ ему выпить ложку этой воды.

добрымъ порядкомъ православный морозецъ, или провѣтриться и промолотить въ сѣняхъ залежалый хлѣбъ. Наконецъ, снѣга стали таять, и *щука хвостомъ ледъ расколотила;* а Петро все тотъ же, и чѣмъ далѣе, тѣмъ еще суровѣе. Какъ будто прикованный, сидитъ посереди хаты, поставивъ себѣ въ ноги мѣшки съ золотомъ. Одичалъ, обросъ волосами, сталъ страшенъ, и все думаетъ объ одномъ, все силится припомнилъ что-то, и сердится, и злится, что не можетъ вспомнить. Часто дико поднимается съ своего мѣста, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ будто хочетъ уловить его; губы шевелятся, будто хотятъ произнесть какое-то давно забытое слово— и неподвижно останавливаются... Бѣшенство овладѣваетъ имъ; какъ полоумный, грызетъ и кусаетъ себѣ руки и въ досадѣ рветъ клоками волоса, покамѣстъ, утихнувъ, не упадетъ, будто въ забытьи, и послѣ снова принимается припоминать, и снова бѣшенство, и снова мука... Что это за напасть Божія? Жизнь не въ жизнь стала Пидоркѣ. Страшно ей было оставаться сперва одной въ хатѣ, да послѣ свыклась, бѣдняжка, съ своимъ горемъ. Но прежней Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца, ни усмѣшки; изныла, исчахла, выплакались ясныя очи. Разъ кто-то уже, видно, сжалился надъ ней, посовѣтовалъ идти къ колдуньѣ, жившей въ Медвѣжьемъ оврагѣ, про которую ходила слава, что умѣетъ лѣчить всѣ на свѣтѣ болѣзни. Рѣшилась попробовать послѣднее средство; слово за слово, уговорила старуху идти съ собою. Это было ввечеру, какъ разъ накапунѣ Купала. Петро въ безпамятствѣ лежалъ на лавкѣ и не примѣчалъ вовсе новой гостьи. Какъ вотъ, мало-по-малу, сталъ приподниматься и всматриваться. Вдругъ весь задрожалъ, какъ на плахѣ; волосы поднялись горою... и онъ засмѣялся такимъ хохотомъ, что страхъ врѣзался въ сердце Пидорки. „Вспомнилъ, вспомнилъ!“—закричалъ онъ въ страшномъ весельѣ и, размахнувши топоръ, пустилъ имъ изо всей силы въ старуху. Топоръ на два вершка вбѣжалъ въ дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лѣтъ семи, въ бѣлой рубашкѣ, съ накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетѣла. „Ивась!“—закричала Пидорка и бросилась къ нему; но привидѣніе все, съ ногъ до головы, покрылось кровью и освѣтило всю хату краснымъ свѣтомъ... Въ испугѣ выбѣжала она въ сѣни; но, опомнившись немного, хотѣла-было помочь ему; напрасно! Дверь захлопнувась за нею такъ крѣпко, что не подъ силу было отпереть. Сбѣжались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна! Вся хата полна дыма, и посерединѣ только, гдѣ стоялъ Петрусь, куча пеплу, отъ котораго мѣстами подымался еще паръ. Кинулись къ мѣшкамъ: одни битые черепки лежали вмѣсто червонцевъ. Выпуча глаза и разинувъ рты, не смѣя пошевельнуть усомъ, стояли козаки, будто вкопанные въ землю. Такой страхъ навело на нихъ это диво.

Что было далѣе, не вспомню. Пидорка дала обѣтъ идти на богомолье; собрала оставшееся послѣ отца имущество, и черезъ нѣсколько дней ея точно уже не было на селѣ. Куда ушла она, никто не могъ сказать. Услужливыя старухи отправили ее было уже туда, куда и Петро потащился; но пріѣхавшій изъ Кіева козакъ разсказалъ, что видѣлъ въ лаврѣ монахиню, всю высохшую, какъ скелетъ, и безпрестанно молящуюся, въ которой земляки, по всѣмъ примѣтамъ, узнали Пидорку; что будто еще никто не слыхалъ отъ нея ни одного слова; что пришла она пѣшкомъ и принесла окладъ къ иконѣ Божіей Матери, исцвѣченный такими яркими камнями, что всѣ зажмурились, на него глядя.

Позвольте, этимъ еще не все кончилось. Въ тотъ самый день, когда лукавый припряталъ къ себѣ Петруся, показался снова Басаврюкъ; только всѣ бѣгомъ отъ него. Узнали, что это за птица: не кто другой, какъ сатана, принявшій человѣческій образъ для того, чтобы отрывать клады; а какъ клады не даются нечистымъ рукамъ, такъ вотъ онъ и приманиваетъ къ себѣ молодцовъ. Въ томъ же году всѣ побросали землянки свои и перебрались въ село; но и тамъ, однакожъ, не было покою отъ проклятаго Басаврюка. Тетка покойнаго дѣда говорила, что именно злился онъ болѣе всего на нее за то, что оставила прежній шинокъ по Опошнянской дорогѣ, и всѣми силами старался выместить все на ней. Разъ старшины села собрались въ шинокъ и, какъ говорится, бесѣдовали по чинамъ за столомъ, посерединѣ котораго поставленъ былъ, грѣхъ сказать, чтобы малый, жареный баранъ. Калякали о томъ, о семъ; было и про диковинки разныя, и про чуда. Вотъ и померещилось,—еще бы ничего, если бы одному, а то именно всѣмъ,— что баранъ поднялъ голову, блудящіе глаза его ожили и засвѣтились, и вмигъ появившіеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующихъ. Всѣ тотчасъ узнали на бараньей головѣ рожу Басаврюка; тетка дѣда моего даже думала уже, что вотъ-вотъ попроситъ водки... Честные старшины за шапки, да скорѣй во-свояси. Въ другой разъ самъ церковный староста, любившій по временамъ раздобаривать глазъ-на-глазъ съ дѣдовскою чаркою, не успѣлъ еще раза два достать дна, какъ видитъ, что чарка кланяется ему въ поясъ. „Чортъ съ тобою!“ давай креститься!.. А тутъ съ половиною его тоже диво: только-что начала она замѣшивать тѣсто въ огромной дижѣ, вдругъ дижа выпрыгнула. „Стой, стой!“ Куда! Подбоченившись важно, пустилась въ присядку по всей хатѣ... Смѣйтесь:

однакожъ не до смѣху было нашимъ дѣдамъ. И даромъ, что отецъ Аѳанасій ходилъ по всему селу со святою водою и гонялъ чорта кропиломъ по всѣмъ улицамъ, а все еще тетка покойнаго дѣда долго жаловалась, что кто-то, какъ только вечеръ, стучитъ въ крышу и царапается по стѣнѣ.

Да чего! Вотъ теперь на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ село наше, кажись, все спокойно; а вѣдь еще не такъ давно, еще покойный отецъ мой и я запомню, какъ мимо развалившагося шинка, который нечистое племя долго послѣ того поправляло на свой счетъ, доброму человѣку пройти нельзя было. Изъ закоптѣвшей трубы столбомъ валилъ дымъ и, поднявшись высоко, такъ что смотрѣть—шапка валилась, разсыпался горячими угольями по всей степи. и чортъ—нечего бы и вспоминать его, собачьяго сына—такъ всхлипывалъ жалобно въ своей конурѣ, что испуганные гайвороны стаями подымались изъ ближняго дубоваго лѣса и съ дикимъ крикомъ метались по небу.

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА.

Врагъ его батька знае! Начнуть що нибудь робыть люды хрещены, то мурдуютця, мурдуютца, мовъ хорты за зайцемъ, а все щось не до пымгу; тильки жъ куды чортъ уплетецця, то верть хвостыкомъ—такъ де воно й возмецця нияче зъ неба.

I.

Ганна.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села ***. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ унынъемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки, а пѣсни все не утихали. Съ бандурою въ рукахъ пробирался ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой козакъ Левко, сынъ сельскаго головы. На козакѣ рѣшетиловская шапка. Козакъ идетъ по улицѣ, бренчитъ рукою по струнамъ и подплясываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? Чья это дверь? Немного помолчавши, заигралъ онъ и запѣлъ;

Сонце нызенько, вечеръ близенько,
Выйды до мене, мое серденько!

— Нѣтъ, видно, крѣпко заснула моя ясноокая красавица,—сказалъ козакъ, окончивши пѣсню и приближаясь къ окну. — Галю! Галю! Ты спишь, или не хочешь ко мнѣ выйти? Ты боишься, вѣрно, чтобы насъ кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ быть, показать бѣлое личико на холодъ? Не бойся: никого нѣтъ; вечеръ тепелъ. Но если-бы и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя — и никто насъ не увидитъ. Но если-бы и повѣяло холодомъ, я прижму тебя поближе къ сердцу, отогрѣю поцѣлуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькія ножки. Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! Выгляни на мигъ. Просунь сквозь окошечко хоть бѣлую свою ручку... Нѣтъ, ты не спишь, гордая дивчина!—проговорилъ онъ громче и такимъ голосомъ, какимъ выражаетъ себя устыдившійся мгновеннаго униженія,—тебѣ любо издѣваться надо мною; прощай!

Тутъ онъ отворотился, насунулъ набекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревянная ручка у двери въ это время завертѣлась: дверь распахнулась со скрипомъ, и дѣвушка, на порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи; блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея.

— Какой же ты нетерпѣливый!—говорила она ему вполголоса.—Уже и разсердился! Зачѣмъ выбралъ ты такое время? Толпа народу шатается то и дѣло по улицамъ... Я вся дрожу...

— О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче!—говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты.—Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько.

— Знаешь ли, что я думаю? — прервала дѣвушка, задумчиво уставивъ въ него свои очи.— Мнѣ все что-то будто на ухо шепчетъ, что впередъ намъ не видаться такъ часто. Недобрые у васъ люди: дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо, а парубки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недавней поры стала суровѣе приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе у чужихъ было.

Какое-то движеніе тоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

— Два мѣсяца только въ сторонѣ родной и уже соскучилась! Можетъ, и я надоѣлъ тебѣ?

— О, ты мнѣ не надоѣлъ, — молвила она, усмѣхнувшись. — Я тебя люблю, чернобровый козакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и, какъ

поглядишь ты ими, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается: и весело, и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя.

— О, моя Галя!—вскрикнулъ парубокъ, цѣлуя и прижимая ее сильнѣе къ груди своей.

— Постой! Полно, Левко! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцомъ своимъ?

— Что?—сказалъ онъ будто проснувшись.— Что я хочу жениться, а ты выйти за меня замужъ? Говорилъ.—Но какъ-то унывно зазвучало въ устахъ его это слово: „говорилъ“.

— Что же?

— Что станешь дѣлать съ нимъ? Притворился, старый хрѣнъ, по своему обыкновенію, глухимъ: ничего не слышитъ и еще бранитъ, что шатаюсь Богъ знаетъ гдѣ и повѣсничаю съ хлопцами по улицамъ. Но не тужи, моя Галю! Вотъ тебѣ слово козацкое, что уломаю его.

— Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать — и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово—и невольно дѣлаю, что тебѣ хочется. Посмотри, посмотри!—продолжала она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, завѣшенное снизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишенъ.—Посмотри: вонъ-вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, вѣдь это ангелы Божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, какъ у птицъ,—туда бы полетѣть высоко-высоко... Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ, однакоже, есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ Свѣтлымъ праздникомъ.

— Нѣтъ, Галю, у Бога есть длинная лѣстница отъ неба до самой земли. Ее становятъ передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ святые архангелы, и какъ только Богъ ступитъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полетятъ стремглавъ и кучами попадаютъ въ пекло, и оттого на Христовъ праздникъ ни одного злого духа не бываетъ на землѣ.

— Какъ тихо колышется вода, будто дитя въ люлькѣ!—продолжала Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго океана ночного воздуха, какъ бы предчувствуя скорое появленіе блистательнаго царя ночи. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремалъ съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ; мохъ и дикая трава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая своею тѣнью, бросалъ на него дикую мрачность; орѣховая роща стлалась у подножія его и скатывалась къ пруду.

— Я помню, будто сквозь сонъ,—сказала Ганна, не спуская глазъ съ него,—давно-давно, когда я еще была маленькою и жила у матери, что-то страшное разсказывали про домъ этотъ. Левко, ты вѣрно знаешь; разскажи!..

— Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего не разскажутъ бабы и народъ глупый. Ты себя только потревожишь, станешь бояться и не заснется тебѣ покойно.

— Разскажи, разскажи, милый, чернобровый парубокъ!—говорила она, прижимаясь лицомъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его.—Нѣтъ, ты, видно, не любишь меня; у тебя есть другая дѣвушка. Я не буду бояться; я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не разскажешь. Я стану мучиться да думать. . Разскажи, Левко!..

— Видно, правду говорятъ люди, что у дѣвушекъ сидитъ чортъ, подстрекающій ихъ любопытство. Ну, слушай. Давно, мое серденько, жилъ въ этомъ домѣ сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумалъ сотникъ жениться на другой. „Будешь ли ты меня лежить по-старому, батька, когда возьмешь другую жену?“ — „Буду, моя дочка; еще крѣпче прежняго стану прижимать тебя къ сердцу! Буду, моя дочка; еще ярче стану дарить серьги и монисты!“

Привезъ сотникъ молодую жену въ новый домъ свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бѣла собою была молодая жена; только такъ страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидѣвши, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала ночь: ушелъ сотникъ съ молодою женою въ свою опочивальню; заперлась и бѣлая панночка въ своей свѣтлицѣ. Горько сдѣлалось ей; стала плакать. Глядитъ: страшная черная кошка крадется къ ней; шерсть на ней горитъ, и желѣзные когти стучатъ по полу. Въ испугѣ, вскочила она на лавку,—кошка за нею; перепрыгнула на лежанку—кошка и туда, и вдругъ бросилась къ ней на шею и душитъ ее. Съ крикомъ оторвавши отъ себя, кинула ее на полъ. Опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стѣнѣ висѣла отцовская сабля. Схватила ее и брякъ по полу,—лапа съ желѣзными когтями отскочила, и кошка съ визгомъ

пропала въ темномъ углу. Цѣлый день не выходила изъ свѣтлицы своей молодая жена; на третій день вышла съ перевязанною рукою. Угадала бѣдная панночка, что мачиха ея вѣдьма и что она ей перерубила руку. На четвертый день приказалъ сотникъ своей дочкѣ носить воду, мести хату, какъ простой мужичкѣ, и не показываться въ панскіе покои. Тяжело было бѣдняжкѣ, да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгналъ сотникъ свою дочку босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками бѣлое лицо свое: „Погубилъ ты, батька, родную дочку свою! Погубила вѣдьма грѣшную душу твою! Прости тебѣ Богъ, а мнѣ, несчастной, видно, не велитъ Онъ жить на бѣломъ свѣтѣ“...—И вотъ, видишь ли ты?...—Тутъ оборотился Левко къ Ганнѣ, указывая пальцемъ на домъ.—Гляди сюда: вонъ подалѣе отъ дома, самый высокій берегъ! Съ этого берега кинулась панночка въ воду. И съ той поры не стало ея на свѣтѣ...

— А вѣдьма?—боязливо прервала Ганна, устремивъ на него прослезившіяся очи.

— Вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили, въ лунную ночь, въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ, и сотникова дочка сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь увидѣла она мачиху свою возлѣ пруда, напала на нее и съ крикомъ утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою въ одну изъ утопленницъ, и черезъ то ушла отъ плети изъ зеленаго тростника, которою хотѣли ее бить утопленницы. Вѣрь бабамъ! Разсказываютъ еще, что панночка собираетъ всякую ночь утопленницъ и заглядываетъ поодиночкѣ каждой въ лицо, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до сихъ поръ не узнала. И если попадется изъ людей кто, тотчасъ заставляетъ его угадывать; не то грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Галю, какъ разсказываютъ старые люди!.. Теперешній панъ хочетъ строить на томъ мѣстѣ винницу и прислалъ нарочно для того сюда винокура... Но я слышу говоръ. Это наши возвращаются съ пѣсенъ. Прощай, Галю! Спи спокойно, да не думай объ этихъ бабьихъ выдумкахъ.

Сказавши это, онъ обнялъ ее крѣпче, поцѣловалъ и ушелъ.

— Прощай, Левко!—говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный огненный мѣсяцъ величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина его была подъ землею, а уже весь міръ исполнился какого-то торжественнаго свѣта. Прудъ тронулся искрами. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени.

— Прощай, Ганна!—раздались позади ея слова сопровождаемыя поцѣлуемъ.

— Ты воротился!—сказала она, оглянувшись; но, увидѣвъ передъ собою незнакомаго парубка, отвернулась въ сторону.

— Прощай, Ганна!—раздалось снова, и снова поцѣловалъ ее кто-то въ щеку.

— Вотъ принесла нелегкая и другого! — проговорила она съ сердцемъ.

— Прощай, милая Ганна!

— Еще и третій!

— Прощай! прощай! прощай, Ганна! — и поцѣлуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ.

— Да тутъ ихъ цѣлая ватага! — кричала Ганна, вырываясь изъ толпы парубковъ, наперерывъ спѣшившихъ обнимать ее. — Какъ имъ не надоѣстъ безпрестанно цѣловаться! Скоро, ей-Богу, нельзя будетъ показаться на улицѣ!

Вслѣдъ за сими словами дверь захлопнулась и только слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся желѣзный засовъ.

II.

Голова.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышитъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ оксанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтренникъ—ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ; все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посереди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только

свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

— Да, гопакъ не такъ танцуется! То-то я гляжу, не клеится все. Что-жъ это разсказываетъ кумъ?.. А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!—такъ разговаривалъ самъ съ собою подгулявшій мужикъ среднихъ лѣтъ, танцуя по улицѣ.—Ей-Богу, не такъ танцуется гопакъ! Что мнѣ лгать? Ей-Богу, не такъ! А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!

— Вотъ одурѣлъ человѣкъ! Добро бы еще хлопецъ какой, а то старый кабанъ, дѣтямъ на смѣхъ, танцуетъ ночью по улицѣ! — вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ солому.—Ступай въ хату свою! Пора спать давно!

— Я пойду! — сказалъ, остановившись, мужикъ.—Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Что онъ думаетъ, *дидько-бъ утысся его батькови*, что онъ голова, что онъ обливаетъ людей на морозѣ холодною водою, такъ и носъ поднялъ! Ну, голова, голова. Я самъ себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ! Богъ меня убей! Я самъ себѣ голова. Вотъ что, а не то что...— продолжалъ онъ, подходя къ первой попавшейся хатѣ, и остановился передъ окошкомъ, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку.—Баба, отворяй! Баба, живѣй, говорятъ тебѣ, отворяй! Козаку спать пора!

— Куда ты, Каленикъ? Ты въ чужую хату попалъ, — закричали, смѣясь, позади его дѣвушки, ворочавшіяся съ веселыхъ пѣсней. — Показать тебѣ твою хату?

— Покажите, любезныя молодушки!

— Молодушки? Слышите ли, — подхватила одна, — какой учтивый Каленикъ? За это ему нужно показать хату... но нѣтъ, напередъ потанцуй.

— Потанцовать?.. эхъ, вы замысловатыя дѣвушки!—протяжно произнесъ Каленикъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. — А дадите перецѣловать себя? Всѣхъ перецѣлую, всѣхъ!..

И косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались; но послѣ ободрившись перебѣжали на другую сторону, увидя, что Каленикъ не слишкомъ былъ скоръ на ноги.

— Вонъ твоя хата!—закричали онѣ ему, уходя и показывая на избу, гораздо поболѣе прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ.

Каленикъ послушно побрелъ въ ту сторону, принимаясь снова бранить голову.

Но кто же этотъ голова, возбудившій такіе невыгодные о себѣ толки и рѣчи? О! этотъ голова важное лицо на селѣ! Покамѣстъ Каленикъ достигнетъ конца пути своего, мы, безъ сомнѣнія, успѣемъ кое-что сказать о немъ. Все село, завидѣвши его, берется за шапки; а дѣвушки, самыя молоденькія, отдаютъ *добридень*. Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ быть головою? Головѣ открытъ свободный ходъ во всѣ тавлинки, и дюжій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку, во все продолженіе, когда голова запускаетъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку. Въ мірской сходкѣ, или громадѣ, несмотря на то, что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ, кого ему угодно, ровнять и гладить дорогу или копать рвы. Голова угрюмъ, суровъ съ виду и не любитъ много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ѣздила въ Крымъ, былъ онъ выбранъ въ провожатые; цѣлые два дня находился онъ въ этой должности и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившіеся внизъ усы и кидать соколиный взглядъ исподлобья. И съ той поры голова, объ чемъ бы ни заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на козлахъ царской кареты. Голова любитъ иногда прикинуться глухимъ, особливо если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова терпѣть не можетъ щегольства: носитъ всегда свитку чернаго домашняго сукна, перепоясывается шерстянымъ цвѣтнымъ поясомъ, и никто никогда не видалъ его въ другомъ костюмѣ, выключая развѣ только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда на немъ былъ синій козацкій жупанъ. Но это время врядъ ли кто могъ запомнить изъ цѣлаго села; а жупанъ держитъ онъ въ сундукѣ подъ замкомъ. Голова вдовъ; но у него живетъ въ домѣ свояченица, которая варитъ обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубашки и завѣдываетъ всѣмъ домомъ. На селѣ поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница; но мы уже видѣли, что у головы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ-быть, къ этому подало поводъ и то, что свояченицѣ всегда не нравилось, если голова заходилъ въ поле, усѣянное жницами, или къ козаку, у котораго была молодая дочка. Голова кривъ, но за то одинокій глазъ его — злодѣй, и далеко можетъ увидѣть хорошенькую поселянку. Не прежде, однакожъ, онъ наведетъ его на смазливенькое личико, пока не осмотрится хорошенько, не глядитъ ли откуда свояченица. Но мы почти все уже

разсказали, что нужно, о головѣ, а пьяный Каленикъ не добрался еще и до половины дороги, и долго еще угощалъ голову всѣми отборными словами, какія могли только вспасть на лѣниво и несвязно поворачивавшійся языкъ его.

III.

Неожиданный соперникъ.—Заговоръ.

— Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, не хочу! Что за разгулье такое! Какъ вамъ не надоѣстъ повѣсничать? И безъ того уже прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буянами. Ложитесь лучше спать! — такъ говорилъ Левко разгульнымъ товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новыя проказы.—Прощайте, братцы! покойная вамъ ночь!—и быстрыми шагами шелъ отъ нихъ по улицѣ.

„Спитъ ли моя ясноокая Ганна?“ — думалъ онъ, подходя къ знакомой намъ хатѣ съ вишневыми деревьями. Среди тишины послышался тихій говоръ. Левко остановился. Между деревьями забѣлѣла рубашка... „Что это значитъ?“—подумалъ и, подкравшись поближе, спрятался за дерево. При свѣтѣ мѣсяца блистало лицо стоявшей передъ нимъ дѣвушки... Это Ганна! Но кто же этотъ высокій человѣкъ, стоящій къ нему спиною? Напрасно всматривался онъ: тѣнь покрывала его съ ногъ до головы. Спереди только онъ былъ освѣщенъ немного; но малѣйшій шагъ Левка впередъ уже подвергалъ его непріятности быть открытымъ. Тихо прислонившись къ дереву, рѣшился онъ остаться на мѣстѣ. Дѣвушка ясно выговорила его имя.

— Левко? Левко еще молокососъ! — говорилъ хрипло и вполголоса высокій человѣкъ.—Если я встрѣчу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какая это шельма похваляется выдрать меня за чубъ!—тихо проговорилъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. Но незнакомецъ продолжалъ такъ тихо, что нельзя было ничего разслушать.

— Какъ тебѣ не стыдно!—сказала Ганна по окончаніи его рѣчи. — Ты лжешь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!

— Знаю, — продолжалъ высокій человѣкъ,— Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову (тутъ показалось парубку, что голосъ незнакомца не совсѣмъ незнакомъ, и какъ будто онъ когда-то его слышалъ); — но я дамъ себя знать Левку!—продолжалъ все такъ же незнакомецъ.—Онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его шашней. Попробуетъ онъ, собачій сынъ, каковы у меня кулаки!

При этомъ словѣ Левко не могъ уже болѣе удержать своего гнѣва. Подошедши на три шага къ нему, замахнулся онъ изо всей силы, чтобы дать треуха, отъ котораго незнакомецъ, несмотря на свою видимую крѣпость, не устоялъ, бы, можетъ-быть, на мѣстѣ; но въ это время свѣтъ палъ на лицо его, и Левко остолбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ отецъ его. Невольное покачиваніе головою и легкій сквозь зубы свистъ одни только выразили его изумленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ; Ганна поспѣшно влетѣла въ хату, захлопнувъ за собою дверь.

— Прощай, Ганна!—закричалъ въ это время одинъ изъ парубковъ, подкравшись и обнявши голову—и съ ужасомъ отскочилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы.

— Прощай, красавица!—вскричалъ другой; но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелаго толчка головы.

— Прощай, прощай, Ганна! — закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ ему на шею.

— Провалитесь, проклятые сорванцы! — кричалъ голова, отбиваясь и притопывая на нихъ ногами. — Что я вамъ за Ганна! Убирайтесь вслѣдъ за отцами на висѣлицу, чортовы дѣти! Попристаивали, какъ мухи къ меду! Дамъ я вамъ Ганны!...

— Голова! голова! Это голова! — закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

— Ай да батько! — говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ. — Вотъ какія за тобою водятся проказы! Славно! А я дивлюсь да передумываю, что-бъ это значило, что онъ все притворяется глухимъ, когда станешь говорить о дѣлѣ. Постой же, старый хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ; будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣстъ! Гей, хлопцы! сюда, сюда!— кричалъ онъ, махая рукою парубкамъ, которые снова собирались въ кучу. — Ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ идти спать, но теперь раздумалъ и готовъ хоть цѣлую ночь самъ гулять съ вами.

— Вотъ это дѣло!—сказалъ плечистый и дородный парубокъ, считавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. — Мнѣ все кажется тошно, когда не удастся погулять порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ будто недостаетъ чего-то, какъ будто потерялъ шапку или люльку; словомъ, не козакъ, да и только.

— Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову?

— Голову?

— Да, голову. Что онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляется у насъ, какъ будто

гетьманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще и подъѣзжаетъ къ дѣвчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова.

— Это такъ, это такъ!—закричали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

— Что-жъ мы, ребята, за холопья? Развѣ мы не такого роду, какъ и онъ? Мы, слава Богу, вольные козаки! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные козаки!

— Покажемъ!—закричали парубки.—Да если голову, то и писаря не минуть!

— Не минемъ и писаря! А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу, — продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры.— Да слушайте: попереодѣвайтесь, кто во что ни попало!

— Гуляй, козацкая голова!—говорилъ дюжій повѣса, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками.—Что за роскошь! Что за воля! Какъ начнешь бѣситься, чудится, будто поминаешь давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ, а душа какъ будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей, гуляй!..

И толпа шумно понеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря:—Ну, теперь гуляютъ парубки!

IV.

Парубки гуляютъ.

Одна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это жилище головы. Голова уже давно окончилъ свой ужинъ и, безъ сомнѣнія, давно бы уже заснулъ; но у него былъ въ это время гость, винокуръ, присланный строить винокурню помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли между вольными козаками. Подъ самымъ покутомъ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ гость — низенькій, толстенькій человѣчекъ съ маленькими, вѣчно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ курилъ онъ свою коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцемъ вылѣзавшій изъ нея превращенный въ золу табакъ. Облака дыма быстро разростались надъ нимъ, одѣвая его въ сизый туманъ. Казалось, будто широкая труба съ какой-нибудь винокурни, наскучa сидѣть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усѣлась за столомъ въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали у него коротенькіе и густые усы; но они такъ неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокуръ поймалъ и держалъ во рту своемъ, подрывая монополію амбарнаго кота. Голова, какъ хозяинъ, сидѣлъ въ одной только рубашкѣ и полотняныхъ шароварахъ. Орлиный глазъ его, какъ вечерѣющее солнце, начиналъ мало-по-малу жмуриться и меркнуть. На концѣ стола курилъ люльку одинъ изъ сельскихъ десятскихъ, составляющихъ команду головы, сидѣвшій, изъ почтенія къ хозяину, въ свиткѣ.

— Скоро же вы думаете, — сказалъ голова, оборотившись къ винокуру и кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой, — поставить вашу винокурню?

— Когда Богъ поможетъ, то этою осенью, можетъ, и закуримъ. На Покровъ бьюсь объ закладъ, что панъ-голова будетъ писать ногами нѣмецкіе крендели по дорогѣ.

По произнесеніи этихъ словъ, глазки винокура пропали; вмѣсто ихъ протянулись лучи до самыхъ ушей; все туловище стало колебаться отъ смѣха и веселыя губы оставили на мгновеніе дымившуюся люльку.

— Дай Богъ, — сказалъ голова, выразивъ на лицѣ своемъ что-то подобное улыбкѣ. — Теперь еще, слава Богу, винницъ развелось немного. А вотъ въ старое время, когда провожалъ я царицу по переяславской дорогѣ, еще покойный Безбородько...

— Ну, сватъ, вспомнилъ время! Тогда отъ Кременчуга до самыхъ Роменъ не насчитывали и двухъ винницъ. А теперь... Слышалъ ли ты, что повыдумали проклятые нѣмцы? Скоро, говорятъ, будутъ курить не дровами, какъ всѣ честные христіане, а какимъ-то чертовскимъ паромъ...—Говоря эти слова, винокуръ въ размышленіи глядѣлъ на столъ и на разставленныя на немъ руки свои.—Какъ это паромъ — ей-Богу, не знаю!

— Что за дурни, прости Господи, эти нѣмцы!— сказалъ голова.—Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слыханное ли дѣло, чтобы паромъ можно было кипятить что? Поэтому ложку борщу нельзя поднести ко рту, не изжаривши губъ, вмѣсто молодого поросенка...

— И ты, сватъ, — отозвалась сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги, свояченица,— будешь все это время жить у насъ безъ жены?

— А для чего она мнѣ? Другое дѣло, если бы что доброе было.

— Будто не хороша?—спросилъ голова, устремивъ на него глазъ свой.

— Куды тебѣ хороша! *Стара, якъ бисъ.* Харя вся въ морщинахъ, будто выпорожненный кошелекъ.—И низенькое строеніе винокура расшаталось снова отъ громкаго смѣха.

Въ это время что-то стало шарить за дверью; дверь растворилась—и мужикъ, не снимая шапки,

Дверь распахнулась, и дѣвушка на порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, переступила черезъ порогъ.

ступилъ черезъ порогъ и сталъ, какъ будто въ раздумьи, посереди хаты, разинувши ротъ и оглядывая потолокъ. Это былъ знакомецъ нашъ, Каленикъ.

— Вотъ, я и домой пришелъ,—говорилъ онъ, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого вниманія на присутствующихъ.—Вишь, какъ растянулъ вражій сынъ, сатана, дорогу! Идешь-идешь, и конца нѣтъ! Ноги какъ будто переломалъ кто-нибудь. Достань-ка тамъ, баба, тулупъ подостлать мнѣ. На печь къ тебѣ не приду, ей-Богу, не приду: ноги болятъ! Достань его; тамъ онъ лежитъ, близъ покута; гляди только, не опрокинь горшка съ тертымъ табакомъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ быть, пьяна сегодня... Пусть, уже я самъ достану.

Каленикъ приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его къ скамейкѣ.

— За это люблю,—сказалъ голова,—пришелъ въ чужую хату и распоряжается, какъ дома! Выпроводить его по добру, по здорову!..

— Оставь, сватъ, отдохнуть!—сказалъ винокуръ, удерживая его за руку.—Это полезный человѣкъ: побольше такого народу—и винница наша славно бы пошла...

Однакожъ не добродушіе вынудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ всѣмъ примѣтамъ, и тотчасъ прогнать человѣка, уже сѣвшаго на лавку, значило у него накликать бѣду.

— Что-то, какъ старость придетъ!..—ворчалъ Каленикъ, ложась на лавку.—Добро бы, еще сказать, пьянъ, такъ нѣтъ же, не пьянъ. Ей-Богу, не пьянъ! Что мнѣ лгать? Я готовъ объявить это хоть самому головѣ. Что мнѣ голова? Чтобъ онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! Чтобъ его, одноглазаго чорта, возомъ переѣхало! Что онъ обливаетъ людей на морозѣ...

— Эге! влѣзла свинья въ хату, да и лапы суетъ на столъ,— сказалъ голова, гнѣвно подымаясь съ своего мѣста; но въ это время увѣсистый камень, разбивши окно вдребезги, полетѣлъ ему подъ ноги. Голова остановился.— Если бы я зналъ,—говорилъ онъ, подымая камень,—какой это висѣльникъ швырнулъ камнемъ, я бы выучилъ его, какъ кидаться! Экія проказы!—продолжалъ онъ, разсматривая его на рукѣ пылающимъ взглядомъ.—Чтобы онъ подавился этимъ камнемъ!..

— Стой, стой! Боже тебя сохрани, сватъ! — подхватилъ, поблѣднѣвши, винокуръ.— Боже сохрани тебя, и на томъ, и на этомъ свѣтѣ, поблагословить кого-нибудь такою побранкою!

— Вотъ нашелся заступникъ! Пусть онъ пропадетъ!..

— И не думай, сватъ! Ты не знаешь, вѣрно, что случилось съ покойною тещею моей?

— Съ тещей?

— Да, съ тещей. Вечеромъ, немного, можетъ, раньше теперешняго, усѣлись вечерять: покойная теща, покойный тесть, да наймитъ, да наймичка, да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща отсыпала немного галушекъ изъ большого казана въ миску, чтобы не такъ были горячи. Послѣ работъ всѣ проголодались и не хотѣли ждать, пока галушки простынутъ. Вздѣвши ихъ на длинныя деревянныя спички, начали ѣсть. Вдругъ откуда ни возьмись человѣкъ: какого онъ роду, Богъ его знаетъ, просить и его допустить къ трапезѣ. Какъ не накормить голоднаго человѣка? Дали и ему спичку. Только гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно. Покамѣстъ тѣ съѣли по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, какъ панскій помостъ. Теща насыпала еще; думаетъ, гость наѣлся и будетъ убирать меньше. Ничего не бывало: еще лучше сталъ уплетать! и другую выпорожнилъ. „А чтобъ ты подавился этими галушками!“ подумала голодная теща; какъ вдругъ тотъ поперхнулся и упалъ. Кинулись къ нему — и духъ вонъ. Удавился.

— Такъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно!— сказалъ голова.

— Такъ бы, да не такъ вышло: съ того времени покою не было тещѣ. Чуть только ночь, мертвецъ и тащится. Сядетъ верхомъ на трубу, проклятый, и галушку держитъ въ зубахъ. Днемъ все покойно, и слуху нѣтъ про него; а только станетъ примеркать, погляди на крышу: уже и осѣдлалъ, собачій сынъ, трубу.

— И галушка въ зубахъ?

— И галушка въ зубахъ.

— Чудно, сватъ! Я слышалъ что-то похожее еще за покойницу...

Тутъ голова остановился. Подъ окномъ послышался шумъ и топанье танцующихъ. Сперва тихо звякнули струны бандуры, къ нимъ присоединился голосъ. Струны загремѣли сильнѣе; нѣсколько голосовъ стали подтягивать — и пѣсня зашумѣла вихремъ:

Хлопцы, слышали ли вы?
Пани-ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Въ головѣ разсѣлись клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вепрыски, бондарь, голову
Батогами, батогами!
Голова нашъ сѣдъ и крпвъ;
Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!
Прихотливъ и похотливъ:
Жмется къ дѣвкамъ... Дурень, дурень!
И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
Тебѣ-бъ нужно въ домовину,
По усамъ, да по шеямъ!
За чуприну, за чуприну!

— Славная пѣсня, сватъ!—сказалъ винокуръ, наклоня немного на бокъ голову и оборотившись къ головѣ, остолбенѣвшему отъ удивленія при видѣ такой дерзости.—Славная! Скверно только, что голову поминаютъ не совсѣмъ благопристойными словами...

И онъ опять положилъ руки на столъ съ какимъ-то сладкимъ умиленіемъ въ глазахъ, приготовляясь слушать еще, потому что подъ окномъ гремѣлъ хохотъ и крики: „снова! снова!“ Однакожъ, проницательный глазъ увидѣлъ бы тотчасъ, что не изумленіе удерживало долго голову на одномъ мѣстѣ. Такъ только старый, опытный котъ допускаетъ иногда неопытную мышь бѣгать около своего хвоста, а между тѣмъ быстро созидаетъ планъ, какъ перерѣзать ей путь въ нору. Еще одинокій глазъ головы былъ устремленъ на окно, а уже рука, давши знакъ десятскому, держалась за деревянную ручку двери, и вдругъ на улицѣ поднялся крикъ... Винокуръ, къ числу многихъ достоинствъ своихъ присоединявшій и любопытство, быстро набивши табакомъ свою люльку, выбѣжалъ на улицу, но шалуны уже разбѣжались.

— Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня! —кричалъ голова, таща за руку человѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ черномъ тулупѣ.

Винокуръ, пользуясь временемъ, подбѣжалъ, чтобы посмотрѣть въ лицо этому нарушителю спокойствія; но съ робостью попятился назадъ, увидѣвши длинную бороду и страшно размалеванную рожу.

— Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня! — кричалъ голова, продолжая тащить прямо въ сѣни своего плѣнника, который, не оказывая никакого сопротивленія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ будто въ свою хату.— Карпо, отворяй комору!— сказалъ голова десятскому. — Мы его въ темную комору. А тамъ разбудимъ писаря, соберемъ десятскихъ, переловимъ всѣхъ этихъ буяновъ и сегодня же и резолюцію всѣмъ имъ учинимъ!

Десятскій забренчалъ небольшимъ висячимъ замкомъ въ сѣняхъ и отворилъ комору. Въ это самое время плѣнникъ, пользуясь темнотой сѣней, вдругъ вырвался съ необыкновенною силою изъ рукъ его.

— Куда?—закричалъ голова, ухвативъ его еще крѣпче за воротъ.

— Пусти, это я!—слышался тоненькій голосъ.

— Не поможетъ! не поможетъ, братъ! Визжи себѣ хоть чортомъ, не только бабою, меня не проведешь! — и толкнулъ его въ темную комору такъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ, упавши на полъ, а самъ, въ сопровожденіи десятскаго, отправился въ хату писаря, и вслѣдъ за ними, какъ пароходъ, задымился винокуръ.

Въ размышленіи шли они всѣ трое, потупивъ головы, и вдругъ, на поворотѣ въ темный переулокъ, разомъ вскрикнули отъ сильнаго удара по лбамъ, и такой же крикъ отгрянулъ въ отвѣтъ имъ. Голова, прищуривши глазъ свой, съ изумленіемъ увидѣлъ писаря съ двумя десятскими.

— А я къ тебѣ иду, панъ писарь!

— А я къ твоей милости, панъ голова!

— Чудеса завелися, панъ писарь!

— Чудныя дѣла, панъ голова!

— А что?

— Хлопцы бѣсятся! безчинствуютъ цѣлыми кучами по улицамъ. Твою милость величаютъ такими словами... словомъ, сказать стыдно; пьяный москаль побоится вымолвить ихъ нечестивымъ своимъ языкомъ. (Все это худощавый писарь, въ нестрядевыхъ шароварахъ и жилетѣ цвѣта винныхъ дрождей, сопровождалъ протягиваніемъ шеи впередъ и приведеніемъ ея тотъ же часъ въ прежнее состояніе). Вздремнулъ было немного, подняли съ постели, проклятые сорванцы, своими срамными пѣснями и стукомъ! Хотѣлъ-было хорошенько приструнить ихъ, да покамѣстъ надѣлъ шаровары и жилетъ, всѣ разбѣжались куда ни попало. Самый главный, однакоже, не увернулся отъ насъ. Распѣвастъ онъ теперь въ той хатѣ, гдѣ держатъ колодниковъ. Душа горѣла у меня узнать эту птицу, да рожа замазана сажею, какъ у чорта, что куетъ гвозди для грѣшниковъ.

— А какъ онъ одѣтъ, панъ писарь?

— Въ черномъ вывороченномъ тулупѣ, собачій сынъ, панъ голова.

— А не лжешь ты, панъ писарь? Что, если этотъ сорванецъ сидитъ теперь у меня въ коморѣ.

— Нѣтъ, панъ голова! Ты самъ, не во гнѣвъ будь сказано, погрѣшилъ немного.

— Давайте огня! мы посмотримъ его!

Огонь принесли, дверь отперли—и голова ахнулъ отъ удивленія, увидѣвъ передъ собою свояченицу.

— Скажи, пожалуйста, — съ такими словами она приступила къ нему, — ты не свихнулъ еще съ послѣдняго ума? Была ли въ одноглазой башкѣ твоей хоть капля мозгу, когда толкнулъ ты меня въ темную комору? Счастье, что не ударилась головою объ желѣзный крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это я? Схватилъ, проклятый медвѣдь, своими желѣзными лапами, да и толкаетъ! Чтобъ тебя на томъ свѣтѣ толкали черти!..

Послѣднія слова вынесла она за дворъ, на улицу, куда отправилась для какихъ-нибудь своихъ причинъ.

— Да, я вижу, что это ты!—сказалъ голова, очнувшись.

— Что скажешь, панъ писарь: не шельма этотъ проклятый сорви-голова?

— Шельма, панъ голова!

— Не пора ли намъ всѣхъ этихъ повѣсъ про-

школить хорошенько и заставить ихъ заниматься дѣломъ?

— Давно пора, давно пора, панъ голова!

— Они, дурни, забрали себѣ... Кой чортъ? мнѣ почудился крикъ свояченицы на улицѣ... Они, дурни, забрали себѣ въ голову, что я имъ ровня. Они думаютъ, что я какой-нибудь ихъ братъ, простой козакъ!..—Небольшой, послѣдовавшій за симъ, кашель и устремленіе глазъ исподлобья вокругъ давали догадываться, что голова готовился говорить о чемъ-то важномъ.—Въ тысячу... этихъ проклятыхъ названій годовъ, хоть убей, не выговорю; ну,—году, комиссару тогдашнему, Ледачему, данъ былъ приказъ выбрать изъ козаковъ такого, который бы былъ посмышленѣе всѣхъ. О! (это „о!“ голова произнесъ, поднявши палецъ вверхъ) посмышленѣе всѣхъ! въ проводники къ царицѣ. Я тогда...

— Что и говорить! Это всякій уже знаетъ, панъ голова! Всѣ знаютъ, какъ ты выслужилъ царскую ласку. Признайся теперь, моя правда вышла: хватилъ немного на душу грѣха, сказавши, что поймалъ этого сорванца въ вывороченномъ тулупѣ?

— А что до этого дьявола въ вывороченномъ тулупѣ, то его, въ примѣръ другимъ, заковать въ кандалы и наказать примѣрно! Пусть знаютъ, что значитъ власть! Отъ кого же и голова поставленъ, какъ не отъ царя? Потомъ доберемся и до другихъ хлопцевъ: я не забылъ, какъ проклятые сорванцы вогнали въ огородъ стадо свиней, перевшихъ мою капусту и огурцы, я не забылъ, какъ чортовы дѣти отказались вымолотить мое жито, я не забылъ... Но провались они, мнѣ нужно непремѣнно узнать, какая это шельма въ вывороченномъ тулупѣ.

— Это проворная, видно, птица! — сказалъ винокуръ, котораго щеки, въ продолженіе всего этого разговора, безпрерывно заряжались дымомъ, какъ осадная пушка, и губы, оставивъ коротенькую люльку, выбросили цѣлый облачный фонтанъ. — Этакого человѣка не худо, на всякій случай, и при винницѣ держать; а еще лучше повѣсить на верхушкѣ дуба, вмѣсто паникадила.

Такая острота показалась не совсѣмъ глупою винокуру, и онъ тотъ же часъ рѣшился, не дожидаясь одобренія другихъ, наградить себя хриплымъ смѣхомъ.

Въ это время стали приближаться они къ небольшой, почти повалившейся на землю, хатѣ. Любопытство нашихъ путниковъ увеличилось: всѣ столпились у дверей. Писарь вынулъ ключъ, загремѣлъ имъ около замка; но этотъ ключъ былъ отъ сундука его. Нетерпѣніе увеличилось. Засунувъ руку, началъ онъ шарить и сыпать побранки, не отыскивая его.

— Здѣсь! — сказалъ онъ, наконецъ, нагнувшись и вынимая его изъ глубины обширнаго кармана, которымъ снабжены были его нестрядевыя шаровары.

При этомъ словѣ сердца нашихъ героевъ, казалось, слились въ одно, и это огромное сердце забилось такъ сильно, что неровный стукъ его не былъ заглушенъ даже брякнувшимъ замкомъ. Дверь отворилась, и... Голова сталъ блѣденъ, какъ полотно; винокуръ почувствовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хотѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился въ лицѣ писаря; десятскіе приросли къ землѣ и не въ состояніи были сомкнуть дружно разинутыхъ ртовъ своихъ: передъ ними стояла свояченица.

Изумленная не менѣе ихъ, она, однакожъ, немного очнулась и сдѣлала движеніе, чтобы подойти къ нимъ.

— Стой! — закричалъ дикимъ голосомъ голова и захлопнулъ за нею дверь. — Господа, это сатана!—продолжалъ онъ.—Огня! живѣе огня! Не пожалѣю казенной хаты! Зажигай ее, зажигай, чтобы и костей чортовыхъ не осталось на землѣ!

Свояченица въ ужасѣ кричала, слыша за дверью грозное опредѣленіе.

— Что вы, братцы!—говорилъ винокуръ.— Слава Богу, волосы у васъ чуть не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не нажили: отъ простого огня вѣдьма не загорится! Только огонь изъ люльки можетъ зажечь оборотня. Постойте, я сейчасъ все улажу!

Сказавши это, высыпалъ онъ горячую золу изъ трубки въ пукъ соломы и началъ раздувать ее. Отчаяніе придало въ это время духу бѣдной свояченицѣ: громко стала она умолять и разувѣрять ихъ.

— Постойте, братцы! Зачѣмъ напрасно грѣха набираться? Можетъ быть, это и не сатана!— сказалъ писарь. — Если оно, то-есть то самое, которое сидитъ тамъ, согласится положить на себя крестное знаменіе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ.

Предложеніе одобрено.

— Чуръ меня, сатана! — продолжалъ писарь, приложась губами къ скважинкѣ въ дверяхъ.— Если не пошевелишься съ мѣста, мы отворимъ дверь.

Дверь отворили.

— Перекрестись!—сказалъ голова, оглядываясь назадъ, какъ будто выбирая безопасное мѣсто, въ случаѣ ретирады.

Свояченица перекрестилась.

— Кой чортъ! точно, это свояченица!

— Какая нечистая сила затащила тебя, кума, въ эту конуру?

И свояченица, всхлипывая, разсказала, какъ схватили ее хлопцы въ оханку на улицѣ и, по-

смотря на сопротивленіе, опустили въ широкое окно хаты и заколотили ставнемъ. Писарь взглянулъ: петли у широкаго ставня оторваны, и онъ приколоченъ только сверху деревяннымъ брусомъ.

— Добро ты, одноглазый сатана!—вскричала она, приступивъ къ головѣ, который попятился назадъ и все еще продолжалъ ее мѣрять своимъ глазомъ.—Я знаю твой умыселъ: ты хотѣлъ, ты радъ былъ случаю съѣсть меня, чтобы свободнѣе было тебѣ волочиться за дѣвчатами, чтобы некому было видѣть, какъ дурачится сѣдой дѣдъ. Ты думаешь, я не знаю, о чемъ говорилъ ты сего вечера съ Ганною? О, я знаю все. Меня трудно провесть и не твоей безтолковой башкѣ. Я долго терплю, но послѣ не погнѣвайся...

Сказавши это, она показала кулакъ и быстро ушла, оставивъ въ остолбенѣніи голову.

„Нѣтъ, тутъ не на шутку сатана вмѣшался,“ думалъ онъ, сильно почесывая свою макушку.

— Поймали! — вскрикнули вошедшіе въ это время десятскіе.

— Кого поймали?—спросилъ голова.

— Дьявола въ вывороченномъ тулупѣ.

— Подавайте его! — закричалъ голова, схвативъ за руки приведеннаго плѣнника.—Вы съ ума сошли: да это пьяный Каленикъ!

— Что за пропасть! въ рукахъ нашихъ былъ, панъ голова!—отвѣчали десятскіе.—Въ переулкѣ окружили проклятые хлопцы, стали танцовать, дергать, высовывать языки, вырывать изъ рукъ... Чортъ съ вами!.. И какъ мы попали на эту ворону, вмѣсто его, Богъ одинъ его знаетъ!

— Властью моею и всѣхъ мірянъ дается повелѣніе,—сказалъ голова,—изловить сей же мигъ сего разбойника, а онымъ образомъ и всѣхъ, кого найдете на улицѣ, и привесть на расправу ко мнѣ!..

— Помилуй, панъ голова!—закричали нѣкоторые, кланяясь въ ноги.—Увидѣлъ бы ты, какія хари: убей Богъ насъ, и родились, и крестились—не видали такихъ мерзкихъ рожъ. Долго ли до грѣха, панъ голова? Перепугаютъ добраго человѣка такъ, что послѣ ни одна баба не возьмется вылить переполоху.

— Дамъ я вамъ переполоху! Что вы? Не хотите слушаться? Вы, вѣрно, держите ихъ руку? Вы бунтовщики! Что это?.. Да что это?.. Вы заводите разбои!.. Вы... Вы... Я донесу комиссару! Сей же часъ, слышите, сей же часъ! бѣгите, летите птицею! Чтобъ я васъ... Чтобъ вы мнѣ...

Всѣ разбѣжались.

7.

Утопленница.

Не безпокоясь ни о чемъ, не заботясь о разосланныхъ погоняхъ, виновникъ всей этой кутерьмы медленно подходилъ къ старому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывать, что это былъ Левко. Черный тулупъ его былъ разстегнутъ; шапку держалъ онъ въ рукѣ; потъ валилъ съ него градомъ. Величественно и мрачно чернѣлъ кленовый лѣсъ, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицомъ къ мѣсяцу, тонкою серебряною пылью. Неподвижный прудъ подулъ свѣжестью на усталаго пѣшехода и заставилъ его отдохнуть на берегу. Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья. Непреодолимый сонъ быстро сталъ смыкать ему зѣницы; усталые члены готовы были забыться и онѣмѣть; голова клонилась...

— Нѣтъ, этакъ я засну еще здѣсь! — говорилъ онъ, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась передъ нимъ еще блистательнѣе. Какое-то странное, упоительное сіяніе примѣшалось къ блеску мѣсяца. Никогда еще не случалось ему видѣть подобнаго. Серебряный туманъ палъ на окрестность. Запахъ отъ цвѣтущихъ яблонь и ночныхъ цвѣтовъ лился по всей землѣ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ въ недвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, опрокинувшись внизъ, виденъ былъ въ немъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи. Вмѣсто мрачныхъ ставней глядѣли веселыя стеклянныя окна и двери. Сквозь чистыя стекла мелькала позолота. И вотъ почудилось, будто окно отворилось. Притаивши духъ, не дрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось, пересѣлился въ глубину его и видитъ: прежде выставился въ окно бѣлый локоть, потомъ выглянула привѣтливая головка съ блестящими очами, тихо свѣтившими сквозь темнорусыя волны волосъ, и оперлась на локоть. И видитъ: она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается... Сердце его вдругъ забилось... Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошелъ онъ отъ пруда и взглянулъ на домъ: мрачныя ставни были открыты; стекла сіяли при мѣсяцѣ.

„Вотъ какъ мало нужно полагаться на людскіе толки, — подумалъ онъ про себя.—Домъ новенькій; краски живы, какъ будто сегодня онъ выкрашенъ. Тутъ живетъ кто-нибудь“. И молча подошелъ онъ ближе; но въ домѣ все было тихо. Сильно и звучно перекликались блистательныя пѣсни соловьевъ, и когда онѣ, казалось, умирали въ томленіи и негѣ, слышался шелестъ и трещаніе кузнечиковъ или гудѣніе болотной птицы, ударившей скользкимъ носомъ своимъ въ широкое водное зеркало. Какую-то сладкую тишину и раздолье ощутилъ Левко въ своемъ сердцѣ. Настроивъ бандуру, заигралъ онъ и запѣлъ:

Ой, ты, мисяцю, мій мисяченьку!
И ты, зоре ясна!
Ой, свитыть тамъ по подворью,
Де дивчина красна.

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отраженіе видѣлъ онъ въ прудѣ, выглянула, внимательно прислушиваясь къ пѣснѣ. Длинныя рѣсницы ея были полуопущены на глаза. Вся она была блѣдна, какъ полотно, какъ блескъ мѣсяца; но какъ чудна, какъ прекрасна! Она засмѣялась!.. Левко вздрогнулъ.

— Спой мнѣ, молодой козакъ, какую-нибудь пѣсню!—тихо молвила она, наклонивъ свою голову на-бокъ и опустивъ совсѣмъ густыя рѣсницы.

— Какую же тебѣ пѣсню спѣть, моя ясная панночка?

Слезы тихо покатились по блѣдному лицу ея.

— Парубокъ,—говорила она, и что-то неизъяснимо-трогательное слышалось въ ея рѣчи,—парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Я ничего не пожалѣю для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитыя шелкомъ, кораллы, ожерелья. Я подарю тебѣ поясъ, унизанный жемчугомъ. У меня золото есть... Парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Она страшная вѣдьма: мнѣ не было отъ нея покою на бѣломъ свѣтѣ. Она мучила меня, заставляла работать, какъ простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянецъ своими нечистыми чарами со щекъ моихъ. Погляди на бѣлую шею мою: они не смываются! они не смываются! они ни за что не смоются эти синія пятна отъ желѣзныхъ когтей ея! Погляди на бѣлыя ноги мои: онѣ много ходили, не по коврамъ только, — по песку горячему, по землѣ сырой, по колючему терновнику онѣ ходили! А на очи мои, посмотри на очи: они не глядятъ отъ слезъ!.. Найди ее, парубокъ, найди мнѣ мою мачиху!..

Голосъ ея, который вдругъ было возвысился, остановился. Ручьи слезъ покатились по блѣдному лицу. Какое-то тяжелое чувство, полное жалости и грусти, сперлось въ груди парубка.

— Я готовъ на все для тебя, моя панночка!— сказалъ онъ въ сердечномъ волненіи,—но какъ мнѣ, гдѣ ее найти?

— Посмотри, посмотри! — быстро говорила она,—она здѣсь! она на берегу играетъ въ хороводѣ между моими дѣвушками и грѣется на мѣсяцѣ. Но она лукава и хитра. Она приняла на себя видъ утопленницы; но я знаю, но я слышу, что она здѣсь. Мнѣ тяжело, мнѣ душно отъ нея. Я не могу чрезъ нее плавать легко и вольно, какъ рыба. Я тону и падаю на дно, какъ ключъ. Отыщи ее, парубокъ!

Левко посмотрѣлъ на берегъ: въ тонкомъ серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монисты, дукаты блистали на ихъ шеяхъ; но онѣ были блѣдны: тѣло ихъ было какъ будто сваяно изъ прозрачныхъ облаковъ и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ. Хороводъ, играя, придвинулся къ нему ближе. Послышались голоса.

— Давайте въ ворона, давайте играть въ ворона!—зашумѣли всѣ, будто прирѣчный тростникъ, тронутый въ тихій часъ сумерекъ воздушными устами вѣтра.

— Кому же быть ворономъ?

Кинули жеребей—и одна дѣвушка вышла изъ толпы. Левко принялся разглядывать ее. Лицо, платье, все на ней такое же, какъ и на другихъ. Замѣтно только было, что она неохотно играла эту роль. Толпа вытянулась вереницею и быстро перебѣгала отъ нападеній хищнаго врага.

— Нѣтъ, я не хочу быть ворономъ!—сказала дѣвушка, изнемогая отъ усталости:—мнѣ жалко отнимать цыплятъ у бѣдной матери!

„Ты не вѣдьма!“ подумалъ Левко.

— Кто же будетъ ворономъ?

Дѣвушки снова собирались кинуть жеребей.

— Я буду ворономъ! — вызвалась одна изъ средины.

Левко сталъ пристально вглядываться въ лицо ей. Скоро и смѣло гналась она за вереницею и кидалась во всѣ стороны, чтобы изловить свою жертву. Тутъ Левко сталъ замѣчать, что тѣло ея не такъ свѣтилось, какъ у прочихъ: внутри его видѣлось что-то черное. Вдругъ раздался крикъ: воронъ бросился на одну изъ вереницы, схватилъ ее, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти, и на лицѣ ея сверкнула злобная радость.

— Вѣдьма!—сказалъ онъ, вдругъ указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому.

Панночка засмѣялась, и дѣвушки съ крикомъ увели за собою представлявшую ворона.

— Чѣмъ наградить тебя, парубокъ? Я знаю, тебѣ не золото нужно: ты любишь Ганну, но суровый отецъ мѣшаетъ тебѣ жениться на ней. Онъ теперь не помѣшаетъ: возьми, отдай ему эту записку...

Бѣлая ручка протянулась, лицо ея какъ-то чудно засвѣтилось и засіяло... Съ непостижимымъ трепетомъ и томительнымъ біеніемъ сердца схватилъ онъ записку и... проснулся.

VI.

Пробужденіе.

— Неужели это я спалъ? — сказалъ про себя Левко, вставая съ небольшого пригорка. — Такъ

живо, какъ будто наяву!.. Чудно, чудно!—повторилъ онъ, оглядываясь.

Мѣсяцъ, остановившійся надъ его головою, показывалъ полночь; вездѣ—тишина; отъ пруда вѣялъ холодъ; надъ нимъ печально стоялъ ветхій домъ съ закрытыми ставнями; мохъ и дикій бурьянъ показывали, что давно изъ него удалились люди. Тутъ онъ разогнулъ свою руку, которая судорожно была сжата во все время сна, и вскрикнулъ отъ изумленія, почувствовавши въ ней записку.

„Эхъ, если бы я зналъ грамотѣ!“ — подумалъ онъ, оборачивая ее передъ собою на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

— Не бойтесь, прямо хватайте его! Чего струсили? насъ десятокъ. Я держу закладъ, что это человѣкъ, а не чортъ!.. — такъ кричалъ голова своимъ сопутникамъ, и Левко почувствовалъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ иныя дрожали отъ страха. — Скидавай-ка, пріятель, свою страшную личину! Полно тебѣ дурачить людей! — проговорилъ голова, ухвативъ его за воротъ, и оторопѣлъ, выпучивъ на него глазъ свой.—Левко! сынъ!—вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія и опуская руки.—Это ты, собачій сынъ! Вишь, бѣсовское рожденіе! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьяволъ строитъ штуки! А это, выходитъ, все ты,—невареный кисель твоему батькѣ въ горло!—изволишь заводить по улицѣ разбои, сочиняешь пѣсни!.. Эге, ге, ге, Левко! А что это? Видно, чешется у тебя спина! Вязать его!

— Постой, батько! Велѣно тебѣ отдать эту записочку,—проговорилъ Левко.

— Не до записокъ теперь, голубчикъ! Вязать его!

— Постой, панъ голова! — сказалъ писарь, развернувъ записку,—комиссарова рука!

— Комиссара?

— Комиссара? — повторили машинально десятскіе.

— Комиссара? чудно! еще непонятнѣе!—подумалъ про себя Левко.

— Читай, читай!—сказалъ голова,—что тамъ пишетъ комиссаръ?

— Послушаемъ, что пишетъ комиссаръ!—произнесъ винокуръ, держа въ зубахъ люльку и высѣкая огонь.

Писарь откашлялся и началъ читать:

— Приказъ головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости...

— Вотъ, ей-Богу,—прервалъ голова,—ничего не слышу!

Писарь началъ снова:

— Приказъ головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый ду...

— Стой, стой! не нужно!—закричалъ голова,—хоть и не слышалъ, однакожъ знаю, что главнаго тутъ дѣла еще нѣтъ. Читай далѣе!

— А вслѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына Левка Макогоненка на козачкѣ изъ вашего же села Ганнѣ Петрыченковой, а также починить мосты по столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хоть бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по пріѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое не приведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Комиссаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій.

— Вотъ что! — сказалъ голова, разинувши ротъ.—Слышите ли вы, слышите ли: за все съ головы спросятъ, и потому слушаться! безпрекословно слушаться! не то, прошу извинить... А тебя,—продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку,—вслѣдствіе приказанія комиссара, — хотя чудно мнѣ, какъ это дошло до него,—я женю; только напередъ попробуешь ты нагайки! Знаешь ту, что виситъ у меня на стѣнѣ возлѣ покута? Я поновлю ее завтра... Гдѣ ты взялъ эту записку?

Левко, несмотря на изумленіе, происшедшее отъ такого нежданнаго оборота его дѣла, имѣлъ благоразуміе приготовить въ умѣ своемъ другой отвѣтъ и утаить настоящую истину, какимъ образомъ досталась записка.

— Я отлучался,—сказалъ онъ, — вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ комиссара, вылѣзавшаго изъ брички. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ эту записку и велѣлъ на словахъ тебѣ сказать, батько, что заѣдетъ на возвратномъ пути къ намъ обѣдать.

— Онъ это говорилъ?

— Говорилъ.

— Слышите-ли? — сказалъ голова съ важною осанкою, оборотившись къ своимъ спутникамъ,—комиссаръ самъ своею особою пріѣдетъ къ нашему брату, т.-е. ко мнѣ на обѣдъ. О!..—тутъ голова поднялъ палецъ вверхъ и голову привелъ въ такое положеніе, какъ будто бы она прислушивалась къ чему-нибудь. — Комиссаръ, слышите-ли, комиссаръ пріѣдетъ ко мнѣ обѣдать? Какъ думаешь, панъ писарь, и ты, сватъ, это не совсѣмъ пустая честь! Не правда-ли?

— Еще, сколько могу припомнить, — подхватилъ писарь, — ни одинъ голова не угощалъ комиссара обѣдомъ.

— Не всякій голова головѣ чета!—произнесъ съ самодовольнымъ видомъ голова. Ротъ его покривился и что-то въ родѣ тяжелаго, хриплаго смѣха, похожаго болѣе на гудѣніе отдаленнаго

грома, зазвучало въ его устахъ.—Какъ думаешь, панъ писарь, нужно бы для именитаго гостя дать приказъ, чтобы съ каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, полотна, еще кос-чего... А?..

— Нужно бы, нужно, панъ голова!

— А когда же свадьбу, батько? — спросилъ Левко.

— Свадьбу? Далъ бы я тебѣ свадьбу!.. Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть комиссаръ увидитъ, что значитъ исправность! Ну, ребята, теперь спать! Ступайте по домамъ!.. Сегодняшній случай припомнилъ мнѣ то время, когда я...— При этихъ словахъ голова пустилъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ исподлобья.

— Ну, теперь пойдетъ голова разсказывать, какъ везъ царицу!—сказалъ Левко, и быстрыми шагами и радостно спѣшилъ къ знакомой хатѣ, окруженной низенькими вишнями. „Дай тебѣ Богъ небесное царство, добрая и прекрасная панночка!—думалъ онъ про-себя. — Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между ангелами святыми! Никому не разскажу про диво, случившееся въ эту ночь; тебѣ одной только, Галю, передамъ его: ты одна только повѣришь мнѣ и вмѣстѣ со мною помолишься за упокой души несчастной утопленницы“!

Тутъ онъ приблизился къ хатѣ: окно было отперто, лучи мѣсяца проходили чрезъ него и падали на спящую передъ нимъ Ганну; голова ея оперлась на руку; щеки тихо горѣли; губы шевелились, неясно произнося его имя.

— Сни, моя красавица! Приснись тебѣ все, что есть лучшаго на свѣтѣ, но и то не будетъ лучше нашего пробужденія! — Перекрестивъ ее, закрылъ онъ окошко и тихонько удалился.

И чрезъ нѣсколько минутъ все уже уснуло на селѣ; одинъ только мѣсяцъ такъ же блистательно и чудно плылъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба. Такъ же торжественно дышало въ вышинѣ, и ночь, божественная ночь, величественно догорала. Такъ же прекрасна была земля въ дивномъ серебряномъ блескѣ; но уже никто не упивался ими: все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка только перерывалось мгновенно молчаніе лаемъ собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА.

БЫЛЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ***СКОЙ ЦЕРКВИ.

Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще разсказалъ про дѣда?—И жалуй, почему же не потѣшить прибауткой? Эхъ, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, дѣдъ или прадѣдъ,—ну, тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ поперхнулось за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши дѣвчата и молодицы; покажись только на глаза имъ: Ѳома Григорьевичъ! Ѳома Григорьевичъ! *а нуте, якунибудь страховинну казочку! а нуте, нуте!..*—тара-та-та, та-та-та, и пойдутъ, и пойдутъ... Разсказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что дѣлается съ ними въ постели. Вѣдь я знаю, что каждая дрожитъ подъ одѣяломъ, какъ будто бьетъ ее лихорадка, и рада бы съ головою влѣзть въ тулунъ свой. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ-нибудь задѣнь ногою кочергу,—и Боже упаси! и душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навязывается сызнова: разскажи ей страшную сказку, да и только. Что-жъ бы такое разсказать вамъ? Вдругъ не взбредетъ на умъ... Да, разскажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ *въ дурня* *). Только заранѣ прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку, а то такой кисель выйдетъ, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять. Покойный дѣдъ, надобно вамъ сказать, былъ не изъ простыхъ въ свое время козаковъ. Зналъ и твердо-онъ—то, и словотитлу поставить. Въ праздникъ отхватаетъ апостола, бывало, такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется. Ну, сами знаете, что въ тогдашнія времена, если собрать со всего Батурина грамотеевъ, то нечего и шапки подставлять, — въ одну горсть можно было всѣхъ уложить. Стало-быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ.

Одинъ разъ задумалось вельможному гетману послать за чѣмъ-то къ царицѣ грамоту. Тогдашній полковой писарь,—вотъ, нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискрякъ не Вискрякъ, Мотузочка не Мотузочка, Голопупецъ не Голопу-

*) Т.-е. въ дурачки.

цекъ... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудреное прозвище,—позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что, вотъ, наряжаетъ его самъ гетманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамоту зашилъ въ шапку, вывелъ коня, чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной отецъ хоть бы и нашего брата, и поднялъ такую за собою пыль, какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посреди улицы играть въ кашу. На другой день, еще пѣтухъ не кричалъ въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что въ глазахъ рябило. Но такъ какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ гуляка парубокъ съ покраснѣвшимъ, какъ сигирь, носомъ; подалѣ хрипѣла, сидя, перекупка съ кремнями, синькою, дробью и бубликами; подъ телѣгою лежалъ цыганъ, на возу съ рыбой—чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами... ну, всякаго сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ пріостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между тѣмъ въ яткахъ начало мало-по-малу шевелиться: жидовки стали побрякивать фляжками; дымъ покатило то тамъ, то сямъ кольцами, и запахъ горячихъ сластенъ понесся по всему табору. Дѣду вспало на умъ, что у него нѣтъ ни огнива, ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ—навстрѣчу запорожецъ. Гуляка, и по лицу видно! Красныя, какъ жаръ, шаровары, синій жупанъ, яркій цвѣтной поясъ, при боку сабля и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самыя пяты—запорожецъ да и только! Эхъ, народецъ! станетъ, вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, брякнетъ подковами—и пустится! Да вѣдь какъ пустится: ноги отплясываютъ словно веретено въ бабьихъ рукахъ, что вихорь, дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры, и тутъ же, подпершися ею въ боки, несется въ-присядку: зальется пѣсней—душа гуляетъ!.. Нѣтъ, прошло времячко: не увидать больше запорожцевъ! Да. Такъ встрѣтились. Слово за слово—долго ли до знакомства? Пошли калякать, калякать, такъ что дѣдъ совсѣмъ уже было позабылъ про путь свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ постомъ Великимъ. Только, видно, наконецъ прискучило бить горшки и швырять въ народъ деньгами, да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять! Вотъ сговорились новые пріятели, чтобъ не разлучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали они въ поле. Солнце убралось на отдыхъ; кое-гдѣ горѣли вмѣсто него красноватыя полосы; по полю пестрѣли нивы, что праздничныя плахты чернобровыхъ молодицъ. Нашего запорожца раздобаръ взялъ страшный. Дѣдъ и еще другой, приплетшійся къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ ли засѣлъ въ него. Откуда что набиралось. Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдъ нѣсколько разъ хватался за бока и чуть не надсадилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сумрачнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ, разсказчикъ нашъ притихъ совсѣмъ и вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ.

— Ге, ге, землякъ! да ты не на шутку принялся считать совъ. Ужь думаешь, какъ бы домой да на печь!

— Передъ вами нечего таиться,—сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои.—Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому?

— Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистымъ? Тутъ-то и нужно гулять, какъ говорится, на прахъ.

— Эхъ, хлопцы! гулялъ бы, да въ ночь эту срокъ молодцу! Эй, братцы!—сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ:—эй, не выдайте: не поспите одной ночи! Вѣкъ не забуду вашей дружбы!

Почему-жъ не пособить человѣку въ такомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ напрямикъ, что скорѣе дастъ онъ отрѣзать оселедецъ съ собственной головы, чѣмъ допустить чорта понюхать собачьей мордой своей христіанской души.

Козаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядномъ, и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи во мракъ. Огонекъ, казалось, несся навстрѣчу, и передъ козаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ веселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры шинки были не то, что теперь. Доброму человѣку не только развернуться, пріударить горлицы или гопака,—прилечь даже негдѣ было, когда въ голову заберется хмель, и ноги начнутъ писать покой-онъ—по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами; подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой развернувшись, храпѣли, какъ коты. Шинкарь одинъ, передъ каганцемъ, нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько квартъ и осьмухъ высушили чумацкія головы. Дѣдъ, спросивши треть ведра на троихъ, отправился въ сарай. Всѣ трое легли рядомъ. Только не успѣлъ онъ повернуться, какъ видитъ, что его земляки спятъ уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставшаго къ нимъ третьяго козака, дѣдъ напом-

Теперь только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такія смазливыя рожи, что въ другое время, Богъ знаетъ, что бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства.

нилъ ему про данное товарищу обѣщаніе. Тотъ привсталъ, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь разогнать сонъ, осмотрѣлъ онъ всѣ возы, провѣдалъ коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опять около своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдняго воза что-то сѣрое выказываетъ роги... Тутъ глаза его начали смыкаться, такъ что принужденъ онъ былъ ежеминутно протирать ихъ кулакомъ и промывать оставшеюся водкой. Но какъ скоро немного прояснялись они, все пропадало. Наконецъ, мало-погодя, опять показывается изъ-подъ воза чудище... Дѣдъ вытаращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; руки его окостѣнѣли, голова скатилась, и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ и, какъ припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потянувшись раза два и почесавъ спину, замѣтилъ онъ, что возовъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ — козакъ спитъ, а запорожца нѣтъ. Выспрашивать — никто знать не знаетъ; одна только верхняя свитка лежала на томъ мѣстѣ. Страхъ и раздумье взяло дѣда. Пошелъ посмотрѣть коней, ни своего, ни запорожскаго! Что-бъ это значило? Положимъ, запорожца взяла нечистая сила, кто же коней? Сообразя все, дѣдъ заключилъ, что, вѣрно, чортъ приходилъ пѣшкомъ, а какъ до пекла не близко, то и стянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ козацкаго слова. „Ну,—думаетъ,— нечего дѣлать, пойду пѣшкомъ: авось попадется на дорогѣ какой-нибудь барышникъ, ѣдущій съ ярмарки; какъ-нибудь уже куплю коня“. Только хватился за шапку—и шапки нѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще помѣнялись они на время съ запорожцемъ. Кому больше утащить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетманскій гостинецъ! Вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! Тутъ дѣдъ принялся угощать чорта такими прозвищами, что, думаю, ему не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклѣ. Но бранью мало пособишь; а затылка сколько ни чесалъ дѣдъ, никакъ не могъ ничего придумать. Что дѣлать? Кинулся достать чужого ума: собралъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ шинкѣ, добрыхъ людей, чумаковъ и просто заѣзжихъ, и разсказалъ, что такъ и такъ, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, подпершись батогами подбородки свои, крутили головами и сказали, что не слыхали такого дива на крещеномъ свѣтѣ, чтобы гетьманскую грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что когда чортъ да москаль украдутъ что-нибудь, то ном най, какъ и звали. Одинъ только шинкарь сидѣлъ молча въ углу. Дѣдъ и подступилъ къ нему. Ужь когда молчитъ человѣкъ, то, вѣрно, зашибъ много умомъ. Только шинкарь не такъ-то былъ щедръ на слова, и если бы дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пятью злотыми, то простоялъ бы передъ нимъ даромъ.

— Я научу тебя, какъ найти грамоту,—сказалъ онъ, отводя его въ сторону.

У дѣда и на сердцѣ отлегло.

— Я вижу уже по глазамъ, что ты козакъ — не баба. Смотри же! Близко шинка будетъ поворотъ направо въ лѣсъ. Только станетъ въ полѣ примеркать, чтобы ты былъ уже наготовѣ. Въ лѣсу живутъ цыганы и выходятъ изъ норъ своихъ ковать желѣзо въ такую ночь, въ какую однѣ вѣдьмы ѣздятъ на своихъ кочергахъ. Чѣмъ они промышляютъ на самомъ дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лесу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда заслышишь стукъ; а будетъ передъ тобою малая дорожка, мимо обожженнаго дерева: дорожкою этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ заслонять дорогу—ты все иди; и какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь, кого нужно. Да не позабудь набрать въ карманы того, для чего и карманы сдѣланы... Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любятъ.

Сказавши это, шинкарь ушелъ въ свою конуру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человѣкъ—не то, чтобы изъ трусливаго десятка; бывало, встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежъ козаковъ—всѣ, какъ груши, повалятся на землю. Однакожъ, что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ подвалѣ; только слышно было, что далеко-далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревъ, и деревья, что охмелѣвшія козацкія головы, разгульно покачивались, шопоча листьями пьяную молвь. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный тулупъ свой, и вдругъ словно сто молотовъ застучало по лѣсу такимъ стукомъ, что у него зазвенѣло въ головѣ. И, будто зарницею, освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ тотчасъ увидѣлъ дорожку, пробиравшуюся промежъ мелкаго кустарника. Вотъ и обожженное дерево, и кусты терновника! Такъ, все такъ, какъ было ему говорено; нѣтъ, не обманулъ шинкарь. Однакожъ, не съ всѣмъ весело было продираться черезъ колючіе кусты: еще отъ роду не видалъ онъ, чтобы

проклятые шипы и сучья такъ больно царапались: почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть. Мало-по-малу выбрался онъ на просторное мѣсто, и, сколько могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились, чѣмъ далѣе, такія широкія, какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, между деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словно воронена сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега, посматривая на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь и, кажется, вотъ-вотъ готовится погаснуть, и снова отсвѣчивается въ рѣчкѣ, вздрагивавшей, какъ польскій шляхтичъ въ козачьихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ! „Ну, тутъ одна только чертовская таратайка развѣ проѣдетъ“.—Дѣдъ, однакожъ, ступилъ смѣло, и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ, понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. Теперь только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такія смазливыя рожи, что въ другое время, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. Но теперь, нечего дѣлать, нужда было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ поясъ: — Помогай Богъ вамъ, добрые люди!— Хоть бы одинъ кивну ъ головой: сидятъ да молчатъ, да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно мѣсто незанятымъ, дѣдъ безъ всякихъ церемоній сѣлъ и самъ. Смазливыя рожи—ничего; ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманѣ, вынулъ люльку, посмотрѣлъ вокругъ — ни одинъ не глядитъ на него. — Уже, добродѣйство, будьте ласковы, какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, т го... (дѣдъ живалъ въ свѣтѣ не мало, зналъ уже, какъ подпускать турусы, и при случаѣ, пожалуй, и передъ царемъ не ударилъ бы лицомъ въ грязь) чтобы, примѣрно сказать, и себя не забыть, да и васъ не обидѣть, —люлька-то у меня есть, да того, чѣмъ бы зажечь ее, *чортъ-ма* (не имѣется). — И на эту рѣчь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню прямехонько дѣду въ лобъ, такъ что, если бы онъ немного не посторонился, то, статься-можетъ, распрощался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя, наконецъ, что время даромъ проходитъ, рѣшился—будетъ ли слушать нечистое племя, или нѣтъ—разсказать дѣло. Рожи и уши наставили, и лапы протянули. Дѣдъ догадался, забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги и кинулъ, словно собакамъ, имъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ перемѣшалось, земля задрожала и какъ уже,—онъ и самъ разсказать не умѣлъ, — попалъ чуть ли не въ самое пекло.—Батюшки мои!—ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько. Что за чудища! рожи на рожѣ, какъ говорится, не видно. Вѣдьмъ такая гибель, какъ случается иногда на Рождество выпадетъ снѣгу: разряжены, размазаны, словно паночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмельныя, отплясывали какого-то чертовскаго трепака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещенаго человѣка при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, несмотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостами, увивались около вѣдьмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ, а музыканты тузили себя въ щеки кулаками словно въ бубны, и свистали носами, какъ въ валторны. Только завидѣли дѣда—и ту нули къ нему отдою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла— всѣ повытягивались, и вотъ такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ, схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотопа до Батурина. „Ну, это еще не совсѣмъ худо, — подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свинину, колбасы, крошеный съ капустой лукъ и много всякихъ сластей, — видно, дьявольская сволочь не держитъ постовъ“. Дѣдъ-таки, не мѣшаетъ вамъ знать, не упускалъ при случаѣ перехватить того-сего на зубы. Ѣдалъ покойникъ аппетитно, и потому, чтобы не пускаясь въ разсказы, придвинулъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины, взялъ вилку, мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ, которыми мужикъ беретъ сѣно, захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ, подставилъ корку хлѣба—и, глядь, и отправилъ въ чужой ротъ, вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-то морда жуетъ и щелкаетъ зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего; схватилъ другой кусокъ и вотъ, кажись, и по губамъ зацѣпилъ, только опять не въ свое горло. Въ третій разъ— снова мимо. Взбѣленился дѣдъ: позабылъ и страхъ, и въ чьихъ лапахъ находится онъ, прискочилъ къ вѣдьмамъ:—Что вы, Иродово племя, задумали смѣяться, что ли, надо мною? Если не отдадите, сей же часъ, моей козацкой шапки, то будь я католикъ, когда не переворочу свиныхъ рылъ вашихъ на затылокъ!—Не успѣлъ онъ докончить послѣднихъ словъ, какъ всѣ чудища выскалили зубы и подняли такой смѣхъ, что у дѣда на душѣ захолонуло.

— Ладно!—провизжала одна изъ вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за старшую надъ всѣми, потому личина у нея была чуть ли еще не красивѣе всѣхъ,—шапку отдадимъ тебѣ, только не прежде, пока сыграешь съ нами три раза въ *дурня!*

Что прикажешь дѣлать? Козаку сѣсть въ бабами въ дурня! Дѣдъ отпираться, отпираться,

наконецъ, сѣлъ. Принесли карты, замасленныя, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ.

— Слушай же! — залаяла вѣдьма въ другой разъ,—если хоть разъ выиграешь—твоя шапка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то не прогнѣвайся, не только шапки, можетъ, и свѣта больше не увидишь!

— Сдавай, сдавай, хрычовка! Что будетъ, то будетъ.

Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки — смотрѣть не хочется, такая дрянь: хоть бы на смѣхъ одинъ козырь. Изъ масти десятка самая старшая, наръ даже нѣтъ; а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. Пришлось остаться дурнемъ! Только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, и со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды:—дурень, дурень, дурень!

— Чтобъ вы перелопались, дьявольское племя! — закричалъ дѣдъ, затыкая пальцами себѣ уши. „Ну,—думаетъ,—вѣдьма подтасовала, теперь я самъ буду сдавать“. Сдалъ; засвѣтилъ козыря; поглядѣлъ въ карты: масть хоть куда, козыри есть. И сначала дѣло шло, какъ нельзя лучше; только вѣдьма — пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри! Не думая, не гадая долго, хвать королей всѣхъ по усамъ козырями!

— Ге, ге! да это не по-казацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?

— Какъ—чѣмъ? Козырями!

— Можетъ быть, по-вашему это и козыри, только по-нашему—нѣтъ!

Глядь—въ самомъ дѣлѣ простая масть. Что за дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ, и чертанье пошло снова драть горло:—дурень! дурень! — такъ что столъ дрожалъ и карты прыгали по столу. Дѣдъ разгорячился; сдалъ въ послѣдній. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрылъ и набралъ изъ колоды полную руку козырей.

— Козырь!—вскричалъ онъ, ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти.

— А чѣмъ ты, старый дьяволъ, бьешь?—Вѣдьма подняла карту; подъ нею была простая шестерка.

— Вишь, бѣсовское обморачиванье!—сказалъ дѣдъ и съ досады хватилъ кулакомъ, что силы, по столу. Къ счастью еще, что у вѣдьмы была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору пары. Сталъ набирать карты изъ колоды, только мочи нѣтъ; дрянь такая лѣзетъ, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ, уже такъ, не глядя, простою шестеркою; вѣдьма приняла. „Вотъ тебѣ на! это что? Э, э! вѣрно, что-нибудь да не такъ!“ Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подъ столъ и перекрестилъ; глядь—у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей, а онъ вмѣсто шестерки спустилъ крапю. „Ну, дурень же я былъ! Король козырей! Что! приняла? А? кошечье отродье! А туза не хочешь? Тузъ! валетъ!..“ Громъ пошелъ по неклу; на вѣдьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо. — Нѣтъ, этого мало!—закричалъ дѣдъ, ободрившись и надѣвъ шапку.—Если сейчасъ не станетъ передо мною молодецкій конь мой, то вотъ, убей меня громъ на этомъ самомъ нечистомъ мѣстѣ, когда я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ васъ!— и уже было и руку поднялъ, какъ вдругъ загремѣли передъ нимъ конскія кости.

— Вотъ тебѣ конь твой!

Заплакалъ бѣдняга, глядя на нихъ, что дитя неразумное. Жаль стараго товарища!—Дайте же мнѣ какого-нибудь коня выбраться изъ гнѣзда вашего!—Чортъ хлопнулъ арапникомъ—конь, какъ огонь, взвился подъ нимъ, и дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ.

Страхъ однакожъ напалъ на него посереди дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ разсказахъ. Гляпулъ какъ-то себѣ подъ ноги—и пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная! А сатанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, кажись, и духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ въ то время, ничего не помнилъ; и какъ очнулся немного и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ: передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

Перекрестился дѣдъ, когда слѣзъ долой. Экая чертовщина! Что за пропасть, какія съ человѣкомъ чудеса дѣлаются! Глядь на руки — всѣ въ крови; посмотрѣлъ на стоявшую торчмя бочку съ водою—и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ потихоньку въ хату, смотритъ: дѣти пятятся къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говоря: *„Дывысь! дывысь! маты, мовъ дурна, скаче!“**) И въ самомъ дѣлѣ, баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши за руку потихоньку, разбудилъ ее:—Здравствуй, жена! здорова ли ты?—Та долго смотрѣла, выпучивши глаза и, наконецъ, уже узнала дѣда и разсказала, какъ ей снилось, что печь ѣздила

*) Смотри, смотри, мать, какъ сумасшедшая, скачетъ!

по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лохапки... и, чортъ знаетъ, что еще такое.—Ну,—говоритъ дѣдъ,—тебѣ во снѣ, мнѣ наяву. Нужно, вижу, будетъ освятить нашу хату, мнѣ же теперь мѣшкать нечего. — Сказавши это и отдохнувши немного, дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ, ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ грамоты самой царицѣ. Тамъ наглядѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что стало ему надолго послѣ того разсказывать: какъ повели его въ палаты, такія высокія, что если бы хатъ десять поставить одну на другую, и тогда, можетъ быть, не достало бы; какъ взглянулъ онъ въ одну комнату—нѣтъ; въ другую—нѣтъ; въ третью—еще нѣтъ; въ четвертой даже нѣтъ; да въ пятой уже, глядь — сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галушки ѣстъ; какъ велѣла ему насыпать цѣлую шапку *свитками*; какъ... всего и вспомнить нельзя! Объ возвратѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, и если случалось, что кто-нибудь и напоминалъ объ этомъ, то дѣдъ молчалъ, какъ будто не до него и дѣло шло, и великаго стоило труда упросить его пересказать все, какъ было. И, видно, уже въ наказаніе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ ровно черезъ каждый годъ, и именно въ то самое время, дѣлалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затѣваютъ свое, и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ-присядку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Вотъ вамъ и другая книжка, а лучше сказать—послѣдняя! Не хотѣлось, крѣпко не хотѣлось выдавать и этой. Право, пора знать честь. Я вамъ скажу, что на хуторѣ уже начинаютъ смѣяться надо мною: „Во ъ,—говорятъ,—одурѣлъ старый дѣдъ: на старости лѣтъ тѣшится р бяческими игрушками!“ И точно, давно пора на покой. Вы, любезные читатели, вѣрно, думаете, что я прикидываюсь только старикомъ. Куда тутъ прикидываться, когда во рту совсѣмъ зубовъ нѣтъ! Теперь, если что мягкое попадется, то буду какъ-нибудь жевать, а твердое-то ни за что не откушу. Такъ вотъ вамъ опять книжка! Не браните только! Не хорошо браниться на прощаньи, особенно съ тѣмъ, съ которымъ, Богъ знаетъ, скоро ли увидитесь. Въ этой книжкѣ услышите разсказчиковъ, все почти для васъ незнакомыхъ, выключая только развѣ Ѳомы Григорьевича. А того гороховаго панича, что разсказывалъ такимъ вычурнымъ языкомъ, котораго много остряковъ и изъ московскаго народу не могло понять, уже давно нѣтъ. Послѣ того, какъ разссорился со всѣми, онъ и не заглядывалъ къ намъ. Да, я вамъ не разсказывалъ этого случая? Послушайте, тутъ прекомедія была. Прошлый годъ, такъ какъ-то около лѣта, да чуть ли не на самый день моего патрона, пріѣхали ко мнѣ въ гости... (Нужно вамъ сказать, любезные читатели, что земляки мои, дай Богъ имъ здоровье, не забываютъ старика. Уже есть пятидесятый годъ, какъ я началъ помнить свои именины; который же точно мнѣ годъ, этого ни я, ни старуха моя вамъ не скажемъ. Должно-быть, близъ семидесяти. Диканьскій-то попъ, отецъ Харлампій, зналъ, когда я родился, да жаль, что уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ его нѣтъ на свѣтѣ). Вотъ пріѣхали ко мнѣ гости: Захаръ Кириловичъ Чухопупенко, Степанъ Ивановичъ Курочкѣ, Тарасъ Ивановичъ Смачненькій, засѣдатель Харлампій Кириловичъ Хлоста; пріѣхалъ еще... вотъ позабылъ, право, имя и фамилію... Осипъ... Осипъ... Боже мой, его знаетъ весь Миргородъ! онъ еще, когда говоритъ, то всегда щелкнетъ напередъ пальцемъ и подопрется въ боки... Ну, Богъ съ нимъ! Въ другое время вспомню. Пріѣхалъ и знакомый вамъ панічъ изъ Полтавы. Ѳомы Григорьевича я не считаю; то уже свой человѣкъ. Разговорились всѣ (опять нужно вамъ замѣтить, что у насъ никогда о пустякахъ не бываетъ разговора: я всегда люблю приличные разговоры, чтобы, какъ говорятъ, вмѣстѣ и услажденіе и назидательность была), — разговорились объ томъ, какъ нужно солить яблоки. Старуха моя начала-было говорить, что нужно напередъ хорошенько вымыть яблоки, потомъ намочить въ квасу а потомъ уже. . „Ничего изъ этого не будетъ!—подхватилъ полтавецъ, заложивши руку въ гороховый кафтанъ свой и прошедши важнымъ шагомъ по комнатѣ,—ничего не будетъ! Прежде всего нужно пересыпать капуперомъ, а потомъ уже“... Ну, я на васъ ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совѣсти: слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки перессыпали капуперомъ? Правда, кладутъ смородинный листъ, нечуй-вѣтеръ, трилистникъ; но чтобы клали капуперъ... нѣтъ, я не слыхивалъ объ этомъ. Уже, кажется, лучше моей старухи никто не знаетъ про эти дѣла. Ну, говорите же вы! Нарочно, какъ добраго человѣка, отвелъ я его потихоньку въ сторону: „Слушай, Макаръ Назаровичъ, эй, не смѣши народъ! Ты человѣкъ немаловажный: самъ, какъ говоришь, обѣдалъ разъ съ губернаторомъ за однимъ столомъ. Ну, скажешь что-нибудь подобное тамъ, вѣдь тебя же осмѣютъ всѣ!“ Что-жъ бы, вы ду-

мали, онъ сказалъ на это?—Ничего! плюнулъ на полъ, взялъ шапку и вышелъ. Хоть бы простился съ кѣмъ, хоть бы кивнулъ кому головой; только слышали мы, какъ подъѣхала къ воротамъ телѣжка со звонкомъ; сѣлъ и уѣхалъ. И лучше! Не нужно намъ такихъ гостей! Я вамъ скажу, любезные читатели, что хуже нѣтъ ничего на свѣтѣ, какъ эта знать. Что его дядя былъ когда-то комиссаромъ, такъ и носъ несетъ вверхъ. Да будто комиссаръ такой уже чинъ, что выше нѣтъ его на свѣтѣ? Слава Богу, есть и больше комиссара. Нѣтъ, не люблю я этой знати. Вотъ вамъ въ примѣръ Ѳома Григорьевичъ; кажется, и не знатный человѣкъ, а посмотрѣть на него: въ лицѣ какая-то важность сіяетъ, даже когда станетъ нюхать обыкновенный табакъ, и тогда чувствуешь невольное почтеніе. Въ церкви, когда запоетъ на крылосѣ—умиленіе неизобразимое! Растаялъ бы, казалось, весь!.. А тотъ... ну, Богъ съ нимъ! Онъ думаетъ, что безъ его сказокъ и обойтиться нельзя. Вотъ все-же-таки набралась книжка.

Я, помнится, обѣщалъ вамъ, что въ этой книжкѣ будетъ и моя сказка. И точно, хотѣлъ-было это сдѣлать, но увидѣлъ, что для сказки моей нужно, по крайней мѣрѣ, три такихъ книжки. Думалъ-было особо напечатать ее, но передумалъ. Вѣдь я знаю васъ: станете смѣяться надъ старикомъ. Нѣтъ, не хочу! Прощайте! Долго, а можетъ быть, совсѣмъ не увидимся. Да что? вѣдь вамъ все равно, хоть бы и не было совсѣмъ меня на свѣтѣ. Пройдетъ годъ, другой,—и изъ васъ никто послѣ не вспомнитъ и не пожалѣетъ о старомъ пасичникѣ, Рудомъ Панькѣ.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ.

Послѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа*). Морозило сильнѣе, чѣмъ съ утра; но за то такъ было тихо, что скрипъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубковъ не показывалась подъ окнами хать; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ бы вызывая принаряжавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрипучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалилъ дымъ и пошелъ тучею по небу, и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Если бы въ это время проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, съ дьявольски сплетенною плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика, то онъ вѣрно бы примѣтилъ ее, потому что отъ сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ не ускользнетъ. Онъ знаетъ наперечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ, и сколько въ сундукѣ лежитъ полотна, и что именно изъ своего платья и хозяйства заложитъ добрый человѣкъ, въ воскресный день, въ шинкѣ. Но сорочинскій засѣдатель не проѣзжалъ, да и какое ему дѣло до чужихъ—у него своя волость. А вѣдьма между тѣмъ поднялась такъ высоко, что однимъ только чернымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звѣзды, одна за другою, пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три или четыре еще блестѣли. Вдругъ, съ противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ комиссаровой брички, и тогда бы не распозналъ, что это такое. Спереди совершенно нѣмецъ*): узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пятачкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ яресковскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ козачкѣ. Но зато сзади онъ былъ настоящій губернскій стрянчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлѣе трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернскій стрянчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и вы-

*) Колядовать у насъ называется пѣть подъ окнами наканунѣ Рождества пѣсни, которыя называются колядками. Тому, кто колядуетъ, всегда кинетъ въ мѣшокъ хозяйка, или хозяинъ, или кто остается дома, колбасу, или хлѣбъ, или мѣдный грошъ, чѣмъ кто богатъ. Говорятъ, что былъ когда-то болванъ Коляда, котораго принимали за Бога, и что будто отъ того пошли и колядки. Кто это знаетъ? Не намъ, простымъ людямъ, объ этомъ толковать. Прошлый годъ отецъ Осипъ запретилъ-было колядовать по хуторамъ, говоря, что будто этимъ народъ угождаетъ сатанѣ. Однакожъ, если сказать правду, то въ колядкахъ и слова нѣтъ про Коляду. Поютъ часто про Рождество Христа, а при концѣ желаютъ здоровья хозяину, хозяйкѣ, дѣтямъ и всему дому.
Замѣчаніе пасичника.

*) Нѣмцемъ называютъ у насъ всякаго, кто только изъ чужой земли, хоть будь онъ французъ, или цесарецъ, или шведъ—все нѣмецъ.

учивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу.

Между тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу и уже протянулъ было руку схватить его, но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны, и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однакожъ, несмотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ; кривляясь и дуя, перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огонь для своей люльки; наконецъ, поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, побѣжалъ далѣе.

Въ Диканькѣ никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ. Пранца, волостной писарь, выходя на четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни съ того, ни съ сего, танцовалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село; но міряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ. Но какая же была причина рѣшиться чорту на такое беззаконное дѣло? А вотъ какая: онъ зналъ, что богатый козакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутью, гдѣ будутъ: голова, пріѣхавшій изъ архіерейской пѣвческой родичъ дьяка, въ синемъ сюртукѣ, бравшій самаго низкаго баса, козакъ Свербыгузъ и еще кое-кто; гдѣ, кромѣ кутьи, будетъ варенуха, перегонная на шафранъ водка и много всякаго съѣстного. А между тѣмъ его дочка, красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ, навѣрное, придетъ кузнецъ, силачъ и дѣтина хоть куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Кондрата. Въ досужее отъ дѣлъ время кузнецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ во всемъ околоткѣ. Самъ, еще тогда здравствовавшій, сотникъ Л....ко вызывалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить дощатый заборъ около его дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканьскіе козаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человѣкъ и писалъ часто образа святыхъ: и теперь еще можно найти въ Т.. церкви его евангелиста Луку. Но торжествомъ его искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ святого Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злого духа; испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, поленами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горшила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ; но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ-нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяцъ, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнивъ и не легокъ на подъемъ, къ дьяку же отъ избы не такъ близко: дорога шла по заселамъ мимо мельницъ, мимо кладбища, огибала оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и водка, настоянная на шафранъ, могли бы заманить Чуба; но въ такую темноту врядъ ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, при немъ ни за что не отважится идти къ дочкѣ, несмотря на свою силу.

Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяцъ, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку, не только къ дьяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ, подъѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептываютъ всему женскому роду. Чудно устроено на нашемъ свѣтѣ! Все, что ни живетъ въ немъ, все силится перенимать и передразнивать одинъ другого. Прежде, бывало, въ Миргородѣ одинъ судья да городничій хаживали зимою въ крытыхъ сукномъ тулупахъ, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные; теперь же и засѣдатель, и подкоморій отсмалили себѣ новыя шубы изъ рѣшетиловскихъ смушекъ съ суконною покрышкою. Канцелярист и волостной писарь третьяго года взяли синей китайки по шести гривенъ аршинъ. Пономарь сдѣлалъ себѣ нанковыя на лѣто шаровары и жилетъ изъ полосатаго каруса. Словомъ, все лѣзетъ въ люди! Когда это люди не будутъ суетны! Можно побиться объ закладъ, что многимъ покажется удивительно видѣть чорта, пустившагося и себѣ туда же. Досаднѣе всего то, что онъ, вѣрно, воображаетъ себя красавцемъ, между тѣмъ какъ фигура—взглянуть совѣстно. Рожа, какъ говоритъ Ѳома Григорьевичъ, мерзость-мерзостью, однакожъ и онъ строитъ любовныя куры! Но на небѣ и подъ небомъ такъ сдѣлалось темно, что ничего нельзя было видѣть, что происходило далѣе между ними.

— Такъ ты, кумъ, еще не былъ у дьяка въ новой хатѣ?—говорилъ козакъ Чубъ, выходя изъ

дверей своей избы, сухощавому, высокому, въ короткомъ тулупѣ, мужику съ обросшею бородою, показывавшею, что уже болѣе двухъ недѣль не прикасался къ ней обломокъ косы, которымъ обыкновенно мужики брѣютъ свою бороду, за неимѣніемъ бритвы. — Тамъ теперь будетъ добрая попойка!—продолжалъ Чубъ, осклабивъ при этомъ свое лицо.—Какъ бы только намъ не опоздать!

При семъ Чубъ поправилъ свой поясъ, перехватывавшій плотно его тулупъ, нахлобучилъ крѣпче свою шапку, стиснулъ въ рукѣ кнутъ—страхъ и грозу докучливыхъ собакъ; но, взглянувъ вверхъ, остановился...

— Что за дьяволъ! Смотри! смотри, Панасъ!..

— Что?—произнесъ кумъ и поднялъ свою голову также вверхъ.

— Какъ, что? Мѣсяца нѣтъ!

— Что за пропасть! Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ мѣсяца.

— То-то, что нѣтъ!—выговорилъ Чубъ съ нѣкоторою досадою на неизмѣнное равнодушіе кума.—Тебѣ, небось, и нужды нѣтъ.

— А что мнѣ дѣлать?

— Надобно же было,—продолжалъ Чубъ, утирая рукавомъ усы,—какому-то дьяволу — чтобъ ему не довелось, собакѣ, по-утру рюмки водки выпить! — вмѣшаться!.. Право, какъ будто на смѣхъ... Нарочно, сидѣвши въ хатѣ, глядѣлъ въ окно: ночь — чудо! Свѣтло, снѣгъ блещетъ при мѣсяцѣ; все было видно, какъ днемъ. Не успѣлъ выйти за дверь, и вотъ, хоть глазъ выколи! (Чтобъ ему переломались объ черствый гречаникъ всѣ зубы!).

Чубъ долго еще ворчалъ и бранился, а между тѣмъ въ то же время раздумывалъ, на что бы рѣшиться. Ему до смерти хотѣлось покалякать о всякомъ вздорѣ у дьяка, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, сидѣлъ уже и голова, и пріѣзжій басъ, и дегтярь Микита, ѣздившій черезъ каждыя двѣ недѣли въ Полтаву на торги и отпускавшій такія штуки, что всѣ міряне брались за животы со смѣху. Уже видѣлъ Чубъ мысленно стоявшую на столѣ вареныху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лѣни, которая такъ мила всѣмъ козакамъ. Какъ бы хорошо теперь лежать, поджавши подъ себя ноги, на лежанкѣ, спокойно курить люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и пѣсни веселыхъ парубковъ и дѣвушекъ, толпящихся кучами подъ окнами! Онъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшился на послѣднее, если бы былъ одинъ; но теперь обоимъ не такъ скучно и страшно идти темною ночью; да и не хотѣлось-таки показаться передъ другими лѣнивымъ или трусливымъ. Окончивши побранки, обратился онъ снова къ куму.

— Такъ, нѣтъ, кумъ, мѣсяца?

— Нѣтъ.

— Чудно, право! А дай понюхать табаку! У тебя, кумъ, славный табакъ! Гдѣ ты берешь его?

— Кой чортъ, славный! — отвѣчалъ кумъ, закрывая берестовую тавлинку, исколотую узорами,—старая курица не чихнетъ!

— Я помню,—продолжалъ все такъ же Чубъ,—мнѣ покойный шинкарь Зузуля разъ привезъ табаку изъ Чѣжина. Эхъ, табакъ былъ! Добрый табакъ былъ! Такъ что же, кумъ, какъ намъ быть? Вѣдь темно на дворѣ..

— Такъ, пожалуй, останемся дома,—произнесъ кумъ, ухватясь за ручку двери.

Если бы кумъ не сказалъ этого, то Чубъ вѣрно бы рѣшился остаться; но теперь его какъ будто что-то дергало идти наперекоръ. — Нѣтъ, кумъ, пойдемъ! Нельзя, нужно идти!

Сказавши это, онъ уже и досадовалъ на себя, что сказалъ. Ему было очень непріятно тащиться въ такую ночь, но его утѣшало то, что онъ самъ нарочно этого захотѣлъ и сдѣлалъ-таки не такъ, какъ ему совѣтовали.

Кумъ, не выразивъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго движенія досады, какъ человѣкъ, которому рѣшительно все равно, сидѣть ли дома, или тащиться изъ дому, осмотрѣлся, почесалъ палочкой батога свои плечи,—и два кума отправились въ дорогу.

Теперь посмотримъ, что дѣлаетъ, оставшись одна, красавица-дочка. Оксанѣ не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и рѣчей было, что про нее. Парубки гуртомъ заговорили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица. Если бы она ходила не въ плахтѣ и запаскѣ, а въ какомъ-нибудь капотѣ, то разогнала бы всѣхъ своихъ дѣвокъ. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпѣніе, оставляли мало-по-малу своенравную красавицу и обращались къ другимъ, не такъ избалованнымъ. Одинъ только кузнецъ былъ упрямъ и не оставлялъ своего волокитства, несмотря на то, что и съ нимъ поступали ничуть не лучше, чѣмъ съ другими. По выходѣ отца своего, Оксана долго еще принаряжалась и жеманилась передъ небольшимъ, въ оловянныхъ рамкахъ, зеркаломъ и не могла налюбоваться собою.

— Что людямъ вздумалось разславлять, будто я хороша?—говорила она какъ бы разсѣянно, для того только, чтобы объ чемъ-нибудь поболь-

тать съ собою. — Лгутъ люди, я совсѣмъ не хороша!

Но мелькнувшее въ зеркалѣ свѣжее, живое, въ дѣтской юности лицо, съ блестящими черными очами и невыразимо пріятной усмѣшкой, прожигавшей душу, вдругъ доказало противное.

— Развѣ черныя брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — такъ хороши, что уже равныхъ имъ нѣтъ и на свѣтѣ? Что тутъ хорошаго въ этомъ вздернутомъ кверху носѣ? и въ щекахъ? и въ губахъ? Будто хороши мои черныя косы? Ухъ, ихъ можно и пугаться вечеромъ: онѣ, какъ длинныя змѣи, перевились и обвились вокругъ моей головы. Я вижу теперь, что я совсѣмъ не хороша! — И, отодвигая нѣсколько подалѣе отъ себя зеркало, вскрикнула: — нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя отъ радости! Онъ зацѣлуетъ меня на смерть.

— Чудная дѣвка! — прошепталъ вошедшій тихо кузнецъ. — И хвастовства у нея мало! Съ часъ стоитъ, глядясь въ зеркало, и не наглядится, и еще хвалитъ себя вслухъ!

— Да, парубки, вамъ ли чета я? Вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — какъ я плавно выступаю; у меня сорочка шита краснымъ шелкомъ. А какія ленты на головѣ! Вамъ вѣкъ не увидать богаче галуна! Все это накупилъ мнѣ отецъ мой для того, чтобы на мнѣ женился самый лучшій молодецъ на свѣтѣ. — И, усмѣхнувшись, поворотилась она въ другую сторону и увидѣла кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась передъ нимъ.

Кузнецъ и руки опустилъ.

Трудно разсказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады тонко разливалась по лицу, и все это такъ смѣшалось и такъ было неизобразимо-хорошо, что расцѣловать ее милліонъ разъ — вотъ все, что можно было сдѣлать тогда наилучшаго.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? — такъ начала говорить Оксана. — Развѣ хочется, чтобы я выгнала тебя за дверь лопатою? Вы всѣ мастера подъѣзжать къ намъ. Вмигъ пронюхаете, когда отцовъ нѣтъ дома. О, я знаю васъ! Что, сундукъ мой готовъ?

— Будетъ готовъ, мое серденько, послѣ праздника будетъ готовъ. Если бы ты знала, сколько возился около него: двѣ ночи не выходилъ изъ кузницы. За то ни у одной поповны не будетъ такого сундука. Желѣзо на оковку положилъ такое, какого не клалъ въ сотникову таратайку, когда ходилъ на работу въ Полтаву. А какъ будетъ расписанъ! Хоть весь околотокъ выходи своими бѣленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будутъ раскиданы красные и синіе цвѣты. Горѣть будетъ, какъ жаръ. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядѣть на тебя!

— Кто-жъ тебѣ запрещаетъ? Говори и гляди!

Тутъ сѣла она на лавку и снова взглянула въ зеркало и стала поправлять на головѣ свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелкомъ, и тонкое чувство самодовольствія выразилось на устахъ, на свѣжихъ ланитахъ и отсвѣтилось въ очахъ.

— Позволь и мнѣ сѣсть возлѣ тебя! — сказалъ кузнецъ.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя въ устахъ и въ довольныхъ очахъ то же самое чувство.

— Чудная, непаглядная Оксана, позволь поцѣловать тебя! — произнесъ ободренный кузнецъ и прижалъ ее къ себѣ, въ намѣреніи схватить поцѣлуй. Но Оксана отклонила свои щеки, находившіяся уже на неприметномъ разстояніи отъ губъ кузнеца, и оттолкнула его.

— Чего тебѣ еще хочется? Ему, когда медъ, такъ и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче желѣза. Да и самъ ты пахнешь дымомъ. Я думаю, меня всю обмаралъ своею сажею.

Тутъ она подпесла зеркало и снова начала передъ нимъ охорашиваться.

„Не любитъ она меня! — думалъ про себя, повѣся голову, кузнецъ. — Ей все игрушки; а я стою передъ нею, какъ дуракъ, и очей не свожу съ нея. И все бы стоялъ передъ нею и вѣкъ бы не сводилъ съ нея очей! Чудная дѣвка! Чего бы я не далъ, чтобы узнать, что у нея на сердцѣ, кого она любитъ. Но нѣтъ, ей и нужды нѣтъ ни до кого. Она любуется сама собою; мучитъ меня, бѣднаго, а я за грустью не вижу свѣта. А я ее такъ люблю, какъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не любилъ и не будетъ никогда любить".

— Правда ли, что твоя мать вѣдьма? — произнесла Оксана и засмѣялась; и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо встрепенувшихся жилахъ, и за всѣмъ тѣмъ досада запала въ его душу, что онъ не во власти расцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо.

— Что мнѣ до матери? Ты у меня мать, и отецъ, и все, что ни есть дорогого на свѣтѣ. Если-бъ меня призвалъ царь и сказалъ: „Кузнецъ Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и ста-

нешь ты ковать серебряными молотами". — Не хочу,—сказалъ бы я царю,—ни каменьевъ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мнѣ лучше мою Оксану!

— Видишь, какой ты! Только отецъ мой самъ не промахъ. Увидишь, когда онъ не женится на твоей матери!—проговорила, лукаво усмѣхнувшись, Оксана. — Однако-жъ, дѣвчата не приходятъ... Что-бъ это значило? Давно уже пора колядовать, мнѣ становится скучно.

— Богъ съ ними, моя красавица!

— Какъ не такъ! Съ ними, вѣрно, придутъ парубки. Тутъ-то пойдутъ балы. Воображаю, какихъ наговорятъ смѣшныхъ исторій!

— Такъ тебѣ весело съ ними?

— Да ужь веселѣе, чѣмъ съ тобою. А! кто-то стукнулъ; вѣрно дѣвчата съ парубками.

— Чего мнѣ больше ждать?—говорилъ самъ съ собою кузнецъ.— Она издѣвается надо мною. Ей я столько же дорогъ, какъ перержавѣвшая подкова. Но если-жъ такъ, не достанется по крайней мѣрѣ другому посмѣяться надо мною. Пусть только я навѣрное замѣчу, кто ей нравится болѣе моего, я отучу...

Стукъ въ дверь и рѣзко зазвучавшій на морозѣ голосъ: „отвори!" прервалъ его размышленія.

— Постой, я самъ отворю, — сказалъ кузнецъ и вышелъ въ сѣни, въ намѣреніи отломать съ досады бока первому попавшемуся человѣку.

Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Не мудрено, однако-жъ, и озябнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ самомъ дѣлѣ кухмистеръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ обыкновенно баба жаритъ на Рождество колбасу.

Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя въ такое положеніе, какъ человѣкъ, летящій на конькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатой горѣ, и прямо въ трубу.

Чортъ такимъ же порядкомъ отправился вслѣдъ за нею. Но такъ какъ это животное проворнѣе всякаго франта въ чулкахъ, то не мудрено, что онъ наѣхалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы, и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку поглядѣть, не назвалъ ли сынъ ея Вакула въ хату гостей; но, увидѣвши, что никого не было, выключая только мѣшки, которые лежали посереди хаты, вылѣзла изъ печки, скинула теплый кожухъ, оправилась, и никто бы не могъ узнать, что она за минуту назадъ ѣздила на метлѣ.

Мать кузнеца Вакулы имѣла отъ роду не больше сорока лѣтъ. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею въ такіе годы. Однако-жъ, она такъ умѣла приворожить къ себѣ самыхъ степенныхъ козаковъ (которымъ, не мѣшаетъ между прочимъ замѣтить, мало было нужды до красоты), что къ ней хаживалъ и голова, и дьякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дьячихи не было дома), и козакъ Корній Чубъ, и козакъ Касьянъ Свербыгузъ. И, къ чести ея сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ни одному изъ нихъ и въ умѣ не приходило, что у него есть соперникъ. Шелъ ли набожный мужикъ, или дворянинъ, какъ называютъ себя козаки, одѣтый въ кобеняк съ видлогою, въ воскресенье въ церковь, или, если дурная погода, въ шинокъ,—какъ не зайти къ Солохѣ, не поѣсть жирныхъ съ сметаною варениковъ и не поболтать въ теплой избѣ съ говорливой и угодливой хозяйкой? И дворянинъ нарочно для этого давалъ большой крюкъ, прежде чѣмъ достигалъ шинка, и называлъ это—заходить по дорогѣ. А пойдетъ ли, бывало, Солоха, въ праздникъ, въ церковь, надѣвши яркую плахту съ китайчатою запаскою, а сверхъ ея синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станетъ прямо близъ праваго крылоса, то дьякъ уже, вѣрно, закашливался и прищуривалъ невольно въ ту сторону глаза, голова гладилъ усы, заматывалъ за ухо оселедецъ и говорилъ стоявшему близъ его сосѣду: „Эхъ, добрая баба! чортъ-баба!" Солоха кланялась каждому, и каждый думалъ, что она кланяется ему одному.

Но охотникъ мѣшаться въ чужія дѣла тотчасъ бы замѣтилъ, что Солоха была привѣтливѣе всего съ козакомъ Чубомъ. Чубъ былъ вдовъ. Восемь скирдъ хлѣба всегда стояли передъ его хатою. Двѣ пары дюжихъ воловъ всякій разъ высовывали свои головы изъ плетенаго сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму—корову, или дядю—толстаго быка. Бородатый козелъ взбирался на самую крышу и дребезжалъ оттуда рѣзкимъ голосомъ, какъ городничій, дразня выступавшихъ по двору индѣекъ и оборачиваясь задомъ, когда завидывалъ своихъ непріятелей—мальчишекъ, издѣвавшихся надъ его бородою. Въ сундукахъ у Чуба водилось много полотна, жупановъ и старинныхъ кунтушей съ

золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. Въ огородѣ, кромѣ маку, капусты, подсолнечниковъ, засѣвалось еще каждый годъ двѣ нивы табаку. Все это Солоха находила не лишнимъ присоединить къ своему хозяйству, заранѣе размышляя о томъ, какой оно приметъ порядокъ, когда перейдетъ въ ея руки, и удвоивала благосклонность къ старому Чубу. А чтобы какимъ-нибудь образомъ сынъ ея Вакула не подъѣхалъ къ его дочери и не успѣлъ прибрать всего себѣ, и тогда бы, навѣрно, не допустилъ ее мѣшаться ни во что, она прибѣгнула къ обыкновенному средству всѣхъ сорокалѣтнихъ кумушекъ—ссорить, какъ можно чаще, Чуба съ кузнецомъ. Можетъ быть, эти самыя хитрости и смѣтливость ея были виною, что кое-гдѣ начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали гдѣ-нибудь на веселой сходкѣ лишнее, что Солоха точно вѣдьма; что парубокъ Кизяколупенко видѣлъ у нея сзади хвостъ, величиною не болѣе бабьяго веретена; что она еще въ позапрошлый четвергъ черною кошкою перебѣжала дорогу; что къ понадьѣ разъ прибѣжала свинья, закричала нѣтухомъ, надѣла на голову шапку отца Кондрата и убѣжала назадъ...

Случилось, что тогда, когда старушки толковали объ этомъ, пришелъ какой-то коровій пастухъ Тымишъ Коростявый. Онъ не преминулъ разсказать, какъ лѣтомъ, передъ самыми петровками, когда онъ легъ спать въ хлѣву, подмостивши подъ голову солому, видѣлъ собственными глазами, что вѣдьма, съ распущенною косою, въ одной рубашкѣ, начала доить коровъ, а онъ не могъ пошевельнуться—такъ былъ околдованъ, и помазала его губы чѣмъ-то такимъ гадкимъ, что онъ плевалъ послѣ того цѣлый день. Но все это что-то сомнительно, потому что одинъ только сорочинскій засѣдатель можетъ увидѣть вѣдьму. И оттого всѣ именитые козаки махали руками, когда слышали такія рѣчи. „Брешутъ сучи бабы!“ бывалъ обыкновенный отвѣтъ ихъ.

Вылѣзши изъ печки и оправившись, Солоха, какъ добрая хозяйка, начала убирать и ставить все къ своему мѣсту; но мѣшковъ не тронула: „это Вакула принесъ, пусть же самъ и выноситъ!“ Чортъ, между тѣмъ, когда еще влеталъ въ трубу, какъ-то нечаянно оборотившись, увидѣлъ Чуба, объ руку къ кумомъ, уже далеко отъ избы. Вмигъ вылетѣлъ онъ изъ печки, перебѣжалъ имъ дорогу и началъ разрывать со всѣхъ сторонъ кучи замерзшаго снѣгу. Поднялась метель. Въ воздухѣ забѣлѣло. Снѣгъ метался взадъ и впередъ сѣткою и угрожалъ залѣпить глаза, ротъ и уши нѣшеходамъ. А чортъ улетѣлъ снова въ трубу, въ твердой увѣренности, что Чубъ возвратится вмѣстѣ съ кумомъ назадъ, застанетъ кузнеца и, навѣрное, отпотчуетъ его такъ, что онъ долго будетъ не въ силахъ взять въ руки кисть и малевать обидныя карикатуры.

Въ самомъ дѣлѣ, едва только поднялась метель, и вѣтеръ сталъ рѣзать прямо въ глаза, какъ Чубъ уже изъявилъ раскаяніе и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощалъ побранками себя, чорта и кума. Впрочемъ, эта досада была притворная. Чубъ очень радъ былъ поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось въ восемь разъ больше того разстоянія, которое они прошли. Путешественники поворотили назадъ. Вѣтеръ дулъ въ затылокъ, но сквозь метущій снѣгъ ничего не было видно.

— Стой, кумъ! мы, кажется, не туда идемъ,— сказалъ, немного отошедши, Чубъ.—Я не вижу ни одной хаты. Эхъ, какая метель! Сверни-ка ты, кумъ, немного въ сторону,—не найдешь-ли дороги, а я тѣмъ временемъ поищу здѣсь. Дернетъ же нечистая сила таскаться по такой вьюгѣ! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Экъ, какую кучу снѣга напустилъ въ очи сатана!

Дороги, однако-жъ, не было видно. Кумъ, отошедши въ сторону, бродилъ въ длинныхъ сапогахъ взадъ и впередъ и наконецъ набрелъ прямо на шинокъ. Эта находка такъ его обрадовала, что онъ позабылъ все и, стряхнувши съ себя снѣгъ, вошелъ въ сѣни, нимало не безпокоясь объ оставшемся на улицѣ кумѣ. Чубу показалось между тѣмъ, что онъ нашелъ дорогу. Остановившись, принялся онъ кричать во все горло, но видя, что кумъ не является, рѣшился идти самъ. Немного пройдя, увидѣлъ онъ свою хату. Сугробы снѣгу лежали около нея и на крышѣ. Хлопая озябшими на холодѣ руками, принялся онъ стучать въ дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть ее.

— Чего тебѣ тутъ нужно?—сурово закричалъ вышедшій кузнецъ.

Чубъ, узнавши голосъ кузнеца, отступилъ нѣсколько назадъ.

— Э, нѣтъ, это не моя хата,—говорилъ онъ про себя,—въ мою хату не забредетъ кузнецъ. Опять же, если присмотрѣться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была это хата? Вотъ на! не распозналъ! Это хата хромого Левченка, который недавно женился на молодой женѣ. У него одного только хата похожа на мою. То-то мнѣ показалось и сначала немного чудно, что такъ скоро пришелъ домой. Однако-жъ, Левченко сидитъ теперь у дьяка, это я знаю. Зачѣмъ же кузнецъ?.. Э, ге, ге, гe! онъ ходитъ къ его молодой женѣ. Вотъ какъ! Хорошо!.. Теперь я все понялъ.

— Кто ты такой и зачѣмъ таскаешься подъ дверями?—произнесъ кузнецъ суровѣе прежняго и подойдя ближе.

„Нѣтъ, не скажу ему, кто я, — подумалъ Чубъ:—чего добраго еще приколотитъ проклятый выродокъ!“—И перемѣнивъ голосъ, отвѣчалъ:

— Это я, человѣкъ добрый! Пришелъ вамъ на забаву поколядовать немного подъ окнами.

— Убирайся къ чорту съ своими колядками!—сердито закричалъ Вакула.—Что-жъ ты стоишь? Слышишь! Убирайся сейчасъ же вонъ!

Чубъ самъ уже имѣлъ это благоразумное намѣреніе; но ему досадно показалось, что принужденъ слушаться приказаній кузнеца. Казалось, какой-то злой духъ толкалъ его подъ руку и вынуждалъ сказать что-нибудь наперекоръ.

— Что-жъ ты въ самомъ дѣлѣ такъ раскричался?—произнесъ онъ тѣмъ же голосомъ.—Я хочу колядовать, да и полно!

— Эге! да ты, какъ вижу, отъ словъ не уймешься!—Вслѣдъ за сими словами Чубъ почувствовалъ пребольной ударъ въ плечо.

— Да вотъ это ты, какъ я вижу, начинаешь уже драться!—произнесъ онъ, немного отступая.

— Пошелъ, пошелъ!—кричалъ кузнецъ, наградивъ Чуба другимъ толчкомъ.

— Что-жъ ты!—произнесъ Чубъ такимъ голосомъ, въ которомъ изображалась и боль, и досада, и робость.—Ты, я вижу, не въ шутку дерешься, и еще больно дерешься!

— Пошелъ, пошелъ!—закричалъ кузнецъ и захлопнулъ дверь.

— Смотри, какъ расхрабрился!—говорилъ Чубъ, оставшись одинъ на улицѣ.—Попробуй, подойди! Вишь какой! Вотъ большая цяца. Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нѣтъ, голубчикъ, я пойду и пойду прямо до комиссара. Ты у меня будешь знать! Я не посмотрю, что ты кузнецъ и маляръ. Однако-жъ, посмотрѣть на спину и плечи: я думаю, синія пятна есть. Должно-быть, больно поколотилъ вражій сынъ. Жаль, что холодно и не хочется скидать кожуха. Постой ты, бѣсовскій кузнецъ, чтобъ чортъ поколотилъ и тебя, и твою кузницу: ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеникъ! Однако-жъ, вѣдь теперь его нѣтъ дома. Солоха, думаю, сидитъ одна. Гм!.. Оно вѣдь недалеко отсюда—пойти бы! Время теперь такое, что насъ никто не застанетъ. Можетъ, и того будетъ можно... Вишь, какъ больно поколотилъ проклятый кузнецъ!

Тутъ Чубъ, почесавъ свою спину, отправился въ другую сторону. Пріятность, ожидавшая его впереди, при свиданіи съ Солохою, умаляла немного боль и дѣлала нечувствительнымъ и самый морозъ, который трещалъ по всѣмъ улицамъ, не заглушаемый свистомъ вьюги. По временамъ на лицѣ его, котораго бороду и усы метель намылила снѣгомъ проворнѣе всякаго цырюльника, тирански хватающаго за носъ свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однакожъ, снѣгъ не крестилъ взадъ и впередъ всего передъ глазами, то долго еще можно было бы видѣть, какъ Чубъ останавливался, почесывалъ спину, произносилъ:

— Больно поколотилъ проклятый кузнецъ! —

и снова отправлялся въ путь.

Въ то время, когда проворный франтъ съ хвостомъ и козлиною бородою леталъ изъ трубы и потомъ снова въ трубу, висѣвшая у него на перевязи при боку ладунка, въ которую онъ спряталъ украденный мѣсяцъ, какъ-то нечаянно зацѣпившись въ печкѣ, растворилась, и мѣсяцъ, пользуясь этимъ случаемъ, вылетѣлъ черезъ трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все освѣтилось. Метели какъ не бывало. Снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ и весь осыпался хрустальными звѣздами. Морозъ какъ бы потеплѣлъ. Толпы парубковъ и дѣвушекъ показались съ мѣшками. Пѣсни зазвенѣли, и подъ рѣдкою хатою не толпились колядующіе.

Чудно блещетъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади.

Кучи дѣвушекъ съ мѣшками вломились въ хату Чуба, окружили Оксану. Крикъ, хохотъ, разсказы оглушили кузнеца. Всѣ наперерывъ спѣшили разсказать красавицѣ что-нибудь новое, выгружали мѣшки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которыхъ успѣли уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была въ совершенномъ удовольствіи и радости, болтала то съ той, то съ другой, и хохотала безъ умолку.

Съ какой-то досадой и завистью глядѣлъ кузнецъ на такую веселость и на этотъ разъ проклиналъ колядки, хотя самъ бывалъ отъ нихъ безъ ума.

— Э, Одарка! — сказала веселая красавица, оборотившись къ одной изъ дѣвушекъ, — у тебя новые черевики. Ахъ, какіе хорошіе! и съ золотомъ! Хорошо тебѣ, Одарка, у тебя есть такой человѣкъ, который все тебѣ покупаетъ, а мнѣ некому достать такіе славные черевики.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана!—подхватилъ кузнецъ, — я тебѣ достану такіе черевики, какіе рѣдкая панночка носитъ.

— Ты? — сказала Оксана, скоро и надменно поглядѣвъ на него.—Посмотрю я, гдѣ ты достанешь такіе черевики, которые могла бы я надѣть на свою ногу. Развѣ принесешь тѣ самые, которые носитъ царица.

— Видишь, какихъ захотѣла! — закричала со смѣхомъ дѣвичья толпа.

— Да!—продолжала гордо красавица,—будьте всѣ вы свидѣтельницы: если кузнецъ Вакула принесетъ тѣ самые черевики, которые носитъ царица, то вотъ мое слово, что выйду тотъ же часъ за него замужъ.

Дѣвушки увели съ собою капризную красавицу.

— Смѣйся! смѣйся! — говорилъ кузнецъ, выходя вслѣдъ за ними.—Я самъ смѣюсь надъ собою! Думаю и не могу надумать, куда дѣвался умъ мой? Она меня не любитъ, — ну, Богъ съ ней! Будто только на всемъ свѣтѣ одна Оксана. Слава Богу, дѣвчатъ много хорошихъ и безъ нея на селѣ. Да что Оксана? изъ нея никогда не будетъ доброй хозяйки: она только мастерица рядиться. Нѣтъ, полно! Пора перестать дурачиться.

Но въ самое то время, когда кузнецъ готовился быть рѣшительнымъ, какой-то злой духъ проносилъ передъ нимъ смѣющійся образъ Оксаны, говорившей насмѣшливо: „Достань, кузнецъ, царицыны черевики, выйду за тебя замужъ!“—Все въ немъ волновалось, и онъ думалъ только объ одной Оксанѣ.

Толпы колядующихъ, парубки особо, дѣвушки особо, спѣшили изъ одной улицы въ другую. Но кузнецъ шелъ и ничего не видалъ и не участвовалъ въ тѣхъ веселостяхъ, которыя когда-то любилъ болѣе всѣхъ.

Чортъ между тѣмъ не на шутку разнѣжился у Солохи: цѣловалъ ея руку съ такими ужимками, какъ засѣдатель у поповны, брался за сердце, охалъ и сказалъ напрямикъ, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, какъ водится, наградить, то онъ готовъ на все: кинется въ воду, а душу отправитъ прямо въ пекло. Солоха была не такъ жестока; притомъ же чортъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ съ нею заодно. Она-таки любила видѣть волочившуюся за собою толпу и рѣдко бывала безъ компаніи. Этотъ вечеръ, однакожъ, думала провесть одна, потому что всѣ именитые обитатели села званы были на кутью къ дьяку. Но все пошло иначе: чортъ только что представилъ свое требованіе, какъ вдругъ послышался стукъ и голосъ дюжаго головы. Солоха побѣжала отворить дверь, а проворный чортъ влѣзъ въ лежавшій мѣшокъ.

Голова, стряхнувъ съ своихъ капелюхъ снѣгъ и выпивши изъ рукъ Солохи чарку водки, разсказалъ, что онъ не пошелъ къ дьяку, потому что поднялась метель; а, увидѣвши свѣтъ въ ея хатѣ, завернулъ къ ней, въ намѣреніи провесть вечеръ съ нею.

Не успѣлъ голова это сказать, какъ въ дверь послышался стукъ и голосъ дьяка.

— Спрячь меня куда-нибудь, — шепталъ голова, — мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ дьякомъ.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотнаго гостя; наконецъ, выбрала самый большой мѣшокъ съ углемъ: уголь высыпала въ кадку, и дюжій голова влѣзъ съ усами, съ головою и съ капелюхами въ мѣшокъ.

Дьякъ вошелъ, покряхтывая и потирая руки, и разсказалъ, что у него не былъ никто, и что онъ сердечно радъ этому случаю *погулять* немного у нея, и не испугался метели. Тутъ онъ подошелъ къ ней ближе, кашлянулъ, усмѣхнулся, дотронулся своими длинными пальцами ея обнаженной, полной руки и произнесъ съ такимъ видомъ, въ которомъ выказывалось и лукавство, и самодовольствіе:

— А что это у васъ, великолѣпная Солоха?— И, сказавши это, отскочилъ онъ нѣсколько назадъ.

— Какъ что? рука, Осипъ Никифоровичъ! — отвѣчала Солоха.

— Гм! рука! Хе-хе-хе! — произнесъ сердечно довольный своимъ началомъ дьякъ и прошелся по комнатѣ.

— А это что у васъ, дражайшая Солоха? — произнесъ онъ съ такимъ же видомъ, приступивъ къ ней снова и схвативъ ее слегка рукою за шею и такимъ же порядкомъ отскочивъ назадъ.

— Будто не видите, Осипъ Никифоровичъ!— отвѣчала Солоха,—шея, а на шеѣ монисто.

— Гм! на шеѣ монисто! Хе-хе-хе!—и дьякъ снова прошелся по комнатѣ, потирая руки.

— А это что у васъ, несравненная Солоха?..— Неизвѣстно, къ чему бы теперь притронулся (сладострастный) дьякъ своими длинными пальцами, какъ вдругъ послышался въ дверь стукъ и голосъ козака Чуба.

— Ахъ, Боже мой, стороннее лицо! — закричалъ въ испугѣ дьякъ.—Что теперь, если застанутъ особу моего званія?.. Дойдетъ до отца Кондрата...

Но опасенія дьяка были другого рода: онъ боялся болѣе того, чтобы не узнала его половина, которая и безъ того страшною рукою своею сдѣлала изъ его толстой косы самую узенькую.

— Ради Бога, добродѣтельная Солоха!—говорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ,—ваша доброта, какъ говоритъ писаніе Луки, глава трина... трин...

стучатся, ей Богу, стучатся! Охъ, спрячьте меня куда-нибудь.

Солоха высыпала уголь въ кадку изъ другого мѣшка, и неслишкомъ объемистый тѣломъ дьякъ влѣзъ въ него и сѣлъ на самое дно, такъ что сверхъ его можно было насыпать еще съ полмѣшка угля.

— Здравствуй, Солоха! — сказалъ, входя въ хату, Чубъ.—Ты, можетъ быть, не ожидала меня, а? Правда, не ожидала? Можетъ быть, я помѣшалъ?..—продолжалъ Чубъ, показавъ на лицѣ своемъ веселую и значительную мину, которая заранѣе давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затѣйливую шутку.—Можетъ быть, вы тутъ забавлялись съ кѣмъ-нибудь!.. Можетъ быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а?—И восхищенный такимъ замѣчаніемъ своимъ, Чубъ засмѣялся, внутренно торжествуя, что онъ одинъ только пользуется благосклонностью Солохи.—Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло отъ проклятаго морозу. Послалъ же Богъ такую ночь передъ Рождествомъ! Какъ схватилась, слышишь, Солоха, какъ схватилась... Экъ окостенѣли руки: не разстегну кожуха! Какъ схватилась вьюга...

— Отвори!—раздался на улицѣ голосъ, сопровождаемый толчкомъ въ дверь.

— Стучитъ кто-то,—сказалъ остановившійся Чубъ.

— Отвори!—закричали сильнѣе прежняго.

— Это кузнецъ!—произнесъ, схватясь за капелюхи, Чубъ.—Слышишь, Солоха: куда хочешь, дѣвай меня; я ни за что на свѣтѣ не захочу показаться этому выродку проклятому, чтобъ ему набѣжало, дьявольскому сыну, подъ обоими глазами по пузырю въ копну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась, какъ угорѣлая, и, позабывшись, дала знакъ Чубу лѣзть въ тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ уже дьякъ. Бѣдный дьякъ не смѣлъ даже изъявить кашлемъ и крякхтѣньемъ боли, когда сѣлъ ему почти на голову тяжелый мужикъ и помѣстилъ свои намерзнувшіе на морозѣ сапоги по обѣимъ сторонамъ его висковъ.

Кузнецъ вошелъ, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Замѣтно было, что онъ былъ весьма не въ духѣ.

Въ то самое время, когда Солоха затворяла за нимъ дверь, кто-то постучался снова. Это былъ козакъ Свербыгузъ. Этого уже нельзя было спрятать въ мѣшокъ, потому что и мѣшка такого нельзя было найти нигдѣ. Онъ былъ погрузнѣе тѣломъ самого головы и повыше ростомъ Чубова кума. И потому Солоха повела его въ огородъ, чтобы выслушать отъ него все то, что онъ хотѣлъ ей объявить.

Кузнецъ разсѣянно оглядывалъ углы своей хаты, вслушиваясь по временамъ въ далеко разносившіяся по селу пѣсни колядующихъ; наконецъ, остановилъ глаза на мѣшкахъ.

„Зачѣмъ тутъ лежатъ эти мѣшки? Ихъ давно бы пора убрать отсюда. Черезъ эту глупую любовь я одурѣлъ совсѣмъ. Завтра праздникъ, а въ хатѣ до сихъ поръ еще лежитъ всякая дрянь. Отнести ихъ въ кузницу“!

Тутъ кузнецъ присѣлъ къ огромнымъ мѣшкамъ, перевязалъ ихъ крѣпче и готовился взвалить себѣ на плечи. Но замѣтно было, что его мысли гуляли, Богъ знаетъ гдѣ; иначе онъ бы услышалъ, какъ зашипѣлъ Чубъ, когда волоса на головѣ его прикрутила завязавшая мѣшокъ веревка, и дюжій голова началъ было икать довольно явственно.

— Неужели не выбьется изъ ума моего эта негодная Оксана?—говорилъ кузнецъ.—Не хочу думать о ней, а все думается, и, какъ нарочно, о ней одной только. Отчего это такъ, что дума противъ воли лѣзетъ въ голову? Кой чортъ! Мѣшки стали какъ будто тяжелѣе прежняго! Тутъ, вѣрно, положено еще что-нибудь кромѣ угля. Дурень я! я и позабылъ, что теперь мнѣ все кажется тяжелѣе. Прежде, бывало, я могъ согнуть и разогнуть въ одной рукѣ мѣдный пятакъ и лошадиную подкову, а теперь мѣшковъ съ углемъ не подыму. Скоро буду отъ вѣтра валиться...—Нѣтъ! — вскричалъ онъ, помолчавъ и ободрившись.—Что я за баба! Не дамъ никому смѣяться надъ собою! Хоть десять такихъ мѣшковъ—всѣ подыму.—И бодро взвалилъ себѣ на плечи мѣшки, которыхъ не понесли бы два дюжихъ человѣка.—Взять и этотъ, — продолжалъ онъ, подымая маленькій, на днѣ котораго лежалъ, сверн вшись, чортъ.—Тутъ, кажется, я положилъ струментъ свой.—Сказавъ это, онъ вышелъ вонъ изъ хаты, насвистывая пѣсню:

Мини съ жинкой не возиться.

Шумнѣе и шумнѣе раздавались по улицамъ пѣсни, хохотъ и крики. Толпы толкавшагося народа были увеличены еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Парубки шалили и бѣсились вволю. Часто, между колядками, слышалась какая-нибудь веселая пѣсня, которую тутъ же успѣлъ сложить кто-нибудь изъ молодыхъ козаковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки, отпускалъ щедровку и ревѣлъ во все горло:

Щедрыкъ, вздрыкъ!
Дайте варенукъ!
Грудочку кашки,
Кишце ковбаски!

Хохотъ награждалъ затѣйника. Маленькія окна подымались, и сухощавая рука старухи (которыя однѣ только вмѣстѣ съ степенными отцами оставались въ избахъ) высовывалась изъ окошка съ колбасою въ рукахъ или кускомъ пирога. Парубки и дѣвушки наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою добычу. Въ одномъ мѣстѣ парубки, зашедши со всѣхъ сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ; одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣшокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось, всю ночь напролетъ готовы были провеселиться. И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась! И еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеска снѣга!

Кузнецъ остановился со своими мѣшками. Ему почудился въ толпѣ дѣвушекъ голосъ и тоненькій смѣхъ Оксаны. Всѣ жилки въ немъ вздрогнули; бросивши на землю мѣшки, такъ что находившійся на днѣ дьякъ заохалъ отъ ушиба и голова икнулъ во все горло, побрелъ онъ съ маленькимъ мѣшкомъ на плечахъ вмѣстѣ съ толпою парубковъ, шедшихъ слѣдомъ за дѣвичьей толпою, между которою ему послышался голосъ Оксаны.

— Такъ, это она! Стоитъ, какъ царица, и блеститъ черными очами. Ей разсказываетъ что-то видный парубокъ; вѣрно забавное, потому что она смѣется. Но она всегда смѣется. — Какъ будто невольно, самъ не понимая какъ, протерся кузнецъ сквозь толпу и сталъ около нея.

— А, Вакула, ты тутъ! здравствуй!—сказала красавица съ той же самой усмѣшкой, которая чуть не сводила Вакулу съ ума. — Ну, много наколядовалъ? Э, да какой маленькій мѣшокъ! А черевики, которые носитъ царица, досталъ? Достань черевики, выйду за тебя замужъ... — И, засмѣявшись, убѣжала съ толпою дѣвушекъ.

Какъ вкопанный, стоялъ кузнецъ на одномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, не могу; нѣтъ силъ больше...— произнесъ онъ, наконецъ. — Но, Боже ты мой, отчего она такъ чертовски хороша? Ея взглядъ, и рѣчи, и все, ну, вотъ такъ и жжетъ, такъ и жжетъ... Нѣтъ, не въ мочь уже пересилить себя. Пора положить конецъ всему. Пропадай душа! Пойду утоплюсь въ прорубѣ, и поминай, какъ звали!

Тутъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ, догналъ толпу дѣвчатъ, поровнялся съ Оксаною и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Прощай, Оксана! Ищи себѣ, какого хочешь жениха, дурачь, кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этомъ свѣтѣ.

Красавица казалась удивленною, хотѣла что-то сказать, но кузнецъ махнулъ рукой и убѣжалъ.

— Куда, Вакула?—кричали парубки, видя бѣгущаго кузнеца.

— Прощайте, братцы! — кричалъ въ отвѣтъ кузнецъ.—Дастъ Богъ, увидимся на томъ свѣтѣ, а на этомъ уже не гулять намъ вмѣстѣ. Прощайте! Не поминайте лихомъ! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворилъ панихиду по моей грѣшной душѣ. Свѣчей къ иконамъ Чудотворца и Божіей Матери, грѣшенъ, не обмалевалъ за мірскими дѣлами. Все добро, какое найдется въ моей скрынѣ, на церковь. Прощайте!

Проговоривши это, кузнецъ принялся снова бѣжать съ мѣшкомъ на спинѣ.

— Онъ повредился!—говорили парубки.

— Пропадшая душа! — набожно пробормотала проходившая мимо старуха,—пойти разсказать, какъ кузнецъ повѣсился!

Вакула, между тѣмъ, пробѣжавши нѣсколько улицъ, остановился перевесть духъ.

„Куда я въ самомъ дѣлѣ бѣгу?—подумалъ онъ,— какъ будто уже все пропало. Попробую еще средство: пойду къ запорожцу Пузатому Пацюку. Онъ, говорятъ, знаетъ всѣхъ чертей и все сдѣлаетъ, что захочетъ. Пойду, вѣдь душѣ все же придется пропадать!“

При этомъ чортъ, который долго лежалъ безъ всякаго движенія, запрыгалъ въ мѣшкѣ отъ радости; но кузнецъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь зацѣпилъ мѣшокъ рукою и произвелъ самъ это движеніе, ударилъ по мѣшку дюжимъ кулакомъ и, встряхнувъ его на плечахъ, отправился къ Пузатому Пацюку.

Этотъ Пузатый Пацюкъ былъ точно когда-то запорожцемъ; но выгнали его, или онъ самъ убѣжалъ изъ Запорожья, этого никто не зналъ. Давно уже, лѣтъ десять, а можетъ, и пятнадцать, какъ онъ жилъ въ Диканькѣ. Сначала онъ жилъ, какъ настоящій запорожецъ: ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей и выпивалъ за однимъ разомъ почти по цѣлому ведру; впрочемъ, было гдѣ и помѣститься, потому что Пацюкъ, несмотря на небольшой ростъ, въ ширину былъ довольно увѣсистъ. Притомъ же шаровары, которыя носилъ онъ, были такъ широки, что какой бы большой ни сдѣлалъ онъ шагъ, ногъ совершенно не было замѣтно, и казалось, винокуренная кадь двигалась по улицѣ. Можетъ быть, это самое подало поводъ прозвать его Пузатымъ. Не прошло нѣсколькихъ недѣль послѣ прибытія его въ село, какъ всѣ уже узнали, что онъ знахарь. Бывалъ ли кто боленъ чѣмъ, тотчасъ призывалъ Пацюка;

а Пацюку стоило только пошептать нѣсколько словъ, и недугъ какъ будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшійся дворянинъ подавился рыбьей костью, Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отправлялась куда ей слѣдуетъ, не причинивъ никакого вреда дворянскому горлу. Въ послѣднее время его рѣдко видали гдѣ-нибудь. Причиною этому была, можетъ быть, лѣнь, а можетъ и то, что пролѣзать въ двери дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе. Тогда міряне должны были отправляться къ нему сами, если имѣли въ немъ нужду.

Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь и увидѣлъ Пацюка, сидѣвшаго на полу, по-турецки, передъ небольшою кадушкою, на которой стояла миска съ галушками. Эта миска стояла, какъ нарочно, наравнѣ съ его ртомъ. Не подвинувшись ни однимъ пальцемъ, онъ наклонилъ слегка голову къ мискѣ и хлебалъ жижу, схватывая по временамъ зубами галушки.

„Нѣтъ, этотъ,—подумалъ Вакула про себя,—еще лѣнивѣе Чуба: тотъ, по крайней мѣрѣ, ѣстъ ложкою, а этотъ и руки не хочетъ поднять!“

Пацюкъ, вѣрно, крѣпко занятъ былъ галушками, потому что, казалось, совсѣмъ не замѣтилъ прихода кузнеца, который, едва ступивши на порогъ, отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

— Я къ твоей милости пришелъ, Пацюкъ!—сказалъ Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюкъ поднялъ голову и снова началъ хлебать галушки.

— Ты, говорятъ, не во гнѣвъ будь сказано...—сказалъ, собираясь съ духомъ, кузнецъ,—я веду объ этомъ рѣчь не для того, чтобы тебѣ нанесть какую обиду,—приходишься немного сродни чорту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумавъ, что выразился все еще напрямикъ и мало смягчилъ крѣпкія слова, и ожидая, что Пацюкъ, схвативши кадушку вмѣстѣ съ мискою, пошлетъ ему прямо въ голову, отсторонился немного и закрылся рукавомъ, чтобы горячая жижа съ галушекъ не обрызгала ему лица.

Но Пацюкъ взглянулъ и снова началъ хлебать галушки.

Ободренный кузнецъ рѣшился продолжать.

— Къ тебѣ пришелъ, Пацюкъ. Дай Боже тебѣ всего, добра всякаго въ довольствіи, хлѣба въ пропорціи!—(Кузнецъ иногда умѣлъ ввернуть модное слово: въ томъ онъ понаторѣлъ въ бытность еще въ Полтавѣ, когда размалевывалъ сотнику дощатый заборъ).—Пропадать приходится мнѣ, грѣшному! Ничто не поможетъ мнѣ на свѣтѣ! Что будетъ, то будетъ. Приходится просить помощи у самого чорта. Что-жъ, Пацюкъ, — произнесъ кузнецъ, видя неизмѣнное его молчаніе. — Какъ мнѣ быть?

— Когда нужно чорта, то и ступай къ чорту!—отвѣчалъ Пацюкъ, не подымая на него глазъ и продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришелъ къ тебѣ,—отвѣчалъ кузнецъ, отвѣшивая поклонъ,—кромѣ тебя, думаю, никто на свѣтѣ не знаетъ къ нему дороги.

Пацюкъ ни слова и доѣдалъ остальныя галушки.

— Сдѣлай милость, человѣкъ добрый, не откажи!—наступалъ кузнецъ.—Свинины ли, колбасъ, муки гречневой, ну, полотна, пшена или иного прочаго, въ случаѣ потребности... какъ обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Разскажи хоть, какъ, примѣрно сказать, попасть на дорогу къ нему?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого чортъ за плечами,—произнесъ равнодушно Пацюкъ, не измѣняя своего положенія.

Вакула уставилъ въ него глаза, какъ будто бы на лбу его написано было изъясненіе этихъ словъ.

— Что онъ говоритъ? — безмолвно спрашивала его мина, а полуотверстый ротъ готовился проглотить, какъ галушку, первое слово.

Но Пацюкъ молчалъ.

Тутъ замѣтилъ Вакула, что ни галушекъ, ни кадушки передъ нимъ не было; но вмѣсто того на полу стояли двѣ деревянныя миски: одна была наполнена варениками, другая сметаною. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья.

„Посмотримъ, — говорилъ онъ самъ себѣ,—какъ будетъ ѣсть Пацюкъ вареники. Наклоняться онъ, вѣрно, не захочетъ, чтобы хлебать, какъ галушки, да и нельзя: нужно варенику сперва обмакнуть въ сметану“.

Только что онъ успѣлъ это подумать, Пацюкъ разинулъ ротъ, поглядѣлъ на вареники и еще сильнѣе разинулъ ротъ. Въ это время вареникъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъ разъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ съѣлъ и снова разинулъ ротъ, и вареникъ такимъ же порядкомъ отправился снова. На себя только принималъ онъ трудъ жевать и проглатывать.

„Вишь, какое диво! — подумалъ кузнецъ, разинувъ отъ удивленія ротъ, и тотъ же часъ замѣтилъ, что вареникъ лѣзетъ и къ нему въ ротъ и уже вымазалъ ротъ сметаною. Оттолкнувши вареникъ и вытерши губы, кузнецъ началъ размышлять о томъ, какія чудеса бываютъ на свѣтѣ и до какихъ мудростей доводитъ чело-

вѣка нечистая сила, замѣчая притомъ, что одинъ только Пацюкъ можетъ помочь ему.

„Поклонюсь ему еще, пусть застолкуетъ хорошенько... Однако, что за чортъ! Вѣдь сегодня *голодная кутья*, а онъ ѣстъ вареники, вареники скоромные! Что я, въ самомъ дѣлѣ, за дуракъ: стою тутъ и грѣха набираюсь! Назадъ!...“ — И набожный кузнецъ опрометью выбѣжалъ изъ хаты.

Однакожъ, чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ и заранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобы ушла изъ рукъ его такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и сѣлъ верхомъ ему на шею.

Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца; испугавшись и поблѣднѣвъ, не зналъ онъ, что дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему въ правое ухо, сказалъ:

— Это я, твой другъ; все сдѣлаю для товарища и друга! Денегъ дамъ, сколько хочешь, — пискнулъ онъ ему въ лѣвое ухо. — Оксана будетъ сегодня же наша,—шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо. Кузнецъ стоялъ, размышляя.

— Изволь,—сказалъ онъ, наконецъ,—за такую цѣну готовъ быть твоимъ!

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шеѣ кузнеца.

„Теперь-то попался кузнецъ! — думалъ онъ про себя,—теперь-то вымещу я на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей! Что теперь скажутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожнѣйшій изъ всего села человѣкъ въ моихъ рукахъ?“

Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши, какъ будутъ дразнить въ аду все хвостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромой чортъ, считавшійся между ними первымъ на выдумки.

— Ну, Вакула!—пропищалъ чортъ, все такъ же не слѣзая съ шеи, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ, — ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлаютъ.

— Я готовъ!—сказалъ кузнецъ.—У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманѣ гвоздь!

Тутъ онъ заложилъ назадъ руку — и хвать чорта за хвостъ.

— Вишь, какой шутникъ!—закричалъ, смѣясь, чортъ,—ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчикъ!—закричалъ кузнецъ.— А вотъ это какъ тебѣ покажется? — При этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался такъ тихъ, какъ ягненокъ.—Постой же, — сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю,— будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ.

Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія.

— Помилуй, Вакула! — жалобно простоналъ чортъ,—все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаянье: не клади на меня страшнаго креста!

— А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Вези меня сей же часъ на себѣ! Слышишь? Да несись, какъ птица!

— Куда?—произнесъ печальный чортъ.

— Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ! — И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странныхъ рѣчахъ кузнеца. Уже внутри ея что-то говорило, что она слишкомъ жестоко поступила съ нимъ.— Что если онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшится на что-нибудь страшное! Чего добраго! Можетъ быть, онъ съ горя вздумаетъ влюбиться въ другую и съ досады станетъ называть ее первою красавицею на селѣ? Но нѣтъ, онъ меня любитъ. Я такъ хороша! Онъ меня ни за что не промѣняетъ; онъ шалитъ, прикидывается. Не пройдетъ минутъ десяти, какъ онъ, вѣрно, придетъ поглядѣть на меня. Я, въ самомъ дѣлѣ, сурова. Нужно ему дать, какъ будто нехотя, поцѣловать себя. То-то онъ обрадуется! — И вѣтреная красавица уже шутила со своими подругами.

— Постойте,—сказала одна изъ нихъ,—кузнецъ позабылъ мѣшки свои; смотрите, какіе страшные мѣшки! Онъ не по нашему наколядовалъ; я думаю, сюда по цѣлой четверти сала кидали, а колбасамъ и хлѣбамъ, вѣрно, счету нѣтъ. Роскошь! цѣлые праздники можно объѣдаться.

— Это кузнецовы мѣшки!—подхватила Оксана, — утащимъ скорѣе ихъ хоть ко мнѣ въ хату и разглядимъ хорошенько, что онъ сюда наклалъ.

Всѣ со смѣхомъ одобрили такое предложеніе.

— Но мы не поднимемъ ихъ!—закричала вся толпа вдругъ, силясь сдвинуть мѣшки.

— Постойте, — сказала Оксана, — побѣжимъ скорѣе за санками и отвеземъ на санкахъ!

И толпа побѣжала за санками.

Плѣнникамъ сильно прискучило сидѣть въ мѣшкахъ, несмотря на то, что дьякъ проткнулъ для себя пальцемъ порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, можетъ быть, онъ нашелъ бы средство и вылѣзть; но вылѣзть изъ мѣшка при всѣхъ, показать себя на смѣхъ... это удерживало его, и онъ рѣшился ждать, слегка только покряхтывая подъ невѣжливыми сапогами Чуба. Чубъ самъ не менѣе желалъ свободы, чувствуя,

И вдругъ заблестѣлъ передъ ними Петербургъ...

что подъ нимъ лежитъ что-то такое, на чемъ сидѣть страхъ было неловко. Но, какъ скоро услышалъ рѣшеніе своей дочери, успокоился и не хотѣлъ уже вылѣзть, разсуждая, что къ хатѣ своей нужно пройти, по крайней мѣрѣ, шаговъ съ сотню, а, можетъ быть, и другую; вылѣзши же, нужно оправиться, застегнуть кожухъ, подвязать поясъ — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дѣвчата довезутъ на санкахъ.

Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Чубъ. Въ то время, когда дѣвчата убѣжали за санками, худощавый кумъ выходилъ изъ шинка разстроенный и не въ духѣ. Шинкарка никакимъ образомъ не рѣшалась ему вѣрить въ долгъ. Онъ хотѣлъ-было дожидаться въ шинкѣ, авось-либо придетъ какой-нибудь набожный дворянинъ и попотчуетъ его; но, какъ нарочно, всѣ дворяне оставались дома и, какъ честные христіане, ѣли кутью посреди своихъ домашнихъ. Размышляя о развращеніи нравовъ и о деревянномъ сердцѣ жидовки, продающей вино, кумъ набрелъ на мѣшки и остановился въ изумленіи.

— Вишь, какіе мѣшки кто-то бросилъ на дорогѣ!— сказалъ онъ, осматриваясь по сторонамъ. — Должно-быть, тутъ и свинина есть. Полѣ ло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экіе страшные мѣшки! Положимъ, что они набиты гречаниками да корками, и то *добре*; хотя бы были тутъ одни паляницы, и то *въ шмакъ*: жидовка за каждую паляницу даетъ осьмуху водки. Утащить скорѣе, чтобы кто не увидѣлъ.

Тутъ взвалилъ онъ себѣ на плечи мѣшокъ съ Чубомъ и дьякомъ, но почувствовалъ, что онъ слишкомъ тяжелъ.

— Нѣтъ, одному будетъ тяжело несть,—проговорилъ онъ.—А вотъ, какъ нарочно, идетъ ткачъ Шапуваленко. Здравствуй, Остапъ!

— Здравствуй, — сказалъ, остановившись, ткачъ.

— Куда идешь?

— А такъ; иду, куда ноги идутъ.

— Помоги, человѣкъ добрый, мѣшки снесть! Кто-то колядовалъ, да и кинулъ посереди дороги. Добромъ раздѣлимся пополамъ.

— Мѣшки? а съ чѣмъ мѣшки, — съ книшами или паляницами?

— Да, думаю, всего есть.

Тутъ выдернули они наскоро изъ плетня палки, положили на нихъ мѣшокъ и понесли на плечахъ.

— Куда-жъ мы понесемъ его? въ шинокъ?— спросилъ дорогою ткачъ.

— Оно бы и я такъ думалъ, чтобы въ шинокъ; да вѣдь проклятая жидовка не повѣритъ, подумаетъ еще, что гдѣ-нибудь украли; къ тому же я только-что изъ шинка. Мы отнесемъ его въ мою хату. Намъ никто не помѣшаетъ: жинки нѣтъ дома.

— Да точно ли ея нѣтъ дома?—спросилъ осторожный ткачъ.

— Слава Богу, мы не совсѣмъ еще безъ ума,—сказалъ кумъ,—чортъ ли бы принесъ меня туда, гдѣ она. Она, думаю, протаскается съ бабами до свѣта.

— Кто тамъ?—закричала кумова жена, услышавъ шумъ въ сѣняхъ, произведенный приходомъ двухъ пріятелей съ мѣшкомъ, и отворяя дверь хаты.

Кумъ остолбенѣлъ.

— Вотъ тебѣ на!—произнесъ ткачъ, опустя руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, какихъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ и ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и зажиточныхъ старухъ, хвалила и ѣла съ большимъ аппетитомъ и дралась только по утрамъ со своимъ мужемъ, потому что въ это только время и видѣла его иногда. Хата ихъ была вдвое старѣе шароваръ волостного писаря; крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была безъ соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякій, выходившій изъ дому, никогда не бралъ палки для собакъ, въ надеждѣ, что будетъ проходить мимо кумова огорода и выдернетъ любую изъ его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нѣжная супруга у добрыхъ людей, прятала какъ можно подалѣе отъ своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если только онъ не успѣвалъ ее пропить въ шинкѣ. Кумъ, несмотря на всегдашнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей, и оттого почти всегда уходилъ изъ дому съ фонарями подъ обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась разсказывать старушкамъ о безчинствѣ своего мужа и о претерпѣнныхъ ею отъ него побояхъ.

Теперь можно себѣ представить, какъ были озадачены ткачъ и кумъ такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Опустивши мѣшокъ, они заступили его собою и закрыли полами, но уже было поздно: кумова жена, хотя и дурно видѣла старыми глазами, однако-жъ мѣшокъ замѣтила.

— Вотъ это хорошо!—сказала она съ такимъ видомъ, въ которомъ замѣтна была радость ястреба.—Это хорошо, что наколядовали столько! Вотъ такъ всегда дѣлаютъ добрые люди; только нѣтъ, я думаю, гдѣ-нибудь подцѣпили. Покажите мнѣ сейчасъ, слышите, покажите сей же часъ мѣшокъ вашъ!

— Лысый чортъ тебѣ покажетъ, а не мы,— сказалъ, пріосанясь, кумъ.

— Тебѣ какое дѣло? — сказалъ ткачъ, — мы наколядовали, а не ты.

— Нѣтъ, ты мнѣ покажешь, негодный пьяница!—вскричала жена, ударивъ высокаго кума кулакомъ въ подбородокъ и продираясь къ мѣшку.

Но ткачъ и кумъ мужественно отстояли мѣшокъ и заставили ее попятиться назадъ. Не успѣли они оправиться, какъ супруга выбѣжала въ сѣни уже съ кочергою въ рукахъ. Проворно хватила кочергою мужа по рукамъ, ткача по спинѣ и уже стояла возлѣ мѣшка.

— Что мы допустили ее? — сказалъ ткачъ, очнувшись.

— Э, что мы допустили! А отчего ты допустилъ?—сказалъ хладнокровно кумъ.

— У васъ кочерга, видно, желѣзная! — сказалъ послѣ небольшого молчанія ткачъ, почесывая спину.—Моя жинка купила прошлый годъ на ярмаркѣ кочергу, дала пивкопы: та ничего... не больно...

Между тѣмъ, торжествующая супруга, поставивъ на полъ каганецъ, развязала мѣшокъ и заглянула въ него.

Но, вѣрно, старые глаза ея, которые такъ хорошо увидѣли мѣшокъ, на этотъ разъ обманулись.

— Э, да тутъ лежитъ цѣлый кабанъ!—вскрикнула она, всплеснувъ отъ радости въ ладоши.

— Кабанъ! Слышишь: цѣлый кабанъ! — толкалъ ткачъ кума,—а все ты виноватъ!

— Что-жъ дѣлать!—произнесъ, пожимая плечами, кумъ.

— Какъ что? чего мы стоимъ? Отнимемъ мѣшокъ! Ну, приступай!

— Пошла прочь! пошла! Это нашъ кабанъ!—кричалъ, выступая, ткачъ.

— Ступай, ступай, чортова баба! Это не твое добро!—говорилъ, приближаясь, кумъ.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чубъ въ это время вылѣзъ изъ мѣшка и сталъ посереди сѣней, потягиваясь, какъ человѣкъ, только-что пробудившійся отъ долгаго сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши объ полы руками, и всѣ невольно разинули рты.

— Что-жъ она, дура, говоритъ: кабанъ! Это не кабанъ!—сказалъ кумъ, выпучивъ глаза.

— Вишь, какого человѣка кинуло въ мѣшокъ! — сказалъ ткачъ, пятясь отъ испугу.— Хоть, что хочешь, говори, хоть тресни, а не обошлось безъ нечистой силы. Вѣдь онъ не пролѣзетъ въ окошко!

— Это кумъ!—вскрикнулъ, вглядѣвшись, кумъ.

— А ты думалъ кто?—сказалъ Чубъ, усмѣхаясь.—Что, славную я выкинулъ надъ вами штуку? А вы, небось, хотѣли меня съѣсть вмѣсто свинины? Постойте же, я васъ порадую: въ мѣшкѣ лежитъ еще что-то, если не кабанъ, то павѣрно поросенокъ или иная живность. Подо мною безпрестанно что-то шевелилось.

Ткачъ и кумъ кинулись къ мѣшку, хозяйка дома уцѣпилась съ противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы самъ дьякъ, увидѣвши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался изъ мѣшка.

Кумова жена, остолбенѣвъ, выпустила изъ рукъ ногу, за которую начала было тянуть дьяка изъ мѣшка.

— Вотъ и другой еще!—вскрикнулъ со страхомъ ткачъ.—Чортъ знаетъ, какъ стало на свѣтѣ... Голова идетъ кругомъ... Не колбасъ и не паляницъ, а людей кидаютъ въ мѣшки!

— Это дьякъ!—произнесъ, изумившійся болѣе всѣхъ, Чубъ.—Вотъ тебѣ на! ай да Солоха! Посадить въ мѣшокъ... То-то я гляжу, у нея полная хата мѣшковъ... Теперь я все знаю: у нея въ каждомъ мѣшкѣ сидѣло по два человѣка. А я думалъ, что она только мнѣ одному... Вотъ тебѣ и Солоха!

Дѣвушки немного удивились, не найдя одного мѣшка.

— Нечего дѣлать, будетъ съ насъ и этого,— лепетала Оксана.

Всѣ принялись за мѣшокъ и взвалили его на санки.

Голова рѣшился молчать, разсуждая, что если онъ закричитъ, чтобы его выпустили и развязали мѣшокъ, глупыя дѣвчата разбѣгутся: подумаютъ, что въ мѣшкѣ сидитъ дьяволъ,—и онъ останется на улицѣ, можетъ быть, до завтра.

Дѣвушки, между тѣмъ дружно взявшись за руки, полетѣли, какъ вихорь, съ санками по скрипучему снѣгу. Многія изъ нихъ, шаля, садились на санки; другія взбирались даже на самого голову. Голова рѣшился сносить все.

Наконецъ, пріѣхали, отворили настежь двери въ сѣняхъ и хатѣ и съ хохотомъ втащили мѣшокъ.

— Посмотримъ, что-то лежитъ тутъ,—закричали всѣ, бросившись развязывать.

Тутъ икота, которая не переставала мучить голову во все время сидѣнія его въ мѣшкѣ, такъ усилилась, что онъ началъ икать и кашлять во все горло.

— Ахъ, тутъ сидитъ кто-то!—закричали всѣ и въ испугѣ бросились вонъ изъ дверей.

— Что за чортъ! куда вы мечетесь, какъ угорѣлыя?—сказалъ, входя въ дверь, Чубъ.

— Ай, батько!—произнесла Оксана:—въ мѣшкѣ сидитъ кто-то!

— Въ мѣшкѣ? Гдѣ вы взяли этотъ мѣшокъ?

— Кузнецъ бросилъ его посереди дороги, — сказали всѣ вдругъ.

„Ну такъ; не говорилъ ли я?...“ — подумалъ про себя Чубъ.

— Чего-жъ вы испугались? посмотримъ. — А ну-ка, чоловиче,—прошу не погнѣвиться, что не называемъ по имени и отчеству,—вылѣзай изъ мѣшка!

Голова вылѣзъ.

— Ахъ!—вскрикнули дѣвушки.

— И голова влѣзъ туда-жъ, — говорилъ про себя Чубъ въ недоумѣніи, мѣряя его съ головы до ногъ.—Вишь какъ!.. Э!..—Болѣе онъ ничего не могъ сказать.

Голова самъ былъ не меньше смущенъ и не зналъ, что начать.—Должно быть, на дворѣ холодно?—сказалъ онъ, обращаясь къ Чубу.

— Морозецъ есть,—отвѣчалъ Чубъ. — А позволь спросить тебя: чѣмъ ты смазываешь свои сапоги, смальцемъ или дегтемъ?—Онъ хотѣлъ не то сказать; онъ хотѣлъ спросить:—какъ ты, голова, залѣзъ въ этотъ мѣшокъ? — но самъ не понималъ, какъ выговорилъ совершенно другое.

— Дегтемъ лучше, — сказалъ голова. — Ну, прощай, Чубъ! — И, нахлобучивъ капелюхи, вышелъ изъ хаты.

— Для чего спросилъ я сдуру, чѣмъ онъ мажетъ сапоги! — произнесъ Чубъ, поглядывая на двери, въ которыя вышелъ голова. — Ай да Солоха! этакого человѣка засадить въ мѣшокъ!.. Вишь, чортова баба! А я дуракъ... Да гдѣ же тотъ проклятый мѣшокъ?

— Я кинула его въ уголъ, тамъ больше ничего нѣтъ,—сказала Оксана.

— Знаю я эти штуки, ничего нѣтъ! Подайте его сюда: тамъ еще одинъ сидитъ! Встряхните его хорошенько... Что, нѣтъ? Вишь, проклятая баба! А поглядѣть на нее—какъ святая, какъ будто и скоромнаго никогда не брала въ ротъ!..

Но оставимъ Чуба изливать на досугѣ свою досаду и возвратимся къ кузнецу, потому что уже на дворѣ, вѣрно, есть часъ девятый.

Сначала страшно показалось Вакулѣ, особливо когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу, и пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ что, если бы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однако-жъ, немного спустя, онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ. [Его забавляло до крайности, какъ чортъ чихалъ и кашлялъ, когда онъ снималъ съ шеи кипарисный крестикъ и подносилъ къ нему. Нарочно поднималъ онъ руку почесать голову, а чортъ, думая, что его собираются крестить, летѣлъ еще быстрѣе]. Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки, какъ клубился въ сторонѣ, облакомъ, цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только-что съѣздила, куда нужно, вѣдьма... Много еще дряни встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него и потомъ снова неслось далѣе и продолжало свое; кузнецъ все летѣлъ, и вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ, весь въ огнѣ. (Тогда была по какому-то случаю иллюминація). Чортъ, перелетѣвъ черезъ шлагбаумъ, оборотился въ коня, и кузнецъ увидѣлъ себя на лихомъ бѣгунѣ середи улицы.

Боже мой! стукъ, громъ, блескъ; по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъэтажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; снѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, унизанными плошками, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, достигая головою трубъ и крышъ.

Съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ дома устремили на него свои безчисленныя огненныя очи и глядѣли. Господь, въ крытыхъ сукномъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать.

„Боже ты мой, сколько тутъ панства!—подумалъ кузнецъ. — Я думаю, каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель, то и засѣдатель! А тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ, когда не городничіе, то вѣрно комиссары, а, можетъ, еще и больше“.—Его слова прерваны были вопросомъ чорта: — Прямо ли ѣхать къ царицѣ?—„Нѣтъ, страшно“,—подумалъ кузнецъ.—Тутъ, гдѣ-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проѣзжали осенью чрезъ Диканьку. Они ѣхали изъ Сѣчи съ бумагами къ царицѣ; все бы таки посовѣтоваться съ ними. Эй, сатана! полѣзай ко мнѣ въ карманъ, да веди къ запорожцамъ!

И чортъ въ одну минуту похудѣлъ и сдѣлался такимъ маленькимъ, что безъ труда влѣзъ къ нему въ карманъ. А Вакула не успѣлъ оглянуться, какъ очутился передъ большимъ домомъ, взошелъ, самъ не зная какъ, на лѣстницу, отворилъ дверь и подался немного назадъ отъ блеска, увидѣвши убранную комнату; но немного обо-

дрился, узнавши тѣхъ самыхъ запорожцевъ, которые проѣзжали черезъ Диканьку, а теперь сидѣли на шелковыхъ диванахъ, поджавши подъ себя намазанные дегтемъ сапоги, и курили самый крѣпкій табакъ, называемый обыкновенно корешками.

— Здравствуйте, панове! Помогай Богъ вамъ, вотъ гдѣ увидѣлись! — сказалъ кузнецъ, подошедши близко и отвѣсивши поклонъ до земли.

— Что тамъ за человѣкъ? — спросилъ сидѣвшій передъ самымъ кузнецомъ другого, сидѣвшаго подалѣе.

— А вы не познали?—сказалъ кузнецъ.—Это я, Вакула, кузнецъ! Когда проѣзжали осенью черезъ Диканьку, то прогостили, дай Боже вамъ всякаго здоро ья и долголѣтія, у меня безъ малаго два дня. И новую шину тогда поставилъ на переднее колесо у вашей кибитки!

— А!—сказалъ тотъ же запорожецъ, — это тотъ самый кузнецъ, который малюетъ важно. Здорово, землякъ! Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?

— А такъ, захотѣлось поглядѣть; говорятъ...

— Что-жъ, землякъ, — сказалъ, пріосанясь, запорожецъ, и желая показать, что онъ можетъ говорить и по-русски,—што, балшой го одъ?

Кузнецъ и себя не хотѣлъ осрамить и показаться новичкомъ, притомъ же, какъ имѣли случай видѣть выше сего, онъ зналъ и самъ грамотный языкъ. — Гобернія знатная! — отвѣчалъ онъ равнодушно, — нечего сказать, домы балшущіе, картины висятъ скрозь важныя. Многіе домы исписаны буквами изъ сусальнаго золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорція!

Запорожцы, услышавши кузнеца, такъ свободно изъясняющагося, вывели заключеніе, очень для него выгодное.

— Послѣ потолкуемъ съ тобою, землякъ, побольше: теперь же мы ѣдемъ сейчасъ до царицы.

— До царицы? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня съ собою!

— Тебя? — произнесъ запорожецъ съ такимъ видомъ, съ какимъ говоритъ дядька четырехлѣтнему своему воспитаннику, который проситъ посадить его на настоящую, на большую лошадь.— Что ты будешь тамъ дѣлать? Нѣтъ, не можно.— При этомъ на лицѣ его выразилась значительная мина.—Мы, братъ, будемъ съ царицею толковать про свое.

— Возьмите!—настаивалъ кузнецъ.—Проси!—шепнулъ онъ тихо чорту, ударивъ кулакомъ по карману.

Не усѣлъ онъ этого сказать, какъ другой запорожецъ проговорилъ:

— Возьмемъ его, въ самомъ дѣлѣ, братцы!

— Пожалуй, возьмемъ!—прибавили другіе.

— Надѣвай же платье такое, какъ и мы.

Кузнецъ схватился натянуть на себя зеленый жупанъ, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошедшій съ позументами человѣкъ сказалъ, что пора ѣхать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда понесся онъ въ огромной каретѣ, качаясь на рессорахъ, когда съ обѣихъ сторонъ мимо его бѣжали назадъ четырехъэтажные дома, и мостовая, гремя, казалось, сама катилась подъ ноги лошадямъ.

„Боже ты мой, какой свѣтъ! — думалъ про себя кузнецъ,—у насъ днемъ не бываетъ такъ свѣтло“.

Кареты остановились передъ дворцомъ. Запорожцы вышли, вступили въ великолѣпныя сѣни и начали подыматься на блистательно-освѣщенную лѣстницу.

— Что за лѣстница!—шепталъ про себя кузнецъ: — жаль нога и топтать. Экія украшенія! Вотъ, говорятъ: лгутъ сказки! Кой чортъ лгутъ! Боже ты мой! что за перила! Какая работа! Тутъ одного желѣза рублей на пятьдесятъ пошло!

Уже взобравшись на лѣстницу, запорожцы прошли первую залу. Робко слѣдовалъ за ними кузнецъ, опасаясь на каждомъ шагу поскользнуться на паркетѣ. Прошли три залы, кузнецъ все еще не переставалъ удивляться. Вступивши въ четвертую, онъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ.

— Что за картина! что за чудная живопись!—разсуждалъ онъ.—Вотъ, кажется, говоритъ! кажется, живая! А Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное! А краски! Б же ты мой, какія краски! Тутъ вохры, я думаю, и на копѣйку не пошло, все ярь да баканъ. А голубая такъ и горитъ! Важная работа! Должно быть, грунтъ наведенъ былъ самымъ дорогимъ блейвасомъ. Сколь, однако-жъ, ни удивительно сіе маленіе, но эта мѣдная ручка,—продолжалъ онъ, подходя къ двери и щупая замокъ,—еще большаго достойна удивленія. Экъ, какая чистая выдѣлка! Это все, я думаю, нѣмецкіе кузнецы, за самыя дорогія цѣны, дѣлали...

Можетъ быть, долго еще бы разсуждалъ кузнецъ, если бы лакей съ галунами не толкнулъ его подъ руку и не напомнилъ, чтобы онъ не отставалъ отъ другихъ. Запорожцы прошли еще двѣ залы и остановились. Тутъ велѣно имъ было дожидаться. Въ залѣ толпилось нѣсколько генераловъ въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Запорожцы поклонились на всѣ стороны и стали въ кучу.

Минуту спустя, вошелъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты, величественнаго роста, довольно плотный человѣкъ въ гетьманскомъ мундирѣ, въ желтыхъ сапожкахъ. Волосы на немъ были растро-

паны, одинъ глазъ немного кривъ, на лицѣ изображалась какая-то надменная величавость, во всѣхъ движеніяхъ видна была привычка повелѣвать. Всѣ генералы, которые расхаживали довольно спѣсиво въ золотыхъ мундирахъ, засуетились и съ низкими поклонами, казалось, ловили каждое его слово и даже малѣйшее движеніе, чтобы сейчасъ летѣть выполнять его. Но гетманъ не обратилъ даже и вниманія на все это, едва кивнулъ головою и подошелъ къ запорожцамъ.

Запорожцы всѣ отвѣсили поклонъ въ ноги.

— Всѣ ли вы здѣсь? — спросилъ онъ протяжно, произнося слова немного въ носъ.

— *Та всѣ, батько!* — отвѣчали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудьте говорить такъ, какъ я васъ училъ!

— Нѣтъ, батько, не позабудемъ.

— Это царь? — спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ

— Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ, — отвѣчалъ тотъ.

Въ другой комнатѣ послышались голоса, и кузнецъ не зналъ, куда дѣть свои глаза отъ множества вошедшихъ дамъ, въ атласныхъ платьяхъ, съ длинными хвостами, и придворныхъ въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и съ пучками назади. Онъ только видѣлъ одинъ блескъ и больше ничего.

Запорожцы вдругъ всѣ пали на землю и закричали въ одинъ голосъ: — Помилуй, мамо! помилуй!

Кузнецъ, не видя ничего, растянулся и самъ, со всемъ усердіемъ, на полу.

— Встаньте! — прозвучалъ надъ ними повелительный и вмѣстѣ пріятный голосъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ засуетились и толкали запорожцевъ.

— Не встанемъ, мамо! не встанемъ! Умремъ, а не встанемъ! — кричали запорожцы.

Потемкинъ кусалъ себѣ губы; наконецъ, подошелъ самъ и повелительно шепнулъ одному изъ запорожцевъ Запорожцы поднялись.

Тутъ осмѣлился и кузнецъ поднять голову и увидѣлъ стоявшую передъ собою небольшого роста женщину, нѣсколько даже дородную, напудренную, съ голубыми глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно-улыбающимся видомъ, который такъ умѣлъ покорять себѣ все и могъ только принадлежать одной царствующей женщинѣ.

— Свѣтлѣйшій обѣщалъ меня познакомить сегодня съ моимъ народомъ, котораго я до сихъ поръ еще не видала, — говорила дама съ голубыми глазами, разсматривая съ любопытствомъ запорожцевъ. — Хорошо ли васъ здѣсь содержатъ? — продолжала она, подходя ближе.

— *Та спасиби, мамо!* Провіянтъ даютъ хорошій, хотя бараны здѣшніе совсѣмъ не то, что у насъ на Запорожьи, — почему-жъ не жить какъ-нибудь?..

Потемкинъ поморщился, видя, что запорожцы говорятъ совершенно не то, чему онъ ихъ училъ...

Одинъ изъ запорожцевъ, пріосанясь, выступилъ впередъ: „Помилуй, мамо! Чѣмъ тебя твой вѣрный народъ прогнѣвилъ? Развѣ держали мы руку поганаго татарина; развѣ соглашались въ чемъ-либо съ турчиномъ; развѣ измѣнили тебѣ дѣломъ или помышленіемъ? За что́-жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь *поворотить въ карабинеры;* теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато запорожское войско? Тѣмъ ли, что перевело твою армію черезъ Перекопъ и помогло твоимъ енераламъ порубать крымцевъ?..“

Потемкинъ молчалъ и небрежно чистилъ небольшою щеточкою свои брилліанты, которыми были унизаны его руки.

— Чего же хотите вы? — заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

— Теперь пора! царица спрашиваетъ, чего хотите! — сказалъ самъ себѣ кузнецъ и вдругъ повалился на землю.

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не во гнѣвъ будь сказано вашей царской милости, сдѣланы черевички, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, ни одинъ швецъ, ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ, не сумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что если бы моя жинка надѣла такіе черевики!

Государыня засмѣялась. Придворные засмѣялись тоже. Потемкинъ и хмурился, и улыбался вмѣстѣ. Запорожцы начали толкать подъ руку кузнеца, думая, не съ ума ли онъ сошелъ.

— Встань! — сказала ласково государыня. — Если такъ тебѣ хочется имѣть такіе башмаки, то это не трудно сдѣлать. Принесите ему сей же часъ башмаки самые дорогіе, съ золотомъ! Право, мнѣ очень нравится это простодушіе! Вотъ вамъ, — продолжала государыня, устремивъ глаза на стоявшаго подалѣе отъ другихъ господина, съ полнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, котораго скромный кафтанъ съ большими перламутровыми пуговицами показывалъ, что онъ не принадлежалъ къ числу придворныхъ, — предметъ, достойный остроумнаго пера вашего!

— Вы, ваше императорское величество, слишкомъ милостивы. Тутъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, Лафонтенъ! — отвѣчалъ, поклонясь, человѣкъ съ перламутровыми пуговицами.

— По чести скажу вамъ: я до сихъ поръ безъ

памяти отъ вашего „Бригадира“. Вы удивительно хорошо читаете! Однако-жъ,—продолжала государыня, обращаясь снова къ запорожцамъ,—я слышала, что на Сѣчѣ у васъ никогда не женятся.

— *Якъ же, мамо!* Вѣдь человѣку, сама знаешь, безъ жинки нельзя жить,—отвѣчалъ тотъ самый запорожецъ, который разговаривалъ съ кузнецомъ, и кузнецъ удивился, слыша, что этотъ запорожецъ, зная такъ хорошо грамотный языкъ, говоритъ съ царицею, какъ будто нарочно, самымъ грубымъ, обыкновенно называемымъ мужицкимъ нарѣчіемъ.—Хитрый народъ!—подумалъ онъ самъ въ себѣ,—вѣрно не даромъ онъ это дѣлаетъ.

— Мы не чернецы,—продолжалъ запорожецъ,—а люди грѣшные. Падки, какъ и все честное христіанство, до скоромнаго. Есть у насъ не мало такихъ, которые имѣютъ женъ, только не живутъ съ ними на Сѣчѣ. Есть такіе, что имѣютъ женъ въ Украйнѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ и въ Турещинѣ.

Въ это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за украшеніе!—вскрикнулъ онъ радостно, ухвативъ башмаки.—Ваше царское величество! что-жъ, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ, чаятельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ *ковзяться*, какія-жъ должны быть самыя ножки? Думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахара.

Государыня, которая точно имѣла самыя стройныя и прелестныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ запорожскомъ платьѣ могъ почесться красавцемъ, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный такимъ благосклоннымъ вниманіемъ, кузнецъ уже хотѣлъ-было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ одинъ только медъ да сало, и тому подобное; но почувствовавъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока, рѣшился замолчать. И, когда государыня, обратившись къ старикамъ, начала разспрашивать, какъ у нихъ живутъ на Сѣчѣ, какіе обычаи водятся, онъ, отошедши назадъ, нагнулся къ карману, сказалъ тихо: — выноси меня отсюда скорѣй! — и вдругъ очутился за шлагбаумомъ.

— Утонулъ! ей-Богу, утонулъ! Вотъ, чтобы я не сошла съ этого мѣста, если не утонулъ!—лепетала толстая ткачиха, стоя въ кучѣ диканьскихъ бабъ, посреди улицы.

— Что-жъ, развѣ я лгунья какая? Развѣ я у кого-нибудь корову украла? Развѣ я сглазила кого, что ко мнѣ не имѣютъ вѣры?— кричала баба въ козацкой свиткѣ съ фіолетовымъ носомъ, размахивая руками.—Вотъ, чтобы мнѣ воды не захотѣлось пить, если старая Переперчиха не видѣла собственными глазами, какъ повѣсился кузнецъ!

— Кузнецъ повѣсился? Вотъ тебѣ на!—сказалъ голова, выходившій отъ Чуба, остановился и протѣснился ближе къ разговаривавшимъ.

— Скажи лучше, чтобы тебѣ водки не захотѣлось пить, старая пьяница!—отвѣчала ткачиха.—Нужно быть такой сумасшедшей, какъ ты, чтобы повѣситься! Онъ утонулъ! утонулъ въ прорубѣ! Это я такъ знаю, какъ то, что ты была сейчасъ у шинкарки.

— Срамница! вишь, чѣмъ стала попрекать!— гнѣвно возразила баба съ фіолетовымъ носомъ.—Молчала бы, негодница! Развѣ я не знаю, что къ тебѣ дьякъ ходитъ каждый вечеръ.

Ткачиха вспыхнула.

— Что дьякъ? къ кому дьякъ? Что ты врешь?—

— Дьякъ?—пропѣла, тѣснясь къ ссорившимся, дьячиха, въ тулупѣ изъ заячьяго мѣха, крытомъ синею китайкой.—Я дамъ знать дьяка! Кто это говоритъ: дьякъ?

— А вотъ къ кому ходитъ дьякъ! — сказала баба съ фіолетовымъ носомъ, указывая на ткачиху.

— Такъ это ты, сука, — сказала дьячиха, подступая къ ткачихѣ,— такъ это ты, вѣдьма, напускаешь на него туманъ и поишь нечистымъ зельемъ, чтобы ходилъ къ тебѣ?

— Отвяжись отъ меня, сатана! — говорила, пятясь, ткачиха.

— Вишь, проклятая вѣдьма, чтобъ ты не дождалась дѣтей своихъ видѣть! Негодная! Тьфу! — Тутъ дьячиха плюнула прямо въ глаза ткачихѣ.

Ткачиха хотѣла и себѣ сдѣлать то же, но, вмѣсто того, плюнула въ небритую бороду головѣ, который, чтобы лучше все слышать, подобрался къ самымъ спорившимъ.

— А, скверная баба! — закричалъ голова, обтирая полою лицо и поднявши кнутъ. Это движеніе заставило всѣхъ разойтись, съ ругательствами, въ разныя стороны. — Экая мерзость! — повторялъ голова, продолжая обтираться.—Такъ кузнецъ утонулъ! Боже ты мой! А какой важный живописецъ былъ! Какіе ножи крѣпкіе, серпы, плуги умѣлъ выковывать! Что за сила была! Да, — продолжалъ онъ, задумавшись,— такихъ людей мало у насъ на селѣ. То-то я, еще сидя въ проклятомъ мѣшкѣ, замѣчалъ, что бѣдняжка былъ крѣпко не въ духѣ. Вотъ тебѣ и кузнецъ! былъ, а теперь и нѣтъ! А я собирался было подковать свою рябую кобылу!..— И, будучи полонъ такихъ христіанскихъ мыслей, голова тихо побрелъ въ свою хату.

Оксана смутилась, когда до нея дошли такія вѣсти. Она мало вѣрила глазамъ Переперчихи и толкамъ бабъ: она знала, что кузнецъ довольно набоженъ, чтобы рѣшиться погубить свою душу. Но что, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, ушелъ съ намѣреніемъ никогда не возвращаться въ село? А врядъ ли и въ другомъ мѣстѣ найдется такой молодецъ, какъ кузнецъ. Онъ же такъ любилъ ее! Онъ долѣе всѣхъ выносилъ ея капризы... Красавица всю ночь подъ своимъ одѣяломъ поворачивалась съ праваго бока на лѣвый, съ лѣваго на правый, и не могла заснуть. То, разметавшись въ обворожительной наготѣ, которую ночной мракъ скрывалъ даже отъ нея самой, она почти вслухъ бранила себя; то, пріутихнувъ, рѣшалась ни объ чемъ не думать—и все думала. И вся горѣла, и къ утру влюбилась по-уши въ кузнеца.

Чубъ не изъявилъ ни радости, ни печали объ участи Вакулы. Его мысли заняты были однимъ: онъ никакъ не могъ позабыть вѣроломства Солохи и, сонный, не переставалъ бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до свѣта была полна народа. Пожилыя женщины, въ бѣлыхъ намиткахъ, въ бѣлыхъ суконныхъ свиткахъ, набожно крестились у самаго входа церковнаго. Дворянки, въ зеленыхъ и желтыхъ кофтахъ, а иныя даже въ синихъ кунтушахъ, съ золотыми назади усами, стояли впереди ихъ. Дѣвчата, у которыхъ на головахъ намотана была цѣлая лавка лентъ, а на шеѣ монистъ, крестовъ и дукатовъ, старались пробраться еще ближе къ иконостасу. Но впереди всѣхъ стояли дворяне и простые мужики съ усами, съ чубами, съ толстыми шеями и только-что выбритыми подбородками, всѣ большею частію въ кобенякахъ, изъ-подъ которыхъ выказывалась бѣлая, а у иныхъ и синяя свитка. На всѣхъ лицахъ, куда ни взглянь, виденъ былъ праздникъ. Голова заранѣе облизывался, воображая, какъ онъ разговѣется колбасою; дѣвчата помышляли объ томъ, какъ онѣ будутъ *кокзяться* съ хлопцами на льду; старухи усерднѣе, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, какъ козакъ Свербыгузъ клалъ поклоны. Одна только Оксана стояла какъ будто не своя: молилась и не молилась. На сердцѣ у нея столпилось столько разныхъ чувствъ, одно другого досаднѣе, одно другого печальнѣе, что лицо ея выражало одно только сильное смущеніе; слезы дрожали въ глазахъ. Дѣвчата не могли понять этому причины и не подозрѣвали, чтобы виною былъ кузнецъ. Однако-жъ, не одна Оксана была занята кузнецомъ. Всѣ міряне замѣтили, что праздникъ—какъ будто не праздникъ, что какъ будто все чего-то недостаетъ. Какъ на бѣду, дьякъ, послѣ путешествія въ мѣшкѣ, охрипъ и дребезжалъ едва слышнымъ голосомъ; правда, пріѣзжій пѣвчій славно бралъ басомъ, но куда бы лучше было, если бы и кузнецъ былъ, который всегда, бывало, какъ только пѣли „Отче нашъ“ или „Иже херувимы“, всходилъ на крылосъ и выводилъ оттуда тѣмъ же самымъ напѣвомъ, какимъ поютъ и въ Полтавѣ. Къ тому же онъ одинъ исправлялъ должность церковнаго титара. Уже отошла заутреня; послѣ заутрени отошла обѣдня... Куда-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, запропастился кузнецъ?

Еще быстрѣе въ остальное время ночи несся чортъ съ кузнецомъ назадъ и мигомъ очутился Вакула около своей хаты. Въ это время пропѣлъ пѣтухъ.

— Куда? — закричалъ кузнецъ, ухватя за хвостъ хотѣвшаго убѣжать чорта.—Постой, пріятель, еще не все: я еще не поблагодарилъ тебя.

Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара, и бѣдный чортъ принустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только-что выпарилъ засѣдатель. И такъ. вмѣсто того, чтобы провесть, соблазнить и одурачить другихъ, врагъ человѣческаго рода былъ самъ одураченъ.

Послѣ сего Вакула вошелъ въ сѣни, зарылся въ сѣно и проспалъ до обѣда. Проснувшись, онъ испугался, когда увидѣлъ, что солнце уже высоко. „Я проспалъ заутреню и обѣдню!“

Тутъ благочестивый кузнецъ погрузился въ уныніе, разсуждая, что это, вѣрно, Богъ нарочно, въ наказаніе за грѣшное его намѣреніе погубить свою душу, наслалъ сонъ, который не далъ даже ему побывать, въ такой торжественный праздникъ, въ церкви. Но, однако-жъ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ слѣдующую недѣлю исповѣдается въ этомъ попу, и съ нынѣшняго же дня начнетъ бить по пятидесяти поклоновъ цѣлый годъ, заглянулъ онъ въ хату; но въ ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась.

Бережно вынулъ онъ изъ-за пазухи башмаки и снова изумился дорогой работѣ и чудному происшествію минувшей ночи; умылся, одѣлся, какъ можно лучше надѣлъ то самое платье, которое досталъ отъ запорожцевъ, вынулъ изъ сундука новую шапку рѣшетиловскихъ смушекъ съ синимъ верхомъ, которой не надѣвалъ еще ни разу съ того времени, какъ купилъ ее еще въ бытность въ Полтавѣ; вынулъ также новый всѣхъ цвѣтовъ поясъ; положилъ все это вмѣстѣ съ нагайкою въ платокъ и отправился прямо къ Чубу.

Чубъ выпучилъ глаза, когда вошелъ къ нему кузнецъ, и не зналъ, чему дивиться: тому ли, что кузнецъ воскресъ, тому ли, что кузнецъ смѣлъ къ нему придти, или тому, что онъ на-

рядился такимъ щеголемъ и запорожцемъ. Но еще больше изумился онъ, когда Вакула развязалъ платокъ и положилъ передъ нимъ новехонькую шапку и поясъ, какого не видано было на солѣ, а самъ повалился ему въ ноги и проговорилъ умоляющимъ голосомъ:—Помилуй, батько! не гнѣвись! Вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ. Отдаюсь самъ, во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только. Ты-жъ, когда-то, братался съ покойнымъ батькомъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли и магарычъ пили.

Чубъ не безъ тайнаго удовольствія видѣлъ, какъ кузнецъ, который никому на селѣ въ усъ не дулъ, сгибалъ въ рукѣ пятаки и подковы, какъ гречневые блины, тотъ самый кузнецъ лежалъ теперь у ногъ его. Чтобъ еще больше не уронить себя, Чубъ взялъ нагайку и ударилъ ею три раза по спинѣ.—Ну, будетъ съ тебя, вставай! Старыхъ людей всегда слушай! Забудемъ все, что было межъ нами. Ну, теперь говори, чего тебѣ хочется?

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чубъ немного подумалъ, поглядѣлъ на шапку и поясъ: шапка была чудная, поясъ также не уступалъ ей; вспомнилъ о вѣроломной Солохѣ и сказалъ рѣшительно:—*Добре!* присылай сватовъ.

— Ай!—вскрикнула Оксана, переступая черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостью въ него очи.

— Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевики!—сказалъ Вакула, — тѣ самые, которые носитъ царица.

— Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевиковъ!—говорила она, махая руками и не сводя съ него очей,—я и безъ черевиковъ...—Далѣе она не договорила и покраснѣла.

Кузнецъ подошелъ ближе, взялъ ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она такъ чудно хороша. Восхищенный кузнецъ тихо поцѣловалъ ее, и лицо ея пуще загорѣлось, и она стала еще лучше.

Проѣзжалъ черезъ Диканьку блаженной памяти архіерей, хвалилъ мѣсто, на которомъ стоитъ село и, проѣзжая по улицѣ, остановился передъ новою хатою.

— А чья это такая размалеванная хата?—спросилъ преосвященный у стоявшей близъ дверей красивой женщины съ дитятей на рукахъ.

— Кузнеца Вакулы!—сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

— Славно! славная работа!—сказалъ преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна всѣ были обведены кругомъ красною краскою; на дверяхъ же вездѣ были козаки на лошадяхъ, съ трубками въ зубахъ.

Но еще больше похвалилъ преосвященный Вакулу, когда узналъ, что онъ выдержалъ церковное покаяніе и выкрасилъ даромъ весь лѣвый крылосъ зеленою краскою съ красными цвѣтами.

Это, однако-жъ, не все. На стѣнѣ сбоку, какъ войдешь въ церковь, намалевалъ Вакула чорта въ аду, такого гадкаго, что всѣ плевали, когда проходили мимо; а бабы, какъ только расплакивалось у нихъ на рукахъ дитя, подносили его къ картинѣ и говорили: „*онъ бачъ, яка кака намалевана!*“ И дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось къ груди своей матери.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

I.

Шумитъ, гремитъ консцъ Кіева: есаулъ Горобецъ празднуетъ свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ есаулу въ гости. Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться. Пріѣхалъ на гнѣдомъ конѣ с.осмъ и запорожецъ Микитка прямо съ разгульной попойки съ Перешляя-поля, гдѣ поилъ онъ семь дней и семь ночей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ. Пріѣхалъ и названный братъ есаула, Данило Бурульбашъ, съ другого берега Днѣпра, гдѣ, промежъ двумя горами, былъ его хуторъ, съ молодою женою Катериною и съ годовымъ сыномъ. Дивились гости бѣлому лицу пани Катерины, чернымъ, какъ нѣмецкій бархатъ, бровямъ, нарядной сукнѣ и исподницѣ изъ голубого полутабенеку, сапогамъ съ серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ. Всего только годъ жилъ онъ на Задніпровьи, а двадцать одинъ пропадалъ безъ вѣсти и воротился къ дочкѣ своей, когда уже та вышла замужъ и родила сына. Онъ, вѣрно, много наразсказалъ бы дивнаго. Да какъ и не разсказать, бывши такъ долго въ чужой землѣ! Тамъ все не такъ: и люди не тѣ, и церквей Христовыхъ нѣтъ... Но онъ не пріѣхалъ.

Гостямъ поднесли варенуху съ изюмомъ и сливами и на немаломъ блюдѣ коровай. Музыканты принялись за исподку его, испеченную вмѣстѣ съ деньгами и, на время притихнувъ, положили возлѣ себя цимбалы, скрипки и бубны. Между тѣмъ молодицы и дѣвчата, утершись шитыми платками, выступали снова изъ рядовъ своихъ; а парубки, схватившись въ боки, гордо озираясь

Крестъ на могилѣ зашатался и тихо поднялся изъ нея мертвецъ.

на стороны, готовы были понестись имъ навстрѣчу,—какъ старый есаулъ вынесъ двѣ иконы благословить молодыхъ. Тѣ иконы достались ему отъ честнаго схимника, старца Варѳоломея. Не богата на нихъ утварь, не горить ни серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмѣетъ прикоснуться къ тому, у кого онѣ въ домѣ. Приподнявъ иконы вверхъ, есаулъ готовился сказать короткую молитву... какъ вдругъ закричали, перепугавшись, игравшія на землѣ дѣти, а вслѣдъ за ними попятился народъ, и всѣ показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди ихъ козака. Кто онъ таковъ, никто не зналъ. Но уже онъ протанцовалъ на славу козачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его толпу. Когда же есаулъ поднялъ иконы, вдругъ все лицо козака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ козакъ—старикъ.

— Это онъ! это онъ!—кричали въ толпѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу.

— Колдунъ показался снова!—кричали матери, хватая за руки дѣтей своихъ.

Величаво и саповито выступилъ впередъ есаулъ и сказалъ громкимъ голосомъ, выставивъ противъ него иконы:

— Пропади, образъ сатаны! тутъ тебѣ нѣтъ мѣста.—И, зашипѣвъ и щелкнувъ, какъ волкъ, зубами, пропалъ чудный старикъ.

Пошли, пошли и зашумѣли, какъ море въ непогоду, толки и рѣчи между народомъ.

— Что это за колдунъ?—спрашивали молодые и небывалые люди.

— Бѣда будетъ!—говорили старые, качая головами. И вездѣ, по всему широкому подворью есаула, стали собираться въ кучки и слушать исторіи про чуднаго колдуна. Но всѣ почти говорили разно, и навѣрно никто не могъ разсказать про него.

На дворъ выкатили бочку меду и не мало поставили ведеръ грецкаго вина. Все повеселѣло снова. Музыканты грянули,—дѣвчата, молодицы, лихое козачество, въ яркихъ жупанахъ, понеслись. Девяностолѣтнее и столѣтнее старье, подгулявъ, пустилось и себѣ приплясывать, поминая не даромъ пропавшіе годы. Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело во-свояси: много осталось ночевать у есаула на широкомъ дворѣ; а еще больше козачества заснуло само, непрошенное, подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ хлѣва: гдѣ пошатнулась съ хмеля козацкая голова, тамъ и лежитъ и храпитъ на весь Кіевъ.

II.

Тихо свѣтитъ по всему міру: то мѣсяцъ показался изъ-за горы. Будто дамасскою дорогою и бѣлою, какъ снѣгъ, кисеею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чащу сосенъ.

Посереди Днѣпра плылъ дубъ. Сидятъ впереди два хлопца: черныя козацкія шапки на-бекрень, и подъ веслами, какъ будто отъ огнива огонь, летятъ брызги во всѣ стороны.

Отчего не поютъ козаки? Не говорятъ ни о томъ, какъ уже ходятъ по Украйнѣ ксендзы и перекрещиваютъ козацкій народъ въ католиковъ, ни о томъ, какъ два дня билась при Солеиомъ озерѣ орда? Какъ имъ пѣть, какъ говорить про лихія дѣла? Панъ ихъ Данило призадумался, и рукавъ его кармазиннаго жупана опустился изъ дуба и черпаетъ воду, пани ихъ Катерина тихо колышетъ дитя и не сводитъ съ него очей; а на незастланную полотномъ нарядную сукню сѣрою пылью валится вода.

Любо глянуть съ середины Днѣпра на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ—не горы: подошвы у нихъ нѣтъ, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина, и подъ ними и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣсного дѣда. Подъ нею въ водѣ мостся борода, и подъ бородою, и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга—не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій посерединѣ круглое небо; и въ верхней половинѣ, и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяцъ.

Не глядитъ панъ Данило по сторонамъ, глядитъ онъ на молодую жену свою.

— Что, моя молодая жена, моя золотая Катерина, вдалася въ печаль?

— Я не въ печаль вдалася, панъ мой Данило! Меня устрашили чудные разсказы про колдуна. Говорятъ, что онъ родился такимъ страшнымъ... и никто изъ дѣтей сызмала не хотѣлъ играть съ нимъ. Слушай, панъ Данило, какъ страшно говорятъ: что будто ему все чудилось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Встрѣтится ли подъ темный вечеръ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, и ему тотчасъ покажется, что онъ открываетъ ротъ и скалитъ зубы. И на другой день находили мертвымъ того человѣка. Мнѣ чудно, мнѣ страшно было, когда я слушала эти разсказы, — говорила Катерина, вынимая платокъ и вытирая имъ лицо спавшаго на рукахъ дитяти. На платкѣ были вышиты ею краснымъ шелкомъ листья и ягоды.

Панъ Данило ни слова и сталъ поглядывать на темную сторону, гдѣ далеко, изъ-за лѣса, чернѣлъ земляной валъ, изъ-за вала подымался старый замокъ. Надъ бровями разомъ вырѣзались три морщины; лѣвая рука гладила молодецкіе усы.

— Не такъ еще страшно, что колдунъ,—говорилъ онъ,—какъ страшно то, что онъ недобрый гость. Что ему за блажь пришла притащиться сюда? Я слышалъ, что хотятъ ляхи строить какую-то крѣпость, чтобы перерѣзать намъ дорогу къ запорожцамъ. Пусть это правда... Я размечу чертовское гнѣздо, если только пронесется слухъ, что у него какой-нибудь притонъ. Я сожгу стараго колдуна, такъ что и воронамъ нечего будетъ расклевать. Однако-жъ, думаю, онъ не безъ золота и всякаго добра. Вотъ гдѣ живетъ этотъ дьяволъ! Если у него водится золото... Мы сейчасъ будемъ плыть мимо крестовъ—это кладбище! Тутъ гніютъ его нечистые дѣды. Говорятъ, они всѣ готовы были себя продать за денежку сатанѣ и съ душою, и съ ободранными жупанами. Если-жъ у него, точно, есть золото, то мѣшкать нечего теперь: не всегда на войнѣ можно добыть...

— Знаю, что затѣвашь ты: не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго встрѣча съ нимъ. Но ты такъ тяжело дышишь, такъ сурово глядишь, брови твои такъ угрюмо надвинулись на очи!..

— Молчи, баба! — съ сердцемъ сказалъ Данило,—съ вами кто свяжется, самъ станетъ бабой. Хлопецъ, дай мнѣ огня въ люльку! — Тутъ оборотился онъ къ одному изъ гребцовъ, который, выколотивши изъ своей люльки горячую золу, сталъ перекладывать ее въ люльку своего пана.—Пугаетъ меня колдуномъ!—продолжалъ панъ Данило. — Козакъ, слава Богу, ни чертей, ни ксендзовъ не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ. На такъ ли, хлопцы? Наша жена—люлька да острая сабля!

Катерина замолчала, потупивши очи въ сонную воду; а вѣтеръ дергалъ воду рябью, и весь Днѣпръ серебрился, какъ волчья шерсть середи ночи.

Дубъ повернулъ и сталъ держаться лѣсистаго берега. На берегу виднѣлось кладбище: ветхіе кресты толпились въ кучу. Ни калина не растетъ межъ ними, ни трава не зеленѣетъ, только мѣсяцъ грѣетъ ихъ съ небесной вышины.

— Слышите-ли, хлопцы, крики? Кто-то зоветъ насъ на помощь! — сказалъ панъ Данило, оборотясь къ гребцамъ своимъ.

— Мы слышимъ крики, и, кажется, съ той стороны,—разомъ сказали хлопцы, указывая на кладбище.

Но все стихло. Лодка поворотила и стала огибать выдавшійся берегъ. Вдругъ гребцы опустили весла и недвижно уставили очи. Остановился и панъ Данило: страхъ и холодъ прорѣзался въ козацкія жилы.

Крестъ на могилѣ зашатался, и тихо поднялся изъ нея высохшій мертвецъ. Борода до пояса; на пальцахъ когти длинные, еще длиннѣе самыхъ пальцевъ. Тихо поднялъ онъ руки вверхъ. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпѣлъ онъ. „Душно мнѣ! душно!“—простоналъ онъ дикимъ, не человѣчьимъ голосомъ. Голосъ его, будто ножъ, царапалъ сердце, и мертвецъ вдругъ ушелъ подъ землю. Зашатался другой крестъ, и опять вышелъ мертвецъ, еще страшнѣе, еще выше прежняго: весь заросъ; борода по колѣна, и еще длиннѣе костяные когти. Еще диче закричалъ онъ: „душно мнѣ!“ и ушелъ подъ землю. Пошатнулся третій крестъ, поднялся третій мертвецъ. Казалось, однѣ только кости поднялись высоко надъ землею. Борода по самыя пяты; пальцы съ длинными когтями вонзились въ землю. Страшно протянулъ онъ руки вверхъ, какъ будто хотѣлъ достать мѣсяцъ, и закричалъ такъ, какъ будто кто-нибудь сталъ пилить его желтыя кости...

Дитя, спавшее на рукахъ у Катерины, вскрикнуло и пробудилось; сама пани вскрикнула; гребцы пороняли шапки въ Днѣпръ; самъ панъ вздрогнулъ.

Все вдругъ пропало, какъ будто не бывало; однако-жъ, долго хлопцы не брались за весла. Заботливо поглядѣлъ Бурульбашъ на молодую жену, которая въ испугѣ качала на рукахъ кричавшее дитя, прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ въ лобъ.

— Не пугайся, Катерина! Гляди: ничего нѣтъ!—говорилъ онъ, указывая по сторонамъ.—Это колдунъ хочетъ устрашить людей, чтобы никто не добрался до нечистаго гнѣзда его. Бабъ только однѣхъ онъ напугаетъ этимъ! Дай сюда на руки мнѣ сына!

При семъ словѣ поднялъ панъ Данило своего сына вверхъ и поднесъ къ губамъ.

— Что, Иванъ, ты не боишься колдуновъ?—Нѣтъ, говори: „тятя, я козакъ“. — Полно же, перестань плакать! домой пріѣдемъ! Пріѣдемъ домой—мать накормитъ кашею, положитъ тебя спать въ люльку, запоетъ:

Люли, люли, люли!
Люли, сынку, люли!
Да вырастай, вырастай въ забаву!
Козачеству на славу,
Вороженькамъ въ расправу!

— Слушай, Катерина! мнѣ кажется, что отецъ твой не хочетъ жить въ ладу съ нами. Пріѣхалъ угрюмый, суровый, какъ будто сердится... Ну, недоволенъ, — зачѣмъ и пріѣзжать? Не хотѣлъ

вышить за козацкую волю! Не покачалъ на рукахъ дитяти! Сперва было я ему хотѣлъ повѣрить все, что лежитъ на сердцѣ, да не беретъ что-то, и рѣчь заикнулась. Нѣтъ, у него не козацкое сердце! Козацкія сердца, когда встрѣтятся гдѣ, какъ не выбьются изъ груди другъ другу навстрѣчу! Что, мои любые хлощы, скоро берегъ? Ну, шапки я вамъ дамъ новыя. Тебѣ, Стецько, дамъ выложенную бархатомъ съ золотомъ. Я ее снялъ вмѣстѣ съ головою у татарина; весь его снарядъ достался мнѣ; одну только его душу я выпустилъ на волю. Ну, причаливай! Вотъ, Иванъ, мы и пріѣхали, а ты все плачешь! Возьми его, Катерина!

Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломенная кровля: то дѣдовскія хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного козака.

III.

Хуторъ пана Данила между двумя горами въ узкой долинѣ, сбѣгающей къ Днѣпру. Невысокія у него хоромы; хата на видъ, какъ и у простыхъ козаковъ, и въ ней одна свѣтлица; но есть гдѣ помѣститься тамъ и ему, и женѣ его, и старой прислужницѣ, и десяти отборнымъ молодцамъ. Вокругъ стѣнъ вверху идутъ дубовыя полки. Густо на нихъ стоятъ миски, горшки для трапезы. Есть межъ ними и кубки серебряные, и чарки, оправленныя въ золото, дарственныя и добытыя на войнѣ. Ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, копья; волею и неволею перешли они отъ татаръ, турокъ и ляховъ; не мало за то и вызубрены. Глядя на нихъ, панъ Данило какъ будто по значкамъ припоминалъ свои схватки. Подъ стѣною, внизу, дубовыя, гладко вытесанныя лавки; возлѣ нихъ, передъ лежанкою, виситъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо, привинченное къ потолку, люлька. Во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило, на лежанкѣ старая прислужница; въ люлькѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу покотомъ ночуютъ молодцы. Но козаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина нужна: онъ моститъ себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ. Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое засѣянное звѣздами небо и вздрогнуть отъ ночного холода, принесшаго свѣжесть козацкимъ косточкамъ; потягиваясь и бормоча сквозь сонъ, закуриваетъ онъ люльку и закутывается крѣпче въ теплый кожухъ.

Не рано проснулся Бурульбашъ послѣ вчерашняго веселья и, проснувшись, сѣлъ въ углу на лавкѣ и началъ натачивать новую, вымѣнянную имъ, турецкую саблю; а пани Катерина принялась вышивать золотомъ шелковый ручникъ.

Вдругъ вошелъ Катерининъ отецъ, разсерженъ, нахмуренъ, съ заморскою люлькою въ зубахъ, приступилъ къ дочкѣ и сурово сталъ выспрашивать ее, что за причина тому, что такъ поздно воротилась она домой.

— Про эти дѣла, тесть, не ее, а меня спрашивать! Не жена, а мужъ отвѣчаетъ. У насъ уже такъ водится, не погнѣвайся! — говорилъ Данило, не оставляя своего дѣла, — можетъ въ иныхъ невѣрныхъ земляхъ этого не бываетъ, я не знаю.

Краска выступила на суровомъ лицѣ тестя, и очи дико блеснули. — Кому-жъ, какъ не отцу, смотрѣть за своею дочкой! — бормоталъ онъ про себя.—Ну, я тебя спрашиваю: гдѣ таскался до поздней ночи?

— А вотъ это дѣло, дорогой тесть! На это я тебѣ скажу, что я давно уже вышелъ изъ тѣхъ, которыхъ бабы пеленаютъ. Знаю, какъ сидѣть на конѣ; умѣю держать въ рукахъ и саблю острую, еще кое-что умѣю.!. Умѣю никому и отвѣта не давать въ томъ, что дѣлаю.

— Я вижу, Данило, я знаю, ты желаешь ссоры! Кто скрывается, у того, вѣрно, на умѣ недоброе дѣло.

— Думай себѣ, что хочешь, — сказалъ Данило,—думаю и я себѣ. Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ; всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну, не такъ, какъ иные бродяги: таскаются, Богъ знаетъ, гдѣ, когда православные бьются на-смерть, а послѣ нагрянутъ убирать не ими засѣянное жито. На уніатовъ даже не похожи: не загляпутъ въ Божію церковь. Такихъ бы нужно допросить порядкомъ, гдѣ они таскаются.

— Э, козакъ! знаешь ли ты... Я плохо стрѣляю: всего за сто саженъ пуля моя пронизываетъ сердце; я и рублюсь незавидно: отъ человѣка остаются куски мельче крупъ, изъ которыхъ варятъ кашу.

— Я готовъ,—сказалъ панъ Данило, бойко перекрестивши воздухъ саблею, какъ будто зналъ, на что ее выточилъ.

— Данило!—закричала громко Катерина, ухвативши его за руку и повиснувъ на ней,—вспомни, безумный, погляди, на кого ты подымаешь руку! Батько, твои волосы бѣлы, какъ снѣгъ, а ты разгорѣлся, какъ неразумный хлопецъ!

— Жена! — крикнулъ грозно панъ Данило,— ты знаешь, я не люблю этого; вѣдай свое бабье дѣло!

Сабли страшно звукнули; желѣзо рубило же-

лѣзо, и искрами, будто пылью, обсыпали себя козаки. Съ плачемъ ушла Катерина въ особую свѣтлицу, кинулась въ постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельныхъ ударовъ. Но не такъ худо бились козаки, чтобы можно было заглушить ихъ удары. Сердце ея хотѣло разорваться на части; по всему ея тѣлу, слыша а она, какъ проходили звуки: тукъ, тукъ.—Нѣтъ, не вытерплю, не вытерплю... Можетъ, уже алая кровь бьетъ ключомъ изъ бѣлаго тѣла; можетъ, теперь изнемогаетъ мой милый, а я лежу здѣсь! –

И вся блѣдная, едва переводя духъ, вошла въ хату.

Ровно и страшно бились козаки; ни тотъ, ни другой не одолѣваетъ. Вотъ наступаетъ Катеринъ отецъ — подается панъ Данило; наступаетъ панъ Данило — подается суровый отецъ, и опять наравнѣ. Кипятъ. Размахнулись... ухъ! Сабли звенятъ... и, гремя, отлетѣли въ сторону клинки.

— Благодарю Тебя, Боже!—сказала Катерина и вскрикнула снова, когда увидѣла, что козаки взялись за мушкеты. Поправили кремни, взвели курки.

Выстрѣлилъ панъ Данило,—не попалъ. Нацѣлился отецъ... Онъ старъ, онъ видитъ не такъ зорко, какъ молодой, однако-жъ не дрожитъ его рука. Выстрѣлъ загремѣлъ... Пошатнулся панъ Данило; алая кровь выкрасила лѣвый рукавъ козацкаго жупана.

— Нѣтъ! — закричалъ онъ,—я не продамъ такъ дешево себя. Не лѣвая рука, а правая атаманъ. Виситъ у меня на стѣнѣ турецкій пистолетъ: еще ни разу во всю жизнь не измѣнялъ онъ мнѣ. Слѣзай со стѣны, старый товарищъ! покажи другу услугу!—Данило протянулъ руку.

— Данило!—закричала въ отчаяніи, схвативши его за руки и бросившись ему въ ноги, Катерина,—не за себя молю. Мнѣ одинъ конецъ: та недостойная жена, которая живетъ послѣ своего мужа; Днѣпръ, холодный Днѣпръ будетъ мнѣ могилою... Но погляди на сына, Данило! погляди на сына! Кто пригрѣетъ бѣдное дитя? Кто приголубитъ его? Кто выучитъ его летать на ворономъ конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по-козацки? Прокляни, сынъ мой! пропадай! Тебя не хочетъ знать отецъ твой! Гляди, какъ онъ отворачиваетъ лицо свое. О, я теперь знаю тебя! Ты звѣрь, а не человѣкъ! У тебя волчье сердце, а дума лукавой гадины! Я думала, что у тебя капля жалости есть, что въ твоемъ каменномъ тѣлѣ человѣчье чувство горитъ. Безумно же я обманулась. Тебѣ это радость принесетъ. Твои кости станутъ танцовать въ гробѣ съ веселья, когда услышатъ, какъ нечестивые звѣри-ляхи кинутъ въ пламя твоего сына, когда сынъ твой будетъ кричать подъ ножами и окропомъ. О, я знаю тебя! Ты радъ бы изъ гроба встать и раздувать шапкою огонь, взвихрившійся подъ нимъ!

— Постой, Катерина! Ступай, мой ненаглядный Иванъ, я поцѣлую тебя! Нѣтъ, дитя мое, никто не тронетъ волоска твоего. Ты вырастешь на славу отчизны; какъ вихорь, будешь ты летать передъ козаками, съ бархатною шапочкою на головѣ, съ острою саблею въ рукѣ. Дай, отецъ, руку! Забудемъ бывшее между нами! Что сдѣлалъ передъ тобою неправаго — винюсь. Что же ты не даешь руки?—говорилъ Данило отцу Катерины, который стоялъ на одномъ мѣстѣ, не выражая на лицѣ своемъ ни гнѣва, ни примиренія.

— Отецъ! — вскричала Катерина, обнявъ и поцѣловавъ его, — не будь неумолимъ, прости Данила: онъ не огорчитъ больше тебя!

— Для тебя только, моя дочь, прощаю!— отвѣчалъ онъ, поцѣловавъ ее и блеснулъ страшно очами.

Катерина немного вздрогнула: чудень показался ей и поцѣлуй, и странный блескъ очей. Она облокотилась на столъ, на которомъ перевязывалъ раненую свою руку панъ Данило, передумывая, что худо и не по-козацки сдѣлалъ онъ, прося прощенія, когда не былъ ни въ чемъ виноватъ.

IV.

Блеснулъ день, но не солнечный: небо хмурилось, и тонкій дождь сѣялся на поля, на лѣса, и на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и неспокойна:—Мужъ мой милый, мужъ дорогой! чудный мнѣ сонъ снился!

— Какой сонъ, моя любая пани Катерина?

— Снилось мнѣ, чудно, право, и такъ живо, будто наяву, снилось мнѣ, что отецъ мой есть тотъ самый уродъ, котораго мы видѣли у есаула. Но, прошу тебя, не вѣрь сну: какихъ глупостей не привидится! Будто я стояла передъ нимъ, дрожала вся, боялась, и отъ каждаго слова его стонали мои жилы. Если-бъ ты слышалъ, что онъ говорилъ...

— Что онъ говорилъ, моя золотая Катерина?

— Говорило: „Ты посмотри на меня, Катерина, я хорошъ! Люди напрасно говорятъ, что я дуренъ. Я буду тебѣ славнымъ мужемъ. Посмотри, какъ я поглядываю очами!“ Тутъ навелъ онъ на меня огненныя очи, я вскрикнула и пробудилась.

— Да, сны много говорятъ правды. Однако-жъ, знаешь ли ты, что за горою не такъ спокойно? Чуть ли не ляхи стали выглядывать снова. Мнѣ Горобець прислалъ сказать, чтобы я не спалъ; напрасно только онъ заботится: я и безъ того

не сплю. Хлопцы мои въ эту ночь срубили двѣнадцать засѣковъ. Посполитство будемъ угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуютъ и отъ батоговъ.

— А отецъ знаетъ объ этомъ?

— Сидитъ у меня на шеѣ твой отецъ! Я до сихъ поръ разгадать его не могу. Много, вѣрно, онъ грѣховъ надѣлалъ въ чужой землѣ. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, за причина: живетъ около мѣсяца, и хоть бы разъ развеселился, какъ добрый козакъ! Не захотѣлъ выпить меду! Слышишь, Катерина: не захотѣлъ меду выпить, который я вытрусилъ у брестовскихъ жидовъ. Эй, хлопецъ! — крикнулъ панъ Данило,—бѣги, малый, въ погребъ, да принеси жидовскаго меду! Горѣлки даже не пьетъ! Экая пропасть! Мнѣ кажется, пани Катерина, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ. А? какъ тебѣ кажется?

— Богъ знаетъ, что говоришь ты, панъ Данило!

— Чудно, пани!—продолжалъ Данило, принимая глиняную кружку отъ козака, — поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьютъ. Что, Стецько, много хлебнулъ меду въ подвалѣ?

— Попробовалъ только, панъ!

— Лжешь, собачій сынъ! Вишь, какъ мухи напали на усы! Я по глазамъ вижу, что хватилъ съ полведра. Эхъ, козаки! Что за лихой народъ! Все отдать готовъ товарищу, а хмельное высушитъ самъ. Я, пани Катерина, что-то давно уже былъ пьянъ. А?

— Вотъ давно! а въ прошедшій...

— Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вотъ и турецкій игуменъ лѣзетъ въ дверь! — проговорилъ онъ сквозь зубы, увидя тестя, нагнувшагося, чтобъ войти въ дверь.

— А что-жъ это, моя дочь! — сказалъ отецъ, снимая съ головы шапку и поправляя поясъ, на которомъ висѣла сабля съ чудными каменьями, — солнце уже высоко, а у тебя обѣдъ не готовъ!

— Готовъ обѣдъ, панъ отецъ, сейчасъ поставимъ! Вынимай горшокъ съ галушками!—сказала пани Катерина старой прислужницѣ, обтиравшей деревянную посуду.— Постой, лучше я сама выну,—продолжала Катерина,—а ты позови хлопцевъ.

Всѣ сѣли на полу въ кружокъ: противъ покута панъ отецъ, по лѣвую руку панъ Данило, по правую руку пани Катерина и десять наивѣрнѣйшихъ молодцовъ, въ синихъ и желтыхъ жупанахъ.

— Не люблю я этихъ галушекъ! — сказалъ панъ отецъ, немного поѣвши и положивши ложку,— никакого вкуса нѣтъ!

„Знаю, что тебѣ лучше жидовская лапша,— подумалъ про себя Данило“.—Отчего же, тесть,— продолжалъ онъ вслухъ,—ты говоришь, что вкуса нѣтъ въ галушкахъ? Худо сдѣланы, что ли? Моя Катерина такъ дѣластъ галушки, что и гетману рѣдко достаются ѣсть такія. А брезгать ими нечего: это христіанское кушанье! Всѣ святые люди и угодники Божіи ѣдали галушки.

Ни слова отецъ; замолчалъ и панъ Данило.

Подали жареная кабана съ капустою и сливами.—Я не люблю свинины!—сказалъ Катерининъ отецъ, выгребая ложкою капусту.

— Для чего же не любить свинины?—сказалъ Данило,—одни турки и жиды не ѣдятъ свинины.

Еще суровѣе нахмурился отецъ.

Только одну лемишку съ молокомъ и ѣлъ старый отецъ и потянулъ, вмѣсто водки, изъ фляжки, бывшей у него за пазухой, какую-то черную воду.

Пообѣдавши, заснулъ Данило молодецкимъ сномъ и проснулся только около вечера. Сѣлъ и сталъ писать листы въ козацкое войско; а пани Катерина начала качать ногою люльку, сидя на лежанкѣ. Сидитъ панъ Данило, глядитъ лѣвымъ глазомъ на писаніе, а правымъ въ окошко. А изъ окошка далеко блестятъ горы и Днѣпръ; за Днѣпромъ синѣютъ лѣса; мелькаетъ сверху прояснившееся ночное небо. Но не далекимъ небомъ и не синимъ лѣсомъ любуется панъ Данило: глядитъ онъ на выдавшійся мысъ, на которомъ чернѣлъ старый замокъ. Ему почудилось, будто блеснуло въ замкѣ огнемъ узенькое окошко. Но все тихо; это, вѣрно, показалось ему. Слышно только, какъ глухо шумятъ внизу Днѣпръ, и съ трехъ сторонъ, одинъ за другимъ, отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ; онъ, какъ старикъ, ворчитъ и ропщетъ; ему все не мило; все перемѣнилось около него; тихо враждуетъ онъ съ прибрежными горами, лѣсами, лугами и несетъ на нихъ жалобу въ Черное море.

Вотъ по широкому Днѣпру зачернѣла лодка, и въ замкѣ снова какъ-будто блеснуло что-то. Потихоньку свистнулъ Данило, и выбѣжалъ на свистъ вѣрный хлопецъ.—Бери, Стецько, съ собою скорѣе острую саблю да винтовку, да ступай за мною!

— Ты идешь? — спросила пани Катерина.

— Иду, жена. Нужно осмотрѣть всѣ мѣста, все ли въ порядкѣ.

— Мнѣ, однако-жъ, страшно оставаться одной. Меня сонъ такъ и клонитъ; что, если мнѣ приснится то же самое? Я даже не увѣрена, точно ли то сонъ былъ, — такъ это происходило живо.

— Съ тобою старуха остается; а въ сѣняхъ и на дворѣ спятъ козаки!

— Старуха спитъ уже, а козакамъ что-то не вѣрится. Слушай, панъ Данило: замкни меня въ комнатѣ, а ключъ возьми съ собою. Мнѣ тогда

не такъ будетъ страшно; а козаки пусть лягутъ передъ дверями.

— Пусть будетъ такъ! — сказалъ Данило, стирая пыль съ винтовки и насыпая на полку порохъ.

Вѣрный Стецько уже стоялъ одѣтый во всей козацкой сбруѣ. Данило надѣлъ смушевую шапку, закрылъ окошко, задвинулъ засовами дверь, замкнулъ и, промежъ спавшими своими козаками, вышелъ потихоньку изъ двора въ горы.

Небо почти все прочистилось. Свѣжій вѣтеръ чуть-чуть навѣвалъ съ Днѣпра. Если бы не слышно было издали стенанія чайки, то все бы казалось онѣмѣвшимъ. Но вотъ почудился шорохъ... Бурульбашъ съ вѣрнымъ слугою тихо спрятался за терновникъ, прикрывавшій срубленный засѣкъ. Кто-то въ красномъ жупанѣ, съ двумя пистолетами, съ саблею при боку, спускался съ горы.— Это тесть! — проговорилъ панъ Данило, разглядывая его изъ-за куста.—Зачѣмъ и куда ему идти въ эту пору? Стецько, не зѣвай, смотри въ оба глаза, куда возьметъ дорогу панъ отецъ.—Человѣкъ въ красномъ жупанѣ сошелъ на самый берегъ и поворотилъ къ выдававшемуся мысу. —А! вотъ куда!—сказалъ панъ Данило.—Что, Стецько, вѣдь онъ какъ разъ потащился къ колдуну въ дупло?

— Да, вѣрно, не въ другое мѣсто, панъ Данило! иначе мы бы видѣли его на другой сторонѣ; но онъ пропалъ около замка.

— Постой же, вылѣземъ, а потомъ пойдемъ по слѣдамъ. Тутъ что-нибудь да кроется. Нѣтъ, Катерина, я говорилъ тебѣ, что отецъ твой недобрый человѣкъ; не такъ онъ и дѣлалъ все, какъ православный.

Уже мелькнули панъ Данило и его вѣрный хлопецъ на выдавшемся берегу. Вотъ уже ихъ и не видно; непробудный лѣсъ, окружавшій замокъ, спряталъ ихъ. Верхнее окошко тихо засвѣтилось; внизу стоятъ козаки и думаютъ, какъ бы влѣзть имъ: ни воротъ, ни дверей не видно; со двора, вѣрно, есть ходъ; но какъ войти туда? Издали слышно, какъ гремятъ цѣпи и бѣгаютъ собаки.

— Что я думаю долго?—сказалъ панъ Данило, увидя передъ окномъ высокій дубъ,—стой тутъ, малый! Я полѣзу на дубъ: съ него прямо можно глядѣть въ окошко.

Тутъ снялъ онъ съ себя поясъ, бросилъ внизъ саблю, чтобъ не звенѣла, и, ухватясь за вѣтви, поднялся вверхъ. Окошко все еще свѣтилось. Присѣвши на сукъ возлѣ самаго окна, уцѣпился онъ рукою за дерево и глядитъ: въ комнатѣ и свѣчи нѣтъ, а свѣтитъ. По стѣнамъ чудные знаки; виситъ оружіе, но все странное: такого не носятъ ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христіане, ни славный народъ шведскій. Подъ потолкомъ взадъ и впередъ мелькаютъ нетопыри, и тѣнь отъ нихъ мелькаетъ по стѣнамъ, по дверямъ, по помосту. Вотъ отворилась безъ скрипа дверь. Входитъ кто-то въ красномъ жупанѣ и прямо къ столу, накрытому бѣлою скатертью.— „Это онъ, это тесть!“—Панъ Данило опустился немного ниже и прижался крѣпче къ дереву.

Но тестю некогда глядѣть, смотритъ ли кто въ окошко, или нѣтъ. Онъ пришелъ насмуренъ, не въ духѣ, сдернулъ со стола скатерть—и вдругъ по всей комнатѣ тихо разлился прозрачно-голубой свѣтъ; только не смѣшавшіяся волны прежняго блѣдно-золотого переливались, ныряли, словно въ голубомъ морѣ, и тянулись слоями, будто на мраморѣ. Тутъ поставилъ онъ на столъ горшокъ и началъ кидать въ него какія-то травы.

Панъ Данило сталъ вглядываться и не замѣтилъ уже на немъ краснаго жупана; вмѣсто того показались на немъ широкія шаровары, какія носятъ турки; за поясомъ пистолеты; на головѣ какая-то чудная шапка, исписанная вся не русскою и не польскою грамотою. Глянулъ въ лицо—и лицо стало перемѣняться: носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами; ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта, нагнулся на сторону, и сталъ передъ нимъ тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у есаула.— „Правдивъ сонъ твой, Катерина!“—подумалъ Бурульбашъ.

Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстрѣе перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже и совсѣмъ какъ будто потухнулъ. И свѣтлица освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался чудный свѣтъ по всѣмъ угламъ и вдругъ пропалъ, и стала тьма. Слышался только шумъ, будто вѣтеръ въ тихій часъ вечера наигрывалъ, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже въ воду серебряныя ивы. И чудится пану Данилѣ, что въ свѣтлицѣ блеститъ мѣсяцъ, ходятъ звѣзды, неясно мелькаетъ темносинее небо, и холодъ ночного воздуха пахнулъ даже ему въ лицо. И чудится пану Данилѣ (тутъ онъ сталъ щупать себя за усы, не спитъ ли), что уже не небо въ свѣтлицѣ, а его собственная опочивальня: висятъ на стѣнѣ его татарскія и турецкія сабли; около стѣнъ полки, на полкахъ домашняя посуда и утварь; на столѣ хлѣбъ и соль; виситъ люлька... но вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица; на лежанкѣ... но сгустившійся туманъ покрылъ все и стало опять темно. И опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ, и опять стоитъ колдунъ неподвижно въ чудной чалмѣ своей. Звуки стали сильнѣе и гуще,

тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ будто облако, вѣяло посреди хаты; и чудится пану Данилѣ, что облако то не облако, что то стоитъ женщина; только изъ чего она: изъ воздуха, что ли, выткана? Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки? Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею: тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы вьются и падаютъ по плечамъ ея, будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь бѣло-прозрачное утреннее небо льется едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ... Ахъ! это Катерина! Тутъ почувствовалъ Данило, что члены у него оковались; онъ силился говорить, но губы шевелились безъ звука.

Неподвижно стоялъ колдунъ на своемъ мѣстѣ.

— Гдѣ ты была?—спросилъ онъ, и стоявшая передъ нимъ затрепетала.

— О! зачѣмъ ты меня вызвалъ? — тихо простонала она.—Мнѣ было такъ радостно. Я была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родилась и прожила пятнадцать лѣтъ. О, какъ хорошо тамъ! Какъ зеленъ и душистъ тотъ лугъ, гдѣ я играла въ дѣтствѣ! И полевые цвѣточки тѣ же, и хата наша, и огородъ! О, какъ обняла меня добрая мать моя! Какая любовь у ней въ очахъ! Она приголубливала меня, цѣловала въ уста и щеки, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу... Отецъ! — тутъ она вперила въ колдуна блѣдныя очи,—зачѣмъ ты зарѣзалъ мать мою?

Грозно колдунъ погрозилъ пальцемъ.

— Развѣ я тебя просилъ говорить про это?— И воздушная красавица задрожала.—Гдѣ теперь пани твоя?

— Пани моя Катерина теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть мать. Мнѣ вдругъ сдѣлалось пятнадцать лѣтъ; я вся стала легка, какъ птица. Зачѣмъ ты меня вызвалъ?

— Ты помнишь все то, что я говорилъ тебѣ вчера? — спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разслушать.

— Помню, помню; но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! она многаго не знаетъ изъ того, что знаетъ душа ея.

„Это Катеринина душа“,—подумалъ панъ Данило; но все еще не смѣлъ пошевелиться.

— Покайся, отецъ! Не страшно ли, что послѣ каждаго убійства твоего мертвецы поднимаются изъ могилъ?

— Ты опять за старое!—грозно прервалъ колдунъ.—Я поставлю на своемъ, я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина полюбитъ меня!..

— О, ты чудовище, а не отецъ мой! — простонала она.—Нѣтъ, не будетъ по-твоему! Правда, ты взялъ нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить ее; но одинъ только Богъ можетъ заставлять ее дѣлать то, что Ему угодно. Нѣтъ, никогда Катерина, доколѣ я буду держаться въ ея тѣлѣ, не рѣшится на богопротивное дѣло. Отецъ! близокъ страшный судъ! Если-бъ ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не заставилъ меня измѣнить моему любому, вѣрному мужу. Если бы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣренъ и милъ и тогда бы не измѣнила ему, потому что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ душъ.

Тутъ вперила она блѣдныя очи свои въ окошко, подъ которымъ сидѣлъ панъ Данило и неподвижно остановилась...

— Куда ты глядишь? Кого ты тамъ видишь?— закричалъ колдунъ.

Воздушная Катерина задрожала. Но уже панъ Данило былъ давно на землѣ и пробирался съ своимъ вѣрнымъ Стецькомъ въ свои горы.

„Страшно, страшно!“ говорилъ онъ про себя, почувствовавъ какую-то робость въ козацкомъ сердцѣ, и скоро прошелъ дворъ свой, на которомъ такъ же крѣпко спали козаки, кромѣ одного, сидѣвшаго на сторожѣ и курившаго люльку.

Небо все было засѣяно звѣздами.

V.

— Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что разбудилъ меня!—говорила Катерина, протирая очи шитымъ рукавомъ своей сорочки и разглядывая съ ногъ до головы стоявшаго передъ нею мужа. — Какой страшный сонъ мнѣ видѣлся! Какъ тяжело дышала грудь моя! Ухъ!.. Мнѣ казалось, что я умираю...

— Какой же сонъ? Ужь не этотъ ли?—И сталъ Бурульбашъ разсказывать женѣ своей все имъ видѣнное.

— Ты какъ это узналъ, мой мужъ? — спросила, изумившись, Катерина. — Но нѣтъ, многое мнѣ неизвѣстно изъ того, что ты разсказываешь. Нѣтъ, мнѣ не снилось, чтобы отецъ убилъ мать мою; ни мертвецовъ, ничего не видѣлось мнѣ. Нѣтъ, Данило, ты не такъ разсказываешь. Ахъ, какъ страшенъ отецъ мой!

— И не диво, что тебѣ многое не видѣлось. Ты не знаешь и десятой доли того, что знаетъ душа. Знаешь ли, что отецъ твой антихристъ? Еще въ прошломъ году, когда собирался я вмѣстѣ съ ляхами на крымцевъ (тогда еще я держалъ руку этого невѣрнаго народа), мнѣ говорилъ игуменъ Братскаго монастыря (онъ, жена, святой человѣкъ), что антихристъ имѣетъ власть

вызывать душу каждаго человѣка; а душа гуляетъ по своей волѣ, когда заснетъ онъ, и летаетъ вмѣстѣ съ архангелами около Божіей свѣтлицы. Мнѣ съ перваго раза не показалось лицо твоего отца. Если бы я зналъ, что у тебя такой отецъ, я бы не женился на тебѣ; я бы кинулъ тебя и не принялъ бы на душу грѣха, породнившись съ антихристовымъ племенемъ.

— Данило!—сказала Катерина, закрывъ лицо руками и рыдая,—я ли виновна въ чемъ передъ тобою? Я ли измѣнила тебѣ, мой любый мужъ? Чѣмъ же навела на себя гнѣвъ твой? Невѣрно развѣ служила тебѣ? Сказала ли противное слово, когда ты ворочался навеселѣ съ молодецкой пирушки? Тебѣ ли не родила черноброваго сына?..

— Не плачь, Катерина; я тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грѣхи всѣ лежатъ на отцѣ твоемъ.

— Нѣтъ, не называй его отцомъ моимъ! Онъ не отецъ мнѣ. Богъ свидѣтель, я отрекаюсь отъ него, отрекаюсь отъ отца! Онъ антихристъ, богоотступникъ! Пропадай онъ, тони онъ—не подамъ руки спасти его; сохни онъ отъ тайной травы—не подамъ воды напиться ему. Ты у меня отецъ мой.

VI.

Въ глубокомъ подвалѣ у пана Данила за тремя замками сидитъ колдунъ, закованный въ желѣзныя цѣпи; а подалѣ надъ Днѣпромъ горитъ его бѣсовскій замокъ, и алыя, какъ кровь, волны хлебещутъ и толпятся вокругъ старинныхъ стѣнъ. Не за колдовство и не за богопротивныя дѣла сидитъ въ глубокомъ подвалѣ колдунъ: имъ судія Богъ; сидитъ онъ за тайное предательство, за сговоры съ врагами православной Русской земли—продать католикамъ украинскій народъ и выжечь христіанскія церкви. Угрюмъ колдунъ; дума черная, какъ ночь, у него въ головѣ; всего только одинъ день остается жить ему, а завтра пора распрощаться съ міромъ: завтра ждетъ его казнь. Не совсѣмъ легкая казнь его ждетъ: это еще милость, когда сварятъ его живого въ котлѣ, или сдерутъ съ него грѣшную кожу. Угрюмъ колдунъ, поникнулъ головою. Можетъ быть, онъ уже и кается передъ смертнымъ часомъ, только не такіе грѣхи его, чтобы Богъ простилъ ему. Вверху передъ нимъ узкое окно, переплетенное желѣзными палками. Гремя цѣпями, поднялся онъ къ окну поглядѣть, не пройдетъ ли его дочь. Она кротка, не памятозлобна, какъ голубка: не умилосердится ли надъ отцомъ?.. Но никого нѣтъ. Внизу бѣжитъ дорога; по ней никто не пройдетъ. Пониже ея гуляетъ Днѣпръ; ему ни до кого нѣтъ дѣла: онъ бушуетъ, и уныло слышать колоднику однозвучный шумъ его!

Вотъ кто-то показался по дорогѣ—это козакъ! И тяжело вздохнулъ узникъ. Опять все пусто. Вотъ кто-то вдали спускается... развѣвается зеленый кунтушъ... горитъ на головѣ золотой корабликъ... Это она! Еще ближе приникнулъ онъ къ окну. Вотъ уже подходитъ близко...

— Катерина! дочь! умилосердись, подай милостыню!..

Она нѣма, она не хочетъ слушать, она и глазъ не наведетъ на тюрьму и уже прошла, уже и скрылась. Пусто во всемъ мірѣ; уныло шумитъ Днѣпръ; грусть залегаетъ въ сердце; но вѣдаетъ ли эту грусть колдунъ?

День клонится къ вечеру. Уже солнце сѣло; уже и нѣтъ его. Уже и вечеръ: свѣжо; гдѣ-то мычитъ волъ; откуда-то навѣваются звуки; вѣрно, гдѣ-нибудь народъ идетъ съ работы и веселится; по Днѣпру мелькаетъ лодка... кому нужда до колодника? Блеснулъ на небѣ серебряный серпъ; вотъ, кто-то идетъ съ противной стороны по дорогѣ; трудно разглядѣть въ темнотѣ; это возвращается Катерина.

— Дочь, Христа ради! и свирѣпые волченята не станутъ рвать свою мать, дочь, хотя взгляни на преступнаго отца своего!

Она не слушаетъ и идетъ.

— Дочь, ради несчастной матери!..

Она остановилась.

— Приди принять послѣднее мое слово!

— Зачѣмъ ты зовешь меня, богоотступникъ? Не называй меня дочерью! Между нами нѣтъ никакого родства. Чего ты хочешь отъ меня ради несчастной моей матери?

— Катерина! мнѣ близокъ конецъ; я знаю, меня твой мужъ хочетъ привязать къ кобыльему хвосту и пустить по полю, а, можетъ, еще и страшнѣйшую выдумаетъ казнь...

— Да развѣ есть на свѣтѣ казнь, равная твоимъ грѣхамъ? Жди ее, никто не станетъ просить за тебя.

— Катерина! меня не казнь страшитъ, но муки на томъ свѣтѣ... Ты невинна, Катерина: душа твоя будетъ летать въ раю около Бога; а душа богоотступнаго отца твоего будетъ гореть въ огнѣ вѣчномъ и никогда не угаснетъ тотъ огонь: все сильнѣе и сильнѣе будетъ онъ разгораться; ни капли росы никто не уронитъ, ни вѣтеръ не пахнетъ...

— Этой казни я не властна умалить, — сказала Катерина, отвернувшись.

— Катерина! постой на одно слово: ты можешь спасти мою душу. Ты не знаешь еще, какъ добръ и милосердъ Богъ. Слышала ли ты про апостола Павла, какой былъ онъ грѣш-

ный человѣкъ, но послѣ покаялся — и сталъ святымъ.

— Что я могу сдѣлать, чтобы спасти твою душу?— сказала Катерина.—Мнѣ ли, слабой женщинѣ, объ этомъ подумать?

— Если бы мнѣ удалось отсюда выйти, я бы все кинулъ. Покаюсь, пойду въ пещеры, надѣну на тѣло жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу. Не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ! Не постелю одежды, когда стану спать! И все буду молиться, все молиться! И когда не сниметъ съ меня милосердіе Божіе хотя сотой доли грѣховъ, закопаюсь по шею въ землю или замуруюсь въ каменную стѣну; не возьму ни пищи, ни питія, и умру; а все добро свое отдамъ чернецамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду.

Задумалась Катерина.

— Хотя я отопру, но мнѣ не расковать твоихъ цѣпей.

— Я не боюсь цѣпей,—говорилъ онъ, — ты говоришь, что они заковали мои руки и ноги? Нѣтъ, я напустилъ имъ въ глаза туманъ и вмѣсто руки протянулъ сухое дерево. Вотъ я, гляди: на мнѣ нѣтъ теперь ни одной цѣпи! — сказалъ онъ, выходя на середину.—Я бы и стѣнъ этихъ не побоялся и прошелъ бы сквозь нихъ; но мужъ твой и не знаетъ, какія это стѣны: ихъ строилъ святой схимникъ, и никакая нечистая сила не можетъ отсюда вывесть колодника, не отомкнувъ тѣмъ самымъ ключомъ, которымъ замыкалъ святой свою келью. Такую самую келью вырою и я себѣ, неслыханный грѣшникъ, когда выйду на волю.

— Слушай: я выпущу тебя; но если ты меня обманываешь?—сказала Катерина, остановившись передъ дверью,—и вмѣсто того, чтобы покаяться, станешь опять братомъ чорту?

— Нѣтъ, Катерина, мнѣ уже не долго остается жить; близокъ и безъ казни мой конецъ. Неужели ты думаешь, что я предамъ самъ себя на вѣчную муку?

Замки загремѣли.

— Прощай! Храни тебя Богъ Милосердый, дитя мое!—сказалъ колдунъ, поцѣловавъ ее.

— Не прикасайся ко мнѣ, неслыханный грѣшникъ, уходи скорѣе!..—говорила Катерина.

Но его уже не было.

— Я выпустила его, — сказала она, испугавшись и дико осматривая стѣны. — Что я стану теперь отвѣчать мужу? Я пропала. Мнѣ живой теперь остается зарыться въ могилу!—И, зарыдавъ, почти упала она на пень, на которомъ сидѣлъ колодникъ.—Но я спасла душу,—сказала она тихо,—я сдѣлала богоугодное дѣло; но мужъ мой... я въ первый разъ обманула его. О, какъ страшно, какъ трудно будетъ мнѣ передъ нимъ говорить неправду! Кто-то идетъ! Это онъ! мужъ!— вскрикнула она отчаянно и безъ чувствъ упала на землѣ.

VII.

— Это я, моя родная дочь! Это я, мое серденько!—услышала Катерина, очнувшись, и увидѣла передъ собою старую прислужницу. Баба, наклонившись, казалось, что-то шептала и, протянувъ надъ нею изсохшую руку свою, опрыскивала ее холодною водою.

— Гдѣ я?—говорила Катерина, подымаясь и оглядываясь.—Передо мною шумитъ Днѣпръ, за мною горы... Куда завела меня ты, баба?

— Я тебя не завела, а вывела; вынесла на рукахъ моихъ изъ душнаго подвала; замкнула ключикомъ дверь, чтобы тебѣ не досталось чего отъ пана Данила.

— Гдѣ же ключъ?—сказала Катерина, поглядывая на свой поясъ.—Я его не вижу.

— Его отвязалъ мужъ твой, поглядѣть на колдуна, дитя мое.

— Поглядѣть?.. Баба, я пропала! — воскликнула Катерина.

— Пусть Богъ милуетъ насъ отъ этого, дитя мое! Молчи только, моя паняночка, никто ничего не узнаетъ!

— Онъ убѣжалъ, проклятый антихристъ! Ты слышала, Катерина? Онъ убѣжалъ!—сказалъ панъ Данило, приступая къ женѣ своей. Очи метали огонь; сабля, звеня, тряслась при боку его.

Помертвѣла жена.

— Его выпустилъ кто-нибудь, мой любый мужъ?—проговорила она, дрожа.

— Выпустилъ, правда твоя; но выпустилъ чортъ. Погляди: вмѣсто него, бревно заковано въ желѣзо. Сдѣлалъ же Богъ такъ, что чортъ не боится козачьихъ лапъ! Если бы только думу объ этомъ держалъ въ головѣ хоть одинъ изъ моихъ козаковъ, и я бы узналъ... я бы и казни ему не нашелъ!

— А если бы я?..—невольно вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.

— Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мнѣ была. Я бы тебя зашилъ тогда въ мѣшокъ и утопилъ бы на самой серединѣ Днѣпра!..

Духъ занялся у Катерины, и ей чудилось, что волоса стали отдѣляться на головѣ ея.

VIII.

На пограничной дорогѣ, въ корчмѣ, собрались ляхи и пируютъ уже два дня. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись, вѣрно, на какой-нибудь

паѣздъ: у иныхъ и мушкеты есть; чокаются шпоры; брякаютъ сабли. Паны веселятся и хвастаютъ, говорятъ про небывалыя дѣла свои, насмѣхаются надъ православьемъ, зовутъ народъ украинскій своими холопьями и важно крутятъ усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавкахъ. Съ ними и ксендзъ вмѣстѣ; только и ксендзъ у нихъ на ихъ же стать: и съ виду даже не похожъ на христіанскаго попа: пьетъ и гуляетъ съ ними и говоритъ нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи. Ни въ чемъ не уступаетъ имъ и челядь: позакидали назадъ рукава оборванныхъ жупановъ своихъ и ходятъ козыремъ, какъ будто бы что путное. Играютъ въ карты, бьютъ картами одинъ другого по носамъ; набрали съ собою чужихъ женъ; крикъ, драка!. Паны бѣснуются и отпускаютъ штуки: хватаютъ за бороду жида, малюютъ ему на нечестивомъ лбу крестъ; стрѣляютъ въ бабъ холостыми зарядами и танцуютъ краковякъ съ нечестивымъ попомъ своимъ. Не бывало такого соблазна на Русской землѣ и отъ татаръ: видно, уже ей Богъ опредѣлилъ за грѣхи терпѣть такое посрамленіе! Слышно между общимъ содомомъ, что говорятъ про заднѣпровскій хуторъ пана Данила, про красавицу жену его... Не на доброе дѣло собралась эта шайка!

IX.

Сидитъ панъ Данило за столомъ въ своей свѣтлицѣ, подпершись локтемъ, и думаетъ. Сидитъ на лежанкѣ пани Катерина и поетъ пѣсню.

— Что-то грустно мнѣ, жена моя! — сказалъ панъ Данило.—И голова болитъ у меня, и сердце болитъ. Какъ-то тяжело мнѣ! Видно, гдѣ-то недалеко уже ходитъ смерть моя.

„О, мой ненаглядный мужъ! приникни ко мнѣ головою своею! Зачѣмъ ты приголубливаешь къ себѣ такія черныя думы?—подумала Катерина, да не посмѣла сказать. Горько ей было, повинной головѣ, принимать мужнія ласки.

— Слушай, жена моя!—сказалъ Данило,—не оставляй сына, когда меня не будетъ. Не будетъ тебѣ отъ Бога счастья, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ. Тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ, а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей!

— Что говоришь ты, мужъ мой? Не ты ли издѣвался надъ нами, слабыми женами? А теперь самъ говоришь, какъ слабая жена. Тебѣ еще долго нужно жить.

— Нѣтъ, Катерина, чуетъ душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свѣтѣ; времена лихія приходятъ. Охъ! помню, помню я годы, имъ, вѣрно, не воротиться! Онъ былъ еще живъ, честь и слава нашего войска, старый Конашевичъ! Какъ будто передъ очами моими проходятъ теперь козацкіе полки! Это было золотое время, Катерина! Старый гетманъ сидѣлъ на ворономъ конѣ; блестѣла въ рукѣ булава; вокругъ сердюки; по сторонамъ шевелилось красное море запорожцевъ. Началъ говорить гетманъ—и все стало, какъ вкопанное. Заплакалъ старичина, какъ зачалъ вспоминать намъ прежнія дѣла и сѣчи. Эхъ, если-бъ ты знала, Катерина, какъ рѣзались мы тогда съ турками! На головѣ моей виденъ и донынѣ рубецъ. Четыре пули пролетѣло въ четырехъ мѣстахъ сквозь меня, и ни одна изъ ранъ не зажила совсѣмъ. Сколько мы тогда набрали золота! Дорогіе каменья шапками черпали козаки. Какихъ коней, Катерина, если-бъ ты знала, какихъ коней мы тогда угнали! Охъ, не воевать уже мнѣ такъ! Кажется, и не старъ, и тѣломъ бодръ; а мечъ козацкій вываливается изъ рукъ, живу безъ дѣла, и самъ не знаю, для чего живу. Порядку нѣтъ въ Украйнѣ: полковники и есаулы грызутся, какъ собаки, между собою: нѣтъ старшей головы надъ всѣми. Шляхетство наше все перемѣнило на польскій обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унію. Жидовство угнетаетъ бѣдный народъ. О время, время! минувшее время! Куда подѣвались вы, лѣта мои? Ступай, малый, въ подвалъ, принеси мнѣ кухоль меду! Выпью за прежнюю долю и за давніе годы!

— Чѣмъ будемъ принимать гостей, панъ? Съ луговой стороны идутъ ляхи!—сказалъ, вошедши въ хату, Стецько.

— Знаю, зачѣмъ идутъ они, — вымолвилъ Данило, подымаясь съ мѣста. — Сѣдлайте, мои вѣрные слуги, коней! Надѣвайте сбрую! Сабли наголо! Не забудьте набрать и свинцоваго толокна: съ честью нужно встрѣтать гостей!

Но еще не успѣли козаки сѣсть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, будто упавшій осенью съ дерева на землю листъ, усѣяли собою гору.

— Э, да тутъ есть съ кѣмъ перевѣдаться!— сказалъ Данило, поглядывая на толстыхъ пановъ, важно качавшихся впереди на коняхъ въ золотой сбруѣ.—Видно, еще разъ доведется намъ погулять на славу! Натѣшься же, козацкая душа, въ послѣдній разъ! Гуляйте, хлопцы: пришелъ нашъ праздникъ!

И пошла по горамъ потѣха, и запировалъ пиръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топочутъ кони. Отъ крику безумѣетъ голова; отъ дыму слѣпнутъ очи. Все перемѣшалось; но козакъ чуетъ, гдѣ другъ, гдѣ недругъ; прошумитъ ли пуля—валится лихой сѣдокъ съ коня; свиститъ сабля—катится по землѣ голова, бормоча языкомъ несвязныя рѣчи.

Но виденъ въ толпѣ красный верхъ козацкой

шапки пана Данила; мечется въ глаза золотой поясъ на синемъ жупанѣ; вихремъ вьется грива вороного коня. Какъ птица, мелькаетъ онъ тамъ и тамъ; покрикиваетъ и машетъ дамасской саблей и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча. Руби, козакъ! гуляй, козакъ! Тѣшь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотыя сбруи и жупаны: топчи подъ ноги золото и каменья! Коли, козакъ! гуляй, козакъ! но оглянись назадъ: нечестивые ляхи зажигаютъ уже хаты и угоняютъ напуганный скотъ. И, какъ вихорь, поворотилъ панъ Данило назадъ, и шапка съ краснымъ верхомъ мелькаетъ уже около хатъ, и рѣдѣетъ вокругъ его толпа.

Не часъ, не другой бьются ляхи и козаки; немного становится тѣхъ и другихъ; но не устаетъ панъ Данило: сбиваетъ съ сѣдла длиннымъ копьемъ своимъ, топчетъ лихимъ конемъ пѣшихъ. Уже очищается дворъ, уже начали разбѣгаться ляхи; уже обдираютъ козаки съ убитыхъ золотые жупаны и богатую сбрую; уже панъ Данило сбирается въ погоню, и взглянулъ, чтобы созвать своихъ... и весь закипѣлъ отъ ярости: ему показался Катерининъ отецъ. Вотъ онъ стоитъ на горѣ и цѣлитъ въ него мушкетомъ. Данило погналъ коня прямо къ нему... Козакъ, на гибель идешь!.. Мушкетъ гремитъ — и колдунъ пропалъ за горою. Только вѣрный Стецько видѣлъ, какъ мелькнула красная одежда и чудная шапка. Зашатался козакъ и свалился на землю. Кинулся вѣрный Стецько къ своему пану: лежитъ панъ его, протянувшись на землѣ и закрывши ясныя очи; алая кровь закипѣла на груди. Но, видно, почуялъ вѣрнаго слугу своего; тихо приподнялъ вѣки, блеснулъ очами.

— Прощай, Стецько! Скажи Катеринѣ, чтобы не покидала сына! Не покидайте и вы его, мои вѣрные слуги! — и затихъ. Вылетѣла козацкая душа изъ дворянскаго тѣла: посинѣли уста; спитъ козакъ непробудно.

Зарыдалъ вѣрный слуга и машетъ рукою Катеринѣ:

— Ступай, пани, ступай: подгулялъ твой панъ; лежитъ онъ пьянѣхонекъ на сырой землѣ; долго не протрезвиться ему!

Всплеснула руками Катерина и повалилась, какъ снопъ, на мертвое тѣло.

— Мужъ мой! ты ли лежишь тутъ, закрывши очи? Встань, мой ненаглядный соколъ, протяни ручку свою! приподымись! Погляди хоть разъ на твою Катерину, пошевели устами, вымолви хоть одно словечко!.. Но ты молчишь, ты молчишь, мой ясный панъ! Ты посинѣлъ, какъ Черное море. Сердце твое не бьется! Отчего ты такой холодный, мой панъ? Видно, не горючи мои слезы, не въ мочь имъ согрѣть тебя! Видно, не громокъ плачъ мой, не разбудить имъ тебя! Кто же поведетъ теперь полки твои? Кто понесется на твоемъ ворономъ коникѣ, громко загукаетъ и замашетъ саблей предъ козаками? Козаки, козаки! гдѣ честь и слава ваша? Лежитъ честь и слава ваша, закрывши очи, на сырой землѣ. Похороните же меня, похороните вмѣстѣ съ нимъ! Засыпте мнѣ очи землею! Надавите мнѣ кленовыя доски на бѣлыя груди! Мнѣ не нужна больше красота моя!

Плачетъ и убивается Катерина; а даль вся покрывается пылью: скачетъ старый есаулъ Горобець на помощь.

X.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отсвѣтиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня; виденъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, дастъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли; а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь

между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ,— страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, уда яясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать козака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Дико чернѣютъ промежъ ратующими волнами обгорѣлые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется объ берегъ, подымаясь вверхъ и опускаясь внизъ, пристающая лодка. Кто изъ козаковъ осмѣлился гулять въ челнѣ, въ то время, когда разсердился старый Днѣпръ? Видно, ему не вѣдомо, что онъ глотаетъ людей, какъ мухъ.

Лодка причалила, и вышелъ изъ нея колдунъ. Не весслъ онъ: ему горька тризна, которую свершили козаки надъ убитымъ своимъ паномъ. Не мало поплатились ляхи: сорокъ четыре пана со всею сбруею и жупанами, да тридцать три холопа изрублены въ куски; а остальныхъ вмѣстѣ съ конями угнали въ плѣнъ продать татарамъ.

По каменнымъ ступенямъ спустился онъ между обгорѣлыми пнями внизъ, гдѣ, глубоко въ землѣ, вырыта была у него землянка. Тихо вошелъ онъ, не скрипнувши дверью, поставилъ на столъ, закрытый скатертью, горшокъ и сталъ бросать длинными руками своими какія-то невѣдомыя травы; взялъ кухоль, выдѣланный изъ какого-то чуднаго дерева, почерпнулъ имъ воды и сталъ лить, шевеля губами и творя какія-то заклинанія. Показался розовый свѣтъ въ свѣтлицѣ и страшно было глядѣть тогда ему въ лицо: оно казалось кровавымъ, глубокія морщины только чернѣли на немъ, а глаза были, какъ въ огнѣ. Нечестивый грѣшникъ! Уже и борода давно посѣдѣла, и лицо изрыто морщинами, и высохъ весь, а все еще творитъ богопротивный умыселъ. Посреди хаты стало вѣять бѣлое облако, и что-то похожее на радость сверкнуло въ лицѣ его; но отчего же вдругъ сталъ онъ недвижимъ, съ разинутымъ ртомъ, не смѣя пошевелиться, и отчего волосы щетиною поднялись на его головѣ? Въ облакѣ передъ нимъ свѣтилось чье-то чудное лицо. Непрошеное, незваное, явилось оно къ нему въ гости; чѣмъ далѣе, выяснивалось больше и вперило неподвижныя очи. Черты его, брови, глаза, губы,—все незнакомое ему: никогда во всю жизнь свою онъ его не видывалъ. И страшнаго, кажется, въ немъ мало, а непреодолимый ужасъ напалъ на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако такъ же неподвижно глядѣла на него. Облако уже и пропало; а невѣдомыя черты еще рѣзче выказывались, и острыя очи не отрывались отъ него. Колдунъ весь побѣлѣлъ, какъ полотно; дикимъ, не своимъ голосомъ вскрикнулъ, опрокинулъ горшокъ... Все пропало.

XI.

— Успокой себя, моя любая сестра!—говорилъ старый есаулъ Горобець, — сны рѣдко говорятъ правду.

— Прилягъ, сестрица!—говорила молодая его невѣстка,—я позову старуху, ворожею: противъ нея никакая сила не устоитъ: она выльетъ переполохъ тебѣ.

— Ничего не бойся! — говорилъ сынъ его, хватаясь за саблю,—пикто тебя не обидитъ.

Пасмурно, мутными глазами, глядѣла на всѣхъ Катерина и не находила рѣчи.

— Я сама устроила себѣ погибель: я выпустила его!

Наконецъ, она сказала:

— Мнѣ нѣтъ отъ него покоя! Вотъ уже десять дней я у васъ въ Кіевѣ, а горя ни капли не убавилось. Думала, буду хоть въ тишинѣ растить на месть сына... Страшенъ, страшенъ привидѣлся онъ мнѣ во снѣ! Боже сохрани и вамъ увидѣть его! Сердце мое до сихъ поръ бьется. „Я зарублю твое дитя, Катерина! — кричалъ онъ,—если не выйдешь за меня замужъ...“

И зарыдавъ, кинулась она къ колыбели; а испуганное дитя протянуло ручонки и кричало.

Кипѣлъ и сверкалъ сынъ есаула отъ гнѣва, слыша такія рѣчи.

Расходился и самъ есаулъ Горобець.

— Пусть попробуетъ онъ, окаянный антихристъ, придти сюда: отвѣдаетъ, бывастъ ли сила въ рукахъ стараго козака. Богъ видитъ,—говорилъ онъ, подымая кверху прозорливыя очи,—не летѣлъ ли я подать руку брату Данилу? Его святая воля! Засталъ уже на холодной постели, на которой много, много улеглось козацкаго народа. За то развѣ не пышна была тризна по немъ? Выпустили ли хоть одного ляха живого? Успокойся же, дитя мое! Никто не посмѣетъ тебя обидѣть, развѣ ни меня не будетъ, ни моего сына.

Кончивъ слова свои, старый есаулъ пришелъ къ колыбели, и дитя, увидѣвши висѣвшую на ремнѣ у него, въ серебряной оправѣ, красную люльку и гаманъ съ блестящимъ огнивомъ, протянуло къ нему ручонки и засмѣялось.

— По отцу пойдетъ!—сказалъ старый есаулъ, снимая съ себя люльку и отдавая ему,—еще отъ колыбели не отсталъ, а ужь думаетъ курить люльку!

Тихо вздохнула Катерина и стала качать колы-

бель. Сговорились провесть ночь вмѣстѣ и, мало погодя, уснули всѣ; уснула и Катерина.

На дворѣ и въ хатѣ все было тихо; не спали только козаки, стоявшіе на-сторожѣ. Вдругъ Катерина, вскрикнувъ, проснулась, и за нею проснулись всѣ.

— Онъ убитъ, онъ зарѣзанъ! — кричала она, и кинулась къ колыбели...

Всѣ обступили колыбель и окаменѣли отъ страха, увидѣвши, что въ ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвилъ ни одинъ изъ нихъ, не зная, что думать о неслыханномъ злодѣйствѣ.

XII.

Далеко отъ Украинскаго края, проѣхавши Польшу, минуя и многолюдный городъ Лембергъ, идутъ рядами высоковерхія горы. Гора за горою, будто каменными цѣпями, перекидываютъ онѣ вправо и влѣво землю и обковываютъ ее каменною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идутъ каменныя цѣпи въ Валахію и въ Седмиградскую область, и громадою стали, въ видѣ подковы, между галичскимъ и венгерскимъ народомъ. Нѣтъ такихъ горъ въ нашей сторонѣ. Глазъ не смѣетъ оглянуть ихъ; а на вершину иныхъ не заходила и нога человѣчья. Чуденъ и видъ ихъ: не задорное ли море выбѣжало въ бурю изъ широкихъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны, и онѣ, окаменѣвъ, остались недвижимы въ воздухѣ? Не оборвались ли съ неба тяжелыя тучи и загромоздили собою землю? Ибо и на нихъ такой же сѣрый цвѣтъ, а бѣлая верхушка блеститъ и искрится при солнцѣ. Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую молвь, и за горами еще, кой-гдѣ, отзовется какъ будто родное слово; а тамъ уже и вѣра не та, и рѣчь не та. Живетъ не малолюдный народъ венгерскій; ѣздитъ на коняхъ, рубится и пьетъ не хуже козака; а за конную сбрую и дорогіе кафтаны не скупится вынимать изъ кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера. Какъ стекло, недвижимы они и, какъ зеркало, отдаютъ въ себѣ голыя вершины горъ и зеленыя ихъ подошвы.

Но кто середи ночи,—блещутъ или не блещутъ звѣзды,—ѣдетъ на огромномъ воронomъ конѣ? Какой богатырь съ нечеловѣчьимъ ростомъ скачетъ подъ горами, надъ озерами, отсвѣчивается съ исполинскимъ конемъ въ недвижныхъ водахъ, и безконечная тѣнь его страшно мелькаетъ по горамъ? Блещутъ чеканенныя латы; на плечѣ пика; гремитъ при сѣдлѣ сабля; шеломъ надвинутъ; усы чернѣютъ; очи закрыты; рѣснипы опущены—онъ спитъ и, сонный, держитъ повода; и за нимъ сидитъ на томъ же конѣ младенецъ-пажъ, и также спитъ и сонный держится за богатыря. Кто онъ, куда, зачѣмъ ѣдетъ? Кто его знаетъ. Не день, не два уже онъ переѣзжаетъ горы. Блеснетъ день, взойдетъ солнце, его не видно; изрѣдка только замѣчали горцы, что по горамъ мелькаетъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и тучи не пройдетъ по немъ. Чуть же ночь наведетъ темноту, снова онъ виденъ и отдастся въ озерахъ, и за нимъ, дрожа, скачетъ тѣнь его. Уже проѣхалъ много онъ горъ и взъѣхалъ на Киванъ. Горы этой нѣтъ выше между Карпатами: какъ царь, подымается она надъ другими. Тутъ остановился конь и всадникъ, и еще глубже погрузился въ сонъ, и тучи, спустясь, закрыли его.

XIII.

— Тс... тише, баба! не стучи такъ: дитя мое заснуло. Долго кричалъ сынъ мой, теперь спитъ. Я пойду въ лѣсъ, баба! Да что же ты такъ глядишь на меня? Ты страшна: у тебя изъ глазъ вытягиваются желѣзные клещи... ухъ, какіе длинные! и горятъ, какъ огонь! Ты, вѣрно, вѣдьма! О, если ты вѣдьма, то пропади отсюда! Ты украдешь моего сына. Какой безтолковый этотъ есаулъ: онъ думаетъ, мнѣ весело жить въ Кіевѣ; нѣтъ, здѣсь и мужъ мой, и сынъ, кто же будетъ смотрѣть за хатой? Я ушла такъ тихо, что ни кошка, ни собака не услышала. Ты хочешь, баба, сдѣлаться молодою? Это совсѣмъ не трудно: нужно танцовать только. Гляди, какъ я танцую...

И, проговоривъ такія несвязныя рѣчи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на всѣ стороны и упираясь руками въ боки. Съ визгомъ притопывала она ногами; безъ мѣры, безъ такта звенѣли серебряныя подковы. Незаплетенныя черныя косы метались по бѣлой шеѣ. Какъ птица, не останавливаясь, летѣла она, размахивая руками и кивая головой, и, казалось, будто, обезсилѣвъ, или грянется на-земь, или вылетитъ изъ міра.

Печально стояла старая няня, и слезами налились ея глубокія морщины; тяжкій камень лежалъ на сердцѣ у вѣрныхъ хлопцевъ, глядѣвшихъ на свою пани. Уже совсѣмъ ослабѣла она и лѣниво топала ногами на одномъ мѣстѣ, думая, что танцуетъ горлицу.

— А у меня монисто есть, парубки!—сказала она, наконецъ, остановившись,—а у васъ нѣтъ!.. Гдѣ мужъ мой?—вскричала она вдругъ, выхвативъ изъ-за пояса турецкій кинжалъ.—О! это не такой ножъ, какой нужно.—При этомъ и слезы, и тоска показались у нея на лицѣ.—У отца моего далеко сердце: онъ не достанетъ до него. У него сердце изъ желѣза выковано; ему выковала одна вѣдьма на пекельномъ огнѣ. Что-жъ найдетъ отецъ мой? Развѣ онъ не знаетъ, что пора заколоть его?

Видно, онъ хочетъ, чтобъ я сама пришла...—И, не докончивъ, чудно засмѣялась. — Мнѣ пришла на умъ забавная исторія: я вспомнила, какъ погребли моего мужа. Вѣдь его живого погребли... Какой смѣхъ забиралъ меня!... Слушайте, слушайте!—И, вмѣсто словъ, начала она пѣть пѣсню:

Бижыть возокъ кровавенькій:
У тимъ возку козакъ лежить,
Пострѣляный, порубаный,
Въ правій ручци дротыкъ держить,
Съ того дроту кривця бижыть;
Бижыть рика кровавая.
Надъ ричкою яворъ стоить:
Надъ яворомъ воронъ кряче.
За козакомъ маты плаче.
Не плачь, маты, не журыся!
Бо вже твій сынъ оженився,
Та взявъ жинку паняночку,
Въ чистомъ поли земляночку,
И безъ дверець, безъ оконець,
Та вже пісни вышолъ конець,
Танцювала рыба зъ ракомъ...
А хто мене не полюбить, трясця его матерь!

Такъ перемѣшивались у ней всѣ пѣсни. Уже день и два живетъ она въ своей хатѣ и не хочетъ слышать о Кіевѣ, и не молится, и бѣжитъ отъ людей, и съ утра до поздняго вечера бродитъ по темнымъ дубравамъ. Острые сучья царапаютъ бѣлое лицо и плечи; вѣтеръ треплетъ расплетенныя косы; осенніе листья шумятъ подъ ногами ея—ни на что не глядитъ она. Въ часъ, когда вечерняя заря тухнетъ, еще не являются звѣзды, не горитъ мѣсяцъ, а уже страшно ходить по лѣсу: по деревьямъ царапаются и хватаются за сучья некрещеныя дѣти, рыдаютъ, хохочутъ, катятся клубомъ по дорогамъ и въ широкой крапивѣ; изъ Днѣпровскихъ волнъ выбѣгаютъ вереницами погубившія свои души дѣвы; волосы льются съ зеленой головы на плечи; вода, звучно журча, бѣжитъ съ длинныхъ волосъ на землю, и дѣва свѣтится сквозь воду, какъ будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи выманиваютъ душу... она согрѣла бы отъ любви, она зацѣловала бы... Бѣги, крещеный человѣкъ! Уста ея — ледъ, постель — холодная вода; она защекочетъ тебя и утащитъ въ рѣку. Катерина не глядитъ ни на кого, не боится, безумная, русалокъ, бѣгаетъ поздно съ ножомъ своимъ и ищетъ отца.

Съ раннимъ утромъ пріѣхалъ какой-то гость, статный собой, въ красномъ жупанѣ и освѣдомляется о панѣ Данилѣ; слышитъ все, утираетъ рукавомъ заплаканныя очи и пожимаетъ плечами. Онь, де, воевалъ вмѣстѣ съ покойнымъ Бурульбашемъ; вмѣстѣ рубились они съ крымцами и турками; ждалъ ли онъ, чтобы такой конецъ былъ пана Данила. Разсказываетъ еще гость о многомъ другомъ и хочетъ видѣть пани Катерину.

Катерина сначала не слушала ничего, что говорилъ гость; напослѣдокъ стала, какъ разумная, вслушиваться въ его рѣчи. Онъ повелъ про то, какъ они жили вмѣстѣ съ Даниломъ, будто братъ съ братомъ; какъ укрылись разъ подъ греблею отъ крымцевъ... Катерина все слушала и не спускала съ него очей.

„Она отойдетъ! — думали хлопцы, глядя на нее.—Этотъ гость вылѣчитъ ее! Она уже слушаетъ, какъ разумная!“

Гость началъ разсказывать между тѣмъ, какъ панъ Данило, въ часъ откровенной бесѣды, сказалъ ему:

— Гляди, братъ Копрянъ: когда волею Божіей не будетъ меня на свѣтѣ, возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою...

Страшно вонзила въ него очи Катерина.

— А!—вскрикнула она,—это онъ! это отецъ!—и кинулась на него съ ножомъ.

Долго боролся тотъ, стараясь вырвать у нея ножъ; наконецъ, вырвалъ, замахнулся,—и совершилось страшное дѣло: отецъ убилъ безумную дочь свою.

Изумившіеся козаки кинулись-было на него; но колдунъ уже успѣлъ вскочить на коня и пропалъ изъ виду.

XIV.

За Кіевомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ паны и гетманы собирались дивиться этому чуду: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горою подымавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галичская.

— А то что такое?—допрашивалъ собравшійся народъ старыхъ людей, указывая на далеко мерещившіеся на небѣ и больше похожіе на облака сѣрые и бѣлые верхи.

— То Карпатскія горы! — говорили старые люди,—межъ ними есть такія, съ которыхъ вѣкъ не сходитъ снѣгъ, а тучи пристаютъ и ночуютъ тамъ.

Тутъ показалось новое диво: облака слетѣли съ самой высокой горы, и на вершинѣ ея показался во всей рыцарской сбруѣ человѣкъ на конѣ съ закрытыми очами, и такъ виденъ, какъ бы стоялъ вблизи.

Тутъ, межъ дивившимся со страхомъ народомъ, одинъ вскочилъ на коня и, дико озираясь по сторонамъ, какъ будто ища очами, не гонится ли кто за нимъ, торопливо, во всю мочь, погналъ коня своего. То былъ колдунъ. Чего же такъ

перепугался онъ? Со страхомъ вглядѣвшись въ чуднаго рыцаря, узналъ онъ на немъ то же самое лицо, которое, незваное, показалось ему, когда онъ ворожилъ. Самъ не могъ онъ разумѣть, отчего въ немъ все смутилось при такомъ видѣ, и, робко озираясь, мчался онъ на конѣ, покамѣстъ не застигнулъ его вечеръ и не проглянули звѣзды. Тутъ поворотилъ онъ домой, можетъ быть, допросить нечистую силу, что значитъ такое диво. Уже онъ хотѣлъ перескочить съ конемъ черезъ узкую рѣку, выступившую рукавомъ среди дороги, какъ вдругъ конь на всемъ скаку остановился, заворотилъ къ нему морду, и—чудо—засмѣялся! бѣлые зубы страшно блеснули двумя рядами во мракѣ. Дыбомъ поднялись волоса на головѣ колдуна. Дико закричалъ онъ и заплакалъ, какъ изступленный, и погналъ коня прямо къ Кіеву. Ему чудилось, что все со всѣхъ сторонъ бѣжало ловить его: деревья, обступивши темнымъ лѣсомъ, и какъ будто живыя, кивая черными бородами и вытягивая длинныя вѣтви, силились задушить его; звѣзды, казалось, бѣжали впереди передъ нимъ, указывая всѣмъ на грѣшника; сама дорога, чудилось, мчалась по слѣдамъ его.

Отчаянный колдунъ летѣлъ въ Кіевъ къ святымъ мѣстамъ.

XV.

Одиноко сидѣлъ въ своей пещерѣ передъ лампадою схимникъ и не сводилъ очей съ святой книги. Уже много лѣтъ, какъ онъ затворился въ своей пещерѣ; уже сдѣлалъ себѣ и дощатый гробъ, въ который ложился спать вмѣсто постели. Закрылъ святой старецъ свою книгу и сталъ молиться... Вдругъ вбѣжалъ человѣкъ чуднаго, страшнаго вида. Изумился святой схимникъ въ первый разъ и отступилъ, увидѣвъ такого человѣка. Весь дрожалъ онъ, какъ осиновый листъ; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался изъ очей; дрожь наводило на душу уродливое его лицо.

— Отецъ, молись! молись! — закричалъ онъ отчаянно, — молись о погибшей душѣ! — и грянулся на землю.

Святой схимникъ перекрестился, досталъ книгу, развернулъ и, въ ужасѣ, отступилъ назадъ и выронилъ книгу:

— Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! Нѣтъ тебѣ помилованія! Бѣги отсюда! Не могу молиться о тебѣ!

— Нѣтъ? — закричалъ, какъ безумный, грѣшникъ.

— Гляди: святыя буквы въ книгѣ налились кровью... Еще никогда въ мірѣ не бывало такого грѣшника!

— Отецъ! ты смѣешься надо мною!

— Иди, окаянный грѣшникъ! Не смѣюсь я надъ тобою. Боязнь овладѣваетъ мною. Не добро быть человѣку съ тобою вмѣстѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ! ты смѣешься, не говори... Я вижу, какъ раздвинулся ротъ твой: вотъ бѣлѣютъ рядами твои старые зубы!..

И, какъ бѣшеный, кинулся онъ—и убилъ святого схимника.

Что-то тяжко застонало, и стонъ перенесся черезъ поле и лѣсъ. Изъ-за лѣса поднялись тощія, сухія руки съ длинными когтями: затрясліись и пропали.

И уже ни страха, ничего не чувствовалъ онъ. Все чудится ему какъ-то смутно: въ ушахъ шумитъ, въ головѣ шумитъ, какъ будто отъ хмеля, и все, что ни есть передъ глазами, покрывается какъ бы паутиною. Вскочивши на коня, поѣхалъ онъ прямо въ Каневъ, думая оттуда черезъ Черкасы направить путь къ татарамъ прямо въ Крымъ, самъ не зная, для чего. Ѣдетъ онъ уже день, другой, а Канева все нѣтъ. Дорога та самая, пора бы ему уже давно показаться, но Канева не видно. Вдали блеснули верхушки церквей: но это не Каневъ, а Шумскъ. Изумился колдунъ, видя, что онъ заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Погналъ коня назадъ къ Кіеву, и черезъ день показался городъ, но не Кіевъ, а Галичъ, городъ еще далѣе отъ Кіева, чѣмъ Шумскъ, и уже недалеко отъ венгровъ. Не зная, что дѣлать, поворотилъ онъ коня снова назадъ, но чувствуетъ снова, что ѣдетъ въ противную сторону и все впередъ. Не могъ бы ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ разсказать, что было на душѣ у колдуна; а если бы онъ заглянулъ и увидѣлъ, что тамъ дѣялось, то уже не досыпалъ бы онъ ночей и не засмѣялся бы ни разу. То была не злость, не страхъ и не лютая досада. Нѣтъ такого слова на свѣтѣ, которымъ бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотѣлось бы весь свѣтъ вытоптать конемъ своимъ, взять всю землю отъ Кіева до Галича съ людьми, со всѣмъ, и затопить ее въ Черномъ морѣ. Но не отъ злобы хотѣлось ему это сдѣлать: нѣтъ, самъ онъ не зналъ, отъ чего. Весь вздрогнулъ онъ, когда уже показались близко передъ нимъ Карпатскія горы и высокій Криванъ, накрывшій свое темя, будто шапкою, сѣрою тучею; а конь все несся и уже рыскалъ по горамъ. Тучи разомъ очистились, и передъ нимъ показался въ страшномъ величіи всадникъ... Онъ силится остановиться, крѣпко натягиваетъ удила; дико ржалъ конь, подымая гриву, и мчался къ рыцарю. Тутъ чудится колдуну, что все въ немъ замерло, что недвижный всадникъ шевелится и разомъ открылъ свои очи, увидѣлъ несшагося къ нему колдуна и засмѣялся.

Какъ громъ, разсыпался дикій смѣхъ по горамъ и зазвучалъ въ сердцѣ колдуна, потрясши все что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влѣзъ въ него и ходилъ внутри его и билъ молотами по сердцу, по жиламъ... такъ страшно отдался въ немъ этотъ смѣхъ!

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи; но уже былъ мертвецъ и глядѣлъ, какъ мертвецъ. Такъ страшно не глядитъ ни живой, ни воскресшій. Ворочалъ онъ по сторонамъ мертвыми глазами и увидѣлъ поднявшихся мертвецовъ отъ Кіева, и отъ земли Галичской, и отъ Карпата, какъ двѣ капли воды схожихъ лицомъ на него.

Блѣдны, блѣдны, одинъ другого выше, одинъ другого костистѣй, стали они вокругъ всадника, державшаго въ рукѣ страшную добычу. Еще разъ засмѣялся рыцарь и кинулъ ее въ пропасть. И всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили мертвеца и вонзили въ него свои зубы. Еще одинъ, всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться изъ земли, но не могъ, не въ силахъ былъ этого сдѣлать—такъ великъ выросъ онъ въ землѣ; а если бы поднялся, то опрокинулъ бы и Карпатъ, и Седмиградскую, и Турецкую землю. Немного только подвинулся онъ — и пошло отъ него трясеніе по всей землѣ, и много поопрокидывалось вездѣ хатъ, и много задавило народу.

Слышится часто по Карпату свистъ, какъ будто тысяча мельницъ шумитъ колесами на водѣ: то, въ безвыходной пропасти, которой не видалъ еще ни одинъ человѣкъ, страшащійся проходить мимо, мертвецы грызутъ мертвеца. Нерѣдко бывало по всему міру, что земля тряслась отъ одного конца до другого: то оттого дѣлается, толкуютъ грамотные люди, что есть гдѣ-то, близъ моря, гора, изъ которой выхватывается пламя и текутъ горящія рѣки. Но старики, которые живутъ и въ Венгріи, и въ Галичской землѣ, лучше знаютъ это и говорятъ, что то хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ и трясетъ землю.

XVI.

Въ городѣ Глуховѣ собрался народъ около старца-бандуриста, и уже съ часъ слушалъ, какъ слѣпецъ игралъ на бандурѣ. Еще такихъ чудныхъ пѣсенъ и такъ хорошо не пѣлъ ни одинъ бандуристъ. Сперва повелъ онъ про прежнюю гетьманщину за Сагайдачнаго и Хмельницкаго. Тогда иное было время: козачество было въ славѣ, топтало конями непріятелей, и никто не смѣлъ посмѣяться надъ нимъ. Пѣлъ и веселыя пѣсни старецъ и поваживалъ своими очами на народъ, какъ будто зрящій; а пальцы, съ придѣланными къ нимъ костями, летали, какъ муха, по струнамъ и, казалось, струны сами играли; а кругомъ народъ, старые люди, понуривъ головы, а молодые, поднявъ очи на старца, не смѣли и шептать между собою.

— Постойте,—сказалъ старецъ:—я вамъ запою про одно давнее дѣло.

Народъ сдвинулся еще тѣснѣе, и слѣпецъ запѣлъ:

„За пана Степана, князя Седмиградскаго (былъ князь Седмиградскій королемъ и у ляховъ), жило два козака: Иванъ да Петро. Жили они такъ, какъ братъ съ братомъ. „Гляди, Иванъ, все, что ни д будешь—все пополамъ: когда кому веселье, веселье и другому; когда кому горе—горе и обоимъ; когда кому добыча—пополамъ добычу; когда кто въ полонъ попадетъ — другой продай все и дай выкупъ, а не то самъ ступай въ полонъ“. И правда, все, что ни доставали козаки, все дѣлили пополамъ: угоняли ли чужой скотъ или коней—все дѣлили пополамъ.

**
*

„Воевалъ король Степанъ съ турчиномъ. Уже три недѣли воюетъ онъ съ турчиномъ, а все не можетъ его выгнать. А у турчина былъ паша такой, что самъ съ десятью янычарами могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что если сыщется смѣльчакъ и приведетъ къ нему того пашу живого или мертваго, дастъ ему одному столько жалованья, сколько даетъ на все войско. „Пойдемъ, братъ, ловить пашу!“ сказалъ братъ Иванъ Петру. И поѣхали козаки, одинъ въ одну сторону, другой въ другую.

**
*

„Поймалъ ли бы еще, или не поймалъ Петро, а уже Иванъ ведетъ пашу арканомъ за шею къ самому королю. „Бравый молодецъ!“ сказалъ король Степанъ и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско; и приказалъ отвесть ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлилъ все поровну между собою и Петромъ. Взялъ Петро половину королевскаго жалованья, но не могъ вынесть того, что Иванъ получилъ такую честь отъ короля, и затаилъ глубоко на душѣ месть.

**
*

„Ѣхали оба рыцаря на жалованную королемъ землю, за Карпатъ. Посадилъ козакъ Иванъ съ собою на коня своего сына, привязавъ его къ себѣ. Уже настали сумерки—они все ѣдутъ. Мла-

денецъ заснулъ; сталъ дремать и самъ Иванъ. Не дремли, козакъ, по горамъ дороги опасныя!.. Но у козака такой конь, что самъ вездѣ знаетъ дорогу: не споткнется и не оступится. Есть между горами провалъ, въ провалѣ дна никто не видалъ; сколько отъ земли до неба, столько до дна того провала. Но надъ самымъ проваломъ дорога — два человѣка еще могутъ проѣхать, а трое ни за что. Сталъ бережно ступать конь съ дремавшимъ козакомъ. Рядомъ ѣхалъ Петро, весь дрожалъ и притаилъ духъ отъ радости. Оглянулся и толкнулъ названнаго брата въ провалъ; и конь съ козакомъ и младенцемъ полетѣлъ въ провалъ.

***

„Ухватился, однакожъ, козакъ за сукъ, и одинъ только конь полетѣлъ на дно. Сталъ онъ карабкаться, съ сыномъ за плечами, вверхъ: немного уже не добрался, поднялъ глаза и увидѣлъ, что Петро наставилъ пику, чтобы столкнуть его назадъ. „Боже ты мой, праведный! лучше-бъ мнѣ не подымать глазъ, чѣмъ видѣть, какъ родной братъ наставляетъ пику столкнуть меня назадъ!.. Братъ мой милый! коли меня пикой, когда уже мнѣ такъ написано на роду; но возьми сына: чѣмъ безвинный младенецъ виноватъ, чтобы ему пропасть такою лютою смертью?“ Засмѣялся Петро и толкнулъ его пикой, и козакъ съ младенцемъ полетѣлъ на дно. Забралъ себѣ Петро все добро и сталъ жить, какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра; овецъ и барановъ нигдѣ столько не было. И умеръ Петро.

***

„Какъ умеръ Петро, призвалъ Богъ души обоихъ братьевъ, Петра и Ивана, на судъ. „Великій есть грѣшникъ сей человѣкъ!—сказалъ Богъ.—Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты самъ ему казнь!“ Долго думалъ Иванъ, вымышляя казнь, и наконецъ сказалъ: „Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предалъ своего брата, какъ Іуда, и лишилъ меня честнаго моего рода и потомства на землѣ. А человѣкъ безъ честнаго рода и потомства, что хлѣбное сѣмя, кинутое въ землю и пропавшее даромъ въ землѣ. Всходу нѣтъ — никто и не узнаетъ, что кинуто было сѣмя.

***

„Сдѣлай же, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло на землѣ счастья; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и отъ каждаго его злодѣйства, чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ, и, терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ! А Іуда Петро чтобы не въ силахъ былъ подняться, и отъ того терпѣлъ бы муку еще горшую; и ѣлъ бы, и къ къ бѣшеный, землю, и корчился бы подъ землею!

***

„И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть прійдетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы къ самый глубокій провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ разныхъ сторонъ земли грызть его за тѣ муки, что онъ наносилъ имъ, и вѣчно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки. А Іуда Петро чтобы не могъ поднятся изъ земли, чтобы рвался грызть и себя, но грызъ бы самого себя, а кости его росли бы, чѣмъ дальше, больше, чтобы чрезъ то еще сильнѣе становилась его боль. Та мука для него будетъ самая страшная, ибо для человѣка нѣтъ большей муки, какъ хотѣть отмстить, и не мочь отмстить“.

***

„Страшна казнь, тобою выдуманная, человѣче!—сказалъ Богъ.—Пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ; но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ, и не будетъ тебѣ царствія небеснаго, покамѣстъ ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ!“ И то, все такъ сбылось, какъ было сказано: и донынѣ стоитъ на Карпатѣ на конѣ дивный рыцарь и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ растетъ, гложетъ въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю...“

Уже слѣпецъ кончилъ свою пѣсню; уже снова сталъ перебирать струны; уже сталъ пѣть смѣшныя присказки про Хому и Ерему, про Стекляра Стокозу... но старые и малые все еще не думали очнуться и долго стояли, потупивъ головы, раздумывая о страшномъ, въ старину случившемся, дѣлѣ.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА.

Съ этой исторіей случилась исторія: намъ разсказывалъ ее пріѣзжавшій изъ Гадяча Степанъ Ивановичъ Курочка. Нужно вамъ знать, что память у меня, невозможно сказать, что за дрянь: хоть говори, хоть не говори, все одно. То же самое, что въ рѣшето воду лей. Зная за собою такой грѣхъ, нарочно просилъ его списать ее въ тетрадку. Ну, давай Богъ ему здоровья, человѣкъ онъ былъ всегда добрый для меня, взялъ и списалъ. Положилъ я ее въ маленькій столикъ; вы, думаю, его хорошо знаете: онъ стоитъ въ углу, когда войдешь въ дверь... Да; я и позабылъ, что вы у меня никогда не были. Старуха моя, съ которой живу уже лѣтъ тридцать вмѣстѣ, грамотѣ сроду не училась, — нечего и грѣха таить. Вотъ, замѣчаю я, что она пирожки печетъ на какой-то бумагѣ. Пирожки она, любезные читатели, удивительно хорошо печетъ; лучшихъ пирожковъ вы нигдѣ не будете ѣсть. Посмотрѣлъ какъ-то на сподку пирожка— смотрю: писанныя слова. Какъ будто сердце у меня знало: прихожу къ столику — тетрадки и половины нѣтъ! Остальные листки всѣ растаскала на пироги! Что прикажешь дѣлать? на старости лѣтъ не подраться же! Прошлый годъ случилось проѣзжать чрезъ Гадячъ; нарочно еще, не доѣзжая города, завязалъ узелокъ, чтобы не забыть попросить объ этомъ Степана Ивановича. Этого мало: взялъ обѣщаніе съ самого себя: какъ только чихну въ городѣ, то чтобы при этомъ вспомнить о немъ. Все напрасно. Проѣхалъ чрезъ городъ, и чихнулъ, и высморкался въ платокъ, а все позабылъ; да уже вспомнилъ, какъ верстъ за шесть отъѣхалъ отъ заставы. Нечего дѣлать, пришлось печатать безъ конца. Впрочемъ, если кто желаетъ непремѣнно знать, о чемъ говорится далѣе въ этой повѣсти, то ему стоитъ только нарочно пріѣхать въ Гадячъ и попросить Степана Ивановича. Онъ съ большимъ удовольствіемъ разскажетъ ее, хоть, пожалуй, снова отъ начала до конца. Живетъ онъ недалеко возлѣ каменной церкви. Тутъ есть сейчасъ маленькій переулокъ: какъ только поворотишь въ переулокъ, то будутъ вторыя или третьи ворота. Да вотъ лучше: когда увидите на дворѣ большой шестъ съ перепеломъ, и выйдетъ навстрѣчу вамъ толстая баба въ зеленой юбкѣ (онъ, не мѣшаетъ сказать, ведетъ жизнь холостую), то это его дворъ. Впрочемъ, вы можете его встрѣтить на базарѣ, гдѣ бываетъ онъ каждое утро до девяти часовъ, выбираетъ рыбу и зелень для своего стола и разговариваетъ съ отцомъ Антиномъ, или съ жидомъ-откупщикомъ. Вы его тотчасъ узнаете, потому что ни у кого нѣтъ, кромѣ него, панталонъ изъ цвѣтной выбойки и китайчатаго желтаго сюртука. Вотъ вамъ еще примѣта: когда ходитъ онъ, то всегда размахиваетъ руками. Еще покойный тамошній засѣдатель, Денисъ Петровичъ, всегда, бывало, увидѣвши его издали, говорилъ: „Глядите, глядите, вонъ идетъ вѣтряная мельница!“

I.

Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька.

Уже четыре года, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ отставкѣ и живетъ на хуторѣ своемъ Вытребенькахъ. Когда былъ онъ еще Ванюшею, то обучался въ гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ, и, надобно сказать, былъ преблагонравный и престарательный мальчикъ. Учитель россійской грамматики, Никифоръ Тимоѳеевичъ Дѣепричастіе, говаривалъ, что если бы всѣ у него были такъ старательны, какъ Шпонька, то онъ не носилъ бы съ собою въ классъ кленовой линейки, которою, какъ самъ онъ признавался, уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругомъ облиненная, нигдѣ ни пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смирно, сложивъ руки и уставивъ глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ сидѣвшему впереди его товарищу на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ *тѣсной бабы*. Когда кому нужда была въ ножикѣ, очинить перо, тотъ немедленно обращался къ Ивану Ѳедоровичу, зная, что у него всегда водился ножикъ; и Иванъ Ѳедоровичъ, тогда еще просто Ванюша, вынималъ его изъ небольшого кожанаго чехольчика, привязаннаго къ петлѣ своего сѣренькаго сюртука, и просилъ только не скоблить пера остріемъ ножика, увѣряя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонравіе скоро привлекло на него вниманіе даже самого учителя латинскаго языка, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводилъ страхъ на весь классъ. Этотъ страшный учитель, у котораго на каѳедрѣ всегда лежало два пучка розогъ, и половина слушателей стояла на колѣняхъ, сдѣлалъ Ивана Ѳедоровича аудиторомъ, несмотря на то, что въ классѣ было много съ гораздо лучшими способностями. Тутъ не можно пропустить одного случая, сдѣлавшаго вліяніе на всю его жизнь. Одинъ изъ ввѣренныхъ ему учениковъ, чтобы склонить своего аудитора написать ему въ спискѣ *scit*, тогда какъ онъ своего урока въ зубъ не зналъ, принесъ въ классъ завернутый

въ бумагу, облитый масломъ, блинъ. Иванъ Ѳедоровичъ хотя и держался справедливости, но на эту пору былъ голоденъ и не могъ противиться обольщенію: взялъ блинъ, поставилъ передъ собою книгу и началъ ѣсть и такъ былъ занятъ этимъ, что даже не замѣтилъ, какъ въ классѣ сдѣлалась вдругъ мертвая тишина. Тогда только съ ужасомъ очнулся онъ, когда страшная рука, протянувшись изъ фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на средину класса. „Подай сюда блинъ! Подай, говорятъ тебѣ, негодяй!“ сказалъ грозный учитель, схватилъ пальцами масляный блинъ и выбросилъ его за окно, строго запретивъ бѣгавшимъ по двору школьникамъ поднимать его. Послѣ этого тутъ же высѣкъ онъ пребольно Ивана Ѳедоровича по рукамъ; и дѣло: руки виноваты, зачѣмъ брали, а не другая часть тѣла. Какъ бы то ни было, только съ этихъ поръ робость, и безъ того неразлучная съ нимъ, увеличилась еще болѣе. Можетъ быть, это самое происшествіе было причиною того, что онъ не имѣлъ никогда желанія вступить въ штатскую службу, видя на опытѣ, что не всегда удается хоронить концы.

Было уже ему безъ малаго пятнадцать лѣтъ, когда перешелъ онъ во второй классъ, гдѣ, вмѣсто сокращеннаго катехизиса и четырехъ правилъ ариѳметики, принялся онъ за пространный, за книгу о должностяхъ человѣка и за дроби. Но, увидѣвши, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и получивши извѣстіе, что батюшка приказалъ долго жить, пробылъ еще два года и, съ согласія матушки, вступилъ потомъ въ П*** пѣхотный полкъ.

П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки, и, несмотря на то, что онъ большею частью стоялъ по деревнямъ, однако-жъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. Бо́льшая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ; нѣсколько человѣкъ даже танцовали мазурку, и полковникъ П*** полка никогда не упускалъ случая замѣтить объ этомъ, разговаривая съ кѣмъ-нибудь въ обществѣ. „У меня-съ,—говорилъ онъ обыкновенно, трепля себя по брюху послѣ каждаго слова,—многіе пляшутъ-съ мазурку, весьма многіе-съ, очень многіе-съ“. Чтобъ еще болѣе показать читателямъ образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, что не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать.

Обхожденіе съ такими товарищами, однако-же, ничуть не уменьшило робости Ивана Ѳедоровича; и такъ какъ онъ не пилъ выморозокъ, предпочитая имъ рюмку водки передъ обѣдомъ и ужиномъ, не танцовалъ мазурки и не игралъ въ банкъ, то, натурально, долженъ былъ всегда оставаться одинъ. Такимъ образомъ, когда другіе разъѣзжали на обывательскихъ по мелкимъ помѣщикамъ, онъ, сидя на своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувши мундиръ, лежалъ на постели.

За то не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ полку, и взводомъ своимъ онъ такъ командовалъ, что ротный командиръ всегда ставилъ его въ образецъ. За то въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ подпоручики.

Въ продолженіе этого времени онъ получилъ извѣстіе, что матушка скончалась; а тетушка, родная сестра матушки, которую онъ зналъ только потому, что она привозила ему въ дѣтствѣ и посылала даже въ Гадячъ сушеныя груши и дѣланные ею самою превкусные пряники (съ матушкой она была въ ссорѣ, и потому Иванъ Ѳедоровичъ послѣ не видалъ ея),—эта тетушка, по своему добродушію, взялась управлять небольшимъ его имѣніемъ, о чемъ извѣстила его въ свое время письмомъ.

Иванъ Ѳедоровичъ, будучи совершенно увѣренъ въ благоразуміи тетушки, началъ попрежнему исполнять свою службу. Иной на его мѣстѣ, получивши такой чинъ, возгордился бы; но гордость совершенно была ему неизвѣстна, и, сдѣлавшись подпоручикомъ, онъ былъ тотъ же самый Иванъ Ѳедоровичъ, какимъ былъ нѣкогда и въ прапорщичьемъ чинѣ. Пробывъ четыре года послѣ этого замѣчательнаго для него событія, онъ готовился выступить вмѣстѣ съ полкомъ изъ Могилевской губерніи въ Великороссію, какъ получилъ письмо такого содержанія:

„Любезный племянникъ,

Иванъ Ѳедоровичъ!

„Посылаю тебѣ бѣлье: пять паръ нитяныхъ карпетокъ и четыре рубашки тонкаго холста; да еще хочу поговорить съ тобою о дѣлѣ: такъ какъ ты уже имѣешь чинъ немаловажный, что, думаю, тебѣ извѣстно, и пришелъ въ такія лѣта, что пора и хозяйствомъ позаняться, то въ воинской службѣ тебѣ не зачѣмъ болѣе служить. Я уже стара и не могу всего присмотрѣть въ твоемъ хозяйствѣ; да и, дѣйствительно, многое притомъ имѣю тебѣ открыть лично. Пріѣзжай, Ванюша!

Въ ожиданіи подлиннаго удовольствія тебя видѣть, остаюсь многолюбящая твоя тетка

Василиса Цупчевьска.

„Чудная въ огородѣ у насъ выросла рѣпа: больше похожа на картофель, чѣмъ на рѣпу“

Чрезъ недѣлю послѣ полученія этого письма, Иванъ Ѳедоровичъ написалъ такой отвѣтъ:

„Милостивая государыня, тетушка,
Василиса Кашпаровна!

„Много благодарю васъ за присылку бѣлья. Особенно карпетки у меня очень старыя, что даже денщикъ штопалъ ихъ четыре раза, и очень оттого стали узкія. Насчетъ вашего мнѣнія о моей службѣ, я совершенно согласенъ съ вами и третьяго дня подалъ отставку. А какъ только получу увольненіе, то найму извозчика. Прежней вашей комиссіи, насчетъ сѣмянъ пшеницы, сибирской арнаутки, не могъ исполнить: во всей Могилевской губерніи нѣтъ такой. Свиней же здѣсь кормятъ большею частію брагой, подмѣшивая немного выигравшагося пива.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивая государыня, тетушка, пребываю племянникомъ

Иваномъ Шпонькою“.

Наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ получилъ отставку, съ чиномъ поручика, напялъ за сорокъ рублей жида отъ Могилева до Гадяча и сѣлъ въ кибитку въ то самое время, когда деревья одѣлись молодыми, еще рѣдкими листьями, вся земля ярко зазеленѣла свѣжею зеленью и по всему полю пахло весною.

II.

Дорога.

Въ дорогѣ ничего не случилось слишкомъ замѣчательнаго. Ѣхали съ небольшимъ двѣ недѣли. Можетъ быть, еще и этого скорѣе пріѣхалъ бы Иванъ Ѳедоровичъ, но набожный жидъ шабашовалъ по субботамъ и, накрывшись своею пономой, молился весь день. Впрочемъ, Иванъ Ѳедоровичъ, какъ уже имѣлъ я случай замѣтить прежде, былъ такой человѣкъ, который не допускалъ къ себѣ скуки. Въ то время развязывалъ онъ чемоданъ, вынималъ бѣлье, разсматривалъ его хорошенько: такъ ли вымыто, такъ ли сложено; снималъ осторожно пушокъ съ новаго мундира, сшитаго уже безъ погончиковъ, и снова все это укладывалъ наилучшимъ образомъ. Книгъ онъ, вообще сказать, не любилъ читать; а если заглядывалъ иногда въ гадательную книгу, такъ это потому, что любилъ встрѣчать тамъ знакомое, читанное уже нѣсколько разъ. Такъ городской житель отправляется каждый день въ клубъ, не для того, чтобы услышать тамъ что-нибудь новое, но чтобы встрѣтить тѣхъ пріятелей, съ которыми онъ уже съ незапамятныхъ временъ привыкъ болтать въ клубѣ. Такъ чиновникъ съ большимъ наслажденіемъ читаетъ адресъ-календарь по нѣскольку разъ въ день, не для какихъ-нибудь дипломатическихъ затѣй, но его тѣшитъ до крайности печатная роспись именъ. „А! Иванъ Гавриловичъ такой-то!.. — повторяетъ онъ глухо про себя. —А! вотъ и я! гм!..“ И на слѣдующій разъ снова перечитываетъ его съ тѣми же восклицаніями.

Послѣ двухнедѣльной ѣзды, Иванъ Ѳедоровичъ достигнулъ деревушки, находившейся въ ста верстахъ отъ Гадяча. Это было въ пятницу. Солнце давно уже зашло, когда онъ въѣ алъ съ кибиткою и съ жидомъ на постоялый дворъ.

Этотъ постоялый дворъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, выстроенныхъ по небольшимъ деревушкамъ. Въ нихъ, обыкновенно, съ большимъ усердіемъ потчуютъ путешественника сѣномъ и овсомъ, какъ будто бы онъ былъ почтовая лошадь. Но если бы онъ захотѣлъ позавтракать, какъ обыкновенно завтракаютъ порядочные люди, то сохранилъ бы въ ненарушимости свой аппетитъ до другого случая. Иванъ Ѳедоровичъ, зная все это, заблаговременно запасся двумя вязками бубликовъ и колбасою и, спросивши рюмку водки, въ которой не бываетъ недостатка ни на одномъ постояломъ дворѣ, началъ свой ужинъ, усѣвшись на лавкѣ передъ дубовымъ столомъ, неподвижно вкопаннымъ въ глинный полъ.

Въ продолженіе этого времени послышался стукъ брички. Ворота заскрипѣли; но бричка долго не въѣзжала на дворъ. Громкій голосъ бранился со старухою, содержавшею трактиръ.

— Я въѣду, — услышалъ Иванъ Ѳедоровичъ, — но если хоть одинъ клопъ укуситъ меня въ твоей хатѣ, то прибью, ей-Богу, прибью, старая колдунья! и за сѣно ничего не дамъ!

Минуту спустя, дверь отворилась, и вошелъ, или, лучше сказать, влѣзъ толстый человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ. Голова его неподвижно покоилась на короткой шеѣ, казавшейся еще толще отъ двухъэтажнаго подбородка. Казалось, и съ виду онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не ломали никогда головы надъ пустяками, и которыхъ вся жизнь катилась по маслу.

— Желаю здравствовать, милостивый государь! — проговорилъ онъ, увидѣвши Ивана Ѳедоровича.

Иванъ Ѳедоровичъ безмолвно поклонился.

— А позвольте спросить: съ кѣмъ имѣю честь говорить? — продолжалъ толстый пріѣзжій.

При такомъ допросѣ Иванъ Ѳедоровичъ невольно поднялся съ мѣста и сталъ въ вытяжку, что обыкновенно онъ дѣлывалъ, когда спрашивалъ его о чемъ полковникъ.

— Отставной поручикъ, Иванъ Ѳедоровъ Шпонька, — отвѣчалъ онъ.

— А смѣю ли спросить, въ какія мѣста изволите ѣхать?

— Въ собственный хуторъ-съ, Вытребеньки.

— Вытребеньки!—воскликнулъ строгій допросчикъ. — Позвольте, милостивый государь, позвольте! — говорилъ онъ, подступая къ нему и размахивая руками, какъ будто бы кто-нибудь его не допускалъ, или онъ продирался сквозь толпу, и, приблизившись, принялъ Ивана Ѳедоровича въ объятія и облобызалъ сначала въ правую, потомъ въ лѣвую, и потомъ снова въ правую щеку. Ивану Ѳедоровичу очень понравилось это лобызаніе, потому что губы его приняли большія щеки незнакомца за мягкія подушки.

— Позвольте, милостивый государь, познакомиться! — продолжалъ толстякъ, — я помѣщикъ того же гадячскаго повѣта и вашъ сосѣдъ; живу отъ хутора вашего Вытребеньки не дальше пяти верстъ, въ селѣ Хортыщѣ; а фамилія моя Григорій Григорьевичъ Сторченко. Непремѣнно, непремѣнно, милостивый государь, и знать васъ не хочу, если не пріѣдете въ гости въ село Хортыще. Я теперь спѣшу по надобности... А что это?—проговорилъ онъ кроткимъ голосомъ вошедшему своему жокею, мальчику въ козацкой свиткѣ, съ заплатанными локтями, съ недоумѣвающею миною ставившему на столъ узлы и ящики.—Что это, что?—и голосъ Григорія Григорьевича незамѣтно дѣлался грознѣе и грознѣе. — Развѣ я это сюда велѣлъ ставить тебѣ, любезный? Развѣ я это сюда говорилъ ставить тебѣ, подлецъ? Развѣ я не говорилъ тебѣ, напередъ разогрѣть курицу, мошенникъ? Пошелъ!— вскрикнулъ онъ, топнувъ ногою.—Постой, рожа! Гдѣ погребецъ со штофиками? Иванъ Ѳедоровичъ!— говорилъ онъ, наливая рюмку настойки,—прошу покорно лѣкарственной!

— Ей-Богу-съ, не могу... я уже имѣлъ случай... — проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ съ запинкою.

— И слушать не хочу, милостивый государь!— возвысилъ голосъ помѣщикъ,—и слушать не хочу! Съ мѣста не сойду, покамѣстъ не выкушаете...

Иванъ Ѳедоровичъ, увидѣвши, что нельзя отказаться, не безъ удовольствія выпилъ.

— Это курица, милостивый государь,—продолжалъ толстый Григорій Григорьевичъ, разрѣзывая ее ножомъ въ деревянномъ ящикѣ. — Надобно вамъ сказать, что повариха моя Явдоха иногда любитъ куликнуть и оттого часто пересушиваетъ. Эй, хлопче! — тутъ оборотился онъ къ мальчику въ козацкой свиткѣ, принесшему перину и подушки, — постели постель мнѣ на полу посреди хаты! Смотри же, сѣна повыше наклади подъ подушку! Да выдерни у бабы изъ мычки клочокъ пеньки заткнуть мнѣ уши на ночь! Надобно вамъ знать, милостивый государь, что я имѣю обыкновеніе затыкать на ночь уши съ того проклятаго случая, когда въ одной русской корчмѣ залѣзъ мнѣ въ лѣвое ухо тараканъ. Проклятые кацапы, какъ я послѣ узналъ, ѣдятъ даже щи съ тараканами. Невозможно описать, что происходило со мною: въ ухѣ такъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ... ну, хоть на стѣну! Мнѣ помогла уже въ нашихъ мѣстахъ простая старуха, и чѣмъ бы вы думали? просто, зашептываніемъ. Что вы скажете, милостивый государь, о лѣкаряхъ? Я думаю, что они просто морочатъ и дурачатъ насъ: иная старуха въ двадцать разъ лучше знаетъ всѣхъ этихъ лѣкарей.

— Дѣйствительно, вы изволите говорить совершенную-съ правду. Иная точно бываетъ...

Тутъ онъ остановился, какъ бы не прибирая далѣе приличнаго слова. Не мѣшаетъ здѣсь и мнѣ сказать, что онъ вообще не былъ щедръ на слова. Можетъ быть, это происходило отъ робости, а, можетъ, и отъ желанія выразиться красивѣе.

— Хорошенько, хорошенько перетряси сѣно!— говорилъ Григорій Григорьевичъ своему лакею,— тутъ сѣно такое гадкое, что, того и гляди, какъ-нибудь попадетъ сучокъ. Позвольте, милостивый государь, пожелать спокойной ночи! Завтра уже не увидимся: я выѣзжаю до зари. Вашъ жидъ будетъ шабашовать, потому что завтра суббота, такъ вамъ нечего и вставать рано. Не забудьте же моей просьбы: и знать васъ не хочу, когда не пріѣдете въ село Хортыще.

Тутъ камердинеръ Григорія Григорьевича стащилъ съ него сюртукъ и сапоги, натянувъ на него вмѣсто того халатъ, и Григорій Григорьевичъ повалился на постель, и, казалось, огромная перина легла на другую.

— Эй, хлопче! куда же ты, подлецъ? Поди сюда, поправь мнѣ одѣяло! Эй, хлопче, подмости подъ голову сѣна! Да что, коней уже напоили? Еще сѣна! сюда, подъ этотъ бокъ! Да поправь, подлецъ, хорошенько одѣяло! Вотъ такъ, еще! охъ!..

Тутъ Григорій Григорьевичъ еще вздохнулъ раза два и пустилъ страшный носовой свистъ по всей комнатѣ, всхрапывая повременамъ такъ, что дремавшая на лежанкѣ старуха, пробудившись, вдругъ смотрѣла въ оба глаза на всѣ стороны, но не видя ничего, успокаивалась и засыпала снова.

На другой день, когда проснулся Иванъ Ѳедоровичъ, толстаго помѣщика уже не было. Это было одно только замѣчательное происшествіе, случившееся съ нимъ на дорогѣ. На третій день послѣ того приближался онъ къ своему хуторку.

Тутъ почувствовалъ онъ, что сердце въ немъ сильно забилось, когда выглянула, махая крыльями,

вѣтряная мельница и когда, по мѣрѣ того, какъ жидъ гналъ своихъ клячъ на гору, показывался внизу рядъ вербъ. Живо и ярко блестѣлъ сквозь нихъ прудъ и дышалъ свѣжестью. Здѣсь когда-то онъ купался; въ этомъ самомъ прудѣ онъ когда-то съ ребятишками брелъ по шею въ водѣ за раками. Кибитка взъѣхала на греблю, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ тотъ же самый старинный домикъ, покрытый очеретомъ, тѣ же самыя яблони и черешни, по которымъ онъ когда-то украдкою лазилъ. Только-что въѣхалъ онъ на дворъ, какъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ собаки всѣхъ сортовъ: бурыя, черныя, сѣрыя, пѣгія. Нѣкоторыя съ лаемъ кидались подъ ноги лошадямъ, другія бѣжали сзади, замѣтивъ, что ось вымазана саломъ; одна, стоя возлѣ кухни и накрывъ лапою кость, заливалась во все горло; другая лаяла издали и бѣгала взадъ и впередъ, помахивая хвостомъ и какъ бы приговаривая: „Посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человѣкъ!“ Мальчишки, въ запачканныхъ рубашкахъ бѣжали глядѣть. Свинья, прохаживавшаяся по двору съ шестнадцатью поросятами, подняла вверхъ съ испытующимъ видомъ свое рыло и хрюкнула громче обыкновеннаго. На дворѣ лежало на землѣ множество рядень съ пшеницею, просомъ и ячменемъ, сушившимися на солнцѣ. На крышѣ тоже не мало сушилось разнаго рода травъ: Петровыхъ батоговъ, нечуй-вѣтра и другихъ.

Иванъ Ѳедоровичъ такъ былъ занятъ разсматриваніемъ этого, что очнулся тогда только, когда пѣгая собака укусила слѣзавшаго съ козелъ жида за икру. Сбѣжавшаяся дворня, состоявшая изъ поварихи, одной бабы и двухъ дѣвокъ въ шерстяныхъ исподницахъ, послѣ первыхъ восклицаній: *„та се жъ панычъ нашъ!“* объявила, что тетушка садила въ огородѣ пшеничку вмѣстѣ съ дѣвкою Палашкою и кучеромъ Омелькомъ, исправлявшимъ часто должность огородника и сторожа. Но тетушка, которая еще издали завидѣла рогожную кибитку, была уже здѣсь. И Иванъ Ѳедоровичъ изумился, когда она почти подняла его на рукахъ, какъ бы не довѣряя, та ли это тетушка, которая писала къ нему о своей дряхлости и болѣзни.

III.

Тетушка.

Тетушка Василиса Кашпаровна въ это время имѣла лѣтъ около пятидесяти. Замужемъ она никогда не была и обыкновенно говорила, что жизнь дѣвическая для нея дороже всего. Впрочемъ, сколько мнѣ помнится, никто и не сватался ее. Это происходило оттого, что всѣ мужчины чувствовали при ней какую-то робость и никакъ не имѣли духа сдѣлать ей признаніе. „Весьма съ большимъ характеромъ Василиса Кашпаровна!“ говорили женихи и были совершенно правы, потому что Василиса Кашпаровна хоть кого умѣла сдѣлать тише травы. Пьяницу-мельника, который совершенно былъ ни къ чему негоденъ, она, собственною своею мужественною рукою дергая каждый день за чубъ, безъ всякаго посторонняго средства, умѣла сдѣлать золотомъ, а не человѣкомъ. Ростъ она имѣла почти исполинскій, дородность и силу совершенно соразмѣрную. Казалось, что природа сдѣлала непростительную ошибку, опредѣливъ ей носить темно-коричневый, по буднямъ, капотъ съ мелкими сборками и красную кашемировую шаль въ день Свѣтлаго Воскресенія и своихъ именинъ, тогда какъ ей болѣе всего шли бы драгунскіе усы и длинные ботфорты. За то занятія ея совершенно соотвѣтствовали ея виду: она каталась сама на лодкѣ, гребя весломъ искуснѣе всякаго рыболова; стрѣляла дичь; стояла неотлучно надъ косарями; знала наперечетъ число дынь и арбузовъ на баштанѣ; брала пошлину по пяти копѣекъ съ воза, проѣзжавшаго черезъ ея греблю; взлѣзала на дерево и трусила груши, била лѣнивыхъ вассаловъ своею страшною рукою и подносила достойнымъ рюмку водки тою же грозною рукою. Почти въ одно время она бранилась, красила пряжу, бѣгала на кухню, дѣлала квасъ, варила медовое варенье и хлопотала весь день и вездѣ поспѣвала. Слѣдствіемъ этого было то, что маленькое имѣньице Ивана Ѳедоровича, состоявшее изъ осьмнадцати душъ по послѣдней ревизіи, процвѣтало въ полномъ смыслѣ сего слова. Къ тому-жъ она слишкомъ горячо любила своего племянника и тщательно собирала для него копѣйку.

По пріѣздѣ домой, жизнь Ивана Ѳедоровича рѣшительно измѣнилась и пошла совершенно другою дорогою. Казалось, натура именно создала его для управленія осьмнадцатидушнымъ имѣніемъ. Сама тетушка замѣтила, что онъ будетъ хорошимъ хозяиномъ, хотя, впрочемъ, не во всѣ еще отрасли хозяйства позволяла ему вмѣшиваться. *„Воно ще молода дытына!“* обыкновенно она говаривала, несмотря на то, что Ивану Ѳедоровичу было безъ малаго сорокъ лѣтъ:—гдѣ ему все знать!

Однако-жъ, онъ неотлучно бывалъ въ полѣ при жнецахъ и косаряхъ, и это доставляло наслажденіе неизъяснимое его кроткой душѣ. Единодушный взмахъ десятка и болѣе блестящихъ косъ; шумъ падающей стройными рядами травы; изрѣдка заливающіяся пѣсни жницъ, то веселыя, какъ встрѣча гостей, то заунывныя, какъ разлука; спокойный, чистый вечеръ, — и что за вечеръ! какъ воленъ и свѣжъ воздухъ! какъ тогда оживлено все: степь краснѣетъ, синѣетъ и горитъ цвѣтами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики,

тысячи насѣкомыхъ, и отъ нихъ свистъ, жужжаніе, трескъ, крикъ и вдругъ стройный хоръ; и все не молчитъ ни на минуту; а солнце садится и кроется. У! какъ свѣжо и хорошо! По полю, то тамъ, то тамъ, раскладываются огни и ставятъ котлы, и вкругъ котловъ садятся усатые косари; паръ отъ галушекъ несется; сумерки сѣрѣютъ... Трудно разсказать, что дѣлалось тогда съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Онъ забывалъ, присоединяясь къ косарямъ, отвѣдать ихъ галушекъ, которыя очень любилъ, и стоялъ недвижимо на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами пропадавшую въ небѣ чайку, или считая копы нажатаго хлѣба, унизывавшія поле.

Въ непродолжительномъ времени объ Иванѣ Ѳедоровичѣ вездѣ пошли рѣчи, какъ о великомъ хозяинѣ. Тетушка не могла нарадоваться своимъ племянникомъ и никогда не упускала случая имъ похвастаться. Въ одинъ день,—это было уже по окончаніи жатвы, и именно въ концѣ іюля,—Василиса Кашпаровна, взявши Ивана Ѳедоровича съ таинственнымъ видомъ за руку, сказала, что она теперь хочетъ поговорить съ нимъ о дѣлѣ, которое съ давнихъ поръ уже ее занимаетъ.

— Тебѣ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ,—такъ она начала,—извѣстно, что въ твоемъ хуторѣ осьмнадцать душъ, впрочемъ, это по ревизіи, а безъ того, можетъ, наберется больше, можетъ, будетъ до двадцати четырехъ. Но не объ этомъ дѣло. Ты знаешь тотъ лѣсокъ, что за нашею левадою, и, вѣрно, знаешь за тѣмъ же лѣсомъ широкій лугъ: въ немъ двадцать безъ малаго десятинъ; а травы столько, что можно каждый годъ продавать больше, чѣмъ на сто рублей, особенно, если, какъ говорятъ, въ Гадячѣ будетъ конный полкъ.

— Какъ же-съ, тетушка, знаю: трава очень хорошая.

— Это я сама знаю, что очень хорошая; но знаешь ли ты, что вся эта земля, по настоящему, твоя? Что-жъ ты такъ выпучилъ глаза? Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ! Ты помнишь Степана Кузьмича? Что я говорю: „помнишь!“ Ты тогда былъ такимъ маленькимъ, что не могъ выговорить даже его имени. Куда-жъ! Я помню, когда пріѣхала на самое пущенье, передъ Филипповкою, и взяла было тебя на руки, то ты чуть не испортилъ мнѣ всего платья; къ счастью, что успѣла передать тебя мамкѣ Матренѣ; такой ты тогда былъ гадкій!.. Но не объ этомъ дѣло. Вся земля, которая за нашимъ хуторомъ, и самое село Хортыще, было Степана Кузьмича. Онъ, надобно тебѣ объявить, еще тебя не было на свѣтѣ, какъ началъ ѣздить къ твоей матушкѣ,—правда, въ такое время, когда отца твоего не бывало дома. Но я, однако-жъ, это не въ укоръ ей говорю,—упокой, Господи, ея душу!—хотя покойница была всегда неправа противъ меня. Но не объ этомъ дѣло. Какъ бы то ни было, только Степанъ Кузьмичъ сдѣлалъ тебѣ дарственную запись на то самое имѣніе, объ которомъ я тебѣ говорила. Но покойница твоя матушка, между нами будь сказано, была пречудного нрава. Самъ чортъ (Господи, прости меня за это гадкое слово!) не могъ бы понять ее. Куда она дѣла эту запись—одинъ Богъ знаетъ! Я думаю, просто, что она въ рукахъ этого стараго холостяка, Григорія Григорьевича Сторченка. Этой пузатой шельмѣ досталось все его имѣніе. Я готова ставить, Богъ знаетъ что, если онъ не утаилъ записи.

— Позвольте-съ доложить, тетушка: не тотъ ли это Сторченко, съ которымъ я познакомился на станціи?—Тутъ Иванъ Ѳедоровичъ разсказалъ про свою встрѣчу.

— Кто его знаетъ!—отвѣчала, немного подумавъ, тетушка,—можетъ быть, онъ и не негодяй. Правда, онъ, всего только полгода, какъ переѣхалъ къ намъ жить; въ такое время человѣка не узнаешь. Старуха-то, матушка его, я слышала, очень разумная женщина и, говорятъ, большая мастерица солить огурцы; ковры собственныя дѣвки ея умѣютъ отлично хорошо выдѣлывать. Но такъ какъ ты говоришь, что онъ тебя хорошо принялъ, то поѣзжай къ нему: можетъ быть, старый грѣшникъ послушается совѣсти и отдастъ, что принадлежитъ не ему. Пожалуй, можешь поѣхать и въ бричкѣ, только проклятая дитвора повыдергала сзади всѣ гвозди; нужно будетъ сказать кучеру Омелькѣ, чтобы прибилъ вездѣ получше кожу.

— Для чего, тетушка? Я возьму повозку, въ которой вы ѣздите иногда стрѣлять дичь.

Этимъ окончился разговоръ.

IV.

Обѣдъ.

Въ обѣденную пору Иванъ Ѳедоровичъ въѣхалъ въ село Хортыще и немного оробѣлъ, когда сталъ приближаться къ господскому дому. Домъ этотъ былъ длинный и не подъ очеретяною, какъ у многихъ окружныхъ помѣщиковъ, но подъ деревянною крышею. Два амбара во дворѣ тоже подъ деревянною крышею; ворота дубовыя. Иванъ Ѳедоровичъ похожъ былъ на того франта, который, заѣхавъ на балъ, видитъ всѣхъ, куда ни оглянется, одѣтыхъ щеголеватѣе его. Изъ почтенія онъ остановилъ свой возокъ возлѣ амбара и подошелъ пѣшкомъ къ крыльцу.

— А! Иванъ Ѳедоровичъ!—закричалъ толстый Григорій Григорьевичъ, ходившій по двору въ

сюртукѣ, но безъ галстука, жилета и подтяжекъ. Однако-жъ и этотъ нарядъ, казалось, обременялъ его тучную ширину, потому что потъ катился съ него градомъ.—Что-жъ вы говорили, что сейчасъ, какъ только увидитесь съ тетушкой, пріѣдете, да и не пріѣхали?

Послѣ этихъ словъ, губы Ивана Ѳедоровича встрѣтили тѣ же самыя знакомыя подушки.

— Большею частью занятія по хозяйству... Я-съ пріѣхалъ къ вамъ на минутку, собственно по дѣлу...

— На минутку? Вотъ этого-то не будетъ. Эй, хлопче!—закричалъ толстый хозяинъ, и тотъ же самый мальчикъ въ козацкой свиткѣ выбѣжалъ изъ кухни.—Скажи Касьяну, чтобы ворота сейчасъ заперъ,—слышишь!—заперъ крѣпче! А коней вотъ этого пана распрягъ бы сію минуту. Прошу въ комнату: здѣсь такая жара, что у меня вся рубашка мокра.

Иванъ Ѳедоровичъ, вошедши въ комнату, рѣшился не терять напрасно времени и, несмотря на свою робость, наступать рѣшительно.

— Тетушка имѣла честь... сказывала мнѣ, что дарственная запись покойнаго Степана Кузьмича...

Трудно изобразить, какую непріятную мину сдѣлало при этихъ словахъ обширное лицо Григорія Григорьевича.

— Ей Богу, ничего не слышу! — отвѣчалъ онъ.—Надобно вамъ сказать, что у меня въ лѣвомъ ухѣ сидѣлъ тараканъ (въ русскихъ избахъ проклятые кацапы вездѣ поразводили таракановъ); невозможно описать никакимъ поромъ, что за мученіе было—такъ вотъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ! Мнѣ помогла уже одна старуха самымъ простымъ средствомъ...

— Я хотѣлъ сказать... — осмѣлился прервать Иванъ Ѳедоровичъ, видя, что Григорій Григорьевичъ съ умысломъ хочетъ поворотить рѣчь на другое,— что въ завѣщаніи покойнаго Степана Кузьмича упоминается, такъ сказать, о дарственной записи... по ней слѣдуетъ мнѣ...

— Я знаю, это вамъ тетушка успѣла наговорить. Это ложь, ей Богу, ложь! Никакой дарственной записи дядюшка не дѣлалъ. Хотя, правда, въ завѣщаніи и упоминается о какой-то записи; но гдѣ же она? Никто не представилъ ее. Я вамъ это говорю потому, что искренно желаю вамъ добра. Ей Богу, это ложь!

Иванъ Ѳедоровичъ замолчалъ, разсуждая, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ тетушкѣ такъ только показалось.

— А вотъ идетъ сюда матушка съ сестрами!— сказалъ Григорій Григорьевичъ,—слѣдовательно, обѣдъ готовъ. Пойдемте!

Тутъ онъ потащилъ Ивана Ѳедоровича за руку въ комнату, въ которой стояли на столѣ водка и закуски.

Въ то самое время вошла старушка, низенькая, совершенный кофейникъ въ чепчикѣ, съ двумя барышнями — бѣлокурой и черноволосой. Иванъ Ѳедоровичъ, какъ воспитанный кавалеръ, подошелъ сначала къ старушкиной ручкѣ, а послѣ къ ручкамъ обѣихъ барышень.

— Это, матушка, нашъ сосѣдъ, Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька!—сказалъ Григорій Григорьевичъ.

Старушка смотрѣла пристально на Ивана Ѳедоровича, или, можетъ быть, только казалась смотрѣвшею. Впрочемъ, это была совершенная доброта; казалось, она такъ и хотѣла спросить Ивана Ѳедоровича: „сколько вы на зиму насаливаете огурцовъ?“

— Вы водку пили?—спросила старушка.

— Вы, матушка, вѣрно, не выспались,—сказалъ Григорій Григорьевичъ, — кто-жъ спрашиваетъ гостя, пилъ ли онъ? Вы потчивайте только; а пили ли мы, или нѣтъ, это наше дѣло. Иванъ Ѳедоровичъ! прошу: золототысячниковой, или трохимовской сивушки? Какую вы лучше любите? Иванъ Ивановичъ, а ты что стоишь? — произнесъ Григорій Григорьевичъ, оборотившись назадъ, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ подходившаго къ водкѣ Ивана Ивановича, въ долгополомъ сюртукѣ, съ огромнымъ стоячимъ воротникомъ, закрывавшимъ весь его затылокъ, такъ что голова его сидѣла въ воротникѣ, какъ будто въ бричкѣ.

Иванъ Ивановичъ подошелъ къ водкѣ, потеръ руки, разсмотрѣлъ хорошенько рюмку, налилъ, поднесъ къ свѣту, вылилъ разомъ изъ рюмки всю водку въ ротъ, но, не проглатывая, пополоскалъ ею хорошенько во рту, послѣ чего уже проглотилъ, и, закусивши хлѣбомъ съ соленьими опенками, оборотился къ Ивану Ѳедоровичу.

— Не съ Иваномъ ли Ѳедоровичемъ, господиномъ Шпонькою, имѣю честь говорить?

— Такъ точно-съ, — отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Очень много изволили перемѣниться съ того времени, какъ я васъ знаю. Какъ же!—продолжалъ Иванъ Ивановичъ,—я еще помню васъ вотъ какими!—При этомъ поднялъ онъ ладонь на аршинъ отъ пола.—Покойный батюшка вашъ, дай Боже ему царствіе небесное, рѣдкій былъ человѣкъ. Арбузы и дыни всегда бывали у него такіе, какихъ теперь нигдѣ не найдете. Вотъ хоть бы и тутъ,—продолжалъ онъ, отводя его въ сторону,—подадутъ вамъ за столомъ дыни,—что за дыни? смотрѣть не хочется! Вѣрите ли, милостивый государь, что у него были арбузы, — произнесъ онъ съ таинственнымъ видомъ, разставляя руки, какъ будто бы хотѣлъ обхватить толстое дерево,—ей Богу, вотъ какіе!

Чудится діду, что изъ-за горы мигаетъ какая то харя.

— Пойдемте за столъ!—сказалъ Григорій Григорьевичъ, взявши Ивана Ѳедоровича за руку.

Григорій Григорьевичъ сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, въ концѣ стола, завѣсившись огромною салфеткою и походя въ этомъ видѣ на тѣхъ героевъ, которыхъ рисуютъ цырюльники на своихъ вывѣскахъ. Иванъ Ѳедоровичъ, краснѣя, сѣлъ на указанное ему мѣсто противъ двухъ барышень; а Иванъ Ивановичъ не преминулъ помѣститься возлѣ него, радуясь душевно, что будетъ кому сообщать свои познанія.

— Вы напрасно взяли куприкъ, Иванъ Ѳедоровичъ! Это индѣйка!—сказала старушка, обратившись къ Ивану Ѳедоровичу, которому въ это время поднесъ блюдо деревенскій офиціантъ въ сѣромъ фракѣ съ черною заплатою.—Возьмите спинку!

— Матушка! вѣдь васъ никто не проситъ мѣшаться! — произнесъ Григорій Григорьевичъ. — Будьте увѣрены, что гость самъ знаетъ, что ему взять! Иванъ Ѳедоровичъ! возьмите крылышко, вонъ другое, съ пупкомъ! Да что-жъ вы такъ мало взяли? Возьмите стегнышко! Ты что разинулъ ротъ съ блюдомъ? Прочь! Становись, подлецъ, на колѣни! Говори сейчасъ: „Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стегнышко!“

— Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стегнышко!— проревѣлъ, ставъ на колѣни, офиціантъ съ блюдомъ.

— Гм! что это за индѣйки!—сказалъ вполголоса Иванъ Ивановичъ съ видомъ пренебреженія, оборотившись къ своему сосѣду.—Такія ли должны быть индѣйки? Если бы вы увидѣли у меня индѣекъ! Я васъ увѣряю, что жиру въ одной больше, чѣмъ въ десяткѣ такихъ, какъ эти. Вѣрите ли, государь мой, что даже противно смотрѣть, когда ходятъ онѣ у меня по двору—такъ жирны!..

— Иванъ Ивановичъ, ты лжешь!—произнесъ Григорій Григорьевичъ, вслушавшись въ его рѣчь.

— Я вамъ скажу,—продолжалъ все такъ же своему сосѣду Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто бы онъ не слышалъ словъ Григорія Григорьевича,—что прошлый годъ, когда я отправлялъ ихъ въ Гадячъ, давали по пятидесяти копѣекъ за штуку и то еще не хотѣлъ брать.

— Иванъ Ивановичъ! я тебѣ говорю, что ты лжешь! — произнесъ Григорій Григорьевичъ, для лучшей ясности, по складамъ и громче прежняго.

Но Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто это совершенно относилось не къ нему, продолжалъ такъ же, но только гораздо тише:

— Именно, государь мой, не хотѣлъ брать. Въ Гадячѣ ни у одного помѣщика...

— Иванъ Ивановичъ! вѣдь ты глупъ, и больше ничего,—громко сказалъ Григорій Григорьевичъ.— Вѣдь Иванъ Ѳедоровичъ знаетъ все это лучше тебя и, вѣрно, не повѣритъ тебѣ.

Тутъ Иванъ Ивановичъ совершенно обидѣлся, замолчалъ и принялся убирать индѣйку, несмотря на то, что она не такъ была жирна, какъ тѣ, на которыя противно смотрѣть.

Стукъ ножей, ложекъ и тарелокъ замѣнилъ на время разговоръ; но громче всего слышалось высмактываніе Григоріемъ Григорьевичемъ мозгу изъ бараньей кости.

— Читали ли вы, — спросилъ Иванъ Ивановичъ, послѣ нѣкотораго молчанія, высовывая голову изъ своей брички къ Ивану Ѳедоровичу,— книгу „Путешествіе Коробейникова ко святымъ мѣстамъ“? Истинное услажденіе души и сердца! Теперь такихъ книгъ не печатаютъ. Очень сожалительно, что не посмотрѣлъ, котораго году.

Иванъ Ѳедоровичъ, услышавши, что дѣло идетъ о книгѣ, прилежно началъ набирать себѣ соусу.

— Истинно удивительно, государь мой, какъ подумаешь, что простой мѣщанинъ прошелъ всѣ мѣста эти: болѣе трехъ тысячъ верстъ, государь мой! болѣе трехъ тысячъ верстъ! Подлинно его Самъ Господь сподобилъ побывать въ Палестинѣ и Іерусалимѣ.

— Такъ вы говорите, что онъ,—сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, который много наслышался о Іерусалимѣ еще отъ своего денщика, — былъ и въ Іерусалимѣ?

— О чемъ вы говорите, Иванъ Ѳедоровичъ?— произнесъ съ конца стола Григорій Григорьевичъ.

— Я, то-есть, имѣлъ случай замѣтить, что какія есть на свѣтѣ далекія страны! — сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, будучи сердечно доволенъ тѣмъ, что выговорилъ столь длинную и трудную фразу.

— Не вѣрьте ему, Иванъ Ѳедоровичъ! — сказалъ Григорій Григорьевичъ, не вслушавшись хорошенько,—все вретъ!

Между тѣмъ обѣдъ кончился. Григорій Григорьевичъ отправился въ свою комнату, по обыкновенію, немножко всхрапнуть; а гости пошли вслѣдъ за старушкою-хозяйкою и барышнями въ гостиную, гдѣ тотъ самый столъ, на которомъ оставили они, выходя обѣдать, водку, какъ бы превращеніемъ какимъ, покрылся блюдечками съ вареньемъ разныхъ сортовъ и блюдами съ арбузами, вишнями и дынями.

Отсутствіе Григорія Григорьевича замѣтно было во всемъ; хозяйка сдѣлалась словоохотнѣе и открывала сама, безъ просьбы, множество секретовъ насчетъ дѣланія пастилы и сушенія грушъ. Даже барышни стали говорить; но бѣлокурая, которая казалась моложе шестью годами своей сестры и которой по виду было около двадцати пяти лѣтъ, была молчаливѣе.

Но болѣе всѣхъ говорилъ и дѣйствовалъ Иванъ Ивановичъ. Будучи увѣренъ, что его теперь никто

не собьетъ и не смѣшаетъ, онъ говорилъ и объ огурцахъ, и о посѣвѣ картофеля, и о томъ, какіе въ старину были разумные люди,—куда противъ теперешнихъ!—и о томъ, какъ все, чѣмъ далѣе, умнѣетъ и доходитъ къ выдумыванію мудрѣйшихъ вещей. Словомъ, это былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые съ величайшимъ удовольствіемъ любятъ позаняться услаждающимъ душу разговоромъ и будутъ говорить обо всемъ, о чемъ только можно говорить. Если разговоръ касался важныхъ и благочестивыхъ предметовъ, то Иванъ Ивановичъ вздыхалъ послѣ каждаго слова, кивая слегка головою; ежели до хозяйственныхъ, то высовывалъ голову изъ своей брички и дѣлалъ такія мины, глядя на которыя, кажется, можно было прочитать, какъ нужно дѣлать грушевый квасъ, какъ велики тѣ дыни, о которыхъ онъ говорилъ, и какъ жирны тѣ гуси, которые бѣгаютъ у него по двору.

Наконецъ, съ великимъ трудомъ, уже ввечеру, удалось Ивану Ѳедоровичу распрощаться и, несмотря на свою сговорчивость и на то, что его насильно оставляли ночевать, онъ устоялъ-таки въ своемъ намѣреніи ѣхать,—и уѣхалъ.

V.

Новый замыселъ тетушки.

— Ну, что? Выманилъ у стараго лиходѣя запись?—Такимъ вопросомъ встрѣтила Ивана Ѳедоровича тетушка, которая съ нетерпѣніемъ дожидалась его уже нѣсколько часовъ на крыльцѣ и не вытерпѣла, наконецъ, чтобы не выбѣжать за ворота.

— Нѣтъ, тетушка, — сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, слѣзая съ повозки,—у Григорія Григорьевича нѣтъ никакой записи!

— И ты повѣрилъ ему? Вретъ онъ, проклятый! Когда-нибудь попаду, право, поколочу его собственными руками. О, я ему поспущу жиру! Впрочемъ, нужно напередъ поговорить съ нашимъ подсудкомъ, нельзя ли судомъ съ него стребовать... Но не объ этомъ теперь дѣло. Ну, что-жъ, обѣдъ былъ хорошій?

— Очень... да, весьма, тетушка!

— Ну, какія-жъ были кушанья? Разскажи. Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней.

— Сырники были со сметаною, тетушка; соусъ съ голубями, начиненными...

— А индѣйка со сливами была?—спросила тетушка, потому что сама была большая искусница приготовлять это блюдо.

— Была и индѣйка!.. Весьма красивыя барышни—сестрицы Григорія Григорьевича, особенно бѣлокурая!

— А! — сказала тетушка и посмотрѣла пристально на Ивана Ѳедоровича, который, покраснѣвъ, потупилъ глаза въ землю. Новая мысль быстро промелькнула въ ея головѣ.—Ну, что-жъ?—спросила она съ любопытствомъ и живо, — какія у ней брови?

Не мѣшаетъ замѣтить, что тетушка всегда поставляла первую красоту женщины въ бровяхъ.

— Брови, тетушка, совершенно-съ такія, какія, вы разсказывали, въ молодости были у васъ. И по всему лицу небольшія веснушки.

— А!—сказала тетушка, будучи довольна замѣчаніемъ Ивана Ѳедоровича, который, однако-жъ, не имѣлъ и въ мысляхъ сказать этимъ комплиментъ. — Какое же было на ней платье? Хотя, впрочемъ, теперь трудно найти такихъ плотныхъ матерій, какая вотъ хоть бы, напримѣръ, у меня на этомъ капотѣ. Но не объ этомъ дѣло. Ну, что-жъ, ты говорилъ о чемъ-нибудь съ нею?

— То-есть, какъ... я-съ, тетушка? Вы, можетъ быть, уже думаете...

— А что-жъ? Что тутъ диковиннаго? Такъ Богу угодно! Можетъ быть, тебѣ съ нею на роду написано жить парочкою.

— Я не знаю, тетушка, какъ вы можете это говорить. Это доказываетъ, что вы совершенно не знаете меня...

— Ну, вотъ, уже и обидѣлся! — сказала тетушка. „*Ще молода дытына!* — подумала она про себя,—ничего не знаетъ! Нужно ихъ свести вмѣстѣ: пусть познакомятся!“

Тутъ тетушка пошла заглянуть въ кухню и оставила Ивана Ѳедоровича. Но съ этого времени она только и думала о томъ, какъ увидѣть скорѣе своего племянника женатымъ и поняньчить маленькихъ внучковъ. Въ головѣ ея громоздились одни только приготовленія къ свадьбѣ и замѣтно было, что она во всѣхъ дѣлахъ суетилась гораздо болѣе, нежели прежде, хотя, впрочемъ, эти дѣла болѣе шли хуже, нежели лучше. Часто, дѣлая какое-нибудь пирожное, котораго вообще она никогда не довѣряла кухаркѣ, она, позабывшись и воображая, что возлѣ нея стоитъ маленькій внучекъ, просящій пирога, разсѣянно протягивала къ нему руку съ лучшимъ кускомъ, а дворовая собака, пользуясь этимъ, схватывала лакомый кусокъ и своимъ громкимъ чваканьемъ выводила ее изъ задумчивости, за что и бывала всегда бита кочергою. Даже оставила она любимыя свои занятія и не ѣздила на охоту, особливо, когда, вмѣсто куропатки, застрѣлила ворону, чего никогда прежде съ нею не бывало.

Наконецъ, спустя дня четыре послѣ этого, всѣ увидѣли выкаченную изъ сарая на дворъ бричку. Кучеръ Омелько, онъ же и огородникъ и сторожъ, еще съ ранняго утра стучалъ молоткомъ и прико-

лачивалъ кожу, отгоняя безпрестанно собакъ, лизавшихъ колеса. Долгомъ почитаю предувѣдомить читателей, что это была именно та самая бричка, въ которой еще ѣздилъ Адамъ; и потому, если кто будетъ выдавать другую за адамовскую, то это сущая ложь, и бричка непремѣнно поддѣльная. Совершенно не извѣстно, какимъ образомъ спаслась она отъ потопа; должно думать, что въ Ноевомъ ковчегѣ былъ особенный для нея сарай. Жаль очень, что читателямъ нельзя описать живо ея фигуры. Довольно сказать, что Василиса Кашпаровна была очень довольна ея архитектурою и всегда изъявляла сожалѣніе, что вывелись изъ моды старинные экипажи. Самое устройство брички немного на бокъ, то-есть такъ, что правая сторона ея была гораздо выше лѣвой, ей очень нравилось, потому что съ одной стороны можетъ, какъ она говорила, влѣзать малорослый, а съ другой—великорослый. Впрочемъ, внутри брички могло помѣститься штукъ пять малорослыхъ и трое такихъ, какъ тетушка.

Около полудня Омелько, управившись около брички, вывелъ изъ конюшни тройку лошадей, немного чѣмъ моложе брички, и началъ привязывать ихъ веревкою къ величественному экипажу. Иванъ Ѳедоровичъ и тетушка, одинъ съ лѣвой стороны, другая съ правой, влѣзли въ бричку, и она тронулась. Попадавшіеся на дорогѣ мужики, видя такой богатый экипажъ (тетушка очень рѣдко выѣзжала въ немъ), почтительно останавливались, снимали шапки и кланялись въ поясъ.

Часа черезъ два кибитка остановилась передъ крыльцомъ,—думаю, не нужно говорить: передъ крыльцомъ дома Сторченка. Григорія Григорьевича не было дома. Старушка съ барышнями вышла встрѣтить гостей въ столовую. Тетушка подошла величественнымъ шагомъ, съ большою ловкостью отставила одну ногу впередъ и сказала громко:

— Очень рада, государыня моя, что имѣю честь лично доложить вамъ мое почтеніе; а вмѣстѣ съ респектомъ позвольте поблагодарить за хлѣбосольство ваше къ племяннику моему, Ивану Ѳедоровичу, который много имъ хвалится. Прекрасная у васъ гречиха, сударыня,—я видѣла ее, подъѣзжая къ селу. А позвольте узнать, сколько копъ вы получаете съ десятины.

Послѣ сего послѣдовало всеобщее лобызаніе. Когда же усѣлись въ гостиной, то старушка-хозяйка начала:

— Насчетъ гречихи я не могу вамъ сказать: это часть Григорія Григорьевича; я уже давно не занимаюсь этимъ, да и не могу: уже стара! Въ старину у насъ, бывало, я помню, гречиха была по поясъ; теперь Богъ знаетъ что, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что теперь все лучше.—Тутъ старушка вздохнула, и какому-нибудь наблюдателю послышался бы въ этомъ вздохѣ вздохъ старинаго осьмнадцатаго столѣтія.

— Я слышала, моя государыня, что у васъ собственныя ваши дѣвки отличные умѣютъ выдѣлывать ковры,—сказала Василиса Кашпаровна и этимъ задѣла старушку за самую чувствительную струну: при этихъ словахъ она какъ будто оживилась, и рѣчи у ней полилися о томъ, какъ должно красить пряжу, какъ приготовлять для этого нитку.

Съ ковровъ быстро съѣхалъ разговоръ на соленіе огурцовъ и сушеніе грушъ. Словомъ, не прошло часу, какъ обѣ дамы такъ разговорились между собою, будто вѣкъ были знакомы. Василиса Кашпаровна многое уже начала говорить съ нею такимъ тихимъ голосомъ, что Иванъ Ѳедоровичъ ничего не могъ разслушать.

— Да не угодно ли посмотрѣть? — сказала, вставая, старушка-хозяйка.

За нею встали барышни и Василиса Кашпаровна, и всѣ потянулись въ дѣвичью. Тетушка, однакожъ, дала знакъ Ивану Ѳедоровичу остаться и сказала что-то тихо старушкѣ.

— Машенька! — сказала старушка, обращаясь къ бѣлокурой барышнѣ: — останься съ гостемъ, да поговори съ нимъ, чтобы гостю не было скучно!

Бѣлокурая барышня осталась и сѣла на диванъ. Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, какъ на иголкахъ, краснѣлъ и потуплялъ глаза; но барышня, казалось, вовсе этого не замѣчала и равнодушно сидѣла на диванѣ, разсматривая прилежно окна и стѣны, или слѣдуя глазами за кошкою, трусливо пробѣгавшею подъ стульями.

Иванъ Ѳедоровичъ немного ободрился и хотѣлъ было начать разговоръ; но казалось, что всѣ слова свои растерялъ онъ на дорогѣ. Ни одна мысль не приходила ему на умъ.

Молчаніе продолжалось около четверти часа. Барышня все такъ же сидѣла.

Наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ собрался съ духомъ.

— Лѣтомъ очень много мухъ, сударыня!—произнесъ онъ полудрожащимъ голосомъ.

— Чрезвычайно много!—отвѣчала барышня.—Братецъ нарочно сдѣлалъ хлопушку изъ стараго маменькинаго башмака, но все еще очень много.

Тутъ разговоръ опять прекратился, и Иванъ Ѳедоровичъ никакимъ образомъ уже не находилъ рѣчи.

Наконецъ, хозяйка съ тетушкою и чернявою барышнею возвратились. Поговоривши еще немного, Василиса Кашпаровна распростилась со старушкою и барышнями, несмотря на всѣ приглашенія остаться ночевать. Старушка и барышни вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись выглядывавшимъ изъ брички тетушкѣ и племяннику.

— Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, о чемъ же вы говорили вдвоемъ съ барышнею?—спросила дорогою тетушка.

— Весьма скромная и благонравная дѣвица Марья Григорьевна!—сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ: я хочу поговорить съ тобою серьезно. Вѣдь тебѣ, слава Богу, тридцать осьмой годъ; чинъ ты уже имѣешь хорошій: пора подумать и объ дѣтяхъ! Тебѣ непремѣнно нужна жена...

— Какъ, тетушка!—вскричалъ, испугавшись, Иванъ Ѳедоровичъ, — какъ жена! Нѣтъ-съ, тетушка, сдѣлайте милость... Вы совершенно въ стыдъ меня приводите... Я еще никогда не былъ женатъ... Я совершенно не знаю, что съ нею дѣлать!

— Узнаешь, Иванъ Ѳедоровичъ, узнаешь,— промолвила, улыбаясь, тетушка, и подумала про себя: *„Куды-жъ! ще зовсимъ молода дытына*: ничого не знаетъ!“ Да, Иванъ Ѳедоровичъ!—продолжала она вслухъ,—лучшей жены нельзя сыскать тебѣ, какъ Марья Григорьевна. Тебѣ же она притомъ очень понравилась. Мы уже насчетъ этого много переговорили съ старухою: она очень рада видѣть тебя своимъ зятемъ. Еще неизвѣстно, правда, что скажетъ этотъ грѣходѣй Григорьевичъ; но мы не посмотримъ на него, и пусть только онъ вздумаетъ не отдать приданаго, мы его судомъ...

Въ это время бричка подъѣхала ко двору, и древнія клячи ожили, чуя близкое стойло.

— Слушай, Омелько! конямъ дай прежде отдохнуть хорошенько, а не веди тотчасъ, распрягши, къ водопою: они лошади горячія. „Ну, Иванъ Ѳедоровичъ,—продолжала, вылѣзая, тетушка, — я совѣтую тебѣ хорошенько подумать объ этомъ. Мнѣ еще нужно забѣжать въ кухню: я позабыла Солохѣ заказать ужинъ, а она, негодная, я думаю, сама и не подумала объ этомъ.

Но Иванъ Ѳедоровичъ стоялъ, какъ будто громомъ оглушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!.. Это казалось ему такъ странно, такъ чудно, что онъ никакъ не могъ подумать безъ страха. Жить съ женою!.. непонятно! Онъ не одинъ будетъ въ своей комнатѣ, но ихъ должно быть вездѣ двое!.. Потъ проступалъ у него на лицѣ, по мѣрѣ того, какъ углубляясь онъ въ размышленіе.

Ранѣе обыкновеннаго легъ онъ въ постель, но, несмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ заснуть. Наконецъ, желанный сонъ, этотъ всеобщій успокоитель, посѣтилъ его; но какой сонъ! Еще несвязнѣе сновидѣній онъ никогда не видывалъ. То снилось ему, что вокругъ него все шумитъ, вертится, а онъ бѣжитъ, бѣжитъ, не чувствуетъ подъ собою ногъ... Вотъ уже выбивается изъ силъ... Вдругъ кто-то хватаетъ его за ухо.

— Ай! кто это?

— Это я, твоя жена! — съ шумомъ говорилъ ему какой-то голосъ,—и онъ вдругъ пробуждался.

То представлялось ему, что онъ уже женатъ, что все въ домикѣ ихъ такъ чудно, такъ странно: въ его комнатѣ стоитъ, вмѣсто одинокой, двойная кровать; на стулѣ сидитъ жена. Ему странно: онъ не знаетъ, какъ подойти къ ней, что говорить съ нею, и замѣчаетъ, что у нея гусиное лицо. Нечаянно поворачивается онъ въ сторону и видитъ другую жену, тоже съ гусинымъ лицомъ. Поворачивается въ другую сторону—стоитъ третья жена; назадъ—еще одна жена. Тутъ его беретъ тоска: онъ бросился бѣжать въ садъ; но въ саду жарко, онъ снялъ шляпу, видитъ: и въ шляпѣ сидитъ жена. Потъ выступилъ у него на лицѣ. Полѣзъ въ карманъ за платкомъ—и въ карманѣ жена; вынулъ изъ уха хлопчатую бумагу—и тамъ сидитъ жена... То вдругъ онъ прыгалъ на одной ногѣ, а тетушка, глядя на него, говорила съ важнымъ видомъ:

— Да, ты долженъ прыгать, потому что ты теперь уже женатый человѣкъ.

Онъ къ ней; но тетушка—уже не тетушка, а колокольня. И чувствуетъ, что его кто-то тащитъ веревкою на колокольню.

— Кто это тащитъ меня?—жалобно проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Это я, жена твоя, тащу тебя, потому что ты — колоколъ!

— Нѣтъ, я не колоколъ, я Иванъ Ѳедоровичъ! — кричалъ онъ.

— Да, ты колоколъ,—говорилъ, проходя мимо, полковникъ П*** пѣхотнаго полка.

То вдругъ снилось ему, что жена вовсе не человѣкъ, а какая-то шерстяная матерія; что онъ въ Могилевѣ приходитъ въ лавку къ купцу.

— Какой прикажете матеріи? — говоритъ купецъ, — вы возьмите жены, это самая модная матерія! очень добротная! изъ нея всѣ теперь шьютъ себѣ сюртуки.

Купецъ мѣряетъ и рѣжетъ жену. Иванъ Ѳедоровичъ беретъ ее подмышку, идетъ къ жиду-портному.

— Нѣтъ, — говоритъ жидъ, — это дурная матерія! изъ нея никто не шьетъ себѣ сюртука...

Въ страхѣ и безпамятствѣ просыпался Иванъ Ѳедоровичъ; холодный потъ лился съ него градомъ.

Какъ только всталъ онъ поутру, тотчасъ обратился къ гадательной книгѣ, въ концѣ которой одинъ добродѣтельный книгопродавецъ, по своей

рѣдкой добротѣ и безкорыстію, помѣстилъ сокращенный снотолкователь. Но тамъ совершенно не было ничего, даже хотя немного похожаго на такой безсвязный сонъ.

Между тѣмъ въ головѣ тетушки созрѣлъ совершенно новый замыселъ, о которомъ узнаете въ слѣдующей главѣ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.

БЫЛЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ***СКОЙ ЦЕРКВИ.

ЕЙ БОГУ, уже надоѣло разсказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: разсказывай, да и разсказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я разскажу, только, ей-ей, въ послѣдній разъ. Да, вотъ вы говорили насчетъ того, что человѣкъ можетъ совладать, какъ говорятъ, съ нечистымъ духомъ. Оно, конечно, то-есть, если хорошенько подумать, бываютъ на свѣтѣ всякіе случаи... Однакожъ, не говорите этого: захочетъ обморочить дьявольская сила, то обморочитъ; ей Богу, обморочитъ!.. Вотъ извольте видѣть: насъ всѣхъ у отца было четверо; я тогда былъ еще дурень, всего мнѣ было лѣтъ одиннадцать: такъ нѣтъ-же, не одиннадцать: я помню, какъ теперь, когда разъ побѣжалъ-было на четверенькахъ и сталъ лаять по-собачьи, батько закричалъ на меня, покачавъ головою:

— Эй, Ѳома, Ѳома! тебя женить пора, а ты дурѣешь, какъ молодой лошакъ!

Дѣдъ былъ тогда еще живъ и на ноги,—пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ, — довольно крѣпокъ. Бывало, вздумаетъ... Да что-жъ этакъ разсказывать? Одинъ выгребаетъ изъ печки цѣлый часъ уголь для своей трубки, другой зачѣмъ-то побѣжалъ за комору. Что, въ самомъ дѣлѣ!.. Добро бы поневолѣ, а то вѣдь сами же напросились... Слушать, такъ слушать!

Батько еще въ началѣ весны повезъ въ Крымъ на продажу табакъ; не помню только, два или три воза снаряд лъ онъ; табакъ былъ тогда въ цѣнѣ. Съ собою взялъ онъ трехгодового брата—пріучать заранѣе чумаковать; насъ осталось: цѣдъ, мать, я, да братъ, да еще братъ. Дѣдъ засѣялъ баштанъ на самой дорогѣ и перешелъ жить въ курень; взялъ и насъ съ собою гонять воробьевъ и сорокъ съ баштану. Намъ это было, нельзя сказать, чтобы худо: бывало наѣшься въ день столько огурцовъ, дынь, рѣпы, цыбули, гороху, что въ животѣ, ей Богу, какъ будто пѣтухи кричатъ. Ну, оно притомъ же и прибыльно: проѣзжіе толкутся по дорогѣ, всякому захочется полакомиться арбузомъ или дынею, да изъ окрестныхъ хуторовъ, бывало, нанесутъ на обмѣнъ куръ, яицъ, индѣекъ. Житье было хорошее.

Но дѣду болѣе всего любо было то, что чумаковъ каждый день возовъ пятьдесятъ проѣдетъ. Народъ, знаете, бывалый: пойдетъ разсказывать—только уши развѣшивай! А дѣду это все равно, что голодному галушки. Иной разъ, бывало, случится встрѣча съ старыми знакомыми, — дѣда всякій уже зналъ, — можете посудить сами, что бываетъ, когда соберется старье. тара, тара, тогда-то, да тогда-то, такое-то, да такое-то было... Ну, и разольются! вспомянутъ Богъ знаетъ когдашнее.

Разъ, — ну, вотъ, право, какъ будто теперь случилось, — солнце стало уже садиться, дѣдъ ходилъ по баштану и снималъ съ кавуновъ листья, которыми прикрывалъ ихъ днемъ, чтобы не попеклись на солнцѣ.

— Смотри, Остапъ, — говорю я брату,—вонъ чумаки ѣдутъ!

— Гдѣ чумаки? — сказалъ дѣдъ, положивши значокъ на большой дынѣ, чтобы на случай не съѣли хлопцы.

По дорогѣ тянулось, точно, возовъ шесть. Впереди шелъ чумакъ уже съ сивыми усами. Не д шедши шаговъ — какъ бы вамъ сказать?—на десять, онъ остановился.

— Здорово, Максимъ! Вотъ привелъ Богъ гдѣ увидѣться!

Дѣдъ прищурилъ глаза:

— А! здорово, здорово! Откуда Богъ несетъ? И Болячка здѣсь? Здорово, здорово, братъ! Что за дьяволъ! да тутъ всѣ: и Крутотрыщенко! и Печерыця! и Ковелекъ! и Стецько! Здорово! А, га, га! го, го!..

И пошли цѣловаться.

Воловъ распрягли и пустили пастись на траву, возы оставили на дорогѣ, а сами сѣли всѣ въ кружокъ впереди куреня и закурили люльки. Но куда же тутъ до люлекъ? за розсказнями, да за раздобарами врядъ ли и по одной досталось. Послѣ полдника сталъ дѣдъ подчивать гостей дынями. Вотъ каждый, взявши по дынѣ, обчистилъ ее чистенько ножикомъ (калачи всѣ были тертые, мыкали не мало, знали уже, какъ ѣдятъ въ свѣтѣ, — пожалуй и за панскій столъ, хоть сейчасъ, готовы сѣсть); обчистивши хорошенько, проткнулъ каждый пальцемъ дырочку, выпилъ изъ нея кисель, сталъ рѣзать по кусочкамъ и класть въ ротъ.

— Что-жъ вы, хлопцы, — сказалъ дѣдъ,— рты свои разинули? Танцуйте, собачьи дѣти! Гдѣ, Остапъ, твоя сопилка? А ну-ка, козачка! Ѳома, берись въ боки! Ну! вотъ такъ! Гей, гопъ!

Я былъ тогда малый подвижной. Старость

проклятая! Теперь уже не пойду такъ; вмѣсто всѣхъ выкрутасовъ, ноги только спотыкаются. Долго глядѣлъ дѣдъ на насъ, сидя съ чумаками. Я замѣчаю, что у него ноги не постоятъ на мѣстѣ: такъ, какъ будто ихъ что-нибудь дергаетъ.

— Смотри, Ѳома, — сказалъ Остапъ, — если старый хрѣнъ не пойдетъ танцовать!

Что-жъ вы думаете? Не успѣлъ онъ сказать— не вытерпѣлъ старичина! Захотѣлось, знаете, прихвастнуть передъ чумаками.

— Вишь, чертовы дѣти! развѣ такъ танцуютъ? Вотъ какъ танцуютъ!—сказалъ онъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки и ударивъ каблуками.

Ну, нечего сказать, танцовать-то онъ танцовалъ такъ, что хоть бы и съ гетьманшею. Мы посторонились, и пошелъ хрѣнъ вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами. Только что дошелъ, однако-жъ, до половины и хотѣлъ разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку,—не подымаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошелъ до середины — не беретъ! Что хочь дѣлай — не беретъ, да и не беретъ! Ноги, какъ деревянныя, стали. „Вишь, дьявольское мѣсто! Вишь, сатанинское навожденіе! Внутается же Иродъ, врагъ рода человѣческаго!“ Ну, какъ надѣлать сраму передъ чумаками? Пустился снова и началъ чесать дробно, мелко, любо глядѣть; до середины — нѣтъ! не вытанцывается, да и полно! „А, шельмовскій сатана! чтобы ты подавился гнилою дынею! чтобъ еще маленькимъ издохнулъ, собачій сынъ! Вотъ на старость надѣлалъ стыда какого!..“ И въ самомъ дѣлѣ сзади кто-то засмѣялся.

Оглянулся: ни баштану, ни чумаковъ, ничего; назади, впереди, по сторонамъ — гладкое поле. „Э! ссс... вотъ тебѣ на!“ Началъ прищуривать глаза — мѣсто, кажись, не совсѣмъ незнакомое: сбоку лѣсъ, изъ-за лѣса торчалъ какой-то шестъ и видѣлся прочь-далеко въ небѣ. Что за пропасть? Да это голубятня, что у попа въ огородѣ! Съ другой стороны тоже что-то сѣрѣетъ; вглядѣлся: гумно волостного писаря. Вотъ куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругомъ, наткнулся онъ на дорожку. Мѣсяца не было: бѣлое пятно мелькало вмѣсто него сквозь тучу.

„Быть завтра большому вѣтру!—подумалъ дѣдъ. Глядь — въ сторонѣ отъ дорожки на могилкѣ вспыхнула свѣчка. — Вишь!“

Сталъ дѣдъ и руками подперся въ боки и глядитъ: свѣчка потухла; вдали и немного подалѣе загорѣлась другая.

— Кладъ!—закричалъ дѣдъ,—я ставлю, Богъ знаетъ что, если не кладъ. — И уже поплевалъ было въ руки, чтобы копать, да спохватился, что нѣтъ при немъ ни заступа, ни лопаты. — Эхъ, жаль! Ну, кто знаетъ? — можетъ быть, стоитъ только поднять дернъ, а онъ тутъ и лежитъ, голубчикъ! Нечего дѣлать, назначить, по крайней мѣрѣ, мѣсто, чтобы не позабыть послѣ!

Вотъ перетянувши сломленную видно вихремъ порядочную вѣтку дерева, навалилъ онъ ее на ту могилку, гдѣ горѣла свѣчка и пошелъ по дорожкѣ. Молодой дубовый лѣсъ сталъ рѣдѣть; мелькнулъ плетень.

„Ну, такъ! не говорилъ ли я, — подумалъ дѣдъ, — что это попова левада? Вотъ и плетень его! Теперь и версты нѣтъ до баштана“.

Поздненько, однако-жъ, пришелъ онъ домой, и галушекъ не захотѣлъ ѣсть. Разбудивши брата Остапа, спросилъ только, давно ли уѣхали чумаки, и завернулся въ тулупъ. И когда тотъ началъ было спрашивать:

— А куда тебя, дѣдъ, черти дѣли сегодня?

— Не спрашивай, — сказалъ онъ, завертываясь еще крѣпче, — не спрашивай, Остапъ: не то— посѣдѣешь! — И захрапѣлъ такъ, что воробьи, которые забрались было на баштанъ, поподымались съ перепугу на воздухъ. Но гдѣ ужь тамъ ему спалось? Нечего сказать, хитрая была бестія,— дай Боже ему царствіе небесное! — умѣлъ отдѣлаться всегда. Иной разъ такую запоетъ пѣсню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться въ полѣ, дѣдъ надѣлъ свитку, подпоясался, взялъ подмышку заступъ и лопату, надѣлъ на голову шапку, выпилъ кухоль сыровцу, утеръ губы полою и пошелъ прямо къ попову огороду. Вотъ минулъ и плетень, и низенькій дубовый лѣсъ. Промежъ деревьевъ вьется дорожка и выходитъ въ поле; кажись, та самая. Вышелъ и на поле — мѣсто точь-въ-точь вчерашнее: вонъ и голубятня торчитъ; но гумна не видно.

„Нѣтъ, это не то мѣсто. То, стало-быть, подалѣе; нужно, видно, поворотить къ гумну!“

Поворотилъ назадъ, сталъ идти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нѣтъ! Опять поворотилъ поближе къ голубятнѣ—гумно спряталось. Въ полѣ, какъ нарочно, сталъ накрапывать дождикъ. Побѣжалъ снова къ гумну — голубятня пропала; къ голубятнѣ — гумно пропало.

— А чтобъ ты, проклятый сатана, не дождалъ дѣтей своихъ видѣть!

А дождь пустился какъ изъ ведра.

Вотъ, скинувши новые сапоги и обернувши въ хустку, чтобы не покоробились отъ дождя, задалъ онъ такого бѣгуна, какъ будто панскій иноходецъ. Влѣзъ въ курень, промокши насквозь, накрылся тулупомъ и принялся ворчать что-то сквозь зубы и приголубливать чорта такими словами, какихъ я еще отъ роду не слыхивалъ. Признаюсь, я

бы, вѣрно, покраснѣлъ, если бы случилось это среди дня.

На другой день проснулся, смотрю: уже дѣдъ ходитъ по баштану, какъ ни въ чемъ не бывало, и прикрываетъ лопухомъ арбузы. За обѣдомъ опять старичина разговорился, сталъ пугать меньшого брата, что онъ обмѣняетъ его на куръ вмѣсто арбуза; а, пообѣдавши, сдѣлалъ самъ изъ дерева пищикъ и началъ на немъ играть; и далъ намъ забавляться дыню, свернувшуюся въ три погибели, словно змѣю, которую называлъ онъ турецкою. Теперь такихъ дынь я нигдѣ и не видывалъ: правда, сѣмена ему что-то издалека достались.

Ввечеру, уже повечерявши, дѣдъ пошелъ съ заступомъ прокопать новую грядку для позднихъ тыквъ. Сталъ проходить мимо того заколдованнаго мѣста, не вытерпѣлъ, чтобы не проворчать сквозь зубы: „проклятое мѣсто!“, взошелъ на середину, гдѣ не вытанцывалось позавчера, и ударилъ въ сердцахъ заступомъ.—Глядь—вокругъ него опять то же самое поле: съ одной стороны торчитъ голубятня, а съ другой — гумно.

— Ну, хорошо, что догадался взять съ собою заступъ. Вонъ и дорожка! Вонъ и могилка стоитъ! Вонъ и вѣтка навалена! Вонъ-вонъ горитъ и свѣчка! Какъ бы только не ошибиться!“

Потихоньку побѣжалъ онъ, поднявши заступъ вверхъ, какъ будто бы хотѣлъ имъ поподчевать кабана, затесавшагося на баштанъ, и остановился передъ могилкою. Свѣчка погасла: на могилѣ лежалъ камень, заросшій травою.

„Этотъ камень нужно поднять!“ подумалъ дѣдъ, и началъ обкапывать его со всѣхъ сторонъ.

Великъ проклятый камень! Вотъ, однако-жъ, упершись крѣпко ногами въ землю, пихнулъ онъ его съ могилы.

— Гу!—пошло по долинѣ.

„Туда тебѣ и дорога! теперь живѣе пойдетъ дѣло“.

Тутъ дѣдъ остановился, досталъ рожокъ, насыпалъ на кулакъ табаку, и готовился-было поднести къ носу, какъ вдругъ надъ головою его „чихи!“ — чихнуло что-то такъ, что покачнулись деревья и дѣду забрызгало все лицо.

— Отворотился хоть бы въ сторону, когда хочешь чихнуть! — проговорилъ дѣдъ, протирая глаза. Осмотрѣлся—никого нѣтъ.—Нѣтъ, не любитъ, видно, чортъ табаку!—продолжалъ онъ, кладя рожокъ въ пазуху и принимаясь за заступъ.—Дурень же онъ, а такого табаку ни дѣду, ни отцу его не доводилось нюхать!

Сталъ копать — земля мягкая, заступъ такъ и уходитъ. Вотъ что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидѣлъ онъ котелъ.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — вскрикнулъ дѣдъ, подсовывая подъ него заступъ.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — запищалъ птичій носъ, клюнувши котелъ.

Посторонился дѣдъ и выпустилъ заступъ.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — заблеяла баранья голова съ верхушки дерева.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — заревѣлъ медвѣдь, высунувши изъ-за дерева свое рыло.

Дрожь проняла дѣда.

— Да тутъ страшно слово сказать!—проворчалъ онъ про себя.

— Тутъ страшно слово сказать! — пискнулъ птичій носъ.

— Страшно слово сказать!—заблеяла баранья голова.

— Слово сказать!—ревнулъ медвѣдь.

— Гмъ...—сказалъ дѣдъ, и самъ перепугался.

— Гмъ!—пропищалъ носъ.

— Гмъ!—проблеялъ баранъ.

— Гумъ! — заревѣлъ медвѣдь.

Со страхомъ оборотился дѣдъ: Боже ты мой, какая ночь! ни звѣздъ, ни мѣсяца; вокругъ провалы; подъ ногами круча безъ дна; надъ головою свѣсилась гора, и вотъ-вотъ, кажись, такъ и хочетъ оборваться на него! И чудится дѣду, что изъ-за нея мигаетъ какая-то харя: у! у! носъ — какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри — хоть по ведру воды влей въ каждую! губы, ей Богу, какъ двѣ колоды! красныя очи выкатились наверхъ и еще языкъ высунула, и дразнитъ!

— Чортъ съ тобою! — сказалъ дѣдъ, бросивъ котелъ.—На тебѣ и кладъ твой! Экая мерзостная рожа! — И уже ударился-было бѣжать, да оглядѣлся и сталъ, увидѣвши, что все было по прежнему — Это только пугаетъ нечистая сила!

Принялся снова за котелъ—нѣтъ, тяжелъ! Что дѣлать? Тутъ же не оставить! Вотъ, собравши всѣ силы, ухватился онъ за него руками:

— Ну, разомъ, разомъ! еще, еще! — и вытащилъ.—Ухъ! теперь понюхать табаку!

Досталъ рожокъ. Прежде, однако-жъ, чѣмъ сталъ насыпать, осмотрѣлся хорошенько, нѣтъ ли кого. Кажись, что нѣтъ; но вотъ чудится ему, что пень дерева пыхтить и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза, ноздри раздулись, носъ поморщился, и вотъ, такъ и собирается чихнуть.

„Нѣтъ, не понюхаю табаку! — подумалъ дѣдъ, спрятавши рожокъ,—опять заплюетъ сатана очи!“ Схватилъ скорѣе котелъ и давай бѣжать, сколько доставало духу; только слышитъ, что сзади что-то такъ и чешетъ прутьями по ногамъ... — Ай! ай! ай! — покрикивалъ только дѣдъ, ударивъ во всю мочь; и какъ добѣжалъ до попова огорода, тогда только перевелъ немного духъ.

„Куда это зашелъ дѣдъ?“ думали мы, дожи-

даясь часа три. Уже съ хутора давно пришла мать и принесла горшокъ горячихъ галушекъ. Нѣтъ да и нѣтъ дѣда! Стали опять вечерять сами. Послѣ вечера вымыла мать горшокъ и искала глазами, куда бы вылить помои, потому что вокругъ все были гряды; какъ видитъ, идетъ прямо къ ней навстрѣчу кухва. На небѣ было-таки темненько. Вѣрно, кто-нибудь изъ хлопцевъ, шаля, спрятался сзади и подталкиваетъ ее.

— Вотъ кстати, сюда вылить помои!—сказала и вылила горячіе помои.

— Ай!—закричало басомъ.

Глядь — дѣдъ. Ну, кто его знаетъ! Ей Богу, думали, что бочка лѣзетъ! Признаюсь, хоть оно и грѣшно немного, а, право, смѣшно показалось, когда сѣдая голова дѣда вся была окунута въ помои и обвѣшана корками отъ арбузовъ и дынь.

— Вишь чортова баба!—сказалъ дѣдъ, обтирая голову полою,—какъ опарила! какъ будто свинью передъ Рождествомъ! Ну, хлопцы, будетъ вамъ теперь на бублики! Будете, собачьи дѣти, ходить въ золотыхъ жупанахъ! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вамъ принесъ!—сказалъ дѣдъ и открылъ котелъ.

Что-жъ бы, вы думали, такое тамъ было? Ну, не малой мѣрѣ, подумавши хорошенько: а? золото? Вотъ то-то, что не золото: соръ, дрязгъ... стыдно сказать, что такое. Плюнулъ дѣдъ, кинулъ котелъ и руки послѣ того вымылъ.

И съ той поры заклялъ дѣдъ и насъ вѣрить когда-либо чорту.

— И не думайте!—говорилъ онъ часто намъ,— все, что ни скажетъ врагъ Господа Христа, все солжетъ, собачій сынъ! У него правды и на копѣйку нѣтъ! — И, бывало, чуть только услышитъ старикъ, что въ иномъ мѣстѣ не спокойно, а, ну-те, ребята, давайте крестить!—Закричитъ къ намъ,— такъ его! такъ его! хорошенько!—и начнетъ класть кресты. А то проклятое мѣсто, гдѣ не вытанцывалось, загородилъ плетнемъ, велѣлъ кидать все, что ни есть непотребнаго, весь бурьянъ и соръ, который выгребалъ изъ баштана.

Такъ вотъ какъ морочитъ нечистая сила человѣка! Я знаю хорошо эту землю: послѣ того нанимали ее у батька подъ баштанъ сосѣдніе козаки. Земля славная, и урожай всегда бывалъ на диво; но на заколдованномъ мѣстѣ никогда не было ничего добраго. Засѣютъ, какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разобрать нельзя: арбузъ—не арбузъ, тыква—не тыква, огурецъ—не огурецъ... чортъ знаетъ, что такое!

МИРГОРОДЪ

ПОВѢСТИ,

СЛУЖАЩІЯ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ

„ВЕЧЕРОВЪ НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ“

Миргородъ нарочито невеликій при рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣетъ 1 канатную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтряныхъ мельницъ.

Географія Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бубники изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

Санктпетербургъ. 1835.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТАРОСВѢТСКІЕ ПОМѢЩИКИ.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ „старосвѣтскими“, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не выказываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущихъ вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ, для отдыха, коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду, съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него, — все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть, оттого, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ— старички, старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій

домикъ—и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или, просто, слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностью, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, — жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ, наконецъ, капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти презрѣнныя и жалкія творенія, такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи.

Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: вы, Аѳанасій Ивановичъ! вы, Пульхерія Ивановна. „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?“—„Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна, это я“. Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ. Когда-то, въ молодости, Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ; но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳанасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ, по крайней мѣрѣ, никогда не говорилъ.

Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія замѣнились спокойною и уединенною жизнью, тѣми дремлющими и вмѣстѣ гармоническими грёзами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тѣмъ радуга крадется изъ-за деревьевъ и, въ видѣ полуразрушеннаго свода, свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ, — или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ, и душистая трава, вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами, лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу.

Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему; иногда и самъ говорилъ, но больше разспрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени или порицаніями новаго: онъ, напротивъ, разспрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики, хотя оно нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, разсматриваетъ печатку вашихъ часовъ. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою.

Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Аѳанасій Ивановичъ, и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Тонки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненныя соломою, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлаютъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ, когда пылкая молодежь, прозябнувши отъ преслѣдованія за какой-нибудь смугляпкой, вбѣгаетъ въ нихъ, похлопывая въ ладоши. Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами хозяева давно позабыли ихъ содержаніе, и если бы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то они бы, вѣрно, этого не замѣтили. Два портрета было большихъ, писанныхъ масляными красками; одинъ представлялъ какого-то архіерея, другой Петра III; изъ узенькихъ рамъ глядѣла герцогиня Лавальеръ, запачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множество небольшихъ картинокъ, которыя какъ-то при-

выкаешь почитать за пятна на стѣнѣ и потому ихъ вовсе не разсматриваешь. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностію, съ какою, вѣрно, не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ.

Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится.

Но самое замѣчательное въ домѣ—были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось: „Батюшки, я зябну!“ Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ; майскою темною ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже! какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!

Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехугольные столики по угламъ, четырехугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которыя мухи усѣяли черными точками, передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ: вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Дѣвичья была набита молодыми и немолодыми дѣвушками въ полосатыхъ исподницахъ, которымъ иногда Пульхерія Ивановна давала шить какія-нибудь бездѣлушки и заставляла чистить ягоды, но которыя большею частью бѣгали на кухню и спали. Пульхерія Ивановна почитала необходимостью держать ихъ въ домѣ и строго смотрѣла за ихъ нравственностью; но, къ чрезвычайному ея удивленію, не проходило нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы у которой-нибудь изъ ея дѣвушекъ станъ не дѣлался гораздо полнѣе обыкновеннаго. Тѣмъ болѣе это казалось удивительно, что въ домѣ почти никого не было изъ холостыхъ людей, выключая развѣ только комнатнаго мальчика, который ходилъ въ сѣромъ полуфракѣ, съ босыми ногами и если не ѣлъ, то ужъ, вѣрно, спалъ. Пульхерія Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы впередъ этого не было. На стеклахъ оконъ звенѣло страшное множество мухъ, которыхъ всѣхъ покрывалъ толстый басъ шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаніями осъ; но, какъ только подавали свѣчи, вся эта ватага отправлялась на ночлегъ и покрывала черною тучею весь потолокъ.

Аѳанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя, впрочемъ, ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ, и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ огонь, и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, пастилою, дѣланными на меду, на сахарѣ и не помню еще на чемъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки, и къ концу этого процесса совершенно не былъ въ состояніи поворотить языкомъ, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вѣроятно, она потопила бы, наконецъ, весь дворъ (потому что Пульхерія Ивановна всегда, сверхъ расчисленнаго на потребленіе, любила приготовлять еще на запасъ), если бы большая половина этого не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои.

Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Приказчикъ, соединившись съ войтомъ, обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собственные, надѣлывали множество саней и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того, всѣ толстые дубы они продавали на срубъ для мельницъ сосѣднимъ козакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ивановна пожелала обревизовать свои лѣса. Для этого были запряжены дрожки съ огромными кожаными фартуками, отъ которыхъ, какъ только кучеръ встряхивалъ вожжами и лошади, служившія еще въ милиціи, трогались съ своего мѣста, воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта, и бубны, и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скоба звенѣли до того, что возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани выѣзжала со двора, хотя это разстояніе было не менѣе двухъ верстъ. Пульхерія Ивановна не могла не замѣтить страшнаго опустошенія въ лѣсу и потери тѣхъ дубовъ, которые она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними.

— Отчего это у тебя, Ничипоръ, — сказала она, обратясь къ своему приказчику, тутъ же находившемуся, — дубки сдѣлались такъ рѣдкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на головѣ не стали рѣдки.

— Отчего рѣдки? — говаривалъ обыкновенно приказчикъ, — пропали! Такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили — пропали, пани, пропали.

Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и, пріѣхавши домой, давала повелѣніе удвоить только стражу въ саду около испанскихъ вишенъ и большихъ зимнихъ дуль.

Эти достойные правители, приказчикъ и войтъ, нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе амбары, а что съ баръ будетъ довольно и половины; наконецъ, и эту половину привозили они заплѣснѣвшую или подмоченную, которая была обракована на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали приказчикъ и войтъ; какъ ни ужасно жрали всѣ въ дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней, которыя истребляли страшное множество сливъ и яблокъ и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ; сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны; сколько вся дворня ни носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбаровъ старыя полотна и пряжу, что все обращалось къ всемірному источнику, т.-е. къ шинку; сколько ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи; но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ.

Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано) и какъ только двери заводили свой разноголосный концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платокъ, говорилъ: „Кишь, кишь! пошли, гуси, съ крыльца!“ На дворѣ ему обыкновенно попадался приказчикъ. Онъ, по обыкновенію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, разспрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностью и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства, и какой-нибудь новичокъ не осмѣлился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но приказчикъ его былъ обстрѣлянная птица: онъ зналъ, какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хозяйничать.

Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ:

— А что, Пульхерія Ивановна, можетъ быть, пора закусить чего-нибудь?

— Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ?

— Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.

— Мнѣ кажется, какъ будто эта каша,—говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ, — немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней.

— Пожалуй,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку,—попробуемъ, какъ оно будетъ.

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила:

— Вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.

— Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ серединѣ,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть,—бываетъ, что и красный, да нехорошій.

Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночевкахъ и въ прочихъ фруктохранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной или самъ отправлялся къ ней и говорилъ:

— Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?

— Чего же бы такого?—говорила Пульхерія Ивановна:—развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?

— И то добре,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Или, можетъ быть, вы съѣли бы киселику?

— И то хорошо,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо, и, какъ водится, съѣдаемо.

Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще коечего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ.

Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ.

Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала:

— Чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?

— Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна; какъ будто немного животъ болитъ,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?

— Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна! Впрочемъ, чего-жъ бы такого съѣсть?

— Кислаго молочка или жиденькаго узвара съ сушеными грушами.

— Пожалуй, развѣ такъ только попробовать,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку, послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ:—Теперь такъ какъ будто сдѣлалось легче.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

— А что, Пульхерія Ивановна, — говорилъ онъ,—если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?

— Вотъ это, Боже сохрани!—говорила Пульхерія Ивановна крестясь.

— Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ.

— Ну, а если бы сгорѣлъ?

— Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница.

— А если бы и кухня сгорѣла?

— Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.

— А если бы и кладовая сгорѣла?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! Я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи!

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ ка-

зенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать.

— Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!—всегда говорила Пульхерія Ивановна. (Гость обыкновенно жилъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ нихъ).

— Конечно,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,— неравно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ.

— Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!— говорила Пульхерія Ивановна.—И къ чему разсказывать этакое на ночь? Разбойники, не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ... я знаю вашего кучера: онъ такой тендитный, да маленькій; его всякая кобыла побьетъ; да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь.

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто, съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну:

— Я самъ думаю пойти на войну; почему-жъ я не могу идти на войну?

— Вотъ уже и пошелъ!—прерывала Пульхерія Ивановна.—Вы не вѣрьте ему,—говорила она, обращаясь къ гостю,—гдѣ уже ему, старому, идти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей-Богу, застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.

— Что-жъ,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,— и я его застрѣлю.

— Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!— подхватывала Пульхерія Ивановна, — куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ. Если-бъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останется!

— Что-жъ,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,— я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или козацкую пику.

— Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову и начнетъ разсказывать!—подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою.—Я и знаю, что онъ шутитъ, а все-таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь-слушаешь, да и страшно станетъ.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Пульхерія Ивановна для меня была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ.

— Вотъ это,—говорила она, снимая пробку съ графина:—водка, настоенная на деревій и шалфей, если у кого болятъ лопатки или поясница, то очень помогаетъ; вотъ это—на золототысячникъ: если въ ушахъ звенитъ и по лицу лишаи дѣлаются, то очень помогаетъ; а вотъ это перегонная на персиковыя косточки, вотъ возьмите рюмку, какой прекрасный запахъ! Если какъ-нибудь, вставая съ кровати, ударится кто объ уголъ шкапа или стола, и набѣжитъ на лбу гугля, то стоитъ только одну рюмочку выпить передъ обѣдомъ—и все какъ рукой сниметъ; въ ту же минуту все пройдетъ, какъ будто вовсе не бывало.

Послѣ этого такой перечетъ слѣдовалъ и другимъ графинамъ, всегда почти имѣвшимъ какія-нибудь цѣлебныя свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявшихъ тарелокъ.

— Вотъ это грибки съ щебрецомъ! Это—съ гвоздиками и волошскими орѣхами. Солить ихъ выучила меня туркеня, въ то время, когда еще турки были у насъ въ плѣну. Такая была добрая туркеня, и незамѣтно совсѣмъ, чтобы турецкую вѣру исповѣдывала: такъ совсѣмъ и ходитъ почти, какъ у насъ; только свинины не ѣла: говоритъ, что у нихъ какъ-то тамъ въ законѣ запрещено. Вотъ это грибки съ смородиннымъ листомъ и мушкатнымъ орѣхомъ! А вотъ это большія травянки: я ихъ еще въ первый разъ отваривала въ уксусѣ; не знаю, каковы-то онѣ. Я узнала секретъ отъ отца Ивана: въ маленькой кадушкѣ прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потомъ посыпать перцемъ и селитрою, и положить еще, что бываетъ на печуй-витерѣ цвѣтъ, такъ этотъ цвѣтъ взять и хвостиками разостлать вверхъ. А вотъ это пирожки! это пирожки съ сыромъ! это съ урдою! А вотъ это тѣ, которые Аѳанасій Ивановичъ очень любитъ, съ капустою и гречневою кашею.

За часъ до обѣда Афанасій Ивановичъ закусывалъ снова...

— Да, — прибавлялъ Аѳанасій Ивановичъ, — я ихъ очень люблю: они мягкіе и немножко кисленькіе.

Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ духѣ, когда бывалъ у нихъ гости. Добрая старушка! она вся принадлежала гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ, и хотя обѣдался страшнымъ образомъ, какъ и всѣ, гостившіе у нихъ, хотя мнѣ это было очень вредно; однакожъ я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхать. Впрочемъ, я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-то особеннаго свойства, помогающаго пищеваренію, потому что если бы здѣсь вздумалъ кто-нибудь такимъ образомъ накушаться, то, безъ сомнѣнія, вмѣсто постели, очутился бы лежащимъ на столѣ.

Добрые старички! Но повѣствованіе мое приближается къ весьма печальному событію, измѣнившему навсегда жизнь этого мирнаго уголка. Событіе это покажется тѣмъ болѣе разительнымъ, что произошло отъ самаго маловажнаго случая. Но, по странному устройству вещей, всегда ничтожныя причины родили великія событія и, наоборотъ, великія предпріятія оканчивались ничтожными слѣдствіями. Какой-нибудь завоеватель собираетъ всѣ силы своего государства, воюетъ нѣсколько лѣтъ, полководцы его прославляются, и, наконецъ, все это оканчивается пріобрѣтеніемъ клочка земли, на которомъ негдѣ посѣять картофеля; а иногда, напротивъ, два какіе-нибудь колбасника двухъ городовъ подерутся между собою за вздоръ, и ссора объемлетъ, наконецъ, города, потомъ села и деревни, а тамъ и цѣлое государство. Но оставимъ эти разсужденія: они не идутъ сюда; притомъ я не люблю разсужденій, когда они остаются только разсужденіями.

У Пульхеріи Ивановны была сѣренькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубкомъ, у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцемъ по ея шейкѣ, которую балованная кошечка вытягивала какъ можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерія Ивановна слишкомъ любила ее, но, просто, привязалась къ ней, привыкши ее всегда видѣть. Аѳанасій Ивановичъ, однакожъ, часто подшучивалъ надъ такою привязанностью.

— Я не знаю, Пульхерія Ивановна, что вы такого находите въ кошкѣ: на что она? Если бы вы имѣли собаку, тогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охоту, а кошка на что?

— Ужь молчите, Аѳанасій Ивановичъ,—говорила Пульхерія Ивановна,—вы любите только говорить, и больше ничего. Собака не чистоплотна, собака нагадитъ, собака перебьетъ все, а кошка— тихое твореніе, она никому не сдѣлаетъ зла.

Впрочемъ, Аѳанасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ такъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ находился у нихъ большой лѣсъ, который былъ совершенно пощаженъ предпріимчивымъ приказчикомъ, можетъ быть, оттого, что стукъ топора доходилъ бы до самыхъ ушей Пульхеріи Ивановны. Онъ былъ глухъ, запущенъ, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатыя лапы голубей. Въ этомъ лѣсу обитали дикіе коты. Лѣсныхъ дикихъ котовъ не должно смѣшивать съ тѣми удальцами, которые бѣгаютъ по крышамъ домовъ; находясь въ городахъ, они, несмотря на крутой нравъ свой, гораздо болѣе цивилизованы, нежели обитатели лѣсовъ. Это, напротивъ того, большею частью народъ мрачный и дикій; они всегда ходятъ тощіе, худые, мяукаютъ грубымъ, необработаннымъ голосомъ. Они подрываются иногда подземнымъ ходомъ подъ самые амбары и крадутъ сало; являются даже въ самой кухнѣ, прыгнувши внезапно въ растворенное окно, когда замѣтятъ, что поваръ пошелъ въ бурьянъ. Вообще, никакія благородныя чувства имъ не извѣстны; они живутъ хищничествомъ и душатъ маленькихъ воробьевъ въ самыхъ ихъ гнѣздахъ. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру подъ амбаромъ съ кроткою кошечкою Пульхеріи Ивановны, и, наконецъ, подманили ее, какъ отрядъ солдатъ подманиваетъ глупую крестьянку. Пульхерія Ивановна замѣтила пропажу кошки, послала искать ее; но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ, вовсе о ней позабыла. Въ одинъ день, когда она ревизовала свой огородъ и возвращалась съ нарванными своею рукою зелеными свѣжими огурцами для Аѳанасія Ивановича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она, какъ будто по инстинкту, произнесла:—кись, кись!—и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣренькая кошка, худая, тощая; замѣтно было, что она нѣсколько уже дней не брала въ ротъ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла передъ нею, мяукала и не смѣла подойти близко; видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самаго забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія, знакомыя мѣста, вошла и въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса и, сидя передъ нею, наслаждалась жадностью бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣренькая бѣглянка, почти въ глазахъ ея, растолстѣла и ѣла уже не такъ жадно. Пульхерія Ивановна протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная, видно,

уже слишкомъ свыклась съ хищными котами, или набралась романическихъ правилъ, что бѣдность при любви лучше палать, а коты были голы, какъ соколы; какъ бы то ни было, она выпрыгнула въ окошко, и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ее.

Задумалась старушка.—Это смерть моя приходила за мною!—сказала она сама себѣ, и ничто не могло ее разсѣять. Весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила: Пульхерія Ивановна была безотвѣтна, или отвѣчала совершенно не такъ, чтобы можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

— Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужь не больны ли вы?

— Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! Я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе: я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру: смерть моя уже приходила за мною!

Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились. Онъ хотѣлъ, однакожъ, побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ:

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна! Вы, вѣрно, вмѣсто декохта, что часто пьете, выпили персиковой.

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила персиковой,—сказала Пульхерія Ивановна.

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

— Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю,—сказала Пульхерія Ивановна.—Когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю. Атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье—на что оно ей? А вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ на случай, когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна!—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,—когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами.

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю, когда моя смерть. Вы, однакожъ, не горюйте за мною: я уже старуха и довольно пожила, да и вы уже стары; мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ.

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ,

— Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ! Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю; объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея): я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы—какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любилъ васъ тотъ, кто будетъ ухаживать за вами.— При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

— Смотри мнѣ, Явдоха,—говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать,—когда я умру, чтобы ты глядѣла за панномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты припарядила его прилично; а то, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому что и теперь часто позабываетъ онъ, когда праздничный день, а когда будничный. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ не долго жить—не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастья на свѣтѣ. Я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія.

Бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностью распорядила все такимъ образомъ, чтобы послѣ нея Аѳанасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія. Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ такъ была сильна, и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постель и не могла уже принимать никакой пищи. Аѳанасій Ивановичъ весь превратился во внимательность и не отходилъ отъ ея постели. „Можетъ быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерія Ивановна?“ говорилъ онъ, съ безпокойствомъ смотря въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ничего не говорила. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, какъ будто хотѣла она что-то сказать, пошевелила губами—и дыханіе ея улетѣло.

Аѳанасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ. Это такъ казалось ему дико, что онъ даже не

заплакалъ; мутными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ бы не понимая значенія трупа.

Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестомъ, дали въ руки восковую свѣчу — онъ на все это глядѣлъ безчувственно. Множество народа всякаго званія наполнило дворъ; множество гостей пріѣхало на похороны; длинные столы разставлены были по двору; кутья, наливки, пироги покрывали ихъ кучами. Гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него; но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу понесли, наконецъ, народъ повалилъ слѣдомъ, и онъ пошелъ за нею. Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашонкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ. Наконецъ, гробъ поставили надъ ямой; ему велѣли подойти и поцѣловать въ послѣдній разъ покойницу. Онъ подошелъ, поцѣловалъ; на глазахъ его показались слезы, но какія-то безчувственныя слезы. Гробъ опустили, священникъ взялъ заступъ, и первый бросилъ горсть земли; густой протяжный хоръ дьячка и двухъ пономарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ, безоблачнымъ небомъ; работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму. Въ это время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ: „Такъ вотъ это вы уже и погребли ее? зачѣмъ?!...“ Онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнатѣ, что даже стулъ, на которомъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ,—онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно, и слезы, какъ рѣка, лились изъ его тусклыхъ очей.

Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время? Какая страсть уцѣлѣетъ въ неровной битвѣ съ нимъ? Я зналъ одного человѣка въ цвѣтѣ юныхъ еще силъ, исполненнаго истиннаго благородства и достоинствъ; я зналъ его влюбленнымъ нѣжно, страстно, бѣшено, дерзко, скромно, и при мнѣ, при моихъ глазахъ почти, предметъ его страсти—нѣжная, прекрасная, какъ ангелъ, была поражена непасытною смертью. Я никогда не видалъ такихъ ужасныхъ порывовъ душевнаго страданія, такой бѣшеной, палящей тоски, такого пожирающаго отчаянія, какія волновали несчастнаго любовника. Я никогда не думалъ, чтобы могъ человѣкъ создать для себя такой адъ, въ которомъ ни тѣни, ни образа и ничего, что бы сколько-нибудь походило на надежду... Его старались не выпускать изъ глазъ; отъ него спрятали всѣ орудія, которыми бы онъ могъ умертвить себя. Двѣ недѣли спустя, онъ вдругъ побѣдилъ себя: началъ смѣяться, шутить; ему дали свободу, и первое, на что онъ употребилъ ее, это было—купить пистолетъ. Въ одинъ день внезапно раздавшійся выстрѣлъ перепугалъ ужасно его родныхъ; они вбѣжали въ комнату и увидѣли его распростертаго, съ раздробленнымъ черепомъ. Врачъ, случившійся тогда, объ искусствѣ котораго гремѣла всеобщая молва, увидѣлъ въ немъ признаки существованія, нашелъ рану не совсѣмъ смертельною, и онъ, къ изумленію всѣхъ, былъ вылѣченъ. Присмотръ за нимъ увеличили еще болѣе. Даже за столомъ не клали возлѣ него ножа и старались удалить все, чѣмъ бы могъ онъ себя ударить; но онъ въ скоромъ времени нашелъ новый случай и бросился подъ колеса проѣзжавшаго экипажа. Ему раздробило руку и ногу; но онъ опять былъ вылѣченъ. Годъ послѣ этого я видѣлъ его въ одномъ многолюдномъ залѣ: онъ сидѣлъ за столомъ, весело говорилъ: „*птитъ-увертъ*“, закрывши одну карту, и за нимъ стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки.

По истеченіи сказанныхъ пяти лѣтъ послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, я, будучи въ тѣхъ мѣстахъ, заѣхалъ въ хуторокъ Аѳанасія Ивановича навѣстить моего стариннаго сосѣда, у котораго когда-то пріятно проводилъ день и всегда объѣдался лучшими издѣліями радушной хозяйки. Когда я подъѣхалъ ко двору, домъ мнѣ показался вдвое старѣе; крестьянскія избы совсѣмъ легли на-бокъ, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и владѣльцы ихъ; частоколъ и плетень во дворѣ были совсѣмъ разрушены, и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для затопки печи, тогда какъ ей нужно было сдѣлать только два шага лишнихъ, чтобы достать тутъ же наваленнаго хворосту. Я съ грустью подъѣхалъ къ крыльцу; тѣ же самые барбосы и бровки, уже слѣпые, или съ перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверхъ свои волнистые, обвѣшанные репейниками, хвосты. Навстрѣчу вышелъ старикъ. Такъ, это онъ! я тотчасъ узналъ его; но онъ согнулся уже вдвое противъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣтствовалъ съ тою же знакомою мнѣ улыбкою. Я вошелъ за нимъ въ комнаты. Казалось, все было въ нихъ попрежнему; но я замѣтилъ во всемъ какой-то странный безпорядокъ, какое-то ощутительное отсутствіе чего-то; словомъ, я ощутилъ въ себѣ тѣ странныя чувства, которыя овладѣваютъ нами, когда мы вступаемъ въ первый разъ въ жилище вдовца, котораго прежде знали нераздѣльнымъ съ подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бываютъ

похожи на то, когда видимъ передъ собою безъ ноги человѣка, котораго всегда знали здоровымъ. Во всемъ видно было отсутствіе заботливой Пульхеріи Ивановны: за столомъ подали одинъ ножъ безъ черенка; блюда уже не были приготовлены съ такимъ искусствомъ. О хозяйствѣ я не хотѣлъ и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственныя заведенія.

Когда мы сѣли за столъ, дѣвка завязала Аѳанасія Ивановича салфеткою, и очень хорошо сдѣлала, потому что безъ того онъ бы весь халатъ свой запачкалъ соусомъ. Я старался его чѣмъ-нибудь занять и разсказывалъ ему разныя новости; онъ слушалъ съ тою же улыбкою, но по временамъ взглядъ его былъ совершенно безчувственъ, и мысли въ немъ не бродили, но исчезали. Часто поднималъ онъ ложку съ кашею и, вмѣсто того, чтобы подносить ко рту, подносилъ къ носу; вилку свою, вмѣсто того, чтобы воткнуть въ кусокъ цыпленка, онъ тыкалъ въ графинъ, и тогда дѣвка, взявши его за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по нѣскольку минутъ слѣдующаго блюда. Аѳанасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ это и говорилъ: „Что это такъ долго не несутъ кушанья?“ Но я видѣлъ сквозь щ ль въ дверяхъ, что мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о томъ и спалъ, свѣсивши голову на скамью.

— Вотъ это то кушанье, — сказалъ Аѳанасій Ивановичъ, когда подали намъ *мнишки* со сметаною,—это то кушанье,—продолжалъ онъ, и я замѣтилъ, что голосъ его началъ дрожать и слеза готовилась выглянуть изъ его свинцовыхъ глазъ, но онъ собиралъ всѣ усилія, желая удержать ее: —это то кушанье, которое по... по... покой... покойни...—и вдругъ брызнулъ слезами; рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетѣла и разбилась; соусъ залилъ его всего. Онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку, и слезы, какъ ручей, какъ немолчно текущій фонтанъ, лились, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

„Боже!—думалъ я, глядя на него,—пять лѣтъ всепстребляющаго времени — старикъ уже безчувственный, старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ ядѣнія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ,—и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнѣе надъ нами: страсть или привычка? Или всѣ сильные порывы, весь вихорь нашихъ желаній и кипящихъ страстей есть только слѣдствіе нашего яркаго возраста, и только по тому одному кажутся глубоки и сокрушительны?“ Что бы ни было, но въ это время мнѣ казались дѣтскими всѣ наши страсти противъ этой долгой, медленной, почти безчувственной привычки. Нѣсколько разъ силился онъ выговорить имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плачъ дитяти поражалъ меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не тѣ слезы, на которыя обыкновенно такъ щедры старички, представляющіе вамъ жалкое свое положеніе и несчастія; это были также не тѣ слезы, которыя они роняютъ за стаканомъ пунша: нѣтъ! это были слезы, которыя текли, не спрашиваясь, сами собою, накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца.

Онъ не долго послѣ того жилъ. Я недавно услышалъ объ его смерти. Странно, однакоже, то, что обстоятельства кончины его имѣли какое-то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аѳанасій Ивановичъ рѣшился немного пройтись по саду. Когда онъ медленно шелъ по дорожкѣ, съ обыкновенною своею безпечностью, вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилось странное происшествіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-то довольно явственнымъ голосомъ: „Аѳанасій Ивановичъ!“ Онъ оборотился, но никого совершенно не было; посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ кусты— нигдѣ никого. День былъ тихъ, и солнце сіяло. Онъ на минутку задумался; лицо его какъ-то оживилось, и онъ, наконецъ, произнесъ: „это Пульхерія Ивановна зоветъ меня!“ Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась за человѣкомъ и призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечикъ въ это время переставалъ кричать; ни души въ саду. Но, признаюсь, если бы ночь, самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно такъ бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ сада, и тогда только успокаивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню.

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и наконецъ угасъ

такъ, какъ она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бѣдное ея пламя. „Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны“,—вотъ все, что произнесъ онъ передъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви, близъ могилы Пульхеріи Ивановны. Гостей было меньше на похоронахъ, но простого народа и нищихъ было такое же множество. Домикъ барскій уже сдѣлался вовсе пустъ. Предпріимчивый приказчикъ вмѣстѣ съ войтомъ перетащили въ свои избы всѣ остававшіяся старинныя вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро пріѣхалъ, неизвѣстно откуда, какой-то дальній родственникъ, наслѣдникъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ, не помню въ какомъ полку, страшный реформаторъ. Онъ увидѣлъ тотчасъ величайшее разстройство и упущеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ; все это рѣшился онъ непремѣнно искоренить, исправить и ввести во всемъ порядокъ. Накупилъ шесть прекрасныхъ англійскихъ серповъ, приколотилъ къ каждой избѣ особенный номеръ, и наконецъ такъ хорошо распорядился, что имѣніе черезъ шесть мѣсяцевъ взято было въ опеку. Мудрая опека (изъ одного бывшаго засѣдателя и какого-то штабсъ-капитана въ полиняломъ мундирѣ) перевела въ непродолжительное время всѣхъ куръ и всѣ яйца. Избы, почти совсѣмъ лежавшія на землѣ, развалились вовсе; мужики расплянствовались и стали большею частью числиться въ бѣгахъ. Самъ же настоящій владѣтель, который, впрочемъ, жилъ довольно мирно съ своею опекою и пилъ вмѣстѣ съ нею пуншъ, пріѣзжалъ очень рѣдко въ свою деревню и проживалъ не долго. Онъ до сихъ поръ ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ въ Малороссіи, тщательно освѣдомляется о цѣнахъ на разныя большія произведенія, продающіяся оптомъ, какъ то: муку, пеньку, медъ и прочее; но покупаетъ только небольшія бездѣлушки, какъ то: кремешки, гвоздь прочищать трубку и вообще все то, что не превышаетъ всѣмъ оптомъ своимъ цѣны одного рубля.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

повѣсть.

I.

А поворотись-ка, сынъ! Экой ты смѣшной какой! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И этакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ домой къ отцу.

Сыновья его только-что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе исподлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень смущены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— Стойте, стойте! Дайте мнѣ разглядѣть васъ хорошенько,—продолжалъ онъ, поворачивая ихъ,—какія же длинныя на васъ свитки! *) Экія свитки! Такихъ свитокъ еще и на свѣтѣ не было. А побѣги который-нибудь изъ васъ! я посмотрю, не шлепнется ли онъ на землю, запутавшись въ полы.

— Не смѣйся, не смѣйся, батьку! — сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

— Смотри ты, какой пышный! А отчего-жъ бы не смѣяться?

— Да такъ; хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей-Богу, поколочу!

— Ахъ, ты сякой-такой сынъ! какъ! батька?— сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Какъ же хочешь ты со мною биться? развѣ на кулаки?

— Да ужъ на чемъ бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки!—говоритъ Бульба, засучивъ рукавъ,—посмотрю я, что за человѣкъ ты въ кулакѣ!

И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали насаживать другъ другу тумаки и въ бока, и въ поясницу, и въ грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурѣлъ старый! совсѣмъ спятилъ съ ума! — говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ.—Дѣти пріѣхали домой, больше году ихъ не видали, а онъ задумалъ нивѣсть что: на кулаки биться!

— Да онъ славно бьется!—говорилъ Бульба, остановившись. — Ей-Богу, хорошо!—продолжалъ онъ, немного оправляясь,—такъ, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будетъ козакъ! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся!—И отецъ съ сыномъ стали цѣловаться.—Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ: никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство: что это за веревка виситъ? А ты, Бейбасъ, что стоишь и руки опустилъ?—говорилъ онъ, обращаясь къ младшему,—что-жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня?

---

*) Верхняя одежда у южныхъ россіянъ.

— Вотъ еще что выдумалъ! — говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. — И придетъ же въ голову этакое, чтобы дитя родное било отца! Да будто и до того теперь: дитя молодое, проѣхало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно опочить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ его биться!

— Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу!—говорилъ Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба—чистое поле да добрый конь: вотъ ваша нѣжба! А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ головы ваши: и академіи, и всѣ тѣ книжки, буквари и философіи, и все это: *кто зна що*—я плевать на все это!—Здѣсь Бульба пригналъ въ строку такое слово, которое даже не употребляется въ печати.— А вотъ, лучше, я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ гдѣ наука, такъ наука! Тамъ вамъ школа; тамъ только наберетесь разума.

— И всего только одну недѣлю быть имъ дома?— говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать,—и погулять имъ, бѣднымъ, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!

— Полно, полно выть, старуха! Козакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ты бы спрятала ихъ обоихъ себѣ подъ юбку, да и сидѣла бы на нихъ, какъ на куриныхъ яйцахъ. Ступай, ступай, да ставь намъ скорѣе на столъ все, что есть. Не нужно пампушекъ, медовиковъ, маковниковъ и другихъ пундиковъ; тащи намъ всего барана, козу давай, меды сорокалѣтніе! Да горѣлки побольше, не съ выдумками горѣлки, не съ изюмомъ и всякими вытребеньками, а чистой, пѣнной горѣлки, чтобы играла и шипѣла, какъ бѣшеная.

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, откуда проворно выбѣжали двѣ красивыя дѣвки-прислужницы, въ червоныхъ монистахъ, прибиравшія комнаты. Онѣ, какъ видно, испугались пріѣзда паничей, не любившихъ спускать никому, или же, просто, хотѣли соблюсти свой женскій обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидѣвши мужчину, и потомъ долго закрываться отъ сильнаго стыда рукавомъ. Свѣтлица была убрана во вкусѣ того времени, о которомъ живые намеки остались только въ пѣсняхъ, да въ народныхъ думахъ, уже не поющихся болѣе на Украйнѣ бородатыми старцами-слѣпцами, въ сопровожденіи тихаго треньканья бандуры, въ виду обступившаго народа,—во вкусѣ того браннаго, труднаго времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украйнѣ за унію. Все было чисто, вымазано цвѣтной глиною. На стѣнахъ—сабли, нагайки, сѣтки для птицъ, невода и ружья, хитро обдѣланный рогъ для пороха, золотая уздечка на коня и путы съ серебряными бляхами. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми тусклыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ, сквозь которыя иначе нельзя было глядѣть, какъ приподнявъ надвижное стекло. Вокругъ оконъ и дверей были красные отводы. На полкахъ по угламъ стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленаго и синяго стекла, рѣзные серебряные кубки, позолоченныя чарки всякой работы: веницейской, турецкой, черкесской, зашедшія въ свѣтлицу Бульбы всякими путями черезъ третьи и четвертыя руки, что было весьма обыкновенно въ тѣ удалыя времена. Берестовыя скамьи вокругъ всей комнаты; огромный столъ подъ образами въ парадномъ углу; широкая печь съ запечьями, уступами и выступами, покрытая цвѣтными, пестрыми изразцами,—все это было очень знакомо нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ каждый годъ домой на каникулярное время,—приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней и потому, что не въ обычаѣ было позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій козакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

Бульба, по случаю пріѣзда сыновей, велѣлъ созвать всѣхъ сотниковъ и весь полковой чинъ, кто только былъ на лицо; и когда пришли двое изъ нихъ и есаулъ Дмитро Товкачъ, старый его товарищъ, онъ имъ тотъ же часъ представилъ сыновей, говоря: „Вотъ смотрите, какіе молодцы! На Сѣчь ихъ скоро пошлю“. Гости поздравили и Бульбу, и обоихъ юношей, и сказали имъ, что доброе дѣло дѣлаютъ и что нѣтъ лучшей науки для молодого человѣка, какъ запорожская Сѣчь.

— Ну-жъ, паны браты, садись всякій, гдѣ кому лучше, за столъ. Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горѣлки!—такъ говорилъ Бульба.—Боже благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурмановъ били, и турковъ бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били. Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горѣлка? А какъ по-латыни горѣлка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ, бишь, того звали, что латинскія вирши писалъ? Я грамотѣ разумѣю не сильно, а потому и не знаю: Горацій, что ли?

— Вишь, какой батько! — подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ, — все старый, собака, знаетъ, а еще и прикидывается.

— Я думаю, архимандритъ не давалъ вамъ и понюхать горѣлки, — продолжалъ Тарасъ.—А признайтесь, сынки, крѣпко стегали васъ березовыми и свѣжимъ вишнякомъ по спинѣ и по всему, что ни есть у козака? А можетъ, такъ какъ вы сдѣлались уже слишкомъ разумные, такъ, можетъ, и плетюганами пороли? Чай, не только по субботамъ, а доставалось и въ середу, и въ четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было,— отвѣчалъ хладнокровно Остапъ, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробуетъ!—сказалъ Андрій,— пускай теперь кто-нибудь только зацѣпитъ. Вотъ пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будетъ знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-Богу, добре! Да когда на то пошло, то и я съ вами ѣду! ей-Богу, ѣду. Какого дьявола мнѣ здѣсь ждать? Чтобъ я сталъ гречкосѣемъ, домоводомъ, глядѣть за овцами, да за свиньями, да бабиться съ женою? Да пропади она: я козакъ, не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны? Я такъ поѣду съ вами на Запорожье — погулять. Ей-Богу, поѣду! — И старый Бульба мало-по-малу горячился, горячился, наконецъ разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и, пріосанившись, топнулъ ногою.—Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? Къ чему намъ все это? На что эти горшки?— Сказавши это, онъ началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но, услыша о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно-сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть только въ тяжелый XV вѣкъ на полукочующемъ углу Европы, когда вся южная первобытная Россія, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набѣгами монгольскихъ хищниковъ; когда, лишившись дома и крови, сталъ здѣсь отваженъ человѣкъ, когда на пожарищахъ, въ виду грозныхъ сосѣдей и вѣчной опасности, селился онъ и привыкалъ глядѣть имъ прямо въ очи, разучившись знать, существуетъ ли какая боязнь на свѣтѣ; когда бранным пламенемъ объялся древле-мирный славянскій духъ и завелось козачество — широкая разгульная замашка русской природы, и когда всѣ порѣчья, перевозы, прибрежныя пологія и удобныя мѣста усѣялись козаками, которымъ и счету никто не вѣдалъ, и смѣлые товарищи ихъ были въ правѣ отвѣчать султану, пожелавшему знать о числѣ ихъ: „Кто ихъ знаетъ! у насъ ихъ раскидано по всему степу: что байракъ, то козакъ“ (гдѣ маленькій пригорокъ, тамъ ужъ и козакъ). Это было точно необыкновенное явленіе русской силы; его вышибло изъ народной груди огниво бѣдъ. Вмѣсто прежнихъ удѣловъ, мелкихъ городковъ, наполненныхъ псарями и ловчими, вмѣсто враждующихъ и торгующихъ городами мелкихъ князей, возникли грозныя селенія, курени и околицы, связанные общею опасностью и ненавистью противъ не христіанскихъ хищниковъ. Уже извѣстно всѣмъ изъ исторіи, какъ ихъ вѣчная борьба и безпокойная жизнь спасли Европу отъ неукротимыхъ набѣговъ, грозившихъ ее опрокинуть. Короли польскіе, очутившіеся, на мѣсто удѣльныхъ князей, властителями этихъ пространныхъ земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значенье козаковъ и выгоды таковой бранной, сторожевой жизни. Они поощряли ихъ и льстили этому расположенію. Подъ ихъ отдаленною властью гетманы, избранные изъ среды самихъ же козаковъ, преобразовали околицы и курени въ полки и правильные округи. Это не было строевое собранное войско; его бы никто не увидалъ; но въ случаѣ войны и общаго движенья, въ восемь дней, не больше, всякій являлся на конѣ, во всемъ своемъ вооруженіи, получа одинъ только червонецъ платы отъ короля, и въ двѣ недѣли набиралось такое войско, какого бы не въ силахъ были набрать никакіе рекрутскіе наборы. Кончился походъ, — воинъ уходилъ въ луга и пашни, на днѣпровскіе перевозы, ловилъ рыбу, торговалъ, варилъ пиво и былъ вольный козакъ. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновеннымъ способностямъ его. Не было ремесла, котораго бы не зналъ козакъ: накурить вина, снарядить телѣгу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, въ прибавку къ тому, гулять напропалую, пить и бражничать, какъ только можетъ одинъ русскій,— все это было ему по плечу. Кромѣ рейстровыхъ козаковъ, считавшихъ обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, въ случаѣ большой потребности, набрать цѣлыя толпы охочекомонныхъ: стоило только есауламъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телѣгу: „Эй, вы, пивники, броварники! полно вамъ пиво варить, да валяться по запечьямъ, да кормить своимъ жирнымъ тѣломъ мухъ! Ступайте славы

рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцепасы, баболюбы! полно вамъ за плугомъ ходить, да пачкать въ землѣ свои желтые чоботы, да подбираться къ жинкамъ и губить силу рыцарскую! пора доставать козацкой славы!" И слова эти были — какъ искры, падавшія на сухое дерево. Пахарь ломалъ свой плугъ, бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленникъ и торгашъ посылалъ къ чорту и ремесло, и лавку, билъ горшки въ домѣ,—и все, что ни было, садилось на коня. Словомъ, русскій характеръ получилъ здѣсь могучій, широкій размахъ, крѣпкую наружность.

Тарасъ былъ одинъ изъ числа кореннихъ, старыхъ полковниковъ: весь былъ онъ созданъ для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда вліяніе Польши начинало уже оказываться на русскомъ дворянствѣ. Мнгіе перенимали уже польскіе обычаи, заводили роскошь, великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь козаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ. Вѣчно неугомонный, онъ считалъ себя законнымъ защитникомъ православія. Самоуправно входилъ въ села, гдѣ только жаловались на притѣсненія арендаторовъ и на прибавку новыхъ пошлинъ съ дыма. Самъ съ своими козаками производилъ надъ ними расправу и положилъ себѣ правиломъ, что въ трехъ случаяхъ всегда слѣдуетъ взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважили въ чемъ старшинъ и стояли передъ ними въ шапкахъ; когда глумились надъ православіемъ и не чтили обычая предковъ, и, наконецъ, когда враги были бусурманы и турки, противъ которыхъ онъ считалъ во всякомъ случаѣ позволительнымъ поднять оружіе во славу христіанства.

Теперь онъ тѣшилъ себя заранѣе мыслью, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими на Сѣчь и скажетъ: „Вотъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ!"; какъ представитъ ихъ всѣмъ старымъ, закаленнымъ въ битвахъ, товарищамъ; какъ поглядитъ на первые подвиги ихъ въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое почиталъ тоже однимъ изъ главныхъ достоинствъ рыцаря. Онъ сначала хотѣлъ-было отправить ихъ однихъ; но, при видѣ ихъ свѣжести, рослости, могучей тѣлесной красоты, вспыхнулъ воинскій духъ его, и онъ на другой же день рѣшился ѣхать съ ними самъ, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Онъ уже хлопоталъ и отдавалъ приказы, выбиралъ коней и сбрую для молодыхъ сыновей, навѣдывался и въ конюшни, и въ амбары, отобралъ слугъ, которые должны были завтра съ ними ѣхать. Есаулу Товкачу передалъ свою власть вмѣстѣ съ крѣпкимъ наказомъ явиться сей же часъ со всѣмъ полкомъ, если только онъ подастъ изъ Сѣчи какую-нибудь вѣсть. Хотя онъ былъ и навеселѣ, и въ головѣ его еще бродилъ хмѣль, однакожъ не забылъ ничего; даже отдалъ приказъ напоить коней и всыпать имъ въ ясли крупной и лучшей пшеницы, и пришелъ усталый отъ своихъ заботъ.

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель; мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только-что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собой. „Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?"—говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, — все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ,

со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ, можетъ быть, при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ“.

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и, мало-полу, лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржанье жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Козакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были засунуты за поясомъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! Она какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать! — произнесъ, наконецъ, Бульба. — Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! — сказалъ Бульба, — моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую *), чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то — пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ.

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею.

— Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ... — Далѣе она не могла говорить.

— Ну, пойдемъ, дѣти! — сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ козака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

Молодые козаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ тоже нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ: хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю, только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика, да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазали, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни, отъ лѣтъ, когда

*) Рыцарскую.

валялись по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую козачку, боязливо перелетавшую черезъ него съ помощью своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ногъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. — Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда плачетъ козакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчи изъ своихъ прежнихъ сотоварищей. Онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболѣе о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ кіевскую академію, потому что всѣ почетные сановники тогдашняго времени считали необходимостью дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ, поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже обыкновенно они нѣсколько шлифовались и получали что-то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый еще годъ бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлыя двадцать лѣтъ и не поклялся напередъ, что онъ не увидитъ Запорожья вовѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтовалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни: эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Учившіеся имъ ни къ чему не могли привязать своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта. Притомъ же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, возбуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ, все это, соединившись, рождало въ нихъ ту предпріимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмечки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака. Консулъ, долженствовавшій, по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговки. Эти бурсаки составляли совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ воевода Адамъ Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ построже. Впрочемъ, это наставленіе было вовсе излишне, потому что ректоръ и профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плетей, и часто ликторы, по ихъ приказанію, пороли своихъ консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ, наконецъ, сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки, и они убѣгали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, несмотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже богословіе, никакъ не избавлялся неумолимыхъ розогъ. Естественно, что все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ — обобрать чужой садъ или огородъ; но за то онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ, не выдавалъ своихъ товарищей; никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки;

по крайней мѣрѣ никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развитыя. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ изобрѣтательнѣе своего брата, чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощью изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его, Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи. Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но вмѣстѣ съ нею душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, к гда онъ перешелъ за восемнадцать лѣтъ; женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его: онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокую, нѣжную. Предъ нимъ безпрерывно, мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать козаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ пышный старомъ Кіевѣ, гдѣ жили малороссійскіе и польскіе дворяне и гдѣ дома были выстроены съ нѣкоторою прихотливостью. Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, на него почти наѣхала колымага какого-то польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница съ престрашными усами хлыснулъ его довольно исправно бичомъ. Молодой бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостью схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадямъ, онѣ рванули,—и Андрій, къ счастью успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывалъ отъ роду: черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души, и смѣхъ придавалъ сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ. Онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разсѣянно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ было узнать отъ дворни, которая толпою, въ богатомъ убранствѣ, стояла за воротами, окруживши игравшаго молодого бандуриста. Но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ, онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостью, онъ пролѣзъ черезъ частоколъ въ садъ, влѣзъ на дерево, которое раскидывалось вѣтвями на самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ онъ на крышу и черезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчею и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серьги. Прекрасная полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнесть ни одного слова; но когда примѣтила, что бурсакъ стоялъ, потупивъ глаза и не смѣя отъ робости пошевелить рукою, когда узнала въ немъ того же самаго, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ полячка; но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ пошевелить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ; когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей, съ развязностью дитяти, которою отличаются вѣтреныя полячки, и которая повергла бѣднаго бурсака въ большее еще смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи. Раздавшійся въ это время у дверей стукъ испугалъ ее. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и какъ только безпокойство прошло, кликнула свою горничную, плѣнную татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывесть его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ бурсакъ

нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покамѣстъ быстрыя ноги не спасли его. Послѣ этого проходить возлѣ дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ встрѣтилъ ее еще разъ въ костелѣ: она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ; и послѣ этого воевода ковенскій скоро уѣхалъ, и вмѣсто прекрасной черноглазой полячки выглядывало изъ оконъ какое-то толстое лицо. Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленыя объятія, и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и только черныя козачьи шапки однѣ мелькали между ея колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, такъ притихли? — сказалъ, наконецъ, Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости, — какъ будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки, да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, пригнувшись къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть; одна только струя сжимаемой травы показывала слѣдъ ихъ быстраго бѣга.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ, теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у козаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь Югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію до самаго Чернаго моря, было зеленою, дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ вѣсть, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою; вонъ она перевернулась крыльями и блеснула передъ солнцемъ... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на нѣсколько минутъ для обѣда, при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ изъ десяти козаковъ слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ горѣлкою и тыквы, употреблямыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ, или коржи, пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, и продолжали путь до вечера. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась: все и строе пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темнозеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, звучавшая днемъ, утихала и смѣнялась другою. Пестрые суслики выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, козаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву: весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье, — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ воздухѣ и убаюкивало дремлющій слухъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ

выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебристо-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья: все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую, черпѣвшую въ дальней травѣ, точку, сказавши: „Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!“ Маленкая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что козаковъ было тринадцать человѣкъ. „А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! и не пробуйте, — вовѣки не поймаете: у него конь быстрѣе моего Чорта“. Однакожъ Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть свой слѣдъ, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Черезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, бывшаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло: они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и наконецъ охватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его стлались широко по землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Козаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и, черезъ три часа плаванія, были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто и ремѣнявшая свое жилище.

Куча народу бранилась на берегу съ перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ. Молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы, съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ двадцати пяти кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи; крамари подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ; армянинъ развѣсилъ дорогіе платки; татаринъ ворочалъ на рожнахъ баранью катки съ тѣстомъ; жидъ, выставивъ впередъ свою голову, цѣдилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ навстрѣчу, это былъ запорожецъ, спавшій на самой серединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.— Эхъ, какъ важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура!—говорилъ онъ, остановивши коня.—Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая: запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ; закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли; шаровары алаго дорогого сукна были запачканы дегтемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія. Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе по тѣсной улицѣ, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшими это предмѣстье Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ, они миновали предмѣстье и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора, или тѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣсами на низенькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьи. Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши:—Здравствуйте, панове!—Здравствуйте и вы!—отвѣчали запорожцы. Вездѣ, по всему полю, живописными кучами пестрѣлъ народъ. По смуглымъ лицамъ видно было, что всѣ они были закалены въ битвахъ, испробовали всякихъ невзгодъ. Такъ вотъ она, Сѣчь! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! Вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ ее въ рукахъ и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ срединѣ которыхъ отплясывалъ молодой запорожецъ, заломивши шапку чортомъ и вскинувши руками. Онъ кри-

чалъ только:—Живѣй играйте, музыканты! Не жалѣй, Ѳома, горѣлки православнымъ христіанамъ!—И Ѳома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого запорожца четверо старыхъ выработывали довольно мелко ногами, вскидывались, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслись въ присядку и били, круто и крѣпко, своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ далече отдавались гопаки и тропаки, выбиваемые звонкими подковами сапоговъ. Но одинъ всѣхъ живѣе вскрикивалъ и летѣлъ вслѣдъ за другими въ танцѣ. Чуприна развѣвалась по вѣтру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимній кожухъ былъ надѣтъ въ рукава, и потъ градомъ лилъ съ него, какъ изъ ведра.—Да сними хоть кожухъ!—сказалъ, наконецъ, Тарасъ: —видишь, какъ паритъ.—Не можно,—кричалъ запорожецъ.—Отчего?—Не можно; у меня ужъ такой нравъ: что скину, то пропью.—А шапки ужь давно не было на молодцѣ, ни пояса на кафтанѣ, ни шитаго платка: все пошло, куда слѣдуетъ. Толпа росла; къ танцующимъ приставали другіе, и нельзя было видѣть безъ внутренняго движенья, какъ все отдирало танецъ самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо свѣтъ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, названъ козачкомъ.

„Эхъ, если бы не конь!—вскрикнулъ Тарасъ:—пустился бы, право пустился бы самъ въ танецъ".

А между тѣмъ въ народѣ стали попадаться и уваженные по заслугамъ всею Сѣчью сѣдые, старые чубы, бывавшіе не разъ старшинами. Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія.—А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ?—Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ?—Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень? И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы:——А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсышокъ?—И слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсышкова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царьградъ. Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: „Добрые были козаки!"

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчи, Остапъ и Андрій мало занимались военною школою. Сѣчь не любила затруднять себя военными упражненіями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвъ, которыя оттого были почти безпрерывны. Козаки почитали скучнымъ занимать промежутки изученіемъ какой-нибудь дисциплины, кромѣ развѣ стрѣльбы въ цѣль, да изрѣдка конной скачки и гоньбы за звѣремъ въ степяхъ и лугахъ; все прочее время отдавалось гульбѣ—признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣчь представляла необыкновенное явленіе: это было какое-то безпрерывное пиршество, балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что-то околдовывающее. Оно не было сборищемъ бражниковъ, напивавшихся съ горя, но было просто бѣшеное разгулье веселости. Всякій приходящій сюда позабывалъ и бросалъ все, что дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое прошедшее и беззаботно предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, гулякъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другого источника. Разсказы и болтовня, среди собравшейся толпы, лѣниво отдыхавшей на землѣ, часто такъ были смѣшны и дышали такою силою живого разсказа, что нужно было имѣть всю хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранять неподвижное выраженіе лица, не моргнувъ даже усомъ,—рѣзкая черта, которою отличается донынѣ отъ другихъ братьевъ своихъ южный россіянинъ. Веселость была пьяна, шумна, но при всемъ томъ это не былъ черный кабакъ, гдѣ мрачно-искажающимъ весельемъ забывается человѣкъ, это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Разница была только въ томъ, что, вмѣсто сидѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ на пяти тысячахъ коней; вмѣсто луга, гдѣ играютъ въ мячъ, у нихъ были неохраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильной воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами собой кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ; что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка и которые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ,

которые, по благородному обычаю, не могли удержать въ карманѣ своемъ копѣйки, что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что-нибудь выронить. Здѣсь были всѣ бурсаки, не вытерпѣвшіе академическихъ лозъ и не вынесшіе изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ ними здѣсь были и тѣ, которые знали, что такое Горацій, Цицеронъ и римская республика. Тутъ было много тѣхъ офицеровъ, которые потомъ отличались въ королевскихъ войскахъ; тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Много было и такихъ, которые пришли на Сѣчь съ тѣмъ, чтобы потомъ сказать, что они были на Сѣчи, и уже закаленные рыцари. Но кого тутъ не было? Эта странная республика была именно потребностью того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ, во всякое время могли найти здѣсь работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстье Сѣчи не смѣла показываться ни одна женщина.

Остапу и Андрію казалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчь бездна народу и хоть бы кто-нибудь спросилъ: откуда эти люди, кто они и какъ ихъ зовутъ? Они приходили сюда, какъ будто бы возвращаясь въ свой собственный домъ, откуда только что за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ:—Здравствуй! Что, во Христа вѣруешь?—Вѣрую!—отвѣчалъ приходившій.—И въ Троицу Святую вѣруешь?—Вѣрую!—И въ церковь ходишь?—Хожу!—А ну, перекрестись!—пришедшій крестился.—Ну, хорошо!—отвѣчалъ кошевой.—Ступай же, въ который самъ знаешь, курень. Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣчь молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстью жиды, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка: они были похожи на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Сѣчь состояла изъ шестидесяти слишкомъ куреней, которые очень походили на отдѣльныя независимыя республики, а еще болѣе на школу и бурсу дѣтей, живущихъ на всемъ готовомъ. Никто ничѣмъ не заводился и ничего не держалъ у себя: все было на рукахъ у куренного атамана, который за это обыкновенно носилъ названіе батька. У него были на рукахъ деньги, платья, весь харчъ, саламата, каша и даже топливо; ему отдавали деньги подъ сохранъ. Нерѣдко происходила ссора у куреней съ куренями: въ такомъ случаѣ дѣло тотъ же часъ доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали другъ другу бока, покамѣстъ одни не пересиливали наконецъ и не брали верхъ, и тогда начиналась гульня. Такова была эти Сѣчь, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

Остапъ и Андрій кинулись со всею пылкостью юношей въ это разгульное море и забыли вмигъ и отцовскій домъ, и бурсу, и все, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Все занимало ихъ: разгульные обычаи Сѣчи и немногосложная управа и законы, которые казались имъ иногда даже слишкомъ строгими среди такой своевольной республики. Если козакъ проворовался, укралъ какую-нибудь бездѣлицу, это считалось уже поношеніемъ всему козачеству: его, какъ безчестнаго, привязывали къ позорному столбу и клали возлѣ него дубину, которою всякій проходящій обязанъ былъ нанести ему ударъ, пока такимъ образомъ не забивали его на смерть. Не платившаго должника приковывали цѣпью къ пушкѣ, гдѣ долженъ былъ онъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ товарищей не рѣшался его выкупить, заплативши за него долгъ. Но болѣе всего произвела впечатлѣніе на Андрія страшная казнь, опредѣленная за смертоубійство. Тутъ же при немъ вырыли яму, опустили туда живого убійцу и сверхъ него поставили гробъ, заключавшій тѣло имъ убіеннаго, и потомъ обоихъ засыпали землею. Долго потомъ все чудился ему страшный обрядъ казни и все представлялся этотъ заживо засыпанный человѣкъ вмѣстѣ съ ужаснымъ гробомъ.

Скоро оба молодые козака стали на хорошемъ счету у козаковъ. Часто, вмѣстѣ съ другими товарищами своего куреня, а иногда со всѣмъ куренемъ и съ сосѣдними куренями, выступали они въ степи для стрѣльбы несмѣтнаго числа всѣхъ возможныхъ степныхъ птицъ, оленей и козъ, или же выходили на озера, рѣки и протоки, отведенные по жребію каждому куреню, закидывать невода, сѣти и тащить богатыя топи на продовольствіе всего своего куреня. Хотя и не было тутъ науки, на которой пробуется козакъ, но они стали уже замѣтны между другими моло-

дыми прямою удалью и удачливостью во всемъ. Бойко и мѣтко стрѣляли въ цѣль, переплы али Днѣпръ и отлвъ теченья — дѣло, за которое новичокъ принимался торжественно въ козацкіе круги.

Но старый Тарасъ готовилъ имъ другую дѣятельность. Ему не по душѣ была такая праздная жизнь — настоящаго дѣла хотѣлъ онъ. Онъ все придумывалъ, какъ бы поднять Сѣчь на отважное предпріятіе, гдѣ бы можно было разгуляться, какъ слѣдуетъ, рыцарю. Наконецъ, въ одинъ день пришелъ къ кошевому и сказалъ ему прямо:— Что, кошевой, пора бы погулять запорожцамъ.

— Негдѣ погулять,—отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ на сторону.

— Какъ негдѣ? можно пойти на Турещину, или на Татарву.

— Не можно ни въ Турещину, ни въ Татарву,—отвѣчалъ кошевой, взявши опять хладнокровно въ ротъ свою трубку.

— Какъ не можно?

— Такъ. Мы обѣщали султану миръ.

— Да вѣдь онъ бусурменъ: и Богъ, и святое писаніе велитъ бить бусурмеловъ.

— Не имѣемъ права. Если-бъ не клялись еще нашею вѣрою, то, можетъ быть, и можно было бы; а теперь нѣтъ, не можно.

— Какъ не можно? Какъ же ты говоришь: не имѣемъ права? Вотъ у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тотъ, ни другой не былъ на войнѣ, а ты говоришь: не имѣ мъ права; а ты говоришь: не нужно идти запорожцамъ.

— Ну, ужъ не слѣдуетъ такъ.

— Такъ, стало-быть, слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ козацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы? Такъ на что же мы живемъ, на какого чорта мы живемъ? растолкуй ты мнѣ это. Ты человѣкъ умный, тебя не даромъ выбрали въ кошевые: растолкуй мнѣ, на что мы живемъ?

Кошевой не далъ отвѣта на этотъ запросъ. Это былъ упрямый козакъ. Онъ немного помолчалъ и потомъ сказалъ:—А войнѣ все-таки не бывать.

— Такъ не бывать войнѣ? — спросилъ опять Тарасъ.

— Нѣтъ.

— Такъ ужъ и думать объ этомъ нечего?

— И думать объ этомъ нечего.

„Постой же ты, чортовъ кулакъ! — сказалъ Бульба про себя,—ты у меня будешь знать!“—и положилъ тутъ же отомстить кошевому.

Сговорившись съ тѣмъ и другимъ, задалъ онъ всѣмъ попойку, и хмельные козаки, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, повалили прямо на площадь, гдѣ стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полѣну въ руки и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ съ однимъ только глазомъ, несмотря однакожъ на то, страшно заспаннымъ.

— Кто смѣетъ бить въ литавры? — закричалъ онъ.

— Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебѣ велятъ!—отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули,—и скоро на площадь, какъ шмели, стали собираться че ныя кучи запорожцевъ. В ѣ собрались въ кружокъ, и послѣ третьяго боя показались, наконецъ, старши ы: кошевой съ палицей въ рукѣ, знакомъ своего достоинства, судья съ войсковою печатью, писарь съ чернильницею и есаулъ съ жезломъ. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на всѣ стороны козакамъ, которые гордо стояли, подпершись руками въ бока.

— Что значитъ это собранье? Чего хотите, панове? — сказалъ кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

— Клади палицу! Клади, чортовъ сынъ, сей же часъ палицу! Не хотимъ тебя больше!—кричали изъ толпы козаки. Нѣкоторые изъ трезвыхъ куреней хотѣли, какъ казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крикъ и шумъ сдѣлались общими.

Кошевой хотѣлъ было говоритъ, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа можетъ за это прибить его на-смерть, что всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, поклонился очень низко, положилъ палицу и скрылся въ толпѣ.

— Прикажете, панове, и намъ положить знаки достоинства?—сказали судья, писарь и есаулъ, и готовились тутъ же положить чернильницу, войсковую печать и жезлъ.

— Нѣтъ, вы оставайтесь! — закричали изъ толпы,—намъ нужно было только прогнать кошевого, потому что онъ—баба, а намъ нужно человѣка въ кошевые.

— Кого же выберете теперь въ кошевые?— сказали старшины.

— Кукубенка выбрать!—кричала часть.

— Не хотимъ Кукубенка!—кричала другая.— Рано ему, еще молоко на губахъ не обсохло.

— Шило пусть будетъ атаманомъ! — кричали одни. — Шила посадить въ кошевые!

— Въ спину тебѣ шило! — кричала съ бранью толпа.—Что онъ за козакъ, когда проворовался, собачій сынъ, какъ татаринъ? Къ чорту въ мѣшокъ пьяницу Шила!

— Бородатаго, Бородатаго посадимъ въ кошевые!

— Не хотимъ Бородатаго! Къ нечистой матери Бородатаго!

— Кричите Кирдягу!—шепнулъ Тарасъ Бульба нѣкоторымъ.

— Кирдягу! Кирдягу!—кричала толпа.—Бородатаго, Бородатаго! Кирдягу! Кирдягу! Шила! Къ чорту съ Шиломъ! Кирдягу!

Всѣ кандидаты, услышавши произнесенными свои имена, тотчасъ же вышли изъ толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личнымъ участіемъ своимъ въ избраніи.

— Кирдягу! Кирдягу! — раздавалось сильнѣе прочихъ.—Бородатаго!—Дѣло принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовалъ.

— Ступайте за Кирдягою! — закричали. Человѣкъ десятокъ козаковъ отдѣлились тутъ же изъ толпы; нѣкоторые изъ нихъ едва держались на ногахъ, — до такой степени успѣли нагрузиться, и отправились прямо къ Кирдягѣ объявить ему объ его избраніи.

Кирдяга, хотя престарѣлый, но умный козакъ, давно уже сидѣлъ въ своемъ куренѣ и какъ будто бы не вѣдалъ ни о чемъ происходившемъ.— Что, панове? что вамъ нужно?— спросилъ онъ.

— Иди, тебя выбрали въ кошевые!..

— И милосердствуйте, панове! — сказалъ Кирдяга,—гдѣ мнѣ быть достойну такой чести! Гдѣ мнѣ быть кошевымъ! Да у меня и разума не хватитъ къ отправленью такой должности. Будто уже никого лучшаго не нашлось въ цѣломъ войскѣ?

— Ступай же, говорятъ тебѣ!—кричали запорожцы. Двое изъ нихъ схватили его подъ руки, и какъ онъ ни упирался ногами, но былъ, наконецъ, притащенъ на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньемъ сзади кулаками, пинками и увѣщаніями: — Не пяться же, чортовъ сынъ! принимай же честь, собака, когда тебѣ даютъ ее!—Такимъ образомъ введенъ былъ Кирдяга въ козачій кругъ.

— Что, панове?—провозгласили во весь народъ приведшіе его,—согласны ли вы, чтобы сей козакъ былъ у насъ кошевымъ?

— Всѣ согласны! — закричала толпа, и отъ крику долго гремѣло все поле.

Одинъ изъ старшинъ взялъ палицу и поднесъ ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчасъ же отказался. Старшина поднесъ въ другой разъ: Кирдяга отказался и въ другой разъ, и потомъ уже за третьимъ разомъ взялъ палицу. Одобрительный крикъ раздался по всей толпѣ, и вновь далеко загудѣло отъ козацкаго крика все поле. Тогда выступило изъ середины народа четверо самыхъ старыхъ, сѣдоусыхъ и сѣдочупрынныхъ козаковъ (слишкомъ старыхъ не было на Сѣчи, ибо никто изъ запорожцевъ не умиралъ своею смертью) и, взявши каждый въ руки земли, которая на ту пору отъ бывшаго дождя растворилась въ грязь, положили ее ему на голову. Мокрая земля стекла съ его головы, потекла по усамъ и по щекамъ и все лицо замазала ему грязью. Но Кирдяга стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и благодарилъ козаковъ за оказ нную честь.

Такимъ образомъ кончилось шумное избраніе, которому, не извѣстно, были ли такъ рады другіе, какъ радъ былъ Бульба: этимъ онъ отомстилъ прежнему кошевому; къ тому же и Кирдяга былъ старый его товарищъ и бывалъ съ нимъ въ однихъ и тѣхъ же сухопутныхъ и морскихъ похо дахъ, дѣля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тутъ же праздновать избранье, и поднялась гульня, какой еще не видывали дотолѣ Остапъ и Андрій. Винные шинки были разбиты; медъ, горѣлка и пиво забирались просто, безъ денегъ; шинкари были уже рады и тому, что сами остались цѣлы. Вся ночь прошла въ крикахъ и пѣсняхъ, славившихъ подвиги, и взошедшій мѣсяцъ долго еще видѣлъ толпы музыкантовъ, проходившихъ по улицамъ, съ бандурами, турбанами, круглыми балалайками, и церковныхъ пѣсельниковъ, которыхъ держали на Сѣчи для пѣнья въ церкви и для восхваленія запорожскихъ дѣлъ. Наконецъ хмель и утомленье стали одолѣвать крѣпкія головы. И видно было, какъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ падалъ на землю козакъ; какъ товарищъ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вмѣстѣ съ нимъ. Тамъ гурьбою улегалась цѣлая куча; тамъ выбиралъ иной, какъ бы получше ему улечься, и легъ прямо на деревянную колоду. Послѣдній, который былъ покрѣпче, еще выводилъ какія-то безсвязныя рѣчи; наконецъ, и того подкосила хмельная сила, повалился и тотъ, — и заснула вся Сѣчь.

IV.

А на другой день Тарасъ Бульба уже совѣщался съ новымъ кошевымъ, какъ поднять запорожцевъ на какое-нибудь дѣло. Кошевой былъ умный и хитрый козакъ, зналъ вдоль и поперекъ запорожцевъ, и сначала сказалъ: — Не можно клятвы преступить, никакъ не можно,—а потомъ, помолчавши, прибавилъ: „Ничего, можно, клятвы мы не преступимъ, а такъ кое-что придумаемъ. Пусть только соберется народъ, да не то чтобы по моему приказу, а просто своею охотою,—вы ужъ

знаете, какъ это сдѣлать,—а мы со старшинами готчасъ и прибѣжимъ на площадь, будто бы ничего не знаемъ".

Не прошло часу послѣ ихъ разговора, какъ уже грянули въ литавры. Нашлись вдругъ и хмельные, и неразумные козаки. Милліонъ козацкихъ шапокъ высыпалъ вдругъ на площадь. Поднялся говоръ: — Кто? зачѣмъ? изъ-за какого дѣла пробили сборъ?—Никто не отвѣчалъ. Наконецъ, въ томъ и въ другомъ углу стало раздаваться: — Вотъ пропадаетъ даромъ козацкая сила: нѣтъ войны! Вотъ старшины забайбачились наповалъ, позаплыли жиромъ очи! Нѣтъ, видно, правды на свѣтѣ! — Другіе козаки слушали сначала, а потомъ и сами стали говорить: — А и вправду нѣтъ никакой правды на свѣтѣ! — Старшины казались изумленными отъ такихъ рѣчей. Наконецъ, кошевой вышелъ впередъ и сказалъ:—Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!

— Держи!

— Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, панове добродійство, да вы, можетъ быть, и сами лучше это знаете, что многіе запорожцы позадолжали въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ. Потомъ опять въ разсужденіи того пойдетъ рѣчь, что есть много-та ихъ хлопцевъ, которые еще и въ глаза не видали, что такое война, тогда какъ молодому человѣку, — и сами знаете, панове,—безъ войны не можно пробыть. Какой и запорожецъ изъ него, если онъ еще ни разу не билъ бусурмана?

„Онъ хорошо говоритъ", — подумалъ Бульба.

— Не думайте, панове, чтобы я, впрочемъ, говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ: сохрани Богъ! Я только такъ это говорю. Притомъ же у насъ храмъ Божій, — грѣхъ сказать, что такое: вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости Божіей, стоитъ Сѣчь, а до сихъ поръ не то уже, чтобы снаружи церковь, но даже образа безъ всякаго убранства, хотя бы серебряную ризу кто догадался имъ выковать; они только то и получили, что отказали въ духовной иные козаки; да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что почти все пропили еще при жизни своей. Такъ я веду рѣчь эту не къ тому, чтобы начать войну съ бусурманами: мы обѣщали султану миръ, и намъ бы великій былъ грѣхъ, потому что мы клялись по закону нашему.

„Что-жъ онъ путаетъ такое?"—сказалъ про себя Бульба.

— Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать: рыцарская честь не велитъ. А, по своему бѣдному разуму, вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ, пусть немного пошарпаютъ берега Натоліи. Какъ думаете, панове?

— Веди, веди всѣхъ!—закричала со всѣхъ сторонъ толпа, — за вѣру мы готовы положить головы.

Кошевой испугался; онъ ничуть не хотѣлъ подымать всего Запорожья: разорвать миръ ему казалось въ этомъ случаѣ дѣломъ неправымъ.

— Позвольте, панове, еще одну рѣчь держать?

— Довольно! — кричали запорожцы, — лучше не скажешь.

— Когда такъ, то пусть будетъ такъ. Я слуга вашей воли. Ужъ дѣло извѣстное, и по писанью извѣстно, что гласъ народа — гласъ Божій. Ужъ умнѣе того нельзя выдумать, что весь народъ выдумалъ. Только вотъ что: вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы тѣмъ временемъ были бы наготовѣ, и силы у насъ были бы свѣжія, и никого-бъ не побоялись. А во время отлучки и татарва можетъ напасть: о и, турецкія собаки, въ глаза не кинутся и къ хозяину на домъ не посмѣютъ придти, а сзади укусятъ за пяты, да и больно укусятъ. Да если ужъ пошло на то, чтобы говорить правду, у насъ и челновъ нѣтъ столько въ запасѣ, да и пороху не намолото въ такомъ количествѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ: я слуга вашей воли.

Хитрый атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совѣщаться; пьяныхъ, къ счастію, было немного, и потому рѣшились послушаться благоразумнаго совѣта.

Въ тотъ же часъ отправились нѣсколько человѣкъ на противоположный берегъ Днѣпра, въ войсковую скарбницу, гдѣ, въ неприступныхъ тайникахъ, подъ водою и въ камышахъ, скрывалась войсковая казна и часть добытыхъ у непріятеля оружій. Другіе всѣ бросились къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Вмигъ толпою народа наполнился берегъ. Нѣсколько плотниковъ явились съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкоплечіе, дюженогіе запорожцы, съ просѣдью въ усахъ и черноусые, засучивъ шаровары, стояли по колѣни въ водѣ и стягивали челны крѣпкимъ канатомъ съ берега. Другіе таскали готовыя сухія бревна и всякія деревья. Тамъ обшивали досками челнъ; тамъ, переворотивши его вверхъ дномъ, конопатили и смолили; тамъ увязывали къ бокамъ другихъ челновъ, по козацкому обычаю, связки длинныхъ камышей, чтобы не затопило челнокъ морскою волною; тамъ дальше по всему прибрежью разложили костры и кипятили въ мѣдныхъ казанахъ смолу на заливанье судовъ. Бывалые и старые поучали молодыхъ. Стукъ и рабочій крикъ поды-

мался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берегъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Это были козаки въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный нарядъ,— у многихъ ничего не было, кромѣ рубашки и коротенькой трубки въ зубахъ,—показывалъ, что они или только-что избѣгнули какой-нибудь бѣды, или же до того загулялись, что прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Изъ среды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый плечистый козакъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ; но за стукомъ и крикомъ рабочихъ не было слышно его словъ.

— А съ чѣмъ пріѣхали? — спросилъ кошевой, когда паромъ приворотилъ къ берегу. Всѣ рабочіе, остановивъ свои работы и поднявъ топоры и долота, смотрѣли въ ожиданіи.

— Съ бѣдою! — кричалъ съ парома приземистый козакъ.

— Съ какою?

— Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать?

— Говори!

— Или хотите, можетъ быть, собрать раду?

— Говори, мы всѣ тутъ.

Народъ весь стѣснился въ одну кучу.

— А вы развѣ ничего не слыхали о томъ, что дѣлается на гетьманщинѣ?

— А что?—произнесъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

— Э! что? Видно, вамъ татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши, что вы ничего не слыхали.

— Говори же, что тамъ дѣлается?

— А то дѣлается, что и родились, и крестились, еще не видали такого.

— Да говори намъ, что дѣлается, собачій сынъ!—закричалъ одинъ изъ толпы, какъ видно, потерявъ терпѣніе.

— Такая пора теперь завелась, что уже церкви святыя теперь не наши.

— Какъ не наши?

— Теперь у жидовъ онѣ на арендѣ. Если жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдни нельзя править.

— Что ты толкуешь?

— И если разсобачій жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою на святой пасхѣ, то и святить пасхи нельзя.

— Вретъ онъ, паны браты, не можетъ быть того, чтобы нечистый жидъ клалъ значокъ на святой пасхѣ.

— Слушайте! еще не то разскажу: и ксендзы ѣздятъ теперь по всей Украйнѣ въ таратайкахъ. Да не то бѣда, что въ таратайкахъ, а то бѣда, что запрягаютъ уже не коней, а просто православныхъ христіанъ. Слушайте! еще не то разскажу: уже, говорятъ, жидовки шьютъ себѣ юбки изъ поповскихъ ризъ. Вотъ какія дѣла водятся на Украйнѣ, панове! А вы тутъ сидите на Запорожьи, да гуляете, да, видно, татаринъ такого задалъ вамъ страху, что у васъ уже ни глазъ, ни ушей — ничего нѣтъ, и вы не слышите, что дѣлается на свѣтѣ.

— Стой, стой! — прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, потупивъ глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали, и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія. — Стой! и я скажу слово. А что-жъ вы,—такъ бы и этакъ поколотилъ чортъ вашего батька!—что-жъ вы дѣлали сами? Развѣ у васъ сабель не было, что ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію.

— Э! Какъ попустили такому беззаконію!.. А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, да и, нечего грѣха таить, были тоже собаки и между нашими — ужъ приняли ихъ вѣру.

— А гетьманъ вашъ, а полковники что дѣлали?

— Надѣлали полковники такихъ дѣлъ, что не приведи Богъ и намъ никому.

— Какъ?

— А такъ, что ужъ теперь гетьманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, а полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на показъ всему народу. Вотъ что надѣлали полковники!

Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе, подобное тому, какъ бываетъ передъ свирѣпою бурею, а потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ: „Какъ! чтобы жиды держали на арендѣ христіанскія церкви! чтобы ксендзы запрягали въ оглобли православныхъ христіанъ! Какъ! чтобы попустить такія мученья на Русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ! чтобы вотъ такъ поступали съ полковниками и гетьманомъ! Да не будетъ же сего, не будетъ!“ Такія слова перелетали по всѣмъ концамъ. Зашумѣли запорожцы и почуяли свои силы. Тутъ уже не было волненій легкомысленнаго народа: волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили въ себѣ внутренній жаръ.—Перевѣшать всю жидову!—раздалось изъ толпы,—пусть же не шьютъ изъ поповскихъ ризъ юбокъ своимъ жидовкамъ! Пусть же не ставятъ значковъ на святыхъ пасхахъ! Перетопить ихъ всѣхъ, поганцевъ, въ Днѣпрѣ!— Слова эти, произнесенныя кѣмъ-то изъ толпы, пролетѣли молніей по всѣмъ головамъ, и толпа

ринулась на предмѣстье съ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалзывали подъ юбки своихъ жидовокъ; но козаки всюдѣ ихъ находили.

— Ясновельможные паны! — кричалъ одинъ высокій и длинный, какъ палка, жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ. — Ясновельможные паны! слово только дайте намъ сказать, одно слово! Мы такое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали,—такое важное, что не можно сказать, какое важное!

— Ну, пусть скажутъ,—сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

— Ясные паны! — произнесъ жидъ. — Такихъ пановъ еще никогда не видывано, ей-Богу, никогда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ! — Голосъ его замиралъ и дрожалъ отъ страха.—Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что-нибудь нехорошее! Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украйнѣ! Ей-Богу, не наши! То совсѣмъ не жиды: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать на него, да и бросить! Вотъ и они скажутъ то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?

— Ей-Богу, правда! — отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ еломкахъ, оба бѣлые, какъ глина.

— Мы никогда еще, — продолжалъ длинный жидъ,—не сношались съ непріятелями, а католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чортъ приснится! Мы съ запорожцами, какъ братья родные...

— Какъ? чтобы запорожцы были съ вами братья? — произнесъ одинъ изъ толпы. — Не дождетесь, проклятые жиды! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопить поганцевъ!

Эти слова были сигналомъ. Жидовъ расхватали по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалобный крикъ раздался со всѣхъ сторонъ, но суровые запорожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ бамакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ.

Бѣдный ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, выскочилъ изъ кафтана, за который было его ухватили, въ одномъ пѣгомъ, узкомъ камзолѣ, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ: — Великій господинъ, ясновельможный панъ! я зналъ и брата вашего, покойнаго Дороша! Былъ воинъ на украшенье всему рыцарству. Я ему восемьсотъ цехиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у турка...

— Ты зналъ брата? — спросилъ Тарасъ.

— Ей-Богу, зналъ! великодушный былъ панъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Яшкель.

— Хорошо,—сказалъ Тарасъ и потомъ, подумавъ, обратился къ козакамъ и проговорилъ такъ:—Повѣсить жида будетъ всегда время, когда будетъ нужно; а на сегодня отдайте его мнѣ.

Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли козаки его.—Ну, полѣзай подъ телѣгу, лежи тамъ и не шевелись, а вы, братцы, не выпускайте жида.

Сказавши это, онъ отправился на площадь, потому что давно уже собиралась туда вся толпа. Всѣ бросили вмигъ берегъ и снарядку челновъ, ибо предстоялъ теперь сухопутный, а не морской походъ, и не суда да козацкія чайки, а понадобились телѣги и кони. Теперь уже всѣ хотѣли въ походъ, и старые, и молодые; всѣ съ совѣта всѣхъ старшинъ, куренныхъ, кошевого и съ воли всего запорожскаго войска, положили идти прямо на Польшу, отмстить за все зло и посрамленье вѣры и козацкой славы, набрать добычи съ городовъ, зажечь пожаръ по деревнямъ и хлѣбамъ, пустить далеко по свѣту о себѣ славу. Все тутъ же опоясывалось и вооружалось. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтреныхъ желаній вольнаго народа: это былъ неограниченный повелитель, это былъ деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гулливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда кошевой раздавалъ повелѣнія; раздавалъ онъ ихъ тихо, не выкрикивая и не торопясь, но съ разстановкою, какъ старый, глубоко опытный въ дѣлѣ козакъ, приводившій не въ первый разъ въ исполненье разумно задуманныя предпріятія.

— Осмотритесь, всѣ осмотритесь хорошенько!— такъ говорилъ онъ.—Исправьте возы и мазницы, испробуйте оружье. Не забирайте много съ собой одежды: по сорочкѣ и по двое шароваръ на козака, да по горшку саламаты и толченаго проса — больше чтобъ и не было ни у кого! Про запасъ будетъ въ возахъ все, что нужно. По парѣ коней чтобъ было у каждаго козака! Да паръ двѣсти взять воловъ, потому что на переправахъ и топкихъ мѣстахъ нужны будутъ волы. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между васъ такіе, что чуть Богъ пошлетъ какую корысть — пошли тотъ же часъ драть китайку и дорогіе оксамиты себѣ на онучи. Бросьте такую чортову повадку, прочь кидайте всякія юбки, берите только одно оружье, коли попадется доброе, да червонцы, или серебро, потому что они сякаго свойства и пригодятся во

всякомъ случаѣ. Да вотъ вамъ, панове, впередъ говорю: если кто въ походѣ напьется, то никакого нѣтъ на него суда: какъ собаку за шеяку повелю его присмыкнуть до обозу, кто бы онъ ни былъ, хоть бы наидоблестнѣйшій козакъ изо всего войска; какъ собака, будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ безо всякаго погребенья на поклевъ птицамъ, потому что пьяница въ походѣ недостоинъ христіанскаго погребенья. Молодые, слушайте во всемъ старыхъ! Если цапнетъ пуля, или царапнетъ саблей по головѣ, или по чему-нибудь иному, не давайте большого уваженья такому дѣлу: размѣшайте зарядъ пороху въ чаркѣ сивухи, духомъ выпейте и все пройдетъ — не будетъ и лихорадки; а на рану, если она не слишкомъ велика, приложите просто земли, замѣсивши ее прежде слюною на ладони, то и присохнетъ рана. Ну-те же за дѣло, за дѣло, хлопцы, да не торопясь, хорошенько принимайтесь за дѣло!

Такъ говорилъ кошевой, и какъ только окончилъ онъ рѣчь свою, всѣ козаки принялись тотъ же часъ за дѣло. Вся Сѣчь отрезвилась, и нигдѣ нельзя было сыскать ни одного пьянаго, какъ будто бы ихъ не было никогда между козаками. Тѣ исправляли ободья колесъ и перемѣняли оси въ телѣгахъ; тѣ сносили на возы мѣшки съ провіантомъ, на другіе валили оружіе; тѣ пригоняли коней и воловъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались топотъ коней, пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье сабель, мычанье быковъ, скрипъ поворачиваемыхъ возовъ, говоръ и яркій крикъ и понуканье. И скоро далеко-далеко вытянулся козачій таборъ по всему полю. И много досталось бы бѣжать тому, кто бы захотѣлъ пробѣжать отъ головы до хвоста. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ. Когда тронулся таборъ и потянулся изъ Сѣчи, всѣ запорожцы обратили головы назадъ. — Прощай, наша мать! — сказали они почти въ одно слово, — пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастья!

Проѣзжая предмѣстье, Тарасъ Бульба увидѣлъ, что жидокъ его, Янкель, уже разбилъ какую-то ятку съ навѣсомъ и продавалъ кремни, завертки, порохъ и всякія войсковыя снадобья, нужныя на дорогу, даже калачи и хлѣбы. „Каковъ чортовъ жидъ!“ — подумалъ про себя Тарасъ и, подъѣхавъ къ нему на конѣ, сказалъ: — Дурень, что ты здѣсь сидишь? Развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?

Янкель, въ отвѣтъ на это, подошелъ къ нему поближе и, сдѣлавъ знакъ обѣими руками, какъ будто хотѣлъ объявить что-то таинственное, сказалъ: — Пусть панъ только молчитъ и никому не говоритъ: между козацкими возами есть одинъ мой возъ; я везу всякій нужный запасъ для козаковъ и по дорогѣ буду доставлять всякій провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще ни одинъ жидъ не продавалъ; ей-Богу, такъ, ей-Богу, такъ.

Пожалъ плечами Тарасъ Бульба, подивился бойкой жидовской натурѣ и отъѣхалъ къ табору.

V.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: — Запорожцы! показались запорожцы!..— Все, что могло спасаться, спасалось. Все подымалось и разбѣгалось, по обычаю этого нестройнаго, безпечнаго вѣка, когда не воздвигали ни крѣпостей, ни замковъ, а, какъ попало, становилъ на время соломенное жилище свое человѣкъ. Онъ думалъ: „не тратить же на избу работу и деньги, когда и безъ того будетъ она снесена татарскимъ набѣгомъ!“ Все всполошилось: кто мѣнялъ воловъ и плуги на коня и ружье, и отправлялся въ полки; кто прятался, угоняя скотъ и унося, что только можно было унесть. Попадались иногда по дорогѣ и такіе, которые вооруженною рукою встрѣчали гостей, но больше было такихъ, которые бѣжали заранѣе. Всѣ знали, что трудно имѣть дѣло съ буйной и бранной толпой, извѣстной подъ именемъ запорожскаго войска, которое въ наружномъ своевольномъ неустройствѣ своемъ заключало устройство, обдуманное для времени битвы. Конные ѣхали, не горячая и не горяча коней, пѣшіе шли трезво за возами, и весь таборъ подвигался только по ночамъ, отдыхая днемъ и выбирая для того пустыри, незаселенныя мѣста и лѣса, которыхъ было тогда еще вдоволь. Засылаемы были впередъ лазутчики и разсыльные узнавать и вывѣдывать, гдѣ, что и какъ. И часто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего могли ожидать ихъ, они появлялись вдругъ — и все тогда прощалось съ жизнью: пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ. Казалось, больше мировали они, чѣмъ совершали походъ свой. Дымомъ сталъ бы нынѣ волосъ отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые пронесли вездѣ запорожцы. Избитые младенцы, обрѣзанныя груди у женщинъ, содранная кожа съ ногъ по колѣни у выпущенныхъ на свободу, — словомъ, крупною монетою отплачивали козаки прежніе долги. Прелатъ одного монастыря, услышавъ о приближеніи ихъ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ, чтобы сказать, что они не такъ ведутъ себя, какъ слѣдуетъ, что между запорожцами и правительствомъ стоитъ согласіе, что они нарушаютъ свою обязанность къ королю, а съ

тѣмъ вмѣстѣ и всякое народное право. — Скажи епископу отъ меня и отъ всѣхъ запорожцевъ,— сказалъ кошевой,—чтобы онъ ничего не боялся: это козаки еще только зажигаютъ и раскуриваютъ свои трубки.—И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, жидовъ, женщинъ вдругъ омноголюдили тѣ города, гдѣ какая-нибудь была надежда на гарнизонъ и городовое рушеніе. Высылаемая по временамъ правительствомъ запоздалая помощь, состоявшая изъ небольшихъ полковъ, или не могла найти ихъ, или же робѣла, обращала тылъ при первой встрѣчѣ и улетала на лихихъ коняхъ своихъ. Случалось, что многіе военачальники королевскіе, торжествовавшіе дотолѣ въ прежнихъ битвахъ, рѣшались, соединя свои силы, стать грудью противъ запорожцевъ. И тутъ-то болѣе всего пробовали себя молодые козаки, чуждавшіеся грабительства, корысти и безсильнаго непріятеля, горѣвшіе желаніемъ показать себя передъ старыми, помѣряться одинъ на одинъ съ бойкимъ и хвастливымъ ляхомъ, красовавшимся на горделивомъ конѣ, съ летавшими по вѣтру откидными рукавами епанчи. Потѣшна была наука; много уже они добыли себѣ конной сбруи, дорогихъ сабель и ружей. Въ одинъ мѣсяцъ возмужали и совершенно переродились только-что оперившіеся птенцы и стали мужами; черты лица ихъ, въ которыхъ доселѣ видна была какая-то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видѣть, какъ оба сына его были одни изъ первыхъ. Остапу, казалось, былъ на роду написанъ битвенный путь и трудное знанье вершить ратныя дѣла. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни отъ какого случая, съ хладнокровіемъ, почти неестественнымъ для двадцатидвухлѣтняго, онъ въ одинъ мигъ могъ вымѣрять всю опасность и все положеніе дѣла, тутъ же могъ найти средство, какъ уклониться отъ нея, но уклониться съ тѣмъ, чтобы потомъ вѣрнѣй преодолѣть ее. Уже испытанной увѣренностью стали теперь означаться его движенія и въ нихъ не могли не быть замѣтны наклонности будущаго вождя. Крѣпостью дышало его тѣло, и рыцарскія его качества уже пріобрѣли широкую силу качествъ льва.—О, да этотъ будетъ со временемъ добрый полковникъ! — говорилъ старый Тарасъ,—ей, ей, будетъ добрый полковникъ, да еще такой, что и батька за поясъ заткнетъ!

Андрій весь погрузился въ очаровательную музыку пуль и мечей. Онъ не зналъ, что такое значитъ обдумывать, или разсчитывать, или измѣрять заранѣе свои и чужія силы. Бѣшеную нѣгу и упоеніе онъ видѣлъ въ битвѣ: что-то пиршественное зрѣлось ему въ тѣ минуты, когда разгорится у человѣка голова, въ глазахъ все мелькаетъ и мѣшается, летятъ головы, съ громомъ падаютъ на землю кони, а онъ несется, какъ пьяный, въ свистѣ пуль, въ сабельномъ блескѣ, и наноситъ всѣмъ удары, и не слышитъ нанесенныхъ. Не разъ дивился отецъ также и Андрію, видя, какъ онъ, понуждаемый однимъ только запальчивымъ увлеченіемъ, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и однимъ бѣшенымъ натискомъ своимъ производилъ такія чудеса, которымъ не могли не изумиться старые въ бояхъ. Дивился старый Тарасъ и говорилъ:—И это добрый—врагъ бы не взялъ его!—вояка! не Останъ, а добрый, добрый также вояка!

Войско рѣшилось идти прямо на городъ Дубно, гдѣ, носились слухи, было много казны и богатыхъ обывателей. Въ полтора дня походъ былъ сдѣланъ, и запорожцы показались передъ городомъ. Жители рѣшились защищаться до послѣднихъ силъ и крайности, и лучше хотѣли умереть на площадяхъ и улицахъ передъ своими порогами, чѣмъ пустить непріятеля въ домы. Высокій земляной валъ окружалъ городъ; гдѣ валъ былъ ниже, тамъ высовывались каменная стѣна или домъ, служившій батареей, или, наконецъ, дубовый частоколъ. Гарнизонъ былъ силенъ и чувствовалъ важность своего дѣла. Запорожцы жарко было полѣзли на валъ, но были встрѣчены сильною картечью. Мѣщане и городскіе обыватели, какъ видно, тоже не хотѣли быть праздными и стояли кучею на городскомъ валу. Въ глазахъ ихъ можно было читать отчаянное сопротивленіе; женщины тоже рѣшились участвовать, и на головы запорожцамъ полетѣли камни, бочки, горшки, горячій варъ и, наконецъ, мѣшки песку, слѣпившаго имъ очи. Запорожцы не любили имѣть дѣло съ крѣпостями; вести осады была не ихъ часть. Кошевой повелѣлъ отступить и сказалъ:— Ничего, паны братья, мы отступимъ; но будь я поганый татаринъ, а не христіанинъ, если мы выпустимъ ихъ хоть одного изъ города! Пусть ихъ всѣ передохнутъ, собаки, съ голоду!—Войско, отступивъ, облегло весь городъ и, отъ нечего дѣлать, занялось опустошеніемъ окрестностей, выжигая окружныя деревни, скирды неубраннаго хлѣба и напуская табуны коней на нивы, еще не тронутыя серпомъ, гдѣ, какъ нарочно, колебались тучные колосья, плодъ необыкновеннаго урожая, наградившаго въ ту пору щедро всѣхъ земледѣльцевъ. Съ ужасомъ видѣли съ города, какъ истреблялись средства ихъ существованія. А между тѣмъ запорожцы, протянувъ вокругъ всего города въ два ряда свои телѣги, расположились такъ же, какъ и на Сѣчи, куренями, курили

свои люльки, мѣнялись добытымъ оружіемъ, играли въ чехарду, въ четъ и нечетъ и посматривали съ убійственнымъ хладнокровіемъ на городъ. Ночью зажигались костры; кашевары варили въ каждомъ куренѣ кашу въ огромныхъ мѣдныхъ казанахъ; у горѣвшихъ всю ночь огней стояла безсонная стража. Но скоро запорожцы начали понемногу скучать бездѣйствіемъ и продолжительною трезвостью, не сопряженною ни съ какимъ дѣломъ. Кошевой велѣлъ удвоить даже порцію вина, что иногда водилось въ войскѣ, если не было трудныхъ подвиговъ и движеній. Молодымъ, и особенно сынамъ Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрій замѣтно скучалъ.—Неразумная голова, — говорилъ ему Тарасъ, — терпи, козакъ, — атаманъ будешь! Не тотъ еще добрый воинъ, кто не потерялъ духа въ важномъ дѣлѣ, а тотъ добрый воинъ, кто и на бездѣльи не соскучитъ, кто все вытерпитъ, и хоть ты ему что хочь, а онъ все-таки поставитъ на своемъ.— Но не сойтись пылкому юношѣ со старцемъ: другая натура у обоихъ, и другими очами глядятъ они на то же дѣло.

А между тѣмъ подоспѣлъ Тарасовъ полкъ, приведенный Товкачемъ; съ нимъ было еще два есаула, писарь и другіе полковые чины; всѣхъ козаковъ набралось больше четырехъ тысячъ. Было между ними не мало и охочекомонныхъ, которые сами поднялись, своею волею, безъ всякаго призыва, какъ только услышали, въ чемъ дѣло. Есаулы привезли сыновьямъ Тараса благословенье отъ старухи-матери и каждому по кипарисному образу изъ Межигорскаго кіевскаго монастыря. Надѣли на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнивъ старую мать. Что-то пророчитъ и говоритъ имъ это благословенье? Благословенье ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же?.. Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно предъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга, голубка—не видя ястреба, ястребъ — не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ онъ отъ своей погибели...

Остапъ уже занялся своимъ дѣломъ и давно отошелъ къ куренямъ; Андрій же, самъ не зная отчего, чувствовалъ какую-то духоту на сердцѣ. Уже козаки окончили свою вечерю. Вечеръ давно потухнулъ, іюльская чудная ночь обняла воздухъ; но онъ не отходилъ къ куренямъ, не ложился спать и глядѣлъ невольно на всю бывшую предъ нимъ картину. На небѣ безчисленно мелькали тонкимъ и острымъ блескомъ звѣзды. Поле далеко было занято раскиданными по немъ возами съ висячими мазницами, облитыми дегтемъ, со всякимъ добромъ и провіантомъ, набраннымъ у врага. Возлѣ телѣгъ, подъ телѣгами и подальше отъ телѣгъ—вездѣ были видны разметавшіеся на травѣ запорожцы. Всѣ они спали въ картинныхъ положеніяхъ: кто подмостивъ себѣ подъ голову куль, кто шапку, кто употребивши, просто, бокъ своего товарища. Сабля, ружье-самопалъ, коротко-чубучная трубка съ мѣдными бляхами, желѣзными провертками и огнивомъ были неотлучно при каждомъ козакѣ. Тяжелые волы лежали, подвернувши подъ себя ноги, большими бѣловатыми массами, и казались издали сѣрыми камнями, раскиданными по отлогости поля. Со всѣхъ сторонъ изъ травы уже сталъ подыматься густой храпъ спящаго воинства, на который отзывались съ поля звонкими ржаніями жеребцы, негодующіе на свои спутанныя ноги. А между тѣмъ что-то величественное и грозное примѣшалось къ красотѣ іюльской ночи. Это были зарева вдали догоравшихъ окрестностей. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ, встрѣтивъ что-то горючее и вдругъ вывавшись вихремъ, оно свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванныя охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Тамъ обгорѣлый черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе; тамъ горѣлъ монастырскій садъ: казалось, слышно было, какъ деревья шипѣли, обвиваясь дымомъ, и когда выскакивалъ огонь, онъ вдругъ освѣщалъ фосфорическимъ, лилово-огненнымъ свѣтомъ спѣлые гроздія сливъ, или обращалъ въ червонное золото тамъ и тамъ желтѣвшія груши, и тутъ же среди ихъ чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія или на древесномъ суку тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ со строеніемъ въ огнѣ. Надъ огнемъ вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Обложенный городъ, казалось, уснулъ; шпицы, и кровли, и частоколъ, и стѣны его тихо вспыхивали отблесками отдаленныхъ пожарищъ. Андрій обошелъ козацкіе ряды. Костры, у которыхъ сидѣли сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, перекусивши сильно чего-нибудь во весь козацкій аппетитъ. Онъ подивился немного такой безпечности, подумавши: „хорошо, что нѣтъ близко никакого сильнаго непріятеля и некого опасаться“. Наконецъ, и самъ подошелъ онъ къ одному изъ возовъ, взлѣзъ на него и легъ на спину, подложивши себѣ подъ голову сложенныя назадъ руки; но не могъ заснуть и долго глядѣлъ на небо: оно все было открыто предъ нимъ; чисто

и прозрачно было въ воздухѣ; гущина звѣздъ, составлявшая млечный путь и косвеннымъ поясомъ переходившая по небу, вся была залита въ свѣту. Временами Андрій какъ будто позабывался, и какой-то легкій туманъ дремоты заслонялъ на мигъ предъ нимъ небо, и потомъ оно опять очищалось и вновь становилось видно.

Въ это время, показалось ему, мелькнулъ предъ нимъ какой-то странный образъ человѣческаго лица. Думая, что это было простое обаяніе сна, которое сей же часъ разсѣется, онъ раскрылъ сильнѣе глаза свои и увидѣлъ, что къ нему точно наклонилось какое-то изможденное, высохшее лицо и смотрѣло прямо ему въ очи. Длинные и черные, какъ уголь, волосы, не прибранные, растрепанные, лѣзли изъ-подъ темнаго наброшеннаго на голову покрывала; и странный блескъ взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшаго рѣзкими чертами, заставляли скорѣе думать, что это былъ призракъ. Онъ схватился невольно рукой за пищаль и произнесъ почти судорожно:—Кто ты?—Коли духъ нечистый, сгинь съ глазъ, коли живой человѣкъ, не въ пору завелъ шутку—убью съ одного пріцѣла.

Въ отвѣтъ на это, привидѣніе приставило палецъ къ губамъ и, казалось, молило о молчаніи. Онъ опустилъ руку и сталъ вглядываться въ него внимательнѣй. По длиннымъ волосамъ, шеѣ и полуобнаженной смуглой груди распозналъ онъ женщину. Но она была не здѣшняя уроженка: все лицо ея было смугло, изпурено недугомъ; широкія скулы выступали сильно надъ опавшими подъ ними щеками; узкія очи подымались дугообразнымъ разрѣзомъ кверху. Чѣмъ болѣе онъ всматривался въ черты ея, тѣмъ болѣе находилъ въ нихъ что-то знакомое. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и спросилъ:—Скажи, кто ты? Мнѣ кажется, какъ будто я зналъ тебя, или видѣлъ гдѣ-нибудь?

— Два года назадъ тому, въ Кіевѣ.

— Два года назадъ, въ Кіевѣ,—повторилъ Андрій, стараясь перебрать все, что уцѣлѣло въ его памяти отъ прежней бурсацкой жизни. Онъ посмотрѣлъ еще разъ на нее пристально и вдругъ вскрикнулъ во весь голосъ:—Ты—татарка! служанка панночки, воеводиной дочки...

— Чшш! — произнесла татарка, сложивъ съ умоляющимъ видомъ руки, дрожа всѣмъ тѣломъ и оборотя въ то же время голову назадъ, чтобы видѣть, не проснулся ли кто-нибудь отъ такого сильнаго вскрика, произведеннаго Андріемъ.

— Скажи, скажи, отчего, какъ ты здѣсь?—говорилъ Андрій, почти задыхаясь, шопотомъ, прерывавшимся всякую минуту отъ внутренняго волненія.—Гдѣ панночка? жива еще?

— Она тутъ, въ городѣ.

— Въ городѣ?—произнесъ онъ, едва опять не вскрикнувши, и почувствовалъ, что вся кровь вдругъ прихлынула къ сердцу:—отчего-жъ она въ городѣ?

— Оттого, что самъ старый панъ въ городѣ: онъ уже полтора года, какъ сидитъ воеводой въ Дубнѣ.

— Что-жъ, она замужемъ? Да говори же,—какая ты странная!—что она теперь...

— Она другой день ничего не ѣла.

— Какъ?

— Ни у кого изъ городскихъ жителей нѣтъ уже давно куска хлѣба, всѣ давно ѣдятъ одну землю.

Андрій остолбенѣлъ.

— Панночка видѣла тебя съ городского вала вмѣстѣ съ запорожцами. Она сказала мнѣ:—Ступай, скажи рыцарю: если онъ помнитъ меня, чтобы пришелъ ко мнѣ; а не помнитъ,—чтобы далъ тебѣ кусокъ хлѣба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видѣть, какъ при мнѣ умретъ мать. Пусть лучше я прежде, а она послѣ меня. Проси и хватай его за колѣни и ноги: у него также есть старая мать,—чтобъ ради ея далъ хлѣба!

Много всякихъ чувствъ пробудилось и вспыхнуло въ молодой груди козака.

— Но какъ же ты здѣсь? Какъ ты пришла?

— Подземнымъ ходомъ.

— Развѣ есть подземный ходъ?

— Есть.

— Гдѣ?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестомъ святымъ!

— Спустясь въ яръ и перейдя протокъ, тамъ, гдѣ тростникъ.

— И выходитъ въ самый городъ?

— Прямо къ городскому монастырю.

— Идемъ, идемъ сейчасъ!

— Но, ради Христа и Святой Маріи, кусокъ хлѣба!

— Хорошо, будетъ. Стой здѣсь возлѣ воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидитъ, всѣ спятъ; я сейчасъ ворочусь.

И онъ отошелъ къ возамъ, гдѣ хранились запасы, принадлежавшіе ихъ куреню. Сердце его билось. Все минувшее, все, что было заглушено нынѣшними козацкими биваками, суровой бранною жизнью,—все всплыло разомъ на поверхность, потопивши, въ свою очередь, настоящее. Опять вынырнула передъ намъ, какъ изъ темной морской пучины, гордая женщина; вновь сверкнули въ его памяти прекрасныя руки, очи, смѣющіяся уста, густые темноорѣховые волосы, курчаво распавшіеся по грудямъ, и всѣ упругіе, въ согласномъ сочетаньи созданные члены дѣвическаго стана. Нѣтъ, они не погасали, не исчезали въ

груди его, они посторонились только, чтобы дать на время просторъ другимъ могучимъ движеньямъ; но часто, часто смущался ими глубокій сонъ молодого козака, и часто, проснувшись, лежалъ онъ безъ сна на одрѣ, не умѣя истолковать тому причины.

Онъ шелъ, а біеніе сердца становилось сильнѣе, сильнѣе, при одной мысли, что увидитъ ее опять, и дрожали молодыя колѣни. Пришедши къ возамъ, онъ совершенно позабылъ, зачѣмъ пришелъ: подпесъ руку ко лбу и долго теръ его, стараясь припомнить, что ему нужно дѣлать. Наконецъ, вздрогнулъ, весь исполнился испуга: ему вдругъ пришло на мысль, что она умираетъ съ голода. Онъ бросился къ возу и схватилъ нѣсколько большихъ черныхъ хлѣбовъ себѣ подъ руку; но тутъ же подумалъ: не будетъ ли эта пища, годная для дюжаго, неприхотливаго запорожца, груба и неприлична ея нѣжному сложенію? Тутъ вспомнилъ онъ, что вчера кошевой попрекалъ кашеваровъ за то, что сварили за одинъ разъ всю гречневую муку на саламату, тогда какъ бы ея стало на добрыхъ три раза. Въ полной увѣренности, что онъ найдетъ вдоволь саламаты въ казанахъ, онъ вытащилъ отцовскій походный казанокъ и съ нимъ отправился къ кашевару ихъ куреня, спавшему у двухъ десятиведерныхъ казановъ, подъ которыми еще теплилась зола. Заглянувши въ нихъ, онъ изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловѣческихъ силъ, чтобы все это съѣсть, тѣмъ болѣе, что въ ихъ куренѣ считалось меньше людей, чѣмъ въ другихъ. Онъ заглянулъ въ казаны другихъ куреней—нигдѣ ничего. Поневолѣ пришла ему въ голову поговорка: „запорожцы, какъ дѣти: коли мало—съѣдятъ, коли много—тоже ничего не оставятъ“. Что дѣлать? Былъ однакоже гдѣ-то, кажется, на возу отцовскаго полка, мѣшокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Онъ прямо подошелъ къ отцовскому возу, но на возу его уже не было: Остапъ взялъ его себѣ подъ головы и, растянувшись возлѣ на землѣ, храпѣлъ на все поле. Андрій схватилъ мѣшокъ одной рукой и дернулъ его вдругъ такъ, что голова Остапа упала на землю, а онъ самъ вскочилъ впросонкахъ и, сидя съ закрытыми глазами, закричалъ, что было мочи: — Держите, держите чортова ляха, да ловите коня, коня ловите!—Замолчи, я тебя убью!—закричалъ въ испугѣ Андрій, замахнувшись на него мѣшкомъ. Но Остапъ и безъ того уже не продолжалъ рѣчи, присмирѣлъ и пустилъ такой храпъ, что отъ дыханія шевелилась трава, на которой онъ лежалъ. Андрій робко оглянулся на всѣ стороны, чтобы узнать, не пробудилъ ли кого-нибудь изъ козаковъ сонный бредъ Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась въ ближнемъ куренѣ и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждавъ минуты двѣ, онъ, наконецъ, отправился съ своею ношею. Татарка лежала, едва дыша.—Вставай, идемъ! Всѣ спятъ, не бойся! Подымешь ли ты хоть одинъ изъ этихъ хлѣбовъ, если мнѣ будетъ несподручно захватить всѣ? Сказавъ это, онъ взвалилъ себѣ на спину мѣшки, стащилъ, проходя мимо одного воза, еще одинъ мѣшокъ съ просомъ, взялъ даже въ руки тѣ хлѣбы, которые хотѣлъ было отдать нести татаркѣ и, нѣсколько понагнувшись подъ тяжестью, шелъ отважно между рядами спавшихъ запорожцевъ.

— Андрій! — сказалъ старый Бульба въ то время, когда онъ проходилъ мимо его. Сердце его замерло; онъ остановился и, весь дрожа, тихо произнесъ:—А что?

— Съ тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на всѣ бока! Не доведутъ тебя бабы до добра! Сказавши это, онъ оперся головою на локоть и сталъ пристально разсматривать закутанную въ покрывало татарку.

Андрій стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не имѣя духа взглянуть въ лицо отцу. И потомъ, когда поднялъ глаза и посмотрѣлъ на него, увидѣлъ, что уже старый Бульба спалъ, положивъ голову на ладонь.

Онъ перекрестился. Вдругъ отхлынулъ отъ сердца испугъ еще скорѣе, чѣмъ прихлынулъ. Когда же поворотился онъ, чтобы взглянуть на татарку, она стояла предъ нимъ, подобно темной гранитной статуѣ, вся закутанная въ покрывало, и отблескъ отдаленнаго зарева, вспыхнувъ, озарилъ только одни ея очи, одеревенѣвшія какъ у мертвеца. Онъ дернулъ ее за рукавъ, и оба пошли вмѣстѣ, безпрестанно оглядываясь назадъ, и, наконецъ, опустились отлогостью въ низменную лощину,—почти яръ, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ балками,—по дну которой лѣниво пресмыкался протокъ, поросшій осокой и усѣянный кочками. Опустясь въ эту лощину, они скрылись совершенно изъ виду всего поля, занятаго запорожскимъ таборомъ. По крайней мѣрѣ, когда Андрій оглянулся, то увидѣлъ, что позади его крутою стѣной, болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка, возносилась покатость; на вершинѣ ея покачивалось нѣсколько стебельковъ полеваго былья, и надъ ними поднималась на небо луна въ видѣ косвенно обращеннаго серпа изъ яркаго червонаго золота. Сорвавшійся со степи вѣтерокъ давалъ знать, что уже не много оставалось времени до разсвѣта. Но нигдѣ не слышно было отдаленнаго пѣтушьяго крика: ни въ городѣ, ни въ разоренныхъ окрестностяхъ не оставалось давно ни одного пѣтуха. По небольшому бревну перебрались они черезъ

протокъ, за которымъ возносился противоположный берегъ, казавшійся выше бывшаго у нихъ назади и выступавшій совершеннымъ обрывомъ. Казалось, въ этомъ мѣстѣ былъ крѣпкій и надежный самъ собою пунктъ городской крѣпости; по крайней мѣрѣ, земляной валъ былъ тутъ ниже и не выглядывалъ изъ-за него гарнизонъ. Но зато подальше подымалась толстая монастырская стѣна. Обрывистый берегъ весь обросъ бурьяномъ, и по небольшой лощинѣ между нимъ и протокомъ росъ высокій тростникъ, почти въ вышину человѣка. На вершинѣ обрыва видны были остатки плетня, обличавшіе когда-то бывшій огородъ; передъ нимъ—широкіе листы лопуха; изъ-за него торчала лебеда; дикій колючій бодякъ и подсолнечникъ, подымавшій выше всѣхъ ихъ свою голову. Здѣсь татарка скинула съ себя черевики и пошла босикомъ, подобравъ осторожно свое платье, потому что мѣсто было топко и наполнено водою. Пробираясь межъ тростникомъ, остановились они передъ наваленнымъ хворостомъ и фашинникомъ. Отклонивъ хворостъ, нашли они родъ земляного свода—отверстіе, мало чѣмъ большее отверстія, бывающаго въ хлѣбной печи. Татарка, наклонивъ голову, вошла первая, вслѣдъ за нею Андрій, нагнувшись, сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться съ своими мѣшками, и скоро очутились оба въ совершенной темнотѣ.

VI.

Андрій едва двигался въ темномъ и узкомъ земляномъ коридорѣ, слѣдуя за татаркою и таща на себѣ мѣшки хлѣба.—Скоро намъ будетъ видно,—сказала проводница:—мы подходимъ къ мѣсту, гдѣ поставила я свѣтильникъ.—И точно, темныя земляныя стѣны начали понемногу озаряться. Они достигли небольшой площадки, гдѣ, казалось, была часовня; по крайней мѣрѣ, къ стѣнѣ былъ приставленъ узенькій столикъ въ видѣ алтарнаго престола, и надъ нимъ виденъ былъ почти совершенно изгладившійся, полинявшій образъ католической Мадонны. Небольшая серебряная лампадка, передъ нимъ висѣвшая, чуть-чуть озаряла его. Татарка наклонилась и подняла съ земли оставленный мѣдный свѣтильникъ, на тонкой, высокой ножкѣ, съ висѣвшими вокругъ ея на цѣпочкахъ щипцами, шпилькой для поправленія огня и гасильникомъ. Взявши его, она зажгла огнемъ отъ лампады. Свѣтъ усилился, и они, идя вмѣстѣ, то освѣщаясь сильно огнемъ, то набрасываясь темною, какъ уголь, тѣнью, напоминали собою картины Герардо dalle notti. Свѣжее, кипящее здоровьемъ и юностью, прекрасное лицо рыцаря представляло сильную противоположность съ изнуреннымъ и блѣднымъ лицомъ его спутницы. Проходъ сталъ нѣсколько шире, такъ что Андрію можно было распрямиться. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ эти земляныя стѣны, напомнившія ему кіевскія пещеры. Такъ же, какъ и въ пещерахъ кіевскихъ, тутъ видны были углубленія въ стѣнахъ, и стояли кое-гдѣ гробы; мѣстами даже попадались просто человѣческія кости, отъ сырости сдѣлавшіяся мягкими и разсыпавшіяся въ муку. Видно, и здѣсь также были святые люди и укрывались также отъ мірскихъ бурь, горя и обольщеній. Сырость мѣстами была очень сильна: подъ ногами ихъ иногда была совершенная вода. Андрій долженъ былъ часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутницѣ, которой усталость возобновлялась безпрестанно. Небольшой кусокъ хлѣба, проглоченный ею, произвелъ только боль въ желудкѣ, отвыкшемъ отъ пищи, и она оставалась часто безъ движенія по нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, передъ ними показалась маленькая желѣзная дверь.—Ну, слава Богу, мы пришли,—сказала слабымъ голосомъ татарка, приподняла руку, чтобы постучаться, и не имѣла силъ. Андрій ударилъ, вмѣсто нея, сильно въ дверь; раздался гулъ, показывавшій, что за дверью былъ больш й просторъ. Гулъ этотъ измѣнялся, встрѣтивъ, какъ казалось, высокіе своды. Минуты черезъ двѣ загремѣли ключи, и кто-то, казалось, сходилъ по лѣстницѣ. Наконецъ, дверь отперлась; ихъ встрѣтилъ монахъ, стоявшій на узенькой лѣстницѣ съ ключами и свѣчой въ рукахъ. Андрій невольно остановился при видѣ католическаго монаха, возбуждавшаго такое ненавистное презрѣніе въ козакахъ, поступавшихъ съ ними безчеловѣчнѣй, чѣмъ съ жидами. Монахъ тожо нѣсколько отступилъ назадъ, увидѣвъ запорожскаго козака; но слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Онъ посвѣтилъ имъ, заперъ за ними дверь, ввелъ ихъ по лѣстницѣ вверхъ, и они очутились подъ высокими темными сводами монастырской церкви. У одного изъ алтарей, уставленнаго высокими подсвѣчниками и свѣчами, стоялъ на колѣняхъ священникъ и тихо молился. Около него съ обѣихъ сторонъ стояли также на колѣняхъ два молодые клирошанина въ лиловыхъ мантіяхъ, съ бѣлыми кружевными шелизетками сверхъ ихъ и съ кадилами въ рукахъ. Онъ молился о ниспосланіи чуда: о спасеніи города, о подкрѣпленіи падающаго духа, о ниспосланіи терпѣнія, о удаленіи искусителя, нашептывающаго ропотъ и малодушный, робкій плачъ на земныя несчастія. Нѣсколько женщинъ, похожихъ на привидѣнія, стояли на колѣняхъ, опершись и совершенно положивъ изнеможенныя

головы на спинки стоявшихъ передъ ними стульевъ и темныхъ деревянныхъ лавокъ; нѣсколько мужчинъ, прислонясь у колоннъ и пилястръ, на которыхъ возлегали боковые своды, печально стояли тоже на колѣняхъ. Окно съ цвѣтными стеклами, бывшее надъ алтаремъ, озарилось розовымъ румянцемъ утра, и упали отъ него на полъ голубые, желтые и другихъ цвѣтовъ кружки свѣта, освѣтившіе внезапно темную церковь. Весь алтарь въ своемъ далекомъ углубленіи показался вдругъ въ сіяніи; кадильный дымъ остановился на воздухѣ радужно освѣщеннымъ облакомъ. Андрій не безъ изумленія глядѣлъ изъ своего темнаго угла на чудо, произведенное свѣтомъ. Въ это время величественный ревъ органа наполнилъ вдругъ всю церковь; онъ становился гуще и гуще, разрастался, перешелъ въ тяжелые рокоты грома и потомъ вдругъ, обратившись въ небесную музыку, понесся высоко подъ сводами, своими поющими звуками, напоминавшими тонкіе дѣвичьи голоса, и потомъ опять обратился онъ въ густой ревъ и громъ, и затихъ. И долго еще громовые рокоты носились, дрожа, подъ сводами, и дивился Андрій съ полуоткрытымъ ртомъ величественной музыкѣ.

Въ это время, почувствовалъ онъ, кто-то дернулъ его за полу кафтана. — Пора! — сказала татарка. Они перешли черезъ церковь, не замѣченные никѣмъ, и вышли потомъ на площадь, бывшую передъ нею. Заря уже давно румянилась на небѣ: все возвѣщало восхожденіе солнца. Площадь, имѣвшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; посреди нее оставались еще деревянные столики, показывавшіе, что здѣсь былъ еще недѣлю, можетъ быть, только назадъ рынокъ съѣстныхъ припасовъ. Улица, которыхъ тогда не мостили, была просто засохшая груда грязи. Площадь обступали кругомъ небольшіе каменные и глиняные въ одинъ этажъ дома, съ видными въ стѣнахъ деревянными сваями и столбами во всю ихъ высоту, косвенно перекрѣщенные деревянными же связями, какъ вообще строили дома тогдашніе обыватели, что можно видѣть и понынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Польши. Всѣ они были покрыты непомѣрно высокими крышами, со множествомъ слуховыхъ оконъ и отдушинъ. На одной сторонѣ, почти близъ церкви, выше другихъ, возносилось совершенно отличное отъ прочихъ зданіе, вѣроятно, городовой магистратъ или какое-нибудь правительственное мѣсто. Оно было въ два этажа и надъ нимъ вверху надстроенъ былъ въ двѣ арки бельведеръ, гдѣ стоялъ часовой; большой часовой циферблатъ вдѣланъ былъ въ крышу. Площадь казалась мертвою; но Андрію почудилось какое-то слабое стенаніе. Разсматривая, онъ замѣтилъ на другой ея сторонѣ группу изъ двухъ-трехъ человѣкъ, лежавшихъ почти безъ всякаго движенія на землѣ. Онъ вперилъ глаза внимательнѣй, чтобы разсмотрѣть, заснувшіе ли это были, или умершіе, и въ это время наткнулся на что-то, лежавшее у ногъ его Это было мертвое тѣло женщины, повидимому, жидовки. Казалось, она была еще молода, хотя въ искаженныхъ, изможденныхъ чертахъ ея нельзя было того видѣть. На головѣ ея былъ красный шелковый платокъ; жемчуги или бусы въ два ряда украшали ея наушники; двѣ-три длинныя, всѣ въ завиткахъ, кудри выпадали изъ-подъ нихъ на ея высохшую шею съ натянувшимися жилами. Возлѣ нея лежалъ ребенокъ, судорожно схватившійся рукою за тощую грудь ея и скрутившій ее своими пальцами отъ невольной злости, не нашедъ въ ней молока. Онъ уже не плакалъ и не кричалъ, и только по тихо опускавшемуся и подымавшемуся животу его можно было думать, что онъ еще не умеръ, и, по крайней мѣрѣ, еще только готовился испустить послѣднее дыханье. Они поворотили въ улицы и были остановлены вдругъ какимъ-то бѣснующимся, который, увидѣвъ у Андрія драгоцѣнную ношу, кинулся на него, какъ тигръ, вцѣпился въ него, крича: „хлѣба!“ Но силъ не было у него равныхъ бѣшенству; Андрій оттолкнулъ его: онъ полетѣлъ на землю. Движимый состраданіемъ, онъ швырнулъ ему одинъ хлѣбъ, на который тотъ бросился, подобно бѣшеной собакѣ, изгрызъ, искусалъ его и тутъ же, на улицѣ, въ страшныхъ судорогахъ испустилъ духъ отъ долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждомъ шагу поражали ихъ страшныя жертвы голода. Казалось, какъ будто, не вынося мученій въ домахъ, многіе нарочно выбѣжали на улицу: не ниспошлется ли въ воздухѣ чего-нибудь, питающаго силы. У воротъ одного дома сидѣла старуха, и нельзя сказать, заснула ли она, умерла или, просто, позабылась; по крайней мѣрѣ она уже не слышала и не видѣла ничего и, опустивъ голову на грудь, сидѣла недвижима на одномъ и томъ же мѣстѣ. Съ крыши другого дома висѣло внизъ, на веревочной петлѣ, вытянувшееся и исчахлое тѣло: бѣднякъ не могъ вынести до конца страданій голода и захотѣлъ лучше произвольнымъ самоубійствомъ ускорить конецъ свой.

При видѣ такихъ поражающихъ свидѣтельствъ голода, Андрій не вытерпѣлъ не спросить татарку: — Неужели они однакожъ совсѣмъ не нашли, чѣмъ пробавить жизнь? Если человѣку приходитъ послѣдняя крайность, тогда дѣлать нечего, онъ долженъ питаться тѣмъ, чѣмъ дотолѣ брезгалъ: онъ можетъ питаться тѣми тварями, которыя запрещены закономъ, все можетъ пойти тогда въ снѣдь.

— Все переѣли,—сказала татарка,—всю скотину: ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всемъ городѣ. У насъ въ городѣ никогда не водилось никакихъ запасовъ: все привозилось изъ деревень.

— Но какъ же вы, умирая такою лютою смертью, все еще думаете оборонить городъ?

— Да, можетъ быть, воевода и сдалъ бы, но вчера утромъ полковникъ, который въ Буджакахъ, пустилъ въ городъ ястреба съ запиской, чтобъ не отдавали города: что онъ идетъ на выручку съ полкомъ, да ожидаетъ только другого полковника, чтобъ идти обоимъ вмѣстѣ. И теперь всякую минуту ждутъ ихъ... Но вотъ мы пришли къ дому.

Андрій уже издали видѣлъ домъ, не похожій на другіе и, какъ казалось, строенный какимъ-нибудь архитекторомъ итальянскимъ; онъ былъ сложенъ изъ красивыхъ тонкихъ кирпичей въ два этажа. Окна нижняго этажа были заключены въ высоко выдавшіеся гранитные карнизы; верхній этажъ состоялъ весь изъ небольшихъ арокъ, образовавшихъ галлерею; между ними были видны рѣшетки съ гербами; на углахъ дома тоже были гербы. Наружная широкая лѣстница изъ крашеныхъ кирпичей выходила на самую площадь. Внизу лѣстницы сидѣло по одному часовому, которые картинно и симметрически держались одной рукой за стоявшія около нихъ алебарды, а другою подпирали наклоненныя свои головы и, казалось, такимъ образомъ болѣе походили на изваянія, чѣмъ на живыя существа. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему; они не обратили даже вниманія на то, кто всходилъ по лѣстницѣ. Наверху лѣстницы они нашли богато убраннаго, всего съ ногъ до головы вооруженнаго воина, державшаго въ рукѣ молитвенникъ. Онъ было возвелъ на нихъ истомленныя очи, но татарка сказала ему одно слово, и онъ опустилъ ихъ вновь въ открытыя страницы своего молитвенника. Они вступили въ первую комнату, довольно просторную, служившую пріемною или, просто, переднею; она была наполнена вся сидѣвшими въ разныхъ положеніяхъ у стѣнъ солдатами, слугами, писарями, виночерпіями и прочей дворней, необходимою для показанія сана польскаго вельможи, какъ военнаго, такъ и владѣльца собственныхъ помѣстьевъ. Слышенъ былъ чадъ погаснувшей свѣчи; двѣ другія еще горѣли въ двухъ огромныхъ, почти въ ростъ человѣка, подсвѣчникахъ, стоявшихъ посерединѣ, несмотря на то, что уже давно въ рѣшетчатое широкое окно глядѣло утро. Андрій уже было хотѣлъ идти прямо въ широкую дубовую дверь, украшенную гербомъ и множествомъ рѣзныхъ украшеній; но татарка дернула его за рукавъ и указала маленькую дверь въ боковой стѣнѣ. Этою вышли они въ коридоръ и потомъ въ комнату, которую онъ началъ внимательно разсматривать. Свѣтъ, проходившій сквозь щель ставня, тропулъ кое-что: малиновый занавѣсъ, позолоченный карнизъ и живопись на стѣнѣ. Здѣсь татарка указала Андрію остаться, отворила дверь въ другую комнату, изъ которой блеснулъ свѣтъ огня. Онъ услышалъ шопотъ и тихій голосъ, отъ котораго все потряслось у него. Онъ видѣлъ сквозь растворившуюся дверь, какъ мелькнула быстро стройная женская фигура съ длинною роскошною косою, упадавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы онъ вошелъ. Онъ не помнилъ, какъ вошелъ и какъ затворилась за нимъ дверь. Въ комнатѣ горѣли двѣ свѣчи, лампада теплилась передъ образомъ, подъ нимъ стоялъ высокій столикъ, по обычаю католическому, со ступеньками для преклоненія колѣней во время молитвы. Но не того искали глаза его. Онъ повернулся въ другую сторону и увидѣлъ женщину, казалось, застывшую и окаменѣвшую въ какомъ-то быстромъ движеніи. Казалось, какъ будто вся фигура ея хотѣла броситься къ нему и вдругъ остановилась. И онъ остался также изумленнымъ предъ нею. Не такою воображалъ онъ ее видѣть: это была не она, не та, которую онъ зналъ прежде; ничего не было въ ней похожаго на ту, но вдвое прекраснѣе и чуднѣе была она теперь, чѣмъ прежде: тогда было въ ней что-то недоконченное, недовершенное, теперь это было произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ кисти. Та была прелестная, вѣтреная дѣвушка; эта была красавица, женщина во всей развившейся красѣ своей. Полное чувство выражалось въ ея поднятыхъ глазахъ, не отрывки, не намеки на чувство, но все чувство. Еще слезы не успѣли въ нихъ высохнуть и облекли ихъ блистающею влагою, проходившею душу; грудь, шея и плечи заключились въ тѣ прекрасныя границы, которыя назначены вполнѣ развившейся красотѣ; волосы, которые прежде разносились легкими кудрями по лицу ея, теперь обратились въ густую роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длинѣ руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упадала на грудь. Казалось, всѣ до одной измѣнились черты ея. Напрасно силился онъ отыскать въ нихъ хотя одну изъ тѣхъ, которыя носились въ его памяти,— ни одной. Какъ ни велика была ея блѣдность, но она не помрачила чудесной красы ея, напротивъ, какъ будто придала ей что-то стремительное, неотразимо-побѣдоносное. И ощутилъ Андрій въ своей душѣ благоговѣйную боязнь, и сталъ неподвиженъ передъ нею. Она, казалось,

также была поражена видомъ козака, представшаго во всей красѣ и силѣ юношескаго мужества, который, казалось, и въ самой неподвижности своихъ членовъ уже обличалъ развязную вольность движеній; ясною твердостью сверкалъ глазъ его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣлыя щеки блистали всею яркостью дѣвственнаго огня и, какъ шелкъ, лоснился молодой черный усъ.

— Нѣтъ, я не въ силахъ ничѣмъ возблагодарить тебя, великодушный рыцарь, — сказала она, и весь колебался серебряный звукъ ея голоса.—Одинъ Богъ можетъ вознаградить тебя; не мнѣ, слабой женщинѣ... — Она потупила свои очи; прекрасными снѣжными полукружьями надвинулись на нихъ вѣки, окрашенныя длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами; наклонилось все чудесное лицо ея, и тонкій румянецъ оттѣнилъ его снизу. Ничего не умѣлъ сказать на это Андрій; онъ хотѣлъ бы выговорить все, что ни есть на душѣ, выговорить его такъ же горячо, какъ оно было на душѣ, — и не могъ. Почувствовалъ онъ что-то, заградившее ему уста; звукъ отнялся у слова: почувствовалъ онъ, что не ему, воспитанному въ бурсѣ и въ бранной кочевой жизни, отвѣчать на такія рѣчи, и вознегодовалъ на свою козацкую натуру.

Въ это время вошла въ комнату татарка. Она уже успѣла нарѣзать ломтями принесенный рыцаремъ хлѣбъ, несла его на золотомъ блюдѣ и поставила передъ свою панною. Красавица взглянула на нее, на хлѣбъ, и возвела очи на Андрія,—и много было въ очахъ тѣхъ. Этотъ умиленный взоръ, выказавшій изнеможенье и безсилье выразить обнявшія ее чувства, былъ болѣе доступенъ Андрію, чѣмъ всѣ рѣчи. Его душѣ вдругъ стало легко; казалось, все развязалось у него. Душевныя движенья и чувства, которыя дотолѣ какъ будто кто-то удерживалъ тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными, на волѣ, и уже хотѣли излиться въ неукротимые потоки словъ, какъ вдругъ красавица, оборотясь къ татаркѣ, безпокойно спросила: — А мать? ты отнесла ей?

— Она спитъ.

— А отцу?

— Отнесла; онъ сказалъ, что придетъ самъ благодарить рыцаря.

Она взяла хлѣбъ и поднесла его ко рту. Съ неизъяснимымъ наслажденіемъ глядѣлъ Андрій, какъ она ломала его блистающими пальцами своими и ѣла; и вдругъ вспомнилъ о бѣсновавшемся отъ голода, который испустилъ духъ въ глазахъ его, проглотивши кусокъ хлѣба. Онъ поблѣднѣлъ и, схвативъ ее за руку, закричалъ: — Довольно! не ѣшь больше! Ты такъ долго не ѣла, тебѣ хлѣбъ будетъ теперь ядовитъ. — И она опустила тутъ же свою руку; положила хлѣбъ на блюдо и, какъ покорный ребенокъ, смотрѣла ему въ очи. И пусть бы выразило чье-нибудь слово... но не властны выразить ни рѣзецъ, ни кисть, ни высокомогучее слово того, что видится иной разъ во взорахъ дѣвы, ниже того умиленнаго чувства, которымъ объемлется глядящій въ такіе взоры дѣвы.

— Царица! — вскрикнулъ Андрій, полный и сердечныхъ, и душевныхъ, и всякихъ избытковъ,—что тебѣ нужно, чего ты хочешь? —прикажи мнѣ! Задай мнѣ службу самую невозможную, какая только есть на свѣтѣ, — я побѣгу исполнять ее! Скажи мнѣ сдѣлать то, чего не въ силахъ сдѣлать ни одинъ человѣкъ, —я сдѣлаю, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святымъ крестомъ, мнѣ такъ сладко... но не въ силахъ сказать того! У меня три хутора, половина табуновъ отцовскихъ мои, все, что принесла отцу мать моя, что даже отъ него скрываетъ она, — все мое. Такого ни у кого нѣтъ теперь у козаковъ нашихъ оружія, какъ у меня: за одну рукоять моей сабли даютъ мнѣ лучшій табунъ и три тысячи овецъ. И отъ всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово, или хотя только шевельнешь своею тонкою, черною бровью! Но знаю, что, можетъ быть, несу глупыя рѣчи, и некстати, и не идетъ все это сюда, что не мнѣ, проведшему жизнь въ бурсѣ и на Запорожьи, говорить такъ, какъ въ обычаѣ говорить тамъ, гдѣ бываютъ короли, князья и все, что ни есть лучшаго въ вельможномъ рыцарствѣ. Вижу, что ты иное твореньe Бога, нежели всѣ мы, и далеки предъ тобою все другія боярскія жены и дочери-дѣвы. Мы не годимся быть твоими рабами; только небесные ангелы могутъ служить тебѣ.

Съ возрастающимъ изумленіемъ, вся превратившись въ слухъ, не проронивъ ни одного слова, слушала дѣва открытую, сердечную рѣчь, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражалась молодая, полная силъ душа. И каждое простое слово этой рѣчи, выговоренное голосомъ, летѣвшимъ прямо съ сердечнаго дна, облечено было въ силу. И выдалось впередъ все прекрасное лицо ея, отбросила она далеко назадъ досадные волосы, открыла уста и долго глядѣла съ открытыми устами. Потомъ хотѣла что-то сказать и вдругъ остановилась, и вспомнила, что другимъ назначеньемъ ведется рыцарь, что отецъ, братья и вся отчизна его стоятъ позади его суровыми мстителями, что страшны облегшіе городъ запорожцы, что лютой смерти обречены всѣ они съ своимъ городомъ... и глаза ея вдругъ наполнились слезами; быстро

она схватила платокъ, шитый шелками, набросила его себѣ на лицо, и онъ въ минуту сталъ весь влаженъ; и долго сидѣла, забросивъ назадъ свою прекрасную голову, сжавъ бѣлоснѣжными зубами свою прекрасную нижнюю губу,—какъ бы внезапно почувствовавъ какое укушеніе ядовитаго гада,—и не снимая съ лица платка, чтобы онъ не видѣлъ ея сокрушительной грусти.

— Скажи мнѣ одно слово!—сказалъ Андрій и взялъ ее за атласную руку. Сверкающій огонь пробѣжалъ по жиламъ его отъ этого прикосновенья, и жалъ онъ руку, лежавшую безчувственно въ рукѣ его.

Но она молчала и не отнимала платка отъ лица своего и оставалась неподвижна.

— Отчего же ты такъ печальна? Скажи мнѣ, отчего ты такъ печальна?

Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула налѣзавшіе на очи длинные волосы косы своей и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, заговучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго тарахтанья гдѣ-то проѣзжающей телѣги.

— Не достойна ли я вѣчныхъ сожалѣній? Не несчастна ли мать, родившая меня на свѣтъ? Не горькая ли доля пришлась на часть мнѣ? Не лютый ли ты палачъ мой, моя свирѣпая судьба? Всѣхъ ты привела къ ногамъ моимъ: лучшихъ дворянъ изо всего шляхетства, богатѣйшихъ пановъ, графовъ и иноземныхъ бароновъ, и все, что ни есть цвѣтъ нашего рыцарства. Всѣмъ имъ было вольно любить меня, и за великое благо всякій изъ нихъ почелъ бы любовь мою. Стоило мнѣ только махнуть рукой, и любой изъ нихъ, красивѣйшій, прекраснѣйшій лицомъ и породою, сталъ бы моимъ супругомъ. И ни къ одному изъ нихъ не причаровала ты мое сердце, свирѣпая судьба моя; а причаровала моего сердца, мимо лучшихъ витязей земли нашей, къ чуждому, къ врагу нашему. За что же Ты, Пречистая Божья Матерь, за какіе грѣхи, за какія тяжкія преступленія такъ неумолимо и безпощадно гонишь меня? Въ изобиліи и роскошномъ избыткѣ всего текли дни мои; лучшія, дорогія блюда и сладкія вина были мнѣ снѣдью. И на что все это было? Къ чему оно все было? Къ тому ли, чтобы, наконецъ, умереть лютою смертью, какой не умираетъ послѣдній нищій въ королевствѣ? И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что передъ концомъ своимъ должна видѣть, какъ станутъ умирать въ невыносимыхъ мукахъ отецъ и мать, для спасенья которыхъ двадцать разъ готова была бы отдать жизнь свою; мало всего этого: нужно, чтобы передъ концомъ своимъ мнѣ довелось увидѣть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы онъ рѣчами своими разодралъ на части мое сердце, чтобы горькая моя часть была еще горше, чтобы еще жалче было мнѣ моей молодой жизни, чтобы еще страшнѣе казалась мнѣ смерть моя и чтобы еще больше, умирая, попрекала я тебя, свирѣпая судьба моя, и Тебя,—прости мое прегрѣшеніе,—Святая Божья Матерь!

И когда затихла она, безнадежное-безнадежное чувство отразилось въ лицѣ ея; ноющею грустью заговорила всякая черта его, и все, отъ печально поникшаго лба и опустившихся очей до слезъ, застывшихъ и засохнувшихъ по тихо пламенѣвшимъ щекамъ ея, все, казалось, говорило: „Нѣтъ счастья на лицѣ этомъ!“

— Не слыхано на свѣтѣ, не можно, не быть тому,—говорилъ Андрій,—чтобы красивѣйшая и лучшая изъ женъ понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы предъ ней, какъ предъ святыней, преклонилось все, что ни есть лучшаго на свѣтѣ. Нѣтъ, ты не умрешь! Не тебѣ умирать; клянусь моимъ рожденьемъ и всѣмъ, что мнѣ мило на свѣтѣ, — ты не умрешь! Если же выйдетъ уже такъ, и ничѣмъ—ни силой, ни молитвой, ни мужествомъ нельзя будетъ отклонить горькой судьбы, то мы умремъ вмѣстѣ, и прежде я умру, умру предъ тобой, у твоихъ прекрасныхъ колѣней, и развѣ уже мертваго меня разлучатъ съ тобою.

— Не обманывай, рыцарь, и себя, и меня,—говорила она, качая тихо прекрасной головой своей:—знаю и, къ великому моему горю, знаю слишкомъ хорошо, что тебѣ нельзя любить меня; и знаю я, какой долгъ и завѣтъ твой: тебя зовутъ отецъ, товарищи, отчизна, а мы—враги тебѣ.

— А что мнѣ отецъ, товарищи и отчизна?—сказалъ Андрій, встряхнувъ быстро головою и выпрямивъ весь прямой, какъ надрѣчная осокорь, станъ свой.—Такъ если-жъ такъ, такъ вотъ что: нѣтъ у меня никого! Никого, никого!—повторилъ онъ тѣмъ же голосомъ и сопроводивъ его тѣмъ движеніемъ руки, съ какимъ упругій, несокрушимый козакъ выражаетъ рѣшимость на дѣло неслыханное и невозможное для другого.—Кто сказалъ, что моя отчизна Украйна? Кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для нея всего. Отчизна моя—ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ

моего вѣку, и посмотрю: пусть кто-нибудь изъ козаковъ вырветъ ее оттуда! И все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну!

На мигъ остолбенѣвъ, какъ прекрасная статуя, смотрѣла она ему въ очи и вдругъ зарыдала, и съ чудною женскою стремительностью, на какую бываетъ только способна одна безразсчетно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движеніе, кинулась она къ нему на шею, обхвативъ его снѣгоподобными, чудными руками, и зарыдала. Въ это время раздались на улицѣ неясные крики, сопровождаемые трубнымъ и литавриымъ звукомъ; но онъ не слышалъ ихъ: онъ слышалъ только, какъ чудныя уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханья, какъ слезы ея текли ручьями къ нему на лицо, и спустившіеся всѣ съ головы, пахучіе ея волосы опутали его всего своимъ темнымъ и блистающимъ шелкомъ.

Въ это время вбѣжала къ нимъ съ радостнымъ крикомъ татарка. „Спасены, спасены!—кричала она, не помня себя.—Наши вошли въ городъ, привезли хлѣба, пшена, муки и связанныхъ запорожцевъ! Но не слышалъ никто изъ нихъ, какіе „наши“ вошли въ городъ, что привезли съ собою и какихъ связали запорожцевъ. Полный не на землѣ вкушаемыхъ чувствъ, Андрій поцѣловалъ въ благовонныя уста, прильнувшія къ щекѣ его, и не безотвѣтны были благовонныя уста. Они отозвались тѣмъ же, и въ этомъ обоюдно сліянномъ поцѣлуѣ ощутилось то, что одинъ только разъ въ жизни дается чувствовать человѣку.

И погибъ козакъ! Пропалъ для всего козацкаго рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовскихъ хуторовъ своихъ, ни церкви Божьей. Украйнѣ не видать тоже храбрѣйшаго изъ своихъ дѣтей, взявшихся защищать ее. Вырветъ старый Тарасъ сѣдой клокъ волосъ изъ своей чупрыны и проклянетъ и день, и часъ, въ который породилъ на позоръ себѣ такого сына.

VII.

Шумъ и движеніе происходили въ запорожскомъ таборѣ. Сначала никто не могъ дать вѣрнаго отчета, какъ случилось, что войска прошли въ городъ. Потомъ уже оказалось, что весь Переяславскій курень, расположившійся передъ боковыми городскими воротами, былъ пьянъ мертвецки; стало-быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана еще прежде, чѣмъ всѣ могли узнать, въ чемъ дѣло. Покамѣстъ ближніе курени, разбуженные шумомъ, успѣли схватиться за оружіе, войско уже уходило въ ворота, и послѣдніе ряды отстрѣливались отъ устремившихся на нихъ въ безпорядкѣ сонныхъ и полупротрезвившихся запорожцевъ.

Кошевой далъ приказъ собраться всѣмъ, и, когда всѣ стали въ кругъ и, снявши шапки, затихли, онъ сказалъ: „Такъ вотъ что, панове братове, случилось въ эту ночь; вотъ до чего довелъ хмѣль! Вотъ какое поруганье оказалъ намъ непріятель! У васъ, видно, уже такое заведеніе: коли позволишь удвоить порцію, такъ вы готовы такъ натянуться, что врагъ Христова воинства не только сниметъ съ васъ шаровары, но въ самое лицо вамъ начихаетъ, такъ вы того не услышите“.

Козаки всѣ стояли, понуривъ головы, зная вину; одинъ только незамайковскій куренной атаманъ Кукубенко отозвался. „Постой, батько!—сказалъ онъ:—хоть оно и не въ законѣ, чтобы сказать какое возраженіе, когда говоритъ кошевой передъ лицомъ всего войска, да дѣло не такъ было, такъ нужно сказать. Ты не совсѣмъ справедливо попрекнулъ все христіанское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились въ походѣ, на войнѣ, на трудной, тяжкой работѣ, но мы сидѣли безъ дѣла, маячились попусту передъ городомъ. Ни поста, ни другого христіанскаго воздержанья не было: какъ же можетъ статься, чтобы на бездѣльи не напился человѣкъ? Грѣха тутъ нѣтъ. А мы вотъ лучше покажемъ имъ, что такое нападать на безвинныхъ людей. Прежде били добре, а ужъ теперь побьемъ такъ, что и пятъ не унесутъ домой“.

Рѣчь куренного атамана понравилась козакамъ. Они приподняли уже совсѣмъ было понурившіяся головы, и многіе одобрительно кивнули головой, промолвивши: „Добре сказалъ Кукубенко!“ А Тарасъ Бульба, стоявшій недалеко отъ кошевого, сказалъ: „А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказалъ? Что ты скажешь на это?“

— А что скажу? Скажу: блаженъ и отецъ, родившій такого сына: еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое, не поругавшись надъ бѣдою человѣка, ободрило бы его, придало бы духу ему, какъ шпоры придаютъ духу коню, освѣженному водопоемъ. Я самъ хотѣлъ вамъ сказать потомъ утѣшительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

— Добре сказалъ и кошевой!—отозвалось въ рядахъ запорожцевъ. „Доброе слово!“ повторили другіе. И самые сѣдые, стоявшіе, какъ сивые голуби, и тѣ кивнули головою и, моргнувши сѣдымъ усомъ, тихо сказали: „Добре сказанное слово!“

— Слушайте же, панове!—продолжалъ кошевой.—Брать крѣпость, карабкаться и подкапываться, какъ дѣлаютъ чужеземные нѣмецкіе мастера—пусть ей врагъ прикинется!—и неприлично, и не козацкое дѣло. А судя по тому, что есть, непріятель вошелъ въ городъ не съ большимъ запасомъ; телѣгъ что-то было съ нимъ немного. Народъ въ городѣ голодный, стало-быть все съѣстъ духомъ, да и конямъ тоже сѣна... ужъ я не знаю, развѣ съ не а кинетъ имъ на вилы какой-нибудь ихъ святой.... только про это еще Богъ знаетъ; а ксендзы-то ихъ горазды на одни слова. За тѣмъ, или за другимъ, а ужъ они выйдутъ изъ города. Раздѣляйся же на три кучи и становись на три дороги передъ тремя воротами. Передъ главными воротами пять куреней, передъ другими по три куреня. Дядьковскій и Корсунскій курень на засаду! Полковникъ Тарасъ съ полкомъ на засаду! Тытаревскій и Тымошевскій курень на запасъ съ праваго бока обоза! Щербиновскій и Стебликивскій-верхній—съ лѣваго боку! Да выбирайтесь изъ ряду, молодцы, которые позубастѣй на слово, задирать непріятеля! У ляха пустоголовая натура: бр ни не вытерпитъ; и можетъ быть, сегодня же всѣ они выйдутъ изъ воротъ. Куренные атаманы, перегляди всякій курень свой: у кого недочетъ, пополни его остатками Переяславскаго. Перегляди все снова! Дать на опохмѣлъ всѣмъ по чаркѣ и по хлѣбу на козака. Только, вѣрно, всякій еще вчерашнимъ сытъ, ибо, некуды дѣть правды, попаѣдались всѣ такъ, что дивлюсь, какъ ночью никто не лопнулъ. Да вотъ еще одинъ наказъ: если кто-нибудь, шинкарь-жидъ, продастъ козаку хоть одинъ кухоль сивухи, то я прибью ему на самый лобъ свиное ухо, собакѣ, и повѣшу ногами вверхъ! За работу же, братцы! За работу!

Такъ распоряжалъ кошевой, и всѣ поклонились ему въ поясъ и, не надѣвая шапокъ, отправились по своимъ возамъ и таборамъ, и когда уже совсѣмъ далеко отошли, тогда только надѣли шапки. Всѣ начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порохъ изъ мѣшковъ въ пороховницы, откатывали и становили возы и выпрягали коней.

Уходя къ своему полку, Тарасъ думалъ и не могъ придумать, куда бы дѣвался Андрій: „поймали ли его вмѣстѣ съ другими и связали сопаго? Только нѣтъ, не таковъ Андрій, чтобы отдался живымъ въ плѣнъ“. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крѣпко Тарасъ и шелъ передъ полкомъ, не слыша, что его давно называлъ кто-то по имени. „Кому нужно меня?“ сказалъ онъ наконецъ, очнувшись. Предъ нимъ стоялъ жидъ Янкель.

— Панъ полковникъ, панъ полковникъ! — говорилъ жидъ поспѣшнымъ и прерывистымъ голосомъ, какъ будто бы хотѣлъ объявить дѣло не совсѣмъ пустое.—Я былъ въ городѣ, панъ полковникъ!

Тарасъ посмотрѣлъ на жида и подивился тому, что онъ уже успѣлъ побывать въ городѣ. „Какой же врагъ тебя занесъ туда?“

— Я тотчасъ разскажу,—сказалъ Янкель.—Какъ только услышалъ я на зарѣ шумъ, и козаки стали стрѣлять, я ухватилъ кафтанъ и, не надѣвая его, побѣжалъ туда бѣгомъ! дорогою уже надѣлъ его въ рукава, потому что хотѣлъ поскорѣй узнать, отчего шумъ, отчего козаки на самой зарѣ стали стрѣлять. Я взялъ и прибѣжалъ къ самымъ городскимъ воротамъ, въ то время, когда послѣднее войско входило въ городъ. Гляжу—впереди отряда панъ хорунжій Галяндовичъ. Онъ человѣкъ мнѣ знакомый: еще съ третьяго года задолжалъ сто червонныхъ. Я за нимъ, будто бы за тѣмъ, чтобы выправить съ него долгъ, и вошелъ вмѣстѣ съ ними въ городъ.

— Какъ же ты вошелъ въ городъ, да еще и и долгъ хотѣлъ выправить?—сказалъ Бульба.—И не велѣлъ онъ тебя тутъ же повѣсить, какъ собаку?

— А, ей-Богу, хотѣлъ повѣсить, — отвѣчалъ жидъ,—уже было его слуги совсѣмъ схватили меня и закинули веревку на шею; но я взмолился пану, сказалъ, что подожду долгъ, сколько панъ хочетъ, и пообѣщалъ еще дать взаймы, какъ только поможетъ мнѣ со рать долги съ другихъ рыцарей; ибо у пана хорунжаго,—я все скажу пану,—нѣтъ ни одного червоннаго въ карманѣ. Хоть у него и есть хутора, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самаго Шклова, а грошей у него такъ, какъ у козака, ничего нѣтъ. И теперь, если бы не вооружили его бреславскіе жиды, не въ чемъ было бы ему и на войну выѣхать. Онъ и на сеймѣ оттого не былъ...

— Что-жъ ты дѣлалъ въ городѣ? Видѣлъ нашихъ?

— Какъ же! Нашихъ тамъ много: Ицка, Рахумъ, Самуйло, Хайвалохъ, еврей-арендаторъ...

— Пропади они, собаки!—вскрикнулъ, разсердившись, Тарасъ.—Что ты мнѣ тычешь свое жидовское племя? Я тебя спрашиваю про нашихъ запорожцевъ.

— Нашихъ запорожцевъ не видалъ: а видалъ одного пана Андрія.

— Андрія видѣлъ? — вскрикнулъ Бульба. — Что-жъ ты, гдѣ видѣлъ его? въ подвалѣ? въ ямѣ? Обезчещенъ? связанъ?

— Кто же бы смѣлъ связать пана Андрія? Теперь онъ такой важный рыцарь... Далибугъ, я не узналъ! И наплечники въ золотѣ, и пару-

кавники въ золотѣ, и зерцало въ золотѣ, и шапка въ золотѣ, и по поясу золото, и вездѣ золото, и все золото. Такъ, какъ солнце взглянетъ весною, когда въ огородѣ всякая пташка пищитъ и поетъ, и травка пахнетъ, такъ и онъ весь сіяетъ въ золотѣ. И коня ему далъ воєвода самаго лучшаго подъ верхъ; два ста червонныхъ стоитъ одинъ конь.

Бульба остолбенѣлъ.—Зачѣмъ же онъ надѣлъ чужое одѣянье?

— Потому что лучше, потому и надѣлъ. И самъ разъѣзжаетъ, и другіе разъѣзжаютъ; и онъ учитъ, и его учатъ: какъ наибогатѣйшій польскій панъ!

— Кто-жъ его принудилъ?

— Я-жъ не говорю, чтобы его кто принудилъ. Развѣ панъ не знаетъ, что онъ по своей волѣ перешелъ къ нимъ?

— Кто перешелъ?

— А панъ Андрій.

— Куда перешелъ?

— Перешелъ на ихъ сторону; онъ теперь ужь совсѣмъ ихній.

— Врешь свиное ухо!

— Какъ же можно, чтобы я вралъ? Дуракъ я развѣ, чтобы вралъ? На свою бы голову я вралъ? Развѣ я не знаю, что жида повѣсятъ, какъ собаку, коли онъ совретъ передъ паномъ?

— Такъ это выходитъ, онъ, по-твоему, продалъ отчизну и вѣру?

— Я же не говорю этого, чтобы онъ продавалъ что: я сказалъ только, что онъ перешелъ къ нимъ.

— Врешь, чортовъ жидъ! Такого дѣла не было на христіанской землѣ! Ты путаешь, собака!

— Пусть трава порастетъ на порогѣ моего дома, если я путаю. Пусть всякій наплюетъ на могилу отца, матери, свекора и отца отца моего, и отца матери моей, если я путаю. Если панъ хочетъ, я даже скажу, и отчего онъ перешелъ къ нимъ.

— Отчего?

— У воєводы есть дочка-красавица. Святой Боже, какая красавица!—Здѣсь жидъ постарался, какъ только могъ, выразить въ лицѣ своемъ красоту, разставивъ руки, прищуривъ глазъ и покрививши на-бокъ ротъ, какъ будто чего-нибудь отвѣдавши.

— Ну, такъ что же изъ того?

— Онъ для нея и сдѣлалъ все, и перешелъ. Коли человѣкъ влюбился, то онъ все равно, что подошва, которую коли размочишь въ водѣ, возьми, согни,—она и согнется.

Крѣпко задумался Бульба. Вспомнилъ онъ, что велика власть слабой женщины, что многихъ сильныхъ погубляла она, что податлива сѣ этой стороны природа Андрія; и стоялъ онъ долго, какъ вконанный, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Слушай, панъ, я все разскажу пану,—говорилъ жидъ.—Какъ только услышалъ я шумъ и увидѣлъ, что проходятъ въ городскія ворота, я схватилъ на всякій случай съ собой нитку жемчуга, потому что въ городѣ есть красавицы и дворянки; а коли есть красавицы и дворянки, сказалъ я себѣ, то имъ хоть и ѣсть нечего, а жемчугъ все-таки купятъ. И какъ только хорунжаго слуги пустили меня, я побѣжалъ на воєводинъ дворъ продавать жемчугъ. Разспросилъ все у служанки-татарки: „Будетъ свадьба сейчасъ, какъ только прогонятъ запорожцевъ. Панъ Андрій обѣщалъ прогнать запорожцевъ“.

— И ты не убилъ тутъ же на мѣстѣ его, чортова сына?—вскрикнулъ Бульба.

— За что же убить? Онъ перешелъ по доброй волѣ. Чѣмъ человѣкъ виноватъ? Тамъ ему лучше, туда и перешелъ.

— И ты видѣлъ его въ самое лицо?

— Ей-Богу, въ самое лицо! Такой славный вояка! Всѣхъ взрачнѣй. Дай ему Богъ здоровья, меня тотъ асъ узналъ; и, когда я подошелъ къ нему, тотчасъ сказалъ..,

— Что-жъ онъ сказалъ?

— Онъ сказалъ, прежде кивнулъ пальцемъ, а потомъ уже сказалъ: „Янкель!“ А я: „панъ Андрій!“ говорю. „Янкель! скажи отцу, скажи брату, скажи козакамъ, скажи запорожцамъ, скажи всѣмъ, что отецъ теперь не отецъ мнѣ, братъ не братъ, товарищъ не товарищъ, и что я съ ними буду биться, со всѣми буду биться!“

— Врешь, чортовъ Іуда!—закричалъ, вышедъ изъ себя, Тарасъ.—Врешь, собака! Ты и Христа распялъ, проклятый Богомъ человѣкъ! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то—тутъ же тебѣ и смерть!—Сказавши это, Тарасъ выхватилъ свою саблю. Испуганный жидъ пригнулся тутъ же во всѣ лопатки, какъ только могли вынести его тонкія, сухія икры. Долго еще бѣжалъ онъ безъ оглядки между козацкимъ таборомъ и потомъ далеко по всему чистому полю, хотя Тарасъ вовсе не гнался за нимъ, разсмысливъ, что неразумно вымещать запальчивость на первомъ подвернувшемся.

Теперь припомнилъ онъ, что видѣлъ въ прошлую ночь Андрія, проходившаго по табору съ какой-то женщиною, и поникъ сѣдою головою, а в е еще не хотѣлъ вѣрить, чтобы могло случиться такое позорное дѣло и чтобы собственный сынъ его продалъ вѣру и душу.

Наконецъ повелъ онъ свой полкъ въ засаду и скрылся съ нимъ за лѣсомъ, который одинъ былъ не выженъ еще козаками. А запорожцы, и нѣ-

шіе и конные, выступали на три дороги къ тремъ воротамъ. Одинъ за другимъ валили курени: Уманскій, Поповичевскій, Каневскій, Стебликинскій, Незмайковскій, Гургузивъ, Тытаревскій, Тымошевскій. Одного только Переяславскаго не было. Крѣпко курнули козаки его, и прокурили свою долю. Кто проснулся связанный во вражьихъ рукахъ, кто, и совсѣмъ не просыпаясь, сонный, перешелъ въ сырую землю, и самъ атаманъ Хлибъ, безъ шароваръ и верхняго убранства, очутился въ ляшскомъ стану.

Въ городѣ услышали козацкое движеніе. Всѣ высыпали на валъ, и предстала предъ козаковъ живая картина: польскіе витязи, одинъ другого красивѣе, стояли на валу. Мѣдныя шапки сіяли, какъ солнце, опененныя бѣлыми, какъ лебедь, перьями. На другихъ были легкія шапочки, розовыя и голубыя, съ перегнутыми на бекрень верхами; кафтаны съ откидными рукавами, шитые золотомъ и просто выложенные шнурками; у тѣхъ сабли и оружія въ дорогихъ оправахъ, за которыя дорого приплачивали паны,—и много было всякихъ другихъ убранствъ. Напереди стоялъ спѣсиво, въ красивой шапкѣ, убранной золотомъ, буджаковскій полковникъ. Грузенъ былъ полковникъ, всѣхъ выше и толще, и широкій дорогой кафтанъ насилу облекалъ его. На другой сторонѣ, почти къ боковымъ воротамъ, стоялъ другой полковникъ, небольшой человѣкъ, весь высохшій; но малыя зоркія очи глядѣли живо изъподъ густо наросшихъ бровей, и оборачивался онъ скоро на всѣ стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанія; видно было, что, несмотря на малое тѣло свое, зналъ онъ хорошо ратную науку. Недалеко отъ него стоялъ хорунжій, длинный, длинный, съ густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка въ краскѣ на лицѣ: любилъ панъ крѣпкіе меды и добрую пирушку. И много было видно за ними всякой шляхты, вооружившейся, кто на свои червонцы, кто на королевскую казну, кто на жидовскія деньги, заложивъ все, что ни нашлось въ дѣдовскихъ замкахъ. Не мало было и всякихъ сенаторскихъ пахлѣбниковъ, которыхъ брали съ собою сенаторы на обѣды для почета, которые крали со стола и изъ буфетовъ серебряные кубки и, послѣ сегодняшняго почета, на другой день садились на козлы править конями у какого-нибудь пана. Всякихъ было тамъ. Иной разъ и выпить было не на что, а на войну всѣ принарядились.

Козацкіе ряды стояли тихо передъ стѣнами. Не было на нихъ ни на комъ золота: только развѣ кое-гдѣ блестѣло оно на сабельныхъ рукоятяхъ и ружейныхъ оправахъ. Не любили козаки богато наряжаться на битвахъ; простыя были на нихъ кольчуги и свиты, и далеко черпѣли и червонѣли черныя верховія бараньи ихъ шапки.

Два козака выѣхало впередъ изъ запорожскихъ рядовъ: одинъ еще совсѣмъ молодой, другой постарѣе, оба зубастые на слова, на дѣлѣ тоже не плохіе козаки: Охримъ Нашъ и Мыкыта Голокопытенко. Слѣдомъ за ними выѣхалъ и Демидъ Поповичъ, коренастый козакъ, уже давно маячившій на Сѣчи, бывшій подъ Адріанополемъ и много натерпѣвшійся на вѣку своемъ: горѣлъ въ огнѣ и прибѣжалъ на Сѣчь съ обсмоленною, почернѣвшею головою и выгорѣвшими усами; но раздобрѣлъ вновь Поповичъ, пустилъ за ухо осередець, вырастилъ усы густые и черные, какъ смоль. И крѣпокъ былъ на ѣдкое слово Поповичъ.

— А, красные жупаны на всемъ войскѣ, да хотѣлъ бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вотъ, я васъ!—кричалъ сверху дюжій полковникъ:—всѣхъ перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видѣли, какъ перевязалъ я вашихъ? Выведите имъ на валъ запорожцевъ!

И вывели на валъ скрученныхъ веревками запорожцевъ. Впереди ихъ былъ куренной атаманъ Хлибъ, безъ шароваръ и верхняго убранства,—такъ, какъ схватили его хмельного. Потупилъ въ землю голову атаманъ, стыдясь наготы своей передъ своими же козаками и того, что попалъ въ плѣнъ, какъ собака, сонный. И въ одну ночь посѣдѣла крѣпкая голова его.

— Не печалься, Хлибъ! Выручимъ!—кричали ему снизу козаки.

— Не печалься, друзьяка!—отозвался куренной атаманъ Бородатый:—въ томъ нѣтъ вины твоей, что схватили тебя нагого: бѣда можетъ быть со всякимъ человѣкомъ; но стыдно имъ, что выставили тебя на позоръ, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонныхъ людей храброе войско?—говорилъ, поглядывая на валъ, Голокопытенко.

— Вотъ, погодите, обрѣжемъ мы вамъ чубы!—кричали имъ сверху.

— А хотѣлъ бы я поглядѣть, какъ они намъ обрѣжутъ чубы!—говорилъ Поповичъ, поворотившись передъ ними на конѣ, и потомъ, поглядѣвши на своихъ, сказалъ:—А что-жъ! Можетъ быть, ляхи и правду говорятъ: коли выведетъ ихъ вонъ тотъ пузатый, имъ всѣмъ будетъ добрая защита.

— Отчего-жъ ты думаешь, будетъ имъ добрая защита?—сказали козаки, зная, что Поповичъ вѣрно уже готовился что-нибудь отпустить.

— А оттого, что позади его упрячется все войско, и ужь чорта съ два изъ-за его пуза достанешь котораго-нибудь копьемъ!

Всѣ засмѣялись козаки; и долго многіе изъ нихъ еще покачивали головою, говоря: „Ну, ужь Поповичъ! Ужь коли кому закрутитъ слово, такъ только ну,..“—Да ужъ и не сказали козаки, что такое „ну“.

— Отступайте, отступайте скорѣй отъ стѣнъ!— закричалъ кошевой; ибо ляхи, казалось, не выдержали ѣдкаго слова, и полковникъ махнулъ рукой.

Едва только посторонились козаки, какъ грянули съ вала картечью. На валу засуетились, показался самъ сѣдой воевода на конѣ. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выѣхали ровнымъ конным строемъ шитые гусары, за ними кольчужники, потомъ латники съ копьями, потомъ всѣ въ мѣдныхъ шапкахъ, потомъ ѣхали особнякомъ лучшіе шляхтичи, каждый одѣтый по-своему. Не хотѣли гордые шляхтичи вмѣшаться въ ряды съ другими, и у котораго не было команды, тотъ ѣхалъ одинъ со своими слугами. Потомъ опять ряды, и за ними выѣхалъ хорунжій; за нимъ опять ряды, и выѣхалъ дюжій полковникъ, а позади всего уже войска выѣхалъ послѣднимъ низенькій полковникъ.

— Не давать имъ! Не давать имъ строиться и становиться въ ряды!—кричалъ кошевой.—Разомъ напирайте на нихъ всѣ курени! Оставляйте всѣ прочія ворота! Тытаревскій курень, нападай съ боку! Дядькивскій курень, нападай съ другого! Напирайте на тылъ, Кукубенко и Палывода! Мѣшайте, мѣшайте и розните ихъ!

И ударили со всѣхъ сторонъ козаки, сбили и смѣшали ляховъ, и сами смѣшались. Не дали даже и стрѣльбы произвести; пошло дѣло на мечи, да на копья. Всѣ сбились въ кучу и каждому привелъ случай показать себя.

Демидъ Поповичъ трехъ закололъ простыхъ и двухъ лучшихъ шляхтичей сбилъ съ коней, говоря: „Вотъ добрые кони! Такихъ копей я давно хотѣлъ достать“. И выгналъ коней далеко въ поле, крича стоявшимъ козакамъ перенять ихъ. Потомъ вновь пробился въ кучу, напалъ опять на сбитыхъ съ коней шляхтичей; одного убилъ, а другому накинулъ арканъ на шею, привязалъ къ сѣдлу и поволокъ его по всему полю, снявши съ него саблю съ дорогою рукоятью и отвязавши отъ пояса цѣлый черенокъ съ червонцами.

Кобита, добрый козакъ и молодой еще, схватился тоже съ однимъ изъ храбрѣйшихъ въ польскомъ войскѣ, и долго бились они. Сошлись уже въ рукопашный. Одолѣлъ-было уже козакъ и, сломивши, ударилъ острымъ турецкимъ ножомъ въ грудь; но не уберегся самъ: тутъ же въ високъ хлопнула его горячая пуля. Свалилъ его знатнѣйшій изъ пановъ, красивѣйшій и древняго княжескаго роду рыцарь. Какъ стройный тополь, носился онъ на буланомъ конѣ своемъ. И много уже показалъ боярской богатырской удали: двухъ запорожцевъ разрубилъ на-двое; Ѳедора Коржа, добраго козака, опрокинулъ вмѣстѣ съ конемъ, выстрѣлилъ по коню и козака досталъ изъ-за коня копьемъ; многимъ отнесъ головы и руки и повалилъ козака Кобиту, вогнавши ему пулю въ високъ.

— Вотъ съ кѣмъ бы я хотѣлъ попробовать силы!—закричалъ незамайковскій куренной атаманъ Кукубенко. Пришпоривъ коня, налетѣлъ прямо ему въ тылъ и сильно вскрикнулъ, такъ что вздрогнули всѣ близъ стоявшіе отъ нечеловѣческаго крика. Хотѣлъ было поворотить вдругъ своего коня ляхъ и стать ему въ лицо, но не послушался конь: испуганный страшнымъ крикомъ метнулся на сторону, и досталъ его ружейною пулею Кукубенко. Вошла въ спинныя лопатки ему горячая пуля, и свалился онъ съ коня. Но и тутъ не поддался ляхъ, все еще силился нанести врагу ударъ, но ослабѣла упавшая вмѣстѣ съ саблею рука. А Кукубенко, взявъ въ обѣ руки свой тяжелый палашъ, вогналъ его ему въ самыя поблѣднѣвшія уста: вышибъ два сахарные зуба палашъ, разсѣкъ на-двое языкъ, разбилъ горловой позвонокъ и вошелъ далеко въ землю. Такъ и пригвоздилъ онъ его тамъ навѣки къ сырой землѣ. Ключомъ хлынула вверхъ алая, какъ надрѣчная калина, высокая дворянская кровь, и выкрасила весь, обшитый золотомъ, желтый кафтанъ его. А Кукубенко уже кинулъ его и пробился съ своими незамайковцами въ другую кучу.

— Эхъ, оставилъ неприбраннымъ такое дорогое убранство!—сказалъ уманскій куренной Бородатый, отъѣхавши отъ своихъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ убитый Кукубенкомъ шляхтичъ.—Я семерыхъ убилъ шляхтичей своею рукою, а такого убранства еще не видѣлъ ни на комъ.—И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять съ него дорогіе доспѣхи, вынулъ уже турецкій ножъ въ оправѣ изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ, отвязалъ отъ пояса черенокъ съ червонцами, снялъ съ груди сумку съ тонкимъ бѣльемъ, дорогимъ серебромъ и дѣвическою кудрею, сохранно сберегавшеюся на память. И не услышалъ Бородатый, какъ налетѣлъ на него сзади красноносый хорунжій, уже разъ сбитый имъ съ сѣдла и получившій добрую зазубрину на память. Размахнулся онъ со всего плеча и ударилъ его саблей по нагнувшейся шеѣ. Не къ добру повела корысть козака: отскочила могучая голова и упалъ обезглавленный трупъ, далеко вокругъ оросивши землю. Понеслась къ вышинамъ суровая козацкая душа, хмурясь и негодуя, и вмѣстѣ съ тѣмъ дивуясь, что такъ рано вылетѣла изъ такого крѣпкаго тѣла. Не успѣлъ хорунжій ухва-

тить за чубъ атаманскую голову, чтобы привязать ее къ сѣдлу, а ужъ былъ тутъ суровый мститель.

Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крыльями, вдругъ останавливается распластанный на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца-перепела, такъ Тарасовъ сынъ, Остапъ, налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинулъ ему на шею веревку. Побагровѣло еще сильнѣе красное лицо хорунжаго, когда затянула ему горло жестокая петля; схватился онъ было за пистолетъ, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрѣла, и пуля даромъ полетѣла въ поле. Остапъ тутъ же, у его-же сѣдла, отвязалъ шелковый шнуръ, который возилъ съ собою хорунжій для вязанія плѣнныхъ, и его же шнуромъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ, прицѣпилъ конецъ веревки къ сѣдлу и поволокъ его черезъ поле, сзывая громко всѣхъ козаковъ Уманскаго куреня, чтобы шли отдать послѣднюю честь атаману.

Какъ услышали уманцы, что куренного ихъ атамана Бородатаго нѣтъ уже въ живыхъ, бросили поле битвы и прибѣжали прибрать его тѣло; и тутъ же стали совѣщаться, кого выбрать въ куренные. Наконецъ, сказали: „Да на что совѣщаться? Лучше не можно поставить въ куренные, какъ Бульбенка Остапа: онъ, правда, младшій всѣхъ насъ, но разумъ у него какъ у стараго человѣка“.

Остапъ, снявъ шапку, всѣхъ поблагодарилъ козаковъ-товарищей за честь, не сталъ отговариваться ни молодостью, ни молодымъ разумомъ, зная, что время военное и не до того теперь, а тутъ же повелъ ихъ прямо на кучу и ужъ показалъ имъ всѣмъ, что не даромъ выбрали его въ атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дѣло слишкомъ жарко, отступили и перебѣжали поле, чтобъ собраться на другомъ концѣ его. А низенькій полковникъ махнулъ на стоявшія отдѣльно у самыхъ воротъ четыре свѣжія сотни, и грянули оттуда картечью въ козацкія кучи; но мало кого достали: пули хватили по быкамъ козацкимъ, дико глядѣвшимъ на битву. Взревѣли испуганные быки, поворотили на козацкіе таборы, переломали возы и многихъ перетоптали. Но Тарасъ въ это время, вырвавшись изъ засады со своимъ полкомъ, съ крикомъ бросился на перейму. Поворотило назадъ все бѣшеное стадо, испуганное крикомъ, и метнулось на ляшскіе полки, опрокинуло конницу, всѣхъ смяло и разсыпало.

— О, спасибо вамъ, волы!—кричали запорожцы:—служили все походную службу, а теперь и военную сослужили!—И ударили съ новыми силами на непріятеля. Много тогда перебили враговъ. Многіе показали себя: Метелица, Шило, оба Писаренки, Вовтузенко, и не мало было всякихъ другихъ. Увидѣли ляхи, что плохо, наконецъ, приходитъ, вынули хоругвь и закричали отворять городскія ворота. Со скрипомъ отворились обитыя желѣзомъ ворота и приняли толпившихся, какъ овецъ въ овчарню, изнуренныхъ и покрытыхъ пылью всадниковъ. Многіе изъ запорожцевъ погнались-было за ними, но Остапъ своихъ уманцевъ остановилъ, сказавши: „Подальше, подальше, паны братья, отъ стѣнъ! Не годится близко подходить къ нимъ“. И правду сказалъ, потому что со стѣнъ грянули и посыпали всѣмъ, чѣмъ ни попало, и многимъ досталось. Въ это время подъѣхалъ кошевой и похвалилъ Остапа, сказавши: „Вотъ и новый атаманъ, а ведетъ войско такъ, какъ бы и старый!“ Оглянулся старый Бульба поглядѣть, какой тамъ новый атаманъ, и увидѣлъ, что впереди всѣхъ уманцевъ сидѣлъ на конѣ Остапъ, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица въ рукѣ. „Вишь ты какой!“ сказалъ онъ, глядя на него; и обрадовался старый и сталъ благодарить всѣхъ уманцевъ за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь идти къ таборамъ, а на городскомъ валу вновь показались ляхи, уже съ изорванными знаменами. Запеклася кровь на многихъ дорогихъ кафтанахъ, и пылью покрылись красивыя мѣдныя шапки.

— Что, перевязали?—кричали имъ снизу запорожцы.

— Вотъ я васъ!—кричалъ все такъ же сверху толстый полковникъ, показывая веревку; и все еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины, и всѣ, бывшіе позадорнѣе, перекинулись съ обѣихъ сторонъ бойкими словами.

Наконецъ, разошлись всѣ. Кто расположился отдыхать, истомившись отъ боя; кто присыпалъ землей свои раны и дралъ на перевязки платки и дорогія одежды, снятыя съ убитаго непріятеля. Другіе же, которые были посвѣжѣе, стали прибирать тѣла и отдавать имъ послѣднюю почесть: палашами, копьями копали могилы; шапками, полами выносили землю; сложили честно козацкія тѣла и засыпали ихъ свѣжею землею, чтобы не досталось воронамъ и хищнымъ орламъ выклевывать имъ очи. А ляшскія тѣла, увязавши, какъ попало, десятками къ хвостамъ дикихъ коней, пустили ихъ по всему полю, и долго потомъ гнались за ними и хлестали ихъ по бокамъ. Летѣли бѣшеные кони по бороздамъ, буграмъ, черезъ рвы и протоки, и бились о землю покрытые кровью и прахомъ ляшскіе трупы.

Потомъ сѣли кругами всѣ курени вечерять и долго говорили о дѣлахъ и подвигахъ, достав-

шихся въ удѣлъ каждому, на вѣчный разсказъ пришельцамъ и потомству. Долго не ложились они; а долѣе всѣхъ не ложился старый Тарасъ, все размышляя, что́ бы значило, что Андрія не было между вражьихъ всевъ. Посовѣстился ли Іуда выйти противъ своихъ, или обманулъ жидъ и попался онъ просто въ неволю. Но тутъ же вспомнилъ онъ, что не въ мѣру было наклончиво сердце Андрія на женскія рѣчи, почувствовалъ скорбь и заклялся сильно въ душѣ противъ полячки, причаровавшей его сына. И выполнилъ бы онъ свою клятву: не поглядѣлъ бы на ея красоту, вытащилъ бы ее за густую пышную косу, поволокъ бы ее за собою по всему полю между всѣхъ козаковъ. Избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ея чудныя груди и плечи, блескомъ равныя не тающимъ снѣгамъ, что покрываютъ горныя вершины. Разнесъ бы по частямъ онъ ея пышное, прекрасное тѣло. Но не вѣдалъ Бульба того, что готовитъ Богъ человѣку завтра, и сталъ позабываться сномъ и наконецъ заснулъ. А козаки все еще говорили промежъ собой, и всю ночь стояла у огней, приглядываясь пристально во всѣ концы, трезвая, не смыкавшая очей стража.

VIII.

Еще солнце не дошло до половины неба, какъ всѣ запорожцы собрались въ круги. Изъ Сѣчи пришла вѣсть, что татары, во время отлучки козаковъ, ограбили въ ней все, вырыли скарбъ, который втайнѣ держали козаки подъ землею, избили и забрали въ плѣнъ всѣхъ, которые оставались, и со всѣми забранными стадами и табунами направили путь прямо къ Перекопу. Одинъ только козакъ, Максимъ Голодуха, вырвался дорогою изъ татарскихъ рукъ, закололъ мирзу, отвязалъ у него мѣшокъ съ цехинами и на татарскомъ конѣ, въ татарской одеждѣ, полтора дня и двѣ ночи уходилъ отъ погони, загналъ на-смерть коня, пересѣлъ дорогою на другого, загналъ и того, и уже на третьемъ пріѣхалъ въ запорожскій таборъ, развѣдавъ на дорогѣ, что запорожцы были подъ Дубномъ. Только и успѣлъ объявить онъ, что случилось такое зло; но отчего оно случилось, курнули ли оставшіеся запорожцы, по козацкому обычаю, и пьяными отдались въ плѣнъ, и какъ узнали татары мѣсто, гдѣ былъ зарытъ войсковой скарбъ,—того ничего не сказалъ онъ. Сильно истомился козакъ, распухъ весь, лицо пожгло и опалило ему вѣтромъ; упалъ онъ тутъ же и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ подобныхъ случаяхъ водилось у запорожцевъ гнать я въ ту же минуту за похитителями, стараясь настигнуть ихъ на дорогѣ, потому что плѣнные какъ разъ могли очутиться на базарахъ Малой Азіи, въ Смирнѣ, на Критскомъ острову, и Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ не показались бы чубатыя запорожскія головы. Вотъ отчего собрались запорожцы. Всѣ до единаго стояли они въ шапкахъ, потому что пришли не съ тѣмъ, чтобы слушать по начальству атаманскій приказъ, но совѣщаться, какъ равные, между собою. „Давай совѣтъ прежде, старшіе!“ закричали въ толпѣ. „Давай совѣтъ, кошевой!“ говорили другіе.

И кошевой снялъ шапку, ужъ не такъ, какъ начальникъ, а какъ товарищъ, благодарилъ всѣхъ козаковъ за честь и сказалъ: „Много между нами есть старшихъ и совѣтомъ умнѣйшихъ, но коли меня почтили, то мой совѣтъ: не терять, товарищи, времени и гнаться за татариномъ; ибо вы сами знаете, что за человѣкъ татаринъ: онъ не станетъ съ награбленнымъ добромъ ожидать нашего прихода, а мигомъ размытаритъ его, такъ что и слѣдовъ не найдешь. Такъ мой совѣтъ: идти. Мы здѣсь уже погуляли. Ляхи знаютъ, что такое козаки; за вѣру, сколько было по силамъ, отмстили; корысти же съ голоднаго города немного. И такъ, мой совѣтъ—идти“.

— Идти!—раздалось голосно въ запорожскихъ куреняхъ. Но Тарасу Бульбѣ не пришлись по душѣ такія слова, и навѣсилъ онъ еще ниже на очи свои хмурыя, изчерна-бѣлыя брови, подобныя кустамъ, выросшимъ по высокому темени горы, которымъ верхушки вплоть занесъ иглистый сѣверный иней.

— Нѣтъ, не правъ совѣтъ твой, кошевой!—сказалъ онъ.—Ты не такъ говоришь: ты позабылъ, видно, что въ плѣну остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтобы мы не уважали перваго святого закона товарищества, оставили бы собратьевъ своихъ на то, чтобы съ нихъ съ живыхъ содрали кожу, или, исчетвертовавъ на части козацкое ихъ тѣло, развозили бы ихъ по городамъ и селамъ, какъ уже сдѣлали они съ гетьманомъ и лучшими русскими витязями на Украйнѣ. Развѣ мало они поругались и безъ того надъ святынею? Что-жъ мы такое? спрашиваю я всѣхъ васъ. Что-жъ за козакъ тотъ, который кинулъ въ бѣдѣ товарища, кинулъ его, какъ собаку, пропасть на чужбинѣ? Коли ужъ на то пошло, что всякій ни во что ставитъ козацкую честь, позволивъ себѣ плюнуть въ сѣдые усы свои и попрекнуть себя обиднымъ словомъ, такъ не укоритъ же никто меня. Одинъ остаюсь!

Поколебались всѣ стоявшіе запорожцы.

— А развѣ ты позабылъ, бравый полковникъ,—сказалъ тогда кошевой:—что у татаръ въ рукахъ тоже наши товарищи, что если мы теперь ихъ не выручимъ, то жизнь ихъ будетъ продана на вѣчное невольничество язычникамъ, что хуже всякой лю-

той смерти? Позабылъ развѣ, что у нихъ теперь вся казна наша, добытая христіанскою кровью?

Задумались всѣ козаки и не знали, что сказать. Никому не хотѣлось изъ нихъ заслужить обидную славу. Тогда вышелъ впередъ всѣхъ старѣйшій годами во всемъ запорожскомъ войскѣ Касьянъ Бовдюгъ. Въ чести былъ онъ отъ всѣхъ козаковъ; два раза уже былъ избираемъ кошевымъ и на войнахъ тоже былъ сильно добрый козакъ, но уже давно состарѣлся и не бывалъ ни въ какихъ походахъ; не любилъ тоже и совѣтовъ давать никому, а любилъ старый вояка лежать на боку у козацкихъ круговъ, слушая разсказы про всякіе бывалые случаи и козацкіе походы. Никогда не вмѣшивался онъ въ ихъ рѣчи, а все только слушалъ, да прижималъ пальцемъ золу въ своей коротенькой трубкѣ, которой не выпускалъ изо рта, и долго сидѣлъ онъ потомъ, прижмуривъ слегка очи, и не знали козаки, спалъ ли онъ, или все еще слушалъ. Всѣ походы оставался онъ дома, но сей разъ разобрало стараго. Махнулъ рукою по козацки и сказалъ: „А не куды пошло! Пойду и я: можетъ, въ чемъ-нибудь буду пригоденъ козачеству!“ Всѣ козаки притихли, когда выступилъ онъ теперь передъ собраніе, ибо давно не слышали отъ него никакого слова. Всякій хотѣлъ знать, что скажетъ Бовдюгъ.

— Пришла очередь и мнѣ сказать слово, паны братья!—такъ онъ началъ.—Послушайте, дѣти, стараго. Мудро сказалъ кошевой; и, какъ голова козацкаго войска, обязанный прибергать его и пещись о войсковомъ скарбѣ, мудрѣе ничего онъ не могъ сказать. Вотъ что! Это пусть будетъ первая моя рѣчь! А теперь послушайте, что скажетъ моя другая рѣчь. А вотъ что скажетъ моя другая рѣчь: большую правду сказалъ и Тарасъ, полковникъ, дай, Боже, ему побольше вѣку, и чтобъ такихъ полковниковъ было побольше на Украйнѣ! Первый долгъ и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на вѣку, не слышалъ я, паны братья, чтобы козакъ покинулъ гдѣ, или продалъ какъ-нибудь своего товарища. И тѣ, и другіе намъ товарищи—меньше ихъ или больше, все равно, все товарищи, всѣ намъ дороги. Такъ вотъ какая моя рѣчь: тѣ, которымъ милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которымъ милы полоненные ляхами и которымъ не хочется оставлять праваго дѣла, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдетъ съ одною половиною за татарами, а другая половина выберетъ себѣ наказного атамана. А наказнымъ атаманомъ, коли хотите послушать бѣлой головы, не пригоже быть никому другому, какъ только одному Тарасу Бульбѣ. Нѣтъ изъ васъ никого равнаго ему въ доблести.

Такъ сказалъ Бовдюгъ и затихъ; и обрадовались всѣ козаки, что навелъ ихъ такимъ образомъ на умъ старый. Всѣ вскинули вверхъ шапки и закричали: „Спасибо тебѣ, батько! Молчалъ, молчалъ, долго молчалъ, да вотъ, наконецъ, и сказалъ: не даромъ говорилъ, когда собирался въ походъ, что будешь пригоденъ козачеству: такъ и сдѣлалось“.

— Что, согласны вы на то?—спросилъ кошевой.

— Всѣ согласны!—закричали козаки.

— Стало-быть, радѣ конецъ?

— Конецъ радѣ!—кричали козаки.

— Слушайте-жъ теперь войскового приказа, дѣти,—сказалъ кошевой, выступилъ впередъ и надѣлъ шапку, а всѣ запорожцы, сколько ихъ ни было, сняли свои шапки и остались съ непокрытыми головами, утупивъ очи въ землю, какъ бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старшій.—Теперь отдѣляйтесь, паны братья! Кто хочетъ идти, ступай на правую сторону; кто остается, отходи на лѣвую! Куды большая часть куреня переходитъ, туды и атаманъ; коли меньшая часть переходитъ, приставай къ другимъ куренямъ.

И всѣ стали переходить кто на правую, кто на лѣвую сторону. Котораго куреня большая часть переходила, туда и куренной атаманъ переходилъ; котораго малая часть, та приставала къ другимъ куренямъ; и вышло безъ малаго не поровну на всякой сторонѣ. Захотѣли остаться: весь почти Незамайковскій курень, большая половина Поповичевскаго куреня, весь Уманскій курень, весь Каневскій курень, большая половина Стебликивскаго куреня, большая половина Тымошевскаго куреня. Всѣ остальные вызвались идти въ догонъ за татарами. Много было на обѣихъ сторонахъ дюжихъ и храбрыхъ козаковъ. Между тѣми, которые рѣшились идти вслѣдъ за татарами, былъ Череватый, добрый старый козакъ, Покотыполе, Лемишъ, Прокоповичъ Хома; Демидъ Поповичъ тоже перешелъ туда, потому что былъ сильно завзятаго нрава козакъ, не могъ долго высидѣть на мѣстѣ: съ ляхами попробовалъ уже онъ дѣло, хотѣлось попробовать еще съ татарами. Куренные были: Ностюганъ, Покрышка, Невылычкій, и много еще другихъ славныхъ и храбрыхъ козаковъ захотѣло попробовать меча и могучаго плеча въ схваткѣ съ татариномъ. Не мало было также сильно и сильно добрыхъ козаковъ между тѣми, которые захотѣли остаться: куренные Демытровичъ, Кукубенко, Вертыхвистъ, Балабанъ, Бульбенко Остапъ. Потомъ много было еще другихъ именитыхъ и дюжихъ козаковъ: Вовтузенко, Черевыченко, Степанъ Гуска, Охримъ Гуска, Микола Густый, Задорожній, Метелица, Иванъ За-

крутыпуба, Мосій Шило, Дегтяренко, Сыдоренко, Писаренко, потомъ другой Писаренко, потомъ еще Писаренко, и много было другихъ добрыхъ козаковъ. Всѣ были хожалые, ѣзжалые, ходили по анатольскимъ берегамъ, по крымскимъ солончакамъ и степямъ, по всѣмъ рѣчкамъ большимъ и малымъ, которыя впадали въ Днѣпръ, по всѣмъ заходамъ и днѣпровскимъ островамъ: бывали въ молдавской, волошской, въ турецкой землѣ; изъѣздили все Черное море двухрульными козацкими челнами; нападали въ пятьдесятъ челновъ въ рядъ на богатѣйшіе и превысокіе корабли; перетопили не мало турецкихъ галеръ и много-много выстрѣлили пороху на своемъ вѣку. Не разъ драли на онучи дорогіе паволоки и оксамиты; не разъ череши у штанныхъ очкуровъ набивали все чистыми цехинами. А сколько всякій изъ нихъ пропилъ и прогулялъ добра, ставшаго бы другому на всю жизнь, того и счесть нельзя. Все спустили по-козацки, угощая весь міръ и нанимая музыку, чтобы все весслилось, что ни есть на свѣтѣ. Еще и теперь у рѣдкаго изъ нихъ не было закопано добра: кружекъ, серебряныхъ ковшей и запястьевъ, подъ камышами на днѣпровскихъ островахъ, чтобы не довелось татарину найти его, если бы, въ случаѣ несчастья, удалось ему напасть врасплохъ на Сѣчь; но трудно было бы татарину найти его, потому что и самъ хозяинъ уже сталъ забывать, въ которомъ мѣстѣ закопалъ его. Такіе-то были козаки, захотѣвшіе остаться и отмстить ляхамъ за вѣрныхъ товарищей и Христову вѣру! Старый козакъ Бовдюгъ захотѣлъ также остаться съ ними, сказавши: „Теперь не такія мои лѣта, чтобы гоняться за татарами, а тутъ есть мѣсто, гдѣ опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просилъ я у Бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войнѣ за святое и христіанское дѣло. Такъ оно и случилось. Славнѣйшей кончины уже не будетъ въ другомъ мѣстѣ для стараго козака".

Когда отдѣлились всѣ и стали на двѣ стороны въ два ряда куренями, кошевой прошелъ промежъ рядовъ и сказалъ:

— А что, панове братове, довольны одна сторона другою?

— Всѣ довольны, батько!—отвѣчали козаки.

— Ну, такъ поцѣлуйтесь же и дайте другъ другу прощанье, ибо Богъ знаетъ, приведется ли въ жизни еще увидѣться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете; сами знаете, что велитъ козацкая честь.

И всѣ козаки, сколько ихъ ни было, перецѣловались между собою. Начали первые атаманы, и, поведши рукою сѣдые усы свои, поцѣловались навкрестъ и потомъ взялись за руки и крѣпко держали руки; хотѣлъ одинъ другого спросить: Что, пане брате, увидимся или не увидимся?" да и не спросили, замолчали,—и загадались обѣ сѣдыя головы. А козаки всѣ до одного прощались, зная, что много будетъ работы тѣмъ и другимъ; но не повершили, однако-жъ, тотчасъ разлучиться, а повершили дождаться темной ночной поры, чтобы не дать непріятелю увидѣть убыль въ козацкомъ войскѣ. Потомъ всѣ отправились по куренямъ обѣдать.

Послѣ обѣда всѣ, которымъ предстояла дорога, легли отдыхать и спали крѣпко и долгимъ сномъ, какъ будто чуя, что, можетъ, послѣдній сонъ доведется имъ вкусить на такой свободѣ. Спали до самаго захода солнечнаго; а какъ зашло солнце и немного стемнѣло, стали мазать телѣги. Снарядясь, пустили впередъ возы, а сами, пошапковавшись еще разъ съ товарищами, тихо пошли вслѣдъ за возами; конница чинно, безъ покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотала вслѣдъ за пѣшими, и скоро стало ихъ не видно въ темнотѣ. Глухо отдавалась только конская топь да скрипъ иного колеса, которое еще не расходилось, или не было хорошо подмазано за почною темнотою.

Долго еще остававшіеся товарищи махали имъ издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своимъ мѣстамъ, когда увидѣли при высвѣтившихъ ясно звѣздахъ, что половины телѣгъ уже не было на мѣстѣ, что многихъ-многихъ нѣтъ, невесело стало у всякаго на сердцѣ, и всѣ задумались противъ воли, утупивъ въ землю гулливыя свои головы.

Тарасъ видѣлъ, какъ смутны стали козацкіе ряды и какъ уныніе, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкія головы, но молчалъ: онъ хотѣлъ дать время всему, чтобы свыклись они и съ унынъемъ, наведеннымъ прощаньемъ съ товарищами. А между тѣмъ въ тишинѣ готовился разомъ и вдругъ разбудить ихъ всѣхъ, гикнувши по-козацки, чтобы вновь и съ большею силою, чѣмъ прежде, воротилась бодрость каждому въ душу, на что способна одна только славянская порода, широкая, могучая порода, передъ другими, что море передъ мелководными рѣками: коли время бурно, все превращается оно въ ревъ и громъ, бугря и подымая валы, какъ не поднять ихъ безсильнымъ рѣкамъ; коли же безвѣтренно и тихо, яснѣе всѣхъ рѣкъ разстилаетъ оно свою неоглядную стеклянную поверхность, вѣчную пѣгу очей.

И повелѣлъ Тарасъ распаковать своимъ слугамъ одинъ изъ возовъ, стоявшій особнякомъ. Больше и крѣпче всѣхъ другихъ онъ былъ въ козацкомъ обозѣ; двойною крѣпкою шиною были обтянуты дебелыя колеса его; грузно былъ онъ навьюченъ,

укрытъ попонами, крѣпкими воловьими кожами и увязанъ туго засмоленными веревками. Въ возу были все баклаги и боченки стараго добраго вина, которое долго лежало у Тараса въ погребахъ. Взялъ онъ его про запасъ, на торжественный случай, чтобы, если случится великая минута и будетъ всѣмъ предстоять дѣло, достойное на передачу потомкамъ, то чтобы всякому, до единаго, козаку досталось выпить заповѣднаго вина, чтобы въ великую минуту великое бы и чувство овладѣло человѣкомъ. Услышавъ полковничій приказъ, слуги бросились къ возамъ, палашами перерѣзывали крѣпкія веревки, снимали толстыя воловьи кожи и попоны и стаскивали съ воза баклаги и боченки.

— А берите всѣ, — сказалъ Бульба, — всѣ, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковшъ, или черпакъ, которымъ поитъ коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй горсти.

И козаки всѣ, сколько ни было ихъ, брали: у кого былъ ковшъ, у кого черпакъ, которымъ поилъ коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлялъ и такъ обѣ горсти. Всѣмъ имъ слуги Тарасовы, расхаживая промежъ рядами, наливали изъ баклагъ и боченковъ. Но не приказалъ Тарасъ пить, пока не дастъ знака, чтобы выпить имъ всѣмъ разомъ. Видно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать. Зналъ Тарасъ, что какъ ни сильно само по себѣ старое доброе вино и какъ ни способно оно укрѣпить духъ человѣка, но если къ нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крѣпче будетъ сила и вина и духа.

— Я угощаю васъ, паны братья! — (такъ сказалъ Бульба) — не въ честь того, что вы сдѣлали меня своимъ атаманомъ, какъ ни велика подобная честь, не въ честь также прощанья съ нашими товарищами: нѣтъ, въ другое время прилично то и другое; не такая теперь предъ нами минута. Передъ нами дѣла великаго поту, великой козацкой доблести! И такъ, выпьемъ, товарищи, разомъ, выпьемъ напередъ всего за святую православную вѣру: чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась и вездѣ была бы одна святая вѣра, и всѣ, сколько ни есть басурмановъ, всѣ бы сдѣлались христіанами! Да за однимъ уже разомъ выпьемъ и за Сѣчь, чтобы долго она стояла на погибель всему басурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы, одинъ одного лучше, одинъ одного краше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, которые не постыдили товарищества и не выдали своихъ. Такъ за вѣру, пане-братове, за вѣру!

— За вѣру! — загомонѣли всѣ, стоявшіе въ ближнихъ рядахъ, густыми голосами. — За вѣру! — подхватили дальніе — и все, что ни было, и старое, и молодое, выпило за вѣру.

— За Сичь! — сказалъ Тарасъ и высоко поднялъ надъ головою руку.

— За Сичь! — отдалось густо въ переднихъ рядахъ. — За Сичь! — сказали тихо старые, моргнувши сѣдымъ усомъ; и встрепенувшись, какъ молодые соколы, повторили молодые, — за Сичь! — И слышало далече поле, какъ поминали козаки свою Сичь.

— Теперь послѣдній глотокъ, товарищи, за славу и всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на свѣтѣ!

И всѣ козаки, до послѣдняго, выпили послѣдній глотокъ за славу и всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ. И долго еще повторялось по всѣмъ рядамъ промежъ всѣми куренями. — За всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ!

Уже пусто было въ ковшахъ, а все еще стояли козаки, поднявши руки; хоть весело глядѣли очи ихъ всѣхъ, просіявшія виномъ, но сильно загадались они. Не о корысти и военномъ прибыткѣ теперь думали они, не о томъ, кому посчастливится набрать червонцевъ, дорогого оружья, шитыхъ кафтановъ и черкесскихъ коней; но загадались они, какъ орлы, сѣвшіе на вершинахъ каменистыхъ горъ, обрывистыхъ высокихъ горъ, съ которыхъ далеко видно разстилающееся безпредѣльное море, усыпанное, какъ мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонамъ чуть видными тонкими поморьями, съ прибережными, какъ мошки, городами и склонившимися, какъ мелкая травка, лѣсами. Какъ орлы, озирали они вокругъ себя очами все поле и чернѣющую вдали судьбу свою. Будетъ, будетъ все поле съ облогами и дорогами покрыто торчащими ихъ бѣлыми костями, щедро обмывшись козацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и запущенными книзу усами; будутъ, налетѣвъ, орлы выдирать и выдергивать изъ нихъ козацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно разметавшемся смертномъ ночлегѣ! Не погибаетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, козацкая слава. Будетъ, будетъ бандуристъ, съ сѣдою по грудь бородою, а можетъ еще полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое густое, могучее слово. И пойдетъ дымомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ: ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую

— Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью!

много повергнулъ мастеръ дорогого чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на святую молитву.

IX.

Въ городѣ не узналъ никто, что половина запорожцевъ выступила въ погоню за татарами. Съ магистратской башни примѣтили только часовые, что потянулась часть возовъ за лѣсъ; но подумали, что козаки готовились сдѣлать засаду; то же думалъ и французскій инженеръ. А между тѣмъ слова кошевого не прошли даромъ, и въ городѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: по обычаю прошедшихъ вѣковъ, войска не разочли, сколько имъ было нужно. Попробовали сдѣлать вылазку, но половина смѣльчаковъ была тутъ же перебита козаками, а половина прогнана въ городъ ни съ чѣмъ. Жиды, однакоже, воспользовались вылазкою и пронюхали все: куда и зачѣмъ отправились запорожцы, и съ какими военачальниками, и какіе именно курени, и сколько ихъ числомъ, и сколько было оставшихся на мѣстѣ, и что они думаютъ дѣлать, — словомъ, черезъ нѣсколько уже минутъ въ городѣ все узнали. Полковники ободрились и готовились дать сраженіе. Тарасъ уже видѣлъ то по движенью и шуму въ городѣ и расторопно хлопоталъ, строилъ, раздавалъ приказы и наказы, уставилъ въ три табора курени, обнесши ихъ возами въ видѣ крѣпостей,— родъ битвы, въ которой бывали непобѣдимы запорожцы; двумъ куренямъ повелѣлъ забраться въ засаду; убилъ часть поля острыми кольями, изломаннымъ оружіемъ, обломками копьевъ, чтобы при случаѣ нагнать туда непріятельскую конницу. И когда все было сдѣлано, какъ нужно, сказалъ рѣчь козакамъ, не для того, чтобы ободрить и освѣжить ихъ — зналъ, что и безъ того крѣпки они духомъ—а, просто, самому хотѣлось высказать все, что было на сердцѣ.

— Хочется мнѣ вамъ сказать, пановье, что такое есть наше товарищество. Вы слышали отъ отцовъ и дѣдовъ, въ какой чести у всѣхъ была земля наша: и грекамъ дала знать себя, и съ Царьграда брали червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русскаго рода, свои князья, а не католическіе недовѣрки. Все взяли бусурманы, все пропало; только остались мы, сирые, да, какъ вдовица послѣ крѣпкаго мужа, сирая такъ же, какъ и мы, земля наша! Вотъ въ какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вотъ на чемъ стоитъ наше товарищество. Нѣтъ узъ святѣе товарищества. Отецъ любитъ свое дитя, мать любитъ свое дитя, дитя любитъ отца и мать; но это не то, братцы: любитъ и звѣрь свое дитя! Но породниться родствомъ по душѣ, а не по крови, можетъ одинъ только человѣкъ. Бывали и въ другихъ земляхъ товарищи, но такихъ, какъ въ Русской землѣ, не было такихъ товарищей. Вамъ случалось не одному помногу пропадать на чужбинѣ, видишь: и тамъ люди! также Божій человѣкъ, и разговоришься съ нимъ, какъ съ своимъ; а какъ дойдетъ до того, чтобы повѣдать сердечное слово — видишь: нѣтъ! умные люди, да не тѣ; такіе же люди, да не тѣ! Нѣтъ, братцы, такъ любить, какъ можетъ любить русская душа, — любить не то, чтобы умомъ или чѣмъ другимъ, а всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ—а!..—сказалъ Тарасъ, и махнулъ рукой, и потрясъ сѣдою головою, и усомъ моргнулъ, и сказалъ:—Нѣтъ, такъ любить никто не можетъ! Знаю, подло завелось теперь въ землѣ нашей: думаютъ только, чтобы при нихъ были хлѣбные стоги, скирды, да конные табуны ихъ, да были бы цѣлы въ погребахъ запечатанные меды ихъ; перенимаютъ, чортъ знаетъ, какіе бусурманскіе обычаи; гнушаются языкомъ своимъ; свой съ своимъ не хочетъ говорить; свой своего продаетъ, какъ продаютъ бездушную тварь на торговомъ рынкѣ. Милость чужого короля, да и не короля, а поскудная милость польскаго магната, который желтымъ чоботомъ своимъ бьетъ ихъ въ морду, дороже для нихъ всякаго братства. Но у послѣдняго подлюки, каковъ онъ ни есть, хоть весь извалялся онъ въ сажѣ и въ поклонничествѣ, есть и у того, братцы, крупица русскаго чувства; и проснется оно когда-нибудь,—и ударятся онъ, горемычный, объ полы руками, схватитъ себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дѣло. Пусть же знаютъ они всѣ, что такое значитъ въ Русской землѣ товарищество! Ужъ если на то пошло, чтобы умирать, такъ никому-жъ изъ нихъ не доведется такъ умирать! никому, никому! Не хватитъ у нихъ на то мышиной натуры ихъ!

Такъ говорилъ атаманъ и, когда кончилъ рѣчь, все еще потрясалъ посеребрившеюся въ козацкихъ дѣлахъ головою. Всѣхъ, кто ни стоялъ, разобрала сильно такая рѣчь, дошедъ далеко до самаго сердца; самые старѣйшіе въ рядахъ стали неподвижны, потупивъ сѣдыя головы въ землю; слеза тихо накатывалась въ старыхъ очахъ, медленно отирали они ее рукавомъ. И потомъ всѣ, какъ будто сговорившись, махнули въ одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнилъ имъ старый Тарасъ знакомаго и лучшаго, что бываетъ въ сердцѣ у человѣка, умудреннаго горемъ, трудомъ, удалью и всякимъ невзгодьемъ жизни, или хотя и не по-

знавшаго ихъ, но много почуявшаго молодою, жемчужною душою на вѣчную радость старцамъ-родителямъ, родившимъ ихъ.

А изъ города уже выступало непріятельское войско, гремя въ литавры и трубы, и, подбоченившись, выѣзжали паны, окруженные несмѣтными слугами. Толстый полковникъ отдавалъ приказы. И стали наступать они тѣсно на козацкіе таборы, грозя, нацѣливаясь пищалями, сверкая очами и блеща мѣдными доспѣхами. Какъ только увидѣли козаки, что подошли они на ружейный выстрѣлъ, всѣ разомъ грянули въ семипядныя пищали и, не прерывая, все палили изъ пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всѣмъ окрестнымъ полямъ и нивамъ, сливаясь въ безпрерывный гулъ; дымомъ затянуло все поле; а запорожцы все палили, не переводя духу: задніе только заряжали, да передавали переднимъ, наводя изумленіе на непріятеля, не могшаго понять, какъ стрѣляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великимъ дымомъ, обнявшимъ то и другое воинство, не видно было, какъ то одного, то другого не ставало въ рядахъ; но чувствовали ляхи, что густо летѣли пули и жарко становилось дѣло; и когда попятились назадъ, чтобы посторониться отъ дыма и оглядѣться, то многихъ не досчитались въ рядахъ своихъ; а у козаковъ, можетъ быть, другой-третій былъ убитъ на всю сотню. И все продолжали палить козаки изъ пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Самъ иноземный инженеръ подивился такой, никогда имъ не виданной, тактикѣ, сказавши тутъ же при всѣхъ: „Вотъ бравые молодцы запорожцы! Вотъ какъ нужно биться и другимъ въ другихъ земляхъ!“ И далъ совѣтъ поворотить тутъ же на таборъ пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунныя пушки; дрогнула, далеко загудѣвши, земля, и вдвое больше затянуло дымомъ все поле. Почуяли запахъ пороха среди площадей и улицъ въ дальнихъ и ближнихъ городахъ. Но цѣлившіе взяли слишкомъ высоко, раскаленныя ядра выгнули слишкомъ высокую дугу: страшно завизжавъ по воздуху, перелетѣли они черезъ головы всего табора и углубились далеко въ землю, взорвавъ и взметнувъ высоко на воздухъ черную землю. Ухватилъ себя за волосы французскій инженеръ при видѣ такого неискусства, и самъ принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями безпрерывно козаки.

Тарасъ видѣлъ еще издали, что бѣда будетъ всему Незамайковскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнулъ зычно: „Выбирайтесь скорѣй изъ-за возовъ и садись всякій на коня!“ Но не поспѣли бы сдѣлать то и другое козаки, если бы Остапъ не ударилъ въ самую середину: выбилъ фитили у шести пушкарей, у четырехъ только не могъ выбить: оттолкали его назадъ ляхи. А тѣмъ временемъ иноземный капитанъ самъ взялъ въ руку фитиль, чтобы выпалить изъ величайшей пушки, какой никто изъ козаковъ не видывалъ дотолѣ. Страшно глядѣла она широкою пастью, и тысяча смертей глядѣла оттуда. И какъ грянула она, а за нею слѣдомъ три другія, четырекратно потрясши глухо-отвѣтную землю, — много нанесли онѣ горя! Не по одному козаку взрыдаетъ старая мать, ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Нѣмировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будетъ, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждаго изъ нихъ въ очи, нѣтъ ли между нихъ одного, милѣйшаго всѣхъ; но много пройдетъ черезъ городъ всякаго войска и вѣчно не будетъ между ними одного, милѣйшаго всѣхъ.

Такъ, какъ будто и не бывало половины Незамайковскаго куреня! Какъ градомъ выбиваетъ вдругъ всю ниву, гдѣ, что полновѣсный червонецъ, красовался всякій колосъ, такъ ихъ выбило и положило.

Какъ же вскинулись козаки! Какъ схватились всѣ! Какъ закипѣлъ куренной атаманъ Кукубенко, увидѣвши, что лучшей половины куреня его нѣтъ! Вбился онъ съ остальными своими незамайковцами въ самую середину. Въ гнѣвѣ изсѣкъ въ капусту перваго попавшагося, многихъ конниковъ сбилъ съ коней, доставши копьемъ и конника, и коня, пробрался къ пушкарямъ и уже отбилъ одну пушку; а ужъ тамъ, видитъ, хлопочетъ уманскій куренной атаманъ, и Степанъ Гуска уже отбиваетъ главную пушку. Оставилъ онъ тѣхъ козаковъ и поворотилъ съ своими въ другую непріятельскую гущу: такъ гдѣ прошли незамайковцы — такъ тамъ и улица! гдѣ поворотили — такъ ужъ тамъ и переулокъ! Такъ и видно, какъ рѣдѣли ряды и снопами валились ляхи! А у самыхъ возовъ Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальнихъ возовъ Дегтяренко, а за нимъ куренной атаманъ Вертыхвистъ. Двухъ уже шляхтичей поднялъ на копье Дегтяренко, да напалъ, наконецъ, на неподатливаго третьяго. Увертливъ и крѣпокъ былъ ляхъ, пышной сбруей украшенъ и пятьдесятъ однихъ слугъ привелъ съ собою. Погнулъ онъ крѣпко Дегтяренка, сбилъ его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричалъ: „Нѣтъ изъ васъ, собакъ козаковъ, ни одного, кто бы посмѣлъ противустать мнѣ!

— А вотъ есть же! — сказалъ и выступилъ впередъ Мосій Шило. Сильный былъ онъ козакъ, не разъ атаманствовалъ на морѣ и много натерпѣлся всякихъ бѣдъ. Схватили ихъ турки у самого Трапезонта и всѣхъ забрали невольниками на галеры, взяли ихъ по рукамъ и ногамъ въ же-

лѣзныя цѣпи, не давали по цѣлымъ недѣлямъ пищи и поили противной морской водою. Все выносили и вытерпѣли бѣдные невольники, лишь бы не перемѣнять православной вѣры. Не вытерпѣлъ атаманъ Мосій Шило, истопталъ погами святой законъ, скверною чалмой обвилъ грѣшную голову, вошелъ въ довѣренность къ пашѣ, сталъ ключникомъ на кораблѣ и старшимъ надъ всѣми невольниками. Много опечалились отъ того бѣдные невольники, ибо знали, что если свой продастъ вѣру и пристанетъ къ угнетателямъ, то тяжелѣй и горше быть подъ его рукой, чѣмъ подъ всякимъ другимъ нехристомъ: такъ и сбылось. Всѣхъ посадилъ Мосій Шило въ новыя цѣпи по три въ рядъ, прикрутилъ имъ до самыхъ бѣлыхъ костей жестокія веревки; всѣхъ перебилъ по шеямъ, угощая подзатыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себѣ такого слугу, стали пировать и, позабывъ законъ свой, всѣ перепились, онъ принесъ всѣ шестьдесятъ четыре ключа и роздалъ невольникамъ, чтобы отмыкали себя, бросали бы цѣпи и кандалы въ море, а брали бы на мѣсто того сабли, да рубили турокъ. Много тогда набрали козаки добычи и воротились со славою въ отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосія Шила. Выбрали бы его въ кошевые, да былъ совсѣмъ чудный козакъ. Иной разъ повершалъ такое дѣло, какое мудрѣйшему не придумать, а въ другой, просто, дурь одолѣвала козака. Пропилъ онъ и прогулялъ все, всѣмъ задолжалъ на Сѣчи и, въ прибавку къ тому, прокрался, какъ уличный воръ: ночью утащилъ изъ чужого куреня всю козацкую сбрую и заложилъ шинкарю. За такое позорное дѣло привязали его на базарѣ къ столбу и положили возлѣ дубину, чтобы всякій, по мѣрѣ силъ своихъ, отвѣсилъ ему по удару; но не нашлось такого изъ всѣхъ запорожцевъ, кто бы поднялъ на него дубину, помня прежнія его заслуги. Таковъ былъ козакъ Мосій Шило.

— Такъ есть же такіе, которые бьютъ васъ, собакъ!—сказалъ онъ, кинувшись на него. И ужъ тамъ-то рубились они! И наплечники, и зерцала погнулись у обоихъ отъ ударовъ. Разрубилъ на немъ вражій ляхъ желѣзную рубашку, доставъ лезвеемъ самаго тѣла: зачервонѣла козацкая рубашка. Но не поглядѣлъ на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушилъ его внезапно по головѣ. Разлетѣлась мѣдная шапка, зашатался и грянулся ляхъ; а Шило принялся рубить и крестить оглушеннаго. Не добивай, козакъ, врага, а лучше поворотись назадъ! Не поворотился козакъ назадъ, и тутъ же одинъ изъ слугъ убитаго хватилъ его ножомъ въ шею. Поворотился Шило и ужъ досталъ бы смѣльчака; но онъ пропалъ въ порохового дымѣ. Со всѣхъ сторонъ поднялось хлопанье изъ самопаловъ. Пошатнулся Шило и почуялъ, что рана была смертельна. Упалъ онъ, наложилъ руку на свою рану и сказалъ, обратившись къ товарищамъ:—Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная Русская земля и будетъ ей вѣчная честь!—И зажмурилъ ослабшія свои очи, и вынеслась козацкая душа изъ суроваго тѣла. А тамъ уже выѣзжалъ Задорожній съ своими, ломилъ ряды куренной Вертыхвистъ и выступалъ Балабанъ.

— А что, паны,—сказалъ Тарасъ, перекликнувшись съ куренными, — есть еще порохъ въ пороховницахъ? Не ослабѣла ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла еще козацкая сила; еще не гнутся козаки!

И наперли сильно козаки: совсѣмъ смѣшали всѣ ряды. Низкорослый полковникъ ударилъ сборъ и велѣлъ выкинуть восемь малеванныхъ знаменъ, чтобы собрать своихъ, разсыпавшихся далеко по всему полю. Всѣ бѣжали ляхи къ знаменамъ; но не успѣли они еще выстроиться, какъ уже куренной атаманъ Кукубенко ударилъ вновь съ своими незамайковцами въ середину и напалъ прямо на толстопузаго полковника. Не выдержалъ полковникъ и, поворотивъ коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гналъ его чрезъ все поле, не давъ ему соединиться съ полкомъ. Завидѣвъ то съ бокового куреня, Степанъ Гуска пустился ему на переймы, съ арканомъ въ рукѣ, пригнувши всю голову къ лошадиной шеѣ, и, улучивши время, съ одного раза накинулъ арканъ ему на шею: весь побагровѣлъ полковникъ, ухватясь за веревку обѣими руками и силясь разорвать ее, но уже дюжій размахъ вогналъ ему въ самый животъ гибельную пику. Тамъ и остался онъ, пригвожденный къ землѣ. Но не сдобровать и Гускѣ! Не успѣли оглянуться козаки, какъ уже увидѣли Степана Гуску поднятаго на четыре копья. Только и успѣлъ сказать бѣднякъ:—Пусть же пропадутъ всѣ враги, и ликуетъ вѣчные вѣка Русская земля!...—И тамъ же испустилъ духъ свой.

Оглянулись козаки, а ужъ тамъ сбоку козакъ Метелица угощаетъ ляховъ, шеломя того и другого; а ужъ тамъ съ другого напираетъ съ своими атаманъ Невылычкій; а у возовъ ворочаетъ врага и бьетъ Закрутыгуба; а у дальнихъ возовъ третій Писаренко отогналъ уже цѣлую ватагу; а ужъ тамъ, у другихъ возовъ, схватились и бьются на самыхъ возахъ.

— Что, паны,—перекликнулся атаманъ Тарасъ, проѣхавши впереди всѣхъ, — есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Крѣпка ли еще козацкая сила? Не гнутся ли еще козаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; еще крѣпка козацкая сила; еще не гнутся козаки!

А ужъ упалъ съ воза Бовдюгъ. Прямо подъ самое сердце пришлась ему пуля; но собралъ старый весь духъ свой и сказалъ:—Не жаль разстаться съ свѣтомъ. Дай Богъ и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца вѣка Русская земля!—И понеслась къ вышинамъ Бовдюгова душа разсказать давно отшедшимъ старцамъ, какъ умѣютъ биться на Русской землѣ и, еще лучше того, какъ умѣютъ умирать въ ней за святую вѣру.

Балабанъ, куренной атаманъ, скоро послѣ того грянулся также на землю. Три смертельныя раны достались ему отъ копья, отъ пули и отъ тяжелаго палаша. А былъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ козаковъ; много совершилъ онъ подъ своимъ атаманствомъ морскихъ походовъ, но славнѣе всѣхъ былъ походъ къ анатольскимъ берегамъ. Много набрали они тогда цехиновъ, дорогой турецкой габы, киндяковъ и всякихъ убранствъ, но мыкнули горе на обратномъ пути: попались, сердечные, подъ турецкія ядра. Какъ хватило ихъ съ корабля,—половина челновъ закружилась и перевернулась, потопивши не одного въ воду; но привязанные къ бокамъ камыши спасли челны отъ потопленія. Балабанъ отплылъ на всѣхъ веслахъ, сталъ прямо къ солнцу и чрезъ то сдѣлался невиденъ турецкому кораблю. Всю ночь потомъ черпаками и шапками выбирали они воду, латая пробитыя мѣста; изъ козацкихъ штановъ нарѣзали парусовъ, понеслись и убѣжали отъ быстрѣйшаго турецкаго корабля. И мало того, что прибыли безбѣдно на Сѣчь, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорскаго кіевскаго монастыря и на Покровъ, что на Запорожьи, окладъ изъ чистаго серебра. И славили долго потомъ бандуристы удачливость козаковъ. Поникнулъ онъ теперь головою, почувъ предсмертныя муки, и тихо сказалъ:—Сдается мнѣ, паны-браты, умираю хорошею смертью: семерыхъ изрубилъ, девятерыхъ копьемъ искололъ, истопталъ конемъ вдоволь, а ужъ не припомню, сколькихъ досталъ пулею. Пусть же цвѣтетъ вѣчно Русская земля!...—И отлетѣла его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшаго цвѣта вашего войска! Уже обступили Кукубенка; уже семь человѣкъ только осталось изо всего Незамайковскаго куреня; уже и тѣ отбиваются черезъ силу; уже окровавилась на немъ одежда. Самъ Тарасъ, увидя бѣду его, поспѣшилъ на выручку. Но поздно подоспѣли козаки: уже успѣло ему углубиться подъ сердце копье прежде, чѣмъ были отогнаны обступившіе его враги. Тихо склонился онъ на руки подхватившимъ его козакамъ, и хлынула ручьемъ молодая кровь, подобно дорогому винy, которое несли въ стекляннномъ сосудѣ изъ погреба неосторожные слуги: поскользнулись тутъ же у входа и разбили дорогую сулею: все разлилось на землю вино, и схватилъ себя за голову прибѣжавшій хозяинъ, сберегавшій его про лучшій случай въ жизни, чтобы, если приведетъ Богъ на старости лѣтъ встрѣтиться съ товарищемъ юности, то чтобы помянуть бы вмѣстѣ съ нимъ прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человѣкъ... Повелъ Кукубенко вокругъ себя очами и проговорилъ:—Благодарю Бога, что довелось мнѣ умереть при глазахъ вашихъ, товарищи! Пусть же послѣ насъ живутъ еще лучшіе, чѣмъ мы, и красуется вѣчно любимая Христомъ Русская земля!...—И вылетѣла молодая душа. Подняли ее ангелы подъ руки и понесли къ небесамъ. Хорошо будетъ ему тамъ.—Садись, Кукубенко, одесную Меня!—скажетъ ему Христосъ,—ты не измѣнилъ товарище тву, безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, не выдалъ въ бѣдѣ человѣка, хранилъ и сберегалъ Мою церковь.—Всѣхъ опечалила смерть Кукубенка. Уже рѣдѣли сильно козацкіе ряды; многихъ, многихъ храбрыхъ уже не досчитывались; но стояли и держались еще козаки.

— А что, паны,—перекликнулся Тарасъ съ оставшимися куренями, — есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

— Достанетъ еще, батько, пороху; годятся еще сабли; не утомилась козацкая сила; не гнулись еще козаки!

И рванулись снова козаки такъ, какъ бы и потерь никакихъ не потерпѣли. Уже три только куренныхъ атамана осталось въ живыхъ; червонѣли уже всюду красныя рѣки; высоко гатились мосты изъ козацкихъ и вражьихъ тѣлъ. Взглянулъ Тарасъ на небо, а ужъ по небу потянулась вереница кречетовъ. Ну, будетъ кому-то пожива! А ужъ тамъ подняли на копье Метелицу; уже голова другого Писаренка, завертѣвшись, захлопала очами; уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охримъ Гуска. „Ну!“ сказалъ Тарасъ и махнулъ платкомъ. Понялъ тотъ знакъ Остапъ и ударилъ сильно, вырвавшись изъ засады, въ конницу. Не выдержали сильнаго напора ляхи, а онъ ихъ гналъ и гналъ прямо на мѣсто, гдѣ были убиты въ землю колья и обломки копьевъ. Пошли спотыкаться и падать кони и летѣть черезъ ихъ головы ляхи. А въ это время корсунцы, стоявшіе послѣдними за возами, увидѣвши, что уже достанетъ ружейная пуля, грянули вдругъ изъ самопаловъ. Всѣ сбились и растерялись ляхи, и пріободрились козаки. „Вотъ и наша побѣда!“ раздались со всѣхъ сторонъ запорожскіе голоса, затрубили въ трубы и выкинули побѣдную хоругвь. Вездѣ бѣжали и крылись разбитые ляхи. — „Ну,

нѣтъ, еще не совсѣмъ побѣда!“ сказалъ Тарасъ, глядя на городскія ворота, и сказалъ онъ правду.

Отворились ворота, и вылетѣлъ оттуда гусарскій полкъ, краса всѣхъ конныхъ полковъ. Подъ всѣми всадниками были всѣ, какъ одинъ, бурые аргамаки; впереди другихъ понесся витязь всѣхъ бойчѣе, всѣхъ красивѣе; такъ и летѣли черные волосы изъ-подъ мѣдной его шапки; вился завязанный на рукѣ дорогой шарфъ, шитый руками первой красавицы. Такъ и оторопѣлъ Тарасъ, когда увидѣлъ, что это былъ Андрій. А онъ между тѣмъ, объятый пыломъ и жаромъ битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарокъ, понесся, какъ молодой борзой песъ, красивѣйшій, быстрѣйшій и молодшій всѣхъ въ стаѣ. Атукнулъ на него опытный охотникъ — и онъ понесся, пустивъ прямой чертой по воздуху свои ноги, весь полосившись набокъ всѣмъ тѣломъ, взрывая снѣгъ и десять разъ выпереживая самого зайца въ жару своего бѣга. Остановился старый Тарасъ и глядѣлъ на то, какъ онъ чистилъ передъ собою дорогу, разгопялъ, рубилъ и сыпалъ удары направо и налѣво. Не вытерпѣлъ Тарасъ и закричалъ: „Какъ? своихъ? своихъ, чортовъ сынъ, своихъ бьешь?“ Но Андрій не различалъ, кто предъ нимъ былъ, свои или другіе какіе; ничего не видѣлъ онъ. Кудри, кудри онъ видѣлъ, длинныя, длинныя кудри и подобную рѣчному лебедю грудь, и снѣжную шею, и плечи, и все, что создано для безумныхъ поцѣлуевъ.

— Эй, хлопьята! заманите мнѣ только его къ лѣсу, заманите мнѣ только его! — кричалъ Тарасъ. И вызвалось тотъ же часъ тридцать быстрѣйшихъ козаковъ заманить его. И, поправивъ на себѣ высокія шапки, тутъ же пустились на коняхъ, прямо наперерѣзъ гусарамъ. Ударили сбоку на переднихъ, сбили ихъ, отдѣлили отъ заднихъ, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватилъ плашмя по спинѣ Андрія, и въ тотъ же часъ пустились бѣжать отъ нихъ, сколько достало козацкой мочи. Какъ вскинулся Андрій! Какъ забунтовала по всѣмъ жилкамъ молодая кровь! Ударивъ острыми шпорами коня, во весь духъ полетѣлъ онъ за козаками, не глядя назадъ, не видя, что позади всего только двадцать человѣкъ поспѣвало за нимъ; а козаки летѣли во всю прыть на коняхъ и прямо поворотили къ лѣсу. Разогнался на конѣ Андрій и чуть было уже не настигнулъ Голокопытенка, какъ вдругъ чья-то сильная рука ухватила за поводъ его коня. Оглянулся Андрій: передъ нимъ Тарасъ! Затрясся онъ всѣмъ тѣломъ и вдругъ сталъ блѣденъ: такъ школьникъ, неосторожно задравшій своего товарища и получившій за то отъ него ударъ линейкой по лбу, вспыхиваетъ какъ огонь, бѣшеный выскакиваетъ изъ лавки и гонится за испуганнымъ товарищемъ своимъ, готовый разорвать его на части, и вдругъ наталкивается на входящаго въ классъ учителя: вмигъ притихаетъ бѣшеный порывъ, и упадаетъ безсильная ярость. Подобно тому, въ одинъ мигъ пропалъ, какъ бы не бывалъ вовсе, гнѣвъ Андрія. И видѣлъ онъ передъ собою одного только страшнаго отца.

— Ну, что-жъ теперь мы будемъ дѣлать?— сказалъ Тарасъ, смотря прямо ему въ очи. Но ничего не могъ на то сказать Андрій и стоялъ, утупивши въ землю очи.

— Что, сынку, помогли тебѣ твои ляхи?

Андрій былъ безотвѣтенъ.

— Такъ продать? продать вѣру? продать своихъ? Стой же, слѣзай съ коня!

Покорно, какъ ребенокъ, слѣзъ онъ съ коня и остановился ни живъ, ни мертвъ передъ Тарасомъ.

— Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью!—сказалъ Тарасъ и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье. Блѣденъ, какъ полотно, былъ Андрій; видно было, какъ тихо шевелились уста его и какъ онъ произносилъ чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьевъ — это было имя прекрасной полячки. Тарасъ выстрѣлилъ.

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почуявшій подъ сердцемъ смертельное желѣзо, повисъ онъ головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и глядѣлъ долго на бездыханный трупъ. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованья, все еще выражало чудную красоту; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты.—Чѣмъ бы не козакъ былъ?—сказалъ Тарасъ,—и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ! пропалъ безславно, какъ подлая собака!

— Батько, что ты сдѣлалъ! Это ты убилъ его?—сказалъ подъѣхавшій въ это время Остапъ.

Тарасъ кивнулъ головою.

Пристально поглядѣлъ мертвому въ очи Остапъ. Жалко ему стало брата, и проговорилъ онъ тутъ же:—Предадимъ же, батько, его честно землѣ, чтобы не поругались надъ нимъ враги и не растаскали бы его тѣла хищныя птицы.

— Погребутъ его и безъ насъ!—сказалъ Тарасъ,—будутъ у него плакальщики и утѣшницы!

И минуты двѣ думалъ онъ: кинуть ли его на расхищенье волкамъ-сыромахамъ, или пощадить въ немъ рыцарскую доблесть, которую храбрый долженъ уважать въ комъ бы то ни было,—какъ видитъ, скачетъ къ нему на конѣ Голокопытенко: „Бѣда, атаманъ, окрѣпли ляхи, прибыла на подмогу свѣжая сила!...“ Не успѣлъ сказать Голоко-

нытенко, скачетъ Вовтузенко: „Бѣда, атаманъ, новая валитъ еще сила!...“ Не успѣлъ сказать Вовтузенко, Писаренко бѣжитъ бѣгомъ уже безъ коня: „Гдѣ ты, батьку? Ищутъ тебя козаки. Ужъ убитъ куренной атаманъ Невылычкій, Задорожній убитъ, Черевиченко убитъ; но стоятъ козаки, не хотятъ умирать, не увидѣвъ тебя въ очи: хотятъ, чтобы взглянулъ ты на нихъ передъ смертнымъ часомъ“.

— На коня, Остапъ!—сказалъ Тарасъ и спѣшилъ, чтобы застать еще козаковъ, чтобы поглядѣть еще на нихъ, и чтобы они взглянули передъ смертью на своего атамана. Но не выѣхали они еще изъ лѣсу, а ужъ непріятельская сила окружила со всѣхъ сторонъ лѣсъ, и межъ деревьями вездѣ показались всадники съ саблями и копьями. „Остапъ! Остапъ! не поддавайся!“ кричалъ Тарасъ, а самъ, схвативши саблю на-голо, началъ чествть первыхъ попавшихся на всѣ боки. А на Остапа уже наскочило вдругъ шестеро; но не въ добрый часъ, видно, наскочило: съ одного полетѣла голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьемъ въ ребро третьяго; четвертый былъ поотважнѣй, уклонился головой отъ пули, и попала въ конскую грудь горячая пуля—вздыбилъ бѣшеный конь, грянулся о землю и задавилъ подъ собою всадника. — Добре, сынку! Добре, Остапъ!—кричалъ Тарасъ,—вотъ я слѣдомъ за тобою.—А самъ все отбивался отъ наступавшихъ. Рубится и бьется Тарасъ, сыплетъ гостинцы тому и другому на голову, а самъ глядитъ все впередъ на Остапа, и видитъ, что уже вновь схватилось съ Остапомъ мало не восьмеро разомъ.—Остапъ! Остапъ! не поддавайся! — Но ужъ одолѣваютъ Остапа; уже одинъ накинулъ ему на шею арканъ, уже вяжутъ, уже берутъ Остапа.—Эхъ, Остапъ, Остапъ! — кричалъ Тарасъ, пробиваясь къ нему, рубя въ капусту встрѣчныхъ и поперечныхъ. — Эхъ, Остапъ, Остапъ!...—Но какъ тяжелымъ камнемъ хватило его самого въ ту же минуту. Все закружилось и перевернулось въ глазахъ его. На мигъ смѣшанно сверкнули предъ нимъ головы, копья, дымъ, блески огня, сучья съ древесными листьями, мелькнувшіе ему въ самыя очи. И грохнулся онъ, какъ подрубленный дубъ, на землю. И туманъ покрылъ его очи.

X.

— Долго же я спалъ! — сказалъ Тарасъ, очнувшись, какъ послѣ труднаго хмельного сна, и стараясь распознать окружавшіе его предметы. Страшная слабость одолѣвала его члены. Едва метались предъ нимъ стѣны и углы незнакомой свѣтлицы. Наконецъ, замѣтилъ онъ, что предъ нимъ сидѣлъ Товкачъ и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханію.

— Да, — подумалъ про себя Товкачъ, — заснулъ бы ты, можетъ быть, и навѣки! — Но ничего не сказалъ, погрозилъ пальцемъ и далъ знакъ молчать.

— Да скажи же мнѣ, гдѣ я теперь? — спросилъ опять Тарасъ, напрягая умъ и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи-жъ! — прикрикнулъ сурово на него товарищъ,—чего тебѣ еще хочется знать? Развѣ ты не видишь, что весь изрубленъ? Ужъ двѣ недѣли, какъ мы съ тобою скачемъ, не переводя духу, и какъ ты въ горячкѣ и жару несешь и городишь чепуху. Вотъ въ первый разъ заснулъ покойно. Молчи-жъ, если не хочешь нанести самъ себѣ бѣду.

Но Тарасъ все старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее.—Да, вѣдь, меня же схватили и окружили было совсѣмъ ляхи? Мнѣ-жъ не было никакой возможности выбиться изъ толпы?

— Молчи-жъ, говорятъ тебѣ, чортова дѣтина!—вскричалъ Товкачъ сердито, какъ нянька, выведенная изъ терпѣнья, кричитъ неугомонному повѣсѣ-ребенку.—Что пользы знать тебѣ, какъ выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали,—ну, будетъ съ тебя! Намъ еще не мало ночей скакать вмѣстѣ! Ты думаешь, что пошелъ за простого козака? Нѣтъ, твою голову оцѣнили въ двѣ тысячи червонныхъ.

— А Остапъ?—вскричалъ вдругъ Тарасъ, понатужился приподняться и вдругъ вспомнилъ, какъ Остапа схватили и связали въ глазахъ его, и что онъ теперь уже въ ляшскихъ рукахъ. И обняло горе старую голову. Сорвалъ и сдернулъ онъ всѣ перевязки ранъ своихъ; бросилъ ихъ далеко прочь, хотѣлъ громко что-то сказать — и вмѣсто того понесъ чепуху: жаръ и бредъ вновь овладѣли имъ, и понеслись безъ толку и связи безумныя рѣчи. А между тѣмъ вѣрный товарищъ стоялъ предъ нимъ, бранясь и разсыпая безъ счету жестокія и укорительныя слова и упреки. Наконецъ, схватилъ онъ его за ноги и руки, спеленалъ какъ ребенка, поправилъ всѣ перевязки, увернулъ его въ воловью кожу, увязалъ въ лубки и, прикрѣпивши веревками къ сѣдлу, помчался вновь съ нимъ въ дорогу.

— Хоть неживого, да довезу тебя! Не попущу, чтобы ляхи поглумились надъ твоей козацкою породою, на куски рвали бы твое тѣло, да бросали его въ воду. Пусть же, хоть и будетъ орелъ высмыкать изъ твоего лба очи, да пусть же степовой нашъ орелъ, а не ляшскій, не тотъ, что прилетаетъ изъ польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украйны.

— Такъ говорилъ вѣрный товарищъ. Скакалъ безъ отдыха дни и ночи и привезъ его, безчувственнаго, въ самую Запорожскую Сѣчь. Тамъ принялся онъ лѣчить его неутомимо травами и смачиваньями; нашелъ какую-то знающую жидовку, которая мѣсяцъ поила его разными спадобьями, и наконецъ Тарасу стало лучше. Лѣкарство ли, или своя желѣзная сила взяла верхъ, только онъ черезъ полтора мѣсяца сталъ на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, какъ глубоко когда-то былъ ранень старый козакъ. Однакоже, замѣтно сталъ онъ пасмуренъ и печаленъ. Три тяжелыя морщины насунулись на лобъ его и уже больше никогда не сходили съ него. Оглянулся онъ теперь вокругъ себя: все новое на Сѣчи, всѣ перемерли старые товарищи. Ни одного изъ тѣхъ, которые стояли за правое дѣло, за вѣру и братство. И тѣ, которые отправились съ кошевымъ въ угонъ за татарами, и тѣхъ уже не было давно: всѣ положили головы, всѣ сгибли, кто положивъ на самомъ бою честную голову, кто отъ безводья и безхлѣбья, среди крымскихъ солончаковъ; кто въ плѣну пропалъ, не вынесши позора; и самого прежняго кошевого уже давно не было на свѣтѣ, и никого изъ старыхъ товарищей, и уже давно поросла травою когда-то кипѣвшая козацкая сила. Слышалъ онъ только, что былъ пиръ сильный, шумный пиръ: вся перебита вдребезги посуда; нигдѣ не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги всѣ дорогіе кубки и сосуды—и смутный стоитъ хозяинъ дома, думая: „лучше-бъ и не было того пира“. Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, сѣдые бандуристы, проходя по два и по три, разславляли его козацкіе подвиги—сурово и равнодушно глядѣлъ онъ на все, и на неподвижномъ лицѣ его выступала неугасимая горесть, и тихо, понуривъ голову, говорилъ онъ: „Сынъ мой! Остапъ мой!“

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ, и Малая Азія видѣла ихъ, съ бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цвѣтущіе берега ея; видѣла чалмы своихъ магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровью поляхъ и плававшими у береговъ. Она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запорожцы перебили и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ запорожскія коротенькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десятипушечный турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатью сотенками, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Онъ уходилъ въ луга и степи, будто бы за охотою, но зарядъ его оставался невыстрѣленнымъ. И, положивъ ружье, полный тоски, садился онъ на морской берегъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, понуривъ голову и все говоря: „Остапъ мой! Остапъ мой!“ Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержалъ, наконецъ, Тарасъ: „Что бы ни было, пойду развѣдать, что онъ: живъ ли онъ? въ могилѣ? или уже и въ самой могилѣ нѣтъ его? Развѣдаю, во что бы ни стало!“ И черезъ недѣлю уже очутился онъ въ городѣ Умани, вооруженный, на конѣ, съ копьемъ, саблей, дорожной баклагой у сѣдла, походнымъ горшкомъ съ саламатой, пороховыми патронами, лошадиными путами и прочимъ снарядомъ. Онъ прямо подъѣхалъ къ нечистому, запачканному домишкѣ, у котораго небольшія окошки едва были видны, закопченныя неизвѣстно чѣмъ; труба заткнута была тряпкою, и дырявая крыша вся была покрыта воробьями. Куча всякаго сору лежала предъ самыми дверьми. Изъ окна выглядывала голова жидовки въ чепцѣ съ потемнѣвшими жемчугами.

— Мужъ дома? — сказалъ Бульба, слѣзая съ коня и привязывая поводъ къ желѣзному крючку, бывшему у самыхъ дверей.

— Дома, — сказала жидовка и поспѣшила тотъ же часъ выйти съ пшеницей въ корчикѣ для коня и стопой пива для рыцаря.

— Гдѣ же твой жидъ?

— Онъ въ другой свѣтлицѣ, молится, — проговорила жидовка, кланяясь и пожелавъ здоровья въ то время, когда Бульба поднесъ къ губамъ стопу.

— Оставайся здѣсь, накорми и напой моего коня, а я пойду, поговорю съ нимъ одинъ. У меня до него дѣло.

Этотъ жидъ былъ извѣстный Янкель. Онъ уже очутился тутъ арендаторомъ и корчмаремъ; прибралъ понемногу всѣхъ окружныхъ пановъ и шляхтичей въ свои руки, высосалъ понемногу почти всѣ деньги и сильно означилъ свое жидовское присутствіе въ той странѣ. На разстояніи трехъ миль во всѣ стороны не оставалось ни одной избы въ порядкѣ: все валилось и дряхлѣло, все пораспивалось, и осталась бѣдность, да лохмотья; какъ послѣ пожара или чумы вывѣтрился

весь край. И если бы десять лѣтъ еще пожилъ тамъ Янкель, то онъ, вѣроятно, вывѣтрилъ бы и все воеводство.

Тарасъ вошелъ въ свѣтлицу. Жидъ молился, накрывшись своимъ довольно запачканнымъ, савановъ, и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Такъ и бросились жиду прежде всего въ глаза двѣ тысячи червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ постыдился своей корысти и силился подавить въ себѣ вѣчную мысль о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу жида.

— Слушай, Янкель! — сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли.—Я спасъ твою жизнь — тебя бы разорвали, какъ собаку, запорожцы—теперь твоя очередь, теперь сдѣлай мнѣ услугу!

Лицо жида нѣсколько поморщилось.

— Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?

— Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву.

— Въ Варшаву? Какъ, въ Варшаву?—сказалъ Янкель. Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

— Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово.

— Кому сказать слово?

— Ему, Остапу, сыну моему.

— Развѣ панъ не слышалъ, что уже...

— Знаю, знаю все: за мою голову даютъ двѣ тысячи червонныхъ. Знаютъ же они, дурни, цѣну ей! Я тебѣ пять тысячъ дамъ. Вотъ тебѣ двѣ тысячи сейчасъ (Бульба высыпалъ изъ кожанаго гамана двѣ тысячи червонныхъ), а остальныя—какъ ворочусь.

Жидъ тотчасъ схватилъ полотенце и накрылъ имъ червонцы.

— Ай, славная монета! Ай, добрая монета!— говорилъ онъ, вертя одинъ червонецъ въ рукахъ и пробуя на зубахъ.—Я думаю, тотъ человѣкъ, у котораго панъ обобралъ такіе хорошіе червонцы, и часу не прожилъ на свѣтѣ: пошелъ тотъ же часъ въ рѣку, да и утонулъ тамъ послѣ такихъ славныхъ червонцевъ.

— Я бы не просилъ тебя. Я бы самъ, можетъ быть, пашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи; ибо я не горазднъ на выдумки. А вы, жиды, на то уже и созданы. Вы хоть чорта проведете; вы знаете всѣ штуки: вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!

— А панъ думаетъ, что такъ прямо взялъ кобылу, запрягъ, да и: „Эй, ну, пошелъ, сивка!“ Думаетъ панъ, что можно такъ, какъ есть, не спрятавши, везти пана?

— Ну, такъ прячь, прячь, какъ знаешь; въ порожнюю бочку, что ли?

— Ай, ай! А панъ думаетъ, развѣ можно спрятать его въ бочку? Панъ развѣ не знаетъ, что всякій подумаетъ, что въ бочкѣ горѣлка?

— Ну, такъ и пусть думаетъ, что горѣлка.

— Какъ? Пусть думаетъ, что горѣлка?—сказалъ жидъ и схватилъ себя обѣими руками за пейсики и потомъ поднялъ кверху обѣ руки.

— Ну, что же ты такъ оторопѣлъ?

— А панъ развѣ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякій пробовалъ? Тамъ все лакомки, ласуны: шляхтичъ будетъ бѣжать верстъ пять за бочкой, продолбитъ какъ разъ дыночку, тотчасъ увидитъ, что не течетъ, и скажетъ: „Жидъ не повезетъ порожнюю бочку; вѣрно, тутъ есть что-нибудь! Схватить жида, связать жида, отобрать всѣ деньги у жида, посадить въ тюрьму жида!“ Потому что все, что ни есть недобраго, все валится на жида, потому что жида всякій принимаетъ за собаку; потому что думаютъ, ужъ и не человѣкъ, коли жидъ!

— Ну, такъ положи меня на возъ съ рыбою!

— Не можно, панъ; ей-Богу, не можно. По всей Польшѣ люди голодны теперь, какъ собаки: и рыбу раскрадутъ, и пана пащупаютъ.

— Такъ вези меня хоть на чортѣ, только вези!

— Слушай, слушай, панъ! — сказалъ жидъ, посунувши обшлага рукавовъ своихъ и подходя къ нему съ растопыренными руками.—Вотъ что мы сдѣлаемъ. Теперь строятъ вездѣ крѣпости и замки; изъ Нѣметчины пріѣхали французскіе инженеры, а потому по дорогамъ везутъ много кирпича и камней. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичомъ. Панъ здоровый и крѣпкій съ виду, и потому ему ничего, коли будетъ тяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.

— Дѣлай, какъ хочешь, только вези!

И черезъ часъ возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинные, курчавые пейсики его развѣвались изъ-подъ жидовскаго яломка по мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ на лошади, длинный, какъ верста, поставленная на дорогѣ.

XI.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще

Долго сидѣлъ онъ тамъ, понуривъ голову и все говорилъ:—Останься мой! Останься мой!

никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣздчиковъ, этой страшной грозы предпріимчивыхъ людей, и потому всякій могъ везти, что ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею частью для своего собственнаго удовольствія, особливо если на возу находились заманчивые для глазъ предметы и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно въ главныя городскія ворота. Бульба, въ своей тѣсной клѣткѣ, могъ только слышать шумъ, крики возницъ и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ короткомъ, запачканномъ пылью рысакѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянные дома, со множествомъ протянутыхъ изъ оконъ жердей, увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякій, что только было у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ возможныя удобства питать всѣ чувства свои этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькія панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ встхаго окошка. Куча жидовенковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна; тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи, и Янкель тотчасъ въѣхалъ въ одинъ дворъ. По улицѣ шелъ другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и когда Бульба выкарабкался, наконецъ, изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и хотя трудно уговорить стражей, но, однакожъ, онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ съ тремя жидами въ комнату. Жиды начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Что-то, казалось, сильно потрясло его: на грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, — надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія; старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

— Слушайте, жиды!—сказалъ онъ, и въ словахъ его было что-то восторженное.—Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морского, и пословица давно уже говоритъ, что жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! Дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ. Вотъ я этому человѣку обѣщалъ двѣнадцать тысячъ червонныхъ,—я прибавляю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня есть, дорогіе кубки и закопанное въ землю золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ.

— О, не можно, любезный панъ, не можно!— сказалъ со вздохомъ Янкель.

— Нѣтъ, не можно!—сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жида взглянули одинъ на другого.

— А попробовать, — сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ, — можетъ быть, Богъ дастъ.

Всѣ три жида заговорили по-нѣмецки. Бульба, какъ ни напрягалъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать; онъ слышалъ только часто произносимое слово „Мардохай“, и больше ничего.

— Слушай, панъ! — сказалъ Янкель, — нужно посовѣтоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то ужъ никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ; вотъ ключъ, и не впускай никого!— Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жида остановились посрединѣ улицы и стали говорить довольно азартно; къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ, и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое: „Мардохай, Мардохай“. Жиды безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы: наконецъ, въ концѣ ея изъ-за одного дряннаго дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ и замелькали фалды полукафтанья. „А, Мардохай! Мардохай!“ закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ. Тощій жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, прибли-

зился къ нетерпѣливой толпѣ, и всѣ жиды наперерывъ спѣшили разсказывать ему, при чемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побряк шки, при чемъ показывалъ прескверныя свои панталоны. Наконецъ, всѣ жиды подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій на сторожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію, и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность, но, вспомнивши, что жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жиды вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Когда мы да Богъ захочетъ сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно“.

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была, просто, страшилище; толщина ея, безъ сомнѣнія, увеличилась отъ посторонннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удальство, что онъ, безъ сомнѣнія, давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойство. Душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, неколебимый, крѣпкій, какъ дубъ; онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ, наконецъ, весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшого окошка на улицу. Наконецъ, уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

— Что? удачно?—спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, который, хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами изъ-подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но наговорилъ такую дрянь, что Тарасъ ничего не понялъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ будто бы страдалъ простудою.

— О, любезный панъ! — сказалъ Янкель, — теперь совсѣмъ не можно! Ей-Богу, не можно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ. Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ, и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить.

Тарасъ глянулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

— А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и одинъ левентарь обѣщался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья, ой, вей миръ! Что это за корыстный народъ! И между нами такихъ нѣтъ: пятьдесятъ червонцевъ я далъ каждому, а левентарю...

— Хорошо. Веди меня къ нему! — произнесъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу. Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ припасти дальновидный жидъ. Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій тюфякъ, накрытый какою-то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ для Бульбы. Янкель легъ на полу на такомъ же тюфякѣ. Рыжій жидъ выпилъ небольшую чарочку какой-то настойки, скинулъ полукафтанье, и, сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился съ своею жидовкой во что-то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа. Но Тарасъ не спалъ; онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу; онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ спросонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля. „Вставай, жидъ, и давай твою графскую одежду!“

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку—и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему козаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ, и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли

къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее, и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, наверху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей: тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди пространной залы или крытаго двора. Около тысячи человѣкъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другого билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказалъ:—Это мы; слышите, паны: это мы.

— Ступайте! — говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ коридоръ, узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу съ маленькими окошками вверху.—Кто идетъ?—закричало нѣсколько голосовъ, и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество воиновъ въ полномъ вооруженіи.—Намъ никого не велѣно пускать.

— Это мы!—кричалъ Янкель,—ей-Богу, мы, ясные паны!—Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастію, въ это время подошелъ какой-то толстякъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, казался начальникомъ, потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

— Панъ, это-жъ мы; вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить.

— Пропустите, сто дьябловъ чортовой маткѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу...

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники.—Это мы, это я, это свои!—говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.

— А что, можно теперь?—спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они, наконецъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

— Можно; только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна: вмѣсто его стоитъ другой,—отвѣчалъ часовой.

— Ай, ай, — произнесъ тихо жидъ, — это скверно, любезный панъ!

— Веди!—произнесъ упрямо Тарасъ. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху остріемъ, стоялъ гайдукъ, съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, что дѣлало его очень похожимъ на кота.

Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему.—Ваша ясновельможность! Ясновельможный панъ!

— Ты, жидъ, это мнѣ говоришь?

— Вамъ, ясновельможный панъ.

— Гм... а я, просто, гайдукъ! — сказалъ трехъярусный усачъ съ повеселѣвшими глазами.

— А я, ей-Богу, думалъ, что это самъ воевода. Ай, ай, ай...—При этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы.—Ай, какой важный видъ! Ей-Богу, полковникъ, совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палецъ прибавить, то и полковникъ! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скораго, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ, при чемъ глаза его совершенно развеселились.

— Что за народъ военный! — продолжалъ жидъ,—охъ, вей миръ, что за народъ хорошій! Шнурочки, бляшечки... такъ отъ нихъ блеститъ, какъ отъ солнца; а цурки, гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай!.. — Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

— Прошу пана оказать услугу! — произнесъ жидъ, — вотъ князь пріѣхалъ изъ чужого края, хочетъ посмотрѣть на козаковъ. Онъ еще сроду не видѣлъ, что это за народъ козаки.

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазіатскій уголъ Европы; Московію и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи. И потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя:

— Я не знаю, ваша ясновельможность,—говорилъ онъ,—зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ.

— Врешь ты, чортовъ сынъ!—сказалъ Бульба,—самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретическую вѣру не уважаютъ!

— Эге, ге! — сказалъ гайдукъ,—а я знаю, пріятель, ты кто: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Постой же, я позову сюда нашихъ.

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастью, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

— Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы графъ да былъ козакъ? А если бы онъ былъ козакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графскій!

— Разсказывай себѣ!.. — И гайдукъ уже

растворилъ было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

— Ваше королевское величество! молчите! молчите, ради Бога!—закричалъ Янкель.—Молчите! Мы ужъ вамъ за это заплатимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца.

— Эге! два червонца! Два червонца мнѣ ни по чемъ: я цырюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину бороды выбрилъ. Сто червонныхъ давай, жидъ! — Тутъ гайдукъ закрутилъ верхніе усы. — А какъ не дашь ста червонныхъ, сейчасъ закричу!

— И на что бы такъ много?—горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой; но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелькѣ не было болѣе и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать.

— Панъ, панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ! — сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

— Что-жъ ты, чортовъ гайдукъ, — сказалъ Бульба,—деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получилъ, то ты не въ правѣ теперь отказать.

— Ступайте, ступайте къ дьяволу! а не то я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ... Уносите скорѣе ноги, говорю я вамъ!

— Панъ! панъ! пойдемъ, ей-Богу, пойдемъ! Цуръ имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно,—кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и пошелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

— И на что бы трогать! Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ, вей миръ, какое счастье посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что протопалъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ, и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О, Боже мой! Боже милосердый!

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу; она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

— Пойдемъ! — сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встрепенувшись, — пойдемъ на площадь. Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить.

— Ой, панъ! зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже.

— Пойдемъ!—упрямо сказалъ Бульба, и жидъ, какъ нянька, вздыхая, побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ, самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали спросонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали, однакоже, случая полюбопытствовать.—Ахъ, какое мученье!—кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь, однакожо простаивали иногда довольно времени. Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ впередъ, желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ, небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высовывалъ свое толстое лицо мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу. На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка, да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ коханкою своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить:—Вотъ это, душечка Юзыся,— говорилъ онъ, — весь народъ, что вы видите, пришелъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого что у него, душечка, уже больше не будетъ головы.— И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ. Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ-то похожемъ

на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за перила. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто шалунья съ черными глазами, схвативши свѣтлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шапки, и какой-нибудь высокій шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полиняломъ красномъ кунтушѣ съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощью длинныхъ рукъ, цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балконъ мъ, былъ также зрителемъ: перегнувши на-бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ такъ-же внимательно народъ. Но толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: „Ведутъ! ведутъ! козаки!“

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостью; ихъ платья изъ дорогого сукна износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: — Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ нихъ не промолвилъ ни одного слова!— Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

— Добре, сынку, добре!—сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхіе лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки, и... Не будемъ смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волоса. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою, не чуя человѣчества. Напрасно нѣкоторые, немногіе, бывшіе исключеніями изъ вѣка, являлись противниками сихъ ужасныхъ мѣръ. Напрасно король и многіе рыцари, просвѣтленные умомъ и душой, представляли, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе козацкой націи. Но власть короля и умныхъ мнѣній была ничто передъ безпорядкомъ и дерзкой волею государственныхъ магнатовъ, которые своею необдуманностью, непостижимымъ отсутствіемъ всякой дальновидности, дѣтскимъ самолюбіемъ и ничтожною гордостью превратили сеймъ въ сатиру на правленіе. Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хрясъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его, не дрогнулось лицо его. Тарасъ стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову и, въ то же время, гордо приподнявъ очи, и одобрительно только говорилъ:—Добре, сынку, добре!

Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя: Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ силою и выкликнулъ въ душевной немощи:— Батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?..

— Слышу!—раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть; и когда всадники немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

XII.

Отыскался слѣдъ Тарасовъ. Сто двадцать тысячъ козацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отрядъ, выступившій на добычу или на угонъ за татарами. Нѣтъ, поднялась вся нація, ибо переполнилось терпѣніе народа, — поднялась отомстить за посмѣянье правъ своихъ, за позорное униженіе своихъ правовъ, за оскорбленіе вѣры предковъ и святого обычая, за посрамленіе церквей, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за угнетенье, за унію, за позорное владычество жидовства на христіанской землѣ, за все, что копило

и сугубило съ давнихъ временъ суровую ненависть козаковъ. Молодой, но сильный духомъ, гетьманъ Остраница предводилъ всею несмѣтной козацкой силою. Возлѣ былъ виденъ престарѣлый, опытный товарищъ его и совѣтникъ Гуня. Восемь полковниковъ вели двѣнадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ѣхали вслѣдъ за гетьманомъ. Генеральный хорунжій предводилъ главное знамя; много другихъ хоругвей и знаменъ развѣвались вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было другихъ чиновъ полковыхъ: обозныхъ, войсковыхъ товарищей, полковыхъ писарей, и съ ними пѣшихъ и конныхъ отрядовъ; почти столько же, сколько было рейстровыхъ козаковъ, набралось охочекомонныхъ и вольныхъ. Отвсюду поднялись козаки: отъ Чигирина, отъ Переяслава, отъ Батурина, отъ Глухова, отъ низовой стороны Днѣпровской и отъ всѣхъ его верховій и острововъ. Безъ счету кони и несмѣтные таборы телѣгъ тянулись по полямъ. И между тѣми-то козаками, между тѣми восемью полками отборнѣе всѣхъ былъ одинъ полкъ; и полкомъ тѣмъ предводилъ Тарасъ Бульба. Все давало ему перевѣсъ предъ другими: и преклонныя лѣта, и опытность, и умѣнье двигать своимъ войскомъ, и сильнѣйшая всѣхъ ненависть къ врагамъ. Даже самимъ козакамъ казалась чрезмѣрною его безпощадная свирѣпость и жестокость. Только огонь да висѣлицу опредѣляла сѣдая голова его, и совѣтъ его въ войсковомъ совѣтѣ дышалъ только однимъ истребленіемъ.

Нечего описывать всѣхъ битвъ, гдѣ показали себя козаки, ни всего постепеннаго хода кампаніи: все это внесено въ лѣтописныя страницы. Извѣстно, какова въ Русской землѣ война, поднятая за вѣру: нѣтъ силы сильнѣе вѣры. Непреоборима и грозна она, какъ нерукотворная скала среди бурнаго, вѣчно-измѣнчиваго моря. Изъ самой средины морского дна возноситъ она къ небесамъ непроломныя свои стѣны, вся созданная изъ одного цѣльнаго, сплошного камня. Отвсюду видна она и глядитъ прямо въ очи мимобѣгущимъ волнамъ. И горе кораблю, который нанесется на нее! Въ щепы летятъ безсильныя его снасти, тонетъ и ломится въ прахъ все, что ни есть на нихъ, и жалкимъ крикомъ погибающихъ оглашается пораженный воздухъ.

Въ лѣтописныхъ страницахъ изображено подробно, какъ бѣжали польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ; какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-жиды; какъ слабъ былъ коронный гетьманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы; какъ, разбитый, преслѣдуемый, перетонилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска; какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозные козацкіе полки, и какъ, приведенный въ крайность, польскій гетьманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ со стороны короля и государственныхъ чиновъ и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ. Но не такіе были козаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что̀ такое польская клятва. И Потоцкій не красовался бы больше на шеститысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ паннъ и зависть дворянства, не шумѣлъ бы на сеймахъ, задавая роскошные пиры сенаторамъ, если бы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ русское духовенство. Когда вышли навстрѣчу всѣ попы въ свѣтлыхъ золотыхъ ризахъ, неся иконы и кресты, и впереди самъ архіерей съ крестомъ въ рукѣ и въ пастырской митрѣ, преклонили козаки всѣ свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, нижѐ самого короля; но противъ своей церкви христіанской не посмѣли и уважили свое духовенство. Согласился гетьманъ вмѣстѣ съ полковниками отпустить Потоцкаго, взявши съ него клятвенную присягу оставить на свободѣ всѣ христіанскія церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды козацкому воинству. Одинъ только полковникъ не согласился на такой миръ. Тотъ одинъ былъ Тарасъ. Вырвалъ онъ клокъ волосъ изъ головы своей и вскрикнулъ:

— Эй, гетьманъ и полковники! не сдѣлайте такого бабьяго дѣла! не вѣрьте ляхамъ: продадутъ ксяюхи!—Когда же полковой писарь подалъ условіе, и гетьманъ приложилъ свою властную руку, онъ снялъ съ себя чистый булатъ, дорогую турецкую саблю, изъ первѣйшаго желѣза, разломилъ ее на-двое, какъ трость, и кинулъ врознь далеко въ разныя стороны оба конца, сказавъ:—Прощайте же! Какъ двумъ концамъ сего палаша не соединиться въ одно и не составить одной сабли, такъ и намъ, товарищи, больше не видаться на этомъ свѣтѣ! Помяните же прощальное мое слово (при семъ словѣ голосъ его выросъ, поднялся выше, принялъ невѣдомую силу—и смутились всѣ отъ пророческихъ словъ): передъ смертнымъ часомъ своимъ вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствіе и миръ; думаете, пановать станете? Будете пановать другимъ пановаьемъ: сдерутъ съ твоей головы, гетьманъ, кожу, набьютъ ее гречаною половою, и долго будутъ видѣть ее по всѣмъ ярмаркамъ! Не удержите и вы, паны, головъ своихъ! пропадете въ сырыхъ погребахъ, замурованные въ каменныя стѣны, если васъ, какъ барановъ, не сварятъ всѣхъ живыми въ котлахъ!

— А вы, хлопцы!—продолжалъ онъ, оборотившись къ своимъ, — кто изъ васъ хочетъ умирать своею смертью,—не по запечьямъ и бабьимъ ле-

жанкамъ, не пьяными подъ заборомъ у шинка, подобно всякой падали, а честной козацкой смертью, всѣмъ на одной постели, какъ женихъ съ невѣстою? Или, можетъ быть, хотите воротиться домой, да оборотиться въ недовѣрковъ, да возить на своихъ спинахъ польскихъ ксендзовъ?

— За тобою, пане полковнику! за тобою!— вскрикнули всѣ, которые были въ Тарасовомъ полку, и къ нимъ перебѣжало не мало другихъ.

— А коли за мною, такъ за мною же!—сказалъ Тарасъ, надвинувъ глубже на голову себѣ шапку, грозно взглянулъ на всѣхъ остававшихся, оправился на конѣ своемъ и крикнулъ своимъ:— Не попрекнетъ же никто насъ обидной рѣчью! А ну, гайда, хлопцы, въ гости къ католикамъ!— И вслѣдъ затѣмъ ударилъ онъ по коню, и потянулся за нимъ таборъ изъ ста телѣгъ, и съ нимъ много было козацкихъ конниковъ и пѣхоты, и, оборотясь, грозилъ взоромъ всѣмъ остававшимся,— и гнѣвенъ былъ взоръ его. Никто не посмѣлъ остановить ихъ. Въ виду всего воинства уходилъ полкъ, и долго еще оборачивался Тарасъ и все грозилъ.

Смутны стояли гетманъ и полковники, задумались всѣ и молчали долго, какъ будто тѣснимые какимъ-то тяжелымъ предвѣстіемъ. Не даромъ провѣщалъ Тарасъ: такъ все и сбылось, какъ онъ провѣщалъ. Немного времени спустя, послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, вздернута была голова гетмана на колъ вмѣстѣ со многими изъ первѣйшихъ сановниковъ.

А что же Тарасъ? А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, близъ сорока костеловъ, и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки; распечатали и поразливали по землѣ козаки вѣковые меды и вина, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ.—Ничего не жалѣйте!—повторялъ только Тарасъ. Не уважили козаки чернобровыхъ панянокъ, бѣлогрудыхъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ; у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ; зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки подымались изъ огнистаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ подвигнулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе козаки и, поднимая копьями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ нимъ же въ пламя.—Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ! — приговаривалъ только Тарасъ. И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи, пока польское правительство не увидѣло, что поступки Тараса были побольше, чѣмъ обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Шесть дней уходили козаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали козаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возложеннаго порученія; неутомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную развалившуюся крѣпость.

Надъ самой кручей у Днѣстра-рѣки виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися останками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичомъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то, съ двухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ его коронный гетманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ, среди самаго бѣга, остановился Тарасъ и вскрикнулъ:—Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ! — И нагнулся старый атаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную сопутницу на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не и сыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки.—Эхъ, старость, старость! — сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый старый козакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Мало не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ.—Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать. — И присудили, съ гетманскаго разрѣшенья, сжечь его живого въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло нагое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибили ему руки и, приподнявъ его повыше, чтобы отовсюду былъ виденъ козакъ, принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его; глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались козаки: ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. — Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе,—кричалъ онъ,— горку, что за лѣсомъ: туда не подступятъ они!— Но вѣтеръ не донесъ его словъ.—Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что! — говорилъ онъ от-

чаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ:— Къ берегу! къ берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны, всѣ забирайте, чтобы не было погони!

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны козаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его.

Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а ужъ погоня за плечами. Видитъ: путается и загибается дорожка и много даетъ въ сторону извивовъ. — А, товарищи! не куды пошло! — сказали всѣ, остановились на мигъ, подняли свои нагайки, свистнули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнули прямо въ Днѣстръ. Двое только не достали до рѣки, грянулись съ вышины объ каменья, пропали тамъ навѣки съ конями, даже не успѣвши издать крика. А козаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязывали челны. Остановились ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханному козацкому дѣлу и думая: прыгать ли имъ, или нѣтъ? Одинъ молодой полковникъ, живая, горячая кровь, родной братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія, не подумалъ долго и бросился со всѣхъ силъ съ конемъ за козаками: перевернулся три раза въ воздухѣ съ конемъ своимъ и прямо грянулся на острые утесы. Въ куски изодрали его острые камни, пропавшаго среди пропасти, и мозгъ его, смѣшавшись съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, уже козаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричалъ онъ имъ сверху,—вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся козакъ? Постойте же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется изъ Русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!..—А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву... Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Не малая рѣка Днѣстръ, и много на ней заводьевъ, рѣчныхъ густыхъ камышей, отмелей и глубокодонныхъ мѣстъ; блеститъ рѣчное зеркало, оглашенное звонкимъ ячаньемъ лебедей, и гордый гоголь быстро несется по немъ, и много куликовъ, краснозобыхъ курухтановъ и всякихъ иныхъ птицъ въ тростникахъ и на прибрежьяхъ. Козаки живо плыли на узкихъ двухрульныхъ челнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполашивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего атамана.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВІЙ *).

Какъ только ударялъ въ Кіевѣ поутру довольно звонкій семинарскій колоколъ, висѣвшій у воротъ Братскаго монастыря, то уже со всего города спѣшили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, риторы, философы и богословы, съ тетрадями подъ мышкой, брели въ классъ. Грамматики были еще очень малы: идя, толкали другъ друга и бранились между собою самымъ тоненькимъ дискантомъ; они были всѣ почти въ изодранныхъ или запачканныхъ платьяхъ, и карманы ихъ вѣчно были наполнены всякою дрянью, какъ-то: бабками, свистѣлками, сдѣланными изъ перышекъ, недоѣденнымъ пирогомъ, а иногда даже и маленькими воробышками, изъ которыхъ одинъ, вдругъ чиликнувъ среди необыкновенной тишины въ классѣ, доставлялъ своему патрону порядочныя пали въ обѣ руки, а иногда и вишневыя розги. Риторы шли солиднѣе; платья у нихъ были часто совершенно цѣлы, но за то на лицѣ всегда почти бывало какое-нибудь украшеніе, въ видѣ риторическаго тропа: или одинъ глазъ уходилъ подъ самый лобъ, или, вмѣсто губы, цѣлый пузырь, или какая-нибудь другая примѣта; эти говорили и божились между собою теноромъ. Философы цѣлою октавою брали ниже; въ карманахъ ихъ, кромѣ крѣпкихъ табачныхъ корешковъ, ничего не было. Запасовъ они не дѣлали никакихъ, и все, что попадалось, съѣдали тогда же; отъ нихъ слышалась трубка и горѣлка, иногда такъ далеко, что проходившій

*) Вій—есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и разсказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ.

Набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи...

мимо ремесленникъ долго еще, остановившись, нюхалъ, какъ гончая собака, воздухъ.

Рынокъ въ это время обыкновенно только что начиналъ шевелиться, и торговки съ бубликами, булками, арбузными сѣмечками и маковниками, дергали на подхватъ за полы тѣхъ, у которыхъ полы были изъ тонкаго сукна или какой-нибудь бумажной матеріи.

— Паничи, паничи! сюды, сюды! — говорили онѣ со всѣхъ сторонъ,—ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! ей-Богу, хороши! на меду! сама пекла!

Другая, поднявъ что-то длинное, скрученное изъ тѣста, кричала:—Ось сусулька! Паничи, купите сусульку!

— Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная, — и носъ нехорошій, и руки нечистыя...

Но философовъ и богослововъ онѣ боялись задѣвать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу и притомъ цѣлою горстью.

По приходѣ въ семинарію, вся толпа размѣщалась по классамъ, находившимся въ низенькихъ, довольно, однакоже, просторныхъ комнатахъ съ небольшими окнами, съ широкими дверьми и запачканными скамьями. Классъ наполнялся вдругъ разноголосными жужжаніями: авдиторы выслушивали своихъ учениковъ; звонкій дискантъ грамматика попадалъ какъ разъ въ звонъ стекла, вставленнаго въ маленькія окна, и стекло отвѣчало почти тѣмъ же звукомъ; въ углу гудѣлъ риторъ, котораго ротъ и толстыя губы должны бы принадлежать по крайней мѣрѣ философіи. Онъ гудѣлъ басомъ, и только слышно было издали: „бу, бу, бу“... Авдиторы, слушая урокъ, смотрѣли однимъ глазомъ подъ скамью, гдѣ изъ кармана подчиненнаго бурсака выглядывала булка, или вареникъ, или сѣмена изъ тыквъ.

Когда вся эта ученая толпа успѣвала приходить нѣсколько ранѣе, или когда знали, что профессора будутъ позже обыкновеннаго, тогда, со всеобщаго согласія, замышляли бой, и въ этомъ бою должны были участвовать всѣ, даже и цензора, обязанные смотрѣть за порядкомъ и нравственностью всего учащагося сословія. Два богослова обыкновенно рѣшали, какъ происходить битвѣ: каждый ли классъ долженъ стоять за себя особенно, или всѣ должны раздѣлиться на двѣ половины: на бурсу и семинарію. Во всякомъ случаѣ, грамматики начинали прежде всѣхъ, и какъ только вмѣшивались риторы, они уже бѣжали прочь и становились на возвышеніяхъ наблюдать битву. Потомъ вступала философія съ черными длинными усами, а наконецъ и богословія въ ужасныхъ шароварахъ и съ претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что богословія побивала всѣхъ, и философія, почесывая бока, была тѣснима въ классъ и помѣщалась отдыхать на скамьяхъ. Профессоръ, входившій въ классъ и участвовавшій когда-то самъ въ подобныхъ бояхъ, въ одну минуту, по разгорѣвшимся лицамъ своихъ слушателей, узнавалъ, что бой былъ недуренъ, и въ то время, когда онъ сѣкъ розгами по пальцамъ риторику, въ другомъ классѣ другой профессоръ отдѣлывалъ деревянными лопатками по рукамъ философію. Съ богословами же было поступаемо совершенно другимъ образомъ: имъ, по выраженію профессора богословіи, отсыпалось по мѣркѣ *крупнаго гороху*, что состояло въ коротенькихъ кожаныхъ канчукахъ.

Въ торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домамъ съ вертепами. Иногда разыгрывали комедію, и въ такомъ случаѣ всегда отличался какой-нибудь богословъ, ростомъ мало чѣмъ пониже кіевской колокольни, представлявшій Иродіаду или Пентефрію, супругу египетскаго царедворца. Въ награду получали они кусокъ полотна, или мѣшокъ проса, или половину вареного гуся и тому подобное. Весь этотъ ученый народъ,—какъ семинарія, такъ и бурса, которыя питали какую-то наслѣдственную непріязнь между собою, — былъ чрезвычайно бѣденъ на средства къ прокормленію, и притомъ необыкновенно прожорливъ, такъ что сосчитать, сколько каждый изъ нихъ уписывалъ за вечерею галушекъ, было бы совершенно невозможное дѣло, и потому доброхотныя пожертвованія зажиточныхъ владѣльцевъ не могли быть достаточны. Тогда сенатъ, состоявшій изъ философовъ и богослововъ, отправлялъ грамматиковъ и риторовъ, подъ предводительствомъ одного философа, — а иногда присоединялся и самъ,—съ мѣшками на плечахъ, опустошать чужіе огороды—и въ бурсѣ появлялась каша изъ тыквъ. Сенаторы столько объѣдались арбузовъ и дынь, что на другой день авдиторы слышали отъ нихъ, вмѣсто одного, два урока: одинъ происходилъ изъ устъ, другой ворчалъ въ сенаторскомъ желудкѣ. Бурса и семинарія носили какія-то длинныя подобія сюртуковъ, простиравшихся *по сіе время*: слово техническое, означавшее—далѣе пятокъ.

Самое торжественное для семинаріи событіе было—вакансіи: время съ іюня мѣсяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домамъ. Тогда всю большую дорогу усѣивали грамматики, философы и богословы. Кто не имѣлъ своего пріюта, тотъ отправлялся къ кому-нибудь изъ товарищей. Философы и богословы отправлялись *на кондиціи*, то-есть брались учить или приготовлять дѣтей людей зажиточныхъ, и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и на сюртукъ. Вся ва-

тага эта тянулась вмѣстѣ цѣлымъ табором, варила себѣ кашу и ночевала въ полѣ. Каждый тащилъ за собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучъ. Богословы особенно были бережливы и аккуратны; для того, чтобы не износить сапоговъ, они скидали ихъ, вѣшали на палки и несли на плечахъ, особенно, когда была грязь: тогда они, засучивъ шаровары по колѣни, безстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Какъ только завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ большой дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ хаты, какой-нибудь старый козакъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ:—Жинко! то, что поютъ школяры, должно-быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что у насъ есть.—И цѣлая миска варениковъ валилась въ мѣшокъ; порядочный кусъ сала, нѣсколько паляницъ, а иногда и связанная курица помѣщалась вмѣстѣ. Подкрѣпившись такимъ запасомъ, грамматики, риторы, философы и богословы опять продолжали путь. Чѣмъ далѣе, однакоже, шли они, тѣмъ болѣе уменьшалась толпа ихъ. Всѣ почти разбродились по домамъ и оставались тѣ, которые имѣли родительскія гнѣзда далѣе другихъ.

Одинъ разъ, во время подобнаго странствованія, три бурсака своротили съ большой дороги въ сторону, съ тѣмъ, чтобы въ первомъ попавшемся хуторѣ запастись провіантомъ, потому что мѣшокъ у нихъ давно уже былъ пустъ. Это были: богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобець.

Богословъ былъ рослый, плечистый мужчина и имѣлъ чрезвычайно странный нравъ: все, что ни лежало, бывало, возлѣ него, онъ непремѣнно украдетъ. Въ другомъ случаѣ характеръ его былъ чрезвычайно мраченъ, и когда напивался онъ пьянъ, то прятался въ бурьянѣ, и семинаріи стоило большого труда сыскать его тамъ.

Философъ Хома Брутъ былъ права веселаго, любилъ очень лежать и курить люльку; если же пилъ, то непремѣнно нанималъ музыкантовъ и отплясывалъ тропака. Онъ часто пробовалъ *крупнаго гороху*, но совершенно съ философическимъ равнодушіемъ, говоря, что, чему быть, того не миновать.

Риторъ Тиберій Горобець еще не имѣлъ права носить усовъ, пить горѣлки и курить люльки. Онъ носилъ только оселедецъ, и потому характеръ его въ то время еще мало развился; но, судя по большимъ шишкамъ на лбу, съ которыми онъ часто являлся въ классъ, можно было предположить, что изъ него выйдетъ хорошій воинъ. Богословъ Халява и философъ Хома часто дирали его за чубъ, въ знакъ своего покровительства, и употребляли въ качествѣ депутата.

Былъ уже вечеръ, когда они своротили съ большой дороги; солнце только-что сѣло, и дневная теплота оставалась еще въ воздухѣ. Богословъ и философъ шли молча, куря люльки; риторъ Тиберій Горобець сбивалъ палкою головки съ будяковъ, росшихъ по краямъ дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубовъ и орѣшника, покрывавшими лугъ. Отлогости и небольшія горы, зеленыя и круглыя, какъ куполы, иногда перемежевывали равнину. Показавшаяся въ двухъ мѣстахъ нива съ вызрѣвавшимъ житомъ давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже болѣе часа, какъ они минули хлѣбныя полосы, а между тѣмъ имъ не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо, и только на западѣ блѣднѣлъ остатокъ алаго сіянія.

— Что за чортъ! — сказалъ философъ Хома Брутъ, — сдавалось совершенно, какъ-будто сейчасъ будетъ хуторъ.

Богословъ помолчалъ, поглядѣлъ по окрестностямъ, потомъ опять взялъ въ ротъ свою люльку, и всѣ продолжали путь.

— Ей-Богу! — сказалъ опять, остановившись философъ,—ни чортова кулака не видно.

— А, можетъ быть, далѣе и попадется какой-нибудь хуторъ,—сказалъ богословъ, не выпуская люльки.

Но между тѣмъ уже была ночь, и ночь довольно темная. Небольшія тучи усилили мрачность и, судя по всѣмъ примѣтамъ, нельзя было ожидать ни звѣздъ, ни мѣсяца. Бурсаки замѣтили, что они сбились съ пути и давно шли не по дорогѣ.

Философъ, пошаривши ногами во всѣ стороны, сказалъ наконецъ отрывисто:—А гдѣ же дорога?

Богословъ помолчалъ и, надумавшись, промолвилъ:—Да, ночь темная.

Риторъ отошелъ въ сторону и старался ползкомъ нащупать дорогу, но руки его попадали только въ лисьи норы. Вездѣ была одна степь, по которой, казалось, никто не ѣздилъ.

Путешественники еще сдѣлали усиліе пройти нѣсколько впередъ, но вездѣ была та же дичь. Философъ попробовалъ перекликнуться, но голосъ его совершенно заглохъ по сторонамъ и не встрѣтилъ никакого отвѣта. Нѣсколько спустя только послышалось слабое стенаніе, похожее на волчій вой.

— Вишь! что тутъ дѣлать? — сказалъ философъ.

— А что? оставаться и заночевать въ полѣ! —

сказалъ богословъ и полѣзъ въ карманъ достать огниво и закурить снова свою люльку. Но философъ не могъ согласиться на это: онъ всегда имѣлъ обыкновеніе упрятать на ночь полпудовую краюху хлѣба и фунта четыре сала, и чувствовалъ на этотъ равъ въ желудкѣ своемъ какое-то несносное одиночество. Притомъ, несмотря на веселый нравъ свой, философъ боялся нѣсколько волковъ.

— Нѣтъ, Халява, не можно,—сказалъ онъ.— Какъ же, не подкрѣпивъ себя ничѣмъ, растянуться и лечь такъ, какъ собака? Попробуемъ еще: можетъ быть, набредемъ на какое-нибудь жилье, и хоть чарку горѣлки удастся выпить на ночь.

При словѣ „горѣлка", богословъ сплюнулъ въ сторону и промолвилъ: — Оно, конечно, въ полѣ оставаться нечего.

Бурсаки пошли впередъ и, къ величайшей радости ихъ. въ отдаленіи почудился лай. Прислушавшись, съ которой стороны, они отправились бодрѣе и, немного пройдя, увидѣли огонекъ.

— Хуторъ! Ей-Богу, хуторъ!—сказалъ философъ.

Предположенія его не обманули: черезъ нѣсколько времени они увидѣли, точно, небольшой хуторокъ, состоявшій изъ двухъ только хатъ, находившихся въ одномъ и томъ же дворѣ. Въ окнахъ свѣтился огонь; десятокъ сливныхъ деревъ торчалъ подъ тыномъ. Взглянувши въ сквозныя дощатыя ворота, бурсаки увидѣли дворъ, установленный чумацкими возами. Звѣзды кое-гдѣ глянули въ это время на небѣ.

— Смотрите же, братцы, не отставать! Во что бы то ни было, а добыть ночлега!

Три ученые мужа дружно ударили въ ворота и закричали:

— Отвори!

Дверь въ одной хатѣ заскрипѣла, и, минуту спустя, бурсаки увидѣли передъ собою старуху въ нагольномъ тулупѣ.

— Кто тамъ?—закричала она, глухо кашляя.

— Пусти, бабуся, переночевать: сбились съ дороги; такъ въ полѣ скверно, какъ въ голодномъ брюхѣ.

— А что вы за народъ?

— Да народъ необидчивый: богословъ Халява, философъ Брутъ и риторъ Горобецъ.

— Не можно, — проворчала старуха,—у меня народу полонъ дворъ и всѣ углы въ хатѣ заняты. Куда я васъ дѣну? Да еще все какой рослый и здоровый народъ! Да у меня и хата развалится, когда помѣщу такихъ. Я знаю этихъ философовъ и богослововъ: если такихъ пьяницъ начнешь принимать, то и двора скоро не будетъ. Пошли, пошли! Тутъ вамъ нѣтъ мѣста.

— Умилосердись, бабуся! Какъ можно, чтобы христіанскія души пропали ни за что, ни про что? Гдѣ хочешь, помѣсти насъ; и если мы что-нибудь, какъ-нибудь того, или какое другое что сдѣлаемъ, — то пусть намъ и руки отсохнутъ, и такое будетъ, что Богъ одинъ знаетъ—вотъ что!

Старуха, казалось, немного смягчилась.—Хорошо, — сказала она, какъ бы размышляя,—я впущу васъ, только положу всѣхъ въ разныхъ мѣстахъ, а то у меня не будетъ спокойно на сердцѣ, когда будете лежать вмѣстѣ.

— На то твоя воля; не будемъ прекословить,— отвѣчали бурсаки.

Ворота заскрипѣли, и они вошли на дворъ.

— А что, бабуся,—сказалъ философъ, идя за старухой, — если бы такъ, какъ говорятъ... Ей-Богу, въ животѣ какъ будто кто колесами сталъ ѣздить: съ самаго утра вотъ хоть бы щепка была во рту.

— Вишь, чего захотѣлъ!—сказала старуха,— нѣтъ, у меня нѣтъ ничего такого, и печь не топилась сегодня.

— А мы бы уже за все это,—продолжалъ философъ,—расплатились бы завтра, какъ слѣдуетъ— чистоганомъ. Да!—продолжалъ онъ тихо,—чорта съ два, получишь ты что-нибудь!

— Ступайте, ступайте! и будьте довольны тѣмъ, что даютъ вамъ. Вотъ чортъ принесъ какихъ нѣжныхъ паничей!

Философъ Хома пришелъ въ совершенное уныніе отъ такихъ словъ; но вдругъ носъ его почувствовалъ запахъ сушеной рыбы; онъ глянулъ на шаровары богослова, шедшаго съ нимъ рядомъ, и увидѣлъ, что изъ кармана его торчалъ преогромный рыбій хвостъ: богословъ уже успѣлъ подтибрить съ воза цѣлаго карася. И такъ какъ онъ это производилъ не изъ какой-нибудь корысти, но единственно по привычкѣ, и, позабывши совершенно о своемъ карасѣ, уже разглядывалъ, что бы такое стянуть другое, не имѣя намѣренія пропустить даже изломаннаго колеса,—то философъ Хома запустилъ руку въ его карманъ, какъ въ свой собственный, и вытащилъ карася.

Старуха размѣстила бурсаковъ: ритора положила въ хатѣ, богослова заперла въ пустую комору, философу отвела тоже пустой овечій хлѣвъ.

Философъ, оставшись одинъ, въ одну минуту съѣлъ карася, осмотрѣлъ плетеныя стѣны хлѣва, толкнулъ ногою въ морду просунувшуюся изъ другого хлѣва любопытную свинью и поворотился на правый бокъ, чтобы заснуть мертвецки. Вдругъ низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла въ хлѣвъ.

— А что, бабуся, чего тебѣ нужно?—сказалъ философъ.

Но старуха шла прямо къ нему съ распростертыми руками.

— Эге, ге! — подумалъ философъ. — Только нѣтъ, голубушка, устарѣла!

Онъ отодвинулся немного подальше, но старуха, безъ церемоніи, опять подошла къ нему.

— Слушай, бабуся! — сказалъ философъ, — теперь постъ, а я такой человѣкъ, что и за тысячу золотыхъ не захочу оскоромиться.

Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сдѣлалось страшно, особливо, когда онъ замѣтилъ, что глаза ея сверкнули какимъ-то необыкновеннымъ блескомъ. — Бабуся! что ты? Ступай, ступай себѣ съ Богомъ!—закричалъ онъ.

Но старуха не говорила ни слова и хватала его руками.

Онъ вскочилъ на ноги, съ намѣреніемъ бѣжать; но старуха стала въ дверяхъ, вперила на него сверкающіе глаза и снова начала подходить къ нему.

Философъ хотѣлъ оттолкнуть ее руками, но, къ удивленію, замѣтилъ, что руки его не могутъ приподняться, ноги не двигались; и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что даже голосъ не звучалъ изъ устъ его: слова безъ звука шевелились на губахъ. Онъ слышалъ только, какъ билось его сердце; онъ видѣлъ, какъ старуха подошла къ нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила съ быстротою кошки къ нему на спину, ударила его метлою по боку, и онъ, подпрыгивая, какъ верховой конь, понесъ ее на плечахъ своихъ. Все это случилось такъ быстро, что философъ едва могъ опомниться и схватилъ обѣими руками себя за колѣни, желая удержать ноги, но онѣ, къ величайшему изумленію его, подымались противъ воли и производили скачки быстрѣе черкесскаго бѣгуна. Когда уже минули они хуторъ и передъ ними открылась ровная лощина, а въ сторонѣ потянулся черный, какъ уголь, лѣсъ, тогда только сказалъ онъ самъ въ себѣ: — Эге, да это вѣдьма!

Обращенный мѣсячный серпъ свѣтлѣлъ на небѣ. Робкое полночное сіяніе, какъ сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось по землѣ. Лѣса, луга, небо, долины—все, казалось, какъ будто спало съ открытыми глазами; вѣтеръ хоть бы разъ вспорхнулъ гдѣ-нибудь; въ ночной свѣжести было что-то влажно-теплое; тѣни отъ деревъ и кустовъ, какъ кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину: такая была ночь, когда философъ Хома Брутъ скакалъ съ непонятнымъ всадникомъ на спинѣ. Онъ чувствовалъ какое-то томительное, непріятное и вмѣстѣ сладкое чувство, подступавшее къ его сердцу. Онъ опустилъ голову внизъ и видѣлъ, что трава, бывшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверхъ ея находилась прозрачная, какъ горный ключъ, вода, и трава казалась дномъ какого-то свѣтлаго, прозрачнаго до самой глубины моря; по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ немъ вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ старухою. Онъ видѣлъ, какъ, вмѣсто мѣсяца, свѣтило тамъ какое-то солнце; онъ слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоняя свои гол вки, звенѣли: онъ видѣлъ, какъ изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и трепета. Она оборотилась къ нему—и вотъ ея лицо, съ глазами, свѣтлыми, сверкающими, острыми, съ пѣньемъ вторгавшимися въ душу, уже приближалось къ нему, уже было на поверхности и, задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялось; и вотъ она опрокинулась на спину — и облачныя перси ея, матовыя, какъ фарфоръ, непокрытый глазурью, просвѣчивали предъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой, эластически-нѣжной окружности. Вода, въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, какъ бисеръ, обсыпала ихъ. Она вся дрожитъ и смѣется въ водѣ...

Видитъ ли онъ это, или не видитъ? Наяву ли это, или снится? Но тамъ что? вѣтеръ или музыка? звенитъ, звенитъ и вьется, и подступаетъ, и вонзается въ душу какою-то нестерпимою трелью...

— Что это? — думалъ философъ Хома Брутъ, глядя внизъ, несясь во всю прыть. Потъ катился съ него градомъ. Онъ чувствовалъ бѣсовски-сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслажденіе. Ему часто казалось, какъ будто сердца уже вовсе не было у него, и онъ со страхомъ хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, онъ началъ припоминать всѣ, какія только зналъ, молитвы. Онъ перебиралъ всѣ заклятія противъ духовъ, и вдругъ почувствовалъ какое-то освѣженіе, чувствовалъ, что шагъ его начиналъ становиться лѣнивѣе, вѣдьма какъ-то слабѣе держалась на спинѣ его, густая трава касалась его, и уже онъ не видѣлъ въ ней ничего необыкновеннаго. Свѣтлый серпъ свѣтилъ на небѣ.

— Хорошо же!—подумалъ про себя философъ Хома и началъ почти вслухъ произносить заклятія. Наконецъ, съ быстротою молніи, выпрыгнулъ изъ-подъ старухи и вскочилъ въ свою очередь къ ней на спину. Старуха мелкимъ дробнымъ шагомъ побѣжала такъ быстро, что всадникъ едва могъ переводить духъ свой. Земля чуть мелькала подъ нимъ; все было ясно при мѣсячномъ, хотя и неполномъ свѣтѣ; долины были гладки; но все отъ быстроты мелькало неясно и сбивчиво въ его глазахъ. Онъ схватилъ лежавшее на дорогѣ полѣно и началъ имъ со всѣхъ силъ колотить старуху.

Дикіе вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потомъ становились слабѣе, пріятнѣе, чище, и потомъ уже тихо едва звенѣли, какъ тонкіе серебряные колокольчики, и заронялись ему въ душу; и невольно мелькнула въ головѣ мысль: точно ли это старуха?—Охъ, не могу больше!—произнесла она въ изнеможеніи и упала на землю.

Онъ всталъ на ноги и посмотрѣлъ ей въ очи (разсвѣтъ загорался, и блестѣли золотыя главы вдали кіевскихъ церквей): передъ нимъ лежала красавица съ растрепанною роскошною косою, съ длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами. Безчувственно отбросила она на обѣ стороны бѣлыя нагія руки и стонала, возведя кверху очи, полныя слезъ.

Затрепеталъ, какъ древесный листъ, Хома; жалость и какое-то странное волненіе, и робость, невѣдомыя ему самому, овладѣли имъ. Онъ пустился бѣжать во весь духъ. Дорогой билось безпокойно его сердце, и никакъ не могъ онъ истолковать себѣ, что за странное, новое чувство имъ овладѣло. Онъ уже не хотѣлъ болѣе идти на хутора и спѣшилъ въ Кіевъ, раздумывая всю дорогу о такомъ непонятномъ происшествіи.

Бурсаковъ почти никого не было въ городѣ: всѣ разбрелись по хуторамъ, или на кондиціи, или, просто, безъ всякихъ кондицій, потому что по хуторамъ малороссійскимъ можно ѣсть галушки, сыръ, сметану и вареники величиною въ шляпу, не заплативъ гроша денегъ. Большая разъѣхавшаяся хата, въ которой помѣщалась бурса, была рѣшительно пуста, и сколько философъ ни шарилъ во всѣхъ углахъ и даже ощупалъ всѣ дыры и западни въ крышѣ, но нигдѣ не отыскалъ ни куска сала или, по крайней мѣрѣ, стараго книша, что, по обыкновенію, запрятываемо было бурсаками.

Однакоже философъ скоро сыскался, какъ поправить свое горе: онъ прошелъ, посвистывая, раза три по рынку, перемигнулся на самомъ концѣ съ какою-то молодою вдовою въ желтомъ очипкѣ, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса,—и былъ въ тотъ же день накормленъ пшеничными варениками, курицею... и словомъ — перечесть нельзя, что у него было за столомъ, накрытымъ въ маленькомъ глиняномъ домикѣ, среди вишневаго садика. Въ тотъ же самый вечеръ видѣли философа въ корчмѣ: онъ лежалъ на лавкѣ, покуривая, по обыкновенію своему, люльку, и при всѣхъ бросилъ жиду-корчмарю ползолотой. Передъ нимъ стояла кружка. Онъ глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи.

Между тѣмъ распространились вездѣ слухи, что дочь одного изъ богатѣйшихъ сотниковъ, котораго хуторъ находился въ пятидесяти верстахъ отъ Кіева, возвратилась въ одинъ день съ прогулки вся избитая, едва имѣвшая силы добресть до отцовскаго дома, находится при смерти и передъ смертнымъ часомъ изъявила желаніе, чтобы отходную по ней и молитвы, въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти, читалъ одинъ изъ кіевскихъ семинаристовъ: Хома Брутъ. Объ этомъ философъ узналъ отъ самого ректора, который нарочно призывалъ его въ свою комнату и объявилъ, чтобы онъ безъ всякаго отлагательства спѣшилъ въ дорогу, что именитый сотникъ прислалъ за нимъ нарочно людей и возокъ.

Философъ вздрогнулъ по какому-то безотчетному чувству, котораго онъ самъ не могъ растолковать себѣ. Темное предчувствіе говорило ему, что ждетъ его что-то недоброе. Самъ не зная почему, объявилъ онъ напрямикъ, что не поѣдетъ.

— Послушай, domine Хома! —сказалъ ректоръ (онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялся очень вѣжливо со своими подчиненными),—тебя никакой чортъ и не спрашиваетъ о томъ, хочешь ли ты ѣхать, или не хочешь. Я тебѣ скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь да мудрствовать, то прикажу тебя по спинѣ и по прочему такъ отстегать молодымъ березнякомъ, что и въ баню не нужно будетъ ходить.

Философъ, почесывая слегла за ухомъ, вышелъ, не говоря ни слова, располагая при первомъ удобномъ случаѣ возложить надежду на свои ноги. Въ раздумьи сходилъ онъ съ кругой лѣстницы, приводившей на дворъ, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голосъ ректора, дававшаго приказанія своему ключнику и еще кому-то, — вѣроятно, одному изъ посланныхъ за нимъ отъ сотника.

— Благодари пана за крупу и яйца,—говорилъ ректоръ,—и скажи, что какъ только будутъ готовы тѣ книги, о которыхъ онъ пишетъ, то я тотчасъ пришлю: я отдалъ ихъ уже переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе, прибавить пану, что на хуторѣ у нихъ, я знаю, водится хорошая рыба, и особенно осетрина, то при случаѣ прислалъ бы: здѣсь на базарахъ и нехороша, и дорога. А ты, Явтухъ, дай молодцамъ по чаркѣ горѣлки; да философа привязать, а не то — какъ разъ удеретъ.

— Вишь, чортовъ сынъ! — подумалъ про себя философъ,—пронюхалъ, длинноногій вьюнъ!

Онъ сошелъ внизъ и увидѣлъ кибитку, которую принялъ было сначала за хлѣбный овинъ на колесахъ. Въ самомъ дѣлѣ, она была такъ-же глубока, какъ печь, въ которой обжигаютъ кирпичи. Это былъ обыкновенный краковскій экипажъ, въ какомъ жиды полсотнею отправляются вмѣстѣ

съ товарами во всѣ города, гдѣ только слышитъ ихъ посъ ярмарку. Его ожидало человѣкъ шесть здоровыхъ и крѣпкихъ козаковъ, уже нѣсколько пожилыхъ. Свитки изъ тонкаго сукна, съ кистями, показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владѣльцу; небольшіе рубцы говорили, что они бывали когда-то на войнѣ не безъ славы.

— Что-жъ дѣлать? Чему быть, тому не миновать! — подумалъ про себя философъ и, обратившись къ козакамъ, произнесъ громко: — Здравствуйте, братья товарищи!

— Будь здоровъ, панъ философъ! — отвѣчали нѣкоторые изъ козаковъ.

— Такъ вотъ это мнѣ приходится сидѣть вмѣстѣ съ вами? А брика знатная! — продолжалъ онъ, влѣзая. — Тутъ бы только нанять музыкантовъ, то и танцовать можно.

— Да, соразмѣрный экипажъ! — сказалъ одинъ изъ козаковъ, садясь на облучокъ самъ-другъ съ кучеромъ, завязавшимъ голову тряпицею, вмѣсто шапки, которую онъ успѣлъ оставить въ шинкѣ. Другіе пять вмѣстѣ съ философомъ полѣзли въ углубленіе и расположились на мѣшкахъ, наполненныхъ разною закупкою, сдѣланною въ городѣ.

— Любопытно бы знать, — сказалъ философъ, — если бы, примѣромъ, эту брику нагрузить какимъ-нибудь товаромъ, положимъ — солью или желѣзными клинами, сколько потребовалось бы тогда коней?

— Да, — сказалъ, помолчавъ, сидѣвшій на облучкѣ козакъ, — достаточное бы число потребовалось коней.

Послѣ такого удовлетворительнаго отвѣта козакъ почиталъ себя въ правѣ молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотѣлось узнать обстоятельнѣе, кто таковъ былъ этотъ сотникъ, каковъ его нравъ, что слышно о его дочкѣ, которая такимъ необыкновеннымъ образомъ возвратилась домой и находилась при смерти, и которой исторія связалась теперь съ его собственною, какъ у нихъ и что дѣлается въ домѣ. Онъ обращался къ нимъ съ вопросами; но козаки, вѣрно, были тоже философы, потому что, въ отвѣтъ на это, молчали и курили люльки, лежа на мѣшкахъ.

Одинъ только изъ нихъ обратился къ сидѣвшему на козлахъ возницѣ съ коротенькимъ приказаніемъ: — Смотри, Оверко, ты, старый разиня, какъ будешь подъѣзжать къ шинку, что на чухрайловской дорогѣ, то не позабудь остановиться и разбудить меня и другихъ молодцовъ, если кому случится заснуть.

Послѣ этого онъ заснулъ довольно громко. Впрочемъ, эти наставленія были совершенно напрасны, потому что едва только приблизилась исполинская брика къ шинку на чухрайловской дорогѣ, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: — Стой! — Притомъ лошади Оверка были такъ уже пріучены, что останавливались сами передъ каждымъ шинкомъ.

Несмотря на жаркій іюльскій день, всѣ вышли изъ брики, отправились въ низенькую, запачканную комнату, гдѣ жидъ-корчмарь, съ знаками радости, бросился принимать своихъ старыхъ знакомыхъ. Жидъ принесъ подъ полою нѣсколько колбасъ изъ свинины и, положивши на столъ, тотчасъ отворотился отъ этого запрещеннаго талмудомъ плода. Всѣ усѣлись вокругъ стола; глиняныя кружки показались предъ каждымъ изъ гостей. Философъ Хома долженъ былъ участвовать въ общей пирушкѣ. И такъ какъ малороссіяне, когда подгуляютъ, непремѣнно начнутъ цѣловаться или плакать, то скоро вся изба наполнилась лобызаніями. „А ну, Спиридъ, почеломкаемся!“ — „Иди сюда, Дорошъ, я обниму тебя!“

Одинъ козакъ, бывшій постарѣе всѣхъ другихъ, съ сѣдыми усами, подставивши руку подъ щеку, началъ рыдать отъ души о томъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери и что онъ остался однимъ одинъ на свѣтѣ. Другой былъ большой резонеръ и безпрестанно утѣшалъ его, говоря: „Не плачь; ей-Богу, не плачь! что-жъ тутъ?.. Ужъ Богъ знаетъ, какъ и что такое“. Одинъ, по имени Дорошъ, сдѣлался чрезвычайно любопытенъ и, оборотившись къ философу Хомѣ, безпрестанно спрашивалъ его: — Я хотѣлъ бы знать, чему у васъ въ бурсѣ учатъ: тому ли самому, что и дьякъ читаетъ въ церкви, или чему другому?“

— Не спрашивай! — говорилъ протяжно резонеръ, — пусть его тамъ будетъ, какъ было. Богъ уже знаетъ, какъ нужно; Богъ все знаетъ.

— Нѣтъ, я хочу знать, — говорилъ Дорошъ, — что тамъ написано въ тѣхъ книжкахъ: можетъ быть, совсѣмъ другое, чѣмъ у дьяка.

— О, Боже мой, Боже мой! — говорилъ этотъ почтенный наставникъ: — и на что такое говорить? Такъ уже воля Божія положила. Уже что Богъ далъ, того не можно перемѣнить.

— Я хочу знать все, что ни написано. Я пойду въ бурсу, ей-Богу, пойду. Что ты думаешь, я не выучусь? — Всему выучусь, всему!

— О, Боже-жъ мой, Боже мой!.. — говорилъ утѣшитель и спустилъ свою голову на столъ, потому что совершенно былъ не въ силахъ держать ее долѣе на плечахъ. Прочіе козаки толковали о панахъ и о томъ, отчего на небѣ свѣтитъ мѣсяцъ.

Философъ Хома, увидя такое расположеніе головъ, рѣшился воспользоваться и улизнуть. Онъ спачала обратился къ сѣдовласому козаку, гру-

стившему объ отцѣ и матери: — Что-жъ ты, дядько, расплакался? — сказалъ онъ, — я самъ сирота! Отпустите меня, ребята, на волю! На что я вамъ?

— Пустимъ его на волю! — отозвались нѣкоторые: — вѣдь онъ сирота; пусть себѣ идетъ, куда хочетъ.

— О, Боже-жъ мой! Боже мой! — произнесъ утѣшитель, поднявъ свою голову: — отпустите его! Пусть идетъ себѣ!

И козаки уже хотѣли сами вывесть его въ чистое поле; но тотъ, который показалъ свое любопытство, остановилъ ихъ, сказавши: „Не трогайте: я хочу съ нимъ потоворить о бурсѣ; я самъ пойду въ бурсу ..“

Впрочемъ, врядъ ли бы этотъ побѣгъ могъ совершиться, потому что когда философъ вздумалъ подняться изъ-за стола, то ноги его сдѣлались какъ будто деревянными, и дверей въ комнатѣ начало представляться ему такое множество, что врядъ ли бы онъ отыскалъ настоящую.

Только ввечеру вся эта компанія вспомнила, что нужно отправляться далѣе въ дорогу. Взмостившись въ брику, они потянулись, погоняя лошадей и напѣвая пѣсню, которой слова и смыслъ врядъ ли бы кто разобралъ. Проколесивши большую половину ночи, безпрестанно сбиваясь съ дороги, выученной наизусть, они наконецъ спустились съ крутой горы въ долину, и философъ замѣтилъ по сторонамъ тянувшійся частоколъ или плетень, съ низенькими деревьями и выказывавшимися изъ-за нихъ крышами. Это было большое селеніе, принадлежавшее сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны, и маленькія звѣздочки мелькали кое-гдѣ. Ни въ одной хатѣ не видно было огня. Они взъѣхали, въ сопровожденіи собачьяго лая, на дворъ. Съ обѣихъ сторонъ были замѣтны крытые соломою сараи и домики; одинъ изъ нихъ, находившійся какъ разъ посерединѣ противъ воротъ, былъ болѣе другихъ и служилъ, какъ казалось, пребываніемъ сотника. Брика остановилась передъ небольшимъ подобіемъ сарая, и путешественники наши отправились спать. Философъ хотѣлъ, однакоже, нѣсколько осмотрѣть снаружи панскія хоромы; но, какъ онъ ни пялилъ свои глаза, ничто не могло означиться въ ясномъ видѣ: вмѣсто дома представлялся ему медвѣдь, изъ трубы дѣлался ректоръ. Философъ махнулъ рукою и пошелъ спать.

Когда проснулся философъ, то весь домъ былъ въ движеніи: въ ночь умерла панночка. Слуги бѣгали впопыхахъ взадъ и впередъ; старухи нѣкоторыя плакали; толпа любопытныхъ глядѣла сквозь заборъ на панскій дворъ, какъ будто бы могла что-нибудь увидѣть. Философъ началъ на досугѣ осматривать тѣ мѣста, которыя онъ не могъ разглядѣть ночью. Панскій домъ былъ низенькое небольшое строеніе, какія обыкновенно строились въ старину въ Малороссіи; онъ былъ покрытъ соломою; маленькій, острый и высокій фронтонъ съ окошкомъ, похожимъ на поднятый кверху глазъ, былъ весь измалеванъ голубыми и желтыми цвѣтами и красными полумѣсяцами; онъ былъ утвержденъ на дубовыхъ столбикахъ, до половины круглыхъ и снизу шестигранныхъ, съ вычурною обточкою вверху. Подъ этимъ фронтономъ находилось небольшое крылечко со скамейками по обѣимъ сторонамъ. Съ боковъ дома были навѣсы на такихъ же столбикахъ, индѣ витыхъ. Высокая груша съ пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленѣла передъ домомъ. Нѣсколько амбаровъ въ два ряда стояли среди двора, образуя родъ широкой улицы, ведшей къ дому. За амбарами, къ самымъ воротамъ, стояли треугольниками два погреба, одинъ напротивъ другого, крытые также соломою. Треугольная стѣна каждаго изъ нихъ была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображеніями. На одной изъ нихъ нарисованъ былъ сидящій на бочкѣ козакъ, державшій надъ головою кружку съ надписью: „Все выпью!“ На другой фляжка, сулеи и по сторонамъ, для красоты, лошадь, стоявшая вверхъ ногами, трубка, бубны и подпись: „Вино—козацкая потѣха“. Съ чердака одного изъ сараевъ выглядывалъ, сквозь огромное слуховое окно, барабанъ и мѣдныя трубы. У воротъ стояли двѣ пушки. Все показывало, что хозяинъ дома любилъ повеселиться и дворъ часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились двѣ вѣтряныя мельницы. Позади дома шли сады, и сквозь верхушки деревъ видны были однѣ только темныя шлянки трубъ, скрывавшихся въ зеленой гущѣ хатъ. Все селеніе помѣщалось на широкомъ и ровномъ уступѣ горы. Съ сѣверной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самаго двора. При взглядѣ на нее снизу, она казалась еще круче, и на высокой верхушкѣ ея торчали кое-гдѣ неправильные стебли тощаго бурьяна и чернѣли на свѣтломъ небѣ; обнаженный глинистый видъ ея навѣвалъ какое-то уныніе; она была вся изрыта дождевыми промоинами и проточинами. На крутомъ косогорѣ ея въ двухъ мѣстахъ торчали двѣ хаты; надъ одною изъ нихъ раскидывала вѣтви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями съ насыпною землей. Яблоки, сбиваемыя вѣтромъ, скатывались въ самый панскій дворъ. Съ вершины вилась по всей горѣ дорога и, опустившись, шла мимо двора въ селенье. Когда философъ измѣрилъ страшную кругь ея и вспомнилъ вчерашнее путешествіе, то рѣшилъ, что или у пана были слишкомъ умныя ло-

шади, или у козаковъ слишкомъ крѣпкія головы, когда и въ хмельномъ чаду умѣли не полетѣть вверхъ ногами вмѣстѣ съ неизмѣримою брикой и багажомъ. Философъ стоялъ на высшемъ въ дворѣ мѣстѣ, и, когда оборотился и глянулъ въ противоположную сторону, ему представился совершенно другой видъ. Селеніе вмѣстѣ съ отлогостью скатывалось на равнину. Необозримые луга открывались на далекое пространство; яркая зелень ихъ темнѣла по мѣрѣ отдаленія, и цѣлые ряды селеній синѣли вдали, хотя разстояніе ихъ было болѣе, нежели на двадцать верстъ. Съ правой стороны этихъ луговъ тянулись горы, и чуть замѣтною вдали полосою горѣлъ и темнѣлъ Днѣпръ.

— Эхъ, славное мѣсто!—сказалъ философъ,— вотъ тутъ бы жить, ловить рыбу въ Днѣпрѣ и въ прудахъ, охотиться съ тенетами или съ ружьемъ за стрепетами и крольшнепами! Впрочемъ, я думаю, и дрофъ не мало въ этихъ лугахъ! Фруктовъ же можно насушить и продать въ городъ множество или, еще лучше, выкурить изъ нихъ водку, потому что водка изъ фруктовъ ни съ какимъ пѣницкомъ не сравнится. Да не мѣшаетъ подумать и о томъ, какъ бы улизнуть отсюда.

Онъ примѣтилъ за плетнемъ маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурьяномъ; поставилъ машинально на нее ногу, думая напередъ только прогуляться, а потомъ тихомолкомъ, промежъ хатами, да и махнуть въ поле, какъ внезапно почувствовалъ на своемъ плечѣ довольно крѣпкую руку.

Позади его стоялъ тотъ самый старый козакъ, который вчера такъ горько соболѣзновалъ о смерти отца и матери и о своемъ одиночествѣ.

— Напрасно ты думаешь, панъ философъ, улепетнуть изъ хутора! — говорилъ онъ, — тутъ не такое заведеніе, чтобы можно было убѣжать; да и дороги для пѣшехода плохи; а ступай лучше къ пану: онъ ожидаетъ тебя давно въ свѣтлицѣ.

— Пойдемъ! Что-жъ... я съ удовольствіемъ,— сказалъ философъ и отправился вслѣдъ за козакомъ.

Сотникъ, уже престарѣлый, съ сѣдыми усами и съ выраженіемъ мрачной грусти, сидѣлъ передъ столомъ въ свѣтлицѣ, подпершн обѣими руками голову. Ему было около пятидесяти лѣтъ; но глубокое уныніе на лицѣ и какой-то блѣднотощій цвѣтъ показывали, что душа его была убита и разрушена вдругъ въ одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли навѣки. Когда взошелъ Хома вмѣстѣ съ старымъ козакомъ, онъ отнялъ одну руку и слегка кивнулъ головою на низкій ихъ поклонъ.

Хома и козакъ почтительно остановились у дверей.

— Кто ты, и откудова, и какого званія, добрый человѣкъ?—сказалъ сотникъ ни ласково, ни сурово.

— Изъ бурсаковъ, философъ Хома Брутъ...

— А кто былъ твой отецъ?

— Не знаю, вельможный панъ.

— А мать твоя?

— И матери не знаю. — По здравому разсужденію, конечно, была мать; но кто она и откуда, и когда жила, — ей-Богу, добродію, не знаю.

Старикъ помолчалъ и, казалось, минуту оставался въ задумчивости.

— Какъ же ты познакомился съ моею дочкою?

— Не знакомился, вельможный панъ, ей-Богу, не знакомился! Еще никакого дѣла съ панночками не имѣлъ, сколько ни живу на свѣтѣ. Цуръ имъ, чтобы не сказать непристойнаго!

— Отчего же она не другому кому, а тебѣ именно назначила читать?

Философъ пожалъ плечами:—Богъ его знаетъ, какъ это растолковать. Извѣстное уже дѣло, что панамъ подчасъ захочется такого, что и самый наиграмотнѣйшій человѣкъ не разберетъ; и пословица говоритъ: „Скачи, враже, якъ панъ каже“.

— Да не врешь ли ты, панъ философъ?

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ пусть громомъ такъ и хлопнетъ, если лгу.

— Если бы только минуточкой долѣе прожила ты,—грустно сказалъ сотникъ,—то, вѣрно бы, я узналъ все.—Никому не давай читать по мнѣ, но пошли, тату, сей же часъ въ кіевскую семинарію и привези бурсака Хому Брута; пусть три ночи молится по грѣшной душѣ моей. Онъ знаетъ...—А что такое знаетъ, я уже не услышалъ: она, голубонька, только и могла сказать, и умерла. Ты, добрый человѣкъ, вѣрно, извѣстенъ святою жизнью своею и богоугодными дѣлами, и она, можетъ быть, наслышалась о тебѣ.

— Кто? Я? — сказалъ бурсакъ, отступивши отъ изумленія. — Я святой жизни? — произнесъ онъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза сотнику.—Богъ съ вами, панъ! Что вы это говорите! Да я, — хоть оно непристойно сказать,—ходилъ къ булочницѣ противъ самаго страстного четверга.

— Ну... вѣрно, уже недаромъ такъ назначено. Ты долженъ съ сего же дня начать свое дѣло.

— Я бы сказалъ на это вашей милости... Оно, конечно, всякій человѣкъ, вразумленный святому писанію, можетъ по соразмѣрности... только сюда приличнѣе бы требовалось дьякона

или, по крайней мѣрѣ, дьяка. Они народъ толковый и знаютъ, какъ все это уже дѣлается; а я... Да у меня и голосъ не такой, и самъ я— чортъ знаетъ что. Никакого виду съ меня нѣтъ.

— Ужъ какъ ты себѣ хочешь, только я все, что завѣщала мнѣ моя голубка, исполню, ничего не пожалѣя. И когда ты съ сего дня три ночи совершишь, какъ слѣдуетъ, надъ нею молитвы, то я на ражу тебя; а не то — и самому чорту не совѣтую разсердить меня.

Послѣднія слова произнесены были сотникомъ такъ крѣпко, что философъ понялъ вполнѣ ихъ значеніе.

— Ступай за мною!—сказалъ сотникъ.

Они вышли въ сѣни. Сотникъ отворилъ дверь въ другую свѣтлицу, бывшую насупротивъ первой. Философъ остановился на минуту въ сѣняхъ высморкаться и съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ переступилъ черезъ порогъ.

Весь полъ былъ устланъ красною китайкой. Въ углу, подъ образами, на высокомъ столѣ, лежало тѣло умершей на одѣялѣ изъ синяго бархата, убранномъ золотою бахромою и кистями. Высокія восковыя свѣчи, увитыя калиною, стояли въ ногахъ и въ головахъ, изливая свой мутный, терявшійся въ дневномъ сіяніи, свѣтъ. Лицо умершей было заслонено отъ него неутѣшнымъ отцомъ, который сидѣлъ передъ нею, обратясь спиною къ дверямъ. Философа поразили слова, которыя онъ услышалъ:

— Я не о томъ жалѣю, моя наимилѣйшая мнѣ дочь, что ты во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, не доживъ положеннаго вѣка, на печаль и горесть мнѣ, оставила землю; я о томъ жалѣю, моя голубонька, что не знаю того, кто былъ, лютый врагъ мой, причиною твоей смерти. И если бы я зналъ, кто могъ подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказалъ что-нибудь непріятное о тебѣ, то, клянусь Богомъ, не увидѣлъ бы онъ больше своихъ дѣтей, если онъ такъ же старъ, какъ и я, ни своего отца и матери, если только онъ еще на порѣ лѣтъ, и тѣло его было бы выброшено на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ степнымъ! Но горе мнѣ, моя полевая нагидочка, моя перепелочка, моя ясочка, что проживу я остальной вѣкъ свой безъ потѣхи, утирая полою дробныя слезы, текущія изъ старыхъ очей моихъ, тогда какъ врагъ мой будетъ веселиться и втайнѣ посмѣваться надъ хилымъ старцемъ...

Онъ остановился, и причиною этого была разрывающая горесть, разрѣшившаяся цѣлымъ потопомъ слезъ.

Философъ былъ тронутъ такою безутѣшною печалью; онъ закашлялъ и издалъ глухое крехтаніе, желая очистить имъ свой голосъ.

Сотникъ оборотился и указалъ ему мѣсто въ головахъ умершей, передъ небольшимъ налоемъ, на которомъ лежали книги.

— Три ночи какъ-нибудь отработаю, — подумалъ философъ, — за то панъ набьетъ мнѣ оба кармана чистыми червонцами.

Онъ приблизился и, еще разъ откашлявшись, принялся читать, не обращая никакого вниманія на сторону и не рѣшаясь взглянуть въ лицо умершей. Глубокая тишина воцарилась. Онъ замѣтилъ, что сотникъ вышелъ. Медленно поворотилъ онъ голову, чтобы взглянуть на умершую, и...

Трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ: передъ нимъ лежала красавица, какая когда-либо бывала на землѣ. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ. Она лежала, какъ живая; чело прекрасное, нѣжное, какъ снѣгъ, какъ серебро, казалось, мыслило, брови—ночь среди солнечнаго дня, тонкія, ровныя, горделиво приподнялись надъ закрытыми глазами; а рѣсницы, упавшія стрѣлами на щеки, пылавшія жаромъ тайныхъ желаній; уста — рубины, готовыя усмѣхнуться смѣхомъ блаженства, потопомъ радости... Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что-то страшно-пронзительное. Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно ныть, какъ будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную. Рубины устъ ея, казалось, прикипали кровью къ самому сердцу. Вдругъ что-то страшно-знакомое показалось въ лицѣ ея. „Вѣдьма!“ вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ, отвелъ глаза въ сторону, поблѣднѣлъ весь и сталъ читать свои молитвы. Это была та самая вѣдьма, которую убилъ онъ!

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли въ церковь. Философъ однимъ плечомъ своимъ поддерживалъ черный траурный гробъ и чувствовалъ на плечѣ своемъ что-то холодное, какъ ледъ. Сотникъ самъ шелъ впереди, неся рукою правую сторону тѣснаго дома умершей. Церковь деревянная, почернѣвшая, убранная зеленымъ мохомъ, съ тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Замѣтно было, что въ ней давно уже не отправлялось никакого служенія. Свѣчи были зажжены почти передъ каждымъ образомъ. Гробъ поставили посерединѣ, противъ самаго алтаря. Старый сотникъ поцѣловалъ еще разъ умершую, повергнулся ницъ и вышелъ вмѣстѣ съ носильщиками вонъ, давъ повелѣніе хорошенько накормить философа и послѣ ужина проводить его въ церковь. Пришедши въ кухню, всѣ, несшіе гробъ, начали прикладывать руки къ печкѣ, что обыкновенно дѣлаютъ малороссіяне, увидѣвши мертвеца.

Голодъ, который въ это время началъ чувствовать философъ, заставилъ его на нѣсколько минутъ позабыть вовсе объ умершей. Скоро вся дворня мало-по-малу начала сходиться въ кухню. Кухня въ сотниковомъ домѣ была что-то похожее на клубъ, куда стекалось все, что ни обитало во дворѣ, считая въ это число и собакъ, приходившихъ съ машущими хвостами къ самымъ дверямъ за костями и помоями. Куда бы кто ни былъ посылаемъ и по какой бы то ни было надобности, онъ всегда прежде заходилъ на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавкѣ и выкурить люльку. Всѣ холостяки, жившіе въ домѣ, щеголявшіе въ козацкихъ свиткахъ, лежали здѣсь почти цѣлый день на лавкѣ, подъ лавкою, на печкѣ—однимъ словомъ, гдѣ только можно было сыскать удобное мѣсто для лежанья. Притомъ всякій вѣчно позабывалъ въ кухнѣ или шапку, или кнутъ для чужихъ собакъ, или что-нибудь подобное. Но самое многочисленное собраніе бывало во время ужина, когда приходилъ и табунщикъ, успѣвшій загнать своихъ лошадей въ загонъ, и погонщикъ, приводившій коровъ для дойки, и всѣ тѣ, которыхъ въ теченіе дня нельзя было увидѣть. За ужиномъ болтовня овладѣвала самыми неговорливыми языками. Тутъ обыкновенно говорилось обо всемъ: и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка. Тутъ было множество бонмотистовъ, въ которыхъ между малороссіянами нѣтъ недостатка.

Философъ усѣлся вмѣстѣ съ другими въ обширный кружокъ, на вольномъ воздухѣ, передъ порогомъ кухни. Скоро баба въ красномъ очипкѣ высунулась изъ дверей, держа въ обѣихъ рукахъ горячій горшокъ съ галушками, и поставила его посреди готовившихся ужинать. Каждый вынулъ изъ кармана своего деревянную ложку; иные, за неимѣніемъ, деревянную спичку. Какъ только уста стали двигаться немного медленнѣе, и волчій голодъ всего этого собранія немного утишился, многіе начали заговаривать. Разговоръ, натурально, долженъ былъ обратиться къ умершей.

— Правда ли,—сказалъ одинъ молодой овчаръ, который насадилъ на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговицъ и мѣдныхъ бляхъ, что былъ похожъ на лавку мелкой торговки,— правда ли, что панночка, не тѣмъ будь помянута, знялась съ нечистымъ?

— Кто? Панночка? — сказалъ Дорошъ, уже знакомый прежде нашему философу, — да она была цѣлая вѣдьма! Я присягну, что вѣдьма!

— Полно, полно, Дорошъ, — сказалъ другой, который во время дороги изъявлялъ большую готовность утѣшать,—это не наше дѣло; Богъ съ нимъ! Нечего объ этомъ толковать. — Но Дорошъ вовсе не былъ расположенъ молчать; онъ только-что передъ тѣмъ сходилъ въ погребъ вмѣстѣ съ ключникомъ по какому-то нужному дѣлу и, наклонившись раза два къ двумъ или тремъ бочкамъ, вышелъ оттуда чрезвычайно веселый и говорилъ безъ умолку.

— Что ты хочешь? Чтобы я молчалъ?—сказалъ онъ, — да она на мнѣ самомъ ѣздила! Ей-Богу, ѣздила!

— А что, дядько?—сказалъ молодой овчаръ съ пуговицами, — можно ли узнать по какимъ-нибудь примѣтамъ вѣдьму?

— Нельзя, — отвѣчалъ Дорошъ, — никакъ не узнаешь; хоть всѣ псалтыри перечитай, то не узнаешь!

— Можно, можно, Дорошъ: не говори этого,— произнесъ прежній утѣшитель, — уже Богъ недаромъ далъ всякому особый обычай: люди, знающіе науку, говорятъ, что у вѣдьмы есть маленькій хвостикъ.

— Когда стара баба, то и вѣдьма, — сказалъ хладнокровно сѣдой козакъ.

— О, ужъ хороши и вы! — подхватила баба, которая подливала въ то время свѣжихъ галушекъ въ очистившійся горшокъ, — настоящіе толстые кабаны!

Старый козакъ, котораго имя было Явтухъ, а прозваніе Ковтунъ, выразилъ на губахъ своихъ улыбку удовольствія, замѣтивъ, что слова его задѣли за живое старуху; а погонщикъ скотины пустилъ такой густой смѣхъ, какъ будто бы два быка, ставши одинъ противъ другого, замычали разомъ.

Начавшійся разговоръ возбудилъ непреодолимое желаніе и любопытство философа узнать обстоятельнѣе про умершую сотникову дочь, и потому, желая опять навести его на прежнюю матерію, обратился къ сосѣду своему съ такими словами:— Я хотѣлъ спросить, почему все это сословіе, что сидитъ за ужиномъ, считаетъ панночку вѣдьмою? Что-жъ, развѣ она кому-нибудь причинила зло, или извела кого-нибудь?

— Было всякаго, — отвѣчалъ одинъ изъ сидѣвшихъ, съ лицомъ гладкимъ, чрезвычайно похожимъ на лопату.

— А кто не припомнитъ псаря Микиту, или того...

— А что-жъ такое псарь Микита? — сказалъ философъ.

— Стой! я разскажу про псаря Микиту, — сказалъ Дорошъ.

— Я разскажу про Микиту,—отвѣчалъ табунщикъ,—потому что онъ былъ мой кумъ.

— Я разскажу про Микиту,—сказалъ Спиридъ.

— Пускай, пускай Спиридъ разскажетъ! — закричала толпа.

Спиридъ началъ: — Ты, панъ философъ Хома, не зналъ Микиты. Эхъ, какой рѣдкій былъ человѣкъ! Собаку каждую онъ, бывало, такъ знаетъ, какъ родного отца. Теперешній псарь Микола, что сидитъ третьимъ за мною, и въ подметки ему не годится. Хотя онъ тоже разумѣетъ свое дѣло, но онъ противъ него—дрянь, помои.

— Ты хорошо разсказываешь, хорошо! — сказалъ Дорошъ, одобрительно кивнувъ головою.

Спиридъ продолжалъ:— Зайца увидитъ скорѣе, чѣмъ собака утрешь изъ носу. Бывало, свистнетъ: „а ну, Разбой! а ну, Быстрая!“ а самъ на конѣ во всю прыть, — и уже разсказать нельзя, кто кого скорѣе обгонитъ: онъ ли собаку, или собака его. Сивухи кварту свистнетъ вдругъ, какъ не бывало. Славный былъ псарь! Только съ недавняго времени началъ онъ заглядываться безпрестанно на панночку. Вклепался ли онъ точно въ нее, или уже она такъ его околдовала, только пропалъ человѣкъ, обабился совсѣмъ; сдѣлался чортъ знаетъ что, пфу! непристойно сказать.

— Хорошо, — сказалъ Дорошъ.

— Какъ только панночка, бывало, взглянетъ на него, то и повода изъ рукъ пускаетъ. Разомъ зоветъ Бровкомъ, спотыкается и ни вѣсть что дѣлаетъ. Одинъ разъ панночка пришла на конюшню, гдѣ онъ чистилъ коня. — „Дай,—говоритъ,—Микитка, я положу на тебя свою ножку.— А онъ, дурень, и радъ тому: говоритъ, — что не только ножку, не и сама садись на меня.— Панночка подняла свою ножку, и какъ увидѣлъ онъ ея нагую, полную и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, дурень, нагнулъ спину и, схвативши обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю, и куда они ѣздили, онъ ничего не могъ сказать; только воротился едва живой, и съ той поры изсохнулъ весь, какъ щепка; и когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча золы да пустое ведро: сгорѣлъ совсѣмъ, сгорѣлъ самъ собою. А такой былъ псарь, какого на всемъ свѣтѣ не можно найти.

Когда Спиридъ окончилъ разсказъ свой, со всѣхъ сторонъ пошли толки о достоинствахъ бывшаго псаря.

— А про Шепчиху ты не слышалъ?—сказалъ Дорошъ, обращаясь къ Хомѣ.

— Нѣтъ.

— Эге, ге, ге! Такъ у васъ въ бурсѣ, видно, не слишкомъ большому разуму учатъ. Ну, слушай. У насъ есть на селѣ козакъ Шептунъ,—хорошій козакъ! Онъ любитъ иногда украсть и соврать безъ всякой нужды, но... хорошій козакъ. Его хата не такъ далеко отсюда. Въ такую самую пору, какъ мы теперь сѣли вечерять, Шептунъ съ жинкою, окончивши вечерю, легли спать, и такъ какъ время было хорошее, то Шепчиха легла на дворѣ, а Шептунъ въ хатѣ, на лавкѣ; или нѣтъ: Шепчиха въ хатѣ на лавкѣ, а Шептунъ на дворѣ...

— И не на лавкѣ, а на полу легла Шепчиха, — подхватила баба, стоя у порога и подперши рукою щеку.

Дорошъ поглядѣлъ на нее, потомъ поглядѣлъ внизъ, потомъ опять на нее и, немного помолчавъ, сказалъ:—Когда скину съ тебя при всѣхъ исподницу, то не хорошо будетъ.

Это предостереженіе имѣло свое дѣйствіе. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила рѣчи.

Дорошъ продолжалъ: — А въ люлькѣ, висѣвшей среди хаты, лежало годовое дитя, не знаю, мужескаго или женскаго пола. Шепчиха лежала, а потомъ слышитъ, что за дверью скребется собака и воетъ такъ, хоть изъ хаты бѣги. Она испугалась, ибо бабы — такой глупый народъ, что высунь ей подъ-вечеръ изъ-за дверей языкъ, то и душа уйдетъ въ пятки. Однакожъ думаетъ: „Дай-ка я ударю по мордѣ проклятую собаку, авось-либо перестанетъ выть“, — и, взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успѣла она немного отворить, какъ собака кинулась промежъ ногъ ея и прямо къ дѣтской люлькѣ. Шепчиха видитъ, что это уже не собака, а панночка; да притомъ пускай бы уже панночка въ такомъ видѣ, какъ она ее знала, — это бы еще ничего; но вотъ вещь и обстоятельство, что она была вся синяя, а глаза горѣли, какъ уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить изъ него кровь. Шепчиха только закричала: „Ахъ, лишечко!“ да изъ хаты. Только видитъ, что въ сѣняхъ двери заперты; она на чердакъ; сидитъ и дрожитъ глупая баба; а потомъ видитъ, что панночка къ ней идетъ и на чердакъ, кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептунъ поутру вытащилъ оттуда свою жинку, всю искусанную и посинѣвшую; а на другой день и умерла глупая баба. Такъ вотъ какія устройства и обольщенія бываютъ! Оно хоть и панскаго помету, да все, когда вѣдьма, то вѣдьма.

Послѣ такого разсказа Дорошъ самодовольно оглянулся и засунулъ палецъ въ свою трубку, приготовляя ее къ набивкѣ табакомъ. Матерія о вѣдьмѣ сдѣлалась неисчерпаемою. Каждый въ свою очередь спѣшилъ что-нибудь разсказать. Къ тому вѣдьма, въ видѣ скирды сѣна, пріѣхала къ самымъ дверямъ хаты; у другого украла шапку или трубку; у многихъ дѣвокъ на селѣ отрѣзала косу; у другихъ выпила по нѣскольку ведеръ крови.

Наконецъ, вся компанія опомнилась и увидѣла, что заболталась уже черезчуръ, потому что уже на дворѣ была совершенная ночь. Всѣ начали

разбродиться по ночлегамъ, находившимся или на кухнѣ, или въ сараяхъ, или среди двора.

— А ну, панъ Хома! теперь и намъ пора идти къ покойницѣ, — сказалъ сѣдой козакъ, обратившись къ философу, и всѣ четверо, въ томъ числѣ Спиридъ и Дорошъ, отправились въ церковь, стегая кнутами собакъ, которыхъ на улицѣ было великое множество и которыя со злости грызли ихъ палки.

Философъ, несмотря на то, что успѣлъ подкрѣпить себя доброю кружкою горѣлки, чувствовалъ въ тайнѣ подступавшую робость, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ освѣщенной церкви. Разсказы и странныя исторіи, слышанные имъ, помогали еще болѣе дѣйствовать его воображенію. Мракъ подъ тыномъ и деревьями начиналъ рѣдѣть; мѣсто становилось обнаженнѣе. Они вступили наконецъ за ветхую церковную ограду въ небольшой дворикъ, за которымъ не было ни деревца и открывалось одно пустое поле да поглощенные ночнымъ мракомъ луга. Три козака взошли вмѣстѣ съ Хомою по крутой лѣстницѣ на крыльцо и вступили въ церковь. Здѣсь они оставили философа, пожелавъ ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за нимъ дверь, по приказанію пана.

Философъ остался одинъ. Сначала онъ зѣвнулъ, потомъ потянулся, потомъ фукнулъ въ обѣ руки и наконецъ уже осмотрѣлся. Посреди нѣ стоялъ черный гробъ; свѣчи теплились предъ темными образами: свѣтъ отъ нихъ освѣщалъ только иконостасъ и слегка середину церкви; отдаленные углы притвора были закутаны мракомъ. Высокій старинный иконостасъ уже показывалъ глубокую ветхость; сквозная рѣзьба его, покрытая золотомъ, еще блестѣла одними только искрами; позолота въ одномъ мѣстѣ опала, въ другомъ вовсе почернѣла; лики святыхъ, совершенно потемнѣвшіе, глядѣли какъ-то мрачно. Философъ еще разъ осмотрѣлся. „Что жъ?—сказалъ онъ, — чего тутъ бояться? Человѣкъ придти сюда не можетъ, а отъ мертвецовъ и выходцевъ съ того свѣта есть у меня молитвы, такія, что какъ прочитаю, то они меня и пальцемъ не тронутъ. Ничего!—повторилъ онъ, махнувъ рукою,—будемъ читать“. Подходя къ клиросу, увидѣлъ онъ нѣсколько связокъ свѣчей. „Это хорошо,—подумалъ философъ, — нужно освѣтить всю церковь такъ, чтобы видно было, какъ днемъ. Эхъ, жаль, что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!“

И онъ принялся прилѣплять восковыя свѣчи ко всѣмъ карнизамъ, налоямъ и образамъ, не жалѣя ихъ нимало, и скоро вся церковь наполнилась свѣтомъ. Вверху только мракъ сдѣлался какъ будто сильнѣе, и мрачные образа глядѣли угрюмѣй изъ старинныхъ рѣзныхъ рамъ, кое-гдѣ сверкавшихъ позолотой. Онъ подошелъ ко гробу, съ робостью посмотрѣлъ въ лицо умершей — и не могъ не зажмурить, нѣсколько вздрогнувши, своихъ глазъ: такая страшная, сверкающая красота!

Онъ отворотился и хотѣлъ отойти; но, по странному любопытству, по странному поперечивающему себѣ чувству, не оставляющему человѣка, особенно во время страха, онъ не утерпѣлъ, уходя, не взглянуть на нее и потомъ, ощутивши тотъ же трепетъ, взглянулъ еще разъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкая красота усопшей казалась страшною. Можетъ быть, даже она не поразила бы такимъ паническимъ ужасомъ, если бы была нѣсколько безобразнѣе. Но въ ея чертахъ ничего не было тусклаго, мутнаго, умершаго; оно было живо, и философу казалось, какъ будто бы она глядитъ на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, какъ будто изъ-подъ рѣсницы праваго глаза ея покатилась слеза, и когда она остановилась на щекѣ, то онъ различилъ ясно, что это была капля крови.

Онъ поспѣшно отошелъ къ клиросу, развернулъ книгу и, чтобы болѣе ободрить себя, началъ читать самымъ громкимъ голосомъ. Голосъ его поразилъ церковныя деревянныя стѣны, давно молчаливыя и оглохлыя; одиноко, безъ эха, сыпался онъ густымъ басомъ въ совершенно мертвой тишинѣ и казался нѣсколько дикимъ даже самому чтецу. „Чего бояться?—думалъ онъ между тѣмъ самъ про себя:—вѣдь она не встанетъ изъ своего гроба, потому что побоится Божьяго слова. Пусть лежитъ! Да и что я за козакъ, когда бы устрашился? Ну, выпилъ лишнее — оттого и показывается страшно. А понюхать табаку. Эхъ, добрый табакъ! Славный табакъ! Хорошій табакъ!“ Однакоже, перелистывая каждую страницу, онъ посматривалъ искоса на гробъ, и невольное чувство, казалось, шептало ему: „Вотъ, вотъ встанетъ! Вотъ поднимется, вотъ выглянетъ изъ гроба!“

Но тишина была мертвая; гробъ стоялъ неподвижно; свѣчи лили цѣлый потопъ свѣта. Страшна освѣщенная церковь ночью, съ мертвымъ тѣломъ и безъ души людей!

Возвыся голосъ, онъ началъ пѣть на разные голоса, желая заглушить остатки боязни, но чрезъ каждую минуту обращалъ глаза свои на гробъ, какъ будто бы задавая невольный вопросъ: „Что, если подымется, если встанетъ она?“

Но гробъ не шелохнулся. Хоть бы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь живое существо, даже сверчокъ отозвался въ углу! Чуть только слышался легкій трескъ какой-нибудь отдаленной свѣчки, или слабый, слегка хлопнувшій звукъ восковой капли, падавшей на полъ.

— Ну, если подымется?..

Она приподняла голову...

Онъ дико взглянулъ и протеръ глаза. Но она, точно, уже не лежитъ, а сидитъ въ своемъ гробѣ. Онъ отвелъ глаза свои и опять съ ужасомъ обратилъ ихъ на гробъ. Она встала... идетъ по церкви съ закрытыми глазами, безпрестанно расправляя руки, какъ бы желала поймать кого-нибудь.

Она идетъ прямо къ нему. Въ страхѣ, очертилъ онъ около себя кругъ; съ усиліемъ началъ читать молитвы и произносить заклинанія, которымъ научилъ его одинъ монахъ, видѣвшій всю жизнь свою вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ.

Она стала почти на самой чертѣ; но видно было, что не имѣла силъ переступить ее, и вся посинѣла, какъ человѣкъ, уже нѣсколько дней умершій. Хома не имѣлъ духа взглянуть на нее: она была страшна. Она ударила зубами въ зубы и открыла мертвые глаза свои; но, не видя ничего, съ бѣшенствомъ,— что выразило ея задрожавшее лицо,—обратилась въ другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столбъ и уголъ, стараясь поймать Хому. Наконецъ, остановилась, погрозивъ пальцемъ, и легла въ свой гробъ.

Философъ все еще не могъ придти въ себя и со страхомъ поглядывалъ на это тѣсное жилище вѣдьмы. Наконецъ, гробъ вдругъ сорвался со своего мѣста и со свистомъ началъ летать по всей церкви, крестя во всѣхъ направленіяхъ воздухъ. Философъ видѣлъ его почти надъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что онъ не могъ зацѣпить круга, имъ начерченнаго, и усилилъ свои заклинанія. Гробъ грянулся на срединѣ церкви и остался неподвижнымъ. Трупъ опять поднялся изъ него, синій, позеленѣвшій. Но въ то время послышался отдаленный крикъ пѣтуха; трупъ опустился въ гробъ и захлопнулся гробовою крышкою.

Сердце у философа билось и потъ катился градомъ; но, ободренный пѣтушьимъ крикомъ, онъ дочитывалъ быстрѣе листы, которые долженъ былъ прочесть прежде. При первой зарѣ пришли смѣнить его дьячокъ и сѣдой Явтухъ, который на тотъ разъ отправлялъ должность церковнаго старосты.

Пришедши на отдаленный почлегъ, философъ долго не могъ заснуть; но усталость одолѣла, и онъ проспалъ до обѣда. Когда онъ проснулся, все ночное событіе казалось ему происходившимъ во снѣ. Ему дали, для подкрѣпленія силъ, кварту горѣлки. За обѣдомъ онъ скоро развязался, присовокупилъ кое къ чему замѣчанія и съѣлъ почти одинъ довольно большого поросенка; но однакоже о своемъ событіи въ церкви онъ не рѣшался говорить по какому-то безотчетному для него самого чувству, и на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ: — Да, были всякія чудеса. — Философъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ если накормятъ, то у нихъ пробуждается необыкновенная филантропія. Онъ, лежа съ своей трубкой въ зубахъ, глядѣлъ на всѣхъ необыкновенно сладкими глазами и безпрерывно поплевывалъ въ сторону.

Послѣ обѣда философъ былъ совершенно въ духѣ. Онъ успѣлъ обходить все селеніе, перезнакомиться почти со всѣми; изъ двухъ хатъ его даже выгнали; одна смазливая молодка хватила его порядочно лопатой по спинѣ, когда онъ вздумалъ было пощупать и полюбопытствовать, изъ какой матеріи у нея была сорочка и плахта. Но чѣмъ болѣе время близилось къ вечеру, тѣмъ задумчивѣе становился философъ. За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу, или въ кралги, — родъ кеглей, гдѣ, вмѣсто шаровъ, употребляются длинныя палки, и выигравшій имѣетъ право проѣзжаться на другомъ верхомъ. Эта игра становилась очень интересною для зрителей: часто погонщикъ, широкій, какъ блинъ, взлѣзалъ верхомъ на свиного пастуха, тщедушнаго, низенькаго, всего состоявшаго изъ морщинъ. Въ другой разъ погонщикъ подставлялъ свою спину, и Дорошъ, вскочивши на нее, всегда говорилъ: „Экой здоровый быкъ!“ У порога кухни сидѣли тѣ, которые были посолиднѣе. Они глядѣли чрезвычайно серьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежь отъ души смѣялась какому-нибудь острому слову погонщика или Спирида. Хома напрасно старался вмѣшаться въ эту игру: какая-то темная мысль, какъ гвоздь, сидѣла въ его головѣ. За вечерей сколько ни старался онъ развеселить себя, но страхъ загорался въ немъ вмѣстѣ съ тьмою, распространявшеюся по небу.

— А ну, пора намъ, панъ бурсакъ! — сказалъ ему знакомый сѣдой козакъ, подымаясь съ мѣста вмѣстѣ съ Дорошемъ, — пойдемъ на работу.

Хому опять такимъ же самымъ образомъ отвели въ церковь; опять оставили его одного и заперли за нимъ дверь. Какъ только онъ остался одинъ, робость начала впѣдряться снова въ его грудь. Онъ опять увидѣлъ темные образа, блестящія рамы и знакомый черный гробъ, стоявшій въ угрожающей тишинѣ и неподвижности среди церкви.

— Что-жъ? — произнесъ онъ, — теперь вѣдь мнѣ не въ диковинку это диво. Оно съ перваго раза только страшно. Да, оно только съ перваго раза немного страшно, а тамъ оно уже не страшно; оно уже совсѣмъ не страшно.

Онъ поспѣшно сталъ на клиросъ, очертилъ

около себя кругъ, произнесъ нѣсколько заклинаній и началъ читать громко, рѣшаясь не подымать съ книги своихъ глазъ и не обращать вниманія ни на что. Уже около часа читалъ онъ и начиналъ нѣсколько уставать и покашливать; онъ вынулъ изъ кармана рожокъ и, прежде нежели поднесъ табакъ къ носу, робко повелъ глазами на гробъ. На сердцѣ у него зохолонуло: трупъ уже стоялъ передъ нимъ на самой чертѣ и вперилъ въ него мертвые, позеленѣвшіе глаза. Бурсакъ содрогнулся, и холодъ чувствительно пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Потупивъ очи въ книгу, сталъ онъ читать громче свои молитвы и заклятья и слышалъ, какъ трупъ опять ударилъ зубами и замахалъ руками, желая схватить его. Но, покосивши слегка однимъ глазомъ, увидѣлъ онъ, что трупъ не тамъ ловилъ его, гдѣ стоялъ онъ, и, какъ видно, не могъ видѣть его. Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшныя слова; хрипло всхлипывали они, какъ клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не могъ бы сказать онъ, но что-то страшное въ нихъ заключалось. Философъ въ страхѣ понялъ, что она творила заклинанія.

Вѣтеръ пошелъ по церкви отъ словъ, и послышался шумъ, какъ бы отъ множества летящихъ крылъ. Онъ слышалъ, какъ бились крыльями въ стекла церковныхъ оконъ и въ желѣзныя рамы, какъ царапали съ визгомъ когтями по желѣзу и какъ несмѣтная сила громила въ двери и хотѣла вломиться. Сильно у него билось во все время сердце; зажмуривъ глаза, все читалъ онъ заклятья и молитвы. Наконецъ, вдругъ что-то засвистало вдали: это былъ отдаленный крикъ пѣтуха. Изнуренный философъ остановился и отдохнулъ духомъ.

Вошедшіе смѣнить его нашли его едва жива; онъ оперся спиною объ стѣну и, выпуча глаза, глядѣлъ неподвижно на пришедшихъ козаковъ. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панскій дворъ, онъ встряхнулся и велѣлъ себѣ подать кварту горѣлки. Выпивши ее, онъ пригладилъ на головѣ своей волосы и сказалъ: — Много на свѣтѣ всякой дряни водится! А страхи такіе случаются, ну... — При этомъ философъ махнулъ рукою.

Собравшіеся вокругъ него потупили головы, услышавъ такія слова. Даже небольшой мальчикъ, котораго вся дворня почитала въ правѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшню или таскать воду, даже этотъ бѣдный мальчишка тоже разинулъ ротъ.

Въ это время проходила мимо еще не совсѣмъ пожилая бабенка въ плотно обтянутой запаскѣ, выказывавшей ея круглый и крѣпкій станъ, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда находила что-нибудь пришпилить къ своему очипку: или кусокъ ленточки, или гвоздику, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другого.

— Здравствуй, Хома! — сказала она, увидѣвъ философа. — Ай, ай, ай! что это съ тобою? — вскрикнула она, всплеснувъ руками.

— Какъ что, глупая баба?

— Ахъ, Боже мой! да ты весь посѣдѣлъ!

— Эге, ге! Да она правду говоритъ!—произнесъ Спиридъ, всматриваясь въ него пристально.— Ты, точно, посѣдѣлъ, какъ нашъ старый Явтухъ!

Философъ, услышавши это, побѣжалъ опрометью въ кухню, гдѣ онъ замѣтилъ прилѣпленный къ стѣнѣ, обпачканный мухами, треугольный кусокъ зеркала, передъ которымъ были натыканы незабудки, барвинки и даже гирлянда изъ нагидокъ, показывавшіе назначеніе его для туалета щеголеватой кокетки. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ истину ихъ словъ: половина волосъ его, точно, побѣлѣла.

Повѣсилъ голову Хома Брутъ и предался размышленію:—Пойду къ пану,—сказалъ онъ наконецъ,—разскажу ему все и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляетъ меня сей же часъ въ Кіевъ.

Въ такихъ мысляхъ направилъ онъ путь свой къ крыльцу панскаго дома.

Сотникъ сидѣлъ почти неподвиженъ въ своей свѣтлицѣ. Та же самая безнадежная печаль, какую онъ встрѣтилъ прежде на его лицѣ, сохранилась въ немъ и донынѣ. Только щеки его опали гораздо болѣе прежняго. Замѣтно было, что онъ очень мало употреблялъ пищи, или, можетъ быть, даже вовсе не касался ея. Необыкновенная блѣдность придавала ему какую-то каменную неподвижность.

— Здравствуй, небоже!—произнесъ онъ, увидѣвъ Хому, остановившагося съ шапкою въ рукахъ у дверей. — Что, какъ идетъ у тебя? Все благополучно?

— Благополучно-то, благополучно; такая чертовщина водится, что прямо бери шапку, да и улепетывай, куда ноги несутъ.

— Какъ такъ?

— Да ваша, панъ, дочка... По здравому разсужденію, она, конечно, есть панскаго роду, въ томъ никто не станетъ прекословить; только, не во гнѣвъ будь сказано, упокой Богъ ея душу...

— Что же дочка?

— Припустила къ себѣ сатану. Такіе страхи задаетъ, что никакое писаніе не учитывается.

— Читай, читай! Она не даромъ призвала тебя: она заботилась, голубонька моя, о душѣ

своей и хотѣла молитвами изгнать всякое дурное помышленіе.

— Власть баша, панъ: ей-Богу, невмоготу!

— Читай, читай!—продолжалъ тѣмъ же увѣщательнымъ голосомъ сотникъ, — тебѣ одна ночь теперь осталась; ты сдѣлаешь христіанское дѣло, и я награжу тебя.

— Да какія бы ни были награды... Какъ ты себѣ хочь, панъ, а я не буду читать!—произнесъ Хома рѣшительно.

— Слушай, философъ! — сказалъ сотникъ, и голосъ его сдѣлался крѣпокъ и грозенъ, — я не люблю этихъ выдумокъ. Ты можешь это дѣлать въ вашей бурсѣ, а у меня не такъ: я уже какъ отдеру, такъ не то, что ректоръ. Знаешь ли ты, что такое хорошіе кожаные канчуки?

— Какъ не знать!—сказалъ философъ, понизивъ голосъ,—всякому извѣстно, что такое кожаные канчуки: при большомъ количествѣ—вещь нестерпимая.

— Да. Только ты не знаешь еще, какъ хлопцы мои умѣютъ парить. — сказалъ сотникъ грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирѣпое выраженіе, обнаружившее весь необузданный его характеръ, усыпленный только на время горестью. — У меня прежде выпарятъ, потомъ вспрыснутъ горѣлкою, а послѣ опять. Ступай, ступай, исправляй свое дѣло! Не исправишь— не встанешь, а исправишь — тысяча червонныхъ!

— Ого, го! да это хватъ! — подумалъ философъ, выходя,—съ этимъ нечего шутить. Стой, стой, пріятель: я такъ навострю лыжи, что ты съ своими собаками не угонишься за мною.

И Хома положилъ непремѣнно бѣжать. Онъ выжидалъ только послѣобѣденнаго часа, когда вся дворня имѣла обыкновеніе забираться въ сѣно подъ сараями и, открывши ротъ, испускать такой храпъ и свистъ, что панское подворье дѣлалось похожимъ на фабрику.

Это время, наконецъ, настало. Даже и Явтухъ зажмурилъ глаза, растянувшись передъ солнцемъ. Философъ со страхомъ и дрожью отправился потихоньку въ панскій садъ, откуда, ему казалось, удобнѣе и незамѣтнѣе было бѣжать въ поле. Этотъ садъ, по обыкновенію, былъ страшно запущенъ и, стало-быть, чрезвычайно способствовалъ всякому тайному предпріятію. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, все прочее было скрыто густо разросшимися вишнями, бузиною, лопухомъ, просунувшими на самый верхъ свои высокіе стебли съ цѣпкими розовыми шишками. Хмель покрывалъ, какъ будто сѣтью, вершину всего этого пестраго собранія деревъ и кустарниковъ и составлялъ надъ ними крышу, напялившуюся на плетень и спадавшую съ него вьющимися змѣями, вмѣстѣ съ дикими полевыми колокольчиками. За плетнемъ, служившимъ границею сада, шелъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ который, казалось, никто не любопытствовалъ заглядывать, и коса разлетѣлась бы вдребезги, если бы захотѣла коснуться лезвеемъ своимъ одеревянѣвшихъ толстыхъ стеблей его.

Когда философъ хотѣлъ перешагнуть черезъ плетень, зубы его стучали и сердце такъ сильно билось, что онъ самъ испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипала къ землѣ, какъ будто ее кто приколотилъ гвоздемъ. Когда онъ переступалъ плетень, ему, казалось, съ оглушительнымъ свистомъ трещалъ въ уши какой-то голосъ:—Куда, куда?—Философъ юркнулъ въ бурьянъ и пустился бѣжать, безпрестанно спотыкаясь о старые корни и давя ногами кротовъ. Онъ видѣлъ, что ему, выбравшись изъ бурьяна, стоило перебѣжать поле, за которымъ чернѣлъ густой терновникъ, гдѣ онъ считалъ себя безопаснымъ, и, пройдя который, онъ, по предположенію своему, думалъ встрѣтить дорогу прямо въ Кіевъ. Поле онъ перебѣжалъ вдругъ и очутился въ густомъ терновникѣ. Сквозь терновникъ онъ пролѣзъ, оставивъ, вмѣсто пошлины, куски своего сюртука на каждомъ остромъ шипѣ, и очутился на небольшой лощинѣ. Верба раздѣлившимися вѣтвями преклонялась индѣ почти до самой земли. Небольшой источникъ сверкалъ чистый, какъ серебро. Первое дѣло философа было прилечь и напиться, потому что онъ чувствовалъ жажду нестерпимую.—Добрая вода!—сказалъ онъ, утирая губы,—тутъ бы можно отдохнуть.

— Нѣтъ, лучше побѣжимъ впередъ: неравно будетъ погоня!

Эти слова раздались у него надъ ушами. Онъ оглянулся—передъ нимъ стоялъ Явтухъ.

— Чортовъ Явтухъ! — подумалъ въ сердцахъ про себя философъ, — я бы взялъ тебя, да за ноги... И мерзкую рожу твою, и все, что ни есть на тебѣ, побилъ бы дубовымъ бревномъ.

— Напрасно далъ ты такой крюкъ,—продолжалъ Явтухъ,—гораздо лучше было выбрать ту дорогу, по какой шелъ я: прямо мимо конюшни. Да притомъ и сюртука жаль. А сукно хорошее. Почемъ платилъ за аршинъ? Однакожъ, погуляли довольно: пора и домой.

Философъ, почесываясь, побрелъ за Явтухомъ.— Теперь проклятая вѣдьма задастъ мнѣ пфейферу!— подумалъ онъ.—Да, впрочемъ, что я въ самомъ дѣлѣ? Чего боюсь? Развѣ я не козакъ? Вѣдь читалъ же двѣ ночи, поможетъ Богъ и третью. Видно, проклятая вѣдьма порядочно грѣховъ надѣлала, что нечистая сила такъ за нее стоитъ.

Такія размышленія занимали его, когда онъ вступалъ на панскій дворъ. Ободривши себя такими замѣчаніями, онъ упросилъ Дороша, кото-

рый, посредствомъ протекціи ключника, имѣлъ иногда входъ въ панскіе погреба, вытащить сулею сивухи, и оба пріятеля, сѣвши подъ сарасмъ, вытянули немного не полведра, такъ что философъ, вдругъ поднявшись на ноги, закричалъ:— Музыкантовъ! непремѣнно музыкантовъ! — и, не дождавшись музыкантовъ, пустился среди двора на расчищенномъ мѣстѣ отплясывать тропака. Онъ танцовалъ до тѣхъ поръ, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, какъ водится въ такихъ случаяхъ, въ кружокъ, наконецъ, плюнула и пошла прочь, сказавши:—Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ! — Наконецъ, философъ тутъ же легъ спать, и добрый ушатъ холодной воды могъ только пробудить его къ ужину. За ужиномъ онъ говорилъ о томъ, что такое козакъ, и что онъ не долженъ бояться ничего на свѣтѣ.

— Пора,—сказалъ Явтухъ,—пойдемъ.

— Спичка тебѣ въ языкъ, проклятый кнуръ!— подумалъ философъ и, вставъ на ноги, сказалъ:— Пойдемъ!

Идя дорогою, философъ безпрестанно поглядывалъ по сторонамъ и слегка заговаривалъ со своими провожатыми. Но Явтухъ молчалъ; самъ Дорошъ былъ неразговорчивъ. Ночь была адская. Волки выли вдали цѣлою стаей, и самый лай собачій былъ какъ-то страшенъ.

— Кажется, какъ будто что-то другое воетъ: это не волкъ,—сказалъ Дорошъ. Явтухъ молчалъ. Философъ не нашелся сказать ничего.

Они приблизились къ церкви и вступили подъ ея ветхіе деревянные своды, показывавшіе, какъ мало заботился владѣтель помѣстья о Богѣ и о душѣ своей. Явтухъ и Дорошъ попрежнему удалились, и философъ остался одинъ.

Все было такъ же, все было въ томъ же самомъ грозно-знакомомъ видѣ. Онъ на минуту остановился. Посереди̇нѣ все такъ же неподвижно стоялъ гробъ ужасной вѣдьмы.—Не побоюсь; ей-Богу, не побоюсь! — сказалъ онъ и, очертивши попрежнему около себя кругъ, началъ припоминать всѣ свои заклинанія. Тишина была страшная; свѣчи трепетали и обливали свѣтомъ всю церковь. Философъ перевернулъ одинъ листъ, потомъ перевернулъ другой и замѣтилъ, что онъ читаетъ совсѣмъ не то, что писано въ книгѣ. Со страхомъ перекрестился онъ и началъ пѣть. Это нѣсколько ободрило его; чтеніе пошло впередъ, и листы мелькали одинъ за другимъ.

Вдругъ... среди тишины... съ трескомъ лопнула желѣзная крышка гроба и поднялся мертвецъ. Еще страшнѣе былъ онъ, чѣмъ въ первый разъ. Зубы его страшно ударялись рядъ о рядъ, въ судорогахъ задергались его губы, и, дико взвизгивая, понеслись заклинанія. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетѣли сверху внизъ разбитыя стекла окошекъ. Двери сорвались съ петлей, и несмѣтная сила чудовищъ влетѣла въ Божью церковь. Страшный шумъ отъ крылъ и отъ царапанья когтей наполнилъ всю церковь. Все летало и носилось, ища повсюду философа.

У Хомы вышелъ изъ головы послѣдній остатокъ хмеля. Онъ только крестился, да читалъ, какъ попало, молитвы. И въ то же время слышалъ, какъ нечистая сила металась вокругъ его, чуть не зацѣпляя его концами крылъ и отвратительныхъ хвостовъ. Не имѣлъ духу разглядѣть онъ ихъ; видѣлъ только, какъ во всю стѣну стояло какое-то огромное чудовище въ своихъ перепутанныхъ волосахъ, какъ въ лѣсу; сквозь сѣть волосъ глядѣли страшно два глаза, поднявъ немного вверхъ брови. Надъ нимъ держалось въ воздухѣ что-то въ видѣ огромнаго пузыря, съ тысячью протянутыхъ изъ середины клещей и скорпіонныхъ жалъ; черная земля висѣла на нихъ клоками. Всѣ глядѣли на него, искали и не могли увидѣть его, окруженнаго таинственнымъ кругомъ.—Приведите Вія! Ступайте за Віемъ!—раздались слова мертвеца.

И вдругъ настала тишина въ церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви. Взглянувъ искоса, увидѣлъ онъ, что ведутъ какого-то приземистаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь былъ онъ въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни, выдавались его, засыпанныя землею, ноги и руки. Тяжело ступалъ онъ, поминутно оступаясь. Длинныя вѣки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома, что лицо было на немъ желѣзное. Его привели подъ руки и прямо поставили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Хома.

— Подымите мнѣ вѣки: не вижу! — сказалъ подземнымъ голосомъ Вій,—и все сонмище кинулось подымать ему вѣки.

— Не гляди! — шепнулъ какой-то внутренній голосъ философу. Не вытерпѣлъ онъ и глянулъ.

— Вотъ онъ!—закричалъ Вій и уставилъ на него желѣзный палецъ. И всѣ, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся онъ на землю, и тутъ же вылетѣлъ духъ изъ него отъ страха.

Раздался пѣтушій крикъ. Это былъ уже второй крикъ: первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто какъ попало, въ окна и двери, чтобы поскорѣе вылетѣть; но не тутъто было: такъ и остались они тамъ, завязнувши въ дверяхъ и окнахъ.

Вошедшій священникъ остановился при видѣ

Гробъ вдругъ сорвался со своего мѣста и со свистомъ началъ летать...

такого посрамленья Божьей святыни и не посмѣлъ служить панихиду въ такомъ мѣстѣ. Такъ навѣки и осталась церковь, съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами, обросла лѣсомъ, корнями, бурьяномъ, дикимъ терновникомъ, и никто не найдетъ теперь къ ней дороги.

Когда слухи объ этомъ дошли до Кіева, и богословъ Халява услышалъ, наконецъ, о такой участи философа Хомы, то предался цѣлый часъ раздумью. Съ нимъ, въ продолженіе того времени, произошли большія перемѣны. Счастье ему улыбнулось: по окончаніи курса наукъ, его сдѣлали звонаремъ самой высокой колокольни, и онъ всегда почти являлся съ разбитымъ носомъ, потому что деревянная лѣстница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сдѣлана.

— Ты слышалъ, что случилось съ Хомою? — сказалъ, подошедши къ нему, Тиберій Горобець, который въ то время былъ уже философъ и носилъ свѣжіе усы.

— Такъ ему Богъ далъ, — сказалъ звонарь Халява.—Пойдемъ въ шинокъ, да помянемъ его душу!

Молодой философъ, который съ жаромъ энтузіаста началъ пользоваться своими правами, такъ что на немъ и шаровары, и сюртукъ, и даже шапка отзывались спиртомъ и табачными корешками, въ ту же минуту изъявилъ готовность.

— Славный былъ человѣкъ Хома! — сказалъ звонарь, когда хромой шинкарь поставилъ передъ нимъ третью кружку.—Знатный былъ человѣкъ! А пропалъ ни за что.

— А я знаю, почему пропалъ онъ: оттого, что побоялся; а если бы не боялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвостъ ей, то и ничего не будетъ. Я знаю уже все это. Вѣдь у насъ, въ Кіевѣ, всѣ бабы, которыя сидятъ на базарѣ, всѣ—вѣдьмы.

На это звонарь кивнулъ головою въ знакъ согласія. Но, замѣтивши, что языкъ его не могъ произнести ни одного слова, онъ осторожно всталъ изъ-за стола и, пошатываясь на обѣ стороны, пошелъ спрятаться въ самое отдаленное мѣсто въ бурьянѣ, при чемъ не позабылъ, по прежней привычкѣ своей, утащить старую подошву отъ сапога, валявшуюся на лавкѣ.

ПОВѢСТЬ
О ТОМЪ, КАКЪ ПОССОРИЛСЯ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ СЪ ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ.

ГЛАВА I.

Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнѣйшая! А какія смушки! Фу, ты пропасть, какія смушки! сизыя съ морозомъ! Я ставлю, Богъ знаетъ что, если у кого-либо найдутся такія! Взгляните, ради Бога, на нихъ,— особенно, если онъ станетъ съ кѣмъ-нибудь говорить,—взгляните сбоку: что это за объѣденіе! Описать нельзя: бархатъ! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворецъ, угодникъ Божій! отчего же это у меня нѣтъ такой бекеши! Онъ сшилъ ее тогда еще, когда Агаѳія Ѳедосѣевна не ѣздила въ Кіевъ. Вы знаете Агаѳію Ѳедосѣевну? Та самая, что откусила ухо у засѣдателя.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокругъ него, со всѣхъ сторонъ, навѣсъ на дубовыхъ столбахъ, подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, скинетъ съ себя и бекешу, и исподнее, самъ останется въ одной рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ, и глядитъ, что дѣлается во дворѣ и на улицѣ. Какія у него яблони и груши подъ самыми окнами! Отворите только окно—такъ вѣтви сами и врываются въ комнату. Это все передъ домомъ; а посмотрѣли бы, что у него въ саду! Чего тамъ нѣтъ? Сливы, вишни, черешни, огородина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни; это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни, и уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Гапкѣ принести чернильницу и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: „Сія дыня съѣдена такого-то числа“. Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то: „участвовалъ такой-то“.

Покойный судья миргородскій всегда любовался, глядя на домъ Ивана Ивановича. Да, домишко очень недуренъ. Мнѣ нравится, что къ нему со всѣхъ сторонъ пристроены сѣни и сѣнички, такъ что если взглянуть на него издали, то видны одне только крыши, посаженныя одна на другую,

что весьма походитъ на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше, на губки, нарастающія на деревѣ. Впрочемъ, крыши всѣ крыты очеретомъ; ива, дубъ и двѣ яблони облокотились на нихъ своими раскидистыми вѣтвями. Промежъ деревъ мелькаютъ и выбѣгаютъ даже на улицу небольшія окошки съ рѣзными выбѣленными ставнями.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Его знаетъ и комиссаръ полтавскій! Дорошъ Тарасовичъ Пухивочка, когда ѣдетъ изъ Хорола, то всегда заѣзжаетъ къ нему. А протопопъ отецъ Петръ, что живетъ въ Колибердѣ, когда соберется у него человѣкъ пятокъ гостей, всегда говоритъ, что онъ никого не знастъ, кто бы такъ исполнялъ долгъ христіанскій и умѣлъ жить, какъ Иванъ Ивановичъ.

Боже, какъ летитъ время! Уже тогда прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ овдовѣлъ. Дѣтей у него не было. У Гапки есть дѣти и бѣгаютъ часто по двору. Иванъ Ивановичъ всегда дастъ каждому изъ нихъ или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носитъ ключи отъ коморъ и погребовъ; отъ большого же сундука, что стоитъ въ его спальнѣ, и отъ средней коморы ключъ Иванъ Ивановичъ держитъ у себя и не любитъ никого туда пускать. Гапка—дѣвка здоровая, ходитъ въ запаскѣ, съ свѣжими икрами и щеками.

А какой богомольный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день падѣваетъ онъ бекешу и идетъ въ церковь. Взошедши въ нее, Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не утерпитъ, чтобъ не обойти всѣхъ нищихъ. Онъ бы, можетъ быть, и не хотѣлъ заняться такимъ скучнымъ дѣломъ, если бы не побуждала его къ тому природная доброта.—Здорово, небого! *)—обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую искалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ платьѣ. — Откуда ты, бѣдная?

— Я, паночку, изъ хутора пришла: третій день, какъ не пила, не ѣла; выгнали меня собственныя дѣти.

— Бѣдная головушка! чего-жъ ты пришла сюда?

— А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ ли кто-нибудь хоть на хлѣбъ.

— Гм! что-жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба?—обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ.

— Какъ не хотѣть! Голодна, какъ собака.

— Гм!—отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ.—Такъ тебѣ, можетъ, и мяса хочется?

— Да все, что милость ваша дастъ, всѣмъ буду довольна.

— Гм! развѣ мясо лучше хлѣба?

— Гдѣ ужъ голодному разбирать? Все, что пожалуете, все хорошо.—При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку.

— Ну, ступай же съ Богомъ, — говорилъ Иванъ Ивановичъ.—Чего-жъ ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью?

И, обратившись съ такими разспросами къ другому, къ третьему, наконецъ, возвращается домой или заходитъ выпить рюмку водки къ сосѣду Ивану Никифоровичу, или къ судьѣ, или къ городничему.

Иванъ Ивановичъ очень любитъ, если ему кто-нибудь сдѣлаетъ подарокъ, или гостинецъ. Это ему очень нравится.

Очень хорошій также человѣкъ Иванъ Никифоровичъ. Его дворъ возлѣ двора Ивана Ивановича. Они такіе между собою пріятели, какихъ свѣтъ не производилъ. Антонъ Прокофьевичъ Пупопузъ, который до сихъ поръ еще ходитъ въ коричневомъ сюртукѣ съ голубыми рукавами и обѣдаетъ по воскреснымъ днямъ у судьи, обыкновенно говорилъ, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича самъ чортъ связалъ веревочкой: куда одинъ, туда и другой плетется.

Иванъ Никифоровичъ никогда не былъ женатъ. Хотя поговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что онъ даже не имѣлъ и намѣренія жениться. Откуда выходятъ всѣ эти сплетни? Такъ, какъ пронесли было, что Иванъ Никифоровичъ родился съ хвостомъ назади. Но эта выдумка такъ нелѣпа и вмѣстѣ гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужнымъ опровергать ее предъ просвѣщенными читателями, которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что у однѣхъ только вѣдьмъ, и то у весьма немногихъ, есть назади хвостъ. Вѣдьмы, впрочемъ, принадлежатъ болѣе къ женскому полу, нежели къ мужскому.

Несмотря на большую пріязнь, эти рѣдкіе друзья не совсѣмъ были сходны между собою. Лучше всего можно узнать характеры ихъ изъ сравненія. Иванъ Ивановичъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! Это ощущеніе можно сравнить только съ тѣмъ, когда у васъ ищутъ въ головѣ или потихоньку проводятъ пальцемъ по вашей пяткѣ. Слушаешь, слушаешь—и голову повѣсишь. Пріятно! чрезвычайно пріятно! какъ сонъ послѣ купанья. Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ; но за то, если влѣпитъ словцо, то держись только: отбрѣетъ лучше всякой бритвы. Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; Иванъ Никифоровичъ немного ниже, но за то распространяется въ толщину. Голова

*) Бѣдная.

у Ивана Ивановича похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича — на рѣдьку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ только послѣ обѣда лежитъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсомъ; ввечеру же надѣваетъ бекешу и идетъ куда-нибудь, или къ городовому магазину, куда онъ поставляетъ муку, или въ поле — ловить перепеловъ. Иванъ Никифоровичъ лежитъ весь день на крыльцѣ,—если не слишкомъ жаркій день, то обыкновенно выставивъ спину на солнце,—и никуда не хочетъ идти. Если вздумается утромъ, то пройдетъ по двору, осмотритъ хозяйство и опять на покой. Въ прежнія времена зайдетъ, бывало, къ Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно тонкій человѣкъ и въ порядочномъ разговорѣ никогда не скажетъ неприличнаго слова, и тотчасъ обидится, если услышитъ его. Иванъ Никифоровичъ иногда не обережется. Тогда обыкновенно Иванъ Ивановичъ встаетъ съ мѣста и говоритъ:—Довольно, довольно, Иванъ Никифоровичъ; лучше скорѣе на солнце, чѣмъ говорить такія богопротивныя слова. — Иванъ Ивановичъ очень сердится, если ему попадется въ борщъ муха: онъ тогда выходитъ изъ себя—и тарелку кинетъ, и хозяину достанется. Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Иванъ Ивановичъ бреетъ бороду въ недѣлю два раза; Иванъ Никифоровичъ одинъ разъ. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно любопытенъ: Боже сохрани, если что-нибудь начнешь ему разсказывать, да не доскажешь! Если-жъ чѣмъ бываетъ недоволенъ, то тотчасъ дастъ замѣтить это. По виду Ивана Никифоровича чрезвычайно трудно узнать, доволенъ ли онъ, или сердитъ; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажетъ. Иванъ Ивановичъ нѣсколько боязливаго характера. У Ивана Никифоровича, напротивъ того, шаровары въ такихъ широкихъ складкахъ, что если бы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстить весь дворъ съ амбарами и строеніемъ. У Ивана Ивановича большіе выразительные глаза табачнаго цвѣта, и ротъ нѣсколько похожъ на букву *ижицу;* у Ивана Никифоровича глаза маленькіе, желтоватые, совершенно пропадающіе между густыхъ бровей и пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы. Иванъ Ивановичъ если попотчиваетъ васъ табакомъ, то всегда напередъ лизнетъ языкомъ крышку табакерки, потомъ щелкнетъ по ней пальцемъ и, поднесши, скажетъ, если вы съ нимъ знакомы:—Смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?—Если же незнакомы, то:—Смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отечества, объ одолженіи? — Иванъ же Никифоровичъ даетъ вамъ прямо въ руки рожокъ свой и прибавитъ только:—Одолжайтесь.—Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ очень не любятъ блохъ, и оттого ни Иванъ Ивановичъ, ни Иванъ Никифоровичъ никакъ не пропустятъ жида съ товарами, чтобы не купить у него элексира въ разныхъ баночкахъ противъ этихъ насѣкомыхъ, выбранивъ напередъ его хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру.

Впрочемъ, несмотря на нѣкоторыя несходства, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ прекрасные люди.

ГЛАВА II,

ИЗЪ КОТОРОЙ МОЖНО УЗНАТЬ, ЧЕГО ЗАХОТѢЛОСЬ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ, О ЧЕМЪ ПРОИСХОДИЛЪ РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ИВАНОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ И ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ И ЧѢМЪ ОНЪ ОКОНЧИЛСЯ.

Утромъ,—это было въ іюлѣ мѣсяцѣ, — Иванъ Ивановичъ лежалъ подъ навѣсомъ. День былъ жарокъ, воздухъ сухъ и переливался струями. Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже побывать за городомъ у косарей и на хуторѣ, успѣлъ разспросить встрѣтившихся мужиковъ и бабъ, откуда, куда, какъ и почему; уходился страхъ, и прилегъ отдохнуть. Лежа, онъ долго оглядывалъ коморы, дворъ, сараи, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про себя: „Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоенная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ... Чего-жъ еще нѣтъ у меня?.. Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?“

Задавши себѣ такой глубокомысленный вопросъ, Иванъ Ивановичъ задумался; а между тѣмъ глаза его отыскали новые предметы, перешагнули чрезъ заборъ въ дворъ Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытнымъ зрѣлищемъ. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье и развѣшивала его на протянутой веревкѣ вывѣтривать. Скоро старый мундиръ, съ изношенными обшлагами, протянулъ на воздухъ рукава и обнималъ парчевую кофту; за нимъ высунулся дворянскій, съ гербовыми пуговицами, съ отъѣденнымъ воротникомъ; бѣлыя казимировыя панталоны съ пятнами, которыя когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которыя можно теперь натянуть развѣ на его пальцы. За ними скоро повисли другія въ видѣ буквы Л, потомъ синій козацкій бешметъ, который шилъ себѣ Иванъ Никифоровичъ назадъ тому лѣтъ двадцать, когда готовился было вступить въ милицію и отпустилъ было уже усы. Наконецъ, одно къ одному, вы-

ставилась шпага, походившая на шпицъ, торчавшій въ воздухѣ. Потомъ завертѣлись фалды чего-то похожаго на кафтанъ травяно-зеленаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами величиною въ пятакъ. Изъ-за фалдъ выглянулъ жилетъ, обложенный золотымъ позументомъ, съ большимъ вырѣзомъ напереди. Жилетъ скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, съ карманами, въ которые можно было положить по арбузу. Все, мѣшаясь вмѣстѣ, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрѣлище, между тѣмъ какъ лучи солнца, охватывая мѣстами синій или зеленый рукавъ, красный обшлагъ, или часть золотой парчи, или играя на шпажномъ шпицѣ, дѣлали его чѣмъ-то необыкновеннымъ, похожимъ на тотъ вертепъ, который развозятъ по хуторамъ кочующіе пройдохи, — особливо, когда толпа народа, тѣсно сдвинувшись, глядитъ на царя Ирода въ золотой коронѣ, или на Антона, ведущаго козу; за вертепомъ визжитъ скрипка; цыганъ бренчитъ руками по губамъ своимъ вмѣсто барабана, а солнце заходитъ, и свѣжій холодъ южной ночи незамѣтно прижимается сильнѣе къ свѣжимъ плечамъ и грудямъ полныхъ хуторянокъ.

Скоро старуха вылѣзла изъ кладовой, кряхтя и таща на себѣ старинное сѣдло съ обо ванными стременами, съ истертыми кожаными чехлами для пистолетовъ, съ чепракомъ, когда-то алаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ и мѣдными блямами.

„Вотъ глупая баба! — подумалъ Иванъ Ивановичъ, — она еще вытащитъ и самого Ивана Никифоровича провѣтривать!“

И точно: Иванъ Ивановичъ не совсѣмъ ошибся въ своей догадкѣ. Минутъ черезъ пять воздвигнулись панковыя шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. Послѣ этого она вынесла еще шапку и ружье.

„Что-жъ это значитъ? — подумалъ Иванъ Ивановичъ, — я не видѣлъ никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что-жъ это онъ? Стрѣлять не стрѣляетъ, а ружье держитъ! На что-жъ оно ему? А вещица славная! Я давно себѣ хотѣлъ достать такое. Мнѣ очень хочется имѣть это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецомъ“.—Эй, баба, баба!— закричалъ Иванъ Ивановичъ, кивая пальцемъ.

Старуха подошла къ забору.

— Что это у тебя, бабуся, такое?

— Видите сами—ружье.

— Какое ружье?

— Кто его знаетъ, какое! Если-бъ оно было мое, то я, можетъ быть, и знала бы, изъ чего оно сдѣлано; но оно панское.

Иванъ Ивановичъ всталъ и началъ разсматривать ружье со всѣхъ сторонъ и позабылъ дать выговоръ старухѣ за то, что повѣсила его вмѣстѣ со шпагою провѣтривать.

— Оно, должно думать, желѣзное,—продолжала старуха.

— Гм! желѣзное. Отчего жъ оно желѣзное?— говорилъ про себя Иванъ Ивановичъ.—А давно оно у пана?

— Можетъ быть, и давно.

— Хорошая вещица!—продолжалъ Иванъ Ивановичъ.—Я выпрошу его. Что ему дѣлать съ нимъ? Или промѣняюсь на что-нибудь. Что, бабуся, дома панъ?

— Дома.

— Что онъ, лежитъ?

— Лежитъ.

— Ну, хорошо; я приду къ нему.

Иванъ Ивановичъ одѣлся, взялъ въ руки суковатую палку отъ собакъ, потому что въ Миргородѣ гораздо болѣе ихъ попадается на улицѣ, нежели людей, и пошелъ.

Дворъ Ивана Никифоровича хотя былъ возлѣ двора Ивана Ивановича и можно было перелѣзть изъ одного въ другой черезъ плетень, однакожъ Иванъ Ивановичъ пошелъ улицею. Съ этой улицы нужно было перейти въ переулокъ, который былъ такъ узокъ, что если случалось встрѣтиться въ немъ двумъ повозкамъ въ одну лошадь, то онѣ уже не могли разъѣхаться и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣстъ, схвативши за заднія колеса, не вытаскивали ихъ каждую въ противную сторону на улицу; пѣшеходъ же убирался, какъ цвѣтами, репейниками, росшими съ обѣихъ сторонъ возлѣ забора. На этотъ переулокъ выходили съ одной стороны сарай Ивана Ивановича, съ другой—амбаръ, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ воротамъ, загремѣлъ щеколдою: изнутри поднялся собачій лай; но разношерстная стая скоро побѣжала, помахивая хвостами, назадъ, увидѣвши, что это было знакомое лицо. Иванъ Ивановичъ перешелъ дворъ, на которомъ пестрѣли индѣйскіе голуби, кормимые собственноручно Иваномъ Никифоровичемъ, корки арбузовъ и дынь, мѣстами зелень, мѣстами изломанное колесо, или обручъ отъ бочки, или валявшійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ: картина, которую любятъ живописцы! Тѣнь отъ развѣшанныхъ платьевъ покрывала почти весь дворъ и сообщала ему нѣкоторую прохладу. Баба встрѣтила его поклономъ и, зазѣвавшись, стала на одномъ мѣстѣ. Передъ домомъ охорашивалось крылечко съ навѣсомъ на двухъ дубовыхъ столбахъ, — ненадежная защита отъ солнца, которое въ это время въ Малороссіи не любитъ шутить и обливаетъ пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ потомъ. Изъ этого можно было видѣть, какъ сильно было желаніе у Ивана Ивановича пріобрѣсть необходимую вещь, когда онъ рѣшился выйти въ такую пору, измѣнивъ

даже своему всегдашнему обыкновенію прогуливаться только вечеромъ!

Комната, въ которую вступилъ Иванъ Ивановичъ, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты и солнечный лучъ, проходя въ дыру, сдѣланную въ ставнѣ, принялъ радужный цвѣтъ и, ударяясь въ противостоящую стѣну, рисовалъ на ней пестрый ландшафтъ изъ очеретяныхъ крышъ, деревъ и развѣшаннаго на дворѣ платья, все только въ обращенномъ видѣ. Отъ этого всей комнатѣ сообщался какой-то чудный полусвѣтъ.

— Помоги Богъ!—сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— А, здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!—отвѣчалъ голосъ изъ угла комнаты. Тогда только Иванъ Ивановичъ замѣтилъ Ивана Никифоровича, лежащаго на разостланномъ на полу коврѣ.— Извините, что я передъ вами въ натурѣ.—Иванъ Никифоровичъ лежалъ безъ всего, даже безъ рубашки.

— Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иванъ Никифоровичъ?

— Почивалъ. А вы почивали, Иванъ Ивановичъ?

— Почивалъ.

— Такъ вы теперь и встали?

— Я теперь всталъ? Христосъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ! Какъ можно спать до сихъ поръ! Я только-что пріѣхалъ изъ хутора. Прекрасныя жита по дорогѣ! восхитительныя! И сѣно такое рослое, мягкое, злачное!

— Горпина! — закричалъ Иванъ Никифоровичъ,—принеси Ивану Ивановичу водки, да пироговъ съ сметаною.

— Хорошее время сегодня.

— Не хвалите, Иванъ Ивановичъ. Чтобъ его чортъ взялъ! Некуда дѣваться отъ жару!

— Вотъ таки нужно помянуть чорта. Эй, Иванъ Никифоровичъ! вы вспомните мое слово, да уже будетъ поздно: достанется вамъ на томъ свѣтѣ за богопротивныя слова.

— Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ.

— Полно уже, полно, Иванъ Никифоровичъ!

— Ей-Богу, я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ!

— Странно, что перепела до сихъ поръ пейдутъ подъ дудочку.

— Какъ вы себѣ хотите, думайте, что вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ.

— Не знаю, отчего они пейдутъ, — говорилъ Иванъ Ивановичъ, какъ бы не слушая Ивана Никифоровича, — время ли не приспѣло еще... только время, кажется, такое, какое нужно.

— Вы говорите, что жита хорошія?

— Восхитительныя жита, восхитительныя!

За симъ послѣдовало молчаніе.

— Что это вы, Иванъ Никифоровичъ, платье развѣшиваете? — наконецъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Да, прекрасное, почти новое платье загноила проклятая баба: теперь провѣтриваю; сукно тонкое, превосходное, только выворотки — и можно снова носить.

— Мнѣ тамъ понравилась одна вещица, Иванъ Никифоровичъ.

— Какая?

— Скажите, пожалуйста, на что вамъ это ружье, что выставлено вывѣтривать вмѣстѣ съ платьемъ? — Тутъ Иванъ Ивановичъ поднесъ табаку. — Смѣю ли просить объ одолженіи?

— Ничего, одолжайтесь; я понюхаю своего.— При этомъ Иванъ Никифоровичъ пощупалъ вокругъ себя и досталъ рожокъ. — Вотъ глупая баба! Такъ она и ружье туда же повѣсила? Хорошій табакъ жидъ дѣлаетъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладетъ туда, а такое душистое! На канупферъ немножко похоже. Вотъ возьмите, разжуйте немножко во рту: не правда ли, похоже на канупферъ? Возьмите, одолжайтесь!

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ, я все насчетъ ружья: что вы будете съ нимъ дѣлать? Вѣдь оно вамъ не нужно.

— Какъ не нужно, а случится стрѣлять?

— Господь съ вами, Иванъ Никифоровичъ, когда же вы будете стрѣлять? Развѣ по второмъ пришествіи? Вы, сколько я знаю и другіе запомнятъ, ни одной еще качки *) не убили, да и ваша натура не такъ уже Господомъ Богомъ устроена, чтобъ стрѣлять. Вы имѣете осанку и фигуру важную. Какъ же вамъ таскаться по болотамъ, когда ваше платье, которое не во всякой рѣчи прилично назвать по имени, провѣтривается и теперь еще? что же тогда? Нѣтъ, вамъ нужно имѣть покой, отдохновеніе. (Иванъ Ивановичъ, какъ упомянуто выше, необыкновенно живописно говорилъ, когда нужно было убѣждать кого. Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!) Да, такъ вамъ нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мнѣ!

— Какъ можно! Это ружье дорогое; такихъ ружьевъ теперь не сыщете нигдѣ. Я еще, какъ собирался въ милицію, купилъ его у турчина; а теперь бы то такъ вдругъ и отдать его! Какъ можно! Это вещь необходимая!

— На что-жъ она необходимая?

— Какъ на что? А когда нападутъ на домъ разбойники... Еще бы не необходимая! Слава Тебѣ, Господи! Теперь я спокоенъ и не боюсь никого. А

*) Т.-е. утки.

отчего?—оттого, что я знаю, что у меня стоитъ въ коморѣ ружье.

— Хорошее ружье! Да у него, Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ.

— Что-жъ, что испорченъ? Можно починить; нужно только смазать конопляным масломъ, чтобъ не ржавѣлъ.

— Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружественнаго ко мнѣ расположенія. Вы ничего не хотите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни.

— Какъ же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно? Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что-жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребятишки ваш перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собаками, — я ничего не говорю: пусть себѣ играютъ, лишь бы ничего не трогали! пусть себѣ играютъ!

— Когда не хотите подарить, такъ, пожалуй, помѣняемся.

— Что-жъ вы дадите мнѣ за него? — При этомъ Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

— Я вамъ дамъ за него бурую свинью, ту самую, что я откормилъ въ сажу. Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ.

— Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете это говорить. На что мнѣ свинья ваша? Развѣ чорту поминки дѣлать.

— Опять! Безъ чорта таки нельзя обойтись! Грѣхъ вамъ: ей-Богу, грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ!

— Какъ же вы, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье, чортъ знаетъ что такое: свинью!

— Отчего же она — чортъ знаетъ что такое, Иванъ Никифоровичъ?

— Какъ же? Вы бы сами посудили хорошенько. Это таки ружье, вещь извѣстная; а то — чортъ знаетъ что такое: свинья! Если бы не вы говорили, я бы могъ это принять въ обидную для себя сторону.

— Что-жъ нехорошаго замѣтили вы въ свиньѣ?

— За кого же въ самомъ дѣлѣ вы принимаете меня? Чтобъ я свинью...

— Садитесь, садитесь! Не буду уже... Пусть вамъ остается ваше ружье, пускай себѣ сгніетъ и перержавѣетъ, стоя въ углу въ коморѣ — не хочу больше говорить о немъ.

Послѣ этого послѣдовало молчаніе.

— Говорятъ, — началъ Иванъ Ивановичъ, — что три короля объявили войну царю нашему.

— Да, говорилъ мнѣ Петръ Ѳедоровичъ. Что-жъ это за война? и отчего она?

— Навѣрное не можно сказать, Иванъ Никифоровичъ, за что она. Я полагаю, что короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру.

— Вишь, дурни, чего захотѣли! — произнесъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши голову.

— Вотъ видите, а царь нашъ и объявилъ имъ за то войну. — Нѣтъ, говоритъ, примите вы сами вѣру Христову!

— Что-жъ? Вѣдь наши побьютъ ихъ, Иванъ Ивановичъ!

— Побьютъ. Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца?

— Мнѣ странно, Иванъ Ивановичъ, вы, кажется, человѣкъ извѣстный ученостью, а говорите, какъ недоросль. Что бы я за дуракъ такой...

— Садитесь, садитесь. Богъ съ нимъ! Пусть оно себѣ околѣетъ; не буду больше говорить.

Въ это время принесли закуску.

Иванъ Ивановичъ выпилъ рюмку и закусилъ пирогомъ съ сметаною.—Слушайте, Иванъ Никифоровичъ: я вамъ дамъ, кромѣ свиньи, еще два мѣшка овса; вѣдь овса вы не сѣяли. Этотъ годъ, все равно, вамъ нужно будетъ покупать овесъ.

— Ей-Богу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говорить нужно, гороху наѣвшись.—(Это еще ничего: Иванъ Никифоровичъ и не такія фразы отпускаетъ). — Гдѣ видно, чтобы кто ружье промѣнялъ на два мѣшка овса? Небось, бекеши своей не поставите.

— Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я и свинью еще даю вамъ.

— Какъ! два мѣшка овса и свинью за ружье?

— Да что-жъ, развѣ мало?

— За ружье?

— Конечно, за ружье.

— Два мѣшка за ружье?

— Два мѣшка не пустыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли?

— Поцѣлуйтесь съ своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ!

— О, васъ зацѣпи только! Увидите: нашпигуютъ вамъ на томъ свѣтѣ языкъ горячими иголками за такія богомерзкія слова. Послѣ разговора съ вами нужно и лицо, и руки умыть, и самому окуриться.

— Позвольте, Иванъ Ивановичъ, ружье — вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...

— Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ съ своимъ ружьемъ *какъ дурень съ писанного торбою*, — сказалъ Иванъ Ивановичъ съ досадою, потому что дѣйствительно начиналъ уже сердиться.

— А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій *гусакъ* *).

Если бы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями, но теперь произошло совсѣмъ другое. Иванъ Ивановичъ весь вспыхнулъ.

— Что вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ?—спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

— Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ!

— Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе, и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?

— Что-жъ тутъ поноснаго? Да чего вы въ самомъ дѣлѣ такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ?

— Я повторяю, какъ вы осмѣлились, въ противность всѣхъ приличій, назвать меня гусакомъ?

— Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что вы такъ раскудахтались?

Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣть собою, губы его дрожали; ротъ измѣнилъ обыкновенное положеніе *ижицы* и сдѣлался похожимъ на О; глазами онъ такъ мигалъ, что сдѣлалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко; нужно было для этого его сильно разсердить. — Такъ я-жъ вамъ объявляю, — произнесъ Иванъ Ивановичъ, — что я знать васъ не хочу.

— Большая бѣда! Ей-Богу, не заплачу отъ этого! — отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ. — Лгалъ, лгалъ, ей-Богу, лгалъ! Ему очень было досадно это.

— Нога моя не будетъ у васъ въ домѣ.

— Эге, ге! — сказалъ Иванъ Никифоровичъ, съ досады не зная самъ, что дѣлать, и, противъ обыкновенія, вставъ на ноги. — Эй, баба, хлопче! — При семъ показались изъ-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчикъ, запутанный въ длинный и широкій сюртукъ. — Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите его за двери!

— Какъ! дворянина? — закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Ивановичъ. — Осмѣльтесь только! подступите! Я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъ не найдетъ мѣста вашего! — (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена).

Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей, безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безсмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ, съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались римскіе трибуны! Это была необыкновенная минута, спектакль великолѣпный! И между тѣмъ только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ.

Наконецъ, Иванъ Ивановичъ взялъ шапку свою. — Очень хорошо поступаете вы, Иванъ Никифоровичъ! прекрасно! Я это припомню вамъ.

— Ступайте, Иванъ Ивановичъ, ступайте! да глядите, не попадайтесь мнѣ, а не то — я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью!

— Вотъ вамъ за это, Иванъ Никифоровичъ,— отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, выставивъ ему кукишъ и хлопнувъ за собою дверью, которая съ визгомъ захрипѣла и отворилась снова.

Иванъ Никифоровичъ показался въ дверяхъ и что-то хотѣлъ присовокупить, но Иванъ Ивановичъ уже не оглядывался и летѣлъ со двора.

ГЛАВА III.

Что произошло послѣ ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ?

И такъ, два почтенные мужа, честь и украшеніе Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздоръ, за гусака. Не захотѣли видѣть другъ друга, прервали всѣ связи, между тѣмъ какъ прежде были извѣстны за самыхъ неразлучныхъ друзей! Каждый день, бывало, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ посылаютъ другъ къ другу узнать о здоровьѣ, и часто переговариваются другъ съ другомъ съ своихъ балконовъ, и говорятъ другъ другу такія пріятныя рѣчи, что сердцу любо слушать было. По воскреснымъ днямъ, бывало, Иванъ Ивановичъ въ штаметовой бекешѣ, Иванъ Никифоровичъ въ нанковомъ желто-коричневомъ казакинѣ, отправляются почти объ руку другъ съ другомъ въ церковь. И если Иванъ Ивановичъ, который имѣлъ глаза чрезвычайно зоркіе, первый замѣчалъ лужу или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что бываетъ иногда въ Миргородѣ, то всегда говорилъ Ивану Никифоровичу: — Берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здѣсь нехорошо. — Иванъ Никифоровичъ, съ своей стороны, показывалъ тоже самые трогательные знаки дружбы, и гдѣ бы ни стоялъ далеко, всегда протянетъ къ Ивану Ивановичу руку съ рожкомъ, примолвивши: „одолжайтесь!“ А какое прекрасное хозяйство у обоихъ!.. И эти два друга... Когда я услышалъ объ этомъ, то меня какъ громомъ поразило! Я

*) Т.-е. гусь-самецъ.

долго не хотѣлъ вѣрить. Боже праведный! Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ! Такіе достойные люди! Что-жъ теперь прочно на этомъ свѣтѣ?

Когда Иванъ Ивановичъ пришелъ къ себѣ домой, то долго былъ въ сильномъ волненіи. Онъ, бывало, прежде всего зайдетъ въ конюшню посмотрѣть, ѣстъ ли кобылка сѣно (у Ивана Ивановича кобылка савраска, съ лысиной на лбу; хорошая очень лошадка); потомъ покормитъ индѣекъ и поросятъ изъ своихъ рукъ и тогда уже идетъ въ покои, гдѣ или дѣлаетъ деревянную посуду (онъ очень искусно, не хуже токаря, умѣетъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева), или читаетъ книжку, печатанную у Любія, Гарія и Попова (названія ея Иванъ Ивановичъ не помнитъ, потому что дѣвка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавнаго листка, забавляя дитя), или же отдыхаетъ подъ навѣсомъ. Теперь же онъ не взялся ни за одно изъ всегдашнихъ своихъ занятій. Но, вмѣсто того, встрѣтивши Гапку, началъ бранить, зачѣмъ она шатается безъ дѣла, между тѣмъ какъ она тащила крупу въ кухню; кинулъ палкой въ пѣтуха, который пришелъ къ крыльцу за обыкновенной подачей, и, когда подбѣжалъ къ нему запачканный мальчишка въ изодранной рубашонкѣ и закричалъ: „Тятя, тятя! дай пряника!“, то онъ ему такъ страшно пригрозилъ и затопалъ ногами, что испуганный мальчишка забѣжалъ Богъ знаетъ куда.

Наконецъ, однакожъ, онъ одумался и началъ заниматься всегдашними дѣлами. Поздно сталъ онъ обѣдать и уже ввечеру почти легъ отдыхать подъ навѣсомъ. Хорошій борщъ съ голубями, который сварила Гапка, выгналъ совершенно утреннее происшествіе. Иванъ Ивановичъ опять началъ съ удовольствіемъ разсматривать свое хозяйство. Наконецъ, остановилъ глаза на сосѣднемъ дворѣ и сказалъ самъ себѣ: „Сегодня я не былъ у Ивана Никифоровича; пойду-ка къ нему“. Сказавши это, Иванъ Ивановичъ взялъ палку и шапку, и отправился на улицу; но едва только вышелъ за ворота, какъ вспомнилъ ссору, плюнулъ и возвратился назадъ. Почти такое же движеніе случилось и на дворѣ Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ видѣлъ, какъ баба уже поставила ногу на плетень съ намѣреніемъ перелѣзть на его дворъ, какъ вдругъ послышался голосъ Ивана Никифоровича: — Назадъ, назадъ! не нужно! — Однакожъ, Ивану Ивановичу сдѣлалось очень скучно. Весьма могло быть, что сіи достойные люди на другой же бы день помирились, если бы особенное происшествіе въ домѣ Ивана Никифоровича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла въ готовый погаснуть огонь вражды.

Къ Ивану Никифоровичу ввечеру того же дня пріѣхала Агаѳія Ѳедосѣевна. Агаѳія Ѳедосѣевна не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы, совершенно ей не зачѣмъ было къ нему ѣздить, и онъ самъ былъ не слишкомъ ей радъ; однакожъ она ѣдила и проживала у него по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и болѣе. Тогда она отбирала ключи и весь домъ брала на свои руки. Это было очень непріятно Ивану Никифоровичу, однакожъ, онъ, къ удивленію, слушалъ ее, какъ ребенокъ, и хотя иногда и пытался спорить, но всегда Агаѳія Ѳедосѣевна брала верхъ.

Я, признаюсь, не понимаю, для чего это такъ устроено, что женщины хватаютъ насъ за носъ такъ же ловко, какъ будто за ручку чайника: или руки ихъ такъ созданы, или носы наши ни на что болѣе не годятся. И несмотря на то, что носъ Ивана Никифоровича былъ нѣсколько похожъ на сливу, однакожъ она схватила его за этотъ носъ и водила за собою, какъ собачку. Онъ даже измѣнялъ при ней невольно обыкновенный свой образъ жизни, не такъ долго лежалъ на солнцѣ, если же и лежалъ, то не въ натурѣ, а всегда надѣвалъ рубашку и шаровары, хотя Агаѳія Ѳедосѣевна совершенно этого не требовала. Она была не охотница до церемоній, и когда Иванъ Никифоровичъ страдалъ лихорадкою, она сама, своими руками, вытирала его съ ногъ до головы скипидаромъ и уксусомъ. Агаѳія Ѳедосѣевна носила на головѣ чепецъ, три бородавки на носу и кофейный капотъ съ желтенькими цвѣтами. Весь станъ ея похожъ былъ на кадушку, и оттого отыскать ея талію было такъ же трудно, какъ увидѣть безъ зеркала свой носъ. Ножки ея были коротенькія, сформированныя на образецъ двухъ подушекъ. Она сплетничала и ѣла вареные бураки по утрамъ, и отлично хорошо ругалась; и при всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятіяхъ, лицо ея ни на минуту не измѣняло своего выраженія, что обыкновенно могутъ показывать однѣ только женщины.

Какъ только она пріѣхала, все пошло навыворотъ:—Ты, Иванъ Никифоровичъ, не мирись съ нимъ и не проси прощенія; онъ тебя погубить хочетъ; это таковскій человѣкъ! Ты его еще не знаешь.—Шушукала-шушукала проклятая баба и сдѣлала то, что Иванъ Никифоровичъ и слышать не хотѣлъ объ Иванѣ Ивановичѣ.

Все приняло другой видъ. Если сосѣдняя собака забѣгала когда на дворъ, то ее колотили чѣмъ ни попало; ребятишки, перелѣзавшіе черезъ заборъ, возвращались съ воплемъ, съ поднятыми вверхъ рубашонками и съ знаками розогъ на спинѣ. Даже самая баба, когда Иванъ Ивановичъ хотѣлъ было ее спросить о чемъ-то, сдѣлала та-

По воскреснымъ днямъ, бывало, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ отправляются гулять...

кую непристойность, что Иванъ Ивановичъ, какъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, плюнулъ и промолвилъ только: — Экая скверная баба! хуже своего папа!

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ оскорбленій, ненавистный сосѣдъ выстроилъ прямо противъ него, гдѣ обыкновенно былъ перелазъ чрезъ плетень, гусиный хлѣвъ, какъ будто съ особеннымъ намѣреніемъ усугубить оскорбленіе. Этотъ отвратительный для Ивана Ивановича хлѣвъ выстроенъ былъ съ дьявольскою скоростью — въ одинъ день.

Это возбудило въ Иванѣ Ивановичѣ злость и желаніе отомстить. Онъ не показалъ, однакожъ, никакого вида огорченія, несмотря на то, что хлѣвъ даже захватилъ часть его земли; но сердце у него такъ билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствіе.

Такъ провелъ онъ день. Настала ночь... О, если бъ я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи! Я бы изобразилъ, какъ спитъ весь Миргородъ; какъ неподвижно глядятъ на него безчисленныя звѣзды; какъ видимая тишина оглашается близкимъ и далекимъ лаемъ собакъ; какъ мимо ихъ несется влюбленный попамарь и перелѣзаетъ черезъ плетень съ рыцарскою безстрашностью; какъ бѣлыя стѣны домовъ, охваченныя лунным свѣтомъ, становятся бѣлѣе, осѣняющія ихъ деревья темнѣе, тѣнь отъ деревъ ложится чернѣе, цвѣты и умолкнувшая трава душистѣе, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно изо всѣхъ угловъ заводятъ свои трескучія пѣсни. Я бы изобразилъ, какъ въ одномъ изъ этихъ низенькихъ глиняныхъ домиковъ разметавшейся на одинокой постели чернобровой горожанкѣ, съ дрожащими молодыми грудями, снится гусарскій усъ и шпоры, а свѣтъ луны смѣется на ея щекахъ. Я бы изобразилъ, какъ по бѣлой дорогѣ мелькаетъ черная тѣнь летучей мыши, садящейся на бѣлыя трубы домовъ... Но врядъ ли бы я могъ изобразить Ивана Ивановича, вышедшаго въ эту ночь съ пилою въ рукѣ: столько на лицѣ у него было написано разныхъ чувствъ! Тихо-тихо подкрался онъ и подлѣзъ подъ гусиный хлѣвъ. Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссорѣ между ними, и потому позволили ему, какъ старому пріятелю, подойти къ хлѣву, который весь держался на четырехъ дубовыхъ столбахъ. Подлѣзши къ ближнему столбу, приставилъ онъ къ нему пилу и началъ пилить. Шумъ, производимый пилою, заставлялъ его поминутно оглядываться, но мысль объ обидѣ возвращала бодрость. Первый столбъ былъ подпиленъ; Иванъ Ивановичъ принялся за другой. Глаза его горѣли и ничего не видали отъ страха. Вдругъ Иванъ Ивановичъ вскрикнулъ и обомлѣлъ: ему показался мертвецъ; но скоро онъ пришелъ въ себя, увидѣвши, что это былъ гусь, просунувшій къ нему свою шею. Иванъ Ивановичъ плюнулъ отъ негодованія и началъ продолжать работу. И второй столбъ подпиленъ; зданіе пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало такъ страшно биться, когда онъ принялся за третій, что онъ нѣсколько разъ прекращалъ работу. Уже болѣе половины столба было подпилено, какъ вдругъ шаткое зданіе сильно покачнулось... Иванъ Ивановичъ едва успѣлъ отскочить, какъ оно рухнуло съ трескомъ. Схвативши пилу, въ страшномъ испугѣ прибѣжалъ онъ домой и бросился въ кровать, не имѣя даже духу поглядѣть въ окно на слѣдствія своего страшнаго дѣла. Ему казалось, что весь дворъ Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иванъ Никифоровичъ, мальчикъ въ безконечномъ сюртукѣ, всѣ съ дрекольями, предводительствуемые Агаѳіей Ѳедосѣевной, шли разорять и ломать его домъ.

Весь слѣдующій день провелъ Иванъ Ивановичъ, какъ въ лихорадкѣ. Ему все чудилось, что ненавистный сосѣдъ въ отмщеніе за это, по крайней мѣрѣ, подожжетъ домъ его; и потому онъ далъ повелѣніе Гапкѣ поминутно осматривать вездѣ, не подложено ли гдѣ-нибудь сухой соломы. Наконецъ, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, онъ рѣшился забѣжать зайцемъ впередъ и подать на него прошеніе въ миргородскій повѣтовый судъ. Въ чемъ оно состояло, объ этомъ можно узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА IV.

О томъ, что произошло въ присутствіи миргородскаго повѣтоваго суда.

Чудный городъ Миргородъ! Какихъ въ немъ нѣтъ строеній! И подъ соломенною, и подъ очеретяною, даже подъ деревянною крышею. Направо улица, налѣво улица, вездѣ прекрасный плетень; по немъ вьется хмель, на немъ висятъ горшки, изъ-за него подсолнечникъ выказываетъ свою солнцеобразную голову, краснѣетъ макъ, мелькаютъ толстыя тыквы... Роскошь! Плетень всегда убранъ предметами, которые дѣлаютъ его еще болѣе живописнымъ: или напяленною плахтою, или сорочкою, или шароварами. Въ Миргородѣ нѣтъ ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вѣшаетъ на плетень, что ему вздумается. Если будете подходить съ площади, то, вѣрно, на время остановитесь полюбоваться видомъ: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вамъ удавалось когда видѣть! Она занимаетъ почти всю

площадь. Прекрасная лужа! Домы и домики, которые издали можно принять за копны сѣна, обступивши вокругъ, дивятся красотѣ ея.

Но я тѣхъ мыслей, что нѣтъ лучше дома, какъ повѣтовый судъ. Дубовый ли онъ или березовый—мнѣ нѣтъ дѣла, но въ немъ, милостивые государи, восемь окошекъ! восемь окошекъ въ рядъ, прямо на площадь и на то водное пространство, о которомъ я уже говорилъ и которое городничій называетъ озеромъ! Одинъ только онъ окрашенъ цвѣтомъ гранита; всѣ прочіе дома въ Миргородѣ просто выбѣлены. Крыша на немъ вся деревянная, и была бы даже выкрашена красною краскою, если бы приготовленное для того масло канцелярскіе, приправивши лукомъ, не съѣли, что было, какъ нарочно, во время поста, и крыша осталась не крашеною. На площадь выступаетъ крыльцо, на которомъ часто бѣгаютъ куры, оттого что на крыльцѣ всегда почти разсыпаны крупы или что-нибудь съѣстное, что, впрочемъ, дѣлается не нарочно, но единственно отъ неосторожности просителей. Домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной *присутствіе*, въ другой *арестантская*. Въ той половинѣ, гдѣ присутствіе, находятся двѣ комнаты чистыя, выбѣленныя: одна передняя, для просителей, въ другой столъ, украшенный чернильными пятнами; на столѣ зерцало; четыре стула дубовые, съ высокими спинками; возлѣ стѣнъ сундуки, кованные желѣзомъ, въ которыхъ сохранялись кипы повѣтовой ябеды. На одномъ изъ этихъ сундуковъ стоялъ тогда сапогъ, вычищенный ваксою.

Присутствіе началось еще съ утра. Судья, довольно полный человѣкъ, хотя нѣсколько тоньше Ивана Никифоровича, съ доброю миною, въ замасленномъ халатѣ, съ трубкою и чашкою чая, разговаривалъ съ подсудкомъ. У судьи губы находились подъ самымъ носомъ, и оттого носъ его могъ нюхать верхнюю губу, сколько душѣ угодно было. Эта губа служила ему вмѣсто табакерки, потому что табакъ, адресуемый въ носъ, почти всегда сѣялся на нее. И такъ, судья разговаривалъ съ подсудкомъ. Босая дѣвка держала въ сторонѣ подносъ съ чашками. Въ концѣ стола секретарь читалъ рѣшеніе дѣла, но такимъ однообразнымъ и заунывнымъ тономъ, что самъ подсудимый заснулъ бы, слушая. Судья, безъ сомнѣнія, это бы сдѣлалъ прежде всѣхъ, если бы не вошелъ между тѣмъ въ занимательный разговоръ.

— Я нарочно старался узнать, — говорилъ судья, прихлебывая чай уже изъ простывшей чашки:—какимъ образомъ это дѣлается, что они поютъ хорошо. У меня былъ славный дроздъ, года два тому назадъ. Что-жъ? Вдругъ испортился совсѣмъ, началъ пѣть, Богъ знаетъ что; чѣмъ далѣе, хуже, хуже; сталъ картавить, хрипѣть,—хоть выбрось! А вѣдь самый вздоръ! Это вотъ отчего дѣлается: подъ горлышкомъ дѣлается бобонъ, меньше горошинки. Этотъ бобончикъ нужно только проколоть иголкою. Меня научилъ этому Захаръ Прокофьевичъ, и именно, если хотите, я вамъ разскажу, какимъ это было образомъ: пріѣзжаю я къ нему...

— Прикажете, Демьянъ Демьяновичъ, читать другое?—прервалъ секретаръ, уже нѣсколько минутъ какъ окончившій чтеніе.

— А вы уже прочитали? Представьте, какъ скоро! Я и не услышалъ ничего! Да гдѣ-жъ оно? Дайте его сюда, я подпишу. Что тамъ еще у васъ?

— Дѣло козака Бокитька о краденой коровѣ.

— Хорошо, читайте! Да, такъ пріѣзжаю я къ нему... Я могу даже разсказать вамъ подробно, какъ онъ угостилъ меня. Къ водкѣ былъ поданъ балыкъ, единственный! Да, не нашего балыка, которымъ—(при этомъ судья сдѣлалъ языкомъ и улыбнулся, при чемъ носъ его понюхалъ свою всегдашнюю табакерку)... — которымъ угощаетъ наша бакалейная миргородская лавка. Селедки я не ѣлъ, потому что, какъ вы сами знаете, у меня отъ нея дѣлается изжога подъ ложечкою; но икры отвѣдалъ, — прекрасная икра! нечего сказать, отличная! Потомъ выпилъ я водки персиковой, настоянной на золототысячникѣ. Была и шафранная; но шафранной, какъ вы сами знаете, я не употребляю. Оно, видите, очень хорошо; напередъ, какъ говорятъ, раззадорить аппетитъ, а потомъ уже завершитъ... А! слыхомъ слыхать, видомъ видать...—вскричалъ вдругъ судья, увидѣвъ входящаго Ивана Ивановича.

— Богъ въ помощь! Желаю здравствовать!—произнесъ Иванъ Ивановичъ, поклонившись на всѣ стороны съ свойственною ему одному пріятностью. Боже мой, какъ онъ умѣлъ обворожить всѣхъ своимъ обращеніемъ! Тонкости такой я нигдѣ не видывалъ. Онъ зналъ очень хорошо самъ свое достоинство и потому на всеобщее почтеніе смотрѣлъ, какъ на должное. Судья самъ подалъ стулъ Ивану Ивановичу, носъ его потянулъ съ верхней губы весь табакъ, что всегда было у него знакомъ большого удовольствія.

— Чѣмъ прикажете потчивать васъ, Иванъ Ивановичъ? — спросилъ онъ, — не прикажете ли чашку чаю?

— Нѣтъ, весьма благодарю,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

— Сдѣлайте милость, одну чашечку!—повторилъ судья.

— Нѣтъ, благодарю. Весьма доволенъ гостепріимствомъ!—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

— Одну чашку!—повторилъ судья.

— Нѣтъ, не безпокойтесь, Демьянъ Демьяновичъ!—При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— Чашечку?

— Ужъ такъ и быть, развѣ чашечку! — произнесъ Иванъ Ивановичъ и протянулъ руку къ подносу.

Господи Боже! какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя разсказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!

— Не прикажете ли еще чашечку?

— Покорно благодарствую, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, ставя на подносъ опрокинутую чашку и кланяясь.

— Сдѣлайте одолженіе, Иванъ Ивановичъ!

— Не могу; весьма благодаренъ.—При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— Иванъ Ивановичъ! сдѣлайте дружбу, одну чашечку!

— Нѣтъ, весьма обязанъ за угощеніе.—Сказавши это, Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— Только чашечку! Одну чашечку!

Иванъ Ивановичъ протянулъ руку къ подносу и взялъ чашку.

Фу, ты пропасть! Какъ можетъ, какъ найдется человѣкъ поддержать свое достоинство.

— Я, Демьянъ Демьяновичъ,—говорилъ Иванъ Ивановичъ, допивая послѣдній глотокъ, — я къ вамъ имѣю необходимое дѣло: я подаю позовъ.— При этомъ Иванъ Ивановичъ поставилъ чашку и вынулъ изъ кармана написанный гербовый листъ бумаги. — Позовъ на врага моего, на заклятаго врага.

— На кого же это?

— На Ивана Никифоровича Довгочхуна.

При этихъ словахъ судья чуть не упалъ со стула. — Что вы говорите! — произнесъ онъ, всплеснувъ руками, — Иванъ Ивановичъ! вы ли это?

— Видите сами, что я.

— Господь съ вами и всѣ святые! Какъ! Вы, Иванъ Ивановичъ, стали непріятелемъ Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста говорятъ? Повторите еще! Да не спрятался ли у васъ кто-нибудь сзади и говоритъ вмѣсто васъ?..

— Что-жъ тутъ невѣроятнаго? Я не могу смотрѣть на него: онъ нанесъ мнѣ смертельную обиду, оскорбилъ честь мою.

— Пресвятая Троица! Какъ же мнѣ теперь увѣрить матушку? А она, старушка, каждый день, какъ только мы поссоримся съ сестрою, говоритъ: „Вы, дѣтки, живете между собою, какъ собаки. Хоть бы вы взяли примѣръ съ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: вотъ ужъ друзья, такъ друзья! то-то пріятели! то-то достойные люди! — Вотъ тебѣ и пріятели! Разскажите, за что же это? какъ?

— Это дѣло деликатное, Демьянъ Демьяновичъ! На словахъ его нельзя разсказать: прикажите лучше прочитать просьбу. Вотъ, возьмите съ этой стороны, здѣсь приличнѣе.

— Прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ!—сказалъ судья, оборотившись къ секретарю.

Тарасъ Тихоновичъ взялъ просьбу и, высморкавшись такимъ образомъ, какъ сморкаются всѣ секретари по повѣтовымъ судамъ, съ помощью двухъ пальцевъ, началъ читать:

„Отъ дворянина миргородскаго повѣта и помѣщика Ивана, Иванова сына, Перерепенка прошеніе; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1) Извѣстный всему свѣту своими богопротивными, въ омерзѣніе приводящими и всякую мѣру превышающими законо-преступными поступками, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, сего 1810 года, іюля 7 дня, учинилъ мнѣ смертельную обиду, какъ персонально до чести моей относящуюся, такъ равномѣрно въ уничиженіе и конфузію чина моего и фамиліи. Оный дворянинъ и самъ, притомъ, гнуснаго вида, характеръ имѣетъ бранчивый и преисполненъ разнаго рода богохуленіями и браннымі словами...

Тутъ чтецъ немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья съ благоговѣніемъ сложилъ руки и только говорилъ про себя: „Что за бойкое перо! Господи Боже! какъ пишетъ этотъ человѣкъ!“

Иванъ Ивановичъ просилъ читать далѣе, и Тарасъ Тихоновичъ продолжалъ:

„Оный дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, когда я пришелъ къ нему съ дружескими предложеніями, назвалъ меня публично обиднымъ и поноснымъ для чести моей именемъ, а именно „гусакомъ“, тогда какъ извѣстно всему миргородскому повѣту, что симъ гнуснымъ животнымъ я отнюдь никогда не именовался и впредь именоваться не намѣренъ. Доказательствомъ же моего дворянскаго происхожденія есть то, что въ метрической книгѣ, находящейся въ церкви Трехъ Святителей, записанъ какъ день моего рожденія, такъ равномѣрно и полученное мною крещеніе. „Гусакъ“ же, какъ извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь свѣдущъ въ наукахъ, не можетъ быть записанъ въ метрической книгѣ, ибо „гусакъ“ есть не человѣкъ, а птица, что уже всякому, даже не бывавшему въ семинаріи, достовѣрно извѣстно. Но оный злокачественный дворянинъ, будучи обо всемъ этомъ свѣдущъ, не для чего иного, какъ чтобы нанесть смертельную для моего чина и званія обиду, обругалъ меня онымъ гнуснымъ словомъ.

„2) Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянинъ посягнулъ, притомъ, на мою родовую, полученную мною послѣ родителя моего, состоявшаго въ духовномъ званіи, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, собственность, тѣмъ, что, въ противность всякимъ законамъ, перенесъ совершенно насупротивъ моего крыльца гусиный хлѣвъ, что дѣлалось не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобъ усугубить нанесенную мнѣ обиду, ибо оный хлѣвъ стоялъ до сего въ изрядномъ мѣстѣ и довольно еще былъ крѣпокъ. Но омерзительное намѣреніе вышеупомянутаго дворянина состояло единственно въ томъ, чтобы учинить меня свидѣтелемъ непристойныхъ пассажей: ибо извѣстно, что всякій человѣкъ не пойдетъ въ хлѣвъ, тѣмъ паче въ гусиный, для приличнаго дѣла. При такомъ противузаконномъ дѣйствіи, двѣ переднія сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мнѣ еще при жизни отъ родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, начинавшуюся отъ амбара и прямою линіей до самаго того мѣста, гдѣ бабы моютъ горшки.

„3) Вышеизображенный дворянинъ, котораго уже самое имя и фамилія внушаетъ всякое омерзѣніе, питаетъ въ душѣ злостное намѣреніе поджечь меня въ собственномъ домѣ. Несомнѣнные чему признаки изъ нижеслѣдующаго явствуютъ: во 1-хъ, оный злокачественный дворянинъ началъ выходить часто изъ своихъ покоевъ, чего прежде никогда, по причинѣ своей лѣности и гнусной тучности тѣла, не предпринималъ; во 2-хъ, въ людской его, примыкающій ко самый заборъ, ограждающій мою собственную, полученную мною отъ покойнаго родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, землю, ежедневно и въ необычайной продолжительности горитъ свѣтъ, что уже явное есть къ тому доказательство; ибо до сего, по скаредной его скупости, всегда не только сальная свѣча, но даже каганецъ былъ потушаемъ.

„И потому прошу онаго дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна, яко повиннаго въ зажигательствѣ, въ оскорбленіи моего чина, имени и фамиліи и въ хищническомъ присвоеніи собственности, а паче всего въ подломъ и предосудительномъ присовокупленіи къ фамиліи моей названія „гусака“, ко взысканію штрафа, удовлетворенія проторей и убытковъ присудить, и самого, яко нарушителя, въ кандалы забить и, заковавши, въ городскую тюрьму препроводить, и по сему моему прошенію рѣшеніе немедленно и неукоснительно учинить. Писалъ и сочинялъ дворянинъ, миргородскій помѣщикъ, Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко“.

По прочтеніи просьбы, судья приблизился къ Ивану Ивановичу, взялъ его за пуговицу и началъ говорить ему почти такимъ образомъ: — Что это вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ? Бога бойтесь! Бросьте просьбу, пусть она пропадаетъ! (Сатана приснись ей!) Возьмитесь лучше съ Иваномъ Никифоровичемъ за руки, да поцѣлуйтесь; да купите сантуринскаго, или никопольскаго, или хоть, просто, сдѣлайте пуншику, да позовите меня! Разопьемъ вмѣстѣ и позабудемъ все!

— Нѣтъ, Демьянъ Демьяновичъ! Не такое дѣло, — сказалъ Иванъ Ивановичъ съ важностью, которая такъ всегда шла къ нему, — не такое дѣло, чтобы можно было рѣшить полюбовною сдѣлкою. Прощайте! Прощайте и вы, господа! — продолжалъ онъ съ тою же важностью, оборотившись ко всѣмъ, — надѣюсь, что моя просьба возымѣетъ надлежащее дѣйствіе. — И ушелъ, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Судья сидѣлъ, не говоря ни слова; секретарь нюхалъ табакъ; канцелярскіе опрокинули разбитый черепокъ бутылки, употребляемый вмѣсто чернильницы, и самъ судья, въ разсѣянности, разводилъ пальцемъ по столу чернильную лужу.

— Что вы скажете на это, Дорофей Трофимовичъ? — сказалъ судья, послѣ нѣкотораго молчанія, обратившись къ подсудку.

— Ничего не скажу, — отвѣчалъ подсудокъ.

— Экія дѣла дѣлаются! — продолжалъ судья. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ дверь затрещала и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась въ присутствіе, остальная часть осталась еще въ передней. Появленіе Ивана Никифоровича, и еще въ судъ, такъ показалось необыкновеннымъ, что судья вскрикнулъ, секретарь прервалъ свое чтеніе, одинъ канцелярістъ, въ фризовомъ подобіи полуфрака, взялъ въ губы перо, другой проглотилъ муху. Даже отправлявшій должность фельдъегеря и сторожа инвалидъ, который до того стоялъ у дверей, почесывая въ своей грязной рубашкѣ, съ нашивкою на плечѣ, даже этотъ инвалидъ разинулъ ротъ и наступилъ кому-то на ногу.

— Какими судьбами? Что и какъ? Какъ здоровье ваше, Иванъ Никифоровичъ?

Но Иванъ Никифоровичъ былъ ни живъ, ни мертвъ, потому что завязнулъ въ дверяхъ и не могъ сдѣлать ни шагу впередъ или назадъ. Напрасно судья кричалъ въ переднюю, чтобы кто-нибудь изъ находившихся тамъ выперъ сзади Ивана Никифоровича въ присутственную залу. Въ передней находилась одна только старуха-просительница, которая, несмотря на всѣ усилія своихъ костлявыхъ рукъ, ничего не могла сдѣлать. Тогда одинъ изъ канцелярскихъ, съ толстыми губами, съ широкими плечами, съ толстымъ носомъ, глазами, глядѣвшими искоса и

пьяно, съ разодранными локтями, приблизился къ передней половинѣ Ивана Никифоровича, сложилъ ему обѣ руки на-крестъ, какъ ребенку, и мигнулъ старому инвалиду, который уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ивана Никифоровича, и, несмотря на жалобные стоны, онъ былъ вытянутъ въ переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей, при чемъ канцелярскій и его помощникъ, инвалидъ, отъ дружныхъ усилій, дыханіемъ устъ своихъ распространили такой сильный запахъ, что комната присутствія превратилась было на время въ питейный домъ.

— Не зашибли ли васъ, Иванъ Никифоровичъ? Я скажу матушкѣ, она пришлетъ вамъ настойки, которою потрите только поясницу и спину, и все пройдетъ.

Но Иванъ Никифоровичъ повалился на стулъ и, кромѣ продолжительныхъ *оховъ*, ничего не могъ сказать. Наконецъ, слабымъ, едва слышнымъ отъ усталости, голосомъ произнесъ онъ: — Не угодно ли? — и, вынувши изъ кармана рожокъ, прибавилъ: — возьмите, одолжайтесь!

— Весьма радъ, что васъ вижу, — отвѣчалъ судья, — но все не могу представить себѣ, что заставило васъ предпринять трудъ и одолжить насъ такою пріятною нечаянностью.

— Съ просьбою... — могъ только произнесть Иванъ Никифоровичъ.

— Съ просьбою? съ какою?

— Съ позвомъ... — (тутъ одышка произвела долгую паузу) — охъ!.. съ позвомъ на мошенника... Ивана Иванова Перерепенка.

— Господи! И вы туда же! Такіе рѣдкіе друзья! Позовъ на такого добродѣтельнаго человѣка!..

— Онъ—самъ сатана!—произнесъ отрывисто Иванъ Никифоровичъ.

Судья перекрестился.

— Возьмите просьбу, прочитайте.

— Нечего дѣлать, прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ, — сказалъ судья, обращаясь къ секретарю, съ видомъ неудовольствія, при чемъ посѣ его невольно понюхалъ верхнюю губу, что обыкновенно онъ дѣлалъ прежде только отъ большого удовольствія. Такое самоуправство носа причинило судьѣ еще болѣе досады: онъ вынулъ платокъ и смелъ съ верхней губы весь табакъ, чтобы наказать дерзость его.

Секретарь, сдѣлавши обыкновенный свой приступъ, который онъ всегда употреблялъ передъ начатіемъ чтенія, т.-е. безъ помощи носового платка, началъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ такимъ образомъ:

„Проситъ дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1) По ненавистной злобѣ своей и явному недоброжелательству, называющій себя дворяниномъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, всякія пакости, убытки и иные ехидненскіе и въ ужасъ приводящіе поступки мнѣ чинитъ, и вчерашняго дня пополудни, какъ разбойникъ и тать, съ топорами, шилами, долотами и иными слесарными орудіями, забрался ночью въ мой дворъ и въ находящійся въ ономъ мой же собственный хлѣвъ, собственноручно и попоснымъ образомъ его изрубилъ, на что съ моей стороны я не подавалъ никакой причины къ столь противозаконному и разбойническому поступку.

2) Оный же дворянинъ Перерепенко имѣетъ посягательство на самую жизнь мою, и до 7-го числа прошлаго мѣсяца, содержа въ тайнѣ сіе намѣреніе, пришелъ ко мнѣ и началъ дружескимъ и хитрымъ образомъ выпрашивать у меня ружье, находившееся въ моей комнатѣ, и предлагалъ мнѣ за него, съ свойственною ему глупостью, многія негодныя вещи, какъ-то: свинью бурую и двѣ мѣрки овса. Но, предугадывая тогда же преступное его намѣреніе, я всячески старался отъ онаго уклонить его; но оный мошенникъ и подлецъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко выбранилъ меня мужицкимъ образомъ и питаетъ ко мнѣ съ того времени вражду непримиримую. Притомъ же оный, часто поминаемый, неистовый дворянинъ и разбойникъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, и происхожденія весьма поноснаго: его сестра была извѣстная всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею, назадъ тому пять лѣтъ, въ Миргородѣ, а мужа своего записала въ крестьяне; отецъ и мать его тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый-же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню и, подъ видомъ благочестія, дѣлаетъ самыя соблазнительныя дѣла: постовъ не содержитъ, ибо наканунѣ Филипповки сей богоотступникъ купилъ барана и на другой день велѣлъ зарѣзать своей беззаконной дѣвкѣ Гапкѣ, оговариваясь, аки бы ему нужно было подъ тотъ часъ сало на каганцы и свѣчи.

Посему прошу онаго дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличеннаго уже въ воровствѣ и грабительствѣ, въ кандалы заковать и въ тюрьму или государственный острогъ препроводить и тамъ уже, по усмотрѣнію, лиша чиновъ и дворянства, добре барбарами шмаровать и въ Сибирь на каторгу по надобности заточить, проторы, убытки велѣть ему заплатить и по сему моему прошенію рѣшеніе учинить.

Къ сему прошенію руку приложилъ дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ“.

Какъ только секретарь кончилъ чтеніе, Иванъ Никифоровичъ взялся за шапку и поклонился, съ намѣреніемъ уйти.

— Куда же вы, Иванъ Никифоровичъ? — говорилъ ему вслѣдъ судья. — Посидите немного! Выпейте чаю! Орышко! что ты стоишь, глупая дѣвка, и перемигиваешься съ канцелярскими? Ступай, принеси чаю!

Но Иванъ Никифоровичъ, съ испугу, что такъ далеко зашелъ отъ дому и выдержалъ такой опасный карантинъ, успѣлъ уже пролѣзть въ дверь, проговоривъ: — Не безпокойтесь, я съ удовольствіемъ... — и затворилъ ее за собою, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Дѣлать было нечего. Обѣ просьбы были приняты, и дѣло готовилось принять довольно важный интересъ, какъ одно непредвидѣнное обстоятельство сообщило ему еще большую занимательность. Когда судья вышелъ изъ присутствія, въ сопровожденіи подсудка и секретаря, а канцелярскіе укладывали въ мѣшокъ напесенныхъ просителями куръ, яицъ, краюхъ хлѣба, пироговъ, книшей и прочаго дрязгу, въ это время бурая свинья вбѣжала въ комнату и схватила, къ удивленію присутствовавшихъ, не пирогъ или хлѣбную корку, но прошеніе Ивана Никифоровича, которое лежало на концѣ стола, перевѣсившись листами внизъ. Схвативши бумагу, бурая хавронья убѣжала такъ скоро, что ни одинъ изъ приказныхъ чиновниковъ не могъ догнать ее, несмотря на кидаемыя линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествіе произвело страшную суматоху, потому что даже копія не была еще списана съ прошенія. Судья, т.-е. его секретарь и подсудокъ, долго трактовали объ такомъ неслыханномъ обстоятельствѣ; наконецъ, рѣшено было на томъ, чтобы написать объ этомъ отношеніе къ городничему, такъ какъ слѣдствіе по этому дѣлу болѣе относилось къ градской полиціи. Отношеніе, за № 389, послано было къ нему того же дня, и по этому самому произошло довольно любопытное объясненіе, о которомъ читатели могутъ узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА V,

ВЪ КОТОРОЙ ИЗЛАГАЕТСЯ СОВѢЩАНІЕ ДВУХЪ ПОЧЕТНЫХЪ ВЪ МИРГОРОДѢ ОСОБЪ.

Какъ только Иванъ Ивановичъ управился въ своемъ хозяйствѣ и вышелъ, по обыкновенію, полежать подъ навѣсомъ, то, къ несказанному удивленію своему, увидѣлъ что-то краснѣвшееся въ калиткѣ. Это былъ красный обшлагъ городничаго, который, равномѣрно какъ и воротникъ его, получилъ политуру и по краямъ превращался въ лакированную кожу. Иванъ Ивановичъ подумалъ про себя: — Не дурно, что пришелъ Петръ Ѳедоровичъ поговорить, — но очень удивился, увидя, что городничій шелъ чрезвычайно скоро и размахивалъ руками, что случалось съ нимъ, по обыкновенію, весьма рѣдко. На мундирѣ у городничаго посажено было восемь пуговицъ; девятая, какъ оторвалась во время процессіи при освященіи храма, назадъ тому два года, такъ до сихъ поръ десятскіе не могутъ отыскать, хотя городничій при ежедневныхъ рапортахъ, которые отдаютъ ему квартальные надзиратели, всегда спрашиваетъ, нашлась ли пуговица. Эти восемь пуговицъ были насажены у него такимъ образомъ, какъ бабы садятъ бобы: одна направо, другая налѣво. Лѣвая нога была у него прострѣлена въ послѣдней кампаніи, и потому онъ, прихрамывая, закидывалъ ею такъ далеко въ сторону, что разрушалъ этимъ почти весь трудъ правой ноги. Чѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ городничій своею пѣхотою, тѣмъ менѣе она подвигалась впередъ, и потому, покамѣстъ дошелъ городничій къ навѣсу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ довольно времени теряться въ догадкахъ, отчего городничій такъ скоро размахивалъ руками. Тѣмъ болѣе это его занимало, что дѣло казалось необыкновенной важности, ибо при городничемъ была даже новая шпага.

— Здравствуйте, Петръ Ѳедоровичъ! — вскричалъ Иванъ Ивановичъ, который, какъ уже сказано, былъ очень любопытенъ и никакъ не могъ удержать своего нетерпѣнія при видѣ, какъ городничій бралъ приступомъ крыльцо, но все еще не поднималъ глазъ своихъ вверхъ и ссорился съ своей пѣхотою, которая никакимъ образомъ не могла съ одного размаху взойти на ступеньку.

— Добраго дня желаю любезному другу и благодѣтелю Ивану Ивановичу! — отвѣчалъ городничій.

— Милости прошу садиться. Вы, какъ я вижу, устали, потому что ваша раненая нога мѣшаетъ...

— Моя нога! — вскрикнулъ городничій, бросивъ на Ивана Ивановича одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, какіе бросаетъ великанъ на пигмея, ученый педантъ на танцовальнаго учителя. При этомъ онъ вытянулъ свою ногу и топнулъ ею объ полъ. Эта храбрость, однакожъ, ему дорого стоила, потому что весь корпусъ его покачнулся и носъ клюнулъ перила; но мудрый блюститель порядка, чтобъ не подать никакого вида, тотчасъ оправился и полѣзъ въ карманъ, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы достаать табакерку. — Я вамъ доложу о себѣ, любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что я дѣлывалъ на вѣку своемъ не такіе походы. Да, серьезно, дѣлывалъ.

Напримѣръ, во время кампаніи 1807 года... Ахъ, я вамъ разскажу, какимъ манеромъ я перелѣзъ черезъ заборъ къ одной хорошенькой нѣмкѣ.—При этомъ городничій зажмурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ бѣсовски-плутовскую улыбку.

— Гдѣ-жъ вы бывали сегодня? — спросилъ Иванъ Ивановичъ, желая прервать городничаго и скорѣе навести его на причину посѣщенія; ему бы очень хотѣлось спросить, что такое намѣренъ объявить городничій; но тонкое познаніе свѣта представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скрѣпиться и ожидать разгадки, между тѣмъ какъ сердце его билось съ необыкновенною силою.

— А позвольте, я вамъ разскажу, гдѣ былъ я, — отвѣчалъ городничій. — Во-первыхъ, доложу вамъ, что сегодня отличное время...

При послѣднихъ словахъ Иванъ Ивановичъ почти-что не умеръ.

— Но позвольте,—продолжалъ городничій,— я пришелъ сегодня къ вамъ по одному важному дѣлу. — Тутъ лицо городничаго и осанка приняли то же самое озабоченное положеніе, съ которымъ бралъ онъ приступомъ крыльцо. Иванъ Ивановичъ ожилъ и трепеталъ, какъ въ лихорадкѣ, не замедливши, по обыкновенію своему, сдѣлать вопросъ: — Какое же оно, важное? развѣ оно важное?

— Вотъ извольте видѣть, прежде всего осмѣлюсь доложить вамъ, любезный другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что вы... съ моей стороны я, извольте видѣть, я ничего, но виды правительства, виды правительства этого требуютъ: вы нарушили порядокъ благочинія!

— Что это вы говорите, Петръ Ѳедоровичъ? Я ничего не понимаю.

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ! какъ вы ничего не понимаете? Ваша собственная животина утащила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите послѣ этого, что ничего не понимаете!

— Какая животина?

— Съ позволенія сказать, ваша собственная бурая свинья?

— А я чѣмъ виноватъ? Зачѣмъ судейскій сторожъ отворяетъ двери?

— Но, Иванъ Ивановичъ, ваше собственное животное: стало-быть, вы виноваты.

— Покорно благодарю васъ за то, что съ свиньею меня равняете.

— Вотъ ужъ этого я не говорилъ, Иванъ Ивановичъ! Ей-Богу, не говорилъ! Извольте разсудить по чистой совѣсти сами. Вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что, согласно съ видами начальства, запрещено въ городѣ, тѣмъ же паче въ главныхъ градскихъ улицахъ, прогуливаться нечистымъ животнымъ. Согласитесь сами, что это дѣло запрещенное.

— Богъ знаетъ, что это вы говорите. Большая важность, что свинья вышла на улицу!

— Позвольте вамъ доложить, позвольте, позвольте, Иванъ Ивановичъ, это совершенно невозможно. Что-жъ дѣлать? Начальство хочетъ—мы должны повиноваться. Не спорю, забѣгаютъ иногда на улицу и даже на площадь куры и гуси, замѣтьте себѣ: куры и гуси; но свиней и козловъ я еще въ прошломъ году далъ предписаніе не впускать на публичныя площади, которое предписаніе тогда же приказалъ прочитать изустно въ собраніи, предъ цѣлымъ народомъ.

— Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, я здѣсь ничего не вижу, какъ только то, что вы всячески старастесь обижать меня.

— Вотъ этого-то не можете сказать, любезнѣйшій другъ и благодѣтель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я не сказалъ вамъ ни одного слова прошлый годъ, когда вы выстроили крышу цѣлымъ аршиномъ выше установленной мѣры. Напротивъ, я показалъ видъ, какъ будто совершенно этого не замѣтилъ. Вѣрьте, любезнѣйшій другъ, что и теперь я бы совершенно, такъ сказать... но мой долгъ, словомъ, обязанность, требуетъ смотрѣть за чистотою. Посудите сами, когда вдругъ на главной улицѣ...

— Ужъ хороши ваши главныя улицы! Туда всякая баба идетъ выбросить то, что ей не нужно.

— Позвольте вамъ доложить, Иванъ Ивановичъ, что вы сами обижаете меня! Правда, это случается иногда, но по большей части только подъ заборомъ, сараями или коморами; но чтобъ на главной улицѣ, на площадь втесалась супоросная свинья, это такое дѣло...

— Что-жъ такое, Петръ Ѳедоровичъ! Вѣдь свинья—твореніе Божіе!

— Согласенъ. Это всему свѣту извѣстно, что вы человѣкъ ученый, знаете науки и прочіе разные предметы. Конечно, я наукамъ не обучался никакимъ; скорописному письму я началъ учиться на тридцатомъ году своей жизни. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, изъ рядовыхъ.

— Гм!—сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Да,—продолжалъ городничій,—въ 1801 году я находился въ 42 егерскомъ полку въ 4 ротѣ поручикомъ. Ротный командиръ у насъ былъ, если изволите знать, капитанъ Еремѣевъ.—При этомъ городничій запустилъ свои пальцы въ табакерку, которую Иванъ Ивановичъ держалъ открытою и переминалъ табакъ.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ: „Гм“.

— Но мой долгъ,—продолжалъ городничій,— есть повиноваться требованіямъ правительства. Знаете ли вы, Иванъ Ивановичъ, что похитившій

въ судѣ казенную бумагу подвергается, наравнѣ со всякимъ другимъ преступленіемъ, уголовному суду?

— Такъ знаю, что, если хотите, и васъ научу. Такъ говорится о людяхъ; напримѣръ, если бы вы украли бумагу; но свинья—животное, твореніе Божіе.

— Все такъ, но законъ говоритъ: „Виновный въ похищеніи...“—Прошу васъ прислушаться внимательнѣе: *виновный!* Здѣсь не означается ни рода, ни пола, ни званія; стало-быть и животное можетъ быть виновно. Воля ваша, а животное, прежде произнесенія приговора къ наказанію, должно быть представлено въ полицію, какъ нарушитель порядка.

— Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, — возразилъ хладнокровно Иванъ Ивановичъ, — этого то не будетъ!

— Какъ вы хотите, только я долженъ слѣдовать предписаніямъ начальства.

— Что-жъ вы стращаете меня? Вѣрно, хотите прислать за нею безрукаго солдата? Я прикажу дворовой бабѣ его кочергой выпроводить; ему послѣднюю руку переломятъ.

— Я не смѣю съ вами спорить. Въ такомъ случаѣ, если вы не хотите представить ее въ полицію, то пользуйтесь ею, какъ вамъ угодно; заколите, когда желаете, ее къ Рождеству и надѣлайте изъ нея окороковъ, или такъ съѣшьте. Только я бы у васъ попросилъ, если будете дѣлать колбасы, пришлите мнѣ парочку тѣхъ, которыя у васъ такъ искусно дѣлаетъ Гапка изъ свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень ихъ любитъ.

— Колбасъ, извольте, пришлю парочку.

— Очень вамъ буду благодаренъ, любезный другъ и благодѣтель. Теперь позвольте вамъ сказать еще одно слово. Я имѣю порученіе какъ отъ судьи, такъ равно и отъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, такъ сказать, примирить васъ съ пріятелемъ вашимъ, Иваномъ Никифоровичемъ.

— Какъ! съ невѣжею! Чтобы я примирился съ этимъ грубіяномъ! Никогда! Не будетъ этого, не будетъ!—Иванъ Ивановичъ былъ въ чрезвычайно рѣшительномъ состояніи.

— Какъ вы себѣ хотите,—отвѣчалъ городничій, угощая себѣ поздри табакомъ. — Я вамъ не смѣю совѣтовать; однакожъ позвольте доложить: вотъ вы теперь въ ссорѣ, а какъ помиритесь...

Но Иванъ Ивановичъ началъ говорить о ловлѣ перепеловъ, что обыкновенно случалось, когда онъ хотѣлъ замять рѣчь.

И такъ, городничій, не получивъ никакого успѣха, долженъ былъ отправиться во-свояси.

ГЛАВА VI,

ИЗЪ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЛЕГКО МОЖЕТЪ УЗНАТЬ ВСЕ ТО, ЧТО ВЪ НЕЙ СОДЕРЖИТСЯ.

Сколько ни старались въ судѣ скрыть дѣло, но на другой же день весь Миргородъ узналъ, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Самъ городничій первый, позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали объ этомъ, онъ ничего не сказалъ, спросилъ только: „Не бурая ли?“

Но Агаѳія Ѳедосѣевна, которая была при этомъ, начала опять приступать къ Ивану Никифоровичу: „Что ты, Иванъ Никифоровичъ? Надъ тобой будутъ смѣяться, какъ надъ дуракомъ, если ты попустишь! Какой ты послѣ этого будешь дворянинъ? Ты будешь хуже бабы, что продастъ сластёны, которыя ты такъ любишь“.—И уговорила неугомонная! Нашла гдѣ-то человѣчка среднихъ лѣтъ, черномазаго, въ пятнами по всему лицу, въ темно-синемъ съ заплатами на локтяхъ сюртукѣ, совершенную приказную чернильницу! Сапоги онъ смазывалъ дегтемъ, носилъ по три пера за ухомъ и привязанный къ пуговицѣ на шнурочкѣ стеклянный пузырекъ, вмѣсто чернильницы; съѣдалъ за однимъ разомъ девять пироговъ, а десятый клалъ въ карманъ, и въ одинъ гербовый листъ столько уписывалъ всякой ябеды, что никакой чтецъ не могъ за однимъ разомъ прочесть, не перемежая этого кашлемъ и чиханьемъ. Это небольшое подобіе человѣка копалось, корпѣло, писало и, наконецъ, состряпало такую бумагу:

„Въ миргородскій повѣтовый судъ отъ дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна.

Вслѣдствіе онаго прошенія моего, что отъ меня, дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна, къ тому имѣло быть, совокупно съ дворяниномъ Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ, чему и самъ повѣтовый миргородскій судъ потворство свое изъявилъ. И самое оное нахальное самоуправство бурой свиньи, будучи въ таннѣ содержимо и уже отъ сторонникъ людей до слуха дошедшись. Понеже оное допущеніе и потворство, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежитъ; ибо оная свинья есть животное глупое, и тѣмъ паче способное къ хищенію бумаги. Изъ чего очевидно явствуетъ, что часто поминаемая свинья не иначе, какъ была подущена къ тому самимъ противникомъ, называющимъ себя дворяниномъ Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ, уже уличеннымъ въ разбоѣ, посягательствѣ на жизнь и святотатствѣ. Но оный миргородскій судъ, съ свойственнымъ ему лицепріятіемъ, тайное своей особы соглашеніе изъявилъ, безъ како-

вого соглашенія оная свинья никоимъ образомъ не могла быть допущенною къ утащенію бумаги, ибо миргородскій повѣтовый судъ въ прислугѣ весьма снабженъ; для сего довольно уже назвать одного солдата, во всякое время въ пріемной пребывающаго, который, хотя имѣетъ одинъ кривой глазъ и нѣсколько поврежденную руку, но, чтобы выгнать свинью и ударить ее дубиною, имѣетъ весьма соразмѣрныя способности. Изъ чего достовѣрно видно потворство онаго миргородскаго суда и безспорно раздѣленіе жидовскаго отъ того барыша по взаимности совмѣщаясь. Оный же вышеупомянутый разбойникъ и дворянинъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко въ приточеніи ошельмовавшись состоялся. Почему и довожу оному повѣтовому суду я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, въ надлежащее всевѣдѣніе, если съ оной бурой свиньи или согласившагося съ нею дворянина Перерепенка означенная просьба взыщена не будетъ и по ней рѣшеніе по справедливости и въ мою пользу не возымѣетъ: то я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, о таковомъ онаго суда противозаконномъ потворствѣ подать жалобу въ палату имѣю, съ надлежащимъ по формѣ перенесеніемъ дѣла.

„Дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ“.

Эта просьба произвела свое дѣйствіе. Судья былъ человѣкъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ добрые люди, трусливаго десятка. Онъ обратился къ секретарю. Но секретарь пустилъ сквозь губы густой „гм“ и показалъ на лицѣ своемъ ту равнодушную и дьявольски-двусмысленную мину, которую принимаетъ одинъ только сатана, когда видитъ у ногъ своихъ прибѣгающую къ нему жертву. Одно средство оставалось: примирить двухъ пріятелей. Но какъ приступить къ этому, когда всѣ покушенія были до того неуспѣшны? Однакожъ еще рѣшились попытаться; но Иванъ Ивановичъ напрямикъ объявилъ, что не хочетъ, и даже весьма разсердился. Иванъ Никифоровичъ, вмѣсто отвѣта, оборотился спиною назадъ и хоть бы слово сказалъ. Тогда процессъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, которою обыкновенно такъ славятся судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, расписались, все въ одинъ и тотъ же день, и положили дѣло въ шкафъ, гдѣ оно лежало, лежало, лежало годъ, другой, третій. Множество невѣстъ успѣло выйти замужъ; въ Миргородѣ пробили новую улицу; у судьи выпалъ одинъ коренной зубъ и два боковыхъ; у Ивана Ивановича бѣгало по двору больше ребятишекъ, нежели прежде (откуда они взялись, Богъ одинъ знаетъ); Иванъ Никифоровичъ, въ упрекъ Ивану Ивановичу, выстроилъ новый гусиный хлѣвъ, хотя немного подальше прежняго, и совершенно застроился отъ Ивана Ивановича, такъ что сіи достойные люди никогда почти не видали въ лицо другъ друга;—и дѣло все лежало, въ самомъ лучшемъ порядкѣ, въ шкафу, который сдѣлался мраморнымъ отъ чернильныхъ пятенъ.

Между тѣмъ произошелъ чрезвычайно важный случай для всего Миргорода. Городничій давалъ ассамблею! Гдѣ возьму я кистей и красокъ, чтобъ изобразить разнообразіе съѣзда и великолѣпное пиршество? Возьмите часы, откройте ихъ и посмотрите, что тамъ дѣлается! Не правда ли, чепуха страшная? Представьте же теперь себѣ, что почти столько же, если не больше, колесъ стояло среди двора городничаго. Какихъ бричекъ и повозокъ тамъ не было! Одна—задъ широкій, а передъ узенькій; другая—задъ узенькій, а передъ широкій. Одна была и бричка, и повозка вмѣстѣ; другая ни бричка, ни повозка; иная была похожа на огромную копну сѣна или на толстую купчиху; другая—на растрепаннаго жида или на скелетъ, еще не совсѣмъ освободившійся отъ кожи; иная была въ профилѣ совершенная трубка съ чубукомъ, другая была ни на что не похожа, представляя какое-то странное существо, совершенно безобразное и чрезвычайно фантастическое. Изъ среды этого хаоса колесъ и козелъ возвышалось подобіе кареты съ комнатнымъ окномъ, перекрещеннымъ толстымъ переплетомъ. Кучера, въ сѣрыхъ чекменяхъ, свиткахъ и сѣрякахъ, въ бараньихъ шапкахъ и разнокалиберныхъ фуражкахъ, съ трубками въ рукахъ, проводили по двору распряженныхъ лошадей. Что за ассамблею далъ городничій! Позвольте, я перечту всѣхъ, которые были тамъ. Тарасъ Тарасовичъ, Евплъ Акиндовичъ, Евтихій Евтихіевичъ, Иванъ Ивановичъ—не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, Савва Гавриловичъ, нашъ Иванъ Ивановичъ, Елевферій Елевферіевичъ, Макаръ Назарьевичъ, Ѳома Григорьевичъ... Не могу далѣе! не въ силахъ! Рука устаетъ писать! А сколько было дамъ! смуглыхъ и бѣлолицыхъ, и длинныхъ и коротенькихъ, толстыхъ, какъ Иванъ Никифоровичъ, и такихъ тонкихъ, что, казалось, каждую можно было упрятать въ шпажныя ножны городничаго. Сколько чепцовъ! сколько платьевъ! красныхъ, желтыхъ, кофейныхъ, зеленыхъ, синихъ, новыхъ, перелицованныхъ, перекроенныхъ,—платковъ, лентъ, ридіюклей! Прощайте, бѣдные глаза! вы никуда не будете годиться послѣ этого спектакля. А какой длинный столъ былъ вытянутъ! А какъ разговорилось все, какой шумъ подняли! Куда противъ этого мельница со всѣми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! Не могу вамъ сказать навѣрно, о чемъ они говорили, но должно думать, что о многихъ пріятныхъ и полезныхъ вещахъ, какъ-то: о погодѣ, о собакахъ, о

пшеницѣ, о чепчикахъ, о жеребцахъ. Наконецъ, Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, у котораго одинъ глазъ кривъ, сказалъ:

— Мнѣ очень странно, что правый глазъ мой (кривой Иванъ Ивановичъ всегда говорилъ о себѣ иронически) не видитъ Ивана Никифоровича г-на Довгочхуна.

— Не хотѣлъ придти!—сказалъ городничій.

— Какъ такъ?

— Вотъ уже, слава Богу, есть два года, какъ поссорились они между собою, т.-е. Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, и гдѣ одинъ, туда другой ни за что не пойдетъ!

— Что вы говорите!—При этомъ кривой Иванъ Ивановичъ поднялъ глаза вверхъ и сложилъ руки вмѣстѣ. — Что-жъ теперь, если уже люди съ добрыми глазами не живутъ въ мирѣ, гдѣ же жить мнѣ въ ладу съ кривымъ моимъ окомъ!— На эти слова всѣ засмѣялись во весь ротъ. Всѣ очень любили кривого Ивана Ивановича за то, что онъ отпускалъ шутки совершенно во вкусѣ нынѣшнемъ. Самъ высокій, худощавый человѣкъ, въ байковомъ сюртукѣ, съ пластыремъ на носу, который до того сидѣлъ въ углу и ни разу не перемѣнилъ движенія на своемъ лицѣ, даже когда залетѣла къ нему въ носъ муха,—этотъ самый господинъ всталъ съ своего мѣста и подвинулся ближе къ толпѣ, обступившей кривого Ивана Ивановича.—Послушайте!—сказалъ кривой Иванъ Ивановичъ, когда увидѣлъ, что его окружило порядочное общество,—послушайте: вмѣсто того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вмѣсто этого, помиримъ двухъ нашихъ пріятелей! Теперь Иванъ Ивановичъ разговариваетъ съ бабами и дѣвчатами,—пошлемъ потихоньку за Иваномъ Никифоровичемъ, да и столкнемъ ихъ вмѣстѣ.

Всѣ единодушно приняли предложеніе Ивана Ивановича и положили немедленно послать къ Ивану Никифоровичу на домъ просить его, во что бы ни стало, пріѣхать къ городничему на обѣдъ. Но важный вопросъ: на кого возложить это важное порученіе? повергнулъ всѣхъ въ недоумѣніе. Долго спорили, кто способнѣе и искуснѣе въ дипломатической части; наконецъ, единодушно рѣшили возложить все это на Антона Прокофьевича Голопузя.

Но прежде нужно нѣсколько познакомить читателя съ этимъ замѣчательнымъ лицомъ. Антонъ Прокофьевичъ былъ совершенно добродѣтельный человѣкъ во всемъ значеніи этого слова: дастъ ли ему кто изъ почетныхъ людей въ Миргородѣ платокъ на шею или исподнее,—онъ благодаритъ; щелкнетъ ли его кто слегка въ носъ,—онъ и тогда благодаритъ. Если у него спрашивали:— Отчего это у васъ, Антонъ Прокофьевичъ, сюртукъ коричневый, а рукава голубые?—то онъ обыкновенно всегда отвѣчалъ:—А у васъ и такого нѣтъ! Подождите, обносится, весь будетъ одинаковый!—И точно, голубое сукно, отъ дѣйствія солнца, начало обращаться въ коричневое, и теперь совершенно подходитъ подъ цвѣтъ сюртука. Но вотъ что странно, что Антонъ Прокофьевичъ имѣетъ обыкновеніе суконное платье носить лѣтомъ, а нанковое—зимою. Антонъ Прокофьевичъ не имѣетъ своего дома. У него былъ прежде на концѣ города, но онъ его продалъ и на вырученныя деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и небольшую бричку, въ которой разъѣзжалъ гостить по помѣщикамъ. Но такъ какъ съ лошадьми было много хлопотъ и притомъ нужны были деньги на овесъ, то Антонъ Прокофьевичъ ихъ промѣнялъ на скрипку и дворовую дѣвку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. Потомъ скрипку Антонъ Прокофьевичъ продалъ, а дѣвку промѣнялъ на сафьянный съ золотомъ кисетъ, и теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ. За это наслажденіе онъ уже не можетъ разъѣзжать по деревнямъ, а долженъ оставаться въ городѣ ночевать въ разныхъ домахъ, особенно тѣхъ дворянъ, которые находили удовольствіе щелкать его по носу. Антонъ Прокофьевичъ любитъ хорошо поѣсть, играетъ изрядно въ дураки и мельники. Повиноваться всегда было его стихіею и потому онъ, взявши шапку и палку, немедленно отправился въ путь.

Но, идучи, сталъ разсуждать, какимъ образомъ ему подвигнуть Ивана Никифоровича придти на ассамблею. Нѣсколько крутой нравъ сего, впрочемъ, достойнаго человѣка дѣлалъ его предпріятіе почти невозможнымъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ему рѣшиться придти, когда встать съ постели уже ему стоило великаго труда? Но положимъ, что онъ встанетъ, какъ ему придти туда, гдѣ находится,—что, безъ сомнѣнія, онъ знаетъ,— непримиримый врагъ его? Чѣмъ болѣе Антонъ Прокофьевичъ обдумывалъ, тѣмъ болѣе находилъ препятствій. День былъ душенъ; солнце жгло; потъ лился съ него градомъ. Антонъ Прокофьевичъ, несмотря на то, что его щелкали по носу, былъ довольно хитрый человѣкъ на многія дѣла. Въ мѣнѣ только былъ онъ не такъ счастливъ. Онъ очень зналъ, когда нужно прикинуться дуракомъ, и иногда умѣлъ найтиться въ такихъ обстоятельствахъ и случаяхъ, гдѣ рѣдко умный бываетъ въ состояніи извернуться.

Въ то время, какъ изобрѣтательный умъ его выдумывалъ средство, какъ убѣдить Ивана Никифоровича, и уже онъ храбро шелъ навстрѣчу всего, одно неожиданное обстоятельство нѣсколько смутило его. Не мѣшаетъ, при этомъ, сообщить читателю, что у Антона Прокофьевича были,

между прочимъ, одни панталоны такого страннаго свойства, что когда онъ надѣвалъ ихъ, то всегда собаки кусали его за икры. Какъ на бѣду, въ тотъ день онъ надѣлъ именно эти панталоны, и потому, едва только онъ предался размышленіямъ, какъ страшный лай со всѣхъ сторонъ поразилъ слухъ его. Антонъ Прокофьевичъ поднялъ такой крикъ (громче его никто не умѣлъ кричать), что не только знакомая баба и обитатель неизмѣримаго сюртука выбѣжали къ нему навстрѣчу, но даже мальчишки со двора Ивана Ивановича посыпались къ нему, и хотя собаки только за одну ногу успѣли его укусить, однакожъ это очень уменьшило его бодрость, и онъ съ нѣкотораго рода робостью подступалъ къ крыльцу.

ГЛАВА VII

и послѣдняя.

— А, здравствуйте! На что вы собакъ дразните?—сказалъ Иванъ Никифоровичъ, увидѣвши Антона Прокофьевича, потому что съ Антономъ Прокофьевичемъ никто иначе не говорилъ, какъ шута.

— Чтобъ онѣ передохли всѣ! Кто ихъ дразнитъ?—отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ.

— Вы врете.

— Ей-Богу, нѣтъ! Просилъ васъ Иванъ Ѳедоровичъ на обѣдъ.

— Гм!

— Ей-Богу! такъ убѣдительно просилъ, что выразить не можно. „Что это, говоритъ, Иванъ Никифоровичъ чуждается меня, какъ непріятеля; никогда не зайдетъ поговорить, либо посидѣть“.

Иванъ Никифоровичъ погладилъ свой подбородокъ.

„Если, говоритъ, Иванъ Никифоровичъ и теперь не придетъ, то я не знаю, что подумать: вѣрно, онъ имѣетъ на меня какой умыселъ! Сдѣлайте милость, Антонъ Прокофьевичъ, уговорите Ивана Никифоровича!“—Что жъ, Иванъ Никифоровичъ, пойдемъ! Тамъ собралась теперь отличная компанія!

Иванъ Никифоровичъ началъ разсматривать пѣтуха, который, стоя на крыльцѣ, изо всей мочи дралъ горло.

— Если бы вы знали, Иванъ Никифоровичъ,— продолжалъ усердный депутатъ:—какой осетрины, какой свѣжей икры прислали Петру Ѳедоровичу!

При этомъ Иванъ Никифоровичъ поворотилъ свою голову и началъ внимательно прислушиваться.

Это ободрило депутата. — Пойдемте скорѣе: тамъ и Ѳома Григорьевичъ! Что-жъ вы?—прибавилъ онъ, видя, что Иванъ Никифоровичъ лежалъ все въ одинаковомъ положеніи:—что-жъ, идемъ, или нейдемъ?

— Не хочу.

Это „не хочу“ поразило Антона Прокофьевича: онъ уже думалъ, что убѣдительное представленіе его совершенно склонило этого, впрочемъ, достойнаго человѣка; но вмѣсто того услышалъ рѣшительное: „не хочу“.

— Отчего же не хотите вы? — спросилъ онъ почти съ досадою, которая показывалась у него чрезвычайно рѣдко, даже тогда, когда клали ему на голову зажженую бумагу, чѣмъ особенно любили себя тѣшить судья и городничій.

Иванъ Никифоровичъ понюхалъ табаку.

— Воля ваша, Иванъ Никифоровичъ, я не знаю, что васъ удерживаетъ.

— Чего я пойду?—проговорилъ наконецъ Иванъ Никифоровичъ:—тамъ будетъ разбойникъ!—Такъ онъ называлъ обыкновенно Ивана Ивановича... Боже праведный! А давно ли...

— Ей-Богу, не будетъ! Вотъ какъ Богъ святъ, что не будетъ! Чтобъ меня на самомъ этомъ мѣстѣ громомъ убило! — отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ, который готовъ былъ божиться десять разъ на одинъ часъ.—Пойдемте же, Иванъ Никифоровичъ!

— Да вы врете, Антонъ Прокофьевичъ, опъ тамъ?

— Ей-Богу, ей-Богу, нѣтъ! Чтобы я не сошелъ съ этого мѣста, если онъ тамъ! Да и сами посудите, съ какой стати мнѣ лгать! Чтобъ мнѣ руки и ноги отсохли!.. Что, и теперь не вѣрите? Чтобъ я околѣлъ тутъ же передъ вами! Чтобъ ни отцу, ни матери моей, ни мнѣ не видать царствія небеснаго! Еще не вѣрите?

Иванъ Никифоровичъ этими увѣреніями совершенно успокоился и велѣлъ своему камердинеру, въ безграничномъ сюртукѣ, принесть шаровары и нанковый козакинъ.

Я полагаю, что описывать, какимъ образомъ Иванъ Никифоровичъ надѣвалъ шаровары, какъ ему намотали галстукъ и наконецъ надѣли козакинъ, который подъ лѣвымъ рукавомъ лопнулъ, совершенно излишне. Довольно, что онъ во все это время сохранялъ приличное спокойствіе и не отвѣчалъ ни слова на предложенія Антона Прокофьевича — что-нибудь промѣнять на его турецкій кисетъ.

Между тѣмъ собраніе съ нетерпѣніемъ ожидало рѣшительной минуты, когда явится Иванъ Никифоровичъ, и исполнится, наконецъ, всеобщее желаніе, чтобы сіи достойные люди примирились между собою. Многіе были почти увѣрены, что не придетъ Иванъ Никифоровичъ. Городничій даже бился объ закладъ съ кривымъ Иваномъ Ивановичемъ, что не придетъ; но разошелся только потому, что

кривой Иванъ Ивановичъ требовалъ, чтобы тотъ поставилъ въ закладъ подстрѣленную свою ногу, а онъ кривое око,—чѣмъ городничій очень обидѣлся, а компанія потихоньку смѣялась. Никто еще не садился за столъ, хотя давно уже былъ второй часъ,—время, въ которое въ Миргородѣ, даже въ парадныхъ случаяхъ, давно уже обѣдаютъ.

Едва только Антонъ Прокофьевичъ появился въ дверяхъ, какъ въ то же мгновеніе былъ обступленъ всѣми. Антонъ Прокофьевичъ на всѣ вопросы закричалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ: „Не будетъ!“—Едва только онъ это произнесъ, и уже градъ выговоровъ, браней, а можетъ быть и щелчковъ готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, какъ вдругъ дверь отворилась и—вошелъ Иванъ Никифоровичъ.

Если бы показался самъ сатана или мертвецъ, то они бы не произвели такого изумленія во всемъ обществѣ, въ какое повергнулъ его неожиданный приходъ Ивана Никифоровича. А Антонъ Прокофьевичъ только заливался, ухватившись за бока, отъ радости, что такъ подшутилъ надъ всею компаніею.

Какъ бы то ни было, только это было почти невѣроятно для всѣхъ, чтобы Иванъ Никифоровичъ въ такое короткое время могъ одѣться, какъ прилично дворянину. Ивана Ивановича въ это время не было: онъ зачѣмъ-то вышелъ. Очнувшись отъ изумленія, вся публика приняла участіе въ здоровьѣ Ивана Никифоровича и изъявила удовольствіе, что онъ раздался въ толщину. Иванъ Никифоровичъ цѣловался со всякимъ и говорилъ: „Очень одолженъ“.

Между тѣмъ запахъ борща понесся чрезъ комнату и пощекоталъ пріятно ноздри проголодавшимся гостямъ. Всѣ повалили въ столовую. Вереница дамъ, говорливыхъ и молчаливыхъ, тощихъ и толстыхъ, потянулась впередъ, и длинный столъ зарябѣлъ всѣми цвѣтами. Не стану описывать кушаньевъ, какія были за столомъ! Ничего не упомяну ни о мнишкахъ въ сметанѣ, ни объ утрибкѣ, которую подавали къ борщу, ни объ индѣйкѣ со сливами и изюмомъ, ни о томъ кушаньѣ, которое очень походило видомъ на сапоги, намоченные въ квасѣ, ни о томъ соусѣ, который есть лебединая пѣснь стариннаго повара, о томъ соусѣ, который подавался обхваченный весь винным пламенемъ, что очень забавляло и вмѣстѣ пугало дамъ. Не стану говорить объ этихъ кушаньяхъ, потому что мнѣ гораздо болѣе нравится ѣсть ихъ, нежели распространяться объ нихъ въ разговорахъ.

Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, приготовленная съ хрѣномъ. Онъ особенно занялся этимъ полезнымъ и питательнымъ упражненіемъ. Выбирая самыя тонкія рыбьи косточки, онъ клалъ ихъ на тарелку и какъ-то нечаянно взглянулъ насупротивъ: Творецъ небесный! какъ это было странно! Противъ него сидѣлъ Иванъ Никифоровичъ!

Въ одно и то же время взглянулъ и Иванъ Никифоровичъ!.. Нѣтъ!.. не могу!.. Дайте мнѣ другое перо! Перо мое вяло, мертво, съ тонкимъ расщепомъ для этой картины! Лица ихъ съ отразившимся изумленіемъ сдѣлались какъ бы окаменѣлыми. Каждый изъ нихъ увидѣлъ лицо давно знакомое, къ которому, казалось бы, небольно готовъ подойти, какъ къ пріятелю неожиданному, и поднесть рожокъ, съ словомъ: „одолжайтесь“, или: „смѣю ли просить объ одолженіи“; но вмѣстѣ съ этимъ то же самое лицо было страшно, какъ нехорошее предзнаменованіе! Потъ катился градомъ у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича.

Присутствующіе, всѣ, сколько ихъ ни было за столомъ, онѣмѣли отъ вниманія и не отрывали глазъ отъ нѣкогда бывшихъ друзей. Дамы, которыя до того времени были заняты довольно интереснымъ разговоромъ о томъ, какимъ образомъ дѣлаются каплуны, вдругъ прервали разговоръ. Все стихло! Это была картина, достойная кисти великаго художника.

Наконецъ, Иванъ Ивановичъ вынулъ носовой платокъ и началъ сморкаться, а Иванъ Никифоровичъ осмотрѣлся вокругъ и остановилъ глаза на растворенной двери. Городничій тотчасъ замѣтилъ это движеніе и велѣлъ затворить дверь покрѣпче. Тогда каждый изъ друзей началъ кушать, и уже ни разу не взглянули они другъ на друга.

Какъ только кончился обѣдъ, оба прежніе пріятели схватились съ мѣстъ и начали искать шапокъ, чтобы улизнуть. Тогда городничій мигнулъ, и Иванъ Ивановичъ—не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, что съ кривымъ глазомъ,—сталъ за спиною Ивана Никифоровича, а городничій зашелъ за спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать ихъ сзади, чтобы спихнуть ихъ вмѣстѣ и не выпускать до тѣхъ поръ, пока не подадутъ рукъ. Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, натолкнулъ Ивана Никифоровича, хотя и нѣсколько косо, однакожъ довольно еще удачно, въ то мѣсто, гдѣ стоялъ Иванъ Ивановичъ; но городничій сдѣлалъ дирекцію слишкомъ въ сторону, потому что онъ никакъ не могъ управиться съ своевольною пѣхотою, не слушавшею на тотъ разъ никакой команды, и какъ на зло закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно въ противную сторону (что, можетъ, происходило оттого, что за столомъ было чрезвычайно много разныхъ наливокъ), такъ что Иванъ Ивановичъ упалъ на даму въ красномъ платьѣ, ко-

торая, изъ любопытства, просунулась въ самую середину. Такое предзнаменованіе не предвѣщало ничего добраго. Однакожъ судья, чтобъ поправить это дѣло, занялъ мѣсто городничаго и, потянувши носомъ съ верхней губы весь табакъ, отпихнулъ Ивана Ивановича въ другую сторону. Въ Миргородѣ это обыкновенный способъ примиренія; онъ нѣсколько похожъ на игру въ мячикъ. Какъ только судья пихнулъ Ивана Ивановича, Иванъ Ивановичъ, съ кривымъ глазомъ, уперся всею силою и пихнулъ Ивана Никифоровича, съ котораго потъ валился, какъ дождевая вода съ крыши. Несмотря на то, что оба пріятеля весьма упирались, они все-таки были столкнуты, потому что обѣ дѣйствовавшія стороны получили значительное подкрѣпленіе со стороны другихъ гостей.

Тогда обступили ихъ со всѣхъ сторонъ тѣсно и не выпускали до тѣхъ поръ, пока они не рѣшились подать другъ другу руки. „Богъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ и Иванъ Ивановичъ! Скажите по совѣсти: за что вы поссорились? Не по пустякамъ ли? Не совѣстно ли вамъ передъ людьми и передъ Богомъ!

— Я не знаю,—сказалъ Иванъ Никифоровичъ, пыхтя отъ усталости (замѣтно было, что онъ былъ весьма не прочь отъ примиренія): — я не знаю, что я такое сдѣлалъ Ивану Ивановичу; за что же онъ порубилъ мой хлѣвъ и замышлялъ погубить меня?

— Не повиненъ ни въ какомъ зломъ умыслѣ,— говорилъ Иванъ Ивановичъ, не обращая глазъ на Ивана Никифоровича.—Клянусь и передъ Богомъ и передъ вами, почтенное дворянство, я ничего не сдѣлалъ моему врагу. За что же онъ меня поноситъ и наноситъ вредъ моему чину и званію?

— Какой же я вамъ, Иванъ Ивановичъ, нанесъ вредъ?—сказалъ Иванъ Никифоровичъ. Еще одна минута объясненія — и давнишняя вражда готова была погаснуть. Уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать: „одолжайтесь“.

— Развѣ это не вредъ, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, не подымая глазъ:—когда вы, милостивый государь, оскорбили мой чинъ и фамилію такимъ словомъ, которое неприлично здѣсь сказать.

— Позвольте вамъ сказать по-дружески, Иванъ Ивановичъ! — (при этомъ Иванъ Никифоровичъ дотронулся пальцемъ до пуговицы Ивана Ивановича, что означало совершенное его расположеніе):—вы обидѣлись, чортъ знаетъ за что такое: за то, что я васъ назвалъ *гусакомъ*...

Иванъ Никифоровичъ спохватился, что сдѣлалъ неосторожность, произнесши это слово; но уже было поздно: слово было произнесено. Все пошло къ чорту! Когда, при произнесеніи этого слова безъ свидѣтелей, Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ себя и пришелъ въ такой гнѣвъ, въ какомъ не дай Богъ видѣть человѣка,—что-жъ теперь, посудите, любезные читатели, что теперь, когда это убійственное слово произнесено было въ собраніи, въ которомъ находилось множество дамъ, передъ которыми Иванъ Ивановичъ любилъ быть особенно приличнымъ? Поступи Иванъ Никифоровичъ не такимъ образомъ, скажи онъ *птица*, а не *гусакъ*, еще бы можно было поправить. Но — все кончено!

Онъ бросилъ на Ивана Никифоровича взглядъ— и какой взглядъ! Если бы этому взгляду придана была власть исполнительная, то онъ обратилъ бы въ прахъ Ивана Никифоровича. Гости поняли этотъ взглядъ и поспѣшили сами разлучить ихъ. И этотъ человѣкъ, образецъ кротости, который ни одну нищую не пропускалъ, чтобъ не разспросить ее, выбѣжалъ въ ужасномъ бѣшенствѣ. Такія сильныя бури производятъ страсти!

Цѣлый мѣсяцъ ничего не было слышно объ Иванѣ Ивановичѣ. Онъ заперся въ своемъ домѣ. Завѣтный сундукъ былъ отпертъ, изъ сундука были вынуты—что же? карбованцы! старые, дѣдовскіе карбованцы! И эти карбованцы перешли въ запачканныя руки чернильныхъ дѣльцовъ. Дѣло было перенесено въ палату. И когда получилъ Иванъ Ивановичъ радостное извѣстіе, что завтра рѣшится оно, тогда только выглянулъ на свѣтъ и рѣшился выйти изъ дому. Увы! съ того времени палата извѣщала ежедневно, что дѣло кончится завтра, въ продолженіе десяти лѣтъ.

Назадъ тому лѣтъ пять я проѣзжалъ чрезъ городъ Миргородъ. Я ѣхалъ въ дурное время. Тогда стояла осень съ своею грустно-сырою погодою, грязью и туманомъ. Какая-то неестественная зелень, — твореніе скучныхъ, безпрерывныхъ дождей,—покрывало жидкою сѣтью поля и нивы, къ которымъ она такъ пристала, какъ шалости старику, розы — старухѣ. На меня тогда сильное вліяніе производила погода: я скучалъ, когда она была скучна. Но, несмотря на то, когда я сталъ подъѣзжать къ Миргороду, то почувствовалъ, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаній! Я двѣнадцать лѣтъ не видалъ Миргорода. Здѣсь жили тогда въ трогательной дружбѣ два единственные человѣка, два единственные друга. А сколько вымерло знаменитыхъ людей! Судья Демьянъ Демьяновичъ уже тогда былъ покойникомъ; Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, тоже приказалъ долго жить. Я въѣхалъ въ главную улицу: вездѣ стояли шесты съ привязаннымъ вверху пукомъ соломы: производилась какая-то новая планировка! Нѣсколько избъ было

снесено. Остатки заборовъ и плетней торчали уныло.

День былъ тогда праздничный; я приказалъ рогоженную кибитку свою остановить передъ церковью и вошелъ такъ тихо, что никто не оборотился. Правда, и некому было: церковь была пуста; народу почти никого; видно было, что и самые богомольные побоялись грязи. Свѣчи, при пасмурномъ, лучше сказать, больномъ днѣ, какъ-то были странно непріятны; темные притворы были печальны; продолговатыя окна, съ круглыми стеклами, обливались дождливыми слезами. Я отошелъ въ притворъ и обратился къ почтенному старику съ посѣдѣвшими волосами: „Позвольте узнать, живъ ли Иванъ Никифоровичъ?“ Въ это время лампада вспыхнула живѣе передъ иконою, и свѣтъ прямо ударился въ лицо моего сосѣда. Какъ же я удивился, когда, разсматривая, увидѣлъ черты знакомыя! Это былъ самъ Иванъ Никифоровичъ! Но какъ измѣнился!

— Здоровы ли вы, Иванъ Никифоровичъ? Какъ же вы постарѣли!

— Да, постарѣлъ. Я сегодня изъ Полтавы,— отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ.

— Что вы говорите! Вы ѣздили въ Полтаву въ такую дурную погоду?

— Что-жъ дѣлать! Тяжба...

При этомъ я невольно вздохнулъ.

Иванъ Никифоровичъ замѣтилъ этотъ вздохъ и сказалъ: „Не безпокойтесь: я имѣю вѣрное извѣстіе, что дѣло рѣшится на слѣдующей недѣлѣ, и въ мою пользу“.

Я пожалъ плечами и пошелъ узнать что-нибудь объ Иванѣ Ивановичѣ.

— Иванъ Ивановичъ здѣсь! — сказалъ мнѣ кто-то,—онъ на клиросѣ.

Я увидѣлъ тогда тощую фигуру. Это ли Иванъ Ивановичъ? Лицо было покрыто морщинами, волосы были совершенно бѣлые; но бекеша была все та же. Послѣ первыхъ привѣтствій, Иванъ Ивановичъ, обратившись ко мнѣ съ веселою улыбкою, которая такъ всегда шла къ его воронкообразному лицу, сказалъ: „Увѣдомить ли васъ о пріятной новости?“

— О какой новости?—спросилъ я.

— Завтра непремѣнно рѣшится мое дѣло; палата сказала навѣрное.

Я вздохнулъ еще глубже и поскорѣе поспѣшилъ проститься,—потому что я ѣхалъ по весьма важному дѣлу,—и сѣлъ въ кибитку.

Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо. — Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

МАЛОРОССІЙСКІЯ СЛОВА,

ВСТРѢЧАЮЩІЯСЯ ВЪ „ВЕЧЕРАХЪ НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ“ И „МИРГОРОДѢ“.

Бандура, инструментъ, родъ гитары.
Баклага, родъ плоскаго боченка.
Батогъ, кнутъ.
Барвинокъ, растенье.
Баштанъ, мѣсто, засѣянное арбузами и дынями.
Болячка, вередъ.
Бондарь, бочаръ.
Бубликъ, круглый крендель, баранокъ.
Будякъ, чертополохъ,
Буракъ, свекла.
Буханецъ, небольшой бѣлый хлѣбъ.
Варенуха, вареная водка съ пряностями и плодами.
Вертепъ, кукольный театръ.
Вечеря, вечерять, ужинъ, ужинать.
Видлога, откидная шапка изъ сукна, пришитая къ кобеняку.
Винница, винокурня.
Вояка, воинъ.
Выкрутасы, трудныя па.
Габа, движимость, имущество.
Галушки, клёцки.
Гаманъ, родъ бумажника, гдѣ хранится огниво, кремень, трутъ, табакъ, иногда и деньги.
Гатить, дѣлать плотину.
Голодная кутья, сочельникъ.
Голодрабецъ, бѣднякъ, бобыль.
Гопакъ, Горлица, } танцы.
Гречаникъ, гречневый хлѣбъ.
Гусакъ, гусь-самецъ.
Далибугъ, ей-Богу (польское).
Дѣвчина, дѣвчата, дѣвушка, дѣвушки.
Дижа, кадка.
Добродію, сударь, милостивецъ.
Довбишъ, литаврщикъ.
Домовина, гробъ.
Дрибушки, мелкія косы.
Дуля, шишъ.
Дукатъ, червонецъ.
Жинка, жена.
Жупанъ, родъ кафтана.
Завзятый, задорный.
Заводы, заливъ.
Загадаться, задуматься.
Замурованный, задѣланный камнемъ.
Знахоръ,—ка, колдунъ, ворожея.
Исподница, юбка.
Кавунъ, арбузъ.
Каганецъ, свѣтильникъ, состоящій изъ черепка, наполненаго саломъ.
Казанъ, котелъ.
Кануперъ, трава.
Канчукъ, нагайка.
Карбованецъ, цѣлковый.
Кацапъ, русскій мужикъ съ бородой.
Качка, утка.
Клепки, выпуклыя дощечки, изъ которыхъ составляется бочка.
Книшъ, родъ печенаго бѣлаго хлѣба.
Кнуръ, боровъ.
Кобенякъ, родъ суконнаго плаща, съ пришитою сзади видлогою.
Кожухъ, тулупъ.
Комора, амбаръ.
Корабликъ, старинный головной уборъ.
Коржъ, сухая лепешка изъ пшеничной муки, часто съ саломъ.
Коровай, свадебный хлѣбъ.
Корчикъ, родъ деревяннаго ковша, которымъ пересыпаютъ хлѣбъ, совокъ.
Коханка, возлюбленная.
Кунтушъ, верхнее старинное платье.
Курень, соломенный шалашъ.
Курень у запорожцевъ, отдѣленіе военнаго стана запорожцевъ.
Кухоль, кружка.
Кухва, родъ кадки.
Левада, поле, окопанное рвомъ.
Лихо, лишечко, бѣда.
Лысый дидько, домовой, демонъ.
Люлька, трубка.
Мазница, родъ ведра, въ которомъ держатъ деготь въ дорогѣ.
Макитра, горшокъ, въ которомъ трутъ макъ и прочее.
Макогонъ, пестъ для растиранія.

Малахай, плеть.
Миска, чашка для похлебки.
Мнишки, кушанье изъ муки съ творогомъ.
Молодица, молодая, замужняя женщина.
Нагидка, нагидочка, ноготокъ, растеніе.
Наймытъ, нанятой работникъ.
Наймычка, нанятая работница.
Намитка, бѣлое женское покрывало изъ рѣдкаго полотна, съ откидными концами.
Нечуй-вѣтеръ, трава, которую даютъ свиньямъ для жиру.
Оселедецъ, длинный клокъ волосъ на головѣ, заматывающійся за ухо; въ собственномъ смыслѣ—сельдь.
Охочекомонный, вольныя кавалерійскія войска.
Очеретъ, тростникъ.
Очипокъ, родъ женской шапочки.
Очкуръ, шнурокъ, которымъ стягиваются шаровары.
Паляница, небольшой хлѣбъ, нѣсколько плоскій.
Памушки, вареное кушанье изъ тѣста.
Пасичникъ, пчеловодъ.
Парубокъ, парень.
Пейсики, жидовскіе лопоны.
Пекло, адъ.
Перепеличка, молодая перепелка.
Перекупка, торговка.
Переполохъ, испугъ; выливать переполохъ — лѣчить отъ испуга.
Петровы батоги, дикій цыкорій.
Пивкопы, двадцать пять копеекъ.
Плахта, нижняя одежда женщинъ изъ шерстяной клѣтчатой матеріи.
Повѣтъ,—овый, уѣздъ, уѣздный.
Повѣтка, сарай.
Подсудокъ, засѣдатель уѣзднаго суда.
Позовъ, тяжебное прошеніе.
Полова, мякина.
Полутабенекъ, старинная шелковая матерія.
Покутъ, мѣсто подъ образами.
Пошанковаться, поздороваться.
Псяюха, польское бранное слово.
Пыщикъ, пищалка, свистокъ.
Путря, кушанье, родъ каши.
Рада, совѣтъ.
Раздобрѣть, растолстѣть.
Рейстровый козакъ, козакъ, записанный на службу.
Ручникъ, утиральникъ.
Рушеніе, ополченіе.
Сажъ, мѣсто, гдѣ откармливаютъ скотину.
Саламата, толокно.
Свитка, родъ полукафтанья.
Сволокъ, перекладина подъ потолкомъ.
Синдячки, узкія ленты.
Скрыня, большой сундукъ.
Сластены, пышки.
Сливянка, наливка изъ сливъ.
Смалецъ, гусиный жиръ.
Смушки, мерлушки.
Соняшница, боль въ животѣ.
Сопилка, дудка, свирѣль.
Стрички, ленты.
Стусанъ, кулакъ.
Сукня, одежда женщинъ изъ сукна.
Сулія, большая бутыль.
Сыровецъ, хлѣбный квасъ.
Тендитный, слабосильный, нѣжный.
Тройчатка, тройная плеть.
Тѣсная баба, игра, въ которую играютъ школьники въ классѣ: жмутся на скамьѣ, покамѣстъ одна половина не вытѣснитъ другую.
Утрибка, кушанье изъ внутренностей.
Хлопецъ, мальчикъ.
Хуторъ, небольшая деревушка.
Хустка, платокъ.
Цурка, дѣвушка, дочь (польское).
Цыбуля, лукъ.
Черевики, башмаки.
Черепокъ съ червонцами, поясъ, въ который насыпали червонцы.
Чубъ, Чуприна, длинный клокъ волосъ на головѣ.
Чумаки, обозники, ѣдущіе въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою.
Шишка, небольшой хлѣбъ, дѣлаемый на свадьбахъ.
Швецъ, сапожникъ.
Шибеникъ, висѣльникъ.
Юшка, супъ, жижа.
Ятка, родъ палатки или шатра.
Ясочка, свѣтикъ мой.
Яломокъ, жидовская шапочка.

ПОВѢСТИ

(1832—1842)

НОСЪ.

I.

Марта 25-го числа случилось въ Петербургѣ необыкновенное странное происшествіе. Цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, живущій на Вознесенскомъ проспектѣ (фамилія его утрачена, и даже на вывѣскѣ его, — гдѣ изображенъ господинъ съ намыленною щекою и надпись: „*И кровь отворяютъ*“, — не выставлено ничего болѣе), цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ проснулся довольно рано и услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немного на кровати, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе, вынимала изъ печи только-что испеченные хлѣбы.

— Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофію, — сказалъ Иванъ Яковлевичъ, — а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ. — (То-есть, Иванъ Яковлевичъ хотѣлъ бы и того, и другого, но зналъ, что было совершенно невозможно требовать двухъ вещей разомъ, ибо Прасковья Осиповна очень не любила такихъ прихотей). „Пусть, дуракъ, ѣстъ хлѣбъ, мнѣ же лучше, — подумала про себя супруга:— останется кофею лишняя порція“, и бросила одинъ хлѣбъ на столъ.

Иванъ Яковлевичъ для приличія надѣлъ сверхъ рубашки фракъ и, усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ соль, приготовилъ двѣ головки луку, взялъ въ руки ножъ и, сдѣлавши значительную мину, принялся рѣзать хлѣбъ. Разрѣзавши хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣлъ въ середину— и, къ удивленію своему, увидѣлъ что-то бѣлѣвшееся. Иванъ Яковлевичъ ковырнулъ осторожно ножомъ и пощупалъ пальцемъ: „Плотное!—сказалъ онъ самъ про себя, — что бы это такое было?“

Онъ засунулъ пальцы и вытащилъ — носъ!.. Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ; сталъ протирать глаза и щупать: носъ, точно, носъ! и еще, казалось, какъ будто чей-то знакомый. Ужасъ изобразился на лицѣ Ивана Яковлевича. Но этотъ ужасъ былъ ничто противъ негодованія, которое овладѣло его супругою.

— Гдѣ это ты, звѣрь, отрѣзалъ носъ? — закричала она съ гнѣвомъ.—Мошенникъ! пьяница! я сама на тебя донесу полиціи. Разбойникъ какой! Вотъ ужъ я отъ трехъ человѣкъ слышала, что ты во время бритья такъ теребишь за носы, что еле держатся.

Но Иванъ Яковлевичъ былъ ни живъ, ни мертвъ: онъ узналъ, что этотъ носъ былъ не чей другой, какъ коллежскаго асессора Ковалева, котораго онъ брилъ каждую среду и воскресенье.

— Стой, Прасковья Осиповна! Я заверну его въ тряпочку и положу въ уголокъ: пусть тамъ маленечко полежитъ; а послѣ его вынесу.

— И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя въ комнатѣ лежать отрѣзанному носу!.. Сухарь поджаристый! знай умѣетъ только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсѣмъ не въ состояніи будетъ исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвѣчать полиціи?.. Ахъ, ты, пачкунъ, бревно глупое! Вонъ его! вонъ! Неси, куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!

Иванъ Яковлевичъ стоялъ совершенно какъ убитый. Онъ думалъ, думалъ — и не зналъ, что подумать. „Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлалось,—сказалъ онъ наконецъ, почесавъ рукою за ухомъ,—пьянъ ли я вчера возвратился, или нѣтъ, ужъ навѣрное сказать не могу. А по всѣмъ примѣтамъ, должно-быть, происшествіе несбыточное, ибо хлѣбъ — дѣло печеное, а носъ совсѣмъ не то. Ничего не разберу!“ Иванъ Яковлевичъ

замолчалъ. Мысль о томъ, что полицейскіе отыщутъ у него носъ и обвинятъ его, привела его въ совершенное безпамятство. Уже ему мерещился алый воротникъ, красиво вышитый серебромъ, шпага... и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Наконецъ, досталъ онъ свое исподнее платье и сапоги, натащилъ на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увѣщаніями Прасковьи Осиповны, завернулъ носъ въ тряпку и вышелъ на улицу.

Онъ хотѣлъ его куда-нибудь подсунуть: или въ тумбу подъ воротами, или такъ какъ-нибудь нечаянно выронить да и повернуть въ переулокъ. Но на бѣду, ему попадался какой-нибудь знакомый человѣкъ, который начиналъ тотчасъ запросомъ: „Куда идешь?“ или: „Кого такъ рано собрался брить?“ такъ что Иванъ Яковлевичъ никакъ не могъ улучить минуты. Въ другой разъ онъ уже совсѣмъ уронилъ его; но будочникъ еще издали указалъ ему алебардою, примолвивъ: „подыми, вонъ ты что-то уронилъ!“ и Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ поднять носъ и спрятать его въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ, тѣмъ болѣе, что народъ безпрестанно умножался на улицѣ, по мѣрѣ того, какъ начали отпираться магазины и лавочки.

Онъ рѣшился идти къ Исаакіевскому мосту: не удастся ли какъ-нибудь швырнуть его въ Неву?.. Но я нѣсколько виноватъ, что до сихъ поръ не сказалъ ничего объ Иванѣ Яковлевичѣ, человѣкѣ почтенномъ во многихъ отношеніяхъ.

Иванъ Яковлевичъ, какъ всякій порядочный русскій мастеровой, былъ пьяница страшный, и хотя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него вѣчно небритъ. Фракъ у Ивана Яковлевича (Иванъ Яковлевичъ никогда не ходилъ въ сюртукѣ) былъ пѣгій, то есть онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблокахъ; воротникъ лоснился; а вмѣсто трехъ пуговицъ висѣли одни только ниточки. Иванъ Яковлевичъ былъ большой циникъ, и когда коллежскій асессоръ Ковалевъ обыкновенно говорилъ ему во время бритья: „у тебя, Иванъ Яковлевичъ, вѣчно воняютъ руки!“ то Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ на это вопросомъ: „Отчего жъ бы имъ вонять?“ — „Не знаю, братецъ, только воняютъ,“ говорилъ коллежскій асессоръ, и Иванъ Яковлевичъ, понюхавши табаку, мылилъ ему за это и на щекѣ, и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бородою — однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота.

Этотъ почтенный гражданинъ находился уже на Исаакіевскомъ мосту. Онъ прежде всего осмотрѣлся, потомъ нагнулся на перила, будто бы посмотрѣть подъ мостъ, много ли рыбы бѣгаетъ, и швырнулъ потихоньку тряпку съ носомъ. Онъ почувствовалъ, какъ будто бы съ него разомъ свалилось десять пудовъ. Иванъ Яковлевичъ даже усмѣхнулся. Вмѣсто того, чтобы идти брить чиновничьи подбородки, онъ отправился въ заведеніе съ надписью: „*Кушанье и чай*“, спросить стаканъ пуншу, какъ вдругъ замѣтилъ въ концѣ моста квартальнаго надзирателя, благородной наружности, съ широкими бакенбардами, въ треугольной шляпѣ, со шпагою. Онъ обмеръ, а между тѣмъ квартальный кивалъ ему пальцемъ и говорилъ: „А подойди сюда, любезный!“

Иванъ Яковлевичъ, зная форму, снялъ издали еще картузъ и, подошедши проворно, сказалъ:

— Желаю здравія вашему благородію!

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не благородію, — скажи-ка: что ты тамъ дѣлалъ, стоя на мосту?

— Ей-Богу, сударь, ходилъ бриться, да посмотрѣлъ только, шибко ли рѣка идетъ.

— Врешь, врешь! Этимъ не отдѣлаешься. Изволь-ка отвѣчать!

— Я вашу милость два раза въ недѣлю, или даже три, готовъ брить безъ всякаго прекословія, — отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Нѣтъ, пріятель, это пустяки! Меня три цырюльника бреютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка разсказать, что ты тамъ дѣлалъ?

Иванъ Яковлевичъ поблѣднѣлъ... Но здѣсь происшествіе совершенно закрывается туманомъ, и что далѣе произошло, рѣшительно ничего не извѣстно.

II.

Коллежскій асессоръ Ковалевъ проснулся довольно рано и сдѣлалъ губами: „брр“... — что всегда онъ дѣлалъ, когда просыпался, хотя и самъ не могъ растолковать, по какой причинѣ. Ковалевъ потянулся, приказалъ себѣ подать небольшое, стоявшее на столѣ, зеркало. Онъ хотѣлъ взглянуть на прыщикъ, который вчерашнимъ вечеромъ вскочилъ у него на носу; но, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно гладкое мѣсто! Испугавшись, Ковалевъ велѣлъ подать воды и протеръ полотенцемъ глаза: точно, нѣтъ носа! Онъ началъ щупать рукою, ущипнулъ себя, чтобы узнать, не спитъ ли онъ: кажется, не спитъ. Коллежскій асессоръ Ковалевъ вскочилъ съ кровати, встряхнулся, — все нѣтъ носа!.. Онъ велѣлъ тотчасъ подать себѣ одѣться и полетѣлъ прямо къ оберъ-полицеймейстеру.

Но между тѣмъ необходимо сказать что-нибудь о Ковалевѣ, чтобы читатель могъ видѣть, какого рода былъ этотъ коллежскій асессоръ. Коллеж-

скихъ асессоровъ, которые получаютъ это званіе съ помощью ученыхъ аттестатовъ, никакъ нельзя сравнивать съ тѣми коллежскими асессорами, которые дѣлались на Кавказѣ. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежскіе асессора... Но Россія такая чудная земля, что если скажешь что-нибудь объ одномъ коллежскомъ асессорѣ, то всѣ коллежскіе асессора, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ: то же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ. Ковалевъ былъ кавказскій коллежскій асессоръ. Онъ два года только еще состоялъ въ этомъ званіи и потому ни на минуту не могъ его позабыть; а чтобы еще болѣе придать себѣ благородства и вѣса, онъ никогда не называлъ себя просто коллежскимъ асессоромъ, но всегда маіоромъ. „Послушай, голубушка,—говорилъ онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, продававшую манишки,—ты приходи ко мнѣ на домъ, квартира моя по Садовой; спроси только: здѣсь живетъ маіоръ Ковалевъ? — тебѣ всякій покажетъ“. Если же встрѣчалъ какую-нибудь смазливенькую, то давалъ ей сверхъ того секретное приказаніе, прибавляя: „Ты спроси, душенька, квартиру маіора Ковалева“. По этому-то самому и мы будемъ впередъ этого коллежскаго асессора называть маіоромъ.

Маіоръ Ковалевъ имѣлъ обыкновеніе каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничокъ его манишки былъ всегда чрезвычайно чистъ и накрахмаленъ. Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, у архитекторовъ и полковыхъ докторовъ, также у отправляющихъ разныя обязанности и, вообще, у всѣхъ тѣхъ мужей, которые имѣютъ полныя, румяныя щеки и очень хорошо играютъ въ бостонъ: эти бакенбарды идутъ по самой срединѣ щеки и прямехонько доходятъ до носа. Маіоръ Ковалевъ носилъ множество печатокъ сердоликовыхъ — и съ гербами, и такихъ, на которыхъ было вырѣзано: *среда*, *четвергъ*, *понедѣльникъ* и проч. Маіоръ Ковалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ по надобности, а именно — искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся, то вице-губернаторскаго, а не то — экзекуторскаго въ какомъ-нибудь видномъ департаментѣ. Маіоръ Ковалевъ былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячъ капиталу. И потому читатель теперь можетъ судить самъ, каково было положеніе этого маіора, когда онъ увидѣлъ, вмѣсто довольно недурного умѣреннаго носа, преглупое, ровное и гладкое мѣсто.

Какъ на бѣду, ни одинъ извозчикъ не показывался на улицѣ, и онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, закутавшись въ свой плащъ и закрывши платкомъ лицо, показывая видъ, какъ будто у него шла кровь. „Но авось-либо мнѣ такъ представилось; не можетъ быть, чтобы носъ пропалъ сдуру“, подумалъ онъ и зашелъ въ кондитерскую нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотрѣться въ зеркало. Къ счастью, въ кондитерской никого не было: мальчишки мели комнаты и разставляли стулья; нѣкоторые съ сонными глазами выносили на подносахъ горячіе пирожки; на столахъ и стульяхъ валялись залитыя кофеемъ вчерашнія газеты. „Ну, слава Богу, никого нѣтъ,—произнесъ онъ,—теперь можно поглядѣть“. Онъ робко подошелъ къ зеркалу и взглянулъ. „Чортъ знаетъ что, какая дрянь!—произнесъ онъ, плюнувши,—хотя бы уже что-нибудь было вмѣсто носа, а то ничего!..“

Съ досадою, закусивши губы, вышелъ онъ изъ кондитерской и рѣшился, противъ своего обыкновенія, не глядѣть ни на кого и никому не улыбаться. Вдругъ онъ сталъ, какъ вкопанный, у дверей одного дома; въ глазахъ его произошло явленіе неизъяснимое: передъ подъѣздомъ остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнулъ, согнувшись, господинъ въ мундирѣ и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Каковъ же былъ ужасъ и вмѣстѣ изумленіе Ковалева, когда онъ узналъ, что это былъ — собственный его носъ! При этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, казалось ему, все перевернулось у него въ глазахъ; онъ чувствовалъ, что едва могъ стоять; но рѣшился, во что бы ни стало, ожидать его возвращенія въ карету, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Черезъ двѣ минуты носъ дѣйствительно вышелъ. Онъ былъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ большимъ стоячимъ воротникомъ; на немъ были замшевыя панталоны; при боку шпага. По шляпѣ съ плюмажемъ можно было заключить, что онъ считался въ рангѣ статскаго совѣтника. По всему замѣтно было, что онъ ѣхалъ куда-нибудь съ визитомъ. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны, закричалъ кучеру: „Подавай!“ сѣлъ и уѣхалъ.

Бѣдный Ковалевъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ не зналъ, какъ и подумать объ такомъ странномъ происшествіи. Какъ же можно въ самомъ дѣлѣ, чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ и не могъ ни ѣздить, ни ходить, былъ въ мундирѣ! Онъ побѣжалъ за каретою, которая, къ счастью, проѣхала недалеко и остановилась передъ Гостинымъ дворомъ.

Онъ поспѣшилъ туда, пробрался сквозь рядъ нищихъ-старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся. Народу было немного. Ковалевъ чувствовалъ себя въ такомъ разстроенномъ состояніи, что ни на что не могъ рѣшиться, и

искалъ глазами этого господина по всѣмъ угламъ; наконецъ, увидѣлъ его, стоявшаго передъ лавкою. Носъ спряталъ совершенно лицо свое въ большой стоячій воротникъ и съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ какіе-то товары.

„Какъ подойти къ нему? думалъ Ковалевъ.— По всему — по мундиру, по шляпѣ — видно, что онъ статскій совѣтникъ. Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлать!“

Онъ началъ около него покашливать; но носъ ни на минуту не оставлялъ своего положенія.

— Милостивый государь, — сказалъ Ковалевъ, внутренно принуждая себя ободриться, — милостивый государь...

— Что вамъ угодно? — отвѣчалъ носъ, оборотившись.

— Мнѣ странно, милостивый государь... мнѣ кажется... Вы должны знать свое мѣсто. И вдругъ я васъ нахожу, и гдѣ же?.. Согласитесь...

— Извините меня, я не могу взять въ толкъ, о чемъ вы изволите говорить... Объяснитесь.

— Какъ мнѣ ему объяснить? — подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ: — Конечно, я... впрочемъ, я маіоръ. Мнѣ ходить безъ носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговкѣ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины, можно сидѣть безъ носа; но, имѣя въ виду получить... притомъ, будучи во многихъ домахъ знакомъ съ дамами: Чехтарева, статская совѣтница, и другія... Вы посудите сами... Я не знаю, милостивый государь (при этомъ маіоръ Ковалевъ пожалъ плечами)... извините... если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести... вы сами можете понять...

— Ничего рѣшительно не понимаю, — отвѣчалъ носъ. — Изъяснитесь удовлетворительнѣе.

— Милостивый государь, — сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, — я не знаю, какъ понимать слова ваши... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно... или вы хотите... Вѣдь вы — мой собственный носъ!

Носъ посмотрѣлъ на маіора, и брови его нѣсколько нахмурились.

— Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицъ-мундира, вы должны служить по другому вѣдомству. — Сказавши это, носъ отвернулся.

Ковалевъ совершенно смѣшался, не зная, что дѣлать и что даже подумать. Въ это время послышался пріятный шумъ дамскаго платья: подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и съ нею тоненькая, въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной таліи, въ палевой шляпкѣ, легкой какъ пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокій гайдукъ съ большими бакенбардами и цѣлой дюжиной воротниковъ.

Ковалевъ подступилъ поближе, высунулъ батистовый воротничокъ манишки, поправилъ висѣвшія на золотой цѣпочкѣ свои печатки и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая, какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонилась и подносила ко лбу свою бѣленькую ручку съ полупрозрачными пальцами. Улыбка на лицѣ Ковалева раздвинулась еще далѣе, когда онъ увидѣлъ изъ-подъ шляпки ея кругленькій, яркой бѣлизны подбородокъ и часть щеки, осѣненной цвѣтомъ первой весенней розы; но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись. Онъ вспомнилъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно нѣтъ ничего, и слезы выжались изъ глазъ его. Онъ оборотился съ тѣмъ, чтобы напрямикъ сказать господину въ мундирѣ, что онъ только прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ и что онъ больше ничего, какъ только его собственный носъ... Но носа уже не было: онъ успѣлъ ускакать, вѣроятно, опять къ кому-нибудь съ визитомъ.

Это повергло Ковалева въ отчаяніе. Онъ пошелъ назадъ и остановился съ минуту подъ колоннадою, тщательно смотря во всѣ стороны, не попадется ли гдѣ носъ. Онъ очень хорошо помнилъ, что шляпа на немъ была съ плюмажемъ и мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но шинели не замѣтилъ, ни цвѣта его кареты, ни лошадей, ни даже того, былъ ли у него сзади какой-нибудь лакей и въ какой ливреѣ. Притомъ каретъ неслось такое множество взадъ и впередъ и съ такою быстротою, что трудно было даже примѣтить; но если бы и примѣтилъ онъ какую-нибудь изъ нихъ, то не имѣлъ бы никакихъ средствъ остановить. День былъ прекрасный и солнечный. На Невскомъ народу была тьма; дамъ цѣлый цвѣточный водопадъ сыпался по всему тротуару, начиная отъ Полицейскаго до Аничкина моста. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ, котораго онъ называлъ подполковникомъ, особливо, ежели то случалось при постороннихъ. Вонъ и Ярыжкинъ, столоначальникъ въ сенатѣ, большой пріятель его, который вѣчно въ бостонѣ обремизивался, когда игралъ восемь. Вонъ и другой маіоръ, получившій на Кавказѣ асессорство, махаетъ рукой, чтобы шелъ къ нему...

— А, чортъ возьми! — сказалъ Ковалевъ.— Эй, извозчикъ, вези прямо къ полицеймейстеру!

Ковалевъ сѣлъ въ дрожки и только покрикивалъ извозчику: „Валяй во всю ивановскую!“

— У себя полицеймейстеръ? — вскричалъ онъ, взошедши въ сѣни.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ привратникъ,— только-что уѣхали.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Да, — прибавилъ привратникъ, — а оно и не такъ давно, но уѣхалъ; минуточкой бы пришли раньше, то, можетъ, и застали бы дома.

Ковалевъ, не отнимая платка отъ лица, сѣлъ на извозчика и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: „пошелъ!“

— Куда? — сказалъ извозчикъ.

— Пошелъ прямо!

— Какъ — прямо? тутъ поворотъ: направо или налѣво?

Этотъ вопросъ остановилъ Ковалева и заставилъ его опять подумать. Въ его положеніи слѣдовало ему прежде всего отнестись въ управу благочинія, не потому, что оно имѣло прямое отношеніе къ полиціи, но потому, что ея распоряженія могли быть гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; искать же удовлетворенія по начальству того мѣста, при которомъ носъ объявилъ себя служащимъ, было бы безразсудно, потому что изъ собственныхъ отвѣтовъ носа уже можно было видѣть, что для этого человѣка ничего не было священнаго, и онъ могъ такъ же солгать и въ этомъ случаѣ, какъ солгалъ, увѣряя, что онъ никогда не видался съ нимъ. И такъ, Ковалевъ уже хотѣлъ было приказать ѣхать въ управу благочинія, какъ опять пришла мысль ему, что этотъ плутъ и мошенникъ, который поступилъ уже при первой встрѣчѣ такимъ безсовѣстнымъ образомъ, могъ опять удобно, пользуясь временемъ, какъ-нибудь улизнуть изъ города, — и тогда всѣ исканія будутъ тщетны, или могутъ продолжиться, чего Боже сохрани, на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, казалось, само Небо вразумило его. Онъ рѣшился отнестись прямо въ газетную экспедицію и заблаговременно сдѣлать публикацію съ обстоятельнымъ описаніемъ всѣхъ его качествъ, дабы всякій встрѣтившійся съ нимъ могъ въ ту же минуту его представить къ нему или, по крайней мѣрѣ, дать знать о мѣстѣ его пребыванія. И такъ, онъ, рѣшивъ на этомъ, велѣлъ извозчику ѣхать въ газетную экспедицію и во всю дорогу не переставалъ его тузить кулакомъ въ спину, приговаривая: „Скорѣй, подлецъ! Скорѣй, мошенникъ!“ — „Эхъ, баринъ!“—говорилъ извозчикъ, потряхивая головой и стегая вожжой свою лошадь, на которой шерсть была длинная, какъ на болонкѣ. Дрожки наконецъ остановились, и Ковалевъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ небольшую пріемную комнату, гдѣ сѣдой чиновникъ, въ старомъ фракѣ и въ очкахъ, сидѣлъ за столомъ и, взявши въ зубы перо, считалъ принимаемыя мѣдныя деньги.

— Кто здѣсь принимаетъ объявленія? — закричалъ Ковалевъ. — А, здравствуйте!

— Мое почтеніе, — сказалъ сѣдой чиновникъ, поднявши на минуту глаза и опустивши ихъ снова на разложенныя кучи денегъ.

— Я желаю напечатать...

— Позвольте, прошу немножко повременить,— произнесъ чиновникъ, ставя одною рукою цифру на бумагѣ и передвигая пальцемъ лѣвой руки два очка на счетахъ. Лакей съ галунами и съ довольно чистою наружностью, показывавшею пребываніе его въ аристократическомъ домѣ, стоялъ возлѣ стола съ запискою въ рукахъ и почелъ приличнымъ показать свою общежительность: „Повѣрите ли, сударь, что собачонка не стоитъ восьми гривенъ, т.-е. я не далъ бы за нее и восьми грошей; а графиня любитъ, ей-Богу, любитъ, — и вотъ тому, кто ее отыщетъ, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ несовмѣстны: ужъ когда охотникъ, то держи легавую собаку или пуделя; не пожалѣй пяти сотъ, тысячу дай, но за то ужъ чтобъ была собака хорошая“.

Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною и въ то же время занимался смѣтою, сколько буквъ въ принесенной запискѣ. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ и дворниковъ съ записками. Въ одной значилось, что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія; въ другой — малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа; тамъ отпускалась дворовая дѣвка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачешномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ; прочныя дрожки безъ одной рессоры; молодая горячая лошадь въ сѣрыхъ яблокахъ, семнадцати лѣтъ отъ роду; новыя, полученныя изъ Лондона, сѣмена рѣпы и редиса; дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный березовый или еловый садъ; тамъ же находился вызовъ желающихъ купить старыя подошвы, съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра. Комната, въ которой помѣщалось все это общество, была маленькая, и воздухъ въ ней былъ чрезвычайно густъ; но коллежскій асессоръ Ковалевъ не могъ слышать запаха, потому что закрылся платкомъ, и потому что самый носъ его находился, Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ.

— Милостивый государь, позвольте васъ попросить... мнѣ очень нужно, — сказалъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!.. Два рубля сорокъ три копѣйки!.. Сію минуту!.. Рубль шестьдесятъ четыре копѣйки! — говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая старухамъ и дворникамъ записки въ глаза. — Вамъ что угодно? — наконецъ сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

— Я прошу... — сказалъ Ковалевъ, — случилось мошенничество или плутовство — я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только напечатать, что тотъ, кто ко мнѣ этого подлеца представитъ, получитъ достаточное вознагражденіе.

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію? мнѣ нельзя сказать ее. У меня много знакомыхъ: Чехтарева, статская совѣтница, Пелагея Григорьевна Подточина, штабъ-офицерша... Вдругъ узнаютъ, Боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежскій асессоръ, или, еще лучше, состоящій въ маіорскомъ чинѣ.

— А сбѣжавшій былъ вашъ дворовый человѣкъ?

— Какое дворовый человѣкъ! это бы еще не такое большое мошенничество! Сбѣжалъ отъ меня... носъ...

— Гм! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ г. Носовъ обокралъ васъ?

— Носъ, то-есть... вы не то думаете! Носъ, мой собственный носъ пропалъ, неизвѣстно куда. Чортъ хотѣлъ подшутить надо мною!

— Да какимъ же образомъ пропалъ? я что-то не могу хорошенько понять.

— Да я не могу вамъ сказать, какимъ образомъ; но главное то, что онъ разъѣзжаетъ теперь по городу и называетъ себя статскимъ совѣтникомъ. И потому я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ его немедленно ко мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени. Вы посудите, въ самомъ дѣлѣ, какъ же мнѣ быть безъ такой замѣтной части тѣла! Это не то, что какой-нибудь мизинецъ на ногѣ, который я въ сапогъ—и никто не увидитъ, если его нѣтъ. Я бываю по четвергамъ у статской совѣтницы Чехтаревой; Подточина Пелагея Григорьевна, штабъ-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошіе знакомые; и вы посудите сами, какъ же мнѣ теперь... Мнѣ теперь къ нимъ нельзя явиться.

Чиновникъ задумался, что означали крѣпко сжавшіяся его губы.

— Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ, — сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

— Какъ? отчего?

— Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то... И такъ уже говорятъ, что печатается много несообразностей и ложныхъ слуховъ.

— Да чѣмъ же это дѣло несообразное? Тутъ, кажется, ничего нѣтъ такого.

— Это вамъ такъ кажется, что нѣтъ. А вотъ, на прошлой недѣлѣ, такой же былъ случай. Пришелъ чиновникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку, денегъ по расчету пришлось 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей, не помню, какого-то заведенія.

— Да вѣдь я вамъ не о пуделѣ дѣлаю объявленіе, а о собственномъ моемъ носѣ: стало-быть, почти то же, что о самомъ себѣ.

— Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить.

— Да когда у меня точно пропалъ носъ!

— Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорятъ, что есть такіе люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите въ обществѣ пошутить.

— Клянусь вамъ, вотъ какъ Богъ святъ! Пожалуй, ужъ если до того дошло, то я покажу вамъ.

— Зачѣмъ безпокоиться! — продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ. — Впрочемъ, если не въ безпокойство, — прибавилъ онъ съ движеніемъ любопытства, — то желательно бы взглянуть.

Коллежскій асессоръ отнялъ отъ лица платокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно! — сказалъ чиновникъ, — мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только-что выпеченный блинъ. Да, до невѣроятности ровное!

— Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вамъ буду особенно благодаренъ, и очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе съ вами познакомиться. — Маіоръ, какъ видно изъ этого, рѣшился на сей разъ немного поподличать.

— Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое, — сказалъ чиновникъ, —только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣетъ искусное перо, описать это, какъ рѣдкое произведеніе натуры, и напечатать эту статейку въ „Сѣверной Пчелѣ“ (тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку), для пользы юношества (тутъ онъ утеръ носъ) или такъ, для общаго любопытства.

Коллежскій асессоръ былъ совершенно обезнадеженъ. Онъ опустилъ глаза внизъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ; уже лицо его было готово улыбнуться, встрѣтивъ имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за

— Милостивый государь,—сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственнаго достоинства:—вѣдь вы мой собственный носъ!

карманъ, есть ли при немъ синяя ассигнація, потому что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; но мысль о носѣ все испортила!

Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронутъ затруднительнымъ положеніемъ Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горесть, онъ почелъ приличнымъ выразить участіе свое въ нѣсколькихъ словахъ: — Мнѣ, право, очень прискорбно, что съ вами случился такой анекдотъ. Не угодно ли вамъ понюхать табачку? это разбиваетъ головныя боли и печальныя расположенія; даже въ отношеніи къ геморроидамъ это хорошо. — Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нее крышку съ портретомъ какой-то дамы въ шляпкѣ.

Этотъ неумышленный поступокъ вывелъ изъ терпѣнія Ковалева. — Я не понимаю, какъ вы находите мѣсто шуткамъ,—сказалъ онъ съ сердцемъ:—развѣ вы не видите, что у меня нѣтъ именно того, чѣмъ бы я могъ понюхать? Чтобъ чортъ побралъ вашъ табакъ! Я теперь не могу смотрѣть на него, и не только на скверный вашъ березинскій, но хоть бы вы поднесли мнѣ самаго рапе.—Сказавши это, онъ вышелъ, глубоко раздосадованный, изъ газетной экспедиціи и отправился къ частному приставу.

Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крякнулъ и сказалъ: — Эхъ, славно засну два часика! — и потому можно было предвидѣть, что приходъ коллежскаго асессора былъ совершенно не во-время. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей; но государственную ассигнацію предпочиталъ всему.—Это вещь,—обыкновенно говорилъ онъ:—ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не проситъ, мѣста займетъ немного, въ карманѣ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется".

Частный принялъ довольно сухо Ковалева и сказалъ, что послѣ обѣда не то время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы, наѣвшись, немного отдохнуть (изъ этого коллежскій асессоръ могъ видѣть, что частному приставу были не безъизвѣстны изреченія древнихъ мудрецовъ), что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа.

То-есть, не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно замѣтить, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Онъ даже полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Пріемъ частнаго такъ его сконфузилъ, что онъ тряхнулъ головою и сказалъ съ чувствомъ достоинства, немного разставивъ свои руки: „Признаюсь, послѣ этакихъ обидныхъ съ вашей стороны замѣчаній, я ничего не могу прибавить..." и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша подъ собою ноги. Были уже сумерки. Печальною или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ исканій. Взошедши въ переднюю, увидѣлъ онъ на кожаномъ запачканномъ диванѣ лакея своего Ивана, который, лежа на спинѣ, плевалъ въ потолокъ и попадалъ довольно удачно въ одно и то же мѣсто. Такое равнодушіе человѣка взбѣсило его; онъ ударилъ его шляпою по лбу, примолвивъ: „Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!"

Иванъ вскочилъ вдругъ со своего мѣста и бросился со всѣхъ ногъ снимать съ него плащъ. Вошедши въ свою комнату, маіоръ, усталый и печальный, бросился въ кресла и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ, сказалъ:

— Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги—все бы это лучше; но безъ носа человѣкъ — чортъ знаетъ что: птица не птица, гражданинъ не гражданинъ, — просто, возьми, да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войнѣ отрубили, или на дуэли, или я самъ былъ причиною; но вѣдь пропалъ ни за что, ни про что, пропалъ даромъ, ни за грошъ!.. Только, нѣтъ, не можетъ быть,—прибавилъ онъ, немного подумавъ:—невѣроятно, чтобы носъ пропалъ, никакимъ образомъ невѣроятно. Это, вѣрно, или во снѣ снится, или, просто, грезится; можетъ-быть, я какъ-нибудь, ошибкою, выпилъ вмѣсто воды водку, которою вытираю послѣ бритья себѣ бороду. Иванъ, дуракъ, не принялъ, и я, вѣрно, хватилъ ея. — Чтобы дѣйствительно увѣриться, что онъ не пьянъ, маіоръ ущипнулъ себя такъ больно, что самъ вскрикнулъ. Эта боль совершенно увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ и живетъ наяву. Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза съ тою мыслью, что авось-либо носъ покажется на своемъ мѣстѣ; но въ ту-жъ минуту отскочилъ назадъ, сказавши: „Экой пасквильный видъ!"

Это было, точно, непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное,— но пропасть, и кому же пропасть? и еще на собственной квартирѣ!.. Маіоръ Ковалевъ, сообразя всѣ обстоятельства, предполагалъ едва ли не ближе всего къ истинѣ, что виною этого долженъ быть не кто другой, какъ штабъ-офицерша Подточина, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери. Онъ и самъ любилъ за нею приволокнуться, но избѣгалъ окончательной раздѣлки. Когда же штабъ-офи-

церша объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ съ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно ему прослужить лѣтъ пятокъ, чтобы уже ровно было сорокъ два года. И потому штабъ-офицерша, вѣрно изъ мщенія, рѣшилась его испортить и наняла для этого какихъ-нибудь колдовокъ-бабъ, потому что никакимъ образомъ нельзя было предположить, чтобы носъ былъ отрѣзанъ: никто не входилъ къ нему въ комнату; цырюльникъ же, Иванъ Яковлевичъ, брилъ его еще въ среду, а въ продолженіе всей среды и даже во весь четвертокъ носъ у него былъ цѣлъ, — это онъ помнилъ и зналъ очень хорошо; притомъ, была бы имъ чувствуема боль, и, безъ сомнѣнія, рана не могла бы такъ скоро зажить и быть гладкою, какъ блинъ. Онъ строилъ въ головѣ планы: звать ли штабъ-офицершу формальнымъ порядкомъ въ судъ, или явиться къ ней самому и уличить ее. Размышленія его прерваны были свѣтомъ, который блеснулъ сквозь всѣ скважины дверей и далъ знать, что свѣча въ передней уже зажжена Иваномъ. Скоро показался и самъ Иванъ, неся ее передъ собою и озаряя ярко всю комнату. Первымъ движеніемъ Ковалева было схватить платокъ и закрыть то мѣсто, гдѣ вчера еще былъ носъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ глупый человѣкъ не зазѣвался, увидя у барина такую странность.

Не успѣлъ Иванъ уйти въ контору свою, какъ послышался въ передней незнакомый голосъ, произнесшій:—Здѣсь ли живетъ коллежскій асессоръ Ковалевъ?

— Войдите; маіоръ Ковалевъ здѣсь,—сказалъ Ковалевъ, вскочивши поспѣшно и отворяя дверь.

Вошелъ полицейскій чиновникъ, красивой наружности, съ бакенбардами не слишкомъ свѣтлыми и не темными, съ довольно полными щеками, тотъ самый, который, въ началѣ повѣсти, стоялъ въ концѣ Исаакіевскаго моста.

— Вы изволили затерять носъ свой?

— Такъ точно.

— Онъ теперь найденъ.

— Что вы говорите?—закричалъ маіоръ Ковалевъ. Радость отняла у него языкъ. Онъ глядѣлъ въ оба на стоявшаго передъ нимъ квартальнаго, на полныхъ губахъ и щекахъ котораго ярко мелькалъ трепетный свѣтъ свѣчи.—Какимъ образомъ?

— Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился на дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И паспортъ давно былъ написанъ на имя одного чиновника. И странно то, что я самъ принялъ его сначала за господина; но, къ счастію, были со мной очки, и я тотъ же часъ увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у васъ лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замѣчу. Моя теща, то-есть мать жены моей, тоже ничего не видитъ.

Ковалевъ былъ внѣ себя.—Гдѣ же онъ? гдѣ? я сейчасъ побѣгу.

— Не безпокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ-цырюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ одной лавочкѣ бортище пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ.—При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

— Такъ, онъ!—закричалъ Ковалевъ:—точно, онъ! Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю.

— Почелъ бы за большую пріятность, но никакъ не могу: мнѣ нужно заѣхать отсюда въ смирительный домъ... Очень большая поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живетъ и теща, то-есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды, очень умный мальчишка; но средствъ для воспитанія совершенно нѣтъ никакихъ...

Коллежскій асессоръ, по уходѣ квартальнаго, нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи и едва черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ возможность видѣть и чувствовать: въ такое безпамятство повергла его неожиданная радость. Онъ взялъ бережливо найденный носъ въ обѣ руки, сложенныя горстью, и еще разъ разсмотрѣлъ его внимательно.

— Такъ, онъ! точно, онъ! — говорилъ маіоръ Ковалевъ.—Вотъ и прыщикъ на лѣвой сторонѣ, вскочившій вчерашняго дня.—Маіоръ чуть не засмѣялся отъ радости.

Но на свѣтѣ нѣтъ ничего долговременнаго, а потому и радость, въ слѣдующую минуту за первою, уже не такъ жива; въ третью минуту она становится еще слабѣе и, наконецъ, незамѣтно сливается съ обыкновеннымъ положеніемъ души, какъ на водѣ кругъ, рожденный паденіемъ камешка, наконецъ сливается съ гладкою поверхностью. Ковалевъ началъ размышлять и смекнулъ, что дѣло еще не кончено: носъ найденъ, но вѣдь нужно же его приставить, помѣстить на свое мѣсто.

— А что, если онъ не пристанетъ?

При такомъ вопросѣ, сдѣланномъ самому себѣ, маіоръ поблѣднѣлъ.

Съ чувствомъ неизъяснимаго страха бросился онъ къ столу, придвинулъ зеркало, чтобы какъ-нибудь не поставить носъ криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложилъ онъ

его на прежнее мѣсто. О, ужасъ! носъ не приклеивался!.. Онъ поднесъ его ко рту, нагрѣлъ его слегка своимъ дыханіемъ и опять поднесъ къ гладкому мѣсту, находившемуся между двухъ щекъ; но носъ никакимъ образомъ не держался.

— Ну, ну же! полѣзай, дуракъ!—говорилъ онъ ему; но носъ былъ какъ деревянный и падалъ на столъ съ такимъ страннымъ звукомъ, какъ будто бы пробка. Лицо маіора судорожно скривилось.— Неужели онъ не прирастетъ? — говорилъ онъ въ испугѣ. Но сколько разъ ни подносилъ онъ его на его же собственное мѣсто—стараніе было, по-прежнему, неуспѣшно.

Онъ кликнулъ Ивана и послалъ его за докторомъ, который занималъ въ томъ же самомъ домѣ лучшую квартиру въ бельэтажѣ. Докторъ этотъ былъ видный собою мужчина, имѣлъ прекрасныя смолистыя бакенбарды, свѣжую, здоровую докторшу, ѣлъ поутру свѣжія яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разныхъ родовъ щеточками. Докторъ явился въ ту же минуту. Спросивши, какъ давно случилось несчастіе, онъ поднялъ маіора Ковалева за подбородокъ и далъ ему большимъ пальцемъ щелчка въ то самое мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, такъ что маіоръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силою, что ударился затылкомъ въ стѣну. Медикъ сказалъ, что это ничего, и, посовѣтовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, сказалъ: „гм!“ потомъ велѣлъ ему перегнуть голову на лѣвую сторону и скаааалъ: „гм!“ и въ заключеніе далъ опять ему большимъ пальцемъ щелчка, такъ что маіоръ Ковалевъ дернулъ головою, какъ конь, которому смотрятъ въ зубы. Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головою и сказалъ:—Нѣтъ, нельзя. Вы ужъ лучше такъ оставайтесь, потому что можно сдѣлать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣряю, что это для васъ хуже.

— Вотъ хорошо! какъ же мнѣ оставаться безъ носу?—сказалъ Ковалевъ:—ужъ хуже не можетъ быть, какъ теперь. Это, просто, чортъ знаетъ что! Куда же я съ этакою пасквильностью покажусь? Я имѣю хорошее знакомство: вотъ и сегодня мнѣ нужно быть на вечерѣ въ двухъ домахъ. Я со многими знакомъ; статская совѣтница Чехтарева, Подточина, штабъ-офицерша... хоть послѣ теперешняго поступка ея я не имѣю съ ней другого дѣла, какъ только чрезъ полицію. Сдѣлайте милость,—продолжалъ Ковалевъ умоляющимъ голосомъ:—нѣтъ ли средства? какъ-нибудь приставьте: хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою въ опасныхъ случаяхъ. Я же притомъ и не танцую, чтобы могъ вредить какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ. Все, что относится насчетъ благодарности за визиты, ужъ будьте увѣрены, сколько дозволятъ мои средства...

— Вѣрите ли,—сказалъ докторъ ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣтливымъ и магнетическимъ, — что я никогда изъ корысти не лѣчу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вашъ носъ; но я васъ увѣряю честью, если уже вы не вѣрите моему слову, что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучше дѣйствію самой натуры. Мойте чаще холодною водою, и я васъ увѣряю, что вы, не имѣя носа, будете такъ же здоровы, какъ если бы имѣли его. А носъ я вамъ совѣтую положить въ банку со спиртомъ, или, еще лучше, влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса, — и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не продамъ!—вскричалъ отчаянный маіоръ Ковалевъ: — лучше пустъ онъ пропадетъ!

— Извините! — сказалъ докторъ, откланиваясь:—я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ... Что-жъ дѣлать! По крайней мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе. — Сказавши это, докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты. Ковалевъ не замѣтилъ даже лица его и въ глубокой безчувственности видѣлъ только выглядывавшіе изъ рукавовъ его чернаго фрака рукавчики бѣлой и чистой, какъ снѣгъ, рубашки.

Онъ рѣшился на другой же день, прежде представленія жалобы, писать къ штабъ-офицершѣ, не согласится ли она безъ бою возвратить ему то, что слѣдуетъ. Письмо было такого содержанія:

Милостивая государыня
Александра Григорьевна!

Не могу понять страннаго со стороны Вашей дѣйствія. Будьте увѣрены, что, поступая такимъ образомъ, ничего Вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на Вашей дочери. Повѣрьте, что исторія насчетъ моего носа совершенно извѣстна, равно какъ и то, что въ этомъ Вы есть главныя участницы, а не кто другой. Внезапное его отдѣленіе съ своего мѣста, побѣгъ и маскированіе, то подъ видомъ одного чиновника, то, наконецъ, въ собственномъ видѣ, есть больше ничего, какъ слѣдствіе волхвованій, произведенныхъ Вами или тѣми, которые упражняются въ подобныхъ Вамъ благородныхъ занятіяхъ. Я съ

своей стороны почитаю долгомъ васъ предувѣдомить: если упоминаемый мною носъ не будетъ сегодня же на своемъ мѣстѣ, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ защитѣ и покровительству законовъ.

Впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ къ Вамъ, имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга
Платонъ Ковалевъ.

Милостивый государь
Платонъ Кузьмичъ!

Чрезвычайно удивило меня письмо Ваше. Я, признаюсь Вамъ по откровенности, никакъ не ожидала, а тѣмъ болѣе относительно несправедливыхъ укоризнъ со стороны Вашей. Предувѣдомляю Васъ, что я чиновника, о которомъ упоминаете Вы, никогда не принимала у себя въ домѣ, ни замаскированнаго, ни въ настоящемъ видѣ. Бывалъ у меня, правда, Филиппъ Ивановичъ Потанчиковъ. И хотя онъ, точно, искалъ руки моей дочери, будучи самъ хорошаго, трезваго поведенія и великой учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носѣ. Если Вы разумѣете подъ симъ, что будто бы я хотѣла оставить Васъ съ носомъ, то-есть дать Вамъ формальный отказъ, то меня удивляетъ, что Вы сами объ этомъ говорите, тогда какъ я, сколько Вамъ извѣстно, была совершенно противнаго мнѣнія, и если Вы теперь же посватаетесь на моей дочери законнымъ образомъ, я готова сей же часъ удовлетворить Васъ, ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго желанія, въ надеждѣ чего остаюсь всегда готовою къ услугамъ Вашимъ

Александра Подточина.

— Нѣтъ, — говорилъ Ковалевъ, прочитавши письмо, — она, точно, не виновата. Не можетъ быть! Письмо такъ написано, какъ не можетъ написать человѣкъ, виноватый въ преступленіи. — Коллежскій асессоръ былъ въ этомъ свѣдущъ, потому что былъ посыланъ нѣсколько разъ на слѣдствіе еще въ Кавказской области. Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? Только чортъ разберетъ это!—сказалъ онъ наконецъ, опустивъ руки.

Между тѣмъ слухи объ этомъ необыкновенномъ происшествіи распространились по всей столицѣ и, какъ водится, не безъ особенныхъ прибавленій. Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только-что занимали публику опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ была еще свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто носъ коллежскаго асессора Ковалева ровно въ три часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Сказалъ кто то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера—и возлѣ Юнкера такая сдѣлалась толпа и давка, что должна была вступиться даже полиція. Одинъ спекуляторъ почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшій при входѣ въ театръ разные сухіе кондитерскіе пирожки, нарочно надѣлалъ прекрасныхъ деревянныхъ, прочныхъ скамеекъ, на которыя приглашалъ любопытныхъ становиться, за восемьдесятъ копѣекъ отъ каждаго посѣтителя. Одинъ заслуженный полковникъ нарочно для этого вышелъ раньше изъ дому и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но, къ большому негодованію своему, увидѣлъ въ окнѣ магазина, вмѣсто носа, обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку съ изображеніемъ дѣвушки, поправлявшей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта съ откидными жилетомъ и небольшою бородкою,—картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Отошедъ, онъ сказалъ съ досадою:—Какъ можно этакими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ?— Потомъ пронесся слухъ, что не на Невскомъ проспектѣ, а въ Таврическомъ саду прогуливается носъ маіора Ковалева; что будто бы онъ давно уже тамъ; что когда еще проживалъ тамъ Хозревъ-Мирза, то очень удивлялся этой странной игрѣ природы. Нѣкоторые изъ студентовъ Хирургической Академіи отправились туда. Одна знатная почтенная дама просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ и, если можно, съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей.

Всѣмъ этимъ происшествіямъ были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе необходимые посѣтители раутовъ, любившіе смѣшить дамъ, у которыхъ запасъ въ то время совершенно истощился. Небольшая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманіе правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы впутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою. Вслѣдъ за этимъ... но здѣсь вновь все происшествіе скрывается туманомъ, и что было потомъ—рѣшительно неизвѣстно.

III.

Чепуха совершенная дѣлается на свѣтѣ. Иногда вовсе нѣтъ никакого правдоподобія: вдругъ тотъ

самый носъ, который разъѣзжалъ въ чинѣ статскаго совѣтника и надѣлалъ столько шуму въ городѣ, очутился, какъ ни въ чемъ не бывало, вновь на своемъ мѣстѣ, то-есть именно между двухъ щекъ маіора Ковалева. Это случилось уже апрѣля 7 числа. Проснувшись и нечаянно взглянувъ въ зеркало, видитъ онъ: носъ! хвать рукою—точно, носъ! „Эге!“ сказалъ Ковалевъ, и въ радости чуть не дернулъ по всей комнатѣ босикомъ тропака; но вошедшій Иванъ помѣшалъ. Онъ приказалъ тотъ же часъ дать себѣ умыться и, умываясь, взглянулъ еще разъ въ зеркало — носъ! Вытираясь полотенцемъ, онъ опять взглянулъ въ зеркало—носъ!

— А посмотри, Иванъ, кажется, у меня на носу какъ будто прыщикъ,—сказалъ онъ и между тѣмъ думалъ: — Вотъ бѣда, какъ Иванъ скажетъ:—Да нѣтъ, сударь, не только прыщика, а самаго носа нѣтъ!

Но Иванъ сказалъ:—Ничего-съ, никакого прыщика: носъ чистый!

— Хорошо, чортъ побери!—сказалъ самъ себѣ маіоръ и щелкнулъ пальцами. Въ это время выглянулъ въ дверь цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, но такъ боязливо, какъ кошка, которую только что высѣкли за кражу сала.

— Говори впередъ: чисты руки?—кричалъ еще издали ему Ковалевъ.

— Чисты.

— Врешь!

— Ей Богу-съ чисты, сударь.

— Ну, смотри же.

Ковалевъ сѣлъ. Иванъ Яковлевичъ закрылъ его салфеткою и, въ одно мгновенье, съ помощью кисточки, превратилъ всю бороду его и часть щеки въ кремъ, какой подаютъ на купеческихъ именинахъ. — Вишь ты!—сказалъ самъ себѣ Иванъ Яковлевичъ, взглянувши на носъ, и потомъ перегнулъ голову на другую сторону и посмотрѣлъ на него сбоку:—Вона! экъ его, право, какъ подумаешь,—продолжалъ онъ, и долго смотрѣлъ на носъ. Наконецъ, легонько, съ бережливостью, какую только можно себѣ вообразить, онъ приподнялъ два пальца съ тѣмъ, чтобы поймать его за кончикъ. Такова ужъ была система Ивана Яковлевича.

— Ну, ну, ну, смотри!—закричалъ Ковалевъ. Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ, оторопѣлъ и смутился, какъ никогда не смущался. Наконецъ, осторожно сталъ онъ щекотать бритвой у него подъ бородою, и хотя ему было совсѣмъ несподручно и трудно брить безъ придержки за нюхательную часть тѣла, однакоже, кое какъ, упираясь своимъ шероховатымъ большимъ пальцемъ ему въ щеку и въ нижнюю десну, наконецъ, одолѣлъ всѣ препятствія и выбрилъ.

Когда все было готово, Ковалевъ поспѣшилъ тотъ же часъ одѣться, взялъ извозчика и поѣхалъ прямо въ кондитерскую. Входя, закричалъ онъ еще издали:—Мальчикъ, чашку шоколаду!—а самъ въ ту же минуту къ зеркалу—есть носъ. Онъ весело оборотился назадъ и съ сатирическимъ видомъ посмотрѣлъ, нѣсколько прищуря глазъ, на двухъ военныхъ, у одного изъ которыхъ былъ носъ никакъ не больше жилетной пуговицы. Послѣ того отправился онъ въ канцелярію того департамента, гдѣ хлопоталъ объ вице-губернаторскомъ мѣстѣ, а въ случаѣ неудачи — объ экзекуторскомъ. Проходя чрезъ пріемную, онъ взглянулъ въ зеркало — есть носъ. Потомъ поѣхалъ онъ къ другому коллежскому асессору, или маіору, большому насмѣшнику, которому онъ часто говорилъ въ отвѣтъ на разныя занозистыя замѣтки:—Ну, ужъ ты, я тебя знаю, ты шпилька!—Дорогою онъ подумалъ:—Если и маіоръ не треснетъ со смѣху, увидѣвши меня, тогда ужъ вѣрный знакъ, что все, что ни есть, сидитъ на своемъ мѣстѣ.—Но коллежскій асессоръ ничего.—Хорошо, хорошо, чортъ побери!—подумалъ про себя Ковалевъ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ штабъ-офицершу Подточину вмѣстѣ съ дочерью, раскланялся съ ними и былъ встрѣченъ съ радостными восклицаніями: стало быть, ничего, въ немъ нѣтъ никакого ущерба. Онъ разговаривалъ съ ними очень долго, и нарочно, вынувши табакерку, набивалъ передъ ними весьма долго свой носъ съ обоихъ подъѣздовъ, приговаривая про себя:—Вотъ, молъ, вамъ, бабье, куриный народъ! а на дочкѣ все-таки не женюсь. Такъ, просто, par amour—изволь!—И маіоръ Ковалевъ съ тѣхъ поръ прогуливался, какъ ни въ чемъ не бывало, и на Невскомъ проспектѣ, и въ театрахъ, и вездѣ. И носъ тоже, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на его лицѣ, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонамъ. И послѣ того маіора Ковалева видѣли вѣчно въ хорошемъ юморѣ, улыбающагося, преслѣдующаго рѣшительно всѣхъ хорошенькихъ дамъ и даже остановившагося одинъ разъ передъ лавочкой въ Гостиномъ дворѣ и покупавшаго какую-то орденскую ленточку, неизвѣстно для какихъ причинъ, потому что онъ самъ не былъ кавалеромъ никакого ордена.

Вотъ какая исторія случилась въ сѣверной столицѣ нашего обширнаго государства! Теперь только, по соображеніи всего, видимъ, что въ ней есть много неправдоподобнаго. Но говоря уже о томъ, что, точно, странно сверхъестественное отдѣленіе носа и появленіе его въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ статскаго совѣтника,—какъ Ковалевъ не смекнулъ, что нельзя чрезъ газетную экспедицію объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявле-

ніе: это вздоръ, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже: какъ носъ очутился въ печеномъ хлѣбѣ, и какъ самъ Иванъ Яковлевичъ?.. Нѣтъ, этого я никакъ не понимаю, рѣшительно не понимаю! Но, что страннѣе, что непонятнѣе всего, это то, какъ авторы могутъ брать подобные сюжеты. Признаюсь, это ужъ совсѣмъ непостижимо, это точно... нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не понимаю. Во-первыхъ, пользы отечеству рѣшительно никакой; во-вторыхъ... но и во-вторыхъ тоже нѣтъ пользы. Просто, я не знаю, что это....

А однакоже, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже... ну, да и гдѣ-жъ не бываетъ несообразностей? — а все, однакоже, какъ поразмыслишь, во всемъ этомъ, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ,—рѣдко, но бываютъ.

ПОРТРЕТЪ.

(въ окончательной обработкѣ *).

ЧАСТЬ I.

Нигдѣ не останавливалось столько народа, какъ предъ картинною лавочкою на Щукиномъ дворѣ. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собраніе диковинокъ: картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темно-желтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка,—вотъ ихъ обыкновенные сюжеты. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ, съ кривыми носами. Сверхъ того, двери такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками произведеній, отпечатанныхъ лубками на большихъ листахъ, которыя свидѣтельствуютъ о самородномъ дарованіи русскаго человѣка. На одномъ была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другомъ городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно немного, но за то зрителей—куча. Какой-нибудь забулдыга-лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій. Передъ нимъ уже вѣрно стоитъ въ шинели солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка-охтенка съ коробкою, наполненною башмаками. Всякій восхищается посвоему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматриваютъ серьезно; лакеи-мальчики и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодыя русскія бабы, спѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотрѣть, на что онъ смотритъ.

Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чартковъ. Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодости. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами. Наконецъ, овладѣло имъ невольное размышленіе; онъ сталъ думать о томъ, кому нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на *Еруслановъ Лазаревичей*, на *объѣдалъ* и *опивалъ*, на *Ѳому* и *Ерему*, это не казалось ему удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ масляныхъ малеваній? Кому нужны эти фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которомъ выразилось все глубокое его униженіе? Это, казалось, не были вовсе труды ребенка-самоучки; иначе въ нихъ, при всей безчувственной карикатурности цѣлаго, вырывался бы острый порывъ. Но здѣсь было видно, просто, тупоуміе, безсильная, дряхлая бездарность, которая самоуправно стала въ ряды искусствъ, тогда какъ ей мѣсто было среди низкихъ ремеслъ, — бездарность, которая была вѣрна, однакожъ, своему призванію и впесла въ самое искусство свое ремесло. Тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку!..

Долго стоялъ онъ предъ этими грязными кар-

*) Первая редакція — въ «Арабескахъ».

тинами, уже, наконецъ, не думая вовсе о нихъ, а между тѣмъ хозяинъ лавки, сѣренькій человѣчекъ, во фризовой шинели, съ бородой, небритой съ самаго воскресенья, толковалъ ему уже давно, торговался и условливался въ цѣнѣ, еще не узнавъ, что ему понравилось и что нужно.—Вотъ за этихъ мужичковъ и за ландшафтикъ возьму бѣленькую. Живопись-то какая! просто, глазъ прошибетъ; только-что получены съ биржи: еще лакъ не высохъ. Или вотъ зима,—возьмите зиму! пятнадцать рублей! одна рамка чего стоитъ! Вонъ она какая зима!—Тутъ купецъ далъ легкаго щелчка въ полотно, вѣроятно, чтобы показать всю доброту зимы.—Прикажете связать ихъ вмѣстѣ и снести за вами? Гдѣ изволите жить? Эй, малый! подай веревочку.

— Постой, братъ, не такъ скоро, — сказалъ очнувшійся художникъ, видя, что ужъ проворный купецъ принялся не въ шутку ихъ связывать вмѣстѣ. Ему сдѣлалось нѣсколько совѣстно не взять ничего, застоявшись такъ долго въ лавкѣ, и онъ сказалъ: — А вотъ постой, я посмотрю, нѣтъ ли для меня чего-нибудь здѣсь,—и, наклонившись, сталъ доставать съ полу громоздко наваленныя, истертыя, запыленныя старыя маленья, не пользовавшіяся, какъ видно, никакимъ почетомъ. Тутъ были старинные фамильные портреты, которыхъ потомковъ, можетъ быть, и на свѣтѣ нельзя было отыскать; совершенно неизвѣстныя изображенія съ прорваннымъ холстомъ; рамки, лишенныя позолоты; словомъ, всякій ветхій соръ. Но художникъ принялся разсматривать, думая втайнѣ: „Авось что-нибудь и отыщется“. Онъ не разъ слышалъ разсказы о томъ, какъ иногда у лубочныхъ продавцовъ были отыскиваемы въ сору картины великихъ мастеровъ.

Хозяинъ, увидѣвъ, куда полѣзъ онъ, оставилъ свою суетливость и, принявши свое обыкновенное положеніе и надлежащій вѣсъ, помѣстился сызнова у дверей, зазывая прохожихъ и указывая имъ одной рукой на лавку: „Сюда, батюшка! вотъ картины! зайдите, зайдите! съ биржи получены“. Уже накричался онъ вдоволь и большею частью безплодно; наговорился досыта съ лоскутнымъ продавцомъ, стоявшимъ насупротивъ его, также у дверей своей лавчонки, и наконецъ, вспомнивъ, что у него въ лавкѣ есть покупатель, оборотился къ народу спиной и отправился внутрь ея. — „Что, батюшка, выбрали что-нибудь?“ Но художникъ уже стоялъ нѣсколько времени неподвижно передъ однимъ портретомъ въ огромныхъ, когда-то великолѣпныхъ рамахъ, но на которыхъ чуть блестѣли теперь слѣды позолоты.

Это былъ старикъ съ лицомъ бронзоваго цвѣта, скулистымъ, чахлымъ; черты лица, казалось, были схвачены въ минуту судорожнаго движенія и отзывались не сѣверною силою: пламенный полдень былъ запечатлѣнъ въ нихъ. Онъ былъ драпированъ въ широкій азіатскій костюмъ. Какъ ни былъ поврежденъ и запыленъ портретъ, но когда удалось ему счистить съ лица пыль, онъ увидѣлъ слѣды работы высокаго художника. Портретъ, казалось, былъ неконченъ; но сила кисти была разительна. Необыкновеннѣе всего были глаза: казалось, въ нихъ употребилъ всю силу кисти и все тщаніе свое художникъ. Они, просто, глядѣли, глядѣли даже изъ самаго портрета, какъ будто разрушая его гармонію своею странною живостью. Когда поднесъ онъ портретъ къ дверямъ, — еще сильнѣе глядѣли глаза. Почти то же впечатлѣніе произвели они и въ народѣ. Женщина, остановившаяся позади его, вскрикнула: „Глядитъ, глядитъ!“ и попятилась назадъ. Что-то непріятное, непонятное самому себѣ почувствовалъ онъ и поставилъ портретъ на землю.

— А что-жъ, возьмите портретъ! — сказалъ хозяинъ.

— А сколько? — сказалъ художникъ.

— Да что за него дорожиться? три четвертачка давайте!

— Нѣтъ.

— Ну, да что-жъ дадите?

— Двугривенный, — сказалъ художникъ, готовясь итти.

— Экъ цѣну какую завернули! да за двугривенный одной рамки не купишь! Видно, завтра собираетесь купить? Господинъ, господинъ, воротитесь! гривенничекъ хоть прикиньте. Возьмите, давайте двугривенный. Право, для почину только; вотъ только, что первый покупатель. — За симъ онъ сдѣлалъ жесть рукой, какъ будто бы говорившій: — Такъ ужъ и быть, пропадай картина!

Такимъ образомъ Чартковъ совершенно неожиданно купилъ старый портретъ и въ то же время подумалъ: — Зачѣмъ я его купилъ? на что онъ мнѣ? — Но дѣлать было нечего. Онъ вынулъ изъ кармана двугривенный, отдалъ хозяину, взялъ портретъ подмышку и потащилъ его съ собою. Дорогою онъ вспомнилъ, что двугривенный, который онъ отдалъ, былъ у него послѣдній. Мысли его вдругъ омрачились; досада и равнодушная пустота обняли его въ ту же минуту. „Чортъ побери! гадко на свѣтѣ!“ сказалъ онъ съ чувствомъ русскаго, у котораго дѣла плохи. И почти машинально шелъ скорыми шагами, полный безчувствія ко всему. Красный свѣтъ вечерней зари оставался еще на половинѣ неба, еще дома, обращенные къ той сторонѣ, чуть озарялись ея теплымъ свѣтомъ; а между тѣмъ уже холодное синеватое сіяніе мѣсяца становилось сильнѣе. Полупрозрачныя легкія тѣни хвостами падали на землю, отбрасываемыя домами и ногами пѣшеход-

цевъ. Уже художникъ начиналъ мало-по-малу заглядываться на небо, озаренное какимъ-то прозрачнымъ, тонкимъ, сомнительнымъ свѣтомъ, и почти въ одно время излетали изъ устъ его слова: „Какой легкій тонъ!“ и слова: „Досадно, чортъ побери!“ и онъ, поправляя портретъ, безпрестанно съѣзжавшій изъ-подмышки, ускорялъ шагъ.

Усталый и весь въ поту, дотащился онъ къ себѣ въ пятнадцатую линію, на Васильевскій островъ. Съ трудомъ и съ отдышкой взобрался онъ по лѣстницѣ, облитой помоями и украшенной слѣдами кошекъ и собакъ. На стукъ его въ дверь не было никакого отвѣта: человѣка не было дома. Онъ прислонился къ окну и расположился ожидать терпѣливо, пока не раздались, наконецъ, позади его шаги парня въ синей рубахѣ, его приспѣшника, натурщика, краскотерщика и выметателя половъ, пачкавшаго ихъ тутъ же своими сапогами. Парень назывался Никитою и проводилъ все время за воротами, когда барина не было дома. Никита долго силился попасть ключомъ въ замочную дырку, вовсе незамѣтную по причинѣ темноты. Наконецъ, дверь была отперта. Чартковъ вступилъ въ свою переднюю, нестерпимо холодную, какъ всегда бываетъ у художниковъ, чего, впрочемъ, они не замѣчаютъ. Не отдавая Никитѣ шинели, онъ вошелъ въ ней въ свою студію — квадратную комнату, большую, но низенькую, съ мерзнувшими окнами, уставленную всякимъ художескимъ хламомъ: кусками гипсовыхъ рукъ, рамками, обтянутыми холстомъ, эскизами, начатыми и брошенными, драпировкой, развѣшанной по стульямъ. Онъ усталъ сильно, скинулъ шинель, поставилъ разсѣянно принесенный портретъ между двухъ небольшихъ холстовъ и бросился на узкій диванчикъ, о которомъ нельзя было сказать, что онъ обтянутъ кожею, потому что рядъ мѣдныхъ гвоздиковъ, когда-то прикрѣплявшихъ ее, давно уже остался самъ по себѣ, а кожа осталась тоже сверху сама по себѣ, такъ что Никита засовывалъ подъ нее черные чулки, рубашки и все немытое бѣлье. Посидѣвъ и разлегшись, сколько можно было разлечься на этомъ узенькомъ диванѣ, онъ, наконецъ, спросилъ свѣчу.

— Свѣчи нѣтъ, — сказалъ Никита.

— Какъ — нѣтъ?

— Да вѣдь и вчера еще не было, — сказалъ Никита. Художникъ вспомнилъ, что дѣйствительно и вчера еще не было свѣчи, успокоился и замолчалъ. Онъ далъ себя раздѣть и надѣлъ свой, крѣпко и сильно заношенный, халатъ.

— Да вотъ еще, хозяинъ былъ, — сказалъ Никита.

— Ну, приходилъ за деньгами? Знаю, — сказалъ художникъ, махнувъ рукой.

— Да онъ не одинъ приходилъ, — сказалъ Никита.

— Съ кѣмъ же?

— Не знаю, съ кѣмъ... какой-то квартальный.

— А квартальный зачѣмъ?

— Не знаю, зачѣмъ; говоритъ, затѣмъ, что за квартиру не плачено.

— Ну, что-жъ изъ того выйдетъ?

— Я не знаю, что выйдетъ; онъ говорилъ: „Коли не хочетъ, такъ пусть, говоритъ, съѣзжаетъ съ квартиры“. Хотѣли завтра еще притти оба.

— Пусть ихъ приходятъ, — сказалъ съ грустнымъ равнодушіемъ Чартковъ. И ненастное расположеніе духа овладѣло имъ вполнѣ.

Молодой Чартковъ былъ художникъ съ талантомъ, пророчившимъ многое: вспышками и мгновеньями, его кисть отзывалась наблюдательностью, соображеніемъ, шибкимъ порывомъ приблизиться къ природѣ. „Смотри, братъ,—говорилъ ему не разъ его профессоръ:—у тебя есть талантъ; грѣшно будетъ, если ты его погубишь; но ты нетерпѣливъ; тебя одно что-нибудь заманитъ, одно что-нибудь тебѣ полюбится—ты имъ занятъ, а прочее у тебя дрянь, прочее тебѣ нипочемъ, ты ужъ и глядѣть на него не хочешь. Смотри, чтобъ изъ тебя не вышелъ модный живописецъ: у тебя и теперь уже что-то начинаютъ слишкомъ бойко кричать краски; рисунокъ у тебя не строгъ, а подчасъ и вовсе слабъ, линія не видна; ты ужъ гонишься за моднымъ освѣщеньемъ, за тѣмъ, что бьетъ на первые глаза—смотри, какъ разъ попадешь въ аглицкой родъ. Берегись: тебя ужъ начинаетъ свѣтъ тянуть; ужъ, я вижу, у тебя иной разъ на шеѣ щегольской платокъ, шляпа съ лоскомъ... Оно заманчиво, можно пуститься писать модныя картинки и портретики за деньги; да вѣдь на этомъ губится, а не развертывается талантъ. Терпи. Обдумывай всякую работу; брось щегольство—пусть ихъ другіе набираютъ деньги,—твое отъ тебя не уйдетъ“.

Профессоръ былъ отчасти правъ. Иногда нашему художнику, точно, хотѣлось кутнуть, щегольнуть,—словомъ, кое-гдѣ показать свою молодость; но при всемъ томъ онъ могъ взять надъ собою власть. Временами онъ могъ позабыть все, принявшись за кисть, и отрывался отъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго прерваннаго сна. Вкусъ его развивался замѣтно. Еще не понималъ онъ всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвида, останавливался передъ портретами Тиціана, восхищался фламандцами. Еще потемнѣвшій обликъ, облекающій старыя картины, не весь сошелъ предъ нимъ; но онъ ужъ прозрѣвалъ въ нихъ кое-что, хотя внутренно не соглашался съ профессоромъ, чтобы

Старикъ пошевелился и вдругъ уперся въ раму обѣими руками...

старинные мастера такъ недосягаемо ушли отъ насъ: ему казалось даже, что девятнадцатый вѣкъ кое въ чемъ значительно ихъ опередилъ, что подражаніе природѣ какъ-то сдѣлалось теперь ярче, живѣе, ближе; словомъ, онъ думалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ думаетъ молодость, уже постигшая кое-что и чувствующая это въ гордомъ внутреннемъ сознаніи. Иногда становилось ему досадно, когда онъ видѣлъ, какъ заѣзжій живописецъ, французъ или нѣмецъ, иногда даже вовсе не живописецъ по призванью, одной только привычной замашкой, бойкостью кисти и яркостью красокъ производилъ всеобщій шумъ и накоплялъ себѣ вмигъ денежный капиталъ. Это приходило къ нему на умъ не тогда, когда, занятый весь своей работой, онъ забывалъ и питье, и пищу, и весь свѣтъ, но тогда, когда, наконецъ, сильно приступала необходимость, когда не на что было купить кистей и красокъ, когда неотвязчивый хозяинъ приходилъ разъ по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась въ голодномъ его воображеніи участь богача-живописца, тогда пробѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ русской головѣ — бросить все и закутить съ горя, на зло всему. И теперь онъ почти былъ въ такомъ положеніи.

— Да, терпи, терпи! — произнесъ онъ съ досадою.—есть же, наконецъ, и терпѣнью конецъ. Терпи! а на какія деньги я буду завтра обѣдать? Взаймы вѣдь никто не дастъ. А понеси я продавать всѣ мои картины и рисунки: за нихъ мнѣ за всѣ двугривенный дадутъ. Они полезны, конечно; я это чувствую: каждая изъ нихъ была предпринята не даромъ, въ каждой изъ нихъ я что-нибудь узналъ. Да вѣдь что пользы? этюды, попытки — и все будутъ этюды, попытки—и конца не будетъ имъ. Да и кто купитъ, не зная меня по имени? Да и кому нужны рисунки съ антиковъ и натурнаго класса, или моя неконченная любовь Психеи, или перспектива моей комнаты, или портретъ моего Никиты, хотя онъ, право, лучше портретовъ какого-нибудь модного живописца? Что въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ я мучусь и, какъ ученикъ, копаюсь надъ азбукой, тогда какъ могъ бы блеснуть ничѣмъ не хуже другихъ и быть такъ же, какъ они, съ деньгами?

Произнесши это, художникъ вдругъ задрожалъ и поблѣднѣлъ: на него глядѣло, высунувшись изъ-за поставленнаго холста, чье-то судорожно искаженное лицо; два страшныхъ глаза прямо вперились въ него, какъ бы готовясь сожрать его; на устахъ написано было грозное повелѣнье молчать. Испуганный, онъ хотѣлъ вскрикнуть и позвать Никиту, который уже успѣлъ запустить въ своей передней богатырское храпѣнье; но вдругъ остановился и засмѣялся; чувство страха отлегло вмигъ: это былъ имъ купленный портретъ, о которомъ онъ позабылъ вовсе. Сіянье мѣсяца, озарившее комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость. Онъ принялся его разсматривать и оттирать. Обмакнулъ въ воду губку, прошелъ ею по немъ нѣсколько разъ, смылъ съ него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, повѣсилъ передъ собой на стѣну и подивился еще болѣе необыкновенной работѣ: все лицо почти ожило, и глаза взглянули на него такъ, что онъ, наконецъ, вздрогнулъ и, попятившись назадъ, произнесъ изумленнымъ голосомъ: „Глядитъ, глядитъ человѣческими глазами!“ Ему пришла вдругъ на умъ исторія, слышанная имъ давно отъ своего профессора объ одномъ портретѣ знаменитаго Леонарда да-Винчи, надъ которымъ великій мастеръ трудился нѣсколько лѣтъ и все еще почиталъ его неоконченнымъ, и который, по словамъ Вазари, былъ однакоже почтенъ отъ всѣхъ за совершеннѣйшее и окончаннѣйшее произведеніе искусства. Окончаннѣе всего были въ немъ глаза, которымъ изумлялись современники: даже малѣйшія, чуть видныя въ нихъ, жилки были не упущены и преданы полотну. Но здѣсь, однакоже, въ этомъ, нынѣ бывшемъ передъ нимъ, портретѣ было что-то странное. Это было уже не искусство: это разрушало даже гармонію самаго портрета; это были живые, это были человѣческіе глаза! Казалось, какъ будто они были вырѣзаны изъ живого человѣка и вставлены сюда. Здѣсь не было уже того высокаго наслажденья, которое объемлетъ душу при взглядѣ на произведеніе художника, какъ ни ужасенъ взятый имъ предметъ: здѣсь было какое-то болѣзненное, томительное чувство.—Что это?—невольно вопрошалъ себя художникъ,—вѣдь это, однакоже, натура, это живая натура; отчего же это странно-непріятное чувство? Или рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ, нестройнымъ крикомъ? Или, если возьмешь предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренный свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается тогда, когда желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься анатомическимъ ножомъ, разсѣкаешь его внутренность — и видишь отвратительнаго человѣка? Почему же простая, низкая природа является у одного художника въ какомъ-то свѣту—и не чувствуешь никакого низкаго впечатлѣнія; напротивъ, кажется, какъ будто насладился, и послѣ того спокойнѣе и ровнѣе все течетъ и движется вокругъ тебя? И почему же та же самая природа у другого художника

кажется низкою, грязною, а, между прочимъ, онъ такъ же былъ вѣренъ природѣ? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ въ ней чего-то озаряющаго. Все равно, какъ видъ въ природѣ: какъ онъ ни великолѣпенъ, а все недостаетъ чего-то, если нѣтъ на небѣ солнца.

Онъ опять подошелъ къ портрету, съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть эти чудные глаза, и съ ужасомъ замѣтилъ, что они точно глядятъ на него. Это уже не была копія съ натуры: это была та странная живость, которою бы озарилось лицо мертвеца, вставшаго изъ могилы. Свѣтъ ли мѣсяца, несущій съ собою бредъ мечты и облекающій все въ иные образы, противоположные положительному дню, или что другое было причиною тому,— только ему сдѣлалось вдругъ, неизвѣстно отчего, страшно сидѣть одному въ комнатѣ. Онъ тихо отошелъ отъ портрета, отворотился въ другую сторону и старался не глядѣть на него, а между тѣмъ глазъ невольно, самъ собою, косясь, окидывалъ его. Наконецъ, ему сдѣлалось даже страшно ходить по комнатѣ: ему казалось, какъ будто сей же часъ кто-то другой станетъ ходить позади его,—и всякій разъ робко оглядывался онъ назадъ. Онъ не былъ никогда трусливъ; но воображенье и нервы его были чутки, и въ этотъ вечеръ онъ самъ не могъ истолковать себѣ своей невольной боязни. Онъ сѣлъ въ уголокъ, но и здѣсь казалось ему, что кто-то вотъ-вотъ взглянетъ черезъ плечо къ нему въ лицо. Самое храпѣнье Никиты, раздававшееся изъ передней, не прогоняло его боязни. Онъ, наконецъ, робко, не подымая глазъ, поднялся съ своего мѣста, отправился къ себѣ за ширмы и легъ въ постель. Сквозь щелки въ ширмахъ онъ видѣлъ освѣщенную мѣсяцемъ свою комнату и видѣлъ прямо висѣвшій на стѣнѣ портретъ. Глаза еще страшнѣе, еще значительнѣе вперились въ него и, казалось, не хотѣли ни на что другое глядѣть, какъ только на него. Полный тягостнаго чувства, онъ рѣшился встать съ постели, схватилъ простыню и, приблизясь къ портрету, закуталъ его всего.

Сдѣлавши это, онъ легъ въ постель покойнѣе, сталъ думать о бѣдности и жалкой судьбѣ художника, о тернистомъ пути, предстоящемъ ему на этомъ свѣтѣ; а между тѣмъ глаза его невольно глядѣли сквозь щелку ширмъ на закутанный простынею портретъ. Сіянье мѣсяца усиливало бѣлизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвѣчивать сквозь холстину. Со страхомъ вперилъ онъ пристальнѣе глаза, какъ бы желая увѣриться, что это вздоръ. Но, наконецъ, уже въ самомъ дѣлѣ... онъ видитъ, видитъ ясно: простыни уже нѣтъ... портретъ открытъ весь и глядитъ, мимо всего, что ни есть вокругъ, прямо въ него,—глядитъ, просто, къ нему во-внутрь... У него захолонуло сердце. И видитъ: старикъ пошевелился и вдругъ уперся въ рамку обѣими руками, наконецъ приподнялся на рукахъ и, высунувъ обѣ ноги, выпрыгнулъ изъ рамъ... Сквозь щелку ширмъ видны были уже однѣ только пустыя рамы. По комнатѣ раздался стукъ шаговъ, который, наконецъ, становился ближе и ближе къ ширмамъ. Сердце стало сильно колотиться у бѣднаго художника. Съ занявшимся отъ страха дыханьемъ, онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ глянетъ къ нему за ширмы старикъ. И вотъ онъ глянулъ, точно, за ширмы, съ тѣмъ же бронзовымъ лицомъ и поводя большими глазами. Чартковъ силился вскрикнуть—и почувствовалъ, что у него нѣтъ голоса, силился пошевельнуться, сдѣлать какое-нибудь движенье— не движутся члены. Съ раскрытымъ ртомъ и замершимъ дыханьемъ, смотрѣлъ онъ на этотъ странный фантомъ высокаго роста, въ какой-то широкой азіатской рясѣ, и ждалъ, что станетъ онъ дѣлать. Старикъ сѣлъ почти у самыхъ ногъ его и вслѣдъ затѣмъ что-то вытащилъ изъ-подъ складокъ своего широкаго платья. Это былъ мѣшокъ. Старикъ развязалъ его и, схвативши за два конца, встряхнулъ: съ глухимъ звукомъ упали на полъ тяжелые свертки, въ видѣ длинныхъ столбиковъ; каждый былъ завернутъ въ синюю бумагу и на каждомъ было выставлено: *„1000 червонныхъ“*. Высунувъ свои длинныя, костистыя руки изъ широкихъ рукавовъ, старикъ началъ разворачивать свертки. Золото блеснуло. Какъ ни велико было тягостное чувство и обезпамятѣвшій страхъ художника, но онъ вперился весь въ золото, глядя неподвижно, какъ оно разворачивалось въ костистыхъ рукахъ, блестѣло, звенѣло тонко и глухо, и заворачивалось вновь. Тутъ замѣтилъ онъ одинъ свертокъ, откатившійся подалѣе отъ другихъ къ самой ножкѣ его кровати, въ головахъ у него. Почти судорожно схватилъ онъ его и, полный страха, смотрѣлъ, не замѣтитъ ли старикъ. Но старикъ былъ, казалось, очень занятъ; онъ собралъ всѣ свертки свои, уложилъ ихъ снова въ мѣшокъ и, не взглянувши на него, ушелъ за ширмы. Сердце билось сильно у Чарткова, когда онъ услышалъ, какъ раздавался по комнатѣ шелестъ удалявшихся шаговъ. Онъ сжималъ покрѣпче свертокъ въ своей рукѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ за него,—и вдругъ услышалъ, что шаги вновь приближаются къ ширмамъ — видно, старикъ вспомнилъ, что недоставало одного свертка. И вотъ—онъ глянулъ къ нему вновь за ширмы. Полный отчаянія, художникъ стиснулъ всею силою въ рукѣ своей свертокъ, употребилъ все усиліе сдѣлать движенье, вскрикнулъ—и проснулся.

Холодный потъ облилъ его всего; сердце его билось такъ сильно, какъ только можно было

биться; грудь была стѣснена, какъ будто хотѣло улетѣть изъ нея послѣднее дыханье.—Неужели это былъ сонъ?—сказалъ онъ, взявши себя обѣими руками за голову. Но страшная живость явленья не была похожа на сонъ. Онъ видѣлъ, уже пробудившись, какъ старикъ ушелъ въ рамки, мелькнула даже пола его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала за минуту предъ симъ какую-то тяжесть. Свѣтъ мѣсяца озарялъ комнату, заставляя выступать изъ темныхъ угловъ ея—гдѣ холстъ, гдѣ гипсовую руку, гдѣ оставленную на стулѣ драпировку, гдѣ панталоны и нечищенные сапоги. Тутъ только замѣтилъ онъ, что не лежитъ въ постели, а стоитъ на ногахъ прямо передъ портретомъ. Какъ онъ добрался сюда—ужъ этого никакъ не могъ онъ понять. Еще болѣе изумило его, что портретъ былъ открытъ весь, и простыни на немъ, дѣйствительно, не было. Съ неподвижнымъ страхомъ глядѣлъ онъ на него и видѣлъ, какъ прямо вперились въ него живые человѣческіе глаза. Холодный потъ выступилъ на лицѣ его; онъ хотѣлъ отойти, но чувствовалъ, что ноги его какъ будто приросли къ землѣ. И видитъ онъ,—это уже не сонъ,—черты старика двинулись, и губы его стали вытягиваться къ нему, какъ будто бы хотѣли его высосать... Съ воплемъ отчаянья отскочилъ онъ — и проснулся.

— Неужели и это былъ сонъ?—Съ бьющимся на разрывъ сердцемъ ощупалъ онъ руками вокругъ себя. Да, онъ лежитъ на постели, въ такомъ точно положеніи, какъ заснулъ. Предъ нимъ ширмы; свѣтъ мѣсяца наполнялъ комнату. Сквозь щель въ ширмахъ виденъ былъ портретъ, закрытый, какъ слѣдуетъ, простынею, такъ, какъ онъ самъ закрылъ его. Итакъ, это былъ тоже сонъ! Но сжатая рука еще чувствуетъ, какъ будто бы въ ней что-то было. Біеніе сердца было сильно, почти страшно; тягость въ груди невыносимая. Онъ вперилъ глаза въ щель и пристально глядѣлъ на простыню. И вотъ видитъ ясно, что простыня начинаетъ раскрываться, какъ будто бы подъ нею барахтались руки и силились ее сбросить.—Господи, Боже мой, что это!—вскрикнулъ онъ, крестясь отчаянно,—и проснулся.

И это былъ также сонъ! Онъ вскочилъ съ постели, полоумный, обезпамятѣвшій, и уже не могъ изъяснить, что это съ нимъ дѣлается: давленье ли кошмара, или домового, бредъ ли горячки, или живое видѣнье. Стараясь утишить сколько-нибудь душевное волненье и расколыхавшуюся кровь, которая билась напряженнымъ пульсомъ по всѣмъ его жиламъ, онъ подошелъ къ окну и открылъ форточку. Холодный пахнувшій вѣтеръ оживилъ его. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя небольшія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжанье дрожекъ извозчика, который гдѣ-нибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣнивою клячею, поджидая запоздалаго сѣдока. Долго глядѣлъ онъ, высунувши голову въ форточку. Уже на небѣ рождались признаки приближающейся зари; наконецъ, почувствовалъ онъ дремоту, захлопнулъ форточку, отошелъ прочь, легъ въ постель и скоро заснулъ, какъ убитый, самымъ крѣпкимъ сномъ.

Проснулся онъ очень поздно и почувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло: непріятная мокрота сѣялась въ воздухѣ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныхъ картинами или нагрунтованнымъ холстомъ. Пасмурный, недовольный, какъ мокрый пѣтухъ, усѣлся онъ на своемъ оборванномъ диванѣ, не зная самъ, за что приняться, что дѣлать, и вспомнилъ, наконецъ, весь свой сонъ. По мѣрѣ припоминанья, сонъ этотъ представлялся въ его воображеніи такъ тягостно-живъ, что онъ даже сталъ подозрѣвать, точно ли это былъ сонъ и простой бредъ, не было ли здѣсь чего-то другого, не было ли это видѣнье. Сдернувши простыню, онъ разсмотрѣлъ при дневномъ свѣтѣ этотъ странный портретъ. Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ничего онъ не находилъ въ нихъ особенно страшнаго; только какъ будто какое-то неизъяснимое, непріятное чувство оставалось на душѣ. При всемъ томъ онъ все-таки не могъ совершенно увѣриться, чтобы это былъ сонъ. Ему казалось, что среди сна былъ какой-то странный отрывокъ изъ дѣйствительности. Казалось, даже въ самомъ взглядѣ и выраженіи старика какъ будто что-то говорило, что онъ былъ у него въ эту ночь; рука его чувствовала только-что лежавшую въ ней тяжесть, какъ будто бы кто-то, за одну только минуту предъ симъ, ее выхватилъ у него. Ему казалось, что если бы онъ держалъ только покрѣпче свертокъ, онъ, вѣрно, остался бы у него въ рукѣ и послѣ пробужденія.

— Боже мой! если бы хотя часть этихъ денегъ!—сказалъ онъ, тяжело вздохнувши. И въ воображеніи его стали высыпаться изъ мѣшка всѣ видѣнные имъ свертки съ заманчивой надписью: «*1000 червонныхъ*». Свертки разворачивались, золото блестѣло, заворачивалось вновь—и онъ сидѣлъ, уставивши неподвижно и безсмысленно свои глаза въ пустой воздухъ, не будучи въ состояніи оторваться отъ такого предмета,—какъ ребенокъ, сидящій предъ сладкимъ блюдомъ и видящій, глотая слюнки, какъ ѣдятъ другіе.

Наконецъ, у дверей раздался стукъ, заставившій его непріятно очнуться. Вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ, какъ извѣстно, еще непріятнѣе, чѣмъ для богатыхъ лицо просителя. Хозяинъ небольшого дома, въ которомъ жилъ Чартковъ, былъ одно изъ тѣхъ твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ гдѣ-нибудь въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ, или въ отдаленномъ углу Коломны, — творенье, какихъ много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ и капитанъ, и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопенъ, и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставкѣ, уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался, любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякій вздоръ; ходилъ по комнатѣ, поправлялъ сальный огарокъ; акуратно, по истеченіи каждаго мѣсяца, навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу, съ ключомъ въ рукѣ, для того, чтобы посмотрѣть на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его конуры, куда тотъ запрятывался спать: однимъ словомъ, былъ человѣкъ въ отставкѣ, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладныхъ, остаются однѣ пошлыя привычки.

— Извольте сами глядѣть, Варухъ Кузьмичъ,— сказалъ хозяинъ, обращаясь къ квартальному и разставивъ руки, — вотъ не платитъ за квартиру, не платитъ.

— Что-жъ, если нѣтъ денегъ! Подождите, я заплачу.

— Мнѣ, батюшка, ждать нельзя, — сказалъ хозяинъ въ-сердцахъ, дѣлая жестъ ключомъ, который держалъ въ рукѣ,—у меня вотъ Потогонкинъ, полковникъ, живетъ, семь лѣтъ ужъ живетъ; Анна Петровна Бухмистерова и сарай, и конюшню нанимаетъ на два стойла, три при ней дворовыхъ человѣка—вотъ какіе у меня жильцы! У меня, сказать вамъ откровенно, нѣтъ такого заведенья, чтобы не платить за квартиру. Извольте сей же часъ заплатить деньги, да и съѣзжать вонъ.

— Да, ужъ если порядились, такъ извольте платить,—сказалъ квартальный надзиратель съ небольшимъ потряхиваньемъ головы и заложивъ палецъ за пуговицу своего мундира.

— Да чѣмъ платить? вопросъ. У меня нѣтъ теперь ни гроша.

— Въ такомъ случаѣ, удовлетворите Ивана Ивановича издѣльями своей профессіи, — сказалъ квартальный, — онъ, можетъ быть, согласится взять картинами.

— Нѣтъ, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины съ благороднымъ содержаніемъ, чтобы можно было на стѣну повѣсить: хоть какой-нибудь генералъ со звѣз ой, или князя Кутузова портретъ; а то вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ, слуги-то, что третъ краски. Еще съ него, свиньи, портретъ рисовать! Ему я шею наколочу: онъ у меня всѣ гвозди изъ задвижекъ повыдергалъ, мошенникъ. Вотъ посмотрите, какіе предметы: вотъ комнату рисуетъ. Добро бы ужъ взялъ комнату прибранную, опрятную: а онъ вонъ какъ нарисовалъ ее, со всѣмъ соромъ и грязгомъ, какой ни валялся. Вотъ, посмотрите, какъ запакостилъ у меня компату; извольте сами видѣть. Да у меня по семи лѣтъ живутъ жильцы, полковники, Бухмистерова Анна Петровна... Нѣтъ, я вамъ скажу: нѣтъ хуже жильца, какъ живописецъ: свинья-свиньей живетъ, просто—не приведи Богъ.

И все это долженъ былъ выслушать терпѣливо бѣдный живописецъ. Квартальный надзиратель между тѣмъ занялся разсматриваньемъ картинъ и этюдовъ, и тутъ же показалъ, что у него душа живѣе хозяйской и даже была не чужда художественнымъ впечатлѣніямъ.

— Хе, — сказалъ онъ, тыкнувъ пальцемъ на одинъ холстъ, гдѣ была изображена нагая женщина,—предметъ, того... игривый... А у этого зачѣмъ такъ подъ носомъ черно? табакомъ, что ли, онъ себѣ засыпалъ?

— Тѣнь,—отвѣчалъ на это сурово и не обращая на него глазъ Чартковъ.

— Ну, ее бы можно куда-нибудь въ другое мѣсто отнести, а подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто,—сказалъ квартальный.—А это чей портретъ? — продолжалъ онъ, подходя къ портрету старика.—Ужъ страшенъ слишкомъ. Будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такой страшный? Ахти, да онъ, просто, глядитъ! Эхъ, какой Громобой! Съ кого вы писали?

— А, это съ одного...—сказалъ Чартковъ, и не кончилъ слова: послышался трескъ. Квартальный пожалъ, видно, слишкомъ крѣпко рамку портрета, благодаря топорному устройству полицейскихъ рукъ своихъ; боковыя дощечки вломились внутрь; одна упала на полъ, и вмѣстѣ съ нею упалъ, тяжело звякнувъ, свертокъ въ синей бумагѣ. Чарткову бросилась въ глаза надпись: «*1000 червонныхъ*». Какъ безумный, бросился онъ поднять его, схватилъ свертокъ, сжалъ его судорожно въ рукѣ, опустившейся внизъ отъ тяжести.

— Никакъ деньги зазвенѣли?—сказалъ квартальный, услышавшій стукъ чего-то упавшаго на

полъ и не могшій увидать его за быстротой движенья, съ какою бросился Чартковъ прибрать его.

— А вамъ какое дѣло знать, что у меня есть?

— А такое дѣло, что вы сейчасъ должны заплатить хозяину за квартиру, что у васъ есть деньги, да вы не хотите платить — вотъ что.

— Ну, я заплачу ему сегодня.

— Ну, а зачѣмъ же вы не хотѣли заплатить прежде, да доставляете безпокойство хозяину, да и полицію тоже тревожите?

— Потому что этихъ денегъ мнѣ не хотѣлось трогать. Я ему сегодня же ввечеру все заплачу и съѣду съ квартиры завтра же, потому что не хочу оставаться у такого хозяина.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, онъ вамъ заплатитъ, — сказалъ квартальный, обращаясь къ хозяину.—А если насчетъ того, что вы не будете удовлетворены, какъ слѣдуетъ, сегодня ввечеру, тогда ужъ извините, господинъ живописецъ.—Сказавши это, онъ надѣлъ свою треугольную шляпу и вышелъ въ сѣни, а за нимъ хозяинъ, держа внизъ голову и, какъ казалось, въ какомъ-то раздумьи.

— Славу Богу, чортъ ихъ унесъ! — сказалъ Чартковъ, когда услышалъ затворившуюся въ передней дверь. Онъ выглянулъ въ переднюю, услалъ за чѣмъ-то Никиту, чтобы быть совершенно одному, заперъ за нимъ дверь и, возвратившись къ себѣ въ комнату, принялся, съ сильнымъ сердечнымъ трепетомъ, разворачивать свертокъ. Въ немъ были червонцы, всѣ до одного новые, жаркіе, какъ огонь. Почти обезумѣвъ, сидѣлъ онъ за золотою кучею, все еще спрашивая себя:—Не во снѣ ли все это? — Въ сверткѣ было ровно ихъ тысяча; наружность его была совершенно такая, въ какой они видѣлись ему во снѣ. Нѣсколько минутъ онъ перебиралъ ихъ, пересматривалъ, и все еще не могъ притти въ себя. Въ воображеніи его воскресли вдругъ всѣ исторіи о кладахъ, шкатулкахъ съ потаенными ящиками, оставляемыхъ предками для своихъ разорившихся внуковъ, въ твердой увѣренности на будущее ихъ промотавшееся положеніе. Онъ мыслилъ такъ: — Не придумалъ ли и теперь какой-нибудь дѣдушка оставить своему внуку подарокъ, заключивъ его въ рамку фамильнаго портрета? — Полный романическаго бреда, онъ сталъ даже думать: нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь тайной связи съ его судьбою? не связано ли существованье портрета съ его собственнымъ существованьемъ, и самое пріобрѣтеніе его не есть ли уже какое-то предопредѣленіе? Онъ принялся съ любопытствомъ разсматривать рамку портрета. Въ одномъ боку ея былъ выдолбленный желобокъ, задвинутый дощечкой такъ ловко и непримѣтно, что если бы капитальная рука квартальнаго надзирателя не произвела пролома, червонцы остались бы до скончанья вѣка въ покоѣ. Разсматривая портретъ, онъ подивился вновь высокой работѣ, необыкновенной отдѣлкѣ глазъ: они уже не казались ему страшными, но все еще въ душѣ оставалось всякій разъ какое-то невольно-непріятное чувство.— Нѣтъ,—сказалъ онъ самъ въ себѣ: — чей бы ты ни былъ дѣдушка, а я тебя поставлю за стекло и сдѣлаю тебѣ за это золотыя рамки.—Здѣсь онъ набросилъ руку на золотую кучу, лежавшую предъ нимъ, и сердце забилось сильно отъ такого прикосновенія.—Что съ ними дѣлать?—думалъ онъ, уставивъ на нихъ глаза.—Теперь я обезпеченъ по крайней мѣрѣ на три года: могу запереться въ комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обѣдъ, на чай, на содержанье, на квартиру— есть; мѣшать и надоѣдать мнѣ теперь никто не станетъ. Куплю себѣ отличный манекенъ, закажу гипсовый торсикъ, сформую ножки, поставлю Венеру, накуплю гравюръ съ первыхъ картинъ. И если поработаю три года для себя, не торопясь, не на продажу, я зашибу ихъ всѣхъ, и могу быть славнымъ художникомъ.

Такъ говорилъ онъ заодно съ подсказывавшимъ ему разсудкомъ; но изнутри раздавался другой голосъ, слышнѣе и звонче. И какъ взглянулъ онъ еще разъ на золото — не то заговорили въ немъ 22 года и горячая юность. Теперь въ его власти было все то, на что онъ глядѣлъ доселѣ завистливыми глазами, чѣмъ любовался издали, глотая слюнки. Ухъ, какъ въ немъ забилось ретивое, когда онъ только подумалъ о томъ! Одѣться въ модный фракъ, разговѣться послѣ долгаго поста, нанять себѣ славную квартиру, отправиться тотъ же часъ въ театръ, въ кондитерскую, въ... и прочее—и онъ, схвативши деньги, былъ уже на улицѣ.

Прежде всего зашелъ къ портному, одѣлся съ ногъ до головы и, какъ ребенокъ, сталъ осматривать себя безпрестанно; накупилъ духовъ, помады, напялъ, не торгуясь, первую попавшуюся великолѣпнѣйшую квартиру на Невскомъ проспектѣ, съ зеркалами и цѣльными стеклами; купилъ нечаянно въ магазинѣ дорогой лорнетъ, нечаянно накупилъ тоже бездну всякихъ галстуковъ, болѣе чѣмъ было нужно, завилъ у парикмахера себѣ локоны, прокатился два раза по городу въ каретѣ безъ всякой причины, объѣлся безъ мѣры конфектъ въ кондитерской и зашелъ къ ресторану французу, о которомъ доселѣ слышалъ такіе же неясные слухи, какъ о китайскомъ государствѣ. Тамъ онъ обѣдалъ, подбоченившись, бросая довольно гордые взгляды на другихъ и поправляя безпрестанно противъ зеркала завитые локоны. Тамъ онъ выпилъ бутылку шампанскаго, которое тоже доселѣ было

ему знакомо болѣе по слуху. Вино нѣсколько зашумѣло въ головѣ, и онъ вышелъ на улицу живой, бойкій, по русскому выраженію—„чорту не братъ“. Прошелся по тротуару гоголемъ, наводя на всѣхъ лорнетъ. На мосту замѣтилъ онъ своего прежняго профессора и шмыгнулъ лихо мимо его, какъ будто бы не замѣтивъ его вовсе, такъ что остолбенѣвшій профессоръ долго еще стоялъ неподвижно на мосту, изобразивъ вопросительный знакъ на лицѣ своемъ.

Всѣ вещи и все, что ни было: станокъ, холсты, картины, были въ тотъ же вечеръ перевезены на великолѣпную квартиру. Онъ разставилъ, что было получше, на видныя мѣста, что похуже—забросилъ въ уголъ, и расхаживалъ по великолѣпнымъ комнатамъ, безпрестанно поглядывая въ зеркала. Въ душѣ его возродилось желанье непреоборимое схватить славу сей же часъ за хвостъ и показать себя свѣту. Уже чудились ему крики:—Чартковъ, Чартковъ! Видали ли вы картину Чарткова? Какая быстрая кисть у Чарткова! Какой сильный талантъ у Чарткова! — Онъ ходилъ въ восторженномъ состояніи у себя по комнатѣ и уносился нивѣсть куда. На другой же день, взявши десятокъ червонцевъ, отправился онъ къ одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; былъ принятъ радушно журналистомъ, назвавшимъ его тотъ же часъ „почтеннѣйшій“, пожавшимъ ему обѣ руки, разспросившимъ подробно объ имени, отчествѣ, мѣстѣ жительства, и на другой же день появилась въ газетѣ, вслѣдъ за объявленіемъ о новоизобрѣтенныхъ сальныхъ свѣчахъ, статья съ такимъ заглавіемъ: *О необыкновенныхъ талантахъ Чарткова.* „Спѣшимъ обрадовать образованныхъ жителей столицы прекраснымъ, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ пріобрѣтеніемъ. Всѣ согласны въ томъ, что у насъ есть много прекраснѣйшихъ физіогномій и прекраснѣйшихъ лицъ; но не было до сихъ поръ средства передать ихъ на чудотворный холстъ, для передачи потомству. Теперь недостатокъ этотъ пополненъ: отыскался художникъ, соединяющій въ себѣ все, что нужно. Теперь красавица можетъ быть увѣрена, что она будетъ передана со всей граціей своей красоты, воздушной, легкой, очаровательной, пріятной, чудесной, подобной мотылькамъ, порхающимъ по весеннимъ цвѣткамъ. Почтенный отецъ семейства увидитъ себя окруженнымъ всей своей семьей. Купецъ, воинъ, гражданинъ, государственный мужъ—всякій съ новой ревностью будетъ продолжать свое поприще. Спѣшите, спѣшите, заходите съ гулянья, съ прогулки, предпринятой къ пріятелю, къ кузинѣ, въ блестящій магазинъ, спѣшите, откуда бы ни было. Великолѣпная мастерская художника (Невскій проспектъ, такой-то номеръ) уставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиковъ и Тиціановъ. Не знаешь, чему удивляться: вѣрности ли и сходству съ оригиналами, или необыкновенной яркости и свѣжести кисти. Хвала вамъ, художникъ! вы вынули счастливый билетъ изъ лотереи. Виватъ, Андрей Петровичъ! (журналистъ, какъ видно, любилъ фамильярность). Прославляйте себя и насъ. Мы умѣемъ цѣнить васъ. Всеобщее стеченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деньги,—хотя нѣкоторые изъ нашей же братьи, журналистовъ, и возстаютъ противъ нихъ, — будутъ вамъ наградою“.

Съ тайнымъ удовольствіемъ прочиталъ художникъ это объявленіе; лицо его просіяло. О немъ заговорили печатно—это было для него новостью: нѣсколько разъ перечитывалъ онъ строки. Сравненіе съ Вандикомъ и Тиціаномъ ему сильно польстило. Фраза: „Виватъ, Андрей Петровичъ!“ также очень понравилась: печатнымъ образомъ называютъ его по имени и по отчеству — честь, донынѣ ему совершенно не извѣстная. Онъ началъ ходить скоро по комнатѣ, ерошить себѣ волосы, то садился въ кресла, то вскакивалъ съ нихъ и садился на диванъ, представляя поминутно, какъ онъ будетъ принимать посѣтителей и посѣтительницъ, подходилъ къ холсту и производилъ надъ нимъ лихую замашку кисти, пробуя сообщить граціозныя движенія рукѣ.

На другой день раздался колокольчикъ у дверей его; онъ побѣжалъ отворять. Вошла дама, сопровождаемая лакеемъ въ ливрейной шинели на мѣху, и вмѣстѣ съ дамой вошла молоденькая восемнадцатилѣтняя дѣвица, дочь ея.

— Вы мсье Чартковъ?—сказала дама.

Художникъ поклонился.

— Объ васъ столько пишутъ; ваши портреты, говорятъ, верхъ совершенства. — Сказавши это, дама наставила на глазъ свой лорнетъ и побѣжала быстро осматривать стѣны, на которыхъ ничего не было.—А гдѣ же ваши портреты?

— Вынесли, — сказалъ художникъ, нѣсколько смѣшавшись: — я только-что переѣхалъ на эту квартиру, такъ они еще въ дорогѣ... не доѣхали.

— Вы были въ Италіи? — сказала дама, наводя на него лорнетъ, не найдя ничего другого, на что бы можно было навесть его.

— Нѣтъ, я не былъ, но хотѣлъ быть... Впрочемъ, теперь покамѣстъ я отложилъ... Вотъ кресла-съ; вы устали?..

— Благодарю, я сидѣла долго въ каретѣ. А, вонъ, наконецъ, вижу вашу работу! — сказала дама, побѣжавъ къ супротивной стѣнѣ и наводя лорнетъ на стоявшіе на полу его этюды, программы, перспективы и портреты. — C'est charmant, Lise! Lise, venez ici. Комната во вкусѣ

Теньера. Видишь? безпорядокъ, безпорядокъ, столъ, на немъ бюстъ, рука, палитра; вонъ пыль... видишь, какъ пыль нарисована! C'est charmant! А вонъ на другомъ холстѣ женщина, моющая лицо—quelle jolie figure! Ахъ, мужичокъ! Lise, Lise! мужичокъ въ русской рубашкѣ! смотри: мужичокъ! Такъ вы занимаетесь не одними только портретами?

— О, это вздоръ... такъ, шалилъ... этюды...

— Скажите, какого вы мнѣнія насчетъ нынѣшнихъ портретистовъ? Не правда ли, теперь нѣтъ такихъ, какъ былъ Тиціанъ? Нѣтъ той силы въ колоритѣ, нѣтъ той... какъ жаль, что я не могу вамъ выразить по-русски (дама была любительница живописи и обѣгала съ лорнетомъ всѣ галлереи въ Италіи). Однако, мсье Ноль... ахъ, какъ онъ пишетъ! какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженія въ лицахъ, нежели у Тиціана. Вы не знаете мсье Ноля?

— Кто этотъ Ноль?—спросилъ художникъ.

— Мсье Ноль. Ахъ, какой талантъ! онъ написалъ съ нея портретъ, когда ей было только двѣнадцать лѣтъ. Нужно, чтобы вы непремѣнно у насъ были. Lise, ты ему покажи свой альбомъ. Вы знаете, что мы пріѣхали съ тѣмъ, чтобы сей же часъ начали съ нея портретъ.

— Какъ же, я готовъ сію минуту. — И въ одно мгновенье придвинулъ онъ станокъ съ готовымъ холстомъ, взялъ въ руки палитру, вперилъ глаза въ блѣдное личико дочери. Если бы онъ былъ знатокъ человѣческой природы, онъ прочелъ бы на немъ въ одну минуту начало ребяческой страсти къ баламъ, начало тоски и жалобъ на длинноту времени до обѣда и послѣ обѣда, желанья побѣгать въ новомъ платьѣ на гуляньяхъ, тяжелые слѣды безучастнаго прилежанія къ разнымъ искусствамъ, внушаемаго матерью для возвышенія души и чувствъ. Но художникъ видѣлъ въ этомъ нѣжномъ личикѣ одну только заманчивую для кисти, почти фарфорную прозрачность тѣла, увлекательную легкую томность, тонкую свѣтлую шейку и аристократическую легкость стана. И уже заранѣе готовился торжествовать, показать легкость и блескъ своей кисти, имѣвшей доселѣ дѣло только съ жесткими чертами грубыхъ моделей, съ строгими антиками и копіями кое-какихъ классическихъ мастеровъ. Онъ уже представлялъ себѣ въ мысляхъ, какъ выйдетъ это легонькое личико.

— Знаете ли? — сказала дама съ нѣсколько даже трогательнымъ выраженіемъ лица, — я бы хотѣла... на ней теперь платье; я бы, признаюсь, не хотѣла, чтобы она была въ платьѣ, къ которому мы такъ привыкли: я бы хотѣла, чтобы она была одѣта просто и сидѣла бы въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... чтобы незамѣтно было, что она ѣдетъ куда-нибудь на балъ или модный вечеръ. Наши балы, признаюсь, такъ убиваютъ душу, такъ умерщвляютъ остатки чувствъ. Простоты, понимаете, чтобы было больше.—(Увы! на лицахъ и матушки, и дочери написано было, что онѣ до того исплясались на балахъ, что объ сдѣлались чуть не восковыми).

Чартковъ принялся за дѣло, усадилъ оригиналъ, сообразилъ нѣсколько все это въ головѣ; провелъ по воздуху кистью, мысленно устанавливая пункты; прищурилъ нѣсколько глазъ, подался назадъ, взглянулъ издали, и въ одинъ часъ началъ и кончилъ подмалевку. Довольный ею, онъ принялся уже писать; работа его завлекла; уже онъ позабылъ все, позабылъ даже, что находится въ присутствіи аристократическихъ дамъ, началъ даже выказывать иногда кое-какія художническія ухватки, произнося вслухъ разные звуки, временами подпѣвая, какъ случается съ художникомъ, погруженнымъ всею душою въ свое дѣло. Безъ всякой церемоніи, однимъ движеньемъ кисти, заставлялъ онъ оригиналъ поднимать голову, который, наконецъ, началъ сильно вертѣться и выражать совершенную усталость.

— Довольно, на первый разъ довольно,—сказала дама.

— Еще немножко,—говорилъ позабывшійся художникъ.

— Нѣтъ, пора! Lise, три часа!—сказала она, вынимая маленькіе часы, висѣвшіе на золотой цѣпи у ея кушака, и вскрикнула: — Ахъ, какъ поздно!

— Минуточку только! — говорилъ Чартковъ простодушнымъ и просящимъ голосомъ ребенка.

Но дама, кажется, совсѣмъ не была расположена угождать на этотъ разъ его художественнымъ потребностямъ и обѣщала, вмѣсто того, просидѣть въ другой разъ долѣе.

— Это, однакожъ, досадно, — подумалъ про себя Чартковъ,—рука только-что расходилась. — И вспомнилъ онъ, что его никто не перебивалъ и не останавливалъ, когда онъ работалъ въ своей мастерской на Васильевскомъ островѣ; Никита, бывало, сидѣлъ не ворохнувшись на одномъ мѣстѣ — пиши съ него, сколько угодно; онъ даже засыпалъ въ заказанномъ ему положеніи. И, недовольный, положилъ онъ свою кисть и палитру на стулъ и остановился смутно предъ холстомъ.

Комплиментъ, сказанный свѣтской дамой, пробудилъ его изъ усыпленія. Онъ бросился быстро къ дверямъ провожать ихъ; на лѣстницѣ получилъ приглашеніе бывать, притти на слѣдующей недѣлѣ обѣдать, и съ веселымъ видомъ возвратился къ себѣ въ комнату. Аристократическая

дама совершенно очаровала его. До сихъ поръ онъ глядѣлъ на подобныя существа, какъ на что-то недоступное,—которыя рождены только для того, чтобы пронестись въ великолѣпной коляскѣ съ ливрейными лакеями и щегольскимъ кучеромъ и бросить равнодушный взглядъ на бредущаго пѣшкомъ въ небогатомъ плащишкѣ человѣка. И вдругъ теперь одно изъ этихъ существъ вошло къ нему въ комнату; онъ пишетъ портретъ, приглашенъ на обѣдъ въ аристократическій домъ. Довольство овладѣло имъ необыкновенное; онъ былъ упоенъ совершенно и наградилъ себя за это славнымъ обѣдомъ, вечернимъ спектаклемъ, и опять проѣхался въ каретѣ по городу безъ всякой нужды.

Во всѣ эти дни обычная работа ему не шла вовсе на умъ. Онъ только приготовлялся и ждалъ минуты, когда раздастся звонокъ. Наконецъ, аристократическая дама пріѣхала вмѣстѣ съ своею блѣдненькою дочерью. Онъ усадилъ ихъ, придвинулъ холстъ, уже съ ловкостью и претензіями на свѣтскія замашки, и сталъ писать. Солнечный день и ясное освѣщеніе много помогли ему. Онъ увидѣлъ въ легонькомъ своемъ оригиналѣ много такого, что, бывъ уловлено и передано на полотно, могло придать высокое достоинство портрету; увидѣлъ, что можно сдѣлать кое-что особенное, если выполнить все въ такой оконченности, въ какой теперь представилась ему натура. Сердце его начало даже слегка трепетать, когда онъ почувствовалъ, что выразитъ то, чего еще не замѣтили другіе. Работа заняла его всего; весь погрузился онъ въ кисть, позабывъ опять объ аристократическомъ происхожденіи оригинала. Съ занимавшимся дыханіемъ видѣлъ, какъ выходили у него легкія черты и это почти прозрачное, нѣжное тѣло семнадцатилѣтней дѣвушки. Онъ ловилъ всякій оттѣнокъ, легкую желтизну, едва замѣтную голубизну подъ глазами, и уже готовился даже схватить небольшой прыщикъ, выскочившій на лбу, какъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ матери: — Ахъ, зачѣмъ это? это не нужно,—говорила дама: —у васъ тоже... вотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ... какъ будто бы нѣсколько желто, и вотъ здѣсь совершенно, какъ темныя пятнышки.—Художникъ сталъ изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составятъ никакихъ тоновъ и совсѣмъ не разыгрываются, и что это ему только такъ кажется. — Но позвольте здѣсь, въ одномъ только мѣстѣ, тронуть немножко желтенькой краской,— сказалъ простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили. Объявлено было, что Lise только сегодня немножко не расположена, а что желтизны въ ней никакой не бываетъ, и лицо ея поражаетъ особенно свѣжестью краски. Съ грустью принялся онъ изглаживать то, что кисть его заставила выступить на полотно. Исчезло много почти незамѣтныхъ чертъ, а вмѣстѣ съ ними исчезло отчасти и сходство. Онъ безчувственно сталъ сообщать ему тотъ общій колоритъ, который дается наизусть и обращаетъ даже лица, взятыя съ натуры, въ какія-то холодно-идеальныя, видимыя на ученическихъ программахъ. Но дама была довольна тѣмъ, что обидный колоритъ былъ изгнанъ вовсе. Она изъявила только удивленіе, что работа идетъ такъ долго, и прибавила, что слышала, будто онъ въ два сеанса сканчиваетъ совершенно портретъ. Художникъ ничего не нашелся на это отвѣчать. Дамы поднялись и собирались выйти. Онъ положилъ кисть, проводилъ ихъ до дверей и послѣ того долго оставался смутнымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, передъ своимъ портретомъ.

Онъ глядѣлъ на него глупо, а въ головѣ его между тѣмъ носились тѣ легкія женственныя черты, тѣ оттѣнки и воздушные тоны, имъ подмѣченные, которые уничтожила безжалостно его кисть. Будучи весь полонъ ими, онъ отставилъ портретъ въ сторону и отыскалъ у себя гдѣ-то заброшенную головку Психеи, которую когда-то давно и эскизно набросалъ на полотно. Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее изъ однѣхъ общихъ чертъ, не принявшее живого тѣла. Отъ нечего дѣлать, онъ теперь принялся проходить его, припоминая на немъ все, что случилось ему подмѣтить въ лицѣ аристократической посѣтительницы. Уловленныя имъ черты, оттѣнки и тоны здѣсь ложились въ томъ очищенномъ видѣ, въ какомъ являются они тогда, когда художникъ, наглядѣвшись на природу, уже отдаляется отъ нея и производитъ ей равное созданіе. Психея стала оживать, и едва сквозившая мысль начала мало-по-малу облекаться въ видимое тѣло. Типъ лица молоденькой свѣтской дѣвицы невольно сообщился Психеѣ, и чрезъ то получила она своеобразное выраженіе, дающее право на названіе истинно-оригинальнаго произведенія. Казалось, онъ воспользовался, по частямъ и вмѣстѣ, всѣмъ, что представилъ ему оригиналъ, и привязался совершенно къ своей работѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ занятъ только ею. И за этой самой работой засталъ его пріѣздъ знакомыхъ дамъ. Онъ не успѣлъ снять со станка картину. Обѣ дамы издали радостный крикъ изумленія и всплеснули руками.

— Lise, Lise! ахъ, какъ похоже! Superbe, superbe! Какъ хорошо вы вздумали, что одѣли ее въ греческій костюмъ! Ахъ, какой сюрпризъ!

Художникъ не зналъ, какъ вывести дамъ изъ пріятнаго заблужденія. Совѣстясь и потупя голову, онъ произнесъ тихо:—Это Психея.

— Въ видѣ Психеи? C'est charmant,—сказала мать, улыбнувшись, при чемъ улыбнулась также и дочь.—Не правда ли, Lise, тебѣ больше всего идетъ быть изображенной въ видѣ Психеи? Quelle idée délicieuse! Но какая работа! это Корреджъ. Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Нѣтъ, вы непремѣнно должны написать также и съ меня портретъ.—Дамѣ, какъ видно, хотѣлось тоже предстать въ видѣ какой-нибудь Психеи.

— Что мнѣ съ ними дѣлать?—подумалъ художникъ.—Если онѣ сами того хотятъ, такъ пусть Психея пойдетъ за то, что имъ хочется,—и произнесъ вслухъ:—Потрудитесь еще немножко присѣсть: я кое-что немножко трону.

— Ахъ, я боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не... она такъ теперь похожа.

Но художникъ понялъ, что опасенья были насчетъ желтизны, и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ только придастъ болѣе блеску и выраженья глазамъ. А по справедливости, ему было слишкомъ совѣстно и хотѣлось хотя сколько-нибудь болѣе придать сходства съ оригиналомъ, дабы не укорилъ его кто-нибудь въ рѣшительномъ безстыдствѣ. И точно, черты блѣдной дѣвушки стали, наконецъ, выходить яснѣе изъ облика Психеи.

— Довольно!—сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось, наконецъ, уже черезчуръ близко. Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатьемъ руки, приглашеньемъ на обѣды,—словомъ, получилъ тысячу лестныхъ наградъ.

Портретъ произвелъ по городу шумъ. Дама показала его пріятельницамъ: всѣ изумлялись искусству, съ какимъ художникъ умѣлъ сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ придать красоту оригиналу. Послѣднее замѣчено было, разумѣется, не безъ легкой краски зависти въ лицѣ. И художникъ вдругъ былъ осажденъ работами. Казалось, весь городъ хотѣлъ у него писаться. У дверей поминутно раздавался звонокъ. Съ одной стороны, это могло быть хорошо, представляя ему безконечную практику разнообразіемъ, множествомъ лицъ. Но, на бѣду, это все былъ народъ, съ которымъ было трудно ладить,—народъ торопливый, занятый, или же принадлежащій свѣту, стало-быть, еще болѣе занятый, чѣмъ всякій другой, и потому нетерпѣливый до крайности. Со всѣхъ сторонъ только требовали, чтобъ было хорошо и скоро. Художникъ увидѣлъ, что оканчивать рѣшительно было невозможно, что все нужно было замѣнить ловкостью и быстрой бойкостью кисти,—схватывать одно только цѣлое, одно общее выраженье и не углубляться кистью въ утонченныя подробности,—однимъ словомъ, слѣдить природу въ ея оконченности было рѣшительно невозможно. Притомъ, нужно прибавить, что у всѣхъ почти писавшихся много было другихъ притязаній на разное. Дамы требовали, чтобы преимущественно только душа и характеръ изображались въ портретахъ, чтобы остального иногда вовсе не придерживаться, округлить всѣ углы, облегчить всѣ изъянцы, и даже, если можно, избѣжать ихъ вовсе,—словомъ, чтобы на лицо можно было засмотрѣться, если даже не совершенно влюбиться. И вслѣдствіе этого, садясь писаться, онѣ принимали иногда такія выраженья, которыя приводили въ изумленье художника: та старалась изобразить въ лицѣ своемъ меланхолію, другая мечтательность, третья, во что бы ни стало, хотѣла уменьшить ротъ и сжимала его до такой степени, что онъ обращался, наконецъ, въ одну точку, не больше булавочной головки. И, несмотря на все это, требовали отъ него сходства и непринужденной естественности. Мужчины тоже были ничѣмъ не лучше дамъ: одинъ требовалъ себя изобразить въ сильномъ энергическомъ поворотѣ головы; другой съ поднятыми кверху вдохновенными глазами; гвардейскій поручикъ требовалъ непремѣнно, чтобы въ глазахъ виденъ былъ Марсъ; гражданскій чиновникъ норовилъ такъ, чтобы побольше было прямоты и благородства въ лицѣ, и чтобы рука оперлась на книгу, на которой бы четкими словами было написано: „Всегда стоялъ за правду“. Сначала художника бросали въ потъ такія требованья: все это нужно было сообразить, обдумать, а между тѣмъ сроку давалось очень немного. Наконецъ, онъ добрался, въ чемъ было дѣло, и ужъ не затруднялся нисколько. Даже изъ двухъ, трехъ словъ смекалъ впередъ, кто чѣмъ хотѣлъ изобразить себя. Кто хотѣлъ Марса, онъ ему въ лицо совалъ Марса; кто мѣтилъ въ Байроны, онъ давалъ ему байронское положенье и поворотъ. Коринной ли, Ундиной, Аспазіей ли желали быть дамы, онъ съ большой охотой соглашался на все и прибавлялъ отъ себя уже всякому вдоволь благообразія, которое, какъ извѣстно, нигдѣ не подгадитъ, и за что простятъ иногда художнику и самое несходство. Скоро онъ уже самъ началъ дивиться чудной быстротѣ и бойкости своей кисти. А писаки шіеся, само собою разумѣется, были въ восторгѣ и провозглашали его геніемъ.

Чартковъ сдѣлался модньшъ живописцемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сталъ ѣздить на обѣды, сопровождать дамъ въ галлереи и даже на гулянья, щегольски одѣваться и утверждать гласно, что художникъ долженъ принадлежать къ обществу,

что нужно поддержать это званіе, что художники одѣваются какъ сапожники, не умѣютъ прилично вести себя, не соблюдаютъ высшаго тона и лишены всякой образованости. Дома у себя, въ мастерской, онъ завелъ опрятность и чистоту въ высшей степени, опредѣлилъ двухъ великолѣпныхъ лакеевъ, завелъ щегольскихъ учениковъ, переодѣвался нѣсколько разъ въ день въ разные утренніе костюмы, завивался; занялся улучшеніемъ разныхъ манеръ, съ которыми принимать посѣтителей, занялся украшеніемъ всѣми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ею пріятное впечатлѣніе на дамъ; однимъ словомъ, скоро нельзя было въ немъ вовсе узнать того скромнаго художника, который работалъ когда-то незамѣтно въ своей лачужкѣ на Васильевскомъ островѣ. Объ художникахъ и объ искусствѣ онъ изъяснялся теперь рѣзко: утверждалъ, что прежнимъ художникамъ уже черезчуръ много приписано достоинства, что всѣ они, до Рафаэля, писали не фигуры, а селедки; что существуетъ только въ воображеніи разсматривателей мысль, будто бы видно въ нихъ присутствіе какой-то святости; что самъ Рафаэль даже писалъ не все хорошо, и за многими произведеніями его удержалась только по преданію слава; что Микель-Анжелъ хвастунъ, потому что хотѣлъ только похвастать знаніемъ анатоміи; что граціозности въ немъ нѣтъ никакой, и что настоящаго блеска, силы кисти и колорита нужно искать только, теперь, въ пышнѣшемъ вѣкѣ. Тутъ, натурально, невольнымъ образомъ доходило дѣло и до себя.—Нѣтъ, я не понимаю,—говорилъ онъ,—напряженія другихъ сидѣть и корпѣть за трудомъ: человѣкъ, который копается по нѣскольку мѣсяцевъ надъ картиною, по мнѣ труженикъ, а не художникъ; я не повѣрю, чтобы въ немъ былъ талантъ; геній творитъ смѣло, быстро. Вотъ у меня,—говорилъ онъ, обращаясь обыкновенно къ посѣтителямъ,—этотъ портретъ я написалъ въ два дня, эту головку въ одинъ день, это въ нѣсколько часовъ, это въ часъ съ небольшимъ. Нѣтъ, я... я, признаюсь, не признаю художествомъ того, что лѣпится строчка за строчкой; это ужъ ремесло, а не художество.—Такъ разсказывалъ онъ своимъ посѣтителямъ, и посѣтители дивились силѣ и бойкости его кисти, издавали даже восклицанія, услышавъ, какъ быстро они производились, и потомъ пересказывали другъ другу: „Это талантъ, это истинный талантъ! Посмотрите, какъ онъ говоритъ, какъ блестятъ его глаза! Il y a quelque chose d'extraordinaire dans toute sa figure!“

Художнику было лестно слышать объ себѣ такіе слухи. Когда въ журналахъ появлялась печатная хвала ему, онъ радовался, какъ ребенокъ, хотя эта хвала была куплена имъ за свои же деньги. Онъ разносилъ такой печатный листокъ вездѣ и, будто бы не нарочно, показывалъ его знакомымъ и пріятелямъ, и это его тѣшило до самой простодушной наивности. Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надоѣдать одни и тѣ же портреты и лица, которыхъ положенья и обороты сдѣлались ему заученными. Уже безъ большой охоты онъ писалъ ихъ, стараясь набросать только кое-какъ одну голову, а остальное давалъ доканчивать ученикамъ. Прежде онъ, все-таки, искалъ дать какое-нибудь новое положеніе, поразить силою, эффектомъ. Теперь и это становилось ему скучно. Умъ уставалъ придумывать и обдумывать. Это было ему не въ мочь, да и некогда; разсѣянная жизнь и общество, гдѣ онъ старался сыграть роль свѣтскаго человѣка,—все это уносило его далеко отъ труда и мыслей. Кисть его хладѣла и тупѣла, и онъ нечувствительно заключился въ однообразныя, опредѣленныя, давно изношенныя формы. Однообразныя, холодныя, вѣчно прибранныя и, такъ-сказать, застегнутыя лица чиновниковъ, военныхъ и штатскихъ, не много представляли поля для кисти: она позабывала и великолѣпныя драпировки, и сильныя движенія, и страсти. О группахъ, о художественной драмѣ, о высокой ея завязкѣ нечего было и говорить. Предъ нимъ были только мундиръ, да корсетъ, да фракъ, предъ которыми чувствуетъ холодъ художникъ и падаетъ всякое воображеніе. Даже достоинствъ самыхъ обыкновенныхъ уже не было видно въ его произведеніяхъ, а между тѣмъ они все еще расходились, все еще пользовались славою, хотя истинные знатоки и художники только пожимали плечами, глядя на послѣднія его работы. А нѣкоторые, знавшіе Чарткова прежде, не могли понять, какъ могъ исчезнуть въ немъ талантъ, котораго признаки оказались уже ярко въ немъ при самомъ началѣ, и напрасно старались разгадать, какимъ образомъ можетъ угаснуть дарованіе въ человѣкѣ, тогда какъ онъ только-что достигнулъ еще полнаго развитія всѣхъ силъ своихъ.

Но этихъ толковъ не слышалъ упоенный художникъ. Уже онъ начиналъ достигать поры степенности ума и лѣтъ: сталъ толстѣть и видимо раздаваться въ ширину. Уже въ газетахъ и журналахъ читалъ онъ прилагательныя: — почтенный нашъ Андрей Петровичъ, заслуженный нашъ Андрей Петровичъ.—Уже стали ему предлагать по службѣ почетныя мѣста, приглашать на экзамены, въ комитеты. Уже онъ начиналъ, какъ всегда случается въ почетныя лѣта, брать сильно сторону Рафаэля и старинныхъ художниковъ, не потому, что убѣдился вполнѣ въ ихъ высокомъ достоинствѣ, но затѣмъ, чтобы колоть ими въ глаза

молодыхъ художниковъ. Уже онъ начиналъ, по обычаю всѣхъ, вступающихъ въ такія лѣта, укорять безъ изъятія всю молодежь въ безнравственности и дурномъ направленіи духа. Уже начиналъ онъ вѣрить, что все на свѣтѣ дѣлается просто, вдохновенья свыше нѣтъ, и все необходимо должно быть подвергнуто подъ одинъ строгій порядокъ аккуратности и однообразья. Однимъ словомъ, жизнь его уже коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновенье красоты уже не превращаетъ дѣвственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣй въ его заманчивую музыку и мало-помалу нечувствительно позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ дать наслажденія тому, кто укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденьемъ, цѣлью. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ, и, какъ всякій, кому достается въ удѣлъ этотъ страшный даръ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступнымъ ко всему, равнодушнымъ ко всему, кромѣ золота, безпричиннымъ скрягой, безпутнымъ собирателемъ, и уже готовъ былъ обратиться въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыхъ много попадается въ нашемъ безчувственномъ свѣтѣ, на которыхъ съ ужасомъ глядитъ исполненный жизни и сердца человѣкъ, которому кажутся они движущимися каменными гробами, съ мертвецомъ внутри, вмѣсто сердца. Но одно событіе сильно потрясло и разбудило весь его жизненный составъ.

Въ одинъ день увидѣлъ онъ на столѣ своемъ записку, въ которой академія художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ, присланномъ изъ Италіи, произведеніи усовершенствовавшагося тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, который отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, съ пламенной душою труженика погрузился въ него всей душою своей, оторвался отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ и помчался туда, гдѣ въ виду прекрасныхъ небесъ снѣетъ величавый разсадникъ искусствъ,—въ тотъ чудный Римъ, при имени котораго такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Тамъ, какъ отшельникъ, погрузился онъ въ трудъ и въ неразвлекаемыя ничѣмъ занятія. Ему не было до того дѣла, толковали ли о его характерѣ, о его неумѣньи обращаться съ людьми, о несоблюденіи свѣтскихъ приличій, объ униженіи, которое онъ причинялъ званію художника своимъ скуднымъ, нещегольскимъ нарядомъ. Ему не было нужды, сердились ли или нѣтъ на него его братья. Всѣмъ пренебрегъ онъ, все отдалъ искусству. Неутомимо посѣщалъ галлереи, по цѣлымъ часамъ застаивался передъ произведеніями великихъ мастеровъ, ловя и преслѣдуя чудную кисть. Ничего онъ не оканчивалъ безъ того, чтобы не повѣрить себя нѣсколько разъ съ сими великими учителями и чтобы не прочесть въ ихъ созданіяхъ безмолвнаго и краснорѣчиваго себѣ совѣта. Онъ не входилъ въ шумныя бесѣды и споры; онъ не стоялъ ни за пуристовъ, ни противъ пуристовъ. Онъ равно всему отдавалъ должную ему часть, извлекая изо всего только то, что было въ немъ прекрасно, и, наконецъ, оставилъ себѣ въ учители одного божественнаго Рафаэля,—подобно, какъ великій поэтъ-художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величавыхъ красотъ, оставляетъ, наконецъ, себѣ настольною книгой одну только Иліаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и нѣтъ ничего, что бы не отразилось уже здѣсь въ такомъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И за то вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

Вошедши въ залу, Чартковъ нашелъ уже цѣлую огромную толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многолюдными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Онъ поспѣшилъ принять значительную физіогномію знатока и приблизился къ картинѣ; но, Боже, что онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло предъ нимъ произведеніе художника. Скромно, божественно, невинно и просто, какъ геній, возносилось оно надъ всѣмъ. Казалось, небесныя фигуры, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую, невиданную кисть. Все тутъ, казалось, соединилось вмѣстѣ: изученіе Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Корреджія, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти. Но властительнѣй всего видна была сила созданія, уже заключенная въ душѣ самого художника. Послѣдній предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ постигнутъ законъ и внутренняя сила; вездѣ уловлена была эта плывучая округлость линій, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-со-

здателя и которая выходитъ углами у копіиста. Видно было, какъ все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника, устремилъ его одной согласной, торжественной пѣснью. И стало ясно даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между созданіемъ и простой копіей съ природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которою невольно были объяты всѣ, вперившіе глаза на картину — ни шелеста, ни звука; а картина между тѣмъ ежеминутно казалась выше и выше: свѣтлѣй и чудеснѣй отдѣлялась ото всего и вся превратилась, наконецъ, въ одинъ мигъ, плодъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли, — мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружившихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію.

Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ, стоялъ Чартковъ передъ картиною, и, наконецъ, когда мало-по-малу посѣтители и знатоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда, наконецъ, обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное, пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ, въ родѣ слѣдующаго:—Да, конечно, правда, нельзя отнять таланта отъ художника; есть кое-что; видно, что хотѣлъ онъ выразить что-то; однакоже, что касается до главнаго... — и вслѣдъ за этимъ прибавить, разумѣется, такія похвалы, отъ которыхъ бы не поздоровилось никакому художнику; хотѣлъ это сдѣлать, но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту неподвижный и безчувственный стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ будто молодость возвратилась къ нему, какъ будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Съ очей его вдругъ слетѣла повязка. Боже! и погубить такъ безжалостно лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ быть, теплившагося въ груди, можетъ быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ быть, такъ же исторгнувшаго бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ будто въ эту минуту разомъ и вдругъ ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые нѣкогда были ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Потъ усилія проступилъ на его лицѣ; весь обратился онъ въ одно желаніе и загорѣлся одною мыслью: ему хотѣлось изобразить отпадшаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсильный порывъ преступить границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенныя, уже отзывался неправильностью и ошибкою. Онъ пренебрегъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Досада его проникла. Онъ велѣлъ вынесть прочь изъ своей мастерской всѣ послѣднія произведенія, всѣ безжизненныя модныя картинки, всѣ портреты гусаровъ, дамъ и статскихъ совѣтниковъ; заперся одинъ въ своей комнатѣ, не велѣлъ никого впускать, и весь погрузился въ работу. Какъ терпѣливый юноша, какъ ученикъ, сидѣлъ онъ за своимъ трудомъ. Но какъ безпощадно-неблагодарно было все то, что выходило изъ-подъ его кисти! На каждомъ шагу онъ былъ останавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой незначащій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Кисть невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ это самъ!

— Но точно ли былъ у меня талантъ?—сказалъ онъ наконецъ,—не обманулся ли я?—И, произнесши эти слова, онъ подошелъ къ прежнимъ своимъ произведеніямъ, которыя работались когда-то такъ чисто, такъ безкорыстно, тамъ, въ бѣдной лачужкѣ, на уединенномъ Васильевскомъ островѣ, вдали людей, изобилія и всякихъ прихотей. Онъ подошелъ теперь къ нимъ и сталъ внимательно разсматривать ихъ всѣ, и вмѣстѣ съ ними стала представать въ его памяти вся прежняя бѣдная жизнь его.—Да,—проговорилъ онъ отчаянно,—у меня былъ талантъ! Вездѣ, на всемъ видны его признаки и слѣды...

Онъ остановился и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ неподвижно-вперившимися на него глазами. Это былъ тотъ необыкновенный портретъ, который онъ купилъ на Щукиномъ дворѣ. Все время онъ былъ закрытъ, загроможденъ другими картинами и вовсе вышелъ у него изъ мыслей. Теперь же, какъ нарочно, когда были выпесены всѣ модные портреты и картины, наполнявшіе мастерскую, онъ выглянулъ

наверхъ вмѣстѣ съ прежними произведеніями его молодости. Какъ вспомнилъ онъ всю странную его исторію, какъ вспомнилъ, что нѣкоторымъ образомъ онъ, этотъ странный портретъ, былъ причиной его превращенья, что денежный кладъ, полученный имъ такимъ чудеснымъ образомъ, родилъ въ немъ всѣ суетныя побужденья, погубившія его талантъ,—почти бѣшенство готово было ворваться къ нему въ душу. Онъ въ ту-жъ минуту велѣлъ вынести прочь ненавистный портретъ. Но душевное волненье оттого не умирилось: всѣ чувства и весь составъ были потрясены до дна, и онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться, — ту муку, которая въ юношѣ рождаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтаній обращается въ безплодную жажду,—ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупать все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая смѣхомъ наслажденія. Безчисленныя собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотые мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведеній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякій заранѣе отчаивался въ пріобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось, какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него всю его гармонію. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колоритъ на него: вѣчная желчь присутствовала на лицѣ его. Хула на міръ и отрицаніе изображалось само собой въ чертахъ его. Казалось, въ немъ олицетворился тотъ страшный демонъ, котораго идеально изобразилъ Пушкинъ. Кромѣ ядовитаго слова и вѣчнаго порицанья, ничего не произносили его уста. Подобно какой-то гарпіи, попадался онъ на улицѣ, и всѣ, даже знакомые, завидя его издали, старались увернуться и избѣгнуть такой встрѣчи, говоря, что она достаточна отравить потомъ весь день.

Къ счастію міра и искусствъ, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться: размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и колоссаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще, и, наконецъ, все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣла имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человѣкъ не могли удержать его. Ему начинали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета, — и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ двоился, четверился въ его глазахъ; всѣ стѣны казались увѣшаны портретами, вперившими въ него свои неподвижные, живые глаза; страшные портреты глядѣли съ потолка, съ полу; комната расширялась и продолжалась безконечно, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользовать и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и издавалъ одни ужасные вопли и непонятныя рѣчи. Наконецъ, жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ; но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

ЧАСТЬ II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого милліоны, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Такихъ меценатовъ, какъ извѣстно, теперь уже нѣтъ, и нашъ XIX-й вѣкъ давно уже пріобрѣлъ скучную физіогномію банкира, наслаждающагося своими

милліонами только въ видѣ цифръ, выставляемыхъ на бумагѣ. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпою посѣтителей, налетѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприбранное тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ Гостинаго двора и даже толкучаго рынка, въ синихъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и выраженье лицъ были здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означались той приторной услужливостью, которая такъ видна въ русскомъ купцѣ, когда онъ у себя въ лавкѣ передъ покупщикомъ. Тутъ они вовсе не чинились, несмотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, щупали безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графами-знатоками. Здѣсь были многіе необходимые посѣтители аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать на немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитавшіе обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившіе другого занятія отъ 12 до 1 часа; наконецъ, тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы очень худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ что кончится, кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьетъ, и за кѣмъ что останется. Множество картинъ было разбросано совершенно безъ всякаго толку; съ ними были перемѣшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, можетъ быть, не имѣвшаго вовсе похвальнаго любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старыя мебели съ выгнутыми линіями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты люстры, кенкеты,—все было навалено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще, ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона страшно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ; окна, загроможденныя мебелями и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ; безмолвіе, разлитое на лицахъ, и погребальный голосъ аукціониста, постукивающаго молоткомъ и отпѣвающаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь искусствамъ,—все это, кажется, усиливаетъ еще болѣе странную непріятность впечатлѣнія.

Аукціонъ, казалось, былъ въ самомъ разгарѣ. Цѣлая толпа порядочныхъ людей, сдвинувшись вмѣстѣ, хлопотала о чемъ-то наперерывъ. Со всѣхъ сторонъ раздававшіяся слова: — рубль, рубль, рубль,—не давали времени аукціони ту повторять надбавляемую цѣну, которая уже возросла вчетверо больше объявленной. Обступившая толпа хлопотала изъ-за портрета, который не могъ не остановить всѣхъ, имѣвшихъ сколько-нибудь понятія въ живописи. Высокая кисть художника выказывалась въ немъ очевидно. Портретъ, повидимому, уже нѣсколько разъ былъ реставрированъ и поновленъ, и представлялъ смуглыя черты какого-то азіатца въ широкомъ платьѣ, съ необыкновеннымъ, страннымъ выраженьемъ въ лицѣ; но болѣе всего обступившіе были поражены необыкновенной живостью глазъ. Чѣмъ болѣе всматривались въ нихъ, тѣмъ болѣе они, казалось, устремлялись каждому внутрь. Эта странность, этотъ необыкновенный фокусъ художника заняли вниманье почти всѣхъ. Много уже изъ состязавшихся о немъ отступились, потому что цѣну набили неимовѣрную. Остались только два извѣстные аристократа, любители живописи, не хотѣвшіе ни за что отказаться отъ такого пріобрѣтенія. Они горячились и набили бы, вѣроятно, цѣну до невозможности, если бы вдругъ одинъ изъ тутъ же разсматривавшихъ не произнесъ:—Позвольте мнѣ прекратить на время вашъ споръ: я, можетъ быть, болѣе, чѣмъ всякій другой, имѣю право на этотъ портретъ.

Слова эти вмигъ обратили на него вниманіе всѣхъ. Это былъ стройный человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными кудрями. Пріятное лицо, исполненное какой-то свѣтлой беззаботности, показывало душу, чуждую всѣхъ томящихъ свѣтскихъ потрясеній; въ нарядѣ его не было никакихъ притязаній на моду: все показывало въ немъ артиста. Это былъ, точно, художникъ В., знаемый лично многими изъ присутствовавшихъ.

— Какъ ни странны вамъ покажутся слова мои, — продолжалъ онъ, видя устремившееся на себя всеобщее вниманіе, — но, если вы рѣшитесь выслушать небольшую исторію, можетъ быть, вы увидите, что я былъ въ правѣ произнести ихъ. Все меня увѣряетъ, что портретъ есть тотъ самый, котораго я ищу.

Весьма естественное любопытство загорѣлось почти на лицахъ всѣхъ, и самъ аукціонистъ, разинувъ ротъ, остановился съ поднятымъ въ рукѣ молоткомъ, приготовляясь слушать. Въ началѣ разсказа многіе обращались невольно глазами къ портрету, но потомъ всѣ вперились въ одного разсказчика, по мѣрѣ того, какъ разсказъ его становился занимательнѣй.

— Вамъ извѣстна та часть города, которую называютъ Коломною—(такъ онъ началъ).—Тутъ все не похоже на другія части Петербурга: тутъ

не столица и не провинція; кажется, слышишь, перейдя въ коломенскія улицы, какъ оставляютъ тебя всякія молодыя желанья и порывы. Сюда не заходитъ будущее, здѣсь все тишина и отставка,—все, что осѣло отъ столичнаго движенья. Сюда переѣзжаютъ на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имѣющіе пріятное знакомство съ сенатомъ и потому осудившіе себя здѣсь почти на всю жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавкѣ и забирающія каждый день на пять копѣекъ кофе да на четыре сахару, и, наконецъ, весь тотъ разрядъ людей, который можно назвать однимъ словомъ *пепельный*,—людей, которые съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, глазами имѣютъ какую-то мутную, пепельную наружность, какъ день, когда нѣтъ на небѣ ни бури, ни солнца, а бываетъ, просто, ни то, ни се: сѣется туманъ и отнимаетъ всякую рѣзкость у предметовъ. Сюда можно причислить отставныхъ театральныхъ капельдинеровъ, отставныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, отставныхъ питомцевъ Марса съ выколотымъ глазомъ и раздутою губою. Эти люди вовсе безстрастны: идутъ, ни на что не обращая глазъ; молчатъ, ни о чемъ не думая. Въ комнатѣ ихъ не много добра, иногда просто штофъ чистой русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день безъ всякаго сильнаго прилива къ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любитъ задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой нѣмецкій ремесленникъ, этотъ студентъ Мѣщанской улицы, одинъ владѣющій всѣмъ тротуаромъ, когда время перешло за двѣнадцать часовъ ночи.

Жизнь въ Коломнѣ страхъ уединенна: рѣдко покажется карета, кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры, которая громомъ, звономъ и бряканьемъ своимъ одна смущаетъ всеобщую тишину. Тутъ все пѣшеходы; извозчикъ весьма часто безъ сѣдока плетется, таща сѣно для бородатой лошаденки своей. Квартиру можно сыскать за пять рублей въ мѣсяцъ, даже съ кофеемъ поутру. Вдовы, получающія пенсіонъ, тутъ самыя аристократическія фамиліи; онѣ ведутъ себя хорошо, метутъ чисто свою комнату, толкуютъ съ пріятельницами о дороговизнѣ говядины и капусты; при нихъ часто бываетъ молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собачонка и стѣнные часы съ печально-постукивающимъ маятникомъ. Потомъ слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны, народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденья. Они, сидя въ халатахъ, чинятъ пистолетъ, клеятъ изъ картона всякія вещицы, полезныя для дома, играютъ съ пришедшимъ пріятелемъ въ шашки и карты, и такъ проводятъ утро, дѣлая почти то же ввечеру, съ присоединеніемъ кое-когда пунша. Послѣ этихъ тузовъ и аристократства Коломны слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь. Ихъ такъ же трудно поименовать, какъ исчислить то множество насѣкомыхъ, которое зарождается въ старомъ уксусѣ. Тутъ есть старухи, которыя молятся; старухи, которыя пьянствуютъ; старухи, которыя и молятся, и пьянствуютъ вмѣстѣ; старухи, которыя перебиваются непостижимыми средствами: какъ муравьи таскаютъ съ собою старое тряпье и бѣлье отъ Калинкина моста до толкучаго рынка, съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копѣекъ; словомъ, чисто самый несчастный осадокъ человѣчества, которому бы ни одинъ благодѣтельный политическій экономъ не нашелъ средствъ улучшить состояніе.

Я для того привелъ ихъ, чтобы показать вамъ, какъ часто этотъ народъ находится въ необходимости искать одной только внезапной, временной помощи, прибѣгать къ займамъ, и тогда поселяются между ними особаго рода ростовщики, снабжающіе небольшими суммами подъ заклады и за большіе проценты. Эти небольшіе ростовщики бываютъ въ нѣсколько разъ безчувственнѣй всякихъ большихъ, потому что возникаютъ среди бѣдности и ярко выказываемыхъ нищенскихъ лохмотьевъ, которыхъ не видитъ богатый ростовщикъ, имѣющій дѣло только съ пріѣзжающими въ каретахъ. И потому уже слишкомъ рано умираетъ въ душахъ ихъ всякое чувство человѣчества. Между такими ростовщиками былъ одинъ... но не мѣшаетъ вамъ сказать, что происшествіе, о которомъ я принялся разсказывать, относится къ прошедшему вѣку, именно къ царствованію покойной государыни Екатерины Второй. Вы можете сами понять, что самый видъ Коломны и жизнь внутри ея должны были значительно измѣниться. И такъ, между ростовщиками былъ одинъ — существо во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенное, поселившееся уже давно въ этой части города. Онъ ходилъ въ широкомъ азіатскомъ нарядѣ; темная краска лица указывала на южное его происхожденіе; но какой именно былъ онъ націи — индѣецъ, грекъ, персіянинъ—объ этомъ никто не могъ сказать навѣрно. Высокій, почти необыкновенный ростъ, смуглое, тощее, запаленное лицо и какой-то непостижимо-страшный цвѣтъ его, большіе, необыкновеннаго огня глаза, нависнувшія густыя брови отличали его сильно и рѣзко отъ всѣхъ пепельныхъ жителей столицы. Самое жилище его не похоже было на прочіе маленькіе деревянные домики. Это было каменное строеніе въ родѣ тѣхъ, которыя когда-то настроили вдоволь генуэзскіе купцы, съ неправильными, неравной величины

окнами, съ желѣзными ставнями и засовами. Этотъ ростовщикъ отличался отъ другихъ ростовщиковъ уже тѣмъ, что могъ снабдить какою угодно суммою всѣхъ, начиная отъ нищей-старухи до расточительнаго придворнаго вельможи. Предъ домомъ его показывались часто самые блестящіе экипажи, изъ оконъ которыхъ иногда глядѣла голова роскошной свѣтской дамы. Молва, по обыкновенію, разнесла, что желѣзные сундуки его полны безъ счету денегъ, драгоцѣнностей, брильянтовъ и всякихъ залоговъ, но что, однакоже, онъ вовсе не имѣлъ той корысти, какая свойственна другимъ ростовщикамъ. Онъ давалъ деньги охотно, распредѣляя, казалось, весьма выгодно сроки платежей; но какими-то странными ариѳметическими выкладками заставлялъ ихъ восходить до непомѣрныхъ процентовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорила молва. Но что страннѣе всего и что не могло не поразить многихъ,—это была странная судьба всѣхъ тѣхъ, которые получали отъ него деньги; всѣ они оканчивали жизнь несчастнымъ образомъ. Было ли это просто людское мнѣніе, нелѣпые суевѣрные толки, или съ умысломъ распущенные слухи — это осталось неизвѣстно. Но нѣсколько примѣровъ, случившихся въ непродолжительное время предъ глазами всѣхъ, были живы и разительны.

Изъ среды тогдашняго аристократства скоро обратилъ на себя глаза юноша лучшей фамиліи, отличившійся уже въ молодыхъ лѣтахъ на государственномъ поприщѣ, жаркій почитатель всего истиннаго, возвышеннаго, ревнитель всего, что породило искусство и умъ человѣка, пророчившій въ себѣ мецената. Скоро онъ былъ достойно отличенъ самой государыней, ввѣрившей ему значительное мѣсто, совершенно согласное съ собственными его требованіями, — мѣсто, гдѣ онъ могъ много произвести для наукъ и вообще для добра. Молодой вельможа окружилъ себя художниками, поэтами, учеными. Ему хотѣлось всему дать работу, все поощрить. Онъ предпринялъ на собственный счетъ множество полезныхъ изданій, надавалъ множество заказовъ, объявилъ поощрительные призы, издержалъ на это кучи денегъ и, наконецъ, разстроился. Но, полный великодушнаго движенія, онъ не хотѣлъ отстать отъ своего дѣла, искалъ вездѣ занять и, наконецъ, обратился къ извѣстному ростовщику. Сдѣлавши значительный заемъ у него, этотъ человѣкъ въ непродолжительное время измѣнился совершенно: сталъ гонителемъ, преслѣдователемъ развивающагося ума и таланта. Во всѣхъ сочиненіяхъ сталъ видѣть дурную сторону, толковать криво всякое слово. Тогда на бѣду случилась французская революція. Это послужило ему вдругъ орудіемъ для всѣхъ возможныхъ гадостей. Онъ сталъ видѣть во всемъ какое-то революціонное направленіе, во всемъ ему чудились намеки. Онъ сдѣлался подозрительнымъ до такой степени, что началъ наконецъ подозрѣвать самого себя, сталъ считать ужасные, несправедливые доносы, надѣлалъ тьму несчастныхъ. Само собой разумѣется, что такіе поступки не могли не достигнуть, наконецъ, престола. Великодушная государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающаго вѣнценосцевъ, произнесла слова, которыя хотя не могли перейти къ намъ во всей точности, но глубокій смыслъ ихъ впечатлѣлся въ сердцахъ многихъ. Государыня замѣтила, что не подъ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія, благородныя движенія души, не тамъ презираются и преслѣдуются творенія ума, поэзіи и художествъ; что, напротивъ, одни монархи бывали ихъ покровителями; что Шекспиры, Мольеры процвѣтали подъ ихъ великодушной защитой, между тѣмъ какъ Дантъ не могъ найти угла въ своей республиканской родинѣ; что истинные геніи возникаютъ во время блеска и могущества государей и государствъ, а не во время безобразныхъ политическихъ явленій и терроризмовъ республиканскихъ, которые доселѣ не подарили міру ни одного поэта; что нужно отличать поэтовъ-художниковъ, ибо одинъ только миръ и прекрасную тишину низводятъ они въ душу, а не волненье и ропотъ; что ученые, поэты и всѣ производители искусствъ суть перлы и брильянты въ императорской коронѣ: ими красуется и получаетъ еще большій блескъ эпоха великаго государя. Словомъ, государыня, произнесшая эти слова, была въ ту минуту божественно-прекрасна. Я помню, что старики не могли объ этомъ говорить безъ слезъ. Въ дѣлѣ всѣ приняли участіе. Къ чести нашей народной гордости надобно замѣтить, что въ русскомъ сердцѣ всегда обитаетъ прекрасное чувство взять сторону угнетеннаго. Обманувшій довѣренность вельможа былъ наказанъ примѣрно и отставленъ отъ мѣста. Но наказаніе гораздо ужаснѣйшее читалъ онъ на лицахъ своихъ соотечественниковъ: это было рѣшительное и всеобщее презрѣніе. Нельзя разсказать, какъ страдала тщеславная душа: гордость, обманутое честолюбіе, разрушившіяся надежды— все соединилось вмѣстѣ, и въ припадкахъ страшнаго безумія и бѣшенства прервалась его жизнь.

Другой разительный примѣръ произошелъ тоже въ виду всѣхъ: изъ красавицъ, которыми не бѣдна была тогда наша сѣверная столица, одна одержала рѣшительное первенство надъ всѣми. Это было какое-то чудное сліяніе нашей сѣверной красоты съ красотой полудня—брильянтъ, какой попадается на свѣтѣ рѣдко. Отецъ мой признавался, что никогда онъ не видывалъ во всю жизнь свою ничего подобнаго. Все, казалось, въ

ней соединилось: богатство, умъ и душевная прелесть. Искателей была толпа и въ числѣ ихъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ князь Р., благороднѣйшій, лучшій изъ всѣхъ молодыхъ людей, прекраснѣйшій и лицомъ, и рыцарскими, великодушными порывами, высокій идеалъ романовъ и женщинъ. Грандинсонъ во всѣхъ отношеніяхъ. Князь Р. былъ влюбленъ страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему отвѣтомъ. Но родственникамъ показалась партія неравною. Родовыя вотчины князя уже давно ему не принадлежали, фамилія была въ опалѣ, и плохое положеніе дѣлъ его было извѣстно всѣмъ. Вдругъ князь оставляетъ на время столицу, будто бы съ тѣмъ, чтобы поправить свои дѣла и, спустя непродолжительное время, является окруженный пышностью и блескомъ неимовѣрнымъ. Блистательные балы и праздники дѣлаютъ его извѣстнымъ двору. Отецъ красавицы становится благосклоннымъ, и въ городѣ разыгрывается интереснѣйшая свадьба. Откуда произошла такая перемѣна и неслыханное богатство жениха, этого не могъ навѣрно изъяснить никто; но поговаривали стороною, что онъ вошелъ въ какія-то условія съ непостижимымъ ростовщикомъ и сдѣлалъ у него заемъ. Какъ бы то ни было, но свадьба заняла весь городъ; и женихъ, и невѣста были предметомъ общей зависти. Всѣмъ была извѣстна ихъ жаркая, постоянная любовь, долгія томленья, претерпѣнныя съ обѣихъ сторонъ, высокія достоинства обоихъ. Пламенныя женщины начертывали заранѣе то райское блаженство, которымъ будутъ наслаждаться молодые супруги. Но вышло все иначе. Въ одинъ годъ произошла страшная перемѣна въ мужѣ. Ядомъ подозрительной ревности, нетерпимостью и неистощимыми капризами отравился его дотолѣ благородный и прекрасный характеръ. Онъ сталъ тираномъ и мучителемъ жены своей, и, чего бы никто не могъ предвидѣть, прибѣгнулъ къ самымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ, даже побоямъ. Въ одинъ годъ никто не могъ узнать той женщины, которая еще недавно блистала и влекла за собою толпы покорныхъ поклонниковъ. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить долѣе тяжелой судьбы своей, она первая заговорила о разводѣ. Мужъ пришелъ въ бѣшенство при одной мысли о томъ. Въ первомъ движеніи неистовства, ворвался онъ къ ней въ комнату съ ножомъ и, безъ сомнѣнія, закололъ бы ее тутъ же, если бы его не схватили и не удержали. Въ порывѣ изступленія и отчаянія, онъ обратилъ ножъ на себя—и въ ужаснѣйшихъ мукахъ окончилъ жизнь.

Кромѣ этихъ двухъ примѣровъ, совершившихся въ глазахъ всего общества, разсказывали множество случившихся въ низшихъ классахъ, которые почти всѣ имѣли ужасный конецъ. Тамъ честный, трезвый человѣкъ сдѣлался пьяницей; тамъ купеческій приказчикъ обворовывалъ своего хозяина; тамъ извозчикъ, возившій нѣсколько лѣтъ честно, за грошъ зарѣзалъ сѣдока. Нельзя, чтобы такія происшествія, разсказываемыя иногда не безъ прибавленій, не навели родъ какого-то невольнаго ужаса на скромныхъ обитателей Коломны. Никто не сомнѣвался о присутствіи нечистой силы въ этомъ человѣкѣ. Говорили, что онъ предлагалъ такія условія, отъ которыхъ дыбомъ подымались волоса и которыхъ никогда потомъ не посмѣлъ несчастный передавать другому; что деньги его имѣютъ прожигающее свойство, раскаляются сами собою и носятъ какіе-то страшные значки... словомъ, много было о немъ всякихъ нелѣпыхъ толковъ. И замѣчательно то, что все это коломенское населеніе, весь этотъ міръ бѣдныхъ старухъ, мелкихъ чиновниковъ, мелкихъ артистовъ и, словомъ, всей мелюзги, которую мы только поименовали, соглашались лучше терпѣть и выносить послѣднюю крайность, чѣмъ обратиться къ страшному ростовщику; находили даже околѣвшихъ отъ голода старухъ, которыя лучше соглашались умертвить свое тѣло, чѣмъ погубить душу. Встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, невольно чувствовали страхъ. Пѣшеходъ осторожно пятился и долго еще озирался послѣ того назадъ, слѣдя пропадавшую вдали его непомѣрно высокую фигуру. Въ одномъ уже образѣ было столько необыкновеннаго, что всякаго заставило бы невольно приписать ему сверхъестественное существованіе. Эти сильныя черты, врѣзанныя такъ глубоко, какъ не случается у человѣка; этотъ горячій, бронзовый цвѣтъ лица; эта непомѣрная гущина бровей, невыносимые, страшные глаза, даже самыя широкія складки его азіатской одежды, — все, казалось, какъ будто говорило, что предъ страстями, двигавшимися въ этомъ тѣлѣ, были блѣдны всѣ страсти другихъ людей. Отецъ мой всякій разъ останавливался неподвижно, когда встрѣчалъ его, и всякій разъ не могъ удержаться, чтобы не произнести: — Дьяволъ, совершенный дьяволъ! — Но надобно васъ поскорѣе познакомить съ моимъ отцомъ, который, между прочимъ, есть настоящій сюжетъ этой исторіи.

Отецъ мой былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Это былъ художникъ, какихъ мало, — одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ изъ непочатаго лона своего только одна Русь; художникъ-самоучка, отыскавшій самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованья и шедшій, по причинамъ, можетъ быть, неизвѣстнымъ ему самому, одной только указанной изъ души дорогою; одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ, которыхъ часто совре-

менники честятъ обиднымъ словомъ „невѣжи“, и которые, не охлаждаясь отъ охуленій и собственныхъ неудачъ, получаютъ только новыя рвенья и силы и уже далеко въ душѣ своей уходятъ отъ тѣхъ произведеній, за которыя получили титло невѣжи. Высокимъ внутреннимъ инстинктомъ почуялъ онъ присутствіе мысли въ каждомъ предметѣ; постигнулъ самъ собой истинное значеніе слова: „историческая живопись“; постигнулъ, почему простую головку, простой портретъ Рафаэля, Леонардо-да-Винчи, Тиціана, Корреджіо можно назвать историческою живописью, и почему огромная картина историческаго содержанія все-таки будетъ tableau de genre, несмотря на всѣ притязанія художника на историческую живопись. И внутреннее чувство, и собственное убѣжденіе обратили кисть его къ христіанскимъ предметамъ, высшей и послѣдней ступени высокаго. У него не было честолюбія или раздражительности, столь неотлучной отъ характера многихъ художниковъ. Это былъ твердый характеръ, честный, прямой человѣкъ, даже грубый, покрытый снаружи нѣсколько черствой корою, не безъ нѣкоторой гордости въ душѣ, отзывавшійся о людяхъ вмѣстѣ и снисходительно, и рѣзко. „Что на нихъ глядѣть?—обыкновенно говорилъ онъ, — вѣдь я не для нихъ работаю. Не въ гостиную понесу я мои картины. Кто пойметъ меня—поблагодаритъ; не пойметъ—все-таки помолится Богу. Свѣтскаго человѣка нечего винить, что онъ не смыслитъ живописи: за то онъ смыслитъ въ картахъ, знаетъ толкъ въ хорошемъ винѣ, въ лошадяхъ — зачѣмъ знать больше барину? Еще, пожалуй, какъ попробуетъ того да другого, да пойдетъ умничать, тогда и житья отъ него не будетъ! Всякому свое, всякій пусть занимается своимъ. По мнѣ, ужъ лучше тотъ человѣкъ, который говоритъ прямо, что онъ не знаетъ толку, чѣмъ тотъ, который лицемѣритъ: говоритъ, будто бы знаетъ то, чего не знаетъ, и только гадитъ да портитъ“. Онъ работалъ за небольшую плату, то-есть за плату, которая была нужна ему только для поддержанія семейства и для доставленія возможности трудиться. Кромѣ того, онъ ни въ какомъ случаѣ не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бѣдному художнику; вѣровалъ простой, благочестивой вѣрою предковъ, и оттого, можетъ быть, на изображенныхъ имъ лицахъ являлось само собою то высокое выраженіе, до котораго не могли докопаться блестящіе таланты. Наконецъ, постоянствомъ своего труда и неуклонностью начертаннаго себѣ пути онъ сталъ даже пріобрѣтать уваженіе со стороны тѣхъ, которые честили его невѣжей и доморощеннымъ самоучкой. Ему давали безпрестанные заказы въ церкви — и работа у него не переводилась. Одна изъ работъ заняла его сильно. Не помню уже, въ чемъ именно состоялъ сюжетъ ея, знаю только то—на картинѣ нужно было помѣстить духа тьмы. Долго думалъ онъ надъ тѣмъ, какой дать ему образъ: ему хотѣлось осуществить въ лицѣ его все тяжелое, гнетущее человѣка. При такихъ размышленіяхъ иногда проносился въ головѣ его образъ таинственнаго ростовщика, и онъ думалъ невольно:—Вотъ бы съ кого мнѣ слѣдовало написать дьявола!—Судите же объ его изумленіи, когда одинъ разъ, работая въ своей мастерской, услышалъ онъ стукъ въ дверь, и вслѣдъ затѣмъ прямо вошелъ къ нему ужасный ростовщикъ. Онъ не могъ не почувствовать какой-то внутренней дрожи, которая пробѣжала невольно по его тѣлу.

— Ты художникъ?—сказалъ онъ безъ всякихъ церемоній моему отцу.

— Художникъ,—сказалъ отецъ въ недоумѣньи, ожидая, что будетъ далѣе.

— Хорошо. Нарисуй съ меня портретъ. Я, можетъ быть, скоро умру, дѣтей у меня нѣтъ; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портретъ, чтобы былъ совершенно какъ живой?

Отецъ мой подумалъ: „Чего лучше? онъ самъ просится въ дьяволы ко мнѣ на картину“. Далъ слово. Они уговорились во времени и цѣнѣ, и на другой же день, схвативши палитру и кисти, отецъ мой уже былъ у него. Высокій дворъ, собаки, желѣзныя двери и затворы, дугообразныя окна, сундуки, покрытые старинными коврами и, наконецъ, самъ необыкновенный хозяинъ, сѣвшій неподвижно передъ нимъ,—все это произвело на него странное впечатлѣніе. Окна, какъ нарочно, были заставлены и загромождены снизу такъ, что давали свѣтъ только съ одной верхушки. „Чортъ побери, какъ теперь хорошо освѣтилось его лицо!“ сказалъ онъ про себя, и принялся жадно писать, какъ бы опасаясь, чтобы какъ-нибудь не исчезло счастливое освѣщенье. „Экая сила! — повторялъ онъ про себя, — если я хотя вполовину изображу его такъ, какъ онъ есть теперь, онъ убьетъ всѣхъ моихъ святыхъ и ангеловъ: они поблѣднѣютъ предъ нимъ. Какая дьявольская сила! онъ у меня, просто, выскочитъ изъ полотна, если только хоть немного буду вѣренъ натурѣ. Какія необыкновенныя черты!“ повторялъ онъ безпрестанно, усугубляя рвенье, и уже видѣлъ самъ, какъ стали переходить на полотно нѣкоторыя черты. Но чѣмъ болѣе онъ приближался къ нимъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ какое-то тягостное, тревожное чувство, непонятное себѣ самому. Однакоже, несмотря на то, онъ положилъ себѣ преслѣдовать съ буквальною точностью всякую незамѣтную черту и выраженье. Прежде всего занялся онъ отдѣлкою глазъ. Въ этихъ

глазахъ столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать ихъ такъ, какъ были въ натурѣ. Однакоже, во что бы то ни стало, онъ рѣшился доискаться въ нихъ послѣдней мелкой черты и оттѣнка, постигнуть ихъ тайну... Но какъ только началъ онъ входить и углубляться въ нихъ кистью, въ душѣ его возродилось такое странное отвращенье, такая непонятная тягость, что онъ долженъ былъ на нѣсколько времени бросить кисть и потомъ приниматься вновь. Наконецъ, уже не могъ онъ болѣе выносить: онъ чувствовалъ, что эти глаза вонзились ему въ душу и производили въ ней тревогу непостижимую. На другой, на третій день это было еще сильнѣе. Ему сдѣлалось страшно. Онъ бросилъ кисть и сказалъ наотрѣзъ, что не можетъ болѣе писать съ него. Надобно было видѣть, какъ измѣнился при этихъ словахъ страшный ростовщикъ. Онъ бросился къ нему въ ноги и молилъ кончить портретъ, говоря, что отъ этого зависитъ судьба его и существованье въ мірѣ; что уже онъ тронулъ своею кистью его живыя черты; что если онъ передастъ ихъ вѣрно, жизнь его сверхъестественною силою удержится въ портретѣ; что онъ чрезъ то не умретъ совершенно; что ему нужно присутствовать въ мірѣ. Отецъ мой почувствовалъ ужасъ отъ такихъ словъ: они ему показались до того странны и страшны, что онъ бросилъ и кисти, и палитру, и бросился опрометью вонъ изъ комнаты.

Мысль о томъ тревожила его весь день и всю ночь; а поутру онъ получилъ отъ ростовщика портретъ, который принесла ему какая-то женщина, единственное существо, бывшее у него въ услугахъ, объявившая тутъ же, что хозяинъ не хочетъ портрета, не даетъ за него ничего и присылаетъ назадъ. Ввечеру того же дня узналъ онъ, что ростовщикъ умеръ и что собираются уже хоронить его по обрядамъ его религіи. Все это казалось ему неизъяснимо-странно. А между тѣмъ съ этого времени оказалась въ характерѣ его ощутительная перемѣна: онъ чувствовалъ неспокойное, тревожное состояніе, которому самъ не могъ понять причины, и скоро сдѣлалъ онъ такой поступокъ, котораго бы никто не могъ отъ него ожидать. Съ нѣкотораго времени труды одного изъ учениковъ его начали привлекать вниманіе небольшого круга знатоковъ и любителей. Отецъ мой всегда видѣлъ въ немъ талантъ и оказывалъ ему за то свое особенное расположеніе. Вдругъ почувствовалъ онъ къ нему зависть. Всеобщее участіе и толки о немъ сдѣлались ему невыносимы. Наконецъ, къ довершенію досады, узнаетъ онъ, что ученику его предложили написать картину для вновь отстроенной богатой церкви. Это его взорвало.—Нѣтъ, не дамъ же молокососу восторжествовать!—говорилъ онъ,—рано, братъ, вздумалъ стариковъ сажать въ грязь! Еще, слава Богу, есть у меня силы. Вотъ мы увидимъ, кто кого скорѣе посадитъ въ грязь.—И прямодушный, чистый въ душѣ человѣкъ употребилъ интриги и происки, которыми дотолѣ всегда гнушался; добился, наконецъ, того, что на картину объявленъ былъ конкурсъ, и другіе художники могли войти также съ своими работами, послѣ чего заперся онъ въ свою комнату и съ жаромъ принялся за кисть. Казалось, всѣ свои силы, всего себя хотѣлъ онъ сюда собрать. И, точно, это вышло одно изъ лучшихъ его произведеній. Никто не сомнѣвался, чтобы не за нимъ осталось первенство. Картины были представлены, и всѣ прочія показались предъ нею, какъ ночь предъ днемъ. Какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ, если не ошибаюсь, духовная особа, сдѣлалъ замѣчаніе, поразившее всѣхъ.—Въ картинѣ художника, точно, есть много таланта,—сказалъ онъ,—но нѣтъ святости въ лицахъ; есть даже, напротивъ того, что-то демонское въ глазахъ, какъ будто бы рукою художника водило нечистое чувство.—Всѣ взглянули и не могли не убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ. Отецъ мой бросился впередъ къ своей картинѣ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы повѣрить самому такое обидное замѣчаніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ всѣмъ почти фигурамъ придалъ глаза ростовщика. Они такъ глядѣли демонски-сокрушительно, что онъ самъ невольно вздрогнулъ. Картина была отвергнута, и онъ долженъ былъ, къ неописанной своей досадѣ, услышать, что первенство осталось за его ученикомъ. Невозможно было описать того бѣшенства, съ которымъ онъ возвратился домой. Онъ чуть не прибилъ мать мою, разогналъ дѣтей, переломалъ кисти и мольбертъ, схватилъ со стѣны портретъ ростовщика, потребовалъ ножъ и велѣлъ разложить огонь въ каминѣ, намѣреваясь изрѣзать его въ куски и сжечь. На этомъ движеніи засталъ его вошедшій въ комнату пріятель, живописецъ, какъ и онъ, весельчакъ, всегда довольный собой, не заносившійся никакими отдаленными желаніями, работавшій весело все, что попадалось, и еще веселѣй того принимавшійся за обѣдъ и пирушку.

— Что ты дѣлаешь? что собираешься жечь?—сказалъ онъ и подошелъ къ портрету.—Помилуй, это одно изъ самыхъ лучшихъ твоихъ произведеній. Это ростовщикъ, который недавно умеръ; да это совершеннѣйшая вещь. Ты ему, просто, попалъ не въ бровь, а въ самые глаза залѣзъ. Такъ въ жизнь никогда не глядѣли глаза, какъ они глядятъ у тебя.

— А вотъ я посмотрю, какъ они будутъ глядѣть въ огнѣ!—сказалъ отецъ, сдѣлавши движеніе швырнуть портретъ въ каминъ.

— Остановись, ради Бога!—сказалъ пріятель, удержавъ его,—отдай его ужъ лучше мнѣ, если онъ тебѣ до такой степени колетъ глазъ.—Отецъ сначала упорствовалъ, наконецъ согласился, и весельчакъ, чрезвычайно довольный своимъ пріобрѣтеніемъ, утащилъ портретъ съ собою.

По уходѣ его, отецъ мой вдругъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Точно, какъ будто бы вмѣстѣ съ портретомъ свалилась тяжесть съ его души. Онъ самъ изумился своему злобному чувству, своей зависти и явной перемѣнѣ своего характера. Разсмотрѣвши поступокъ свой, онъ опечалился душою и, не безъ внутренней скорби, произнесъ: — Нѣтъ, это Богъ наказалъ меня; картина моя подѣломъ понесла посрамленье. Она была замышлена съ тѣмъ, чтобы погубить брата. Демонское чувство зависти водило моею кистью, демонское чувство должно было и отразиться въ ней.—Онъ немедленно отправился искать бывшаго ученика своего, обнялъ его крѣпко, просилъ у него прощенья и старался, сколько могъ, загладить предъ нимъ вину свою. Работы его вновь потекли попрежнему безмятежно; но задумчивость стала показываться чаще на его лицѣ. Онъ больше молился, чаще бывалъ молчаливъ и не выражался такъ рѣзко о людяхъ; самая грубая наружность его характера какъ-то умягчилась. Скоро одно обстоятельство еще болѣе потрясло его. Онъ уже давно не видался съ товарищемъ своимъ, выпросившимъ у него портретъ. Уже собирался было идти его провѣдать, какъ вдругъ онъ самъ вошелъ неожиданно въ его комнату. Послѣ нѣсколькихъ словъ и вопросовъ съ обѣихъ сторонъ, онъ сказалъ: — Ну, братъ, не даромъ ты хотѣлъ сжечь портретъ. Чортъ его побери, въ немъ есть что-то страшное... Я вѣдьмамъ не вѣрю, но, воля твоя, въ немъ сидитъ нечистая сила...

— Какъ?—сказалъ отецъ мой.

— А такъ, что съ тѣхъ поръ, какъ повѣсилъ я къ себѣ его въ комнату, почувствовалъ тоску такую... точно, какъ будто бы хотѣлъ кого-то зарѣзать. Въ жизнь мою я не зналъ, что такое безсонница, а теперь испыталъ не только безсонницу, но сны такіе... я и самъ не умѣю сказать, сны ли это, или что другое: точно домовой тебя душитъ, и все мерещится проклятый старикъ. Однимъ словомъ, не могу разсказать тебѣ моего состоянія. Подобнаго со мной никогда не бывало. Я бродилъ, какъ шальной, всѣ эти дни: чувствовалъ какую-то боязнь, непріятное ожиданье чего-то. Чувствую, что не могу сказать никому веселаго, искренняго слова; точно, какъ будто возлѣ меня сидитъ шпіонъ какой-нибудь. И только съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ портретъ племяннику, который напросился на него, почувствовалъ, что съ меня вдругъ будто какой-то камень свалился съ плечъ: вдругъ почувствовалъ себя веселымъ, какъ видишь. Ну, братъ, состряпалъ ты чорта!

Во время этого разсказа отецъ мой слушалъ его съ неразвлекаемымъ вниманіемъ и, наконецъ, спросилъ:—И портретъ теперь у твоего племянника?

— Куда у племянника! не выдержалъ!—сказалъ весельчакъ,—знать, душа самого ростовщика переселилась въ него: онъ выскакиваетъ изъ рамъ, расхаживаетъ по комнатѣ, и то, что разсказываетъ племянникъ, просто уму непонятно. Я бы принялъ его за сумасшедшаго, если бы отчасти не испыталъ самъ. Онъ его продалъ какому-то собирателю картинъ, да и тотъ не вынесъ его и тоже какому-то сбылъ съ рукъ.

Этотъ разсказъ произвелъ сильное впечатлѣніе на моего отца. Онъ задумался не въ шутку, впалъ въ ипохондрію и, наконецъ, совершенно увѣрился въ томъ, что кисть его послужила дьявольскимъ орудіемъ, что часть жизни ростовщика перешла въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь въ портретъ и тревожитъ теперь людей, внушая бѣсовскія побужденія, совращая художника съ пути, порождая страшныя терзанья зависти, и проч., и проч. Три случившіяся вслѣдъ за тѣмъ несчастія, три внезапныя смерти: жены, дочери и малолѣтняго сына, почелъ онъ небесною казнью себѣ и рѣшился непремѣнно оставить свѣтъ. Какъ только минуло мнѣ девять лѣтъ, онъ помѣстилъ меня въ академію художествъ и, расплатясь съ своими должниками, удалился въ одну уединенную обитель, гдѣ скоро постригся въ монахи. Тамъ строгостью жизни, неусыпнымъ соблюденьемъ всѣхъ монастырскихъ правилъ онъ изумилъ всю братью. Настоятель монастыря, узнавши объ искусствѣ его кисти, требовалъ отъ него написать главный образъ въ церковь. Но смиренный братъ сказалъ наотрѣзъ, что онъ недостоинъ взяться за кисть, что она осквернена, что трудомъ и великими жертвами онъ долженъ прежде очистить свою душу, чтобы удостоиться приступить къ такому дѣлу. Его не хотѣли принуждать. Онъ самъ увеличивалъ для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконецъ, уже и она становилась ему недостаточною и не довольно строгою. Онъ удалился, съ благословенья настоятеля, въ пустынь, чтобъ быть совершенно одному. Тамъ изъ древесныхъ вѣтвей выстроилъ онъ себѣ келью, питался одними сырыми кореньями, таскалъ на себѣ камни съ мѣста на мѣсто, стоялъ отъ восхода до захода солнечнаго на одномъ и томъ же мѣстѣ съ поднятыми къ небу руками, читая безпрерывно молитвы,— словомъ, изыскивалъ, казалось, всѣ возможныя степени терпѣнья и того непостижимаго самоотверженья, которому примѣры можно развѣ найти въ

однихъ только житіяхъ святыхъ. Такимъ образомъ, долго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, изнурялъ онъ свое тѣло, подкрѣпляя его въ то же время живительною силою молитвы. Наконецъ, въ одинъ день пришелъ онъ въ обитель и сказалъ твердо настоятелю:—Теперь я готовъ; если Богу угодно, я совершу свой трудъ.—Предметъ, взятый имъ, было Рождество Іисуса. Цѣлый годъ сидѣлъ онъ за нимъ, не выходя изъ своей кельи, едва питая себя суровой пищей, молясь безпрестанно. По истеченіи года картина была готова. Это было, точно, чудо кисти. Надобно знать, что ни братья, ни настоятель не имѣли большихъ свѣдѣній въ живописи, но всѣ были поражены необыкновенной святостью фигуръ. Чувство божественнаго смиренья и кротости въ лицѣ Пречистой Матери, склонившейся надъ Младенцемъ, глубокій разумъ въ очахъ Божественнаго Младенца, какъ будто уже что-то прозрѣвающихъ вдали, торжественное молчанье пораженныхъ божественнымъ чудомъ царей, повергнувшихся къ ногамъ Его, и, наконецъ, святая, невыразимая тишина, обнимающая всю картину,—все это предстало въ такой согласной силѣ и могуществѣ красоты, что впечатлѣніе было магическое. Вся братья повергалась на колѣни предъ новымъ образомъ, и умиленный настоятель произнесъ:—Нѣтъ, нельзя человѣку съ помощью одного человѣческаго искусства произвести такую картину: святая, высшая сила водила твоею кистью, и благословенье небесъ почило на трудѣ твоемъ.

Въ это время окончилъ я свое ученье въ академіи, получилъ золотую медаль и вмѣстѣ съ нею радостную надежду на путешествіе въ Италію—лучшую мечту двадцатилѣтняго художника. Мнѣ оставалось только проститься съ моимъ отцомъ, съ которымъ уже двѣнадцать лѣтъ какъ я разстался. Признаюсь, даже самый образъ его давно исчезнулъ изъ моей памяти. Я уже нѣсколько наслышался о суровой святости его жизни и заранѣе воображалъ себѣ встрѣтить черствую наружность отшельника, чуждаго всему въ мірѣ, кромѣ своей кельи и молитвы, изнуреннаго, высохшаго отъ вѣчнаго поста и бдѣнія. Но какъ же я изумился, когда предсталъ предо мною прекрасный, почти божественный старецъ! И слѣдовъ изможденія не было замѣтно на его лицѣ: оно сіяло свѣтлостью небеснаго веселья. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода и тонкіе, почти воздушные, волосы такого же серебристаго цвѣта разсыпались картинно по груди и по складкамъ его черной рясы и падали до самаго вервія, которымъ опоясывалась его убогая монашеская одежда. Но болѣе всего изумительно было для меня услышать изъ устъ его такія слова и мысли объ искусствѣ, которыя, признаюсь, я долго буду хранить въ душѣ и желалъ бы искренно, чтобы всякій мой собратъ сдѣлалъ то же.

— Я ждалъ тебя, сынъ мой,—сказалъ онъ, когда я подошелъ къ его благословенью.—Тебѣ предстоитъ путь, по которому отнынѣ потечетъ жизнь твоя. Путь твой чистъ — не совратись съ него. У тебя есть талантъ; талантъ есть драгоцѣннѣйшій даръ Бога—не погуби его. Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души... Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ, и по тому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненья мірского; во сколько разъ творенье выше разрушенья; во сколько разъ ангелъ одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны, — во сколько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искусства. Все принеси ему въ жертву и возлюби его всей страстью,—не страстью, дышащею земнымъ вожделѣньемъ, но тихой, небесной страстью: безъ нея не властенъ человѣкъ возвыситься отъ земли и не можетъ дать чудныхъ звуковъ успокоенія; ибо для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства. Оно не можетъ поселить ропота въ душу, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу. Но есть минуты, темныя минуты...—Онъ остановился, и я замѣтилъ, что вдругъ омрачился свѣтлый ликъ его, какъ будто бы на него набѣжало какое-то мгновенное облако.—Есть одно происшествіе въ моей жизни,—сказалъ онъ.—Донынѣ я не могу понять, кто былъ тотъ страшный образъ, съ котораго я написалъ изображеніе. Это было точно какое-то дьявольское явленіе. Я знаю, свѣтъ отвергаетъ существованье дьявола, и потому не буду говорить о немъ; но скажу только, что я съ отвращеніемъ писалъ его: я не чувствовалъ въ то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно, заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданье искусства, и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, суть уже мятежныя чувства, тревожныя чувства, не чувства художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышитъ покоемъ. Мнѣ говорили, что пор-

третъ этотъ ходитъ по рукамъ и разсѣваетъ томительныя впечатлѣнія, зарождая въ художникѣ чувства зависти, мрачной ненависти къ брату, злобную жажду производить гоненья и угнетенья. Да хранитъ тебя Всевышній отъ сихъ страстей! Нѣтъ ихъ страшнѣе. Лучше вынести всю горечь возможныхъ гоненій, чѣмъ нанести кому-либо одну тѣнь гоненья. Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дому въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стоитъ только быть обрызнуту одною каплей грязи изъ-подъ колеса, и уже весь народъ обступилъ его и указываетъ на него пальцемъ, и толкуетъ объ его неряшествѣ, тогда какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо на будничныхъ одеждахъ не замѣчаются пятна.

Онъ благословилъ меня и обнялъ. Никогда въ жизни не былъ я такъ возвышенно подвигнутъ. Благоговѣйно, болѣе, чѣмъ съ чувствомъ сына, прильнулъ я къ груди его и поцѣловалъ въ разсыпавшіеся его серебряные волосы.

Слеза блеснула въ его глазахъ.—Исполни, сынъ мой, одну мою просьбу,—сказалъ онъ мнѣ уже при самомъ разставаньи.—Можетъ быть, тебѣ случится увидать гдѣ-нибудь тотъ портретъ, о которомъ я говорилъ тебѣ, — ты его узнаешь вдругъ по необыкновеннымъ глазамъ и неестественному ихъ выраженію, — во что бы то ни стало истреби его...

Вы можете судить сами, могъ ли я не обѣщать клятвенно исполнить такую просьбу. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ не случалось мнѣ встрѣтить ничего такого, что бы хотя сколько-нибудь походило на описаніе, сдѣланное моимъ отцомъ какъ вдругъ теперь на аукціонѣ...

Здѣсь художникъ, не договоривъ еще своей рѣчи, обратилъ глаза на стѣну съ тѣмъ, чтобы взглянуть еще разъ на портретъ. То же самое движеніе сдѣлала въ одинъ мигъ вся толпа слушавшихъ, ища глазами необыкновеннаго портрета. Но, къ величайшему изумленію, его уже не было на стѣнѣ. Невнятный говоръ и шумъ пробѣжалъ по всей толпѣ, и вслѣдъ затѣмъ послышались явственно слова:—украденъ.—Кто-то успѣлъ уже стащить его, воспользовавшись вниманьемъ слушателей, увлеченныхъ разсказомъ. И долго всѣ присутствовавшіе оставались въ недоумѣніи, не зная, дѣйствительно ли они видѣли эти необыкновенные глаза, или же это была, просто, мечта, представшая только на мигъ глазамъ ихъ, утружденнымъ долгимъ разсматриваньемъ старинныхъ картинъ.

Писано въ 1837—1842.

ШИНЕЛЬ.

Въ департаментѣ... но лучше не называть, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода департаментовъ, полковъ, канцелярій и, словомъ, всякаго рода должностныхъ сословій. Теперь уже всякій частный человѣкъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество. Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитанъ-исправника, не помню, какого-то города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнутъ государственныя постановленія и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого-то романтическаго сочиненія, гдѣ, чрезъ каждыя десять страницъ, является капитанъ-исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. И такъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ, о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*. И такъ, *въ одномъ департаментѣ* служилъ *одинъ чиновникъ*,—чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется, геморроидальнымъ... Что-жъ дѣлать! виноватъ петербургскій климатъ. Что касается до чина (ибо у насъ прежде всего нужно объявить чинъ), то онъ былъ то, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ, какъ извѣстно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновеніе налегать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться. Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла отъ башмака; но когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака,—ничего этого неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, и всѣ совершенно Башмачкины ходили въ сапогахъ, перемѣняя только раза три въ годъ подметки. Имя его было Акакій Акакіевичъ. Можетъ быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и выисканнымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а что сами собою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вотъ какъ. Родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница-матушка, чиновница, и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей,

а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ сенатѣ, и кума, жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей, Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родильницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать: Мокія, Соссія, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. „Нѣтъ, — подумала покойница, — имена-то все такія“. Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ — вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій, „Вотъ это наказаніе!—проговорила старуха,—какія все имена! Я, право, никогда и не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадатъ или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій“. Еще перевоpотили страницу—вышли: Павсикахій и Вахтисій. „Ну, ужъ я вижу,—сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій“. Такимъ образомъ и произошелъ Акакій Акакіевичъ. Ребенка окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. И такъ, вотъ какимъ образомъ произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никакъ невозможно. Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: „Перепишите“, или: „Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце“, или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ же предъ нимъ разныя составленныя про него исторіи; про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ, какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой“. И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...

Врядъ ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы, соразмѣрно его рвенію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу да нажилъ геморрой въ поясницу. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человѣкъ и желая воз-

наградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье: именно изъ готоваго уже дѣла велѣно было ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ да перемѣнить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и наконецъ сказалъ: „Нѣтъ, лучше, дайте, я перепишу что-нибудь“. Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать. Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ у него былъ—не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что, какъ извѣстно, всегда посмотритъ его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу панталонъ стремешка, — что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скрипѣнья перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задаетъ себѣ добровольно, больше даже, чѣмъ нужно, неугомонный человѣкъ, когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ; кто на улицу, опредѣляя его на разсматриванье кое-какихъ шляпенокъ; кто на вечеръ—истратить его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшого чиновнаго круга; кто, — и это случается чаще всего, — идетъ, просто, къ своему брату въ четвертый или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кухней и коекакими модными претензіями, лампой или иной вещицей, стоившей многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній, — словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣиваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ штурмовой вистъ, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копѣечными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, разсказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ, или даже, когда не о чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента;— словомъ, даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра? Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который, съ четырьмя стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы можетъ быть до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титулярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ, получающихъ 400 рублей въ годъ жалованья или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинаетъ онъ

— Отчего же нельзя, Петровичъ?—сказалъ онъ.

давать такіе сильные и колючіе щелчки безъ разбору по всѣмъ носамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ это время, когда даже у занимающихъ высшія должности болитъ отъ морозу лобъ, и слезы выступаютъ на глазахъ, бѣдные титулярные совѣтники иногда бываютъ беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелишкѣ перебѣжать, какъ можно скорѣе, пять-шесть улицъ и потомъ натопаться хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованья къ должностнымъ отправленіямъ. Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно сильно стало проп кать въ спину и плечо, несмотря на то, что онъ старался перебѣжать, какъ можно скорѣе, законное пространство. Онъ подумалъ, наконецъ, не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, именно, на спинѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точно сернянка: сукно до того истерлось, что сквозило и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насмѣшекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла какое-то странное устройство; воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ на подтачиванье другихъ частей ея. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мѣшковато и некрасиво. Увидѣвши, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не питалъ въ головѣ какого-нибудь другого предпріятія. Объ этомъ портномъ, конечно, не слѣдовало бы много говорить, но такъ какъ уже заведено, чтобы въ повѣсти характеръ всякаго лица былъ совершенно означенъ, то, нечего дѣлать, подавайте намъ и Петровича сюда. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ у какого-то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ, безъ разбору, по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ. Съ этой стороны онъ былъ вѣренъ дѣдовскимъ обычаямъ и, споря съ женой, называлъ ее мірскою женщиной и пѣмкой. Такъ какъ мы уже заикнулись про жену, то нужно будетъ и о ней сказать слова два; но, къ сожалѣнію, о ней не много было извѣстно, развѣ только то, что у Петровича есть жена, носитъ даже чепчикъ, а не платокъ; но красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться; по крайней мѣрѣ, при встрѣчѣ съ нею, одни только гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой-то особый голосъ.

Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая,—надобно отдать справедливость,—была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣстъ глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ,—взбираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму въ кухнѣ, что нельзя было видѣть даже и самыхъ таракановъ. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, незамѣченный даже самою хозяйкою, и вступилъ, наконецъ, въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашеномъ столѣ и подвернувшаго подъ себя ноги свои, какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ; и прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень извѣстный Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ игличное ухо, не попадалъ и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: „Не лѣзетъ, варварка! Уѣла ты меня, шельма этакая!“ Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту, когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подъ-куражемъ, или, какъ выражалась жена его: „осадился сивухой, одноглазый чортъ“. Въ такомъ состояніи Петровичъ, обыкновенно, очень охотно уступалъ и соглашался, всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена, плачась, что мужъ-де былъ пьянъ и потому дешево взялся; но гривенникъ, бывало, одинъ прибавишь — и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому крутъ, несговорчивъ и охотникъ заламывать чортъ знаетъ какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣлъ было уже, какъ говорится, на попятный дворъ, но

ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурилъ на него очень пристально свой единственный глазъ и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ: „Здравствуй, Петровичъ!“—„Здравствовать желаю, сударь!“—сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

— А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того!..—Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся большею частью предлогами, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: „Это, право, совершенно того...“ а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

— Что-жъ такое? — сказалъ Петровичъ и обсмотрѣлъ въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь вицмундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалдъ и петлей, что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ: это первое, что онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

— А я вотъ, того, Петровичъ... шинель-то, сукно... вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое... оно немножко запылилось и кажется, какъ будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того... на спинѣ, да еще вотъ на плечѣ одномъ немного попротерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко.. видишь? вотъ и все. И работы немного...

Петровичъ взялъ капотъ, разложилъ его сначала на столъ, разсматривалъ долго, покачалъ головою и полѣзъ рукою на окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого-то генерала,— какого именно, неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ и потомъ заклеено четвероугольнымъ лоскуточкомъ бумажки. Понюхавъ табаку, Петровичъ растопырилъ капотъ на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта, и опять покачалъ головою; потомъ обратилъ его подкладкой вверхъ и вновь покачалъ; вновь снялъ крышку съ генераломъ, заклеенным бумажкой, и, натащивши въ носъ табаку, закрылъ, спряталъ табакерку и, наконецъ, сказалъ: — Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ ёкнуло сердце.

— Отчего же нельзя, Петровичъ? — сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка,—вѣдь только всего, что на плечахъ поистерлось; вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки...

— Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся,—сказалъ Петровичъ,—да пошить-то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой—а вотъ ужъ оно и ползетъ.

— Пускай ползетъ, а ты тотчасъ заплаточку.

— Да заплаточки не на чемъ положить, укрѣпиться ей не за что: поддержка больно велика. Только слава, что сукно, а подуй вѣтеръ, такъ разлетится.

— Ну, да ужъ прикрѣпи. Какъ же этакъ, право, того!..

— Нѣтъ,—сказалъ Петровичъ рѣшительно,— ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣлайте изъ нея себѣ онучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ); а шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать.

При словѣ „новую“ у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что ни было въ комнатѣ, такъ и пошло предъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно одного только генерала съ заклееннымъ бумажкой лицомъ, находившагося на крышкѣ Петровичевой табакерки.—Какъ же новую?—сказалъ онъ, все еще какъ будто находясь во снѣ,— вѣдь у меня и денегъ на это нѣтъ.

— Да, новую,—сказалъ съ варварскимъ спокойствіемъ Петровичъ.

— Ну, а если бы пришлось новую, какъ бы она того?..

— То-есть, что будетъ стоить?

— Да.

— Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить, — сказалъ Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

— Полтораста рублей за шинель!—вскрикнулъ бѣдный Акакій Акакіевичъ,—вскрикнулъ, можетъ-быть, въ первый разъ отъ-роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

— Да-съ,—сказалъ Петровичъ,—да еще какова шинель. Если положить на воротникъ куницу, да пустить капюшонъ на шелковой подкладкѣ, такъ и въ двѣсти войдетъ.

— Петровичъ, пожалуйста,—говорилъ Акакій Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эффектовъ,—какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила.

— Да нѣтъ, это выйдетъ—и работу убивать, и деньги попусту тратить,—сказалъ Петровичъ, и Акакій Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ,

совершенно уничтоженный. А Петровичъ, по уходѣ его, долго еще стоялъ, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ.

Вышедъ на улицу, Акакій Акакіевичъ былъ какъ во снѣ.—Этаково-то дѣло этакое,—говорилъ онъ самъ себѣ,—я, право, и не думалъ, чтобы оно вышло того...—а потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ,—такъ вотъ какъ! наконецъ, вотъ что вышло! а я, право, совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было этакъ.—За симъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ:—Такъ этакъ-то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того... этого бы никакъ... этакое-то обстоятельство!—Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозрѣвая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ: — Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара? — Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣлъ въ ясномъ и настоящемъ видѣ свое положеніе, сталъ разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно поговорить о дѣлѣ самомъ сердечномъ и близкомъ.—Ну, нѣтъ,—сказалъ Акакій Акакіевичъ,—теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того... жена, видно, какъ-нибудь поколотила его. А вотъ я лучше приду къ нему въ воскресный день утромъ: онъ послѣ канунешной субботы будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмелиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривенничекъ и того въ руку—онъ и будетъ сговорчивѣе, и шинель тогда и того...—Такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, ободрилъ себя и дождался перваго воскресенья, и, увидѣвъ издали, что жена Петровича куда-то выходила изъ дому, онъ—прямо къ нему. Петровичъ, точно, послѣ субботы сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись; но при всемъ томъ, какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, точно какъ будто его чортъ толкнулъ. — Нельзя, — сказалъ, — извольте заказать новую.—Акакій Акакіевичъ тутъ-то и всунулъ ему гривенничекъ.—Благодарствую, сударь, подкрѣплюсь маленечко за ваше здоровье,—сказалъ Петровичъ,—а ужъ объ шинели не извольте безпокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ постоимъ.

Акакій Акакіевичъ еще было насчетъ починки, но Петровичъ не дослышалъ и сказалъ:—Ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положиться, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода, воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аплике.

Тутъ-то увидѣлъ Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ совершенно духомъ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣщены и распредѣлены впередъ. Требовалось завести новыя панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ, да слѣдовало заказать швеѣ три рубахи да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ; словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтись, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ, опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ, чортъ знаетъ какую непомѣрную цѣну, такъ что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть:—Что ты съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что возьметъ работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стоитъ.—Хотя, конечно, онъ зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать; однако, все же, откуда взять эти восемьдесятъ рублей? Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; можетъ быть даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, гдѣ взялась первая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго истрачиваемаго рубля откладывать по грошу въ небольшой ящичекъ, запертый на ключъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истеченіи всякаго полугода онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, оказалось накопившейся суммы болѣе, чѣмъ на сорокъ рублей. И такъ, половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять

другую половину? гдѣ взять другіе сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя по крайней мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, идти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самимъ временемъ. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыклось и пошло на ладъ,—даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ, но за то онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу,—и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ—всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли, точно, куницу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: „ухъ!“ и перекрестился. Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы говорить о шинели: гдѣ лучше купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну,—и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что, наконецъ, придетъ же время, когда все это купится и когда шинель будетъ сдѣлана. Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Ужъ предчувствовалъ ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само собой такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца небольшого голоданья—и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго—и не мудрено, потому что объ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкій мѣсяцъ не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ; за то самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шелку, и даже на видъ казистѣй и глянцовитѣй. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога, а вмѣсто ея выбрали кошку лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ,—кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣнадцать рублей—меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытисняя ими разныя фигуры. Это было... трудно сказать въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было идти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново. Онъ вынулъ шинель изъ носового платка, въ которомъ ее принесъ (платокъ былъ только-что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія). Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плечи Акакію Акакіевичу, потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой книзу; потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько на-распашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать

въ рукава; Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава—вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ впору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотрѣть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то-есть прямо въ лицо. Между тѣмъ Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару. Неизвѣстно, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же минуту выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель Акакія Акакіевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ, приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ, Акакій Акакіевичъ потерялся совершенно, не зналъ, какъ ему быть, что такое отвѣчать и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь закраснѣвшись, началъ было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ, какой-то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ ничуть не гордецъ и знается даже съ низшими себя, сказалъ:—Такъ и быть, я вмѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ, и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ.—Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столоначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что, просто, стыдъ и срамъ, и онъ ужъ никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось пріятно, когда вспомнилъ, что онъ будетъ имѣть чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру въ новой шинели. Этотъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый больной торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, скинулъ шинель и повѣсилъ ее бережно на стѣнѣ, налюбовавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненья, прежній капотъ свой, совершенно расползшійся. Онъ взглянулъ на него, и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! И долго еще потомъ за обѣдомъ онъ все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ которомъ находился капотъ. Пообѣдалъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего не писалъ, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣлъ на плечи шинель и вышелъ на улицу. Гдѣ именно жилъ пригласившій чиновникъ, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: память начинаетъ намъ сильно измѣнять, и все, что ни есть въ Петербургѣ, всѣ улицы и дома слились и смѣшались такъ въ головѣ, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь въ порядочномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно по крайней мѣрѣ то, что чиновникъ жилъ въ лучшей части города, стало-быть, очень неблизко отъ Акакія Акакіевича. Сначала надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынныя улицы съ тощимъ освѣщеніемъ, но, по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились живѣе, населенѣй и сильнѣе освѣщены; пѣшеходы стали мелькать чаще, начинали попадаться и дамы, красиво одѣтыя; на мужчинахъ попадались бобровые воротники; рѣже встрѣчались ваньки съ деревянными рѣшетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками; напротивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками, съ медвѣжьими одѣялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снѣгу, кареты съ убранными козлами. Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ освѣщеннымъ окошкомъ магазина посмотрѣть на картину, гдѣ изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала съ себя башмакъ, обнаживши такимъ образомъ всю ногу, очень недурную; а за спиной ея, изъ дверей другой комнаты, выставилъ голову какой-то мужчина съ бакенбардами и красивой эспаньолкой

подъ губой. Акакій Акакіевичъ покачнулъ головой и усмѣхнулся, и потомъ пошелъ своею дорогою. Почему онъ усмѣхнулся? потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе незнакомую, но о которой, однакоже, все-таки у каждаго сохраняется какое-то чутье, или подумалъ онъ, подобно многимъ другимъ чиновникамъ, слѣдующее:—Ну, ужъ эти французы! что и говорить! Ужъ ежели захотятъ что-нибудь того, такъ ужъ точно, того!!.—А можетъ быть, даже и этого не подумалъ: вѣдь нельзя же залѣзть въ душу человѣку и узнать все, что онъ ни думаетъ. Наконецъ, достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника. Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди комнаты, стоялъ самоваръ, шумя и испуская клубами паръ. На стѣнахъ висѣли все шинели да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣнкой былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами, сливочникомъ и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакій Акакіевичъ, повѣсивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату, и передъ нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его бѣглый, со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передвигаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ, и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій Акакіевичъ хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человѣкомъ чистосердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его, и шинель, и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для виста. Все это: шумъ, говоръ и толпа людей,—все это было какъ-то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ, просто, не зналъ, какъ ему быть, куда дѣть руки, ноги и всю фигуру свою; наконецъ, подсѣлъ онъ къ игравшимъ, смотрѣлъ въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно,—тѣмъ болѣе, что ужъ давно наступило то время, въ которое онъ, по обыкновенію, ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непремѣнно надо выпить, въ честь обновки, по бокалу шампанскаго. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однакожъ никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой. Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшею на полу, стряхнулъ ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣлъ на плечи и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавчонки, эти безсмѣнные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты; другія же, которыя были заперты, показывали, однакожъ, длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что онѣ не лишены еще общества и, вѣроятно, дворовыя служанки или слуги еще доканчиваютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопребыванія. Акакій Акакіевичъ шелъ въ веселомъ расположеніи духа, даже побѣжалъ было вдругъ, неизвѣстно почему, за какою-то дамою, которая, какъ молнія, прошла мимо и у которой всякая часть тѣла была исполнена необыкновеннаго движенія. Но, однакожъ, онъ тутъ же остановился и пошелъ опять попрежнему очень тихо, подивясь даже самъ неизвѣстно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынныя улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онѣ сдѣлались еще глуше и уединеннѣе: фонари стали мелькать рѣже—масла, какъ видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные домы, заборы; нигдѣ ни души; сверкалъ только одинъ снѣгъ по улицамъ, да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькія лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью съ едва видными на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею.

Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ, которая казалась стоявшею на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ—точное море вокругъ него. „Нѣтъ, лучше и не глядѣть“, подумалъ и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами,—какіе именно, ужъ этого онъ не могъ

даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди. — А вѣдь шинель-то моя!— сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать: „караулъ“, какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ:— А вотъ только крикни! — Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и поднялся на ноги, но ужъ никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно и шинели нѣтъ, сталъ кричать; но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до концовъ площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ, подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человѣкъ. Акакій Акакіевичъ, прибѣжавъ къ нему, началъ задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спитъ и ни за чѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ человѣка. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ не видалъ ничего, что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе-то два человѣка, да думалъ, что то были его пріятели; а что пусть онъ вмѣсто того, чтобы понапрасну браниться, сходитъ завтра къ надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель. Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бокъ и грудь, и всѣ панталоны были въ снѣгу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стукъ въ дверь, поспѣшно вскочила съ постели и, съ башмакомъ на одной только ногѣ, побѣжала отворять дверь, придерживая на груди своей, изъ скромности, рукою рубашку; но, отворивъ, отступила назадъ, увидя въ такомъ видѣ Акакія Акакіевича. Когда же разсказалъ онъ, въ чемъ дѣло, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщается и станетъ водить; а лучше всего идти прямо къ частному, что онъ даже ей знакомъ, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нея въ кухаркахъ, опредѣлилась теперь къ частному въ няньки, что она часто видитъ его самого, какъ онъ проѣзжаетъ мимо ихъ дома, и что онъ бываетъ также всякое воскресенье въ церкви, молится, а въ то же время весело смотритъ на всѣхъ, и что, стало-быть, по всему видно, долженъ быть добрый человѣкъ. Выслушавъ такое рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ, печальный, побрелъ въ свою комнату, и какъ онъ провелъ тамъ ночь—предоставляется судить тому, кто можетъ сколько-нибудь представить себѣ положеніе другого. Поутру рано отправился онъ къ частному, но сказали, что спитъ; онъ пришелъ въ десять— сказали опять: „спитъ“; онъ пришелъ въ одиннадцать часовъ—сказали: „да нѣтъ частнаго дома“; онъ въ обѣденное время—но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли непремѣнно узнать, за какимъ дѣломъ и какая надобность привела, и что такое случилось; такъ что, наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни захотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, что онъ пришелъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, а что вотъ, какъ онъ на нихъ пожалуется, такъ вотъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать частнаго. Частный принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ о грабительствѣ шинели. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался? да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возымѣетъ ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ капотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе. Повѣствованіе о грабежѣ шинели,—несмотря на то, что нашлись такіе чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ,—однако-же многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому что чиновники и безъ того уже много истратились, подписавшись на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю; и такъ, сумма оказалась самая бездѣльная. Одинъ кто-то, движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобъ онъ пошелъ не къ квартальному, потому что, хоть и можетъ случиться, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ-нибудь образомъ шинель, но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему; а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному *значительному лицу;* что *значительное лицо*, спишась и снесясь, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе идти

дѣло. Нечего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился идти къ значительному лицу. Какая именно и въ чемъ состояла должность *значительнаго лица*, это осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сдѣлался значительнымъ лицомъ, а до того времени онъ былъ незначительнымъ лицомъ. Впрочемъ, мѣсто его и теперь не почиталось значительнымъ, въ сравненіи съ другими, еще значительнѣйшими. Но всегда найдется такой кругъ людей, для которыхъ незначительное въ глазахъ прочихъ есть уже значительное. Впрочемъ, онъ старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобъ шло все порядкомъ строжайшимъ; коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернскій секретарь—титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него. Такъ ужъ на святой Руси все заражено подражаніемъ: всякій дразнитъ и корчитъ своего начальника. Говорятъ даже, какой-то титулярный совѣтникъ, когда сдѣлали его правителемъ какой-то отдѣльной небольшой канцеляріи, тотчасъ же отгородилъ себѣ особенную комнату, назвавши ее „комнатой присутствія“, и поставилъ у дверей какихъ-то кавельдинеровъ, съ красными воротниками, въ галунахъ, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя въ „комнатѣ присутствія“ насилу могъ уставиться обыкновенный письменный столъ. Пріемы и обычаи *значительнаго лица* были солидны и величественны, но немногосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость. „Строгость, строгость и—строгость“, говаривалъ онъ обыкновенно, и при послѣднемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали, оставлялъ уже дѣло и ожидалъ, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ: „Какъ вы смѣете? знаете ли вы, съ кѣмъ говорите? понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?“ Впрочемъ, онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ; но генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ ровными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ,—человѣкъ очень порядочный, во многихъ отношеніяхъ даже неглупый человѣкъ; но какъ только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его, тамъ онъ былъ просто хоть изъ рукъ вонъ: молчалъ, и положеніе его возбуждало жалость тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будетъ ли это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамильярно, и не уронитъ ли онъ чрезъ то своего значенія? И вслѣдствіе такихъ разсужденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣдка какіе-то односложные звуки, и пріобрѣлъ такимъ образомъ титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому-то *значительному лицу* явился нашъ Акакій Акакіевичъ, и явился во время самое неблагопріятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочемъ, кстати для значительнаго лица. Значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговорился очень-очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ старинным знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время доложили ему, что пришелъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто: — Кто такой?—ему отвѣчали:—какой-то чиновникъ.— А! можетъ подождать, теперь не время, — сказалъ значительный человѣкъ. Здѣсь надобно сказать, что значительный человѣкъ совершенно прилгнулъ: ему было время; они давно уже съ пріятелемъ переговорили обо всемъ и уже давно перекладывали разговоръ весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая другъ друга по ляжкѣ и приговаривая: „такъ-то, Иванъ Абрамовичъ!“—„Этакъ-то, Степанъ Варламовичъ!“ Но при всемъ томъ, однакоже, велѣлъ онъ чиновнику подождать, чтобы показать пріятелю, человѣку, давно не служившему и зажившемуся дома въ деревнѣ, сколько времени чиновники дожидаются у него въ передней. Наконецъ, наговорившись, а еще болѣе намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку, въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ будто вдругъ вспомнилъ и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада:—Да, вѣдь, тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти.— Увидѣвши смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ:—Что вамъ угодно?—голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣе у себя въ комнатѣ, въ

— А вѣдь шинель то моя!—сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ.

уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральскаго чина. Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смутился и, какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснилъ, съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время, частицъ „того“, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобъ онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь того, списался бы съ г. оберъ-полицеймейстеромъ или другимъ кѣмъ и отыскалъ шинель. Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамильярнымъ.—Что вы, милостивый государь, — продолжалъ онъ отрывисто,—не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана была бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ...

— Но, ваше превосходительство, — сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ,—я, ваше превосходительство, осмѣлился утрудить потому, что секретари того... непадежный народъ...

— Что, что, что? — сказалъ значительное лицо,—откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!—Значительное лицо, кажется, не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ, сталобыть, если онъ и могъ назваться молодымъ человѣкомъ, то развѣ только относительно, то-есть въ отношеніи къ тому, кому уже было семьдесятъ лѣтъ.—Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это? Понимаете ли это? я васъ спрашиваю.—Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія. А значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданіе, и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка, искоса взглянулъ на пріятеля, чтобы узнать, какъ онъ на это смотритъ, и не безъ удовольствія увидѣлъ, что пріятель его находился въ самомъ неопредѣленномъ состояніи и начиналъ даже съ своей стороны самъ чувствовать страхъ.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу, — ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ, ни ногъ: въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, и когда явился докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелся сдѣлать, какъ только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а впрочемъ тутъ же объявилъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капутъ, послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ: — А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому что дубовый будетъ для него дорогъ.—Слышалъ ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенныя роковыя для него слова, а если и слышалъ, произвели ли они на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣлъ ли онъ о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвѣстно, потому что онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другого страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими-то западнями для воровъ, которые чудились ему безпрестанно подъ кроватью, и онъ поминутно призывалъ хозяйку вытащить у него одного вора даже изъ-подъ одѣяла; то, спрашивая, зачѣмъ виситъ передъ нимъ старый капотъ его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканье, и приговариваетъ: „Виноватъ, ваше превосходительство!“ то, наконецъ, даже сквернохульничалъ, произнося самыя страшныя слова, такъ что старушка-хозяйка даже крестилась, отъ роду не слыхавъ отъ него ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что слова эти слѣдовали непосредственно за словомъ „ваше превосходительство“. Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу, такъ что ничего нельзя было понять; можно было только видѣть, что безпорядочныя слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ

испустилъ духъ. Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось очень немного наслѣдства, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю капотъ. Кому все это досталось, Богъ знаетъ: объ этомъ, признаюсь, даже не интересовался разсказывающій сію повѣсть. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманіе и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!.. Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ, съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуетъ; но сторожъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, давши отчетъ, что не можетъ больше придти, и на запросъ: „почему?“ выразился словами: „Да такъ: ужъ онъ умеръ; четвертаго дня похоронили“. Такимъ образомъ узнали въ департаментѣ о смерти Акакія Акакіевича, и на другой день уже на его мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставлявшій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе.

Но кто бы могъ вообразить, что здѣсь еще не все объ Акакіи Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь? Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша неожиданно принимаетъ фантастическое окончаніе. По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ, въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели, и, подъ видомъ стащенной шинели, сдирающій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, енотовыя, лисьи, медвѣжьи шубы, — словомъ всякаго рода мѣха и кожи, какія только придумали люди для прикрытія собственной. Одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича; но это внушило ему, однакоже, такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и оттого не могъ хорошенько разсмотрѣть, а видѣлъ только, какъ тотъ издали погрозилъ ему пальцемъ. Со всѣхъ сторонъ поступали безпрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярныхъ, но даже и надворныхъ совѣтниковъ, подвержены совершенной простудѣ, по причинѣ частаго сдергиванья шинелей. Въ полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ, и въ томъ едва было даже не успѣли. Именно, будочникъ какого-то квартала въ Кирюшкиномъ переулкѣ схватилъ было уже совершенно мертвеца за воротъ на самомъ мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризовую шинель съ какого-то отставного музыканта, свиставшаго въ свое время на флейтѣ. Схвативши его за воротъ, онъ вызвалъ своимъ крикомъ двухъ другихъ товарищей, которымъ поручилъ держать его, а самъ полѣзъ только на одну минуту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить на время шесть разъ на вѣку приморожденный носъ свой; но табакъ, вѣрно, былъ такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвецъ. Не успѣлъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потянуть лѣвою полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троимъ глаза. Покамѣстъ они поднесли кулаки протереть ихъ, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ что они не знали даже, былъ ли онъ, точно, въ ихъ рукахъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже опасались хватать и живыхъ, и только издали покрикивали: „эй, ты, ступай своею дорогою!“ и мертвецъ-чиновникъ сталъ показываться даже за Калинкинымъ мостомъ, наводя немалый страхъ на всѣхъ робкихъ людей. Но мы, однакоже, совершенно оставили *одно значительное лицо*, которое, по настоящему, едва ли не былъ причиною фантастическаго направленія, впрочемъ, совершенно истинной исторіи. Прежде всего долгъ справедливости требуетъ сказать, что *одно значительное лицо*, скоро по уходѣ бѣднаго, распеченнаго въ пухъ Акакія Акакіевича, почувствовалъ что-то въ родѣ сожалѣнія. Состраданіе было ему не чуждо; его сердцу были доступны многія добрыя движенія, несмотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаруживаться. Какъ только вышелъ изъ его кабинета пріѣзжій пріятель, онъ даже задумался о бѣдномъ Акакіи Акакіевичѣ. И съ этихъ поръ почти всякій день представлялся ему блѣдный Акакій Акакіевичъ, не выдержавшій должностного распеканья.

Мысль о немъ до такой степени тревожила его, что, недѣлю спустя, онъ рѣшился даже послать къ нему чиновника узнать, что онъ, и какъ, и нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ помочь ему; и когда донесли ему, что Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, онъ остался даже пораженнымъ, слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть непріятное впечатлѣніе, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго нашелъ порядочное общество, а что всего лучше, всѣ тамъ были почти одного и того же чина, такъ что онъ совершенно ничѣмъ не могъ быть связанъ. Это имѣло удивительное дѣйствіе на душевное его расположеніе. Онъ развернулся, сдѣлался пріятенъ въ разговорѣ, любезенъ,—словомъ, провелъ вечеръ очень пріятно. За ужиномъ выпилъ онъ стакана два шампанскаго, — средство, какъ извѣстно, не дурно дѣйствующее въ разсужденіи веселости. Шампанское сообщило ему расположеніе къ разнымъ экстренностямъ, а именно: онъ рѣшилъ не ѣхать еще домой, а заѣхать къ одной знакомой дамѣ, Каролинѣ Ивановнѣ, — дамѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ совершенно пріятельскія отношенія. Надобно сказать, что значительное лицо былъ уже человѣкъ не молодой, хорошій супругъ, почтенный отецъ семейства. Два сына, изъ которыхъ одинъ служилъ уже въ канцеляріи, и миловидная, шестнадцатилѣтняя дочь, съ нѣсколько выгнутымъ, но хорошенькимъ носикомъ, приходила каждый день цѣловать его руку, приговаривая: „bonjour, papa“. Супруга его, еще женщина свѣжая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцѣловать свою руку и потомъ, переворотивши ее на другую сторону, цѣловала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочемъ, довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу въ другой части города. Эта пріятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такія ужъ задачи бываютъ на свѣтѣ, и судить объ нихъ не наше дѣло. И такъ, значительное лицо сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ сани и сказалъ кучеру: — Къ Каролинѣ Ивановнѣ!—а самъ, закутавшись весьма роскошно въ теплую шинель, оставался въ томъ пріятномъ положеніи, лучше котораго и не выдумаешь для русскаго человѣка, то-есть, когда самъ ни о чемъ не думаешь, а между тѣмъ мысли сами лѣзутъ въ голову, одна другой пріятнѣе, не давая даже труда гоняться за ними и искать ихъ. Полный удовольствія, онъ слегка припоминалъ всѣ веселыя мѣста проведеннаго вечера, всѣ слова, заставившія хохотать небольшой кругъ; многія изъ нихъ онъ даже повторялъ вполголоса и нашелъ, что они все тѣмъ же смѣшны, какъ и прежде, а потому не мудрено, что и самъ посмѣивался отъ души. Изрѣдка мѣшалъ ему, однакоже, порывистый вѣтеръ, который, выхватившись вдругъ, Богъ знаетъ откуда и нивѣсть отъ какой причины, такъ и рѣзалъ въ лицо, подбрасывая ему туда клочки снѣга, хлобуча, какъ парусъ, шинельный воротникъ, или вдругъ, съ неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя такимъ образомъ вѣчныя хлопоты изъ него выкарабкиваться. Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Обернувшись, онъ замѣтилъ человѣка небольшого роста, въ старомъ, поношенномъ вицмундирѣ, и не безъ ужаса узналъ въ немъ Акакія Акакіевича. Лицо чиновника было блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣло совершеннымъ мертвецомъ. Но ужасъ значительнаго лица превзошелъ всѣ границы, когда онъ увидѣлъ, что ротъ мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнесъ такія рѣчи:—А, такъ вотъ ты, наконецъ! Наконецъ, я тебя того, поймалъ за воротникъ! Твоей-то шинели мнѣ и нужно! Не похлопоталъ объ моей, да еще и распекъ—отдавай же теперь свою!— Бѣдное *значительное лицо* чуть не умеръ. Какъ ни былъ онъ характеренъ въ канцеляріи и вообще передъ низшими, и хотя, взглянувши на одинъ мужественный видъ его и фигуру, всякій говорилъ: „у, какой характеръ!“ но здѣсь онъ, подобно весьма многимъ, имѣющимъ богатырскую наружность, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру не своимъ голосомъ:—Пошелъ во весь духъ домой!—Кучеръ, услышавши голосъ, который произносится обыкновенно въ рѣшительныя минуты и даже сопровождается кое-чѣмъ гораздо дѣйствительнѣйшимъ, упряталъ на всякій случай голову свою въ плечи, замахнулся кнутомъ и помчался, какъ стрѣла. Минутъ въ шесть съ небольшимъ значительное лицо уже былъ предъ подъѣздомъ своего дома. Блѣдный, перепуганный и безъ шинели, вмѣсто того, чтобы къ Каролинѣ Ивановнѣ, онъ пріѣхалъ къ себѣ, доплелся кое-какъ до своей комнаты и провелъ ночь весьма въ большомъ безпорядкѣ, такъ что на другой день поутру, за часомъ, дочь ему сказала прямо:— Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа. Но папа молчалъ и никому ни слова о томъ, что съ нимъ случилось, и гдѣ онъ былъ, и куда хотѣлъ ѣхать. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: „какъ вы смѣете? понимаете ли, кто передъ вами?“ если же и произносилъ,

то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло. Но еще болѣе замѣчательно то, что съ этихъ поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ; по крайней мѣрѣ, уже не было нигдѣ слышно такихъ случаевъ, чтобы сдергивали съ него шинели. Впрочемъ, многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывался чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но, будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ,—такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозчиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ,—и такъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шелъ за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось, и остановясь, спросило:—Тебѣ чего хочется?—и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ:—Ничего,—да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ. Привидѣніе, однакоже, было уже гораздо выше ростомъ, носило пребольшіе усы и, направивъ шаги, какъ казалось, къ Обухову мосту, скрылось совершенно въ ночной темнотѣ.

Писано въ 1839—1842 г. г.

КОЛЯСКА.

Городокъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ; а до того времени было въ немъ страхъ скучно. Когда, бывало, проѣзжаешь его и взглянешь на низенькіе мазаные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло, то... невозможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ некстати какую-нибудь глупость,—однимъ словомъ: не хорошо. Глина на домахъ обвалилась отъ дождя, и стѣпы, вмѣсто бѣлыхъ, сдѣлались пѣгими; крыши большею частью крыты тростникомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ. Садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ чрезъ мостовую, мягкую какъ подушка, отъ лежащей на четверть пыли, которая, при малѣйшемъ дождѣ, превращается въ грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній городничій называетъ французами. Выставивъ серьезныя морды изъ своихъ ваннъ, онѣ подымаютъ такое хрюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ, проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б. Рѣдко, очень рѣдко какой-нибудь помѣщикъ, имѣющій одиннадцать душъ крестьянъ, въ нанковомъ сюртукѣ, тарабанитъ по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутелѣжкѣ, выглядывая изъ-за навален..ыхъ мучныхъ мѣшковъ и пристегивая гнѣдую кобылу, вслѣдъ за которою бѣжитъ жеребенокъ. Самая рыночная площадь имѣетъ нѣсколько печальный видъ: домъ портного выходитъ чрезвычайно глупо не всѣмъ фасадомъ, но угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ самъ по себѣ модный дощатый заборъ, выкрашенный сѣрою краскою подъ цвѣтъ грязи, который, на образецъ другимъ строеніямъ, воздвигъ городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжовникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень. Посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндалю, дробь для стрѣлянія, демикотонъ и двухъ купеческихъ приказчиковъ, во всякое время играющихъ около дверей въ свайку. Но какъ началъ стоять въ уѣздномъ городкѣ Б. кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось: улицы запестрѣли, оживились,—словомъ приняли совершенно другой видъ; низенькіе домики часто видѣли проходящаго мимо, ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ, шедшаго къ товарищу поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить на карточку дрожки, которыя можно было назвать полковыми, потому что онѣ, не выходя изъ полка, успѣвали обходить всѣхъ: сегодня катался въ нихъ маіоръ, завтра онѣ появлялись въ поручиковой конюшнѣ, а черезъ недѣлю, смотри, опять маіорскій деньщикъ подмазывалъ ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усѣянъ висѣвшими на солнцѣ сотдатскими фуражками; сѣрая шинель торчала непремѣнно гдѣ-нибудь на в ротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ: соберутся ли на рынкѣ съ ковшиками мѣщанки—изъ-за плечъ ихъ, вѣрно, выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ судьи, жившаго въ одномъ домѣ съ какою-то діаконицею, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день—отъ

обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многолюднѣе и занимательнѣе, когда переведена была сюда квартира бригаднаго генерала. Окружные помѣщики, о существованіи которыхъ никто бы до того времени не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городокъ, чтобы видѣться съ господами офицерами, а иногда поиграть въ банчикъ, который уже чрезвычайно темно грезился въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, женинымн порученіями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было сдѣлано огромное; стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Весь совершенно рынокъ былъ забранъ для обѣда, такъ что судья съ своею діакопицею долженъ былъ ѣсть однѣ только лепешки изъ гречневой муки да крахмальный кисель. Небольшой дворикъ генеральской квартиры былъ весь уставленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ—офицеровъ и нѣкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ, болѣе всѣхъ былъ замѣченъ Пиѳагоръ Пиѳагоровичъ Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ аристократовъ Б... уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ и былъ однимъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ; по крайней мѣрѣ, его видали на многихъ балахъ и собраніяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ, объ этомъ можно спросить у дѣвицъ Тамбовской и Симбирской губерній. Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется—непріятною исторіею:—онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему дали ее, объ этомъ навѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили выйти въ отставку. Впрочемъ, онъ этимъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей, на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ былъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться, бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не снились. Онъ пронюхивалъ носомъ, гдѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, и всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами, очень ловко выскакивалъ передъ ними изъ своей легонькой колясочки или дрожекъ и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы далъ онъ дворянству прекрасный обѣдъ, на которомъ объявилъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще велъ себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ; женился на довольно хорошенькой; взялъ за нею двѣсти душъ приданаго и нѣсколько тысячъ капиталу. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку дѣйствительно отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза-дворецкаго. Двѣсти же душъ, вмѣстѣ съ двумя стами его собственныхъ, были заложены въ ломбардъ для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ, какъ слѣдуетъ... изрядный помѣщикъ. Кромѣ него, на обѣдѣ у генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но объ нихъ нечего говорить. Остальные были всѣ военные того же полка и два штабъ-офицера: полковникъ и довольно толстый маіоръ. Самъ генералъ былъ дюжъ и тученъ, впрочемъ, хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: осетрина, бѣлуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали, что поваръ еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата, съ ножами въ рукахъ, работали, на помощь ему, всю ночь фрикасе и желе. Бездна бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткошейныхъ съ мадерою, прекрасный лѣтній день, окна, открытыя напролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, растрепанная манишка у владѣтелей укладистаго фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ,—все отвѣчало одно другому. Послѣ обѣда всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли съ чашками кофею въ рукахъ на крыльцо.

— Вотъ ее можно теперь посмотрѣть, — сказалъ генералъ.—Пожалуйста, любезнѣйшій,—промолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности:—прикажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! Вотъ вы увидите сами.—Тутъ генералъ потянулъ изъ трубки и выпустилъ дымъ. — Она еще не слишкомъ въ холѣ: проклятый городишка! нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь, пуфъ, пуфъ, очень порядочная.

— И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ, изволите имѣть ее?—сказалъ Чертокуцкій.

— Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пу... пуфъ, не такъ давно; всего только два года, какъ она взята мною съ завода.

— И получить ее изволили объѣзженную, или уже здѣсь изволили объѣздить?

— Пуфъ, пуфъ, пу, пу, пу...у...у...фъ, здѣсь.—Сказавши это, генералъ весь исчезнулъ въ дымѣ.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, послышался стукъ копытъ, наконецъ показался другой, въ бѣломъ балахонѣ съ черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, вдругъ поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами.—Ну-жъ, ну, Аграфена Ивановна!—говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генералъ, опустивши трубку, началъ смотрѣть съ довольнымъ видомъ на Аграфену Ивановну. Самъ полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Аграфену Ивановну за морду. Самъ маіоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногѣ, прочіе пощелкали языкомъ.

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдатъ, вытянувшись и держа узду, глядѣлъ прямо посѣтителямъ въ глаза, будто бы хотѣлъ вскочить въ нихъ.

— Очень, очень хорошая!—сказалъ Чертокуцкій.—Статистая лошадь! А позвольте, ваше превосходительство, узнать, какъ она ходитъ?

— Шагъ у нея хорошъ, только... чортъ его знаетъ... этотъ дуракъ фельдшеръ далъ ей какихъ-то пилюль, и вотъ уже два дня все чихаетъ.

— Очень, очень хороша! А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?

— Экипажъ?.. Да вѣдь это верховая лошадь.

— Я это знаю; но я спросилъ, ваше превосходительство, для того, чтобъ узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ?

— Ну, экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мнѣ, признаться вамъ сказать, давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, да не знаю, пришлетъ ли онъ, или нѣтъ.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, замѣтилъ полковникъ:—нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская.

— Вы справедливо думаете, пуфъ, пуфъ, пуфъ.

— У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска, настоящей вѣнской работы.

— Какая? та, въ которой вы пріѣхали?

— О, нѣтъ; это такъ, разъѣздная, собственно для моихъ поѣздокъ, но та... это удивительно, легка, какъ перышко, а когда вы сядете въ нее, то, просто, какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала!

— Стало-быть покойна?

— Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это все какъ будто на картинкѣ нарисовано.

— Это хорошо.

— А ужъ укладиста какъ! то-есть я, ваше превосходительство, и не видывалъ еще такой. Когда я служилъ, то у меня въ ящики помѣщалось десять бутылокъ рому и двадцать фунтовъ табаку, кромѣ того, со мною еще было около шести мундировъ, бѣлье и два чубука, ваше превосходительство, самые длинные, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить.

— Это хорошо.

— Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи.

— Судя по цѣнѣ, должна быть хороша. И вы купили ее сами?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, она досталась по случаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкій человѣкъ, товарищъ моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно; мы съ нимъ, что твое, что мое—все равно. Я выигралъ ее у него въ карты. Не угодно ли, ваше превосходительство, сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать? и коляску вмѣстѣ посмотрите.

— Я не знаю, что вамъ на это сказать. Мнѣ одному какъ-то... Развѣ ужъ позволите вмѣстѣ съ господами офицерами?

— И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа! я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ.

Полковникъ, маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

— Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непремѣнно хорошую; а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыя я самъ завелъ по хозяйственной части.

Генералъ посмотрѣлъ и выпустилъ изо рта дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также, съ своей стороны, какъ-то удвоили къ нему свое расположеніе, что было замѣтно изъ глазъ ихъ и небольшихъ тѣлодвиженій, въ родѣ полупоклоновъ. Чертокуцкій

выступилъ впередъ какъ-то развязнѣе, и голосъ его принялъ разслабленіе—выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

— Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома.

— Мнѣ очень пріятно, — сказалъ генералъ, поглаживая усы.

Чертокуцкій послѣ этого хотѣлъ немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить все къ принятію гостей къ завтрашнему обѣду; онъ взялъ уже было и шляпу въ руки, но какъ-то такъ странно случилось, что онъ остался еще на нѣсколько времени. Между тѣмъ уже въ комнатѣ были разставлены ломберные столы. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи въ вистъ и разсѣлось въ разныхъ углахъ генеральскихъ комнатъ.

Подали свѣчи. Чертокуцкій долго не зналъ, садиться или не садиться ему за вистъ. Но какъ господа офицеры начали приглашать, то ему показалось очень несогласно съ правилами общежитія отказаться — онъ присѣлъ. Нечувствительно очутился передъ нимъ стаканъ съ пуншемъ, который онъ, позабывшись, въ ту же минуту выпилъ. Сыгравши два робера, Чертокуцкій опять нашелъ подъ рукою стаканъ съ пуншемъ, который, тоже позабывшись, выпилъ, сказавши напередъ:—Пора, господа, мнѣ домой; право, пора.—Но опять присѣлъ и на вторую партію. Между тѣмъ разговоръ въ разныхъ углахъ комнаты принялъ совершенно частное направленіе. Играющіе въ вистъ были довольно молчаливы; но не игравшіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу штабъ-ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ, разсказывалъ довольно свободно и плавно любовныя свои приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшіе картофеля, слушалъ съ необыкновенно сладкою миною и только по временамъ силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобъ вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркій споръ объ эскадронномъ ученіи, и Чертокуцкій, который въ это время уже, вмѣсто дамы, два раза сбросилъ валета, вмѣшивался вдругъ въ чужой разговоръ и кричалъ изъ своего угла: „въ которомъ году?“ или „котораго полка?“ не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ, за нѣсколько минутъ до ужина, вистъ прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ, и, казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взялъ ничего и, вставши изъ-за стола, долго стоялъ въ положеніи человѣка, у котораго нѣтъ въ карманѣ носового платка. Между тѣмъ подали ужинъ. Само собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ, потому что направо и налѣво стояли у него бутылки.

Разговоръ затянулся за столомъ предлинный, но, впрочемъ, какъ-то странно онъ былъ веденъ: одинъ полковникъ, служившій еще въ кампанію 1812 года, разсказалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку изъ графина и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали разъѣзжаться, то уже было три часа, и кучера должны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку, какъ бы узелки съ покупкою, и Чертокуцкій, несмотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ размахомъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ усахъ своихъ два репейника.

Въ домѣ все совершенно спало; кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который проводилъ господина черезъ гостиную, сдалъ горничной дѣвушкѣ, за которою кое-какъ Чертокуцкій добрался до спальни и уложился возлѣ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнѣйшимъ образомъ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное паденіемъ ея супруга на кровать, разбудило ее. Протянувшись, поднявши рѣсницы и три раза быстро зажмуривши глаза, она открыла ихъ съ полусердитою улыбкою; но, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады поворотилась на другую сторону и, положивъ свѣжую свою щечку на руку, скоро послѣ него заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется *рано*, когда проснулась молодая хозяйка возлѣ храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ четвертомъ часу ночи, она пожалѣла будить его и, надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ ея выписалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и подошла къ туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ, она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтній южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей; но подъ темными густыми аллеями гу-

лять было прохладно и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утрояли свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ, а супругъ ея спитъ. Уже доходило до слуха ея послѣобѣденное храпѣнье двухъ кучеровъ и одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все сидѣла въ густой аллеѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность, какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди ѣхала открытая двумѣстная легонькая колясочка; въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми, блестѣвшими на солнцѣ, эполетами и рядомъ съ нимъ полковникъ. За ней слѣдовала другая четверомѣстная; въ ней сидѣлъ маіоръ съ генеральскимъ адъютантомъ и еще двумя, насупротивъ сидѣвшими, офицерами; за коляской слѣдовали извѣстныя всѣмъ полковыя дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный маіоръ; за дрожками — четверомѣстный бонвояжъ, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ; за бонвояжемъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ въ темныхъ яблокахъ.

— Неужели это къ намъ?—подумала хозяйка дома. — Ахъ, Боже мой! въ самомъ дѣлѣ — они поворотили на мостъ! — Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

— Вставай, вставай! вставай скорѣе! — кричала она, дергая его за руку.

— А?—проговорилъ, потягиваясь, Чертокуцкій, не раскрывая глазъ.

— Вставай, пульпультикъ! слышишь ли? гости!

— Гости? какіе гости?..—Сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ телепокъ, когда ищетъ мордою сосцовъ своей матери. „Мм...“ ворчалъ онъ:—протяни, моньмуня, свою шейку! я тебя поцѣлую.

— Душенька, вставай, ради Бога, скорѣй! Генералъ съ офицерами! Ахъ, Боже мой, у тебя въ усахъ репейникъ!

— Генералъ? А, такъ онъ уже ѣдетъ? Да что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудилъ? А обѣдъ, что-жъ обѣдъ? Все ли тамъ, какъ слѣдуетъ, готово?

— Какой обѣдъ?

— А развѣ я не заказывалъ?

— Ты? ты пріѣхалъ въ четыре часа ночи и, сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, пульпультикъ, потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало: ты ничего не спалъ...—Послѣднія слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

Чертокуцкій, вытаращивъ глаза, минуту лежалъ на постели, какъ громомъ пораженный; наконецъ, вскочилъ онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

— Ахъ, я лошадь! — сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу,—я звалъ ихъ на обѣдъ! Что дѣлать? Далеко они?

— Я не знаю... они должны сію минуту уже быть.

— Душенька... спрячься!.. Эй, кто тамъ? Ты, дѣвчонка! ступай—чего, дура, боишься?—пріѣдутъ офицеры сію минуту: ты скажи, что барина нѣтъ дома; скажи, что и не будетъ совсѣмъ, что еще съ утра выѣхалъ... слышишь? и дворовымъ всѣмъ объяви; ступай скорѣе!

Сказавши это, онъ схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положеніе свое совершенно безопаснымъ. Но, ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ-нибудь увидѣть.—А вотъ это будетъ лучше, — мелькнуло въ его головѣ и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близъ стоявшей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою дверцы, для большей безопасности закрылся фартукомъ и кожею и притихъ совершенно, согнувшись въ своемъ халатѣ.

Между тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу. Вышелъ генералъ и встряхнулся; за нимъ—полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ; потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый маіоръ, держа подмышкою саблю; потомъ выпрыгнули изъ бонвояжа тоненькіе подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ прапорщикомъ; наконецъ, сошли съ сѣделъ рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

— Барина нѣтъ дома,—сказалъ, выходя на крыльцо, лакей.

— Какъ — нѣтъ? Стало-быть, онъ, однакожъ, будетъ къ обѣду?

— Никакъ нѣтъ. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этого только времени будутъ.

— Вотъ тебѣ на!—сказалъ генералъ,—какъ же это?..

— Признаюсь, это штука, — сказалъ полковникъ, смѣясь.

— Да нѣтъ, какъ же этакъ дѣлать? — продолжалъ генералъ съ неудовольствіемъ.—Фить... Чортъ... Ну, не можешь принять, зачѣмъ напрашиваться?

— Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать,—сказалъ одинъ молодой офицеръ.

— Что?—сказалъ генералъ, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ.

— А, вы здѣсь!..—сказалъ изумившійся генералъ...

— Я говорилъ, ваше превосходительство: какъ можно поступать такимъ образомъ!

— Натурально... Ну, не случилось, что ли — дай знать по крайней мѣрѣ, или не проси.

— Что-жъ, ваше превосходительство, нечего дѣлать, поѣдемте назадъ!—сказалъ полковникъ.

— Разумѣется, другого средства нѣтъ. Впрочемъ, коляску мы можемъ посмотрѣть и безъ него. Онъ, вѣрно, ея не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда!

— Чего изволите?

— Ты конюхъ?

— Конюхъ, ваше превосходительство.

— Покажи-ка намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ.

— А вотъ, пожалуйте въ сарай.

Генералъ отправился вмѣстѣ съ офицерами въ сарай.

— Вотъ извольте, я ее немного выкачу: здѣсь темненько.

— Довольно, довольно, хорошо!

Генералъ и офицеры обошли вокругъ коляску и тщательно осмотрѣли колеса и рессоры.

— Ну, ничего нѣтъ особеннаго,—сказалъ генералъ,—коляска самая обыкновенная.

— Самая неказистая,—сказалъ полковникъ,—совершенно нѣтъ ничего хорошаго.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоитъ четырехъ тысячъ,—сказалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

— Что?

— Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она не стоитъ четырехъ тысячъ.

— Какое четырехъ тысячъ! она и двухъ не стоитъ. Просто, ничего нѣтъ. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное... Пожалуйста, любезный, отстегни кожу...

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.

— А, вы здѣсь!..—сказалъ изумившійся генералъ.

Сказавши это, генералъ тутъ же захлопнулъ дверцы закрылъ опять Чертокуцкаго фартукомъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

Писано въ 1835 г.

РИМЪ.

ОТРЫВОКЪ.

Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскрывши черныя, какъ уголь, тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потокомъ блеска: таковы очи у альбанки Аннунціаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурные рѣзцы. Густая смола волосъ тяжеловѣсной косою вознеслась въ два кольца надъ головой и четырьмя длинными кудрями разсыпалась по шеѣ. Какъ ни поворотитъ она сіяющій снѣгъ своего лица — образъ ея весь отпечатлѣлся въ сердцѣ. Станетъ ли профилемъ—дивнымъ благородствомъ дышитъ профиль и мечется красота линій, какихъ не создавала кисть. Обратится ли затылкомъ съ подобранными кверху чудесными волосами, показавъ сверкающую позади шею и красоту невиданныхъ землею плечъ—и тамъ она чудо! Но чуднѣе всего, когда глянетъ она прямо очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердце. Полный голосъ ея звенитъ, какъ мѣдь. Никакой гибкой пантерѣ не сравниться съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости движеній. Все въ ней вѣнецъ созданья, отъ плечъ до античной дышащей ноги и до послѣдняго пальчика на ея ногѣ. Куда ни пойдетъ она—уже несетъ съ собою картину: снѣшитъ ли ввечеру къ фонтану съ кованной мѣдной вазой на головѣ — вся проникается чуднымъ согласіемъ обнимающая ее окрестность: легче уходятъ въ даль чудесныя линіи альбанскихъ горъ, синѣе глубина римскаго неба, прямѣй летитъ вверхъ кипарисъ и красавица южныхъ деревъ; римская пинна, тонѣе и чище рисуется на небѣ своею зонтикообразною, почти плывущею на воздухѣ верхушкою. И все: и самый фонтанъ, гдѣ уже столпились въ кучу на мраморныхъ ступеняхъ, одна выше другой, альбанскія горожанки, переговаривающіяся сильными серебряными голосами, пока поочередно бьетъ вода звонкой алмазной дугой въ подставляемые мѣдные чаны и самый фонтанъ, и самая толпа,—все, кажется, для нея, чтобы ярче выказать торжествующую красоту, чтобы видно было, какъ она предводитъ всѣмъ, подобно, какъ царица предводитъ за собою придворный чинъ свой. Въ праздничный ли день, когда темная древесная галлерея, ведущая изъ Альбано въ Кастель-Гандольфо, вся полна празднично-убраннаго народа, когда мелькаютъ подъ сумрачными ея сводами щеголи Миненти въ бархатномъ убранствѣ, съ яркими поясами и золотистымъ цвѣткомъ на пуховой шляпѣ; бредутъ или несутся вскачь ослы съ полузажмуренными глазами, живописно неся на себѣ стройныхъ и сильныхъ альбанскихъ и фраскатанскихъ женщинъ, далеко блистающихъ бѣлыми головными уборами, или таща вовсе не живописно, съ трудомъ и спотыкаясь, длиннаго неподвижнаго англичанина въ гороховомъ непроникаемомъ макинтошѣ, скорчившаго въ острый уголъ свои ноги, чтобы не зацѣпить ими земли, или неся художника въ блузѣ, съ деревяннымъ ящикомъ на ремнѣ и ловкой ван-

диковской бородкой, а тѣнь и солнце бѣгутъ попеременно по всей группѣ,—и тогда, и въ оный праздничный день при ней далеко лучше, чѣмъ безъ нея. Глубина галлереи выдаетъ ее изъ сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю въ блескѣ. Пурпурное сукно альбанскаго ея наряда вспыхиваетъ, какъ ищерь, тронутое солнцемъ. Чудный праздникъ летитъ съ лица ея навстрѣчу всѣмъ. И, повстрѣчавъ ее, останавливаются, какъ вкопанные: и щеголь Миненти съ цвѣткомъ за шляпой, издавши невольно восклицаніе, и англичанинъ въ гороховомъ макинтошѣ, показавъ вопросительный знакъ на неподвижномъ лицѣ своемъ, и художникъ съ вандиковской бородкой, долѣе всѣхъ остановившійся на одномъ мѣстѣ, подумывая, — то-то была бы чудная модель для Діаны, гордой Юноны, соблазнительныхъ граціи и всѣхъ женщинъ, какія только передавались на полотно!—и дерзновенно думая въ то же время,— „то-то былъ бы рай, если бъ такое диво украсило навсегда смиренную его мастерскую“.

Но кто же тотъ, чей взглядъ неотразимѣе вперился за ея слѣдомъ? Кто сторожитъ ея рѣчи, движенья и движенья мыслей на ея лицѣ? Двадцатипятилѣтній юноша, римскій князь, потомокъ фамиліи, составлявшей когда-то честь, гордость и безславіе среднихъ вѣковъ, нынѣ пустынно догорающей въ великолѣпномъ дворцѣ, исписанномъ фресками Гверчина и Караччей, съ потускнѣвшей картинной галлереей, съ полинявшими штофами, лазурными столами и посѣдѣвшимъ, какъ лунь, maestro di casa. Его-то увидали недавно римскія улицы, несущаго свои черныя очи, метатели огней изъ-за перекинутаго черезъ плечо плаща, носъ, очеркнутый античной линіей, слоновую бѣлизну лба и брошенный на него летучій шелковый локонъ. Онъ появился въ Римѣ послѣ пятнадцати лѣтъ отсутствія, появился гордымъ юношею вмѣсто еще недавно бывшаго дитяти.

Но читателю нужно знать непремѣнно, какъ все это свершилось, и потому пробѣжимъ наскоро исторію его жизни, еще молодой, но уже обильной многими сильными впечатлѣніями. Первоначальное дѣтство его протекло въ Римѣ; воспитывался онъ такъ, какъ въ обычаѣ у доживающихъ вѣкъ свой римскихъ вельможъ. Учитель, гувернеръ, дядька и все, что угодно, былъ у него аббатъ, строгій классикъ, почитатель писемъ Піетра Бембо, сочиненій Джіованни della Casa и пяти-шести пѣсней Данта, читавшій ихъ не иначе, какъ съ сильными восклицаніями:—Dio, che cosa divina!—и потомъ черезъ двѣ строки:—Diavolo, che divina cosa!—въ чемъ состояла почти вся художественная оцѣнка и критика,—обращавшій остальной разговоръ на брокколи и артишоки, любимый свой предметъ, знавшій очень хорошо, въ какое время лучше телятина, съ какого мѣсяца нужно начинать ѣсть козленка, любившій обо всемъ этомъ поболтать на улицѣ, встрѣтясь съ пріятелемъ, другимъ аббатомъ, обтягивавшій весьма ловко полныя икры свои въ шелковые черные чулки, прежде занюхнувши подъ нихъ шерстяные; чистившій себя регулярно одинъ разъ въ мѣсяцъ лѣкарствомъ olio di ricino въ чашкѣ кофею и полнѣвшій съ каждымъ днемъ и часомъ, какъ полнѣютъ всѣ аббаты. Натурально, что молодой князь узналъ не много подъ такимъ началомъ. Узналъ онъ только, что латинскій языкъ есть отецъ итальянскаго, что монсиньоры бываютъ трехъ родовъ: одни въ черныхъ чулкахъ, другіе въ лиловыхъ, а третьи такіе, которые бываютъ почти то же, что кардиналы; узналъ нѣсколько писемъ Піетра Бембо къ тогдашнимъ кардиналамъ, большею частью поздравительныхъ; узналъ хорошо улицу Корсо, по которой ходилъ прогуливаться съ аббатомъ, да виллу Боргезе, да двѣ-три лавки, передъ которыми останавливался аббатъ для закупки бумаги, перьевъ и нюхательнаго табаку, да аптеку, гдѣ бралъ онъ свое olio di ricino. Въ этомъ заключался весь горизонтъ свѣдѣній воспитанника. О другихъ земляхъ и государствахъ аббатъ намекнулъ въ какихъ-то неясныхъ и нетвердыхъ чертахъ: что есть земля Франція, богатая земля, что англичане — хорошіе купцы и любятъ ѣздить, что нѣмцы—пьяницы и что на сѣверѣ есть варварская земля Московія, гдѣ бываютъ такіе жестокіе морозы, отъ которыхъ можетъ лопнуть мозгъ человѣческій. Далѣе сихъ свѣдѣній воспитанникъ вѣроятно бы не узналъ, достигнувъ до двадцатипятилѣтняго своего возраста, если-бъ старому князю не пришла вдругъ въ голову идея перемѣнить старую методу воспитанія и дать сыну образованіе европейское, что можно было отчасти приписать вліянію какой-то французской дамы, на которую онъ съ недавняго времени сталъ наводить безпрестанно лорнетъ на всѣхъ театрахъ и гуляньяхъ, засовывая поминутно свой подбородокъ въ огромный бѣлый жабо и поправляя черный локонъ на парикѣ. Молодой князь былъ отправленъ въ Лукку, въ университетъ. Тамъ, во время шестилѣтняго его пребыванья, развернулась его живая итальянская природа, дремавшая подъ скучнымъ надзоромъ аббата. Въ юношѣ оказалась душа, жадная наслажденій избранныхъ, и наблюдательный умъ. Итальянскій университетъ, гдѣ наука влачилась, скрытая въ черствыхъ схоластическихъ образахъ, не удовлетворялъ новой молодежи, которая уже слышала урывками о ней живые намеки, перелетавшіе черезъ Альпы. Французское вліяніе становилось замѣтно въ Верхней Италіи: оно заносилось туда вмѣстѣ съ модами, виньетками, водевилями и на-

пряженными произведеніями необузданной французской музы, чудовищной, горячей, но мѣстами не безъ признаковъ таланта. Сильное политическое движеніе въ журналахъ съ іюльской революціи отозвалось и здѣсь. Мечтали о возвращеніи погибшей итальянской славы, съ негодованіемъ глядѣли на ненавистный бѣлый мундиръ австрійскаго солдата. Но итальянская природа, любительница покойныхъ наслажденій, не вспыхнула возстаніемъ, надъ которымъ не позадумался бы французъ; все окончилось только непреодолимымъ желаньемъ побывать въ заальпійской, въ настоящей Европѣ. Вѣчное ея движеніе и блескъ заманчиво мелькали вдали. Тамъ была новость, противоположность ветхости итальянской, тамъ начиналось XIX столѣтіе, европейская жизнь. Сильно порывалась туда душа молодого князя, чая приключеній и свѣта, и всякій разъ тяжелое чувство грусти его осѣняло, когда онъ видѣлъ совершенную къ тому невозможность: ему былъ извѣстенъ непреклонный деспотизмъ стараго князя, съ которымъ было ему не подъ силу ладить, — какъ вдругъ получилъ онъ отъ него письмо, въ которомъ предписано было ему ѣхать въ Парижъ, окончить ученье въ тамошнемъ университетѣ и дождаться въ Луккѣ только пріѣзда дяди, съ тѣмъ, чтобы отправиться съ нимъ вмѣстѣ. Молодой князь прыгнулъ отъ радости, перецѣловалъ всѣхъ своихъ друзей, угостилъ всѣхъ въ загородной остеріи и черезъ двѣ недѣли былъ уже въ дорогѣ, съ сердцемъ, готовымъ встрѣтить радостнымъ біеньемъ всякій предметъ. Когда переѣхали Симплонъ, пріятная мысль пробѣжала въ головѣ его: онъ на другой сторонѣ, онъ въ Европѣ. Дикое безобразіе швейцарскихъ горъ, громоздившихся безъ перспективы, безъ легкихъ далей, нѣсколько ужаснуло его взоръ, пріученный къ высоко-спокойной, нѣжащей красотѣ итальянской природы. Но онъ просвѣтлѣлъ вдругъ, при видѣ европейскихъ городовъ, великолѣпныхъ, свѣтлыхъ гостиницъ, удобствъ, разставленныхъ всякому путешественнику, располагающемуся, какъ дома. Щеголеватая чистота, блескъ—все было ему ново. Въ нѣмецкихъ городахъ нѣсколько поразилъ его странный складъ тѣла нѣмцевъ, лишенный стройнаго согласія красоты, чувство которой зарождено уже въ груди итальянца; нѣмецкій языкъ также поразилъ непріятно его музыкальное ухо. Но передъ нимъ была уже французская граница; сердце его дрогнуло. Порхающіе звуки европейскаго моднаго языка, лаская, облобызали слухъ его. Онъ съ тайнымъ удовольствіемъ ловилъ скользящій шелестъ ихъ, который еще въ Италіи казался ему чѣмъ-то возвышеннымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ судорожныхъ движеній, какими сопровождаются сильные языки полуденныхъ народовъ, не умѣющихъ держать себя въ границахъ. Еще большее впечатлѣніе произвелъ на него особый родъ женщинъ, легкихъ, порхающихъ. Его поразило это улетучившееся существо, съ едва вызначавшимися легкими формами, съ маленькой ножкой, съ тоненькимъ воздушнымъ станомъ, съ отвѣтнымъ огнемъ во взорахъ и легкими, почти не выговаривающимися рѣчами. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ Парижа, населялъ его башнями, дворцами, составилъ себѣ по-своему образъ его и съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ, наконецъ, близкіе признаки столицы: наклеенныя афиши, исполинскія буквы, умножавшіеся дилижансы, омнибусы... наконецъ, понеслись домы предмѣстья. И вотъ онъ въ Парижѣ, безсвязно обнятый его чудовищною наружностью, пораженный движеніемъ, блескомъ улицъ, безпорядкомъ крышъ, гущиной трубъ, безархитектурными сплоченными массами домовъ, облѣпленныхъ тѣсной лоскутностью магазиновъ, безобразіемъ нагихъ, не прислоненныхъ боковыхъ стѣнъ, безчисленной смѣшанной толпой золотыхъ буквъ, которыя лѣзли на стѣны, на окна, на крыши и даже на трубы, свѣтлой прозрачностью нижнихъ этажей, состоявшихъ только изъ однихъ зеркальныхъ стеколъ. Вотъ онъ, Парижъ, это вѣчное, волнующееся жерло, водометъ, мечущій искры новостей, просвѣщенья, модъ, изысканнаго вкуса и мелкихъ, но сильныхъ законовъ, отъ которыхъ не властны оторваться и сами порицатели ихъ; великая выставка всего, что производитъ мастерство, художество и всякій талантъ, скрытый въ невидныхъ углахъ Европы, трепетъ и любимая мечта двадцатилѣтняго человѣка, размѣнъ и ярмарка Европы! Какъ ошеломленный, не въ силахъ собрать себя, пошелъ онъ по улицамъ, пересыпавшимся всякимъ народомъ, исчерченнымъ путями движущихся омнибусовъ, поражаясь то видомъ кафе, блиставшаго неслыханнымъ царскимъ убранствомъ, то знаменитыми крытыми переходами, гдѣ оглушалъ его глухой шумъ нѣсколькихъ тысячъ стучавшихъ шаговъ сплошно двигавшейся толпы, которая вся почти состояла изъ молодыхъ людей, и гдѣ ослѣплялъ его трепещущій блескъ магазиновъ, озаряемыхъ свѣтомъ, падавшимъ сквозь стеклянный потолокъ въ галлерею, то останавливаясь передъ афишами, которыя милліонами пестрѣли и толпились въ глаза, крича о двадцати четырехъ ежедневныхъ представленіяхъ и безчисленномъ множествѣ всякихъ музыкальныхъ концертовъ; то растерявшись, наконецъ, совсѣмъ, когда вся эта волшебная куча вспыхнула ввечеру при волшебномъ освѣщеніи газа—всѣ домы вдругъ стали прозрачными, сильно засіявши снизу; окна и стекла въ магазинахъ, казалось, исчезли, пропали вовсе и все, что лежало внутри ихъ, осталось прямо среди улицы нехранимо, блистая и

отражаясь въ углубленьи зеркалами.—Ma quest'è una cosa divina!—повторялъ живой итальянецъ.

И жизнь его потекла живо, какъ течетъ жизнь многихъ парижанъ и толпы многихъ молодыхъ иностранцевъ, наѣзжающихъ въ Парижъ. Въ девять часовъ утра, схватившись съ постели, онъ уже былъ въ великолѣпномъ кафе, съ модными фресками за стекломъ, съ потолкомъ, облитымъ золотомъ, съ листами длинныхъ журналовъ и газетъ, съ благороднымъ приспѣшникомъ, проходившимъ мимо посѣтителей, держа великолѣпный серебряный кофейникъ въ рукѣ. Тамъ пилъ онъ съ сибаритскимъ наслажденьемъ свой жирный кофей изъ громадной чашки, нѣжась на эластическомъ, упругомъ диванѣ и вспоминая о низенькихъ, темныхъ итальянскихъ кафе съ неопрятнымъ боттегой, несущимъ невымытые стеклянные стаканы. Потомъ принимался онъ за чтеніе колоссальныхъ журнальныхъ листовъ и вспомнилъ о чахоточныхъ журналишкахъ Италіи, о какомъ-нибудь Diario di Roma, il Pirato и тому подобныхъ, гдѣ помѣщались невинныя политическія извѣстія и анекдоты чуть не о Термопилахъ и персидскомъ царѣ Даріѣ. Тутъ, напротивъ, вездѣ видно было кипѣвшее перо. Вопросы на вопросы, возраженья на возраженья—казалось, всякій изъ всѣхъ силъ топорщился: тотъ грозилъ близкой перемѣной вещей и предвѣщалъ разрушенье государству; всякое чуть замѣтное движенье и дѣйствіе камеръ и министерства разрасталось въ движенье огромнаго размаха между упорными партіями и почти отчаяннымъ крикомъ слышалось въ журналахъ. Даже страхъ чувствовалъ итальянецъ, читая ихъ и думая, что завтра же вспыхнетъ революція; какъ-будто въ чаду, выходилъ изъ литературнаго кабинета, и только одинъ Парижъ со своими улицами могъ вывѣтрить въ одну минуту изъ головы весь этотъ грузъ. Его порхающій по всему блескъ и пестрое движеніе, послѣ этого тяжелаго чтенія, казались чѣмъ-то похожимъ на легкіе цвѣтки, взбѣжавшіе по оврагу пропасти. Въ одинъ мигъ онъ переселился весь на улицу и сдѣлался, подобно всѣмъ, зѣвакою во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ зѣвалъ предъ свѣтлыми, легкими продавицами, только-что вступившими въ свою весну, которыми были наполнены всѣ парижскіе магазины, какъ будто бы суровая наружность мужчины была неприлична и мелькала бы темнымъ пятномъ изъ-за цѣльныхъ стеколъ. Онъ глядѣлъ, какъ заманчиво щегольскія тонкія руки, вымытыя всякими мылами, блистая, заворачивали бумажки конфетъ, межъ тѣмъ какъ глаза свѣтло и пристально вперялись на проходящихъ, какъ рисовалась въ другомъ мѣстѣ свѣтловолосая головка въ картинномъ склонѣ, опустивши длинныя рѣсницы въ страницы моднаго романа, не видя, что около нея собралась уже куча молодежи, разсматривающая и ея легкую снѣжную шейку, и всякій волосокъ на головѣ ея, подслушивающая самое колебаніе груди, произведенное чтеніемъ. Онъ зѣвалъ и передъ книжной лавкой, гдѣ, какъ паучки, темнѣли на слоновой бумагѣ черныя виньетки, набросанныя размашисто, сгоряча, такъ что иногда и разобрать нельзя было, что на нихъ такое, и глядѣли іероглифами странныя буквы. Онъ зѣвалъ и передъ машиной, которая одна занимала весь магазинъ и ходила за зеркальнымъ стекломъ, катая огромный валъ, растирающій шоколадъ. Онъ зѣвалъ предъ лавками, гдѣ останавливаются по цѣлымъ часамъ парижскіе крокодилы, засунувъ руки въ карманы и разинувъ ротъ, гдѣ краснѣлъ въ зелени огромный морской ракъ, воздымалась набитая трюфелями индѣйка, съ лаконическою надписью: „300 fr.“, и мелькали золотистымъ перомъ и хвостами желтыя и красныя рыбы въ стеклянныхъ вазахъ. Онъ зѣвалъ и на широкихъ бульварахъ, царственно проходящихъ поперекъ весь тѣсный Парижъ, гдѣ среди города стояли деревья въ ростъ шестиэтажныхъ домовъ, гдѣ на асфальтовые тротуары валила наѣздная толпа и куча доморощенныхъ парижскихъ львовъ и тигровъ, не всегда вѣрно изображаемыхъ въ повѣстяхъ. И, назѣвавшись вдоволь и досыта, взбирался онъ къ ресторану, гдѣ уже давно сіяли газомъ зеркальныя стѣны, отражая въ себѣ безчисленныя толпы дамъ и мужчинъ, шумѣвшихъ рѣчами за маленькими столиками, разбросанными по залу. Послѣ обѣда уже онъ спѣшилъ въ театръ, недоумѣвая только, который выбрать: на каждомъ изъ нихъ своя знаменитость, на каждомъ свой авторъ, свой актеръ. Вездѣ новость. Тамъ блещетъ водевиль, живой, вѣтреный, какъ самъ французъ, новый всякій день, создавшійся весь въ три минуты досуга, смѣшившій весь отъ начала до конца, благодаря неистощимымъ капризамъ веселости актера; тамъ горячая драма.—И онъ невольно сравнилъ сухую, тощую драматическую сцену Италіи, гдѣ повторялись одинъ и тотъ же старикъ Гольдони, знаемый всѣми наизусть, или же новыя комедійки, невинныя и наивныя до того, что ребенокъ бы соскучился надъ ними; онъ сравнилъ ихъ тощую группу съ этимъ живымъ, торопливымъ драматическимъ наводненіемъ, гдѣ все ковалось, пока было горячо, гдѣ всякій боялся только, чтобы не простыла его новость. Насмѣявшись досыта, наволновавшись, наглядѣвшись, утомленный, подавленный впечатлѣніями, возвращался онъ домой и бросался въ постель, которая, какъ извѣстно, одна только нужна французу въ его комнатѣ: кабинетомъ, обѣдомъ и вечернимъ освѣщеніемъ онъ пользуется въ публичныхъ мѣстахъ. Но князь,

однакоже, не позабылъ съ этимъ разнообразнымъ зѣваньемъ соединить занятій ума, которыхъ требовала нетерпѣливо душа его. Онъ принялся слушать всѣхъ знаменитыхъ профессоровъ. Живая рѣчь, часто восторженная, новыя точки и стороны, подмѣченныя рѣчивымъ профессоромъ, были неожиданны для молодого итальянца. Онъ чувствовалъ, какъ стала спадать съ глазъ его пелена, какъ въ другомъ, яркомъ видѣ возставали передъ нимъ прежде незамѣченные предметы, и самый пріобрѣтенный имъ хламъ кое-какихъ знаній, которыя обыкновенно погибаютъ у большей части людей безъ всякихъ примѣненій, пробуждался и, оглянутый другимъ глазомъ, утверждался навсегда въ его памяти. Онъ не пропустилъ также услышать ни одного знаменитаго проповѣдника, публициста, оратора камерныхъ преній и всего, чѣмъ шумно гремитъ въ Европѣ Парижъ. Несмотря на то, что не всегда доставало ему средствъ, что старый князь присылалъ ему содержаніе, какъ студенту, а не какъ князю, онъ успѣлъ, однакоже, найти случай побывать вездѣ, найти доступъ ко всѣмъ знаменитостямъ, о которыхъ трубятъ, повторяя другъ друга, европейскіе листки, даже увидалъ въ лицо тѣхъ модныхъ писателей, которыхъ странными созданіями была поражена, наряду съ другими, его пылкая, молодая душа, и въ которыхъ всѣмъ мнилось слышать еще небранныя дотолѣ струны, неуловимые доселѣ изгибы страстей. Словомъ, жизнь итальянца приняла широкій, многосторонній образъ, обнялась всѣмъ громаднымъ блескомъ европейской дѣятельности. Разомъ, въ одинъ и тотъ же день, беззаботное зѣванье и тревожное пробужденье, легкая работа глазъ и напряженная ума, водевиль на театрѣ, проповѣдникъ въ церкви, политическій вихрь журналовъ и камеръ, рукоплесканье въ аудиторіяхъ, потрясающій громъ консерваторнаго оркестра, воздушное блистанье танцующей сцены, громотня уличной жизни — какая исполинская жизнь для двадцатипятилѣтняго юноши! Нѣтъ лучшаго мѣста, какъ Парижъ; ни за что не промѣнялъ бы онъ такой жизни. Какъ весело и любо жить въ самомъ сердцѣ Европы, гдѣ, идя, подымаешься выше, чувствуешь, что членъ великаго всемірнаго общества! Въ головѣ его даже вертѣлась мысль отказаться вовсе отъ Италіи и основаться навсегда въ Парижѣ: Италія казалась ему теперь какимъ-то темнымъ, заплѣсневѣлымъ угломъ Европы, гдѣ заглохла жизнь и всякое движеніе.

Такъ пронеслись четыре пламенные года его жизни, — четыре года, слишкомъ значительные для юноши, и къ концу ихъ уже многое показалось не въ томъ видѣ, какъ было прежде. Во многомъ онъ разочаровался. Тотъ же Парижъ, вѣчно влекущій къ себѣ иностранцевъ, вѣчная страсть парижанъ, уже показался ему много, много не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ видѣлъ, какъ вся эта многосторонность и дѣятельность его жизни исчезала безъ выводовъ и плодоносныхъ душевныхъ осадковъ. Въ движеньи вѣчнаго его кипѣнья и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная недѣятельность, страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ всякій французъ, казалось, только работалъ въ одной разгоряченной головѣ; какъ это журнальное чтеніе огромныхъ листовъ поглощало весь день и не оставляло часа для жизни практической; какъ всякій французъ воспитывался этимъ страннымъ вихремъ книжной, типографски-движущейся политики и, еще чуждый сословія, къ которому принадлежалъ, еще не узнавъ на дѣлѣ всѣхъ правъ и отношеній своихъ, уже приставалъ къ той или другой партіи, горячо и жарко принимая къ сердцу всѣ интересы, становясь свирѣпо противъ своихъ супротивниковъ, еще не зная въ глаза ни интересовъ своихъ, ни супротивниковъ... и слово *политика* опротивѣло, наконецъ, сильно итальянцу.

Въ движеніи торговли, ума, вездѣ, во всемъ видѣлъ онъ только напряженное усиліе и стремленіе къ новости. Одинъ силился передъ другимъ, во что бы то ни стало, взять верхъ, хотя бы на одну минуту. Купецъ весь капиталъ свой употреблялъ на одну только уборку магазина, чтобы блескомъ и великолѣпіемъ его заманить къ себѣ толпу. Книжная литература прибѣгала къ картинкамъ и типографической роскоши, чтобъ ими привлечь къ себѣ охлаждающееся вниманіе. Странностью неслыханныхъ страстей, уродливостью исключеній изъ человѣческой природы силились повѣсти и романы овладѣть читателемъ. Все, казалось, нагло навязывалось и напрашивалось само безъ зазыва, какъ непотребная женщина, что ловитъ человѣка ночью на улицѣ; все, одно передъ другимъ, вытягивало повыше свою руку, какъ обступившая толпа надоѣдливыхъ нищихъ. Въ самой наукѣ, въ ея одушевленныхъ лекціяхъ, которыхъ достоинство не могъ не признать онъ, теперь стало ему замѣтно вездѣ желанье выказаться, хвастнуть, выставить себя; вездѣ блестящіе эпизоды, и нѣтъ торжественнаго, величаваго теченья всего цѣлаго. Вездѣ усилія поднять доселѣ незамѣченные факты и дать имъ огромное вліяніе, иногда въ ущербъ гармоніи цѣлаго, съ тѣмъ только, чтобы оставить за собой честь открытія; наконецъ, вездѣ почти дерзкая увѣренность и нигдѣ смиреннаго сознанія собственнаго невѣдѣнія,—и онъ привелъ себѣ на память стихъ, которымъ итальянецъ Алфіери, въ ѣдкомъ расположеніи своего духа, попрекнулъ французовъ:

Tutto fanno, nulla sanno,
Tutto sanno, nulla fanno:

Gira volta son Francesi,
Piu gli pesi, men ti danno.

Тоскливое расположеніе духа имъ овладѣло. Напрасно старался онъ развлекать себя, старался сойтись съ людьми, которыхъ уважалъ; но не сошлась итальянская природа съ французскимъ элементомъ. Дружба завязывалась быстро, но уже въ одинъ день французъ выказывалъ себя всего до послѣдней черты: на другой день нечего было и узнавать въ немъ, далѣе извѣстной глубины уже нельзя было погрузить вопроса въ его душу, не вонзалось даже остріе мысли; а чувства итальянца были слишкомъ сильны, чтобы встрѣтить себѣ полный отвѣтъ въ легкой природѣ. И нашелъ онъ какую-то странную пустоту даже въ сердцахъ тѣхъ, которымъ не могъ отказать въ уваженіи. И увидѣлъ онъ, наконецъ, что при всѣхъ своихъ блестящихъ чертахъ, при благородныхъ порывахъ, при рыцарскихъ вспышкахъ, вся нація была что-то блѣдное, несовершенное, легкій водевиль, ею же порожденный. Не почила на ней величественно-степенная идея. Вездѣ намеки на мысли, и нѣтъ самыхъ мыслей; вездѣ полустрасти, и нѣтъ страстей; все не окончено, все наметано, набросано съ быстрой руки; вся нація—блестящая виньетка, а не картина великаго мастера.

Нашедшая ли внезапно на него хандра дала ему возможность увидать все въ такомъ видѣ, или внутреннее вѣрное и свѣжее чувство итальянца было тому причиною, то или другое, только Парижъ, со всѣмъ своимъ блескомъ и шумомъ, скоро сдѣлался для него тягостной пустыней, и онъ невольно выбиралъ глухіе отдаленные концы его. Только въ одну еще итальянскую оперу заходилъ онъ, тамъ только какъ-будто отдыхала душа его, и звуки родного языка теперь вырастали предъ нимъ во всемъ могуществѣ и полнотѣ. И стала представляться ему чаще забытая имъ Италія, вдали, въ какомъ-то манящемъ свѣтѣ; съ каждымъ днемъ зазывы ея становились слышнѣе, и онъ рѣшился, наконецъ, писать къ отцу, чтобы позволилъ ему возвратиться въ Римъ, что въ Парижѣ оставаться болѣе онъ не видитъ для себя нужды. Два мѣсяца не получалъ онъ никакого отвѣта, ни даже обычныхъ векселей, которые давно слѣдовало ему получить. Сначала ожидалъ онъ терпѣливо, зная капризный характеръ своего отца, наконецъ, начало овладѣвать имъ безпокойство. Нѣсколько разъ на недѣлѣ навѣдывался къ своему банкиру и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что изъ Рима нѣтъ никакихъ извѣстій. Отчаяніе готово было вспыхнуть въ душѣ его. Средства содержанія уже давно у него всѣ прекратились, уже давно сдѣлалъ онъ у банкира заемъ, но и эти деньги давно вышли, давно уже онъ обѣдалъ, завтракалъ и жилъ кое-какъ въ долгъ; косо и непріятно начинали посматривать на него—и хоть бы отъ кого-нибудь изъ друзей какое-нибудь извѣстіе. Тутъ-то онъ сильно почувствовалъ свое одиночество. Въ безпокойномъ ожиданіи бродилъ онъ въ этомъ надоѣвшемъ на-смерть городѣ. Лѣтомъ онъ былъ для него еще невыносимѣе: всѣ наѣздныя толпы разлетѣлись по минеральнымъ водамъ, по европейскимъ гостиницамъ и дорогамъ. Призракъ пустоты виднѣлся на всемъ. Дома и улицы Парижа были несносны; сады его томились сокрушительно между домовъ, палимыхъ солнцемъ. Какъ убитый, останавливался онъ надъ Сеной, на грузномъ, тяжеломъ мосту, на ея душной набережной, напрасно стараясь чѣмъ-нибудь позабыться, на что-нибудь заглядѣться; тоска необъятная жрала его, и безыменный червь точилъ его сердце. Наконецъ, судьба надъ нимъ умилосердилась — и въ одинъ день банкиръ вручилъ ему письмо. Оно было отъ дяди, который извѣщалъ его, что старый князь уже не существуетъ, что онъ можетъ пріѣхать распорядиться наслѣдствомъ, которое требуетъ его личнаго присутствія, потому что разстроено сильно. Въ письмѣ былъ тощій билетъ, едва доставшій на дорогу и на расплату четвертой доли долговъ. Молодой князь не хотѣлъ медлить минуты, уговорилъ кое-какъ банкира отсрочить долгъ и взялъ мѣсто въ курьерской каретѣ. Казалось, страшная тягость свалилась съ души его, когда скрылся изъ вида Парижъ и дохнуло на него свѣжимъ воздухомъ полей. Въ двое сутокъ онъ уже былъ въ Марселѣ, не хотѣлъ отдохнуть часу, и въ тотъ же вечеръ пересѣлъ на пароходъ. Средиземное море показалось ему роднымъ: оно омывало берега его отчизны, и онъ посвѣжѣлъ уже, только глядя на однѣ безконечныя его волны. Трудно было изъяснить чувство, его обнявшее при видѣ перваго итальянскаго города — это была великолѣпная Генуя. Въ двойной красотѣ вознеслись надъ нимъ ея пестрыя колокольни, полосатыя церкви изъ бѣлаго и чернаго мрамора и весь многобашенный амфитеатръ ея, вдругъ обнесшій его со всѣхъ сторонъ, когда пароходъ пришелъ къ пристани. Никогда не видалъ онъ Генуи. Эта играющая пестрота домовъ, церквей и дворцовъ на тонкомъ небесномъ воздухѣ, блиставшемъ непостижимою голубизною, была единственна. Сошедши на берегъ, онъ очутился вдругъ въ этихъ темныхъ, чудныхъ, узенькихъ, мощеныхъ плитами улицахъ, съ одной узенькой вверху полоской голубого неба. Его поразила эта тѣснота между домами, высокими, огромными, отсутствіе экипажнаго стука, треугольныя маленькія площадки и между ними, какъ тѣсные коридоры, изгибающіяся линіи улицъ, наполненныхъ лавочками генуэзскихъ серебренниковъ и золотыхъ мастеровъ. Живопис-

ныя кружевныя покрывала женщинъ, чуть волнуемыя теплымъ широкко, ихъ твердыя походки, звонкій говоръ въ улицахъ, отворенныя двери церквей, кадильный запахъ, несшійся оттуда,— все это дунуло на него чѣмъ-то далекимъ, минувшимъ. Онъ вспомнилъ, что уже много лѣтъ не былъ въ церкви, потерявшей свое чистое, высокое значеніе въ тѣхъ умныхъ земляхъ Европы, гдѣ онъ былъ. Тихо вошелъ онъ и сталъ въ молчаніи на колѣни, у великолѣпныхъ мраморныхъ колоннъ, и долго молился, самъ не зная за что,— молился, что его приняла Италія, что снизошло на него желанье молиться, что празднично было у него на душѣ, и молитва эта, вѣрно, была лучшая. Словомъ, какъ прекрасную станцію, унесъ онъ за собою Геную: въ ней принялъ онъ первый поцѣлуй Италіи. Съ такимъ же яснымъ чувствомъ увидѣлъ онъ Ливорно, пустѣющую Пизу, Флоренцію, слабо знаемую имъ прежде. Величаво глянулъ на него тяжелый, граненый куполъ ея собора, темные дворцы царственной архитектуры и строгое величіе небольшого городка. Потомъ понесся чрезъ Аппенины, сопровождаемый тѣмъ же свѣтлымъ расположеніемъ духа, и когда, наконецъ, послѣ шестидневной дороги, показался, въ ясной дали, на чистомъ небѣ, чудесно кругливпійся куполъ—о!.. сколько чувствъ тогда столпилось разомъ въ его груди! Онъ не зналъ и не могъ передать ихъ; онъ оглядывалъ всякій холмикъ и отлогость. И вотъ уже, наконецъ, Ponte Molle, городскія ворота, и вотъ обняла его красавица площадей Piazza del Popolo, глянулъ Monte Pincio съ террасами, лѣстницами, статуями и людьми, прогуливающимися на верхушкахъ! Боже, какъ забилось его сердце! Вотуринъ понесся по улицѣ Корсо, гдѣ когда-то ходилъ онъ съ аббатомъ, невинный, простодушный, знавшій только, что латинскій языкъ есть отецъ итальянскаго. Вотъ предстали передъ нимъ опять всѣ дома, которые онъ зналъ наизусть: Palazzo Ruspoli съ своимъ огромнымъ кафе, Piazza Colonna, Palazzo Sciarra, Palazzo Doria; наконецъ, поворотилъ онъ въ переулки, такъ бранимые иностранцами, не кипящіе переулки, гдѣ изрѣдка только попадалась лавка брадобрея съ нарисованными лиліями надъ дверьми, да лавка шляпочника, высунувшаго изъ дверей долгополую кардинальскую шляпу, да лавчонка плетеныхъ стульевъ, дѣлавшихся тутъ же на улицѣ. Наконецъ, карета остановилась передъ величавымъ дворцомъ брамантовскаго стиля. Никого не было въ нагихъ, неубранныхъ сѣняхъ. На лѣстницѣ встрѣтилъ его дряхлый maestro di casa, потому что швейцаръ съ своей булавой ушелъ, по обыкновенію, въ кафе, гдѣ проводилъ все время. Старикъ побѣжалъ отворять ставни и освѣщать мало-по-малу старинныя величественныя залы. Грустное чувство овладѣло княземъ,— чувство, понятное всякому пріѣзжающему, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, домой, когда все, что ни было, кажется еще старѣе, еще пустѣе, и когда тягостно говоритъ всякій предметъ, знаемый въ дѣтствѣ; и чѣмъ веселѣе были съ нимъ сопряженные случаи, тѣмъ сокрушительнѣй грусть, насылаемая имъ на сердце. Онъ прошелъ длинный рядъ залъ, оглянулъ кабинетъ и спальню, гдѣ еще не такъ давно старый владѣтель дворца засыпалъ въ кровати подъ балдахиномъ съ кистями и гербомъ, и потомъ выходилъ въ шлафрокѣ и туфляхъ въ кабинетъ выпить стаканъ ослинаго молока, съ намѣреньемъ пополнѣть, — уборную, гдѣ онъ паряжался съ утонченнымъ стараньемъ старой кокетки и откуда отправлялся потомъ въ коляскѣ съ своими лакеями на гулянье въ виллу Боргезе лорнировать постоянно какую-то англичанку, пріѣзжавшую туда также прогуливаться. На столахъ и въ ящикахъ видны были еще остатки румянъ, бѣлилъ и всякихъ притираній, которыми молодилъ себя старикъ. Maestro di casa объявилъ, что уже за двѣ недѣли до смерти онъ принялъ было твердое намѣреніе жениться и сдѣлалъ нарочно консультацію съ иностранными докторами, какъ поддержать con onore i doveri di marito, но что въ одинъ день, сдѣлавши два или три визита кардиналамъ и какому-то пріору, онъ возвратился усталый домой, сѣлъ въ кресло и умеръ смертью праведника, хотя смерть его была бы блаженнѣе, если бы онъ, по словамъ maestro di casa, догадался послать за двѣ минуты прежде за своимъ духовникомъ il padre Benvenuto. Все это слушалъ молодой князь разсѣянно, не принадлежа мыслью ни къ чему. Отдохнувши отъ дороги и отъ странныхъ впечатлѣній, онъ занялся своими дѣлами. Его поразилъ страшный безпорядокъ ихъ. Все, отъ малаго до большого, было въ безтолковомъ, запутанномъ видѣ. Четыре безконечныя тяжбы за обвалившіеся дворцы и земли въ Феррарѣ и Неаполѣ, совершенно опустошенные доходы за три года впередъ, долги и нищенскій недостатокъ среди великолѣпія—вотъ что представилось глазамъ его. Старый князь былъ непонятное соединеніе скупости и пышности. Онъ держалъ огромную прислугу, которая не получала никакой платы, ничего, кромѣ ливреи, и довольствовалась подаяніями иностранцевъ, приходившихъ смотрѣть галлерею. При князѣ были егери, офиціанты, лакеи, которые ѣздили у него за коляской, лакеи, которые никуда не ѣздили и просиживали по цѣлымъ днямъ въ ближнемъ кафе или остеріи, болтая всякій вздоръ. Онъ распустилъ тотъ же часъ всю эту сволочь, всѣхъ егерей и охотниковъ, и оставилъ одного только старика maestro di casa; уничтожилъ почти

вовсе конюшню, продавъ никогда не употреблявшихся лошадей; призвалъ адвокатовъ и распорядился съ своими тяжбами, по крайней мѣрѣ, такъ, что изъ четырехъ составилъ двѣ, бросивъ остальныя, какъ вовсе безполезныя; рѣшился ограничить себя во всемъ и вести жизнь со всею строгостью экономіи. Это было ему не трудно сдѣлать, потому что уже заблаговременно онъ привыкъ ограничивать себя. Ему не трудно было также отка аться отъ всякаго сообщества съ своимъ сословіемъ, — которое, впрочемъ, все состояло изъ двухъ-трехъ доживавшихъ фамилій,— общества, воспитаннаго кое-какъ отголосками французскаго образованія, да богача-банкира, собиравшаго около себя кругъ иностранцевъ, да неприступныхъ кардиналовъ, людей необщительныхъ, черствыхъ, уединенно проводившихъ время за карточной игрой въ tresette (родъ дурачка) съ своимъ камердинеромъ или брадобреемъ. Словомъ, онъ уединился совершенно, принялся разсматривать Римъ и сдѣлался въ этомъ отношеніи подобенъ иностранцу, который сначала бываетъ пораженъ мелочной, неблестящей его наружностью, испятнанными, темными домами, и съ недоумѣньемъ вопрошаетъ, попадая изъ переулка въ переулокъ: „гдѣ же огромный древній Римъ?“ и потомъ уже узнаетъ его, когда мало-по-малу изъ тѣсныхъ переулковъ начинаетъ выдвигаться древній Римъ, гдѣ темной аркой, гдѣ мраморнымъ карнизомъ, вдѣланнымъ въ стѣну, гдѣ порфировой потемнѣвшей колонной, гдѣ фронтономъ посреди вонючаго рыбнаго рынка, гдѣ цѣлымъ портикомъ передъ нестаринной церковью, и наконецъ, далеко, тамъ, гдѣ оканчивается вовсе живущій городъ, громадно вздымается онъ среди тысячелѣтнихъ плющей, алоэ и открытыхъ равнинъ, необъятнымъ Колизеемъ, тріумфальными арками, останками необозримыхъ цезарскихъ дворцовъ, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полямъ; и уже не видитъ иноземецъ нынѣшнихъ тѣсныхъ его улицъ и переулковъ, весь объятый древнимъ міромъ: въ памяти его возстаютъ колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо!..

Но не такъ, какъ иностранецъ, преданный одному Титу Ливію и Тациту, бѣгущій мимо всего, къ одной только древности, желавшій бы въ порывѣ благороднаго педантизма срыть весь новый городъ—нѣтъ, онъ находилъ все равно прекраснымъ: міръ древній, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ-исполиновъ и великолѣпной щедрости папъ, и, наконецъ, прилѣпившійся къ нимъ новый вѣкъ съ толпящимся новымъ народонаселеніемъ. Ему нравилось это чудное ихъ сліяніе въ одно, эти признаки людной столицы и пустыни вмѣстѣ: дворецъ, колонны, трава, дикіе кусты, бѣгущіе по стѣнамъ, трепещущій рынокъ среди темныхъ, молчаливыхъ, заслоненныхъ снизу громадъ, живой крикъ рыбнаго продавца у портика, лимонадчикъ съ воздушной, украшенной зеленью лавчонкой передъ Пантеономъ. Ему нравилась самая невзрачность улицъ, темныхъ, неприбранныхъ, отсутствіе желтыхъ и свѣтленькихъ красокъ на домахъ, идиллія среди города: отдыхавшее стадо козловъ на уличной мостовой, крики ребятишекъ и какое-то невидимое присутствіе на всемъ ясной торжественной тишины, обнимающей человѣка. Ему нравились эти безпрерывныя внезапности, неожиданности, поражающія въ Римѣ. Какъ охотникъ, выходящій съ утра на ловлю, какъ старинный рыцарь, искатель приключеній, онъ отправлялся отыскивать всякій день новыхъ и новыхъ чудесъ и останавливался невольно, когда вдругъ среди ничтожнаго переулка возносился передъ нимъ дворецъ, дышавшій строгимъ сумрачнымъ величіемъ. Изъ темнаго травертина были сложены его тяжелыя, несокрушимыя стѣны, вершину вѣнчалъ великолѣпно набранный колоссальный карнизъ, мраморными брусьями обложена была большая дверь, и окна глядѣли величаво, обремененныя роскошнымъ архитектурнымъ убранствомъ; — или какъ вдругъ нежданно, вмѣстѣ съ небольшой площадью, выглядывалъ картинный фонтанъ, обрызгивавшій себя самого и свои обезображенныя мхомъ гранитныя ступени;—какъ темная, грязная улица оканчивалась нежданно играющей архитектурной декораціей Бернини или летящимъ кверху обелискомъ, или церковью и монастырской стѣною, вспыхивавшими блескомъ солнца на темнолазурномъ небѣ, съ черными, какъ уголь, кипарисами. И чѣмъ далѣе въ глубь уходили улицы, тѣмъ чаще росли дворцы и архитектурныя созданья Браманта, Борромини, Сангалло, Деллапорта, Виньолы, Бонаротти—и понялъ онъ, наконецъ, ясно, что только здѣсь, только въ Италіи, слышно присутствіе архитектуры и строгое ея величіе, какъ художества. Еще выше было духовное его наслажденіе, когда онъ переносился во внутренность церквей и дворцовъ, гдѣ арки, плоскіе столбы и круглыя колонны изъ всѣхъ возможныхъ сортовъ мрамора, перемѣшанные съ базальтовыми, лазурными карнизами, порфиромъ, золотомъ и античными камнями, сочетались согласно, покоренные обдуманной мысли, и выше ихъ всѣхъ возносилось безсмертное созданіе кисти. Они были высокопрекрасны, эти обдуманныя убранства залъ, полныя царскаго величія и архитектурной роскоши, вездѣ умѣвшей почтительно преклониться предъ живописью въ сей плодотворный вѣкъ, когда художникъ бывалъ и архитекторъ, и живописецъ,

и даже скульпторъ вмѣстѣ. Могучія созданія кисти, уже не повторяющейся нынѣ, возносились сумрачно предъ нимъ на потемнѣвшихъ стѣнахъ, все еще непостижимыя и недоступныя для подражанія. Входя и погружаясь болѣе и болѣе въ созерцаніе ихъ, онъ чувствовалъ, какъ развивался видимо его вкусъ, залогъ котораго уже хранился въ душѣ его. И какъ предъ этой величественной, прекрасной роскошью показалась ему теперь низкою роскошь XIX столѣтія, мелкая, ничтожная роскошь, годная только для украшенья магазиновъ, выведшая на поле дѣятельности золотильщиковъ, мебельщиковъ, обойщиковъ, столяровъ и кучи мастеровыхъ, и лишившая міръ Рафаэлей, Тиціановъ, Микель-Анжеловъ, низведшая къ ремеслу искусство! Какъ низкою показалась ему эта роскошь, поражающая только первый взглядъ и озираемая потомъ равнодушно, передъ этой величавой мыслію—украсить стѣны вѣковѣчнымъ созданіемъ кисти, передъ этой прекрасной мыслью владѣльца дворца – доставить себѣ вѣчный предметъ наслажденья въ часы отдыха отъ дѣлъ и отъ шумнаго жизненнаго дрязга, уединившись тамъ, въ углу, на старинной софѣ, далеко отъ всѣхъ, вперя безмолвно взоръ и, вмѣстѣ со взоромъ, входя глубже душою въ тайны кисти, зрѣя невидимо въ краскѣ душевныхъ помысловъ! Ибо высоко возвышаетъ искусство человѣка, придавая благородство и красоту чудную движеньямъ души. Какъ низки казались ему предъ этой незыблемой, плодотворной роскошью, окружившею человѣка предметами, движущими и воспитывающими душу, нынѣшнія мелочныя убранства, ломаемыя и выбрасываемыя ежегодно безпокойною модою, страннымъ, непостижимымъ порожденьемъ XIX вѣка, предъ которымъ безмолвно преклонились мудрецы, губительницей и разрушительницей всего, что колоссально, величественно, свято. При такихъ разсужденіяхъ невольно приходило ему на мысль: не оттого-ли сей равнодушный хладъ, обнимающій нынѣшній вѣкъ, торговый, низкій расчетъ, ранняя притупленность еще не успѣвшихъ развиться и возникнуть чувствъ? Иконы вынесли изъ храма—и храмъ уже не храмъ: летучія мыши и злые духи обитаютъ въ немъ.

Чѣмъ болѣе онъ всматривался, тѣмъ болѣе поражала его сія необыкновенная плодотворность вѣка, и онъ невольно восклицалъ:—Когда и какъ успѣли они это надѣлать? — Эта великолѣпная сторона Рима какъ будто-бы росла передъ нимъ ежедневно. Галлереи и галлереи—и конца имъ нѣтъ: и тамъ, и въ той церкви хранится какое-нибудь чудо кисти; и тамъ, на дряхлѣющей стѣнѣ, еще дивитъ готовый исчезнуть фрескъ; и тамъ, на вознесенныхъ мраморахъ и столбахъ, набранныхъ изъ древнихъ языческихъ храмовъ, блещетъ неувядаемой кистью плафонъ. Все это было похоже на скрытые золотые рудники, покровенные обыкновенной землей, знакомые одному только рудокопу. Какъ полно было у него всякій разъ на душѣ, когда возвращался онъ домой! Какъ было различно это чувство, объятое спокойной торжественностью тишины отъ тѣхъ тревожныхъ впечатлѣній, которыми безсмысленно наполнялась душа его въ Парижѣ, когда онъ возвращался домой усталый, утомленный, рѣдко будучи въ силахъ повѣрить итогъ ихъ!

Теперь ему казалась еще болѣе согласною съ этими внутренними сокровищами Рима его неприглядная, потемнѣвшая, запачканная наружность, такъ бранимая иностранцами. Ему бы непріятно было выйти послѣ всего этого на модную улицу, съ блестящими магазинами, щеголеватостью людей и экипажей: это было бы чѣмъ-то развлекающимъ, святотатственнымъ. Ему лучше нравилась эта скромная тишина улицъ, это особенное выраженіе римскаго населенія, этотъ призракъ восемнадцатаго вѣка, еще мелькавшій по улицѣ то въ видѣ чернаго аббата съ треугольною шляпой, черными чулками и башмаками, то въ видѣ старинной пурпурной кардинальской кареты съ позлащенными осями, колесами, карнизами и гербами—все какъ-то согласовалось съ важностью Рима: этотъ живой, не торопящійся народъ, живописно и покойно расхаживающій по улицамъ, закинувъ полуплащъ или набросивъ себѣ на плечо куртку, безъ тягостнаго выраженья въ лицахъ, которое такъ поражало его на синихъ блузахъ и на всемъ народонаселеніи Парижа. Тутъ самая нищета являлась въ какомъ-то свѣтломъ видѣ, беззаботная, незнакомая съ терзаньемъ и слезами, безпечно и живописно протягивавшая руку; картинные полки монаховъ, переходившіе улицы въ длинныхъ бѣлыхъ или черныхъ одеждахъ; нечистый рыжій капуцинъ, вдругъ вспыхнувшій на солнцѣ свѣтло-верблюжьимъ цвѣтомъ; наконецъ, это населеніе художниковъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ свѣта, которые бросили здѣсь узенькіе лоскуточки одѣяній европейскихъ и явились въ свободныхъ, живописныхъ нарядахъ; ихъ величественныя осанистыя бороды, снятыя съ портретовъ Леонардо-да-Винчи и Тиціана, такъ непохожія на тѣ уродливыя, узкія бородки, которыя французъ передѣлываетъ и стрижетъ себѣ по пяти разъ въ мѣсяцъ. Тутъ художникъ почувствовалъ красоту длинныхъ волнующихся волосъ и позволилъ имъ разсыпаться кудрями. Тутъ самый нѣмецъ, съ кривизной ногъ своихъ и безперехватностью стана, получилъ значительное выраженіе, разнеся по плечамъ золотистые свои локоны, драпируясь легкими складками греческой блузы или бархатнымъ нарядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ cinquecento,

которое усвоили себѣ только одни художники въ Римѣ. Слѣды строгаго спокойствія и тихаго труда отражались на ихъ лицахъ. Самые разговоры и мнѣнія, слышимые на улицахъ, въ кафе, въ остеріяхъ, были вовсе противоположны и не похожи на тѣ, которые слышались ему въ городахъ Европы. Тутъ не было толковъ о понизившихся фондахъ, о камерныхъ преніяхъ, объ испанскихъ дѣлахъ: тутъ слышались рѣчи объ открытой недавно древней статуѣ, о достинствѣ кисти великихъ мастеровъ, раздавались споры и разногласья о выставленномъ произведеніи новаго художника, толки о народныхъ праздникахъ и, наконецъ, частные разговоры, въ которыхъ раскрывался человѣкъ и которые вытѣснены изъ Европы скучными общественными толками и политическими мнѣніями, изгнавшими сердечное выраженіе съ лицъ.

Часто оставлялъ онъ городъ для того, чтобы оглянуть его окрестности, и тогда его поражали другія чудеса. Прекрасны были эти нѣмыя, пустынныя римскія поля, усѣянныя останками древнихъ храмовъ, съ невыразимымъ спокойствіемъ разстилавшіяся вокругъ, гдѣ пламенѣя сплошнымъ золотомъ отъ слившихся вмѣстѣ желтыхъ цвѣтковъ, гдѣ блеща жаромъ раздутаго угля отъ пунцовыхъ листовъ дикаго мака. Они представляли четыре чудные вида на четыре стороны. Съ одной—соединялись они прямо съ горизонтомъ одной рѣзкой ровной чертой; арки водопроводовъ казались стоящими на воздухѣ и какъ бы наклеенными на блистающемъ серебряномъ небѣ. Съ другой—надъ полями сіяли горы; не вырываясь порывисто и безобразно, какъ въ Тиролѣ или Швейцаріи, но согласными плывучими линіями выгибаясь и склоняясь, озаренныя чудною ясностью воздуха, онѣ готовы были улетѣть въ небо; у подошвы ихъ неслась длинная аркада водопроводовъ, подобно длинному фундаменту, и вершина горъ казалась воздушнымъ продолженіемъ чуднаго зданія, и небо надъ ними было уже не серебряное, но невыразимаго цвѣта весенней сирени. Съ третьей — эти поля увѣнчивались тоже горами, которыя уже ближе и выше возносились, выступая сильнѣе передними рядами и легкими уступами уходя въ даль. Въ чудную постепенность цвѣтовъ облекалъ ихъ тонкій голубой воздухъ; и сквозь это воздушно-голубое ихъ покрывало сіяли чуть примѣтные дома и виллы Фраскати, гдѣ тонко и легко тронутые солнцемъ, гдѣ уходящіе въ свѣтлую мглу пылившихся вдали, чуть примѣтныхъ рощей. Когда же обращался онъ вдругъ назадъ, тогда представлялась ему четвертая сторона вида: поля оканчивались самимъ Римомъ. Сіяли рѣзко и ясно углы и линіи домовъ, круглость куполовъ, статуи Латранскаго Іоанна и величественный куполъ Петра, вырастающій выше и выше, по мѣрѣ отдаленія отъ него, и властительно остающійся, наконецъ, одинъ на всемъ полугоризонтѣ, когда уже совершенно скрылся весь городъ. Еще лучше любилъ онъ оглянуть эти поля съ террасы которой-нибудь изъ виллъ Фраскати или Альбано, въ часы захожденья солнца. Тогда они казались необозримымъ моремъ, сіявшимъ и возносившимся изъ темныхъ перилъ террасы; отлогости и линіи исчезали въ обнявшемъ ихъ свѣтѣ. Сначала онѣ еще казались зеленоватыми, и по нимъ еще виднѣлись тамъ и тамъ разбросанныя гробницы и арки; потомъ онѣ сквозили уже свѣтлой желтизною въ радужныхъ оттѣнкахъ свѣта, едва выказывая древніе остатки, и, наконецъ, становились пурпурнѣй и пурпурнѣй, поглощая въ себѣ и самый безмѣрный куполъ и сливаясь въ одинъ густой малиновый цвѣтъ, и одна только сверкающая вдали золотая полоса моря отдѣляла ихъ отъ пурпурнаго, такъ же, какъ и онѣ, горизонта. Нигдѣ, никогда ему не случалось видѣть, чтобы поле превращалось въ пламя, подобно небу. Долго, полный невыразимаго восхищенья, стоялъ онъ передъ такимъ видомъ, и потомъ уже стоялъ такъ, просто, не восхищаясь, позабывъ все. Когда и солнце уже скрывалось, потухалъ быстро горизонтъ и еще быстрѣе потухали вмигъ померкнувшія поля, вездѣ устанавливалъ свой темный образъ вечеръ, надъ развалинами огнистыми фонтанами подымались свѣтящіяся мухи, и неуклюжее крылатое насѣкомое, несущееся стоймя, какъ человѣкъ, извѣстное подъ именемъ дьявола, ударялось безъ толку ему въ очи,—тогда только онъ чувствовалъ, что наступившій холодъ южной ночи уже прохватилъ его всего, и спѣшилъ въ городскія улицы, чтобы не схватить южной лихорадки.

Такъ протекала жизнь его въ созерцаніяхъ природы, искусствъ и древностей. Среди сей жизни почувствовалъ онъ, болѣе нежели когда-либо, желаніе проникнуть поглубже исторію Италіи, доселѣ ему извѣстную эпизодами, отрывками; безъ нея казалось ему неполно настоящее, и онъ жадно принялся за архивы, лѣтописи и записки. Онъ теперь могъ ихъ читать не такъ, какъ итальянецъ-домосѣдъ, входящій и тѣломъ, и душою въ читаемыя событія и не видящій изъ-за обступившихъ его лицъ и происшествій всей массы цѣлаго,—онъ теперь могъ оглядывать все покойно, какъ изъ ватиканскаго окна. Пребываніе внѣ Италіи, въ виду шума и движенья дѣйствующихъ народовъ и государствъ, служило ему строгою повѣркою всѣхъ выводовъ, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу. Читая, теперь онъ еще болѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣй былъ пораженъ величіемъ и блескомъ минувшей эпохи Италіи. Его изумляло такое быстрое разно-

образное развитіе человѣка на такомъ тѣсномъ углу земли, такимъ сильнымъ движеньемъ всѣхъ силъ. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь кипѣлъ человѣкъ, какъ каждый городъ говорилъ своею рѣчью, какъ у каждаго города были цѣлые томы исторіи, какъ разомъ возникли здѣсь всѣ образы и виды гражданства и правленій: волнующіяся республики сильныхъ непокорныхъ характеровъ и полновластные деспоты среди ихъ; цѣлый городъ царственныхъ купцовъ, опутанный сокровенными правительственными нитями, подъ призракомъ единой власти дожа; призванные чужеземцы среди туземцевъ; сильные напоры и отпоры въ нѣдрѣ незначительнаго городка; почти сказочный блескъ герцоговъ и монарховъ крохотныхъ земель; меценаты, покровители и гонители; цѣлый рядъ великихъ людей, столкнувшихся въ одно и то же время; лира, циркуль, мечъ и палитра; храмы, воздвигающіеся среди браней и волненій; вражда, кровавая месть, великодушныя черты и кучи романическихъ происшествій частной жизни среди политическаго, общественнаго вихря и чудная связь между ними: такое изумляющее раскрытіе всѣхъ сторонъ жизни политической и частной, такое пробужденіе въ столь тѣсномъ объемѣ всѣхъ элементовъ человѣка, совершавшихся въ другихъ мѣстахъ только частями и на большихъ пространствахъ!—И все это исчезло и прошло вдругъ, все застыло, какъ погаснувшая лава, и выброшено даже изъ памяти Европою, какъ старый ненужный хламъ. Нигдѣ, даже въ журналахъ, не выказываетъ бѣдная Италія своего развѣнчаннаго чела, лишенная значенья политическаго, а съ нимъ и вліянія на міръ.

„И неужели, — думалъ онъ, — не воскреснетъ никогда ея слава? Неужели нѣтъ средствъ возвратить минувшій блескъ ея?“ И вспомнилъ онъ то время, когда еще въ университетѣ, въ Луккѣ, бредилъ онъ о возобновленіи ея минувшей славы; какъ это было любимой мыслью молодежи; какъ за стаканами добродушно и простосердечно мечтала она о томъ. И увидѣлъ онъ теперь, какъ близорука была молодежь и какъ близоруки бываютъ политики, упрекающіе народъ въ безпечности и лѣни. Почуялъ онъ теперь, смутясь, Великій Перстъ, предъ нимъ же повергается въ прахъ нѣмѣющій человѣкъ,—Великій Перстъ, начертывающій свыше всемірныя событія. Онъ вызвалъ изъ среды ея же гонимаго ея гражданина, бѣднаго генуэзца, который одинъ убилъ свою отчизну, указавъ міру невѣдомую землю и другіе, широкіе пути. Раздался всемірный горизонтъ; огромнымъ размахомъ закипѣли движенія Европы; понеслись вокругъ свѣта корабли, двинувъ могучія сѣверныя силы. Осталось пусто Средиземное море; какъ обмелѣвшее рѣчное русло, обмелѣла обойденная Италія. Стоитъ Венеція, отразивъ въ адріатическія волны свои потухнувшіе дворцы, и разрывающей жалостью проникается сердце иностранца, когда поникшій гондольеръ влечетъ его подъ пустынными стѣнами и разрушенными перилами безмолвныхъ мраморныхъ балконовъ. Онѣмѣла Феррара, пугая дикой мрачностью своего герцогскаго дворца. Глядятъ пустынно на всемъ пространствѣ Италіи ея наклонныя башни и архитектурныя чуда, очутясь среди равнодушнаго къ нимъ поколѣнья. Звонкое эхо раздается въ шумѣвшихъ когда-то улицахъ, и бѣдный ветуринъ подъѣзжаетъ къ грязной остеріи, поселившейся въ великолѣпномъ дворцѣ. Въ нищенскомъ вретищѣ очутилась Италія, и пыльными отрепьями висятъ на ней куски ея померкнувшей царственной одежды.

Въ порывѣ душевной жалости готовъ онъ былъ даже лить слезы. Но утѣшительная, величественная мысль приходила сама къ нему въ душу, и чуялъ онъ другимъ, высшимъ чутьемъ, что не умерла Италія, что слышится ея неотразимое вѣчное владычество надъ всѣмъ міромъ, что вѣчно вѣетъ надъ нею ея великій геній, уже въ самомъ началѣ завязавшій въ груди ея судьбу Европы, внесшій крестъ въ европейскіе темные лѣса, захватившій гражданскимъ багромъ на дальнемъ краю ихъ дикообразнаго человѣка, закипѣвшій здѣсь впервые всемірной торговлей, хитрой политикой и сложностью гражданскихъ пружинъ, вознесшійся потомъ всѣмъ блескомъ ума, вѣнчавшій чело свое святымъ вѣнцомъ поэзіи и, когда уже политическое вліяніе Италіи стало исчезать, развернувшійся надъ міромъ торжественными дивами—искусствами, подарившими человѣку невѣдомыя наслажденья и божественныя чувства, которыя дотолѣ не подымались изъ лона души его. Когда же и вѣкъ искусства сокрылся и къ нему охладѣли погруженные въ расчеты люди, онъ вѣетъ и разносится надъ міромъ въ завывающихъ вопляхъ музыки, и на берегахъ Сены, Невы, Темзы, Москвы, Средиземнаго, Чернаго моря, въ стѣнахъ Алжира и на отдаленныхъ, еще недавно дикихъ, островахъ гремятъ восторженные плески звонкимъ пѣвцамъ. Наконецъ, самой ветхостью и разрушеньемъ своимъ онъ грозно владычествуетъ нынѣ въ мірѣ; эти величавыя архитектурныя чуда остались, какъ призраки, чтобы попрекнуть Европу въ ея китайской мелочной роскоши, въ игрушечномъ раздробленіи мысли. И самое это чудное собраніе отжившихъ міровъ, и прелесть соединенья ихъ съ вѣчно цвѣтущей природой—все существуетъ для того, чтобы будить міръ, чтобъ жителю Сѣвера, какъ сквозь сонъ, представлялся иногда этотъ Югъ, чтобъ мечта о немъ вырывала его изъ среды хладной жизни, преданной занятіямъ,

очерствляющимъ душу,—вырывала бы его оттуда, блеснувъ ему нежданно уносящею вдаль перспективой, колизейскою ночью при лунѣ, прекрасно умирающей Венеціей, невидимымъ небеснымъ блескомъ и теплыми поцѣлуями чудеснаго воздуха,—чтобы хоть разъ въ жизни былъ онъ прекраснымъ человѣкомъ...

Въ такую торжественную минуту онъ примирялся съ разрушеньемъ своего отечества, и зрѣлись тогда ему во всемъ зародыши вѣчной жизни, лучшаго будущаго, которое вѣчно готовитъ міру его вѣчный Творецъ. Въ такія минуты онъ даже весьма часто задумывался надъ нынѣшнимъ значеніемъ римскаго народа. Онъ видѣлъ въ немъ матеріалъ, еще непочатый. Еще ни разу не игралъ онъ роли въ блестящую эпоху Италіи: отмѣчали на страницахъ исторіи имена свои папы да аристократическіе дома, но народъ оставался незамѣтенъ. Его не зацѣплялъ ходъ двигавшихся внутри и внѣ его интересовъ; его не коснулось образованіе и не взметнуло вихремъ сокрытыя въ немъ силы. Въ его природѣ заключалось что-то младенчески-благородное. Эта гордость римскимъ именемъ, вслѣдствіе которой часть города, считая себя потомками древнихъ квиритовъ, никогда не вступала въ брачные союзы съ другими; эти черты характера, смѣшаннаго изъ добродушія и страстей, показывающія свѣтлую его натуру (никогда римлянинъ не забывалъ ни зла, ни добра; онъ или добрый, или злой, или расточитель, или скряга; въ немъ добродѣтели и пороки въ своихъ самородныхъ слояхъ и не смѣшались, какъ у образованнаго человѣка, въ неопредѣленные образы, у котораго всякихъ страстишекъ понемногу подъ верховнымъ начальствомъ эгоизма); эта невоздержность и порывъ развернуться на всѣ деньги, замашка сильныхъ народовъ, — все это имѣло для него значеніе. Эта свѣтлая, непритворная веселость, которой теперь нѣтъ у другихъ народовъ: вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, ему казалось, что стараются тѣшить народъ; здѣсь, напротивъ, онъ тѣшится самъ; онъ самъ хочетъ быть участникомъ; его насилу удержишь въ карнавалѣ; все, что ни накоплено имъ въ продолженіе года, онъ готовъ промотать въ эти полторы недѣли; все усадитъ онъ на одинъ нарядъ: одѣнется паяцомъ, женщиной, поэтомъ, докторомъ, графомъ, вретъ чепуху и лекціи и слушающему, и неслушающему,—и веселость эта обнимаетъ, какъ вихрь, всѣхъ, отъ сорокалѣтняго до мальчишки: послѣдній бобыль, которому не во что одѣться, выворачиваетъ себѣ куртку, вымазываетъ лицо углемъ и бѣжитъ туда же, въ пеструю кучу. И веселость эта прямо изъ его природы; ею не хмель дѣйствуетъ: тотъ же самый народъ освищетъ пьянаго, если встрѣтитъ его на улицѣ. Потомъ черты природнаго художественнаго инстинкта и чувства: онъ видѣлъ, какъ простая женщина указывала художнику погрѣшность въ его картинѣ; онъ видѣлъ, какъ выражалось невольно это чувство въ живописныхъ одеждахъ, въ церковныхъ убранствахъ; какъ въ Ченсано народъ убиралъ цвѣточными коврами улицы; какъ разноцвѣтные листики цвѣтовъ обращались въ краски и тѣни, на мостовой выходили узоры, кардинальскіе гербы, портретъ папы, вензеля, птицы, звѣри и арабески; какъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія продавцы съѣстныхъ припасовъ, *пиццикароли*, убирали свои лавчонки: свиные окорока, колбасы, бѣлые пузыри, лимоны и листья обращались въ мозаику и составляли плафонъ; круги пармезановъ и другихъ сыровъ, ложась одинъ на другой, становились въ колонны; изъ сальныхъ свѣчей составлялась бахрома мозаичнаго занавѣса, драпировавшаго внутреннія стѣны; изъ сала, бѣлаго какъ снѣгъ, отливались цѣлыя статуи, историческія группы христіанскихъ и библейскихъ содержаній, которыя изумленный зритель принималъ за алебастровыя—вся лавочка обращалась въ свѣтлый храмъ, сіяя позлащенными звѣздами, искусно освѣщаясь развѣшенными шкаликами и отражая зеркалами безконечныя кучи яицъ. Для всего этого нужно было присутствіе вкуса, и пиццикароле дѣлалъ это не изъ какихъ-нибудь доходовъ, но для того, чтобы полюбовались другіе и полюбоваться самому. Наконецъ, народъ, въ которомъ живетъ чувство собственнаго достоинства: здѣсь онъ il popolo, а не чернь, и носитъ въ своей природѣ прямыя начала временъ первоначальныхъ квиритовъ; его не могли даже совратить наѣзды иностранцевъ, развратителей пребывающихъ въ бездѣйствіи націй,—наѣзды, порождающіе по трактирамъ и дорогамъ презрѣннѣйшій классъ людей, по которымъ путешественникъ произноситъ часто сужденіе обо всемъ народѣ. Самая нелѣпость правительственныхъ постановленій, эта безсвязная куча всякихъ законовъ, возникшихъ во всѣ времена и отношенія и не уничтоженныхъ понынѣ, между которыми даже есть эдикты временъ древней римской республики,—все это не искоренило высокаго чувства справедливости въ народѣ. Онъ порицаетъ неправеднаго притязателя, освистываетъ гробъ покойника и впрягается великодушно въ колесницу, везущую тѣло, любезное народу. Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшіе бы въ другихъ мѣстахъ развратъ, почти не дѣйствуютъ на него: онъ умѣетъ отдѣлить религію отъ лицемѣрныхъ исполнителей и не заразился холодной мыслью невѣрія. Наконецъ, самая нужда и бѣдность, неизбѣжный удѣлъ стоячаго государства, не ведутъ его къ мрачному злодѣйству: онъ веселъ и переноситъ все, и только въ романахъ да

повѣстяхъ рѣжетъ по улицамъ. Все это показывало ему стихіи народа сильнаго, непочатаго, для котораго какъ будто бы готовилось какое-то поприще впереди. Европейское просвѣщеніе какъ будто съ умысломъ не коснулось его и не водрузило въ грудь ему своего холоднаго усовершенствованія. Самое духовное правительство, этотъ странный уцѣлѣвшій призракъ минувшихъ временъ, осталось какъ будто для того, чтобы сохранить народъ отъ посторонняго вліянія, чтобъ никто изъ честолюбивыхъ сосѣдей не посягнулъ на его личность, чтобы до времени въ тишинѣ таилась его гордая народность. Притомъ здѣсь, въ Римѣ, не слышалось чего-то умершаго; въ самыхъ развалинахъ и великолѣпной бѣдности Рима не было того томительнаго, проникающаго чувства, которымъ объемлется невольно человѣкъ, созерцающій памятники заживо умирающей націи. Тутъ противоположное чувство: тутъ ясное, торжественное спокойствіе. И всякій разъ, соображая все это, князь предавался невольно размышленіямъ и сталъ подозрѣвать какое-то таинственное значеніе въ словѣ „вѣчный Римъ“.

Итогъ всего этого былъ тотъ, что онъ старался узнавать болѣе и болѣе свой народъ. Онъ его слѣдилъ на улицахъ, въ кафе, гдѣ въ каждомъ были свои посѣтители: въ одномъ антикваріи, въ другомъ стрѣлки и охотники, въ третьемъ кардинальскіе слуги, въ четвертомъ художники, въ пятомъ вся римская молодежь и римское щегольство; слѣдилъ въ остеріяхъ, чисто-римскихъ остеріяхъ, куда не заходитъ иностранецъ, гдѣ римскій nobile садится иногда рядомъ съ Миненте, и общество скидаетъ съ себя сюртуки и галстуки въ жаркіе дни; слѣдилъ его въ загородныхъ живописно-невзрачныхъ трактиришкахъ съ воздушными окнами безъ стеколъ, куда фамиліями и компаніями наѣзжали римляне обѣдать, или, по ихъ выраженію, far allegria. Онъ садился и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, вмѣшивался охотно въ разговоръ, дивясь весьма часто простому здравомыслію и живой оригинальности разсказа простыхъ, неграмотныхъ горожанъ. Но болѣе всего онъ имѣлъ случай узнавать его во время церемоній и праздненствъ, когда всплываетъ наверхъ все народонаселеніе Рима и вдругъ показывается несмѣтное множество дотолѣ неподозрѣваемыхъ красавицъ,— красавицъ, которыхъ образы мелькаютъ только въ барельефахъ да въ древнихъ антологическихъ стихотвореніяхъ. Эти полные взоры, алебастровыя плечи, смолистые волосы, въ тысячѣ разныхъ образовъ поднятые на голову или опрокинутые назадъ, картинно пронзенные насквозь золотой стрѣлой, руки, гордая походка — вездѣ черты и намеки на серьезную классическую красоту, а не легкую прелесть граціозныхъ женщинъ. Тутъ женщины казались подобными зданіямъ въ Италіи: онѣ или дворцы, или лачужки, или красавицы, или безобразныя; середины нѣтъ между ними: хорошенькихъ нѣтъ. Онъ ими наслаждался, какъ наслаждался въ прекрасной поэмѣ стихами, выбившимися изъ ряду другихъ и насылавшими свѣжительную дрожь на душу.

Но скоро къ такимъ наслажденіямъ присоединилось чувство, объявившее сильную борьбу всѣмъ прочимъ,—чувство, которое вызвало изъ душевнаго дна сильныя человѣческія страсти, подымающія демократическій бунтъ противъ высокаго единодержавія души: онъ увидѣлъ Аннунціату. И вотъ, такимъ образомъ, мы добрались, наконецъ, до свѣтлаго образа, который озарилъ начало нашей повѣсти.

Это было во время карнавала.—Сегодня я не пойду на Корсо,—сказалъ принципе своему maestro di casa, выходя изъ дому,—мнѣ надоѣдаетъ карнавалъ, мнѣ лучше нравятся лѣтніе праздники и церемоніи...

— Но развѣ это карнавалъ?—сказалъ старикъ,—это карнавалъ ребятъ. Я помню карнавалъ: когда по всему Корсо ни одной кареты не было, и всю ночь гремѣла по улицамъ музыка; когда живописцы, архитекторы и скульпторы выдумывали цѣлыя группы, исторіи; когда народъ — князь понимаетъ—весь народъ, всѣ,—всѣ золотильщики, рамщики, мозаичисты, прекрасныя женщины, вся синьорія, всѣ nobili, всѣ, всѣ, всѣ... o quanta allegria! Вотъ когда былъ карнавалъ, такъ карнавалъ! А теперь что за карнавалъ? Э!..—сказалъ старикъ и пожалъ плечами; потомъ опять сказалъ,—э!—и пожалъ плечами, и потомъ уже произнесъ:—E una porcheria!—Затѣмъ maestro di casa, въ душевномъ порывѣ, сдѣлалъ необыкновенно сильный жестъ рукою, но утишился, увидѣвъ, что князя давно предъ нимъ не было: онъ былъ уже на улицѣ. Не желая участвовать въ карнавалѣ, онъ не взялъ съ собой ни маски, ни желѣзной сѣтки на лицо и, завернувшись плащомъ, хотѣлъ только пробраться чрезъ Корсо на другую половину города. Но народная толпа была слишкомъ густа. Едва только продрался онъ между двухъ человѣкъ, какъ уже попотчивали его сверху мукой; пестрый арлекинъ ударилъ его по плечу трещоткою, пролетѣвъ мимо съ своей Коломбиною; „конфети“ и пучки цвѣтовъ полетѣли ему въ глаза; съ двухъ сторонъ стали ему жужжать въ уши: съ одной стороны графъ, съ другой медикъ, читавшій ему длинную лекцію о томъ, что у него находится въ желудочной кишкѣ. Пробиться между нихъ не было силъ, потому что народная толпа возросла, цѣпь экипажей, уже не будучи въ возможности двинуться, остановилась. Вниманіе толпы занялъ какой-то смѣль-

чакъ, шагавшій на ходуляхъ наравнѣ съ домами, рискуя всякую минуту быть сбитымъ съ ногъ и грохнуться на-смерть о мостовую. Но объ этомъ, кажется, у него не было заботы. Онъ тащилъ на плечахъ чучелу великана, придерживая ее одной рукою, неся въ другой написанный на бумагѣ сонетъ, съ придѣланнымъ къ нему бумажнымъ хвостомъ, какой бываетъ у бумажнаго змѣя, и крича во весь голосъ: „Ecco il gran poeta morto! Ecco il suo sonetto colla coda“ (Вотъ умершій великій поэтъ! Вотъ его сонетъ съ хвостомъ!) *). Этотъ смѣльчакъ сгустилъ за собою толпу до такой степени, что князь едва могъ перевести духъ. Наконецъ, вся толпа двинулась впередъ за мертвымъ поэтомъ; цѣпь экипажей тронулась, чему онъ обрадовался сильно, хоть народное движеніе сбило съ него шляпу, которую онъ теперь бросился подымать. Поднявши шляпу, онъ поднялъ вмѣстѣ и глаза, и остолбенѣлъ: предъ нимъ стояла неслыханная красавица. Она была въ сіяющемъ альбанскомъ нарядѣ, въ ряду двухъ другихъ, тоже прекрасныхъ женщинъ, которыя были предъ ней—какъ ночь предъ днемъ. Это было чудо въ высшей степени. Все должно было померкнуть предъ этимъ блескомъ. Глядя на нее, становилось ясно, почему итальянскіе поэты и сравниваютъ красавицъ съ солнцемъ. Это именно было солнце, полная красота! Все, что разсыпалось и блистаетъ поодиночкѣ въ красавицахъ міра, все это собралось сюда вмѣстѣ. Взглянувши на грудь и бюстъ ея, уже становилось очевидно, чего недостаетъ въ груди и бюстахъ прочихъ красавицъ. Предъ ея густыми блистающими волосами показались бы жидкими и мутными всѣ другіе волосы. Ея руки были для того, чтобы всякаго обратить въ художника: какъ художникъ, глядѣлъ бы онъ на нихъ вѣчно, не смѣя дохнуть. Предъ ея ногами показались бы щепками ноги англичанокъ, нѣмокъ, француженокъ и женщинъ всѣхъ другихъ націй; одни только древніе ваятели удержали высокую идею красоты ихъ въ своихъ статуяхъ. Это была красота полная, созданная для того, чтобы всѣхъ равно ослѣпить. Тутъ не нужно было имѣть какой-нибудь особенный вкусъ; тутъ всѣ вкусы должны были сойтись, всѣ должны были повергнуться ницъ: и вѣрующій, и невѣрующій упали бы предъ ней, какъ предъ внезапнымъ появленьемъ божества. Онъ видѣлъ, какъ весь народъ, сколько его тамъ ни было заглядѣлся на нее, какъ женщины выразили невольное изумленье на своихъ лицахъ, смѣшанное съ наслажденьемъ, и повторяли: „O bella!“; какъ все, что ни было, казалось, превратилось въ художника и смотрѣло пристально на одну ее. Но въ лицѣ красавицы написано было только одно вниманіе къ карнавалу: она смотрѣла только на толпу и на маски, не замѣчая обращенныхъ на нее глазъ, едва слушая стоявшихъ позади ея мужчинъ въ бархатныхъ курткахъ, вѣроятно, родственниковъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними. Князь принимался было разспрашивать у стоявшихъ подлѣ него, кто была такая чудная красавица и откуда, но вездѣ получалъ въ отвѣтъ одно только пожатіе плечами, сопровождаемое жестомъ, и слова: „Не знаю; должно-быть, иностранка *). Недвижный, притаивъ дыханье, онъ поглощалъ ее глазами. Красавица, наконецъ, навела на него свои полныя очи, но тутъ же смутилась и отвела ихъ въ другую сторону. Его пробудилъ крикъ: предъ нимъ остановилась громадная телѣга. Толпа находившихся въ ней масокъ въ розовыхъ блузахъ, назвавъ его по имени, принялась качать въ него мукой, сопровождая однимъ длиннымъ восклицаніемъ: „у, у, у!..“ И въ одну минуту съ ногъ до головы былъ онъ обсыпанъ бѣлою пылью, при громкомъ смѣхѣ всѣхъ обступившихъ его сосѣдей. Весь бѣлый, какъ снѣгъ, даже съ бѣлыми рѣсницами, князь побѣжалъ наскоро домой переодѣться.

Покамѣстъ онъ сбѣгалъ домой, пока успѣлъ переодѣться, уже только полтора часа оставалось до *Ave Maria*. Съ Корсо возвращались пустыя кареты: сидѣвшіе въ нихъ перебрались на балконы смотрѣть оттуда на переставшую двигаться толпу, въ ожиданіи коннаго бѣга. При поворотѣ на Корсо, встрѣтилъ онъ телѣгу, полную мужчинъ въ курткахъ и сіяющихъ женщинъ съ цвѣточными вѣнками на головахъ, съ бубнами и тимпанами въ рукахъ. Телѣга, казалось, весело возвращалась домой; бока ея были убраны гирляндами, спицы и ободья колесъ увиты зелеными вѣтвями. Сердце его захолонуло, когда онъ увидѣлъ, что среди женщинъ сидѣла въ ней поразившая его красавица. Сверкающимъ смѣхомъ озарялось ея лицо. Телѣга быстро промчалась при кликахъ и пѣсняхъ. Первымъ дѣломъ его было бѣжать вслѣдъ ея; но дорогу перегородилъ ему огромный поѣздъ музыкантовъ: на шести колесахъ везли страшилищной величины скрипку. Одинъ человѣкъ сидѣлъ верхомъ на подставкѣ, другой, идя сбоку ея, водилъ громаднымъ смычкомъ по четыремъ канатамъ, натянутымъ на нее вмѣсто струнъ. Скрипка, вѣроятно, стоила большихъ трудовъ, издержекъ и времени. Впереди шелъ исполинскій

*) Въ итальянской поэзіи существуетъ родъ стихотворенья, извѣстнаго подъ именемъ *сонета съ хвостомъ* (son la coda)—когда мысль не вмѣстилась и ведетъ за собою прибавленіе, которое часто бываетъ длиннѣе самого сонета.

*) Римляне всѣхъ, кто не живетъ въ Римѣ, называютъ иностранцами (forestieri), хотя бы они обитали только въ 10 миляхъ отъ города.

барабанъ. Толпа народа и мальчишекъ тѣсно валила вслѣдъ за музыкальнымъ поѣздомъ, и шествіе замыкалъ извѣстный въ Римѣ своей толщиной пиццикароло, неся клистирную трубку вышиною съ колокольню. Когда улица очистилась отъ поѣзда, князь увидѣлъ, что бѣжать за телѣгой глупо и поздно, и при томъ неизвѣстно, по какимъ дорогамъ понеслась она. Онъ не могъ, однакоже, отказаться отъ мысли искать ее. Въ воображеніи его порхалъ этотъ сіяющій смѣхъ и открытыя уста съ чудными рядами зубовъ. „Это блескъ молніи, а не женщина!“ повторялъ онъ въ себѣ, и въ то же время съ гордостью прибавлялъ: „Она римлянка; такая женщина могла только родиться въ Римѣ. Я долженъ непремѣнно ее увидѣть; я хочу ее видѣть, не съ тѣмъ, чтобы любить ее—нѣтъ, я хотѣлъ бы только смотрѣть на нее, смотрѣть на всю ее, смотрѣть на ея очи, смотрѣть на ея руки, на ея пальцы, на блистающіе волосы. Не цѣловать ее, хотѣлъ бы только глядѣть на нее. И что же? Вѣдь это такъ должно быть, это въ законѣ природы; она не имѣетъ права скрыть и унести красоту свою. Полная красота дана для того въ міръ, чтобы всякій ее увидалъ, чтобы идею о ней сохранялъ вѣчно въ своемъ сердцѣ. Если бы она была просто прекрасна, а не такое верховное совершенство, она бы имѣла право принадлежать одному, ее бы могъ онъ унести въ пустыню, скрыть отъ міра. Но красота полная должна быть видима всѣмъ. Развѣ великолѣпный храмъ строитъ архитекторъ въ тѣсномъ переулкѣ? Нѣтъ, онъ ставитъ его на открытой площади, чтобы человѣкъ со всѣхъ сторонъ могъ оглянуть его и подивиться ему. Развѣ для того зажженъ свѣтильникъ, сказалъ Божественный Учитель, чтобы скрывать его и ставить подъ столъ? Нѣтъ, свѣтильникъ зажженъ для того, чтобы стоять на столѣ, чтобы всѣмъ было видно, чтобы всѣ двигались при его свѣтѣ. Нѣтъ, я долженъ ее видѣть непремѣнно“. Такъ разсуждалъ князь и потомъ долго передумывалъ и перебиралъ всѣ средства, какъ достигнуть этого; наконецъ, какъ казалось, остановился на одномъ и отправился тутъ же, нимало не медля, въ одну изъ тѣхъ отдаленныхъ улицъ, которыхъ много въ Римѣ, гдѣ нѣтъ даже кардинальскаго дворца съ выставленными расписными гербами на деревянныхъ овальныхъ щитахъ, гдѣ виденъ нумеръ надъ каждымъ окномъ и дверью тѣснаго домишка, гдѣ идетъ горбомъ выпученная мостовая, куда изъ иностранцевъ заглядываетъ только развѣ пройдоха нѣмецкій художникъ съ походнымъ стуломъ и красками, да козелъ, отставшій отъ проходящаго стада и остановившійся посмотрѣть съ изумленіемъ, что за улица, имъ никогда не виданная. Тутъ раздается звонко лепетъ римлянокъ: со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ оконъ несутся рѣчи и переговоры. Тутъ все откровенно, и проходящій можетъ совершенно знать всѣ домашнія тайны; даже мать съ дочерью разговариваютъ не иначе между собою, какъ высунувъ обѣ свои головы на улицу; тутъ мужчинъ незамѣтно вовсе. Едва только блеснетъ утро, уже открываетъ окно и высовывается сьора Сусанна; потомъ изъ другого выказывается сьора Грація, надѣвая юбку; потомъ открываетъ окно сьора Анна; потомъ вылѣзаетъ сьора Лучія, расчесывая гребнемъ косу; наконецъ, сьора Чечилія высовываетъ руку изъ окна, чтобы достать бѣлье на протянутой веревкѣ, которое тутъ же и наказывается за то, что долго не дало достать себя, наказывается скомканьемъ, киданьемъ на полъ и словами: „che bestia!“ Тутъ все живо, все кипитъ: летитъ изъ окна башмакъ съ ноги въ шалуна-сына или въ козла, который, подошедъ къ корзинкѣ, гдѣ поставленъ годовой ребенокъ, принялся его нюхать и, наклоня голову, готовился ему объяснить, что такое значатъ рога. Тутъ ничего не было неизвѣстнаго: все извѣстно. Синьоры все знали, что ни есть: какой сьора Джюдита купила платокъ, у кого будетъ рыба за обѣдомъ, кто любовникъ у Барбаручьи, какой капуцинъ лучше исповѣдуетъ. Изрѣдка только вставляетъ свое слово мужъ, стоящій обыкновенно на улицѣ, облокотясь у стѣны, съ коротенькою трубкою въ зубахъ, почитавшій необходимостью, услыша о капуцинѣ, прибавить короткую фразу: „всѣ мошенники!“ послѣ чего продолжалъ снова пускать подъ носъ себѣ дымъ. Сюда не заѣзжала никакая карета, кромѣ развѣ только одной двухколесной трясучки, запряженной муломъ, привезшимъ хлѣбнику муку, и соннаго осла, едва дотащившаго перекидную корзину съ броколями, несмотря на всѣ понуканья мальчишекъ, угобжающихъ каменьями его нещекотливые бока. Тутъ нѣтъ никакихъ магазиновъ, кромѣ лавчонки, гдѣ продаются хлѣбъ и веревки, со стеклянными бутылями, да темнаго узенькаго кафе, находящагося въ самомъ углу улицы, откуда виденъ былъ безпрестанно выходившій боттега, разносившій синьорамъ кофе или шоколадъ на козьемъ молокѣ, въ жестяныхъ маленькихъ кофейничкахъ, извѣстный подъ именемъ Авроры. Дома тутъ принадлежали двумъ, тремъ, а иногда и четыремъ владѣльцамъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ только пожизненное право, другой владѣетъ однимъ этажемъ и имѣетъ право пользоваться съ него доходомъ только два года, послѣ чего, вслѣдствіе завѣщанія, этажъ долженъ былъ перейти отъ него къ padre Vicenzo на десять лѣтъ, у котораго, однакоже, хочетъ оттягать его какой-то родственникъ прежней фамиліи, живущій во Фраскати и уже заблаговременно затѣявшій

процессъ. Были и такіе владѣльцы, которые владѣли однимъ окномъ въ одномъ домѣ, да другими двумя въ другомъ домѣ, да пополамъ съ братомъ пользовались доходами съ окна, за которое, впрочемъ, вовсе не платилъ неисправный жилецъ—словомъ, предметъ неистощимый тяжбъ и продовольствія адвокатовъ и куріаловъ, наполняющихъ Римъ. Дамы, о которыхъ только-что было упомянуто, всѣ, какъ первоклассныя, чествмыя полными именами, такъ и второстепенныя, называвшіяся уменьшительными именами, всѣ Тетты, Тутты, Нанны, большею частью, ничѣмъ не занимались: онѣ были супруги — адвоката, мелкаго чиновника, мелкаго торгаша, носильщика, факина, а чаще всего незанятаго гражданина, умѣвшаго только красиво драпироваться не весьма надежнымъ плащомъ.

Многія изъ синьоръ служили моделями для живописцевъ. Тутъ были всѣхъ родовъ модели. Когда бывали деньги, онѣ проводили весело время въ остеріи съ мужьями и цѣлой компаніей; не было денегъ—не были скучны и глядѣли въ окно. Теперь улица была тише обыкновеннаго, потому что нѣкоторыя отправились въ народную толпу на Корсо. Князь подошелъ къ ветхой двери одного домишка, которая вся была выверчена дырами, такъ что самъ хозяинъ долго тыкалъ въ нихъ ключомъ, покамѣстъ попадалъ въ настоящую. Уже готовъ онъ былъ взяться за кольцо, какъ вдругъ услышалъ слова:—Сьоръ принчипе хочетъ видѣть Пеппе?—Онъ поднялъ голову вверхъ: изъ третьяго этажа глядѣла, высунувшись, сьора Тутта.

— Экая крикунья!—сказала изъ супротивнаго окна сьора Сусанна. — Принчипе, можетъ быть, совсѣмъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе.

— Конечно, съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не правда-ли, князь? Съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не такъ-ли, князь? Чтобы увидѣть Пеппе?

— Какой Пеппе, какой Пеппе! — продолжала съ жестомъ обѣими руками сьора Сусанна,—князь сталъ бы думать теперь о Пеппе! Теперь время карнавала: князь поѣдетъ вмѣстѣ съ своей куджиной, маркезой Монтелли, поѣдетъ съ друзьями въ каретѣ бросать цвѣты, поѣдетъ за городъ far allegria. Какой Пеппе! какой Пеппе!

Князь изумился такимъ подробностямъ о своемъ препровожденіи времени, но изумляться ему было нечего, потому что сьора Сусанна знала все.

— Нѣтъ, мои любезныя синьоры, — сказалъ князь,—мнѣ, точно, нужно видѣть Пеппе.

На это дала отвѣтъ князю уже синьора Грація, которая давно высунулась изъ окошка второго этажа и слушала. Отвѣтъ дала она, слегка пощелкавъ языкомъ и покрутивъ пальцемъ — обыкновенный отрицательный знакъ у римлянокъ— и потомъ прибавила:—Нѣтъ дома.

— Но, можетъ быть, вы знаете, гдѣ онъ, куда ушелъ?

— Э, куда ушелъ!—повторила сьора Грація, приклонивъ голову къ плечу,—статься можетъ—въ остеріи, на площади, у фонтана; вѣрно, кто-нибудь позвалъ его, куда-нибудь ушелъ: chi lo sa! (кто его знаетъ)!

— Если хочетъ принчипе что-нибудь сказать ему,—подхватила изъ супротивнаго окна Барбаручья, вдѣвая въ то же время серьгу въ свое ухо,—пусть скажетъ мнѣ: я ему передамъ.

„Ну, нѣтъ“, — подумалъ князь и поблагодарилъ за такую готовность. Въ это время выглянулъ изъ перекрестнаго переулка огромный запачканный носъ и, какъ большой топоръ, повиснулъ надъ показавшимися вслѣдъ за нимъ губами и всѣмъ лицомъ: это былъ самъ Пеппе.

— Вотъ Пеппе! — вскрикнула сьора Сусанна.

— Вотъ идетъ Пеппе, sior principe!—вскрикнула живо изъ своего окна сьора Грація.

— Идетъ, идетъ Пеппе! — зазвенѣла изъ самаго угла улицы сьора Чечилія.

— Принчипе, принчипе, вонъ Пеппе! вонъ Пеппе! (ессо Peppe! ессо Peppe)!—кричали на улицѣ ребятишки.

— Вижу, вижу,—сказалъ князь, оглушенный такимъ живымъ крикомъ.

— Вотъ я, eccellenza! вотъ!—сказалъ Пеппе, снимая шапку. Онъ, какъ видно, уже успѣлъ попробовать карнавала: его откуда-нибудь сбоку схватило сильно мукою: весь бокъ и спина были у него выбѣлены совершенно, шляпа изломана и все лицо было убито бѣлыми гвоздями. Пеппе уже былъ замѣчателенъ потому, что всю жизнь свою остался съ уменьшительнымъ именемъ своимъ Пеппе. До Джузеппе онъ никакъ не добрался, хотя и посѣдѣлъ. Онъ происходилъ даже изъ хорошей фамиліи, изъ богатаго дома негоціанта, но послѣдній домишка былъ у него оттяганъ тяжбой. Еще отецъ его, человѣкъ тоже въ родѣ самого Пеппе, хотя и назывался sior Джіованни, пр ѣлъ послѣднее имущество, и онъ мыкалъ теперь свою жизнь подобно многимъ, то-есть, какъ приходилось: то вдругъ опредѣлялся слугой у какого-нибудь иностранца, то былъ на посылкахъ у адвоката, то являлся убирателемъ студіи какого-нибудь художника, то сторожемъ виноградника или виллы, и, по мѣрѣ того, измѣнялся на немъ безпрестанно костюмъ. Иногда Пеппе попадался на улицѣ въ красной шляпѣ и широкомъ сюртукѣ, иногда въ узенькомъ кафтанѣ, лоснувшемъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, съ такими узенькими рукавами, что длинныя руки его выглядывали

оттуда, какъ метлы; иногда на ногѣ его являлся поповскій чулокъ и башмакъ; иногда онъ показывался въ такомъ костюмѣ, что ужъ и разобрать было трудно, тѣмъ болѣе, что все это было надѣто вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ: иной разъ, просто, можно было подумать, что онъ надѣлъ на ноги, вмѣсто панталонъ, куртку, собравши и завязавши ее кое-какъ сзади. Онъ былъ самый радушный исполнитель всѣхъ возможныхъ порученій, часто вовсе безынтересно: тащилъ продавать всякую ветошь, которую поручали дамы его улицы, пергаментныя книги разорившагося аббата или антикварія, картину художника; заходилъ по утрамъ къ аббатамъ забирать ихъ панталоны и башмаки для почистки къ себѣ на домъ, которые потомъ позабывалъ въ урочное время отнести назадъ отъ излишняго желанья услужить кому-нибудь попавшемуся третьему, и аббаты оставались арестованными безъ башмаковъ и панталонъ на весь день. Часто ему перепадали порядочныя деньги; но деньгами онъ распоряжался по-римски, то-есть на завтра никогда почти ихъ не ставало, не потому, чтобы онъ тратилъ на себя или проѣдалъ, но потому, что все у него шло на лотерею, до которой былъ онъ страшный охотникъ. Врядъ ли существовалъ такой нумеръ, котораго бы онъ не попробовалъ. Всякое незначащее ежедневное происшествіе у него имѣло важное значеніе. Случалось ли ему найти на улицѣ какую-нибудь дрянь, онъ тотъ же часъ справлялся въ гадательной книгѣ, за какимъ нумеромъ она тамъ стоитъ, съ тѣмъ, чтобы его тотчасъ же взять въ лотерею. Приснился ему однажды сонъ, что сатана,—который и безъ того ему снился, неизвѣстно по какой причинѣ, въ началѣ каждой весны,—что сатана потащилъ его за носъ по всѣмъ крышамъ всѣхъ домовъ, начиная отъ церкви Св. Игнатія, потомъ по всему Корсо, потомъ по переулку tre Ladroni, потомъ по via della stamperia, и остановился, наконецъ, у самой trinita на лѣстницѣ, приговаривая: „вотъ тебѣ, Пеппе, за то, что ты молился Св. Панкратію: твой билетъ не выиграетъ“. Сонъ этотъ произвелъ большіе толки между сьорой Чечиліей, сьорой Сусанной и всей почти улицей; но Пеппе разрѣшилъ его по-своему: сбѣгалъ тотъ же часъ за гадательной книгой, узналъ, что чортъ значитъ 13 нумеръ, носъ 24, Св. Панкратій 30, и взялъ въ то же утро всѣ три нумера. Потомъ сложилъ всѣ три нумера—вышелъ 67, онъ взялъ и 67. Всѣ четыре нумера, по обыкновенію, лопнули. Въ другой разъ случилось ему завести перепалку съ виноградаремъ, толстымъ римляниномъ, сьоромъ Рафаэлемъ Томачели. За что́ они поссорились,—Богъ ихъ вѣдаетъ, но кричали они громко, производя сильные жесты руками, и, наконецъ, оба поблѣднѣли — признакъ ужасный, при которомъ обыкновенно со страхомъ высовываются изъ оконъ всѣ женщины и проходящій пѣшеходъ отстраняется подальше,—признакъ, что дѣло доходитъ, наконецъ, до ножей. И точно, толстый Томачели запустилъ уже руку за ременное голенище, обтягивающее его толстую икру, чтобы вытащить оттуда ножъ, и сказалъ: „Погоди ты, вотъ я тебя, телячья голова!“ какъ вдругъ Пеппе ударилъ себя рукою по лбу и убѣжалъ съ мѣста битвы. Онъ вспомнилъ, что на телячью голову онъ еще ни разу не взялъ билета, отыскалъ нумеръ телячьей головы и побѣжалъ бѣгомъ въ лотерейную контору, такъ что всѣ, приготовившіеся смотрѣть кровавую сцену, изумились такому нежданному поступку, и самъ Рафаэль Томачели, засунувши обратно ножъ въ голенище, долго не зналъ, что ему дѣлать, и, наконецъ, сказалъ: „Che uomo curioso!“ (какой странный человѣкъ!)“ Что билеты лопались и пропадали, этимъ не смущался Пеппе. Онъ былъ твердо увѣренъ, что будетъ богачомъ, и потому, проходя мимо лавокъ, спрашивалъ почти всегда, что стоитъ всякая вещь. Одинъ разъ, узнавши, что продается большой домъ, онъ зашелъ нарочно поговорить объ этомъ съ продавцомъ; и когда стали надъ нимъ смѣяться знавшіе его, онъ отвѣчалъ очень простодушно: „Но къ чему смѣяться? къ чему смѣяться? Я вѣдь не теперь хотѣлъ купить, а послѣ, со временемъ, когда будутъ деньги. Тутъ ничего нѣтъ такого... Всякій долженъ пріобрѣтать состояніе, чтобы оставить потомъ дѣтямъ, на церковь, бѣднымъ, на другія разныя вещи... chi lo sa!“ Онъ уже давно былъ извѣстенъ князю, былъ даже когда-то взятъ отцомъ его въ домъ въ качествѣ офиціанта, и тогда же прогнанъ за то, что въ мѣсяцъ износилъ свою ливрею и выбросилъ за окно весь туалетъ стараго князя, нечаянно толкнувъ его локтемъ.

— Послушай, Пеппе!—сказалъ князь.

— Что хочетъ приказать eccelenza?—говорилъ Пеппе, стоя съ открытою головою, — князю стоитъ только сказать „Пеппе!“ а я: „вотъ я!“ Потомъ князь пусть только скажетъ: „Слушай, Пеппе“, а я: „ecco me, eccelenza!“

— Ты долженъ, Пеппе, сдѣлать мнѣ теперь вотъ какую услугу...—При сихъ словахъ князь взглянулъ вокругъ себя и увидѣлъ, что всѣ сьоры Граціи, сьоры Сусанны, Барбаручьи, Тетты, Тутты,—всѣ, сколько ихъ ни было, выставились любопытно изъ окна, а бѣдная сьора Чечилія чуть не вывалилась вовсе на улицу.

„Ну, дѣло плохо!“ подумалъ князь.—Пойдемъ, Пеппе, ступай за мною!

Сказавши это, онъ пошелъ впередъ, а за нимъ Пеппе, потупивъ голову и разговаривая самъ съ

собою: „Э! женщины, потому и любопытны, потому что женщины, потому что любопытны“.

Долго шли они изъ улицы въ улицу, погрузясь каждый въ свои соображенія. Пеппе думалъ вотъ о чемъ: „Князь дастъ, вѣрно, какое нибудь порученіе, можетъ быть важное, потому что не хочетъ сказать при всѣхъ; стало-быть, дастъ хорошій подарокъ или деньги. Если же князь дастъ денегъ, что съ ними дѣлать? Отдавать ли ихъ сьору Сервиліо, содержателю кафе, которому онъ давно долженъ? потому что сьоръ Сервиліо на первой же недѣлѣ поста непремѣнно потребуетъ съ него денегъ, потому что сьоръ Сервиліо усадилъ всѣ деньги на чудовищную скрипку, которую собственноручно дѣлалъ три мѣсяца для карнавала, чтобъ проѣхаться съ нею по всѣмъ улицамъ,—теперь, вѣроятно, сьоръ Сервиліо долго будетъ ѣсть, вмѣсто жаренаго на вертелѣ козленка, одни броколи, вареные въ водѣ, пока не наберетъ вновь денегъ за кофе. Или же не платить сьору Сервилію, да вмѣсто того позвать его обѣдать въ остеріо? потому что Сервиліо—il vero Romano, и за предложенную ему честь будетъ готовъ потерпѣть долгъ; а лотерея непремѣнно начнется со второй недѣли поста. Только какимъ образомъ до того времени уберечь деньги? какъ сохранить ихъ такъ, чтобы не узналъ ни Джакомо, ни мастеръ Петручьо, точильщикъ, которые непремѣнно попросятъ у него взаймы? потому что Джакомо заложилъ въ Гету жидамъ все свое платье, а мастеръ Петручьо тоже заложилъ свое платье въ Гету жидамъ и разорвалъ на себѣ юбку и послѣдній платокъ жены, нарядясь женщиною... какъ сдѣлать такъ, чтобы не дать имъ взаймы?“ Вотъ о чемъ думалъ Пеппе.

Князь думалъ вотъ о чемъ: „Пеппе можетъ разыскать и узнать имя, гдѣ живетъ, и откуда, и кто такая красавица. Во-первыхъ, онъ всѣхъ знаетъ, и потому больше, нежели всякій другой, можетъ встрѣтить въ толпѣ пріятелей, можетъ чрезъ нихъ развѣдать, можетъ заглянуть во всѣ кафе и остеріи, можетъ заговорить даже, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія своей фигурой. И хотя онъ подчасъ болтунъ и разсѣянная голова, но, если обязать его словомъ настоящаго римлянина, онъ сохранить все втайнѣ“.

Такъ думалъ князь, идя изъ улицы въ улицу, и, наконецъ, остановился, увидѣвши, что уже давно перешелъ мостъ, давно уже былъ въ Трастеверской сторонѣ Рима, давно взбирается на гору, и не далеко отъ него церковь S. Pietro in Montorio. Чтобы не стоять на дорогѣ, онъ взошелъ на площадку, съ которой открывался весь Римъ, и произнесъ, оборотившись къ Пеппе:—Слушай, Пеппе: я отъ тебя потребую одной услуги.

— Что хочетъ eccelenza?—сказалъ опять Пеппе.

Но здѣсь князь взглянулъ на Римъ и остановился: предъ нимъ въ чудной сіяющей панорамѣ предсталъ вѣчный городъ. Вся свѣтлая груда домовъ, церквей, куполовъ, остроконечій сильно освѣщена была блескомъ понизившагося солнца. Группами и поодиночкѣ одинъ изъ-за другого выходили дома, крыши, статуи, воздушныя террасы и галлереи; тамъ пестрѣла и разыгрывалась масса тонкими верхушками колоколенъ и куполовъ съ узорною капризностью фонарей; тамъ выходилъ цѣликомъ темный дворецъ; тамъ плоскій куполъ Пантеона; тамъ убранная верхушка Антониновской колонны съ капителью и статуей апостола Павла; еще правѣе возносили верхи капитолійскія зданія съ конями, статуями; еще правѣе надъ блещущей толпой домовъ и крышъ величественно и строго подымалась темная ширина колизейской громады; тамъ опять играющая толпа стѣнъ, террасъ и куполовъ, покрытая ослѣпительнымъ блескомъ солнца. И надъ всей сверкающей массой темнѣли вдали своей черною зеленью верхушки каменныхъ дубовъ изъ виллъ Людовизи, Медичисъ, и цѣлымъ стадомъ стояли надъ ними въ воздухѣ куполообразныя верхушки римскихъ пиний, поднятыя тонкими стволами. И потомъ, во всю длину всей картины возносились и голубѣли прозрачныя горы, легкія, какъ воздухъ, объятыя какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ. Ни словомъ, ни кистью нельзя было передать чуднаго согласія и сочетанья всѣхъ плановъ этой картины! Воздухъ былъ до того чистъ и прозраченъ, что малѣйшая черточка отдаленныхъ зданій была ясна, и все казалось такъ близко, какъ будто можно было схватить рукою. Послѣдній мелкій архитектурный орнаментъ, узорное убранство карниза—все вызначалось въ непостижимой чистотѣ. Въ это время раздались пушечный выстрѣлъ и отдаленный слившійся крикъ народной толпы,—знакъ, что уже пробѣжали кони безъ сѣдоковъ, завершающіе день карнавала. Солнце опускалось ниже къ землѣ; румянѣе и жарче сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ: еще живѣй и ближе сдѣлался городъ; еще темнѣй зачернѣли пинны; еще голубѣе и фосфорнѣе стали горы; еще торжественнѣй и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ... Боже! какой видъ! Князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свѣтѣ.

Писано въ 1839—1841 гг.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ

ПОЭМА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Санктпетербургъ. 1842.

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ ПЕРВАГО ТОМА МЕРТВЫХЪ ДУШЪ.

(1846 г.).

КЪ ЧИТАТЕЛЮ ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ-ли ты высшимъ чиномъ или человѣкъ простого сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.

Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, вѣроятно, ты уже прочелъ въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего же государства. Ѣздитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ благородныхъ до простыхъ. Взятъ онъ больше затѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть, что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебрегши такимъ дѣломъ. Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія, — я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель невысокаго образованія и простого званія, не считай себя такимъ невѣжею, чтобы ты не могъ меня чему-нибудь поучить. Всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другой не замѣтилъ, и узналъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ. А потому не лиши меня твоихъ замѣчаній: не можетъ быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое-нибудь мѣсто во всей книгѣ, если только внимательно прочтешь ее.

Какъ бы, напримѣръ, хорошо было, если бы хотя одинъ изъ тѣхъ, которые богаты опытомъ и познаніемъ жизни и знаютъ кругъ тѣхъ людей, которые мною описаны, сдѣлалъ свои замѣтки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ея, и принялся бы читать ее не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши передъ собою листъ почтовой бумаги, и послѣ прочтенія нѣсколькихъ страницъ припомнилъ бы себѣ всю жизнь свою и всѣхъ людей, съ которыми встрѣчался, и всѣ происшествія, случившіяся передъ его глазами, и все, что видѣлъ самъ или что слышалъ отъ другихъ подобнаго тому, что изображено въ моей книгѣ, или же противоположнаго тому, — все бы это описалъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ оно предстало его памяти, и посылалъ бы ко мнѣ всякій листъ, по мѣрѣ того, какъ онъ испишется, покуда такимъ образомъ не прочтется имъ вся книга. Какую бы кровную онъ оказалъ мнѣ услугу! О слогѣ или красотѣ выраженій здѣсь нечего заботиться: дѣло въ *умѣ* и въ *правдѣ* дѣла, а не въ слогѣ. Нечего ему также передо мною чиниться, если бы захотѣлось меня попрекнуть, или побранить, или

указать мнѣ вредъ, какой я произвелъ, намѣсто пользы, необдуманнымъ и невѣрнымъ изображеніемъ чего бы то ни было. За все буду ему благодаренъ.

Хорошо бы также, если бы кто нашелся изъ сословія высшаго, отдаленный всѣмъ — и самой жизнью, и образованьемъ, отъ того круга людей, который изображенъ въ моей книгѣ, но знающій за то жизнь того сословія, середи котораго живетъ, и рѣшился бы такимъ же самымъ образомъ прочесть сызнова мою книгу и мысленно припомнить себѣ всѣхъ людей сословія высшаго, съ которыми встрѣчался на вѣку своемъ, и разсмотрѣть внимательно, нѣтъ-ли какого сближенія между этими сословіями и не повторяется-ли иногда то же самое въ кругѣ высшемъ, что дѣлается въ низшемъ? и все, что ни придетъ ему на умъ по этому поводу, то-есть всякое происшествіе высшаго круга, служащее въ подтвержденіе или въ опроверженіе этого, описалъ бы, какъ оно случилось передъ его глазами, не пропуская ни людей съ ихъ нравами, склонностями и привычками, ни бездушныхъ вещей, ихъ окружающихъ, отъ одеждъ до мебелей и стѣнъ домовъ, въ которыхъ живутъ они. Мнѣ нужно знать это сословіе, которое есть цвѣтъ народа. Я не могу выдать послѣднихъ томовъ моего сочиненія по тѣхъ поръ, покуда сколько-нибудь не узнаю русскую жизнь со всѣхъ ея сторонъ, хотя въ такой мѣрѣ, въ какой мнѣ нужно ее знать для моего сочиненія.

Не дурно также, если бы кто-нибудь такой, кто надѣленъ способностью воображать или живо представлять себѣ различныя положенія людей и преслѣдовать ихъ мысленно на разныхъ поприщахъ, — словомъ, кто способенъ углубляться въ мысль всякаго читаемаго имъ автора, или развивать ее, прослѣдилъ бы пристально всякое лицо, выведенное въ моей книгѣ, и сказалъ бы мнѣ, какъ оно должно поступить въ такихъ и такихъ случаяхъ, что съ нимъ, судя по началу, должно случиться далѣе, какія могутъ ему представиться обстоятельства новыя, и что было бы хорошо прибавить къ тому, что уже мной описано: все это желалъ бы я принять въ соображенье къ тому времени, когда воспослѣдуетъ изданіе новое этой книги, въ другомъ и лучшемъ видѣ.

Объ одномъ прошу крѣпко того, кто захотѣлъ бы надѣлить меня своими замѣчаніями: не думать въ это время, какъ онъ будетъ писать, что пишетъ онъ ихъ для человѣка ему равнаго по образованію, который одинаковыхъ съ нимъ вкусовъ и мыслей, и можетъ уже многое смекнуть и самъ безъ объясненія; но, вмѣсто того, воображать себѣ, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, несравненно его низшій образованьемъ, ничему почти неучившійся. Лучше даже, если, намѣсто меня, онъ себѣ представитъ какого-нибудь деревенскаго дикаря, котораго вся жизнь прошла въ глуши, съ которымъ нужно входить въ подробнѣйшее объясненіе всякаго обстоятельства и быть просту въ рѣчахъ, какъ съ ребенкомъ, опасаясь ежеминутно, чтобъ не употребить выраженій свыше его понятія. Если это безпрерывно будетъ имѣть въ виду тотъ, кто станетъ дѣлать замѣчанья на мою книгу, то его замѣчанья выйдутъ болѣе значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ, а мнѣ принесутъ истинную пользу.

И такъ, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями и нашлись бы изъ нихъ дѣйствительно такія добрыя души, которыя захотѣли бы сдѣлать все такъ, какъ я хочу, то вотъ какимъ образомъ они могутъ мнѣ переслать свои замѣчанія: сдѣлавши сначала пакетъ на мое имя, завернуть его потомъ въ другой пакетъ, или на имя Ректора С.-Петербургскаго Университета, Его Превосходит. Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо въ С.-Петербургскій Университетъ, или на имя Профессора Московскаго Университета, Его Высокор. Степана Петровича Шевырева, адресуя въ Московскій Университетъ, смотря по тому, къ кому какой городъ ближе.

А всѣхъ, какъ журналистовъ, такъ и вообще литераторовъ, благодаря искренно за всѣ ихъ прежніе отзывы о моей книгѣ, которые, несмотря на нѣкоторую неумѣренность и увлеченія, свойственныя человѣку, принесли, однакожъ, пользу большую какъ головѣ, такъ и душѣ моей, прошу не оставить и на этотъ разъ меня своими замѣчаніями. Увѣряю искренно, что все, что ни будетъ ими сказано на вразумленье или поученье мое, будетъ принято мною съ благодарностью.

1846.

ГЛАВА I.

Въ ворота гостиницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ,—словомъ, всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ, и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относив-

шіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ.—Вишь ты,—сказалъ одинъ другому, — вонъ какое колесо! Что ты думаешь: доѣдетъ то колесо, если бъ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ?—Доѣдетъ,—отвѣчалъ другой.—

— А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?—Въ Казань не доѣдетъ,—отвѣчалъ другой. Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ въѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ называютъ въ русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что даже нельзя было разсмотрѣть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикатонномъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревянной галдареѣ показывать ниспосланный ему Богомъ покой. Покой былъ извѣстнаго рода, ибо гостиница была тоже извѣстнаго рода, то-есть именно такая, какъ бываютъ гостиницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядывающими, какъ черносливъ, изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленную комодомъ, гдѣ устраивается сосѣдъ, молчаливый и спокойный человѣкъ, но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго. Наружный фасадъ гостиницы отвѣчалъ ея внутренности: она была очень длинна, въ два этажа; нижній не былъ выштукатуренъ и оставался въ темно-красныхъ кирпичикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно бы подумать, что на окнѣ стояло два самовара, еслибъ одинъ самоваръ не былъ съ черною какъ смоль бородою.

Пока пріѣзжій господинъ осматривалъ свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывающій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человѣкъ, въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ корельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устраиваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то свой собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую трехногую кровать, накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ какъ блинъ и, можетъ быть, такъ же замаслившимся какъ блинъ, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамѣстъ слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы — всякій проѣзжающій знаетъ очень хорошо: тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шестъ и самъ-сёмъ испивать свою извѣстную пару чаю; тотъ же закопченый потолокъ; та же копченая люстра со множествомъ висящихъ стеклышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякій разъ, когда половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу; тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками; словомъ, все то же, что и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно, въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьерозъ. Господинъ скинулъ съ себя картузъ и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, какую женатымъ приготовляетъ своими руками супруга, снабжая приличными наставленіями, какъ закутываться, а холостымъ—

навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, Богъ ихъ знаетъ: я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Покамѣстъ ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно сберегаемымъ для проѣзжающихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, мозги съ горошкомъ, сосиски съ капустой, пулярка жареная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое, и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового, разсказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много-ли дастъ дохода, и большой-ли подлецъ ихъ хозяинъ, на что половой, по обыкновенію, отвѣчалъ: — О, большой, сударь, мошенникъ!—Какъ въ просвѣщенной Европѣ, такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много почтенныхъ людей, которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ, чтобъ не поговорить съ слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ, пріѣзжій дѣлалъ не все пустые вопросы: онъ съ чрезвычайною точностью разспросилъ, кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокуроръ,—словомъ, не пропустилъ ни одного значительнаго чиновника; но еще съ большею точностью, если даже не съ участіемъ, разспросилъ обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ: сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто пріѣзжаетъ въ городъ; разспросилъ внимательно о состояніи края: не было-ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи — повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ и съ такою точностью, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство. Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ какъ труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство пріобрѣло, однакожъ, ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ что онъ всякій разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ, — не нужно-ли чего? Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ-то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать и приказалъ отвести себя въ свой нумеръ, гдѣ, прилегши, заснулъ два часа. Отдохнувши, онъ написалъ на лоскуткѣ бумажки, по просьбѣ трактирнаго слуги, чинъ, имя и фамилію, для сообщенія, куда слѣдуетъ, въ полицію. На бумажкѣ половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: „Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ“. Когда половой все еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился осмотрѣть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ, ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ; сильно била въ глаза желтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревянныхъ. Дома были въ одинъ, два и полтора этажа, съ вѣчнымъ мезониномъ, очень красивымъ, по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти дома казались затерянными среди широкой какъ поле улицы и нескончаемыхъ деревянныхъ заборовъ; мѣстами сбивались въ кучу, и здѣсь было замѣтно болѣе движенія народа и живости. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавскаго портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: „Иностранецъ Василій Ѳедоровъ“; гдѣ нарисованъ былъ бильярдъ съ двумя игроками во фракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки были изображены съ прицѣлившимися кіями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только-что сдѣлавшими на воздухѣ антраша. Подъ всѣмъ этимъ было написано: „И вотъ заведеніе“. Кое-гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаще же всего замѣтно было потемнѣвшихъ двуглавыхъ государственныхъ орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: „Питейный домъ“. Мостовая вездѣ была плохована. Онъ заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ, хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что „городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широковѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день“, и что при этомъ „было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику“. Разспросивши подробно будоч-

ника, куда можно пройти ближе, если понадобится, къ собору, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ губернатору, онъ отправился взглянуть на рѣку, протекавшую по срединѣ города; дорогою оторвалъ прибитую къ столбу афишу, съ тѣмъ, чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливреѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой прямо въ свой нумеръ, поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ усѣлся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый глазъ. Впрочемъ, замѣчательнаго немного было въ афишкѣ: давалась драма г. Коцебу, въ которой Ролла игралъ г. Поплевинъ, Кору— дѣвица Зяблова, прочія лица были и того менѣе замѣчательны; однакоже онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи губернскаго правленія; потомъ переворотилъ на другую сторону — узнать, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опрятно и положилъ въ свой ларчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все, что ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ порціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ щей и крѣпкимъ сномъ во всю насосную завертку, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго русскаго государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ. Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю. Потомъ отправился къ вице-губернатору, потомъ былъ у прокурора, у предсѣдателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками... жаль, что нѣсколько трудно упомнить всѣхъ сильныхъ міра сего, но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность насчетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями, онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказалъ что-то очень лестное насчетъ городскихъ будочниковъ; а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибочно два раза: „ваше превосходительство“, что очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники тоже, съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами, съ замѣтною скромностью, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ незначащій червь міра сего и недостоинъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать наконецъ мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовленіе къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ пріѣзжемъ оказалась такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано. Послѣ небольшого послѣобѣденнаго сна, онъ приказалъ подать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ щеки, подпершн ихъ изнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги; потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ манишку, выщипнулъ вылѣзшіе изъ носу два волоска и непосредственно за тѣмъ очутился во фракѣ брусничнаго цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по безконечно широкимъ улицамъ, озареннымъ тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ, губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хоть бы и для бала: коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали,—словомъ все, какъ нужно. Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что

блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ: дѣти всѣ глядятъ, собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, пользуясь подслѣповатостью старухи и солнцемъ, безпокоющимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ-разбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться, и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами. Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губернаторшѣ. Пріѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма приличный для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. Многія дамы были хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что Богъ послалъ въ губернскій городъ. Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ: имѣли такъ же весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лицъ, такъ же небрежно подсѣдали къ дамамъ, такъ же говорили по-французски и смѣшили дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мужчинъ составляли толстые или такіе же, какъ Чичиковъ, т.-е. не такъ чтобы слишкомъ толстые, однакожъ и не тонкіе. Эти, напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ; волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манеръ *чортъ меня побери*, какъ говорятъ французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особеннымъ порученіямъ или только числятся и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ непадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все прямыя, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, за то въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души, не заложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно, глядь—и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ, толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ баріномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ наконецъ присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: прокурора, съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ, такъ, какъ будто бы говорилъ: „пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу“,—человѣка, впрочемъ, серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго человѣка, но остряка и философа; предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго человѣка,—которые всѣ привѣтствовали его какъ стариннаго знакомаго, на что Чичиковъ раскланивался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: „Прошу прощенія“. Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда наконецъ предаются занятію дѣль-

нему. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физіономію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама: „Пошла, старая попадья!“ если же король: „Пошелъ, тамбовскій мужикъ!“ А предсѣдатель приговаривалъ: „А я его по усамъ! А я ее по усамъ!“ Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: „А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!“ или же просто восклицанія: „черви! червоточина! пикенція!“ или пикендрасъ! пичурущухъ! пичура!“ и даже просто: „пичукъ!“—названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры, спорили, какъ водится, довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: „Вы пошли“, но „вы изволили пойти; я имѣлъ честь покрыть вашу двойку“, и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіалки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщикъ Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотчасъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность, ибо прежде всего разспросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился, какъ имя и отчество. Въ немного времени онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человѣкъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе какъ сахаръ, и щурившій ихъ всякій разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню, къ которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы, на что Чичиковъ, съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и искреннимъ пожатіемъ руки, отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почтетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: „И ко мнѣ прошу“, шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ полицеймейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ, между прочимъ, онъ познакомился съ помѣщикомъ Ноздревымъ, человѣкомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему, послѣ трехъ-четырехъ словъ, началъ говорить *ты*. Съ полицеймейстеромъ и прокуроромъ Ноздревъ тоже былъ на *ты* и обращался по-дружески; но, когда сѣли играть въ большую игру, полицеймейстеръ и прокуроръ чрезвычайно внимательно разсматривали его взятки и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у предсѣдателя палаты, который принималъ гостей своихъ въ халатѣ, нѣсколько замаслепомъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ-то дамъ. Потомъ былъ на вечерѣ у вице-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который впрочемъ стоилъ большого; на закускѣ послѣ обѣдни, данной городскимъ главою, которая тоже стоила обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостиницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть. Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ найтиться и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ—онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ, и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою—онъ показалъ, что ему не безъизвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о бильярдной игрѣ—и въ бильярдной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели—и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ—и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы и самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни поверти, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны пріѣздомъ новаго лица. Губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ — что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ; предсѣдатель палаты—что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полицеймейстеръ—что онъ почтенный и любезный человѣкъ; жена полицеймейстера—что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ. Даже самъ

Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ хорошей стороны, пріѣхавши довольно поздно изъ города и уже совершенно раздѣвшись и лежа на кровать возлѣ худощавой жены своей, сказалъ ей: „Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ, и у полицеймейстера обѣдалъ, и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препріятный человѣкъ!“ На что супруга отвѣчала: „Гм!“ и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе, весьма лестное для гостя, составилось о немъ въ городѣ, и оно держалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ одно странное свойство гостя и предпріятіе, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, пассажъ, о которомъ читатель скоро узнаетъ, не привело въ совершенное недоумѣніе почти весь городъ.

ГЛАВА II.

Уже болѣе недѣли пріѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень пріятно время. Наконецъ онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. Можетъ быть, къ сему побудила его другая, болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьезное, близшее къ сердцу... Но обо всемъ этомъ читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую потомъ раздвинуться шире и просторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло. Кучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить лошадей въ извѣстную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатой и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не такъ замѣтныя и то, что называютъ второстепенныя или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ, но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, несмотря на то, что самъ человѣкъ русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, не много времени и мѣста, потому что не много нужно прибавить къ тому, что уже читатель знаетъ, то-есть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т.-е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ,—онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самого чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое, иной разъ, чортъ знаетъ, что и значитъ. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи, въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, свое собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ-нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ весьма щекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ привередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только помарщивался, да встряхивалъ головою, приговаривая: „Ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потѣешь, что ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню“. На что Петрушка ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь дѣломъ: или подходилъ со щеткой къ висѣвшему барскому фраку, или просто прибиралъ что-нибудь. Что думалъ онъ въ то время, когда молчалъ? Можетъ быть, онъ говорилъ про себя: „И ты однакожъ хорошъ; не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же...“ Богъ вѣдаетъ, трудно знать, что думаетъ дворовый крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему дастъ наставленіе. И такъ, вотъ что на первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ былъ совершенно другой человѣкъ... Но авторъ весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ быть, и познакомятся съ нимъ, по тѣ, ко-

торые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ,—тѣ, Богъ вѣсть, можетъ быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что ни пресмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ ни прискорбно то и другое, а все однакожъ нужно возвратиться къ герою. И такъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что дѣлалось только по воскреснымъ днямъ,—а въ тотъ день случилось воскресенье,—выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящій атласъ, въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шипель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: „Баринъ, подай сиротинкѣ!“ Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Не безъ радости былъ вдали узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мукѣ, будетъ скоро конецъ, и, еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся наконецъ по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги: кочки, ельникъ, низенькіе, жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій вереск и тому подобный вздоръ. Показались вытянутыя по шнурку деревни, постройкою похожія на старыя складенныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями, въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ, по обыкновенію, зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчинныхъ тулупахъ; бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ, изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные. Проѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потрафить на ладъ. На вопросъ: „далеко ли деревня Заманиловка“,—мужики сняли шляпы, и одинъ изъ нихъ, бывшій поумнѣе и носившій бороду клиномъ, отвѣчалъ: — Маниловка, можетъ быть, а не Заманиловка?

— Ну, да, Маниловка.

— Маниловка! А какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, то-есть, такъ прямо направо.

— Направо?—отозвался кучеръ.

— Направо,—сказалъ мужикъ.—Это будетъ тебѣ дорога въ Маниловку; а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, то-есть ея прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо на горѣ увидишь домъ, каменный, въ два этажа,—господскій домъ, въ которомъ, то-есть, живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки совсѣмъ нѣтъ никакой здѣсь и не было.

Поѣхали отыскивать Маниловку. Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу; но ужъ и двѣ, и три, и четыре версты, кажется, сдѣлали, а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ къ себѣ въ деревню за пятнадцать верстъ, то значитъ, что къ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка немногихъ могла заманить своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то-есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-англійски двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью: „храмъ уединеннаго размышленія“; пониже прудъ, покрытый зеленью, что, впрочемъ, не въ диковинку въ аглицкихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частью по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, въ ту-жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухсотъ. Нигдѣ между ними растущаго деревца или какой-нибудь зелени; вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянныя кляча изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака и блестѣла попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что-то перебранивались. Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ

не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта,—какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ, этого, впрочемъ, мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ перемѣнчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самаго мозгу носами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоновомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

— Павелъ Ивановичъ!—вскричалъ онъ наконецъ, когда Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички.— Насилу вы таки насъ вспомнили!

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно—черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый какъ огонь плащъ,—и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей, — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: *люди такъ себѣ, ни то, ни се, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ*, по словамъ пословицы. Можетъ быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: „Какой пріятный и добрый человѣкъ!“ Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: „Чортъ знаетъ, что такое!“ и отойдешь подальше; если-жъ не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтиться на гуляньи съ флигель-адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъ-естественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, словомъ—у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частью размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ-то само собою. Когда приказчикъ говорилъ: „хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать“; „да, не дурно“, отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. „Да, именно не дурно“, повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: „Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать“; „ступай“, говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда лежала какая-

то книжка, заложенная закладкою на 14 страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма не дешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: „Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы“. Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: „Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель“. Ввечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перламутнымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Несмотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: „Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ“. Само собой разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы—какой-нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно, изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только о а держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? Зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? Зачѣмъ воровка ключница? Зачѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? Зачѣмъ вся дворня спитъ немилосердным образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т.-е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ,—говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы гость,—говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь; пожалуйста проходите,—говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.

— Почему-жъ образованному?.. Пожалуйста проходите!

— Ну, да ужъ извольте проходить вы.

— Да отчего-жъ?

— Ну, да ужъ оттого!—сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ оба пріятели вошли въ дверь бокомъ и нѣсколько притиснули другъ друга.

— Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою,—сказалъ Маниловъ.— Душенька,! Павелъ Ивановичъ!

Чичиковъ, точно, увидѣлъ даму, которую онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна, одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла. Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ.

— Да,—промолвилъ Маниловъ,—ужъ она бывало все спрашиваетъ меня: „Да что же твой пріятель не ѣдетъ?“ — Погоди, душенька, пріѣдетъ.—А вотъ вы наконецъ и удостоили насъ

своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое право доставили наслажденіе — майскій день... именины сердца...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ, ни даже ранга замѣтнаго.

— Вы все имѣете,—прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою,—все имѣете, даже еще болѣе.

— Какъ вамъ показался нашъ городъ?—примолвила Манилова.—Пріятно ли провели тамъ время?

— Очень хорошій городъ, прекрасный городъ,—отвѣчалъ Чичиковъ,—и время провелъ очень пріятно: общество самое обходительное.

— А какъ вы нашли нашего губернатора?—сказала Манилова.

— Не правда ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ?—прибавилъ Маниловъ.

— Совершенная правда,—сказалъ Чичиковъ,—препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей.

— Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ,—присовокупилъ Маниловъ съ улыбкою, и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

— Очень обходительный и пріятный человѣкъ,—продолжалъ Чичиковъ,—и какой искусникъ! Я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

— А вице-губернаторъ, не правда ли, какой милый человѣкъ?—сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

— Очень, очень достойный человѣкъ,—отвѣчалъ Чичиковъ.

— Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицеймейстеръ? Не правда ли, что очень пріятный человѣкъ?

— Чрезвычайно пріятный, и какой умный, какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ!

— Ну, а какого вы мнѣнія о женѣ полицеймейстера?—прибавила Манилова.—Не правда ли, прелюбезная женщина?

— О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю,—отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили предсѣдателя палаты, почтмейстера, и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

— Вы всегда въ деревнѣ проводите время?—сдѣлалъ, наконецъ, въ свою очередь вопросъ Чичиковъ.

— Больше въ деревнѣ,—отвѣчалъ Маниловъ.—Иногда, впрочемъ, пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

— Правда, правда,—сказалъ Чичиковъ.

— Конечно,—продолжалъ Маниловъ, — другое дѣло, если-бы сосѣдство было хорошее, если-бы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое...— Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить, но, замѣтивши, что нѣсколько зарапортовался, ковырнулъ только рукою въ воздухѣ и продолжалъ:— тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никого... Вотъ только иногда почитаешь „Сынъ Отечества“.

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно, прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеньи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

— Но знаете-ли,—прибавилъ Маниловъ,—все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...

— О, это справедливо, это совершенно справедливо!—прервалъ Чичиковъ. — Что всѣ сокровища тогда въ мірѣ! *Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ модей для обращенія*, сказалъ одинъ мудрецъ.

— И знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ заластилъ немилосердно, воображая ею обрадовать паціента,—тогда чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ, духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастіе, можно сказать, рѣдкое, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...

— Помилуйте, что-жъ за пріятный разговоръ?.. Ничтожный человѣкъ, и больше ничего, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— О, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостью отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!..

— Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...

— Прощайте, миленькіе малютки!—сказалъ Чичиковъ.

Неизвѣстно, до чего бы дошло взаимное излiяніе чувствъ обоихъ пріятелей, если бы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

— Прошу покорнѣйше,—сказалъ Маниловъ.

— Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у насъ просто, по русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу.

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и наконецъ Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

— Какія миленькія дѣти!—сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ,—а который годъ?

— Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть,—сказала Манилова.

— Ѳемистоклюсъ! — сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободить свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти греческое имя, которому, неизвѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на *юсъ*; но постарался тотъ же часъ привесть лицо въ обыкновенное положеніе.

— Ѳемистоклюсъ, скажи мнѣ: какой лучшій городъ во Франціи?

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Ѳемистоклюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но, наконецъ, совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Ѳемистоклюсъ сказалъ:— Парижъ.

— А у насъ какой лучшій городъ?—спросилъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

— Петербургъ,—отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А еще какой?

— Москва,—отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— Умница, душенька!—сказалъ на это Чичиковъ.—Скажите однакожъ...—продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Манилову.—Въ такія лѣта и уже такія свѣдѣнія. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности!

— О, вы еще не знаете его!—отвѣчалъ Маниловъ,—у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшой, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ, букашку, козявку, такъ ужъ у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ; побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе. Я его прочу по дипломатической части. Ѳемистоклюсъ! — продолжалъ онъ, снова обратясь къ нему:—хочешь быть посланникомъ?

— Хочу,—отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налѣво.

Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы капула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался за столомъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Ѳемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: „Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли“. На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: „Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда“.

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ,—сказалъ Маниловъ, и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ.—Вотъ мой уголокъ,— сказалъ Маниловъ.

— Пріятная комнатка, — сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами. Комната была, точно, не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то голубенькой краской, въ родѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложенною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть; нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Онъ былъ въ разныхъ видахъ: въ картузахъ

и въ табашницѣ, и, наконецъ, насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленныя не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

— Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ,—сказалъ Маниловъ.—Здѣсь вамъ будетъ попокойнѣе.

— Позвольте, я сяду на стулѣ.

— Позвольте вамъ этого не позволить,—сказалъ Маниловъ съ улыбкою.—Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: ради, или не ради, но должны сѣсть.

Чичиковъ сѣлъ.

— Позвольте мнѣ васъ попотчивать трубочкою.

— Нѣтъ, не курю,—отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ бы съ видомъ сожалѣнія.

— Отчего?—сказалъ Маниловъ, тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

— Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше.

Чичиковъ замѣтилъ, что это точно случается и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ для обширнаго ума.

— Но позвольте прежде одну просьбу...—проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то странное, или почти странное выраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ.—Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

— Да, ужъ давно; а лучше сказать—не припомню.

— Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ?

— А не могу знать; объ этомъ, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человѣкъ! позови приказчика; онъ долженъ быть сегодня здѣсь.

Приказчикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукѣ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе приказчики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ, ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и приказчикомъ. А сдѣлавшись приказчикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ приказчики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

— Послушай, любезный, сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?

— Да к къ—сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ,—сказалъ приказчикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, наподобіе щитка.

— Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ,—подхватилъ Маниловъ,—именно очень многіе умирали!—Тутъ онъ оборотился къ Чичикову и прибавилъ еще:—точно, очень многіе.

— А какъ, напримѣръ, числомъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Да, сколько числомъ? — подхватилъ Маниловъ.

— Да какъ сказать — числомъ? Вѣдь неизвѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ.

— Да, именно,—сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову, — я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ неизвѣстно, сколько умерло.

— Ты, пожалуйста, ихъ перечти, — сказалъ Чичиковъ,—и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно.

— Да, всѣхъ поименно,— сказалъ Маниловъ.

Приказчикъ сказалъ: „Слушаю!“ и ушелъ.

— А для какихъ причинъ вамъ это нужно?— спросилъ, по уходѣ приказчика, Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ, — напряженіе что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ наконецъ услышалъ такія странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слыхали человѣческія уши.

— Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ...—сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончалъ рѣчи.

— Но позвольте спросить васъ,—сказалъ Маниловъ,—какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею, или просто на выводъ, то-есть безъ земли?

— Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ,—сказалъ Чичиковъ,—я желаю имѣть мертвыхъ...

— Какъ-съ? Извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

— Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи, какъ живые,— сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ, и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижимы, вперя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину одинъ противъ другого, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ, Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутилъ ли онъ; но ничего не было видно такого: напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другого не могъ придумать, какъ только выпустить изо рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

— И такъ, я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

— Мнѣ кажется, вы затрудняетесь? — замѣтилъ Чичиковъ.

— Я?.. нѣтъ, я не то,—сказалъ Маниловъ,— но я не могу постичь... извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

— Нѣтъ,—подхватилъ Чичиковъ, — нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то-есть тѣ души, которыя точно уже умерли.

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ — чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а черезъ носовыя ноздри.

— И такъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости, — сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую?

— А, нѣтъ! — сказалъ Чичиковъ. — Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня — дѣло священное, законъ — я нѣмѣю предъ закономъ.

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самаго дѣла онъ все-таки никакъ не вникъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ, наконецъ, хрипѣть, какъ фаготъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ — и больше ничего.

— Можетъ быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?

— О, помилуйте, ничуть! Я не насчетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то-есть критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ-сказать, выразиться, негоція,—такъ не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ быть, и не видано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а чрезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

— Такъ вы полагаете?

— Я полагаю, что это будетъ хорошо.

— А, если хорошо, это другое дѣло; я противъ этого ничего,—сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

— Теперь остается условиться въ цѣнѣ...

— Какъ въ цѣнѣ?—сказалъ опять Маниловъ и остановился. — Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ-сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безынтересно и купчую беру на себя.

Великій упрекъ былъ бы историку предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачокъ по образцу козла, что, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностью, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ, и, наконецъ, уже выразился, что это сущее ничего, что онъ, точно, хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнетизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ — совершенная дрянь.

— Очень не дрянь, — сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку.

Здѣсь былъ испущенъ очень глубокій вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ, наконецъ, слѣдующія слова: — Если-бъ вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью человѣку безъ племени и роду! Да и дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? Какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испытывалъ, какого горя не вкусилъ! А за что? За то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной, и сиротѣ горемыкѣ!.. — Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руки и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были навернувшіяся слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Какъ? Вы ужъ хотите ѣхать? — сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

— Лизанька, — сказалъ Маниловъ съ нѣсколько жалостливымъ видомъ, — Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!

— Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу, — отвѣчала Манилова.

— Сударыня! Здѣсь, — сказалъ Чичиковъ, — здѣсь, вотъ гдѣ, — тутъ онъ положилъ руку на сердце, — да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! И, повѣрьте, не было бы для меня большаго блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ.

— А знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль, — какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею или подъ тѣнью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чемъ-нибудь, углубиться!..

— О, это была бы райская жизнь! — сказалъ Чичиковъ, вздохнувши. — Прощайте, сударыня! — продолжалъ онъ, подходя къ ручкѣ Маниловой. — Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!

— О, будьте увѣрены! — отвѣчалъ Маниловъ. — — Я съ вами разстаюсь не долѣе, какъ на два дня.

Всѣ вышли въ столовую.

— Прощайте, миленькія малютки! — сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки, ни носа. — Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ; но теперь, какъ пріѣду, непремѣнно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?

— Хочу, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ? — продолжалъ Чичиковъ, наклонившись къ Алкиду.

— Парапанъ, — отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

— Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ, такой славный барабанъ! Этакъ все будетъ туррр...ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай! — Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

— Право, останьтесь, Павелъ Ивановичъ! — сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо. — Посмотрите, какія тучи.

— Это маленькія тучки, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?

— Объ этомъ хочу спросить васъ.

— Позвольте, я сейчасъ разскажу вашему кучеру. — Тутъ Маниловъ съ такою же любезностью разсказалъ дѣло кучеру, и сказалъ ему даже одинъ разъ *вы*.

Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ: „Пот-

рафимъ, ваше благородіе", и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала невидна, онъ все еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ, вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулѣ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и наконецъ занеслись, Богъ знаетъ, куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностью обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, что такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ: какъ ни переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что тянулось до самаго ужина.

ГЛАВА III.

А Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предыдущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него и тѣломъ, и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно, были очень пріятны, ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ толь о для вида, будто бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ пріобрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудились отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе. „Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю!" говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣнивца. „Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой—почтенный конь, онъ сполнятъ свой долгъ; я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь; и Засѣдатель—тоже хорошій конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дурэкъ, слушай, коли говорятъ! Я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползетъ!" Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, примолвивъ: „У, варваръ! Бонапартъ ты проклятый!..." Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ: „Эй, вы, любезные!" и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ. Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому: „Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить—съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполнялъ службу государскую, онъ сколѣской совѣтникъ..."

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался наконецъ въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотрѣть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ, громовый ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кибитки, потомъ въ другую; потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что, точно, не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки вожжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное

разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется, что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: „Эй, вы, други почтенные!“ и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь, однакоже, казалось, зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно безпокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По разсчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая—хоть глазъ выколи.

— Селифанъ!—сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.

— Что, баринъ?—отвѣчалъ Селифанъ.

— Погляди-ка, не видно ли деревни?

— Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно!—Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ—пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и понудительные крики, которыми потчиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, а какъ что первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ, секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по изборожденному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь?—сказалъ Чичиковъ.

— Да что-жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!—Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь!—кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ,—говорилъ Селифанъ.—Это не хорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину.—Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и наконецъ вывернулъ ее совершенно на-бокъ. Чичиковъ и руками, и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однакожъ, остановилъ; впрочемъ, онѣ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подпершись въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія:—Вишь ты, и опрокинулась!

— Ты пьянъ, какъ сапожникъ!—сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, баринъ; какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это не хорошее дѣло—быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить,—въ томъ нѣтъ худого,—и закусили вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло: съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.

— А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? а? забылъ?—сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ! Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что не хорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что...

— Вотъ я тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ.

— Какъ милости вашей будетъ завгодно,—отвѣчалъ на все согласный Селифанъ,—коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему-жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему-жъ не посѣчь?

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, качаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился только тогда, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало лившаго дождя, что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и досягнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ ворота.

Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ:—Кто стучитъ? Чего расходились?

— Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать,—произнесъ Чичиковъ.

— Вишь, ты, какой востроногій,—сказала старуха,—пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ: помѣщица живетъ.

— Что-жъ дѣлать, матушка? Вишь, съ дороги сбились. Не ночевать же въ такое время въ степи.

— Да, время темное, нехорошее время,—прибавилъ Селифанъ.

— Молчи, дуракъ,—сказалъ Чичиковъ.

— Да кто вы такой?—сказала старуха.

— Дворянинъ, матушка.

Слово *дворянинъ* заставилъ старуху какъ будто нѣсколько подумать.—Погодите, я скажу барынѣ,—произнесла она, и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ. Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ, исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звонко по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, какъ понамарь; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это наконецъ повершалъ басъ, можетъ быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ; тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, вырывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстукъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими, полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами; между оконъ—старинныя маленькія зеркала, съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на циферблатѣ... не въ мочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ голову нѣсколько набокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестредяные мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтинники, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами или понизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чиновникъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ пріѣздомъ.—Ничего, ничего! — сказала хозяйка.—Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

Слова хозяйки были прерваны страннымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями, но, взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣньемъ тотчасъ же послѣдовало хрипѣнье и, наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно щелкать направо и налѣво.

Чиновникъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не безпокоилась ни о чемъ, что кромѣ постели онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ, и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на

что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени, и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, знаете Манилова?—сказалъ Чичиковъ.

— А кто таковъ Маниловъ?

— Помѣщикъ, матушка.

— Нѣтъ, не слыхивала; нѣтъ такого помѣщика.

— Какіе же есть?

— Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ.

— Богатые люди, или нѣтъ?

— Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать, а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ.

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.

— Далеко-ли, по крайней мѣрѣ, до города?

— А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели.

— Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время посылалъ Богъ: громъ такой — у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи; гдѣ такъ изволилъ засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.

— Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?

— Спасибо, спасибо. Не безпокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повысушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья!—сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчею, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ.— Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня! — говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

— Ну, вотъ тебѣ постель готова,—сказала хозяйка. — Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ.

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотчасъ же поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, всѣ обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья норовила, какъ бы усѣсться на самый глазъ; та же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ впросонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть,—обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не все были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять; въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и наконецъ вспомнилъ, что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ,—окно же было очень близко отъ земли, — забилталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно, „желаю здравствовать“, на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды; окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на-бокъ, какъ

Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія.

будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ или курятникъ перегораживалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены вразсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ — гдѣ стоявшую запасную, почти новую, телѣгу, а гдѣ и двѣ. „Да у ней деревушка не маленькая“,—сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее, сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

— Здравствуйте, батюшка. Каково почивали?—сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера,—въ темномъ платьѣ и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все такъ же было что-то навязано.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла.—Вы какъ, матушка?

— Плохо, отецъ мой.

— Какъ такъ?

— Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.

— Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

— Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

— Не дурно, матушка; хлебнемъ и фруктовой.

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ, однако же, съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ на Руси если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣніи обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашомъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста; а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ, хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки. Положимъ, напримѣръ, существуетъ канцелярія—не здѣсь, а въ тридевятомъ государствѣ; а въ канцеляріи, положимъ, существуетъ правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ—да просто отъ страха и слова не выговоришь. Гордость и благородство... и ужъ чего не выражаетъ лицо его? Просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь всѣ небольшого чина, Прометей такъ и останется Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи, — уничтожился въ песчинку! „Да это не Иванъ Петровичъ,— говоришь, глядя на него.—Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій, и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется. Подходишь ближе, глядишь — точно Иванъ Петровичъ!“ „Эхе, хе, хе!“—думаешь себѣ... Но, однакожъ, обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ мы уже видѣли, рѣшился вовсе не церемониться, и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такія рѣчи:

— У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80,—сказала хозяйка, — да бѣда, времена пло-

хія: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.

— Однакожъ мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время...

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? Хорошее имя — Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ?—спросила помѣщица,— вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

— Нѣтъ, матушка! — отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись,—чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево; а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что-жъ другое? Развѣ пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато — полпуда всего.

— Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ!— сказала старуха, вздохнувши. — И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ—подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

— Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезчуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ прекускусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

— На все воля Божья, матушка! — сказалъ Чичиковъ, вздохнувши, — противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

— Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

— Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же? Я, право, въ толкъ то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чиновникъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ и души будутъ приписаны, какъ бы живыя.

— Да на что-жъ онѣ тебѣ? — сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ-жъ мертвыя.

— Да кто-жъ говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю, — произнесла хозяйка съ разстановкой, — вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣе походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

— Нѣтъ, я этого не думаю! Что-жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

„Ну, баба, кажется, крѣпколобая!“ — подумалъ про себя Чичиковъ.— Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живого...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ!— подхватила помѣщица. — Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста, да засѣдателя подмаслила.

— Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ, — я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете-ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло, точно, какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

— Такъ что-жъ, матушка, по рукамъ, что-ли?—говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила, вотъ и третьяго года Протопопову — двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы, сами салфетки ткутъ.

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ-нибудь стоятъ.

— Послушайте, матушка... эхъ, какія вы! что-жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете-ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь они мертвые.

„Экъ ее, дубинно-головая какая, — сказалъ про себя Чичиковъ, ужъ начиная выходить изъ терпѣнія. — Пойди ты, сладь съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха!“ — Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ, Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною. — Вы, матушка, — сказалъ онъ, — или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги пятнадцать рублей ассигнаціями, — понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?

— По 12-ти рублей пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.

— Ей-Богу, продала.

— Ну, видите-ль? Такъ за то — это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души — дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобы онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да не серебромъ, а все синими ассигнаціями. — Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха, наконецъ, подастся.

— Право, — отвѣчала помѣщица, — мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше-жъ я маленько повременю, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

— Страмъ, страмъ, матушка! просто, страмъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто-жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А, можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобятся... — возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла роть и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! — проговорила старуха, крестясь.

— Куда-жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы — все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ.

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что-жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька — пенькою, въ другой разъ пріѣду — заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей-Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и послалъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. — Охъ, не приноминай его, Богъ съ нимъ! — вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. — Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!..

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! — сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняшка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ

сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды тоже веду...— Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно-удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну, по крайней мѣрѣ, она произнесла уже нѣсколько повелительнымъ голосомъ: — Да чего-жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

— Есть изъ чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацій! Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной или гречневой, или круповъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня.

— Нѣтъ, матушка, не обижу,—говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ.—Какъ же! Протопопа, отца Ки илла, сынъ служитъ въ палатѣ,—сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить отъ лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

„Хорошо бы было, — подумала между тѣмъ про себя Коробочка, — если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетинькѣ, чтобы спекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ не много“.—Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль насчетъ загнутія пирога, и, вѣроятно, пополнить ее и другими произведеніями домашней поварни и стряпни; а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту, какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро. „Экъ уморила какъ проклятая старуха!“—сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же и не удовлетворить? Вотъ оно, внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ, потомъ квадратные закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ для того, что покороче, наполненныя билетами, визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незамѣтно сбоку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту хозяиномъ, что навѣрно нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичиковъ тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

— Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой, — сказала она, подсѣвши къ нему. — Чай, въ Москвѣ купилъ его?

— Въ Москвѣ,—отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

— Я ужъ знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ—до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги! — продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ, гербовой бумаги было тамъ не мало.— Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! А у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее, онъ далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать:—Экой длинный!—Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени — „Коровій Кирпичъ“, иной оказался просто: „Колесо Иванъ“. Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

— Прошу покорно закусить,— сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой съ лучкомъ, припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со сняточками, и ни вѣсть чего не было.

— Прѣсный пирогъ съ яйцомъ!—сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой показался еще вкуснѣе.

— А блиновъ?—сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ роть, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

— У васъ, матушка, блины очень вкусны, — сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

— Да у меня-то ихъ хорошо пекутъ,—сказала хозяйка,—да вотъ бѣда: урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите? — проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ,— вѣдь и бричка еще не заложена.

— Заложатъ, матушка, заложатъ. У меня скоро закладываютъ.

— Такъ ужъ, пожалуйста, не забудьте насчетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду,—говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свинаго сала не покупаете?—сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю, только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Купимъ, купимъ, всего купимъ и свинаго сала купимъ.

— Можетъ быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичьи перья.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ Чичиковъ.

— Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова, — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

— Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги.

— Какъ же бы это сдѣлать?—сказала хозяйка.—Разсказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?

— Какъ не быть.

— Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы.

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея: впорила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-по-малу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь или нехозяйственная— мимо ихъ. Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда, Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову. Можетъ быть, станешь даже думать: „Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли,—мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ. Но мимо, мимо! Зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минуть, сама собою вдругъ пронесется иная, чудная струя? Еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а ужъ сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и ужъ другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо...

— А вотъ бричка, вотъ бричка! — вскричалъ Чичиковъ, увидя, наконецъ, подъѣзжавшую свою бричку.—Что ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмель у тебя не весь еще вывѣтрило?

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, матушка! А что же? гдѣ ваша дѣвчонка?

— Эй, Пелагея!—сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за

сапоги, такъ опѣ были облѣплены свѣжею грязью,—покажи-ка барину дорогу.

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку, и, попагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ помѣстился, сказавши:—А, теперь хорошо! Прощайте, матушка!—Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что случалось съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ. Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо въ это время вожжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотнаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: „Ну же, ну, ворона! зѣвай, зѣвай!“ и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и Засѣдатель были недовольны, не услышавши ни разу ни *любезныя*, ни *почтенныя*. Чубарый чувствовалъ пренепріятные удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. „Вишь ты, какъ разнесло его!“ думалъ онъ самъ про себя, нѣсколько припрядывая ушами. „Небось знаетъ, гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ поживѣе: по ушамъ зацѣпитъ, или подъ брюхо захлыснетъ“.

— Направо, что-ли?—съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу, — отвѣчала дѣвчонка.

— Куда-жъ?—сказалъ Селифанъ, когда подъѣхали поближе.

— Вотъ куды,—отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

— Эхъ ты! — сказалъ Селифанъ. — Да это и есть направо: не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ войлокомъ, что значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расползались во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высыплютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдали строеніе, сказавши:—Вонъ столбовая дорога!

— А строеніе?—спросилъ Селифанъ.

— Трактиръ,—сказала дѣвчонка.

— Ну, теперь мы сами доѣдемъ, — сказалъ Селифанъ,—ступай себѣ домой.

Онъ остановился и помогъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы:—Эхъ ты, черноногая!

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела во-свояси, уже довольная тѣмъ, что посидѣла на козлахъ.

ГЛАВА IV.

Подъѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпиться. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значатъ всѣ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣзавтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ пилюли, глотающіе устерсъ, морскихъ пауковъ и прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, что на одной станціи потребуютъ ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запекапную колбасу съ лукомъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжья уха съ налимами и молоками шипитъ и ворчитъ у нихъ межъ зубами, заѣдаемая растегаемъ или кулебякой съ сомовьимъ плесомъ, такъ что вчужѣ пронимаетъ аппетитъ,—вотъ эти господа, точно, пользуются завиднымъ даяніемъ неба! Не одинъ господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію же минуту половину душъ крестьянъ и половину имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всѣми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки; но то бѣда,

что ни за какія деньги, ниже имѣнія, съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ, на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подсвѣчники. Трактиръ былъ что-то въ родѣ русской избы, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева, вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили темныя его стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою деревянною лѣстницею наверхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворявшуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: „Сюда пожалуйте!“ Въ комнатѣ попались все старые пріятели, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревянныхъ трактирахъ, какихъ не мало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндевѣвшій самоваръ, выскобленныя гладко сосновыя стѣны, треугольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя яички предъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ четыре глаза, а вмѣсто лица — какую-то лепешку, наконецъ натыканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ, и больше ничего.

— Поросенокъ есть? — съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

— Есть.

— Съ хрѣномъ и со сметаною?

— Съ хрѣномъ и со сметаною.

— Давай его сюда!

Старуха пошла конаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась, какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій, какъ перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ, по обыкновенію, сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и разспросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть хозяинъ, и сколько даетъ доходу трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что старшій сынъ—холостой или женатый человѣкъ, и какую взялъ жену, съ большимъ ли приданымъ, или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тесть, и не сердился ли, что мало подарковъ получилъ на свадьбѣ; словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окружности находятся у нихъ помѣщики, и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ, полковникъ, Собакевичъ.—А! Собакевича знаешь?—спросилъ онъ и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ будетъ поделикатнѣй Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спроситъ и телятинки, коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спроситъ, и всего только, что попробуетъ, а Собакевичъ одного чего-нибудь спроситъ, да ужъ за то все съѣстъ, даже и надбавки потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній кусокъ, послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легонькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички вылѣзали двое какихъ-то мужчинъ: одинъ бѣлокурый, высокаго роста, другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темносиней венгеркѣ, чернявый—просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясочка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и веревочной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ наверхъ, между тѣмъ какъ черномазый еще оставался и щупалъ что-то въ бричкѣ, разговаривая тутъ-же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними колескѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и отворить ее. Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или, что называютъ, издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ зналъ, что такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что послѣдній отвѣтилъ тѣмъ-же. Въ продолженіе не многихъ минутъ они, вѣроятно бы, разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сдѣлано и оба почти въ одно и то же время изъявили удовольствіе, что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ и теперь ѣхать и прохладно, и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузъ свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные густые волосы. Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами и черными, какъ смоль, бакенбардами. Свѣжъ онъ былъ, какъ кровь съ молокомъ; здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

— Ба, ба, ба!—вскричалъ онъ вдругъ, разста-

вивъ объ руки при видѣ Чичикова, — какими судьбами?

Чичиковъ узналъ Ноздрева, того самаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ обѣдалъ у прокурора и который съ нимъ, въ нѣсколько минутъ, сошелся на такую короткую ногу, что началъ уже говорить *ты*, хотя, впрочемъ, онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

— Куда ѣздилъ? — говорилъ Ноздревъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:—а я, братъ, съ ярмарки. Поздравь: продулся въ пухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обывательскихъ пріѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно! — Здѣсь онъ нагнулъ самъ голову Чичикова, такъ что тотъ чуть не ударился ею объ рамку.—Видишь, какая дрянь? Насилу дотащили, проклятыя; я уже передѣзъ вотъ въ его бричку.—Говоря это, Ноздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища.— А вы еще не знакомы? Зять мой, Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ. — Ну, смотри,— говорю,—если мы не встрѣтимъ Чичикова.—Ну, братъ, если-бъ ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь-ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все спустилъ. Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ...— Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ, точно, что на немъ не было ни цѣпочки, ни часовъ. Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ былъ меньше и не такъ густъ, какъ другой.—А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ, — продолжалъ Ноздревъ,—именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то-есть, кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бумажникъ.—

— Ты, однако, и тогда такъ говорилъ,—отвѣчалъ бѣлокурый,—а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадилъ ихъ.

— И не просадилъ бы! Ей-Богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ пароле на проклятой семеркѣ утку, я бы могъ сорвать весь банкъ.

— Однакожъ не сорвалъ,—сказалъ бѣлокурый.

— Не сорвалъ, потому что загнулъ утку не вовремя. А ты думаешь, маіоръ твой хорошо играетъ?

— Хорошо или не хорошо, однакожъ онъ тебя обыгралъ.

— Эка важность!—сказалъ Ноздревъ,—этакъ и я сто обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! За то, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съѣзда. У меня все, что ни привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ возьми! то-есть, какъ жаль, что ты не былъ! Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офицеры, сколько ихъ не было, сорокъ человѣкъ однихъ офицеровъ было въ городѣ... Какъ начали мы, братецъ, пить... Штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ... такой славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называетъ просто бурдашкой. „Принеси-ка, братъ!“, говоритъ, „бурдашки!“ Поручикъ Кувшинниковъ... Ахъ, братецъ, какой премилый человѣкъ! Вотъ ужъ, можно сказать, во всей формѣ кутила. Мы все были съ нимъ вмѣстѣ. Какого вина отпустилъ намъ Понамаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать; въ вино мѣшаетъ всякую дрянь: сандалъ, жженую пробку, и даже бузиной, подлецъ, затираетъ; но за то ужъ если вытащитъ изъ дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку, ну, просто, братъ, находишься въ эмпиреяхъ. Шампанское у насъ было такое... что предъ нимъ губернаторское?—просто квасъ. Вообрази, не клико, а какое-то клікоматрадура; это значитъ — двойное клико. И еще досталъ одну бутылочку французскаго подъ названіемъ: бонбонъ. Запахъ? — розетка и все, что хочешь. Ужъ такъ покутили!.. Послѣ насъ пріѣхалъ какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ—нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ: все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіе обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!

— Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь,— замѣтилъ бѣлокурый.

— Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ,—отвѣчалъ Ноздревъ.

— Ты можешь говорить себѣ, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.

— Ну, хочешь объ закладъ, что выпью?

— Къ чему же объ закладъ?

— Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.

— Не хочу.

— Ну, да поставь, попробуй!

— И пробовать не хочу.

— Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ, то-есть какъ я жалѣлъ, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись! Это не то, что прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые такъ и трясутся за каждую копѣйку. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ, и въ банчишку, и во все, что хочешь. Эхъ,

Чичиковъ, ну что бы тебѣ стоило пріѣхать? Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ этакой! Поцѣлуй меня, душа; смерть люблю тебя! Мижуевь, смотри: вотъ судьба свела! Ну, что онъ мнѣ, или я ему? Онъ пріѣхалъ, Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу... А сколько было, братъ, каретъ, и все это en gros Въ фортунку крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, если-бъ ты зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши на ней и трюши, и чортъ знаетъ, чего не было... Я думаю себѣ только: „Чортъ возьми!“ А Кувшинниковъ, то-есть, это такая бестія, подсѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты... Повѣришь ли, простыхъ словъ не пропустилъ. Это онъ называетъ: „попользоваться насчетъ клубнички“. Рыбъ и балыковъ навезли чудныхъ. Я таки привезъ съ собою одинъ, — хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь.

— А я къ человѣчку къ одному,—сказалъ Чичиковъ.

— Ну, что человѣчекъ? брось его! Поѣдемъ ко мнѣ!

— Нельзя, нельзя; есть дѣло.

— Ну, вотъ ужъ и дѣло! ужъ и выдумалъ! Ахъ, ты, Ѳодельдокъ Ивановичъ!

— Право дѣло, да еще и нужное.

— Пари держу, врешь! Ну, скажи только, къ кому ѣдешь?

— Ну, къ Собакевичу.

Здѣсь Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій, здоровый человѣкъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлые, какъ сахаръ, зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна, вытаращивъ очи, и произноситъ:—Экъ его разобрало!

— Что-жъ тутъ смѣшного?—сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Ноздревъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая:—Ой, пощади! право, тресну со смѣху!

— Ничего нѣтъ смѣшного: я далъ ему слово,— сказалъ Чичиковъ.

— Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ нему: это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь найти тамъ банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну, къ чорту Собакевича! Поѣдемъ ко мнѣ! Какимъ балыкомъ попотчую! Пономаревъ, бестія, такъ раскланивался, говоритъ: „Для васъ только; всю ярмарку, говоритъ, обыщите, не найдете такого“. Плутъ, однакожъ, ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ. „Вы, говорю, съ нашимъ откупщикомъ первые мошенники!“ Смѣется, бестія, поглаживая бороду. Мы съ Кувшинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ, братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю. — „Эй, Порфирій!—закричалъ онъ, подошедши къ окну, на своего человѣка, который держалъ въ одной рукѣ ножикъ, а въ другой корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливилось ему отрѣзать, вынимая что-то изъ брички. — Эй, Порфирій! — кричалъ Ноздревъ: — принеси-ка щенка! Каковъ щенокъ!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову. — Краденый, ни за самого себя не отдавалъ хозяинъ. Я ему сулилъ каурую кобылу, ко орую, помнишь, выманилъ у Хвостырева...— Чичиковъ, впрочемъ, отъ роду не видалъ ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

— Баринъ, ничего не хотите закусить?—сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

— Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ, давай рюмку водки. Какая у тебя есть?

— Анисовая,—отвѣчала старуха.

— Ну, давай анисовой,—сказалъ Ноздревъ.

— Давай ужъ и мнѣ рюмку!—сказалъ бѣлокурый.

— Въ театрѣ одна актриса такъ, канальи, пѣла, какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня, „вотъ, говоритъ, братъ, попользоваться бы насчетъ клубнички!“ Однихъ балагановъ, я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницею.— Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко поклонилась.—А, давай его сюда!— закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія, вошедшаго со щенкомъ. Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и баринъ, въ какомъ-то архалукѣ, стегаюмъ на ватѣ, но нѣсколько позамасленѣй.

— Давай его, клади сюда на полъ!

Порфирій положилъ щенка на полъ, который, растянувшись на всѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

— Вотъ щенокъ!—сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенокъ испустилъ довольно жалобный вой.

— Ты, однакожъ, не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ,—сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо щенка,— и не подумалъ вычесать его?

— Нѣтъ, я его вычесывалъ.

— А отчего же блохи?

— Не могу знать. Статься можетъ, какъ-нибудь изъ брички поналѣзли.

— Врешь, врешь, и не воображалъ чесать; я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри, какія уши; на-ка, пощупай рукою.

— Да зачѣмъ? я и такъ вижу: доброй породы,—отвѣчалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши.

Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, промолявивши: — Да, хорошая будетъ собака.

— А носъ, чувствуешь, какой холодный? Возьми-ка рукою. — Не желая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за носъ, сказавши: — Хорошее чутье.

— Настоящій мордашъ, — продолжалъ Ноздревъ,—я, признаюсь, давно острилъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

— Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непремѣнно теперь ѣхать ко мнѣ; пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ, пожалуй, можешь и къ Собакевичу.

„А что-жъ, — подумалъ про-себя Чичиковъ, — заѣду-ка я въ самомъ дѣлѣ къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже другихъ? такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все; стало-быть, у него даромъ можно кое-что выпросить". — Изволь, ѣдемъ, — сказалъ онъ, — но чуръ не задержать: мнѣ время дорого.

— Ну, душа, вотъ это такъ! Вотъ это хорошо! Постой же! я тебя поцѣлую за это. — Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣловались. — И славно: втроемъ и покатимъ!

— Нѣтъ, ты ужъ пожалуйста меня-то отпусти, — говорилъ бѣлокурый, — мнѣ нужно домой.

— Пустяки, пустяки, братъ; не пущу.

— Право, жена будетъ сердиться; теперь же ты можешь пересѣсть вотъ въ ихнюю бричку.

— Ни, ни, ни! И не думай.

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противоположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку—словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

— Вздоръ!—сказалъ Ноздревъ въ отвѣтъ на какое-то представленіе бѣлокураго, надѣлъ ему на голову картузъ, и — бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

— За водочку, баринъ, не заплатили...— сказала старуха.

— А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ! заплати пожалуйста. У меня нѣтъ ни копѣйки въ карманѣ!

— Сколько тебѣ?—сказалъ зятекъ.

— Да что, батюшка? двугривенникъ всего,— сказала старуха.

— Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно съ нея.

— Маловато, баринъ, — сказала старуха, однакожъ взяла деньги съ благодарностью и еще побѣжала впопыхахъ отворять имъ дверь. Она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что стоила водка.

Пріѣзжіе усѣлись. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Ноздревъ и его зять, и потому они всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіе дороги. За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясочка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадяхъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій со щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому, можетъ быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ.

Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятенокъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однакожъ, присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ ужъ въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ

сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ черезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или проврется самымъ жестокимъ образомъ, такъ что наконецъ самому сдѣлается совѣстно. И навретъ совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе наконецъ всѣ отходятъ, произнесши: — Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули лить. — Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностью, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, предъ вашими глазами, и нагадитъ вамъ; и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Такую же страшную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь подружески и даже говорилъ: — Вѣдь ты такой подлецъ, — никогда ко мнѣ не заѣдешь. — Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то-есть человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти въ какое хотите предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь—все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду — насколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ — съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Ноздревъ! Можетъ быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можетъ быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ принятію. Посерединѣ столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на нихъ, бѣлили стѣны, затягивая какую-то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлилами. Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы вонъ и выбѣжалъ въ другую комнату отдавать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать аппетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что ни было у него на деревнѣ, и,

въ два часа съ небольшимъ, показалъ рѣшительно все, такъ что ничего ужъ больше не осталось показывать! Прежде всего пошли они осматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ гнѣдого жеребца, на видъ и не казистаго, но за котораго Ноздревъ божился, что заплатилъ десять тысячъ.

— Десяти тысячъ ты за него не далъ, — замѣтилъ зять.—Онъ и одной не стоитъ.

— Е.-Богу, далъ десять тысячъ, — сказалъ Ноздревъ.

— Ты себѣ можешь божиться, сколько хочешь,—отвѣчалъ зять.

— Ну, хочешь, побьемся объ закладъ?—сказалъ Ноздревъ.

Объ закладъ зять не захотѣлъ биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго; по старому повѣрью, почитали необходимымъ держать при лошадяхъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волченка, бывшаго на привязи. — Вотъ волченокъ!—сказалъ онъ,—я его нарочно кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ.—Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ, однакожъ, родственникъ не преминулъ усомниться.—Я тебѣ, Чичиковъ,—сказалъ Ноздревъ,—покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ, просто, наводитъ изумленіе, щитокъ—игла!—и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густопсовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ правилами, полетѣли прямо навстрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться. Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плеча Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, наводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ—хорошія были собаки. Потомъ пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слѣпая и, по словамъ Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назадъ, была очень хорошая сука. Осмотрѣли и суку—сука, точно, была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мельницу, гдѣ недоставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретенѣ,—*порхающій*, по чудному выраженію русскаго мужика.—А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница,—сказалъ Ноздревъ. Немного проѣдши, они увидѣли, точно, кузницу; осмотрѣли и кузницу.

— Вотъ на этомъ полѣ,—сказалъ Ноздревъ, указывая пальцемъ на поле,—русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги.

— Ну, русака ты не поймаешь рукою,—замѣтилъ зять.

— А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ! — отвѣчалъ Ноздревъ.—Теперь я поведу тебя посмотрѣть,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: — границу, гдѣ оканчивается моя земля.

Ноздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогами и взборонеными нивами. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду: до такой степени мѣсто было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потомъ, увидя, что это ни къ чему не служитъ, брели прямо, не разбирая, гдѣ большая, а гдѣ меньшая грязь. Прошедши порядочное разстояніе, увидѣли, точно, границу, состоящую изъ деревяннаго столбика и уженькаго рва.

— Вотъ граница!—сказалъ Ноздревъ, — все, что ни видишь по эту сторону,—все это мое, и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что за лѣсомъ — все мое.

— Да когда же этотъ лѣсъ сдѣлался твоимъ?— спросилъ зять.—Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.

— Да, я купилъ его недавно, — отвѣчалъ Ноздревъ.

— Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?

— Какъ же, я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, далъ.

— Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ.

— Эхъ, ты, Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а приказчикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.

— Да, ну, развѣ приказчикъ,—сказалъ зять, но и тутъ усомнился и покачалъ головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому. Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ, впрочемъ, не было замѣтно слѣдовъ того, что бываетъ въ кабинетахъ, то-есть книгъ или бумаги; висѣли только сабли и два ружья, одно въ триста, а другое въ восемьсотъ рублей. Зять, осмотрѣвши, покачалъ только головою. Потомъ были показаны турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: *Мастеръ Савелій Сибиряковъ*. Вслѣдъ затѣмъ показалась гостямъ шарманка. Ноздревъ, тутъ-же, провертѣлъ передъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ серединѣ ея, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась пѣснью: *Мальбругъ въ походъ попхалъ*, а *Мальбругъ въ походъ попхалъ* неожиданно завершался какимъ-то давно знакомымъ вальсомъ. Уже Ноздревъ давно пересталъ вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ не захотѣвшая угомониться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показались трубки деревянныя, глиняныя, пѣнковыя, обкуренныя и необкуренныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисетъ, вышитый какою-то графинею, гдѣ-то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительной *супердлю*,— слово, вѣроятно, означавшее у него вы очайшую точку совершенства. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близъ пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составлялъ у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и приготовлено, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеньемъ и клалъ первое, что попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ—онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попалась—совалъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ,—словомъ, катай-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выйдетъ. За то Ноздревъ налегъ на вина: еще не подавали супа, онъ ужъ налилъ гостямъ по большому стакану портвейна и по другому го-отерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простого сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, „лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ“. Мадера, точно, даже горѣла во рту, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безпощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ русскіе желудки. Потомъ Ноздревъ велѣлъ еще принесть какую-то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ, и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана—и направо, и налѣво, и зятю, и Чичикову; Чичиковъ замѣтилъ однакоже, какъ-то вскользь, что самому себѣ онъ не много прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ только Ноздревъ какъ-нибудь заговаривался или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Ноздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой, къ изумленію, слышна была сивушища во всей своей силѣ. Потомъ пили какой-то бальзамъ, носившій такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ назвалъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вина были перепробованы, но гости все еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить съ Ноздревымъ при зятѣ насчетъ главнаго предмета: все-таки зять былъ человѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ, зять врядъ ли могъ быть человѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался носомъ. Замѣтивъ и самъ, что находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ, наконецъ, отпрашиваться домой, но такимъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, какъ будто бы, по русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

— И ни, ни! не пущу! — сказалъ Ноздревъ.

— Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право, поѣду, — говорилъ зять, — ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! Мы соорудимъ сію минуту банчишку.

— Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу: жена будетъ въ большой претензіи, право; я долженъ ей разсказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право нужно, доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!

— Ну, ее, жену, къ!.. важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!

— Нѣтъ, братъ! Она такая добрая жена. Ужъ, точно, примѣрная, такая почтенная и вѣрная! Услуги оказываетъ такія... повѣришь? у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ, ты не держи меня; какъ честный человѣкъ, поѣду. Я тебя въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти.

— Пусть его ѣдетъ: что въ немъ проку? — сказалъ тихо Чичиковъ Ноздреву.

— А и вправду,—сказалъ Ноздревъ,—смерть не люблю такихъ разстепелей! — и прибавилъ вслухъ:—Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою, остюкъ!

— Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня ѳетюкомъ *), —отвѣчалъ зять,—я ей жизнью обязанъ. Такая, право, добрая, милая, такія ласки оказываетъ... до слезъ разбираетъ. Спроситъ, что видѣлъ на ярмаркѣ,—нужно все разсказать... такая, право, милая.

— Ну, поѣзжай, ври ей чепуху! Вотъ картузъ твой.

— Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться; этимъ ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая.

— Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!

— Да, братъ, поѣду; извини, что не могу остаться. Душой радъ бы былъ, но не могу.— Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ уже давно сидѣлъ въ бричкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмаркѣ.

— Такая дрянь! — говорилъ Ноздревъ, стоя передъ окномъ и глядя на уѣзжавшій экипажъ.— Вонъ какъ потащился! Конекъ пристяжной не дуренъ, я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтиться. Ѳетюкъ, просто ѳетюкъ!

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подалъ свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина, неизвѣстно откуда взявшуюся, колоду картъ.

— А что, братъ,—говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка,—ну, для препровожденія времени, держу триста рублей банку!

Но Чичиковъ прикинулся какъ будто и не слышалъ, о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ бы вдругъ припомнивъ: — А! чтобъ не позабыть: у меня къ тебѣ просьба.

— Какая?

— Дай прежде слово, что исполнишь.

— Да какая просьба?

— Ну, да ужъ дай слово!

— Изволь.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Вотъ какая просьба: у тебя есть, чай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи?

— Ну, есть; а что?

— Переведи ихъ на меня, на мое имя.

— А на что тебѣ?

— Ну, да мнѣ нужно.

— Да на что?

— Ну, да ужъ нужно... ужъ это мое дѣло,— словомъ, нужно.

— Ну, ужъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ. Признайся, что?

— Да что-жъ затѣялъ? Изъ этакого пустяка и затѣять ничего нельзя.

— Да зачѣмъ же они тебѣ?

— Охъ, какой любопытный! Ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать.

— Да къ чему-жъ ты не хочешь сказать?

— Да что же тебѣ за прибыль знать? Ну, просто, такъ, пришла фантазія.

— Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не сдѣлаю.

— Ну, вотъ видишь, вотъ ужъ и нечестно съ твоей стороны: слово далъ, да и на попятный дворъ.

— Ну, какъ ты себѣ хочешь, а не сдѣлаю, пока не скажешь, на что.

„Что бы такое сказать ему? — подумалъ Чичиковъ и, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстьевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хоть бы какія-нибудь душонки.

— Врешь, врешь, — сказалъ Ноздревъ, не давши окончить,—врешь, братъ!

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ. — Ну, такъ я-жъ тебѣ скажу прямѣе, — сказалъ онъ, поправившись,—только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, комиссія! не радъ, что связался: хотятъ непремѣнно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутораста крестьянъ недостаетъ...

— Ну, врешь, врешь! — закричалъ опять Ноздревъ.

— Ну, вотъ ужъ здѣсь,—сказалъ Чичиковъ,— ни вотъ на столько не солгалъ, — и показалъ большимъ пальцемъ на своемъ мизинцѣ самую маленькую часть.

— Голову ставлю, что врешь!

— Однако-жъ это обидно! Что же я такое въ самомъ дѣлѣ? Почему я непремѣнно лгу?

— Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ—позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Ежели бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ.

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ. Уже всякое выраженіе, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему непрі-

*) Ѳетюкъ—слово обидное для мужчины, происходитъ отъ Ѳ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличною буквою.

ятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамильярнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія. И потому теперь онъ совершенно обидѣлся.

— Ей-Богу, повѣсилъ бы, — повторилъ Ноздревъ,—я тебѣ говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а просто по-дружески говорю.

— Всему есть границы, — сказалъ Чичиковъ съ чувствомъ достоинства,—если хочешь пощеголять подобными рѣчами, то ступай въ казармы,— и потомъ присовокупилъ: — не хочешь подарить, такъ продай.

— Продать! Да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлецъ, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ?

— Эхъ, да ты вѣдь тоже хорошъ! Смотри ты! Что онѣ у тебя, брильянтовыя, что-ли?

— Ну, такъ и есть. Я ужъ тебя зналъ.

— Помилуй, братъ, что-жъ у тебя за жидовское побужденіе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ.

— Ну, послушай: чтобъ доказать тебѣ, что я не какой-нибудь скалдырникъ, я не возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу.

— Помилуй, на что-жъ мнѣ жеребецъ?—сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ.

— Какъ на что? Да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре.

— Да на что мнѣ жеребецъ? Завода я не держу.

— Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ.

— Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!

— Ну, купи каурую кобылу.

— И кобылы не нужно.

— За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи.

— Да не нужны мнѣ лошади.

— Ты ихъ продашь: тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше.

— Такъ лучше-жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое.

— Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду.

Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня, и отъ каурой кобылы.

— Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару; просто—морозъ по кожѣ подираетъ, брудастая съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина; бочковатость ребръ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ—земли не задѣнетъ!

— Да зачѣмъ мнѣ собаки? я не охотникъ.

— Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Самому, какъ честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдаю за 900 рублей.

— Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы, тащася съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги.

— Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носятъ нѣмцы. Это органъ; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще!—Здѣсь Ноздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и, какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и ни увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ.—Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи.

— Ну, вотъ еще! А я-то въ чемъ поѣду?

— Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо-бричка.

„Эхъ, его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ!“ — подумалъ про себя Чичиковъ и рѣшился, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ всякихъ бричекъ, шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ, несмотря на непостижимую уму бочковатость ребръ и комкость лапъ.

— Да вѣдь бричка, шарманка и мертвыя души—все вмѣстѣ.

— Не хочу!—сказалъ еще разъ Чичиковъ.

— Отчего-жъ ты не хочешь?

— Оттого, что, просто, не хочу—да и полно.

— Экой ты, право, какой! Съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами... такой, право!.. Сейчасъ видно, что двуличный человѣкъ!

— Да что же я, дуракъ, что ли? Ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь, рѣшительно для меня ненужную?

— Ну, ужъ, пожалуйста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, рикалія! Ну, послушай: хочешь метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже.

— Ну, рѣшаться въ банкъ—значитъ подвергаться неизвѣстности, — говорилъ Чичиковъ и между тѣмъ взглянулъ искоса на бывшія въ рукахъ у него карты. Объ талія ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

— Отчего-жъ неизвѣстности? — сказалъ Ноздревъ.—Никакой неизвѣстности! Будь столько на твоей сторонѣ счастья, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! Экое счастье!—говорилъ онъ, начиная метать для возбужденія задору.—Экое счастье! экое счастье! Вонъ: такъ и колотитъ! Вотъ та проклятая девятка, на которой я все просадилъ! Чувствовалъ, что придастъ, да уже, зажмуривъ глаза, думаю себѣ: „чортъ тебя побери, продавай, проклятая!“

Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

— Отчего-жъ ты не хочешь играть?—сказалъ Ноздревъ.

— Ну, оттого, что не расположенъ. Да признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть.

— Отчего-жъ не охотникъ?

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ:—Потому что не охотникъ.

— Дрянь же ты!

— Что-жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ.

— Постой, просто! Я думалъ было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близ имъ... Никакого прямодушія, ни искренности! Совершенный Собакевичъ, такой подлецъ!

— Да за что же ты бранишь меня? Виноватъ развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздору.

— Чорта лысаго получишь! Хотѣлъ было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хоть три царства давай—не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобой никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно.

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

— Лучше-бъ ты мнѣ, просто, на глаза не показывался!—сказалъ Ноздревъ.

Несмотря, однакожъ, на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ-то кипрскимъ, которое было то что называютъ кислятина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель:—Вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ.

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то, что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время; но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ; поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого рода, чтобы быть ввѣрену Ноздреву... Ноздревъ — человѣкъ-дрянь, Ноздревъ можетъ наврать, прибавить, распустить чортъ знаетъ что, выйдутъ еще какія-нибудь сплетни... Не хорошо, не хорошо. „Просто дуракъ я!“ говорилъ онъ самъ себѣ. Ночь спалъ онъ очень дурно. Какія-то маленькія, пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая: „А, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ!“ Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его по-дружески и спросилъ, каково ему спалось.

— Такъ себѣ,—отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

— А я, братъ,—говорилъ Ноздревъ, — такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнусно разсказывать; и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь, снилось, что меня высѣкли, ей, ей! И вообрази, кто? Вотъ ни за что не угадаешь:—штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.

„Да,—подумалъ про-себя Чичиковъ, — хорошо бы, если-бъ тебя отодрали на-яву“.

— Ей-Богу! Да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается; вѣрно, вѣдьмы блохи. Ну, ты ступай теперь, одѣвайся; я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлеца приказчика.

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина; кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, не замедливши скоро войти, ничего не имѣлъ у себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ, подобно цырюльнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

— Ну, такъ какъ же думаешь?—сказалъ Ноздревъ, немного помолчавши,—не хочешь играть на души?

— Бейте его!—кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ.

— Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю; купить,—изволь, куплю.

— Продать я не хочу: это будетъ не по-пріятельски. Я не стану снимать плевы съ чортъ знаетъ чего. Въ банчикъ—другое дѣло. Прокинемъ хоть талію!

— Я ужъ сказалъ, что нѣтъ.

— А мѣняться не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, послушай: сыграемъ въ шашки; выиграешь—твои всѣ. Вѣдь у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу!

— Напрасенъ трудъ: я не буду играть.

— Да вѣдь это не въ банкъ; тутъ никакого не можетъ быть счастья или фальши: все вѣдь отъ искусства. Я даже тебя предваряю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что-нибудь мнѣ дашь впередъ.

„Сѣмъ-ка я,—подумалъ про себя Чичиковъ,—сыграю съ нимъ въ шашки. Въ шашки игрывалъ я недурно, а на штуки ему здѣсь трудно подняться".

— Изволь, такъ и быть, въ шашки сыграю.

— Души идутъ въ ста рубляхъ!

— Зачѣмъ же? Довольно, если пойдутъ въ пятидесяти.

— Нѣтъ, что-жъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше-жъ въ эту сумму я включу тебѣ какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку къ часамъ.

— Ну, изволь!—сказалъ Чичиковъ.

— Сколько же ты мнѣ дашь впередъ? — сказалъ Ноздревъ.

— Это съ какой стати? Конечно, ничего.

— По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода.

— Не хочу: я самъ плохо играю.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!—говорилъ Чичиковъ, подвигая тоже шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!—говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ, подвигая шашку, да въ то же время подвинулъ обшлагомъ рукава и другую шашку.

— Давненько не бралъ я въ руки!.. Э, э! Это, братъ, что? отсюда-ка ее назадъ!—говорилъ Чичиковъ.

— Кого?

— Да шашку-то,—сказалъ Чичиковъ, и въ то же время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки. Откуда она взялась, это одинъ только Богъ зналъ.—Нѣтъ,—сказалъ Чичиковъ, вставши изъ-за стола,—съ тобой нѣтъ никакой возможности играть. Этакъ не ходятъ—по три шашки вдругъ!

— Отчего-жъ по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь.

— А другая-то откуда взялась?

— Какая другая?

— А вотъ эта, что пробирается въ дамки?

— Вотъ тебѣ на! будто не помнишь!

— Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!

— Какъ—гдѣ мѣсто?—сказалъ Ноздревъ, покраснѣвши,—да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!

— Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.

— За кого-жъ ты меня почитаешь,—говорилъ Ноздревъ,—стану я развѣ плутовать?

— Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться,—говорилъ Ноздревъ, горячась,—игра начата!

— Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку.

— Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!

— Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!

— Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь; ты долженъ кончить партію!

— Этого ты меня не заставишь сдѣлать,—сказалъ Чичиковъ хладнокровно и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Ноздревъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

— Я тебя заставлю играть. Это ничего, что ты смѣшалъ шашки! Я помню всѣ ходы. Мы ихъ поставимъ опять такъ, какъ были.

— Нѣтъ, братъ, дѣло кончено: я съ тобою не стану играть.

— Такъ ты не хочешь играть?

— Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ возможности играть.

— Нѣтъ, скажи напрямикъ: ты не хочешь играть?—говорилъ Ноздревъ, подступая ближе.

— Не хочу,—сказалъ Чичиковъ и поднесъ, однакожъ, обѣ руки на всякій случай поближе къ лицу, ибо дѣло становилось въ самомъ дѣлѣ жарко. Эта предосторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся рукой... и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и полныхъ щекъ нашего героя покрылась бы

несмываемымъ безчестіемъ; но, счастливо отведши ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя его руки и держалъ его крѣпко.

— Порфирій, Павлушка! — кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было безполезно, выпустилъ его руки. Въ это самое время вошелъ Порфирій и съ нимъ Павлушка, парень дюжій, съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

— Такъ ты не хочешь оканчивать партіи? — говорилъ Ноздревъ.—Отвѣчай мнѣ напрямикъ!

— Партіи нѣтъ возможности оканчивать,—говорилъ Чичиковъ, и заглянулъ въ окно. Онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая, а Селифанъ ожидалъ, казалось, мановенія, чтобы подкатить подъ крыльцо; но изъ комнаты не было никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣпостныхъ дурака.

— Такъ ты не хочешь доканчивать партіи?— повторилъ Ноздревъ съ лицомъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ.

— Если-бъ ты игралъ, какъ прилично честному человѣку... но теперь не могу.

— А! такъ ты не можешь, подлецъ! Когда увидѣлъ, что не твоя беретъ, такъ и не можешь? Бейте его! — кричалъ онъ изступленно, обратившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ. Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ зв ка.

— Бейте его!—кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость.—Бейте его!—кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричатъ своему взводу: „Ребята, впередъ!“ какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже пріобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. „Ребята, впередъ!“ кричитъ онъ, порываясь, не помышляя, что вредитъ уже обдуманному плану общаго приступа, что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ, какъ пухъ, на воздухъ его безсильный взводъ, и что уже свищетъ роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступавшаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ, крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Ужъ стулъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его; уже, зажмуривъ глаза, ни живъ, ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать черкесскаго чубука своего хозяина и, Богъ знаетъ, чего бы ни случилось съ нимъ; но судьбамъ угодно было спасти бока, плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ, какъ съ облаковъ, задребезжавшіе звуки колокольчика, раздался ясно стукъ колесъ подлетѣвшей къ крыльцу телѣги и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно: кто-то съ усами, въ полувоенномъ сюртукѣ, вылѣзалъ изъ телѣги. Освѣдомившись въ передней, вошелъ онъ въ ту самую минуту, когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

— Позвольте узнать, кто здѣсь г. Ноздревъ?— сказалъ незнакомецъ, посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноздрева, который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ, и на Чичикова, который едва начиналъ оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

— Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить? — сказалъ Ноздревъ, подходя къ нему ближе.

— Капитанъ-исправникъ.

— А что вамъ угодно?

— Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе, что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу.

— Что за вздоръ, по какому дѣлу?—сказалъ Ноздревъ.

— Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами, въ пьяномъ видѣ.

— Вы врете! Я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова.

— Милостивый государь! позвольте вамъ доложить, что я офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ.

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что будетъ отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

ГЛАВА V.

Герой нашъ трухнулъ, однакожъ, порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида закрывшись полями, отлогостями и пригорками но онъ все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня. Дыханіе его переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось, какъ перепелка въ клѣткѣ. „Экъ, какую баню задалъ! Смотри ты, какой!“ Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; попали и даже и нехорошія слова. Что-жъдѣлать? Русскій человѣкъ, да еще и въ сердцахъ! Къ тому-жъ дѣло было совсѣмъ пешуточное. „Что ни говори,— сказалъ онъ самъ въ себѣ, — а не подоспѣй капитанъ-исправникъ, мнѣ бы, можетъ быть, не далось болѣе и на свѣтъ Божій взглянуть! Пропалъ бы, какъ волдырь на водѣ, безъ всякаго слѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія, ни честнаго имени!“ Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

„Экой скверный баринъ!—думалъ про себя Селифанъ,—я еще не видалъ такого барина. То-есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любитъ овесъ. Это его продовольство: что, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство“.

Кони тоже, казалось, думали невыгодно о Ноздревѣ: не только гнѣдой и Засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпалъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: „Эхъ, ты, подлецъ!“ но, однакожъ, это все-таки былъ овесъ, а не простое сѣно: онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо, когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно,—не хорошо! Всѣ были недовольны.

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди изліяній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на нихъ наскакала коляска съ шестерикомъ коней и почти надъ головами ихъ раздались крикъ сидѣвшихъ въ коляскѣ дамъ, брань и угрозы чужого кучера:—Ахъ, ты, мошенникъ этакой! Вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: „сворачивай, ворона, направо!“ — Пьянъ ты, что ли? — Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ, пріосанясь: „А ты что такъ разскакался? Слиза-то свои въ кабакѣ заложилъ, что ли?“ Вслѣдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было, — все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ сидѣвшія въ коляскѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только-что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца; ея тоненькія ушки также просвѣчивали, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы—все это въ ней было такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами. „Отсаживай, что ли, нижегородская ворона!“ кричалъ чужой кучеръ. Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ то же, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ обстоятельствѣ чубарому коню такъ понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колеи, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что-то нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣроятно, чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхивалъ ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожъ, собраться мужики изъ деревни, которая была, къ счастью, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика — сущая благодать, все равно, что для нѣмца газеты или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята. Постромки отвязали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попятиться; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями, или, просто, дурь,—только, сколько ни хлесталъ ихъ кучеръ, они не двига-

лись и стояли, какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возросло до невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ:—Ступай, Андрюшка, прюведи-ка ты пристяжного, что съ правой стороны, а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на коренного! Садись, дядя Митяй!—Сухощавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ в ду въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, но не тутъ-то было: ничего не пособилъ дядя Митяй. „Стой, стой! — кричали мужики,— садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!“ Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ, съ черною, какъ уголь, бородою и брюхомъ, похожимъ на тотъ исполинскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прюзябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли. „Теперь дѣло пойдетъ,—кричали мужики.—Накаливай, накаливай его! Принпандорь кнутомъ вонъ того, соловаго,— что онъ корячится, какъ корамора?“ *) Но, увидѣвши, что дѣло не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сѣли оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконецъ кучеръ, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя, и дядю Миняя; и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватили, не переводя духа, ст нцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою. Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ, скрылась, какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась — дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сосѣдей высшихъ,—вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое, хоть разъ, пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь захолустившей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже, вдругъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась. Понадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша — гусаръ ли онъ, студентъ ли онъ, или, просто, только-что начавшій жизненное поприще — и, Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи въ даль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры и распеканья за промедленіе, позабывъ и себя, и службу, и міръ, и все что ни есть въ мірѣ.

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумался и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. „Славная бабёшка!—сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку. —Но вѣдь что, главное, въ ней хорошо?—Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института; что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то-есть именно того, что у нихъ есть самаго непріятнаго. Она теперь, какъ дитя; все въ ней просто: она скажетъ, что ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выйти и дрянь,—и выйдетъ дрянь! Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станетъ ворочаться по вытвержденнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ и какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно; запутается наконецъ сама, и кончится тѣмъ, что станетъ наконецъ врать всю жизнь, и выйдетъ, просто, чортъ знаетъ что!“ Здѣсь онъ нѣсколько времени помолчалъ и потомъ прибавилъ: „А любопытно бы знать, чьихъ она? что, какъ ея отецъ? богатый ли помѣщикъ почтеннаго права или, просто, благомыслящій человѣкъ съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь если, положимъ, этой

*) *Корамора*—большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ онъ въ комнату и торчитъ гдѣ-нибудь одиночкою на стѣнѣ. Къ нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ на что онъ только топырится, или корячится, какъ говоритъ народъ.

дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка". Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, зачѣмъ, въ продолженіе хлопотни около экипажей, не развѣдалъ отъ форейтора или кучера, кто такія были проѣзжающія. Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла его мысли и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла — одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темносѣрыми, или, лучше, дикими стѣнами — домъ въ родѣ тѣхъ, какіе у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ — удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тожъ сработаны были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна, почти въ одно время, два лица: женское, въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское—круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горляпками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго, и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго тренькапья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой курткѣ съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и въ елъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто: „прошу!" и повелъ его во внутрь нія жилья.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь, и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ, хватила въ другой—вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: „живетъ!" Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича; держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ часъ-же спросилъ: „Не побезпокоилъ-ли я васъ?" Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показалъ на кресла, сказавши опять: „прошу!" Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими греками, неизвѣстно какимъ образомъ и для чего, помѣстился Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щеголей, которые наполняютъ нынѣшнія гостиныя. Хозяинъ, бу-

дучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины, у самаго окна, висѣла клѣтка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепцѣ съ лентами, перекрашенными домашнею краской. Вошла она степенно, держа голову прямо, какъ пальма.

— Это моя Ѳеодулія Ивановна,—сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны, которую она почти впихнула ему въ губы, при чемъ онъ имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ разсоломъ.

— Душенька, рекомендую тебѣ,—продолжалъ Собакевичъ, — Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться.

Ѳеодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже:—„прошу!“ и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериносовымъ платкомъ и уже не двигнула болѣе ни глазомъ, ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ клѣткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что въ ней ни было: все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома. Въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ — совершенный медвѣдь. Столъ, кресла, стулья—все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: „И я тоже Собакевичъ!“ или: „И я тоже очень похожъ на Собакевича!“

— Мы объ васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича,—сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, видя, что никто не располагается начинать разговора,—въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время.

— Да, я не былъ тогда у предсѣдателя,—отвѣчалъ Собакевичъ.

— А прекрасный человѣкъ!

— Кто такой?—сказалъ Собакевичъ, глядя на уголъ печи.

— Предсѣдатель.

— Ну, можетъ быть, это вамъ такъ показалось: онъ только что массонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ.

Чичиковъ немного озадачился такимъ, отчасти рѣзкимъ, опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ:—Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но за то губернаторъ—какой превосходный человѣкъ!

— Губернаторъ превосходный человѣкъ?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойникъ въ мірѣ!

— Какъ, губернаторъ разбойникъ! — сказалъ Чичиковъ, и совершенно не могъ попять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники.—Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ,—продолжалъ онъ.—Но позвольте, однакоже, замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много.—Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

— И лицо разбойничье!—сказалъ Собакевичъ.—Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу, — зарѣжетъ, за копѣйку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ—это Гога и Магога.

„Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ, — подумалъ про себя Чичиковъ.—А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицеймейстерѣ: онъ, кажется, другъ его“. — Впрочемъ, что до меня,—сказалъ онъ, — мнѣ, признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицеймейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый, въ лицѣ видно что-то простосердечное.

— Мошенникъ! — сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно, — продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья.

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ біографій, Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

— Что-жъ, душенька, пойдемъ обѣдать,—сказала Собакевичу его супруга.

— Прошу! — сказалъ Собакевичъ. За симъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, по рюмкѣ водки; закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то-есть, всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли всѣ въ столовую; впереди ихъ, какъ

плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро — трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка, или, просто, проживающая въ домѣ, — что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отъ роду еще не выходило слово изъ такихъ устъ; а гдѣнибудь въ дѣвичьей или въ кладовой окажется просто—ого-го!

— Щи, душа моя, сегодня очень хороши, — сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгомъ и ножками.—Этакой няни,—продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову,—вы не будете ѣсть въ городѣ: тамъ вамъ чортъ знаетъ что подадутъ!

— У губернатора, однакожъ, недуренъ столъ,— сказалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли, изъ чего это все готовится? Вы ѣсть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, какъ приготовляется, объ этомъ я не могу судить; но свиныя котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что они на рынкѣ покупаютъ. Купитъ вонъ тотъ каналья-поваръ, что выучился у француза, кота, обдеретъ его да и подаетъ на столъ вмѣсто зайца.

— Фу, какую ты непріятность говоришь! — сказала супруга Собакевича.

— А что-жъ, душенька! такъ у нихъ дѣлается; я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все, что ни есть ненужнаго, что Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лохань, они его въ супъ, да въ супъ! туда его!

— Ты за столомъ всегда этакое разскажешь,— возразила опять супруга Собакевича.

— Что-жъ, душа моя,—сказалъ Собакевичъ,— если-бъ я самъ это дѣлалъ, но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Возьмите барана,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову,—это бараній бокъ съ кашей. Это не тѣ фрикасе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали доктора нѣмцы да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это. Выдумали діэту—лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкокостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все...—Здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ головою.—Толкуютъ— просвѣщенье, просвѣщенье, а это просвѣщенье... фукъ! Сказалъ бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично. У меня не такъ. У меня, когда свинина—всю свинью давай на столъ, баранина—всего барана тащи, гусь— всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ.—Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

„Да, — подумалъ Чичиковъ, — у этого губа не дура“.

— У меня не такъ, — говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руки,—у меня не такъ, какъ у какого-нибудь Плюшкина: 800 душъ имѣетъ, а живетъ и обѣдаетъ хуже моего пастуха.

— Кто такой этотъ Плюшкинъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Мошенникъ, — отвѣчалъ Собакевичъ. — Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Вправду? — подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ, — и вы говорите, что у него, точно, люди умираютъ въ большомъ количествѣ?

— Какъ мухи мрутъ.

— Неужели, какъ мухи? А позвольте спросить: какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?

— Въ пяти верстахъ.

— Въ пяти верстахъ?—воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ небольшое сердечное біеніе. — Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо или налѣво?

— Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собакѣ! — сказалъ Собакевичъ. — Извинительнѣй сходить въ какое-нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему.

— Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ-либо... а потому только, что интересуюсь познаніемъ всякаго рода мѣстъ, — отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ бокомъ послѣдовали вотрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый всякимъ добромъ: яйцами, рисомъ, печенками и ни вѣсть чѣмъ, что все ложилось комомъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но, когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше.

Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье, — ни груша, ни слива, ни иная ягода,—до котораго, впрочемъ, не дотронулись ни гость, ни хозяинъ. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы накласть его и на другія блюдечки. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который, лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичиковъ обратился къ нему съ такими словами:— Я хотѣлъ было поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ.

— Вотъ еще варенье, — сказала хозяйка, возвращаясь съ блюдечкомъ, — рѣдька, варенная въ меду!

— А вотъ мы его послѣ! — сказалъ Собакевичъ.—Ты ступай теперь въ свою комнату, мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фраки, маленько пріотдохнемъ.

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяинъ сказалъ:—Ничего, мы отдохнемъ въ креслахъ,— и хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка приподнялъ голову, приготовляясь слышать, въ чемъ было дѣльцо.

Чичиковъ началъ какъ-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русскаго государства, и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ, что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика, и иностранцы справедливо удивляются... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что по существующимъ положеніямъ этого государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся, однакожъ, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложность, и безъ того уже восьма сложнаго, государственнаго механизма... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что однакоже, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ вносить подати такъ, какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность. Насчетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не назвалъ души умершими, а только — несуществующими.

Собакевичъ слушалъ все попрежнему, наклонивши голову, и хоть бы что-нибудь, похожее на выраженіе, показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

— И такъ?..—сказалъ Чичиковъ, ожидая, не безъ нѣкотораго волненія, отвѣта.

— Вамъ нужно мертвыхъ душъ? — спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

— Да,—отвѣчалъ Чичиковъ и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши:—несуществующихъ.

— Найдутся; почему не быть... — сказалъ Собакевичъ.

— А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?

— Извольте, я готовъ продать, — сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покупщикъ, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

„Чортъ возьми! — подумалъ Чичиковъ про себя, — этотъ ужъ продастъ прежде, чѣмъ я заикнулся!“—И проговорилъ вслухъ: — А, напримѣръ, какъ же цѣна? хотя, впрочемъ, это такой предметъ... что о цѣнѣ даже странно...

— Да чтобы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку, — сказалъ Собакевичъ.

— По сту! — вскричалъ Чичиковъ, разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза, не зная, самъ ли онъ ослышался, или языкъ Собакевича, по своей тяжелой натурѣ, не такъ поворотившись, брякнулъ, вмѣсто одного, другое слово.

— Что-жъ, развѣ это для васъ дорого? — произнесъ Собакевичъ и потомъ прибавилъ:—А какая бы, однакожъ, ваша цѣна?

— Моя цѣна! Мы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись или не понимаемъ другъ друга, позабыли, въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю съ своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривенъ за душу—это самая красная цѣна!

— Экъ куда хватили — по восьми гривенокъ!

— Что-жъ, по моему сужденію, какъ я думаю, больше нельзя.

— Вѣдь я продаю не лапти.

— Однакожъ, согласитесь сами, вѣдь это тоже и не люди.

— Такъ вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вамъ продалъ по двугривенному ревизскую душу?

— Но позвольте: зачѣмъ вы ихъ называете ревизскими? Вѣдь души-то самыя давно уже умерли, остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ. Впрочемъ, чтобы не входить въ дальнѣйшіе разговоры по этой части, по полтора рубля, извольте, дамъ, а больше не могу.

— Стыдно вамъ и говорить такую сумму! Вы торгуйтесь, говорите настоящую цѣну.

— Не могу, Михаилъ Семеновичъ; повѣрьте моей совѣсти, не могу: чего ужъ невозможно сдѣлать, того никакъ невозможно сдѣлать, — говорилъ Чичиковъ, однакожъ по полтинкѣ еще прибавилъ.

— Да чего вы скупитесь? — сказалъ Собакевичъ: — право, не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здоровый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочность такая... самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!

Чичиковъ открылъ ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева, однакоже, давно нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую силу рѣчи: откуда взялась рысь и даръ слова.

— А Пробка Степанъ плотникъ? Я голову прозакладую, если вы гдѣ сыщете такого мужика. Вѣдь что за силища была! Служи онъ въ гвардіи—ему бы, Богъ знаетъ, что дали: трехъ аршинъ съ вершкомъ ростомъ!

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевича, какъ видно, пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать.

— Милушкинъ, кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги; что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмельного. А Еремѣй Сорокоплехинъ! Да этотъ мужикъ одинъ станетъ за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного оброку приносилъ по пятисотъ рублей. Вѣдь вотъ какой народъ! Это не то, что вамъ продастъ какой-нибудь Плюшкинъ.

— Но, позвольте, — сказалъ наконецъ Чичиковъ, изумленный такимъ обильнымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было,— зачѣмъ вы исчисляете всѣ ихъ качества? Вѣдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, вѣдь это все народъ мертвый. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай, говоритъ пословица.

— Да, конечно, мертвые, — сказалъ Собакевичъ, какъ бы одумавшись и припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые, а потомъ прибавилъ: — впрочемъ и то сказать, что изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди?—мухи, а не люди.

— Да все же они существуютъ, а это вѣдь мечта.

— Ну, нѣтъ, не мечта! Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ вы такихъ людей не сыщете: машинища такая, что въ эту комнату не войдетъ; нѣтъ, это не мечта! А въ плечищахъ у него была такая силища, какой нѣтъ у лошади. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ бы вы въ другомъ мѣстѣ нашли такую мечту!—Послѣднія слова онъ уже сказалъ, обратившись къ висѣвшимъ на стѣнѣ портретамъ Багратіона и Колокотрона, какъ обыкновенно случается съ разговаривающими, когда одинъ изъ нихъ вдругъ, неизвѣстно почему, обратится не къ тому лицу, къ которому относятся слова, а къ какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, отъ котораго, знаетъ, что не услышитъ ни отвѣта, ни мнѣнія, ни подтвержденія, но на котораго, однакожъ, такъ устремитъ взглядъ, какъ будто призываетъ его въ посредники; и, нѣсколько смѣшавшійся въ первую минуту, незнакомецъ не знаетъ, отвѣчать ли ему на то дѣло, о которомъ ничего не слышалъ, или такъ постоять, соблюдши надлежащее приличіе, и потомъ уже уйти прочь.

— Нѣтъ, больше двухъ рублей я не могу дать,— сказалъ Чичиковъ.

— Извольте, чтобъ не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте — по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнаціями—право, только для знакомства!

„Что онъ въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ про себя Чичиковъ,—за дурака, что ли, принимаетъ меня?“—и прибавилъ потомъ вслухъ:—Мнѣ странно, право; кажется, между нами происходитъ какое-то театральное представленіе, или комедія; иначе я не могу себѣ объяснить... Вы, кажется, человѣкъ довольно умный, владѣете свѣдѣніями образованности. Вѣдь предметъ просто — фу, фу! Что-жъ онъ стоитъ? кому нуженъ?

— Да, вотъ, вы же покупаете; стало-быть, нуженъ.

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелся, что отвѣчать. Онъ сталъ было говорить про какія-то обстоятельства фамильныя и семейственныя, но Собакевичъ отвѣчалъ просто:

— Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамильныя не мѣшаюсь,—это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, и будете раскаиваться, что не купили.

— Два рублика,—сказалъ Чичиковъ.

— Экъ, право! *Затвердила сорока Якова— одно про всякаго*, какъ говоритъ пословица: какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну!

„Ну, ужъ чортъ его побери!—подумалъ про себя Чичиковъ,— по полтинѣ ему прибавлю, со-

бакѣ, на орѣхи!“—Извольте, по полтинѣ прибавлю.

— Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово: пятьдесятъ рублей! Право, убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа!

— Экой кулакъ!—сказалъ про себя Чичиковъ, и потомъ продолжалъ вслухъ съ нѣкоторою досадою: — Да что въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ будто точно серьезное дѣло! Да я въ другомъ мѣстѣ нипочемъ возьму. Еще мнѣ всякій съ охотой сбудетъ ихъ, чтобы только поскорѣй избавиться отъ нихъ. Дуракъ развѣ станетъ держать ихъ при себѣ и платить за нихъ подати!

— Но знаете ли, что такого рода покупки,— я это говорю между нами, по дружбѣ,—не всегда позволительны, и разскажи я, или кто иной — такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ или вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства.

„Вишь, куда мѣтитъ, подлецъ!“ — подумалъ Чичиковъ, и тутъ же произнесъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ:—Какъ вы себѣ хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, какъ вы думаете, а такъ... по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтиной не хотите—прощайте!

„Его не собьешь, не податливъ!“—подумалъ Собакевичъ. — Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!

— Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!

— Позвольте, позвольте!—сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ поберечься, въ наказанье за что долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.

— Прошу прощенья! Я, кажется, васъ побезпокоилъ. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу!— Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣетъ и перевертываться, и дѣлать разные штуки на вопросы: „А покажи, Миша, какъ бабы парятся?“ „А какъ, Миша, малые ребята горохъ крадутъ?“

— Право, я напрасно время трачу; мнѣ нужно спѣшить.

— Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово.—Тутъ Собакевичъ подсѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо, какъ будто секретъ:—Хотите—уголъ?

— То-есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни! Даже четверти угла не дамъ, копѣйки не прибавлю.

Собакевичъ замолчалъ. Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку.

— Какая-жъ ваша будетъ послѣдняя цѣна?— сказалъ наконецъ Собакевичъ.

— Два съ полтиною.

— Право, у васъ душа человѣческая все равно, что запеная рѣпа. Ужъ хоть по три рубля дайте!

— Не могу.

— Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убытокъ, да ужъ и навъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему. Вѣдь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ?

— Разумѣется.

— Ну, вотъ то-то же; нужно будетъ ѣхать въ городъ.

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городѣ и управиться съ купчей крѣпостью. Чичиковъ попросилъ списочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выписывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

А Чичиковъ, отъ нечего дѣлать, занялся, находясь позади, разсматриваньемъ всего просторнаго его оклада. Какъ взглянулъ онъ на его спину, широкую, какъ у вятскихъ приземистыхъ лошадей, и на ноги его, походившія на чугунныя тумбы, которыя ставятъ на тротуарахъ, не могъ не воскликнуть внутренно: — Экъ наградилъ-то тебя Богъ! Вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ!.. Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты чрезъ нихъ сдѣлался то, что называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолустьи. Вся разница въ томъ, что теперь ты упишешь полъбараньяго бока съ кашей, закусивши ветрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои— тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца—выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки, дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку! Да еще, пожалуй, скажетъ

потомъ:—Дай-ка, себя покажу!—Да такое выдумаетъ мудрое постановленіе, что многимъ придется солоно... Эхъ, если бы всѣ кулаки!..

— Готова записка!—сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

— Готова? Пожалуйте ее сюда!—Онъ пробѣжалъ ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ находились особенныя отмѣтки насчетъ поведенія, трезвости, — словомъ, любо было глядѣть.

— Теперь пожалуйте же задаточекъ,—сказалъ Собакевичъ.

— Къ чему же вамъ задаточекъ? Вы получите въ городѣ за однимъ разомъ всѣ деньги.

— Все, знаете, такъ ужъ водится,—возразилъ Собакевичъ.

— Не знаю, какъ вамъ дать: я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть.

— Что-жъ десять! Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ!

Чичиковъ сталъ было отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши:—Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только росписку.

— Да на что-жъ вамъ росписка?

— Все, знаете, лучше росписку. Не ровенъ часъ... все можетъ случиться.

— Хорошо, дайте же сюда деньги.

— На что-жъ деньги? У меня вотъ онѣ въ рукѣ! Какъ только напишете росписку, въ ту же минуту ихъ возьмете.

— Да позвольте, какъ же мнѣ писать росписку? Прежде нужно видѣть деньги.

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который, приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

— Бумажка то старенькая, — произнесъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ на свѣтѣ,—немножко разорвана: ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть.

„Кулакъ, кулакъ! — подумалъ про себя Чичиковъ,—да еще и бестія въ придачу“.

— А женскаго пола не хотите?

— Нѣтъ, благодарю.

— Я бы недорого и взялъ. Для знакомства, по рублику за штуку.

— Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь.

— Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: *кто любитъ попа, а кто попадью*, говоритъ пословица.

— Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами, — говорилъ Чичиковъ, прощаясь.

— Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать: что по искренности происходитъ между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посѣтили; прошу и впредь не забывать; коли выберется свободный часикъ, пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ быть, опять случится услужить чѣмъ-нибудь другъ другу.

„Да, какъ бы не такъ! — думалъ про себя Чичиковъ, садясь въ бричку. — Но два съ полтиною содралъ за мертвую душу, чортовъ кулакъ“.

Онъ былъ недоволенъ поведеніемъ Собакевича. Все-таки, какъ бы то ни было, человѣкъ знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступилъ, какъ бы совершенно чужой: за дрянь взялъ деньги! Когда бричка выѣхала со двора, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Собакевичъ все еще стоялъ на крыльцѣ и, какъ казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поѣдетъ.

— Подлецъ, до сихъ поръ еще стоитъ!—проговорилъ онъ сквозь зубы и велѣлъ Селифану, поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отъѣхать такимъ образомъ, чтобы нельзя было видѣть экипажа со стороны господскаго двора. Ему хотѣлось заѣхать къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали, какъ мухи; но не хотѣлось, чтобы Собакевичъ зналъ про это. Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который, поднявши гдѣ-то на дорогѣ претолстое бревно, тащилъ его на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу.

— Эй, борода! а какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину, такъ, чтобъ не мимо господскаго дома?

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

— Что-жъ, не знаешь?

— Нѣтъ, баринъ, не знаю.

— Эхъ, ты! А и сѣдымъ волосомъ еще подернуло! Скрягу Плюшкина не знаешь, — того, что плохо кормитъ людей?

— А! заплатанной, заплатанной!—вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову *заплатанной*, очень удачное, но неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а потому мы его пропустимъ. Впрочемъ, можно догадываться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что

Чичиковъ, хотя мужикъ давно уже пропалъ изъ виду и много уѣхали впередъ, однакожъ все еще усмѣхался, сидя въ бричкѣ. Выражается сильно россійскій народъ! И если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собой и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущихъ людишекъ выводить его за наемную плату отъ древне-княжескаго рода, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куда бываетъ мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ-самородокъ, живой и бойкій русскій умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ сразу, какъ паспортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, крестами разсыпано на святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженьи его часть собственнаго своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово.

ГЛАВА VI.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка,—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ впечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинёшенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города, — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, — и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ прошелъ мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой куткѣ принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицею, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріютно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило

бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О, моя юность! о, моя свѣжесть!

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ середину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необереглшіся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вёдро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, — словомъ, гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ, дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился сбоку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой — опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и, наконецъ, глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревьевъ или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно зіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку,

труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній, — людскихъ, амбаровъ, погребовъ, — видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину — ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура — баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. Ой, баба! — подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: — ой, нѣтъ! — Конечно, баба! — наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

— Послушай, матушка, — сказалъ онъ, выходя изъ брички, — что баринъ?..

— Нѣтъ дома, — прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: — а что вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты! — сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъподъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ, наконецъ, очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутною мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ, весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка кресель, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ, длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ середины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребываніе старый,

поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное ея убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ, послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

— Что-жъ баринъ? У себя, что ли?

— Здѣсь хозяинъ, — сказалъ ключникъ.

— Гдѣ же? — повторилъ Чичиковъ.

— Что, батюшка, слѣпы-то, что ли? — сказалъ ключникъ. — Эхва! А вить хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго; оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя было докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага! На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣлапныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбапы съ рыльцами и безъ рыльцъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной бересты и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него, но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. „Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!“ говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучку, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ! сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни,

работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого, кавалерійскаго полка и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные — картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны. Сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что̀ называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида его, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по-прежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ...

ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

И такъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные дома съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? Театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями, плошками, оглашенный громомъ музыки садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе является чрезъ то ночное небо, и, далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово: *добродѣтель* и *рѣдкія свойства души* можно съ успѣхомъ замѣнить словами: *экономія* и *порядокъ;* и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести личное свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, — ибо зубовъ не было, — что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: „А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!“ Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ силахъ переступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе:—Прошу покорнѣйше садиться!

— Я давненько не вижу гостей, — сказалъ онъ, — да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели препеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась: начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.

„Вонъ оно какъ! — подумалъ про себя Чичиковъ, — хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока“.

— И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ! — продолжалъ Плюшкинъ. — Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? Землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру!

— Мнѣ, однакоже, сказывали, — скромно замѣтилъ Чичиковъ, — что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысяча душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣднія три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.

— Скажите! и много выморила? — воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, снесли многихъ.

— А позвольте узнать: сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?

— Это бы еще слава Богу, — сказалъ Плюшкинъ, — да лихъ-то, что съ того времени до ста двадцати наберется.

— Вправду? Цѣлыхъ сто двадцать?—воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу! — сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому

горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

— Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь, — сказалъ Плюшкинъ. — Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся, говоритъ—родственникъ: „Дядюшка, дядюшка!“ и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, насмерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актерка выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ:—Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво, — служилъ по статской.

— По статской? — повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что-нибудь кушалъ. — Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! Ахъ, благодѣтель мой! — вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. — Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! Ахъ, святители вы мои!.. — Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ возить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

— Да, купчую крѣпость... — сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами.— Вѣдь вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь, — такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого прошибешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

„Ну, ты, я думаю, устоишь!“ — подумалъ про-себя Чичиковъ и произнесъ тутъ же, что, изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а, вѣрно, былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ:—Эй, Прошка!—Чрезъ минуту было слышно, что кто-то вбѣжалъ впопыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа!— сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. — Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ? скажи, чего? — Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. — Поставь самоваръ, — слышишь? — да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы

подали его къ чаю!.. Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина!.. Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?.. Ты выслушай прежде. Сухарьто сверху, чай, поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую, не то — я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять,— продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про-себя: „Вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ быть, онъ, просто, хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ!“—А потому изъ предосторожности и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что-де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкапу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и, наконецъ, произнесъ:—Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ — такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ? — Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. — Еще покойница дѣлала, — продолжалъ Плюшкинъ, — мошенница-ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ и ѣлъ.

— Пили уже и ѣли! — сказалъ Плюшкинъ.— Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ, а какъ этакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: „Дядюшка, говоритъ, дайте чего-нибудь поѣсть!“ А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! Я какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть. — Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ, вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости поѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Да какъ же?.. А домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ—или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?

— Да кого-же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли, или раззнакомились... Ахъ, батюшки! какъ не имѣть? имѣю!—вскричалъ онъ.—Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ. Какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? Ужъ такой знакомый!.. Такъ ужъ не къ нему ли написать?

— И конечно, къ нему!

— Какъ же, ужъ такой знакомый! Въ школѣ были пріятели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось—не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки—появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣе и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги,— сказалъ онъ,—да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!—Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и, наконецъ, закричалъ:—Мавра, а, Мавра!—На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей-Богу, баринъ, не видывала, опричь не-

большого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на что-жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла понамаренку: онъ маракустъ, такъ ты ему и снесла.

— Да понамаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка.

— Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти-то тебя и припекутъ! Скажутъ:—А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!—да горячими-то тебя и припекутъ!

— А я скажу:—Не за что! ей Богу, не за что, не брала я...—Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкинъ увидѣлъ, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ:—Ну, что-жъ ты расходилась такъ? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! Ты схватишь сальную свѣчу; сало—дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ, а ты принеси-ко мнѣ лучинку!

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руки перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду?—Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: *„здѣсь погребенъ человѣкъ“*; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля,—сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо,—которому бы понадобились бѣглыя души?

— А у васъ есть и бѣглыя?—быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

— Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говоритъ, будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человѣкъ военный, мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ...

— А сколько ихъ будетъ числомъ?

— Да десятковъ до семи тоже наберется.

— Нѣтъ?

— А, ей-Богу, такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего... А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.

— Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ, — сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ ужъ дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

— А сколько бы вы дали?—спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ, руки его задрожали, какъ ртуть.

— Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за душу.

— А какъ вы покупаете—на чистыя?

— Да, сейчасъ деньги.

— Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ.

— Почтеннѣйшій! — сказалъ Чичиковъ, — не только по сорока копѣекъ, но пятисотъ рублей заплатилъ бы! Съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу—почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.

— А, ей-Богу, такъ! Ей-Богу, правда!—сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее:—все отъ добродушія.

— Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ

характеръ. И такъ, почему-жъ не дать бы мнѣ по пятисотъ рублей за душу, но... состоянья нѣтъ: по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните.

— По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили— семьдесятъ?

— Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ восемь.

— Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ... — Здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, подумалъ и сказалъ вдругъ:—это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копѣекъ! — Онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ, тоже чрезвычайно осторожно, въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

— А что, вы ужъ собираетесь ѣхать? — сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать.—Да, мнѣ пора!— произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

— А чайку?

— Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда-нибудь въ другое время.

— Какъ-же? А я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? Пусть его положитъ на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка! Да благословитъ васъ Богъ! А письмо-то предсѣдателю вы отдайте. Да! пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! Были съ нимъ однокорытниками.

За симъ это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, намѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе.—Я ему подарю,—подумалъ онъ про себя,—карманные часы, они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе-нибудь томпаковые или бронзовые, — немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ,— прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія,— лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ.

Но герой нашъ, и безъ часовъ, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Такое неожиданное пріобрѣтеніе было сущій подарокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что ни говори, не только одинъ мертвыя души, но еще и бѣглыя, и всего двѣсти слишкомъ человѣкъ! Конечно, еще подъѣзжая къ деревнѣ Плюшкина, онъ уже предчувствовалъ, что будетъ кое-какая пожива, но такой прибыточной никакъ не ожидалъ. Всю дорогу онъ былъ веселъ необыкновенно, посвистывалъ, наигрывалъ губами, приставивши ко рту кулакъ, какъ будто игралъ на трубѣ, и наконецъ затянулъ какую-то пѣсню, до такой степени необыкновенную, что самъ Селифанъ слушалъ, слушалъ и потомъ, покачавъ слегка головой, сказалъ: — Вишь ты, какъ баринъ поетъ!— Были уже сумерки, когда подъѣхали они къ городу. Тѣнь со свѣтомъ перемѣшалась совершенно и, казалось, самые предметы перемѣшались тоже. Пестрый шлагбаумъ принялъ какой-то неопредѣленный цвѣтъ; усы у стоявшаго на часахъ солдата казались на лбу и гораздо выше глазъ, а носа какъ будто не было вовсе. Громъ и прыжки дали замѣтить, что бричка взъѣхала на мостовую. Фонари еще не зажигались, кое-гдѣ только начинали освѣщаться окна домовъ, а въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдать, извозчиковъ, работниковъ и особеннаго рода существъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ шаляхъ и башмакахъ безъ чулокъ, которыя, какъ летучія мыши, шныряютъ по перекресткамъ. Чичиковъ не замѣчалъ ихъ и

даже не замѣтилъ многихъ тоненькихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, вѣроятно, сдѣлавши прогулку за городомъ, возвращались домой. Изрѣдка доходили до слу а его какія-то, казалось женскія, восклицанія: „Врешь, пьяница, я никогда не позволяла ему такого грубіянства!“ или „Ты не дерись, невѣжа, а ступай въ часть, тамъ я тебѣ докажу!...“ Словомъ, тѣ слова, которыя вдругъ обдадутъ, какъ варомъ, какого-нибудь замечтавшагося двадцатилѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ, и что не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости—и вдругъ раздаются надъ нимъ, какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновь пошла по будничному щеголять передъ нимъ жизнь.

Наконецъ, бричка, сдѣлавши порядочный скачокъ, опустилась, какъ будто въ яму, въ ворота гостиницы, и Чичиковъ былъ встрѣченъ Петрушкою, который одной рукою придерживалъ полу своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились полы, а другою сталъ помогать ему вылѣзать изъ брички. Половой тоже выбѣжалъ со свѣчою въ рукѣ и салфеткою на плечѣ. Обрадовался ли Петрушка пріѣзду барина—неизвѣстно; по крайнѣй мѣрѣ, они перемигнулись съ Селифаномъ, и обыкновенно суровая его наружность, на этотъ разъ, какъ будто нѣсколько прояснилась.

— Долго изволили погулять, — сказалъ половой, освѣщая лѣстницу.

— Да,—сказалъ Чичиковъ, когда взошелъ на лѣстницу.—Ну, а ты что?

— Слава Богу,—отвѣчалъ половой, кланяясь.— Вчера пріѣхалъ поручикъ какой-то военный, занялъ шестнадцатый номеръ.

— Поручикъ?

— Неизвѣстно какой, изъ Рязани, гнѣдыя лошади.

— Хорошо, хорошо, веди себя и впередъ хорошо!—сказалъ Чичиковъ и вошелъ въ свою комнату. Проходя переднюю, онъ покрутилъ носомъ и сказалъ Петрушкѣ:—Ты бы, по крайней мѣрѣ, хоть окна отперъ!

— Да я ихъ отпиралъ,—сказалъ Петрушка, да и совралъ. Впрочемъ, баринъ и самъ зналъ, что онъ совралъ, но ужъ не хотѣлъ ничего возражать. Послѣ сдѣланной поѣздки, онъ чувствовалъ сильную усталость. Потребовавши самый легкій ужинъ, состоявшій только въ поросенкѣ, онъ тотъ же часъ раздѣлся и, забравшись подъ одѣяло, заснулъ сильно, крѣпко, заснулъ чуднымъ образомъ, какъ спятъ одни только тѣ счастливцы, которые не вѣдаютъ ни геморроя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей.

ГЛАВА VII.

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ, наконецъ, знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками—и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ навстрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти. Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ, но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, пичтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ—онъ Богъ! Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить

ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченіемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяніи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

Въ дорогу! въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь, со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотримъ, что дѣлаетъ Чичиковъ.

Чичиковъ проснулся, потянулъ руки и ноги, и почувствовалъ, что выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ. Тутъ же вскочилъ онъ съ постели, не посмотрѣлъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно и въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ передъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это происходило во время бритья. — Вотъ, посмотри,—говорилъ онъ обыкновенно, поглаживая его рукою,—какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!—Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ, ни на лицо; а прямо такъ, какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги съ рѣзными выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденьямъ русской натуры, и, по-шотландски, въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣта, привелъ по комнатѣ два прыжка, пришлепнувъ себя весьма ловко пяткой ноги. Потомъ, въ ту же минуту, приступилъ къ дѣлу: передъ шкатулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ потираетъ ихъ, выѣхавши на слѣдствіе, неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ, и тотъ же часъ вынулъ изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ долгій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпости, написать и переписать, чтобъ не платить ничего подьячимъ. Форменный порядокъ былъ ему совершенно извѣстенъ: бойко выставилъ онъ большими буквами: *Тысяча восемьсотъ такого-то года*; потомъ, вслѣдъ за тѣмъ, мелкими: *помѣщикъ такой-то*, и все, что слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листки, на мужиковъ, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а можетъ быть и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому, чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ будто имѣла какой-то особенный характеръ, и черезъ то, какъ будто бы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочкѣ, всѣ почти были съ придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостью въ слогѣ: часто были выставлены только начальныя слова именъ и отчествъ, и потомъ двѣ точки. Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностью; ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено; объ одномъ было сказано: „хорошій столяръ“, къ другому приписано: „дѣло смыслитъ и хмельного не беретъ“. Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать, и какого оба были поведенія; у одного только, какого-то Ѳедотова, было написано: „отецъ неизвѣстно кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго нрава и не воръ“.—Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и,

вздохнувши, произнесъ: — Батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Что вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку своемъ? какъ перебивались?— И глаза его невольно остановились на одной фамиліи. Это былъ извѣстный Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, принадлежавшій когда-то помѣщицѣ Коробочкѣ. Онъ опять не утерпѣлъ, чтобъ не сказать:—Эхъ, какой длинный, во всю строку разъѣхался! Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертью тебя прибрало? Въ кабакѣ ли, или середи дороги переѣхалъ тебя сонпаго неуклюжій обозъ?—Пробка Степанъ, *плотникъ, трезвости примѣрной.* — А! вотъ онъ, Степанъ Пробка, вотъ тотъ богатырь, что въ гвардію годился бы! Чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдалъ на грошъ хлѣба, да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту, а можетъ и государственную запивалъ въ холстяные штаны или затыкалъ въ сапогъ. Гдѣ тебя прибрало? Взмостился ли ты для большого прибытку подъ церковный куполъ, а, можетъ быть, и на крестъ потащился и, поскользнувшись оттуда съ перекладины, шлепнулся о-земь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей, почесавъ рукою въ затылкѣ, промолвилъ: — Эхъ, Ваня, угораздило тебя! — а самъ, подвязавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто.—Максимъ Телятниковъ, *сапожникъ*. Хе, сапожникъ! *Пьянъ, какъ сапожникъ*, говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ; и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камрадомъ. А какъ кончилось твое ученье?— А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ,—сказалъ ты,—да не такъ, какъ нѣмецъ, что изъ копѣйки тянется, а вдругъ разбогатѣю. — И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то въ-три-дешева гнилушки кожи и выгралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая:— Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ! — Это что за мужикъ: Елизавета Воробей? Фу, ты пропасть: баба! Она какъ сюда затесалась? Подлецъ Собакевичъ, и здѣсь надулъ! — Чичиковъ былъ правъ; это была, точно, баба. Какъ она забралась туда — неизвѣстно; но такъ искусно была прописана,— что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву *ъ*, то-есть не Елизавета, а Елизаветъ. Однакоже, онъ это не принялъ въ уваженье и тутъ же ее вычеркнулъ. — Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь! Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промышлялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дому, отъ родной берлоги, и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣременныя твои рукавицы и тройка пузистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ, и самъ, лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, да ни съ того, ни съ другого заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай какъ звали? Эхъ, русскій народецъ! Не любитъ умирать своею смертью.—А вы что, мои голубчики? — продолжалъ онъ, переводя глаза на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина, — вы хоть и въ живыхъ еще, а что въ васъ толку? то же, что и мертвые. И гдѣ-то носятъ васъ теперь ваши быстрыя ноги? Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или, просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ да деретe проѣзжихъ? По тюрьмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю?—Еремей Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антонъ Волокита. Эти, и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны.—Поповъ, дворовый человѣкъ... Долженъ быть грамотей: ножа, я чай, не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя, безпашпортнаго, поймалъ капитанъ-исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ.—Чей ты?—говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ, при сей вѣрной оказіи, кое-какое крѣпкое словцо.—„Такого-то и такого-то помѣщика“, отвѣчаешь ты бойко.—Зачѣмъ ты здѣсь?—говоритъ капитанъ-исправникъ.—„Отпущенъ на оброкъ“, отвѣчаешь ты безъ запинки.—Гдѣ твой пашпортъ?—„У хозяина, мѣщанина Пименова“.—Позвать Пименова! Ты Пименовъ? — „Я Пименовъ“. — Давалъ онъ тебѣ пашпортъ свой? — „Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого пашпорта“.—Что-жъ ты врешь?— говоритъ капитанъ-исправникъ, съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца. — Такъ точно,— отвѣчаешь ты бойко,—я не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на подержаніе Антипу Прохорову, звонарю. — Позвать звонаря! Давалъ онъ тебѣ пашпортъ? — „Нѣтъ, не получалъ я отъ него пашпорта“.—Что-жъ ты опять врешь? — говоритъ капитанъ-исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ.— Гдѣ-жъ твой пашпортъ?—„Онъ у меня былъ,— говоришь ты проворно, — да, статься-можетъ,

видно, какъ-нибудь дорогой пообронилъ его". — А солдатскую шинель, — говоритъ капитанъ-исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое словцо, — зачѣмъ стащилъ? и у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?—„Никакъ нѣтъ,—говоришь ты, не сдвинувшись,—въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался". — А почему же шинель нашли у тебя?—„Не могу знать, вѣрно, кто-нибудь другой принесъ ее".—Ахъ, ты бестія, бестія!—говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головою и взявшись подъ бока. — А набейте ему на ноги колодки, да сведите въ тюрьму.—„Извольте! я съ удовольствіемъ", отвѣчаешь ты. И вотъ, вынувши изъ кармана табакерку, ты потчиваешь дружелюбно какихъ-то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и разспрашиваешь ихъ, давно ли они въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣстъ въ судѣ производится твое дѣло. И пишетъ судъ: препроводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого-то города; а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весьегонскъ; и ты переѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и говоришь, осматривая новое обиталище: „Нѣтъ, вотъ весьегонская тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общества больше". — „Абакумъ Ѳыровъ! Ты, братъ, что? гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ?.." Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участью Абакума Ѳырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы то ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ объ разгулѣ широкой жизни? И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Ѳыровъ? Гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ любовницами и женами, высокими, стройными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь, а носильщики между тѣмъ, при крикахъ, браняхъ и понуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣются по всей площади кучи навалепныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весеннимп льдами, безконечный флотъ. Тамъ-то вы наработаетесь, бурлаки! и дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню!

— Эхе, хе! двѣнадцать часовъ!—сказалъ наконецъ Чичиковъ, взглянувъ на часы.—Что же я такъ закопался? Да еще пусть бы дѣло дѣлалъ, а то ни съ того, ни съ другого, сначала загородилъ околесину, а потомъ задумался. Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!—Сказавши это, онъ перемѣнилъ свой шотландскій костюмъ на европейскій, стянулъ покрѣпче пряжкой свой полный животъ, вспрыснулъ себя о-де-колономъ, взялъ въ руки теплый картузъ и бумаги подмышку и отправился въ гражданскую палату совершать купчую. Онъ спѣшилъ не потому, что боялся опоздать,—опоздать онъ не боялся, ибо предсѣдатель былъ человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить, по его желанію, присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрыя ночи, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ или дать имъ додраться; но онъ самъ въ себѣ чувствовалъ желаніе скорѣе, какъ можно, привести дѣло къ концу; до тѣхъ поръ ему казалось все неспокойно и нелозко: все-таки приходила мысль, что души не совсѣмъ настоящія и что въ подобныхъ случаяхъ такую обузу всегда нужно поскорѣе съ плечъ. Не успѣлъ онъ выйти на улицу, размышляя обо всемъ этомъ и въ то же время таща на плечахъ медвѣди, крытые коричневымъ сукномъ, какъ на самомъ поворотѣ въ переулокъ столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ — это былъ Маниловъ. Они заключили тутъ же другъ друга въ объятія и минутъ пять оставались на улицѣ въ такомъ положеніи. Поцѣлуи съ обѣихъ сторонъ такъ были сильны, что у обоихъ весь день почти болѣли передніе зубы. У Манилова отъ радости остались только носъ да губы на лицѣ, глаза совершенно исчезли. Съ четверть часа держалъ онъ обѣими руками руку Чичикова и нагрѣлъ ее страшно. Въ оборотахъ самыхъ тонкихъ и пріятныхъ онъ разсказалъ, какъ летѣлъ обнять Павла Ивановича; рѣчь была заключена такимъ комплиментомъ, какой развѣ только приличенъ одной дѣвицѣ, съ которой идутъ танцовать. Чичиковъ открылъ ротъ, еще не зная самъ, какъ благодарить, какъ вдругъ Маниловъ вынулъ изъ-подъ шубы бумагу, свернутую въ трубочку и связанную розовою ленточкой.

— Это что?

— Мужички.

— А! — онъ тутъ же развернулъ ее, пробѣжалъ глазами и подивился чистотѣ и красотѣ почерка.—Славно написано,—сказалъ онъ,—не-

нужно и переписывать. Еще и каемка вокругъ! Кто это такъ искусно сдѣлалъ каемку?

— Ну, ужъ не спрашивайте,—сказалъ Маниловъ.

— Вы?

— Жена.

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ, право, совѣстно, что нанесъ столько затрудненій.

— Для Павла Ивановича не существуетъ затрудненій.

Чичиковъ поклонился съ признательностью. Узнавши, что онъ шелъ въ палату за совершеніемъ купчей, Маниловъ изъявилъ готовность ему сопутствовать. Пріятели взялись подъ руку и пошли вмѣстѣ. При всякомъ небольшомъ возвышеніи, или горкѣ, или ступенькѣ, Маниловъ поддерживалъ Чичикова и почти приподнималъ его рукою, присовокупляя съ пріятной улыбкою, что онъ не допуститъ никакъ Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиковъ совѣстился, не зная, какъ благодарить, ибо чувствовалъ, что нѣсколько былъ тяжеленекъ. Во взаимныхъ услугахъ, они дошли, наконецъ, до площади, гдѣ находились присутственныя мѣста — большой трехъэтажный каменный домъ, весь бѣлый, какъ мѣлъ, вѣроятно, для изображенія чистоты душъ помѣщавшихся въ немъ должностей. Прочія зданія на площади не отвѣчали огромностью каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ-три извозчичьи биржи и, наконецъ, длинные заборы, съ извѣстными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ. Болѣе не находилось ничего на сей уединенной или, какъ у насъ выражаются, красивой площади. Изъ оконъ второго и третьяго этажа высовывались неподкупныя головы жрецовъ Ѳемиды и въ ту-жъ минуту прятались опять: вѣроятно, въ то время входилъ въ комнату начальникъ. Пріятели не взошли, а взбѣжали по лѣстницѣ, потому что Чичиковъ, стараясь избѣгнуть поддерживанья подъ руку со стороны Манилова, ускорялъ шагъ, а Маниловъ тоже, съ своей стороны, летѣлъ впередъ, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили въ темный коридоръ. Ни въ коридорахъ, ни въ компатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотою. Тогда еще не заботились о ней, и то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Ѳемида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ принимала гостей. Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, которыми проходили наши герои, но авторъ питаетъ сильную робость ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагороженномъ видѣ, съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать, какъ можно, скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши видѣли много бумаги, и черновой и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя и даже, просто, какую-то свѣтло-сѣрую куртку, отдѣлявшуюся весьма рѣзко, которая, своротивъ голову на-бокъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттяганіи земли или описке имѣнія, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей, и внуковъ, подъ его покровомъ; да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: „Одолжите, Ѳедосѣй Ѳедосѣевичъ, дѣльцо за № 368!“—„Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!“ Иногда голосъ, болѣе величавый, безъ сомнѣнія, одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно: „На, перепиши! а не то — снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ, не ѣвши“. Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.

Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу, гдѣ сидѣли два чиновника еще юныхъ лѣтъ, и спросили: „Позвольте узнать, гдѣ здѣсь дѣла по крѣпостямъ?“

— А что вамъ нужно? — сказали оба чиновника, оборотившись.

— А мнѣ нужно подать просьбу.

— А вы что купили такое?

— Я бы хотѣлъ прежде знать, гдѣ крѣпостной столъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ?

— Да скажите прежде, что купили и въ какую цѣну, такъ мы вамъ тогда скажемъ гдѣ, а такъ нельзя знать.

Чичиковъ тотчасъ увидѣлъ, что чиновники были, просто, любопытны, подобно всѣмъ молодымъ чиновникамъ, и хотѣли придать болѣе вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ.

— Послушайте, любезные,—сказалъ онъ,—я очень хорошо знаю, что всѣ дѣла по крѣпостямъ, въ какую бы ни было цѣну, находятся въ одномъ мѣстѣ, а потому прошу васъ показать намъ столъ; а если вы не знаете, что у васъ дѣлается, такъ мы спросимъ у другихъ.—Чиновники на это ничего не отвѣчали, одинъ изъ нихъ только тыкнулъ пальцемъ въ уголъ комнаты, гдѣ сидѣлъ за столомъ какой-то старикъ, перемѣчавшій какія-то бумаги. Чичиковъ и Маниловъ прошли промежъ

столами прямо къ нему. Старикъ занимался очень внимательно.

— Позвольте узнать, — сказалъ Чичиковъ съ поклономъ,—здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкою:—Здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ.

— А гдѣ же?

— Это въ крѣпостной экспедиціи.

— А гдѣ же крѣпостная экспедиція?

— Это у Ивана Антоновича.

— А гдѣ же Иванъ Антоновичъ?

Старикъ тыкнулъ пальцемъ въ другой уголъ комнаты. Чичиковъ и Маниловъ отправились къ Ивану Антоновичу. Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ назадъ и оглянулъ ихъ искоса, но въ ту же минуту погрузился еще внимательнѣе въ писаніе.

— Позвольте узнать, — сказалъ Чичиковъ съ поклономъ, — здѣсь крѣпостной столъ?

Иванъ Антоновичъ какъ будто бы и не слыхалъ и углубился совершенно въ бумаги, не отвѣчая ничего. Видно было вдругъ, что это былъ уже человѣкъ благоразумныхъ лѣтъ,—не то, что молодой болтунъ и вертопрясъ. Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ; словомъ это было то лицо, которое называютъ въ общежитіи кувшиннымъ рыломъ.

— Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція?—сказалъ Чичиковъ.

— Здѣсь, — сказалъ Иванъ Антоновичъ, поворотилъ свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

— А у меня дѣло вотъ какое: куплены мною у разныхъ владѣльцевъ здѣшняго уѣзда крестьяне на выводъ; купчая есть, остается совершить.

— А продавцы на-лицо?

— Нѣкоторые здѣсь, а отъ другихъ довѣренность.

— А просьбу принесли?

— Принесъ и просьбу. Я бы хотѣлъ... мнѣ нужно поторопиться... Такъ нельзя ли, напримѣръ, кончить дѣло сегодня?

— Да, сегодня!.. Сегодня нельзя, — сказалъ Иванъ Антоновичъ.—Нужно навести еще справки, нѣтъ ли еще запрещеній.

— Впрочемъ, что до того, чтобъ ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, предсѣдатель, мнѣ большой другъ...

— Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ; бываютъ и другіе,—сказалъ сурово Иванъ Антоновичъ.

Чичиковъ понялъ заковыку, которую завернулъ Иванъ Антоновичъ, и сказалъ: — Другіе тоже не будутъ въ обидѣ: я самъ служилъ, дѣло знаю...

— Идите къ Ивану Григорьевичу. — сказалъ Иванъ Антоновичъ голосомъ нѣсколько поласковѣе. — Пусть онъ дастъ приказъ, кому слѣдуетъ, а за нами дѣло не постоитъ.

Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ и накрылъ тотчасъ ее книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать.

— Вотъ, онъ васъ проведетъ въ присутствіе,— сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ священнодѣйствующихъ, тутъ же находившихся,—приносившій съ такимъ усердіемъ жертвы Ѳемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, за что и получилъ въ свое время коллежскаго регистратора,—прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту, и провелъ ихъ въ комнату присутствія, гдѣ стояли одни только широкія кресла, и въ нихъ, передъ столомъ за зерцаломъ и двумя толстыми книгами, сидѣлъ одинъ, какъ солнце, предсѣдатель. Въ этомъ мѣстѣ новый Виргилій почувствовалъ такое благоговѣніе, что никакъ не осмѣлился занести туда ногу и поворотилъ назадъ, показавъ свою спину, вытертую какъ рогожка, съ прилипнувшимъ гдѣ-то куринымъ перомъ. Вошедши въ залу присутствія, они увидѣли, что предсѣдатель былъ не одинъ: подлѣ него сидѣлъ Собакевичъ, совершенно заслоненный зерцаломъ. Приходъ гостей произвелъ восклицаніе, правительственныя кресла были отодвинуты съ шумомъ. Собакевичъ тоже привсталъ со стула и сталъ виденъ со всѣхъ сторонъ съ длинными своими рукавами. Предсѣдатель принялъ Чичикова въ объятія, и комната присутствія огласилась поцѣлуями; спросили другъ друга о здоровьѣ; оказалось, что у обоихъ побаливаетъ поясница, что тутъ же было отнесено къ сидячей жизни. Предсѣдатель, казалось, уже былъ увѣдомленъ Собакевичемъ о покупкѣ, потому что принялся поздравлять, что сначала нѣсколько смѣшало нашего героя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что и Собакевичъ, и Маниловъ, оба продавцы, съ которыми дѣло было улажено келейно, теперь стояли вмѣстѣ лицомъ другъ къ другу. Однакоже онъ поблагодарилъ предсѣдателя и, обратившись тутъ же къ Собакевичу, спросилъ:— А ваше какъ здоровье?

— Слава Богу, не пожалуюсь, — сказалъ Собакевичъ. И точно, не на что было жаловаться: скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный помѣщикъ.

— Да вы всегда славились здоровьемъ,— сказалъ предсѣдатель, — и покойный вашъ батюшка былъ также крѣпкій человѣкъ.

— Да, на медвѣдя одинъ хаживалъ, — отвѣчалъ Собакевичъ.

— Мнѣ кажется, однакожъ,—сказалъ предсѣдатель, — вы бы тоже повалили медвѣдя, если бы захотѣли выйти противъ него.

— Нѣтъ, не повалю,—отвѣчалъ Собакевичъ,— покойникъ былъ меня покрѣпче.—И, вздохнувши, продолжалъ: — Нѣтъ, теперь не тѣ люди, вотъ хоть и моя жизнь, что за жизнь? Такъ какъ-то себѣ...

— Чѣмъ же ваша жизнь не красна?—сказалъ предсѣдатель.

— Не хорошо, не хорошо! — сказалъ Собакевичъ, покачавъ головою. — Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ, пятый десятокъ живу, ни разу не былъ боленъ; хоть бы горло заболѣло, вередъ или чирей выскочилъ... Нѣтъ, не къ добру! Когда-нибудь придется поплатиться за это. — Тутъ Собакевичъ погрузился въ меланхолію.

„Экъ его! — подумали въ одно время и Чичиковъ, и предсѣдатель, — на что вздумалъ пенять!“

— Къ вамъ у меня есть письмецо, — сказалъ Чичиковъ, вынувъ изъ кармана письмо Плюшкина.

— Отъ кого? — сказалъ предсѣдатель и, распечатавши, воскликнулъ: — А, отъ Плюшкина! Онъ еще до сихъ поръ прозябаетъ на свѣтѣ. Вотъ судьба! Вѣдь какой былъ умнѣйшій, богатѣйшій человѣкъ! А теперь...

— Собака,—сказалъ Собакевичъ,—мошенникъ, всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Извольте, извольте,—сказалъ предсѣдатель, прочитавъ письмо,—я готовъ быть повѣреннымъ. Когда вы хотите совершить купчую, теперь или послѣ?

— Теперь,—сказалъ Чичиковъ,— я буду просить даже васъ, если можно, сегодня, потому что мнѣ завтра хотѣлось бы выѣхать изъ города. Я принесъ и крѣпости и просьбу.

— Все это хорошо, только, ужъ какъ хотите, мы васъ не выпустимъ такъ рано. Крѣпости будутъ совершены сегодня, а вы все-таки съ нами поживите. Вотъ я сейчасъ отдамъ приказъ,—сказалъ онъ и отворилъ дверь въ канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивымъ пчеламъ, разсыпавшимся по сотамъ, если только соты можно уподобить канцелярскимъ дѣламъ: — Иванъ Антоновичъ здѣсь?

— Здѣсь! — отозвался голосъ изнутри.

— Позовите его сюда!

Уже извѣстный читателямъ Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, показался въ залѣ присутствія и почтительно поклонился.

— Вотъ возьмите, Иванъ Антоновичъ, всѣ эти крѣпости ихъ...

— Да не позабудьте, Иванъ Григорьевичъ,— подхватилъ Собакевичъ,— нужно будетъ свидѣтелей, хотя по два съ каждой стороны. Пошлите теперь же къ прокурору: онъ человѣкъ праздный и, вѣрно, сидитъ дома, за него все дѣлаетъ стряпчій Золотуха, первѣйшій хапуга въ мірѣ. Инспекторъ врачебной управы, онъ также человѣкъ праздный и, вѣрно, дома, если не поѣхалъ куда-нибудь играть въ карты; да еще тутъ много есть, кто поближе: Трухачевскій, Бѣгушкинъ — они всѣ даромъ бременятъ землю.

— Именно, именно!—сказалъ предсѣдатель, и тотъ же часъ отрядилъ за ними всѣми канцелярскаго.

— Еще я попрошу васъ,—сказалъ Чичиковъ,— пошлите за повѣреннымъ одной помѣщицы, съ которой я тоже совершилъ сдѣлку,—сыномъ протопопа, отца Кирилла, онъ служитъ у васъ же.

— Какъ же, пошлемъ и за нимъ! — сказалъ предсѣдатель,—все будетъ сдѣлано, а чиновнымъ вы никому не давайте ничего, объ этомъ я васъ прошу. Пріятели мои не должны платить.— Сказавши это, онъ тутъ же далъ какое-то приказанье Ивану Антоновичу, какъ видно, ему не понравившееся. Крѣпости произвели, кажется, хорошее дѣйствіе на предсѣдателя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что всѣхъ покупокъ было почти на сто тысячъ рублей. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ въ глаза Чичикову съ выраженьемъ большого удовольствія и, наконецъ, сказалъ: — Такъ вотъ какъ! Этакимъ-то образомъ, Павелъ Ивановичъ! Такъ вотъ вы пріобрѣли.

— Пріобрѣлъ, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Благое дѣло! Право, благое дѣло!

— Да, я вижу самъ, что болѣе благого дѣла не могъ бы предпринять. Какъ бы то ни было, цѣль человѣка все еще не опредѣлена, если онъ не сталъ, наконецъ, твердою стопою на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности.—Тутъ онъ весьма кстати выбранилъ за либерализмъ, и по-дѣломъ, всѣхъ молодыхъ людей. Но замѣчательно, что въ словахъ его была все какая то нетвердость, какъ будто бы тутъ же сказалъ онъ самъ себѣ: „Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно!“ Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова, изъ боязни встрѣтить что-нибудь на ихъ лицахъ. Но напрасно боялся онъ: лицо Собакевича не шевельнулось, а Маниловъ, обвороженный фразою, отъ удовольствія только потряхивалъ одобрительно головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещего-

хяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, какая не въ мочь и птичьему горлу.

— Да что-жъ вы не скажете Ивану Григорьевичу,—отозвался Собакевичъ,—что такое именно вы пріобрѣли? А вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое пріобрѣтеніе они сдѣлали? Вѣдь какой народъ! Просто золото! Вѣдь я имъ продалъ и каретника Михѣева.

— Нѣтъ, будто и Михѣева продали?—сказалъ предсѣдатель.—Я знаю каретника Михѣева: славный мастеръ, онъ мнѣ дрожки передѣлалъ. Только позвольте, какъ же... Вѣдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ...

— Кто, Михѣевъ умеръ?—сказалъ Собакевичъ, ничуть не смѣшавшись.—Это его братъ умеръ; а онъ преживехонькій и сталъ здоровѣе прежняго. На-дняхъ такую бричку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по-настоящему, только на одного государя и работать.

— Да, Михѣевъ славный мастеръ, — сказалъ предсѣдатель,—и я дивлюсь даже, какъ вы могли съ нимъ разстаться.

— Да будто одинъ Михѣевъ! А Пробка Степанъ, плотникъ, Милушкинъ, кирпичникъ, Телятниковъ Максимъ, сапожникъ, — вѣдь всѣ пошли, всѣхъ продалъ!—А когда предсѣдатель спросилъ, зачѣмъ же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ махнувши рукой: — А такъ, просто, нашла дурь. Дай, говорю, продамъ, да и продалъ сдуру!— Засимъ онъ повѣсилъ голову такъ, какъ будто самъ раскаивался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ:— Вотъ и сѣдой человѣкъ, а до сихъ поръ не набрался ума.

— Но позвольте, Павелъ Ивановичъ,—сказалъ предсѣдатель,—какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? Развѣ на выводъ?

— На выводъ.

— Ну, на выводъ—другое дѣло; а въ какія мѣста?

— Въ мѣста... въ Херсонскую губернію.

— О, тамъ отличныя земли! — сказалъ предсѣдатель и отозвался съ большою похвалою насчетъ рослости тамошнихъ травъ.

— А земли въ достаточномъ количествѣ?

— Въ достаточномъ,—столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ.

— Рѣка или прудъ?

— Рѣка. Впрочемъ, и прудъ есть. — Сказавъ это, Чичиковъ взглянулъ непарокомъ на Собакевича, и хотя Собакевичъ былъ попрежнему неподвиженъ, но ему казалось, будто бы было написано на лицѣ его: „Ой, врешь ты! Врядъ ли есть рѣка и прудъ, да и вся земля!“

Пока продолжались разговоры, начали мало-по-малу появляться свидѣтели: знакомый читателю прокуроръ-моргунъ, инспекторъ врачебной управы, Трухачевскій, Бѣгушкинъ и прочіе, по словамъ Собакевича, даромъ бременящіе землю. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ незнакомы Чичикову; недостававшіе и лишніе набраны были тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ. Привели также не только сына протопопа, отца Кирилла, но даже и самого протопопа. Каждый изъ свидѣтелей помѣстилъ себя со всѣми своими достоинствами и чинами, кто оборотнымъ шрифтомъ, кто косяками, кто, просто, чуть не вверхъ ногами, помѣщая такія буквы, какихъ даже и не видано было въ русскомъ алфавитѣ. Извѣстный Иванъ Антоновичъ управился весьма проворно, крѣпости были записаны, помѣчены, занесены въ книгу и куда слѣдуетъ, съ принятіемъ полупроцентовыхъ и за припечатку въ Вѣдомостяхъ, и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, отнесена была на счетъ какого-то другого просителя.

— И такъ,—сказалъ предсѣдатель, когда все было кончено,— остается теперь только вспрыснуть покупочку.

— Я готовъ,—сказалъ Чичиковъ.— Отъ васъ зависитъ только назначить время. Былъ бы грѣхъ съ моей стороны, если бы для этакого пріятнаго общества да не раскупорить другую, третью бутылочку шипучаго.

— Нѣтъ, вы не такъ приняли дѣло: шипучаго мы сами поставимъ,—сказалъ предсѣдатель,—это наша обязанность, нашъ долгъ. Вы у насъ гость, намъ должно угощать. Знаете ли что, господа? Покамѣстъ что, а мы вотъ какъ сдѣлаемъ: отправимтесь-ка всѣ, такъ какъ есть, къ полицеймейстеру, онъ у насъ чудотворецъ, ему стоитъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда или погреба, такъ мы, знаете ли, какъ закусимъ! Да при этой оказіи и въ вистишку.

Отъ такого предложенія никто не могъ отказаться. Свидѣтели, уже при одномъ наименованіи рыбнаго ряда, почувствовали аппетитъ; взялись всѣ тотъ же часъ за картузы и шапки, и присутствіе кончилось. Когда проходили они канцелярію, Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку Чичикову: —Крестьянъ накупили на сто тысячъ, а за труды дали только одну бѣленькую.

— Да вѣдь какіе крестьяне? — отвѣчалъ ему на это тоже шопотомъ Чичиковъ, — препустой и препичтожный народъ, и половины не стоитъ. — Иванъ Антоновичъ понялъ, что посѣтитель былъ характера твердаго и больше не дастъ.

— А почемъ купили душу у Плюшкина? — шепнулъ ему на другое ухо Собакевичъ.

— А Воробья зачѣмъ приписали? — сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ.

— Какого Воробья? — сказалъ Собакевичъ.

— Да бабу, Елисавету Воробья, еще и букву ъ поставили на концѣ.

— Нѣтъ, никакого Воробья я не приписывалъ,—сказалъ Собакевичъ и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Гости добрались наконецъ гурьбой до дому полицеймейстера. Полицеймейстеръ, точно, былъ чудотворецъ: какъ только услышалъ онъ въ чемъ дѣло, въ ту-жъ минуту кликнулъ квартальнаго, бойкаго малаго въ лакированныхъ ботфортахъ, и, кажется, всего два слова шепнулъ ему на ухо, да прибавилъ только: „понимаешь?“ а ужъ тамъ, въ другой комнатѣ, въ продолженіе того времени, какъ гости рѣзались въ вистъ, появилась на столѣ бѣлуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свѣжепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки,—все это было со стороны рыбнаго ряда. Потомъ появились прибавленія съ хозяйской стороны, издѣлія кухни: пирогъ съ головизною, куда вошли хрящъ и щеки 9-ти-пудоваго осетра, другой пирогъ съ грудями, пряженцы, маслянцы, взваренцы. Полицеймейстеръ былъ, нѣкоторымъ образомъ, отецъ и благотворитель въ городѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостиный дворъ навѣдывался, какъ въ собственную кладовую. Вообще онъ сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигнулъ въ совершенствѣ. Трудно было даже и рѣшить, онъ ли былъ созданъ для мѣста, или мѣсто для него. Дѣло было поведено такъ умно, что онъ получалъ вдвое больше доходовъ противъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, а между тѣмъ заслужилъ любовь всего города. Купцы первые его очень любили именно за то, что не гордъ; и точно, онъ крестилъ у нихъ дѣтей, кумился съ ними и хоть дралъ подчасъ съ нихъ сильно, но какъ-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплетъ, и засмѣется, и чаемъ напоитъ, пообѣщается и самъ придти поиграть въ шашки, разспроситъ обо всемъ: какъ дѣлишки, что и какъ; если узнаетъ, что дѣтенышъ какъ-нибудь прихворнулъ, и лѣкарство посовѣтуетъ; словомъ, молодецъ! Поѣдетъ на дрожкахъ, дастъ порядокъ, а между тѣмъ и словцо промолвитъ тому-другому: „Что, Михѣичъ! Нужно бы намъ съ тобою поиграть когда-нибудь въ горку“.—„Да, Алексѣй Ивановичъ,—отвѣчалъ тотъ, снимая шапку,—нужно бы“.—„Ну, братъ, Илья Парамонычъ, приходи ко мнѣ поглядѣть рысака: въ обгонъ съ твоимъ пойдетъ, да и своего заложи въ бѣговыя, попробуемъ“. Купецъ, который на рысакѣ былъ помѣшанъ, улыбался на это съ особенною, какъ говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорилъ: „Попробуемъ, Алексѣй Ивановичъ!“ Даже всѣ сидѣльцы, обыкновенно въ это время снявши шапки, съ удовольствіемъ посматривали другъ на друга и какъ будто бы хотѣли сказать: „Алексѣй Ивановичъ—хорошій человѣкъ!“ Словомъ, онъ успѣлъ пріобрѣсть совершенную народность, и мнѣніе купцовъ было такое, что Алексѣй Ивановичъ „хоть оно и возьметъ, но за то ужъ никакъ тебя не выдастъ“.

Замѣтивъ, что закуска была готова, полицеймейстеръ предложилъ гостямъ окончить вистъ послѣ завтрака, и всѣ пошли въ ту комнату, откуда несшійся запахъ давно начиналъ пріятнымъ образомъ щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевичъ давно заглядывалъ въ дверь, намѣтивъ издали осетра, лежавшаго въ сторонѣ на большомъ блюдѣ. Гости, выпивши по рюмкѣ водки темнаго, оливковаго цвѣта, — какой бываетъ только на сибирскихъ прозрачныхъ камняхъ, изъ которыхъ рѣжутъ на Руси печати, — приступили со всѣхъ сторонъ съ вилками къ столу и стали обнаруживать, какъ говорится, каждый свой характеръ и склонности, налегая, кто на икру, кто на семгу, кто на сыръ. Собакевичъ, оставивъ безъ вниманія всѣ эти мелочи, пристроился къ осетру и, покамѣстъ тѣ пили, разговаривали и ѣли, онъ въ четверть часа съ небольшимъ доѣлъ его всего, такъ что когда полицеймейстеръ вспомнилъ было о немъ, сказавши: „А каково вамъ, господа, покажется вотъ это произведенье природы?“, подошелъ было къ нему съ вилкою вмѣстѣ съ другими, то увидѣлъ, что отъ произведенья природы оставался всего одинъ хвостъ; а Собакевичъ пришипился такъ, какъ будто и не онъ, и, подошедши къ тарелкѣ, которая была подальше прочихъ, тыкалъ вилкою въ какую-то сушеную маленькую рыбку. Отдѣлавши осетра, Собакевичъ сѣлъ въ кресла и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только жмурилъ и хлопалъ глазами. Полицеймейстеръ, кажется, не любилъ жалѣть вина: тостамъ не было числа. Первый тостъ былъ выпитъ, какъ читатели, можетъ быть, и сами догадаются, за здоровье новаго херсонскаго помѣщика, потомъ за благоденствіе крестьянъ его и счастливое ихъ переселеніе, потомъ за здоровье будущей жены его, красавицы, что сорвало пріятную улыбку съ устъ нашего героя. Приступили къ нему со всѣхъ сторонъ и стали упрашивать убѣдительно остаться хоть на двѣ недѣли въ городѣ: „Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Какъ вы себѣ хотите, это выходитъ— избу только выхолаживать: на порогъ да и назадъ! Нѣтъ, вы проведите время съ нами! Вотъ мы васъ женимъ. Не правда ли, Иванъ Григорьевичъ, женимъ его?“

— Женимъ, женимъ! — подхватилъ предсѣда-

тель.—Ужъ какъ ни упирайтесь руками и ногами, мы васъ женимъ! Нѣтъ, батюшка, попали сюда, такъ не жалуйтесь. Мы шутить не любимъ.

— Что-жъ? зачѣмъ упираться руками и ногами,—сказалъ, усмѣхнувшись, Чичиковъ, — женитьба еще не такая вещь, чтобы того... была бы невѣста.

— Будетъ и невѣста! Какъ не быть? Все будетъ, все, что хотите!...

— А коли будетъ...

— Браво, остается! — закричали всѣ, — виватъ, ура, Павелъ Ивановичъ! ура! — И всѣ подошли къ нему чокаться съ бокалами въ рукахъ. Чичиковъ перечокался со всѣми. — Нѣтъ, нѣтъ, еще!—говорили тѣ, которые были позадорнѣе, и вновь перечокались; потомъ полѣзли въ третій разъ чокаться: перечокались и въ третій разъ. Въ непродолжительное время всѣмъ сдѣлалось весело необыкновенно. Предсѣдатель, который былъ премилый человѣкъ, когда развеселялся, обнималъ нѣсколько разъ Чичикова, произнеся въ изліяніи сердечномъ: — Душа ты моя! маменька моя!—и даже, щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню:—Ахъ, ты такой и этакой, комаринскій мужикъ!—Послѣ шампанскаго раскупорили венгерское, которое придало еще болѣе духу и развеселило общество. Объ вистѣ рѣшительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всемъ—объ политикѣ, объ военномъ даже дѣлѣ, излагали вольныя мысли, за которыя, въ другое время, сами бы высѣкли своихъ дѣтей. Рѣшили тутъ же множество самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Чичиковъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ веселомъ расположеніи, воображалъ себя уже настоящимъ херсонскимъ помѣщикомъ, говорилъ объ разныхъ улучшеніяхъ, о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастіи и блаженствѣ двухъ душъ и сталъ читать Собакевичу посланіе, въ стихахъ, Вертера къ Шарлоттѣ, на которое тотъ хлопалъ только глазами, сидя въ креслахъ, ибо послѣ осетра чувствовалъ большой позывъ ко сну. Чичиковъ смекнулъ и самъ, что началъ уже слишкомъ развязываться, попросилъ экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одной только рукой, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина. Такимъ образомъ уже на прокурорскихъ дрожкахъ доѣхалъ онъ къ себѣ въ гостиницу, гдѣ долго еще у него вертѣлся на языкѣ всякій вздоръ: бѣлокурая невѣста съ румянцемъ и ямочкой на правой щекѣ, херсонскія деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какія хозяйственныя приказанія собрать всѣхъ вновь переселившихся мужиковъ, чтобы сдѣлать всѣмъ лично поголовную перекличку. Селифанъ молча слушалъ очень долго и потомъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Петрушкѣ:—Ступай раздѣвать барина!—Петрушка принялся снимать съ него сапоги и чуть не стащилъ вмѣстѣ съ ними на полъ и самого барина. Но, наконецъ, сапоги были сняты, баринъ раздѣлся, какъ слѣдуетъ, и, поворочавшись нѣсколько времени на постели, которая скрипѣла немилосердно, заснулъ рѣшительно херсонскимъ помѣщикомъ. А Петрушка между тѣмъ вынесъ на коридоръ панталоны и фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой, который, растопыривши на деревянную вѣшалку, началъ бить хлыстомъ и щеткой, напустивши пыли на весь коридоръ. Готовясь уже снять ихъ, онъ взглянулъ съ галлереи внизъ и увидѣлъ Селифана, возвращавшагося изъ конюшни. Они встрѣтились взглядами и чутьемъ поняли другъ друга: баринъ-де завалился спать—можно и заглянуть кос-куда. Тотъ же часъ, отнесши въ комнату фракъ и панталоны, Петрушка сошелъ внизъ, и оба пошли вмѣстѣ, не говоря другъ другу ничего о цѣли путешествія и балагуря дорогою совершенно о посторонемъ. Прогулку сдѣлали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, къ дому, бывшему насупротивъ гостиницы, и вошли въ низенькую, стеклянную, закоптившуюся дверь, приводившую почти въ подвалъ, гдѣ уже сидѣло за деревянными столами много всякихъ: и брившихъ, и небрившихъ бороды, и въ нагольныхъ тулупахъ, и, просто, въ рубахѣ, а кое-кто и во фризовой шинели. Что дѣлали тамъ Петрушка съ Селифаномъ, Богъ ихъ вѣдаетъ; но вышли они оттуда черезъ часъ, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчаніе, оказывая другъ другу большое вниманіе и предостерегая взаимно отъ всякихъ угловъ. Рука въ руку, не выпуская другъ друга, они цѣлыя четверть часа взбирались на лѣстницу, наконецъ одолѣли ее и взошли. Петрушка остановился съ минуту передъ низенькою своею кроватью, придумывая, какъ бы лечь приличнѣе, и легъ совершенно поперекъ, такъ что ноги его упирались въ полъ. Селифанъ легъ и самъ на той же кровати, помѣстивъ голову у Петрушки на брюхѣ и позабывъ о томъ, что ему слѣдовало спать вовсе не здѣсь, а, можетъ быть, въ людской, если не въ конюшнѣ близъ лошадей. Оба заснули въ ту же минуту, поднявши храпъ неслыханной густоты, на который баринъ изъ другой комнаты отвѣчалъ тонкимъ носовымъ свистомъ. Скоро вслѣдъ за ними все угомонилось, и гостиница объялась непробуднымъ сномъ; только въ одномъ окошечкѣ виденъ еще былъ свѣтъ, гдѣ жилъ какой-то пріѣхавшій изъ Рязани поручикъ, большой, повидимому,

охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже четыре пары и безпрестанно примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги, точно, были хорошо сшиты; и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачанный каблукъ.

ГЛАВА VIII.

Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводъ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета.—Конечно,—говорили иные,—это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ, точно, хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой.—„Это бы еще ничего, что нѣтъ воды, это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ, но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ: на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ—ни избы, ни двора — убѣжитъ, какъ дважды два, навострить такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь“.—Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу.—„Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова. Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ: я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведенія“. — Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а, переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ примѣровъ — просто въ мірѣ, да и по исторіи тоже. — „Никогда, никогда,—говорилъ управляющій казенными фабриками,—повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтется крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были передъ глазами Чичикова и чтобъ онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы самъ таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зуботычину, и подзатыльника“.—Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя. — „Да, найдете управителя: всѣ мошенники!“—Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ.—„Это правда!—подхватили многіе. — Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй различать людей—у него будетъ всегда хорошій управитель. — Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5000, нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющій сказалъ: „Гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ посу?“ Но предсѣдатель сказалъ: — Нѣтъ, не въ посу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно — Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова!—Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе его, существуетъ власть капитанъ-исправника, что капитанъ-исправникъ, хоть самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія насчетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезчуръ отзывались военною жестокостью и строгостію, едва ли не излишнею; были, однакоже, и такія, которыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученья.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе побуждаемые участіемъ, сообщили даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденья крестьянъ до мѣста житель-

ства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.

Всѣ эти толки и разсужденія произвели, однакожъ, самыя благопріятныя слѣдствія, какихъ только могъ ожидать Чичиковъ, именно — пронеслись слухи, что онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ милліонщикъ. Жители города и безъ того, какъ уже мы видѣли въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь, послѣ такихъ слуховъ, полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они все были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно по-пріятельски, и бесѣды ихъ носили печать какого-то особеннаго простодушія и короткости: — Любезный другъ, Илья Ильичъ!.. — „Послушай, братъ, Антипаторъ Захарьевичъ!..“ — Ты заврался, мамочка, Иванъ Григорьевичъ.— Къ почтмейстеру, котораго звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли:—Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ?—Словомъ, все было очень семейственно. Многіе были не безъ образованія: предсѣдатель палаты зналъ наизусть „Людмилу“ Жуковскаго, которая еще была тогда непростывшею новостью, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно. „Боръ заснулъ, долина спитъ“ и слово „чу!“ такъ, что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ будто долина спитъ; для большаго сходства онъ даже въ это время зажмуривалъ глаза. Почтмейстеръ вдался болѣе въ философію и читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ, Юнговы „Ночи“ и „Ключъ къ таинствамъ натуры“ Экартсгаузена, изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки; но какого рода онѣ были, это никому не было извѣстно. Впрочемъ, онъ былъ острякъ, цвѣтистъ въ словахъ и любилъ, какъ самъ выражался, „уснастить“ рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то:—сударь ты мой, этакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ, — и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; уснащивалъ онъ рѣчь тоже довольно удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что все придавало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ. Прочіе тоже были, болѣе или менѣе, люди просвѣщенные: кто читалъ Карамзина, кто „Московскія Вѣдомости“, кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то, что называютъ тюрюкъ, то-есть человѣкъ, котораго нужно было подымать пинкомъ на что-нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говорится, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать, не встанетъ ни въ какомъ случаѣ. Насчетъ благовидности, уже извѣстно, всѣ они были люди надежные — чахоточнаго между ними никого не было. Всѣ были такого рода, которымъ жены, въ нѣжныхъ разговорахъ, происходящихъ въ уединеніи, давали названія: кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но, вообще, они были народъ добрый, полны гостепріимства, и человѣкъ, вкусившій съ ними хлѣба-соли или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ-то близкимъ, — тѣмъ болѣе Чичиковъ, съ своими обворожительными качествами и пріемами, знавшій въ самомъ дѣлѣ великую тайну нравиться. Они такъ полюбили его, что онъ не видѣлъ средствъ, какъ вырваться изъ города; только и слышалъ онъ:—Ну, недѣльку, еще одну недѣльку поживите съ нами, Павелъ Ивановичъ!—словомъ, онъ былъ носимъ, какъ говорится, на рукахъ. Но несравненно замѣчательнѣе было впечатлѣніе (совершенный предметъ изумленія!), которое произвелъ Чичиковъ на дамъ. Чтобъ это сколько-нибудь изъяснить, слѣдовало бы сказать многое о самихъ дамахъ, объ ихъ обществѣ, описать, какъ говорится, живыми красками ихъ душевныя качества; но для автора это очень трудно. Съ одной стороны останавливаетъ его неограниченное почтеніе къ супругамъ сановниковъ, а съ другой стороны... съ другой стороны, просто, трудно. Дамы города N были... нѣтъ, никакимъ образомъ не могу: чувствуется, точно, робость. Въ дамахъ города N больше всего замѣчательно было то... Даже странно—совсѣмъ не подымается перо, точно будто свинецъ какой-нибудь сидитъ въ немъ. Такъ и быть: о характерахъ ихъ, видно, нужно предоставить сказать тому, у котораго поживѣе краски и побольше ихъ на палитрѣ; а намъ придется—развѣ слова два о наружности, да о томъ, что поповерхностнѣй. Дамы города N были то, что называютъ презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что до того, какъ вести себя, соблюсти тонъ, поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а особенно наблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ петербургскихъ и московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, разъѣзжали по городу въ коляскахъ, какъ предписывала послѣдняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за

нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно,—именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контръ-визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ, — оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались „во взаимномъ нерасположеніи“, по выраженію городского свѣта. Насчетъ занятія первыхъ мѣстъ происходило тоже множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія великодушныя понятія о заступничествѣ. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что всѣ были гражданскіе чиновники, но за то одинъ другому старался напакостить, гдѣ было можно, что, какъ извѣстно, подчасъ бываетъ тяжелѣе всякой дуэли. Въ нравахъ дамы города N были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ними и происходило какое-нибудь то, что называютъ *другое-третье*, то оно происходило втайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ *другое-третье* или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: *Кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла?* Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: „я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула“, а говорили: „я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка“. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: „этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ“, и даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: „этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя“, или что-нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ французскому языку; за то ужъ тамъ, по-французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ. И такъ, вотъ что можно сказать о дамахъ города N, говоря поповерхностнѣй. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иныхъ вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже въ дамскія сердца. И такъ, ограничась поверхностью, будемъ продолжать. До сихъ поръ всѣ дамы какъ-то мало говорили о Чичиковѣ, отдавая, впрочемъ, ему полную справедливость въ пріятности свѣтскаго обращенія; но съ тѣхъ поръ, какъ пронеслись слухи объ его милліонствѣ, отыскались и другія качества. Впрочемъ, дамы были вовсе не интересанки: виною всему слово *милліонщикъ*, — не самъ милліонщикъ, а именно одно слово; ибо въ одномъ звукѣ этого слова, мимо всякаго денежнаго мѣшка, заключается что-то такое, которое дѣйствуетъ и на людей-подлецовъ, и на людей ни се, ни то, и на людей хорошихъ, словомъ—на всѣхъ дѣйствуетъ. Милліонщикъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ видѣть подлость, совершенно безкорыстную, чистую подлость, не основанную ни на какихъ расчетахъ: многіе очень хорошо знаютъ, что ничего не получатъ отъ него и не имѣютъ никакого права получить, но непремѣнно хоть забѣгутъ ему впередъ, хоть засмѣются, хоть снимутъ шляпу, хоть напросятся насильно на тотъ обѣдъ, куда, узнаютъ, что приглашенъ милліонщикъ. Нельзя сказать, чтобы это нѣжное расположеніе къ подлости было почувствовано дамами; однакоже во многихъ гостиныхъ стали говорить, что, конечно, Чичиковъ не первый красавецъ, но за то таковъ, какъ слѣдуетъ быть мужчинѣ, что будь онъ немного толще или полнѣе, ужъ это было бы не хорошо. При этомъ было сказано какъ-то даже нѣсколько обидно насчетъ тоненькаго мужчины,—что онъ больше ничего, какъ что-то въ родѣ зубочистки, а не человѣка. Въ дамскихъ нарядахъ оказались многія разныя прибавленія. Въ гостиномъ дворѣ сдѣлалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье — до такой степени наѣхало экипажей. Купцы изумились, увидя, какъ нѣсколько кусковъ матерій, привезенныхъ ими съ ярмарки и не сходившихъ съ рукъ по причинѣ цѣны, показавшейся высокою, пошли вдругъ въ ходъ и были раскуплены нарасхватъ. Во время обѣдни у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то-есть поближе къ паперти, чтобы какъ-нибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія. Самъ даже Чичиковъ не могъ отчасти не замѣтить такого необыкновеннаго вниманія. Одинъ разъ, возвратясь къ себѣ домой, онъ нашелъ на столѣ у себя письмо. Откуда и кто принесъ его, ничего нельзя было узнать: трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велѣли сказывать отъ кого. Письмо начиналось очень рѣшительно, именно такъ: „Нѣтъ, я должна къ тебѣ писать!“ Потомъ говорено было о томъ, что есть тайное сочувствіе между душами; эта истина скрѣплена была нѣсколькими точками, занявшими почти полстроки. Потомъ слѣдовало

нѣсколько мыслей, весьма замѣчательныхъ по своей справедливости, такъ что считаемъ почти необходимымъ ихъ выписать: „Что жизнь наша?— Долина, гдѣ поселились горести. Что свѣтъ?— Толпа людей, которая не чувствуетъ". Затѣмъ, писавшая упоминала, что омочаетъ слезами строки нѣжной матери, которая, протекло двадцать пять лѣтъ, какъ уже не существуетъ на свѣтѣ; приглашали Чичикова въ пустыню—оставить навсегда городъ, гдѣ люди въ душныхъ оградахъ не пользуются воздухомъ; окончаніе письма отзывалось даже рѣшительнымъ отчаяньемъ и заключалось такими стихами:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ,
Что она умерла во слезахъ.

Въ послѣдней строкѣ не было размѣра, но это, впрочемъ, ничего: письмо было написано въ духѣ тогдашняго времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамиліи, ни даже мѣсяца и числа. Въ postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую, и что на балѣ у губернатора, имѣющемъ быть завтра, будетъ присутствовать самъ оригиналъ.

Это очень его заинтересовало. Въ анонимѣ было такъ много заманчиваго и подстрекающаго любопытство, что онъ перечелъ и въ другой, и въ третій разъ письмо и, наконецъ, сказалъ:— Любопытно бы, однакожъ, знать, кто бы такая была писавшая!— Словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось серьезно; болѣе часу онъ все думалъ объ этомъ, наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ:—А письмо очень, очень кудряво написано!—Потомъ, само собою разумѣется, письмо было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою-то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, семь лѣтъ сохранявшимся въ томъ же положеніи и на томъ же мѣстѣ. Немного спустя, принесли къ нему, точно, приглашенье на балъ къ губернатору—дѣло весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ надлежащей любви и уваженія со стороны дворянства.

Все постороннее было въ ту-жъ минуту оставлено и отстранено прочь, и все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. За то, можетъ быть, отъ самаго созданья свѣта не было употреблено столько времени на туалетъ. Цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщать ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопровожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по-французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, подмигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ; словомъ, мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, чувствуя притомъ, что хорошъ, да къ тому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку. Наконецъ, онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: „Ахъ ты, мордашка этакой!" и сталъ одѣваться. Самое довольное расположеніе сопровождало его во все время одѣванья: надѣвая подтяжки или повязывая галстукъ, онъ расшаркивался и кланялся съ особенною ловкостію, и хотя никогда не танцовалъ, но сдѣлалъ антраша. Это антраша произвело маленькое невинное слѣдствіе: задрожалъ комодъ и упала со стола щетка.

Появленіе его на балѣ произвело необыкновенное дѣйствіе. Все, что ни было, обратилось къ нему на встрѣчу,—кто съ картами въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора, произнесши: „А нижній земскій судъ отвѣчаетъ на это..." Но что такое отвѣчаетъ земскій судъ, ужъ это онъ бросилъ въ сторону и спѣшилъ съ привѣтствіемъ къ нашему герою.— Павелъ Ивановичъ! Ахъ, Боже мой, Павелъ Ивановичъ! Любезный Павелъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ! Душа моя Павелъ Ивановичъ! Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ онъ, нашъ Павелъ Ивановичъ! Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! Давайте-ка его сюда, вотъ я его поцѣлую покрѣпче, моего дорогого Павла Ивановича!—Чичиковъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ. Не успѣлъ совершенно выкарабкаться изъ объятій предсѣдателя, какъ очутился въ объятіяхъ полицеймейстера; полицеймейстеръ сдалъ его инспектору врачебной управы; инспекторъ врачебной управы — откупщику, откупщикъ — архитектору... Губернаторъ, который въ то время стоялъ возлѣ дамъ и держалъ въ одной рукѣ конфектный билетъ, а въ другой болонку, увидя его, бросилъ на полъ и билетъ, и болонку,—только завизжала собачонка,—словомъ, распространилъ онъ радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на которомъ бы не выразилось удовольствіе или, по крайней мѣрѣ, отраженіе всеобщаго удовольствія. Такъ бываетъ на лицахъ чиновниковъ во время осмотра пріѣхавшимъ начальникомъ ввѣренныхъ управленію ихъ мѣстъ: послѣ того, какъ уже первый страхъ прошелъ, они увидѣли, что многое ему нравится и онъ самъ изволилъ наконецъ пошутить, то-есть произнести съ пріятною усмѣшкой нѣсколько

словъ,—смѣются вдвое въ отвѣтъ на это обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услыхали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только-что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку, хотя эта улыбка болѣе похожа на то, какъ бы кто-нибудь собирался чихнуть послѣ крѣпкаго табаку. Герой нашъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому и чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налѣво, по обыкновенію своему, нѣсколько набокъ, но совершенно свободно, такъ что очаровалъ всѣхъ. Дамы тутъ же обступили его блистающею гирляндою и нанесли съ собою цѣлыя облака всякаго рода благоуханій: одна дышала розами, отъ другой несло весной и фіалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиковъ подымалъ только носъ кверху да нюхалъ. Въ нарядахъ ихъ вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были такихъ блѣдныхъ модныхъ цвѣтовъ, какимъ даже и названья нельзя было прибрать—до такой степени дошла тонкость вкуса! Ленточные банты и цвѣточные букеты порхали тамъ и тамъ по платьямъ, въ самомъ картинномъ безпорядкѣ, хотя надъ этимъ безпорядкомъ трудилась много порядочная голова. Легкій головной уборъ держался только на однихъ ушахъ и, казалось, говорилъ: „Эй, улечу! Жаль только, что не подыму съ собой красавицу!“ Таліи были обтянуты и имѣли самыя крѣпкія и пріятныя для глазъ формы (нужно замѣтить, что вообще всѣ дамы города N были нѣсколько полны, но шнуровались такъ искусно и имѣли такое пріятное обращеніе, что толщины никакъ нельзя было примѣтить). Все было у нихъ придумано и предусмотрѣно съ необыкновенною осмотрительностью: шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никакъ не дальше; каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала, по собственному убѣжденію, что они способны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ: или какой-нибудь легонькій галстучекъ изъ ленты легче пирожнаго, извѣстнаго подъ именемъ *поцѣлуя*, эоирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечъ, изъ-подъ платья, маленькія зубчатыя стѣнки изъ тонкаго батиста, извѣстныя подъ именемъ *скромностей*. Эти *скромности* скрывали напереди и сзади то, что уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ заставляли подозрѣвать, что тамъ-то именно и была самая погибель. Длинныя перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительныя части рукъ повыше локтя, которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденныя надвинуться далѣе, — словомъ, кажется, какъ будто на всемъ было написано: „Нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ!“ Только мѣстами вдругъ высовывался какой-нибудь невиданный землею чепецъ или даже какое-то, чуть не павлиное, перо, въ противность всѣмъ модамъ, по собственному вкусу. Но ужъ безъ этого нельзя—таково свойство губернскаго города: гдѣ-нибудь ужъ онъ непремѣнно оборвется. Чичиковъ, стоя передъ ними, думалъ: „Которая, однакоже, сочинительница письма?“ и высунулъ было впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, обшлаговъ, рукавовъ, концовъ лентъ, душистыхъ шемизетокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалую: почтмейстерша, капитанъ-исправникъ, дама съ голубымъ перомъ, дама съ бѣлымъ перомъ, грузинскій князь Чипхайхилидзевъ, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, французъ Куку, Перхуновскій, Беребендовскій — все поднялось и понеслось...

— Вона! пошла писать губернія!—проговорилъ Чичиковъ, попятившись назадъ, и, какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь началъ выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ которая была сочинительница. Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимотонкое, — у, какое тонкое!.. — Нѣтъ, — сказалъ самъ въ себѣ Чичиковъ, — женщины, это такой предметъ...—здѣсь онъ и рукой махнулъ, — просто, и говорить нечего! Поди-ка попробуй разсказать или передать все то, что бѣгаетъ на ихъ лицахъ, всѣ тѣ излучинки, намеки... а вотъ, просто, ничего не передашь. Одни глаза ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человѣкъ—и поминай, какъ звали! Ужъ его оттуда ни крючкомъ, ничѣмъ не вытащишь. Ну, попробуй, напримѣръ, разсказать одинъ блескъ ихъ: влажный, бархатный, сахарный—Богъ ихъ знаетъ, какого нѣтъ еще! и жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или, какъ иные говорятъ, въ нѣгѣ, или безъ нѣги, но пуще нежели въ нѣгѣ—такъ вотъ зацѣпитъ за сердце, да и поведетъ по всей душѣ, какъ будто смычкомъ. Нѣтъ, просто, не приберешь слова: галантерная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!

Виноватъ! Кажется изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что-жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ кни-

гу, не писатель виноватъ, виноваты читатели и, прежде всего, читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлять даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній—по-французски въ носъ и картавя, по-англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ, и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи. А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріотизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ,—словомъ, хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода; но почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ между тѣмъ въ совершенное недоумѣніе рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вмѣстѣ и надежду, и сладкія муки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ наконецъ сказалъ:—Нѣтъ, никакъ нельзя угадать!—Это, однакоже, никакъ не уменьшило весслаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко размѣнялся съ нѣкоторыми изъ дамъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ, мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, сѣменилъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щеголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышиными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посѣменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налѣво, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или на подобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что-то даже марсовское и военное, что, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъ-за него уже начинали нѣсколько ссориться: замѣтивши, что онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторыя наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не произошла пренепріятная исторія, и многимъ, желавшимъ себѣ сдѣлать то же, показалась уже черезчуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ дамами, или, лучше, дамы такъ заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій,—которыя всѣ нужно было разгадывать, отчего даже выступилъ у него на лбу потъ,—что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ уже тогда, когда услышалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ нимъ уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ласковымъ и лукавымъ голосомъ, съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы:—А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!..—Въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей, охотниковъ описывать гостиныя и похвалиться знаніемъ высшаго тона,—въ духѣ того, что „неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста, ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами?“ Герой нашъ поворотился въ ту же минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремины и всякіе ловкіе военные люди, какъ, невзначай поднявши глаза, остановился вдругъ, будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ руку молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку, съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно кругливши мся оваломъ лица, какое художникъ взялъ бы въ образецъ для Мадонны и какое только рѣдкимъ случаемъ попадается на Руси, гдѣ любитъ все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда, по глупости кучеровъ или лошадей, ихъ экипажи такъ странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дядею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова и пробормоталъ чортъ знаетъ что такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Гремінъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

— Вы не знаете еще моей дочери?—сказала

губернаторша, — институтка, только-что выпущена.

Онъ отвѣчалъ, что уже имѣлъ счастіе нечаяннымъ образомъ познакомиться; попробовалъ еще кое-что прибавить, но кое-что совсѣмъ не вышло. Губернаторша, сказавъ два-три слова, наконецъ отошла съ дочерью въ другой конецъ залы къ другимъ гостямъ; а Чичиковъ все еще стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ человѣкъ, который весело вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы прогуляться, съ глазами, расположенными глядѣть на все, и вдругъ неподвижно остановился, вспомнивъ, что онъ позабылъ что-то, и ужъ тогда глупѣе ничего не можетъ быть такого человѣка: вмигъ беззаботное выраженіе слетаетъ съ лица его; онъ силится припомнить, что позабылъ онъ: не платокъ ли? но платокъ въ карманѣ; не деньги ли? но деньги тоже въ карманѣ; все, кажется, при немъ, а между тѣмъ какой-то невѣдомый духъ шепчетъ ему въ уши, что онъ позабылъ что-то. И вотъ уже глядитъ онъ растерянно и смутно на движущуюся толпу передъ нимъ, на летающіе экипажи, на кивера и ружья проходящаго полка, на вывѣску, и ничего хорошо не видитъ. Такъ и Чичиковъ вдругъ сдѣлался чуждымъ всему, что ни происходило вокругъ него. Въ это время изъ дамскихъ благовонныхъ устъ къ нему устремилось множество намековъ и вопросовъ, проникнутыхъ насквозь тонкостію и любезностію:—Позволено ли намъ, бѣднымъ жителямъ земли, быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете? — Гдѣ находятся тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша? — Можно ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?—Но онъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ невниманіемъ, и пріятныя фразы канули, какъ въ воду. Онъ даже до того былъ неучтивъ, что скоро ушелъ отъ нихъ въ другую сторону, желая повысмотрѣть, куда ушла губернаторша съ своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотѣли оставить его такъ скоро: каждая внутренно рѣшилась употребить всевозможныя орудія, столь опасныя для сердецъ нашихъ, и пустить въ ходъ все, что было лучшаго. Нужно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дамъ,—я говорю у нѣкоторыхъ: это не то, что у всѣхъ,—есть маленькая слабость: если онѣ замѣтятъ у себя что-нибудь особенно хорошее — лобъ ли, ротъ ли, руки ли — то уже думаютъ, что лучшая часть лица ихъ такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза, и всѣ вдругъ заговорятъ въ одинъ голосъ: „Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческій носъ!“ или „какой правильный, очаровательный лобъ!“ У которой же хороши плечи, та увѣрена заранѣе, что всѣ молодые люди будутъ совершенно восхищены и, то и дѣло, станутъ повторять въ то время, когда она будетъ проходить мимо: „Ахъ, какія чудесныя у этой плечи!“ а на лицо, волосы, носъ, лобъ даже не взглянутъ, если же и взглянутъ, то какъ на что-то постороннее. Такимъ образомъ думаютъ иныя дамы. Каждая дама дала себѣ внутренній обѣтъ быть какъ можно очаровательнѣй въ танцахъ и показать во всемъ блескѣ превосходство того, что у нея было самаго превосходнаго. Почтмейстерша, вальсируя, съ такой томностію опустила на-бокъ голову, что слышалось въ самомъ дѣлѣ что-то неземное. Одна очень любезная дама,—которая пріѣхала вовсе не съ тѣмъ, чтобы танцовать, по причинѣ приключившагося, какъ сама выразилась, небольшого инкомодите въ видѣ горошинки на правой ногѣ, вслѣдствіе чего должна была даже надѣть плисовые сапоги,—не вытерпѣла, однакоже, и сдѣлала нѣсколько круговъ въ плисовыхъ сапогахъ, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала ужъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много себѣ въ голову.

Но все это никакъ не произвело предполагаемаго дѣйствія на Чичикова. Онъ даже не смотрѣлъ на круги, производимые дамами, но безпрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверхъ головъ, куда бы могла забраться занимательная блондинка; присѣдалъ и внизъ тоже, высматривая промежъ плечей и спинъ, наконецъ доискался и увидѣлъ ее, сидящую вмѣстѣ съ матерью, надъ которою величаво колебалась какая-то восточная чалма съ перомъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ. Весеннее ли расположеніе подѣйствовало на него, или толкалъ его кто сзади, только онъ протѣснялся рѣшительно впередъ, несмотря ни на что: откупщикъ получилъ отъ него такой толчокъ, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ногѣ, не то бы, конечно, повалилъ за собою цѣлый рядъ; почтмейстеръ тоже отступилъ и посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ довольно тонкой ироніей, но онъ на нихъ не поглядѣлъ: онъ видѣлъ только вдали блондинку, надѣвавшую длинную перчатку и, безъ сомнѣнія, сгоравшую желаніемъ пуститься летать по паркету. А ужъ тамъ, въ сторонѣ, четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали полъ, и армейскій штабсъ-капитанъ работалъ и душою, и тѣломъ, и руками, и ногами, отвертывая такія па, какія и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки, почти по самымъ каблукамъ, и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой. Однакожъ, онъ подступилъ къ нимъ очень робко, не сѣменилъ такъ бойко и франтовски ногами, даже нѣсколько замялся, и во всѣхъ движеніяхъ оказалась какая-то неловкость.

Нельзя сказать навѣрно, точно ли пробудилось въ нашемъ героѣ чувство любви; даже сомнительно, чтобы господа такого рода, то-есть не такъ чтобы толстые, однакожъ и не то, чтобы тонкіе, способны были къ любви; но при всемъ томъ здѣсь было что-то такое странное, что-то въ такомъ родѣ, чего онъ самъ не могъ себѣ объяснить: ему показалось, какъ онъ самъ потомъ сознавался, что весь балъ, со всѣмъ своимъ говоромъ и шумомъ, сталъ на нѣсколько минутъ какъ будто гдѣ-то вдали; скрипки и трубы нарѣзывали гдѣ-то за горами, и все подернулось туманомъ, похожимъ на небрежно замалеванное поле на картинѣ. И изъ этого мглистаго, кое-какъ набросаннаго поля выходили ясно и окончено только однѣ тонкія черты увлекательной блондинки: ея овально-круглившееся личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска, ея бѣлое, почти простое платьице, легко и ловко обхватившее во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе стройные члены, которые означались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы.

Видно, такъ ужъ бываетъ на свѣтѣ; видно, и Чичиковы, на нѣсколько минутъ въ жизни, обращаются въ поэтовъ; но слово *поэтъ* будетъ уже слишкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ-то въ родѣ молодого человѣка, чуть-чуть не гусаромъ. Увидѣвши возлѣ нихъ пустой стулъ, онъ тотчасъ его занялъ. Разговоръ сначала не клеился, но послѣ дѣло пошло; онъ началъ даже получать форсъ, но... Здѣсь, къ величайшему прискорбію, надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности какъ-то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами; на это мастера господа поручики, и никакъ не далѣе капитанскихъ чиновъ. Какъ они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется и не очень мудреныя вещи говорятъ, а дѣвица, то и дѣло, качается на стулѣ отъ смѣха; статскій же совѣтникъ Богъ знаетъ что разскажетъ; или поведетъ рѣчь о томъ, что Россія очень пространное государство, или отпуститъ комплиментъ, который, конечно, выдуманъ не безъ остроумія, но отъ него ужасно пахнетъ книгою; если же скажетъ что-нибудь смѣшное, то самъ несравненно больше смѣется, чѣмъ та, которая его слушаетъ. Здѣсь это замѣчено для того, чтобы читатели видѣли, почему блондинка стала зѣвать во время разсказовъ нашего героя. Герой, однакоже, совсѣмъ этого не замѣчалъ, разсказывая множество пріятныхъ вещей, которыя уже случалось ему произносить въ подобныхъ случаяхъ въ разныхъ мѣстахъ, именно: въ Симбирской губерніи, у Софрона Ивановича Безпечнаго, гдѣ были тогда дочь его Аделаида Софроновна съ тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Ѳедора Ѳедоровича Перекроева, въ Рязанской губерніи; у Фрола Васильевича Побѣдоноснаго, въ Пензенской губерніи, и у брата его Петра Васильевича, гдѣ были: свояченица его Катерина Михайловна и внучатныя сестры ея: Роза Ѳедоровна и Эмилія Ѳедоровна; въ Вятской губерніи, у Петра Варсонофьевича, гдѣ была сестра невѣстки его Пелагея Егоровна съ племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами: Софьей Александровной и Маклатурой Александровной.

Всѣмъ дамамъ совершенно не понравилось такое обхожденіе Чичикова. Одна изъ нихъ нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это замѣтить, и даже задѣла блондинку довольно небрежно толстымъ руло своего платья, а шарфомъ, который порхалъ вокругъ плечъ ея, распорядилась такъ, что онъ махнулъ концомъ своимъ ее по самому лицу; въ то же самое время позади его изъ однихъ дамскихъ устъ изнеслось вмѣстѣ съ запахомъ фіалокъ довольно колкое и язвительное замѣчаніе. Но или онъ не услышалъ въ самомъ дѣлѣ, или прикинулся, что не услышалъ, только это было не хорошо, ибо мнѣніемъ дамъ нужно дорожить; въ этомъ онъ и раскаялся, но уже послѣ, стало-быть, поздно.

Негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое, изобразилось на многихъ лицахъ. Какъ ни великъ былъ въ обществѣ вѣсъ Чичикова, хотя онъ и милліонщикъ, и въ лицѣ его выражалось величіе и даже что-то марсовское и военное, но есть вещи, которыхъ дамы не простятъ никому, будь онъ кто бы ни было, и тогда прямо пиши— пропало! Есть случаи, гдѣ женщина, какъ ни слаба и безсильна характеромъ въ сравненіи съ мужчиною, но становится вдругъ тверже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свѣтѣ. Пренебреженіе, оказанное Чичиковымъ, почти неумышленное, возстановило между дамами даже согласіе, бывшее было на краю погибели по случаю завладѣнія стуломъ. Въ произнесенныхъ имъ невзначай какихъ-то сухихъ и обыкновенныхъ словахъ нашли колкіе намеки. Въ довершеніе бѣдъ, какой-то изъ молодыхъ людей сочинилъ тутъ же сатирическіе стихи на танцовавшее общество, безъ чего, какъ извѣстно, никогда почти не обходится на губернскихъ балахъ. Эти стихи были приписаны тутъ же Чичикову. Негодованье росло, и дамы стали говорить о немъ въ разныхъ углахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; а бѣд-

ная институтка была уничтожена совершенно, и приговоръ ея уже былъ подписанъ.

А между тѣмъ герою нашему готовилась непріятнѣйшая неожиданность: въ то время, когда блондинка зѣвала, а онъ разсказывалъ ей кос-какія въ разныя времена случившіяся исторійки и даже коснулся было греческаго философа Діогена, показался изъ послѣдней комнаты Ноздревъ. Изъ буфета ли онъ вырвался, или изъ небольшой зеленой гостиной, гдѣ производилась игра посильнѣе, чѣмъ въ обыкновенный вистъ, своею ли волею, или вытолкали его, только онъ явился веселый, радостный, ухвативши подъ руку прокурора, котораго, вѣроятно, уже таскалъ нѣсколько времени, потому что бѣдный прокуроръ поворачивалъ на всѣ стороны свои густыя брови, какъ бы придумывая средство выбраться изъ этого дружескаго подручнаго путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, оно было невыносимо. Ноздревъ, захлебнувъ куражу въ двухъ чашкахъ чаю, конечно, не безъ рома, вралъ немилосердно. Завидѣвъ еще издали его, Чичиковъ рѣшился даже на пожертвованіе, то-есть оставить свое завидное мѣсто и, сколько можно, поспѣшнѣе удалиться: ничего хорошаго не предвѣщала ему эта встрѣча. Но, какъ на бѣду, въ это время подвернулся губернаторъ, изъявившій необыкновенную радость, что нашелъ Павла Ивановича, и остановилъ его, прося быть судьею въ спорѣ его съ двумя дамами насчетъ того, продолжительна ли женская любовь, или нѣтъ; а между тѣмъ Ноздревъ уже увидалъ его и шелъ прямо навстрѣчу.

— А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ! — кричалъ онъ, подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки. — Что? много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство,—горланилъ онъ тутъ же, обратившись къ губернатору,—онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей-Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь,—я бы тебя повѣсилъ, ей-Богу, повѣсилъ!

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

— Повѣрите ли, ваше превосходительство, — продолжалъ Ноздревъ,—какъ сказалъ онъ мнѣ: „продай мертвыхъ душъ“, я такъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ. Какихъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ, да ты скотина, ей-Богу, скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ?

Но прокуроръ и Чичиковъ и самъ губернаторъ пришли въ такое замѣшательство, что не нашлись совершенно, что отвѣчать; а между тѣмъ Ноздревъ, нимало не обращая вниманія, несъ полутрезвую рѣчь:—Ужъ ты, братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я... Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то-есть, просто, если бы вы сказали,—вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: „Ноздревъ, скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ?“ скажу: „Чичиковъ“, ей-Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!—Ноздревъ былъ такъ оттолкнутъ съ своими безе, что чуть не полетѣлъ на землю. Отъ него всѣ отступились и не слушали больше. Но все же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку и сопровождены такимъ громкимъ смѣхомъ, что привлекли вниманіе даже тѣхъ, которые находились въ самыхъ дальнихъ углахъ комнаты. Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились съ какимъ-то деревяннымъ, глупо-вопросительнымъ выраженіемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что многія дамы перемигнулись между собою съ какою-то злобною, ѣдкою усмѣшкою, и въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ показалось что-то такое двусмысленное, которое еще болѣе увеличило это смущеніе. Что Ноздревъ лгунъ отъявленный, это было извѣстно всѣмъ, и вовсе не было въ диковинку слышать отъ него рѣшительную безсмыслицу; но смертный — право, трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непремѣнно сообщитъ ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: „Посмотрите, какую ложь распустили!“ А другой смертный съ удовольствіемъ преклонитъ ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: „Да это совершенно пошлая ложь, нестоящая никакого вниманія!“ И вслѣдъ затѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, разсказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: „Какая пошлая ложь!“ И это непремѣнно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ ни есть, наговорятся непремѣнно досыта и потомъ признаютъ, что это не стоитъ вниманія и не достойно, чтобы о немъ говорить.

Это вздорное, повидимому, происшествіе замѣтно разстроило нашего героя. Какъ ни глупы слова дурака, а иногда бываютъ они достаточны, чтобы смутить умнаго человѣка. Онъ сталъ чувство-

вать себя неловко, неладно, точь-въ-точь, какъ будто прекрасно вычищеннымъ сапогомъ вступилъ вдругъ въ грязную, вонючую лужу; словомъ—нехорошо, совсѣмъ нехорошо! Онъ пробовалъ объ этомъ не думать, старался разсѣяться, развлечься, присѣлъ въ вистъ, но все пошло, какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую масть и, позабывъ, что по третьей не бьютъ, размахнулся со всей руки и хватилъ сдуру свою же. Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и, можно сказать, тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ его пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся, какъ на Бога. Конечно, почтмейстеръ, и предсѣдатель, и даже самъ полицеймейстеръ, какъ водится, подшучивали надъ нашимъ героемъ, что ужъ не влюбленъ ли онъ, и что мы знаемъ, дескать, что у Павла Ивановича сердечишко прихрамываетъ, знаемъ, кѣмъ и подстрѣлено; но все это никакъ его не утѣшало, какъ онъ не пробовалъ усмѣхаться и отшучиваться. За ужиномъ тоже онъ никакъ не былъ въ состояніи развернуться, несмотря на то, что общество за столомъ было пріятное и что Ноздрева давно уже вывели, ибо сами даже дамы наконецъ замѣтили, что поведеніе его черезчуръ становилось скандалезно. Посреди котильона, онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ, что было уже ни на что не похоже, по выраженію дамъ. Ужинъ былъ очень веселъ: всѣ лица, мелькавшія передъ тройными подсвѣчниками, цвѣтами, конфектами и бутылками, были озарены самымъ непринужденнымъ довольствомъ. Офицеры, дамы, фраки — все сдѣлалось любезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульевъ и бѣжали отнимать у слугъ блюда, чтобы съ необыкновенною ловкостью предложить ихъ дамамъ. Одинъ полковникъ подалъ дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги. Мужчины почтенныхъ лѣтъ, между которыми сидѣлъ Чичиковъ, спорили громко, заѣдая дѣльное слово рыбой или говядиной, обмакнутой нещаднымъ образомъ въ горчицу, и спорили о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ даже всегда принималъ участіе; но онъ былъ похожъ на какого-то человѣка, уставшаго или разбитаго дальней дорогой, которому ничто не лѣзетъ на умъ и который не въ силахъ войти ни во что. Даже не дождался онъ окончанія ужина и уѣхалъ къ себѣ несравненно ранѣе, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе уѣзжать.

Тамъ, въ этой комнаткѣ, такъ знакомой читателю, съ дверью, заставленной комодомъ, и выглядывавшими иногда изъ угловъ тараканами, положеніе мыслей и духа его было такъ же неспокойно, какъ неспокойны тѣ кресла, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Непріятно, смутно было у него на сердцѣ; какая-то тягостная пустота оставалась тамъ.—Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы! — говорилъ онъ въ-сердцахъ. —Ну, чему сдуру обрадовались? Въ губерніи неурожаи, дороговизна, такъ вотъ они за балы! Экъ штука: разрядились въ бабьи тряпки! Невидаль, что иная навертѣла на себя тысячу рублей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ или, что еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата. Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстёга Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей. Кричатъ: „балъ, балъ, веселость!“ Просто, дрянь балъ, не въ русскомъ духѣ, не въ русской натурѣ, чортъ знаетъ, что такое: взрослый, совершеннолѣтній, вдругъ выскочитъ весь въ черномъ, общипанный, обтянутый, какъ чортикъ, и давай мѣсить ногами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ съ другимъ объ важномъ дѣлѣ, а ногами въ то же самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налѣво... Все изъ обезьянства, все изъ обезьянства! Что французъ въ сорокъ лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право... послѣ всякаго бала, точно, какъ будто какой грѣхъ сдѣлалъ; и вспомнить даже о немъ не хочется. Въ головѣ, просто, ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣкомъ: всего онъ наговоритъ, всего слегка коснется, все скажетъ, что понадергалъ изъ книжекъ, пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Ну, что изъ него выжмешь, изъ этого бала? Ну, если бы, положимъ, какой-нибудь писатель вздумалъ описывать всю эту сцену такъ, какъ она есть? Ну, и въ книгѣ, и тамъ была бы она такъ же безтолкова, какъ въ натурѣ. Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто, чортъ знаетъ, что такое! Плюнешь, да и книгу потомъ закроешь.—Такъ отзывался неблагопріятно Чичиковъ о балахъ вообще; но, кажется, сюда вмѣшалась другая причина негодованья. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему оборваться, что онъ вдругъ показался передъ всѣми, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши окомъ благоразумнаго человѣка, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, что глупое слово ничего не значитъ, особливо теперь, когда глав-

ное дѣло уже обдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но — страненъ человѣкъ: его огорчало сильно нерасположенье тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ и насчетъ которыхъ отзывался рѣзко, понося ихъ суетность и наряды. Это тѣмъ болѣе было ему досадно, что, разобравши дѣло ясно, онъ видѣлъ, какъ причиной этого былъ отчасти самъ. На себя, однакоже, онъ не разсердился, и въ томъ, конечно, былъ правъ. Всѣ мы имѣемъ маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше пріискать какого-нибудь ближняго, на комъ бы выместить свою досаду, напримѣръ, на слугѣ, на чиновникѣ, намъ подвѣдомственномъ, который въ пору подвернулся, на женѣ, или, наконецъ, на стулѣ, который швырнется, чортъ знаетъ куда, къ самымъ дверямъ, такъ что отлетитъ отъ него ручка и спинка, — пусть, молъ, его знаетъ, что такое гнѣвъ. Такъ и Чичиковъ скоро нашелъ ближняго, который потащилъ на плечахъ своихъ все, что только могла внушить ему досада. Ближній этотъ былъ Ноздревъ, и, нечего сказать, онъ былъ такъ отдѣланъ со всѣхъ боковъ и сторонъ, какъ развѣ только какой-нибудь плутъ староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ-нибудь ѣзжалымъ, опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана, и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли.

Но въ продолженіе того, какъ онъ сидѣлъ въ жесткихъ своихъ креслахъ, тревожимый мыслями и безсонницей, угощая усердно Ноздрева и всю родню его, и передъ нимъ теплилась сальная свѣчка, которой свѣтильня давно уже накрылась нагорѣвшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядѣла ему въ окна слѣпая, темная ночь, готовая посинѣть отъ приближавшагося разсвѣта, и пересвистывались вдали отдаленные пѣтухи, и въ совершенно заснувшемъ городѣ, можетъ быть, плелась гдѣ-нибудь фризовая шинель, горемыка, неизвѣстно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу, — въ это время на другомъ концѣ города происходило событіе, которое готовилось увеличить непріятность положенія нашего героя. Именно, въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недоумѣніе насчетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстощекій выпуклый арбузъ, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то-есть дверцы, носившія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо, по причинѣ плохого состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кисетовъ, валиковъ и, просто, подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣбами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями изъ заварного тѣста. Пирогъ-курникъ и пирогъ-разсольникъ выглядывали даже наверхъ. Запятки были заняты лицомъ лакейскаго происхожденія, въ курткѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бородою, подернутой легкой просѣдью, — лицо, извѣстное подъ именемъ *малаго*. Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, подня въ свою алебарду, закричалъ спросонья, что стало мочи: „кто идетъ?“ но, увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ, послѣ чего, отставивши алебарду, опять заснулъ, по уставамъ своего рыцарства. Лошади то и дѣло падали на переднія колѣнки, потому что не были подкованы, и притомъ, какъ видно, покойная городская мостовая была имъ мало знакома. Колымага, сдѣлавши нѣсколько поворотовъ изъ улицы въ улицу, наконецъ, поворотила въ темный переулокъ мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычкахъ и остановилась предъ воротами дома протопопши. Изъ брички вылѣзла дѣвка съ платкомъ на головѣ, въ тѣлогрѣйкѣ, и хватила обоими кулаками въ ворота такъ сильно, хоть бы и мужчинѣ (малый въ курткѣ изъ пеструшки былъ уже потомъ стащенъ за ноги, ибо спалъ мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконецъ, проглотили, хотя съ большимъ трудомъ, это неуклюжее дорожное произведеніе. Экипажъ въѣхалъ въ тѣсный дворъ, заваленный дровами, курятниками и всякими клѣтухами; изъ экипажа вылѣзла барыня: эта барыня была помѣщица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка, вскорѣ послѣ отъѣзда нашего героя, въ такое пришла безпокойство насчетъ могущаго произойти со стороны его обмана, что, не поспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ, — несмотря на то, что лошади не были подкованы, — и тамъ узнать навѣрно, почемъ ходятъ мертвыя души и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ быть, втридешева. Какое произвело слѣдствіе это прибытіе, читатель можетъ узнать изъ одного разговора, который произошелъ между однѣми двумя дамами. Разговоръ сей... но пусть лучше сей разговоръ будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

Поутру, ранѣе даже того времени, которое назначено въ городѣ N для визитовъ, изъ дверей оранжеваго деревяннаго дома, съ мезониномъ и голубыми колоннами, выпорхнула дама въ клѣтчатомъ щегольскомъ клокѣ, сопровождаемая лакеемъ въ шинели съ нѣсколькими воротниками и золотымъ галуномъ на круглой лощеной шляпѣ. Дама вспорхнула въ тотъ же часъ съ необыкновенною поспѣшностью по откинутымъ ступенькамъ въ стоявшую у подъѣзда коляску. Лакей тутъ же захлопнулъ даму дверцами, закидалъ ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричалъ кучеру:—Пошелъ!—Дама везла только-что услышанную новость и чувствовала побужденіе непреодолимое скорѣе сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она изъ окна и видѣла, къ несказанной досадѣ, что все еще остается полдороги. Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она наконецъ не вытерпѣла не сказать:—Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!—Кучеръ уже два раза получалъ приказаніе:—Поскорѣе, поскорѣе, Андрюшка! Ты сегодня несносно долго ѣдешь!—Наконецъ, цѣль была достигнута. Коляска остановилась передъ деревяннымъ же одноэтажнымъ домомъ темно-сѣраго цвѣта, съ бѣлыми барельефчиками надъ окнами, съ высокою деревянною рѣшеткою передъ самыми окнами и узенькимъ палисадникомъ, за рѣшеткою котораго находившіяся тоненькія деревца побѣлѣли отъ никогда не сходившей съ нихъ городской пыли. Въ окнахъ мелькали горшки съ цвѣтами, попугай, качавшійся въ клѣткѣ, уцѣпясь носомъ за кольцо, и двѣ собачонки, спавшія передъ солнцемъ. Въ этомъ домѣ жила искренняя пріятельница пріѣхавшей дамы. Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы не разсердились на него, какъ сержавались встарь. Назвать выдуманною фамиліей—опасно. Какое ни придумай имя, ужъ непремѣнно найдется въ какомъ-нибудь углу нашего государства, благо велико, — кто-нибудь носящій его, и непремѣнно разсердится не на животъ, а на смерть, станетъ говорить, что авторъ нарочно пріѣзжалъ секретно съ тѣмъ, чтобы вывѣдать все, что онъ такое самъ, и въ какомъ тулупчикѣ ходитъ, и къ какой Аграфенѣ Ивановнѣ навѣдывается, и что любитъ покушать. Назови же по чинамъ, Боже сохрани, и того опаснѣй. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково уже, видно, расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ,—это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наружности и закричитъ:—Вѣдь я тоже человѣкъ, стало-быть, я тоже глупъ,—словомъ, вмигъ смекнетъ, въ чемъ дѣло. А потому, для избѣжанія всего этого, будемъ называть даму, къ которой пріѣхала гостья, такъ, какъ она называлась почти единогласно въ городѣ N, именно — дамою, пріятною во всѣхъ отношеніяхъ. Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась—ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подчасъ въ пріятномъ словѣ ея торчала—ухъ, какая булавка! А ужъ не приведи Богъ, что кипѣло въ сердцѣ противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было облечено самою тонкою свѣтскостью, какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умѣла держать голову, и всѣ согласились, что она, точно, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Другая же дама, то-есть пріѣхавшая, не имѣла такой многосторонности въ характерѣ, и потому будемъ называть ее — просто пріятная дама. Пріѣздъ гостьи разбудилъ собачонокъ, спавшихъ на солнцѣ: мохнатую Адель, безпрестанно путавшуюся въ собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненькихъ ножкахъ. Тотъ и другая съ лаемъ понесли кольцами хвосты свои въ переднюю, гдѣ гостья освобождалась отъ своего клока и очутилась въ платьѣ моднаго узора и цвѣта и въ длинныхъ хвостахъ на шеѣ; жасмины понеслись по всей комнатѣ. Едва только во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама узнала о пріѣздѣ просто пріятной дамы, какъ уже вбѣжала въ переднюю. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули, какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся вскорѣ послѣ выпуска, когда маменьки еще не успѣли объяснить имъ, что отецъ у одной бѣднѣе и ниже чиномъ, нежели у другой. Поцѣлуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платкомъ,—и обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже ширмочками, обвитыми плющомъ; вслѣдъ за ними побѣжала ворча мохнатая Адель и высокій Попури на тоненькихъ ножкахъ. — Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголочекъ!—говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана. — Вотъ такъ! вотъ такъ! Вотъ вамъ и подушка!—Сказавши это, она запихнула

ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ: носъ вышелъ лѣстницею, а губы четвероугольникомъ. — Какъ же я рада, что вы... Я слышу, кто-то подъѣхалъ, да думаю себѣ, кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ: „вице-губернаторша“, а я говорю: — Ну, вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать, и уже хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома...

Гостья уже хотѣла было приступить къ дѣлу и сообщить новость, но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговора.

— Какой веселенькій ситецъ! — воскликнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

— Да, очень веселенькій. Прасковья Ѳедоровна, однакоже, находитъ, что лучше, если бы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневыя были крапинки, а голубыя. Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія-узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ.

— Милая, это пестро.

— Ахъ, нѣтъ! не пестро!

— Ахъ, пестро!

Нужно замѣтить, что во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама была очень матеріалистка, склонна къ отрицанію и сомнѣнію и отвергала весьма многое въ жизни.

Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это совсѣмъ не пестро и вскрикнула: — Да, поздравляю васъ: оборокъ болѣе не носятъ.

— Какъ не носятъ?

— Намѣсто ихъ фестончики.

— Ахъ, это не хорошо — фестончики!

— Фестончики, все фестончики: пелеринка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, эполетцы изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ фестончики.

— Нехорошо, Софья Ивановна, если все фестончики.

— Мило, Анна Григорьевна, до невѣроятности: шьется въ два рубчика, широкія проймы и сверху... Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннѣе, впереди мыскомъ, и передняя косточка совсѣмъ выходитъ изъ границъ, юбка вся собирается вокругъ, какъ бывало въ старину фижмы, даже сзади немножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ.

— Ну, ужъ это, просто, признаюсь! — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движеніе головою съ чувствомъ достоинства.

— Именно, это ужъ, точно, признаюсь!—отвѣчала просто пріятная дама.

— Ужъ какъ вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.

— Я сама тоже... Право, какъ вообразишь, до чего иногда доходитъ мода... ни на что не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣху; Меланья моя принялась шить.

— Такъ у васъ развѣ есть выкройка?— вскрикнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама не безъ замѣтнаго сердечнаго движенія.

— Какъ же, сестра привезла.

— Душа моя, дайте ее мнѣ, ради всего святого.

— Ахъ, я ужъ дала слово Прасковьѣ Ѳедоровнѣ. Развѣ послѣ нея.

— Кто-жъ станетъ носить послѣ Прасковьи Ѳедоровны? Это уже слишкомъ странно будетъ съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочтете своимъ.

— Да вѣдь она тоже мнѣ двоюродная тетка.

— Она вамъ тетка, еще, Богъ знаетъ, какая: съ мужниной стороны... Нѣтъ, Софья Ивановна, я и слышать не хочу, это выходитъ — вы мнѣ хотите нанесть такое оскорбленье... Видно, я вамъ наскучила уже, видно, вы хотите прекратить всякое со мною знакомство.

Бѣдная Софья Ивановна не знала совершенно, что ей дѣлать. Она чувствовала сама, между какихъ сильныхъ огней себя поставила. Вотъ тебѣ и похвасталась! Она бы готова была исколоть за это иголками глупый языкъ.

— Ну, что-жъ нашъ прелестникъ? — сказала между тѣмъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Ахъ, Боже мой! что-жъ я такъ сижу передъ вами! Вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете, Анна Григорьевна, съ чѣмъ я пріѣхала къ вамъ?— Тутъ дыханіе гостьи сперлось, слова, какъ ястребы, готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ, и только нужно было до такой степени быть безчеловѣчной, какова была искренняя пріятельница, чтобы рѣшиться остановить ее.

— Какъ вы ни выхваляйте и не превозносите его,—говорила она съ живостью, болѣе нежели обыкновенною, — а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ негодный человѣкъ, негодный, негодный, негодный!

— Да послушайте только, что я вамъ открою...

— Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый непріятный носъ.

— Позвольте же, позвольте же только разсказать вамъ... душенька Анна Григорьевна, позвольте разсказать! Вѣдь это исторія, понимаете ли: исторія, сконапель истоаръ,—говорила гостья съ выраженіемъ почти отчаянія и совершенно умоляющимъ голосомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ разговоръ обѣихъ дамъ вмѣшивалось очень много иностранныхъ словъ и цѣликомъ иногда длинныя французскія фразы. Но какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ, но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэму. И такъ, станемъ продолжать по-русски.

— Какая же исторія?

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! если бы вы могли только представить то положеніе, въ которомъ я находилась! Вообразите, приходитъ ко мнѣ сегодня протопопша, протопопша, отца Кирилы жена, и что бы вы думали? нашъ-то смиренникъ, пріѣзжій-то нашъ, каковъ, а?

— Какъ, неужели онъ и протопопшѣ строилъ куры?

— Ахъ, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего. слушайте только, что разсказала протопопша. Пріѣхала, говоритъ, къ ней помѣщица Коробочка, перепуганная и блѣдная, какъ смерть, и разсказываетъ, и какъ разсказываетъ! послушайте только, совершенный романъ: вдругъ въ глухую полночь, когда все уже спало въ домѣ, раздается въ ворота стукъ, ужаснѣйшій, какой только можно себѣ представить, кричатъ:—Отворите, отворите, не то будутъ выломаны ворота!.. — Каково вамъ это покажется? Каковъ же послѣ этого прелестникъ?

— Да что Коробочка? развѣ молода и хороша собою?

— Ничуть, старуха.

— Ахъ, прелести! Такъ онъ за старуху принялся? Ну, хорошъ же послѣ этого вкусъ нашихъ дамъ, нашли въ кого влюбиться.

— Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ не то, что вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина и требуетъ:— Продайте, — говоритъ, — всѣ души, которыя умерли. — Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: „Я не могу продать, потому что онѣ мертвыя“.—Нѣтъ,—говоритъ,—онѣ не мертвыя: это мое, — говоритъ, — дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ: онѣ не мертвыя, не мертвыя!— кричитъ — не мертвыя! — Словомъ, скандальозу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ,—ну, просто, орреръ, орреръ, орреръ!.. Но вы себѣ представить не можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. — Голубушка барыня, — говоритъ мнѣ Машка, — посмотрите въ зеркало, вы блѣдны.—„Не до зеркала,—говорю,—мнѣ: я должна ѣхать разсказать Аннѣ Григорьевнѣ. Въ ту же минуту приказываю заложить коляску, кучеръ Андрюшка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза, какъ дура. Я думаю, что онъ подумалъ, что я сумасшедшая. Ахъ, Анна Григорьевна! если-бъ вы только могли себѣ представить, какъ я перетревожилась!

— Это, однакожъ, странно, — сказала во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.—что бы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души, а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: что-нибудь вѣрно же есть.

— Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это. „И теперь, — говоритъ Коробочка, — я не знаю,—говоритъ,—что мнѣ дѣлать. Заставилъ,— говоритъ,—подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросилъ пятнадцать рублей ассигнаціями; я,—говоритъ,—неопытная, безпомощная вдова, я ничего не знаю...“ Такъ вотъ происшествія! Но только если бы вы могли сколько-нибудь себѣ представить, какъ я вся перетревожилась!

— Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое.

— Я, признаюсь, тоже, — произнесла не безъ удивленья просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой: — А что-жъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?

— Ну, какъ вы думаете?

— Какъ я думаю?... Я, признаюсь, совершенно потеряна.

— Но, однакожъ, я бы все хотѣла знать: какія ваши насчетъ этого мысли?

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать. Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь смѣтливое предположеніе, для этого никакъ ея не ставало, и оттого, болѣе не-

жели всякая другая, она имѣла потребность въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ.

— Ну, слушайте же, что такое эти мертвыя души,—сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостья при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: ушки ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диванѣ, и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тоньше, стала похожа на легкій пухъ, который вотъ такъ и полетитъ на воздухъ отъ дуновенія.

Такъ русскій баринъ, собачей и іора-охотникъ, подъѣзжая къ лѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочитъ оттопанный доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ копемъ и поднятымъ арапникомъ въ одинъ застывшій мигъ, въ порохъ, къ которому вотъ-вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ очами въ мутный воздухъ и ужъ настигнетъ звѣря, ужъ допечетъ его, неотбойный, какъ ни воздымайся противъ него вся мятущая снѣговая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бобровую его шапку.

— Мертвыя души... — произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.

— Что, что?—подхватила гостья, вся въ волненьи.

— Мертвыя души!..

— Ахъ, говорите ради Бога!

— Это, просто, выдумано только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку.

Это заключеніе, точно, было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, поблѣднѣла, какъ смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку. — Ахъ, Боже мой!—вскрикнула она, всплеснувъ руками,— ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать.

— А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло,—отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!

— Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станетъ духа произнести ихъ.

— Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это, просто, раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла, наконецъ, безнравственность.

— А мужчины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней...

— Манерна нестерпимо.

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! она статуя, и хоть бы какое-нибудь выраженье въ лицѣ.

— Ахъ, какъ манерна! Ахъ, какъ манерна! Боже, какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю; но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства.

— Душенька! она статуя и блѣдна, какъ смерть.

— Ахъ, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно.

— Ахъ, что это вы, Анна Григорьевна: она мѣлъ, мѣлъ, чистѣйшій мѣлъ.

— Милая, я сидѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается, какъ штукатурка, кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдетъ матушку.

— Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же часъ лишиться дѣтей, мужа, всего имѣнья, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тѣнь какого-нибудь румянца!

— Ахъ, что вы это говорите, Софья Ивановна!—сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и всплеснула руками.

— Ахъ, какія же вы, право, Анна Григорьевна! Я съ изумленьемъ на васъ гляжу!—сказала пріятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю страннымъ, что обѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что видѣли почти въ одно и то же время. Есть, точно, на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя, а взглянетъ другая — выйдутъ красныя, красныя, какъ брусника.

— Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она блѣдна, — продолжала пріятная дама: — я помню, какъ теперь, что я сижу возлѣ Манилова и говорю ему:—Посмотрите, какая она блѣдная!— Право, нужно быть до такой степени безтолковыми, какъ наши мужчины, чтобы восхищаться ею. А нашъ-то прелестникъ... Ахъ, какъ онъ мнѣ показался противнымъ! Вы не можете себѣ представить, Анна Григорьевна, до какой степени онъ мнѣ показался противнымъ.

— Да, однакоже, нашлись нѣкоторыя дамы, которыя были неравнодушны къ нему.

— Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!

— Да я не говорю объ васъ. Какъ будто, кромѣ васъ, никого нѣтъ.

— Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю; а развѣ со стороны какихъ-нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль недоступныхъ.

— Ужъ извините, Софья Ивановна! Ужъ позвольте вамъ сказать, что за мной подобныхъ скандальозностей никогда еще не водилось. За

кѣмъ другимъ развѣ, а ужъ за мной нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить.

— Отчего же вы обидѣлись? Вѣдь тамъ были и другія дамы, были даже такія, которыя первыя захватили стулъ у дверей, чтобы сидѣть къ нему поближе.

Ну, ужъ послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ пріятною дамою, должна была неминуемо послѣдовать буря; но, къ величайшему изумленію, обѣ дамы вдругъ пріутихли, и совершенно ничего не послѣдовало. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама вспомнила, что выкройка для моднаго платья еще не находится въ ея рукахъ, а просто пріятная дама смекнула, что она еще не успѣла вывѣдать никакихъ подробностей насчетъ открытія, сдѣланнаго ея искреннею пріятельницею, и потому миръ послѣдовалъ очень скоро. Впрочемъ, обѣ дамы, нельзя сказать, чтобы имѣли въ своей натурѣ потребность наносить непріятность, и вообще въ характерахъ ихъ ничего не было злого, а такъ, нечувствительно, въ разговорѣ рождалось само собою маленькое желаніе кольнуть другъ друга; просто, одна другой, изъ небольшого наслажденія, при случаѣ всунетъ иное живое словцо: — Вотъ, молъ, тебѣ! На, возьми, съѣшь!—Разнаго рода бываютъ потребности въ сердцахъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола.

— Я не могу, однакоже, понять только того,— сказала просто пріятная дама, — какъ Чичиковъ, будучи человѣкъ заѣзжій, могъ рѣшиться на такой отважный пассажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ.

— А вы думаете—нѣтъ ихъ?

— А кто же бы, полагаете, могъ помогать ему?

— Ну, да хоть и Ноздревъ.

— Неужели Ноздревъ?

— А что-жъ? вѣдь его на это станетъ. Вы знаете: онъ родного отца хотѣлъ продать или, еще лучше, проиграть въ карты.

— Ахъ, Боже мой, какія интереспыя новости я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла предполагать, чтобы и Ноздревъ былъ замѣшанъ въ эту исторію!

— А я всегда предполагала.

— Какъ подумаешь, право, чего не происходитъ на свѣтѣ: ну, можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиковъ только-что пріѣхалъ къ намъ въ городъ, что онъ произведетъ такой странный маршъ въ свѣтѣ? Ахъ, Анна Григорьевна, если бы вы знали, какъ я перетревожилась! Если бы не ваша благосклонность и дружба... вотъ уже, точно, на краю погибели... куда-жъ? Машка моя видитъ, что я блѣдна, какъ смерть. — Душечка барыня,—говоритъ мнѣ.—вы блѣдны, какъ смерть.—„Машка,—говорю,—мнѣ не до того теперь“! Такъ вотъ какой случай! Такъ и Ноздревъ здѣсь! прошу покорно!

Пріятной дамѣ очень хотѣлось вывѣдать дальнѣйшія подробности насчетъ похищенія, то-есть, въ которомъ часу и прочее, но многаго захотѣла. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама прямо отозвалась незнаніемъ. Она не умѣла лгать: предположить что-нибудь—это другое дѣло, но и то въ такомъ случаѣ, когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи; если-жъ было почувствовано внутреннее убѣжденіе, тогда умѣла она постоять за себя, и попробовалъ бы какой-нибудь дока-адвокатъ, славящійся даромъ побѣждать чужія мнѣнія,—попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь: увидѣлъ бы онъ, что значитъ внутреннее убѣжденіе.

Что обѣ дамы, наконецъ, рѣшительно убѣдились въ томъ, что прежде предположили только, какъ одно предположеніе,—въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Наша братья, народъ умный, какъ мы называемъ себя, поступаетъ почти такъ же, и доказательствомъ служатъ наши ученыя разсужденія. Сперва ученый подъѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ подлецомъ, начинаетъ робко, умѣренно, начинаетъ самымъ смиреннымъ запросомъ:—Не оттуда ли? не изъ того ли угла получила имя такая-то страна?—или: — Не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому, позднѣйшему времени?—или: — Не нужно ли подъ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ? Цитуетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей и чуть только видитъ какой-нибудь намекъ или, просто, показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы, и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, позабывая вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно— и разсужденіе заключено словами:—Такъ это вотъ какъ было! такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть! такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ. Потомъ во всеуслышанье съ каѳедры—и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ.

Въ то время, какъ обѣ дамы такъ удачно и остроумно рѣшили такое запутанное обстоятельство, вошелъ въ гостиную прокуроръ съ вѣчно неподвижною своей физіономіей, густыми бровями и моргавшимъ глазомъ. Дамы наперерывъ принялись сообщать ему всѣ событія, разсказали о покупкѣ мертвыхъ душъ, о намѣреніи увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно съ толку, такъ что, сколько ни продолжалъ онъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, хлопать лѣвымъ глазомъ и бить себя платкомъ по бородѣ, сметая оттуда табакъ, но ничего рѣшительно не могъ понять. Такъ на томъ и оставили его обѣ дамы и отправились,

каждая въ свою сторону, бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хоть бы кто-нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то-есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши впросонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, — и потомъ уже, наконецъ, чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города. Всякій, какъ баранъ, остановился, выпучивъ глаза. Мертвыя души, губернаторская дочка и Чичиковъ сбились и смѣшались въ головахъ ихъ необыкновенно странно; и потомъ уже, послѣ перваго одурѣнія, они какъ будто-бы стали различать ихъ порознь и отдѣлять одно отъ другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дѣло никакъ не хочетъ объясниться.—Что-жъ за притча, въ самомъ дѣлѣ, что за притча эти мертвыя души? Логики нѣтъ никакой въ мертвыхъ душахъ, какъ же покупать мертвыя души? гдѣ-жъ дуракъ такой возьмется? и на какія слѣпыя деньги станетъ онъ покупать ихъ? и на какой конецъ, къ какому дѣлу можно приткнуть эти мертвыя души? и зачѣмъ вмѣшалась сюда губернаторская дочка? Если же онъ хотѣлъ увезти ее, такъ зачѣмъ для этого покупать мертвыя души? Если же покупать мертвыя души, такъ зачѣмъ увозить губернаторскую дочку? Подарить, что-ли, онъ хотѣлъ ей эти мертвыя души? Что-жъ за вздоръ, въ самомъ дѣлѣ, разнесли по городу? Что-жъ за направленье такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и выпустятъ исторію, и хоть бы какой-нибудь смыслъ былъ... Однакожъ, разнесли, стало-быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина въ мертвыхъ душахъ? Даже и причины нѣтъ. Это, выходитъ, просто: Андроны Ѣдутъ, чепуха, белиберда, сапоги въ смятку! это, просто, чортъ побери!..—Словомъ, пошли толки, толки, и весь городъ заговорилъ про мертвыя души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвыя души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все, что ни есть, поднялось. Какъ вихорь взметнулся, дотолѣ, казалось, дремавшій, городъ. Вылѣзли изъ поръ всѣ тюрюки и байбаки, которые позалеживались въ халатахъ по нѣскольку лѣтъ дома, сваливая вину то на сапожника, сшившаго узкіе сапоги, то на портного, то на пьяницу кучера; всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знались только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ да Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ *полежать и завалиться*, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, все равно, какъ фраза: *заѣхать къ Сопикову* и *Храповицкому*, означающая всякіе мертвецкіе сны на боку, на спинѣ и во всѣхъ иныхъ положеніяхъ, съ захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями); всѣ тѣ, которыхъ нельзя было выманить изъ дому даже зазывомъ на расхлебку пятисотъ-рублевой ухи, съ двухъаршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками;—словомъ, оказалось, что городъ и люденъ, и великъ, и населенъ, какъ слѣдуетъ. Показался какой-то Сысой Пафнутьевичъ и Макдональдъ Карловичъ, о которыхъ и не слышно было никогда; въ гостиныхъ заторчалъ какой-то длинный-длинный съ прострѣленною рукою, такого высокаго роста, какого даже и не видано было. На улицахъ показались крытыя дрожки, невѣдомыя линейки, дребезжалки, колесосвистки—и заварилась каша. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ подобные слухи, можетъ быть, не обратили бы на себя никакого вниманія, но городъ N уже давно не получалъ никакихъ совершенно вѣстей. Даже не происходило въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ничего такого, что называютъ въ столицахъ камеражами, что, какъ извѣстно, для города то же, что своевременный подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ городской толковнѣ оказалось вдругъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія, и образовались вдругъ двѣ противоположныя партіи: мужская и женская. Мужская партія, самая безтолковая, обратила вниманіе на мертвыя души. Женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки. Въ этой партіи, надо замѣтить къ чести дамъ, было несравненно болѣе порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначеніе ихъ быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Все у нихъ скоро приняло живой, опредѣленный видъ, облеклось въ ясныя и очевидныя формы, объяснилось, очистилось, однимъ словомъ—вышла окончанная картинка. Оказалось, что Чичиковъ давно уже былъ влюбленъ, и ви-

дѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ, что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богатъ, какъ жидъ, если бы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онѣ узнали, что Чичиковъ женатъ—это никому не было вѣдомо), и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору самое трогательное, и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать никогда не согласятся, рѣшился на похищеніе. Въ другихъ домахъ разсказывалось это нѣсколько иначе: что у Чичикова нѣтъ вовсе никакой жены, но что онъ, какъ человѣкъ тонкій и дѣйствующій навѣрняка, предпринялъ съ тѣмъ, чтобы получить руку дочери, начать дѣло съ матери и имѣлъ съ нею сердечную тайную связь, и что потомъ сдѣлалъ декларацію насчетъ руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступленіе, противное религіи, и чувствуя въ душѣ угрызеніе совѣсти, отказала наотрѣзъ, и что вотъ потому Чичиковъ рѣшился на похищеніе. Ко всему этому присоединялись многія объясненія и поправки, по мѣрѣ того, какъ слухи проникали, наконецъ, въ самые глухіе переулки. На Руси же общества низшія очень любятъ поговорить о сплетняхъ, бывающихъ въ обществахъ высшихъ, а потому начали обо всемъ этомъ говорить въ такихъ домишкахъ, гдѣ даже въ глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавленія и еще большія поясненія. Сюжетъ становился ежеминутно занимательнѣе, принималъ съ каждымъ днемъ болѣе окончательныя формы и, наконецъ, такъ какъ есть, во всей своей окончательности, доставленъ былъ въ собственныя уши губернаторши. Губернаторша, какъ мать семейства, какъ первая въ городѣ дама, наконецъ, какъ дама, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, была совершенно оскорблена подобными исторіями и пришла въ негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое. Бѣдная блондинка выдержала самый непріятный tête-à-tête, какой только когда-либо случалось имѣть шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Полились цѣлые потоки разспросовъ, допросовъ, выговоровъ, угрозъ, упрековъ, увѣщаній, такъ что дѣвушка бросилась въ слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару данъ былъ строжайшій приказъ не принимать ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ Чичикова.

Сдѣлавши свое дѣло относительно губернаторши, дамы насѣли было на мужскую партію, пытаясь склонить ихъ на свою сторону и утверждая, что мертвыя души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе и успѣшнѣе произвесть похищеніе. Многіе даже изъ мужчинъ были совращены и пристали къ ихъ партіи, несмотря на то, что подвергнулись сильнымъ нареканіямъ отъ своихъ же товарищей, обругавшихъ ихъ бабами и юбками,—именами, какъ извѣстно, очень обидными для мужескаго пола.

Но какъ ни вооружались и ни противились мужчины, а въ ихъ партіи совсѣмъ не было такого порядка, какъ въ женской. Все у нихъ было какъ-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо; въ головѣ кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ — однимъ словомъ, такъ и вызначилась во всемъ пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, неспособная ни къ домостроительству, ни къ сердечнымъ убѣжденіямъ, маловѣрная, лѣнивая, исполненная безпрерывныхъ сомнѣній и вѣчной боязни. Они говорили, что все это вздоръ, что похищеніе губернаторской дочки болѣе дѣло гусарское, нежели гражданское, что Чичиковъ не сдѣластъ этого, что бабы врутъ, что баба — что мѣшокъ: что положатъ, то несетъ; что главный предметъ, на который нужно обратить вниманіе, есть мертвыя души, которыя, впрочемъ, чортъ его знаетъ, что значатъ, но въ нихъ заключено, однакожъ, весьма скверное, нехорошее. Почему казалось мужчинамъ, что въ нихъ заключалось скверное и нехорошее, сію минуту узнаемъ. Въ губернію назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ,—событіе, какъ извѣстно, приводящее чиновниковъ въ тревожное состояніе: пойдутъ переборки, распеканья, взбутетениванья и всякія должностныя похлебки, которыми угощаетъ начальникъ своихъ подчиненныхъ.—Ну, что, — думали чиновники, — если онъ узнаетъ только, просто, что въ городѣ ихъ вотъ-де какіе глупые слухи, да за это одно можетъ вскипятить не на жизнь, а на самую смерть. — Инспекторъ врачебной управы вдругъ поблѣднѣлъ, ему представилось Богъ знаетъ что: что подъ словомъ *мертвыя души* не разумѣются ли больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и въ другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія. Онъ сообщилъ объ этомъ предсѣдателю. Предсѣдатель отвѣчалъ, что это вздоръ, и потомъ вдругъ поблѣднѣлъ самъ, задавъ себѣ вопросъ: а что, если души, купленныя Чичиковымъ, въ самомъ дѣлѣ мертвыя? а онъ допустилъ совершить на нихъ крѣпость, да еще самъ сыгралъ роль повѣреннаго Плюшкина, и дойдетъ это до свѣдѣнія генералъ-губернатора,—что тогда? Онъ объ этомъ больше ничего, какъ только сказалъ тому и другому, и вдругъ поблѣднѣли и тотъ, и другой: страхъ прилипчивѣе чумы и сообщается вмигъ. Всѣ вдругъ отыскали въ себѣ такіе грѣхи, какихъ даже не было. Слово *мертвыя души* такъ раздалось неопредѣленно, что

стали подозрѣвать даже, нѣтъ ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла, вслѣдствіе двухъ, не такъ давно случившихся, событій. Первое событіе было съ какими-то сольвычегодскими купцами, пріѣхавшими въ городъ на ярмарку и задавшими послѣ торговъ пирушку пріятелямъ своимъ, устьсысольскимъ купцамъ, — пирушку на русскую ногу, съ нѣмецкими затѣями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, какъ водится, кончилась дракой. Сольвычегодскіе уходили на-смерть устьсысольскихъ, хотя и отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ микитки, и въ подсочельникъ, свидѣтельствовавшую о непомѣрной величинѣ кулаковъ, которыми были снабжены покойники. У одного изъ восторжествовавшихъ даже былъ вплоть сколотъ „нососъ“, по выраженію бойцовъ, то-есть весь размозженъ носъ, такъ что не оставалось его на лицѣ и на полъ-пальца. Въ дѣлѣ своемъ купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, будто при повинной головѣ они приложили по четыре государственныя каждый; впрочемъ, дѣло слишкомъ темное; изъ учиненныхъ выправокъ и слѣдствій оказалось, что устьсысольскіе ребята умерли отъ угара, а потому такъ ихъ и похоронили, какъ угорѣвшихъ. Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-Спѣсь, соединившись съ таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово тожъ, снесли съ лица земли будто бы земскую полицію, въ лицѣ засѣдателя, какого-то Дробяжкина; что будто земская полиція, то-есть засѣдатель Дробяжкинъ повадился уже черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что, въ иныхъ случаяхъ, стоитъ повальной горячки, а причина де та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывался на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Навѣрное, впрочемъ, неизвѣстно, хотя въ показаніяхъ крестьяне выразились прямо, что земская полиція былъ де блудливъ, какъ кошка, и что уже не разъ они его берегали и одинъ разъ даже выгнали нагишомъ изъ какой-то избы, куда онъ было забрался. Конечно, земская полиція достоинъ былъ наказанія за сердечныя слабости, но мужиковъ какъ Вшивой Спѣси, такъ и Задирайлова тожъ нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только дѣйствительно участвовали въ убіеніи. Но дѣло было темно, земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сюртукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки, а ужъ физіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило, наконецъ, въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсужено въ такомъ смыслѣ: такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много; Дробяжкинъ же человѣкъ мертвый, стало-быть, ему немного въ томъ проку, если бы даже онъ и выигралъ дѣло, а мужики были еще живы, стало-быть, для нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то, вслѣдствіе того, рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкинъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вшивой-Спѣси и Задирайлова тожъ, а умеръ до онъ, возвращаясь въ саняхъ, отъ апоплексическаго удара. Дѣло, казалось бы, обдѣлано было кругло; но чиновники, неизвѣстно почему, стали думать, что, вѣрно, объ этихъ мертвыхъ душахъ идетъ теперь дѣло. Случись же такъ, что, какъ нарочно, въ то время, когда господа чиновники и безъ того находились въ затруднительномъ положеніи, пришли къ губернатору разомъ двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ содержалось, что, по дошедшимъ показаніямъ и донесеніямъ, находится въ ихъ губерніи дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, скрывающійся подъ разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее розысканіе. Другая бумага содержала въ себѣ отношеніе губернатора сосѣдственной губерніи о убѣжавшемъ отъ законнаго преслѣдованія разбойникѣ, и что буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человѣкъ, не предъявящій никакихъ свидѣтельствъ и паспортовъ, то задержать его немедленно. Эти двѣ бумаги такъ и ошеломили всѣхъ. Прежнія заключенія и догадки совсѣмъ были сбиты съ толку. Конечно, никакъ нельзя было предполагать, чтобы тутъ относилось что-нибудь къ Чичикову, однакожъ всѣ, какъ поразмыслили каждый съ своей стороны, какъ припомнили, что они еще не знаютъ, кто таковъ на самомъ дѣлѣ есть Чичиковъ, что онъ самъ весьма неясно отзывался насчетъ собственнаго лица, говорилъ, правда, что потерпѣлъ по службѣ за правду, да вѣдь все это какъ-то неясно; и когда вспомнили при этомъ, что онъ даже выразился, будто имѣлъ много непріятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще болѣе: стало-быть, жизнь его была въ опасности; стало-быть, его преслѣдовали; стало-быть, онъ вѣдь сдѣлалъ же что-нибудь такое... Да кто же онъ въ самомъ дѣлѣ такой? Конечно, нельзя думать, чтобы онъ могъ дѣлать фальшивыя бумажки, а тѣмъ болѣе быть разбойникомъ,—наружность благонамѣренна; но при всемъ томъ, кто же бы, однакожъ, онъ былъ такой на самомъ дѣлѣ? И вотъ господа чиновники задали себѣ теперь вопросъ, который должны были задать себѣ вначалѣ, то-есть въ первой главѣ нашей поэмы. Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько разспро овъ тѣмъ у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, что за покупка, и что именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не

объяснилъ ли онъ кому, хоть, можетъ быть невзначай, хоть вскользь какъ-нибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ кому-нибудь о томъ, кто онъ такой. Прежде всего отнеслись къ Коробочкѣ, но тутъ почерпнули не много: купилъ де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупаетъ, и много всего обѣщался накупить, въ казну сало тоже ставитъ, и потому навѣрно плутъ, ибо ужъ былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну сало поставлялъ, да обманулъ всѣхъ и протопопшу надулъ болѣе, чѣмъ на сто рублей. Все, что ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коробочка была, просто, глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться, какъ за самого себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобы имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отозвался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей насчетъ дружбы уже съ зажмуренными глазами. Эти мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящаго дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человѣкъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ не мало, и бываютъ примѣры, что вымираютъ де цѣлыя деревни. Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однакоже, иногда употребляется, то-есть стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина; но услышали тоже не много. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилого покоя, а отъ Селифана, что „сполнялъ службу государскую, да служилъ прежде по таможнѣ“ — и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнитъ, не приберетъ всего въ голову и даже просто отвѣтитъ, что не знаетъ, а если спросить о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и приплететъ его, и разскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь. Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ, что такое Чичиковъ, а что, однакоже, Чичиковъ что-нибудь да долженъ быть непремѣнно. Они положили, наконецъ, потолковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить, по крайней мѣрѣ, что и какъ имъ дѣлать, и какія мѣры предпринять, и что такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города.

ГЛАВА X.

Собравшись у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города, чиновники имѣли случай замѣтить другъ другу, что они даже похудѣли отъ этихъ заботъ и тревогъ. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе новаго генералъ-губернатора и эти полученныя бумаги такого серьезнаго содержанія, и эти, Богъ знаетъ какіе слухи,— все это оставило замѣтные слѣды въ ихъ лицахъ, и фраки на многихъ сдѣлались замѣтно просторнѣй. Все подалось: и предсѣдатель похудѣлъ, и инспекторъ врачебной управы похудѣлъ, и прокуроръ похудѣлъ, и какой-то Семенъ Ивановичъ, никогда не называвшійся по фамиліи, носившій на указательномъ пальцѣ перстень, который давалъ разсматривать дамамъ, даже и тотъ похудѣлъ. Конечно, нашлись, какъ и вездѣ бываетъ, кое-кто неробкаго десятка, которые не теряли присутствія духа; но ихъ было весьма не много: почтмейстеръ одинъ только. Онъ одинъ не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить: „Знаемъ мы васъ, генералъ-губернаторовъ! Васъ, можетъ быть, три, четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, сударь мой, сижу на одномъ мѣстѣ“. На это, обыкновенно, замѣчали другіе чиновники: „Хорошо тебѣ, шпрехенъ зи дейчъ Иванъ Андрейчъ: у тебя дѣло почтовое — принять да отправить экспедицію. Развѣ только надуешь, запершись присутствіе часомъ раньше, да возьмешь съ опоздавшаго купца за пріемъ письма въ неуказное время, или перешлешь иную посылку, которую не слѣдуетъ пересылать—тутъ, конечно, всякій будетъ святой. А вотъ пусть къ тебѣ повадится чортъ подвертываться всякій день подъ руку, такъ что вотъ и не хочешь брать, а онъ самъ суетъ. Тебѣ разумѣется съ-пола-горя: у тебя одинъ сынишка, а тутъ, братъ, Прасковью Ѳедоровну надѣлилъ Богъ такою благодатію, — что годъ, то несетъ: либо Праскушку, либо Петрушу. Тутъ, братъ, другое запоешь“. Такъ говорили чиновники, а можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта, объ этомъ судить не авторское дѣло. Въ собравшемся на сей разъ совѣтѣ очень замѣтно было

отсутствіе той необходимой вещи, которую въ простонародьи называютъ толкомъ. Вообще, мы какъ-то не создались для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то: клубы и всякіе вокзалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и ни вѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира съ отопленіемъ и сторожами; а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму. Впрочемъ, собравшееся нынѣ совѣщаніе было совершенно другого рода: оно образовалось вслѣдствіе необходимости. Не о какихъ-либо бѣдныхъ или посторонникъ шло дѣло: дѣло касалось всякаго чиновника лично. Дѣло касалось бѣды, всѣмъ равно грозившей, стало-быть, поневолѣ тутъ должно быть единодушнѣе, тѣснѣе. Но при всемъ томъ вышло чортъ знаетъ что такое. Не говоря уже о разногласіяхъ, свойственныхъ всѣмъ совѣтамъ, во мнѣніи собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерѣшительность: одинъ говорилъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій, и потомъ самъ прибавлялъ: „а можетъ быть и не дѣлатель“; другой утверждалъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и тутъ же присовокуплялъ: „а, впрочемъ, чортъ его знаетъ; на лбу вѣдь не прочтешь“. Противъ догадки, не переодѣтый ли разбойникъ, вооружились всѣ; нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благопамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько минутъ погруженнымъ въ какое-то размышленіе,—вслѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, осѣнившаго его, или чего иного, — вскрикнулъ неожиданно: — Знаете ли, господа, кто это? — Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что-то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время: — А кто? — Это, господа, сударь мой, не кто другой, какъ капитанъ Копѣйкинъ!— А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили: Кто таковъ этотъ капитанъ Копѣйкинъ? — почтмейстеръ сказалъ: —Такъ вы не знаете, кто такой капитанъ Копѣйкинъ?

Всѣ отвѣчали, что никакъ не знаютъ, кто таковъ капитанъ Копѣйкинъ.

— Капитанъ Копѣйкинъ,—сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только вполовину, изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: „Знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ быть, нивѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ — вещь, требующая чистоты“.— Капитанъ Копѣйкинъ,—повторилъ онъ, уже понюхавши табаку,—да вѣдь это, впрочемъ, если разсказывать вамъ, выйдетъ даже презанимательнымъ для какого-нибудь писателя, въ нѣкоторомъ родѣ цѣлая поэма.

Всѣ присутствующіе изъявили желаніе узнать эту исторію или, какъ выразился почтмейстеръ, „презанимательную для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ цѣлую поэму“, и онъ началъ такъ:

ПОВѢСТЬ О КАПИТАНѢ КОПѢЙКИНѢ.

— Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой,—такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро,—послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ раненными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ—всего отвѣдалъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, этакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу, отецъ говоритъ: „Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я,—можете представить себѣ, — самъ едва достаю хлѣбъ“. Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы хлопотать по начальству, не будетъ ли какого вспоможенья, что вотъ-де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнью жертвовалъ, проли-

валъ кровь... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами, или фурами казенными, словомъ, судырь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: этакой, какой-нибудь, то-есть капитанъ Копѣйкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехеразада, понимаете, этакая. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ этакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ этакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ этакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть прикосновенія; словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія, судырь мой, такая... словомъ относительно такъ сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина всѣ ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ, да серебра мелочь... Ну, деревни на это не купишь, то-есть и купишь, можетъ быть, если приложишь тысячъ сорокъ, да сорокъ-то тысячъ нужно занять у французскаго короля. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки; обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины... Видитъ — заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. „Что-жъ, куда обратиться?—говорятъ:—высшаго начальства нѣтъ теперь въ столицѣ; все это, понимаете, въ Парижѣ; войска не возвращались; а есть, —говорятъ,—временная комиссія. Попробуйте, можетъ быть, что-нибудь тамъ могутъ“. — Пойду въ комиссію, — говоритъ Копѣйкинъ,—скажу: такъ и такъ, проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, относительно сказать, жизнью жертвовалъ.— Вотъ, судырь мой, вставши пораньше, поскребъ онъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цирюльнику— это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натащилъ на себя мундиришка и на деревяжкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику въ комиссію. Разспросилъ, гдѣ живетъ начальникъ. „Вонъ, — говорятъ, — домъ на набережной,—избенка, понимаете, мужичья: стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутораасаженныя зеркала, марморы, лаки, судырь ты мой... словомъ, ума помраченье. Металлическая ручка какая-нибудь у двери — конфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде, понимаете, нужно забѣжать въ лавочку, да купить на грошъ мыла, да часъ съ два, въ нѣкоторомъ родѣ, тереть имъ руки, да ужъ послѣ развѣ можно взяться за нее. Одинъ швейцаръ на крыльцѣ, понимаете, съ булавой: графская этакая физіогномія, батистовые воротнички, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь... Копѣйкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяжкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченую, относительно сказать, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что пришелъ еще въ такое время, когда начальникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ поднесъ ему какую-нибудь серебряную лаханку для разныхъ, понимаете, умываній этакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ и говоритъ: „Сейчасъ начальникъ выйдетъ“. А въ комнатѣ ужъ и эполетъ и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, судырь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ—начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ, подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы, зачѣмъ вы, что вамъ угодно, какое ваше дѣло?“ Наконецъ, судырь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ:— Такъ и такъ,—говоритъ,—проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, — осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомоществованія, какихъ-нибудь этакихъ распоряженій насчетъ, относительно, такъ сказать, вознагражденія, пенсіона, что ли,— понимаете. Начальникъ видитъ: человѣкъ на деревяжкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру. „Хорошо, — говоритъ, — понавѣдайтесь на-дняхъ“. Копѣйкинъ мой въ восторгѣ:—Ну,—думаетъ,—дѣло сдѣлано.—Въ духѣ, можете вообразить, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, судырь мой, въ Лондонѣ, приказалъ себѣ подать котлетку съ каперсами, пуляку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ—однимъ словомъ, кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ: идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, этакой. Мой Копѣйкинъ,—кровь-то, знаете, разыгралась,— побѣжалъ было за ней на своей деревяжкѣ, трюхъ-трюхъ слѣдомъ; „да нѣтъ, — подумалъ, — на время къ чорту волокитство! пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь ужъ я что-то слишкомъ расходился“. А промоталъ онъ между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ. Дня черезъ три-четыре является онъ, судырь ты мой, въ комиссію, къ начальнику, да!—Пришелъ,— говоритъ,—узнать: такъ и такъ, по одержимымъ

болѣзнямъ и за рапами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь...— и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. „А что, — говоритъ начальникъ,— прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно, такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерните. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ, говоритъ, сколько могу...“ Ну, и понимаете, далъ ему конечно немного, по съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній. Но Копѣйкину моему не того хотѣлось. Онъ-то ужъ думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой-нибудь этакой кушъ: „На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись“; а вмѣсто того — жди, да и время не назначено. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и англичанка, и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой, — и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь-то петербургская его уже поразобрала, кое-чего онъ уже и попробовалъ. А тутъ живи, чортъ знаетъ какъ, спастей-то, понимаете, никакихъ. Ну, а человѣкъ-то свѣжій, живой, аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо этакого какого-нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ этакой съ откормленной физіогномей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой-нибудь этакой, котлетки съ трюфелями, — словомъ разсупе-деликатесъ такой, что просто себя то-есть съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Миляютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбузъ-громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей—словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ—жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названіемъ *завтра*. — Ну, ужъ,— думаетъ,— какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду,— говоритъ, — подыму всю комиссію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите!—И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ этакой, толку-то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ комиссію: „Ну что?— говорятъ,— зачѣмъ еще? вѣдь вамъ ужъ сказано“.—Да что?—говоритъ,— я не могу,— говоритъ,—перебиваться кое-какъ. Мнѣ нужно,—говоритъ,—съѣсть и котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ,—понимаете. — „Ну ужъ,— говоритъ начальникъ,— извините... Насчетъ этотъ есть, такъ-сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выйдетъ резолюція, и, безъ сомнѣнія, вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ: ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ, приносившій, относительно, такъ сказать, услуги отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками, и въ театръ, понимаете, такъ ужъ тутъ извините. Въ такомъ случаѣ ищите сами себѣ средствъ, старайтесь сами себѣ помочь“. Но Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ. Шумъ поднялъ такой, всѣхъ распушилъ! Всѣхъ тамъ этихъ правителей, секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить...—Да вы,—говоритъ,— то!—говоритъ,—да вы,— говоритъ,— это!— говоритъ,—да вы,— говоритъ,—обязанностей своихъ не знаете! да вы, — говоритъ, — законопродавцы! — говоритъ. Всѣхъ отшлепалъ. Генералъ тамъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то даже вовсе посторонняго вѣдомства, онъ судырь мой, и его! Бунтъ поднялъ такой! Что прикажешь дѣлать съ этакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно, такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. „Хорошо,—говоритъ,— если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что даютъ вамъ, и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ рѣшенья вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. Позвать,—говоритъ,—фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!“ А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъаршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ,— словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его раба Божія въ телѣжку да съ фельдъ-егеремъ. „Ну,—Копѣйкинъ думаетъ,—по крайней мѣрѣ, не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то“. Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Хорошо,—говоритъ,—вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; хорошо,—говоритъ,—я,— говоритъ,—найду средства!“ Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ ихъ эти. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. И такъ, куда дѣлся Копѣйкинъ, неизвѣстно; но

не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой...

— Только позволь, Иванъ Андреевичъ,—сказалъ вдругъ, прервавши его, полицеймейстеръ,—вѣдь капитанъ Копѣйкинъ, ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова...

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ телятиной. Онъ не могъ понять, какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: *русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ*. Однакожъ, минуту спустя, онъ тутъ же сталъ хитрить и попробовалъ было вывернуться, говоря, что, впрочемъ, въ Англіи очень усовершенствована механика, что видно по газетамъ, какъ одинъ изобрѣлъ деревянныя ноги, такимъ образомъ, что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ уносили эти ноги человѣка, Богъ знаетъ въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было.

Но всѣ очень усомнились, чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копѣйкинъ, и нашли, что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко. Впрочемъ, они, съ своей стороны, тоже не ударили лицомъ въ грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далѣе. Изъ числа многихъ, въ своемъ родѣ, смѣтливыхъ предположеній было, наконецъ, одно,—странно даже и сказать,—что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что англичанинъ издавна завидуетъ, что, дескать, Россія такъ велика и обширна, что даже нѣсколько разъ выходили и карикатуры, гдѣ русскій изображенъ разговаривающимъ съ англичаниномъ: англичанинъ стоитъ и сзади держитъ на веревкѣ собаку, и подъ собакой разумѣется Наполеонъ:—Смотри, молъ,—говоритъ,—если что не такъ, такъ я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку. И вотъ теперь они, можетъ быть, и выпустили его съ острова Елены, и вотъ онъ теперь и пробирается въ Россію будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.

Конечно, повѣрить этому чиновники не повѣрили, а впрочемъ призадумались и, разсматривая это дѣло каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если онъ поворотится и станетъ бокомъ, очень сдастъ на портретъ Наполеона. Полицеймейстеръ, который служилъ въ кампанію 12-го года и лично видѣлъ Наполеона, не могъ тоже не сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова и что складомъ своей фигуры Наполеонъ тоже нельзя сказать, чтобы слишкомъ толстъ, однакожъ и не такъ чтобы тонокъ. Можетъ быть, нѣкоторые читатели назовутъ все это невѣроятнымъ, авторъ тоже въ угоду имъ готовъ бы назвать все это невѣроятнымъ; но, какъ на бѣду, все именно произошло такъ, какъ разсказывается, и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а, напротивъ, недалеко отъ обѣихъ столицъ. Впрочемъ, нужно помнить, что все это происходило вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія французовъ. Въ это время всѣ наши помѣщики, чиновники, купцы, сидѣльцы и всякій грамотный и даже неграмотный народъ сдѣлались, по крайней мѣрѣ, на цѣлыя восемь лѣтъ заклятыми политиками. „Московскія Вѣдомости“ и „Сынъ Отечества“ зачитывались немилосердно и доходили къ послѣднему чтецу въ кусочкахъ, не годныхъ ни на какое употребленіе. Вмѣсто вопросовъ:—Почемъ, батюшки, продали мѣру овса? какъ воспользовались вчерашней порошей? говорили:—А что пишутъ въ газетахъ? не выпустили ли опять Наполеона изъ острова? Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно вѣрили предсказанію одного пророка, уже три года сидѣвшаго въ острогѣ. Пророкъ пришелъ, неизвѣстно откуда, въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвѣстилъ, что Наполеонъ есть антихристъ и держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ. Пророкъ за предсказаніе попалъ, какъ слѣдуетъ, въ острогъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣло свое сдѣлалъ и смутилъ совершенно купцовъ. Долго еще, во время даже самыхъ прибыточныхъ сдѣлокъ, купцы, отправляясь въ трактиръ запивать ихъ чаемъ, поговаривали объ антихристѣ. Многіе изъ чиновниковъ и благороднаго дворянства тоже невольно подумывали объ этомъ и, зараженные мистицизмомъ, который, какъ извѣстно, былъ тогда въ большой модѣ, видѣли въ каждой буквѣ, изъ которыхъ было составлено слово *Наполеонъ*, какое-то особенное значеніе, многіе даже открыли въ немъ апокалипсическія цифры. И такъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что чиновники невольно задумались на этомъ пунктѣ; скоро, однакоже, спохватились, замѣтивъ, что воображеніе ихъ уже черезчуръ рысисто и что все это не то. Думали-думали, толковали-толковали, и наконецъ рѣшили, что не худо бы еще разспросить хорошенько Ноздрева. Такъ какъ онъ первый вынесъ исторію о мертвыхъ душахъ и былъ, какъ говорится, въ какихъ-то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичиковымъ, стало-быть, безъ сомнѣнія, знаетъ кое-что изъ обстоятельствъ его жизни, то попробовать еще, что скажетъ Ноздревъ.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и всѣ прочія званія: вѣдь очень хорошо знали, что Ноздревъ лгунъ, что ему нельзя вѣ-

рить ни въ одномъ словѣ, ни въ самой бездѣлицѣ, а между тѣмъ именно прибѣгнули къ нему. Поди ты, сладь съ человѣкомъ! не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умретъ; пропуститъ мимо созданіе поэта, ясное какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать: — Вотъ оно, вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!—Всю жизнь не ставитъ въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится, наконецъ, къ бабѣ, которая лѣчитъ зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декоктъ изъ нивѣсть какой дряни, которая, Богъ знаетъ почему, вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни. Конечно, можно отчасти извинить господъ чиновниковъ дѣйствительно затруднительнымъ ихъ положеніемъ. Утопающій, говорятъ, хватается и за маленькую щепку, и у него нѣтъ въ это время разсудка подумать, что на щепкѣ можетъ развѣ прокатиться верхомъ муха, а въ немъ вѣсу чуть не четыре пуда, если даже не цѣлыхъ пять; но не приходитъ ему въ то время соображеніе въ голову, и онъ хватается за щепку. Такъ и господа наши ухватились, наконецъ, и за Ноздрева. Полицеймейстеръ въ ту же минуту написалъ къ нему записочку пожаловать на вечеръ, и квартальный въ ботфортахъ, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ, побѣжалъ въ ту же минуту, придерживая шпагу, въ-прискочку, на квартиру Ноздрева. Ноздревъ былъ занятъ важнымъ дѣломъ; цѣлые четыре дня уже не выходилъ онъ изъ комнаты, не впускалъ никого и получалъ обѣдъ въ окошко, — словомъ, даже исхудалъ и позеленѣлъ. Дѣло требовало большой внимательности: оно состояло въ подбираніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга. Работы оставалось еще, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли; во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ. Ноздревъ былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе; прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту; но когда прочиталъ въ запискѣ городничаго, что можетъ случиться пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого-то новичка, смягчился въ ту-жъ минуту, заперъ комнату наскоро ключомъ, одѣлся, какъ попало, и отправился къ нимъ. Показанія, свидѣтельства и предположенія Ноздрева представили такую рѣзкую противоположность таковымъ же господъ чиновниковъ, что и послѣднія ихъ догадки были сбиты съ толку. Это былъ рѣшительно человѣкъ, для котораго не существовало сомнѣній вовсе; и сколько у нихъ замѣтно было шаткости и робости въ предположеніяхъ, столько у него твердости и увѣренности. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись, объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ, и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. На вопросъ: не шпіонъ ли онъ и не старается ли что-нибудь развѣдать? Ноздревъ отвѣчалъ, что шпіонъ; что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмяли, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 пьявокъ, то-есть онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалось какъ-то само собою. На вопросъ: не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ? онъ отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что въ его домѣ находилось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, и какъ Чичиковъ перемѣнилъ ихъ всѣ въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что все были ассигнаціи настоящія. На вопросъ: точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что онъ самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ? Ноздревъ отвѣчалъ, что помогалъ и что если бы не онъ, то не вышло бы ничего. Тутъ онъ и спохватился было, видя, что солгалъ вовсе напрасно и могъ такимъ образомъ накликать на себя бѣду; но языкъ никакъ уже не могъ придержать. Впрочемъ и трудно было, потому что представились сами собою такія интересныя подробности, отъ которыхъ никакъ нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, гдѣ находилась та приходская церковь, въ которой положено было вѣнчаться, именно деревня Трухмачевка, попъ отецъ Сидоръ, за вѣнчаніе 75 рублей, и то не согласился бы, если бы онъ не припугнулъ его, обѣщаясь донести на него, что перевѣнчалъ лабазника Михайла на кумѣ; что онъ уступилъ даже свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей. Подробности дошли до того, что уже начиналъ называть по именамъ ямщиковъ. Попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздревъ понесъ такую околесину, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже, просто, ни на что не имѣла подобія, такъ что чиновники, вздохнувши, всѣ отошли прочь; одинъ только полицеймейстеръ долго еще слушалъ, ду-

мая, не будетъ ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь далѣе; но наконецъ и рукой махнулъ, сказавши:— Чортъ знаетъ, что такое!—И всѣ согласились въ томъ, что *какъ съ быкомъ ни биться, а все молока отъ него не добиться.* И остались чиновники еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ были прежде, и рѣшилось дѣло тѣмъ, что никакъ не могли узнать, что такое былъ Чичиковъ. И оказалось ясно, какого рода созданье человѣкъ: мудръ, уменъ и толковъ онъ бываетъ во всемъ, что касается другихъ, а не себя. Какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдитъ онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! — Экая расторопная голова! — кричитъ толпа, — какой непоколебимый характеръ! — А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь бѣда, и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни—куда дѣлся характеръ! весь растерялся непоколебимый мужъ, и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или, просто, ѳетюкъ, какъ называетъ Ноздревъ.

Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого, умеръ. Параличомъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ, какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками:—Ахъ, Боже мой! — послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже одно бездушное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя онъ, по скромности своей, никогда ея не показывалъ. А между тѣмъ появленье смерти такъ же было страшно въ маломъ, какъ страшно оно и въ великомъ человѣкѣ: тотъ, кто еще не такъ давно ходилъ, двигался, игралъ въ вистъ, подписывалъ разныя бумаги и былъ такъ часто виденъ между чиновниковъ съ своими густыми бровями и мигающимъ глазомъ, теперь лежалъ на столѣ, лѣвый глазъ уже не мигалъ вовсе, но бровь одна все еще была приподнята съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ. О чемъ покойникъ спрашивалъ: зачѣмъ онъ умеръ, или зачѣмъ жилъ, — объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ.

— Но это, однакожъ, несообразно! это несогласно ни съ чѣмъ! это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно, въ чемъ дѣло!—Такъ скажутъ многіе читатели и укорятъ автора въ несообразностяхъ, или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому что щедръ человѣкъ на слово *дуракъ* и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ, мимо девяти хорошихъ. Читателямъ легко судить, глядя изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открытъ весь горизонтъ на все, что дѣлается внизу, гдѣ человѣку виденъ только близкій предметъ. И во всемірной лѣтописи человѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ и ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону, дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ передъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его, въ глухой темнотѣ, текли люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга:—гдѣ выходъ, гдѣ дорога?— Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе; дивится заблужденьямъ, смѣется надъ неразумiемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отовсюду устремленъ пронзительный перстъ на него же, на него, на текущее поколѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки.

Чичиковъ ничего обо всемъ этомъ не зналъ совершенно. Какъ нарочно, въ то время онъ получилъ легкую простуду, флюсъ и небольшое воспаленіе въ горлѣ, въ раздачѣ которыхъ чрезвычайно щедръ климатъ многихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, какъ-нибудь жизнь безъ потомковъ, онъ рѣшился лучше посидѣть денька три въ комнатѣ. Въ продолженіе сихъ дней онъ полоскалъ безпрестанно горло молокомъ съ фигой, которую потомъ съѣдалъ, и носилъ привязанную къ щекѣ подушечку изъ ромашки и камфары. Желая чѣмъ-нибудь занять время, онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ и подробныхъ списковъ всѣмъ накупленнымъ крестьянамъ, прочиталъ даже какой-то томъ герцогини Лавальеръ, отыскавшійся въ чемоданѣ, пересмотрѣлъ въ ларцѣ разные находившіеся тамъ

предметы и записочки, кое-что перечелъ и въ другой разъ, и все это прискучило ему сильно. Никакъ не могъ онъ понять, что бы значило, что ни одинъ изъ городскихъ чиновниковъ не пріѣхалъ къ нему хоть бы разъ навѣдаться о здоровьѣ, тогда какъ еще недавно, то и дѣло, стояли передъ гостиницей дрожки — то почтмейстерскія, то прокурорскія, то предсѣдательскія. Онъ пожималъ только плечами, ходя по комнатѣ. Наконецъ почувствовалъ онъ себя лучше и обрадовался, Богъ знаетъ какъ, когда увидѣлъ возможность выйти на свѣжій воздухъ. Не откладывая, принялся онъ немедленно за туалетъ, отперъ свою шкатулку, налилъ въ стаканъ горячей воды, вынулъ щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочемъ, давно было пора и время, потому что, пощупавъ бороду рукою и взглянувъ въ зеркало, онъ уже произнесъ:—Экъ, какіе пошли писать лѣса!—И въ самомъ дѣлѣ, лѣса не лѣса, а по всей щекѣ и подбородку высыпалъ довольно густой посѣвъ. Выбрившись, принялся онъ за одѣванье живо и скоро, такъ что чуть не выпрыгнулъ изъ панталонъ. Наконецъ, онъ былъ одѣтъ, вспрыснутъ одеколономъ и, закутанный потеплѣе, выбрался на улицу, завязавши изъ предосторожности щеку. Выходъ его, какъ всякаго выздоровѣвшаго человѣка, былъ точно праздничный. Все, что ни попадалось ему, приняло видъ смѣющійся, и дома, и проходившіе мужики, довольно впрочемъ серьезные, изъ которыхъ иной уже успѣлъ съѣздить своего брата въ ухо. Первый визитъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать губернатору. Дорогою много приходило ему всякихъ мыслей на умъ: вертѣлась въ головѣ блондинка, воображенье начало даже слегка шалить, и онъ уже самъ сталъ немного шутить и подсмѣиваться надъ собою. Въ такомъ духѣ очутился онъ передъ губернаторскимъ подъѣздомъ. Уже сталъ онъ было въ сѣняхъ поспѣшно сбрасывать съ себя шинель, какъ швейцаръ поразилъ его совершенно неожиданными словами:—Не приказано принимать!

— Какъ! что ты! Ты, видно, не узналъ меня? Ты всмотрись хорошенько въ лицо!—говорилъ ему Чичиковъ.

— Какъ не узнать! вѣдь я васъ не впервой вижу,—сказалъ швейцаръ. — Да васъ-то именно однихъ и не велѣно пускать, другихъ всѣхъ можно.

— Вотъ тебѣ на! Отчего? почему?

— Такой приказъ, такъ ужъ, видно, слѣдуетъ,—сказалъ швейцаръ и прибавилъ къ тому слово: *да*; послѣ чего сталъ передъ нимъ совершенно непринужденно, не сохраняя того ласковаго вида, съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель. Казалось, онъ думалъ, глядя на него:—Эге! ужъ коли тебя бары гоняютъ съ крыльца, такъ ты, видно, такъ себѣ, шушера какая-нибудь!

— „Непонятно!“—подумалъ про себя Чичиковъ и отправился тутъ же къ предсѣдателю палаты; но предсѣдатель палаты такъ смутился, увидя его, что не могъ связать двухъ словъ и наговорилъ такую дрянь, что даже имъ обоимъ сдѣлалось совѣстно. Уходя отъ него, какъ ни старался Чичиковъ изъяснить дорогою и добраться, что такое разумѣлъ предсѣдатель и насчетъ чего могли относиться слова, но ничего не могъ понять. Потомъ зашелъ къ другимъ: къ полицеймейстеру, къ вице-губернатору, къ почтмейстеру, но всѣ или не приняли его, или приняли такъ странно, такой принужденный и непонятный велъ разговоръ, такъ растерялись, и такая вышла безтолковщина изо всего, что онъ усомнился въ здоровьи ихъ мозга. Попробовалъ было еще зайти кое-къ-кому, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, причину, и не добрался никакой причины. Какъ полусонный, бродилъ онъ безъ цѣли по городу, не будучи въ состояніи рѣшить, онъ ли сошелъ съ ума, чиновники ли потеряли голову, во снѣ ли все это дѣлается, или наяву заварилась дурь почище сна. Поздно уже, почти въ сумерки, возвратился онъ къ себѣ въ гостиницу, изъ которой было вышелъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, и отъ скуки велѣлъ подать себѣ чаю. Въ задумчивости и въ какомъ-то безсмысленномъ разсужденіи о странности положенія своего, сталъ онъ разливать чай, какъ вдругъ отворилась дверь его комнаты, и предсталъ Ноздревъ никакъ неожиданнымъ образомъ.

— Вотъ говоритъ пословица: *для друга семь верстъ не околица*! — говорилъ онъ, снимая картузъ,—прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ.—Дай—думаю себѣ,—зайду! вѣрно, не спитъ.—А! вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! Гдѣ твоя трубка?

— Да вѣдь я не курю трубки,—сказалъ сухо Чичиковъ.

— Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! какъ-бишь зовутъ твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!

— Да не Вахрамѣй, а Петрушка!

— Какъ же? да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?

— Никакого не было у меня Вахрамѣя.

— Да, точно, это у Деребина Вахрамѣй. Вообрази, Деребину какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ если бы этакую тетку имѣть

для дальнѣйшихъ! Да что ты, братъ, такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, любишь читать (ужъ почему Ноздревъ заключилъ, что герой нашъ занимается учеными предметами и любитъ почитать, этого, признаемся, мы никакъ не можемъ сказать, а Чичиковъ и того менѣе). Ахъ, братъ. Чичиковъ! если бы ты только увидалъ... вотъ ужъ, точно, была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова былъ сатирическій умъ—это тоже неизвѣстно). Вообрази, братъ, у купца Лихачева играли въ горку,—вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ, который былъ со мною,—вотъ,—говоритъ,—если бы теперь Чичиковъ, ужъ вотъ бы ему точно!..—(между тѣмъ Чичиковъ отъ роду не зналъ никакого Перепендева). А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ играли въ шашки? Вѣдь я выигралъ... Да, братъ, ты просто поддедюлилъ меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу сердиться. Намедни съ предсѣдателемъ... Ахъ, да! я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой—наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ. Ну, и, ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную.

— Я дѣлаю фальшивыя бумажки?—вскрикнулъ Чичиковъ, приподнявшись со стула.

— Зачѣмъ ты, однакожъ, напугалъ ихъ?—продолжалъ Ноздревъ. — Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и въ шпіоны... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генералъ-губернатора, чтобы изъ-за тебя чего-нибудь не вышло. А я насчетъ генералъ-губернатора такого мнѣнія, что если онъ подыметъ носъ и заважничаетъ, то съ дворянствомъ рѣшительно ничего не сдѣлаетъ. Дворянство требуетъ радушія: не правда ли? Конечно, можно запрятаться къ себѣ въ кабинетъ и не дать ни одного бала, да вѣдь этимъ что-жъ? Вѣдь этимъ ничего не выиграешь. А вѣдь ты, однакожъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ.

— Какое рискованное дѣло? — спросилъ безпокойно Чичиковъ.

— Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей-Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ, — ну, ужъ, — думаю себѣ, — Чичиковъ, вѣрно, не даромъ...— Впрочемъ, напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ, я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать: чудо коленкоръ!

— Да что ты, что ты путаешь? Какъ увезти губернаторскую дочку? что ты, — говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.

— Ну, полно, братъ; экой скрытный человѣкъ. Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть, подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади мои, только съ уговоромъ: ты долженъ мнѣ дать три тысячи въ займы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!

Въ продолженіе всей болтовни Ноздрева, Чичиковъ протиралъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы онъ, пріѣздъ генералъ-губернатора,—все это навело на него порядочный испугъ.—Ну, ужъ коли пошло на то,—подумалъ онъ самъ въ себѣ,—такъ мѣшкать болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣй.

Онъ постарался сбыть поскорѣе Ноздрева, призвалъ къ себѣ тотъ же часъ Селифана и велѣлъ ему быть готовымъ на зарѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же въ 6 часовъ утра выѣхать изъ города непремѣнно, чтобы все было пересмотрѣно, бричка подмазана и прочее, и прочее. Селифанъ произнесъ: — Слушаю, Павелъ Ивановичъ, — и остановился, однакожъ, нѣсколько времени у дверей, не двигаясь съ мѣста. Баринъ тутъ же велѣлъ Петрушкѣ выдвинуть изъ-подъ кровати чемоданъ, покрывшійся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вмѣстѣ съ нимъ, безъ большого разбора, чулки, рубашки, бѣлье, мытое и немытое, сапожныя колодки, календарь... Все это укладывалось какъ попало: онъ хотѣлъ непремѣнно быть готовымъ съ вечера, чтобы назавтра не могло случиться никакой задержки. Селифанъ, постоявши минуты двѣ у дверей, наконецъ очень медленно вышелъ изъ комнаты. Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходившимъ внизъ избитымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ. Что означало это почесыванье? и что, вообще, оно значитъ? Досада ли на то, что вотъ не удалась задуманная назавтра сходка съ своимъ братомъ въ неприглядномъ тулупѣ, опоясанномъ кушакомъ, гдѣ-нибудь во царевомъ кабакѣ; или уже завязалась въ новомъ мѣстѣ какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у воротъ и политичное держанье за бѣлы ручки въ тотъ часъ, какъ нахлобучиваются на городъ сумерки, дѣтина въ красной рубахѣ бренчитъ на балалайкѣ передъ

дворовой челядью, и плететъ тихія рѣчи разночинный, отработавшійся народъ? или, просто, жаль оставлять отогрѣтое уже мѣсто на людской кухнѣ подъ тулупомъ, близъ печи, да щей съ городскимъ мягкимъ пирогомъ, съ тѣмъ, чтобы вновь тащиться подъ дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду! Богъ вѣсть, — не угадаешь. Многое разное значитъ у русскаго народа почесыванье въ затылкѣ.

ГЛАВА XI.

Ничто, однакоже, не случилось такъ, какъ предполагалъ Чичиковъ. Во-первыхъ, проснулся онъ позже, нежели думалъ — это была первая непріятность. Вставши, онъ послалъ тотъ же часъ узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово—это была вторая непріятность. Онъ разсердился, приготовился даже задать что-то въ родѣ потасовки пріятелю нашему Селифану и ожидалъ только съ нетерпѣніемъ, какую тотъ съ своей стороны приведетъ причину въ оправданіе. Скоро Селифанъ показался въ дверяхъ, и баринъ имѣлъ удовольствіе услышать тѣ же самыя рѣчи, какія обыкновенно слышатся отъ прислуги въ такомъ случаѣ, когда нужно скоро ѣхать.

— Да вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно лошадей ковать.

— Ахъ, ты, чушка! чурбанъ! а прежде зачѣмъ объ этомъ не сказалъ? Не было развѣ времени?

— Да время-то было... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, шину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой вездѣ пошелъ... Да если позволите доложить: передъ у брички совсѣмъ расшатался, такъ что она, можетъ быть, и двухъ станцій не сдѣлаетъ.

— Подлецъ ты! — вскрикнулъ Чичиковъ, всплеснувъ руками, и подошелъ къ нему такъ близко, что Селифанъ изъ боязни, чтобы не получить отъ барина подарка, попятился нѣсколько назадъ и посторонился.

— Убить ты меня собрался? а? зарѣзать меня хочешь? На большой дорогѣ меня собрался зарѣзать, разбойникъ, чушка ты проклятый, страшилище морское! а? а? Три недѣли сидѣли на мѣстѣ, а? Хоть бы заикнулся, безпутный, а вотъ теперь къ послѣднему часу и пригналъ! Когда ужъ почти на чеку: сѣсть бы да и ѣхать, а? а ты вотъ тутъ-то и напакостилъ, а? а? Вѣдь ты зналъ это прежде? Вѣдь ты зналъ это, а? а? Отвѣчай. Зналъ? а?

— Зналъ, — отвѣчалъ Селифанъ, потупивши голову.

— Ну, такъ зачѣмъ же тогда не сказалъ, а?

На этотъ вопросъ Селифанъ ничего не отвѣчалъ, но, потупивши голову, казалось, говорилъ самъ себѣ:—Вишь ты, какъ оно мудрено случилось, и зналъ вѣдь, да не сказалъ!

— А вотъ теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобъ въ два часа все было сдѣлано. Слышишь? непремѣнно въ два часа, а если не будетъ, такъ я тебя, я тебя... въ рогъ согну и узломъ завяжу!—Герой нашъ былъ сильно разсерженъ.

Селифанъ оборотился было къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ идти выполнить приказаніе, но остановился и сказалъ:—Да еще, сударь, чубараго коня, право, хоть бы продать, потому что онъ, Павелъ Ивановичъ, совсѣмъ подлецъ: онъ— такой конь, просто, не приведи Богъ, только помѣха.

— Да! вотъ пойду, побѣгу на рынокъ продавать!

— Ей-Богу, Павелъ Ивановичъ, онъ только что на видъ казистый, а на дѣлѣ самый лукавый конь; такого коня нигдѣ...

— Дуракъ! Когда захочу продать, такъ продамъ. Еще пустился въ разсужденья! Вотъ посмотрю я: если ты мнѣ не приведешь сейчасъ кузнецовъ, да въ два часа не будетъ все готово, такъ я тебѣ такую дамъ потасовку... самъ на себѣ лица не увидишь! Пошелъ! ступай!—Селифанъ вышелъ.

Чичиковъ сдѣлался совершенно не въ духѣ и швырнулъ на полъ саблю, которая ѣздила съ нимъ въ дорогѣ для внушенія надлежащаго страха кому слѣдуетъ. Около четверти часа слишкомъ провозился онъ съ кузнецами, покамѣстъ сладилъ, потому что кузнецы, какъ водится, были отъявленные подлецы и, смекнувъ, что работа нужна къ спѣху, заломили ровно вшестеро. Какъ онъ ни горячился, называлъ ихъ мошенниками, разбойниками, грабителями проѣзжающихъ, намекнулъ даже на страшный судъ, но кузнецовъ ничѣмъ не пронялъ: они совершенно выдержали характеръ: не только не отступились отъ цѣны, но даже провозились за работой, вмѣсто двухъ часовъ, цѣлыхъ пять съ половиною. Въ продолженіе этого времени онъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя всякому путешественнику, когда въ чемоданѣ все уложено и въ комнатѣ валяются только веревочки, бумажки, да разный соръ, когда человѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ, ни къ сидѣнью на мѣстѣ, видитъ изъ окна проходящихъ, плетущихся людей, толкующихъ объ своихъ гривнахъ и съ какимъ-то глупымъ любопытствомъ поднима-

ющихъ глаза, чтобы, взглянувъ на него, опять продолжать свою дорогу, что еще болѣе растравляетъ нерасположеніе духа бѣднаго не ѣдущаго путешественника. Все, что ни есть, все, что ни видитъ онъ, и лавчонка противъ его оконъ, и голова старухи, живущей въ супротивномъ домѣ, подходящей къ окну съ коротенькими занавѣсками,—все ему гадко, однакоже онъ не отходитъ отъ окна. Стоитъ, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное вниманіе на все, что передъ нимъ движется и не движется, и душитъ съ досады какую-нибудь муху, которая въ это время жужжитъ и бьется объ стекло подъ его пальцемъ. Но всему бываетъ конецъ, и желанная минута настала: все было готово, передъ у брички, какъ слѣдуетъ, былъ налаженъ, колесо было обтянуто новою шиною, кони приведены съ водопоя, и разбойники-кузнецы отправились, пересчитавъ полученные цѣлковые и пожелавъ благополучія. Наконецъ, и бричка была заложена, и два горячіе калача, только-что купленные, положены туда, и Селифанъ уже засунулъ кое-что для себя въ карманъ, бывшій у кучерскихъ козелъ, и самъ герой, наконецъ, при взмахиваніи картузомъ полового, стоявшаго въ томъ же демикотоновомъ сюртукѣ, при трактирныхъ и чужихъ лакеяхъ и кучерахъ, собравшихся позѣвать, какъ выѣзжаетъ чужой баринъ, и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ выѣздъ, сѣлъ въ экипажъ,—и бричка, въ которой ѣздятъ холостяки, которая такъ долго застоялась въ городѣ и такъ, можетъ быть, надоѣла читателю, наконецъ выѣхала изъ воротъ гостиницы.—Славъ те, Господи, — подумалъ Чичиковъ и перекрестился. Селифанъ хлыснулъ кнутомъ, къ нему подсѣлъ сперва повисѣвшій нѣсколько времени на подножкѣ Петрушка, и герой нашъ, усѣвшись получше на грузинскомъ коврикѣ, заложилъ за спину себѣ кожаную подушку, притиснулъ два горячіе калача, и экипажъ пошелъ опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, какъ извѣстно, имѣла подкидывающую силу. Съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на дома, стѣны, заборъ и улицы, которые также, съ своей стороны, какъ будто подскакивая, медленно уходили назадъ, и которые, Богъ знаетъ, судила ли ему участь увидѣть еще когда-либо въ продолженіе своей жизни. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная погребальная процессія. Чичиковъ, высунувшись, велѣлъ Петрушкѣ спросить, кого хоронятъ, и узналъ, что хоронятъ прокурора. Исполненный непріятныхъ ощущеній, онъ тотъ же часъ спрятался въ уголъ, закрылъ себя кожею и задернулъ занавѣски. Въ это время, когда экипажъ былъ такимъ образомъ остановленъ, Селифанъ и Петрушка, набожно снявши шляпу, разсматривали, кто, какъ, въ чемъ и на чемъ ѣхалъ, считая числомъ, сколько было всѣхъ, и пѣшихъ и ѣхавшихъ, а баринъ, приказавши имъ не признаваться и не кланяться никому изъ знакомыхъ лакеевъ, тоже принялся разсматривать робко сквозь стеклышка, находившіяся въ кожаныхъ занавѣскахъ. За гробомъ шли, снявши шляпы, всѣ чиновники. Онъ началъ было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа; но имъ было не до того. Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какіе, обыкновенно, ведутъ между собою провожающіе покойника. Всѣ мысли ихъ были сосредоточены въ это время въ самихъ себѣ: они думали, каковъ-то будетъ новый генералъ-губернаторъ, какъ возьмется за дѣло и какъ приметъ ихъ. За чиновниками, шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ были заняты живымъ разговоромъ; можетъ быть, онѣ тоже говорили о пріѣздѣ новаго генералъ-губернатора и дѣлали предположенія насчетъ баловъ, какіе онъ дастъ, и хлопотали о вѣчныхъ своихъ фестончикахъ и нашивочкахъ. Наконецъ, за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дрожекъ, вытянувшихся гуськомъ, наконецъ и ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаныя занавѣски, онъ вздохнулъ, произнесши: — Вотъ—прокуроръ, жилъ-жилъ, а потомъ и умеръ! И вотъ напечатаютъ въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію подчиненныхъ и всего человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ, и много напишутъ всякой всячины. Прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ, а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ, на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови.—Тутъ онъ приказалъ Селифану ѣхать поскорѣе и между тѣмъ подумалъ про себя:—Это, однакожъ, хорошо, что встрѣтились похороны, говорятъ: значитъ счастіе, если встрѣтишь покойника.

Бричка между тѣмъ поворотила въ болѣе пустынныя улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвѣщавшіе конецъ города. Вотъ уже и мостовая кончилась, и шлагбаумъ, и городъ назади, и ничего нѣтъ,—и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ,

плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону, и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: „такой-то артиллерійской батареи", зеленыя, желтыя и свѣже-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искуства, —города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть, на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

— Держи, держи, дуракъ!—кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашомъ!—кричалъ сжакавшій навстрѣчу фельдъ-егерь, съ усами въ аршинъ.

— Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ!—И, какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся: и „Не бѣлы снѣги", и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся—пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви со старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ-одинешенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брезжитъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ—что до нихъ? А ночь!.. Небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься, и храпишь—и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся—и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчекъ—и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. „Полегче! легче!" слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! какъ ты хороша подчасъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня вели-

кодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грёзъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!.. Но и другъ нашъ Чичиковъ чувствовалъ въ это время не вовсе прозаическія грезы. А посмотримъ, что онъ чувствовалъ. Сначала онъ не чувствовалъ ничего и поглядывалъ только назадъ, желая увѣриться, точно ли выѣхалъ изъ города; но когда увидѣлъ, что городъ уже давно скрылся, ни кузницъ, ни мельницъ, ни всего того, что находится вокругъ городовъ, не было видно, и даже бѣлыя верхушки каменныхъ церквей давно ушли въ землю, онъ занялся только одной дорогою, посматривалъ только направо и налѣво, и городъ *N* какъ будто не бывалъ въ его памяти, какъ будто проѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ, и дорога перестала занимать его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. Авторъ, признается, этому даже радъ, находя такимъ образомъ случай поговорить о своемъ героѣ, ибо доселѣ, какъ читатель видѣлъ, ему безпрестанно мѣшали то Ноздревъ, то балы, то дамы, то городскія сплетни, то, наконецъ, тысячи тѣхъ мелочей, которыя кажутся только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а покамѣстъ обращаются въ свѣтѣ, почитаются за весьма важныя дѣла. Но теперь отложимъ совершенно все въ сторону и прямо займемся дѣломъ.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или тѣлесное пятнышко, тогда—бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хоть отрази чище зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны. Самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему: полноты ни въ какомъ случаѣ не простятъ герою, и весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: „Фи! какой гадкій!“ Увы! все это извѣстно автору, и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ герои добродѣтельнаго человѣка. Но... можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ, и мѣсто, и время! А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои. И можно даже сказать, почему не взятъ. Потому что пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово: *добродѣтельный человѣкъ;* потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа, вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора, наконецъ, припречь и подлеца. И такъ, припряжемъ подлеца!

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные—Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пигалицами, взявши въ руки ребенка, воскрикнула: „Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, что было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: *„ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца“*. Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко; ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ — больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: „Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ“; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: „опять задурилъ!“, отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ, протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но

въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая нѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки; сю правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями передъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся въ глубинѣ ея деревянной будочки, крытой дранью, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: „Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего—угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой“. Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но за то оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны—со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощеніе, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную: слѣпилъ изъ воску снѣгиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить,—признакъ наступающаго голода,—онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника или булки, и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь непарокомъ моргнуть бровью, чтобы попасть подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно.—Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!—говорилъ онъ,—я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!—И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ.—Способности и дарованія—это все вздоръ!—говаривалъ онъ,—я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому,

кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому—нуль, хотя онъ Солона заткня за поясъ!— Такъ говорилъ учитель, не любившій на-смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: „По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“, и всегда разсказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такова была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: *за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе*. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копѣйку, а самъ накопилъ ея не много. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишка съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ, и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: „Эхъ, ты, жила!“ Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти.— При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать,— произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же:— Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго— шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то, и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать; словомъ, отцовское наставленіе: „береги и копи копѣйку“ пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онѣ двигали имъ: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды,—вотъ что безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ, потомъ, со временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копѣйка, скупо отказываемая до времени и себѣ, и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: „А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!“ И все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желанье скорѣе приняться за дѣло и службу. Однакоже, несмотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату: и въ дальнихъ захолустьяхъ нужна протекція! Мѣстечко досталось ему ничтожное, жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И, точно, самоотверженіе, терпѣнье и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными, ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подчасъ со сторожами и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрач-

ностью и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица—точно дурно выпеченный хлѣбъ: щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ-прибавку къ тому, еще и треснула; словомъ, совсѣмъ не красиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить; приносили частыя жертвы Вакху, показавъ такимъ образомъ, что въ славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества; приходили даже подчасъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленіемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику, который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непотрясаемости: вѣчно тотъ же, неприступный, никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьѣ. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ онъ въ чемъ-нибудь участье; хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни злодѣйскаго, ни добраго, и что-то страшное являлось въ семъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзк й неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе; но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всякихъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его чернильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ, какъ будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ, онъ проюхалъ его домашнюю, семейственную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ, тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой-то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узналъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился всякій разъ насупротивъ ея, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возымѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай! И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ и муку, и сахаръ, съ дочерью обращался какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его въ руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ Великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его со старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папенькой и и не цѣловалъ больше его руки, а о свадьбѣ такъ дѣло и замялось, какъ будто вовсе ничего не происходило. Однако же, встрѣчаясь съ нимъ, онъ всякій разъ ласково жалъ ему руку и приглашалъ его на чай, такъ что старый повытчикъ, несмотря на вѣчную неподвижность и черствое равнодушіе, всякій разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ: „Надулъ, надулъ, чортовъ сынъ!“

Это былъ самый трудный порогъ, черезъ который перешагнулъ онъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Онъ сталъ человѣкомъ замѣтнымъ. Все оказалось въ немъ, что нужно для этого міра: и пріятность въ оборотахъ и поступкахъ, и бойкость въ дѣловыхъ дѣлахъ. Съ такими средствами добылъ онъ въ непродолжительное время то, что называютъ хлѣбное мѣстечко, и воспользовался имъ отличнымъ образомъ. Нужно знать, что въ то же самое время начались строжайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ. Преслѣдованій онъ не испугался и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу, показавъ, такимъ образомъ, прямо русскую изобрѣтательность, являющуюся только во время прижимокъ. Дѣло устроено было вотъ какъ: какъ только приходилъ проситель и засовывалъ руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы вытащить оттуда извѣстныя рекоменда-

тельныя письма, за подписью князя Хованскаго, какъ выражаются у насъ на Руси,—„нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ онъ съ улыбкой, удерживая его руки,—вы думаете, что я... нѣтъ, нѣтъ! Это нашъ долгъ, наша обязанность, безъ всякихъ возмездій мы должны сдѣлать! Съ этой стороны ужъ будьте покойны: завтра же все будетъ сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру, вамъ и заботиться не нужно самимъ: все будетъ принесено къ вамъ на домъ". Очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ, думая: „Вотъ, наконецъ, человѣкъ, какихъ нужно побольше! это, просто, драгоцѣнный алмазъ!" Но ждетъ проситель день, другой—не приносятъ дѣла на домъ; на третій тоже. Онъ въ канцелярію—дѣло и не начиналось; онъ—къ драгоцѣнному алмазу. „Ахъ, извините!—говорилъ Чичиковъ очень учтиво, схвативши его за обѣ руки,—у насъ было столько дѣлъ, но завтра же все будетъ сдѣлано, завтра непремѣнно! Право, мнѣ даже совѣстно!" И все это сопровождалось движеніями обворожительными. Если при этомъ распахивалась какая-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послѣзавтра, ни на третій день не несутъ дѣла на домъ. Проситель берется за умъ: „да полно, нѣтъ ли чего?" Вывѣдывать — говорятъ: „нужно дать писарямъ".—„Почему-жъ не дать? я готовъ четвертакъ, другой",—„Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой".—„По бѣленькой писарямъ!" вскрикиваетъ проситель.—„Да чего вы такъ горячитесь?—отвѣчаютъ ему,—оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству". Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новый порядокъ вещей, преслѣдованіе взятокъ, и вѣжливыя, облагорженныя обращенія чиновниковъ. „Прежде было знаешь, по крайней мѣрѣ, что дѣлать: принесъ правителю дѣлъ красную и дѣло въ шляпѣ. А теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься... чортъ бы побралъ безкорыстіе и чиновное благородство!" Проситель, конечно, правъ; но за то теперь нѣтъ взяточниковъ, всѣ правители дѣлъ честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди: секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнѣе: образовалась комиссія для построенія какого-то казеннаго, весьма капитальнаго строенія. Въ эту комиссію пристроился и онъ, и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Комиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шесть лѣтъ возилась около зданія; но климатъ, что ли, мѣшалъ, или матеріалъ уже былъ такой, только никакъ не шло казенное зданіе выше фундамента. А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженья. Тутъ только долговременный постъ, наконецъ, былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда не былъ чуждъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человѣкъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое-какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою; уже пріобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцомъ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой, намоченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ; уже покупалъ онъ весьма недешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожѣ; уже...

Но вдругъ, на мѣсто прежняго тюфяка, былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. На другой же день пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры—и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; дома гражданской архитектуры поступили въ казну и обращены были на разныя богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ; все распушено было въ пухъ, и Чичиковъ болѣе другихъ. Лицо его вдругъ, несмотря на пріятность, не понравилось начальнику,—почему именно, Богъ вѣдаетъ: иногда даже, просто, не бываетъ на это причинъ,—и онъ возненавидѣлъ его на-смерть. И грозенъ былъ сильно для всѣхъ неумолимый начальникъ. Но, такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало-быть, не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и генералъ скоро очутился въ рукахъ еще большихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ, наконецъ, людей какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку такимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гоните-

лями неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбакъ острогой преслѣдуетъ какую-нибудь мясистую бѣлугу, и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣскольку тысячъ капиталу. Въ это время обратились на путь истины многіе изъ прежнихъ чиновниковъ и были вновь приняты на службу. Но Чичиковъ ужъ никакимъ образомъ не могъ втереться; какъ ни старался и ни стоялъ за него, подстрекнутый письмами князя Хованскаго, первый генеральскій секретарь, постигнувшій совершенно управленье генеральскимъ посомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать. Генералъ былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но за то уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеребить. Все, что могъ сдѣлать умный секретарь, было уничтоженье заначканнаго послужного списка, и на то уже онъ подвинулъ начальника не иначе, какъ состраданіемъ, изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичикова, котораго, къ счастью, у него не было.

—Ну, что-жъ! — сказалъ Чичиковъ, — зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось — не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать.—И вотъ рѣшился онъ сызнова начать карьеру, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ, какъ ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ, тамъ еще приводить себя въ извѣстность. Все какъ-то не клеилось. Двѣ-три должности долженъ онъ былъ перемѣнить въ самое короткое время. Должности какъ-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человѣкъ, какой когда-либо существовалъ въ свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ вначалѣ протираться въ грязномъ обществѣ, но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину или званію. Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ всякіе два дня перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день: всякій сколько-нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидывать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздичку; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливы, какъ у дѣвушки; и потому тяжело ему было очутиться вновь въ тѣхъ рядахъ, гдѣ все отзывалось пѣшникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, однакоже похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время такихъ невзгодъ. Ужъ начиналъ было онъ полнѣть и приходить въ тѣ круглыя и приличныя формы, въ какихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства, и уже не разъ, поглядывая въ зеркало, подумывалъ онъ о многомъ пріятномъ: о бабенкѣ, о дѣтской, и улыбка слѣдовала за такими мыслями; но теперь, когда онъ взглянулъ на себя какъ-то непарокомъ въ зеркало, не могъ не вскрикнуть:—Мать ты моя Пресвятая! какой же я сталъ гадкій! — И послѣ долго не хотѣлъ смотрѣться. Но переносилъ все герой нашъ, переносилъ сильно, терпѣливо переносилъ, и — перешелъ, наконецъ, въ службу по таможнѣ. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ. Не разъ давно ужъ онъ говорилъ со вздохомъ: — Вотъ бы куда перебраться: и граница близко, и просвѣщенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!—Надобно прибавить, что при этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ французскаго мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ; какъ оно называлось, Богъ вѣдаетъ, но, по его предположеніямъ, непремѣнно находилось на границѣ. И такъ, онъ давно бы хотѣлъ въ таможню, но удерживали текущія разныя выгоды по строительной комиссіи, и онъ разсуждалъ справедливо, что таможня, какъ бы то ни было, все еще не болѣе, какъ журавль въ небѣ, а комиссія уже была синица въ рукахъ. Теперь же рѣшился онъ, во что бы то ни стало, добраться до таможни — и добрался. За службу свою принялся онъ съ ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. Въ три, четыре недѣли онъ уже такъ набилъ руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все: даже не вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ какой штукѣ аршинъ сукна или иной матеріи; взявши въ руку свертокъ, онъ могъ сказать вдругъ, сколько въ немъ фунтовъ. Что же касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались даже сами товарищи, у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это про-

изводилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ то время, когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его наружность, онъ, не измѣняясь ни къ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только:—Не угодно ли вамъ будетъ немножко побезпокоиться и привстать?—или:—Не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? тамъ супруга одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснятся съ вами;—или:—Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подкладку вашей шинели.—И, говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда шали, платки, хладнокровно, какъ изъ собственнаго сундука. Даже начальство изъяснилось, что это былъ чортъ, а не человѣкъ: онъ отыскивалъ въ колесахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и нивѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться и куда позволяется забираться только однимъ таможеннымъ чиновникамъ; такъ что бѣдный путешественникъ, переѣхавшій черезъ границу, все еще, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, не могъ опомниться и, отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: — Ну, ну! — Положеніе его весьма походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кое-какое наставленіе, но вмѣсто того высѣкъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ него никакого житья контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ небольшого капитальца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ кое-какихъ вещицъ, не поступающихъ въ казну во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно-безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти, наконецъ, до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе и вслѣдъ за тѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгодъ дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: — Еще не время. — Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ онъ знать обществу, сказавши: — Теперь пора.—Расчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ самой ревностной службы. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія спошенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало-быть, не много получилъ бы; но теперь... теперь другое дѣло: онъ могъ предложить, какія угодно, условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другого чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблазна, несмотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно. Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ. Не участвуй онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ въ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капиталу. У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры не возросли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперекъ всему. Чортъ сбилъ съ толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поссорились ни за что. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ быть нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другого чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвѣстно почему—обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ:—Нѣтъ, врешь, я статскій совѣтникъ, а не поповичъ;—а вотъ ты—такъ поповичъ! —И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для большей досады:—Да, вотъ, молъ, что! — Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе и хотя выраженіе: — вотъ, молъ, что!—могло быть сильно, но, недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ; что были даже подкуплены люди, чтобы подъ вечерокъ, въ темномъ переулкѣ, поизбить нашего героя; но что оба чиновника были въ дуракахъ и бабенкой воспользовался какой-то штабсъ-капитанъ Шамшаревъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ — Богъ

ихъ вѣдаетъ; пусть лучше читатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ хоть и самъ пропалъ, но таки упекъ товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ, какъ ни чутко было обоняніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства; употребилъ всѣ тонкіе изгороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурилъ лестью, ни въ какомъ случаѣ не портящею дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку, словомъ—обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ — ничего не осталось ему; на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ — вотъ и все. И такъ, вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! Вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что, послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячонками въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ заклекнетъ навѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую предъ окнами, или, для освѣженія, пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ пешумный, но въ своемъ родѣ тоже не безполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, роптalъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей и, однакоже, не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ терпѣніе, передъ которымъ ничто деревянное терпѣніе нѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова, напротивъ, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все то, что хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ. Онъ разсуждалъ, и въ разсужденіи его видна была нѣкоторая сторона справедливости: — Почему-жъ я? Зачѣмъ на меня обрушилась бѣда? Кто-жъ зѣвастъ теперь на должности? —всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по-міру, пользовался я отъ избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуйся я — другіе воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что я теперь? Куда я гожусь? Какими глазами я стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? Какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бремено землю? И что скажутъ потомъ мои дѣти?— „Вотъ,—скажутъ,—отецъ—скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія“.

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ. Такой чувствительный предметъ! Иной, можетъ быть, и не такъ бы глубоко запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, неизвѣстно почему, приходитъ самъ собою: — а что скажутъ дѣти?—И вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что къ нему поближе: мыло ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу, словомъ—не пропускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ дѣятельность не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло что-то строиться и ждало только плана. Вновь съежился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожиданіи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго, — званіемъ, еще не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканье въ передникъ, грубости и прочее, но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему, между прочимъ, одно: похлопотать о заложеніе въ опекунскій совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Имѣніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено оно было скотскими падежами, плутами-приказчиками, неурожаями, по-

вальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и, наконецъ, безтолковьемъ самого помѣщика, убившаго себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое до послѣдней копѣйки, такъ что ужъ нена что было ѣсть. По этой-то причинѣ понадобилось, наконецъ, заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка или выправка,— все же хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку)—и такъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое между прочимъ обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-нибудь потомъ привязокъ... — Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?—сказалъ секретарь. „Числятся“, отвѣчалъ Чичиковъ. — Ну, такъ чего же вы оробѣли? — сказалъ секретарь, — одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится.—Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ риѳму. А между тѣмъ героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову.—Эхъ, я, Акимъ-простота!— сказалъ онъ самъ въ себѣ, — ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало. Помѣщики попроигрались въ карты, закутили и промотались какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить: имѣнія брошены, управляются какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе; такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; а, можетъ, въ другой разъ такъ случится, что съ иного и я еще зашибу за это копѣйку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ. А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь земли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ Херсонскую ихъ! пусть ихъ тамъ живутъ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ, по судамъ. Если захотятъ освидѣтельствовать крестьянъ — пожалуй, я и тутъ не прочь; почему же нѣтъ? Я представлю и свидѣтельство за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещеніи: сельцо Павловское. И—вотъ, такимъ образомъ составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно, ибо, что ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительства и подъ другими предлогами, предпринялъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, и преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ: неурожаевъ, смертностей и прочаго, словомъ—гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле накупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ людей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ меньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде познакомиться, расположить къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою пріобрѣсти мужиковъ. И такъ, читатели не должны негодовать на автора, если лица, донынѣ являющіяся, не пришлись по его вкусу: это вина Чичикова; здѣсь онъ—полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если, точно, падетъ обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда вначалѣ не видно всего широкаго теченья и объема дѣла. Въѣздъ въ какой бы ни было городъ, хоть даже столицу, всегда какъ-то блѣденъ; сначала все сѣро и однообразно: тянутся безконечные заводы да фабрики, закопченныя дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шестиэтажныхъ домовъ, магазины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всѣ въ колокольняхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всѣмъ, что на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина сред-

нихъ лѣтъ, брички, въ которой ѣздятъ холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже извѣстныхъ поименно, отъ Засѣдателя до подлеца-чубараго. И такъ, вотъ весь налицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ, можетъ быть, заключительнаго опредѣленія одной чертою: кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ? Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей, — это видно. Кто же онъ? Сталобыть, подлецъ? Почему-жъ подлецъ? Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физіогномію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его *хозяинъ, пріобрѣтатель*. Пріобрѣтеніе — вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе *не очень чистыхъ*. Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что-то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ. Быстро все превращается въ человѣкѣ, не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненные соки. И не разъ, не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разрасталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ морскіе пески, человѣческія страсти, и всѣ не похожи одна на другую, и всѣ онѣ, низкія и прекрасныя, вначалѣ покорны человѣку и потомъ уже становятся страшными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть: растетъ и десятерится съ каждымъ часомъ и минутой безмѣрное его блаженство, и входитъ онъ глубже и глубже въ безконечный рай своей души. Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденья его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаньями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или перенесшись свѣтлымъ явленьемъ, возрадующимъ міръ, — одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтѣ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ; тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, — и всѣ были бы радешеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы, какъ живой, предъ глазами; за то, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. — Зачѣмъ?—говорите вы,—къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе не утѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы!—„Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?—говоритъ помѣщикъ приказчику,— я, братъ, это знаю безъ тебя; да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого—я тогда счастливъ“. И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько-нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвенье. Спитъ умъ, можетъ быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона — и пошелъ помѣщикъ забываться по міру, съ душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде.

Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ-называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по мнѣнію ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда,—они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики:—Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? Вѣдь

это все, что ни описано здѣсь, это все наше,— хорошо ли это? А что скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? Думаютъ: развѣ мы не патріоты?—На такія мудрыя замѣчанія, особенно насчетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что. Жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семейства, по имени Кифа Мокіевичъ, человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованье его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ:—Вотъ, напримѣръ, звѣрь,— говорилъ онъ, ходя по комнатѣ, — звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица: почему не вылупливается изъ яйца? Какъ, право, того... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!— Такъ мыслилъ обитатель Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Другой обитатель былъ Мокій Кифовичъ, родной сынъ его. Былъ онъ то, что называютъ на Руси богатырь, и, въ то время, когда отецъ занимался рожденьемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что не умѣлъ онъ взяться слегка: все—или рука у кого-нибудь затрещитъ, или волдырь вскочитъ на чьемъ-нибудь носу. Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все — отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки—бѣжало прочь, его завидя; даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ былъ Мокій Кифовичъ, а впрочемъ былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А главное дѣло вотъ въ чемъ.—Помилуй, батюшка-баринъ, Кифа Мокіевичъ,—говорила отцу и своя, и чужая дворня,—что у тебя за Мокій Кифовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертѣнь!—„Да, шаловливъ, шаловливъ,—говорилъ обыкновенно на это отецъ,—да вѣдь какъ быть? Драться съ нимъ поздно, да и меня же всѣ обвинятъ въ жестокости, а человѣкъ онъ честолюбивый; укори его при другомъ-третьемъ—онъ уймется, да вѣдь гласность-то — вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что, право, думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ, вотъ нѣтъ же, отецъ! отецъ, чортъ побери, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!“ Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. „Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдалъ его!“ И, показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой-нибудь подобный вопросъ:—Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была,—пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать.—Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые нежданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвѣчать скромно на обвиненье со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей или приращеніями насчетъ суммъ нѣжно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурного, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но нѣтъ, не патріотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій; другое скрывается подъ ними. Къ чему таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко-устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ-быть, даже похвалите автора — скажете: — Однакожъ, кое-что онъ ловко подмѣтилъ! долженъ быть веселаго нрава человѣкъ!— И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостью, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите:—А вѣдь должно согласиться, пречудные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые! — А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуту уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: — А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова!—Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый,—онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: — Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!—И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая:—Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!

Но мы стали говорить довольно громко, позабывъ, что герой нашъ, спавшій во все время разсказа его повѣсти, уже проснулся и легко можетъ услышать такъ часто повторяемую свою фамилію. Онъ же человѣкъ обидчивый и недоволенъ, если о немъ изъясняются неуважительно. Читателю съ-полугоря, разсердится ли на него

Чичиковъ, или нѣтъ; но что до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука объ руку; двѣ большія части впереди—это не бездѣлица.

— Эхе-хе! что-жъ ты? — сказалъ Чичиковъ Селифану,—ты?...

— Что?—сказалъ Селифанъ медленнымъ голосомъ.

— Какъ что? Гусь ты! Какъ ты ѣдешь? Ну же, потрогивай!

И въ самомъ дѣлѣ, Селифанъ давно уже ѣхалъ, зажмуря глаза, изрѣдка только потряхивая впросонкахъ вожжами по бокамъ дремавшихъ тоже лошадей: а съ Петрушки уже давно, нивѣсть въ какомъ мѣстѣ, слетѣлъ картузъ, и онъ самъ, опрокинувшись назадъ, уткнулъ свою голову въ колѣно Чичикову, такъ что тотъ долженъ былъ дать ей щелчка. Селифанъ пріободрился и, отшлепавши нѣсколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцой, да помахавши сверху кнутомъ на всѣхъ, промолвилъ тонкимъ нѣвучимъ голоскомъ:—Не бойся!—Лошадки расшевелились и понесли какъ пухъ легонькую бричку. Селифанъ только помахивалъ да покрикивалъ:—эхъ! эхъ! эхъ!—плавно подскакивая на козлахъ, по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которыми была усѣяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда:—чортъ побери все!—его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ сомъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться,—въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ на чемъ; а правитель, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ—и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель! не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,—что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню—дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда-жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА I.

Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что-жъ дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ изображать онъ ничего другого, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

Какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, съ наугольниками и бойницами, шли, извиваясь, на тысячу слишкомъ верстъ гор-

ныя возвышенія. Великолѣпно возносились они надъ безконечными пространствами равнинъ, то отломами известковато-глинистаго свойства, въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ, исчерченныхъ проточинами и рытвинами, то миловидно круглившеюся зеленою выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темными гущами лѣса, какимъ-то чудомъ еще уцѣлѣвшими отъ топора. Рѣка то, вѣрная своимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними колѣна и повороты, то отлучалась прочь въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній упирался гуще въ зеленыя кудри деревъ. Искусственнымъ насажденьемъ, благодаря неровности гористаго оврага, сѣверъ и югъ растительнаго царства собрались сюда вмѣстѣ. Дубъ, ель, лѣсная груша, кленъ, вишнякъ и терновникъ, чилига и рябина, опутанная хмелемъ, то помогая другъ другу въ ростѣ, то заглушая другъ друга, карабкались по всей горѣ, отъ низу до верху. Вверху же, у самаго ея темени, примѣшивались къ ихъ зеленымъ верхушкамъ красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ, верхняя надстройка господскаго дома съ рѣзнымъ балкономъ и большимъ полукруглымъ окномъ. И надъ всѣмъ этимъ собраньемъ деревъ и крышъ возносилась свыше всего своими пятью позлащенными, играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всѣхъ ея главахъ стояли золотые прорѣзные кресты, утвержденные золотыми прорѣзными же цѣпями, такъ что издали, казалось, висѣло на воздухѣ ничѣмъ неподдержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И все это, въ опрокинутомъ видѣ, верхушками, крышками, крестами внизъ, миловидно отражалось въ рѣкѣ, гдѣ безобразно-дуплистыя ивы, однѣ стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, опутанные склизкой бодягой, плававшей по водѣ вмѣстѣ съ желтыми кувшинчиками, точно какъ бы разсматривали это чудное изображеніе.

Видъ былъ очень хорошъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на отдаленья, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель. Отъ изумленья у него захватывало въ груди духъ, и онъ только вскрикивалъ:—Господи, какъ здѣсь просторно!—Безъ конца, безъ предѣловъ открывались пространства: за лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, въ нѣсколько зеленыхъ поясовъ, зеленѣли лѣса; за лѣсами, сквозь воздухъ, уже начинавшій становиться мглистымъ, желтѣли пески, и вновь лѣса, уже синѣвшіе, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся; и вновь пески, еще блѣднѣй, но все желтѣвшіе. На отдаленномъ небосклонѣ лежали гребнемъ мѣловыя горы, блиставшія бѣлизною даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце. По ослѣпительной бѣлизнѣ ихъ, у подошвъ, мѣстами гипсовыхъ, мелькали какъ бы дымившіяся туманносизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ. Только вспыхивавшая при солнечномъ освѣщеніи искра золотой церковной маковки давала знать, что это было людное большое селеніе. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, пропадавшіе въ пространствахъ. Словомъ—гость, стоявшій на балконѣ, и послѣ какого-нибудь двухчасового созерцанія ничего другого не могъ выговорить, какъ только:—Господи, какъ здѣсь просторно!

Кто-жъ былъ жилецъ и владѣтель этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны, гдѣ вразсыпку дубы встрѣчали привѣтливо подъѣзжавшаго гостя, распростирая развѣсистыя вѣтви, какъ дружескія объятья, и провожая его къ лицу того самаго дома, котораго верхушку видѣли мы сзади и который стоялъ теперь весь на-лицо, имѣя по одну сторону рядъ избъ, выказывавшихъ коньки и рѣзные гребни, а по другую — церковь, блиставшую золотомъ крестовъ и золотыми прорѣзными узорами висѣвшихъ въ воздухѣ цѣпей. Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

Помѣщику Тремалаханскаго уѣзда, Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому, тридцатитрехлѣтнему счастливцу и притомъ еще и неженатому человѣку.

Кто-жъ онъ, что-жъ онъ, какихъ качествъ, какихъ свойствъ человѣкъ! У сосѣдей, читательницы, у сосѣдей слѣдуетъ разспросить. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи ловкихъ, уже нынѣ вовсе исчезающихъ, отставныхъ штабъ-офицеровъ-брандеровъ, изъяснялся о немъ выраженіемъ: „Естественнѣйшій скотина!“ Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ:—Молодой человѣкъ, неглупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня не безъ связей и въ Петербургѣ, и даже при... — генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ давалъ такой оборотъ отвѣту:—А вотъ я завтра же къ нему за недоимкой! — Мужикъ его деревни на вопросъ о томъ,

какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Сталобыть, мнѣніе о немъ было неблагопріятное.

Безпристрастно же сказать—онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ, просто, коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые коптятъ небо, то почему-жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его? Впрочемъ, вотъ на выдержку день изъ его жизни, совершенно похожій на всѣ другіе, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ, и какъ его жизнь соотвѣтствовала окружавшимъ его красотамъ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. И такъ какъ глаза на бѣду были маленькіе, то протиранье ихъ производилось необыкновенно долго, и во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ, — баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостиную за тѣмъ, чтобы пить чай, кофей, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. И два часа просиживалъ онъ за чаемъ. И этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ; у окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ Григорій, дворовый человѣкъ въ качествѣ буфетчика, относившійся къ домоводкѣ Перфильевнѣ почти въ сихъ выраженіяхъ:—Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной, молчать!

— А не хочешь ли вотъ этого?—выкрикивала ничтожность, или Перфильевна, показывая кукишъ, баба, жесткая въ поступкахъ, несмотря на то, что охотница была до изюму, пастилы и всякихъ сластей, бывшихъ у нея подъ замкомъ.

— Вѣдь ты и съ приказчикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная!—ревѣлъ Григорій.

— Да и приказчикъ воръ такой же, какъ и ты. Думаешь, баринъ не знаетъ васъ? вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ.

— Гдѣ баринъ?

— Да вотъ онъ сидитъ у окна, онъ все видитъ.

И точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію содома, кричалъ-кричмя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрещину, визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ. Словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ. И только тогда, когда это дѣлалось до такой степени несносно, что мѣшало даже ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ—все такъ и въ томъ видѣ, какъ любитъ задавать себѣ современный человѣкъ. Впрочемъ, колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась на мѣсто того въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Затѣмъ слѣдовала трубка съ кофеемъ, игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина—право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не дѣлалось.

И такъ проводилъ время, одинъ-одинёшенекъ въ цѣломъ мірѣ, молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ сидень-сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, не хотѣлось даже растворять окна, затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату, и прекраспый видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого можетъ читатель видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать. Родятся ли уже такіе характеры, или потомъ образуются, какъ порожденіе печальныхъ обстоятельствъ, сурово обстанавливающихъ человѣка? Вмѣсто отвѣта на это, лучше разсказать исторію его воспитанія и дѣтства.

Казалось, все клонилось къ тому, чтобы вышло изъ него что-то путное. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, остроумный, полузадумчиваго свойства, полуболѣзненный, попалъ онъ въ учебное заведеніе, котораго начальникомъ на ту пору былъ человѣкъ необыкновенный. Идолъ юношей, диво воспитателей, несравненный Александръ Петровичъ одаренъ былъ чутьемъ слышать.....*)

*) Точки поставлены на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. *Ред.*

Какъ зналъ онъ свойства русскаго человѣка! Какъ зналъ онъ дѣтей! Какъ умѣлъ двигать! Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ бы къ нему самъ и не повинился во всемъ. Этого мало: онъ получалъ строгое... но шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднявъ его. И было что-то ободряющее, что-то говорившее:—Впередъ! Поднимайся скорѣе на ноги, несмотря, что ты упалъ. — Не было у него и рѣчи къ нимъ о хорошемъ поведеніи. Онъ обыкновенно говорилъ:— Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою. — И точно, шалости исчезали сами собою. Презрѣнію товарищей подвергался тотъ, кто не стремился быть.... Обиднѣйшія прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки отъ самыхъ малолѣтнихъ и не смѣли ихъ тронуть пальцемъ. — Это ужъ слишкомъ! — говорили многіе:—умники выйдутъ люди заносчивые. „Нѣтъ, это не слишкомъ, — говорилъ онъ: — неспособныхъ я не держу долго, съ нихъ довольно одного курса, а для умныхъ у меня другой курсъ". **). И точно, всѣ способные выдерживали у него другой курсъ. Многихъ рѣзвостей онъ не удерживалъ, видя въ нихъ начало развитія свойствъ душевныхъ и говоря, что онѣ ему нужны, какъ сыпи врачу — за тѣмъ, чтобы узнать достовѣрно, что именно заключено внутри человѣка.

Какъ любили его всѣ мальчики! Нѣтъ, никогда не бываетъ такой привязанности у дѣтей къ своимъ родителямъ. Нѣтъ, ни даже въ безумные годы безумныхъ увлеченій не бываетъ такъ сильна неугасимая страсть, какъ сильна была любовь къ нему. До гроба, до позднихъ дней благодарный воспитанникъ, поднявъ бокалъ въ день рожденія своего чуднаго воспитателя, уже давно бывшаго въ могилѣ....., закрывалъ глаза и лилъ слезы по немъ. Его малѣйшее ободреніе уже бросало въ дрожь и въ радостный трепетъ и толкало честолюбивое желанье всѣхъ превзойти. Малоспособныхъ онъ не держалъ долго: для нихъ у него былъ коротенькій курсъ; но способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И послѣдній классъ, который былъ у него для однихъ избранныхъ, вовсе не походилъ на тѣ, какіе бываютъ въ другихъ заведеньяхъ. Тутъ, только онъ требовалъ отъ воспитанника всего того, чего иные неблагоразумно требуютъ отъ дѣтей, — того высшаго ума, который умѣетъ не посмѣяться, но вынести всякую насмѣшку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти изъ себя, не мстить ни въ какомъ случаѣ и пребывать въ гордомъ покоѣ невозмущенной души; и все, что способно образовать изъ человѣка твердаго мужа, тутъ было употреблено въ дѣйствіе, и онъ самъ дѣлалъ съ ними безпрерывныя пробы. О, какъ онъ зналъ науку жизни!

Учителей у него было много. Большую часть наукъ читалъ онъ самъ. Безъ педантскихъ терминовъ, напыщенныхъ воззрѣній и взглядовъ, умѣлъ онъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было видно, на что она ему нужна. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ юношу впереди, и весь горизонтъ его поприща умѣлъ онъ очертить такъ, что юноша, еще находясь на лавкѣ, мыслями и душой жилъ уже тамъ, на службѣ. Ничего не скрывалъ: всѣ огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенія и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно, какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Оттого ли, что сильно уже развилось честолюбіе, оттого ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ: *впередъ*! это словцо, знакомое русскому человѣку, производящее такія чудеса надъ его чуткой природой, — но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ больше препятствій, гдѣ нужно было показать большую силу души. Немногіе выходили изъ этого курса, но зато были крѣпыши, были обкуренные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, и умнѣйшіе ихъ, не вытерпѣвъ, изъ-за мелочныхъ непріятностей, бро-

---

**) Въ текстѣ внесены *позднѣйшія* приписки, сдѣланныя отчасти надъ строками, отчасти на лѣвомъ полѣ страницы. Это мѣсто передѣлывалось не одинъ разъ. Первоначально прежній текстъ былъ исправленъ такъ: «Родятся ли уже сами собою такіе характеры или дѣлаются потомъ, — какъ отвѣчать на это? Вотъ лучше вмѣсто того исторія его весны анія и дѣтства, и пусть читатель выводитъ. Директоромъ училища, въ которое попалъ онъ, былъ человѣкъ необыкновенный: Александръ Петровичъ умѣлъ чутье слышать природу человѣка. Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ къ нему самъ и не повинился во всемъ. Этого мало. Шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднявъ его, съ бодрымъ желаніемъ загладить поступокъ. Въ самомъ упрекѣ Александра Петровича было что[то] ободряющее; честолюбіе онъ называлъ силою, толкающею впередъ способности человѣка и потому особенно старался возбудить. О поведеніи у Александра Петровича не бывало и рѣчи. Онъ обыкновенно говорилъ: «Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить; шалость должна исчезнуть сама собою». Его упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ много далъ воли умникамъ, позволяя имъ насмѣхаться и даже оскорблять малоспособныхъ. На это онъ отвѣчалъ: «Что-жъ дѣлать? Я пристрастенъ къ умникамъ и хочу, чтобъ всѣ это видѣли». Онъ считалъ также необходимымъ прежде всего... *Ред.*

сили все или же, осовѣвъ, облѣнившись *), очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь, и человѣка, и умудренные мудростью, возымѣли сильное вліяніе даже на дурныхъ людей.

Пылкое сердце честолюбиваго мальчишки долго билось при одной мысли о томъ, что онъ попадетъ наконецъ въ это отдѣленіе. Что, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тѣнтѣтникова! Но нужно же, чтобы въ то самое время, когда онъ переведенъ былъ въ этотъ курсъ избранныхъ,—чего такъ сильно желалъ,—необыкновенный наставникъ скоропостижно [умеръ]! О, какой былъ для него ударъ! какая страшная первая потеря! Ему казалась, какъ бы.....**) Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳедоръ Ивановичъ. Налегъ онъ тотъ же часъ на какіе-то внѣшніе порядки; сталъ требовать отъ дѣтей того, что можно требовать только отъ взрослыхъ. Въ свободной ихъ развязности почудилось ему что-то необузданное. И точно какъ бы на зло своему предшественнику объявилъ съ перваго дня, что для него умъ и успѣхи ничего не значатъ, что онъ будетъ смотрѣть только на хорошее [поведеніе]***). Странно: хорошаго-то поведенія и не добился Ѳедоръ Ивановичъ. Завелись шалости потасныя. Все было въ струнку днемъ и шло попарно, а по ночамъ развелись кутежи.

Съ науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній. Забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они въ своемъ изложеніи и логическую связь, и слѣдованіе за новыми открытіями, и горячку собственнаго увлеченія; но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной отозвалась въ устахъ ихъ мертвая наука. Однимъ словомъ, все пошло навыворотъ. Потерялось уваженіе къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями; директора стали называть Ѳедькой, булкой и другими разными именами. Развратъ завелся уже вовсе не дѣтскій: завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать. Въ два года узнать нельзя было заведенія.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Его не могли увлечь ни ночныя оргіи товарищей, которые обзавелись какой-то дамой передъ самыми окнами директорской квартиры, ни кощунство ихъ надъ святыней изъ-за того только, что попался не весьма умный попъ. Нѣтъ, душа его и сквозь сонъ слышала небесное свое происхожденіе. Его не могли увлечь; но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе уже было возбуждено, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше-бъ было и не возбуждать его. Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрахъ профессоровъ, а вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячась, умѣлъ говорить понятно. Какихъ предметовъ и какихъ курсовъ онъ не слушалъ! Медицину, философію, и даже право, и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе, да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ,—и Богъ знаетъ, чего онъ не слушалъ! Но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ слышалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ — не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и такъ ему было грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но молодость счастлива тѣмъ, что у ней есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время

*) Послѣ этого зачеркнуто: «доступное для немногихъ избранныхъ. Но вдругъ необыкн...». Въ «Полномъ собраніи сочиненій Гоголя», вышедшемъ въ 1867 году, подъ редакціею Ѳ. В. Чижова, это мѣсто читается такъ: «Какъ поразилъ этотъ чудный наставникъ еще въ отрочествѣ Андрея Ивановича! Пылкое сердце честолюбиваго мальчика долго билось при одной мысли, что онъ попадаетъ на высшій курсъ, и шестнадцати лѣтъ Тѣнтѣтниковъ, выпередивши своихъ сверстниковъ, былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, и самъ тому не вѣрилъ». Вводя въ текстъ «Мертвыхъ душъ» этотъ варіантъ, Чижовъ замѣчаетъ въ выноскѣ: «Отъ начала пункта до слова *не вѣрилъ* написано въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя, послѣ того, какъ онъ набросалъ это мѣсто въ рукописи, въ-разбивку, то внизу, то вверху, самымъ небрежнымъ образомъ». Къ сожалѣнію, Чижовъ не указалъ, къ какому времени можетъ быть отнесена эта «записная книжка». Она не была у насъ подъ руками.

**) Въ рукописи фраза не кончена.

***) Въ текстѣ второй части «Мертвыхъ Душъ», изданномъ Ѳ. В. Чижовымъ, это мѣсто имѣетъ такой видъ: «На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстояніе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, умнымъ оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ нарочно своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведеніе, что, если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочитаетъ его умнику. Но именно того-то и не получилъ Ѳедоръ Ивановичъ, чего добивался». — Къ этому варіанту, введенному въ текстъ, сдѣлано Чижовымъ такое примѣчаніе: «Мѣсто, отъ словъ: *какой-то Ѳедоръ Ивановичъ*, до словъ: *чего добивался*, написалъ Гоголь въ своей записной книжкѣ, послѣ наброски въ рукописи». *Ред.*

къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ:—Вѣдь это еще не жизнь, это только приготовленіе къ жизни, настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги.—И, не взглянувши на прекрасный уголокъ, такъ поражавшій всякаго гостя-посѣтителя, не поклонившись праху своихъ родителей, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь — служить, блистать, выслуживаться или же просто схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованія. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди. Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, наконецъ, онъ опредѣлился въ какой-то департаментъ. Когда ввели его въ великолѣпный свѣтлый залъ, съ паркетами и письменными лакированными столами, походившій на то, какъ бы засѣдали здѣсь первые вельможи государства, трактовавшіе о судьбѣ всего государства, и увидѣлъ онъ легіоны красивыхъ пишущихъ господъ, шумѣвшихъ перьями и склонившихъ голову на-бокъ, и посадили его самого за столъ, предложа тутъ же переписать какую-то бумагу, какъ нарочно нѣсколько мелкаго содержанія (переписка шла о трехъ рубляхъ, производившаяся полгода) — необыкновенно странное чувство проникнуло неопытнаго юношу: сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Къ довершенію сходства, иные изъ нихъ читали глупый пе[реводный] романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи начальника. Такъ это все ему показалось странно, такъ занятія прежнія значительнѣе нынѣшнихъ, пріуготовленіе къ службѣ лучше самой службы! Ему стало жалко по школѣ. И вдругъ, какъ живой, предсталъ предъ нимъ Александръ Петровичъ — и чуть-чуть онъ не заплакалъ. Комната закружилась, перемѣшались чиновники и столы, и чуть удержался онъ отъ мгновеннаго потемнѣнія. — Нѣтъ, — подумалъ онъ въ себѣ, очнувшись:—примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ. — Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый, тридцатиградусный морозъ; взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заметая тротуары, слѣпя глаза, пудря мѣховые воротники, усы людей и морды мохнатыхъ скотовъ, но привѣтливо, и сквозь летающіе перекрестно охлопья, свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь и въ четвертомъ этажѣ: въ уютной комнаткѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго русскаго поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится и подъ полуденнымъ небомъ.

Скоро Тѣнтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Въ числѣ друзей Андрея Ивановича, которыхъ у него было довольно, попалось два человѣка, которые были то, что называется огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ снисхожденія и въ то же время исполненные нетерпимости къ другимъ, они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью, и образомъ благороднаго негодованія противъ общества. Они, разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лѣницынъ, начальникъ одного изъ отдѣленій, помѣщавшихся въ великолѣпныхъ залахъ, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ. Ему казалось, что Лѣницынъ, въ разговорахъ съ высшими, весь превращался въ какой-то приторный сахаръ, и—въ уксусъ, когда обращался къ нему подчиненный; что будто, по примѣру всѣхъ мелкихъ людей, бралъ онъ на замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, мстилъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ; и, вслѣдствіе этого, онъ почувствовалъ къ нему отвращеніе нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ на то наискивался съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до того крупно, что ему объявлено было отъ начальства — либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Онъ по-

далъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему, перепуганный и умоляющій: — Ради самого Христа! помилуй, Андрей Ивановичъ! что это ты дѣлаешь? Оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ! Помилуй! что ты? что ты? Вѣдь, если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ.

— Не въ томъ дѣло, дядюшка,—сказалъ племянникъ. — Мнѣ не трудно попросить у него извиненія. Я виноватъ: онъ начальникъ и такъ не слѣдовало говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. У меня есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣніе въ разстройствѣ, управляющій — дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я,—что вы подумаете?— помѣщикъ, который... служба... Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи участи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ работящихъ подданныхъ—чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ разинутымъ ртомъ отъ изумленія. Такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ: — Но все-же... но какъ же таки... какъ же запропастить себя въ деревню? Какое же общество можетъ быть между...? Здѣсь все-таки на улицѣ попадется навстрѣчу генералъ, князь. Пройдешь и самъ мимо какого-нибудь... тамъ... ну, и газовое освѣщеніе, промышленная Европа; а вѣдь тамъ, что ни попадется, все это или мужикъ, или баба. За что-жъ такъ, за что-жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?

Но убѣдительныя представленія дяди на племянника не произвели дѣйствія. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспоительницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Ужъ онъ откопалъ и новѣйшія книги по части сельскаго хозяйства. Словомъ — черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже въ окрестности тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство, невдалекѣ отъ того прекраснаго уголка, которымъ не могъ налюбоваться никакой гость и посѣтитель. Новое чувство въ немъ встрепенулось. Въ душѣ стали просыпаться прежнія, давно не выходившія наружу, впечатлѣнія. Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. И вотъ, неизвѣстно отчего, вдругъ забилось у него сердце. Когда же дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, въ-перемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ:—чей лѣсъ?— ему сказали: „Тѣнтѣтникова“; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и двумя мостами перелетѣла въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ:—чьи луга и поемныя мѣста? — отвѣчали ему: „Тѣнтѣтникова“; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, — съ одной стороны мимо неснятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ показались въ сокращенномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, вх дила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся вразсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали рѣзныя избы мужиковъ и красныя крышки каменныхъ господскихъ строеній, и блеснули золотые верхи [церкви], когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда пріѣхало: ощущенья, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись наконецъ въ громогласныхъ словахъ: — Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, а я закабалилъ себя кропателемъ мертвыхъ бумагъ? Воспитавшись, просвѣтясь, сдѣлавъ запасъ свѣдѣній, нужныхъ для распространенія добра между подвластными, для улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, который является въ одно и то же время и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю, а себѣ предпочесть заочное производство дѣлъ между людьми, которыхъ я и въ глаза не видалъ, которыхъ я ни характеровъ, ни качествъ не знаю, — предпочесть настоящему управленію бумажное, фантастическое управленіе провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей!

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, мужики собрались къ крыльцу. Сороки, кички, новойники, зипуны и картинно-окладистыя бороды красиваго населенія обступили его кругомъ. Когда раздались слова:— Кормилецъ нашъ! вспомнилъ... — и невольно заплакали старики и старухи, помнившіе и его дѣда, и прадѣда, не могъ онъ самъ удержаться отъ слезъ. И думалъ онъ про себя: „Столько

любви! и за что?—За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими!" И далъ онъ себѣ обѣтъ дѣлить съ [ними] труды и занятія.

И сталъ онъ хозяйничать, распоряжаться. Уменьшилъ барщину, убавивъ дни работъ на помѣщика и прибавивъ времени мужику. Дурака-управителя выгналъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодонокъ, такъ что лѣнивые стали даже почесываться. Но продолжалось это не долго. Мужикъ смѣтливъ: онъ понялъ скоро, что баринъ, хоть и прытокъ, и есть въ немъ тоже охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ грамотѣйно и не вдолбежъ. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту.

Тѣнтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей. Сѣялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ уже давно колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо; а у него едва начиналъ только итти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ просто плутуетъ, несмотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ:—Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то-есть, выгодѣ не радѣли! Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли—по чапорухѣ водки приказали подать.—Что было на это возражать?

— Да отчего же теперь вышло скверно?—допрашивалъ баринъ.

— Кто его знаетъ? Видно, червь подъѣлъ снизу. Да и лѣто вишь ты какое: совсѣмъ дождей не было.

Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ.

Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: — Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой—житья нѣтъ отъ ней!

Хотѣлъ онъ было, скрѣпя свое сердце, приняться за строгость; но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой; такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ; ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть.—Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ! Богъ съ тобой!—говорилъ бѣдный Тѣнтѣтниковъ, и вослѣдъ за тѣмъ видѣлъ, какъ больная, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и такъ отламывала ей бока, какъ не сумѣетъ и здоровый мужикъ.

Вздумалъ онъ было попробовать какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ: лучше было и не задумывать! Въ дѣлахъ судейскихъ и разбирательствахъ оказались ровно ни къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора-философы. И та сторона вретъ, и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! И видѣлъ онъ, что нужнѣй было тонкостей юридическихъ и философскихъ книгъ простое познанье человѣка; и видѣлъ онъ, что въ немъ чего-то недостаетъ, а чего—Богъ вѣсть. И случилось обстоятельство, такъ часто случающееся: ни мужикъ не узналъ барина, ни баринъ мужика; и мужикъ сталъ дурной стороной, и баринъ дурной стороной. Все это значительно охладило и рвеніе помѣщика. При работахъ онъ уже присутствовалъ безъ вниманія. Шумѣли ли тихо косы въ покосахъ, метали-ль стога, клались ли клади, вблизи-ль ладилось сельское дѣло—его глаза глядѣли подальше; вдали-ль производилась работа—его глаза отыскивали предметы поближе, или смотрѣли въ сторону на какой-нибудь извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, краснопогій мартынъ, разумѣется—птица, а не человѣкъ. Они смотрѣли любопытно, какъ онъ, поймавъ у берега рыбу, держалъ ее поперекъ въ носу, какъ бы раздумывая, глотать или не глотать,—и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ въ отдаленіи бѣлѣлся другой мартынъ, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Или же, зажмуривъ вовсе глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью впивать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ звукосогласный хоръ, не переча другъ другу. Во ржи бьетъ перепелъ, въ травѣ дергаетъ дергунъ, надъ (нимъ) урчатъ и чи-

ликаютъ перелетающія коноплянки, блеетъ поднявшійся на воздухъ барашекъ, трелитъ жаворонокъ, исчезая въ свѣтѣ, и звонами трубъ отдается турлыканье журавлей, строящихъ въ треугольники свои вереницы въ небесахъ высоко. Откликается вся въ звуки превратившаяся окрестность... Творецъ! какъ еще прекрасенъ Твой міръ въ глуши, въ деревушкѣ, вдали отъ подлыхъ большихъ дорогъ и городовъ! Но и это стало ему наскучать. Скоро онъ и вовсе пересталъ ходить въ поля, засѣлъ въ комнаты, отказался принимать даже съ докладами приказчика.

Прежде изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же рѣзкаго направленія недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными, европейски-открытое общеніе съ потрепкой по колѣну, также и низкопоклонства и развязности — начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними разазнакомиться со всѣми и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда напріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, представитель уже нынѣ отходящихъ полковниковъ-брандеровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ передовой начинавшагося новаго образа мыслей, Варваръ Николаевичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи,—онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: „скотина!“, другой послалъ ему съ досады тоже что-то въ родѣ свиньи. Тѣмъ и кончились сношенія. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто.

Онъ этому былъ радъ и предался обдумыванью большого сочиненія о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе—читатель ужъ видѣлъ. Установился странный, безпорядочный порядокъ. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ отъ сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалось невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силой воскресало передъ нимъ школьное минувшее время, и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы...

Что значили эти рыданія? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни,—что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ;—что, неиспытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки; что слишкомъ для него рано умеръ необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости, немощную волю, кто бы крикнулъ душѣ пробуждающимъ крикомъ это бодрящее слово: *впередъ*, котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій и званій, и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ?* кто, зная всѣ силы и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить насъ на высокую жизнь? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы ему благодарный русскій человѣкъ! Но вѣка проходятъ за вѣками, позорной лѣнью и безумной дѣятельностью незрѣлаго юноши объемлется... и не дается Богомъ мужъ, умѣющій произносить его!

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота въ его характерѣ: случилось что-то похожее на любовь. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не весьма благосклонно о Тентетниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтеніе, самъ визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное. Она была что-то живое, какъ сама жизнь.

Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Какъ въ ребенкѣ, возросшемъ на свободѣ, въ ней было все своеправно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ,

онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданіе. Но гнѣвъ ея вспыхивалъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурномъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. И никогда не спорила она за себя самоё и не оправдывала себя. Гнѣвъ этотъ исчезнулъ бы въ минуту, если бы она увидѣла въ несчастіи того самаго, на кого гнѣвалась. При первой просьбѣ о подаяніи кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелекъ, со всѣмъ, что въ немъ ни было, не вдаваясь ни въ какія разсужденья и расчеты. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью—выраженіе лица, выраженіе разговора, движеніе рукъ; самыя складки платья какъ бы стремились въ ту же сторону и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вслѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни передъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка, была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ; самый развязный и бойкій на слова не находилъ съ нею слова и терялся, а застѣнчивый могъ разговориться съ нею, какъ никогда въ жизни своей ни съ кѣмъ, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее и какъ бы эти самыя черты ея ему гдѣ-то уже видѣлись, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы: и надолго послѣ того становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Точно то же случилось съ нею и съ Тѣнтѣтниковымъ. Неизъяснимое новое чувство вошло къ нему въ душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась.

Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно; но сойтись между собою они не могли. Разговоры ихъ оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ съ обѣихъ сторонъ, потому что генералъ не любилъ противорѣчія и возраженія; Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Разумѣется, что ради дочери прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы: графиня Бордырева и княжна Юзякина, отсталыя фрейлины прежняго двора, но удержавшія и донынѣ кое-какія связи, вслѣдствіе чего генералъ передъ ними немножко подличалъ. Съ самаго ихъ пріѣзда, Тѣнтѣтникову показалось, что онъ сталъ къ нему холоднѣе, не замѣчалъ его, или обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ; говорилъ ему какъ-то пренебрежительно: *любезнѣйшій*, *послушай*, *братецъ*, и даже *ты*. Это его, наконецъ, взорвало. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри его кипѣло:—Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ *ты* вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ *ты*. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамильярному между нами обращенію.—Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно; что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова).

Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самомъ началѣ. Потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣе. Все поворотило на жизнь, которую читатель видѣлъ въ началѣ главы—на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ. Половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны заходили даже въ гостиную. На щеголеватомъ столѣ передъ диваномъ лежали засаленныя подтяжки, точно какое угощенье гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашнія куры. Взявши перо, безсмысленно чертилъ онъ на бумагѣ по цѣлымъ часамъ рогульки, домики, избы, телѣги, тройки. Но иногда, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку съ топкими чертами, съ быстрымъ пронзительнымъ взглядомъ и приподнятой прядью волосъ, и въ изумленіи видѣлъ хозяинъ, какъ выходилъ портретъ той, съ которой портрета не написалъ бы никакой живописецъ-художникъ. И еще грустнѣе ему становилось и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ еще болѣе послѣ того скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таково было состояніе души Андрея Ивановича Тѣнтѣтникова. Въ то время, когда, по обыкновенію, подсѣлъ онъ къ окну глазѣть обычнымъ порядкомъ, но къ изумленію своему не слыхалъ ни Григорія, ни Перьфильевны, во дворѣ напротивъ было нѣкоторое движенье и нѣкоторая суета. Поварченокъ и поломойка бѣжали отворять ворота. Въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь, какъ лѣпятъ иль рисуютъ ихъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда

посерединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ — кучеръ и лакей, въ широкомъ сюртукѣ, опоясавшій себя носовымъ платкомъ. За ними господинъ, въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ, необыкновенно приличной наружности, соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ: онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Два философа изъ гусаръ, начитавшіеся всякихъ брошюръ, да не доконченный учебнаго курса эстетикъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута и масона и тоже карточнаго игрока, но краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ обширною цѣлью—доставить прочное счастіе всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки. Касса денегъ потребовалась огромная; поже твованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло—зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это затянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и будущихъ одолженій человѣчеству, сдѣлались потомъ формальными пьяницами. Тѣнтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что, и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ ними, Тѣнтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. Не безъ страха глядѣлъ онъ и теперь на растворявшуюся дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы, нѣсколько на-бокъ, и въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картиннымъ мѣстоположеніемъ его деревни; что, несмотря, однакоже, на мѣстоположеніе, онъ не дерзнулъ бы обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось, по поводу весеннихъ разлитій и дурныхъ дорогъ, внезапной изломки въ экипажѣ его, требующей руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтеніе.

Окончивъ рѣчь, гость съ обворожительной пріятностью, подшаркнулъ ногой, обутой въ щегольской лайковый полусапожокъ, застегнутый на перламутровыя пуговки, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиноваго мячика.

Успокоившійся Андрей Ивановичъ заключилъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или, можетъ-быть, предметы ископаемые. Тотъ же часъ изъявилъ онъ ему всякую готовность споспѣшествовать во всемъ; предложилъ своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ; просилъ расположиться, какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ его въ большія вольтеровскія [кресла] и приготовился слушать его разсказъ по части естественныхъ наукъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣроломными вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, что показывало въ немъ скорѣе практическаго человѣка. Въ заключеніе же рѣчи, высморкался онъ въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ. Точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вослѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутьемъ носоваго батистоваго платка.

Читатель, можетъ-быть, уже догадался, что гость былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поизвытшалъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы даже не были въ завидномъ состояніи. Но выраженіе лица, приличіе, обхожденіе остались тѣ же. Даже какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ, еще ловче подвертывалъ

подъ ножку ножку, когда садился въ кресла. Еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженіяхъ, болѣе умѣнія держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, — хоть приглашай сей же часъ его на именинный обѣдъ. Щеки и подбородокъ выбриты были такъ, что одинъ слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью круглоты ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразованіе. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ, и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... по прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный — между окнами, передъ зеркаломъ, третій угольный — въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью, служившій теперь передней, въ который дотолѣ съ годъ не заходилъ никто. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, и именно: панталоны подъ фракъ, панталоны новые, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ и сюртукъ. Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: одни не совсѣмъ новые, другіе совсѣмъ новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ,—такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На письменномъ столѣ тотчасъ же въ большомъ порядкѣ размѣстились: шкатулка, банка съ одеколономъ, календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля, ѣздившая по дорогамъ для внушенія страха ворамъ, помѣстилась тоже въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Все приняло видъ чистоты и опрятности необыкновенной. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ переднемъ залѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненіями въ образѣ жизни и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный; но опасенія были напрасны. Павелъ Ивановичъ нашъ показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеніи выразился весьма счастливо, именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Выронилъ словъ немного, но съ вѣсомъ. Въ поступкахъ же своихъ показался онъ также еще болѣе кстати. Во-время являлся, во-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда одинъ пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ, однакоже, соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, обозначивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобіе того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же такъ по ней барабанилъ пальцемъ, въ присвистку. Словомъ — не мѣшалъ хозяину. „Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить,—говорилъ про себя Тѣнтѣтниковъ,—вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постояннаго характера, людей, съ которыми можно бы прожить вѣкъ и не поссориться—я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей. Вотъ первый человѣкъ, котораго я вижу“. Такъ отзывался Тѣнтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже въ гемороидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна, долго задерживаемая холодами, вдругъ началась во всей красѣ своей, и жизнь заиграла повсюду. Уже голубѣли пролѣски, и по свѣжему изумруду первой зелени желтѣлъ одуванчикъ, лилово-розовый анемонъ наклонялъ нѣжную головку. Рои мошекъ и кучи насѣкомыхъ пока-

зались на болотахъ; за ними въ догонъ бѣгалъ уже водяной паукъ, а за ними всякая птица въ сухіе тростники собралась отвсюду. И все собиралось поближе см[отрѣть] другъ друга. Вдругъ насемилась земля, проснулись лѣса, луга зазвучали. Въ деревнѣ пошли хороводы. Гулянью былъ просторъ. Что яркости въ зелени! что свѣжести въ воздухѣ! что птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ бы на свадьбѣ.

Чичиковъ ходилъ много. Прогулкамъ и гуляньямъ былъ раздолъ повсюду. То направлялъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній, въ виду разстилавшихся внизу долинъ, по которымъ повсюду оставались еще большія озера отъ водополія, и острóвами на нихъ темнѣли еще безлистные лѣса; или же вступалъ въ гущи, въ лѣсные овраги, гдѣ столпя..... густо дерева, отягченныя птичьими гнѣздами, вмѣсти..... каркающихъ воронóвъ, перекрестными летаньями помрачавшихъ небо. По просохнувшей землѣ можно было отправляться къ пристани, откуда съ горохомъ, ячменемъ и пшеницей отчаливали первыя суда, между тѣмъ, какъ въ то же время съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходилъ онъ наблюдать первыя весеннія работы, глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосою проходила по зелени, и засѣватель, постукивая рукою о сито, висѣвшее у него на груди, горстью разбрасывалъ сѣмена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону.

Чичиковъ вездѣ побывалъ. Перетолковалъ и переговорилъ и съ приказчикомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ. Узнавъ все, обо всемъ, и что, и какъ, и какимъ образомъ хозяйство идетъ, и на сколько хлѣба продается, и что выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ— все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ; оказалось — немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Андрея Ивановича: повсюду упущенія, нерадѣніе, воровство, не мало и пьянства! И думалъ: „Какая, однакоже, скотина Тѣнтѣтниковъ! Такое имѣніе и этакъ запустить! Можно бы имѣть пятьдесятъ тысячъ годового доходу“.

Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т. е., разумѣется, не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ,—сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ, разумѣется, сейчасъ представлялась ему даже и молодая, свѣжая, бѣлолицая бабенка, изъ купеческаго или другого богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвчонки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ какой-нибудь тѣнью или призракомъ по землѣ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Тогда ему начинало представляться даже и то, что не дурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный... Мало ли чего не приходитъ въ умъ, во время прогулокъ, человѣку, что человѣка такъ часто уноситъ отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ воображеніе и бываетъ ему любо даже тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется!

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза своею бывалостью въ разныхъ мѣстахъ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что служитель Павла Ивановича совсѣмъ осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Дѣло, однакожъ, кончилось между ними самой тѣсной дружбой. Въ концѣ деревни Лысый Пименъ, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было Акулька. Въ этомъ заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, или то, что называютъ въ народѣ—кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались весенніе хороводы. Породистыя, стройныя дѣвки, какихъ уже трудно теперь найти въ большихъ деревняхъ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя, у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ, или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и, выходя также стѣной навстрѣчу имъ, громко выпѣвали, усмѣхаясь, горластыя дѣв-

ки: „Бояре, покажите жениха!“ и тихо померкала вокругъ окольность, и раздававшійся далеко за рѣкой возвращался грустнымъ назадъ отголосокъ напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, что съ нимъ дѣлалось. Во снѣ и наяву утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему потомъ, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки, и движется онъ въ хороводѣ.

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и засѣдатель, и самый чубарый нашли пребываніе у Тѣнтѣтникова совсѣмъ не скучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположеніе конюшенъ необыкновенно удобнымъ: у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, блажь вдругъ заржать, можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Что же касается до той надобности, ради которой Павелъ Ивановичъ объѣзжалъ пространную Россію, то-есть — до мертвыхъ душъ, то насчетъ этого предмета онъ сдѣлался очень остороженъ и деликатенъ, если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми. Но Тѣнтѣтниковъ, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего — зачѣмъ и почему? „Нѣтъ, лучше поискать, нельзя ли съ другого конца.“ Такъ думалъ онъ. Раздобаривая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ: — У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только недостаетъ.

— Чего? — спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ.

— Подруги жизни, — сказалъ Чичиковъ.

Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ: — А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться.

Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно, какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна.

Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время уже послѣ ужина и сказалъ: — А все-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію.

Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположеніе духа въ этотъ день у него было особенно настроено къ откровенности — онъ вздохнулъ, сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: — На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ, — и разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло, и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Съ минуту смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникову, не зная, какъ рѣшить объ немъ: дуракъ ли онъ круглый, или только придурковатъ и наконецъ:

— Андрей Ивановичъ! помилуйте! — сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки, — какое-жъ оскорбленіе! что-жъ тутъ оскорбленнаго въ словѣ *ты*?

— Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ, — но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе! *Ты*! — это значитъ: „Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше; а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина — ты знай свое мѣсто, стой у порога“. Вотъ что это значитъ? — Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства.

— Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что-жъ тутъ такого? — сказалъ Чичиковъ.

— Какъ! Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

— Да какой же это поступокъ? Это даже не поступокъ, — сказалъ хладнокровно Чичиковъ.

— Какъ не поступокъ? — спросилъ въ изумленіи Тѣнтѣтниковъ.

— Это генеральская привычка, а не поступокъ: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да, впрочемъ, почему-жъ этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?..

— Это другое дѣло, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ. — Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно.

„Онъ совсѣмъ дуракъ, — подумалъ про себя Чичиковъ, — оборвышу позволить, а генералу не позволить!..“ — Хорошо! — сказалъ онъ вслухъ, — положимъ, онъ васъ оскорбилъ, зато вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Ссориться, оставляя личное, собственное [дѣло], —

это, извините... Если уже избрана цѣль, ужъ нужно идти напроломъ. Что глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется: онъ такъ ужъ созданъ. Да вы не отыщете теперь во всемъ свѣтѣ такого, который бы не плевался.

„Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!“ думалъ про себя въ недоумѣніи Тѣнтѣтниковъ, совершенно озадаченный такими словами.

„Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ думалъ между тѣмъ Чичиковъ.

— Андрей Ивановичъ! я буду съ вами говорить какъ братъ съ братомъ. Вы человѣкъ неопытный — позвольте мнѣ обдѣлать это дѣло. Я съѣзжу къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанію людей и свѣта.

— Подличать передъ нимъ я не намѣренъ!— сказалъ, оскорбившись, Тѣнтѣтниковъ,—да и васъ не могу на это уполномочить.

— Подличать я не способенъ,—сказалъ, оскорбившись, Чичиковъ. — Провиниться въ другомъ проступкѣ, по человѣчеству, могу, но въ подлости—никогда... Извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желаніе, я не ожидалъ, чтобы слова мои принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ.— Все это было сказано съ чувствомъ достоинства.

— Я виноватъ, простите!—сказалъ торопливо тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативъ его за обѣ руки.—Я не думалъ васъ оскорбить. Клянусь, ваше доброе участіе мнѣ дорого! Но оставимъ этотъ разговоръ. Не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!

— Въ такомъ случаѣ, я такъ поѣду къ генералу.

— Зачѣмъ? — спросилъ Тѣнтѣтниковъ, смотря въ недоумѣніи ему въ глаза.

— Засвидѣтельствовать почтеніе.

„Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!“ подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

„Странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ подумалъ Чичиковъ.

— Я завтра же, Андрей Ивановичъ, около десяти часовъ утра къ нему и поѣду. По-моему, чѣмъ скорѣй засвидѣтельствовать почтеніе человѣку, тѣмъ лучше. Такъ какъ бричка моя еще не пришла въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, этакъ около десяти часовъ утра, къ нему бы и съѣздилъ.

— Помилуйте, что за просьба? Вы полный господинъ: и экипажъ, и все въ вашемъ расположеніи.

Послѣ такого разговора они простились и разошлись спать, не безъ разсужденія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску съ легкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтеніе генералу, Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненіе духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущеніе нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить—безуспѣшное хотѣнье! мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить—безуспѣшное старанье! отрывки чего-то, похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. — Странное состояніе!—сказалъ онъ и придвинулся къ окну—глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дубровy, въ концѣ которой еще курилась неуспѣвшая улечься пыль. Но, оставивъ Тѣнтѣтникова, послѣдуемъ за Чичиковымъ.

ГЛАВА II.

Добрые кони въ полчаса съ небольшимъ пронесли Чичикова черезъ десятиверстное пространство сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья; потомъ широкою аллеей липъ, едва начинавшихъ развиваться, внесли его въ самую середину деревни. Тутъ аллея липъ своротила направо и, превратясь въ улицу тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво богатый рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь коринѳскихъ колоннъ. Повсюду несло масляной краской, все обновлявшей и ничему не дававшей состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Съ почтеніемъ соскочилъ Чичиковъ, приказалъ о себѣ доложить генералу и былъ введенъ къ нему прямо въ кабинетъ. Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ въ атласномъ стегэномъ халатѣ векиколѣпнаго пурпура. Открытый взглядъ, лицо мужественное, усы и большіе бакенбарды съ просѣдью, стрижка на затылкѣ низкая, подъ гребенку, шея сзади толстая, называемая въ три этажа, или въ три складки, съ трещиной поперекъ: словомъ — это былъ одинъ изъ тѣхъ картинныхъ генераловъ, которыми такъ богатъ былъ знаменитый 12-й годъ. Генералъ Бетрищевъ, какъ и многіе изъ насъ, заключалъ въ себѣ при кучѣ достоинствъ и кучу недостат-

Онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску.

ковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя минуты — великодушіе, храбрость, безграничная щедрость, умъ во всемъ и, въ примѣсь къ этому, капризы, честолюбіе, самолюбіе и тѣ мелкія личности, безъ которыхъ не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла и нѣтъ рѣшитель..... Онъ не любилъ всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, и выражался о нихъ ѣдко, въ колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, и, какъ нарочно, тѣхъ, въ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, порочилъ всякое распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Въ немъ было все какъ-то странно, начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникъ и ревнитель; любилъ также знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Словомъ, онъ любилъ похвастать умомъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. И не мудрено, что съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить множество непріятностей по службѣ, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то по крайней мѣрѣ робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженіе, и робость. Наклоня почтительно голову набокъ и разставивъ руки на отлетъ, какъ бы готовился приподнять ими подносъ съ чашками, онъ изумительно-ловко нагнулся всѣмъ корпусомъ и сказалъ: — Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству.

Генералу, какъ видно, не непонравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма благосклонное движеніе головою, онъ сказалъ:—Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?

— Поприще службы моей,—сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не посерединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ,—началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченіе оной совершалъ по разнымъ мѣстамъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить какъ бы судну среди волнъ, ваше превосходительство. Терпѣніемъ, можно сказать, повитъ, спеленатъ и, будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное терпѣніе... А что было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни краски, ни самая, такъ сказать, кисть не сумѣетъ передать, такъ что на склонѣ жизни своей ищу только уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же покуда у близкаго сосѣда вашего превосходительства...

— У кого это?

— У Тентетникова, ваше превосходительство.

Генералъ поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженія...

— Къ чему?

— Къ заслугамъ вашего превосходительства. Не находитъ словъ... Говоритъ: „Если бы я только могъ чѣмъ-нибудь... потому что точно, — говоритъ, — умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество“, говоритъ.

— Помилуйте, что-жъ онъ? Да вѣдь я не сержусь, — сказалъ смягчившійся генералъ. — Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что современемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ.

— Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство: истинно преполезный человѣкъ; можетъ побѣждать и даромъ слова, и владѣетъ перомъ.

— Но пишетъ, я чай, пустяки — какіе-нибудь стишки?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... Онъ что-то дѣльное... Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство.

— Исторію? о чемъ исторію?

— Исторію... — тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ, — исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?

— Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ.

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнулъ самъ и мысленно сказалъ въ себѣ: — Господи, что за вздоръ такой несу!

— Извините, я не очень понимаю... Что-жъ это выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи? и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?

— Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году! — Проговоривши это, онъ подумалъ въ себѣ: „Хоть убей, не понимаю!“

— Такъ что-жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.

— Робѣетъ, ваше превосходительство.

— Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова, что между нами произнесъ... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.

— Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ, — сказалъ Чичиковъ, оправился и совершенно ободрился, и подумалъ: „Экая оказія! какъ генералы пришлись кстати! а вѣдь языкъ взболтнулъ сдуру“.

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкапа отворилась сама собою и на отворившейся обратной половинѣ ея, ухватившись рукой за мѣдную ручку замка, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сильно сзади лампами, — одна она бы такъ не поразила внезапностью своего явленія, какъ фигурка эта. Видно было, что взошла съ тѣмъ, чтобы что-то сказать, но увидя незнакомаго человѣка... Съ нею вмѣстѣ, казалось, влетѣлъ солнечный лучъ, какъ будто разсмѣялся нахмурившійся кабинетъ генерала. Чичиковъ въ первую минуту не могъ дать себѣ отчета, что такое именно предъ нимъ стояло. Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистаго, благороднаго очертанія лица нельзя было отыскать нигдѣ, кромѣ развѣ только на однихъ древнихъ камейкахъ. Прямая и легкая, какъ стрѣлка, она какъ бы возвышалась надъ всѣми своимъ ростомъ. Но это было обольщеніе. Она была вовсе не высокаго роста. Происходило это отъ необыкновенно согласнаго соотношенія между собою всѣхъ частей тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швеи совѣщались между собой, какъ бы получше убрать ее. Но это было также обольщеніе. Одѣлась она какъ будто сама собой: въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила игла кое-какъ неизрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборахъ и складкахъ, что если бы перенести ихъ вмѣстѣ съ нею на картину, всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, казались бы передъ ней какими-то пеструшками, издѣліемъ лоскутнаго ряда. И если бы перенесть ее со всѣми этими складками ее обольнувшаго платья на мраморъ, назвали бы его копіею геніальныхъ. Одно было нехорошо: она была черезчуръ уже тонка и худа.

— Рекомендую вамъ мою баловницу! — сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. — Однакожъ фамиліи вашей, имени и отчества до сихъ поръ не знаю.

— Должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями? — сказалъ скромно Чичиковъ, наклонивши голову на-бокъ.

— Все же, однакожъ, нужно знать...

— Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство, — сказалъ Чичиковъ, поклонившись съ ловкостью почти военнаго человѣка и отпрыгнувши назадъ съ легкостью резиноваго мячика.

— Улинька! — сказалъ генералъ, обращаясь къ дочери, — Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тентетниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года.

— Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ? — проговорила она быстро. — Развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, который и пустой, и низкій человѣкъ!

— Зачѣмъ же низкій? Онъ пустоватъ, это правда, — сказалъ генералъ.

— Онъ подловатъ и гадковатъ, не только-что пустоватъ. Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ.

— Да вѣдь это разсказываютъ только.

— Такихъ вещей разсказывать не будутъ напрасно. Я не понимаю, отецъ, какъ съ добрѣйшей душой, какая у тебя, и такимъ рѣдкимъ сердцемъ, ты будешь принимать человѣка, который какъ небо отъ земли отъ тебя, о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ.

— Вотъ этакъ, вы видите, — сказалъ генералъ, усмѣхаясь, Чичикову, — вотъ этакъ мы всегда съ ней споримъ. — И, оборотясь къ спорящей, продолжалъ:

— Душа моя! вѣдь мнѣ жъ не прогнать его?

— Зачѣмъ прогонять? Но зачѣмъ и показывать ему такое вниманіе? Зачѣмъ и любить?

Здѣсь Чичиковъ почелъ долгомъ ввернуть и отъ себя слово.

— Всѣ требуютъ къ себѣ любви, сударыня, — сказалъ Чичиковъ. — Что-жъ дѣлать? И скотинка любитъ, чтобы ее погладили; сквозь хлѣвъ просунетъ для этого морду: на, погладь!

Генералъ разсмѣялся. — Именно просунетъ морду: погладь его!.. Ха, ха, ха! У него не только что рыло все, весь, весь зажилъ въ сажѣ, а вѣдь тоже требуетъ, какъ говорится, поощренія... Ха,

ха, ха, ха! — И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву э: хе, хе, хе, хе, хе. И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густыхъ эполетъ.

— Обокрадетъ, обворуетъ казну, да еще и, каналья, наградъ проситъ! Нельзя, говоритъ, безъ поощренія, трудился... Ха, ха, ха, ха!

Болѣзненное чувство выразилось на благородномъ, миломъ лицѣ дѣвушки.—Ахъ, папа! Я не понимаю, какъ ты можешь смѣяться! На меня эти безчестные поступки наводятъ уныніе и ничего болѣе. Когда я вижу, что въ глазахъ совершается обманъ въ виду всѣхъ и не наказываются эти люди всеобщимъ презрѣніемъ, я не знаю, что со мной дѣлается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю. — И чуть сама не заплакала.

— Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ, — сказалъ генералъ. — Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Неправда ли? — сказалъ онъ, обратясь къ Чичикову. — Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ. Я сейчасъ стану одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты, — сказалъ онъ, посмотрѣвъ Чичикову въ глаза, — надѣюсь, обѣдаешь у меня?

— Если только, ваше превосходительство...

— Безъ чиновъ, что тутъ? Я вѣдь еще, слава Богу, могу накормить. Щи есть.

Бросивъ ловко обѣ руки на отлетъ, Чичиковъ признательно и почтительно наклонилъ голову книзу, такъ что на время скрылись изъ его взоровъ всѣ предметы въ комнатѣ, и остались видны ему только одни носки своихъ собственныхъ полусапожекъ. Когда же, пробывъ нѣсколько времени въ такомъ почтительномъ расположеніи, приподнялъ онъ голову снова кверху, онъ уже не увидалъ Улиньки. Она исчезнула. Намѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лаханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

— Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?

— Не только одѣваться, но можете совершить при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству.

Опустя съ одной руки халатъ и засуча рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ, генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

— Любятъ, любятъ, точно любятъ поощреніе, — сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою шею... — Погладь, погладь его! а вѣдь безъ поощренія такъ и красть не станетъ! Ха, ха, ха!

Чичиковъ былъ въ духѣ неописанномъ. Вдругъ налетѣло на него вдохновеніе. „Генералъ весельчакъ и добрякъ — попробовать!“ подумалъ онъ и, увидя, что камердинеръ съ лаханью вышелъ, вскрикнулъ: — Ваше превосходительство, такъ какъ вы уже такъ добры ко всѣмъ и внимательны, имѣю къ вамъ крайнюю просьбу.

— Какую? — Чичиковъ осмотрѣлся вокругъ.

— Есть, ваше превосходительство, дряхлый старичишка-дядя, у него триста душъ и двѣ тысячи... и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣніемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ! — Я, — говоритъ, — племянника не знаю; можетъ быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ: пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ; тогда я ему отдамъ и свои триста душъ.

— Да что-жъ онъ, выходитъ, совсѣмъ дуракъ? — спросилъ генералъ.

— Дуракъ бы еще пусть, это при немъ бы и оставалось. Но положеніе-то мое, ваше превосходительство! У старикашки завелась какая-то ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ.

— Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего, — сказалъ генералъ. — Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить? — говорилъ онъ, смотря съ изумленіемъ на Чичикова.

— Я придумалъ вотъ что. Если вы всѣхъ мертвыхъ душъ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мнѣ въ такомъ видѣ, какъ бы онѣ были живыя, съ совершеніемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ наслѣдство бы мнѣ отдалъ.

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

— Отецъ, что съ тобой случилось? — говорила она въ страхѣ, съ недоумѣніемъ смотря ему въ глаза.

Но генералъ долго не могъ издать никакого звука.

— Ничего, другъ мой, не заботься. Ступай къ себѣ; мы сейчасъ явимся обѣдать. Будь спокойна. Ха, ха, ха!

И, нѣсколько разъ задохнувшись, вырвался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты.

Чичиковъ былъ въ безпокойствѣ.

— Дядя-то, дядя! въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха! Мертвецовъ вмѣсто живыхъ получитъ! Ха, ха!

„Опять пошелъ! — думалъ про себя Чичиковъ. — Экъ его, щекотливый какой! Какъ не разорвется“.

— Ха, ха, ха! — продолжалъ генералъ. — Экой оселъ! Вѣдь придетъ же въ умъ этакое требованіе: — пусть прежде самъ собой изъ ничего достанетъ триста душъ, такъ тогда дамъ ему триста душъ! — Вѣдь онъ оселъ!

— Оселъ, ваше превосходительство.

— Ну, да и твоя-то штука попотчивать старика мертвыми! Ха, ха, ха! Я бы Богъ знаетъ что далъ, чтобы посмотрѣть, какъ ты ему поднесешь на нихъ купчую крѣпость. Ну, что онъ? Каковъ онъ изъ себя? Очень старъ.

— Лѣтъ восемьдесятъ.

— Однакожъ и движется, бодръ? Вѣдь онъ долженъ же быть и крѣпокъ, потому что при немъ вѣдь живетъ и ключница?..

— Какая крѣпость! Песокъ сыплется, ваше превосходительство!

— Экой дуракъ! Вѣдь онъ дуракъ?

— Дуракъ, ваше превосходительство.

— Однакожъ, выѣзжаетъ? бываетъ въ обществахъ? держится еще на ногахъ?

— Держится, но съ трудомъ.

— Экой дуракъ! Но крѣпокъ, однакожъ? Есть еще зубы?

— Два зуба всего, ваше превосходительство.

— Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... Хоть онъ тебѣ и дядя, а вѣдь онъ оселъ.

— Оселъ, ваше превосходительство. Хоть и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но что-жъ дѣлать?

Вралъ Чичиковъ: ему вовсе не тяжело было сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя.

— Такъ, ваше превосходительство, отпустите мнѣ...

— Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха, ха!..

И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ *).

ГЛАВА III.

— Если полковникъ Кошкаревъ точно сумасшедшій, то это недурно, — говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ, когда все исчезло и только остался одинъ небесный сводъ да два облака въ сторонѣ.

— Ты, Селифанъ, разспросилъ ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ мнѣ некогда было; а Петрушка разспрашивалъ у кучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно; Петрушка глупъ; Петрушка, чай, и теперь пьянъ.

— Вѣдь тутъ не мудрость какая! — сказалъ Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса. — Окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ.

— А ты, окромѣ сивухи, ничего и въ ротъ не бралъ? Хорошъ, очень хорошъ! Ужъ вотъ можно сказать: удивилъ красотой Европу! — Сказавъ это, Чичиковъ погладилъ свой подбородокъ и подумалъ: „Какая, однакожъ, разница между просвѣщеннымъ гражданиномъ и грубой лакейской физіогноміей!“

Коляска стала между тѣмъ спускаться. Открылись опять луга и пространства, усѣянныя осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругихъ пружинахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ косогоромъ покойный экипажъ и, наконецъ, понесся лугами, мимо мельницъ, съ легкимъ громомъ по мостамъ, съ небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы одинъ бугорокъ или кочка дали себя почувствовать бокамъ! Утѣшенье, а не коляска.

Быстро пролетали мимо ихъ кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристые тополи, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою все не хотѣлъ, надѣясь, что въ послѣдній разъ и дальше не случится. Къ деревьямъ же скоро присоединилась береза, тамъ сель. У корней гущина; трава — синяя ирь и желтый лѣсной тюльпанъ. Лѣсъ затемнѣлъ и готовился превратиться въ ночь. Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ бы сіяющія зеркала. Деревья зарѣдѣли, блески становились больше... и вотъ передъ ними озеро,— водная равнина версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Случилась оказія. Вмѣстѣ съ рыбою запутался какъ-то круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, точный арбузъ или боченокъ. Онъ былъ въ от-

*) Послѣ того значительный пропускъ.

чаянномъ положеніи и кричалъ во всю глотку: — Телепень Денисъ, передавай Козьмѣ! Козьма, бери конецъ у Дениса! Не напирай такъ, Ѳома Большой! Ступай туды, гдѣ Ѳома Меньшой. Черти! говорю вамъ, оборвете сѣти! — Арбузъ, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ волдыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобы не оборвался неводъ и не ушла рыба, и потому, сверхъ прочаго, тащили его еще накинутыми веревками нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на берегу.

— Долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ,—сказалъ Селифанъ.

— Почему?

— Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Барина, запутаннаго въ сѣти, притянули между тѣмъ уже значительно къ берегу. Почувствовавъ, что можетъ достать ногами, онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускающуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

— Обѣдали?—закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь опутанный въ сѣть, какъ въ лѣтнее время дамская ручка въ сквозную перчатку, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже—на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

— Нѣтъ,—сказалъ Чичиковъ, приподымая картузъ и продолжая раскланиваться изъ коляски.

— Ну, благодарите же Бога!

— А что? — спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

— А вотъ что! Брось, Ѳома Меньшой, сѣть да приподыми осетра изъ лаханки. Телепень Кузьма, ступай, помоги!

Двое рыбаковъ приподняли изъ лаханки голову какого-то чудовища.—Вона какой князь! изъ рѣки зашелъ!—кричалъ круглый баринъ.— Поѣзжайте во дворъ! Кучеръ, возьми дорогу пониже черезъ огородъ! Побѣги, телепень Ѳома Большой, снять перегородку! Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ...

Длинноногій, босой Ѳома Большой, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, побѣжалъ впередъ коляски черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы развѣшены были бредни, сѣти и морды: всѣ мужики были рыбаки; потомъ выпулъ изъ какого-то огорода не огородку, и огородами выѣхала коляска на площадь, близъ деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши городскихъ строеній.

„Чудаковатъ этотъ Кошкаревъ“, думалъ онъ про себя.

— А вотъ я и здѣсь!—раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый: травянозеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны, и шея безъ галстука, на манеръ купидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Онъ хотѣлъ было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались снова на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса:—Ѳома Большой да Ѳома Меньшой! Козьма да Денисъ! Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленію его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать — было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрестъ: баринъ былъ стараго покроя.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства,—сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича.

— Кто это Александръ Дмитріевичъ?

— Генералъ Бетрищевъ,—отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Незнакомъ,—сказалъ онъ съ изумленіемъ Чичиковъ пришелъ еще въ большое изумленіе.

— Какъ же это?.. Я надѣюсь по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь. Вы пріѣхали не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ! Пѣтухъ, Петръ Петровичъ!—подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ.—Какъ же?—оборотился онъ къ Селифану и Петрушкѣ, которые тоже оба разинули ротъ и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски. —Какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...

— Ребята сдѣлали отлично! Ступай на кухню: тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки,—сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.—Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!

— Я совѣщусь: такая нежданная ошибка...— говорилъ Чичиковъ.

— Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу,—сказалъ Пѣтухъ, взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутреннія покои. Изъ покоевъ вышли имъ навстрѣчу двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ,—тонкіе, точно

ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ вверхъ выше отцовскаго роста.

— Сыны мои, гимназисты, пріѣхали на праздники... Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною.—Сказавъ это, хозяинъ исчезнулъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ-дрянцо. Онъ разсказалъ съ первыхъ же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоитъ того, чтобы въ ней жить...

„Понимаю, — подумалъ Чичиковъ,—кончится дѣло кондитерскими да бульварами“...—А что?—спросилъ онъ вслухъ,—въ какомъ состояніи имѣніе вашего батюшки?

— Заложено,—сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной,—заложено.

„Плохо,—подумалъ Чичиковъ.—Этакъ скоро не останется ни одного имѣнія. Нужно торопиться“.—Напрасно однакоже,—сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованія,—поспѣшили заложить.

— Нѣтъ, ничего, — сказалъ Пѣтухъ.—Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же все жилъ здѣсь: дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенія столичнаго.

„Дуракъ, дуракъ!—думалъ Чичиковъ,—промотаетъ все, да и дѣтей сдѣластъ мотишками. Имѣньице порядочное. Поглядишь—и мужикамъ хорошо, и имъ недурно. А какъ просвѣтятся тамъ у ресторановъ да по театрамъ,—все пойдетъ къ чорту. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ“.

— А вѣдь я знаю, что думаете? — сказалъ Пѣтухъ.

— Что?—спросилъ Чичиковъ, смутившись.

— Вы думаете: „Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ: зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ“.—Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженая дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ.

— Батюшка! Платонъ Михалычъ ѣдетъ!—сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

— Верхомъ на гнѣдой лошади!—подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну.

— Гдѣ, гдѣ? — закричалъ Пѣтухъ, подступивши къ окну.

— Кто это Платонъ Михайловичъ?—спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

— Сосѣдъ нашъ, Платонъ Михайловичъ Платоновъ, прекрасный человѣкъ, отличный человѣкъ,—сказалъ самъ Пѣтухъ.

Между тѣмъ вошелъ въ комнату самъ Платоновъ, красавецъ, стройнаго роста, съ свѣтлорусыми блестящими волосами, завивавшимися въ кудри. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище. именемъ Ярбъ, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Обѣдали?—спросилъ хозяинъ.

— Обѣдалъ.

— Что-жъ вы, смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали? Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?

Гость, усмѣхнувшись, сказалъ:—Утѣшу васъ тѣмъ, что ничего не ѣлъ: вовсе нѣтъ аппетита.

— А каковъ былъ уловъ, если-бъ вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Какіе карасищи, карпищи какіе!

— Даже досадно васъ слушать. Отчего вы всегда такъ веселы?

— Да отчего же скучать? помилуйте!—сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать?—оттого, что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку; прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скучанья. Поутру проснешься вѣдь тутъ сейчасъ поваръ, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тутъ приказчикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть—опять поваръ, нужно заказывать ужинъ; тутъ пришелъ поваръ — заказывать нужно на завтра обѣдъ... Когда же скучать?

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя, который его изумлялъ необыкновенной красотой своей, стройнымъ, картиннымъ ростомъ, свѣжестью неистраченной юности, дѣвственной чистотой, ни однимъ прыщикомъ неопозореннаго лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волненіе и безпокойство не дерзнули коснуться его дѣвственнаго лица и положить на немъ морщину, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его. Оно оставалось какъ-то сонно, несмотря на ироническую усмѣшку, временами его оживлявшую.

— Я также, если позволите замѣтить,—сказалъ онъ,—не могу понять, какъ при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денегъ, или враги, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже и на самую жизнь...

— Повѣрьте, — прервалъ красавецъ-гость, — что для разнообразія я бы желалъ иногда имѣть какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто разсердилъ меня—и того нѣтъ. Скучно, да и только.

— Стало-быть, недостаточность земли, по имѣнію, малое количество душъ?

— Ничуть. У насъ съ братомъ земли на де-

сять тысячъ десятинъ и при нихъ больше тысячи человѣкъ крестьянъ.

— Странно, не понимаю. Но, можетъ-быть, неурожаи, болѣзни? много вымерло мужескаго пола людей?

— Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ

— И при этомъ скучать! не понимаю, — сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами

— А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ,—сказалъ хозяинъ.—Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ-жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названія эти были имъ даны такъ только—для поощренія. Баринъ былъ вовсе не охотникъ браниться, онъ былъ добрякъ; но ужъ русскій человѣкъ какъ-то безъ прянаго слова не обойдется. Оно ему нужно, какъ рюмка водки для сваренія въ желудкѣ. Что-жъ дѣлать? такая натура: ничего прѣснаго не любитъ.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ—подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: — Безъ пары, ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ.—У кого два—подваливалъ ему третій, приговаривая: — Что-жъ за число два? Богъ любитъ троицу. — Съѣдалъ гость три—онъ ему:—Гдѣ-жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто-жъ строитъ избу о трехъ углахъ? — На четыре у него была тоже поговорка, на пять — опять. Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли двѣнадцать ломтей и думалъ: „Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ“. Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка!

— Два года воспитывалъ на молокѣ,—сказалъ хозяинъ,—ухаживалъ, какъ за сыномъ!

— Не могу,—сказалъ Чичиковъ.

— Вы попробуйте да потомъ скажите: *не могу*.

— Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.

— Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взошелъ городничій—нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ—дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

„Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву? Съ этакимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года проживется въ пухъ!“ То-есть, онъ не зналъ того, что теперь это усовершенствовано: и безъ хлѣбосольства можно все спустить не въ три года, а въ три мѣсяца.

Онъ то и дѣло подливалъ да подливалъ; чего-жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой: впередъ видно было, на какую часть человѣческихъ познаній обратятъ они вниманіе по пріѣздѣ въ столицу. Съ гостями было не то: въ силу, въ силу перетащились они на балконъ и въ силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его, превратившись въ кузнечный мѣхъ, стала издавать, черезъ открытый ротъ и носовые продухи, такіе звуки, какіе рѣдко приходятъ въ голову и новаго сочинителя: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый гулъ, точный собачій лай.

— Экъ его насвистываетъ! — сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдаешь, какъ тутъ притти скукѣ! Тутъ сонъ придетъ — не правда ли?

— Да. Но я, однакоже, — вы меня извините,—не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

— Какія же?

— Да мало ли для молодого человѣка? Танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то—жениться.

— На комъ?

— Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?

— Да нѣтъ.

— Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить.—И богатая мысль сверкнула вдругъ въ головѣ Чичикова.—Да вотъ прекрасное средство!— сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествіе.

— Куда-жъ ѣхать?

— Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной,—сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: „А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ“.

— А вы куда ѣдете?

— Покамѣстъ ѣду я не столько по своей нуждѣ, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно, родственники родственниками; но отчасти, такъ сказать, и для самого себя: ибо видѣть свѣтъ, коловращеніе людей—кто что ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука.—И, сказавши это, помышлялъ Чичиковъ между тѣмъ такъ: „Право было бы хорошо. Можно даже и всѣ издержки на его счетъ, даже и отправиться на его лошадяхъ, а мои бы покормились у него въ деревнѣ“.

„Почему-жъ не проѣздиться?—думалъ между тѣмъ Платоновъ.—Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало-быть, разстройства никакого. Почему-жъ въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться?“—А согласны ли вы,—сказалъ онъ вслухъ,—погостить у брата денька два? Иначе онъ меня не отпуститъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.

— Ну, такъ по рукамъ! ѣдемъ! — сказалъ, оживясь, Платоновъ.

Они хлопнули по рукамъ.—Ѣдемъ!

— Куда? — вскрикнулъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. — Нѣтъ, сударики! и колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платонъ Михайлычъ, угнали отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ.

Что было сдѣлать съ Пѣтухомъ? Нужно было остаться. За то награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они прон слись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами на обѣ стороны, подходя безпрестанно подъ протянутые поперекъ рѣки канаты для ловли. Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись передъ ними, одинъ за другимъ, виды, и роща за рощей тѣшила взоры разнообразнымъ размѣщеніемъ деревъ. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ—и катеръ, самъ съ собой, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Парень-запѣвало, плечистый дѣтина, третій отъ руля, починалъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, выводя какъ бы изъ соловьинаго горла начинальные запѣвы пѣсни; пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, безпредѣльная, какъ Русь. И Пѣтухъ, встрепенувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ русскій. Одинъ только Платоновъ думалъ: „Что хорошаго въ этой заунывной пѣснѣ? Отъ нея еще большая тоска находитъ на душу“.

Возвращались назадъ уже сумерками. Впотьмахъ ударяли весла по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Въ темнотѣ пристали они къ берегу, по которому разложены были огни; на треногахъ варили рыбаки уху изъ животрепещущихъ ершей. Все уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль отъ нихъ уже улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая кринки молока и приглашенія къ ухѣ. Въ сумеркахъ слышался тихій гомонъ людской, бреханье собакъ, гдѣ-то отдававшееся изъ чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и начали озаряться потемнѣвшія окрестности, и все озарилось. Чудныя картины! Но некому было ими любоваться. Николаша и Алексаша, вмѣсто того, чтобы пронестись, въ это время, передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга, думали о Москвѣ, о кондитерскихъ, о театрахъ, о которыхъ напомнилъ имъ заѣзжій изъ столицы кадетъ; отецъ ихъ думалъ о томъ, какъ-бы окормить своихъ гостей; Платоновъ зѣвалъ. Всѣхъ живѣй оказался Чичиковъ. „Эхъ, право! заведу когда-нибудь деревеньку!“ И стали ему представляться и бабенка, и Чичонки.

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: „Барабанъ!—сказалъ (онъ),—никакой городничій не взойдетъ“. Надобно такое стеченіе обстоятельствъ, что за стѣной былъ кабинетъ хозяина. Стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день рѣшительный обѣдъ,—и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ.

— Да кулебяку сдѣлай на четыре угла,—говорилъ онъ съ присасываньемъ и забирая къ себѣ духъ. — Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого-нибудь тамъ того... Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то... проспеки ее такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, этакъ разтого—не то, чтобы разсыпалась, а истаяла бы во рту какъ снѣгъ какой, такъ чтобы и не услышалъ.—Говоря это, Пѣтухъ присмактывалъ и подшлепывалъ губами.

„Чортъ побери! не дастъ спать“, думалъ Чичиковъ и закуталъ голову въ одѣяло, чтобы

не слышать ничего. Но и сквозь одѣяло было слышно:

— А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой, да сняточковъ, да груздочковъ, да тамъ, знаешь, рѣпушки, да морковки, да бобковъ, тамъ чего-нибудь этакого, знаешь, того разтого, чтобы гарниру, гарниру всякаго побольше. Да въ свиной сычугъ положу ледку, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько.

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ. Только и раздавалось: —Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько!—Заснулъ Чичиковъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

— Это уже слишкомъ, — сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора.

— А не скучаетъ, вотъ что досадно!

„Было бы у меня, какъ у тебя, семьдесятъ тысячъ въ годъ доходу,—подумалъ Чичиковъ,— да я бы скуку и на глаза къ себѣ не пустилъ. Вонъ откупщикъ Муразовъ,—легко сказать,—десять милліоновъ... Экой кушъ“!

— Что, вамъ ничего заѣхать? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и съ зятемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Это первый у насъ хозяинъ. Онъ, сударь мой, получаетъ 200 тысячъ годового доходу съ такого имѣнія, которое лѣтъ восемь назадъ и двадцати не давало.

— Ахъ, да это, конечно, препочтенный человѣкъ! Это преинтересно будетъ съ этакимъ человѣкомъ познакомиться. Какъ же? Да вѣдь это сказать... А какъ по фамиліи?

— Костанжогло.

— А имя и отчество? позвольте узнать.

— Константинъ Ѳедоровичъ.

— Константинъ Ѳедоровичъ Костанжогло. Очень будетъ интересно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка.

Платоновъ принялъ на себя руководить Селифаномъ, что было нужно, потому что тотъ едва держался на козлахъ. Петрушка два раза сторчакомъ слетѣлъ съ коляски, такъ что необходимо было, наконецъ, привязать его веревкой къ козламъ.—Экая скотина!—повторялъ только Чичиковъ.

— Вотъ, поглядите-ка, начинаются его земли,— сказалъ Платоновъ,—совсѣмъ другой видъ.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ все поле сѣянный лѣсъ—ровныя какъ стрѣлки дерева; за ними другой, повыше, тоже молодникъ; за ними старый лѣсинякъ, и все одинъ выше другого. Потомъ опять полоса поля, покрытая густымъ лѣсомъ, и снова такимъ же образомъ молодой лѣсъ, и опять старый. И три раза проѣхали, какъ сквозь ворота стѣнъ, сквозь лѣса.—Это все у него выросло какихъ-нибудь лѣтъ въ восемь, въ десять, что у другого и въ двадцать вырастетъ.

— Какъ же это онъ сдѣлалъ?

— Разспросите у него. Это землевѣдъ такой— у него ничего нѣтъ даромъ. Мало, что онъ почву знаетъ, какъ знаетъ, какое сосѣдство для кого нужно, возлѣ какого хлѣба какія дерева. Всякій у него три-четыре должности разомъ отправляетъ. Лѣсъ у него, кромѣ того, что для лѣса, нуженъ затѣмъ, чтобы въ такомъ-то мѣстѣ на столько-то влаги прибавить полямъ, на столько-то унавозить падающимъ листомъ, на столько-то дать тѣни... Когда вокругъ засуха, у него нѣтъ засухи; когда вокругъ неурожай, у него нѣтъ неурожая. Жаль, что я самъ мало эти вещи знаю, не умѣю разсказать, а у него такія штуки... Его называютъ колдуномъ. Много, много у него всякаго... А все, однакоже, скучно...

„Въ самомъ дѣлѣ, это изумительный мужъ,— подумалъ Чичиковъ.—Весьма прискорбно, что молодой человѣкъ поверхностенъ и не умѣетъ разсказать“.

Наконецъ, показалась деревня. Какъ бы городъ какой, высыпалась она множествомъ избъ на трехъ возвышеніяхъ, увѣнчанныхъ тремя церквями, перегражденная повсюду исполинскими скирдами и кладями. „Да, — подумалъ Чичиковъ,— видно, что живетъ хозяинъ-тузъ“. Избы все крѣпкія; улицы торныя; стояла ли гдѣ телѣга— телѣга была крѣпкая и новешенькая; мужикъ попадался съ какимъ-то умнымъ выраженіемъ лица; рогатый скотъ на отборъ; даже крестьянская свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ англійскихъ парковъ и газоновъ со всякими затѣями; но, по-старинному, шелъ проспектъ амбаровъ и рабочихъ домовъ вплоть до самаго дома, чтобы все было видно барину, что ни дѣлается вокругъ его; на высокой крышѣ дома возвышался башней высокій фонарь, не для красы или для видовъ, но для наблюденія за работающими въ отдаленныхъ поляхъ. У крыльца ихъ встрѣтили слуги, расторопные, совсѣмъ непохожіе на пьяницу Петрушку, хоть на нихъ и не было фраковъ, а козацкіе чекмени синяго домашняго сукна.

Хозяйка дома выбѣжала сама на крыльцо. Свѣжа она была, какъ кровь съ молокомъ; хороша, какъ Божій день; походила, какъ двѣ капли, на Платонова, съ той разницей только, что не была вяла, какъ онъ, но разговорчива и весела.

— Здравствуй, братъ! Ну, какъ же я рада, что ты пріѣхалъ. А Константина нѣтъ дома; но онъ скоро будетъ.

— Гдѣ-жъ онъ?

— У него есть дѣло на деревнѣ съ какими-то покупщиками, — говорила она, вводя гостей въ комнату.

Чичиковъ съ любопытствомъ разсматривалъ жилище этого необыкновеннаго человѣка, который получалъ 200 тысячъ, думая по немъ отыскать въ немъ свойства самого хозяина, какъ по оставшейся раковинѣ заключаютъ объ устрицѣ или улиткѣ, нѣкогда въ ней сидѣвшей и оставившей свое отпечатлѣніе. Но нельзя было вывести никакого заключенія. Комнаты всѣ просты, даже пусты: ни фресковъ, ни картинъ, ни бронзъ, ни цвѣтовъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ, ни даже книгъ. Словомъ, все показывало, что главная жизнь существа, здѣсь обитавшаго, проходила вовсе не въ четырехъ стѣнахъ комнаты, но въ полѣ, и самыя мысли не обдумывались заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня, предъ каминомъ, въ покойныхъ креслахъ, но тамъ же, на мѣстѣ дѣла, приходили въ голову, и тамъ же, гдѣ приходили, тамъ и претворялись въ дѣло. Въ комнатахъ могъ только замѣтить Чичиковъ слѣды женскаго домоводства: на столахъ и стульяхъ были поставлены чистыя липовыя доски и на нихъ лепестки какихъ-то цвѣтовъ, приготовленные къ сушкѣ...

— Что это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена?—сказалъ Платоновъ.

— Какъ дрянь!—сказала хозяйка.—Это лучшее средство отъ лихорадки. Мы вылѣчили имъ прошлый (годъ) всѣхъ мужиковъ. А это для настоекъ; а это для варенья. Вы все смѣетесь надъ вареньями, да надъ соленьями, а потомъ, когда ѣдите, сами же похваливаете.

Платоновъ подошелъ къ фортепіано и сталъ разбирать ноты.

— Господи! что за старина!—сказалъ онъ.— Ну, не стыдно ли тебѣ, сестра?

— Ну, ужъ извини, братъ, музыкой мнѣ и подавно некогда заниматься. У меня осьмилѣтняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернанткѣ затѣмъ только, чтобы самой имѣть свободное время для музыки—нѣтъ, извини, братъ, этого-то не сдѣлаю.

— Какая ты, право, стала скучная, сестра!— сказалъ братъ и подошелъ къ окну. — А, вотъ онъ! идетъ, идетъ!—сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности, въ сюртукѣ верблюжьяго сукна. О нарядѣ своемъ онъ не думалъ. На немъ былъ триповый картузъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли два человѣка нижняго сословія, шли, разговаривая о чемъ-то съ нимъ толкуя: одинъ—простой мужикъ, другой — какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха, въ синей сибиркѣ. Такъ какъ остановились они всѣ около крыльца, то и разговоръ ихъ былъ слышенъ въ комнатахъ.

— Вы вотъ что лучше сдѣлайте: вы откупитесь у вашего барина. Я вамъ, пожалуй, дамъ взаймы: вы послѣ мнѣ отработаете.

— Нѣтъ, Константинъ Ѳедоровичъ, что ужъ откупаться? Возьмите насъ. Ужъ у васъ всякому уму выучишься. Ужъ этакого умнаго человѣка нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. А вѣдь теперь бѣда та, что себя никакъ не убережешь. Цѣловальники такія завели теперь настойки, что съ одной рюмки такъ станетъ задирать въ животѣ, что воды ведро бы выпилъ: не успѣешь опомниться, какъ все спустишь. Много соблазну. Лукавый, что ли, міромъ ворочаетъ, ей-Богу! Все заводятъ, чтобы сбить съ толку мужиковъ: и табакъ, и всякіе такіе... Что-жъ дѣлать, Константинъ Ѳедоровичъ? Человѣкъ—не удержишься.

— Послушай: да вѣдь вотъ въ чемъ дѣло. Вѣдь у меня все-таки неволя. Это правда, что съ перваго разу все получишь — и корову, и лошадь; да вѣдь дѣло въ томъ, что я такъ требую съ мужиковъ, какъ нигдѣ. У меня работай—первое; мнѣ ли, или себѣ, но ужъ я не дамъ никому залежаться. Я и самъ работаю, какъ волъ, и мужики у меня, потому что испыталъ, братъ: вся дрянь лѣзетъ въ голову оттого, что не работаешь. Такъ вы объ этомъ всѣ подумайте міромъ и потолкуйте между собою.

— Да мы-съ толковали ужъ объ этомъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Ужъ это и старики говорятъ: „что говорить! вѣдь всякій мужикъ у васъ богатъ: ужъ это не даромъ; и священники такіе сердобольные. А вѣдь у насъ и тѣхъ взяли, и хоронить некому“.

— Все-таки ступай и переговори.

— Слушаю-съ.

— Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... пособавьте, — говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

— Ужъ я сказалъ: торговаться я не охотникъ. Я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ: у васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что-жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, ну, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что твои деньги: У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.

— Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ, оттого только, чтобы и впредь

имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять.—Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Костанжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

„Гм!—подумалъ Чичиковъ,—точно какъ бы носовой платокъ“! Костанжогло показался въ дверяхъ гостиной. Онъ еще болѣе поразилъ Чичикова смуглостью лица, жесткостью черныхъ волосъ, мѣстами до времени посѣдѣвшихъ, живымъ выраженіемъ глазъ и какимъ-то желчнымъ отпечаткомъ пылкаго южнаго происхожденія. Онъ былъ не совсѣмъ русскій. Онъ самъ не зналъ, откуда вышли его предки. Онъ не занимался своимъ родословіемъ, находя, что это въ строку нейдетъ и въ хозяйствѣ вещь лишняя. Онъ думалъ, что онъ русскій, да и не зналъ другого языка, кромѣ русскаго.

Платоновъ представилъ Чичикова. Они поцѣловались.

— Я, чтобы вылѣчиться отъ хандры, придумалъ, Константинъ, проѣздиться по разнымъ губерніямъ, — сказалъ Платоновъ,—и вотъ Павелъ Ивановичъ предложилъ ѣхать съ нимъ.

— Прекрасно, — сказалъ Костанжогло. — Въ какія же мѣста — продолжалъ онъ, привѣтливо обращаясь къ Чичикову — предполагаете теперь направить путь?

— Признаюсь,—сказалъ Чичиковъ, привѣтливо наклоня голову на-бокъ и въ то же время поглаживая рукой кресельную ручку,—ѣду я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого: генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но съ другой стороны, такъ сказать, и для самого себя; потому что точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ гемороидальномъ отношеніи, увидать свѣтъ, коловращенье людей — есть, такъ сказать, живая книга, та же наука.

— Да заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ.

— Превосходно изволили замѣтить: именно истинно, дѣйствительно не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ, какъ вотъ, напримѣръ, теперь представился случай... Къ вамъ прибѣгаю, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, научите, оросите жажду мою вразумленьемъ истины. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ.

— Чему же, однако?.. чему научить?—сказалъ Костанжогло, смутившись.—Я и самъ учился на мѣдныя деньги.

— Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости, — мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣсть имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тѣмъ долгъ гражданина, заслужа уваженіе соотечественниковъ.

— Знаете ли что,—сказалъ Костанжогло, смотря на него въ размышленіи,—останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ.

— Конечно, останьтесь,—сказала хозяйка и, обратясь къ брату, прибавила.—Братъ, оставайся: куда тебѣ торопиться?

— Мнѣ все равно. Какъ Павелъ Ивановичъ?

— Я то-жъ, я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство: родственникъ генерала Бетрищева, нѣкто полковникъ Кошкаревъ...

— Да вѣдь онъ сумасшедшій.

— Это такъ, сумасшедшій. Я бы къ нему и не ѣхалъ, но генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель...

— Въ такомъ случаѣ знаете что? — сказалъ [Костанжогло], — поѣзжайте, къ нему и десяти верстъ нѣтъ. У меня стоятъ готовыя пролетки— поѣзжайте къ нему теперь же. Вы успѣете къ чаю возвратиться назадъ.

— Превосходная мысль! — вскрикнулъ Чичиковъ, взявши шляпу.

Пролетки были ему поданы и въ полчаса примчали его къ полковнику. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депо земледѣльческихъ орудій*; на другомъ: *Главная счетная экспедиція*; далѣе: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ*; *Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ*. Словомъ, чортъ знаетъ, чего не было!

Полковника онъ засталъ за пульпитромъ стоячей конторки, съ перомъ въ зубахъ. Полковникъ принялъ Чичикова отмѣнно ласково. По виду онъ былъ предобрѣйшій, преобходительный человѣкъ: сталъ ему разсказывать о томъ, сколькихъ трудовъ ему стоило возвесть имѣніе до нынѣшняго благосостоянія; съ соболѣзнованіемъ жаловался, какъ трудно дать понять мужику, что есть высшія побужденія, которыя доставляютъ человѣку просвѣщенная роскошь, искусство и художество; что бабъ онъ до сихъ поръ не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано; что, однакоже, несмотря на все упорство со стороны невѣжества, онъ непремѣнно достигнетъ того, что мужикъ его деревни, идя за плугомъ, будетъ въ

то же время читать книгу о громовыхъ отводахъ Франклина, или Виргиліевы Георгики, или Химическое изслѣдованіе почвъ.

„Да, какъ бы не такъ! — подумалъ Чичиковъ. — А вотъ я до сихъ поръ еще „Графини Лавальеръ“ не прочелъ: все нѣтъ времени“.

Много еще говорилъ полковникъ о томъ, какъ привести людей къ благополучію. Костюмъ у него имѣлъ большое значеніе: онъ ручался головой, что если только одѣть половину русскихъ мужиковъ въ нѣмецкіе штаны, — науки возвысятся, торговля подымется, и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.

Чичиковъ слушалъ-слушалъ, глядя ему пристально въ глаза, и наконецъ сказалъ: — Съ этимъ, кажется, чиниться нечего, — и тутъ же объявилъ, что такъ и такъ, имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеньемъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

— Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, — сказалъ полковникъ, нимало не смутясь, — это просьба, не такъ ли?

— Такъ точно.

— Въ такомъ случаѣ изложите ее письменно. Просьба пойдетъ въ контору принятія рапортовъ и донесеній. Контора, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ; отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ; оттолѣ, по сдѣланіи выправокъ, къ управляющему. Управляющій совокупно съ секретаремъ...

— Помилуйте! — вскрикнулъ Чичиковъ, — вѣдь этакъ затянется Богъ знаетъ! Да какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя.

— Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя.

— Но вѣдь какъ же — мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя.

— Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно*, или *требуется, желается, ищется, чтобы казалось, какъ бы живыя*. Безъ бумажнаго производства нельзя этого сдѣлать. Примѣръ — Англія и самъ даже Наполеонъ. Я вамъ отряжу комиссіонера, который васъ проводитъ по всѣмъ мѣстамъ.

Онъ ударилъ въ звонокъ. Явился какой-то человѣкъ.

— Секретарь! Позвать ко мнѣ комиссіонера! — Предсталъ комиссіонеръ, какой-то не то мужикъ, не то чиновникъ. — Вотъ онъ васъ проводитъ по нужнѣйшимъ мѣстамъ.

Что было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился, изъ любопытства, пойти съ комиссіонеромъ смотрѣть всѣ эти самонужнѣйшія мѣста. Контора подачи рапортовъ существовала только на вывѣскѣ, и двери были заперты. Правитель дѣлъ ея Хрулевъ былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ камердинеръ Березовскій; по онъ тоже былъ куда-то откомандированъ комиссіей построенія. Толкнулись они въ департаментъ сельскихъ дѣлъ — тамъ передѣлка; разбудили какого-то пьянаго, но не добрались отъ него никакого толку. — У насъ безтолковщина, — сказалъ наконецъ Чичикову комиссіонеръ. — Барина за носъ водятъ. Всѣмъ у насъ распоряжается комиссія построенія: отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія. — Онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенія. Далѣе Чичиковъ не хотѣлъ и смотрѣть. Пришедши, разсказалъ полковнику, что такъ и такъ, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссіи подачи рапортовъ и вовсе нѣтъ.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ, крѣпко пожавши руку Чичикову, въ знакъ благодарности. Тутъ же, схвативши бумагу и перо, написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построенія самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы представитель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ контора подачи рапортовъ и донесеній?

„Ну, пойдетъ кутерьма!“ подумалъ Чичиковъ, и хотѣлъ уже ѣхать.

— Нѣтъ, я васъ не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбіе затронуто. Я докажу, что значитъ органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дѣло такому человѣку, который одинъ стоитъ всѣхъ: окончилъ университетскій курсъ. Вотъ каковы у меня крѣпостные люди! Чтобы не терять драгоцѣннаго времени, покорнѣйше прошу посидѣть у меня въ библіотекѣ, — сказалъ полковникъ, отворяя боковую дверь. — Тутъ книги, бумага, перья, карандаши, все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ: вы — господинъ. Просвѣщеніе должно быть открыто всѣмъ.

Такъ говорилъ Кошкаревъ, введя его въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, снизу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ: по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; спеціальные журналы — по всѣмъ частямъ, которые только разсылаются съ обязанностью подписокъ, но никто ихъ не читаетъ. Видя, что все это были книги не для пріятнаго препровожденія, онъ обратился къ другому пика-

фу—изъ огня въ полымя: все книги философскія. Шесть огромныхъ томищей предстало ему передъ глаза, подъ названіемъ: „Предуготовительное вступленіе въ область мышленія. Теорія общности, совокупности, сущности, и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ обоюднаго раздвоенія общественной производительности". Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ—*проявленіе*, *развитіе*, *абстрактъ*, *замкнутость и сомкнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было! — Это не по мнѣ, — сказалъ Чичиковъ, и обратился къ третьему шкафу, гдѣ были книги по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ лѣтъ, а иногда и тѣмъ старикашкамъ, которые подзадориваютъ себя балетами и прочими пряностями. Окончивши разсматриваніе одной книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую въ томъ же родѣ, какъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

— Все сдѣлано, и сдѣлано отлично! Человѣкъ, о которомъ я говорилъ, рѣшительный геній. За это я поставлю его выше всѣхъ и для него одного заведу цѣлый департаментъ. Вы посмотрите, какая свѣтлая голова и какъ въ нѣсколько минутъ онъ рѣшилъ все.

„Ну, слава те, Господи!„ подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать. Полковникъ сталъ читать:

— Приступая къ обдумыванію возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное:

— I-е. Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумѣніе, ибо неосмотрительнымъ образомъ ревизскія души названы умершими. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія. Да и самое таковое названіе уже показываетъ изученіе наукъ эмпирическое, вѣроятно, ограничившееся приходскимъ училищемъ, ибо душа безсмертна.

— Плутъ! — сказалъ, остановившись, Кошкаревъ съ самодовольствіемъ,—Тутъ онъ немножко кольнулъ васъ. Но сознайтесь, какое бойкое перо!

— Во П-хъ, никакихъ незаложенныхъ ревизскихъ, не только близкихъ къ смерти, но и всякихъ прочихъ, по имѣнію не имѣется, ибо всѣ въ совокупности не токмо заложены безъ изъятія, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни Гурмайловки, находящейся въ спорномъ положеніи, по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ и вслѣдствіе того подъ запрещеніемъ, о чемъ объявлено въ 42 номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей".

— Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали? — сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

— Да! да вѣдь нужно было, чтобы все это вы увидѣли сквозь форму бумажнаго производства. Этакъ не штука. Безсознательно можетъ и дуракъ увидѣть, но нужно сознательно.

Въ-сердцахъ, схвативши шапку, Чичиковъ — бѣгомъ изъ дому, мимо всякихъ приличій, да въ дверь: онъ былъ сердитъ. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Полковникъ, однакожъ, выбѣжалъ; онъ насильно пожалъ ему руку, прижалъ ее къ сердцу и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины управленія заржавѣютъ и ослабѣваютъ; что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіею наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

Чичиковъ пріѣхалъ, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горѣли свѣчи.

— Что это вы такъ запоздали? — сказалъ Костанжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

— О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали? — сказалъ Платоновъ.

— Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Это еще ничего, — сказалъ Костанжогло. — Кошкаревъ — утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются карикатурно и виднѣй глупости всѣхъ нашихъ умниковъ, — вотъ этихъ всѣхъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури въ чужи. Вонъ каковы помѣщики теперь наступили: завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ, чего не завели! Вотъ каковы эти умники! Было поправились послѣ француза двѣнадцатаго года, такъ вотъ теперь все давай разстраивать сызнова. Вѣдь хуже француза разстроили, такъ что теперь какой-нибудь Петръ Петровичъ Пѣтухъ еще хорошій помѣщикъ.

— Да вѣдь и онъ заложилъ теперь въ ломбардъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Ну, да, все ломбардъ, все пойдетъ въ ломбардъ. — Сказавъ это, Костанжогло сталъ понемногу сердиться. — Вонъ шляпный, свѣчной заводы, — изъ Лондона мастеровъ выписалъ свѣч-

ныхъ, торгашомъ сдѣлался! Помѣщикъ — этакое званіе почтенное — въ мануфактуристы, фабриканты! Прядильныя машины... кисеи шлюхамъ городскимъ, дѣвкамъ...

— Да вѣдь и у тебя есть фабрики, — замѣтилъ Платоновъ.

— А кто ихъ заводилъ? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда — я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, — по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ, — мужику надобныя, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берегъ въ продолженіе шести лѣтъ сряду промышленники, — ну, куда ее дѣвать? я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ.

„Экой чортъ! — думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза, — загребистая какая лапа!“

— Да и то потому занялся, что набрело много работник въ, которые умерли бы съ голоду: голодный годъ, и все по милости этихъ фабрикантовъ, упустившихъ посѣвы. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Всякій годъ другая фабрика, смотря по тому, отъ чего накопилось остатковъ и выбросковъ. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, — всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что отталкиваешь, говоришь: не нужно! Вѣдь я не строю для этого дворцовъ съ колоннами да съ фронтонами.

— Это изумительно... Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Да помилуйте! Если бы только брать дѣло по-просту, какъ оно есть; а то вѣдь всякій — механикъ: всякій хочетъ открыть ларчикъ съ инструментомъ, а не просто. Онъ для этого съѣздитъ нарочно въ Англію; вотъ въ чемъ дѣло! Дурачье! — Сказавши это, Костанжогло плюнулъ. — И вѣдь глупѣй въ-сотеро станетъ послѣ того, какъ возвратится изъ-за границы!

— Ахъ, Константинъ! ты опять разсердился, — сказала съ безпокойствомъ жена. — Вѣдь ты знаешь, что это для тебя вредно.

— Да вѣдь какъ не сердиться? Добро бы это было чужое, а то вѣдь это близко собственному сердцу; вѣдь досадно то, что русскій характеръ портится; вѣдь теперь явилось въ русскомъ характерѣ донъ-кишотство, котораго никогда не было! Просвѣщеніе придетъ ему въ умъ — сдѣлается Донъ-Кишотомъ: заведетъ такія школы, что дураку въ умъ ни войдетъ! Выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство. Въ человѣколюбіе пойдетъ — сдѣлается Донъ-Кишотомъ человѣколюбія: настроитъ на милліонъ безтолковѣйшихъ больницъ да заведеній съ колоннами, разорится да и пуститъ всѣхъ по міру; вотъ тебѣ и человѣколюбіе!

Чичикову не до просвѣщенія было дѣло. Ему хотѣлось обстоятельно разспросить о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ; но никакъ не далъ ему Костанжогло вставить слова: желчныя рѣчи уже лились изъ устъ его, такъ что уже онъ ихъ не могъ удержать.

— Думаютъ, какъ просвѣтить мужика... да ты сдѣлай его прежде богатымъ, да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ онъ самъ выучится. Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглупѣлъ, такъ вы не можете себѣ представить! Что пишутъ теперь эти щелкоперы. Пуститъ какой-нибудь книжку, и такъ вотъ всѣ и бросятся на нее... Вотъ что стали говорить: „Крестьянинъ ведетъ ужъ очень простую жизнь; нужно познакомить его съ предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянія“... Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ какъ пузырь, — такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтеннѣе, — что вы его трогаете? Дай Богъ, чтобы всѣ были (какъ) хлѣбопашецъ!

— Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣй заниматься? — спросилъ Чичиковъ.

— Законнѣе, а не то, что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю — не заниматься другимъ, но чтобы въ основаніе легло хлѣбопашество — вотъ что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя фабрики, — того, что нужно здѣсь, подъ рукой человѣку на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что потомъ, для поддержки и для сбыту, употребляютъ всѣ гнусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табака, ни сахара, хоть бы потерялъ милліонъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки! Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія.

— Для меня изумительнѣе всего, какъ, при

благоразумномъ управленіи, изъ остатковъ, изъ обрѣзковъ получается и всякая дрянь даетъ доходъ.

— Гм! политическіе экономы! — говорилъ Костанжогло, не слушая его, съ выраженіемъ желчнаго сарказма въ лицѣ. — Хороши политическіе экономы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ — дальше своего глупаго носа не видитъ! Оселъ, а еще взлѣзетъ на каѳедру, надѣнетъ очки... Дурачье! — И во гнѣвѣ онъ плюнулъ.

— Все это такъ и все справедливо, только пожайлуста не сердись, — сказала жена, — какъ будто нельзя говорить объ этомъ, не выходя изъ себя!

— Слушая васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, вникаешь, такъ сказать, въ смыслъ жизни, щупаешь самое ядро дѣла. Но, оставивъ общечеловѣческое, позвольте обратить вниманіе на привратное. Если бы, положимъ, сдѣлавшись помѣщикомъ, возымѣлъ я смыслъ въ непродолжительное время разбогатѣть такъ, чтобы тѣмъ, такъ сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то какимъ образомъ, какъ поступить?

— Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? — подхватилъ Костанжогло. — А вотъ какъ!..

— Пойдемъ ужинать, — сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые, продрогнувшіе члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, гдѣ уже на столѣ стояла суповая чашка и, лишенная крышки, разливала пріятное благоуханье супа, напитаннаго свѣжею зеленью и первыми кореньями весны. Всѣ сѣли за столъ. Слуги проворно поставили разомъ на столъ всѣ блюда, въ закрытыхъ соусникахъ, и все, что нужно, и тотчасъ ушли: Костанжогло не любилъ, чтобы лакеи слушали господскіе разговоры, а еще болѣе, чтобы глядѣли ему въ ротъ въ то время, когда онъ ѣстъ.

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого-то отличнаго питья, похожаго на венгерское, Чичиковъ сказалъ хозяину такъ: — Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться *)...

. . . . . .

— ... Имѣніе, за которое если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ.

— Гм! — Чичиковъ задумался. — А отчего же вы сами, — проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью, — не покупаете его?

— Да нужно знать наконецъ предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеніями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ наконецъ надоѣло.

— Какъ вообще люди способны къ злословію! — сказалъ Чичиковъ.

— А ужъ какъ въ нашей губерніи, — не можете себѣ представить: меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупцомъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. — Я, — говоритъ, — конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни, поощрялъ промышленниковъ [мошенниковъ, то-есть, которые тру...]; а этакъ, пожалуй, можно прожить свиньею, какъ Костанжогло.

— Желалъ бы я быть этакой свиньей! — сказалъ Чичиковъ.

— И вздоръ. Какія высшія потребности? Кого они надуваютъ? Книги хоть онъ и заведетъ, но вѣдь ихъ не читаетъ. Дѣло окончится картами да..... И все оттого, что не задаю обѣдовъ да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило: я къ этому не привыкъ. А пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, — милости просимъ. Не даю денегъ взаймы — это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься съ моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль — я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ.

„Это, однакоже, нужно принять къ свѣдѣнію“, подумалъ Чичиковъ.

— И никогда не откажу, — продолжалъ Костанжогло. — Но бросать деньги на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Чортъ побери! онъ затѣваетъ тамъ какой-нибудь обѣдъ любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, или съ распутницей въ маскарадъ, юбилей тамъ какой-нибудь въ память того, что онъ даромъ прожилъ на свѣтѣ, а ему давай деньги взаймы!..

Здѣсь Костанжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенія взволнованной желчи.

— Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора, — сказалъ Чичиковъ, выпивая еще рюмку

*) Послѣ этого утрачено двѣ страницы.

малиновки, которая дѣйствительно была отличная. — Если бы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...

— Если вы хотите, — подхватилъ сурово и отрывисто Костанжогло, полный нерасположенія духа, — разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете, если же хотите разбогатѣть, не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро.

— Вотъ оно какъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Да, — сказалъ Костанжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова, — надобно имѣть любовь къ труду: безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, — да! И повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они въ этихъ глупыхъ своихъ клубахъ, трактирахъ да театрахъ. Дураки, дурачье, ослиное поколѣніе! Хозяину нельзя, пѣть времени скучать. Въ жизни его и на полвершка нѣтъ пустоты — все полнота. Одно это разнообразіе занятій, и притомъ какихъ занятій! — занятій, истинно возвышающихъ духъ. Какъ бы то ни было, но вѣдь тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всего, что совершается въ твореніи. Разсмотрите-ка круговой годъ работъ: какъ, еще прежде, чѣмъ наступитъ весна, все ужъ на сторожѣ и ждетъ ея: подготовка сѣмянъ, переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленіе новыхъ тяголъ. Все осматривается впередъ и все разсчитывается въ началѣ. А какъ взломаетъ ледъ, да пройдутъ рѣки, да просохнетъ все и пойдетъ взрываться земля — по огородамъ и садамъ работаетъ заступъ, по полямъ соха и бороны; садка, сѣвы и посѣвы. Понимаете ли, что это? Бездѣлица! грядущій урожай сѣютъ! Блаженство всей земли сѣютъ! Пропитаніе милліоновъ сѣютъ! Наступило лѣто... А тутъ покосы, покосы... И вотъ закипѣла вдругъ жатва; за рожью пошла рожь, а тамъ пшеница, а тамъ и ячмень, и овесъ. Все кипитъ; нельзя пропустить минуты; хоть двадцать глазъ имѣй, всѣмъ имъ работа. А какъ отпразднуется все, да пойдетъ свозиться на гумны, складываться въ клади, да зимнія запашки, да чинки къ зимѣ амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, и въ то же время всѣ бабьи работы, да подведешь всему итогъ и увидишь, что сдѣлано, — да вѣдь это... А зима! Молотьба по всѣмъ гумнамъ; перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрику, идешь взглянуть и на рабочій дворъ, идешь и къ мужику, какъ онъ тамъ на себя копышется. Да для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ, я два часа готовъ предъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, что все это съ какой цѣлью творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, — да я и разсказать не могу, что тогда въ тебѣ дѣлается. И не потому, что растутъ деньги, — деньги деньгами, — но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому что видишь, какъ ты всему причина, ты творецъ и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденіе? — сказалъ Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанія своего, сіялъ онъ весь, и казалось, какъ бы лучи исходили изъ его лица. — Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденія! Здѣсь именно подражаетъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенія, какъ высшее всѣхъ наслажденіе, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ подобнымъ творцомъ благоденствія вокругъ себя. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!..

Какъ пѣнія райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились и выражали сладость, и всѣ бы онъ слушалъ.

— Константинъ! пора вставать, — сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Всѣ встали. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку, но уже недоставало ловкости въ его оборотахъ, потому что мысли были заняты существенными оборотами.

— Что ни разсказывай, а все, однакоже, скучно, — говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

„Гость не глупый человѣкъ, — думалъ хозяинъ, — внимателенъ, степененъ въ словахъ и не щелкоперъ“. И подумавши такъ, сталъ онъ еще веселѣе, какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, и какъ бы празднуя, что нашелъ человѣка, умѣющаго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ балкона и стеклянной двери въ садъ, и глядѣли къ нимъ оттолѣ звѣзды, блиставшія надъ вершинами заснувшаго сада, — Чичикову сдѣлалось такъ пріятно, какъ не бывало давно: точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла уже его родная крыша и, по совершеніи всего, онъ уже получилъ все желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: — довольно! — Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ гостепріимнаго хозяина. Есть для всякаго человѣка такія рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей. И часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи,

на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и безпутность современнаго шума, и лживость обмановъ, обманывающихъ человѣка. И живо врѣжется, разъ навсегда и навѣки, проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все удержитъ вѣрная память; и кто присутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ сидѣлъ, и что было въ рукахъ его, — стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженіе, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, но даже и рисунокъ обоевъ, ... и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: — полно, не мучь его, — и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядѣвшая къ нимъ оттолѣ, облокотясь на вершины деревъ, осыпанныя звѣздами, оглашенная соловьями, громкопѣвно высвистывавшими изъ глубины зеленолиственныхъ чащей.

— Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ!—произнесъ Чичиковъ.— Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму

Онъ улыбнулся. Онъ самъ чувствовалъ, что не несправедливы были эти слова. — Нѣтъ, ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ дѣйствительно есть одинъ, о которомъ точно можно сказать — умный человѣкъ, котораго я и подметки не стою.

— Кто-жъ бы это такой могъ быть? — съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

— Это нашъ откупщикъ Муразовъ.

— Въ другой уже разъ про него слышу! — вскрикнулъ Чичиковъ.

— Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.

— И, говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ.

— Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ.

— Что вы говорите! — вскрикнулъ Чичиковъ, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ.

— Всенепремѣнно. Это ясно. Медленно богатѣетъ тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: что ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противу самого себя: поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ. Съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебить.

— Господи Боже ты мой! — проговорилъ Чичиковъ, перекрестившись. Смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Костанжогло, — захватило духъ въ груди ему. — Уму непостижимо! Каменѣетъ мысль отъ страха! Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваніи букашки: для меня болѣе изумительно то, что въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы. Позвольте спросить насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, вначалѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?

— Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами.

— Не повѣрю! невѣроятно! Если бы тысячи, но милліоны...

— Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ: прямой дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ, — нѣтъ соперниковъ. Радіусъ великъ; говорю: что ни захватитъ — вдвое или втрое противъ ..... А съ тысячи что? — десятый, двадцатый процентъ.

— И что всего непостижимѣй — что дѣло вѣдь началось съ копѣйки!

— Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей, — сказалъ Костанжогло. — Кто родился съ тысячами, воспитался на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины, — съ копѣйки, а не съ рубля, — снизу, а не сверху: тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копѣйка алтынным гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, — тогда тебя умудритъ и вышколитъ [такъ], что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: — Дайте мнѣ 100 тысячъ — я сейчасъ разбогатѣю, — я тому не повѣрю: онъ бьетъ наудачу, а не навѣрняка. Съ копѣйки нужно начинать.

— Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю, — сказалъ Чичиковъ, невольно помысливъ о мертвыхъ душахъ, — ибо дѣйствительно начинаю съ ничего.

— Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать, — сказала хозяйка, — а ты все болтаешь.

— И непремѣнно разбогатѣете, — сказалъ Ко-

станжогло, не слушая хозяйки. — Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы.

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грезъ и мечтаній. Кружились его мысли. По золотому ковру грядущихъ прибытковъ золотые узоры вышивало разыгравшееся воображеніе, и въ ушахъ его отдавались слова: — рѣки, рѣки потекутъ...

— Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать.

— Да что-жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось,—сказалъ хозяинъ и остановился, потому что громко по всей комнатѣ раздалось храпѣніе Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ затянулъ еще громче. Замѣтивъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на ночлегъ, онъ растолкалъ Платонова, сказавши:— полно тебѣ храпѣть!—и пожелалъ Чичикову спокойной ночи. Всѣ разбрелись и скоро заснули по своимъ постелямъ.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно! Возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной! Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно, и такъ казалось свойственно самой его натурѣ! Только бы сбыть въ ломбардъ этихъ мертвецовъ да завести не фантастическое помѣстье! Ужъ онъ видитъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Костанжогло — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое онъ будетъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двинутся всѣ пружины хозяйственной машины, толкая дѣятельно другъ друга. Трудъ закипитъ, — и подобно тому, какъ въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистаганъ да чистаганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе лично. Доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка. Костанжогло былъ первый. Онъ понялъ, что съ этимъ нечего подыматься на какія-нибудь штуки. Его занималъ другой прожектъ — купить имѣніе Хлобуева. Десять тысячъ у него было; пятнадцать тысячъ предполагалъ онъ попробовать занять у Костанжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ, что готовъ помочь всякому желающему разбогатѣть; остальныя — какъ-нибудь, или заложивши въ ломбардъ, или такъ просто, заставивши ждать. Вѣдь и это можно: ступай, вознись по судамъ, если есть охота! И долго онъ объ этомъ думалъ. Наконецъ, сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ объятіяхъ, принялъ наконецъ и Чичикова въ свои объятія. Онъ заснулъ крѣпко.

ГЛАВА IV.

На другой день все обдѣлалось какъ нельзя лучше. Костанжогло далъ съ радостью десять тысячъ, безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто подъ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенію. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Чичиковъ былъ въ духѣ. Послѣ сытнаго завтрака, всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Цѣлыя 15 верстъ тянулись по обѣимъ сторонамъ лѣса и пахатныя земли Костанжогло. Какъ только они прекратились, все пошло иначе: хлѣбъ жиденькій, намѣсто лѣсовъ пни. Деревенька, несмотря на красивое мѣстоположеніе, показывала издали запущеніе. Новый каменный домъ, необитаемый, оставшійся вчернѣ въ про...., выглянулъ прежде всего, за нимъ другой, обитаемый. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося. Ему было лѣтъ сорокъ; галстукъ у него былъ повязанъ на сторону; на сюртукѣ была заплата, на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы онъ увидѣлъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

— Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ! Вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ, попрошу взаймы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу—самъ всему виной. Что дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Чѣмъ прикажете потчивать?

— Безъ церемоніи. Мы къ вамъ за дѣломъ. Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ,—сказалъ Костанжогло.

— Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку.

Чичиковъ далъ ему обѣ.

— Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманія... Да что, господа, позвольте спросить: вы обѣдали?

— Обѣдали, обѣдали,—сказалъ Костанжогло, желая отдѣлаться. — Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ. — Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. — Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое.

Гости надѣли на головы картузы, и всѣ пошли улицею деревни.

Съ обѣихъ сторонъ глядѣли слѣпыя лачуги, съ окнами крохотными, заткнутыми онучами.

— Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое, — говорилъ Хлобуевъ. — Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ— до того дожилъ!

Онъ вздохнулъ и, какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Костанжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

— Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно! — говорилъ Хлобуевъ Платонову.—Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье—вѣдь это для васъ слова иностраннаго языка. Трынь-трава бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей, — сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...

— Ну, да если вы продадите деревню — это васъ поправитъ? — спросилъ Платоновъ.

— Какое поправитъ!—сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. — Все пойдетъ на уплату долговъ, а для себя не останется и тысячи.

— Такъ что-жъ вы будете дѣлать?

— А Богъ знаетъ.

— Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ.

— Что-жъ предпринять?

— Что-жъ, вы, стало-быть, возьмите какое-нибудь мѣсто.

— Вѣдь я губернскій секретарь. Какое-жъ мнѣ могутъ дать мѣсто? Мѣсто мнѣ могутъ дать ничтожное. Какъ мнѣ взять жалованье—пять сотъ? А вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей.

— Пойдите въ управляющіе.

— Да кто-жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое.

— Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой чрезъ кого-либо въ городѣ выхлопотать какую-нибудь должность.

— Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ,—сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку.— Не гожусь я теперь никуда: одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куда мнѣ! что разорять казну? И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе!

„Вотъ плоды безпутнаго поведенія! — подумалъ Платоновъ.—Это хуже моей спячки".

А между тѣмъ, какъ они такъ говорили между собой, Костанжогло, идя съ Чичиковымъ позади ихъ, выходилъ изъ себя.

— Вотъ смотрите,—сказалъ Костанжогло, указывая пальцемъ,—довелъ мужика до какой бѣдности! Вѣдь ни телѣги, ни лошади. Случился падежъ—ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро: тутъ все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дня безъ средствъ производить работу. А вѣдь теперь и годами не поправишь. И мужикъ уже измѣнился, загулялъ, сдѣлался пьяница. Да этимъ только, что одинъ годъ далъ ему пробыть безъ работы, ты ужъ развратилъ его навѣки: ужъ привыкъ къ лохмотью и бродяжничеству... А земля-то какова? разглядите землю! — говорилъ онъ, указывая на луга, которые показались скоро за избами.—Все поёмныя мѣста! Да я заведу ленъ, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю, на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите—по косогору рожь поднялась; вѣдь это все падаль. Онъ хлѣба не сѣялъ—я это знаю. А вонъ овраги... да здѣсь я заведу такіе лѣса, что воронъ не долетитъ до вершины. И этакое сокровище-землю бросить! Ну, ужъ если нечѣмъ было пахать, такъ копай заступомъ подъ огородъ какой—огородомъ бы взялъ. Самъ возьми въ руки заступъ, жену, дѣтей, дворню заставь; умри....., на работѣ! Умрешь, по крайней мѣрѣ, исполняя долгъ, а не то—обожравшись свиньей за обѣдомъ!—Сказавши это, плюнулъ Костанжогло, и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело.

Когда подошли они ближе и стали надъ крутизной, обросшей чилизникомъ, и вдали блеснулъ извивъ рѣки и темный отрогъ, и въ перспективѣ ближе показалась часть скрывавшагося въ рощахъ дома генерала Бетрищева, а за нимъ, лѣсомъ обросшая, курчавая гора, пылившая синеватою пылью отдаленія, по которой вдругъ догадался Чичиковъ, что это должно быть Тентетникова,—[онъ сказалъ]:—Здѣсь если завести лѣса, — да деревенскій видъ можетъ превзойти красотою...

— А вы охотникъ до видовъ! — сказалъ Костанжогло, вдругъ на него взглянувши строго.— Смотрите, погонитесь тамъ за видами—останетесь безъ хлѣба и безъ видовъ. Смотрите на пользу, а не на красоту. Красота сама придетъ. Примѣръ вамъ города: лучше и красивѣе до сихъ поръ города, которые сами построились, гдѣ каждый строился по своимъ надобностямъ и вкусамъ; а тѣ, которые выстроились по шнурку, — казармы казармами... Въ сторону красоту! Смотрите на потребности...

— Жалко то, что долго нужно дожидаться: такъ бы хотѣлось увидѣть все въ томъ видѣ, какъ хочется...

— Да что вы 25-лѣтній развѣ юноша?..... Петербургскій чиновникъ..... Терпѣнье! Шесть лѣтъ работайте сряду: садите, сѣйте, ройте землю, не отходя ни на минуту. Трудно, трудно. Но за то потомъ, какъ расшевелите хорошенько землю, да станетъ она помогать вамъ сама, такъ это не то, что какой-нибудь....., нѣтъ, батюшка, у васъ, сверхъ вашихъ какихъ-нибудь 70-ти рукъ, будутъ работать 700 невидимыхъ. Все вдесятеро! У меня теперь ни пальцемъ не двинуть,—все дѣлается само собою. Да, природа любитъ терпѣнье: и это законъ, данный ей Самимъ Богомъ, ублажавшимъ терпѣливыхъ.

— Слушая васъ, чувствуешь прибытокъ силъ. Духъ воздвигается.

— Вона земля какъ вспахана! — вскрикнулъ Костанжогло съ ѣдкимъ чувствомъ прискорбія, показывая на косогоръ.—Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть—глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣніе. Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ.—И, сказавши это, Костанжогло уже омрачился желчнымъ расположеніемъ взволнованнаго духа, простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

— Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ,—говорилъ удивленный хозяинъ: — только-что пріѣхали—и назадъ!

— Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома,—сказалъ Костанжогло. Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда.

— Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ,— сказалъ онъ,—не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на этакое безпутное управленіе. Повѣрьте, Павелъ Ивановичъ, что даже хлѣба не сѣялъ въ этомъ году. Какъ честный человѣкъ! Сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ пахать. Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, отличный хозяинъ; о Константинѣ Ѳедоровичѣ — что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что-бы хоть каплю его въ мою глупую. Тутъ, смотрите, господа, осторожнѣе черезъ мостъ, чтобъ не бултыхнуться въ лужу. Доски весною приказывалъ поправить..... Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ: имъ нуженъ примѣръ, но съ меня что за примѣръ? Что прикажете дѣлать? Возьмите ихъ, Павелъ Ивановичъ, въ свое распоряженіе. Какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ? Я бы ихъ отпустилъ давно на волю, но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить. Нуженъ строгій и справедливый человѣкъ, который пожилъ бы съ ними долго и собственнымъ примѣромъ неутомимой дѣятельности..... Русскій человѣкъ, вижу по себѣ, не можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ.

— Странно,—сказалъ Платоновъ,—отчего русскій человѣкъ способенъ такъ задремать и закиснуть, что, если не смотришь за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?

— Отъ недостатка просвѣщенія, — замѣтилъ Чичиковъ.

— Богъ вѣсть, отчего. Вѣдь вотъ мы просвѣтились, слушали въ университетѣ, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще больше — выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился?— Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекали себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Ей-Богу! А что я ужъ думаю: иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ — какой-то пропащій человѣкъ. Хочешь все сдѣлать— и ничего не можешь. Все думаешь—съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами, и языкъ не ворочается—какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ — право! И этакъ всѣ.

— Да,—сказалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись,— эта исторія бываетъ.

— Мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу, не вѣрю я и тому. На старости и его чортъ по-

путаетъ: спуститъ потомъ все вдругъ. И всѣ такъ, право: и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Нѣтъ, чего-то другого недостаетъ, а чего — и самъ не знаю.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отвсюду безобразную свою наружность. Прибавилась только новая лужа посереди улицы. Все было опущено и запущено какъ у мужиковъ, такъ и у барина. Сердитая баба, въ замасленной дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока кого-то въ третьемъ лицѣ, призывая всѣхъ чертей. Подальше два мужика глядѣли съ равнодушіемъ стоическимъ на гнѣвъ пьяной бабы. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ, крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. Заплата на заплатѣ. На одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго амбара. Какъ видно, въ хозяйствѣ исполнялась система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

— Незавидное у васъ хозяйство,—сказалъ [Чичиковъ], когда они, осмотрѣвъ, подъѣхали..... Вошедши въ комнаты дома, они были поражены какъ бы смѣшеніемъ нищеты съ блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хозяйка была одѣта со вкусомъ и по модѣ, говорила о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. Дѣти были рѣзвы и веселы. Мальчики и дѣвочки были прекрасно одѣты — очень мило и со вкусомъ. Лучше бы одѣлись въ пестрядевыя юбки, простыя рубашки и бѣгали себѣ по двору и не отличались ничѣмъ отъ крестьянскихъ дѣтей. Къ хозяйкѣ скоро пріѣхала гостья, какая-то пустомеля и болтунья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

— Такъ какая же будетъ ваша цѣна?—сказалъ Чичиковъ.—Спрашиваю, признаться, чтобъ услышать крайнюю, послѣднюю цѣну, ибо помѣстье въ худшемъ положеніи, чѣмъ ожидалъ.

— Въ самомъ скверномъ, Павелъ Ивановичъ,— сказалъ Хлобуевъ. — И это еще не все. Я не скрою: изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, только пятьдесятъ въ живыхъ: такъ у насъ распорядилась холера; прочіе отлучились безпаспортно, такъ что почитайте ихъ какъ бы умершими, такъ что если ихъ вытребовать по судамъ, такъ все имѣніе останется по судамъ. Потому-то я и прошу всего только тридцать пять тысячъ.

Чичиковъ сталъ, разумѣется, торговаться.

— Помилуйте, какъ же тридцать пять? За этакое тридцать пять! Ну, возьмите 25 тысячъ.

Платонову сдѣлалось совѣстно. — Покупайте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ. — За имѣніе можно всегда дать эту [цѣну]. Если вы не дадите за него тридцати пяти тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ.

— Очень хорошо, согласенъ,—сказалъ Чичиковъ, испугавшись. — Хорошо, только съ тѣмъ, чтобы половину денегъ черезъ годъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! этого-то ужъ никакъ не могу. Половину мнѣ дайте теперь же, а остальныя черезъ ..... Вѣдь мнѣ эти же самыя деньги выдастъ ломбардъ: было бы только чѣмъ .....

— Какъ же, право? я ужъ не знаю, — сказалъ Чичиковъ, — у меня всего-на-всего теперь десять тысячъ,—сказалъ Чичиковъ, — сказалъ и совралъ: всего у него было двадцать, включая деньги, занятыя у Костанжогло; но какъ-то жалко такъ много дать за однимъ разомъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! Я говорю, что необходимо мнѣ нужны пятнадцать тысячъ.

— Я вамъ займу 5 тысячъ, — подхватилъ Платоновъ.

— Развѣ этакъ! — сказалъ Чичиковъ и подумалъ про-себя: „А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ взаймы“.—Изъ коляски была принесена шкатулка, и тутъ же было изъ нея вынуто 10.000 Хлобуеву; остальныя же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра; то-есть обѣщано: предполагалось же привезти три, другія—потомъ, денька черезъ два или три, а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ денегъ. Если-жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То-есть онъ поступалъ, какъ всѣ мы. Вѣдь намъ пріятно же поводить просителя: пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ отъ того дѣла его! Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда.

— Гдѣ-жъ вы послѣ этого будете жить? — спросилъ Платоновъ Хлобуева.—Есть у васъ другая деревушка?

— Да въ городъ нужно переѣзжать: тамъ есть у меня домишка. Все же равно, это было нужно сдѣлать не для себя, а для дѣтей: имъ нужно будутъ учителя Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь ни за какія деньги въ деревнѣ нельзя достать.

„Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей учить танцованью!“—подумалъ Чичиковъ.

„Странно!“—подумалъ Платоновъ.

— Однакожъ нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку,—сказалъ Хлобуевъ.—Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго.

„Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть“,—подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанскимъ (Хлобуевъ) обзавелся по необходимости. Онъ послалъ въ городъ: что дѣлать?—въ лавочкѣ не даютъ квасу въ долгъ безъ денегъ, а пить хочется. А французъ, который недавно пріѣхалъ съ винами изъ Петербурга, всѣмъ давалъ въ долгъ. Нечего дѣлать, нужно было брать бутылку шампанскаго.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ милъ и уменъ, сыпалъ остротами и анекдотами. Въ рѣчахъ его обнаружилось столько познанія людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ немногими словами сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и смѣшно умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

— Мнѣ удивительно, — сказалъ Чичиковъ, — какъ вы, при такомъ умѣ, не найдете средствъ и оборотовъ?

— Средства-то есть, — сказалъ Хлобуевъ, и тутъ (же) выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанія людей и свѣта, что оставалось пожимать только плечами и говорить:—Господи Боже! какое необъятное разстояніе между знаніемъ свѣта и умѣніемъ пользоваться этимъ знаніемъ!—Все основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдругъ сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою:—Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы. Видно, ужъ Богъ не хочетъ.

„Еще бы, — подумалъ Чичиковъ, — этакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!“

— Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка,—сказалъ Хлобуевъ,—старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. Прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре, моськи, приживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ подъ 60, хоть она и зоветъ его:—Эй, малый!—Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ, — и обнесутъ. Вотъ какъ!

Платоновъ усмѣхнулся.

— А какъ ея фамилія и гдѣ проживаетъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Живетъ она у насъ же въ городѣ, Александра Ивановна Ханасарова.

— Отчего-жъ вы не обратитесь къ ней? — сказалъ съ участіемъ Платоновъ.—Мнѣ кажется, если бы она вошла въ положеніе вашего семейства, она бы не могла отказать.

— Ну, нѣтъ, можетъ. У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайловичъ! Да къ тому-жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Тамъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы: приплелся ей въ родню...—Сдѣлай мнѣ такое одолженіе, — сказалъ онъ вдругъ, обратясь (къ Платонову),—на будущей недѣлѣ я даю обѣдъ всѣмъ сосѣдямъ въ городѣ...

Платоновъ растопырилъ глаза. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ городѣ и столицахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь—совершенно необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ниоткуда никакихъ средствъ, а задаетъ обѣдъ, и всѣ обѣдающіе говорятъ, что это послѣдній, что завтра же хозяина потащатъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ—мудрецъ все еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ, и такъ же задаетъ обѣдъ, на которомъ всѣ обѣдающіе думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащатъ хозяина въ тюрьму.

Домъ Хлобуева въ городѣ представляетъ необыкновенное явленіе. Сегодня попъ въ ризахъ служитъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры. Въ иной день ни крошки хлѣба нельзя было отыскать; въ другой хлѣбосольный пріемъ всѣхъ артистовъ и художниковъ и великодушная подача всѣмъ. Бывали такія подчасъ тяжелыя времена, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія минуты читалъ (онъ) житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его. Онъ молился, и—странное дѣло!—почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-ни-

будь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слышалъ. Благоговѣйно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

— Жалокъ онъ мнѣ, право жалокъ,—сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они, простившись съ нимъ, выѣхали отъ него.

— Блудный сынъ!—сказалъ Чичиковъ.—О такихъ людяхъ и жалѣть нечего.

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенія людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнія какъ-то не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ не думалъ о Хлобуевѣ. Онъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ; Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что, въ самомъ дѣлѣ, всѣ его мысли были заняты не на шутку пріобрѣтенною покупкою. Какъ бы то ни было, но очутившись вдругъ, послѣ фантастическаго, настоящимъ, дѣйствительнымъ владѣльцемъ уже не фантастическаго имѣнія, онъ сталъ задумчивъ, и предположенія, и мысли стали степеннѣй и давали невольно значительное выраженіе ли[цу]. — Терпѣніе, трудъ! Вещь нет[рудная]: съ ними я познакомился, такъ сказать, съ пеленъ дѣтскихъ. Мнѣ они не въ новость. Но станетъ ли теперь, въ эти годы, столько терпѣнія, сколько въ молодости? — Какъ бы то ни было, какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ пріобрѣтенную покупку, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ, прежде выпродавъ по кускамъ лучшія земли. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ по образцу Костанжогло, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя руки имѣніе [разумѣется, если не захочется самому хозяйничать], оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Костанжогло денегъ, взятыхъ у него взаймы. Странная мысль! не то, чтобы Чичиковъ возымѣлъ [ее], но она вдругъ, сама собой, предстала, дразня, и усмѣхаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! егоза! И кто творецъ этихъ вдругъ набѣгающихъ мыслей?.. Онъ почувствовалъ удовольствіе, — удовольствіе оттого, что сталъ теперь помѣщикомъ, — помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ, помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди, — люди не мечтательные, въ воображеніи пребывающіе, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подмигивать себѣ самому, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторгновенія, и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него:—чего?—онъ отвѣчалъ:—ничего.

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что они уже давно ѣхали прекрасною рощей; миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа. Бѣлые [стволы] лѣсныхъ березъ и осинъ, блестя какъ снѣжный частоколъ, стройно и легко возносились на нѣжной зелени недавно развившихся листьевъ. Соловьи взапуски громко щелкали изъ рощи. Лѣсные тюльпаны желтѣли въ травѣ. Онъ не могъ себѣ дать отчета, какъ онъ успѣлъ очутиться въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ, когда еще недавно были открытыя поля. Между деревъ мелькала бѣлая каменная церковь, а на другой сторонѣ выказалась изъ-[за] рощи рѣшетка. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукахъ. Аглицкій песъ, на высокихъ тонкихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

— А вотъ и братъ, — сказалъ Платоновъ.— Кучеръ, стой!—И вышелъ изъ коляски, Чичиковъ также. Псы уже успѣли облобызаться. Тонконогій, проворный Азоръ лизнулъ, проворнымъ языкомъ своимъ, Ярба въ морду, потомъ лизнулъ Платонову руки, потомъ вскочилъ на Чичикова и лизнулъ его въ ухо.

Братья обнялись.

— Помилуй, Платонъ, что̀ это ты со мною дѣлаешь?—сказалъ остановившійся братъ, котораго звали Василіемъ.

— Какъ что̀? — равнодушно отвѣчалъ Платонъ.

— Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дня отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца.—Поѣхалъ,—говоритъ,—съ какимъ-то бариномъ.—Ну, хоть бы слово сказалъ: куда, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!

— Ну, что-жъ дѣлать? позабылъ, — сказалъ Платоновъ. — Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу; онъ тебѣ кланяется, сестра—также. Павелъ Ивановичъ, рекомендую вамъ: братъ Василій. Братъ Василій, это Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

Оба приглашенные ко взаимному знакомству пожали другъ другу руки и, снявши картузы, поцѣловались.

„Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?—думалъ братъ Василій.—Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ“. И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе, и увидѣлъ, что это былъ человѣкъ по виду очень благонамѣренный.

Съ своей стороны, Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василія и увидѣлъ, что братъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ, но въ чертахъ его лица было гораздо больше жизни и одушевленія, больше сердечной доброты. Видно было, что онъ меньше дремалъ. Но на эту часть Павелъ Ивановичъ мало обращалъ вниманія.

— Я рѣшился, Вася, проѣздиться, вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ, по святой Руси. Авось-либо это размычетъ хандру мою.

— Какъ же такъ вдругъ рѣшился? — сказалъ озадаченный братъ Василій, и онъ чуть-было не прибавилъ: „И еще ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ быть, и дрянь, и чортъ знаетъ что!“ Полный недовѣрія, онъ оглянулъ искоса Чичикова и увидѣлъ благоприличіе изумительное.

Они повернули направо въ ворота. Дворъ былъ старинный; домъ тоже старинный, какихъ теперь не строятъ—съ навѣсами, подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы росли посреди двора и покрывали почти половину его своею тѣнью. Подъ ними было множество деревянныхъ скамеекъ. Цвѣтущія сирени и черемухи бисернымъ ожерельемъ обходили дворъ вмѣстѣ съ оградой, совершенно скрывавшейся подъ ихъ цвѣтами и листьями. Господскій домъ былъ совершенно закрытъ, только однѣ двери и окна миловидно глядѣли снизу сквозь вѣтви. Сквозь прямыя, какъ стрѣлы, лѣсины деревъ бѣлѣлись кухни, кладовыя и погреба. Все было въ рощѣ. Соловьи высвистывали громко, оглашая всю рощу. Невольно вносилось въ душу какое-то безмятежно-пріятное чувство. Такъ и отзывалось все тѣми беззаботными временами, когда жилось всѣмъ добродушно и все было просто и несложно. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Они сѣли на скамьяхъ подъ липами.

Парень, лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ разноцвѣтными фруктовыми квасами всѣхъ сортовъ, то густыми, какъ масло, то шипѣвшими, какъ газовые лимонады. Поставивши графины, схватилъ онъ заступъ, стоявшій у дерева, и ушелъ въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ такъ же, какъ и у зятя Костанжогло, собственно слугъ не было: они были всѣ садовники, всѣ дворовые исправляли по-очереди эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что слуги не сословіе: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоитъ заводить особыхъ людей; что будто русскій человѣкъ потуда хорошъ и расторопенъ, и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй, и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ нѣмецкимъ и клопы, и блохъ несчетное множество. Въ этомъ, можетъ быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался особенно щеголевато: кички у женщинъ были всѣ въ золотѣ, а рукава на рубахахъ—точныя коймы турецкой шали.—Это квасы, которыми издавна славится нашъ домъ,—сказалъ братъ Василій.

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина—точный липецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ: игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ крючкомъ изо рта въ носъ.—Нектаръ!—сказалъ онъ. Выпилъ стаканъ отъ другого графина—еще лучше.

— Напитокъ напитковъ!—сказалъ Чичиковъ.—Могу сказать, что у почтеннѣйшаго вашего зятя, Константина Ѳедоровича, пилъ первѣйшую наливку, а у васъ—первѣйшій квасъ.

— Да вѣдь и наливка тоже отъ насъ: вѣдь это сестра завела. Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете ѣхать?—спросилъ братъ Василій.

— Ѣду я,—сказалъ Чичиковъ, слегка покачиваясь на лавкѣ и рукой поглаживая себя по колѣну [и] наклоняясь, — не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо, не говоря уже о пользѣ въ гемороидальномъ отношеніи, видѣть свѣтъ и коловращенье людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука.

Братъ Василій задумался. „Говоритъ этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его, однакожъ, есть правда“,—подумалъ [онъ]. Нѣсколько помолчавъ, сказалъ онъ, обратясь къ Платону:—Я начинаю думать, Платонъ, что ну-

тешествіе можетъ, точно, растевелить тебя. У тебя не что другое, какъ душевная спячка. Ты, просто, заснулъ,—и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что ни случается.

— Вольно-жъ принимать все близко къ сердцу,— сказалъ Платонъ. — Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги.

— Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность? — сказалъ Василій. — Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ? — Захватилъ пустошь, гдѣ у насъ празднуется красная горка. Во-первыхъ, пустоши этой я — ни за какія деньги... Здѣсь у меня крестьяне празднуютъ всякую весну красную горку, съ ней связаны воспоминанія деревни; а для меня обычай — святая вещь и за него готовъ пожертвовать всѣмъ.

— Не знаетъ, потому и захватилъ, — сказалъ Платонъ, — человѣкъ новый, только-что пріѣхалъ изъ Петербурга; ему нужно объяснить, растолковать.

— Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью.

— Тебѣ нужно было съѣздить самому, растолковать. Переговори съ нимъ самъ.

— Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Изволь, поѣзжай самъ, если хочешь ты.

— Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь... Онъ можетъ меня и провести, и обмануть.

— Да если угодно, такъ я поѣду, — сказалъ Чичиковъ, — скажите дѣльцо.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: „Экой охотникъ ѣздить!“

— Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ,—сказалъ Чичиковъ, — и въ чемъ дѣло.

— Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію. Человѣкъ онъ, по-моему, дрянь: изъ простыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Тонъ задаетъ. Да у насъ народъ живетъ не глупый: мода намъ не указъ, а Петербургъ не церковь.

— Конечно, — сказалъ Чичиковъ, — дѣло въ чемъ?

— Видите ли? ему, точно, нужна земля. Да если бы онъ не такъ поступалъ, я бы съ охотою отвелъ въ другомъ мѣстѣ даромъ, не то, что... А теперь занозистый человѣкъ подумаетъ...

— По-моему, лучше переговориться: можетъ быть, дѣло-то... Мнѣ поручали дѣла и не раскаивались... Вотъ тоже и генералъ Бетрищевъ.

— Но мнѣ совѣстно, что вамъ придется говорить съ такимъ человѣкомъ.

— ... *) и наблюдая особенно, чтобъ это было втайнѣ, — сказалъ Чичиковъ, — ибо не столько самое преступленіе, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— А, это такъ, это такъ, — сказалъ Лѣницынъ, наклонивъ совершенно голову на-бокъ.

— Какъ пріятно встрѣтить единомысліе! — сказалъ Чичиковъ. — Есть и у меня дѣло, и законное, и незаконное вмѣстѣ: съ виду незаконное, въ существѣ законное. Имѣя надобность въ залогахъ, никого не хочу вводить въ рискъ платежемъ по два рубля за живую душу. Ну, случится, лопну, — чего Боже сохрани, — непріятно вѣдь владѣльцу: я и рѣшился воспользоваться бѣглыми и мертвыми, еще не вычеркнутыми изъ ревизіи, чтобы за однимъ разомъ сдѣлать и христіанское дѣло, и снять съ бѣднаго владѣльца тягость уплаты за нихъ податей. Мы только между собой сдѣлаемъ формальнымъ образомъ купчую, какъ на живыя.

„Это, однакоже, что-то такое престранное“,— подумалъ Лѣницынъ и отодвинулся со стуломъ немного назадъ.—Да дѣло-то, однакоже... такого рода... — началъ [онъ].

— А соблазну не будетъ, потому что втайнѣ,— отвѣчалъ Чичиковъ, — и притомъ между благонамѣренными людьми.

— Да все-таки, однакоже, дѣло какъ-то...

— А соблазну никакого, — отвѣчалъ весьма прямо и открыто Чичиковъ. — Дѣло такого рода, какъ сейчасъ разсуждали: между людьми благонамѣренными, благоразумныхъ лѣтъ и, кажется, хорошаго чину, и притомъ втайнѣ. — И, говоря это, глядѣлъ онъ открыто и благородно ему въ глаза.

Какъ ни былъ изворотливъ Лѣницынъ, какъ ни былъ свѣдущъ вообще въ дѣлопроизводствахъ, но тутъ какъ-то совершенно пришелъ въ недоумѣнье, тѣмъ болѣе, что какимъ-то страннымъ образомъ онъ какъ бы запутался въ собственныя сѣти. Онъ вовсе не былъ способенъ на несправедливости и не хотѣлъ бы сдѣлать ничего несправедливаго даже и втайнѣ. „Экая удивительная оказія!—думалъ онъ про себя.—Прошу входить въ тѣсную дружбу даже съ хорошими людьми! Вотъ тебѣ и задача!“

Но судьба и обстоятельства какъ бы нарочно благопріятствовали Чичикову. Точно за тѣмъ,

---

*) Передъ этимъ словомъ въ рукописи отрѣзаны двѣ страницы. *Ред.*

чтобы помочь этому затруднительному дѣлу, вошла въ комнату молодая хозяйка, супруга Лѣницына, блѣдная, худенькая, низенькая, но одѣтая по-петербургскому, большая охотница до людей comme il faut. За нею былъ вынесенъ на рукахъ мамкой ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Ловкимъ подходомъ съ прискочкой и наклоненіемъ головы на-бокъ Чичиковъ совершенно обворожилъ петербургскую даму, а вслѣдъ за нею и ребенка. Сначала тотъ было разревѣлся, но словами: — Агу, агу, душенька, — и прищелкиваніемъ пальцевъ, и красотой сердоликовой печатки отъ часовъ Чичикову удалось его переманить къ себѣ на руки. Потомъ онъ началъ его приподымать къ самому потолку и возбудилъ этимъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, чрезвычайно обрадовавшую обоихъ родителей. Но отъ внезапнаго удовольствія или чего-либо другого ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо.

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнула жена Лѣницына, — онъ вамъ испортилъ весь фракъ!

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новѣшенькаго фрака былъ весь испорченъ. „Пострѣлъ бы тебя взялъ, чертенокъ!“ подумалъ онъ въ-сердцахъ.

Хозяинъ, хозяйка, мамка — всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

— Ничего, ничего, совершенно ничего! — говорилъ Чичиковъ, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выраженіе. — Можетъ ли что испортить ребенокъ въ это золотое время своего возраста? — повторялъ онъ, а въ то же время думалъ: „Да вѣдь какъ бестія, волки-бъ его съѣли, мѣтко обдѣлалъ, канальченокъ проклятый!“

Это, повидимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина въ пользу дѣла Чичикова. Какъ отказать такому гостю, который оказалъ столько невинныхъ ласкъ малюткѣ и великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Чтобы не подать дурного примѣра, рѣшились рѣшить дѣло секретно, ибо не столько самое дѣло, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— Позвольте-жъ и мнѣ, въ вознагражденіе за услугу, заплатить вамъ также услугой. Хочу быть посредникомъ вашимъ по дѣлу съ братьями Платоновыми. Вамъ нужна земля, не такъ ли?..

ГЛАВА ...

Все на свѣтѣ обдѣлываетъ свои дѣла. *Что кому требитъ, тотъ то и теребитъ*, говоритъ пословица. Путешествіе по сундукамъ произведено было съ успѣхомъ, такъ что кое-что отъ этой экспедиціи перешло въ собственную шкатулку. Словомъ, благоразумно было обстроено. Чичиковъ не то, чтобы укралъ, но попользовался. Вѣдь всякій отъ насъ чѣмъ-нибудь попользуется: тотъ казеннымъ лѣсомъ, тотъ экономическими суммами, тотъ крадетъ у дѣтей своихъ ради какой-нибудь пріѣзжей актрисы, тотъ у кистьянъ ради мебели Гамбса или кареты. Что-жъ дѣлать, если завелось такъ много всякихъ заманокъ на свѣтѣ? и дорогіе рестораны съ сумасшедшими цѣнами, и маскарады, и гулянья, и плясанья съ цыганками. Вѣдь трудно удержаться, если всѣ, со всѣхъ сторонъ, дѣлаютъ то же, да и мода велитъ — изволь удержать себя! Чичикову слѣдовало бы уже и выѣхать, но дороги испортились. Въ городѣ между тѣмъ готова была начаться другая ярмарка — собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотомъ, сырыми произведеніями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же все, что куплено на Нижегородской ярмаркѣ краснопродавцами панскихъ товаровъ, привезено сюда. Наѣхали истребители русскихъ кошельковъ, французы съ помадами и француженки съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ — эта египетская саранча, по выраженію Костанжогло, которая, мало того, что все сожретъ, да еще и яицъ послѣ себя оставитъ, зарывши ихъ въ землю.

Только неурожай да несчастный въ самомъ ..... удержали многихъ помѣщиковъ по деревнямъ. За то чиновники, какъ не терпящіе неурожая, развернулись; жены ихъ на бѣду также. Начитавшись разныхъ книгъ, распущенныхъ въ послѣднее время съ цѣлью внушить всякія новыя потребности человѣчеству, возымѣли жажду необыкновенную испытать всѣхъ новыхъ наслажденій. Французъ открылъ новое заведеніе — какой-то дотолѣ неслыханный въ губерніи вокзалъ, съ ужиномъ, будто-бы по необыкновенно дешевой цѣнѣ и половину на кредитъ. Этого было достаточно, чтобы [не только] столоначальники, но даже и всѣ канцелярскіе, въ надеждѣ на будущія взятки съ просителей ..... Зародилось желаніе пощеголять другъ передъ другомъ лошадьми и кучерами. Ужъ это столкновеніе сословій для увеселенія!.. Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольскія коляски пролетали взадъ и впередъ. Откуда взялись онѣ, Богъ вѣсть, но въ Петербургѣ не подгадили бы... Купцы, приказчики, ловко приподымая шляпы, запрашивали барынь. Рѣдко гдѣ видны были бородачи въ мѣховыхъ горлатныхъ шапкахъ. Все было европейскаго вида съ бритыми подбородками, все ..... и съ гнилыми зубами.

— Пожалуйте, пожалуйста! Да ужъ извольте

только взойти-съ въ лавку! Господинъ, господинъ! — покрикивали кое-гдѣ мальчишки.

Но ужъ на нихъ съ презрѣніемъ смотрѣли познакомленные съ Европой посред...; изрѣдка только съ чувствомъ достоинства произносили: — Шт....., — или: — здѣсь сукны зиберь, клеръ и черныя.

— Есть сукна брусничныхъ цвѣтовъ съ искрой? — спросилъ Чичиковъ.

— Отличныя сукна, — сказалъ купецъ, приподнимая одной рукой картузъ, а другой указывая на лавку. Чичиковъ взошелъ въ лавку. Ловко приподнялъ доску ..... и очутился на другой сторонѣ его, спиною къ товарамъ, вознесеннымъ отъ низу до потолка, штука на штукѣ, и — лицомъ къ покупателю. Опершись ловко обѣими руками и, слегка покачиваясь на нихъ всѣмъ корпусомъ, произнесъ: — Какихъ суконъ пожелаете?

— Съ искрой оливковыхъ или бутылочныхъ, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ, — сказалъ Чичиковъ.

— Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, лучше котораго только въ просвѣщенныхъ столицахъ можно найти. Малый! подай сукно сверху, что за 34-мъ номеромъ. Да не то, братецъ! Что ты вѣчно выше своей сферы, точно пролетарій какой! Бросай его сюда. Вотъ суконцо! — И, разворотивши его съ другого конца, купецъ поднесъ Чичикову къ самому носу, такъ что тотъ могъ не только погладить рукой шелковистый лоскъ, но даже и понюхать.

— Хорошо, но все не то, — сказалъ Чичиковъ. — Вѣдь я служилъ на таможнѣ, такъ мнѣ высшаго сорта, какое есть, и притомъ больше искрасна, не къ бутылкѣ, но къ брусникѣ чтобы приближалось.

— Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой нынче въ моду входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства.

Европеецъ полѣзъ. Штука упала. Развернулъ онъ ее съ искусствомъ прежнихъ временъ, даже на время позабывъ, что онъ принадлежитъ уже къ позднѣйшему поколѣнію, и поднесъ къ свѣту, даже вышедши изъ лавки, и тамъ его показалъ, прищурясь къ свѣту и сказавши: — Отличный цвѣтъ! Сукно паваринскаго дыму съ пламенемъ.

Сукно понравилось; о цѣнѣ условились, хотя она и „съ прификсомъ“, какъ утверждалъ купецъ. Тутъ произведено было ловкое дранье обѣими руками. Заворочено оно было въ бумагу по-русски, съ быстротою неимовѣрной. Свертокъ завертѣлся подъ легкою бечевкой, охватившей его животрепещущимъ узломъ. Ножницы перерѣзали бечевку, и все было уже въ колескѣ. Купецъ приподымалъ картузъ. Приподымающій картузъ ..... причину: онъ вынулъ изъ кармана деньги.

— Покажите чернаго сукна, — раздался голосъ.

— Вотъ, чортъ побери, Хлобуевъ, — сказалъ про себя Чичиковъ и поворотился спиною, чтобы не видать его, находя неблагоразумнымъ съ своей стороны заводить съ нимъ какое-либо о ъясненіе насчетъ наслѣдства. Но онъ уже его увидѣлъ.

— Что это, право, Павелъ Ивановичъ, не съ умысломъ ли уходите отъ меня? Я васъ нигдѣ не могу найти, а вѣдь дѣла такого рода, что намъ нужно серьезно переговорить.

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій, — сказалъ Чичиковъ, пожимая ему руки, — повѣрьте, что все хочу съ вами побесѣдовать, да времени совсѣмъ нѣтъ. — А самъ думалъ: „Чортъ бы тебя побралъ!“ И вдругъ увидѣлъ входящаго Муразова.— Ахъ, Боже! Аѳанасій Васильевичъ! Какъ здоровье ваше?

— Какъ вы? — сказалъ Муразовъ, снимая шляпу. Купецъ и Хлобуевъ сняли шляпу.

— Да вотъ поясница, да и сонъ какъ-то все не то. Ужъ отъ того ли, что мало движенія...

Но Муразовъ, вмѣсто того, чтобы углубиться въ причину припадковъ Чичикова, обратился къ Хлобуеву: — А я, Семенъ Семеновичъ, увидавши, что вы взошли въ лавку, — за вами. Мнѣ нужно кое-о-чемъ переговорить, такъ не хотите ли заѣхать ко мнѣ?

— Какъ же, какъ же! — сказалъ поспѣшно Хлобуевъ и вышелъ съ нимъ.

„О чемъ бы у нихъ разговоры?“ — подумалъ [Чичиковъ].

— Аѳанасій Васильевичъ — почтенный и умный человѣкъ, — сказалъ купецъ, — и дѣло свое знаетъ, но просвѣтительности нѣтъ. Вѣдь купецъ есть негоціантъ, а не то что купецъ. Тутъ съ этимъ соединено и буджетъ, и реакція, а иначе выйдетъ павпуризмъ. — Чичиковъ махнулъ рукой.

— Павелъ Ивановичъ, я васъ ищу вездѣ, — раздался позади голосъ Лѣницына. Купецъ почтительно снялъ шляпу.

— Ахъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ!

— Ради Бога, ѣдемте ко мнѣ: мнѣ нужно переговорить, — сказалъ онъ. Чичиковъ взглянулъ— на немъ не было лица. Расплатившись съ купцомъ, онъ вышелъ изъ лавки.

— Васъ жду, Семенъ Семеновичъ, — сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева, — пожалуйте ко мнѣ въ комнатку. — И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

— Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоя-

тельства ваши получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что.

— Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ, — и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанію самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, что такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...

— Позвольте, Семенъ Семеновичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?

— Мои обстоятельства трудныя,—сказалъ Хлобуевъ. — Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше, — словомъ, мнѣ это невозможно.

— Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?

— Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаніемъ дѣтей. О себѣ нечего уже думать: карьеръ мой конченъ, потому что мнѣ не служить: я ужъ никуда не гожусь.

— И все-таки жизнь останется праздная, а въ праздности приходятъ искушенія, о которыхъ бы и не подумалъ человѣкъ, занявшись работою.

— Не могу, никуда не гожусь: осовѣлъ, болитъ поясница.

— Да какъ же жить безъ работы? Какъ быть на свѣтѣ безъ должности, безъ мѣста? Помилуйте! Взгляните на всякое твореніе Божіе: всякое чему-нибудь да служитъ, имѣетъ свое отправленіе. Даже камень, и тотъ затѣмъ, чтобы употреблять на дѣло, а человѣкъ, разумнѣйшее существо, чтобы оставался безъ пользы, — статочное ли это дѣло?

— Ну, да я все-таки не безъ дѣла. Я могу заняться воспитаніемъ дѣтей.

— Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, нѣтъ! это всего труднѣе. Какъ воспитать тому дѣтей, кто самъ себя не воспиталъ? Дѣтей вѣдь только можно воспитать примѣромъ собственной жизни. А ваша жизнь годится имъ въ примѣръ? Чтобы выучиться развѣ тому, какъ [въ] праздности проводить время да играть въ карты? Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, отдайте дѣтей мнѣ: вы ихъ испортите. Подумайте не шутя: васъ сгубила праздность, — вамъ нужно отъ нея бѣжать. Какъ жить на свѣтѣ неприкрѣпленному ни къ чему? Какой-нибудь да должно исполнять долгъ. Поденщикъ, — вѣдь и тотъ служитъ. Онъ ѣстъ грошовый хлѣбъ! да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ своего занятія.

— Ей-Богу, пробовалъ, Аѳанасій Васильевичъ, старался преодолѣть! Что-жъ дѣлать! остарѣлъ, сдѣлался неспособенъ. Ну, какъ мнѣ поступить? Неужели опредѣлиться мнѣ въ службу? Ну, какъ же мнѣ, въ сорокъ пять лѣтъ, сѣсть за одинъ столъ съ начинающими канцелярскими чиновниками? Притомъ я неспособенъ къ взяткамъ — и себѣ помѣшаю, и другимъ поврежу. Тамъ ужъ у нихъ и касты свои образовались. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, думалъ, пробовалъ, перебиралъ всѣ мѣста,—вездѣ буду неспособенъ. Только развѣ въ богадѣльню...

— Богадѣльня [тѣмъ], которые трудились; а тѣмъ, которые веселились все время въ молодости, отвѣчаютъ, какъ муравей стрекозѣ: „Поди, попляши!“ Да и въ богадѣльнѣ сидя тоже трудятся и работаютъ, въ вистъ не играютъ. Семенъ Семеновичъ,—говорилъ [Муразовъ], смотря ему въ лицо пристально,—вы обманываете и себя, и меня.

Муразовъ глядѣлъ пристально ему въ лицо, но бѣдный Хлобуевъ ничего не могъ отвѣчать. Муразову стало его жалко.

— Послушайте, Семенъ Семеновичъ... Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымался.

— Это—другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я знаю, что это я дѣлаю не для человѣка, но для Того, Кто приказалъ намъ быть всѣмъ на свѣтѣ. Что-жъ дѣлать! Я вѣрю, что Онъ милостивъ ко мнѣ, что какъ я ни мерзокъ, ни гадокъ, но Онъ меня можетъ простить и принять, тогда какъ люди оттолкнутъ ногою и наилучшій изъ друзей продастъ меня, да еще и скажетъ потомъ, что онъ продалъ изъ благой цѣли.

Огорченное чувство выразилось въ лицѣ Хлобуева. Старикъ прослезился, но ничего не.....

— Такъ послужите же Тому, Который такъ милостивъ. Ему такъ же угоденъ трудъ, какъ и молитва. Возьмите какое ни есть занятіе, но возьмите, какъ бы вы дѣлали для Него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толките въ ступѣ, но помышляйте только, что вы дѣлаете для Него. Ужъ этимъ будетъ выгода, что для дурного не останется времени—для проигрыша въ карты, для игрушки съ объѣдалами, для свѣтской жизни. Эхъ, Семенъ Семеновичъ! Знаете вы Ивана Потапыча?

— Знаю и очень уважаю.

— Вѣдь хорошій былъ торговецъ: полмилліона было; да какъ увидѣлъ во всемъ прибытокъ—и распустился. Сына по-французски сталъ учить, дочь—за генерала. И уже не въ лавкѣ, или въ биржевой улицѣ, а все какъ бы встрѣтить пріятеля да затащить въ трактиръ пить чай; тамъ цѣлые дни — чай, да и обанкрутился. А тутъ Богъ несчастье послалъ: сынъ. . . . . Теперь онъ, видите ли, приказчикомъ у меня. Началъ сызнова. Дѣла-то поправилась его. Онъ могъ бы опять торговать на пятьсотъ тысячъ. „Приказчикомъ былъ, приказчикомъ хочу и умереть. Теперь, говоритъ, я сталъ здоровъ и свѣжъ, а тогда у меня брюхо-де заводилось, да и водяная начиналась... Нѣтъ“, говоритъ. И чаю онъ теперь въ ротъ не беретъ. Щи да кашу—и больше ничего, да-съ. А ужъ молится онъ такъ, какъ никто изъ насъ не молится; а ужъ помогаетъ онъ бѣднымъ такъ, какъ никто изъ насъ не помогаетъ; а другой радъ бы помочь, да деньги свои прожилъ.

Бѣдный Хлобуевъ задумался.

Старикъ взялъ его за обѣ руки.—Семенъ Семеновичъ! Если бы вы знали, какъ мнѣ васъ жалко! Я объ васъ все время думалъ. И вотъ послушайте. Вы знаете, что въ монастырѣ есть затворникъ, который никого не видитъ. Человѣкъ этотъ большого ума, — такого ума, что я не знаю. (Онъ не говоритъ); но ужъ если дастъ совѣтъ... Я началъ ему говорить, что вотъ у меня есть этакой пріятель, но имени не . . . . , что болѣетъ онъ вотъ чѣмъ. Онъ началъ слушать да вдругъ прервалъ словами: „Прежде Божье дѣло, чѣмъ свое. Церковь строятъ, а денегъ нѣтъ: сбирать нужно на церковь!“ Да и захлопнулъ дверью. Я думалъ, что-жъ это значитъ? Не хочетъ, видно, дать совѣта. Да и зашелъ къ нашему архимандриту. Только-что я въ дверь, а онъ мнѣ съ первыхъ же словъ: не знаю ли я такого человѣка, которому бы можно было поручить сборъ на церковь, который бы былъ или изъ дворянъ, или купцовъ, повоспитаннѣй другихъ, смотрѣлъ бы на то, какъ на спасеніе свое? Я такъ съ перваго же разу и остановился. „Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это схимникъ назначаетъ эту должность Семену Семеновичу. Дорога для его болѣзни хороша. Переходя съ книгой отъ помѣщика къ крестьянину и отъ крестьянина къ мѣщанину, онъ узнаетъ и то, какъ кто живетъ и кто въ чемъ нуждается, — такъ что воротится потомъ, обошедши нѣсколько губерній, такъ узнаетъ мѣстность и край получше всѣхъ тѣхъ людей, которые живутъ въ городахъ... А этакіе люди теперь нужны“. Вотъ мнѣ князь сказывалъ, что онъ много бы далъ, чтобы достать такого чиновника, который бы зналъ не по бумагамъ дѣло, а точно узналъ, какъ они на дѣлѣ, потому что изъ бумагъ, говорятъ, ничего ужъ не видать; такъ все запуталось.

— Вы меня совершенно смутили, сбили, Аѳанасій Васильевичъ, — сказалъ Хлобуевъ, въ изумленіи смотря на него.—Я даже не вѣрю тому, что вы точно мнѣ это говорите: для этого нуженъ неутомимый, дѣятельный человѣкъ. Притомъ какъ же мнѣ бросить жену, дѣтей, которымъ ѣсть нечего?

— О супругѣ и дѣтяхъ не заботьтесь. Я возьму ихъ на свое попеченіе, и учителя будутъ у дѣтей. Чѣмъ вамъ ходить съ котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднѣе и лучше просить для Бога. Я вамъ дамъ простую [кибитку], тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дамъ вамъ на дорогу денегъ, чтобы вы могли мимоходомъ дать тѣмъ, которые посильнѣе другихъ нуждаются. Вы здѣсь можете много добрыхъ дѣлъ сдѣлать: вы ужъ не ошибетесь, а кому дадите, тотъ точно будетъ стоить. Этакимъ образомъ ѣздя, вы точно узнаете всѣхъ, кто . . . . . Это не то, что иной чиновникъ, котораго всѣ боятся и отъ котораго . . . . ; а съ вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговорятся.

— Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень [желалъ] исполнить хоть часть; но, право, мнѣ кажется, это свыше силъ.

— Да что же по нашимъ силамъ?—сказалъ Муразовъ.—Вѣдь ничего нѣтъ по нашимъ силамъ; все свыше нашихъ силъ. Безъ помощи свыше ничего нельзя. Но молитва собираетъ силы. Перекрестясь, говоритъ человѣкъ: „Господи, помилуй!“ гребетъ и доплываетъ до берега. Объ этомъ не нужно и помышлять долго; это нужно, просто, принять за повелѣніе Божіе. Кибитка будетъ вамъ сейчасъ готова; а вы забѣгите къ отцу архимандриту за книгой и за благословеньемъ, да и въ дорогу

— Повинуюсь вамъ и принимаю не иначе, какъ за указаніе Божіе. — „Господи, благослови!“ сказалъ онъ внутренно, и почувствовалъ, что бодрость и сила стала проникать къ нему въ душу. Самый умъ его какъ бы сталъ пробуждаться надеждой на исходъ изъ своего печально-неисходнаго положенія. Свѣтъ сталъ мерцать вдали...

Но, оставивши Хлобуева, обратимся къ Чичикову *).

*) Здѣсь оканчивается текстъ позднѣйшей передѣлки, набросанный надъ строками темными черными чернилами. Прежній текстъ зачеркнутъ лишь до словъ: „чтобы хлеба съ серебрянаго блюда“, хотя въ немъ все, замѣненное новою редакціею, подлежало исключенію. Новая редакція этихъ страницъ осталась въ рукописи не связанною съ прежнею. Намъ оставалось возобновить прежній текстъ съ того мѣста, которое не было замѣнено новымъ изложеніемъ, не подверглось передѣлкѣ. *Ред.*

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали; только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: „Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня, но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло—спокойствіе. Обдѣлаемъ все". Записка эта успокоила совершенно его. „Точно геній", сказалъ Чичиковъ. Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Онъ получилъ желаніе сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки такъ (молодецки) славно обтянуло, икры тоже; сюртучно обхватило всѣ малости, сообща имъ еще большую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: „Вѣдь какой дуракъ! а въ цѣломъ онъ ставляетъ картину". Фракъ казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянуты, выгнулся на перехватѣ, показавши весь его перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, [что] подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало по таліи. — Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы,—повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ,—кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ.—Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа*. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь „Карлсеру" или „Копенгара".

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркало, какъ артистъ съ эстетическимъ чувствомъ и con amore. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ, новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный [жилетъ] давалъ [тонъ] манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо — хорошо! И воротился налѣво—еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у такого господина, который такъ и чешетъ по-французски, который, даже и разсердясь, выбраниться не смѣетъ на русскомъ языкѣ, а распечетъ французскимъ діалектомъ: деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня голову нѣсколько на-бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенія: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ въ родѣ антраша. Вздрогнулъ комодъ и шлепнулась на землю склянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую склянку дурой и подумалъ: „Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше..." Какъ вдругъ въ передней — въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами, и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ [будто] въ лицѣ его было цѣлое войско:—Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!—Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, [страшилище] грубо заговорило: „Приказано сей же часъ!" Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшилище; взглянулъ въ окошко—и экипажъ. Что тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже опомниться ему.—Ступайте! васъ князь уже ждетъ,—сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: „Вотъ какъ схватитъ, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!" Сердце его забилось съ такой силою, съ какой не бьется даже у наиревнивѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась роковая дверь: предсталъ кабинетъ съ

портфелями, шкапами и книгами, и князь, гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

„Губитель, губитель!—сказалъ Чичиковъ,—онъ меня зарѣжетъ, какъ волкъ агнца".

— Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ! — Губы князя дрожали отъ гнѣва.

— Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ?—спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Женщина, — произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову,—женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку.

Свѣтъ помутился въ очахъ Чичикова.

— Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виновенъ; точно, виновенъ; но не такъ виновенъ: меня обнесли враги.

— Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ [выдумать] послѣдній лжецъ. Вы во всю жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ], есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на-ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ [ждать] разрѣшенія участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько [разъ]: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты...—Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

— Ваше сіятельство,—вскричалъ Чичиковъ,—умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите—старуха-мать!

— Врешь —вскрикнулъ гнѣвно князь.—Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь — матерью.

— Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй, — сказалъ Чичиковъ голосомъ.....—Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженіе гражданъ и начальства... Но что за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Ваше сіятельство! кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушеніе... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно вихорь буйный или судно среди волнъ, по волѣ вѣтровъ. Я — человѣкъ, ваше сіятельство!

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ: во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, чудесно сшитыхъ штанахъ и головной прическѣ, изливавшей токъ сладкаго дыханія первѣйшаго одеколона, и ударился лбомъ.

— Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдатъ!—сказалъ князь взошедшимъ.

— Ваше сіятельство!—кричалъ [Чичиковъ] и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ [князя].

— Подите прочь, говорю вамъ!—сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятія Чичикова.

— Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости,—говорилъ [Чичиковъ], не выпуская сапога князя и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу съ фракомъ наваринскаго пламени и дыма.

— Подите, говорю вамъ! — говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенія, какое чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ носъ, губы и округленный подбородокъ, но не выпустилъ сапога и еще съ большей силой держалъ его въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу — Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной, вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

— Батюшка, Павелъ Ивановичъ! что съ вами?

— Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть...— Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промозглый, сырой чуланъ, съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашеный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзной рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало,—вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ [герой], уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманіе соотечественниковъ въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не

дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги, быть можетъ, достигнутыя..... Бумаги, крѣпости на мертвыхъ — все было теперь у чиновниковъ. Онъ повалился на землю, и безнадежная грусть плотоядным червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но и надъ Чичиковымъ не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя, двери тюрьмы растворились: взошелъ ста икъ Муразовъ.

Если бы истерзанному палящей жаждой, покрытому прахомъ и пылью дороги, изнуренному, изможденному путнику влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды,—не такъ бы ею онъ освѣжился, не такъ оживился, какъ оживился бѣдный [Чичиковъ].

— Спаситель мой!—сказалъ Чичиковъ, вдругъ схвативши съ полу, на который бросился въ разрывающей его печали, его руку, быстро поцѣловалъ и прижалъ къ груди. — Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: — Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали!

— Что-жъ дѣлать! Сгубила проклятая! Не зналъ мѣры; не сумѣлъ во-время остановиться. Сатана проклятый обольстилъ, вывелъ изъ предѣловъ разума и благоразумія человѣческаго. Преступилъ, преступилъ! Но только какъ же можно этакъ поступить? Дворянина, дворянина, безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму!.. Дворянина, Аѳанасій Васильевичъ! Да вѣдь какъ же не дать время зайти къ себѣ, распорядиться съ вещами? Вѣдь тамъ у меня все осталось теперь безъ присмотра. Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ, шкатулка! вѣдь тамъ все имущество. Потомъ пріобрѣлъ, кровью, лѣтами трудовъ, лишеній... Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ! Вѣдь все украдутъ, разнесутъ! О, Боже!

И, не въ силахъ будучи удержать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленіи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы не видали страшнаго своего положенія.

— Благодѣтель, спасите, спасите! — отчаянно закричалъ бѣдный Павелъ Ивановичъ, повалившись къ нему въ ноги. — Князь васъ любитъ, для васъ все сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не могу, какъ бы ни хотѣлъ, какъ бы ни желалъ. Вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка.

— Искусилъ шельма сатана, извергъ человѣческаго рода!

Ударился головой въ стѣну, а рукой схватилъ по столу такъ, что разбилъ въ кровь кулакъ; но ни боли въ головѣ, ни жестокости удара не почувствовалъ.

— Павелъ Ивановичъ, успокойтесь, подумайте, какъ бы примириться съ Богомъ, а не съ людьми; о бѣдной душѣ своей помыслите.

— Но вѣдь судьба какая, Аѳанасій Васильевичъ! Досталась ли хоть одному человѣку такая судьба? Вѣдь съ терпѣніемъ, можно сказать, кровавымъ добывалъ копѣйку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбилъ или казну обворовалъ, какъ дѣлаютъ. Зачѣмъ добывалъ копѣйку? Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней; оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Вотъ для чего хотѣлъ пріобрѣсти! Покривилъ, не спорю, покривилъ... что-жъ дѣлать? Но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь и что косой дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. Если бралъ, такъ съ богатыхъ. А эти мерзавцы, которые по судамъ берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копѣйку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.. Что-жъ за несчастье такое, скажите, — всякій разъ, что какъ только начинаешь достигать плодовъ и, такъ сказать, уже касаться рукой, вдругъ буря, подводный камень, сокрушеніе въ щепки всего корабля. Вотъ подъ три[ста] тысячъ было капиталу; трехъэтажный домъ былъ уже; два раза уже деревню покупалъ... Ахъ, Аѳанасій Васильевичъ! за что-жъ такая.....? За что-жъ такіе удары? Развѣ и безъ того жизнь моя не была какъ судно среди волнъ? Гдѣ справедливость небесъ? Гдѣ награда за терпѣніе, за постоянство безпримѣрное? Вѣдь я три раза сызнова начинался; все потерявши, начиналъ вновь съ копѣйки, тогда какъ иной давно бы съ отчаянія запилъ и сгнилъ въ кабакѣ. Вѣдь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Вѣдь всякая [копѣйка] выработана, такъ сказать, всѣми силами души!.. Положимъ, другимъ доставалось легко, но вѣдь для меня была *всякая копѣйка*, какъ говоритъ пословица, *алтынным гвоздемъ прибита*, и эту алтынным гвоздемъ прибитую копѣйку я доставалъ, видитъ Богъ, съ этакой желѣзной неутомимостью...

— Благодѣтель, спасите, спасите!—отчаянно закричалъ бѣдный Павелъ Ивановичъ...

Онъ зарыдалъ громко, отъ нестерпимой боли сердца, упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую, разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя, и запустивши обѣ руки себѣ въ волоса, объ укрѣпленіи которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить ничѣмъ неугасимую боль сердца.

Долго сидѣлъ молча передъ нимъ Муразовъ, глядя на это необыкновенное . . . . , въ первый разъ имъ виданное. А несчастный ожесточенный человѣкъ, еще недавно порхавшій вокругъ съ развязной ловкостью свѣтскаго или военнаго человѣка, метался теперь въ растрепанномъ, непристойномъ [видѣ], въ разорванномъ фракѣ и разстегнутыхъ шароварахъ, [съ] окровавленнымъ разбитымъ кулакомъ, изливая хулу на враждебныя силы, перечащія человѣку.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же, и силою, и терпѣніемъ, да подвизались бы на добрый трудъ, имѣя лучшую цѣль! Боже мой, сколько бы вы надѣлали добра! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копѣйки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копѣйки, — Боже мой, какъ процвѣла бы наша земля!.. Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Не то жаль, что виноваты вы стали предъ другими, а то жаль, что предъ собой стали виноваты—передъ богатыми силами и дарами, которые достались въ удѣлъ вамъ. Назначенье ваше — быть великимъ человѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили.

Есть тайны души: какъ бы ни далеко отшатнулся отъ прямого пути заблуждающійся, какъ бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступникъ, какъ бы ни коснѣлъ твердо въ своей совращенной жизни, но если попрекнешь его имъ же, его же достоинствами, имъ опозоренными, въ немъ [все] поколеблется невольно, и весь онъ потрясется.

— Аѳанасій Васильевичъ, — сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки. — О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! Клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!

— Что-жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ, — онъ ни за что не отступитъ.

— Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашитъ, — я передъ закономъ найду средства, — но то, что неповинно я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... Спасите!

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! — говорилъ старикъ Муразовъ, качая [головою], — какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите.

— Подумаю и о душѣ, но спасите!

— Павелъ Ивановичъ!.. — сказалъ старикъ Муразовъ, и остановился. — Спасти васъ не въ моей власти, — вы сами видите. Но приложу стараньe, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ, — я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенья. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чѣмъ у васъ, — я бы не заплакалъ. Ей, ей, [дѣло] не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже, чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на неботатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству. Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти: пусть и онъ васъ позабудетъ: въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель, или предатель.

— Непремѣнно, непремѣнно! Я уже хотѣлъ, уже намѣревался повести жизнь, какъ слѣдуетъ, думалъ заняться хозяйствомъ, умѣрить жизнь. Демонъ-искуситель сбилъ, совлекъ съ пути, сатана, чортъ, исчадье!

Какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувствамъ необъяснимыя, пришли къ нему, какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то далекое, что-то....., что-то подавленное изъ дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что.... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное, занесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю. Стенанье изнеслось изъ устъ его и, наложивъ обѣ ладони на лицо свое, скорбнымъ голосомъ произнесъ онъ: — Правда, правда!

— И познанье людей, и опытность не по-

могли на незаконномъ основаньи. А если бы къ этому да основанье законное!.. Эхъ, Павелъ Ивановичъ, зачѣмъ вы себя погубили? Проснитесь: еще не поздно, есть еще время...

— Нѣтъ, поздно, поздно!—застоналъ онъ голосомъ, отъ котораго у Муразова чуть не разорвалось сердце. — Начинаю чувствовать, слышу, что не такъ, не такъ иду, и что далеко отступился отъ прямого [пути], но ужъ не могу! Нѣтъ, не такъ воспитанъ. Отецъ мнѣ твердилъ нравоученья, билъ, заставлялъ переписывать съ нравственныхъ правилъ, а самъ кралъ передо мною у сосѣдей лѣсъ и меня еще заставлялъ помогать ему. Завязалъ при мнѣ неправую тяжбу; развратилъ сиротку, которой онъ былъ опекуномъ. Примѣръ сильнѣе правилъ. Вижу, чувствую, Аѳанасій Васильевичъ, что жизнь веду не такую, но нѣтъ большого отвращенья отъ порока: огрубѣла натура, нѣтъ любви къ добру, этой прекрасной наклонности къ дѣламъ богоугоднымъ, обращающейся въ натуру, въ привычку... Нѣтъ такой охоты подвизаться для добра, какова есть для полученья имущества. Говорю правду — что-жъ дѣлать!

Сильно вздохнулъ старикъ...

— Павелъ Ивановичъ! у васъ столько воли, столько терпѣнья. Лѣкарство горько, но вѣдь больной принимаетъ, зная, что иначе не выздоровѣетъ. У васъ нѣтъ любви къ добру,—дѣлайте добро насильно, безъ любви къ нему. Вамъ это зачтется еще въ бо́льшую заслугу, чѣмъ тому, кто дѣлаетъ добро по любви къ нему. Заставьте [себя] только нѣсколько разъ,—потомъ получите и любовь. Повѣрьте, все дѣлается. *Царство нудится*, сказано намъ. Только насильно пробираясь къ нему... насильно нужно пробираться, брать его насильно. Эхъ Павелъ Ивановичъ! вѣдь [у] васъ есть эта сила, которой нѣтъ у другихъ, это желѣзное терпѣнье — и вамъ ли не одолѣть? Да вы, мнѣ кажется, были бы богатырь. Вѣдь теперь люди—безъ воли все,—слабые.

Замѣтно было, что слова эти вонзились въ самую душу Чичикову и задѣли что-то славолюбивое на днѣ ея. Если не рѣшимость, то что-то крѣпкое и на нее похожее блеснуло въ глазахъ его...

— Аѳанасій Васильевичъ,—сказалъ онъ твердо,—если только вымолите мнѣ избавленье и средства уѣхать отсюда съ какимъ-нибудь имуществомъ, я даю вамъ слово начать другую [жизнь]: куплю деревеньку, сдѣлаюсь хозяиномъ, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другимъ, буду дѣлать добро, сколько будетъ силъ; позабуду себя и всякія городскія объѣденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь.

— Богъ васъ да подкрѣпитъ въ этомъ намѣреніи! — сказалъ обрадованный старикъ. — Буду стараться изо всѣхъ силъ, чтобы вымолить у князя ваше освобожденіе. Удастся или не удастся, это Богъ [знаетъ]. Во всякомъ случаѣ, участь ваша, вѣрно, смягчится. Ахъ, Боже мой! обнимите же, позвольте мнѣ васъ обнять. Какъ вы меня, право, обрадовали! Ну, съ Богомъ, сейчасъ же иду къ князю.

Чичиковъ остался [одинъ].

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина твердѣйшій изъ металловъ, всѣхъ долѣе противящійся огню, когда усилить въ горнилѣ огонь, дуютъ мѣха и восходитъ нестерпимый жаръ огня,—бѣлѣетъ упорный и превращается также въ жидкость; подается и крѣпчайшій мужъ въ горнилѣ несчастій, когда, усиливаясь, они нестерпимымъ огнемъ своимъ жгутъ отвердѣлую природу...

„Самъ не умѣю и не чувствую, но всѣ силы употреблю, чтобы другимъ дать почувствовать; самъ дурной и ничего....., но всѣ силы употреблю, чтобы другихъ настроить; самъ дурной христіанинъ, но всѣ силы [употреблю], чтобы не подать соблазна. Буду трудиться, буду работать въ потѣ лица въ деревнѣ и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліяніе и на другихъ. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный! Есть способности къ хозяйству; я имѣю качества бережливости, расторопности и благоразумія, даже постоянства. Стбить только рѣшиться“...

Такъ думалъ Чичиковъ и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязалъ. Казалось, природа его темнымъ чутьемъ стала слышать, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, который можно исполнять всюду, на всякомъ углѣ, несмотря на всякія обстоятельства, смятенья и движенья, летающія вокругъ человѣка, съ того мѣста и угла, на которомъ онъ постановленъ. И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и тѣхъ обольщеній, которыя отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ всю непріятность своего положенія и, можетъ-быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣніе за этотъ тяжелый [ударъ], если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть... Но одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная особа—Самосвитовъ, эпикуреецъ, собой лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги стройныя, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самаго непріятеля пушку, — это его бы дѣло.

Но, за неимѣньемъ воеинаго поприща, на которомъ бы, можетъ-быть, его сдѣлали бы честнымъ человѣкомъ, онъ накостилъ отъ всѣхъ силъ. Непостижимое дѣло! странныя онъ имѣлъ убѣжденія и правила: съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ.

— Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали!—сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. — Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ станемъ работать за васъ и — ваши слуги. Тридцать тысячъ на всѣхъ—и ничего больше.

— Будто?—вскрикнулъ Чичиковъ,—и я буду совершенно оправданъ?

— Кругомъ! еще вознагражденіе получите за убытки.

— И за трудъ?

— Тридцать тысячъ. Тутъ ужъ всѣ вмѣстѣ— и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю.

— Но, позвольте, какъ же я могу?.. Мои всѣ вещи... шкатулка... все это теперь запечатано, подъ присмотромъ...

— Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что ли?

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно...

— Пока прощайте! Поручилъ вамъ [сказать] нашъ общій пріятель, что главное дѣло—спокойствіе и присутствіе духа.

— Гм!—подумалъ Чичиковъ,—понимаю—юрисконсультъ!

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги — все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя, выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ потребовать еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова, связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія приманки: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и тишина стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ—опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, любуясь, какъ художники, крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. „Давно ты здѣсь стоишь?“—„Съ утра, ваше благородіе“.—„Долго до смѣны?“—„Три часа, ваше благородіе“.—„Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы намѣсто тебя отрядилъ другого“.—Слушаю, ваше благородіе!“ И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и бакенбардахъ—самъ чортъ бы не узналъ. Явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, и, схвативши первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ: „Ступай къ ..... меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну“. Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, [что] секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ,—и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны всѣ были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и слилось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались

равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили и, подъ видомъ изловить антихриста, укокошили не-антихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны [быть] помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики,—и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить..... подать. Нужно было прибѣгнуть къ наспльственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ. „Пусть войдетъ“, сказалъ князь. Старикъ взошелъ.

— Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится.

— Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло.

— Подлогъ завѣщанія, и еще какой!.. Публично наказаніе плетьми за этакое дѣло!

— Ваше сіятельство,—скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова,—но вѣдь это—дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано.

— Улика: женщина, которая была паряжена намѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ.—Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину.

Муразовъ замолчалъ.

— Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники!—сказалъ князь съ жаромъ.

— Вѣдь губернаторъ—наслѣдникъ; онъ имѣлъ право на притязанія; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженія умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться—человѣческое дѣло...

— Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы!—сказалъ князь съ чувствомъ негодованія.—Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго: всѣ мерзавцы!

— Ваше сіятельство! да кто-жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города—люди, имѣютъ достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ.

— Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ,—я васъ одного знаю за честнаго человѣка,—что у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство,—сказалъ Муразовъ,—кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, когда знаешь, что онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнья? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую минуту бываемъ причиной несчастія другого, даже и не съ дурнымъ намѣреніемъ. Вѣдь ваше сіятельство сдѣлали также большую несправедливость.

— Какъ!—воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ нежданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и, наконецъ, сказалъ:

— Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова.

— Аѳанасій Васильевичъ! преступленіе противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!

— Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла равная и Дѣрпѣнникова, и какого-нибудь Воронаго-Дрянного; а вѣдь преступленія ихъ не равны.

— Ради Бога...,—сказалъ князь съ замѣтнымъ волненіемъ,—вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи.

— Нѣтъ ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили-ль вы тогда слишкомъ поспѣшить? Извините, ваше сіятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы нѣсколько разъ приказывали мнѣ откровенно говорить. У меня-съ, когда я еще былъ начальникомъ, много было всякихъ работниковъ, и дурныхъ, и хорошихъ. [Слѣдовало бы тоже] принять во вниманіе и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не разсмотришь все

хладнокровно, а накричишь съ перваго раза,—запугаешь только его, да и признанія настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата,—самъ-съ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченіи, и ожесточенія ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю: я законъ.

Князь задумался. Въ это время вошелъ молодой чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученіямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ con amore. Не сгорая ни честолюбіемъ, ни желаніемъ прибытковъ, ни подражаніемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его, разобрать по частямъ—это было его дѣло. И труды, и страданія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало передъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась какая[-нибудь] труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато...

(Здѣсь въ рукописи большой пропускъ).

— ...хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ: разсмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, помогу уладиться съ ними миролюбиво. А чиновники не сладятъ: завяжется объ этомъ переписка, да притомъ они такъ уже запутались въ бумагахъ, что ужъ дѣла изъ-за нихъ и не видятъ. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей-Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ.

— Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что,—вы сами можете чувствовать,—всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, ей-Богу, этакъ нельзя назвать, тѣмъ болѣе, что изъ [нихъ] есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ; а какъ войдешь—даже и не онъ.

— Но что̀ скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать...

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ не едо мною, и спросите у нихъ совѣта: что̀ [бы] изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?

— Да вы думаете, имъ будутъ доступны движенія благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются.

— Не думаю-съ, ваше сіятельство. У человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ ужъ жидъ какой-нибудь, а не русскій... Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо [мной]. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ,—такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что̀-жъ вамъ? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не предъ ними, а предъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь.

— Аѳанасій Васильевичъ,—сказалъ князь въ раздумьи,—я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ.

— А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить.

— Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда, какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то ужъ я бы никогда не простилъ.

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, въ сьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое-съ-кѣмъ изъ

чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

— Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ,—сказалъ онъ.—я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои—да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеніи хорошемъ,—лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества,—не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Что ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Какъ же хотѣть, чтобы [ш о], какъ слѣдуетъ? Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а [о] своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я то-жъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ.

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажнымъ. „Муразовъ правъ“, сказалъ онъ: „пора на другую дорогу!“ Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку ..... Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденію барина.

— Ну, любезные,—сказалъ Чичиковъ, обратившись [къ нимъ] милостиво,—нужно укладываться, да ѣхать.

— Покатимъ, Павелъ Ивановичъ,—сказалъ Селифанъ.—Дорога, должно-быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы.

— Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки,—сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни [къ кому] не хотѣлъ заходить отъ авать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко,—тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопріятныхъ исторій. Онъ избѣгалъ всякихъ [встрѣчъ] и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную [цѣну] мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно: „И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенію? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно“. Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое, а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ еще отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ, въ рогоженной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до едина.

Въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, асессоры, Кислѣдовъ, Красноносовъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе. Всѣ не безъ волненія и безпокойства ожидали выхода генералъ-губернатора. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: взоръ его былъ твердъ, такъ же, какъ и шагъ. Все чиновное собраніе поклонилось, многіе — въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

— Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже и кто главный, и чьимъ сокровеннымъ ....., хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдствіе не

формальнымъ слѣдованіемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное [время], и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ [бумагами], и, наконецъ, излишествомъ лживыхъ посторонніхъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло,—я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше.

Князь остановился, какъ [бы] ожидая отвѣта. Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

— Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производ вшіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства.

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

— Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишеніе чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшеніе отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что-жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ,—несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудіе. Знаю, что будутъ меня обвинять въ суровой жестокости, но знаю, что тѣ будутъ еще ..... обвин.... я долженъ обратить такихъ только въ одно безчувственное орудіе правосудія, которое должно упасть на головы .....

Содроганіе невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенія душевнаго не выражало его лицо.

— Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ, и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый теперь васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду вамъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими стра ами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ итти противу всеобщаго теченія. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ,—я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Что тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ-быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я съ своей стороны могъ бы также сдѣлать ..... Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своею личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженія и высокой любви къ добру и не принялъ бы, наконецъ, отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ [ни] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленьемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху возстанія народовъ вооружался противъ ....., такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и той же кровью, я теперь обращаюсь [къ] вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно предстаѣляется, и мы едва .....

(Писано въ 1842—1852).

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

1) ЗАМѢТКИ КЪ 1-Й ЧАСТИ.

Идея города — возникшая до высшей степени пустота. Пустословіе. Сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это возникло изъ бездѣлья и приняло выраженіе смѣшного въ высшей степени, какъ люди неглупые доходятъ до дѣланія совершенныхъ глупостей.

Частности въ разговорахъ дамъ. Какъ къ общимъ сплетнямъ примѣшиваются частныя сплетни; какъ въ нихъ не щадятъ одна другую. Какъ созидаются соображенія. Какъ эти соображенія восходятъ до верха смѣшного. Какъ всѣ невольно занимаются сплетнями, и какого рода бабичи и юбки образуются.

Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть пор жастъ нетрогающійся міръ. Еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни.

Проходитъ страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта въ томъ тайна. Не ужасное ли это явленіе? Жизнь бунтующая, праздная—не страшно ли великое она явленье? ..... жизнь При бальномъ....., при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ никто не признаетъ смерти...

Частности. Дамы ссорятся именно изъ-за того, что одной хочется, чтобы Чичиковъ былъ тѣмъ-то, другой—тѣмъ-то, и потому принимаетъ только тѣ слухи, которые сообразны съ ея идеями.

Явленіе другихъ дамъ на сцену.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ чувственныя наклонности и любитъ разсказывать, какъ она иногда побѣждала чувственныя наклонности, но посредствомъ ума своего, и чѣмъ умѣла не допустить до слишкомъ короткихъ съ нею изъясненій. Впрочемъ, это случилось само собою, очень невиннымъ образомъ. До короткихъ объясненій никто не доходилъ уже потому, что она и въ молодости своей имѣла что-то похожее на будочника, несмотря на всѣ свои пріятности и хорошія качества.—„Нѣтъ, милая, я люблю — понимаете?—сначала мужчину приблизить и потомъ удалить, удалить и потомъ приблизить“.—Такимъ же образомъ она поступаетъ и на балѣ съ Чичиковымъ. У другихъ тоже состраиваются идеи, какъ себя вести. Одна почтительна. Двѣ дамы, взявшись подъ-руки, ходили и рѣшились хохотать, какъ можно дольше. Потомъ нашли, что совсѣмъ у Чичикова нѣтъ манеръ ..... хорошихъ.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ любила читать всякія описанія баловъ. Описаніе вѣнскаго конгресса ее очень занимаетъ. Туалетъ любила дама, то-есть, замѣчать о другихъ, что̀ на комъ хорошо и что̀ не хорошо.

Сидя разсматриваютъ входящихъ.—„Н. совсѣмъ не умѣетъ одѣваться, совсѣмъ не умѣетъ. Этотъ шарфъ такъ ей не идетъ“.—„Какъ хорошо одѣта губернаторская дочка...“ — „Милая, она такъ гадко одѣта“. Ужъ если и такъ...

— Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней — преобразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ. Рожденъ балъ и всѣ соединенія. Сторона главная и бальная общества.

Противуположное ему прообразованіе во II [части], занятой разорваннымъ бездѣльемъ.

Какъ низвести всѣ міра бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра?

Для [этого] включить все сходство и внести постепенный ходъ.

---

2) ОКОНЧАНІЕ IX ГЛАВЫ ВЪ ПЕРЕДѢЛАННОМЪ ВИДѢ.

Судили, судили и рѣшили на томъ, чтобы разспросить покупщиковъ, у которыхъ Чичиковъ торговалъ и купилъ эти загадочныя мертвыя души. Прокурору выпалъ жребій (итти) переговорить къ Собакевичу, а предсѣдатель вызвался самъ итти къ Коробочкѣ. А потому отправимся и мы вслѣдъ за ними и посмотримъ, что̀ такое тамъ разузнали.

---

3) ГЛАВА...

Собакевичъ квартировалъ съ супругой въ домѣ нѣсколько поодаль отъ шумныхъ мѣстъ. Домъ выбралъ этакой крѣпкій, чтобы потолокъ не проломился и можно бы въ немъ жить благополучно. Хозяинъ былъ купецъ Колотыркинъ, человѣкъ тоже прочный. Собакевичъ былъ съ супругой, дѣтей при немъ не было. Онъ началъ уже скучать и помышлялъ объ отъѣздѣ, ожидалъ только оброка за землю, которую нанимали подъ рѣпу трое городскихъ мѣщанъ, да окончанья какого-то модnаго капота на ватѣ, который вздумала заказать городскому портному супруга. Онъ уже, сидя на креслѣ, начиналъ побранивать и мошенничество, и прихоть, а самъ все глядѣлъ не на жену, а на уголъ печки. Въ это время вошелъ прокуроръ. Собакевичъ сказалъ:—Прошу,—и, приподнявшись, сѣлъ опять на стулъ. Прокуроръ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны и, приложившись къ ней, сѣлъ также на стулъ. Ѳеодулія Ивановна, получивши себѣ на руку поцѣлуй, сѣла также на стулъ. Всѣ три стула были выкрашены

зелепой масляной краской, съ малеванными кувшинчиками по уголкамъ.

— Пришелъ съ вами переговорить объ дѣлѣ,— сказалъ прокуроръ.

— Душенька, ступай въ свою комнату! Тамъ тебя, вѣрно, ждетъ портниха.

Ѳеодулія пошла въ свою комнату.

Прокуроръ началъ такъ:—Позвольте васъ спросить: какого (рода) людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?

— Какъ, какого рода?—сказалъ Собакевичъ.— На это крѣпость есть; тамъ означено, какого рода: одинъ каретникъ...

— По городу, однакожъ,—сказалъ прокуроръ, нѣсколько замявшись, — по городу разнеслись слухи...

— Много въ городѣ дураковъ, оттого и слухи,—сказалъ спокойно Собакевичъ.

— Однакожъ, Михаилъ Семенычъ, такіе слухи, что, просто, голова кружится: что души—не души, что цѣль сов ѣмъ не та, чтобы переселить, и что самъ Чичиковъ—загадочный человѣкъ. Оказываются такія подозрѣнія... по городу пошли такіе пересуды...

— Да позвольте спросить васъ: вы сами баба, что ли?—спросилъ Собакевичъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ прокурора. Онъ самъ у себя никогда еще не спрашивалъ, баба ли онъ, или что другое.

— Вы бы съ этакими запросами посовѣстились даже и приходить ко мнѣ,—сказалъ Собакевичъ.

Прокуроръ началъ извиняться.

— Вы бы пошли къ какимъ-нибудь пряхамъ, что по вечерамъ говорятъ объ вѣдьмахъ. Ужъ если Богъ не далъ о чемъ поумнѣй завести разговоръ, играли бы въ баб и съ малыми ребятами. Что вы въ самомъ дѣлѣ пришли смущать честнаго человѣка? Что я вамъ, въ насмѣшку, что ли? Въ службѣ своей, какъ слѣдуетъ, не упражняетесь; чтобы отечеству какъ-нибудь послужить и на пользу ближнему, — храня товарищей, о томъ не дума те; а вотъ только, чтобы быть подальше другихъ. Куда дураки подтолкнутъ, туда и плететесь. Такъ себѣ за ничто и пропадете, и добраго слѣда послѣ васъ не останется.

Прокуроръ совсѣмъ не нашелся, что отвѣчать на такое неожиданное поученіе. Разбитый въ прахъ и уничтоженный, пошелъ онъ отъ Собакевича; а Собакевичъ ему вслѣдъ: — Убирайся себѣ собака!

Въ это время вошла Ѳеодулія. — Что это отъ тебя прокуроръ такъ скоро вышелъ? — сказала она.

— Угрызенье совѣсти ощутилъ, такъ и вышелъ,—сказалъ Собакевичъ.—Вотъ тебѣ, душа моя, въ глазахъ примѣръ. Какой старый человѣкъ, ужъ и волосъ сѣдой на головѣ, а я знаю, что онъ до сихъ поръ по чужимъ женамъ ходитъ. У нихъ ужъ обычай у всѣхъ: собаки всѣ. Мало того, что даромъ бременятъ землю, да еще дѣла такія дѣлаютъ, что ихъ всѣхъ бы въ одинъ мѣшокъ да въ воду! Весь городъ—разбойничій вертепъ. Не зачѣмъ намъ здѣсь оставаться больше, уѣдемъ!

Супруга хотѣла-было представить, что еще не готовъ капотъ и нужно купить для праздника какія-то ленты на чепцы, но Собакевичъ сказалъ:—Это душа моя, все модныя выдумки; онѣ тебя къ добру не доведутъ. — Велѣлъ собирать все въ дорогу; самъ пошелъ, вмѣстѣ съ квартальнымъ, къ мѣщанамъ и взялъ съ нихъ оброкъ за рѣпу; потомъ зашелъ къ портнихѣ и взялъ капотъ недошитый, такъ, какъ былъ въ работѣ, съ воткнутой иголкой и ниткой, съ тѣмъ, чтобы дошить его въ деревнѣ, и выѣхалъ изъ города, приговаривая, что опасно даже заѣзжать въ этотъ [городъ], потому что мошенникъ сидитъ на мошенникѣ и можно легко самому погрязнуть вмѣстѣ съ ними во всякихъ порокахъ.

Прокуроръ между тѣмъ такъ былъ озадаченъ пріемомъ Собакевича, что недоумѣвалъ, какъ и разсказать объ этомъ предсѣдателю.

Но и предсѣдатель тоже немного успѣлъ въ объясненьяхъ. Начать съ того, что, поѣхавши на дрожкахъ, попалъ онъ въ такой грязный и узкій переулокъ, что во всю дорогу то правое колесо выше лѣваго, то лѣвое выше праваго. Отъ этого ударилъ онъ самого себя весьма (сильно) палкой въ подбородокъ, потомъ затылкомъ... и, въ заключенье, забрызгался грязью. Въѣхалъ онъ къ протопопу среди чавканья, шлепанья грязи, свинаго хрюканья. Оставивши дрожки и пробравшись пѣшкомъ, позади всякихъ клѣт ховъ, вступилъ, наконецъ, въ сѣни. Здѣсь онъ прежде спросилъ полотенце и вытеръ лицо. Коробочка встрѣтила его такъ же, какъ и Чичикова, съ тѣмъ же меланхолическимъ видомъ. На шеѣ у ней было что-то наверчено, въ родѣ фланели. Въ комнатѣ было безчисленное множество мухъ и какое-то отравительное для нихъ блюдо, къ которому онѣ, казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Предсѣдатель, начавши сначала тѣмъ, что зналъ нѣкогда ея мужа, потомъ вдругъ перешелъ къ такому вопросу: — Скажите, пожалуйста, точно ли къ вамъ, въ ночное время, съ пистолетомъ въ рукѣ, пріѣзжалъ одинъ человѣкъ, покушавшійся васъ убить, если вы не отдадите какихъ-то душъ? И не можете ли вы объяснить намъ, какое было его намѣренье?

— Да ужъ какъ не могу! Возьмите вѣдь мое положеніе: двадцать пять рублей бумажками! Вѣдь я не знаю, право: я вдова, я человѣкъ неопыт-

ный; меня не трудно обмануть въ дѣлѣ, въ которомъ я, признаться вамъ сказать, батюшка, ничего не знаю. Пенькѣ-то я знаю цѣну, сало тоже продала третья...

— Да разскажите прежде пообстоятельнѣе: какъ это? Пистолеты при немъ были?

— Нѣтъ, батюшка, пистолетовъ, оборони Богъ, я не видала. А мое дѣло вдовье — я не могу знать, почемъ ходятъ мертвыя души. Ужъ, батюшка, не оставьте, поясните, по крайней мѣрѣ, чтобы я знала цѣну-то настоящую.

— Какую цѣну? Что́ за цѣна, матушка? Какая цѣна?

— Да мертвая-то душа почемъ теперь ходитъ?

„Да она дура отъ роду или рехнулась“, подумалъ предсѣдатель, глядя ей въ глаза.

— Что́-жъ, двадцать пять рублей? Вѣдь я не знаю: можетъ быть, онѣ пятьдесятъ или больше.

— А покажите бумажку, — сказалъ предсѣдатель и посмотрѣлъ ее противъ свѣта, не фальшивая ли. Но бумажка была,—какъ бумажка.

— Да разскажите же вы, какъ онъ у васъ купилъ? что́ купилъ? Я въ голову... ничего не могу сообразить....

— Купилъ,—сказала Коробочка.—Да вы-то, батюшка, что́-жъ вы-то не хотите мнѣ сказать, почемъ ходитъ мертвая душа, чтобъ я знала настоящую цѣну мертвыхъ душъ?

— Да помилуйте, что́ это вы говорите! Гдѣ-жъ видано, чтобы мертвыхъ продавали?

— Да что́-жъ вы цѣны не хотите сказать?

— Да что́-жъ цѣны? Помилуйте, какая цѣна! Скажите мнѣ серьезно: какъ было дѣло? Угрожалъ онъ вамъ чѣмъ, хотѣлъ обольстить?

— Нѣтъ, батюшка; да вы, право... Теперь я вижу, что вы тоже покупщикъ. — И посмотрѣла подозрительно въ глаза.

— Да я предсѣдатель, матушка, здѣшней палаты...

— Нѣтъ, батюшка, какъ хотите, вы это ужъ того... изволите такъ... хотите сами меня обмануть. Да вѣдь что́-жъ вамъ изъ того? вѣдь вамъ же хуже. Я бы вамъ продала и птичьихъ [перьевъ]: у меня о Рождествѣ и птичьи перья будутъ.

— Матушка, говорю вамъ, что я предсѣдатель. Что́ мнѣ ваши птичьи перья? Не покупаю ничего.

— Да вѣдь торгъ—честное дѣло,—продолжала Коробочка.—Сегодня я тебѣ, завтра ты мнѣ продашь. Что́-жъ, если мы станемъ этакъ другъ друга обманывать, да гдѣ-жъ и правда тогда? Вѣдь это передъ Богомъ грѣхъ.

— Матушка, я не покупщикъ, а предсѣдатель!

— Да Богъ знаетъ. Можетъ быть, вы и предсѣдаете; вѣдь я не знаю. Что́-жъ? Я вдова. Да что́-жъ вы такъ разспрашиваете? Нѣтъ, батюшка, я вижу, что вы сами.... того... хотите купить ихъ.

— Матушка, я вамъ совѣтую полѣчиться, — сказалъ предсѣдатель, разсердившись. — У васъ вотъ недостаетъ... — сказалъ онъ, постучавши себя пальцемъ по лбу, и вышелъ отъ Коробочки.

Коробочка такъ на этомъ и осталась, что это былъ покупщикъ, и удивлялась только тому, какой сердитый сталъ народъ на бѣломъ свѣтѣ и какъ трудно бѣдной вдовѣ. Предсѣдатель изломалъ колесо въ дрожкахъ и забрызгался вонючею грязью. Вотъ все, что пріобрѣлъ онъ въ этой неудачной экспедиціи, включая сюда разбитый палкою подбородокъ. Подъѣзжая къ дому, встрѣтилъ онъ прокурора, который тоже ѣхалъ на дрожкахъ не въ духѣ, повѣсивши [голову].

— Ну, что́ узнали отъ Собакевича?

Прокуроръ повѣсилъ голову и сказалъ:—Во всю жизнь не былъ трактованъ...

— А что?

— Оплевалъ совсѣмъ,—сказалъ прокуроръ съ огорченнымъ видомъ.

— Какъ?

— Говорятъ, что на службѣ отъ меня проку нѣтъ: ни одного доноса не подалъ на товарищей. Въ другихъ мѣстахъ прокуроръ, что недѣля, посылаетъ доносъ; я выставлялъ: „*челъ*“ на всякомъ листкѣ, даже и тогда, когда иной разъ и слѣдовало бы подать доносъ,—не задерживалъ ни одной бумаги.

Прокуроръ истинно сокрушался.

— Такъ что-жъ онъ объ Чичиковѣ говоритъ?— сказалъ предсѣдатель.

— Что говоритъ? Бабами назвалъ всѣхъ, обругалъ дураками.

Предсѣдатель задумался. Въ это время подъѣхали третьи дрожки; на нихъ сидѣлъ вице-губернаторъ.

— Господа! я долженъ васъ извѣстить, что нужно быть осторожну. Говорятъ, дѣйствительно въ нашу губернію назначается генералъ-губернаторъ. — И предсѣдатель, и прокуроръ разинули ротъ. Предсѣдатель подумалъ про себя: — Вотъ кстати пріѣдетъ на расхлебки! Заварили супъ такой, что чортъ и вкусъ въ немъ какой отыщетъ! Увидитъ, какая безтолочь въ городѣ!

— Одно за другимъ! — подумалъ огорченный прокуроръ.

— Не знаете о томъ ничего, кто назначенъ въ генералъ-губернаторы, какого нрава, какого свойства.

— Ничего еще неизвѣстно, — сказалъ (вице-губернаторъ).

Въ это время подъѣхалъ на дрожкахъ почтмейстеръ.

— Господа! могу васъ поздравить съ генералъ-губернаторомъ.

— Слышали, да вѣдь еще неизвѣстно,—сказалъ вице-губернаторъ.

— Извѣстно даже и кто,— сказалъ почтмейстеръ,—князь Однозоровскій-Чементинскій.

— Что-жъ говорятъ?

— Строжайшій человѣкъ, судырь мой, — сказалъ почтмейстеръ,—дальновиднѣйшій и крутѣйшаго нрава. Былъ онъ прежде въ какомъ-то этакомъ, понимаете, казенномъ большомъ построеніи. Завелись тамъ кое-какіе грѣхи. Всѣхъ, судырь, распушилъ, стеръ на прахъ, такъ что, понимаете, и подметать было нечего.

— А здѣсь въ городѣ нѣтъ никакой надобности въ строгихъ мѣрахъ.

— Палата, судырь мой, свѣдѣній; человѣкъ размѣра, понимаете, колоссальнаго?—продолжалъ почтмейстеръ.—Случилось одинъ разъ...

— Однакожъ, — сказалъ почтмейстеръ, — мы говоримъ на улицѣ при кучерахъ. Лучше-жъ заѣдемъ.

Всѣ опомнились. А ужъ на улицѣ собирались наблюдатели и глядѣли, разинувъ рты, на разговаривающихъ съ четырехъ дрожекъ. Кучера закричали, и четверо дрожекъ потянулись къ предсѣдателю.

— Кстати чортъ принесъ этого Чичикова, — думалъ предсѣдатель, снимая съ себя въ передней забрызганную грязью шубу.

— У меня идетъ кругомъ голова, — говорилъ [прокуроръ], снимая съ себя шубу.

— Я все не могу разобрать этого дѣла,—сказалъ вице-губернаторъ, скидая шубу.

Почтмейстеръ ничего не сказалъ, сбросилъ просто.

Вошли въ комнату, гдѣ вдругъ явилась закуска. Губернскія власти [не обходятся] безъ закуски, и если въ губерніи хоть два чиновника сойдется, самъ-третей является закуска.

Предсѣдатель подошелъ и налилъ себѣ самой горькой полынной водки, сказавши: — Я, хоть убей, не знаю, кто таковъ этотъ Чичиковъ.

— Я и подавно,—сказалъ прокуроръ. — Этакого запутаннаго дѣла я и въ бумагахъ не читывалъ, и не имѣю духу приступить...

— А какъ человѣкъ между тѣмъ... свѣтскаго лоску, — сказалъ почтмейстеръ, наливая сначала темной и розовой и составивъ себѣ смѣсь изъ разныхъ водокъ, — очевидно былъ въ Парижѣ. Я думаю, что едва ли не дипломатикомъ служилъ.

— Ну, господа!—сказалъ въ это время, входя, полицеймейстеръ, извѣстный благотворитель города, любимецъ купечества и чудотворецъ въ угощеніяхъ.—Господа! о Чичиковѣ я ничего не могъ узнать. Въ собственныхъ бумагахъ его порыться не могъ: изъ комнаты не выходитъ, чѣмъ-то заболѣлъ. Разспрашивалъ людей. Лакей пришелъ Петрушка, кучеръ Селифанъ. Первый былъ не въ трезвомъ состояніи, да и всегда былъ таковъ.— При этомъ полицеймейстеръ подошелъ къ водкѣ и составилъ смѣсь изъ трехъ водокъ.—Петрушка говоритъ, что баринъ какъ баринъ, водился съ людьми, кажется, хорошими: съ Перекроевымъ... Назвалъ много помѣщиковъ — все коллежскіе и статскіе совѣтники. Кучеръ Селифанъ — неглупымъ человѣкомъ,—говоритъ,—показывался всѣми за то, что службу хорошо исполнилъ. Былъ въ таможнѣ, при какихъ-то казенныхъ постройкахъ,—а въ какихъ именно — не могъ сказать. Лошади три:— одна куплена, — говоритъ, — три года назадъ тому; сѣрая,— говоритъ — вымѣнена на сѣрую, третья куплена... А самъ Чичиковъ дѣйствительно называется Павелъ Ивановичъ и точно коллежскій совѣтникъ.

Всѣ чиновники задумались.

„Порядочный человѣкъ, и коллежскій совѣтникъ“, подумалъ прокуроръ: „и рѣшиться на такое дѣло, какъ увезть губернаторскую дочку, или возьмѣть безуміе покупать мертвыя [души], пугать по ночамъ спокойныхъ престарѣлыхъ помѣщицъ—это прилично какому-нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому совѣтнику“.

„Если коллежскій совѣтникъ, какъ же пуститься въ такое уголовное преступленіе, какъ дѣлать бумажки“! подумалъ вице-губернаторъ, который былъ самъ коллежскій совѣтникъ, любилъ играть на флейтѣ и душу скорѣй имѣлъ склонную къ искусствамъ изящнымъ, а не къ преступленью.

— Воля ваша, господа, а это дѣло какъ-нибудь нужно кончить: пріѣдетъ генералъ-губернаторъ, увидитъ, что у насъ, просто, чортъ знаетъ что.

— Какъ же вы думаете поступить?

Полицеймейстеръ: — Я думаю, надобно поступить рѣшительно.

— Какъ же рѣшительно?—сказалъ предсѣдатель.

— Задержать его, какъ подозрительнаго человѣка.

— А если онъ насъ задержитъ, какъ подозрительныхъ людей?

— Какъ такъ?

— Ну, а если онъ подосланъ? Ну, что если онъ съ тайными порученьями? Мертвыя души! Гмъ! Будто купить, а, можетъ быть, это — розысканіе обо всѣхъ тѣхъ умершихъ, о которыхъ было подано—„отъ неизвѣстныхъ случаевъ“?

Эти слова погрузили всѣхъ въ молчаніе. Прокурора эти слова поразили. Предсѣдатель тоже, сказавши ихъ, задумался. Обѣимъ пріяти...

— Что-жъ, какъ поступить, господа?—сказалъ

полицеймейстеръ, благотворитель [города] и благодѣтель купечества, и, произведши смѣшеніе водки сладкой [и] горькой, выпилъ, закусивши.

Человѣкъ подалъ бутылку мадеры и рюмки.

— Я, право, не знаю, какъ поступить,—(сказалъ предсѣдатель).

— Господа!—сказалъ почтмейстеръ, выпивши рюмку мадеры и засунувши въ ротъ ломоть голландскаго сыру съ балыкомъ и масломъ,—я того мнѣнія, что это дѣло хорошенько нужно изслѣдовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально,—сообща, собравшись всѣмъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, понимаете, чтобы досконально раскрылось до всѣхъ изгибовъ, понимаете.

— Что-жъ, соберемся, — сказалъ полицеймейстеръ.

— Да,—сказалъ предсѣдатель, — собраться и рѣшить вкупѣ, что̀ такое Чичиковъ.

— Это благоразумнѣе всего—рѣшить, что̀ такое Чичиковъ.

— Да, отберемъ мнѣнья у всѣхъ и рѣшимъ, что̀ такое Чичиковъ.

Сказавши это, всѣ въ одно время пожелали выпить шампанскаго и разошлись довольные тѣмъ, что комитетъ этотъ все объяснитъ и покажетъ ясно и досконально, что̀ такое Чичиковъ.

---

4) ПОВѢСТЬ О КАПИТАНѢ КОПѢЙКИНѢ.

А. Одна изъ первоначальныхъ редакцій.

— Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой,—такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро,—послѣ кампаніи двѣнадцатаго года вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, сударь мой, вы можете себѣ представить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, этакихъ распоряженій; этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете вообразить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужна работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ:—Мнѣ нечѣмъ тебя кормить: я,— можете представить себѣ, — самъ едва достаю хлѣбъ.—Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы просить государя, не будетъ ли какой монаршей милости: что вотъ де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными — словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: этакой, какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копѣйкинъ и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ. Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, (какъ) сказочная Шехерезада, понимаете, этакая. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ этакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ этакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ этакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія — словомъ, Семирамида, сударь, да и полно. Понатолкался было насчетъ квартиры, только все это кусается страшно: гардины тамъ, шторы, понимаете, ковры — Персія такая; ну, просто, то-есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь четырехъ синенькихъ. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки; обѣдъ—щи этакія, кусокъ битой говядины. Ну, заживаться, видитъ, нечего; на другой же день, сударь мой, рѣшился идти къ министру. А государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ-за границы. Копѣйкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цырюльнику — все это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натянулъ свою мундиришку и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ министру. Разспросилъ у будочника квартиру.—Вонъ,— говоритъ—указалъ ему домъ на Дворцовой набережной: избенка, понимаете, мужичья; стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутора-саженныя зеркала, все это мраморъ, вездѣ металлическія галантереи. Какая-нибудь ручка у дверей, что нужно, знаете, забѣжать прежде въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа съ два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее. Словомъ, сударь мой, гебсны, лаки такіе, что просто, въ нѣкоторомъ родѣ, ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ: вызолоченная булава, графская физіономія, какъ откормленный жирный монсъ какой-нибудь, батистовые воротнички, канальство!.. Копѣйкинъ мой встащился кое-какъ съ своей дере яшкой въ пріемную, прижался тамъ въ углу себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію—раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ,

пришелъ еще въ такое время, когда министръ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ быть, поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній этакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ, наконецъ, адъютантъ или тамъ другой дежурный чиновникъ:—министръ,—говоритъ,—сейчасъ выйдетъ въ пріемную.—А въ пріемной ужъ, понимаете, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ, все это четвертаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстые золотые макароны на эполетахъ—генералитетъ, словомъ, такой... Наконецъ, министръ выходитъ. Ну, подошелъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что вамъ угодно“? Наконецъ—къ Копѣйкину. Копѣйкинъ, собравшись съ духомъ:—Такъ и такъ, ваше превосходительство, проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, лишился, такъ сказать, руки и ноги, работать не могу—осмѣлился просить монаршей милости.—Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: „хорошо“ говоритъ, „понавѣдайтесь на дняхъ“. Вотъ, сударь мой, не прошло четырехъ или пяти дней, мой Копѣйкинъ является опять. Министръ, понимаете, тотчасъ его узналъ: „а“ говоритъ: „на этотъ разъ ничего не могу вамъ сказать, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя: тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать“. Поклонъ, понимаете, и—прощайте. Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи, въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ часомъ затруднительнѣе. Думаетъ себѣ: „пойду опять къ министру: какъ хотите, ваше высокопревосходительство, послѣдній кусокъ доѣдаю; не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода“. Приходитъ,—говорятъ: „нельзя, министръ не принимаетъ, приходите завтра“; на другой день—тоже, а швейцаръ на него просто и смотрѣть не хочетъ. У моего Копѣйкина всего-на-всего остается какой-нибудь полтинникъ. То, бывало, ѣдалъ щи, говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку или огурецъ соленый да хлѣба на два гроша—словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо этакого какого-нибудь ресторана, поваръ тамъ собака, можете себѣ представить, иностранецъ, бѣлье на немъ чистѣйшее голландское, работаетъ тамъ фензервъ какой-нибудь, котлетки съ трюфелями,—словомъ, разсупе-деликасетъ такой, что просто себя, то-есть, съѣлъ отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки—по пяти рублей штучка, арбузъ—громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей,—словомъ на всякомъ шагу соблазнъ такой—слюнки текутъ, а онъ слышитъ между тѣмъ все: „завтра“. Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а ему подносятъ все одно и то же блюдо: „завтра“. Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, невтерпежъ: рѣшился во что бы ни стало, пролѣзть къ министру. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ со своей деревяшкой въ пріемную. Министръ, по обыкновенію, выходитъ: „Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы?“ „А!“ говоритъ, увидѣвши Копѣйкина „вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія“.—Помилуйте, ваше высокопревосходительство: не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба...—„Что-жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать, старайтесь, покамѣстъ, помочь себѣ сами, ищите сами средствъ“.—Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги.—Онъ-то хотѣлъ прибавить:—а носомъ и подавно ничего не сдѣлаешь, только развѣ высморкаешься, да и для того нужно купить платокъ.—Только министръ, сударь мой,—или ужъ онъ ему надоѣлъ такъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ, можетъ, занятъ былъ дѣлами государственными,—началъ, можете себѣ представить, сердиться. „Ступайте же,“ говоритъ, „у меня много такихъ, какъ вы, ожидайте спокойно“. А мой Копѣйкинъ,—голодъ знаете, пришпорилъ его:—какъ хотите,—говоритъ,—ваше высокопревосходительство, не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите надлежащей резолюціи.—И, сударь мой! Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, чтобы какой-нибудь Копѣйкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ. „Грубіянъ!“ закричалъ онъ. „Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать фельдъегеря, препроводить его“, говоритъ, „съ фельдъегеремъ на мѣсто жительства“. А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъаршинный мужчина какой-нибудь; ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ—словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его, раба Божія, схватили, сударь мой, да въ телѣжку съ

фельдъ-егеремъ. „Ну“, Копѣйкинъ думаетъ, „по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то“. Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ:—Когда министръ, — говоритъ, — самъ сказалъ, чтобы я поискалъ средствъ помочь себѣ— хорошо,—говоритъ.—я,—говоритъ,—найду средства. — Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куда именно привезли—ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копѣйкинъ — неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, не кто другой, какъ нашъ капитанъ Копѣйкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ нѣкоторымъ образомъ банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны: все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь—копѣйка, забубенъ все такой, хоть трава не расти — словомъ, сударь мой, у него просто армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено на одно только казенное. Если проѣзжающій по какой-нибудь свой надобности—ну, спросятъ только: — зачѣмъ? — да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-нибудь фуражъ казенный; провіантъ или деньги — словомъ, все, что носитъ, такъ сказать, имя казны—спуска никакого. Ну, можете себѣ представить, казенный кашъ опустошается ужасно. Услышитъ ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный оброкъ,—онъ ужъ тамъ. Тотъ же часъ требуетъ къ себѣ старосту: — подавай, братъ, казенные оброки и подати. — Ну, мужикъ видитъ: этакой безногій чортъ, на воротникѣ-то у него, понимаете, жаръ-птица, красное сукно — пахнетъ, чортъ возьми, оплеухой. — На, батюшка, вотъ тебѣ, отвяжись только. — Думаетъ: „ужъ вѣрно какой-нибудь капитанъ-исправникъ; а, можетъ, еще и хуже“. Только, сударь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ же крестьянамъ пишетъ расписку, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, оправдать ихъ: что деньги точно, молъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, а принялъ вотъ такой-то капитанъ Копѣйкинъ; еще даже и печать свою приложитъ—словомъ, сударь мой, грабитъ, да и полно. Посыланы были нѣсколько разъ команды изловить его, но Копѣйкинъ мой и въ усъ не дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались такіе... Но наконецъ, можетъ быть, испугавшись, самъ видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ не на шутку и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ деньжонокъ у него набрался капиталецъ порядочный, онъ, сударь мой, за границу, и за границу-то, сударь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты. И пишетъ оттуда, сударь мой, письмо къ государю краснорѣчивѣйшее, какъ только можете вообразить. Въ древности Платоны и Демосѳены какіе-нибудь — все это, можно сказать, тряпка, дьячокъ въ сравненіи съ нимъ.—Не подумай, государь,—говоритъ,—чтобъ я того и того...—Круглоту періодовъ запустилъ такую...—Необходимость,—говоритъ,—была причиною моего поступка; проливалъ кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не наказуй,—говоритъ,—моихъ сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мною, а окажи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, то-есть, если тамъ попадутся раненые, такъ чтобы примѣромъ за ними этакое, можете себѣ представить, смотрѣніе... — словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, государь, понимаете, былъ тронутъ. Дѣйствительно его монаршему сердцу было прискорбно: хотя онъ, точно, былъ преступникъ и достоинъ въ нѣкоторомъ родѣ, смертельнаго наказанія, но, видя, такъ сказать, какъ можетъ невинный иногда произойти — подобное упущеніе, да и невозможно, впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было можно вдругъ устроить, одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ,—словомъ, сударь мой, государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе: повелѣлъ остановить преслѣдованіе виновныхъ, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то-есть, раненыхъ — и вотъ, сударь мой, это была, такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненыхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англіи, ни въ разныхъ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ не имѣется. Такъ вотъ кто, сударь мой, этотъ капитанъ Копѣйкинъ. Теперь я полагаю, вотъ что: въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сомнѣнья, прожилъ, да вотъ и воротился къ намъ, чтобы еще какъ-нибудь попробовать, не удастся ли, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, новое предпріятіе.

(Писано въ августѣ 1841 г).

В) Редакція, зачеркнутая цензоромъ.

— Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь

ты мой, — такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, этакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ, говоритъ: — Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я, — можете представить себѣ, — самъ едва достаю хлѣбъ. — Вотъ мой Капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы просить государя, не будетъ ли какой монаршей милости: „что вотъ-де, такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь“... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными, словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ; этакой какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копѣйкинъ и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ — свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми! или тамъ этакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ этакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ этакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія — словомъ, Семирамида, сударь, да и полно! Поначалу было толкался нанять квартиры, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія цѣликомъ: ногой, такъ сказать, попираешь капиталы. Ну, просто, то-есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюхъ. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ, за рубль въ сутки: обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины. Видитъ, заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. Говорятъ, есть, въ нѣкоторомъ родѣ, высшая комиссія, правленье, понимаете, этакое, и начальникомъ генералъ-аншефъ такой-то. А государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ Парижа, все было за границей. Копѣйкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ лѣвой рукой бороду, — потому что платить цырюльнику — это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, — натащилъ на себя мундиришка и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику, къ вельможѣ. Разспросилъ квартиру. — Вонъ, — говорятъ, указавъ ему домъ на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженныя зеркала, такъ что вазы и все, что тамъ ни есть въ комнатахъ, кажутся какъ бы въ-наружѣ: могъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, достать съ улицы рукой; драгоцѣнные мраморы на стѣнахъ, металлическія галантереи, какая-нибудь ручка у дверей, такъ что нужно, знаете, забѣжать напередъ въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее — словомъ: лаки на всемъ такіе — въ нѣкоторомъ родѣ, ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ, вызолоченная булава, графская физіогномія, какъ откормленный жирный монсъ какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство!.. Копѣйкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ, пришелъ еще въ такое время, когда генералъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ-быть, подноситъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній этакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ, наконецъ, адъютантъ, или тамъ другой дежурный чиновникъ. — Генералъ, — говоритъ, — сейчасъ выйдетъ въ пріемную. — А въ пріемной ужъ народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что нашъ братъ холопъ, все четвертаго или пятаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстый макаронъ блеститъ на эполетѣ — генералитетъ, словомъ, такой. Вдругъ въ комнатѣ, понимаете, пронеслась чуть замѣтная суета, какъ эѳиръ какой-нибудь тонкій. Раздалось тамъ и тамъ: — шу, шу, — и, наконецъ, тишина настала страшная. Вельможа входитъ. Ну... можете представить себѣ: государственный человѣкъ! Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ высокимъ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Все, что ни было въ передней, разумѣется, въ ту же минуту въ струнку, ожидаетъ, дрожитъ, ждетъ рѣшенья, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Министръ или вельможа подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло“? Нако-

нецъ, сударь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ, собравшись съ духомъ: — Такъ и такъ, ваше превосходительство: проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить монаршей милости. — Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ и правый рукавъ пустой пристегнуть къ мундиру: — Хорошо, — говоритъ, — понавѣдайтесь на-дняхъ.— Копѣйкинъ мой выходитъ чуть не въ восторгѣ: одно то, что удостоился аудіенціи, такъ сказать, съ первостатейнымъ вельможею; а другое то, что вотъ теперь, наконецъ, рѣшится, въ нѣкоторомъ родѣ, насчетъ пенсіона. Въ духѣ, понимаете, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару. Зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой, въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку спросилъ съ разными финтерлеями; спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ, понимаете, кутнулъ. На тротуарѣ, видитъ, идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, этакой. Мой Копѣйкинъ, кровь-то, знаете, разыгралась въ немъ, побѣжалъ было за ней на своей деревяшкѣ, трюхъ, трюхъ, слѣдомъ — „да нѣтъ“, подумалъ, „пусть послѣ, когда получу пенсіонъ, теперь ужъ я что-то расходился слишкомъ“. Вотъ, сударь мой, какихъ-нибудь черезъ три-четыре дня является Копѣйкинъ мой снова къ министру, дождался выхода. — Такъ и такъ, — говоритъ, — пришелъ, — говоритъ, — услышать приказъ вашего высокопревосходительства по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... — и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Вельможа, можете вообразить, тотчасъ его узналъ: — А, — говоритъ, — хорошо, — говоритъ, — на этотъ разъ ничего не могу сказать вамъ болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя; тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать. — Поклонъ, понимаете, и — прощайте. Копѣйкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи самомъ неопредѣленномъ. Онъ-то уже думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ деньги: „На, тебѣ, голубчикъ, пей да веселись“, а вмѣсто того ему приказано ждать, да и время не назначено. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, понимаете, котораго поваръ облилъ водой: и хвостъ у него между ногъ, и уши повѣсилъ. „Ну, нѣтъ“, думаетъ себѣ: „пойду въ другой разъ, объясню, что послѣдній кусокъ доѣдаю — не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода. — Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой, опять на Дворцовую набережную, говорятъ: — Нельзя, не принимаетъ, приходите завтра.—На другой день — тоже; а швейцаръ на него, просто, и смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него изъ синюхъ-то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То, бывало, ѣдалъ щи, говядины кусокъ; а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша, словомъ — голодаетъ бѣднягa, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо этакого какого-нибудь ресторана — поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ этакой съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный снѣгамъ, работаетъ тамъ фензервъ какой-нибудь, котлетки съ трюфелями, словомъ — разсупе-деликасетъ такой, что, просто, себя, то-есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки — по пяти рублей штучка, арбузъ — громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, т къ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей, словомъ — на всякомъ шагу соблазнъ такой — слюнки текутъ, а онъ слышитъ, между тѣмъ, все: „завтра“. Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ, съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой-то ему подносятъ все одно и то же блюдо: „завтра“. Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, невтерпежъ, рѣшился во что бы ни стало пролѣзть штурмомъ, понимаете. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяшкой въ пріемную. Вельможа, по обыкновенію, выходитъ: — Зачѣмъ вы? Зачѣмъ вы? — А! — говоритъ, увидѣвши Копѣйкина: — вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія.— „Помилуйте ваше высокопревосходительство, не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба...“—Что-жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать: старайтесь покамѣстъ помочь себѣ сами, ищите сами средствъ.—„Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги“.—Но, — говоритъ сановникъ, — согласитесь: я не могу васъ содержать, въ нѣкоторомъ родѣ, на свой счетъ; у меня много раненыхъ, всѣ они имѣютъ равное право... Вооружитесь терпѣніемъ. Пріѣдетъ государь, я могу вамъ дать честное слово, что его монаршая милость васъ не оставитъ. — „Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать“, говоритъ Копѣйкинъ, и говоритъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, грубо. Вельможѣ, понимаете, сдѣлалось уже досадно. Въ самомъ дѣлѣ: тутъ со всѣхъ сторонъ генералы ожидаютъ рѣшеній, приказаній; дѣла, такъ сказать, важныя, государственныя,

требующія самоскорѣйшаго исполненія, — минута упущенія можетъ быть важна, — а тутъ еще привязался сбоку неотвязчивый чортъ. — Извините, — говоритъ, — мнѣ некогда... меня ждутъ дѣла важнѣе вашихъ. — Напоминаетъ способомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, тонкимъ, что пора, наконецъ, и выйти. А мой Копѣйкинъ, — голодъ-то, знаете, пришпорилъ его: „Какъ хотите, ваше высокопревосходительство“, говоритъ, „не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите резолюцію“. Ну... можете представить: отвѣчать такимъ образомъ вельможѣ, которому стбитъ только слово, такъ вотъ ужъ и полетѣлъ вверхъ тарашки, такъ что и чортъ тебя не отыщетъ... Тутъ если нашему брату скажетъ чиновникъ, однимъ чиномъ поменьше, подобное, такъ ужъ и грубость. Ну, а тамъ размѣръ то, размѣръ-каковъ: генералъ-аншефъ и какой-нибудь капитанъ Копѣйкинъ! 90 рублей и нуль! Генералъ, понимаете, больше ничего, какъ только взглянулъ, а взглядъ — огнестрѣльное оружіе: души ужъ нѣтъ—ужъ она ушла въ пятки. А мой Копѣйкинъ, можете вообразить, ни съ мѣста, стоитъ, какъ вкопанный. — Что же вы? — говоритъ генералъ и принялъ его, какъ говорится, въ лопатки. Впрочемъ, сказать правду, обошелся онъ еще довольно милостиво: иной бы пугнулъ такъ, что дня три вертѣлась бы послѣ того улица вверхъ ногами, а онъ сказалъ только: — Хорошо, — говоритъ, — если вамъ здѣсь дорого жить и вы не можете въ столицѣ покойно ожидать рѣшенія вашей участи, такъ я васъ вышлю на казенный счетъ. Позвать фельдъ-егеря! препроводить его на мѣсто жительства! — А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, — словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его, раба Божія, схватили, сударь мой, да въ телѣжку, съ фельдъ-егеремъ. „Ну“, Копѣйкинъ думаетъ, „по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то“. Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Когда генералъ говоритъ, чтобы я поискалъ самъ средствъ помочь себѣ, — хорошо“, говоритъ, „я“, говоритъ, „найду средства!“ Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куда именно привезли—ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить, завязка романа. Итакъ, куда дѣлся Копѣйкинъ — неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, не кто другой...

Приготовл. къ печати въ Ноябрѣ 1841 г

---

5) СТРАНИЦЫ, ПЕРЕДѢЛАННЫЯ ГОГОЛЕМЪ ПОСЛѢ ИЗДАНІЯ ПЕРВАГО ТОМА „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“

1. Отрывки изъ седьмой главы.

Проснувшись, Чичиковъ и не вспомнилъ о помѣщикахъ. У него вылетѣли изъ головы всѣ эти странные образы, которые постепеннымъ появленьемъ, можетъ быть, навели грусть на читателя. Въ головѣ его [ворочались] мужики, то-есть тѣ самыя фантастическія души, которыя онъ пріобрѣлъ. Онъ такъ былъ доволенъ пріобрѣтеньемъ, что отхваталъ по всей комнатѣ какой-то танецъ изъ мазурки и трепака на цыганскій образецъ (съ пришлепкой себя самого), весьма ловко пришлепывая себя самого пяткой собственной своей ноги. Скоро, однакожъ, почувствовалъ онъ, что дѣлаетъ дурачество, неприличное человѣку среднихъ лѣтъ; надѣлъ тотъ же часъ халатъ, узорчатые сафьянные сапоги изъ множества кусочковъ всѣхъ цвѣтовъ, которыми снабжаетъ городъ Торжокъ всю Русь; вынулъ изъ шкатулки списки всѣхъ пріобрѣтенныхъ мужиковъ, купчія, — словомъ отработалъ всю канцелярскую часть, которую онъ зналъ и [...], чтобы поменьше платить въ судѣ. Ему хотѣлось, не откладывая, все кончить на тотъ [же день]: совершить, занести, внести и потомъ вспрыснуть всю продѣлку шипучимъ подъ серебряной головой, безъ которой Ѳемида не обходится. Но какъ разложилъ онъ передъ собою списки, какъ сталъ разсматрив(ать) весь этотъ народъ, который готовилъ укрѣпить за собой навсегда крѣпостями, чувство странное имъ овладѣло. Ему показалось на мигъ, какъ бы этотъ народъ дѣйствительно, къ довершенью очарованья, на спискѣ, сдѣланномъ Собакевичемъ

. . . . . .

Половой поднесъ ему чай, [весь] изворот(ясь) съ подносомъ, подъ самымъ его носомъ [звеня] чашками. Чичиковъ сталъ пить чай надлежащимъ образомъ, какъ пьютъ по утрамъ: съ кренделям(и) и сливками, а все думалъ о крѣпо(стныхъ) мужик(ахъ). Сталъ потомъ бриться, но и подпирая языкомъ [лѣвую] щеку, все думалъ о крѣпостныхъ мужикахъ...

Но не мѣшаетъ увѣдоми(ть) читателя, что это размечтался не Чичиковъ. Сюда нѣсколько впутался самъ (авторъ) и, какъ весьма часто случается, вовсе не кстати. Чичиковъ, напротивъ, думалъ вотъ что: „Ну что, если бы эти мужики

были, точно, живы. Бездѣлица! тогда можно навсегда остаться въ деревнѣ. При тысячѣ душъ мож(но) получить тысячъ двадцать доходу, — впрочемъ, какова губернія иногда! Можно усовершенствовать, завести мануфактурность. Можно получать и до пятидесяти... быть въ почтеньи у всего дворянства, пустить его въ потомственное владѣнье, въ майоратъ, назвать его Павлушкино, Чичиково тожъ, — или же можно даже и такъ поступить: землю, по продажѣ душъ всѣхъ, заложить въ ломбардъ, а потомъ все имѣнье пожертвовать на заведенье кадетскаго корпуса и за великодушный поступокъ получить генеральскій чинъ!" Отъ честолюбивыхъ покушеній онъ, впрочемъ, тутъ же отказался, спохватясь, что души были мертвыя и что пора было отправляться въ судъ. Иначе дѣло могло и не кончиться въ тотъ [же день], ибо [власти] губерн(скаго) города NN соразмѣряли время сидѣнія съ требованіями желудка, который варилъ у всѣхъ скоро, хорошо. Бумаги были собраны, и туда же, въ карманъ, былъ засунутъ бумажникъ... Набросилъ шинель на медвѣд(яхъ), не затѣмъ, чтобы на дворѣ было холодно, но чтобы внушить страхъ канцелярской мелюзгѣ. Едва только вышелъ онъ на улицу, какъ вдругъ на встрѣчу человѣкъ, тоже въ медвѣдяхъ, картузъ съ ушами и назадъ откинутъ затыльникъ, какъ у [женщинъ], деликатныя перчатки на рукахъ и улыбка на устахъ. Улыбка раздвигалась болѣе, лицо засвѣтилось, глаза исчезнули [вовсе]; (раздалось) восклицанье: „Павелъ Ивановичъ!" Это былъ Маниловъ. Оба пріятеля такъ крѣпко поцѣловались, что у обоихъ болѣли весь (день) передніе зубы.

. . . . . .

Въ это время, когда происходила наша исторія, лакирова(нныхъ) столовъ и паркетовъ еще не было въ присутстві(яхъ): Ѳемида принимала гостей запросто, на распашку, чуть не въ халатѣ. Въ коридорахъ воняло сторожами, у которыхъ рубахи мылись три раза въ годъ. Во внутреннихъ чертогахъ было мало чѣмъ лучше. Стѣны приняли темноватый видъ — снизу отъ спинъ канцелярскихъ чиновник(овъ), сверху отъ паутины, отъ пыли. Бумаги безъ коробокъ: въ связкахъ одна на другой, какъ дрова; [....] служила только ширмой, куда заглядывалъ (чиновникъ), чтобы на себѣ что-нибудь поправить, если развязалось; вмѣсто чернильницъ иногда торчало дно разбитой бутылки. У иныхъ чиновниковъ даже и табакерокъ не было — табакъ держался просто въ бумажкѣ и засовывался куда-то подъ-мышку. Взгляды у всѣхъ какіе-то косые. Поджарыхъ было немного. Всѣ были большею частью изъ семинаріи. народъ дюжій, точно Бруты (?) римскихъ временъ, и у иного была такая губа, что можно изъ нея выкроить шесть нынѣшнихъ губъ. Обхожденіе было простое, прежнихъ временъ; слово „изволили" не употреблялось; сотоварищъ сотоварищу говорилъ: „куда ты [затащилъ"...], а —чортъ ее (знаетъ!) — отвѣчалъ товарищъ. Голосъ начальника тоже раздавался сурово:—Вотъ я прикажу съ тебя сапоги снять!—Маниловъ, какъ человѣкъ деликатный и военный, оскорб(ился), а Чичиковъ, какъ человѣкъ штатскій, и не дивил(ся)... и достигнули залы присутствія, гдѣ было, по крайней мѣрѣ, простор(нѣе): столъ, на немъ зерцало. Въ креслахъ предсѣдатель съ доброй и простой наружностью и возлѣ него плутъ Собакевичъ, совершенно закрывшись зерцаломъ.

. . . . . .

Потомъ засѣли въ вистъ. Играли, играли. Потомъ приняли(сь) за пуншъ, потомъ опять за вистъ. Потомъ вновь пили, потомъ вновь играли. Пили, пили, пили; играли, играли, играли. Давно и пѣтухи прокри(чали) и рынокъ отошелъ, нищіе и салопницы возвращались отъ ранней обѣдни; народъ успѣлъ вновь опохмѣлиться въ кабакахъ. Низшіе чины [испивали] по мосту кругомъ и награждали [носы] паями березинскаго табака. А они все игра(ли). Еле-еле (около) осьми часовъ кончилось дѣло, и кучера развезли ихъ по домамъ...

2. Отрывки изъ восьмой главы.

Дамы находили, что Чичиковъ, какъ слѣдуетъ,—точно въ немъ была какая-то середина. (Въ немъ было) что-то и военное и штатское. Временами подлеталъ какъ-то этакъ, ловко подшаркнувши ножкой, встряхивался, какъ военный, или, по крайней (мѣрѣ), такой человѣкъ, у котораго чувству(ется), что у него стройн(ыя) ноги и штаны со штрипками. Временами же пріятнымъ наклоненьемъ голов(ы) на бокъ и мягкостью рѣчей подобился онъ штатскому хорошо воспитанному человѣку. Предметы разговоровъ его больше изъ 18 столѣтія, но образъ выраженія... нѣсколько къ 19 столѣтію; выходило попури, которое губернскимъ (дамамъ), особенно замужнимъ, очень нравилось. Притомъ надобно сказать, что ни заносчивости, ни насмѣшливости не было совсѣмъ въ рѣчахъ: онѣ были совершенно безобидны и не могли [никакъ] поссорить... Извѣстно, что мужчинѣ придаетъ больше бодрости ободрительный отзывъ дамъ насчетъ красоты. Это возводитъ въ такое свѣтлое настроеніе духъ, что онъ дѣйствительно дѣлается красавцемъ; какъ извѣстно, утка турухтанъ, когда приходитъ время любви, расцвѣтаетъ вдругъ такими яркими цвѣтами, как(ихъ) прежде не был(о). Мина у Чичикова сдѣлалась гораздо пріят(нѣе), чѣмъ прежде, обороты

и повороты развязнѣе и самые воротнички рубашки какъ-то бѣлѣе [на немъ] и тщательнѣе прилегали къ щекамъ. Явилась новая цѣпочка. Онъ сталъ соблазнителенъ.

„Кто что ни говори! а балы хорошая вещь!“ думалъ Чичик(овъ). “Холодъ ли, неурожай, или какой иной случай, отъ которыхъ..., а какъ соберешься вмѣстѣ, позабудешь обо [всемъ]. Всѣмъ есть что-нибудь: танцы для молодыхъ, карты для почтенныхъ людей. Можно и на танцующихъ поглядѣть, и въ вистъ наиграться, и много значитъ этакъ общество, толпа. Все это веселит(ся), пестр(о). Притомъ и ужинъ: губернаторскій новаръ, я думаю, глядѣл(ъ). Будетъ майонезъ съ рябчиками. Можетъ быть, еще холодныхъ двѣ осетринки (свѣжей) съ трюфелями, каперсами, кореньями и травкой и мелкой [крошкой] (?); потомъ зальемъ шипучкой, выстоявшейся на льду! Чортъ возьми, какъ въ жизни много есть всего! Люблю пріятное, безобидное общество!...“

Всѣ жуки онъ хотѣлъ подобрать къ мотылькамъ. Продвинувшись сквозь эту черную тучу враговъ, онъ увидѣлъ передъ собой покой, (такъ) сверкающій изъ мотылькъ(овъ) всѣхъ цвѣтовъ, что на время прижмури(лъ) глаза отъ этого блеска,— почти какъ рисуютъ иногда на вывѣскахъ рогъ изобилія, изъ котораго сыплются и башмаки, и подвязки, и конфекты, и драгоцѣнн(ые) ка(мни). Точно то же было и здѣсь. Въ то время мотыльки въ губер(ніи) не разнуздались, какъ въ нынѣшнее разнузданное время, и только во время танцевъ мѣшались съ жуками. Отработавши дѣло ногами, каждый полъ отходилъ на свою сторону, и дамы всѣ строемъ лѣпили(сь) у одной стѣны. Къ нимъ подходи(лъ) только изрѣдка какой-нибудь служившій по особеннымъ порученьямъ мужчина, блиставшій благообразность(ю) лица, и ловкій, [рѣзвый] кавалеристъ, сіявшій побѣдоносны(ми) эполетами, и то къ такой только, которая уже очень хорошо говоритъ по-французски. Прочее все перешептывалось между собою и даже конфузилось, если приступалъ какой-нибудь жукъ. Жукъ тоже приступалъ не прежде, какъ, сочинивши и заготов(ивши) впередъ фразу, которая бросала въ потъ бѣдную неприготовленную даму: *отвѣта никакъ нельзя сочинить впередъ*, и потому все почти краснѣло и потѣло, имѣя надобность безпрерывную прохлаждаться мороженымии лимонадами. Которыя были поблагоразумнѣе, тѣ положили себѣ впередъ не отвѣчать ничего, а забира(ть) только усердно конфекты къ себѣ въ ридикюли.

Чичиковъ раскланялся [самымъ] ловкимъ образомъ: близко къ тому, какъ раскланивается пріѣхавшій изъ Петербурга чиновникъ. Обмѣнявшись привѣтствіями съ хозяйкой, (Чичиковъ) обрати(лся) къ дамамъ, сидѣвшимъ впереди. Предсѣдательша, почтмей(стерша) и даже прокурорша съ нимъ заговорили, а прочія молча обратили глаза. Онъ думалъ, какъ бы узнать, которая изъ (нихъ) была сочинительница. Трудно: глаза у всѣхъ такъ были выразительны! При этомъ ему открылось также множество круглыхъ плечей и полненькихъ рукъ (на многихъ изъ нихъ даже лопнули длинныя перчатки), что почти невозможно было смотрѣть собственно въ одни глаза. А глаза всѣхъ были, точно, загадочны. Онъ оглянулъ еще разъ весь цвѣтникъ. Кажется, значительнѣе всѣхъ глядѣли предсѣдат(ельша), почтмейстерша и даже прокурорша, а впрочемъ, Богъ вѣстъ. Пахнетъ сильно резедой, фіалками и даже гвоздикой. Чичиковъ, поворотивъ, отправился было къ жукамъ, чтобы засѣсть за вистъ, какъ вдругъ передъ нимъ губернаторша и съ ней стройная дѣвица, лѣтъ шестнадцати, стройная, какъ молодой тростникъ. —Павелъ Ивановичъ!—сказала губернаторша съ пріятнымъ потряхиваньемъ головы.—Вотъ вамъ моя дочь, только-что изъ института и въ первый (разъ) является въ свѣтъ; прошу принять благосклон(но).—Чичиковъ, разумѣется, уже хотѣлъ подшаркнуть ножкой и отпустить ей самое поощритель(ное) и ласковое привѣтств(іе); но, взглянувши ей въ лицо, вдругъ остановился: предъ нимъ стояла та самая [дѣвчонка]. Опять то же странное чувство... Матовое бѣлое платьице, тончайшее воздуха, обнимало одинъ ея станъ; руки же, грудь, не взволнованныя ни одни(мъ) вздохомъ, и голубиная шейка, которую обнимало простое тюлевое бѣлое ожерелье,—все было открыто и соста(вляло) что-то единое съ платьемъ. Онъ (оторопѣлъ и позабылъ все и остался) нѣсколько минутъ совершенно неподвиженъ. Было ли это чувство любви? Кажется, онъ до сихъ поръ насчетъ любви былъ не очень податливъ. Имѣлъ, по мѣрѣ надобности, обращеніе съ женщиною, но влюбиться не влюблял(ся). Было что-то разъ, когда-то, въ давней юности, что-то въ родѣ мгновен(ной) встрѣчи съ какой-то крѣпостной служанкой; но влюблять(ся) онъ не влюблял(ся): это была игра лѣтъ, молодой крови. Но теперь онъ коллежскій совѣтникъ. Ему почти за сорокъ. Два раза онъ уже наживался, два раза [прожи-вался]... два раза былъ подъ судомъ, два раза „пострадал(ъ) за правду“; испытано и узнано имъ почти все. Все подвергалъ онъ благоразум(ному)... Что жъ это такое? Почему же онъ сталъ впервые истуканомъ? Или есть что-(то) въ чистомъ, ясномъ дѣвичествѣ еще не развившейся женщины, что-то такое, что, мимо ума, мимо искусства, мимо всѣхъ качествъ, дѣйствуетъ на всѣхъ, даже (на) инвалидовъ, вооруженныхъ холодомъ безстрастія.., и которыхъ никакая штука не своро-

тить и не расшевелить. И больше всего обворожительна та, которая не знаетъ, что она обворожительна, и сокрушительнѣй всѣхъ красавицъ та, которая еще не знаетъ, что она красавица. Что бы то ни было, но герой нашъ почти такъ же былъ пораженъ, какъ юноша.

Онъ видѣлъ, что ее умчалъ кавалерійскій франтъ, перет(янутый), какъ оса, съ усиками, съ тонкими, золотыми лепешками на плечахъ и рядомъ пуговицъ на круто выгнутой (груди)... и [небрежно] прочесанными волосами. Онъ видѣлъ, какъ она, чуть упираясь атласнымъ башмачкомъ, летала, и бѣлый пухъ ея эоирной одежды леталъ вокругъ, какъ бы кружилась она въ какомъ-то тонкомъ облакѣ, показывая всю себя, какъ выточенную игрушку, въ которой ни малѣйш(аго) недостатка. Во всемъ тѣлѣ—ножка, ручка, шея, всяка(я) кость, съ такой соразмѣрностью одн(а) къ другой и ко всему тѣлу, что, казалось, ея фигурка чуть не пѣла отъ согласной стройности. Гармонія летала въ виду всѣхъ. Всѣ женщины (сдѣлались передъ ней вдругъ какія-то) коровницы. Взглянулъ онъ нечаянно на другихъ женщи(нъ)...

На мѣсто ногъ и рукъ повсюду оказались пожищи, ручищи, плечища; [корсеты] у однѣхъ дамъ стали толстыя, выгнутыя безъ толку круто, подушки, у другихъ—неуклюжія доски, и почтмейстеръ понялъ это. Даже всѣ—и старые и толстые чиновники остановили глаза глядѣть, — не только почтмейстеръ, которы(й) былъ волокита, но делик(атный) прокуроръ пришелъ [поглядѣть] и моргалъ только бровью. Даже многіе женатые и почтенны(е) люди, которые были доселѣ увѣрены, что красивѣй ихъ женъ ничего не можетъ быть на свѣтѣ, стали находить, что жены ихъ какъ-то не такъ сложены хорошо, какъ слѣдуетъ. Съ (ея) появленіемъ женщина(мъ) еще болѣе стало замѣтно бревно въ глазу. И рѣдкая не сказала: „какіе у насъ уроды въ губерніи!“—себя, разумѣется, выключила. Всякой показалось, что только (у) одной губернаторской дочки да у нея порядочныя руки и ноги, а у всѣхъ ручищи... Точно какъ будто бы (она) разомъ пролетѣла по залу, чтобы всѣ почувствовали, что̀ такое стройность и кра(сота)...

Черезъ нѣсколько минутъ, однакожъ, чувство зависти стало входить въ серд(ца) всѣхъ, особенно когда увидали [именно], что все молодое, военное, что̀ ни было лучшаго, поворотилось къ шестнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, и весь дамскій цвѣтникъ остался безъ всякаго нюханья. Почтмейстерша показала необыкновенное искусство въ танцахъ и, наклонивъ голову на бокъ, стар(алась) выразить [каплю] неземного чувства, но никто этого не замѣча(лъ). Всякъ, кто былъ получше, танцовалъ съ своей дамой, точно съ подуш(кой), и глазами, какъ подсолнечникъ къ солнцу, обращался къ той сторонѣ, гдѣ танцовала та, которая даже и не думала о томъ, что она хорошо танцуетъ, и кружилась такъ потому, что [ей было] пріятно кружиться, [какъ стрекозѣ поверхъ воды]. Онъ поскорѣй тотъ же часъ занялъ стулъ и помѣстил(ся) около нея. Но странное дѣло! не могъ завязать разговора; говорилъ много, но какъ-то не попалъ въ настоящую ноту: или выше, или ниже. Снача(ла) заговорилъ было о томъ, что Россія очень большое государство, что даже больше древней Римской имперіи; но, замѣтивши, что (дѣвчонка) начинаетъ зѣвать, спустился на такой разговоръ, который годенъ для тѣхъ, которыя, только начали играть въ куклы. Извѣстно, что человѣкъ среднихъ лѣтъ и умѣющій занимать съ пріятностью дамъ не находится, что̀ говорить съ дѣвицами. „Что это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто сталъ дуракова̀ть!“ подумалъ Чичиковъ: „съ дамами могу говорить, даже съ пріятностью, и [далеко] не схожу въ карманъ [за словомъ], а теперь вотъ и голову ломаю и обдумываю, а что-то выходитъ похожее на глупость“. Онъ не зналъ, что люди благонамѣренныхъ лѣтъ и благоразумнаго возраста не всегда бываютъ годны на разговоры съ дѣвицами и что на этомъ полѣ берутъ люди безумныхъ лѣтъ и безтолковаго образа мыслей.

Дамы на Чичикова разсердились. Надулась предсѣдательш(а), почтмейстерша и даже прокурорша. Онъ взглянулъ на (весь) цвѣтникъ: весь цвѣтникъ глядитъ на ихъ обо(ихъ), но уже въ глазахъ что-то похожее на негодованіе и нерасположеніе. „Вотъ еще Боже сохрани!“ подумалъ со страхомъ Чичиковъ: „еще разсердятся, пожалуй. Это будетъ очень непріятно! Я, точно, въ [разсѣянности] поступилъ совсѣмъ неучтиво. Вотъ что̀ значитъ на одинъ мигъ только увлечься и всѣ первѣйшія обязанности человѣка, отношенія—все позаб(удешь). Дѣйствительно, на меня сердиты,—это я вижу“... Только-что онъ сказалъ себѣ эти слова, какъ вдругъ видитъ — навстрѣчу валитъ къ нему Ноздревъ. Сердце его [точно] предчувствовало, что не быть добру. Онъ хотѣлъ было [ускользнуть], но тутъ уже увид(алъ)...

Въ этотъ вечеръ всѣ дамскія приготовл(енія), всѣ вкусы, тонкія умѣнья одѣваться, все [встряхнуто] было на воздухъ; всѣ обдуманны(я) фразы, духи, помада, фіалка, гвоздика, резеда—всѣ пахнул(и) даромъ. Въ выигрышѣ остались однѣ только тѣ дамы, которыя, не думая ни о чемъ, набивали себѣ конфектами ридикюли. Стало-быть, въ этотъ вечеръ больше обыкновен(наго) отъ досады у многихъ первоклассныхъ дамъ пропалъ а(ппетитъ)...

3. Отрывокъ изъ конца восьмой главы.

... „Выдумали балы! Чортъ бы ихъ побралъ (и) тѣхъ, кто выдумалъ. На три часа сойдутся вмѣстѣ, а на три года пойдетъ потомъ сплетней. Никто [потомъ] дѣла не дѣлае(тъ), во всемъ... мужъ дуракъ въ присутствіи только [горюетъ](?) . . . . . или дуетъ въ карты до пѣтуховъ, а баба дура зѣваетъ передъ окномъ [весь день]. Ну, шила бы рубахи! по крайней мѣрѣ ткала бы ковры! Все бы не пришла дурь въ голову! Натуральн(о) отъ бездѣлья придутъ въ голову балы! Чортъ побери!“ Такъ думалъ Чичиковъ (говоря съ сердцовъ), точно какъ бы (и) самъ никогда не игралъ до пѣтуховъ.

„Балы! балы!.. Сколько на платье да тряпки денегъ усадятъ! Сколько мужъ ни дѣлаетъ каналь(ства), бездѣльства и мерзостей, изъ-за того, чтобъ женѣ достать денегъ на нарядъ, а жена рядится затѣмъ, чтобы мужу же поставить рога!.. Балы!.. Чортъ побери, такъ перепутались всѣ, что не знаешь теперь, кто съ кѣмъ и живетъ... Все стало родня! Балы!.. Подумаешь, человѣкъ разумное животное, и этакъ проводитъ время! Одѣнется, какъ прилично взрослому человѣку, а ногою дрыгъ, дрыгъ! (Видно, что вессльчакъ!) Народъ, по крайней мѣрѣ, если веселится, то вскрикиваетъ и присѣдаетъ. Видно, что веселится! А здѣсь (точно идетъ въ присутствіе), выступ(аетъ) мелочно. Дуракъ!—глядитъ сова-совою, а ногою дрягъ, точно какъ будто блохи кусаютъ его за ногу! Говорятъ другъ съ другомъ о сурьезномъ, а ногою—дрягъ, дрягъ!.. Развѣ это веселость!.. Балы!.. На мѣсто, чтобъ сидѣть по деревня(мъ), (заботиться о крестьянахъ), объ обработыван(іи) земли, разводить лѣсъ для (внуковъ), садъ воспитывать, крестьянъ учить, поучать народъ — они вонъ соберутся всѣ въ городѣ!.. Балы! Въ губерніи голодъ, а они—балы! Вѣдь имѣнья небось вѣдь (sic) или закладываетъ, или продаетъ! (Всякъ лѣзетъ въ чиновники, чтобы насчетъ всѣхъ жить, а не на свой, чтобы кутить да пьянствовать!“ Такъ говорилъ Чичиковъ, какъ будто самъ былъ вовсе не охотникъ кутить и какъ будто тоже не хотѣлъ попить на счетъ другихъ).

Такъ бранилъ Чичиковъ съ досады балы.

НОВЫЯ НАЙДЕННЫЯ СТРАНИЦЫ ИЗЪ 2 ЧАСТИ „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

...— Всѣмъ жить на счетъ казны, сдѣлать себѣ доходныя мѣста изъ службы, изъ государства обратить въ богадѣльню (sic), долженствующую ихъ всѣхъ кормить!.. Это устремленье въ ихъ ряды чиновниковъ и правителей,—вѣдь это (жъ, наконецъ, позвольте)!.. разсмотримъ же, кто же тогда останется въ рядахъ управляемыхъ? И станетъ ли средствъ управляемы(мъ) содержать громаду своихъ управляющихъ? Край (лишается) работающихъ рукъ. Земля не воздѣлыва(ется). Россія остается до сихъ поръ въ первоначальномъ пустынномъ видѣ. Нѣтъ, невозможно это — обратиться въ рыбарей и удить рыбу. Слѣдуетъ оставить заботу о частной и личной [жизни] и нужно вспомнить о бѣдной Россіи. Если мы сами не вспомнимъ, если мы сами дружнымъ усиліемъ не подымемъ... то никакія, геніальныя соображенія свыше... ни на какія средства и силы... Нѣтъ, слѣдуетъ обратить вниманіе, откуда всему начало злу... Нѣтъ, слѣдуетъ, наконецъ, не шутя подумать о томъ, какъ повести простую жи(знь), которая... Всѣ видятъ, даже и слѣпые, что взятки изъ желанья жить получше, сколько-нибудь сообр(азно)..., пользоваться всѣми удобствами и просвѣщенными прихотями нынѣшнихъ... Изъ-за этого и кражи, изъ-за этого и всѣ побужденія установить мѣста, будто бы необходимыя, будто обмануть немудрено! [Какіе] были представлены проекты объ установленіи новыхъ мѣстъ и какъ была ощутительно показана ихъ необходимость, что и я ихъ утвердилъ и представилъ на утверж(деніе), я употребилъ во зло довѣріе, и послѣ уже нескоро увидѣлъ, что (sic) обманулъ своего благодѣтеля Государя, и я сталъ обманщикомъ! Сколько этакихъ явленій на всякомъ шагу!..

Нѣтъ нельзя! Нужно положить, наконецъ, это(му) конецъ (sic), нужно бросить этакую жизнь, [кото...] что, наконецъ, съ кражами и взятками не могутъ дойти до того, чтобы исполнить всѣ эти прихо(ти), условія, положенье свѣта. Ради несчастныхъ своихъ дочерей и со взятками и съ кражами вы теперь едва имѣете силы доставить это глупое несчастное воспитаніе, котораго требуют(ъ) условія этой глупой жи(зни), которой никому изъ насъ не хочется бросить. Прежде всего обращаюсь къ богатымъ и состоятельны(мъ). Вамъ слѣдуетъ (показать) примѣръ, Уничтожьте мебели и всѣ прихоти. Заведите прост(о), хоть на нѣкоторое время, покуда не поправятся обстоятельства...—всѣ вы будете въ барышахъ; у васъ денегъ останется столько, что вы мог(ли) (бы) помочь и благотворить,—чего вы теперь, я знаю, не въ состояніи,—ни добраго дѣла не можете сдѣлать, потому что все [пошло на себя]. Что до меня, даю слово не заводить у себя никакого щегольского экипажа и на сам(омъ) парад(номъ) гуля(ньѣ) не буду иначе являться, какъ на извозчикѣ, и жена непадѣн(етъ) другого,

кромѣ самаго обыкновеннаго, и на дочеряхъ моихъ не будетъ никогда платья свыше десяти рублей ассигн(аціями) и будетъ ими носиться до сносу, какія (бы) ни являлись картинки, хотя бы мода выворотила все навыворотъ. А вамъ, Петръ Николаевичъ, поручаю завести клубъ вовсе другого рода, такой, чтобы, всѣмъ можно было войти [въ него], не разорившись. Объ этомъ посовѣтуйтесь съ Муразовымъ. Онъ найдетъ честнаго ресторана (sic). Стыдно въ провинціи, гдѣ припасы продаются на рынокъ за безцѣнокъ[...] обѣды со стола, чтобы не свыше... съ стола рубля ассигнаціями. Я очень знаю, что на эти деньги три, даже четыре блюда изъ свѣж(ей) провизіи, изъ этого, что̀ подъ рукой, безъ выписныхъ приправъ... А француза прошу выгнать вонъ. Это для него еще благодѣянье: если онъ поживетъ, онъ, дуракъ, обанкру(тится). Ему никто долговъ не заплатитъ. Самъ виноватъ—брать десятерную цѣну! Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что ему нужно составить капиталъ, на который можно ему будетъ потомъ хорошо (жить) въ Парижѣ. Онъ можетъ подкупать полицію..., но, какъ начальникъ, я этого не позволю, чтобъ это было насчетъ несчастной невоздержн(ости). Да и вообще прошу васъ употреб(лять) всѣ силы, чтобы дать возможность всѣмъ мастеров(ымъ) производить работы дешевле. Объ этомъ прошу васъ переговорить съ Муразовымъ. Онъ тепе(рь) особенно занятъ классомъ мѣщанъ и ремесленнико(въ), и многихъ уже образовалъ. Я увѣренъ, что если только уничтожить кое-какіе сборы, не позволить сборы, которые платятъ въ полицію, то все будетъ гораздо... Не лучше, если полицейскіе, не дожидая(сь), ограничатъ свои поборы, потому что и къ нимъ теперь взываю, какъ русскимъ (по) сердцу, которымъ, полагаю, таки близка Россія. Жертва потребна общая отъ всѣхъ насъ, а не отъ одного кого-либо. Притомъ цѣны и дороговизна неминуемо д(олжны) упасть, стало быть, содержаніе каждаго станетъ дешевле. Наконецъ, я умоляю прекращать всѣ тяж(бы) между (собою миромъ), не вмѣши(ва)ть правительства (и) не давать пищи ябедѣ, размноженію дѣлъ и вмѣстѣ съ ними новыхъ должностей и нов(ыхъ) чиновниковъ, которые, бѣдные, противъ воли должны быть чужеядными растеніями. Лучше прибѣгать, по старому русскому обычаю, къ простому третейскому суду и, выбравши изъ себя людей, извѣстныхъ честностью и справедливостью, предоставить на ихъ судъ, какъ они рѣшатъ теп(ерь),—тогда во всякомъ случаѣ даже и тотъ, кто проиграетъ, будетъ въ барышахъ, въ сравненіи съ тѣм(ъ), что̀ онъ издержитъ по судамъ и всякимъ мытарс(твамъ), которыя могутъ проволочить его до глубокой старости и отравить на(вѣчно) всю его жизнь. Но я надѣюсь, что судъ будетъ безобиденъ. Если же въ затруднительномъ дѣлѣ,—то я вамъ совѣтую предоставить (дѣло) на судъ человѣка, котораго я не назову, но вы его угадаете,—чья безукоризненная жизнь и дѣятельность, полная добрыхъ подвиговъ, скажетъ самом... Очень можетъ быть, что мы этимъ нечувствит(ельно) достигнемъ до того, до чего нельзя достигнуть никакими мудрѣйшими распоряженіями правительства, то-есть до уничтоженья всѣхъ этихъ временныхъ коммисій и комитетовъ, которые мы вся(кими) происками постарались обратить въ непремѣнные. По крайней мѣрѣ, это долгъ нашъ; мы должны объ (этомъ) всѣ стараться до единаго, какъ сыны земли, какъ преданные и присягнувшіе именемъ Бога служить вѣрно землѣ. Очень можетъ быть, что и теперь, послѣ твердой нашей рѣшимости, уменьшится количество дѣлъ и всякихъ бумажныхъ производствъ. Но тѣмъ не менѣе прошу всѣхъ исполнить въ точности: въ свое время быть въ присутствіи и въ свое время выходить изъ присутствія. Только прошу всѣхъ правителей канцеляріи не заводить этого педантства, этого наружнаго лицемѣрства, то-есть, чтобы каждый *казался* занимающимся дѣломъ. Нѣтъ! достаточно, если онъ присутству(етъ). Нѣтъ, если нѣтъ дѣла, онъ можетъ читать полезную книгу и пусть это будетъ его ученый кабинетъ, пусть хоть здѣсь прочтутс(я) тѣ книги, которыя дѣлаютъ человѣка степеннымъ, разсудительнымъ, приготовляютъ изъ него будущаго государственна(го) мужа и сына земли своей. Съ завтрашня(го) же дня будетъ доставлено отъ меня во всѣ отдѣленія присутствія по экземпляру Библ(іи), по экземпляру русскихъ лѣтописей и три, четыре классика, первыхъ всемірныхъ поэт(овъ), вѣрныхъ лѣтописцевъ своей жизни. Я радъ, что имѣю сдѣлать это пожертвованье отъ себя насчетъ нѣкоторыхъ ограничен(ій). Чувствую, что это важно. Въ послѣднее время головы всѣхъ насъ вывѣтрились отъ это(го) пустого чтенія минутныхъ романовъ [и отъ] водевилей, (которое) извращало на изнанку жизнь, мысли, мнѣнья и понятья. Что̀, право, пора прочесть то, что прежде всего сл(ѣдуетъ). Къ стыду, у насъ, можетъ быть, едва отыщется чело(вѣкъ), который бы прочелъ Библію, тогда какъ эта книга (существуетъ) затѣмъ, чтобы читаться вѣчно,—не въ какомъ-либо религіозномъ отношеніи, нѣтъ!—изъ любопыт(ства), какъ памятникъ народа, всѣхъ превзошедшаго въ мудрости, поэзіи, законодательствѣ, котор(ую) и невѣрующіе, и язычники считаютъ высш(имъ) созданьемъ ума, учителемъ жизни и мудрости. Какъ же намъ требовать еще, чтобы изъ насъ выходили мужи, способные дѣйств(овать) обдуманно и поступать!

какъ удивляются, что безпрестанно выходятъ скороспѣлки, выскочки, непостоянные, легкіе люди, неугомонные коверкатели, опрометчивые нововводители, безсильные владѣтели страстей!..

Нѣтъ, я обращаюсь къ вамъ. Не о себѣ пожалѣемъ, но пожалѣемъ о дѣтяхъ, которыхъ мы, бросивъ въ [чужія] руки... и которыхъ знать не хотимъ, тогда какъ кто лучшимъ бы могъ быть воспитателемъ сына, какъ не отецъ? Да, ничего болѣе, кромѣ только разумное чтеніе съ ними этихъ книгъ, сочиненій, образующихъ уже измлада сильный характеръ, познанье жизни, познанье земли своей. Уже было (бы) въ нѣсколько разъ полезнѣе всей этой истрачиваемой кучи денегъ на учителей съ ра(з)ными взглядами... понятіями, со всѣхъ сторонъ загружающими до того голову, что онъ, наконецъ, не узнаетъ до поздней старости, было ли въ немъ какое-нибудь собственное мнѣ(ніе) или мысль, и готовъ, какъ послушная овца, послѣдов(ать) за первымъ крикуномъ, за первой необдуманной брошюр(ой). И будто бы уже отецъ, который самъ учился и (въ корпусѣ), и въ университ(стѣ), не могъ самъ приготов(ить) своего сына въ заведеніе, когда и программа и (все) напечатано повсюду въ извѣстность... Времени нѣтъ! Но вѣдь для картъ есть у насъ время! Да въ два вечера посреди своей семьи безъ книги можно дать поня(тіе) о всей наукѣ, то-есть все содерж(аніе), въ чемъ она состоитъ и для чего намъ нужна,—словомъ, дать ее почувствовать, такъ что и жена и дочери выслушаютъ, а въ сынѣ возродится жела(нье) и любопытство прочесть и пополнить самому... И ничего собствен(но) кромѣ собственнаго удовольствія и собственнаго на[шего] вразумленья не доставили бы намъ такіе вечера. Нѣтъ, мы... страшнымъ оскорбительнымъ упрекомъ оскорбитъ насъ негодующее потомство и праведный гнѣвъ пора(зитъ), что еще..., играя, какъ игрушкой, святымъ словомъ просвѣщенья, правились швеями, парикма(херами), модами, дерзали поставить выше мужественныхъ (предковъ). . . . . Я это говорю, потому что такъ чувствую и считаю долгомъ сказать вамъ все, что̀ чувству(ю). Въ минуту прощанія, которая все-таки торжественна,—можетъ быть, увидимся, а, можетъ быть, и не увидим(ся),—не слѣдуетъ говорить пустыхъ вещей. Могутъ надъ моимъ словомъ и надо мной посмѣяться, у кого дост(анетъ) духа посмѣяться. Но я знаю, что тѣ, которы(мъ) дорого счастье земли, которые еще русскіе въ глуб(инѣ) и не успѣли вывѣтриться, — тѣ согласятся со многи(мъ) изъ того, что̀ я говорю. Повторяю еще разъ: „я буду о всѣхъ хлопотать и всѣмъ до единаго буду старать(ся) испросить прощеніе“,—стало быть, я имѣю нѣкоторое право потребовать отъ васъ взвѣсить ихъ (?) хорошенько и подумать объ это(мъ).

Писано во второй половинѣ 40-хъ годовъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

I

КОМЕДІИ

Санктпетербургъ. 1836 г.

РЕВИЗОРЪ.

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.
Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.
Жена его.
Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья.
Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.
Петръ Ивановичъ Добчинскій и **Петръ Ивановичъ Бобчинскій** — городскіе помѣщики.
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.
Осипъ, слуга его.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.
Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ, **Иванъ Лазаревичъ Растаковскій**, **Степанъ Ивановичъ Коробкинъ** — отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.
Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.
Свистуновъ, **Пуговицынъ**, **Держиморда** — полицейскіе.
Абдулинъ, купецъ.
Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.
Жена унтеръ-офицера.
Мишка, слуга городничаго.
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мѣщане, просители.

ХАРАКТЕРЫ и КОСТЮМЫ.

Замѣчаніе для господъ актеровъ.

Городничій, уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый, по-своему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но ведетъ себя очень солидно; довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо-развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженые, съ просѣдью.

Анна Андреевна, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная вполовину на романахъ и альбомахъ, вполовину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе пьесы.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій; нѣсколько приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ,— одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и

любитъ себѣ самому читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ барином принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его—сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга; оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немножко выше и серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья, человѣкъ, прочитавшій пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодуменъ. Охотникъ большой на догадки и потому каждому слову своему даетъ вѣсъ. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ, съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ, но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ, простодушный до наивности человѣкъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда почти находятся передъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаньемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ!

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, онюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель“ (*бормочетъ вполголоса, пробѣгая скоро глазами*)... „и увѣдомить тебя“. А! вотъ: „спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки... „(*остановясь*) ну, здѣсь свои...“ то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я... „Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя:“ сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ... “и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій. Зачѣмъ! Такъ ужъ, видно, судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. — Смотрите, по своей части я кое-какія распоряженья сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Артемій Филипповичъ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждой кроватью надписать по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ,—всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бъ ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. О! насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше—лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* и *и нѣсколько на* е.

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите—приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ тотъ же звукъ.*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками: я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ—рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ— все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣ-

лать гримасу, вотъ этакъ (*дѣлаетъ гримасу*), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ-быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что́ можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Что-жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на-дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій. То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что́ съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей-Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что́ силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: — Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу.

Городничій. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ — или пьяница, или рожу такую состроитъ, что́ хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ:—А, вы здѣсь, голубчики! А кто,—скажетъ,—здѣсь судья? „Ляпкинъ-Тяпкинъ“. А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника“.—А подать сюда Землянику!—Вотъ что́ худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Объясните, господа, что́, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, что́? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что́ думаю?—война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій. Какая война съ турками! Просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ. А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ. Да, что́ я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій. Да что́ я? Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко... Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я, вотъ ей-Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что́ есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ!“

Городничій. Ну, что-жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: „Жизнь моя, милый другъ, течетъ“, говоритъ,

„въ эмпиреякъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...“ съ большимъ, большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, если-бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачóнкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чентовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій. Батюшки, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь — и шасть...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, **Добчинскій** и **Бобчинскій** *(оба входятъ запыхавшись)*.

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что, что такое?

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Бобчинскій *(перебивая)*. Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій *(перебивая)*. Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинскій. Припомню, ей-Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да говорите, ради Бога, что́ такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. *(Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей)*. Ну, что, что такое?

Бобчинскій. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ — такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я ужъ все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій *(перебивая)*. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали ли вы о новости-то, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужъ услыхали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій *(перебивая)*. За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій *(отводя его руки)*. За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энтого... не перебивайте, пожайлуста не перебивайте!.. Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: „Зайдемъ, говоритъ, въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе...“ да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... „А въ трактиръ, говоритъ, привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ“. Только-что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій *(перебивая)*. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки, и здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: „Здѣсь что-нибудь не спроста-съ“. Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, — трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: „Кто“, говоритъ, „этотъ молодой человѣкъ?“ а Власъ и отвѣчаетъ на это: „Это“, говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не разскажете, ей-Богу, не разскажете: вы пришепе-

тываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... „Это“, говоритъ, „молодой человѣкъ, чиновникъ“, да-съ, „ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи“, говоритъ, „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ“, говоритъ, „въ Саратовскую губернію и“, говоритъ „престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить“. Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня тутъ вотъ свыше и вразумило.— „Э!“ говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: „э!“

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. „Э!“ сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. „А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?“ Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Городничій. Кто, какой чиновникъ?

Бобчинскій. Чиновникъ-то, о которомъ изволили получить нотицію,—ревизоръ.

Городничій *(въ страхѣ)*. Что вы, Господь съ вами! это не онъ.

Добчинскій. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же-бъ быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей-Богу, онъ... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу,— больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Городничій. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій. Въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались пріѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ здѣсь?

Добчинскій. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій. Двѣ недѣли! *(Въ сторону)*. Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье! *(Хватается за голову)*.

Артемій Филипповичъ. Что-жъ, Антонъ Антоновичъ? — ѣхать парадомъ въ гостиницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ „Дѣянія Іоанна Масона“...

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому. Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. *(Обращаясь къ Бобчинскому)*. Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Тѣмъ лучше: молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой— весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь самъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ; или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. *(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ)*.

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Какое колпаки! Больнымъ велѣно габеръ-супъ давать, а у меня по всѣмъ коридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

Аммосъ Федоровичъ. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку — а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда. *(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій. Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный. Стоятъ.

Городничій. Ступай на улицу... или, нѣтъ, постой! Ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Квартальный. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій. Какъ такъ?

Квартальный. Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій *(хватаясь за голову)*. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ—бѣги прежде въ комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки...

Городничій *(принимая шпагу, къ квартальному)*. Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ — по метлѣ! и вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты тамъ кумаешься, да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки, — смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ — а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій. А, Степанъ Ильичъ! Скажите ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ. Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго. Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій. А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій. А Прохоровъ пьянъ?

Частный приставъ. Пьянъ.

Городничій. Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ. Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій. Послушайте-жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный Пуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ или, просто, заборъ — чортъ ихъ знаетъ откудова, и нанесутъ всякой дряни! *(Вздыхаетъ)*. Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольны ли? — чтобы говорили: „Всѣмъ довольны, ваше благородіе“; а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ, хо, хо, хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. *(Беретъ вмѣсто шляпы футляръ)*. Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ)*.

Частный приставъ. Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

Городничій *(бросая коробку)*. Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами — и правому, и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Уходитъ и возвращается)*. Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. *(Всѣ уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна *вбѣгаютъ на сцену.*

Анна Андреевна. Гдѣ-жъ, гдѣ-жъ они? Ахъ, Боже мой!.. *(Отворяя дверь)*. Мужъ! Антоша! Антонъ! *(Говоритъ скоро)*. А все ты, а все за тобой. И пошла копаться: „Я булавочку, я косынку“. *(Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ)*. Антонъ, куда, куда? Что, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами! съ какими усами?

Голосъ городничаго. Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна. Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ, полковникъ? А? *(Съ пренебреженіемъ).* Уѣхалъ! Я тебѣ вспомню это! А все эта: „Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчасъ“. Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что-жъ дѣлать, маменька? Все равно, чрезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна. Чрезъ два часа! покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать, что чрезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать! *(Свѣшивается въ окно).* Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, тамъ пріѣхалъ кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай, сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали; да разспроси хорошенько: что за пріѣзжій, каковъ онъ, — слышишь? Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! *(Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсъ. Такъ занавѣсъ и закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНІЕ I.

Осипъ *лежитъ на барской постели.*

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто-бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! *(Дразнитъ его).* „Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ“. Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше, возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну, кто-жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ; пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: „Почтенный!“ на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха-офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! *(Усмѣхается и трясетъ головою).* Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ *вы*. Наскучило итти — берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать — и куды!.. пошелъ кутить: ѣздитъ на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь — и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка... Ей-Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего — ни по чемъ идутъ. А отчего? — оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, если-бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня-бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? *(Со вздохомъ).* Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится; вѣрно, это онъ идетъ. *(Поспѣшно схватывается съ постели).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлестаковъ. На, прими это *(отдаетъ фуражку и тросточку)*. А, опять валялся на кровати?

Осипъ. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

Хлестаковъ. Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Осипъ. Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

Хлестаковъ *(ходитъ по комнатѣ)*. Посмотри, тамъ, въ картузѣ, табаку нѣтъ?

Осипъ. Да гдѣ-жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

Хлестаковъ *(ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ)*.
Послушай... эй, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлестаковъ *(громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ)*. Ты ступай туда.

Осипъ. Куда?

Хлестаковъ *(голосомъ вовсе не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ)*. Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ. Еще, говоритъ, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ барином, говоритъ, мошенники, и баринъ твой—плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ шаромыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлестаковъ. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ. Говоритъ: „Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя". Я, говоритъ, „шутить не буду, а прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму".

Хлестаковъ. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осипъ. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ. На что-жъ хозяина? ты поди самъ скажи.

Осипъ. Да, право, сударь...

Хлестаковъ. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

(Осипъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся, думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ—нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да если-бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ — и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Въ овощенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ долгъ. Это ужъ, просто, подло. *(Насвистываетъ сначала изъ „Робѣрта", потомъ: „Не шей ты мнѣ, матушка", а наконецъ — ни се, ни то)*. Никто не хочетъ итти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга. Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно.

Хлестаковъ. Здравствуй, братецъ! Ну, что, ты здоровъ?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаковъ. Ну что, какъ у васъ въ гостиницѣ? хорошо ли все идетъ?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ. Много проѣзжающихъ?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаковъ. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ пожалуйста поторопи, чтобъ поскорѣе — видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, пикакъ, хотѣлъ итти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ. Да что-жъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется: я не шутя это говорю.

Слуга. Такъ-съ. Онъ говорилъ: „Я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее". Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что-жъ ему такое говорить!

Хлестаковъ. Ты растолкуй ему серьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою... Онъ думаетъ, что, какъ ему, мужику, ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что-ли, продать? Нѣтъ, ужъ лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились! „Кто такой, что такое?“ А лакей входитъ *(вытягиваясь и представляя лакея)*: — Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?—Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ „прикажете принять“. Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь-помѣщикъ, такъ и валитъ, медвѣдь, прямо въ гостиную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: „Сударыня, какъ я...“ *(потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой)*. Тьфу! *(плюетъ)* даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга.

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несутъ обѣдъ.

Хлестаковъ *(прихлопываетъ въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулѣ)*. Несутъ! несутъ! несутъ!

Слуга *(съ тарелками и салфеткой)*. Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлестаковъ. Ну, хозяинъ, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Что тамъ такое?

Слуга. Супъ и жаркое.

Хлестаковъ. Какъ, только два блюда?

Слуга. Только-съ.

Хлестаковъ. Вотъ вздоръ какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это въ самомъ дѣлѣ такое!.. Этого мало.

Слуга. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлестаковъ. А соуса почему нѣтъ?

Слуга. Соуса нѣтъ.

Хлестаковъ. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлестаковъ. Какъ нѣтъ?

Слуга. Да ужъ нѣтъ.

Хлестаковъ. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ. Ахъ, ты, дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлестаковъ. Поросенокъ ты скверный... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ. Какіе же!

Слуга. Обыкновенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлестаковъ. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. *(Наливаетъ супъ и ѣстъ)*. Что это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкусу нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

Слуга. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаковъ *(защищая рукою кушанье)*. Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... *(Ѣстъ)*. Боже мой, какой супъ! *(Продолжаетъ ѣсть)*. Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу: какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. *(Рѣжетъ курицу)*. Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. *(Рѣжетъ жаркое)*. Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что-жъ такое?

Хлестаковъ. Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. *(Ѣстъ)*. Мошенники, канальи! чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ. *(Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ)*. Подлецы! Совершенно, какъ деревянная кора—ничѣмъ вытащить нельзя; и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ. Мошенники! *(Вытираетъ ротъ салфеткой)*. Больше ничего нѣтъ?

Слуга. Нѣтъ.

Хлестаковъ. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ.

Слуга *убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, потомъ Осипъ.

Хлестаковъ. Право, какъ будто и не ѣлъ; только-что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

Осипъ *(входитъ)*. Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

Хлестаковъ *(испугавшись)*. Вотъ тебѣ на!

Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что, если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что-жъ? Если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой... Нѣтъ, не хочу... Да что онъ? какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что я ему! развѣ купецъ или ремесленникъ? *(Бодрится и выпрямляется).* Да я ему прямо скажу: „Какъ вы смѣете? Какъ вы...“ *(У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и съеживается).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, городничій и Добчинскій.

(Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза).

Городничій *(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ).* Желаю здравствовать!

Хлестаковъ *(кланяется).* Мое почтеніе!

Городничій. Извините.

Хлестаковъ. Ничего...

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, озаботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ *(сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко).* Да что-жъ дѣлать?.. Я не виноватъ... Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. *(Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей).* Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ—онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня моритъ голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что-жъ я... Вотъ новость!

Городничій *(робѣя).* Извините, я право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что значитъ на другую квартиру: то-есть — въ тюрьму. Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете?.. Да вотъ я... Я служу въ Петербургѣ. *(Бодрится).* Я, я, я...

Городничій *(въ сторону).* О, Господи Ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

Хлестаковъ *(храбрясь).* Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой—не пойду. Я прямо къ министру! *(Стучитъ кулакомъ по столу).* Что вы? что вы?

Городничій *(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ).* Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще, мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму, вотъ прекрасно! *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется).* Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій *(дрожа).* По неопытности, ей-Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія... Сами извольте посудить: казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если-жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ. Да что? мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... *(Въ размышленіи).* Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Городничій *(въ сторону).* О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать, не куды пошло! Что будетъ, то будетъ, попробовать на авось. *(Вслухъ).* Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Дайте, дайте мнѣ взаймы! Я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти, или хоть даже и меньше.

Городничій *(поднося бумажки).* Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ *(принимая деньги).* Покорнѣйше благодарю. Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ... Я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Городничій *(въ сторону).* Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ).* Позови сюда трактирнаго слугу! *(Къ городничему и Добчинскому).* А что-жъ вы стоите? Сдѣлайте

милость, садитесь. *(Добчинскому)*. Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... *(Добчинскому)*. Садитесь! *(Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается)*.

Городничій *(въ сторону)*. Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. *(Вслухъ)*. Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ — и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій *(въ сторону)*. Да, разсказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! *(Вслухъ)*. Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій *(въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе)*. Въ Саратовскую губернію! А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ надо ухо востро! *(Вслухъ)*. Благое дѣло изволили предпринять. Вѣдь вотъ, относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны непріятности насчетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Городничій *(въ сторону)*. Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика-отца приплелъ! *(Вслухъ)*. И на долгое время изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Право, не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнъ, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Городничій *(въ сторону)*. Славно завязалъ узелокъ! Вретъ, вретъ — и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужъ заставлю побольше разсказать! *(Вслухъ)*. Справедливо изволили замѣтить. Что можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хоть бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда, неизвѣстно еще, когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату)*. Кажется, эта комната нѣсколько сыра?

Хлестаковъ. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки кусаютъ.

Городничій. Скажите! такой просвѣщенный гость, и терпитъ, отъ кого же?—отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ даже темно въ этой комнатѣ?

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь — не могу: темно, темно.

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостоинъ.

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ! недостоинъ, недостоинъ!

Хлестаковъ. Да что-жъ такое?

Городничій. Я бы дерзнулъ... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... Но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ слишкомъ большая честь... Не разсердитесь—ей-Богу, отъ простоты души предложилъ.

Хлестаковъ. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Городничій. А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня ужъ такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо, если гость просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ. Покорно благодарю. Я самъ тоже—я не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипомъ. *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь).*

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаковъ. Да; подай счетъ.

Слуга. Я ужъ давеча подалъ вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ. Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори: сколько тамъ?

Слуга. Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ. Дуракъ! еще началъ высчитывать. Всего сколько слѣдуетъ?

Городничій. Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. *(Слугѣ).* Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. *(Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то — богоугодныя и другія?

Хлестаковъ. А что тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

Хлестаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. *(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь).*

Городничій. Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы—разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій. *(Добчинскому).* Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ.

Городничій *(тихо Добчинскому).* Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе Земляникѣ, а другую женѣ. *(Хлестакову).* Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же?.. А впрочемъ тутъ и чернила, только бумаги—не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?

Городничій. Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и въ то же время говоритъ про-себя).* А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера: не казиста на видъ, а слона повалитъ съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. *(Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается).*

Хлестаковъ. Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая нашлёпка! Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

Городничій *(дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову).* Это-съ ничего. Прошу покорнѣйше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. *(Осипу).* Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему — тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому).* Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! И растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что такое. *(Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна *(стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).*

Анна Андреевна. Ну, вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся, а все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, пѣтъ! еще нужно конаться... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да право, маменька, минуты черезъ двѣ все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна притти. *(Всматривается въ окно и вскрикиваетъ).* Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андреевна. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно

какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ. Кто-жъ это идетъ? Небольшого роста... во фракѣ... Кто-жъ это? А? Это однакожъ досадно! Кто-жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна. Это Добчинскій, маменька!

Анна Андреевна. Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Совсѣмъ не Добчинскій. *(Машетъ платкомъ).* Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ—не Добчинскій.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу, — изъ чего же ты споришь? *(Кричитъ въ окно).* Скорѣй, скорѣй! вы тихо идете. Ну, что, гдѣ они? А? Да говорите же оттуда, все равно. Что? Очень строгій? А? А мужъ, мужъ? *(Немного отступя отъ окна, съ досадою).* Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда-жъ за ними! и я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добчинскій. Ей-Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто онъ такой? генералъ?

Добчинскій. Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу: такое образованіе и важные поступки-съ.

Анна Андреевна. А! такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу.

Добчинскій. Настоящій. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна. Ну, разскажите: что и какъ.

Добчинскій. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, да-съ; сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна. Да вамъ-то чего бояться? вѣдь вы не служите.

Добчинскій. Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна. Ну, что-жъ... это все, однакожъ, вздоръ. Разскажите: каковъ онъ собою? что, старъ или молодъ?

Добчинскій. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ. „Извольте“, говоритъ, „я поѣду и туда и туда“ ...*(размахиваетъ руками)* такъ это все славно. „Я“, говоритъ, „и написать, и почитать люблю; но мѣшаетъ, что въ комнатѣ“, говоритъ, „немножко темно“.

Анна Андреевна. А собой каковъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій. Нѣтъ, больше шантретъ, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

Анна Андреевна. Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? *(Читаетъ).* „Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копѣекъ“... *(останавливается).* Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинскій. А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна. А, да, точно. *(Продолжаетъ читать).* „Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то, я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій“... Ахъ, Боже мой! Это, однакожъ, нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій *(бѣжитъ и кричитъ въ дверь).* Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ).*

Хлестаковъ.—И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры...

Анна Андреевна. Послушай: бѣги къ купцу Абдулину... постой, я дамъ тебѣ записочку *(садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ)*: эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ побѣжалъ съ нею къ купцу Абдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

Добчинскій. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! я не держу васъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего падѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходить въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андреевна. Цвѣтное!.. Право, говоришь— лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вамъ пейдетъ палевое.

Анна Андреевна. Мнѣ палевое пейдетъ?

Марья Антоновна. Пейдетъ; я, что угодно, даю, пейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андреевна. Вотъ хорошо! а у меня глаза развѣ не темные? самые темные. Какой вздоръ говоритъ! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки. Я никогда не была червонная дама. *(Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценой).* Этакое вдругъ вообразится! червонная дама! Богъ знаетъ, что̀ такое! *(По уходѣ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мишка и Осипъ.

Осипъ. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ генералъ?

Осипъ. Какой генералъ?

Мишка. Да баринъ вашъ.

Осипъ. Баринъ? да какой онъ генералъ?

Мишка. А развѣ не генералъ?

Осипъ. Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка. Что-жъ это, больше, или меньше настоящаго генерала?

Осипъ. Больше.

Мишка. Вишь ты какъ! то-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка тамъ что-нибудь поѣсть!

Мишка. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ. Ну, а простого-то что̀ у васъ есть?

Мишка. Щи, каша, да пироги.

Осипъ. Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что̀, тамъ другой выходъ есть?

Мишка. Есть. *(Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ **Хлестаковъ**; *за нимъ* **городничій**; *далѣе* **попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій**, *съ пластыремъ на носу.* **Городничій** *указываетъ квартальнымъ на полу бумажку – они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга впопыхахъ.*

Хлестаковъ. Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то-есть, пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ. Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

Городничій. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ. Я люблю поѣсть. Вѣдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филипповичъ *(подбѣгая)*. Лабарданъ-съ.

Хлестаковъ. Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что ли?

Артемій Филипповичъ. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ. Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много.

Артемій Филипповичъ. Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство,—можетъ-быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ,—всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

Городничій. Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... словомъ, наиумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: „Господи Боже Ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?!.“ Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, но крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего-жъ мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону)*. Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! Далъ же Богъ такой даръ!

Хлестаковъ. Это правда. Я, признаюсь, самъ люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся.

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Городничій *(въ сторону)*. Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! *(Вслухъ)*. Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля или что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападетъ, что, просто, плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ?

Лука Лукичъ *(въ сторону)*. А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничій. Лучше-жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ. Ну, нѣтъ, вы напрасно однакоже... Все зависитъ отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... ну, тогда конечно... Нѣтъ, не говорите; иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ *(раскланиваясь)*. Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ *(рисуясь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Привыкши жить, comprenez vous, въ свѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ: грязные трактиры, мракъ невѣжества... Если-бъ, признаюсь, не такой случай, который меня... *(посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней)* такъ вознаградилъ за все...

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! что̀ за жизнь, право! Вы, можетъ-быть думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: „приходи, братецъ, обѣдать!“ Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только—тр, тр... пошелъ писать. Хотѣли было даже меня коллежскимъ асессоромъ сдѣлать, да думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: „Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ“, говоритъ, „сапоги почищу“. *(Городничему).* Что вы, господа, стоите? Пожалуйста садитесь!

Встаютъ.

Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.

Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ.

Лука Лукичъ. Не извольте безпокоиться!

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. *(Городничій и всѣ садятся).* Я не люблю церемоніи. Напротивъ, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: „Вонъ“, говорятъ, „Иванъ Александровичъ идетъ!“ А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго: солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго“.

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: „Ну, что̀, братъ Пушкинъ?“—„Да такъ, братъ“, отвѣчаетъ бывало: „такъ какъ-то все“... Большой оригиналъ.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: „Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь“. Думаю себѣ: „Пожалуй, изволь, братецъ“. И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что̀ было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій Телеграфъ... все это я написалъ.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю статьи. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андреевна. Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе.

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну, вотъ: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всѣмъ).* Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даютъ балы?

Хлестаковъ. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ—въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кастрюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку—паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто, ни на что̀ не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ—скажешь только кухаркѣ: „На, Маврушка, шинель“... Что-жъ я вру—я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоитъ... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ тамъ, какъ шмели, только и слышно ж... ж... ж... Иной разъ и министръ... *(Городничій и прочіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ).* Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ—куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что̀, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало—нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ, а разсмотришь—просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ, нечего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ

однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? „Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять“! Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... „Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю“, говорю: „такъ и быть“, говорю: „я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужъ я“... И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ—просто землетрясенье, все дрожитъ и трясется, какъ листъ. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе).* О! я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ острастку. Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ: „Я самъ себя знаю, самъ“. Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш... *(поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками).*

Городничій *(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить).* А ва-ва-ва... ва..

Хлестаковъ *(быстрымъ отрывистымъ голосомъ).* Что такое?

Городничій. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ *(такимъ же голосомъ).* Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничій. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вотъ и комната, и все, что нужно.

Хлестаковъ. Вздоръ—отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. *(Съ декламаціей).* Лабарданъ! лабарданъ! *(Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій *(Добчинскому).* Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человѣкъ-то! Вотъ оно, что значитъ человѣкъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій. Я думаю, чуть ли не генералъ.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генералъ-то ему и въ подметки не станетъ; а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, разскажемъ поскорѣе Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка! *(Оба уходятъ).*

Артемій Филипповичъ *(Лукѣ Лукичу).* Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проснится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? *(Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищъ, произнося):* Прощайте, сударыня!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штучку. Пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожъ, ему очень понравилась: я замѣтила—все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ-быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. „А“, говоритъ себѣ: „дай ужъ посмотрю на нее“!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и городничій.

Городничій *(входитъ на цыпочкахъ).* Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничій. И не радъ, что напоилъ. Ну, что, если хоть одна половина изъ того, что онъ говорилъ, правда? *(Задумывается).* Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человѣкъ все несетъ наружу: что на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь, не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, ужъ вы—женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все—финтирлюшки! Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другого словцо. Васъ посѣкутъ, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... *(посматриваетъ на дочь).*

Городничій *(одинъ).* Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь).* Мишка! позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. *(Послѣ небольшого молчанія).* Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хоть бы народъ то ужъ былъ видный, а то худенькій, тоненькій — какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку—ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и скивоки, что, кажись, вѣкъ бы не добился толку. А вотъ, наконецъ, и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человѣкъ молодой.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Осипъ. *Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая пальцами.*

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничій. Чш!.. что? что? спитъ?

Осипъ. Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ. Осипъ, сударыня.

Городничій *(жент и дочери).* Полно, полно вамъ! *(Осипу).* Ну, что, другъ, тебя накормили хорошо!

Осипъ. Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну, что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ *(въ сторону).* А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. *(Вслухъ).* Да, бываютъ и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій!

Анна Андреевна. А что, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

Городничій. Да перестаньте пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну, что, другъ?..

Анна Андреевна. А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Осипъ. Чинъ обыкновенно какой.

Городничій. Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что, другъ, какъ твой баринъ?.. строгъ? любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ. Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

Городничій. А мнѣ очень нравится твое лицо. Другъ, ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходитъ!..

Городничій. Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка... *(Къ Осипу).* Ну, что, другъ, право, мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ, — оно теперь холодновато, — такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

Осипъ *(принимая деньги).* А покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?...

Марья Антоновна. Осипъ, душенька! какой миленькій носикъ у твоего барина!

Городничій. Да постойте, дайте мнѣ!.. *(Къ Осипу).* А что, другъ, скажи пожалуйста: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то-есть, что ему въ дорогѣ больше нравится?

Осипъ. Любитъ онъ, по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Городничій. Хорошее?

Осипъ. Да, хорошее. Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей-Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: „Что, Осипъ, хорошо тебя угостили?“—„Плохо, ваше высокоблагородіе!“—„Э“, говоритъ, „это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты“, говоритъ, „напомни мнѣ, какъ пріѣду“. — „А“, думаю себѣ *(махнувъ рукою)*, „Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой“.

Городничій. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

Осипъ. За что жалуете, ваше высокоблагородіе? *(Прячетъ деньги).* Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! *(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова).*

Городничій. Чш! *(поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса).* Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! полно ужъ вамъ...

Анна Андреевна. Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

Городничій. О, ужъ тамъ наговорятъ! Я думаю, поди только, да послушай — и уши потомъ заткнешь. *(Обращаясь къ Осипу).* Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Городничій. Чш! экіе косолапые медвѣди стучатъ сапогами. Такъ и валятся, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держиморда. Былъ по приказанію...

Городничій. Чш! *(закрываетъ ему ротъ).* Экъ какъ каркнула ворона! *(Дразнитъ его).* Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! *(Къ Осипу).* Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что нужно для барина. Все, что ни есть въ домѣ, требуй. *(Осипъ уходитъ).* А вы—стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, въ зашей такъ прямо и толкайте! такъ его! хорошенько! *(Показываетъ ногою).* Слышите? Чш... чш... *(Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными).*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ: **Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій,** въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(строитъ всѣхъ полукружіемъ).* Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ, и государственный совѣтъ распекаетъ! Стройтесь на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. *(Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ).*

Артемій Филипповичъ. Воля ваша, Аммосъ Ѳедоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А что именно?

Артемій Филипповичъ. Ну, извѣстно, что.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Подсунуть.

Артемій Филипповичъ. Ну, да, хоть и подсунуть.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Опасно, чортъ возьми! раскричится: государственный человѣкъ. А развѣ въ видѣ приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятникъ?

Почтмейстеръ. Или же: „вотъ, молъ, пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія“.

Артемій Филипповичъ. Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куда-нибудь подальше. Слушайте: эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ! Представиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ — чтобы и уши не слыхали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается! Ну, вотъ вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, первый и начните.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Такъ лучше-жъ вы: въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба.

Артемій Филипповичъ. Такъ ужъ лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лукичъ. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь, завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте!

Артемій Филипповичъ. Да, Аммосъ Ѳедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы! что вы: Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ или гончей пищикѣ...

Всѣ *(пристаютъ къ нему).* Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!... Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Отвяжитесь, господа! *(Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выйти, что происходитъ не безъ того,*

чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія):

Голосъ Бобчинскаго. Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

Голосъ Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе—совсѣмъ прижали!

(Выхватываются нѣсколько восклицаній ай! ай! *наконецъ, всѣ выпираются, и комната остается пуста).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ *(одинъ, выходитъ съ заспанными глазами).*

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ, въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень не дурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и судья.

Судья *(входя и останавливаясь, про-себя).* Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. *(Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу).* Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. А выгодно, однакоже, быть судьею?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства. *(Въ сторону).* А деньги въ кулакѣ, да кулакъ-то весь въ огнѣ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени уже не такъ.

Судья *(высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ. Въ сторону).* Господи Боже! не знаю, гдѣ сижу. Точно горячіе угли подъ тобою.

Хлестаковъ. Что это у васъ въ рукѣ?

Аммосъ Ѳедоровичъ *(потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи).* Ничего-съ.

Хлестаковъ. Какъ ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(дрожа всѣмъ тѣломъ).* Никакъ нѣтъ-съ! *(Въ сторону).* О, Боже! вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ *(подымая(.* Да, это деньги.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону).* Ну, все кончено—пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ. Знаете ли что? дайте ихъ мнѣ взаймы?

Аммосъ Ѳедоровичъ *(поспѣшно).* Какъ же-съ, какъ же-съ... съ большимъ удовольствіемъ. *(Въ сторону).* Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да се... Впрочемъ, я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Помилуйте, какъ можно! и безъ того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству... постараюсь заслужить... *(Приподымается со стула. Вытянувшись и руки по швамъ).* Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанья?

Хлестаковъ. Какого приказанья?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я разумѣю, не дадите ли какого приказанія здѣшнему уѣздному суду!

Хлестаковъ. Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ, ничего. Покорнѣйше благодарю.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(раскланиваясь и уходя, въ сторону).* Ну, городъ нашъ!

Хлестаковъ *(по уходѣ его).* Судья — хорошій человѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ и почтмейстеръ *(входитъ вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).*

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно—ну, что-жъ? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ. Совершенная правда.

Хлестаковъ. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. *(Въ сторону).* А онъ, однакожъ, ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ. А вѣдь, однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно—не правда ли?

Почтмейстеръ. Совершенно справедливо.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. *(Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя).* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. *(Вслухъ).* Какой странный со мной случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Почтмейстеръ. Почему же? почту за величайшее счастіе. Вотъ-съ, извольте. Отъ души готовъ служить.

Хлестаковъ. Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. *(Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу).* Не смѣю долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Нѣтъ, ничего.

(Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ).

Хлестаковъ. *(раскуривая сигарку).* Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ; по крайней мѣрѣ услужливъ. Я люблю такихъ людей.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ и **Лука Лукичъ**, *который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ:* «Чего робѣешь»?

Лука Лукичъ *(вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу).* Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? *(Подаетъ ему сигару).*

Лука Лукичъ *(про-себя, въ нерѣшимости).* Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки по двадцать пять рублей сотенка—просто, ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. *(Подаетъ ему свѣчу).*

Лука Лукичъ *пробуетъ закурить и весь дрожитъ.*

Хлестаковъ. Да не съ того конца!

Лука Лукичъ *(отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и, махнувъ рукой, про-себя).* Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаковъ. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго пола, никакъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся—брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ *находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать.*

Хлестаковъ. Нѣтъ, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ. Не смѣю знать.

Хлестаковъ. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется узнать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ. Осмѣлюсь доложить... *(Въ сторону).* Ну, и самъ не знаю, что говорю.

Хлестаковъ. А! а! не хотите сказать. Вѣрно, ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ *молчитъ.*

Хлестаковъ. А! а! покраснѣли! Видите! видите! Отчего-жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ. Оробѣлъ, ваше бла... преос... сіят... *(Въ сторону).* Продалъ, проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ. Оробѣли? А въ моихъ глазахъ, точно, есть что-то такое, что внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

Лука Лукичъ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вотъ со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Лука Лукичъ *(хватаясь за карманы, про-себя).* Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! *(Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи).*

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю.

Лука Лукичъ *(вытягиваясь и придерживая шпагу).* Не смѣю долѣе безпокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ. Прощайте.

Лука Лукичъ *(летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону).* Ну, слава Богу! авось не загляпетъ въ классы!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ и **Артемій Филипповичъ**, *вытянувшись и придерживая шпагу.*

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Земляника.

Хлестаковъ. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемій Филипповичъ. Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Унтеръ-офицерша.—На городничаго, батюшка, пришла...
Хлестаковъ.—Ну, да что, зачѣмъ?..

Хлестаковъ. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

Артемій Филипповичъ. Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ. Я, — признаюсь, это моя слабость,—люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

Артемій Филипповичъ. Очень можетъ быть. *(Помолчавъ).* Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ вполголоса).* Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи: посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только-что былъ предъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ и поведенія, если признаться предъ вами,— конечно, для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель,—поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ. Скажите пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ. Вотъ и смотритель здѣшняго училища... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлестаковъ. Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ, люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? я все позабываю.

Артемій Филипповичъ. Земляника.

Хлестаковъ. А, да! Земляника. И что-жъ, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Артемій Филипповичъ. Какъ же-съ! пятеро; двое уже взрослыхъ.

Хлестаковъ. Скажите, взрослыхъ! А какъ они... какъ они того?..

Артемій Филипповичъ. То-есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлестаковъ. Да, какъ ихъ зовутъ?

Артемій Филипповичъ. Николай, Иванъ, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаковъ. Это хорошо.

Артемій Филипповичъ. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... *(Раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти).*

Хлестаковъ *(провожая).* Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно, что вы говорили. Пожалуйста и въ другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему).* Эй, вы! какъ васъ? я все позабываю, какъ ваше имя и отчество.

Артемій Филипповичъ. Артемій Филипповичъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ взаймы—рублей четыреста?

Артемій Филипповичъ. Есть.

Хлестаковъ. Скажите, какъ кстати. Покорнѣйше васъ благодарю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добчинскій. Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлестаковъ. А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали? Что, какъ вашъ носъ?

Бобчинскій. Слава Богу! не извольте безпокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ. Хорошо, что присохъ. Я радъ... *(Вдругъ и отрывисто).* Денегъ нѣтъ у васъ?

Добчинскій. Денегъ? какъ денегъ?

Хлестаковъ. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій. Такой суммы, ей-Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ. Да, ну, если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобчинскій *(шаря въ карманахъ).* У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

Добчинскій *(смотря въ бумажникъ).* Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добчинскій. Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ.

Хлестаковъ. Ну, все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... это все равно. *(Принимаетъ деньги).*

Добчинскій. Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ. А что это?

Добчинскій. Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлестаковъ. Да?

Добчинскій. То-есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь ужъ былъ совсѣмъ, то-есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

Хлестаковъ. Хорошо, пусть называется, это можно.

Добчинскій. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчишка-то этакой... большія надежды подастъ: наизусть стихи разные разскажетъ и, если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣластъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій. Да, большія способности имѣетъ.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да... *(Обращаясь къ Бобчинскому).* Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій. Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Бобчинскій. Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ: сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Бобчинскій. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ, молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Добчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. *(Выпроваживаетъ ихъ)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ *(одинъ).*

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однакожъ, они меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки — пусть-ка онъ ихъ общелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ! *(Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнесши: „сейчасъ“).* А ужъ Тряпичкину, точно, если кто попадетъ на зубокъ,—берегись: отца родного не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любитъ. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... Какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь! посмотримъ, кто кого!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ и **Осипъ** *(съ чернилами и бумагою).*

Хлестаковъ. Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ? *(Начинаетъ писать).*

Осипъ. Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Уѣзжайте отсюда! Ей-Богу, уже пора.

Хлестаковъ *(пишетъ).* Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

Осипъ. Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька, — ну, и довольно. Что съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! не ровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ... ей-Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славныя—такъ бы закатили!..

Хлестаковъ *(пишетъ).* Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ. Да что завтра! Ей-Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе; вѣдь васъ, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались. Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ *(пишетъ).* Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй, вмѣстѣ и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошія были! Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря, катили и пѣсни бы пѣли!.. *(Продолжаетъ писать).* Воображаю, Тряпичкинъ умретъ со смѣху...

Осипъ. Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобъ не прошло понапрасну время.

Хлестаковъ *(пишетъ)*. Хорошо, принеси только свѣчу.

Осипъ *(выходитъ и говоритъ за сценой)*. Эй, послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не платитъ: прогонъ, молъ, скажи, казенный. Да чтобъ все живѣе, а не то, молъ, баринъ сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаковъ *(продолжаетъ писать)*. Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ — въ Почтамтской или Гороховой? Онъ, вѣдь, тоже любитъ часто переѣзжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую въ Почтамтскую. *(Свертываетъ и надписываетъ)*.

Осипъ *приноситъ свѣчу. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды:* Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать.

Хлестаковъ *(даетъ Осипу письмо)*. На, отнеси.

Голоса купцовъ. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спитъ. *(Шумъ увеличивается)*.

Хлестаковъ. Что тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что за шумъ.

Осипъ *(глядя въ окно)*. Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ *(подходя къ окну)*. А что вы, любезные?

Голоса купцовъ. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ. Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ. *(Осипъ уходитъ)*.

Хлестаковъ *принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ*. „Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина“... Чортъ знаетъ, что́; и чина такого нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и купцы *(съ кузовомъ вина и сахарными головами)*.

Хлестаковъ. А что вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ. А что вамъ угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ. Отъ кого?

Одинъ изъ купцовъ. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду, говоритъ: „Ахъ, ты татаринъ!“ Ей-Богу! Если бы, то-есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ—мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало—ей-ей! Придетъ въ лавку и, что ни попадется, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мнѣ“. Ну, и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы. Ей-Богу! такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То-есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

Хлестаковъ. Да это, просто, разбойникъ!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велитъ запереть двери. „Я тебя“, говоритъ, „не буду“, говоритъ, „подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать—это“, говоритъ, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!“

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это, просто, въ Сибирь.

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его — все будетъ хорошо, лишь бы, то-есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахаромъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ. Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей триста,—ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отецъ нашъ! *(Вынимаютъ деньги)*. Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ. Извольте: взаймы—я ни слова, я возьму.

Купцы *(подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги)*. Ужъ, пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ. Ну, и подносикъ можно.

Купцы *(кланяясь)*. Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлестаковъ. О, нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ! Подавай все, все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то-есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто хоть въ петлю полѣзай.

Хлестаковъ. Непремѣнно, непремѣнно! Я постараюсь. *(Купцы уходятъ). Слышенъ голосъ женщины:* Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

Хлестаковъ. Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну).* А что ты, матушка?

Голоса двухъ женщинъ. Милости твоей, отецъ, прошу! Повели, государь, выслушать.

Хлестаковъ *(въ окно).* Пропустить ее.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слесарша *(кланяясь въ ноги).* Милости прошу...

Унтеръ-офицерша. Милости прошу...

Хлестаковъ. Да что вы за женщины?

Унтеръ-офицерша. Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой...

Хлестаковъ. Стой, говори прежде одна. Что тебѣ нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло! Чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша. Сдѣлалъ мошенникъ, сдѣлалъ — побей Богъ его и на томъ, и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. „На что“, говоритъ, „тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится“. Да я то знаю — годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! „Онъ“, говоритъ, „воръ: хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно“, говоритъ, „онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты“. Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, то чтобъ и тещѣ...

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпровожаетъ старуху).*

Слесарша *(уходя).* Не позабудь, отецъ нашъ! будь милостивъ!

Унтеръ-офицерша. На городничаго, батюшка, пришла...

Хлестаковъ. Ну, да что, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ.

Унтеръ-офицерша. Высѣкъ, батюшка!

Хлестаковъ. Какъ?

Унтеръ-офицерша. По ошибкѣ, отецъ мой! Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отпорт вали: два дни сидѣть не могла.

Хлестаковъ. Такъ что-жъ теперь дѣлать?

Унтеръ-офицерша. Да дѣлать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафъ. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Ступайте! ступайте! я распоряжусь. *(Въ окно высовываются руки съ просьбами).* Да кто тамъ еще? *(Подходитъ къ окну).* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! *(Отходя).* Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

Осипъ *(кричитъ въ окно).* Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! *(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ).*

Осипъ. Пошелъ, пошелъ! чего лѣзешь? *(Упирается первому руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ахъ!

Хлестаковъ. Отчего вы такъ испугались, сударыня?

Ан'на Андреевна (увидя Хлестакова на кол'нахъ).—Ахъ, какой пассажъ!..

Марья Антоновна. Нѣтъ, я не испугалась.

Хлестаковъ *(рисуется)*. Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаковъ. Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здѣсь ли маменька...

Хлестаковъ. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

Хлестаковъ *(рисуется)*. А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принесть удовольствіе.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаковъ. Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было идти. *(Сѣла)*.

Хлестаковъ. Какой у васъ прекрасный платочекъ!

Марья Антоновна. Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой-то платочекъ... Сегодня какая страшная погода!

Хлестаковъ. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все этакое говорите... Я бы васъ попр сила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ. Для васъ, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

Марья Антоновна. Какіе-нибудь, этакіе — хорошіе, новые.

Хлестаковъ. Да что стихи! я много ихъ знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

Хлестаковъ. Да къ чему же говорить? я и безъ того ихъ знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ. Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!..“ ну, и другіе... теперь не могу припомнить; впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... *(Придвигая стулъ)*.

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что́ за любовь... *(Отодвигаетъ стулъ)*.

Хлестаковъ. Отчего-жъ вы отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Марья Антоновна *(отодвигаясь)*. Для чего-жъ близко? все равно и далеко.

Хлестаковъ *(придвигаясь)*. Отчего-жъ далеко? все равно и близко.

Марья Антоновна *(отодвигается)*. Да къ чему-жъ это?

Хлестаковъ *(придвигаясь)*. Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, если бъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

Марья Антоновна *(смотритъ въ окно)*. Что это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Сорока или какая другая птица?

Хлестаковъ *(цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно)*. Это сорока.

Марья Антоновна *(встаетъ въ негодованіи)*. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!..

Хлестаковъ *(удерживая ее)*. Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно, отъ любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинціалку... *(Силится уйти)*.

Хлестаковъ *(продолжая удерживать ее)*. Изъ любви, право, изъ любви. Я такъ только, пошутилъ: Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣнкахъ у васъ просить прощенія. *(Падаетъ на колѣни)*. Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидя Хлестакова на колѣняхъ)*. Ахъ, какой пассажъ!

Хлестаковъ *(вставая)*. А, чортъ возьми!

Анна Андреевна *(дочери)*. Это что значитъ, сударыня? Это что за поступки такіе?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! И не смѣй показываться на глаза. *(Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ)*. Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

Хлестаковъ *(въ сторону)*. А она тоже аппетитна, очень недурна. *(Бросается на колѣни)*. Сударыня, вы видите, я сгораю отъ любви.

Анна Андреевна. Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ,

встаньте, встаньте! здѣсь полъ совсѣмъ нечистъ.

Хлестаковъ. Нѣтъ, на колѣняхъ, непремѣнно на колѣняхъ, я хочу знать, что такое мнѣ суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію насчетъ моей дочери.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я недостоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлестаковъ. Это ничего! Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ сказалъ: „Законы осуждаютъ“. Мы удалимся подъ сѣнь струй... Руки вашей, руки прошу.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и **Марья Антоновна** *(вдругъ вбѣгаетъ)*.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказалъ, чтобы вы... *(Увидя Хлестакова на колѣняхъ, вскрикиваетъ):* Ахъ, какой пассажъ!

Анна Андреевна. Ну, что ты? къ чему? зачѣмъ? Что за вѣтренность такая! Вдругъ вбѣжала, какъ угорѣлая кошка. Ну, что ты нашла такого удивительнаго? Ну, что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, когда ты будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ.

Марья Антоновна *(сквозь слезы)*. Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ! не нужно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе — передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать.

Хлестаковъ *(схватывая за руку дочь)* Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна *(съ изумленіемъ)*. Такъ вы въ нее?..

Хлестаковъ. Рѣшите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну, вотъ видишь, дура, ну, вотъ видишь: изъ-за тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колѣняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну, вотъ, право, стоитъ, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастія.

Марья Антоновна. Не буду, маменька; право, впередъ не буду.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и **городничій** *(впопыхахъ)*.

Городничій. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаковъ. Что съ вами?

Городничій. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и на половину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша налгала вамъ, будто бы я ее высѣкъ; она вретъ, ей-Богу, вретъ. Она сама себя высѣкла.

Хлестаковъ. Провались унтеръ-офицерша—мнѣ не до нея!

Городничій. Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества, осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурью, такова же была и мать ея.

Хлестаковъ. Да, я, точно, прошу руки. Я влюбленъ.

Городничій. Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорятъ тебѣ!

Хлестаковъ. Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

Городничій. Не смѣю вѣрить, недостоинъ такой чести.

Хлестаковъ. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, что̀ готовъ...

Городничій. Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ахъ, какой чурбанъ, въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ?

Городничій. Не могу вѣрить.

Хлестаковъ. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдадутъ.

Городничій. Ахъ, Боже мой! Я, ей-ей, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь...

я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаковъ *(подходитъ съ Марьей Антоновной).*

Городничій. Да благословитъ васъ Богъ! а я не виноватъ! *(Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной. Городничій смотритъ на нихъ).* Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! *(Протираетъ глаза).* Цѣлуются! Ахъ, батюшки, цѣлуются! Точный женихъ. *(Вскрикиваетъ, подпрыгивая отъ радости).* Ай, Антонъ! Ай, Антонъ! Ай, городничій! Вона, какъ дѣло-то пошло!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ. Лошади готовы.

Хлестаковъ. А, хорошо... я сейчасъ.

Городничій. Какъ-съ? Изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Да, ѣду.

Городничій. А когда же, то-есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?

Хлестаковъ. А это... На одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ — богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

Городничій. Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлестаковъ. Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя... нѣтъ, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! *(Цѣлуетъ ея ручку).*

Городничій. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ. О, нѣтъ, къ чему это? *(Немного подумавъ).* А впрочемъ, пожалуй.

Городничій. Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ. Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то-есть не двѣсти, а четыреста,—я не хочу воспользоваться вашею ошибкою,—такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій. Сейчасъ! *(Вынимаетъ изъ бумажника).* Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ. А, да! *(Беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи).* Это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничій. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепріимство. Я признаюсь отъ всего сердца: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна! *(Выходятъ).*

ЗА СЦЕНОЙ.

Голосъ Хлестакова. Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна.

Голосъ городничаго. Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова. Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы ковриконъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова. Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго. Эй, Авдотья! ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучшій, — что по голубому полю, персидскій, скорѣй!

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова. Завтра или послѣ-завтра.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо! Славно будетъ! *(Бьетъ рукою по ковру).* Теперь садитесь, ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ городничаго. Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса. Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голосъ ямщика. Эй, вы, залетные! *(Колокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается).*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Чтó, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, капальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось—просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ... фу, ты, канальство!.. съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Городничій. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожъ, право, какъ подумаешь, Анна

Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? *(Входитъ квартальный).* А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ! Постойте-жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобъ знали: что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою — не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество. *(Квартальный уходитъ).* Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество.

Городничій. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ запанибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничій. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ, конечно, голубую лучше.

Городничій. Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? — потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь—фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: „лошадей!“ И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ—стой городничій! Хе, хе, хе! *(заливается и помираетъ со смѣху).* Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городничій. Что-жъ? вѣдь слово не вредитъ.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій. Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: рянушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. *(Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ).* Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и купцы.

Городничій. А! здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)* Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій. Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надували морскіе! жаловаться? Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничій *(съ неудовольствіемъ).* А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ!.. Обманываете народъ... Сдѣлаешь подрядъ съ казною—на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если-бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь. „Мы“, говоритъ, „и дворянамъ не уступимъ“. Да дворянинъ... ахъ, ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, „Отче нашъ“ не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да

Городничій.—Что, самоварники, аршинники, жаловаться?..

набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу, ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдусишь въ день, такъ оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы *(кланяясь)*. Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хочешь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Городничій. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего?—оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы *(кланяются въ ноги)*. Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. „Не погуби!“ Теперь: „не погуби!“ а прежде что? Я бы васъ... *(махнувъ рукой)*. Ну, да Богъ проститъ! полно! Я не памятозлобенъ; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтобъ поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару... Ну, ступай съ Богомъ! *(Купцы уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ потомъ Растаковскій.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(еще въ дверяхъ)*. Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастіе?

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я, душевно обрадовался, когда услышалъ. *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны)*. Анна Андреевна! *(Подходя къ ручкѣ Маріи Антоновны)*. Марья Антоновна!

Растаковскій *(входитъ)*. Антона Антоновича поздравляю. Да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны)*. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ Маріи Антоновны)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Коробкинъ. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны)*. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ея ручкѣ)*.

Жена Коробкина. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства)*. Марья Антоновна! Имѣю честь позд авить. *(Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря «Анна Андреевна!» потомъ къ Маріѣ Антоновнѣ, говоря «Марья Антоновна!» **Бобчинскій** и **Добчинскій** *(проталкиваются)*.

Бобчинскій. Имѣю честь поздравить!

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

Бобчинскій. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій. Анна Андреевна!

Бобчинскій. Анна Андреевна! *(Оба подходятъ въ одно время и сталкиваются лбами)*.

Добчинскій. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ)*. Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинскій *(перебивая)*. Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакого маленькаго, вонъ энтакого-съ! *(показываетъ рукою)* чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! Все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Еще нѣсколько гостей, *подходящихъ къ ручкамъ*, **Лука Лукичъ съ женою.**

Лука Лукичъ. Имѣю честь...

Жена Луки Лукича *(бѣжитъ впередъ)*. Поздравляю васъ, Анна Андреевна! *(Цѣлуются)*. А я такъ, право, обрадовалась. Говорятъ мнѣ: „Анна Андреевна выдаетъ дочку“.—„Ахъ, Боже мой!“ думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: „Послушай, Лукапчикъ; вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!“ „Ну,—думаю себѣ,—слава Богу!“ И говорю ему: „Я такъ восхищена, что сгораю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ“... „Ахъ, Боже мой! — думаю себѣ, Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для

своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалась, какъ она хотѣла", и такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: „Отчего ты, Настенька, рыдаешь?" — „Луканчикъ,—говорю,—я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются".

Городничій. Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ! *(Гости садятся).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ. Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! *(Гости усаживаются).*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего, то-есть, дѣла.

Городничій. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственноличо сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ: „Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ". И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ!—„Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь — копѣйка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества".

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся!—„Я, Анна Андреевна, изумляюсь". Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... И когда я хотѣла сказать: „Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь", онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна Андреевна! не дѣлайте меня несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то, я смертью окончу жизнь свою".

Марья Антоновна. Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андреевна. Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. „Застрѣлюсь, застрѣлюсь!" говоритъ.

Многіе изъ гостей. Скажите пожалуйста!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Экая штука!

Лука Лукичъ. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Артемій Филипповичъ. Не судьба, батюшка, судьба—индѣйка: заслуги привели къ тому. *(Въ сторону).* Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! вы не можете себѣ представить.

Коробкинъ. Гдѣ-жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ-то.

Городничій. Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословенія.

Городничій. Испросить благословенія; но завтра же... *(Чихаетъ, поздравленія сливаются въ одинъ гулъ).* Много благодаренъ! Но завтра же и назадъ... *(Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса):*

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго. Продли Богъ на сорокъ-сороковъ!

Артемія Филипповича. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина. Чортъ тебя побери!

Городничій. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того-жъ желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь въ Нетербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!.. признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Большому кораблю—большое плаванье.

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону).* Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Ну, нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону).* Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ генераломъ. Вѣдь у

него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. *(Обращаясь къ нему)*. Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммосъ Ѳедоровичъ. И если что случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

Городничій. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этакими обѣщаніями?

Городничій. Почему-жъ, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ *(впопыхахъ, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ)*.

Почтмейстеръ. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы считали за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ, не ревизоръ?

Почтмейстеръ. Совсѣмъ не ревизоръ,—я узналъ это изъ письма.

Городничій. Что вы, что вы? изъ какого письма?

Почтмейстеръ. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянувъ на адресъ—вижу: „Въ Почтамтскую улицу". Я такъ и обомлѣлъ. „Ну,—думаю себѣ,—вѣрно, нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство". Взялъ, да и распечаталъ.

Городничій. Какъ же вы?..

Почтмейстеръ. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой; но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: „Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица"; а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: „Распечатай, распечатай, распечатай!" И какъ придавилъ сургучъ—по жиламъ огонь, а распечаталъ—морозъ, ей-Богу, морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось.

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій. Что-жъ онъ по-вашему такое?

Почтмейстеръ. Ни сё, ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Городничій *(запальчиво)*. Какъ ни сё, ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничій. Да, я!

Почтмейстеръ. Коротки руки!

Городничій. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу?

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь? далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ *(читаетъ)*. „Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не рѣшился только, съ которой начать — думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на шерамыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій—глупъ, какъ сивый меринъ"...

Городничій. Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого.

Почтмейстеръ *(показываетъ письмо)*. Читайте сами.

Городничій *(читаетъ)*. „Какъ сивый меринъ". Не можетъ быть! вы это сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. „Городничій—глупъ, какъ сивый меринъ"...

Городничій. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. Хм...

хм... хм... хм... „сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ“... *(Оставляя читать)*. Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему-жъ?..

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ. Позвольте, я прочитаю. *(Надѣваетъ очки и читаетъ)*: „Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно-быть, также, подлецъ, пьетъ горькую“.

Почтмейстеръ *(къ зрителямъ)*. Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ *(продолжая читать)*. „Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... и... и...“ *(заикается)*.

Коробкинъ. А что-жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо)*.

Артемій Филипповичъ *(не давая письма)*. Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочитаю: далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! *(Коробкину)*. Читайте.

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. *(Отдаетъ письмо)*. Вотъ, позвольте... *(закрываетъ пальцемъ)*. Вотъ отсюда читайте. *(Всѣ приступаютъ къ нему)*.

Почтмейстеръ. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Коробкинъ *(читая)*. „Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ Земляника — совершенная свинья въ ермолкѣ“.

Артемій Филипповичъ *(къ зрителямъ)*. И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! гдѣ-жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Коробкинъ *(продолжая читать)*. „Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ“.

Лука Лукичъ *(къ зрителямъ)*. Ей-Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону)*. Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Коробкинъ *(читаетъ)*. „Судья“...

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ тебѣ на!.. *(Вслухъ)*. Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ: дрянь этакую читать!

Лука Лукичъ. Нѣтъ!

Почтмейстеръ. Нѣтъ, читайте!

Артемій Филипповичъ. Нѣтъ ужъ читайте!

Коробкинъ *(продолжаетъ)*. „Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ“... *(Останавливается)*. Должно-быть, французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть, и того еще хуже.

Коробкинъ *(продолжая читать)*. „А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу: точно, нужно чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ)*. Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ нумеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо“.

Одна изъ дамъ. Какой репримандъ неожиданный.

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить! воротить его! *(Машетъ)*.

Почтмейстеръ. Куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ *(вздыхаетъ)*. Охъ, и у меня триста рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ недоумѣніи разставляетъ руки)*. Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Городничій *(бьетъ себя по лбу)*. Какъ я— нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ *(махнувъ рукой)* нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андреевна. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой...

Городничій *(въ сердцахъ)*. Обручился! Кукишъ съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. *(Въ изступленіи)*. Вотъ, смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозитъ самому себѣ кулакомъ)*. Эхъ ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище—найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!.. Эхъ вы!.. *(Стучитъ со злости ногами объ полъ)*. Я бы всѣхъ этихъ бумагомарокъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ! въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!.. *(Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ)*.

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

До сихъ поръ не могу притти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Артемій Филипповичъ *(разставляя руки)*. Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да кто выпустилъ, — вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! *(Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго)*.

Бобчинскій. Ей-ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: „Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не платитъ...“ Нашли важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Смерчки короткобрюхіе! *(Всѣ обступаютъ ихъ)*.

Бобчинскій. Ей-Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобчинскій. А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ.

(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи).

Нѣмая сцена.

Городничій посерединѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь, съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гостьи, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову нѣсколько на-бокъ, какъ будто къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движенье губами, какъ бы хотѣлъ посвистать или произнесть: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и ѣдкимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самаго края, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсъ опускается.

Писано 1834—1835 и 1841—1842 гг.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ „РЕВИЗОРУ“.

(Объясненія, передѣлки, добавленія и проч.).

1) ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА,

писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору.

...Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался, просто, обыкновеннымъ вралемъ, — блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни, и намека въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину; и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ и сказалъ бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни — почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т.-е. лица, т.-е. видимой наружности, т.-е. физіономіи — рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундирахъ съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга, — дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать, въ самомъ дѣлѣ Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни, — дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ—просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ толикихъ разнородныхъ движеній, даю-

щихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, — и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ, не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшного. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ „Ревизора“ городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде, ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, о коемъ уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. Зато оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли, сверхъ ожиданія, дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ-нибудь вынесетъ и не такъ обкарикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карикатура. Уже предъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и карикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобы сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе пьесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдующій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однакоже, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано: „стало-быть“, — сказалъ я самъ въ себѣ, — „я плохо выполнилъ эту сцену“. И точно, теперь, во время представленія, я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ пьесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи „Ревизора“.

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, какъ будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не долженъ опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унизительно для актера, и пр., и пр.. и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Несмотря на всѣ эти *прочія*, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: „нѣтъ, это не свяжетъ нимало, это не унизительно“. Пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не остановятъ указанныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрѣе и полнѣе движетъ свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ

выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка: лицо его свободно выразить всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи для него бездна разнообразія. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степень боязни и страха, вслѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ и пр., и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ: но они даль въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахомъ кисти и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжитъ свою роль и, несмотря на то, что, повидимому, показалъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня недостаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними, со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія, далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо...

1836 г., мая 25.
С.-Петербургъ.

---

2) ДВѢ СЦЕНЫ, ВЫКЛЮЧЕННЫЯ И ПРИ ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ, КАКЪ ЗАМЕДЛЯВШІЯ ТЕЧЕНІЕ ПЬЕСЫ.

I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Но, я не знаю, маменька, отчего вамъ кажется, что у васъ лучше всего глаза...

Анна Андреевна. Вздоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье изъ Москвы, — бывало, мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: „Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза, просто, говорятъ...“ И всѣ, бывало, въ одинъ голосъ: „Съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ обстоятельства“. А стоявшій въ это время штабъ-ротмистръ Старокопытовъ? Онъ, не помню, проживалъ за ремонтомъ, что ли? Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ, какъ я не знаю что; глаза черные-черные, а воротнички рубашки его — это батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: „Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, не начитывалъ даже такихъ глазъ; я не знаю, что со мною дѣлается, когда гляжу на васъ...“ На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями съ колосьями и вся обложенная блондочкою, тонкою, не больше какъ въ палецъ — это, просто, было обвороженіе! Такъ говоритъ бывало: „Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что мое сердце“, говоритъ... Я ужъ не могу теперь припомнить, что онъ мнѣ говорилъ. Куда жъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непремѣнно застрѣлиться, да какъ-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свѣтѣ.

Марья Антоновна. Я не знаю, маменька, — мнѣ, однакожъ, кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, неж ли глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда! Вотъ этого ужъ нельзя сказать. Что вздоръ, то вздоръ.

Марья Антоновна. Нѣтъ, право, маменька; когда вы этакъ говорите, или сидите въ профиль, у васъ губы все...

Анна Андреевна. Пожалуйста, не толкуй пустяковъ! Такая, право, несносная! Чтобы она какъ-нибудь не поспорила... Боже сохрани! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно. За этими спорами, за вздорами, я заболталась съ тобой. А тутъ, того и гляди, что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ одѣтыми Богъ знаетъ какъ. *(Поспѣшно уходитъ; за ней Марья Антоновна).*

II.

Хлестаковъ и Растаковскій *(въ екатерининскомъ мундирѣ съ эксельбантомъ).*

Растаковскій. Имѣю честь рекомендоваться — житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-маіоръ Растаковскій.

Хлестаковъ. А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Растаковскій *(сѣлъ).* А, такъ вы изволили знать Задунайскаго?

Хлестаковъ. Какого Задунайскаго?

Растаковскій. Графа Румянцова-Задунайскаго,

Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

Хлестаковъ. Да... такъ вы служили давно?..

Растаковскій. Находился во время осады подъ Силистріей, въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку — не изволите ли вы знать: Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ?

Хлестаковъ. Гвоздевъ? Какой это?

Растаковскій. Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не знаю.

Растаковскій. Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому что ужъ болѣе тридцати лѣтъ какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаковъ. За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

Растаковскій. Да-съ, Рогатка, Иванъ Васильевичъ. — Такъ турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ Фиктель-Кнабе, нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Иваповичъ, но генералъ-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: Ты, — говоритъ, не Сихфридъ, а Супъ, — такъ будь ты Суномъ Ивановичемъ". И съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражомъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартирмистръ, если изволите знать, Трепакинъ, Антонъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать пять, какъ умеръ.

Хлестаковъ. Трепакинъ? нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы попросить у васъ...

Растаковскій (*не слушая*). Видный мужчина: русый волосъ, золотой эксельбантъ. Ловко танцовалъ польскій. Хлопнетъ, бывало, рукою и отобьетъ пару у самого полковника, и какъ только дѣвушки... хе-хе-хе... У насъ бывали тогда палатки; и какъ только взглянешь къ нему въ палатку... хе-хе-хе... тамъ ужъ сидитъ, и на утро деньщикъ выводитъ, какъ будто драгуна, въ треугольной шляпѣ... хе-хе-хе... и портупея виситъ, хе-хе-хе.

Хлестаковъ. Да это подобная исторія съ моимъ знакомымъ, однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служитъ. Сидитъ онъ въ халатѣ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой тоже пріятель, гвардеецъ, кавалергардскаго полка, и говоритъ... (*Останавливается и смотритъ, между тѣмъ, пристально въ глаза Растаковскому*). Послушайте, однакожъ, не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь взаймы денегъ? Я въ дорогѣ истратился.

Растаковскій. Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у гвардейца или гвардеецъ у чиновника?

Хлестаковъ. Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ-нибудь не позабыть, такъ лучше теперь.

Растаковскій. Такъ это вамъ нужны деньги? Какъ странно! Я думалъ, что гвардеецъ при анекдотѣ-то попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны, пришелъ безпокоить преубѣдительнѣйшею просьбою.

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Растаковскій. Долженъ получить прибавочнаго пенсіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ, или кому другому.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Растаковскій. Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

Хлестаковъ. А какъ давно вы подавали просьбу?

Растаковскій. Да если сказать правду, не такъ и давно,—въ 1801 году; да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ черезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человѣкъ. Такъ статься можетъ, что просьбу отнесъ-то не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало-быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

Хлестаковъ. Да, натурально, теперь рѣшатъ скоро; а, впрочемъ, я тоже съ своей стороны... хорошо, хорошо.

Писано въ 1834-1835 гг.

---

3) СЦЕНЫ ПЕРВАГО ИЗДАНІЯ „РЕВИЗОРА", ПЕРЕДѢЛАННЫЯ АВТОРОМЪ ДЛЯ ИЗДАНІЯ КОМЕДІИ (ВЪ 1842 ГОДУ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе. Меня увѣдомляютъ, что отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ нашей губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы говорите! изъ Петербурга?

Артемій Филипповичъ *(въ испугѣ)*. Съ секретнымъ предписаніемъ?

Лука Лукичъ *(въ испугѣ)*. Инкогнито?

Городничій. Я, признаюсь вамъ откровенно, очень потревожился. Такъ, какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» *(бормочетъ вполголоса, пробѣгая скоро глазами)*... «и увѣдомить тебя». А! вотъ: «Спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. *(Значительно поднимаетъ палецъ вверхъ)*. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...» *(остановясь.)* ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...» и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе.

Лука Лукичъ. Скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, отчего это? Зачемъ же къ намъ ревизоръ? Вѣдь нашъ городъ уже, кажется, такъ далеко отъ всего, что о немъ бы и заботиться нечего.

Городничій *(испуская вздохъ)*. Говорите же вы! до сегодняшняго дня Богъ миловалъ. Случалось, правда, по газетамъ слышать, что въ какомъ-то мѣстѣ кого-то посадили за взятки, того-то отдали подъ судъ за потворство и воровство или за подлогъ; но все это случалось, благодареніе Богу, въ другихъ мѣстахъ, а къ намъ до сихъ поръ никакихъ ни ревизовокъ, ни ревизоровъ... ничего не было.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ, Россія хочетъ вести войну, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ. Вы хотя и ученый человѣкъ, но не туда попали. Гдѣ нашему уѣздному городишкѣ? Если бъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить: а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ—въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій *(махнувъ рукой)*. Ну... васъ, я знаю, не переговоришь. Я, господа, собралъ васъ нарочно... По своей части, то-есть въ отношеніи устройства городового и полиціи, я уже кое-какъ распорядился, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чисты, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надписать предъ каждою кроватью по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... какъ признается нужно—это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ—всякую болѣзнь, когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа, какъ найдете лучше. *(Помолчавъ и покачавъ головою.)*. У васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бъ ихъ было меньше, потому что сейчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. Насчетъ этого мы уже съ Христіаномъ Ивановичемъ распорядились, какъ нужно. Все зависитъ отъ образа лѣченія: я полагаю, что чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убыточиться и выписывать дорогія лѣкарства для какого-нибудь инвалида?.. Человѣкъ простой, если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Притомъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно было бъ съ ними изъясняться, потому что онъ не знаетъ по-русски. Лучше же сберегу я казенный интересъ и уменьшеніемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія, представитъ меня къ отличію въ поощреніе прочимъ *(обращаясь къ Христіану Ивановичу)*, то-есть я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое-нибудь благоволеніе.

Христіанъ Ивановичъ *издастъ звукъ, отчасти похожій на букву* и *и нѣсколько на* е.

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально,—и почему жъ сторожу и не завесть его?—только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту; но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, вы, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, можетъ-быть, очень хорошій человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто бъ онъ только что вышелъ изъ винокуреннаго завода,—это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть такія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ. Можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ *издастъ тотъ же звукъ.*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, точно, что какъ-то въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ того времени отъ него отдаетъ водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить, потому что нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если есть грѣшки, то самые невинные! Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, беру взятки борзыми щенками.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Э, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, напримѣръ: шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете, вы въ

церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, то просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судьѣ; а оно врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, Самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться, особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись, чтобы, взошедши на кафедру не сдѣлать гримасу — вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*. И потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ,—объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо. Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Ахъ, Боже мой! У меня совершенно изъ ума вышло.

Городничій. То же я долженъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ,что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ. Ей-Богу! Сбѣжалъ съ кафедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ-полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья малоть? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ; я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Право, я не знаю, что и дѣлать съ нимъ...

Городничій. Да. Таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ, что умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Эко, право, хлопотливое дѣло.

Городничій. Это бы еще ничего—хлопоты; худо, что не знаешь, съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время. Инкогнито проклятое — вотъ что смущаетъ! Вдругъ заглянетъ: «а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья?—Ляпкинъ-Тяпкинъ.—А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?— Земляника. — А подать сюда Землянику! Вотъ что худо.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Городничій. Здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! Я нарочно посылалъ за вами съ тѣмъ, чтобы сообщить очень важную новость.

Почтмейстеръ. Я слышалъ уже отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? Война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не то.

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій. Какая тутъ война съ турками! гдѣ тутъ турки? Тутъ просто намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это ужъ извѣстно: меня увѣдомляетъ достовѣрный человѣкъ, что именно ѣдетъ чиновникъ съ тѣмъ, чтобъ осмотрѣть въ нашемъ городѣ все гражданское устройство.

Почтмейстеръ. А, можетъ быть, очень можетъ быть,— и это правда.

Городничій. Ну, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ, а меня даже немного по кожѣ подираетъ.

Почтмейстеръ. Да я и самъ чувствую... а вы очень боитесь.

Городничій. Чего жъ бояться! боязни нѣтъ, а какъ-то неловко... больше со стороны купечества и гражданства здѣшняго. Я, признаться сказать, имъ немножко солоно пришелся. Они на меня какъ коршуны... такъ бы всего и растрепали, только перья полетятъ во всѣ стороны. Пожалуйте сюда [Иванъ Кузьмичъ], я вамъ кое-что скажу. *(Отводитъ его въ сторону)*. Вотъ въ чемъ дѣло: мошетъ-быть, онъ, если не пріѣхалъ, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня. Отчего жъ такая напасть на нашъ городъ? Да притомъ еще инкогнито! Чортъ знаетъ, что такое: инкогнито! Вѣдь начальство жъ есть въ городѣ къ чему жъ тутъ инкогнито? Такъ вамъ нужно, Иванъ Кузьмичъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать. Для этого снять какъ-нибудь изъ глины слѣпокъ; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Я это сдѣлаю и безъ того: не то чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства, ибо, признаюсь, очень люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это весьма интересное чтеніе! иное письмо съ большимъ удовольствіемъ прочтешь: такъ хорошо описываются разные этакіе пассажи... назидательные даже! лучше нежели въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. А вы никогда не читали?

Городничій. Нѣтъ, не читалъ; я, однакоже, радъ, что вы это дѣлаете. Это въ жизни хорошо. Скажите: тамъ вы до сихъ поръ ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга.

Почтмейстеръ. О петербургскомъ ничего нѣтъ; а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы никогда не читали писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно читалъ я: одинъ поручикъ пишетъ къ одному пріятелю своему и описалъ балъ и жизнь свою съ такимъ искусствомъ... очень хорошо. «Я провожу, говоритъ, время съ крайнимъ удовольствіемъ; барышень, говоритъ, много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Вотъ, если хотите, я вамъ дамъ его прочесть. Я нарочно оставилъ его у себя.

Городничій. Покорнѣйше благодарю. Теперь, право, мнѣ не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: какъ только получите какое-нибудь извѣстіе, то сейчасъ же его ко мнѣ; а если жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ

вы изъ этого публичнаго что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Эко, въ самомъ дѣлѣ, какое непредвидимое извѣстіе! А я, признаюсь, шелъ-было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы по отчивать васъ собачонкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. У меня завели тяжбу два помѣщика-сосѣда, и я теперь травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій. Богъ съ ними теперь, со всякими зайцами! У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое. Такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, **Бобчинскій** и **Добчинскій**, *оба входятъ запыхавшись.*

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что? что такое?

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Бобчинскій *(перебивая).* Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій *(перебивая).* Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы не помните всѣхъ обстоятельствъ; вы сейчасъ собьетесь.

Бобчинскій. Э, нѣтъ; помню. Ей-Богу, помню! Ужъ не мѣшайте,—пусть я разскажу. Не мѣшайте!.. Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да что такое? говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! сдѣлайте милость, садитесь! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. *(Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей).* Ну, что такое?

Бобчинскій. Позвольте, я сейчасъ—по порядку. Какъ только вышелъ я отъ васъ... Э, не мѣшайте, Петръ Ивановичъ! не говорите ужъ ничего, сдѣлайте милость, я ужъ самъ знаю!.. Какъ только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Коробкину, а не заставши Коробкина дома, заворотилъ къ Ростановскому; а не заставши Ростановскаго, зашелъ хоть къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Слышали ли вы, говорю я Петру Ивановичу, о той новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма. А Петръ Ивановичъ уже услышали объ этомъ отъ ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чѣмъ-то была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій. За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій. За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ Ивановичемъ, къ Почечуеву... Э, сдѣлайте одолженіе, Петръ Ивановичъ, не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!.. Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ мнѣ: сегодня, я знаю, привезли въ трактиръ свѣжей семги, такъ пойдемъ — закусимъ. Только-что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій *(перебивая).* Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ по комнатѣ, и въ лицѣ такое разсужденіе и физіономія... такіе важные поступки, и такъ здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я такъ, какъ будто предчувствовалъ, и говорю себѣ: здѣсь что-нибудь, да не даромъ. А Петръ Ивановичъ тотчасъ мигнули пальцемъ и подозвали трактирщика,—трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой хорошій мальчикъ,—большія подаетъ надежды; современемъ такъ же, какъ отецъ, будетъ содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ спросилъ потихоньку: кто такой этотъ молодой человѣкъ? а Власъ говоритъ: это, говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста не перебивайте! Вы не разскажете, ей-Богу, не разскажете! вы нем ого шепелявите; у васъ, я знаю, одинъ зубъ со свистомъ. Это, говоритъ, молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга: Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ, и денегъ хоть бы копѣйку заплатилъ. Меня въ одну минуту такъ и вразумило. Э! говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это и сказалъ: Э!..

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. Э! сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ, съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куда: въ Саратовскую губернію! Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ.

Городничій. Что вы говорите! Не можетъ быть. *(Придвигаетъ поближе стулъ).* Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось:—это кто-нибудь другой.

Добчинскій. Помилуйте, какъ не онъ: и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ! Кому же бъ быть, какъ не ему? И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей-Богу, онъ... Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ наши тарелки, полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани!

Городничій. Ахъ, Боже мой! помилуй насъ грѣшныхъ. Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій. Въ 5-мъ №, подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ ужъ здѣсь?

Добчинскій. Ужъ будетъ полторы недѣли. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій. Полторы недѣли! что вы! *(Въ сторону).* Ай-ай-ай *(почесывая ухо)*, въ эти полторы недѣли высѣчена почти напрасно унтеръ-офицерская жена! Боже мой! въ эти полторы недѣли арестантамъ никакъ и провизіи не выдавали. На улицахъ кабакъ, нечистота. О, Боже мой, Боже мой!.. *(Хватается за голову).*

Артемій Филипповичъ. Мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, намъ теперь поскорѣй одѣться въ мундиръ, и сей же часъ ѣхать прямо къ нему въ гостиницу.

Аммосъ Федоровичъ. А я полагаю, Антонъ Антоновичъ, что нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, впередъ пустить голову: онъ человѣкъ видный. Не дурно бы тоже и священство. Это имѣетъ глубокое и таинственное значеніе, вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Іоанна Массона...

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому это обдѣлать. *(Обращаясь къ Бобчинскому).* Вы говорите, что онъ человѣкъ молодой?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Ну, это хорошо, что молодой человѣкъ. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: вы теперь приготовляйте каждый по своей части наскоро, что можете, къ пріему.

а я отправлюсь самъ, или вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, такъ, какъ бы просто для прогулки — будто бы навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь недостатковъ или непріятностей. А вамъ совѣтую сей же часъ воспользоваться временемъ. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ... или, нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда.

(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ).

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ-то еще ничего: у васъ все въ исправности.

Артемій Филипповичъ. Кой чортъ въ исправности! Плохо, чрезвычайно плохо. Для больныхъ сегодня и на кухнѣ ничего не готовилось.

(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ, и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *(одинъ).* Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ пальца что-нибудь пустить въ оборотъ? Нѣтъ, не хочу; лучше немного поголодаю, да, по крайней мѣрѣ, пріѣду домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ напрокатъ кареты, а хорошо бы пріѣхать домой въ каретѣ. Очень бы недурно подкатить къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику съ фонарями подъ рыльцо, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы переполошились всѣ: кто такой, что такое? а лакей входитъ: «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знаютъ что такое значитъ «прикажете принять». Къ нимъ, если пріѣдетъ какой-нибудь гусь-помѣщикъ, то въ ту же минуту выразитъ изъ брички и, не говоря ни слова, такъ прямо медвѣдь и валится въ гостиную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, какъ я...» Тьфу *(плюетъ)*, даже тошнитъ, какъ ѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, Городничій и Добчинскій. *(Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза).*

Городничій *(немного оправившись и протянувъ руки впередъ).* Желаю здравствовать.

Хлестаковъ *(кланяется).* Мое почтеніе...

Городничій. Извините.

Хлестаковъ. Ничего.

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ *(сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко).* Да что жъ дѣлать!.. я не виноватъ!.. Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. *(Добчинскій выглядываетъ изъ дверей).* Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ... онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда: я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ... Чай такой странный: вонметъ рыбой, а не чаемъ. За что же я?.. Вотъ новость!

Городничій *(робѣя).* Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу; я знаю, что значитъ на другую квартиру, то-есть въ тюрьму. Зачѣмъ же меня... Вы не имѣете права... Я покажу вамъ одорожную... Я чиновникъ, ѣду въ собственную мою деревню, въ Саратовскую губернію, служу по министерству... Вы не смѣете... я буду жаловаться.

Городничій *(въ сторону).* О, Боже мой! Все, все узналъ... Какой сердитый! Все разсказали проклятые купцы.

Хлестаковъ *(храбрясь).* Да какъ вы смѣете!.. Меня самъ министръ знаетъ... Нѣтъ, не пойду! Ей-Богу, не пойду, хоть вы со всей своей командой... *(Въ сторону)* Не поддаваться! право, не поддаваться! и если что-нибудь... то... *(Беретъ сзади рукою бутылку).*

Городничій *(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ).* Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло! Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму,—вотъ прекрасно! *(Добчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется).* Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій *(дрожа).* По неопытности, ей-Богу, по неопытности! Недостаточность состоянія... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей-Богу, клевета! Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы и куситься.

Хлестаковъ. Да... конечно... *(Въ размышленіи).* Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ?... Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ далеко... я заплачу вамъ деньги; у меня только теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копѣйки нѣтъ денегъ.

Городничій *(въ сторону).* О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого туману напустилъ! Разбери, кто хочетъ. Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Попробовать развѣ на-авось? *(Вслухъ).* Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Такъ вы даете мнѣ взаймы?.. О, если такъ, то я сейчасъ готовъ расплатиться: мнѣ бы двѣсти рублей, раздѣлаться только съ трактирщикомъ, а тамъ я, какъ только въ деревню, сей же часъ и возвращу вамъ... это вдругъ.

Городничій. Помилуйте! я готовъ ожидать, сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначить срокъ. Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ *(принимая деньги).* Покорнѣйше благодарю; я вамъ очень благодаренъ. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило; у меня ужъ ни копѣйки не было. Вы, какъ я вижу теперь, очень благородный человѣкъ, а прежде я думалъ... *(Кладетъ ихъ въ карманъ).*

Городничій *(въ сторону).* Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ деньги взялъ. Теперь дѣло, можетъ быть, на ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ).* Позови сюда трактирнаго слугу! *(Къ городничему и Добчинскому).* А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. *(Добчинскому).* Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Садитесь, пожалуйста, я васъ прошу! *(Добчинскому)*. Садитесь. *(Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь)*.

Городничій *(въ сторону)*. Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. *(Вслухъ)*. Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я, кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ, и вотъ, въ награду за ревностную службу, случай доставилъ такое пріятное знакомство съ вами.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій *(въ сторону)*. Да, разсказывай себѣ! *(Вслухъ)*. Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій *(въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе)*. Въ Саратовскую губернію! О, да ты штука! *(Вслухъ)*. Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогѣ способности хорошо развиваются... И вы, вѣрно, такъ только по своей охотѣ ѣдете туда, для своего удовольствія?

Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ; а мнѣ, признаюсь, въ Петербургѣ лучше бы...

Городничій *(въ сторону)*. Батюшка требуетъ... А? Экія пули отливаетъ! А вѣдь какой маленькій... *(Вслухъ)*. И на долгое время изволите ѣхать туда?

Хлестаковъ. Не знаю. Мнѣ не хотѣлось бы жить съ мужиками; помѣщики тоже не имѣютъ образованности; однакожъ, отставку подалъ.

Городничій *(въ сторону)*. И въ отставку подалъ! Каково подвертываетъ! *(Вслухъ)*. И прекрасно дѣлаете. Что служба? Однѣ хлопоты: ночь не спишь — старѣешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще, когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату)*. Какія большія пятна по угламъ! Должно быть, течь и сырость бываетъ; и стѣны тоже ужъ слишкомъ низенькія... Мнѣ кажется, эта компата для васъ не слишкомъ удобна.

Хлестаковъ. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я еще нигдѣ не видывалъ: такъ, какъ собаки, капальи кусаютъ.

Городничій. Скажите! Такой просвѣщенный гость, и претерпѣваетъ такое неудовольствіе отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Мнѣ кажется, сколько на мои слабые глаза, или это мухи обначкали, какъ будто бы даже темно въ этой комнатѣ.

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать совсѣмъ свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать—почитать, или такъ придетъ фантазія сочинить что-нибудь; но не можно, потому что вовсе темно.

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ объ одномъ наивеличайшемъ одолженіи, котораго, безъ сомнѣнія, можетъ быть, я даже не достоинъ.

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Я бы дерзнулъ попросить васъ переѣхать ко мнѣ на домъ: у меня есть въ домѣ для васъ очень удобная комната.

Хлестаковъ *(въ размышленіи)*. Какъ, то-есть, къ вамъ?.. Да у васъ какая комната?

Городничій. Прекрасная комната, и столъ тоже вы будете у меня имѣть — хоть не столичный, но хорошій столъ; припасы свѣжіе, не такіе, какіе отпускаютъ въ трактирѣ за деньги. Не откажите! а я ужъ такъ радъ буду гостю... У меня такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства; все, что ни есть, готовъ предложить; особливо если еще притомъ гость такой просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести. Нѣтъ, не имѣю этого порока: отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ, Покорно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень понравились.

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли будетъ вамъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то богоугодныя и другія.

Хлестаковъ. А что тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... Знаете, это для наблюдательнаго ума хорошо; тутъ можно много полезнаго вывести.

Хлестаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. *(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь)*.

Городничій. Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы, — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Да, тюрьмы... нѣтъ, лучше я посмотрю богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій *(Добчинскому)*. Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ.

Городничій. Вы побѣгите наскоро ко мнѣ и скажите женѣ моей... или, лучше, я дамъ вамъ записочку. *(Хлестакову)*. Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя.

Хлестаковъ. Зачѣмъ безпокоиться? Впрочемъ, извольте, напишите: вотъ тутъ и чернила, только бумаги... не знаю... развѣ на этомъ счетѣ.

Городничій. Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери; но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается)*.

Хлестаковъ. Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего; только сверхъ носа небольшая нашлепка. Я забѣгу къ Христіану Ивановичу, онъ дастъ мнѣ пластыря, и все пройдетъ.

Городничій *(далъ Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову)*. Прошу покорнѣйше, пожалуйте! а слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. *(Осипу)*. Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему, тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ, но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому)*. Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! и растянулся, какъ чортъ знаетъ что такое! *(Уходитъ, за нимъ Бобчинскій; занавѣсъ опускается)*.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить вамъ семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ *(раскланиваясь)*. Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ *(присѣвъ)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Помилуйте! я никакъ не смѣю на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтѣ, пользоваться всѣми удобствами, и вдругъ, послѣ этого, въ какой-нибудь дорогѣ... не встрѣтишься съ образованнымъ человѣкомъ, съ которымъ бы можно поговорить о чемъ-нибудь; станціонные смотрителя чрезвычайные невѣжи и совершенно безъ воспитанія... Если бъ, признаюсь, не такой случай, какъ теперь, который меня вознаградилъ совершенно *(посматривая на Анну Андреевну)*, то я совсѣмъ не нашелся бы.

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Вы дѣлаете много чести, я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, конечно; впрочемъ, деревня тоже имѣетъ пріятности: ручейки, хижинки, зефиры!.. Я, сударыня, служу въ Петербургѣ съ большою выгодою. Это правда, что на мнѣ небольшой чинъ: ужъ никакъ не больше коллежскаго ассессора, даже немножко меньше; но за то меня вся канцелярія знаетъ, и начальникъ отдѣленія совершенно со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: «приходи, братецъ, обѣдать». Правду сказать, я ужъ зато и дѣлаю много. Вы, можетъ-быть, думаете, что я принадлежу къ тѣмъ, которые только переписываютъ бумаги,—о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я только приду и скажу: это вотъ такъ, это вотъ такъ,—а тамъ ужъ чиновникъ для письма сію минуту перомъ: тр... тр... такъ это все скоро. Мнѣ тамъ ужъ и кресло стоитъ особенно, какъ будто столоначальнику,—право. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: «позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ, говоритъ, сапоги почищу». *(Городничему)*. Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Всѣмъ.
Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.
Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ.
Лука Лукичъ. Не извольте безпокоиться.

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. *(Городничій и всѣ садятся)*. Да. Тамъ изъ нашихъ чиновниковъ никто такъ не одѣвается. Платье заказываю Ручу, триста рублей за пару. И если этакъ куда иду, то всѣ говорятъ: «вонъ, говорятъ, Иванъ Александровичъ идетъ!» А одинъ разъ, когда я шелъ пѣшкомъ, меня приняли даже за турецкаго посланника, — право; и удивительно то, что на мнѣ даже не было военной шинели. Всѣ солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: «ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за турецкаго посланника».

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Да меня ужъ вездѣ знаютъ. Я на всѣхъ гуляньяхъ бываю; въ театрѣ... съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже литературою занимаюсь. На сцену разные водевильчики даю, и довольно, знаете, этакъ удачно. Литераторовъ часто вижу. У меня тоже обѣдаютъ нѣкоторые. Хорошенькая у меня очень квартирка; я плачу восемьсотъ рублей: три комнаты, на улицу окна.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишите? Какъ это должно-быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Многіе, впрочемъ, много сочиненій: Женитьба Фигаро, Сумбека... Вотъ и Фенелла тоже мое сочиненіе. И все это такъ, по случаю: я даже не хотѣлъ ихъ, признаюсь, писать, но театральная дирекція говоритъ: «пожалуйста, братецъ, напишите что-нибудь». Думаю себѣ: «пожалуй, изволь, братецъ!» И тутъ же въ одинъ вечеръ написалъ. Да и въ журналы помѣщаю сочиненія: въ *Московскомъ Телеграфѣ* и въ *Библіотекѣ для чтенія*. Вотъ эти всѣ статьи, что были тамъ Брамбеуса, это все мои.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Да, это все мои и другія разныя сочиненія. Мнѣ Смирдинъ двадцать пять тысячъ платитъ. Да если сказать по правдѣ, то всѣ журналы, какіе тамъ ни есть, это все я издаю.

Анна Андреевна. Такъ вѣрно и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну, вотъ, я и знала, что даже здѣсь будетъ спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Да, мнѣ Смирдинъ сорокъ тысячъ даетъ въ годъ. Я этимъ составилъ себѣ состояніе: у меня два дома есть въ Петербургѣ, и если бы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. Я нарочно велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучшій видъ. Вездѣ колонны, пруды, каскады... О, если бъ этакую квартиру нанимать, то нужно, по крайней мѣрѣ, 20 тысячъ въ годъ. Я самъ даю балы даже иногда.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

Хлестаковъ. О! балы тамъ отличные! Подадутъ вамъ десертную тарелочку, такъ это просто объѣденье, или какой-нибудь пирогъ, что самъ онъ горячъ такъ, что вы не можете взять въ ротъ, а въ серединѣ мороженое, холодное, вотъ какъ ледъ. Да, я каждый разъ бываю на этихъ балахъ; тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И какъ только иногда какъ-нибудь замѣшкаюсь, то ужъ посланники и говорятъ: «да гдѣ жъ Иванъ Александровичъ? послать за Иваномъ Александровичемъ!» И какъ начнемъ играть — то просто я вамъ скажу, что ужъ не на что не похоже. Такъ уморишься, такъ уморишься, что какъ вбѣжишь къ себѣ на лѣстницу въ четвертый этажъ, то просто сбросишь съ себя шинель кухаркѣ, и скажешь только: «на, Маврушка!» А потъ такъ въ три ручья и льется! И на другой день въ должность ужъ никакъ не хочешь идти. «Осипъ, и не буди меня!» — бывало, говорю:—«не пойду!» Впрочемъ, я это такъ только говорю, а

у меня должность тутъ же на дому, и чиновники всегда ко мнѣ приходятъ. А любопытно очень видѣть, если бы нарочно заглянули, когда я проснусь. Въ передней у меня графы и князья толкаются и жужжатъ такъ, какъ шмели, только слышно ж... ж... ж... Ну, нечего дѣлать, нужно, однакожъ, выйти къ нимъ. И нельзя, впрочемъ: иной разъ министръ, не то чтобы всегда, а иногда заѣдетъ. *(Городничій и прочіе съ робостью встаютъ со своихъ стульевъ).* Всѣмъ нужда ко мнѣ: я вѣдь имѣю самое прибыточное мѣсто. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ иногда: ваше превосходительство. Я одинъ разъ даже управлялъ департаментомъ,—и ничего. И такъ это странно случилось: директоръ который по болѣзни уѣхалъ въ свою деревню,—всѣ думали: кому дать исправлять должность? кто будетъ? какъ и что? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало: нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ, а разсмотришь—нѣтъ, чортъ возьми, трудно; да послѣ видятъ, что нечего дѣлать — ко мнѣ: Иванъ Александровичъ, говорятъ, можетъ это сдѣлать. И въ ту же минуту по улицамъ вездѣ курьеры, курьеры, курьеры... курьеровъ пятнадцать: «Иванъ Александровичъ! Ивана Александровича, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, но думаю себѣ, дойдетъ до государя — непріятно; ну, да и не хотѣлось испортить свой послужной списокъ. «Извольте, говорю, гора, я принимаю должность, только ужъ у меня прошу не такъ, какъ теперь ни, ни, ни!.. Ужъ у меня ухо востро держите!.. Я ужъ»... И точно: бывало, какъ прохожу, то у меня чиновники всѣ вотъ такъ трясутся. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха).* Я и въ государственномъ совѣтѣ присутствую. И во дворецъ, если иногда балы случатся, за мной всегда ужъ посылаютъ. Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ. *(Зѣваетъ во всю глотку).* О чемъ, бишь, я говорилъ?

Городничій *(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить).* А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ. Что такое? вы что-то говорите?

Городничій. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ. Не разберу ничего.

Городничій. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. Вотъ и комната, и все, что нужно.

Хлестаковъ. Отдохнуть? Извольте, извольте, я готовъ. *(Встаетъ).* Прощайте, сударыня! Право, чрезвычайно хочется спать. Завтракъ былъ у васъ хорошъ. *(Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго

Бобчинскій *(Добчинскому).* Вотъ это, Петръ Ивановичъ, какой важный чиновникъ. Я никогда еще не былъ въ присутствіи такой важной персоны. Я чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой?

Добчинскій. Я думаю, что чуть ли не генералъ.

Бобчинскій. А я думаю, что генералъ ему и въ подмётки не станетъ! А когда не генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. И во дворецъ ѣздитъ! Пойдемъ, Петръ Ивановичъ, разскажемъ объ этомъ Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Они еще ничего объ этомъ не знаютъ. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка.

Артемій Филипповичъ *(Лукѣ Лукичу).* Такой знатный чиновникъ, а мы даже и не въ мундирахъ. Съ этакою молодостію, да такія должности отправляетъ. Ахъ, Боже мой! Когда бы въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь не досталось. Прощайте, сударыня! *(Уходитъ, за нимъ Лука Лукичъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и городничій.

Городничій *(входитъ на цыпочкахъ).* Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничій. Прилегъ отдохнуть. Боже васъ сохрани тутъ какъ-нибудь шумѣть. — Такъ совсѣмъ ошеломило! Страхъ такой напалъ: еще такого важнаго человѣка никогда не видѣлъ. *(Задумывается).* Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... Чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ!.. Какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, ужъ вы —женщины. Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все тралала. Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другого словцо. Вѣсь высѣкутъ, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... *(Посматриваетъ на дочь).*

Городничій *(одинъ).* Ну, ужъ съ вами говорить... Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь).* Мишка, позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. *(Послѣ небольшого молчанія).* Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой,—никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. Однакожъ, какъ онъ ни скрывался, а наконецъ-таки не выдержалъ и все разсказалъ. Видно, что человѣкъ молодой.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хлестаковъ *(одинъ).*

Мнѣ нравится здѣшній городокъ. Такое добродушіе со стороны жителей.. А какъ много значитъ нѣсколько времени пожить въ Петербургѣ! Всѣ съ такимъ почтеніемъ суетятся, бѣгаютъ, какъ будто точно за какимъ-нибудь важнымъ. Дочка у городничаго очень хорошенькая! Такая свѣженькая, розовыя губки. Да и матушка такая, что еще можно бы... Я люблю этакъ проводить время. Городничій, я думаю, одинокоже, долженъ быть очень разсѣянъ: вмѣсто двухсотъ рублей, какъ я разсмотрѣлъ теперь, онъ мнѣ далъ четыреста.—Я попрошу у него удержать ихъ на время при себѣ для путевыхъ издержекъ. Я полагаю даже, если онъ уже такой добрый, еще и попросить взаймы.—Оно хоть и не такъ теперь нужно, но все же лучше за одинъ разомъ. Дорога вѣдь такая вещь, что никакъ нельзя разсчитать въ обрѣзъ. Можетъ быть опять капитанъ встрѣтится.

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ и почтмейстеръ *(входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).*

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Пекинъ.

Хлестаковъ. Прошу покорнѣйше садиться... Такъ вы въ этомъ городѣ и живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Мнѣ очень пріятно съ вами познако-

миться. Какже! Мнѣ очень знакомъ вашъ начальникъ. Вѣдь это по Адмиралтейству, кажется?.. Да, такой добря къ.—Мы даже, если вамъ сказать правду, волочились вмѣстѣ за одною хорошенькою.—Ну, натурально: куда-жъ ему?—старикъ. Бывало, всегда, какъ только встрѣтитъ меня, я еще у Полицейскаго моста, а онъ у Аничкина — подниметъ палецъ и кричитъ: злодѣй! счастливецъ, каналья!.. А тамъ, знаете, ввечеру на Невскомъ проспектѣ очень много можно встрѣтить хорошенькихъ... *(Въ сторону)*. У этого, мнѣ кажется, и почтмейстера можно занять денегъ. *(Вслухъ)*. Такъ вы здѣшній почтмейстеръ?

Почтмейстеръ. Такъ то-съ.

Хлестаковъ. Вообразите: какой странный случай со мною! Выѣхавши изъ Петербурга, я разсчиталъ, какъ нарочно, все это самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ.—Вотъ это, думаю себѣ, на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикамъ на водку, это для моего прелестного человѣка, и все какъ нельзя лучше. Но, къ величайшему изумленію, стало мнѣ всего только на половину дороги, и теперь недостаетъ какой-нибудь бездѣлицы: не можете ли вы одолжить мнѣ на самое короткое время сколько-нибудь денегъ.

Почтмейстеръ. Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Да рублей хоть сто на первый случай; я завтра даже... или очень скоро возвращу.

Почтмейстеръ. Сейчасъ. *(Шаритъ въ карманахъ и говоритъ вполголоса)*. Ахъ, Боже мой, вотъ штука, если не будетъ! Вотъ не приведи Богъ!.. Есть, есть... *(Съ поспѣшностью даетъ ассигнаціи)*.

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю! *(Въ сторону)*. Почтмейстеръ, кажется, хорошій человѣкъ.

Почтмейстеръ *(встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу)* Не смѣя далѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! хорошо, хорошо!

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и Аммосъ Өедоровичъ *(въ мундирѣ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу)*.

Аммосъ Өедоровичъ. Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассесоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. А, сдѣлайте милость, садитесь. Что, вы давно занимаете тутъ мѣсто?

Аммосъ Өедоровичъ. Съ 816-го, былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. Это хорошо. Я самъ тоже служу. Что, получаете награды?

Аммосъ Өедоровичъ. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ. Да это, впрочемъ, еще довольно счастливо. У насъ есть одинъ такой, что пятнадцать лѣтъ служитъ, и получилъ только одну пряжку. Скажите, пожалуйста, мнѣ, право, нѣсколько и совѣстно, да нечего дѣлать; со мною странный случай: въ дорогѣ совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мнѣ на малое время рублей сто? Я вамъ, можетъ-быть, завтра же отдамъ.

Аммосъ Өедоровичъ. Сейчасъ. *(Вынимаетъ поспѣшно изъ бумажника деньги)*.

Хлестаковъ. Очень вамъ благодаренъ. Въ дорогѣ, знаете, этакъ разныя потребности могутъ случиться. Никакъ нельзя предвидѣть.—Въ одномъ мѣстѣ захочется поѣсть, въ другомъ купить что-нибудь. Оно хоть бездѣлица, а все составляетъ счетъ.

Аммосъ Өедоровичъ *(раскланиваясь)*. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, имѣю честь пребыть...

Хлестаковъ. А вы уже ѣдете? Зачѣмъ же такъ рано? Посидите еще. Мнѣ очень пріятно съ вами бесѣдовать.

Аммосъ Өедоровичъ. Не смѣю безпокоить.

Хлестаковъ. Ну, когда такъ, то прощайте. Покорно благодарю за то, что навѣстили меня. *(Выпровожаетъ Аммоса Өедоровича)*. Судья тоже, сколько мнѣ кажется, очень не глупый человѣкъ. Я люблю такихъ людей, съ которыми можно быть откровенну.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Какъ много здѣсь чиновниковъ! Городишка довольно населенъ. Теперь я вижу, сколько мнѣ кажется, они меня почитаютъ за человѣка государственнаго. Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіогноміи точно есть что-то такое, внушающее... Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ. А въ Петербургѣ попробуй пойти къ какому-нибудь даже послѣднему портнишкѣ, чтобы сшилъ тебѣ въ долгъ фракъ: ни за что не сошьетъ. Мнѣ кажется, это ужъ черезчуръ... такое развращеніе нравовъ можетъ быть только въ столицѣ. — А перечесть, сколько у меня теперь денегъ. *(Вынимаетъ изъ кармана)*. Въ этой пачкѣ четыреста. *(Кладетъ особо)*. Сколько тутъ? *(Считаетъ)*. Двадцать пять, пятьдесятъ, семьдесятъ пять... какая замасленная!.. сто, и тутъ сто... о! о! всѣхъ до тысячи добирается! А должно-быть однакожъ, сколько мнѣ кажется, эти чиновники большіе дураки; въ головѣ только, я думаю... фай... даже посвистываетъ! Такая простота. Написать нарочно объ этомъ Тряпичкину. Онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пускай-ка ихъ отбреетъ хорошенько,—это, право, будетъ хорошо. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернила.

Осипъ *(выглянувъ изъ дверей)*. Сейчасъ

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидѣвъ Хлестакова, не успѣвшаго встать на ноги, и всплеснувъ руками)*. Ахъ, какой пассажъ!

Хлестаковъ *(вставая)*. А, чортъ возьми!

Анна Андреевна. Извиняюсь, я въ такомъ нахожусь... я не знаю... *(Къ Марьѣ Антоновнѣ)*. Что это ты вздумала? Съ кого это ты примѣръ взяла?

Хлестаковъ *(вдругъ бросается на колѣни)*. Анна Андреевна!—влюбленъ, влюбленъ! Прошу руки Марьи Антоновны.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой!.. какъ же это!.. Право, такъ скоро, да еще... и на колѣняхъ стоите!

Хлестаковъ. Руки, руки прошу! Если не согласитесь, умру, сейчасъ же умру, на этомъ самомъ мѣстѣ. Застрѣлюсь, наповалъ застрѣлюсь.

Анна Андреевна. Я, право, не могу еще придти въ себя... Мы никакъ и не смѣемъ думать о такой чести. Вамъ нужна, по крайней мѣрѣ, графиня или княгиня.

Хлестаковъ. О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на графинь. Если вы не рѣшитесь исполнить мое просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; какъ честный человѣкъ увѣряю. Я рѣшительный человѣкъ: мнѣ жизнь копѣйка.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! какъ вы меня пугаете! Отваживаться жизнь свою, да еще такимъ страшнымъ образомъ! Встаньте... я согласна, только встаньте.

Хлестаковъ *(вставая)*. Теперь я самый...*(Въ сторону)*. А она тоже очень аппетитна! *(Вслухъ Аннѣ Андреевнѣ, подбираясь къ ней)*. Какъ счастливъ я, что могу наконецъ...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Я, господа, пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

Городничій. А напримѣръ, что́ такое? послушаемъ.

Почтмейстеръ. Я и самъ не знаю, что́ сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

Нѣкоторые. Какое? что?

Почтмейстеръ. Прихожу я домой и застаю письмо этого чиновника, которому мы показывали всѣ заведенія. На пакетѣ было написано какому-то Тряпичкину, въ С.-Петербургъ, въ Почтамтскую улицу. И какъ прочиталъ я, что въ Почтамтскую улицу, то въ ту же минуту такъ и обомлѣлъ. Вѣрно, думаю себѣ, это обо мнѣ писано. Можетъ-быть, какъ-нибудь дошло до него, что я отъ своего удовольствія распечатывалъ иногда письма. И въ ту же самую минуту, такъ, какъ будто какая-нибудь не предвидимая сила понудила меня распечатать.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ, и это самое письмо?

Городничій. Какъ же вы это? *(Всѣ показываютъ ужасъ).*

Почтмейстеръ. Я и самъ испугался такой мысли и въ ту же минуту положилъ письмо на столъ, и уже хотѣлъ позвать почталіона, чтобъ отправить скорѣе съ эштафетой. Но только немножко отойду отъ стола, такъ вотъ опять и тянетъ, и тянетъ. Въ одномъ ухѣ кричитъ: «распечатай!» въ другомъ: «не распечатывай! распечатай, не распечатывай». Съ одной стороны такъ, вотъ какъ бы подъ руку кто-нибудь толкаетъ, а съ другой стороны — какъ будто невидимая сила говоритъ: «оставь, пропадешь какъ курица!» Такъ что минутъ съ десять не зналъ, что дѣлать; наконецъ, напропалую рѣшился распечатать.

Городничій. Какъ же вы смѣли распечатать?

Почтмейстеръ. Ей-Богу, распечаталъ! со страхомъ такимъ, какого еще никогда не помню. И ставни велѣлъ закрыть, и собственноручно заткнулъ всѣ щелки. И какъ только придавилъ сургучъ, то огонь такъ по всему тѣлу и пробѣжалъ; а какъ разломалъ печать — морозъ, морозъ, такъ вотъ и чувствую, что морозъ! А какъ вынулъ и развернулъ письмо-то, я уже не знаю, гдѣ я въ то время былъ. Зубы и губы такъ тряслись, что цѣлый часъ не могъ одной строчки прочесть.

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ и не уполномоченный, и не особа!

Городничій. Что-жъ онъ по-вашему такое?

Почтмейстеръ. Ни сё, ни то; чортъ знаетъ, что такое.

Городничій *(запальчиво).* Какъ вы смѣете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ подъ арестъ взять?

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничій. Да, я.

Почтмейстеръ. Коротки руки.

Городничій. Знаете ли, что этотъ самый чиновникъ женится на моей дочери? Я самъ скоро буду вельможа, и если захочу, то васъ въ Сибирь законопачу.

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь, далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позволите прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ *(читаетъ).* «Мая такого-то числа и пр., и пр., и пр. Я уже писалъ къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, о томъ, какъ обыгралъ меня въ Пензѣ пѣхотный капитанъ. Трактирщикъ хотѣлъ даже потащить въ тюрьму. Къ батюшкѣ не писалъ: недоволенъ тономъ. Все одно: розги да розги. Этимъ, при теперешнемъ образованіи, онъ ничего не возьметъ. Но вдругъ сцена перемѣнилась: я живу теперь у городничаго въ домѣ, жирую, отпускаю bon mots. Жена и дочка его обѣ ко мнѣ неравнодушны. Не рѣшился, съ которой прежде начать; думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ, можетъ-быть, трудно доступъ, а матушка такая, что сію минуту готова влюбиться по уши. Самъ городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивый меринъ!!!»

Городничій. Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого.

Почтмейстеръ *(показываетъ письмо).* Читайте сами!

Городничій *(читаетъ).* «Какъ сивый меринъ». Не можетъ быть, вы это сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ *(продолжая читать).* «Городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивый меринъ...»

Городничій. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ *(продолжая читать).* «Но... хм, хм, хм, хм... сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ...» *(оставляя читать).* Ну, тутъ обо мнѣ тоже онъ неприлично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему-жъ?

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать. Читайте все!

Артемій Филипповичъ. Позвольте, я прочитаю. *(Надѣваетъ очки и читаетъ).* «Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ; чрезвычайно похожъ на департаментскаго сторожа Михѣева; должно-быть, тоже, подлецъ, пьетъ горькую.

Почтмейстеръ *(къ зрителямъ).* Ну, скверный мальчишка, котораго надо посѣчь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ *(продолжая читать).* «Кромѣ того, надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ какой-то» и... и... и... *(Заикается).*

Коробкинъ. А что-жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо).*

Артемій Филипповичъ *(не давая письма).* Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочитаю; далѣе все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читайте! Вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ! отдайте письмо. *(Коробкину).* Читайте!

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. *(Отдаетъ письмо).* Вотъ, позвольте, я закрою пальцемъ. *(Закрываетъ пальцемъ).* Вотъ этого мѣста только не читайте, а прочее все можно. *(Всѣ приступаютъ къ нему).*

Почтмейстеръ. Читайте! читайте все!

Коробкинъ *(читая).* «Кромѣ того, надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, какой-то Земляника: вообразя себѣ чухонскую свинью въ ермолкѣ, съ пребольшими ушами...»

Артемій Филипповичъ *(къ зрителямъ).* И нимало не остроумно! Богъ знаетъ что: свинья въ ермолкѣ! Совсѣмъ неправдоподобно; гдѣ-жъ свинья въ ермолкѣ бываетъ?

Коробкинъ *(продолжая читать).* «А отъ смотрителя училищъ страшно воняетъ лукомъ...»

Лука Лукичъ *(къ зрителямъ).* Ей-Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону).* Слава Богу, хоть, по крайней мѣрѣ, обо мнѣ нѣтъ.

Коробкинъ *(читаетъ).* «Кромѣ того, какой-то судья...»

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ тебѣ на! *(Вслухъ).* Господа, я думаю, что письмо дѣйствительно нѣсколько длинно. На первый разъ этого будетъ довольно.

Лука Лукичъ Зачѣмъ же? Нѣтъ мнѣ хочется все знать.

Коробкинъ *(продолжаетъ)*. «Какой-то судья Лапкинъ-Тяпкинъ, ужасный мове-тонъ...» *(останавливается)*. Должно-быть, французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А чортъ его знаетъ, что онъ значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ-быть и того еще хуже.

Коробкинъ *(продолжая читать)*. «Словомъ: дурачье страшное! По моей физіогноміи приняли меня за военнаго генералъ-губернатора. Я, съ своей стороны, подпустилъ имъ пыли порядочной. Ты описываешь для Библіотеки для Чтенія. Пожалуйста, помѣсти ихъ въ свою литературу и окритикуй хорошенько! Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братецъ, такъ жить: ищешь пищи для души, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ. Хочешь наконецъ чѣмъ-нибудь этакимъ высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ)*. Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ С.-Петербургъ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ № 97, поворотя на дворъ, въ 3 этажѣ, направо».

Одна изъ дамъ. Какой репримандъ неожиданный.

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу. Вижу какія-то свиныя рылы, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машетъ рукою)*.

Почтмейстеръ. Куда тутъ воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку и впередъ послалъ предписаніе, — чортъ бы меня совсѣмъ побралъ!

Жена Коробкина. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа, вѣдь онъ у меня взялъ деньги взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ *(вздыхаетъ)*. Охъ! и у меня сто рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ семьдесятъ пять ассигнаціями и три двугривенныхъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ недоумѣніи разставляетъ руки)*. Какъ же это, господа? какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали!

Городничій *(бьетъ себя по лбу)*. Какъ я?.. нѣтъ, какъ я, старый дуракъ! выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести меня; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ!.. А теперь... вертопрахъ, какой-нибудь мальчишка... на губахъ молоко еще не обсохло... Ступай, ищи его, чортъ побери!.. Я думаю, такъ удираетъ по столбовой дорогѣ, что колокольчикъ заливается.

Анна Андреевна *(мужу)*. Какъ же?.. Вѣдь это не можетъ быть... Онъ совсѣмъ вѣдь обручился ужъ съ нашей Машенькой.

Городничій *(съ досадою)*. А развѣ ты не видишь, что у него все это: фу, фу? Пустѣйшій человѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка или вельможу? Пусть бы имѣлъ онъ въ себѣ что-нибудь внушающее уваженіе; а то, чортъ знаетъ что: дрянь, сосулька! тоньше сѣрной спички. И какимъ это образомъ случилось? Кто первый вынесъ, что онъ чиновникъ, присланный для того, чтобъ ревизовать?..

Артемій Филипповичъ. А кто вынесъ? вотъ кто вынесъ, эти молодцы! *(Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго)*.

Бобчинскій. Ей, ей, не я, и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется, вы первые прибѣжали, какъ сумасшедшіе изъ трактира: пріѣхалъ, пріѣхалъ ревизоръ, и денегъ не платитъ... Нашли, чортъ бы васъ побралъ, важную птицу.

Городничій. Натуральнo, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ васъ чортъ побралъ, съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхіе! *(Всѣ обступаютъ ихъ)*.

Бобчинскій. Ей-Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это вы говорили.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, вы прежде...

Писано въ 1841 г.

---

4) СЦЕНЫ, НАПИСАННЫЯ ДЛЯ ВТОРОГО ИЗДАНІЯ „РЕВИЗОРА“ (1841 г.) И ИЗМѢНЕННЫЯ ПРИ ТРЕТЬЕМЪ ИЗДАНІИ КОМЕДІИ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ, **Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій,** *въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Скорѣе, скорѣе, господа, въ кружокъ, потому что онъ сейчасъ выйдетъ. Вотъ такъ. *(Всѣ равняются и образуютъ полукружіе)*. Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. *(оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ)*. Вотъ такъ; теперь совсѣмъ на военную ногу. Оно, знаете, въ этакомъ видѣ надо представиться. *(осматриваетъ всѣхъ ихъ)*. А вѣдь если посмотрѣть нѣсколько издалека, такъ у насъ есть точно что-то воинское. *(Слышно изъ комнаты Хлестакова откашливаніе и плеваніе. Чиновники пугаются)*.

Артемій Филипповичъ. Да видно уже проснулся.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Утрудился.

Почтмейстеръ. А вѣдь нечего сказать, вчера онъ куда бойко развернулся. Какъ вы полагаете? Мнѣ кажется, что изъ всего того, что онъ говорилъ вчера, не все правда?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Еще бы! подгулялъ, ну и прилгнулъ. Это не порокъ; это за всякимъ государственнымъ человѣкомъ водится. Но вѣдь за то у него все взвѣшено. Вотъ онъ, положимъ, подгулялъ, но какъ подгулялъ?—съ цѣлью подгулялъ.

Почтмейстеръ. А хорошо, что мы вздумали состроить закуску: хлѣба-соли отвѣдалъ, вредить уже не будетъ; да и самъ развернулся, и сказалъ то, чего бы нѣрно не сказалъ.

Артемій Филипповичъ. А мой совѣтъ, господа, не закладывать руки въ карманъ. Ну, что, какъ теперь, проснувшись, онъ поворотитъ опять круто? Я, право, боюсь. Вѣдь Антошка нашъ старый плутъ: онъ удовлетворилъ его вѣрно чѣмъ-нибудь наединѣ, только не говоритъ.

Лука Лукичъ. А что вы думаете, вѣдь это можетъ случиться.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Знаете, господа, что если бы ему... *(показываетъ жестомъ)*.

Артемій Филипповичъ. Подсунуть?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да.

Почтмейстеръ. Опасно, чортъ возьми.

Артемій Филипповичъ. Да какъ же это сдѣлать?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да просто въ руку, и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Что́ вы, что́ вы? Раскричится такъ, что и ногъ не унесешь. Развѣ вы не зна те государственныхъ людей? Скажетъ: что́ вы, кому это вы, да какъ вы смѣете? хотите, чтобъ я измѣнилъ государю? Нѣтъ, лучше, пусть Богъ съ нимъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Раскричаться-то онъ, конечно, раскричится, а деньги все-таки возьметъ.

Артемій Филипповичъ. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, это дѣло рискованное; а вотъ лучше въ видѣ какого-нибудь приношенія, или пожертвованія на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя... Да и то, чортъ возьми, опасно!

Почтмейстеръ. Да не поступить ли просто вотъ какъ: что вотъ-молъ пришли по почтѣ деньги, не извѣстно кому принадлежащія, а хозяина не тыскалось: такъ не его ли онѣ?

Артемій Филипповичъ. Та, та, та! дастъ онъ вамъ не извѣстно кому принадлежащія! Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ же не отправилъ куда-нибудь подальше.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А развѣ вотъ какъ: что умеръ-де въ нашемъ городѣ богатый купецъ, оставивши завѣщаніе, а по завѣщанію-то...

Артемій Филипповичъ. Ну, что-жъ по завѣщанію?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, ну вотъ здѣсь и запятая. Началъ было хорошо, а конца не сведешь.

Артемій Филипповичъ. Запрягъ прямо, да поѣхалъ криво. Нѣтъ, что толковать? Эти дѣла не такъ дѣлаются. Ну, зачѣмъ насъ пришелъ эскадронъ? Это вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, выдумали и представиться на военную ногу. Представиться нужно по-одиночкѣ, да между четырехъ глазъ, и того... какъ тамъ слѣдуетъ: да чтобы и уши не слыхали. Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается!.. А какъ одинъ прежде попробуетъ, такъ потомъ и другимъ будетъ извѣстно, какъ нужно поступить.

Почтмейстеръ. Вотъ это такъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пожалуй, попробуемъ. Вотъ вы, такъ какъ въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкушалъ хлѣба, такъ вы первые и представитесь.

Артемій Филипповичъ. Почему же мнѣ? А я полагаю, что приличнѣе Ивану Кузьмичу, какъ почтмейстеру...

Почтмейстеръ. Почему же мнѣ? Гораздо же болѣе это идетъ Аммосу Ѳедоровичу, какъ судьѣ...

Аммосъ Ѳедоровичъ. Аммосу Ѳедоровичу, Аммосу Ѳедоровичу! Такъ все на Аммоса Ѳедоровича! Почему же не Лукѣ Лукичу, какъ образователю юношества? Священнѣе уже нѣтъ этой должности.

Лука Лукичъ. Нѣтъ, господа, не могу. Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что заговори только со мною кто-нибудь однимъ чиномъ меня повыше, то у меня просто и души нѣтъ, и языкъ, чувствую, какъ бы въ грязь завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте.

Артемій Филипповичъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни поворачивай дѣло, а никому другому нельзя взяться за это, кромѣ васъ, Аммосъ Ѳедоровичъ. У васъ, что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы! что вы, Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ, да о какой-нибудь гончей ищейкѣ...

Всѣ *(пристаютъ къ нему)*. Нѣтъ, вы и о столпотвореніи!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!...

Аммосъ Ѳедоровичъ. Отвяжитесь, господа! *(Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выйти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія)*.

Голосъ Бобчинскаго. Ой, Петръ Ивановичъ! Петръ Ивановичъ! наступили на ногу.

Голосъ Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе: совсѣмъ прижали! *(Выхватываются нѣсколько восклицаній: ай! ай! наконецъ всѣ выпираются, и комната остается пустою)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ, одинъ, выходитъ съ заспанными глазами.

Я, кажется всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? Роскошь такая, даже вспотѣлъ. Мнѣ, однакоже, вѣрно чего-нибудь прекрѣпкаго подсунули вчера за завтракомъ,—шапсъ, что ли,—только до сихъ поръ еще въ головѣ какъ будто бы что-то стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностью проводить время. Вотъ это я люблю! это по-моему! Я насчетъ этого странный человѣкъ; я не знаю, какъ другіе, но мнѣ вообще нравится такая жизнь. Я не требую больше ничего, какъ только чтобы оказывали мнѣ вниманіе, чтобъ я видѣлъ желаніе угождать; словомъ, чтобы все это было радушно, какъ говорится—отъ сердца, а не то, чтобы изъ какого интереса. А дочка городничаго очень недурна; да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III

Хлестаковъ и судья.

Судья *(входя и останавливаясь, про себя)*. Боже, Боже вынеси благополучно! такъ вотъ колѣнки и ломаетъ *(Вслухъ вытянувшись и придерживая рукою шпагу)*. Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства, и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. А выгодно, однакоже, быть судьею?

Судья. За три трехъ лѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ. А— мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени уже не такъ. Слишкомъ уже, знаете, обыкновенно: всѣ носятъ, и столоначальники.

Судья *(въ сторону)*. Выдумалъ, да Богъ знаетъ, удастся ли! Сердце, чортъ побери, такъ и колотится!.. Придумалъ-то я выронить какъ-нибудь на полъ, какъ будто нарокомъ, да и броситься поднимать ихъ. Да чортъ его знаетъ, какъ оно выйдетъ. Ай! упали... Ну, батюшки!.. *(Роняетъ ассигнаціи на полъ и наклоняется поднять ихъ)*.

Хлестаковъ. А что вы?.. *(Подвигаетъ нѣсколько стулъ свой)*.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону, почти растерявшись)*. О, Боже, вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ. Что́, вы уронили что́-то?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Упали какія-то ассигнаціи; я полагалъ, что не съ нашего ли стола. *(Въ сторону)*. Ну, все кончено, пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ. А позвольте, я посмотрю, можетъ-быть, точно не мои ли. Мнѣ, признаюсь, по разсѣянности случалось очень часто ронять деньги. А ужъ извозчику почти всякій разъ случается, по ошибкѣ, дать вмѣсто четвертака золотой полуимперіалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я полагаю тоже, что это ваши.

(Въ сторону). Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Гивози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ. Больше трехсотъ, кажется, рублей. Не знаю, право, можетъ-быть, и мои. Я никогда не знаю, сколько у меня денегъ. А если на всякій случай нѣтъ, такъ все равно: вы мнѣ дайте ихъ взаймы, а я вамъ потомъ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Помилуйте! такимъ принятіемъ можно просто осчастливить человѣка.

Хлестаковъ. Да, я вамъ изъ деревни на слѣдующей же недѣлѣ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(вставая съ тѣмъ, чтобы итти).* Зачѣмъ же? я подожду. Не извольте никакъ безпокоиться. Если и въ другомъ чемъ... стоитъ приказать.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо. А вы уже уходите?..

Аммосъ Ѳедоровичъ. Не смѣю отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности.

Хлестаковъ. Прощайте! Вѣдь мы съ вами увидимся?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Готовъ явиться по первому приказанію. *(Въ сторону, уходя).* Городъ нашъ!

Хлестаковъ *(по уходѣ его).* Судья хорошій человѣкъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ и почтмейстеръ, входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу.

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ. А, покорнѣйше благодарю за то, что пожаловали. Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живет ?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно—ну, что-жъ! Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ. Совершенная правда.

Хлестаковъ. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не правда ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ! *(Въ сторону).* А онъ однакожъ ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ. А вѣдь, однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только радушіе, чтобы были только все хорошіе люди, чтобы тебя уважали, любили искренно—не правда ли?

Почтмейстеръ. Совершенно справедливо.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Я таковъ. Можетъ-быть, другимъ я покажусь страннымъ въ этомъ отношеніи... но что-жъ дѣлать, у меня ужъ это характеръ. *(Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя).* А попр шу-ка я у этого почтмейстера взаймы! *(Вслухъ).* Какой странный, однакожъ, со мною случай, въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь денегъ взаймы?

Почтмейстеръ. Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Ну, да рублей какихъ-нибудь двѣсти; а я вамъ завтра же пришлю изъ деревни.

Почтмейстеръ. Сейчасъ. *(Шаритъ въ карманѣ и вынимаетъ ассигнаціи).*

Хлестаковъ. Очень благодаренъ; а я, признаюсь, знаете, въ дорогѣ то и другое, а я никакъ не люблю отказывать себѣ ни въ чемъ; да и къ чему—не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. *(Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу).* Не смѣю долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо. *(По уходѣ почтмейстера раскуриваетъ сигару).* Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ. По крайней мѣрѣ, услужливъ. Я, признаюсь, отчасти люблю такихъ людей, съ которыми можно объясняться прямо.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ, который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: «чего робѣешь?»

Лука Лукичъ *(вытягивался не безъ трепета и придерживая шпагу).* Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ. А! милости просимъ! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подаетъ ему сигару).*

Лука Лукичъ *(про себя въ нерѣшимости).* Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ. Возьмите, возьмите; это поряд чная сигарка. Конечно, не то что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки по 25 рублей сотенка,—такъ просто ручки потомъ себѣ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. *(Подноситъ ему свѣчу).*

Лука Лукичъ *(пробуетъ закурить и весь дрожитъ).*

Хлестаковъ. Да не съ того конца.

Лука Лукичъ *(отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и махнулъ рукою, про себя).* Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаковъ. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это м я слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго полу никакъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы?.. какія вамъ больше нравятся: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ *находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать.*

Хлестаковъ. Нѣтъ, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ. Не смѣю знать.

Хлестаковъ. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь. Мнѣ хочется узнать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ. Осмѣлюсь доложить... *(Въ сторону).* И самъ не знаю, что говорю: въ головѣ все пошло кругомъ.

Хлестаковъ. А-а-а! не хотите сказать. Вѣрно ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ *(молчитъ).*

Хлестаковъ. О, о, покраснѣли! Видите, видите!.. Отчего-жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ. Оробѣлъ, ваше бла... преос... сія... *(Въ сторону).* Продалъ, проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ. Оробѣли?.. А въ моихъ глазахъ точно есть что-то такое, что внушаетъ робость,—магнетическое, не правда ли?.. Рѣдкая женщина выдержитъ даже, если я посмотрю. Не такъ ли?

Лука Лукичъ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста... Со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался... не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь денегъ взаймы?.. Я вамъ завтра же отдамъ.

Лука Лукичъ *(хватается за карманы, про себя).* Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! *(Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи).*

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю!

Лука Лукичъ *(вытягивался и придерживая шпагу).* Не смѣю долѣе безпокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ. Прощайте!

Лука Лукичъ *летитъ вонъ почти бѣгомъ.*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ. *(одинъ)*. Здѣсь однакожъ много чиновниковъ. Теперь, какъ начинаю я хорошенько разсматривать, они вѣрно полагаютъ, что я въ большомъ ходу въ Петербургѣ. Моя физіономія, какъ я замѣтилъ, сдѣлала на нихъ большое впечатлѣніе... Да и въ самомъ дѣлѣ, я точно могъ показаться имъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, въ родѣ гранъ-жанъ. Для провинціальнаго какого-нибудь жителя вдругъ увидѣть пріѣхавшаго изъ столицы, съ другимъ образованіемъ и въ столичномъ костюмѣ, въ этомъ есть такъ что-то околдовывающее. Дурачье, впрочемъ, должно-бытьужасное!.. Въ головѣ, я чай, только посвистываетъ. А посмотримъ, сколько у меня денегъ. *(Считаетъ ассигнаціи)*. Сто, двѣсти... какая замасленная!.. пятьсотъ, семьсотъ!.. ого! перевалило за тысячу!.. тысяча сто, тысяча двѣсти... да, кушикъ не дуренъ. А ну-ка, пѣхотный капитанъ! а попадись-ка ты мнѣ теперь. Я бы ужъ тебѣ далъ знать!.. Это, однакожъ благородная черта съ ихъ стороны, что они мнѣ дали денегъ взаймы. Что ни говори, это похвально! Право, обо всемъ этомъ стоитъ написать въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пусть-ка между прочимъ онъ ихъ обреетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ. *(Осипъ выглянулъ въ дверь, сказавши «сейчасъ»)*. Нельзя отнять отъ Тряпичкина... *(пишетъ)*... вѣдь подлецъ... у! какой подлецъ!.. и надуть, такъ надуетъ, что только держись!.. Но остроуміе необыкновенное—ужъ такая шпилька: отца родного не пожалѣетъ. И деньгу таки любитъ. Писано въ 1841 гг.

---

5) СЦЕНА НЕ ВКЛЮЧЕННАЯ САМИМЪ ПИСАТЕЛЕМЪ ВЪ ПЕЧАТНЫЯ ИЗДАНІЯ „РЕВИЗОРА“.

ЯВЛЕНІЕ VIII (четвертаго дѣйствія).

Хлестаковъ и Гибнеръ.

Гибнеръ. Ich habe die Ehre mich zu rekomandiren... Doctor der armen Anstalten, Hiebner.

Хлестаковъ. Прошу покорнѣйше садиться.

Гибнеръ. Es freuet m'ch sehr die Ehre zu haben, einen so würdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollmächtigt hat...

Хлестаковъ. Нѣтъ, я по-нѣмецки... Лучше по-русски. Скажите, пожалуйста; теперь вообще чиновникамъ назначено хорошее жалованье. Не обзавелись ли вы деньгами?

Гибнеръ. Денегъ?.. и што деньги?..

Хлестаковъ. Да. Если вы обзавелись, то я бы попросилъ у васъ взаймы... взаймы... То-есть, это вотъ что значитъ: вы мнѣ giebt теперь, а я вамъ послѣ назадъ отгибаю.

Гибнеръ. Денегъ... нетъ денги... *(вынимаетъ бумажникъ и встряхиваетъ)*. Sehen Sie! нетъ... одна сигаръ... большъ нетъ...

Хлестаковъ. Ну, нечего дѣлать! на нѣтъ и суда нѣтъ.

Гибнеръ *(прячетъ бумажникъ, потомъ опять беретъ за карманъ)*. Wollen Sie eine Cigarre rauchen? *(вынимаетъ и подаетъ сигару)*.

Хлестаковъ. А, хорошо, gut! Дайте сюда, giebt *(беретъ и раскуриваетъ)*. Хорошая сигарка. Это, вѣрно, изъ Петербурга *(пускаетъ дымъ)*.

Гибнеръ. Нетъ... изъ... Рига...

Хлестаковъ. Изъ Риги? Да, я такъ и думалъ.

Гибнеръ *(вставая со стула и кланяясь)*. Ich darf Sie nicht mehr beunruhigen *(sic!)* und Ihnen die theure Zeit rauben, die Sie den Sataatsgeschften widmen *(откланивается)*.

Хлестаковъ. Прощайте. Радъ познакомиться.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ *(одинъ)*. Хорошо и сигарку выкурить. Какъ много здѣсь чиновниковъ, и проч.

Писано въ 1835 гг.

---

6) ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

къ предполагавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ.

Почти всѣ наши русскіе литераторы жертвовали чѣмъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ: одни издавали съ этою цѣлью сами книги, другіе не отказывались участвовать въ изданіяхъ, собираемыхъ изъ общихъ трудовъ, третьи, наконецъ, составляли нарочно для этого публичныя чтенія. Одинъ я отсталъ отъ прочихъ. Желая, хотя поздно, загладить свой проступокъ, назначаю въ пользу неимущихъ четвертое и пятое изданія «Ревизора», нынѣ напечатанныя въ одно и то же время въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ присовокупленіемъ новой, неизвѣстной публикѣ пьесы: «Развязка Ревизора». По разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, пьеса эта не могла быть доселѣ издана, и въ первый разъ помѣщается здѣсь.

Деньги, вырученныя за оба эти изданія, назначаются только въ пользу тѣхъ неимущихъ, которые, находясь на самыхъ незамѣтныхъ маленькихъ мѣстахъ, получаютъ самое небольшое жалованье и этимъ небольшимъ жалованьемъ, едва достаточнымъ на собственное прокормленіе, должны помогать, а иногда даже и содержать еще бѣднѣйшихъ себя родственниковъ своихъ, — словомъ, въ пользу тѣхъ, которымъ досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни. А потому прошу всѣхъ моихъ читателей, которые сдѣлали уже начало доброму дѣлу покупкой этой книги, сдѣлать ему и доброе продолженіе, а именно: собирать, по возможности и по мѣрѣ досуга, свѣдѣнія обо всѣхъ, наиболѣе нуждающихся какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, не пренебрегая скучнымъ дѣломъ входить самому лично въ ихъ трудныя обстоятельства и доставлять всѣ таковыя свѣдѣнія тѣмъ, на которыхъ возложена раздача вспомоществованія.

Много происходитъ вокругъ насъ страданій, намъ неизвѣстныхъ; часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же улицѣ, въ одномъ и томъ же съ нами домѣ изнываетъ человѣкъ, сокрушенный весь тяжкимъ игомъ нужды и ею порожденнаго суроваго внутренняго горя, котораго вся участь, можетъ быть, зависѣла отъ одного нашего пристальнаго на него взгляда; но взгляда на него мы не обратили: безпечно и беззаботно продолжаемъ жизнь свою, почти равнодушно слышимъ о томъ, что такой-то, жившій съ нами рядомъ, погибнулъ,—не подозрѣвая того, что причиной этой гибели было именно то, что мы не дали себѣ труда пристально взглянуть на него. Ради Самого Христа, умоляю не пренебрегать разговорами съ тѣми, которые молчаливы, неразговорчивы, которые скорбятъ тихо, претерпѣваютъ тихо и умираютъ тихо, такъ что даже рѣдко и по смерти ихъ узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени своего горя. Всѣхъ же тѣхъ моихъ читателей, которые, будучи заняты обязанностями и должностями высшими и важнѣйшими, не имѣютъ черезъ то досуга входить непосредственно въ положеніе бѣдныхъ, прошу не оставить посильнымъ денежнымъ вспоможеніемъ, препровождая его къ одному изъ раздавателей такихъ вспомоществованій, которыхъ имена и адресы приложены въ концѣ сего предувѣдомленія.

Считаю обязанностью при этомъ увѣдомить, что избраны мною для этого дѣла тѣ изъ мною знаемыхъ лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хлопотами и обязанностями, лишающими нужнаго досуга для

подобныхъ занятій, влекутся сверхъ того собственной душевной потребностью помогать другому и которые взялись радостно за это трудное дѣло, несмотря на то, что оно отнимаетъ отъ нихъ множество пріятныхъ удовольствій свѣтскихъ, которыми неохотно жертвуетъ человѣкъ. А потому всякъ изъ дающихъ можетъ быть увѣренъ, что помощь, имъ произведенная, будетъ произведена съ разсмотрѣніемъ: не бросится изъ нея и копѣйка напрасно. Не помогутъ они до тѣхъ поръ человѣку, пока не узнаютъ его близко, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ, его окружающихъ, и не получатъ такимъ образомъ вразумленія полнаго, какимъ совѣтомъ и напутствіемъ сопроводить поданную ему помощь. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ страждущій самъ виной тяжелой участи своей и въ дѣло его бѣдствія замѣшалось дѣло его собственной совѣсти, помощь произведутъ они не иначе, какъ черезъ руки опытныхъ священниковъ и вообще такихъ духовниковъ, которые не въ первый разъ имѣли дѣло съ душою и совѣстью человѣка. Хорошо, если бы всякъ изъ тѣхъ, которые будутъ собирать свѣдѣнія о бѣдныхъ, взялъ на себя трудъ изъясниться объ этомъ съ раздавателями суммъ лично, а не посредствомъ переписки: въ разговорахъ объясняются легко всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Всякъ можетъ усмотрѣть самъ, уже по роду самого дѣла, къ кому изъ означенныхъ лицъ ему будетъ приличнѣй, ловче и лучше обратиться, принимая въ соображеніе и то, въ какомъ дѣлѣ особенно нужно сострадательное участіе женщины, а въ какомъ твердое, братски подкрѣпляющее слово мужа. Лучше, если для такихъ переговоровъ будетъ назначенъ разъ навсегда одинъ опредѣленный часъ, хотя, положимъ, отъ 11 до 12, который вообще для всѣхъ, для большинства людей, есть удобнѣйшій; если-жъ кому онъ и не удобенъ, то все-таки, пришедши въ этотъ часъ, можно получить освѣдомленіе о другомъ, удобнѣйшемъ.

Имена принявшихъ на себя вспомоществованія:

Въ Москвѣ:	Въ Петербургѣ:
Авдотья Петровна Елагина.	Ольга Степановна Одоевская.
Катерина Александровна Свербѣева.	Графиня Анна Михайловна Вьельгорская.
Вѣра Сергѣевна Аксакова.	Графиня Дашкова.
Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.	Аркадій Осиповичъ Россети.
Николай Филипповичъ Павловъ.	Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.
Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.	Владиміръ Алексѣевичъ Мухановъ.

Писано въ 1846 гг.

---

7) РАЗВЯЗКА РЕВИЗОРА.

дѣйствующія лица.

Первый комическій актеръ—Михайло Семеновичъ Щепкинъ.
Хорошенькая актриса.
Другой актеръ.
Ѳедоръ Ѳедорычъ, любитель театра.
Петръ Петровичъ, человѣкъ большого свѣта.
Семенъ Семенычъ, человѣкъ тоже немалаго свѣта, но въ своемъ родѣ.
Николай Николаичъ, литературный человѣкъ.
Актеры и актрисы.

Первый комическій актеръ *(выходя на сцену)*. Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, въ этотъ разъ точно хорошо сыгралъ, и рукоплесканье публики досталось те даромъ. Если чувствуешь это самъ, если не стыдно передъ самимъ собой, то, значитъ, дѣло было сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Входитъ толпа **актеровъ и актрисъ.**

Другой актеръ *(съ вѣнкомъ въ рукѣ)*. Михайло Семенычъ, это ужъ не публика, это мы подносимъ вамъ вѣнокъ. Публика раздаетъ вѣнки не всегда съ строгимъ разборомъ; достается отъ нея вѣнокъ и не за большія услуги; но если свои братья — товарищи, которые подчасъ и завистливы, и несправедливы, если свои братья—товарищи поднесутъ кому съ единодушнаго приговора вѣнокъ, то, значитъ, такой человѣкъ точно достоинъ вѣнка.

Первый комическій актеръ *(принимая вѣнокъ)*. Товарищи, умѣю цѣнить этотъ вѣнокъ.

Другой актеръ. Нѣтъ, не въ рукѣ держать; надѣньте-ка на голову!

Всѣ актеры и актрисы. На голову вѣнокъ!

Хорошенькая актриса *(выступая впередъ, съ повелительнымъ жестомъ)*. Михайло Семенычъ, вѣнокъ на голову!

Первый комическій актеръ. Нѣтъ, товарищи, взять вѣнокъ отъ васъ—возьму, но надѣть на голову—не надѣну. Другое дѣло—принять вѣнокъ отъ публики, какъ обычное выраженье привѣтствія, которымъ она награждаетъ всякаго, кто удостоился ей понравиться; не надѣть такого вѣнка—значило бъ показать пренебреженье къ ея вниманью. Но надѣть вѣнокъ посреди себѣ равныхъ товарищей,—господа, для этого нужно имѣть слишкомъ много самонадѣянной увѣренности въ себѣ.

Всѣ. Вѣнокъ на голову.

Хорошенькая актриса. На голову вѣнокъ, Михайло Семенычъ!

Другой актеръ. Это наше дѣло; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надѣть его, а потомъ мы вамъ скажемъ, зачѣмъ васъ увѣнчали. Вотъ такъ! Теперь слушайте! За то вамъ вѣнокъ, что вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ вы посреди насъ, и нѣтъ изъ насъ никого, который былъ бы когда-либо вами обиженъ; за то, что вы всѣхъ насъ ревностнѣй дѣлали свое дѣло и симъ однимъ внушали охоту не уставать на своемъ поприщѣ, безъ чего врядъ ли у насъ достало бы силъ. Какая посторонняя сила можетъ такъ подтолкнуть, какъ подтолкнетъ товарищъ своимъ примѣромъ? За то, что вы не объ одномъ себѣ думали, не о томъ хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всякъ не оплошалъ въ своей роли, и никому не отказывали въ совѣтѣ, никѣмъ не пренебрегали. За то, наконецъ, что такъ любили дѣло искусства, какъ никто изъ насъ никогда не любилъ его.—И вотъ вамъ за что́ подносимъ теперь всѣ до единаго вѣнокъ.

Первый комическій актеръ *(растроганный)*. Нѣтъ, товарищи, не было такъ, но хотѣлось бы, чтобы было такъ.

Входятъ **Ѳедоръ Ѳедорычъ, Семенъ Семенычъ Петръ Петровичъ и Николай Николаичъ.**

Ѳедоръ Ѳедорычъ *(бросившись обнимать перваго актера)*. Михайло Семенычъ! Себя не помню, не знаю, что и сказать объ игрѣ вашей: вы никогда еще такъ не играли.

Петръ Петровичъ. Не почтите словъ моихъ за лесть, Михайло Семенычъ, но я долженъ признаться, не встрѣчалъ,—а могу сказать нехвастовски, былъ на всѣхъ первоклассныхъ театрахъ Европы, видѣлъ лучшихъ актеровъ,—не встрѣчалъ подобной игры, не примите моихъ словъ за лесть.

Семенъ Семенычъ. Михайло Семенычъ!.. *(въ безсиліи выразить словомъ, выражаетъ движеніемъ руки)* вы просто Асмодей!

Николай Николаичъ. Въ такомъ совершенствѣ, въ такой окончательности, такъ сознательно и въ такомъ соображеньи всего исполнить роль свою—нѣтъ, это что-то

выше обыкновенной передачи. Это второе созданье, творчество!

Ѳедоръ Ѳедорычъ. Вѣнецъ искусства—и больше ничего! Здѣсь-то, наконецъ, у насъ высокій смыслъ искусства. Ну, что́ есть привлекательнаго, напримѣръ, въ томъ лицѣ, которое вы сейчасъ представляли? Какъ можно доставить наслажденіе зрителю въ кожѣ какого-нибудь плута? А вы его доставили. Я плакалъ; но плакалъ не отъ участья къ положенью лица,—плакалъ отъ наслажденія. Душѣ стало свѣтло и легко. Легко и свѣтло оттого, что выставили всѣ оттѣнки плутовской души, что дали ясно увидѣть, что такое плутъ.

Петръ Петровичъ. Позвольте однакожъ, оставивши въ сторонѣ мастерскую обстановку пьесы, подобной которой, признаюсь, не встрѣчалъ,—а могу сказать нехрастовски, былъ на лучшихъ театрахъ,—ужъ не знаю, кому обязанъ авторъ: вамъ ли, господа, или начальству нашихъ театровъ,—вѣроятно тому и другому вмѣстѣ; но подобная обстановка вынесетъ хоть какую пьесу (не примите моихъ словъ за лесть, господа!)—позвольте однакожъ, оставивши все это въ сторонѣ, сдѣлать мнѣ замѣчанье насчетъ самой пьесы, то самое замѣчанье, которое сдѣлалъ я назадъ тому десять лѣтъ, во время ея перваго представленія: не вижу я въ «Ревизорѣ», даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта пьеса нужна обществу.

Семенъ Семенычъ. Я даже вижу вредъ. Въ пьесѣ выставлено намъ униженье наше; не вижу я любви къ отечеству въ томъ, кто писалъ ее. И притомъ, какое неуваженіе, какая даже дерзость... Я ужъ этого даже не понимаю, какъ см... сказать въ глаза всѣмъ «Что́ смѣетесь? — Надъ собой смѣетесь!»

Ѳедоръ Ѳедорычъ. Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, ты позабылъ: вѣдь это не авторъ говоритъ, вѣдь это говоритъ городничій; это говоритъ разсердившійся, раздосадованный плутъ, которому, разумѣется, досадно, что надъ нимъ смѣются.

Петръ Петровичъ. Извольте, Ѳедоръ Ѳедорычъ, позвольте, вамъ однакожъ, замѣтить, что слова эти точно произвели странное дѣйствіе, и, вѣроятно, не одному изъ сидѣвшихъ въ театрѣ показалось, что авторъ къ нему самому обращаетъ эти слова: «надъ собой смѣетесь!» Говорю это... вы не принимайте моихъ словъ, господа, за какое-нибудь личное нерасположеніе къ автору, или предубѣжденіе, или... словомъ не то, чтобы я имѣлъ противъ него что-нибудь, понимаете; но говорю вамъ мое собственное ощущеніе; мнѣ показалось, точно какъ бы въ эту минуту стоитъ передо мною человѣкъ, который смѣется надъ всѣмъ, что́ ни есть у насъ: надъ нравами, надъ обычаями, надъ порядками и, заставивши насъ же посмѣяться надъ всѣмъ этимъ, намъ же говоритъ въ глаза: «вы надъ собой смѣетесь!»

Первый актеръ. Позвольте здѣсь мнѣ сказать слово. Вышло это само собой. Въ монологѣ, обращенномъ къ самому себѣ, актеръ обыкновенно обращается къ сторонѣ зрителей. Хотя городничій былъ въ безпамятствѣ и почти въ бреду, но не могъ не замѣтить усмѣшки, которую возбудилъ онъ смѣшными своими угрозами всѣхъ обманувшему Хлестакову, который въ это время во весь духъ несется себѣ на почтовыхъ, Богъ вѣсть, въ какихъ краяхъ. Дать именно тотъ смыслъ, о которомъ вы говорите, у автора не было никакого намѣренья: я это вамъ говорю потому, что знаю небольшую тайну этой пьесы. Но позвольте мнѣ съ моей стороны сдѣлать запросъ: ну, что если бы у сочинителя была цѣль показать зрителю, что онъ надъ собой смѣется?

Семенъ Семенычъ. Благодарю за комплиментъ! Я по крайней мѣрѣ не нахожу въ себѣ ничего общаго съ выведенными въ «Ревизорѣ» людьми. Извините! Не хвастаюсь, что я не безъ пороковъ, такъ же, какъ и всѣ люди, но все же я не похожъ на нихъ. Это ужъ слишкомъ: Въ эпиграфѣ выставлено: «На зеркало нечего пенять, если рожа крива!» Петръ Петровичъ, я спрашиваю у васъ: развѣ у меня рожа крива? Ѳедоръ Ѳедорычъ, я спрашиваю у тебя: развѣ у меня рожа крива? Николай Николаичъ, у тебя я спрашиваю: у меня рожа крива? (*обращаясь ко всѣмъ другимъ*). Господа, я у васъ всѣхъ спрашиваю, скажите мнѣ: развѣ у меня рожа крива?

Ѳедоръ Ѳедорычъ. Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, странный и ты опять вопросъ задалъ. Вѣдь ты же опять и не красавецъ, какъ и мы всѣ грѣшные. Нельзя же сказать ужъ такъ напрямикъ, чтобы твое лицо было образецъ образцомъ. Какъ ни разсмотри, немножко косовато: ну, а что́ косо, то ужъ и криво.

Петръ Петровичъ. Господа, вы вдались совершенно въ другой вопросъ. Это лежитъ на совѣсти всякаго человѣка; намъ смѣшно и трактовать о томъ, у кого лицо криво, а у кого нѣтъ. Но вотъ въ чемъ главное дѣло, позвольте мнѣ вновь возвратиться къ тому же: не вижу я большого разума въ комедіи, не вижу цѣли, по крайней мѣрѣ, въ самомъ сочиненіи это не обнаруживается.

Николай Николаичъ. Но какой же вы хотите еще цѣли, Петръ Петровичъ? Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленье къ прекрасному и высокому—вотъ искусство. Это непремѣнный законъ искусства; безъ этого искусства — не искусство. А потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оно быть безнравственно. Оно стремится непремѣнно къ добру, положительно или отрицательно: выставляетъ ли намъ красоту всего лучшаго, что́ ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго въ человѣкѣ. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть въ человѣкѣ, и выставишь ее такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получитъ къ ней полное отвращеніе, спрашиваю: развѣ это не похвала всему хорошему? спрашиваю: развѣ это не похвала добру?

Петръ Петровичъ. Безспорно, Николай Николаичъ; но позвольте, однакоже, вамъ...

Николай Николаичъ (*не слушая*). Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видишь, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ выставляютъ его такъ, что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ; то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое; то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что не знаешь, къ которой сторонѣ пристать; то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра.

Первый комическій актеръ. Клянусь, истинная правда, Николай Николаичъ! Вы сказали то, въ чемъ я всегда былъ убѣжденъ, но не умѣлъ только такъ хорошо высказать. То дурно, что въ добрѣ не видишь добра. А этотъ грѣхъ водится за всѣми модными драмами, которыми должны мы тѣшить публику. Зритель выходитъ изъ театра и самъ не знаетъ рѣшить, что́ такое онъ видѣлъ: злой ли человѣкъ, или добрый былъ передъ нимъ. Къ добру не влечетъ его, отъ зла не отталкиваетъ, и остается онъ точно какъ во снѣ, не извлекши изъ того, что́ видѣлъ, никакого для себя правила, къ чему-нибудь пригоднаго въ жизни, сбившись даже и съ той дороги, по которой шелъ, готовый пойти за первымъ, кто поведетъ, не спрашивая, куда и зачѣмъ.

Ѳедоръ Ѳедорычъ. И прибавьте, Михайло Семенычъ, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только онъ истинный артистъ въ душѣ.

Первый актеръ. Не говорите этого: ваши слова мѣтятъ въ самое сердце. Не можете постигнуть, какъ подчасъ бываетъ горько. Учишь, разучиваешь эту роль, и не знаешь самъ, какое ей дать выраженье. Иногда забудешься, войдешь въ положенье лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чѣмъ ты его потрясъ—противенъ станешь самому себѣ: хотѣлъ бы просто провалиться

сквозь землю, и отъ рукоплесканій горишь, какъ отъ собственнаго стыда. Я и рѣшить не знаю, что̀ хуже: выставлять ли преступленья такимъ образомъ, чтобы зритель готовъ былъ съ ними примириться, или не выставлять подвиги добра въ такомъ видѣ, что зритель не закипитъ весь желаньемъ съ нимъ подружиться? То и другое по мнѣ — гниль, а не искусство. Глубоко сказалъ Николай Николаичъ: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Другой актеръ. Справедливо, справедливо: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Петръ Петровичъ. Противъ этого я не могу сказать рѣшительно никакого возраженія. Николай Николаичъ сказалъ глубоко; Михайло Семенычъ развилъ еще больше. Но все это не отвѣтъ на мой вопросъ. То, что̀ вы сейчасъ сказали, то-есть, чтобы хорошее выставлено было дѣйствительно съ силой магической, увлекающей не только человѣка хорошаго, но даже и дурного, а дурное было выражено въ такомъ презрительномъ видѣ, чтобы зритель не только не почувствовалъ желанья примириться съ выведенными лицами, но, напротивъ, желанье поскорѣй ихъ оттолкнуть отъ себя,—все это, Николай Николаичъ, должно быть непремѣннымъ условіемъ всякаго сочиненія. Это даже и не цѣль. Всякое сочиненіе должно имѣть сверхъ этого всего свое собственное, личное выраженье, Николай Николаичъ, иначе пропадетъ его оригинальность, Николай Николаичъ,—понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу въ «Ревизорѣ» того большого значенья, которое придаютъ ему другіе. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачѣмъ предпринято такое-то сочиненіе, на что̀ именно бьетъ оно, къ чему клонится, что̀ новаго хочетъ доказать собой Вотъ что̀, Николай Николаичъ, а не то, что̀ вы говорите вообще объ искусствѣ.

Николай Николаичъ. Петръ Петровичъ, да какже вы говорите, къ чему клонится... вѣдь это... вѣдь это видно.

Петръ Петровичъ. Николай Николаичъ, это не видно. Не вижу я никакой особенной цѣли этой комедіи, обнаруженной ясно въ самомъ сочиненіи; или, можетъ-быть, авторъ съ какимъ-нибудь умысломъ скрылъ ее. Въ такомъ случаѣ это выйдетъ уже преступленье предъ искусствомъ, Николай Николаичъ, что̀ вы себѣ ни говорите. Разберемъ-те-ка серьезно эту комедію: вѣдь «Ревизоръ» совсѣмъ не производитъ того впечатлѣнія, чтобъ зритель послѣ него освѣжился; напротивъ, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали безплодное раздраженіе, другіе даже озлобленіе, а вообще всякъ унесъ какое-то тягостное чувство. Несмотря на все удовольствіе, которое возбуждаютъ ловко найденныя сцены, на комическое даже положеніе многихъ лицъ, на мастерскую даже обработку нѣкоторыхъ характеровъ, въ итогѣ остается что-то этакое... я вамъ даже объяснить не могу,—что-то чудовищно-мрачное, какой-то страхъ отъ безпорядковъ нашихъ. Самое это появленіе жандарма, который, точно какой-то палачъ, является въ дверяхъ, это окаменѣнье, которое наводятъ на всѣхъ его слова, возвѣщающія о пріѣздѣ настоящаго ревизора, который долженъ всѣхъ ихъ истребить, стереть съ лица земли, уничтожить въ конецъ — все это какъ-то необыкновенно страшно! Признаюсь вамъ достовѣрно, à la lettre, на меня ни одна трагедія не производила такого печальнаго, такого тягостнаго, такого безотраднаго чувства, такъ что я готовъ подозрѣвать даже, не было ли у автора какого-нибудь особеннаго намѣренія произвести такого дѣйствія послѣдней сценой своей комедіи. Не можетъ быть, чтобъ это вышло такъ, само собой.

Первый комическій актеръ. А вотъ, наконецъ, догадались сдѣлать этотъ запросъ. Десять лѣтъ играется на сценахъ «Ревизоръ». Всѣ, болѣе или менѣе, нападали на тягостное впечатлѣніе, имъ производимое, а никто не далъ запроса: зачѣмъ было производить его?—точно какъ будто бы авторъ долженъ былъ писать свою комедію, очертя голову и не зная самъ, къ чему она и что̀ выйдетъ изъ нея. Дайте же ему хотя каплю ума, въ которомъ вы не отказываете ни одному человѣку. Вѣдь, вѣрно же, есть причина всякому поступку, даже и въ глупомъ человѣкѣ.

(Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ).

Петръ Петровичъ. Михайло Семенычъ, объяснитесь: это что-то неясно.

Семенъ Семенычъ. Это пахнетъ какою-то загадкой.

Первый комическій актеръ. Да какже, въ самомъ дѣлѣ, вы не замѣтили, что «Ревизоръ» безъ конца?

Николай Николаичъ. Какъ безъ конца?

Семенъ Семенычъ. Да какой же еще конецъ? Пять дѣйствій; въ шести комедія не бываетъ. — Развѣ новая побранка въ придачу?

Петръ Петровичъ. Позвольте, однакожъ, замѣтить вамъ, Михайло Семенычъ, что же за пьеса, которая безъ конца? я спрашиваю васъ. Неужели и это въ законѣ искусства? Николай Николаичъ! Вѣдь это, по-моему, значитъ принести, поставить передъ всѣми запертую шкатулку и спрашивать, что̀ въ ней лежитъ?

Первый комическій актеръ. Ну, да если она поставлена передъ вами съ тѣмъ именно, чтобы потрудились сами отпереть?

Петръ Петровичъ. Въ такомъ случаѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сказать это, или же просто дать ключъ въ руки.

Первый комическій актеръ. Ну, а если и ключъ лежитъ тутъ же, возлѣ шкатулки?

Николай Николаичъ. Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Вѣрно, вамъ авторъ далъ въ руки этотъ ключъ, а вы держите его и секретничаете.

Ѳедоръ Ѳедорычъ. Объявите, Михайло Семенычъ; я не въ шутку заинтересованъ знать, что̀, въ самомъ дѣлѣ, можетъ здѣсь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

Семенъ Семенычъ. Дайте же открыть намъ эту загадочную шкатулку. Что̀ это за странная такая шкатулка, которая, неизвѣстно зачѣмъ, намъ поднесена, неизвѣстно зачѣмъ, передъ нами поставлена и, неизвѣстно зачѣмъ, отъ насъ заперта?

Первый комическій актеръ. Ну, а что-жъ, если она откроется такъ, что станете удивляться, какъ не открыли сами? и если въ шкатулкѣ лежитъ вещь, которая для однихъ, что̀ старый грошъ, вышедшій изъ употребленья, а для другихъ, что̀ свѣтлый червонецъ, который вѣкъ въ цѣнѣ, какъ ни мѣняется на немъ штемпель?

Николай Николаичъ. Да полно вамъ съ вашими загадками! Намъ подавайте ключъ и ничего больше!

Семенъ Семенычъ. Ключъ, Михайло Семенычъ!

Ѳедоръ Ѳедорычъ. Ключъ!

Петръ Петровичъ. Ключъ!

Всѣ актеры и актрисы. Михайло Семеновичъ, ключъ!

Первый комическій актеръ. Ключъ? Да примете ли вы, господа, этотъ ключъ? Можетъ-быть, швырнете его прочь вмѣстѣ со шкатулкой?

Николай Николаичъ. Ключъ! не хотимъ больше ничего слышать. Ключъ!

Всѣ. Ключъ!

Первый комическій актеръ. Извольте, я дамъ вамъ ключъ. Отъ комическаго актера вы, можетъ-быть, не привыкли слышать такихъ словъ, но что̀-жъ дѣлать? въ этотъ день сердце мое разгорѣлось, мнѣ стало легко, и я готовъ все сказать, что̀ ни есть у меня на душѣ, какъ бы вы ни приняли слова мои. Нѣтъ, господа, не давалъ мнѣ авторъ ключа, но бываютъ такія минуты состоянья душевнаго, когда становится самому понятнымъ то, что̀ прежде было непонятно. Нашелъ я этотъ ключъ, и сердце мое говоритъ мнѣ, что онъ тотъ самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говоритъ мнѣ, что не могъ имѣть другой мысли самъ авторъ.

Всмотритесь-ка пристально въ этотъ городъ, который выведенъ въ пьесѣ! Всѣ до единаго согласны, что этакого города нѣтъ во всей Россіи: не слыхано, чтобы гдѣ были у насъ чиновники всѣ до единаго такіе уроды; хоть два, хоть три бываетъ честныхъ, а здѣсь ни одного. Словомъ, такого города нѣтъ. Не такъ ли? Ну, а что, если это нашъ же душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ? Нѣтъ, взглянемъ на себя не глазами свѣтскаго человѣка, — вѣдь не свѣтскій человѣкъ произноситъ надъ нами судъ,—взглянемъ хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позоветъ на очную ставку всѣхъ людей, передъ Которымъ и наилучшіе изъ насъ, не позабудьте этого, потупятъ отъ стыда въ землю глаза свои, да и посмотримъ, достанетъ ли у кого-нибудь изъ насъ тогда духу спросить: «Да развѣ у меня рожа крива?» Чтобы не испугался онъ такъ собственной кривизны своей, какъ не испугался кривизны всѣхъ этихъ чиновниковъ, которыхъ только-что видѣлъ въ пьесѣ! Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, не говорите: «это старыя рѣчи», или: «это ужъ мы сами знаемъ!» Дайте-жъ, наконецъ, ужъ и мнѣ сказать слово. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, какъ будто я живу только для скоморошничества? Тѣ вещи, которыя намъ даны съ тѣмъ, чтобы помнить ихъ вѣчно, не должны быть старыми: ихъ нужно принимать какъ новость, какъ бы въ первый разъ только ихъ слышимъ, кто бы ихъ ни произносилъ намъ, — тутъ нечего глядѣть на лицо того, кто говоритъ ихъ. Нѣтъ, Семенъ Семенычъ, не о красотѣ нашей должна быть рѣчь, не о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да не кончилась бы такой трагедіей, какою не кончилась эта комедія, которую только-что сыграли мы. Что ни говори, но страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба. Будто не знаете, кто этотъ ревизоръ? Что прикидываться? Ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что, по Именному Высшему повелѣнью, онъ посланъ и возвѣстится о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобою, въ тебѣ же откроется такое страшилище, что отъ ужаса подымется волосъ. Лучше-жъ сдѣлать ревизовку всему, что ни есть въ насъ, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея—на мѣсто пустыхъ разглагольствованій о себѣ и похвальбы собой, да побывать теперь же въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ, который въ нѣсколько разъ хуже всякаго другого города,—въ которомъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! Въ началѣ жизни взять ревизора и съ нимъ объ руку переглядѣть все, что ни есть въ насъ, — настоящаго ревизора, не подложнаго, не Хлестакова! Хлестаковъ — щелкопёръ, Хлестаковъ, — вѣтреная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть; Хлестакова подкупятъ какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ нашей, страсти. Съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ. Смотрите, какъ всякій чиновникъ съ нимъ въ разговорѣ вывернулся ловко и оправдался, — вышелъ чуть не святой. Думаете, не хитрѣй всякаго плута-чиновника каждая страсть наша? И не только страсть, даже самая пустая, пошлая какая-нибудь привычка. Такъ ловко передъ нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродѣтель, и даже похвастаешься передъ своимъ братомъ и скажешь ему: «Смотри, какой у меня чудесный городъ, какъ въ немъ все прибрано и чисто!» Лицемѣры — наши страсти, говорю вамъ, лицемѣры, потому что самъ имѣлъ съ ними дѣло. Нѣтъ, съ вѣтреной свѣтской совѣстью ничего не разглядишь въ себѣ: и ее самоё онѣ надуютъ, и она надуетъ ихъ, какъ Хлестаковъ чиновниковъ, и потомъ пропадетъ сама, такъ что и слѣда ея не найдешь. Остановишься какъ дуракъ-городничій, который занесся уже было невѣсть куда—и въ генералы полѣзъ, и, повѣрняка, сталъ возвѣщать, что сдѣлается первымъ въ столицѣ, и другимъ сталъ обѣщать мѣста, и потомъ вдругъ увидѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ и одураченъ мальчишкою, верхоглядомъ, вертопрахомъ, въ которомъ и подобья не было съ настоящимъ ревизоромъ. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, нѣтъ, господа, всѣ, кто ни держитесь такого же мнѣнья, бросьте вашу свѣтскую совѣсть! Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ. Благородно и строго, какъ онъ изгоняетъ изъ земли своей лихоимцевъ, изгонимъ нашихъ душевныхъ лихоимцевъ! Есть средство, есть бичъ, которымъ можно выгнать ихъ. Смѣхомъ, мои благородные соотечественники! Смѣхомъ, котораго такъ боятся всѣ низкія наши страсти! Смѣхомъ, который созданъ на то, чтобы смѣяться надъ всѣмъ, что позоритъ истинную красоту человѣка. Возвратимъ смѣху его настоящее значенье! Отнимемъ его у тѣхъ, которые обратили его въ легкомысленное свѣтское кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного! Такимъ же точно образомъ, какъ посмѣялись надъ мерзостью въ другомъ человѣкѣ, посмѣемся великодушно надъ мерзостью собственной, какую въ себѣ ни отыщемъ! Не одну эту комедію, но все, что бы ни показалось изъподъ пера какого бы то ни было писателя, смѣющагося надъ порочнымъ и низкимъ, примемъ прямо на свой собственный счетъ, какъ бы оно именно было на насъ лично написано: все отыщешь въ себѣ, если только опустишься въ свою душу не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ и неподкупнымъ ревизоромъ. Не возмутимся духомъ, если бы какой-нибудь разсердившійся городничій, или, справедливѣй, самъ нечистый духъ, шепнулъ его устами: — «Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь!» Гордо ему скажемъ:— «Да, надъ собой смѣемся, потому что слышимъ благородную русскую пашу породу, потому что слышимъ приказанье Высшее быть лучшими другихъ!» Соотечественники! вѣдь у меня въ жилахъ тоже русская кровь, какъ и у васъ. Смотрите: я плачу! Комическій актеръ, я прежде смѣшивалъ васъ, теперь я плачу. Дайте мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу землѣ своей, какъ и всѣ вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ людей, но честный чиновникъ великаго Божьяго государства и возбудилъ въ васъ смѣхъ,—не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Дружно докажемъ всему свѣту, что въ Русской землѣ все, что ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому все должно служить на землѣ, несется туда же (взглянувши наверхъ) кверху, къ Верховной вѣчной красотѣ!

Писано въ октябрѣ 1846 г.

---

8) ДОПОЛНЕНІЕ къ „РАЗВЯЗКѢ РЕВИЗОРА“.

Семенъ Семенчъ. Что это, Михалъ Михалчъ, что вы говорите, какой душевный городъ?

Михалъ Михалчъ. Мнѣ такъ показалось. Мнѣ показалось, что это мой же душевный городъ, что послѣдняя сцена представляетъ послѣднюю сцену жизни, когда совѣсть заставитъ взглянуть вдругъ на самого себя во всѣ глаза и испугаться самого себя. Мнѣ показалось, что этотъ настоящій ревизоръ, о которомъ одно возвѣщенье въ концѣ комедіи наводитъ такой ужасъ, есть та настоящая наша совѣсть, которая встрѣчаетъ насъ у дверей гроба. Мнѣ по-

казалось, что этотъ вѣтреникъ Хлестаковъ, плутъ, или какъ хотите назвать, есть та поддѣльная вѣтреная свѣтская наша совѣсть, которая, воспользовавшись страхомъ нашимъ, принимаетъ вдругъ личину настоящей и даетъ себя подкупить страстямъ нашимъ, какъ Хлестаковъ, чиновникамъ — и потомъ пропадаетъ, такъ же, какъ онъ, неизвѣстно куда. Мнѣ показалось, что это безотрадно-печальное окончаніе, отъ котораго такъ возмутился и потрясся зритель, предстало передъ меня въ напоминаніе, что и жизнь, которую привыкаемъ понемногу считать комедіей, можетъ имѣть такое же печально-трагическое окончаніе. Мнѣ показалось, какъ будто вся комедія совокупностью своею говоритъ мнѣ о томъ, что слѣдуетъ вначалѣ взять того ревизора, который встрѣчаетъ насъ въ концѣ, и съ нимъ такъ же, какъ правосудный государь ревизуетъ свое государство, оглядѣть свою душу и вооружиться такъ же противъ страстей, какъ вооружается государь противу продажныхъ чиновниковъ; потому что они такъ же крадутъ сокровища души нашей, какъ тѣ грабятъ казну и достоянье государства,—съ настоящимъ ревизоромъ: потому что лицемѣрныя наши страсти, и не только страсти, но даже малѣйшая пошлая привычка умѣетъ такъ искусно подъѣхать къ намъ и ловко передъ нами изворотиться, какъ не изворотились передъ Хлестаковымъ проныры-чиновники, такъ что готовъ даже принять ихъ за добродѣтели, готовъ даже похвастаться порядкомъ душевнаго своего города, не принимая и въ мысль того, что можетъ остаться обманутымъ, какъ городничій. Мнѣ такъ показалось.

Петръ Петровичъ. Михалъ Михалчъ! Все то, что вы говорите, краснорѣчиво; но гдѣ здѣсь вы нашли подобіе? Какое сходство Хлестакова съ вѣтреной свѣтской совѣстью или настоящаго ревизора съ настоящею совѣстью? Николай Николаичъ! скажите мнѣ поистинѣ: находите вы здѣсь какое-нибудь сходство?

Николай Николаичъ. Признаюсь, никакого.

Семенъ Семенчъ. И я тоже; какъ ни таращу свои глаза, ничего не вижу.

Ѳедоръ Ѳедорычъ. Сознаюсь вамъ, Михалъ Михалчъ, откровенно: несмотря на то, мысль недурна и могла бы послужить даже предметомъ сочиненія художественнаго; но я не думаю, чтобы авторъ ее имѣлъ въ виду.

Николай Николаичъ (*рѣшительно*). Вздоръ! Онъ и въ помышленіи этого не имѣлъ.

Михалъ Михалчъ. Да развѣ я вамъ говорю, что авторъ имѣлъ ее въ виду. Я вамъ впередъ сказалъ: «Авторъ не давалъ мнѣ ключа, я вамъ предлагаю свой». Авторъ, если бы даже и имѣлъ эту мысль, то и въ такомъ случаѣ поступилъ бы дурно, если бы ее обнаружилъ ясно. Комедія тогда бы сбилась на аллегорію, могла бы изъ нея выйти какая-нибудь блѣдная, нравоучительная проповѣдь. Нѣтъ, его дѣло было изобразить просто ужасъ отъ безпорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ,—собрать въ кучу все, что есть похуже въ нашей землѣ, чтобъ его поскорѣй увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое слѣдуетъ допустить и которое такъ же необходимо среди добра, какъ тѣни въ картинѣ. Его дѣло изобразить это темное такъ сильно, чтобы почувствовали всѣ, что съ нимъ надобно сражаться, чтобы кинуло въ трепетъ зрителя, и ужасъ отъ безпорядковъ пронялъ бы его насквозь всего. Вотъ, что онъ долженъ былъ сдѣлать. А это ужъ наше дѣло выводить нравоученье. Мы, слава Богу, не дѣти. Я подумалъ о томъ, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напалъ на то, которое вамъ теперь разсказалъ.

Петръ Петровичъ. Михалъ Михалчъ! Комедія пишется для всѣхъ. Изъ нея должны вывести нравоученье всѣ,—нравоученье ближайшее, доступное всѣмъ, а не то отдаленное, которое можетъ вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожій на прочихъ, человѣкъ. Спрашиваю: зачѣмъ этого нравоученія никто не вывелъ, а только одни вы?

Николай Николаичъ (*поспѣшно*). Именно! Вотъ настоящій вопросъ! Разрѣшите-ка прежде это: зачѣмъ одни вы это вывели, а не всѣ?

Семенъ Семенчъ. Да, Михалъ Михалчъ, зачѣмъ одни вы это вывели? Зачѣмъ одни вы это вывели?

Михалъ Михалчъ. Во-первыхъ, почему вы знаете, что это нравоученье вывелъ одинъ я? А во-вторыхъ, почему вы считаете его отдаленнымъ? Я думаю, напротивъ, ближе всего къ намъ собственная наша душа. Я имѣлъ тогда въ умѣ душу свою, думалъ о себѣ самомъ, потому и вывелъ это нравоученье. Если бы и другіе имѣли въ виду прежде себя, вѣроятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывелъ и я.—Но развѣ всякъ изъ насъ приступаетъ къ произведенію писателя, какъ пчела къ цвѣтку?—затѣмъ чтобъ извлечь изъ него нужное себѣ. Нѣтъ, мы ищемъ во всемъ нравоученья *другимъ*, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью другихъ и позабывши о своей. Вѣдь посмѣяться мы любимъ надъ другими, а не надъ собою; увидѣть недостатки вѣдь мы любимъ въ другихъ, а не въ себѣ. Какъ бы то ни было, но взгляните: три тысячи вѣдь людей пришло въ театръ; всѣ знаютъ, что пришли затѣмъ, чтобы посмѣяться, и всякій изъ этихъ трехъ тысячъ увѣренъ, что придется надъ другимъ посмѣяться, а не надъ нимъ. Малѣйшій намекъ, что онъ можетъ быть похожъ самъ на того, надъ кѣмъ посмѣялся, можетъ привести его въ гнѣвъ, и онъ готовъ уже въ бѣшенствѣ повторять: «да развѣ у меня рожа крива?»

Семенъ Семенычъ. Михалъ Михалчъ, я говорю не въ томъ смыслѣ.

Михалъ Михалчъ (*прерывая*). Позвольте, Семенъ Семенчъ! Вы человѣкъ благородный, человѣкъ истинно-русскій въ душѣ, человѣкъ, наконецъ, который глядитъ уже глазами христіанина на жизнь — зачѣмъ вы произносите рѣчи, противныя вашему собственному образу мыслей? Прежде всего, зачѣмъ вы всякій разъ позабываете, что предметъ комедіи и вообще сатиры не достоинство человѣка, а презрѣнное въ человѣкѣ; что чѣмъ больше она выставила презрѣнное презрѣннымъ, чѣмъ больше имъ возмутила и привела отъ него въ содроганье зрителя, тѣмъ больше она выполнила свое значеніе. Зачѣмъ вы всякій разъ это позабываете и всякій разъ хотите сатирѣ навязать предметы, приличные трагедіи? Зачѣмъ не взглянете на произведенье писателя также глазами христіанина? Нѣтъ, кто хочетъ нравоученья, тотъ возьметъ его себѣ; кто глядитъ въ душу себѣ, тотъ изъ всего возьметъ то, что нужно, тотъ и въ этомъ вещественномъ городѣ увидитъ душевный свой городъ; тотъ увидитъ, что съ большей силой слѣдуетъ вооружиться противъ лицемѣрія. Нѣтъ, оставьте сатиру въ покоѣ: она дѣло свое дѣлаетъ. Дурного не слѣдуетъ щадить, гдѣ бы оно не было. Но если хотите ужъ поступать христіански, обратите ту же сатиру на самого себя и приложите всякую комедію [къ самому себѣ], прежде чѣмъ замѣчать отношеніе ея къ цѣлому обществу. Ужъ ежели дѣйствовать по-христіански, такъ всякое сочиненіе, гдѣ ни поражается дурное, слѣдуетъ лично обратить къ самому себѣ, какъ бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нѣтъ порока, замѣченнаго нами въ другомъ, котораго хотя отраженья не присутствовало бы и въ насъ самихъ—не въ такомъ объемѣ, въ другомъ видѣ, въ другомъ платье, по-приличнѣй и поблагообразнѣй, принарядившись, какъ Хлестаковъ. Чего не отыщешь, если только заглянешь въ свою душу съ тѣмъ неподкупнымъ ревизоромъ, который встрѣтитъ насъ у дверей гроба! Сами это знаемъ, а знать не хочемъ! Кипитъ душа страстями, говоримъ всякій день, а гнать не хотимъ. И бичъ въ рукахъ, данный на то, чтобы гнать ихъ.

[**Семенъ Семенычъ**]. Да гдѣ-жъ бичъ? Какой бичъ?

[**Михалъ Михалчъ**]. А смѣхъ развѣ не бичъ? Или, думаете, даромъ намъ данъ смѣхъ, когда его боится и по-

слѣдній негодяй, котораго ничѣмъ не проймешь? боится даже и тотъ, кто ничего не боится! Значитъ, онъ данъ на доброе дѣло. Скажите: зачѣмъ намъ данъ смѣхъ, за тѣмъ ли, чтобы такъ, по усту смѣяться? Если онъ данъ намъ на то, чтобы поражать имъ все, позорящее высокую красоту человѣка, зачѣмъ же прежде всего не поразимъ мы то, что порочитъ красоту собственной души каждаго изъ насъ? Зачѣмъ не обратимъ его во внутрь самихъ себя — изъ государства не изгоняемъ собственныхъ нашихъ взяточниковъ? Зачѣмъ одинъ намекъ о томъ, что вы надъ собой смѣетесь, можетъ привести въ гнѣвъ? Какъ бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая наклонность наша все-таки хочетъ сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только подъ этой личиной пробирается намъ въ душу, потому что благородна наша природа и не допуститъ ее къ себѣ въ безстыдной наготѣ. Но, повѣрьте, когда выставишь передъ самимъ собой ее на смѣхъ и, не пощадя ничего, поразишь такъ, что отъ стыда весь сгоришь, не зная, куда скрыть собственное лицо свое,—тогда эта страсть не посмѣетъ остаться въ душѣ нашей и убѣжитъ, такъ что и слѣда ея не отыщешь.

Семенъ Семенчъ Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможенъ этотъ поворотъ смѣха на самого себя, противъ собственнаго [лица]?

Петръ Петровичъ. Я думаю только, что это возможно для человѣка, который почувствовалъ благородство природы и отверзѣніе къ своимъ недостаткамъ.

Михалъ Михалчъ. Я думаю только, что если онъ сверхъ [того] и русскій въ душѣ, тогда ему возможнѣй. Согласитесь: смѣхъ у насъ есть у всѣхъ; свойство какого-то безпощаднаго сарказма разнеслось у насъ даже у простого народа. Есть также у насъ и отвага оторваться отъ самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало-быть, у насъ однихъ только можетъ быть возможенъ поворотъ смѣха а его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мнѣ, что я лгу: уничтожьте, разрушьте убѣжденіе мое, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушьте уже и меня, бѣднаго скомороха, который живетъ этимъ убѣжденьемъ, которое испробовалъ на собственномъ своемъ тѣлѣ. Семенъ Семенчъ, развѣ у меня нетакая же русская кровь, какъ и у васъ? Развѣ я могу почувствовать въ мои высшія минуты иное что, какъ не то же, что способны почувствовать и вы въ такія? Развѣ я не стою теперь передъ вами въ мою высшую минуту? Служба моя кончилась; я схожу съ театра, на которомъ служилъ 20 лѣтъ. Вы сами меня увѣнчали вѣнками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, что я теперь сказалъ. Смотрите: я плачу. Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ—теперь я плачу. Дайте же мнѣ почувствавать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ; что я также служилъ землѣ своей, что не пустой я былъ скоморохъ, но честный чиновникъ великаго Божьяго государства, и возбудилъ въ васъ не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человѣкъ человѣка, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Николай Николаичъ! Ѳедоръ Ѳеорычъ! Семенъ Семенычъ и вы всѣ то зрители, съ которыми дѣлилъ я время труда, время наставительныхъ бесѣдъ, отъ которыхъ я многому научился и съ которыми разстаюсь теперь! Друзья! публика любила талантъ мой, но вы любили меня самого. Отнимите, отнимите послѣ меня этотъ смѣхъ,—отнимите у тѣхъ, которые обратили его въ кощунство надъ тѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного! Говорю вамъ: вѣрьте этимъ словамъ... Онъ добръ, онъ честенъ, этотъ смѣхъ. Онъ данъ именно на то, чтобы умѣть посмѣяться надъ собой, а не надъ другимъ. И въ комъ ужъ нѣтъ духа посмѣяться надъ собственными недостатками своими, лучше тому вѣкъ не смѣяться!.. Дастъ онъ за него отвѣтъ!..

Писано въ 1847 гг.

---

9) ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“.

1.

(Начальныя страницы, переписанныя самимъ Гоголемъ набѣло).

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть преувеличенаго или тривіальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ. Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе обнаружится смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той серьезности, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи. Всѣ они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своимъ дѣломъ, какъ бы важнѣйшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виденъ пустякъ ихъ заботы. Но сами они совсѣмъ не шутятъ и уже никакъ не думаютъ о томъ, что надъ ними кто-нибудь смѣется. Умный актеръ, прежде чѣмъ схватить мелкія причуды и мелкія особенности внѣшнія доставшагося ему лица, долженъ стараться поймать общечеловѣческое выраженіе роли... Долженъ разсмотрѣть, зачѣмъ призвана эта роль, долженъ разсмотрѣть главную и преимущественную заботу каждаго лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляетъ постоянный предметъ мыслей, вѣчный гвоздь, сидящій въ головѣ.—И поймавши эту главную заботу в веде наго лица, актеръ долженъ въ такой силѣ исполниться ею самъ (чтобы) мысли у стремленія взятаго имъ лица и какъ бы усвоились ему самому и пребывали бы въ головѣ его неотлучно во все время представленія пьесы. О частныхъ сценахъ и мелочахъ онъ не долженъ много заботиться. Онѣ в йдутъ само с бою удачно и ловко, если только онъ не выброситъ ни на минуту изъ головы этого гвоздя, который засѣлъ въ голову его героя. Всѣ эти частности и разныя мелкія принадлежности, — которыми такъ счастливо умѣетъ пользоваться даже и такой актеръ, который умѣетъ дразнить и схватывать походку и движенья, но не создавать цѣликомъ роли,—суть не болѣе какъ краски, которыя нужно класть уже тогда, когда рисунокъ сочиненъ и сдѣланъ вѣрно. Они—платье и тѣло роли, а не душа ея. Итакъ, прежде слѣдуетъ схватить именно эту душу роли, а не платье ея.

Одна изъ главныхъ ролей есть городничій. Человѣкъ этотъ болѣе всего озабоченъ тѣмъ, чтобы не пропускать того, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть пристально на жизнь или же осмотрѣться получше на себя. Изъ-за этой заботы онъ сталъ притѣснителемъ и очерствѣлъ непримѣтно для самого себя, потому что злобнаго желанья притѣснять въ немъ нѣтъ; есть только (просто) желанье прибирать все, что ни видятъ глаза. Просто онъ позабылъ, что это въ тягость другому и что отъ этого трещитъ у иного спина. Онъ вдругъ простилъ купцовъ, замыслявшихъ погубить его, когда тѣ предложили заманчивое предложеніе, потому что эти заманчивыя блага жизни обуяли имъ и сдѣлали то, что въ немъ очерствѣло и огрубѣло чутье слышать положенье и страданье другого. Онъ чувствуетъ, что грѣшенъ; онъ ходитъ въ церковь; онъ думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ. Онъ даже помышляетъ когда-нибудь потомъ покаяться. Но великъ соблазнъ всего того, что плыветъ въ руки, и (велика набившаяся привычка хватать все, не пропуская ничего).

Русскій человѣкъ,—который не то, чтобы былъ извергъ, но въ которомъ извратилось понятье правды, который сталъ весь ложь, уже даже и самъ того не замѣчая. Поэтому онъ и резонерствуетъ, степененъ и даже важенъ и даже

не безъ одушевленія скажетъ иное слово. Можетъ-быть, онъ даже одинъ изъ тѣхъ людей, который, если бы увидѣлъ, что всѣ вокругъ его стали честны, что честность—требов...

2.

(полный черновой текстъ.)

Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру Ничего не должно быть карикатурнаго. Чѣмъ больше простоты въ игрѣ, тѣмъ— — — —Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе самое лицо выйдетъ смѣшнымъ. Въ серьезности всѣхъ лицъ, съ какимъ каждое изъ нихъ занято само, своимъ, сдѣлается... Прежде чѣмъ схватить причуды и мелкія внѣшнія особенности всякаго лица, актеръ долженъ поймать общечеловѣческое выраженіе роли. (Прежде самаго характера лица) нужно разсмотрѣть призваніе, зачѣмъ оно призвано, въ чемъ состоитъ sic! заботы и хлопоты всякаго лица, на которые издерживается, около чего именно ворочается его жизнь, къ чему и куда стремятся постоянно всѣ его мысли и стремленія. Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ долженъ самъ наполниться этою заботою, усвоить себѣ всѣ мысли и стремленья такъ, чтобы они были въ его головѣ неотлучно во все время представленія; о частныхъ сценахъ онъ не долженъ даже и думать. Онѣ выльются сами собою хорошо, если только онъ будетъ занятъ серьезно и жарко тѣмъ самымъ дѣломъ, которымъ, не шутя, занято выведенное лицо.

Одна изъ главныхъ ролей есть городничій. Человѣкъ, больше всего озабоченный тѣмъ, чтобы не пропускать, что̀ плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или осмотрѣться на себя. Изъ-за этой заботы онъ, можетъ-быть, и самъ не чувствуя, какъ, сдѣлался притѣснителемъ, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ. Въ немъ есть только желаніе прибирать въ руки все, что̀ ни видятъ глаза. Онъ позабылъ, что отъ этого трещитъ спина у ближняго. Временами онъ однакожъ чувствуетъ, что грѣшенъ, молится, ходитъ въ церковь, думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ и думаетъ даже когда-нибудь покаяться. Но великъ соблазнъ того, что̀ плыветъ въ руки, и велика набившаяся привычка. Его поразилъ распространившійся слухъ о ревизорѣ, еще болѣе поразило его то, что этотъ ревизоръ—inc gnit[illegible], неизвѣстно, когда будетъ, съ которой стороны подступитъ. Онъ находится отъ начала до конца пьесы въ положеніяхъ свыше тѣхъ, въ которыхъ ему случалось бывать въ другіе дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя отъ страха къ надеждѣ и радости, взглядъ его нѣсколько распаленъ отъ того, и онъ сталъ податливѣе на обманъ, и его, котораго въ другое время не скоро можно бы было..., обмануть становится возможнымъ. Увидѣвши, что ревизоръ въ его рукахъ не страшенъ и даже съ нимъ вступилъ въ родню, онъ предается буйной радости при одной мысли о томъ, какъ понесется отнынѣ его жизнь среди пированій, попоекъ, какъ будетъ онъ раздавать мѣста, требовать на станціяхъ лошадей и заставлять ждать въ переднихъ городничихъ, важничать, задавать тонъ. Поэтому-то внезапное объявленіе о пріѣздѣ настоящаго ревизора для него больше, чѣмъ для всѣхъ другихъ, громовой ударъ, и положеніе становится истинно трагическимъ.

Судья—человѣкъ меньше грѣшный во взяткахъ. Онъ даже не охотникъ творить неправду, но (велика) страсть по псовой охотѣ... что-жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть какая-нибудь страсть... *Изъ-за нея* (?) онъ надѣлаетъ множество разныхъ неправдъ, не подозрѣвая самъ того. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ и единственно и потому только безбожникъ, что на этомъ поприщѣ просторъ ему высказать себя. Для него всякое событіе, даже и то, которое навело страхъ для другихъ, есть находка, потому что даетъ пищу его догадкамъ и соображеніямъ, которыми онъ доволенъ, какъ артистъ своимъ трудомъ. Это самоуслажденье должно выражаться на лицѣ актера. Онъ говоритъ и въ то же время смотритъ, какой эффектъ производитъ на другихъ его слова. Онъ ищетъ— —

Земляника—человѣкъ толстый, но плутъ тонкій. Несмотря на необъятную толщину свою, имѣетъ много увертливаго и льстиваго въ оборотахъ, поступкахъ. На вопросъ Хлестакова, какъ называлась съѣденная рыба, онъ подбѣгаетъ съ легкостью 22-лѣтняго франта, за тѣмъ, чтобы у самаго его носа сказать: «Лабарданъ-съ». Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, желая вывернуться сами, не находятъ другого средства, топить другихъ и потому торопливы на всякія каверзничества и доносы, не принимая въ стр... ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о томъ, какъ бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотливъ. А умный актеръ не пропуститъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ услуга толстаго человѣка будетъ особенно смѣшна въ глазахъ зрителей, безъ всякаго желанья сдѣлать изъ этого карикатуру.

Смотритель училищъ ничего болѣе, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за что̀; а потому боится, какъ огня, всякихъ посѣщеній и трепещетъ, какъ листъ, при вѣсти о ревизорѣ, хотя не знаетъ самъ, въ чемъ грѣшенъ. Играющему это лицо актеру остается только выразить одинъ постоянный страхъ.

Почтмейстеръ простодушный до наивности человѣкъ, глядящій на жизнь, какъ на собраніе интересныхъ исторій для препровожденія времени, которыя онъ начитываетъ въ распечатываемыхъ письмахъ. Это лицо доступно съ перв... *). Ничего больше не остается дѣлать актеру, какъ быть простодушну, сколько возможно.

Но два городскіе болтуна, Бобчинскій и Добчинскій (требуютъ особенно, чтобы) были сыграны хорошо. Ихъ долженъ себѣ очень хорошо опредѣлить актеръ. Это люди, которыхъ жизнь заключилась вся въ бѣганьяхъ по городу съ засвидѣтельствованіемъ почтенья (всѣмъ до единаго) и въ размѣнѣ вѣстей. Все у нихъ стало— —... Страсть разсказать поглотила всякое другое занятіе. И эта страсть стала ихъ движущею страстью и стремленіемъ жизни. Нужно, чтобы видно было то удовольствіе, когда, наконецъ, добьется того, что ему позволятъ о чемъ-нибудь разсказать. Торопливость и суетливость у нихъ единственно отъ боязни, чтобы кто-нибудь не перебилъ и не помѣшалъ ему разсказать. Любопытны—отъ желанья имѣть о чемъ разсказать. Отъ этого Бобчинскій даже немножко заикается (отъ желанія пересказать скорѣе). Они оба низенькіе, коротенькіе, чрезвычайно похожи другъ на друга, оба съ небольшими брюшками. Оба круглолицы, одѣты чистенько съ приглаженными волосами У Добчинскаго даже небольшая лысинка на серединѣ головы: видно, что онъ не холостой человѣкъ, какъ Бобчинскій, но уже женатый. Но при всемъ томъ Бобчинскій беретъ верхъ надъ нимъ по причинѣ бо̀льшей живости и даже нѣсколько управляетъ его умомъ. (Всѣ мелкіе атрибуты долженъ) бросить въ сторону актеръ, если хочетъ хорошо исполнить эту роль, и представлять себѣ только то, что онъ самъ боленъ необыкновенной чесоткой языка. Словомъ, это люди, выброшенные судьбою для чужихъ надобностей, а не для своихъ собственныхъ.

Всѣ прочія лица: купцы, гостьи, полицейскіе и просители всѣхъ родовъ суть ежедневно проходящія предъ нашими глазами лица, а потому могутъ быть легко схвачены всякимъ, умѣющимъ замѣчать особенности въ рѣ-

---

*) Не дописано.

чахъ и ухваткахъ человѣка всякаго сословія. То же самое можно сказать и о слугѣ, несмотря на то, что эта роль значительнѣе прочихъ. Русскій слуга пожилыхъ лѣтъ,— который смотритъ нѣсколько внизъ, грубитъ барину, смекнувши, что баринъ щелкоперъ и дрянцо, и который любитъ себѣ самому читать нравоученье для барина, который молча плутъ, однако очень умѣетъ воспользоваться въ такихъ случаяхъ, когда можно мимоходомъ поживиться,—извѣстенъ всякому. Потому эта роль игралась всегда хорошо. Равномѣрно всякій можетъ почувствовать, какое впечатлѣніе способенъ пріѣздъ ревизора произвести на каждое изъ этихъ лицъ.

Не нужно только позабывать того, что въ головѣ всѣхъ сидитъ ревизоръ. Всѣ заняты ревизоромъ. Около ревизора кружатся страхи и надежды всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. У однихъ надежда (на правосудіе), на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ. У другихъ паническій страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ. У прочихъ же, которые смотрятъ на всѣ дѣла міра спокойно, чистя у себя въ носу, любопытство не безъ нѣкоторой тайной боязни увидѣть наконецъ то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало-быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ.

Всѣхъ труднѣе роль того, который принятъ испуганнымъ городомъ за ревизора. Хлестаковъ самъ по себѣ ничтожный человѣкъ. Даже пустые люди называютъ его пустѣйшимъ. Никогда бы ему въ жизни не случилось сдѣлать дѣла, способнаго обратить чье-нибудь вниманіе. Но сила всеобщаго страха создала изъ него замѣчательное комическое лицо. Страхъ, отуманивши глаза всѣхъ, далъ ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрѣзываемый доселѣ во всемъ, даже и въ замашкѣ пройтись козыремъ по Невскому проспекту, онъ почувствовалъ просторъ и вдругъ развернулся неожиданно для самого себя. Въ немъ все сюрпризъ и неожиданность (для него самого). Онъ даже весьма долго не въ силахъ догадаться, отчего къ нему такое вниманіе, уваженіе. Онъ почувствовалъ только пріятность и удовольствіе, видя, что его слушаютъ, угождаютъ, исполняютъ все, что онъ хочетъ, ловятъ съ жадностью все, что ни произноситъ онъ. Онъ разговорился, никакъ не зная въ началѣ разговора, куда поведетъ его рѣчь. Темы для разговоровъ ему даютъ вывѣдывающіе. Они сами какъ бы кладутъ ему все въ ротъ и создаютъ разговоръ. Онъ чувствуетъ только то, что вездѣ можно хорошо порисоваться, если ничто не мѣшаетъ. Онъ чувствуетъ, что онъ и въ литературѣ господинъ, и на балахъ не послѣдній, и самъ даетъ балы и, наконецъ, что онъ государственный человѣкъ. Онъ ни отъ чего не прочь, о чемъ бы ему ни———. Обѣдъ со всякими лабарданами и винами далъ словоохотность и краснорѣчіе его языку. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе входитъ всѣми чувствами въ то, что говоритъ, и потому выражаетъ многое почти съ жаромъ. Не имѣя никакого желанія надувать, онъ позабываетъ самъ, что лжетъ. Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производилъ (о чемъ вретъ). Поэтому сцена, когда онъ говоритъ о себѣ, какъ о государственномъ человѣкѣ, (и навела такой) страхъ (на всякаго чиновника. Вотъ отчего, особенно въ то время, когда онъ разсказываетъ, какъ распекалъ всѣхъ до единаго въ Петербургѣ, является въ лицѣ важность и всѣ атрибуты и все, что угодно. Видя, какъ распекаютъ, испытавши и самъ это, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ, онъ [*это долженъ мастерски изобразить въ рѣчахъ*]: онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе (распечь наконецъ и самому) другихъ, хотя въ (разсказахъ). Онъ бы и подальше добрался въ рѣчахъ своихъ, но языкъ его уже не оказался больше годнымъ, по какой причинѣ чиновники нашлись принужденными отвести его съ почтеньемъ и страхомъ на отведенный почлегъ.

Проснувшись, онъ тотъ же Хлестаковъ, какимъ и былъ прежде. Онъ даже не помнитъ, чѣмъ напугалъ всѣхъ. Въ немъ попрежнему никакого соображенія и глупость во всѣхъ поступкахъ.

Влюбляется онъ и въ мать, и въ дочь почти въ одно... Проситъ денегъ, потому что это какъ-то само собой срывается съ языка и потому, что уже у перваго онъ попросилъ и тотъ съ готовностью предложилъ. Только къ концу акта онъ догадывается, что его принимаютъ за кого-то повыше. Но если бы не Осипъ, которому кое-какъ удалось ему нѣсколько растолковать, что такой обманъ не долго можетъ продолжаться, онъ бы преспокойно дождался толчковъ и проводовъ со двора не съ честью. Словомъ, это фантасмагорическое лицо, которое, какъ лживый олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкою, Богъ вѣсть куда. Но тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всѣхъ труднѣе. Этотъ пустой человѣкъ, и ничтожный характеръ заключаетъ въ себѣ собраніе многихъ тѣхъ качествъ, которыя водятся и не за ничтожными людьми. Актеръ особенно не долженъ упустить изъ виду это желаніе порисоваться, которымъ болѣе или менѣе заражены всѣ люди и которое больше всего отразилось въ Хлестаковѣ,—желаніе ребяческое, но оно (бываетъ) у многихъ умныхъ и старыхъ людей, такъ что рѣдкому на вѣку своемъ не случалось въ какомъ-либо дѣлѣ от— — его. Словомъ, актеръ для этой роли долженъ имѣть очень многосторонній талантъ, который бы умѣлъ выражать разныя черты человѣка, а не какія-нибудь постоянныя однѣ и тѣ же. Онъ долженъ быть очень ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ, иначе не будетъ въ силахъ выразить наивно и простодушно ту пустую свѣтскую вѣтреность, которая несетъ человѣка во всѣ стороны поверхъ всего, которая въ такомъ значительномъ количествѣ досталась Хлестакову.

Послѣдняя сцена «Ревизора» должна быть особенно сыграна умно. Здѣсь уже не шутка, и положеніе многихъ лицъ почти трагическое. Положеніе городничаго всѣхъ разительнѣй. Какъ бы то ни было, но увидѣть себя вдругъ обманутымъ и при томъ пустѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ мальчишкой, который даже видомъ и фигурой не взялъ, будучи похожъ на спичку (Хлестаковъ, какъ извѣстно, тоненькій, прочіе всѣ толсты), — быть имъ обманутымъ: это не шуточное. Обмануться такъ грубо тому, который умѣлъ проводить умныхъ людей и даже искуснѣйшихъ плутовъ! Возвѣщенье о пріѣздѣ, наконецъ, настоящаго ревизора для него громовый ударъ. Онъ окаменѣлъ. Распростертыя его руки и закинутая назадъ голова остались неподвижны, и вокругъ него вся дѣйствующая группа составляетъ въ одно мгновенье окаменѣвшую группу въ разныхъ положеніяхъ.

Вся сцена есть нѣмая картина, а потому должна быть такъ же составлена, какъ составляются живыя картины. Всякому лицу должна быть назначена поза, сообразная съ его характеромъ, со степенью боязни его и съ потрясеніемъ, которое должны произвести слова, возвѣстившія о пріѣздѣ настоящаго ихъ ревизора. Нужно, чтобы эти позы никакъ не встрѣтились между собою, и были бы разнообразны и различны; а потому слѣдуетъ, чтобы каждый помнилъ свою и могъ бы вдругъ ее принять, какъ только поразится его слухъ розовымъ извѣстіемъ. Сначала выйдетъ это принужденно и будетъ походить на автоматовъ; но потомъ, послѣ нѣсколькихъ репетицій, по мѣрѣ того, какъ каждый актеръ войдетъ поглубже въ положеніе свое, данная поза ему усвоится, станетъ естественной, принадлежащей ему. Деревянность и неловкость автоматовъ исчезнетъ и покажется, какъ бы сама собой вышла онѣмѣвшая картина.

Сигналомъ перемѣны положеній можетъ послужить тотъ небольшой звукъ, который исходитъ изъ груди и женщинъ при какой-нибудь внезапности. Одни понемногу при-

ходятъ въ положеніе, данное для нѣмой картины, начиная (переходить) въ него уже при появленіи вѣстника съ роковымъ извѣстіемъ: это, которые меньше; другіе вдругъ— это тѣ, которые больше поражены. Не дурно первому актеру оставить на время свою позу и посмотрѣть самому нѣсколько разъ на эту картину въ качествѣ зрителя для того, чтобы видѣть, что нужно ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественнѣй.

Картина должна быть установлена почти такъ: Посрединѣ городничій, совершенно онѣмѣвшій и остолбенѣвшій. По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ на лицѣ. За ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. За нимъ Лука Лукичъ весь блѣдный, какъ мѣлъ. По лѣвую сторону городничаго Земляника съ приподнятыми кверху бровями и пальцами, поднесенными ко рту, какъ человѣкъ, который чѣмъ-то сильно обжегся. За нимъ судья, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій губами гримасу, какъ бы говоря: «Вотъ тебѣ, бабушка, и»...—За ними Добчинскій и Бобчинскій, уставивши глаза и разинувши ротъ, глядятъ другъ на друга. Гости раздѣляются на двѣ группы по обѣимъ сторонамъ: одна принимаетъ одно общее движеніе, (стараясь) заглянуть въ лицо городничаго. (Почти цѣлую минуту продолжается эта нѣмая сцена, покуда не опускается наконецъ занавѣсъ). Чтобы завязалась группа ловче и непринужденнѣй, всего лучше поручить (искусному) художнику, умѣющему сочинять группы, сдѣлать рисунокъ и держать рис...

Если только каждый изъ актеровъ вошелъ, хоть сколько-нибудь, во всѣ положенія ролей своихъ во все продолженіе представленія пьесы, то они выразятъ также и въ этой нѣмой сценѣ положеніе разительное ролей своихъ, увѣнчая этой сценой еще болѣе совершенство игры своей. Если же они пребывали холодны и натянуты во время представленія, то останутся такъ же холодны и натянуты, какъ здѣсь, съ тою разницею, что въ этой нѣмой сценѣ еще болѣе обнаружится ихъ неискусство.

Писано въ 1842 г.

ЖЕНИТЬБА.

СОВЕРШЕННО НЕВѢРОЯТНОЕ СОБЫТІЕ

въ двухъ дѣйствіяхъ.

(Писано въ 1833 году).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Агаѳья Тихоновна, купеческая дочь, невѣста.
Арина Пантелеймоновна, тетка.
Ѳекла Ивановна, сваха.
Подколесинъ, служащій надворный совѣтникъ.
Кочкаревъ, другъ его.
Яичница, экзекуторъ.
Анучкинъ, отставной пѣхотный офицеръ.
Жевакинъ, морякъ.
Дуняшка, дѣвочка въ домѣ.
Стариковъ, гостинодворецъ.
Степанъ, слуга Подколесина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната холостяка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Подколесинъ *(одинъ, лежитъ на диванѣ съ трубкой).*

Вотъ, какъ начнешь этакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно нужно жениться. Чтó въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ уже три мѣсяца ходитъ. Право, самому какъ-то становится совѣстно. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Подколесинъ, Степанъ,

Подколесинъ. Не приходила сваха?

Степанъ. Никакъ нѣтъ.

Подколесинъ. А у портного былъ?

Степанъ. Былъ.

Подколесинъ. Чтó-жъ онъ, шьетъ фракъ?

Степанъ. Шьетъ.

Подколесинъ. И много уже нашилъ?

Степанъ. Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. Чтó ты говоришь?

Степанъ. Говорю: началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. А не спрашивалъ онъ, на чтó, молъ, нуженъ барину фракъ?

Степанъ. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Подколесинъ. Можетъ быть, онъ говорилъ: не хочетъ ли баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ты видѣлъ, однакожъ, у него и другіе фраки? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьетъ?

Степанъ. Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ. Однакожъ, вѣдь сукно-то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

Степанъ. Да, это будетъ поприглядистѣе, чтó на вашемъ.

Подколесинъ. Чтó ты говоришь?

Степанъ. Говорю: это поприглядистѣе, чтó на вашемъ.

Подколесинъ. Хорошо. Ну, а не спрашивалъ, для чего, молъ, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дескать, жениться?

Степанъ. Нѣтъ, объ этомъ не заговаривалъ.

Подколесинъ. Ты, однакоже, сказалъ, какой на мнѣ чинъ, и гдѣ служу?

Степанъ. Сказывалъ.

Подколесинъ. Чтó-жъ онъ на это?

Степанъ. Говоритъ: буду стараться.

Подколесинъ. Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Подколесинъ *(одинъ).*

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, ти-

тулярнымъ и прочей мелюзгѣ, — молокососпо что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ. Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а надворный совѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. А ваксу купилъ?

Степанъ. Купилъ.

Подколесинъ. Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, что́ на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ. Да-съ, въ той самой.

Подколесинъ. Что́-жъ, хороша вакса?

Степанъ. Хороша.

Подколесинъ. Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

Степанъ. Пробовалъ.

Подколесинъ. Что́-жъ, блеститъ?

Степанъ. Блеститъ-то она блеститъ хорошо.

Подколесинъ. А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Можетъ быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли, дескать, баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ну, хорошо, ступай себѣ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Подколесинъ *(одинъ).*

Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однакоже, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія. Все какъ-то не того... Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть, Богъ знаетъ что́, только бы не мозоли. Эй Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ. Чего изволите?

Подколесинъ. Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

Степанъ. Говорилъ.

Подколесинъ. Что́-жъ онъ говоритъ?

Степанъ. Говоритъ: хорошо.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Подколесинъ, *потомъ* **Степанъ.**

Подколесинъ. А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь — женитьба! Тó, да се, да это. Чтобы тó, да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко, какъ говорятъ. Эй, Степанъ! *(Степанъ входитъ).* Я хотѣлъ тебѣ еще сказать...

Степанъ. Старуха пришла.

Подколесинъ. А, пришла; зови ее сюда. *(Степанъ уходитъ).* Да, это вещь... вещь, не того... трудная вещь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Подколесинъ и Ѳекла.

Подколесинъ. А, здравствуй, здравствуй, Ѳекла Ивановна! Ну, что? какъ? Возьми стулъ, садись, да и разсказывай. Ну, такъ, какъ же, какъ? Какъ бишь ее: Меланья?..

Ѳекла. Агаѳья Тихоновна.

Подколесинъ. Да, да, Агаѳья Тихоновна. И вѣрно какая-нибудь сорокалѣтняя дѣва?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то-есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

Подколесинъ. Да ты врешь, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песъ вретъ.

Подколесинъ. А приданое-то, приданое? Разскажи-ка вновь.

Ѳекла. А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ ѣлтажахъ, ужъ такой прибыльной, что, истинно, удовольствіе: одинъ лабазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигеря—одинъ хлигеръ совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по четыреста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмѣльного въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ, „а третій“, говоритъ, „еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ“, говоритъ, „старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче“.

Подколесинъ. Да собой-то, какова собой?

Ѳекла. Какъ рафинатъ! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ... Сладость такая, что и разсказать нельзя. Ужъ будете вотъ по этихъ поръ довольны *(показывая на горло)*, то-есть и пріятелю, и непріятелю скажете: „Ай да Ѳекла Ивановна, спасибо!“

Подколесинъ. Да, вѣдь она, однакожъ, не штабъ-офицерша?

Ѳекла. Купца третьей гильдіи дочь. Да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. „Мнѣ“, говоритъ, „какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то не-

взраченъ, да былъ бы дворянинъ". Да, такой великатесъ! А къ воскресному-то какъ надѣнетъ шелковое платье—такъ, вотъ те Христосъ, такъ и шумитъ. Княгиня просто!

Подколесинъ. Да вѣдь я-то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?..

Ѳекла. Да ужъ обнокновенно, какъ не понимать? Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не понравился. Такой ужъ у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ, а такой на взглядъ видный. Что-жъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть—такая ужъ на то воля Божія.

Подколесинъ. Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

Ѳекла. Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что ни есть лучшая.

Подколесинъ. Будто ужъ самая лучшая?

Ѳекла. Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесинъ. Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣзавтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ: я полежу, а ты разскажешь...

Ѳекла. Да помилуй, отецъ! ужъ вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку-то ни на сколько: все сидитъ въ халатѣ, да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

Подколесинъ. А ты думаешь, небось, что женитьба все равно: что! „ей, Степанъ, подай сапоги!" натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

Ѳекла. Ну, такъ что-жъ? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подколесинъ. Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватитъ дождемъ.

Ѳекла. А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужъ гладитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подколесинъ. Что за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ-жъ сѣдой волосъ? *(Щупаетъ свои волосы).*

Ѳекла. Какъ не быть сѣдому волосу,—на то живетъ человѣкъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтѣ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говоритъ-то, какъ труба, въ аглалантьерствѣ служитъ.

Подколесинъ. Да врешь, я посмотрю въ зеркало,—гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ. Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже, чѣмъ оспа. *(Уходитъ въ другую комнату).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ѳекла и Кочкаревъ *(вбѣгая).*

Кочкаревъ. Что Подколесинъ?.. *(Увидѣвъ Ѳеклу).* Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!.. Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Ѳекла. А что-жъ дурного? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ. Законъ исполнилъ! Экъ невидаль—жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

Ѳекла. Да вѣдь ты-жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и только.

Кочкаревъ. Ахъ, ты крыса старая!.. Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочетъ?..

Ѳекла. А что-жъ? Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ. Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ этомъ. Каковъ? Прошу покорно: исподтишка, а?

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Подколесинъ *(съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно).*

Кочкаревъ *(подкрадываясь сзади, пугаетъ его).* Пуфъ!

Подколесинъ *(вскрикнувъ и роняя зеркало).* Сумасшедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ... Ну, что за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

Кочкаревъ. Ну, ничего, пошутилъ.

Подколесинъ. Что за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ; вѣдь это вещь не даровая: въ англійскомъ магазинѣ куплено.

Кочкаревъ. Ну, полно: я сыщу тебѣ другое зеркало.

Подколесинъ. Да, сыщешь. Знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ кажетъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

Кочкаревъ. Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вѣдь вздумалъ?

Подколесинъ. Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думалъ!

Кочкаревъ. Да вѣдь улика на-лицо. *(Указываетъ на Ѳеклу).* Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица. Ну, что-жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. *(Къ Ѳеклѣ).* Ну, говори: какъ, что, и прочее.—Дворянка, чиновница или въ купечествѣ, что-ли, и какъ зовутъ?

Ѳекла. Агаѳья Тихоновна.

Кочкаревъ. Агаѳья Тихоновна Брандахлыстова?

Ѳекла. Анъ нѣтъ—Купердягина.

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что ли, живетъ?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Нескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочкаревъ. Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой—деревянный домъ?

Ѳекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ. Какъ же за пивнымъ,—вотъ тутъ-то я не знаю.

Ѳекла. А вотъ какъ поворотишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минешь, свороти налѣво, и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то-есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея, что́ жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секлехтаремъ. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный—вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то-есть, она живетъ, Агафья Тихоновна-то, невѣста.

Кочкаревъ. Хорошо, хорошо. Теперь я все это обдѣлаю; а ты ступай — въ тебѣ больше нѣтъ нужды.

Ѳекла. Какъ такъ? Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

Кочкаревъ. Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

Ѳекла. Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступитесь, батюшка, право!

Кочкаревъ. Пойди, пойди! Не смыслишь ничего, не мѣшайся. Знай сверчокъ свой шестокъ,—убирайся!

Ѳекла. У людей только чтобы хлѣбъ отымать, безбожникъ такой! Въ такую дрянь вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказывала. *(Уходитъ съ досадой).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать—ѣдемъ.

Подколесинъ. Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только подумалъ...

Кочкаревъ. Пустяки, пустяки! Только не конфузься: я тебя женю такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ все вдругъ.

Подколесинъ. Вотъ еще! Сейчасъ бы ѣхать!

Кочкаревъ. Да за чѣмъ же, помилуй, за чѣмъ дѣло?.. Ну, разсмотри самъ: ну, что́ изъ того, что ты не женатый? Посмотри на свою комнату: ну, что́ въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ, весь день на боку.

Подколесинъ. Это правда. Порядка-то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

Кочкаревъ. Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижикъ какой-нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье... И, вообрази, ты сидишь на диванѣ—и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка, хорошенькая этакая, и ручкой тебя...

Подколесинъ. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ самомъ дѣлѣ бываютъ ручки, вѣдь просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ. Куда тебѣ! Будто у нихъ только, что́ ручки!.. У нихъ, братъ... Ну, да что и говорить; у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

Подколесинъ. А вѣдь, сказать тебѣ правду, я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

Кочкаревъ. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только нужно распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее—это все ужъ я... Шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя, ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непремѣнно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ — эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ—чортъ съ нимъ, не правда ли? а? А что́ же касается до обѣда — у меня, братъ, есть на примѣтѣ придворный офиціантъ: такъ, собака, накормитъ, что, просто, не встанешь.

Подколесинъ. Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба.

Кочкаревъ. А почему-жъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ. Я? Ну, нѣтъ, я еще не совсѣмъ согласенъ.

Кочкаревъ. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подколесинъ. Я говорилъ только, что не худо бы.

Кочкаревъ. Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло... Да что́? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесинъ. Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ. Ну, такъ что́-жъ? За чѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ. Да дѣло ни за чѣмъ не стало, а только странно...

Кочкаревъ. Что́-жъ странно?

Подколесинъ. Какъ же не странно: все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ. Ну, ну... ну, не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой нужно говорить серьезно:

я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало—что ты тамъ видишь. Глупое лицо—больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ быть, цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторченки, маленькіе этакіе канальченки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувши ручонки, будетъ теребить тебя за баконбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: авъ, авъ, ау! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесинъ. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбросаютъ бумаги.

Кочкаревъ. Пусть шалятъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи—вотъ штука.

Подколесинъ. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: этакой какой-нибудь пышка, щенокъ, этакой, и ужъ на тебя похожъ.

Кочкаревъ. Какъ не смѣшно, — конечно, смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ.

Подколесинъ. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ *(одѣваясь, передъ зеркаломъ)*. Я думаю, однакожъ, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочкаревъ. Пустяки, все равно.

Подколесинъ. *(надѣвая воротнички)*. Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички—никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найму другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводитъ время, а не гладитъ.

Кочкаревъ. Да ну, братъ, поскорѣе! Какъ ты копаешься!

Подколесинъ. Сейчасъ, сейчасъ. *(Надѣваетъ фракъ и садится)*. Послушай, Илья Ѳомичъ, знаешь ли что? Поѣзжай-ка ты самъ.

Кочкаревъ. Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ ѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкаревъ. Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно — и вдругъ не нужно! Ну, скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?

Подколесинъ. Ну, что-жъ ты бранишься? съ какой стати? что я тебѣ сдѣлалъ?

Кочкаревъ. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Вѣдь о чемъ стараюсь?—О твоей пользѣ; вѣдь изо рта выманятъ кусъ. Лежитъ, проклятый холостякъ! Ну, скажи, пожалуйста, ну, на что ты похожъ? — Ну, ну, дрянь, колпакъ, сказалъ бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесинъ. И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. *(Вполголоса)*. Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще этакими словами; не нашелъ другого мѣста!

Кочкаревъ. Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ—просто съ дуру, бѣлены объѣлся, деревянный чурбанъ...

Подколесинъ. Ну, полно, я ѣду—чего-жъ ты раскричался?

Кочкаревъ. Ѣду! Конечно, что-жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать! *(Степану)*. Давай ему шляпу и шинель.

Подколесинъ. *(въ дверяхъ)*. Такой, право, странный человѣкъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбранитъ вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ. Да ужъ кончено, теперь не браню. *(Оба уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Комната въ домѣ **Агаѳьи Тихоновны.**

Агаѳья Тихоновна *раскладываетъ на картахъ, изъза руки глядитъ тетка* **Арина Пантелеймоновна.**

Агаѳья Тихоновна. Опять, тетушка, дорога! Интересуется какой-то бубновый король... слезы... любовное письмо; съ лѣвой стороны трефовый изъявляетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

Арина Пантелеймоновна. А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Агаѳья Тихоновна. Не знаю.

Арина Пантелеймоновна. А я знаю, кто.

Агаѳья Тихоновна. А кто?

Арина Пантелеймоновна. А хорошій торговецъ, что по суконной линіи, Алексѣй Дмитріевичъ Стариковъ.

Агаѳья Тихоновна. Вотъ ужъ вѣрно не онъ, я хоть что ставлю, не онъ.

Арина Пантелеймоновна. Не спорь, Агаѳья Тихоновна, волосъ ужъ такой русый. Нѣтъ другого трефоваго короля.

Агаѳья Тихоновна. А вотъ же нѣтъ: трефовый король значитъ здѣсь дворянинъ—купцу далеко до трефоваго короля.

Арина Пантелеймоновна. Эхъ, Агаѳья Тихоновна, а вѣдь не то́ бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ, твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударитъ всей пятерной по столу, да вскрикнетъ: „Плевать я“, говоритъ, „на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же“, говоритъ, „дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына“, говоритъ, „не отдамъ на службу. Что“, говоритъ, „развѣ купецъ не служитъ государю такъ же, какъ и всякій другой?“ Да всей пятерней-то такъ по столу и хватитъ. А рука-то въ ведро величиною — такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе.

Агаѳья Тихоновна. Ну, вотъ чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что́ не выйду за купца!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь Алексѣй-то Дмитріевичъ не такой.

Агаѳья Тихоновна. Не хочу, не хочу! У него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь гдѣ же достать хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна. Ѳекла Ивановна сыщетъ; она обѣщалась сыскать самаго лучшаго.

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Ѳекла.

Ѳекла. Ахъ нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ напрасну поклепъ взводить.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, это Ѳекла Ивановна! Ну, что, говори, разсказывай! Есть?

Ѳекла. Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться—такъ ухлопоталася! По твоей коммиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть-было не прибили, ей-Богу: старуха-то, что́ женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: „Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ“, говоритъ.—„Да что́-жъ“, сказала я напрямикъ: „я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить“. Зато ужъ какихъ женіховъ тебѣ припасла! То есть, и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и прибудутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

Агаѳья Тихоновна. Какъ же сегодня? Душа моя, Ѳекла Ивановна, я боюсь.

Ѳекла. И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Пріѣдутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не понравятся, — ну, и уѣдутъ.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужъ, чай, хорошихъ приманила!

Агаѳья Тихоновна. А сколько ихъ? много?

Ѳекла. Да человѣкъ шесть есть.

Агаѳья Тихоновна *(вскрикивая)*. Ухъ!

Ѳекла. Ну, что́-жъ ты, мать моя, такъ вспорхнулась! Лучше выбирать: одинъ не придется, другой придется.

Агаѳья Тихоновна. Что-жъ они, дворяне?

Ѳекла. Всѣ, какъ на подборъ; ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Агаѳья Тихоновна. Ну, какіе же, какіе?

Ѳекла. А славные, всѣ такіе хорошіе, аккуратные. Первый, Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотѣ служилъ—какъ разъ по тебѣ придется. Говоритъ, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любитъ. А Иванъ-то Павловичъ, что́ служитъ обсекухтеромъ, такой важный, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричитъ на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?“ — „Столько-то и столько-то, отецъ мой!“ — „Ты врешь, собачья дочь!“ Да еще, мать моя, вклеилъ такое словцо, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ вмигъ и спознала: э, да это долженъ быть важный господинъ!

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Ѳекла. А еще Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ. Это ужъ такой великатный, а губы, мать моя,—малина, совсѣмъ малина — такой славный. „Мнѣ“, говоритъ, „нужно, чтобы невѣста была хорошая собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умѣла говорить“. Да, тонкаго поведенья человѣкъ, нѣмецкая штука; а самъ-то такой субтильный, и ножки узенькія, тоненькія.

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, мнѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ...

Ѳекла. А коли хочешь поплотнѣе, такъ возьми Ивана Павловича. Ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ — такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ—такой славный.

Агаѳья Тихоновна. А сколько лѣтъ ему?

Ѳекла. А человѣкъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

Агаѳья Тихоновна. А фамилія какъ?

Ѳекла. А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница.

Агаѳья Тихоновна. Это такая фамилія?

Ѳекла. Фамилія

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Ѳеклуша, какже это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѳья Тихоновна Яичница? Богъ знаетъ, что̀ такое!

Ѳекла. И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина—славный женихъ.

Агаѳья Тихоновна. А какіе у него волосы?

Ѳекла. Хорошіе волосы.

Агаѳья Тихоновна. А носъ?

Ѳекла. Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ—никакой мебели.

Агаѳья Тихоновна. А еще кто?

Ѳекла. Акинфъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, только зато ужъ такой скромный.

Арина Пантелеймоновна. Ну, что̀ ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любитъ ли онъ выпить, вотъ, молъ, что̀ скажи.

Ѳекла. А пьетъ; не прекословлю, пьетъ. Что-жъ дѣлать, — ужъ онъ титулярный совѣтникъ! зато такой тихій, какъ шелкъ.

Агаѳья Тихоновна. Ну, нѣтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

Ѳекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другого. Впрочемъ, что-жъ такого, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ: иной день выберется и трезвый.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Ѳекла. Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

Агаѳья Тихоновна. Ну, да кто же онъ?

Ѳекла. А не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ-то, пожалуй, надворный совѣтникъ и петлицу носитъ, да ужъ на подъемъ куда тяжелъ, не выманишь изъ дому.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

Ѳекла. Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ поразобрало; а вѣдь давеча было испугалась.

Арина Пантелеймоновна. Да что̀ съ нихъ, съ дворянъ-то твоихъ? Хоть ихъ у тебя и шестеро, а, право, купецъ одинъ станетъ за всѣхъ.

Ѳекла. А нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтеннѣй.

Арина Пантелеймоновна. Да что̀ въ почтеньи-то? А вотъ Алексѣй Дмитріевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ-то какъ прокатится...

Ѳекла. А дворянинъ-то съ аполетой пройдетъ навстрѣчу, скажетъ: „Что̀ ты, купчишка? сверотн съ дороги!“ или: „покажи, купчишка, бархату самаго лучшаго!“ а купецъ: „Извольте, батюшка!“ — „А сними-ка, невѣжа, шляпу!“ вотъ что̀ скажетъ дворянинъ.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ, если захочетъ, не дастъ судна; а вотъ дворянинъ-то и голенькій, и не въ чемъ ходить дворянину.

Ѳекла. А дворянинъ зарубитъ купца.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Ѳекла. А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенахтору.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ къ губернахтору.

Ѳекла. А дворянинъ...

Арина Пантелеймоновна. Врешь, врешь, дворянинъ! Губернахторъ больше сенахтора! Разносилась съ дворяниномъ! А дворянинъ при случаѣ также гнетъ шапку... *(Въ дверяхъ слышенъ звонокъ).* Никакъ, звонитъ кто-то.

Ѳекла. Ахти, это они!

Арина Пантелеймоновна. Кто они?

Ѳекла. Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

Агаѳья Тихоновна *(вскрикиваетъ).* Ухъ!

Арина Пантелеймоновна. Святые, помилуйте насъ грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. *(Схватываетъ все, что̀ ни есть на столѣ, и бѣгаетъ по комнатѣ).* Да салфетка-то, салфетка на столѣ совсѣмъ черная. Дуняшка, Дуняшка! *(Дуняшка является).* Скорѣе чистую салфетку! *(Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ).*

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, тетушка, какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, мать моя, бѣги скорѣй одѣваться! *(Мечется по комнатѣ; Дуняшка приноситъ салфетку, въ дверяхъ звонятъ).* Бѣги, скажи: „сейчасъ!“ *(Дуняшка кричитъ издалека:* сейчасъ!*)*

Агаѳья Тихоновна. Тетушка! да вѣдь платье не выглажено.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, Господи милосердный, не погуби! Надѣнь другое.

Ѳекла. *(вбѣгая).* Что-жъ вы не идете? Агаѳья Тихоновна, поскорѣй, мать моя! *(Слышенъ звонокъ).* Ахти! а вѣдь онъ все дожидается.

Арина Пантелеймоновна. Дуняшка, введи его и проси обождать. *(Дуняшка бѣжитъ въ сѣни и отворяетъ дверь. Слышны голоса:* Дома? — Дома, пожалуйте въ комнату. *Всѣ съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину).*

Агаѳья Тихоновна *(вскрикиваетъ).* Ахъ, какой толстый!

Векла. Идетъ, идетъ! *(Всѣ бѣгутъ опрометью).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Иванъ Павловичъ Яичница и Дуняшка.

Дуняшка. Погоди здѣсь. *(Уходитъ).*

Яичница. Пожалуй, пождать—пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. „Вдругъ вздумаетъ генералъ: „А гдѣ экзекуторъ? экзекуторъ?“—Невѣсту пошелъ выглядывать...—Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты... А однакожъ разсмотрѣть еще разъ роспись. *(Читаетъ).* „Каменный двухъэтажный домъ“... *(подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату)* есть! *(Продолжаетъ читать).* „Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный“... Ну, деревянный плоховатъ. „Дрожки, сани парныя съ рѣзьбой подъ большой коверъ и подъ малый“. Можетъ быть, такія, что въ ломъ годятся. Старуха, однакожъ, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. „Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ“... Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. „Двѣ лисьихъ шубы“... Гм! — четыре большихъ пуховика и два малыхъ“ *(значительно сжимаетъ губы).* „Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ, два почныхъ капота, два“... Ну, это статья пустая! „Бѣлье, салфетки“... „Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь, пожалуй, обѣщаютъ и домъ, и экипажи, а какъ женишься—только и найдешь, что пуховики да перины. *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ впопыхахъ черезъ комнату отворятъ дверь. Слышны голоса:* Дóма?—Дóма*).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванъ Павловичъ и Анучкинъ.

Дуняшка. Погоди тутъ. Они выйдутъ. *(Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей).*

Яичница. Мое почтеніе!

Анучкинъ. Не съ папенькой ли прелестной хозяйки имѣю честь говорить?

Яичница. Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

Анучкинъ. Ахъ, извините, извините!

Яичница *(въ сторону).* Физіогномія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не затѣмъ сюда пришелъ, за чѣмъ и я. *(Вслухъ).* Вы, вѣрно имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ. Нѣтъ, что-жъ... надобности никакой нѣтъ, а такъ зашелъ съ прогулки.

Яичница *(въ сторону).* Вретъ, вретъ, съ прогулки! Жениться, подлецъ, хочетъ! *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворятъ дверь. Въ сняхъ голоса:* Дóма?—Дóма*).*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Жевакинъ *(въ сопровожденіи дѣвчонки).*

Жевакинъ *(Дуняшкѣ).* Пожалуйста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристало не мало. Вонъ тамъ, пожалуйста, сними пушинку. *(Поворачивается).* Такъ! Спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: тамъ какъ будто паучокъ лазитъ! А на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родимая! Вонъ тутъ еще, кажется. *(Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича).* Суконцо-то вѣдь аглицкое! Вѣдь какъ носится! Въ 95 году, когда была эскадра паша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ—сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелицевалъ; ужъ десять лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти-что новый. Благодарю, душенька, м... раскрасоточка! *(Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка взъерошиваетъ волосы).*

Анучкинъ. А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать—Сицилія, хорошая это земля, Социлія?

Жевакинъ. А, прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли; видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Этакія горы, этакъ деревцо какое-нибудь гранатное, и вездѣ итальяночки, такіе розанчики, такъ вотъ и хочется поцѣловать.

Анучкинъ. И хорошо образованы?

Жевакинъ. Превосходнымъ образомъ! такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало, пойдешь по улицѣ—ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эполеты *(показываетъ на плечо),* золотое шитье, и этакъ красоточки черномазенькія — у нихъ вѣдь возлѣ каждаго дома балкончики и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски,—бывало, этакъ смотришь и сидитъ этакой розанчикъ... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь... *(Кланяется и размахиваетъ рукою)* и она этакъ только. *(Дѣлаетъ рукою движеніе).* Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ...

Анучкинъ. А какъ, — позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ,—на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ. А натурально, всѣ на французскомъ.

Анучкинъ. И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-французски?

Жевакинъ. Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ быть, не повѣрите тому, что я вамъ доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ. Ни одного слова?

Жевакинъ. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то-есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простого мужика, который перетаскиваетъ на шѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему:—Дай, братецъ, хлѣба—не поймётъ, ей-Богу не поймётъ; а скажи по-французски:—Datecі del pane—или:—portate vino!—поймётъ, и побѣжитъ, и точно принесетъ.

Иванъ Павловичъ. А любопытная однакожъ, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали—мужикъ: что мужикъ? какъ онъ? такъ ли совершенно, какъ и русскій мужикъ—широкъ въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

Жевакинъ. Не могу вамъ сказать: не замѣтилъ, пашутъ или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и вездѣ гондолы... Натурально, сидитъ этакая итальяночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!.. Съ нами были и аглицкіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши: моряки... и сначала, точно, было очень странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обознакомились, начали свободно понимать. Покажешь бывало этакъ на бутылку или стаканъ,—ну, тотчасъ и знаешь, что это значитъ выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ—знаешь: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій,—наши матросы въ три дня какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ. А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Жевакинъ. Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставкѣ. Позвольте съ своей стороны тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясняться?

Иванъ Павловичъ. Въ должности экзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

Жевакинъ *(не дослышавъ)*. Да, я тоже перекусилъ. Дороги-то, знаю, впереди будетъ довольно, а время холодновато: селедочку съѣлъ съ хлѣбцемъ.

Иванъ Павловичъ. Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя—Яичница.

Жевакинъ *(кланяясь)*. Ахъ, извините! я немножко туповатъ на ухо. Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

Иванъ Павловичъ. Да что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ называться мнѣ Яичницынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на „собачій сынъ“.

Жевакинъ. А это однакожъ бываетъ. У насъ вся третья эскадра, всѣ офицеры и матросы,—всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣевъ лейтенантъ, а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало:—Эй, ты, Дырка, поди сюда!—и бывало, надъ нимъ всегда пошутитъ—эхъ ты, дырка этакой!—говоритъ, бывало, ему. *(Слышенъ въ сѣняхъ звонокъ; Ѳекла бѣжитъ черезъ комнату отворять)*.

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ. Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

Анучкинъ. Здравствуйте, матушка, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла *(бѣжитъ впопыхахъ)*. Спасибо, отцы мои, здорова, здорова! *(Отворяетъ дверь; въ сѣняхъ раздаются голоса:* Дома?—Дома. *Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ словъ, на которыя Ѳекла отвѣчаетъ съ досадою:* смотри ты какой!*)*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, Кочкаревъ, Подколесинъ и Ѳекла.

Кочкаревъ *(Подколесину)*. Ты помни только куражъ и больше ничего. *(Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ; про-себя)*. Фу, ты, какая куча народу! Это что значитъ? Ужъ не женихи ли? *(Толкаетъ Ѳеклу и говоритъ ей тихо)*. Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ—а?

Ѳекла *(вполголоса)*. Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, все честные люди.

Кочкаревъ *(ей)*. Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Ѳекла. Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ. Небось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ. *(Вслухъ)*. Да что она дѣлаетъ теперь? Вѣдь эта дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? *(Подходитъ къ двери)*.

Ѳекла. Безстыдникъ! Говорятъ тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ. Эка бѣда! Что-жъ тутъ такого? Вѣдь только посмотрю и больше ничего. *(Смотритъ въ замочную скважину)*.

Жевакинъ. А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

Кочкаревъ *(продолжая смотрѣть)*. Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что̀ такое бѣлѣетъ, женщина или подушка. *(Всѣ, однакожъ, обступили дверь и продираются взглянуть).*

Кочкаревъ. Чш... кто-то идетъ. *(Всѣ отскакиваютъ прочь).*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Арина Пантелеймоновна и Агаѳья Тихоновна. *(Всѣ раскланиваются).*

Арина Пантелеймоновна. А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

Яичница. А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого роду лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна. Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

Яичница. Коллежскій асессоръ, Иванъ Павловичъ Яичница.

Арина Пантелеймоновна. Прошу покорнѣйше садиться. *(Обращается къ Жевакину и смотритъ на него).* А позвольте узнать...

Жевакинъ. Я тоже, въ газетахъ вижу объявленіе о чемъ-то. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалась хорошею, по дорогѣ вездѣ травка...

Арина Пантелеймоновна. А какъ-съ по фамиліи?

Жевакинъ. А лейтенантъ морской службы въ отставкѣ, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде моего вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка, подъ колѣнкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колѣнка-то самаго не тронула, а по жилѣ прохватила—какъ иголкой сшило, такъ что, когда, бывало, стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Анучкину).* А позвольте узнать, по какой причинѣ?

Анучкинъ. По сосѣдству-съ. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

Арина Пантелеймоновна. Не въ домѣ ли купеческой жены Тулубовой, что̀ насупротивъ, изволите жить?

Анучкинъ. Нѣтъ, я покамѣстъ еще на Пескахъ, но имѣю однакоже намѣреніе со временемъ перебраться сюда-съ въ сосѣдство, въ эту часть города.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Кочкареву).* А позвольте узнать...

Кочкаревъ. Да неужли вы меня не узнаете? *(Обращаясь къ Агаѳьѣ Тихоновнѣ).* И вы также, сударыня?

Агаѳья Тихоновна. Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

Кочкаревъ. Однакожъ припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѳья Тихоновна. Право, не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ-ли?

Кочкаревъ. Именно у Бирюшкиныхъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, вы не знаете; съ ней вѣдь исторія случилась.

Кочкаревъ. Какъ же, вышла замужъ.

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. И сильно переломила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожкахъ, а кучеръ-то былъ пьянъ и вывалилъ съ дрожекъ.

Кочкаревъ. Да то-то, я помню, что-то было: или вышла замужъ, или переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Какъ же,—Илья Ѳомичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ... Позвольте, позвольте *(беретъ за руку Подколесина и подводитъ его)*: пріятель мой Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служитъ экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, Подколесинъ. Директоръ такъ только, для чина, поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

Арина Пантелеймоновна. Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и Стариковъ.

Старикозъ *(кланяясь живо и скоро, по-купечески, и слегка берясь за бока).* Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна! Ребята на Гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Агаѳья Тихоновна *(отворачиваясь съ пренебреженіемъ, вполголоса, но такъ, что онъ слышитъ).* Здѣсь не купеческая лавка.

Стариковъ. Вона! Аль невпопадъ пришли? аль и безъ насъ дѣло сварили?

Анучкинъ.—Такъ-то вы обманули меня, Θекла Ивановна!

Арина Пантелеймоновна. Прошу, прошу, Алексѣй Дмитріевичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Всѣ усѣлись. Молчаніе).

Яичница. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ будто и прошло.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ, ужъ эта погода ни на что́ не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность.

Жевакинъ. Вотъ въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время,—если пригонять, такъ выйдетъ къ нашему февралю: выйдешь, бывало, изъ дому—день солнечный, а потомъ этакъ дождикъ, и смотришь, точно какъ будто дождикъ.

Яичница. Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло—не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

Жевакинъ. О, смерть, совершенная смерть!

Анучкинъ. Да-съ, это можно сказать...

Кочкаревъ. Какое?—просто терзанье! жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

Яичница. А какъ, сударыня, если бы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть приличнѣе мужу?

Жевакинъ. Хотѣли ли бы вы, сударыня, имѣть мужемъ человѣка, знакомаго съ морскими бурями?

Кочкаревъ. Нѣтъ, нѣтъ! Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ.

Анучкинъ. Почему же предубѣжденіе? Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который хотя, конечно, служилъ въ пѣхотной службѣ, но умѣетъ, однакожъ, цѣнить обхожденіе высшаго общества.

Яичница. Сударыня, разрѣшите вы!

Агаѳья Тихоновна *молчитъ.*

Ѳекла. Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

Яичница. Какъ же, матушка?

Кочкаревъ. Какъ же ваше мнѣніе, Агаѳья Тихоновна?

Ѳекла *(тихо ей).* Скажи же, скажи:—Благодарствую—молъ,—съ моимъ удовольствіемъ...—Не хорошо же такъ сидѣть.

Агаѳья Тихоновна *(тихо).* Мнѣ стыдно, право стыдно; я уйду, право уйду. Тетушка, посидите за меня.

Ѳекла. Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ осрамишься. Они ни вѣсть что́ подумаютъ.

Агаѳья Тихоновна *(также).* Нѣтъ, право уйду, уйду, уйду! *(Убѣгаетъ. Ѳекла и Арина Пантелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею).*

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Яичница. Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! это что́ значитъ?

Кочкаревъ. Что-нибудь, вѣрно, случилось.

Жевакинъ. Какъ-нибудь насчетъ дамскаго туалетца... Этакъ поставить что-нибудь... манишечку... пришпилить. *(Ѳекла входитъ. Всѣ къ ней навстрѣчу съ вопросами:* что́, что́ такое)?

Кочкаревъ. Что-нибудь случилось?

Ѳекла. Какъ можно, чтобы случилось! Ей-Богу, ничего не случилось.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ же она вышла?

Ѳекла. Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ исконфузили, такъ что не высидѣла на мѣстѣ. Проситъ извинить: ввечеру де на чашку чаю чтобы пожаловали. *(Уходитъ).*

Яичница *(въ сторону).* Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ зато не люблю сватаній, пойдетъ возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣзавтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное! Чортъ побери, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

Кочкаревъ. *(Подколесину).* А вѣдь хозяйка недурна—а?

Подколесинъ. Да, недурна.

Жевакинъ. А вѣдь хозяечка-то хороша?

Кочкаревъ *(въ сторону).* Вотъ чортъ побери! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! *(Вслухъ).* Совсѣмъ нехороша, совсѣмъ нехороша.

Яичница. Носъ великъ.

Жевакинъ. Ну, нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Она этакой розанчикъ.

Анучкинъ. Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ, не то́, не то... Я даже думаю, что врядъ ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-французски?

Жевакинъ. Да что-жъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-французски? Можетъ-быть, и знаетъ.

Анучкинъ. Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастія воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, сто́ило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ.

Жевакинъ. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что́-жъ вамъ за прибыль, если она...

Анучкинъ. А нѣтъ, нѣтъ. Женщина совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобъ она непремѣнно знала, а безъ того у ней и то, и это... *(показываетъ жестами)* все ужъ будетъ не то.

Яичница *(въ сторону)*. Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду да осмотрю со двора домъ и флигеля: если только все, какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны—народъ что-то больно жиденькій. Такихъ невѣсты не любятъ.

Жевакинъ. Пойти выкурить трубочку. А что, не по дорогѣ ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

Анучкинъ. А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

Жевакинъ. Да-съ, будетъ кругъ: я на острову, въ 18-й линіи; а, впрочемъ, все-таки я васъ провожу.

Стариковъ. Нѣтъ, тутъ что-то снѣсьевато. Ай припомните потомъ, Агаѳья Тихоновна, и насъ! Съ моимъ почтеніемъ, господа! *(Кланяется и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Подколесинъ. А чего ждемъ и мы?

Кочкаревъ. Ну, что, вѣдь, правда, хозяйка мила?

Подколесинъ. Да что! Мнѣ, признаюсь, она не нравится.

Кочкаревъ. Вотъ на! Это что? Да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша.

Подколесинъ. Да такъ, какъ-то не того: и носъ длинный, и по-французски не знаетъ.

Кочкаревъ. Это еще что? тебѣ на что по-французски?

Подколесинъ. Ну, все-таки невѣста должна знать по-французски.

Кочкаревъ. Почему-жъ?

Подколесинъ. Да потому, что... ужъ я не знаю почему, а все ужъ будетъ у ней не то.

Кочкаревъ. Ну, вотъ дуракъ; сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она—красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

Подколесинъ. Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да послѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ,—ну, я рязсмотрѣлъ, и вижу самъ, что длинный носъ.

Кочкаревъ. Эхъ, ты, пирей, не нашелъ дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить: и я тоже не хвалилъ,—такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица! Ты разсмотри только глаза ея: вѣдь это, чортъ знаетъ, что за глаза: говорятъ, дышатъ. А носъ? я не знаю, что за носъ! бѣлизна—алебастръ! Да и алебастръ не всякій сравнится. Ты разсмотри самъ хорошенько.

Подколесинъ *(улыбаясь)*. Да теперь-то я опять вижу, что она какъ будто хороша.

Кочкаревъ. Разумѣется, хороша. Послушай, теперь, такъ какъ они всѣ ушли, пойдемъ къ ней, изъяснимся и все кончимъ.

Подколесинъ. Ну, этого я не сдѣлаю.

Кочкаровъ. Отчего-жъ?

Подколесинъ. Да что-жъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ.

Кочкаревъ. Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту спроважу?

Подколесинъ. Да какъ же ты ихъ спровадишь?

Кочкаревъ. Ну, ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отнѣкиваться.

Подколесинъ. Почему-жъ не дать? изволь, я не отпираюсь: я хочу жениться.

Кочкаревъ. Руку!

Подколесинъ *(подавая)*. Возьми!

Кочкаревъ. Ну, этого только мнѣ и нужно. *(Оба уходятъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Агаѳьи Тихоновны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агаѳья Тихоновна *одна, потомъ* **Кочкаревъ.**

Агаѳья Тихоновна. Право, такое затрудненіе—выборъ! Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четыре—какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя конечно худощавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича—я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что будетъ. *(Подходитъ къ столику, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить)*. Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще

влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы? Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что̀ будетъ. *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою).* Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣтъ, отчего же онъ? лучше-жъ Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. *(Шаритъ рукою въ ридикюлѣ и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ).* Ухъ, всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного! непремѣнно одного! *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ. Въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади).* Ахъ, если бы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу! Кого прикажетъ судьба.

Кочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! *(вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ).*

Кочкаревъ. Да чего-жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочкаревъ. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личико.

Агаѳья Тихоновна *(вполовину открывая лицо).* Мнѣ, право, стыдно.

Кочкаревъ. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! *(вскрикиваетъ и закрывается вновь руками).*

Кочкаревъ. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто, удивительный человѣкъ!

Агаѳья Тихоновна *(понемногу открываетъ лицо).* Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ—вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Кочкаревъ. Помилуйте, это дрянь противъ Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Отчего же?

Кочкаревъ. Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ... ну, просто, человѣкъ... человѣкъ, какихъ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а Иванъ Павловичъ?

Кочкаревъ. И Иванъ Павловичъ—дрянь, всѣ они—дрянь.

Агаѳья Тихоновна. Будто бы ужъ всѣ?

Кочкаревъ. Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было,—Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что̀ ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ что̀ такое!

Агаѳья Тихоновна. А вѣдь, право, они очень... скромные.

Кочкаревъ. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой! Ужъ это, точно, такое несчастіе, хуже котораго не можетъ быть.

Кочкаревъ. Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агаѳья Тихоновна. Такъ, по вашему совѣту, лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Ивана Кузьмича; натурально, Ивана Кузьмича. *(Въ сторону).* Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подколесинъ сидитъ въ кондитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агаѳья Тихоновна. Такъ вы думаете—Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. А тѣмъ другимъ развѣ отказать.

Кочкаревъ. Конечно, отказать.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ-то стыдно.

Кочкаревъ. Почему-жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замужъ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать: да почему, да какъ?

Кочкарвъ. Ну, такъ, если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: „Пошли вонъ, дураки“!

Агаѳья Тихоновна. Какъ же можно такъ сказать?

Кочкаревъ. Ну, да ужъ попробуйте: я васъ увѣряю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь это выйдетъ ужъ какъ-то бранно.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно?

Агаѳья Тихоновна. Да все какъ-то не хорошо... они вѣдь разсердятся.

Кочкаревъ. Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое бо́льшее, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза,—вотъ и все.

Агаѳья Тихоновна Ну, вотъ, видите!

Кочкаревъ. Да что-жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей-Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ—плюнулъ въ самое

лицо, ей-Богу! „Вотъ тебѣ“, говоритъ, „твоя прибавка, отвяжись, сатана“! А жалованья однакоже все-таки прибавилъ. Такъ что-жъ изъ того, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ—взялъ, да и вытеръ. *(Въ сѣняхъ звонятъ).* Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ, вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ-ли у васъ тамъ другого выхода?

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ. Ничего, только присутствіе духа. Прощайте! *(Въ сторону).* Поскорѣй приведу Подколесина.

ЯВЛЕНІЕ II.

Агаѳья Тихоновна и Яичница.

Яичница. Я нарочно, сударыня, пришелъ немного пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю, вамъ извѣстно: служу коллежскимъ асессоромъ, любимъ начальниками, подчиненные слушаются... недостаетъ только одного: подруги жизни.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ.

Яичница. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта—вы. Скажите напрямикъ: да, или нѣтъ? *(Смотритъ ей въ плечо, въ сторону).* О, она не то, что, какъ бываютъ, худенькія нѣмки—кое-что есть.

Агаѳья Тихоновна. Я еще очень молода-съ... не расположена еще замужъ.

Яичница. Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ-быть, вы хотите что-нибудь другое сказать — изъяснитесь... *(Слышенъ колокольчикъ).* Чортъ побери! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Жевакинъ.

Жевакинъ. Извините, сударыня, что я, можетъ-быть, слишкомъ рано. *(Оборачивается и видитъ Яичницу).* Ахъ, ужъ есть... Ивану Павловичу мое почтеніе!

Яичница *(въ сторону).* Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! *(Вслухъ).* Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно только слово: да, или нѣтъ?.. *(Слышенъ колокольчикъ; Яичница плюетъ съ сердцовъ).* Опять колокольчикъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Анучкинъ.

Анучкинъ. Можетъ-быть, я сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ и повелѣваетъ долгъ приличія... *(Видя прочихъ, испускаетъ восклицаніе и раскланивается).* Мое почтеніе!

Яичница *(въ сторону).* Возьми себѣ свое почтеніе! Нелегкая тебя принесла, подломились бы тебѣ твои поджарыя ноги! *(Вслухъ).* Такъ какъ же, сударыня, рѣшите,—я человѣкъ должностной, времени у меня немного—да, или нѣтъ?

Агаѳья Тихоновна *(въ смущеніи).* Не нужно-съ... не нужно-съ... *(Въ сторону).* Ничего не понимаю, что́ говорю.

Яичница. Какъ не нужно? Въ какомъ отношеніи не нужно?

Агаѳья Тихоновна. Ничего-съ, ничего... Я не того-съ... *(Собираясь съ духомъ).* Пошли вонъ!.. *(Въ сторону, всплеснувши руками).* Ахъ, Боже мой! что́ я такое сказала?

Яичница. Какъ „пошли вонъ?“ Что́ это такое значитъ: „пошли вонъ?“ Позвольте узнать, что́ вы разумѣете подъ этимъ? *(Подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно).*

Агаѳья Тихоновна *(взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ).* Ухъ, прибьетъ, прибьетъ: *(Убѣгаетъ. Яичница стоитъ, разинувши ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже:* ухъ, прибьетъ! *и убѣгаетъ).*

Яичница. Что́ за притча такая! Вотъ, право, исторія! *(Въ дверяхъ звенитъ звонокъ, и слышны голоса).*

Голосъ Кочкарева. Да входи, входи, что́-жъ ты остановился?

Голосъ Подколесина. Да ступай ты впередъ. Я только на минуту: оправлюсь, разстегнулась стремешка.

Голосъ Кочкарева. Да ты улизнешь опять.

Голосъ Подколесина. Нѣтъ, не улизну! Ей-Богу, не улизну.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ Ну, вотъ, очень нужно поправлять стремешку.

Яичница *(обращаясь къ нему).* Скажите, пожалуйста, невѣста дура, что ли?

Кочкаревъ. А что́? случилось развѣ что́?

Яичница. Да непонятные поступки: выбѣжала, стала кричать: „прибьетъ, прибьетъ!“ Чортъ знаетъ что́ такое.

Кочкаревъ. Ну да, это за ней водится: она дура.

Яичница. Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

Кочкаревъ. Какъ же, родственникъ.

Яичница. А какъ родственникъ? позвольте узнать.

Кочкаревъ. Право, не знаю; какъ-то тетка

моей матери что-то такое ея отцу, или отецъ ея что-то такое моей теткѣ; объ этомъ знаетъ жена моя,—это ихъ дѣло.

Яичница. И давно за ней водится дурь?

Кочкаревъ. А еще съ самаго съ-измала.

Яичница. Да конечно, лучше, если бы она была умнѣй; а впрочемъ и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

Кочкаревъ. Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

Яичница. Какъ такъ, а каменный домъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь только слава, что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроенъ: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ серединѣ всякая дрянь—мусоръ, щепки, стружки.

Яичница. Что́ вы?

Кочкаревъ. Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строятъ дома? лишь бы только въ ломбардъ заложить.

Яичница. Однакожъ вѣдь домъ не заложенъ?

Кочкаревъ. А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, не только заложенъ, да за два года еще проценты не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ,—сутяги такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снялъ бы, безбожникъ.

Яичница. Какъ же мнѣ старуха-сваха... Ахъ она, бестія этакая, изверг рода человѣ... *(Въ сторону).* Однакожъ онъ, можетъ-быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! и если только правда... ну... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поютъ.

Анучкинъ. Позвольте васъ побезпокоить тоже вопросомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-французски, или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ?..

Кочкаревъ. Ни бельмеса.

Анучкинъ. Что́ вы?

Кочкаревъ. Какъ же? я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансіонѣ, извѣстная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А французскій учитель, просто, билъ ее палкой.

Анучкинъ. Представьте же, что у меня съ перваго раза, какъ только ее увидѣлъ, было какое-то предчувствіе, что она не знаетъ по-французски.

Яичница. Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха-то проклятая... Ахъ ты, бестія этакая, вѣдьма! Вѣдь если бы вы знали, какими словами она расписала—живописецъ, вотъ совершенный живописецъ! „Домъ, флигель“, говоритъ, „на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани—вотъ садись, да и катайся!“ словомъ, въ романѣ рѣдко выберется такая страница. Ахъ ты, подошва ты старая! попадись только ты мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Ѳекла *(Всѣ, увидѣвъ ее, обращаются къ ней съ слѣдующими словами):*

Яичница. А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣховодница! а подойди-ка сюда!

Анучкинъ. Такъ-то вы обманули меня, Ѳекла Ивановна?

Кочкаревъ. Ну-ка, ступай, Варвара, на расправу!

Ѳекла. И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

Яичница. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва, а ты наврала: и съ мезонинами, и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

Ѳекла. А не знаю, не я строила. Можетъ-быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

Яичница. Да и въ ломбардъ еще заложенъ! Черти-бъ тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! *(притопывая ногой).*

Ѳекла. Смотри ты какой! Еще и бранится. Иной бы благодарить сталъ за удовольствіе, что хлопотала о немъ.

Анучкинъ. Да, Ѳекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насказали, что она знаетъ по-французски.

Ѳекла. Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому, и по-всякому, какіе хочешь манеры—все знаетъ.

Анучкинъ. Ну, нѣтъ; кажется, она только по-русски и говоритъ.

Ѳекла. Что-жъ тутъ худого? Понятливѣе по-русски, потому и говоритъ по-русски. А кабы умѣла по-басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы не понялъ ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, — рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски.

Яичница. А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

Ѳекла. *(пятясь ближе къ дверямъ).* И не подойду, я знаю тебя: ты человѣкъ тяжелый, ни за что́ прибьешь.

Яичница. Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣстѣ скажи, что она подлецъ! Слышишь, непремѣнно скажи. *(Уходитъ).*

Ѳекла. Смотри ты какой! разсердился какъ! Что толстъ, такъ думаетъ, ему и равнаго никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлецъ — вотъ что́!

Анучкинъ. Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованьемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ! *(Уходитъ).*

Ѳекла. Бѣлены объѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе? Свела съ ума глупая грамота!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ѳекла, Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ *хохочетъ во все горло, смотря на Ѳеклу и указывая на нее пальцемъ.*

Ѳекла *(съ досадою).* Ты что́ горло дерешь?

Кочкаревъ *продолжаетъ хохотать.*

Ѳекла. Экъ какъ разобрало его!

Кочкаревъ. Сваха-то! сваха-то! Мастерица женить, знаетъ, какъ повести дѣло! *(Продолжаетъ хохотать).*

Ѳекла. Экъ его заливается! Знать, покойница свихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала. *(Уходитъ съ досадою).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кочкаревъ, Жевакинъ

Кочкаревъ *(продолжая хохотать).* Охъ, не могу; право, не могу! силы не выдержатъ, чувствую, что тресну отъ смѣха! *(Продолжаетъ хохотать).*

Жевакинъ, *глядя на него, начинаетъ тоже смѣяться.*

Кочкаревъ *(въ усталости валится на стулъ).* Охъ, право, выбился изъ силъ! Чувствую, что если засмѣюсь еще, порву послѣднія силы.

Жевакинъ. Мнѣ нравится веселость вашего нрава. У насъ въ эскадрѣ капитана Болдырева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ— вдругъ засмѣется, ей-Богу, и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало, и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ, и самъ точно, этакъ, смѣешься.

Кочкаревъ *(переводя дыханіе).* Охъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Ну, что́ она вздумала, дура? Ну, куда-жъ ей женить? ей ли женить? Вотъ я женю, такъ женю!

Жевакинъ. Нѣтъ? Такъ вы можете не въ шутку женить?

Кочкаревъ. Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

Жевакинъ. Если такъ, женитe меня на здѣшней хозяйкѣ.

Кочкаревъ. Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

Жевакинъ. Какъ зачѣмъ? Вотъ позвольте замѣтить, странный немного вопросъ! а извѣстное дѣло зачѣмъ.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы слышали, у ней приданаго ничего нѣтъ.

Жевакинъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, это дурно, а, впрочемъ, съ этакою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комнатка *(размѣриваетъ примѣрно руками)*, этакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ этакой перегородки...

Кочкаревъ. Да что́ вамъ въ ней такъ понравилось?

Жевакинъ. А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматеръ со стороны женской полноты.

Кочкаревъ *(поглядывая на него искоса, говоритъ въ сторону).* А вѣдь самъ ужъ куды не пощеголяетъ; точно кисетъ, изъ котораго вытрясли табакъ. *(Вслухъ).* Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

Жевакинъ. Какъ такъ?

Кочкаревъ. Да такъ. Ну, что́ у васъ за фигура, между нами будь сказано? нога пѣтушья...

Жевакинъ. Пѣтушья?

Кочкаревъ. Конечно. Что́ у васъ за видъ!

Жевакинъ. То-есть, какъ, однакоже, пѣтушья нога?

Кочкаревъ. Да просто—пѣтушья.

Жевакинъ. Мнѣ кажется, это, однакожъ, касается насчетъ личности...

Кочкаревъ. Да вѣдь я говорю потому, что, знаю, вы разсудительный человѣкъ; другому я не скажу. Я васъ женю, извольте, только на другой.

Жевакинъ. Нѣтъ, ужъ я бы просилъ, чтобы на другой меня не женили. Ужъ будьте этакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

Кочкаревъ. Извольте, женю, только съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что́ и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ,—я все сдѣлаю безъ васъ.

Жевакинъ. Да какъ, однакоже, все безъ меня? Все-таки мнѣ хоть на глаза нужно будетъ показаться.

Кочкаревъ Совсѣмъ не нужно. Идите домой и ждите: сего же вечера все будетъ сдѣлано.

Жевакинъ. *(потираетъ руки).* А вотъ это и ужъ куда бы хорошо! Да не нужно ли аттестатъ, послужной списокъ? Можетъ-быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту.

Кочкаревъ. Ничего не нужно, отправляйтесь только домой: я вамъ сегодня же дамъ знать. *(Выпровожаетъ его).* Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что́-жъ это? Что́-жъ это, Подколе-

синъ не идетъ? Это, однакожъ, странно. Неужли онъ до сихъ поръ поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кочкаревъ, Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна *(осматриваясь)*. Что́ ушли? никого нѣтъ?

Кочкаревъ. Ушли, ушли, никого.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, если бы вы знали, какъ я вся дрожала! Этакого, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Яичница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

Кочкаревъ. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

Агаѳья Тихоновна. А третій?

Кочкаревъ. Какой третій?

Жевакинъ *(высовывая голову въ двери)*. Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ... розанчикъ этакой.

Агаѳья Тихоновна. А Балтазаръ Балтазаровичъ?

Жевакинъ. А, вотъ оно, вотъ оно! *(Потираетъ руки)*.

Кочкаревъ. Фу, ты пропасть! Я думалъ, о комъ вы говорите. Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ что́, набитый дуракъ.

Жевакинъ. Это что́ такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Агаѳья Тихоновна. А онъ, однакоже, на видъ показался очень хорошимъ человѣкомъ.

Кочкаревъ. Пьяница!

Жевакинъ. Ей-Богу, не понимаю!

Агаѳья Тихоновна. Неужели и пьяница еще?

Кочкаревъ. Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

Жевакинъ *(громко)*. Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что-никудь замолвить въ мой профитъ, похвалить — другое дѣло; а чтобы этакимъ образомъ, этакими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другого, а ужъ я слуга покорный.

Кочкаревъ *(въ сторону)*. Какъ это угораздило его подвернуться *(Агаѳьѣ Тихоновнѣ вполголоса)*. Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Этакое мыслете онъ всякій день пишетъ. Прогоните его, да и концы въ воду! *(Въ сторону)*. А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экой мерзавецъ! Ужъ я-жъ вымещу на немъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Агаѳья Тихоновна и Жевакинъ.

Жевакинъ *(въ сторону)*. Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! Престранный человѣкъ! *(Вслухъ)*. Вы, сударыня, не вѣрьте...

Агаѳья Тихоновна. Извините, мнѣ нездоровится... болитъ-съ голова. *(Хочетъ уйти)*.

Жевакинъ. Но, можетъ-быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится! *(Указывая на голову)*. Вы не глядите на то́, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волоса сейчасъ вырастутъ.

Агаѳья Тихоновна. Мнѣ все равно-съ, что́ бы у васъ тамъ ни было.

Жевакинъ. У меня сударыня... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ побѣлѣе.

Агаѳья Тихоновна. Для васъ лучше. Прощайте! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Жевакинъ *(одинъ, говоритъ вслѣдъ ей)*.

Сударыня, позвольте, скажите причину, зачѣмъ? почему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что ли?.. Ушла! Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, этакъ сначала все хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки — смотришь и откажутъ. *(Ходитъ по комнатѣ въ размышленіи)*. Да... Вотъ эта ужъ будетъ никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей, однакожъ, хочется! Чего бы ей, напримѣръ, этакъ... съ какой стати... *(Подумавъ)*. Темно, чрезвычайно темно! Добро бы былъ нехорошъ чѣмъ. *(Осматривается)*. Кажется, нельзя сказать этого: все, слава Богу, натура не обидѣла. Непонятно! Развѣ не пойти ли домой да порыться въ сундучкѣ? Тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей-Богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить назадъ оглобли. А жаль, право жаль. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Подколесинъ и Кочкаревъ *(входятъ и оба оглядываются назадъ)*.

Кочкаревъ. Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

Подколесинъ. Неужели и ему такъ же отказано, какъ и тѣмъ?

Кочкаревъ. Наотрѣзъ.

Подколесинъ *(съ самодовольной улыбкой)*. А преконфузно, однакоже, должно быть, если откажутъ.

Кочкаревъ. Еще бы!

Подколесинъ. Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

Кочкаревъ. Какое — предпочитаетъ! Она отъ тебя, просто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть, — такъ, просто и кипитъ.

Подколесинъ *(самодовольно усмѣхается)*. А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ женщина, если захочетъ, какихъ словъ не наскажетъ! вѣкъ бы не выдумалъ: мордашечка, таракашечка, чернушка...

Кочкаревъ. Что еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну, вотъ такъ и ташь.

Подколесинъ *(усмѣхаясь)*. Будто?

Кочкаревъ. Какой честный человѣкъ! Послушай, теперь, однакожъ, скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

Подколесинъ. Но какъ же сію минуту? что ты!

Кочкаревъ. Непремѣнно сію же минуту... а вотъ и она сама.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Агаѳья Тихоновна.

Кочкаревъ. Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго, просто, не приведи Богъ—и непріятелю не пожелаю...

Подколесинъ *(толкая его подъ руку, тихо)*. Ну, ужъ ты, братъ, кажется, слишкомъ.

Кочкаревъ *(ему)*. Ничего, ничего! *(Ей тихо)*. Будьте посмѣлѣе, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Этакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потупивши глаза, такъ вдругъ и срѣзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ, смотритъ!—Напрасно, впрочемъ, вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да, впрочемъ, и это хорошо. *(Вслухъ)*. Ну, я оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ! Я на минуточку загляну только къ вамъ въ столовую и на кухню: нужно распорядиться—сейчасъ придетъ офиціантъ, которому заказанъ ужинъ; можетъ-быть, и вина принесены... До свиданья! *(Подколесину)*, Смѣлѣе! Смѣлѣе! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Подколесинъ и Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна. Прошу покорнѣйше садиться.

(Садятся и молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударыня, любите кататься?

Агаѳья Тихоновна. Какъ-съ кататься?

Подколесинъ. На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подколесинъ. Какое-то лѣто будетъ — неизвѣстно.

Агаѳья Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агаѳья Тихоновна. Который покрѣпче пахнетъ-съ—гвоздику-съ.

Подколесинъ. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Агаѳья Тихоновна. Да, пріятное занятіе. *(Молчаніе)*. Въ которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесинъ. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе лучше. *(Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по столу)*. Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Агаѳья Тихоновна. Да, черезъ мѣсяцъ, кажется.

Подколесинъ. Даже и мѣсяца не будетъ.

Агаѳья Тихоновна. Должно-быть, веселое будетъ гулянье.

Подколесинъ. Сегодня восьмое число *(считаетъ по пальцамъ)*; девятое, десятое, одиннадцатое... чрезъ двадцать два дня.

Агаѳья Тихоновна. Представьте, какъ скоро!

Подколесинъ. Я сегодняшняго дня даже не считаю. *(Молчаніе)*. Какой это смѣлый русскій народъ!

Агаѳья Тихоновна. Какъ?

Подколесинъ. А работники. Стоятъ на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатуритъ и не боится ничего.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подколесинъ. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность *(Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ берется за шляпу и раскланивается)*.

Агаѳья Тихоновна. А вы уже хотите?..

Подколесинъ. Да-съ. Извините, что, можетъ-быть, наскучилъ вамъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подколесинъ *(улыбаясь)*. А мнѣ, такъ, право, кажется, что я наскучилъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, право нѣтъ!

Подколесинъ. Ну, такъ, если нѣтъ, такъ поз-

Кочкаревъ.—Ну, Богъ васъ благословитъ!..

вольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь...

Агаѳья Тихоновна. Очень пріятно-съ. *(Раскланиваются. Подколесинъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Агаѳья Тихоновна *(одна).*

Какой достойный человѣкъ! Я теперь только узнала его хорошенько, право, нельзя не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель его давеча справедливо сказалъ; жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь главное то́ хорошо, что совсѣмъ не пустословитъ. Я было хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться... Какой превосходный человѣкъ! Пойду, разскажу тетушкѣ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Подколесинъ и Кочкаревъ *(входятъ).*

Кочкаревъ. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что́ слѣдуетъ.

Кочкаревъ. Стало-быть, сердце ей ты ужъ открылъ?

Подколесинъ. Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ. Вотъ-то исторія! Зачѣмъ же не открылъ?

Подколесинъ. Ну, да какъ же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку-припеку: „Сударыня, дайте я на васъ женюсь!“

Кочкаревъ. Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали битыхъ полчаса?

Подколесинъ. Ну, мы переговорили обо всемъ, и, признюсь, я очень доволенъ: съ большимъ удовольствіемъ провелъ время.

Кочкаревъ. Да послушай, посуди ты самъ: когда же все это успѣемъ? вѣдь черезъ часъ нужно ѣхать въ церковь, подъ вѣнецъ.

Подколесинъ. Что́ ты, съ ума сошелъ? Сегодня подъ вѣнецъ!..

Кочкаревъ. Почему-жъ нѣтъ?

Подколесинъ. Сегодня подъ вѣнецъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь ты-жъ самъ далъ слово, сказалъ, что какъ только женихи будутъ прогнаны— сейчасъ готовъ жениться.

Подколесинъ. Ну, я и теперь не прочь отъ слова, только не сейчасъ же; мѣсяцъ по крайней мѣрѣ нужно дать розгыху.

Кочкаревъ. Мѣсяцъ!

Подколесинъ. Да, конечно.

Кочкаревъ. Да ты съ ума сошелъ, что ли?

Подколесинъ. Да меньше мѣсяца нельзя.

Кочкаревъ. Да вѣдь я офиціанту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямься, душенька, женись теперь.

Подколесинъ. Помилуй, братъ, что́ ты говоришь? какъ же теперь?

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня по крайней мѣрѣ.

Подколесинъ. Да, право, нельзя.

Кочкаревъ. Можно, душа, все можно; ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесинъ. Да, право, нѣтъ! неловко, совсѣмъ неловко.

Кочкаревъ. Да что́ неловко? кто тебѣ сказалъ это? Ты посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный; я говорю тебѣ это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю изъ любви... Ну, полно же, душенька, рѣшись, взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

Подколесинъ. Да если бы было можно, такъ я бы...

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, хочешь ли, я стану на колѣни передъ тобой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же?..

Кочкаревъ *(становясь на колѣни).* Ну, вотъ я и на колѣняхъ! Ну, видишь самъ, прошу тебя. Вѣкъ не позабуду твоей услуги, не упрямься, душенька!

Подколесинъ. Ну, нельзя, братъ, право нельзя.

Кочкаревъ *(вставая, въ-сердцахъ).* Свинья!

Подколесинъ. Пожалуй, бранись себѣ.

Кочкаревъ. Глупый человѣкъ! Еще никогда не было такого.

Подколесинъ. Бранись, бранись.

Кочкаревъ. Я для кого же старался? изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что́ мнѣ? я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

Подколесинъ. Да кто-жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкаревъ. Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подколесинъ. Тебѣ что́ до того?

Кочкаревъ. О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

Подколесинъ. Я не хочу твоихъ стараній.

Кочкаревъ. Ну, такъ ступай же къ чорту!

Подколесинъ. Ну, и пойду.

Кочкаревъ. Туда тебѣ и дорога!

Подколесинъ. Что́-жъ, и пойду.

Кочкаревъ. Ступай, ступай и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ тамъ ногу. Вотъ отъ души полылаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извоз-

чикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ не показывайся!

Подколесинъ. И не покажусь. *(Уходитъ).*

Кочкаревъ. Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! *(Отворяя дверь, кричитъ ему вслѣдъ).* Дуракъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Кочкаревъ *(одинъ, ходитъ, въ сильномъ движеніи, взадъ и впередъ).*

Ну, былъ ли когда виденъ на свѣтѣ подобный человѣкъ? Этакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? родня, что ли? И что я ему такое — нянька, тетка, свекруха, кума что-ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ! Этакой мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы — во всякое мѣсто! *(Въ-сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ).* Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ—ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода—вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь этакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей-Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же, пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду, приведу подлеца! *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Агаѳья Тихоновна *(входитъ).*

Ужъ такъ право бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куда ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь, — пробовала сматывать нитки, шила ридикюль,— а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лѣзетъ въ руку. *(Помолчавъ).* И такъ, вотъ, наконецъ, ожидаетъ меня перемѣна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мужчиною — уфъ! дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь. *(Плачетъ).* Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ. Однихъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ — выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовъ сегодня же поставить на карточку все что ни есть на немъ! *(Начинаетъ мало-по-малу опять рыдать).* Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ... *(Перемѣняя голосъ).* Да что-жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшкается?

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Агаѳья Тихоновна и Подколесинъ *(выталкивается на сцену изъ дверей двумя руками* **Кочкарева**).

Подколесинъ *(запинаясь).* Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльцо... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

Агаѳья Тихоновна *(потупляя глаза).* Что же такое?

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, вы скажите напередъ: не покажется ли вамъ странно?

Агаѳья Тихоновна *(также).* Не могу знать, что такое.

Подколесинъ. Но признайтесь: вѣрно вамъ покажется страннымъ то, что я вамъ скажу?

Агаѳья Тихоновна. Помилуйте, какъ можно, чтобы было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

Подколесинъ. Но этого вы еще никогда не слыхали. *(Агаѳья Тихоновна потупляетъ еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за плечами).* Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

Агаѳья Тихоновна. А что же это такое?

Подколесинъ. А это... я хотѣлъ было, признаюсь, теперь объявить вамъ, да все еще какъ-то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ *(про себя, складывая руки).* Господи Ты Боже мой, что это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка.

Агаѳья Тихоновна. Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ. Да все какъ-то беретъ сомнѣніе.

Кочкаревъ *(вслухъ).* Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ *(почти испугавшись, толкаетъ его, произнося живо).* Помилуй, что ты!

Кочкаревъ. Такъ что-жъ, сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастіе?

Агаѳья Тихоновна. Я никакъ не смѣю думать, чтобъ я могла составить счастіе... а, впрочемъ, я согласна.

Кочкаревъ. Натурально, натурально, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесинъ. Сейчасъ. *(Хочетъ сказать что-то ему на-ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмуритъ брови; онъ даетъ руку).*

Кочкаревъ *(соединяя руки).* Ну, Богъ васъ благословитъ! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взялъ извозчика, да и поѣхалъ куда-нибудь, это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я разскажу тебѣ, что это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. *(Агаѳья Тихоновна потупляетъ глаза).* Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пусть поцѣлуетъ!

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. *(Цѣлуетъ ее и беретъ за руку).* Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непремѣнно сей же часъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ сейчасъ? Ужъ это, можетъ-быть, очень скоро.

Подколесинъ. И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье.

Кочкаревъ. Браво? хорошо! Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Кочкаревъ и Подколесинъ.

Подколесинъ. Ну, братъ, благодарю? Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. *(Тронутый).* Будущей весною навѣщу непремѣнно могилу твоего отца.

Кочкаревъ. Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую. *(Цѣлуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую).* Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно *(цѣлуются)*, въ довольствѣ и достаткѣ: дѣтей бы нажили кучу...

Подколесинъ. Благодарю, братъ! Именно, наконецъ, теперь только я узналъ, что такое жизнь; теперь предо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуетъ, этакъ какъ-то испаряется, какъ-то этакъ, не знаешь даже самъ, что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то-есть просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія человѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой человѣкъ живетъ.

Кочкаревъ. Радъ, радъ! Теперь я пойду, посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. *(Въ сторону).* А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. *(Беретъ и уноситъ шляпу съ собою).*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ *(одинъ).*

Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значилъ, что дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ, — словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотрѣть, какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ. Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ—и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, котораго, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. *(Послѣ нѣкотораго молчанья).* Однакожъ, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего, — все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя — тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну, спросятъ: зачѣмъ? Нельзя нѣтъ! А вотъ окно открыто; что, если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. *(Подходитъ къ окну).* Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій.

Ну, нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже картуза. Какъ же безъ шляпы? неловко! А неужто однакоже нельзя безъ шляпы? А что, если бы попробовать—а? Попробовать, что ли? *(Становится на окно и, сказавши:* „Господи, благослови!“ *соскакиваетъ на улицу; за сценой кряхтитъ и охаетъ).* Ахъ! однакожъ высоко! Эй, извозчикъ!

Голосъ извозчика. Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина. На Канавку, возлѣ Семеновскаго моста.

Голосъ извозчика. Да гривенникъ, безъ лишняго.

Голосъ Подколесина. Давай! Пошелъ! *(Слышенъ стукъ отъѣзжающихъ дрожекъ).*

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Агаѳья Тихоновна *(входитъ въ вѣнчальномъ платьѣ, робко и потупивъ голову).*

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно, и я вся дрожу. Ахъ! если бы его хоть на минутку на эту пору не было въ комнатѣ, если бы онъ за чѣмъ-нибудь вышелъ! *(Съ робостью оглядывается).* Да гдѣ-жъ это онъ? Ничего нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? *(Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда).* Ѳекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

Голосъ Ѳеклы. Да онъ тамъ.

Агаѳья Тихоновна. Да гдѣ же тамъ?

Ѳекла *(уходя).* Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

Ѳекла. Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ,—я сидѣла въ прихожей.

Агаѳья Тихоновна. Да гдѣ же онъ?

Ѳекла. Я ужъ не знаю, гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ, или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелевны?

Агаѳья Тихоновна. Тетушка! тетушка!

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же и Арина Пантелеймоновна.

Арина Пантелеймоновна *(разодѣтая).* А что такое?

Агаѳья Тихоновна. Иванъ Кузьмичъ у васъ!

Арина Пантелеймоновна. Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть; ко мнѣ не заходилъ.

Ѳекла. Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

Агаѳья Тихоновна. Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. А что такое?

Агаѳья Тихоновна. Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

Кочкаревъ. Какъ нѣтъ? ушелъ?

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, и не ушелъ даже.

Кочкаревъ. Какъ же? и нѣтъ—и не ушелъ?

Ѳекла. Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти.

Кочкаревъ. Какъ же, чортъ возьми? Вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли?.. Иванъ Кузьмичъ! гдѣ ты? Не дурачься, полно, выходи скорѣе! Ну, что за шутки такія? Въ церковь давно пора! *(Заглядываетъ за шкафъ, искоса запускаетъ даже глазъ подъ стулья).* Непонятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положилъ туда.

Арина Пантелеймоновна. Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!..

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и Дуняшка.

Арина Пантелеймоновна. Гдѣ Иванъ Кузьмичъ,—ты не видала?

Дуняшка. Да они-съ выпрыгнули въ окошко. *(Агаѳья Тихоновна вскрикиваетъ, всплеснувши руками).*

Всѣ трое. Въ окошко?

Дуняшка. Да-съ, а потомъ какъ выскочили, взяли извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна. Да ты правду говоришь?

Кочкаревъ. Врешь, не можетъ быть!

Дуняшка. Ей-Богу, выскочили! Вотъ и купецъ въ мелочной: лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна *(подступая къ Кочкареву).* Что-жъ вы, батюшка, въ издѣвку-то развѣ, что-ли? посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что-ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого сраму еще не наживала. Да я зато, батюшка, вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку!—я—мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! *(Уходитъ въ-сердцахъ и уводитъ невѣсту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный).*

Θекла. Что́? А, вотъ онъ тотъ, что́ знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе и этакіе женихи, облипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

Кочкаревъ. Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его! *(Уходитъ).*

Θекла. Да, поди ты, вороти! Дѣла-то свадебнаго не знаешь, что ли? Еще если бы въ двери выбѣжалъ — ино дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно — ужъ тутъ, просто мое, почтенье!

Писано въ 1833--1842 г.г.

II.
СЦЕНЫ и ОТРЫВКИ ИЗЪ ПЬЕСЪ.

(1832—1837 году).

ИГРОКИ.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Комната въ городскомъ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ихаревъ *входитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги* **Алексѣя** *и своего собственнаго,* **Гаврюшки.**

Алексѣй. Пожалуйте-съ, пожалуйте! Вотъ-съ покойчикъ! ужъ самый покойный, и шуму нѣтъ вовсе.

Ихаревъ. Шума нѣтъ, да, чай, коннаго войска вдоволь, скакуновъ?

Алексѣй. То-есть, изволите говорить насчетъ блохъ? ужъ будьте покойны. Если блоха или клопъ укуситъ, ужъ это наша отвѣтственность; ужъ на томъ стоимъ.

Ихаревъ *(Гаврюшкѣ).* Ступай выносить изъ коляски. *(Гаврюшка уходитъ. Алексѣю).* Тебя какъ зовутъ?

Алексѣй. Алексѣй-съ.

Ихаревъ. Ну, послушай! *(значительно)* разсказывай: кто у васъ живетъ?

Алексѣй. Да живутъ теперь много. Всѣ номера почти заняты.

Ихаревъ. Кто-жъ именно?

Алексѣй. Швохневъ Петръ Петровичъ, Кругель, полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

Ихаревъ. Играютъ?

Алексѣй. Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ.

Ихаревъ. Пара цѣлковиковъ! *(Суетъ ему въ руку).*

Алексѣй. *(кланяясь).* Покорнѣйше благодарю.

Ихаревъ. Послѣ еще будетъ.

Алексѣй. Покорнѣйше-съ благодарю.

Ихаревъ. Между собой играютъ?

Алексѣй. Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артуповскаго; у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысячъ.

Ихаревъ. Вотъ тебѣ еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

Алексѣй. Нѣтъ-съ, они сами брали вмѣстѣ.

Ихаревъ. Да у кого?

Алексѣй. Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

Ихаревъ. Врешь, врешь, плутъ!

Алексѣй. Ей-Богу!

Ихаревъ. Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ ужо. *(Гаврюшка вноситъ шкатулку).* Ставь ее здѣсь! Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умыться и побриться. *(Слуги уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Ихаревъ *(одинъ, отпираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами).*

Каковъ видъ, а? Каждая дюжина золотая. По́томъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рябитъ въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь зато, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она, заповѣдная колодушка—просто перлъ? Зато-жъ ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. *(Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Алексѣй и Гаврюшка *(несутъ лоханку, рукомойникъ и полотенце).*

Ихаревъ. Что́, эти господа гдѣ теперь? дома?

Алексѣй. Да-съ, они теперь въ общей залѣ.

Ихаревъ. Пойду взглянуть на нихъ, что́ за народъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алексѣй и Гаврюшка.

Алексѣй. Что́, издалека ѣдете?

Гаврюшка. А изъ Рязани.

Алексѣй. А сами тамошней губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

Алексѣй. Такъ-съ. Такъ помѣстье-то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, не въ Смоленской. Въ Смо-

ленской сто душъ, да въ Калужской восемьдесятъ.

Алексѣй. Понимаю, въ двухъ, то-есть, губерніяхъ.

Гаврюшка. Да, въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной дворни: Игнатій буфетчикъ, Павлушка, который прежде съ бариномъ ѣздилъ, Герасимъ лакей, Иванъ тоже опять лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семенъ, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ, вотъ какъ у насъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Кругель, Швохневъ *(осторожно входя)*.

Кругель. Право, я боюсь, чтобъ онъ насъ не засталъ здѣсь.

Швохневъ. Ничего, Степанъ Ивановичъ его удержитъ. *(Алексѣю)*. Ступай, братъ, тебя зовутъ! *(Алексѣй уходитъ. Швохневъ, подходя поспѣшно къ Гаврюшкѣ)*. Откуда баринъ?

Гаврюшка. Да теперь изъ Рязани.

Швохневъ. Помѣщикъ?

Гаврюшка. Помѣщикъ.

Швохневъ. Играетъ?

Гаврюшка. Играетъ.

Швохневъ. Вотъ тебѣ красуля *(даютъ ему бумажку)*. Разсказывай все!

Гаврюшка. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни, ни, не бойся!

Швохневъ. Что, какъ онъ теперь, — въ выигрышѣ? а?

Гаврюшка. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохневъ. Нѣтъ, а что?

Гаврюшка. Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверъ, да золотые эполеты... одной выжиги дали на 600 рублей.

Швохневъ. *(взглянувъ на Кругеля значительно)*. А? восемьдесятъ тысячъ! *(Кругель покачалъ головою)*. Думаешь — не чисто? Это мы сейчасъ узнаемъ. *(Гаврюшкѣ)*. Послушай: когда баринъ остается дома одинъ, что дѣлаетъ?

Гаврюшка. Да какъ—что дѣлаетъ? Извѣстно, что дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

Швохневъ. Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаетъ.

Гаврюшка. Не могу знать, я съ бариномъ всего двѣ недѣли; съ нимъ прежде все Павлушка ѣздилъ. У насъ тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ, Дементій кучеръ, да намедни изъ деревни одного взяли.

Швохневъ *(Кругелю)*. Думаешь—шулеръ?

Кругель. И очень можетъ быть.

Швохневъ. А попробовать, все-таки попробуемъ. *(Оба убѣгаютъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гаврюшка *(одинъ)*.

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будетъ Матренѣ на чепецъ, да пострѣльчонкамъ тоже по прянику. Эхъ, люблю походную жисть! Ужъ всегда что-нибудь пріобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего-нибудь—все ужъ съ рубля гривенничекъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что за житье господамъ на свѣтѣ! куда хошь, катай! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань; не захотѣлъ въ Рязань—въ Казань; въ Казань не захотѣлъ, валяй подъ самый Ярославъ. Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣй, Рязань или Казань?—Казань будетъ потому партикулярнѣй, что въ Казани...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ихаревъ, Гаврюшка, потомъ Алексѣй.

Ихаревъ. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А впрочемъ... Эхъ, хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить! Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ подумаешь, право, сердце бьется. *(Беретъ щетку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться)*. Просто рука дрожитъ, никакъ не могу бриться. *(Входитъ Алексѣй)*.

Алексѣй. Не прикажете ли чего покушать?

Ихаревъ. Какъ же, какъ же! Принеси закуску на четыре человѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его *(указывая на Гаврюшку)*.

Алексѣй *(Гаврюшкѣ)*. Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено. *(Гаврюшка уходитъ)*.

Ихаревъ *(продолжая бриться)*. Послушай! много они тебѣ дали?

Алексѣй. Кто-съ?

Ихаревъ. Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

Алексѣй. Да-съ, за прислугу пожаловали.

Ихаревъ. Сколько? пятьдесятъ рублей.

Алексѣй. Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

Ихаревъ. А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ лежитъ сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься, не укуситъ. Отъ тебя не потребуется больше ничего, какъ только честности, понимаешь? Карты пусть будутъ у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дѣло,

а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжину. *(Даетъ ему запечатанную дюжину)*. Понимаешь?

Алексѣй. Да ужъ какъ не понять? Извольте положиться, это ужъ наше дѣло.

Ихаревъ. Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-нибудь тебя не ощупали, или не увидѣли. *(Кладетъ щетку и мыло и вытирается полотенцемъ. Алексѣй уходитъ)*. Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ, признаюсь, хочется поддѣть ихъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Швохневъ. Кругель и Степанъ Ивановичъ Утѣшительный *(входятъ съ поклонами)*.

Ихаревъ *(съ поклономъ къ нимъ навстрѣчу)*. Прошу простить. Комната, какъ видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утѣшительный. Привѣтливыя ласки хозяина дороже всякихъ удобствъ.

Швохневъ. Не съ комнатой жить, а съ добрыми людьми.

Утѣшительный. Именно правда. Я бы не могъ быть безъ общества. *(Кругелю)*. Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюда: одинъ-одинешенекъ. Вообразите: знакомыхъ никого. Хозяйка—старуха. На лѣстницѣ какая-то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу, увивается около нея какой-то армейщина, видно, натощакъ... Словомъ, скука смертная. Вдругъ судьба послала вотъ его, а потомъ случай свелъ съ нимъ... Ну, ужъ какъ я былъ радъ. Не могу, не могу часу пробыть безъ дружескаго общества. Все, что ни есть на душѣ, готовъ разсказать каждому.

Кругель. Это, братъ, порокъ твой, а не добродѣтель. Излишество вредитъ. Ты, вѣрно, ужъ не разъ былъ обманутъ.

Утѣшительный. Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу безъ откровенности.

Кругель. Ну, признаюсь, это для меня непонятно: быть откровенну со всякимъ. Дружба—это другое дѣло.

Утѣшительный. Такъ; но человѣкъ принадлежитъ обществу.

Кругель. Принадлежитъ, но не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь!

Швохневъ *(Утѣшительному)*. Не спорь, братъ: ты неправъ.

Утѣшительный *(горячась)*. Нѣтъ, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долгъ! это, это, это...

Швохневъ. Ну, зарапортовался! Горячъ необыкновенно: еще первыя два слова можно понять изъ того, что онъ говоритъ, а ужъ дальше ничего не поймешь.

Утѣшительный. Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю, „господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право увлекусь“. Точно хмель какой-то, а желчь такъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

Ихаревъ *(про себя)*. Ну, нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ „обязанность“. У тебя, можетъ-быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ. *(Вслухъ)*. А что, господа, покамѣстъ споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ банчекъ?

(Въ продолженіе ихъ разговора приготовленъ на столѣ завтракъ).

Утѣшительный. Извольте; если не въ большую игру, почему нѣтъ?

Кругель. Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

Ихаревъ. А что, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

Швохневъ. О, только прикажите!

Ихаревъ. Карты! *(Алексѣй хлопочетъ около карточнаго стола)*. А между тѣмъ, прошу, господа! *(Указывая рукой на закуску и подходя къ ней)*. Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сякъ.

Швохневъ *(посылая въ ротъ кусокъ)*. Нѣтъ, и балыкъ того.

Кругель *(также)*. И сыръ хорошъ. Икра тоже недурна.

Швохневъ *(Кругелю)*. Помнишь, какой отличный сыръ ѣли мы недѣли двѣ тому назадъ?

Кругель. Нѣтъ, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который ѣлъ я у Петра Александровича Александрова.

Утѣшительный. Да вѣдь сыръ, почтеннѣйшій, когда хорошъ? Хорошъ онъ тогда, когда сверхъ одного обѣда наворотишь другой—вотъ гдѣ его настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый квартермистръ, говоритъ: „Добро пожаловать, господа, есть еще мѣсто“.

Ихаревъ. Добро пожаловать, господа, карты на столѣ.

Утѣшительный *(подходя къ карточному столу)*. А, вотъ она старина, старина! Слышь, Швохневъ, карты, а? Сколько лѣтъ...

Ихаревъ *(въ сторону)*. Да полно тебѣ корчить!..

Утѣшительный. Хотите вы держать банчикъ?

Ихаревъ. Небольшой, извольте, пятьсотъ рублей. Угодно снять? *(Мечетъ банкъ)*.

Начинается игра. Раздаются восклицанія.

Швохневъ. Четверка, тузикъ,—оба по десяти.

Утѣшительный. Подай-ка, братъ, мнѣ свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводительши.

Кругель. Позвольте присовокупить девяточку.

Утѣшительный. Швохневъ, подай мѣлъ. Приписываю и списываю.

Швохневъ. Чортъ побери, пароле!

Утѣшительный. И пять рублей мазу!

Кругель. Атанде! позвольте посмотрѣть, кажется еще двѣ тройки должны быть въ колодѣ.

Утѣшительный *(вскакиваетъ съ мѣста, про себя).* Чортъ побери, тутъ что-то не такъ. Карты другія, это очевидно.

(Игра продолжается).

Ихаревъ *(Кругелю).* Позвольте узнать: обѣ идутъ?

Кругель. Обѣ.

Ихаревъ. Не возвышаете.

Кругель. Нѣтъ.

Ихаревъ *(Швохневу).* А вы что-жъ? не ставите?

Швохневъ. Позвольте мнѣ эту талію переждать. *(Встаетъ со стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро).* Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все, что хочешь! Шулеръ первой степени!

Утѣшительный *(въ волненіи).* Неужли, однакожъ, отказаться отъ восьмидесяти тысячъ?

Швохневъ. Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утѣшительный. Ну, это еще вопросъ, а пока съ нимъ объясниться!

Швохневъ. Какъ?

Утѣшительный. Открыться ему во всемъ.

Швохневъ. Для чего?

Утѣшительный. Послѣ скажу. Пойдемъ. *(Подходятъ оба къ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ сторонъ по плечу).*

Утѣшительный. Да полно вамъ тратить попусту заряды!

Ихаревъ *(вздрогнувъ).* Какъ?

Утѣшительный. Да что тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

Ихаревъ *(учтиво).* Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?..

Утѣшительный. Да просто, безъ дальнѣйшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искусство, и повѣрьте, умѣемъ отдавать справедливость достоинству. И потому, отъ лица нашихъ товарищей, предлагаю вамъ дружескій союзъ. Соединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣй, чѣмъ порознь.

Ихаревъ. Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?..

Утѣшительный. Да вотъ въ какой степени: за искренность мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно, что сговорились обыграть васъ, потому что приняли васъ за человѣка обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. Итакъ, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихаревъ. Отъ такого радушнаго предложенія не могу отказаться.

Утѣшительный. Итакъ, подадимте же, всякій изъ насъ, другъ другу руки. *(Всѣ поперемѣнно пожимаютъ руку Ихареву).* Отнынѣ все общее; притворство и церемоніи въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдовать глубину познаній?

Ихаревъ. Признаюсь, это уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я уже подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

Утѣшительный. Я такъ и полагалъ. Подобное искусство не можетъ быть пріобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества. Помнишь, Швохневъ, этого необыкновеннаго ребенка?

Ихаревъ. Какого ребенка?

Утѣшительный. А вотъ разскажи!

Швохневъ. Подобнаго событія я никогда не позабуду. Говоритъ мнѣ его зять *(указывая на Утѣшительнаго)*, Андрей Ивановичъ Пяткинъ: „Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича Кубышева, передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ. Поѣзжай въ Тетюшевскій уѣздъ и посмотри“! Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ Тетюшевскій уѣздъ. Спрашиваю деревню Ивана Михайловича Кубышева и пріѣзжаю прямо къ нему. Приказываю о себѣ доложить. Выходитъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекоемндуюсь, говорю: „Извините, я слышалъ, что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ“. — „Да, признаюсь“, говоритъ (и мнѣ понравилось то, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отговорокъ), „да“, говоритъ, „точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственнаго сына, но это дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ чудо. Миша“! говоритъ, „поди-ка сюда покажи гостю искусство“! Ну, мальчикъ, просто ребенокъ, мнѣ по плечо не будетъ, и въ глазахъ ничего нѣтъ особеннаго. Началъ онъ метать— я просто потерялся. Это превосходитъ всякое описанье.

Ихаревъ. Неужто ничего нельзя было примѣтить.

Швохневъ. Ни, ни, никакихъ слѣдовъ! Я смотрѣлъ въ оба глаза.

Ихаревъ. Это непостижимо!

Утѣшительный. Феноменъ, феноменъ!

Ихаревъ. И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ, внимательное изученіе крапа...

Утѣшительный. Да вѣдь очень это облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отмѣтины вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключъ.

Ихаревъ. То-есть, ключъ рисунка?

Утѣшительный. Да, ключъ рисунка обратной стороны. Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно—я не хочу назвать, одинъ почтенный человѣкъ, который больше ничѣмъ ужъ и не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колодъ, отъ кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ всякой карты и послать отъ себя только ключъ. Смотри, молъ, у двойки вотъ какъ расположенъ рисунокъ! у такой-то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

Ихаревъ. Это, однакожъ, важная вещь.

Утѣшительный. Да оно, впрочемъ, такъ и быть должно. Это то, что́ называется въ политической экономіи — распредѣленіе работъ. Все равно—каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ: онъ отдаетъ и кузнецу, и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человѣческой.

Ихаревъ. Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали вы доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ вѣдь не всегда можно.

Утѣшительный. Сохрани Богъ! да и опасно. Это значитъ иногда самого себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Одинъ разъ мы поступили вотъ какъ. Пріѣзжаетъ на ярмарку нашъ агентъ, останавливается подъ именемъ купца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и вьюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ пропадаетъ, неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шаритъ въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ вьюкъ; распаковываетъ—сто дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго торга; пустили рублемъ дешевле, купцы вмигъ расхватили въ свои лавки; а въ четыре дня проигрался весь городъ.

Ихаревъ. Это очень ловко.

Швохневъ. Ну, а у того, у помѣщика?

Ихаревъ. Что́ у помѣщика?

Утѣшительный. А это дѣло тоже было поведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помѣщикъ Аркадій Андреевичъ Дергуновъ, богатѣйшій человѣкъ. Игру ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенью, понимаете, никакихъ путей: за всѣмъ смотритъ самъ, люди у него воспитаны—камергеры, домъ—дворецъ, деревня, сады,—все это по аглицкому образцу; словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ тамъ три дня. Какъ приступить къ дѣлу? — просто, нѣтъ возможности. Наконецъ, придумали. Въ одно утро пролетаетъ мимо самаго двора тройка. На телѣгѣ сидятъ молодцы. Все это пьяно, какъ нельзя больше, оретъ пѣсни и дуетъ во весь опоръ. На такое зрѣлище, какъ водится, выбѣжала вся дворня. Ротозѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телѣги что-то выпало; подбѣгаютъ, видятъ чемоданъ. Машутъ, кричатъ: „остановись“! куда! никто ни слышитъ, умчались, только пыль осталась по всей дорогѣ.— Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, кое-какое платье, двѣсти рублей денегъ и дюжинъ сорокъ картъ. Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться, карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ, и гости, остались безъ копѣйки въ карманѣ, и кончился банкъ.

Ихаревъ. Очень остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

Утѣшительный. Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣтъ лицепріятія. Игра не смотритъ ни на что́. Пусть отецъ сядетъ со мною въ карты— я обыграю отца: не садись! Здѣсь всѣ равны.

Ихаревъ. Именно, этого не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть добродѣтельнѣйшій человѣкъ. Я знаю одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копѣйку. А между тѣмъ ни за что́ не откажется соединиться втроемъ противъ одного обыграть навѣрняка. Но, господа, такъ какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную вещь. Знаете ли вы то, что́ называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

Утѣшительный. Знаю, но, можетъ-быть, другого рода.

Ихаревъ. Могу вамъ похвастаться, что подобной нигдѣ не сыщете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотрѣть. Докторъ опасался воспаленья въ глазахъ. *(Вынимаетъ изъ шкатулки).* Вотъ она! За то ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носитъ имя, какъ человѣкъ.

Утѣшительный. Какъ, имя?

Ихаревъ. Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утѣшительный *(усмѣхаясь).* Слышь, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая идея—назвать колоду картъ Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохневъ. Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо!

Утѣшительный. Аделаида Ивановна! Нѣмка даже! Слышь, Кругель, это тебѣ жена.

Кругель. Что́ я за нѣмецъ? Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки.

Утѣшительный *(разсматривая колоду)*. Это, точно, сокровище. Да, никакихъ совершенно признаковъ. Неужели, однакожъ, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстояніи?

Ихаревъ. Извольте, я стану отъ васъ въ пяти шагахъ и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готовъ асикурировать, если ошибусь.

Утѣшительный. Ну, это какая карта?

Ихаревъ. Семерка.

Утѣшительный. Такъ точно. Эта?

Ихаревъ. Валетъ.

Утѣшительный. Чортъ возьми, да! Ну, эта?

Ихаревъ. Тройка.

Утѣшительный. Непостижимо!

Кругель *(пожимая плечами)*. Непостижимо!

Швохневъ. Непостижимо!

Утѣшительный. Позвольте еще разъ посмотрѣть. *(Разсматривая колоду)*. Удивительная вещь! стбитъ того, чтобы назвать ее именемъ. Но, позвольте замѣтить, употребить ее въ дѣло трудно; развѣ съ слишкомъ неопытнымъ игрокомъ; вѣдь это нужно подмѣнить самому.

Ихаревъ. Да вѣдь это во время самой жаркой игры только дѣлается, когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрокъ дѣлается неспокойнымъ; а потеряйся только немного человѣкъ — съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается то, что называется — заиграться. Какъ поиграетъ два дня и двѣ ночи сряду, не поспавши, — ну, и заиграется. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средствъ отвлечь вниманье другихъ — есть тысяча. Придеритесь тутъ же къ кому-нибудь изъ понтеровъ, скажите, что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обратятся на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

Утѣшительный. Но, однакоже, я вижу, что, кромѣ искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія — это важная вещь. Пріобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительнѣй. Будемъ безъ церемоніи, оставимъ лишніе этикеты и станемъ говорить другъ другу „ты“.

Ихаревъ. Этакъ бы давно слѣдовало.

Утѣшительный. Человѣкъ, шампанскаго! Въ память дружескаго союза!

Ихаревъ. Именно, это стоитъ того, чтобы запить.

Швохневъ. Да вѣдь вотъ мы собрались для подвиговъ, орудія всѣ у насъ въ рукахъ, силы есть, одного недостаетъ только...

Ихаревъ. Именно, именно, крѣпости недостаетъ только, на которую бы итти, вотъ бѣда!

Утѣшительный. Что-же дѣлать? непріятеля пока нѣтъ. *(Смотря пристально на Швохнева)*. Что? у тебя какъ будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

Швохневъ. Есть, да... *(останавливается)*.

Утѣшительный. Знаю я, на кого ты мѣтишь.

Ихаревъ *(съ живостью)*. А на кого, на кого? кто это?

Утѣшительный. Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдумалъ пустяки. Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ пріѣзжій помѣщикъ, Михаилъ Александровичъ Гловъ. Ну, да что объ этомъ толковать, когда онъ не играетъ вовсе? Мы ужъ возились около него... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ; и въ дружбу, и въ довѣренность вошелъ, а все ничего не сдѣлалъ.

Ихаревъ. Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ? Можетъ-быть, почему знать...

Утѣшительный. Ну, я тебѣ впередъ говорю, что это будетъ вовсе напрасный трудъ.

Ихаревъ. Ну, да попробуемъ, попробуемъ еще разъ.

Швохневъ. Ну, да приведи его по крайней мѣрѣ! Ну, не успѣемъ, поговоримъ просто. Почему не попробовать?

Утѣшительный. Да пожалуй, мнѣ ничего это не значитъ, я приведу его.

Ихаревъ. Приведи его теперь же, пожалуйста!

Утѣшительный. Изволь, изволь! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Утѣшительнаго.

Ихаревъ. Вѣдь, точно, почему знать? Иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное...

Швохневъ. Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не съ Богомъ здѣсь имѣешь дѣло, а съ человѣкомъ: а человѣкъ — все-таки человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣзавтра нѣтъ, а на четвертый день, какъ насядешь на него хорошенько, скажетъ: „да“. Иной вѣдь съ виду корчитъ, что онъ недоступный, а разгляди его поближе, увидишь: просто, даромъ тревогу подымалъ.

Кругель. Ну, однакожъ, этотъ не таковъ.

Ихаревъ. Эхъ, если бы!.. Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Нужно вамъ знать, что послѣдній мой выигрышъ восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Представить не можете,

какую испыталъ я скуку во все это время. Скука, скука смертная!

Швохневъ. Я понимаю это положеніе. Это все равно, что полководецъ: что онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны? Это, любезнѣйшій, просто фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, съ этимъ нечего шутить.

Ихаревъ. Повѣришь ли, приходитъ такъ, что если бы кто сдѣлалъ пять рублей банку — я готовъ сѣсть и играть.

Швохневъ. Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда искуснѣйшіе игроки: стоскуется, работы нѣтъ, и наскочитъ съ горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голь и перетыка, — ну, и проиграется ни за что!

Ихаревъ. А богатъ этотъ Гловъ?

Кругель. О, деньги есть! Кажется, около тысячи душъ крестьянъ.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми, подпоить развѣ его, шампанскаго велѣть подать?

Швохневъ. Въ ротъ не беретъ.

Ихаревъ. Что-жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подъѣхать? Но нѣтъ, однакожъ, все я думаю... вѣдь игра соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, если бы онъ подсѣлъ только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣлъ потомъ.

Швохневъ. Да вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ сдѣлаемъ самую малую игру. Но не нужно къ нему оказывать большого вниманія: старики подозрительны. *(Садятся въ сторонѣ съ картами).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, **Утѣшительный** и **Михайло Александровичъ Гловъ** *(человѣкъ почтенныхъ лѣтъ).*

Утѣшительный. Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомендую: Михаилъ Александровичъ Гловъ!

Ихаревъ. Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живя въ одномъ трактирѣ...

Гловъ. Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ...

Ихаревъ *(подавая ему стулъ).* Прошу покорнѣйше!... Давно изволите жить въ этомъ городѣ?

(Утѣшительный, Швохневъ и Кругель перешептываются между собою).

Гловъ. Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, этотъ городъ. И тѣломъ, и душой радъ бы отсюда поскорѣй вырваться.

Ихаревъ. Что-жъ, удерживаютъ дѣла?..

Гловъ. Дѣла, дѣла. Такая комиссія мнѣ эти дѣла!

Ихаревъ. Вѣроятно, тяжба?

Гловъ. Нѣтъ, слава Богу, тяжбы нѣтъ, но тѣмъ не менѣе затруднительныя обстоятельства. Выдаю замужъ дочь, батюшка, осьмнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы отцовское положеніе? Пріѣхалъ за разными покупками, а главное заложить имѣніе. Дѣло бы уже все кончено, да Приказъ денегъ до сихъ поръ не выдаетъ. Даромъ совершенно живу.

Ихаревъ. А позволите узнать, въ какую сумму изволили заложить имѣніе?

Гловъ. Въ двухъ стахъ тысячахъ. На-дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить! Дома-то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь — невѣста. Все это ждетъ... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

Ихаревъ. Какъ же, и денегъ не хотите дождаться?

Гловъ. Что-жъ дѣлать, батюшка? Вы разсмотрите и мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ даже не получаю; Богъ вѣсть, что̀ тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь остается. Надоѣло возиться. *(Обращаясь къ Швохневу и Кругелю).* А что-жъ вы, господа? Я, кажется, вамъ помѣшалъ: вы чѣмъ-то занимались?

Кругель. Вздоръ. Это такъ. Отъ нечего дѣлать вздумали поиграть.

Гловъ. Кажется, что-то похоже на банчикъ!

Швохневъ. Какое! для препровожденья времени, грошовый банчикъ!

Гловъ. Эхъ, господа, послушайте старика. Вы — молодые люди. Конечно, тутъ ничего нѣтъ худого, больше для развлеченья, да и въ грошовую игру нельзя много проиграть, все это такъ; но все... эхъ, господа, я самъ игралъ и знаю по опыту. Все на свѣтѣ начинается грошовымъ дѣломъ, а смотришь, маленькая игра какъ разъ кончилась большой.

Швохневъ *(Ихареву).* Ну, пошелъ ужъ старикашка плесть свое. *(Глову).* Ну, вотъ видите, вы ужъ тотчасъ припишете важное слѣдствіе всякому вздору, — это всегда ужъ обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

Гловъ. Да что̀-жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой человѣкъ. Я сужу по опыту.

Швохневъ. Я не объ васъ буду говорить; но вообще у стариковъ есть это: напримѣръ, если они на чемъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены, что и другой непремѣнно обожжется на томъ же. Если они пошли какой-нибудь дорогою, да, зазѣвавшись, шлепнулись о гололедь — они ужъ кричатъ и выдаютъ правило, что по такой-то дорогѣ никому нельзя ходить, потому что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололедь и всякій непремѣнно на ней шлепнется лбомъ, никакъ не принимая въ уваженье того, что другой, можетъ-быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на

скользкой подошвѣ. Нѣтъ, у нихъ для этого нѣтъ соображенія. Собака укуситъ человѣка на улицѣ— всѣ кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Гловъ. Такъ, батюшка; оно точно, съ одной стороны есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь за то-жъ и молодые! Вѣдь ужъ слишкомъ много рыси: того и смотри, что сломитъ шею!

Швохневъ. Вотъ то-то и есть, что у насъ нѣтъ середины. Молодымъ бѣсится, такъ что невтерпежъ другимъ, а подъ старость прикинется ханжой, такъ что невтерпежъ другимъ.

Гловъ. Такого-то вы обиднаго мнѣнія насчетъ стариковъ?

Швохневъ. Да нѣтъ, что за обидное мнѣніе? это правда, больше ничего.

Ихаревъ. Позвольте мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко...

Утѣшительный. Насчетъ картъ я совершенно согласенъ съ Михалъ Александровичемъ. Я самъ игралъ, игралъ сильно: но, благодарю судьбу, бросилъ навсегда, — не потому, чтобы проигрался или былъ вооруженъ противъ судьбы: повѣрьте мнѣ, это еще ничего: проигрышъ не такъ важенъ, какъ важно душевное спокойствіе. Одно это волненіе, чувствуемое во время игры, кто что ни говори, а это сокращаетъ видимо нашу жизнь.

Гловъ. Такъ, батюшка, ей-Богу! Какъ вы премудро замѣтили! Позвольте сдѣлать вамъ нескромный вопросъ: сколько времени имѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до сихъ поръ...

Утѣшительный. Какой вопросъ?

Гловъ. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

Утѣшительный. Тридцать девять лѣтъ.

Гловъ. Представьте! Что-жъ такое тридцать девять лѣтъ? Еще молодой человѣкъ. Ну, что, если бы у насъ въ Россіи было побольше такихъ, которые бы такъ мудро разсуждали? Господи Ты Боже мой, что бы это было! просто, золотой вѣкъ-съ, та же астрея. Ужъ какъ, ей-Богу, благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами.

Ихаревъ. Повѣрьте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣніе. Мальчишкамъ я бы не позволилъ и въ руки взять картъ. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься, не позабавиться? Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцовать?

Гловъ. Такъ, все такъ; но, повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій, столько обязанностей, такъ сказать, священныхъ. Эхъ, господа, послушайте старика! Нѣтъ для человѣка лучшаго назначенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все это, что васъ окружаетъ, вѣдь это все волненіе, ей-Богу-съ, волненіе; а прямого-то блага вы не вкусили еще. Вѣдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, ей-Богу! Какъ воображу: дочь кинется на шею: „папашъ ты мой, милый папашъ!“ сынъ опять пріѣхалъ изъ гимназіи... полгода не видалъ... Просто, словъ не достаетъ: ей-Богу, такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

Ихаревъ. Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отеческія чувства сами по себѣ, а карты тоже...

Алексѣй *(входя, говоритъ Глову).* Вашъ человѣкъ спрашиваетъ насчетъ чемодановъ: прикажете выносить? Лошади ужъ готовы.

Гловъ. А вотъ я сейчасъ! Извините, господа, на одну минуточку васъ оставлю. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Швохневъ, Ихаревъ, Кругель, Утѣшительный.

Ихаревъ. Ну, нѣтъ никакой надежды!

Утѣшительный. Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть человѣка. Вѣдь стоитъ только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположенъ играть.

Ихаревъ. Ну, да все бы таки насѣсть на него хорошенько. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ?

Утѣшительный. Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не то какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

Ихаревъ. Ну, да вѣдь что-жъ вышло изъ того? Вѣдь вотъ уѣдетъ — все равно.

Утѣшительный. Ну, да постой, еще не все дѣло кончено.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Гловъ.

Гловъ. Покорнѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самымъ концомъ. А впрочемъ, авось приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться...

Швохневъ. О, вѣроятно. Дороги битыя, а люди толкутся, какъ не столкнуться. Захотя только судьба.

Гловъ. Ей-Богу, такъ, совершенная правда! Судьба захочетъ, такъ завтра же увидимся — совершенная правда. Прощайте, господа! Истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы усладили мое уединеніе.

Утѣшительный. Помилуйте, не за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

Гловъ. Ну, ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость! Можно ли васъ просить?

Утѣшительный. Какую? скажите! Все, что угодно, готовъ.

Гловъ. Успокойте старика-отца!

Утѣшительный. Какъ?

Гловъ. Я оставлю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все еще ненадеженъ: двадцать два года, — ну, что это за лѣта? Почти ребенокъ... Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочетъ, какъ объ гусарахъ. Я говорю ему: „Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! Что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ-быть, у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!..“ Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блеститъ, шитье, богатый мундиръ. Что-жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка Степанъ Ивановичъ! Онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человѣкъ, все можетъ случиться: чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули... мало ли чего... такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, отвлеките его отъ дурного. Будьте такъ добры, батюшка! *(Беретъ его за обѣ руки).*

Утѣшительный. Извольте, извольте. Все, что можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

Гловъ. Ахъ, батюшка! *(Обнимаются и цѣлуются).* Вѣдь какъ видно, когда у человѣка-то доброе сердце, ей-Богу! Богъ васъ наградитъ за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться.

Ихаревъ. Прощайте, доброй дороги!

Швохневъ. Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

Гловъ. Благодарю васъ, господа!

Утѣшительный. А я васъ-таки провожу къ самой коляскѣ и посажу!

Гловъ. Ахъ, батюшка, какъ вы добры! *(Оба уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Улетѣла птица!

Швохневъ. Да, а было бы чѣмъ поживиться.

Ихаревъ. Признаюсь, какъ онъ сказалъ: двѣсти тысячъ — у меня вздрогнуло въ самомъ сердцѣ.

Кругель. О такой суммѣ и подумать даже сладко.

Ихаревъ. Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы! Ну, что изъ того, что у него будетъ двѣсти тысячъ? Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ветошекъ.

Швохневъ. И все это дрянь, гниль.

Ихаревъ. А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтѣ, не обращаясь! Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежатъ въ ломбардахъ! Право, даже жалость. Я бы больше не хотѣлъ имѣть у себя денегъ, какъ столько, сколько лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Швохневъ. Я помирюсь и на половинѣ.

Кругель. Я доволенъ буду и четвертью.

Швохневъ. Ну, не ври, нѣмецъ: захочешь больше.

Кругель. Какъ честный человѣкъ...

Швохневъ. Надуешь.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Утѣшительный *(входитъ поспѣшно и съ радостнымъ видомъ).*

Утѣшительный. Ничего, ничего, господа! Уѣхалъ, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ передалъ ему и довѣренность, и всѣ права на полученіе изъ Приказа денегъ и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ — молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду и сей же часъ приведу его къ вамъ. *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Ай да Утѣшительный!

Швохневъ. Браво! дѣло возымѣло славный оборотъ! *(Всѣ потираютъ въ радости руки).*

Ихаревъ. Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это ловко, какъ тонко!

Швохневъ. О, у него на это талантъ необыкновенный!

Кругель. Способности невѣроятныя!

Ихаревъ. Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на мигъ, а ужъ онъ тотчасъ... Смѣтливость какая!

Швохневъ. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ Александръ Михайловичъ *(молодой человѣкъ).*

Утѣшительный. Господа! рекомендую: Александръ Михалычъ Гловъ, отличный товарищъ! Прошу полюбить, какъ меня.

Швохневъ. Очень радъ... *(Пожимаетъ ему руку).*

Ихаревъ. Знакомство ваше намъ...

Кругель. Позвольте васъ прямо въ наши объятья.

Гловъ. Господа! я...

Утѣшительный. Безъ церемоніи, безъ церемоніи. Равенство первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь, видишь, — всѣ товарищи, и потому къ чорту всѣ этикеты! Съѣдемъ прямо на „ты".

Швохневъ. Именно на „ты!"

Гловъ. На „ты!" *(Подаетъ имъ всѣмъ руку).*

Утѣшительный. Такъ! браво! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурного слова, большая скотина, извини, — вѣдь мы на ты, — ну, какъ этого молодца вздумалъ было въ чернильную службу? Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ. Чортъ ее побери съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ-за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣшительный. Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Гловъ. А такъ хороша... будь она не сестра, ну, ужъ я бы ей не спустилъ.

Утѣшительный. Браво, браво, гусаръ! Сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помогъ бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ ее увезти?

Гловъ. Почему-жъ? помогъ бы.

Утѣшительный. Браво, гусаръ! Вотъ оно, что называется настоящій гусаръ, чортъ побери! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Швохневъ. Дай же и мнѣ обнять его. *(Обнимаетъ его).*

Ихаревъ. Пусть же и я обниму его. *(Обнимаетъ).*

Кругель. Ну, такъ и я-жъ обниму его, если такъ. *(Обнимаетъ).*

(Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ; наливаетъ бокалы).

Утѣшительный. Господа, за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что̀ хочетъ?

Всѣ. Пусть его будетъ, что̀ хочетъ! *(Пьютъ).*

Гловъ. За здравіе всего гусарства! *(Подымая бокалъ).*

Всѣ. За здравіе всего гусарства! *(Пьютъ).*

Утѣшительный. Господа! нужно его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьетъ онъ, какъ видно, уже сносно; но вѣдь это вздоръ: нужно, чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

Гловъ. Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

Утѣшительный. Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, сейчасъ выиграешь.

Гловъ. Да вѣдь и сѣсть-то не съ чѣмъ.

Утѣшительный. Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ Приказа. Мы подождемъ; а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да, впрочемъ, что я говорю? Какъ будто ты ужъ непремѣнно проиграешь! Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистоганомъ.

Гловъ А какъ проиграю?

Утѣшительный. Стыдись! что-жъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ-то и дѣло, въ рискѣ-то и есть главная добродѣтель. А не рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; навѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полѣзетъ на крѣпость.

Гловъ. (*махнувъ рукой*). Чортъ побери! если такъ, играю! Что мнѣ смотрѣть на отца!

Утѣшительный. Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты! (*Наливаетъ ему въ стаканъ*). Главное что̀ нужно?—Нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. (*Мечетъ направо и налѣво*). Ну, гусаръ... Ты, Швохневъ, что̀ ставишь? (*Мечетъ*). Какое странное теченіе картъ! Вотъ любопытно для вычисленій! Валетъ убитъ, девятка взяла. Что̀ тамъ, что̀ у тебя? И четверка взяла! А гусаръ, гусаръ-то, каковъ гусаръ? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки? А тузъ все еще не выходитъ. Что-жъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему? Вона, вона, вонъ тузъ! Вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ. Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла, тройка взяла. Браво, браво, гусаръ! Слышишь, Швохневъ? гусаръ уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

Гловъ (*перегибаетъ карту*). Чортъ побери! Пароли не! да вонъ еще девятка на столѣ, идетъ и она, и пятьсотъ рублей мазу!

Утѣшительный(*продолжая метать*). У, молодецъ гусаръ! Семерка уби... ахъ, нѣтъ! пліе, чортъ побери! пліе! опять пліе! А, проигралъ гусаръ. Ну, что-жъ братъ, дѣлать? Не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! Ну, ставь эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусаръ! Что-жъ вы не поздравляете его? (*Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами*). Говорятъ, пиковая дама всегда продастъ, а я не скажу этого... Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что̀ называлъ ты пиковой

дамой? Гдѣ-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во всѣ тяжкія! Кругель, твоя убита! *(Ихареву)* и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусаръ также лопнулъ.

Гловъ. Чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Браво, гусаръ! Вотъ она, наконецъ, настоящая гусарская замашка! Замѣчаешь, Швохневъ, какъ настоящее чувство всегда выходитъ наружу? До сихъ поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусаръ; а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусаръ. Вона натура-то какъ того... Убитъ гусаръ.

Гловъ. Ва-банкъ!

Утѣшительный. У, браво, гусаръ! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется великодушіе! Ну, поди-ка, поищи—гдѣ отыщешь этакую черту?.. Это именно подвигъ! Лопнулъ гусаръ.

Гловъ. Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Ого, го, гусаръ! на сто тысячъ! Каковъ, а? А глазки-то, глазки? Замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама! На, нѣмецъ, возьми, съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска! А короля, видно, въ колодѣ нѣтъ: право даже странно. А! вотъ онъ, вотъ онъ... Лопнулъ гусаръ!

Гловъ. *(горячась).* Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, стой! Ты ужъ просадилъ двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры: мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Гловъ, Да гдѣ-жъ у меня? у меня теперь нѣтъ.

Утѣшительный. Дай намъ вексель, подпишись.

Гловъ. Извольте, я готовъ. *(Беретъ перо).*

Утѣшительный. Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

Гловъ. Вотъ вамъ и довѣренность.

Утѣшительный. Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. *(Даютъ ему подписаться).*

Гловъ. Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписалъ. Ну, давайте-жъ играть!

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, постой; покажика прежде деньги!

Гловъ. Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

Гловъ. Да что-жъ это?.. Вѣдь это, просто, подлость.

Кругель. Нѣтъ, это не подлость.

Ихаревъ. Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Швохневъ. Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Гловъ. Ну, что-жъ? чего вы хотите? назначьте какіе-угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

Утѣшительный. Что, братъ, намъ съ твоихъ процентовъ? Мы сами готовы тебѣ заплатить какіе-угодно проценты, дай только намъ взаймы.

Гловъ. *(отчаянно и рѣшительно).* Ну, такъ скажите послѣднее слово: не хотите играть?

Швохневъ. Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

Гловъ *(вынимая изъ кармана пистолетъ).* Ну, такъ прощайте же, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. *(Убѣгаетъ съ пистолетомъ).*

Утѣшительный *(въ испугѣ).* Ты! ты! что ты? съ ума сошелъ! Побѣжалъ за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ еще какъ-нибудь не застрѣлился! *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумается застрѣлиться.

Швохневъ. Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще деньги не въ нашихъ рукахъ. Вотъ бѣда!

Кругель. Я всего боюсь. Это такъ возможно...

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ.

Утѣшительный *(держа Глова за руку съ пистолетомъ).* Что ты, что ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите, господа, ужъ пистолетъ вздумалъ было всунуть въ ротъ, а? Стыдись!

Всѣ *(приступая къ нему).* Что ты! что ты! Помилуй, что ты!

Швохневъ. А еще и умный человѣкъ, изъ дрянни вздумалъ стрѣляться!

Ихаревъ. Этакъ, пожалуй, вся Россія должна застрѣлиться: всякій или проигрался, или намѣренъ проиграться. Да если бы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

Утѣшительный. Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты счастья своего не видишь. Развѣ ты не чувствуешь, какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ?

Гловъ *(съ досадой).* Что-жъ вы въ самомъ дѣлѣ меня ужъ за дурака считаете? Какой тутъ выигрышъ — проиграть двѣсти тысячъ, чортъ возьми!

Утѣшительный. Эхъ ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣсти тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

Гловъ *(ободрившись).* Что-жъ вы думаете? У меня развѣ не станетъ духу наплевать на все это, если ужъ на то пошло? Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

Утѣшительный. Браво! Да здравствуютъ гусары! Теремтете! Шампанскаго! *(Несутъ бутылки).*

Гловъ *(со стаканомъ).* Да здравствуютъ гусары!

Ихаревъ. Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

Швохневъ. Теремтете! Да здравствуютъ гусары!

Гловъ. На все плюю, когда такъ!.. *(Ставитъ на столъ стаканъ).* Вотъ бѣда только: домой какъ пріѣду? Отецъ, отецъ!.. *(Хватаетъ себя за волосы).*

Утѣшительный. Да зачѣмъ тебѣ ѣхать къ отцу? не нужно!

Гловъ *(вытаращивъ глаза).* Какъ?

Утѣшительный. Ты отсюда—прямо въ полкъ! Мы тебѣ дадимъ на обмундировку. Нужно, братъ Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣсти, пусть его погуляетъ юнкеръ! Тамъ, я ужъ замѣтилъ, у него есть одна... Черномазая-то, а?

Гловъ. Чортъ побери, побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

Утѣшительный. Каковъ гусаръ, а? Швохневъ, нѣтъ у тебя двухсотрублевой?

Ихаревъ. Да вотъ ужъ я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

Гловъ *(бретъ ассигнацію и помахивая ею на воздухъ).* Шампанскаго!

Всѣ. Шампанскаго! *(Несутъ бутылки).*

Гловъ. Да здравствуютъ гусары!

Утѣшительный. Да здравствуютъ!.. Знаешь ли, Швохневъ, что мнѣ пришло на умъ? Покачаемъ его на рукахъ такъ, какъ у насъ качали въ полку! Ну, приступай, бери его! *(Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, припѣвая на извѣстный припѣвъ извѣстную пѣсню):*

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты начальникъ нашъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца!

Гловъ *(съ поднятой рюмкой).* Ура?

Всѣ. Ура! *(Становятъ его на землю. Гловъ хлопнулъ рюмку объ полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукъ своего сапога, кто о полъ).*

Гловъ. Иду прямо къ ней!

Утѣшительный. А намъ нельзя за тобой, а?

Гловъ. Ни, никому! А кто сколько-нибудь... раздѣлка на сабляхъ!

Утѣшительный. А, рубака какой! а? Ревнивъ и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ, іора, забіяка. Ну, прощай, прощай, гусаръ! Не держимъ тебя.

Гловъ. Прощайте.

Швохневъ. Да приходи намъ послѣ разсказать. *(Гловъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же, кромѣ Глова.

Утѣшительный. Нужно его покамѣстъ ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ; а тамъ чортъ съ нимъ!

Швохневъ. Одного боюсь я, чтобъ какъ-нибудь не затянулась въ Приказѣ выдача денегъ.

Утѣшительный. Да, это будетъ скверно; а впрочемъ... вѣдь на это, сами знаете, есть понукатели. Какъ ни ворочай, а все-таки придется всунуть въ руку тому и другому для соблюденія порядка.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и чиновникъ Замухрышкинъ *(высовываетъ голову въ дверь, одѣтъ въ нѣсколько поношенномъ фракѣ).*

Замухрышкинъ. Позвольте узнать: не здѣсь ли Гловъ Александръ Михайловичъ?

Швохневъ. Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что вамъ угодно?

Замухрышкинъ. Да вотъ по дѣлу ихъ насчетъ выдачи денегъ.

Утѣшительный. А вы кто?

Замухрышкинъ. Да я чиновникъ изъ Приказа.

Утѣшительный. А, милости просимъ! Прошу покорнѣйше садиться! Въ этомъ дѣлѣ мы всѣ принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъболѣе, что заключили кое-какія дружелюбныя сдѣлки съ Александромъ Михайловичемъ. И потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него и отъ него, *(указывая пальцами на всѣхъ)*, будетъ искреннѣйшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ Приказа деньги.

Замухрышкинъ. Да ужъ, какъ хотите, раньше двухъ недѣль никакъ нельзя.

Утѣшительный. Нѣтъ, это страшно далеко. Вѣдь вы все позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкинъ. Да ужъ это само собой. Все это пріемлется. Какъ это позабыть? Мы потому и говоримъ: „двѣ недѣли“, а то бы, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше, какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ Приказѣ ни копѣйки. На прошлой недѣлѣ получили полтораста тысячъ, всѣ роздали — три помѣщика ожидаютъ, еще съ февраля заложили имѣніе.

Утѣшительный. Ну, это такъ для другихъ, а для насъ по дружбѣ... Нужно, чтобы мы съ вами покороче познакомились... Ну, да что?.. да и люди свои! Ну, какъ васъ зовутъ? какъ? Фентефлей Перпентьичъ, что ли?

Замухрышкинъ. Псой Стахичъ-съ.

Утѣшительный. Ну, все одно почти. Ну, такъ послушайте, Псой Стахичъ! Будемъ такъ, какъ давніе пріятели. Ну, что, какъ вы? Какъ дѣлишки, какъ служба ваша?

Замухрышкинъ. Да что служба? Извѣстное дѣло—служимъ.

Утѣшительный. Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ... а просто, много ли берете?

Замухрышкинъ. Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?

Утѣшительный. Ну, что, какъ въ Приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуги?

Замухрышкинъ. Ну, что! Вы ужъ, я вижу, смѣетесь! Эхъ, господа! Вѣдь вотъ тоже и господа сочинители все подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки; а какъ разсмотришь хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые повыше насъ. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названья поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что такое; а на дѣлѣ выходитъ — такія же взятки; тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ.

Утѣшительный, Вотъ ужъ Псой Стахичъ и обидѣлся, какъ я вижу. Вотъ что значитъ задѣть за честь!

Замухрышкинъ. Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего. Я ужъ, батюшка, прожилъ свое.

Утѣшительный. Ну, полно, поговоримте подружески, Псой Стахичъ! Ну, что-жъ, какъ вы? Какъ у васъ? Какъ поживаете? Какъ маячитесь на свѣтѣ? Есть женушка, дѣтки?

Замухрышкинъ. Слава Богу, Богъ наградилъ. Двое сыновей ужъ въ уѣздное училище ходятъ; два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаетъ пока въ рубашонкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

Утѣшительный. Ну, а ручонками, я чай, ужъ всѣ этакъ *(показываетъ рукою, какъ будто беретъ деньги)* умѣютъ?

Замухрышкинъ. Вѣдь вотъ вы, право, какіе, господа! Вѣдь вотъ опять начали!

Утѣшительный. Ничего, ничего, Псой Стахичъ! Вѣдь это по дружбѣ? Ну, что-жъ тутъ такого? свои! Эй, дай-ка бокалъ шампанскаго Псою Стахичу! скорѣй! Мы вѣдь теперь должны быть, какъ короткіе знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ гости.

Замухрышкинъ *(принимая бокалъ).* А, милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утѣшительный. Небось, даровой, отъ купца?

Замухрышкинъ. Отъ купца-съ, выписной изъ Кяхты.

Утѣшительный. Да какъ же, Псой Стахичъ? Вѣдь вы дѣлъ съ купцами не имѣете.

Замухрышкинъ. *(выпивъ бокалъ и упираясь руками въ колѣни).* А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться. Помѣщикъ Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣніе; все ужъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. Затѣяли они и заводъ какой-то въ половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ-то, понимаете, какое дѣло знать, на заводъ ли, или на что другое нужны деньги, и съ кѣмъ онъ въ половинѣ? Это не наша часть. Да купецъ по глупости своей и проговорись въ городѣ, что онъ съ нимъ въ половинѣ и ждетъ отъ него съ часу на часъ денегъ. Мы и подослали къ нему сказать, что вотъ пришли двѣ тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то—будешь ждать! А ужъ къ нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы, и посуду, ожидаютъ только задатковъ. Купецъ видитъ, плетью обуха не перешибешь, заплатилъ двѣ тысячи, да и по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ — взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ; кто его толкалъ, языка развѣ не могъ придержать?

Утѣшительный. Послушайте, Псой Стахичъ, ну, пожалуйста же насчетъ этого дѣльца. Мы ужъ вамъ дадимъ, а вы ужъ тамъ съ начальниками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только ради Бога, Псой Стахичъ, поскорѣе, а?

Замухрышкинъ. Да будемъ стараться. *(Вставая).* Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя: предъ Богомъ, въ Приказѣ ни копѣйки денегъ. А будемъ стараться.

Утѣшительный. Ну, какъ васъ тамъ спросить?

Замухрышкинъ. Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! *(Идетъ къ дверямъ).*

Швохневъ. Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ! *(оглядывается)* постарайтесь!

Утѣшительный. Псой Стахичъ, Псой Стахичъ! выручайте поскорѣе!

Замухрышкинъ *(уходя)*. Да ужъ сказалъ: будемъ стараться.

Утѣшительный. Чортъ побери, какъ это долго! *(Бьетъ себя рукой по лбу)*. Нѣтъ, побѣгу за нимъ, авось что-нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его побери! три тысячи дамъ ему своихъ. *(Убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Конечно, лучше, если бы получить поскорѣе.

Швохневъ. Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

Кругель. Эхъ, если бы онъ уломалъ его какъ-нибудь!

Ихаревъ. Да что, развѣ ваши дѣла...

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и Утѣшительный.

Утѣшительный *(входитъ съ отчаяніемъ)*. Чортъ побери! раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

Ихаревъ. Да что тебѣ такъ приспичило? Неужто четырехъ дней нельзя обождать?

Швохневъ. Въ томъ-то и штука, братъ, что для насъ это слишкомъ важно.

Утѣшительный. Обождать! Да знаешь ли, что насъ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждутъ? Мы тебѣ не сказывали еще, а ужъ четыре дня назадъ тому мы имѣемъ извѣстіе спѣшить, какъ можно скорѣе, добывши во что бы то ни стало, хоть сколько-нибудь денегъ. Купецъ привезъ на шестьсотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги получаетъ чистоганомъ; да вчера пріѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

Ихаревъ. Ну, такъ что-жъ?

Утѣшительный. Какъ—что-жъ? Да вѣдь старики-то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

Ихаревъ. Да будто сыновья ужъ непремѣнно станутъ играть.

Утѣшительный. Да гдѣ ты живешь, въ китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что такое купеческіе сынки? Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына?—или чтобъ онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходитъ подъ руку съ офицерами, кутитъ. — Это, братъ, для насъ самый выгодный народъ. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякій рубль, который они выплутуютъ у насъ, они намъ платятъ тысячами. Да это счастье наше, что купецъ только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ.

Ихаревъ. И дѣла совершенно вѣрныя?

Утѣшительный. Какъ не вѣрныя! Ужъ насъ не увѣдомляли бы. Все почти въ нашихъ рукахъ; теперь всякая минута дорога.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми! что-жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе-то дѣйствовать вмѣстѣ!

Утѣшительный. Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что мнѣ пришло на умъ. Тебѣ вѣдь спѣшить пока еще незачѣмъ. Деньги у тебя есть—восемьдесятъ тысячъ. Дай ихъ намъ, а отъ насъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало-быть; ровно вдвое, а насъ ты даже одолжишь еще, потому что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копѣйку.

Ихаревъ. Извольте, почему нѣтъ; чтобы доказать вамъ, что узы товарищества... *(Подходитъ къ шкатулкѣ и вынимаетъ кипу ассигнацій)*. Вотъ вамъ восемьдесятъ тысячъ!

Утѣшительный. А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловымъ: нужно его привесть и все устроить по формѣ. Кругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки. *(Кругель уходитъ)*. Эхъ, если бы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно было ѣхать! *(Уходитъ)*.

Ихаревъ. Натурально, натурально; тутъ и минуты не зачѣмъ терять.

Швохневъ. А тебѣ совѣтую тоже не засиживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ пріѣзжай къ намъ. Съ двумя стами тысячъ, знаешь, что можно сдѣлать? Просто, ярмарку можно подорвать... Ахъ, я и позабылъ сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь. *(Поспѣшно уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Ихаревъ *(одинъ)*.

Каковъ ходъ приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесятъ тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти. А? Вѣдь это для иного вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишеній, здоровья, а тутъ въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько минутъ—владѣтельный принцъ! Шутка—двѣсти тысячъ! Да гдѣ теперь найдешь двѣсти тысячъ? Какое имѣніе, какая фабрика дастъ двѣсти тысячъ? Воображаю, хорошъ бы я былъ, если бы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами

да мужиками, собирая по три тысячи ежегоднаго дохода. А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не обскоблишь. А время-то на что́ было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что́ споспѣшествуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ—поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театръ, монетный дворъ,—пройдусь мимо дворца, по аглицкой набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра. Могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка. А что́ всему причина? чему обязанъ?—именно тому, что́ называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученье. Ну, положимъ — плутовство. Да вѣдь необходимая вещь: что̀-жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательно. Ну, не знай я, напримѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ разъ обманули. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь. Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ проживетъ, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обманутому самому—вотъ настоящая задача и цѣль!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Ихаревъ и Гловъ (*вбѣгающій торопливо*).

Гловъ. Гдѣ-жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнатѣ, тамъ пусто.

Ихаревъ. Да они сію минуту здѣсь были; на минуту вышли.

Гловъ. Какъ, вышли ужъ? И деньги у тебя взяли?

Ихаревъ. Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и Алексѣй.

Алексѣй (*обращаясь къ Глову*). Изволили спрашивать, гдѣ господа?

Гловъ. Да.

Алексѣй. Да они ужъ уѣхали.

Гловъ. Какъ уѣхали?

Алексѣй. Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ полчаса стояла телѣжка и готовыя лошади.

Гловъ (*всплеснувъ руками*). Ну, мы надуты оба!

Ихаревъ. Что̀ за вздоръ! Я не могу понять ни одного слова. Утѣшительный сію минуту долженъ возвратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь долженъ весь долгъ твой заплатить мнѣ. Они перевели.

Гловъ. Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ ты не чувствуешь, что въ дуракахъ и проведенъ, какъ пошлый пень?

Ихаревъ. Что̀ ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сихъ поръ въ головѣ хмель распоряжается.

Гловъ. Ну, видно, хмель у обоихъ насъ. Да проснись ты! Думаешь, я Гловъ? Я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

Ихаревъ (*безпокойно*). Что́ ты, помилуй, что́ за вздоръ? И отецъ твой... и...

Гловъ. Старикъ-то? Во-первыхъ, онъ и не отецъ, да и чорта ли и будутъ отъ него дѣти! А во-вторыхъ, тоже не Гловъ, а Крыницынъ, да и не Михалъ Александровичъ, а Иванъ Климычъ, изъ ихъ же компаніи.

Ихаревъ. Послушай ты! говори серьезно! этимъ не шутятъ.

Гловъ. Какія шутки! Я самъ участвовалъ и также обманутъ. Мнѣ обѣщали три тысячи за труды.

Ихаревъ (*подходя къ нему, запальчиво*). Эй, не шути, говорю тебѣ! Думаешь, я ужъ дуракъ такой!.. И довѣренность, и Приказъ... и чиновникъ сейчасъ былъ изъ Приказа, Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

Гловъ. Во-первыхъ, онъ и не чиновникъ изъ Приказа, а отставной штабсъ-капитанъ изъ ихъ же компаніи; да и не Замухрышкинъ, а Мурзафейкинъ, да и не Псой Стахичъ, а Флоръ Семеновичъ.

Ихаревъ (*отчаянно*). Да ты кто? чортъ ты? Говори: кто ты?

Гловъ. Да кто я? Я былъ благородный человѣкъ, поневолѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Что́-жъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голода! За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я поступаю благородно.

Ихаревъ (*въ бѣшенствѣ схватываетъ его за воротникъ*). Мошенникъ ты...

Алексѣй (*въ сторону*). Ну, дѣло-то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда убраться. (*Уходитъ*).

Ихаревъ (*таща его*). Пойдемъ, пойдемъ!

Гловъ. Куда, куда?

Ихаревъ *(въ изступленіи)*. Куда? къ правосудью! къ правосудью!

Гловъ. Помилуй, не имѣешь никакого права.

Ихаревъ. Какъ? не имѣю права? Обворовать, украсть деньги... среди дня... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? Дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права! А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди — переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ! законъ! законъ призову! *(Тащитъ его)*.

Гловъ. Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать тогда, если самъ не дѣйствовалъ противузаконнымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился вмѣстѣ съ ними съ тѣмъ, чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нѣтъ, братъ, въ томъ и штука, что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

Ихаревъ *(въ отчаяньи бьетъ себя рукой по лбу)*. Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! *(Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ; Гловъ между тѣмъ убѣгаетъ)*. Но только какой дьявольскій обманъ!

Гловъ *(выглядывая въ дверь)*. Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря: у тебя есть Аделаида Ивановна! *(Исчезаетъ)*.

Ихаревъ *(въ ярости)*. Чортъ побери Аделаиду Ивановну! *(Схватываетъ Аделаиду Ивановну и швыряетъ ею въ дверь, дамы и двойки летятъ на полъ)*. Вѣдь существуетъ же, къ стыду и поношенью человѣковъ, этакіе мошенники! Но только я просто готовъ сойти съ ума—какъ это все было чортовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! и концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! *(Схватывается со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ)*. Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума! Изощряй, изыскивай средства!.. Чортъ побери, не стóитъ, просто, ни благороднаго рвенья, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! *(Съ досадой махнувъ рукой)*. Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслитъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, а играетъ только по грошу въ бостонъ подержанными картами!

(Писано въ 1836—1842 гг).

УТРО ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами; на столѣ разбросаны бумаги. **Иванъ Петровичъ**, дѣловой человѣкъ, потягиваясь, выходитъ въ халатѣ и звонитъ. Изъ передней слышенъ голосъ: «сейчасъ!» Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ—опять тотъ же голосъ: «сейчасъ!» Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонитъ въ третій разъ; входитъ слуга.

Иванъ Петровичъ. Что ты, оглохъ?

Лакей. Никакъ нѣтъ.

Иванъ Петровичъ. Что-жъ ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ?

Лакей. Какъ же прикажете: мнѣ нельзя было бросить дѣла—я сапоги чистилъ.

Иванъ Петровичъ. А Иванъ что дѣлалъ?

Лакей. Иванъ мелъ комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

Иванъ Петровичъ. Подай сюда собачку! *(Лакей приноситъ собачку)*. Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу. *(Нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку)*.

(Вбѣгаетъ другой лакей). Александръ Ивановичъ!

Иванъ Петровичъ. Проси! *(Бросаетъ поспѣшно собаку и развертываетъ Сводъ Законовъ)*.

II.

Иванъ Петровичъ и **Александръ Ивановичъ** *(также дѣловой человѣкъ)*.

Александръ Ивановичъ. Добраго утра, Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ. Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ. Очень благодаренъ. Не помѣшалъ ли я вамъ?

Иванъ Петровичъ. О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что, въ которомъ часу пріѣхали домой?

Александръ Ивановичъ. Часъ шестой былъ. Я какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: „Не слыхалъ ли, братецъ, который часъ?“—„Да шестой уже“, говоритъ, „пробило“. Вотъ я и узналъ, что ужъ былъ шестой часъ.

Иванъ Петровичъ. Представьте, я самъ въ то же почти время! Ну, что, каковъ былъ вистецъ, хе, хе, хе?

Александръ Ивановичъ. Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

Иванъ Петровичъ. Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, что это значитъ, что онъ кладетъ короля? У меня вѣдь на рукахъ самъ-третей дама крестовъ, а у Лукьяна Ѳедосѣевича, я давно вижу, что ренонсъ.

Александръ Ивановичъ. Длиннѣе всего тянулся осьмой робертъ.

Иванъ Петровичъ. Да! *(Помолчавъ).* Я уже мигаю Лукьяну Ѳедосѣевичу, чтобъ онъ козырялъ—нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни—валетъ мой пикъ и беретъ.

Александръ Ивановичъ. Позвольте, Иванъ Петровичъ, валетъ не беретъ.

Иванъ Петровичъ. Беретъ.

Александръ Ивановичъ. Не беретъ, потому что вамъ никоимъ образомъ нельзя взять въ руку.

Иванъ Петровичъ. А семерка пикъ у Лукьяна Ѳедосѣевича—позабыли развѣ?

Александръ Ивановичъ. Да развѣ у него была пиковка? Я что-то не помню.

Иванъ Перовичъ. Конечно, у него были двѣ пики: четверка, которую онъ сбросилъ на даму, и семерка.

Александръ Ивановичъ. Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной пиковки.

Иванъ Петровичъ. Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Двѣ пиковки! я какъ теперь помню: четверка и семерка.

Александръ Ивановичъ. Четверка была—это такъ; но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ?

Иванъ Петровичъ. Ей-Богу, Александръ Ивановичъ, ей-Богу!

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно невозможное дѣло.

Иванъ Петровичъ. Да позвольте, Александръ Ивановичъ! Вотъ лучше всего: поѣдемъ завтра къ Лукьяну Ѳедосѣевичу. Согласны ли вы?

Александръ Ивановичъ. Хорошо.

Иванъ Петровичъ. Ну, и спросимъ у него лично, была ли на рукахъ у него семерка пикъ?

Александръ Ивановичъ. Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Ѳедосѣевичъ такъ дурно играетъ. Вѣдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума. Человѣкъ тонкій и въ обращеніи...

Иванъ Петровичъ. И прибавьте: большихъ свѣдѣній—человѣкъ, какихъ, сказать по секрету, у насъ мало на Руси. Были ли у его высокопревосходительства.

Александръ Ивановичъ. Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня поутру было немножко холодненько. Вѣдь я, какъ думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку: она гораздо лучше фланелевой, и притомъ не горячитъ. По этому-то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Пріѣзжаю къ его высокопревосходительству,—его высокопревосходительство еще спитъ. Однакожъ я дождался. Ну, тутъ пошли разсказы о томъ и о семъ.

Иванъ Петровичъ. А про меня не было ничего говорено?

Александръ Ивановичъ. Какъ же, было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

Иванъ Петровичъ *(оживляется).* Что, что такое?

Александръ Ивановичъ. Позвольте, позвольте разсказать по порядку. Тутъ презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочимъ, спросилъ, гдѣ я бываю, что такъ давно онъ меня не видитъ? и пожелалъ узнать о вчерашней вечеринкѣ, и кто былъ. Я сказалъ: „Были, ваше высокопревосходительство, Павелъ Григорьевичъ Борщовъ, Илья Владиміровичъ Бубуницынъ". Его высокопревосходительство послѣ каждаго слова говорилъ: „гем!" Я сказалъ: „И еще былъ одинъ извѣстный вашему высокопревосходительству. .

Иванъ Петровичъ. Кто-жъ это такой?

Александръ Ивановичъ. Позвольте! что-жъ бы, вы думали, сказалъ на это его высокопревосходительство?

Иванъ Петровичъ. Не знаю.

Александръ Ивановичъ. Онъ сказалъ: „кто-жъ бы это такой?"—„Иванъ Петровичъ Барсуковъ", отвѣчалъ я. „Гем!" сказалъ его высокопревосходительство: „это чиновникъ и притомъ..." *(Поднимаетъ вверхъ глаза).* Довольно хорошо у васъ потолки расписаны: на свой или хозяйскій счетъ?

Иванъ Петровичъ. Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира.

Александръ Ивановичъ. Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ! очень, очень натурально!

Иванъ Петровичъ *(съ нетерпѣніемъ).* Такъ что же сказалъ его высокопревосходительство?

Александръ Ивановичъ. Да, я и позабылъ. Что-жъ онъ сказалъ?..

Иванъ Петровичъ. Сказалъ „гем!" его высокопревосходительство: „это чиновникъ"...

Александръ Ивановичъ. Да, да; „это чиновникъ"... ну, „и служитъ у меня". Послѣ того разговоръ не былъ уже такъ интересенъ и начался объ обыкновенныхъ вещахъ.

Иванъ Петровичъ. А больше ничего не заговаривалъ обо мнѣ?

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ.

Иванъ Петровичъ *(про себя).* Ну, покамѣстъ еще не много. Господи, Боже мой! ну, что, если бы сказалъ онъ: „Такого-то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю"...

III.

Тѣ же и Шрейдеръ (*выглядываетъ въ дверь*).

Иванъ Петровичъ. Войдите, войдите, ничего, пожалуйте сюда: что́ это—для доклада?

Шрейдеръ. Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и рапортъ управляющему.

Иванъ Петровичъ (*между тѣмъ читаетъ*). „...Господину управляющему...“ Это что́ значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ?.. (*Устремляетъ на него глубокомысленный взоръ*).

Шрейдеръ. Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.

Иванъ Петровичъ. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ то же думаю: министръ, точно, не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается?

Шрейдеръ. Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что министръ не войдетъ...

Иванъ Петровичъ. Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно согласенъ: онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто оставлено для полей?

Шрейдеръ. Если такъ, я сейчасъ перепишу.

Иванъ Петровичъ. То́-то „если такъ“. Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ.

Шрейдеръ. Я осмѣлился только, потому что г. министръ...

Иванъ Петровичъ. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спорю ни на волосъ. Такъ, министръ на это никогда не посмотритъ и не вспомнитъ даже про это. Ну, а вдругъ... Что́ тогда?

Шрейдеръ. Я перепишу. (*Уходитъ*).

IV.

Иванъ Петровичъ (*пожимая плечами, обо-рачивается къ Александру Ивановичу*). Все еще вѣтеръ ходитъ въ головѣ! Порядочный молодой человѣкъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ (*показывая на лобъ*) нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколькихъ трудовъ мнѣ стоило привесть все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной къ перенесетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *ci-*, а въ другой: *ятельству*. Словомъ сказать: это былъ ужасъ! столпотвореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ?—порядокъ во всемъ.

Александръ Ивановичъ. Такъ вамъ чины, можно сказать, по́томъ и кровью достались!

Иванъ Петровичъ (*вздохнувъ*). Именно, по́томъ и кровью. Что́-жъ будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но, что́ прикажете? не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! (*Вздохнувши*). Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось... если-бъ получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть его высокопревосходительству, что у Барсукова де въ канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что-нибудь подобное.

Александръ Ивановичъ. Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай...

V.

Тѣ же и Катерина Александровна (*жена Ивана Петровича*).

Катерина Александровна (*увидѣвъ Александра Ивановича*). А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ давно мы не видались! Позабыли меня! Что́ Наталья Ѳоминишна?

Александръ Ивановичъ. Слава Богу! недѣлю впрочемъ назадъ было захворала.

Катерина Александровна. Э!

Александръ Ивановичъ. Въ груди подъ ложечкой сдѣлалась колика и стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное и припарку изъ ромашки и нашатыря.

Катерина Александровна. Вы бы попробовали омеопатическаго средства.

Иванъ Петровичъ. Чудно право, какъ подумаешь, до чего не доходитъ просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатію. Недавно былъ я въ представленіи. Что́-жъ бы вы думали? Мальчишка, росту—какъ бы вамъ сказать? — вотъ этакого (*показываетъ рукою*), лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ

увѣряю серьезно, что духъ занимается отъ страха.

Александръ Ивановичъ. Очень хорошо поетъ Меласъ.

Иванъ Петровичъ *(значительно)*. Меласъ? О, да! съ большимъ чувствомъ!

Александръ Ивановичъ. Очень хорошо.

Иванъ Петровичъ. Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это... *(вертитъ рукою передъ глазами)*.

Александръ Ивановичъ. Именно, это она удивительно хорошо беретъ. Однако, ужъ скоро два часа.

Иванъ Петровичъ. Куда же это вы, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ. Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ три заѣхать до обѣда.

Иванъ Петровичъ. Ну, такъ до свиданія. Когда-жъ увидимся? Да, я и позабылъ: вѣдь мы завтра у Лукьяна Ѳедосѣевича?

Александръ Ивановичъ. Непремѣнно! *(Кланяется)*.

Катерина Александровна. Прощайте, Александръ Ивановичъ!

Александръ Ивановичъ *(въ лакейской, накидывая шубу)*. Не терплю я людей такого рода. Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣлалъ, и то поправилъ — настоящая добродѣтель! Вишь чего захотѣлъ! ордена! И вѣдь получитъ! Получитъ, мошенникъ! получитъ! Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? а? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная физіономія. И разнѣжился; ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще просить, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! *(Подтвердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ)*.

Писано въ 1835—1836 гг.

ТЯЖБА.

Кабинетъ.

I.

Пролетовъ, секретарь *(одинъ, сидитъ въ креслахъ и поминутно икаетъ)*.

Что это у меня? точно отрыжка! Вчерашній обѣдъ засѣлъ въ горлѣ. Эти грибки да ботвинья!.. Ѣшь, ѣшь, просто, чортъ знаетъ, чего не ѣшь! *(икаетъ)*. Вотъ оно! *(икаетъ)* еще! *(икаетъ)* еще разъ! *(икаетъ)*. Ну, теперь въ четвертый! *(икаетъ)*. Туда къ чорту, и въ четвертый! Прочитать еще „Сѣверную Пчелу“, что тамъ такое? Надоѣла мнѣ эта „Сѣверная Пчела“: точь-въ-точь баба, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ. *(Читаетъ и вскрикиваетъ)*. Крахманову награда! а? Петрушкѣ Крахманову! Вотъ какимъ былъ мальчишкой *(показываетъ рукой)*, я помѣстилъ самъ его кадетомъ въ корпусъ, а? *(Продолжаетъ читать и вскрикиваетъ, вытаращивъ глаза)*. Что это? Что это? Неужели Бурдюковъ? Да, онъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ, произведенъ! А? каково! Взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ—воръ, обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ, какого только можно представить себѣ—каково? И вѣдь весь свѣтъ почитаетъ его за прямодушнаго человѣка! Подлецъ! Говоритъ: „дѣло Бухтелева рѣшено не такъ, сенатъ не вникнулъ“—а? Просто, подлецъ, узналъ, что на мою долю пришлось двадцать тысячъ, такъ вотъ зачѣмъ не ему! Какъ собака на сѣнѣ: ни себѣ, ни другимъ. Ну, да я знаю тебя, ступай морочь другихъ, прикидывайся передъ другими. Я слышалъ про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянулъ въ газету: прочитаешь—чувствуешь тоску, гадость и—больше ничего. Эй, Андрей!

II.

Лакей *(входя)*. Чего изволите-съ?

Пролетовъ. Возьми вонъ эту газету! И къ чему, зачѣмъ ты принесъ эту газету? Дуракъ этакой! *(Андрей уноситъ газету)*. Каковъ Бурдюковъ а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему, хоть сію минуту, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ да и нѣтъ случая. Что прикажешь дѣлать? Разгнѣвался Богъ. А я бы тебя погладилъ, мазнулъ бы тебя по губамъ. Да ужъ и губы зато какія! какъ у вола, у канальи!

Лакей. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Что?

Лакей. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Что ты вздоръ несешь!

Лакей. Такъ точно-съ.

Пролетовъ. Врешь ты, дуракъ! Бурдюковъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ?

Лакей. Нѣтъ, не Павелъ Петровичъ, а другой какой-то.

Пролетовъ. Какой другой?

Лакей. Да вотъ извольте сами видѣть: онъ здѣсь.

Пролетовъ. Проси.

III.

Пролетовъ и Христофоръ Петровичъ Бурдюковъ.

Бурдюковъ. Прошу извинить за безпокойство, что̀ наношу вамъ. Обстоятельства и дѣла понудили оставить городишку. Пріѣхалъ просить личной помощи, заступничества.

Пролетовъ *(въ сторону)*. Это, точно, другой; а есть, однакоже, какое-то сходство. *(Вслухъ)*. Что прикажете? въ чемъ могу быть вамъ полезнымъ?

Бурдюковъ *(съ пожатіемъ плечъ)*. Дѣло, тяжба.

Пролетовъ. Тяжба? съ кѣмъ?

Бурдюковъ. Съ роднымъ братомъ.

Пролетовъ. Прежде позвольте узнать фамилію, а потомъ изъясните свое дѣло. Прошу покорно садиться.

Бурдюковъ. Фамилія: Бурдюковъ, Христофоръ Петровъ сынъ, а дѣло съ роднымъ братомъ, Павломъ Петровымъ Бурдюковымъ.

Пролетовъ. Что́ вы? что̀? нѣтъ!

Бурдюковъ. Да что̀-жъ вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотѣлъ оставлять напрасно Тамбовъ и скакать на почтовыхъ.

Пролетовъ. Господи благослови васъ за такое доброе дѣло! Позвольте съ вами покороче познакомиться. Умнѣе этого дѣла вы не могли никогда бы придумать. Вотъ разсказывай теперь, что нѣтъ великодушія и справедливости, а это что же? Вѣдь вотъ родной братъ, узы крови, связи, а вѣдь не пощадилъ! На брата—процессъ! Позвольте васъ обнять.

Бурдюковъ. Извольте! Я самъ обниму васъ за такую готовность! *(Обнимаются)*. А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физіогномію, никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ.

Пролетовъ. Вотъ тебѣ разъ! какъ такъ?

Бурдюковъ. Да серьезно. Позвольте спросить: вѣрно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь.

Пролетовъ. Что за чепуху несетъ онъ?

Бурдюковъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не будьте въ претензіи, это очень часто случается. Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, такъ сказать, какъ будто отрѣзана и поросла шерстью совершенно, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблеять.

Пролетовъ. Ну, оставимъ въ покоѣ засѣдателя и барана!.. Какъ же я радъ!

Бурдюковъ. А ужъ я какъ радъ, пріобрѣтши такое покровительство! Теперь только, какъ начинаю всматриваться въ васъ, вижу, что лицо ваше какъ будто знакомо: у насъ въ карабинерномъ полку былъ поручикъ, вотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на васъ! Пьяница страшнѣйшій, то-есть, я вамъ скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетовъ *(въ сторону)*. У этого уѣзднаго медвѣдя, какъ видно, нѣтъ совсѣмъ обычая держать языкъ за зубами. Вся дрянь, какъ ни есть на душѣ, у него на языкѣ *(Вслухъ)*. Времени у меня немного, пожалуйста приступимъ же къ дѣлу.

Бурдюковъ. Позвольте, сидя не разскажешь. Это дѣло казусное! Знавали ли въ Устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдокію Малафѣевну Меринову? Не знали? Хорошо. Она доводится родной теткой мнѣ и бестіи, моему брату. У ней ближайшими наслѣдниками я да братъ — изволите видѣть: вотъ оно куда пошло! Кромѣ того, еще сестра, что́ вышла за генерала Повалищева; ну, о той ни слова: та и безъ того получила слѣдуемую ей часть. Позвольте: вотъ этотъ мошенникъ, братъ,— онъ на это хоть чорту въ дядьки годится, — вотъ и подъѣхалъ онъ къ ней: „Вы-де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семьдесятъ лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хозяйство: пусть, лучше, я буду прибергать и кормить“. Вона! замѣчайте, замѣчайте! Переѣхалъ къ ней въ домъ, живетъ и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ. Да вы слышите ли это?

Пролетовъ. Слышу.

Бурдюковъ. То́-то! Да. Вотъ занемогаетъ тетушка, отчего—Богъ знаетъ, можетъ-быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ даютъ ужъ знать стороною. Замѣчайте! Пріѣзжаю: въ сѣняхъ встрѣчаетъ меня эта бестія, то-есть братъ, въ слезахъ такъ весь и заливается, и растаялъ, и говоритъ: „Ну“, говоритъ, „братецъ, навѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша...“ — „Что́, отдала Богу душу?“ — „Нѣтъ, при смерти“. Я вхожу, и точно, тетушка лежитъ на карачкахъ и только глазами хлопаетъ. Ну, что-жъ? плакать? Не поможетъ. Вѣдь не поможетъ?

Пролетовъ. Не поможетъ.

Бурдюковъ. Ну, что́-жъ? нечего дѣлать! Такъ, видно, Богу угодно! Я приступилъ поближе. „Ну“, говорю, „тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ не угодно ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе?“ Что́-жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже языкомъ поворотить, и только сказала: „э... э... э... э...“ А эта шельма, что́ стоялъ возлѣ кровати ея, братъ, говоритъ: „Тетушка симъ изъясняетъ, что уже распорядилась“. Слышите, слышите!

Пролетовъ. Какой же! Да вѣдь она развѣ сказала это?

Бурдюковъ. Кой чортъ сказала! Она сказала только: „э... э... э...“ Я все подступаю. „Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряженіе?“ Что-жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: „э, э, э...“ А тотъ подлецъ опять: „тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи“. Слышите! слышите! Что-жъ мнѣ было дѣлать? Я замолчалъ и не сказалъ ни слова.

Пролетовъ. Однакожъ, позвольте: какъ же вы не уличили тутъ же ихъ во лжи?

Бурдюковъ. Что-жъ? *(Размахиваетъ руками).* Стали божиться, что она, точно, все это говорила—ну, вѣдь... и повѣрилъ.

Пролетовъ. А духовное завѣщаніе распечатали?

Бурдюковъ. Распечатали.

Пролетовъ. Что-жъ?

Бурдюковъ. А вотъ что. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіанскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ: страданья, отчаянья такія, что люли только. „Возьмите“, говоритъ, „читайте сами“. Собрались свидѣтели и прочитали. Какъ же бы вы думали было написано завѣщаніе? А вотъ какъ: „Племяннику моему, Павлу Петрову, сыну Бурдюкову“,—слушайте!—„въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при мнѣ обрѣтенія до смерти“,—замѣчайте!—„оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое въ Устюжскомъ уѣздѣ“, — вона! вона! вона куда пошло! — „пятьсотъ ревижскихъ душъ, угодья и прочее“. А? слышите ли вы это? „Племянницѣ моей Маріи Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю слѣдуемую ей деревню изъ ста душъ“. „Племяннику“,—вона! замѣчайте! вотъ тутъ настоящій типунъ!—„Хрисанфію, сыну Петрову, Бурдюкову“, — слушайте, слушайте! — „на память обо мнѣ“,—ого! го! „завѣщаю: три стаметовыя юбки и всю рухлядь, находящуюся въ амбарѣ, какъ-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы“, и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? какъ вамъ кажется? Я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?

Пролетовъ. Ахъ, онъ мошенникъ этакой! Прошу покорно!

Бурдюковъ. Мошенничество—это такъ, я съ вами согласенъ; но, спрашиваю я васъ: на что мнѣ стаметовыя юбки? Что я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну?

Пролетовъ. И свидѣтели подписались при этомъ?

Бурдюковъ. Какъ же! набралъ какой-то сволочи.

Пролетовъ. А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюковъ. Вотъ то-то и есть, что подписалась, да чортъ знаетъ какъ?

Пролетовъ. Какъ?

Бурдюковъ. А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетовъ. Какъ такъ?

Бурдюковъ. Чортъ знаетъ, что такое! Ей нужно было написать Евдокія, а она написала: „обмокни“.

Пролетовъ. Что вы!

Бурдюковъ. О, я вамъ скажу, что онъ горазда на все. „А племяннику моему Хрисанфію три стаметовыя юбки“.

Пролетовъ *(въ сторону).* Молодецъ, однакожъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ: я бы никакъ не могъ думать, чтобы онъ ухитрился такъ.

Бурдюковъ *(размахивая руками).* „Обмокни“! Что-жъ это значитъ? Вѣдь это не имя: „обмокни“?

Пролетовъ. Какъ же вы намѣрены поступить теперь?

Бурдюковъ. Я подалъ уже прошеніе объ уничтоженіи завѣщанія, потому что подпись ложная. Пусть они не врутъ: покойницу звали Евдокіей, а не „обмокни“.

Пролетовъ. И хорошо! Позвольте теперь мнѣ за все это взяться. Я сейчасъ напишу записку къ одному знакомому секретарю, а вы между тѣмъ доставьте мнѣ копію съ завѣщанія вашего.

Бурдюковъ. Несказанно обязанъ вамъ! *(Берется за шапку).* А въ которыя двери нужно выходить—въ тѣ, или въ эти?

Пролетовъ. Пожалуйте въ эти.

Бурдюковъ. То-то! Я потому спросилъ, что мнѣ нужно еще будетъ по своей надобности. До свиданія, почтеннѣйшій... какъ васъ? я все позабываю.

Пролетовъ. Александръ Ивановичъ.

Бурдюковъ. Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ есть Прольдюковскій, вы не знакомы съ нимъ?

Пролетовъ. Нѣтъ.

Бурдюковъ. Онъ еще живетъ въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Прощайте!

Пролетовъ. Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте!

IV.

Пролетовъ, потомъ **слуга.**

Пролетовъ. Вотъ неожиданный кладъ! вотъ подарокъ! Просто Богъ на шапку послалъ. Стран-

но сказать, а по душѣ чувствуешь такое какое-то этакое неизъяснимое удовольствіе, какъ будто или жена въ первый разъ сына родила, или министръ поцѣловалъ тебя, при всѣхъ чиновникахъ, въ полномъ присутствіи. Ей-Богу, этакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! *(Андрей входитъ)*. Ступай сейчасъ къ моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вотъ тебѣ на водку, напейся пьянъ, какъ стелька—для сегодняшняго дня я тебѣ позволяю; а вотъ еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы—сейчасъ: самонужнѣйшее дѣло. А наконецъ-таки, насилу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать! А ужъ коли изъ своихъ пріятелей-чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнутъ у тебя бока.

Писано около 1840 г.

ЛАКЕЙСКАЯ.

Театръ представляетъ переднюю. Направо дверь на лѣстницу, налѣво—въ залъ. На заднемъ занавѣсѣ дверь, нѣсколько сбоку въ кабинетъ. До самыхъ дверей во всю стѣну длинная скамья. **Петръ**, **Иванъ** и **Григорій** сидятъ на ней и спятъ, уткнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ съ лѣстницы звенитъ громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются.

Григорій. Ступай, отвори дверь! звонятъ.

Петръ. Да ты что сидишь? На ногахъ у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

Иванъ *(махнувъ рукой)*. Ну, ужъ я пойду, такъ и быть, отворю! *(отворяя дверь, вскрикиваетъ)*. Это Андрюшка.

Чужой слуга *входитъ въ картузѣ, въ шинели и съ узелкомъ въ рукѣ.*

Григорій. А, московская ворона! откуда тебя принесло?

Чужой слуга. Ахъ, ты, чухонскій сычъ! Побѣгалъ бы ты съ мое. Вонъ *(подымая узелокъ)* къ цвѣточницѣ велѣла снесть, что на Петербургской. Небось, четвертака на извозчика не дастъ. Да и къ вашему тожъ. Что, спитъ?

Григорій. Кто? медвѣдь? Нѣтъ, еще не рычалъ изъ берлоги.

Петръ. Правда ли, что барыня ваша даетъ вамъ чулки штопать? *(Всѣ смѣются)*.

Григорій. Ну, ужъ ты братъ, будь теперь штопальница. Ужъ мы такъ и звать тебя будемъ.

Чужой лакей. Врешь, а вотъ же и не штопалъ никогда.

Петръ. Да вѣдь у васъ извѣстно: дворовый человѣкъ до обѣда поваръ, а послѣ обѣда ужъ онъ кучеръ, или лакей, или башмаки шьетъ.

Чужой лакей. Ну, такъ что-жъ, ремесло другому не помѣшаетъ. Не сидѣть же безъ дѣла. Конечно, я и лакей, да и женскій портной вмѣстѣ. И на барыню шью, и на другихъ тоже—копѣйку добываю. А вы что, вѣдь вотъ ничего-жъ не дѣлаете.

Григорій. Нѣтъ, братъ, у хорошаго барина лакея не займутъ работой: на то есть мастеровой. Вонъ у графа Булкина тридцать, братъ, человѣкъ слугъ однихъ. И ужъ тамъ, братъ, нельзя такъ: „Эй, Петрушка, сходи-ка туды!“ „Нѣтъ, молъ“, скажетъ, „это не мое дѣло; извольте-съ приказать Ивану“. Вотъ оно какъ! Вотъ оно что значитъ, если баринъ хочетъ жить, какъ баринъ. А вонъ ваша пигалица изъ Москвы пріѣхала, коляска-то орѣхъ раскушенный, веревками хвосты лошадямъ позавязяны. *(Смѣются)*.

Чужой лакей. Ну, ты, смѣхунъ, смѣхунъ! Что-жъ изъ этого, что лежишь весь день? вѣдь за то-жъ ни копѣйки за душой у тебя нѣтъ.

Григорій. Да на что-жъ мнѣ твоя копѣйка? А баринъ-то зачѣмъ? Вѣдь жалованье-то ужъ онъ мнѣ выдастъ, хоть я работай или не работай. А копить мнѣ на старость зачѣмъ? Что-жъ за баринъ, коли ужъ пенсіона слугѣ не выдастъ за службу?

Чужой лакей. Что, говорятъ, рсбята балъ затѣяли?

Петръ. Да. А ты будешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что-жъ этотъ балъ! только, чай, слава, что балъ.

Григорій. Нѣтъ, братъ, балъ будетъ на всю руку. По цѣлковому жертвуютъ и больше. Княжой поваръ далъ пять рублей и самъ берется столъ готовить. Угощенье будетъ — не то, что орѣхи! ужъ полпуда конфектъ купили, мороженаго тоже... *(Слышенъ тоненькій звонокъ изъ барскаго кабинета)*.

Чужой лакей. Ступай! звонитъ баринъ.

Григорій. Подождетъ. Лиминацію тоже зажгутъ. Музыку торговали, только не сошлись, баса нѣтъ, а то ужъ было... *(Слышенъ звонокъ изъ кабинета громче прежняго)*.

Чужой лакей. Ступай, ступай! звонитъ.

Григорій. Подождетъ! Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что-жъ этотъ балъ? вѣдь это все такъ.

Григорій. Ну, развязывай мошну, ты, штопальница! Вонъ, смотри, Петрушка, на него, какой онъ... *(Тыкаетъ на него пальцемъ. Въ это время отворяется дверь и баринъ, въ халатѣ, протянувши руку, схватываетъ Григорія за ухо; всѣ подымаются съ своихъ мѣстъ)*.

II.

Баринъ. Что́ вы, бездѣльники? Три человѣка, и хоть бы одинъ поднялся съ своего мѣста! Я звоню, что́ есть мочи, чуть тесьмы не оборвалъ.

Григорій. Да ничего не было слышно, сударь!

Баринъ. Врешь!

Григорій. Ей-Богу! Что́-жъ мнѣ лгать? Вотъ Петрушка тоже сидѣлъ. Ужъ это такой колокольчикъ, сударь, никуды не годится: никогда ничего не слыхать. Нужно будетъ слесаря позвать.

Баринъ. Ну, такъ позвать слесаря.

Григорій. Да я ужъ сказывалъ дворецкому. Да вѣдь что́-жъ? ему говоришь, а вѣдь онъ еще и выбранитъ за это.

Баринъ *(увидя чужого лакея).* Это что́ за человѣкъ?

Григорій. Это-съ человѣкъ отъ Анны Петровны, зачѣмъ-то пришелъ къ вамъ.

Баринъ. Что́ скажешь, братъ?

Чужой лакей. Барыня приказала кланяться и доложить, что будутъ сегодня къ вамъ.

Баринъ. Зачѣмъ, не знаешь?

Чужой лакей. Не могу знать. Онѣ только сказали: „Скажи Ѳедору Ѳедоровичу, что я приказала кланяться и буду къ нимъ".

Баринъ. Да когда, въ которомъ часу?

Чужой лакей. Не могу знать, въ которомъ часу. Онѣ сказали только, что доложи, де, говоритъ, Ѳедору Ѳедоровичу, что я, говоритъ, къ нимъ сама, де, буду у нихъ-съ...

Баринъ. Хорошо. Петрушка, дай мнѣ поскорѣй одѣться: я иду со двора. А вы—не принимать никого! Слышишь, всѣмъ говорить, что меня нѣтъ дома! *(Уходитъ; за нимъ Петрушка).*

III.

Чужой лакей *(Григорію).* Ну, видишь, вѣдь вотъ и досталось.

Григорій *(махнувъ рукой).* А! ужъ служба такая! какъ ни старайся—все выбранятъ. *(Въ дверяхъ, что у мѣстницы, раздается звонокъ).*

Григорій. Вотъ опять какой-то чортъ лѣзетъ! *(Ивану).* Ступай, отворяй! что́-жъ ты зѣваешь? *(Иванъ отворяетъ дверь; входитъ господинъ въ шубѣ).*

IV.

Господинъ въ шубѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ дома?

Григорій. Никакъ нѣтъ.

Господинъ. Досадно. Не знаешь, куда уѣхалъ?

Григорій. Неизвѣстно. Должно-быть, въ департаментъ. А какъ объ васъ доложить?

Господинъ. Скажи, что былъ Нѣвелещагинъ. Очень, молъ, жалѣлъ, что не засталъ дома. Слышишь? не позабудешь? Нѣвелещагинъ.

Григорій. Лентягинъ-съ?

Господинъ *(вразумительнѣе).* Нѣвелещагинъ.

Григорій. Да вы нѣмецъ?

Господинъ. Какой нѣмецъ! просто, русскій: Нѣ-ве-ле-ща-гинъ.

Григорій. Слышь, Иванъ, не позабудь: Ерда щагинъ! *(Господинъ уходитъ).*

V.

Чужой лакей. Прощайте, братцы! Пора ужъ и мнѣ.

Григорій. Да что́-жъ на балъ будешь, что ли?

Чужой лакей. Ну, да ужъ тамъ посмотрю послѣ. Прощай, Иванъ!

Иванъ. Прощай! *(Идетъ отворять дверь).*

IV.

Горничная дѣвушка *бѣжитъ бѣгомъ черезъ лакейскую.*

Григорій. Куды, куды? Удостойте взглядомъ! *(Хватаетъ ее за полу платья).*

Дѣвушка. Нельзя, нельзя, Григорій Павловичъ! Не держите меня, совсѣмъ-съ некогда! *(Вырывается и убѣгаетъ въ дверь на мѣстницу).*

Григорій *(смотря всѣмъ ей).* Вонъ она, какъ поплелась! *(Смѣется).* Хе-хе-хе!

Иванъ (*смѣется*). Хи-хи-хи! *(Выходитъ баринъ; Григорій и Иванъ вдругъ насупливаютъ рожи и становятся серьезны. Григорій снимаетъ съ вѣшалки шубу и накидываетъ барину на плечи; баринъ уходитъ; Григорій стоитъ среди комнаты, чистя пальцемъ въ носу).*

Григорій. Вѣдь вотъ свободное время: баринъ ушелъ, чего бы, кажется, лучше?—нѣтъ, сейчасъ привалитъ этотъ чортъ, брюхачъ-дворецкій.

За сценой слышенъ крикъ дворецкаго: Вѣдь вотъ точно Божеское наказаніе: десять человѣкъ въ домѣ, и хоть бы одинъ что-нибудь прибралъ.

Григорій. Вотъ ужъ пошелъ кричать толстобрюхій.

VII.

Пузатый дворецкій *(входитъ съ сильными движеньями и размахами рукъ).*

Побоялись бы хоть совѣсти своей, коли Бога не боитесь. Вѣдь ковры до сихъ поръ не вы-

колочены. Вы бы, Григорій Павловичъ, примѣръ другимъ должны бы дать, а вы спите ровно отъ утра до вечера, вѣдь глаза-то у васъ совсѣмъ заплыли отъ сна, ей-Богу! Вѣдь вы совсѣмъ подлецъ послѣ этого, Григорій Павловичъ!

Григорій. Да что-жъ, нешто я не человѣкъ, что ужъ и заснуть нельзя?

Дворецкій. Да кто жъ противъ этого и слово говоритъ? Почему-жъ не заспуть? но вѣдь не весь же день спать. Ну, вотъ хоть бы и ты, Петръ Ивановичъ! вѣдь ты, неговоря дурного слова, на свинью похожъ, ей-Богу! Вѣдь что тебѣ заботы? всего два-три какихъ-нибудь подсвѣчника вычистить. Ну, зачѣмъ ты тутъ баишься? *(Петръ медленно уходитъ).* А тебѣ, Ванька, просто толчка въ затылокъ слѣдуетъ.

Григорій *(уходя).* Эхъ ты, житье, житье! вставши, да за вытье!

Дворецкій *(оставшись одинъ).* Въ томъ-то и есть поведенье, что всякій человѣкъ долженъ знать долгъ. Коли слуга, такъ слуга; дворянинъ, такъ дворянинъ; архіерей, такъ архіерей. А то бы, пожалуй, всякій зачалъ... Я бы сейчасъ сказалъ: „Нѣтъ, я не дворецкій, а губернаторъ, или тамъ какой-нибудь отъ инфантеріи". Да вѣдь зато мнѣ всякій бы сказалъ: „Нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генералъ"—вотъ что! „Твоя обязанность смотрѣть за домомъ, за поведеньемъ слугъ"—вотъ что! „Тебѣ не то, что бонъ журъ, команъ ву франсе, а веди порядокъ, распоряженье"—вотъ что! Да.

VIII.

Входитъ **Аннушка**, *горничная дѣвушка изъ другого дома.*

Дворецкій. А, Анна Гавриловна! Насчетъ моего почтенія съ большимъ удовольствіемъ васъ вижу.

Аннушка. Не безпокойтесь, Лаврентій Павловичъ! Я нарочно зашла къ вамъ на минуту: я встрѣтила карету вашего барина и узнала, что его нѣтъ дома.

Дворецкій. И очень хорошо сдѣлали: я и жена будемъ очень рады. Пожалуйте, садитесь!

Аннушка *(сѣвши).* Скажите, вѣдь вы знаете что-нибудь о балѣ, который на-дняхъ затѣвается?

Дворецкій. Какже. Оно, примѣрно, вотъ изволите видѣть, складчина: одинъ человѣкъ, другой, примѣрно также сказать, третій. Конечно, это, впрочемъ, составитъ большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женою пять рублей. Ну, натурально, балъ или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будетъ угощеніе, примѣрно сказать, прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобныя удовольствія.

Аннушка. Непремѣнно, непремѣнно буду! Я только зашла за тѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агаѳьей Ивановной?

Дворецкій. Ужъ Агаѳья Ивановна только и говоритъ, что объ васъ.

Аннушка. Я боюсь только насчетъ общества.

Дворецкій. Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ общество хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышалъ, что будетъ камердинеръ графа Толстогуба, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой-то княгини... Я думаю, тоже чиновники нѣкоторые будутъ.

Аннушка. Одно мнѣ только очень не нравится, что будутъ кучера: отъ нихъ всегда занахъ простого табаку или водки; притомъ же всѣ они такіе необразованные, невѣжи.

Дворецкій. Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ рознь. Оно конечно, такъ какъ кучера, по обыкновенію больше своему, находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаютъ, съ позволенія сказать, навозъ; конечно, человѣкъ простой, выпьетъ стаканъ водки или, по недостаточности больше, выкуритъ обыкновеннаго бакупу, какой бо́льшею частью простой народъ употребляетъ: да, такъ оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ или водкой,—конечно, все это такъ; да, однакожъ, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такіе кучера, которые, хотя и кучера, однакожъ, по обыкновенію своему, больше, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность или, такъ выразиться, дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ или укорить въ чемъ, если провинился форейторъ или кучеръ.

Аннушка. Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! Я всегда васъ заслушиваюсь.

Дворецкій *(съ довольною улыбкой).* Не сто́итъ благодарности, сударыня! Оно конечно, не всякій человѣкъ имѣетъ, примѣрно сказать, рѣчь, то-есть, даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что, какъ обыкновенно говорятъ, косноязычіе... да, или иные прочіе подобные случаи, что́, впрочемъ, уже происходитъ отъ натуры... Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату?

(Аннушка идетъ, Лаврентій за нею).

Писано въ 1839 г.

КОМНАТА ВЪ ДОМѢ МАРЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(отрывокъ).

I.

Марья Александровна (*пожилыхъ лѣтъ дама*) и **Михайло Андреевичъ** (*ея сынъ*).

Марья Александровна. Слушай, Миша, я давно хотѣла съ тобою переговорить: тебѣ должно перемѣнить службу.

Миша. Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна. Ты долженъ служить въ военной.

Миша (*вытаращивъ глаза*). Въ военной?

Марья Александровна. Да.

Миша. Что́ вы, маменька, въ военной?

Марья Александровна. Ну, что́-жъ ты такъ изумился?

Миша. Помилуйте, да развѣ вы не знаете: вѣдь нужно начинать съ юнкеровъ?

Марья Александровна. Ну, да, послужишь годъ юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры—ужъ это мое дѣло.

Миша. Да что́ вы нашли во мнѣ военнаго? и фигура моя совершенно не военная. Помилуйте, матушка, право, вы меня совершенно изумили этакими словами, такъ что я... я... я, просто, не знаю, что́ и подумать... Я, слава Богу, и толстенекъ немножко, а какъ надѣну юнкерскій мундиръ съ короткими хвостиками—совѣстно даже будетъ смотрѣть.

Марья Александровна. Нѣтъ нужды. Произведутъ въ офицеры, будешь носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, такъ что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немножко толстъ—скорѣе пойдетъ производство: имъ же будетъ совѣстно, что у нихъ въ полку такой толстый прапорщикъ.

Миша. Но, матушка, вѣдь мнѣ годъ, всего годъ осталось до коллежскаго асессора. Я ужъ два года, какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Марья Александровна. Перестань, перестань! Это слово „титулярный“ тиранитъ мои уши; мнѣ и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ что́. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку, просто, не могу и смотрѣть теперь.

Миша. Но посудите, матушка, разсмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще въ школѣ звали хомякомъ. Въ военной службѣ все же нужно, чтобы и на лошади лихо ѣздилъ, и голосъ бы имѣлъ звонкій, и ростъ бы имѣлъ богатырскій, и талію.

Марья Александровна. Пріобрѣтешь, все пріобрѣтешь. Я хочу, чтобъ ты непремѣнно служилъ; на это есть очень важная причина.

Миша. Да какая же причина?

Марья Александровна. Ну, ужъ причина важная.

Миша. Все же таки скажите, какая причина.

Марья Александровна. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьяго дня у Рогожинскихъ говоритъ и нарочно такъ, чтобы я слышала,—а я сижу третьею: передо мною Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчасъ я,—что́ бы ты думалъ, эта негодная осмѣлилась говорить?.. Я, право, такъ и хотѣла встать съ мѣста, и если бы не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что́ я сдѣлала. Говоритъ: „Я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все“, говоритъ, „mauvais genre, чѣмъ-то неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада“, говоритъ, „что мой Алексисъ не носитъ этого скверная фрака“. — И все это произнесла съ такимъ жеманствомъ, съ такимъ тономъ... такъ право... я не знаю, что́ бы я сдѣлала съ нею. А ея сынъ просто дуракъ набитый: только всего и умѣетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша. Какъ, матушка, такъ въ этомъ вся причина?

Марья Александровна. Да, я хочу на зло, чтобы мой сынъ тоже служилъ въ гвардіи и былъ бы на всѣхъ придворныхъ балахъ.

Миша. Помилуйте, матушка, изъ того только, что она дура...

Марья Александровна. Нѣтъ, ужъ я рѣшилась. Пусть-ка она себѣ треснетъ съ досады, пусть побѣсится.

Миша. Однакожъ...

Марья Александровна. О, я ей покажу! Ужъ, какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанья, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это и потеряетъ, а ужъ непремѣнно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужъ вотъ этого-то никогда не будетъ! Ужъ какъ вы себѣ хотите, Наталья Андреевна!

Миша. Да развѣ этимъ вы ей досадите?

Марья Александровна. О, ужъ этого-то не позволю!

Миша. Если вы этого требуете, маменька, я перейду въ военную; только, право, мнѣ самому будетъ смѣшно, когда увижу себя въ мундирѣ.

Марья Александровна. Ужъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣе этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша. За однимъ разомъ и перемѣнить службу, и женить?

Марья Александровна. Что-жъ? Какъ будто нельзя и перемѣнить службу, и жениться?

Миша. Да вѣдь я и намѣренья еще не имѣлъ. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна. Захочешь, если только узнаешь, на комъ. Этой женитьбой доставишь ты себѣ счастье и въ службѣ, и въ семейственной жизни. Словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

Миша. Да вѣдь она, матушка, дура первоклассная.

Марья Александровна. Вовсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка, вотъ только, что памяти нѣтъ: иной разъ забывается, скажетъ невпопадъ; но это отъ разсѣянности, а ужъ зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумаетъ.

Миша. Помилуйте, куда ей сплетничать! Она насилу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дѣло сердечное, нужно, чтобы душа...

Марья Александровна. Ну, такъ! Я вотъ какъ будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебѣ это не пристало, я тебѣ двадцать разъ уже говорила. Другому еще это идетъ какъ-то, а тебѣ совсѣмъ нейдетъ.

Миша. Ахъ, маменька, но когда и въ чемъ я былъ не послушенъ вамъ? Мнѣ ужъ скоро тридцать лѣтъ, а между тѣмъ я, какъ дитя, покоренъ вамъ во всемъ. Вы мнѣ велите ѣхать туда, куда бы мнѣ смерть не хотѣлось ѣхать,—и я ѣду, не показывая даже и вида, что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потереться въ передней такого-то — и я трусь въ передней такого-то, хоть мнѣ это вовсе не по сердцу. Вы мнѣ велите танцовать на балахъ—и я танцую, хоть всѣ надо мною смѣются и надъ моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу—и я перемѣняю службу: въ тридцать лѣтъ иду въ юнкера, въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодность вамъ, и при всемъ томъ вы мнѣ всякій день колете глаза либеральничествомъ. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не назвали либераломъ. Послушайте, матушка, это больно; клянусь вамъ, это больно! Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ болѣе...

Марья Александровна. Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либералъ! И знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этотъ скверный Собачкинъ.

Миша. Нѣтъ, матушка, это уже слишкомъ, чтобы Собачкина я даже сталъ слушаться. Собачкинъ мерзавецъ, картежникъ и все, что вы хотите. Но тутъ онъ невиненъ. Я никогда не позволю ему надо мною имѣть и тѣни вліянія.

Марья Александровна. Ахъ, Боже мой, какой ужасный человѣкъ! Я испугалась, когда его узнала. Безъ правилъ, безъ добродѣтели—какой гнусный человѣкъ! Если-бъ ты зналъ, что такое онъ разнесъ про меня!.. я три мѣсяца не могла никуда носа показать: что у меня подаютъ сальные огарки; что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; что я выѣхала на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извозчичьихъ хомутахъ... Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣніе подкрѣпила меня.

Миша. И этакій человѣкъ, вы думаете, можетъ имѣть надо мною власть? И, думаете, я позволю?..

Марья Александровна. Я сказала, чтобы онъ не смѣлъ мнѣ на глаза показываться, и ты однимъ только можешь оправдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь княжнѣ déclaration сегодня же.

Миша. Но, матушка, а если нельзя этого сдѣлать?

Марья Александровна. Какъ нельзя? это почему?

Миша *(въ сторону)*. Ну, рѣшительная минута!.. *(Вслухъ)*. Позвольте мнѣ хотя здѣсь имѣть свой голосъ, хотя въ дѣлѣ отъ котораго зависитъ счастіе моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюбленъ въ другую?

Марья Александровна. Это, признаюсь, для меня новость. Объ этомъ я еще ничего не слышала. Да кто-жъ такая эта другая?

Миша. Ахъ, маменька! клянусь, никогда еще не было подобной—ангелъ, ангелъ и лицомъ, и душою.

Марья Александровна. Да чьихъ она, кто отецъ ея!

Миша. Отецъ — Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Марья Александровна. Одосимовъ! Фамилія неслышная! Я ничего не знаю про Одосимова... Да что онъ, богатый человѣкъ?

Миша. Рѣдкій человѣкъ! удивительный человѣкъ!

Марья Александровна. И богатый?

Миша. Какъ вамъ сказать? Нужно, чтобъ вы его видѣли. Такихъ достоинствъ души не сыщешь въ свѣтѣ.

Марья Александровна. Да что онъ, какъ? въ чемъ состоитъ его чинъ, имущество?

Миша. Я понимаю, маменька, чего вы хотите? Позвольте мнѣ на счетъ этого сказать откровенно мои мысли. Вѣдь теперь, какъ бы то ни было,

можетъ-быть, во всей Россіи нѣтъ жениха, который бы не искалъ богатой невѣсты. Всякій хочетъ поправиться на счетъ женина приданаго. Ну, пусть еще въ нѣкоторомъ отношеніи это извинительно: я понимаю, что бѣдный человѣкъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ, которому, можетъ-быть, излишняя честность помѣшала составить состояніе,—словомъ, что бы то ни было, но я понимаю, что онъ въ правѣ искать богатой невѣсты и, можетъ-быть, несправедливы бы были родители, если-бъ не отдали должнаго его достоинствамъ и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедливъ ли человѣкъ богатый, который будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ—что-жъ будетъ тогда на свѣтѣ? Вѣдь это все равно, что сверхъ шубы да надѣть шинель, когда и безъ того жарко, когда эта шинель, можетъ-быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нѣтъ, маменька, это несправедливо! Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье дочери.

Марья Александровна. Довольно, довольно! Больше я не въ силахъ слушать. Все знаю, все: влюбился въ потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, можетъ-быть, Богъ знаетъ чѣмъ занимается.

Миша. Матушка!..

Марья Александровна. Отецъ—пьяница, мать—стряпуха, родня—кварташки или служащіе по питейной части... И я должна все это слышать, все это терпѣть, терпѣть отъ родного сына, для котораго я не щадила жизни!.. Нѣтъ, я не переживу этого!

Миша. Но, матушка, позвольте...

Марья Александровна. Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! Нѣтъ, я не переживу этого; клянусь, не переживу этого... Ахъ! что это? у меня закружилась голова! *(Вскрикиваетъ)*. Ахъ, въ боку колика!.. Машка, Машка, стклянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокій сынъ!

Миша *(бросаясь)*. Матушка, успокойтесь! Вы сами создаете для себя...

Марья Александровна. И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ. Я не знаю, какъ не выгонятъ до сихъ поръ эту чуму.

Лакей *(въ дверяхъ)*. Собачкинъ пріѣхалъ.

Марья Александровна. Какъ! Собачкинъ? Отказать, отказать, чтобъ его и духу здѣсь не было!

II.

Тѣ же и Собачкинъ.

Собачкинъ. Марья Александровна, извините великодушно, что такъ давно не былъ. Ей-Богу, никакъ не могъ! Повѣрить не можете, сколько дѣлъ; зналъ, что будете гнѣваться; право, зналъ... *(Увидя Мишу)*. Здравствуй, братъ! Какъ ты?

Марья Александровна *(въ сторону)*. У меня, просто, словъ недостаетъ! Каковъ! Еще извиняется, что давно не былъ!

Собачкинъ. Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ свѣжи и здоровы! А братца вашего, какъ здоровье? Я полагалъ, признаюсь, и его также застать у васъ.

Марья Александровна. Для этого вы бы могли отправиться къ нему, а не ко мнѣ.

Собачкинъ *(усмѣхаясь)*. Я пріѣхалъ разсказать вамъ одинъ преинтересный анекдотъ.

Марья Александровна. Я не охотница до анекдотовъ.

Собачкинъ. Объ Натальѣ Андреевнѣ Губомазовой.

Марья Александровна. Какъ, объ Губомазовой?.. *(Стараясь скрыть любопытство)*. Такъ это, вѣрно, недавно случилось?

Собачкинъ. На-дняхъ.

Марья Александровна. Что-жъ такое?

Собачкинъ. Знаете-ли, что она сама сѣчетъ своихъ дѣвокъ?

Марья Александровна. Нѣтъ! что вы говорите? Ахъ, какой срамъ! Можно ли это?

Собачкинъ. Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же разсказать. Одинъ разъ велитъ она виноватой дѣвкѣ лечь, какъ слѣдуетъ, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не помню за чѣмъ-то, кажется, за розгами. Въ это время дѣвушка за чѣмъ-то выходитъ изъ комнаты, а на мѣсто ея приходитъ Натальи Андреевны мужъ, ложится и засыпаетъ. Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуетъ, съ розгами, велитъ одной дѣвушкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла простыней и высѣкла мужа.

Марья Александровна *(всплеснувъ руками)*. Ахъ, Боже мой, какой срамъ! Какъ это до сихъ поръ я ничего объ этомъ не знала? Я вамъ скажу, что я почти всегда была увѣрена, что она въ состояніи это сдѣлать.

Собачкинъ. Натурально. Я это говорилъ всему свѣту. Толкуютъ: „Примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ дѣтей, сама учитъ ихъ по-англійски!“ Какое воспитанье! сѣчетъ всякій день мужа, какъ кошку!.. Какъ мнѣ жаль, право, что я не могу пробыть у васъ подолѣе. *(Раскланивается)*.

Марья Александровна. Куда-жъ это вы, Андрей Кондратьевичъ? Не совѣстно ли вамъ, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ друга дома: останьтесь! Мнѣ хотѣлось еще съ вами переговорить кое-о-чемъ. Послушай, Миша, у меня въ комнатѣ дожидается

каретникъ; пожалуйста, переговори съ нимъ. Спроси, возьмется ли онъ передѣлать карету къ первому числу. Цвѣтъ чтобы былъ голубой съ свѣтлой уборкой, на манеръ кареты Губомазовой. *(Миша уходитъ).*

Марья Александровна. Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. Скажите, вы вѣрно знаете: есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Собачкинъ. Одосимовъ? Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ; а впрочемъ, я могу справиться.

Марья Александровна. Пожалуйста.

Собачкинъ. Помню, помню, есть Одосимовъ, столоначальникъ или начальникъ отдѣленія... точно, есть

Марья Александровна. Вообразите, вышла одна смѣшная исторія... Вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе.

Собачкинъ. Вамъ стóитъ только приказать. Для васъ я готовъ на все: вы сами это знаете.

Марья Александровна. Вотъ въ чемъ дѣло: мой сынъ влюбился или, лучше, не влюбился, а просто зашло въ голову сумасбродство... Ну, молодой человѣкъ... Словомъ, онъ бредитъ дочерью этого Одосимова.

Собачкинъ. Бредитъ? А, однакожъ, онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Да впрочемъ, конечно, бредитъ, если вы говорите.

Марья Александровна. Я хочу отъ васъ, Андрей Кондратьевичъ, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинамъ.

Собачкинъ. Хе-хе-хе! Да вы почему это думаете? А вѣдь, точно, вообразите: на Масляной шесть купчихъ... можетъ-быть, вы думаете, что я съ своей стороны какъ-нибудь... волочился или что-нибудь другое... Клянусь, даже не посмотрѣлъ! Да вотъ еще лучше: вы знаете того, какъ бишь его, Ермолай, Ермолай... Ахъ, Боже, Ермолай, вотъ что́ жилъ на Литейной, недалеко отъ Кирочной?

Марья Александровна. Не знаю тамъ никого

Собачкинъ. Ахъ, Боже мой, Ермолай Иванович, кажется, вотъ хоть убей, позабылъ фамилію. Еще жена его, лѣтъ пять тому назадъ, попала въ исторію... Ну, да вы знаете ее—Сильфида Петровна.

Марья Александровна. Совсѣмъ нѣтъ; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

Собачкинъ. Боже мой! онъ еще жилъ недалеко отъ Куропаткина.

Марья Александровна. Да и Куропаткина я не знаю.

Собачкинъ. Да вы послѣ припомните. Дочь—богачка страшная, до двухсотъ тысячъ приданаго и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбардный билетъ въ руки.

Марья Александровна. Что́-жъ вы? не женились?

Собачкинъ. Не женился. Отецъ три дня на колѣняхъ стоялъ, упрашивалъ; и дочь не перенесла, и теперь въ монастырѣ сидитъ.

Марья Александровна. Почему-жъ вы не женились?

Собачкинъ. Да такъ какъ-то. Думаю себѣ: отецъ—откупщикъ, родня — что́ ни попало. Повѣрите, самому, право, было потомъ жалко. Чортъ побери, право, какъ устроенъ свѣтъ: все условія, да приличія. Сколькихъ людей уже погубили!

Марья Александровна. Ну, да что́ же вамъ смотрѣть на свѣтъ? *(Въ сторону).* Прошу покорно! Теперь всякая чуть вылѣзшая козявка ужъ думаетъ, что онъ аристократъ. Вотъ всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, какъ говоритъ!

Собачкинъ. Ну, да нельзя, Марья Александровна, право нельзя, все какъ-то... Ну, понимаете... станутъ говорить: „Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ...“ Да со мной, впрочемъ, всегда такія исторіи. Иной разъ, право, совсѣмъ не виноватъ, съ своей стороны рѣшительно ничего... ну, что́ ты прикажешь дѣлать? *(Говоритъ тихо).* Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ, трехъ утонувшихъ женщинъ,— я ужъ только молчу, потому что въ такую еще впутаешься исторію... Да, любятъ; а вѣдь за что́ бы, кажется? лицомъ нельзя сказать, чтобы очень...

Марья Александровна. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хороши.

Собачкинъ *(усмѣхается).* А вѣдь вообразите, что, еще какъ былъ мальчишкой, ни одна бывало не пройдетъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: „Плутишка, какъ хорошъ!“

Марья Александровна *(въ сторону).* Прошу покорно! Вѣдь вотъ насчетъ красоты тоже—вѣдь моська совершенная, а воображаетъ, что хорошъ. *(Вслухъ).* Ну, такъ послушайте же, Андрей Кондратьевичъ, съ вашею наружностью можно это сдѣлать. Мой сынъ влюбленъ до дурачества и воображаетъ, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли какъ-нибудь, знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ-нибудь этакъ, что называется, немножко замарать... Если вы, положимъ, не произведете на нее дѣйствія и она не сойдетъ съ ума отъ васъ...

Собачкинъ. Марья Александровна, сойдетъ! Не спорьте, сойдетъ: я голову дамъ отрубить, если не сойдетъ. Я вамъ скажу, Марья Александровна, со мной не такія бывали исторіи... Вотъ еще на-дняхъ...

Марья Александровна. Ну, какъ бы то ни

было, сойдетъ, или не сойдетъ, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею въ связи... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкинъ. До вашего сына?

Марья Александровна. Да, до моего сына.

Собачкинъ. Да.

Марья Александровна. Что—да?

Собачкинъ. Ничего, я такъ сказалъ: *да*.

Марья Александровна. Развѣ вы находите, что это для васъ трудно?

Собачкинъ. О, нѣтъ, ничего! Но всѣ эти влюбленные... вы не повѣрите, какія у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то... чортъ знаетъ что́ такое... Конечно, я не то, чтобы этимъ какъ-нибудь... но, знаете, неприлично въ хорошемъ обществѣ.

Марья Александровна. О! насчетъ этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до этого.

Собачкинъ. Впрочемъ, я такъ только замѣтилъ. Повѣрьте, Марья Александровна, я для васъ, если бы пришлось точно порисковать гдѣ жизнью, то съ удовольствіемъ, ей-Богу, съ удовольствіемъ... Я такъ васъ люблю, что, признаться сказать, даже совѣстно; вы подумать можете, Богъ знаетъ что́, а это именно одно только глубочайшее уваженіе. Ахъ, вотъ хорошо, что вспомнилъ! Я попрошу васъ, Марья Александровна, одолжить мнѣ на самое короткое время тысячонки двѣ. Чортъ его знаетъ, какая дурацкая память! Одѣваясь, все думалъ, какъ бы не позабыть книжку, нарочно положилъ на столъ передъ глазами. Что́ прикажете, все взялъ, табакерку взялъ, платокъ даже лишній взялъ, а книжка осталась на столѣ.

Марья Александровна *(въ сторону)*. Что́ съ нимъ дѣлать? Дашь — замотаетъ, а не дашь — распуститъ по городу такую чепуху, что мнѣ никуда нельзя будетъ носа показать. И мнѣ нравится, что еще говоритъ: позабылъ книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А, нечего дѣлать, нужно дать. *(Вслухъ)*. Извольте, Андрей Кондратьевичъ! обождите только здѣсь, я вамъ ихъ сейчасъ принесу.

Собачкинъ. Очень хорошо, я посижу здѣсь.

Марья Александровна *(уходя, въ сторону)*. Безъ денегъ ничего, мерзавецъ не можетъ сдѣлать.

Собачкинъ *(одинъ)*. Да, эти двѣ тысячи теперь мнѣ и очень пригодятся. Долговъ-то я отдавать не буду: и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ; конечно, раскричится, ну, да что́-жъ дѣлать? нельзя же деньги сорить на все, съ нея довольно и любви моей, а платье, она вретъ, у нея есть. А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясчонка моя хоть и новая, ну, да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Іохима только-что отдѣланная, послѣдней моды, еще онъ даже никому не показывалъ ее. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей колясцѣ, такъ я могу ее и весьма вымѣнять. Такъ я, знаете, какого задамъ тогда эффекту! Можетъ-быть, на всемъ гуляньи всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ вездѣ заговорятъ. А между тѣмъ нужно подумать о порученіи Марьи Александровны. Мнѣ кажется, благоразумнѣе всего начать съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ имени этой дѣвушки, да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть на столѣ въ его комнатѣ. Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да впрочемъ что́-жъ? надаетъ вѣдь только тузовъ? Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой же степени, чтобы... Да вѣдь я могу и удрать, и если что́—въ спальню Марьи Александровны, и прямо подъ кровать, и пусть-ка онъ оттуда меня вытащитъ! Но, главное, какъ написать письмо? Смерть не люблю писать, то-есть, просто хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо—просто, какъ будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно. Развѣ вотъ что́: у меня есть кое-какія письма, еще недавно ко мнѣ писанныя — выбрать, которое получше, подскоблить фамилію, а на мѣсто ея написать другую. Что́-жъ, чѣмъ же это не хорошо? право! Пошарить въ карманѣ, можетъ-быть, тутъ же посчастливится найти именно такое, какъ нужно. *(Вынимаетъ изъ кармана пучокъ писемъ)*. Ну, хоть бы это напримѣръ *(читаетъ)*. „Я очень слава Богу здорова но за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсемъ позабыли. Иванъ Даниловичъ виделъ васъ душиньку въ тіатѣрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора“. Чортъ возьми! кажется, правописанія нѣтъ. Нѣтъ, этимъ, я думаю, не надуешь. *(Продолжаетъ)*. „Я для васъ душинька вышила подвязку“. Ну, и разносилась съ нѣжностями! Что-то буколическаго много. Шатобріаномъ пахнетъ. А вотъ, можетъ-быть, не будетъ ли здѣсь чего-нибудь? *(Развертываетъ другое и пригуриваетъ глазъ, стараясь разобрать)*. „Лю-без-ный другъ!“ Нѣтъ, это, однакожъ, не любезный другъ; что́ же однакожъ? „Нѣжнѣйшій, дражайшій?“ Нѣтъ, и не дражайшій, нѣтъ, нѣтъ. *(Читаетъ)*. „Ме, ме, е... рзавецъ“. Хм! *(Сжимаетъ губы)*. „Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолженныя мною въ мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа *(послѣднее слово читаетъ почти сквозь зубы)*... то я тебя въ полицію“. Чортъ знаетъ что́! Вотъ ужъ, просто, чортъ знаетъ что́!

Вотъ, ужъ именно ничего нѣтъ въ этомъ письмѣ. Конечно, обо всемъ можно сказать, но можно сказать благопристойно, выраженіями такими, которыя бы не оскорбляли человѣка. Нѣтъ, нѣтъ, всѣ эти письма, я вижу, какъ-то не то... совсѣмъ не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильнаго, чтобы виденъ кипятокъ, — кипятокъ, что́ называютъ. А вотъ, вотъ, посмотримъ это. *(Читаетъ)*. „Жестокій тиранъ души моей!“ А, это что-то хорошее однакожъ. „Тронься сердечной моей участью!“ И преблагородно! ей-Богу, преблагородно! Вѣдь вотъ видно воспитаніе! Ужъ по началу видно, кто какъ себя поведетъ. Вотъ какъ нужно писать! Чувствительно, а между тѣмъ и человѣкъ не оскорбленъ. Вотъ это письмо я ему и подсуну. Далѣе ужъ и читать не нужно; только не знаю, какъ бы выскоблить такъ, чтобы не было замѣтно. *(Смотритъ на подпись)*. Э, э! вотъ хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! это и подписать. Каково, обдѣлалось дѣльцо само собою! А вѣдь, говорятъ, наружность вздоръ: ну, не будь смазливъ, не влюбилась бы въ тебя, а не влюбившись, не написали бы писемъ, а не имѣя писемъ, не зналъ бы, какъ взяться за это дѣло. *(Подходитъ къ зеркалу)*. Еще сегодня какъ-то опустился, а то вѣдь иной разъ, точно, даже что-то значительное въ лицѣ... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ былъ похожъ на Багратіона. Вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды: такъ ли, чтобы рѣшительно, вокругъ было бахромкой, какъ говорятъ—сукномъ обшитъ, или выбрить все гольемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?

Писано въ 1837—1842 гг.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ

послѣ представленія новой комедіи.

(Сѣни театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галлереи; посреднѣ входъ въ кресла и амфитеатръ, съ другой стороны—выходъ. Слышенъ отдаленный гулъ рукоплесканій).

Авторъ пьесы *) *(выходя)*. Я вырвался, какъ изъ омута! Вотъ наконецъ и крики, и рукоплесканья! Весь театръ гремитъ!.. Вотъ и слава! Боже, какъ бы забилось назадъ тому лѣтъ семь, восемь мое сердце! какъ бы встрепенулось все во мнѣ! Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзномысленъ, какъ юноша. Благъ Промыслъ, не давшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь... Но разумный холодъ лѣтъ умудритъ хоть кого. Узнаешь наконецъ, что рукоплесканья еще не много значатъ и готовы служить всему наградой: актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли—всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье! Голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, звучитъ ли глубина души, работаютъ ли ноги, или руки перевертываютъ стаканы — все покрывается равными плесками. Нѣтъ, не рукоплесканій я бы теперь желалъ: я бы желалъ теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ галлереи, въ кресла, въ раекъ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнья и впечатлѣнья, пока они еще дѣвственны и свѣжи, пока еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ вліяніемъ своего собственнаго суда. Мнѣ это нужно: я комикъ. Всѣ другія произведенія и роды подлежатъ суду немногихъ, одинъ комикъ подлежитъ суду всѣхъ; надъ нимъ всякій зритель уже имѣетъ право, всякаго званія человѣкъ уже становится судьей его. О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки! Пусть даже посмѣется надо мной, пусть недоброжелательство правитъ устами его, пристрастье, негодованье, ненависть—все, что́ угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не можетъ безъ причины произнестись слово, и вездѣ можетъ зародиться искра правды. Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанія слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ сѣняхъ во все время разъѣзда. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой пьесѣ: человѣкъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія всегда живъ и спѣшитъ имъ подѣлиться съ другимъ. *(Отходитъ въ сторону. Показываются нѣсколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говоритъ, обращаясь къ другому)*. Выйдемъ лучше теперь: играться будетъ незначительный водевиль. *(Оба уходятъ)*.

Два comme il faut, *плотнаго свойства, сходятъ съ лѣстницы.*

Первый comme il faut. Хорошо, если бы полиція не далеко отогнала мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй comme il faut. Нѣтъ, а очень недурна.

Первый comme il faut, Да, недурна; но все чего-то еще нѣтъ. Да, рекомендую: новый ресторанъ: вчера намъ подалъ свѣжій зеленый горохъ *(цѣлуетъ концы пальцевъ)* — прелесть! *(Уходятъ оба)*.

Бѣжитъ **офицеръ**, *другой удерживаетъ его за руку.*

*) Само собою разумѣется, что авторъ пьесы лицо идеальное: въ немъ изображено положеніе комика въ обществѣ,—комика, избравшаго предметомъ осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей.

Другой офицеръ. Да останемся.

Первый офицеръ. Нѣтъ, братъ, на водевиль и калачомъ не заманишь. Знаемъ мы эти пьесы, которыя даются на закуску: лакеи вмѣсто актеровъ, а женщины—уродъ на уродѣ. *(Уходитъ).*

Свѣтскій человѣкъ, щеголевато одѣтый *(сходя съ мѣстницы).* Плутъ портной, претѣсно сдѣлалъ мнѣ панталоны, все время было страхъ неловко сидѣть. За это я намѣренъ еще проволочить его и годика два не заплачу долговъ. *(Уходитъ).*

Тоже свѣтскій человѣкъ, поплотнѣе *(говоритъ съ живостью другому).* Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть. Меньше какъ по полтораста рублей робертъ онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шуринъ мой, Пафнутьевъ, всякій день съ нимъ играетъ.

Авторъ пьесы *(про себя).* И все еще никто ни слова о комедіи.

Чиновникъ среднихъ лѣтъ *(выходя съ растопыренными руками).* Это, просто, чортъ знаетъ что́ такое!.. Этакое!.. этакое!... Это ни на что́ не похоже. *(Ушелъ).*

Господинъ, нѣсколько беззаботный насчетъ литературы *(обращаясь къ другому).* Вѣдь это, однакожъ, кажется, переводъ?

Другой. Помилуйте, что́ за переводъ! Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, наши обычаи и чины даже.

Господинъ беззаботный насчетъ литературы. Я помню, однакожъ, было что-то на французскомъ, не совсѣмъ въ этомъ родѣ. *(Оба уходятъ).*

Одинъ изъ двухъ зрителей, *тоже выходящихъ вонъ.* Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что́ скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

Двѣ бекеши *(одна другой).* Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о комедіи.

Другая бекеша *(дѣлая значительныя движенія губами).* Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто-жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было и... гдѣ-жъ, такъ сказать... а впрочемъ... *(Утвердительно сжимая губами).* Да, да! *(Уходятъ).*

Авторъ *(про себя).* Ну, эти пока еще не много сказали. Толки, однакоже, будутъ: я вижу, впереди горячо размахиваютъ руками.

Два офицера.

Одинъ. Я еще никогда такъ не смѣялся.

Другой. Я полагаю: отличная комедія.

Первый. Ну, нѣтъ, посмотримъ еще, что́ скажутъ въ журналахъ: нужно подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! *(Толкаетъ его подъ руку).*

Второй. Что́?

Первый *(указывая пальцемъ на одного изъ двухъ идущихъ по мѣстницѣ).* Литераторъ!

Второй *(торопливо).* Который?

Первый. Вотъ этотъ. Чш! послушаемъ, что́ будутъ говорить.

Второй. А другой кто съ нимъ?

Первый. Не знаю: неизвѣстно, какой человѣкъ. *(Оба офицера постараниваются и даютъ имъ мѣсто).*

Неизвѣстно какой человѣкъ. Я не могу судить относительно литературнаго достоинства; но, мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро.

Литераторъ. Помилуйте, что́-жъ тутъ остроумнаго? Что́ за низкій народъ выведенъ, что́ за тонъ? Шутки самыя плоскія; просто, даже сально!

Неизвѣстно какой человѣкъ. А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить; я только замѣтилъ, что пьеса смѣшна, доставила удовольствіе.

Литераторъ. Да и не смѣшна. Помилуйте, что́-жъ тутъ смѣшного и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій. Все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

Неизвѣстно какой человѣкъ. Ну, да противъ этого я и не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи такъ, въ литературномъ отношеніи, она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

Литераторъ. Да что́ же есть? Помилуйте, и этого даже нѣтъ! Ну, что́ за разговорный языкъ? Кто говоритъ этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?

Неизвѣстно какой человѣкъ. Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Всѣ лица, кажется, какъ будто не могутъ скрыть низкой природы своей—это правда.

Литераторъ. Ну, а вы еще хвалите!

Неизвѣстно какой человѣкъ. Кто-жъ хвалитъ? я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что пьеса—вздоръ. Но вѣдь вдругъ нельзя же узнать, я не могу судить въ литературномъ отношеніи. *(Оба уходятъ).*

Еще литераторъ *(входитъ въ сопровожденіи слушателей, которымъ говоритъ, размахивая руками).* Повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная пьеса! грязная, грязная пьеса! Нѣтъ ни одного лица истиннаго, все — карикатуры! Въ натурѣ нѣтъ этого, повѣрьте мнѣ, нѣтъ, я лучше это знаю: я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюденіе... да вѣдь это все

вздоръ, это все пріятели, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я ужъ слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, и пьеса, просто, недостойна даже быть названа комедіею. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный. Послѣдняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею—Монбланъ передъ Пулковскою горою. Я это имъ всѣмъ докажу, докажу математически, какъ дважды два. Просто, друзья и пріятели захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говоритъ о немъ? Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать. *(Уходитъ вмѣстѣ съ слушателями).*

Оба офицера *(подаются впередъ и занимаютъ ихъ мѣста).*

Первый. Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ; я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержанный пріятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотрѣть.

Второй. Да вѣдь ты-жъ говорилъ, что еще никогда такъ не смѣялся?

Первый. А это опять другое дѣло. Ты непонимаешь, тебѣ нужно растолковать. Тутъ что въ этой пьесѣ? Во первыхъ, завязки никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, воображенья рѣшительно никакого; все невѣроятности и притомъ все карикатуры.

Двое другихъ офицеровъ *позади.*

Одинъ *(другому).* Кто это разсуждаетъ? Кажется, изъ вашихъ?

Другой, *взглянувъ сбоку въ лицо разсуждавшаго, махнулъ рукой.*

Первый. Что? глупъ?

Второй. Нѣтъ, не то, чтобы. У него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка — и въ головѣ ничего. — Но, однакожъ, пойдемъ. *(Уходятъ).*

Два любителя искусствъ.

Первый. Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, оватительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дѣло, что такія слова бо́льшею частью исходятъ изъ устъ тѣхъ, которые сами очень сомнительнаго тона, толкуютъ о гостиныхъ, и допускаются только въ переднія. Но не объ нихъ рѣчь. Я говорю насчетъ того, что въ пьесѣ, точно. нѣтъ завязки.

Второй. Да, если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то-есть въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея, точно, нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стóитъ вглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣй завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что́ бы ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

Первый. Все это хорошо; но и въ этомъ отношеніи все-таки я не вижу въ пьесѣ завязки.

Второй. Я не буду теперь утверждать, есть ли въ пьесѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться пьеса. Конечно, это завязка, но какая завязка?—точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ большой общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два,— коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ пьесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло.

Первый. Но всѣ не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими.

Второй. Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣй и сильнѣй движутся, ихъ можно только назвать главными; но правитъ пьесою идея, мысль: безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона...

Первый. Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое-то значеніе болѣе всеобщее.

Второй. Да развѣ не есть это ея прямое и настоящее значеніе? Уже въ самомъ началѣ комедія была общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ, такою, показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. Зато какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ! какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью!

Третій *(подходя и ударивъ слегка его по плечу).* Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

Второй. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но только и любовь, и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во

всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что̀ составляетъ именно сторону комедіи, тогда уже поблѣднѣетъ, и значеніе комедіи общественной непремѣнно исчезнетъ.

Третій. Стало-быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

Второй. Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ послужить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ всѣ, до малѣйшей, излучины души подлаго и безчестнаго человѣка не рисуютъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленій отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже ясно знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго врача и холодная и горячая вода лѣчитъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни: въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только нравится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый *(подходя)*. Что̀ можетъ послужить прекрасному и о чемъ у васъ толки?

Первый. Споръ завязался у насъ о комедіи. Мы всѣ говоримъ о комедіи вообще, а никто еще не сказалъ ничего о новой комедіи. Что̀ вы скажете?

Четвертый. А вотъ что̀ скажу: виденъ талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшного, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей пьесѣ чего-то нѣтъ. Какъ-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ правительства. Безъ него у насъ не развяжется ни одна комедія.

Третій. Это правда. А впрочемъ, съ другой стороны, это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало-быть, не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей.

Четвертый. Такъ. Ну, и пусть эта связь будетъ слышна; но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ правительства. Оно непремѣнно явится, точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ.

Второй. Ну, видите: стало-быть, это уже составляетъ какой-то отличительный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключена какая-то тайная вѣра въ правительство. Что̀-жъ? тутъ нѣтъ ничего дурного: дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало признанье свое—быть представителемъ Провидѣнія на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленія.

Пятый. Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово „правительство“. Комедія возбудила крики и толки...

Второй. Поговоримте лучше объ этихъ толкахъ и крикахъ у меня, чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ. *(Уходятъ).*

Нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей *появляются одинъ за другимъ.*

№ 1.

Такъ, такъ, я вижу: это вѣрно, есть это у насъ и случается въ иныхъ мѣстахъ и похуже; но для какой цѣли, къ чему выводить это?—вотъ вопросъ! Зачѣмъ эти представленія? какая польза отъ нихъ?—вотъ что̀ разрѣшите мнѣ! Что мнѣ нужды знать, что въ такомъ-то мѣстѣ есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности такихъ представленій. *(Уходитъ).*

№ 2.

Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россіею — вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самое правительство, потому что выставлять дурныхъ чиновниковъ и злоупотребленія, которыя бываютъ въ разныхъ сословіяхъ, значитъ выставить самое правительство. Просто, даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представленій. *(Уходитъ).*

Входятъ **господинъ А. и господинъ Б.,** *люди не маловажныхъ чиновъ.*

Господинъ А. Я не насчетъ этого говорю; напротивъ, злоупотребленья намъ нужно показывать; нужно, чтобы мы видѣли свои проступки; и я ничуть не раздѣляю мнѣній многихъ, черезчуръ разгорячившихся патріотовъ; но только мнѣ кажется, что не слишкомъ ли много здѣсь чего-то печальнаго...

Господинъ Б. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услыхали замѣчаніе одного очень скромно одѣтаго человѣка, который сидѣлъ возлѣ меня въ креслахъ... Ахъ, вотъ онъ самъ!

Господинъ А. Кто?

Господинъ Б. Именно этотъ очень скромно одѣтый человѣкъ. *(Обращаясь къ нему).* Мы съ вами не кончили разговора, котораго начало было такъ для меня интересно.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я, признаюсь, очень радъ продолжать его. Сейчасъ только я слышалъ толки, именно: что это все неправда, что это насмѣшка надъ правительствомъ, надъ нашими обычаями, и что этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю пьесу, и, признаюсь, выраженіе комедіи показалось мнѣ теперь еще даже значительнѣй. Въ ней, какъ мнѣ кажется,

сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута, и какъ уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ креселъ до райка, надѣтая имъ маска. И послѣ этого есть люди, которые говорятъ, что не нужно выводить этого на сцену! Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ, довольно порядочнымъ человѣкомъ: „А что скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія?“

Господинъ А. Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ: а что скажетъ народъ нашъ, глядя на все это?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Что скажетъ народъ? *(Посторанивается, проходятъ двое въ армякахъ).*

Синій армякъ сѣрому. Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! *(Оба выходятъ вонъ).*

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали?

Господинъ А. Что?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Скажетъ: „Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!“ Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черплетъ ихъ изъ самой природы человѣка! Да развѣ это не, очевидно, ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство? Да для него нужны такія представленія. Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій высшій законъ. Мнѣ нравится тоже еще замѣчаніе: „народъ получитъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ“. То-есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плутъ-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, — глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей. Нѣтъ, теперь мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенья и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

Господинъ А. Но неужели, однакожъ, существуютъ у насъ точь-въ-точь такіе люди?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что: я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда я слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что-то такое, что располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ запросъ: „Неужели существуютъ такіе люди?“ Но когда было видано, чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: „Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?“ Никогда, никогда! Да вотъ что, — я буду съ вами говорить прямодушно, — у меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но если бы вы знали, какихъ душевныхъ усилій и потрясеній мнѣ было нужно, чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадаешь невольно, живя съ людьми! И какъ я могу сказать теперь, что во мнѣ нѣтъ сію же мунуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только-что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надъ которыми я самъ посмѣялся?

Господинъ А. *(послѣ нѣкотораго молчанія).* Признаюсь, надъ словами вашими призадумаешься. И когда я вспомню, представлю себѣ, какъ гордыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя, какъ свысока и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полировки, какъ всякій изъ насъ ставитъ себя чуть не святымъ, а о дурномъ говоритъ вѣчно въ третьемъ лицѣ, — то, признаюсь, невольно становится грустно душѣ... Но простите мою нескромность, — вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами, — позвольте узнать: съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ чиновни-

ковъ, въ должности которыхъ выведены были лица комедіи, и третьяго дня только пріѣхалъ изъ своего городка.

Господинъ Б. Я бы этого не могъ думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Обидно? А вотъ что я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терять терпѣнье. Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣну, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью, что подлость у насъ не остается скрытою или потворствуемой, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укоснитъ обнаружить низкія наши движенія, хотя это и не льститъ національной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволитъ показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ очи; и уже это одно даетъ мнѣ рвеніе продолжать мою полезную службу.

Господинъ А. Позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мнѣ нужны истинно благородные и честные помощники. Я вамъ предлагаю мѣсто, гдѣ вамъ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ вы получите несравненно болѣе выгодъ и будете на виду.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Позвольте мнѣ отъ всей души и отъ всего сердца поблагодарить васъ за такое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте отказаться отъ него. Если я уже чувствую, что полезенъ своему мѣсту, то благородно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки. Если же это предложеніе сдѣлано вами въ видѣ награды, то позвольте сказать вамъ: я аплодировалъ автору пьесы наравнѣ съ другими, но я не вызывалъ его. Какая ему награда? Пьеса понравилась — хвали ее, а онъ — онъ только выполнилъ долгъ свой. У насъ, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадитъ никому въ жизни и на службѣ, то ужъ считаетъ себя Богъ вѣсть какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, сердится серьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его. „Помилуйте“, говоритъ, „я цѣлый вѣкъ честно жилъ, совсѣмъ почти не дѣлалъ подлостей, — какъ же мнѣ не даютъ ни чина, ни ордена?» Нѣтъ, по мнѣ кто не въ силахъ быть благороднымъ безъ поощренія — не вѣрю я его благородству; не стоитъ гроша его мышиное благородство.

Господинъ А. По крайней мѣрѣ вы мнѣ не откажете въ вашемъ знакомствѣ. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть слѣдствіе моего искренняго уваженія. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Вотъ вамъ мой адресъ; но будьте увѣрены, что я не допущу васъ имъ воспользоваться и завтра же поутру явлюсь къ вамъ. Извините меня, я не воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и не умѣю говорить... Но встрѣтить такое великодушное вниманіе въ государственномъ человѣкѣ, такое стремленіе къ добру... дай Богъ, чтобы всякій государь былъ окруженъ такими людьми! *(Поспѣшно уходитъ).*

Господинъ А. *(переворачивая въ рукахъ карточку).* Я смотрю на эту карточку и на эту неизвѣстную мнѣ фамилію, и какъ-то полно становится на душѣ моей. Это въ началѣ грустное впечатлѣніе разсѣялось само собою. Да хранитъ тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоемъ, скрывается подобный перлъ, и, вѣроятно, онъ не одинъ. Они, какъ искры золотой руды, разсыпаны среди грубыхъ и темныхъ ея гранитовъ. Есть глубоко утѣшительное чувство въ семъ явленіи, и душа моя освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ, какъ освѣтилась его собственная послѣ представленія комедіи. Прощайте! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ эту встрѣчу. *(Уходитъ).*

Господинъ В. *(подходя къ господину Б.).* Кто это былъ съ вами? Кажется, онъ министръ—а?

Господинъ П. *(подходя съ другой стороны).* Помилуй, братецъ, ну, что это такое, какъ же это въ самомъ дѣлѣ?...

Господинъ Б. Что?

Господинъ П. Ну, да какъ же выводить это?

Господинъ Б. Почему же нѣтъ?

Господинъ П. Ну, да самъ посуди ты: ну, какъ же, право? Все пороки, да пороки; ну, какой примѣръ подастъ это зрителямъ?

Господинъ Б. Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе.

Господинъ П. Ну, да все, братъ, какъ ни говори: уваженье... вѣдь чрезъ это теряется уваженіе къ чиновникамъ и должностямъ.

Господинъ Б. Уваженіе не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполняютъ свои должности.

Господинъ В. Но позвольте, однакоже, замѣтить: все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

Господинъ П. Именно. Вотъ это я самъ хо-

тѣлъ ему замѣтитъ. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь, напримѣръ, выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... э... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Господинъ Б. Ну, такъ что-жъ? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему коекакіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хотя бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ, какъ слѣдуетъ: что-жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?

Господинъ П. Ну, ужъ, братъ, это слишкомъ. Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну, пусть еще титулярный... Нѣтъ, ты ужъ слишкомъ.

Господинъ В. Чѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія?

Господинъ Б. Зачѣмъ? странный вопросъ: „зачѣмъ?“ Много можно сдѣлать этакихъ *„зачѣмъ“*. Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Господинъ В. Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя нужно скрывать, а не показывать.

Господинъ П. Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное нужно скрывать, а не показывать.

Господинъ Б. Если бы слова эти были сказаны кѣмъ другимъ, а не вами, я бы сказалъ, что ими водило лицемѣріе, а не истинная любовь къ отечеству. По вашему, нужно бы только закрыть, залѣчить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣстъ онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь — до того нѣтъ нужды. Нѣтъ нужды, что она можетъ взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лѣченіе поздно. До того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенья ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глухъ остается человѣкъ, пусть сонно проходитъ жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усыпленья свою душу, чтобы уже ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ... простите меня! Холодный эгоизмъ движетъ устами, произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человѣчеству. *(Уходитъ).*

Господинъ П. *(послѣ нѣкотораго молчанія).* Что-жъ ты молчишь? Каковъ? Чего не наговорилъ, а?

Господинъ В. *молчитъ.*

Господинъ П. *(продолжая).* Онъ можетъ себѣ говорить, что ему угодно, а вѣдь это все-таки наши, такъ сказать, раны.

Господинъ В. *(въ сторону).* Ну, попались ему на языкъ эти раны! Будетъ онъ толковать о нихъ и встрѣчному, и поперечному!

Господинъ П. Этакъ, пожалуй, и я могу насказать кучу всего, да вѣдь что-жъ изъ этого?.. А вотъ князь N. Послушай, князь, не уходи!

Князь N. А что?

Господинъ П. Ну, потолкуемъ, остановись! Ну, что, какъ пьеса?

Князь N. Да смѣшна.

Господинъ П. Но, однакожъ, скажи: какъ это представлять? на что это похоже...

Князь N. Почему-жъ не представлять?

Господинъ П. Ну, да посуди самъ, ну, да какъ же это: вдругъ на сценѣ плутъ — вѣдь это все наши раны.

Князь N. Какія раны?

Господинъ П. Да, это наши раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

Князь N. *(съ досадою).* Возьми ихъ себѣ! Пусть онѣ будутъ твои, а не мои раны! Что ты мнѣ ихъ тычешь? Мнѣ пора домой. *(Уходитъ).*

Господинъ П. *(продолжая).* И потомъ опять, что за чепуху онъ наговорилъ здѣсь? Говоритъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ можетъ быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить...

Господинъ В. Однакожъ, пойдемъ, полно толковать; я думаю, всѣ проходящіе узнали уже, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ. *(Въ сторону).* Есть люди, которые имѣютъ искусство все охать. Твою же мысль, повторивши, они умѣютъ сдѣлать ее такъ пошлою, что самъ краснѣешь. Скажешь глупость, она бы, можетъ-быть, такъ и проскользнула незамѣченной — нѣтъ, отыщется поклонникъ и пріятель, который непремѣнно пуститъ ее въ ходъ и сдѣлаетъ еще глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно право: точно въ грязь посадилъ. *(Уходятъ).*

Военный и статскій *выходятъ вмѣстѣ.*

Статскій. Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите: „это нужно выводить на

сцену"; вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь штатскимъ чиновникомъ; а затронь какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеры, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, съ неприличными ухватками — да вы изъ-за одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

Военный. Ну, послушайте, за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такіе Донкишоты, но повѣрьте также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида? Подавайте, подавайте намъ его! Мы всякій день готовы смотрѣть.

Статскій *(въ сторону)*. Этакъ всегда кричитъ человѣкъ: „подавайте! подавайте!" а подашь — такъ и разсердится. *(Уходятъ)*.

Двѣ бекеши.

Первая бекеша. У французовъ тоже, напримѣръ; но у нихъ все это очень мило. Ну, вотъ, помнишь, во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, схватываетъ со стола салатникъ и ставитъ его подъ кровать. Оно, конечно, нескромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ. А здѣсь—ну, что̀ это, право?—какой-нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго я бы въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ,—ну, что̀ это, право? на что̀ это похоже?

Другая бекеша. У французовъ другое дѣло. Тамъ société mon cher! У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совершенно безъ всякаго образованья: все это бо́льшею частью воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею тоже ходилъ въ гости одинъ какой-то сочинитель: гдѣ-жъ ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ! *(Уходятъ)*.

Свѣтская дама *(въ сопровожденіи двухъ мужчинъ: одного во фракѣ, другого въ мундирѣ)*. Но что̀ за люди, что̀ за лица выведены! хотя бы одинъ привлекъ... Ну, отчего не пишутъ у насъ такъ, какъ французы пишутъ, напримѣръ, какъ Дюма и другіе? Я не требую образцовъ добродѣтели; выведите мнѣ женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже измѣнила мужу, предалась, положимъ, самой порочной и непозволенной любви; но представьте это увлекательно, такъ, чтобы я побуждена была къ ней участьемъ, чтобы я полюбила ее... А вѣдь здѣсь всѣ лица—одинъ отвратительнѣй другого.

Мужчина въ мундирѣ. Да, тривіально, тривіально.

Свѣтская дама. Скажите: отчего у насъ въ Россіи все еще такъ тривіально?

Мужчина во фракѣ. Душа моя, послѣ разскажешь, отчего тривіально: кричатъ нашу карету. *(Уходятъ)*.

Выходятъ трое мужчинъ *вмѣстѣ*.

Первый. Почему-жъ не посмѣяться? смѣяться можно; но что̀ за предметъ для насмѣшки—злоупотребленія и пороки? Какая здѣсь насмѣшка!

Второй. Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? Развѣ надъ добродѣтелями, надъ достоинствами человѣка?

Первый. Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый! Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?

Второй. Какіе же другіе предметы?

Первый. Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ? Ну, положимъ, напримѣръ, я отправился на гулянье на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ спѣпленій?

Второй. То-есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непремѣнный законъ? Комедій въ томъ именно вкусѣ, въ какомъ вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существованія двухъ, трехъ такихъ, какова была игранная теперь? Если же вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите, поѣзжайте только въ театръ: тамъ всякій день вы увидите пьесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу.

Третій. Ну, нѣтъ, послушайте: это не то̀. Всему есть свои границы. Есть вещи, надъ которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которыя въ нѣкоторомъ родѣ уже святыня.

Второй *(про себя, съ горькой усмѣшкой)*. Такъ всегда на свѣтѣ: посмѣйся надъ истинноблагороднымъ, надъ тѣмъ, что̀ составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступникомъ; посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ — всѣ закричатъ: онъ смѣется надъ святыней".

Первый. Ну, вотъ видите ли, вы, я вижу, теперь убѣждены: не говорите ни слова. Провѣрьте, нельзя не быть убѣждену: это истина. Я самъ человѣкъ безпристрастный и говорю не то, чтобы... но, просто, это не авторское дѣло, это не предметъ для комедіи. *(Уходятъ)*.

Второй *(про себя)*. Признаюсь, я бы ни за что̀ не захотѣлъ быть на мѣстѣ автора. Прошу угодить! Избери маловажные свѣтскіе случаи, всѣ

будутъ говорить: „Онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой нравственной цѣли“; избери предметъ, сколько-нибудь имѣющій серьезную нравственную цѣль — будутъ говорить: „Не его дѣло, пиши пустяки“! *(Уходитъ).*

Молодая дама *большого свѣта въ сопровожденіи мужа.*

Мужъ. Карета наша не должна быть далеко, мы можемъ скоро уѣхать.

Господинъ N. *(подходя къ дамѣ).* Что́ вижу! Вы пріѣхали смотрѣть русскую пьесу!

Молодая дама. Что́-жъ тутъ такого? развѣ я уже ничуть не патріотка?

Господинъ N. Ну, если такъ, то вы не очень насытили патріотизмъ свой. Вы, вѣрно, браните пьесу?

Молодая дама. Совсѣмъ нѣтъ. Я нахожу, что многое очень вѣрно: я смѣялась отъ души.

Господинъ N. Отчего-жъ вы смѣялись? Оттого ли, что любите посмѣяться надъ всѣмъ, что́ русское?

Молодая дама. Оттого, что, просто, было смѣшно. Оттого, что выведена была наружу та подлость, низость, которая въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ,—она была бы такая же подлость или низость: вотъ отчего смѣялась.

Господинъ N. Мнѣ говорила сейчасъ одна очень умная дама, что она тоже смѣялась, но что при всемъ томъ пьеса произвела на нее грустное впечатлѣніе.

Молодая дама. Я не хочу знать, что́ чувствовала ваша умная дама; но у меня не такъ чувствительны нервы, и я всегда рада смѣяться надъ тѣмъ, что́ внутренно смѣшно. Я знаю, что есть иныя изъ насъ, которыя отъ души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ человѣка и не имѣютъ духа посмѣяться надъ кривою душою человѣка.

Вдали показывается тоже **молодая дама** *съ мужемъ.*

Господинъ N. А вотъ идетъ ваша пріятельница. Я бы желалъ знать ея мнѣніе о комедіи. *(Обѣ дамы подаютъ другъ другу руку).*

Первая дама. Я видѣла издали, какъ ты смѣялась.

Вторая дама. Да кто же не смѣялся? всѣ смѣялись.

Господинъ N. А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

Вторая дама. Признаюсь, мнѣ было, точно, грустно. Я знаю, все это очень вѣрно; я сама тоже видѣла много подобнаго, но при всемъ томъ мнѣ было тяжело.

Господинъ N. Стало-быть, комедія вамъ не понравилась?

Вторая дама. Ну, послушайте, кто-жъ это говоритъ? Я вамъ говорю уже, что я смѣялась отъ всей души, и больше даже, нежели всѣ другіе; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество и множество низкаго...

Господинъ N. Говорите, говорите!

Вторая дама. Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ хоть одного честнаго человѣка. Скажите ему, что объ этомъ его просятъ, что это будетъ, право, хорошо.

Мужъ первой дамы. А вотъ же этого именно и не совѣтуйте. Дамамъ хочется непремѣнно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за всякимъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самымъ пошлымъ слогомъ.

Вторая дама. Совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы мало знаете насъ! Вотъ вамъ-то принадлежитъ это! Вы именно любите только одни слова и толки о благородствѣ. Я слышала сужденіе одного изъ васъ: одинъ толстякъ кричалъ такъ, что, я думаю, всѣхъ заставилъ на себя обратиться, — что это клевета, что подобныхъ низостей и подлостей у насъ никогда не дѣлается. А кто говорилъ? — Самый низкій и подлый человѣкъ, который готовъ продать свою душу, совѣсть, и все, что́ хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господинъ N. Ну, скажите же, кто это былъ?

Вторая дама. Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ; я слышала безпрестанно, какъ около насъ кричали: „Это отвратительная насмѣшка надъ Россіей, насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить? Да что́ скажетъ народъ?“ А отчего они кричали? Оттого ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? — Извините. Затѣмъ, чтобы произвести шумъ, чтобы запретили пьесу, потому что въ ней, можетъ-быть, отыскали кое-что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари!

Мужъ первой дамы. О! да у васъ ужъ начинаетъ рождаться маленькая злость!

Вторая дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. И нельзя не быть злою, видя, какъ подлость является подъ всякими личинами.

Мужъ первой дамы. Ну, да: вамъ бы хотѣлось, чтобы сейчасъ выскочилъ рыцарь, прыгнулъ черезъ какую-нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею...

Вторая дама. Извините.

Мужъ первой дамы. Натурально: женщинѣ что́ нужно? — Ей непремѣнно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ.

Вторая дама. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Двѣсти

разъ готова говорить: нѣтъ! Это пошлая, старая мысль, которую вы намъ навязываете безпрестанно. У женщины больше истиннаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ такъ лицемѣрить, гдѣ лицемѣрите вы, не можетъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣтъ,—потому что это нужно говорить. Что подло, то подло, какъ вы ни скрывайте и какой ни давайте видъ. Это подло, подло, подло!

Мужъ первой дамы. Да вы, я вижу, разсердились во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторая дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорятъ неправду.

Мужъ первой дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мнѣ вашу ручку! Я пошутилъ.

Вторая дама. Вотъ вамъ рука моя, я не сержусь. *(Обращаясь къ г-ну N).* Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ въ комедіи благороднаго и честнаго человѣка.

Господинъ N. Да какъ же это сдѣлать? Ну, если онъ выведетъ честнаго человѣка, а этотъ честный человѣкъ будетъ похожъ на театральнаго рыцаря?

Вторая дама. Нѣтъ, если онъ сильно и глубоко чувствуетъ, то герой его не будетъ театральнымъ рыцаремъ.

Господинъ N. Да вѣдь, я думаю, это не такъ легко сдѣлать.

Вторая дама. Просто, скажите лучше, что у автора вашего нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ.

Господинъ N. Отчего-жъ такъ?

Вторая дама. Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: ему не можетъ быть знакомо то, что чувствуетъ одно только нѣжное сердце.

Господинъ N. Вотъ хорошо! Стало-быть, по-вашему, авторъ не долженъ быть благородный человѣкъ?

Вторая дама. Ну, вотъ видите, вы сейчасъ перетолковываете въ другую сторону. Я не говорю ни слова о томъ, чтобы у комика не было благородства и строгаго понятія о чести во всемъ смыслѣ слова. Я говорю только, что онъ не могъ бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Мужъ второй дамы. Но какъ же ты можешь сказать это утвердительно?

Вторая дама. Могу, потому что знаю. Всѣ люди, которые смѣялись или были насмѣшниками, всѣ они были самолюбивы, всѣ почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Господинъ N. Стало-быть, вы рѣшительно предпочитаете только тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одни высокія движенія человѣка?

Вторая дама. О, конечно! Я ихъ всегда поставлю выше, и, признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору.

Мужъ первой дамы *(обращаясь къ господину N).* Ну, развѣ ты не видишь — выходитъ опять то же? Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужъ потому только, что она трагедія...

Вторая дама. Молчите, я опять буду зла. *(Обращаясь къ господину N).* Ну, скажите, не правду ли я сказала: вѣдь у комика душа непремѣнно должна быть холодная?

Мужъ второй дамы. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждаетъ тоже къ насмѣшкамъ и сатирамъ.

Вторая дама. Ну, или раздражительная. Но что же это значитъ?—Это значитъ, что причиною такихъ произведеній все же была желчь, ожесточеніе, негодованіе, можетъ-быть, и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но нѣтъ того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству... словомъ, любовью. Не правда ли?

Господинъ N. Это правда.

Вторая дама. Ну, скажите: похожъ авторъ комедіи на этотъ портретъ?

Господинъ N. Какъ вамъ сказать? Я не знаю такъ коротко его, чтобы могъ судить о душѣ его. Но, соображая все, что я о немъ слышалъ, онъ, точно, долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ.

Вторая дама. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама. Не знаю почему, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ былъ эгоистомъ.

Мужъ первой дамы. А вотъ идетъ нашъ лакей, стало-быть, карета готова. Прощайте. *(Пожимая руку второй дамы).* Вы къ намъ, не правда ли? Чай пьемъ у насъ?

Первая дама *(уходя).* Пожалуйста!

Вторая дама. Непремѣнно.

Мужъ второй дамы. Кажется, наша карета тоже готова. *(Уходятъ за ними).*

Выходятъ **двое зрителей.**

Первый. Вотъ что, растолкуйте мнѣ: отчего, разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь: все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ кажется уже чѣмъ-то громаднымъ, преувеличеннымъ, карикатурнымъ, такъ что, выходя изъ театра, невольно спрашиваешь: неужели существуютъ такіе люди? А между тѣмъ вѣдь они не то, чтобы злодѣи.

Второй. Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то, что́ говоритъ пословица: „не душой худъ, а просто плутъ“.

Первый. И потомъ еще одно: это громадное накопленіе, это излишество—не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было, если не половины, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

Второй. Во-первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите — и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшностей и анахронизмовъ, не вставилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежатъ имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что́ принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это—сборное мѣсто: отвсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ—произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа: человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганіе. И смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ бы чувствуя, что близко отъ него то, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавнѣй всего слышать автору упреки: „зачѣмъ лица и герои его не привлекательны“, тогда какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то уже всѣ до одного перешли бы на сторону этого честнаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образы, можетъ-быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые, по окончаніи представленія; зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: „Неужели существуютъ такіе люди?“

Первый. Да. Ну, это однакоже не вдругъ поймутъ.

Второй. Весьма естественно. Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданія. Но разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по верхамъ и вдругъ—не всякій можетъ; а до тѣхъ поръ долго будутъ видѣть однѣ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится всякій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. *(Уходятъ).*

Одинъ чиновникъ. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновникъ. Теперь, значитъ, ужъ ничего не осталось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ который на мнѣ,— его, значитъ, нужно бросить: онъ ужъ теперь тряпка.

Бѣгутъ **двое молодыхъ людей.**

Одинъ. Ну, всѣ разсердились. Я ужъ столько наслышался толковъ, что могу, взглянувши, угадать, что́ каждый думаетъ о пьесѣ.

Другой. Ну, что́ думаетъ вотъ этотъ?

Первый. Вотъ тотъ, который надѣваетъ шинель въ рукава?

Другой. Да.

Первый. Вотъ что́ онъ думаетъ: „За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ!..“ Однакожъ, тронулось, кажется, верхнее населеніе; водевиль, какъ видно, кончился. Сейчасъ нахлынутъ разночинцы. Уйдемъ! *(Оба уходятъ).*

(Шумъ увеличивается; по всѣмъ лѣстницамъ раздается бѣготня. Бѣгутъ армяки, полушубки, чепцы, нѣмецкіе домополые кафтаны купцовъ, треугольныя шляпы и султаны, шинели всѣхъ родовъ: фризовыя, военныя, подержанныя и щегольскія — съ бобрами. Толпа сталкиваетъ господина, надѣвающаго въ рукавъ шинель; господинъ постораниваетъ и продолжаетъ надѣвать ее въ сторонѣ. Показываются въ толпѣ господа и чиновники всѣхъ родовъ и сортовъ. Лакеи въ ливреяхъ прочищаютъ для барынь дорогу. Слышенъ бабій крикъ: „Батюшки, приприхнули со всѣхъ сторонъ!“*)*

Молоденькій чиновникъ уклончиваго свойства *(подбѣгая къ господину, надѣвающему шинель).* Ваше превосходительство, позвольте, я вамъ подержу!

Господинъ въ шинели. А, здравствуй! Ты здѣсь? Пришелъ смотрѣть?

Молоденькій чиновникъ. Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчено.

Господинъ въ шинели. Вздоръ! ничего нѣтъ забавнаго!

Молоденькій чиновникъ. Это правда, ваше превосходительство: совсѣмъ ничего нѣтъ.

Господинъ въ шинели. За этакія вещи нужно сѣчь, а не хвалить.

Молоденькій чиновникъ. Это правда, ваше превосходительство!

Господинъ въ шинели. Вотъ, пускаютъ молодыхъ людей въ театръ. Много полезнаго вынесутъ! Вотъ и ты: теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешь?

Молоденькій чиновникъ. Какъ можно, ваше превосходительство!.. Позвольте, я вамъ прочищу дорогу впередъ! *(Народу, толкая того и другого).* Эй, вы, посторонитесь, генералъ идетъ! *(Подходя съ необыкновенною учтивостью къ двумъ щегольски одѣтымъ).* Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одѣтые, *посторониваясь и давая дорогу.*

Первый. Не знаешь, какой генералъ? Долженъ быть какой-нибудь извѣстный?

Второй. Не знаю, я никогда не видалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства *(подхватывая сзади).* Просто, статскій совѣтникъ, по мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье? Въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3,000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ комиссіи, да еще по департаменту.

Господа хорошо одѣтые *(одинъ другому).* Уйдемъ! *(Уходятъ).*

Чиновникъ разговорчиваго свойства. Должны быть матушкины сынки. Чай, въ иностранной коллегіи служатъ. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи. *(Уходитъ).*

Голосъ изъ толпы. Экъ народу навалило!

Офицеръ *(пробираясь съ дамой подъ-руку).* Эй, вы, бороды, что напираете? Развѣ не видишь—дама?

Купецъ *(съ дамой подъ-руку).* У самихъ, батюшка, дама.

Голосъ изъ толпы. Вотъ она поворотилась, видишь, видишь? Еще теперь подурнѣла, но года три тому назадъ...

Разные голоса. Да три гривны, слышь ты, взялъ съ него сдачи.—Подлая, скверная пьеса!—Забавная пьеска!—Ты что лѣзешь въ самое горло?

Голосъ въ одномъ концѣ толпы. Все это вздоръ! Гдѣ могло случиться такое происшествіе? Этакое происшествіе могло только развѣ случиться на Чукотскомъ островѣ.

Голосъ въ другомъ концѣ. Ну, вотъ точь-въ-точь этакое событіе было въ нашемъ городкѣ. Я подозрѣвалъ, что авторъ если не былъ самъ тамъ, то, вѣроятно, слышалъ.

Голосъ купца. Оно, вотъ изволите видѣть, оно здѣсь больше, такъ сказать, съ моральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ сказать, всякіе-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется... А насчетъ маральности, такъ и за дворянами это водится.

Голосъ господина поощрительнаго свойства. Долженъ быть бестія, пройдоха сочинитель: все извѣдалъ, все знаетъ!

Голосъ сердитаго чиновника, но, какъ видно, опытнаго. Что онъ знаетъ!—чорта онъ знаетъ. И вретъ онъ, вретъ: все это, что ни написалъ онъ, все—враки. И взятки не такъ берутъ, если ужъ пошло на то...

Голосъ другого чиновника изъ толпы. Да что вы говорите: „смѣшно, смѣшно!“ знаете ли отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это все онъ вывелъ своихъ бабушекъ да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно.

Неизвѣстный голосъ. Стой, украли платокъ!

Два офицера, *узнавшіе другъ друга, переговариваются черезъ толпу.*

Первый. Мишель, ты туда?

Второй. Туда?

Первый. Ну, и я тамъ.

Чиновникъ важной наружности. Я бы все запретилъ. Ничего не нужно печатать. Просвѣщеньемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше не нужно.

Голосъ въ народѣ. Что-жъ, коли подлецъ, то и подлецъ, Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобой смѣяться.

Красивый и плотный господинъ *(говоритъ съ жаромъ невзрачному и низенькому).* Нравственность, нравственность страждетъ, вотъ что главное!

Господинъ низенькій и невзрачный, но ядовитаго свойства. Да вѣдь нравственность—вещь относительная.

Красивый и плотный господинъ. Что вы разумѣете подъ именемъ „относительная“?

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ. То, что нравственность всякій мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь, обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братіи своимъ подчиненнымъ?—Свысока говоритъ: „Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества“, а ты, молъ, ужъ тамъ себѣ разумѣй, относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если и явится у

кого-нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отчего? Все отъ честности, не такъ ли?

Красивый и плотный господинъ *(въ сторону)*. Скверенъ какъ чортъ, а языкъ какъ у змѣи.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ *(толкая подъ руку вовсе незнакомаго ему человѣка, говоритъ ему, кивая на красиваго господина)*. Четыре дома въ одной улицѣ; всѣ рядомъ одинъ возлѣ другого, въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу, а?

Незнакомецъ *(уходя поспѣшно)*. Извините, я не дослышалъ.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ *(толкая подъ руку незнакомаго сосѣда)*. Глухота-то какъ нынче распространилась въ городѣ, а? Вотъ что значитъ нездоровый и сырой климатъ!

Незнакомый сосѣдъ. Да вотъ и гриппъ тоже. У меня всѣ дѣти переболѣли.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ. Да, и гриппъ, и глухота; свинка тоже въ горлѣ. *(Пропадаетъ въ толпѣ)*.

Разговоръ въ группѣ на сторонѣ.

Первый. А говорятъ, что подобное происшествіе случилось съ самимъ авторомъ: онъ въ какомъ-то городкѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги.

Господинъ съ другой стороны группы *(подхватывая рѣчь)*. Нѣтъ, это не въ тюрьмѣ, это было на башнѣ. Это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорятъ, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэтъ на высочайшей башнѣ, вокругъ горы, мѣстоположеніе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Не правда ли, что здѣсь является какая-то особенная черта писателя?

Господинъ положительнаго свойства. Авторъ долженъ быть умный человѣкъ.

Господинъ отрицательнаго свойства. Ничуть не умный. Я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали изъ службы: просьбы не умѣлъ написать.

Простой враль. Бойкая, бойкая голова! Ему мѣста долго не давали, такъ что-жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ!—Квинтильяновскимъ манеромъ. Одно ужъ то, какъ началъ: „милостивый государь!“ А потомъ и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... страницъ восемь отвалялъ кругомъ. Министръ, какъ прочиталъ: „Ну“, говоритъ, „благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!“ И прямо изъ писцовъ махнулъ онъ въ начальники отдѣленія.

Господинъ добродушнаго свойства *(обращаясь къ другому человѣку хладнокровнаго свойства)*. Чортъ его знаетъ, кому и вѣрить! И въ тюрьмѣ сидѣлъ, и на башню лазилъ! И выгнали изъ службы, и мѣсто дали!

Господинъ хладнокровнаго свойства. Да вѣдь это все говорится экспромптомъ.

Господинъ добродушнаго свойства. Какъ экспромптомъ?

Господинъ хладнокровный. Такъ. Вѣдь они еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что́ услышатъ отъ себя. Языкъ у нихъ безъ вѣдома хозяина вдругъ брякнетъ новость, а хозяинъ и радъ—возвращается домой, какъ будто бы нашелся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что́ самъ выдумалъ. Ему кажется, что онъ услышалъ отъ другихъ—и пошелъ передавать ее по городу всѣмъ.

Господинъ добродушный. Это, однакоже, безсовѣстно: лгать и не чувствовать самому.

Господинъ хладнокровный. Да есть и чувствительные. Есть такіе, которые чувствуютъ, что лгутъ, но считаютъ уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а рѣчь ложью.

Дама средняго свѣта. Но только какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ! Я, признаюсь, ни за что́ бы не хотѣла попасться ему на глаза: этакъ онъ вдругъ замѣтитъ во мнѣ смѣшное.

Господинъ съ вѣсомъ. Я не знаю, что́ это за человѣкъ. Это, это, это... Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго: сегодня онъ скажетъ: такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ.

Второй господинъ. Осмѣять! Да вѣдь со смѣхомъ шутить нельзя. Это значитъ разрушить всякое уваженіе—вотъ что́ это значитъ. Да вѣдь меня послѣ всего этого всякій прибьетъ на улицѣ, скажетъ: „Да вѣдь надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрещина!“ Вѣдь это вотъ что́ значитъ.

Третій господинъ. Еще бы! Это серьезная вещь! Говорятъ: „бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе“. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Появляется **группа людей**, *Богъ вѣсть, какого свойства, впрочемъ, благородной наружности и прилично опрятныхъ.*

Первый. Постоимте лучше здѣсь, покамѣстъ выйдетъ толпа. Ну, что́ это, право! Затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ будто бы Богъ знаетъ что́! Бездѣлка, какая-нибудь пустая театральная пьеса и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора—ну, что́ это такое!

Второй. Однакожъ пьеса повеселила, развлекла.

Первый. Ну, да, повеселила, какъ обыкновенно веселитъ всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такіе крики, толки? Разсуждаютъ, какъ будто о какой-нибудь важной вещи, аплодируютъ... Ну, что это такое! Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь пѣвица или танцовщица—ну, тамъ я понимаю: тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здѣсь что? Кричатъ: „литераторъ! литераторъ! писатель!“ Да что такое писатель? Что иной разъ попадется остроумное словцо, да спишетъ кое-что съ натуры... Да что же здѣсь за трудъ? Что-жъ тутъ такого? Вѣдь это все побасенки—и больше ничего.

Второй. Да, конечно, вещь не важная.

Первый. Разсудите: ну, танцоръ, напримѣръ: тамъ все-таки искусство, ужъ этого никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я, напримѣръ: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша—не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно не учившись. Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ: его откуда-то, кажется, выгнали.

Второй. Но, однакожъ, все-таки что-нибудь онъ долженъ знать: безъ этого нельзя писать.

Первый. Да помилуйте, что-жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что такое литераторъ: пустѣйшій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно—ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну, что такое они пишутъ? Вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишите, и онъ напишетъ, и всякій напишетъ.

Второй. Да, конечно, почему-жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

Первый. Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бы еще была, положимъ, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь, а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлаетъ—вотъ и вся штука!

Третій. Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

Первый. Именно, трата времени—больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однакожъ, народъ выходитъ, пойдемте! Подымать шумъ, кричать, поощрять! а дѣло, просто, вздоръ! Побасенки! пустяки! побасенки! *(Уходятъ. Толпа рядитъ, бѣгутъ кое-какіе отставшіе).*

Добродушный чиновникъ. А все бы, право, ну, что бы хоть одного честнаго человѣка выставить! Все плуты, да плуты!

Одинъ изъ народа. Слышь ты, жди меня на перекресткѣ! Я забѣгу, возьму рукавицы.

Одинъ изъ господъ *(смотря на часы).* Однако скоро часъ. Никогда я такъ поздно не выходилъ изъ театра. *(Уходитъ).*

Отставшій чиновникъ. Только время даромъ пропало! Нѣтъ, никогда больше не пойду въ театръ! *(Уходитъ. Сцена пустѣетъ).*

Авторъ пьесы *(выходя).* Я услышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижную массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что человѣкъ, то и мнѣнье, гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! и въ семъ благородномъ стремленіи государственнаго мужа! и въ семъ высокомъ самоотверженьи забившагося въ глушь чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ, вѣрномъ чутьѣ народа. Какъ даже въ сихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику! Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все продолженіе ея. Это честное, благородное лицо былъ—*смѣхъ*. Онъ былъ благодаренъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозваніе комику,—прозваніе холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ,—не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченія забавы людей; — но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, — излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-бьющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испу-

гала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходилъ всякій день, не возросло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: „неужели есть такіе люди?“ тогда какъ, по собственному сознанію его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что́ мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей: но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто бы понесъ мщеніе противъ злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенья души его. Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противъ которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенья съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, который уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: „что́ смѣшно, то низко“, говоритъ свѣтъ; только тому, что́ произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названье высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что́ ни творилось вдохновеньемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданія Шекспира для нихъ побасенки; святыя движенья души—для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбіе писателя заставляетъ меня сказать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданія были сейчасъ названы побасенками,—нѣтъ, я вижу свои пороки и вижу, что достоинъ упрековъ; но не могла вынесить равнодушно душа моя, когда совершеннѣйшія творенія чествлись именами пустяковъ и побасенокъ, когда всѣ свѣтила и звѣзды міра признавались творцами однихъ пустяковъ и побасенокъ! Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что́ повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: „побасенки!“ Побасенки!.. А вонъ протекли вѣка, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что́ было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ модные цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки!.. А вонъ стонутъ балконы и перила театровъ: все потрясlось снизу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеньи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышатъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимый тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку—и брызнули вдругъ освѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью и проситъ вновь у Неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки!.. Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудутъ же вѣчно святы въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнія былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что́ было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ: Вѣнчанный Монархъ осѣнялъ ихъ царскимъ щитомъ своимъ съ вышины недоступнаго престола.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но да приметъ благодарно указанья недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеньяхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Міръ—какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнья и толки, но все переламываетъ время: какъ шелуха, слетаютъ ложныя, и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что́ признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеньемъ. Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И, почему знать, можетъ-быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ,—въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!..

Писано въ 1836—1842 гг.

ИЗЪ ПОТЕРЯННОЙ ДРАМЫ.

конецъ IV-го дѣйствія.

[**Валуевъ**]. А! забрало наконецъ! Какое это непостижимое явленіе! Подлецъ послѣдней степени, мошенникъ, заклейменный печатью позора, для котораго одна награда—висѣлица,—и этотъ человѣкъ, попробуй кто-нибудь коснуться его чести, назвать его подлецомъ:—„Какъ вы смѣете, милостивый государь, поносить честь мою? Я требую удовлетворенія за вашу обиду. Вы нанесли мнѣ такую обиду, которую... омыть кровью". Бездѣльникъ! И онъ стоитъ за честь свою, за честь, которая составлена изъ безчестія.

Баскаковъ. Я не въ силахъ болѣе перенесть этого! На этомъ мѣстѣ, здѣсь же, мы деремся.

[**Валуевъ**]. Что? А, *(становится спиною къ дверямъ)* дуэль! Поединокъ! Неправда! Нѣтъ, братецъ! Этакихъ подлецовъ не вызываю на поединокъ. Для тебя нѣтъ этого удовлетворенія. Этого для моей чести уже было бы слишкомъ, чтобы я дрался съ каторжникомъ, котораго ведутъ въ Сибирь. Дуэль? Нѣтъ, тебя просто убить, какъ собаку. Бѣдное животное, благородное животное! прости, что я унизилъ, сравнивши съ этимъ гнуснымъ твореніемъ.

Валуевъ *(въ бѣшенствѣ подбѣгаетъ къ окну)*. Эй, Никаноръ! подай пистолетъ мнѣ.

Баскаковъ. Что, тебѣ хочется пистолета? вотъ онъ. Я бы тебя могъ сію минуту убить; но дивись моему великодушію: двѣ минуты я даю тебѣ еще приготовиться. Въ это время ты можешь еще произнесть къ Богу одно такое слово, за которое, можетъ быть, уменьшатся твои муки, когда унесетъ твою душу ея владѣлецъ—дьяволъ.

(Валуевъ бросается на него, желая вырвать пистолетъ. Нѣсколько минутъ они борются).

Валуевъ. Я вырву таки у тебя его.

[**Баскаковъ**]. Нѣтъ, не вырвешь: у честнаго человѣка крѣпче рука, нежели у подлеца.

(Борются еще нѣсколько секундъ; наконецъ Баскакову удастся навести пистолетъ противъ груди. Раздается выстрѣлъ. Валуевъ падаетъ. Подымается со всѣхъ сторонъ лай собакъ. Стучатъ въ двери.) Голосъ въ замочную скважину: Баринъ, отворите-съ.

[**Баскаковъ**]. Зачѣмъ?

[**Голосъ**]. Кто изъ васъ выстрѣлилъ изъ ружья?

[**Баскаковъ**]. Лжешь! здѣсь никто не стрѣлялъ. Лежитъ, протянулся; даже не вздохнулъ, не помолился, ни послѣдней ..... не молвилъ на смертномъ одрѣ своемъ—смерть, отвѣчающая его жизни. Однакожъ онъ жилъ; онъ имѣлъ такія же права жить, какъ и я, какъ и всякій другой. Онъ былъ гнусенъ, но былъ человѣкъ. А человѣкъ развѣ имѣетъ право судить человѣка? Развѣ кромѣ меня нѣтъ Высшаго Суда? Развѣ я былъ назначенъ его палачемъ? Убійство! Честный ли человѣкъ онъ былъ, подлецъ ли, но я все-таки убійца. Убійца не имѣетъ права жить на свѣтѣ. *(Застрѣливается).*

(Слышенъ собачій лай. Выламываютъ двери. Входитъ станціонный смотритель и ямщики).

Станціонный смотритель. Вишь, дуэль была.

Ямщикъ *(разсматриваетъ тѣла)*. Еще этотъ хрипитъ, а тотъ уже давно душу выпустилъ.

Станціонный смотритель. Что-жъ тутъ долго...? Возьми-ка, Гришка, гнѣдого коня да ступай верхомъ за капитаномъ-исправникомъ.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ V.

Комната 1-го дѣйствія.

Ольгинъ *(входя)*. Боже, какъ у меня сердце бьется! Я ее опять увижу! (буду говорить съ ней!) *(Входитъ Петръ)*. А, здравствуй, старикъ! Что, я могу видѣть барыню?

[**Петръ**]. Какъ объ васъ прикажете доложить?

[**Ольгинъ**]. Скажи, что управитель—тотъ самый, что ей рекомендованъ. *(Петръ уходитъ)*. Какъ все уединенно! Я едва могу узнать прежнюю комнату. Вѣрно, у ней не принимаютъ никого: даже ворота заперты.

[**Петръ**]. Барыня просила ее немножко подождать; она скоро выйдетъ къ вамъ.

[**Ольгинъ**]. Послушай, старикъ: что, вы всегда живете такъ, какъ теперь? Отчего у васъ заперты ворота? Развѣ никто не заѣзжаетъ къ вамъ?

[**Петръ**]. Вотъ то-то и есть, сударь, что мы живемъ, Богъ знаетъ какъ. Ужъ по-моему иди въ монастырь, коли хочешь такъ жить. Гостей, объявить вамъ вотъ по чистосердечной совѣсти, никого! Какъ добрый нашъ... жилъ съ нами, не такъ было! Что за рѣдкостные люди были, если бы вы знали! Ну, что-жъ будешь дѣлать! Не захотѣли жить вмѣстѣ да полно. А отчего? За дрянь, за пустякъ, чего-то разсердились одинъ на другого. Барыня какъ-то нагрубила барину; ну, не вытерпѣлъ—человѣкъ молодой—и уѣхалъ. А по мнѣ, право, изъ пустяковъ. Вѣдь ужъ извѣстное дѣло—бабы, ну, такъ чего же тутъ? Вотъ, конечно, вамъ лучше примѣрно сказать, моя старуха. Былъ я три года въ отлучкѣ. Пріѣзжаю—навстрѣчу идетъ она, съ радости не знаетъ, что дѣлать, и ребенка ведетъ за руку. „Здравствуй!"—„Здравствуй!"—„А откуда, жена, ребенка взя-

ла?“—„Богъ далъ“ говоритъ.—„Ахъ, ты рожа!—Богъ далъ! Я тебѣ дамъ!“ Ну, отломалъ-таки сильно бока. Что-жъ? Послѣ простилъ все, сталъ попрежнему жить. Что-жъ, вѣдь послѣ оказалось, что я самъ-то вѣдь былъ причиною рожденія ребенка: похожъ на меня, какъ двѣ капли воды; такой же совсѣмъ, какъ я, голубчикъ ты мой! *(Плачетъ)*. Вотъ ужъ два года тебя не знаю, и вѣсти нѣтъ. Что-то ты, мой сердечный? живъ ли ты?

[**Ольгинъ**]. Чѣмъ, однакоже, занимается барыня?

[**Петръ**]. Какъ, чѣмъ занимается? Извѣстно, дѣло женское. Я вамъ скажу, сударь, что дѣла хозяйственныя идутъ у насъ, Богъ знаетъ какъ. Вотъ вы сами увидите. Вы спрóсите, отчего; а Богъ знаетъ отчего? (Это дѣло совсѣмъ не женское). Если бы вы увидѣли, какъ она изволитъ управлять, такъ это курамъ смѣшно. Вообразите, что сама переходитъ по всѣмъ избамъ, и чуть только гдѣ нашла больного, и пошла потѣха: сама (то-есть, я вамъ скажу) натащитъ мазей, тряпокъ, начнетъ перевязывать. Ну, скажите, пожалуйста: боярское ли это дѣло? Какое же послѣ этого будетъ къ ней уваженіе мужиковъ? Нѣтъ, ужъ коли хочешь управлять, то ты сама ужъ сиди на одномъ мѣстѣ; а если что́—пошли приказчика: ужъ это его дѣло; онъ уже обдѣлаетъ, какъ ему слѣдуетъ. Мужика не балуй! Мужика въ ухо! народъ простой, вынесетъ. А этимъ-то и держится порядокъ. При баринѣ не такъ было. Ахъ, если бы вы знали, сударь, что́ это былъ за рѣдкостный человѣкъ! Ну, да и она рѣдкостная барыня. Если хотите, я вамъ покажу комнату барина, хотя барыня никого туда не впускаетъ и запирается сама по нѣсколькимъ часамъ; и что она тамъ...

Писано приблизительно около 1833 г.

ЖЕНИХИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Первообразъ „Женитьбы“.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

Комната.

[ЯВЛЕНІЕ 1-е].

Авдотья Гавриловна *(одна)*.

[**Авдотья Гавриловна**]. Что́ это, Господи Боже мой, долго ли я буду въ дѣвкахъ оставаться? Нѣтъ, да и нѣтъ женіховъ! Вымерли, какъ будто отъ чумы. Бывало прежде, благовоспитанные люди сами отправляются искать невѣстъ, а теперь ищи ихъ! Ей-Богу, никакого уваженія къ женскому полу! Я послала Марѳу Ѳоминишну, не сыщетъ ли хоть на ярманкѣ: былъ бы только дворянинъ да порядочной фамиліи. Да вотъ и ея что-то нѣтъ до сихъ поръ. Ухъ! и страшно, какъ подумаешь: „ну, вотъ пріѣдетъ женихъ“. У меня такъ сердце и бьется! Да ничего, пусть пріѣзжаетъ: не будетъ страшно.

[ЯВЛЕНІЕ 2-е].

[**Авдотья Гавриловна** и **Марѳа Ѳоминишна**].

Марѳа. Здравствуй, свѣтъ мой, Авдотья Гавриловна!

[**Авдотья Гавриловна**]. Ахъ! что́ ты это, мать, куда такъ долго запропастилась?

[**Марѳа**]. Охъ, позволь, матушка, съ духомъ собраться! За твоими порученьями такъ изъѣздилась, такъ изъѣздилась, что и поясница, и бокъ, и все болитъ. Два раза кони били: такіе звѣри! Засѣдатель—обывательскихъ: таратайка моя вся такъ и разсыпалась. Ну, да зато ужъ могу похвастаться: какихъ я тебѣ жениховъ припасла! Вотъ, какъ орѣхи каленые, всѣ на подборъ: одинъ другого лучше. Сегодня, можетъ быть, они и будутъ къ тебѣ. Я нарочно спѣшила тебя предувѣдомить.

[**Авдотья Гавриловна**]. Сегодня! Ухъ!

[**Марѳа**]. И, не пугайся, мать моя. Дѣло житейское: посмотрютъ,—больше ничего; и ты посмотришь ихъ: не понравятся—ну, и уѣдутъ.

[**Авдотья Гавриловна**]. А сколько ихъ, душенька ты моя?

[**Марѳа**]. Да штукъ шесть, кажется, будетъ.

[**Авдотья Гавриловна**]. Ухъ, какъ много!

[**Марѳа**]. Ну, что-жъ? Лучше выбрать можно: одинъ не придется, другой придется.

[**Авдотья Гавриловна**]. Разскажи же, моя голубушка: какіе они?

[**Марѳа**]. А славные, хорошіе такіе всѣ, аккуратные. Напримѣръ, первый—Дорофей Балтазаровичъ Жевакинъ. Такой славный! На флотѣ служилъ, и такой учтивый! Какъ разъ по тебѣ придется. „Мнѣ“, говоритъ, „нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ я не люблю“. А Иванъ-то Петровичъ? То такой помѣщикъ, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый! Какъ закричитъ на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и такая; ты скажи мнѣ напрямикъ: сколько за ней крѣпостного, движимаго, рухляди?“—„Столько-то и столько-то, отецъ“.—„Ты врешь, собачья дочь!“ Да еще, мать моя, влѣпилъ такое словцо, что непристойно тебѣ и сказать. Я такъ вмигъ и спознала: У! да это долженъ быть важный господинъ!

[**Авдотья Гавриловна**]. Ну, а еще кто

[**Мареа**]. Никаноръ Ивановичъ Онучкинъ. Это ужъ деликатесъ! Губы, мать моя, малина, совершенная малина. А самъ такой славный! „Мнѣ“, говоритъ, „нужно не то, чтобы невѣста была такая-то и растакая, а чтобы хороша собой, воспитанная и чтобы по-французски умѣла говорить“. Да, онъ такой! А самъ такой субтильный, ножки узенькія, тоненькія!

[**Авдотья Гавриловна**]. О, нѣтъ, Мареа Ѳоминишна! Знаю я этихъ субтильныхъ. Нѣтъ, ты подавай мнѣ того, который поплотнѣе.

[**Мареа**]. А если поплотнѣе, такъ Ивана Петровича—ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ нечего сказать, баринъ такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ. Такой славный.

[**Авдотья Гавриловна**]. А сколько лѣтъ ему?

[**Мареа**]. А человѣкъ-то еще молодой: лѣтъ 50, да и 50 еще нѣтъ.

[**Авдотья Гавриловна**]. Еще кто?

[**Мареа**]. Акинфъ Степановичъ Пантелѣевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ: такой скромный и тихій!

[**Авдотья Гавриловна**]. Да онъ выпить, я думаю, гораздъ?

[**Мареа**]. А пьетъ, не прекословлю: пьетъ. Что-жъ дѣлать? пьетъ — на то титулярный совѣтникъ. Зато... такой тихій, какъ шелкъ!

[**Авдотья Гавриловна**]. Нѣтъ, Мареа Ѳоминишна, я не хочу, чтобъ мой мужъ пилъ.

[**Мареа**]. Твоя воля, мать моя. Не хочешь того, возьми другихъ. Впрочемъ, что-жъ, что онъ выпьетъ лишнее? Вѣдь онъ не всю таки недѣлю бываетъ пьянъ: попадается такой день, что совсѣмъ трезвый бываетъ.

[**Авдотья Гавриловна**]. Ѳекла *) Ѳоминишна, посмотри-ка въ окно: что собаки лай-то подняли?

[**Мареа**]. Ахъ, сударыня, да это онъ!

[**Авдотья Гавриловна**]. Кто онъ?

[**Мареа**]. Женихъ—Иванъ Петровичъ Яичница.

[**Авдотья Гавриловна**]. Ахъ, Боже! Вотъ тебѣ на! Я чуть не въ одной рубашкѣ! Слушай, голубушка Ѳекла Савишна, посиди тутъ да не пускай, если станетъ пробираться въ мою комнату. А я наскоро одѣнусь. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

[**Мареа и Яичница**].

Яичница *(входитъ и останавливается у дверей)*. А! а! Ты уже здѣсь. Экъ легка какъ! Стой, стой, не уходи! А что-жъ барышня?

[**Мареа**]. Ушла принарядиться, лучше жениху показаться.

[**Яичница**]. Ну, *(садится въ кресла)* разскажи, старуха: что и какъ?

[**Мареа**]. Что-жъ тебѣ, отецъ мой, разсказывать?

[**Яичница**]. Ну, разскажи про приданое: что именно? — Ты мнѣ сказала, что двадцать душъ рабочихъ. А что же бабъ? Сколько всѣхъ бабъ?

[**Мареа**]. А много, отецъ: штукъ до двадцати пяти.

[**Яичница**]. И все уже взрослыя, или малолѣтнія?

[**Мареа**]. Да всякихъ есть: и великорослыя и малорослыя.

[**Яичница**]. А рухляди-то?

[**Мареа**]. Рухляди-то, я изволила вамъ докладывать: двѣ лисьихъ шубы да заячьихъ, кацавейка горностаевая...

[**Яичница**]. Ну, далѣе!

[**Мареа**]. Перинъ пуховыхъ большихъ четыре да малыхъ двѣ.

[**Яичница**]. Да, можетъ-быть, перьемъ набиты, а не пухомъ?

[**Мареа**]. Нѣтъ, пухомъ, ей-Богу! Съ тѣмъ возьмите, что пухомъ—самый первый сортъ!

[**Яичница**]. Ну, а скотъ и тамъ прочее?

[**Мареа**]. Рогатой скотины штукъ 15, четыре коровы дойныхъ.

[**Яичница**]. Ну, и свиньи есть?

[**Мареа**]. Есть, батюшка, и свиньи: четыре чухонскихъ съ поросятками—такія славныя!

[**Яичница**]. А другія-то хозяйственныя заведенія, какъ напримѣръ: рыбы въ прудахъ... пчелы?

[**Мареа**]. Все есть, батюшка, у насъ. Я вамъ говорю, что останетесь довольны.

[**Яичница**]. Слушай, старуха: Боже тебя сохрани, если ты чего прибавила! Больно поколочу тебя.

[**Мареа**]. Ничего, отецъ, не прибавила; все правда.

[**Яичница**]. Птицы же домашней: куръ, гусей и прочаго?

[**Мареа**]. Сотня, отецъ мой; всего по сотнѣ. Ахти! опять чей-то возокъ дребезжитъ! *(Глядитъ въ окно)*. А, Никаноръ Ивановичъ, здравствуйте! Пожалуйте скорѣе сюда!

[**Яичница**]. Какой тамъ Никаноръ? Постой, я посмотрю. *(Подбѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

[**Тѣ же и Никаноръ Ивановичъ**].

[**Никаноръ Ивановичъ**] *(входитъ, раскланивается)*. Здравствуйте, Ѳекла Ѳоминишна! Какъ поживаете?

*) **Ѳекла** вмѣсто прежняго: **Мареа**. Въ первоначальныхъ наброскахъ Гоголя имена дѣйствующихъ лицъ почти всегда не установлены твердо.

Ѳекла Ѳоминишна *) *(кланяясь)*. Слава Богу! Слава Богу! Живемъ, живемъ. А невѣста пошла принаряжаться, чтобы получше принять васъ.

[**Яичница**]. Позвольте узнать вашъ чинъ и отчество, государь!

[**Никаноръ Ивановичъ**]. Никаноръ Ивановъ сынъ Онучкинъ, отставной поручикъ 24-го егерскаго полка.

[**Яичница**]. Ну, иной и мушкетерскій не уступитъ егерскому. А пріѣхали по своей охотѣ или по надобности?

[**Никаноръ Ивановичъ**]. Нѣтъ, такъ, прогуляться.

[**Яичница**]. Гм!.. вретъ!

[**Никаноръ Ивановичъ**]. А вы позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

[**Яичница**]. Я дворянинъ, помѣщикъ — Иванъ Петровъ Яичница, портупей-юнкеръ въ отставкѣ мушкетерскаго полка.

[**Никаноръ Ивановичъ**]. Имѣете ли надобность, или собственно по пріятности провожденія времени?

[**Яичница**]. Да такъ, пріѣхалъ прогуляться. *(Въ сторону)*. Что, отвѣдалъ? Нѣтъ, голубчикъ, васъ сейчасъ можно узнать: этакъ не наряжаются, какъ ты, для прогулки. Жениться, подлецъ, хочетъ!

[ЯВЛЕНІЕ 5-е].

[**Тѣ же и Авдотья Гавриловна**].

[**Авдотья Гавриловна**]. Извините меня, дорогіе гости, что немного позамѣшкалась.

[**Яичница**], Ничего сударыня. *(Подходя къ ручкѣ)*. Мы слышали, что вы изволили принаряжаться.

[**Авдотья Гавриловна**]. А, это уже Ѳекла изволила провраться! Нѣтъ, только-что подралась съ кухаркою.

[**Яичница**]. О, хозяйка! Я, сударыня, честь имѣю доложить, есть дворянинъ, и помѣщикъ, и юнкеръ въ отставкѣ мушкетерскаго полка—Иванъ Петровичъ Яичница. Лично, будучи подвинутъ добродѣтелями вашего пола, пріѣхалъ изъявить готовность съ своей стороны...

[**Авдотья Гавриловна**]. Милости просимъ.

Яичница]. Вы не смотрите, сударыня, что у меня плѣшь на головѣ: это отъ лихорадки; это вырастетъ, это ничего. *(Въ сторону)*. Не слишкомъ, однакожъ, казиста.

[**Никаноръ Ивановичъ**]. А я, сударыня, Никаноръ Ивановъ Онучкинъ, отставной поручикъ 42 егерскаго полка. *(Въ сторону)*. Что-то, однакожъ, есть... такое... не то...

*) То-есть сваха—Марѳа.

[**Яичница**]. Впрочемъ, сударыня, что мушкетерскій, что егерскій — это совершенно все равно.

[**Авдотья Гавриловна**]. Не прогнѣвайтесь, почтенные гости, если не по чинамъ угощу. Если бы я знала о вашемъ пріѣздѣ, я бы приготовила рыбій соусъ или хоть бараній бокъ съ кашею, но вмѣсто того за столомъ будетъ только щи да кулебяка, да грибы жареные, да дроченое. Право, мнѣ ужъ и совѣстно.

[**Яичница**]. Ничего, сударыня, не безпокойтесь: всѣмъ будемъ довольны.

[**Онучкинъ**]. Ничего.

[**Яичница**]. Вы благое дѣло вздумали, сударыня, что рѣшились упрочить судьбу свою. И подлинно, если разсудить хорошенько, то состояніе дѣвичье есть самое непріятное. Жена безъ мужа— все телѣга безъ колесъ: ѣздить безъ колесъ, какъ вамъ извѣстно, никакъ нельзя. Да и самое положеніе ея притомъ: всякій можетъ обидѣть, всякій можетъ обидѣть.

[**Онучкинъ**]. Да, совершенно безъ всякой защиты.

[**Яичница**]. А мужа непремѣнно должно имѣть: это, сударыня, законъ велитъ.

[**Онучкинъ**]. Притомъ въ супружескомъ состояніи столько удовольствій, пріятнаго препровожденія времени съ женою образованною, утонченною...

[**Яичница**]. Да, сударыня *(подпору вамъ непремѣнно нужно имѣть)* *). Только нужно выбирать супруга степеннаго, дебелаго, опору твердую, а этакихъ не смотрите—худощавенькихъ и длинныхъ: такой сейчасъ переломится.

[**Онучкинъ**]. Мужъ долженъ [быть] образованный.

[**Яичница**]. Да, да, образованный и потолще собою.

[**Онучкинъ**]. Утонченный...

[**Яичница**]. Да, утонченный и собою поплотнѣе.

[**Онучкинъ**]. Который былъ бы любезенъ въ обществѣ и въ пріятномъ обращеніи.

[**Яичница**]. Да, въ обращеніи и въ обществѣ... и чтобы притомъ имѣлъ солидность и достаточную толщину...

Ѳекла. Сударыня, еще ѣдетъ одинъ!

[**Авдотья Гавриловна**]. Вотъ тебѣ на! Ахъ, Боже мой! *(Бѣжитъ)*.

[**Яичница**]. Куда вы, сударыня?

[**Авдотья Гавриловна**]. Нужно, очень нужно. *(Уходитъ)*.

---

*) Слова, поставленныя нами въ косыхъ скобкахъ ( ), были впослѣдствіи зачеркнуты.

[ЯВЛЕНІЕ 6-е.]

[Яичница и Онучкинъ].

[Онучкинъ]. Невѣста, впрочемъ, довольно развязная, носъ только очень длиненъ.

[Яичница]. Ну, нельзя сказать, чтобы очень... Нѣтъ, хорошая, красавица.

[Онучкинъ]. Не то, совсѣмъ не то.

[Яичница]. А что-жъ такое!

[Онучкинъ]. Вотъ, позвольте, я вамъ покажу. Брови должны быть у хорошей красавицы узенькія *(проводитъ пальцемъ по его бровямъ)*, дугою, и тутъ, между ними, немножко, самый небольшой промежутокъ...

[Яичница]. *(стоитъ и мигаетъ глазами)*. Да, я съ вами согласенъ: у ней и носъ-то не такъ казистъ. Однако... впрочемъ.

[Онучкинъ]. Произношеніе у ней... ужъ, нѣтъ... не то... совсѣмъ не то...

[Яичница]. Произношеніе у ней хорошее: она выговариваетъ довольно твердо.

[Онучкинъ]. Ну... совершенно не то... не то... Я тотчасъ узналъ: она не знаетъ по-французски...

[Яичница]. По-французски? А чортъ ли въ этомъ, что знаетъ по-французски?

[Онучкинъ]. Нѣтъ, хорошо воспитанная жена должна знать непремѣнно по-французски.

[Яичница]. Нѣтъ, я не возьму этого въ толкъ. Что вы знаете по-французски, такъ и жена ваша должна знать по-французски?

[Онучкинъ]. Что́ вы говорите: я знаю по-французски! Меня несчастная судьба не допустила воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ скотина, мерзавецъ: онъ не подумалъ объ томъ, чтобы меня выучить французскому. Я былъ тогда ребенокъ—меня бы легко можно было выучить: стóило бы только разъ по пяти на день, а, можетъ-быть, и того даже меньше, посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы все зналъ...

[Яичница]. Ну, да теперь же вѣдь вамъ уже нельзя разговаривать по-французски?

[Онучкинъ]. Да, я согласенъ. Но жена—другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно говорила по-французски, а безъ того уже у ней ни то *(показываетъ рукою)*... ни это... ужъ все не то.

[Яичница]. Позвольте, я съ вами не могу согласиться. *(Про себя)*. Да, впрочемъ, чего я спорю? Вѣдь для меня же лучше, что она не нравится. *(Вслухъ)*. Вы правду говорите.

[Онучкинъ]. Ну, и красота ея — не то, совсѣмъ не то.

[Яичница]. Кой чортъ красота! У ней носъ, я вамъ говорю, въ три аршина. Этакая машинища! За это, впрочемъ, я таки поколочу старуху: она, вѣдьма, мнѣ объ этомъ ни слова не сказала. Но оставимъ красоту въ сторонѣ. Вы посмотрите-ка на приданое: вѣдь двадцать душъ! Да вѣдь какихъ! Это не то, что одинъ трехлѣтній, другой беззубый. Нѣтъ, милостивый государь! Двадцать душъ однихъ рабочихъ, — рабочихъ годныхъ хоть куда! *(Въ сторону)*. Да съ чего это, однакожъ, я ему сдуру разсказываю? Это, пожалуй, онъ, выслушавши, да и женится. *(Вслухъ)*. Между ними, однакоже, много калѣкъ; а если разсмотрѣть хорошенько, такъ и всѣ почти калѣки: или слѣпые, или кривые и подобная дрянь. *(Въ сторону)*. Да, дрянь! Нѣтъ, не дрянь!

[Θекла] *(проходя театръ)*. Что́, батюшки, Еліазара Еліазаровича не было?

[Иванъ етровичъ]. Стой, стой, старуха!

[Θекла]. Чего изволишь, мой родимый?

[Яичница]. Что́ ты, старуха, — ... тебѣ въ горло,—не сказала мнѣ прежде, что у невѣсты носъ въ сажень длиною?

[Θекла]. Ахъ, перекрестись, отецъ мой! Какую ты околесину несешь...

[Онучкинъ]. Да вы и мнѣ изволили сказать, Θекла Θоминишна, что невѣста знаетъ по-французски, а между тѣмъ, сколько я могу судить, кажется, что нѣтъ.

[Θекла]. Знаетъ, родимый, и по-нѣмецкому, и по-всякому: какіе хочешь манеры—все знаетъ.

[ЯВЛЕНІЕ 7-е].

[Тѣ же и Жевакинъ].

Жевакинъ *(входитъ)*. А, здравствуй, Θекла Θоминишна! Какъ поживаешь? Здорова-ли, а? Пожалуйста, душенька, почисть меня немножко вотъ здѣсь. Я сидѣлъ на телѣгѣ, ковра-то не было, такъ, я думаю, сѣнца-то довольно ко мнѣ пристало. Вонъ тамъ, пожалуйста, сними пушинку, *(поворачивается)* вотъ здѣсь! Такъ. Спасибо, душенька! Вотъ еще посмотри сзади: тамъ, кажется, немножко... а? Нѣтъ? Ну, ничего. По воротнику вонъ, кажется, какъ будто паукъ лазитъ? А на подборахъ-то сзади нѣтъ ли грязи? Спасибо, родимая! Пожалуйста, еще посмотри хорошенько. *(Гладитъ рукавъ фрака)*. Суконцо-то вѣдь аглицкое. Я купилъ его въ Сициліи, когда была наша эскадра. Вѣдь каково носится! Въ 97-мъ году я, будучи мичманомъ, сшилъ съ него мундиръ; въ 1801-мъ, въ блаженное царствованіе Павла Петровича, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ, и сукно было совсѣмъ новехонькое; въ 814-мъ году сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немножко протерлось; въ 815-мъ вышелъ въ отставку, передѣлалъ изъ него фракъ, и вотъ скоро десять лѣтъ ношу — и почти что новый. Благодарю, душенька... мм! раскрасоточка! *(Дѣлаетъ ручку. Осматривается, подходитъ*

къ зеркалу, оправляется, выдвигаетъ воротнички къ манишкѣ, ерошитъ волосы рукою, съ гримасами посматриваетъ на одного, потомъ на другого).

[**Онучкинъ**]. Скажите, пожалуйста: вы изволили упомянуть о Сицилиіи. Хорошая эта земля — Сицилія?

[**Жевакинъ**]. А прекрасная. Мы 34 дня тамъ пробыли. Видъ прекрасный. Это все, вообразите себѣ, вокругъ это все такія горы; внизу вездѣ такіе домики; тутъ этакъ деревцо или кипарисное, или гранатное, или другое какое-нибудь. И тутъ этакія итальяночки, такіе розанчики—такъ вотъ и хочется сорвать поцѣлуй.

[**Онучкинъ**]. И образованныя?

[**Жевакинъ**]. Отличнѣйше образованныя. Бывало, такъ идешь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ: этакъ здѣсь эполеты, мундиръ тамъ, золотое шитье, и этакія красоточки черномазенькія... У нихъ вѣдь у домиковъ балкончики и крыши, вотъ какъ полъ — совершенно плоскія. Такъ это бывало тамъ сидитъ какой-нибудь розанчикъ... ну... чтобы не ударить лицомъ въ грязь, ну, раскланяешься, и она этакъ *(кланяется и размахиваетъ рукою)*. Ну, натурально, этакъ одѣта: здѣсь у ней тафтица, тамъ прочія дамскія украшенія, шнуровочка... такъ это все...

[**Онучкинъ**]. А языкъ-то? На какомъ языкѣ онѣ говорятъ?

[**Жевакинъ**]. Языкъ? Ну, языкъ, разумѣется, французскій.

[**Онучкинъ**]. И барышни всѣ по-французски говорятъ?

[**Жевакинъ**]. Всѣ, безъ исключенія. Вы, можетъ-быть, не повѣрите тому, что́ я вамъ скажу: но вотъ я готовъ сей же часъ клясться, чѣмъ угодно: мы жили 34 дня и во всѣ тридцать четыре дня ни одного слова не слышалъ отъ нихъ по-русски.

[**Онучкинъ**]. Что́ вы говорите?

[**Жевакинъ**]. Я васъ увѣряю серьезно. Да чего! Ужъ я не говорю о дворянахъ и о прочихъ синьорахъ или ихъ офицерахъ; но возьмите нарочно простого тамошняго мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь — попробуйте, ему скажите: „Дай, братецъ, хлѣба!“ не пойметъ, ей-Богу, не пойметъ! А нужно для этого непремѣнно сказать ему по-французски.

[**Яичница**]. А позвольте узнать... вотъ вы упомянули про мужиковъ тамошнихъ... что́, тамошніе мужики такъ же, какъ и наши, землю пашутъ и па оброкѣ состоятъ, или нѣтъ?

[**Жевакинъ**]. Не могу вамъ сказать—не замѣтилъ; пашутъ или нѣтъ, не знаю. Но насчетъ нюханья табаку, я вамъ скажу, что не только нюхаютъ, но даже и за губу кладутъ, такъ, какъ и моряки. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и этакъ гондолы. Ну, тутъ, натурально, ѣдетъ этакъ итальяночка, такой розанчикъ и такъ одѣта: тутъ на ней этакая манишечка. Съ нами были и англичане—ну, народъ такой же... *), какъ и наши моряки. И сначала, точно, было очень странно; ну, не понимаешь другъ друга! Послѣ того, этакъ какъ хорошенько обзнакомились, такъ и начали совершенно свободно понимать другъ друга. Покажешь этакъ на бутылку или стаканъ, ну, тотчасъ и знаетъ, что это значитъ—выпить. Приставишь этакъ кулакъ ко рту и сдѣлаешь губами: „пафъ, пафъ“, значитъ — хочешь трубку выкурить. Я вамъ скажу, что сначала казалось трудно, а потомъ — языкъ легкій. Даже матросы наши впослѣдствіи такъ выучились по-французски, что, бывало, только дастъ бутылку да скажетъ... *) тотчасъ его понимаютъ. А, гм! это сама невѣста.

[ЯВЛЕНІЕ 8-е].

[**Тѣ же и Авдотья Гавриловна**]

[**Авдотья Андреевна**]. **) *(входитъ)*.

[**Жевакинъ**]. Сударыня, я почелъ за долгъ лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Тѣмъ болѣе для меня пріятно, что вы очень обожаемая особа. Вы имѣете, сударыня, такую свѣжесть румянца, такой розанчикъ... что я, такъ сказать, приношу вамъ мое сердце...

[**Авдотья Гавриловна**]. Мнѣ очень пріятно видѣть такого пріятнаго гостя. Я извиняюсь только, что полъ не вымытъ: Фетинья-дѣвка, перелѣзая черезъ плетень, перекувыркнулась...

[**Феклa**]. Сударыня, сударыня! *(Шопотомъ)*. Еще одни пріѣхали.

[**Авдотья Гавриловна**]. Ахъ, Боже мой! пойти заказать хоть вотрушки.

[**Жевакинъ**]. Что́ вы, сударыня?

[**Авдотья Гавриловна**]. Нужда, большая нужда. *(Уходитъ)*.

[ЯВЛЕНІЕ 9-е].

Яичница, Онучкинъ и Жевакинъ.

[**Яичница**] *(ударивъ по плечу Жевакина)*. Любезнѣйшій! кажется, изъ одного горшка хотимъ щи хлебать?

[**Жевакинъ**]. Какъ изъ одного?

[**Яичница**]. То-есть, вы, какъ я замѣчаю, подъѣзжаете къ хозяйкѣ дома.

---

*) Одно слово не разобрано.

*) Одно слово не разобрано.

**) Такъ въ рукописи, вмѣсто прежняго: Авдотья Гавриловна.

[Жевакинъ]. А, признаюсь, она мнѣ очень нравится. Этакой розанчикъ, букетецъ въ устахъ, и здѣсь на груди этакъ платочекъ, и тутъ обыкновенно такіе дамскіе уборы. Это все очень хорошо, я это люблю.

[Яичница]. И вамъ нужда еще лѣзть туда же! Да посмотрите на себя, какая у васъ гнусная фигура! Право, наводитъ уныніе.

[Жевакинъ] *(поворачивается)*. Нѣтъ, фигура хороша.

[Яичница]. Можно ли, чтобы у морского офицера была хорошая фигура?

[Жевакинъ]. *(вытягивается)*. Какъ такъ?

[Яичница]. Да конечно; это всякому извѣстно.

[Жевакинъ]. Что́ такое извѣстно?

[Яичница]. Вотъ новости! Извѣстно, что́ такое морякъ: старый кочанъ капусты.

[Жевакинъ]. Позвольте. Мнѣ, можетъ-быть, такъ послышалось? Мнѣ кажется, какъ будто вы употребляете неприличныя выраженія?

[Яичница]. Какія выраженія? Просто, старый, трухлый, никуда не годящійся кочанъ, который выбрасываютъ въ помойную яму.

[Жевакинъ] *(вытягиваетъ лицо еще длиннѣе прежняго, ерошитъ на головѣ волоса, кривляется и дергаетъ плечами)*. Позвольте: честь моя обижена въ лицѣ всего морского общества—я вамъ предлагаю дуэль.

[Яичница]. Я не прочь отъ дуэли.

[Жевакинъ]. Я, по обычаю моряковъ, держусь обыкновенія драться на кортикахъ.

[Яичница]. Нѣтъ, я не хочу: кортиками только лягушекъ колятъ.

[Жевакинъ] *(вытягиваетъ лицо)*. Такъ на чемъ же?

[Яичница]. Я дерусь на кулаки *(засучиваетъ руки)*.

[Жевакинъ]. Нѣтъ, я на такой дуэль не соглашаюсь. *(Онучкину)*. Я къ вамъ обращаюсь, милостивый государь: вы видѣли?

[Онучкинъ]. Я съ своей стороны не могу точно опредѣлить, потому что въ 42-мъ егерскомъ полку, къ несчастью, въ бытность мою, мнѣ не удавалось видѣть ни одного дуэля. Но образованность и утонченное обращеніе требуетъ—на благородномъ оружіи; на кулаки же неприлично въ высшемъ обществѣ. Человѣкъ, который знаетъ по-французски, уже не пойдетъ на кулаки, нѣтъ!

[Яичница]. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до какихъ обществъ. Я давно былъ въ военной-то и меня выгоняли два раза только въ полкъ во время смотру, да притомъ оружіе Богъ знаетъ гдѣ еще искать, а кулаки всегда при себѣ.

[ЯВЛЕНІЕ 10-е].

Тѣ же и Пантелѣевъ *(раскланивается со всѣми)*.

[Жевакинъ]. Вотъ я къ вамъ, сударь, обращаюсь. *(Пантелѣевъ наклоняетъ голову слушаетъ)*. Вы лицо стороннее; по крайней мѣрѣ, я васъ въ первый разъ вижу. Я получилъ смертельную обиду, то-есть, которую признаетъ всякій офицеръ...

[Яичница]. *(отворачиваетъ въ сторону Пантелѣева)*. Послушайте: все пустяки. Я не понесъ никакой обиды; назвалъ только именемъ какимъ слѣдуетъ.

[Жевакинъ] *(схватываетъ Пантелѣева за руку на свою сторону)*. Я спрашиваю васъ — скажите по совѣсти, вотъ такъ, какъ передъ Богомъ: похожъ морской офицеръ на тюленя?

[Яичница]. Вотъ большая важность — морской офицеръ! Что-жъ тутъ за невидаль? Есть на что глядѣть! Не только на тюленя, просто на протухлый кочанъ капусты.

[Жевакинъ]. Га! А!.., Кочанъ капусты! А! Лейтенантъ на кочанъ капусты. *(Дергаетъ за руку, позабывшись, Пантелѣева)*. Я спрашиваю васъ, сударь: развѣ такъ можно снесть?

[Яичница] *(схватываетъ за другую руку)*. Чортъ возьми! я говорю это прямо и плюю на всѣхъ моряковъ и на ихъ честь.

[Жевакинъ]. Пустите! *(дергая со всѣхъ силъ за руку)*. Чортъ возьми! вы видите, сударь, лейтенантъ.....*) старымъ кочаномъ капусты. Я не снесу этой обиды.

[Яичница] *(дергаетъ)*. Я согласенъ на кулаки. И въ самомъ дѣлѣ меня беретъ задоръ.... Я не хочу ни на чемъ, кромѣ кулаковъ.

[Жевакинъ] *(дергая руку Пантелѣева къ себѣ)*. Я не снесу этого.

[Яичница] *(дергаетъ Жевакина)*. Я не хочу никакихъ другихъ инструментовъ.

[ЯВЛЕНІЕ 11-е].

[**Тѣ же и Авдотья Гавриловна**].

[Жевакинъ] *(оправляется и подходитъ)*. Позвольте узнать, сударыня: мое исканіе не будетъ противно вамъ? Смѣю ли льстить себя пріятною надеждою, что любовь удостоится быть принятою вами?

[Яичница]. Э! Да онъ уже лѣзетъ прямо.

[Авдотья Гавриловна]. Напротивъ, мнѣ весьма пріятно.

[Яичница] *(слегка отталкивая его)* Сударыня, я предлагаю вамъ свою любовь и руку: угодно ли принять ихъ?

---

*) Не разобрано одно слово.

[**Авдотья Гавриловна**]. Мнѣ весьма пріятно.

[**Жевакинъ**] *(въ сторону)*. Ну, дѣло хорошо.

[**Онучкинъ**]. Я съ своей стороны никакъ не смѣю льстить себя надеждою, чтобы мои исканія удостоились....

[**Авдотья Гавриловна**]. Напротивъ, мнѣ очень пріятно...

[**Пантелѣевъ**]. Я, сударыня, отъ сего генваря 3-го [ищу] вашей ру....ру....ру....ки....и....се....е....рдца...

[**Авдотья Гавриловна**]. Мнѣ очень пріятно отвѣчать вашимъ исканіямъ.

[**Яичница**]. Да который же изъ насъ всѣхъ пріятнѣе? Сударыня, этакъ нельзя. Вѣдь насъ четыре человѣка: нужно вамъ объявить, кого лучше любите.

[**Авдотья Гавриловна**]. Вы мнѣ всѣ очень нравитесь, и я васъ всѣхъ люблю.

[**Яичница**]. Да вѣдь это совсѣмъ не то. Что-жъ, если мы всѣ четверо женимся на васъ? Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое выйдетъ!

[**Жевакинъ**]. Да, сударыня, вы просто объявите, кому изъ насъ, такъ сказать, ваше сердце, ваши.... *(Не разобрано одно слово)* болѣе относится..... Кто такова эта счастливая особа, кому достанется вашъ... *(Не разобрано одно слово)* всѣ украшенія достанутся?

[**Яичница**] *(въ сторону)*. Онъ какъ разъ влѣзетъ ей въ душу. *(Вслухъ)*. Просто скажите: кого выбираете вы?

[**Авдотья Гавриловна**]. Вы всѣ очень хорошіе молодые люди и мнѣ весьма нравитесь.

[**Яичница**]. Но кого же вы предпочитаете прочимъ?...

Писано въ 1833 г.

АЛЬФРЕДЪ.

НАЧАЛО ТРАГЕДІИ ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРІИ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Народъ *толпится по набережной.*

Одинъ изъ народа. Ай, что ты такъ тѣснишь! Пустите хоть душу на покаянье!

Другой изъ народа. Да посторонитесь, ради Бога!

Голосъ третій. Эхъ, какъ продирается! Чего тебѣ? Ну, море, вода — больше ничего. Что, не видѣлъ (развѣ) никогда? Думаешь, такъ прямо и увидишь короля?

[**Туркилъ**]. Ну, теперь, какъ Богъ дастъ, авось будетъ лучшее время, когда пріѣдетъ король. Вотъ не прогонитъ ли собакъ датчанъ?

[**Другой**]. Ты откудова, братъ?

[**Туркилъ**]. Изъ графства Гертингаль, Томсъ Туркилъ, сеорлъ.

[**Другой**]. Не знаю.

[**Туркилъ**]. Бѣжалъ изъ Колдингама.

[**Другой**]. Знаю — гдѣ монахинь сожгли. Ахъ, страхъ тамъ какой! Такого нехристіанства и отъ жидовъ, что́ распяли Христа, не было.

Женщина изъ толпы. А что тамъ было?

[**Другой**]. А вотъ что́. Когда узнали монахини, что уже подступаетъ Игваръ съ датчанами, которые, тетка, такой народъ, что не спустятъ ни одной женщинѣ, будь хоть немного смазлива... дѣло женское... ну, понимаешь... такъ игуменья,— вотъ святая, такъ, точно, святая, — уговорила всѣхъ монахинь и сама первая изрѣзала себѣ все лицо; да, изуродовала совсѣмъ себя. И какъ увидѣли эти звѣри — нѣтъ хорошихъ лицъ, то его не оставили, а пережгли огнемъ всѣхъ монахинь.

Голосъ. Боже ты мой!

Голосъ въ толпѣ. Эхъ, англосаксы!

Другой. Сильный народъ, проклятый! конечно, нечистая сила.

[**Третій**]. Что, какъ въ вашемъ графствѣ?

[**Первый**]. Что, въ нашемъ графствѣ! Вотъ я другой мѣсяцъ обѣдни не слушалъ.

[**Третій**] Какъ?

[**Первый**]. Всѣ церкви пусты, епископа со свѣчой не сыщешь.

[**Другой**]. Отъ датчанъ дурно, а отъ нашихъ еще хуже. Всякій такъ подличаетъ съ датчанином, чтобы больше земли притянуть къ себѣ. А если какой-нибудь сеорлъ, чтобы убѣжать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся въ покровительство тану, думая, что если платить повинности, то ужъ лучше своему, чѣмъ чужому, — еще хуже: такъ закабалять его, что и бретонъ такого рабства не знаетъ.

[**Третій**]. Ну, наконецъ, мы пріободримся немного. Теперь у насъ, говорятъ, будетъ такой король, какъ и не бывало, — мудрый, какъ въ писаніи Давидъ.

[**Третій**]. Отчего-жъ онъ не здѣсь, а за моремъ?

[**Другой**]. А гдѣ это — за моремъ?

[**Первый**]. Въ городѣ, въ Римѣ.

[**Третій**]. Зачѣмъ же тамъ онъ?

[**Первый**]. Тамъ онъ обучался, потому что ученый городъ, и выучился, говорятъ, (онъ тамъ) всему, всему, что́ ни есть на свѣтѣ.

Другой голосъ. Какой городъ, ты сказалъ?

[**Первый**]. Римъ.

[**Другой**]. Не знаю!

[**Первый**]. Рима не знаешь? Ну, уменъ ты!

[**Третій**]. Да что это Римъ? Тамъ, гдѣ святѣйшій живетъ?

Первый. Ну, да. Пресвятая Дѣва! если бы мнѣ

довелось побывать когда-нибудь въ Римѣ! Говорятъ, городъ больше всей Англіи и дома изъ чистаго золота.

Другой. Мнѣ не такъ Римъ, какъ бы хотѣлось увидѣть папу. Вѣдь посуди ты: выше ужъ нѣтъ никого на свѣтѣ, какъ папа. И епископъ, и самъ король ниже папы. Такой святой, что, какіе ни есть грѣхи, то можетъ отпустить.

[**Первый**]. Вонъ, слышишь ли? кто-то говоритъ, что видѣлъ папу.

Голосъ народа *на другой сторонѣ.* Ты видѣлъ папу?

Брифрикъ *(изъ толпы).* Видѣлъ.

[**Голоса народа**]. Гдѣ-жъ ты его видѣлъ?

[**Брифрикъ**]. Въ самомъ Римѣ.

[**Голоса народа**], Ну, какъ же? Что онъ? Какой? *(Народъ сталкивается въ ту сторону).*

Голоса. Да пустите! Ну, чего вы лѣзете? Не слышали разсказовъ глупыхъ?

Брифрикъ. Я разскажу по порядку, какъ я его видѣлъ. Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мнѣ всего только половину dynes земли. Такъ я сказалъ себѣ: „Зачѣмъ тебѣ, Брифрикъ, сынъ Квикельма, обработывать землю, когда ты можешь оружіемъ добиться чести?“ Сказавши это себѣ, я поѣхалъ кораблемъ къ французскому королю. А французскій король набиралъ себѣ дружину изъ людей самыхъ сильныхъ, чтобъ охраняли его въ случаѣ сраженія, или когда выѣдетъ куда, то и они бы выѣзжали, чтобы, если посмотрѣть, такъ хорошій видъ былъ. Когда я попросился, меня приняли. Славный народъ! Латы лучше не во сто мѣръ нашихъ. Кольчуги такія-жъ, какъ и у насъ, только не всѣ желѣзныя: въ одномъ мѣстѣ — смотришь — рядъ колецъ мѣдныхъ, а въ другомъ есть и серебряныя. Мечъ при каждомъ, стрѣлъ нѣтъ, только копья. Топоръ больше чѣмъ въ полпуда, — о, куда больше! А желѣзо такое... фи! то, что́ у стараго Вульфинга на бердышѣ, ни къ чорту не годится?

Вульфингъ *(изъ толпы).* Знай себя!

[**Брифрикъ**]. Вотъ мы отправились съ французскимъ королемъ въ Римъ, чтобъ папѣ почтеніе отдать. Городъ такой, что никакъ нельзя разсказать; а дома и храмы Божіи не такъ какъ у насъ строятся, что крыши вострыя, какъ копье, а вотъ круглыя совсѣмъ такъ, какъ бы натянутый лукъ, и шпицовъ совсѣмъ нѣтъ. А столбы вездѣ, и такъ много и рѣзьбы, и золота... великолѣпіе такое — такъ и ослѣпило глаза. Да, теперь насчетъ папы скажу. Въ одинъ вечеръ пришелъ товарищъ мой, нѣмецъ Арнуль, славный воинъ... перстней у него и золотыхъ крестовъ, добытыхъ на войнѣ, куча, и на гитарѣ такъ славно играетъ... „Хочешь“, говоритъ, „видѣть папу?“ — „Ну, хочу“. — „Такъ смотри же, завтра я приду къ тебѣ пораньше. Будетъ самъ папа служить“. Пошли мы съ Арнулемъ. Народу по улицамъ — Боже ты мой! Больше, чѣмъ здѣсь. Римлянки и римляне въ такихъ нарядахъ — такъ и ослѣпило глаза. Мы протолкались на лучшее мѣсто, но и тамъ, если бы я немножко былъ ниже, то ничего бы не увидѣлъ за народомъ. Прежде всѣхъ пошли мальчишки лѣтъ десяти, со свѣчами, въ вышитыхъ золотомъ (платьяхъ), и какъ вышли они — такъ и ослѣпили глаза. (А ходъ-то весь) для всѣхъ былъ выстланъ краснымъ сукномъ, краснымъ, краснымъ, вотъ какъ кровь... Ей-Богу, такое красное сукно, какого я и не видалъ. Если-бъ изъ этого сукна да мнѣ верхнюю мантію, то вотъ, говорю вамъ передъ всѣми, что не только бы свой новый шлемъ, что́ съ каменьемъ и позолотою, который вы знаете, но если бы прибавить къ этому ту сбрую, которую промѣнялъ Кеифусъ рыжій за гнѣдого коня, да бердышъ и рукавицы стараго Вульфинга и еще коня въ придачу — ей-Богу, отдалъ бы за эту мантію! Красная, красная, какъ огонь.

Голосъ въ народѣ. Чортъ знаетъ что! Ты разсказывай о папѣ, а какая нужда до твоихъ мантій!

Вульфингъ *(изъ толпы).* Хвастунъ! расхвастался!

Брифрикъ. Сейчасъ. Вотъ, вслѣдъ за ребятами пошли тѣ — какъ ихъ? Они съ одной стороны сдаютъ на епископовъ, только не епископы, а такъ, какъ наши таны, или бароны въ рясахъ, имя не помню, шепелявое какое-то имя, — то эти всѣ таны, или епископы, какъ вышли, такъ и ослѣнили глаза. А какъ показался самъ папа, то такой блескъ пошелъ — такъ и ослѣпилъ глаза. На епископахъ-то все серебряное, а на папѣ золотое. Гдѣ епископы выступаютъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой; гдѣ епископы стоятъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ зототой.

Голосъ изъ толпы. Бровингъ, корабль! ей-Богу, корабль!

(Всѣ бросаются, Брифрикъ первый, и тѣснятся гуще около набережной).

Голоса въ толпѣ. Да ну, стой, ради Бога!— Задавили! — Да дайте хоть назадъ выбраться.

Голосъ женщины. Ай, ай! косолапый медвѣдь, руку выломилъ! Ой, пропусти! Кто въ Христа вѣруетъ, пропустите!

Брифрикъ *(оборачиваясь).* Чего лѣзешь на плечи? Развѣ я тебѣ лошадь верховая? Гдѣ-жъ король? Гдѣ-жъ корабль? Экая тѣснота!

Голосъ въ народѣ. Да нѣтъ корабля никакого!

[**Голосъ изъ толпы**]. Кто выдумалъ, что король ѣдетъ?

[**Голосъ въ народѣ**]. Да кто же? ты говорилъ!

[**Голосъ изъ толпы**]. И не думалъ.

[**Голоса въ народѣ**]. Да кто-жъ сказалъ, что король? — Джонъ Шпингъ сказалъ, что король ѣдетъ. — Эй, Шпингъ, зачѣмъ ты сказалъ, что король ѣдетъ?

[**Шпингъ**]. Ей-Богу, любезный народъ, совсѣмъ было похоже на корабль!

[**Брифрикъ**]. Впередъ молчи, дуракъ, если не хочешь самъ поплыть.

Старуха *(пробуя впередъ)*. Нашли, чего толпиться! И куда? Вѣдь никого нѣтъ.

[**Брифрикъ**]. А, Кудредъ! Откудова, пріятель?

[**Кудредъ**]. Изъ дому.

[**Брифрикъ**]. Короля видѣть пришелъ?

[**Кудредъ**]. И побольше чѣмъ видѣть.

[**Брифрикъ**]. А что́ еще?

[**Кудредъ**]. Жалобу прямо самому королю.

[**Брифрикъ**]. На кого?

[**Кудредъ**]. На королевскаго гана Этельбальда.

[**Брифрикъ**]. Ты шутишь, братецъ?

[**Кудредъ**]. Нѣтъ. не шучу.

Голоса въ народѣ. Вишь, на Этельбальда жалуется! — Онъ сошелъ съ ума. — Да онъ вѣдь сильнѣе всѣхъ въ королевствѣ. — Войска и богатства у него больше, чѣмъ у короля.

Эгбертъ. Кто несетъ жалобу на Этельбальда, тотъ подай мнѣ руку; хотя ты и простой сеорлъ, а я танъ, но я пожимаю, потому что ты честный человѣкъ. Я тебѣ буду помогать.

Кисса. Эй, другъ, напрасно ты связываешься съ... А я разскажу королю, что ты жидъ, а не христіанинъ, язычникъ скверный, что ты никогда не крестишься. Я знаю, кому ты молишься: у тебя на дому есть деревянный болванъ, ты ему цѣлуешь руки, язычникъ скверный! Тебѣ нужно монастырское покаяніе, если не...

Брифрикъ. За что́-жъ жалуешься?

Кудредъ. За что́? — Этельбалдъ, хоть и королевскихъ тановъ всѣхъ старше, но подлецъ и мошенникъ. Когда датчане ворвались въ Вессексъ и начали грабить, я прибѣгнулъ къ нему, свиньѣ. Думалъ: онъ богачъ и столько имѣетъ земли, что зачѣмъ ему бы обижать меня. Я обѣщался ему, если надобность, первому явиться въ его войскѣ и лошадь привести свою и все вооруженіе мое... А онъ, мошенникъ, какъ только датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ меня въ свои рабы. За что́ я долженъ ему мостить чертовскій мостъ къ его замку и на моихъ двухъ лошадяхъ, самыхъ благородныхъ, возить фашинникъ? А теперь, когда я отлучился по надобности въ графство Гексганъ, онъ взялъ мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше двухъ гидесъ, и отдалъ въ ленъ какому-то; а мнѣ отдалъ двадцать шаговъ песчанику за кладбищемъ. „Вотъ тебѣ“, говоритъ, „земля!“ Да развѣ я, старый плутъ, рабъ твой? Я вольный, я сеорлъ. Я, если-бъ только захотѣлъ, прикупилъ еще два hydes земли, да выстроилъ церковь и домъ, — я бы самъ былъ таномъ! Никто, по законамъ англосакскимъ, не можетъ обидѣть и закабалить вольнаго человѣка. Развѣ я сдѣлалъ какое преступленіе?

[**Брифрикъ**]. Да ходилъ ли ты съ жалобою въ нашъ ширгемотъ?

[**Кудредъ**]. Подлецы! всѣ держатъ его сторону.

[**Брифрикъ**]. Ну, да все-таки, какъ же порѣшили?

[**Кудрудъ**]. Вотъ, на тебѣ бумагу, если ты прочтешь.

[**Брифрикъ**]. Что́ ты? Такъ у васъ судьи пишутъ? Слышь, ты, народъ? писанная бумага! У насъ во всемъ ширствѣ, да и [во всемъ] Вестъ-Вессексѣ, ни одинъ ширъ, ни алдерманъ не умѣетъ писать. Вишь ты, какія каракульки! Тутъ гдѣ-нибудь должно быть A B C, я ужъ знаю: меня было начиналъ учить одинъ церковникъ.

Туркилъ *(Вульфингу)*. Я думаю, нѣтъ мудренѣе науки, какъ письмо.

[**Вульфингъ**]. Попы все-таки прочтутъ.

Брифрикъ *(обращаясь къ Киссѣ)*. Высокородный танъ, прочти-ка; ты, вѣрно, знаешь?

Кисса. Поди прочь! я тебѣ не попъ.

Гунтингъ. Давай, я прочту.

Туркилъ. Кто онъ?

Вульфингъ. Не знаю.

Голосъ. Это, видишь, тотъ, что́ былъ школьнымъ учителемъ. Да теперь датчане разорили школу.

[**Гунтингъ**] *читаетъ*. „Да будетъ вѣдомо: Schirgemot Агельмостангъ, въ графствѣ Герефортъ, во время царствованія Этельреда, гдѣ...“

[**Голосъ**]. А, при покойномъ королѣ! Храбрый былъ король, всю жизнь бился съ этими мерзкими датчанами.

[**Гунтингъ**] *(продолжаетъ)*. „...гдѣ засѣдали: Дунстанъ, епископъ, Кеолрикъ, алдерманъ, Варвикъ, его сынъ, и Эсквинъ, сынъ Центвина, и Туркилъ-косоглазый, какъ комиссары короля, засѣдали...“

Вульфингъ. Слышишь, Туркилъ? это ты!

Туркилъ. Развѣ я косоглазый?

[**Гунтингъ**] *(продолжаетъ)* „...въ присутствіи Бринингa, шерифа, Агельварда де-Фрома, Леофина де-Фрома чернаго, Годрига де-Штока и всѣхъ тановъ графства Герефорта, Кудредъ, сынъ Эгвиновъ, представилъ суду противъ высокороднаго графа и тана королевства въ томъ, что якобы онъ, Кудредъ, отъ него, высокороднаго графа Этельбальда...“

Въ народѣ *крикъ и давка*. Пусти, пусти! —

Куда теперь сторониться?—Батюшки, батюшки, тресну! Со всѣхъ сторонъ придавили!

Высокій *(болтаетъ вверху руками)*. Что эти бабы лѣзутъ? Желалъ...

Брифрикъ. Чего народъ лѣзетъ? *(Продирается)*.

[**Кто-то въ толпѣ**]. Да взбѣленился, просто: никого нѣтъ. Какой-то дуракъ опять пронесъ, что корабль показался...

Кричитъ **Кудредъ**. Бумагу, бумагу, бумагу дай!.. Экій трусъ, изорвалъ!

Кисса. Да кто сказалъ, что король ѣдетъ?

[**Голоса**]. Я не говорилъ.—Я не говорилъ.—Опять, вѣрно, Шпингъ.

Шпингъ. Нѣтъ, высокородный танъ, и языкомъ не ворошилъ.

Брифрикъ. Ей-Богу, глупый народъ! Ну, что, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ король?

Вульфингъ. А самъ, небось, первый полѣзъ.

Брифрикъ. Что-жъ? только посмотрѣть.

Одинъ изъ народа. Вотъ таны поѣхали на лошадяхъ. Это, вѣрно, встрѣчать короля.

Рыцарь *на лошади*. Дорогу, дорогу! Народъ, посторонись!

[**Эгбергъ**]. Кому дорогу?

[**Рыцарь**]. Посторонись, говорятъ тебѣ! Дорогу ..... королевскому тану Этельбальду!

Эгбергъ. Отнеси ему эту пощечину. *(Бьетъ его и убиваетъ)*.

Рыцарь *(кричитъ)*. Мы увидимся, проклятый длиннорукій чортъ!

[**Вульфингъ**]. Вонъ поѣхалъ графъ Эдвигъ, Видѣлъ?

[**Туркилъ**]. Видѣлъ. Славное вооруженіе.

[**Вульфингъ**]. Вонъ Этельбальдъ. Гляди, какой около него строй стоитъ: въ толпѣ рыцарей, какъ въ лѣсу. Эхъ, какъ одѣты славно! Какія кирасы, щиты! Ей-Богу, если-бъ хотѣли, побили датчанъ.

[**Туркилъ**]. Отчего-жъ не хотятъ?

[**Вульфингъ**]. А такъ; сами держатъ руку непріятелей.

[**Туркилъ**]. Ну, вотъ!

[**Вульфингъ**]. Почему-жъ не побить! Вѣдь нашихъ впятеро будетъ больше. Если собрать всѣхъ саксоновъ и англовъ, то однихъ всадниковъ будетъ на всю дорогу отъ Лондона до Іорка; а датчанъ всѣхъ-на всѣхъ трехъ тысячъ не будетъ.

[**Туркилъ**]. Э, любезный пріятель мой! какъ твое имя? Вульфингъ?

[**Вульфингъ**]. Вульфингъ.

[**Туркилъ**]. Такъ будемъ пріятелями.

[**Вульфингъ**]. Вотъ тебѣ рука моя.

[**Туркилъ**]. Не говори этого, любезный Вульфингъ: имъ помогаетъ нечистая сила,—тотъ самый сатана, о которомъ читалъ намъ въ церкви священникъ, что искушаетъ людей. Они, братъ, море заговариваютъ: вдругъ изъ бурнаго сдѣлается тихо, какъ ребенокъ; а захотятъ—начнетъ выть, какъ волкъ. Наши всадники давно бы совладали съ ними... Народъ опять стѣснился, да и сами таны махаютъ шапками. Посмотримъ: вѣрно, король, наконецъ ѣдетъ.

Голосъ въ народѣ. Ну, теперь корабль, такъ корабль!

Туркилъ. Опять пошла тѣснота.

Голоса. Корабль съ тремя вѣтрилами!—Зачѣмъ дерешься?—Не лѣзь впередъ!

[**Вульфингъ**]. Вотъ и люди, какъ мухи, стоятъ на палубѣ.

[**Туркилъ**]. А что-жъ не видно короля?

[**Вульфингъ**]. Гдѣ-жъ теперь его увидишь? Людей многое множество. Вонъ что-то блеснуло передъ солнцемъ.

[**Туркилъ**]. Скоро идетъ корабль; видно, что заморской работы: вонъ какъ окошечки блестятъ! У насъ такихъ кораблей нѣтъ!

[**Вульфингъ**]. Это долженъ быть, что блеститъ, танъ.

[**Туркилъ**]. Нѣтъ, вонъ тотъ больше блеститъ. Смотри, какой шлемъ, какое богатое убранство.

[**Вульфингъ**]. Это все тѣ таны, что поѣхали за нимъ въ Римъ съ посольствомъ.

[**Туркилъ**]. Гдѣ-жъ король? Вѣдь король въ коронѣ?

[**Вульфингъ**]. Да еще не короновался.

[**Туркилъ**]. А вонъ снялъ шляпу... Таны машутъ... Виватъ, король!

Весь берегъ кричитъ: Виватъ, король! Здравствуй, король!

Воины вновь машутъ.

[**Туркилъ**]. Здравствуй, король!

Народъ. Здравствуй, король!

Всадникъ на лошади. Разступись, народъ! *(Машетъ алебардой)*.

Народъ пятится. Прижатые кричатъ: Что онъ такъ кричитъ? Кто это?

[**Туркилъ**]. Танъ Кенульфъ, сынъ Эгальдовъ, танъ изъ Мидльсекса, славный воинъ.

(Корабль подходитъ къ самому берегу. За столпившимся народомъ видны только головы).

Альфредъ *(сходя съ корабля)*. Здравствуйте, добрые мои подданные!

[**Народъ**]. Здравствуй, король! Виватъ!

(Король и свита подымаются на лошадяхъ въ народъ).

Народъ. Виватъ, виватъ, король!

Альфредъ. Благодарю, благодарю васъ, мои добрые. Я самъ не менѣе радъ видѣть васъ и отцовскую землю Англосаксію.

Эгбертъ. Слышишь? Англосаксію! Онъ, вѣрно, не знаетъ, что Мерси и Эстъ-Англъ ужъ не наши.

(Король уѣзжаетъ. Таны и народъ съ восклицаніями тянутся за нимъ).

[**Вульфингъ**]. Молодецъ король—видный, рослый, лучше всѣхъ! Какъ онъ славно выступалъ, славно... Я думаю, латы его стóятъ больше, чѣмъ твоя жизнь.

[**Эгбертъ**]. Пойдемъ, посмотримъ.

[**Туркилъ**]. Постой, зачѣмъ же итти? Намъ за ними не угнаться: они на лошадяхъ и во всю рысь поѣдутъ въ Іоркъ.

[**Вульфингъ**]. Отчего же не въ Лондонъ?

[**Туркилъ**]. Видишь, въ Лондонѣ приготовятъ все, какъ слѣдуетъ, а когда приготовятъ, тогда и онъ поѣдетъ.

Эгбертъ *(возвращаясь)*. Нѣтъ, я не хочу быть послѣднимъ. Я такой же танъ. У меня тоже было въ услуженьи 16 тановъ Sith, ситкундменовъ. Правда, я потерялъ много въ войну, у меня еперь нѣтъ этого; но я защищалъ землю нашу. Отчего графъ Эдвигъ, Кенульфъ, не говоря ужъ-о собакѣ Этельбальдѣ, молокососъ сынъ его, рыжебородый Киль, — почему они имѣютъ право провожать короля въ первомъ ряду? Отчего я долженъ слѣдовать еще за двумя танами? Я хотѣлъ было сбить съ сѣдла копьемъ плута Киля, да не хотѣлъ только сдѣлать этого при королѣ.

Кисса. Дьяволъ ему на шею! Я радъ, по крайней мѣрѣ, что король пріѣхалъ. Датчанъ — опять за море, завоюемъ опять Эстъ-Англъ, Мерси и Нортумберландъ также: хоть и разоренная страна, однакоже, есть добрыя земли для скота и для пашенъ.

[**Эгбертъ**]. Мнѣ король понравился — добрый молодецъ! Пойду къ нему прямо и суну ему руку, по древнему саксонскому обычаю. Скажу: „Король, вотъ тебѣ рука! при первой надобности, всегда привожу 14 тебѣ всадниковъ, вооруженныхъ, съ добрыми копями, и самъ пятнадцатый; а надежный ли человѣкъ?—вонъ, гляди, сколько рубцовъ у меня!“ Пойдемъ, Кисса, выпьемъ его здоровье. Эй, Кудредъ! тебѣ обидно на Этельбальда. Будь завтра въ Лондонѣ, спроси тана Эгберта, тана изъ графства Сомерсетскаго. Меня знаютъ.

Кудредъ. Ну, теперь, я думаю, король укротитъ немного тановъ.

[**Вульфингъ**]. Да что-жъ король? Вѣдь король не можетъ сказать тану: „Отдай такую-то землю, я тебѣ приказываю“. Что скажетъ витенагемотъ?

[**Кудредъ**]. Да безпорядковъ, вѣрно, будетъ меньше. Что ни скажетъ, а все будетъ лучше. Но крайней мѣрѣ, можно будетъ по дорогѣ пройти безопасно. Чѣмъ живешь, Вульфингъ?

[**Вульфингъ**]. Одинъ hydes земли держу отъ тана.

[**Кудредъ**]. (Платишь хлѣбомъ?)

[**Вульфингъ**]. Нѣтъ, еще никогда не маралъ рукъ своихъ въ землѣ.

[**Кудредъ**]. Кто-жъ ты?

[**Вульфингъ**]. Пастухъ. Шесть десятковъ овецъ и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если же хочешь, пришлецъ, отдохни у меня. Ты будешь ѣсть сыръ и молоко, какихъ не сыщешь во всемъ Вессексѣ. А завтра раннимъ утромъ мы отправимся въ Лондонъ смотрѣть королевскій праздникъ. Гляди: чего народъ опять смотритъ? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голосъ въ народѣ. Корабль, опять корабль!

[**Вульфингъ**]. Въ самомъ дѣлѣ корабль! Что-жъ это? Вѣрно, тоже королевская свита?

Туркилъ. Вишь, это уже не такой! Мачта и паруса совсѣмъ не такъ сдѣланы. Постой, разсмотрѣть поближе: и народъ какъ будто не такъ одѣтъ.

Одинъ *изъ толпы, всплескивая руками.* Саксонцы! убѣжимъ, убѣжимъ!

Кудредъ. Что такое?

[**Туркилъ**]. Морской король!

[**Кудредъ**]. Нѣтъ, что ты?

Туркилъ. Какъ христіанинъ, не лгу! Развѣ вы не видите, что датскій корабль?

Народъ. Ай, народъ, точно — датчане! Вонъ машутъ, чтобы остались! Да, какъ бы не такъ! Бѣжимъ друзья?

(Всѣ въ безпорядкѣ убѣгаютъ).

(Корабль виденъ у берега. Руальдъ виситъ на мачтѣ).

Голосъ Губбо. Перекидай канатъ.

Руальдъ *(сверху)*. Кормщикъ, бери ниже: тамъ мель.

(Нормандъ плыветъ съ канатомъ въ зубахъ).

Руальдъ. Еще ниже, еще ниже. А, народъ проклятый! весь разбѣжался. Теперь прямо. Нормандъ, хватай крюкомъ.

[**Нормандъ**]. Стой!

Губбо *(выходитъ съ корабля)*. Ну, вотъ мы и въ Англіи. Тащите старшую лодку на берегъ. *(Вытаскиваютъ лодку).*

Губбо. Что, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли намъ Ингвара, или теперь налетѣть и окропить наши доспѣхи алою, какъ вечерняя заря, передъ бурнымъ вечеромъ заря, кровью саксонцевъ, а?

[**Воины**]. Наши копья готовы!

[**Руальдъ**]. Не лучше ли, король мой Губбо, послать провѣдать и узнать о числѣ непріятелей?

[**Губбо**]. Это ты, Руальдъ, говоришь? Тебя, вѣрно, не море пеленало. За эти слова тебя стóитъ вышвырнуть въ море. „Какой храбрый, когда спрашиваетъ о числѣ?“ говорилъ отецъ мой Лодбродъ, побѣдившій на 33 сраженіяхъ.

[**Руальдъ**]. Губбо, сынъ Лодбродовъ! ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вмѣстѣ съ братомъ Гримуальдомъ срамили себя предъ дружиною? Развѣ я когда-нибудь въ жизни грѣлся у очага, или спалъ подъ крышей? Развѣ платье мое на мачтѣ сушилось, а не на мнѣ?

[**Губбо**]. Прости, Руальдъ. Братъ твой Гримуальдъ былъ славный воинъ. Мы лишились, други, храбраго товарища, Великій Оденъ! какая была буря и битва! Вѣтеръ оборвалъ... наши платья, и морскія брызги насъ... Капли сыпались на лицо наше... Клянусь моимъ мечомъ и копьемъ, ничего бы не пожалѣлъ за такую участь! Завидная участь! Теперь Гримуальдъ пируетъ съ легіономъ храбрыхъ; самъ Оденъ наливаетъ ему чашу изъ широкаго черепа и говоритъ ему: „А сколько ты, Гримуальдъ, получилъ ранъ на послѣдней битвѣ?“— „Ранъ 17 и 4“, отвѣчаетъ ему Гримуальдъ, „сильный воинъ“.—„Вотъ тебѣ, Гримуальдъ, безсмертныя лани, съ лоснющеюся, какъ серебро, шерстью! Веселись, храбрый витязь, поражая ихъ далеко достающимъ копьемъ.“—Слушай, Стемидъ, теперь [не] время; но когда будемъ пировать на покрытыхъ пылью саксонскихъ трупахъ и зажжемъ альбіонскіе дубы, ты спой намъ пѣснь о подвигахъ Гримуальда. Знаешь, какую пѣснь?— такую, чтобы въ груди все встрепенулось—отвага, самое бѣшеное веселье, и руки схватились за рукоятки мечей. Но слѣдуетъ теперь сказать вамъ, мои товарищи, что́ мы будемъ дѣлать. Англія— земля хорошая: скота, пажитей и земель въ ней много. Въ Нортумберланд'и и въ Мерси, гдѣ уже поселились соотечественники наши, жители бѣдны; но здѣсь жилища, а болѣе всего церкви очень богаты, и золота въ нихъ много. Каждому достанется на золотую цѣпь. Мечи у англосаксовъ славные; они достаютъ ихъ издалека. Мы можемъ тутъ себѣ выбрать любые мечи и копья, и все вооруженіе. А еще я скажу теперь такое, что́ больше всего нравится, товарищи, и мнѣ, и вамъ: это англосаксонскія дѣвы, бѣлизною лица, какъ раши скандинавскіе снѣга, окропленные алою кровью молодыхъ ланей. Но стойте, товарищи: въ Англіи воиновъ, которые станутъ подъ мечомъ и копьемъ, несмѣтное множество. Только изъ нихъ Оденъ никого не приметъ въ Валгалу къ себѣ, потому что они презрѣнные христіане. Помните и то, что нынѣ будутъ наши соотечественники, и какъ только нападемъ съ одной стороны, они нападутъ съ другой.

[**Одинъ изъ воиновъ**]. Видите ли, какъ тутъ хорошо и тепло? Въ нашей Скандинавіи нѣтъ этого. Тутъ зимы всего только два мѣсяца.

Руальдъ. Я себѣ отвоюю лучшій замокъ во всей Англіи. Девять десятковъ англосаксонскихъ рабовъ будетъ прислуживать мнѣ за чашею пиршества.

[**Одинъ изъ воиновъ**]. Что, конунгъ Губбо, правда ли, что есть гдѣ-то земля еще теплѣе?

[**Губбо**]. Есть.

[**Одинъ изъ воиновъ**]. И что зимы совсѣмъ не бываетъ?

Губбо. Ну, этого нѣтъ, чтобы зимы совсѣмъ не было; зима есть. Нужно, однакожъ, попробовать. Мы съ тобою, Элгадъ, пустимся потомъ далѣе,—скучно долго жить на одномъ мѣстѣ,— чтобы и тамъ, по ту сторону океана, вспоминали насъ въ пѣсняхъ. Клянусь всей моей сбруей, пріѣдемъ оттуда на вызолоченномъ кораблѣ; красная какъ огонь мантія, и вся будетъ убрана дорогими каменьями; шлемъ... крыло на немъ будетъ, какъ вечерняя звѣзда, сіять. Потомъ пріѣду къ первой царевнѣ въ мірѣ, скажу: „Прекрасная царевна, я король, пришелъ, горя любовью къ твоимъ голубымъ очамъ. Его рука поразила сто и сто десятковъ витязей; и пріѣхалъ король Губбо взять тебя этою самою рукой вмѣстѣ съ приданымъ, которое приготовилъ тебѣ престарѣлый отецъ твой“.

[**Воины**]. Виватъ, король Губбо!

[**Губбо**]. Виватъ и вы, товарищи! Теперь идемъ. Вы два, Авлугъ и Ролло, оставайтесь беречь лодки. А мы—никому не спускать и насыщать кровью мечи наши, пока есть!..

Альфредъ *(окруженный танами и графами королевства)*. Благодарю, благодарю васъ, благородные таны, за ваше поздравленіе. Я надѣюсь, что вы окажете, съ своей стороны, мнѣ всякую помощь, разогнать варварство и невѣжество, въ которомъ тяготѣетъ англосакская нація.

Графъ Эдвигъ. Я всегда готовъ. 50 вооруженныхъ всадниковъ всякую минуту можешь требовать, государь.

Графъ Этельбальдъ. Рука моя и моихъ 80 вассаловъ принадлежитъ тебѣ, государь мой.

Сифредъ. Всякое законное требованіе государя готовъ выполнить. 20 конныхъ и 140 пѣшихъ стрѣлковъ!

Клеобальдъ. Въ моей странѣ лошадей мало, но пѣшихъ, сколько могу собрать...

[**Альфредъ**]. Вы ошибаетесь, друзья: не этой помощи я требовалъ отъ васъ, на которую, конечно, имѣю всегда право. Но я разумѣлъ о томъ благодѣтельномъ просвѣщеніи, котораго нѣтъ въ Англіи; я васъ просилъ споспѣшествовать мнѣ

научить англосаксовъ, искоренить грубость нравовъ, которая, какъ старая кора, пристала къ нимъ.

(Таны въ безмолвіи. Нѣкоторые разставляютъ руки, разсуждая, что̀ это значитъ).

Эдвигъ. Какъ же, государь, ты говоришь, что англы и саксы грубы? Да вѣдь они покорили Англію!

Альфредъ. Ну, противъ этого мнѣ ничего не остается говорить. Этотъ, кажется, кромѣ войны и думать ни о чемъ не хочетъ. Видѣлъ ли ты, Эдвигъ, своего сына?

[**Эдвигъ**]. Видѣлъ, государь.

[**Альфредъ**]. Что-жъ, какъ нашелъ его?

[**Эдвигъ**]. Хорошъ малый, да чуть ли къ чернокнижію не пристрастенъ и копьемъ плохо владѣетъ.

[**Альфредъ**]. Нѣтъ, Эдвигъ, ты долженъ благодарить Бога за такого сына. Этотъ день побудь съ нимъ, а завтра пришли ко мнѣ. Мы съ нимъ были друзья во всю бытность въ Римѣ. Давно не видѣлъ я Англіи. Прежнее время свое какъ сквозь сонъ помню. Вѣдь тутъ должны уцѣлѣть еще остатки римскихъ памятниковъ. Существуетъ ли та стѣна, которую выстроилъ императоръ Константинъ въ Лондонѣ, и бани, вы-[строенныя] близъ Іорка римлянами?

[**Эдвигъ**] Не знаю, государь, о какихъ ты римлянахъ говоришь.

[**Альфредъ**]. Римляне—народъ, который завоевалъ Англію и которому были подвластны бритты.

[**Эдвигъ**]. Бритты были, это правда; а римлянъ, государь, никакихъ не было.

[**Альфредъ**]. Ты не знаешь, потому что не читалъ. Римляне были народъ великій: они покорили весь міръ, и въ томъ числѣ бриттовъ.

[**Эдвигъ**]. Воля твоя, король, римляне и живутъ въ Римѣ. Нѣтъ, король, это тебѣ солгали. У насъ есть старики, которые помнятъ, какъ покорили саксы, народъ, котораго храбрѣе еще никого не было,—и тѣ говорятъ, что были здѣсь только бритты.

[**Альфредъ**]. Ну, объ этомъ тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! Я, любезные, хочу слышать отчетъ объ нынѣшнемъ положеніи государства и о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ безъ меня, по кончинѣ брата моего Этельреда. Объ отдыхѣ моемъ не безпокойтесь; отдохнуть я успѣю. Ты, Этельбальдъ, такъ какъ старшій въ государствѣ и первый совѣтникъ въ витенагемотѣ, разскажи мнѣ подробно все.

[**Этельбальдъ**]. Все хорошо, государь; со стороны датчанъ только худо. Впрочемъ, дорога отъ Іорка до Лондона поправлена и была мощена все время; звѣринецъ твой въ исправности; всѣ королевскія твои латы, щиты отцовскіе и добытые покойнымъ братомъ твоимъ Этельредомъ я сохранилъ въ исправности.

[**Эдвигъ**]. Вретъ, старый медвѣдь: лучше копье стянулъ себѣ.

[**Альфредъ**]. Ты, Этельбальдъ, говоришь о моемъ хозяйствѣ. Это дѣло пустое. Я просилъ тебя разсказать, какъ государство, въ какомъ положеніи?

Графъ Эдвигъ. Въ гадкомъ положеніи государство; сеорлы и бретонскіе рабы ничего не выплачиваютъ, поля очень опустошены датчанами; не на что вооружить рыцаря, лошади—мерзость.

[**Альфредъ**]. Зачѣмъ вы позволили датчанамъ взять Мерси и Эстъ-Англію?

[**Эдвигъ**]. Что̀ же дѣлать, король? Покойный король, братъ твой, храбро сражался, да сильнѣе перетянула сила. Они знаются съ дьяволомъ; съ ними изъ моря приходятъ морскія чудовища.

[**Альфредъ**]. Братъ мой Этельредъ сражался, какъ должно славному, доблестному саксонцу; но вы были виною; непокорность вассаловъ была причиною.

Сифредъ. Если-бъ я имѣлъ землю въ Эстъ-Англіи или Мерси, я бы защищалъ ее моею рукою и руками моихъ вассаловъ; но у меня свои земли есть.

Альфредъ. Да умѣли ли вы свои защитить? Отчего по всей дорогѣ, которой мы ѣхали, пустыя пажити и двѣ развалившіяся церкви? Малолюдный гирдъ датчанъ издѣвался надъ вами, а вы, хорошо вооруженные и христіане, могли вынести это?

[**Окружающіе**]. Браво, король! Вотъ король! Прозорливъ, какъ горный орелъ! Такого намъ нужно короля!

[**Сифредъ**]. Я никогда не былъ безчестнымъ и всегда говоръ, и если бы графъ Мидльсексъ не поссорился со мною, я бы не выпустилъ датчанъ: и Вессексъ, и его бы владѣнія спасъ.

[**Альфредъ**]. И виною вы же, вы черезъ свои мелкія ссоры! Мнѣ очень не нравится это ваше феодальное обыкновеніе; Богъ знаетъ, что̀ такое! Всякій управляетъ, какъ ему хочется, высшему не повинуются, между собою несогласны. [Въ] государствѣ должно быть такъ, какъ въ римской имперіи: государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, какъ ему захочется.

Одонъ *(потупляетъ глаза).* Гм! я что-то не вполнѣ понялъ это. Вѣдь англосакскій всякій танъ — вольный и свободный человѣкъ, развѣ возьметъ землю собственно отъ короля.

[**Альфредъ**]. Отчего я не вижу здѣсь ни одного епископа? Одинъ только дряхлый старикъ и вышелъ меня встрѣтить.

[**Одонъ**]. Епископъ вессекскій убитъ во время войны съ датчанами, а Адельстанъ изъ Кента умеръ.

[**Альфредъ**]. И никто не позаботился о томъ, чтобы избрать на мѣсто!

Арвальдъ. Нѣтъ, король, въ томъ нѣтъ намъ укоризны. Всѣ таны нарочно собрались, но некого было избрать: не нашли такого, который могъ бы читать Святое Письмо.

[**Альфредъ**]. Будто ужъ въ Англіи нѣтъ ни одного священника, умѣющаго читать? Вѣдь еще отцомъ Этельвульфомъ заведена была коллегія.

[**Сифредъ**]. Коллегіи давно ужъ нѣтъ.

[**Альфредъ**]. Гдѣ же она?

[**Сифредъ**]. Сожжена датчанами.

[**Альфредъ**]. Опять датчане! Да что это за бичъ такой — датчане? Или Англія состоитъ вся изъ трусовъ, или въ самомъ дѣлѣ датчане... *(Входитъ вѣстникъ)*. Что это за человѣкъ? Что ты?

[**Вѣстникъ**]. Король!

[**Альфредъ**]. Что?

[**Вѣстникъ**]. Датчане ворвались и грабятъ Лондонъ.

Король *(въ изумленіи)*. Какъ легки на поминѣ! Ну, господа таны и графы, намъ приходится сію минуту думать о вооруженіи. Нечего дѣлать, нужно все отложить въ сторону.

[**Эдвигъ**]. Я готовъ; всѣ вассалы при мнѣ, государь.

Этельбальдъ. Для тебя, государь, все радъ принесть.

Арвальдъ. Въ одну минуту буду снаряженъ. *(Уходитъ)*.

[**Альфредъ**]. Да, шумно начинается мое царствованіе! Дайте же и вы всѣ, благородные таны, клятву: ни пяди земли не уступить датчанамъ!

[**Таны**]. Спасителемъ Іисусомъ и Дѣвой Маріей клянемся!

[**Альфредъ**]. Идемъ и сейчасъ на коней! Но прежде я хочу осмотрѣть войска ваши. Ну, король, яви теперь дѣятельность души. Вотъ тебѣ то поле, которое ты рвался воздѣлать! Много работы предстоитъ. Страшная перспектива: внести туда пламенникъ наукъ и познаній, гдѣ ихъ въ поминѣ нѣтъ, гдѣ нѣтъ букваря во всемъ государствѣ; подвести подъ законы и укротить своевольное неустройство этихъ безпокойныхъ магнатовъ государства, глядящихъ лѣснымъ [звѣремъ]; а вдобавокъ и на плечахъ непріятель. Дай, Боже, силы! *(Уходитъ)*.

Цеолинъ. Какъ мнѣ нравится король!

Эдринъ. Ты не знаешь его еще, Цеолинъ, хорошо: это Богъ, (а не человѣкъ).

Эдринъ. Что, Кедовалла, у тебя всѣ вооружены?

[**Кедовалла**]. Всѣ.

[**Эдвигъ**]. Что, король? Вѣдь, кажется, молодецъ?

[**Кедовалла**]. Да, кажется, храбръ; да что-то такъ...

[**Эдвигъ**]. Что?

Кедовалла. Мудреный что-то.

ДѢЙСТВІЕ II.

Альфредъ, графъ Этельбальдъ, графъ Эдвигъ, Цеолинъ и Кедовалла *(съ толпою воиновъ, входятъ на сцену)*.

Альфредъ. Мнѣ еще не вѣрится, чтобы мы были побѣждены. Горсть, разбойничья шайка, не болѣе,—и передъ этой шайкой не могли устоять пятнадцать тысячъ всадниковъ и цвѣтъ саксонской націи, и 90 тысячъ пѣшихъ.—Что скажете вы на это, столпы этой націи, благородные таны?

Графъ Эдвигъ. Король, распусти насъ. Я соберу всѣхъ слугъ своего замка, самъ выгоню моихъ вассаловъ. Пусть каждый сдѣлаетъ то же.

[**Альфредъ**]. Графъ, ты сѣдъ волосомъ и даешь такой совѣтъ! Нѣтъ, благородные таны, все теперь зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашей рѣшительности. Уступимъ—мы потеряемъ все, возрастимъ гордость непріятельскую; клянусь, мы имъ дадимъ и увѣренность въ ихъ непобѣдимости—и тогда, кто противъ нихъ? Вы видѣли, какъ они неслись въ битвѣ. Одинъ шагъ назадъ—и дерзость ихъ возрастетъ, какъ Голіаевъ. Бароны, одно намъ средство. Здѣсь нечего думать о жизни. Съ этими же самыми силами обратимъ отступленіе въ нападеніе, покамѣстъ не узнала о нашемъ пораженіи нація.

[**Кедовалла**]. Король, ты видѣлъ самъ, что наша храбрость не заслужила упрека. Я никогда не думалъ о своей жизни; но, клянусь Пресвятой Матерью, за нихъ стоитъ демонъ! Я видѣлъ самъ, какъ его темный образъ мчался рядомъ съ этимъ непобѣдимымъ Губбо. Мои вассалы въ первый разъ поблѣднѣли отъ страха.

[**Альфредъ**]. Какое черное невѣжество вѣетъ отъ Кедовалла!.. Тебя, я знаю, не увѣришь, потому что твоя душа (зачерствѣла) въ старой корѣ. Но, таны, какъ видно, что недавно приняли христіанскую вѣру и не смыслите ничего въ ней! Вы испугались злого духа: развѣ злой духъ можетъ устоять противъ Бога? развѣ есть что на свѣтѣ больше христіанскаго Бога? Вы видѣли, съ какимъ крикомъ и устремл[еннымъ] копьемъ стремились въ наши ряды эти морскіе люди,—а отчего? потому что призывали поминутно языческаго бога ихъ Одена, который пыль и прахъ предъ Богомъ христіанскимъ. А вы не надѣетесь. Какіе вы христіане? За васъ Христосъ и Пресвя-

тая Дѣва... (*Король идетъ*). Ни двухъ шаговъ земли датчанамъ!

Часть народа и всадниковъ (*бѣжитъ*). Король, датчане гонятся!

[**Альфредъ**]. Стой! Всѣ таны, ни съ мѣста! Далеко датчане?

[**Часть народа и всадниковъ**]. По пятамъ нашимъ (летятъ).

[**Альфредъ**]. Во имя Святой Маріи, не подавайся, какъ кельдапскія скалы!

(*Врывается на сцену дружина датчанъ. Саксонцы встрѣчаютъ копьями. Начинается сѣча*).

Губбо. Сыны Одена, не полонъ будетъ пиръ нашъ, если не сокрушимъ англосаксовъ.

[**Альфредъ**]. Англосаксы! не забывайте: съ нами Христосъ и Марія!

Губбо. Ринальдъ, Ринальдъ! тихо гремитъ твой мечъ! Мало искръ вышибаетъ твое копье изъ непріятельскихъ латъ!

Ринальдъ. Нѣтъ, король Губбо, кровь отъ вражескихъ труповъ отуманиваетъ твой взоръ. Одепъ! готовь мнѣ мѣсто въ Валгалѣ.

Альфредъ. Христіане, крѣпитесь! Святой Георгій на бѣломъ (конѣ) за насъ.

Губбо. Оденъ! рука моя дымится кровью, а Ингвара нѣтъ со мною. Ринальдъ, Ринальдъ! зачѣмъ избитъ шлемъ твой?.. Не дрожатъ ли твои персп?

[**Ринальдъ**]. Еще станетъ, король мой Губбо!.. Вотъ тебѣ, собака! Сыны Одена доставятъ череповъ на пиршественныя чаши.

[**Альфредъ**]. За Марію, за Христа, англосаксы!

[**Губбо**]. Уста мои запеклись, языкъ сохнетъ, а Ингваръ мой не летитъ на помощь.

[**Ринальдъ**]. Оденъ! готовь мнѣ мѣсто въ Валгалѣ!

[**Эдвигъ**]. Вотъ тебѣ, собака датчанинъ! (*Протыкаетъ ему голову копьемъ*).

Альфредъ. Англосаксы! побѣда за нами!

Губбо. О... не будетъ тебѣ, Альфредъ, по коихъ поръ мечъ играетъ въ рукахъ моихъ!

Альфредъ. Остановитесь, датчане! Сдавайся, Губбо, и положи твое оружіе.

Губбо. Никогда! Ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами?

[**Альфредъ**]. Мнѣ не нужно, Губбо, твоей свободы; я не отнимаю и на два слова, Губбо... (*Обѣ стороны опускаютъ копья*).

[**Альфредъ**]. Я готовъ заключить съ тобою [миръ и] пощадить остатокъ твоихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы ты теперь же, немедля, отправлялся за море, принесъ клятву, по обычаю твоей религіи, никогда не являться у береговъ Англіи. Оружіе все при васъ остается; все, что ни имѣете на себѣ, не будетъ тронуто.

[**Губбо**]. Король Альфредъ, я соглашаюсь.

[**Альфредъ**]. И такъ, храбрый, произнеси клятву.

[**Губбо**]. Клянусь самимъ Оденомъ, моею сбруею, моимъ вызубреннымъ мечомъ, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будемъ нападать на твои владѣнія! И когда не выполню моей клятвы, да будемъ желты, какъ мѣдь на латахъ нашихъ! да обратятся наши копья на насъ же самихъ!

Альфредъ. Слышите вы всѣ клятву? Губбо, ты свободенъ,—ступай. Твои ладьи ждутъ у береговъ.

Губбо. Пойдемъ, товарищи! Намъ не стыдно глядѣть другъ на друга: мы бились храбро. Не сегодня—завтра, не здѣсь—въ другомъ мѣстѣ, нанесутъ наши ладьи гибель непріятелямъ, носящимъ золотое убранство!

Писано въ 1833 г.

ПЕРЕВОДНЫЯ ПЬЕСЫ.

СГАНАРЕЛЬ

или

МУЖЪ, ДУМАЮЩІЙ, ЧТО ОНЪ ОБМАНУТЪ ЖЕНОЮ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи,

Мольера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Горгибусъ, мѣщанинъ.
Целія, дочь его.
Лелій, влюбленный въ Целію.
Гро-Рене, слуга Лелія.
Сганарель, мѣщанинъ.
Жена его.
Виллебрекень, отецъ Валерія.
Горничная Целіи.
Родственникъ жены Сганареля.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Горгибусъ, Целія и горничная.

Целія (*выходя въ слезахъ*). Нѣтъ, нѣтъ! не думайте, чтобъ я согласилась!

Горгибусъ. Что ты тамъ бормочешь? Дерзкая дѣвчонка! Идти противъ моей воли! Да развѣ я не имѣю надъ тобой полной власти? Да кто изъ

насъ двухъ знаетъ, что кому полезно, ты или я? Глупая, неужели ты лучше меня знаешь, что для тебя полезнѣе? Берегись, не раздражай меня, а то я, пожалуй, покажу, что рука моя еще не совсѣмъ обезсилѣла. Лучше всего, госпожа своевольница, безъ дальнихъ околичностей, идти за человѣка, котораго я назначаю. „Да какъ же, папенька“, говоришь ты: „я не знаю-съ его характера, надобно подумать“. Чортъ возьми, что тутъ обдумывать, и какъ не любить? Да какія еще прелести надобно, когда у него наслѣдство? Ручаюсь, что съ двадцатью тысячами дукатовъ онъ прекраснѣйшій человѣкъ.

Целія. Ахъ!

Горгибусъ. Ну, что „ахъ!“ Что значитъ этотъ „ахъ?“ Посмотрите, пожалуйста, какіе она отпускаетъ прекрасные ахи! Послушай, если ты меня взбѣсишь, то я тебя заставлю ахать другимъ порядкомъ. Вотъ плоды этихъ проклятыхъ романовъ, которыми изволишь забавляться и дни, и ночи! Голова твоя набита любовными фразами; ты больше думаешь о Клеліи, чѣмъ о Богѣ. Нѣтъ, сударыня, въ огонь, въ огонь всѣ эти вредныя книги, которыя съ каждымъ днемъ развращаютъ больше и больше умовъ! Читайте-ка лучше четверостишія Нибрака да ученыя „Таблицы“ совѣтника Матьё; эти назидательныя сочиненія стоитъ выучить наизусть. Не худо бы заняться и „Путеводителемъ грѣшниковъ“: изъ него можно научиться, какъ должно жить. И если бъ ты занималась только такими твореніями, такъ не стала бы против рѣчить моимъ желаніямъ.

Целія. Какъ, папенька, вы думаете, что я могу забыть Лелія? Конечно, я не могла бы рѣшиться ни на что безъ вашего согласія, но вѣдь вы сами дали за меня слово.

Горгибусъ. Да если бъ я далъ двадцать словъ, такъ какое до того дѣло, когда явился человѣкъ, котораго деньги дороже всякаго слова? Правда, Лелій недуренъ собой, но, милая, состояніе важнѣе всего: золото придаетъ даже и уроду какую-то прелесть, съ нимъ нельзя не понравиться; а безъ золота все остальное—нуль. Конечно, ты не любишь Валера; это ничего: полюбишь, когда будешь за нимъ замужемъ. Въ словѣ *мужъ* есть что-то увлекательное, и любовь часто бываетъ плодомъ женитьбы. Да впрочемъ, что жъ я это за дуракъ, пустился въ разсужденія, когда могу приказывать? Прошу не безпокоить меня глупыми вздохами. Мой будущій зять явится сегодня вечеромъ. Прошу принять его хорошенько, и Боже тебя избави дѣлать ему кислыя рожицы. Ни слова, ни слова болѣе! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Прежніе безъ Горгибуса.

Горничная. Какъ, сударыня, и вы еще колеблетесь, когда вамъ предлагаютъ мужа? И вы боитесь произнести это очаровательное *да?* Ахъ Боже мой, что это меня никто не постарается выдать замужъ? Вмѣсто того, чтобы плакать надъ однимъ *да,* сію же минуту наговорила бы ихъ дюжину. Учитель вашего братца говоритъ правду, что женщина—точно плющъ, который хорошъ только, когда вьется около дерева, и не значитъ рѣшительно ничего, отъ него когда отдѣлится. Ахъ, я, бѣдная грѣшница, очень чувствую, какъ это справедливо! Бѣдный мой Мартынъ, упокой Богъ его душу! При немъ я была такая полненькая, такая румяненькая, на душѣ было такъ весело! Теперь совсѣмъ не то. Когда онъ былъ живъ, я, бывало, зимой лягу въ нетопленной комнатѣ, а теперь дрожу въ іюлѣ. О, сударыня, вы себѣ и представить не можете, что такое имѣть возлѣ себя мужа, хоть бы только для того, чтобъ сказать: „здравствуй!“ когда чихнетъ.

Целія. Какъ? и ты можешь мнѣ совѣтовать оставить, забыть Лелія? взять такой грѣхъ на душу?

Горничная. Да помилуйте, что жъ онъ за уродъ, — нашелъ время путешествовать! Право, мнѣ что-то сдается, что онъ забылъ васъ.

Целія *(показывая портретъ Лелія).* О, не убивай меня такимъ ужаснымъ предсказаніемъ! Вглядись хорошенько въ это лицо: ну, можетъ ли оно измѣнить? А этотъ портретъ такъ похожъ! Нѣтъ, онъ не можетъ обманывать.

Горничная. Да, онъ не дуренъ: конечно, нельзя не любить его.

Целія. А между тѣмъ надобно... Ахъ, поддержи меня. *(Роняетъ портретъ).*

Горничная. Боже мой! что съ вами? Какъ она поблѣднѣла! Помогите! помогите!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и Сганарель.

Сганарель. Что, что тутъ такое?

Горничная. Барышня умираетъ.

Сганарель. Только-то? Я думалъ, что и Богъ знаетъ, что случилось. Впрочемъ, посмотримъ. Сударыня! А? вы умерли?.. Она не говоритъ ни слова.

Горничная. Постойте я сбѣгаю за людьми, а вы покамѣстъ поддержите ее. *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Целія, Сганарель и жена Сганареля.

Сганарель *(прикладывая руку къ груди Целіи).* Она холоднехонька. Что тутъ дѣлать?

(Нагибается щекой къ губамъ ея). Однакожъ, чортъ возьми, кажется, она дышитъ! Рѣшительно—дышитъ.

Жена Сганареля *(выглядываетъ въ окно).* Это что́ такое? Мой мужъ въ объятіяхъ женщины! Вѣроломный! теперь-то я подстерегу тебя.

Сганарель. Надобно бы помочь ей. Право, я не знаю ничего глупѣе, какъ умирать, тогда какъ и здѣсь можно еще пристроиться какъ нельзя лучше. *(Уноситъ ее въ домъ Горибуса).*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Жена Сганареля *(одна).*

Жена Сганареля. Куда же онъ пропалъ? Теперь все ясно: онъ измѣняетъ мнѣ. Теперь я не удивляюсь холодности, которой онъ отвѣчаетъ на мою цѣломудренную страсть. Злодѣй! онъ бережетъ свои ласки для другой. Вотъ таковы-то всѣ мужья! Позволенное надоѣдаетъ имъ какъ-разъ; они скоро относятъ въ другое мѣсто то, что́ должно бы оставлять дома. Сначала покорные рабы, готовы для васъ на все, а тамъ вы имъ прискучили. О, какъ это досадно, что нельзя мѣнять мужей, какъ рубашки! Швырнула вонъ—и концы въ воду! Какъ бы это было покойно, особливо теперь для меня! *(Поднимаетъ портретъ, уроненный Целіей).* Это что́ такое? Медальонъ! Какая прекрасная эмаль! Откроемъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Сганарель и жена его.

Сганарель *(не замѣчая жены).* Живехонька! Здоровехонька! Какъ ни въ чемъ не бывало. А, жена!

Жена Сганареля *(не видя его).* Ахъ, Боже мой, какой хорошенькій мужчина!

Сганарель *(въ сторону, глядя черезъ плечо жены).* Что́ это она разсматриваетъ съ такимъ вниманіемъ? Портретъ мужчины, и молодого, и не дурного! Тутъ ничего я не вижу хорошаго для моей чести.

Жена Сганареля *(не видя мужа).* Я никогда не видала лица красивѣе. И какъ онъ славно пахнетъ!

Сганарель. Чортъ возьми, да она цѣлуетъ его! О, варварка, зарѣзала!

Жена Сганареля *(все еще не видя мужа).* Что́ ни говори, а надобно признаться, что пріятно быть любимой такимъ красавцемъ, что искушеніе такъ сладко, такъ непреодолимо. Ахъ! зачѣмъ я не имѣю такого прекраснаго мужа вмѣсто моего плѣшиваго урода!

Сганарель *(вырывая портретъ изъ ея рукъ).* А, сударыня, попались! Попались! въ злоумышленіи на мою личность! Попались въ злоумышленіи на мою честь! Такъ, по вашему расчету, моя дорогая половина, супругъ вашъ не стóитъ васъ? Да,—тысячи чертей, которымъ бы не худо принять васъ въ свои объятія, — когда же бы вы могли составить лучшую партію? А что́ во мнѣ есть такого, что́ бы было, напримѣръ сказать, нехорошо? Этотъ, напримѣръ, станъ; эта походка, которой всѣ удивляются; это лицо, невольно внушающее любовь, отъ котораго вздыхала не одна особа и почище васъ. А весь я развѣ такой кусокъ, которымъ можно быть недовольной? И, чтобъ насытить вашъ волчій аппетитъ, вамъ мало мужа—подавай вамъ еще волокиту!

Жена Сганареля. Понимаю, понимаю! Ты думаешь этой хитростью...

Сганарель. Дурачь другихъ! Все ясно: въ рукахъ моихъ доказательство...

Жена Сганареля. Мое негодованіе и безъ того сильно; тутъ не къ чему еще его усиливать. Отдай мнѣ мой медальонъ и подумай лучше...

Сганарель. Думаю, сударыня, думаю сломить вамъ шею. О, если бъ вмѣсто портрета попался мнѣ въ руки самъ подлинникъ!

Жена Сганареля. Для чего?

Сганарель. Такъ, моя милая; ни для чего. Я виноватъ, что такъ раскричался, я долженъ благодарить тебя за пріятное украшеніе моего чела. *(Смотря на портретъ).* А, вотъ и онъ, прелестный сотрудникъ, съ которымъ...

Жена Сганареля. Съ которымъ?.. Продолжай!

Сганарель. Съ которымъ... А я, между тѣмъ, чуть не тресну отъ гнѣва!

Жена Сганареля. Что́ хочетъ мнѣ этимъ сказать этотъ пьяница?

Сганарель. Не прикидывайся! Ты меня хорошо понимаешь. Отнынѣ Сганарель — это такое имя, которое ты не должна смѣть произносить, а называть меня просто „господинъ Корнеліусъ“. Я постою за свою честь, а тебѣ я за нее попробую пересчитать ребра.

Жена Сганареля. И ты можешь говорить мнѣ такія дерзости?

Сганарель. А ты можешь шутить со мною такими шутками?

Жена Сганареля. Да что́ же я сдѣлала? Говори яснѣе!

Сганарель. Да бездѣлица! Вовсе не стоитъ жаловаться! Произвела въ олени! Вотъ, что́ называется: придите—поглядите!

Жена Сганареля. Безстыдный! ты наносишь мнѣ оскорбленіе, какое когда-либо могла вынести женщина, да еще прикидываешься разсерженнымъ, выдумываешь басни, чтобы предупредить мое негодованіе. Вотъ истинно прекрасный способъ: самъ же оскорбитель хочетъ сдѣлаться обвинителемъ!

Сганарель. Прошу покорно! Глядя на это гордое, обиженное лицо, подумаешь, что честная женщина!..

Жена Сганареля. Ступай, ухаживай за своими прелестницами, неси имъ свои нѣжности! А мнѣ портретъ отдай! *(Вырываетъ и убѣгаетъ).*

Сганарель. Э, нѣтъ, постой! Я могу и отнять его. *(Убѣгаетъ за ней).*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Лелій и Гро-Рене.

Гро-Рене. Наконецъ, мы пріѣхали. Но скажите же, сударь: если вы позволите, я бы спросилъ васъ объ одномъ.

Лелій. Говори.

Гро-Рене. Что́ за дьяволъ сидитъ въ вашемъ тѣлѣ? Вы какъ будто ни въ чемъ не бывало. Цѣлыхъ восемь дней тряслись мы на проклятыхъ кляченкахъ — у меня всѣ члены одеревенѣли. Я уже не говорю ничего, что́ сталось съ чувствительнѣйшей частью моего тѣла отъ проклятой тряски. А съ васъ — какъ съ гуся вода: вы ни на минуту не прилегли отдохнуть, ни кусочка не съѣли.

Лелій. Меня встревожили слухи о бракѣ Целіи. Ты знаешь, какъ я ее люблю. Какъ тутъ думать объ отдыхѣ, объ пищѣ? Прежде всего мнѣ надобно развѣдать, справедливы ли эти слухи.

Гро-Рене. Да, но все-таки покушать-то бы вамъ не мѣшало, прежде чѣмъ пуститесь вы развѣдывать. Ей-Богу! Когда въ желудкѣ у человѣка хорошо, такъ и смѣлость откуда берется, и крѣпость, и лучше какъ-то все дѣлается. Я сужу по себѣ: когда со мной приключится какое-нибудь несчастіе натощакъ, то оно такъ меня и растормошитъ; но когда я хорошенько поѣмъ, душа у меня становится такъ крѣпка, что бей по ней хоть молоткомъ — ничего! Право, послушайтесь меня. А чтобъ горю не дать продраться до сердца, сдѣлайте вокругъ себя ограду изъ двадцати стакановъ вина.

Лелій. Я теперь не въ состояніи ни пить, ни ѣсть...

Гро-Рене *(въ сторону).* Ну вотъ, прошу покорно, а я умираю съ голоду. *(Громко).* А вашъ обѣдъ поспѣлъ бы въ нѣсколько минутъ.

Лелій. Молчи—я тебѣ приказываю.

Гро-Рене. О, Боже мой! Какое безчеловѣчное приказаніе!

Лелій. Меня мучитъ неизвѣстность, а не голодъ.

Гро-Рене. А меня голодъ и неизвѣстность — когда будемъ обѣдать.

Лелій. Не надоѣдай мнѣ своими глупостями и убирайся ѣсть, если хочешь.

Гро-Рене. Я не смѣю противиться вашимъ приказаніямъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Лелій *(одинъ).*

Нѣтъ, нѣтъ, это вздоръ! Отецъ далъ мнѣ слово; а она, я не сомнѣваюсь, она меня любитъ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Лелій и Сганарель.

Сганарель *(не видя Лелія, съ портретомъ въ рукахъ).* Онъ въ моихъ рукахъ. Теперь я могу вдоволь насмотрѣться на рожу мерзавца, вздумавшаго сгамить меня. Лицо рѣшительно незнакомое.

Лелій *(въ сторону).* Боже! что́ я вижу! Кажется, это мой портретъ! Что́ это значитъ?

Сганарель. Бѣдный, бѣдный Сганарель! Вотъ тебѣ твое честное имя, твоя репутація! Недостаетъ... *(Замѣтивъ, Лчто елій смотритъ на него пристально, отворачивается въ другую сторону).*

Лелій. Какъ попалъ залогъ моей любви въ руки этого человѣка?

Сганарель. Недостаетъ только, чтобъ на тебя показывали пальцами, чтобъ тебя помѣстили въ какую-нибудь неблагопристойную пѣсню, чтобъ тебѣ приносили подъ носъ твое же безчестіе!

Лелій *(въ сторону).* Но не ошибаюсь ли я?

Сганарель *(въ сторону).* Гнусная женщина! Подарить меня рогами въ цвѣтѣ лѣтъ! Промѣнять меня, почти красавца, на этого поджараго молокососа!

Лелій *(не спуская глазъ съ портрета).* Нѣтъ, я не ошибаюсь: это мой портретъ.

Сганарель *(оборачиваясь къ нему спиной).* Что́ за странное любопытство!

Лелій. Я внѣ себя отъ удивленія!

Сганарель. Что́ ему надобно?

Лелій. Я подойду къ нему. Позвольте! *(Сганарель хочетъ уйти).* Ради Бога, одно слово!

Сганарель. Что́ вамъ угодно?

Лелій. Скажите, какимъ образомъ попался въ ваши руки этотъ портретъ?

Сганарель *(въ сторону).* Что́ ему за нужда до этого портрета? Э, э! Что́ это? *(Посматриваетъ то на портретъ, то на Лелія).* Вотъ тебѣ на! Ну, что́ жъ тутъ удивительнаго, что онъ смутился! Это онъ—мой почтеннѣйшій другъ, или, лучше, любезнѣйшій другъ моей жены.

Лелій. Бога ради, отвѣчайте мнѣ: откуда?..

Сганарель. Мы, слава Богу, знаемъ, что́ васъ такъ безпокоитъ. Это портретъ вашъ; онъ былъ въ знакомыхъ вамъ рукахъ. Любовь ваша для насъ не тайна. Не знаю, извѣстна ли вамъ моя

особа, но осмѣливаюсь просить васъ избавить меня (отъ) чести, которую дѣлаете мнѣ своей любовью. Прошу васъ вспомнить, что священныя узы брака...

Лелій. Какъ? Та, отъ которой вы получили этотъ залогъ...

Сганарель. Моя жена, а я—мужъ ея.

Лелій. Ея мужъ?

Сганарель. Да, мужъ, мужъ, говорю,—и мужъ, который духомъ не дюжъ. А почему, вы знаете: я сію же минуту объявлю объ этомъ ея родственникамъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Лелій *(одинъ).*

Что я слышалъ? Все правда; меня не обманули. Измѣнить мнѣ, и для кого же? для урода! Неблагодарная! И какая причина?.. Голова кружится. Дорога и этотъ уродъ потрясли все существо мое. Я едва держусь на ногахъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Лелій и жена Сганареля.

Жена Сганареля *(не видя Лелія).* Несмотря ни на что, вѣроломный... (*Замѣтивши Лелія*). Что съ вами? Вы едва держитесь на ногахъ.

Лелій. Такъ... дурнота...

Жена Сганареля. Вы можете упасть здѣсь. Взойдите (sic) въ нашъ домъ, пробудьте у насъ, пока пройдетъ этотъ припадокъ.

Лелій. Я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ на двѣ, на три минуты. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Сганарель и родственникъ его жены.

Родственникъ. Я понимаю, что все это можетъ обезпокоить мужа; но, любезнѣйшій другъ, изъ вашего разсказа я еще не вижу, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ была виновата. Дѣла такого рода чрезвычайно деликатны: необходимы ясныя доказательства.

Сганарель. Ясныя доказательства — то-есть, надо быть очевидцемъ?

Родственникъ. Поспѣшность часто вводитъ въ заблужденіе. Вѣдь вы еще не знаете, какъ попался въ ея руки этотъ портретъ; можетъ быть, самый подлинникъ ей совсѣмъ неизвѣстенъ. Убѣдитесь прежде во всемъ, и тогда будьте увѣрены, что мы первые дадимъ ей почувствовать всю низость ея поступка. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Сганарель *(одинъ).*

Нельзя ничего лучше сказать! Въ самомъ дѣлѣ, нужно приняться за это, какъ можно тише. Можетъ быть, совершенно безъ всякой причины, пришло мнѣ въ голову это рогатое привидѣніе, и меня слишкомъ рано бросило въ потъ?.. Что жъ портретъ?—портретъ еще ничего не доказываетъ. Портретъ — и есть портретъ. Лучше же мы постараемся...

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Сганарель и жена его, въ дверяхъ, провожая **Лелія.**

Сганарель *(въ сторону).* Боже! что это такое? Умираю! Нѣтъ, чортъ возьми, тутъ ужъ не портретъ, а самый подлинникъ.

Жена Сганареля. Вы напрасно такъ спѣшите! Отдохните еще немного: вамъ опять можетъ сдѣлаться дурно.

Лелій. Благодарю, благодарю, сударыня! Все прошло. Я вамъ очень обязанъ за вашу помощь.

Сганарель. Какъ разсыпается въ вѣжливостяхъ! *(Его жена уходитъ въ домъ).*

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Сганарель и Лелій.

Сганарель *(въ сторону).* Онъ замѣтилъ меня; посмотримъ, что-то онъ мнѣ скажетъ.

Лелій *(въ сторону).* Душа кипитъ при взглядѣ на него... Но кто жъ виноватъ тутъ? Моя судьба! *(Проходя мимо Сганареля).* О, какъ счастливъ, кто владѣетъ такой прелестной женой!

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Сганарель и Целія *(смотрятъ въ окно вслѣдъ уходящему Лелію).*

Сганарель. Ну, ужъ это совсѣмъ недвусмысленно. Это восклицаніе, признаюсь, смутило меня такъ, какъ будто бы здѣсь въ самомъ дѣлѣ... *(Потираетъ рукою лобъ и смотритъ во слѣдъ Лелію).* Признаюсь, въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего, что бы пахло честью.

Целія *(въ сторону, выходя).* Что это значитъ? Здѣсь сейчасъ прошелъ Лелій, и отъ меня скрыли, что онъ пріѣхалъ.

Сганарель *(не видя Целіи).* „О, какъ счастливъ тотъ, кто владѣетъ такой прелестной женой!“ А счастіе-то въ чемъ? Вѣроломная! Бездыдница! Проводить честнаго гражданина, какъ дурака — и это счастіе? И я позволяю ему покойно удаляться прочь и смотрю ему въ слѣдъ, сложа руки, какъ болванъ? Я долженъ бы, по крайней мѣрѣ, сшибить съ него шляпу, бросить

въ него камнемъ съ мостовой, разодрать его шинель, закричать: „разбой, грабежъ!“

Целія *(подходившая къ нему постепенно въ ожиданіи окончанія монолога)*. Скажите, вы знаете молодого человѣка, который сейчасъ къ вамъ подходилъ?

Сганарель. Нѣтъ, сударыня, его знаетъ моя жена.

Целія. Что съ вами? Вы такъ разстроены.

Сганарель. Не обременяйте меня еще болѣе огорченіями и позвольте мнѣ испускать вздохи.

Целія. Отъ чего такая необыкновенная печаль?

Сганарель. Если я огорченъ, то ужъ, навѣрно, не изъ бездѣлицы; а на несчастіе ближняго я поглядѣлъ бы равнодушнѣе, чѣмъ на собственное мое. О! Вы видите передъ собой модель несчастнѣйшихъ мужей. У бѣднаго Сганареля крадутъ, грабятъ его честь,—да этого еще мало, что честь: репутацію, репутацію, доброе имя, репутацію крадутъ.

Целія. Какъ это?

Сганарель. Негодяй, говоря просто, сдѣлалъ меня мужемъ, надъ которымъ... вы понимаете, сударыня... въ народѣ смѣются, и сдѣлалъ съ неслыханною дерзостью!..

Целія. Тотъ, что сейчасъ ушелъ?

Сганарель. Да, да, безчеститъ, срамитъ меня! Онъ обожаетъ мою жену, моя жена обожаетъ его.

Целія. Такъ вотъ что значитъ этотъ секретный пріѣздъ? Недаромъ я затрепетала, увидѣвъ его: это было предчувствіе.

Сганарель. Благодарю, благодарю отъ души за ваше отрадное участіе въ моемъ бѣдственномъ положеніи! Ахъ! не всѣ такъ добры, какъ вы. Многіе вмѣсто того, чтобы принять должное участіе, еще подымутъ на смѣхъ.

Целія. Можетъ ли быть что-нибудь ужаснѣе, чернѣе твоего поступка? Кто бы подумалъ, повѣрилъ?..

Сганарель. Это очень вѣрно.

Целія. Измѣнникъ, предатель! Двуличная, коварная душа!

Сганарель. О, добрая душа!

Целія. Всѣ наказанія, какія только есть въ аду, для тебя только еще маленькое наказаніе.

Сганарель. Вотъ что называется—хорошо говорить!

Целія. Обмануть такимъ образомъ самую чистѣйшую невинность!

Сганарель *(глубоко вздыхая)*. Охъ, правда!

Целія. Сердце, которое никогда не подало повода къ такому оскорбленію!

Сганарель. Охъ, правда!

Целія. Который вмѣсто... но это ужасно, и сердце не можетъ объ этомъ помыслить, не разорвавшись отъ горести.

Сганарель. Успокойтесь немного, сударыня; вы принимаете во мнѣ такое сильное участіе, что я готовъ плакать.

Целія. Не воображайте, однакожъ, чтобъ я стала плакать, рыдать—нѣтъ! Я знаю, какъ отомстить. О, я отомщу! Въ этомъ никто не можетъ мнѣ воспрепятствовать. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Сганарель *(одинъ)*.

Да сохранитъ ее Богъ отъ всякой опасности! Посмотрите, какая доброта! За меня хочетъ мстить! Однакожъ, негодованіе, возбужденное въ ней моимъ несчастіемъ, научаетъ меня, что я долженъ дѣлать. Нѣтъ, такихъ оскорбленій нельзя и не должно выносить безропотно, если есть во лбу хоть крошка мозгу! Скорѣй отыщемъ негодяя и покажемъ нашу храбрость, какъ нужно отмщать безчестье; отучимъ тѣшиться на нашъ счетъ и безъ должнаго почтенія дѣлать насъ мужьями... мужьями... извѣстно, какими. Потише, однакожъ! Этотъ человѣкъ по виду, кажется, долженъ имѣть кровь нѣсколько горячую и нравъ, я полагаю, даже взбалмошный. Онъ можетъ, пожалуй, прибавлять оскорбленіе къ оскорбленію, похлопотать и около моей спины такъ же, какъ позаботился около моего лба. Отъ души ненавижу людей холерическаго сложенія и чувствую большую привязанность къ людямъ кроткимъ. Я вовсе не такой человѣкъ, чтобы бить другихъ, ибо это кончится тѣмъ, что побьютъ тебя же. Кроткій нравъ—это моя добродѣтель. Но честь мнѣ говоритъ, что подобныя оскорбленія требуютъ непремѣннаго отмщенія. Боже мой! Оставимъ говорить честь такъ, какъ она хочетъ! Впрочемъ, чортъ побери и того, кто не думаетъ о ней! Но скажите, милостивая государыня—честь: если я расхрабрюсь и за все удальство негодяй меня проколетъ, какъ крысу, и по городу пойдетъ шумъ о моихъ похоронахъ... вы развѣ растолстѣете отъ этого? Гробъ былъ всегда постелью меланхолическою и нездоровою для людей, которые боятся колики. Нѣтъ, взвѣсивъ все хорошенько, я, право, нахожу, что быть рогатымъ все-таки сноснѣе, чѣмъ мертвымъ. Да если разсудить, въ чемъ тутъ несчастіе? Развѣ отъ этого будетъ у меня кривая нога, или не такъ хороша талія? Проклятье первому, кто выдумалъ возмущать разумъ этими химерами, прицѣпить честь умнѣйшаго изъ мужей къ тому, что дѣлаетъ вѣтреная женщина! Ну, что за безуміе отвѣчать за проступки другихъ? Что жена тамъ себѣ напакоститъ, все это взваливать на спину мужа! Онѣ будутъ дѣлать глупости, а мы оставаться въ дуракахъ! Это злоупотребленіе—и полицейскіе люди должны поправить его непремѣнно.

Развѣ мы не имѣемъ и безъ того заботъ, непріятностей? То ссора, то процессъ, то голодъ, то жажда, то болѣзнь,—нѣтъ, вѣдь этого еще мало: поди, оскорбляйся еще чортъ знаетъ чѣмъ! Посмѣемся же надъ этимъ и попремъ ногами вздохи и слезы! Моя жена прогрѣшилась—ну, и плачь! Но зачѣмъ мнѣ плакать, когда я невиноватъ? Да и что жъ я за выскочка? Мало ли людей, и получше меня, смотрятъ, какъ ухаживаютъ за ихъ женами — и помалчиваютъ! Не будемъ заводить ссоры изъ-(за) такой дряни. Меня назовутъ глупцомъ за то, что не отмстилъ, но вѣдь я буду больше дуракъ, когда умру. *(Кладетъ руки на грудь).* Однакожъ, я чувствую, что желчь моя шевелится, подстрекаетъ меня на этакое мужественное дѣяніе. Да, я начинаю приходить въ ярость! Это ужъ слишкомъ—быть трусомъ! Мщеніе! рѣшительно мщеніе! И чтобы еще болѣе укрѣпиться въ ярости, сейчасъ говорю встрѣчному и поперечному самъ, что онъ въ связи съ моей женой. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Горгибусъ, Целія и горничная.

Целія. Да, батюшка, я покоряюсь вашей волѣ: располагайте мною, я готова подписать контрактъ хоть сію минуту.

Горгибусъ. Вотъ это прекрасно! Я такъ радъ, что готовъ танцовать и, право, протанцовалъ бы, если бъ мы были одни, а то осмѣютъ вѣдь старика. Ну, подойди же ко мнѣ, дай мнѣ поцѣловать тебя. Отецъ вѣдь всегда можетъ поцѣловать дочь свою: тутъ нѣтъ никакого соблазна. Удовольствіе, которое ты мнѣ доставила своимъ послушаніемъ, сбросило съ плечъ моихъ, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Целія и горничная.

Горничная. Скажите, что значитъ эта удивительная перемѣна?

Целія. О, если бъ ты знала, ты похвалила бы меня!

Горничная. Очень можетъ быть.

Целія. Лелій измѣнилъ мнѣ. Онъ былъ здѣсь...

Горничная. Да вотъ и онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Тѣ же и Лелій.

Лелій. Прежде, чѣмъ я оставлю навсегда этотъ городъ, я хочу упрекнуть васъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

Целія. Какъ? и вы еще такъ дерзки, что рѣшаетесь говорить со мной?

Лелій. О, конечно, я ужасно дерзокъ! Какъ смѣть упрекать васъ, когда вашъ выборъ такъ прекрасенъ! Нѣтъ ни одного упрека. Живите, живите счастливо, презирайте память обо мнѣ вмѣстѣ съ вашимъ достойнымъ супругомъ.

Целія. Да, вѣроломный, (я) буду счастлива,— буду счастлива тебѣ на зло. И моя величайшая радость, если это тебѣ доставитъ досаду.

Лелій. Но, скажите, кто возбудилъ вашъ гнѣвъ противъ меня?

Целія. Какъ? и ты можешь еще разыгрывать роль удивленнаго? спрашивать, что ты сдѣлалъ?

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же и Сганарель *(вооруженный съ ногъ до головы).*

Сганарель. Война, смертельная война похитителю, который безжалостно ограбилъ нашу честь!

Целія *(показывая Лелію на Сганареля).* Обернись лучше—вмѣсто отвѣта.

Лелій. А!

Целія. Этотъ предметъ достаточенъ, чтобы тебя смутить.

Лелій. Но онъ еще болѣе достаточенъ заставить васъ краснѣть.

Сганарель *(въ сторону).* Я теперь достаточно сердитъ: теперь я могу дѣйствовать. Моя храбрость доходитъ до бѣшенства. Только бы съ нимъ встрѣтиться — кровопролитіе, рѣшительно кровопролитіе! Я поклялся убить его, и ничто меня не остановитъ. Смерть, смерть, гдѣ бы я ни отыскалъ его! *(Вытаскивая шпагу до половины, подходитъ къ Лелію).* Нужно, чтобъ я попалъ ему въ самую середину сердца.

Лелій *(оборачиваясь).* Кому это?

Сганарель. Никому.

Лелій. Къ чему же это вооруженіе?

Сганарель. Такъ—отъ дождя. *(Въ сторону).* Ужъ какое же я получу удовольствіе, его убивши! Бодрѣй, бодрѣй!

Лелій *(снова оборачиваясь).* А? что?

Сганарель. Ничего, ничего. *(Бьетъ себя по щекамъ, чтобы придать себѣ храбрости, и говоритъ про себя).* Да ну же, смѣлѣй! Пріободрись, трусъ, куриное сердце!

Целія *(Лелію).* И глядя на этого человѣка, вы не сознаетесь?

Лелій. О, нѣтъ, сознаю ясно, что вы измѣнили мнѣ ужаснѣйшимъ образомъ.

Сганарель *(въ сторону).* Ну, если бы хоть крошечку храбрости!..

Целія. Неблагодарный? и ты еще можешь оскорблять меня такъ жестоко?

Сганарель *(въ сторону).* А! Сганарель, смотри,

она за тебя заступается. Да соберись же съ духомъ, мой милый! Будь похрабрѣе—смѣлѣй, смѣлѣй! Коли его великодушно, когда онъ обернется къ тебѣ спиной.

Лелій *(ненарочно сдѣлавъ два или три шага, заставляетъ отступить Сганареля, который хотѣлъ его заколоть).* Если мои слова возбуждаютъ вашъ гнѣвъ, я очень радъ—и отъ души хвалю вашъ выборъ.

Целія. Да, да, мой выборъ такой, котораго никто не можетъ отмѣнить.

Лелій. Прекрасно, и какъ не защищать вамъ его?

Сганарель. Безъ сомнѣнія, прекрасно! Она хорошо дѣлаетъ, что защищаетъ мои права. Такой поступокъ, милостивый государь, совершенно не въ сообразность законамъ. Я имѣю право жаловаться, и если бъ я не былъ такъ благоразуменъ, то не обошлось бы безъ самаго сверхъестественнаго кровопролитія.

Лелій. Это что такое? Откуда это неумѣстное негодованіе?

Сганарель. Довольно! Вы знаете, въ какомъ мѣстѣ у меня болитъ. По совѣсти и для спасенія души вы должны сознаться, что моя жена — моя жена, и ваша претензія сдѣлать ее въ моихъ глазахъ вашимъ достояніемъ—вовсе не христіанская.

Лелій. Такое подозрѣніе и подло, и смѣшно. На этотъ счетъ вы можете быть совершенно покойны: я знаю, что она ваша, и вмѣсто того, чтобъ такъ сердиться...

Целія. А, измѣнникъ, какъ ты хорошо умѣешь притворяться!

Лелій. Такъ вы подозрѣваете, что я замышлялъ на честь этого господина? Я не думалъ, чтобы вы могли такъ дурно обо мнѣ думать.

Целія. Поговори, поговори съ нимъ самимъ: онъ объяснитъ тебѣ.

Сганарель *(Целіи).* Нѣтъ, для чего же? Вы защищаете меня лучше, чѣмъ я самъ; продолжайте, продолжайте; я вамъ очень благодаренъ.

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же и жена Сганареля.

Жена Сганареля. Я не хочу, сударыня, ревновать къ вамъ, однакожъ, и не такъ простодушна, чтобы не видѣть, что здѣсь дѣлается. Замѣчу только, что вы могли бы заняться чѣмъ-нибудь получше, а не отнимать у меня сердца, которое мнѣ одной принадлежитъ.

Целія. Объясненіе довольно замысловатое.

Сганарель *(женѣ).* Ну, кто тебя здѣсь спрашиваетъ? Пришла съ ней браниться, тогда какъ она меня защищаетъ! Испугалась, чтобъ у тебя не отняли любовника.

Целія. Полноте, не воображайте, чтобъ кто-нибудь вамъ завидовалъ. *(Лелію).* Ну, что же, права я? Неужели и теперь вы станете притворяться? О, какъ я рада!

Лелій. Что все это значитъ?

Горничная. Право, не знаю, когда кончится вся эта путаница. Слушаю, слушаю—и ничего не понимаю. Видно, придется мнѣ вмѣшаться. *(Становится между Леліемъ и Целіею).* Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ; но только не перебивайте. *(Лелію).* Въ чемъ упрекаете вы мою барышню?

Лелій. Въ томъ, что она измѣнила мнѣ. Услышавъ о ея несчастномъ сговорѣ, я лечу къ ней, полный любви, не думая, чтобы она меня забыла,—и нахожу ее замужемъ.

Горничная. Замужемъ? Да за кѣмъ же?

Лелій *(показывая на Сганареля).* За нимъ.

Горничная. Какъ—за нимъ?

Лелій. Да, за нимъ.

Горничная. Кто жъ вамъ это сказалъ?

Лелій. Онъ самъ сегодня.

Горничная *(Сганарелю).* Въ самомъ дѣлѣ?

Сганарель. Я? Я ему сказалъ, что я женатъ на моей женѣ.

Лелій. Да вы давеча въ ужасномъ волненіи смотрѣли на мой портретъ.

Сганарель. Правда; вотъ онъ.

Лелій *(Сганарелю).* Вы мнѣ сказали, что женаты на той, у которой взяли этотъ портретъ.

Сганарель *(показывая на свою жену).* Совершенная правда, и если бъ я не вырвалъ его у ней изъ рукъ, никогда не открылъ бы преступленія.

Жена Сганареля. Помилуй, что жъ тутъ за преступленіе? Я нашла его здѣсь, и даже не узнала по немъ этого господина *(показывая на Лелія)*, когда впустила его больного къ намъ въ домъ, послѣ того, какъ ты взбѣсился на меня, Богъ знаетъ за что.

Целія. Да это я всему виною: я уронила его, когда упала въ обморокъ.

Горничная. Видите, безъ меня вы бы и теперь были въ обморокѣ; все моя чемерица!

Сганарель. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, такъ, стало-быть, все это вздоръ? Однакожъ, этотъ вздоръ заставилъ меня попотѣть порядкомъ.

Жена Сганареля. Все хорошо, однакожъ я все-таки не совсѣмъ тебѣ вѣрю.

Сганарель *(женѣ).* Ну, полно же, мой ангелъ, оставимъ всѣ эти вздоры. Вѣдь все-таки я рисковалъ больше, чѣмъ ты! Ну, лапку!

Жена Сганареля. Пожалуй; но смотри, если я что-нибудь узнаю!

Целія *(Лелію, поговоривъ съ нимъ поти-*

хоньку). Боже мой! если такъ, что̀ жъ это я надѣлала? Я думала, что вы мнѣ измѣнили, и чтобъ отомстить, обѣщалась отдать руку ненавистному Валерію. Что̀ теперь дѣлать? Вотъ и папенька!

Лелій. Онъ сдержитъ данное мнѣ слово.

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Тѣ же и Горгибусъ.

Лелій. Милостивый государь! я возвратился съ тою жъ пламенной любовью къ вашей прелестной дочери и надѣюсь, что вы не измѣните вашему слову и, наконецъ, согласитесь соединить насъ.

Горгибусъ. Милостивый государь, возвратившійся съ тою же пламенной любовью къ моей дочери и обольщающій себя напрасною надеждою къ соединенію съ ней! честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугой.

Лелій. Что̀ это значитъ, милостивый государь? Вы отказываетесь?

Горгибусъ. Точно такъ; милостивый государь: такъ исполняю я свой долгъ, и дочь моя повинуется...

Целія. Обязанности исполнить, батюшка, данное вами обѣщаніе.

Горгибусъ. Какъ? это что̀ за новая перемѣна? Давно ли ты соглашалась выйти за Валера, а теперь... Но вотъ отецъ его! Онъ, вѣрно, спѣшитъ кончить дѣло.

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Прежніе и Виллебрекень.

Горгибусъ. Ну, что̀ скажете, любезнѣйшій Виллебрекень?

Виллебрекень. Чрезвычайная оказія! Я долженъ нарушить наше условіе. Нынѣ я узналъ, что мой сынъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ женатъ, и я пришелъ...

Горгибусъ. Довольно! И я долженъ вамъ открыть, что я давно уже обѣщалъ руку моей дочери г. Лелію, котораго при семъ случаѣ честь имѣю представить.

Виллебрекень. Очень, очень радъ.

Лелій. О, какъ я счастливъ!

Горгибусъ. Ну, пойдемъ же и назначимъ день свадьбы. *(Всѣ уходятъ, кромѣ Сганареля).*

Сганарель *(одинъ).* Ну, скажите пожалуйста, случалось ли кому-нибудь изъ васъ быть, подобно мнѣ, въ такой твердой увѣренности, что голова ваша увѣнчана украшеніемъ, ей-Богу, совсѣмъ нелестнымъ? Однакожъ, вы видѣли сами, что самыя ужасныя видимости часто обманываютъ. Припоминайте же иногда этотъ случай и, если увидите что̀—не вѣрьте! Право, не вѣрьте!

ДЯДЬКА
ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ **Джіованни Жиро.**

Переводъ съ итальянскаго подъ редакціею **Н. В. ГОГОЛЯ.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Маркизъ Джуліо Антиквати.
Маркизъ Энрико, его сынъ.
Госпожа Джильда Онорати, жена Энрико.
Бернардино, грудной ребенокъ, ихъ сынъ.
Маркизъ Пиппетто, второй сынъ Джуліо.
Донъ Грегоріо Кордебоно, дядька, гувернеръ въ домѣ маркиза.
Леонарда, старая служанка.
Симонъ, слуга маркиза.

Дѣйствіе въ Римѣ въ домѣ маркиза.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната со многими дверями.

Маркизъ Джуліо и Леонарда.

Маркизъ. Оставя всю эту болтовню въ сторону,—сказала ли ты донъ Грегоріо, что я хочу съ нимъ поговорить?

Леонарда. Да, сударь.

Маркизъ. Ну, и довольно; вотъ и все.

Леонарда. Но такъ какъ онъ до сихъ поръ нейдетъ, то я хотѣла... потому что вы думаете, что я...

Маркизъ. Придетъ, придетъ.

Леонарда. Мнѣ кажется, однакожъ, что это пренебреженіе со стороны дядьки — заставлять себя дожидаться тогда, какъ самъ господинъ дома зоветъ его.

Маркизъ. Пожалуйста, объ этомъ не заботься. Ты славная женщина; но не хочешь, вотъ во все время, что̀ ни живешь въ моемъ домѣ, бросить прескверную привычку — болтать и мѣшаться не въ свои дѣла.

Леонарда. Что̀ до меня, то я... Можетъ быть, вы воображаете... Напротивъ, я говорю такъ, какъ... а впрочемъ...

Маркизъ. Довольно! Ступай, тебѣ говорю.

Леонарда. Слушаю. *(Про себя).* Это донъ Грегоріо поссорилъ его со мною, и такимъ образомъ, что я не замѣтила когда, и ничего не могла этого предвидѣть... Но я постарѣе его... то есть, я хотѣла сказать: я похитрѣе его. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркизъ и донъ Грегоріо.

Маркизъ. Дай только этой женщинѣ волю, не перестанетъ вѣчно болтать, ворча то на одного, то на другого.

Донъ Грегоріо. Извините, маркизъ, что замедлилъ: письмо, которое...

Маркизъ. Помилуйте, донъ Грегоріо, напротивъ, простите меня, что васъ побезпокоилъ. Я къ вамъ имѣю нужду, любезнѣйшій донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Приказывайте, маркизъ.

Маркизъ. Признаюсь, меня смущала всегда ипохондрія, овладѣвшая съ недавняго времени сыномъ моимъ Энрико; но сегодня, когда онъ вошелъ ко мнѣ сказать добраго утра, онъ показался мнѣ въ такомъ положеніи, какъ я никогда не видалъ... Я за него боюсь.

Донъ Грегоріо. И на это вы имѣете полную причину.

Маркизъ. Почему?

Донъ Грегоріо. Почему!

Маркизъ. Я не могу этого себѣ представить.

Донъ Грегоріо. И я также.

Маркизъ. Онъ говоритъ, что совершенно здоровъ; докторъ утверждаетъ тоже, что у него нѣтъ лихорадки.

Донъ Грегоріо. Это такъ.

Маркизъ. Если бы, положимъ, за мальчикомъ меньше было смотрѣнія, какъ бы въ домѣ моемъ меньше было строгости, я бы могъ подозрѣвать; но съ моей системой...

Донъ Грегоріо. Вы меня извините, маркизъ, но насчетъ этого я вамъ скажу то, что́ уже сто разъ повторялъ. Вы называете мальчиками вашихъ двухъ сыновей, а между тѣмъ маркизу Энрико уже двадцать пять лѣтъ, а вашему Пиппетто исполнилось девятнадцать.

Маркизъ. Хорошо, но какое же отсюда вліяніе можетъ быть на здоровье?

Донъ Грегоріо. Сказать вамъ откровенно, я думаю, что молодой человѣкъ впалъ въ ипохондрію, видя себя въ такія лѣта содержимаго съ такою строгостью. Не доставить ему ни разу случая быть на балѣ, въ театрѣ, ни разу не поговорить съ женщинами...

Маркизъ. Охъ, не говорите мнѣ о женщинахъ!

Донъ Грегоріо. Ни разу не позволили ему, такъ сказать, высунуть носа изъ дому.

Маркизъ. Это не отъ того. Къ тому жъ вы знаете мой образъ мыслей. Молодые люди, пока не достигнутъ по крайней мѣрѣ двадцати пяти лѣтъ, не должны знать ничего другого, кромѣ своего дома и учебныхъ занятій. *(Начиная горячиться).* Боже сохрани, если бы я замѣтилъ въ нихъ какой-нибудь свѣтскій капризъ или свѣтскую потребность! Вы понимаете меня?

Донъ Грегоріо. Успокойтесь! Десять лѣтъ я живу въ вашемъ домѣ, не беру за это никакого жалованья и только изъ дружбы принялъ на себя эту должность. Если донынѣ сохраняю званіе дядьки вашихъ сыновей, то единственно изъ любви къ нимъ. Вы должны быть послѣ этого твердо увѣрены во мнѣ.

Маркизъ. Такъ, но ваши правила...

Донъ Грегоріо. Дѣлайте, что вамъ угодно. Хотите держать вашихъ сыновей въ тюрьмѣ, держите; но будьте увѣрены, что сыновья поступятъ такъ, какъ собака, которая, если на свободѣ и не привязана, ходитъ, обнюхаетъ, узнаетъ, бѣгаетъ осторожно, словомъ—дѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ; но будучи содержана вѣчно на цѣпи—посчастливься ей только когда-нибудь сорваться съ этой цѣпи, мечется, ворчитъ, кусается и, если попадетъ въ какую навозную кучу, то вымарается въ ней хуже всякой другой собаки.

Маркизъ. Вы человѣкъ, который хочетъ словамъ дать болѣе силы, чѣмъ разсудку, и придерживаетесь нынѣшнихъ правилъ. Я такъ воспитанъ и хочу, чтобъ такъ же воспитывались мои дѣти.

Донъ Грегоріо. Итакъ, не жалуйтесь, если одинъ изъ нихъ погибнетъ, а другой, одаренный и безъ того не щедро природою, останется дуракомъ, не будучи въ состояніи отличить солнца отъ луны.

Маркизъ. При всемъ томъ, вы меня никогда не увѣрите, чтобъ это была единственная причина болѣзни Энрико. Донъ Грегоріо, вы должны всячески узнать это дѣло. Это правда, что я его нѣсколько отталкиваю отъ себя своею строгостью, и онъ, натурально, не будетъ со мною такъ откровененъ, какъ съ вами. Я васъ прошу, займитесь серьезно этимъ. Съ недавняго времени Энрико больше, нежели когда-либо, разстроенъ.

Донъ Грегоріо. Будьте спокойны, маркизъ. Употреблю всѣ средства, чтобъ узнать, есть ли какая другая неизвѣстная причина. Но до сихъ поръ...

Маркизъ. Я поручаю себя вамъ, донъ Грегоріо. Теперь я ухожу изъ дому отдать визитъ министру. Статься можетъ, что я долженъ буду остаться тамъ обѣдать. И потому, если къ тремъ часамъ не возвращусь, можете садиться за столъ безъ меня.

Донъ Грегоріо. Очень хорошо.

Маркизъ. Вамъ поручаю это дѣло, какъ самое близкое моему сердцу. *(Уходитъ).*

Донъ Грегоріо *(одинъ).* Какое упрямое убѣжденіе имѣютъ эти старикашки съ своими деревянными головами! Держать молодыхъ людей вза-

перти половину жизни! И вѣдь для чего? Именно съ тѣмъ, чтобы послѣ, какъ выйдутъ въ свѣтъ безъ малѣйшаго познанія свѣта, ихъ одурачилъ первый, какой понадется, мошенникъ, или поддѣла первая плутовка. Положеніе, однакожъ, маркиза Энрико внушаетъ состраданіе. Но успѣю ли я открыть?.. По крайней мѣрѣ постараюсь... А между тѣмъ узнаемъ, что́ дѣлаетъ нашъ дурачокъ. *(Кличетъ)*. Пиппетто! Маркизъ Пиппетто!

ЯВЛЕНІЕ III.

Донъ Грегоріо и маркизъ Пиппетто.

Пиппетто. Что вамъ угодно, донъ Грегоріо?

Донъ Грегоріо. Изъ какой комнаты вы теперь пришли?

Пиппетто. Я былъ у Леонарды.

Донъ Грегоріо. За какимъ дѣломъ?

Пиппетто. Она мнѣ показывала, какъ метать петли и шить.

Донъ Грегоріо. Ну, къ чему вамъ можетъ послужить это?

Пиппетто. Всѣ науки полезны.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Наука шить! Бѣдныя попеченія, брошенныя на вѣтеръ! И отецъ воображаетъ, что голова этого сорта въ двадцать пять лѣтъ годна занять роль въ обществѣ.

Пиппетто. Что вамъ угодно отъ меня?

Донъ Грегоріо. Скажите, хотите ли идти со мной прогуливаться?

Пиппетто. Извините, мнѣ теперь не хочется.

Донъ Грегоріо. Ну, оставайтесь. Только не будьте такъ часто съ служителями: говоря все съ Леонардой и съ лакеями, вы уже успѣли научиться такимъ словамъ и фразамъ—онѣ ужъ черезчуръ тривіальны.

Пиппетто. Но съ кѣмъ же вы хотите, чтобъ я говорилъ, если я никого другого не вижу?..

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Вотъ то самое, что́ я говорю всегда маркизу. *(Къ Пиппетто)*. Ну, довольно. По крайней мѣрѣ старайтесь подражать разговору вашего отца, учителей, а не слугъ.

Пиппетто. Постараюсь. Впрочемъ, Леонарда, мнѣ кажется, говоритъ недурно.

Донъ Грегоріо. Это правда, что въ эти годы пора бы ей уже выучиться.

Пиппетто *(про себя)*. А мнѣ она совсѣмъ не кажется стара.

Донъ Грегоріо. А между прочимъ потрудитесь сказать Энрико, не хочетъ ли идти изъ дому; я черезъ минуту буду здѣсь: зайду только къ себѣ запечатать кое-какія письма и сейчасъ возвращусь. *(Про себя)*. Тупоуміе этого молодца, положеніе Энрико, упрямство стараго маркиза заставятъ меня просто потерять голову! *(Уходитъ)*.

Пиппетто. Теперь я вижу, что Леонарда говоритъ правду, что донъ Грегоріо сдѣлался ея врагомъ. Выходитъ тоже правда, что онъ покушался соблазнить ея невинность. Гадкій старичишка! Нужно позвать брата, чтобъ сказать, не хочетъ ли онъ идти. *(Кличетъ)*. Энрико! Энрико!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Энрико и Пиппетто.

Энрико *(за сценой)*. Что тебѣ нужно?

Пиппетто. Слушай!

Энрико *(за сценой)*. Да что́ тебѣ нужно, говори!

Пиппетто. Ступай сюда и ты услышишь.

Энрико *(за сценой)*. Какъ ты несносенъ! *(Входя)*. Ну, что?

Пиппетто. О, какъ ты не въ духѣ сегодня!

Энрико. Оставь меня въ покоѣ!

Пиппетто. Донъ Грегоріо говоритъ, не хочешь ли идти изъ дома. Онъ сейчасъ придетъ, чтобъ идти съ тобой.

Энрико. Нѣтъ.

Пиппетто. Ну, такъ останься покамѣстъ здѣсь и, если донъ Грегоріо возвратится, скажи, что хочешь остаться дома.

Энрико *(съ поникшими глазами)*. Хорошо.

Пиппетто. Но отчего ты всегда такъ печаленъ? Знаешь, что́ я тебѣ скажу? Если будешь ты такъ продолжать, то скоро умрешь.

Энрико *(хладнокровно)*. Правда.

Пиппетто. Берегись: когда умрешь, это тебѣ будетъ очень непріятно. Дѣлай потомъ себѣ, что́ хочешь. *(Про себя)*. Пойду къ Леонардѣ, которая теперь меня ожидаетъ, и скажу ей, что донъ Грегоріо сказалъ, что она старуха. Но съ которой стороны онъ ни заходи и какія ни пробуй дороги, а Леонардушка во всякомъ случаѣ любитъ только своего Пиппетто. *(Уходитъ)*.

Энрико *(одинъ)*. Я теперь въ рѣшительномъ отчаяніи. Нѣтъ никакихъ средствъ! Суровый характеръ моего отца... Тогда, какъ онъ воображаетъ, что я никогда не выходилъ изъ дому—и быть принуждену признаться, что я имѣю жену! При одной мысли объ этомъ морозъ обхватываетъ меня. Правда, что званія почти равны, что качества душевныя достойны всякаго уваженія, что я не могъ бы желать больше... но характеръ, характеръ отца моего, его неукротимый характеръ... его система... Я трепещу при одномъ взглядѣ на свое положеніе. Пока еще было можно хранить тайну, сердце мое успокоивалось разнообразными льстивыми мечтами; но теперь, когда все должно непремѣнно открыться,—теперь, когда Джильда не имѣетъ никого у себя, кромѣ меня, когда я...

О, какая мука! какъ свирѣпо мое горе! *(Печаль сильными чертами выражается на лицѣ его).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Энрико и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Вотъ онъ въ своемъ обыкновенномъ положеніи. Бѣдный молодой человѣкъ. Онъ возбуждаетъ слишкомъ мое состраданіе. *(Къ нему)*. Маркизъ!

Энрико. Господинъ донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Хотите сдѣлать небольшую прогулку?

Энрико. Ахъ, увольте меня отъ нея, я васъ прошу.

Донъ Грегоріо. Какъ хотите. Я вижу, что вы нѣсколько взволнованы.

Энрико. Ахъ!.. Не сомнѣвайтесь, донъ Грегоріо... *(Слезы льются изъ глазъ его)*.

Донъ Грегоріо. Что вы говорите? Изъ глазъ вашихъ падаютъ слезы, какъ капли дождя. Сынъ мой милый! къ чему послужитъ скрываться? Въ душѣ вашей есть горе, убивающее ваше здоровье. Энрико мой милый, мой прекрасный Энрико! бросься въ объятія твоего Грегоріо! Не стыдись обнаружить тайную причину, ввергающую тебя въ это несчастное состояніе. Сердце мое открыто для тебя. Въ эту минуту я не дядька твой, я твой нѣжный другъ. Клянусь сохранить свято тайну и обѣщаю тебѣ всякую помощь, какъ отецъ самый нѣжнѣйшій, который прижимаетъ тебя къ груди своей. *(Обнимая его, про себя)*. Если не подвигнется отъ этихъ словъ, то больше ничѣмъ не подвигнется.

Энрико. Донъ Грегоріо, вы клянетесь?..

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. А! вотъ наконецъ поддается! *(Къ нему)*. Да, мой Энрико!

Энрико. Ахъ, вы видите, въ какое положеніе я приведенъ!

Донъ Грегоріо. Несчастный! Вы исхудали, вы сдѣлались блѣдны.

Энрико. Я не ѣмъ... я терплю... я мучусь... ночью сны мои... Ахъ! я слишкомъ заслуживаю состраданья; но вы, донъ Грегоріо, вы не можете пособить моему горю.

Донъ Грегоріо. Да, да, есть средства пособить всякому горю. Подойдите ко мнѣ, скажите, исповѣдайтесь, откройтесь—донъ Грегоріо запечатаетъ уста свои; слова ваши останутся окаменѣвшими въ ушахъ его. Скажите, скажите мнѣ: какого рода ваше горе? какая причина произвела болѣзнь вашу?

Энрико. Донъ Грегоріо, горе... Нѣтъ, у меня недостаетъ присутствія духа! Моя болѣзнь... Боже! гдѣ я? О, женщины! женщины!

Донъ Грегоріо. Женщины! какъ? *(Хвативши себя руками по лбу)*. О, несчастный малый! И какъ это возможно?.. Не выходивши никогда изъ дому?.. Что, вы влюблены? а? Ну, что такое вамъ приключилось?

Энрико. Донъ Грегоріо, молчите, ради самого Неба!.. Я въ вашихъ рукахъ... Да, вы можете вообразить... Женщина привела меня въ то состояніе, въ какомъ меня видите.

Донъ Грегоріо. О, мошенница!.. Потъ проступилъ на лицѣ моемъ... я внѣ себя... Сынъ мой, объяснитесь!

Энрико. О, Боже! я не нахожу словъ... Дайте мнѣ минуту времени... стыдъ... Отецъ мой гдѣ?

Донъ Грегоріо. Отецъ вашъ вышелъ. Не бойтесь, онъ, можетъ быть, не возвратится и къ обѣду.

Энрико *(весь въ волненіи)*. Точно ли такъ?

Донъ Грегоріо. Въ этомъ я могу васъ увѣрить.

Энрико. Итакъ... *(въ размышленіи, потомъ про себя)*. Вотъ наконецъ минута! *(Вслухъ)*. Вы клянетесь помочь мнѣ?

Донъ Грегоріо. Да, отъ всего моего сердца.

Энрико. Хорошо. Итакъ, теперь... *(Въ мучительной нерѣшимости)*. Небо, дай мнѣ силы!.. Рѣшусь... Я вамъ покажу все.

Донъ Грегоріо. Да, да, сынъ мой!

Энрико. Заприте эту дверь, чтобы Пиппетто и Леонарда не могли войти сюда... Слуга, который теперь въ столовой—ради Бога ушлите его куда-нибудь изъ дому...

Донъ Грегоріо. Да, Энрико; все сдѣлаю, что тебѣ хочется. Здѣсь мы запремъ. *(Запираетъ дверь)*. Отправлю за какимъ-нибудь дѣломъ слугу. Смѣлѣе, смѣлѣе, Энрико!

Энрико. Сейчасъ... Иду... Увидите все... Вы подвигнетесь участіемъ... Боже, не оставь меня въ эту сильную минуту! *(Уходитъ въ свою комнату)*.

Донъ Грегоріо. Бѣдный мальчикъ!.. Никакъ не могу объяснить... Разбойница! *(Кличетъ)*. Симонъ!.. Послѣ такого бдительнаго надзора... Но что я говорю! Все безполезно!.. Симонъ!.. Но какимъ образомъ?.. Кто-нибудь долженъ помогать ему... Симонъ! Симонъ! Симонъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Симонъ и донъ Грегоріо.

Симонъ. Что прикажете?

Донъ Грегоріо. Ступай на почту, узнай, нѣтъ ли мнѣ писемъ...

Симонъ. Я ужъ былъ тамъ; писемъ вамъ нѣтъ никакихъ.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Чортъ возьми! *(Ему)*. Сходилъ бы ты, между прочимъ, къ

книгопродавцу: не перепплелъ ли онъ мнѣ тѣ два тома, которые я ему говорилъ.

Симонъ. Да, сударь; онъ уже ихъ принесъ; я ихъ положилъ на столъ въ вашей комнатѣ.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Прошу покорно! Смотрите, нарочно какъ этотъ бестія—діаволъ всюду тычетъ хвостъ свой! *(Ему)*. Хорошо; такъ какъ ты теперь ничѣмъ не занятъ, то сходи къ цырюльнику и приведи его сюда: я хочу побриться.

Симонъ. Очень хорошо *(готовясь итти)*.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Недостаетъ только, чтобъ онъ сказалъ, что я уже брился.

Симонъ *(возвращаясь)*. Вѣдь я и позабылъ, что сегодня всѣ лавки заперты: у цырюльниковъ праздникъ.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Тьфу ты, сатана!.. *(Плюетъ)*. Очень хорошо. *(Въ сторону)*. Сегодня черный день! *(Къ Симону)*. Ступай за мною въ мою комнату, я тебѣ дамъ отнести на почту кое-какія письма.

Симонъ. Какъ прикажете.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Слава Богу! Я ужъ думалъ, что почтовый ящикъ, куда бросаютъ письма, запертъ. Бѣдный мальчикъ! Какъ только подумаю объ этомъ, хочется плакать. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Энрико и потомъ Джильда.

Энрико. Правосудное Небо, помоги мнѣ въ этомъ смѣломъ предпріятіи! Ахъ, если бъ никто не увидалъ ее! Бѣдненькая! Едва только я подалъ изъ окна знакъ ей прійти сюда, мнѣ показалось, что она сама воодушевилась смѣлостью необыкновенною: вскочила со стула, отняла отъ груди бѣднаго ребенка... *(Слышенъ легкій шорохъ шаговъ)*. Она уже тутъ, а между тѣмъ слуга еще... *(Дрожитъ)*.

Джильда *(на цыпочкахъ)*. Энрико, я здѣсь. Такъ ли? Ты этого хотѣлъ?

Энрико. Ты никого не встрѣтила?

Джильда. Нѣтъ.

Энрико. Отдыхаю.

Джильда. Что новаго? Что ты хочешь дѣлать? Безопасны ли мы здѣсь?

Энрико. Смѣлѣе, моя милая Джильда! Тебѣ предстоитъ важное дѣло.

Джильда. Энрико мой драгоцѣнный! все, что хочешь,—все сдѣлаетъ твоя Джильда.

Энрико. Слушай. За нѣсколько минутъ предъ симъ обняло меня отчаяніе, какъ вдругъ-дядька, увидя меня въ слезахъ, съ помощію убѣжденій своихъ, заставилъ ему открыть причину несчастнаго моего положенія. Я отчасти кое-что уже сказалъ, но не имѣлъ еще духу открыть ему, что мы супруги. Ты знаешь, что, когда я долженъ наконецъ выговорить нѣкоторыя слова, уста мои запираются. И потому, чтобъ довершить это дѣло, мнѣ внушило Само Небо, теперь, когда отецъ мой ушелъ со двора, призвать тебя сюда, — тебя, которая обладаешь такою силою и разумомъ рѣчей, чтобы отвѣчать на все то, что будетъ говорить донъ Грегоріо, услыша подобныя вещи.

Джильда. Сдѣлаю все, что только могу. Ты знаешь, что я, какъ только чувствую, что недостаетъ у меня словъ, въ ту жъ минуту пускаю въ дѣло страницу изъ романа, который читала. Я тебя, однакожъ, предупреждаю, что этотъ твой дядька имѣетъ наружность, которая не предвѣщаетъ хорошаго.

Энрико. Ты обманываешься; у донъ Грегоріо не дурное сердце.

Джильда. Джильда станетъ дѣлать все, что ты прикажешь.

Энрико. Какъ ты добра! Какъ я люблю тебя! Твой характеръ уже есть мое оправданье.

Джильда. Когда же я увижу его, этого донъ Грегоріо?

Энрико. Вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо *(остолбенѣвши отъ изумленія при видѣ женщины, про себя)*. Чортъ побери! Что я вижу!

Энрико. Донъ Грегоріо, вотъ она.

Донъ Грегоріо. Возможно ли? Вы?

Джильда. Ахъ, сударь!

Донъ Грегоріо. Или я обманываюсь, или вы та дѣвица, что живетъ противъ нашего дома, со стороны, обращенной въ переулокъ?

Джильда. Такъ точно.

Донъ Грегоріо. Дочь полковника...

Джильда. Таллемани.

Донъ Грегоріо. Который, сказывали, умеръ въ послѣднюю войну?

Джильда. Къ несчастію.

Донъ Грегоріо. И вы привели въ такое состояніе...

Джильда. Да, я не отрекаюсь: я привела въ такое состояніе моего Энрико.

Донъ Грегоріо. Тише, тише; что вы говорите?.. Стыдитесь, стыдитесь!

Энрико. Донъ Грегоріо, не начинайте упреками!

Донъ Грегоріо. Но какъ это?.. какъ это?.. *(Въ сторону)*. Теряю голову! *(Вслухъ)*. Какъ вы дѣлали, чтобъ между собою видѣться?

Джильда. Скажи ему, какъ мы дѣлали.

Энрико. Нѣтъ, Джильда, скажи ты. Что? или ты потеряла свое присутствіе духа?

Донъ Грегоріо *(про себя, въ величайшемъ безпокойствіи и нерѣшительности).* Я дурѣю, вотъ просто чувствую, что дурѣю... Кто бы могъ это подумать? *(Вслухъ).* Но объясните, говорите!

Джильда. Итакъ, знайте же, что по отъѣздѣ бѣднаго отца моего мать моя содержала меня подъ строжайшимъ надзоромъ. Энрико, какъ вы знаете, тоже...

Донъ Грегоріо. О! что до него, то ему невозможно было отлучиться изъ дому.

Джильда. Хорошо. Итакъ, мы стояли у оконъ, которыя, какъ нарочно, были одно противъ другого. Энрико смотрѣлъ на меня, я смотрѣла на него; онъ смѣялся, и я смѣялась; онъ мнѣ дѣлалъ знаки, я ему отвѣчала на это другими... Сегодня смѣялся, завтра дѣлалъ знаки, послѣ завтра вздыхалъ, такъ что наконецъ...

Донъ Грегоріо. Такъ что, наконецъ, вамъ удалось?..

Джильда. Да, наконецъ, удалось. Но знаете ли, сколько времени прошло, пока посчастливилось намъ въ первый разъ поговорить.

Энрико. Да, прошло очень много времени.

Донъ Грегоріо *(про себя).* Я ничего не понимаю. Я не въ своей тарелкѣ. Я чортъ знаетъ гдѣ!

Джильда. Наконецъ, въ одну ночь удалось Энрико ускользнуть изъ дома и взбѣжать на нашу лѣстницу. Я тремя вязальными спицами, связанными вмѣстѣ, поворотила пружинку въ замкѣ дверей нашего дома. Онъ вошелъ, трепеща, и я, дрожа всѣмъ тѣломъ, заперла его.

Донъ Грегоріо. Правосудный Боже! Что слышу! Я умираю.

Джильда. Едва только переступилъ Энрико порогъ моей комнаты *(показывая рукою)* — онъ стоялъ здѣсь, а я здѣсь,—какъ вдругъ показалась моя мать: вскрикнула, увидѣвши насъ и бросилась на меня; но потомъ вдругъ остановилась и обратилась къ Энрико, не зная сама, на кого перваго излить гнѣвъ свой. Находясь такимъ образомъ между изумленіемъ и негодованіемъ, она подверглась вдругъ сильнымъ конвульсіямъ и упала безъ чувствъ...

Донъ Грегоріо. Ну, далѣе...

Джильда. Произнося со страху безсвязные звуки, я вцѣпилась за ея, пораженную отчаяніемъ, шею; рыдая, Энрико бросился къ ея ногамъ. На крикъ нашъ прибѣжала старая служанка и мать пришла въ себя... Чтобы загладить безразсудный шагъ, чтобы спасти честь мою, было только одно средство; Энрико предложилъ его, я его приняла, а мать благословила его.

Донъ Грегоріо *(со страхомъ).* Какъ!

Джильда. Мы дали другъ другу руки, какъ супруги, и, день послѣ, былъ освященъ и утвержденъ тайно союзъ нашъ.

Донъ Грегоріо *(крича).* Что вы говорите? Супруги! Супруги? Вправду? Безъ согласія отца! Такъ вотъ ваше несчастіе! Я думалъ просто какое-нибудь несчастіе въ любовныхъ дѣлишкахъ... *(Въ отчаяніи).* Идите прочь! Пусть дѣлаетъ отецъ вашъ, что хочетъ!.. Онъ васъ убьетъ! Я васъ оставляю...

Энрико. Донъ Грегоріо, дѣло уже сдѣлано.

Джильда. Даже слишкомъ — нѣтъ никакого средства исправить.

Донъ Грегоріо. Не говорите мнѣ, не говорите... я ничего не знаю... Безчестные! измѣнить мнѣ... *(Въ ярости).* Но какъ ты сдѣлалъ, какъ ты могъ выйти изъ дому?

Энрико. Бастіано, слуга, который мѣсяца два назадъ тому умеръ, помогалъ мнѣ и заказалъ мнѣ поддѣльный ключъ...

Донъ Грегоріо *(въ гнѣвѣ).* Недостойные, недостойные! *(обращаясь къ Джильдѣ).* А ты какъ сдѣлала, что онъ влюбился въ тебя?

Джильда. Какъ дѣлаютъ всѣ другія.

Донъ Грегоріо *(въ гнѣвѣ).* Предательница! предательница! *(Въ отчаяніи).* Но точно ли законно ваше соединеніе?

Энрико. Сдѣлано въ присутствіи нотаріуса.

Джильда. И свидѣтелей.

Энрико. Узаконено и скрѣплено.

Джильда. По всѣмъ формамъ.

Донъ Грегоріо. Я не знаю, гдѣ я нахожусь... Маркизъ умретъ отъ печали. Здѣсь ничего нельзя поправить. Я не могу помочь вамъ; ступайте, отправляйтесь! Сколько времени, какъ вы супруги?

Джильда. Одинъ годъ.

Донъ Грегоріо. И въ продолженіе одного года...

Джильда. Мы доставили себѣ одного сына.

Донъ Грегоріо *(вскрикиваетъ).* Сына!

Энрико. Одного только, душенька донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Оставьте меня въ покоѣ, дайте мнѣ удалиться; оставайтесь, бѣгите, дѣлайте, что хотите — я васъ предаю гнѣву вашего отца и его ярости. *(Готовъ уйти).*

Джильда. Какъ!

Энрико *(удерживая его за платье).* Ради самого Неба!

Донъ Грегоріо *(вырываясь).* Нѣтъ! Нѣтъ! Здѣсь нѣтъ жалости.

Джильда. Когда такъ, оставь его, Энрико. Оставь этого человѣка съ сердцемъ тирана. Я тебѣ говорила, что мнѣ не предвѣщала ничего другого его наружность.

Донъ Грегоріо *(останавливаясь).* Какъ! Что вы говорите? Я тиранъ?

Джильда. Да, вы тиранъ и вѣчно останетесь имъ; и, какъ кажется, вы этимъ довольны. Сердца наши связаны между собою союзомъ священнымъ, союзомъ чести, союзомъ законовъ и тысячами тысячъ другихъ нѣжнѣйшихъ отношеній, союзами страсти и клятвъ переплетены и вмѣщены одно въ другомъ и сжаты тѣсно. Отрѣшить наши сердца одно отъ другого нельзя, какъ развѣ изрубивши на части одно изъ нихъ или раздробивши оба. Вы насытитесь, сколько желается душѣ вашей, кровью и слезами; объ одномъ только молю васъ: насыщайтесь, сколько хотите, стенаньями и муками моими, но спасите моего Энрико отъ ярости суроваго отца. Если я была причиною несчастія этой фамиліи, отмстите и обрушьте все на несчастную Джильду, но да будетъ прощенъ мой Энрико! За эту цѣну я согласна итти скитаться бѣглянкой, изгнанницей, оставленной всѣми, сохранивши только у груди своей несчастный плодъ любви нашей.

Донъ Грегоріо *(который къ концу рѣчи этой разжалобленъ совершенно, говоритъ, про себя, навзрыдъ).* Сердце мое разрывается на части.

Энрико *(вполголоса).* Браво, Джильда!

Джильда *(рыдая).* Прощай, мой Энрико!.. Прости мнѣ, если...

Донъ Грегоріо. Остановитесь... Что я дѣлаю? *(Осушая слезы и про себя).* Бѣдные молодые люди! Оставить ихъ въ добычу отчаянія... Зло сдѣлано... Они уже мужъ и жена... О Боже!... Званія ихъ почти равныя... *(въ нерѣшительности).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и маркизъ Джуліо *(за сценой).*

Голосъ маркиза. Донъ Грегоріо возвратился?

Донъ Грегоріо. Святые всего свѣта! Это маркизъ!

Энрико *(въ испугѣ).* Донъ Грегоріо, я погибъ!

Джильда *(къ донъ Грегоріо).* О Боже! Спасите меня!

Донъ Грегоріо *(въ сторону).* Небо, подай совѣтъ!.. *(Толкая ее въ комнату Энрико).* Сюда, сюда, войдите скорѣй!

Джильда *(входя).* Не предайте Энрико!

Донъ Грегоріо. Молчите, молчите! чш!...

Энрико. Ради Бога! Я долженъ итти?

Донъ Грегоріо. Останьтесь! *(Запираетъ дверь на ключъ).*

Маркизъ *(входя въ ту минуту, когда донъ Грегоріо отскакиваетъ поспѣшно отъ двери съ ключомъ въ рукахъ).* Вы дома?

Энрико. Счастливаго возвращенія, папа! *(Цѣлуетъ его руку).*

Маркизъ *(разсматривая со вниманіемъ и недовѣрчивостью донъ Грегоріо и ключъ, находящійся въ его рукахъ).* Извините, донъ Грегоріо, зачѣмъ вы съ такою поспѣшностью вынули ключъ отъ этой двери?

Донъ Грегоріо *(про себя).* Холодный потъ проступаетъ у меня на лбу. *(Вслухъ)* Ничего...

Энрико *(про себя).* О Боже!

Маркизъ. Я располагалъ было не обѣдать сегодня дома, но министръ обѣдаетъ у маршала... Извините меня, донъ Грегоріо, вы, кажется, въ большомъ замѣшательствѣ; что такое вы заперли въ этой комнатѣ?

Донъ Грегоріо *(про себя).* Опять! *(Вслухъ)* Говорю вамъ: вздоръ, ничего...

Маркизъ. Однакожъ?

Энрико *(тихо донъ Грегоріо).* Донъ Грегоріо, не измѣните!

Донъ Грегоріо *(про себя).* Тутъ нуженъ умъ. *(Вслухъ).* Я вамъ сейчасъ скажу... мнѣ подарена... одна... собачонка. И потому я, чтобы не запачкала комнатъ, заперъ ее туда. Послѣ я отнесу ее въ свою комнату.

Маркизъ. Въ такомъ случаѣ я долженъ просить у васъ извиненія. Но вы говорите такимъ образомъ... Сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ ключъ!

Донъ Грегоріо. Какъ!

Энрико *(про себя).* Я пропалъ!

Маркизъ. Развѣ я не господинъ дома?

Донъ Грегоріо. Вы, точно, онъ, и поэтому...

Маркизъ. Я хочу видѣть, что̀ тамъ заперто.

Донъ Грегоріо. Я ужъ вамъ сказалъ... одна кудлашка.

Маркизъ. Извините, я этому не вѣрю. Къ тому жъ этотъ домъ мой. Донъ Грегоріо, отдайте мнѣ ключъ!

Энрико. Я умираю.

Донъ Грегоріо. Вы этому не вѣрите? *(Про себя).* Чортъ побери всѣхъ чертей! *(Вслухъ).* Господинъ маркизъ! *(съ чувствомъ негодованія)* развѣ этакимъ образомъ можно говорить мнѣ? Возьмите ключъ! Вотъ онъ! Отоприте, смотрите, и потомъ, покрытые стыдомъ за нанесенное мнѣ оскорбленіе, не имѣйте присутствія духа посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза! Подозрѣвать, подозрѣвать, что донъ Грегоріо можетъ обмануть! Нанести подобное оскорбленіе въ присутствіи этого молодого юноши!.. Отоприте, маркизъ, сію же минуту! отоприте въ моемъ присутствіи — пусть увидятъ ваше безчестное подозрѣніе и честность донъ Грегоріо, который съ этой минуты оставляетъ навсегда домъ вашъ.

Маркизъ. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Отоприте! Не слушаю никакихъ резоновъ!

Маркизъ. Донъ Грегоріо! Вотъ ключъ!

Донъ Грегоріо *(горячась)*. Нѣтъ! маркизъ, отоприте! Мнѣ подобное оскорбленіе!

Маркизъ. Простите меня, говорю вамъ: на минуту я потерялъ разсудокъ; я виноватъ.

Донъ Грегоріо. Подозрѣвать! дайте ключъ; ступайте, смотрите! *(готовясь отпирать)*.

Маркизъ. Остановитесь! Я не хочу.

Донъ Грегоріо. Пустите меня! Увидите, увидите! Пусть объяснится...

Маркизъ. Говорю вамъ, что не хочу. Прошу извиненія; простите меня, я виноватъ! *(Удерживаетъ его за полы)*.

Донъ Грегоріо *(представляя, что насильно хочетъ отпереть)*. Нѣтъ, теперь нѣтъ!

Маркизъ. Что же вы хотите, чтобъ я еще сдѣлалъ, чтобъ получить ваше прощеніе? Донъ Грегоріо, простите меня. Я былъ дуракъ. Ничего не хочу видѣть. Я въ васъ увѣренъ. Ради Бога, простите меня. *(Про себя)*. Что я надѣлалъ! Я горю отъ стыда. *(Уходитъ)*.

Донъ Грегоріо. Мнѣ! меня! со мною! *(Про себя)*. Отвязался, наконецъ, старая дубовая башка!..

Энрико. Ухъ! какъ было страшно! Я вамъ долженъ...

Донъ Грегоріо *(передразнивая)*. Я долженъ вамъ... *(Въ отчаяніи)*. Что вы заставили меня сдѣлать?

Энрико. Теперь...

Донъ Грегоріо. Теперь я ничего не знаю... понщу... того... Вы вотъ что... это обстоятельство... Впрочемъ того... *(Даетъ ключъ, въ смущеніи, не зная и не понимая самъ, что говоритъ)*. Нужно... нужно... Удалите ее отсюда прочь.

Энрико. То-есть...

Донъ Грегоріо. То-есть, какъ то, что не стоитъ выѣденнаго яйца. Боже, какое затруднительное положеніе!.. Сдѣлайте такъ, чтобы никто не видалъ: я былъ бы компрометированъ... Ради Бога!.. Было бы хорошо такъ... Вы поняли все? Чортъ меня побери, если понимаю хоть одно слово изъ того, что говорю! *(Уходитъ)*.

Энрико. Небо, помоги мнѣ! *(Уходитъ въ комнату, гдѣ жена)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Донъ Грегоріо и Энрико.

Донъ Грегоріо. Какъ! Вы до сихъ поръ еще не вывели ее отсюда?

Энрико. Нельзя было никакимъ образомъ. Въ столовой вѣчно кто-нибудь толкался. Потомъ мы пошли обѣдать...

Донъ Грегоріо. Итакъ, она до сихъ поръ тамъ?

Энрико. Тамъ.

Донъ Грегоріо. Прахъ побери! Какъ же?.. И она ничего не ѣла?

Энрико. Сейчасъ я вамъ скажу. Мнѣ удалось стащить за столомъ полкурицы и пару котлетъ, упрятать ихъ въ карманъ и отнести ей тотчасъ послѣ обѣда, чтобъ не умерла съ голоду.

Донъ Грегоріо. Но что же она дѣлаетъ теперь?

Энрико. Плачетъ, опасаясь за ребенка, котораго теперь время кормить.

Донъ Грегоріо. Но какъ же помочь этому? какъ? Зачѣмъ отважились вы приводить ее сюда? Развѣ вы не могли открыть мнѣ все, не подвергая...

Энрико. Я не имѣлъ столько присутствія духа, чтобы открыть вамъ, милый донъ Грегоріо! Покамѣстъ было возможно, я скрывалъ все; но теперь, когда Джильда осталась одна, отчаяніе заставило прибѣгнуть къ этому поступку.

Донъ Грегоріо. А мать ея?

Энрико. Мать ея, которая условилась въ продолженіе года держать дочь у себя въ домѣ, имѣя нужду въ деньгахъ, должна была отправиться въ Миланъ, чтобы собрать кое-какое оставшееся имущество послѣ своего мужа, и уѣхала три дня тому назадъ, оставивши дочь на руки Провидѣнія и меня, ея мужа.

Донъ Грегоріо. Итакъ, она никого больше не имѣетъ кромѣ васъ?

Энрико. По крайней мѣрѣ, сколько я знаю...

Донъ Грегоріо. Но какъ же вы думаете содержать ее до тѣхъ поръ, пока отецъ?..

Энрико. Здѣсь-то и есть мое затрудненіе.

Донъ Грегоріо. Отецъ вашъ даетъ ли вамъ деньги?

Энрико. Ничего кромѣ тридцати паоловъ *(15 рублей)* шестаго генваря, въ видѣ подарка на игрушки.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Да, посмотрика теперь, какихъ игрушекъ требуютъ эти дѣти! Какая лошадь этотъ маркизъ! *(Ударивши себя по лбу)*. О Боже! И вотъ я замѣшался въ интригу... Но какъ, чортъ возьми, удалось вамъ все сдѣлать такъ, что никто не проникъ?..

Энрико. Бастіано...

Донъ Грегоріо. Проклятый Бастіано! И я этого не могъ предвидѣть!

Энрико. Онъ наблюдалъ очень осторожно, чтобъ изъ васъ кто-нибудь не проснулся, и поддѣльнымъ ключомъ отпиралъ и запиралъ дверь. Въ то время, когда мы говорили и проводили время съ Джильдой, у насъ была стража, что бы никто не могъ ничего узнать; такимъ образомъ...

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Я говорилъ маркизу: „позвольте мнѣ, позвольте спать внизу!“ — „а“ говоритъ: „не нужно; нѣтъ никакой опасности“. Вотъ тебѣ нѣтъ никакой опасности! Вотъ тебѣ нѣтъ никакой опасности! Распорядился прекрасно! *(Вслухъ)* А потомъ, когда умеръ Бастіано?

Энрико. Тогда родился Бернардино...

Донъ Грегоріо. Кто — Бернардино?

Энрико. Сынъ нашъ.

Донъ Грегоріо. А! *(Въ сторону)*. А между прочимъ, сколько есть такихъ, которые бы желали, чтобъ у нихъ родился сынъ, а нѣтъ, не родится.

Энрико. Послѣ рожденія его мы видѣлись очень рѣдко и съ большою предосторожностью.

Донъ Грегоріо. Я просто безумѣю. И никто не могъ открыть ни супружества, не беременности дѣвушки, ни разрѣшенія, ни сына?

Энрико. Никто, потому что синіора Бриджида, мать Джильды, заключила брачное наше условіе посредствомъ одного очень хорошаго человѣка, своего искренняго друга, съ которымъ она уѣхала въ Миланъ. Онъ же засвидѣтельствовалъ, какъ слѣдуетъ, рожденіе ребенка. Синіора Бриджида не выпускала дочь изъ дому во все время ея беременности. Синіора Бриджида присутствовала при ней и подавала помощь во всѣхъ припадкахъ, для того, чтобъ это дѣло было извѣстно только синіорѣ Бриджидѣ, ея другу, старушкѣ, служанкѣ дома, Джильдѣ и мнѣ.

Донъ Грегоріо. А когда маркизъ узнаетъ это дѣло, то разобьетъ голову синіорѣ Бриджидѣ, донъ Грегоріо, который не зналъ объ этомъ, Джильдѣ и старушкѣ-служанкѣ. Это не шутка! Это интрига, интрига серьезная, роковая...

Энрико. Итакъ, вы хотите бросить насъ въ руки отчаянія? въ положеніи — сдѣлать какой-нибудь шагъ, внушенный послѣднею безнадежностью? Если вы имѣете столько на это духа и сердце, то сдѣлайте это. По крайней мѣрѣ, дайте возможность уйти только этой несчастной, чтобы избавить ее отъ взоровъ и ярости моего отца, какой предастся онъ, ее увидѣвши... *(въ слезахъ)*.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Да, теперь бы я попросилъ васъ, грозные педанты, притти посмотрѣть, что дѣлать въ такомъ случаѣ! Они уже супруги; любятъ другъ друга, различія въ званіяхъ почти нѣтъ никакого, имѣютъ сына...

Энрико. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо *(горячась)*. Донъ Грегоріо, донъ Грегоріо! Это обстоятельства отчаянныя... *(Въ сторону)*. Но какъ же однакожъ? Теперь, когда выстрѣлъ уже сдѣланъ, когда пуля вылетѣла, развѣ можно теперь оставить ихъ такъ?

Энрико. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Надоѣлъ съ этимъ „донъ Грегоріо“... Слушай, прежде всего нужно ее вывести. Черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, какъ-нибудь можно будетъ уладить это дѣло. Между тѣмъ я постараюсь до того времени твоего отца... Но какъ, какъ это сдѣлать?.. А, довольно! Скажи ей, чтобы не плакала, что я подумаю обо всемъ.

Энрико. Я ввѣряюсь вамъ.

Донъ Грегоріо. Ступай, запрись и не отпирай никому, пока не услышишь моего голоса.

Энрико. Милый мой донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Да перестань разъ навсегда! Я теперь, чортъ его знаетъ, въ такомъ положеніи, что не могу слышать даже собственнаго имени.

Энрико. Повинуюсь и предаюсь весь вамъ. Пойду утѣшить мою Джильду и провѣдать, не имѣетъ ли она въ чемъ нужды. *(Уходитъ)*.

Донъ Грегоріо *(одинъ)*. Здѣсь нѣтъ никакого средства поправить. Происходи то, что должно произойти — я не долженъ оставить этихъ молодыхъ людей! Впрочемъ вѣдь зло могло бы быть въ десять разъ хуже. Она не имѣетъ въ себѣ ничего дурного, хорошей фамиліи; а если состояніе ея не большихъ доходовъ, то это еще ничего: маркизъ не имѣетъ нужды въ деньгахъ. Да, смѣлѣе! *(Рѣшительно)*. Молодымъ людямъ помочь! Такъ! Теперь нужно вывести молодую женщину такъ, чтобы никто не видалъ, и съ сегодня я приступаю располагать понемногу маркиза.

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркизъ и донъ Грегоріо.

Маркизъ. А! донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Синіоръ маркизъ! *(Въ сторону)*. Кстати пришелъ!

Маркизъ. Прежде всего, повторяю, позабудьте объ оскорбленіи, которое сегодня поутру...

Донъ Грегоріо. Вы меня поразили, я уже вамъ говорилъ...

Маркизъ. Довольно! Обнимемся *(обнимаются)* и пусть это будетъ послѣднее напоминаніе о случившемся.

Донъ Грегоріо. Въ этомъ будьте увѣрены. *(Въ сторону)*. Вотъ хорошая минута.

Маркизъ. Гдѣ Энрико?

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Вотъ оно! *(Вслухъ)*. Не знаю... можетъ быть, у своего брата.

Маркизъ. Вы еще ничего не говорили съ нимъ?

Донъ Грегоріо. Говорилъ... *(Про себя)*. Да если бъ ты зналъ, о чемъ мы говорили!

Маркизъ. Ну, что жъ онъ? по обыкновенію?..

Донъ Грегоріо. То-есть, если хотите, чтобъ

я вамъ сказалъ правду, то чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе я утверждаюсь въ моемъ подозрѣніи.

Маркизъ. То-есть?..

Донъ Грегоріо. Что этотъ молодой человѣкъ имѣетъ нужду... *(Въ сторону).* Тише, тише, чшъ, донъ Грегоріо! *(Вслухъ)* имѣетъ нужду дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ молодые люди—гулять, разговаривать...

Маркизъ. Вы вѣчно мѣтите въ одно.

Донъ Грегоріо. Что-жъ дѣлать? такъ оно есть. Принимайте мои слова въ какомъ угодно смыслѣ, но нужно, чтобы я сказалъ вамъ то, что думаю. Маркизъ, положимъ руку на сердце: что были, напримѣръ, вы?

Маркизъ. Что хотите сказать вы этимъ?

Донъ Грегоріо. Что былъ я въ молодости?

Маркизъ. Не знаю.

Донъ Грегоріо. Что такое всѣ люди тогда, какъ въ цвѣтѣ лѣтъ кипитъ кровь и когда весь—горящая Этна?

Маркизъ. Фуріи, которыхъ нужно держать на цѣпяхъ.

Донъ Грегоріо. Однакожъ цѣпями не излѣчить зла; лишеніе не уменьшаетъ желанія. Бѣшенство занимаетъ его мѣсто; яркая противоположность становится палачомъ, и юноша гибнетъ невозвратно.

Маркизъ. Посмотримъ, однакожъ, какой результатъ всего этого? Что, показалось вамъ, прочитали вы въ душѣ Энрико? Можетъ быть, вы думаете, что его сердце... Вы обманываетесь: съ методой, которая введена въ моемъ домѣ, со строгостью.

Донъ Грегоріо *(про себя).* Да, поди-ка, посмотри, отопри эту дверь—и ты увидишь, какая тамъ строгость сидитъ.

Маркизъ. Любезный другъ! вы, должно-быть, въ юности были цѣлый дьяволъ?

Донъ Грегоріо. Нѣтъ; я былъ въ юности молодъ, какъ и всѣ другіе, съ движеніями и побужденьями, свойственными этимъ лѣтамъ, и я вижу, что они были бы гораздо хуже, если бы вмѣсто разсудка и совѣтовъ родители мои употребили замки и строгость. Повѣрьте наконецъ, маркизъ, что свѣтъ и общество кажутся несравненно ослѣпительнѣе и прекраснѣе тому, кто слышитъ шумъ ихъ издалека, не видя ихъ, нежели тому, кто проникъ ихъ, имѣя ихъ передъ глазами, и видитъ ихъ въ настоящемъ видѣ. Да, сынъ вашъ, наконецъ, долженъ начать показываться на солнце и вылѣзть изъ этого гроба, гдѣ онъ находится погребеннымъ съ той минуты, какъ родился...

Маркизъ. Да, да, именно изъ одной глупой и, можетъ быть, даже притворной его меланхоліи я ему позволю выходить, видѣть женщинъ, говорить съ ними...

Донъ Грегоріо. Ну, такъ! Какъ только вы станете говорить о женщинахъ, кажется, какъ будто хотите назвать самого дьявола! Мнѣ женщины не представлялись никогда въ этомъ видѣ, и даже скажу вамъ, что я былъ *(въ сторону)*,— отважился! —*(вслухъ)* очень часто ихъ партизаномъ и защитникомъ...

Маркизъ. Браво! прекрасныя правила... Оставимъ, оставимъ этотъ разговоръ. Вы, я вижу, хотите злоупотреблять мною.

Донъ Грегоріо *(про себя).* Это я предвидѣлъ. *(Вслухъ).* Постойте! такъ какъ вы имѣете такого рода опасенія, то зачѣмъ не жените его?

Маркизъ *(вспыхнувъ)* Женить, женить ребенка! Синіоръ донъ Грегоріо, мы увидимся въ другое время. Извините, сегодня вы, мнѣ кажется, не похожи на самого себя.

Донъ Грегоріо *(про себя)* Этого еще недоставало!.. *(Вслухъ)* Я говорю, чтобъ...

Маркизъ. Женить Энрико! Мой отецъ согласился на мою свадьбу тогда только, когда ему было семьдесятъ два года, а мнѣ сорокъ семь...

Донъ Грегоріо. И, однакожъ, вы теперь видите...

Маркизъ. Довольно, довольно! Я не могу обратить никакого вниманія на предложеніе, сдѣланное мнѣ человѣкомъ, который, не сгорѣвъ отъ стыда, назвалъ себя протекторомъ и партизаномъ женщинъ. Вы никогда еще до сихъ поръ не дѣлали мнѣ подобнаго предложенія. Если бъ я это прежде зналъ, я бы, можетъ быть, судилъ о васъ иначе.

Донъ Грегоріо. Не думайте, что я...

Маркизъ. Я извиняю васъ, предполагая, что голова ваша сегодня не въ полномъ разсудкѣ...

Донъ Грегоріо. Вы...

Маркизъ. Не говорите мнѣ теперь, я васъ прошу. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, если хотите, чтобъ мы остались друзьями. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, или я приду въ бѣшенство. *(Уходитъ).*

Донъ Грегоріо *(одинъ).* Теперь прошу посмотрѣть, въ какихъ я нахожусь обстоятельствахъ! Если стану упорствовать въ своихъ рѣчахъ, потеряю его уваженіе — и они тогда погибли... Я нахожусь въ положеніи напакостить себѣ же собственными руками... *(Крякнувъ).* А! терять времени нечего. Постараемся удалить людей изъ столовой, и улучивши первую минуту, вывести отсюда эту несчастную заключенную.

ЯВЛЕНІЕ III.

Леонарда и донъ Грегоріо.

Леонарда. Донъ Грегоріо, намъ нужно кой о чемъ имѣть съ вами довольно длинный разговоръ.

Донъ Грегоріо. Въ другое время, любезная.

Леонарда. Я не прошу, чтобъ вы меня называли любезною.

Донъ Грегоріо. Любезная или нелюбезная, какъ хотите, но теперь я занятъ.

Леонарда. Вы бѣжите?.. Стало-быть, уже знаете, что́ я должна вамъ сказать? Вы?..

Донъ Грегоріо. Что касается до меня, то я не знаю, что́ вы говорите. Послѣ, немного позже, поговорю, когда вы хотите, но теперь не могу. *(Про себя).* Я и безъ того въ довольно хорошемъ расположеніи духа, недоставало еще этой съ длиннымъ разговоромъ. *(Вслухъ).* Увидимся послѣ! *(Уходитъ).*

Леонарда *(одна).* За кого меня принимаетъ донъ Грегоріо? Нѣтъ, онъ не знаетъ Леонарды! Наговорить мальчику, что я не умѣю говорить, наговорить ему, что я пожилая, въ лѣтахъ... Развѣ онъ думаетъ, я не найду минуты поселить въ голову маркиза подозрѣніе насчетъ его? Я не буду женщина, если не отомщу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Леонарда и Пиппетто.

Пиппетто. Ты здѣсь еще?

Леонарда. Оставьте меня въ покоѣ.

Пиппетто. Что такое съ тобою, Леонардушенька?

Леонарда. Оставьте меня, вамъ говорю. Всѣ, всѣ противъ меня! Не можете видѣть меня спокойно. Я вамъ — какъ язва какая... Останетесь довольны: я уйду отсюда. Вы меня больше не увидите.

Пиппетто. Послушай: ты дура! Развѣ и я?..

Леонарда. И вы тоже, и вы тоже.

Пиппетто. Какъ?

Леонарда. Если бъ вы въ самомъ дѣлѣ любили меня, вы бы не могли потерпѣть, чтобы меня презирали и издѣвались надо мною.

Пиппетто. Но чего жъ ты хочешь?

Леонарда. Вы видите, что донъ Грегоріо ищетъ всѣ средства оскорбить меня: поноситъ меня, насмѣхается, говоритъ, что я старуха, и вы не въ состояніи...

Пиппетто. Но скажи мнѣ, дорогой свѣтъ очей моихъ, — это любовное выраженіе я узналъ отъ тебя,—скажи: что́ ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ?

Леонарда. Къ дѣлу! Если любовныя ощущенія ваши точно справедливы, если Леонарда вамъ дѣйствительно такъ дорога, какъ вы говорите, то нужно, чтобъ вы соединились со мною на тотъ конецъ, чтобъ выгнать его изъ этого дома...

Пиппетто. Я охотно, но какъ?..

Леонарда. Оставьте мнѣ все это сдѣлать. Вы только должны мнѣ помогать. Я уже съ нѣкотораго времени замѣчаю, что у него есть въ головѣ какой-то секретъ. Если только я его узнаю — прибавлю, выдумаю кой-что въ придатокъ. Мы его обвинимъ, уличимъ, сдѣлаемъ все. Ты это сдѣлаешь, Пиппетто?

Пиппетто. Довольно будетъ, если...

Леонарда. Сдѣлаешь ли ты это? Или ты больше меня никогда въ глаза не увидишь.

Пиппетто. Сдѣлаю, сдѣлаю все, что̀ хочешь.

Леонарда. Клянись мнѣ въ томъ.

Пиппетто. Но клятва есть...

Леонарда. Не хочешь?

Пиппетто. Клянусь, клянусь!

Леонарда. Такъ теперь я тебя очень люблю.. Теперь ты можешь владѣть моимъ сердцемъ.

Пиппетто. О, моя Леонардушка!.. Леонардушечка моя!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. *(за сценой)* Оставайтесь и не двигайтесь.

Леонарда. Уйдемъ: это онъ!

Пиппетто. Я вѣчно съ тобою.

Леонарда. Помни клятву.

Пиппетто. Да, моя Леонардушка.

Леонарда *(въ сторону).* Я тебѣ отомщу.

Пиппетто *(про себя).* Для Леонарды все сдѣлаю. *(Уходятъ).*

Донъ Грегоріо *(входитъ).* Именно потому, что хочу, чтобъ никого не было, — сегодня всѣ слуги ходятъ за мною по пятамъ. Вывести ее изъ комнаты невозможно; оставить ее до ночи въ этой комнатѣ есть большой рискъ. И потому нѣтъ другого средства, какъ развѣ... *(Говоритъ вполголоса, стуча въ дверь).* Энрико, отоприте! это я. *(Про себя).* Это, мнѣ кажется, лучше всего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Донъ Грегоріо и Энрико.

Энрико. Что, можно ей теперь идти?

Донъ Грегоріо. Нѣтъ! никакъ. нельзя.

Энрико. О, Боже!

Донъ Грегоріо. Я думаю перевести ее сюда, отсюда по лѣстничкѣ въ мою комнату, а изъ моей комнаты, какъ только смеркнется, она можетъ пробѣжать по большой лѣстницѣ.

Энрико. Но она хотѣла идти домой...

Донъ Грегоріо. Хотѣла! И я тоже хотѣлъ, но если нельзя? Лѣстница поминутно наполняется людьми. Сдѣлайте по-моему, ступайте. Я уже заперъ дверь въ залъ, чтобъ никто не взошелъ въ то время, какъ я съ Джильдою пробѣгу. Если вы не будете говорить, то это знакъ, что тамъ

нѣтъ никого, и я заставлю Джильду пересѣсть въ мою комнату. Потомъ можете и вы также войти.

Энрико. Вы думаете, можно провести ее даже туда?

Донъ Грегоріо. Думаю. Не сомнѣвайтесь, ступайте.

Энрико *(про себя).* Я усталъ, перебирая всѣ слова и утѣшенья, чтобъ успокоить Джильду. Я слышу, холодный потъ проступаетъ по мнѣ *(Уходитъ).*

Донъ Грегоріо. Сохрани насъ, Боже, отъ маркиза! Теперь, кажется, нечего бояться. Эта дверь заперта... Въ залѣ на стражѣ Энрико. Вызовемъ теперь ее, бѣдненькую. Я не имѣю даже духа подумать о положеніи, въ которое она меня привела. Съ другой стороны, что́ бы могла сдѣлать строгость? Привела бы только въ совершенное отчаяніе эти двѣ бѣдныя жертвы. Они вѣдь уже мужъ и жена. Нѣтъ никакого средства поправить это дѣло—да, совершенно никакого!.. Не станемъ терять времени. *(Говоритъ вполголоса въ дверь).* Джильда, идите сюда!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Донъ Грегоріо и Джильда.

Джильда *(извнутри комнаты).* Вы?

Донъ Грегоріо. Скорѣе!

Джильда *(входя).* Ради святого Неба, дайте мнѣ средство уйти, по крайней мѣрѣ, домой!

Донъ Грегоріо. Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчасъ никакъ нельзя...

Джильда. Но когда же? скажите, когда?

Донъ Грегоріо. Съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать; будьте покойны.

Джильда. Я готова все дѣлать, что́ вы только мнѣ прикажете.

Донъ Грегоріо. Дочь моя, здѣсь мы не безопасны... Скорѣе, скорѣе идите въ мою комнату!

Джильда. Но если маркизъ...

Донъ Грегоріо. Маркизъ тамъ не можетъ васъ увидѣть.

Джильда *(уходя на цыпочкахъ).* Я въ вашихъ рукахъ; дѣлаю все, что хотите.

Донъ Грегоріо. Вечеромъ потомъ, при удобномъ случаѣ, мнѣ будетъ легко вывести васъ такъ, чтобы никто не замѣтилъ. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Леонарда и Пиппетто.

Леонарда *(отпирая тихо дверь).* Слышалъ?

Пиппетто. Видѣла?

Леонарда. Богъ услышалъ мои молитвы!

Пиппетто. Кажется даже невѣроятно!

Леонарда. Могъ ли бы ты повѣрить этому?

Пиппетто. Никогда въ жизни!

Леонарда. Но мы не видѣли, откуда она вышла.

Пиппетто. Нѣтъ. Я стоялъ передъ замочной скважиной, когда донъ Грегоріо стоялъ тутъ и говорилъ: „Имѣйте крошку терпѣнія!“ Но откуда она могла выйти? Изъ залы ей нельзя было.

Леонарда. Почему нельзя? Улучилъ минуту, когда тамъ никого не было изъ людей. Быть можетъ, онъ былъ принужденъ ввести ее въ эту комнату, потому что кто-нибудь проходилъ въ то время черезъ переднюю, а теперь ведетъ ее въ свою комнату.

Пиппетто. Да, вѣрно, что такъ.

Леонарда. Нужно, чтобъ вы сейчасъ же сказали вашему батюшкѣ.

Пиппетто. Я? Зачѣмъ не скажешь ему этого ты?

Леонарда. Нѣтъ, это принадлежитъ вамъ. Смотрите, если вы этого ему не скажете, больше не увидите Леонарды.

Пиппетто. Не сердись, не сердись, Леонардушка, скажу.

Леонарда. И скажи непремѣнно все.

Пиппетто. Я помню слово въ слово все, что́ было ими сказано.

Леонарда. Слышу точно шаги маркиза. Это онъ. Все скажите, не пропустите ничего.

Пиппетто. Но...

Леонарда. Смотрите, если не скажете ему этого, то Леонарда умерла для васъ. *(Про себя).* Ты теперь попался, гадкій старичишка. *(Уходитъ).*

Пиппетто. Выбранитъ меня отецъ, когда я донесу ему на нашего дядьку. Но вѣдь я говорю правду, стало быть, это доставитъ ему удовольствіе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маркизъ и Пиппетто.

Маркизъ. Зачѣмъ ты вѣчно въ праздности? Зачѣмъ не учишься? Зачѣмъ не услаждаешь себя чтеніемъ какой-нибудь книги или не отдыхаешь за произведеніемъ какого-нибудь ариѳметическаго счета? Донъ Грегоріо долженъ бы...

Пиппетто. Донъ Грегоріо... *(Въ сторону).* У меня дрожатъ колѣни.

Маркизъ. Что дѣлаетъ донъ Грегоріо?

Пиппетто. Занятъ.

Маркизъ. Съ кѣмъ? съ Энрико?

Пиппетто. Фи! совсѣмъ нѣтъ! *(Въ сторону).* У меня недостаетъ голоса, но для Леонардушечки на все рѣшусь.

Маркизъ. Съ кѣмъ же?

Пиппетто *(съ усиліемъ и вскрикнувъ).* Н-

браните меня, не браните!.. съ одною женщиною, которая приведена въ его комнату.

Маркизъ. Что ты смѣешь говорить, дерзкій? Это неправда!

Пиппетто. Убейте меня, если я говорю вамъ ложь.

Маркизъ *(весь въ волненіи)*. Скажи: какъ ты ее видѣлъ?

Пиппетто. Въ замочную скважину, къ которой я приставилъ глазъ изъ любопытства, услышавши голосъ женщины, говорившей шопотомъ.

Маркизъ. Боже! возможно ли? Но откудова она вошла?

Пиппетто. Не знаю. Я только видѣлъ ее, когда она была въ этой комнатѣ.

Маркизъ *(въ сильной тревогѣ)*. Донъ Грегоріо гдѣ былъ?

Пиппетто *(показывая)*. Здѣсь.

Маркизъ. А женщина?

Пиппетто. Онъ держалъ ее подъ руку.

Маркизъ. Можетъ быть, какая-нибудь старуха?

Пиппетто. О нѣтъ, самая молоденькая!

Маркизъ *(въ сторону)*. О, разбойникъ!.. Теперь понимаю можетъ быть, даже сего утра... О, безъ сомнѣнія!.. Но какимъ образомъ? Я весь дрожу... И молодой мальчикъ былъ этому свидѣтель! *(Вслухъ)*. Можетъ, это была какая-нибудь женщина, которая приходила за дѣломъ? Ты не слышалъ, что они говорили?

Пиппетто. Да. „Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчасъ никакъ не могу"—такъ говорилъ донъ Грегоріо.

Маркизъ *(про себя)*. Недостойный!

Пиппетто. А она отвѣчала: „Но когда же? скажите, когда"? А онъ сказалъ: „Съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать".

Маркизъ *(про себя)*. Я не знаю, что меня удерживаетъ. Но какъ же однакожъ?.. Въ продолженіе столькихъ лѣтъ, какъ онъ у меня живетъ, стало быть, онъ обманывалъ меня?.. притворялся?.. О, такъ издѣваться надо мною!.. *(Вслухъ)*. А потомъ они ушли?

Пиппетто. Да, синьоръ, потому что донъ Грегоріо сказалъ: „Здѣсь мы не безопасны. Скорѣе, скорѣе въ мою комнату! тамъ маркизъ не можетъ насъ увидѣть".

Маркизъ *(про себя)*. Чудовище, выскочившее изъ ада! Говорить въ моемъ домѣ подобныя вещи, гдѣ могли слышать эти дѣти... Охъ! *(хватается за сердце)* я боюсь, чтобы не разорвались мои жилы *(Вслухъ)*. И ушли?..

Пиппетто. Въ комнату донъ Грегоріо.

Маркизъ. Сколько будетъ времени тому назадъ?

Пиппетто. Только что, въ эту самую минуту!

Маркизъ *(про себя)*. Я внѣ себя! Иду къ этому мерзавцу! *(Остановясь)*. Но если произойдетъ какая-нибудь сцена, можетъ, даже очевидно скандалезная... Можетъ быть, теперь она ушла уже прочь... Я рискую умереть отъ тоски, однакожъ нужно немножку умѣрить себя, чтобъ не показать этимъ невиннымъ... *(Вслухъ)*. Это ничего не значитъ: дѣвушка имѣла нужду о чемъ-нибудь поговорить... Ступай, ступай въ свою комнату; а объ этомъ и не думай. Тутъ нѣтъ ничего худого.

Пиппетто. Я вамъ сказалъ это, потому что вы любите, чтобъ вамъ говорили все, что дѣлается въ домѣ.

Маркизъ. Хорошо. *(Про себя)*. Я чувствую, что задыхаюсь отъ бѣшенства. *(Ему)*. Сгупай!

Пиппетто *(про себя)*. Я думалъ, что это больше его взволнуетъ! Нужно сказать, что онъ говоритъ противъ женщинъ затѣмъ только, чтобы насъ напугать, а въ душѣ, какъ видно, онъ напротивъ... Это мнѣ даетъ современемъ надежду, что ему можно будетъ изъяснить любовь мою къ Леонардѣ. *(Ему)*. Когда вамъ нужно меня, я буду въ этой комнатѣ. *(Уходитъ)*.

Маркизъ *(одинъ)*. Возможно ли? Въ теченіе десяти лѣтъ... Но, впрочемъ, я ужъ начиналъ и безъ того имѣть подозрѣнія... Предложенія въ пользу женщинъ... кое-какія модныя правила, которыя онъ мнѣ безпрестанно началъ совѣтывать... Недостойный! Я внѣ себя! Счастье, что я самъ глядѣлъ въ оба за своими сыновьями. Но теперь что мнѣ дѣлать? Если я стану кричать, онъ будетъ отпираться, и невинныя дѣти... Попробовать съ помощью какой-нибудь хитрости узнать, есть ли женщина въ его комнатѣ... *(По нѣкоторомъ молчаніи, громко)*. Эй, позвать ко мнѣ донъ Грегоріо!

ЯВЛЕНІЕ X.

Маркизъ и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Что прикажете?

Маркизъ *(про себя)*. А, предатель, ты здѣсь?

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Теперь я покойнѣе, послѣ того, какъ удалось мнѣ провести ее ко мнѣ, такъ что никто не видѣлъ.

Маркизъ. Синьоръ донъ Грегоріо, я позабылъ попросить у васъ одного одолженія.

Донъ Грегоріо. Приказывайте.

Маркизъ. Я ожидаю на-дняхъ племянника моей сестры, котораго я бы хотѣлъ, желая доставить ему болѣе свободы, помѣстить въ вашихъ комнатахъ. Вы, я полагаю, уступите ему охотно на нѣсколько времени, а васъ я переведу на время въ комнату, что возлѣ меня.

Донъ Грегоріо. Почему нѣтъ? Если только это вамъ удобно, вы имѣете полное право.

Маркизъ. Итакъ, я бы хотѣлъ, если вы позволите, на минуточку взойти и посмотрѣть, не нужно ли чего-нибудь поправить.

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Вотъ тебѣ на! *(Вслухъ)*. Любезнѣйшій маркизъ, комната теперь въ безпорядкѣ; еще не убрано ничего.

Маркизъ. Не бѣда. Между нами не нужно комплиментовъ.

Донъ Грегоріо. Вы такъ думаете? Но постель еще не приведена въ порядокъ, платья разбросаны и скомканы, какъ попало, вездѣ на стульяхъ... *(Про себя)*. Небо, помоги мнѣ!

Маркизъ *(начиная горячиться)*. Это ничего... Я хочу посмотрѣть одинъ, не нужно ли что привести въ порядокъ въ комнатахъ—занавѣсы, мебель...

Донъ Грегоріо *(почти хватая его за руки)*. Будьте увѣрены, что такъ, какъ будто новая.

Маркизъ. Нужно будетъ побѣлить каминъ.

Донъ Грегоріо. Я никогда не развожу въ немъ огня.

Маркизъ. Паркетъ?

Донъ Грегоріо. Превосходнѣйшій!

Маркизъ. Окна?

Донъ Грегоріо. Чисты чистѣйшимъ образомъ.

Маркизъ *(про себя)*. Нѣтъ никакого сомнѣнія. Развратникъ, ты уличенъ! *(Вслухъ)*. Вижу, что вы желаете имѣть особенное удовольствіе принять меня въ убранныхъ комнатахъ. Хорошо, я приду завтра утромъ.

Донъ Грегоріо. Съ охотою. Вы сдѣлаете мнѣ большую честь. *(Про себя)*. О, благодареніе небу!

Маркизъ *(про себя)*. Ободрись, адская душа! Чрезъ нѣсколько времени увидишь! Женщина не убѣжитъ. Я самъ буду караулить. *(Вслухъ)*. Больше ничего не нужно.

Донъ Грегоріо. Итакъ, пусть будетъ такъ.

Маркизъ. Завтра... *(Про себя)*. Я весь дрожу.

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Ухъ, какъ я испугался! *(Вслухъ)*. Я вижу, маркизъ, что вы до сихъ поръ еще встревожены, потому что я вамъ говорилъ въ пользу...

Маркизъ. Фи! ничуть. *(Про себя)*. Недостойный боится однакожъ!

Донъ Грегоріо. Что касается до синьора Энрико...

Маркизъ. Я васъ прошу, донъ Грегоріо, теперь вы ему ничего не говорите... для этого будетъ время... *(Про себя)*. Я опасаюсь, что одно дыханіе его заразитъ эту невинную душу.

Донъ Грегоріо. Но повѣрьте, что...

Маркизъ. Нѣтъ, нѣтъ, донъ Грегоріо, отецъ отвѣчаетъ за дѣтей, но дядька... Невинность можетъ быть заражена одною тѣнью только... слова... по примѣру... Если бъ въ эти лѣта, да уже на то... Довольно, Небо, Небо!..

Донъ Грегоріо *(въ изумленіи)*. Какъ?

Маркизъ *(удерживая себя)*. Извините. Прощайте, донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Но...

Маркизъ. Ничего, ничего, прощайте, мой любезный! Вашъ слуга. *(Про себя)*. Гнѣвъ измѣнилъ мнѣ. *(Уходитъ)*.

Донъ Грегоріо *(одинъ)*. Есть ли гдѣ на свѣтѣ этакой взбалмошный старикъ?.. Изъ-за одного только слова, которое я сказалъ ему въ пользу женщинъ... Нѣтъ, я вижу, что нѣтъ никакой надежды въ этомъ дѣлѣ—нужно покамѣстъ объ этомъ и мысль отложить! И если бъ онъ захотѣлъ войти со мною въ мою комнату!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Донъ Грегоріо и Пиппетто.

Пиппетто. Синьоръ донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Что хотите вы?

Пиппетто. Ничего, ничего! *(Проходя сцену)*. Хотѣлъ... но не нужно.

Донъ Грегоріо. Скажите, скажите однакожъ!

Пиппетто. Теперь у васъ есть дѣла... приду послѣ въ вашу комнату.

Донъ Грегоріо. Да говорите здѣсь... Послушайте!

Пиппетто. Безъ комплиментовъ... послѣ, когда вамъ будетъ свободнѣе...

Донъ Грегоріо. Но однакожъ...

Пиппетто. Послѣ, синьоръ донъ Грегоріо, послѣ... *(Въ сторону, спѣша удалиться)*. Хорошо, хорошо: онъ смутился; Леонарда будетъ довольна. *(Уходитъ)*.

Донъ Грегоріо. Я просто съ досады убилъ бы себя. Никогда не привыкши притворяться, мнѣ кажется, что всѣ воображаютъ какой-то секретъ. Этотъ тоже хотѣлъ войти въ мою комнату!.. Нѣтъ, нечего терять времени; какъ только потемнѣетъ, сей же часъ ее вывесть. Нѣтъ никакой надежды устроить это дѣло.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Леонарда и донъ Грегоріо.

Леонарда. Слуга ваша, донъ Грегоріо. Вы очень заняты?

Донъ Грегоріо. Нужно не дать подозрѣнія. *(Вслухъ)*. Нѣтъ, напротивъ.

Леонарда. Къ чему, къ чему это! Безъ церемоній!

Донъ Грегоріо. Я говорю вамъ...

Леонарда. Со мною вы не имѣете времени говорить.

Донъ Грегоріо. Вы ошибаетесь...

Леонарда. Я это знаю, я это знаю... я старуха.

Донъ Грегоріо. Я никогда...

Леонарда. Но кто напримѣръ молодъ...

Донъ Грегоріо. Что такое вы говорите?

Леонарда. Гдѣ тонко, тутъ и рвется.

Донъ Грегоріо. Какъ такъ.

Леонарда. А кто дольше пождетъ, тотъ послѣ возьметъ.

Донъ Грегоріо. То-есть, Леонарда?..

Леонарда. Ничего.

Донъ Грегоріо *(съ сердцемъ)*. Провались ты! *(Про себя)*. Даже странно, право: всѣ со всѣхъ сторонъ доѣзжаютъ меня. Дьяволъ! кончится ли это? *(Уходитъ)*.

Леонарда. А, попался! Ты наконецъ уничтоженъ! ты уничтоженъ! *(Уходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо, Энрико и Джильда.

Донъ Грегоріо *(весь въ волненіи, прохаживаясь взадъ и впередъ)*. Если бъ вы знали, какъ я весь дрожу!.. Провались самъ Вакхъ.

Джильда. Ради Бога, пустите меня, я уйду!

Донъ Грегоріо. Но какъ хотите вы это сдѣлать? Теперь это невозможно!

Джильда. Клянусь, я умру съ тоски. *(Приставляя ухо)*. Вонъ онъ! Я слышу, это его голосъ... Бернардинъ мой!

Донъ Грегоріо. Это невозможно, это дѣло воображенія: окна мои обращены совершенно въ противоположную сторону.

Джильда. Да, я слышу плачъ его...

Энрико. Исполните ея просьбу!

Донъ Грегоріо *(съ сердцемъ)*. Когда и вы еще съ своей стороны принимаетесь говорить то же, то достойны, чтобъ я вамъ на это отвѣчалъ пушкою. Какъ это сдѣлать, когда дверь залы отперта для всѣхъ, и когда слуги уходятъ и приходятъ безпрестанно! Я уже вамъ сказалъ, что у маркиза этотъ вечеръ, кажется, огонь въ ногахъ: два раза встрѣтилъ я его, какъ онъ всходилъ взадъ и впередъ по лѣстницѣ, то въ гардеробъ, то въ библіотеку. Кажется, что этотъ вечеръ дьяволъ нашептываетъ ему на уши. Что бы могло произойти, если бъ онъ увидѣлъ выходящую изъ моей комнаты женщину въ этотъ часъ! За кого онъ приметъ ее? Боже сохрани!

Джильда *(плача)*. Итакъ, бѣдное, невинное дитя должно умереть съ голоду? Сынъ мой, Бернардинъ мой, милый Бернардинъ мой, тебѣ отказываютъ въ пищѣ, которую звѣрямъ, даже самымъ презрѣннѣйшимъ твореніямъ природа даетъ въ груди матери.

Энрико. Мое сердце разрывается.

Донъ Грегоріо. Не бойтесь, отъ этого онъ не умретъ. Здѣсь вы безопасны; но, рискуя открыть себя, вы погубите себя, своего мужа...

Джильда *(въ тоскѣ)*. Бернардинъ мой, сынъ мой!... Нѣтъ, это не мать твоя, нѣтъ, это не я отказываю тебѣ въ пищѣ! мать твоя терзается больше, чѣмъ ты. О, Боже!.. тоска, бѣшенство!.. Нѣтъ, я не могу. *(Вырывается)*. Пустите! пустите! Происходи, что хочетъ,—я слышу, онъ плачетъ... Пустите меня, или я закричу, я стану кричать.

Донъ Грегоріо. Вы сумасшедшая!

Джильда. И потому пустите меня!

Донъ Грегоріо. Теперь возись съ этой!..

Энрико. Милый донъ Грегоріо!

Джильда. Если только есть у васъ сердце въ груди...

Донъ Грегоріо. Но если...

Джильда. Если бъ вы знали когда-нибудь, что такое любить свое дитя.

Энрико. Милый донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Что долженъ я...

Джильда. Ради этихъ слезъ матери...

Донъ Грегоріо. Но какъ, какъ хотите вы, чтобъ я сдѣлалъ? Будетъ просто гибель.

Энрико *(приближаясь къ Джильдѣ)*. Бѣдная Джильда!

Джильда *(въ тоскѣ)*. Несчастное невинное твореніе!

Донъ Грегоріо. Я чувствую, разрывается мое сердце... *(Думая)*. Здѣсь нѣтъ другого средства... пусть говоритъ, что хочетъ, свѣтъ. Дѣло идетъ о любви матери... о помощи двумъ несчастнымъ...

Джильда. Итакъ...

Энрико. Милый донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Вы ничего не имѣете говорить, какъ только: донъ Грегоріо, донъ Грегоріо!.. *(Въ отчаяніи)*. Что вы мнѣ надѣлали! Постойте... нужно будетъ... Но вы хотите имѣть своего сына?

Джильда. Да, отъ самаго утра онъ не имѣлъ никакой пищи. Я слышу плачъ его, въ домѣ никого нѣтъ кромѣ Маделены, бѣдной старухи, которая больна. Изъ состраданія, изъ человѣколюбія я прошу у васъ сына...

Донъ Грегоріо *(ударивши себя по лбу)*. О Боже, что я принужденъ дѣлать! *(Про себя)*. Но какъ же сдѣлать это иначе? какъ? *(Вслухъ)*. Первый этажъ?

Джильда. Да.

Донъ Грегоріо. Большая дверь?

Джильда. Да, по лѣвую руку.

Донъ Грегоріо. Дайте мнѣ какой-нибудь знакъ.

Джильда *(снимая поспѣшно съ руки браслетъ).* Возьмите!

Энрико. Вы идете сами развѣ?

Донъ Грегоріо. Имя ребенку Бернардино?

Джильда. Да; милый Бернардинъ мой!

Донъ Грегоріо *(мѣшаясь).* Плащъ и шляпа тамъ внизу. Свѣчи не нужно. Въ случаѣ... Нѣтъ, не зачѣмъ... Да, здѣсь нужно присутствіе духа.

Энрико. Браво! Браво!

Джильда. Вы идете сами?.. О, какъ вы добры! Богъ да благословитъ васъ!

Донъ Грегоріо. О, какой безразсудный поступокъ вы заставляете меня сдѣлать! *(Про себя).* Эта имѣетъ однакожъ что-то такое въ себѣ, что, признаюсь, подвинуло бы меня еще на худшее, чѣмъ сдѣлалъ Энрико. *(Вслухъ).* Теперь иду... Заприте. Не отпирайте, если не назову васъ по имени. Вы останетесь съ ней... Я сію минуту возвращусь... Я не знаю, что́ говорю... Если маркизъ меня встрѣтитъ, я умру... *(Про себя).* Вотъ тебѣ—дядька сдѣлался нянькою!.. Критикуйте, критикуйте вы, важные, любящіе нахмуривать брови! Я бы желалъ посмотрѣть на васъ въ этакомъ положеніи! *(Вслухъ).* Заприте, заприте! *(Уходитъ).*

Джильда. Энрико мой! Происходи, что́ хочетъ, но когда я буду имѣть въ рукахъ своихъ сына, снесу съ большею твердостію всякое несчастіе.

Энрико. Теперь, когда донъ Грегоріо, благодаря тебѣ, принялъ въ насъ участіе, я надѣюсь, что все устроится.

Джильда. Ахъ, если когда-нибудь мы достигнемъ того, что будемъ, наконецъ, свободны и покойны, какъ всѣ жены съ своими мужьями, я бы хотѣла, чтобы утро, вечеръ и всегда и еще всегда мы были бы вѣчно одинъ возлѣ другого, разговаривая и бесѣдуя между собою вѣчно.

Энрико. Наконецъ тебѣ бы это надоѣло.

Джильда. Я тебѣ кляпусь, что чѣмъ больше тебѣ говорю, тѣмъ болѣе растетъ во мнѣ желаніе говорить тебѣ. И потомъ, когда, кажется, я тебѣ пересказала и переговорила все, какъ только ты удалишься отъ меня, нахожу вѣчно, что позабыла тебѣ сказать еще много кое-какихъ вещей.

Энрико. И сердцамъ, которыя такъ созданы одно для другого, не даютъ жить вмѣстѣ!

Джильда. Но теперь будь покоенъ, скоро все уладится. Мое сердце говоритъ мнѣ это, а сердце мое не обманываетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и маркизъ.

Маркизъ *(стуча въ дверь).* Отвори!

Джильда *(вскрикивая).* Ахъ!

Энрико. Не отворяй: это отецъ мой! Я погибъ.

Маркизъ. Женщина, отвори! не производи шума!

Джильда *(рѣшительно).* Не бойся, Энрико; спрячься и оставь все мнѣ! Или уже твой отецъ знаетъ объ этомъ, или здѣсь есть какая-нибудь двусмысленность; во всякомъ случаѣ, позволь, обработаю это я.

Энрико *(въ отчаяніи).* Я погибъ!

Маркизъ. Чортъ побери, отопри, или я разломаю дверь.

Джильда *(возвышая голосъ).* Синьоръ, кто вы?

Маркизъ. Господинъ дома.

Джильда *(принуждая Энрико спрятаться).* Не бойся, здѣсь я. Ступай, ступай, повинуйся твоей Джильдѣ!

Энрико. Я тебѣ повинуюсь... Смотри, подумай... Я внѣ себя. *(Уходитъ въ дверь).*

Маркизъ *(кричитъ вполголоса).* Отвори, или я сейчасъ же выломаю дверь.

Джильда. Терпѣнья, синьоръ! Размыслите только о томъ, что я не знаю васъ вовсе; однакожъ, при всемъ томъ я хочу показать, что уважаю васъ!.. Я отопру вамъ дверь, но прошу васъ не употребить во зло моей довѣренности и не нарушить правъ гостепріимства *(отпираетъ).*

Маркизъ *(въ гнѣвѣ).* Безстыдная женщина!

Джильда. Тише, синьоръ! Вы знаете меня?

Маркизъ. Молодая женщина, въ этотъ часъ въ комнатѣ донъ Грегоріо, даетъ очень хорошо знать, кто она: не нужно болѣе никакихъ изъясненій.

Джильда. Это меня изумляетъ, синьоръ! Вы почитаете меня за презрѣнную...

Маркизъ. Увольте меня отъ этихъ словъ! Всѣ женщины вашего разбора обыкновенно говорятъ такимъ образомъ.

Джильда. Какъ? *(Про себя).* Онъ въ заблужденіи; тутъ нужна осторожность.

Маркизъ. Прошу васъ знать, что я имѣю двухъ мальчиковъ, двухъ, можно сказать, голубей невинности. Вы видите по глазамъ моимъ и по лицу, какое усиліе я дѣлаю надъ самимъ собою, чтобы не произвести сцены, въ которую бы бросило меня мое негодованіе,—единственно только, чтобы не доставить соблазна дѣтямъ моимъ... Ступайте со мною.

Джильда. Но что́ вы хотите дѣлать?

Маркизъ. Когда этотъ чудовище донъ Грегоріо возвратится, то онъ не долженъ васъ найти здѣсь. Но я васъ покажу ему потомъ, чтобъ онъ не могъ отпереться.

Джильда. Синьоръ, успокойтесь на минуту, всмотритесь въ лицо мнѣ и разувѣрьтесь: я дочь полковника.

Маркизъ. Кто бы вы ни были, стыдитесь говорить свое имя, ибо, такъ какъ вы уже впали въ безславіе, будучи обольщены...

Джильда. Но...

Маркизъ. Молчите, я не въ силахъ...

Джильда. Но выслушайте!

Маркизъ. Что́ вы хотите еще говорить? Я очень хорошо знаю свѣтъ... Я знаю все до послѣдняго слова, что́ вы говорили съ этимъ безнравственнымъ человѣкомъ.

Джильда. Синьоръ...

Маркизъ. Что? извиненья? предлоги? Знаю, извѣстенъ обо всемъ этомъ. Все ложь!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо *(стуча въ дверь)*. Джильда, это я! это донъ Грегоріо!

Джильда. Любезный мой...

Маркизъ *(вполголоса)*. Молчите, если не хотите, чтобъ я взбѣсился.

Донъ Грегоріо. Отоприте, это я несу все съ собою.

Маркизъ. Удалитесь, говорю вамъ, или я сдѣлаюсь звѣремъ.

Джильда *(про себя)*. Не нужно сердить его... *(Вслухъ)*. Синьоръ, не отъ страха, но чтобъ показать вамъ мое повиновеніе, я удаляюсь. *(Про себя)*. Боже! какая минута должна наконецъ произойти! *(Уходитъ)*.

Донъ Грегоріо. Скорѣе, скорѣе!

Маркизъ. Потише, не такъ горячись! *(Отпираетъ проворно дверь и становится такимъ образомъ, чтобъ донъ Грегоріо, вошедши, его не видѣлъ)*.

Донъ Грегоріо *(входитъ съ ребенкомъ въ рукахъ подъ плащомъ)*. Чортъ возьми! можно ли такъ долго не отворять! Боялся всякую минуту этого стараго сатира маркиза.

Маркизъ *(голосомъ прерывающимся и дрожащимъ отъ гнѣва)*. Вотъ онъ—старый сатиръ, здѣсь.

Донъ Грегоріо вскрикиваетъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ и ищетъ, куда бы спрятать ребенка.

Маркизъ. Развратный старичишка! Смотри, въ какое положеніе ты меня привелъ! Смотри: я въ параличѣ отъ гнѣва.

Донъ Грегоріо *(про себя)*. А я, если не пораженъ до сихъ поръ апоплексическимъ ударомъ, такъ это просто чудо. *(Не въ состояніи будучи произнести слова)*. Синьоръ... мар...кизъ...

Маркизъ. Безстыдный! *(Приближаясь къ нему потихоньку, задыхающимся голосомъ, едва въ состояніи произнести слово)*. Въ этотъ часъ молодая женщина... въ моемъ домѣ... гдѣ невинныя... ничего еще не знающія мои дѣти... А, истинный волкъ, приставленный стеречь ягнятъ!..

Донъ Грегоріо *(не въ состояніи произнести одного слова)*. Синьоръ... мар...кизъ...

Маркизъ *(приближаясь къ нему все побли-же, почти наступая на него и наконецъ замѣтивъ, что тотъ хочетъ что-то скрыть подъ плащомъ)*. Что тамъ такое? Что́ подъ плащомъ?

Донъ Грегоріо. Синьоръ мар...кизъ... совершенно ничего. Это ни сё, ни то... это вздоръ.

Маркизъ *(гнѣвно)*. Какъ, ни сё, ни то?

Донъ Грегоріо. Это пустякъ. *(Про себя)*. Ухъ, я падаю въ обморокъ!

Маркизъ. Покажите, или я потеряю къ вамъ послѣднее уваженіе.

Донъ Грегоріо. Это дѣло мое приватное...

Маркизъ. Нѣтъ, вы отъ меня не закроете... *(Схватываетъ за одинъ конецъ плащъ, открываетъ ребенка)*.

Донъ Грегоріо. Ахъ, любезный маркизъ!

Маркизъ *(дрожа)*. Что вижу!

Донъ Грегоріо *(минуты двѣ остается неподвижнымъ въ совершенной нерѣшительности, совершенно потерянный, съ открытымъ ребенкомъ, и смотря пристально въ глаза маркизу)*. Это, маркизъ, ничего.

Маркизъ. И кто послѣ этого удержитъ меня, чтобъ я не потерялъ разсудка и чтобъ этими моими руками... *(Бросается на донъ Грегоріо)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Джильда.

Джильда *(выхватывая сына изъ рукъ донъ Грегоріо)*. Маркизъ, что вы дѣлаете? Это мой сынъ! это ваша кровь!

Маркизъ. Это моя кровь! Ахъ, ты, безстыдная!

Джильда. Да, и никто не въ силахъ исторгнуть его изъ рукъ моихъ. *(Про себя, прижимая и цѣлуя ребенка)*. Тутъ нужно будетъ дѣйствіе занять изъ романа.

Маркизъ. Безстыдная! моя кровь!

Донъ Грегоріо *(про себя, крякнувъ)*. А, будь то, что должно быть! *(Вслухъ)*. Да, маркизъ, все открыто. Это ваша кровь!

(Джильда уходитъ).

Маркизъ. Какъ, безстыдный!

Донъ Грегоріо. Къ чему послужитъ отрекаться? Маркизъ, бросьтесь въ мои объятья!

Маркизъ *(отталкивая его)*. Къ чорту ступай въ объятья!

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Тутъ нужна ка-

менная грудь... *(Вслухъ)*. Выдьте изъ заблужденія и не отнимайте изъ-за одной обманчивой наружности отъ меня того уваженія, которое я заслужилъ отъ васъ въ продолженіе десяти лѣтъ.

Маркизъ. Какъ!

Донъ Грегоріо. Знайте...

Маркизъ. Что?

Донъ Грегоріо *(крякнувъ, про себя)*. А, все за однимъ разомъ!.. *(Вслухъ)*. Эта молодая женщина—жена, а этотъ ребенокъ—сынъ...

Маркизъ. Чей?

Донъ Грегоріо. Энрико, вашего сына.

Маркизъ *(въ бѣшенствѣ)*. Ахъ! Измѣна! Точно ли? Правда ли это? Я умерщвленъ... Предатели!.. Недостойные!.. Вы хотите гробъ мнѣ приготовить? Да, вы этого достигли. Да, вы успѣли въ этомъ. *(Въ совершенномъ отчаяніи)*.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Нужно теперь дать ему испариться.

Маркизъ. Сынъ неблагодарный! Но нѣтъ, если ты, точно, въ этомъ преступникъ, ты болѣе не сынъ мой. Но справедливо ли это?

Донъ Грегоріо *(со страхомъ)*. Справедливо. *(Про себя)*. Послѣ того, какъ ударъ уже данъ, прилично дать время, чтобы стекла кровь.

Маркизъ. Говорите мнѣ, говорите скорѣе, что лжете, а не то бѣшенство мое перейдетъ всѣ границы! Столько отеческой любви, столько стараній, столько заботъ!.. Варвары, трепещите! Я покажу вамъ, кто я.

Донъ Грегоріо. Испарьтесь немного, маркизъ, испарьтесь, утишитесь, успокойтесь.

Маркизъ. Какъ! еще оскорблять меня, еще оскорбленіе!

Донъ Грегоріо. Нѣтъ, Боже сохрани отъ того! Право, нѣтъ!

Маркизъ. Да, прежде всего я долженъ испарить свой гнѣвъ на тебѣ, который былъ гнуснымъ, безчестнымъ посредникомъ...

Донъ Грегоріо. О! тише, маркизъ!

Маркизъ *(сраженный останавливается)*. Я внѣ себя.

Донъ Грегоріо. Донъ Грегоріо не позволитъ наносить себѣ оскорбленій. Вы достойны извиненія, когда ослѣпляетъ васъ гнѣвъ; но не оскорбляйте чести человѣка честнаго, каковъ я. Только сего утра Энрико, удрученный слезами и горемъ, открылъ мнѣ тайну. Молодая женщина, которую видите, пришла плакать тоже въ то время, какъ вы пришли сюда. Чтобъ избавить и пощадить васъ отъ подобной неожиданности, я скрылъ ее, не имѣя возможности дать ей уйти отсюда, въ моей комнатѣ. Необходимость кормить ребенка заставила меня идти взять его въ то время, когда вы, не знаю изъ какого подозрѣнія, пришли поймать меня. Клянусь всею святостью чести, что до самаго сего утра я ничего не зналъ объ этомъ. И Энрико удалось скрыть свое супружество въ теченіе цѣлаго года, какъ отъ вашихъ глазъ, такъ равномѣрно и отъ моихъ.

Маркизъ. Измѣнникъ! предатель!

Донъ Грегоріо. Все, что вамъ говорю—правда, и я тысячами клятвъ готовъ подтвердить ее. Зло сдѣлано; средства противъ него нѣтъ никакого. Дайте мѣсто разсудку и успокойте себя тѣмъ, что могло бы сдѣлаться хуже. Молодая женщина есть дочь полковника Таллемани, котораго вы знали очень хорошо и котораго званіе не ниже вашего. Если она не богата, то это замѣняютъ ея прекрасныя качества души, дѣлающія ее достойною любви вашего сына и вашего прощенія.

Маркизъ *(въ бѣшенствѣ)*. Прощенія! Слушайте, донъ Грегоріо! Я внѣ себя. Я не увижу никогда сына моего!.. Безъ моего согласія... на позоръ мнѣ... Будь она дочь владѣтельнаго принца, короля... Имѣть жену!.. мой сынъ!.. пусть сію же минуту идутъ вонъ изъ моего дома! Пусть скитаются бродягами, умирая отъ голода! И на нихъ, и на дѣтей ихъ моя отческая рука наноситъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Джильда *(съ сыномъ на рукахъ, сопровождаемая Энрикомъ)*.

Джильда *(почти въ смѣломъ движеніи неистовства)*. Окаменѣй при видѣ пораженной отчаяніемъ, которая, прежде чѣмъ поразятъ слова твои это невинное твореніе, хочетъ разодрать его на части сію же минуту! Смотри!.. *(Дѣлая движеніе убить его)*.

Маркизъ *(въ страхѣ, останавливая ее)*. Чшъ! Чшъ!.. Что ты дѣлаешь? Извергъ! развѣ ты не мать?

Джильда *(твердымъ голосомъ)*. А ты что дѣлаешь? развѣ ты не отецъ?

Маркизъ *(остановившись, про себя)*. О, Небо! какой отвѣтъ!

Джильда *(продолжая)*. Вы гоните, грозите, проклинаете — и послѣ всего этого вы отецъ? И развѣ эти молніи проклятій не хуже въ нѣсколько разъ неистовства матери противъ сына въ то время, когда она видитъ, какъ поражаетъ его проклятіе?

Энрико *(тихо)*. Браво, Джильда!

Донъ Грегоріо. Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ!

Маркизъ *(про себя)*. О, какое потрясеніе произвела во мнѣ эта неожиданность!

Энрико. Я преступникъ, я заслужилъ всю силу гнѣва вашего, но я требую отъ васъ милосердія.

Джильда. Простите Энрика и поразите наказаніемъ меня: я виновна.

Маркизъ *(про себя)*. Ахъ, я чувствую, что заслуживаю упреки и что я отецъ.

Джильда. Это случилось не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ.

Энрико. Меня принудила честь.

Джильда. Если вы отецъ...

Энрико. Я также отецъ.

Джильда. Любовь насъ побѣдила.

Энрико. Изъ любви я преступникъ.

Маркизъ *(про себя)*. И любовь, и долгъ берутъ верхъ. *(Обращаясь къ донъ Грегоріо)*. Точно ли она дочь Тампіани?

Донъ Грегоріо. Она сама лично.

Маркизъ. Вы точно законные супруги?

Энрико. Точно; въ этомъ вамъ клянусь.

Маркизъ. И васъ благословило небо?

Джильда. Въ этомъ будьте увѣрены.

Маркизъ *(послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительности и противоборства съ самимъ собою)*. Хорошо, я васъ прощаю, обнимаю васъ и благословляю васъ, также вмѣстѣ съ тѣмъ и плодъ вашъ.

Донъ Грегоріо. О! браво, маркизъ!

Энрико. Мой дражайшій родитель!

Джильда *(цѣлуя сына)*. Я умираю отъ радости.

Донъ Грегоріо. Дайте сюда это невинное твореніе. Такъ какъ оно теперь заснуло, то, чтобы какъ-нибудь мы нашею радостію не потревожили, дайте его сюда мнѣ!

Джильда. Ахъ, да, я вамъ ввѣряю его, донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Не сомнѣвайтесь. Я въ этомъ дѣлѣ опытенъ... Положимъ его въ люльку. *(Въ сторону)*. Какъ похожъ на отца! Точно двѣ капли воды. *(Уходитъ и возвращается)*.

Маркизъ. Я принесъ моимъ негодованьемъ жертву небу. Голосъ свыше говоритъ мнѣ и упрекаетъ меня въ излишней строгости, онъ же пророчитъ мнѣ счастливую будущность. Не обманите сладкихъ надеждъ моихъ!

Энрико. Нѣтъ, отецъ мой!

Джильда. Не бойтесь! Не думайте также, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ хотѣла убить Бернардино моего. Нѣтъ, я это сдѣлала только для того, чтобъ потрясти и испугать васъ.

Маркизъ. Понимаю. Послѣ вы мнѣ должны разсказать, какъ вы могли...

Джильда. Да, послѣ, когда вы успокоитесь совершенно.

Энрико. Все это знаетъ донъ Грегоріо.

ЯВЛЕНІЕ VI и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же, Леонарда и Пиппетто.

Пиппетто. Синьоръ отецъ, мы слышали все. И такъ какъ уже вы начали, то и продолжайте. Сдѣлайте также счастливыми навсегда эти двѣ любящія другъ друга души.

Маркизъ. Что ты несешь за чертовщину? Я ничего не понимаю.

Донъ Грегоріо. Вотъ тебѣ разъ! Провалъ возьми!

Пиппетто. Любовь глубоко просверлила мое сердце.

Маркизъ. Дуракъ! Что́ ты такое вообразилъ себѣ? Что́ ты задумалъ? *(Приходитъ въ гнѣвъ)*.

Пиппетто. Соедините наши руки такъ же, какъ нѣжно соединены наши сердца.

Маркизъ *(про себя)*. Во снѣ ли я, или просто въ бреду? *(Вслухъ)*. Ты говоришь серьезно?

Джильда. Могъ ли ты это думать, Энрико?

Энрико *(Джильдѣ)*. Конечно, потому что Леонарда всегда водила его за носъ.

Маркизъ. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Синьоръ маркизъ, я просто превратился въ камень.

Пиппетто. Итакъ... *(Тихо Леонардѣ)*. Скажи теперь ты что-нибудь такое, какъ говорила эта. *(Указываетъ на Джильду)*.

Маркизъ. Ты смѣешься что ли надо мною? *(Обращаясь къ Леонардѣ)*. А ты, въ твои лѣта, глупая женщина! ты хочешь развѣ испытать мое терпѣніе?

Леонарда *(про себя)*. Дѣло пошло плохо. По необходимости нужно теперь сыграть роль добродѣтельной. *(Вслухъ)*. Синьоръ, и вы могли думать, что я все это говорила серьезно? Я обманывала нарочно этого мальчика, представляя, будто сохраняю къ нему любовныя ощущенія, единственно на тотъ конецъ, чтобы онъ не искалъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ совратиться съ пути добродѣтели, а по правдѣ я даже и во снѣ не думала о немъ.

Пиппетто. Невѣрная! измѣнница! Итакъ, ты меня обманула? Итакъ, были ложны твои клятвы, притворны твои слезы? Любовники, любовники! Если эти прекрасныя уста лгали, какія же послѣ этого могутъ говорить правду?

Маркизъ *(вскрикивая на него)*. Перестань! Замолчи, дуракъ!

Пиппетто. Да, отецъ мой! Небо наказываетъ меня за то, что я не слушалъ вашихъ наставленій. Повѣрьте мнѣ, что разлученіе съ этимъ сердцемъ сто́итъ мнѣ горькихъ слезъ.

Маркизъ. Донъ Грегоріо! и этого вы также не могли предвидѣть?

Донъ Грегоріо. Но кто бы могъ предполагать, маркизъ, чтобы женщина въ эти лѣта...

Леонарда *(съ сердцемъ)*. Прошу не оскорблять меня, донъ Грегоріо.

Маркизъ. Ты ступай прочь и приготовься-ка отдать отчетъ въ твоемъ поведеніи; если только въ самомъ дѣлѣ въ немъ есть какой-нибудь соблазнъ, и ты, пользуясь слабоуміемъ этого мальчишки...

Леонарда. Что касается до меня, то вы убѣдитесь, что я чиста, какъ кристаллъ. Я повинуюсь вамъ, но не могу удержаться, чтобъ не сказать, что донъ Грегоріо есть настоящая причина моей гибели и что ревность его виною, что со мною поступаютъ такимъ образомъ. *(Уходитъ)*.

Маркизъ. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. И вы еще слушаете ее, маркизъ?

Маркизъ. Вы правы. Она не заслуживаетъ никакого довѣрія. Изъ всего этого, что случилось, я вижу, что излишняя строгость и смотрѣніе не суть еще средства къ хорошему воспитанію дѣтей.

Донъ Грегоріо. И вы потомъ согласитесь со мною, что воспитаніе молодыхъ людей должно образоваться силою кротости, совѣтовъ, примѣра, и показывая имъ свѣтъ осторожно, съ благоразумiемъ, въ его настоящемъ видѣ, чуждомъ фанатизма его жаркихъ защитниковъ, такъ же, какъ и ложнаго о немъ понятія людей предубѣжденныхъ...

Маркизъ. Правда. Пиппетто, между тѣмъ, чрезъ нѣсколько днéй отправится путешествовать и узнать немного людей.

Пиппетто. И скрыться изъ вида этой неблагодарной! *(Про себя)*. Кажется, даже невозможно: подъ этакою наружностію и такая лживая душа.

Маркизъ. Вы, донъ Грегоріо, будете сопровождать его, и пусть случившееся сдѣлаетъ васъ болѣе проницательнымъ въ подобныхъ случаяхъ.

Донъ Грегоріо. Я этимъ воспользуюсь. Никогда не позволю молодымъ неопытнымъ людямъ находиться возлѣ пожилыхъ женщинъ, хотя бы даже онѣ были старѣе дьявола.

Маркизъ. Вы, дѣти мои, останетесь со мною. Любите меня и любите другъ друга.

Энрико. Это мы сдѣлаемъ отъ всѣхъ сердецъ нашихъ.

Джильда. Отъ всей души.

Маркизъ. Я этого надѣюсь. И вотъ вдругъ и разомъ избавился я отъ долговременнаго заблужденія.

Энрико. А сынъ вашъ отъ страха.

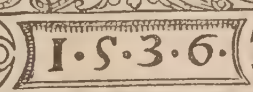
Джильда. А жена его отъ горестей.

Донъ Грегоріо. А бѣдный дядька отъ своего затруднительнаго положенія.

1840 г.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣлью этой книги—показать, въ какой полнотѣ и внутренней глубокой связи совершается наша литургія, юношамъ и людямъ, еще начинающимъ, еще мало ознакомленнымъ съ ея значеніемъ. Изъ множества объясненій, сдѣланныхъ Отцами и Учителями, выбраны здѣсь только тѣ, которыя доступны всѣмъ своей простотою и доступностью, которыя служатъ преимущественно къ тому, чтобы понять необходимый и правильный исходъ одного дѣйствія изъ другого *). Намѣренье издающаго эту книгу состоитъ въ томъ, чтобы утвердился въ головѣ читателя порядокъ всего. Онъ увѣренъ, что всякому, со вниманьемъ слѣдующему за литургіею, повторяя всякое слово, глубокое внутреннее значеніе ея раскрываться будетъ само собою.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Божественная литургія есть вѣчное повтореніе великаго подвига любви, для насъ совершившагося. Скорбя отъ неустроеній своихъ, человѣчество отвсюду, со всѣхъ концовъ міра взывало къ Творцу своему—и пребывавшіе во тьмѣ язычества и лишенные боговѣдѣнія—слыша, что порядокъ и стройность могутъ [быть] водворены въ мірѣ только Тѣмъ, Который въ стройномъ чинѣ повелѣлъ двигаться мірамъ, отъ Него созданнымъ. Отовсюду тоскующая тварь звала своего Творца. Воплями взывало все къ Виновнику своего бытія, и вопли эти слышнѣй слышались въ устахъ избранныхъ и пророковъ. Предчувствовали и знали, что Создатель, скрывающійся въ созданіяхъ, предстанетъ Самъ лицомъ къ человѣкамъ, — предстанетъ не иначе, какъ въ образѣ того созданія своего, созданнаго по Его образу и подобію. Вочеловѣченіе Бога на землѣ представлялось всѣмъ, по мѣрѣ того, какъ сколько-нибудь очищались понятія о божествѣ. Но нигдѣ такъ ясно не говорилось объ этомъ, какъ у пророковъ богоизбраннаго народа. И самое чистое воплощеніе Его отъ чистой Дѣвы было предслышиваемо даже и язычниками; но нигдѣ въ такой ощутительно видной ясности, какъ у пророковъ.

Вопли услышались: явился въ міръ, Имъ же міръ бысть; среди насъ явился въ образѣ человѣка, какъ предчувствовали, какъ предслышали и въ темной тьмѣ язычества, но не въ томъ только, въ какомъ представляли Его неочищенныя понятія — не въ гордомъ блескѣ и величіи, не какъ каратель преступленій, не какъ судія, приходящій истребить однихъ и наградить другихъ. Нѣтъ! послышалось кроткое лобзаніе брата. Совершилось его появленіе образомъ, только одному Богу свойственнымъ, какъ прообразовали его божественно пророки, получившіе повелѣніе отъ Бога...

ПРОСКОМИДІЯ.

Священникъ, которому предстоитъ совершать литургію, долженъ еще съ вечера трезвиться тѣломъ и духомъ, долженъ быть примиренъ со всѣми, долженъ опасаться питать какое-нибудь недовольствіе на кого бы то ни было. Когда же наступитъ время, идетъ онъ въ церковь; вмѣстѣ съ діакономъ поклоняются они оба предъ царски-

*) Всѣ прочіе, которые бы захотѣли узнать болѣе таинственныя и глубокія объясненія, могутъ найти ихъ въ сочиненіяхъ патріарха Германа, Іереміи, Николая Кавасила, Симеона Солунскаго, въ Старой и Новой Скрижали, въ объясненіяхъ Дмитріева и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ.....

ми вратами, цѣлуютъ образъ Спасителя, цѣлуютъ образъ Богородицы, поклоняются ликамъ святыхъ всѣхъ, поклоняются всѣмъ предстоящимъ направо и налѣво, испрашивая симъ поклономъ себѣ прощенія у всѣхъ, и входятъ въ алтарь, произнося въ себѣ псаломъ: „Вниду въ домъ Твой, поклонюся храму Твоему во страсѣ Твоемъ“. И, приступивъ къ престолу [лицомъ къ востоку], повергаютъ надъ нимъ три наземные поклона и цѣлуютъ на немъ пребывающее евангеліе, какъ бы Самого Господа, сидящаго на престолѣ; цѣлуютъ потомъ и самую трапезу и приступаютъ къ облаченію себя въ священныя одежды, чтобы отдѣлиться не только отъ другихъ людей,—и отъ самихъ себя, ничего не напомнить въ себѣ другимъ похожаго на человѣка, занимающагося ежедневными житейскими дѣлами. И произнося въ себѣ: „Боже! очисти меня грѣшнаго и помилуй меня!“ священникъ [и діаконъ] берутъ въ руки одежды. Сначала одѣвается діаконъ; испросивъ благословеніе у іерея, надѣваетъ стихарь, подризникъ блистающаго цвѣта, во знаменованіе свѣтоносной ангельской одежды и въ напоминанье непорочной чистоты сердца, какая должна быть неразлучна съ саномъ священства, почему и произноситъ при воздѣваніи его: „Возрадуется душа моя о Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя мя; яко жениху, возложи ми вѣнецъ и, яко невѣсту, украси мя красотою“. — Затѣмъ беретъ, поцѣловавъ, орарь, узкое длинное лентіе, принадлежность діаконскаго званія, которымъ подаетъ онъ знакъ къ начинанью всякаго дѣйствія церковнаго, воздвигая народъ къ моленію, пѣвцовъ къ пѣнію, священника къ священнодѣйствію, себя къ ангельской быстротѣ и готовности во служеніи. Ибо званье діакона, что̀ званье ангела на небесахъ, и самымъ симъ на него воздѣтымъ тонкимъ лентіемъ, развѣвающимся какъ бы въ подобіе воздушнаго крыла, и быстрымъ хожденіемъ своимъ по церкви изобразуетъ онъ, по слову Златоуста, ангельское летаніе. Лентіе это, поцѣловавъ, онъ набрасываетъ себѣ на плечо. Потомъ надѣваетъ онъ поручи или нарукавницы, которыя стягиваются у самой кисти его руки для сообщенья имъ бо́льшей свободы и ловкости въ отправленіи предстоящихъ священнодѣйствій. Надѣвая ихъ, помышляетъ о всетворящей, содѣйствующей повсюду силѣ Божіей и, воздѣвая на правую, произноситъ онъ: „Десница Твоя, Господи, прославилася въ крѣпости; десная рука Твоя, Господи, сокрушила враговъ и множествомъ славы Своей Ты истребилъ супостатовъ“. Воздѣвая на лѣвую руку, помышляетъ о самомъ себѣ, какъ о твореніи рукъ Божіихъ и молитъ у Него же, его же сотворившаго, да руководитъ его верховнымъ, свышнимъ Своимъ руководствомъ, говоря такъ: „Руки Твои сотворили и создали мя. Вразуми меня, и научуся Твоимъ заповѣдямъ“.

Священникъ облачается такимъ же самымъ образомъ. Вначалѣ благословляетъ и надѣваетъ стихарь, сопровождая сіе тѣми же словами, какими сопровождалъ и діаконъ; по вслѣдъ за стихаремъ надѣваетъ уже не простой одноплечный орарь, но двухплечный, который, покрывъ оба плеча и обнявъ шею, соединяется обоими концами на груди его вмѣстѣ и сходитъ въ соединенномъ видѣ до самого низу его одежды, знаменуя симъ соединеніе въ его должности двухъ должностей— іерейской и діаконской. И называется онъ уже не ораремъ, но эпитрахилью, и самимъ воздѣваньемъ своимъ знаменуетъ изліяніе благодати свыше на священниковъ, почему и сопровождается это величественными словами Писанія: Благословенъ Богъ, изливающій благодать Свою на священники Своя, яко миро на главѣ, сходящее на браду, браду Ааронову, сходящее на ометы одежды его“. Затѣмъ надѣваетъ поручи на обѣ руки свои, сопровождая тѣми же словами, какъ и діаконъ, и препоясуетъ себя поясомъ сверхъ подризника и эпитрахили, дабы не препятствовала ширина одежды въ отправленіи священнодѣйствій и дабы симъ препоясаніемъ выразить готовность свою, ибо препоясуется человѣкъ, готовясь въ дорогу, приступая къ дѣлу и подвигу: препоясуется и священникъ, собираясь въ дорогу небеснаго служенія, и взираетъ на поясъ свой, какъ на крѣпость силы Божіей, его укрѣпляющей, почему и произноситъ: „Благословенъ Богъ, препоясущій мя силою, содѣлавшій путь мой непорочнымъ, быстрѣйшими еленей мои ноги и поставляющій меня на высокихъ“, то-есть въ дому Господнемъ. Если же онъ облеченъ при этомъ званіемъ высшимъ іерейства, то привѣшиваетъ къ бедру своему четыреугольный набедренникъ однимъ изъ четырехъ концовъ его, который знаменуетъ духовный мечъ, всепобѣждающую силу слова Божія, въ возвѣщеніе вѣчнаго ратоборства, предстоящаго въ мірѣ человѣку,—ту побѣду надъ смертію, которую одержалъ въ виду всего міра Христосъ, да ратоборствуетъ бодро безсмертный духъ человѣка противъ тлѣнія своего. Потому и видъ имѣетъ сильнаго оружія брани сей набедренникъ; привѣшивается на поясѣ у чресла, гдѣ сила у человѣка, потому и сопровождается воззваніемъ къ Самому Господу: „Препояши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради, и кротости, и правды, и наставитъ тя дивно десница Твоя“. Наконецъ, надѣваетъ іерей фелонь, верхнюю всепокрывающую одежду, въ знаменованіе верховной всепокрывающей правды Божіей и сопровождаетъ сими словами: „Священники Твои, Господи, обле-

кутся въ правду и преподобніи Твои радостію возрадуются". И одѣтый такимъ образомъ въ орудія Божіи, священникъ предстоитъ уже инымъ человѣкомъ: каковъ онъ ни есть самъ по себѣ, какъ бы ни мало былъ достоинъ своего званія, но глядятъ на него всѣ стоящіе во храмѣ [какъ на] орудіе Божіе, которымъ наляцаетъ Духъ Святый. Какъ священникъ, такъ и діаконъ омываютъ оба руки, сопровождая чтеніемъ псалма: „Умыю въ неповинныхъ руки мои и обыду жертвенникъ Твой". Повергая по три поклона въ сопровожденіи словъ: „Боже! очисти мя грѣшнаго и помилуй", возстаютъ омытые, усвѣтленные, подобно сіяющей одеждѣ своей, ничего не напоминая въ себѣ подобнаго другимъ людямъ, но подобяся скорѣе сіяющимъ видѣніямъ, чѣмъ людямъ.

Діаконъ напоминаетъ о началѣ священнодѣйствія словами: „Благослови, владыко!" И священникъ начинаетъ словами: „Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ", и приступаетъ къ боковому жертвеннику. Вся эта часть служенія состоитъ въ приготовленіи нужнаго къ служенію, то-есть въ отдѣленіи отъ приношеній или хлѣбовъ-просфоръ того хлѣба, который долженъ вначалѣ образовать тѣло Христово, а потомъ пресуществиться въ него.

Такъ какъ вся проскомидія есть не что иное, какъ только приготовленіе къ самой литургіи, то и соединила съ нею Церковь воспоминаніе о первоначальной жизни Христа, бывшей приготовленьемъ къ его подвигамъ въ мірѣ. Она совершается вся въ алтарѣ при затворенныхъ дверяхъ, при задернутомъ занавѣсѣ, незримо отъ народа, какъ и вся первоначальная жизнь Христа протекла незримо отъ народа. Для молящихся же читаются въ это время часы—собранье псалмовъ и молитвъ, которые читались христіанами въ четыре важныя для христіанъ времена дня: часъ первый, когда начиналось для христіанъ [утро], часъ третій, когда было сошествіе Духа Святого, часъ 6-й, когда Спаситель міра пригвожденъ былъ къ кресту, часъ девятый, когда Онъ испустилъ духъ Свой. Такъ какъ нынѣшнему христіанину, по недостатку времени и безпрестаннымъ развлеченіямъ, не бываетъ возможно совершать эти моленія въ означенные часы, для того они соединены и читаются теперь.

Приступивъ къ боковому жертвеннику, или предложенію, находящемуся въ углубленіи стѣны, знаменующему древнюю боковую комору храма, іерей береть изъ нихъ одну изъ просфоръ съ тѣмъ, чтобы изъять ту часть, которая станетъ потомъ тѣломъ Христовымъ—средину съ печатью, ознаменованной именемъ Іисуса Христа. Такъ онъ симъ изъятіемъ хлѣба отъ хлѣба знаменуетъ изъятіе плоти Христа отъ плоти Дѣвы—рожденіе Безплотнаго во плоти. И, помышляя, что рождается Принесшій въ жертву Себя за весь міръ, соединяетъ неминуемо мысль о самой жертвѣ и принесеніи и глядитъ на хлѣбъ, какъ на агнца, приносимаго въ жертву, на ножъ, которымъ долженъ изъять, какъ на жертвенный, который имѣетъ видъ копья въ напоминаніе копья, которымъ было прободено на крестѣ тѣло Спасителя. Не сопровождаетъ онъ теперь своего дѣйствія ни словами Спасителя, ни словами свидѣтелей, современныхъ случившемуся, не переноситъ себя въ минувшее,— въ то время, когда совершилось сіе принесеніе въ жертву: то предстоитъ впереди, въ послѣдней части литургіи; и къ сему предстоящему онъ обращается издали прозрѣвающею мыслію, почему и сопровождаетъ все священнодѣйствіе словами пророка Исаіи, издали, изъ тьмы вѣковъ, прозрѣвавшаго будущее чудное рожденіе, жертвоприношеніе и смерть и возвѣстившаго о томъ съ ясностью непостижимою. Водружая копье въ правую сторону печати, произноситъ слова Исаіи: „какъ овечка ведется на закланіе"; водрузивъ копье потомъ въ лѣвую сторону, произноситъ: „и какъ непорочный ягненокъ, безгласный передъ стригущими его, не отверзаетъ устъ своихъ"; водружая потомъ копье въ верхнюю сторону печати: „Былъ осужденъ за Свое смиренье [въ смиреньи Его судъ Его взятся]". Водрузивъ потомъ въ нижнюю, произноситъ слова пророка, задумавшагося надъ дивнымъ происхожденіемъ осужденнаго Агнца, — слова: „Родъ же Его кто исповѣсть?" И приподъемлетъ потомъ копьемъ вырѣзанную средину хлѣба, произнося: „яко вземлется отъ земли животъ Его", и начертываетъ крестовидно, во знаменіе крестной смерти Его, на немъ знакъ жертвоприношенія, по которому онъ потомъ раздробится во время предстоящаго священнодѣйствія, произнося: „Жертвоприносится Агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ міра сего, за мірской животъ и спасеніе". И обративъ потомъ хлѣбъ печатью внизъ, а вынутой частью вверхъ, въ подобье агнца, приносимаго въ жертву, водружаетъ копье въ правый бокъ, напоминая, вмѣстѣ съ заколеньемъ жертвы, прободеніе ребра Спасителева, совершенное копьемъ стоявшаго у креста воина, и произноситъ: „единъ отъ воинъ копіемъ ребра Его прободе, и абіе изыде кровь и вода: и видѣвый свидѣтельства, и истинно есть свидѣтельство его". И слова сіи служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ знакомъ діакону ко влитію въ святую чашу вина и воды. Діаконъ, доселѣ взиравшій благоговѣйно на все совершаемое іереемъ, то напоминая ему о начинаніи священнодѣйствія, то произнося внутри самого себя: „Господу помолимся!" при всякомъ его дѣйствіи, наконецъ вливаетъ вина и воды въ чашу, соединивъ ихъ вмѣстѣ и испросивъ бла-

гословенья у іерея. Такимъ образомъ приготовлены и вино, и хлѣбъ, да обратятся потомъ во время возвышеннаго священнодѣйствія предстоящаго.

И во исполненье обряда первенствующей церкви и святыхъ первыхъ христіанъ, воспоминавшихъ всегда, при помышленіи о Христѣ, о всѣхъ тѣхъ, которые были ближе къ Его сердцу исполненіемъ Его заповѣдей и святостью жизни своей, приступаетъ священникъ къ другимъ просфорамъ, дабы, изъявъ отъ нихъ части въ воспоминаніе ихъ, положить на томъ же дискосѣ возлѣ того же святаго хлѣба, образующаго Самого Господа, такъ какъ и сами они пламенѣли желаніемъ быть повсюду съ своимъ Господомъ. Взявши въ руки вторую просфору, изъемлетъ онъ изъ нея частицу въ воспоминаніе Пресвятыя Богородицы и кладетъ ее по правую сторону святаго хлѣба, произнося изъ псалма Давида: „Предста Царица одесную Тебя, въ ризы позлащенны одѣяна, преукрашенна“. Потомъ беретъ третью просфору, въ воспоминанье святыхъ, и тѣмъ же копьемъ изъемлетъ изъ нея девять частицъ въ три ряда, по три въ каждомъ. Изъемлетъ первую частицу во имя Іоанна Крестителя, вторую во имя пророковъ, третью во имя апостоловъ и симъ завершаетъ первый рядъ и чинъ святыхъ. Затѣмъ изъемлетъ четвертую частицу во имя святыхъ отцовъ, пятую во имя мучениковъ, шестую во имя преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ и матерей и завершаетъ симъ второй рядъ и чинъ святыхъ. Потомъ изъемлетъ седьмую частицу во имя чудотворцевъ и безсребренниковъ, восьмую во имя Богоотецъ Іоакима и Анны и святого, его же день; девятую во имя Іоанна Златоуста или Василія Великаго, смотря по тому, кого изъ нихъ правится въ тотъ день служба, и завершаетъ симъ третій рядъ и чинъ святыхъ, и полагаетъ всѣ девять изъятыхъ частицъ на святой дискосъ возлѣ святаго хлѣба по лѣвую его сторону. И Христосъ является среди своихъ ближайшихъ, во святыхъ Обитающій зрится видимо среди святыхъ своихъ—Богъ среди боговъ, человѣкъ посреди человѣковъ. И принимая въ руки священникъ четвертую просфору въ поминовенье всѣхъ живыхъ изъемлетъ изъ нея частицы во имя императора во имя синода и патріарховъ, во имя всѣхъ живущихъ повсюду православныхъ христіанъ и наконецъ во имя каждаго изъ нихъ поименно, кого захочетъ помянуть, о комъ просили его помянуть. Затѣмъ беретъ іерей послѣднюю просфору, изъемлетъ изъ нея частицы въ поминовеніе всѣхъ умершихъ, прося въ то же время объ отпущеніи имъ грѣховъ ихъ, начиная отъ патріарховъ, царей, создателей храма, архіерея, его рукоположившаго, если онъ уже находится въ числѣ усопшихъ, и до послѣдняго изъ христіанъ, изъемля отдѣльно во имя каждаго, о которомъ его просили или во имя котораго онъ самъ восхочетъ изъять. Въ заключеніе же всего испрашиваетъ и себѣ отпущенія во всемъ и также изъемлетъ частицу за себя самого, и всѣ ихъ полагаетъ на дискосъ возлѣ того же святаго хлѣба внизу его. Такимъ образомъ, вокругъ сего хлѣба, сего агнца, изобразующаго Самого Христа, собрана вся Церковь Его, и торжествующая на небесахъ, и воинствующая здѣсь. Сынъ Человѣческій является среди человѣковъ, ради которыхъ Онъ воплотился и сталъ человѣкомъ. Взявъ губку, священникъ бережно собираетъ ею и самыя крупицы на дискосъ, дабы ничто не пропало изъ святаго хлѣба, и все бы пошло въ утвержденіе.

И отошедши отъ жертвенника, поклоняется іерей, какъ бы онъ поклонялся самому воплощенію Христову, и привѣтствуетъ въ семъ видѣ хлѣба, лежащаго на дискосѣ, появленіе Небеснаго Хлѣба на землѣ, и привѣтствуетъ его кажденіемъ ѳиміама, благословивъ прежде кадило и читая надъ нимъ молитву: „Кадило Тебѣ приносимъ, Христе Боже нашъ, въ воню благоуханія духовнаго, которое принявши во превышенебесный Твой жертвенникъ, возниспосли намъ благодать Пресвятаго Твоего Духа“.

И весь переносится мыслію іерей во время, когда совершилось рождество Христово, возвращая прошедшее въ настоящее, и глядитъ на этотъ боковой жертвенникъ, какъ на таинственный вертепъ, въ который переносилось на то время небо на землю: небо стало вертепомъ, и вертепъ—небомъ. Обкадивъ звѣздицу [двѣ золотыя дуги со звѣздою наверху] и постановивъ ее на дискосѣ, глядитъ на нее, какъ на звѣзду, свѣтившую надъ Младенцемъ, сопровождая словами: „И, пришедши, звѣзда стала вверху, идѣ же бѣ Отроча“; на святой хлѣбъ, отдѣленный на жертвоприношеніе, — какъ на Новородившагося Младенца; на дискосъ—какъ на ясли, въ которыхъ лежалъ Младенецъ; на покровы—какъ на пелены, покрывавшія Младенца. И обкадивъ первый покровъ, покрываетъ имъ святый хлѣбъ съ дискосомъ, произнося псаломъ: „Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся...“ и проч.,—псаломъ, въ которомъ воспѣвается дивная высота Господня. И обкадивъ второй покровъ, покрываетъ имъ святую чашу, произнося: „Покрыла небеса, Христосъ, Твоя добродѣтель, и хвалы Твоей исполнилась земля“. И взявъ потомъ большой покровъ, называемый святымъ воздухомъ, покрываетъ имъ и дискосъ, и чашу вмѣстѣ, взывая къ Богу, да покроетъ насъ кровомъ крыла Своего. И отошедъ отъ предложенія, поклоняются оба святому хлѣбу, какъ поклонялись пастыри-цари Новорожденному Младенцу, и кадитъ предъ вертепомъ, изобразуя въ семъ кажденіи то благо-

уханіе ладана и смирны, которые были принесены вмѣстѣ съ златомъ мудрецами.

Діаконъ же попрежнему соприсутствуетъ внимательно іерею, то произнося при всякомъ дѣйствіи: „Господу помолимся“, то напоминая ему о начинаніи самаго дѣйствія. Наконецъ, принимаетъ изъ рукъ его кадильницу и напоминаетъ ему о молитвѣ, которую слѣдуетъ вознести ко Господу о сихъ для Него пріуготовленныхъ дарахъ, словами: „О предложенныхъ честныхъ дарахъ Господу помолимся!“ И священникъ приступаетъ къ молитвѣ. Хотя дары эти не болѣе какъ пріуготовлены только къ самому приношенію, но такъ какъ отнынѣ ни на что́ другое уже не могутъ [быть] употреблены, то и читаетъ священникъ для себя одного молитву, предваряющу[ю] о принятіи сихъ предложенныхъ къ предстоящему приношенію даровъ. И въ такихъ словахъ его молитва: „Боже, Боже нашъ, пославшій намъ небесный хлѣбъ, пищу всего міра, нашего Господа и Бога Іисуса Христа, Спасителя, Искупителя и Благодѣтеля, благословляющаго и освящающаго насъ, Самъ благослови предложеніе сіе и пріими во свыше-небесный Твой жертвенникъ: помяни, какъ благой и человѣколюбецъ, тѣхъ, которые принесли, тѣхъ, ради которыхъ принесли, и насъ самихъ сохранивъ неосужденными во священнодѣйствіи божественныхъ тайнъ Твоихъ“. И творитъ, вслѣдъ за молитвой, отпускъ проскомидіи; а діаконъ кадитъ предложеніе и потомъ крестовидно святую трапезу. Помышляя о земномъ рожденіи Того, Кто родился прежде всѣхъ вѣковъ, присутствуя всегда повсюду и повсемѣстно, произноситъ въ самомъ себѣ: „во гробѣ плотски, во адѣ же съ душою, яко Богъ, въ раю же съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй въ рукѣ, чтобы наполнить благоуханіемъ всю церковь и привѣтствовать всѣхъ, собравшихся на святую трапезу любви. Кажденіе это совершается всегда въ началѣ службы, какъ и въ жизни домашней всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ предлагались всякому гостю при входѣ омовенія и благовонія. Обычай этотъ перешелъ цѣликомъ на это пиршество небесное—на тайную вечерю, носящую имя литургіи, въ которой такъ чудно соединилось служеніе Богу вмѣстѣ съ дружескимъ угощеніемъ всѣхъ, которому примѣръ показалъ Самъ Спаситель, всѣмъ услуживший и умывшій ноги. Кадя и поклоняясь всѣмъ равно, и богатому, и нищему, діаконъ, какъ слуга Божій, привѣтствуетъ ихъ всѣхъ, какъ наилюбезныхъ гостей Небесному Хозяину, кадитъ и поклоняется въ то же время и образамъ святыхъ, ибо и они суть гости, пришедшіе на тайную вечерю: во Христѣ всѣ живы и неразлучны. Пріуготовивъ, наполнивъ благоуханіемъ храмъ и, возвратившись потомъ въ алтарь и вновь обкадивъ его, полагаетъ наконецъ кадильницу въ сторону, подходитъ къ іерею, и оба вмѣстѣ становятся передъ святымъ престоломъ.

Ставъ передъ святымъ престоломъ, священникъ и діаконъ три раза поклоняются до́лу и, готовясь начинать настоящее священнодѣйствіе литургіи, призываютъ Духа Святаго, ибо все служеніе ихъ должно быть духовно. Духъ—учитель и наставникъ молитвы: „о чесомъ бо помолимся, не вѣмы“, говоритъ апостолъ Павелъ, „но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханьи неизглаголанными“. Моля Святаго Духа, дабы вселился въ нихъ и, вселившись, очистилъ ихъ для служенія, и священникъ, и діаконъ дважды [произносятъ] пѣснь, которою привѣтствовали ангелы рождество Іисуса Христа: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“. И вослѣдъ за сей пѣснью отдергивается церковная занавѣсь, которая отдергивается только тогда, когда слѣдуетъ подъять мысль молящихся къ высшимъ горнимъ предметамъ. Здѣсь отъятье горнихъ дверей знаменуетъ, вослѣдъ за пѣсней ангеловъ, что не всѣмъ было открыто рождество Христово, что узнали о немъ только ангелы на небесахъ, Марія съ Іосифомъ, волхвы, пришедшіе поклониться, да издалека прозрѣвали о немъ пророки. Священникъ и діаконъ произносятъ въ себѣ: „Господи! отверзи уста мои—и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою“. Священникъ цѣлуетъ евангеліе, діаконъ цѣлуетъ святую трапезу и, подклонивъ главу свою, напоминаетъ такъ о начинаніи литургіи: тремя перстами руки подъемлетъ орарь свой и произноситъ: „Время сотворить Господу: благослови, владыко!“ И благословляетъ его священникъ словами: „Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“. И помышляя діаконъ о предстоящемъ ему служеніи, въ которомъ должно подобиться ангельскому летанью,—отъ престола къ народу и отъ народа къ престолу, собирая всѣхъ въ едину душу, и быть, такъ сказать, святой возбуждающею силою, и чувствуя недостоинство свое къ такому служенію,—молитъ смиренно іерея: „Помолись обо мнѣ, владыко!“—„Да исправитъ Господь стопы твоя!“ ему отвѣтствуетъ на то іерей. „Помяни меня, владыко святый!“ — „Да помянетъ тебя Господь во царствіи Своемъ, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“. Тихо и ободреннымъ гласомъ діаконъ произноситъ: „аминь“, и выходитъ изъ алтаря сѣверной дверью къ народу. И, взошедъ на амвонъ, находящійся противъ царскихъ вратъ, повторяетъ еще разъ въ самомъ себѣ: „Господи, отверзи уста моя—и уста моя возвѣстятъ хвалу Тебѣ“, и, обратившись къ алтарю, взываетъ еще разъ къ іерею: „Благослови, вла-

дыко!“ Изъ глубины святилища возглашаетъ на то іерей: „Благословенно царство“, и литургія начинается.

ЛИТУРГІЯ ОГЛАШЕННЫХЪ.

Вторая часть литургіи называется литургіей оглашенныхъ. Какъ первая часть, проскомидія, соотвѣтствовала первоначальной жизни Христа, Его рожденію, открытому только ангеламъ да немногимъ людямъ, Его младенчеству и пребыванію въ сокровенной неизвѣстности до времени появленія въ міръ,—такъ вторая соотвѣтствуетъ Его жизни въ мірѣ посреди людей, которыхъ огласилъ Онъ словомъ истины. Называется она литургіей оглашенныхъ еще потому, что въ первоначальныя времена христіанъ къ ней допускались и тѣ, которые только готовились быть христіанами, еще не приняли св. крещенія и находились въ числѣ оглашенныхъ. Притомъ самый образъ ея священнодѣйствій, состоя изъ чтеній пророковъ, апостола и св. евангелія, есть уже преимущественно огласительный.

Іерей начинаетъ литургію возглашеніемъ изъ глубины алтаря: „Благословенно царство Отца, и Сына, и Святаго Духа...“ Такъ какъ чрезъ воплощеніе Сына стало міру очевидно ясно таинство Троицы, то по этому самому троичное возглашеніе предшествуетъ и предсіяетъ начинанію всякихъ дѣйствій, и молящійся, отрѣшившись отъ всего, долженъ съ перваго разу поставить себя въ царствѣ Троицы.

Стоя на амвонѣ, лицомъ къ царскимъ вратамъ, изобразуя въ себѣ ангела, побудителя людей къ моленіямъ, поднявъ тремя перстами десныя руки узкое лентіе,—подобіе ангельскаго крыла,—діаконъ призываетъ молиться весь собравшійся народъ тѣми же самыми молитвами, которыми неизмѣнно отъ апостольскихъ временъ молится Церковь, начиная съ моленія о мирѣ, безъ котораго нельзя молиться. Собраніе молящихся, знаменуясь крестомъ, стремясь обратить свои сердца въ согласно настроенныя струны органа, по которымъ должно ударять всякое воззваніе діакона, восклицаетъ мысленно вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: „Господи, помилуй!“

Стоя на амвонѣ, держа молитвенный орарь, изобразующій поднятое крыло ангела, стремящаго людей къ молитвѣ, призываетъ діаконъ молиться: о свышнемъ мірѣ и спасеніи душъ нашихъ, о мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ; о святомъ храмѣ и о входящихъ въ него съ вѣрой, благоговѣніемъ и страхомъ; о государѣ, синодѣ, начальствахъ духовныхъ и гражданскихъ, палатахъ, воинствѣ, о градѣ, объ обители, въ которой служится литургія, о благораствореніи воздуховъ, объ обиліи плодовъ земныхъ, о временахъ мирныхъ; о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеніи ихъ; о избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды. И собирая все сею всеобъемлющею цѣпью моленій, называемою великой эктеніей, на всякое ея отдѣльное призваніе собраніе молящихся восклицаетъ вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: „Господи, помилуй!“

Въ знаменованіе безсилія нашихъ моленій, которымъ недостаетъ душевной чистоты и небесной жизни, призываетъ діаконъ, — вспомня о тѣхъ, которые умѣли лучше нашего молиться,—предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь нашу Христу Богу. Въ желаніи искреннемъ предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь (нашу) Христу Богу, какъ умѣли это сдѣлать вмѣстѣ съ Богоматерью святые и лучшіе насъ, взываетъ вся церковь совокупно съ ликомъ: „Тебѣ, Господи!“ Цѣпь моленій завершаетъ діаконъ троичнымъ славословіемъ, которое, какъ вседержащая нить, проходитъ сквозь всю литургію, начиная и оканчивая всякое ея дѣйствіе. Собраніе молящихся отвѣтствуетъ утвердительнымъ: „Аминь: Буди! да будетъ!“ Діаконъ сходитъ съ амвона; начинается пѣніе антифоновъ.

Антифоны,—противугласники, пѣсни, выбранныя изъ псалмовъ, пророчески изобразующія пришествіе въ міръ Сына Божія, — поются попеременно обоими ликами на обоихъ крылосахъ; они замѣнили сокращенно прежнія псаломскія, болѣе продолжительныя.

Пока продолжается пѣніе перваго антифона, священникъ молится въ алтарѣ внутренней молитвой, а діаконъ стоитъ въ молитвенномъ положеніи предъ иконою Спасителя, поднявъ орарь тремя перстами руки. Когда же окончится пѣніе перваго антифона, восходитъ онъ снова на амвонъ призывать собраніе молящихся словами: „Вновь и вновь Господу помолимся!“ Собраніе молящихся восклицаетъ: „Господи, помилуй!“ Обративъ взоры къ ликамъ святыхъ, діаконъ напоминаетъ вспомнить вновь Богоматерь и всѣхъ святыхъ, предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь Христу Богу. Собраніе восклицаетъ: „Тебѣ, Господи!“ Троичнымъ славословіемъ заключаетъ онъ. Утвердительный „аминь“ изглашаетъ вся церковь. Слѣдуетъ пѣніе второго антифона.

Въ продолженіе второго антифона священникъ въ алтарѣ молится внутреннею молитвою. Діаконъ становится опять въ молитвенномъ положеніи предъ иконой Спасителя, держа молитвенный орарь тремя перстами руки; по окончаніи же пѣнья, восходитъ онъ снова на амвонъ и обращается къ ликамъ святыхъ, призывая, какъ

прежде, словами: „Въ мирѣ Господу помолимся!“ Собранье восклицаетъ: „Господи, помилуй!“ [Діаконъ взываетъ]: „Заступи, помилуй, спаси и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію“. Собранье восклицаетъ: „Господи, помилуй!“ Возведя глаза къ ликамъ святыхъ [діаконъ продолжаетъ]: „Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всѣми святыми помянувше, сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“. Собранье восклицаетъ: „Тебѣ, Господи!“ Троичнымъ славословіемъ оканчивается моленье; утвердительнымъ „аминь“ отвѣтствуетъ вся церковь; діаконъ сходитъ съ амвона. А священникъ въ закрытомъ алтарѣ молится внутренней молитвой; она — въ сихъ словахъ: „Ты, даровавшій намъ сіи общія и согласныя молитвы! „Ты, обѣщавшій двумъ и тремъ, собравшимся во имя Твое, подать прошенья! исполни же теперь къ полезному прошенья рабовъ Твоихъ: подай въ настоящемъ вѣкѣ познанье Твоей истины, а въ будущемъ даруй вѣчную жизнь!“

Съ крылоса громко возглашаются во всеуслышанье блаженства, возвѣстившія въ настоящемъ вѣкѣ познанье истины, а въ будущемъ вѣчную жизнь. Собранье молящихся, взывая воззваньемъ благоразумнаго разбойника, возопившаго къ Христу на крестѣ: „Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ“, повторяетъ вослѣдъ за чтецомъ сіи слова Спасителя:

„*Блаженны нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное*“—не гордящіеся, не возносящіеся умомъ.

„*Блаженны плачущіе, яко тіи утѣшатся*“—плачущіе еще больше о собственныхъ несовершенствахъ и прегрѣшеніяхъ, чѣмъ отъ оскорбленій и обидъ, имъ наносимыхъ.

„*Блаженны кроткіе, яко тіи наслѣдятъ землю*“ — не питающіе гнѣва ни противу кого, всепрощающіе, любящіе, которыхъ оружіе — всепобѣждающая кротость.

„*Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся*“—алчущіе небесной правды, жаждущіе возстановить ее прежде въ самихъ себѣ.

„*Блаженны милостивые, яко тіи помилованы будутъ*“—сострадущіе о каждомъ братѣ, въ каждомъ просящемъ видящіе Самого Христа, за него просящаго.

„*Блаженны чистые сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*“ — какъ въ чистомъ зеркалѣ успокоенныхъ водъ, не возмущаемыхъ ни пескомъ, ни тиной, отражается чисто небесный сводъ, такъ и въ зеркалѣ чистаго сердца, невозмущаемаго страстями, уже нѣтъ ничего человѣческаго, и образъ Божій въ немъ отражается одинъ.

„*Блаженны миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся*“—подобно Самому Сыну Божію, сходившему на землю затѣмъ, чтобы внести миръ въ наши души, такъ и вносящіе миръ и примиренье въ домы—истинные Божьи сыны.

„*Блаженны изгнанные правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное*“—изгнанные за возвѣщенье правды не одними устами, но благоуханьемъ всей своей жизни.

„*Блаженны есть, егда поносятъ васъ и изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесахъ*“—*многа*, ибо заслуга ихъ троекратна: первая—что уже сами по себѣ они были невинны и чисты; вторая—что, бывъ чисты, были оклеветаны; третья—что, бывъ оклеветаны, радовались, что потерпѣли за Христа.

Собранье молящихся слезно повторяетъ вослѣдъ за чтецомъ сіи слова Спасителя, возвѣстившія, кому можно ждать и надѣяться на вѣчную жизнь въ будущемъ вѣкѣ, которые суть истинные цари міра, сонаслѣдники и соучастники небеснаго царства.

Здѣсь торжественно открываются царскія врата, какъ бы врата самого царствія небеснаго, и глазамъ всѣхъ собравшихся предстаетъ сіяющій престолъ, какъ селенье Божіей славы и верховное училище, отколѣ исходитъ къ намъ познаніе истины и возвѣщается *вѣчная жизнь*. Приступивъ къ престолу, священникъ и діаконъ снимаютъ съ него евангеліе и несутъ его къ народу не царскими вратами, но позади алтаря боковой дверью, напоминающею дверь въ той боковой комнатѣ, изъ которой въ первыя времена выносились книги на средину храма для чтенія.

Собранье молящихся взираетъ на евангеліе, несомое въ рукахъ смиренныхъ служителей церкви, какъ бы на Самого Спасителя, исходящаго въ первый разъ на дѣло божественной проповѣди: исходитъ онъ тѣсной сѣверной дверью, какъ бы неузнанный, на середину храма, дабы, показавшись всѣмъ, возвратиться во святилище царскими вратами. Служители Божіи посреди храма останавливаются; оба преклоняютъ главы. Іерей молится внутреннею молитвою, чтобы Установившій на небесахъ воинства ангеловъ и чины небесные въ служеніе славы Своей повелѣлъ теперь симъ самымъ силамъ и ангеламъ небеснымъ, сослужащимъ намъ, совершить вмѣстѣ съ ними вшествіе во святилище. А діаконъ, указывая молитвеннымъ ораремъ на царскія двери, говоритъ ему: „Благослови, владыко, святый входъ!“—„Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!“ возглашаетъ на это іерей. Давъ поцѣловать ему святое евангеліе, діаконъ

несетъ его въ алтарь; но въ царскихъ вратахъ останавливается и, возвысивъ его въ рукахъ своихъ, возглашаетъ: „Премудрость!“, знаменуя симъ, что Слово Божіе, Его сынъ, Его Вѣчная Премудрость благословилась міру чрезъ евангеліе, которое онъ теперь возвысилъ въ своихъ рукахъ. И вслѣдъ затѣмъ возглашаетъ: „Прости!“, т.-е. воспряньте, воздвигнитесь отъ лѣни, отъ небреженаго стоянія. Собраніе молящихся, воздвигаясь духомъ, вмѣстѣ съ хоромъ взываетъ: „Пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу! Спаси насъ, Сыне Божій, Тебѣ поющихъ: Аллилуія!“ Въ еврейскомъ словѣ *аллилуія* выражается: „Господь идетъ, хвалите Господа“; но такъ какъ, по существу священнаго языка въ словѣ *идетъ* сокрыто и настоящее и будущее, то-есть: идетъ пришедшій и вновь грядущій, то, знаменуя вѣчное хожденіе Божіе, это слово *аллилуія* сопутствуетъ всякій разъ тѣмъ священнодѣйствіямъ, когда Самъ Господь исходитъ къ народу въ образѣ евангелія или даровъ святыхъ.

Евангеліе, возвѣстившее слово жизни, поставляется на престолѣ. На крылосахъ раздаются или пѣсни въ честь праздника того дня, или же хвалебные тропари и гимны въ честь святому, котораго день празднуетъ Церковь за то, что онъ уподобился тѣмъ, которыхъ поименовалъ Христосъ въ прочитанныхъ блаженствахъ, и что живымъ примѣромъ Собственной жизни показалъ, какъ возлетать вослѣдъ за Нимъ въ жизнь вѣчную.

По окончаніи тропарей наступаетъ время трисвятаго пѣнія. Испросивъ на него у іерея благословенія, діаконъ показывается въ царскихъ дверяхъ и, поводя ораремъ, подастъ знакъ пѣвцамъ. Торжественно-громогласно оглашаетъ всю церковь трисвятое пѣніе, состоящее въ семъ тройномъ воззваніи къ Богу: „Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!“ Воззваніемъ: „Святый Боже“ возвѣщаетъ трисвятая пѣснь Бога Отца; воззваніемъ: „Святый Крѣпкій“—Бога Сына: Его крѣпость, Его создающее Слово; воззваніемъ: „Святый Безсмертный“—Его безсмертную мысль, вѣчно живущую волю Бога Духа Святаго. Троекратно пѣвцы подъемлютъ сіе пѣніе, чтобы звучало въ слухъ всѣмъ, что съ вѣчнымъ пребываніемъ Бога пребывало въ немъ вѣчное пребываніе Троицы, и не было времени, чтобы у Бога не было Слова, и чтобы Слову Его оскудѣвалъ Духъ Святый. „Словомъ Божьимъ небеса создашася и духомъ устъ Его вся сила ихъ“, говоритъ пророкъ Давидъ. Каждый изъ собранія, сознавая, что и въ немъ, какъ въ подобіи Божіемъ, есть та же троичественность, есть Онъ Самъ, Его Слово и Его Духъ, или мысль, движущая словомъ, но что человѣческое его слово безсильно, изливается праздно и не творитъ ничего, а духъ его принадлежитъ не ему, завися отъ всѣхъ посторонніхъ впечатлѣній и только по возвышеніи его самого къ Богу то и другое приходитъ въ немъ въ силу: въ словѣ отражается Божіе Слово, въ духѣ—Духъ Божій, и образъ Троицы Создавшаго отпечатлѣвается въ созданіи, и сознаніе становится подобнымъ Создателю,—сознавая все сіе, каждый, внемлющій трисвятому пѣнію, молится внутренно въ себѣ, чтобы Богъ Святый, Крѣпкій и Безсмертный, очистивъ его всего, избралъ его Своимъ храмомъ и пребываніемъ, и три раза повторяетъ въ себѣ: „Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!“ Священникъ въ алтарѣ, молясь внутренней молитвой о принятіи сего трисвятаго пѣнія, три раза повергается передъ престоломъ и три раза повторяетъ въ себѣ: „Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный!“ И подобно ему повторивъ въ себѣ три раза ту же трисвятую пѣснь, діаконъ три раза повергается вмѣстѣ съ нимъ передъ святымъ престоломъ.

И сотворивъ поклоненіе, отходитъ іерей на горнее мѣсто, какъ бы во глубину Боговѣдѣнія, отколѣ истекла намъ тайна Всесвятыя Троицы, какъ бы въ то возвышеннѣйшее, всюду носящее мѣсто, гдѣ Сынъ пребываетъ въ лонѣ Отчемъ единствомъ Духа Святаго. И восхожденьемъ своимъ изобразуетъ іерей восхожденье Самого Христа вмѣстѣ съ плотью въ лоно Отчее, призывающее человѣка вослѣдъ стремиться въ лоно Отчее,—возрожденье, прозрѣтое издали пророкомъ Даніиломъ, который видѣлъ въ высокомъ видѣніи своемъ, какъ Сынъ Человѣческій дошелъ даже до Ветхаго деньми. Іерей идетъ нетрепетной стопой, произнося: „Благословенъ грядый во имя Господне“, и на призванье діакона: „Благослови, владыко, горній престолъ“, благословляетъ его, произнося: „Благословенъ еси на престолѣ славы царствія Твоего, сѣдяй на херувимѣхъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“. И садится на горнемъ мѣстѣ возлѣ сѣдалища, назначеннаго для архіерея. Отселѣ, какъ Божій апостолъ и его намѣстникъ, обратясь лицомъ къ народу, приготовляетъ онъ вниманье къ слушанью наступающаго чтенья апостольскихъ посланій, — сидящій, изобразуя самимъ сидѣньемъ своимъ свое равенство апостоламъ.

Чтецъ, съ апостоломъ въ рукѣ, выходитъ на середину храма. Воззваньемъ: *„вонмемъ!“* призываетъ діаконъ всѣхъ предстоящихъ ко вниманію. Священникъ посылаетъ изъ глубины алтаря и чтецу, и предстоящимъ желаніе мира; собранье молящихся отвѣтствуетъ священнику тѣмъ же. Но такъ какъ служеніе его должно быть духовно, подобно служенію апостоловъ, которые глаголали не свои

слова, но Самъ Духъ Святый двигалъ ихъ устами, то не говорятъ: „миръ тебѣ“, но — „духови твоему“. Діаконъ возглашаетъ: „Премудрость!“ Громко, выразительно, чтобы всякое слово было слышно всѣмъ, начинаетъ чтецъ; прилежно, сердцемъ пріемлющимъ, душою ищущею, разумомъ, испытующимъ внутренній смыслъ читаемаго, внемлетъ собраніе, ибо чтеніе апостола служитъ ступенью и лѣстницей къ лучшему уразумленью чтенія евангельскаго. Когда чтецъ окончитъ чтеніе, іерей возглашаетъ ему изъ алтаря: „миръ тебѣ“. Ликъ отвѣтствуетъ: „и духови твоему“. Діаконъ возглашаетъ: „Премудрость!“ Ликъ гремитъ: „аллилуія“, возвѣщающее приближеніе Господа, идущаго говорить народу устами евангелія.

Съ кадильницей въ рукѣ идетъ діаконъ исполнить благоуханіемъ храмъ, навстрѣчу идущаго Господа, напоминая кажденьемъ о духовномъ очищеніи душъ нашихъ, съ какимъ должны мы внимать благоуханнымъ словамъ евангелія. Священникъ въ алтарѣ молится внутренней молитвой, чтобы возсіялъ въ сердцахъ нашихъ свѣтъ божественнаго благоразумія и отверзлись бы наши мысленныя очи въ уразумѣніе евангельскихъ проповѣданій. О возсіяніи того же свѣта въ сердцахъ своихъ молится внутренно собраніе, приготовляясь къ слушанію. Испросивъ благословенія отъ іерея, получа отъ него въ напутствіе: „Богъ молитвами всесвятаго, всехвальнаго апостола и евангелиста [именуется его имя] да дастъ тебѣ глаголъ благовѣствующему силою многою, во исполненіе евангелія, возлюбленнаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа“, діаконъ восходитъ на амвонъ, предшествуемый несомымъ свѣтильникомъ, знаменующимъ всепросвѣщающій свѣтъ Христовъ. Священникъ въ алтарѣ возглашаетъ къ собранію: „Премудрость! Прости, услышимъ святого евангелія! Миръ всѣмъ!“ Ликъ отвѣтствуетъ: „и духови твоему“. Діаконъ начинаетъ чтеніе.

Благоговѣйно преклонивъ главы, какъ бы внимая Самому Христу, говорящему съ амвона, всѣ стараются принять сердцами сѣмя святого слова, которое устами служителя сѣетъ Самъ Сѣятель Небесный,—не тѣми сердцами, которыхъ уподобляетъ Спаситель землѣ при пути, на которую хоть и упадаютъ сѣмена, но тутъ же бываютъ расхищены птицами—налетающими злыми помышленіями,—не тѣми также сердцами, которыхъ уподобляетъ Онъ каменистой почвѣ, только сверху прикрытой землею, которыя хоть и охотно пріемлютъ слово, но слово не водружаетъ глубоко корня, ибо нѣтъ глубины сердечной,—и не тѣми также сердцами, которыя уподобляетъ Онъ неочищенной землѣ, глушимой терніемъ, на которой хоть и даетъ сѣмя всходы, но быстро вырастающіе тутъ же вмѣстѣ съ ними терніи,—терніи трудовъ и заботъ вѣка, терніи обольщеній, безчисленныя обаянія свѣтской умерщвляющей жизни съ ея обманчивыми удобствами, заглушаютъ едва поднявшіеся всходы — и сѣмя остается безъ плода,—но тѣми пріемлющими сердцами, которыхъ уподобляетъ Онъ доброй почвѣ, дающей плодъ—ово сто, ово шестьдесятъ, ово тридесятъ,—которыя все, принятое въ себя, по выходѣ изъ церкви, возращаютъ въ домахъ, въ семьѣ, въ службѣ, въ трудѣ, въ отдохновеньяхъ, въ увеселеньяхъ, съ людьми въ бесѣдахъ и наединѣ съ самимъ собою. Словомъ, всякъ вѣрный стремится быть тѣмъ, и слушающимъ и творящимъ вмѣстѣ, котораго обѣщаетъ Спаситель уподобить мужу мудру, строящему храмину не на пескѣ, но на камени, такъ что, если быть тутъ же, по выходѣ изъ церкви, набѣжали на него дожди, рѣки и вихри всѣхъ бѣдствій, его духовная храмина осталась бы неподвижная, какъ твердыня на камени. По окончаніи чтенія, священникъ въ алтарѣ возвѣщаетъ діакону: „Миръ тебѣ благовѣствующему“. Приподымая главы, всѣ предстоящіе въ чувствованіи благодарности восклицаютъ вмѣстѣ съ ликомъ: „Слава Тебѣ, Боже Нашъ! Слава Тебѣ!“ Стоящій въ царскихъ дверяхъ священникъ пріемлетъ отъ діакона евангеліе и поставляетъ его на престолъ какъ Слово, исшедшее отъ Бога и къ Нему же возвратившееся. Алтарь, изображающій высшія горнія селенія, скрывается отъ глазъ—врата царскія затворяются, горняя дверь задергивается, знаменуя, что нѣтъ другихъ дверей въ царство небесное, кромѣ отверстыхъ Христомъ, что съ Нимъ только можно войти въ нихъ: „Азъ есмь дверь“.

Тутъ обыкновенно въ первоначальное время христіанъ было мѣсто проповѣди; слѣдовали изъясненіе и толкованіе прочитанныхъ евангелій. Но такъ какъ проповѣдь въ нынѣшнее время говорится бо́льшею частію на другіе тексты и, сталобыть, не служитъ изъясненіемъ прочитаннаго евангелія, то, чтобы не разрушать стройнаго порядка и связи священной литургіи, она отнесена къ концу.

Изобразуя ангела, побудителя людей къ моленьямъ, діаконъ идетъ на амвонъ воздвигнуть собраніе къ моленьямъ еще сильнѣйшимъ и прилежнѣйшимъ. „Рцѣмъ вси отъ всея души, и отъ всего помышленія [нашего] рцѣмъ!“ взываетъ онъ, подъемля тремя перстами молитвенный орарь; и, стремя моленья отъ всѣхъ помышленій, всѣ восклицаютъ: „Господи, помилуй!“ Усугубляя моленья троекратнымъ воззваніемъ о помилованіи, діаконъ призываетъ сызнова молиться о всѣхъ людяхъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ званій и должностей, начиная съ высшихъ, гдѣ труднѣй человѣку, гдѣ ему больше преткновеній и гдѣ ему

нужнѣй помощь отъ Бога. Каждый изъ собранія, зная, какъ много благоденствіе многихъ зависитъ оттого, когда высшія власти исполняютъ честно свои обязанности, молится сильно о томъ, чтобы Богъ ихъ вразумилъ и наставилъ исполнять честно свое званье и всякому подалъ бы силы пройти честно свое земное поприще. О семъ молятся всѣ прилежно, произнеся уже не одинъ разъ: „Господи, помилуй!“ по три раза. Вся цѣпь этихъ моленій называется сугубой эктеніей, или эктеніей прилежнаго моленья, и священникъ въ алтарѣ передъ престоломъ молится прилежно о принятіи всеобщихъ усугубленныхъ моленій, и самая молитва его называется молитвой прилежнаго моленья.

И если въ тотъ день случится какое-либо приношеніе объ усопшихъ, тогда вослѣдъ за сугубой эктеніей возглашается эктенія объ усопшихъ. Держа орарь тремя перстами руки, призываетъ діаконъ молиться объ успокоеніи душъ Божіихъ рабовъ, которыхъ всѣхъ называетъ по именамъ, чтобы Богъ простилъ имъ всякое прегрѣшеніе, вольное и невольное, чтобы водворилъ ихъ души тамъ, гдѣ праведные успокояются. Тутъ всякій изъ предстоящихъ припоминаетъ всѣхъ близкихъ своему сердцу усопшихъ и произноситъ въ себѣ три раза на всякое воззваніе діакона: „Господи, помилуй!“ молясь прилежно и о своихъ, и [о] всѣхъ почившихъ христіанахъ. „Милости Божіей“, восклицаетъ діаконъ: „небеснаго царствія и оставленія грѣховъ ихъ у Христа, Безсмертнаго Царя и Бога нашего просимъ!“ Собраніе взываетъ съ хоромъ поющихъ: „Подай, Господи!“ А священникъ молится въ алтарѣ, чтобы Поправшій смерть и Даровавшій жизнь успокоилъ Самъ души усопшихъ рабовъ своихъ въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ покойномъ, откуда отбѣжали болѣзнь, печаль и воздыханіе, и, прося имъ въ сердцѣ своемъ отпущенія всѣхъ согрѣшеній, возглашаетъ громко: „Яко Ты еси воскресеніе, и жизнь, и покой усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе, Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ со Безначальнымъ Твоимъ Отцомъ, и Пресвятымъ, и Благимъ, и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“. Утвердительнымъ „аминь“ отвѣтствуетъ ликъ. Діаконъ начинаетъ эктенію объ оглашенныхъ.

Хотя и рѣдко бываютъ теперь непринявшіе святого крещенія и находящіеся въ числѣ оглашенныхъ, но всякій присутствующій, помышляя, какъ далеко онъ отстоитъ и вѣрой, и дѣлами отъ вѣрныхъ, удостоившихся сопричастствовать трапезѣ любви въ первые вѣка христіанъ, видя, какъ онъ, можно сказать, только огласился Христомъ, но не внесъ Его въ самую жизнь, только-что слышитъ разумъ словъ Его, но не приводитъ ихъ въ исполненіе, и еще холодно его вѣрованье, и нѣтъ огня всепрощающей любви къ брату, поядающей душевную черствость, и что крещеный водой во имя Христа онъ не достигнулъ того возрожденья въ духѣ, безъ котораго ничтожно его христіанство, по слову Самого Спасителя: „кто не родится свыше, не внидетъ въ царствіе небесное“,—соображая все сіе, всякій изъ присутствующихъ сокрушенно поставляетъ себя въ число оглашенныхъ, и на призванье діакона: „Помолитеся, оглашенные, Господу!“ отъ глубины сердца взываетъ: „Господи, помилуй!“

„Вѣрные!“ взываетъ діаконъ: „помолимся объ оглашенныхъ, чтобы Господь ихъ помиловалъ, чтобы огласилъ ихъ словомъ истины, чтобы открылъ имъ евангеліе правды, чтобы соединилъ ихъ Своей святой соборной и апостольской Церкви, чтобы спасъ, помиловалъ, заступилъ и сохранилъ ихъ Своею благодатью!“

И вѣрные, чувствующіе, какъ мало они стóятъ названія вѣрныхъ, молясь объ оглашенныхъ, молятся о самихъ себѣ, и на всякое отдѣльное призванье діакона восклицаютъ внутренно вослѣдъ за поющимъ ликомъ: „Господи, помилуй!“ Діаконъ взываетъ: „Оглашенные, главы ваши Господу преклоните!“ Всѣ преклоняютъ свои главы, восклицая внутренно въ сердцахъ: „Тебѣ, Господи!“

Священникъ втайнѣ молится объ оглашенныхъ и о тѣхъ, которыхъ смиренье души поставило себя въ ряды оглашенныхъ. Молитва его въ сихъ словахъ: „Господи Боже нашъ, живущій на высокихъ, взирающій на смиренныхъ, ниспославшій спасенье человѣческому роду—Своего Сына, Бога и Господа нашего, Іисуса Христа! воззри на оглашенныхъ рабовъ Твоихъ, подклонившихъ Тебѣ свои выи! Пріобщи ихъ Церкви Твоей и сопричисли Твоему избранному стаду, чтобы и они славили вмѣстѣ съ нами пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“. Ликъ гремитъ „аминь“. А въ напоминанье, что наступила минута, въ которую древле выводились изъ церкви оглашенные, діаконъ возглашаетъ громко: „Оглашенные, изыдите!“ И вслѣдъ затѣмъ, возвысивъ голосъ, возглашаетъ въ другой разъ: „Оглашенные, изыдите!“ И потомъ въ третій разъ: „Оглашенные, изыдите! да никто отъ оглашенныхъ, одни только вѣрные, вновь и вновь Господу помолимся!“

Отъ словъ этихъ содрогаются всѣ, чувствующіе свое недостоинство. Взывая мысленно къ Самому Христу, изгнавшему изъ храма Божія продавцовъ и безстыдныхъ торгашей, обратившихъ въ торжище Его святыню, каждый предстоящій старается изгнать изъ храма души своей оглашеннаго, неготоваго присутствовать при святынѣ, и взы-

ваетъ къ Самому Христу, чтобы воздвигнулъ въ немъ вѣрнаго, причисленнаго къ избранному стаду, о которомъ сказалъ апостолъ: „Языкъ святъ, люди обновленія, каменіе, зиждущееся въ храмъ духовенъ“, — причисленнаго къ тѣмъ истинно вѣрнымъ, которые присутствовали при литургіи въ первые вѣка христіанъ, которыхъ лики глядятъ теперь на него съ иконостаса. И объемля ихъ всѣхъ взорами, призываетъ ихъ на помощь, какъ братьевъ, молящихся теперь на небесахъ, ибо предстоятъ священнѣйшія дѣйствія—начинается *литургія вѣрныхъ*.

ЛИТУРГІЯ ВѢРНЫХЪ.

Въ закрытомъ алтарѣ іерей распростираетъ на святомъ престолѣ антиминсъ, вмѣстопрестоліе,— платъ съ изображеніемъ тѣла Спасителя, на который должны быть постановлены пріуготовленные имъ на проскомидіи святой хлѣбъ и чаша, исполненная вина и воды, и которые съ бокового жертвенника перенесутся теперь торжественно въ виду всѣхъ вѣрныхъ. Распростерши антиминсъ,— напоминающій время гоненія христіанъ, когда церковь не имѣла постояннаго пребыванія и, не могши переносить съ собою престола, стала употреблять сей платъ съ частицами мощей, и который остался какъ бы въ возвѣщенье, что и нынѣ не прикрѣпляется она ни къ какому исключительному зданію, городу или мѣсту, но какъ корабль носится поверхъ волнъ сего міра, не водружая нигдѣ своего якоря: ея якорь на небесахъ,—распростерши сей антиминсъ, онъ приступаетъ къ престолу такъ, какъ бы приступалъ къ нему въ первый разъ и какъ бы только теперь готовился начинать настоящее служеніе: ибо въ первоначальное время [у] христіанъ только теперь открывался престолъ, доселѣ остававшійся закрытымъ и занавѣшеннымъ по причинѣ присутствія оглашенныхъ, и только теперь начинались настоящія моленья вѣрныхъ. Еще въ закрытомъ алтарѣ припадаетъ онъ къ престолу, и двумя молитвами вѣрныхъ молится онъ объ очищеніи своемъ, о неосужденномъ предстояньи святому жертвеннику, объ удостоеніи его приносить жертвы въ чистомъ свидѣтельствѣ [совѣсти]. А діаконъ, стоя на амвонѣ посреди церкви, изобразуя ангела, побудителя къ молитвамъ, держа орарь тремя перстами, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ къ тѣмъ же моленіямъ, какими начиналась литургія оглашенныхъ.

И также стараясь о приведеньи своихъ сердецъ въ согласное настроеніе мира, теперь еще необходимѣйшаго, всѣ вѣрные взываютъ: „Господи, помилуй!“ и еще сильнѣе молятся о свышнемъ мирѣ и о спасеньи душъ нашихъ, о мирѣ всегмірa, благосостояньи Божіихъ церквей и соединеньи всѣхъ, о святомъ храмѣ семъ и о входящихъ въ него съ вѣрою, благоговѣньемъ и страхомъ Божіимъ, о томъ, чтобы избавиться отъ всякія скорби, гнѣва и нужды. И взываютъ еще сильнѣе въ сердцахъ своихъ: „Господи, помилуй!“

Іерей изъ глубины алтаря возглашаетъ: „Премудрость!“ знаменуя симъ, что Та же Самая Премудрость, Тотъ же Вѣчный Сынъ, исходившій въ видѣ евангелія сѣять слово, учившее жить, перенесется теперь въ видѣ святаго хлѣба принестись въ жертву за весь міръ. Воздвигнутые симъ напоминаніемъ, всѣ предстоящіе устремляютъ мысли, приготовляются къ предстанущимъ священнѣйшимъ священно-дѣйствіямъ и служеніямъ. Іерей, литургисающій втайнѣ, молится, припадая къ престолу, сею возвышенной молитвой: „Никто изъ связавшихся чувственными пожеланьями и наслажденьями недостоинъ приступать къ Тебѣ, или приближаться, или служить Тебѣ, Царю Славы: ибо служенье Тебѣ велико и страшно и самимъ силамъ небеснымъ. Но такъ какъ, по безмѣрному Своему человѣколюбію, Ты непреложно и неизмѣнно былъ человѣкъ, Самъ былъ архіерей и Самъ передалъ намъ священнодѣйство сея служебныя и безкровныя жертвы, какъ Владыка всѣхъ,—ибо Ты одинъ, Боже, владычествуешь и небесными, и земными, — носимый херувимски на престолѣ, Господь серафимовъ и Царь Израилевъ, Единый Святъ и во святыхъ почивающій; то молю Тебя, Единаго Благого, воззри на меня, грѣшнаго и непотребнаго раба Твоего, очисти мою душу и сердце отъ совѣсти лукавыя и удовли меня, облеченнаго благодатью священства, удовли меня силою Твоего Святаго Духа предстать святой Твоей трапезѣ и священнодѣйствовать святое и пречистое Твое тѣло и честную кровь! Къ Тебѣ же прихожу, преклоняя мою выю, и молюсь Тебѣ: да не отвратишь лица Твоего отъ меня, ниже отринешь меня отъ отроковъ Твоихъ; но сподоби принестись Тебѣ, посредствомъ меня недостойнаго, симъ дарамъ Твоимъ: ибо Ты еси и приносящій, и приносимый, и пріемлющій, и раздаваемый, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, со безначальнымъ Твоимъ Отцомъ и Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“.

Царскія врата разверзаются на срединѣ молитвы, такъ что іерей зрится еще молящійся съ распростертыми руками. Діаконъ съ кадильницею въ рукѣ исходитъ уготовить путь Царю всѣхъ, и, обильно распространяемымъ куреньемъ подъемля облака кадильныхъ благоуханій, посреди которыхъ перенесется Носимый херувимами, напоми-

наетъ всѣмъ о томъ, чтобы исправилась ихъ молитва, яко кадило предъ Господомъ, — напоминаетъ о томъ, чтобы всѣ, будучи благоуханьемъ Христовымъ, по слову апостола, они вспомнили о томъ, что нужно имъ быть чистыми херувимами для поднятія Господа. А лики на обоихъ клиросахъ подъемлютъ отъ лица всей церкви сію херувимскую пѣснь: „Мы, тайно изобразующіе херувимовъ и воспѣвающіе трисвятую пѣснь Животворящей Троицѣ, отложимъ нынѣ всякое попеченье, да Царя всѣхъ подымемъ, невидимо копьеносимаго ангельскими чиньми.

Былъ у древнихъ римлянъ обычай новоизбраннаго императора выносить къ народу въ сопровожденьи легіоновъ войскъ на щитѣ подъ осѣненьемъ множества наклоненныхъ надъ нимъ копій. Пѣсню эту сложилъ самъ императоръ, упавшій въ прахъ со всѣмъ своимъ земнымъ величіемъ предъ величіемъ Царя всѣхъ, копьеносимаго херувимами и легіонами небесныхъ силъ: въ первоначальныя времена сами императоры смиренно становились въ ряды служителей при выносѣ святаго хлѣба.

Пѣнье сей пѣсни устраивается ангельскимъ, подобное тому, какъ въ вышинѣ пѣли незримыя силы. Іерей и діаконъ, повторяя внутренно въ себѣ ту же херувимскую пѣснь, приступаютъ къ боковому жертвеннику, гдѣ совершалась проскомидія. Приступивши къ дарамъ, накрытымъ воздухомъ, діаконъ говоритъ: „Возьми, владыко!“ Іерей снимаетъ воздухъ и возлагаетъ ему на лѣвое плечо, и глаголетъ: „Возьмите руки ваша во святая и благословите Господа“. Потомъ беретъ дискосъ съ агнцемъ и возлагаетъ его на главу діакону; а самъ беретъ святую чашу и, предходящему свѣтильнику или лампадѣ, выходитъ боковой или сѣверной дверью къ народу. Если же служенье совершается соборомъ, при множествѣ іереевъ и діаконовъ, то одинъ несетъ дискосъ, другой—чашу, третій—святую ложку, которою пріобщаются, четвертый копье, прободшее св. тѣло. Всѣ принадлежности выносятся, даже самая губка, которою собирались крупицы святаго хлѣба на дискосъ и которая образуетъ ту губу, омоченную въ уксусъ и желчь, еюже напоили люди Творца своего. При пѣньи херувимской пѣсни, подобясь небеснымъ силамъ, выступаетъ сей торжественный ходъ, называемый великимъ выходомъ.

При видѣ Царя всѣхъ, несомаго въ смиренномъ видѣ агнца, лежащаго на дискосѣ, какъ бы на щитѣ, окруженнаго орудіями земныхъ страданій, какъ бы копьями несчетныхъ невидимыхъ воинствъ и чиноначалій, всѣ долу преклоняютъ свои главы и молятся словами разбойника, завопившаго къ Нему на крестѣ: „Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Своемъ“. Посреди храма останавливается весь ходъ. Священникъ пользуется сей великой минутой, чтобы въ присутствіи несущихъ дары помянуть предъ Господомъ имена всѣхъ христіанъ, начиная съ тѣхъ, кому труднѣй и священнѣй достались обязанности, отъ исполненія которыхъ зависитъ счастье всѣхъ и собственное спасенье душъ ихъ,—заключая словами: „Васъ и всѣхъ (православныхъ) христіанъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ (всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“). Пѣвцы оканчиваютъ херувимскую пѣснь троекратнымъ пѣньемъ: „Аллилуія“, возвѣщающимъ вѣчное хожденіе Господне. Ходъ вступаетъ въ царскія врата. Впереди всѣхъ вшедшій въ алтарь діаконъ, остановившись по правую сторону дверей, встрѣчаетъ священника словами: „Да помянетъ Господь Богъ священство твое во царствіи Своемъ“. Священникъ отвѣтствуетъ ему: „Да помянетъ Господь Богъ священнодіаконство твое во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!“ И поставляетъ святую чашу и хлѣбъ, представляющій тѣло Христово, на престолъ, какъ бы на гробъ. Врата царскія затворяются, какъ бы двери гроба Господня; занавѣсъ надъ ними задергивается, какъ кустодія, поставленная на стражѣ. Іерей снимаетъ съ главы діакона святый дискосъ, какъ бы онъ снималъ тѣло Спасителя со креста, поставляетъ его на разстланный антиминсъ, какъ бы на плащаницу, и сопровождаетъ сіе дѣйствіе словами: „Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое Твое тѣло, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьми во гробѣ новѣ закрывъ, положи“. И вспоминая вездѣсущность Того, Кто теперь лежитъ предъ нимъ во гробѣ, говоритъ въ себѣ: „Во гробѣ Ты былъ плотски, во адѣ съ душею, какъ Богъ, въ раю съ разбойникомъ и въ то же время на престолѣ съ Отцемъ и Духомъ, Христосъ, все Собой исполняяй, неописанный!“ И вспоминая славу, въ которую облекся сей гробъ, говоритъ: „Какъ живоносецъ, какъ воистину краснѣйшій рая и какъ свѣтлѣйшій всякаго царскаго чертога, явился намъ Твой гробъ, Христе, источникъ всякаго воскресенья“. И снявши покровъ отъ дискоса и отъ чаши и воздухъ съ плеча діакона, изображающій теперь уже не пелены, въ которыя повитъ былъ Іисусъ Младенецъ, но сударь и гробовые покровы, въ которые повито было Его мертвое тѣло, обкадивъ ихъ ѳиміамомъ, покрываетъ онъ ими снова дискосъ и чашу произнося: „Благообразный Іосифъ, снявъ со древа пречистое Твое тѣло, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьми во гробѣ новѣ закрывъ, положи“. Потомъ, взявши отъ діакона кадильницу, кадитъ святые дары, поклоняясь

предъ ними три раза, и готовясь къ предстоящему жертвоприношенію, говоритъ въ себѣ словами пророка Давида: „Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны іерусалимскія: тогда благоволиши жертву правды, возношеніе и всесожигаемыя, тогда возложатъ на алтарь Твой тельцы“: ибо, пока Самъ Богъ не воздвигнетъ, не оградитъ душъ нашихъ іерусалимскими стѣнами отъ всякихъ плотскихъ вторженій, мы не въ силахъ вознести ему ни жертвъ, ни всесожженій, и не поднимется кверху пламень духовнаго моленья, разносимый посторонними помышленіями, набѣгомъ страстей и вьюгой возмущенья душевнаго. Молясь объ очищеньи своемъ для предстоящаго жертвоприношенія, отдавая кадильницу діакону, опустивъ фелонь и преклонивъ главу, говоритъ онъ ему: „Помяни меня, братъ и сослужитель!“ — „Да помянетъ Господь Богъ твое священство во царствіи Своемъ!“ отвѣтствуетъ діаконъ и въ свою очередь, помышляя о недостоинствѣ своемъ, преклоняетъ главу и, держа орарь въ рукѣ, говоритъ ему: „Помолись о мнѣ, владыко святый!“ Священникъ ему отвѣтствуетъ: „Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя“.—„Той же Духъ содѣйствуетъ намъ вся дни живота нашего“. И, полный сознанья своего недостоинства, (діаконъ) присовокупляетъ: „Помяни мя, владыко святый!“ Священникъ ему: „Да помянетъ тебя Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“. Діаконъ, произнесши: „аминь“ и поцѣловавъ ему руку, исходитъ боковой сѣверной дверью призвать всѣхъ предстоящихъ къ молитвамъ о перенесенныхъ и постановленныхъ на престолъ святыхъ дарахъ.

Взошедъ на амвонъ, лицомъ къ царскимъ дверямъ, поднявъ орарь тремя перстами руки, на подобье поднятаго крыла ангела побудителя къ молитвѣ, возноситъ онъ цѣпь моленій, уже непохожихъ на прежнія. Начинаясь призваніемъ къ моленью о перенесенныхъ на престолъ дарахъ, они скоро переходятъ въ тѣ прошенья, какія только одни вѣрные, живущіе во Христѣ, возносятъ къ Господу.

„Дня всего совершенна, свята, мирна и безгрѣшна у Господа просимъ“, взываетъ діаконъ.

Собранье молящихся, соединяясь съ хоромъ поющихъ, взываетъ отъ сердецъ: „Подай, Господи!“

„Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ“.

Собранье: „Подай, Господи!“

„Прощенья и оставленья грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ“.

Собранье: „Подай, Господи!“

„Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира мірови у Господа просимъ“.

Собранье: „Подай, Господи!“

„Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ“.

Собранье: „Подай, Господи!“

„Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовѣ просимъ“.

Собранье: „Подай, Господи!“

„Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всѣми святыми помянувше, сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“.

И въ истинномъ желаньи подобно предать самихъ себя и другъ друга Христу Богу, всѣ восклицаютъ: „Тебѣ, Господи!“

Эктенія завершается возглашеньемъ: „Щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, со Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“.

Ликъ гремитъ: „Аминь“.

Алтарь все еще закрытъ. Священникъ все еще не приступаетъ къ жертвоприношенію: еще много долженствующаго предшествовать тайной вечери Изъ глубины алтаря посылаетъ онъ привѣтствіе. Самого Спасителя: „Миръ всѣмъ!“ Ему отвѣтъ: „И духу твоему“. Стоя на амвонѣ, діаконъ, какъ было у первыхъ христіанъ, призываетъ всѣхъ ко взаимной любви словами: „Возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣдаемъ...“ Окончанье призванья подхватываетъ ликъ поющихъ: „Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную“, возвѣщая, что, не полюбивши другъ друга, нельзя полюбить Того, Кто весь одна любовь, полная, совершенная, содержащая въ своей Троицѣ и любящаго и любимаго, и самое дѣйствіе любви, которою любящій любитъ любимаго: любящій—Богъ Отецъ, любимый—Богъ Сынъ, и сама любовь, ихъ связующая—Богъ Духъ Святый. Три раза поклоняется священникъ въ алтарѣ, произнося въ себѣ тайно: „Возлюби Тебя, Господи, крѣпость моя, Господь утвержденье мое и прибѣжище мое“, и цѣлуетъ покрытые покровами святый дискосъ и святую чашу, цѣлуетъ край святыя трапезы и, сколько бы ни случилось священниковъ, съ нимъ сослужащихъ, каждый дѣластъ то же, и потомъ всѣ цѣлуютъ другъ друга. Главный говоритъ: „Христосъ посреди насъ“. Ему отвѣтствуютъ: „И есть, и будетъ“. Діаконы также, сколько бы ихъ ни случилось, цѣлуютъ каждый вначалѣ свой орарь въ томъ мѣстѣ, гдѣ на немъ изображенье креста, потомъ другъ друга, произнося тѣ же слова.

Прежде всѣ предстоящіе въ церкви лобызали также другъ друга, мужи—мужей, жены—женъ, произнося: „Христосъ посреди насъ“, и тутъ же отвѣтствуя: „и есть, и будетъ“; а потому и теперь всякій предстоящій, собирая мысленно предъ собою всѣхъ Христіанъ, не только присутствующихъ во храмѣ, но и отсутствующихъ, не только близкихъ къ сердцу, но и далекихъ отъ сердца, спѣша примириться съ тѣми, противъ которыхъ питалъ какую-нибудь нелюбовь, ненависть, неудовольствіе,—всѣмъ имъ спѣшитъ дать мысленно лобзанье, говоря внутренно: „Христосъ посреди насъ“ и отвѣтствуя за нихъ: „И есть, и будетъ“: ибо безъ этого онъ будетъ мертвъ для всѣхъ слѣдующихъ священнодѣйствій, по слову Самого Христа: „Остави даръ свой и шедъ прежде примирись съ своимъ братомъ и тогда принеси жертву Богу“; и въ другомъ мѣстѣ: „Аще кто речетъ: люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо нелюбяй брата своего, Его же видѣ, како можетъ любить Бога, Его же не видя“?

Стоя на амвонѣ лицомъ ко всѣмъ предстоящимъ, держа орарь тремя перстами, произноситъ діаконъ древнее возглашеніе: „Двери! Двери!“ древле обращаемое къ привратникамъ, стоявшимъ у входа дверей, чтобы никто изъ язычниковъ, имѣвшихъ обыкновеніе нарушать христіанскія богослуженія, не ворвался бы нагло и святотатственно въ церковь, нынѣ же обращаемое къ самимъ предстоящимъ, чтобы берегли двери сердецъ своихъ, гдѣ уже поселилась любовь, и не ворвался бы туда врагъ любви, а двери устъ и ушесъ отверзли бы къ слышанію символа вѣры, во знаменованіе чего и отдергивается завѣса надъ царскими дверями, или горнія двери, отверзающіяся только тогда, когда слѣдуетъ устремить вниманіе ума къ таинствамъ высшимъ. А діаконъ призываетъ къ слушанію словами: „Премудростію вонмемъ“. Пѣвцы твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, больше похожимъ на выговариваніе, читаютъ выразительно и громко: „Вѣрую во Единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“. И сохранивъ мигъ отдохновенія, чтобы отдѣлилось въ мысляхъ у всѣхъ первое лицо Св. Троицы — Богъ Отецъ, продолжаютъ, возвышая голосъ: „И во Единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго, прежде всѣхъ вѣкъ. Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна, отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имъ же вся быша. Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася. Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. И восшедшаго на небеса, и сѣдяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Егоже царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки“. И сохранивъ мигъ отдохновенія, чтобы отдѣлилось въ мысляхъ у всѣхъ третіе лицо Св. Троицы—Богъ Духъ Святый, продолжаетъ: „Во едину святую, соборную и апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь“.

Твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, водружая въ сердце всякое слово исповѣданія, поютъ пѣвцы; твердо повторяетъ каждый вослѣдъ за ними слова символа. Мужествуя сердцемъ и духомъ, іерей передъ святымъ престоломъ, долженствующимъ изобразить святую трапезу, повторяетъ въ себѣ символъ вѣры, и всѣ ему сослужащіе повторяютъ его въ самихъ себѣ, колебля святый воздухъ надъ св. дарами.

И твердой стопой исходитъ діаконъ и возглашаетъ: „Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ, святое возношеніе мъ мирѣ приносити“, т.-е, станемъ, какъ прилично человѣку предстать передъ Бога, съ трепетомъ, съ страхомъ и въ то же время съ мужественнымъ дерзновеніемъ духа, славословящаго Бога, съ возстановившимся согласіемъ мира въ сердцахъ, безъ котораго нельзя вознестись къ Богу. И въ отвѣтъ на призывъ церковь, принося въ жертву хваленіе устъ и умягченное состояніе сердецъ, повторяетъ вослѣдъ за хоромъ пѣвцовъ: „Милость мира, жертву хваленія“. Въ первоначальной Церкви было въ обычаѣ приносить въ это время елей, знаменующій всякое умягченіе. Елей и милость въ греческомъ языкѣ тождественны.

Священникъ въ алтарѣ снимаетъ между тѣмъ воздухъ со святыхъ даровъ, цѣлуетъ его и кладетъ на сторону, произнося: „Благодать Господа...“ А діаконъ, взошедши въ алтарь и взявши въ руки вѣяло, или рипиду, вѣетъ ею благоговѣйно надъ дарами. Приступая къ совершенію тайной вечери, іерей посылаетъ изъ алтаря къ народу сіе благовѣствующее возглашеніе: „Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, буди со всѣми вами!“ И отвѣтствуютъ ему на то всѣ: „и со духомъ твоимъ!“ И алтарь, изображавшій вертепъ, теперь уже горница, въ которой была уготована вечеря. Престолъ, представлявшій гробъ, теперь уже трапеза, а не гробъ. Напоминая о Спасителѣ, возведшемъ очи горѣ передъ тѣмъ, какъ преподать божественную пищу ученикамъ, священникъ возглашаетъ: „Горѣ имѣемъ сердца!“ И каждый изъ стоящихъ во храмѣ помышляетъ о томъ, что

имѣетъ совершиться,—что въ эту минуту Божественный Агнецъ идетъ за него заклаться, Божественная кровь Самого Господа вливается въ чашу, въ его очищеніе, и всѣ небесныя силы, соединяясь съ іереемъ, о немъ молятся, — помышляя [о томъ], стремя свое сердце отъ земли къ небу, отъ тьмы къ свѣту, восклицаетъ вослѣдъ за всѣми: „Имамы ко Господу“.

Напоминая о Спасителѣ благодарившемъ, по возведеніи очей горѣ возглашаетъ іерей: „Благодаримъ Господа“. Ликъ отвѣтствуетъ: „Достойно и праведно есть покланятися Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троицѣ единосущной и нераздѣльной“. А священникъ молится въ тайнѣ: „Достойно и праведно есть Тебя воспѣвать, Тебя благословить, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебѣ поклоняться на всякомъ мѣстѣ владычествія Твоего, ибо Ты еси Богъ неизреченъ, недовѣмомъ, невидимъ, непостижимъ, присно сый, такожде сый Ты, и Единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святый. Ты отъ небытія въ бытіе насъ привелъ еси и отпадшія вновь возстановилъ насъ и не отпустилъ еси вся творя, дондеже на небо насъ возвелъ еси, и даровалъ намъ Твое будущее царство. О сихъ всѣхъ благодаримъ Тебя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святаго, о всѣхъ, которыя знаемъ и которыхъ не знаемъ, о явленныхъ и неявленныхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насъ. Благодаримъ Тебя и о службѣ сей, которую изъ рукъ нашихъ пріяти изволилъ еси, хотя и предстоятъ Тебѣ тысящи архангеловъ, и тьмы ангеловъ, херувими, и серафими шестокрылатые, многоочитые возвышающіеся пернатые, побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: Святъ, Святъ, Святъ Господь Савао҃въ, исполнь небо и земля славы Твоея!“

Эту побѣдную серафимскую пѣснь, которую слышали въ святыхъ видѣніяхъ своихъ пророки, подхватываетъ весь ликъ пѣвцовъ, унося мысли молящихся къ незримымъ небесамъ и заставляя ихъ вмѣстѣ съ серафимами повторять: Святъ, Святъ, Святъ Господь Савао҃въ“, и облетая вмѣстѣ съ серафимами престолъ божественной славы. И такъ какъ въ то же время вся церковь ожидаетъ въ эти минуты сошествія Самого Бога, грядущаго принестись въ жертву за всѣхъ, то къ серафимской пѣснѣ, раздающейся въ небесахъ, присоединяется пѣснь еврейскихъ отроковъ, которою они встрѣтили вшествіе Его во Іерусалимъ, подстилая вѣтви по пути: „Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ!“ Ибо Господь взойти готовится во храмъ, какъ въ таинственный Іерусалимъ. Діаконъ продолжаетъ вѣять вѣяломъ надъ святыми дарами, чтобы не могло упасть туда какое насѣкомое, изобразуя вѣяніемъ движеніе благодати; а священникъ продолжаетъ молиться втайнѣ: „Съ сими блаженными силами, Владыко Человѣколюбче, и мы вопіемъ и глаголемъ: Святъ еси и Пресвятъ, Ты и Единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святый. Святъ еси и Пресвятъ, и великолѣпна слава Твоя, иже міръ Твой тако возлюбилъ еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всякъ, вѣруяй въ Него, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный, Который, пришедъ и все смотрѣніе о насъ исполнивъ, въ ночь, въ которую былъ преданъ, или, лучше, Самъ Себя предалъ за жизнь міра, взявши хлѣбъ въ святыя Свои, пречистыя, непорочныя руки, благодаривъ, благословивъ, освятивъ, преломивъ и давши святымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ, сказалъ...“ и громко возглашаетъ іерей слова Спасителя: „Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ“. И вся церковь вослѣдъ за ликомъ возглашаетъ: „аминь“. А діаконъ, держа орарь, указываетъ священнику на святый дискосъ, на которомъ положенъ хлѣбъ. Священникъ продолжаетъ втайнѣ: „Подобно и чашу по вечерѣ, глаголя...“ и также, по указанію діакона на чашу, возглашаетъ громко: „Пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ“ И также громко возглашаетъ вся церковь: „аминь“.

Священникъ продолжаетъ молиться втайнѣ: „И такъ воспоминая сію спасительную заповѣдь и все о насъ бывшее: крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, на небеса восхожденіе, одесную сидѣніе, второе и славное пришествіе вновь“— и, произнесши это въ себѣ, возглашаетъ громко: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, о всѣхъ и и за вся“. Отложивъ рипиду, діаконъ приподымаетъ святый дискосъ и святый потиръ—алтарь уже не горница Тайныя Вечери, престолъ не трапеза: онъ уже теперь жертвенникъ, на которомъ приносится страшная жертва за весь міръ—Голгоѳа, на которой совершилось заколеніе Божественной Жертвы. Эта минута есть минута и жертвоприношенія, и напоминанія всякому о жертвѣ Творцу. Поклоненіе отдается нами и земнымъ властямъ; обожаніе, уваженіе, покорность мы воздаемъ и людямъ, но жертву — единому Творцу. Она не прекращалась отъ самаго созданія міра и въ какомъ бы видѣ не приносилась, требовалась не самая жертва, но духъ сокрушенъ, съ которымъ она приносилась. Поэтому, всякій изъ предстоящихъ, вспомни, что въ эту минуту священникъ, презрѣвъ все дольнее, оставивши всѣ помыслы, всѣ мысли о земномъ, подобно какъ Аврамъ, который, когда восходилъ на горы принести жертву оставивъ внизу и жену, и раба, и осла своего, взявши съ собою только дрова горькаго исповѣданія прегрѣшеній своихъ и сжегши ихъ

огнемъ раскаянія душевнаго, огнемъ и мечомъ духа, заколовши въ себѣ всякое желаніе земныхъ стяжаній и блага земного. Но что̀ предъ Богомъ всѣ наши жертвы, когда Онъ гласитъ устами пророка: „яко портъ нечистъ вся дѣла ваша?“ Въ глубокомъ сознаніи, что нѣтъ Богу на землѣ ничего достойнаго жертвы, каждый изъ предстоящихъ обращается мысленно къ той же чашѣ, которую въ алтарѣ подъемлетъ служитель алтаря, и восклицаетъ во глубинѣ сердца своего: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся“. Ликъ поетъ: „Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимтися, Боже нашъ!“

И наступаетъ верховнѣйшая минута всей литургіи: пресуществленіе. Въ алтарѣ происходитъ троекратное призваніе Святаго Духа на святые дары,— Того Самаго Святаго Духа, которымъ совершилось воплощеніе Христово отъ Дѣвы, Его смерть, Его воскресеніе и безъ Котораго не можетъ пресуществиться хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову.

Упавъ ницъ предъ св. престоломъ, священникъ и діаконъ творятъ троекратно земные поклоны, произнося въ себѣ: „Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися“. И каждый вослѣдъ за симъ призваніемъ произноситъ въ себѣ стихъ: „Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей“. И во второй разъ тоже призваніе: „Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися“; вслѣдъ затѣмъ стихъ: „ Не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене“. И въ третій разъ призваніе: „Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися“. Подклонивъ главу, діаконъ указываетъ ораремъ на святый хлѣбъ, произнося въ себѣ: „Благослови, владыко, святый хлѣбъ“ и; знаменуетъ его трижды іерей, глаголя: „И сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего“. Діаконъ произноситъ: „аминь“. И хлѣбъ уже есть самое тѣло Христа. И, также безмолвно указываетъ діаконъ ораремъ на святую чашу, произнося въ себѣ: „Благослови, владыко, святую чашу“. И, благословляя, глаголетъ священникъ: „А еже въ чаши сей, честную кровь Христа Твоего“. Діаконъ произноситъ: „аминь“ и, указавъ на обоя святая, глаголетъ: „Благослови, владыко, обоя“. Благословивъ, произноситъ священникъ: „Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ“; троекратно произноситъ діаконъ: „аминь“—и на престолѣ уже тѣло и кровь: пресуществленіе совершилось! Словомъ вызвано Вѣчно Слово. Іерей, имѣя глаголъ намѣсто меча, совершилъ закланье. Кто бы онъ ни былъ самъ,—Петръ или Иванъ,—но въ его лицѣ Самъ Вѣчный Архіерей совершилъ сіе закланіе и вѣчно совершаетъ Онъ его въ лицѣ Своихъ іереевъ, какъ по слову: „да будетъ свѣтъ“, свѣтъ сіяетъ вѣчно; какъ по слову: да произраститъ земля быліе травное“, произращаетъ его вѣчно земля. На престолѣ—не образъ, не видъ, но самое тѣло Господне,—то самое тѣло, которое страдало на землѣ, терпѣло заушенья, было оплевано, распято, погребено, воскресло, вознеслось вмѣстѣ съ Господомъ и сидитъ одесную Отца. Видъ хлѣба сохраняетъ оно только затѣмъ, чтобы быть снѣдью человѣку, и что Самъ Господь сказалъ: „Азъ есмь хлѣбъ“.

Церковный звонъ подъемлется съ колокольней возвѣстить всѣмъ о великой минутѣ, чтобы человѣкъ, гдѣ бы онъ въ это время ни находился,— въ пути ли, въ дорогѣ, обрабатываетъ ли землю полей своихъ, сидитъ ли въ дому своемъ, или занятъ другимъ дѣломъ, или томится на одрѣ болѣзни, или въ тюремныхъ стѣнахъ, словомъ,— гдѣ бы онъ ни былъ, чтобы могъ отовсюду вознести моленье и отъ себя въ эту страшную минуту. Все повергается ницъ въ виду тѣла и крови Господней, взывая ко Господу словами разбойника: „Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ“.

Подклонивъ главу священнику, діаконъ произноситъ: „Помяни мя, святый владыко!“ Ему отвѣтствуетъ священникъ: „Помянетъ тебя Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“. И приступаетъ священникъ къ поминанью всѣхъ предъ лицомъ Господа, собирая всю Церковь, и торжествующую, и воинствующую, въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ вспоминались всѣ на проскомидіи, начиная съ Богопресвятой, Пречистой Матери Господа, Которую тутъ же вся церковь ублажаетъ, вмѣстѣ съ ликомъ, хвалебною пѣснью, какъ Предстательницу за весь родъ человѣческій, какъ единственную удостоившуюся, за высокое смиреніе свое, понести въ себѣ Бога,— чтобы каждый въ эту минуту слышалъ, что высшая добродѣтель—смиреніе и въ сердцѣ смиреннаго воплощается Богъ. И вослѣдъ за Божіею Матеріею вспоминаются пророки, апостолы, отцы Церкви въ томъ же порядкѣ, какъ изнимались за нихъ части на проскомидіи; потомъ—всѣ усопшіе, которыхъ помянникъ читаетъ діаконъ, потомъ живущіе, начиная съ тѣхъ, на которыхъ возложены важнѣйшія обязанности и высшія,—съ право правящихъ слово истины духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, отъ Государя: [да пособитъ ему Господь на трудномъ его поприщѣ во всякомъ дѣлѣ общаго добра, и да въ союзномъ стремленіи ко благу отвѣтствуетъ ему весь государственный ко-

рабль управленья, палата власти, воинства, исполняя честно долгъ, „да и мы, въ тишинѣ ихъ, тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“. И о всѣхъ предстоящихъ христіанахъ до единаго молится въ это время іерей, чтобы Милостивый на всѣхъ излилъ Свои милости, сокровища ихъ исполнилъ блага, супружества ихъ соблюлъ бы въ единомысліи и мирѣ, младенцевъ воспиталъ бы, юность наставилъ, старость поддержалъ, малодушныхъ утѣшилъ, разсточенныхъ собралъ, прельщенныхъ обратилъ и совокупилъ святой Своей соборной и апостольской Церкви. И обо всѣхъ до послѣдняго христіанина въ это время молится смиренно іерей, гдѣ бы такой христіанинъ не находился — въ пути ли онъ, въ дорогѣ, въ плаваніи, путешествіи, страдаетъ ли въ недугѣ, томится ли въ заточеньи, въ рудахъ и пропастяхъ земли]. Обо всѣхъ до едина молится въ это время вся церковь и каждый изъ предстоящихъ, сверхъ этого общаго моленья обо всѣхъ, молится еще о всѣхъ своихъ, близкихъ своему сердцу, всѣхъ ихъ поименовывая предъ лицомъ тѣла и крови Господней. И возглашаетъ громко священникъ изъ алтаря: „И даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“. Утвердительнымъ „аминь“ отвѣтствуетъ церковь. Священникъ возглашаетъ: „И да будутъ милости Великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами!“ Ему отвѣтствуютъ: „и со духомъ твоимъ“. И симъ оканчиваются моленія о всѣхъ, составляющихъ Церковь Христову, совершаемыя передъ лицомъ самого тѣла и самой крови Христовой.

Діаконъ восходитъ на амвонъ воздвигнуть моленія о самыхъ дарахъ, уже принесенныхъ Богу и пресуществленныхъ, да не въ судъ и въ осужденье обратятся. Подъявъ орарь тремя перстами десныя руки своей, такъ восперяетъ онъ всѣхъ къ молитвѣ: „Вся святыя помянувше, вновь и вновь миромъ Господу помолимся!“ И воспѣваетъ ликъ: „Господи, помилуй!“—„О принесенныхъ и освященныхъ честныхъ дарахъ Господу помолимся“. И воспѣваетъ ликъ: „Господи, помилуй“—„Яко да Человѣколюбецъ Богъ нашъ“, взываетъ діаконъ: „пріявъ ихъ во святый превышенебесный и мысленный свой жертвенникъ, въ воню благоуханія духовнаго, возниспослетъ намъ божественную благодать и даръ Духа Святаго, помолимся“. И воспѣваетъ ликъ: „Господи, помилуй!“—„О избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды Господу помолимся“. И воспѣваетъ ликъ: „Господи, помилуй!“ — „Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію!“ И взываетъ ликъ: „Господи, помилуй!“—„Дня всего совершеннаго, всего святаго, мирнаго, безгрѣшнаго у Господа просимъ“. И воспѣваетъ ликъ: „Подай, Господи!“—„Ангела мирнаго, вѣрнаго наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ“. И воспѣваетъ ликъ: „Подай, Господи!“—„Прощенія и оставленія грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ“. И воспѣваетъ ликъ: „Подай, Господи!“ — „Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира міру у Господа просимъ“. И воспѣваетъ ликъ: „Подай Господи!“—„Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ“. И воспѣваетъ ликъ: „Подай, Господи!“—„Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовомъ просимъ!“ И воспѣваетъ ликъ: „Подай, Господи!“ И произноситъ діаконъ, уже не призывая въ помощь святыхъ, но обращая всѣхъ прямо ко Господу: „Соединеніе вѣры и причастіе Святаго Духа испросивши, сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“. И воспѣваютъ всѣ въ полной и совершенной преданности: „Тебѣ, Господи!“

Священникъ же намѣсто троичнаго славословія возглашаетъ: „И сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ, неосужденно смѣть призывать Тебя, небеснаго Бога Отца, и глаголати“. И всѣ вѣрные въ эту минуту не какъ рабы, исполненные страха, но какъ дѣти, какъ чистые младенцы, доведенные самими моленьями и всею службою и постепеннымъ ходомъ ея святыхъ обрядовъ до того небесно-умиленнаго, ангельскаго состоянія души, въ которомъ можетъ прямо говорить человѣкъ съ Богомъ, какъ съ нѣжнѣйшимъ отцомъ, произносятъ сію молитву Господню: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникамъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“.

Все обняла собою сія молитва, и въ ней все заключилось, что́ намъ нужно. Прошеньемъ: „да святится имя Твое“, просится первое, о чемъ прежде всего мы должны просить: гдѣ святится Божіе имя, тамъ всѣмъ хорошо, тамъ, значитъ, всѣ [въ] любви живутъ, ибо любовью только святится имя Божіе. Словами: „да пріидетъ царствіе Твое“, вызывается царство правды на землю, ибо безъ прихода Божія не быть правдѣ: ибо Богъ есть правда. Къ словамъ: „да будетъ воля Твоя“, приводитъ человѣка и вѣра и разумъ: чья же воля можетъ быть прекраснѣй Божіей воли? Кто же лучше Самого Творца знаетъ, что́ нужно Его творенію? Кому же ввѣ-

риться, какъ не Тому, Который весь есть благотворящее благо и совершенство? Словомъ: „даждь намъ хлѣбъ нашъ насущный“, просимъ мы всего, что́ нужно для дневного существованья нашего, хлѣбъ же нашъ есть Божія Премудрость, есть Самъ Христосъ. Онъ Самъ сказалъ: „Азъ есмь хлѣбъ; и ядый Меня не умретъ“. Словомъ: „остави намъ долги наша“, мы просимъ о снятіи съ насъ всѣхъ тяжкихъ грѣховъ нашихъ, на насъ тяготѣющихъ,—просимъ прощенія намъ всего того, чѣмъ задолжали мы Самому Творцу въ лицѣ братій нашихъ, Который ежедневно и ежеминутно въ образѣ ихъ протягиваетъ намъ руку Свою, надрывающимъ всю душу воплемъ умоляя о милости и милосердіи. Словомъ: „не введи насъ во искушеніе“, мы просимъ о избавленіи насъ отъ всего смущающаго духъ нашъ и отъемлющаго у насъ душевное спокойствіе. Словомъ: „но избави насъ отъ лукаваго“, мы просимъ о небесной радости: ибо какъ только отступаетъ отъ насъ лукавый, радость уже вдругъ входитъ въ нашу душу, и мы уже на землѣ, какъ на небесахъ.

Такъ все заключаетъ въ себѣ и все объемлетъ собою сія молитва, которою молиться научила насъ Сама Премудрость Божія, и кому же молиться? молиться Отцу Премудрости, породившему Премудрость Свою прежде вѣковъ. Такъ какъ всѣ предстоящіе должны повторять въ себѣ молитву сію не устами, но самой чистой невинностью младенческаго сердца, то и самое пѣнье ея на ликахъ должно быть младенческое: не мужественными и суровыми звуками, но звуками младенческими, какъ бы лобзающими самую душу, должна воспѣваться сія молитва, да весеннее дыханіе самихъ небесъ въ ней слышится, да лобзаніе самихъ ангеловъ въ ней носится, ибо въ молитвѣ этой уже не называемъ мы и Богомъ Того, Кто сотворилъ насъ, а говоримъ Ему просто: „Отче нашъ!“

Іерей привѣтствуетъ изъ глубины алтаря какъ бы привѣтствіемъ Спасителя: „Миръ всѣмъ!“ Ему отвѣтствуютъ: „И духови твоему!“ Напоминая о сердечномъ внутреннемъ исповѣданіи, которое долженъ всякій совершить внутри самого себя въ сію минуту, діаконъ взываетъ: „Главы ваши Господеви преклоните!“ И, преклонивъ главы свои, всѣ до единаго изъ предстоящихъ произносятъ въ себѣ почти такую молитву: „Тебѣ, Господи Боже мой, преклоняю главу и во исповѣданіи сердечномъ вопію: Грѣшенъ, Господи, и недостоинъ просить у Тебя прощенія, но Ты, какъ Человѣколюбецъ, такъ же ни за что, какъ блуднаго сына, меня помилуй, какъ мытаря меня оправдай и удостой меня, какъ разбойника, Твоего небеснаго царства“. И когда всѣ, такимъ образомъ, преклонивъ главы свои, пребываютъ въ внутреннемъ сокрушеніи сердечномъ, іерей молится у алтаря за всѣхъ такими, внутри самого себя произносимыми словами: „Благодаримъ Тебя, Царю невидимый, иже неисчетною Твоею силою вся содѣтельствовалъ еси, и множествомъ милости Твоея отъ небытія въ бытіе вся привелъ еси, Самъ, Владыко, съ небесъ призри на преклонившихъ Тебѣ главы своя, ибо подклонили они ихъ не плоти и крови, но Тебѣ, страшному Богу. Ты же, Владыко, все, что́ предложитъ намъ, изравняй во благо намъ, каждому по потребности его: плавающимъ сплавай, путешествующимъ спутешествуй, недугующія исцѣли, Врачу душъ и тѣлесъ!“ И возглашаетъ вслѣдъ за тѣмъ великолѣпное троичное славословіе, обращенное къ небесной милости Божіей: „Благодатію, и щедротами, и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, со Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!“ Ликъ возглашаетъ: „аминь“. А священникъ, приготовляя къ пріобщенію себя самого и всѣхъ потомъ тѣла и крови Христовой, молится такою тайною молитвою: „Вонми, Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, отъ святаго жилища Твоего и отъ престола славы царствія Твоего! Пріиди освятить насъ, горѣ съ Отцомъ сидящій и здѣсь невидимо намъ спребывающій, и сподоби державной рукой Твоей преподать намъ [священникамъ] пречистое тѣло Твое и честную кровь Твою, а нами всѣмъ Твоимъ людямъ“.

Во время глаголанія сей молитвы діаконъ готовится къ причащенію: становится передъ царскими вратами, опоясуя себя ораремъ и складывая его крестовидно на себѣ въ подобіе ангеловъ, крестовидно складывающихъ на себѣ крылья и закрывающихъ ими лица свои передъ неприступнымъ свѣтомъ божества. Поклонясь три раза, такъ же какъ и священникъ, произноситъ онъ три раза въ себѣ: „Боже, очисти меня грѣшнаго и помилуй меня!“. Когда же священникъ простретъ руки свои къ святому дискосу, воздвигающимъ словомъ „вонмемъ“ напоминаетъ онъ всѣмъ во храмѣ къ устремленію мысли на происходящее. Алтарь сокрывается отъ глазъ народа, завѣса задергивается, да совершится прежде пріобщеніе самихъ іереевъ. Одинъ только голосъ іерея, подъемлющаго святой дискосъ, „Святая святымъ“ раздается изъ алтаря. Содрагаясь отъ сего возвѣщенія, говорящаго, что нужно быть святымъ для принятія святыни, весь молящійся храмъ отвѣтствуетъ ему: „Единъ Свять, единъ Господь, Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца“, и воспѣвается вслѣдъ за тѣмъ хвалебный гимнъ святому, его же день, въ возвѣщенье, что можно быть святу человѣку, такъ же какъ сталъ святъ

святой, которому гимнъ поется: сталъ святъ онъ не своей святостью, но святостью Самого Христа. Пребываньемъ во Христѣ святится человѣкъ и въ такія минуты пребыванья святъ, какъ Самъ Христосъ, подобно какъ желѣзо, когда пребываетъ въ огнѣ, становится и само огонь и потухаетъ вмигъ, какъ только изъемлется изъ огня, и становится вновь желѣзомъ.

Священникъ раздробляетъ теперь святый хлѣбъ, сначала по знаку, начертанному на проскомидіи, на четыре части, съ благоговѣніемъ произнося: „раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій, раздробляемый и нераздѣляемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но освящаяй причащающіяся“. И сохранивъ одну изъ сихъ частей для пріобщенія себя и діакона святаго тѣла въ видѣ, несоединенномъ еще съ кровію, дробитъ потомъ части хлѣба по числу пріобщающихся, но не дробится въ семъ дробленіи самое тѣло Христово, котораго и кость не сокрушилась, и въ малѣйшей частицѣ сохраняется тотъ же всецѣлый Христосъ, какъ въ каждомъ членѣ нашего тѣла присутствуетъ та же человѣческая душа нераздѣльная и всецѣлая, какъ въ зеркалѣ, хотя бы оно и сокрушилось на сотни кусковъ, сохраняется отраженіе тѣхъ же предметовъ даже въ самомъ малѣйшемъ кускѣ. Какъ въ звукѣ насъ огласившемъ сохраняется то же единство его, и остается онъ тотъ же самый единый всецѣлый звукъ, хотя и тысячи ушей его слышали. Но въ чашу не погружаются всѣ тѣ части, которыя были вынуты на проскомидіи во имя святыхъ, во имя усопшихъ и во имя нѣкоторыхъ живущихъ. Они остаются до времени еще на дискосѣ; только частями, составляющими тѣло и кровь Господню, пріобщается церковь. Въ первоначальныя времена Церкви причащались ими въ видѣ несоединенномъ, какъ нынѣ пріобщаются у насъ одни іереи, и каждый, пріемля въ руки тѣло Господа, испивалъ потомъ самъ изъ чаши. Но когда, — безчинствомъ невѣжественныхъ новообращенныхъ христіанъ, ставшихъ только по имени христіанами, — начали уносить святые дары въ дома свои, употребляя ихъ въ суевѣрія и колдовства, или же безчинно обращаться съ ними тутъ же во храмѣ, толкая другъ друга, производя шумъ и даже проливая святые дары, когда нашлись въ необходимости отцы многихъ Церквей отмѣнить вовсе пріобщеніе крови для всего народа, замѣнивъ его хлѣбнымъ знакомъ облатки, какъ сдѣлала то у себя католическая западная Церковь,—тогда святый Іоаннъ Златоустъ, чтобы не случилось и въ Церкви восточной того, установилъ преподавать народу кровь и тѣло не порознь, но въ соединенномъ видѣ, и не давать ему ни того, ни другого въ собственныя руки, но преподавать святой ложкой, имѣющей образъ тѣхъ клещей, которыми огненный серафимъ прикоснулся къ устамъ пророка Исаіи, дабы напомнить всѣмъ, какого рода то прикосновеніе, которое готово прикоснуться устамъ, дабы увидѣлъ ясно всякъ, что сей святой ложкой держитъ іерей тотъ горящій уголь, который схватилъ таинственными клещами серафимъ отъ самого жертвенника Божія, дабы единымъ только прикосновеніемъ его къ устамъ пророка отъять отъ него всѣ грѣхи его. Тотъ же самый Златоустъ, чтобы удалить съ тѣмъ вмѣстѣ всякую мысль о томъ, что сіе соединеніе тѣла и крови воедино и вмѣстѣ дѣлается произвольно іереемъ, ввелъ въ мунуту самаго соединенія ихъ вмѣстѣ влитіе теплой воды въ сосудъ, знаменующее теплотворную благодать Духа Святаго, изливаемую въ разрѣшеніе такого соединенія, почему и произносится при этомъ діакономъ: „Теплота вѣры, исполнь Духа Святаго“. А на самое влитіе теплоты призывается благословленіе Того же Духа Святаго, чтобы ничто не совершилось при этомъ безъ благословенія Самого Господа, чтобы въ то же время и теплота послужила подобіемъ теплотѣ крови, давая самимъ вкушеніемъ ея чувствовать всякому, что не отъ мертваго тѣла, изъ котораго не истекаетъ теплая кровь, но отъ живого, животворящаго и животворнаго тѣла Господня онъ ее пріемлетъ, чтобы и здѣсь онъ слышалъ возвѣщеніе того, что и отъ мертваго тѣла Господня не отступила божественная душа и было дѣйствъ Духа оно полно, и Божество съ нимъ не разлучалось.

Пріобща вначалѣ себя, потомъ діакона, служитель Христовъ предстоитъ новымъ человѣкомъ, какъ очищенный святынею пріобщенія отъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній, какъ святый истинно въ эту минуту и какъ достойный пріобщать другихъ.

Врата царскія разверзаются, діаконъ возноситъ торжественный гласъ: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!“ И всѣмъ предстоитъ преображенный серафимъ съ святой чашей въ рукахъ — іерей, во святыхъ вратахъ стоящій.

Горя желаніемъ Бога, сгорая любовнымъ пламенемъ къ Нему, сложивъ руки крестомъ на груди своей, одинъ за другимъ подступаютъ къ нему пріобщающіеся и, преклоня главу, повторяетъ всякъ въ себѣ сіе исповѣданіе Распятаго:

„Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты сси воистину Христосъ, Сынъ Бога Живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ. Еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя, молюся убо Тебѣ: помилуй мя и прости ми прегрѣшенія моя вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, и сподоби мя неосужденно причаститися

пречистыхъ Твоихъ таинъ во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную". И остановившись на одно мгновеніе, дабы объять мыслію значеніе того, къ чему приступаетъ, продолжаетъ глубиной сердца своего повторять послѣдующія слова:

„Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника меня пріими: не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ яко Іюда, но яко разбойникъ исповѣдую Тя: помяни меня, Господи, во царствіи Твоемъ". И совершивъ одинъ мигъ благоговѣйнаго молчанія въ себѣ, продолжаетъ: „Да не въ судъ или во осужденіе будетъ мнѣ причащеніе святыхъ Твоихъ таинъ, Господи, но во исцѣленіе души и тѣла".

И прочитавъ сіе исповѣданіе, уже не такъ, какъ къ іерею, но какъ къ самому огненному серафиму, приступаетъ каждый, готовясь раскрытыми устами принять съ святыя ложки тотъ огнепальный уголь святаго тѣла и крови Господа, который долженствуетъ въ немъ попалить, какъ тлѣнный хворостъ, весь черный дрязгъ его прегрѣшеній, изгнавъ вѣчную ночь изъ души его, превративъ его самого въ просвѣтленнаго серафима. И когда, подъявъ святую ложку надъ устами его и упомянувши его, произнесетъ іерей: „Причащается рабъ Божій честныя и святыя крови Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ своихъ и въ жизнь вѣчную", пріемлетъ онъ тѣло и кровь Господа, и въ нихъ пріемлетъ минуту свиданья съ Богомъ, становясь лицомъ къ лицу къ Нему Самому. Въ минутѣ этой нѣтъ времени, и ничѣмъ не отличается она отъ самой вѣчности, ибо въ ней пребываетъ Тотъ, Кто есть начало вѣчности. Пріявъ въ тѣлѣ и крови сію великую минуту, исполненный святаго ужаса стоитъ пріобщившійся: святымъ воздухомъ осушаются уста его при повтореніи серафимскихъ словъ пророку Исаіѣ: „Се прикоснуся устнамъ твоимъ и отыметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ". Самъ святой, возвращается онъ отъ святыя чаши, поклоняясь святымъ, ихъ привѣтствуя и поклоняясь всѣмъ предстоящимъ, какъ ближайшимъ въ нѣсколько разъ своему сердцу, чѣмъ дотолѣ, какъ связавшихся теперь съ нимъ узами святаго небеснаго родства, и становится потомъ на свое мѣсто, исполненный той мысли, что принялъ въ себя Самого Христа и что Христосъ въ немъ, [что] Христосъ сошелъ Своею плотью, какъ во гробъ, къ нему въ утробу, дабы, проникнувъ потомъ въ тайное хранилище сердца, воскреснуть въ духѣ его, совершая въ немъ самомъ и погребенье, и воскресенье Свое. Сіяетъ свѣтомъ сего духовнаго воскресенья вся церковь, и воспѣваютъ пѣвцы сіи ликующія пѣсни:

„Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу, Единому Безгрѣшному. Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ: Ты бо еси Богъ нашъ, развѣ Тебе иного не знаемъ, имя Твое именуемъ. Пріидите вси вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію: се бо пріиде крестомъ радость всему міру. Всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его: распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разруши". И подобно ангеламъ, соединяющимся въ это время.

„Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія. Ликуй нынѣ и веселися, Сіоне; Ты же Чистая красуйся Богородице о востаніи рождества Твоего. О пасха велія и священнѣйшая Христе! О мудросте и слове Божій и сило! подавай намъ истѣе Тебе причащатися, въ невечернѣмъ дни царствія Твоего!"

Въ продолженіе же того, какъ воскресными пѣснями оглашается ликующая церковь, священникъ въ закрытомъ алтарѣ, поставивъ святую чашу на святую трапезу, которая, такъ же какъ и дискосъ, покрывается вновь покровами, произноситъ благодарственную молитву Самому благодѣтелю душъ Господу за удостоеніе пріобщиться небесныхъ и безсмертныхъ Его таинствъ и заключаетъ ее прошеніемъ, да исправитъ путь нашъ, утвердитъ насъ всѣхъ въ священномъ страхѣ къ нему, соблюдетъ житіе наше и содѣлаетъ твердыми стопы наши.

И разверзаются затѣмъ въ послѣдній разъ царскія врата, возвѣщая разверзаньемъ своимъ разверзанье самого царствія небеснаго, которое доставилъ Христосъ всѣмъ принесеньемъ Самого Себя въ духовную снѣдь всему міру. Въ видѣ святой чаши, износимой діакономъ въ сопровожденіи словъ: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите", и въ ея отнесеніи изобразуется исходъ Самого Господа къ народу, дабы возвести ихъ всѣхъ съ Собою въ домъ Отца Своего. Громомъ торжественнаго пѣснопѣнья гремитъ весь ликъ въ отвѣтъ: „Благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явися намъ!" И громомъ пѣснопѣнья духовнаго, исходящаго изъ глубины возрастающаго духа, совоспѣваетъ ему вся церковь. Священникъ же, благословивъ предстоящихъ словами: „Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояніе Твое",— ибо предполагаетъ, что всѣ по чистотѣ въ эту минуту обратились въ собственное достояніе Божіе,— устремляется мыслью къ вознесенію Господню, которымъ завершилось Его пребываніе на землѣ: становится вмѣстѣ съ діакономъ предъ святымъ престоломъ и, поклоняясь, кадитъ онъ въ послѣдній разъ, и кадя произноситъ въ себѣ: „Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя", между тѣмъ какъ ликъ восторгающимъ пѣснопѣніемъ и звуками, сіяющими весельемъ духовнымъ, стремитъ просвѣтленныя души всѣхъ предстоящихъ

къ произнесенію вослѣдъ за нимъ сихъ словъ самой радости духовной: „Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, Нераздѣльной Троицѣ покланяемся, Та бо насъ спасла есть“.

Діаконъ показывается въ святыхъ дверяхъ съ святымъ дискосомъ на главѣ, не произнося ни одного слова: безмолвнымъ воззрѣніемъ своимъ на все собраніе и уходомъ знаменуетъ удаленіе отъ насъ и вознесеніе Господне. Вослѣдъ за діакономъ показывается въ святыхъ дверяхъ іерей съ святою чашею и возвѣщаетъ пребываніе съ нами до скончанія вѣковъ вознесшагося Господа словами: „Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“, послѣ чего и чаша, и дискосъ относятся вновь на боковой жертвенникъ, на которомъ совершалась проскомидія, который изобразуетъ теперь уже не вертепъ, видѣвшій рожденіе Христово, но то верховное мѣсто славы, гдѣ совершился возвратъ Сына въ Отчее.

Здѣсь вся церковь, предводимая поющимъ ликомъ, соединяется въ одно торжественно-благодарное пѣніе душъ своихъ; и сіи суть слова ея восхваленья: „Да исполнятся уста наша хваленія Твоего, Господи, яко да поемъ славу Твою, яко сподобилъ еси насъ причаститися святымъ Твоимъ божественнымъ, безсмертнымъ и животворящимъ тайнамъ: соблюди насъ во Твоей святыни, весь день поучатися правдѣ Твоей!“ И воспѣваетъ троекратно вослѣдъ за тѣмъ хоръ пѣвцовъ воздвигающее слово: „аллилуія“, говорящее имъ непрестающее хожденіе и всюду пребываніе Божіе. Діаконъ же восходитъ на амвонъ воздвигнуть въ послѣдній разъ предстоящихъ къ моленіямъ благодарственнымъ. Подъявъ орарь тремя перстами руки своей, говоритъ онъ: „Прости, пріимше божественныхъ, святыхъ, пречистыхъ безсмертныхъ, небесныхъ и животворящихъ, страшныхъ Христовыхъ таинъ, достойно благодаримъ Господа“. И благодаря сердцами, воспѣваютъ всѣ тихо: „Господи, помилуй!“—„Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію!“ взываетъ въ послѣдній разъ діаконъ. И воспѣваютъ всѣ: „Господи, помилуй!“ — „День весь совершенъ святъ, миренъ и безгрѣшенъ испросивши, сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“. И съ покорностію кроткой младенца, въ небесной довѣренности къ Богу, всѣ восклицаютъ: „Тебѣ, Господи!“ А священникъ, складывая въ это время антиминсъ и съ евангеліемъ въ рукахъ ознаменовавъ ....., возглашаетъ троичное славословіе, которое, озарявъ доселѣ, подобно всеозаряющему маяку, весь путь богослуженія, и теперь вспыхиваетъ еще сильнѣйшимъ свѣтомъ въ просвѣтившихся душахъ; и такое на сей разъ обращеніе троичнаго славословія: „Яко Ты еси освященіе наше, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“.

Затѣмъ священникъ приступаетъ къ боковому жертвеннику, на которомъ постановлены чаша и дискосъ. Всѣ тѣ частицы, которыя оставались доселѣ на дискосѣ и были вынуты на проскомидіи въ воспоминаніе святыхъ, въ упокой усопшихъ и въ душевное здравіе живущихъ, теперь погружены во святую чашу и въ семъ дѣйствіи ихъ погруженія пріобщается тѣлу и крови Христовой вся Церковь Его—и та, которая еще странствуетъ и воинствуетъ на землѣ, и та, которая уже торжествуетъ на небесахъ: Богоматерь, пророки, апостолы, отцы церковные, святители, отшельники, мученики, всѣ грѣшные, за которыхъ были вынуты части, на землѣ живущіе и отошедшіе, пріобщаются въ эту минуту тѣлу и крови Христовой. И священникъ, предстоя въ такую минуту предъ Богомъ, какъ представитель всей Его Церкви, испиваетъ изъ чаши сіе причащеніе всѣхъ и пріемля въ себя пріобщеніе всѣхъ, молится о всѣхъ, да омыются грѣхи ихъ, ибо за искупленіе всѣхъ принесена жертва Христомъ, какъ за тѣхъ, которые жили до Его пришествія, такъ и за тѣхъ, которые жили по пришествіи Его. И какъ бы ни была грѣшна молитва его, но священникъ возноситъ ее за всѣхъ, даже за самихъ святѣйшихъ, ибо, какъ сказалъ Златоустъ, общее предлежитъ очищеніе вселенныя.

Церковь повелѣваетъ о всѣхъ возносить всеобщую молитву; высокое значеніе такой молитвы и ея строгая надобность узнались не мудрецами міра и не совопросниками вѣка, но тѣми верховными людьми, которые высокимъ духовнымъ совершенствомъ и небесно-ангельской жизнью дошли до познанія глубочайшихъ душевныхъ тайнъ и видѣли уже ясно, что разлуки нѣтъ между живущими въ Богѣ, что минутной тлѣнностью нашего тѣла не прекращаются сношенія и что любовь, завязанная на землѣ, приходитъ въ бо́льшую мѣру на небесахъ, какъ на родинѣ своей, и братъ, отшедшій отъ насъ, становится еще ближе къ намъ отъ силы любви. И все, что́ ни истекаетъ изъ Христа, то вѣчно, какъ вѣченъ самъ источникъ, изъ котораго онъ истекаетъ. Слышали также они высшими органами чувствъ своихъ, что и на небесахъ торжествующая Церковь долженствуетъ молиться и молится также о странствующихъ на землѣ братьяхъ своихъ; слышали они, что Богъ предоставилъ, какъ лучшее изъ наслажденій, наслажденіе молиться, ибо ничего не совершаетъ Богъ и ничему не благодѣтельствуетъ, не дѣлая участникомъ въ самомъ совершеніи и въ самомъ благодѣяніи своемъ свое твореніе, да насладится оно высокимъ блаженствомъ благотворенія: несетъ

ангелъ Его повелѣніе и утопаетъ въ блаженствѣ уже отъ того, что несетъ Его повелѣніе. Молится на небесахъ святой о братьяхъ своихъ на землѣ и утопаетъ въ блаженствѣ уже отъ того, что молится. И все соучаствуетъ съ Богомъ во всѣхъ высочайшихъ Его наслажденіяхъ и блаженствахъ: милліоны совершеннѣйшихъ твореній исходятъ изъ рукъ Божіихъ, дабы участвовать въ высшихъ и высшихъ блаженствахъ и нѣтъ имъ конца, какъ нѣтъ конца Божьимъ блаженствамъ. Испивъ изъ чаши пріобщеніе всѣхъ съ Богомъ, іерей выноситъ народу тѣ просфоры, отъ которыхъ были отдѣлены и изъяты частицы, и симъ сохраняетъ высокій древній образъ трапезы любви, исполнявшійся христіанами первыхъ временъ. Хотя и не накрывается теперь для этого столъ, по причинѣ того, что невѣжественными христіанами, безумнымъ буйствомъ ихъ ликованій, словами раздора, а не любви, давно была опозорена святыня этого трогательнаго небеснаго пиршества въ самомъ дому Божіемъ, на которомъ всѣ пировавшіе были святы, какъ одна душа были души ихъ, и, чистые младенцы сердцемъ, вели они такую бесѣду, какъ бы у Самого Бога были на небесахъ; хотя сами церкви увидѣли строгую надобность уничтожить это, и самое воспоминанье объ этой трапезѣ исчезнуло во многихъ церквахъ; но несмотря на то, одна Восточная Церковь не могла рѣшиться на уничтоженіе вовсе такого обряда, и въ раздачѣ святаго хлѣба посреди церкви всему народу совершаетъ ту же святую трапезу любви. А потому всякъ пріемлющій просфору и пріемлетъ ее, какъ хлѣбъ отъ того пиршества, за которымъ Самъ Хозяинъ міра бесѣдовалъ съ людьми своими,—а потому вкушалъ бы благоговѣйно, представляя себя окруженнаго всѣми людьми, какъ нѣжнѣйшими братьями своими,—и такъ же, какъ было въ обычаѣ первоначальной церкви, вкушаетъ его прежде всякой другой пищи, или относитъ въ домъ свой домашнимъ, или же отправляетъ больнымъ, неимущимъ и тѣмъ, которые почему-нибудь не могли быть на то время въ церкви.

Раздавъ святый хлѣбъ, священникъ творитъ отпускъ литургіи и благословляетъ весь народъ словами: „Христосъ, Истинный Богъ нашъ, молитвами Пречистыя Своея Матери, молитвами отца нашего архіепископа Іоанна Златоуста (если литургія Златоуста идетъ день-въ-день), молитвами святаго [и называетъ по имени святаго, его же день] и всѣхъ святыхъ помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ“. Народъ, знаменуясь крестомъ и поклоняясь, расходится при громкомъ пѣніи лика, многолѣтствующаго императора.

Священникъ въ алтарѣ совлекается отъ одѣяній своихъ, произнося: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“, и сопровождая разоблаченіе хвалебными тропарями, гимнами отцу и святителю церковному, котораго служилась литургія, и той Пречистой Святой Дѣвѣ, въ которой совершилось вочеловѣченье Того, Кому служилась вся литургія. Діаконъ въ это время потребляетъ все оставшееся въ чашѣ и потомъ, наливъ въ нее вина и воды и всполоснувъ внутреннія стѣны ея, испиваетъ, осушивъ тщательно губкой, дабы ничто не оставалось, слагаетъ святыя сосуды вмѣстѣ, покрывъ и обвязавъ ихъ, и подобно священнику говоритъ: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“, повторяя тѣ же пѣсни и молитвы. И оба выходятъ наконецъ изъ храма, неся сіяющую свѣжесть въ лицѣ, радость, ликующую въ духѣ, благодареніе Господу на устахъ своихъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Дѣйствіе божественной литургіи надъ душою велико: зримо и въ очью совершается, въ виду всего свѣта, и скрыто. И если только молившійся благоговѣйно и прилежно слѣдитъ за всякимъ дѣйствіемъ, покорный призванью діакона,—душа пріобрѣтаетъ высокое настроеніе, заповѣди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко. По выходѣ изъ храма, гдѣ онъ присутствовалъ при божественной трапезѣ любви, онъ глядитъ на всѣхъ, какъ на братьевъ. Примется ли онъ за обыкновенное теченье своихъ дѣлъ въ службѣ ли, въ семьѣ, гдѣ бы ни было, въ какомъ бы ни было ...., сохраняетъ невольно въ душѣ своей высокое начертанье любовнаго обращенья съ людьми, принесеннаго съ небесъ Богочеловѣкомъ. Онъ невольно становится милостивѣй и любовнѣй съ подчиненнымъ. Если самъ подъ властью другого, то охотнѣй и любовнѣй ему повинуется какъ Самому Спасителю. Если видитъ просящаго помощи, сердце его болѣе чѣмъ когда-либо располагается помогать, чувствуетъ онъ больше (наслажд), [съ] любовью даетъ онъ неимущему. Если онъ неимущій, онъ благодарно принимаетъ малѣйшее даяніе: растроганное сердце его теряется въ благодарности, и никогда съ такой признательностью не молится онъ о своемъ благодѣтелѣ. И всѣ, прилежно слушавшіе божественную литургію, выходятъ кротче, милѣе въ обхожденіи съ людьми, дружелюбнѣе, тише во всѣхъ поступкахъ.

А потому для всякаго, кто только хочетъ идти впередъ и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посѣщенье божественной литургіи и внимательное слушанье: она нечувствительно строитъ и создаетъ человѣка. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышатъ полною, непримиримой ненавистью между

собою, то сокровенная причина тому есть, божественная литургія, напоминающая человѣку о святой небесной любви къ брату. А потому, кто хочетъ укрѣпиться въ любви, долженъ, сколько можно чаще, присутствовать, со страхомъ, вѣрою и любовію, при священной трапезѣ любви. И если онъ чувствуетъ, что недостоинъ принимать въ уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хоть быть зрителемъ, какъ пріобщаются другіе, чтобъ незамѣтно, нечувствительно становиться совершеннѣе съ каждой недѣлей.

Велико и неисчислимо можетъ быть вліяніе божественной литургіи, если бы человѣкъ слушалъ ее съ тѣмъ, [чтобы] вносить въ жизнь слышанное.

Всѣхъ равно уча, равно дѣйствуя на всѣ звенья, отъ царя до послѣдняго нищаго, всѣмъ говоритъ одно, не однимъ и тѣмъ же языкомъ, всѣхъ научаетъ любви, которая есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущагося, пища, жизнь всего.

Но если божественная литургія дѣйствуетъ сильно на присутствующихъ при совершеніи ея, тѣмъ еще сильнѣе дѣйствуетъ на самого совершителя или іерея. Если только онъ благоговѣйно совершалъ ее со страхомъ, вѣрой и любовью, то ужъ весь онъ чистъ, подобно сосудамъ, которые уже ни на что потомъ... пребываетъ-ли онъ весь тотъ день въ отправленьи своей многообразной пастырской обязанности, въ семьѣ ли посреди своихъ домашнихъ, или посреди своихъ прихожанъ, которые суть также семья его,—Самъ Спаситель въ немъ вообразится, и во всѣхъ дѣйствіяхъ его будетъ дѣйствовать Христосъ; и въ словахъ его будетъ говорить Христосъ. Будетъ ли склонять онъ на примиреніе между собой враждующихъ, будетъ ли преклонять на милость сильнаго къ безсильному, или ожесточеннаго, или утѣшать скорбящаго, или къ терпѣнью угнетеннаго, или .....,—слова его пріобрѣтутъ силу врачующаго елея и будутъ на всякомъ мѣстѣ словами мира и любви.

Писано въ 1845—1852 гг.

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА
ИЗЪ
ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ.

Санктпетербургъ. 1846 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я былъ тяжело боленъ; смерть уже была близко. Собравши остатокъ силъ своихъ и воспользовавшись первою минутой полной трезвости моего ума, я написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, возлагалъ обязанность на друзей моихъ издать, послѣ моей смерти, нѣкоторыя изъ моихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось хотя симъ искупить безполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго, потому что въ письмахъ моихъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ моихъ сочиненіяхъ. Небесная милость Божія отвела отъ меня руку смерти. Я почти выздоровѣлъ; мнѣ стало легче. Но чувствую, однако, слабость силъ моихъ, которая возвѣщаетъ мнѣ ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ и, приготовляясь къ отдаленному путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, необходимому душѣ моей, во время котораго можетъ все случиться, я захотѣлъ оставить при разставаньи что-нибудь отъ себя моимъ соотечественникамъ. Выбираю самъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ, которыя мнѣ удалось получить назадъ, все, что̀ болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество, отстранивши все, что̀ можетъ получить смыслъ только послѣ моей смерти, съ исключеніемъ всего, что̀ могло имѣть значеніе только для немногихъ. Прибавляю двѣ-три статьи литературныя и, наконецъ, прилагаю самое завѣщаніе, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ моей смерти, если бы она застигла меня на пути моемъ, возымѣло оно тотчасъ свою законную силу, какъ засвидѣтельствованное всѣми моими читателями.

Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя нужна и что она можетъ быть полезна. Я думаю такъ не потому, чтобы имѣлъ высокое о себѣ понятіе и надѣялся на умѣнье свое быть полезнымъ, но потому, что никогда еще доселѣ не питалъ такого сильнаго желанія быть полезнымъ. Отъ насъ уже довольно бываетъ протянуть руку съ тѣмъ, чтобы помочь; помогаемъ же не мы, помогаетъ Богъ, ниспосылая силу слову безсильному. Итакъ, сколь бы ни была моя книга незначительна и ничтожна, но я позволяю себѣ издать ее въ свѣтъ и прошу моихъ соотечественниковъ прочитать ее нѣсколько разъ; въ то же время прошу тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ достатокъ, купить нѣсколько ея экземпляровъ и раздать тѣмъ, которые сами купить не могутъ, увѣдомляя ихъ при этомъ случаѣ, что всѣ деньги, какія превысятъ издержки на предстоящее мнѣ путешествіе, будутъ обращены, съ одной стороны, въ подкрѣпленіе тѣмъ, которые, подобно мнѣ, почувствуютъ потребность внутреннюю отправиться къ наступающему Великому посту во Святую Землю и не будутъ имѣть возможности совершить это одними собственными средствами; съ другой стороны—въ пособіе тѣмъ, которыхъ я встрѣчу на пути уже туда идущихъ и которые всѣ помолятся у Гроба Господня за моихъ читателей, своихъ благотворителей.

Путешествіе мое хотѣлъ бы я совершить, какъ добрый христіанинъ, и потому испрашиваю здѣсь прощенія у всѣхъ моихъ соотечественниковъ во всемъ, чѣмъ ни случилось мнѣ оскорбить ихъ. Знаю, что моими необдуманными и незрѣлыми сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ, а другихъ даже вооружилъ противъ себя, вообще же во многихъ произвелъ неудовольствіе. Въ оправданіе могу сказать только то, что намѣреніе мое было доброе и что я никого не хотѣлъ ни огорчать, ни вооружать противъ себя; но одно мое собственное неразуміе, одна моя поспѣшность и торопливость были причиной тому, что сочиненія

мои предстали въ такомъ несовершенномъ видѣ и почти всѣхъ привели въ заблужденіе насчетъ ихъ настоящаго смысла; за все же, что̀ ни встрѣчается въ нихъ умышленно-оскорбляющаго, прошу простить меня съ тѣмъ великодушіемъ, съ какимъ только одна русская душа прощать способна. Прошу прощенья также у всѣхъ тѣхъ, съ которыми надолго или на короткое время случилось мнѣ встрѣтиться на дорогѣ жизни. Знаю, что мнѣ случилось многимъ наносить непріятности, иным, быть-можетъ, и умышленно. Вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. Отчасти это происходило оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ произносить мнѣ не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что, по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо хотя немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. Отчасти же это происходило и отъ мелочного самолюбія, свойственнаго только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди и считаютъ себя въ правѣ глядѣть снѣсиво на другихъ. Какъ бы то ни было, но я прошу прощенія во всѣхъ личныхъ оскорбленіяхъ, которыя мнѣ случилось нанести кому-либо, начиная отъ временъ моего дѣтства до настоящей минуты. Прошу также прощенія у моихъ собратьевъ-литераторовъ за всякое съ моей стороны пренебреженіе или неуваженіе къ нимъ, оказанное умышленно или неумышленно; кому же изъ нихъ почему-либо трудно простить меня, тому напомню, что онъ христіанинъ. Какъ говѣющій передъ исповѣдью, которую готовится отдать Богу, проситъ прощенія у своего брата, такъ я прошу у него прощенія; и такъ, какъ никто въ такую минуту не посмѣетъ не простить своего брата, такъ и онъ не долженъ посмѣть не простить меня. Наконецъ, прошу прощенія у моихъ читателей, если и въ этой самой книгѣ встрѣтится что-нибудь непріятное и кого-нибудь изъ нихъ оскорбляющее. Прошу ихъ не питать противъ меня гнѣва сокровеннаго, но вмѣсто того выставить благородно всѣ недостатки, какіе могутъ быть найдены ими въ этой книгѣ,—какъ недостатки писателя, такъ и недостатки человѣка: мое неразумѣніе, недомысліе, самонадѣянность, пустую увѣренность въ себѣ, словомъ—все, что̀ бываетъ у всѣхъ людей, хотя они того и не видятъ, и что̀, вѣроятно, еще въ большей мѣрѣ находится во мнѣ.

Въ заключеніе прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ, начиная отъ святителей, которыхъ уже вся жизнь есть одна молитва. Прошу молитвы, какъ у тѣхъ, которые смиренно не вѣруютъ въ силу молитвъ своихъ, такъ и у тѣхъ, которые не вѣруютъ вовсе въ молитву и даже не считаютъ ее нужною; но какъ бы ни была безсильна и черства ихъ молитва, я прошу помолиться обо мнѣ этою самой безсильною и чертвою ихъ молитвой. Я же у Гроба Господня буду молиться о всѣхъ моихъ соотечественникахъ, не исключая изъ нихъ ни единаго; моя молитва будетъ такъ же безсильна и черства, если святая небесная милость не превратитъ ее въ то, чѣмъ должна быть наша молитва.

1846, іюль.

I.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Находясь въ полномъ присутствіи памяти и здраваго разсудка, излагаю здѣсь мою послѣднюю волю.

I. Завѣщаю тѣла моего не погребать по тѣхъ поръ, пока не покажутся явные признаки разложенія. Упоминаю объ этомъ потому, что уже во время самой болѣзни находили на меня минуты жизненнаго онѣмѣнія, сердце и пульсъ переставали биться... Будучи въ жизни своей свидѣтелемъ многихъ печальныхъ событій отъ нашей неразумной торопливости во всѣхъ дѣлахъ, даже и въ такомъ, какъ погребеніе, я возвѣщаю это здѣсь въ самомъ началѣ моего завѣщанія, въ надеждѣ, что̀, можетъ-быть, посмертный голосъ мой напомнитъ вообще объ осмотрительности. Предать же тѣло мое землѣ, не разбирая мѣста, гдѣ лежать ему; ничего не связывать съ оставшимся прахомъ. Стыдно тому, кто привлечется какимъ-нибудь вниманіемъ къ гніющей персти, которая уже не моя: онъ поклонится червямъ, ее грызущимъ. Прошу лучше помолиться покрѣпче о душѣ моей, а вмѣсто всякихъ погребальныхъ почестей, угостить отъ меня простымъ обѣдомъ нѣсколькихъ не имущихъ насущнаго хлѣба.

II. Завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустякѣ, христіанина недостойномъ. Кому же изъ близкихъ моихъ я былъ дѣйствительно дорогъ, тотъ воздвигнетъ мнѣ памятникъ иначе: воздвигнетъ онъ его въ самомъ себѣ своею неколебимою твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, бодреньемъ и освѣженьемъ всѣхъ вокругъ себя. Кто послѣ моей смерти вырастетъ выше духомъ, нежели какъ былъ при жизни моей, тотъ покажетъ, что онъ, точно, любилъ меня и былъ мнѣ другомъ, и симъ только воздвигнетъ мнѣ памятникъ; потому что и я, какъ ни былъ самъ по себѣ слабъ и ничтоженъ, всегда ободрялъ друзей моихъ, и никто изъ тѣхъ, кто сходился поближе со мною въ по-

слѣдшее время,—никто изъ нихъ, въ минуту своей тоски и печали, не видалъ на мнѣ унылаго вида, хотя и тяжки бывали мои собственныя минуты, и тосковалъ я не меньше другихъ: пускай же объ этомъ вспомнитъ всякъ изъ нихъ послѣ моей смерти, сообразя всѣ слова, мной ему сказанныя, и перечтя всѣ письма, къ нему писанныя за годъ передъ симъ.

III. Завѣщаю вообще никому не оплакивать меня, и грѣхъ себѣ возьметъ на душу тотъ, кто станетъ почитать смерть мою какою-нибудь значительною или всеобщею утратой. Если бы даже и удалось мнѣ сдѣлать что-нибудь полезнаго и начинать бы я уже исполнять свой долгъ дѣйствительно такъ, какъ слѣдуетъ, и смерть унесла бы меня при началѣ дѣла, замышленнаго не на удовольствіе нѣкоторымъ, но надобнаго всѣмъ,— то и тогда не слѣдуетъ предаваться безплодному сокрушенію. Если бы даже вмѣсто меня умеръ въ Россіи мужъ, дѣйствительно ей нужный въ теперешнихъ ея обстоятельствахъ, то и отъ того не слѣдуетъ приходить въ уныніе никому изъ живущихъ, хотя и справедливо то, что если равновременно похищаются люди всѣмъ нужные, то это знакъ гнѣва небеснаго, отъемлющаго симъ орудія и средства, которыя помогли бы инымъ подвигнуться ближе къ цѣли, насъ зовущей. Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ, но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ другихъ и не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. Страшна душевная чернота, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоитъ предъ глазами!

IV. Завѣщаю всѣмъ моимъ соотечественникамъ (основываясь единственно на томъ, что всякій писатель долженъ оставить послѣ себя какую-нибудь благую мысль въ наслѣдство читателямъ), завѣщаю имъ лучшее изъ всего, что́ произвело перо мое, — завѣщаю имъ мое сочиненіе, подъ названіемъ: *Прощальная повѣсть*. Оно, какъ увидятъ, относится къ нимъ. Его носилъ я долго въ своемъ сердцѣ, какъ лучшее свое сокровище, какъ знакъ небесной милости ко мнѣ Бога. Оно было источникомъ слезъ, никому не зримыхъ, еще отъ временъ дѣтства моего. Его оставляю имъ въ наслѣдство. Но умоляю, да не оскорбится никто изъ моихъ соотечественниковъ, если услышитъ въ немъ что-нибудь похожее на поученіе. Я писатель, а долгъ писателя—не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ. Да вспомнятъ также мои соотечественники, что, и не бывши писателемъ, всякій отходящій отъ міра братъ нашъ имѣетъ право оставить намъ что-нибудь въ видѣ братскаго поученія, и въ этомъ случаѣ нечего глядѣть ни на малость его званія, ни на безсиліе, ни на самое неразуміе его: нужно помнить только то, что человѣкъ, лежащій на смертномъ одрѣ, можетъ иное видѣть лучше тѣхъ, которые кружатся среди міра. Несмотря, однако, на всѣ таковыя права мои, я бы все не дерзнулъ заговорить о томъ, о чемъ они услышатъ въ *Прощальной повѣсти;* ибо не мнѣ, худшему всѣхъ душою, страждущему тяжкими болѣзнями собственнаго несовершенства, произносить такія рѣчи. Но меня побуждаетъ къ тому другая, важнѣйшая причина. Соотечественники! страшно!.. Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся... Можетъ-быть, *Прощальная повѣсть* моя подѣйствуетъ сколько-нибудь на тѣхъ, которые до сихъ поръ еще считаютъ жизнь игрушкою, и сердце ихъ услышитъ хотя отчасти строгую тайну ея и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны. Соотечественники!—не знаю и не умѣю какъ васъ назвать въ эту минуту—прочь пустое приличіе! Соотечественники! я васъ любилъ,—любилъ тою любовью, которую не высказываютъ, которую мнѣ далъ Богъ, за которую благодарю Его, какъ за лучшее благодѣяніе, потому что любовь эта была мнѣ въ радость и утѣшеніе среди напятчайшихъ моихъ страданій. Во имя этой любви прошу васъ выслушать сердцемъ мою *Прощальную повѣсть*. Клянусь, я не сочинялъ и не выдумывалъ ея: она выпѣлась сама собою изъ души, которую воспиталъ Самъ Богъ испытаніями и горемъ, а звуки ея взялись изъ сокровенныхъ силъ нашей русской породы, намъ общей, по которой я близкій родственникъ вамъ всѣмъ *).

V. Завѣщаю по смерти моей не спѣшить ни хвалой, ни осужденіемъ моихъ произведеній въ публичныхъ листкахъ и журналахъ: все будетъ такъ же пристрастно, какъ и при жизни. Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что́ нужно осудить, нежели того, что́ заслуживаетъ хвалу. Всѣ нападенія на нихъ были въ основаніи болѣе или менѣе справедливы. Передо мною никто не виноватъ; неблагороденъ и несправедливъ будетъ тотъ, кто попрекнетъ мною кого-либо въ какомъ

*) *Прощальная повѣсть* не можетъ явиться на свѣтъ: что́ могло имѣть значеніе по смерти, то не имѣетъ смысла при жизни.

бы то ни было отношеніи. Объявляю также во всеуслышаніе, что, кромѣ доселѣ напечатаннаго, ничего не существуетъ изъ моихъ произведеній: все, что̀ было въ рукописяхъ, мною сожжено, какъ безсильное и мертвое, писанное въ болѣзненномъ и принужденномъ состояніи. А потому, если бы кто-нибудь сталъ выдавать что-либо подъ моимъ именемъ, прошу считать это презрѣннымъ подлогомъ. Но возлагаю вмѣсто того обязанность на друзей моихъ собрать всѣ мои письма, писанныя къ кому-либо, начиная съ конца 1844 года, и,—сдѣлавши изъ нихъ строгій выборъ только того, что̀ можетъ доставить какую-нибудь пользу душѣ, а все прочее, служащее для пустого развлеченія, отвергнувши, — издать отдѣльною книгою. Въ этихъ письмахъ было кое-что послужившее въ пользу тѣмъ, къ которымъ они были писаны. Богъ милостивъ; можетъ-быть, послужатъ они въ пользу и другимъ, и снимется чрезъ то съ души моей хотя часть суровой отвѣтственности за безполезность прежде написаннаго.

VI. [По кончинѣ моей, никто изъ моихъ уже не имѣетъ права принадлежать себѣ, но—всѣмъ тоскующимъ, страдающимъ и претерпѣвающимъ какое-нибудь жизненное горе. Чтобы домъ и деревня ихъ походили скорѣй на гостиницу и странноприимный домъ, чѣмъ на обиталище помѣщика; чтобы всякій, кто ни пріѣхалъ, былъ ими принятъ, какъ родной и близкій сердцу человѣкъ, чтобы радушно и родственно разспросили они его обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, дабы узнать, не понадобится ли въ чемъ ему помочь, или же, по крайней мѣрѣ, дабы умѣть ободрить и освѣжить его, чтобы никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ. Если же путникъ простого званія, привыкнувъ къ нищенской жизни и ему неловко, почему-либо, помѣститься въ помѣщичьемъ домѣ, то чтобы онъ отведенъ былъ къ зажиточному и лучшему крестьянину по деревнѣ, который былъ бы, притомъ, жизни примѣрной и умѣлъ бы помогать собрату умнымъ совѣтомъ; чтобы онъ разспросилъ своего гостя такъ же радушно обо всѣхъ обстоятельствахъ, ободрилъ, освѣжилъ и снабдилъ разумнымъ напутствіемъ донеся потомъ обо всемъ владѣльцамъ, дабы и они могли, съ своей стороны, прибавить къ тому свой совѣтъ или вспомоществованіе, какъ и что̀ найдутъ приличнымъ, чтобы такимъ образомъ никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ и не уходилъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ].

VII. Завѣщаю... но я вспомнилъ, что уже не могу этимъ располагать. Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ. По многимъ причинамъ, которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому права на его публичное изданіе и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ приступавшимъ ко мнѣ съ предложеніемъ, и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, если бы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслуженной извѣстностью. Съ этимъ соединялось другое обстоятельство: портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ, принеся значительный доходъ тому художнику, который долженъ былъ гравировать его. Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудится въ Римѣ надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для труда своего,—труда убійственнаго, пожирающаго и годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какимъ не исполнялъ еще ни одинъ изъ граверовъ. Но, по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не можетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаградить его за все; мой портретъ ему помогъ бы. Теперь планъ мой разрушенъ: разъ опубликованное изображеніе кого бы то ни было дѣлается уже собственностью каждаго, занимающагося изданіями гравюръ и литографій. Но если бы случилось такъ, что, послѣ моей смерти, письма, послѣ меня изданныя, доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хотя бы даже однимъ только чистосердечнымъ стремленіемъ ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей благородно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что̀ ни пользуется извѣстностью, завели у себя какой-нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ же, по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сходства, и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: *Гравировалъ Гордановъ*. Симъ будетъ сдѣлано, по крайней мѣрѣ, справедливое дѣло. А еще будетъ справедливѣе, если тѣ, которые имѣютъ достатокъ, станутъ, вмѣсто портрета моего, покупать самый эстампъ Преображенія Господня, который, по признанію даже чужеземцевъ, есть вѣнецъ гравировальнаго дѣла и составляетъ славу русскую.

Завѣщаніе мое немедленно по смерти моей дол-

жно быть напечатано во всѣхъ журналахъ и вѣдомостяхъ, дабы, по случаю невѣдѣнія его, никто не сдѣлался передо мною невинно-виноватымъ и тѣмъ бы не нанесъ упрека на свою душу.

1845.

II.

ЖЕНЩИНА ВЪ СВѢТѢ.

письмо къ .....ой.

Вы думаете, что никакого вліянія на общество имѣть не можете; я думаю, напротивъ. Вліяніе женщины можетъ быть очень велико, именно теперь, въ нынѣшнемъ порядкѣ или безпорядкѣ общества, въ которомъ, съ одной стороны, представляется утомленная образованность гражданская, а съ другой, какое-то охлажденіе душевное, какая-то нравственная усталость, требующая оживотворенія. Чтобы произвести это оживотвореніе, необходимо содѣйствіе женщины. Эта истина въ видѣ какого-то темнаго предчувствія пронеслась вдругъ по всѣмъ угламъ міра, и все чего-то теперь ждетъ отъ женщины. Оставивши все прочее въ сторону, посмотримъ на нашу Россію, и въ особенности на то, что́ у насъ такъ часто передъ глазами—на множество всякаго рода злупотребленій. Окажется, что бо́льшая часть взятокъ, [несправедливостей по службѣ] и тому подобнаго, въ чемъ обвиняютъ нашихъ чиновниковъ и нечиновниковъ всѣхъ классовъ, произошла или отъ расточительности ихъ женъ, которыя такъ жадничаютъ блистать въ свѣтѣ большомъ и маломъ и требуютъ на то денегъ отъ мужей, или же отъ пустоты ихъ домашней жизни, преданной какимъ-то идеальнымъ мечтамъ, а не существу ихъ обязанностей, которыя въ нѣсколько разъ прекраснѣе и возвышеннѣе всякихъ мечтаній. Мужья не позволили бы себѣ и десятой доли произведенныхъ ими безпорядковъ, если бы ихъ жены хотя сколько-нибудь исполнили свой долгъ. Душа жены — хранительный талисманъ для мужа, оберегающій его отъ нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дорогѣ, и проводникъ, возвращающій его съ кривой на прямую; и наоборотъ, душа жены можетъ быть его зломъ и погубить его навѣки. Вы сами это почувствовали и выразились объ этомъ такъ хорошо, какъ до сихъ поръ еще никогда не выражались никакія женскія строки. Но вы говорите, что всѣмъ другимъ женщинамъ предстоятъ поприща, а вамъ нѣтъ. Вы имъ видите работу повсюду: или исправлять и поправлять уже испорченное, или заводить вновь что-нибудь нужное, словомъ — всячески помогать, а себѣ одной только не видите ничего и грустно повторяете: „Зачѣмъ я не на ихъ мѣстѣ!“ Знайте, что это общее ослѣпленіе. Всякому теперь кажется, что онъ могъ бы надѣлать много добра на мѣстѣ и въ должности другого, и только не можетъ сдѣлать его въ своей должности. Это причина всѣхъ золъ. Нужно подумать теперь о томъ всѣмъ намъ, какъ на своемъ собственномъ мѣстѣ сдѣлать добро. Повѣрьте, что Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ. Нужно только хорошо осмотрѣться вокругъ себя. Вы говорите: зачѣмъ вы не мать семейства, чтобы исполнять обязанности матери, которыя вамъ представляются теперь такъ ясно; зачѣмъ не разстроено ваше имѣніе, чтобы заставить васъ ѣхать въ деревню, быть помѣщицей и заняться хозяйствомъ; зачѣмъ вашъ мужъ не занятъ какою-нибудь общеполезною трудною должностью, чтобы вамъ хоть здѣсь ему помогать и быть силою, его освѣжающею, и зачѣмъ, вмѣсто всего этого, предстоятъ вамъ одни пустые выѣзды въ свѣтъ и пустое, выдохшееся свѣтское общество, которое теперь вамъ кажется безлюднѣе самого безлюдья! Но тѣмъ не менѣе свѣтъ все же населенъ; въ немъ люди, и притомъ такіе же, какъ и вездѣ. Они и болѣютъ, и страждутъ, и нуждаются, и безъ словъ вопіютъ о помощи,—и, увы! даже не знаютъ, какъ попросить о ней. Какому же нищему слѣдуетъ прежде помогать: тому ли, кто еще можетъ выходить на улицу и просить, или тому, который не въ силахъ уже и руки протянуть? Вы говорите, что даже не знаете и не можете придумать, чѣмъ вы можете быть кому-нибудь полезны въ свѣтѣ; что для этого нужно имѣть столько всякаго рода орудій, нужно быть такою и умной, и всезнающей женщиной, что у васъ уже кружится голова при одномъ помышленіи обо всемъ этомъ. А если для этого нужно быть только тѣмъ, что́ вы уже есть? А если у васъ уже есть именно такія орудія, которыя теперь нужны? Все, что́ вы ни говорите о самой себѣ, совершенная правда: вы, точно, слишкомъ молоды, не пріобрѣли ни познанія людей, ни познанія жизни, словомъ — ничего того, что́ необходимо, дабы оказывать помощь душевную другимъ; можетъ-быть, даже, вы и никогда этого не пріобрѣтете; но у васъ есть другія орудія, съ которыми вамъ все возможно. Во-первыхъ, вы имѣете уже красоту, во-вторыхъ—неопозоренное, неоклеветанное имя, въ-третьихъ—власть, которой сами въ себѣ не подозрѣваете,—власть чистоты душевной. Красота женщины еще тайна. Богъ не даромъ повелѣлъ инымъ изъ женщинъ быть красавицами; не даромъ опредѣлено, чтобы всѣхъ равно поражала красота,—даже и такихъ, которые ко всему безчувственны и ни къ чему неспособны. Если уже одинъ безсмысленный капризъ красавицы

бывалъ причиною переворотовъ всемірныхъ и заставлялъ дѣлать глупости наимнѣйшихъ людей, что́ же было бы тогда, если бы этотъ капризъ былъ осмысленъ и направленъ къ добру? Сколько бы добра тогда могла произвести красавица сравнительно съ другими женщинами! Стало-быть, это орудіе сильное. Но вы имѣете еще высшую красоту — чистую прелесть какой-то особенной, одной вамъ свойственой невинности, которую я не умѣю опредѣлить словомъ, но въ которой такъ и свѣтится всѣмъ ваша голубиная душа. Знаете ли, что мнѣ признавались наиразвратнѣйшіе изъ нашей молодежи, что передъ вами ничто дурное не приходило имъ въ голову, что они не отваживаются сказать въ вашемъ присутствіи не только двусмысленнаго слова, которымъ потчиваютъ другихъ избранницъ, но даже просто никакого слова, чувствуя, что все будетъ передъ вами какъ-то грубо и отзовется чѣмъ-то ухарскимъ и неприличнымъ? Вотъ уже одно вліяніе, которое совершается безъ вашего вѣдома отъ одного вашего присутствія! Кто не смѣетъ себѣ позволить при васъ дурной мысли, тотъ уже ея стыдится; а такое обращеніе на самого себя, хотя бы даже и мгновенное, есть уже первый шагъ человѣка къ тому, чтобы быть лучше. Стало-быть, это орудіе также сильное. Въ прибавленіе ко всему, вы имѣете уже Самимъ Богомъ водворенное вамъ въ душу стремленіе, или, какъ называете вы, жажду добра. Неужели вы думаете, что даромъ внушена вамъ эта жажда, отъ которой вы не спокойны ни на минуту? Едва вышли вы замужъ за человѣка благороднаго, умнаго, имѣющаго всѣ качества, чтобы сдѣлать счастливою жену свою, какъ уже, намѣсто того, чтобы сокрыться въ глубину вашего домашняго счастія, мучитесь мыслію, что вы недостойны такого счастія, что не имѣете права имъ пользоваться въ то время, когда вокругъ васъ такъ много страданій, когда ежеминутно раздаются вѣсти о бѣдствіяхъ всякаго рода: о голодѣ, пожарахъ, тяжелыхъ горестяхъ душевныхъ и страшныхъ болѣзняхъ ума, которыми заражено текущее поколѣніе. Повѣрьте, это не даромъ. Кто заключилъ въ душѣ своей такое небесное безпокойство о людяхъ, такую ангельскую тоску о нихъ среди самыхъ развлекательныхъ увеселеній, тотъ много, много можетъ для нихъ сдѣлать; у того повсюду поприще, потому что повсюду люди. Не убѣгайте же свѣта, среди котораго вамъ назначено быть, не спорьте съ Провидѣніемъ. Въ васъ живетъ та невѣдомая сила, которая нужна теперь для свѣта: самый вашъ голосъ, отъ постояннаго устремленія вашей мысли летѣть на помощь человѣку, пріобрѣлъ уже какіе-то родные звуки всѣмъ, такъ что, если вы заговорите въ сопровожденіи чистаго взора вашего и этой улыбки, никогда не оставляющей устъ вашихъ, которая однимъ только вамъ свойственна, то каждому кажется, будто бы заговорила съ нимъ какая-то небесная родная сестра. Вашъ голосъ сталъ всемогущъ; вы можете повелѣвать и быть такимъ деспотомъ, какъ никто изъ насъ. Повелѣвайте же безъ словъ, однимъ присутствіемъ вашимъ; повелѣвайте самымъ безсиліемъ своимъ, на которое вы такъ негодуете; повелѣвайте именно тою женскою прелестью вашей, которую, увы! уже утратила женщина нынѣшняго свѣта. Съ вашей робкой неопытностію, вы теперь въ нѣсколько разъ больше сдѣлаете, нежели женщина умная и все испытавшая съ своей гордой самонадѣянностію: ея наиумнѣйшія убѣжденія, съ которыми она бы захотѣла обратить на путь нынѣшній свѣтъ, въ видѣ злыхъ эпиграммъ посыплются обратно на ея же голову; но ни у кого не посмѣетъ пошевелиться на губахъ эпиграмма, когда однимъ умоляющимъ взоромъ, безъ словъ, вы попросите кого-нибудь изъ насъ, чтобы онъ сдѣлался лучшимъ. Отчего вы такъ испугались разсказовъ о свѣскомъ развратѣ? Онъ, точно, есть, и еще даже въ бо́льшей мѣрѣ, нежели вы думаете; но вамъ и знать объ этомъ не должно. Вамъ ли бояться жалкихъ соблазновъ свѣта? Влетайте въ него смѣло, съ тою же сіяющею вашей улыбкою; входите въ него, какъ въ больницу, наполненную страждующими, но не въ качествѣ доктора, приносящаго строгія предписанія и горькія лѣкарства: вамъ не слѣдуетъ и разсматривать, какими болѣзнями кто боленъ. У васъ нѣтъ способности распознавать и исцѣлять болѣзни, и я вамъ не дамъ такого совѣта, какой бы мнѣ слѣдовало дать всякой другой женщинѣ, къ тому способной. Ваше дѣло только приносить страждущему вашу улыбку, да тотъ голосъ, въ которомъ слышится человѣку прилетѣвшая съ небесъ его сестра,—ничего больше. Не останавливайтесь долго надъ одними и спѣшите къ другимъ, потому что вы повсюду нужны. Увы! на всѣхъ углахъ міра ждутъ и не дождутся ничего другого, какъ только тѣхъ родныхъ звуковъ, того самаго голоса, который у васъ уже есть. Не болтайте со свѣтомъ о томъ, о чемъ онъ болтаетъ; заставьте его говорить о томъ, о чемъ вы говорите. Храни васъ Богъ отъ всякаго педантства и отъ всѣхъ тѣхъ разговоровъ, которые исходятъ изъ устъ какой-нибудь нынѣшней львицы. Вносите въ свѣтъ тѣ же самые простодушные ваши разсказы, которые такъ говорливо у васъ изливаются, когда вы бываете въ кругу домашнихъ и близкихъ вамъ людей, когда такъ и сіяетъ всякое простое слово вашей рѣчи, а душѣ всякаго, кто васъ не слушаетъ, кажется, какъ будто бы она лепечетъ съ ангелами о какомъ-то небесномъ младенчествѣ че-

ловѣка. Эти-то именно рѣчи вносите и въ свѣтъ.

1846.

III.

ЗНАЧЕНІЕ БОЛѢЗНЕЙ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т....МУ.

...Силы мои слабѣютъ ежеминутно, но не духъ. Никогда еще тѣлесные недуги не были такъ изнурительны. Часто бываетъ такъ тяжело, такъ тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всемъ составѣ тѣла, что радъ бываешь, какъ Богъ знаетъ чему, когда, наконецъ, оканчивается день и доберешься до постели. Часто, въ душевномъ безсиліи, восклицаешь: „Боже! гдѣ же, наконецъ, берегъ всего?“ Но потомъ, когда оглянешься на самого себя и посмотришь глубже себѣ внутрь — ничего уже не издаетъ душа, кромѣ однѣхъ слезъ и благодаренія. О, какъ нужны намъ недуги! Изъ множества пользъ, которыя я уже извлекъ изъ нихъ, укажу вамъ только на одну: нынѣ каковъ я ни есть, но я все же сталъ лучше, нежели былъ прежде; не будь этихъ недуговъ, я бы задумалъ, что сталъ уже такимъ, какимъ слѣдуетъ мнѣ быть. Не говорю уже о томъ, что самое здоровье, которое безпрестанно подталкиваетъ русскаго человѣка на какіе-то прыжки и желаніе порисоваться своими качествами передъ другими, заставило бы меня надѣлать уже тысячу глупостей. Притомъ нынѣ, въ мои свѣжія минуты, которыя даетъ мнѣ милость небесная и среди самыхъ страданій, иногда приходятъ ко мнѣ мысли, несравненно лучшія прежнихъ, и я вижу самъ, что теперь все, что̀ ни выйдетъ изъ-подъ пера моего, будетъ значительнѣе прежняго. Не будь тяжкихъ болѣзненныхъ страданій, куда-бъ я теперь не занесся! какимъ бы значительнымъ человѣкомъ вообразилъ себя! Но, слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ, что недугъ можетъ остановить вдругъ тотъ трудъ мой, на которомъ основана вся моя значительность, и та польза, которую такъ желаетъ принесть душа моя, останется въ одномъ безсильномъ желаніи, а не въ исполненіи, и не дамъ я никакихъ процентовъ на данные мнѣ Богомъ таланты, и буду осужденъ, какъ послѣдній изъ преступниковъ,— слыша все это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу словъ, какъ благодарить небеснаго Промыслителя за мою болѣзнь. Принимайте же и вы покорно всякій недугъ, вѣря впередъ, что онъ нуженъ. Молитесь Богу только о томъ, чтобы открылось передъ вами его чудное значеніе и вся глубина его высокаго смысла.

1846.

IV.

О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ СЛОВО.

Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ—

сказалъ такъ: „Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла“. Пушкинъ правъ. Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности, или необдуманности, или поспѣшной торопливости его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что взялъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство, словомъ — мало ли на что̀ можно сослаться! У человѣка вдругъ явятся тѣсныя обстоятельства. Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выразился вообще необдуманно и незрѣло. Оно не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку: близорукій ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность, журналистъ ли, хлопотавшій только о выгодѣ своего журнала. Потомство не приметъ въ уваженіе ни кумовства, ни журналистовъ, ни собственной его бѣдности и затруднительнаго положенія. Оно сдѣлаетъ упрекъ ему, а не имъ. „Зачѣмъ ты не устоялъ противу всего этого? Вѣдь ты же почувствовалъ самъ честность званія своего; вѣдь ты же умѣлъ предпочесть его другимъ, выгоднѣйшимъ должностямъ и сдѣлалъ это не вслѣдствіе какой-нибудь фантазіи, но потому, что въ себѣ услышалъ на то призваніе Божіе; вѣдь ты же получилъ въ добавку къ тому умъ, который видѣлъ подальше, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые тебя подталкивали! Зачѣмъ же ты былъ ребенкомъ, а не мужемъ, получа все, что̀ нужно для мужа?“ Словомъ, еще какой-нибудь обыкновенный писатель могъ бы оправдываться обстоятельствами, но не Державинъ. Онъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ по крайней мѣрѣ цѣлой половины одъ своихъ. Эта половина одъ представляетъ явленіе поразительное: никто еще доселѣ такъ не посмѣялся надъ самимъ собою, надъ святынею своихъ лучшихъ вѣрованій и чувствъ, какъ сдѣлалъ это Державинъ въ этой несчастной половинѣ своихъ одъ. Точно, какъ бы онъ силился здѣсь намалевать карикатуру на самого себя: все, что̀ въ другихъ мѣстахъ у него такъ прекрасно, такъ свободно, такъ проникнуто внутреннею силою

душевнаго огня, здѣсь холодно, бездушно и принужденно; а что́ хуже всего — здѣсь повторены тѣ же самые обороты, выраженія и даже цѣликомъ фразы, которые имѣютъ такую орлиную замашку въ его одушевленныхъ одахъ и которые тутъ просто смѣшны и походятъ на то, какъ бы карликъ надѣлъ панцырь великана, да еще и не такъ, какъ слѣдуетъ. Сколько людей теперь произноситъ сужденіе о Державинѣ, основываясь на его пошлыхъ одахъ! Сколько усомнилось въ искренности его чувствъ потому только, что нашли ихъ во многихъ мѣстахъ выраженными слабо и бездушно! Какіе двусмысленные толки составились о самомъ его характерѣ, душевномъ благородствѣ и даже неподкупности того самаго правосудія, за которое онъ стоялъ! И все потому, что не сожжено то, что́ должно быть предано огню. Пріятель вашъ П*** имѣетъ обыкновеніе, отрывши, какія ни попало, строки извѣстнаго писателя, тотъ же часъ ихъ тиснуть въ журналѣ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это, или къ безчестію его. Онъ скрѣпляетъ все дѣло извѣстною оговоркою журналистовъ: „Надѣемся, что читатели и потомство останутся благодарны за сообщеніе сихъ драгоцѣнныхъ строкъ; въ великомъ человѣкѣ все достойно любопытства“, и тому подобное. Все это пустяки. Какой-нибудь мелкій читатель останется благодаренъ; но потомство плюнетъ на эти драгоцѣнные строки, если въ нихъ бездушно повторено то, что́ уже извѣстно, и если не дышитъ отъ нихъ святыня того, что́ должно быть свято. Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними: иначе онѣ вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общимъ мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣрные или даже, просто, неприготовленные проповѣдыватели Бога, дерзавшіе произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться съ словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Бѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій, досады, или гнѣва, или какого-нибудь личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было, словомъ—въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ; и тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло. Тотъ же нашъ пріятель П*** тому порука: онъ торопился всю свою жизнь, спѣша дѣлиться всѣмъ съ своими читателями, сообщать имъ все, чего ни набирался самъ, не разбирая, созрѣла ли мысль въ его собственной головѣ такимъ образомъ, дабы стать близкою и доступною всѣмъ, словомъ—высказывалъ передъ читателемъ себя всего во всемъ своемъ неряшествѣ. И что́-жъ? Замѣтили ли читатели тѣ благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? приняли ли отъ него то, чѣмъ онъ хотѣлъ съ ними подѣлиться? Нѣтъ, они замѣтили въ немъ одно только неряшество и неопрятность, которыя прежде всего замѣчаетъ человѣкъ, и ничего отъ него не приняли. Тридцать лѣтъ работалъ и хлопоталъ, какъ муравей, этотъ человѣкъ, торопясь всю жизнь свою передать поскорѣе въ руки всѣмъ все, что́ ни находилось, на пользу просвѣщенія и образованія русскаго, — и ни одинъ человѣкъ не сказалъ ему спасибо; ни одного признательнаго юноши я не встрѣтилъ, который бы сказалъ, что онъ обязанъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ или прекраснымъ стремленіемъ къ добру, которое бы внушило его слово. Напротивъ, я долженъ былъ даже спорить и стоять за чистоту самыхъ намѣреній и за искренность словъ его предъ такими людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мнѣ было трудно даже убѣдить кого-либо, потому что онъ сумѣлъ такъ замаскировать себя предъ всѣми, что рѣшительно нѣтъ возможности показать его въ томъ видѣ, каковъ онъ дѣйствительно есть. [Заговоритъ ли онъ о патріотизмѣ, онъ говоритъ о немъ такъ, что патріотизмъ его кажется подкупной; о любви къ царю, которую питаетъ онъ искренно и свято въ душѣ своей, изъяснится онъ такъ, что это походитъ на одно раболѣпство и какое-то корыстное угожденіе. Его искренній, непритворный гнѣвъ противу всякаго направленія, вреднаго Россіи, выразится у него такъ, какъ бы онъ подавалъ доносъ на какихъ-то нѣкоторыхъ, ему одному извѣстныхъ людей. Словомъ, на всякомъ шагу онъ самъ свой клеветникъ]. Опасно шутить писателю со словомъ. „Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ!“ Если это слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ намъ безъ изъятія, то во сколько кратъ болѣе оно должно быть примѣнено къ тѣмъ, у которыхъ поприще — слово, и которымъ опредѣлено говорить о прекрасномъ и возвышенномъ. Бѣда, если о предметахъ святыхъ и возвышенныхъ станетъ раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилыхъ предметахъ. Всѣ великіе воспитатели людей налагали долгое молчаніе именно на тѣхъ, которые владѣли даромъ слова, именно въ тѣ поры и въ то время, когда больше всего хотѣлось имъ пощеголять словомъ и рвалась душа сказать даже много полезнаго людямъ: они слышали, какъ можно опозорить то, что́ стремишься возвысить, и какъ на всякомъ шагу языкъ нашъ есть нашъ предатель. „Наложи дверь и замки на уста твои“, говоритъ Іисусъ Сирахъ: „растопи золото и серебро, какое имѣешь, дабы сдѣлать изъ нихъ вѣсы, которые взвѣшивали бы

твое слово, и выковать надежную узду, которая бы держала твои уста".

1844.

V.

ЧТЕНІЯ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ ПЕРЕДЪ ПУБЛИКОЮ.

ПИСЬМО КЪ Л**.

Я радъ, что наконецъ начались у насъ публичныя чтенія произведеній нашихъ писателей. Мнѣ уже писали объ этомъ кое-что изъ Москвы: тамъ читали разныя литературныя современности, а въ томъ числѣ и мои повѣсти. Я думалъ всегда, что публичное чтеніе у насъ необходимо. Мы какъ-то охотнѣе готовы дѣйствовать сообща, даже и читать; поодиночкѣ изъ насъ всякъ лѣнивъ и, пока видитъ, что другіе не тронулись, самъ не тронется. Искусные чтецы должны создаться у насъ: среди насъ мало рѣчистыхъ говоруновъ, способныхъ щеголять въ палатахъ и парламентахъ, но много есть людей, способныхъ всякому *сочувствовать*. Передать, подѣлиться ощущеніемъ у многихъ обращается даже въ страсть, которая становится еще сильнѣе по мѣрѣ того, какъ живѣе начинаютъ замѣчать они, что не умѣютъ изъясниться словомъ (признакъ природы эстетической). Къ образованію чтецовъ способствуетъ также и языкъ нашъ, который какъ бы созданъ для искуснаго чтенія, заключая въ себѣ всѣ оттѣнки звуковъ и самые смѣлые переходы отъ возвышеннаго до простого въ одной и той же рѣчи. Я даже думаю, что публичныя чтенія со временемъ замѣнятъ у насъ спектакли. Но я бы желалъ, чтобы въ нынѣшніе наши чтенія избиралось что-нибудь истинно стóящее публичнаго чтенія, чтобы и самому чтецу не жаль было потрудиться надъ нимъ предварительно. Въ нашей современной литературѣ нѣтъ ничего такого, да и нѣтъ надобности читать современное: публика его прочтетъ и безъ того, благодаря страсти въ новизнѣ. Всѣ эти новыя повѣсти (въ томъ числѣ и мои) не такъ важны, чтобы сдѣлать изъ нихъ публичное чтеніе. Намъ нужно обратиться къ нашимъ поэтамъ, къ тѣмъ высокимъ произведеніямъ стихотворнымъ, которыя у нихъ долго обдумывались и обработывались въ головѣ, надъ которыми и чтецъ долженъ поработать долго. Наши поэты до сихъ поръ почти неизвѣстны публикѣ. Въ журналахъ о нихъ говорили много, разбирали ихъ даже весьма многословно, но высказывали больше самихъ себя, нежели разбираемыхъ поэтовъ. Журналы достигнули только того, что сбили и спутали понятія публики о нашихъ поэтахъ, такъ что въ глазахъ ея личность каждаго поэта теперь двоится, и никто не можетъ представить себѣ опредѣлительно, что такое изъ нихъ всякъ въ существѣ своемъ. Одно только искусное чтеніе можетъ установить о нихъ ясное понятіе. Но, разумѣется, нужно, чтобы самое чтеніе произведено было такимъ чтецомъ, который способенъ передать всякую неуловимую черту того, что́ читаетъ. Для этого не нужно быть пламеннымъ юношей, который готовъ сгоряча и не переводя духа прочесть въ одинъ вечеръ и трагедію, и комедію, и оду, и все что̀ ни попало. Прочесть, какъ слѣдуетъ, произведеніе лирическое — вовсе не бездѣлица: для этого нужно долго его изучать. Нужно раздѣлить искренно съ поэтомъ высокое ощущеніе, наполнявшее его душу; нужно и душою и сердцемъ почувствовать всякое слово его—и тогда уже выступать на публичное его чтеніе. Чтеніе это будетъ вовсе не крикливое, не въ жару и горячкѣ. Напротивъ, оно можетъ быть даже очень спокойное, но въ голосѣ чтеца послышится невѣдомая сила, свидѣтель истинно-растроганнаго внутренняго состоянія. Сила эта сообщится всѣмъ и произведетъ чудо: потрясутся и тѣ, которые не потрясались никогда отъ звуковъ поэзіи. Чтеніе нашихъ поэтовъ можетъ принести много публичнаго добра. У нихъ есть много прекраснаго, которое не только совсѣмъ позабыто, но даже оклеветано, очернено, представлено публикѣ въ какомъ-то низкомъ смыслѣ, о которомъ и не помышляли благородные сердцемъ наши поэты. Не зная, кому принадлежитъ мысль — обратить публичныя чтенія въ пользу бѣднымъ, но мысль эта прекрасна. Особенно это кстати теперь, когда такъ много страждущихъ внутри Россіи отъ голода, пожаровъ, болѣзней и всякаго рода несчастій. Какъ бы утѣшились души отъ насъ удалившихся поэтовъ такимъ употребленіемъ ихъ произведеній!

1843.

VI.

О ПОМОЩИ БѢДНЫМЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. О. СМ—РН—ВОЙ.

...Обращаясь къ нападеніямъ вашимъ на глупость [петербургской] молодежи, которая затѣяла подносить золотые вѣнки и кубки чужеземнымъ пѣвцамъ и актрисамъ въ то самое время, когда въ Россіи голодаютъ цѣлыя губерніи. Это происходитъ нѐ отъ глупости и не отъ ожесточенія сердецъ, даже и не отъ легкомыслія, — это происходитъ отъ человѣческой, всѣмъ намъ общей безпечности. Эти несчастія и ужасы, производимые голодомъ, далеки отъ насъ; они совершаются внутри провинцій, они не передъ нашими глазами,—вотъ разгадка и объясненіе всего! Тотъ же

самый, кто заплатилъ, дабы насладиться пѣніемъ Рубини, сто рублей за кресла въ театрѣ, продалъ бы свое послѣднее имущество, если бы довелось ему быть свидѣтелемъ на дѣлѣ хотя одной изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ голода, передъ которыми ничто всякіе страхи и ужасы, выставляемые въ мелодрамахъ. За пожертвованіемъ у насъ не станетъ дѣло: мы всѣ готовы жертвовать. Но пожертвованія собственно въ пользу бѣдныхъ у насъ дѣлаются теперь не весьма охотно, отчасти потому, что не всякій увѣренъ, дойдетъ ли, какъ слѣдуетъ, до мѣста назначенія его пожертвованіе, попадетъ ли оно именно въ тѣ руки, въ которыя должно попасть. Бо́льшею частію случается такъ, что помощь, точно какая-то жидкость, несомая въ рукѣ, вся расхлещется по дорогѣ, прежде, нежели донесется,—и нуждающемуся приходится посмотрѣть только на одну сухую руку, въ которой нѣтъ ничего. Вотъ о какомъ предметѣ слѣдуетъ подумать прежде, нежели начнутъ собирать пожертвованія. Объ этомъ мы съ вами послѣ потолкуемъ, потому что это дѣло ничуть не маловажное и сто́итъ того, чтобы о немъ толково потолковать. А теперь поговоримъ о томъ, гдѣ скорѣе нужно помогать. Помогать нужно прежде всего тому, съ которымъ случилось несчастіе внезапное, которое вдругъ, въ одну минуту, лишило его всего за однимъ разомъ: или пожаръ, сжегшій все до тла, или падежъ, выморившій весь скотъ, или смерть, похитившая единственную подпору, словомъ — всякое лишеніе внезапное, гдѣ вдругъ является человѣку бѣдность, къ которой онъ еще не успѣлъ привыкнуть. Туда несите помощь. Но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно-христіанскимъ образомъ; если же она будетъ состоять въ одной только выдачѣ денегъ, она ровно ничего не будетъ значить и не обратится въ добро. Если вы не обдумали прежде въ собственной головѣ всего положенія того человѣка, которому хотите помочь, и не припесли съ собою ему наученія, какъ отнынѣ слѣдуетъ вести ему жизнь, онъ не получитъ большого добра отъ вашей помощи. Цѣна поданной помощи рѣдко равняется цѣнѣ утраты; вообще, она едва составляетъ половину того, что́ человѣкъ потерялъ, часто одну четверть, а иногда и того меньше. Русскій человѣкъ способенъ на всѣ крайности: увидя, что съ полученными небольшими деньгами онъ не можетъ вести жизнь, какъ прежде, онъ съ горя можетъ прокутить вдругъ то, что́ ему дано на долговременное содержаніе. А потому наставьте его, какъ ему изворотиться именно съ тою самою помощію, которую вы принесли ему; объясните ему истинное значеніе несчастія, чтобы онъ видѣлъ, что оно послано ему затѣмъ, дабы онъ измѣнилъ прежнее житіе свое, дабы отнынѣ онъ сталъ уже не прежній, но какъ бы другой человѣкъ и вещественно, и нравственно. Вы сумѣете это сказать умно, если только вникнете хорошенько въ его природу и въ его обстоятельства. Онъ васъ поймете: несчастіе умягчаетъ человѣка; природа его становится тогда болѣе чуткой и доступной къ пониманію предметовъ, превосходящихъ понятіе человѣка, находящагося въ обыкновенномъ и вседневномъ положеніи; онъ какъ бы весь обращается тогда въ разогрѣтый воскъ, изъ котораго можно лѣпить все, что́ ни захотите. Всего лучше, однакожъ, если бы всякая помощь производилась черезъ руки опытныхъ и умныхъ священниковъ. Они одни въ силахъ истолковать человѣку святой и глубокій смыслъ несчастія, которое, въ какихъ бы ни являлось образахъ и видахъ кому бы то ни было на землѣ, обитаетъ ли онъ въ избѣ, или палатахъ, есть тотъ же крикъ небесный, вопіющій человѣку о перемѣнѣ всей его прежней жизни.

1844.

VII.

ОБЪ ОДИССЕѢ, ПЕРЕВОДИМОЙ ЖУКОВСКИМЪ.

ПИСЬМО КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Появленіе Одиссеи произведетъ эпоху. Одиссея есть рѣшительно совершеннѣйшее произведеніе всѣхъ вѣковъ. Объемъ ея великъ; Иліада предъ нею эпизодъ. Одиссея захватываетъ весь древній міръ, публичную и домашнюю жизнь, всѣ поприща тогдашнихъ людей, съ ихъ ремеслами, знаніями, вѣрованіями... словомъ, трудно даже сказать, чего бы не обняла Одиссея, или что́ бы въ ней было пропущено. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ служила она неизсякаемымъ колодцемъ для древнихъ, а потомъ и для всѣхъ поэтовъ. Изъ нея черпались предметы для безчисленнаго множества трагедій, комедій; все это разнеслось по всему свѣту, сдѣлалось достояніемъ всѣхъ, а сама Одиссея позабыта. Участь Одиссеи странна: въ Европѣ ея не оцѣнили. Виною этого отчасти недостатокъ перевода, который бы передавалъ художественно великолѣпнѣйшее произведеніе древности, отчасти недостатокъ языка, въ такой степени богатаго и полнаго, на которомъ отразились бы всѣ безчисленныя, неуловимыя красоты какъ самого Гомера, такъ и вообще эллинской рѣчи; отчасти же недостатокъ, наконецъ, и самаго народа, въ такой степени одареннаго чистотою дѣвственнаго вкуса, какая потребна для того, чтобы почувствовать Гомера.

Теперь переводъ первѣйшаго поэтическаго творенія производится на языкѣ, полнѣйшемъ и богатѣйшемъ всѣхъ европейскихъ языковъ.

Вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ къ этому дѣлу. Нужно было его стиху выработаться на сочиненіяхъ и переводахъ изъ поэтовъ всѣхъ націй и языковъ, чтобы сдѣлаться потомъ способнымъ передать вѣчный стихъ Гомера, — уху его наслушаться всѣхъ лиръ, дабы сдѣлаться до того чуткимъ, чтобы и оттѣнокъ эллинскаго звука не пропалъ; нужно было, мало того, что влюбиться ему самому въ Гомера, получить еще страстное желаніе заставить всѣхъ соотечественниковъ своихъ влюбиться въ Гомера, на эстетическую пользу души каждаго изъ нихъ; нужно было совершиться внутри самого переводчика многимъ такимъ событіямъ, которыя привели въ бо́льшую стройность и спокойствіе его собственную душу, необходимыя для передачи произведенія, замышленнаго въ такой стройности и спокойствіи; нужно было, наконецъ, сдѣлаться глубже христіаниномъ, дабы пріобрѣсти тотъ прозирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть, кромѣ христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни. Вотъ сколькимъ условіямъ нужно было выполниться, чтобы переводъ Одиссеи вышелъ не рабская передача, но послышалось бы въ немъ *слово живо*, и вся Россія приняла бы Гомера, какъ родного!

Зато вышло что-то чудное. Это не переводъ, но скорѣе возсозданіе, возстановленіе, воскресеніе Гомера. Переводъ какъ бы еще болѣе вводитъ въ древнюю жизнь, нежели самъ оригиналъ. Переводчикъ незримо сталъ какъ бы истолкователемъ Гомера, сталъ какъ бы какимъ-то зрительнымъ, выясняющимъ стекломъ передъ читателемъ, сквозь которое еще опредѣлительнѣе и яснѣе выказываются всѣ безчисленныя его сокровища.

По моему, всѣ нынѣшнія обстоятельства какъ бы нарочно обстановились такъ, чтобы сдѣлать появленіе Одиссеи почти необходимымъ въ настоящее время: въ литературѣ, какъ и во всемъ,— охлажденіе. Какъ очаровываться, такъ и разочаровываться устали и перестали. Даже эти судорожныя больныя произведенія вѣка, съ примѣсью всякихъ непереварившихся идей, нанесенныхъ политическими и прочими броженіями, стали значительно упадать; только одни задніе чтецы, привыкшіе держаться за хвосты журнальныхъ вождей, еще кое-что перечитываютъ, не замѣчая въ простодушіи, что козлы, ихъ предводившіе, давно уже остановились въ раздумьѣ, не зная сами, куда повести заблудшія стада свои. Словомъ, именно то время, когда слишкомъ важно появленіе произведенія стройнаго во всѣхъ частяхъ своихъ, которое изображало бы жизнь съ отчетливостью изумительной и отъ котораго повѣвало бы спокойствіемъ и простотой, почти младенческой.

Одиссея произведетъ у насъ вліяніе, какъ *вообще на всѣхъ*, такъ и *отдѣльно на каждаго*.

Разсмотримъ то вліяніе, которое она можетъ у насъ произвести *вообще на всѣхъ*. Одиссея есть именно то произведеніе, въ которомъ заключились всѣ нужныя условія, дабы сдѣлать ее чтеніемъ всеобщимъ и народнымъ. Она соединятъ всю увлекательность сказки и всю простую правду человѣческаго похожденія, имѣющаго равную заманчивость для всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ. Дворянинъ, мѣщанинъ, купецъ, грамотей и неграмотей, рядовой солдатъ, лакей, дѣти обоего пола, начиная съ того возраста, когда ребенокъ начинаетъ любить сказку, — ее прочитаютъ и выслушаютъ безъ скуки—обстоятельство слишкомъ важное, особенно если примемъ въ соображеніе то, что Одиссея есть вмѣстѣ съ тѣмъ самое нравственное произведеніе и что единственно затѣмъ и предпринята древнимъ поэтомъ, чтобы въ живыхъ образахъ начертать законы дѣйствій тогдашнему человѣку.

Греческое многобожіе не соблазнитъ нашего народа. Народъ нашъ уменъ: онъ растолкуетъ, не ломая головы, даже то, что̀ приводитъ втупикъ умниковъ. Онъ здѣсь увидитъ только доказательство того, какъ трудно человѣку самому, безъ пророковъ и безъ откровенія свыше, дойти до того, чтобы узнать Бога въ истинномъ видѣ, и въ какихъ нелѣпыхъ видахъ станетъ онъ представлять себѣ ликъ Его, раздробивши единство и единосиліе на множество образовъ и силъ. Онъ даже не посмѣется надъ тогдашними язычниками, признавъ ихъ ни въ чемъ невиноватыми: пророки имъ не говорили, Христосъ тогда не родился, апостоловъ не было. Нѣтъ, народъ нашъ скорѣе почешетъ у себя въ затылкѣ, почувствовавъ то, что онъ, зная Бога въ Его истинномъ видѣ, имѣя въ рукахъ уже письменный законъ Его, имѣя даже истолкователей закона въ отцахъ духовныхъ, молится лѣнивѣе и выполняетъ долгъ свой хуже древняго язычника. Народъ смекнетъ, почему та же верховная сила помогала и язычнику за его добрую жизнь и усердную молитву, несмотря на то, что онъ, по невѣжеству, взывалъ къ ней въ образѣ Посейдоновъ, Кроніоновъ, Гефестовъ, Геліосовъ, Кипридъ и всей вереницы, которую наплело играющее воображеніе грековъ. Словомъ, многобожіе отложитъ онъ въ сторону, а извлечетъ изъ Одиссеи то, что̀ ему слѣдуетъ изъ нея извлечь, — то, что̀ ощутительно въ ней видимо всѣмъ, что̀ легло въ духъ ея содержанія и для чего написана сама Одиссея, то-есть, что человѣку вездѣ, на всякомъ поприщѣ, предстоитъ много бѣдъ, что нужно съ ними бороться,—для того и жизнь дана человѣку,—что

ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унывать, какъ не унывалъ и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращался къ своему сердцу, не подозрѣвая самъ, что таковымъ внутреннимъ обращеніемъ къ самому себѣ онъ уже творилъ ту внутреннюю молитву Богу, которую въ минуты бѣдствій совершаетъ всякій человѣкъ, даже не имѣющій никакого понятія о Богѣ. Вотъ то *общее*, тотъ живой духъ ея содержанія, которымъ произведетъ на всѣхъ впечатлѣніе Одиссея, прежде нежели одни восхитятся ея поэтическими достоинствами, вѣрностью картинъ и живостью описаній; прежде, нежели другіе поразятся раскрытіемъ сокровищъ древности въ такихъ подробностяхъ, въ какихъ не сохранили ее ни ваяніе, ни живопись, ни вообще всѣ древніе памятники; прежде, нежели третьи останутся изумлены необыкновеннымъ познаніемъ всѣхъ изгибовъ души человѣческой, которые всѣ были вѣдомы всевидѣвшему слѣпцу; прежде, нежели четвертые будутъ поражены глубокимъ вѣдѣніемъ государственнымъ, знаніемъ трудной науки править людьми и властвовать ими, чѣмъ обладалъ также божественный старецъ, законодатель и своего, и грядущихъ поколѣній, словомъ—прежде, нежели кто-либо завлечется чѣмъ-нибудь отдѣльно въ Одиссеѣ сообразно своему ремеслу, занятіямъ, наклонностямъ и своей личной особенности. И все потому, что слишкомъ осязательно слышенъ этотъ духъ ея содержанія, эта, внутренняя сущность его, что ни въ одномъ твореніи не проступаетъ она такъ сильно наружу, проникая все и преобладая надъ всѣмъ, особенно, когда разсмотримъ еще, какъ ярки всѣ эпизоды, изъ которыхъ каждый въ силахъ застѣнить главное.

Отчего-жъ такъ сильно это слышится всѣмъ? Оттого, что залегло это глубоко въ самую душу древняго поэта. Видишь на всякомъ шагу, какъ хотѣлъ онъ облечь во всю обворожительную красоту поэзіи то, что̀ хотѣлъ бы утвердить навѣки въ людяхъ, какъ стремился укрѣпить въ народныхъ обычаяхъ то, что̀ въ нихъ похвально, напомнить человѣку лучшее и святѣйшее, что̀ есть въ немъ и что̀ онъ способенъ позабыть всякую минуту,—оставить въ каждомъ лицѣ своемъ примѣръ каждому на его отдѣльномъ поприщѣ, а всѣмъ вообще оставить въ своемъ неутомимомъ Одиссеѣ примѣръ на общечеловѣческомъ поприщѣ.

Это строгое почитаніе обычаевъ, это благоговѣйное уваженіе власти и начальниковъ, несмотря на ограниченные предѣлы самой власти, эта дѣвственная стыдливость юношей, эта благость и благодушное безгнѣвіе старцевъ, это радушное гостепріимство, это уваженіе и почти благоговѣніе къ человѣку, какъ представителю образа Божія, это вѣрованіе, что ни одна благая мысль не зарождается въ головѣ его безъ верховной воли вышняго насъ Существа, и что ничего не можетъ онъ сдѣлать своими собственными силами, словомъ—все, всякая малѣйшая черта въ Одиссеѣ говоритъ о внутреннемъ желаніи поэта всѣхъ поэтовъ оставить древнему человѣку живую и полную книгу законодательства въ то время, когда еще не было ни законодателей, ни учредителей порядковъ, когда еще никакими гражданскими и письменными постановленіями не были опредѣлены отношенія людей, когда люди еще многаго не вѣдали и даже не предчувствовали, и когда одинъ только божественный старецъ все видѣлъ, слышалъ, соображалъ и предчувствовалъ,—слѣпецъ, лишенный зрѣнія, общаго всѣмъ людямъ, и вооруженный тѣмъ внутреннимъ окомъ, котораго не имѣютъ люди!

И какъ искусно сокрытъ весь трудъ многолѣтнихъ обдумываній подъ простотой самаго простодушнѣйшаго повѣствованія! Кажется, какъ бы, собравъ весь людъ въ одну семью и усѣвшись среди нихъ самъ, какъ дѣдъ среди внуковъ, готовый даже съ ними ребячиться, ведетъ онъ добродушный разсказъ свой и только заботится о томъ, чтобы не утомить никого, не запугать неумѣстною длинnотой поученія, но развѣять и разнести его невидимо по всему творенію, чтобы, играя, набрались всѣ того, что̀ дано не на игрушку человѣку, и незамѣтно бы надышались тѣмъ, что̀ зналъ онъ и видѣлъ лучшаго на своемъ вѣку и въ своемъ вѣкѣ. Можно бы почесть все за изливающуюся безъ приготовленія сказку, если бы по внимательномъ разсмотрѣніи уже потомъ не открывалась удивительная постройка всего цѣлаго и порознь каждой пѣсни. Какъ глупы нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ—миѳъ, а всѣ творенія его—народныя пѣсни и рапсодіи!

Но разсмотримъ то вліяніе, которое можетъ произвесть у насъ Одиссея *отдѣльно на каждаго*. Во-первыхъ, она подѣйствуетъ на пишущую нашу братію, на сочинителей нашихъ. Она возвратитъ многихъ къ свѣту, проведя ихъ, какъ искусный лоцманъ, сквозь сумятицу и мглу, нанесенную неустроенными, неорганизовавшимися писателями. Она снова напомнитъ намъ всѣмъ, въ какой безхитростной простотѣ нужно возсоздавать природу, какъ уяснять всякую мысль до ясности почти ощутительной, въ какомъ уравновѣшенномъ спокойствіи должна изливаться рѣчь наша. Она вновь дастъ почувствовать всѣмъ нашимъ писателямъ ту старую истину, которую вѣкъ мы должны помнить и которую всегда позабываемъ, а именно: по тѣхъ поръ не приниматься за перо, пока все въ головѣ не установится въ такой ясности и порядкѣ, что даже ребенокъ въ силахъ будетъ

понять и удержать все въ памяти. Еще болѣе, нежели на самихъ писателей, Одиссея подѣйствуетъ на тѣхъ, которые еще готовятся въ писатели, и, находясь въ гимназіяхъ и университетахъ, видятъ передъ собою еще туманно и неясно свое будущее поприще: ихъ она можетъ навести съ самаго начала на прямой путь, избавивъ отъ лишняго шатанья по кривымъ закоулкамъ, по которымъ натолкались изрядно ихъ предшественники.

Во-вторыхъ, Одиссея подѣйствуетъ на вкусъ и на развитіе эстетическаго чувства. Она освѣжитъ критику. Критика устала и запуталась отъ разборовъ загадочныхъ произведеній новѣйшей литературы, съ горя бросилась въ сторону и, уклонившись отъ вопросовъ литературныхъ, понесла дичь. По поводу Одиссеи можетъ появиться много истинно дѣльныхъ критикъ, тѣмъ болѣе, что врядъ ли есть на свѣтѣ другое произведеніе, на которое можно было бы взглянуть съ такихъ многихъ сторонъ, какъ на Одиссею. Я увѣренъ, что толки, разборы, разсужденія, замѣчанія и мысли, ею возбужденные, будутъ раздаваться у насъ въ журналахъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Читатели будутъ отъ этого не въ убыткѣ: критики не будутъ ничтожны. Для нихъ потребуется много перечесть, оглянуть вновь, перечувствовать и перемыслить; пустой верхоглядъ не найдется даже, что́ и сказать объ Одиссеѣ.

Въ-третьихъ, Одиссея своею русскою одеждой, въ которую облекъ ее Жуковскій, можетъ подѣйствовать значительно на очищеніе языка. Еще ни у кого изъ нашихъ писателей, не только у Жуковскаго, во всемъ, что́ ни писалъ онъ доселѣ, но даже у Пушкина и Крылова, которые часто точнѣе его на слова и выраженія, не достигала до такой полноты русская рѣчь. Тутъ заключились всѣ ея извороты и обороты во всѣхъ видоизмѣненіяхъ. Безконечно огромные періоды, которые у всякаго другого были бы вялы, темны, и періоды сжатые, краткіе, которые у другого были бы черствы, обрублены, ожесточили бы рѣчь, у него такъ братски улегаются другъ возлѣ друга, всѣ переходы и встрѣчи противоположностей совершаются въ такомъ благозвучіи, все такъ и сливается въ одно, улетучивая тяжелый громоздъ всего цѣлаго, что, кажется, какъ бы пропалъ вовсе всякій слогъ и складъ рѣчи: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ и самого переводчика. Намѣсто его стоитъ предъ глазами, во всемъ величіи, старецъ Гомеръ, и слышатся тѣ величавыя, вѣчныя рѣчи, которыя не принадлежатъ устамъ какого-нибудь человѣка, но которыхъ удѣлъ—вѣчно раздаваться въ мірѣ. Здѣсь-то увидятъ наши писатели, съ какой разумной осмотрительностью нужно употреблять слова и выраженія, какъ всякому простому слову можно возвратить его возвышенное достоинство умѣньемъ помѣстить его въ надлежащемъ мѣстѣ, и какъ много значитъ для такого сочиненія, которое назначается на всеобщее употребленіе и есть сочиненіе геніальное, это наружное благоприличіе, эта внѣшняя обработка всего: тутъ малѣйшая соринка замѣтка и всѣмъ бросается въ глаза. Жуковскій сравниваетъ весьма справедливо эти соринки съ бумажками, которыя стали бы валяться въ великолѣпно убранной комнатѣ, гдѣ все сіяетъ ясностью зеркала, начиная отъ потолка до паркета: всякій вошедшій прежде всего увидитъ эти бумажки, именно по тому же самому, почему бы онъ ихъ вовсе не примѣтилъ въ неприбранной, нечистой комнатѣ.

Въ-четвертыхъ, Одиссея подѣйствуетъ въ любознательномъ отношеніи, какъ на занимающихся науками, такъ и на неучившихся никакой наукѣ, распространяя живое познаніе древняго міра. Ни въ какой исторіи не начитаешь того, что́ отыщешь въ ней: отъ нея такъ и дышитъ временемъ минувшимъ; древній человѣкъ, какъ живой, такъ и стоитъ передъ глазами, какъ будто ты еще вчера его видѣлъ и говорилъ съ нимъ. Такъ его видишь во всѣхъ его дѣйствіяхъ, во всѣ часы дня: какъ приготовляется онъ благоговѣйно къ жертвоприношенію, какъ бесѣдуетъ чинно съ гостемъ за пировою кратерой, какъ одѣвается, какъ выходитъ на площадь, какъ слушаетъ старца, какъ поучаетъ юношу; его домъ, его колесница, его спальня, малѣйшая мебель въ домѣ, отъ подвижныхъ столовъ до ременной закладки у дверей,—все передъ глазами, еще свѣжѣе, нежели въ отрытой изъ земли Помпеѣ.

Наконецъ, я даже думаю, что появленіе Одиссеи произведетъ впечатлѣніе на современный духъ нашего общества вообще. Именно въ нынѣшнее время, когда таинственною волей Провидѣнія сталъ слышаться повсюду болѣзненный ропотъ неудовлетворенья, голосъ неудовольствія человѣческаго на все, что́ ни есть на свѣтѣ: на порядокъ вещей, на время, на самого себя; когда всѣмъ, наконецъ, начинаетъ становиться подозрительнымъ то совершенство, въ которое возвели насъ наша новѣйшая гражданственность и просвѣщеніе; когда слышна у всякаго какая-то безотчетная жажда быть не тѣмъ, чѣмъ онъ есть, можетъ-быть, происшедшая отъ прекраснаго источника—быть лучше; когда сквозь нелѣпые крики и опрометчивыя проповѣдыванія новыхъ, еще темно услышанныхъ идей, слышно какое-то всеобщее стремленіе стать ближе къ какой-то желанной серединѣ, найти настоящій законъ дѣйствій, какъ въ массахъ, такъ и отдѣльно взятыхъ особахъ—словомъ, въ это именно время Одиссея поразитъ величавою патріархальностію древняго быта, простою несложностью общественныхъ пружинъ, свѣжестью

жизни, непритупленною, младенческою ясностью человѣка. Въ Одиссеѣ услышитъ сильный упрекъ себѣ нашъ девятнадцатый вѣкъ, и упрекамъ не будетъ конца, по мѣрѣ того, какъ станетъ онъ поболѣе всматриваться въ нее и вчитываться,

Что́ можетъ быть, напримѣръ, уже сильнѣе того упрека, который раздается въ душѣ, когда разглядишь, какъ древній человѣкъ, съ своими небольшими орудіями, со всѣмъ несовершенствомъ своей религіи, дозволявшей даже обманывать, мстить и прибѣгать къ коварству для истребленія врага, съ своею непокорною, жестокою, несклонною къ повиновенію природою, съ своими ничтожными законами, умѣлъ, однакоже, однимъ только простымъ исполненіемъ обычаевъ старины и обрядовъ, — которые не безъ смысла были установлены древними мудрецами и заповѣданы передаваться въ видѣ святыни отъ отца къ сыну, — однимъ только простымъ исполненіемъ этихъ обычаевъ дойти до того, что пріобрѣлъ какую-то стройность и даже красоту поступковъ, такъ что все въ немъ сдѣлалось величаво съ ногъ до головы, отъ рѣчи до простого движенія и даже до складки платья, и кажется, какъ бы дѣйствительно слышишь въ немъ богоподобное происхожденіе человѣка? А мы, со всѣми нашими огромными средствами и орудіями къ совершенствованію, съ опытами всѣхъ вѣковъ, съ гибкою, переимчивою нашею природою, съ религіею, которая именно дана намъ на то, чтобы сдѣлать изъ насъ святыхъ и небесныхъ людей,—со всѣми этими орудіями, умѣли дойти до какого-то неряшества и неустройства, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, умѣли сдѣлаться лоскутными, мелкими, отъ головы до самаго платья нашего, и, ко всему еще въ прибавку, опротивѣли до того другъ другу, что не уважаетъ никто никого, даже не выключая и тѣхъ, которые толкуютъ объ уваженіи ко всѣмъ.

Словомъ, на страждущихъ и болѣющихъ отъ своего европейскаго совершенства Одиссея подѣйствуетъ. Много напомнитъ она имъ младенчески-прекраснаго, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себѣ человѣчество, какъ свое законное наслѣдство. Многіе надъ многимъ призадумываются. А между тѣмъ многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которыми есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу Русской земли. Благоухающими устами поэзіи навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакою властью.

VIII.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАШЕЙ ЦЕРКВИ И ДУХОВЕНСТВѢ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т.....МУ.

Напрасно смущаетесь вы нападеніями, которыя теперь раздаются на нашу Церковь въ Европѣ. Обвинять въ равнодушіи духовенство наше будетъ также несправедливость. Зачѣмъ хотите вы, чтобы наше духовенство, досель отличавшееся величавымъ спокойствіемъ, столь ему пристойнымъ, стало въ ряды европейскихъ крикуновъ и начало, подобно имъ, печатать опрометчивыя брошюры? Церковь наша дѣйствовала мудро. Чтобы защищать ее, нужно самому прежде узнать ее. А мы вообще знаемъ плохо нашу Церковь. Духовенство наше не бездѣйствуетъ. Я очень знаю, что въ глубинѣ монастырей и въ тишинѣ келій готовятся неопровержимыя сочиненія въ защиту Церкви нашей. Но дѣла свои они дѣлаютъ лучше, нежели мы: они не торопятся и, зная, чего требуетъ такой предметъ, совершаютъ свой трудъ въ глубокомъ спокойствіи, молясь, воспитывая самихъ себя, изгоняя изъ души своей все страстное, похожее на неумѣстную, безумную горячку, возвышая свою душу на ту высоту безстрастія небеснаго, на которой ей слѣдуетъ пребывать, дабы быть въ силахъ заговорить о такомъ предметѣ. Но и эти защиты еще не послужатъ къ полному убѣжденію западныхъ католиковъ. Церковь наша должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвѣстить ея правду. Они говорятъ, что Церковь наша безжизненна. Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильнымъ выводомъ: мы трупы, а не Церковь наша, и по насъ они назвали и Церковь нашу трупомъ. Какъ намъ защищать нашу Церковь и какой отвѣтъ мы можемъ дать имъ, если они намъ зададутъ такіе вопросы: „А сдѣлала ли ваша Церковь васъ лучшими? Исполняетъ ли всякъ у васъ, какъ слѣдуетъ, свой долгъ?“ Что́ мы тогда станемъ отвѣчать имъ, почувствовавши вдругъ въ душѣ и совѣсти своей, что шли все время мимо нашей Церкви и едва знаемъ ее даже и теперь? Владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. У хозяина спрашиваютъ показать лучшую вещь въ его домѣ, а самъ хозяинъ не знаетъ, гдѣ лежитъ она. Эта Церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей, эта Церковь, которая вся съ своими глу-

бокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши, которая можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы, заставивъ у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы и, не измѣнивъ ничего въ государствѣ, дать силу Россіи, изумить весь міръ согласною стройностью того же самаго организма, которымъ она доселѣ пугала, — и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь!

Нѣтъ, храни насъ Богъ защищать теперь нашу Церковь! Это значитъ уронить ее. Только и есть для насъ возможна одна пропаганда — жизнь наша. Жизнью нашею мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть *жизнь*; благоуханіемъ душъ нашихъ должны мы возвѣстить ея истину. Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобы уже отъ одного смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго, потрясающаго гласа, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвигнулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло, и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: „Не произноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей Церкви!“

IX.

О ТОМЪ ЖЕ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т.....У.

Замѣчаніе, будто власть Церкви оттого у насъ слаба, что наше духовенство мало имѣетъ свѣтскости и ловкости обращенія въ обществѣ, есть такая нелѣпость, какъ и утвержденіе, будто духовенство у насъ вовсе отстранено отъ всякаго прикосновенія съ жизнію уставами нашей Церкви и связано въ своихъ дѣйствіяхъ правительствомъ. Духовенству нашему указаны законныя и точныя границы въ его соприкосновеніяхъ со свѣтомъ и людьми. Повѣрьте, что если бы стали они встрѣчаться съ нами чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ или входя въ семейныя дѣла, это было бы нехорошо. Духовному предстоитъ много искушеній, гораздо болѣе даже, нежели намъ: какъ разъ завелись бы тѣ интриги въ домахъ, въ которыхъ обвиняютъ римско-католическихъ поповъ. Римско-католическіе попы именно оттого сдѣлались дурными, что черезчуръ сдѣлались свѣтскими. У духовенства нашего два законныхъ поприща, на которыхъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь. На этихъ двухъ поприщахъ, изъ которыхъ первое бываетъ только разъ или два въ годъ, а второе можетъ быть всякое воскресенье, можно сдѣлать очень много. И если только священникъ, видя многое дурное въ людяхъ, умѣлъ до времени молчать о немъ и долго соображать въ себѣ самомъ, какъ ему сказать такимъ образомъ, чтобы всякое слово дошло прямо до сердца; то онъ уже скажетъ объ этомъ такъ сильно на исповѣди и проповѣди, какъ никогда ему не сказать на ежедневныхъ съ нами бесѣдахъ. Нужно, чтобы онъ говорилъ стоящему среди свѣта человѣку съ какого-то возвышеннаго мѣста, чтобы не его присутствіе слышалъ въ это время человѣкъ, но присутствіе Самого Бога, внимающаго равно имъ обоимъ, и слышался бы обоюдный страхъ отъ Его незримаго присутствія. Нѣтъ, это даже хорошо, что духовенство наше находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Хорошо, что даже самой одеждой своей, не подвластной никакимъ измѣненіямъ и прихотямъ нашихъ глупыхъ модъ, они отдѣлились отъ насъ. Одежда ихъ прекрасна и величественна. Это не безсмысленное, оставшееся отъ осьмнадцатаго вѣка рококо и не лоскутная, ничего не объясняющая одежда римско-католическихъ священниковъ. Она имѣетъ смыслъ: она по образу и подобію той одежды, которую носилъ Самъ Спаситель. Нужно, чтобы и въ самой одеждѣ своей они носили себѣ вѣчное напоминаніе о Томъ, Чей образъ они должны представлять намъ, чтобы и на одинъ мигъ не позабылись и не растерялись среди развлеченій и ничтожныхъ нуждъ свѣта; ибо съ нихъ тысячу кратъ болѣе взыщется, нежели съ каждаго изъ насъ; чтобы слышали безпрестанно, что они — какъ бы другіе и высшіе люди. Нѣтъ, покамѣстъ священникъ еще молодъ и жизнь ему неизвѣстна, онъ не долженъ даже и встрѣчаться съ людьми иначе, какъ на исповѣди и проповѣди. Если же и можно ему входить въ бесѣду, то развѣ только съ мудрѣйшими и опытнѣйшими изъ нихъ, которые могли бы познакомить его съ душою и сердцемъ человѣка, изобразить ему жизнь въ ея истинномъ видѣ и свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ она является неопытному человѣку. Священнику нужно время также и для себя: ему нужно поработать и надъ самимъ собою. Онъ долженъ со Спасителя брать примѣръ, Который долгое время провелъ въ пустынѣ и не прежде, какъ послѣ сорокадневнаго предуготовительнаго поста, вышелъ къ людямъ учить ихъ. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта для того, чтобы узнать его. Это просто вздоръ.

Опроверженіемъ такого мнѣнія служатъ всѣ свѣтскіе люди, которые толкаются вѣчно среди свѣта и при всемъ томъ бываютъ всѣхъ пустѣе. Воспитываются для свѣта не посреди свѣта, но въ дали отъ него, въ глубокомъ внутреннемъ созерцаніи, въ изслѣдованіи собственной души своей, ибо тамъ законы всего и всему: найди только прежде ключъ къ своей собственной душѣ; когда же найдешь, тогда этимъ же самымъ ключемъ отопрешь души всѣхъ.

X.

О ЛИРИЗМѢ НАШИХЪ ПОЭТОВЪ.

письмо къ в. а. жуковскому.

Поведемъ рѣчь о статьѣ, надъ которою произнесенъ смертный приговоръ, т.-е. о статьѣ подъ названіемъ: *О лиризмѣ нашихъ поэтовъ*. Прежде всего благодарность за смертный приговоръ! Вотъ уже во второй разъ я спасенъ тобою, о, мой истинный наставникъ и учитель! Прошлый годъ твоя же рука остановила меня, когда я уже было хотѣлъ послать Плетневу въ „Современникъ“ мои сказанія о русскихъ поэтахъ; теперь ты вновь предалъ уничтоженію новый плодъ моего неразумія. Только одинъ ты меня еще останавливаешь, тогда какъ всѣ другіе торопятъ, неизвѣстно зачѣмъ. Сколько глупостей успѣлъ бы я уже надѣлать, если бы только послушался другихъ моихъ пріятелей! Итакъ, вотъ тебѣ прежде всего моя благодарственная пѣснь; а затѣмъ обратимся къ самой статьѣ. Мнѣ стыдно, когда помыслю, какъ до сихъ поръ еще я глупъ и какъ не умѣю заговорить ни о чемъ, что̀ поумнѣе. Всего нелѣпѣе выходятъ мысли и толки о литературѣ. Тутъ какъ-то особенно становится все у меня напыщенно, темно и невразумительно. Мою же собственную мысль, которую не только вижу умомъ, но даже чую сердцемъ, не въ силахъ передать. Слышитъ душа многое, а пересказать или написать ничего не умѣю. Основаніе статьи моей справедливо, а между тѣмъ объяснился я такъ, что всякимъ выраженіемъ вызвалъ на противорѣчіе. Вновь повторю то же самое: въ лиризмѣ нашихъ поэтовъ есть что-то такое, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй, именно—что-то близкое къ библейскому,—то высшее состояніе лиризма, которое чуждо увлеченій страстныхъ и есть и твердый возлетъ въ свѣтѣ разума, верховное торжество духовной трезвости. Не говоря уже о Ломоносовѣ и Державинѣ, даже у Пушкина слышится этотъ строгій лиризмъ повсюду, гдѣ ни коснется онъ высокихъ предметовъ. Вспомни только стихотворенія его: къ пастырю церкви, „Пророкъ“ и, наконецъ, этотъ таинственный побѣгъ изъ города, напечатанный уже послѣ его смерти. Перебери стихи Языкова, и увидишь, что онъ всякій разъ становится какъ-то неизмѣримо выше и страстей, и самого себя, когда прикоснется къ чему-нибудь высшему. Приведу одно изъ его даже молодыхъ стихотвореній, подъ названіемъ „Геній“; оно же не длинно:

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ,
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея.
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она.
Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ,
И міру новыя свѣтила—
Дѣла избранника небесъ.

Какой свѣтъ и какая строгость величія! Я изъяснилъ это тѣмъ, что наши поэты видѣли всякій высокій предметъ въ его законномъ соприкосновеніи съ верховнымъ источникомъ лиризма—Богомъ, одни сознательно, другіе безсознательно, потому что русская душа, вслѣдствіе своей русской природы, уже слышитъ это какъ-то сама собой, неизвѣстно почему. Я сказалъ, что два предмета вызывали у нашихъ поэтовъ этотъ лиризмъ, близкій къ библейскому. Первый изъ нихъ—*Россія*. При одномъ этомъ имени какъ-то вдругъ просвѣтляется взглядъ у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозоръ, все становится у него шире, и онъ самъ какъ бы облекается величіемъ, становясь превыше обыкновеннаго человѣка. Это что-то болѣе, нежели обыкновенная любовь къ отечеству. Любовь къ отечеству отозвалась бы приторнымъ хвастаньемъ. Доказательствомъ тому наши такъ-называемые квасные патріоты. [Послѣ ихъ похвалъ, впрочемъ довольно чистосердечныхъ, только плюешь на Россію]. Между тѣмъ заговоритъ Державинъ о Россіи—слышишь въ себѣ неестественную силу и какъ бы самъ дышишь величіемъ Россіи. Одна простая любовь къ отечеству не дала бы силъ не только Державину, но даже и Языкову, выражаться такъ широко и торжественно всякій разъ, гдѣ ни коснется онъ Россіи. Напримѣръ, хоть бы въ стихахъ, гдѣ онъ изображаетъ, какъ наступилъ было на нее Баторій:

. . . Повелительный Стефанъ
Въ одинъ могущественный станъ
Уже сбиралъ толпы густыя,
Да ниспровергнетъ псковитянъ,
Да уничтожится Россія!

Но ты, къ отечеству любовь,
Ты, чѣмъ гордились наши дѣды,
Ты ополчилась: кровь за кровь—
И онъ не праздновалъ побѣды!

Эта богатырски-трезвая сила, которая временами даже соединяется съ какимъ-то невольнымъ пророчествомъ о Россіи, рождается отъ невольнаго прикосновенія мысли къ верховному Промыслу, который такъ явно слышенъ въ судьбѣ нашего отечества. Сверхъ любви участвуетъ здѣсь сокровенный ужасъ при видѣ тѣхъ событій, которымъ повелѣлъ Богъ совершиться въ землѣ, назначенной быть нашимъ отечествомъ, прозрѣніе прекраснаго новаго зданія, которое покамѣстъ не для всѣхъ видимо зиждется и которое можетъ слышать всеслышащимъ ухомъ поэзіи поэтъ или же такой духовѣдецъ, который уже можетъ въ *зернѣ* прозрѣвать его *плодъ*. Теперь начинаютъ это слышать понемногу и другіе люди, но выражаются такъ неясно, что слова ихъ похожи на безуміе. Тебѣ напрасно кажется, что нынѣшняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущемъ Россіи, слѣдуетъ какому-то модному повѣтрію. Они не умѣютъ вынашивать въ головѣ мыслей, торопятся ихъ объявлять міру, не замѣчая того, что ихъ мысли еще — глупые ребята, вотъ и все. И въ еврейскомъ народѣ четыреста пророковъ пророчествовали вдругъ: изъ нихъ одинъ только бывалъ избранникъ Божій, котораго сказанія вносились въ святую книгу еврейскаго народа; всѣ же прочіе, вѣроятно, наговаривали много лишняго, но тѣмъ не менѣе они слышали неясно и темно то же самое, что̀ избранники умѣли сказать здраво и ясно; иначе народъ побилъ бы ихъ камнями. Зачѣмъ же ни Франція, ни Англія, ни Германія не заражены этимъ повѣтріемъ и не пророчествуютъ о себѣ, а пророчествуетъ только одна Россія? Затѣмъ, что она сильнѣе другихъ слышитъ Божію руку на всемъ, что̀ ни сбывается въ ней, и чуетъ приближеніе иного царствія. Оттого и звуки становятся библейскими у нашихъ поэтовъ. И этого не можетъ быть у поэтовъ другихъ націй, какъ бы ни сильно они любили свою отчизну и какъ бы ни жарко умѣли выражать такую любовь свою. И въ этомъ не спорь со мною, прекрасный другъ мой!

Но перейдемъ къ другому предмету, гдѣ также слышится у нашихъ поэтовъ тотъ высокій лиризмъ, о которомъ идетъ рѣчь, то-есть, *любви къ царю*. Отъ множества гимновъ и одъ царямъ, поэзія наша, уже со временъ Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выраженіе. Что чувства въ ней искренни—объ этомъ нечего и говорить. Только тотъ, кто надѣленъ мелочнымъ остроуміемъ, способнымъ на одни мгновенныя, легкія соображенія, увидитъ здѣсь лесть и желаніе получить что-нибудь, и такое соображеніе оснуетъ на какихъ-нибудь ничтожныхъ и плохихъ одахъ тѣхъ же поэтовъ. Но тотъ, кто болѣе, нежели остроуменъ, кто мудръ, тотъ остановится передъ тѣми одами Державина, гдѣ онъ очертываетъ властелину широкій кругъ его благотворныхъ дѣйствій, гдѣ самъ, со слезою на глазахъ, говоритъ ему о тѣхъ слезахъ, которыя готовы заструиться изъ глазъ, не только русскихъ, но даже безчувственныхъ дикарей, обитающихъ на концахъ его имперіи, отъ одного только прикосновенія той милости и той любви, какую можетъ показать народу одна полномощная власть. Тутъ многое такъ сказано сильно, что если бы даже и нашелся такой государь, который позабылъ бы на время долгъ свой, то, прочитавши сіи строки, вспомнитъ онъ вновь его и умилится самъ передъ святостью званія своего. Только холодные сердцемъ попрекнутъ Державина за излишнія похвалы Екатеринѣ; но кто сердцемъ не камень, тотъ не прочтетъ безъ умиленія тѣхъ замѣчательныхъ строфъ, гдѣ поэтъ говоритъ, если и перейдетъ его мраморный истуканъ въ потомство, такъ это потому только,

Что пѣлъ я россовъ ту царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни здѣсь, ни впредь въ пространномъ мірѣ...
Хвались, хвались моя тѣмъ лира!

Не прочтетъ онъ также безъ непритворнаго душевнаго волненія сихъ уже почти предсмертныхъ стиховъ:

Холодна старость духъ, у лиры гласъ отъемлетъ:
Екатерины муза дремлетъ.
. . . . . Пѣть
Ужъ не могу. Другимъ пѣвцамъ гремѣть
Мои оставлю ветхи струны,
Да черплютъ вновь изъ нихъ перуны
Тѣхъ чистыхъ пламенныхъ огней,
Какъ пѣлъ я трехъ царей.

Старикъ у дверей гроба не будетъ лгать. При жизни своей носилъ онъ, какъ святыню, эту любовь, унесъ и за гробъ ее, какъ святыню. Но не объ этомъ рѣчь. Откуда взялась эта любовь? вотъ вопросъ. Что̀ весь народъ слышитъ ее какимъ-то сердечнымъ чутьемъ, а потому и поэтъ, какъ чистѣйшее отраженіе того же народа, долженъ былъ ее услышать въ высшей степени — это объяснитъ только одну половину дѣла. Полный и совершенный поэтъ ничему не предается безотчетливо, не провѣривъ его мудростію полнаго своего разума. Имѣя ухо слышать впередъ, заключа въ себѣ стремленіе возсоздавать въ полнотѣ ту же вещь, которую другіе видятъ отрывочно, съ одной или двухъ сторонъ, а не со всѣхъ

четырехъ, онъ не могъ не прозрѣвать развитія полнѣйшаго этой власти. Какъ умно опредѣлялъ Пушкинъ значеніе полномощнаго монарха! и какъ онъ вообще былъ уменъ во всемъ, что́ ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни! „Зачѣмъ нужно“, говорилъ онъ, „чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Затѣмъ, что законъ—дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жесткое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; нарушить же, или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ: много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не сто́итъ. Государство безъ полномощнаго монарха то же, что́ оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но, если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ. [А, кажется, онъ самъ ничего не дѣлаетъ, не играетъ ни на какомъ инструментѣ, только слегка помахиваетъ палочкой, да поглядываетъ на всѣхъ, и уже одинъ взглядъ его достаточенъ, на то, чтобы умягчить, въ томъ и другомъ мѣстѣ, какой-нибудь шаршавый звукъ, который испустилъ бы иной дуракъ-барабанъ или неуклюжій тулумбасъ]. При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ: блюдетъ онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!“ Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! [Это внутреннее существо — силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое между прочимъ ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ немъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: *Къ Н****. Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, въ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось; но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ Иліаду и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда къ залахъ, давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ ея была слѣдующая величественная ода, которую повторю здѣсь всю, она же вся въ одной строфѣ:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ,
Тебя мы долго ожидали.
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что-жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ
Въ безумствѣ суетнаго пира—
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей;
Въ порывѣ гнѣва и печали,
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали.
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ высоты
Сходить подъ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Оставимъ личность императора Николая, [и] разберемъ, что́ такое монархъ вообще, какъ Божій помазанникъ, обязанный стремить ввѣренный ему народъ къ тому свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ, и въ правѣ ли былъ Пушкинъ уподобить его древнему Боговидцу Моисею? Тотъ изъ людей, на рамена котораго обрушилась судьба милліоновъ его собратій, кто страшною отвѣтственностію за нихъ предъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности предъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности и льетъ, можетъ-быть, незримо такія слезы и страждетъ такими страданіями, о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человѣкъ, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся въ ушахъ крикъ Божій, неумолкаемо къ нему вопіющій, — тотъ можетъ быть уподобленъ древнему Боговидцу, можетъ, подобно ему, разбить листы своей скрижали, проклявши вѣтренокружащееся племя, которое, намѣсто того, чтобы стремиться къ тому, къ чему все должно стремиться на землѣ, суетно скачетъ около своихъ же, отъ себя самихъ созданныхъ кумировъ. Но Пушкина остановило еще высшее значеніе той же власти, которую вымолило у Небесъ немощное безсиліе человѣчества, вымолило ее крикомъ не о правосудіи небесномъ, передъ которымъ не устоялъ бы ни одинъ человѣкъ на землѣ, но крикомъ о небесной любви Божіей, которая бы все умѣла простить намъ: и забвеніе долга нашего и самый ропотъ нашъ, — все, что́ не прощаетъ на землѣ человѣкъ, чтобы одинъ затѣмъ только собралъ всю власть въ себя самого и отдѣлился

бы отъ всѣхъ насъ и сталъ выше всего на землѣ, чтобы чрезъ то стать ближе, равно ко всѣмъ, снисходить съ вышины ко всему и внимать всему, начиная отъ грома небесъ и лиры поэта до незамѣтныхъ увеселеній нашихъ.

Кажется, какъ бы въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, задавши вопросъ себѣ самому, что́ такое эта власть, самъ же упалъ въ прахъ предъ величіемъ возникнувшаго въ душѣ его отвѣта. Не мѣшаетъ замѣтить, что это былъ тотъ поэтъ, который былъ слишкомъ гордъ и независимостію своихъ мнѣній, и своимъ личнымъ достоинствомъ. Никто не сказалъ такъ о себѣ, какъ онъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа:
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Хотя въ *Наполеоновомъ столпѣ* виноватъ, конечно, ты; но положимъ, если бы даже стихъ остался въ своемъ прежнемъ видѣ, онъ все-таки послужилъ бы доказательствомъ, и даже еще бо́льшимъ, какъ Пушкинъ, чувствуя свое личное преимущество, какъ человѣка, передъ многими изъ вѣнценосцевъ, слышалъ, въ то же время всю малость званія своего передъ званіемъ вѣнценосца и умѣлъ благоговѣйно поклониться предъ тѣми изъ нихъ, которые показали міру величество своего званія.

Поэты наши прозрѣвали значеніе монарха, слыша, что онъ неминуемо долженъ, наконецъ, сдѣлаться весь одна *любовь,* и такимъ образомъ станетъ видно всѣмъ, почему государь есть образъ Божій, какъ это признаетъ, покуда чутьемъ, вся земля наша. Значеніе государя въ Европѣ неминуемо приблизится къ тому же выраженію. Все къ тому ведетъ, чтобы вызвать въ государяхъ высшую, Божескую любовь къ народамъ. Уже раздаются вопли страданій душевныхъ всего человѣчества, которыми заболѣлъ почти каждый изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ, и мечется, бѣдный, не зная самъ, какъ и чѣмъ себѣ помочь: всякое постороннее прикосновеніе жестоко разболѣвшимся его ранамъ; всякое средство, всякая помощь, придуманная умомъ, ему груба и не приноситъ цѣленія. Эти крики усилятся, наконецъ, до того, что разорвется отъ жалости и безчувственное сердце, и сила еще доселѣ небывалаго состраданія вызоветъ силу другой, еще доселѣ небывалой любви. Загорится человѣкъ любовію ко всему человѣчеству,—такою, какою никогда еще не загорался. Изъ насъ, людей честныхъ, возымѣть такую любовь во всей силѣ никто не возможетъ; она останется въ идеяхъ и въ мысляхъ, а не въ дѣлѣ; могутъ проникнуться ею вполнѣ одни только тѣ, которымъ уже постановлено въ непремѣнный законъ полюбить всѣхъ, какъ одного человѣка. Все полюбивши въ своемъ государствѣ, до единаго человѣка всякаго сословія и званія, и обративши все, что́ ни есть въ немъ, какъ бы въ собственное тѣло свое, возболѣвъ духомъ о всѣхъ, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущемъ народѣ своемъ, государь пріобрѣтетъ тотъ всемогущій голосъ любви, который одинъ только можетъ быть доступенъ разболѣвшемуся человѣчеству, и котораго прикосновеніе будетъ не жёстко его ранамъ, который одинъ можетъ только внести примиреніе во всѣ сословія и обратить въ стройный оркестръ государство. Тамъ только исцѣлится вполнѣ народъ, гдѣ постигнетъ монархъ высшее значеніе свое—быть образомъ Того на землѣ, Который Самъ есть любовь. Въ Европѣ не приходило никому въ умъ опредѣлять высшее значеніе монарха. Государственные люди, законоискусники и правовѣдцы смотрѣли на одну его сторону, именно, какъ на высшаго чиновника въ государствѣ, [поставленнаго отъ людей], а потому не знаютъ даже, какъ быть съ этой властію, [какъ ей указать настоящія границы], когда, вслѣдствіе ежедневно измѣняющихся обстоятельствъ, бываетъ нужно то расширить ея предѣлы, то ограничить ее; а черезъ это и государь, и народъ поставлены тамъ между собою въ странное положеніе: они глядятъ другъ на друга чуть не такимъ же точно образомъ, какъ на противниковъ, желающихъ воспользоваться властію одинъ на счетъ другого. Высшее значеніе монархіи прозрѣли у насъ поэты, а не законовѣдцы—услышали съ трепетомъ волю Бога создать ее въ Россіи въ ея законномъ видѣ; оттого и звуки ихъ становятся библейскими *) всякій разъ, какъ только излетаетъ изъ устъ ихъ слово *царь*. Это слышатъ у насъ и не поэты, потому что страницы нашей исторіи слишкомъ явно говорятъ о волѣ Промысла: да образуется въ Россіи эта власть въ ея полномъ и совершенномъ видѣ. Всѣ событія въ нашемъ отечествѣ, начиная отъ порабощенія татарскаго, видимо клонятся къ тому, чтобы собрать могущество въ руки одного, дабы одинъ былъ въ силахъ произвесть этотъ знаменитый переворотъ всего въ государствѣ, все потрясти и, всѣхъ разбудивши, вооружить каждаго изъ насъ тѣмъ высшимъ взглядомъ на самого себя, безъ котораго невозможно человѣку разобрать, осудить самого себя и воздвигнуть въ себѣ самомъ ту же брань всему невѣжественному и темному, какую воздвигнулъ царь въ своемъ государствѣ; чтобы потомъ, когда загорится уже каждый этою святою бранью, и все придетъ въ сознаніе силъ своихъ, могъ бы также одинъ, всѣхъ впереди, съ свѣтильникомъ въ рукѣ, устре-

*) Ср. примѣчанія. *Ред.*

мить, какъ одну душу, весь народъ свой къ тому верховному свѣту, къ которому просится Россія. Смотри также, какимъ чуднымъ средствомъ, еще прежде, нежели могло объясниться полное значеніе этой власти какъ самому государю, такъ и его подданнымъ, уже брошены были сѣмена взаимной любви въ сердца! Ни одинъ царскій домъ не начинался такъ необыкновенно, какъ начался домъ Романовыхъ. Его начало было уже подвигъ любви. Послѣдній и низшій подданный въ государствѣ принесъ и положилъ свою жизнь, для того, чтобы дать намъ царя, и сею чистою жертвою связалъ уже неразрывно государя съ подданнымъ. Любовь вошла въ нашу кровь, и завязалось у насъ всѣхъ кровное родство съ царемъ. [И такъ слился и сталъ одно-едино съ подвластнымъ повелитель, что намъ всѣмъ теперь видится всеобщая бѣда — государь ли позабудетъ своего подданнаго и отрѣшится отъ него, или подданный позабудетъ своего государя и отъ него отрѣшится]. Какъ явно тоже оказывается воля Бога—избрать для этого фамилію Романовыхъ, а не другую! Какъ непостижимо это возведеніе на престолъ никому неизвѣстнаго отрока! Тутъ же рядомъ стояли древнѣйшіе родомъ, и притомъ мужи доблести, которые только-что спасли свое отечество: Пожарскій, Трубецкой, наконецъ князья, по прямой линіи происходившіе отъ Рюрика. Всѣхъ ихъ мимо произошло избраніе, и они одного голоса не было противъ: никто не посмѣлъ предъявлять правъ своихъ! И случилось это въ то смутное время, когда всякій могъ вздорить и оспаривать, и набирать шайки приверженцевъ. И кого же выбрали? Того, кто приходился по женской линіи родственникомъ царю, отъ котораго недавній ужасъ ходилъ по всей землѣ, [такъ что не только имъ притѣсняемые и казнимые бояре, но даже и самый народъ, который почти ничего не потерпѣлъ отъ него, долго повторялъ поговорку: „добро была голова, да слава Богу, что земля прибрала“]. И при всемъ томъ все единогласно, отъ бояръ до послѣдняго бобыля, положило, чтобъ онъ былъ на престолѣ. Вотъ какія у насъ дѣлаются дѣла! Какъ же ты хочешь, чтобы лиризмъ нашихъ поэтовъ, которые слышали полное опредѣленіе царя въ книгахъ Ветхаго Завѣта и которые въ то же время такъ близко видѣли волю Бога на всѣхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ,—какъ же ты хочешь, чтобы лиризмъ нашихъ поэтовъ не былъ исполненъ библейскихъ отголосковъ? Повторяю, простой любви не стало бы на то, чтобы облечь такою суровою трезвостью ихъ звуки; для этого потребно полное и твердое убѣжденіе разума, а не одно безотчетное чувство любви; иначе звуки ихъ вышли бы мягкими, какъ у тебя въ прежнихъ твоихъ молодыхъ сочиненіяхъ, когда ты предавался чувству одной только любящей души своей. Нѣтъ, есть что-то крѣпкое, слишкомъ крѣпкое у нашихъ поэтовъ, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй. Если тебѣ этого не видится, то еще не доказываетъ, чтобы его вовсе не было. Вспомни самъ, что въ тебѣ не всѣ стороны русской природы; напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ взошли въ тебѣ на такую высокую степень и такъ развились просторно, что чрезъ это не дали мѣста другимъ, и ты уже сталъ исключеніемъ изъ обще-русскихъ характеровъ. Въ тебѣ заключились вполнѣ всѣ мягкія и нѣжныя струны нашей славянской природы; но тѣ густыя и крѣпкія ея струны, отъ которыхъ проходитъ тайный ужасъ и содроганіе по всему составу человѣка, тебѣ не такъ извѣстны. А онѣ-то и есть родники того лиризма, о которомъ идетъ рѣчь. Этотъ лиризмъ уже ни къ чему не можетъ возноситься, какъ только къ одному верховному источнику своему—Богу. Онъ суровъ, онъ пугливъ, онъ не любитъ многословія; ему приторно все, что́ ни есть на землѣ, если только онъ не видитъ на немъ напечатлѣнія Божьяго. Въ комъ хотя одна крупица этого лиризма, тотъ, несмотря на всѣ несовершенства и недостатки, заключаетъ въ себѣ суровое, высшее благородство душевное, передъ которымъ дрожитъ самъ и которое заставляетъ его бѣжать отъ всего, похожаго на выраженіе признательности со стороны людской. Собственный лучшій его подвигъ ему вдругъ опротивѣетъ, если на него послѣдуетъ ему какая-нибудь награда: онъ слишкомъ чувствуетъ, что все высшее должно быть выше награды. [Только по смерти Пушкина обнаружились его истинныя отношенія къ государю и тайны двухъ его лучшихъ сочиненій. Никому не говорилъ онъ при жизни о чувствахъ, его наполнявшихъ, и поступалъ умно. Послѣ того, какъ вслѣдствіе всякаго рода холодныхъ газетныхъ возгласовъ, писанныхъ слогомъ помадныхъ объявленій, и всякихъ сердитыхъ, неопрятно-запальчивыхъ выходокъ, производимыхъ всякими квасными и неквасными патріотами, перестали вѣрить у насъ на Руси искренности всѣхъ печатныхъ изліяній,—Пушкину было опасно выходить: его бы какъ разъ назвали подкупнымъ или чего-то ищущимъ человѣкомъ. Но теперь, когда появились только послѣ его смерти эти сочиненія, вѣрно, не отыщется во всей Россіи такой человѣкъ, который посмѣлъ бы назвать Пушкина льстецомъ или угодливымъ кому бы то ни было. Чрезъ то святыня высокаго чувства сохранена. И теперь всякъ, кто даже и не въ силахъ постигнуть дѣло собственнымъ умомъ приметъ его на вѣру, сказавши: „если самъ Пушкинъ думалъ такъ, то уже, вѣрно, это сущая истина“]. Царственные гимны нашихъ поэтовъ

изумляли самихъ чужеземцевъ своимъ величественнымъ складомъ и слогомъ. Еще недавно Мицкевичъ сказалъ объ этомъ на лекціяхъ Парижу, и сказалъ въ такое время, когда и самъ онъ раздраженъ противъ насъ, и все въ Парижѣ на насъ негодовало. Несмотря, однакожъ, на то, онъ объявилъ торжественно, что въ одахъ и гимнахъ нашихъ поэтовъ ничего нѣтъ рабскаго или низкаго, но, напротивъ, что-то свободно-величественное; и тутъ же, хотя это не понравилось никому изъ земляковъ его, отдалъ честь благородству характеровъ нашихъ писателей. Мицкевичъ правъ. Наши писатели, точно, заключили въ себѣ черты какой-то высшей природы. Въ минуты сознанія своего они сами оставили свои душевные портреты, которые отозвались бы самохвальствомъ, если бы ихъ жизнь не была тому подкрѣпленіемъ. Вотъ что́ говоритъ о себѣ Пушкинъ, помышляя о будущей судьбѣ своей:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Сто́итъ только вспомнить Пушкина, чтобы видѣть, какъ вѣренъ этотъ портретъ. [Какъ онъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ несчастномъ, упадшемъ! Черта истинно русская]. Вспомни только то умилительное зрѣлище, какое представляетъ посѣщеніе всѣмъ народомъ ссыльныхъ, отправляющихся въ Сибирь, когда всякъ несетъ отъ себя — кто пищу, кто деньги, кто христіански-утѣшительное слово. Ненависти нѣтъ къ преступнику, нѣтъ также донкишотскаго порыва сдѣлать изъ него героя, собирать его факсимиле, портреты, или смотрѣть на него изъ любопытства, какъ дѣлается въ просвѣщенной Европѣ. Здѣсь что-то болѣе: не желаніе оправдать его или вырвать изъ рукъ правосудія, но воздвигнуть упадшій духъ его, утѣшить, какъ братъ утѣшаетъ брата, какъ повелѣлъ Христосъ намъ утѣшать другъ друга. Пушкинъ высоко слишкомъ цѣнилъ всякое стремленіе воздвигнуть падшаго. Вотъ отчего такъ гордо затрепетало его сердце, когда услышалъ онъ о пріѣздѣ государя въ Москву во время ужасовъ холеры, — черта, которую едва ли показалъ кто-либо изъ вѣнценосцевъ, и которая вызвала у него эти замѣчательные стихи:

Небесами
Клянусь, кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
Какой бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой.

Онъ умѣлъ также оцѣнить и другую черту въ жизни другого вѣнценосца, Петра. Вспомни стихотвореніе „Пиръ на Невѣ“, въ которомъ онъ съ изумленіемъ спрашиваетъ о причинѣ необыкновеннаго торжества въ царскомъ домѣ, раздающагося кликами по всему Петербургу и по Невѣ, потрясенной пальбой пушекъ. Онъ перебираетъ всѣ случаи радостные царю, которые могли быть причиною такого пированія: родился ли государю наслѣдникъ его престола, именинница-ль жена его, побѣжденъ ли непобѣдимый врагъ, прибылъ ли флотъ, составлявшій любимую страсть государя, и на все это отвѣчаетъ:

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину
Забывая, веселится,
Чарку пѣнить съ нимъ одну.
Оттого-то пиръ веселый,
Рѣчь гостей хмельна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Только одинъ Пушкинъ могъ почувствовать всю красоту такого поступка. Умѣть не только простить своему подданному, но еще торжествовать это прощеніе, какъ побѣду надъ врагомъ, — это истинно божеская черта. Только на небесахъ умѣютъ поступать такъ. Тамъ только радуются обращенію грѣшника еще болѣе, нежели самому праведнику, и всѣ сонмы невидимыхъ силъ участвуютъ въ небесномъ пиршествѣ Бога. Пушкинъ былъ знатокъ и оцѣнщикъ вѣрный всего великаго въ человѣкѣ. Да и какъ могло быть иначе, если духовное благородство есть уже свойственность почти всѣхъ нашихъ писателей? Замѣчательно, что во всѣхъ другихъ земляхъ писатель находится въ какомъ-то неуваженіи отъ общества, относительно своего личнаго характера. У насъ даже и тотъ, кто просто кропатель, а не писатель, и не только не красавецъ душою, но даже временами и вовсе подленекъ, во глубинѣ Россіи отнюдь не почитается такимъ. Напротивъ, у всѣхъ вообще, даже и у тѣхъ, которые едва слышатъ о писателяхъ, живетъ уже какое-то убѣжденіе, что писатель есть что-то высшее, что онъ непремѣнно долженъ быть благороденъ, что ему многое неприлично, что онъ не долженъ и позволить себѣ того, что́ прощается другимъ. Въ одной изъ нашихъ губерній, во время дворянскихъ выборовъ, одинъ дворянинъ, который съ тѣмъ вмѣстѣ былъ и литераторъ, подалъ было свой голосъ въ пользу человѣка, совѣсти нѣсколько запятнанной — всѣ дворяне обратились къ нему тутъ же и его

попрекнули, сказавши съ укоризною: „А еще и писатель!“

1846.

XI.

СПОРЫ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Л**..

Споры о нашихъ европейскихъ и славянскихъ началахъ, которые, какъ ты говоришь, пробираются уже въ гостиныя, показываютъ только то, что̀ мы начинаемъ просыпаться, но еще не вполнѣ проснулись; а потому не мудрено, что съ обѣихъ сторонъ наговаривается весьма много дичи. Всѣ эти славянисты и европисты,—или же старовѣры и нововѣры, или же восточники и западники, а что̀ они въ самомъ дѣлѣ, не умѣю сказать, потому что покамѣстъ они мнѣ кажутся только карикатурами на то, чѣмъ хотятъ быть,—всѣ они говорятъ о двухъ разныхъ сторонахъ одного и того же предмета, никакъ не догадываясь, что ничуть не спорятъ и не перечатъ другъ другу. Одинъ подошелъ слишкомъ близко къ строенію, такъ что видитъ одну часть его; другой отошелъ отъ него слишкомъ далеко, такъ что видитъ весь фасадъ, но по частямъ не видитъ. Разумѣется, правды больше на сторонѣ славянистовъ и восточниковъ, потому что они все-таки видятъ весь фасадъ и, стало-быть, все-таки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ. Но и на сторонѣ европистовъ и западниковъ тоже есть правда, потому что они говорятъ довольно подробно и отчетливо о той стѣнѣ, которая стоитъ передъ ихъ глазами; вина ихъ въ томъ только, что изъ-за карниза, вѣнчающаго эту стѣну, не видится имъ верхушка всего строенія, то-есть, глава, куполъ и все, что̀ ни есть въ вышинѣ. Можно было посовѣтовать обоимъ—одному попробовать, хотя на время, подойти ближе, а другому отступиться немного подалѣе. Но на это они не согласятся, потому что духъ гордости обуялъ обоими. Всякій изъ нихъ увѣренъ, что онъ окончательно и положительно правъ, и что другой окончательно и положительно лжетъ. Кичливости больше на сторонѣ славянистовъ: они хваступы; изъ нихъ каждый воображаетъ о себѣ, что онъ открылъ Америку, и найденное имъ зернышко раздуваетъ въ рѣпу. Разумѣется, что такимъ строптивымъ хвастовствомъ вооружаютъ они еще болѣе противъ себя европистовъ, которые давно бы готовы были отъ многаго отступиться, потому что и сами начинаютъ слышать многое, прежде неслышанное, но упорствуютъ, не желая уступить слишкомъ раскозырявшемуся человѣку. [Всѣ эти споры еще ничего, если бы только они остались въ гостиныхъ да въ журналахъ. Но дурно то, что два противоположныя мнѣнія, находясь въ такомъ незрѣломъ и неопредѣленномъ видѣ, переходятъ въ головы многихъ должностныхъ людей. Мнѣ сказывали, что случается (особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должность и власть раздѣлена въ рукахъ двухъ) такимъ образомъ, что въ одно и то же время одинъ дѣйствуетъ совершенно въ европейскомъ духѣ, а другой старается подвизаться рѣшительно въ древне-русскомъ, укрѣпляя всѣ прежніе порядки, противоположные тѣмъ, которые замышляетъ собратъ его. И оттого, какъ дѣламъ, такъ и самимъ подчиненнымъ чиновникамъ приходитъ бѣда: они не знаютъ, кого слушаться. А такъ какъ оба мнѣнія, несмотря на всю свою рѣзкость, окончательно всѣмъ не опредѣлились, то, говорятъ, этимъ пользуются всякаго рода пройдохи. И плуту оказалась теперь возможность, подъ маскою славяниста или европиста, смотря по тому, чего хочется начальнику, получить выгодное мѣсто и производить на немъ плутни въ качествѣ, какъ поборника старины, такъ и поборника новизны]. Вообще, споры суть вещи такого рода, къ которымъ люди умные и пожилые покамѣстъ не должны приставать. Пусть прежде выкричится хорошенько молодежь; это ея дѣло. Повѣрь, уже такъ заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались, затѣмъ именно, дабы умные могли въ это время надуматься вдоволь. Къ спорамъ прислушивайся, но въ нихъ не вмѣшивайся. Мысль твоего сочиненія, которымъ хочешь заняться, очень умна, и я даже увѣренъ, что ты исполнишь это дѣло лучше всякаго литератора. Но объ одномъ тебя прошу: производи его въ минуты, сколько возможно, хладнокровныя и спокойныя. Храни тебя Богъ отъ запальчивости и горячки, хотя бы даже въ малѣйшемъ выраженіи. Гнѣвъ вездѣ неумѣстенъ, а больше всего въ дѣлѣ правомъ, потому что затемняетъ и мутитъ его. Вспомни, что ты человѣкъ не только не молодой, но даже и весьма въ лѣтахъ. Молодому человѣку еще какъ-нибудь пристало гнѣвъ; по крайней мѣрѣ, въ глазахъ нѣкоторыхъ онъ придаетъ ему какую-то картинную наружность. Но если старикъ начнетъ горячиться, онъ дѣлается, просто, гадокъ; молодежь какъ разъ подыметъ его на зубки и выставитъ смѣшнымъ. Смотри же, чтобъ не сказали о тебѣ: „Экъ, скверный старикашка! всю жизнь валялся на-боку, ничего не дѣлая, а теперь выступилъ укорять другихъ, зачѣмъ они не такъ дѣлаютъ!“ Изъ устъ старика должно исходить слово благостное, а не шумное и спорное. Духъ чистѣйшаго незлобія и кротости долженъ проникать величавыя рѣчи старца, такъ, чтобы молодежь ничего не нашлась сказать ему

въ возраженіе, почувствовавъ, что неприличны будутъ ея рѣчи, и что сѣдина есть уже святыня.

1844.

XII.

ХРИСТІАНИНЪ ИДЕТЪ ВПЕРЕДЪ.

ПИСЬМО КЪ Щ....ВУ.

Другъ мой! считай себя не иначе, какъ школьникомъ и ученикомъ. Не думай, чтобы ты уже былъ старъ для того, чтобы учиться, чтобы силы твои достигнули настоящей зрѣлости и развитія и что характеръ и душа твоя получили уже настоящую форму и не могутъ быть лучшими. Для христіанина нѣтъ оконченнаго курса: онъ вѣчно ученикъ и до самого гроба ученикъ. По обыкновенію, естественному ходу, человѣкъ достигаетъ полнаго развитія ума своего въ тридцать лѣтъ. Отъ тридцати до сорока еще кое-какъ идутъ впередъ его силы; дальше же этого срока въ немъ ничто не подвигается, и все имъ производимое не только не лучше прежняго, но даже слабѣе, и холоднѣе прежняго. Но для христіанина этого не существуетъ, и, гдѣ для другихъ предѣлъ совершенства, тамъ для него оно только начинается. Самые способные и самые даровитые изъ людей, перевалясь за сороколѣтній возрастъ, тупѣютъ, устаютъ и слабѣютъ. Перебери всѣхъ философовъ и первѣйшихъ и всесвѣтныхъ геніевъ: лучшая пора ихъ была только во время ихъ полнаго мужества; потомъ они уже понемногу выживали изъ своего ума, а въ старости впадали даже въ младенчество. Вспомни о Кантѣ, который въ послѣдніе годы обезпамятѣлъ вовсе и умеръ, какъ ребенокъ. Но пересмотри жизнь всѣхъ святыхъ: ты увидишь, что они крѣпли въ разумѣ и силахъ духовныхъ по мѣрѣ того, какъ приближались къ дряхлости и смерти. Даже и тѣ изъ нихъ, которые отъ природы не получили никакихъ блестящихъ даровъ и считались всю жизнь простыми и глупыми, изумляли потомъ разумомъ рѣчей своихъ. Отчего-жъ это? Оттого, что у нихъ пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бываетъ у всякаго человѣка только въ лѣта его юности, когда онъ видитъ передъ собою подвиги, за которые наградою всеобщее рукоплесканіе, когда ему мерещится радужная даль, имѣющая такую заманку для юноши. Угаснула предъ нимъ даль и подвиги — угаснула и сила и стремящая. Но передъ христіаномъ сіяетъ вѣчно даль, и видятся вѣчные подвиги. Онъ, какъ юноша, алчетъ жизненной битвы; ему есть съ чѣмъ воевать и гдѣ подвизаться, потому что взглядъ его на самого себя, безпрестанно просвѣтляющійся, открываетъ ему новые недостатки въ себѣ самомъ, съ которыми нужно производить новыя битвы. Оттого и всѣ его силы не только не могутъ въ немъ заснуть или ослабѣть, но еще возбуждается безпрестанно; а желаніе быть лучшимъ и заслужить рукоплесканія на небесахъ придаетъ ему такія шпоры, какихъ не можетъ дать наисильнѣйшему честолюбцу его ненасытимѣйшее честолюбіе. Вотъ причина, почему христіанинъ тогда идетъ впередъ, когда другіе назадъ, и отчего становится онъ, чѣмъ дальше, умнѣе.

Умъ не есть высшая въ насъ способность. Его должность не больше какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что́ у насъ уже есть. Онъ самъ не двинется впередъ, покуда не двигнутся въ насъ двѣ другія способности, отъ которыхъ онъ умнѣетъ. Отвлеченными чтеніями, размышленіями и безпрестанными слушаніями всѣхъ курсовъ наукъ его заставишь только слишкомъ немного уйти впередъ; иногда это даже подавляетъ его, мѣшая его самобытному развитію. Онъ несравненно въ бо́льшей зависимости находится отъ душевныхъ состояній: какъ только забушуетъ страсть, онъ уже вдругъ поступаетъ слѣпо и глупо; если же покойна душа и не кипитъ никакая страсть, онъ и самъ проясняется и поступаетъ умно. Разумъ есть несравненно высшая способность; но она пріобрѣтается не иначе, какъ побѣдою надъ страстьми. Его имѣли въ себѣ только тѣ люди, которые не пренебрегли своимъ внутреннимъ воспитаніемъ. Но и разумъ не даетъ полной возможности человѣку стремиться впередъ. Есть высшая еще способность: имя ей — мудрость, и ее можетъ дать намъ одинъ Христосъ. Она не надѣляется никому изъ насъ при рожденіи, никому изъ насъ не есть природная, но есть дѣло высшей благодати небесной. Тотъ, кто уже имѣетъ и умъ, и разумъ, можетъ не иначе получить мудрость, какъ молясь о ней и день и ночь, прося и день и ночь ее у Бога, возводя душу свою до голубинаго незлобія и убирая все внутри себя до возможнѣйшей чистоты, чтобы принять эту небесную гостью, которая пугается жилищъ, гдѣ не пришло въ порядокъ душевное хозяйство и нѣтъ полнаго согласія во всемъ. Если же она вступитъ въ домъ, тогда начинается для человѣка небесная жизнь, и онъ постигаетъ всю чудную сладость быть ученикомъ. Все становится для него учителемъ; весь міръ для него учитель: ничтожнѣйшій изъ людей можетъ быть для него учитель. Изъ свѣта самаго простого извлечетъ онъ мудрость совѣта; глупѣйшій предметъ станетъ къ нему своею мудрою стороною, и вся вселенная передъ нимъ станетъ, какъ одна открытая книга чтенія: больше всѣхъ будетъ онъ черпать изъ нея сокровищъ, потому что больше всѣхъ будетъ слышать, что онъ уче-

никъ. Но если только возмнитъ онъ хотя на мигъ, что ученіе его кончено, и онъ уже не ученикъ, и оскорбится онъ чьимъ бы то ни было урокомъ или поученіемъ, мудрость вдругъ отъ него отнимается, и останется онъ впотьмахъ, какъ царь Соломонъ въ свои послѣдніе дни.

1846.

XIII.

КАРАМЗИНЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Н. М.. ЯЗЫКОВУ.

Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ похвальное слово Карамзину, написанное Погодинымъ. Это лучшее изъ сочиненій Погодина въ отношеніи къ благопристойности, какъ внутренней, такъ и внѣшней: въ немъ нѣтъ его обычныхъ грубо-неуклюжихъ замашекъ и топорнаго неряшества слога, такъ много ему вредящаго. Все здѣсь, напротивъ того, стройно, обдумано и расположено въ большомъ порядкѣ. Всѣ мѣста изъ Карамзина прибраны такъ умно, что Карамзинъ какъ бы весь очертывается самимъ собою и, своими же словами взвѣсивъ и оцѣнивъ самого себя, становится, какъ живой, передъ глазами читателя. Карамзинъ представляетъ, точно, явленіе необыкновенное. Вотъ о комъ изъ нашихъ писателей можно сказать, что онъ весь исполнилъ долгъ, ничего не зарылъ въ землю и на данные ему пять талантовъ истинно принесъ другіе пять. Карамзинъ первый показалъ, что писатель можетъ быть у насъ независимъ и почтенъ всѣми равно, какъ именитѣйшій гражданинъ въ государствѣ. Онъ первый возвѣстилъ торжественно, что писателя не можетъ стѣснить цензура, и если уже онъ исполнился чистѣйшимъ желаніемъ блага въ такой мѣрѣ, что желаніе это, занявши всю его душу, стало его плотію и пищею, тогда никакая цензура для него не строга, и ему вездѣ просторно. Онъ это сказалъ и доказалъ. Никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ своихъ мнѣній и мыслей, хотя они и не соотвѣтствовали во всемъ тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право. Какой урокъ нашему брату писателю! И какъ смѣшны послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды, и что она у насъ колетъ глаза! Самъ же выразится такъ нелѣпо и грубо, что болѣе, нежели самою правдою, уколетъ тѣми запосчивыми словами, которыми скажетъ свою правду, словами запальчивыми, выказывающими неряшество растрепаной души своей, и потомъ самъ и изумляется, и негодуетъ, что отъ него никто не принялъ и не выслушалъ правды! Нѣтъ, имѣй такую чистую, такую благодарственную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщай свою правду: все тебя выслушаетъ, начиная отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и выслушаетъ съ такою любовію, съ какою не выслушивается ни въ какой землѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ, собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества; и съ такою любовію можетъ выслушать только одна чудная наша Россія, [о которой идетъ слухъ, будто она вовсе не любитъ правды].

1846.

XIV.

О ТЕАТРѢ, ОБЪ ОДНОСТОРОННЕМЪ ВЗГЛЯДѢ НА ТЕАТРЪ И ВООБЩЕ ОБЪ ОДНОСТОРОННОСТИ.

ПИСЬМО КЪ ГР. А. П. Т....МУ.

Вы очень односторонни, и стали недавно такъ односторонни; и оттого стали односторонни, что, находясь на той точкѣ состоянія душевнаго, на которой теперь стоите вы, нельзя не сдѣлаться одностороннимъ всякому человѣку. Вы помышляете только объ одномъ душевномъ спасеніи вашемъ и, не найдя еще той именно дороги, которою вамъ предназначено достигнуть его, почитаете все, что́ ни есть въ мірѣ, соблазномъ и препятствіемъ къ спасенію. Монахъ не строже васъ. Такъ и ваши нападенія на театръ односторонни и несправедливы. Вы подкрѣпляете себя тѣмъ, что нѣкоторыя вамъ извѣстныя духовныя лица возстаютъ противъ театра; но они правы, а вы неправы. Разберите лучше: точно ли они возстаютъ противъ театра, или только противу того вида, въ которомъ онъ намъ теперь является. Церковь начала возставать противъ театра въ первые вѣка всеобщаго водворенія христіанства, когда театры одни оставались прибѣжищемъ уже повсюду изгнаннаго язычества и притономъ безчинныхъ его вакханалій. Вотъ почему такъ сильно гремѣлъ противъ нихъ Златоустъ. Но времена измѣнились. Міръ весь перечистился сызнова поколѣніями свѣжихъ народовъ Европы, которыхъ образованіе началось уже на христіанскомъ грунтѣ, и тогда сами святители начали первые вводить театръ: театры завелись при духовныхъ академіяхъ. Нашъ Димитрій Ростовскій, справедливо поставляемый въ рядъ св. отцовъ Церкви, слагалъ у насъ пьесы для представленія въ лицахъ. Стало-быть, не театръ виноватъ. Все можно извратить и всему можно дать дурной смыслъ, человѣкъ же на это способенъ. Но надобно смотрѣть на вещь въ ея основаніи и на то, чѣмъ она должна быть, а не судить о ней по карикатурѣ, которую на нее сдѣлали. Театръ ничуть не бездѣлица и вовсе не

пустая вещь, если примешь въ соображеніе то, что въ немъ можетъ помѣститься вдругъ толпа изъ пяти, шести тысячъ человѣкъ, и что вся эта толпа, ни въ чемъ не сходная между собою, разбирая ее по единицамъ, можетъ вдругъ потрястись однимъ потрясеніемъ, зарыдать однѣми слезами и засмѣяться однимъ всеобщимъ смѣхомъ. Это такая каѳедра, съ которой можно много сказать міру добра. Отдѣлите только собственно называемый высшій театръ отъ всякихъ балетныхъ скаканій, водевилей, мелодрамъ и тѣхъ мишурно-великолѣпныхъ зрѣлищъ для глазъ, угождающихъ развратy вкуса или развратy сердца, и тогда посмотрите на театръ. Театръ, на которомъ представляются высокая трагедія и комедіи, долженъ быть въ совершенной независимости отъ всего. Странно и соединить Шекспира съ плясуньями или плясунами въ лайковыхъ штанахъ. Что за сближеніе? Ноги—ногами, а голова—головой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы это поняли: театръ высшихъ драматическихъ представленій тамъ отдѣленъ и пользуется одинъ поддержкою правительствъ; но поняли это въ отношеніи порядка внѣшняго. Слѣдовало подумать не шутя о томъ, какъ поставить всѣ лучшія произведенія драматическихъ писателей такимъ образомъ, чтобы публика привлеклась къ нимъ вниманіемъ, и открылось бы ихъ нравственное благотворное вліяніе, которое есть у всѣхъ великихъ писателей. Шекспиръ, Шериданъ, Мольеръ, Гёте, Шиллеръ, Бомаршѐ, даже Лессингъ, Реньяръ, и многіе другіе изъ второстепенныхъ писателей прошедшаго вѣка ничего не произвели такого, что бы отвлекало отъ уваженія къ высокимъ предметамъ; къ нимъ даже не перешли и оттолоски того, что бурлило и кипѣло у тогдашнихъ писателей-фанатиковъ, занимавшихся вопросами политическими и развившихъ неуваженіе къ святынѣ. У нихъ, если и попадаются насмѣшки, то надъ лицемѣріемъ, надъ кощунствомъ, надъ кривымъ толкованіемъ праваго, а никогда надъ тѣмъ, что составляетъ корень человѣческихъ доблестей; напротивъ, чувство добра слышится строго даже и тамъ, гдѣ брызжутъ эпиграммы. Часто повтореніе высокодраматическихъ сочиненій, то-есть, тѣхъ истинно-классическихъ пьесъ, гдѣ обращено вниманіе на природу и душу человѣка, станетъ необходимо укрѣплять общество въ правилахъ болѣе недвижныхъ, заставитъ нечувствительно характеры болѣе устоиваться въ самихъ себѣ, тогда какъ все это наводненіе пустыхъ и легкихъ пьесъ, начиная съ водевилей и неподуманныхъ драмъ до блестящихъ балетовъ и даже оперъ, ихъ только разбрасываетъ, разсѣеваетъ, становитъ общество легкимъ и вѣтренымъ. Развлеченный милліонами блестящихъ предметовъ, раскидывающихъ мысли на всѣ стороны, свѣтъ не въ силахъ встрѣтиться прямо со Христомъ. Ему далеко до небесныхъ истинъ христіанства. Онъ ихъ испугается, какъ мрачнаго монастыря, если не подставишь ему незримыя ступени къ христіанству, если не возведешь его на нѣкоторое высшее мѣсто, откуда ему станетъ виднѣе весь необъятный кругозоръ христіанства, и понятнѣе то же самое, что прежде было вовсе недоступно. Среди свѣта есть много такого, что для всѣхъ, отдалившихся отъ христіанства, служитъ незримою ступенью къ христіанству. Въ томъ числѣ можетъ быть и театръ, если будетъ обращенъ къ своему высшему назначенію. Нужно ввести на сцену во всемъ блескѣ всѣ совершеннѣйшія драматическія произведенія всѣхъ вѣковъ и народовъ. Нужно давать ихъ чаще, какъ можно чаще, повторяя безпрерывно одну и ту же пьесу. И это можно сдѣлать. Можно всѣ пьесы сдѣлать вновь свѣжими, новыми, любопытными для всѣхъ отъ мала до велика, если только сумѣешь ихъ поставить, какъ слѣдуетъ, на сцену. Это вздоръ, будто онѣ устарѣли и публика потеряла къ нимъ вкусъ. Публика не имѣетъ своего каприза; она пойдетъ, куда повздутъ ее. Не попотчивай ее сами же писатели своими гнилыми мелодрамами, она бы не почувствовала бы къ нимъ вкуса и не потребовала бы ихъ. Возьми самую заграничнѣйшую пьесу и поставь ее, какъ нужно, та же публика повалитъ толпою. Мольеръ ей будетъ въ новость, Шекспиръ станетъ заманчивѣе наисовременнѣйшаго водевиля. Но нужно, чтобы такая постановка произведена была дѣйствительно и вполнѣ художественно, чтобы дѣло это поручено было не кому другому, какъ первому и лучшему актеру-художнику, какой отыщется въ труппѣ. И не мѣшать уже сюда никакого приклеища сбоку, секретаря-чиновника; пусть тотъ одинъ распоряжается во всемъ. Нужно даже особенно позаботиться о томъ, чтобы вся отвѣтственность легла на него одного, чтобы онъ рѣшился публично, передъ глазами всей публики сыграть самъ по порядку одну за другою всѣ второстепенныя роли, дабы оставить живые образцы второстепеннымъ актерамъ, которые заучиваютъ свои роли по мертвымъ образцамъ, дошедшимъ до нихъ по какому-то темному преданію, которые образовались книжнымъ наученіемъ и не видятъ себѣ никакого живого интереса въ своихъ роляхъ. Одно это исполненіе первымъ актеромъ второстепенныхъ ролей можетъ привлечь публику видѣть двадцать разъ сряду ту же пьесу. Кому не любопытно видѣть, какъ Щепкинъ или Каратыгинъ станутъ играть тѣ роли, которыхъ никогда дотолѣ не играли! Потомъ же, когда первоклассный актеръ, разыгравши всѣ роли, возвратится вновь на свою прежнюю, онъ получитъ

взглядъ еще полнѣйшій, какъ на собственную свою роль, такъ и на всю пьесу; а пьеса получитъ вновь еще сильнѣйшую занимательность для зрителей этою полнотою своего исполненія, — вещью, доселѣ неслыханною! Нѣтъ выше того потрясенія, которое производитъ на человѣка совершенно согласованное согласіе всѣхъ частей между собою, которое доселѣ могъ только слышать онъ въ одномъ музыкальномъ оркестрѣ и которое въ силахъ сдѣлать то, что драматическое произведеніе можетъ быть дано болѣе разовъ сряду, нежели наилюбимѣйшая опера. Что́ ни говори, а звуки души и сердца, выражаемые словомъ, въ нѣсколько разъ разнообразнѣе музыкальныхъ звуковъ. Но, повторяю, все это возможно только въ такомъ случаѣ, когда дѣло будетъ сдѣлано истинно такъ, какъ слѣдуетъ, и полная отвѣтственность всего, по части репертуарной, возляжетъ на первокласснаго актера, то-есть, трагедіею будетъ завѣдывать первый трагическій актеръ, а комедіею—первый комическій актеръ, когда одни они будутъ исключительные хоровожди такого дѣла. [Говорю исключительно, потому что знаю, какъ много у насъ есть охотниковъ прикомандироваться сбоку во всякомъ дѣлѣ. Чуть только явится какое мѣсто и при немъ какія-нибудь денежныя выгоды, какъ уже вмигъ пристегнется сбоку секретарь. Откуда онъ возьмется, Богъ вѣсть: точно какъ изъ воды выйдетъ; докажетъ тутъ же свою необходимость ясно, какъ дважды два; заведетъ вначалѣ бумажную кропотню только по экономическимъ дѣламъ, потомъ станетъ понемногу впутываться во все, и дѣло пойдетъ изъ рукъ вонъ. Секретари эти, точно какая-то незримая моль, подточили всѣ должности, сбили и спутали отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ и обратно начальниковъ къ подчиненнымъ. Мы съ вами еще не такъ давно разсуждали о всѣхъ должностяхъ, какія ни есть въ нашемъ государствѣ. Разсматривая каждую въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находили, что онѣ именно то, что́ имъ слѣдуетъ быть, всѣ до единой какъ бы свыше созданы для насъ съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на всѣ потребности нашего государственнаго быта, а всѣ сдѣлались не тѣмъ оттого, что всякъ, какъ бы наперерывъ, старался или разрушить предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ. Всякій, даже честный и умный человѣкъ, старался хотя на одинъ вершокъ быть полномочнѣй и выше своего мѣста, полагая, что онъ этимъ-то именно облагородитъ и себя, и свою должность. Мы перебрали тогда всѣхъ чиновниковъ отъ верху до низу, но секретарей позабыли, а они-то именно больше всѣхъ стремятся выступить изъ предѣловъ своей должности. Гдѣ секретарь заведенъ только въ качествѣ писца, тамъ онъ хочетъ сыграть роль посредника между начальникомъ и подчиненнымъ. Гдѣ же онъ поставленъ дѣйствительно какъ нужный посредникъ между начальникомъ и подчиненнымъ, тамъ онъ начинаетъ важничать: корчитъ передъ этимъ подчиненнымъ роль его начальника, заведетъ у себя переднюю, заставитъ ждать себя по цѣлымъ часамъ, словомъ, вмѣсто того, чтобы облегчить доступъ подчиненнаго къ начальнику, только затруднитъ его. И все это иногда дѣлается не съ другимъ какимъ умысломъ, какъ только затѣмъ, чтобы облагородить свое секретарское мѣсто. Я зналъ даже нѣкоторыхъ совсѣмъ недурныхъ и неглупыхъ людей, которые передъ моими же глазами такъ поступали съ подчиненными своего начальника, что я краснѣлъ за нихъ же. Мой Хлестаковъ былъ въ эту минуту ничто передъ ними. Все это, конечно, еще бы ничего, если бы отъ этого не происходило слишкомъ много печальныхъ слѣдствій. Много истинно-полезныхъ и нужныхъ людей иногда бросали службу единственно изъ-за скотинства секретаря, требовавшаго къ себѣ того же самаго уваженія, которымъ они были обязаны только одному начальнику, и за неисполненіе этого мстившаго имъ оговорами, внушеніями о нихъ дурного мнѣнія, словомъ—всѣми тѣми мерзостями, на которыя способенъ только безчестный человѣкъ. Конечно, въ управленіяхъ по части искусствъ, художествъ и тому подобнаго, правитъ или комитетъ, или одинъ непосредственный начальникъ, и не бываетъ мѣста секретарю-посреднику: тамъ онъ опредѣленъ только записывать опредѣленія другихъ или вести хозяйственную часть; но иногда случается и тамъ, отъ лѣности членовъ или чего другого, что онъ, мало по-малу втираясь, становится посредникомъ и даже вершителемъ въ дѣлѣ искусства. И тогда выходитъ просто чортъ знаетъ что́: пирожникъ принимается за сапоги, а къ сапожнику поступаетъ печенье пироговъ. Выходитъ инструкція для художника, писанная вовсе не художникомъ; является предписаніе, котораго даже и понять нельзя, зачѣмъ оно предписано. Часто удивляются, какъ такой-то человѣкъ, будучи всегда умнымъ человѣкомъ, могъ выпустить преглупую бумагу, а въ ней онъ и душой не виноватъ: бумага вышла изъ такого угла, откуда и подозрѣвать никто не могъ, по пословицѣ: „писалъ писачка, а имя ему собачка“].

Нужно, чтобы въ дѣлѣ какого бы то ни было мастерства полное его производство упиралось на главномъ мастерѣ того мастерства, [а отнюдь не на какомъ-нибудь пристегнувшемся сбоку чиновникѣ, который можетъ быть только употребленъ для однихъ хозяйственныхъ расчетовъ, да для письменнаго дѣла]. Только самъ мастеръ можетъ

учить своей наукѣ, слыша вполнѣ ея потребности, и никто другой. Одинъ только первоклассный актеръ-художникъ можетъ сдѣлать хорошій выборъ пьесъ, дать имъ строгую сортировку; одинъ онъ знаетъ тайну, какъ производить репетиціи, понимаетъ, какъ важны частыя считовки и полныя предуготовительныя повторенія пьесы. Онъ даже не позволитъ актеру выучить роль на дому, но сдѣлаетъ такъ, чтобы все выучилось ими сообща, и роль вошла сама собою въ голову каждаго во время репетицій, такъ чтобы всякій, окруженный тутъ же обстанавливающими его обстоятельствами, уже невольно отъ одного соприкосновенія съ ними слышалъ вѣрный тонъ своей роли. Тогда и дурной актеръ можетъ нечувствительно набраться хорошаго: покуда актеры еще не заучили наизусть своихъ ролей, имъ возможно перенять многое у лучшаго актера. Тутъ всякій, не зная даже самъ какимъ образомъ, набирается правды и естественности, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ тѣлодвиженіяхъ. Тонъ вопроса даетъ тонъ отвѣту. Сдѣлай вопросъ напыщенный, получишь и отвѣтъ напыщенный; сдѣлай простой вопросъ, простой и отвѣтъ получишь. Всякій наипростѣйшій человѣкъ уже способенъ отвѣчать въ тактъ. Но если только актеръ заучилъ у себя на дому свою роль, отъ него изойдетъ напыщенный, заученный отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ уже останется въ немъ навѣкъ: его ничѣмъ не переломишь; ни одного слова не перейметъ онъ тогда отъ лучшаго актера; для него станетъ глухо все окруженіе обстоятельствъ и характеровъ обступающихъ его роль, такъ же, какъ и вся пьеса станетъ ему глуха и чужда, и онъ, какъ мертвецъ, будетъ двигаться среди мертвецовъ. Только одинъ истинный актеръ-художникъ можетъ слышать жизнь, заключенную въ пьесѣ, и сдѣлать такъ, что жизнь эта сдѣлается видною и живою для всѣхъ актеровъ; одинъ онъ можетъ слышать законную мѣру репетицій—какъ ихъ производить, когда прекратить и сколько ихъ достаточно для того, дабы возмогла пьеса явиться въ полномъ совершенствѣ своемъ передъ публикою. Умѣй только заставить актера-художника взяться за это дѣло, какъ за его собственное, родное дѣло, докажи ему, что это его долгъ и что честь его же искусства того требуетъ отъ него—и онъ это сдѣлаетъ, онъ это исполнитъ, потому что любитъ свое искусство. Онъ сдѣлаетъ даже больше, позаботясь, чтобы и послѣдній изъ актеровъ сыгралъ хорошо, сдѣлавъ строгое исполненіе всего цѣлаго какъ бы своею собственною ролью. Онъ не допуститъ на сцену никакой пошлой и ничтожной пьесы, [какую допустилъ бы иной чиновникъ, заботящійся только о приращеніи сборной денежной кассы],—потому не допуститъ, что уже его внутреннее эстетическое чувство оттолкнетъ ее. Ему невозможно также, если бы онъ даже и вздумалъ оказать какіе-нибудь притѣснительные поступки или прижимки относительно ввѣренныхъ ему актеровъ, [какія дѣлаются людьми чиновными]: его не допуститъ къ тому его собственная извѣстность. [Какой-нибудь чиновникъ-секретарь производитъ отважно свою пакость въ увѣренности, что какъ онъ ни напакости, о томъ никто не узнаетъ, потому что и самъ онъ незамѣтная пѣшка. Но сдѣлай что-нибудь несправедливое Щепкинъ или Каратыгинъ, о томъ заговоритъ вдругъ весь городъ. Вотъ почему особенно важно, чтобы главная отвѣтственность во всякомъ дѣлѣ падала на человѣка, уже извѣстнаго всѣмъ до единаго въ обществѣ]. Наконецъ, живя весь въ своемъ искусствѣ, которое стало уже его высшею жизнью, котораго чистоту блюдетъ онъ какъ святыню, художникъ-актеръ не допуститъ никогда, чтобы театръ сталъ проповѣдникомъ разврата. Итакъ, не театръ виноватъ. Прежде очистите театръ отъ хлама, его загромождившаго, и потомъ уже разбирайте и судите, что такое театръ. Я заговорилъ здѣсь о театрѣ не потому, чтобы хотѣлъ говорить собственно о немъ, но потому, что сказанное о театрѣ можно примѣнить почти ко всему. Много есть такихъ предметовъ, которые страждутъ изъ-за того, что извратили смыслъ ихъ; а такъ какъ вообще на свѣтѣ есть много охотниковъ дѣйствовать сгоряча, по пословицѣ: „разсердясь на вши, да шубу въ печь“, то чрезъ это уничтожается много того, что послужило бы всѣмъ на пользу. Односторонніе люди и притомъ фанатики—язва для общества; бѣда той землѣ и государству, гдѣ въ рукахъ такихъ людей очутится какая-либо власть. У нихъ нѣтъ никакого смиренія христіанскаго и сомнѣнія въ себѣ; они увѣрены, что весь свѣтъ вретъ и одни они только говорятъ правду. Другъ мой, смотрите за собою покрѣпче: вы теперь именно находитесь въ этомъ опасномъ состояніи. Хорошо, что покуда вы внѣ всякой должности, и вамъ не ввѣрено никакого управленія; иначе вы, котораго я знаю, какъ наиспособнѣйшаго къ отправленію самыхъ трудныхъ и сложныхъ должностей, могли бы надѣлать больше зла и безпорядковъ, нежели самый неспособный изъ неспособнѣйшихъ. Берегитесь и въ самыхъ сужденіяхъ своихъ обо всемъ! Не будьте похожи на тѣхъ святошей, которые желали бы разомъ уничтожить все, что ни есть въ свѣтѣ, видя во всемъ одно бѣсовское. Ихъ удѣлъ—впадать въ самыя грубыя ошибки. Нѣчто тому подобное случилось недавно въ литературѣ. Нѣкоторые стали печатно объявлять, что Пушкинъ былъ деистъ, а не христіанинъ; точно, какъ будто бы они побывали въ душѣ Пушкина; точно, какъ будто бы Пушкинъ непремѣнно обязанъ

былъ въ стихахъ своихъ говорить о высшихъ догматахъ христіанскихъ, за которые и самъ святитель Церкви принимается не иначе, какъ съ великимъ страхомъ, приготовя себя къ тому глубочайшею святостію своей жизни. По ихъ понятіямъ, слѣдовало бы все высшее въ христіанствѣ облекать въ риѳмы и сдѣлать изъ того какія-то стихотворныя игрушки. Пушкинъ слишкомъ разумно поступалъ, что, не дерзая переносить въ стихи того, чѣмъ еще не проникалась вся насквозь его душа, предпочиталъ лучше остаться нечувствительною ступенью къ высшему для всѣхъ тѣхъ, которые слишкомъ отдалились отъ Христа, нежели оттолкнуть ихъ вовсе отъ христіанства такими же бездушными стихотвореніями, какія пишутся тѣми, которые выставляютъ себя христіанами. Я не могу даже понять, какъ могло притти въ умъ критику, печатно, въ виду всѣхъ, взводить на Пушкина такое обвиненіе, и что сочиненія его служатъ къ развращенію свѣта, тогда какъ самой цензурѣ предписано, въ случаѣ, если бы смыслъ какого сочиненія не былъ вполнѣ ясенъ, толковать его въ прямую и выгодную для автора сторону, а не въ кривую и вредящую ему. Если это постановлено въ законъ цензурѣ, безмолвной и безгласной, не имѣющей даже возможности оговориться передъ публикою, то во сколько разъ больше должна это поставить себѣ въ законъ критика, которая можетъ изъясниться и оговориться въ малѣйшемъ дѣйствіи своемъ! Публично выставлять нехристіанинома человѣка и даже противникомъ Христа, основываясь на нѣкоторыхъ несовершенствахъ его души и на томъ, что онъ увлекался свѣтомъ такъ же, какъ и всякъ изъ насъ имъ увлекался,—развѣ это христіанское дѣло? Да и кто же изъ насъ христіанинъ? Этакъ я могу обвинить самого критика въ его нехристіанствѣ. Я могу сказать, что христіанинъ не возымѣетъ такой увѣренности въ умѣ своемъ, чтобы рѣшить такое темное дѣло, которое извѣстно одному Богу, зная, что умъ нашъ вполнѣ проясняется и можетъ обнимать со всѣхъ сторонъ предметъ только отъ святости нашей жизни, а жизнь его еще не такъ, можетъ быть, свята. Христіанинъ передъ тѣмъ, чтобы обвинить кого-либо въ такомъ уголовномъ преступленіи, каково есть непризнаніе Бога въ томъ видѣ, въ какомъ повелѣлъ признавать Его Самъ Божій Сынъ, сходившій на землю, задумается, потому что дѣло это страшное. Онъ скажетъ и то: въ поэзіи многое есть еще тайна, да и вся поэзія есть тайна; трудно и надъ простымъ человѣкомъ произнести судъ свой, произнести же судъ окончательный и полный надъ поэтомъ можетъ одинъ тотъ, кто заключилъ въ себѣ самомъ поэтическое существо и есть самъ уже почти равный ему поэтъ,—какъ и во всякомъ даже простомъ мастерствѣ понемногу можетъ судить всякъ, но вполнѣ судить можетъ только самъ мастеръ того мастерства. Словомъ, христіанинъ покажетъ прежде всего смиреніе, свое первое знамя, по которому можно узнать, что онъ христіанинъ. Христіанинъ, намѣсто того, чтобы говорить о тѣхъ мѣстахъ въ Пушкинѣ, которыхъ смыслъ еще теменъ и можетъ быть истолкованъ на двѣ стороны, станетъ говорить о томъ, что́ ясно, что было имъ произведено въ лѣта разумнаго мужества, а не увлекающейся юности. Онъ приведетъ его величественные стихи пастырю Церкви, гдѣ Пушкинъ самъ говоритъ о себѣ, что даже и въ тѣ годы, когда онъ увлекался суетою и прелестію свѣта, его поражалъ даже одинъ видъ служителя Христова.

Но и тогда струны лукавой
Мгновенно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоухапныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла прахъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Вотъ на какое стихотвореніе Пушкина укажетъ критикъ-христіанинъ! Тогда критика его получитъ смыслъ и сдѣлаетъ добро: она еще сильнѣй укрѣпитъ самое дѣло, показавши, какъ даже и тотъ человѣкъ, который заключалъ въ себѣ всѣ разнородныя вѣрованія и вопросы своего времени, такъ сбивчивые, такъ отдаляющіе насъ отъ Христа, какъ даже и тотъ человѣкъ, въ лучшія и свѣтлѣйшія минуты своего поэтическаго ясновидѣнія, исповѣдалъ выше всего высоту христіанскую. Но какой теперь смыслъ критики? спрашиваю я. Какая польза смутить людей, поселивши въ нихъ сомнѣніе и подозрѣніе въ Пушкинѣ? Бездѣлица—выставить наумнѣйшаго человѣка своего времени не признающимъ христіанства,—человѣка, на котораго умственное поколѣніе смотритъ, какъ на вождя и на передового, сравнительно передъ другими людьми! Хорошо еще, что критикъ былъ безталантливъ и не могъ пустить въ ходъ подобную ложь, и что самъ Пушкинъ оставилъ тому опроверженіе въ своихъ же стихахъ; [но будь иначе, что́ другое, кромѣ безвѣрья, намѣсто вѣры, могъ бы распространить онъ?] Вотъ что́ можно сдѣлать, будучи односторонпимъ! Другъ мой, храни васъ Богъ отъ односторонности: съ нею всюду человѣкъ произ-

ведетъ зло: въ литературѣ, на службѣ, въ семьѣ, въ свѣтѣ, словомъ — вездѣ! Односторонній человѣкъ самоувѣренъ; односторонній человѣкъ дерзокъ; односторонній человѣкъ всѣхъ вооружитъ противъ себя. Односторонній человѣкъ ни въ чемъ не можетъ найти середины. Односторонній человѣкъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ: онъ можетъ быть только фанатикомъ. Односторонность въ мысляхъ показываетъ только то, что человѣкъ еще на дорогѣ къ христіанству, но не достигнулъ его, потому что христіанство даетъ уже многосторонность уму Словомъ — храни васъ Богъ отъ односторонности! Глядите разумно на всякую вещь и помните, что въ ней могутъ быть двѣ совершенно противоположныя стороны, изъ которыхъ одна до времени вамъ не открыта. Театръ и театръ — двѣ разныя вещи, равно какъ и восторгъ самой публики бываетъ двухъ родовъ: иное дѣло восторгъ отъ того, когда какая-нибудь балетная танцовщица подыметъ ногу повыше, и опять иное дѣло восторгъ отъ того, когда могущественный лицедѣй потрясающимъ словомъ подыметъ выше всѣ высокія чувства въ человѣкѣ. Иное дѣло — слезы отъ того, что какой-нибудь заѣзжій пѣвецъ расщекотитъ музыкальное ухо человѣка, — слезы, которыя, какъ я слышу, проливаютъ теперь въ Петербургѣ и немузыканты; и опять иное дѣло — слезы отъ того, когда живымъ представленіемъ высокаго подвига человѣка весь насквозь просвѣжается зритель и по выходѣ изъ театра принимается съ новою силою за долгъ свой, видя подвигъ геройскій въ такомъ его исполненіи. Другъ мой, мы призваны въ міръ не затѣмъ, чтобы истреблять и разрушать, но, [подобно Самому Богу], все направлять къ добру, — даже и то, что́ уже испортилъ человѣкъ и обратилъ во зло. Нѣтъ такого орудія въ мірѣ, которое не было бы предназначено на службу Бога. Тѣ же самые трубы, тимпаны, лиры и кимвалы, которыми славили язычники идоловъ своихъ, по одержаніи надъ ними царемъ Давидомъ побѣды, обратились на восхваленіе истиннаго Бога, и еще больше обрадовался весь Израиль, услышавъ хвалу Ему на тѣхъ инструментахъ, на которыхъ она дотолѣ не раздавалась.

1845.

XV.

ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ЛИРИЧЕСКАГО ПОЭТА ВЪ НЫНѢШНЕЕ ВРЕМЯ.

ДВА ПИСЬМА КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

1.

Твое стихотвореніе „Землетрясеніе“ меня восхитило. Жуковскій также былъ отъ него въ восторгѣ. Это, по его мнѣнію, лучшее, не только изъ твоихъ, но даже изъ всѣхъ русскихъ стихотвореній. Взять событіе изъ минувшаго и обратить его къ настоящему — какая умная и богатая мысль! А примѣненіе къ поэту, довершающее оду, таково, что его слѣдуетъ всякому изъ насъ, каково бы ни было его поприще, примѣнить къ самому себѣ въ эту тяжелую годину всемірнаго землетрясенія, когда все помутилось отъ страха за будущее. Другъ, передъ тобою разверзается живоносный источникъ. Въ словахъ твоихъ поэту:

И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины —

заключаются слова тебѣ самому. Тайна твоей музы тебѣ открывается. Нынѣшнее время есть именно поприще для лирическаго поэта. Сатирою ничего не возьмешь; простою картиною дѣйствительности, оглянутой глазомъ современнаго свѣтскаго человѣка, никого не разбудишь: богатырски задремалъ нынѣшній вѣкъ. Нѣтъ, отыщи въ минувшемъ событіе, подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его въ виду всѣхъ, какъ поражено было оно гнѣвомъ Божіимъ въ свое время; бей въ прошедшемъ настоящее, и въ двойную силу облечется твое слово: живѣе черезъ то выступитъ прошедшее, и крикомъ закричитъ настоящее. Разогни книгу Ветхаго Завѣта: ты найдешь тамъ каждое изъ нынѣшнихъ событій, увидишь яснѣе дня въ чемъ оно преступило предъ Богомъ, и такъ очевидно изображенъ надъ нимъ совершившійся страшный судъ Божій, что встрепенется настоящее. У тебя есть на то орудія и средства: въ стихѣ твоемъ есть сила, и упрекающая, и подъемлющая. То и другое теперь именно нужно. Однихъ нужно поднять, другихъ попрекнуть: поднять тѣхъ, которые смутились отъ страховъ и безчинствъ, ихъ окружающихъ; попрекнуть тѣхъ, которые въ святыя минуты небеснаго гнѣва и страданій повсюдныхъ дерзаютъ предаваться буйству всякихъ скаканій и позорнаго ликованія. Нужно, чтобы твои стихи стали такъ въ глазахъ всѣхъ, какъ начертанныя на воздухѣ буквы, явившіяся на пиру Валтасара, отъ которыхъ все пришло въ ужасъ, еще прежде, нежели могло проникнуть самый ихъ смыслъ. А если хочешь быть еще понятнѣе всѣмъ, то, набравшись духа библейскаго, опустись съ нимъ, какъ со свѣточемъ, во глубины русской старины и въ ней порази позоръ нынѣшняго времени, и углуби въ то же время глубже въ насъ то, передъ чѣмъ еще позорнѣе станетъ позоръ нашъ. Стихъ твой не будетъ вялъ, не бойся; старина дастъ тебѣ краски и уже одною собою вдохновитъ тебя! Она такъ живьемъ и шевелится въ нашихъ лѣтописяхъ. На-дняхъ попалась мнѣ книга:

„Царскіе выходы“. Тутъ уже одни слова и названія царскихъ убранствъ, дорогихъ тканей и каменьевъ — сущія сокровища для поэта; всякое слово такъ и ложится въ стихъ. Дивишься драгоцѣнности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ,. и право, иное названіе еще драгоцѣннѣе самой вещи. Да если только уберешь такими словами стихъ свой — цѣликомъ унесешь читателя въ минувшее. Мнѣ, послѣ прочтенія трехъ страницъ изъ этой книги, такъ и видѣлся вездѣ царь старинныхъ, прежнихъ временъ, благоговѣйно идущій къ вечернѣ въ старинномъ царскомъ своемъ убранствѣ.

1844.

2.

Пишу къ тебѣ подъ вліяніемъ того-жъ стихотворенія твоего: „Землетрясеніе“. Ради Бога, не оставляй начатаго дѣла! Перечитывай строго Библію, набирайся русской старины и, при свѣтѣ ихъ, приглядывайся къ нынѣшнему времени. Много, много предстоитъ тебѣ предметовъ, и грѣхъ тебѣ ихъ не видѣть. Жуковскій недаромъ доселѣ называлъ твою поэзію восторгомъ, никуда не обращеннымъ. Стыдно тратить лирическую силу въ видѣ холостыхъ выстрѣловъ на воздухъ, тогда какъ она дана тебѣ на то, чтобы взрывать камни и ворочать утесы. Оглянись вокругъ: все теперь предметы для лирическаго поэта; всякъ человѣкъ требуетъ лирическаго воззванія къ нему; куда ни поворотишься, видишь, что нужно или попрекнуть, или освѣжить кого-нибудь.

Попрекни же прежде всего, сильнымъ лирическимъ упрекомъ, умныхъ, но унывшихъ людей. Проймешь ихъ, если покажешь имъ дѣло въ настоящемъ видѣ, то-есть, что человѣкъ, предавшійся унынію, есть дрянь во всѣхъ отношеніяхъ, каковы бы ни были причины унынія, потому что уныніе проклято Богомъ. Истинно-русскаго человѣка поведешь на брань даже и противъ унынія, поднимешь его превыше страха и колебаній земли, какъ поднялъ поэта въ своемъ „Землетрясеніи“.

Воззови, въ видѣ лирическаго сильнаго воззванія, къ прекрасному, но дремлющему человѣку. Брось ему съ берега доску и закричи во весь голосъ, чтобы спасалъ свою бѣдную душу. Уже онъ далеко отъ берега, уже несетъ и несетъ его ничтожная верхушка свѣта, несутъ обѣды, поги плясавицъ, ежедневно сонное опьяненіе; нечувствительно облекается онъ плотію и сталъ уже весь плоть, и уже почти нѣтъ въ немъ души. Завопи воплемъ и выставь ему вѣдьму-старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза, предъ которою желѣзо есть милосердіе, которая ни крохи чувства не отдаетъ назадъ и обратно. О, если-бъ ты могъ сказать ему то, что̀ долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома „Мертвыхъ душъ“!

Опозорь, въ гнѣвномъ диѳирамбѣ, новѣйшаго лихоимца нынѣшнихъ временъ и его проклятую роскошь, и скверную жену его, погубившую щеголяніями и тряпками и себя, и мужа, и презрѣнный порогъ ихъ богатаго дома, и гнусный воздухъ, которымъ тамъ дышатъ, чтобы, какъ отъ чумы, отъ нихъ побѣжало все бѣгомъ и безъ оглядки.

Возвеличь, въ торжественномъ гимнѣ, незамѣтнаго труженика, какой, къ чести высокой породы русской, находится посреди отважнѣйшихъ взяточниковъ, который не беретъ даже и тогда, какъ все беретъ вокругъ него. Возвеличь и его, и семью его, и благородную жену его, которая лучше захотѣла носить старомодный чепецъ и стать предметомъ насмѣшекъ другихъ, нежели допустить своего мужа сдѣлать несправедливость и подлость. Выставь ихъ прекрасную бѣдность такъ, чтобы, какъ святыня, она засіяла у всѣхъ въ глазахъ, и каждому изъ нихъ захотѣлось бы самому быть бѣднымъ.

Ублажи гимномъ того исполина, какой выходитъ только изъ Русской земли, который вдругъ пробуждается отъ позорнаго сна, становится вдругъ другимъ: плюнувши въ виду всѣхъ на свою мерзость и гнуснѣйшіе пороки, становится первымъ ратникомъ добра. Покажи, какъ совершается это богатырское дѣло въ истинно-русской душѣ; но покажи такъ, чтобы невольно затрепетала въ каждомъ русская природа и чтобы все, даже въ грубомъ и низшемъ сословіи, вскрикнуло: „Эхъ, молодецъ!“ почувствовавши, что и для него самого возможно такое дѣло.

Много, много предметовъ для лирическаго поэта — въ книгѣ не вмѣстишь, не только въ письмѣ. Всякое истинное русское чувство глохнетъ, и некому его вызвать! Дремлетъ наша удаль, дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло, дремлетъ наша крѣпость и сила, дремлетъ умъ нашъ среди вялой и бабьей свѣтской жизни, которую привили къ намъ, подъ именемъ просвѣщенія, пустыя и мелкія нововведенія. Стряхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣна предъ Богомъ, и проси у Него гнѣва и любви! Гнѣва — противу того, что̀ губитъ человѣка, любви — къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ и которую губитъ онъ самъ. Найдешь слова, найдутся выраженія; огни, а не слова, излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ пророковъ, если только, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ, если только, подобно имъ, посыпавъ пе-

пломъ главу, раздравши ризы, рыданіемъ вымолишь себѣ у Бога на то силу, и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе богоизбраннаго свого народа.

1844.

XVI.

СОВѢТЫ.

ПИСЬМО КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Уча другихъ, также учишься. Посреди моего болѣзненнаго и труднаго времени, къ которому присоединились еще и тяжелыя страданія душевныя, я долженъ былъ вести такую дѣятельную переписку, какой у меня никогда не было дотолѣ. Какъ нарочно, почти со всѣми близкими моей душѣ случились въ это время внутреннія событія и потрясенія. Все какимъ-то инстинктомъ обращалось ко мнѣ, требуя помощи и совѣта. Тутъ только узналъ я близкое родство человѣческихъ душъ между собою. Стóитъ только хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ понятны и почти знаешь, чтó нужно сказать имъ. Этóго мало; самый умъ проясняется: дотолѣ сокрытыя положенія и поприща людей становятся тебѣ извѣстны, и дѣлается видно, чтó кому изъ нихъ потребно. Въ послѣднее время мнѣ случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не сумѣлъ дать прежде. А между прочимъ я ничуть не умнѣе никого. Я знаю людей, которые въ нѣсколько разъ умнѣе и образованнѣе меня, и могли бы дать совѣты въ нѣсколько разъ полезнѣйшіе моихъ; но они этого не дѣлаютъ и даже не знаютъ, какъ это сдѣлать. Великъ Богъ, насъ умудряющій! И чѣмъ же умудряющій? — тѣмъ самымъ горемъ, отъ котораго мы бѣжимъ и хотимъ сокрыться. Страданіями и горемъ опредѣлено намъ добывать крупицы мудрости, не пріобрѣтаемой въ книгахъ. Но кто уже пріобрѣлъ одну изъ этихъ крупицъ, тотъ уже не имѣетъ права скрывать ее въ себѣ отъ другихъ. Она не твое, но Божіе достояніе. Богъ ее выработалъ въ тебѣ; всѣ же дары Божіи даются намъ затѣмъ, чтобы мы служили ими собратіямъ нашимъ: Онъ повелѣлъ, чтобы ежеминутно учили мы другъ друга. Итакъ, не останавливайся, учи и давай совѣты! Но, если хочешь, чтобы это принесло въ то же время тебѣ самому пользу, дѣлай такъ, какъ думаю я и какъ положилъ себѣ отнынѣ дѣлать всегда. Всякій совѣтъ и наставленіе, какое бы ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образованія, съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго, обрати въ то же время къ самому себѣ, и то же самое, чтó посовѣтовалъ другому, посовѣтуй себѣ самому; тотъ же самый упрекъ, который сдѣлалъ другому, сдѣлай тутъ же себѣ самому. Повѣрь, все придется къ тебѣ самому, и я даже не знаю, есть ли такой упрекъ, которымъ бы нельзя было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядишь на себя. Дѣйствуй оружіемъ обоюдуострымъ. Если даже тебѣ случится разсердиться на кого бы то ни было, разсердись въ то же время и на себя самого, хотя за то, что сумѣлъ разсердиться на другого. И это дѣлай непремѣнно! Ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ съ самого себя. Имѣй всегда въ предметѣ себя прежде всѣхъ. Будь эгоистъ въ этомъ случаѣ. Эгоизмъ тоже не дурное свойство; вольно было людямъ дать ему такое скверное толкованіе, а въ основаніе эгоизма легла сущая правда. Позаботься прежде о себѣ, а потомъ о другихъ; стань прежде самъ почище душою, а потомъ уже старайся, чтобы другіе были чище.

1846.

XVII.

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ПИСЬМО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Еще разъ пишу къ тебѣ съ дороги. Братъ, благодарю за все! У Гроба Господа испрошу, да поможетъ мнѣ отдать тебѣ хотя часть того умнаго добра, которымъ надѣлялъ меня ты. Вѣруй, и да не смущается твое сердце! Въ Москву ты пріѣдешь, какъ въ родную свою семью. Она предстанетъ тебѣ желанною пристанью, и въ ней покойнѣе будетъ тебѣ, нежели здѣсь. Ни пустой шумъ суеты, ни громъ экипажа не смутитъ тебя: объѣдутъ бережно и улицу, въ которой ты будешь жить. Если кто и пріѣдетъ тебя навѣстить, старый ли другъ твой, или же дотолѣ незнакомый человѣкъ, онъ станетъ впередъ просить не отдавать ему визита, боясь, чтобы и минута твоего времени не пропала. У насъ умѣютъ и даже знаютъ, какъ почтить того, кто сдѣлалъ цѣликомъ свое дѣло. Кто такъ безукоризненно, такъ честно употреблялъ всѣ дары свои, не давая задремать своимъ способностямъ, не лѣнясь ни минуты во всю жизнь свою, кто сохранилъ свѣжую старость свою, какъ бы молодость, въ то время, какъ всѣ вокругъ истратили ее на пустые соблазны и какъ молодые превратились въ хилыхъ стариковъ, тотъ имѣетъ право на вниманіе благоговѣйное. Какъ патріархъ ты будешь въ Москвѣ, и на вѣсъ золота примутъ отъ тебя юноши старческія слова твои. Твоя Одиссея принесетъ много общаго добра: это тебѣ предрекаю. Она возвра-

титъ къ свѣжести современнаго человѣка, усталаго отъ безпорядка жизни и мыслей; она обновитъ въ глазахъ его много того, что́ брошено имъ, какъ ветхое и ненужное для быта; она возвратитъ его къ простотѣ. Но не меньше добра, если еще не больше, принесутъ тѣ труды, на которые навелъ тебя Самъ Богъ и которые ты держишь пока разумно подъ спудомъ. Въ нихъ окажется также потребность общая. Не смущайся же и твердо гляди впередъ! Да не испугаетъ тебя никакая нестройность того, что́ бы ты ни встрѣтилъ. Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всѣми видимъ — наша Церковь. Уже готовится она вдругъ вступить въ полныя права свои и засіять свѣтомъ на всю землю. Въ ней заключено все, что́ нужно для жизни истинно-русской, во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простого семейственнаго, всему настрой, всему направленіе, всему закопная и вѣрная дорога. По мнѣ, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведеніе въ Россію, минуя нашу Церковь, не испросивъ у нея на то благословенія. Нелѣпо даже и къ мыслямъ нашимъ прививать какія бы то ни было европейскія идеи, покуда не окреститъ ихъ она свѣтомъ Христовымъ. Увидишь, какъ это вдругъ и въ твоихъ же глазахъ будетъ признано всѣми въ Россіи, какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими, какъ вдругъ выступитъ всѣми узнанная наша Церковь. Была на то воля Промысла, чтобы непостижимая слѣпота пала на глаза многихъ. Разбирая пристально нить событій міра, вижу всю мудрость Божію, попустившую временнику раздѣленію Церквей, повелѣвшую одной стоять неподвижно и какъ бы вдали отъ людей, а другой — волноваться вмѣстѣ съ людьми; одной — не принимать въ себя никакихъ нововведеній, кромѣ тѣхъ, которые были внесены святыми людьми лучшихъ временъ христіанства и первоначальными Отцами Церкви, другой — мѣняясь и примѣняясь ко всѣмъ обстоятельствамъ времени, духу и привычкамъ людей, вносить всѣ нововведенія, сдѣланныя даже порочными и несвятыми епископами; одной — на время какъ бы умереть для міра, другой — на время какъ бы овладѣть всѣмъ міромъ; одной — подобно скромной Маріи, отложивши всѣ попеченія о земномъ, помѣститься у ногъ Самого Господа, затѣмъ, чтобы лучше наслышаться словъ Его, прежде, нежели примѣнять и передавать ихъ людямъ, другой же — подобно заботливой хозяйкѣ Маѳѣ, гостепріимно хлопотать около людей, передавая имъ еще не взвѣшенныя всѣмъ разумомъ слова Господни. Благую часть избрала первая, что такъ долго прислушивалась къ словамъ Господа, вынося упреки недальновидной сестры своей, которая уже было осмѣлилась называть ее *мертвымъ* трупомъ и даже заблудшею и отступившею отъ Господа. Не легко примѣнить слово Христово къ людямъ, и слѣдовало ей прежде сильно проникнуться имъ самой. Зато въ нашей Церкви сохранилось все, что́ нужно для просыпающагося нынѣ общества. Въ ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей и чѣмъ больше вхожу въ нее сердцемъ, умомъ и помышленіемъ, тѣмъ больше изумляюсь чудной возможности примиренія тѣхъ противорѣчій, которыя не въ силахъ примирить теперь Церковь западная. Западная Церковь была еще достаточна для прежняго несложнаго порядка, еще могла кое-какъ управлять міромъ и мирить его со Христомъ во имя односторонняго и неполнаго развитія человѣчества. Теперь же, когда человѣчество стало достигать развитія полнѣйшаго во всѣхъ своихъ силахъ, во всѣхъ свойствахъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ, она его только отталкиваетъ отъ Христа: чѣмъ больше хлопочетъ о примиреніи, тѣмъ больше вноситъ раздоръ, будучи не въ силахъ освѣтить узкимъ свѣтомъ своимъ всякій нынѣшній предметъ со всѣхъ его сторонъ. Всѣ сознаются въ томъ, что этимъ самымъ введеніемъ въ себя множества постановленій человѣческихъ, сдѣланныхъ такими епископами, которые еще не достигнули святостію жизни своей до полной и многосторонней христіанской мудрости, она сузила взглядъ свой на жизнь и міръ и не можетъ обхватить ихъ. Полный и всесторонній взглядъ на жизнь остался на ея восточной половинѣ, видимо сбереженной для позднѣйшаго и полнѣйшаго образованія человѣка. Въ ней просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму, во всѣхъ его верховныхъ силахъ. Въ ней дорóга и путь, какъ устремить все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ верховному Существу. Другъ, не смущайся ничѣмъ! Если бы седмерицею кратъ были запутаннѣе нынѣшнія обстоятельства — все примиритъ и распутаетъ наша Церковь. Уже какимъ-то невѣдомымъ чутьемъ даже наши свѣтскіе люди, толкающіеся среди насъ, начинаютъ слышать, что есть какое то сокровище, отъ котораго спасеніе, — которое среди насъ и котораго не видимъ. Блеснетъ сокровище, и на всемъ отсвѣтится блескъ его. И время уже не далеко. Мы повторяемъ теперь еще безсмысленно слово „просвѣщеніе“. Даже и не задумались надъ тѣмъ, откуда пришло это слово и что́ оно значитъ. Слова этого нѣтъ ни на какомъ языкѣ; оно только у насъ. Просвѣтить не значитъ научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но всего насквозь высвѣтлить человѣка во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято изъ нашей Церкви, которая уже

почти тысячу лѣтъ его произноситъ, не смотря на всѣ мраки и невѣжественныя тьмы, отвсюду ее окружавшіе, и знаетъ зачѣмъ произноситъ. Недаромъ архіерей, въ торжественномъ служеніи своемъ, подъемля въ обѣихъ рукахъ и троесвѣщникъ, знаменующій Троицу Бога, и двусвѣщникъ, знаменующій Его сходившее на землю Слово въ двойномъ естествѣ Его, и Божескомъ, и человѣческомъ, всѣхъ ими освѣщаетъ, произнося: „Свѣтъ Христовъ освѣщаетъ всѣхъ!“ Недаромъ также въ другомъ мѣстѣ служенія гремятъ отрывочно, какъ бы съ неба, вслухъ всѣмъ слова: „Свѣтъ просвѣщенія!“ и ничего къ нимъ не прибавляется больше.

1846.

XVIII.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ ПО ПОВОДУ „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

1.

Вы напрасно негодуете на умѣренный тонъ нѣкоторыхъ нападеній на „Мертвыя Души“: это имѣетъ свою хорошую сторону. Иногда нужно имѣть противу себя озлобленныхъ. Кто увлеченъ красотами, тотъ не видитъ недостатковъ и прощаетъ все; но кто озлобленъ, тотъ постарается выкопать въ насъ всю дрянь и выставить ее такъ явно наружу, что поневолѣ ее увидишь. Истину такъ рѣдко приходится слышать, что уже за одну крупицу ея можно простить всякій оскорбительный голосъ, съ какимъ бы она ни произносилась. Въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полевого есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я не торопился печатаніемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя было явиться въ свѣтъ. Самыя эпиграммы и насмѣшки надо мною были мнѣ нужны, несмотря на то, что съ перваго раза пришлось очень не по сердцу. О, какъ намъ нужны безпрестанные щелчки и этотъ оскорбительный тонъ, и эти ѣдкія, проникающія насквозь насмѣшки! На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, сквернаго честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоть, поражать, бить всѣми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку.

Я бы желалъ, однакожъ, побольше критикъ, не со стороны литераторовъ, но со стороны людей, занятыхъ дѣломъ самой жизни. Со стороны практическихъ людей, какъ на бѣду, кромѣ литераторовъ, не отозвался никто. А между тѣмъ „Мертвыя Души“ произвели много шума, много ропота; задѣли за живое многихъ и насмѣшкою, и правдою, и карикатурою; коснулись порядка вещей, который у всѣхъ ежедневно передъ глазами, хоть исполненъ промаховъ, анахронизмовъ, явнаго незнанія многихъ предметовъ; мѣстами даже съ умысломъ помѣщено обидное и задѣвающее, авось кто-нибудь меня выбранитъ хорошенько и въ брани, въ гнѣвѣ выскажетъ мнѣ правду, которой добиваюсь. И хоть бы одна душа подала голосъ! А могъ всякъ. И какъ бы еще умно! Служащій чиновникъ могъ бы мнѣ ясно доказать, въ виду всѣхъ, неправдоподобность мною изображеннаго событія приведеніемъ двухъ-трехъ дѣйствительно случившихся дѣлъ, и тѣмъ бы опровергъ меня лучше всякихъ словъ, или тѣмъ же самымъ образомъ могъ бы защитить и оправдать справедливость мною описаннаго. Приведеніемъ событія случившагося лучше доказывается дѣло, нежели пустыми словами и литературными разглагольствованіями. Могъ бы то же сдѣлать и купецъ, и помѣщикъ, словомъ — всякій грамотей, сидитъ ли онъ сиднемъ на мѣстѣ, или рыскаетъ вдоль и поперекъ по всему лицу Русской земли. Сверхъ собственнаго взгляда своего, всякій человѣкъ, съ того мѣста или ступеньки въ обществѣ, на которую поставили его должность, званіе и образованіе, имѣетъ случай видѣть тотъ же предметъ съ такой стороны, съ которой кромѣ его никто другой не можетъ видѣть. По поводу „Мертвыхъ Душъ“ могла бы написаться всею толпою читателей другая книга, несравненно любопытнѣйшая „Мертвыхъ Душъ“, которая могла бы научить не только меня, но и самихъ читателей, потому что— нечего таить грѣха—всѣ мы очень плохо знаемъ Россію.

И хоть бы одна душа заговорила во всеуслышаніе! Точно, какъ бы вымерло все, какъ бы въ самомъ дѣлѣ обитаютъ въ Россіи не живыя, а какія-то „мертвыя души“. И меня же упрекаютъ въ плохомъ знаніи Россіи! Какъ будто непремѣнно силою Святого Духа долженъ узнать я все, что̀ ни дѣлается во всѣхъ углахъ ея,—безъ наученія научиться! Но какими путями могу научиться я, писатель, осужденный уже самимъ званіемъ писателя на сидячую, затворническую жизнь, и притомъ еще больной, и притомъ еще принужденный жить вдали отъ Россіи? какими путями могу я научиться? Меня же не научатъ этому литераторы и журналисты, которые сами затворники и люди кабинетные. У писателя только и есть одинъ учитель: сами читатели. А читатели отказались поучить меня. Знаю, что дамъ сильный отвѣтъ Богу за то, что не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дѣла; но знаю, что дадутъ за меня

отвѣтъ и другіе. И говорю это не даромъ; видитъ Богъ, говорю недаромъ!

1843.

2.

Я предчувствовалъ, что всѣ лирическія отступленія въ поэмѣ будутъ приняты въ превратномъ смыслѣ. Они такъ неясны, такъ мало вяжутся съ предметами, проходящими предъ глазами читателя, такъ невпопадъ складу и замашкѣ всего сочиненія, что ввели въ равное заблужденіе какъ противниковъ, такъ и защитниковъ. Всѣ мѣста, гдѣ ни заикнулся я неопредѣленно о писателѣ, были отнесены на мой счетъ; я краснѣлъ даже отъ изъясненій ихъ въ мою пользу. И по-дѣломъ мнѣ! Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало выдавать и сочиненія, которое, хотя выкроено было не дурно, но сшито кое-какъ бѣлыми нитками, подобно платью, приносимому портнымъ только для примѣрки. Дивлюсь только тому, что мало было сдѣлано упрековъ въ отношеніи къ искусству и творческой наукѣ. Этому помѣшало какъ гнѣвное расположеніе моихъ критиковъ, такъ и непривычка вматриваться въ постройку сочиненія. Слѣдовало показать, какія части чудовищно-длинны въ отношеніи къ другимъ, гдѣ писатель измѣнилъ самому себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже разъ принятаго тона. Никто не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распространены, что не только выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и лоскутность его. Словомъ—можно было много сдѣлать нападеній несравненно дѣльнѣйшихъ, выбранить меня гораздо больше, нежели теперь бранятъ, и выбранить за дѣло. Но рѣчь не о томъ. Рѣчь о лирическомъ отступленіи, на которое больше всего напали журналисты, видя въ немъ признаки самонадѣянности, самохвальства и гордости, доселѣ еще не слыханной ни въ одномъ писателѣ. Разумѣю то мѣсто въ послѣдней главѣ, когда, изобразивъ выѣздъ Чичикова изъ города, писатель, на время оставляя своего героя среди столбовой дороги, становится самъ на его мѣсто и, пораженный скучнымъ однообразіемъ предметовъ, пустынною безпріютностію пространствъ и грустною пѣснію, несущеюся по всему лицу земли Русской отъ моря до моря, обращается въ лирическомъ воззваніи къ самой Россіи, спрашивая у нея самой объясненія непонятнаго чувства, его объявшаго, то-есть: зачѣмъ и почему ему кажется, что будто все, что́ ни есть въ ней, отъ предмета одушевленнаго до бездушнаго, вперило на него глаза свои и чего-то ждетъ отъ него. Слова эти были приняты за гордость и доселѣ неслыханное хвастовство, между тѣмъ, какъ они ни то, ни другое. Это, просто, нескладное выраженіе истиннаго чувства. Мнѣ и донынѣ кажется то же. Я до сихъ поръ не могу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни, которая стремится по всѣмъ безпредѣльнымъ русскимъ пространствамъ. Звуки эти вьются около моего сердца, и я даже дивлюсь, почему каждый не ощущаетъ въ себѣ того же. Кому, при взглядѣ на эти пустынныя, доселѣ незаселенныя и безпріютныя пространства, не чувствуется тоска, кому въ заунывныхъ звукахъ нашей пѣсни не слышатся болѣзненные упреки ему самому, именно ему самому, тотъ или уже весь исполнилъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, или же онъ нерусскій въ душѣ. Разберемъ дѣло, какъ оно есть. Вотъ уже почти полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла, и до сихъ поръ остаются такъ же пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно, какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, по какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовою станціею, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „Нѣтъ лошадей!“ Отчего это? Кто виноватъ? Мы [или правительство? Но] правительство во все время дѣйствовало безъ устали. Свидѣтелемъ тому цѣлые томы постановленій, узаконеній и учрежденій, множество настроенныхъ домовъ, множество изданныхъ книгъ, множество заведенныхъ заведеній всякаго рода: учебныхъ, человѣколюбивыхъ, богоугодныхъ и словомъ, даже такихъ, какихъ нигдѣ въ другихъ государствахъ не заводятъ правительства. Сверху раздаются вопросы, отвѣты снизу. Сверху раздавались иногда такіе вопросы, которые свидѣтельствуютъ о рыцарски-великодушномъ движеніи многихъ государей, дѣйствовавшихъ даже въ ущербъ собственнымъ выгодамъ. А какъ было на это все отвѣтствовано снизу? Дѣло вѣдь въ примѣненіи, въ умѣньи приложить данную мысль такимъ образомъ, чтобы она принялась и поселилась въ насъ. Указъ, какъ бы онъ обдуманъ и опредѣлителенъ ни былъ, есть не болѣе, какъ блапковый листъ, если не будетъ снизу такого же чистаго желанія примѣнить его къ дѣлу тою именно стороною, какой нужно, какой слѣдуетъ и какую можетъ прозрѣть только тотъ,

кто просвѣтленъ понятіемъ о справедливости Божеской, а не человѣческой. Безъ того все обратится во зло. Доказательство тому всѣ наши тонкіе плуты и взяточники, которые умѣютъ обойти всякій указъ, для которыхъ новый указъ есть только новая пожива, новое средство загромоздить бо́льшею сложностію всякое отправленіе дѣлъ, бросить новое бревно подъ ноги человѣку. Словомъ — вездѣ, куда ни обращусь, вижу, что виноватъ примѣнитель, стало-быть, нашъ же братъ: или виноватъ тѣмъ, что поторопился, желая слишкомъ скоро прославиться [и схватить орденишку]; или виноватъ тѣмъ, что слишкомъ сгоряча рванулся, желая, по русскому обычаю, показать свое самопожертвованіе; не спросясь разума, не разсмотрѣвъ въ жару самаго дѣла, сталъ имъ ворочать, какъ знатокъ, и потомъ вдругъ, также по русскому обычаю, простылъ, увидѣвши неудачу; или же виноватъ, наконецъ, тѣмъ, что, изъ-за какого-нибудь оскорбленнаго мелкаго честолюбія, все бросилъ и то мѣсто, на которомъ было началъ такъ благородно подвизаться, сдалъ первому плуту — [пусть пограбитъ людей]. Словомъ — у рѣдкаго изъ насъ доставало столько любви къ добру, чтобы онъ рѣшился пожертвовать изъ-за него и честолюбіемъ, и самолюбіемъ, и всѣми мелочами легко раздражающагося своего эгоизма и положилъ самому себѣ въ непремѣнный законъ — служить землѣ своей, а не себѣ, помня ежеминутно, что взялъ онъ мѣсто для счастія другихъ, а не для своего. Напротивъ, въ послѣднее время, какъ бы еще нарочно, старался русскій человѣкъ выставить всѣмъ на видъ свою щекотливость во всѣхъ родахъ и мелочь раздражительнаго самолюбія своего на всѣхъ путяхъ. Не знаю, много ли изъ насъ такихъ, которые сдѣлали все, что́ имъ слѣдовало сдѣлать, и которые могутъ сказать открыто передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ихъ не можетъ попрекнуть ни въ чемъ Россія, что не глядитъ на нихъ укоризненно всякій бездушный предметъ ея пустынныхъ пространствъ, что все ими довольно и ничего отъ нихъ не ждетъ. Знаю только то, что я слышалъ себѣ упрекъ. Слышу его и теперь. И на моемъ поприщѣ писателя, какъ оно ни скромно, можно было кое-что сдѣлать на пользу болѣе прочную. Что́ изъ того, что въ моемъ сердцѣ обитало всегда желаніе добра и что единственно изъ-за него я взялся за перо? Какъ исполнилъ его? Ну, хоть бы и это мое сочиненіе, которое теперь вышло и которому названіе „Мертвыя Души“,—произвело ли оно то впечатлѣніе, какое должно было произвести, если бы только было написано такъ, какъ слѣдуетъ? Своихъ же собственныхъ мыслей, простыхъ, неголоволомныхъ мыслей, я не сумѣлъ передать, и самъ же подалъ поводъ къ истолкованію ихъ въ превратную и скорѣе вредную, нежели полезную сторону. Кто виноватъ? Неужели мнѣ говорить, что меня подталкивали просьбы пріятелей или нетерпѣливыя желанія любителей изящнаго, услаждающихся пустыми, скоропреходящими звуками? Неужели мнѣ говорить, что меня притиснули обстоятельства, и, желая добыть необходимыя для моего прожитія деньги, я долженъ былъ поторопиться безвременнымъ выпускомъ моей книги? Нѣтъ, кто рѣшился исполнить свое дѣло честно, того не могутъ поколебать никакія обстоятельства, тотъ протянетъ руку и попроситъ милостыню, если ужъ до того дойдетъ дѣло, тотъ не посмотритъ ни на какія временныя нарекапія, ниже́ пустыя приличія свѣта. Кто изъ пустыхъ приличій свѣта портитъ дѣло, нужное своей землѣ, тотъ ея не любитъ. Я почувствовалъ презрѣнную слабость моего характера, мое подлое малодушіе, безсиліе любви моей, а потому и услышалъ болѣзненный упрекъ себѣ во всемъ, что́ ни есть въ Россіи. Но высшая сила меня подняла: проступковъ нѣтъ неисправимыхъ, и тѣ же пустынныя пространства, нанесшія тоску мнѣ на душу, меня восторгнули великимъ просторомъ своего пространства, широкимъ поприщемъ для дѣлъ. Отъ души было произнесено это обращеніе къ Россіи: „Въ тебѣ ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться ему?“ Оно было сказано не для картины или похвальбы: я это чувствовалъ; я это чувствую и теперь. Въ Россіи теперь на всякомъ шагу можно сдѣлаться богатыремъ. Всякое званіе и мѣсто требуетъ богатырства. Каждый изъ насъ опозорилъ до того святыню своего званія и мѣста (всѣ мѣста святы), что нужно богатырскихъ силъ на то, чтобы вознести ихъ на законную высоту. Я слышалъ то великое поприще, которое никому изъ другихъ народовъ теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что передъ нимъ только такой просторъ и только его душѣ знакомо богатырство—вотъ отчего у меня исторгнулось то восклицаніе, которое приняли за мое хвастовство и мою самонадѣянность!

1843.

3.

Охота же тебѣ, будучи такимъ знатокомъ и вѣдателемъ человѣка, задавать мнѣ тѣ же пустые запросы, которые умѣютъ задать и другіе? Половина ихъ относится къ тому, что́ еще впереди. Ну, что́ толку въ подобномъ любопытствѣ! Одинъ только запросъ уменъ и достоинъ тебя, и я бы желалъ, чтобы его мнѣ сдѣлали и другіе, хотя не знаю, сумѣлъ ли бы на него отвѣчать умно, именно запросъ: отчего герои моихъ послѣднихъ произведеній, и въ особенности „Мертвыхъ

Душъ", будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей, будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему, близки душѣ, точно, какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Еще годъ назадъ мнѣ было бы неловко отвѣчать на это даже и тебѣ. Теперь же прямо скажу все: герои мои потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя самого, какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирали кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей. Оно впослѣдствіи углубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Но этого я не въ состояніи былъ открыть тогда даже и Пушкину.

Это свойство выступило съ бо́льшей силою въ „Мертвыхъ Душахъ". „Мертвыя Души" не потому такъ испугали Россію и произвели такой шумъ внутри ея, чтобы онѣ раскрыли какія-нибудь ея раны или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи; прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей; Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что́ по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ извергов: но пошлости не простили мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки. Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено все то, что́ противоположно ничтожному. Итакъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство; но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.

Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность; но зато, вмѣсто того, во мнѣ заключилось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣю, какъ возблагодарить Его, было *желаніе быть лучшимъ*. Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ, и если бы небесная любовь Божія не распорядила такъ, чтобы они открылись передо мною постепенно и понемногу, намѣсто того, чтобы открылись вдругъ и разомъ передъ моими глазами, въ то время, какъ я не имѣлъ еще никакого понятія о всей неизмѣримости Его безконечнаго милосердія, — я бы повѣсился. По мѣрѣ того, какъ они стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ, необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ. Какого рода было это событіе, знать тебѣ не слѣдуетъ: если бы я видѣлъ въ этомъ пользу для кого-нибудь, я бы это уже объявилъ. Съ этихъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего вначалѣ для меня самого, онъ бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать тебѣ только то, что когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ", въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!" Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя

собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, что́ значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее *отсутствіе свѣта*. Съ этихъ поръ я уже сталъ думать только о томъ, какъ бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести „Мертвыя Души“. Я увидѣлъ, что многія изъ гадостей не сто́ятъ злобы; лучше показать всю ничтожность ихъ, которая должна быть навѣки ихъ удѣломъ. Притомъ мнѣ хотѣлось попробовать, что́ скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его попотчуешь его же собственною пошлостію. Вслѣдствіе уже давно принятаго плана „Мертвыхъ Душъ“ для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди, однакожъ, ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ, разумѣется, только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты. Тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты многихъ моихъ пріятелей, есть и твои. Я тебѣ это покажу послѣ, когда будетъ тебѣ нужно; до времени это моя тайна. Мнѣ потребно было отобрать отъ всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ я зналъ, все пошлое и гадкое, что́ они захватили нечаянно, и возвратить законнымъ ихъ владѣльцамъ. Не спрашивай, зачѣмъ первая часть должна быть вся *пошлость*, и зачѣмъ въ ней всѣ лица до единаго должны быть пошлы: на это дадутъ тебѣ отвѣтъ другіе томы. Вотъ и все! Первая часть, несмотря на всѣ свои несовершенства, главное дѣло сдѣлала: она поселила во всѣхъ отвращеніе отъ моихъ героевъ и отъ ихъ ничтожности; она разнесла нѣкоторую мнѣ нужную тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ насъ. Покамѣстъ для меня этого довольно; за другимъ я и не гонюсь. Конечно, все это вышло бы гораздо значительнѣе, если бы я, не торопясь выдачею въ свѣтъ, обработалъ книгу получше. Герои мои еще не отдѣлились вполнѣ отъ меня самого, а потому не получили настоящей самостоятельности. Еще не поселилъ я ихъ твердо на той землѣ, на которой имъ быть долженствовало, и не вошли они въ кругъ нашихъ обычаевъ, обставясь всѣми обстоятельствами дѣйствительно русской жизни. Еще вся книга не болѣе, какъ недоносокъ; но духъ ея разнесся уже отъ нея незримо, и самое ея раннее появленіе можетъ быть полезно мнѣ тѣмъ, что подвигнетъ моихъ читателей указать всѣ промахи относительно общественныхъ и частныхъ порядковъ внутри Россіи. Вотъ, если бы ты, вмѣсто того, чтобы предлагать мнѣ пустые запросы (которыми напичкалъ половину письма своего и которые ни къ чему не ведутъ, кромѣ удовлетворенія какого-то празднаго любопытства), собралъ всѣ дѣльныя замѣчанія на мою книгу, какъ свои, такъ и другихъ умныхъ людей, занятыхъ, подобно тебѣ, жизнію опытною и дѣльною, да присоединилъ бы къ этому множество событій и анекдотовъ, какіе ни случались въ околоткѣ вашемъ и во всей губерніи, въ подтвержденіе или въ опроверженіе всякаго дѣла въ моей книгѣ, какихъ можно бы десятками прибрать на всякую страницу; тогда бы ты сдѣлалъ доброе дѣло, и я бы сказалъ тебѣ мое крѣпкое спасибо. Какъ бы отъ этого раздвинулся мой кругозоръ! Какъ бы освѣжилась моя голова, и какъ бы успѣшнѣе пошло мое дѣло! Но того, о чемъ я прошу, никто не исполняетъ; моихъ запросовъ никто не считаетъ важными, а только уважаетъ свои; а иной даже требуетъ отъ меня какой-то искренности и откровенности, не понимая самъ, чего онъ требуетъ. И къ чему это пустое любопытство знать впередъ, и эта пустая, ни къ чему не ведущая торопливость, которою, какъ я замѣчаю, уже и ты начинаешь заражаться! Смотри, какъ въ природѣ совершается все чинно и мудро, въ какомъ стройномъ законѣ, и какъ все разумно исходитъ одно изъ другого! Одни мы, Богъ вѣстъ изъ чего, мечемся. Все торопится, все въ какой-то горячкѣ. Ну, взвѣсилъ ли ты хорошенько слова свои: „Второй томъ нуженъ теперь необходимо?“ Чтобы я изъ-за того только, что есть противъ меня всеобщее неудовольствіе, сталъ торопиться вторымъ томомъ, такъ же глупо, какъ и то, что я поторопился первымъ. Да развѣ ужъ я совсѣмъ выжилъ изъ ума? Неудовольствіе это мнѣ нужно; въ неудовольствіи человѣкъ хоть что-нибудь мнѣ выскажетъ. И откуда вывелъ ты заключеніе, что второй томъ именно теперь нуженъ? Залѣзъ ты развѣ въ мою голову? почувствовалъ существо второго тома? По-твоему, онъ нуженъ теперь, а по-моему не раньше, какъ черезъ два-три года, да и то еще, принимая въ соображеніе попутный ходъ обстоятельствъ и времени. Кто-жъ изъ насъ правъ? Тотъ ли, у кого второй томъ уже сидитъ въ головѣ, или тотъ, кто даже и не знаетъ, изъ чего состоитъ второй томъ? Какая странная мода теперь завелась на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на-боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а другого торопитъ, точно, какъ будто непремѣнно другой долженъ изо всѣхъ силъ тянуть отъ радости, что его пріятель лежитъ на-боку. Чуть замѣтятъ, что хотя одинъ человѣкъ занялся серьёзно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ, и потомъ его же выбранятъ, если сдѣлаетъ глупо, — скажутъ: „зачѣмъ поторопился?“ Но оканчиваю тебѣ поученіе. На твой умный вопросъ я отвѣчалъ и даже сказалъ тебѣ то, чего

досель не говорилъ еще никому. Не думай, однакоже, послѣ этой исповѣди, чтобы я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку, какъ мои герои; я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду воевать, и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ. И это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто человѣку только и возможно воспитать себя, покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужъ и черты нельзя измѣнить въ себѣ: только въ глупой свѣтской башкѣ могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многаго тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостію, которая всѣмъ видна. И, когда повѣряю себя на исповѣди передъ Тѣмъ, Кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освобождаться отъ моихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ; но они уже не тѣ, которые были въ прошломъ году: святая сила помогла мнѣ отъ тѣхъ оторваться. А тебѣ совѣтую не пропустить мимо ушей этихъ словъ, но, по прочтеніи моего письма, остаться одному на нѣсколько минутъ и, отъ всего отдѣлясь, взглянуть хорошенько на самого себя, перебравши передъ собою всю свою жизнь, чтобы провѣрить на дѣлѣ истину словъ моихъ. Въ этомъ же моемъ отвѣтѣ найдешь отвѣтъ и на другіе запросы, если попристальнѣе вглядишься. Тебѣ объяснится также и то, почему не выставлялъ я до сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ и не избиралъ въ мои герои добродѣтельныхъ людей. Ихъ въ головѣ не выдумаешь. Пока не станешь самъ, хотя сколько-нибудь, на нихъ походить; пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ,—мертвечина будетъ все, что̀ ни напишетъ перо твое и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды. Выдумывать кошемаровъ— я также не выдумывалъ, кошемары эти давили мою собственную душу: что̀ было въ душѣ, то изъ нея и вышло.

1843.

4.

Затѣмъ сожженъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, что такъ было нужно. „*Не оживетъ, аще не умретъ*“, говоритъ апостолъ. Нужно прежде умереть, для того, чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилѣтній трудъ, производимый съ такими болѣзненными напряженіями, гдѣ всякая строка досталась потрясеніемъ, гдѣ было много такого, что̀ составляло мои лучшія помышленія и занимало мою душу. Но все было сожжено, и притомъ въ ту минуту, когда, видя передъ собою смерть, мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что-нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее. Благодарю Бога, что далъ мнѣ силу это сдѣлать. Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги, ея содержаніе вдругъ воскреснуло въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ, подобно фениксу изъ костра, и я вдругъ увидѣлъ, въ какомъ еще безпорядкѣ было то, что̀ я считалъ уже порядочнымъ и стройнымъ. Появленіе второго тома въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, произвело бы скорѣе вредъ, нежели пользу. Нужно принимать въ соображеніе не наслажденіе какихъ-нибудь любителей искусствъ и литературы, но всѣхъ читателей, для которыхъ писались „Мертвыя Души“. Вывести нѣсколько прекрасныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, ни къ чему не поведетъ. Оно возбудитъ только одну пустую гордость и хвастовство. Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не въ мѣру русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ напоказъ и сказать Европѣ: „Смотрите, нѣмцы: мы лучше васъ!“ Это хвастовство—губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну. Наилучшее дѣло можно превратить въ грязь, если только имъ похвалишься и похвастаешь. А у насъ, еще не сдѣлавши дѣла, имъ хвастаются, — хвастаются будущимъ! Нѣтъ, по мнѣ, уже лучше временное уныніе и тоска отъ самого себя, нежели самонадѣянность въ себѣ. Въ первомъ случаѣ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, увидитъ свою презрѣнность, подлое ничтожество свое и вспомнитъ невольно о Богѣ, возносящемъ и выводящемъ все изъ глубины ничтожества; въ послѣднемъ же случаѣ, онъ убѣжитъ отъ самого себя прямо въ руки къ чорту, отцу самонадѣянности, дымнымъ надменіемъ своихъ доблестей надмевающему человѣка. Нѣтъ, бываетъ время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому онъ и сожженъ. Не судите обо мнѣ и не

выводите своихъ заключеній: вы ошибетесь подобно тѣмъ изъ моихъ пріятелей, которые, создавши изъ меня свой собственный идеалъ писателя, сообразно своему собственному образу мыслей о писателѣ, начали было отъ меня требовать, чтобы я отвѣчалъ ими же созданному идеалу. Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое—*душа* и *прочное дѣло жизни*. А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно. Мнѣ не зачѣмъ торопиться; пусть ихъ торопятся другіе! Жгу, когда нужно жечь, и, вѣрно, поступаю какъ нужно, потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему. Опасенія же ваши насчетъ хилаго моего здоровья, которое, можетъ быть, не позволитъ мнѣ написать второго тома, напрасны. Здоровье мое очень хило, это правда; временами бываетъ мнѣ такъ тяжело, что безъ Бога и не перенесъ бы. Къ изнуренію силъ прибавилась еще и зябкость въ такой мѣрѣ, что не знаю, какъ и чѣмъ согрѣться: нужно дѣлать движеніе, а дѣлать движеніе—пѣтъ силъ. Едва часъ въ день выберется для труда, и тотъ не всегда свѣжій. Но ничуть не уменьшается моя надежда. Тотъ, Кто горемъ, недугами и препятствіями ускорилъ развитіе силъ и мыслей моихъ, безъ которыхъ я бы и не замыслилъ своего труда, Кто выработалъ бо́льшую половину его въ головѣ моей, Тотъ дастъ силу совершить и остальную — положить на бумагу. Дряхлѣю тѣломъ, но не духомъ. Въ духѣ, напротивъ, все крѣпнетъ и становится тверже; будетъ крѣпость и въ тѣлѣ. Вѣрю, что, если придетъ урочное время, въ нѣсколько недѣль совершится то, надъ чѣмъ провелъ пять болѣзненныхъ лѣтъ.

1846.

XIX.

НУЖНО ЛЮБИТЬ РОССІЮ.

Изъ письма къ гр. А. П. Т.....му.

Безъ любви къ Богу никому не спастись, а любви къ Богу у васъ нѣтъ. Въ монастырѣ ея не найдется; въ монастырь идутъ одни тѣ, которыхъ уже позвалъ туда Самъ Богъ. Безъ воли Бога нельзя и полюбить Его. Да и какъ полюбить Того, Котораго никто не видалъ? Какими молитвами и усиліями вымолить у Него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свѣтѣ добрыхъ и прекрасныхъ людей, которые добиваются жарко этой любви и слышать одну только черствость да холодную пустоту въ душахъ. Трудно полюбить Того, Кого никто не видалъ. Одинъ Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну, что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу. Стóитъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собой выйдетъ въ итогѣ любовь къ Богу Самому. Идите же въ міръ и пріобрѣтите прежде любовь къ братьямъ.

Но какъ полюбить братьевъ? Какъ полюбить людей? Душа хочетъ любить одно прекрасное, а бѣдные люди такъ несовершенны, и такъ въ нихъ мало прекраснаго! Какъ же сдѣлать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русскій. Для русскаго теперь открывается этотъ путь, и этотъ путь — есть сама Россія. Если только возлюбитъ русскій Россію, возлюбитъ и все, что́ ни есть въ Россіи. Къ этой любви насъ ведетъ теперь Самъ Богъ. Безъ болѣзней и страданій, которыя въ такомъ множествѣ накопились внутри ея и которыхъ виною мы сами, не почувствовалъ бы никто изъ насъ къ ней состраданія. А состраданіе есть уже начало любви. Уже крики на безчинства, неправды и взятки не просто негодованіе благородныхъ на безчестныхъ, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись въ безчисленномъ множествѣ, разсыпались по домамъ и наложили тяжелое ярмо на каждаго человѣка; уже и тѣ, которые приняли добровольно къ себѣ въ домы этихъ враговъ душевныхъ, хотятъ отъ нихъ освободиться сами, и не знаютъ, какъ это сдѣлать, и все сливается въ одинъ потрясающій вопль, уже и безчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни въ комъ, — ея нѣтъ таки и у васъ. Вы еще не любите Россію: вы умѣете только печалиться да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что́ въ ней ни дѣлается; въ васъ все это производитъ только одну черствую досаду да уныніе. Нѣтъ, это еще не любовь, далеко вамъ до любви, это развѣ только одно слишкомъ отдаленное еще ея предвѣстіе. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, у васъ пропадетъ тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многихъ честныхъ и даже умныхъ людей, то-есть, будто въ теперешнее время они уже ничего не могутъ сдѣлать для Россіи, и будто они ей уже не нужны совсѣмъ; напротивъ, тогда только во всей силѣ вы почувствуете, что любовь всемогуща и что съ нею можно все сдѣлать. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, вы будете рваться служить ей; не въ губернаторы, но въ капитанъ-исправники пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупицу дѣя-

тельности на немъ всей вашей нынѣшней бездѣйственной и праздной жизни. Нѣтъ, вы еще не любите Россіи. А не полюбивши Россіи, не полюбить вамъ своихъ братьевъ, а не полюбивши своихъ братьевъ, не возгорѣться вамъ любовью къ Богу, а не возгорѣвшись любовью къ Богу, не спастись вамъ.

1844.

XX.

НУЖНО ПРОѢЗДИТЬСЯ ПО РОССІИ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т.....МУ.

Нѣтъ выше званія, какъ монашеское, и да сподобитъ насъ Богъ когда-нибудь надѣть простую рясу чернеца, такъ желанную душѣ моей, о которой уже и помышленіе мнѣ въ радость. Но безъ зова Божія этого не сдѣлать. Чтобы имѣть право удалиться отъ міра, нужно умѣть распроститься съ міромъ. „Раздай все имущество свое нищимъ и тогда ступай въ монастырь“, — такъ говорится всѣмъ туда идущимъ. У васъ есть богатство, вы его можете раздать нищимъ; но что же мнѣ раздать? Имущество мое не въ деньгахъ. Богъ мнѣ помогъ накопить нѣсколько умнаго и душевнаго добра и далъ нѣкоторыя способности, полезныя и нужныя другимъ—стало-быть, я долженъ раздать это имущество неимущимъ его, а потомъ уже итти въ монастырь. Но и вы одной денежной раздачей не получите на то права. Если бы вы были привязаны къ вашему богатству и вамъ было бы тяжело съ нимъ разстаться, тогда другое дѣло; но вы къ нему охладѣли, для васъ оно теперь ничто—гдѣ-жъ вашъ подвигъ и ваше пожертвованіе? Или, выбросивши за окошко ненужную вещь, значитъ сдѣлать добро своему брату, разумѣя добро въ высокомъ смыслѣ христіанскомъ? Нѣтъ, для васъ такъ же, какъ и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь вашъ—Россія! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней. Она теперь зоветъ сыновъ своихъ еще крѣпче, нежели когда-либо прежде. Уже душа въ ней болитъ, и раздается крикъ ея душевной болѣзни. Другъ мой! или у васъ безчувственное сердце, или вы не знаете, что такое для русскаго Россія. Вспомните, что когда приходила бѣда ей, тогда изъ монастырей выходили монахи и становились въ ряды съ другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвѣтъ, съ благословенія самого настоятеля, взяли въ руки мечъ, противный христіанину, и легли на кровавомъ полѣ битвы, а вы не хотите взять поприще мирнаго гражданина, и гдѣ же?— въ самомъ сердцѣ Россіи. Не отговаривайтесь вашею неспособностью, у васъ есть много того, что теперь для Россіи потребно и нужно. Бывши губернаторомъ въ двухъ совершенно противоположныхъ губерніяхъ, исполнивши это дѣло, несмотря на всѣ ваши тогдашніе недостатки, получше многихъ, вы набрались прямыхъ и положительныхъ свѣдѣній о дѣлахъ, внутри происходящихъ, и узнали въ истинномъ видѣ Россію. Но не это главное, и я бы васъ не склонялъ такъ служить, несмотря на всѣ свѣдѣнія ваши, если бы не видѣлъ въ васъ одно то свойство, которое, по моему мнѣнію, значительнѣе всѣхъ другихъ прочихъ,—свойство, не хлопотавъ ничего, не работая самому, почти лѣнясь, умѣть заставить всѣхъ другихъ работать. У васъ все двигалось быстро и ходко; и когда, изумляясь, спрашивали у васъ самихъ: „отчего это?“ вы отвѣчали: „Все отъ чиновниковъ, попались хорошіе чиновники, которые не даютъ ничего мнѣ дѣлать самому“; и когда шло дѣло до представленія къ наградамъ, вы всегда выводили впередъ вашихъ чиновниковъ, приписывая все имъ, а себѣ ничего. Вотъ ваше главное достоинство, не говоря уже объ умѣньи выбрать самихъ чиновниковъ. Не мудрено, что у васъ чиновники рвались изо всѣхъ силъ, и одинъ записался до того, что нажилъ чахотку и умеръ, какъ ни старались вы оттащить его отъ дѣла. Чего не сдѣлаетъ русскій человѣкъ, если станетъ такимъ образомъ поступать съ нимъ начальникъ! Это ваше свойство слишкомъ теперь нужно, именно теперь, въ это время себялюбія, когда всякъ начальникъ думаетъ о томъ, какъ бы выставить впередъ себя и приписать все одному себѣ. Говорю вамъ, что съ этимъ вашимъ свойствомъ вы теперь слишкомъ нужны Россіи... и грѣхъ вамъ, что вы даже не слышите этого! Грѣхъ было бы и мнѣ, если бъ я не выставилъ вамъ этого свойства. Оно есть ваше лучшее имущество; его отъ васъ просятъ неимущіе, а вы, какъ скряга, заперли его подъ замокъ и еще прикидываетесь глухимъ. Положимъ, вамъ теперь неприлично занять то же самое мѣсто, какое занимали назадъ тому десять лѣтъ, не потому, чтобы оно было нужно для васъ,—слава Богу, честолюбія вы не имѣете и въ вашихъ глазахъ никакая служба не низка;— но потому, что ваши способности, развившись, требуютъ уже для собственной пищи другого, просторнѣйшаго поприща. Что-жъ? развѣ мало мѣстъ и поприщъ въ Россіи? Оглянитесь и осмотритесь хорошенько, и вы его отыщете. Вамъ нужно проѣздится по Россіи. Вы знали ее назадъ тому десять лѣтъ: это теперь недостаточно. Въ десять лѣтъ внутри Россіи столько совершается событій, сколько въ другомъ государствѣ не совершается въ полвѣка. Вы сами замѣтили, живя здѣсь за границей, что въ послѣдніе два, три

года даже начали выходить изъ нея и люди совершенно другіе, не похожіе ни въ чемъ съ тѣми, которыхъ вы знали еще не такъ давно. Чтобы узнать, что́ такое *Россія нынѣшняя*, нужно непремѣнно по ней проѣздиться самому. Слухамъ не вѣрьте никакимъ. Вѣрно только то, что еще никогда не бывало въ Россіи такого необыкновеннаго разнообразія и несходства въ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ всѣхъ людей, никогда еще различіе образованій и воспитанія не оттолкнуло такъ другъ отъ друга всѣхъ и не произвело такого разлада во всемъ. Сквозь все это пронесся духъ сплетней, пустыхъ повозаносныхъ выводовъ, глупѣйшихъ слуховъ, односторонніхъ и ничтожныхъ заключеній. Все это сбило и опутало до того у каждаго его мнѣнія о Россіи, что рѣшительно нельзя вѣрить никому: нужно самому узнавать, нужно проѣздиться по Россіи. Это особенно хорошо для того, кто побылъ нѣкоторое время отъ нея вдали и пріѣхалъ съ неотуманенной и свѣжей головою. Онъ увидитъ много того, чего не увидитъ человѣкъ, находящійся въ самомъ омутѣ, раздражительный и чувствительный къ животрепещущимъ интересамъ минуты. Сдѣлайте ваше путешествіе вотъ какимъ образомъ: прежде всего выбросьте изъ вашей головы всѣ до одного ваши мнѣнія о Россіи, какія у васъ ни есть, откажитесь отъ собственныхъ своихъ выводовъ, какіе уже успѣли сдѣлать, представьте себя ровно незнающимъ ничего и поѣзжайте какъ въ новую, дотолѣ вамъ неизвѣстную землю. Такимъ же самымъ образомъ, какъ русскій путешественникъ, пріѣзжая въ каждый значительный европейскій городъ, спѣшитъ увидѣть всѣ его древности и примѣчательности, такимъ же точно образомъ и еще съ бо́льшимъ любопытствомъ, пріѣхавши въ первый уѣздный или губернскій городъ, старайтесь узнать его достопримѣчательности. Онѣ не въ архитектурныхъ строеніяхъ и древностяхъ, но въ людяхъ. Клянусь, человѣкъ сто́итъ того, чтобъ его разсматривали съ бо́льшимъ любопытствомъ, нежели фабрику и развалину. Попробуйте только на него взглянуть, вооружась одной каплей истинно-братской любви къ нему, и вы отъ него уже не оторветесь—такъ онъ станетъ для васъ занимателенъ. Познакомьтесь прежде всего съ тѣми изъ нихъ, которые составляютъ соль каждаго города или округа; такихъ бываетъ человѣка два или три въ каждомъ городѣ. Они вамъ въ немногихъ чертахъ очертятъ весь городъ, такъ что вамъ будетъ видно уже самому, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ производить наиболѣе наблюденіе надъ нынѣшними вещами. Въ разговорѣ съ человѣкомъ передовымъ изъ каждаго сословія (съ вами же всѣ такъ охотно разговариваются и развертываются чуть не нараспашку), вы отъ него узнаете, что́ такое всякое сословіе въ нынѣшнемъ его видѣ. Расторопный и бойкій купецъ вдругъ вамъ объяснитъ, что́ такое въ ихъ городѣ купечество; порядочный и трезвый мѣщанинъ дастъ понятіе о мѣщанствѣ. Отъ чиновника-дѣльца узнаете должностное производство, а общій цвѣтъ и духъ общества услышите сами. На передовыхъ людей однакожъ не весьма полагайтесь, лучше постарайтесь разспросить двухъ или трехъ человѣкъ изъ каждаго сословія. Не позабывайте того, что теперь всѣ между собою въ ссорѣ, и всякъ другъ на друга лжетъ и клевещетъ безпощадно. Съ духовенствомъ вы сойдетесь вдругъ, потому что съ нимъ вообще вы знакомитесь скоро; отъ нихъ узнаете остальное. И если вы такимъ образомъ проѣздите только по главнымъ городамъ и пунктамъ Россіи, то уже увидите ясно, какъ день, гдѣ и на какомъ мѣстѣ вы можете быть полезны и о какой должности слѣдуетъ вамъ просить. А покуда вы уже одной поѣздкой вашей можете сдѣлать много добра, если только захотите. Въ самомъ путешествіи этомъ предстанутъ вамъ такіе христіанскіе подвиги, какихъ въ самомъ монастырѣ не встрѣтите. Во-первыхъ, будучи пріятны въ разговорѣ, нравясь каждому, вы можете, какъ посторонній и свѣжій человѣкъ, стать третьимъ, примиряющимъ лицомъ. Знаете ли, какъ это важно, какъ это теперь нужно Россіи, и какой въ этомъ высокій подвигъ. Спаситель оцѣнилъ его едва ли не выше всѣхъ другихъ: Онъ прямо называетъ миротворцевъ сынами Божіими. А миротворцу у насъ поприще повсюду. Все перессорилось: дворяне у насъ между собою, какъ кошки съ собаками; купцы между собою, какъ кошки съ собаками; мѣщане между собою, какъ кошки съ собаками; крестьяне если только не устремлены побуждающею силою не на дружескую работу, между собою, какъ кошки съ собаками; даже честные и добрые люди между собою въ разладѣ; только между плутами водится что-то похожее на дружбу и соединеніе, въ то время, когда кого-нибудь изъ нихъ сильно станутъ преслѣдовать. Вездѣ поприще примирителю. Не бойтесь, примирять не трудно. Людямъ трудно самимъ умириться между собою, но, какъ только станетъ между ними третій, онъ ихъ вдругъ примиритъ. Оттого-то у насъ всегда имѣлъ такую силу третейскій судъ, истое произведеніе земли нашей, успѣвавшій доселѣ болѣе всѣхъ другихъ судовъ. Въ природѣ человѣка, а особенно русскаго, есть чудное свойство: какъ только замѣтитъ онъ, что другой сколько-нибудь къ нему наклоняется или показываетъ снисхожденіе, онъ самъ уже готовъ чуть не просить прощенія. Уступить никто не хочетъ первый, но какъ только одинъ рѣшился на великодушное дѣло, другой уже рвется, какъ бы перещеголять его великодушіемъ. Вотъ почему

у насъ скорѣй, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть прекращены самыя застарѣлыя ссоры и тяжбы, если только станетъ среди тяжущихся человѣкъ истинно-благородный, уважаемый всѣми и притомъ еще знатокъ человѣческаго сердца. А примиреніе, повторяю вновь, теперь нужно: если бы только нѣсколько частныхъ людей, которые изъ-за несогласія во мнѣніи насчетъ одного какого-нибудь предмета, перечащихъ другъ другу въ дѣйствіяхъ, согласились подать другъ другу руку, плутамъ было бы уже худо! И такъ, вотъ вамъ одна часть подвиговъ, какіе вамъ могутъ представиться на каждомъ шагу вашей поѣздки по Россіи. Есть и другая не меньше вашихъ. Вы можете оказать большую услугу духовенству тѣхъ городовъ, черезъ которые будете проѣзжать, познакомивъ ихъ лучше съ обществомъ, среди котораго они живутъ, введя ихъ въ познаніе тѣхъ вещей и продѣлокъ, о которыхъ не говоритъ вовсе на исповѣди нынѣшній человѣкъ, считая ихъ долженствующими быть внѣ христіанской жизни. Это очень нужно, потому что многіе изъ духовныхъ, какъ я знаю, уныли отъ множества безчинствъ, возникнувшихъ въ послѣднее время, почти увѣрились, что ихъ никто теперь не слушаетъ, что слова и проповѣдь роняются на воздухъ, и зло пустило такъ глубоко свои корни, что нельзя уже и думать объ его искорененьи. Это несправедливо. Грѣшитъ нынѣшній человѣкъ, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде. Но грѣшитъ не отъ произобилья своего собственнаго разврата, не отъ безчувственности и не отъ того, чтобы хотѣлъ грѣшить, но отъ того, что не видитъ грѣховъ своихъ. Еще не ясно и не всѣмъ открылась страшная истина нынѣшняго вѣка, что теперь всѣ грѣшатъ до единаго, но грѣшатъ не прямо, а косвенно. Этого еще не услышалъ хорошо и самъ проповѣдникъ; оттого и проповѣдь его ропятся на воздухъ, и люди глухи къ словамъ его. Сказать: „не крадьте, не роскошничайте, не берите взятокъ, молитесь и давайте милостыню неимущимъ“—теперь ничто, и ничего не сдѣлаетъ. Кромѣ того, что всякій скажетъ: „да вѣдь уже это извѣстно“, но еще оправдается передъ самимъ собой и найдетъ себя чуть не святымъ. Онъ скажетъ: „красть я не краду: положи передо мной часы, червонцы, какую хочешь вещь, я ее не трону; я даже прогналъ за воровство своего собственнаго человѣка; живу я, конечно, роскошно, но у меня нѣтъ ни дѣтей, ни родственниковъ, мнѣ не для кого копить, роскошью я доставляю зато пользу, хлѣбъ мастеровымъ, ремесленникамъ, купцамъ, фабрикантамъ; взятку я беру только съ богатаго, который самъ проситъ объ этомъ, которому это не въ разореніе; молиться я молюсь, вотъ и теперь стою въ церкви, крещусь и бью поклоны; помогать—помогаю: ни одинъ нищій не уходитъ отъ меня безъ мѣднаго гроша, ни отъ одного пожертвованія на какое-нибудь благотворительное заведеніе еще не отказывался“. Словомъ—онъ увидитъ себя не только правымъ, послѣ такой проповѣди, но еще возгордится своей безгрѣшностью.

Но, если поднять передъ нимъ завѣсу и показать ему хотя часть тѣхъ ужасовъ, которые онъ производитъ косвенно, а не прямо, тогда онъ заговоритъ другое. Сказать честному, но близорукому богачу, что онъ, убирая свой домъ и заводя у себя все на барскую ногу, вредитъ соблазномъ, поселяя въ другомъ, менѣе богатомъ, такое же желаніе, который изъ-за того, чтобы не отстать отъ него, разоряетъ не только собственное, но и чужое имущество, грабитъ и пускаетъ по міру людей; да вслѣдъ за этимъ и представить ему одну изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ голода внутри Россіи, отъ которыхъ дыбомъ поднимется у него волосъ, и которыхъ, можетъ быть, не случилось бы, если бы не сталъ онъ жить не барскую ногу, да задавать тонъ обществу и кружить головы другимъ. Показать такимъ же самымъ образомъ всѣмъ модницамъ, которыя не любятъ никуда появляться въ однихъ и тѣхъ же платьяхъ и, не донашивая ничего, нашиваютъ кучи новаго, слѣдуя за малѣйшимъ уклоненіемъ моды,—показать имъ, что онѣ вовсе не тѣмъ грѣшатъ, что занимаются этой суетностью и тратятъ деньги, но тѣмъ, что сдѣлали такой образъ жизни необходимостью для другихъ, что мужъ иной жены схватилъ уже изъ-за этого взятку съ своего же брата-чиновника (положимъ, этотъ чиновникъ былъ богатъ; но, чтобы доставить взятку, онъ долженъ былъ насѣсть на менѣе богатаго, а тотъ съ своей стороны насѣлъ на какого-нибудь засѣдателя или станового пристава, а становой приставъ уже невольно былъ принужденъ грабить нищихъ и неимущихъ); да вслѣдъ за этимъ и выставить всѣмъ модницамъ картину голода. Тогда имъ не пойдетъ на умъ какая-нибудь шляпка или модное платье: увидятъ онѣ, что не спасетъ ихъ отъ страшнаго отвѣта передъ Богомъ и деньга, выброшенная нищему, даже и тѣ человѣколюбивыя заведенія, которыя заводятъ онѣ въ городахъ насчетъ ограбленныхъ провинцій. Нѣтъ, человѣкъ не безчувственъ, человѣкъ подвигнется, если только ему покажешь дѣло, какъ есть. Онъ теперь подвигнется еще болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, потому что природа его размягчена, половина грѣховъ его отъ невѣдѣнья, а не отъ разврата. Онъ, какъ спасителя, облобызаетъ того, который заставитъ его обратить взглядъ на самого себя. Только слегка приподыми проповѣдникъ завѣсу и укажи ему хотя одно изъ тѣхъ ежеминутныхъ преступленій, кото-

рыя онъ совершаетъ, у него уже отнимается духъ хвастать безгрѣшностью своей; не станетъ онъ оправдывать свою роскошь подлыми, жалкими софизмами, будто бы нужна она затѣмъ, чтобы доставить хлѣбъ мастеровымъ, онъ и самъ тогда смекнетъ, что разорить полъ-деревни или полъуѣзда затѣмъ, чтобы доставить хлѣбъ столяру Гамбсу, есть выводъ, который могъ бы образоваться только въ пустой головѣ экономa XIX вѣка, а не въ здоровой головѣ умнаго человѣка. А что́ же, если проповѣдникъ подниметъ всю цѣпь того множества косвенныхъ преступленій, которыя совершаетъ человѣкъ своею неосмотрительностью, гордостію и самоувѣренностію въ себѣ, и покажетъ всю опасность нынѣшняго времени, среди котораго всякъ можетъ погубить разомъ нѣсколько душъ, не только одну свою, среди которой, даже не будучи безчестнымъ, можно заставить другихъ быть безчестными и подлецами одною только своею неосмотрительностію, словомъ—если только сколько-нибудь покажетъ, какъ всѣ опасно ходятъ? Нѣтъ, люди не будутъ глухи къ словамъ его, не уронится на воздухъ ни одно слово его проповѣди. А вы можете на это навести многихъ священниковъ, сообщая свѣдѣнія о всѣхъ продѣлкахъ нынѣшняго люда, которыя вы наберете въ дорогѣ. Но не однимъ священникамъ, вы можете и другимъ людямъ сдѣлать этимъ пользу. Всѣмъ теперь нужны эти свѣдѣнія.

Жизнь нужно показать человѣку,—жизнь, взятую подъ угломъ ея нынѣшнихъ запутанностей, а не прежнихъ,—жизнь, оглянутую не поверхностнымъ взглядомъ свѣтскаго человѣка, но взвѣшенную и оцѣненную такимъ оцѣнщикомъ, который взглянулъ на нее высшимъ взглядомъ христіанина. Велико незнаніе Россіи посреди Россіи. Все живетъ въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ, а не въ землѣ своей. Городъ не знаетъ города, человѣкъ—человѣка, люди, живущіе за одной стѣной, кажется, какъ бы живутъ за морями. Вы можете во время вашей поѣздки ихъ познакомить между собою и произвести взаимный благодѣтельный размѣнъ, какъ расторопный купецъ: забравши свѣдѣнія въ одномъ городѣ, продать ихъ съ барышомъ въ другомъ, всѣхъ обогатить и въ то же время разбогатѣть самому больше всѣхъ. Подобный подвигъ предстоитъ вамъ на всякомъ шагу—и вы того не видите! Очнитесь! Куриная слѣпота на глазахъ вашихъ! не залучить вамъ любви къ себѣ въ душу. Не полюбить вамъ людей по тѣхъ поръ, пока не послужите имъ. Какой слуга можетъ привязаться къ своему господину, который отъ него вдали и на котораго еще не поработалъ онъ лично? Потому и любимо такъ сильно дитя матерью, что она долго его носила въ себѣ, все употребила на него, и вся изъ-за него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь вашъ—Россія.

1845.

XXI.

ЧТО ТАКОЕ ГУБЕРНАТОРША.

ПИСЬМО КЪ А. О. С.....ОЙ.

Я радъ, что здоровье ваше лучше; мое же здоровье... но въ сторону наши здоровья: мы должны позабыть о нихъ, такъ же, какъ и о себѣ. Итакъ, вы возвращаетесь вновь въ вашъ губернскій городъ. Вы должны съ новыми силами возлюбить его: онъ вашъ, онъ ввѣренъ вамъ, онъ долженъ быть вашимъ роднымъ. Вы напрасно начинаете думать вновь, что ваше присутствіе относительно дѣятельности общественной въ немъ совершенно безполезно, что общество испорчено въ корнѣ. Вы просто устали—вотъ и все! Дѣятельность губернаторшѣ предстоитъ всюду, на всякомъ шагу. Она даже и тогда производитъ вліяніе, когда ничего не дѣлаетъ. Вы сами уже знаете, что дѣло не въ суетахъ и въ опрометчивыхъ бросаньяхъ на все. Передъ вами два живые примѣра, которыхъ вы сами назвали. Предшественница ваша Ж*** завела кучу благотворительныхъ заведеній, а съ ними вмѣстѣ—и кучу бумажной переписки и возни, экономовъ, секретарей, кражу, безтолковщину и прославилась благотворительностью въ Петербургѣ, и надѣлала кутерьму въ К***. Княгиня же О***, бывшая до нея губернаторшей въ томъ же вашемъ городѣ К***, не завела никакихъ заведеній, ни пріютовъ, не прошумѣла нигдѣ дальше своего города, не имѣла даже никакого вліянія на своего мужа и не входила ни во что́, собственно правительственное и офиціальное; а между тѣмъ донынѣ никто въ городѣ не можетъ о ней вспомнить безъ слезъ, и всякъ, начиная отъ купца до послѣдняго бобыля, до сихъ поръ еще повторяетъ: „нѣтъ, не будетъ другой никогда княгини О***!“ А кто это повторяетъ? Тотъ же самый городъ, для котораго, вы полагаете, ничего невозможно сдѣлать, то же самое общество, которое вы считаете испорченнымъ навѣки. Итакъ, будто бы ужъ ничего нельзя сдѣлать? Вы устали—вотъ и все! Устали оттого, что принялись слишкомъ сгоряча, слишкомъ понадѣялись на собственныя силы; женская прыть васъ увлекла... Повторяю вамъ вновь то же самое, что́ прежде: ваше вліяніе сильно. Вы первое лицо въ городѣ, съ васъ будутъ перенимать все до послѣдней бездѣлушки, благодаря обезьянству моды и вообще нашему русскому обезьянству. Вы будете законодательницей во всемъ. Если вы только собственныя ваши дѣла станете обдѣлывать хорошо, то

симъ уже сдѣлаете вліяніе, потому что заставите другихъ заняться получше собственными дѣлами. Гоните роскошь (покамѣстъ нѣтъ другого дѣла), уже и это благородное дѣло, оно же притомъ не требуетъ ни суеты, ни издержекъ; не пропускайте ни одного собранія и бала, пріѣзжайте именно затѣмъ, чтобы показаться въ одномъ и томъ же платьѣ; три, четыре, пять, шесть разъ надѣвайте одно и то же платье. Хвалите на всѣхъ только то, что́ дешево, просто. Словомъ, гоните эту гадкую сѣверную роскошь, эту язву Россіи, источницу взятокъ, несправедливостей и мерзостей, какія у насъ есть. Если вамъ только одно это удастся сдѣлать, то вы уже болѣе принесете существенной пользы, чѣмъ сама княгиня О***. А это, какъ вы сами видите, даже не требуетъ никакихъ пожертвованій, даже и времени не отнимаетъ. Другъ мой, вы устали. Изъ вашихъ же прежнихъ писемъ я вижу, что для начала вы уже успѣли сдѣлать много хорошаго (если бы не слишкомъ торопились, вышло бы еще больше): о васъ уже распространились слухи внѣ К***; кое-что изъ нихъ дошло и до меня. Но вы еще очень поспѣшны, вы еще слишкомъ увлекаетесь, васъ еще слишкомъ шевелитъ и сражаетъ всякая непріятность и гадость. Другъ мой, вспомните вновь мои слова, въ справедливости которыхъ, говорите, что сами убѣдились: глядѣть на весь городъ, какъ лѣкарь глядитъ на лазаретъ. Глядите же такъ, но прибавьте къ этому еще кое-что, а именно: увѣрьте самоё себя, что всѣ больные, находящіеся въ лазаретахъ, суть ваши родные и близкіе къ сердцу вашему люди, тогда все передъ вами измѣнится: вы съ людьми примиритесь и будете враждовать только съ ихъ болѣзнями. Кто вамъ сказалъ, что болѣзни эти неизлѣчимы? Это вы сами себѣ сказали, потому что не нашли въ рукахъ у себя средства. Что́-жъ, развѣ вы всезнающій докторъ? А зачѣмъ вы не обратились съ просьбой о помощи къ другимъ? Развѣ я даромъ просилъ васъ сообщить все, что́ ни есть въ вашемъ городѣ, ввести меня въ познаніе вашего города, чтобы я имѣлъ полное понятіе о вашемъ городѣ. Зачѣмъ же вы это не сдѣлали, тѣмъ болѣе, что сами увѣрены, будто я могу на многое произвести больше вліянія, чѣмъ вы; тѣмъ болѣе, что сами же приписываете мнѣ нѣкоторое не всѣмъ общее познаніе людей; тѣмъ болѣе, наконецъ, что сами говорите, будто я вамъ помогъ въ вашемъ душевномъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ кто-либо другой? Неужели вы думаете, что я не сумѣлъ бы такъ же помочь и вашимъ неизлѣчимымъ больнымъ? Вѣдь вы позабыли, что я могу помолиться, молитва моя можетъ достигнуть и до Бога, Богъ можетъ послать уму моему вразумленіе, а умъ, вразумленный Богомъ, можетъ сдѣлать кое-что получше того ума, который не вразумленъ Имъ.

До сихъ поръ въ вашихъ письмахъ вы мнѣ давали только общія понятія о вашемъ городѣ, въ чертахъ общихъ, которыя могутъ принадлежать всякому губернскому городу; но и общія ваши не полны. Вы понадѣялись на то, что я знаю Россію, какъ пять моихъ пальцевъ; а я въ ней ровно не знаю ничего. Если я и зналъ кое-что, то и это со времени моего отъѣзда уже измѣнилось. Въ самомъ составѣ управленія губерній произошли значительныя перемѣны: многія мѣста и чиновники отошли отъ зависимости губернатора и поступили въ вѣдомство и управленіе другихъ министерствъ; завелись новые чиновники и мѣста, словомъ— губернія и губернскій городъ являются относительно многихъ сторонъ въ другомъ видѣ, а я просилъ васъ ввести меня *совершенно* въ ваше положеніе, не какое-нибудь *идеальное,* но *существенное,* чтобы я видѣлъ отъ мала до велика все, что́ васъ окружаетъ.

Вы сами говорите, что въ небольшое время пребыванія вашего въ К*** узнали Россію болѣе, чѣмъ во всю свою прежнюю жизнь. Зачѣмъ же вы не подѣлились со мною вашими знаніями? Говорите, что не знаете даже, съ котораго конца начать, что куча свѣдѣній, вами набранныхъ въ голову, еще въ безпорядкѣ (NB. причина неудачъ). Я вамъ помогу ихъ привести въ порядокъ, но только выполните слѣдующую за симъ просьбу добросовѣстно, какъ только можно, — не такъ, какъ привыкли исполнять вашъ братъ— страстная женщина, которая изъ десяти словъ восемь пропуститъ и отвѣтитъ только на два, затѣмъ, что они пришлись ей какъ-нибудь по сердцу, но такъ, какъ нашъ братъ—холодный, безстрастный мужчина, или, лучше, какъ дѣловой толковый чиновникъ, который, ничего не принимая особенно къ своему сердцу, отвѣчаетъ ровно на всѣ пункты.

Вы должны ради меня начать вновь разсмотрѣніе вашего губернскаго города. Во-первыхъ, вы мнѣ должны назвать всѣ главныя лица въ городѣ по именамъ, отчествамъ и фамиліямъ, всѣхъ чиновниковъ до единаго. Мнѣ это нужно. Я долженъ быть имъ такъ же другомъ, какъ вы сами должны быть другомъ имъ всѣмъ безъ исключенія. Во-вторыхъ, вы должны мнѣ написать, въ чемъ именно должность каждаго. Все это вы должны узнать лично отъ нихъ самихъ, а не отъ кого-либо другого. Разговорившись со всякимъ, вы должны спросить его, въ чемъ состоитъ его должность, чтобы онъ назвалъ вамъ всѣ ея *предметы* и означилъ ея *предѣлы.* Это будетъ первый вопросъ. Потомъ попросите его, чтобы онъ изъяснилъ вамъ, чѣмъ именно и сколько въ этой

должности, подъ условіемъ нынѣшнихъ обстоятельствъ, можно сдѣлать добра. Это будетъ второй вопросъ. Потомъ, чѣмъ именно и сколько въ этой же самой должности можно надѣлать зла. Это будетъ третій вопросъ. Узнавши, отправляйтесь къ себѣ въ комнату и тотъ же часъ все это на бумагу для меня. Вы уже симъ два дѣла сдѣлаете разомъ: кромѣ того, что дадите мнѣ средство впослѣдствіи вамъ пригодиться, вы узнаете сами изъ собственныхъ отвѣтовъ чиновника, какъ понимаетъ онъ свою должность, чего ему недостаетъ, словомъ—своимъ отвѣтомъ онъ обрисуетъ самого себя. Онъ васъ можетъ даже навести на кое-что сдѣлать теперь же... Но не въ этомъ дѣло: до времени лучше не торопитесь; не дѣлайте ничего даже и тогда, если бы вамъ показалось, что можете кой-что сдѣлать, и что въ силахъ чему-нибудь помочь. Лучше пока еще попристальнѣй всмотрѣться; довольствуйтесь покамѣстъ тѣмъ, чтобы передать мнѣ. Потомъ на той же страничкѣ, насупротивъ того же мѣста или на другомъ лоскуткѣ бумаги: ваши собственныя замѣчанія—что́ вы замѣтили о каждомъ господинѣ въ особенности, что́ говорятъ о немъ другіе, словомъ—все, что́ можно прибавить о немъ со стороны.

Потомъ такія же свѣдѣнія доставьте мнѣ обо всей женской половинѣ вашего города. Вы же были такъ умны, что сдѣлали имъ всѣмъ визиты и почти ихъ всѣхъ узнали. Впрочемъ, узнали несовершенно, я въ этомъ увѣренъ. Относительно женщинъ вы руководствуетесь первыми впечатлѣніями: которая вамъ не понравилась, вы ту оставляете. Вы ищете все избранныхъ и лучшихъ. Другъ мой, за это я вамъ дѣлаю упрекъ. Вы должны всѣхъ любить, особенно тѣхъ, въ которыхъ побольше дрянца,—по крайней мѣрѣ побольше узнать ихъ, потому что отъ этого зависитъ многое и онѣ могутъ имѣть большое вліяніе на мужей. Не торопитесь, не спѣшите ихъ наставлять, но просто только разспрашивайте; вы же имѣете даръ выспрашивать. Узнайте не только дѣла и занятія каждой, но даже образъ мыслей, вкусы: что́ кто любитъ, что́ кому изъ нихъ нравится, на чемъ конекъ каждой. Мнѣ все это нужно.

По-моему, чтобы помочь кому-либо, нужно узнать его всего насквозь, а безъ того я даже не понимаю, какъ можно кому-либо дать какой-либо совѣтъ: всякій совѣтъ, какой ему ни дашь, будетъ обращенъ къ нему своей трудной стороной, будетъ не легокъ, неудобоисполнимъ. Словомъ, женщинъ всѣхъ насквозь, чтобы я имѣлъ совершенное понятіе о вашемъ городѣ!

Сверхъ характеровъ и лицъ обоего пола, запишите всякое случившееся происшествіе, сколько-нибудь характеризующее людей или вообще духъ губерніи, запишите безхитростно, въ такомъ видѣ, какъ было, или какъ, въ какомъ его передали вамъ вѣрные люди. Запишите также двѣ, три сплетни на выдержку, какія первыя вамъ попадутся, чтобы я зналъ, какого рода сплетни у васъ плетутся. Сдѣлайте, чтобы это записыванье сдѣлалось постояннымъ вашимъ занятіемъ, чтобы на это былъ опредѣленъ положенный часъ въ днѣ. Представляйте себѣ въ мысляхъ, систематически и во всей полнотѣ, весь объемъ города, чтобы видѣть вдругъ, не пропустили ли вы мнѣ чего-либо записать, чтобы я получилъ, наконецъ, полное понятіе о вашемъ городѣ.

И если вы меня такимъ образомъ познакомите со всѣми лицами, съ ихъ должностями, и какъ онѣ ими понимаются, и, наконецъ, даже съ характеромъ самыхъ событій, у васъ случающихся, тогда я вамъ кое-что скажу, и вы увидите, что многое невозможное возможно и неисправимое исправимо. До тѣхъ же поръ ничего не скажу именно потому, что могу ошибиться, а мнѣ бы этого не хотѣлось. Мнѣ бы хотѣлось говорить такія слова, которыя попали бы прямо, куда слѣдуетъ, ни выше, ни ниже того предмета, на который направлены,—такой дать совѣтъ, чтобы вы въ ту же минуту сказали: „онъ легокъ, его можно привести въ исполненіе“.

Вотъ однакоже кое-что впередъ и то не для васъ, а для вашего супруга: попросите его прежде всего обратить вниманіе на то, чтобы совѣтники губернскаго правленія были честные люди. Это главное. Какъ только будутъ честные совѣтники, тотъ же часъ будутъ честные капитанъ-исправники, засѣдатели, словомъ—все станетъ честно. Надобно вамъ знать (если вы этого еще не знаете), что самая безопасная взятка, которая ускользаетъ отъ всякаго преслѣдованія, есть та, которую чиновникъ беретъ съ чиновника по командѣ сверху внизъ; это идетъ иногда безконечной лѣстницей. Капитанъ-исправникъ и засѣдатели часто уже потому должны кривить душой и брать, что съ нихъ берутъ, и что имъ нужны деньги для того, чтобы заплатить за свое мѣсто. Эта купля и продажа можетъ производиться передъ глазами и въ то же время никѣмъ не быть замѣчена. Храни васъ Богъ даже и преслѣдовать. Старайтесь только, чтобы сверху было все честно: снизу будетъ все честно само собою. До времени, пока не вызрѣло зло, не преслѣдуйте никого; лучше дѣйствуйте тѣмъ временемъ нравственно. Мысль ваша, что губернаторъ всегда имѣетъ возможность сдѣлать много зла и мало добра, и что на поприщѣ добра онъ обрѣзанъ въ дѣйствіяхъ, не совсѣмъ справедлива. Губернаторъ можетъ всегда имѣть вліяніе *нравственное*, даже очень большое, подобно, какъ и вы можете имѣть большое *нрав-*

ственное вліяніе, хотя и не имѣете власти, установленной закономъ. Повѣрьте, что не сдѣлай онъ визита какому-нибудь господину, объ этомъ будетъ весь городъ говорить: станутъ разспрашивать, за что́ и почему, и этоть самый господинъ изъ-за этой единственной боязни струситъ сдѣлать подлость; которую онъ не струсилъ бы совершить предъ лицомъ власти и закона. Вашъ поступокъ, т. е. вашъ и вашего супруга, съ уѣзднымъ судьей N** уѣзда, котораго вы нарочно вызвали въ городъ съ тѣмъ, чтобы примирить его съ прокуроромъ, почтить его радушнымъ угощеніемъ и дружескимъ пріемомъ за прямоту, благородство и честность, повѣрьте, сдѣлалъ уже свое дѣйствіе. Мнѣ нравится при этомъ случаѣ то, что судья (который. какъ оказалось, былъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ, одѣтъ былъ такимъ образомъ, что его, какъ вы говорите, не приняли бы въ переднюю петербургскихъ гостиныхъ. Хотѣлъ бы я въ эту минуту поцѣловать полу его заношеннаго фрака. Повѣрьте, что наилучшій образъ дѣйствій въ нынѣшнее время—не вооружаться жестоко и жарко противу взяточниковъ и дурныхъ людей, и не преслѣдовать ихъ, но стараться, вмѣсто того, выставлять на видъ всякую честную черту, дружески, въ виду всѣхъ, пожимать руку прямого, честнаго человѣка. Повѣрьте, какъ только будетъ узнано во всей губерніи, что губернаторъ поступаетъ дѣйствительно такъ, все дворянство уже будетъ на его сторонѣ. Въ дворянствѣ нашемъ есть удивительная черта, которая меня всегда изумляла, это—чувство благородства,—не того благородства, которымъ заражено дворянство другихъ земель, то-есть, не благородства рожденія или происхожденія и не европейскаго point d'honneur, но настоящаго, нравственнаго благородства. Даже въ такихъ губерніяхъ и такихъ мѣстахъ, гдѣ, если разобрать порознь иного дворянина, выйдетъ просто дрянь, а вызови только на какой-нибудь дѣйствительно благородный подвигъ—все вдругъ подымется точно какимъ-то электричествомъ, и люди, которые дѣлаютъ пакости, сдѣлаютъ вдругъ благороднѣйшее дѣло. И потому всякій благородный поступокъ губернатора прежде всего найдетъ откликъ въ дворянствѣ, а это важно. Губернаторъ долженъ непремѣнно имѣть нравственное вліяніе на дворянъ; только симъ однимъ онъ можетъ подвигнуть ихъ на поднятіе невидныхъ должностей и неприманчивыхъ мѣстъ. А это нужно, потому что, если дворянинъ изъ той же губерніи возьметъ какое-нибудь мѣсто съ тѣмъ, чтобы показать, какъ надобно служить, то, каковъ бы онъ ни былъ самъ, хотя и лѣнтяй и многимъ нехорошъ, но исполнитъ такъ свое дѣло, какъ никогда не исполнитъ присланный чиновникъ, хотя бы онъ исшатался вѣкъ въ канцеляріяхъ. Словомъ, ни въ какомъ случаѣ не должно упускать изъ виду того, что это тѣ же самые дворяне, которые въ двѣнадцатомъ году несли все на жертву,—все, что́ ни было у кого за душой.

Когда случится, по причинѣ совершонныхъ гадостей, предать иного чиновника суду, то въ такомъ случаѣ нужно, чтобы онъ преданъ былъ *съ отрѣшеніемъ отъ дѣлъ*. Это очень важно. Ибо, если онъ будетъ преданъ суду безъ отрѣшенія отъ дѣлъ, то все служащее будетъ еще долго держать его сторону, онъ еще долго станетъ юлить и найдетъ средства такъ все запутать, что никогда не добраться до истины. Но какъ только онъ будетъ преданъ суду *съ отрѣшеніемъ отъ дѣлъ*, онъ повѣситъ вдругъ носъ, сдѣлается никому не страшенъ, на него пойдутъ со всѣхъ сторонъ улики, все выйдетъ на чистую воду и вдругъ узнается дѣло. Но, другъ, ради Христа, не оставляйте вовсе спихнутаго съ мѣста чиновника, какъ бы онъ дуренъ ни былъ, онъ несчастенъ. Онъ долженъ съ рукъ вашего мужа перейти на ваши руки, не объясняйтесь съ нимъ сами и не принимайте его, но слѣдуйте за нимъ издали. Вы хорошо сдѣлали, что выгнали надзирательницу при домѣ умалишенныхъ за то, что она вздумала продавать булки, назначенныя этимъ несчастнымъ, — преступленье вдвойнѣ гадкое, пріемля въ соображенье то, что сумасшедшіе не могутъ даже и пожаловаться! А потому изгнанье ея нужно было сдѣлать публично и гласно. Но не бросайте никакого человѣка, не отрѣзывайте возврата никому, слѣдуйте за отрѣшеннымъ: иногда съ горя, съ отчаянія, со стыда впадаетъ онъ еще въ бо́льшія преступленія. Дѣйствуйте или чрезъ вашего духовника, или вообще чрезъ какого-нибудь умнаго священника, который бы навѣщалъ его и давалъ бы вамъ отчетъ о немъ безпрестанно, а главное, старайтесь, чтобы онъ не оставался безъ какого-нибудь труда и дѣла. Не подобьтесь въ этомъ случаѣ мертвому закону, но живому Богу, Который всѣми бичами несчастій поражаетъ человѣка, но не оставляетъ его до самаго конца его жизни. Каковъ бы ни былъ преступникъ, но если земля его еще носитъ и громъ Божій не поразилъ его—это значитъ, что онъ держится на свѣтѣ для того, чтобы кто-нибудь, тронувшись его участью, помогъ ему и спасъ его. Если же васъ, во время ли описаній, которыя вы станете дѣлать для меня, или же во время вашихъ собственныхъ изслѣдованій всякихъ недуговъ, будутъ слишкомъ поражать наши печальныя стороны и возмутится ваше сердце,—въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ бесѣдовать объ этомъ почаще съ архіереемъ; онъ же, какъ видно изъ словъ вашихъ, умный человѣкъ и добрый пастырь.

Покажите ему весь лазаретъ вашъ и обнаружьте предъ нимъ всѣ болѣзни больныхъ вашихъ. Хотя бы даже онъ былъ не большой знатокъ въ наукѣ лѣчить, то и тогда вы должны ввести его непремѣнно во всѣ припадки, признаки и явленія болѣзней. Старайтесь ему очертить все до послѣдняго такъ живо, чтобы оно такъ и носилось у него передъ глазами, чтобы городъ вашъ, какъ живой, пребывалъ бы безпрестанно въ мысляхъ его, какъ онъ долженъ безпрестанно пребывать въ вашихъ мысляхъ, чтобы черезъ то самое его мысли стремились сами собой на безпрестанную о немъ молитву. Повѣрьте, что отъ этого самая проповѣдь его съ каждымъ воскресеньемъ будетъ направляться болѣе и болѣе къ сердцамъ слушателей, и онъ сумѣетъ потомъ выставить многое на-чистоту и, не указывая лично ни на кого, сумѣетъ поставить каждаго лицомъ къ лицу къ его собственной мерзости такъ, что самъ хозяинъ плюнетъ на свое же добро. Обратите также вниманіе на городскихъ священниковъ, узнайте ихъ всѣхъ непремѣнно; отъ нихъ зависитъ все, и дѣло улучшенія нашего въ ихъ рукахъ, а не въ рукахъ кого-либо другого. Не пренебрегайте никѣмъ изъ нихъ, несмотря на простоту и невѣжество многихъ. Ихъ скорѣе можно возвратить къ своему долгу, чѣмъ кого-либо изъ насъ; у насъ, свѣтскихъ, есть гордость, честолюбіе, самолюбіе, самоувѣренность въ своемъ совершенствѣ, вслѣдствіе которыхъ никто у насъ не послушается словъ и увѣщаній своего брата, какъ бы справедливы ни были, наконецъ, самыя развлеченія... Духовный же, каковъ бы онъ ни былъ, онъ все-таки болѣе или менѣе чувствуетъ, что ему должно быть всѣхъ смиреннѣе и всѣхъ ниже; притомъ уже въ самомъ ежедневно отправляемомъ имъ служеніи онъ слышитъ себѣ напоминаніе, словомъ — онъ ближе всѣхъ насъ къ возврату на путь свой, а, возвратясь на его самъ, можетъ возвратить и всѣхъ насъ. И потому, хотя бы вы встрѣтили изъ нихъ вовсе неспособнаго, не пренебрегайте, но поговорите съ нимъ хорошенько. Разспросите у каждаго, что́ такое его приходъ, чтобы онъ далъ вамъ полное понятіе, каковы у него въ приходѣ люди, и какъ онъ самъ понимаетъ и знаетъ ихъ. Не позабудьте, что я до сихъ поръ не знаю, что́ такое въ вашемъ городѣ мѣщанство и купечество; что они также начинаютъ модничать и курить сигарки, это дѣло повсюдное; мнѣ нужно взять изъ среды ихъ *живьемъ* котораго-нибудь, чтобы я видѣлъ его съ ногъ до головы во всѣхъ подробностяхъ. Итакъ, узнайте объ нихъ обо всѣхъ въ подробности... Одну сторону того дѣла вы узнаете отъ священниковъ, другую отъ полицмейстера, если потрудитесь съ нимъ хорошенько разговориться объ этомъ предметѣ, третью сторону узнаете отъ нихъ самихъ, если не побрезгуете разговориться съ которымъ-нибудь изъ нихъ, хотя при выходѣ изъ церкви въ воскресный день. Всѣ забранныя свѣдѣнія послужатъ къ тому, что очертятъ передъ вами примѣрный образъ мѣщанина и купца, чѣмъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ; въ уродѣ вы почувствуете идеалъ того, чего карикатурой сталъ уродъ. Если-жъ вы это почувствуете, тогда призывайте священниковъ и толкуйте съ ними: вы имъ скажете именно то, что́ имъ нужно—самое существо всякаго званія, то-есть, чѣмъ должно быть оно у насъ, и карикатуру на это званіе, то-есть, чѣмъ оно стало вслѣдствіе злоупотребленія нашего. Больше не прибавляйте ничего. Онъ будетъ самъ наведенъ на умъ, если только станетъ исправлять свою собственную жизнь. Священникамъ нашимъ особенно нужна бесѣда съ такими уже готовыми людьми, которые умѣли бы въ немногихъ, но яркихъ и мѣткихъ чертахъ очертить имъ предѣлы и обязанности всякаго званія и должности. Часто, единственно изъ-за этого, иной изъ нихъ не знаетъ, какъ ему быть съ прихожанами и слушателями, изъясняется общими мѣстами, не обращенными никакой стороной непосредственно къ предмету. Войдите также въ его собственное положеніе, помогите его женѣ и дѣтямъ, если приходъ у него бѣденъ. Кто погрубѣй и позадористѣй, погрозите тому *архіереемъ;* но вообще старайтесь лучше дѣйствовать нравственно. Напоминайте имъ, что обязанность ихъ слишкомъ страшна, что отвѣтъ они дадутъ больше, чѣмъ кто-нибудь изъ людей всякаго другого званія, что теперь и синодъ, и самъ государь обращаютъ особенное вниманіе на жизнь священника, что всѣмъ готовится переборка, потому что не только высшее правительство, но даже всѣ до единаго въ государствѣ частные люди начинаютъ замѣчать, что причина злу всего есть та, что священники стали нерадиво исполнять свои должности... Объявляйте имъ почаще тѣ страшныя истины, отъ которыхъ поневолѣ содрогнется ихъ душа. Словомъ — не пренебрегайте никакъ городскими священниками: съ помощію ихъ губернаторша можетъ произвести много нравственнаго вліянія на купечество, мѣщанство и всякое простое сословіе, обитающее въ городѣ, — такъ много вліянія, какъ даже вы представить себѣ не можете. Я назову вамъ только немного изъ того, что́ она можетъ сдѣлать, и укажу на средства, какъ она можетъ это сдѣлать: во-первыхъ... но я вспомнилъ, что я совершенно не имѣю никакого понятія о томъ, какого рода въ вашемъ городѣ мѣщанство и купечество: слова мои могутъ приттись не совсѣмъ кстати, лучше не произносить ихъ вовсе; скажу вамъ только то, что вы изумитесь потомъ, когда

увидите, сколько на этомъ поприщѣ предстоитъ вамъ такихъ подвиговъ, отъ которыхъ въ нѣсколько разъ больше пользы, чѣмъ отъ пріютовъ и всякихъ благотворительныхъ заведеній, которые не только не сопряжены ни съ какими пожертвованіями и трудами, но обратятся въ удовольствіе, въ отдохновеніе и развлеченье духа.

Старайтесь всѣхъ избранныхъ и лучшихъ въ городѣ подвигнуть также на дѣятельность общественную: всякій изъ нихъ можетъ сдѣлать много почти подобнаго вамъ. Ихъ можно подвигнуть. Если вы мнѣ дадите только полное понятіе объ ихъ характерахъ, образѣ жизни и занятіяхъ, я вамъ скажу, чѣмъ и какъ ихъ можно подстрекнуть: есть въ русскомъ человѣкѣ сокровенныя струны, которыхъ онъ самъ не знаетъ, по которымъ можно такъ ударить, что онъ весь встрепенется. Вы мнѣ уже назвали нѣкоторыхъ въ вашемъ городѣ какъ людей умныхъ и благородныхъ: я увѣренъ, что ихъ отыщется даже и болѣе. Не смотрите на отталкивающую наружность, не смотрите ни на непріятныя замашки, грубость, черствость, неловкость обращенія, ни даже на фанфаронство, щелкоперность поступковъ и всякія черезчуръ ловкія развязности. Мы всѣ въ послѣднее время обзавелись чѣмъ-то заносчиво-непріятнымъ въ обращеніи, но при всемъ томъ въ глубинѣ душъ нашихъ пребываетъ болѣе чѣмъ когда-либо добрыхъ чувствъ, несмотря на то, что мы загромоздили ихъ всякимъ хламомъ и даже просто заплевали ихъ сами. Особенно не пренебрегайте женщинами. Клянусь, женщины гораздо лучше насъ, мужчинъ: въ нихъ больше великодушія, больше отважности на все благородное; не глядите на то, что онѣ закружились въ вихрѣ моды и пустоты. Если только сумѣете заговорить съ ними языкомъ самой души, если только сколько-нибудь вы умѣете очертить передъ женщиной ея высокое поприще, котораго ждетъ теперь отъ нея міръ, — ея небесное поприще быть воздвижницей насъ на все прямое, благородное и честное, кликнуть кличъ человѣку на благородное стремленіе, то та же самая женщина, которую вы считали пустой, благородно вспыхнетъ вся вдругъ, взглянетъ на самоё себя, на свои брошенныя обязанности, подвигнетъ себя самоё на все честное, подвигнетъ своего мужа на исполненіе честнаго долга и, швырнувши далеко въ сторону свои тряпки, всѣхъ поворотитъ къ дѣлу. Клянусь, женщины у насъ очнутся прежде мужчинъ, благородно попрекнутъ насъ, благородно хлестнутъ и погонятъ насъ бичомъ стыда и совѣсти, какъ глупое стадо барановъ, прежде чѣмъ каждый изъ насъ успѣетъ очнуться и почувствовать, что ему слѣдовало давно побѣжать самому, не дожидаясь бича. Васъ полюбятъ, и полюбятъ сильно, да нельзя имъ не полюбить васъ, если узнаютъ вашу душу; но до того времени вы всѣхъ ихъ любите до единаго, никакъ не взирая на то, если бы кто-нибудь васъ и не любилъ...

Но письмо мое становится длинно. Чувствую, что начинаю говорить вещи, можетъ быть, не совсѣмъ приходящіяся кстати ни вашему городу, ни вамъ въ настоящую вашу минуту; но вы сами тому виной, не сообщивши мнѣ подробныхъ свѣдѣній ни о чемъ. До сихъ поръ я точно какъ въ лѣсу. Слышу только о какихъ-то неизлѣчимыхъ болѣзняхъ и не знаю, чѣмъ кто боленъ. А у меня обычай не вѣрить по слухамъ никакимъ неизлѣчимостямъ, и никогда не назову я никакую болѣзнь неизлѣчимой по тѣхъ поръ, пока не пощупаю ее моей собственной рукою. Итакъ, разсмотрите же вновь, ради меня, весь городъ, опишите все и всѣхъ, не избавляя никого отъ трехъ неизбѣжныхъ вопросовъ: въ чемъ состоитъ его должность, сколько на ней можно сдѣлать добра и сколько зла. Поступите, какъ прилежная ученица: сдѣлайте для этого тетрадку и не забывайте быть въ вашихъ объясненіяхъ со мной какъ можно обстоятельнѣй, не позабывайте, что я глупъ, рѣшительно глупъ, по тѣхъ поръ, пока не введутъ меня въ самое подробнѣйшее познаніе. Лучше воображайте, что передъ вами стоитъ ребенокъ или такой невѣжда, которому до послѣдней бездѣлушки нужно все истолковать: тогда только письмо ваше будетъ такъ, какъ слѣдуетъ. Я не знаю, отчего вы меня почитаете какимъ-то всезнайкой. Что мнѣ случилось вамъ кой-что предсказать и предсказанное сбылось, — это произошло единственно отъ того, что вы меня ввели въ тогдашнее положеніе души вашей. Велика важность этакъ угадать! Стóитъ только пристальнѣе вглядѣться въ настоящее, будущее вдругъ выступитъ само собою. Дуракъ тотъ, кто думаетъ о будущемъ мимо настоящаго. Онъ или совретъ, или скажетъ загадку. Я васъ между прочимъ еще побраню за слѣдующія ваши строки, которыя здѣсь выставлю вамъ передъ глаза: *„Грустно и даже горестно видѣть вблизи состояніе Россіи, но впрочемъ не слѣдуетъ объ этомъ говорить. Мы должны съ надеждой и свѣтлымъ взоромъ смотрѣть въ будущее, которое въ рукахъ милосердаго Бога“.* Въ рукахъ милосердаго Бога все: и настоящее, и прошедшее, и будущее. Отъ того и вся бѣда наша, что мы не глядимъ въ настоящее, а глядимъ въ будущее. Отъ того и бѣда вся, что иное въ немъ горестно и грустно, другое просто гадко; если же дѣлается не такъ, какъ бы намъ хотѣлось, мы махнемъ на все рукой и давай пялить глаза въ будущее. Отъ того Богъ и ума намъ не даетъ; отъ того и будущее виситъ у насъ у всѣхъ точно

на воздухѣ: слышатъ нѣкоторые, что оно хорошо, благодаря нѣкоторымъ передовымъ людямъ, которые тоже услышали его чутьемъ и еще не провѣрили законнымъ ариѳметическимъ выводомъ; но какъ достигнуть до этого будущаго, никто не знаетъ. Оно точно кислый виноградъ. Бездѣлицу позабыли: позабыли, что пути и дороги къ этому *свѣтлому* будущему сокрыты именно въ этомъ *темномъ* и *запутанномъ* настоящемъ, котораго никто не хочетъ узнавать; всякъ считаетъ его низкимъ и недостойнымъ своего вниманія и даже сердится, если выставляютъ его на видъ всѣмъ. Введите же хотя меня въ познаніе настоящаго. Не смущайтесь мерзостями и подавайте мнѣ всякую мерзость. Для меня мерзости не въ диковинку: я самъ довольно мерзокъ. Пока я еще мало входилъ въ мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходилъ отъ многаго въ уныніе, и мнѣ становилось страшно за Россію; съ тѣхъ же поръ, какъ я сталъ побольше всматриваться въ мерзости, я просвѣтлѣлъ духомъ: передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблагоговѣлъ еще болѣе предъ Провидѣньемъ. И теперь больше всего благодарю Бога за то, что сподобилъ Онъ меня, хотя отчасти, узнать мерзости, какъ мои собственныя, такъ и бѣдныхъ моихъ собратьевъ. И если есть во мнѣ какая-нибудь капля ума, свойственнаго не всѣмъ людямъ, такъ это отъ того, что всматривался я побольше въ эти мерзости. И если мнѣ удалось оказать помощь душевную нѣкоторымъ близкимъ моему сердцу, а въ томъ числѣ и вамъ, такъ это отъ того, что всматривался я побольше въ эти мерзости. И если я пріобрѣлъ наконецъ любовь къ людямъ не мечтательную, но существенную, такъ это все же наконецъ отъ того же самаго, что всматривался я побольше во всякія мерзости.

Не пугайтесь же мерзостію, и особенно не отвращайтесь отъ тѣхъ людей, которые вамъ кажутся почему-либо мерзки. Увѣряю васъ, что придетъ время, когда многіе у насъ на Руси изъ *чистенькихъ* горько заплачутъ, закрывъ руками лицо свое, именно отъ того, что считали себя слишкомъ чистыми, что хвалились чистотой своей и всякимъ возвышеннымъ стремленіемъ куда-то, считая себя чрезъ это лучшими другихъ. Помните же все это и, помолясь, примитесь снова за свои дѣла бодрѣй, свѣжѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Перечтите разъ пять, шесть мое письмо, именно изъ-за того, что въ немъ все разбросано и нѣтъ строгаго логическаго порядка, чему впрочемъ виной вы сами. Нужно, чтобы существо письма осталось все въ васъ, вопросы мои сдѣлались бы вашими вопросами, а желанье мое вашимъ желаньемъ, чтобы всякое слово и буква преслѣдовали васъ и мучили по тѣхъ поръ, пока не исполните моей просьбы такимъ именно образомъ, какъ я хочу.

1846.

XXII.

РУССКІЙ ПОМѢЩИКЪ.

ПИСЬМО КЪ Б. И. Б....У.

Главное то, что ты уже пріѣхалъ въ деревню и положилъ себѣ непремѣнно быть помѣщикомъ; прочее все придетъ само собою. Не смущайся мыслями, будто прежнія узы, связывавшія помѣщика съ крестьянами, изчезнули навѣки. [Что онѣ исчезли, это правда; что виноваты тому сами помѣщики, это тоже правда; но] чтобы навсегда или навѣки они исчезнули,—плюнь ты на такія слова: сказать ихъ можетъ только тотъ, кто далѣе своего носа ничего не видитъ. Русскаго ли человѣка, который такъ умѣетъ быть благодарнымъ за всякое добро, какому его ни надоумишь, русскаго ли человѣка трудно привязать къ себѣ? Такъ можно привязать, что послѣ будешь думать только о томъ, какъ бы его отвязать отъ себя. Если только исполнишь въ точности все то, что́ теперь тебѣ скажу, то къ концу же года увидишь, что я правъ. Возьмись за дѣло помѣщика, какъ слѣдуетъ за него взяться въ настоящемъ и законномъ смыслѣ. Собери прежде всего мужиковъ и объясни имъ, что́ такое ты, и что́ такое они: что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ; но потому, что ты уже есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бъ ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они также, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога. И покажи это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они всѣ это видѣли до единаго. Потомъ скажи имъ, что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія [и въ доказательство тутъ же сожги предъ ними ассигнаціи], и сдѣлай такъ, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли. Скажи имъ всю правду: что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ, и что по этому самому ты еще болѣе будешь смо-

трѣть за тѣмъ, чтобы они работали честно не только тебѣ, но и себѣ самимъ; ибо знаешь, да и они знаютъ, что, залѣнившись, мужикъ на все способенъ — сдѣлается и воръ, и пьяница, погубитъ свою душу, да и тебя поставитъ въ отвѣтъ передъ Богомъ. И все, что имъ не скажешь, подкрѣпи тутъ же словами Св. Писанія; покажи имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано; заставь каждаго передъ тѣмъ перекреститься, ударить поклонъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано. Словомъ—чтобы они видѣли ясно, что ты во всемъ, что до нихъ клонится, сообразуешься съ волею Божіею, а не съ своими какими-нибудь европейскими или иными затѣями. Мужикъ это поймете; ему не нужно много словъ. Объяви имъ всю правду: что душа человѣка дороже всего на свѣтѣ, и что прежде всего ты будешь глядѣть за тѣмъ, чтобы не погубилъ изъ нихъ кто-нибудь своей души и не предалъ бы ее на вѣчную муку. Во всѣхъ упрекахъ и выговорахъ, которые станешь дѣлать уличенному въ воровствѣ, лѣности или пьянствѣ, ставь его передъ лицомъ Бога, а не передъ своимъ лицомъ; покажи ему, чѣмъ онъ грѣшитъ противъ Бога, а не противъ тебя. И не упрекай его одного, но призови его бабу, его семью, собери сосѣдей. Попрекни бабу, зачѣмъ не отваживала отъ зла своего мужа и не грозила ему страхомъ Божіимъ; попрекни сосѣдей, зачѣмъ допустили, что ихъ же братъ, среди ихъ же, зажилъ собакою и губитъ ни про-что свою душу; докажи имъ, что дадутъ за то всѣ отвѣтъ Богу. Устрой такъ, чтобы на всѣхъ легла отвѣтственность и чтобы все, что ни окружаетъ человѣка, упрекало бы и не давало бы ему слишкомъ разстегнуться. Собери силу вліянія, а съ нею и отвѣтственность на головы примѣрныхъ хозяевъ и лучшихъ мужиковъ. Растолкуй имъ ясно, что они не затѣмъ, чтобы только самимъ хорошо жить, но чтобы и другихъ учить хорошему житію, что пьяница не можетъ учить пьяницу и что это ихъ долгъ. Негодямъ же и пьяницамъ повели, чтобы они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, приказчику, попу или даже самому тебѣ; чтобы, когда еще они завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, летѣли бы шапки съ головы у всѣхъ мужиковъ и все бы ему давало дорогу; а который посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе или не послушаться умныхъ словъ его, то распеки тутъ же при всѣхъ; скажи ему: „Ахъ, ты, невымытое рыло! Самъ весь зажилъ въ сажѣ, такъ что и глазъ не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! Поклонись же ему въ ноги и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ—собакой пропадешь“. А примѣрныхъ мужиковъ, призвавши къ себѣ и, если они старики, посадивши ихъ предъ собою, потолкуй съ ними о томъ, какъ они могутъ наставлять и учить добру другихъ, исполняя такимъ образомъ именно то, что повелѣлъ намъ Богъ. Такъ поступи только въ теченіе одного года, и увидишь самъ, какъ все пойдетъ на ладъ; даже и хозяйство отъ этого сдѣлается лучше. О главномъ только позаботься, прочее все приползетъ само собою. Христосъ не даромъ сказалъ: *„сія вся вамъ приложатся“*. Въ крестьянскомъ быту эта истина еще виднѣе, нежели въ настоящемъ: у нихъ богатый хозяинъ и хорошій человѣкъ — синонимы. И въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро.

Но вотъ, однакоже, тебѣ совѣтъ и въ хозяйствѣ. Только раскуси его хорошенько, и не будешь въ накладѣ. Два человѣка уже благодарятъ меня: одинъ изъ нихъ тебѣ знакомый К**. Собственно о томъ, какими отраслями хозяйства слѣдуетъ заниматься и какъ заниматься, я тебѣ не скажу: это знаешь ты лучше меня; притомъ и деревня твоя мнѣ не извѣстна такъ, какъ моя собственная ладонь; а относительно всякихъ нововведеній ты уменъ и смекнулъ самъ, что не только слѣдуетъ придерживаться всего стараго, но всмотрѣться въ него насквозь, чтобы изъ него же извлечь для него улучшеніе. Но я тебѣ дамъ совѣтъ насчетъ соприкосновенія помѣщика съ крестьяниномъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ и работахъ, что покамѣстъ нужнѣе всего прочаго. Припомни отношенія прежнихъ помѣщиковъ-хозяевъ къ ихъ мужикамъ: будь патріархомъ, самъ начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ. Заведи, чтобы при началѣ всякаго общаго дѣла, какъ-то: посѣва, покосовъ и уборки хлѣба былъ пиръ на всю деревню, чтобы въ эти дни былъ общій столъ для всѣхъ мужиковъ на твоемъ дворѣ, какъ бы въ день самаго Свѣтлаго Воскресенія, и обѣдалъ бы ты самъ вмѣстѣ съ ними, и вмѣстѣ съ ними вышелъ бы на работу, и въ работѣ былъ бы передовымъ, подстрекая всѣхъ работать молодцами, похваливая тутъ же удальца и укоряя тутъ же лѣнивца. Когда же наступитъ осень и кончатся полевыя работы, воспразднуй такимъ же образомъ и еще бо́льшимъ пиршествомъ окончаніе работъ, въ сопровожденіи торжественнаго и благодарственнаго молебна. Мужика не бей: съѣздить его въ рожу еще не большое искусство; это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ. Но умѣй пронять его хорошенько словомъ; ты же на мѣткія слова мастеръ. Ругни его при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь

народъ; это будетъ для него въ нѣсколько разъ полезнѣе всякихъ подзатыльниковъ и зуботычекъ. Держи у себя въ запасѣ всѣ синонимы *молодца* для того, кого нужно подстрекнуть, и всѣ синонимы *бабы* для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лѣнтяй и пьяница есть баба и дрянь. Выкопай слово еще похуже, словомъ — назови всѣмъ, чѣмъ только не хочетъ быть русскій человѣкъ. Въ комнатѣ не засиживайся, но появляйся, почаще на крестьянскихъ работахъ, и, гдѣ ни появляйся, появляйся такъ, что-бы отъ твоего прихода глядѣло все живѣе и веселѣе, изворачиваясь молодцомъ и щеголемъ въ работѣ. Подай и отъ себя силы словами: „Подхватимъ-ка разомъ, ребята, всѣ вмѣстѣ!“ Возьми самъ въ руки топоръ или косу; это будетъ тебѣ въ добро и полезнѣе для твоего здоровья всякихъ Маріенбадовъ, медицинскихъ моціоновъ и вялыхъ прогулокъ.

Замѣчанія твои о школахъ совершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову, и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ. Ты и самъ будешь дѣлать то же, когда станешь почаще выходить на работы. Деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки. Если въ комъ истинно уже зародится охота къ грамотѣ, и притомъ вовсе не затѣмъ, чтобы сдѣлаться плутомъ-конторщикомъ, но затѣмъ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ человѣку,—тогда другое дѣло. Воспитай его какъ сына и на него одного употреби все, что употребилъ бы ты на всю школу. Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. По-настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ.

[Кстати о священникѣ. Ты напрасно хлопочешь объ его перемѣнѣ и затѣваешь просить архіерея, чтобы онъ далъ тебѣ болѣе знающаго и опытнаго: такого священника онъ тебѣ не дастъ, потому что такой священникъ повсюду нуженъ. Выбрось даже изъ головы, чтобы могъ отыскаться священникъ, вполнѣ отвѣчающій твоему идеалу. Никакая семинарія и никакая школа не можетъ такъ воспитать священника. Въ семинаріи онъ получаетъ только начальное основаніе своего воспитанія, образуется же вполнѣ въ дѣлѣ жизнью. Будь самъ ему наставникомъ, ты же понялъ такъ хорошо обязанности сельскаго священника. Если священникъ дуренъ, то этому почти всегда виноваты сами помѣщики. Они, намѣсто того, чтобы призрѣть его у себя въ домѣ, какъ родного, поселить въ немъ желаніе бесѣды лучшей, которая могла бы его чему-нибудь поучить, бросятъ его среди мужиковъ, молодого и неопытнаго, когда онъ еще и не знаетъ, что такое мужикъ; поставятъ его въ такое положеніе, что онъ еще долженъ потворствовать и угождать имъ, намѣсто того, чтобы уже съ самаго начала имѣть надъ ними нѣкоторую власть, и послѣ этого вопіютъ, что у нихъ священники дурные, что они пріобрѣли мужицкія ухватки и ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ мужиковъ. Да я спрашиваю: кто не огрубѣетъ даже изъ приготовленныхъ и воспитанныхъ? А ты сдѣлай вотъ какъ. Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги: тебя же это чтеніе теперь занимаетъ и питаетъ болѣе всего. А самое главное, — бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ, чтобы сначала онъ былъ при тебѣ въ качествѣ помощника, чтобы онъ видѣлъ самолично всю продѣлку твою съ мужиками. Тутъ онъ увидитъ ясно, что такое помѣщикъ, что такое мужикъ, и каковы должны быть ихъ отношенія между собою. А между тѣмъ и къ нему будетъ больше уваженія со стороны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобою объ-руку. Сдѣлай такъ, чтобы онъ не нуждался въ домѣ своемъ, чтобы былъ обезпеченъ относительно собственнаго своего хозяйства, и черезъ то имѣлъ бы возможность быть съ тобою безпрестанно. Повѣрь, что онъ такъ привыкнетъ къ тебѣ, что ему будетъ скучно безъ тебя. А привыкнувши къ тебѣ, онъ отъ тебя нечувствительно наберется и познанія вещей, и познанія человѣка, и много всякаго добра, потому что въ тебѣ, слава Богу, всего этого довольно, и ты умѣешь такъ ясно и хорошо выражаться, что всякъ невольно усвояетъ себѣ не только твои мысли, но даже и образъ ихъ выраженія—и самыя слова твои.

Что же до проповѣди, которую ты полагаешь нужною, то на это я тебѣ скажу вотъ что. Я скорѣе того мнѣнія, что священнику, не вполнѣ наставленному въ своемъ дѣлѣ и не ознакомленному съ людьми, его окружающими, лучше вовсе не произносить проповѣди. Подумалъ ли ты о томъ, какое трудное дѣло сказать умную проповѣдь и особенно мужикамъ? Нѣтъ, лучше немного потерпи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока и священникъ побольше осмотрится, да и ты также; а до того времени посовѣтую тебѣ то, что одному уже посовѣтовалъ, и что, кажется, пошло

ему въ прокъ. Возьми Святыхъ Отцовъ и особенно Златоуста, говорю потому Златоуста, что Златоустъ, имѣя дѣло съ народомъ-невѣжею, принявшимъ только наружное христіанство, но въ сердцахъ оставшимся грубыми язычниками, старался быть особенно доступнымъ къ понятіямъ человѣка простого и грубаго, и говорилъ такимъ живымъ языкомъ о предметахъ нужныхъ, а даже часто очень высокихъ, что цѣликомъ можно обратить мѣста изъ проповѣдей его къ нашему мужику, и онъ пойметъ. Возьми Златоуста и читай его вмѣстѣ съ твоимъ священникомъ и притомъ съ карандашомъ въ рукѣ, чтобы отмѣчать тутъ же всѣ такія мѣста, а такихъ мѣстъ у Златоуста десятками во всякой проповѣди. И эти самыя мѣста пусть онъ скажетъ народу; не нужно, чтобы они были длинны: страничка или даже полстранички; чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Но нужно, чтобы передъ тѣмъ, какъ произносить ихъ народу, священникъ прочиталъ ихъ нѣсколько разъ съ тобою вмѣстѣ, затѣмъ, чтобы умѣть ихъ произнести ему не только съ одушевленіемъ, но такимъ убѣдительнымъ голосомъ, какъ бы онъ хлопоталъ о какой-нибудь собственной выгодѣ своей, отъ которой зависитъ благополучіе его жизни. Увидишь, что это будетъ дѣйствительнѣе, нежели его собственная проповѣдь. Народу нужно мало говорить, но мѣтко, — не то онъ можетъ привыкнуть къ проповѣди такъ же, какъ привыкнулъ къ ней высшій кругъ, который ѣздитъ слушать знаменитыхъ европейскихъ проповѣдниковъ такимъ же самымъ образомъ, какъ ѣздитъ въ оперу или въ спектакль. У К. К* священникъ не говоритъ никакой проповѣди, но, зная насквозь всѣхъ мужиковъ, поджидаетъ только исповѣди. И на исповѣди такъ пройметъ изъ нихъ всякаго, что онъ какъ изъ бани выходитъ изъ церкви. З** послалъ къ нему нарочно исповѣдывать 30 человѣкъ рабочихъ съ своей фабрики, пьяницъ и мошенниковъ первѣйшаго разбора, а самъ сталъ на паперти церковной, чтобы посмотрѣть имъ въ лица въ то время, какъ они будутъ выходить изъ церкви. Всѣ вышли красные, какъ раки. А кажется немного и держалъ ихъ на исповѣди; по 4 и по 5 человѣкъ исповѣдывалъ вдругъ. И послѣ того, по сказанію самого З**, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не показывался ни одинъ изъ нихъ въ кабакѣ, такъ что окружные цѣловальники не могли приложить ума, отъ чего это случилось].

Но довольно. Поработай усердно только годъ, а тамъ дѣло уже само собою пойдетъ работаться такъ, что не нужно будетъ тебѣ и рукъ прилагать. Разбогатѣешь ты, какъ Крезъ, въ противность тѣмъ подслѣповатымъ людямъ, которые думаютъ, будто выгоды помѣщика идутъ врознь съ выгодами мужиковъ. Ты имъ докажешь дѣломъ, а не словами, что они врутъ, и что если только помѣщикъ взглянулъ глазомъ христіанина на свою обязанность, то не только онъ можетъ укрѣпить старыя связи, о которыхъ толкуютъ, будто онѣ исчезнули на вѣки, но связь ихъ новыми, еще сильнѣйшими связями,—связями во Христѣ, которыхъ уже ничто не можетъ быть сильнѣе. И ты, не служа доселѣ ревностно ни на какомъ поприщѣ, сослужишь такую службу государю въ званіи помѣщика, какой не сослужитъ иной великочиновный человѣкъ. Что ни говори, но поставить 800 подданныхъ, которые всѣ какъ одинъ и могутъ быть примѣромъ всѣмъ окружающимъ своею истинно-примѣрною жизнію—это дѣло не бездѣльное и служба истинно-законная и великая.

1846.

XXIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ИВАНОВЪ.

Письмо къ М. Ю. Виельгурскому.

Пишу къ вамъ объ Ивановѣ. Что за непостижимая судьба этого человѣка! Ужъ дѣло его стало, наконецъ, всѣмъ объясняться; всѣ увѣрились, что картина, которую онъ работаетъ,—явленіе небывалое, приняли участіе въ художникѣ, хлопочутъ со всѣхъ сторонъ о томъ, чтобы даны были ему средства кончить ее, [чтобы не умеръ надъ ней съ голоду художникъ,—говорю буквально: не умеръ съ голоду]—и до сихъ поръ ни слуху, ни духу изъ Петербурга. [Ради Христа разберите, что это все значитъ. Сюда принеслись нелѣпые слухи, будто художники и всѣ профессора нашей Академіи Художествъ, боясь, чтобы картина Иванова не убила собою все, что было доселѣ произведено нашимъ художествомъ, изъ зависти стараются о томъ, чтобъ ему не были даны средства на окончаніе. Это ложь, я въ этомъ увѣренъ. Художники наши благородны и если бы они узнали все то, что вытерпѣлъ бѣдный Ивановъ изъ-за своего безпримѣрнаго самоотверженія и любви къ труду, рискуя дѣйствительно умереть съ голоду, они бы съ нимъ подѣлились братски своими собственными деньгами, а не то, чтобы внушать другимъ такое жестокое дѣло. Да и чего имъ опасаться Иванова? Онъ идетъ своею собственною дорогою и никому не помѣха. Онъ не только не ищетъ профессорскаго мѣста и житейскихъ выгодъ, но даже просто ничего не ищетъ, потому что уже давно умеръ для всего въ мірѣ, кромѣ своей работы. Онъ молитъ [о нищенскомъ содержаніи,] о томъ содержаніи, которое дается только начинающему работать ученику, а не о томъ, которое

слѣдуетъ ему, какъ мастеру, сидящему надъ такимъ колоссальнымъ дѣломъ, какого не затѣвалъ доселѣ никто; и этого [нищенскаго] содержанія, о которомъ всѣ стараются и хлопочутъ, не можетъ онъ допроситься, несмотря на хлопоты всѣхъ. Воля ваша, я вижу во всемъ этомъ волю Провидѣнія, уже такъ опредѣлившую, чтобы Ивановъ вытерпѣлъ, выстрадалъ и вынесъ все: другому ничему не могу приписать.

Доселѣ раздавался ему упрекъ въ медленности. Говорили всѣ: „Какъ! восемь лѣтъ сидѣлъ надъ картиною, и до сихъ поръ картинѣ нѣтъ конца!“ Но теперь этотъ упрекъ затихнулъ, когда увидѣли, что и капля времени у художника не пропала даромъ, что однихъ этюдовъ, приготовленныхъ имъ для картины, наберется на цѣлый залъ и можетъ составить отдѣльную выставку, что необыкновенная величина самой картины, которой равной еще не было (она больше картинъ Брюлова и Бруни), требовала слишкомъ много времени для работы, особенно при тѣхъ малыхъ денежныхъ средствахъ, которыя не давали ему возможности имѣть нѣсколько моделей вдругъ, и притомъ такихъ, какихъ бы онъ хотѣлъ. Словомъ—теперь всѣ чувствуютъ нелѣпость упрека въ медленности и лѣни такому художнику, который, какъ труженикъ, сидѣлъ всю жизнь свою надъ работою и позабылъ даже, существуетъ ли на свѣтѣ какое-нибудь наслажденіе, кромѣ работы. Еще болѣе будетъ стыдно тѣмъ, которые упрекали его въ медленности, когда узнаютъ и другую сокровенную причину медленности. Съ производствомъ этой картины связалось собственное душевное дѣло художника,—явленіе слишкомъ рѣдкое въ мірѣ, явленіе, въ которомъ вовсе не участвуетъ произволъ человѣка, но воля Того, Кто выше человѣка. Такъ уже было опредѣлено, чтобъ надъ этою картиною совершилось воспитаніе собственно художника, какъ въ рукотворномъ дѣлѣ искусства, такъ и въ мысляхъ, направляющихъ искусство къ законному и высшему назначенію. Предметъ картины, какъ вы уже знаете, слишкомъ значителенъ. Изъ евангельскихъ мѣстъ взято самое труднѣйшее для исполненія, доселѣ еще небранное никѣмъ изъ художниковъ даже прежнихъ богомольно-художественныхъ вѣковъ, а именно—первое появленіе Христа народу. Картина изображаетъ пустыню на берегу Іордана. Всѣхъ виднѣе Іоаннъ Креститель, проповѣдающій и крестящій во имя Того, Котораго еще никто не видалъ изъ народа. Его обступаетъ толпа нагихъ и раздѣвающихся, одѣвающихся и одѣтыхъ, выходящихъ изъ водъ и готовыхъ погрузиться въ воды; въ толпѣ этой стоятъ и будущіе ученики Самого Спасителя. Все, отправляя свои различныя тѣлесныя движенія, устремляется внутреннимъ ухомъ къ рѣчамъ пророка, какъ бы схватывая изъ устъ его каждое слово и выражая на лицахъ различныя чувства: на однихъ уже полная вѣра; на другихъ еще сомнѣніе; третьи уже колеблются; четвертые понурили головы въ сокрушеніи и покаяніи; есть и такіе, на которыхъ видна еще кора и безчувственность сердечная. Въ это самое время, когда все движется такими различными движеніями, показывается вдали Тотъ Самый, во имя Котораго уже совершилось крещеніе — и здѣсь настоящая минута картины. Предтеча взятъ именно въ тотъ мигъ, когда, указавши на Спасителя перстомъ, произноситъ: „*Се Агнецъ, вземляй грѣхи міра!*“ И вся толпа, не оставляя выраженія лицъ своихъ, устремляется или глазомъ, или мыслью къ Тому, на Котораго указалъ пророкъ. Сверхъ прежнихъ, не успѣвшихъ сбѣжать съ лицъ, впечатлѣній, пробѣгаютъ по всѣмъ лицамъ новыя впечатлѣнія. Чуднымъ свѣтомъ освѣтились лица передовыхъ избранныхъ, тогда какъ другіе стараются еще войти въ смыслъ непонятныхъ словъ, недоумѣвая, какъ можетъ одинъ взять на себя грѣхи всего міра, а третьи сомнительно колеблютъ головой, говоря: „отъ Назарета пророкъ не приходитъ“. А Онъ, въ небесномъ спокойствіи и чудномъ отдаленіи, тихою и твердою стопою уже приближается къ людямъ.

Бездѣлица — изобразить на лицахъ весь этотъ ходъ *обращенія человѣка ко Христу!* Есть люди, которые увѣрены, что великому художнику все доступно: земля, море, человѣкъ, [лягушка, драка и пирушка людей, игра въ карты] и моленіе Богу, словомъ — все можетъ достаться ему легко, будь только онъ талантливый художникъ, да поучись въ академіи. Художникъ можетъ изобразить только то, что онъ *почувствовалъ*, и о чемъ въ головѣ его составилась уже полная идея; иначе картина будетъ мертвая, академическая картина. Ивановъ сдѣлалъ все, что другой художникъ почелъ бы достаточнымъ для окончанія картины. Вся матеріальная часть, все, что относится до умнаго и строгаго размѣщенія группы въ картинѣ, исполнено въ совершенствѣ. Самыя лица получили свое типическое, согласно Евангелію, сходство и съ тѣмъ вмѣстѣ сходство еврейское. Вдругъ слышишь по лицамъ, въ какой землѣ происходитъ дѣло. Ивановъ повсюду ѣздилъ нарочно изучать для того еврейскія лица. Все, что ни касается до гармоническаго размѣщенія цвѣтовъ, одежды человѣка и до обдуманной ея наброски на тѣло, изучено въ такой степени, что всякая складка привлекаетъ вниманіе знатока. Наконецъ, вся ландшафтная часть, на которую обыкновенно не много смотритъ историческій живописецъ, видъ всей живописной пустыни, окружающей группу, исполненъ такъ, что изумляются сами ландшафтные

живописцы, живущіе въ Римѣ. Ивановъ для этого просиживалъ по нѣсколькимъ мѣсяцамъ въ нездоровыхъ Понтійскихъ болотахъ и пустынныхъ мѣстахъ Италіи, перенесъ въ свои этюды всѣ дикія захолустья, [находящіяся вокругъ Рима, изучилъ всякій камушекъ и древесный листокъ, словомъ— сдѣлалъ все, что̀ могъ сдѣлалъ, все изобразилъ, чему только нашелъ образецъ. Но какъ изобразить то, чему еще не нашелъ художникъ образца? Гдѣ могъ найти онъ образецъ для того, чтобы изобразить главное, составляющее задачу всей картины—представить въ лицахъ весь ходъ человѣческаго обращенія ко Христу? Откуда могъ онъ взять его? Изъ головы? Создать воображеніемъ? Постигнуть мыслью? Нѣтъ, пустяки! Холодна для этого мысль и ничтожно воображеніе. Ивановъ напрягалъ воображеніе, елико могъ, старался на лицахъ всѣхъ людей, съ какими ни встрѣчался, ловить высокія движенія душевныя, оставался въ церквахъ слѣдить за молитвою человѣка — и видѣлъ, что все безсильно и недостаточно и не утверждаетъ въ его душѣ полной идеи о томъ, что̀ нужно. И это было предметомъ сильныхъ страданій его душевныхъ и виною того, что картина такъ долго затянулась. Нѣтъ, пока въ самомъ художникѣ не произошло истиннаго обращенія ко Христу, не изобразить ему того на полотнѣ! Ивановъ молилъ Бога о ниспосланіи ему такого полнаго обращенія, лилъ слезы въ тишинѣ, прося у Него же силъ исполнить Имъ же внушенную мысль; а въ это время упрекали его въ медленности и торопили его! Ивановъ просилъ у Бога, чтобы огнемъ благодати испепелилъ въ немъ ту холодную черствость, которою теперь страждутъ многіе наилучшіе и наидобрѣйшіе люди, и вдохновилъ бы его такъ изобразить это обращеніе, чтобы умилился и нехристіанинъ, взглянувши на его картину; а его въ это время укоряли даже знавшіе люди, даже пріятели, думая, что онъ просто лѣнится, и помышляли серьезно о томъ, нельзя ли голодомъ и отнятіемъ всѣхъ средствъ заставить его кончить картину. Сострадательнѣйшіе изъ нихъ говорили: „самъ же виноватъ: пусть бы большая картина шла своимъ чередомъ, въ промежуткахъ могъ бы онъ работать малыя картины, брать за нихъ деньги и не умереть съ голода“,— говорили, не вѣдая того, что художнику, которому трудъ его, по волѣ Бога, обратился въ его душевное дѣло, уже невозможно заняться никакимъ другимъ трудомъ, и нѣтъ у него промежутковъ; не устремится и мысль его ни къ чему другому, какъ онъ ее ни принуждай и ни насилуй. Такъ вѣрная жена, полюбившая истинно своего мужа, не полюбитъ уже никого другого, никому не продастъ за деньги своихъ ласкъ, хотя бы этимъ средствомъ и могла спасть отъ бѣдности и себя, и мужа. Вотъ каковы были обстоятельства душевныя Иванова! Вы скажете: „Да зачѣмъ же онъ не изложилъ всего этого на бумагѣ? зачѣмъ не описалъ ясно своего дѣйствительнаго положенія? тогда бы ему вдругъ были высланы деньги“. Да, какъ бы не такъ! Попробуй кто-нибудь изъ насъ, еще не доказавшій силъ, еще не умѣющій самому себѣ высказать себя, объясняться съ людьми, стоящими на другихъ поприщахъ, которые не могутъ, весьма естественно, даже постигнуть, что можетъ существовать въ искусствѣ его высшая степень, свыше той, на которой оно стоитъ въ нынѣшнемъ модномъ вѣкѣ! Неужели ему сказать: „Я произведу одно такое дѣло, которое васъ потомъ изумитъ, но котораго вамъ не могу теперь разсказать, потому что многое, покуда, и мнѣ самому еще не совсѣмъ понятно, а вы, во все то время, какъ я буду сидѣть надъ работою, ждите терпѣливо и давайте мнѣ деньги на содержаніе?“ Тогда, пожалуй, явится много такихъ охотниковъ, которые заговорятъ такимъ же образомъ; да имъ развѣ безумецъ дастъ деньги. Положимъ даже, что Ивановъ могъ бы въ это неясное время выразиться ясно и сказать такъ: „Мнѣ внушена кѣмъ-то свыше преслѣдующая меня мысль — изобразить кистью обращеніе человѣка ко Христу. Я чувствую, что не могу этого сдѣлать, не обратившись истинно самъ. А потому ждите, покуда во мнѣ самомъ не произойдетъ этого обращенія, и давайте до того времени мнѣ деньги на мое содержаніе и на мою работу“. Да ему тогда въ одинъ голосъ закричимъ мы всѣ: „Что̀ ты, братъ, за нескладицу городишь? за дураковъ, что̀ ли, насъ принялъ? Что̀ за связь у души съ картиною? Душа сама по себѣ, а картина сама по себѣ. [Что̀ намъ ждать твоего обращенія? Ты долженъ быть и безъ того христіанинъ; вѣдь вотъ мы же всѣ истинные христіане“]. Вотъ что̀ мы скажемъ всѣ Иванову, и каждый изъ насъ почти правъ. Не будь этихъ же самыхъ тяжелыхъ его обстоятельствъ и внутреннихъ терзаній душевныхъ, которыя силою заставили его обратиться жарче другихъ къ Богу и дали ему способность къ Нему прибѣгать и жить въ Немъ такъ, какъ не живетъ въ Немъ нынѣшній свѣтскій художникъ, и выплакать слезами тѣ чувства, которыхъ онъ силился добыть прежде одними размышленіями—не изобразить бы ему никогда того, что̀ начинаетъ онъ уже изображать теперь на полотнѣ, и онъ дѣйствительно бы обманулъ и себя, и другихъ, несмотря на все желаніе не обмануть.

Не думайте, чтобы легко было изъясниться съ людьми во время переходнаго состоянія душевнаго, когда, по волѣ Бога, начнется переработка въ собственной природѣ человѣка. Я это знаю и от-

части даже испыталъ самъ. Мои сочиненія тоже связались чуднымъ образомъ съ моею душою и моимъ внутреннимъ воспитаніемъ. Въ продолженіе болѣе шести лѣтъ я ничего не могъ работать для свѣта. Вся работа производилась во мнѣ и собственно для меня. А существовалъ я дотолѣ,— не позабудьте, — единственно доходами съ моихъ сочиненій. Всѣ почти знали, что я нуждался; но были увѣрены, что это происходитъ отъ собственнаго моего упрямства, что мнѣ стóитъ только присѣсть да написать небольшую вещь, чтобы получить большія деньги; а я не въ силахъ былъ произвести ни одной строки, и когда, послушавшись совѣта одного неразумнаго человѣка, вздумалъ было заставить себя насильно написать коекакія статейки для журнала, это было мнѣ въ такой степени трудно, что ныла моя голова, болѣли всѣ чувства, я маралъ и раздиралъ страницы, и послѣ двухъ, трехъ мѣсяцевъ такой пытки такъ разстроилъ здоровье, которое и безъ того было плохо, что слегъ въ постель, а присоединившіеся къ тому недуги нервическіе и наконецъ недуги отъ неумѣнья никому въ свѣтѣ изъяснить состояніе своего положенія до того меня изнурили, что былъ я уже на краю гроба. И два раза случилось почти то же. Одинъ разъ, въ прибавленіе ко всему этому, я очутился въ городѣ, гдѣ не было почти ни души мнѣ близкой, безъ всякихъ средствъ, рискуя умереть, не только отъ болѣзни и страданій душевныхъ, но даже отъ голода. Это было уже давно тому. [Спасенъ я былъ государемъ: нежданно ко мнѣ пришла отъ него помощь. Услышалъ ли онъ сердцемъ, что бѣдный подданный его на своемъ неслужащемъ и незамѣтномъ поприщѣ помышлялъ сослужить ему такую же честную службу, какую сослужили ему другіе на своихъ служащихъ и замѣтныхъ поприщахъ, или это было просто обычное движеніе милости его; но эта помощь меня подняла вдругъ. Мнѣ было пріятно въ эту минуту быть обязану ему, а не кому-либо другому. Къ причинамъ, побудившимъ взяться съ новою силою за трудъ, присоединилась еще и мысль, — если удостоитъ меня Богъ сдѣлаться точно человѣкомъ близкимъ для многихъ людей и достойнымъ точно любви всѣхъ тѣхъ, которыхъ люблю,—сказать имъ: „не забывайте же, меня бы не было, можетъ быть, на свѣтѣ, если-бъ не государь“.] Вотъ каковы бываютъ положенія! Въ прибавленіе скажу вамъ, что въ это же самое время я долженъ былъ слышать обвиненія въ эгоизмѣ: многіе не могли мнѣ простить моего неучастія въ разныхъ дѣлахъ, которыя они затѣвали, по ихъ мнѣнію, для блага общаго. Слова мои, что я не могу писать и не долженъ работать ни для какихъ журналовъ и альманаховъ, принимались за выдумку. Самая жизнь моя, которую я велъ въ чужихъ краяхъ, приписана была сибаритскому желанію наслаждаться красотами Италіи. Я не могъ даже изъяснить никому изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей, что, кромѣ нездоровья, мнѣ нужно было временное отдаленіе отъ нихъ самихъ, затѣмъ именно, чтобы не попасть въ фальшивыя отношенія съ ними и не нанести имъ же непріятностей—я даже этого не могъ объяснить! Я слышалъ самъ, что мое душевное состояніе до того сдѣлалось странно, что ни одному человѣку въ мірѣ не могъ бы я разсказать его понятно. Силясь открыть хотя одну часть себя, я видѣлъ тутъ же передъ моими глазами, какъ моими же словами туманилъ и кружилъ голову слушавшему меня человѣку, и горько раскаивался за одно даже желаніе быть откровеннымъ. Клянусь, бываютъ такъ трудны положенія, что ихъ можно уподобить только положенію того человѣка, который находится въ летаргическомъ снѣ, который видитъ самъ, какъ его погребаютъ живого — и не можетъ даже пошевельнуть пальцемъ и подать знака, что онъ еще живъ. Нѣтъ, храни Богъ въ эти минуты переходнаго состоянія душевнаго пробовать объяснять себя какому-нибудь человѣку; нужно бѣжать къ одному Богу, и ни къ кому болѣе. Противъ меня стали несправедливы многіе, даже близкіе мнѣ люди, и были въ то же время совсѣмъ невиноваты: я бы самъ сдѣлалъ то же, находясь на ихъ мѣстѣ.

То же самое и въ дѣлѣ Иванова: если бы случилось, чтобы онъ умеръ отъ бѣдности и недостатка средствъ, вдругъ бы все исполнилось негодованія противъ тѣхъ, которые допустили это; пошли бы обвиненія въ безчувственности и зависти къ нему другихъ художниковъ. Иной драматическій поэтъ составилъ бы изъ этого чувствительную драму, которою растрогалъ бы слушателей и подвигнулъ бы гнѣвомъ противу враговъ его. И все это было бы ложь, потому что, точно, никто не былъ бы истинно виновенъ въ его смерти. Одинъ только человѣкъ былъ бы безчестенъ и виноватъ, и этотъ человѣкъ былъ бы—я: я испробовалъ почти то же состояніе, испробовалъ его на собственномъ тѣлѣ, и не объяснилъ того другимъ! И вотъ почему я теперь пишу къ вамъ. Устройте же это дѣло; не то—грѣхъ будетъ на вашей собственной душѣ; съ моей души я уже снялъ его этимъ самымъ письмомъ; теперь онъ повиснулъ на васъ. [Сдѣлайте такъ, чтобы не только было выдано Иванову то пищенское содержаніе, которое онъ проситъ; но еще сверхъ того единовременная награда, именно за то самое, что онъ работалъ долго надъ своею картиною и не хотѣлъ въ это время ничего работать посторонняго, какъ ни заставляли его другіе люди, и какъ ни заставляла его собственная нужда]. Не

скупитесь: деньги всѣ вознаградятся. Достоинство картины уже начинаетъ обнаруживаться всѣмъ. Весь Римъ начинаетъ говорить гласно, судя даже по нынѣшнему ея виду, въ которомъ далеко еще не выступила вся мысль художника, что подобнаго явленія еще не показывалось отъ временъ Рафаэля и Леонардо-да Винчи. Будетъ окончена картина [—бѣднѣйшій дворъ въ Европѣ заплатитъ за нее охотно тѣ деньги, какія теперь платятъ за вновь находимыя картины прежнихъ великихъ мастеровъ]. Такимъ картинамъ не бываетъ цѣна меньше ста или двухсотъ тысячъ. [Устройте такъ, чтобы награда выдана была не за картину, но за самоотверженіе и безпримѣрную любовь къ искусству, чтобы это послужило въ урокъ художникамъ. Урокъ этотъ нуженъ, чтобы видѣли всѣ другіе, какъ нужно любить искусство,—что нужно, какъ Ивановъ, умереть для всѣхъ приманокъ жизни; какъ Ивановъ, учиться и считать себя вѣкъ ученикомъ; какъ Ивановъ, отказывать себѣ во всемъ, даже и въ лишнемъ блюдѣ въ праздничный день; какъ Ивановъ, надѣть простую плисовую куртку, когда оборвались всѣ средства, и пренебречь пустыми приличіями; какъ Ивановъ, вытерпѣть все и при высокомъ и нѣжномъ образованіи душевномъ, при бо́льшей чувствительности ко всему, вынести всѣ колкія пораженія и даже то, когда угодно было нѣкоторымъ провозгласить его сумасшедшимъ и распустить этотъ слухъ такимъ образомъ, чтобы онъ собственными своими ушами, на всякомъ шагу, могъ его слышать. За эти-то подвиги нужно, чтобы ему была выдана награда. Это нужно особенно для художниковъ молодыхъ и выступающихъ на поприще художества, чтобы не думали они о томъ, какъ заводить галстучки да сертучки, да дѣлать долги для поддержанія какого-то вѣса въ обществѣ; чтобы знали впередъ, что подкрѣпленіе и помощь со стороны правительства ожидаетъ только тѣхъ, которые уже не помышляютъ о сертучкахъ да о пирушкахъ съ товарищами, но отдались своему дѣлу, какъ монахъ монастырю. Хорошо бы даже, если бы выданная Иванову сумма была слишкомъ велика, чтобы невольно почесали у себя въ затылкѣ всѣ другіе. Не бойтесь, эту сумму онъ не возьметъ себѣ; можетъ быть, изъ нея и копѣйки не возьметъ для себя: эта сумма будетъ вся употреблена на вспомоществованіе истиннымъ тружениками искусства, которыхъ знаетъ художникъ лучше, нежели какой-либо чиновникъ, и распоряженія по этому дѣлу будутъ произведены лучше чиновническихъ. За чиновникомъ мало ли что́ можетъ водиться: у него можетъ случиться и жена-модница, и пріятели-ѣдоки, которыхъ нужно угощать обѣдомъ; чиновникъ заведетъ и штатъ, и блескъ; станетъ даже утверждать, что для поддержанія чести русской націи нужно задать пыли иностранцамъ, и потребуетъ на это деньги. Но тотъ, кто самъ подвизался на томъ поприщѣ, которому потомъ долженъ помочь, кто слышалъ вопль потребности и нужды истинной, а не поддѣльной, кто терпѣлъ самъ и видѣлъ, какъ терпятъ другіе, и соскорбѣлъ имъ, и дѣлился послѣдней рубашкой съ неимущимъ труженикомъ въ то время, когда и самому нечего было ѣсть и не во что́ одѣться, какъ дѣлалъ это Ивановъ, тотъ — другое дѣло. Тому можно смѣло повѣрить милліонъ и спать спокойно: не пропадетъ даромъ копѣйки изъ этого милліона]. Поступите же справедливо, а письмо мое покажите другимъ, какъ моимъ, такъ и вашимъ пріятелямъ, и особенно такимъ, которыхъ управленію ввѣрена какая-нибудь часть, потому что труженики, подобные Иванову, могутъ случиться на всѣхъ поприщахъ, и все-таки не нужно допускать, чтобы они умерли съ голоду. Если случится, что одинъ, отдѣлившись отъ всѣхъ другихъ, займется крѣпче всѣхъ своимъ дѣломъ, хотя бы даже и своимъ собственнымъ, но если онъ скажетъ, что это повидимому собственное его дѣло будетъ нужно для всѣхъ, считайте его какъ бы на службѣ у людей и выдавайте насущное прокормленіе. А чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли здѣсь какого обмана, потому что подъ такимъ видомъ можетъ пробраться лѣнивый и ничего не дѣлающій человѣкъ, слѣдите за его собственною жизнію: его собственная жизнь скажетъ все. Если онъ такъ же, какъ Ивановъ, плюнулъ на всѣ приличія и условія свѣтскія, надѣлъ простую куртку и, отогнавши отъ себя мысль не только объ удовольствіяхъ и пирушкахъ, но даже мысль завестись когда-либо женою и семействомъ или какимъ-либо хозяйствомъ, ведетъ жизнь истинно-монашескую, корпя день и ночь надъ своею работою и молясь ежеминутно,—тогда нечего долго разсуждать, а нужно дать ему средства работать: не зачѣмъ также торопить и подталкивать его—оставьте его въ покоѣ: подтолкнетъ его Богъ безъ васъ: ваше дѣло только смотрѣть за тѣмъ, чтобы онъ не умеръ съ голода. Не давайте ему большого содержанія; давайте ему бѣдное и нищенское, даже и не соблазняйте его соблазнами свѣта. Есть люди, которые должны вѣкъ остаться нищими. Нищенство есть блаженство, котораго еще не раскусилъ свѣтъ; но кого Богъ удостоилъ отвѣдать его сладость и кто уже возлюбилъ истинно свою нищенскую сумку, тотъ не продастъ ея ни за какія сокровища здѣшняго міра.

1846.

XXIV.

ЧѢМЪ МОЖЕТЪ БЫТЬ ЖЕНА ДЛЯ МУЖА ВЪ ПРОСТОМЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ, ПРИ НЫНѢШНЕМЪ ПОРЯДКѢ ВЕЩЕЙ ВЪ РОССІИ.

Долго думалъ я, на кого изъ васъ напасть: на васъ или на вашего мужа? Наконецъ рѣшаюсь напасть на васъ: женщина скорѣе способна очнуться и двинуться. Положеніе васъ обоихъ, хотя вы считаете себя на верху блаженства, по мнѣ, не только не блаженно, но даже хуже положенія тѣхъ, которые считаютъ себя въ горѣ и несчастіи. У васъ обоихъ есть много хорошихъ качествъ душевныхъ, сердечныхъ и даже умственныхъ, и нѣтъ только того, безъ чего все это ни къ чему не послужитъ: нѣтъ внутри себя управленія собою. Никто изъ васъ не господинъ себѣ. Въ васъ нѣтъ характера, признавая характеромъ *крѣпость воли*. Вашъ мужъ, чувствуя этотъ недостатокъ въ себѣ, женился нарочно затѣмъ, чтобы найти въ женѣ себѣ возбужденіе на всякое дѣло и подвигъ. Вы за него вышли замужъ затѣмъ, чтобы онъ былъ вашимъ возбудителемъ во всякомъ дѣлѣ жизни. Оба другъ отъ друга ждутъ того, чего нѣтъ у обоихъ. Говорю вамъ: положеніе ваше не только не блаженно, но даже опасно. Вы оба расплыветесь среди жизни, какъ мыло въ водѣ. Всѣ ваши достоинства и добрыя качества исчезнутъ въ безпорядкѣ дѣйствій, который одинъ сдѣлается вашимъ характеромъ, и будете вы оба — олицетворенное безсиліе. Молите Бога о *крѣпости*. У Бога можно все вымолить, даже крѣпость, которую, какъ извѣстно, никакими средствами не можетъ достать безсильный и слабый человѣкъ. Поступите только умно. *Молись и къ берегу гребись*, говоритъ пословица. Произносите въ себѣ и по утру, и въ полдень, и ввечеру, и во всѣ часы дня: „Боже, собери меня всю въ самоё меня и укрѣпи!“ и дѣйствуйте въ продолженіе цѣлаго года такъ, какъ я вамъ сейчасъ скажу, не разсуждая покуда, зачѣмъ и къ чему это. Всю хозяйственную часть дома возьмите на себя; приходъ и расходъ чтобы былъ въ вашихъ рукахъ. Не ведите общей расходной книги, но съ самаго начала года сдѣлайте смѣту всему впередъ, обнимите всѣ нужды ваши, сообразите впередъ, сколько можете и сколько вы должны издержать въ годъ, сообразно вашему достатку, и все приведете въ круглыя суммы. Раздѣлите ваши деньги на семь почти равныхъ кучъ. Въ первой кучѣ будутъ деньги на квартиру, съ отопкою, водою, дровами и всѣмъ, что ни относится до стѣнъ дома и чистоты двора; во второй кучѣ — деньги на столъ и на все съѣстное съ жалованьемъ повару и продовольствіемъ всего, что ни живетъ въ вашемъ домѣ; въ третьей кучѣ — экипажъ: карета, кучеръ, лошади, сѣно, овесъ, словомъ — все, что относится къ этой части; въ четвертой кучѣ — деньги на гардеробъ, то-есть, все, что нужно для васъ обоихъ затѣмъ, чтобы показаться въ свѣтъ или сидѣть дома; въ пятой кучѣ будутъ ваши карманныя деньги; въ шестой кучѣ — деньги на чрезвычайныя издержки, какія могутъ встрѣтиться: перемѣна мебели, покупка новаго экипажа и даже вспомоществованіе кому-нибудь изъ вашихъ родственниковъ, если бы онъ возымѣлъ внезапную надобность; седьмая куча — Богу, то-есть, деньги на церковь и на бѣдныхъ. Сдѣлайте такъ, чтобы семь кучъ пребывали у васъ несмѣшанными, какъ бы семь отдѣльныхъ министерствъ. Ведите разходъ каждый особо, и ни подъ какимъ предлогомъ не занимайте изъ одной кучи въ другую. Какія ни представлялись бы вамъ въ это время выгодныя покупки и какъ бы ни соблазняли онѣ васъ своею дешевизною, — не покупайте. На это можете отважиться послѣ, когда побольше укрѣпитесь; а теперь не позабывайте ни на мигъ, что все это вами дѣлается для покупки твердаго характера, а эта покупка покамѣстъ для васъ нужнѣе всякой другой покупки. И потому будьте въ этомъ случаѣ упрямы, просите Бога объ упрямствѣ. Даже и тогда, когда бы оказалась надобность помочь бѣдному, вы не можете употребить на это больше того, сколько находится въ опредѣленной на то кучѣ. Если бы даже вы были свидѣтельницею картины несчастія, раздирающаго сердце, и видѣли бы сами, что денежная помощь можетъ помочь, не смѣйте и тогда дотрагиваться до другихъ кучъ, но поѣзжайте по всему городу, по всѣмъ вашимъ знакомымъ и старайтесь преклонить ихъ на жалость: просите, молите, будьте готовы даже на униженіе себя, чтобы это осталось вамъ въ урокъ, чтобы вы помнили вѣчно, какъ вы были доведены до жестокой необходимости отказать несчастному, какъ вы должны были изъ-за этого подвергнуться униженію и даже осмѣянію публичному; чтобы это не выходило у васъ изъ ума, чтобы вы черезъ это пріучались обрѣзывать себя въ расходахъ по каждой кучѣ и заранѣе помышлять о томъ, чтобы къ концу года оставался отъ каждой остатокъ для бѣдныхъ, а не сходились бы только концы съ концами. Если вы будете держать это въ головѣ своей безпрестанно, то вы никогда не заѣдете безъ надобности сильной въ магазинъ и не купите себѣ неожиданно какое нибудь украшеніе для камина или стола, на что такъ падки у насъ какъ дамы, такъ и мужчины (послѣдніе еще больше и суть не женщины, а бабы). Ваши прихоти будутъ невольно и чувствительно сжиматься, и дойдетъ наконецъ до того, что вы почувствуете сами,

что вамъ не нужно имѣть больше одной кареты и пары лошадей, больше четырехъ блюдъ за столомъ, что званый обѣдъ можетъ также насытить людей и на простомъ сервизѣ, съ прибавкою одного лишняго блюда да бутылки вина, разнесеннаго безъ всякихъ тонкостей въ простыхъ рюмкахъ. Вы даже не только не сгорите отъ стыда, если пойдетъ по городу слухъ, что у васъ не comme il faut, но еще посмѣетесь тому сами, увѣрившись истинно, что настоящее comme il faut есть то, какого требуетъ отъ человѣка Тотъ Самый, Который создалъ его, а не тотъ, который приводитъ въ систему обѣды, даже и не тотъ, который сочиняетъ всякій день мѣняющіеся этикеты, даже и не сама мадамъ Сихлеръ. Заведите для всякой денежной кучи особенную книгу, подводите итогъ всякой кучѣ каждый мѣсяцъ и пересчитывайте въ послѣдній день мѣсяца все вмѣстѣ, сравнивая всякую вещь одну съ другою, чтобы умѣть узнавать, во сколько разъ одна нужнѣе другой, чтобы видѣть ясно, отъ какой прежде нужно отказаться, въ случаѣ необходимости, чтобы научиться мудрости постигать, что̀ изъ нужнаго есть самое нужнѣйшее.

Держитесь этого строго въ продолженіе цѣлаго года, крѣпитесь и будьте упрямы, и во все это время молитесь Богу, чтобы укрѣпилъ васъ — и вы окрѣпнете непремѣнно. Важно то, чтобы въ человѣкѣ хотя что-нибудь окрѣпнуло и стало непреложнымъ; отъ этого невольно установится порядокъ и во всемъ прочемъ. Укрѣпясь въ дѣлѣ вещественнаго порядка, вы укрѣпитесь исчувствительно въ дѣлѣ душевнаго порядка. Распредѣлите ваше время; положите всему непремѣнные часы. Не оставайтесь поутру съ вашимъ мужемъ; гоните его на должность въ его департаментъ, ежеминутно напоминая ему о томъ, что онъ весь долженъ принадлежать общему дѣлу и хозяйству всего государства (а его собственное хозяйство не его забота: оно должно лежать на васъ, а не на немъ), что онъ женился именно затѣмъ, чтобы, освободя себя отъ мелкихъ заботъ, всего отдать отчизнѣ, и жена дана ему не на помѣху службѣ, а въ укрѣпленіе его на службѣ. Чтобы все утро вы работали порознь, каждый на своемъ поприщѣ, и черезъ то встрѣтились бы весело передъ обѣдомъ и обрадовались бы такъ другъ другу, какъ бы нѣсколько лѣтъ не видались, чтобы вамъ было что̀ пересказать другъ другу и не попотчивалъ бы одинъ другого зѣвотою: разскажите ему все, что̀ вы дѣлали въ вашемъ домѣ и домашнемъ хозяйствѣ, и пусть онъ разскажетъ вамъ все, что̀ производилъ въ департаментѣ своемъ для общаго хозяйства. Вы должны знать непремѣнно существо его должности, и въ чемъ состоитъ его часть, и какія дѣла случилось ему вершить въ тотъ день, и въ чемъ именно они состояли. Не пренебрегайте этимъ и помните, что жена должна быть помощницею мужа. Если только въ теченіе одного года вы будете внимательно выслушивать отъ него все, то на другой годъ будете въ силахъ подать ему даже совѣтъ, будете знать, какъ ободрить его при встрѣчѣ съ какою-нибудь непріятностію по службѣ, будете знать, какъ заставить его перенести и вытерпѣть то, на что̀ у него не достало бы духа, будете его истинный возбудитель на все прекрасное.

Начните же съ этого дня исполнять все, что̀ я вамъ теперь сказалъ. Крѣпитесь, молитесь и просите Бога безпрерывно, да поможетъ вамъ собрать всю себя въ себѣ и держать себя. Все у насъ теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ; обратилъ самъ себя въ подлое подножіе всего и въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ, и нѣтъ теперь нигдѣ свободы въ ея истинномъ смыслѣ. Эту свободу одинъ мой пріятель, который съ вами лично не знакомъ, но котораго, однакоже, знаетъ вся Россія, опредѣляетъ такъ: „Свобода не въ томъ, чтобы говорить произволу своихъ желаній: *да*, но въ томъ, чтобы умѣть сказать имъ: *нѣтъ*“. Онъ правъ, какъ сама правда. Никто теперь въ Россіи не умѣетъ сказать самому себѣ этого твердаго *нѣтъ*. Нигдѣ я не вижу мужа. Пусть же безсильная женщина ему о томъ напомнитъ! Стало такъ теперь все чудно, что жена же должна повелѣть мужу, дабы онъ былъ ея глава и повелитель.

1845.

XXV.

СЕЛЬСКІЙ СУДЪ И РАСПРАВА.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ М.

Никакъ не пренебрегайте расправою и судомъ. Не поручайте этого дѣла управителю и никому въ деревнѣ: эта часть важнѣе самаго хозяйства. Судите сами. Этимъ однимъ вы укрѣпите связь помѣщика съ крестьянами. Судъ—Божье дѣло, и я не знаю, что̀ можетъ быть этого выше. Недаромъ такъ чествуется въ народѣ тотъ, кто умѣетъ произносить правый судъ. Къ вамъ повалитъ не только ваша деревня, но и всѣ окружные мужики изъ другихъ селеній, какъ только узнаютъ, что вы умѣете давать расправу. Не пренебрегайте никѣмъ изъ приходящихъ и судите всѣхъ, хотя бы даже и въ незначительной ссорѣ или дракѣ. По поводу этого можете много сказать мужику такого, что пойдетъ въ добро его душѣ, и чего бы вы никакъ не нашлись сказать въ другое время, не найдя, къ чему прицѣпиться.

Судите всякаго человѣка двойнымъ судомъ и всякому дѣлу давайте двойную расправу. Одинъ судъ долженъ быть человѣческій: на немъ оправдайте праваго и осудите виновнаго. Старайтесь, чтобъ это было при свидѣтеляхъ, чтобы тутъ стояли и другіе мужики, чтобы всѣ видѣли ясно, какъ день, чѣмъ одинъ правъ и чѣмъ другой виноватъ. Другой же судъ сдѣлайте Божескій: и на немъ осудите и праваго, и виноватаго. Выведите ясно первому, какъ онъ самъ былъ тому виною, что другой его обидѣлъ, а второму — какъ онъ вдвойнѣ виноватъ и предъ Богомъ, и предъ людьми; одного укорите, зачѣмъ не простилъ своему брату, какъ повелѣлъ Христосъ; а другого попрекните, зачѣмъ онъ обидѣлъ Самого Христа въ своемъ братѣ; обоимъ вмѣстѣ дайте выговоръ за то, что не примирились сами собою и пришли на судъ, и возьмите слово съ обоихъ исповѣдаться непремѣнно попу на исповѣди во всемъ. [Если такой судъ вы будете произносить, вы будете сами полномочны, какъ Богъ, потому что Богъ васъ уполномочитъ]. Вы извлечете оттуда для себя самого много добра и много прямыхъ и правыхъ познаній. [Если бы многіе изъ государственныхъ людей начинали свое поприще не бумажными занятіями, а умной расправой дѣлъ между простыми людьми, они бы лучше узнали духъ земли, свойство народа и вообще душу человѣка, и не заимствовали бы потомъ изъ чужеземныхъ земель намъ неприличныхъ нововведеній]. Правосудіе у насъ могло бы исполняться лучше, нежели во всѣхъ другихъ государствахъ, потому что изъ всѣхъ народовъ только въ одномъ русскомъ заронилась эта вѣрная мысль, что нѣтъ человѣка праваго и что правъ одинъ только Богъ. Эта мысль, какъ непреложное вѣрованіе, разнеслась повсюду въ нашемъ народѣ. Вооруженный ею, даже простой и не умный человѣкъ получаетъ въ народѣ власть и прекращаетъ ссоры. Мы только, люди высшіе, не слышимъ ея, потому что набрались пустыхъ рыцарски-европейскихъ понятій о правдѣ. Мы только споримъ изъ-за того, кто правъ, кто виноватъ; а если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ, придешь къ тому же знаменателю, то-есть — оба виноваты. И видишь, что весьма здраво поступила комендантша въ повѣсти Пушкина „Капитанская дочка“, которая, пославши поручика разсудить городового солдата съ бабою, подравшихся въ банѣ за деревянную шайку, снабдила его такою инструкціею: „Разбери кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи“.

1845.

XXVI.

СТРАХИ И УЖАСЫ РОССІИ.

ПИСЬМО КЪ ГРАФИНѢ ....ОЙ.

На ваше длинное письмо, которое вы писали съ такимъ страхомъ, которое просили сей же часъ истребить послѣ прочтенія и на которое отвѣчать просили не иначе, какъ черезъ вѣрныя руки, и отнюдь не по почтѣ, я отвѣчаю не только не по секрету, но, какъ вы видите, въ печатной книгѣ, которую, можетъ-быть, прочтетъ половина грамотной Россіи. Побудило меня къ тому то, что, можетъ быть, мое письмо послужитъ въ то же время отвѣтомъ и прочимъ, которые, подобно вамъ, смущаются тѣми же страхами. То, что́ вы мнѣ объявляете по секрету, есть еще не болѣе какъ одна часть всего дѣла; а вотъ если бы я вамъ разсказалъ то, что́ я знаю (а знаю я безъ всякаго сомнѣнія далеко еще не все), тогда бы, точно, помутились ваши мысли, и вы сами подумали бы, какъ бы убѣжать изъ Россіи. Но куда бѣжать? вотъ вопросъ. Европѣ пришлось еще труднѣе, нежели Россіи. Разница въ томъ, что тамъ никто еще этого вполнѣ не видитъ. Все, не выключая даже государственныхъ людей, пребываетъ покуда на верхушкѣ верхнихъ свѣдѣній, то-есть пребываетъ въ томъ заколдованномъ кругѣ познаній, который нанесенъ журналами въ видѣ скороспѣлыхъ выводовъ, опрометчивыхъ показаній, выставленныхъ, сквозь лживыя призмы всякихъ партій, вовсе не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они есть. Погодите, скоро поднимутся снизу такіе крики, именно въ тѣхъ съ виду благоустроенныхъ государствахъ, которыхъ наружнымъ блескомъ мы такъ восхищаемся, стремясь отъ нихъ все перенимать и приспособлять къ себѣ, что закружится въ головѣ у самыхъ тѣхъ знаменитыхъ государственныхъ людей, которыми вы такъ любовались въ палатахъ и камерахъ. Въ Европѣ завариваются теперь повсюду такія сумятицы, что не поможетъ никакое человѣческое средство, когда онѣ вскроются, и передъ ними будетъ ничтожная вещь тѣ страхи, которые вамъ видятся теперь въ Россіи. Въ Россіи еще брезжитъ свѣтъ, есть еще пути и дороги къ спасенію, и слава Богу, что эти страхи наступили теперь, а не позже. Ваши слова: „всѣ падаютъ духомъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то неизбѣжнаго“, равно какъ и слова: „каждый думаетъ только о спасеніи личныхъ выгодъ о сохраненіи собственной пользы, точно, какъ на полѣ сраженія послѣ потерянной битвы всякій думаетъ только о спасеніи жизни: sauve qui peut“, дѣйствительно справедливы; такъ оно дѣйствительно есть; такъ быть должно: такъ повелѣлъ Богъ, чтобъ оно было. Всякъ долженъ подумать теперь

о себѣ, именно о своемъ собственномъ спасеніи. Но насталъ другой родъ спасенія. Не бѣжать на кораблѣ изъ земли своей, спасая свое презрѣнное земное имущество; но, спасая свою душу, не выходя вонъ изъ государства, долженъ всякъ изъ насъ спасать себя самого въ самомъ сердцѣ государства. На кораблѣ своей должности, службы долженъ теперь всякъ изъ насъ выноситься изъ омута, глядя на Кормщика Небеснаго. Кто даже и не въ службѣ, тотъ долженъ теперь вступить на службу и ухватиться за свою должность, какъ утопающій хватается за доску, безъ чего не спастись никому. Служить же теперь долженъ изъ насъ всякъ не такъ, какъ бы служилъ онъ въ прежней Россіи, но въ другомъ небесномъ государствѣ, главой котораго уже Самъ Христосъ, а потому и всѣ свои отношенія ко власти ли, высшей надъ нами, къ людямъ ли, равнымъ и кружащимся вокругъ насъ, къ тѣмъ ли, которые насъ ниже и находятся подъ нами, должны вы выполнить такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, а не кто другой. И ужъ нечего теперь глядѣть на какіе-нибудь щелчки, которые стали бы наноситься, отъ кого бы то ни было, нашему честолюбію или самолюбію,—нужно помнить только то, что ради Христа взята должность, а потому и должна быть выполнена такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, а не кто другой. Только однимъ этимъ средствомъ и можетъ всякъ изъ насъ теперь спастись. И плохо будетъ тому, кто объ этомъ не помыслитъ теперь же. Помутится умъ его, омрачатся мысли, и не найдетъ онъ угла, куда скрыться отъ своихъ страховъ. Вспомните *Египетскія тьмы,* которыя съ такой силой передалъ царь Соломонъ, когда Господь, желая наказать однихъ, наслалъ на нихъ невѣдомые, непонятные страхи и тьмы. Слѣпая ночь обняла ихъ вдругъ среди бѣла дня; со всѣхъ сторонъ уставились на нихъ ужасающіе образы; дряхлыя страшилища съ печальными лицами стали неотразимо въ глазахъ ихъ; безъ желѣзныхъ цѣпей сковала ихъ всѣхъ боязнь и лишила всего: всѣ чувства, всѣ побужденія, всѣ силы въ нихъ погибнули, кромѣ одного страха. И произошло это только въ тѣхъ, которыхъ наказалъ Господь; другіе въ то же время не видали никакихъ ужасовъ: для нихъ былъ день и свѣтъ.

Смотрите же, чтобы не случилось съ вами чего-нибудь подобнаго. Лучше молитесь и просите Бога о томъ, чтобы вразумилъ васъ, какъ быть вамъ на вашемъ собственномъ мѣстѣ и на немъ исполнить все, сообразно съ закономъ Христа. Дѣло идетъ теперь не на шутку. Прежде чѣмъ приходить въ смущенье отъ окружающихъ безпорядковъ, не дурно заглянуть всякому изъ насъ въ свою собственную душу. Загляните также и вы въ свою. Богъ вѣсть, можетъ-быть, тамъ увидите такой же безпорядокъ, за который браните другихъ, можетъ-быть, тамъ обитаетъ растрепанный, непріятный гнѣвъ, способный всякую минуту овладѣть вашею душою, на радость врагу Христа; можетъ-быть тамъ поселилась малодушная способность падать на всякомъ шагу въ уныніе — жалкая дочь безвѣрья въ Бога; можетъ-быть, тамъ еще таится тщеславное желанье гоняться за тѣмъ, что блеститъ и пользуется извѣстностью свѣтской; можетъ-быть, тамъ обитаетъ гордость лучшими свойствами своей души, способная превратить въ ничто все добро, какое имѣемъ. Богъ вѣсть, что можетъ быть въ душѣ нашей. Лучше въ нѣсколько разъ больше смутиться отъ того, что внутри насъ самихъ, нежели отъ того, что внѣ и вокругъ насъ. Что же касается до страховъ и ужасовъ въ Россіи, то они не безъ пользы: посреди ихъ многіе воспитались такимъ воспитаньемъ, котораго не дадутъ никакія школы. Самая затруднительность обстоятельствъ, предоставивши новые извороты уму, разбудила дремавшія способности многихъ, и въ то время, когда на однихъ концахъ Россіи еще доплясываютъ польку и доигрываютъ преферансъ, уже незримо образовываются на разныхъ поприщахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупной мудрости, которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ. Я бы вамъ назвалъ многихъ такихъ, которые составятъ когда-нибудь красоту земли Русской и принесутъ ей вѣковѣчное добро; но къ чести вашего пола я долженъ сказать, что женщинъ еще больше. Цѣлое жемчужное ожерелье ихъ хранитъ моя память. Всѣ онѣ, начиная съ вашихъ дочерей, которыя такъ живо напомнили мнѣ, во сколько разъ родство по душѣ выше всякаго кровнаго родства (дай Богъ, чтобъ наилучшая сестра съ такой готовностью исполняла просьбу своего брата, съ какою онѣ исполняли малѣйшее желаніе души моей), — начиная съ нихъ и продолжая тѣми, о которыхъ вы даже едва слышали, и оканчивая тѣми, о которыхъ вы, можетъ-быть, и не услышите никогда, но которыя совершеннѣе всѣхъ тѣхъ, о коихъ вы слышали. Всѣ онѣ не похожи одна на другую, и каждая есть сама по себѣ явленье необыкновенное. Только одна Россія могла произвести подобное разнообразіе характеровъ, и только въ нынѣшнее время трудныхъ обстоятельствъ, разслабленья и развращенья общаго, повсемѣстной ничтожности общества могли онѣ образоваться. Но всѣхъ перевысила одна, которую я и въ глаза не знаю, и о которой до меня достигнулъ одинъ только темный разсказъ. Не думалъ я, чтобы

могло существовать на землѣ подобное существо. Произвести такое умное и великодушное дѣло и произвести его такъ, какъ умѣла сдѣлать она; сдѣлать такъ, чтобы отклонить отъ себя и подозрѣнье въ ея собственномъ участіи и разложить весь подвигъ на другихъ такимъ образомъ, что эти другіе стали хвастаться ею сдѣланнымъ дѣломъ, какъ бы собственнымъ своимъ, въ полной увѣренности, что они его сдѣлали; такъ умно обдумать уже впередъ, какъ убѣжать отъ извѣстности, тогда какъ само дѣло уже необходимо должно бы кричать о себѣ и обнаружить ее, успѣть въ этомъ и остаться въ неизвѣстности — нѣтъ, подобной мудрости еще не встрѣчалъ я ни въ комъ изъ нашей братьи мужеска пола! И передо мною показались въ ту минуту блѣдными всѣ женскіе идеалы, создаваемые поэтами: они то же передъ этой истиной, что бредъ воображенья передъ полнымъ разумомъ. Жалки мнѣ также показались въ эту минуту всѣ тѣ женщины, которыя гонятся за блистающей извѣстностью. И гдѣ же явилось такое чудо? Въ незамѣтномъ захолустьѣ Россіи, въ то время именно, когда стало трудней изворачиваться человѣку, когда запутались обстоятельства всѣхъ, и наступили пугающіе васъ страхи и ужасы Россіи.

1846.

XXVII.

БЛИЗОРУКОМУ ПРІЯТЕЛЮ.

Вооружился взглядомъ современной близорукости и думаешь, что вѣрно судишь о событіяхъ! Выводы твои—гниль: они сдѣланы безъ Бога. Что ссылаешься ты на исторію? Исторія для тебя мертва,—только закрытая книга. Безъ Бога не выведешь изъ нея великихъ выводовъ; выведешь одни только ничтожные и мелкіе. [Россія не Франція; элементы французскіе—не русскіе]. Ты позабылъ даже своеобразность каждаго народа и думаешь, что одни и тѣ же событія могутъ дѣйствовать одинакимъ образомъ на каждый народъ. Тотъ же самый молотъ, когда упадаетъ на стекло, раздробляетъ его вдребезги, а когда упадаетъ на желѣзо, куетъ его. Мысли твои [о финансахъ] основаны на чтеніи иностранныхъ книгъ да на англійскихъ журналахъ, а потому суть мертвыя мысли. Стыдно тебѣ, будучи умнымъ человѣкомъ, не войти до сихъ поръ въ собственный умъ свой, который могъ бы самобытно развиться, а захламостить его чужеземнымъ навозомъ. Не вижу и въ проектахъ твоихъ участія Божьяго; не слышу въ словахъ письма твоего, несмотря на весь блескъ ума и остроумія, чтобы Богъ присутствовалъ въ твоихъ мысляхъ въ то время, когда ты писалъ его; не вижу я на твоей мысли освященія небеснаго. Нѣтъ, не сдѣлаешь ты добра [на своей должности], хотя и желаешь того, не принесутъ твои дѣла того плода, котораго ждешь. Съ прекрасными намѣреніями можно сдѣлать зло, какъ уже многіе и сдѣлали его. Въ послѣднее время не столько безпорядковъ произвели глупые люди, сколько умные, а все оттого, что понадѣялись на свои силы да на умъ свой. Ты гордъ, и чѣмъ же гордъ? хоть бы уже своимъ умомъ; нѣтъ, ты загромоздилъ соромъ свой умъ, дѣйствительно замѣчательный и великій, и сдѣлалъ его чужестранцемъ самому себѣ. Ты гордъ чужимъ, мертвымъ умомъ и выдаешь его за свой. Смотри за собою: ты ходишь опасно. Ты мѣтишь въ государственные люди, и будешь человѣкомъ государственнымъ, потому что у тебя, точно, есть на то способности; но тѣмъ строже теперь смотри за собою. Не заводи этихъ улучшеній, которыми уже наполнилась твоя голова [еще прежде, чѣмъ ты вступилъ въ свою должность], и помни, что всякимъ малѣйшимъ неосмотрительнымъ поступкомъ можно произвести теперь большое зло. Уже и въ твоихъ нынѣшнихъ проектахъ видна скорѣе боязнь, нежели предусмотрительность. Всѣ мысли твои направлены къ тому, чтобы избѣгнуть чего-то угрожающаго въ будущемъ. Не будущаго, но настоящаго опасайся. О настоящемъ велитъ намъ заботиться Богъ. Кто омрачается боязнію отъ будущаго, отъ того, значитъ, уже отступилась святая сила. Кто съ Богомъ, тотъ глядитъ свѣтло впередъ и есть уже въ настоящемъ творецъ блистающаго будущаго. А ты гордъ: ты и теперь уже ничего не хочешь видѣть; ты самоувѣренъ: ты думаешь, что уже все знаешь; ты думаешь, что всѣ обстоятельства [Россіи] тебѣ открыты; ты думаешь, что уже никто и поучить тебя не можетъ; ты стремишься изо всѣхъ силъ быть похожимъ на тѣхъ [государственныхъ] людей, которые скоро блеснули и скоро исчезли, которые имѣли въ себѣ все для того, чтобы сдѣлать множество добра, которые даже пламенѣли желаніемъ сдѣлать добро, даже работали, какъ муравьи, всю свою жизнь, и при всемъ томъ не осталось послѣ нихъ никакого слѣда, и самая память о нихъ позабыта: какъ исчезнувшій кругъ на водѣ, исчезнула жизнь ихъ посреди Россіи. И до сихъ поръ еще, къ нашему стыду, указываютъ намъ европейцы на своихъ великихъ людей, которыхъ умнѣе бываютъ у насъ иногда и невеликіе люди; но тѣ хоть какое-нибудь оставили послѣ себя дѣло *прочное,* а мы производимъ кучи дѣлъ—и всѣ, какъ пыль, сметаются они съ земли вмѣстѣ съ нами. „Ты гордъ“—говорю тебѣ, и вновь повторяю тебѣ: „ты гордъ“; сторожи надъ собою и спасай себя отъ гордости заранѣе. Начни съ

того, что увѣрь самого себя, что ты всѣхъ глупѣе и что съ этихъ только поръ слѣдуетъ серьёзно поумнѣть тебѣ, и слушай съ такимъ вниманіемъ всякаго дѣльца, какъ бы ровно ничего не зналъ и всему отъ него хотѣлъ поучиться. Но тебѣ еще загадка слова мои; они на тебя не подѣйствуютъ. Тебѣ нужно или какое-нибудь несчастіе, или потрясеніе. Моли Бога о томъ, чтобы случилось это потрясеніе, чтобы встрѣтилась тебѣ какая-нибудь невыносимѣйшая непріятность [на службѣ], чтобы нашелся такой человѣкъ, который сильно оскорбилъ бы тебя и опозорилъ такъ въ виду всѣхъ, что отъ стыда не зналъ бы ты, куда сокрыться, и разорвалъ бы однимъ разомъ всѣ чувствительнѣйшія струны твоего самолюбія. Онъ будетъ твой истинный братъ и избавитель. О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ, оплеуха!

1844.

XXVIII.

ЗАНИМАЮЩЕМУ ВАЖНОЕ МѢСТО.

Во имя Бога берите всякую должность, какая-бъ ни была вамъ предложена, и не смущайтесь ничѣмъ. Придется ли вамъ ѣхать къ черкесамъ на Кавказъ или попрежнему занять мѣсто генералъ-губернатора—вы теперь нужны повсюду. Что же до затруднительностей, о которыхъ вы говорите, то все теперь затруднительно; все стало сложно; вездѣ много работы. Чѣмъ больше вхожу умомъ въ существо нынѣшнихъ вещей, тѣмъ менѣе могу рѣшить, какая должность теперь труднѣе и какая легче. Для того, кто нехристіанинъ, все стало теперь трудно; для того же, кто внесъ Христа во всѣ дѣла и во всѣ дѣйствія своей жизни, все легко. Не скажу вамъ, чтобы вы сдѣлались вполнѣ христіаниномъ, но вы близки къ тому. Васъ не шевелитъ уже честолюбіе, васъ не завлекаютъ впередъ уже ни чины, ни награды; вы уже вовсе не думаете о томъ, чтобы порисоваться передъ Европой и сдѣлать изъ себя историческое лицо. Словомъ—вы взошли именно на ту степень состоянья душевнаго, на которой нужно быть тому, кто захотѣлъ бы сдѣлать теперь пользу Россіи. Чего-жъ вамъ бояться? Я даже не понимаю, какъ можетъ чего-либо бояться тотъ, кто уже постигнулъ, что нужно дѣйствовать повсюду, какъ христіанинъ. Онъ на всякомъ мѣстѣ мудрецъ, вездѣ знатель дѣла. Поѣдете вы на Кавказъ—вы прежде всего пристально осмотритесь. Христіанское смиреніе васъ не допуститъ ни къ какой быстрой поспѣшности. Вы, какъ ученикъ, сначала будете узнавать. Вы не пропустите ни одного стараго офицера, не разспросивъ его о его собственноличныхъ схваткахъ съ непріятелемъ, зная, что только изъ знанія подробностей выводится знаніе цѣлаго. Вы заставите всѣхъ разсказать себѣ порознь всѣ подвиги бранной и бивачной жизни; разспросите и ціціановцевъ, и ермоловцевъ, и офицеровъ нынѣшней эпохи и, когда заберете все, что́ нужно, обнимете всѣ частности, соедините всѣ отдѣльныя цифры и подведете имъ итогъ—выйдетъ въ итогѣ самъ собою планъ полководцу: не нужно будетъ и головы ломать, ясно будетъ все, какъ день, что́ вамъ нужно дѣлать. И когда весь планъ будетъ уже въ головѣ вашей, вы и тогда не будете торопиться; христіанское смиреніе васъ къ тому не допуститъ. Не объявляя его никому, вы разспросите всякаго замѣчательнаго офицера, какъ бы онъ поступилъ на вашемъ мѣстѣ; вы не оставите неуслышаннымъ ни одного мнѣнія, ни даже совѣта отъ кого бы то ни было, хотя бы отъ стоящаго на низкомъ мѣстѣ, зная, что иногда Богъ можетъ внушить и простому человѣку умное мнѣніе. Для этого вы не станете собирать военныхъ совѣтовъ, зная, что не въ преньяхъ и спорахъ дѣло, но поодиночкѣ выслушаете каждаго, кто бы ни захотѣлъ съ вами говорить. Словомъ, вы всѣхъ выслушаете, но сдѣлаете такъ, какъ повелитъ вамъ ваша собственная голова; а ваша собственная голова повелитъ вамъ разумно, потому что всѣхъ выслушаетъ. Вы будете даже не въ состояніи сдѣлать неразумное дѣло, потому что неразумныя дѣла дѣлаются отъ гордости и увѣренности въ себѣ. Но христіанское смиреніе спасетъ васъ повсюду и отгонитъ то самоослѣпленіе, которое находитъ на многихъ даже очень умныхъ людей, которые, узнавши только одну половину дѣла, уже думаютъ, что узнали все, и летятъ опрометью дѣйствовать; тогда какъ, увы, даже и въ томъ дѣлѣ, которое, повидимому, насквозь намъ извѣстно, можетъ скрываться цѣлая половина неизвѣстная. Нѣтъ, Богъ отъ васъ отгонитъ это грубое ослѣпленіе. Чего-жъ вамъ бояться Кавказа?

Придется ли вамъ попрежнему быть генералъ-губернаторомъ гдѣ-нибудь внутри Россіи—та же христіанская мудрость осѣнитъ васъ. Очень знаю, что теперь трудно начальствовать внутри Россіи,—гораздо труднѣе, чѣмъ когда-либо прежде и, можетъ быть, труднѣе чѣмъ на Кавказѣ: много злоупотребленій; завелись такія лихоимства, которыхъ истребить нѣтъ никакихъ средствъ человѣческихъ. Знаю и то, что образовался другой незаконный ходъ дѣйствій мимо законовъ государства и уже обратился почти въ законный, такъ что законы остаются только для вида; и если только вникнешь пристально въ то самое, на что́ другіе глядятъ поверхностно, не подозрѣвая ни-

чего, то закружится голова у наимнѣйшаго человѣка. Но вы и тутъ поступите умно. Христіанское смиреніе заставитъ васъ и здѣсь не предаваться покуда выводамъ гордаго ума, но терпѣливо обсмотрѣться. Зная, подъ какимъ множествомъ вліяній посторонніхъ находится теперь всякъ человѣкъ, и какъ всѣ они имѣютъ соприкосновеніе съ отправленіемъ его должности, вы прежде полюбопытствуете узнать каждаго изъ занимающихъ главныя должности, узнать его со всѣхъ сторонъ съ его домашней и семейной жизнью, съ его образомъ мыслей, наклонностями и привычками. Для этого вы не будете употреблять шпіоновъ. Нѣтъ, вы разспросите его самого. Онъ вамъ скажетъ все и съ вами разговорится, потому что въ лицѣ вашемъ есть уже что́-то такое, что́ внушаетъ къ вамъ довѣрчивость во всѣхъ; съ помощью этого вы узнаете то, чего не узнаетъ никогда крикунъ-нахрапъ, или такъ-называемый распекатель. Вы не будете преслѣдовать за несправедливость никого отдѣльно до тѣхъ поръ, покуда не выступитъ передъ вами ясно вся цѣпь, необходимымъ звеномъ которой есть вами замѣченный чиновникъ. Вы уже знаете, что вина такъ теперь разложилась на всѣхъ, что никакимъ образомъ нельзя сказать вначалѣ, кто виноватъ болѣе другихъ: есть безвинно-виноватые и виновно-невинные. По этому-то самому вы теперь будете несравненно осторожнѣй и осмотрительнѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Вы станете покрѣпче всматриваться въ душу человѣка, зная, что въ ней ключъ всего. Душу и душу нужно знать теперь, а безъ того не сдѣлать ничего. А узнавать душу можетъ одинъ только тотъ, кто началъ уже работать надъ собственной душой своей, какъ начали это дѣлать теперь вы. Если вы узнаете плута не только какъ плута, но и какъ человѣка вмѣстѣ, если вы узнаете всѣ душевныя его силы, данныя ему на добро и которыя онъ поворотилъ во зло или вовсе не употребилъ, тогда вы сумѣете такъ попрекнуть его имъ же самимъ, что онъ не найдетъ себѣ мѣста, куда ему укрыться отъ самого же себя. Дѣло вдругъ приметъ другой оборотъ, если покажешь человѣку — чѣмъ онъ виноватъ передъ самимъ собой, а не передъ другимъ. Тутъ потрясешь такъ его всего, что въ немъ явится вдругъ отвага быть другимъ, и тогда только вы почувствуете, какъ благородна наша русская порода, даже и въ плутѣ. Ваше нынѣшнее генералъ-губернаторство будетъ совсѣмъ другое, нежели прежнее. Главная ошибка вашего прежняго управленія (которое однакожъ принесло большую пользу, несмотря на то, что вы его осуждаете и порочите) состояла, по моему мнѣнію, именно въ томъ, что вы не вполнѣ вѣрно опредѣлили себѣ существо этой должности. Вы приняли генералъ-губернатора за постояннаго начальника и хозяйственнаго правителя губерніи, котораго благодѣтельное вліяніе можетъ быть ощутительно въ губерніи только отъ долговременнаго его пребыванія на одномъ мѣстѣ. Одинъ государственный нашъ мужъ опредѣлилъ такъ эту должность: „генералъ-губернаторъ есть министръ внутреннихъ дѣлъ, остановившійся на дорогѣ“. Опредѣленіе это точнѣе и болѣе согласно съ тѣмъ, чего требуетъ само правительство отъ этой должности. Должность эта болѣе временная, чѣмъ постоянная. Генералъ-губернаторъ посылается затѣмъ, чтобы ускорить біеніе государственнаго пульса внутри губерніи, привести въ быстрѣйшее движеніе все правительственное производство въ губернскихъ мѣстахъ, какъ связанныхъ между собою, такъ и независимыхъ, состоящихъ подъ управленіемъ отдѣльныхъ министерствъ, дать толчокъ всему, своимъ полномочіемъ облегчить затруднительность многихъ мѣстъ въ ихъ сношеніяхъ съ отдаленными министерствами, не внося никакихъ новыхъ элементовъ и ничего не заводя отъ себя, все заставить обращаться быстрѣй въ законахъ и границахъ, уже указанныхъ и опредѣленныхъ. Власть эту, состоящую въ верховномъ блюденіи надъ тѣмъ, что́ уже есть и заведено, вы приняли за хлопотливую обязанность управителя, который самъ долженъ изворачиваться въ хозяйствѣ и принять на себя всѣ мелочные расходы; вы захватили себѣ часть того, что́ должно принадлежать губернатору, а не генералъ-губернатору, и этимъ самымъ уменьшили значеніе высшей вашей должности. Вы сочли ваше мѣсто пожизненнымъ, вы захотѣли вашими собственными учрежденіями оставить по себѣ памятникъ вашего пребыванія,—стремленіе прекрасное, но если бы вы уже тогда были тѣмъ, чѣмъ вы есть теперь, то-есть, болѣе христіаниномъ, вы позаботились бы о другомъ памятникѣ. Устроить дороги, мосты и всякія сообщенія, и устроить ихъ такъ умно, какъ устроили ихъ вы, есть дѣло истинно нужное; но угладить многія внутреннія дороги, которыя до сихъ поръ задерживаютъ русскаго человѣка въ стремленьи къ полному развитію силъ его и которыя мѣшаютъ ему пользоваться какъ дорогами, такъ и всякими другими внѣшностями образованія, о которыхъ мы такъ усердно хлопочемъ, есть дѣло еще нужнѣйшее. Пушкинъ, когда видѣлъ заботу не о главномъ, но о томъ, что уже исходитъ изъ главнаго, обыкновенно выражался пословицей: „было бы корыто, а свиньи будутъ“. Мосты, дороги и всѣ эти сообщенія суть свиньи, а не что-либо другое: были бы города, а они сами собой прибѣгутъ. Въ Европѣ о нихъ не много хлопотали, но какъ только явились города, сами собой явились дороги: сами же частные

люди и завели ихъ безъ всякаго пособія правительствъ, и теперь развилось ихъ такое множество, что стали уже серьезно задавать другъ другу вопросы: „Зачѣмъ эта скорость сообщеній? Что выиграло человѣчество чрезъ эти желѣзныя и всякія дороги, что пріобрѣло оно во всѣхъ родахъ своего развитія, и что пользы въ томъ, что одинъ городъ теперь обѣднѣлъ, а другой сдѣлался толкучимъ рынкомъ, да увеличилось число праздношатающихся по всему міру?“ Въ Россіи давно бы уже завелась вся эта дрянь сама собою, съ такими удобствами, какихъ и въ Европѣ нѣтъ, если бы только многіе изъ насъ позаботились прежде о дѣлѣ внутреннемъ такъ, какъ слѣдуетъ. „О семъ помыслите прежде“, сказалъ Спаситель, „а сія вся вамъ приложится“. Ваши подвиги въ отношеніи нравственномъ были гораздо значительнѣй. Кого я ни слышалъ, всѣ отзываются съ уваженіемъ о вашихъ распоряженіяхъ; всѣ говорятъ, что вы искоренили многія неправды, что постановили многихъ истинно-благородныхъ и прекрасныхъ чиновниковъ. Я это узналъ, хотя вы по скромности мнѣ не сказали. Но вы бы сдѣлали еще болѣе, если бы вспомнили тогда, что ваша должность на время, и что не о томъ слѣдовало заботиться, чтобъ только при васъ все было хорошо, но именно о томъ, чтобы послѣ васъ все было хорошо. Вы должны были безпрестанно представлять себѣ, что послѣ васъ приметъ эту должность слабый и бездарный послѣдователь, который не только не поддержитъ вами заведеннаго порядка, но еще испортитъ его, а потому уже съ самаго начала вы должны были помышлять о томъ, чтобы дѣйствовать такъ прочно и закалить сдѣланное такъ крѣпко, чтобы послѣ васъ никто уже не могъ своротить того, что разъ направлено. Вы должны были рубить зло въ корнѣ, а не въ вѣтвяхъ, и дать такой толчокъ всеобщему движенію всего, чтобы послѣ васъ пошла сама собой работать машина, такъ чтобы не зачѣмъ было надъ ней стоять и надсмотрщику, и симъ только воздвигнули бы памятникъ вѣчный вашего генералъ-губернаторства. Теперь я знаю, что вы совсѣмъ поступите иначе, а потому не пренебрегайте никакъ этой должности, если бъ она была вамъ вновь предложена. Никогда не былъ еще такъ важенъ и нуженъ генералъ-губернаторъ, какъ въ нынѣшнее время. Я вамъ назову уже нѣсколько подвиговъ такихъ, которыхъ никто теперь не можетъ сдѣлать кромѣ генералъ-губернатора.

Во-первыхъ, ввести всякую должность въ ее законныя границы и всякаго чиновника губерніи въ полное познаніе его должности. Это дѣло очень не бездѣльное. Въ послѣднее время всѣ почти губернскія должности нечувствительнымъ образомъ выступили изъ предѣловъ и границъ, указанныхъ закономъ. Однѣ слишкомъ стали обрѣзаны и стѣснены, другія раздвинулись въ дѣйствіяхъ въ ущербъ прочимъ: прямыя мѣста обезсилѣли и ослабѣли отъ введенія множества косвенныхъ и временныхъ. Въ послѣднее время стали особенно чувствоваться полномочіе и развязанныя руки тамъ, гдѣ нужно препятствовать въ дѣйствіяхъ, и связанныя руки тамъ, гдѣ нужно споспѣшествовать имъ. Возвратить всякую должность въ ея законный кругъ тѣмъ болѣе стало теперь трудно, что сами чиновники сбились въ своихъ понятіяхъ о ней. Получая ее по наслѣдству отъ предшественника въ томъ видѣ, какой далъ ей послѣдній, они всѣ соображаются болѣе или менѣе съ этимъ видомъ, а не съ первообразомъ ея, который уже почти вышелъ у всѣхъ изъ головы. Отъ этого многіе благонамѣренные и даже весьма умные начальники хотѣли уже уничтожить или вовсе преобразовать тѣ должности, которыя слѣдовало только просто возвратить себѣ. Дѣло это можетъ произвести только высшій и полномочный начальникъ, если онъ не пренебрежетъ вникнуть самъ въ существо всякой должности. Всѣ наши должности въ ихъ первообразѣ прекрасны и прямо созданы для земли нашей. Разсмотримъ нарочно организмъ губерніи.

Первое лицо—губернаторъ; онъ является въ нѣсколькихъ видахъ своей власти. Онъ начальникъ и правитель полномочный во всемъ, что ни относится до хозяйственнаго и полицейскаго управленія по всей губерніи, какъ городового (разумѣя здѣсь все, что ни относится ко внутреннему устройству городовъ и содержанью среди ихъ порядка), такъ и земскаго, включая сюда все, что производится въ земляхъ внѣ городовъ: взъемъ податей, распредѣленье повинностей, устройство дорогъ, постройки и поправки всѣхъ родовъ. Въ первомъ случаѣ въ его полномъ и непосредственномъ распоряженіи губернскій полицмейстеръ и городничіе всѣхъ городовъ; во второмъ случаѣ—капитанъ-исправники и земскіе засѣдатели, которые относятся къ нему посредствомъ губернскаго правленія, образованнаго въ духѣ коллегіальныхъ правленій съ совѣтниками, а не въ видѣ собственной канцеляріи съ секретаремъ, такъ что отвѣтственность во всякомъ важномъ злоупотребленіи, если бы его сдѣлалъ губернаторъ, падаетъ непремѣнно на совѣтниковъ и чиновниковъ, и при всемъ полномочьи своемъ онъ уже ограниченъ. Онъ болѣе нежели присутственный членъ и свидѣтель дѣловыхъ производствъ въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, отъ него вовсе не зависящихъ и состоящихъ подъ управленіемъ своихъ особыхъ министерствъ; если только эти мѣста совершаютъ какія-нибудь сдѣлки и условія, относительно ли отдачи внаймы или на откупа

казенныхъ земель, озеръ, или вообще относительно всякихъ продажъ, закупокъ и совершенія на нихъ условій, онъ долженъ быть уже тамъ. Никакіе казенные подряды и сдѣлки не могутъ быть произведены безъ его личнаго присутствія. Такимъ образомъ мѣста, вовсе отъ него не зависящія относительно внутреннихъ своихъ производствъ, уже обрѣзаны его присутствіемъ на всѣхъ путяхъ къ злоупотребленіямъ.

Весь снарядъ юстиціи, какъ-то: всѣ суды уѣздные, такъ и высшая ихъ инстанція—гражданская палата, находясь въ полномъ завѣдываніи своего министерства, кажется, въ независимости отъ губернатора, но на всѣхъ путяхъ несправедливостей они ограничены на всякомъ шагу губернаторомъ, который во время объѣздовъ своихъ по всей губерніи, случающихся не менѣе двухъ разъ въ годъ, имѣетъ право, заглянувши въ судъ, потребовать на выдержку два-три рѣшенныя дѣла, провѣрить ихъ у себя на дому, вмѣстѣ съ секретаремъ своимъ, и такимъ образомъ держать въ страхѣ ихъ всѣхъ. — Словомъ не имѣя никакого начальства надъ мѣстами, зависящими отъ другихъ начальниковъ, онъ имѣетъ право остановить злоупотребленье повсюду, гдѣ бы оно ни было.

На дворянъ онъ можетъ имѣть только вліяніе нравственное. Въ обрядѣ же должностныхъ его соприкосновеній съ дворянствомъ устроено такъ, чтобы онъ имѣлъ съ ними дѣло въ лицѣ ихъ же представителя, губернскаго предводителя, и такимъ образомъ посредствомъ его одного поладить съ ними со всѣми; и здѣсь видна особенно мудрость законодателя, потому что иначе не было бы никакой возможности ему сноситься съ ними со всѣми и ладить, принимая въ соображеніе то различіе воспитаній, нравовъ, образовъ мыслей и то безчисленное разнообразіе характеровъ, какого не представляетъ ни одно изъ европейскихъ дворянствъ и которое заключилось только въ нашемъ. Званіе предводителя дворянства, будучи почти равное чиномъ званію губернатора, имѣя право на первое мѣсто послѣ него въ губерніи, уже симъ самымъ указываетъ имъ на необходимость быть друзьями, иначе имъ обоимъ было бы неловко въ отношеніяхъ свѣтскихъ и непросторно на поприщѣ должностномъ. Самыя мѣста капитанъ-исправника и засѣдателей, которые, будучи избираемы дворянствомъ, находятся потомъ въ полной зависимости отъ губернатора, указываютъ на необходимость взаимнаго подкрѣпленія одного въ другомъ. Грозя именемъ губернатора, предводитель можетъ много сдѣлать тамъ, гдѣ не хватитъ собственной власти; равно какъ и губернаторъ посредствомъ предводителя можетъ успѣшнѣе и сильнѣе дѣйствовать на дворянъ.

Всюду могутъ случиться просмотры, неправда можетъ проскользнуть вездѣ; за самимъ губернаторомъ могутъ завестить грѣхи. И это предусмотрѣно: есть отдѣльное лицо, отъ всѣхъ независимое, долженствующее держать себя отъ всѣхъ въ сторонѣ, даже и отъ самого губернатора—это прокуроръ, который есть око закона, безъ котораго ни одна бумага не можетъ выйти изъ губерніи. Ни одно производство дѣлъ по всѣмъ губернскимъ мѣстамъ не можетъ его миновать. Оно не рѣшено, если онъ не помѣтилъ на всѣхъ его страницахъ свое слово: „читалъ“. Никому не подлежитъ онъ самъ во всей губерніи; никому не даетъ отчета, кромѣ министра юстиціи, съ которымъ однимъ только въ прямомъ сношеніи, и всегда можетъ подать протестъ на все, что́ ни вершится въ губерніи.

Словомъ — все полно и вездѣ слышна законодательная мудрость, какъ въ установленіи самихъ властей, такъ и въ соприкосновеніяхъ ихъ между собою. Я уже и не говорю о тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ еще далѣе простерлось правительственное предвидѣнье, упомяну только о совѣстномъ судѣ, подобнаго которому не знаю въ другихъ государствахъ. По моему мнѣнію, это верхъ человѣколюбія, мудрости и познанія душевнаго. Всѣ тѣ случаи, гдѣ тяжело и жестоко прикосновеніе закона; всѣ дѣла, относящіяся до малолѣтнихъ, умалишенныхъ; все, что́ можетъ рѣшить одна только совѣсть человѣка, и гдѣ можетъ быть несправедливъ справедливѣйшій законъ; все, что́ должно быть кончено полюбовно и миролюбиво въ высокомъ христіанскомъ смыслѣ, безъ проволочекъ по высшимъ инстанціямъ — есть уже его предметъ. И какъ умно, что выборъ совѣстнаго судьи зависитъ отъ дворянства, которое избираетъ обыкновенно на это мѣсто того, на кого падетъ всеобщій голосъ, какъ на человѣколюбиваго и безкорыстнѣйшаго человѣка. Какъ хорошо также, что ему не назначается за это никакого жалованья, никакихъ наградъ, и что нѣтъ здѣсь никакой мірской приманки человѣку. Одно время мнѣ очень желалось занять это мѣсто. Какъ много можно рѣшить на немъ запутаннѣйшихъ спорныхъ дѣлъ! Сами тяжущіеся мимо собственныхъ выгодъ своихъ перенесутъ дѣло въ совѣтный судъ, какъ только пронесется слухъ, что судья судитъ истинно по совѣсти и уже прославился мудростію своего божескаго суда. Кому изъ насъ не хочется примириться?

Однимъ словомъ, чѣмъ больше всматриваться въ организмъ управленія губерній, тѣмъ болѣе изумляешься мудрости учредителей: слышно, что Самъ Богъ строилъ незримо руками государей. Все полно, достаточно, все устроено именно такъ, чтобы споспѣшествовать въ добрыхъ дѣйствіяхъ, подавая руку другъ другу, и останавливать только

на пути къ злоупотребленіямъ. Я даже и придумать не могу, для чего тутъ нуженъ какой-нибудь прибавочный чиновникъ; всякое новое лицо тутъ не у мѣста, всякое нововведеніе ненужная вставка; а между тѣмъ нашлись же такіе правители губерній, какъ вы сами знаете, которые пристегнули ко всему этому множество разныхъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ, множество всякихъ временныхъ и слѣдственныхъ комитетовъ, разложили и раздробили дѣйствія всякой должности и сбили чиновниковъ такъ, что они потеряли и послѣднія понятія о предѣлахъ точныхъ своего поприща. Хорошо, что вы этого не сдѣлали, потому что вы и тогда понимали это дѣло лучше другихъ. Вы очень хорошо знаете, что приставить новаго чиновника для того, чтобы ограничить прежняго въ его воровствѣ, значитъ сдѣлать двухъ воровъ намѣсто одного. Да и вообще система ограниченія самая мелочная система. Человѣка нельзя ограничить человѣкомъ; на слѣдующій годъ окажется надобность ограничить и того, который приставленъ для ограниченія, и тогда ограниченіямъ не будетъ конца. Эта пустая и жалкая система, подобно всѣмъ другимъ системамъ отрицательнымъ, могла образоваться только въ государствахъ колоніальныхъ, которыя составились изъ народа всякаго сброда, не имѣющаго національной цѣлизны и духа народнаго, гдѣ неизвѣстны ни самоотверженіе, ни благородство, а только одинъ корыстныя личныя выгоды. Нужно оказать довѣріе къ благородству человѣка, а безъ того не будетъ вовсе благородства. Кто знаетъ, что на него глядятъ подозрительно, какъ на мошенника, и приставляютъ къ нему со всѣхъ сторонъ надсмотрщиковъ, у того невольно отнимаются руки. Нужно развязать каждому руки, а не связывать ихъ; нужно напирать на то, чтобы каждый держалъ самъ себя въ рукахъ, а не на то, чтобы его держали другіе; чтобы онъ былъ строже къ себѣ въ нѣсколько разъ самого закона, чтобы онъ видѣлъ самъ, чѣмъ онъ подлецъ передъ своей должностью; словомъ — чтобы онъ былъ введенъ въ значеніе высшей свой должности. А это можетъ сдѣлать только одинъ генералъ-губернаторъ, если онъ не пренебрежетъ постигнуть самъ всякую должность въ ея истинномъ существѣ и мысленно прослужить самъ на мѣстѣ того чиновника, котораго бы захотѣлъ онъ ввести въ полное значеніе должности. Вслѣдствіе этого всѣ ваши сношенія съ чиновниками будутъ самоличны, безъ всякихъ секретарей и мертвой бумажной переписки, а отъ этого и ваша собственная канцелярія сдѣлается маленькой и вовсе не будетъ походить на тѣ чудовищныя, огромныя канцеляріи, какія заводятъ другіе начальники. Эти же громадныя канцеляріи, какъ вы уже сами знаете, наносятъ много вреда тѣмъ, что отберутъ у всѣхъ чиновниковъ ихъ дѣла, образуютъ собою вдругъ новую инстанцію и, стало-быть, новыя затрудненія, дадутъ нечувствительно образоваться какому-нибудь новому полномочному лицу, иногда вовсе ни для кого незримому, въ видѣ простого секретаря, но черезъ руки котораго станутъ проходить всѣ дѣла; у секретаря явится какая-нибудь любовница, изъ-за нея интриги, ссоры, а съ ними вмѣстѣ и самъ чортъ путаницы, который тутъ какъ тутъ во всякое время; и дѣло кончится тѣмъ, что, сверхъ нанесенія новыхъ безпорядковъ и сложностей, пожрется несмѣтное количество казенныхъ суммъ. Храни васъ Богъ отъ заведенія канцеляріи. Иначе и не объясняйтесь ни съ кѣмъ, какъ лично. Какъ можно пренебречь разговоромъ съ человѣкомъ, особенно, если разговоръ близокъ къ нему самому, къ исполненію его обязанностей и долга, стало-быть, близокъ къ самой душѣ его? Какъ можно промѣнять такой разговоръ на пустые газетные толки и мертвыя рѣчи о всякомъ враньѣ, набираемомъ изъ лживыхъ европейскихъ журналовъ? О долгѣ человѣка можно такъ разговориться, что обоимъ покажется, какъ бы они бесѣдуютъ съ ангелами въ присутствіи Самого Бога. Говорите же такъ съ вашимъ подчиненнымъ, то есть—наставительно и питательно его душѣ! Не забудьте, что — на русскомъ языкѣ. Я разумѣю не тотъ языкъ, который изворачивается теперь въ житейскомъ обиходѣ, и не книжный языкъ, и не языкъ, образовавшійся во время всякихъ злоупотребленій нашихъ, но тотъ истинно-русскій языкъ, который незримо носится по всей Русской землѣ, несмотря на чужеземствованіе наше въ землѣ своей, который еще не прикасается къ дѣлу жизни нашей, но, однакожъ, всѣ слышатъ, что онъ истинно-русскій языкъ. На этомъ языкѣ начальникъ называется отцомъ. Будьте же съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми; а отецъ съ дѣтьми не заводитъ бумажныхъ переписокъ и напрямикъ изъясняется съ каждымъ изъ нихъ. Такъ поступая, введете каждаго вы въ познаніе его должности и сдѣлаете истинно-великій подвигъ.

А вотъ вамъ другой подвигъ, котораго никто не можетъ совершить кромѣ генералъ-губернатора и который въ нынѣшнее время есть дѣло даже необходимое, не только нужное, а именно: ввести ворянство въ познаніе истинное своего званія. Сословіе это въ своемъ истинно-русскомъ ядрѣ прекрасно, несмотря на временно наросшую чужеземную шелуху. Но дворянство этого еще не слышитъ. Многіе едва только догадываются, другіе пребываютъ въ совершенномъ объ этомъ невѣжествѣ, третьи берутъ себѣ въ идеалъ дворянства государствъ иностранныхъ, четвертые даже не задаютъ себѣ вопроса: нужно ли на свѣтѣ дворян-

ство? Если же и находятся между ними такіе, которые имѣютъ объ этомъ какіе-нибудь свѣтлыя мысли, то мысли эти еще не раздаются въ массахъ, и масса ихъ не слышитъ. Въ послѣднее время, кромѣ всего прочаго, возстановился даже въ дворянствѣ нѣкоторый духъ недовѣрія къ правительству. Во время послѣднихъ европейскихъ возмущеній и всякаго рода смутъ нѣкоторые изъ злоумышленниковъ старались особенно распустить въ нашемъ дворянствѣ слухъ, будто правительство ищетъ обезсилить ихъ значеніе и довести ихъ до ничтожества. Бѣглецы, выходцы за границу и всякаго рода недоброжелатели Россіи писали статьи и наполняли ими столбцы чужестранныхъ газетъ, съ тѣмъ именно умысломъ, чтобы заронить вражду между дворянствомъ и правительствомъ: съ одной стороны показать государю Россіи партію какихъ-то фантастическихъ бояръ, оспаривающихъ самую власть; а съ другой стороны показать дворянству, что государь не благоволитъ къ нимъ и вообще не любитъ этого званія, то-есть, имъ хотѣлось заварить въ Россіи какую-то кашу и сумятицу, среди которой можно было бы и самимъ сыграть какую-нибудь роль. Расчетъ былъ на то, что взаимное опасеніе и подозрительность есть страшная вещь и можетъ со временемъ произвести дѣйствительно разрывъ самыхъ священнѣйшихъ связей. Но, слава Богу, уже прошли тѣ времена, чтобы нѣсколько сорванцовъ могли возмутить цѣлое государство. Проектъ такъ и остался фантастическимъ проектомъ, тѣмъ не менѣе однакожъ искры недоразумѣній и взаимнаго недовѣрія заронились, и я знаю многихъ дворянъ, которые увѣрены серьезно, что государь не любитъ ихъ сословія, и отъ этого даже тоскуютъ. Дѣло это имъ разрѣшите и объявите всю правду, не скрывая ничего. Скажите, что государь любитъ это сословіе больше всѣхъ другихъ, но любитъ его въ истинно-русскомъ значеніи, въ томъ прекрасномъ видѣ, въ какомъ оно должно быть по духу самой земли нашей. Да и не можетъ быть иначе. Ему ли не любить цвѣтъ своего народа? а у насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же народа, а не какое-нибудь пришлое чужеземное сословіе. Но слѣдуетъ, чтобы дворянство само себя показало и опредѣлило значеніе свого званія, потому что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь, при этомъ отсутствіи единства въ общемъ духѣ, при этомъ разнообразіи мыслей, воспитанія, жизни, привычекъ, при такомъ сбивчивомъ образѣ понятій о самихъ себѣ, никому не могутъ они подать дѣйствительной и полной идеи о томъ, что̀ такое въ нашей землѣ дворянство. А оттого никакой мудрецъ не можетъ теперь знать, какъ ему съ ними быть. Слѣдуетъ, чтобы дворянство само вступило въ свое истинное и полное значеніе. И здѣсь-то вы можете истинно имъ всѣмъ помочь, потому что, будучи сами русскій дворянинъ и уже понимая высшее значеніе нашего дворянства, вы лучше всѣхъ будете въ силахъ это объяснить. Не нужно для этого много словъ, потому что начало всего того, что̀ вы имъ объявите, у нихъ въ груди. Дворянство наше представляетъ явленіе, точно, необыкновенное. Оно образовалось у насъ совсѣмъ иначе, нежели въ другихъ земляхъ. Началось оно не насильственнымъ приходомъ, въ качествѣ вассаловъ съ войсками, всегдашнихъ оспаривателей верховной власти и вѣчныхъ угнетателей сословія низшаго; началось оно у насъ личными выслугами передъ царемъ, народомъ и всей землей, — выслугами, основанными на достоинствахъ нравственныхъ, а не на силѣ. Въ нашемъ дворянствѣ нѣтъ гордости какими-нибудь преимуществами своего сословія, какъ въ другихъ земляхъ; нѣтъ спѣси нѣмецкаго дворянства: никто не хвастается у насъ родомъ или древностью происхожденія, хотя наши дворяне всѣхъ древнѣе, — хвастаются развѣ только какіе-нибудь англоманы, которые заразились этимъ на время, во время проѣзда черезъ Англію: можетъ-быть, только изрѣдка похвастается кто-нибудь своимъ предкомъ и то такимъ, который сослужилъ истинно-вѣрную службу царю и землѣ своей; а похвастайся онъ плохимъ предкомъ, на него выпустятъ тутъ же эпиграмму его же собратья дворяне. Однимъ только позволяетъ себѣ всякъ изъ нихъ похвастаться—это чувствомъ своего нравственнаго благородства, которое уже Богъ имъ вложилъ въ грудь. И если дойдетъ дѣло до того, чтобы выказать какимъ-нибудь поступкомъ это внутреннее высшее благородство, у насъ ни одинъ не отстанетъ отъ другого, хотя бы самъ былъ всѣмъ хуже и весь зажилъ въ грязи и сажѣ. Дворянство у насъ есть какъ бы сосудъ, въ которомъ заключено это нравственное благородство, долженствующее разноситься по лицу всей Русской земли затѣмъ, чтобы подать понятіе всѣмъ прочимъ сословіямъ, почему сословіе высшее называется цвѣтомъ народа. И если вы только имъ скажете почти это самое, что̀ я теперь говорю и что̀ есть истинная правда, да разверните передъ ними то посланіе, которое теперь всѣмъ предстоитъ имъ на передачу и увѣковѣченіе именъ своихъ въ потомствѣ; если ясно покажите имъ, что вся Русская земля взываетъ о помощи, и что помощь ей можно оказать одними подвигами благородства, а подвиги благородства слѣдуетъ показать тѣмъ, которые уже отъ рожденья получили благородство, то увидите, что сердца ихъ чокнутся съ вашимъ сердцемъ, какъ рюмки во время пирушки. Не скрывайте отъ нихъ дѣла, объясните имъ всю правду. Зачѣмъ заставлять ихъ узнавать то же самое изъ лживыхъ иностранныхъ газетъ

и давать сорванцамъ кружить имъ головы? Обнаружьте имъ всю правду начисто. Скажите имъ, что Россія, точно, несчастна, что несчастна отъ грабительствъ и неправды, которыя до такой наглости еще не возносили рогъ свой; что болитъ сердце у государя такъ, какъ никто изъ нихъ не знаетъ, не слышитъ и не можетъ знать. Да можетъ ли быть иначе при видѣ этого вихря возникнувшихъ запутанностей, которыя застѣнили всѣхъ другъ отъ друга и отняли почти у каждаго просторъ дѣлать добро и пользу истинную своей землѣ, при видѣ повсемѣстнаго помраченья и всеобщаго уклоненья всѣхъ отъ духа земли своей, при видѣ, наконецъ, этихъ безчестныхъ взяточниковъ и плутовъ, продавцовъ правосудья и грабителей, которые, какъ во́роны, налетѣли со всѣхъ сторонъ клевать еще живое наше тѣло и въ мутной водѣ ловить свою презрѣнную выгоду. Когда вы это имъ скажете, да вслѣдъ за этимъ покажете, что теперь имъ всѣмъ предстоитъ сослужить истинно-благородную и высокую службу царю, а именно: такъ же великодушно, какъ нѣкогда становились въ ряды противу непріятеля, такъ же великодушно стать теперь на неприманчивыя мѣста и должности, опозоренныя низкими разночинцами, тогда увидите, какъ встрепенется наше дворянство. Отбою не будетъ отъ желающихъ вступить въ службу и занять самыя невидныя мѣста. И отслуживши, не потребуютъ они себѣ за то ни наградъ, ни отличій, ни даже привилегій и преимуществъ, довольные тѣмъ, что показали высокое внутреннее преимущество свое. Словомъ—только покажите имъ высоту изъ званія, и вы увидите, какъ благородна ихъ природа. Вы можете указать имъ также то второе великое дѣло, которое они могутъ сдѣлать, воспитавши ввѣренныхъ имъ крестьянъ такимъ образомъ, чтобы они стали образцомъ этого сословія для всей Европы, потому что теперь не на шутку задумались многіе въ Европѣ надъ древнимъ патріархальнымъ бытомъ, котораго стихіи исчезнули повсюду, кромѣ Россіи, и начинаютъ гласно говорить о преимуществахъ нашего крестьянскаго быта, испытавши безсиліе всѣхъ установленій и учрежденій нынѣшнихъ, для ихъ улучшенія. А потому вамъ слѣдуетъ склонить дворянъ, чтобы они разсмотрѣли попристальнѣй истинно-русскія отношенія помѣщика къ крестьянамъ, а не тѣ фальшивыя и ложныя, которыя образовались во время ихъ позорной беззаботности о своихъ собственныхъ помѣстьяхъ, преданныхъ въ руки наемниковъ и управителей; чтобы позаботились о нихъ истинно, какъ о своихъ кровныхъ и родныхъ, а не какъ о чужихъ людяхъ, и такъ бы взглянули на нихъ, какъ отцы на дѣтей своихъ. Симъ только однимъ могутъ возвесть они это сословіе въ то состояніе, въ какомъ слѣдуетъ ему пребыть, которое, какъ нарочно, не носитъ у насъ названья ни вольныхъ, ни рабовъ, но называется крестьянами отъ имени Самого Христа. Все это можетъ вполнѣ объяснить дворянству генералъ-губернаторъ, если о томъ помыслитъ заблаговременно и войдетъ самъ въ полное значенье нашего дворянства. И это будетъ вашъ второй великій подвигъ.

А вотъ вамъ третій подвигъ, котораго тоже никто не можетъ сдѣлать, кромѣ генералъ-губернатора. Всѣ европейскія государства теперь болѣютъ необыкновенной сложностью всякихъ законовъ и постановленій. Повсюду замѣтно одно замѣчательное явленье, а именно: законы собственно гражданскіе выступили изъ предѣловъ и ворвались въ области, имъ не принадлежащія. Съ одной стороны они вторгнулись въ область, состоявшую долго подъ управленіемъ народныхъ обычаевъ; съ другой стороны они вторгнулись въ область, долженствующую оставаться вѣчно подъ управленіемъ Церкви. Случилось это не насильственно: разливъ гражданскихъ законовъ произошелъ самъ собою, встрѣтивши повсюду пустыя, себя не ограждавшія мѣста. Мода подорвала обычаи, уклоненіе духовенства отъ прямой жизни во Христѣ оставило на произволъ всѣ частныя отношенія каждаго человѣка въ его частномъ быту. Законы гражданскіе взяли то и другое, какъ оставленныхъ сиротъ, подъ свою опеку и оттого только стали такъ сложны. Сами же по себѣ они вовсе не пространны, и если возвратится то, что́ законнымъ образомъ должно принадлежать обычаямъ и то, что́ должно поступить въ вѣчное владѣнье Церкви, тогда ихъ можетъ заключить только одна книга, которая обниметъ одни крупныя уклоненья отъ общественнаго порядка и отношенія собственно-государственныя. Всѣ до единаго теперь видятъ, что множество дѣлъ, злоупотребленій и всякихъ кляузъ произошло именно отъ того, что европейскіе философы-законодатели стали заранѣе опредѣлять всѣ возможные случаи уклоненій, до малѣйшихъ подробностей, и тѣмъ открыли всякому, даже благородному и доброму, пути къ безконечнымъ и несправедливѣйшимъ тяжбамъ, которыя затѣвать прежде почелъ бы онъ безчестнѣйшимъ дѣломъ, но которыя онъ затѣваетъ теперь смѣло, увидя въ какомъ-нибудь пунктѣ постановленій возможность и надежду получить когда-то потерянное добро или же просто только возможность оспаривать владѣнье другого. Онъ уже идетъ горой, какъ герой на приступъ, и не глядитъ вовсе на своего супротивника, хотя бы тотъ лишился черезъ это послѣдней своей рубашки, хотя бы онъ пошелъ по́-міру со всей семьей своей. Человѣколюбивый производитъ те-

перь безстыднѣйшимъ образомъ въ виду всѣхъ жестокое дѣло и даже имъ хвастается, тогда какъ онъ устыдился бы и самой мысли о томъ, если бы служитель Церкви поставилъ ихъ обоихъ лицомъ ко Христу, а не презрѣннымъ выгодамъ личнымъ, и если бы завелось такъ, какъ и быть должно, чтобы во всѣхъ дѣлахъ запутанныхъ, казусныхъ, темныхъ, словомъ — во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ угрожаетъ проволочка по инстанціямъ, мирила человѣка съ человѣкомъ Церковь, а не гражданскій законъ. Но вотъ вопросъ какъ это сдѣлать? Какъ сдѣлать, чтобы гражданскому закону отдано было дѣйствительно только то, что́ должно принадлежать гражданскому закону; чтобы обычаямъ возвращено было то, что́ должно оставаться во власти обычаевъ, и чтобы за Церковью вновь утверждено было то, что́ должно вѣчно принадлежать Церкви? Словомъ, какъ возвратить все на свое мѣсто? Въ Европѣ сдѣлать этого невозможно: она обольется кровью, изнеможетъ въ напрасныхъ бореньяхъ и ничего не успѣетъ. Въ Россіи есть возможность; въ Россіи можетъ это нечувствительно совершиться—не какими-нибудь нововведеніями, переворотами и реформами и даже не засѣданьями, не комитетами, не преньями и не журнальными толками и болтовней; въ Россіи можетъ этому дать начало всякій генералъ-губернаторъ ввѣренной его управленію области, и какъ просто!—ничѣмъ другимъ, какъ только собственной жизнью своей. Патріархальностью жизни своей и простымъ образомъ обращенья со всѣми онъ можетъ вывести вонъ моду съ ея пустыми этикетами и укрѣпить тѣ русскіе обычаи, которые въ самомъ дѣлѣ хороши и могутъ быть примѣнены съ пользой къ нынѣшнему быту. Онъ можетъ сильно подѣйствовать на то, что отношенья между собою какъ жителей городовъ, такъ и помѣщиковъ станутъ проще; а уничтоженье этой сложности свѣтскихъ отношеній, какая нынѣ, уменьшитъ непремѣнно ссоры и неудовольствія, которыя возникнули, какъ вихри, между обитателями городовъ. Такъ же, какъ на водворенье обычаевъ, можетъ подѣйствовать генералъ-губернаторъ и на законное водворенье Церкви въ нынѣшнюю жизнь русскаго человѣка: во-первыхъ, примѣромъ собственной жизни, а во-вторыхъ, и самими мѣрами — не принудительными и насильственными, но въ нѣсколько разъ сильнѣйшими всякихъ насильственныхъ. Объ этомъ когда-нибудь мы съ вами поговоримъ послѣ, когда вы дѣйствительно возьмете должность; а до того времени скажу вамъ только вотъ что: если уже простой обычай сильнѣе всякаго письменнаго закона, а между прочимъ, что́ такое обычай, если разсмотрѣть его строго? Иногда онъ просто не имѣетъ никакого значенья въ нынѣшнее время, установленъ неизвѣстно зачѣмъ, пришелъ неизвѣстно откуда, не слышно даже авторитета, его утвердившаго; иногда онъ тянется еще отъ временъ язычества, противоположенъ христіанству и всѣмъ элементамъ новой жизни. И если при всемъ этомъ обычай такъ силенъ, что его трудно бываетъ изгладить въ продолженіе многихъ лѣтъ,— что́ же, если введется такой обычай, который основанъ на разумѣ, единоустно и единодушно будетъ признанъ всѣми и освященъ свыше Самимъ Христомъ и его Церковью? Такой обычай пойдетъ вовѣки вѣковъ и не сокрушитъ его никакая сила, какія бы ни наступили всемірныя колебанья. Но этотъ предметъ великъ; о немъ нужно поговорить умно, а я для того глупъ. Послѣ, когда Богъ поможетъ и вразумитъ меня, можетъ-быть, что-нибудь скажу. Работъ вамъ будетъ много. Крѣпитесь и берите твердо должность генералъ-губернатора, если только она будетъ вамъ предложена. Вы исполните ее теперь именно такъ, какъ слѣдуетъ, и сообразно тому, чего требуетъ само правительство, то-есть—бодрящею, освѣжающею силою пронестись по всей области, всѣхъ воздвигнуть, всѣхъ освѣжить, всѣхъ настроить, всему дать толчокъ и обратиться потомъ въ другую губернію затѣмъ, чтобы и тамъ произвести то же. Вы сами увидите, что должность эта непремѣнно должна быть временная, иначе она не имѣла бы смысла, потому что внутренній организмъ губерніи достаточенъ и полонъ, и нѣтъ надобности въ другомъ управителѣ, кромѣ гражданскаго губернатора. Съ Богомъ же, и не бойтесь ничего! Но, хотя бы пришлось вамъ занять и другую должность, руководствуйтесь тѣми же правилами. Не забывайте нигдѣ, что вы на время. Устройте такъ дѣла, чтобы они не только при васъ шли хорошо, но и послѣ васъ; чтобы не могъ ничего сдвинуть вашъ преемникъ, но вступилъ бы невольно уже самъ въ утвержденныя вами границы, держась вами даннаго законнаго направленія. Христосъ научитъ васъ, какъ закалять дѣло накрѣпко и навѣки. Будьте отецъ истинный всѣмъ вамъ подвластнымъ чиновникамъ и каждому помогите свято и честно исполнить должность свою. Подавайте братски руку всякому освобождаться отъ собственныхъ пороковъ и недостатковъ. Имѣйте на всѣхъ вліяніе, но вліяніе единственно затѣмъ, чтобы заставить каждаго имѣть на самого себя вліяніе. Смотрите также, чтобы никто не опирался черезчуръ и слишкомъ на васъ, какъ на собственный посохъ свой, подобно тому, какъ римско-католическія дамы опираются на духовниковъ своихъ, безъ воли которыхъ онѣ не смѣютъ переступить въ другую комнату, и ждутъ для этого исповѣди; но чтобы помнилъ человѣкъ, что нянька ему дается на время, а не навсегда, и что какъ только отступаетъ отъ него наставникъ, тутъ-то

ему и слѣдуетъ блюсти за собой осторожнѣй, чѣмъ когда-либо прежде, помня ежеминутно, что уже некому теперь смотрѣть за нимъ, и содержа, какъ святыню, въ своей памяти всякое слово, ему сказанное. Старайтесь также, чтобы не было плача при разставаніи съ вами, если бы случилось вамъ оставлять вашу должность, но чтобы бодрѣй и свѣжѣй еще глядѣлъ каждый впередъ, а потому ко дню разставанья копите все, что хотѣли бы вы сказать въ наставленіе каждому: въ этотъ день будутъ для нихъ святы всѣ слова ваши, и то, чего бы они не приняли и не исполнили прежде, то теперь примутъ и послѣ васъ исполнятъ. Для меня наилучшая минута — время разставанья съ моими друзьями; всякъ изъ друзей моихъ, кто теперь ни разстается со мной, разстается весело и свѣтлѣетъ духомъ. Вамъ подтвердятъ это всѣ тѣ, которые разставались со мной въ послѣднее время. Я даже увѣренъ, что когда буду умирать, со мной простятся весело всѣ меня любившіе: никто и нихъ не заплачетъ и будетъ гораздо свѣтлѣе духомъ послѣ моей смерти, чѣмъ при жизни моей. Еще скажу вамъ слово насчетъ любви и всеобщаго расположенія къ себѣ, за которыми многіе такъ гоняются. Заискивать любви къ себѣ есть незаконное дѣло и не должно занимать человѣка. Смотрите на то—любите ли вы другихъ, но не на то—любятъ ли васъ другіе. Кто требуетъ платежа за любовь свою, тотъ подлъ и далеко не христіанинъ. О, какъ я благодаренъ за то, что еще отъ дѣтства вселилъ въ меня Богъ непонятное мнѣ самому чувство бѣжать отъ всякихъ неумѣстныхъ изліяній, даже родственныхъ и дружескихъ, какъ отъ чего-то приторнаго и непріятнаго! Какъ это вѣрно, что полная любовь не должна принадлежать никому на землѣ! Она должна быть передаваема по начальству, и всякій начальникъ, какъ только замѣтитъ ея устремленье къ себѣ, долженъ въ ту же минуту обращать ее къ постановленному надъ нимъ высшему начальству, чтобы такимъ образомъ добралась она до своего законнаго источника, и передалъ бы ее торжественно въ виду всѣхъ всѣми любимый царь Самому Богу.

1845.

XXIX.

ЧЕЙ УДѢЛЪ НА ЗЕМЛѢ ВЫШЕ.

изъ письма къ у.....му.

Никакъ не могу сказать вамъ, чей удѣлъ на землѣ выше, и кому суждена лучшая участь. Прежде, когда былъ поглупѣе, я предпочиталъ одно званіе другому; теперь же вижу, что участь всѣхъ равно завидна. Всѣ получатъ равное воздаяніе—какъ тотъ, которому ввѣренъ былъ одинъ талантъ, и онъ принесъ на него другой, такъ и тотъ, которому дано было пять талантовъ, и который принесъ на нихъ другіе пять. Даже, я думаю, участь перваго еще лучше, именно отъ того, что онъ не пользовался на землѣ извѣстностью и не вкушалъ очаровательнаго напитка земной славы, подобно послѣднему. Чудна милость Божія, опредѣлившая равное воздаяніе всякому, исполнившему честно долгъ свой, царь ли онъ, или послѣдній нищій. Всѣ они тамъ уравняются, потому что всѣ внидутъ въ радость Господа своего и будутъ пребывать *равно* въ Богѣ. Конечно, Самъ Христосъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ: „*Въ дому Отца Моего обители многи суть*“; но какъ помыслю объ этихъ обителяхъ, какъ помыслю о томъ, что должны быть у Бога обители, не могу удержаться отъ слезъ и знаю, что никакъ бы не рѣшилъ, какую изъ нихъ выбрать себѣ, если бы только дѣйствительно былъ удостоенъ небеснаго царствія и вопрошенъ: „какую изъ нихъ хочешь?“ Знаю только то, что сказалъ бы: „Послѣднюю, Господи, но лишь бы она была въ дому Твоемъ!“ Кажется, ничего бы не желалось больше, какъ только служить тѣмъ избраннымъ, которые уже удостоились созерцать во всемъ величіи Его славу, лежать бы только у ногъ ихъ и цѣловать святыя ихъ ноги!

1845.

XXX.

НАПУТСТВІЕ.

На письмо твое теперь не буду отвѣчать; отвѣтъ будетъ послѣ. Все вижу и слышу: страданія твои велики. Съ такою нѣжною душою терпѣть такія грубыя обвиненія; съ такими возвышенными чувствами жить посреди такихъ грубыхъ, неуклюжихъ людей, каковы жители пошлаго городка, въ которомъ ты поселился, которыхъ уже одно безчувственное, топорное прикосновеніе въ силахъ разбить, даже безъ ихъ вѣдома, лучшую драгоцѣнность сердечную, медвѣжьею лапою ударить по тончайшимъ струнамъ душевнымъ, — даннымъ на то, чтобы выпѣть небесные звуки,—разстроить и разорвать ихъ, видѣть, въ прибавленіе ко всему этому, ежедневно происходящія мерзости и терпѣть презрѣніе отъ презрѣнныхъ—все это тяжело, знаю. Твои страданія тѣлесныя тяжелы не меньше. Твои нервическіе недуги, твоя тоска и эти страшные припадки агоніи, которою ты одержимъ теперь,—все это тяжело, тяжело, и ничего больше не могу сказать тебѣ, какъ только: тяжело! Но вотъ тебѣ утѣшеніе. Это еще начало; оскорбленій тебѣ будетъ еще больше: предстанутъ тебѣ еще сильнѣйшія борьбы съ [взяточниками,]

подлецами всѣхъ сортовъ и безстыднѣйшими людьми, для которыхъ ничего нѣтъ святого, которые не только въ силахъ произвести то гнусное дѣло, о которомъ ты пишешь [т.-е. подписаться подъ чужую руку], — дерзнуть взвести такое ужасное преступленіе на невинную душу, видѣть своими глазами кару, постигшую оклеветаннаго, и не содрогнуться, — не только подобное гнусное дѣло, но еще въ нѣсколько разъ гнуснѣйшія, о которыхъ одинъ разсказъ можетъ лишить навѣки сна человѣка сердобольнаго. (О, лучше бы вовсе не родиться этимъ людямъ! весь сонмъ небесныхъ силъ содрогнется отъ ужаса загробнаго наказанія, ихъ ждущаго, отъ котораго никто уже ихъ не избавитъ). Встрѣтятся тебѣ безчисленныя новыя пораженія, неожиданныя вовсе. На твоемъ почти беззащитномъ поприщѣ [и незамѣтной должности] все можетъ случиться. Твои нервическіе припадки и недуги будутъ также еще сильнѣе, тоска будетъ убійственнѣе и печали будутъ сокрушительнѣе. Но вспомни: призваны въ міръ мы вовсе не для праздниковъ и пированій—на битву мы сюда призваны; праздновать же побѣду будемъ *тамъ*. А потому мы ни на мигъ не должны позабыть, что вышли на битву, и нечего тутъ выбирать, гдѣ поменьше опасностей: какъ добрый воинъ, долженъ бросаться изъ насъ всякъ туда, гдѣ пожарче битва. Всѣхъ насъ озираетъ свыше небесный Полководецъ, и ни малѣйшее наше дѣло не ускользаетъ отъ Его взора. Не уклоняйся же отъ поля сраженія, а, выступивши на сраженіе, не ищи непріятеля безсильнаго, но сильнаго. За сраженіе съ небольшимъ горемъ и мелкими бѣдами не много получишь славы. [Не велика слава для русскаго сразиться съ миролюбивымъ нѣмцемъ, когда знаешь впередъ, что онъ побѣжитъ; нѣтъ, съ черкесомъ, котораго все дрожитъ, считая непобѣдимымъ, съ черкесомъ схватиться и побѣдить его вотъ слава, которою можно похвалиться!] Впередъ же, прекрасный мой воинъ! Съ Богомъ, добрый товарищъ! Съ Богомъ, прекрасный другъ мой!

1846.

XXXI.

ВЪ ЧЕМЪ ЖЕ НАКОНЕЦЪ СУЩЕСТВО РУССКОЙ ПОЭЗІИ И ВЪ ЧЕМЪ ЕЯ ОСОБЕННОСТЬ.

Несмотря на внѣшніе признаки подражанія, въ нашей поэзіи есть очень много своего. Самородный ключъ ея уже билъ въ груди народа тогда, когда самое имя еще не было ни на чьихъ устахъ. Струи его пробиваются въ нашихъ пѣсняхъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому-то безграничному разгулу, къ стремленію, какъ бы унестись куда-то вмѣстѣ съ звуками. Струи его пробиваются въ пословицахъ нашихъ, въ которыхъ видна необыкновенная полнота народнаго ума, умѣвшаго сдѣлать все своимъ орудіемъ: иронію, насмѣшку, наглядность, мѣткость живописнаго соображенія, чтобы составить животрепещущее слово, которое пронимаетъ насквозь природу русскаго человѣка, задирая за все ея живое. Струи его пробиваются, наконецъ, въ самомъ словѣ церковныхъ пастырей,—словѣ простомъ, некраснорѣчивомъ, но замѣчательномъ по стремленію стать на высоту того святого безстрастія, на которую опредѣлено взойти христіанину, по стремленію направить человѣка не къ увлеченіямъ сердечнымъ, но къ высшей, умной трезвости духовной. Все это пророчило для нашей поэзіи какое-то другимъ народамъ невѣдомое, своеобразное и самобытное развитіе. Но не изъ сихъ трехъ источниковъ, уже въ насъ пребывавшихъ, ведетъ начало наша сладкозвучная поэзія, нынѣ насъ услаждающая, такъ же, какъ и строеніе нынѣшняго нашего гражданскаго порядка произошло не изъ началъ, уже пребывавшихъ прежде въ землѣ нашей. Гражданское строеніе наше произошло также не правильнымъ, постепеннымъ ходомъ событій, не медленно-разсудительнымъ введеніемъ европейскихъ обычаевъ,—которое было бы уже невозможно по той причинѣ, что уже слишкомъ вызрѣло европейское просвѣщеніе, слишкомъ великъ былъ наплывъ его, чтобы не ворваться рано или поздно со всѣхъ сторонъ въ Россію и не произвести безъ такого вождя, каковъ былъ Петръ, гораздо бо́льшаго разладу во всемъ, нежели какой дѣйствительно потомъ наступилъ,—гражданское строеніе наше произошло отъ потрясенія, отъ того богатырскаго потрясенія всего государства, которое произвелъ царь-преобразователь, когда воля Бога вложила ему мысль ввести молодой народъ свой въ кругъ европейскихъ государствъ и вдругъ познакомить его со всѣмъ, что́ ни добыла себѣ Европа долгими годами кровавыхъ борсній и страданій. Крутой поворотъ былъ нуженъ русскому народу, и европейское просвѣщеніе было огниво, которымъ слѣдовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массѣ. Огниво не сообщаетъ огня кремню, но, покамѣстъ имъ не ударишь, не издастъ кремень огня. Огонь излетѣлъ вдругъ изъ народа. Огонь этотъ былъ восторгъ, — восторгъ отъ пробужденія, восторгъ вначалѣ безотчетный: никто еще не услышалъ, что онъ пробудился затѣмъ, чтобы, съ помощію европейскаго свѣта, разсмотрѣть поглубже самого себя, а не копировать Европу; все только услышало, что онъ пробудился. Уже самый этотъ крутой поворотъ всего государства, произведенный однимъ человѣкомъ,—

и притомъ самимъ царемъ, который великодушно отказался на время отъ царскаго званія своего, рѣшился извѣдать самъ всякое ремесло и съ топоромъ въ рукѣ стать передовымъ во всякомъ дѣлѣ, дабы не произошло никакихъ безпорядковъ, слѣдующихъ при малѣйшемъ измѣненіи государственныхъ формъ,—былъ дѣломъ, достойнымъ восторга. Переворотъ, который обыкновенно на нѣсколько лѣтъ обливаетъ кровью потрясенное государство, если производится бореніями внутреннихъ партій, былъ произведенъ, въ виду всей Европы, въ такомъ порядкѣ, какъ блистательный маневръ хорошо выученнаго войска. Россія вдругъ облеклась въ государственное величіе, заговорила громами и блеснула отблескомъ европейскихъ наукъ. Все въ молодомъ государствѣ пришло въ восторгъ, издавши тотъ крикъ изумленія, который издаетъ дикарь при видѣ навезенныхъ блестящихъ сокровищъ. Восторгъ этотъ отразился въ нашей поэзіи, или лучше—онъ создалъ ее. Вотъ почему поэзія съ перваго стихотворенія, появившагося въ печати, приняла у насъ торжествующее выраженіе, стремясь высказать въ одно и то же время восхищеніе отъ свѣта, внесеннаго въ Россію, изумленіе отъ великаго поприща, ей предстоящаго, и благодарность царямъ, того виновникамъ. Съ этихъ поръ стремленіе къ свѣту стало нашимъ элементомъ, шестымъ чувствомъ русскаго человѣка, и оно-то дало ходъ нашей нынѣшней поэзіи, внеся новое, свѣтоносное начало, котораго не видно было ни въ одномъ изъ тѣхъ трехъ источниковъ ея, о которыхъ упомянуто въ началѣ.

Что такое Ломоносовъ, если разсмотрѣть его строго? Восторженный юноша, котораго манитъ свѣтъ наукъ да поприще, ожидающее впереди. Случаемъ попалъ онъ въ поэты: восторгъ отъ нашей новой побѣды заставилъ его набросать первую оду. Впопыхахъ занялъ онъ у сосѣдей нѣмцевъ размѣръ и форму, какіе у нихъ на ту пору случились, не разсмотрѣвъ, приличны ли они русской рѣчи. Нѣтъ и слѣдовъ творчества въ его реторически составленныхъ одахъ; но восторгъ уже слышенъ въ нихъ повсюду, гдѣ ни прикоснется онъ къ чему-нибудь близкому, науколюбивой его душѣ. Коснулсь онъ сѣвернаго сіянія, бывшаго предметомъ его ученыхъ изслѣдованій—и плодомъ этого прикосновенія была ода: „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“, вся величественная отъ начала до конца, какой никому не написать, кромѣ Ломоносова. Тѣ же причины породили извѣстное посланіе въ Шувалову „о пользѣ стекла“. Всякое прикосновеніе къ любезной сердцу его Россіи, на которую глядитъ онъ подъ угломъ ея сіяющей будущности, исполняетъ его силы чудотворной. Среди холодныхъ строфъ польются вдругъ у него такія строфы, что не знаешь самъ, гдѣ ты находишься. Точно, какъ бы, выражаясь его же словами:

Божественный пророкъ Давидъ
Священными шумитъ струнами
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ.

Всю Русскую землю озираетъ онъ отъ края до края съ какой-то свѣтлой вышины, любуясь и не налюбуясь ея безпредѣльностію и дѣвственною природою. Въ описаніяхъ слышенъ взглядъ скорѣе ученаго натуралиста, нежели поэта: но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста въ поэта. Изумительнѣе всего то, что, заключа стихотворную рѣчь свою въ узкія строфы нѣмецкаго ямба, онъ ничуть не стѣснилъ языка: языкъ у него движется въ узкихъ строфахъ такъ же величественно и свободно, какъ полноводная рѣка въ нестѣсненныхъ берегахъ. Онъ у него свободнѣе и лучше въ стихахъ, нежели въ прозѣ, и не даромъ Ломоносова называютъ отцомъ нашей стихотворной рѣчи. Изумительно то, что начинатель уже явился господиномъ и законодателемъ языка. Ломоносовъ стоитъ впереди нашихъ поэтовъ, какъ вступленіе впереди книги. Его поэзія—начинающійся разсвѣтъ. Она у него, подобно вспыхивающей зарницѣ, освѣщаетъ не все, но только нѣкоторыя строфы. Сама Россія является у него только въ общихъ географическихъ очертаніяхъ. Онъ какъ бы заботится только о томъ, чтобы набросать одинъ очеркъ громаднаго государства, намѣтить точками и линіями его границы, предоставивъ другимъ наложить краски; онъ самъ какъ бы первоначальный, пророческій набросокъ того, что впереди.

Съ руки Ломоносова оды вошли въ обычай. Торжество, побѣда, тезоименитство, даже иллюминація и фейерверкъ стали предметомъ одъ. Слагатели ихъ выразили только бездарную прыть намѣсто восторга. Исключить изъ нихъ можно одного Петрова, нечуждаго силы и стихотворнаго огня: онъ былъ дѣйствительно поэтъ, несмотря на жесткій и черствый стихъ свой. Всѣ прочіе напомнили только реторически-холодный складъ ломоносовскихъ одъ и показали, намѣсто благозвучія ломоносовскаго языка, трескотню и безпорядокъ словъ, терзающій ухо. Но огниво уже ударило по кремню; поэзія уже вспыхнула: еще не успѣлъ отнести руку отъ лиры Ломоносовъ, какъ уже заводилъ первыя пѣсни Державинъ.

Въ эпоху Екатерины, которой царствованіе можно назвать блестящею выставкою первыхъ русскихъ произведеній, когда на всѣхъ, поприщахъ стали выказываться русскіе таланты,—съ битвами вознеслись полководцы, съ учрежденіями внутренними государственные дѣльцы, съ переговорами

дипломаты, а съ академіями словесники и ученые,—появился и поэтъ, Державинъ, съ тою же картинно-величавою наружностію, какъ и всѣ люди временъ Екатерины, развернувшіеся въ какой-то еще дикой свободѣ, со множествомъ недоконченнаго и не вполнѣ отдѣланнаго въ частяхъ, какъ случается съ тѣми произведеніями, которыя выставляются нѣсколько торопливо на-показъ. Мысль о сходствѣ Ломоносова съ Державинымъ, приходящая въ умъ при первомъ взглядѣ на нихъ обоихъ, исчезнетъ вдругъ, какъ только всмотришься покрѣпче въ Державина. Всѣмъ, даже самымъ воспитаніемъ, послѣдній представляетъ совершенную противоположность первому. Какъ первый весь предался наукамъ, считая стихотворство свое только развлеченіемъ и дѣломъ отдохновенія, такъ другой предался весь своему стихотворству, считая многостороннее образованіе науки лишнимъ и ненужнымъ. То же самодержавное, государственное величіе Россіи слышится и у него; но уже видны не одни только географическіе очерки государства: выступаютъ люди и жизнь. Не отвлеченныя науки, но наука жизни его занимаетъ. Оды его обращаются уже къ людямъ всѣхъ сословій и должностей, и слышно въ нихъ стремленіе начертать законъ правильныхъ дѣйствій человѣка во всемъ, даже въ самыхъ его наслажденіяхъ. У него выступило уже творчество. У него есть что-то еще болѣе исполинское и парящее, нежели у Ломоносова. Недоумѣваетъ умъ рѣшить, откуда взялся въ немъ этотъ гиперболическій размахъ его рѣчи. Остатокъ ли это нашего сказочнаго русскаго богатырства, которое, въ видѣ какого-то темнаго пророчества, носится до сихъ поръ надъ нашею землею, прообразуя что-то высшее, насъ ожидающее, или же это навѣялось на него отдаленнымъ татарскимъ его происхожденіемъ, стенями, гдѣ бродятъ бѣдные останки ордъ, распаляющіе свое воображеніе разсказами о богатыряхъ въ нѣсколько верстъ вышиною, живущихъ по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ — что бы то ни было, но это свойство въ Державинѣ изумительно. Иногда, Богъ вѣсть, какъ издалека забираетъ онъ слова и выраженія затѣмъ именно, чтобы стать ближе къ своему предмету. Дико, громадно все; но, гдѣ только помогла ему сила вдохновенія, тамъ весь этотъ громоздъ служитъ на то, чтобы неестественною силою оживить предметъ, такъ что кажется, какъ бы тысячью глазами глядитъ онъ. Стоитъ пробѣжать его „Водопадъ“, гдѣ, кажется, какъ бы цѣлая эпопея слилась въ одну стремящуюся оду. Въ „Водопадѣ“ передъ нимъ пигмеи другіе поэты. Природа тамъ какъ бы высшая нами зримой природы, люди могучѣе нами знаемыхъ людей, а наша обыкновенная жизнь передъ величественною жизнію, тамъ изображенною, точно муравейникъ, который гдѣ-то далеко копышется вдали. О Державинѣ можно сказать, что онъ — пѣвецъ величія. Все у него величаво: величавъ образъ Екатерины, величава Россія, созерцающая себя въ осьми моряхъ своихъ; его полководцы — орлы; словомъ—все у него величаво. Замѣтно, однакоже, что постояннымъ предметомъ его мыслей, болѣе всего его занимавшимъ, было—начертить образъ какого-то крѣпкаго мужа, закаленнаго въ дѣлѣ жизни, готоваго на битву не съ однимъ какимъ-нибудь временемъ, но со всѣми вѣками; изобразить его такимъ, какимъ онъ долженъ былъ изникнуть, по его мнѣнію, изъ крѣпкихъ началъ нашей русской породы, воспитавшись на непотрясаемомъ камнѣ нашей Церкви. Часто, бросивши въ сторону то лицо, которому надписана ода, онъ ставитъ на его мѣсто того же своего непреклоннаго, правдиваго мужа. Тогда глубокія истины изглашаются у него голосомъ, который далеко выше обыкновеннаго: возвращается святое, высокое значеніе тому, что̀ привыкли называть мы общими мѣстами, и, какъ изъ устъ самой Церкви, внимаешь вѣчнымъ словамъ его. Сравнительно съ другими поэтами, у него все глядитъ исполиномъ: его поэтическіе образы, не имѣя полной окончательности пластической, какъ бы теряются въ какомъ-то духовномъ очертаніи и оттого пріемлютъ еще болѣе величія. Напримѣръ: поэтъ изображаетъ старца Каспія въ то время, когда онъ, разсерженный бурею,

Встаетъ въ упоръ ея волнамъ:
То скачетъ въ твердь, то, въ адъ стремяся,
Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ;
Столбомъ власы сѣдые вьются,
И гласъ его гремитъ въ горахъ.

Тутъ, казалось, хотѣлъ создаться *зримо* образъ старца Каспія, но потерялся въ какомъ-то духовномъ, *незримомъ* очертаніи: ухо слышитъ одинъ гулъ гремящаго моря, и, вмѣстѣ съ сѣдыми власами старца, подъемлется волосъ на головѣ самого читателя, пораженнаго суровымъ величіемъ картины. Все у него крупно. Слогъ у него такъ крупенъ, какъ ни у кого изъ нашихъ поэтовъ. Разъявъ анатомическимъ ножомъ, увидишь, что это происходитъ отъ необыкновеннаго соединенія самыхъ высокихъ словъ съ самыми низкими и простыми, на что̀ бы никто не отважился, кромѣ Державина. Кто бы посмѣлъ, кромѣ его, выразиться такъ, какъ выразился онъ въ одномъ мѣстѣ о томъ же своемъ величественномъ мужѣ, въ ту минуту, когда онъ все уже исполнилъ, что̀ нужно на землѣ:

И смерть, какъ гостью, ожидаетъ,
Крутя, задумавшись, усы.

Кто, кромѣ Державина, осмѣлился бы соединить такое дѣло, каково ожиданіе смерти, съ такимъ ничтожнымъ дѣйствіемъ, каково крученіе усовъ? Но какъ черезъ это ощутительнѣе видимость самого мужа, и какое меланхолически-голубокое чувство остается въ душѣ! Но надобно сказать, что какъ это, такъ и всѣ другія исполинскія свойства Державина, дающія ему преимущество надъ прочими поэтами нашими, превращаются вдругъ у него въ неряшество и безобразіе, какъ только оставляетъ его одушевленіе. Тогда все въ безпорядкѣ: рѣчь, языкъ, слогъ,—все скрипитъ, какъ телѣга съ невымазанными колесами, и стихотвореніе—точно трупъ, оставленный душою. Слѣды собственнаго неконченнаго образованія, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ, отразились очень замѣтно на его твореніяхъ. Мужъ, проповѣдывавшій другимъ о томъ, какъ править собою, не умѣлъ управить себя, далеко не сталъ самимъ собою и долженъ былъ напряженною силою вдохновенія добираться до себя же, чтобы заговорить о томъ, что должно уже свободно изливаться у поэта. Придай полное воспитаніе такому мужу — не было бы поэта выше Державина; теперь же остается онъ, какъ невоздѣланная громадная скала, передъ которою никто не можетъ остановиться, не будучи пораженъ, но передъ которою долго не застаивается никто, спѣша къ другимъ мѣстамъ, болѣе плѣнительнымъ.

Еще Державинъ ударялъ въ струны своей лиры, какъ уже все вокругъ него измѣнилось: вѣкъ Екатерины, полководцы-орлы, вельможная роскошь и вельможная жизнь унеслись, какъ сновидѣніе. Наступилъ вѣкъ Александра, опрятный, благопристойный, вылощенный. Все застегнулось и, какъ бы почувствовавъ, что уже раскинулось черезчуръ нараспашку, стало наперерывъ пріобрѣтать наружное благоприличіе и стройность поступковъ. Французы стали вполнѣ образцы всему, и такъ же, какъ щеголи Парижа, завладѣли надолго нашимъ обществомъ, ловкіе французскіе поэты завладѣли было на время нашими поэтами. Къ чести, однакожъ, вѣрнаго поэтическаго чутья нашего нужно сказать то, что въ образецъ пошелъ одинъ Лафонтенъ, затѣмъ именно, что былъ ближе къ природѣ: Дмитріевъ, Хемницеръ и Богдановичъ стали производить подобныя ему, въ простотѣ, творенія, обработывая тѣ же предметы. Русскій языкъ вдругъ получилъ свободу и легкость перелетать отъ предмета къ предмету,—легкость, незнакомую Державину. Намѣсто оды стали пробовать всѣ роды и формы поэзіи. Дмитріевъ показалъ много таланта, вкуса, простоты и приличія во всемъ, которыми убилъ напыщенность и высокопарность, нанесенныя бездарными подражателями Державина и Ломоносова. Но поверхностная эпоха не могла дать богатаго содержанія нашей поэзіи: одно общесвѣтское стало ея предметомъ, и она сдѣлалась сама похожею на умнаго и ловкаго свѣтскаго человѣка, кода онъ сидитъ въ гостиной и ведетъ разговоръ совсѣмъ не затѣмъ, чтобы повѣдать душевную исповѣдь свою или подвинуть другихъ на какое-нибудь важное дѣло, но затѣмъ, чтобы просто повести разговоръ и пощеголять умѣньемъ вести его обо всѣхъ предметахъ. Послѣдніе звуки Державина умолкли, какъ умолкаютъ послѣдніе звуки церковнаго органа, и поэзія наша, по выходѣ изъ церкви, очутилась вдругъ на балѣ. Отъ одного только Капниста послышался ароматъ истинно-душевнаго чувства и какая-то особенная антологическая прелесть, дотолѣ незнакомая. Вотъ его „Деревенскій домикъ въ Обуховкѣ“:

Пріютный домъ мой подъ соломой
По мнѣ, ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ немъ уголокъ,
А къ двери, нищему знакомой,
Забыла лѣнь прибить замокъ.

Но не могла оставаться долго наша поэзія на этой поверхностной свѣтской верхушкѣ. Уже пробуждена была сильно ея чуткость отъ петровскаго удара европейскимъ огнивомъ. Вдругъ примѣтила она, что отъ французовъ, кромѣ ловкости, ничего не переймешь въ свое воспитаніе и обратилась къ нѣмцамъ. Въ нѣмецкой литературѣ происходило въ это время явленіе странное. Неясныя грёзы, таинственныя преданія, необъяснимыя чудесныя происшествія, темные призраки невидимаго міра, мечты и страхи, сопровождающіе дѣтство человѣка, стали предметомъ нѣмецкихъ поэтовъ. Можно бы назвать такую поэзію шалостію школьника, если бы въ ней не слышался тотъ младенческій лепетъ, которымъ подаетъ о себѣ вѣсть безсмертный духъ человѣка, требующій себѣ живой пищи. Чуткая поэзія наша остановилась съ любопытствомъ младенца передъ такимъ явленіемъ. Ея собственныя славянскія начала напомнили ей вдругъ о чемъ-то и у нея похожемъ. Но при всемъ томъ мы сами никакъ бы не столкнулись съ нѣмцами, если бы не явился среди насъ такой поэтъ, который показалъ намъ весь этотъ новый, необыкновенный міръ сквозь ясное стекло своей собственной природы, намъ болѣе доступной, нежели нѣмецкая. Этотъ поэтъ—Жуковскій, наша замѣчательнѣйшая оригинальность! Чудною, высшею волею вложено было ему въ душу, отъ дней младенчества, непостижимое ему самому стремленіе къ незримому и таинственному. Въ душѣ его, точно какъ въ героѣ его баллады Вадимѣ, раздавался небесный звонокъ, зовущій въ даль. Изъ-за этого зова бросался онъ на все неизъ-

яснимое и таинственное повсюду, гдѣ оно ни встрѣчалось ему, и сталъ облекать его въ звуки, близкіе нашей душѣ. Все въ этомъ родѣ у него взято у чужихъ, и больше у нѣмцевъ—почти все переводы. Но на переводахъ такъ отпечаталось это внутреннее стремленіе, такъ зажгло и одушевило ихъ своею живостью, что сами нѣмцы, выучившіеся по-русски, признаются, что передъ нимъ оригиналы кажутся копіями, а переводы его кажутся истинными оригиналами. Не знаешь, какъ назвать его — переводчикомъ или оригинальнымъ поэтомъ. Переводчикъ теряетъ собственную личность, но Жуковскій показалъ ее больше всѣхъ нашихъ поэтовъ. Пробѣжалъ оглавленіе стихотвореній его, видишь: одно взято изъ Шиллера, другое изъ Уланда, третье у Вальтеръ Скотта, четвертое у Байрона, и все—вѣрнѣйшій сколокъ, слово въ слово, личность каждаго поэта удержана, негдѣ было и высунуться самому переводчику; но когда прочтешь нѣсколько стихотвореній вдругъ и спросишь себя: чьи стихотворенія читалъ?— не предстанетъ передъ глаза твои ни Шиллеръ, ни Уландъ, ни Вальтеръ Скоттъ, но поэтъ, отъ нихъ всѣхъ отдѣльный, достойный помѣститься не у ногъ ихъ, но сѣсть съ ними рядомъ, какъ равный съ равнымъ. Какимъ образомъ сквозь личности всѣхъ поэтовъ пронеслась его собственная личность—это загадка, но она такъ и видится всѣмъ. Нѣтъ русскаго, который бы не составилъ себѣ изъ самихъ же произведеній Жуковскаго вѣрнаго портрета самой души его. Надобно сказать также, что ни въ комъ изъ переведенныхъ имъ поэтовъ не слышно такъ сильно стремленіе уноситься въ заоблачное, чуждое всего видимаго, ни въ комъ также изъ нихъ не видится это твердое признаніе незримыхъ силъ, хранящихъ повсюду человѣка, такъ что, читая его, чувствуешь на всякомъ шагу, какъ бы самъ, выражаясь стихами Державина:

Подъ надзираніе ты преданъ
Невидимыхъ, безсмертныхъ силъ,
И легіонамъ заповѣданъ
Всѣхъ ангеловъ, чтобъ цѣлъ ты былъ.

Переводя, производилъ онъ переводами такое дѣйствіе, какъ самобытный и самоцвѣтный поэтъ. Внеся это новое, дотолѣ назнакомое нашей поэзіи стремленіе въ область незримаго и тайнаго, онъ отрѣшилъ ее самоё отъ матеріализма не только въ мысляхъ и образѣ ихъ выраженія, но и въ самомъ стихѣ, который сталъ легокъ и безтѣлесенъ, какъ видѣніе. Переводя, онъ оставилъ переводами початки всему оригинальному, внесъ новые формы и размѣры, которые стали потомъ употреблять всѣ другіе наши поэты. Лѣнь ума помѣшала ему сдѣлаться преимущественно поэтомъ-изобрѣтателемъ,—лѣнь выдумывать, а не недостатокъ творчества. Признаки творчества показалъ онъ въ себѣ уже съ самаго начала своего поприща: „Свѣтлана“ и „Людмила“ разнесли въ первый разъ грѣющіе звуки нашей славянской природы, болѣе близкіе нашей душѣ, нежели какіе раздавались у другихъ поэтовъ. Доказательствомъ тому то, что они произвели впечатлѣніе сильное на всѣхъ въ то время, когда поэтическое чутье у насъ было еще слабо развито. Элегическій родъ нашей поэзіи созданъ имъ. Есть еще первоначальнѣйшая причина, отъ которой произошла и самая лѣнь ума: это—свойство *оцѣнивать*, которое, поселившись властительно въ его умѣ, заставляло его останавливаться съ любовью надъ всякимъ готовымъ произведеніемъ. Отсюда его тонкое критическое чутье, которое такъ изумляло Пушкина. Пушкинъ сильно на него сердился за то, что онъ не пишетъ критикъ. По его мнѣнію, никто, кромѣ Жуковскаго, не могъ такъ разъять и опредѣлить всякое художественное произведеніе. Это свойство разбирать и оцѣнивать отражается въ его живописныхъ описаніяхъ природы, которыя всѣ его собственныя, самобытныя произведенія. Взявши картину, его плѣнившую, онъ не оставляетъ ея до тѣхъ поръ, покуда не исчерпаетъ всей, разъявъ какъ бы анатомическимъ ножомъ ея неуловимѣйшую подробность. Кто уже могъ написать стихотвореніе о солнцѣ, гдѣ подстережены всѣ видоизмѣненія солнечныхъ лучей и волшебство картинъ, ими производимыхъ въ разные часы дня, равно какъ съ такою же живописною подробностію изобразить въ „Отчетѣ о лунѣ“ волшебство лунныхъ лучей, съ цѣлымъ рядомъ ночныхъ картинъ, ими производимыхъ,—тотъ, разумѣется, долженъ былъ заключить въ себѣ въ большой степени свойство *оцѣнивать*. Его „Славянка“ съ видами Павловска—точная живопись. Благоговѣйная задумчивость, которая проносится сквозь всѣ его картины, исполняетъ ихъ того грѣющаго, теплаго свѣта, который наводитъ необыкновенное успокоеніе на читателя. Становишься тише во всѣхъ своихъ порывахъ, и какою-то тайною замыкаются твои собственныя уста.

Въ послѣднее время въ Жуковскомъ сталъ замѣчаться переломъ поэтическаго направленія. По мѣрѣ того, какъ стала передъ нимъ проясняться чище та незримо-свѣтлая даль, которую онъ видѣлъ дотолѣ въ неясно-поэтическомъ отдаленіи, пропадала страсть и вкусъ къ призракамъ и привидѣніямъ нѣмецкихъ балладъ. Самая задумчивость уступила мѣсто свѣтлости душевной. Плодомъ этого была „Ундина“, твореніе, принадлежащее вполнѣ Жуковскому: нѣмецкій пересказчикъ того же самаго преданія въ прозѣ не могъ служить его образцомъ. Полный создатель свѣтлости этого поэтическаго

созданія есть Жуковскій. Съ этихъ поръ онъ добылъ какой-то прозрачный языкъ, который ту же вещь показываетъ еще виднѣе, нежели какъ она есть у самого хозяина, у котораго онъ взялъ ее. Даже прежняя воздушная неопредѣленность стиха его исчезла: стихъ его сталъ крѣпче и тверже; все пріуготовлялось въ немъ на то, дабы обратить его къ передачѣ совершеннѣйшаго поэтическаго произведенія, которое, будучи произведено такимъ образомъ, какъ производится имъ, при такомъ напоеніи всего себя духомъ древности и при такомъ просвѣтленномъ, высшемъ взглядѣ на жизнь, покажетъ непремѣнно первоначальный, патріархальный бытъ древняго міра въ свѣтѣ родномъ и близкомъ всему человѣчеству,—подвигъ, далеко высшій всякаго собственнаго созданія, который доставитъ Жуковскому значеніе всемірное. Передъ другими нашими поэтами Жуковскій то же, что̀ ювелиръ передъ прочими мастерами, то-есть, мастеръ, занимающійся послѣднею отдѣлкою дѣла. Но его дѣло добыть въ горахъ алмазъ—его дѣло оправить этотъ алмазъ такимъ образомъ, чтобы онъ заигралъ всѣмъ своимъ блескомъ и выказалъ бы вполнѣ свое достоинство всѣмъ. Появленіе такого поэта могло произойти только среди русскаго народа, въ которомъ такъ силенъ геній воспріимчивости, данный ему, можетъ быть, на то, чтобы оправить въ лучшую оправу все, что̀ не оцѣнено, не воздѣлано и пренебрежено другими народами.

Въ то время, когда Жуковскій стоялъ еще въ первой порѣ своего поэтическаго развитія, отрѣшая нашу поэзію отъ земли и существенности и унося ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, другой поэтъ, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ, еще для него самого идеальномъ, такъ этотъ, весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасно во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія. Онъ слышалъ, выражаясь его же выраженіемъ, „стиховъ и мыслей сладострастье“. Казалось, какъ бы какая-то внутренняя сила, пребывающая въ лонѣ поэзіи нашей, храня ее отъ крайности какого бы то ни было увлеченія, создала этого поэта именно затѣмъ, чтобы въ то время, когда одинъ станетъ приносить звуки сѣверныхъ пѣвцовъ Европы, другой обвѣялъ бы ее ароматическими звуками полудня, познакомивши съ Аріостомъ, Тассомъ, Петраркою, Парни и нѣжными отголосками древней Эллады; чтобы даже и самый стихъ, начинавшій принимать воздушную неопредѣленность, исполнился той почти скульптурной выпуклости, какая видна у древнихъ, и той звучащей нѣги, какая слышна у южныхъ поэтовъ новой Европы.

Два разнородные поэта внесли вдругъ два разнородныя начала въ нашу поэзію; изъ двухъ началъ вмигъ образовалось третье: явился Пушкинъ. Въ немъ середина. Ни отвлеченной идеальности перваго, ни произобилія сладострастной роскоши второго. Все уравновѣшено, сжато, сосредоточено, какъ въ русскомъ человѣкѣ, который немногоглаголивъ на передачу ощущенія, но хранитъ и совокупляетъ его долго въ себѣ, такъ что отъ этого долговременнаго ношенія оно имѣетъ уже силу взрыва, если выступитъ наружу. Приведу примѣръ. Поэта поразилъ видъ Казбека, одной изъ высочайшихъ кавказскихъ горъ, на верхушкѣ которой увидѣлъ онъ монастырь, показавшійся ему рѣющимъ въ небесахъ ковчегомъ. У другого поэта полились бы пылкіе стихи на нѣсколько страницъ. У Пушкина все въ десяти строкахъ, и стихотвореніе оканчиваетъ онъ симъ внезапнымъ обращеніемъ:

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда-бъ, сказавъ: «прости» ущелью,
Подняться къ горной вышинѣ!
Туда-бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

Именно одно это могъ бы сказать русскій человѣкъ, въ то время, какъ и французъ, и англичанинъ, и нѣмецъ пустились бы на подробный отчетъ ощущеній. Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ еще такъ скупъ на слова и выраженія, какъ Пушкинъ, такъ не смотрѣлъ осторожно за самимъ собою, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь приторности и того и другого.

Что̀-жъ было предметомъ его поэзіи? Все стало ея предметомъ, и ничто въ особенности. Нѣмѣетъ мысль предъ безчисленностью его предметовъ. Чѣмъ онъ не поразился и предъ чѣмъ онъ не остановился? Отъ заоблачнаго Кавказа и картиннаго черкеса до бѣдной сѣверной деревушки съ балалайкой и трепакомъ у кабака,—вездѣ, всюду: но модномъ балѣ, въ избѣ, въ степи, въ дорожной кибиткѣ—все становится его предметомъ. На все, что̀ ни есть во внутреннемъ человѣкѣ, начиная отъ его высокой и великой черты до малѣйшаго вздоха его слабости и ничтожной примѣты, его смутившей, онъ откликнулся такъ же, какъ откликнулся на все, что̀ ни есть въ природѣ видимой и внѣшней. Все становится у него отдѣльною картиною; все предметъ его; изо всего, какъ ничтожнаго, такъ и великаго, онъ исторгаетъ одну электрическую искру того поэтическаго огня, который присутствуетъ во всякомъ твореніи Бога,—его высшую сторону, знакомую только

поэту, не дѣлая изъ нея никакого примѣненія къ жизни въ потребность человѣку, не обнаруживая никому, зачѣмъ исторгнута эта искра, не подставляя къ ней лѣстницы ни для кого изъ тѣхъ, которые глухи къ поэзіи. Ему ни до кого не было дѣла. Онъ заботился только о томъ, чтобы сказать однимъ одареннымъ поэтическимъ чутьемъ: „смотрите, какъ прекрасно твореніе Бога!“ и, не прибавляя ничего больше, перелетать къ другому предмету затѣмъ, чтобы сказать также: „смотрите, какъ прекрасно Божіе твореніе!“ Отъ этого сочиненія его представляютъ явленіе изумительное противорѣчіемъ тѣхъ впечатлѣній, какія они порождаютъ въ читателяхъ. Въ глазахъ людей весьма умныхъ, но не имѣющихъ поэтическаго чутья, они—отрывки недосказанные, легкіе, мгновенные; въ глазахъ людей, одаренныхъ поэтическимъ чутьемъ, они — полны поэмы, обдуманныя, оконченныя, все заключающія въ себѣ, что имъ нужно.

На Пушкинѣ оборвались всѣ вопросы, которые дотолѣ не задавались никому изъ нашихъ поэтовъ, и въ которыхъ виденъ духъ просыпающагося времени. Зачѣмъ, къ чему была его поэзія? Какое новое направленіе мысленному міру далъ Пушкинъ? Что сказалъ онъ нужное своему вѣку? Подѣйствовалъ ли на него, если не спасительно, то разрушительно? Произвелъ ли вліяніе на другихъ, хотя личностью собственнаго характера, геніальными заблужденіями, какъ Байронъ и какъ даже многіе второстепенные и низшіе поэты? Зачѣмъ онъ данъ былъ міру и что доказалъ собою? Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что такое самъ поэтъ, и ничего больше, — что такое поэтъ, взятый не подъ вліяніемъ какого-нибудь времени или обстоятельствъ и не подъ условіемъ также собственнаго, личнаго характера, какъ человѣка, но въ независимости отъ всего; чтобы, если захочетъ потомъ какой-нибудь высшій душевный анатомикъ разъять и объяснить себѣ, что такое въ существѣ своемъ поэтъ, это чуткое созданіе на все откликающееся въ мірѣ и себѣ одному не имѣщее отклика, то чтобы онъ удовлетворенъ былъ, увидѣвъ это въ Пушкинѣ. Одному Пушкину опредѣлено было показать въ себѣ это независимое существо, это звонкое эхо, откликающееся на всякій отдѣльный звукъ, порождаемый въ воздухѣ. При мысли о всякомъ поэтѣ представляется больше или меньше личность его самого. Кому при помышленіи о Шиллерѣ не предстанетъ вдругъ эта свѣтлая, младенческая душа, грезившая о лучшихъ и совершеннѣйшихъ идеалахъ, создавшая изъ нихъ себѣ міръ и довольная тѣмъ, что могла жить въ этомъ поэтическомъ мірѣ? Кому, читающему Байрона, не предстанетъ самъ Байронъ, этотъ гордый человѣкъ, облагодѣтельствованный всѣми дарами Неба и не могшій простить ему своего незначительнаго тѣлеснаго недостатка, отъ котораго ропотъ перенесся и въ поэзію его? Самъ Гёте, этотъ Протей изъ поэтовъ, стремившійся обнять все, какъ въ мірѣ природы, такъ и въ мірѣ наукъ, показалъ уже симъ самымъ наукообразнымъ стремленіемъ своимъ личность свою, исполненную какой-то германской чинности и теоретически-нѣмецкаго притязанія подладиться ко всѣмъ временамъ и вѣкамъ. Всѣ наши русскіе поэты: Державинъ, Жуковскій, Батюшковъ удержали свою личность. У одного Пушкина ея нѣтъ. Что схватишь изъ его сочиненій о немъ самомъ? Поди, улови его характеръ, какъ человѣка! Намѣсто его предстанетъ тотъ же чудный образъ, на все откликающійся и одному себѣ только не находящій отклика. Всѣ сочиненія его— полный арсеналъ орудій поэта. Ступай туда, выбирай себѣ всякъ по рукѣ любое, и выходи съ нимъ на битву; но самъ поэтъ на битву съ нимъ не вышелъ. Зачѣмъ не вышелъ? — это другой вопросъ. Онъ самъ на него отвѣчаетъ стихами:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Пушкинъ слышалъ значеніе свое лучше тѣхъ, которые задавали ему запросы, и съ любовію исполнялъ его. Даже и въ тѣ поры, когда метался онъ самъ въ чаду страстей, поэзія была для него святыня, — точно какой-то храмъ. Не входилъ онъ туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносилъ онъ туда необдуманнаго, опрометчиваго изъ собственной жизни своей; не вошла туда нагишомъ растрепанная дѣйствительность. А между тѣмъ все тамъ — исторія его самого. Но это ни для кого незримо. Читатель услышалъ одно только благоуханіе; но какія вещества перегорѣли въ груди поэта затѣмъ, чтобы издать это благоуханіе, того никто не можетъ услышать. И какъ онъ лелѣялъ ихъ въ себѣ! какъ вынашивалъ ихъ! Ни одинъ итальянскій поэтъ не отдѣлывалъ такъ сонетовъ своихъ, какъ обработывалъ онъ эти легкія, повидимому, мгновенныя созданія. Какая точность во всякомъ словѣ! Какая значительность всякаго выраженія! Какъ все округлено, окончено и замкнуто! Всѣ онѣ точно перлы; трудно и рѣшить, которая элегія лучше— словно сверкающіе зубы красавицы, которые уподобляетъ царь Соломонъ овцамъ-юницамъ, только-что вышедшимъ изъ купели, когда онѣ всѣ какъ одна и всѣ равно прекрасны.

Какъ ему говорить было о чемъ-нибудь потребномъ современному обществу въ его временную минуту, когда хотѣлось откликнуться на все, что

ни есть въ мірѣ, и когда всякій предметъ равно звалъ его? Онъ хотѣлъ было изобразить въ „Онѣгинѣ“ современнаго человѣка и разрѣшить какую-то современную задачу—и не могъ. Столкнувши съ мѣста своихъ героевъ, самъ сталъ на ихъ мѣстѣ и, въ лицѣ ихъ, поразился тѣмъ, чѣмъ поражается поэтъ. Поэма вышла собраніе разрозненныхъ ощущеній, нѣжныхъ элегій, колкихъ эпиграммъ, картинныхъ идиллій, и, по прочтеніи ея, намѣсто всего, выступаетъ тотъ же чудный образъ на все откликнувшагося поэта. Его совершеннѣйшія произведенія: „Борисъ Годуновъ“ и „Полтава“—тотъ же вѣрный откликъ минувшему. Ничего не хотѣлъ онъ ими сказать своему времени; никакой пользы соотечественникамъ не замышлялъ онъ выборомъ этихъ двухъ сюжетовъ; не видно также, чтобы онъ исполнился особеннаго участія къ кому-нибудь изъ выведенныхъ здѣсь героевъ и предпринялъ бы изъ-за того эти двѣ поэмы, такъ мастерски и художественно отработанныя. Онъ изумился только необычайности двухъ историческихъ событій и хотѣлъ, чтобы, подобно ему, изумились другіе.

Чтеніе поэтовъ всѣхъ народовъ и вѣковъ порождало въ немъ тотъ же отликъ. Герой испанскай Донъ-Жуанъ, этотъ неистощимый предметъ безчисленнаго множества драматическихъ поэмъ, далъ ему вдругъ идею сосредоточить все дѣло въ небольшой собственной драматической картинѣ, гдѣ еще съ бо́льшимъ познаніемъ души выставленъ неотразимый соблазнъ развратителя, еще ярче слабость женщины и еще слышнѣе сама Испанія. Гётевъ „Фаустъ“ павелъ его вдругъ на идею сжать въ двухъ-трехъ страничкахъ главную мысль германскаго поэта—и дивишься, какъ она мѣтко понята и какъ сосредоточена въ одно крѣпкое ядро, несмотря на всю ея неопредѣленную разбросанность у Гёте. Суровыя терцины Данта внушили ему мысль, въ такихъ же терцинахъ и въ духѣ самого Данта, изобразить поэтическое младенчество свое въ Царскомъ Селѣ, олицетворить науку въ видѣ строгой жены, собирающей въ школу дѣтей, и себя въ видѣ школьника, вырвавшагося изъ класса въ садъ, затѣмъ, чтобы остановиться передъ древними статуями, съ лирами и циркулями въ рукахъ, говорившими ему живѣе науки, гдѣ видно, какъ уже рано пробуждалась въ немъ эта чуткость на все откли[illegible].

И какъ вѣренъ его откликъ, какъ чутко его ухо! Слышишь запахъ, цвѣтъ земли, времени, народа. Въ Испаніи онъ испанецъ, съ грекомъ—грекъ, на Кавказѣ—вольный горецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; съ отжившимъ человѣкомъ онъ дышитъ стариною времени минувшаго; заглянетъ къ мужику въ избу — онъ русскій весь съ головы до ногъ: всѣ черты нашей природы въ немъ отозвались, и все окинуто иногда однимъ словомъ, однимъ чутко найденнымъ и мѣтко прибраннымъ прилагательнымъ именемъ.

Свойство это въ немъ разрасталось постепенно, и онъ откликнулся бы потомъ цѣликомъ на всю русскую жизнь, такъ же, какъ откликался на всякую отдѣльную ея черту. Мысль о романѣ который бы повѣдалъ простую, безыскусственную повѣсть прямо-русской жизни, занимала его въ послѣднее время неотступно. Онъ бросилъ стихи единственно затѣмъ, чтобы не увлечься ничѣмъ по сторонамъ и быть проще въ описаніяхъ, и самую прозу упростилъ онъ до того, что даже не нашли никакого достоинства въ первыхъ повѣстяхъ его. Пушкинъ былъ этому радъ и написалъ „Капитанскую дочку“, рѣшительно лучшее русское произведеніе въ повѣствовательномъ родѣ. Сравнительно съ „Капитанскою дочкою“, всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазнею. Чистота и безыскусственность взошли въ ней на такую высокую степень, что сама дѣйствительность кажется передъ нею искусственною и карикатурною. Въ первый разъ выступили истинно-русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ; сама крѣпостъ съ единственною пушкою, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все — не только самая правда, но еще какъ бы лучше ея. Такъ оно и быть должно: на то и призваніе поэта, чтобы изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ въ очищенномъ и лучшемъ видѣ. Все показывало въ Пушкинѣ, что онъ на то былъ рожденъ и къ тому стремился. Почти въ одно время съ „Капитанскою дочкою“ оставилъ онъ мастерскія пробы романовъ: „Рукопись села Горохина“, „Царскій арапъ“ и сдѣланный карандашомъ набросокъ большого романа: „Дубровскій“. Въ послѣднее время набрался онъ много русской жизни и говорилъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что хоть записывай всякое слово: оно сто́ило его лучшихъ стиховъ; но еще замѣчательнѣе было то, что́ строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить передъ нимъ еще больше жизнь. Отголоски этого слышны въ изданномъ уже по смерти его стихотвореніи, [въ которомъ звуками, почти апокалипсическими, изображенъ побѣгъ изъ города, обреченнаго гибели, и часть его собственнаго душевнаго состоянія]. Много готовилось Россіи добра въ этомъ человѣкѣ... Но, становясь мужемъ, забирая отовсюду силы на то, чтобы управляться съ большими дѣлами, не подумалъ онъ о томъ, какъ управиться съ ничтожными и малыми. Внезапная смерть унесла его вдругъ отъ насъ — и все въ государствѣ услышало вдругъ, что лишилось великаго человѣка. Вліяніе Пушкина,

какъ поэта, на общество было ничтожно. Общество взглянуло на него только въ началѣ его поэтическаго поприща, когда онъ первыми молодыми стихами своими напомнилъ было лиру Байрона; когда же пришелъ онъ въ себя и сталъ наконецъ не Байронъ, а Пушкинъ, общество отъ него отвернулось. Но вліяніе его было сильно на поэтовъ. Не сдѣлалъ того Карамзинъ въ прозѣ, что онъ въ стихахъ. Подражатели Карамзина послужили жалкою карикатурою на него самого и довели какъ слогъ, такъ и мысли до сахарной приторности. Что же касается до Пушкина, то онъ былъ для всѣхъ поэтовъ, ему современныхъ, точно сброшенный съ неба поэтическій огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажглись другіе самоцвѣтные поэты. Вокругъ него образовалось ихъ цѣлое созвѣздіе: Дельвигъ, поэтъ-сибаритъ, который нѣжился всякимъ звукомъ своей почти эллинской лиры и, не выпивая залпомъ всего напитка поэзіи, глоталъ его по каплѣ, какъ знатокъ винъ, присматриваясь къ цвѣту и обоняя самый запахъ; Козловъ, гармоническій поэтъ, отъ котораго раздались какіе-то дотолѣ неслыханные, музыкально-сердечные звуки; Баратынскій, строгій и сумрачный поэтъ, который показалъ такъ рано самобытное стремленіе мыслей къ міру внутреннему и сталъ уже заботиться о матеріальной отдѣлкѣ ихъ, тогда какъ онѣ еще не вызрѣли въ немъ самомъ; темный и неразвившійся, сталъ себя выказывать людямъ и сдѣлался чрезъ то для всѣхъ чужимъ и никому не близкимъ. Всѣхъ этихъ поэтовъ возбудилъ на дѣятельность Пушкинъ; другихъ же просто создалъ. Я разумѣю здѣсь нашихъ такъ-называемыхъ антологическихъ поэтовъ, которые произвели немногое; но если изъ этихъ немногихъ душистыхъ цвѣтковъ сдѣлать выборъ, то выйдетъ книга, подъ которою подпишетъ свое имя лучшій поэтъ. Стóитъ назвать обоихъ Туманскихъ, А. Крылова, Тютчева, Плетнева и нѣкоторыхъ другихъ, которые не выказали бы собственнаго поэтическаго огня и благоуханныхъ движеній душевныхъ, если бы не были зажжены огнемъ поэзіи Пушкина. Даже прежніе поэты стали перестраивать ладъ лиръ своихъ. Извѣстный переводчикъ Иліады Гнѣдичъ, прелагатель псалмовъ Ѳ. Глинка, партизанъ-поэтъ Давыдовъ, наконецъ самъ Жуковскій, наставникъ и учитель Пушкина въ искусствѣ стихотворномъ, сталъ потомъ учиться самъ у своего ученика. Сдѣлались поэтами даже тѣ, которые не рождены были поэтами, которымъ готовилось поприще не менѣе высокое, судя по тѣмъ духовнымъ силамъ, какія они показали даже въ стихотворныхъ своихъ опытахъ, какъ-то: Вяземскій, такъ рано отъ насъ похищенный, и Хомяковъ, слава Богу, еще живущій для какого-то свѣтлаго будущаго, покуда еще ему самому не разоблачившагося. Сила возбудительнаго вліянія Пушкина даже повредила многимъ, особенно Баратынскому, и еще одному поэту, о которомъ будетъ рѣчь ниже, — повредила именно тѣмъ, что они стали передавать невызрѣвшія движенія души своей, тогда какъ самая душа не набралась еще поэзіи, доступной и близкой другимъ, и когда опредѣлено было имъ совершить прежде свое внутреннее воспитаніе и до времени умолкнуть. Всѣхъ соблазнила эта необыкновенная художественная отработка стихотворныхъ созданій, которую показалъ Пушкинъ. Позабывъ и общество, и всякія современныя связи съ нимъ человѣка, и всякія требованія земли своей, все жило въ какой-то поэтической Элладѣ, повторяя стихи Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Изъ поэтовъ времени Пушкина болѣе всѣхъ отдѣлился Языковъ. Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удаль всякаго выраженія, свѣтъ молодого восторга и языкъ, который въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину еще не являлся дотолѣ ни въ комъ. Имя *Языковъ* пришлось ему не даромъ: владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властію. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключитъ и замкнетъ такъ, что остановишься пораженный. Все, что выражаетъ силу молодости, не разслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть отъ всего, къ чему онъ ни прикоснется. Вотъ его купанье въ рѣкѣ:

Покровы прочь! Передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя
И—бухъ!
Блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!
Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая наяда!

Вотъ у него игра въ свайку, которую онъ назвалъ прямо-русскою игрою. Юноши-молодцы стали въ кружокъ:

Тяжкій гвоздь стойкомъ и плотно
Бьетъ въ кольцо—кольцо брепчитъ.
Вешній вечеръ беззаботно
И невидимо летитъ.

Все, что вызываетъ въ юношѣ отвагу—море,

волны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣло, твердая какъ кремень вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну—выражается у него съ силою неестественною. Когда появились его стихи отдѣльною книгою, Пушкинъ сказалъ съ досадою: „Зачѣмъ онъ назвалъ ихъ: „Стихотворенія Языкова!“ ихъ бы слѣдовало назвать просто: „хмель!“ Человѣкъ съ обыкновенными силами ничего не сдѣлаетъ подобнаго; тутъ потребно буйство силъ“. Живо помню восторгъ его въ то время, когда прочиталъ онъ стихотвореніе Языкова къ Давыдову, напечатанное въ журналѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда слезы на лицѣ Пушкина (Пушкинъ никогда не плакалъ; онъ самъ себѣ сказалъ въ посланіи къ Овидію: „Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ, но понимаю ихъ“). Я помню тѣ строфы, которыя произвели у него слезы: первая, гдѣ поэтъ, обращаясь къ Россіи, которую уже было признали безсильною и немощною, взываетъ такъ:

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови отъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей.

И потомъ строфа, гдѣ описывается неслыханное самопожертвованіе — предать огню собственную столицу со всѣмъ, что ни есть въ ней священнаго для всей земли:

Пламень въ небѣ упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ.
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламя очищенья,
Это фениксовъ костеръ.

У кого не брызнутъ слезы послѣ такихъ строфъ? Стихи его точно разымчивый хмель; но въ хмелѣ слышна сила высшая, заставляющая его подыматься кверху. У него студентскія пирушки не изъ бражничества и пьянства, но отъ родости, что есть мочь въ рукѣ и поприще впереди, что понесутся они, студенты,

На благородное служенье
Во славу чести и добра.

Бѣда только, что хмель перешелъ мѣру и что самъ поэтъ загулялся черезчуръ на радости отъ своего будущаго, какъ и многіе изъ насъ на Руси, и осталось дѣло только въ одномъ могучемъ порывѣ.

Всѣхъ глаза устремились на Языкова. ждали чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, отъ стиховъ котораго пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дѣло. Но дѣла не дождались. Вышло еще нѣсколько стихотвореній, повторившихъ слабѣе то же самое; потомъ тяжелая болѣзнь посѣтила поэта и отразилась на его духѣ. Въ послѣднихъ стихахъ его уже не было ничего, шевелившаго русскую душу. Въ нихъ раздались скучанія среди нѣмецкихъ городовъ, безучастныя записки разъѣздовъ, перечень однообразно-страдальческаго дня. Все это было мертво русскому духу. Не примѣтили даже необыкновенной отработки позднѣйшихъ стиховъ его. Его языкъ, еще болѣе окрѣпнувшій, ему же послужилъ въ улику: онъ былъ на тощихъ мысляхъ и блѣдномъ содержаніи, что панцырь богатыря на хиломъ тѣлѣ карлика. Стали говорить даже, что у Языкова нѣтъ вовсе мыслей, а одни пустозвонкіе стихи, и что онъ даже и не поэтъ. Все пришло противъ него въ ропотъ. Отголоски этого ропота раздались нелѣпо въ журналахъ, но въ основаніи ихъ была правда. Языковъ не сказалъ же, говоря о поэтѣ, словами Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

У него, напротивъ, вотъ что говоритъ поэтъ:

Когда тебѣ на подвигъ все готово
Въ чемъ на землѣ небесный виденъ даръ,
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово —
Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ поэта.

Положимъ, это говорится объ идеальномъ поэтѣ; но идеалъ свой онъ взялъ изъ своей же природы. Если бы въ немъ самомъ уже не было началъ тому, не могъ бы и представить онъ себѣ такого поэта. Нѣтъ, не силы его оставили, не бѣдность таланта и мыслей виною пустоты содержанія послѣднихъ стиховъ его, какъ самоувѣренно возгласили критики, и даже не болѣзнь (болѣзнь дается только къ ускоренію дѣла, если человѣкъ проникнетъ смыслъ ея)—нѣтъ, другое его обезсилило: свѣтъ любви погаснулъ въ душѣ его—вотъ почему примеркнулъ и свѣтъ поэзіи. Полюби потребное и нужное душѣ съ такою силою, какъ полюбилъ ты прежде хмель юности своей — и вдругъ подымутся твои мысли наравнѣ со стихомъ, раздастся огнедышащее слово: изобразишь намъ ту же пошлость болѣзненной жизни своей, но изобразишь такъ, что содрогнется человѣкъ отъ проснувшихся желѣзныхъ силъ своихъ и возблагодаритъ Бога за недугъ, давшій ему это почувствовать. Не по стопамъ Пушкина надлежало Язы-

кову обработывать и округлять стихъ свой; не для элегій и антологическихъ стихотвореній, но для диѳирамба и гимна родился онъ; это услышали всѣ. И уже скорѣе отъ Державина, нежели отъ Пушкина, долженъ былъ онъ засвѣтить свѣтильникъ свой. Стихъ его только тогда и входитъ въ душу, когда онъ весь въ лирическомъ свѣту; предметъ у него только тогда живъ, когда онъ или движется, или звучитъ, или сіяетъ, а не тогда, когда пребываетъ въ покоѣ. Удѣлы поэтовъ не равны. Одному опредѣлено быть вѣрнымъ зеркаломъ и отголоскомъ жизни—на то и данъ ему многосторонній, описательный талантъ. Другому повелѣно быть передовою, возбуждающею силою общества во всѣхъ его благородныхъ и высшихъ движеніяхъ — и на то данъ ему лирическій талантъ. Не попадаетъ талантъ на свою дорогу, потому что не устремляетъ глазъ высшихъ на самого себя. Но Промыслъ лучше печется о человѣкѣ. Бѣдою, зломъ и болѣзнію насильно приводитъ онъ его къ тому, къ чему онъ не пришелъ бы самъ. Уже и въ лирѣ Языкова замѣтно стремленіе къ повороту на его законную дорогу. Отъ него услышали недавно стихотвореніе „Землетрясеніе“, которое, по мнѣнію Жуковскаго, есть наше лучшее стихотвореніе.

Изъ поэтовъ времени Пушкина отдѣлился князь Вяземскій. Хотя онъ началъ писать гораздо прежде Пушкина, но такъ какъ его полное развитіе было при немъ, то упомянемъ о немъ здѣсь. Въ князѣ Вяземскомъ—противоположность Языкову: сколько въ томъ поражаетъ нищета мыслей, столько въ этомъ обиліе ихъ. Стихъ употребленъ у него, какъ первое попавшееся орудіе: никакой наружной отдѣлки его, никакого также сосредоточенія и округленія мысли, затѣмъ, чтобы выставить ее читателю, какъ драгоцѣнность: онъ не художникъ и не заботится обо всемъ этомъ. Его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ импровизацій нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и слишкомъ приготовленную голову. Въ немъ собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство, умъ, остроуміе, веселость и даже грусть; каждое стихотвореніе его — пестрый фараонъ всего вмѣстѣ. Онъ не поэтъ по призванію: судьба, надѣливши его всѣми дарами, дала ему какъ бы въ придачу талантъ поэта, затѣмъ, чтобы составить изъ него что-то полное. Въ его книгѣ: „Біографія Фонвизина“ обнаружилось еще виднѣе обиліе всѣхъ даровъ, въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ, въ одно и то же время, политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни, словомъ—всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ. И если бы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія Фонвизина, написано было все царствованіе Екатерины, которое уже и теперь кажется намъ почти фантастическимъ отъ чрезвычайнаго обилія эпохи и необыкновеннаго столкновенія необыкновенныхъ лицъ и характеровъ, то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа. Но отсутствіе большого и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго, и это слышится въ самыхъ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ замѣтно отсутствіе внутренняго гармоническаго согласованія въ частяхъ, слышенъ разладъ: слово не сочеталось со словомъ, стихъ со стихомъ, возлѣ крѣпкаго и твердаго стиха, какого нѣтъ ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него не похожій; то вдругъ защемитъ онъ чѣмъ-то вырваннымъ живьемъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнетъ отъ себя звукомъ, почти чуждымъ сердцу, раздавшимся совершенно не въ тактъ съ предметомъ; слышна несобранность въ себя, не полная жизнь своими силами; слышится на днѣ всего что-то придавленное и угнетенное. Участь человѣка, одареннаго способностями разнообразными и очутившагося безъ такого дѣла, которое бы заняло всѣ до единой его способности, тяжелѣе участи послѣдняго бѣдняка. Только тотъ трудъ, который заставляетъ цѣликомъ всего человѣка обратиться къ себѣ и уйти въ себя, есть нашъ избавитель. На немъ только, какъ говоритъ поэтъ,

Душа прямится, крѣпнетъ воля,
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй.

Въ то время, когда наша поэзія совершала такъ быстро своеобразный ходъ свой, воспитываясь поэтами всѣхъ вѣковъ и націй, обвѣваясь звуками всѣхъ поэтическихъ странъ, пробуя всѣ тоны и аккорды, одинъ поэтъ оставался въ сторонѣ. Выбравши себѣ самую незамѣтную и узкую тропу, шелъ онъ по ней почти безъ шуму, пока не переросъ другихъ, какъ крѣпкій дубъ перерастаетъ всю рощу, вначалѣ его скрывавшую. Этотъ поэтъ—Крыловъ. Выбралъ онъ себѣ форму басни, всѣми пренебреженную, какъ вещь старую, негодную для употребленія и почти дѣтскую игрушку—и въ сей баснѣ умѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ. Это наша крѣпкая русская голова, тотъ самый умъ, который съ родни уму нашихъ пословицъ, тотъ самый умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ выводовъ, такъ-называемый задній умъ. Пословица не есть какое-нибудь впередъ поданное мнѣніе или предположеніе о дѣлѣ, но уже подведенный итогъ дѣлу, отсѣдъ, отстой уже не-

ребродившихъ и кончившихся событій, окончательное извлеченіе силы дѣла изъ всѣхъ сторонъ его, а не изъ одной. Это выражается и въ поговоркѣ: *„одна рѣчь не пословица“*. Вслѣдствіе этого задняго ума, или ума окончательныхъ выводовъ, которымъ преимущественно надѣленъ передъ другими русскій человѣкъ, наши пословицы значительнѣе пословицъ всѣхъ другихъ народовъ. Сверхъ полноты мыслей, уже въ самомъ образѣ выраженія въ нихъ отразилось много народныхъ свойствъ нашихъ; въ нихъ все есть: издѣвка, насмѣшка, попрекъ, словомъ — все шевелящее и задирающее за живое: какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ изъ нихъ каждая на человѣка. Всѣ великіе люди, отъ Пушкина до Суворова и Петра, благоговѣли передъ нашими пословицами. Уваженіе къ нимъ выразилось многими поговорками: *„пословица не даромъ молвится“*, или *„вопкъ не сломится“*. Извѣстно, что если сумѣешь замкнуть рѣчь ловко прибранною пословицею, то симъ объяснишь ее вдругъ народу, какъ бы сама по себѣ ни была она свыше его понятія.

Отсюда-то ведетъ свое происхожденіе Крыловъ. Его басни отнюдь не для дѣтей. Тотъ ошибется грубо, кто назоветъ его баснописцемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ были баснописцы Лафонтенъ, Дмитріевъ, Хемницеръ, и, наконецъ, Измайловъ. Его притчи — достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа. Звѣри у него мыслятъ и поступаютъ слишкомъ по-русски: въ ихъ продѣлкахъ между собою слышны продѣлки и обряды производствъ внутри Россіи. Кромѣ вѣрнаго звѣринаго сходства, которое у него до того сильно, что не только лисица, медвѣдь, волкъ, но даже самъ горшокъ поворачивается какъ живой, они показали въ себѣ еще и русскую природу. Даже оселъ, который у него до того опредѣлился въ характерѣ своемъ, что стоитъ ему высунуть только уши изъ какой-нибудь басни, какъ уже читатель вскрикиваетъ впередъ: „это оселъ Крылова!“ даже оселъ, несмотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него русскимъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ производя кражу по чужимъ огородамъ, онъ возгорѣлся вдругъ честолюбіемъ, захотѣлъ ордена и заважничалъ страхъ, когда хозяинъ повѣсилъ ему на шею звонокъ, не размысля того, что теперь всякая кража и пакость его будутъ видны всѣмъ и привлекутъ отовсюду побои на его бока. Словомъ — всюду у него Русь и пахнетъ Русью. Всякая басня его имѣетъ, сверхъ того, историческое происхожденіе. Несмотря на свою поторопливость и, повидимому, равнодушіе къ событіямъ современнымъ, поэтъ, однакоже, слѣдилъ всякое событіе внутри государства: на все подавалъ свой голосъ и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства. Строго взвѣшеннымъ и крѣпкимъ словомъ такъ разомъ онъ и опредѣлитъ дѣло, такъ и означитъ, въ чемъ его истинное существо. Когда нѣкоторые черезчуръ военные люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что̀ ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые обратили военное дѣло въ одни погончики да петлички, онъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ закопныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней мудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна.
А паруса—гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь. Когда у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недальнозоркихъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ написалъ не меньше замѣчательную басню: „Двѣ бритвы“, и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
И держатъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

Особенно слышно, какъ онъ вездѣ держитъ сторону ума, какъ проситъ не пренебрегать умнаго человѣка, но умѣть съ нимъ обращаться. Это отразилось въ баснѣ „Музыканты“, которую заключилъ онъ словами: „По мнѣ, ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй!“ Не потому онъ это сказалъ, чтобы хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, намѣсто мастеровъ дѣла, людей Богъ вѣсть какихъ, еще и хвастаются тѣмъ, говоря, что хоть мастерства они и не смыслятъ, но зато отличнѣйшаго поведенія. Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать и не трудно обратить его къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ, но дурака трудно сдѣлать умнымъ, какъ ни говори съ нимъ. *„Въ воръ—что въ моръ, а въ дуракъ—что въ пѣсномъ молокѣ“* говоритъ наша пословица. Но и умному дѣлаетъ онъ также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ „Прудъ и Рѣка“, за то, что далъ задре-

мать своимъ способностямъ, и строго укоривши въ баснѣ „Сочинитель и Разбойникъ“ за развратное и злое ихъ направленіе. Вообще его занимали вопросы важные. Въ книгѣ его всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ главы, которому говоритъ онъ:

Властитель хочетъ ли народы удержать?
Держи бразды не вкруть, но мощною рукою,—

и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Слова эти останутся доказательствомъ вѣчнымъ, какъ благородна была душа самого Крылова. Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено вѣрно и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватить. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ, шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдастъ она ощутительно самую невыразимую ея духовность. Стóитъ вспомнить величественное заключеніе басни „Двѣ бочки“:

Великій человѣкъ лишь виденъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ самаго размѣщенія словъ какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка.

Отъ Крылова вдругъ можно перейти къ другой сторонѣ нашей поэзіи — сатирической. У насъ у всѣхъ много иронiи. Она видна въ нашихъ пословицахъ и пѣсняхъ, и, что́ всего изумительнѣе, часто тамъ, гдѣ видимо страдаетъ душа и не расположена вовсе къ веселости. Глубина этой самобытной иронiи еще предъ нами не разоблачилась, потому что, воспитываясь всѣми европейскими воспитаніями, мы и тутъ отдалились отъ родного корня. Наклонность къ иронiи, однакожъ, удержалась, хотя и не въ той формѣ. Трудно найти русскаго человѣка, въ которомъ бы не соединялось, вмѣстѣ съ умѣньемъ предъ чѣмъ-нибудь истинно возблагоговѣть, свойство — надъ чѣмъ-нибудь истинно посмѣяться. Всѣ наши поэты заключали въ себѣ это свойство. Державинъ крупною солью разсыпалъ его у себя въ бóльшей половинѣ одъ своихъ. Оно есть у Пушкина, у Крылова, у князя Вяземскаго; оно слышно даже у такихъ поэтовъ, которые въ характерѣ своемъ имѣли нѣжное, меланхолическое расположеніе: у Капнистм, у Жуковскаго, у Карамзина, у князя Долгорукаго; оно есть что-то сродное намъ всѣмъ. Естественно, что у насъ должны были развиться писатели собственно сатирическіе. Уже въ то время, когда Ломоносовъ настраивалъ свою лиру на высокій лирическій ладъ, князь Кантемиръ находилъ пищу для сатиры и хлесталъ сю глупости едва начинавшагося общества. Въ разныя эпохи появлялось у насъ множество сатиръ, эпиграммъ, насмѣшливыхъ перелицовокъ наизнанку извѣстнѣйшихъ произведеній и всякаго рода пародій ѣдкихъ, злыхъ, которыя останутся, вѣроятно, всегда въ рукописяхъ и въ которыхъ всюду видна большая сила. Стóитъ вспомнить пародіи князя Горчакова, сатиру на литераторовъ Воейкова: „Домъ сумасшедшихъ“, и талантливыя пародіи Михаила Дмитріева, гдѣ желчь Ювенала соединилась съ какимъ-то особеннымъ славянскимъ добродушіемъ. Но сатира скоро попросила себѣ поприща обширнѣйшаго и перешла въ драму. Театръ начался у насъ такъ же, какъ и повсюду, сначала подражаніями; потомъ стали пробиваться черты оригинальныя. Въ трагедіи явились нравственная сила и незнаніе человѣка подъ условіемъ взятой эпохи и вѣка; въ комедіи—легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, безъ взгляда на душу человѣка. Имена Озерова, Княжнина, Капниста, князя Шаховского, Хмѣльницкаго, Загоскина, А. Писарева помнятся съ уваженіемъ: но все это поблѣднѣло передъ двумя яркими произведеніями: передъ комедіями: Фонвизина „Недоросль“ и Грибоѣдова „Горе отъ ума“, которыя весьма остроумно назвалъ князь Вяземскій двумя современными трагедіями. Въ нихъ уже не легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, но раны и болѣзни нашего общества, тяжелыя злоупотребленія внутреннія, которыя безпощадною силою иронiи выставлены въ очевидности потрясающей. Обѣ комедіи взяли двѣ разныя эпохи. Одна поразила

болѣзни отъ непросвѣщенія, другая—отъ дурно-понятаго просвѣщенія.

Комедія Фонвизина поражаетъ огрубѣлое звѣрство человѣка, происшедшее отъ долгаго безчувственнаго, непотрясаемаго застоя въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Россіи. Она выставила такъ страшно эту кору огрубѣнія, что въ ней почти не узнаешь русскаго человѣка. Кто можетъ узнать что-нибудь русское въ этомъ злобномъ существѣ, исполненномъ тиранства, какова Простакова, мучительница крестьянъ, мужа и всего, кромѣ своего сына? А между тѣмъ чувствуешь, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи не могло образоваться такое существо. Это безумная любовь къ своему дѣтищу есть наша сильная русская любовь, которая въ человѣкѣ, потерявшемъ свое достоинство, выразилась въ такомъ извращенномъ видѣ, въ такомъ чудномъ соединеніи съ тиранствомъ, такъ что, чѣмъ болѣе она любитъ свое дитя, тѣмъ болѣе ненавидитъ все, что́ не есть ея дитя. Потомъ характеръ Скотинина — другой типъ огрубѣнія. Его неуклюжая природа, не получивъ на свою долю никакихъ сильныхъ и неистовыхъ страстей, обратилась въ какую-то болѣе спокойную, въ своемъ родѣ художественную любовь къ скотинѣ, намѣсто человѣка: свинья сдѣлались для него тоже, что́ для любителя искусствъ картинная галлерея. Потомъ супругъ Простаковой—несчастное, убитое существо, въ которомъ и тѣ слабыя силы, какія держались, забиты понуканіями жены,—полное притупленіе всего! Наконецъ, самъ Митрофанъ, который ничего не заключая злобнаго въ своей природѣ, не имѣя желанія наносить кому-либо несчастіе, становится нечувствительно, съ помощью угожденій и балованья, тираномъ всѣхъ, и всего болѣе тѣхъ, которые сильнѣе его любятъ, то-есть, матери и няньки, такъ что наносить имъ оскорбленіе — сдѣлалось ему уже наслажденіемъ. Словомъ—лица эти какъ бы уже не русскія; трудно даже и узнать въ нихъ русскія качества, исключая только развѣ одну Еремѣевну да отставного солдата. Съ ужасомъ слышишь, что уже на нихъ не подѣйствуешь ни вліяніемъ Церкви, ни обычаями старины, отъ которыхъ удерживалось въ нихъ одно пошлое, и только одному желѣзному закону здѣсь мѣсто. Все въ этой комедіи кажется чудовищною карикатурою на русское, а между тѣмъ нѣтъ ничего въ ней карикатурнаго: все взято живьемъ съ природы и провѣрено знаніемъ души. Это тѣ неотразимо-страшные идеалы огрубѣнія, до которыхъ можетъ достигнуть только одинъ человѣкъ Русской земли, а не другого народа.

Комедія Грибоѣдова взяла другое время общества—выставила болѣзни отъ дурно понятаго просвѣщенія, отъ принятія глупыхъ свѣтскихъ мелочей намѣсто главнаго, словомъ—взяла донкишотскую сторону нашего европейскаго образованія, несвязавшуюся смѣсь обычаевъ, сдѣлавшую русскихъ не русскими, но иностранцами. Типъ Фамусова такъ же глубоко постигнутъ, какъ и Простаковой. Такъ же наивно, какъ хвастается Простакова своимъ невѣжествомъ, онъ хвастается полупросвѣщеніемъ, какъ собственнымъ, такъ и всего того сословія, къ которому принадлежитъ: хвастается тѣмъ, что московскія дѣвицы верхнія выводятъ нотки, словечка два не скажутъ, все съ ужимкой; что дверь у него отперта для всѣхъ, какъ званыхъ, такъ и незваныхъ, особенно для иностранныхъ; что канцелярія у него набита ничего не дѣлающею роднею. Онъ и благопристойный степенный человѣкъ, и волокита, и читаетъ мораль, и мастеръ такъ пообѣдать, что въ три дня не сварится. Онъ даже вольнодумецъ, если соберется съ подобными себѣ стариками, и въ то же время готовъ не допустить на выстрѣлъ къ столицамъ молодыхъ вольнодумцевъ, которыхъ именемъ честитъ всѣхъ, кто не подчинился принятымъ свѣтскимъ обычаямъ ихъ общества. Въ существѣ своемъ это одно изъ тѣхъ вывѣтрившихся лицъ, въ которыхъ, при всемъ ихъ свѣтскомъ comme il faut, не осталось ровно ничего, которыя своимъ пребываніемъ въ столицѣ и службою такъ же вредны обществу, какъ другіе ему вредны своею неслужбою и огрубѣлымъ пребываніемъ въ деревнѣ. Вредны, во-первыхъ, собственнымъ имѣніямъ своимъ—тѣмъ, что, предавши ихъ въ руки наемниковъ и управителей, требуя отъ нихъ только денегъ для своихъ баловъ и обѣдовъ, званыхъ и незваныхъ, они разрушили истинно-законныя узы, связавшія помѣщиковъ съ крестьянами; вредны, во-вторыхъ, на служащемъ поприщѣ—тѣмъ, что, доставляя мѣста однимъ только ничего не дѣлающимъ родственникамъ своимъ, отняли у государства истинныхъ дѣльцовъ и отвадили охоту служить у честнаго человѣка; вредны, наконецъ, въ-третьихъ, духу правительства своею двусмысленною жизнію—тѣмъ, что, подъ личиною усердія [къ царю] и благонамѣренности, требуя поддѣльной нравственности отъ молодыхъ людей и развратничая въ то же время сами, возбудили негодованіе молодежи, неуваженіе къ старости и заслугамъ и наклонность къ вольнодумству дѣйствительному у тѣхъ, которые имѣютъ некрѣпкія головы и способны вдаваться къ крайности. Не меньше замѣчателенъ другой типъ: отъявленный мерзавецъ Загорѣцкій, вездѣ ругаемый и, къ изумленію, всюду принимаемый, лгунъ, плутъ, но въ то же время мастеръ угодить всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу доставленіемъ ему того, къ чему онъ грѣховно падокъ,

въ случаѣ надобности, сдѣлаться патріотомъ и ратоборцемъ нравственности, зажечь костры и на нихъ предать пламени всѣ книги, какія ни есть на свѣтѣ, а въ томъ числѣ и сочинителей даже самыхъ басенъ [за ихъ вѣчныя насмѣшки надъ львами и орлами] и симъ обнаружившій, что, не боясь ничего, даже самой позорнѣйшей брани, боится, однакожъ, насмѣшки, какъ чортъ креста. Не меньше замѣчателенъ третій типъ: глупый либералъ Репетиловъ, рыцарь пустоты во всѣхъ ея отношеніяхъ, рыскающій по ночнымъ собраніямъ, радующійся, какъ Богъ вѣсть какой находкѣ, когда удается ему пристегнуться къ какому-нибудь обществу, которое шумитъ о томъ, чего онъ не понимаетъ, чего и разсказать даже не умѣетъ, но котораго бредни слушаетъ онъ съ чувствомъ, въ увѣренности, что попалъ наконецъ на настоящую дорогу и что тутъ кроется дѣйствительно какое-то общественное дѣло, которое, хотя еще не созрѣло, но какъ разъ созрѣетъ, если только о немъ пошумятъ побольше, станутъ почаще собираться по ночамъ да позадористѣе между собою спорить. Не меньше замѣчателенъ четвертый типъ: глупый [фрунтовикъ] Скалозубъ, понявшій службу единственно въ умѣньи различать форменныя отлички, но, при всемъ томъ, удержавшій какой-то свой особенный философскій [либеральный] взглядъ на чины, признающійся откровенно, что онъ ихъ считаетъ какъ необходимые каналы къ тому, чтобы попасть въ генералы, а тамъ ему хоть трава не расти; всѣ прочія тревоги ему ни по чемъ, а обстоятельства времени и вѣка для него не головоломная наука: онъ искренно увѣренъ, что весь міръ можно успокоить, давши ему въ Вольтеры фельдфебеля. Не меньше замѣчательный также типъ и старуха Хлёстова, жалкая смѣсь пошлости двухъ вѣковъ, удержавшая изъ старинныхъ временъ только одно пошлое съ притязаніями на уваженіе отъ новаго поколѣнія, съ требованіями почтенія къ себѣ отъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ сама презираетъ, готовая выбранить вслухъ и встрѣчнаго, и поперечнаго за то только, что не такъ къ ней сѣлъ, или передъ нею оборотился, ни къ чему не питающая никакой любви и никакого уваженія, но покровительница арапченокъ, мосекъ и людей въ родѣ Молчалина, словомъ—старуха-дрянь въ полномъ смыслѣ этого слова. Самъ Молчалинъ — тоже замѣчательный типъ. Мѣтко схвачено это лицо, безмолвное, низкое, покамѣстъ тихомолкомъ пробирающееся въ люди, но въ которомъ, по словамъ Чацкаго, готовится будущій Загорѣцкій. Такое скопище уродовъ общества, изъ которыхъ каждый окарикатурилъ какое-нибудь мнѣніе, правило, мысль, возвративши по-своему законный смыслъ ихъ, должно было вызвать въ отпоръ ему другую крайность, которая обнаружилась ярко въ Чацкомъ. Въ досадѣ и въ справедливомъ негодованіи противу ихъ всѣхъ, Чацкій переходитъ также въ излишество, не замѣчая, что черезъ это самое и черезъ этотъ невоздержный языкъ свой онъ дѣлается самъ нестерпимъ и даже смѣшонъ. Всѣ лица комедіи Грибоѣдова суть такія же дѣти полупросвѣщенія, какъ Фонвизиновы—дѣти непросвѣщенія, русскіе уроды, временныя, преходящія лица, образовавшіяся среди броженія новой закваски. Прямо-русскаго типа нѣтъ ни въ комъ изъ нихъ: не слышно русскаго гражданина. Зритель остается въ недоумѣніи насчетъ того, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ. Даже то лицо, которое взято, повидимому, въ образецъ, то-есть, самъ Чацкій, показываетъ только стремленіе чѣмъ-то сдѣлаться, выражаетъ только негодованіе противу того, что презрѣнно и мерзко въ обществѣ, но не даетъ въ себѣ образца обществу.

Обѣ комедіи исполняютъ плохо сценическія условія; въ семъ отношеніи ничтожная французская пьеса ихъ лучше. Содержаніе, взятое въ интригу, ни завязано плотно, ни мастерски развязано. Кажется, сами комики о немъ не много заботились, видя сквозь него другое, высшее содержаніе и соображая съ нимъ выходы и уходы лицъ своихъ. Степень потребности побочныхъ характеровъ и ролей измѣрена также не въ отношеніи къ герою пьесы, но въ отношеніи къ тому, сколько они могли пополнить и пояснить мысль самого автора присутствіемъ своимъ на сценѣ, сколько могли собою дорисовать общность всей сатиры. Въ противномъ же случаѣ, то-есть, если бы они выполнили и эти необходимыя условія всякаго драматическаго творенія и заставили каждое изъ лицъ, такъ мѣтко схваченныхъ и постигнутыхъ, изворотиться передъ зрителемъ въ живомъ дѣйствіи, а не въ разговорѣ—это были бы два высокія произведенія нашего генія. И теперь даже ихъ можно назвать истинно-общественными комедіями, и подобнаго выраженія, сколько мнѣ кажется, не принимала еще комедія ни у одного изъ народовъ. Есть слѣды общественной комедіи у древнихъ грековъ; но Аристофанъ руководился болѣе личнымъ расположеніемъ, нападалъ на злоупотребленія одного какого-нибудь человѣка и не всегда имѣлъ въ виду истину: доказательствомъ тому то, что онъ дерзнулъ осмѣять Сократа. Наши комики двигнулись общественною причиною, а не собственною, возстали не противъ одного лица, но противъ цѣлаго множества злоупотребленій, противъ уклоненія всего общества отъ прямой дороги. Общество сдѣлали они какъ бы собственнымъ своимъ тѣломъ; огнемъ негодованія лирическаго зажглась безпощадная сила ихъ насмѣшки. Это—продолженіе той же брани свѣта съ тьмою, вне-

сенной въ Россію Петромъ, которая всякаго благороднаго русскаго дѣлаетъ уже невольно ратникомъ свѣта. Объ комедіи ничуть не созданія художественныя и не принадлежатъ фантазіи сочинителя. Нужно было много накопиться сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились онѣ почти сами собою, въ видѣ какого-то грознаго очищенія. Вотъ почему по слѣдамъ ихъ не появлялось въ нашей литературѣ ничего имъ подобнаго и, вѣроятно, долго не появится.

Со смертію Пушкина остановилось движеніе поэзіи нашей впередъ. Это, однакоже, не значитъ, чтобы духъ ея угаснулъ; напротивъ, онъ, какъ гроза, невидимо накопляется вдали; самая сухость и духота въ воздухѣ возвѣщаетъ его приближеніе. Уже явились и теперь люди не безъ талантовъ. Но еще все находится подъ сильнымъ вліяніемъ гармоническихъ звуковъ Пушкина; еще никто не можетъ вырваться изъ этого заколдованнаго, имъ очертаннаго круга и показать собственныя силы. Еще даже не слышитъ никто, что вокругъ него настало другое время, образовались стихіи новой жизни и раздаются вопросы, которые дотолѣ не раздавались; а потому ни въ комъ изъ нихъ еще нѣтъ самоцвѣтности. Ихъ даже не слѣдуетъ называть по именамъ, кромѣ одного Лермонтова, который себя выставилъ впередъ больше другихъ и котораго уже нѣтъ на свѣтѣ. Въ немъ слышатся признаки таланта первостепеннаго; поприще великое могло ожидать его, если бы не какая-то несчастная звѣзда, которой управленіе захотѣлось ему надъ собою признать. Попавши съ самаго начала въ кругъ того общества, которое справедливо можно было назвать временнымъ и переходнымъ, которое, какъ бѣдное растеніе, сорвавшееся съ родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степямъ, слыша само, что не прирасти ему ни къ какой другой почвѣ и его жребій—завянуть и пропасть,—онъ уже съ раннихъ поръ сталъ выражать то раздирающее сердце равнодушіе ко всему, которое не слышалось еще ни у одного изъ нашихъ поэтовъ. Безрадостныя встрѣчи, безпечальныя разставанія, странныя, безсмысленныя любовныя узы, неизвѣстно зачѣмъ заключаемыя и неизвѣстно зачѣмъ разрываемыя, стали предметомъ стиховъ его и подали случай Жуковскому весьма вѣрно опредѣлить существо этой поэзіи словомъ *безочарованіе*. Съ помощію таланта Лермонтова, оно сдѣлалось было на время моднымъ. Какъ нѣкогда съ легкой руки Шиллера прошеслось было по всему свѣту *очарованіе* и стало моднымъ, какъ потомъ съ тяжелой руки Байрона пошло въ ходъ *разочарованіе*, порожденное, можетъ быть, излишнимъ очарованіемъ, и стало также на время моднымъ, такъ наконецъ пришла очередь и *безочарованію*, родному дѣтищу Байроновскаго разочарованія. Существованіе его, разумѣется, было кратковременнѣе всѣхъ прочихъ, потому что въ безочарованіи ровно нѣтъ никакой приманки ни для кого. Признавши надъ собою власть какого-то обольстительнаго демона, поэтъ покушался не разъ изобразить его образъ, какъ бы желая стихами отъ него отдѣлаться. Образъ этотъ не вызначенъ опредѣлительно, даже не получилъ того обольстительнаго могущества надъ человѣкомъ, которое онъ хотѣлъ ему придать. Видно, что выросъ онъ не отъ собственной силы, но отъ усталости и лѣни человѣка сражаться съ нимъ. Въ неоконченномъ его стихотвореніи, названномъ: „Сказка для дѣтей“, образъ этотъ получаетъ больше опредѣлительности и больше смысла. Можетъ быть, съ окончаніемъ этой повѣсти, которая есть его лучшее стихотвореніе, отдѣлался бы онъ отъ самого духа и вмѣстѣ съ нимъ и отъ безотраднаго своего состоянія (примѣты тому уже сіяютъ въ стихотвореніяхъ “Ангелъ“, „Молитва“ и нѣкоторыхъ другихъ), если бы только сохранилось въ немъ самомъ побольше уваженія и любви къ своему таланту. Но никто еще не игралъ такъ легкомысленно съ своимъ талантомъ и такъ не старался показать къ нему какое-то даже хвастливое презрѣніе, какъ Лермонтовъ. Незамѣтно въ немъ никакой любви къ дѣтямъ своего же воображенія. Ни одно стихотвореніе не выносилось въ немъ, не возлелѣялось чадолюбно и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось въ себѣ самомъ; самый стихъ не получилъ еще своей собственной твердой личности и блѣдно напоминаетъ то стихъ Жуковскаго, то Пушкина; повсюду—излишество и многорѣчіе. Въ его сочиненіяхъ прозаическихъ гораздо больше достоинства. Никто еще не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни — готовился будущій великій живописецъ русскаго быта... Но внезапная смерть вдругъ его отъ насъ унесла. Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ, упустивъ изъ виду свое главное поприще и назначеніе, бросался за другое или же опускался въ тотъ омутъ свѣтскихъ отношеній, гдѣ не слѣдуетъ ему быть и гдѣ нѣтъ мѣста для него, внезапная, насильственная смерть вырывала его вдругъ изъ нашей среды. Три первостепенныхъ поэта: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственною смертію, въ теченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самого цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитіи силъ своихъ—и никого это не поразило: даже не содрогнулось вѣтреное племя!

Но пора, однакоже, сказать въ заключеніе, что такое наша поэзія вообще, зачѣмъ она была, къ

чему служила и что́ сдѣлала для всей Русской земли нашей. Имѣла ли она вліяніе на духъ современнаго ей общества, воспитавши и облагородивши каждаго, сообразно его мѣсту, и возвысивши понятія всѣхъ вообще, сообразно духу земли и кореннымъ силамъ народа, которыми должно двигаться государство? Или же она была, просто, вѣрною картиною нашего общества,—картиною полною и подробною, яснымъ зеркаломъ всего нашего быта? Не была она ни тѣмъ, ни другимъ; ни того, ни другого она не сдѣлала. Она была почти незнакома и невѣдома нашимъ обществомъ, которое въ то время воспитывалось другимъ воспитаніемъ, подъ вліяніемъ гувернеровъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, подъ вліяніемъ выходцевъ изо всѣхъ странъ, всѣхъ возможныхъ сословій, съ различными образами мыслей, правилъ и направленій. Общество наше,—чего не случалось еще доселѣ ни съ однимъ народомъ,—воспитывалось въ невѣдѣніи земли своей посреди самой земли своей. Даже языкъ былъ позабытъ, такъ что поэзіи нашей были даже отрѣзаны дороги и пути къ тому, чтобы коснуться его уха. Если и пробивалась она къ обществу, то какими-то незаконными и проселочными дорогами: или счастливо написанная музыка заносила въ гостиную какое-нибудь стихотворное произведеніе, или же плодъ незрѣлой молодости поэта, ничтожное и слабое его произведеніе, но отвѣчавшее какимъ-нибудь чужеземно-вольнодумнымъ мыслямъ, занесеннымъ въ голову общества чужеземными воспитателями, бывало причиною, что общество узнавало о существованіи среди него поэта. Словомъ—поэзія наша не поучала общество, ни выражала его. Какъ бы слыша, что ея участь не для современнаго общества, неслась она все время свыше общества; если-жъ и опускалась къ нему, то развѣ затѣмъ только, чтобы хлеснуть его бичомъ сатиры, а не передавать его жизнь въ образецъ потомству. Дѣло странное: предметомъ нашей поэзіи все же были мы, но мы въ ней не узнаемъ себя. Когда поэтъ показываетъ намъ наши лучшія стороны, намъ это кажется преувеличеннымъ, и мы почти готовы не вѣрить тому, что́ говоритъ намъ о насъ же Державинъ. Когда же выставляетъ писатель наши низкія стороны, мы опять не вѣримъ, и намъ это кажется карикатурою. Есть, точно, въ томъ и другомъ какъ бы какая-то преувеличенная сила, хотя въ самомъ дѣлѣ преувеличенія нѣтъ. Причиною перваго то, что наши лирическіе поэты, владѣя тайною прозрѣвать въ зерно, почти непримѣтномъ для простыхъ глазъ, будущій великолѣпный плодъ его, выставляли очищеннѣе всякое свойство наше. Причиною второго то, что сатирическіе наши писатели, нося въ душѣ своей, хотя еще и неясно, идеалъ уже лучшаго русскаго человѣка, видѣли яснѣе все дурное и низкое дѣйствительно-русскаго человѣка. Сила негодованія благороднаго давала имъ силу выставлять ярче ту же вещь, нежели какъ ее можетъ увидѣть обыкновенный человѣкъ. Вотъ отчего въ послѣднее время, сильнѣе всѣхъ прочихъ свойствъ нашихъ, развилась у насъ насмѣшливость. Все смѣется у насъ одно надъ другимъ, и есть уже внутри самой земли нашей что-то смѣющееся надъ всѣмъ равно, надъ стариною и надъ новизною, и благоговѣющее только предъ однимъ нестарѣющимъ и вѣчнымъ. Итакъ, поэзія наша не выразила намъ нигдѣ русскаго человѣка вполнѣ, ни въ томъ *идеалѣ*, въ какомъ онъ долженъ быть, ни въ той *дѣйствительности*, въ какой онъ и нынѣ есть. Она собрала только въ кучу безчисленные оттѣнки разнообразныхъ качествъ нашихъ; она совокупила только въ одно казнохранилище отдѣльно взятыя стороны нашей разносторонней природы. Поэты наши слышали, что не приспѣло еще время живописать себя цѣликомъ и хвастаться собою, что еще нужно намъ самимъ прежде организоваться, стать собою и сдѣлаться русскими. Еще только размягчена и приготовлена наша природа къ тому, чтобы принять ей принадлежащую форму; еще не успѣли мы вывести итоговъ изъ множества всякихъ элементовъ и началъ, нанесенныхъ отовсюду въ нашу землю; еще во всякомъ изъ насъ безтолковая встрѣча чужеземнаго съ своимъ и неразумное извлеченіе того самаго вывода, для котораго повелѣна Богомъ эта встрѣча. Слыша это, поэты какъ бы заботились только о томъ, чтобы не пропало въ этой борьбѣ лучшее изъ нашей природы. Это лучшее забирали они отовсюду, гдѣ находили, и спѣшили его выносить на свѣтъ, не заботясь о томъ, гдѣ и какъ его поставить. Такъ бѣдный хозяинъ изъ обхваченнаго пламенемъ дома старается выхватить только то, что́ есть въ немъ драгоцѣннѣйшаго, не заботясь о прочемъ. Поэзія наша звучала не для современнаго ей времени, но чтобы,—если настанетъ, наконецъ, то благородное время, когда мысль о внутреннемъ построеніи человѣка въ такомъ образѣ, въ какомъ повелѣлъ ему состроиться Богъ изъ самородныхъ началъ земли, сдѣлается, наконецъ, у насъ общею по всей Россіи, и равно желанною всѣмъ,—то чтобы увидѣли мы, что́ есть дѣйствительно въ насъ лучшаго собственнаго нашего, и не позабыли бы его вмѣстить въ свое построеніе. Наши собственныя сокровища станутъ намъ открываться больше и больше, по мѣрѣ того, какъ мы станемъ внимательнѣе вчитываться въ нашихъ поэтовъ. По мѣрѣ бо́льшаго и лучшаго ихъ узнанія, намъ откроются и другія ихъ высшія стороны, доселѣ почти никѣмъ не замѣчаемыя: увидимъ, что они

были не одними казначеями сокровищъ нашихъ, но отчасти даже и строителями нашими, или дѣйствительно имѣя о томъ мысль, или ея не имѣя, но показавши своею высшею отъ насъ природою которое-нибудь изъ нашихъ народныхъ качествъ, которое въ нихъ развилось виднѣе, затѣмъ именно, чтобы блеснуть предъ нами во всей красѣ своей. Это стремленіе Державина начертать образъ непреклоннаго, твердаго мужа въ какомъ-то библейско-исполинскомъ величіи, не было стремленіемъ произвольнымъ: начала ему онъ услышалъ въ нашемъ народѣ. Широкія черты человѣка величаваго носятся и слышатся по всей Русской землѣ такъ сильно, что даже чужеземцы, заглянувшіе во внутрь Россіи, ими поражаются еще прежде, нежели успѣваютъ узнать нравы и обычаи земли нашей. Еще недавно одинъ изъ нихъ, издавшій свои записки съ тѣмъ именно, чтобы показать Европѣ съ дурной стороны Россію *), не могъ скрыть изумленія своего при видѣ простыхъ обитателей деревенскихъ избъ нашихъ. Какъ пораженный, останавливался онъ передъ нашими маститыми, бѣловласыми старцами, сидящими у дороговъ избъ своихъ, которые казались ему величавыми патріархами древнихъ библейскихъ временъ. Не одинъ разъ сознался онъ, что нигдѣ въ другихъ земляхъ Европы, гдѣ ни путешествовалъ онъ, не представлялся ему образъ человѣка въ такомъ величіи, близкомъ къ патріархально-библейскому. И эту мысль повторилъ онъ нѣсколько разъ на страницахъ своей растворенной ненавистью къ намъ книги. Это свойство *чуткости*, которое въ такой высокой степени обнаружилось въ Пушкинѣ, есть наше народное свойство. Вспомнимъ только одни названія, которыми народъ самъ характеризируетъ въ себѣ это свойство, напримѣръ: названіе *ухо*, которое дается такому человѣку, въ которомъ всѣ жилки говорятъ и говорятъ, который мигъ не постоитъ безъ дѣла; *удача*— всюду спѣющій и вездѣ успѣвающій, и множество есть у насъ другихъ названій, опредѣляющихъ различные оттѣнки и уклоненія этого свойства. Свойство это велико: не полонъ и суровъ выйдетъ русскій мужъ, начертанный Державинымъ, если не будетъ въ немъ чутья откликаться живо на всякій предметъ въ природѣ, изумляясь на всякомъ шагу красотѣ Божьяго творенія. Этотъ умъ, умѣющій найти законную середину всякой вещи, который обнаружился въ Крыловѣ, есть нашъ *истинно-русскій умъ*. Только въ Крыловѣ отразился тотъ вѣрный тактъ русскаго ума, который, умѣя выразить истинное существо всякаго дѣла, умѣетъ выразить его такъ, что никого не оскорбитъ выраженіемъ и не возстановитъ ни противъ мысли своей даже несходныхъ съ нимъ людей, однимъ словомъ — тотъ вѣрный тактъ, который мы потеряли среди нашего свѣтскаго образованія и который сохранился доселѣ у нашего крестьянина. Крестьянинъ нашъ умѣетъ говорить со всѣми себя высшими, [даже съ царемъ], такъ свободно, какъ никто изъ насъ, и ни однимъ словомъ не покажетъ неприличія, тогда какъ мы часто не умѣемъ поговорить даже съ равнымъ себѣ такимъ образомъ, чтобы не оскорбить его какимъ-нибудь выраженіемъ. Зато уже, въ комъ изъ насъ дѣйствительно образовался этотъ сосредоточенный, вѣрный, истинно-русскій тактъ ума— онъ у насъ пользуется уваженіемъ всѣхъ; ему всѣ позволятъ сказать то, чего никому другому не позволятъ; на него никто ужъ и не сердится. У всѣхъ нашихъ писателей бывали враги, даже у самыхъ незлобнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ душою (стóитъ вспомнить Карамзина и Жуковскаго); но у Крылова не было ни одного врага. Эта *молодая удаль* и отвага рвануться на дѣло добра, которая такъ и буйствуетъ въ стихахъ Языкова, есть удаль нашего русскаго народа, то чудное свойство, ему одному свойственное, которое даетъ у насъ вдругъ молодость и старцу, и юношѣ, если только предстанетъ случай рвануться всѣмъ на дѣло, невозможное ни для какого другого народа,—которое вдругъ сливаетъ у насъ всю разнородную массу, между собою враждующую, въ одно чувство, такъ что и ссоры, и личныя выгоды каждаго—все позабыто, и вся Россія— одинъ человѣкъ. Всѣ эти свойства, обнаруженныя нашими поэтами, суть наши народныя свойства, въ нихъ только виднѣе развившіяся; поэты берутся не откуда же нибудь изъ-за моря, но исходятъ изъ своего народа. Это—огни, изъ него же излетѣвшіе, передовые вѣстники силъ его. Сверхъ того поэты наши сдѣлали добро уже тѣмъ, что разнесли благозвучіе, дотолѣ небывалое. Не знаю, въ какой другой литературѣ показали стихотворцы такое безконечное разнообразіе оттѣнковъ звука, чему отчасти, разумѣется, способствовалъ самъ поэтическій языкъ нашъ. У каждаго свой стихъ и свой собственный звонъ. Этотъ металлическій, бронзовый стихъ Державина, котораго до сихъ поръ не можетъ еще позабыть наше ухо; этотъ густой, какъ смола или струя столѣтняго токая, стихъ Пушкина; этотъ сіяющій, праздничный стихъ Языкова, влетающій какъ лучь въ душу, весь сотканный изъ свѣта; этотъ облитый ароматами полудня стихъ Батюшкова, сладостный, какъ медъ изъ горнаго ущелья; этотъ легкій, воздушный стихъ Жуковскаго, порхающій, какъ неясный звукъ эоловой арфы; этотъ тяжелый, какъ бы влачащійся по землѣ стихъ Вяземскаго, проникнутый подчасъ ѣдкою, щемящею

*) Маркизъ Кюстинъ.

русскою грустью—всѣ они, точно разнозвонные колокола или безчисленные клавиши одного великолѣпнаго органа, разнесли благозвучіе по Русской землѣ. Благозвучіе не такъ пустое дѣло, какъ думаютъ тѣ, которые незнакомы съ поэзіею. Подъ благозвучіе, какъ подъ колыбельную, прекрасную пѣсню матери, убаюкивается народъ-младенецъ еще прежде, нежели можетъ входить въ значеніе словъ самой пѣсни, и нечувствительно сами собою стихаютъ и умиряются его дикія страсти. Оно такъ же бываетъ нужно, какъ во храмѣ куреніе кадильное, которое уже невидимо настрояетъ чего-то лучшаго еще прежде, нежели началось самое служеніе. Поэзія наша пробовала всѣ аккорды, воспитывалась литературами всѣхъ народовъ, прислушивалась къ лирамъ всѣхъ поэтовъ, добывала какой-то всемірный языкъ затѣмъ, чтобы приготовить всѣхъ къ служенію болѣе значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тѣхъ пустякахъ, о которыхъ еще продолжаетъ вѣтрено лепетать молодое, не давшее себѣ отчета, нынѣшнее поколѣніе поэтовъ; нельзя служить и самому искусству,—какъ ни прекрасно это служеніе,—не уразумѣвъ его цѣли высшей и не опредѣливъ себѣ, зачѣмъ дано намъ искусство; нельзя повторять Пушкина. Нѣтъ, не Пушкинъ или кто другой долженъ стать теперь въ образецъ намъ: другія уже времена пришли. Теперь уже ничѣмъ не возьмешь—ни своеобразіемъ ума своего, ни картинною личностью характера, ни гордостью движеній своихъ: христіанскимъ, высшимъ воспитаніемъ долженъ воспитаться теперь поэтъ. Другія дѣла наступаютъ для поэзіи. Какъ во время младенчества народовъ служила она къ тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая въ нихъ бранолюбивый духъ, такъ придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву человѣка—на битву уже не за временную нашу свободу, [права и привилегіи,] но за нашу душу, которую Самъ небесный Творецъ нашъ считаетъ перломъ своихъ созданій. Много предстоитъ теперь для поэзіи—возвращать въ общество то, что̀ есть истинно-прекраснаго, и что̀ изгнано изъ него нынѣшнею безсмысленною жизнію. Нѣтъ, не напомнятъ они уже никого изъ нашихъ прежнихъ поэтовъ. Самая рѣчь ихъ будетъ другая; она будетъ ближе и родственнѣе нашей русской душѣ: еще въ ней слышнѣе выступятъ наши народныя начала. Еще не бьетъ всею силою кверху тотъ самородный ключъ нашей поэзіи, который уже кипѣлъ и билъ въ груди нашей природы тогда, когда и самое слово *поэзія* не было ни на чьихъ устахъ. Еще никто не черпалъ изъ самой глубины тѣхъ трехъ источниковъ, о которыхъ упомянуто въ началѣ этой статьи. Еще доселѣ загадка—этотъ необъяснимый разгулъ, который слышится въ нашихъ пѣсняхъ, несется куда-то мимо жизни и самой пѣсни, какъ бы сгорая желаніемъ лучшей отчизны, по которой тоскуетъ со дня созданія своего человѣкъ. Еще ни въ комъ не отразилась вполнѣ та многосторонняя поэтическая полнота ума нашего, которая заключена въ нашихъ многоочитыхъ пословицахъ, умѣвшихъ сдѣлать такіе великіе выводы изъ бѣднаго, ничтожнаго своего времени, гдѣ въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ и въ такой мутной лужѣ изворачивался русскій человѣкъ, и которыя говорятъ только о томъ, какіе огромные выводы можетъ сдѣлать нынѣшній русскій человѣкъ изъ нынѣшняго широкаго времени, въ которое нанесены итоги всѣхъ вѣковъ и, какъ не разобранный товаръ, сброшены въ одну безпорядочную кучу. Еще тайна для многихъ этотъ необыкновенный лиризмъ, — рожденіе верховной трезвости ума,—который исходитъ отъ нашихъ церковныхъ пѣсней и каноновъ и покуда такъ же безотчетно возноситъ духъ поэта, какъ безотчетно подмываютъ его сердце родные звуки нашей пѣсни. Наконецъ, самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна. Въ немъ всѣ тоны и оттѣнки, всѣ переходы звуковъ отъ самыхъ твердыхъ до самыхъ нѣжныхъ и мягкихъ; онъ безпредѣленъ и можетъ, живой какъ жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая съ одной стороны высокія слова изъ языка церковно-библейскаго, а съ другой стороны выбирая на выборъ мѣткія названія изъ безчисленныхъ своихъ нарѣчій, разсыпанныхъ по нашимъ провинціямъ, имѣя возможность такимъ образомъ въ одной и той же рѣчи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанію непонятливѣйшаго человѣка, — языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ и который недаромъ былъ на время позабытъ нашимъ лучшимъ обществомъ: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземныхъ нарѣчіяхъ всю дрянь, какая ни пристала къ намъ вмѣстѣ съ чужеземнымъ образованіемъ, чтобы всѣ тѣ неясные звуки, неточныя названія вещей,—дѣти мыслей невыяснившихся и сбивчивыхъ, которыя потемняютъ языки, — не посмѣли помрачить младенческой ясности нашего языка и возвратились бы къ нему, уже готовые мыслить и жить своимъ умомъ, а не чужеземнымъ. Все это еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе металлы, изъ которыхъ выплавится иная, сильнѣйшая рѣчь. Пройдетъ эта рѣчь уже насквозь всю душу и не упадетъ на безплодную землю. Скорбію ангела загорится наша поэзія и, ударивши по всѣмъ струнамъ какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ; вызоветъ намъ нашу Россію,—нашу рус-

скую Россію, не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе-нибудь квасные патріоты, и не ту, которую вызываютъ къ намъ изъ-за моря очужеземившіеся русскіе, но ту, которую извлечетъ она изъ насъ же, и покажетъ такимъ образомъ, что всѣ до единаго, какихъ бы ни были они различныхъ мыслей, образовъ воспитанія и мнѣній, скажутъ въ одинъ голосъ: „Это наша Россія; намъ въ ней пріютно и тепло, и мы теперь дѣйствительно у себя дома, подъ своею родною крышею, а не на чужбинѣ!“

XXXII.

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

Въ русскомъ человѣкѣ есть особенное участіе къ празднику Свѣтлаго Воскресенія. Онъ это чувствуетъ живѣе, если ему случится быть въ чужой землѣ. Видя, какъ повсюду въ другихъ странахъ день этотъ почти не отличенъ отъ другихъ дней,—тѣ же всегдашнія занятія, та же вседневная жизнь, то же будничное выраженіе на лицахъ,—онъ чувствуетъ грусть и обращается невольно къ Россіи. Ему кажется, что тамъ какъ-то лучше празднуется этотъ день, и самъ человѣкъ радостнѣе и лучше, нежели въ другіе дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдругъ представятся—эта торжественная полночь, этотъ повсемѣстный колокольный звонъ, который какъ бы всю землю сливаетъ въ одинъ гулъ, это восклицаніе „Христосъ воскресъ!“ которое замѣняетъ въ этотъ день всѣ другія привѣтствія, этотъ поцѣлуй, который только раздается у насъ — и онъ готовъ почти воскликнуть: „Только въ одной Россіи празднуется этотъ день такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться!“ Разумѣется, эта мечта; она изчезнетъ вдругъ, какъ только онъ перенесется на самомъ дѣлѣ въ Россію, или даже только припомнитъ, что день этотъ есть день какой-то полусонной бѣготни и суеты, пустыхъ визитовъ, умышленныхъ незаставаній другъ друга, намѣсто радостныхъ встрѣчъ, — если-жъ и встрѣчъ, то основанныхъ на самыхъ корыстныхъ расчетахъ; что честолюбіе кипитъ у насъ въ этотъ день еще больше, нежели во всѣ другіе, и говорятъ не о воскресеніи Христа, но о томъ, кому какая награда выйдетъ, и кто что̀ получитъ; что даже и самъ народъ, о которомъ идетъ слава, будто онъ больше всѣхъ радуется, уже пьяный попадается на улицахъ, едва только успѣла кончиться торжественная обѣдня, и не успѣла еще заря освѣтить земли. Вздохнетъ бѣдный русскій человѣкъ, если только все это припомнитъ себѣ [и увидитъ, что это развѣ только карикатура и посмѣяніе надъ праздникомъ, а самаго праздника нѣтъ]. Для проформы только какой-нибудь начальникъ чмокнетъ въ щеку инвалида, желая показать подчиненнымъ чиновникамъ, какъ нужно любить своего брата, да какой-нибудь [отсталый] патріотъ, въ досадѣ на молодежь, которая бранитъ старинные русскіе наши обычаи, утверждая, что у насъ ничего нѣтъ, прокричитъ гнѣвно: „У насъ все есть—и семейная жизнь, и семейныя добродѣтели, и обычаи у насъ соблюдаются свято; и долгъ свой исполняемъ мы такъ, какъ нигдѣ въ Европѣ; и мы—народъ на удивленіе всѣмъ“.

Нѣтъ, не въ видимыхъ знакахъ дѣло, не въ патріотическихъ возгласахъ [и не въ поцѣлуяхъ, данныхъ инвалиду], но въ томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ взглянуть въ этотъ день на человѣка, какъ на лучшую свою драгоцѣнность,—такъ обнять и прижать его къ себѣ, какъ наироднѣйшаго своего брата, такъ ему обрадоваться, какъ бы своему наилучшему другу, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видались и который вдругъ неожиданно къ намъ пріѣхалъ. Еще сильнѣе! еще больше! потому что узы, насъ съ нимъ связывающія, сильнѣе земного кровнаго нашего родства, и породнились мы съ нимъ по нашему прекрасному небесному Отцу, въ нѣсколько разъ намъ ближайшему нашего земного отца, и день этотъ мы — въ своей истинной семьѣ, у Него Самого въ дому. День этотъ есть тотъ святой день, въ который празднуетъ святое, небесное свое братство все человѣчество до единаго, не исключивъ изъ него ни одного человѣка.

Какъ бы этотъ день пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому вѣку, когда мысли о счастіи человѣчества сдѣлались почти любимыми мыслями всѣхъ; когда обнять все человѣчество, какъ братьевъ, сдѣлалось любимою мечтою молодого человѣка; когда многіе только и грезятъ о томъ, какъ преобразовать все человѣчество, какъ возвысить внутреннее достоинство человѣка; когда почти половина уже признала торжественно, что одно только христіанство въ силахъ это произвесть; когда стали утверждать, что слѣдуетъ ближе ввести Христовъ законъ, какъ въ семейственный, такъ и въ государственный бытъ; [когда стали даже поговаривать о томъ, чтобы все было общее — и домá, и земли;] когда подвиги сердоболія и помощи несчастнымъ стали разговоромъ даже модныхъ гостиныхъ; когда, наконецъ, стало тѣсно отъ всякихъ человѣколюбивыхъ заведеній, [странноприимныхъ домовъ и пріютовъ]. Какъ бы, казалось, девятнадцатый вѣкъ долженъ былъ радостно воспраздновать этотъ день, который такъ по сердцу всѣмъ великодушнымъ и человѣколюбивымъ его движеніямъ! Но на [illegible] самомъ днѣ, какъ на пробномъ камнѣ, [illegible], какъ блѣдны всѣ его христіанскія стр[illegible] и

какъ всѣ они въ однѣхъ только [мечтахъ и] мысляхъ, а не на дѣлѣ. И если, въ самомъ дѣлѣ, придется ему обнять въ этотъ день своего брата, какъ брата—онъ его не обниметъ. Все человѣчество готовъ онъ обнять, какъ брата, а брата не обниметъ. Отдѣлись отъ этого человѣчества, которому онъ готовитъ такое великодушное объятіе, одинъ человѣкъ, его оскорбившій, которому повелѣваетъ Христосъ въ ту же минуту простить,—онъ уже не обниметъ его. Отдѣлись отъ этого человѣчества одинъ, несогласный съ нимъ въ какихъ-нибудь ничтожныхъ человѣческихъ мнѣніяхъ, — онъ уже не обниметъ его. Отдѣлись отъ этого человѣчества одинъ, страждущій виднѣе другихъ тяжелыми язвами своихъ душевныхъ недостатковъ, больше всѣхъ другихъ требующій состраданія къ себѣ, — онъ оттолкнетъ его и не обниметъ. И достанется его объятіе только тѣмъ, которые ничѣмъ еще не оскорбили его, съ которыми не имѣлъ онъ и случая столкнуться, которыхъ онъ никогда не зналъ и даже не видалъ въ глаза. Вотъ какого рода объятія всему человѣчеству даетъ человѣкъ нынѣшняго вѣка, и часто именно тотъ самый, который думаетъ о себѣ, что онъ истинный человѣколюбецъ и совершенный христіанинъ! [Христіанинъ! Выгнали на улицу Христа, въ лазареты и больницы, намѣсто того, чтобы призвать Его къ себѣ въ домы, подъ родную крышу свою, и думаютъ, что они христіане!]

Нѣтъ, не воспраздновать нынѣшнему вѣку Свѣтлаго праздника такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться. Есть страшное препятствіе, есть непреоборимое препятствіе, имя ему — *гордость*. Она была извѣстна и въ прежніе вѣка, но то была гордость болѣе ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родомъ и званіемъ, но не доходила она до того страшнаго духовнаго развитія, въ какомъ предстала теперь. Теперь явилась она въ двухъ видахъ. Первый видъ ея — гордость чистотою своею.

Обрадовавшись тому, что стало во многомъ лучше своихъ предковъ, человѣчество нынѣшняго вѣка влюбилось въ чистоту и красоту свою. Никто не стыдится хвастаться публично душевною красотою своею и считать себя лучшимъ другихъ. Стóитъ только приглядѣться, какимъ рыцаремъ благородства выступаетъ изъ насъ теперь всякъ, какъ безпощадно и рѣзко судитъ о другомъ. Стóитъ только прислушаться къ тѣмъ оправданіямъ, какими онъ оправдываетъ себя въ томъ, что не обнялъ своего брата даже въ день Свѣтлаго Воскресенія. Безъ стыда и не дрогнувъ душою, говоритъ онъ: „Я не могу обнять этого человѣка: онъ мерзокъ, онъ подлъ душою, онъ запятналъ себя безчестнѣйшимъ поступкомъ; я не пущу этого человѣка даже въ переднюю свою; я даже не хочу дышать однимъ воздухомъ съ нимъ; я сдѣлаю кругъ для того, чтобы объѣхать его и не встрѣчаться съ нимъ. Я не могу жить съ подлыми и презрѣнными людьми—неужели мнѣ обнять такого человѣка, какъ брата?“ Увы! позабылъ бѣдный человѣкъ девятнадцатаго вѣка, что въ этотъ день нѣтъ ни подлыхъ, ни презрѣнныхъ людей, но всѣ люди — братья той же семьи, и всякому человѣку имя *братъ*, а не какое-либо другое. Все разомъ и вдругъ имъ позабыто: позабыто, что, можетъ быть, затѣмъ именно окружили его презрѣнные и подлые люди, чтобы, взглянувши на нихъ, взглянулъ онъ на себя и поискалъ бы въ себѣ того же самаго, чего такъ испугался въ другихъ. Позабыто, что онъ самъ можетъ на всякомъ шагу, даже не примѣтивъ того самъ, сдѣлать то же подлое дѣло, хотя въ другомъ только видѣ,—въ видѣ, не пораженномъ публичнымъ позоромъ, но которое, однакоже, выражаясь пословицею, есть *тотъ же блинъ, только на другомъ блюдѣ*. Все позабыто! Позабыто имъ то, что, можетъ быть, оттого развелось такъ много подлыхъ и презрѣнныхъ людей, что сурово и безчеловѣчно ихъ оттолкнули лучшіе и прекраснѣйшіе люди и тѣмъ заставили пуще ожесточиться. Будто бы легко выносить къ себѣ презрѣніе! Богъ вѣсть, можетъ быть, иной совсѣмъ былъ не рожденъ безчестнымъ человѣкомъ; можетъ быть, бѣдная душа его, безсильная сражаться съ соблазнами, просила и молила о помощи, и готова была облобызать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостію душевною, поддержалъ бы ее на краю пропасти; можетъ быть, одной капли любви къ нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто бы дорóгою любви было трудно достигнуть къ его сердцу! Будто уже до того окаменѣла въ немъ природа, что никакое чувство не могло въ немъ пошевелиться, когда и разбойникъ благодаренъ за любовь, когда и звѣрь помнитъ ласкавшую его руку! Но все позабыто человѣкомъ девятнадцатаго вѣка, и отталкиваетъ онъ отъ себя брата, какъ богачъ отталкиваетъ покрытаго гноемъ нищаго отъ великолѣпнаго крыльца своего. Ему нѣтъ дѣла до страданій его; ему бы только не видать гноя ранъ его. Онъ даже не хочетъ услышать исповѣди его, боясь, чтобы не поразилось обоняніе его смраднымъ дыханіемъ устъ несчастнаго, гордый благоуханіемъ чистоты своей. Такому ли человѣку воспраздновать праздникъ небесной любви?

Есть другой видъ гордости, еще сильнѣйшій перваго — гордость ума. Никогда еще не возрастала она до такой силы, какъ въ девятнадца-

томъ вѣкѣ. Она слышится въ самой боязни каждаго прослыть дуракомъ. Все вынесетъ человѣкъ вѣка: вынесетъ названіе плута, подлеца; какое хочешь, дай ему названіе, онъ снесетъ его — и только не снесетъ названія дурака. Надъ всѣмъ онъ позволитъ посмѣяться — и только не позволитъ посмѣяться надъ умомъ своимъ. Умъ его для него святыня. Изъ-за малѣйшей насмѣшки надъ умомъ своимъ, онъ готовъ сію же минуту поставить своего брата на благородное разстояніе и посадить, не дрогнувши, ему пулю въ лобъ. Ничему и ни во что онъ не вѣритъ; только вѣритъ въ одинъ умъ свой: чего не видитъ его умъ, того для него нѣтъ. Онъ позабылъ даже, что умъ идетъ впередъ, когда идутъ впередъ всѣ нравственныя силы въ человѣкѣ, и стоитъ безъ движенія и даже идетъ назадъ, когда не возвышаются нравственныя силы. Онъ позабылъ и то, что нѣтъ всѣхъ сторонъ ума ни въ одномъ человѣкѣ; что другой человѣкъ можетъ видѣть именно ту сторону вещи, которую онъ не можетъ видѣть, и, стало-быть, знать то, чего онъ не можетъ знать. Не вѣритъ онъ этому, и все, чего не видитъ онъ самъ, то для него ложь. И тѣнь христіанскаго смиренія не можетъ къ нему прикоснуться изъ-за гордыни его ума. Во всемъ онъ усомнится: въ сердцѣ человѣка, котораго нѣсколько лѣтъ зналъ, въ правдѣ, въ Богѣ усомнится, но не усомнится въ своемъ умѣ. Уже ссоры и брани начались не за какія-нибудь существенныя права, не изъ-за личныхъ ненавистей—нѣтъ, не чувственныя страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуютъ лично изъ несходства мнѣній, изъ-за противорѣчій въ мірѣ мысленномъ. Уже образовались цѣлыя партіи, другъ друга не видѣвшія, никакихъ личныхъ сношеній еще не имѣвшія — и уже другъ друга ненавидящія. Поразительно: въ то время, когда уже было начали думать люди, что образованіемъ выгнали злобу изъ міръ, злоба другою дорогою, съ другого конца входитъ въ міръ,—дорогою ума, и на крыльяхъ журнальныхъ листовъ, какъ всепогубляющая саранча, нападаетъ на сердца людей повсюду. Уже и самаго ума почти не слышно. Уже и умные люди начинаютъ говорить, хоть противъ собственнаго своего убѣжденія, изъ-за того только, чтобы не уступить противной партіи, изъ-за того только, что гордость не позволяетъ сознаться передъ всѣми въ ошибкѣ—уже одна чистая злоба воцарилась намѣсто ума.

И человѣку ли такого вѣка умѣть полюбить и почувствовать христіанскую любовь къ человѣку? Ему ли исполниться того свѣтлаго простодушія и ангельскаго младенчества, которое собираетъ всѣхъ людей въ одну семью? Ему ли услышать благоуханіе небеснаго братства нашего? Ему ли воспраздновать этотъ день? Исчезнуло даже и то наружно-добродушное выраженіе прежнихъ простыхъ вѣковъ, которое давало видъ, какъ будто бы человѣкъ былъ ближе къ человѣку. Гордый умъ девятнадцатаго вѣка истребилъ его. Діаволъ выступилъ уже безъ маски въ міръ. Духъ гордости пересталъ уже являться въ разныхъ образахъ и пугать суевѣрныхъ людей: онъ явился въ собственномъ своемъ видѣ. Почуя, что признаютъ его господство, онъ пересталъ уже и чиниться съ людьми. Съ дерзкимъ безстыдствомъ смѣется въ глаза имъ же, его признающимъ; глупѣйшіе законы даетъ міру, какіе доселѣ еще никогда не давались—и міръ это видитъ и не смѣетъ ослушаться! Что значитъ эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустилъ вначалѣ человѣкъ, какъ мелочь, какъ невинное дѣло, и которая теперь, какъ полная хозяйка, уже стала распоряжаться въ домахъ нашихъ, выгоняя все, что есть главнѣйшаго и лучшаго въ человѣкѣ? Никто не боится преступать нѣсколько разъ въ день первѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа, и между тѣмъ боится не исполнить ея малѣйшаго приказанія, дрожа передъ нею, какъ робкій мальчишка. Что значитъ, что даже и тѣ, которые сами надъ нею смѣются, пляшутъ, какъ легкіе вѣтреники, подъ ея дудку? Что значатъ эти такъ-называемыя безчисленныя приличія, которыя стали сильнѣе всякихъ коренныхъ постановленій? Что значатъ эти странныя власти, образовавшіяся мимо законныхъ—постороннія, побочныя вліянія? Что значитъ, что уже правятъ міромъ швеи, портные и ремесленники всякаго рода, а Божіи помазанники остались въ сторонѣ? Люди темные, никому неизвѣстные, не имѣющіе мыслей и чистосердечныхъ убѣжденій, правятъ мнѣніями и мыслями умныхъ людей, и газетный листокъ, признаваемый лживымъ всѣми, становится нечувствительнымъ законодателемъ его не уважающаго человѣка! Что значатъ всѣ незаконные эти законы, которые, видимо, въ виду всѣхъ, чертитъ исходящая снизу нечистая сила — и міръ это видитъ весь, и, какъ очарованный, не смѣетъ шевельнуться? Что за страшная насмѣшка надъ человѣчествомъ! [И къ чему при такомъ ходѣ вещей сохранять еще наружные святые обычаи Церкви, небесный Хозяинъ которой не имѣетъ надъ нами власти? Или это еще новая насмѣшка духа тьмы?] Но зачѣмъ этотъ [утратившій значеніе] праздникъ? Зачѣмъ онъ [вновь] приходитъ [глуше и глуше] скликать въ одну семью разошедшихся людей [и, грустно окинувши всѣхъ, уходитъ какъ незнакомый и чужой всѣмъ? Всѣмъ ли точно онъ незнакомъ и чуждъ? Но] зачѣмъ же уцѣлѣли [кое-гдѣ] люди, которымъ кажется, какъ бы они свѣтлѣютъ въ этотъ день и празднуютъ свое

младенчество, — то младенчество, отъ котораго небесное лобзаніе, какъ бы лобзаніе вѣчной весны, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратилъ гордый нынѣшній человѣкъ? Зачѣмъ еще не позабылъ человѣкъ навѣки это младенчество, и, какъ бы видѣнное въ какомъ-то отдаленномъ снѣ, оно еще шевелитъ нашу душу? Зачѣмъ все это, и къ чему это? Будто не извѣстно, зачѣмъ? Будто не видно, къ чему? Затѣмъ, чтобы хотя нѣкоторымъ, еще слышащимъ весеннее дыханіе этого праздника, сдѣлалось вдругъ такъ грустно, такъ грустно, какъ грустно ангелу на небѣ, и, завопивъ раздирающимъ сердце воплемъ, упали бы они къ ногамъ своихъ братьевъ, умоляя хотя бы одинъ этотъ день вырвать изъ ряду другихъ дней, одинъ бы день только провести не въ обычаяхъ девятнадцатаго вѣка, но въ обычаяхъ вѣчнаго вѣка, въ одинъ бы день только обнять и обхватить человѣка, какъ виноватый другъ обнимаетъ великодушнаго, все ему простившаго друга, хотя бы только затѣмъ, чтобы завтра же оттолкнуть его отъ себя и сказать ему, что онъ намъ чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать такъ, хотя бы только насильно заставить себя это сдѣлать, ухватиться бы за это, какъ утопающій хватается за доску! Богъ вѣсть, можетъ быть, за одно это желаніе уже готова сброситься съ небесъ намъ лѣстница и протянуться рука, помогающая возлетѣть по ней.

Но и одного дня не хочетъ провести такъ человѣкъ девятнадцатаго вѣка! И непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!

Отчего же одному русскому еще кажется, что праздникъ этотъ празднуется, какъ слѣдуетъ и празднуется такъ въ одной его землѣ? Мечта ли это? Но зачѣмъ же эта мечта не приходитъ ни къ кому другому, кромѣ русскаго? Что значитъ въ самомъ дѣлѣ, что [самый праздникъ исчезъ, а] видимые призраки его такъ ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова *„Христосъ Воскресъ!“* и поцѣлуй, и всякій разъ также торжественно выступаетъ святая полночь, и гулы всезвонныхъ колоколовъ гудятъ и гудятъ по всей землѣ, точно какъ бы будятъ насъ! Гдѣ носятся такъ очевидно призраки, тамъ недаромъ носятся; гдѣ будятъ, тамъ разбудятъ. Не умираютъ тѣ обычаи, которымъ опредѣлено быть вѣчными. Умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ. Померкаютъ временно, умираютъ въ пустыхъ и выдѣтившихся толпахъ, но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, затѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему міру. Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-русскаго и что освящено Самимъ Христомъ. Разнесется звонкими струнами поэтовъ, развозвѣстится благоухающими устами святителей, вспыхнетъ померкнувшее — и праздникъ Свѣтлаго Воскресенія воспразднуется, какъ слѣдуетъ, прежде у насъ, нежели у другихъ народовъ! На чемъ же основываясь, на какихъ опираясь данныхъ, заключенныхъ въ сердцахъ нашихъ, можемъ сказать это? Лучше ли мы другихъ народовъ? [Ближе ли жизнію ко Христу, чѣмъ они? Никого мы не лучше, а жизни еще неустроеннѣй и безпорядочнѣй всѣхъ ихъ. „Хуже мы всѣхъ прочихъ“—вотъ что мы должны всегда говорить о себѣ]. Но есть въ нашей природѣ то, что намъ пророчитъ это. Уже самое неустройство наше намъ это пророчитъ. Мы еще растопленный металлъ, не отлившійся въ свою національную форму; еще намъ возможно выбросить, оттолкнуть отъ себя намъ неприличное и внести въ себя все, что уже невозможно другимъ народамъ, получившимъ форму и закалившимся въ ней. Что есть много въ коренной природѣ нашей, нами позабытой, близкаго закону Христа — доказательство тому уже то, что безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ, и приготовленная земля сердецъ нашихъ призывала сама собою Его слово, что есть уже начало братства Христова въ самой нашей славянской природѣ, и побратаніе людей было у насъ роднѣе дома и кровнаго братства, что еще нѣтъ у насъ непримиримой ненависти сословія противъ сословія и тѣхъ озлобленныхъ партій, какія водятся въ Европѣ и которыя поставляютъ препятствіе непреоборимое къ соединенію людей и братской любви между ними, что есть, наконецъ, у насъ отвага, никому несродная, и если предстанетъ намъ всѣмъ какое-нибудь дѣло, рѣшительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, напримѣръ, сбросить съ себя вдругъ и разомъ всѣ недостатки наши, все позорящее высокую природу человѣка, то съ болію собственнаго тѣла, не пожалѣвъ самихъ себя, какъ въ двѣнадцатомъ году, не пожалѣвъ имуществъ, жгли домы свои и земные достатки, такъ рванется у насъ все сбрасывать съ себя позорящее и пятнающее насъ: ни одна душа не отстанетъ отъ другой, и въ такія минуты всякія ссоры, ненависти, вражды—все бываетъ позабыто, братъ повиснетъ на груди у брата, и вся Россія—одинъ человѣкъ. Вотъ на чемъ основываясь, можно сказать, что праздникъ Воскресенія Христова воспразднуется прежде у насъ, нежели у другихъ. И твердо говоритъ мнѣ это душа моя;

и это не мысль, выдуманная въ головѣ. Такія мысли не выдумываются. Внушеніемъ Божіимъ порождаются онѣ разомъ въ сердцахъ многихъ людей, другъ друга не видавшихъ, живущихъ на разныхъ концахъ земли, и въ одно время, какъ бы изъ однихъ устъ, изглашаются. Знаю я твердо, что не одинъ человѣкъ въ Россіи, хотя я его и не знаю, твердо вѣрить тому и говоритъ: „У насъ прежде, нежели во всякой другой землѣ, воспразднуется Свѣтлое Воскресеніе Христово!“

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМО КЪ АРКАДІЮ ОСИПОВИЧУ РОССЕТИ.

Не знаю, какъ благодарить васъ, добрѣйшій мой Аркадій Осиповичъ, за ваше письмо и сообщеніе разныхъ мнѣній. Еслибы мнѣ почаще случалось получать такія письма, даже безъ сопровожденія этого добраго вашего участія и любви ко мнѣ, я бы давно уже поумнѣлъ гораздо больше, чѣмъ я есмь теперь. Но что дѣлать, если ничѣмъ никакъ не могу я до сихъ поръ никого увѣрить, что мнѣ слишкомъ нужны всякіе толки обо мнѣ, что это единственная школа моя, что есть наконецъ одинъ такой человѣкъ, которому слѣдуетъ говорить правду, какъ бы она жестка ни была, и которому нужны даже тѣ грубыя, жесткія слова, которыя умѣютъ произносить только ненависть и нелюбовь. Одна изъ причинъ печатанія моихъ писемъ была и та, чтобы поучиться, а не поучить. А такъ какъ русскаго человѣка по тѣхъ поръ не заставишь говорить, покуда не разсердишь его и не выведешь изъ терпѣнія, то я поставилъ почти нарочно много тѣхъ мѣстъ, которыя заносчивостью способны задрать за живое.

Скажу вамъ не шутя, что я болѣю незнаньемъ многихъ вещей въ Россіи, которыя мнѣ необходимо нужно знать; я болѣю незнаньемъ, что такое нынѣшній русскій человѣкъ на разныхъ степеняхъ своихъ мѣстъ, должностей и образованій. Всѣ свѣдѣнія, которыя я пріобрѣлъ доселѣ съ неимовѣрнымъ трудомъ, мнѣ недостаточны для того, чтобы „Мертвыя Души“ мои были тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть. Вотъ почему я съ такою жадностью хочу знать толки всѣхъ людей о моей нынѣшней книгѣ, — не выключая и лакеевъ,—собственно не ради книги моей, но ради того, что въ сужденіи о ней выказывается самъ человѣкъ, произносящій сужденіе. Мнѣ вдругъ видится въ этихъ сужденіяхъ, что такое онъ самъ, на какой степени своего душевнаго образованія или состоянія стоитъ, какъ проста, добра, или какъ невѣжественна, или какъ развращена его природа. Книга моя въ нѣкоторомъ отношеніи пробный оселокъ, и повѣрьте, что ни на какой другой книгѣ вы не пощупали бы въ нынѣшнее время такъ удовлетворительно, что такое нынѣшній русскій человѣкъ, какъ на этой. Не скрою, что я хотѣлъ произвести ею вдругъ и скоро благодѣтельное дѣйствіе на нѣкоторыхъ недугующихъ, что я ожидалъ даже большаго количества толковъ въ мою пользу, чѣмъ какъ они теперь, что мнѣ тяжело даже было услышать многое, и даже очень тяжело. Но какъ я благодарю теперь Бога, что случилось такъ, а не иначе! Я заставленъ почти невольно взглянуть гораздо строже на самого себя, я имѣю теперь средство взглянуть гораздо вѣрнѣе и ближе на людей, и я наконецъ приведенъ въ возможность умѣть взглянуть на нихъ лучше. Что же касается до того, что при этомъ дѣлѣ пострадала моя личность (я долженъ вамъ признаться, что донынѣ горю отъ стыда, вспоминая, какъ заносчиво выразился во многихъ мѣстахъ, почти à la Хлестаковъ), то нужно чѣмъ-нибудь пожертвовать. Мнѣ также нужна публичная оплеуха и даже, можетъ быть, болѣе, чѣтъ кому-либо другому. Но дѣло въ томъ, что обстоятельствами нужно пользоваться: Богъ высыпалъ вдругъ цѣлую груду сокровищъ, ихъ нужно подбирать обѣими руками. Если вы хотите сдѣлать мнѣ истинно добро, какое способенъ дѣлать христіанинъ, подбирайте для меня эти сокровища, гдѣ найдете. Что вамъ стоитъ понемногу, въ видѣ журнала, записывать всякій день, хотя, положимъ, въ такихъ словахъ: „Сегодня я услышалъ вотъ какое мнѣніе, говорилъ его вотъ какой человѣкъ; жизни онъ слѣдующей; характера слѣдующаго“ (словомъ, въ бѣглыхъ чертахъ портретъ его); если-жъ онъ незнакомецъ: то „жизни его я не знаю, но думаю, что онъ вотъ что; съ вида же онъ казистъ и приличенъ (или неприличенъ); держитъ руку вотъ какъ; сморкается вотъ какъ; нюхаетъ табакъ вотъ какъ“; словомъ—не пропуская ничего того, что видитъ глазъ, отъ вещей крупныхъ до мелочей.

Повѣрьте, что это будетъ совсѣмъ не скучно. Тутъ не нужно ни плана, ни порядка: просто двѣ-три строчки передъ тѣмъ, какъ итти умываться. Я даже увѣренъ, что это будетъ вамъ пріятно, потому что васъ будетъ услаждать постоянно мысль, что вы это дѣлаете для человѣка, васъ очень любящаго, которому это будетъ такъ радостно, какъ радостно ребенку получать передъ праздникомъ наилюбимѣйшую игрушку. Что же дѣлать, если эта, повидимому, игрушка въ глазахъ другихъ для меня совсѣмъ не игрушка; это въ такой степени не игрушка, что если я не наберусь въ достаточномъ количествѣ этихъ игрушекъ, у меня въ „Мертвыхъ Душахъ“ можетъ высунуться намѣсто людей мой собственный

ность, и покажется именно все то, что̀ вамъ непріятно было встрѣтить въ моей книгѣ. Повѣрьте, что безъ выхода нынѣшней моей книги никакъ бы я не достигнулъ той безыскусственной простоты, которая должна необходимо присутствовать въ другихъ частяхъ „Мертвыхъ Душъ“, дабы назвалъ ихъ всякій вѣрнымъ зеркаломъ, а не карикатурой. Вы не знаете того, какой большой крюкъ нужно сдѣлать для того, чтобы достигнуть этой простоты. Вы не знаете того, какъ высоко стоитъ простота. Объ этомъ предметѣ лучше и не разсуждать, а просто—помогите.

Что̀ касается до печатанія писемъ, то мое рѣшеніе вотъ какое. Издавать ради непропущенныхъ писемъ новый томъ, какъ совѣтуетъ Плетневъ, мнѣ невозможно. У меня есть занятія, о которыхъ не нужно позабывать, а время у меня все разсчитано; къ тому же появленіе вторично сочиненья въ томъ же родѣ не произведетъ даже и шума. Мнѣ нужно только, чтобы Вяземскій снабдилъ своими замѣчаніями и поправками. Я потомъ пересмотрю и выправлю ихъ такъ, чтобы и безъ высшихъ разсмотрѣній простой цензоръ ихъ пропустилъ. Повѣрьте, что все можно сказать, если только сумѣешь, умно сказать. Неуспѣхъ самыхъ великодушныхъ и благодѣтельныхъ дѣйствій происходитъ собственно отъ неразумія нашего,—именно отъ того, что безпрестанно позабываемъ умную пословицу: „тѣхъ же щей да пожиже влей“. Если намѣсто самоувѣреннаго и гордаго совѣта, произносимаго съ тономъ человѣка не думающаго, что онъ можетъ ошибиться, явится просто скромное мнѣніе — та же мысль пойдетъ въ ходъ и даже будетъ принята многими изъ читающихъ. Итакъ, что̀ просто не у мѣста, то выбросится; что̀ умно, то скажется въ другомъ видѣ; гдѣ высунулась собственная моя личность, тамъ не только ей щелчка, но даже вставится такое мѣсто, которое и прежнему уже напечатанному сообщитъ нѣкоторый тонъ умѣренности. Но во всякомъ случаѣ эти письма нужно включить въ книгу, а не издавать отдѣльно. Они все-таки возвысятъ ея значеніе, напомнивъ русскому о Россіи, а не о мнѣ. Не нужно, чтобы эта книга была заброшена. Какъ она ни исполнена недостатковъ, но она печаталась не для впечатлѣній минутныхъ. Ее нужно перечитать нѣсколько разъ не только тѣмъ, которые ее совсѣмъ не поняли, но даже и тѣмъ, которые поняли ее лучше другихъ. Тамъ есть нѣсколько душевныхъ тайнъ, которыя не вдругъ постигаются. Много принимается совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, къ какомъ хотѣлъ я сказать, даже и людьми весьма умными. Хорошо, если бы изданіе въ полномъ видѣ могло быть отпечатано въ сентябрѣ. Книга разойдется, потому что можно кое-что впустить, споспѣшествующее къ обращенію надлежащему (сколько-нибудь) на нее взгляда. Письмо это дайте прочесть Плетневу. Вы меня благодарите за то, что я вамъ доставилъ случай (хлопотами о моей книгѣ) узнать получше прекрасную душу Плетнева. А я васъ благодарю также за сообщеніе нѣкоторыхъ извѣстій о немъ, которыя заставили меня полюбить его еще болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, и заставили меня дорожить еще болѣе его дружбой, которую мнѣ послалъ Богъ въ видѣ какого-то прекраснаго, тихаго утѣшенія, очень нужнаго въ эту эпоху. Я не знаю, съ какой бы радостью я теперь обнялъ его и чего бы не далъ за то, чтобы увидать его, поговорить съ нимъ и обнять его лично. Затѣмъ обнимая и его, и васъ, безцѣнный мой Аркадій Осиповичъ, и нѣсколько разъ благодаря васъ за ваши милыя строки, остаюсь вашъ *Гоголь*.

PS. Не могу постигнуть, отчего не пришла ко мнѣ до сихъ поръ ни одна изъ книгъ, которыя, вы говорите, мнѣ посланы. Всѣмъ прочимъ привозятъ курьеры все, даже крупу гречневую, и вязигу, и икру на кулебяки, а мнѣ ни газетнаго листочка.

Не позабудьте увѣдомить о полученіи этого письма. Адресуйте отнынѣ все въ Франкфуртъ на имя Жуковскаго, а ему на имя посольства нашего.

Писано въ 1846 г.

О „СОВРЕМЕННИКѢ“.

(Письмо къ П. А. Плетневу).

Наконецъ поговорю съ тобой о «Современникѣ». «Современникъ» вышелъ плохимъ журналомъ, несмотря на прекрасную цѣль, которую ты имѣлъ въ виду. Даже эта самая прекрасная цѣль, во имя которой ты предпринялъ его, не обнаружилась никому очевидно и ясно изъ самого журнала; напротивъ, всякъ спрашивалъ въ недоумѣніи другъ у друга: «Объясните мнѣ, зачѣмъ и для чего издаетъ Плетневъ свой журналъ? что̀ хочетъ онъ сказать имъ? что̀ значатъ эти общія мѣста въ его программѣ, эти повторенія о безпристрастіи, о безкорыстной любви къ искусству, о стремленіи къ истинѣ и т. п., которыя обѣщаетъ всякій журналистъ и которыхъ не исполняетъ никто?» Тощее содержаніе его тоненькихъ книжекъ, не живой, безучастный, вялый и неопредѣленный слогъ его сужденій обо всемъ современномъ задавалъ только загадку рѣшать: зачѣмъ онъ названъ «Современникомъ»? Будемъ говорить откровенно. У тебя нѣтъ качествъ журналиста: ни юношескаго живого участія ко всѣмъ волненіямъ современнымъ, ни того трепета любопытства къ вопросамъ, раздающимся въ массѣ общества, ни, наконецъ, энциклопедическаго науколюбиваго стремленія обнимать съ равной охотой все, что̀ ни относится къ развитію познаній человѣческихъ во всѣхъ родахъ. Твоя антологическая душа получила только на долю себѣ одинъ возвышенный даръ—услаждаться благоуханіемъ прекрасныхъ цвѣтовъ поэзіи и обонять ароматъ высшихъ движеній души человѣческой. Не пѣвцу «Миниха» и нѣкоторыхъ другихъ прекрасныхъ

элегій, свидѣтельствующихъ о чистотѣ вкуса и скромной тишинѣ души самого пѣвца, выступать было на поприще полемическое. «Современникъ» даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, несмотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обозрѣніе въ родѣ англійскихъ, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные то опиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что написали сами. Впрочемъ, сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ для того, чтобы заключать въ себѣ это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода; я могъ припимать живѣй къ сердцу то, для чего онъ уже простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили; но слова моего я бы не могъ исполнить даже и тогда, если бы онъ былъ живъ. Не зналъ я, какими путями поведетъ меня Провидѣніе, какъ отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литературной и какъ умру я надолго для всего того, что шевелитъ современнаго человѣка. По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всѣхъ утратой, а для тебя еще скорбнѣйшей, чѣмъ для всѣхъ, пораженный сиротствомъ современнаго общества, очутившагося безъ поэзіи, какъ безъ свѣта, — осужденнаго выслушивать пустыя и черствыя пренія и споры объ искусствѣ вмѣсто дѣлъ самого искусства,—пораженный этимъ сиротствомъ, которое, впрочемъ, началось уже и при Пушкинѣ, ты взялся горячо за изданіе журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собой въ началѣ поприща Пушкина. Въ пылу великодушнаго увлеченія своего ты даже позабылъ то, что не мы управляемъ дѣлами и событіями, но чертится свыше всему чередъ свой. Ты даже не примѣтилъ того, что имѣлъ такую цѣль, которой ни въ какомъ случаѣ нельзя было достигнуть листками періодическаго ежемѣсячнаго изданія. «Современникъ», какъ журналъ, не удался бы даже и тогда, если бы ты заключалъ въ себѣ всѣ качества журналиста. Признаюсь, я даже не могу и представить себѣ, чѣмъ можетъ быть нужно нынѣшнему времени появленье новаго журнала. Это энциклопедическое образованіе публики посредствомъ журналовъ уже не такъ теперь потребно, какъ было прежде. Публика уже болѣе приготовлена. Уже все зоветъ нынѣ человѣка къ занятіямъ болѣе сосредоточеннымъ, не только значительность современныхъ вопросовъ, но даже самая пустота современнаго общества и легковѣсная вѣтреность дѣлъ его приглашаютъ нынѣ человѣка взглянуть строго на самого себя, вопросить съ большей отчетливостью свои силы и опредѣлить себѣ трудъ не временный, минутный, но тотъ живительный и полный, который отвѣтствуетъ однѣмъ тѣмъ способностямъ, которыми своеобразно надѣленъ изъ насъ каждый уже отъ самаго рожденья своего. Никакой новый журналъ не можетъ дать теперь обществу пищи питательной и существенной. «Современникъ» долженъ отбросить отъ себя названье журнала; онъ долженъ сжаться попрежнему въ книги намѣсто листовъ и болѣе еще, чѣмъ при Пушкинѣ, походить на альманахъ: онъ долженъ скорѣй напомнить собой «Сѣверные Цвѣты» барона Дельвига, съ которымъ было у тебя такъ много сходства въ умѣньи наслаждаться и нѣжиться благоуханными звуками поэзіи. Пусть лучше будетъ выходить онъ три раза всякій годъ въ урочныя времена: первый разъ ко дню Свѣтлаго Воскресенья, какъ свѣтлый подарокъ на праздникъ, во второй разъ къ 1-му октября т. е. ко времени, когда всѣ съѣзжаются у насъ изъ дачъ и деревень въ города, въ третій разъ—къ новому году; словомъ—пусть онъ будетъ современемъ тѣмъ эпохамъ, когда съ большей жадностью встрѣчается новая книга. Все собственно журнальное въ немъ не должно имѣть мѣста: ни возвѣщенья о новостяхъ ежедневныхъ, ни политическія извѣстія, ни именованія всѣхъ выходящихъ книгъ, развѣ только одинъ строгій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ за всю треть въ такомъ видѣ, чтобъ онъ самъ собой могъ уже составить замѣчательную литературную статью. Нужно, чтобы здѣсь ничто не помнило читателю о томъ, что есть какія-нибудь распри въ литературѣ и существуетъ журнальная полемика. Самыя статьи должны быть допущены сосредоточенныя, полныя, которыя ничѣмъ не походили бы на торопливыя, отрывочныя статьи журналовъ. Нужно, чтобы здѣсь были одни лучшіе цвѣты современной чашей литературы. Этого можно достигнуть только такимъ изданіемъ, которое будетъ выходить не болѣе трехъ разъ въ годъ: въ три мѣсяца можно набрать книжку. Современное намъ время, слава Богу, не безъ талантовъ. Часть прозаическая альманаха можетъ быть теперь гораздо значительнѣй и богаче, чѣмъ когда-либо прежде. Поименуемъ нарочно тѣхъ современныхъ писателей, статьями которыхъ можетъ украситься «Современникъ». Прежде всего слѣдуетъ назвать графа Соллогуба, который безспорно есть нынѣшній нашъ лучшій повѣствователь. Ни то не щеголяетъ такимъ правильнымъ, ловкимъ и свѣтскимъ языкомъ. Слогъ его точенъ и приличенъ во всѣхъ выраженьяхъ и оборотахъ. Остроты, наблюдательности, познаній всего того, чѣмъ занято наше высшее модное общество, у него много. Одинъ только недостатокъ: не набралась еще собственная душа автора содержанья болѣе строгаго и не доведенъ еще онъ свиданіями внутренними событіями къ тому, чтобы строже и отчетливѣй взглянуть вообще на жизнь. Но, если и это въ немъ совершится, онъ будетъ вполнѣ вѣрный живописецъ лучшаго общества; значительность твореній его выиграетъ больше чѣмъ сто на сто. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ назвать другого писателя, который скрылъ свое имя подъ выдуманнымъ: козакъ Луганскій. Онъ не поэтъ, не владѣетъ искусствомъ вымысла, не имѣетъ даже стремленья производить творческія созданія; онъ видитъ всюду дѣло и глядитъ на всякую вещь съ ея дѣльной стороны. Умъ твердый и дѣльный виденъ во всякомъ его словѣ, а наблюдательность и природная острота вооружаютъ живостью его слово. Все у него правда и взято такъ, какъ есть въ природѣ. Ему стоитъ, не прибѣгая ни къ завязкѣ, ни къ развязкѣ, налъ которыми такъ ломаетъ голову романистъ, взять любой случай, случившійся въ Русской землѣ, первое дѣло, котораго производству онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ, чтобы вышла сама собой наизанимательнѣйшая повѣсть. По мнѣ, онъ значительнѣй всѣхъ повѣствователей-изобрѣтателей. Можетъ-быть, я сужу здѣсь пристрастно, потому что писатель этотъ болѣе другихъ угодилъ личности моего собственнаго вкуса и своеобразію моихъ собственныхъ требованій: каждая его строчка меня учитъ и вразумляетъ, придвигая ближе къ познанью русскаго быта и нашей народной жизни; но зато всякъ согласится со мной, что этотъ писатель полезенъ и нуженъ всѣмъ намъ въ нынѣшнее время. Его сочиненія—живая и вѣрная статистика Россіи. Все, что ни достанетъ онъ изъ своей многовмѣщающей памяти и что ни разскажетъ достовѣрнымъ языкомъ своимъ, будетъ драгоцѣннымъ подаркомъ для твоего альманаха. Я не знаю, почему замолчалъ Н. Павловъ, писатель, который первыми тремя повѣстями своими получилъ съ перваго раза право на почетное мѣсто между нашими прозаическими писателями и который повредилъ себѣ только тѣмъ, что, не

захотѣвши быть самимъ собой, вздумалъ копировать (въ трехъ новыхъ повѣстяхъ своихъ) тѣхъ модныхъ новеллистовъ, которые гораздо его ниже. Онъ могъ бы все да, не прибѣгая ни къ напряженнымъ вымысламъ поэтическимъ, ни къ мозаичнымъ искусственнымъ украшеніямъ рѣчи, такъ изуродовавшимъ благородный и ясный слогъ его, взять на выдержку первое психологическое явленье нашего общества и разсказать его такъ отчетливо и умно, что повѣсть его имѣла бы всѣ принадлежности тѣхъ строгихъ классическихъ произведеній, которыя остаются навсегда образцами въ литературѣ. Я вижу тоже много достоинствъ въ писателѣ, который подписываетъ подъ своими сочиненіями имя: Кулишъ. Цвѣтистый слогъ и большое познаніе нравовъ и обычаевъ Малой Россіи говорятъ о томъ, что онъ могъ бы прекрасно написать исторію этой земли. Онъ могъ бы еще съ бо́льшимъ успѣхомъ составить живыя статьи для альманаха и въ нихъ разсказать просто о нравахъ и обычаяхъ прежнихъ временъ, не вставляя этого въ повѣсть или драматическій разсказъ, подобно тому, какъ нѣкогда разсказывалъ Корниловичъ о временахъ до Петра и при Петрѣ. Романъ же его, довольно любопытный по частямъ, вялъ и скученъ въ цѣломъ: эти драгоцѣнные перлы свѣдѣній историческихъ, которые разсыпаны на страницахъ его, погибаютъ тамъ совершенно безплодно. Мнѣ сказывали, что вообще въ послѣднее время *повѣсть* сдѣлала у насъ успѣхъ, и нѣсколько молодыхъ писателей показали особенное стремленье къ наблюденью жизни дѣйствительной. Изъ того, что́ удалось прочесть мнѣ самому, я замѣтилъ также тому признаки, хотя постройка самихъ повѣстей мнѣ показалась особенно неискусна и неловка; въ разсказѣ замѣтилъ я излишество и многословіе, а въ слогѣ отсутствіе простоты. Но я увѣренъ, что если въ каждомъ изъ этихъ писателей прежде сформируется человѣкъ, чѣмъ писатель,— все прочее придетъ само собою, и каждый изъ нихъ, обнаружа еще сильнѣй особенности пера своего, не покажетъ ни одного изъ этихъ недостатковъ. Не могу не упомянуть о писателѣ, выступившемъ на литературное поприще драмою «*Смерть Лапунова*». Не имѣя въ себѣ полной зрѣлости строенья драматическаго, которое доступно однимъ только опытнымъ драматургамъ, драма эта имѣетъ въ себѣ много тѣхъ достоинствъ, которыя пророчатъ въ творцѣ ея писателя замѣчательнаго. Слышать живость минувшаго и умѣть заговорить о немъ такимъ живымъ языкомъ — это свойство великое! Я бы на его мѣстѣ такъ впился въ русскія лѣтописи и ни на мигъ не оторвался бы отъ этого чтенія. Онъ можетъ много извлечь оттуда прекрасныхъ предметовъ. Почему знать, можетъ-быть, отъ такого чтенія родился бы въ немъ благословенная мысль написать правдивую исторію времени, его преимущественно поразившаго. Вполнѣ историческое произведеніе, исполненное писателемъ, умѣющимъ такъ живо чувствовать историческіе характеры, и написанное такимъ живымъ перомъ, будетъ въ нѣсколько разъ значительнѣй историческихъ драмъ. Кстати о молодыхъ и начинающихъ писателяхъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты отыскалъ Прокоповича и умѣлъ склонить его взяться за перо повѣствователя. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые воспитывались со мною вмѣстѣ въ школѣ и начали писать въ одно время со мной, у него раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива; все изливалось у него непринужденно-обильно, все доставалось ему легко и пророчило въ немъ плодовитѣйшаго романиста. Онъ задремалъ теперь, я это знаю; онъ далъ заснуть въ себѣ желанію дѣйствовать на поприщѣ просторномъ, самый кругъ его сталъ тѣсенъ и передъ нимъ мало жизненнаго поля для наблюденій. Но жизнь вездѣ жизнь и, чѣмъ меньше ея просторъ и тѣснѣе ея кругъ, тѣмъ основательнѣй и глубже онъ можетъ быть нами изслѣдуемъ и проникнутъ. Уже самая своя собственная душевная повѣсть, предметомъ которой будетъ взято собственное пробужденіе отъ мертвеннаго застоя, заставляющее съ ужасомъ взглянуть человѣка на животно-истраченную жизнь свою, можетъ быть высокимъ предметомъ для романа... Какой бы праздникъ былъ душѣ моей, если бы я встрѣтилъ въ «Современникѣ» повѣсть, подъ которою было бы подписано его имя! Что́ же касается до меня самого, то я попрежнему не могу быть работящимъ и ревностнымъ вкладчикомъ въ твой «Современникъ». Ты уже самъ почувствовалъ, что меня нельзя назвать писателемъ въ строгомъ классическомъ смыслѣ. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые начали писать со мною вмѣстѣ, еще въ лѣта моего школьнаго юношества, у меня менѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, замѣчались тѣ свойства, которыя составляютъ необходимыя условія писателя. Скажу тебѣ, что даже въ самыхъ раннихъ помышленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ, никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно. Нѣкоторыя мои наблюденія надъ нѣкоторыми сторонами жизни, мнѣ нужными для дѣла душевнаго, издавна меня занимавшаго, были виной того, что я взялся за перо и вздумалъ преждевременно подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, чѣмъ мнѣ слѣдовало подѣлиться уже потомъ, по совершеніи моего собственнаго воспитанія. Мнѣ доставалось трудно все то, что́ достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой, первыя необходимыя орудія всякаго писателя: они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мной имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцомъ словесности, и тотъ наставникъ поступитъ неосторожно, кто посовѣтуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать или подобно мнѣ живописать природу: онъ заставитъ ихъ производить карикатуры. Доказательство этому можешь видѣть на нѣкоторыхъ молодыхъ и неопытныхъ подражателяхъ моихъ, которые именно черезъ это самое подражаніе стали несравненно ниже самихъ себя, лишивъ себя своей собственной самостоятельности. У меня никогда не было стремленья быть отголоскомъ всего и отражать въ себѣ дѣйствительность, какъ она есть вокругъ насъ, — стремленья, которое тревожитъ поэта во все продолженіе его жизни и умираетъ въ немъ только съ его собственной смертью. Я даже не могу заговорить теперь ни о чемъ, кромѣ того, что́ близко моей собственной душѣ. Итакъ, если я почувствую, что чистосердечный голосъ мой будетъ истинно нуженъ кому-нибудь, и слово мое можетъ принести какое-нибудь внутреннее примиренье человѣку, тогда у тебя въ «Современникѣ» будетъ моя статья; если-жъ нѣтъ—ея не будетъ, и ты на меня за это никакъ не гнѣвайся. Я здѣсь не упомянулъ также ни объ одномъ изъ тѣхъ современныхъ прозаическихъ писателей нашихъ, которые, будучи заняты собственными изданіями или же сидя надъ трудами болѣе отвлеченными, требующими полнаго вниманія, не имѣютъ ни возможности, ни досуга поработать для твоего «Современника» — ихъ не слѣдуетъ и безпокоить. Здѣсь кстати я долженъ тебя побранить. Ты былъ несправедливъ, приписывая безучастное невниманіе многихъ литераторовъ къ твоему журналу ихъ равнодушію къ общему дѣлу, нелюбви къ искусству, деньголюбію и т. п. У всякаго есть свое внутреннее дѣло; у всякаго совершается въ душѣ свое собственное событіе, на время его отвлекающее отъ участія въ дѣлѣ общемъ; и никакъ нельзя требовать, чтобы другой жертвовалъ собой и своей собственной цѣлью для какой-нибудь нами любимой мысли или нашей цѣли, къ которой мы предположили себѣ стремиться. Каждому опредѣляетъ Богъ дорогу, не похожую на ту, которую назначено проходить другому, и нельзя мѣрять всѣхъ од-

нимъ и тѣмъ же аршиномъ. А потому уважай и самый отказъ другого даже и тогда, если бы онъ не захотѣлъ объявить причины, почему не можетъ дать статьи въ «Современникъ». Довольствуйся тѣмъ, что̀ дадутъ. Если только одни поименованные мною писатели дадутъ статьи свои, то и этого уже будетъ достаточно. Но я знаю, что дадутъ еще и другіе, которыхъ я не назвалъ. Вопреки людямъ, жалующимся на недостатокъ талантовъ въ нынѣшнее время, я вижу ихъ теперь гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде. Они не попали на свою дорогу. Еще никто изъ нихъ не умѣлъ стать самимъ собой и это причина ихъ непримѣтности; но многіе изъ нихъ уже болѣютъ этимъ желаніемъ, хотя и не знаютъ, какъ удовлетворить ему. Стремленье узнать назначенье свое есть теперь страданье многихъ людей, одаренныхъ способностями. Оно-то есть настоящая, истинная причина дремоты и бездѣйственности на поприщѣ литературномъ.

Стихотворная часть «Современника» можетъ быть также весьма богата, не взирая на то, что, повидимому, въ современномъ обществѣ угаснуло расположеніе къ поэзіи. Слава Богу, еще здравствуетъ самъ патріархъ нашей поэзіи: еще Небо хранитъ намъ Жуковскаго. Въ награду за безукоризненную, чистую жизнь ему одному изъ всѣхъ насъ дано почувствовать свѣжесть молодости въ старческія лѣта и силу юноши для дѣла поэтическаго. Его нынѣшніе труды далеко полновѣсней и значительнѣй прежнихъ. Не нужно судить о немъ по тѣмъ стихотворнымъ сказкамъ и повѣстямъ, которыя были помѣщены въ послѣднее время въ «Современникѣ». Онѣ не могли и не должны были произвесть никакого впечатлѣнія на общество, и нечего удивляться, что общество, оцѣнивая всякое новое произведеніе относительно своихъ собственныхъ потребностей душевныхъ, ища въ немъ отвѣта на тревожныя исканія свои, назвало эти стихотворенія *ребячествомъ* Жуковскаго. Они были, точно, назначены для малолѣтнихъ дѣтей. Повѣсти и сказки эти должны были выйти особой книжкой подъ названіемъ: «*Подарокъ дѣтямъ отъ Жуковскаго*». Онъ сдѣлалъ ошибку, пославши ихъ въ журналъ. Я говорилъ это ему тогда же, совѣтуя или ничего не посылать, или послать то, что̀ пришлось бы по душѣ взрослому человѣку. Но теперь я знаю, что онъ пришлетъ тебѣ въ альманахъ который-нибудь изъ тѣхъ перловъ, которые выработались въ глубинѣ его собственной души, гдѣ въ послѣднее время такъ много произошло прекраснаго. Еще, славу Богу, здравствуютъ два другіе первоклассные наши поэты: князь Вяземскій и Языковъ, и могутъ подарить «Современникъ» новыми, дотолѣ не раздававшимися отъ нихъ звуками, — звуками, исторгнутыми изъ выстрадавшагося сердца, пѣснями самой души, уже набравшейся строгаго содержанія высшей поэзіи. Самые наши молодые, недавно показавшіеся поэты, которыхъ я здѣсь не называю по именамъ, которые показали покуда одно благозвучіе, легкость и щегольство стихосложенія, но еще не показали истинныхъ и вѣрныхъ ощущеній своихъ, могутъ заговорить струнами поэзіи, болѣе намъ близкой. Поэзія есть чистая исповѣдь души, а не порожденіе искусства или хотѣнія человѣческаго; поэзія есть правда души, а потому и всѣмъ равно можетъ быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишкомъ высокая способность и дается однимъ только всемірнымъ геніямъ, которыхъ появленіе слишкомъ рѣдко на землѣ; опасно и вступать на этотъ путь другому. Многіе даже изъ первоклассныхъ талантовъ становились ниже себя, зашедши въ область вымысла, но высоко возвышались даже и небольшіе таланты, когда событіями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души. Приспѣваетъ время, когда жажда исповѣди душевной становится сильнѣе и сильнѣе. Много поэтическихъ звуковъ издадутъ даже и тѣ, которые не помышляли быть поэтами; много прекрасныхъ цвѣтковъ, много драгоцѣнныхъ вкладовъ принесутъ къ тебѣ со всѣхъ сторонъ въ твой «Современникъ». Ты самъ, хотя уже давно не пробовалъ звуковъ оставленной и позабытой тобою лиры, примешься за нее вновь. Ты, вѣрно, испыталъ въ это время тоже не мало скорбныхъ минутъ и никѣмъ не услышаннаго горя; твоя душа, вѣрно, томилась также желаніемъ передать и объяснить себя, искала друга, которому могло бы быть доступно тяжкое состояніе ея, и, не найдя его нигдѣ, обратилась наконецъ къ тому родному всѣмъ намъ Существу, которое одно умѣетъ принимать любовно на грудь къ себѣ тоскующаго и скорбящаго и къ которому наконецъ все живущее обратится. Припомни же всѣ эти минуты, какъ минуты скорбей, такъ и минуты высшихъ утѣшеній, тебѣ ниспосланныхъ; передай ихъ, изобрази въ той правдѣ, въ какой онѣ были. Тебѣ помогутъ слезы умиленія и растроганныя чувства признательной души твоей; они помогутъ тебѣ передать съ такой силой, съ какой не сумѣетъ передать ихъ великій, владѣющій чародѣйствомъ вымысла, но еще не выстрадавшійся поэтъ. «Современникъ» тогда оправдаетъ данное ему названіе, но оправдаетъ его въ другомъ—высшемъ смыслѣ: онъ будетъ современенъ всѣмъ высшимъ минутамъ русскаго писателя и человѣка. Онъ тогда ближе приблизится къ той [цѣли], которая доселѣ такъ отдаленно и неясно представлялась въ твоихъ мысляхъ: онъ соединитъ эстетическимъ союзомъ прекраснаго братства всѣхъ пишущихъ. Одинъ только ты въ Россіи можешь предпринять и выполнить такое изданіе, потому что одинъ только ты писалъ о немъ постоянную мысль; одинъ только ты не имѣлъ въ виду денежныхъ интересовъ и вознагражденій за труды; одинъ ты безотчетно питалъ чистую, младенческую любовь къ искусству, сдѣлавшую тебя другомъ лучшихъ поэтовъ нашихъ и превратившую для тебя самое искусство въ твое собственное, какъ бы родное и семейственное дѣло. Стало-быть, одному только тебѣ можетъ быть ввѣрено такое изданіе. Оно должно быть роскошно; оно должно быть во всѣхъ отношеніяхъ драгоцѣннымъ подаркомъ: печататься со всей возможной типографической роскошью, украситься лучшими гравюрами и виньетами, какія могутъ только быть произведены у насъ въ Россіи (граверовъ выбери русскихъ, иностранцевъ сюда не вмѣшивай). Мѣру книгамъ дай небольшую, немного чѣмъ побольше «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», словомъ — чтобы и по достоинству, и по виду изданье походило на драгоцѣнность. Все это можешь исполнить одинъ только ты, потому что, не имѣя въ виду пользоваться доходами съ него для своего собственнаго содержанія и прокормленія, ты можешь все употребить на красоту самаго изданія и такимъ образомъ доставить хлѣбъ бѣднымъ художникамъ нашимъ, которымъ приходится иногда претерпѣвать горькую чашу.

Итакъ, если все это, что̀ я теперь сказалъ, пришлось тебѣ по сердцу, то, благословясь, приступай съ Богомъ къ составленію первой книжки «Современника» ко времени наступающаго праздника Свѣтлаго Воскресенія 1847 года, а письмо мое поставь первой статьей въ видѣ программы или вступленія въ самую книгу. До того же времени дай его прочесть всѣмъ тѣмъ, отъ которыхъ ты пожелалъ бы имѣть статью. Какъ ни слабо и ни поверхностно оно написано, но я увѣренъ, что по прочтеніи его всякъ согласится вмѣстѣ съ тобой и со мной въ необходимости такого изданія въ Россіи и вѣрно дастъ тебѣ наилучшее изъ своихъ произведеній. Въ газетныхъ листахъ ты можешь объявить о немъ только немногими словами— именно, что «Современникъ» будетъ выходить въ трехъ книгахъ въ означенные сроки; прибавь къ этому одни только имена тѣхъ, которыхъ статьи будутъ помѣщены — этого достаточно. Пусть лучше все остальное, какъ достоинство статей, такъ и роскошь самаго изданія, будетъ пріятной неожиданностью для каждаго читателя.

Писано 4 Декабря 1846 г.

ПИСЬМО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Неаполь. 1848 генваря 10. / 1847 декабря 29.

Виноватъ передъ тобой, душа моя! Всякій день собираюсь писать—и непостижимая *неохота* удерживаетъ. Передо мной опять Неаполь. Везувій и море! Дни бѣгутъ въ занятіяхъ: время летитъ такъ, что не знаешь, откуда взять лишній часъ. Учусь, какъ школьникъ, всему тому, чему пренебрегъ выучиться въ школѣ. Но что разсказывать объ этомъ! Хотѣлось бы поговорить о томъ, о чемъ съ однимъ тобой могу говорить: о нашемъ миломъ *искусствѣ*, для котораго живу и для котораго учусь теперь, какъ школьникъ. Такъ какъ теперь предстоитъ мнѣ путешествіе въ Іерусалимъ, то хочу тебѣ исповѣдаться; кому же, какъ не тебѣ? Вѣдь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грѣхи—здѣсь. Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полдороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ; но я ее вижу какъ теперь, всю, до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовенъ твой взоръ!.. Что насъ свело, неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отъ чего? Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дѣло рѣшить, въ какой степени я поэтъ; знаю только то, что, прежде чѣмъ понимать значеніе и цѣль искусства, я уже чувствовалъ чутьемъ всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого перваго свиданья нашего оно уже стало *главнымъ* и *первымъ* въ моей жизни, а все прочее *вторымъ*. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давалъ себѣ отчета (да и могъ ли тогда его дать?), что должно быть предметомъ моего пера, а уже творческая сила шевелилась и собственныя обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Все совершалось какъ бы независимо отъ моего собственнаго (свободнаго) произволенія. Никогда, напримѣръ, я не думалъ, что мнѣ придется быть сатирическимъ писателемъ и смѣшить моихъ читателей. Правда, что, еще бывши въ школѣ, чувствовалъ я временами расположеніе къ веселости и надоѣдалъ товарищамъ неумѣстными шутками. Но это были временные припадки; вообще же я былъ характера скорѣй меланхолическаго и склоннаго къ размышленію. Впослѣдствіи присоединилась къ этому болѣзнь и хандра. И эти-то самыя болѣзнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась въ моихъ первыхъ произведеніяхъ. Чтобъ развлекать самого себя, я выдумывалъ безъ дальнѣйшей цѣли и плана героевъ, становилъ ихъ въ смѣшныя положенія — вотъ происхожденіе моихъ повѣстей! Страсть наблюдать за человѣкомъ, питаемая мною еще сызмала, придала имъ нѣкоторую естественность; ихъ даже стали называть вѣрными снимками съ натуры. Еще одно обстоятельство: мой смѣхъ вначалѣ былъ добродушенъ, я совсѣмъ не думалъ осмѣивать что-либо съ какой-нибудь цѣлью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышалъ, что обижаются и даже сердятся на меня цѣликомъ сословія и классы общества, что я наконецъ задумался: «Если сила смѣха такъ велика, что ея боятся, стало-быть, ее не слѣдуетъ тратить по-пустому». Я рѣшился собрать все дурное, какое только я зналъ, и за однимъ разомъ надъ нимъ посмѣяться—вотъ происхожденіе «Ревизора»! Это было первое мое произведеніе, замышленное съ цѣлью произвести доброе вліяніе на общество, что впрочемъ не удалось: въ комедіи стали видѣть желаніе осмѣять узаконенный порядокъ вещей и правительственныя формы, тогда какъ у меня было намѣреніе осмѣять только самоуправное отступленье нѣкоторыхъ лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка. Представленіе «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Я былъ сердитъ и на зрителей, меня не понявшихъ, и на себя самого, бывшаго виной тому, что меня не поняли. Мнѣ хотѣлось убѣжать отъ всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшаго своего дѣла. Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья*, въ которомъ бы предстало все, что ни есть и хорошаго, и дурного въ русскомъ человѣкѣ, и обнаружилось бы предъ нами видимѣй *свойство* нашей русской природы. Я видѣлъ и обнималъ порознь много частей, но планъ цѣлаго никакъ не могъ предо мной выясниться и опредѣлиться въ такой силѣ, чтобы я могъ уже приняться и начать писать. На всякомъ шагу я чувствовалъ, что мнѣ много недостаетъ, что я не умѣю еще ни завязывать, ни развязывать событій и что мнѣ нужно выучиться постройкѣ большихъ твореній у великихъ мастеровъ. Я принялся за нихъ, начиная съ нашего любезнаго Гомера. Уже мнѣ показалось-было, что я начинаю кое-что понимать и пріобрѣтать даже ихъ пріемы и замашки,—а способность творить все не возвращалась. Отъ напряженія болѣла голова. Съ большими усиліями удалось мнѣ кое-какъ выпустить въ свѣтъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», какъ бы затѣмъ, чтобы увидѣть на ней, какъ я былъ еще далекъ отъ того, къ чему стремился. Послѣ этого нашло на меня вновь безблагодатное состояніе. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило. Я думалъ, что уже способность писать просто отнялась отъ меня. И вдругъ болѣзни и тяжкія душевныя состоянія оторвали меня разомъ отъ всего и даже отъ самой мысли объ искусствѣ, обратили къ тому, къ чему прежде, чѣмъ сдѣлался писатель, уже имѣлъ я охоту — къ наблюденію внутреннему надъ человѣкомъ и надъ *душой человѣческой*. О, какъ глубже передъ тобой разскрывается это познаніе, когда начнешь дѣло съ собственной своей души! На этомъ-то пути поневолѣ встрѣтишься *ближе* съ Тѣмъ, Который одинъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ на землѣ, показалъ въ Себѣ полное познаніе души человѣческой; божественность Котораго если бы даже и отвергнулъ міръ, то ужъ этого послѣдняго свойства никакъ не въ силахъ отвергнуть, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда сдѣлается уже не *сильнъ*, а просто *глупъ*. Этимъ крутымъ поворотомъ, происшедшимъ не отъ моей воли, наведенъ я былъ заглянуть глубже въ душу вообще и узнать, что существуютъ ея высшія степени и явленія. Съ этихъ поръ способность творить стала пробуждаться; живые образы начинаютъ выходить ясно изъ иглы; чувствую, что работа пойдетъ, что даже и языкъ будетъ правиленъ и звученъ, а слогъ окрѣпнетъ. И, можетъ-быть, будущій уѣздный учитель словесности прочтетъ ученикамъ своимъ страницу будущей моей прозы непосредственно вослѣдъ за твоей, примолвивши: «оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга». Выпускъ книги «Переписка съ друзьями», съ которою (отъ радости, что расписалось перо) я такъ поспѣшилъ, не подумавши, что прежде, чѣмъ принести какую-нибудь пользу, могу сбить ею съ толку многихъ, пришелся въ пользу мнѣ самому. На этой книгѣ я увидѣлъ, гдѣ и въ чемъ я перешелъ въ то излишество, въ которое, въ эпоху нынѣшняго переходнаго состоянія общества, попадаетъ почти всякій идущій впередъ человѣкъ. Несмотря на пристрастіе сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ преступать. Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденіями.

Я долженъ выставить *жизнь* лицомъ, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопросъ: могъ ли бы я безъ этого большого крюку сдѣлаться достойнымъ производителемъ искусства? могъ ли бы я выставить жизнь въ ея глубинѣ такъ, чтобы она пошла въ поученіе? Какъ изображать людей, если не узналъ прежде, что такое *душа человѣческая*? Писатель, если только онъ одаренъ творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде, какъ человѣкъ и гражданинъ земли своей, а потомъ уже принимайся за перо! Иначе все будетъ невпопадъ. Что пользы поразить позорнаго и порочнаго, выставя его на видъ всѣмъ, если не ясенъ въ тебѣ самомъ идеалъ ему противуположнаго прекраснаго человѣка? Какъ выставлять недостатки и недостоинство человѣческое, если не задалъ самому себѣ запроса: въ чемъ же достоинство человѣка? и не далъ на это себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Какъ осмѣивать исключенія, если еще не узналъ хорошо тѣ правила, изъ которыхъ выставляешь на видъ исключенія? Это будетъ значить разрушить старый домъ прежде, чѣмъ имѣешь возможность выстроить на мѣсто его новый. Но искусство не разрушеніе. Въ искусствѣ таятся сѣмена созданья, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и въ тѣ времена, когда все было невѣжественно. Подъ звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сихъ поръ понятіе общества объ искусствѣ, всѣ, однакоже, говорятъ: «искусство есть примиреніе съ жизнью». Это правда. Истинное созданіе искусства имѣетъ въ себѣ что-то успокаивающее и примирительное. Во время чтенія душа исполняется стройнаго согласія, а по прочтеніи удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается въ сердцѣ движеніе негодованія противъ брата, но скорѣе въ немъ струится елей всепрощающей любви къ брату; и вообще не устремляешься на *порицаніе* дѣйствій другого, но на *созерцаніе* самого себя. Если же созданіе поэта не имѣетъ въ себѣ этого свойства, то оно есть одинъ только благородный, горячій порывъ, плодъ временного состоянія автора. Оно останется, какъ примѣчательное явленіе, но не назовется созданіемъ искусства. Подѣломъ. Искусство есть примиреніе съ жизнью!

Искусство есть водвореніе въ душу стройности и порядка, а не смущенія и разстройства. Искусство должно изобразить намъ такимъ образомъ людей земли нашей, чтобы каждый изъ насъ почувствовалъ, что это *живые люди*, созданные и взятые изъ того же тѣла, изъ котораго и мы. Искусство должно выставить намъ на видъ всѣ доблестныя *народныя* наши качества и свойства, но выключая даже и тѣхъ, которыя, не имѣя простора свободно развиться, не всѣми замѣчены и оцѣнены такъ вѣрно, чтобы каждый почувствовалъ ихъ и въ себѣ самомъ и загорѣлся бы желаніемъ развить и возлелѣять въ себѣ самомъ то, что имъ заброшено и позабыто. Искусство должно выставить намъ всѣ дурныя наши народныя качества и свойства такимъ образомъ, чтобы слѣды ихъ каждый изъ насъ отыскалъ прежде въ себѣ самомъ и подумалъ бы о томъ, какъ прежде съ самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы нашей. Тогда только, и такимъ образомъ дѣйствуя, искусство исполнитъ свое назначеніе и внесетъ порядокъ и стройность въ общество!

Итакъ, благословясь и помолясь, обратимся же сильнѣй, чѣмъ когда-либо прежде, къ нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда Богъ удостоитъ быть достойнымъ сколько-нибудь того), хочу заняться крѣпко «Мертвыми Душами». Съѣзжу въ Іерусалимъ (чего стало даже и совѣстно не сдѣлать); поблагодарю, какъ сумѣю, за все бывшее; помолюсь, да укрѣпится душа и соберутся силы, и съ Богомъ за дѣло. Очень, очень бы хотѣлось, чтобы привелъ Богъ насъ опять пожить вмѣстѣ, въ Москвѣ, вблизи другъ отъ друга. Перечитывать написанное и быть судьей другъ другу теперь будетъ еще больше нужно чѣмъ прежде. Затѣмъ отъ всей души поздравляю тебя съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобъ былъ онъ намъ обоимъ очень, очень плодотворенъ, плодотворнѣе всѣхъ прошедшихъ. Прощай, мой родной! Цѣлую тебя и обнимаю крѣпко. Пиши ко мнѣ. Твое письмо еще застанетъ меня въ Неаполѣ. Раньше февраля я не думаю подняться.

Обнимаю все твое милое семейство вмѣстѣ съ Рейтернами.

Твой Г.

Если письмо это найдетъ не безъ достоинства, то прибереги его. Его можно будетъ при второмъ изданіи «Переписки» поставить впереди книги намѣсто «Завѣщанія», имѣющаго выброситься, а заглавіе дать ему: *Искусство есть примиреніе съ жизнью.*

Все хочу спросить и все забываю: есть ли у тебя латынскій надстрочный переводъ Одиссеи, напечатанный недавно въ Парижѣ вмѣстѣ съ подлинникомъ. Весьма красивое изданіе. Весь Гомеръ въ одномъ томѣ, въ большую осьмушку, editore Ambrosio Firmin Didot. Parisiis. 1846. Мнѣ онъ показался весьма удовлетворительнымъ и для тебя полезнѣйшимъ прочихъ.

Адресъ мой: въ Неаполь, poste restante, или еще лучше въ hôtel de Rome, а чтобъ не попало письмо въ городъ Римъ, слово Неаполь нужно выставить позамѣтнѣй.

Писано въ декабрѣ 1847 г.

АВТОРСКАЯ ИСПОВѢДЬ.

Всѣ согласны въ томъ, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразныхъ толковъ, какъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. И—что́ всего замѣчательнѣй, чего не случилось, можетъ-быть, доселѣ еще ни въ какой литературѣ—предметомъ толковъ и критикъ стала не книга, но авторъ. Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово, и всякъ наперерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеньемъ. Какъ, однакоже, не были потрясающи и обидны для человѣка благороднаго и честнаго многія заключенія и выводы, но, скрѣпясь, сколько достало небольшихъ силъ моихъ, я рѣшился стерпѣть все и воспользоваться этимъ случаемъ, какъ указаньемъ свыше—разсмотрѣть построже самого себя. Никогда и прежде я не пренебрегалъ совѣтами, мнѣньями, осужденьями и упреками, увѣряясь, чѣмъ далѣе, болѣе, что если только истребишь въ себѣ тѣ щекотливыя струны, которыя способны раздражаться и гнѣваться, и приведешь себя въ состоянie все выслушивать спокойно, тогда услышишь тотъ средній голосъ, который получается въ итогѣ, тогда, когда сложишь всѣ голоса и сообразишь крайности обѣихъ сторонъ, словомъ — тотъ всѣми искомый средній голосъ, который не даромъ называютъ „гласомъ народа и гласомъ Божіимъ“. Но на этотъ разъ, несмотря на то, что многіе упреки были истинно полезны душѣ моей, я не услышалъ этого средняго голоса и не могу сказать, чѣмъ рѣшилось дѣло и чѣмъ опредѣлено считать мою книгу. Въ итогѣ мнѣ послышались три разныя мнѣнія: *первое*, что книга есть произведеніе неслыханной гордости человѣка, возмнившаго, что онъ сталъ выше всѣхъ своихъ читателей, имѣетъ право на вниманье всей Россіи и можетъ преобразовывать цѣлое общество; *второе*, что книга эта есть твореніе добра, и впавшаго въ прелесть и въ обольщеніе человѣка, у котораго закружилась голова отъ похвалъ, отъ самоуслажденія своими достоинствами, который вслѣдствіе этого сбился и спутался; *третье*, что книга есть произведеніе христіанина, глядящаго съ вѣрной точки на вещи и ставящаго всякую вещь на ея законное мѣсто. На сторонѣ каждаго изъ этихъ мнѣній находятся равно просвѣщенные и умные люди, а также и равно вѣрующіе христіане. Стало-быть, ни одно изъ этихъ мнѣній, будучи справедливо *отчасти*, никакъ не можетъ быть справедливо *вполнѣ*. Справедливѣе всего слѣдовало бы назвать эту книгу вѣрнымъ зеркаломъ человѣка. Въ ней находится то же, что́ во всякомъ человѣкѣ: прежде всего желанье добра, создавшее самую книгу, которое живетъ у всякаго человѣка, если только онъ почувствовалъ, что́ такое добро; сознанье искреннее своихъ недостатковъ и рядомъ съ нимъ высокое мнѣнье о своихъ достоинствахъ; желанье искреннее учиться самому и рядомъ съ нимъ увѣренность, что можешь научить многому и другихъ; смиренье и рядомъ съ нимъ гордость, и, можетъ-быть, гордость въ самомъ смиреніи; упреки другимъ въ томъ самомъ, на чемъ поскользнулся самъ и за что́ достоинъ еще бо́льшихъ упрековъ. Словомъ, то же, что́ въ каждомъ человѣкѣ, съ той только разницей, что здѣсь слетѣли всѣ условія и приличія и все, что́ таитъ внутри человѣкъ, выступило наружу; съ той еще разницей, что завопило это крикливѣй и громче, какъ въ писателѣ, у котораго все, что́ ни есть въ душѣ, просится на свѣтъ; ударилось ярче всѣмъ въ глаза, какъ въ человѣкѣ, получившемъ на долю больше способностей сравнительно съ другимъ человѣкомъ. Сло-

вомъ, книга можетъ послужить только доказательствомъ великой истины словъ апостола Павла, сказавшаго, что весь человѣкъ есть ложь.

Но къ этому заключенію, можетъ-быть, болѣе всѣхъ прочихъ справедливому, никто не пришелъ, потому что торжественный тонъ самой книги и необыкновенный слогъ ея сбилъ болѣе или менѣе всѣхъ и не поставилъ никого на надлежащую точку воззрѣнія. Издавая ее подъ вліяніемъ страха смерти своей, который преслѣдовалъ меня во все время болѣзненнаго моего состоянія, даже и тогда, когда я уже былъ внѣ опасности, я нечувствительно перешелъ въ тонъ, мнѣ несвойственный и ужъ вовсе неприличный еще живущему человѣку. Изъ боязни, что мнѣ не удастся окончить того сочиненія моего, которымъ занята была постоянно мысль моя въ теченіе десяти лѣтъ, я имѣлъ неосторожность заговорить впередъ кое-о-чемъ изъ того, что́ должно было мнѣ доказать въ лицѣ выведенныхъ героевъ повѣствовательнаго сочиненія. Это обратилось въ неумѣстную проповѣдь, странную въ устахъ автора, въ какія-то мистическія непонятныя мѣста, невяжущіяся съ остальными письмами. Наконецъ — разнообразный тонъ самихъ писемъ, писанныхъ къ людямъ разныхъ характеровъ и свойствъ, писанныхъ въ разныя времена моего душевнаго состоянья. Одни были писаны въ то время, когда я, воспитываясь самъ упреками, прося и требуя ихъ отъ другихъ, считалъ въ то же время надобностью раздавать ихъ и другимъ; другія были писаны въ то время, когда я сталъ чувствовать, что упреки слѣдуетъ приберечь для самого себя, въ рѣчахъ же съ другими слѣдуетъ употреблять одну только братскую любовь: отъ этого и мягкость, и рѣзкость встрѣтились почти вмѣстѣ. Наконецъ, непомѣщеніе многихъ тѣхъ статей, которыя должны были войти въ книгу, какъ связывающія и объясняющія многое. Наконецъ, моя собственная темнота и неумѣнье выражаться, — принадлежности не вполнѣ организовавшагося писателя, — все это споспѣшествовало тому, чтобы сбить не одного читателя и произвести безчисленное множество выводовъ и заключеній невпопадъ. Гордость отыскали въ тѣхъ словахъ, которыя подвигнуты были, можетъ-быть, совершенно противоположною причиною; гдѣ же была дѣйствительно гордость, тамъ ея не замѣтили; назвали уничиженьемъ то, что́ было вовсе не уничиженьемъ. А что́ главнѣе всего: не было двухъ человѣкъ, совершенно сходныхъ между собою въ мысляхъ, когда только доходило дѣло до разбора книги по частямъ, что́ весьма справедливо дало замѣтить нѣкоторымъ, что въ сужденьяхъ своихъ о моей книгѣ всякій выражалъ болѣе самого себя, чѣмъ меня или мою книгу. Разумѣется, всему виною — я. А потому во всѣхъ нападеніяхъ на мои личныя нравственныя качества, какъ ни оскорбительны они для человѣка, въ комъ еще не умерло благородство, я не имѣю права обвинить никого.

Сдѣлаю вскользь замѣчанья два на то, что́ не относится до моихъ нравственныхъ качествъ. Меня изумило, когда люди умные стали дѣлать придирки къ словамъ, совершенно яснымъ, и, остановившись надъ двумя-тремя мѣстами, стали выводить заключенія, совершенно противоположныя духу всего сочиненія. Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне земледѣльцы, озабоченные круглый годъ работой, вывести заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенья народнаго, — это показалось мнѣ очень странно, тѣмъ болѣе, что я полжизни думалъ самъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что́ прежде нужно подать народу. А покуда нѣтъ такихъ умныхъ книгъ, мнѣ казалось, что слово устное пастырей Церкви полезнѣй и нужнѣй для мужиковъ всего того, что́ можетъ сказать ему нашъ братъ-писатель. Сколько я себя ни помню, я всегда стоялъ за просвѣщеніе народное; но мнѣ казалось, что еще прежде, чѣмъ просвѣщенье самого народа, полезнѣй просвѣщенье тѣхъ, которые имѣютъ ближайшія столкновенія съ народомъ, отъ которыхъ часто терпитъ народъ. Мнѣ казалось, наконецъ, гораздо болѣе требовавшимъ вниманія къ себѣ не сословіе земледѣльцевъ, но то мелкое сословіе, нынѣ увеличивающееся, которое вышло изъ земледѣльцевъ, которое занимаетъ разныя мелкія мѣста и, не имѣя никакой нравственности, несмотря на небольшую грамотность, вредитъ всѣмъ, затѣмъ, чтобы жить на счетъ бѣдныхъ. Для этого-то сословія мнѣ казались наиболѣе необходимыми книги умныхъ писателей, которые, почувствовавши сами ихъ долгъ, умѣли бы имъ ихъ объяснить. А землепашецъ нашъ мнѣ всегда казался нравственнѣе всѣхъ другихъ и менѣе другихъ нуждающимся въ наставленіяхъ писателя. Тоже не менѣе страннымъ показалось мнѣ, когда изъ одного мѣста моей книги, гдѣ я говорю, что въ критикахъ, на меня нападавшихъ, есть много справедливаго, вывели заключенія, что я отвергаю всѣ достоинства моихъ сочиненій и не согласенъ съ тѣми критиками, которые говорили въ мою пользу *). Я очень помню и совсѣмъ не позабылъ, что по поводу небольшихъ моихъ достоинствъ явились у насъ очень замѣчательные

*) На завѣщаніе не слѣдовало упираться. въ немъ судишь себя строго, потому что готовящься предстать на судъ предъ Того, предъ Которымъ ни одинъ человѣкъ не бываетъ правъ.

критики, которыя навсегда останутся памятниками любви къ искусству, которыя возвысили въ глазахъ общества значеніе поэтическихъ созданій. Но неловко же мнѣ говорить самому о своихъ достоинствахъ, да и съ какой стати? О недостаткахъ моихъ литературныхъ я заговорилъ, потому что пришлось кстати, по поводу психологическаго вопроса, который есть главный предметъ всей моей книги. Какъ же не соображать этихъ вещей! Не менѣе странно также,—изъ того, что я выставилъ ярко на видъ наши русскіе элементы, дѣлать выводъ, будто я отвергаю потребность просвѣщенія европейскаго и считаю ненужнымъ для русскаго знать весь трудный путь совершенствованія человѣческаго. И прежде, и теперь мнѣ казалось, что русскій гражданинъ долженъ знать дѣла Европы. Но я былъ убѣжденъ всегда, что если при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустишь изъ виду свои русскія начала, то знанія эти не принесутъ добра, собьютъ, спутаютъ и разбросаютъ мысли, намѣсто того, чтобы сосредоточить и собрать ихъ. И прежде, и теперь я былъ увѣренъ въ томъ, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу, и что только съ помощью этого знанія можно почувствовать, что́ именно слѣдуетъ намъ брать и заимствовать изъ Европы, которая сама этого не говоритъ. Мнѣ казалось всегда, что прежде, чѣмъ вводить что́-либо новое, нужно, не какъ-нибудь, но въ корнѣ узнать старое; иначе примѣненіе самого благодѣтельнѣйшаго въ наукѣ открытія не будетъ успѣшно. Съ этою цѣлью я и заговорилъ преимущественно о старомъ.

Словомъ, всѣ эти односторонніе выводы людей умныхъ и притомъ такихъ, которыхъ я вовсе не считалъ односторонними, всѣ эти придирки къ словамъ, а не къ смыслу и духу сочиненія, показываютъ мнѣ то, что никто не былъ въ покойномъ расположеніи, когда читалъ мою книгу; что уже впередъ установилось какое-то предубѣжденіе, прежде чѣмъ она явилась въ свѣтъ, и всякій глядѣлъ на нее вслѣдствіе уже заготовленнаго впередъ взгляда, останавливаясь только надъ тѣмъ, что́ укрѣпляло его въ предубѣжденіи и раздражало, и проходя мимо все то, что́ способно опровергнуть предубѣжденія, а самого читателя успокоить. Сила этого страннаго раздраженія была такъ велика, что даже разрушила всѣ тѣ приличія, которыя доселѣ еще сохранялись относительно писателя. Почти въ глаза автору стали говорить, что онъ сошелъ съ ума, и прописывали ему рецепты отъ умственнаго разстройства. Не могу скрыть, что меня еще болѣе опечалило, когда люди также умные, и притомъ не раздраженные, провозгласили печатно, что въ моей книгѣ ничего нѣтъ новаго, что́ же и ново въ ней, то ложь, а не истина. Это показалось мнѣ жестоко. Какъ бы то ни было, но въ ней есть моя собственная исповѣдь; въ ней есть изліяніе и души, и сердца моего. Я еще не признанъ публично безчестнымъ человѣкомъ, которому бы никакого довѣрія нельзя было оказывать. Я могу ошибаться, могу попасть въ заблужденіе, какъ и всякій человѣкъ, могу сказать ложь въ томъ смыслѣ, какъ и весь человѣкъ есть ложь; но назвать все, что́ излилось изъ души и сердца моего, ложью — это жестоко. Это несправедливо такъ же, какъ несправедливо и то, что въ книгѣ моей ничего нѣтъ новаго. Исповѣдь человѣка, который провелъ нѣсколько лѣтъ внутри себя, который воспитывалъ себя, какъ ученикъ, желая вознаградить, хотя поздно, за время, потерянное въ юности, и который притомъ не во всемъ похожъ на другихъ, и имѣетъ нѣкоторыя свойства, ему одному принадлежащія,—исповѣдь такого человѣка не можетъ не представить чего-нибудь новаго. Какъ бы то ни было, но въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшалось дѣло души, нельзя такъ рѣшительно возвѣщать приговоръ. Тутъ наиглубокомысленнѣйшій душевѣдецъ призадумается. Въ душевномъ дѣлѣ трудно и надъ человѣкомъ обыкновеннымъ произнести судъ свой. Есть такія вещи, которыя не подвластны холодному разсужденію, какъ бы уменъ ни былъ разсуждающій, которыя постигаются только въ минуты тѣхъ душевныхъ настроеній, когда собственная душа наша расположена къ исповѣди, къ обращенію на себя, къ осужденію себя, а не другихъ. Словомъ, въ этой рѣшительности, съ какою былъ произнесенъ этотъ приговоръ, мнѣ показалась большая собственная самоувѣренность судившаго— въ умѣ своемъ и въ верховности своей точки воззрѣнія. Не съ тѣмъ я здѣсь говорю это, чтобы кого-нибудь попрекнуть, но съ тѣмъ, чтобы показать только, какъ на всякомъ шагу мы близки къ тому, чтобы впасть въ тотъ порокъ, въ которомъ только-что попрекнули своего брата; какъ, укоривши въ самоувѣренности другого, мы тутъ же въ собственныхъ словахъ показываемъ свою собственную самоувѣренность; какъ, укоривши въ неснисходительности другого, мы тутъ же бываемъ неснисходительны и придирчивы сами. Благороденъ по крайней мѣрѣ тотъ, кто имѣетъ духу въ этомъ сознаться и не стыдится, хотя бы въ глазахъ всего свѣта, сказать, что онъ ошибся. Но довольно. Вовсе не затѣмъ, чтобы защищать себя съ нравственныхъ сторонъ моихъ, я подаю теперь голосъ. Нѣтъ, я считаю обязанностью отвѣчать только на тотъ запросъ, который сдѣланъ мнѣ почти единоустно отъ лица читателей всѣхъ моихъ прежнихъ сочиненій, — запросъ: зачѣмъ я оставилъ тотъ родъ и то поприще, которое за собою

уже утвердилъ, гдѣ былъ почти господинъ, и принялся за другое, мнѣ чуждое?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я рѣшаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повѣсть моего авторства, чтобы дать возможность всякому справедливѣе обсудить меня, чтобы увидалъ читатель, перемѣнялъ ли я поприще свое, умничалъ ли самъ отъ себя, желая дать себѣ другое направленіе, или и въ моей судьбѣ такъ же, какъ и во всемъ, слѣдуетъ признать участіе Того, Кто располагаетъ міромъ не всегда сообразно тому, какъ намъ хочется, и съ Которымъ трудно бороться человѣку. Можетъ-быть, эта чистосердечная повѣсть моя послужитъ объясненіемъ хотя нѣкоторой части того, что̀ кажется такой необъяснимой загадкой для многихъ, въ недавно вышедшей моей книгѣ. Если бы случилось такъ, я былъ бы этому истинно радъ, потому что вся эта странная исторія меня утомила сильно, и мнѣ не легко самому отъ этого вихря недоразумѣній.

Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ тѣ поры, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что̀-то для общаго добра. Я думалъ, просто, что я выслужусь и все это доставитъ служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна. Она пребывала неотлучно въ моей головѣ впереди всѣхъ моихъ дѣлъ и занятій. Первые мои опыты, первыя упражненья въ сочиненіяхъ, въ которыхъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванья моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся также вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками; хотя въ самихъ раннихъ сужденьяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманья другихъ людей, какъ крупныя, такъ и мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но *угадать* человѣка, то-есть, угадать, что̀ онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаньемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думалъ о томъ, что сдѣлаю современемъ изъ этого употребленіе.

Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила можетъ-быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что̀ только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же безъ заботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости. Можетъ-быть, съ лѣтами и съ потребностью развлекать себя, веселость эта исчезнула бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это, просто, грѣхъ!“ Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за „Донкишота“, никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и, въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“. (Мысль „Ревизора“ принадлежитъ также ему). На этотъ разъ и я самъ уже задумался серьезно,—тѣмъ болѣе, что стали приближаться такіе года, когда самъ собой приходитъ запросъ всякому поступку: зачѣмъ и для чего его дѣлаешь? Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ уже лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго. Въ „Ревизорѣ“ я рѣшился собрать въ

одну кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, какой никогда еще во мнѣ не появлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончились вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами. Послѣ „Ревизора“, я почувствовалъ, болѣе нежели когда-либо прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Пушкинъ находилъ, что сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“ хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Я началъ было писать, не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что́ такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными. Но на всякомъ шагу я былъ останавливаемъ вопросами: зачѣмъ? къ чему это? что́ долженъ сказать собою такой-то характеръ? что́ должно выразить собою такое-то явленіе? Спрашивается: что́ нужно дѣлать, когда приходятъ такіе вопросы? Прогонять ихъ? Я пробовалъ, но неотразимые вопросы стояли передо мною. Не чувствуя существенной надобности въ томъ и другомъ героѣ, я не могъ почувствовать и любви къ дѣлу изобразить его. Напротивъ, я чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія: все у меня выходило натянуто, насильно и даже то, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печально.

Я увидѣлъ ясно, что больше не могу писать безъ плана, вполнѣ опредѣленнаго и яснаго, что слѣдуетъ хорошо объяснить прежде самому себѣ цѣль сочиненія своего, его существенную полезность и необходимость, вслѣдствіе чего авторъ возгорѣлся бы любовью истинной и сильной къ труду своему, которая животворитъ все и безъ которой нейдетъ работа,—словомъ, чтобы почувствовалъ и убѣдился самъ авторъ, что, творя твореніе свое, онъ исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, онъ служитъ въ то же самое время такъ же государству своему, какъ бы онъ дѣйствительно находился въ государственной службѣ. Мысль о службѣ у меня никогда не пропадала. Прежде чѣмъ вступить на поприще писателя, я перемѣнилъ множество разныхъ мѣстъ и должностей, чтобы узнать, къ которой изъ нихъ я былъ больше способенъ; но не былъ доволенъ ни службой, ни собой, ни тѣми, которые надо мной были постановлены. Я еще не зналъ тогда, какъ многаго мнѣ недоставало затѣмъ, чтобы служить такъ, какъ я хотѣлъ служить. Я не зналъ тогда, что нужно для этого побѣдить въ себѣ всѣ щекотливыя струны самолюбія личнаго и гордости личной, не позабыть ни на минуту, что взялъ мѣсто не для своего счастья, но для счастья многихъ тѣхъ, которые будутъ несчастны, если благородный человѣкъ броситъ свое мѣсто, что позабыть нужно обо всѣхъ огорченіяхъ собственныхъ. Я не зналъ еще тогда, что тому, кто пожелаетъ истинно-честно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая бы поглотила уже всѣ другія чувства,—нужно имѣть много любви къ человѣку вообще и едѣлаться истиннымъ христіаниномъ, во всемъ смыслѣ этого слова. А потому и немудрено, что, не имѣя этого въ себѣ, я не могъ служить такъ, какъ хотѣлъ, несмотря на то, что сгоралъ дѣйствительно желаніемъ служить честно. Но какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу сослужить также службу государственную, я бросилъ все: и прежнія свои должности, и Петербургъ, и общества близкихъ душѣ моей людей, и самую Россію, затѣмъ, чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, какъ произвести такимъ образомъ свое творенье, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей. Чѣмъ болѣе обдумывалъ я свое сочиненіе, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что оно можетъ дѣйствительно принести пользу. Чѣмъ болѣе я обдумывалъ мое сочиненіе, тѣмъ болѣе видѣлъ, что не случайно слѣдуетъ мнѣ взять характеры, какіе попадутся, но избрать одни тѣ, на которыхъ замѣтнѣй и глубже отпечатлѣлись истинно-русскія, коренныя свойства наши. Мнѣ хотѣлось въ сочиненіи моемъ выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены. Мнѣ хотѣлось сюда собрать одни яркія психологическія явленія, помѣстить тѣ наблюденія, которыя я дѣлалъ издавна сокровенно надъ человѣкомъ, которыхъ не довѣрялъ дотолѣ перу, чувствуя самъ незрѣлость его, которыя, бывъ изображены вѣрно, послужили бы разгадкой многаго въ нашей жизни, словомъ—чтобы, по про-

чтеніи моего сочиненія, представалъ какъ бы невольно весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ, также преимущественно передъ всѣми другими народами. Я думалъ, что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ. Но я почувствовалъ въ то же время, что все это возможно будетъ сдѣлать мнѣ только въ такомъ случаѣ, когда узнаешь очень хорошо самъ, что дѣйствительно въ нашей природѣ есть достоинства и что въ ней дѣйствительно есть недостатки. Нужно очень хорошо взвѣсить и оцѣнить то и другое и объяснить себѣ самому ясно, чтобы не возвести въ достоинство того, что есть грѣхъ нашъ, и не поразить смѣхомъ вмѣстѣ съ недостатками нашими и того, что есть въ насъ достоинство. Мнѣ не хотѣлось даромъ тратить силу. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ начали говорить, что я смѣюсь не только надъ недостаткомъ, но даже цѣликомъ и надъ самимъ человѣкомъ, въ которомъ заключенъ недостатокъ, и не только надъ всѣмъ человѣкомъ, но и надъ мѣстомъ, надъ самою должностью, которую онъ занимаетъ (чего я никогда даже не имѣлъ и въ мысляхъ), я увидалъ, что нужно со смѣхомъ быть очень осторожнымъ,— тѣмъ болѣе, что онъ заразителенъ и стоитъ только тому, кто поостроумнѣй, посмѣяться надъ одной стороной дѣла, какъ уже, во слѣдъ за нимъ, тотъ, кто потупѣе и поглупѣй, будетъ смѣяться надъ всѣми сторонами дѣла. Словомъ, я видѣлъ ясно, какъ дважды два четыре, что прежде, покамѣстъ не опредѣлю себѣ самому опредѣлительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мнѣ нельзя приступить; а чтобы опредѣлить себѣ русскую природу, слѣдуетъ узнать получше природу человѣка вообще и душу человѣка вообще: безъ этого на станешь на ту точку воззрѣнія, съ которой видятся ясно недостатки и достоинства всякаго народа.

Съ этихъ поръ человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣка стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало, и на этой дорогѣ, нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не всходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ. Повѣркой разума повѣрилъ я то, что̀ другіе понимаютъ ясной вѣрой, и чему я вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно. Къ этому привелъ меня и анализъ надъ моею собственной душой: я увидѣлъ тоже математически ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенію: нужно заключить въ себѣ самомъ хотя небольшую крупицу этого, словомъ — нужно сдѣлаться лучшимъ. Это можетъ показаться довольно страннымъ, особенно для тѣхъ, которые получили въ юности совершенно оконченное и полное воспитаніе. Но надобно сказать, что я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученіи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ свои занятія. Я наблюдалъ надъ собой, какъ учитель надъ ученикомъ не въ книжномъ ученіи, но и въ простомъ нравственномъ, глядя на себя самого, какъ на школьника. Я помѣстилъ кое-что изъ этихъ продѣлокъ надъ самимъ собою въ книгѣ моихъ писемъ, вовсе не затѣмъ, чтобы пощеголять чѣмъ-нибудь (да и не знаю, чѣмъ тутъ щеголять), но изъ желанія добра: авось кому-нибудь принесетъ это пользу: я былъ увѣренъ, что много, подобно мнѣ, воспитались въ школѣ плохо и потомъ, подобно мнѣ, спохватились, желая искренно себя поправить. Я часто слышалъ, какъ многіе жаловались, что не могутъ отстать отъ дурныхъ привычекъ, при всемъ желаніи своемъ отстать отъ нихъ. Я и помѣстилъ это, кое-какъ приспособивши къ другому, и помѣстилъ это я не иначе, какъ увидѣвши на опытѣ, что многое изъ этого уже пришло въ пользу нѣкоторымъ людямъ, которыхъ я зналъ. Въ отвѣтъ же тѣмъ, которые попрекаютъ мнѣ, зачѣмъ я выставилъ свою внутреннюю клѣть, могу сказать то, что все-таки я еще не монахъ, а писатель. Я поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ всѣ тѣ писатели, которые говорили, что̀ было на душѣ. Если бы и съ Кармазинымъ случилась эта внутренняя исторія во время его писательства, онъ бы ее также выразилъ. Но Кармазинъ воспитался въ юношествѣ. Онъ образовался уже, какъ человѣкъ и гражданинъ, прежде чѣмъ выступилъ на поприще писателя. Со мной случилось иначе. Я не считалъ ни для кого соблазнительнымъ открыть пу-

бличію, что я стараюсь быть лучшимъ, чѣмъ я ссмь. Я не нахожу соблазнительнымъ томиться и сгорать явно, въ виду всѣхъ, желаніемъ совершенства, если сходилъ затѣмъ Самъ Сынъ Божій, чтобы сказать намъ всѣмъ: „Будьте совершенны такъ, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный". Что же касается до обвиненій, будто я, изъ желанія похвастаться смиреніемъ, въ книгѣ моей показалъ уничиженіе паче гордости, то на это скажу, что ни смиренія, ни уничиженія здѣсь нѣтъ. Пришедшіе къ этому заключенію обманулись сходствомъ признаковъ. Противнымъ дѣйствительно я казался себѣ самому вовсе не отъ смиренія, но потому, что въ мысляхъ моихъ чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе представлялся идеалъ прекраснаго человѣка, тотъ благостный образъ, какимъ долженъ быть на землѣ человѣкъ, и мнѣ становилось всякій разъ послѣ этого противно глядѣть на себя. Это не смиреніе, но скорѣе то чувство, которое бываетъ у завистливаго человѣка, который, увидѣвши въ чужихъ рукахъ вещь лучшую, бросаетъ свою и не хочетъ уже глядѣть на нее. Притомъ мнѣ посчастливилось встрѣтить на вѣку своемъ, и особенно въ послѣднее время, нѣсколько такихъ людей, передъ душевными качествами которыхъ показались мнѣ мелкими мои качества, и всякій разъ я негодовалъ на себя за то, что не имѣю того, что́ имѣютъ другіе. Тутъ нужно обвинять развѣ завистливую вообще натуру.

Но возвращаюсь къ исторіи. Итакъ, на нѣкоторое время занятіемъ моимъ сталъ не русскій человѣкъ и Россія, но человѣкъ и душа человѣка вообще. Все меня приводило въ это время къ изслѣдованію общихъ законовъ души нашей: мои собственныя душевныя обстоятельства, наконецъ, обстоятельства внѣшнія, надъ которыми мы не властны и которыя всякій разъ обращали меня противовольно вновь къ тому же предмету, какъ только я отъ него отдалялся. Нѣсколько разъ, упрекаемый въ недѣятельности, я принимался за перо, хотѣлъ насильно заставить себя написать хоть что-нибудь въ родѣ небольшой повѣсти или какого-нибудь литературнаго сочиненія, и не могъ произвести ничего. Усилія мои оканчивались почти всегда болѣзнію, страданіями и, наконецъ, такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было надолго отложить всякое занятіе. Что мнѣ было дѣлать? Виноватъ я развѣ былъ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторять то же, что́ говорилъ или писалъ въ мои юношескіе годы? Какъ будто двѣ весны бываютъ въ возрастѣ человѣческомъ! И если всякъ человѣкъ подверженъ этимъ необходимымъ перемѣнамъ при переходѣ изъ возраста въ возрастъ, почему же одинъ писатель долженъ быть исключеніемъ? Развѣ писатель также не человѣкъ? Я не совращался съ своего пути. Я шелъ тою же дорогою. Предметъ у меня былъ всегда одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ— жизнь, а не что́ другое. Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми—и я пришелъ къ Тому, Который одинъ полный вѣдатель души и отъ Кого одного я могъ только узнать полнѣе душу. Я не успокоился до тѣхъ поръ, покуда не разрѣшились мнѣ нѣкоторые собственные мои вопросы относительно меня самого, и только тогда, когда нашелъ удовлетвореніе въ нѣкоторыхъ главныхъ вопросахъ, могъ приступить вновь къ моему сочиненію, первая часть котораго составляетъ еще понынѣ загадку, потому что заключаетъ въ себѣ нѣкоторую часть переходнаго состоянія моей собственной души, тогда какъ еще не вполнѣ отдѣлилось во мнѣ то, чему слѣдовало отдѣлиться.

Какъ только кончилось во мнѣ это состояніе, и жажда знать человѣка вообще удовлетворилась, во мнѣ родилось желаніе сильное знать Россію. Я сталъ знакомиться съ людьми, отъ которыхъ могъ чему-нибудь поучиться и разузнать, что́ дѣлается на Руси; старался наиболѣе знакомиться съ такими опытными практическими людьми всѣхъ сословій, которые обращены были лицомъ ко всякимъ продѣлкамъ внутри Россіи. Мнѣ хотѣлось сойтись съ людьми всѣхъ сословій и отъ каждаго что-нибудь узнать. Всякій должностный и чѣмъ-нибудь занятый человѣкъ сталъ въ глазахъ моихъ интересенъ. Прежде всего я хотѣлъ опредѣлить себѣ всякую должность, всякое сословіе, всякое мѣсто и всякое званіе въ государствѣ. Мнѣ казалось это необходимымъ для писателя, который беретъ людей на разныхъ поприщахъ. Не содержа въ собственной головѣ своей весь долгъ и всю обязанность того человѣка, котораго описываешь, не выставишь его, какъ слѣдуетъ, вѣрно и притомъ такъ, чтобы онъ дѣйствительно былъ въ урокъ и въ поученіе живущему. Изъ-за этого я старался завести переписку съ такими людьми, которые могли мнѣ что-нибудь сообщать. Прочихъ я просилъ набрасывать легкіе портреты и характеры, первые, какіе имъ попадутся. Все это было мнѣ нужно не затѣмъ, чтобы въ головѣ моей не было ни характеровъ, ни геросвъ: ихъ было у меня уже много; они выработались изъ познанія природы человѣческой гораздо полнѣйшаго, чѣмъ какое было во мнѣ прежде; но свѣдѣнія эти мнѣ, просто, нужны были, какъ нужны этюды съ натуры художнику, который пи-

нетъ большую картину своего собственнаго сочиненія. Онъ не переводитъ этихъ рисунковъ къ себѣ на картину, но развѣшиваетъ ихъ вокругъ по стѣнамъ, затѣмъ, чтобы держать передъ собою неотлучно, чтобы не погрѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противъ времени или эпохи, какая имъ взята. Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что́ взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не *писалъ* портрета, въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданіе. Мнѣ нужно было знать гораздо больше, сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ, потому что стóило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе — и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого другого. Этого я никакъ не могъ объяснить никому, а потому и никогда почти не получалъ такихъ писемъ, какихъ я желалъ. Всѣ только удивлялись тому, какъ могъ я требовать такихъ мелочей и пустяковъ, тогда какъ имѣю такое воображеніе, которое можетъ само творить и производить. Но воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ. Я помѣстилъ въ книгѣ моей: „Переписка съ друзьями“ нѣсколько писемъ къ помѣщикамъ и къ разнымъ должностнымъ лицамъ (изъ нихъ бóльшая часть не напечатана) вовсе не за тѣмъ, чтобы со мной безусловно согласились, но чтобы опровергнули меня приведеньемъ анекдотическихъ фактовъ. Возраженія такого рода отъ людей практическихъ и опытныхъ для меня важны тѣмъ, что поставляютъ меня ближе къ дѣлу, раскрывая мнѣ глубже внутренность Россіи. Но вмѣсто дѣлъ, интересныхъ для всякаго русскаго человѣка, и нашихъ русскихъ вопросовъ, занялись моей собственной личностью и исписали цѣлые листы о томъ, имѣю ли я право мѣшаться въ подобныя дѣла. Я сдѣлалъ въ то же время воззваніе ко всѣмъ читателямъ „Мертвыхъ Душъ“,— воззваніе нѣсколько неприличное и не весьма ловкое. Я очень зналъ, что надъ нимъ многіе посмѣются; но я готовъ былъ выдержать всякое осмѣяніе, лишь бы только добиться своего. Я думалъ, что, можетъ, хоть пять, шесть человѣкъ захотятъ исполнить мою просьбу такъ, какъ я желалъ. Я не требовалъ собственно поправокъ на „Мертвыя Души“: мнѣ хотѣлось, подъ этимъ предлогомъ, добыть частныхъ записокъ, воспоминаній о тѣхъ характерахъ и лицахъ, съ которыми случилось кому встрѣтиться на вѣку, изображеній тѣхъ случаевъ, гдѣ пахнетъ Русью. Зная, что у всѣхъ насъ есть какая-то лѣнь на подъемъ, на работу, вслѣдствіе которыхъ почти всякому изъ насъ трудно что-нибудь доставить изъ своей памяти, я думалъ, что чтеніе „Мертвыхъ Душъ“ можетъ разшевелить, особенно, если и карандашъ, и бумага будетъ при этомъ подъ рукой. Я выставилъ свой адресъ и просилъ прислать мнѣ въ письмѣ только тѣхъ, которые не захотѣли бы печатать, но вообще я считалъ гораздо полезнѣе сдѣлать ихъ всеобщею извѣстностью. Мнѣ казалось даже необходимымъ и въ нынѣшнее время это распространеніе извѣстій о Россіи посредствомъ живыхъ фактовъ, потому что въ это время, которое недаромъ называютъ переходнымъ, почти у всякаго человѣка, на всѣхъ поприщахъ, замѣтно стремленье преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противъ всякаго зла. Я думалъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нужно намъ обнаружить наружу все что́ ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, изъ какого множества разнородныхъ началъ состоитъ наша почва, на которой мы всѣ стремимся сѣять, и лучше бы осмотрѣлись прежде, чѣмъ произносить что-либо такъ рѣшительно, какъ нынѣ всѣ произносятъ. Я питалъ втайнѣ надежду, что чтеніе „Мертвыхъ Душъ“ наведетъ нѣкоторыхъ на мысль писать свои собственныя записки, что многіе почувствуютъ даже нѣкоторое обращеніе на самихъ себя, потому что и въ самомъ авторѣ, въ то время, когда писаны были „Мертвыя Души“, произошло нѣкоторое обращеніе на самого себя. Я думалъ, что тотъ, кто уже находится на склонѣ дней своихъ и тревожимъ мыслью, что жизнь его протекла безъ пользы, и онъ сдѣлалъ мало для общаго добра земли своей, почувствуетъ сильнѣе, что онъ вѣрнымъ и живымъ изображеніемъ людей, характеровъ и случаевъ своего времени можетъ познакомить съ Русью людей молодыхъ и начинающихъ дѣйствовать, и такимъ образомъ больше чѣмъ вознаградитъ прекрасно за свою недѣятельность. Молодой же, тотъ, кто вступаетъ еще на поприще, кто еще ни къ чему не охладѣлъ и потому имѣетъ живость взгляда, кого любопытно занимаетъ все, можетъ изобразить эпоху современную, какъ она представляется молодымъ глазамъ юноши. Словомъ, я думалъ, какъ дитя; я обманулся нѣкоторыми: я думалъ, что въ нѣкоторой части читателей есть какая-то любовь. Я не зналъ еще тогда, что мое имя въ ходу только затѣмъ, чтобы попрекнуть другъ друга и посмѣяться другъ надъ другомъ. Я думалъ, что мно-

гіе сквозь самый смѣхъ слышатъ мою добрую натуру, которая смѣялась вовсе не изъ злобнаго желанья. Но на мое приглашеніе я не получилъ записокъ; въ журналахъ мнѣ отвѣчали насмѣшками. Привожу все это затѣмъ, чтобы показать, какъ я употреблялъ всѣ силы держаться на своемъ поприщѣ и придумывалъ всѣ средства, которыя могли двинуть мою работу, не имѣя и въ мысляхъ оставлять званіе писателя. Не могутъ замѣтить при этомъ случаѣ, что многіе изъявили изумленіе тому, что я такъ желаю извѣстій о Россіи и въ то же время самъ остаюсь внѣ Россіи, не соображая того, что, кромѣ болѣзненнаго состоянія моего здоровья, потребовавшаго теплаго климата, мнѣ нужно было это удаленіе отъ Россіи затѣмъ, чтобы пребывать живѣе мыслью въ Россіи. Для тѣхъ, которые не могутъ этого почувствовать, объяснюсь, хотя мнѣ нѣсколько трудно объясняться во всемъ томъ, что́ составляетъ свойства, собственно мнѣ принадлежащія. Почти у всѣхъ писателей, которые не лишены *творчества*, есть способность, которую я не назову воображеніемъ, — способность представлять предметы отсутствующіе такъ живо, какъ бы они были предъ нашими глазами. Способность эта дѣйствуетъ въ насъ только тогда, когда мы отдалимся отъ предметовъ, которые описываемъ. Вотъ почему поэты бо́льшею частію избирали эпоху, отъ насъ отдалившуюся, и погружались въ прошедшее. Прошедшее, отрывая насъ отъ всего, что́ ни есть вокругъ насъ, приводитъ душу въ то тихое, спокойное настроеніе, которое необходимо для труда. У меня не было влеченія къ прошедшему. Предметъ мой была современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту, можетъ-быть, оттого, что умъ мой былъ всегда наклоненъ къ пользѣ, болѣе осязательной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ желаніе быть писателемъ современнымъ. Но я видѣлъ въ то же время, что, изображая современность, нельзя находиться въ томъ высоко настроенномъ и спокойномъ состояніи, какое необходимо для произведенія большого и стройнаго труда. Настоящее слишкомъ живо, слишкомъ шевелитъ, слишкомъ раздражаетъ; перо писателя нечувствительно и незамѣтно переходитъ въ сатиру. Притомъ, находясь самъ въ ряду другихъ и болѣе или менѣе дѣйствуя съ ними, видишь передъ собою только тѣхъ людей, котторые стоятъ близко отъ тебя: всей толпы и массы не видишь, оглянуть всего не можешь. Я сталъ думать о томъ, какъ бы выбраться изъ ряду другихъ и стать на такое мѣсто, откуда бы я могъ увидать всю массу, а не людей только, возлѣ меня стоящихъ, — какъ бы, отдалившись отъ настоящаго, обратить его нѣкоторымъ образомъ для себя въ прошедшее. Мое разстроившееся здоровье и вмѣстѣ съ нимъ маленькія непріятности, которыя я бы теперь перенесъ легко, но которыхъ тогда не умѣлъ еще перенесить, заставили меня подняться въ чужіе края. Я никогда не имѣлъ влеченія и страсти къ чужимъ краямъ. Я не имѣлъ также того безотчетнаго любопытства, которымъ бываетъ снѣдаемъ юноша, жадный впечатлѣній. Но, странное дѣло! даже въ дѣтствѣ, даже во время школьнаго ученія, даже въ то время, когда я помышлялъ только объ одной службѣ, а не о писательствѣ, мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе и что, именно для службы моей отчизнѣ, я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумывался объ этомъ, но видѣлъ самаго себя такъ живо, въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ, картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть. Можетъ-быть, это было, просто, то непонятное поэтическое влеченіе, которое тревожило иногда и Пушкина, ѣхать въ чужіе края, единственно затѣмъ, чтобы, по выраженію его,

Подъ небомъ Африки моей
Вздыхать о сумрачной Россіи.

Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣй, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи, и добуду любовь къ ней вдали отъ нея. Едва только я очутился въ морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей (пароходъ былъ англійскій, и на немъ ни души русской), мнѣ стало грустно; мнѣ сдѣлалось такъ жалко друзей и товарищей моего дѣтства, которыхъ я оставилъ и которыхъ я всегда любилъ, что прежде, чѣмъ вступить на твердую землю, я уже подумалъ о возвратѣ. Три дня только я пробылъ въ чужихъ краяхъ и, несмотря на то, что новость предметовъ начала меня завлекать, я поспѣшилъ на томъ же самомъ пароходѣ возвратиться, боясь, что иначе мнѣ не удастся возвратиться. Съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово не питать и мысли о чужихъ краяхъ — и точно, во все время пребыванья моего въ Петербургѣ, въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ, не приходили мнѣ никогда на мысли чужіе края, покамѣстъ обстоятельства моего здоровья, нѣкоторыя огорченья и наконецъ

потребность бо́льшаго уединенія не заставили меня оставить Россію.

Два раза я возвращался потомъ въ Россію, одинъ разъ даже съ тѣмъ, чтобы въ ней остаться навсегда. Я думалъ, что теперь особенно, получивши такую страсть узнавать все, я въ силахъ буду узнать многое. Но странное дѣло! среди Россіи я почти не видалъ Россіи. Всѣ люди, съ которыми я встрѣчался, бо́льшею частію любили поговорить о томъ, что́ дѣлается въ Европѣ, а не въ Россіи. Я узнавалъ только то, что́ дѣлается въ англійскомъ клубѣ, да кое-что изъ того, что́ я и самъ уже зналъ. Извѣстно, что всякій изъ насъ окруженъ своимъ кругомъ близкихъ знакомыхъ, изъ-за котораго трудно ему увидать людей посторонніхъ; во-первыхъ, уже потому, что съ близкими обязанъ быть чаще, а во-вторыхъ, потому, что кругъ друзей такъ уже самъ по себѣ пріятенъ, что нужно имѣть слишкомъ много самоотверженья, чтобы изъ него вырваться. Всѣ, съ которыми мнѣ случилось познакомиться, надѣляли меня уже готовыми выводами, заключеніями, а не просто фактами, которыхъ я искалъ. Я замѣтилъ вообще нѣкоторую перемѣну въ мысляхъ и умахъ. Всякъ глядѣлъ на вещи взглядомъ болѣе философическимъ, чѣмъ когда-либо прежде, во всякой вещи хотѣлъ увидать ея глубокій смыслъ и сильнѣйшее значеніе: движенье, вообще показывающее большой шагъ общества впередъ. Но съ другой стороны, отъ этого произошла торопливость дѣлать выводы и заключенья изъ двухъ-трехъ фактовъ о всемъ цѣломъ и безпрестанная позабывчивость того, что не всѣ вещи и не всѣ стороны соображены и взвѣшены. Я замѣтилъ, что почти у всякаго образовывалась въ головѣ своя собственная Россія, и отъ того безконечные споры. Мнѣ нужно было не того: мнѣ нужно было, просто, такихъ бесѣдъ, какъ бывали въ старину, когда всякъ разсказывалъ только то, что́ видѣлъ, слышалъ на своемъ вѣку, и разговоръ казался собраньемъ анекдотовъ, а не разсужденьемъ. Это мнѣ нужно было уже и потому, что я и самъ начиналъ невольно заражаться этой торопливостью заключать и выводить, всеобщимъ повѣтріемъ нынѣшняго времени.

Провинціи наши меня еще болѣе изумили. Тамъ даже имя *Россія* не раздается на устахъ. Раздавалось, какъ мнѣ показалось, на устахъ только то, что́ было прочитано въ новѣйшихъ романахъ, переведенныхъ съ французскаго. Словомъ—во все пребыванье мое въ Россіи, Россія у меня въ головѣ разсѣивалась и разлеталась. Я не могъ никакъ ее собрать въ одно цѣлое; духъ мой упадалъ, и самое желанье знать ее ослабѣвало. Но какъ только я выѣзжалъ изъ нея, она совокуплялась вновь въ моихъ мысляхъ цѣлой, желанье знать ее пробуждалось во мнѣ вновь, и охота знакомиться со всякимъ свѣжимъ человѣкомъ, недавно выѣхавшимъ изъ Россіи, становилась вновь сильна. Во мнѣ рождалось даже умѣнье выспрашивать, и часто въ одинъ часъ разговора я узнавалъ то, чего не могъ, живя въ Россіи, узнать въ продолженіе недѣли. Всякій знаетъ, что за границей знакомства дѣлаются гораздо легче, что на водахъ въ Германіи и на низовьяхъ въ Италіи сходятся люди, которые, можетъ быть, не столкнулись бы никогда внутри земли своей и оставались бы вѣкъ незнакомыми. Вотъ что́ заставило меня предпочесть пребыванье внѣ Россіи, даже и въ отношеніи къ тому, чтобы побольше слышать о Россіи. Я очень долго думалъ о томъ, какимъ бы образомъ узнать многое, дѣлающееся въ Россіи, живя въ Россіи. Разъѣздами по государству не много возьмешь: останутся въ головѣ только станціи да трактиры. Знакомства въ городахъ и деревняхъ тоже довольно трудны для разъѣзжающаго не по казенной надобности: могутъ принять за какого-нибудь шпіона, и пробрѣтешь развѣ только сюжетъ для комедіи, которой имя *безтолковщина*. Если-жъ узнаютъ, что разъѣзжающій есть и писатель вмѣстѣ, тогда положенье еще смѣшнѣе: половина читающей Россіи увѣрена серьезно, что я живу единственно для осмѣянья всего, что́ ни есть въ человѣкѣ, отъ головы до ногъ. А между тѣмъ никогда еще до сихъ поръ не чувствовалъ я такъ сильно потребности знать современное состояніе нынѣшняго русскаго человѣка,—тѣмъ болѣе, что теперь такъ разошлись всѣ въ образахъ мыслей, такъ вихорь недоразумѣній обуялъ всѣхъ, что никто не въ силахъ судить вѣрно другъ друга, и нужно какъ бы щупать собственною рукою всякую вещь, не довѣряя никому. Я не могъ быть безъ этихъ свѣдѣній. Нынѣ избранные характеры и лица моего сочиненія крупнѣй прежнихъ. Чѣмъ выше достоинство взятаго лица, тѣмъ ощутительнѣй, тѣмъ осязательнѣй нужно выставить его передъ читателемъ. Для этого нужны всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ; иначе оно станетъ идеальнымъ, будетъ блѣдно и, сколько ни навяжи ему добродѣтелей, будетъ все ничтожно. Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самаго тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и его собственное тѣло. Тогда только сливается онъ самъ съ своимъ героемъ и нечувствительно принимаетъ отъ него тѣ внушенія, которыхъ никакимъ разсужденьемъ и никакою проповѣдью не внушишь. Это полное воплощенье въ плоть, это полное округленье характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь

этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни, когда, содержа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ его все тряпье до малѣйшей булавки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ — когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у бо́льшей части русскихъ людей, то-есть, способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. Мнѣ всегда нужно было выслушать слишкомъ много людей, чтобы образовалось во мнѣ собственное мое мнѣніе, и тогда только мое мнѣніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не всѣхъ выслушаю и тороплюсь выводомъ, оно выходило только рѣзко и необыкновенно. Даже въ нынѣшней моей книгѣ: „Переписка съ друзьями“, въ которой многое походитъ на одни предположенія, собственно предположеній нѣтъ. Въ ней все выводы; но дѣло въ томъ, что одни выводы взяты изъ всѣхъ сторонъ дѣла и потому всѣмъ ясны, другіе изъ нѣкоторыхъ, не всѣмъ извѣстныхъ, и потому темны, а для многихъ кажутся даже и вовсе нелѣпицей. Вотъ отчего въ рѣдкомъ моемъ сочиненіи не встрѣчается рядомъ и зрѣлость и незрѣлость, и мужъ и ребенокъ, и учитель и ученикъ.

Итакъ, всего того, что́ мнѣ нужно, я не могъ достать. А не доставши его, мудрено ли, что я не могъ работать? Какъ воевать съ собою, если сдѣлался требователенъ къ самому себѣ? Какъ полетѣть воображеньемъ,—если-бъ оно и было,— если разсудокъ на всякомъ шагу задаетъ вопросъ: „зачѣмъ?“ Зачѣмъ случились многія такія обстоятельства, которыхъ я не признавалъ? Зачѣмъ мнѣ опредѣлено было не иначе пріобрѣсти познанье души человѣка, какъ произведя строгій анализъ надъ собственной душою? Зачѣмъ желаньемъ изобразить русскаго человѣка я возгорѣлся не прежде, какъ узнавши получше общіе законы дѣйствій человѣческихъ, а узналъ ихъ не прежде, какъ пришедши къ Тому, Кто одинъ вѣдатель и дѣйствій человѣческихъ, и всѣхъ малѣйшихъ нашихъ душевныхъ тайнъ?.. Зачѣмъ жажда знать душу человѣка такъ томила меня? Зачѣмъ, наконецъ, были такія обстоятельства, о которыхъ я не могу даже сказать, но которыя заставляли меня, противъ воли моей собственной, входить глубже въ душу человѣка? Зачѣмъ вѣнцомъ всѣхъ эстетическихъ наслажденій во мнѣ осталось свойство восхищаться красотой души человѣка вездѣ, гдѣ бы я ее ни встрѣтилъ? Зачѣмъ жажда знать душу человѣка такъ томила меня постоянно отъ дней моей юности? Опредѣлите мнѣ прежде, зачѣмъ все это произошло, и тогда спрашивайте: зачѣмъ я не могу писать того, что́ писалъ? Я старался дѣйствовать наперекоръ обстоятельствамъ и этому порядку, не отъ меня начертанному. Я пробовалъ нѣсколько разъ писать попрежнему, какъ писалось въ молодости, то-есть, какъ попало, куда ни поведетъ перо мое; но ничто не лилось на бумагу. Обрадовавшись тому, что расписался кое-какъ въ письмахъ къ моимъ знакомымъ и друзьямъ, я захотѣлъ тотчасъ же изъ этого сдѣлать употребленье, и едва только оправился отъ тяжкой болѣзни моей, какъ составилъ изъ нихъ книгу, постаравшись дать ей кое-какой порядокъ и послѣдовательность, чтобы она походила на дѣльную книгу, не размысливши того, что многое, обращенное къ нѣкоторымъ, общество приметъ на свой счетъ, особенно послѣ завѣщанья, обращеннаго къ лицу всѣхъ соотечественниковъ. Я боялся самъ разсматривать ея недостатки, а почти закрылъ глаза на нее, зная, что если разсмотрю я построже мою книгу, можетъ, она будетъ такъ же уничтожена, какъ я уничтожалъ „Мертвыя Души“ и какъ уничтожалъ все, что́ ни писалъ въ послѣднее время. Я думалъ, что этой книгой я хоть сколько-нибудь заплачу за долгое мое молчаніе, введу и объясню мое трудное положеніе, почему я не могъ писать въ это время, обращу вниманіе на практическое и на дѣло жизни. Я думалъ вслѣдъ ея заговорить о томъ, что́ раскроетъ предо мною побольше Русь, освѣжитъ, оживитъ меня и заставитъ меня взяться за перо. Не тутъ-то было: все обрушилось на меня упреками. Я услышалъ только толки о томъ, что́ не рѣшается толками. Руки мои опустились. Порывъ, который, мнѣ показалось, началъ было во мнѣ пробуждаться, погасъ, и я нечувствительно самъ собой пришелъ теперь къ тому вопросу, который я до сихъ поръ и не думалъ еще задавать въ себѣ: долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ писать? долженъ ли я оставаться на этомъ поприщѣ, отъ котораго въ послѣднее время такъ явно меня все отвлекало? Положимъ, если бы даже я въ силахъ былъ какъ-нибудь побѣдить себя, перо мое получило бы бѣглость и страницы полились непринужденно одна за другою—таково ли душевное состоянье мое, чтобы сочиненья мои были дѣйствительно въ это время полезны и нужны нынѣшнему обществу? Бросимъ взглядъ на нынѣшнее состояніе общества: благопріятно ли нынѣшнее время для писателя вообще и вслѣдъ за тѣмъ для такого писателя, какъ я?

Всѣ болѣе или менѣе согласились называть нынѣшнее время переходнымъ. Всѣ, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, нынѣ чувствуютъ, что міръ въ дорогѣ, а не у пристани, даже и не на ночлегѣ, не на временной станціи, или отдыхѣ. Все чего-то ищетъ, ищетъ уже не внѣ, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевѣсъ и надъ политическими, и надъ учеными, и надъ всякими другими

вопросами. И мечъ, и громъ пушекъ не въ силахъ занимать міръ. Вездѣ обнаруживается болѣе или менѣе мысль о внутреннемъ строеніи: все ждетъ какого-то болѣе стройнѣйшаго порядка. Мысль о строеніи, какъ себя, такъ и другихъ, дѣлается общею. Со всѣми замѣчательными, стоящими впереди другихъ людьми случились какіе-нибудь душевные внутренніе перевороты, съ иными даже въ такіе годы, въ какіе никогда невозможны были доселѣ перемѣны въ человѣкѣ и улучшенія. Всякъ болѣе или менѣе чувствуетъ, что онъ не находится въ томъ именно состояніи своемъ, въ какомъ долженъ быть, хотя и не знаетъ, въ чемъ именно должно состоять это желанное состояніе. Но это желанное состояніе ищется всѣми; уши всѣхъ чутко обращены въ ту сторону, гдѣ думаютъ услышать хоть что-нибудь о вопросахъ, всѣхъ занимающихъ. Никто не хочетъ читать другой книги, кромѣ той, гдѣ можетъ содержаться хотя намекъ на эти вопросы. Надобны ли въ это время сочиненія такого писателя, который одаренъ способностью творить, создавать живые образы людей и представлять ярко жизнь въ томъ видѣ, какъ она представляется ему самому, мучимому жаждой знать ее? Опредѣлимъ себѣ прежде, что такое тотъ писатель, котораго главный талантъ состоитъ въ творчествѣ.

Всѣ болѣе или менѣе согласны въ томъ, что писатель-творецъ творитъ твореньe свое въ поученье людей. Требованья отъ него слишкомъ велики—и справедливо: для того, чтобы передавать одну вѣрную копію съ того, что видишь передъ глазами, есть также другіе писатели, одаренные иногда въ высшей степени способностью живописать, но лишенные способности *творить*. Но кто создаетъ, кто трудится надъ этимъ долго, кому приходится дорого его созданіе, тотъ долженъ уже потрудиться недаромъ. Нужно, чтобы въ созданьи его жизнь сдѣлала какой-нибудь шагъ впередъ и чтобы онъ, постигнувши современность, ставши въ уровень съ вѣкомъ, умѣлъ обратно воздать ему за наученье себя наученьемъ его. Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣляютъ поэтовъ и вообще писателей, надѣленныхъ творчествомъ, эстетики какъ нынѣшняго времени, такъ и прежнихъ временъ. Возвратить людей въ томъ же видѣ, въ какомъ и взялъ, для писателя-творца даже невозможно: это дѣло сдѣлаетъ лучше его тотъ, кто, владѣя бѣглою кистью, можетъ рисовать всякую минуту все, что проходитъ предъ его глазами, не мучимый и не тревожимый внутри ничѣмъ.

Стало-быть, въ нынѣшнее время, когда всѣ такъ заняты вопросомъ жизни, такой писатель можетъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, быть разрѣшителемъ современныхъ вопросовъ; но когда и въ какомъ случаѣ? Въ такомъ случаѣ и тогда, когда ужъ онъ все разрѣшилъ себѣ, что ни тревожитъ его самого. Если онъ, при всѣхъ, великихъ дарахъ, при картинной живописи въ словѣ, при орлиной силѣ взгляда, при возносящей силѣ лиризма и поражающей силѣ сарказма, и пріобрѣтетъ полное познаніе земли своей и своего народа въ корнѣ и въ вѣтвяхъ, воспитается, какъ гражданинъ своей земли и какъ гражданинъ всего человѣчества, и какъ кремень станетъ во всемъ томъ, въ чемъ повелѣно быть крѣпкой скалой человѣку, тогда онъ выступай на поприще. Владѣя такими средствами, орудіями, станетъ подавать онъ обществу людей, потребныхъ ему въ нынѣшнее время, въ современную эпоху, и одѣнетъ ихъ портретною живописью, которая дѣлаетъ то, что изображенный образъ преслѣдуетъ насъ повсюду такъ, что нельзя и оторваться. Разумѣется, что съ такими средствами ему ничего не будетъ стоить выгнать изъ головъ всѣхъ тѣхъ героевъ, которыхъ напустили туда модные писатели. Заговори только съ обществомъ, намѣсто самыхъ жаркихъ разсужденій, этими живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей—и двери сердецъ растворятся сами навстрѣчу къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, хоть каплю почувствуютъ, что они взяты изъ нашей природы, изъ того же тѣла. Тогда, разумѣется, кто можетъ подѣйствовать нынѣ сильнѣй такого писателя, и кто можетъ быть болѣе его нужнымъ нынѣшнему времени и нынѣшней эпохѣ? Но если онъ, имѣя дѣйствительно нѣкоторыя изъ тѣхъ орудій, самъ еще не воспитался такъ, какъ гражданинъ земли своей и гражданинъ всемірный, если онъ, покорный общему нынѣшнему влеченію всѣхъ, самъ еще строится и создается, тогда ему даже опасно выходить на поприще: его вліяніе можетъ быть скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Это строеніе себя самого непремѣнно обнаружится во всемъ, что ни будетъ выходить изъ-подъ пера его. Чѣмъ онъ самъ менѣе похожъ на другихъ людей, чѣмъ онъ необыкновеннѣе, чѣмъ отличнѣе отъ другихъ, чѣмъ своеобразнѣе, тѣмъ больше можетъ произвести всеобщихъ заблужденій и недоразумѣній. То, что въ немъ есть не болѣе, какъ естественное явленіе, законный ходъ его необыкновеннаго организма, состояніе временное духа, можетъ показаться другимъ людямъ верховною точкою, до которой слѣдуетъ всѣмъ дойти. Чѣмъ больше одушевится онъ любовью къ героямъ и лицамъ своимъ, чѣмъ больше отдѣлаетъ, чѣмъ съ бо́льшею живостью выставитъ ихъ, тѣмъ больше вреда. Примѣръ тому въ глазахъ нашихъ. Извѣстная французская писательница, больше всѣхъ другихъ надѣленная талантами, въ немного лѣтъ произвела сильнѣйшее измѣненіе въ нравахъ, чѣмъ всѣ пи-

сатели, заботившіеся о развращеніи людей. Она, можетъ быть, и въ помышленіи не имѣла проповѣдывать развратъ, а обнаружила только временное заблужденіе свое, отъ котораго потомъ, можетъ быть, и отказалась, переступивши въ другую эпоху своего состоянія душевнаго; а слово уже брошено. *Слово какъ воробей,* говоритъ наша пословица: *выпустивши его, не схватишь потомъ.*

Я самъ писатель, не лишенный творчества; я владѣю также нѣкоторыми изъ тѣхъ даровъ, которые способны увлекать. Покорный общему стремленію, которое не отъ насъ, но совершается по волѣ Того..., я помышляю о своемъ собственномъ строеніи, какъ помышляютъ и другіе, и чувствую, что и теперь нахожусь далеко отъ того, къ чему стремлюсь, а потому не долженъ выступать. Самая вышедшая книга: „Переписка съ друзьями“ служитъ тому доказательствомъ. Если и эта книга, которая не болѣе, какъ разсужденіе, говорятъ, неопредѣлительностью своею производитъ заблужденія, распространяетъ даже ложныя мысли, если и изъ этихъ писемъ, говорятъ, остаются въ головѣ, какъ живыя картины, цѣликомъ фразы и страницы; что́ же бы было, если бы я выступилъ съ живыми образами повѣствовательнаго сочиненія намѣсто этихъ писемъ? Я самъ слышу, что я тутъ гораздо сильнѣй, чѣмъ въ разсужденіяхъ. Теперь еще можетъ меня оспаривать критика, а тогда врядъ ли бы въ силахъ былъ меня кто опровергнуть. Образы мои были соблазнительны и такъ застряли бы крѣпко въ головы, что критикамъ бы ихъ оттуда не вытащить. Не нужно упускать того изъ виду, что всѣ выставленныя лица и характеры должны были доказать истину моихъ собственныхъ убѣжденій, а мои убѣжденія... Какъ сравню эту книгу съ уничтоженными мною „Мертвыми Душами“, не могу не возблагодарить за насланное мнѣ внушеніе ихъ уничтожить. Въ книгѣ моихъ писемъ я все-таки стою на высшей точкѣ, нежели въ уничтоженныхъ „Мертвыхъ Душахъ“. Темнота выраженія во многихъ мѣстахъ сбиваетъ только читателя, но если бы пояснѣе выразилъ ту же самую мысль, со мною бы многіе перестали спорить. Въ уничтоженныхъ „Мертвыхъ Душахъ“ гораздо больше выражалось моего переходнаго состоянія, гораздо меньшая опредѣлительность въ главныхъ основаніяхъ и мысль двигательнѣй, а уже много увлекательности въ частяхъ, и герои были соблазнительны. Словомъ — какъ честный человѣкъ, я долженъ бы оставить перо, даже и тогда, если бы дѣйствительно почувствовалъ позывъ къ нему. На это дѣло слѣдуетъ взглянуть благоразумно. Всѣ тѣ, которые легкомысленно требуютъ отъ меня продолженія писать и въ то же время бранятъ мою нынѣш[нюю книгу], должны, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣть поближе все это дѣло и не пропустить всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ не пропускаетъ никакой судья, если только произносить надъ кѣмъ-либо судъ свой. Мнѣ кажется, что теперь не только тотъ, кто пишетъ, но всякій умъ вообще, если только наклоненъ къ тому, чтобы дѣлать выводы и заключенія, а самъ въ то же время еще..., долженъ удержаться отъ дѣятельности. Изъ людей умныхъ должны выступать на поприще только тѣ, которые кончили свое воспитаніе и создались, какъ граждане земли своей, а изъ писателей только такіе, которые, любя Россію такъ же пламенно, какъ тотъ, который далъ себѣ названіе Луганскаго, козака, умѣютъ по слѣдамъ его живописать природу, какъ она есть, не скрывая ни дурного, ни хорошаго въ русскомъ и руководствуясь единственно желаньемъ ввести всѣхъ въ дѣйствительное положеніе русскаго человѣка.

Мнѣ, вѣрно, потяжелѣй, чѣмъ кому-либо другому, отказаться отъ писательства, когда это составляло единственный предметъ всѣхъ моихъ помышленій, когда я все прочее оставилъ, всѣ лучшія приманки жизни и, какъ монахъ, разорвалъ связи со всѣмъ тѣмъ, что́ мило человѣку на землѣ, затѣмъ, чтобы ни о чемъ другомъ не помышлять, кромѣ труда своего. Мнѣ не легко отказаться отъ писательства: однѣ изъ лучшихъ минутъ въ жизни моей были тѣ, когда я наконецъ клалъ на бумагу то, что́ выносилось долговременно въ моихъ мысляхъ; когда я и до сихъ увѣренъ, что едва ли ли есть высшее изъ наслажденій, какъ наслажденіе *творить*. Но, повторяю вновь, какъ честный человѣкъ, я долженъ положить перо даже и тогда, если бы чувствовалъ позывъ къ нему.

Не знаю, достало ли бы у меня честности это сдѣлать, если бы не отнялась у меня способность писать; потому что,—скажу откровенно,—жизнь потеряла бы для меня тогда вдругъ всю цѣну, и не писать для меня совершенно значило бы то же, что́ не жить. Но нѣтъ лишеній, вослѣдъ которымъ намъ не посылается замѣна, въ свидѣтельство того, что ни на малое время не оставляетъ человѣка Создатель. Сердце ни на минуту не остается пусто и не можетъ быть безъ какого-нибудь желанія. Какъ земля, на время освобожденная отъ пашни, износитъ другія травы, покуда вновь не обратится подъ пашню, оплодотворенная и удобренная ими, такъ и во мнѣ, какъ только способность писать меня оставила, мысли какъ бы сами вновь возвратились къ тому, о чемъ я помышлялъ въ самомъ дѣтствѣ. Мнѣ захотѣлось служить, въ какой бы ни было, хотя на самой мелкой и незамѣтной должности, но служить землѣ своей, такъ служить, какъ я хотѣлъ

нѣкогда, и даже гораздо лучше, нежели я нѣкогда хотѣлъ. Мысль о службѣ меня никогда не оставляла. Я примирился и съ писательствомъ своимъ только тогда, когда почувствовалъ, что на этомъ поприщѣ могу также служить землѣ своей. Но и тогда, однакоже, я помышлялъ, какъ только кончу большое сочиненіе, вступить, по примѣру другихъ, въ службу и взять мѣсто. Планы мои и виды были только горды и заносчивы. Мнѣ казалось, что если только доказать, что я точно знаю русскаго человѣка въ корнѣ и въ существенныхъ его началахъ, какъ въ тѣхъ, которыя обнаружены всѣмъ, такъ равно и въ тѣхъ, которыя въ немъ покуда скрыты и видны не для всѣхъ, что знаю душу человѣка не по книгамъ и разсказамъ, но по опыту, влекомый отъ младенчества желаніемъ знать человѣка; то мнѣ дадутъ такое мѣсто, гдѣ я буду въ соприкосновеніи съ людьми разныхъ сословій, съ многими людьми въ соприкосновеніи личномъ, а не посредствомъ бумагъ и канцелярій, — гдѣ я могу употребить съ дѣйствительною пользой мое знаніе человѣка, и гдѣ могу быть полезнымъ многимъ людямъ, а для себя самого пріобрѣсти еще бо́льшее познаніе человѣка. Мнѣ казалось, что больше всего страждетъ все на Руси отъ взаимныхъ недоразумѣній, и что больше намъ нуженъ всякій такой человѣкъ, который бы, при нѣкоторомъ познаніи души и сердца и при нѣкоторомъ знаніи вообще, проникнутъ былъ желаніемъ истиннымъ мирить. Я видѣлъ и уже испыталъ, какъ личнымъ переговоромъ и объясненіемъ прекращать можно было много такихъ дѣлъ, которыя никогда не оканчиваются на бумагѣ. Я думалъ, что хоть теперь и нѣтъ такихъ мѣстъ, но что я получу послѣ того, какъ выйдетъ вполнѣ мое сочиненіе, и приготовлялъ уже въ мысляхъ и самый проектъ, въ которомъ намѣревался изъяснить, какъ вслѣдствіе тѣхъ способностей, какія у меня есть, я могу быть нуженъ и полезенъ Россіи. Замыслы мои были горды, но такъ какъ они были основаны только на успѣхѣ моего сочиненія, то и упали вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оставила меня способность производить созданія поэтическія. Теперь въ глазахъ моихъ всѣ должности равны, всѣ мѣста равно значительны, отъ малаго до великаго, если только на нихъ взглянешь значительно, и мнѣ кажется, что если только хотя сколько-нибудь умѣешь цѣнить человѣка и понимать его достоинство, которое въ немъ бываетъ даже и среди множества недостатковъ, и если только при этомъ хоть сколько-нибудь имѣешь истинно-христіанской любви къ человѣку и, въ заключеніе, проникнутъ точно любовью къ Россіи,—то, мнѣ кажется, на всякомъ мѣстѣ можно сдѣлать много добра. Сила вліянія нравственнаго выше всякихъ силъ. Мѣсто и должность сдѣлались для меня, какъ для плывущаго по морю пристань и твердая земля. Я убѣжденъ, что теперь всякому, кто пламенѣетъ желаніемъ добра, кто русскій и кому дорога честь земли Русской, должно..... также брать многія мѣста и должности въ государствѣ, съ такой же ревностью, какъ становился нѣкогда изъ насъ всякъ въ ряды противъ непріятелей спасать родную землю, потому что неправда велика и много опозорила. Съ другой стороны я убѣжденъ, что мѣсто и должность нужны для самого себя, для.... Какъ ни бурно нынѣшнее время, какъ ни мятутся и ни волнуются вокругъ умы, какъ ни возмущаетъ тебя собственный умъ твой; но можно остаться среди всего этого въ тишинѣ, если съ тѣмъ именно возьмешь свое мѣсто, чтобы на немъ исполнить долгъ такимъ образомъ, чтобы не стыдно было дать и за который дашь отвѣтъ Небу. Какъ бы то ни было, но жизнь для насъ уже не загадка. Она была тогда загадка, когда умнѣйшіе изъ людей, отъ мыслителей до поэтовъ, надъ ней задумывались и приходили только къ сознанію, что не знаютъ, что́ такое жизнь. Но когда Одинъ, всѣхъ наиумнѣйшій, сказалъ твердо, не колеблясь никакимъ сомнѣніемъ, что Онъ знаетъ, что́ такое жизнь; когда этотъ Одинъ признанъ всѣми за величайшаго человѣка изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ, даже и тѣми, которые не признаютъ въ Немъ Его божественности, тогда слѣдуетъ повѣрить Ему на слово, даже и въ такомъ случаѣ, если бы Онъ былъ просто человѣкъ. Стало-быть, вопросъ рѣшенъ: что́ такое жизнь?

Этого мало. Намъ данъ полнѣйшій законъ всѣхъ дѣйствій нашихъ,—тотъ законъ, котораго не можетъ стѣснить или остановить никакая власть, который можно внести даже въ тюремныя стѣны, но котораго, однакожъ, нельзя исполнять на воздухѣ: нужно для того стоять хоть на какомъ-нибудь земномъ грунтѣ. Находясь въ должности и на мѣстѣ, все-таки идешь по дорогѣ; не имѣя опредѣленнаго мѣста и должности, идешь черезъ кусты и овраги, какъ попало, хотя и та же цѣль. По дорогѣ итти легче, нежели безъ дороги. Если взглянешь на мѣсто и должность, какъ на средство къ достиженію не цѣли земной, но цѣли небесной, во спасеніе своей души—увидишь, что законъ, данный Христомъ, данъ какъ бы для тебя самого, какъ бы устремленъ лично къ тебѣ самому, затѣмъ, чтобы ясно показать тебѣ, какъ быть на своемъ мѣстѣ во взятой тобою должности. Христіанину сказано ясно, какъ ему быть съ высшими, такъ что если хотя немного онъ изъ того исполнитъ, всѣ высшіе его полюбятъ. Христіанину сказано ясно, какъ ему быть съ тѣми, которые его пониже, такъ что если хотя отчасти онъ это

исполнитъ, всѣ низшіе ему предадутся всею душой своей. Всю эту всемірность человѣколюбиваго закона Христова, все это отношеніе человѣка къ человѣчеству можетъ изъ насъ перенести всякъ на свое небольшое поприще. Стóитъ только всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми происходятъ у насъ частыя непріятности наищекотливѣйшія, обратить именно въ тѣхъ самыхъ ближнихъ и братьевъ, которыхъ повелѣваетъ больше всего прощать и любить Христосъ. Стóитъ только не смотрѣть на то, какъ другіе съ тобою поступаютъ, а смотрѣть на то, какъ самъ поступаешь съ другими. Стóитъ только не смотрѣть на то, какъ тебя любятъ другіе, а смотрѣть только на то, любишь ли самъ ихъ. Стóитъ только, не оскорбляясь ничѣмъ, подавать первому руку на примиренье. Стóитъ поступать такъ въ продолженіе небольшого времени, и увидишь, что и тебѣ легче съ другими, и другимъ легче съ тобою, и въ силахъ будешь точно произвести много полезныхъ дѣлъ почти на незамѣтномъ мѣстѣ. Труднѣй всего на свѣтѣ тому, кто не прикрѣпилъ себя къ мѣсту, не опредѣлилъ себѣ, въ чемъ его должность: ему труднѣй всего примѣнить къ себѣ законъ Христовъ, который на то, чтобы исполняться на землѣ, а не на воздухѣ; а потому и жизнь должна быть для него вѣчной загадкой. Предъ нимъ узникъ въ тюрьмѣ имѣетъ преимущество: онъ знаетъ, что онъ узникъ, а потому и знаетъ, что́ брать изъ закона. Предъ нимъ нищій имѣетъ преимущество: онъ тоже при должности, онъ нищій, а потому и знаетъ, что́ брать изъ закона Христова. Но человѣкъ, не знающій, въ чемъ его должность, гдѣ его мѣсто, не опредѣлившій себѣ ничего и не остановившійся ни на чемъ, пребываетъ ни въ мірѣ, ни внѣ міра, не узнаетъ, кто ближній его, кто братья, кого нужно любить, кому прощать (весь міръ не полюбишь, если не начнешь прежде любить тѣхъ, которые стоятъ поближе къ тебѣ и имѣютъ случай огорчить тебя): онъ ближе всѣхъ къ холодной черствости душевной.

Итакъ, послѣ долгихъ лѣтъ и трудовъ, и опытовъ, и размышленій, идя видимо впередъ, я пришелъ къ тому, о чемъ уже помышлялъ во время моего дѣтства: что назначенье человѣка—служить и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято мѣсто въ земномъ государствѣ затѣмъ, чтобы служить на немъ Государю Небесному, и потому имѣть въ виду Его законъ. Только такъ служа, можно угодить всѣмъ: государю, и народу, и землѣ своей.

Увѣрившись въ этомъ, я уже готовъ былъ жадно взять всякую должность, хотя, соображаясь съ своими способностями, старался выбрать такую, которая продолжала бы практически знакомить съ русскимъ человѣкомъ, чтобы, если возвратится мнѣ способность писать, набрались у меня матеріалы. Одною изъ главныхъ причинъ моего путешествія къ Святымъ Мѣстамъ было желанье искреннѣе помолиться и испросить благословеній на честное исполненіе должности, на вступленіе въ жизнь у Самого Того, Кто открылъ намъ тайну жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда проходили стопы Его; поблагодарить за все, что́ ни случилось въ моей жизни; испросить дѣятельности и напутственнаго освѣженія на дѣло, для котораго я себя воспитывалъ и къ которому приготовлялъ себя. Тутъ я не нахожу ничего страннаго, если и ученикъ, по окончаніи своего ученья, спѣшитъ сказать благодарственное слово учителю. Если сынъ спѣшитъ на могилу отца передъ тѣмъ, какъ предстоитъ ему поприще; почему же и мнѣ не поклониться той могилѣ, которой поклоняются всѣ, на которой всѣ получаютъ себѣ какое-нибудь напутствіе, гдѣ вдохновляются всѣ, даже и не поэты? Странно, можетъ быть, то, что я объ этомъ сказалъ въ печатной книгѣ; но я въ то время только-что оправился отъ тяжкой болѣзни. Я былъ слабъ; я не думалъ, что буду въ силахъ совершить это путешествіе. Мнѣ хотѣлось, чтобы помолились обо мнѣ тѣ, которыхъ вся жизнь стала одною молитвой. Я не зналъ, какъ сдѣлать, чтобы голосъ мой достигнулъ въ глубину келій и стѣнъ затворниковъ, въ мысли, что авось кто-либо изъ прочитавшихъ донесетъ мое слово. Я просилъ обо мнѣ и другихъ молиться, потому что не зналъ, чья молитва изъ насъ угоднѣй Тому, Кому мы всѣ молимся. Знаю только то, что напрезрѣннѣйшій изъ насъ можетъ завтра же сдѣлаться лучше всѣхъ насъ, и его молитва будетъ всѣхъ ближе къ Богу. За это не слѣдовало бы меня много осуждать, а выполнить, помня слова: *просящему дай*.

Какъ случилось, что я долженъ обо всемъ входить въ объясненія съ читателемъ, этого я самъ не могу понять. Знаю только то, что никогда, даже съ наинскреннѣйшими пріятелями, я не хотѣлъ изъясняться насчетъ сокровеннѣйшихъ моихъ помышленій. Я рѣшился твердо не открывать ничего изъ душевной своей исторіи, выносить всякія заключенія о себѣ, какія бы не раздавались, въ увѣренности, что когда выйдетъ второй и третій томъ „Мертвыхъ Душъ“, все будетъ объяснено ими и никто не будетъ дѣлать запроса: что́ такое самъ авторъ? хотя авторъ и долженъ былъ весь спрятаться за своихъ героевъ. Но, начавши нѣкоторыя объясненія по поводу моихъ сочиненій, я долженъ былъ неминуемо заговорить о себѣ самомъ, потому что сочиненія связаны тѣсно съ дѣломъ моей души. Богъ вѣсть, можетъ быть, и въ этомъ была также воля Того, безъ воли Котораго ничто не дѣлается на свѣтѣ;

можетъ быть, произошло это именно затѣмъ, чтобы дать мнѣ возможность взглянуть на себя самого. Мнѣ легко было почувствовать нѣкоторую гордость, особенно послѣ того, какъ удалось мнѣ дѣйствительно избавиться отъ многихъ недостатковъ. Эта гордость во мнѣ бы жила безпрестанно, и ея бы мнѣ никто не указалъ. Извѣстно, что достаточно пріобрѣсти въ обращеніяхъ съ людьми нѣкоторую ровность характера и снисходительность, чтобы заставить ихъ уже не замѣчать въ насъ нашихъ недостатковъ. Но, когда выставившись передъ лицо незнакомыхъ людей, передъ лицо всего свѣта, и разберутъ по питкѣ всякое твое дѣйствіе, всякій поступокъ, и люди всѣхъ возможныхъ убѣжденій, предубѣжденій, образовъ мыслей взглянутъ на тебя каждый по-своему, и посыплются со всѣхъ сторонъ упреки впопадъ и невпопадъ, ударятъ и съ умысломъ, и невзначай по всѣмъ чувствительнымъ струнамъ твоимъ — тутъ поневолѣ взглянешь на себя съ такихъ сторонъ, съ какихъ бы никогда на себя не взглянулъ; станешь въ себѣ отыскивать тѣхъ недостатковъ, которыхъ никогда бы не вздумалъ прежде отыскивать. Это та страшная школа, отъ которой или точно свихнешь съ ума, или поумнѣешь больше, чѣмъ когда-либо. Не безъ стыда и краски въ лицѣ я перечитываю самъ многое въ моей книгѣ, но при всемъ томъ благодарю Бога, давшаго мнѣ силы издать ее въ свѣтъ. Мнѣ нужно было имѣть зеркало, въ которое бы я могъ глядѣться и видѣть получше себя, а безъ этой книги врядъ ли бы я имѣлъ это зеркало. Итакъ, замышленная отъ искренняго желанія принести пользу другимъ, книга моя принесла прежде всего пользу мнѣ самому.

Но да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно полезности ея другимъ. Точно ли безполезна моя книга другимъ и особенно обществу въ его нынѣшнемъ, современномъ видѣ? Мнѣ кажется, всѣ судившіе ее взглянули на нее какими-то широкими глазами, какъ-то уже слишкомъ сгоряча. Нужно было судить о ней похладнокровнѣе. Вмѣсто того, чтобы выступать ратниками за все общество и вызывать меня на судъ передъ всю Россію, нужно было разсмотрѣть дѣло проще, разсмотрѣть книгу, что́ такое она въ своемъ основаніи, а не останавливаться надъ частями и подробностями прежде, чѣмъ объяснился вполнѣ внутренній смыслъ ея. Отъ этого вышли пустыя придирки къ словамъ и приписанье многому такого смысла, который мнѣ никогда и въ умъ не могъ придти.

Начать съ того, что я всегда имѣлъ право сказать о томъ, о чемъ говорилъ въ моей книгѣ, если бы только выразился попроще и поприличнѣе. Учить общество въ томъ смыслѣ, какой нѣкоторые мнѣ приписали, я вовсе не думалъ. *Учить* я принималъ въ томъ простомъ значеніи, въ какомъ повелѣваетъ намъ Церковь учить другъ друга и безпрестанно, умѣя съ такой же охотой принимать и отъ другихъ совѣты, съ какой подавать ихъ самому. А я былъ готовъ въ то время принимать и отъ другихъ совѣты. Я не представлялъ себѣ общества школой, наполненной моими учениками, а себя его учителемъ. Я не всходилъ съ моей книгой на каѳедру, требуя, чтобы всѣ по ней учились. Я пришелъ къ своимъ собратьямъ, соученикамъ, какъ равный имъ ученикъ; принесъ нѣсколько тетрадей, которыя успѣлъ записать со словъ Того же Учителя, у Котораго мы всѣ учимся; принесъ на выборъ, чтобы всякій взялъ, что́ кому придется. Тутъ были письма, писанныя къ людямъ разныхъ характеровъ, разныхъ склонностей, и притомъ находившихся на разныхъ степеняхъ своего собственнаго душевнаго состоянія, которыя никакъ не могли приттиться равно всѣмъ. Я думалъ, что каждый схватитъ только, что́ нужно ему, а на другое не обратитъ вниманія. Я не думалъ, что иной, схвативши то, что́ нужно для другого, будетъ кричать: „Это мнѣ не нужно!“ и сердиться за то. Я никакой новой науки не брался проповѣдать. Какъ ученикъ, кое въ чемъ успѣвшій больше другого, я хотѣлъ только открыть другимъ, какъ полегче выучивать уроки, которые даются намъ наилучшимъ Учителемъ. Я думалъ, что, по прочтеніи книги, будетъ мнѣ сказано: „Благодарю тебя, собратъ“, а не: „Благодарю тебя, учитель“. Если бы не „завѣщаніе“, которое я помѣстилъ довольно неосторожно, въ которомъ намекалъ о поученіи, которое обязанъ дать всякій авторъ поэтическими созданіями своими, никто бы и не вздумалъ мнѣ приписывать этого апостольства, несмотря даже на рѣшительный слогъ и нѣкоторую лирическую торжественность рѣчи. Но въ книгѣ моей отыщетъ много себѣ полезнаго всякъ, кто уже глядитъ въ собственную душу свою.

Что́ же касается до мнѣнія, будто книга моя должна произвести вредъ, съ этимъ не могу согласиться ни въ какомъ случаѣ. Въ книгѣ, несмотря на всѣ ея недостатки, слишкомъ явно выступило желанье добра. Несмотря на многія неопредѣлительныя и темныя мѣста, главное видно въ ней ясно и, послѣ чтенія ея приходишь къ тому же заключенію, что верховная инстанція всего есть Церковь и разрѣшенье вопросовъ жизни — въ ней. Стало-быть, во всякомъ случаѣ, послѣ книги моей читатель обратится къ Церкви, а въ Церкви встрѣтитъ и учителей Церкви, которые укажутъ, что́ слѣдуетъ ему взять изъ моей книги для себя, а, можетъ быть, дадутъ ему, помѣсто моей книги, другія позначительнѣе,

полезнѣе и для которыхъ онъ оставитъ мою книгу, какъ ученикъ бросаетъ склады, когда выучится читать по верхамъ.

Въ заключеніе всего я долженъ замѣтить: сужденья большею частію были слишкомъ ужъ рѣшительны, слишкомъ рѣзки, и всякъ, укорявшій меня въ недостаткѣ смиренья истиннаго, не показалъ смиренья относительно меня самого. Положимъ, я въ гордости своей, основавшись на многихъ достоинствахъ, мнѣ приписанныхъ всѣми, могъ подумать, что я стою выше всѣхъ и имѣю право произносить судъ надъ другимъ. Но, на чемъ основываясь, могъ судить меня рѣшительно тотъ, кто не почувствовалъ, что онъ стоитъ выше меня? Какъ бы то ни было, но чтобы произнести полный судъ надъ чѣмъ бы то ни было, нужно быть выше того, котораго судишь. Можно дѣлать замѣчанія по частямъ на то и на другое, можно давать и мнѣнія, и совѣты; но выводить, основываясь на этихъ мнѣніяхъ, обо всемъ человѣкѣ, объявлять его рѣшительно помѣшавшимся, сошедшимъ съ ума, называть лжецомъ и обманщикомъ, надѣвшимъ личину набожности, приписывать подлыя и низкія цѣли—это такого рода обвиненія, которыхъ я бы не въ силахъ былъ взвести даже на отъявленнаго мерзавца, который заклейменъ клеймомъ всеобщаго презрѣнія. Мнѣ кажется, что прежде, чѣмъ произносить такія обвиненія, слѣдовало бы хоть сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о томъ, каково было бы намъ самимъ, если бы такія обвиненія обрушились на насъ публично, въ виду всего свѣта. Не мѣшало бы подумать прежде, чѣмъ произносить такое обвиненіе: „Не ошибаюсь ли я самъ? Вѣдь я тоже человѣкъ. Дѣло здѣсь душевное. Душа человѣка—кладязь, не для всѣхъ доступный, и на видимомъ сходствѣ нѣкоторыхъ признаковъ нельзя основываться. Часто и наискуснѣйшіе врачи принимали одну болѣзнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрѣзывали уже мертвый трупъ". Нѣтъ, въ книгѣ: „Переписка съ друзьями", какъ ни много недостатковъ во всѣхъ отношеніяхъ, но есть также въ ней много того, что́ не скоро можетъ быть доступно всѣмъ. Нечего утверждаться на томъ, что прочелъ два или три раза книгу: иной и десять разъ прочтетъ, и ничего изъ этого не выйдетъ. Для того, чтобы сколько-нибудь почувствовать эту книгу, нужно имѣть или очень простую и добрую душу, или быть слишкомъ многостороннимъ человѣкомъ, который, при умѣ, обнимающемъ со всѣхъ сторонъ, заключалъ бы высокій поэтическій талантъ и душу, умѣющую любить полною и глубокою любовью.

Не могу не признаться, что вся эта путаница и недоразумѣніе были для меня очень тяжелы, тѣмъ болѣе, что я думалъ, что въ книгѣ моей скорѣй зерно примиренья, а не раздора. Душа моя изнемогла бы отъ множества упрековъ: изъ нихъ многіе были такъ страшны, что не дай ихъ Богъ никому получать! Не могу не изъявить также и благодарности тѣмъ, которые могли бы также осыпать меня за многое упреками, но которые, почувствовавъ, что ихъ уже слишкомъ много для немощной натуры человѣка, рукой скорбящаго брата приподымали меня, повелѣвая ободриться. Богъ да вознаградитъ ихъ! Я не знаю выше подвига, какъ подать руку изнемогшему духомъ.

Писано въ 1847 г.

РАЗНЫЯ СТАТЬИ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ, 1) не вошедшія въ первое изданіе «Сочиненій Гоголя», 2) напечатанныя послѣ смерти. (1834—1852).

ПРОГРАММА ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Такъ какъ учебный годъ состоитъ изъ двухъ полугодичныхъ курсовъ, то я полагаю приличнымъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ раздѣлить на двѣ части: *до крестовыхъ походовъ* и *послѣ крестовыхъ походовъ*. Итакъ,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

До крестовыхъ походовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Отъ разрушенія Западной Имперіи до Карла и Гарунъ-аль-Рашида.

Прежде всего необходимо разсмотрѣть статистическое состояніе Западной Имперіи за 50 лѣтъ до ея разрушенія; механизмъ правленія ея; силы и средства; состояніе войскъ; образъ управленія дальнихъ и ближнихъ провинцій; состояніе христіанства; образъ мыслей того времени; вліяніе наукъ; вліяніе варваровъ, занимавшихъ первыя должности въ государствѣ. Средства для защиты. Невозможность существованія Имперіи и причины разрушенія ея.

Потомъ силы и средства дикихъ и свѣжихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ варваровъ. Невозможность отраженія ихъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Причины и силы, побуждавшія ихъ къ нападенію; вліяніе характера ихъ, ихъ обычаевъ, образа жизни.

Состояніе Италіи по занятіи ея герулами. Состояніе бывшихъ провинцій Имперіи: Франціи, Испаніи, Англіи, Швейцаріи, Германіи подъ распоряженіемъ новыхъ властелиновъ. Въ чемъ состояло различіе правленія отъ римскихъ намѣстниковъ.

Время царствованія Ѳеодорика и вліяніе его на Европу. Нравы, законы, постановленія новыхъ народовъ. Различные виды феодализма у франковъ, алеманновъ, бургундовъ, готовъ. Что происходитъ между тѣмъ въ уцѣлѣвшей Восточной имперіи. Завоеванія Юстиніановы и составленіе греческаго Э зархата. Образъ управленія Экзархатомъ. Причины появленія ломбардовъ въ Италіи и завоеваніе Экзархата и другихъ земель Италіи. Мѣры восточныхъ императоровъ къ удержанію Экзархата. Причины бунтовъ въ Римѣ и хитрые поступки первыхъ папъ къ возвышенію своего достоинства.

Возрастаніе силы франковъ правленіемъ палатныхъ меровъ. Стараніе папъ воспользоваться могуществомъ меровъ и съ помощью ихъ утвердить власть свою надъ Римомъ. Опасенія, произведенныя въ Европѣ появленіемъ аравитянъ. Разсмотрѣніе этого новаго народа, разсмотрѣніе его отечества — Аравіи. Какое вліяніе имѣла чудная и ужасная страна ихъ. Обстоятельства и причины, вдохнувшія въ нихъ такой сверхъестественный энтузіазмъ. Разсмотрѣніе новой религіи: ея духъ и сила, ея вліяніе. Быстрыя завоеванія аравитянъ въ Азіи, въ Африкѣ и наконецъ въ Европѣ; завоеваніе Испаніи и встрѣча съ франками. Франція подъ правленіемъ короля Пипина; его постановленія и перемѣны.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Вѣкъ аравійскаго просвѣщенія отъ Карла и Гарунъ-аль-Рашида до крестовыхъ походовъ.

Періодъ I. Вѣкъ аравійскаго просвѣщенія.

1. Быстрое преобразованіе аравитянъ изъ завоевателей въ просвѣтители. Способность къ этому арабовъ. Вліяніе, произведенное правленіемъ Гарунъ-аль-Рашида. Характеръ правленія его. Характеръ арабовъ того времени. Аравійская роскошь. Арабскіе философы. Состояніе наукъ и искусствъ. Направленіе арабскихъ познаній. Арабская архитектура. Статистическое состояніе государства Гарунова.

Управленіе Западомъ императора Карла Великаго. Его войны. Его цѣль и намѣренія. Характеръ его правленія. Противоположность его государства государству Гаруна. Европейскія силы. Медленное теченіе просвѣщенія. Вліяніе Карла Великаго.

2. Время раздѣленія, разстройства и разрушенія двухъ великихъ силъ въ мірѣ — арабской и франковъ. Безсильные наслѣдники Карла. Начертанія и намѣренія Карловы стираются ими, и новые герцоги и графы становятся почти независимыми отъ короля. Упадокъ государства Гарунова. Средства, употребляемыя къ отвращенію сего: войска изъ турокъ. Силы, произведшія паденіе: слабость калифовъ, отдѣленіе независимыхъ владѣльцевъ, новые секты и расколы и тѣ же турецкія войска. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ калифатовъ въ Аравіи. Возрождающійся блескъ калифата въ Испаніи.

Періодъ II. Время норманскихъ набѣговъ.

Эпоха появленія норманновъ. Ихъ происхожденіе. Изображеніе сѣвера Европы и отечества ихъ—Скандинавіи и вліяніе, которое могла имѣть на нихъ дикая сѣверная

природа. Сила дикой религіи ихъ. Ихъ нравы, обычаи. Причины, побудившія ихъ оставить сѣверныя . . . . . Образъ войны и нападеній ихъ. Ужасъ въ Европѣ, производимый ихъ нападеніями; вторженія ихъ во Францію, въ Англію; встрѣча съ Альфредомъ; мудрыя распоряженія этого госуларя къ отраженію и польза, принесенная государству. Составленіе войскъ въ Европѣ изъ норманновъ; путешествованія ихъ въ Константинополь на службу греческимъ императорамъ. Состояніе тогдашней Восточной Имперіи. Завоеванія ихъ въ Россіи и основаніе княжествъ.

Отдѣленіе и возвышеніе Германіи. Отонъ провозглашается Западнымъ императоромъ и становится первымъ лицомъ въ Европѣ. Выгоды, доставленныя папамъ императорами. Внутреннее управленіе Германіи. Причины постепеннаго пріобрѣтенія духовенствомъ вліянія и власти въ государствахъ. Бенедиктинскія аббатства. Степень невѣжества, варварства и суевѣрія. Обращеніе генуэзскихъ утесовъ и венеціанскаго болотца въ удобное жительство для промышленности.

Періодъ III. Время споровъ между императоромъ и папою.

Состояніе Германіи при малолѣтнихъ государяхъ. Вліяніе папской политики въ Европѣ. Намѣреніе и планы Гильдебранта освободить духовенство отъ власти государей и подчинить своей. Причины, побудившія его къ этому. Гильд братова цѣль и орудія. Новыя строгія и становленія для духовенства. Власть императора совершенно пересиливается папскою. Замѣчательныя происшествія въ остальной Европѣ. Англія сильно и упорно осаждается нормандскими кесарями. Правленіе датчанина Канута. Деспотизмъ Вильгельма Завоевателя и ниспроверженіе прежнихъ законовъ и нравовъ англосаксовъ.

Усилившаяся власть турокъ и первыя стычки съ войсками константинопольскаго императора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки и сокрушенія папской власти.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

До окончанія крестовыхъ походовъ и появленія монголовъ.

Періодъ I. Первый крестовый походъ.

Причины и естественность этого необыкновеннаго явленія, соединившаго народы Европы въ одно. Первый крестовый—порожденіе одного чистаго энтузіазма безъ всякихъ посторонних цѣлей и корыстолюбія. Стихіи, составлявшія это вооруженіе, средства, образъ войны. Состояніе силы королевства Іерусалимскаго. Острова христіанскіе среди . . . и невозможность удержаться среди магометанскихъ сосѣдей, между которыми грознѣе другихъ становится Саладинъ, и по поводу сего составленіе крестоваго похода.

2-й крестовый — съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ большими еще силами, но уже съ корыстолюбивыми и политическими видами папъ. Препятствія со стороны грековъ, туркокъ, моровыхъ повѣтрій, климата и истребленіе войскъ Конрадомъ и Людовикомъ VII. Паденіе Іерусалима во власть Саладина и вліяніе этого событія на Европу, возбудившаго энтузіазмъ, месть и третій крестовый походъ.

3-й походъ вооруженъ подъ начальствомъ Филиппа Августа и Ричарда, разстроившаго Англію. Присоединеніе къ прежнимъ препятствіямъ, останавливавшимъ успѣхи крестоносцевъ, несогласія ихъ предводителей. Папа выигрываетъ одинъ. Всеобщее рвеніе охладѣваетъ, къ сожалѣнію, немногихъ ревностныхъ энтузіастовъ, рѣшающихся составить братства, независимыя общества, мимо условій гражданскихъ. Положеніе, права и вліяніе этихъ обществъ—рыцарскихъ орденовъ. Еще нѣсколько крестовыхъ походовъ поднимается, но уже главная цѣль не та. Освобожденіе гроба Христа только предлогъ; но завоеваніе Константинополя, Египта, и страсть къ странствованіямъ приманиваетъ крестоносцевъ. Послѣднее неудачное предпріятіе Людовика IX.

Слѣдствія крестовыхъ походовъ, состоящія—первое, въ соединеніи и сближеніи народовъ Европы между собою и отъ того взаимная шлифовка и образованіе; путешествія и странническая жизнь и отъ того расширеніе свѣдѣній о мірѣ и людяхъ. Перенесеніе восточныхъ нравовъ, обычаевъ, аравійскаго просвѣщенія и византійскаго и отъ того—происхожденіе рыцарства, новой готической архитектуры, облагороженной арабскою. Облегченіе участи людей военныхъ въ 4-хъ . . . , долгое время не видавшихъ своихъ грозныхъ повелителей; захватываніе духовенствомъ многихъ свѣтскихъ владѣній и размноженіе нищенствующихъ монаховъ: францискановъ, доминиканцевъ, августиновъ, кармелитовъ, трубадуровъ, ро..... и проч.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

До сокрушенія папской власти.

Періодъ I. Время завоеваній монгольскихъ и верховнаго величія папы.

Происхожденіе народовъ монгольскихъ. Изображеніе средней Азіи. Ея недоступность и вліяніе на обитавшіе въ ней народы. Первоначальная религія, образъ жизни, характеръ, страсти монголовъ. Средства, давшія возможность Чингисъ-Хану сдѣлаться ихъ верховнымъ повелителемъ. Разлитіе войскъ Чингисъ-Хановыхъ тремя полосами: одна объ..... Китай, Корею и, кажется, Японію; другая протекаетъ Россію и Польшу; взглядъ на тогдашнее состояніе Россіи, не имѣвшей возможности противиться имъ. Третія обращаетъ въ пепелъ цвѣтущій югъ Азіи, овладѣваетъ Багдадомъ, Персіей, Индіей. Раздѣленіе огромнаго монгольскаго государства на многія и причины кратковременности.

Обозрѣніе всемірной монархіи папъ. Средства къ увеличенію власти [папъ]—постоянствомъ и мудростью. Деспотическое правленіе Иннокентія III; введеніе новыхъ положеній въ церковь и страшной инквизиціи. Безжалостные поступки съ европейскими владѣтелями. Намѣреніе папъ истребить весь Швабской домъ императоровъ, оказавшихъ упорство; войны Гвельфовъ и Джибеллиновъ.

Ослабленіе феода... Въ какомъ видѣ является Европа и слѣдствія крестовыхъ походовъ. Венеція вдругъ показывается передъ глазами всей Европы сильнѣйшею своимъ богатствомъ и всемірною торговлею, и выводитъ за собою другія республики: Геную и Флоренцію. Остальная Италія—гнѣздилище заговоровъ, интригъ, бунтовъ и отъ того образовавшійся хитрый, мстительный, ... характеръ итальянцевъ. Города болѣе или менѣе возвышаются торговлей. Вся морская торговля захвачена Венеціей, сухопутная Ганзейскимъ союзомъ, постоянно останавливая покушенія быстро образовавшагося португальскаго ..... перехватить торговлю.

Формы управленія обработываются основательно въ Германіи. Государи мимо папскаго покровительства становятся сильнѣе, потому что получаютъ мало по малу непосредственное управленіе народомъ, благодаря крестовымъ походамъ, истребившимъ множество сильныхъ вассаловъ. Во Франціи Филиппъ-Августъ и Людовикъ кладутъ крѣпкое основаніе монархической власти; возрастаетъ вдругъ до

неограниченной власти волею страннаго и мудраго тирана Людовика XI; и совершенное униженіе феодализма. Испанія освобождается совершенно отъ магометанъ и посредствомъ браковъ совокупляется въ одну монархію. Монархи глубокою религіозностью облекаютъ свою власть и дѣлаютъ ее неограниченною. Австрійскій домъ, тоже посредствомъ браковъ, усиливается и непомѣрно превышаетъ прочихъ германскихъ феодаловъ. Все сливается въ крупныя массы. Всеобщее усиліе поднять гражданъ и унизить феодаловъ. Въ Англіи—парламентъ и депутаты. Вотъ причины ослабленія феодализма.

Время покушеній на низверженіе папскаго ига.

Избраніе разомъ двухъ папъ, и раздоры отъ этого объемлютъ Европу и ослабляютъ всеобщее мнѣніе. Университеты, алхимики и начало возрождающихся знаній быстро помогаютъ тому и приготавливаютъ Европу къ всеобщему взрыву. Объ азъ преподаванія, вліяніе ихъ на Европу. Алхимики; вліяніе занятій ихъ. Суевѣріе, раздуваемое нищенствующими монахами; ихъ корыстолюбіе и жадность. Первое негодованіе противъ нихъ и противъ множества несправедливыхъ положеній. Богемія извергаетъ первыхъ реформаторовъ; костры и мщеніе папъ и слѣдствія этого.

Писано въ 1834 г.

БИБЛІОГРАФІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Источники для исторіи среднихъ вѣковъ трехъ родовъ:

Одни, обнимающіе вполнѣ всѣ событія, — собственно всеобщія исторіи среднихъ вѣковъ.

2. Отдѣльныя исторіи государствъ, событій и язленій среднихъ вѣковъ.

3. Современныя лѣтописи, матеріалы, требующіе ученой разработки.

Что касается до первыхъ, то ихъ очень немного. Почти нѣтъ такого сочиненія, которое бы представило полную исторію среднихъ вѣковъ въ строгомъ порядкѣ и планѣ, съ высокою художественною отдѣлкою и вообще съ достоинствами совершенно классическаго созданія. Причинъ тому необыкновенное обиліе и разнообразіе предметовъ, изъ которыхъ сложена средняя исторія, обнять которыхъ вполнѣ почти невозможно и требуетъ глубокаго многосторонняго генія. Однакоже, многими исполненными таланта и большихъ свѣдѣній, были сдѣланы попытки, замѣчательныя и важныя во многихъ отношеніяхъ, для исторіи среднихъ вѣковъ. Прежде всего должно упомянуть о Гиббонѣ, котораго «Исторія упадка римской имперіи», —сочиненіе, означенное глубокою ученостью, увлекательною силою повѣствованія и многостороннимъ умомъ, — первая проложила путь для созданія исторіи среднихъ вѣковъ, объяснила и открыла начала ея еще въ нѣдрѣ древняго міра.—Гизо въ своей «Исторіи европейской цивилизаціи» раскрылъ первоначальныя стихіи гражданственности среднихъ вѣковъ и сдѣлалъ много изслѣдованій въ отношеніи ..... Сочиненіе Гюльмана «Исторія городовъ въ средніе вѣки» исполнено съ необыкновенною отчетливостію и бросаетъ свѣтъ на всю средину средней исторіи — на сильнѣйшій пунктъ ихъ гражданственнаго развитія. Исторія Галлама, подъ названіемъ: «Европа въ средніе вѣки», замѣчательна въ отношеніи конституціонныхъ перемѣнъ. Исторія средняя Демишеля, которой вышло два тома, показываетъ въ авторѣ много начитанности, вмѣщаетъ много фактовъ, но не имѣетъ высокаго единства и достоинствъ историка. Его «Сокращеніе средней исторіи», изданное въ одной книгѣ, вмѣщаетъ почти всѣ событія, хотя въ сухомъ и сжатомъ видѣ. Присоединивъ сюда исторію среднюю Лудена, замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ «Записки» (Іоанна) миллера, можно окончить небольшой итогъ собственно всеобщихъ исторій среднихъ вѣковъ.

Итакъ, чтобы обширнѣе и полнѣе узнать средніе вѣки, непремѣнно нужно прибѣгнуть къ источникамъ второго рода — къ отдѣльнымъ исторіямъ государствъ и событій. Этимъ источниками средняя исторія очень богата. Начнемъ по порядку съ каждаго государства.

Исторія среднихъ вѣковъ Италіи разработана съ большею отчетливостью, нежели исторія другихъ государствъ. Причина: въ Италіи жизнь ученаго была нераздѣльна съ жизнью государственною; историки ея большею частію сами были участниками въ политическихъ переворотахъ своихъ государствъ. Отъ того въ ихъ сочиненіяхъ обстоятельнѣе являются тогдашнія отношенія, удовлетворительнѣе опредѣлены (всѣ) элементы дѣятельной жизни. Изъ сочиненій, относящихся къ общей исторіи Италіи, болѣе всего замѣчательны два сочиненія Муратори: Scriptores rerum Italicarum и Antiquitati (sic!) Italicae medii aevi, раскрывающія ясно существованіе городовъ и республикъ итальянскихъ въ средніе вѣки. Кромѣ того исторію Италіи среднихъ вѣковъ обработывали: Денина (Rivoluzioni d'Italia), оба Вильяни, Гвичіардини и наконецъ изъ новѣйшихъ Симонъ Сисмонди [Histoire des républiques Italiennes au moyen âge]. Сверхъ того въ Италіи каждое государство и городъ имѣетъ своихъ историковъ. Такъ, исторію Венеціи обработывали Андрей Навагіеро, Марино Сануто, Барцони, Петръ Бембо и другіе, а въ послѣдующее время графъ Дарю, котораго «Исторія Венеціи» есть очень удовлетворительное сочиненіе. Исторію Генуи писали Жюстиніа и, Уберто Фоліето; Флоренціи—Сципіонъ Аммирато и особенно Махіавель; Неаполя — Жіанонъ, Доминико Дегравіана; Сіены — Орландо Малавольти и проч. Исторію и жизнеописаніе папъ писали Брюи, Боверъ, Анастазій и множество другихъ; собственно же церковную исторію—Орзи, Райнальди, Флёри, Мозгеймъ.

Исторія Франціи была обработываема въ разныя времена вполнѣ и по частямъ, но эпоха ея началась съ XIX столѣтія. Изъ принесшихъ ей болѣе услугъ нужно замѣтить слѣдующихъ: Гизо, развившій очень много новаго въ отношеніи къ феодальнымъ временамъ Франціи и въ отношеніи ко всей средней исторіи въ двухъ сочиненіяхъ: Histoire de la civilisation de France и Essais sur l'histoire de France; Сисмонди (полнѣйшая исторія); Тьери, бросившій много замѣчательныхъ мыслей въ своемъ сочиненіи: «Lettres sur l'histoire de France», Капфигъ (издавшій нѣсколько сочиненій о разныхъ эпохахъ Франціи), Барантъ (Исторію герц. бург.), Мишель, Мишеле и другіе.

Исторія Англіи можетъ похвалиться историками сильнаго таланта: Юмомъ, Робертсономъ, отчасти Галламомъ въ его «Конституціонной исторіи Англіи», Лингартомъ и особенно Тіери въ его «Исторіи завоеванія Англіи норманнами».

Исторія Испаніи обширнѣйшая и полнѣйшая другихъ— Маріяна; кромѣ того занимались ею Кардонъ, Биглондъ и проч.

Исторію Германіи обработывали Струвіусъ, Шмитъ, Людепъ, Менцель и Раумеръ (въ своей «Исторіи Гогенштауфеновъ»).

Швейцарія имѣетъ полную исторію свою въ сочиненіи Іоанна съ Мюллера,—сочиненіи, исполненномъ великаго историческаго достоинства.

Исторія византійская состоитъ изъ безпрерывной хроники, веденной современными лѣтописцами. Замѣчательные изъ нихъ: Зонара, Кедринъ и др.; по искусству изложенія: Прокопій, Константинъ Багрянородный, Анна Комнина. Но сочиненіе, которое болѣе всего можетъ представить въ ясномъ видѣ все существованіе византійской имперіи, это есть—сочиненіе Гиббона.

Исторіей аравитянъ занимались многіе ученые, хотя совершенно полной и удовлетворительной до сихъ поръ нѣтъ. Изъ арабскихъ писателей замѣчателенъ Абулфеда

и Абулгараджъ. Изъ европейскихъ древнѣйшій—Гербелотъ («Восточная Библіотека»); извѣстный оріенталистъ—Гаммеръ, Оклай, Карѣонъ, Мильцъ и др.

Исторія сѣверной Европы болѣе всего разработана геніальными трудами Шлецера; Швеція имѣетъ очень (полную и) обширную исторію Олофа Далина.

Сверхъ этихъ сочиненій, отдѣльно изданныхъ, нужно упомянуть еще о большихъ собраніяхъ исторій разныхъ государствъ, предпринимаемыхъ съ середины XVIII столѣтія разными учеными обществами. Изъ нихъ лучшая — Гальская «Всемірная исторія» въ 70 томахъ, а нынѣ издающаяся подъ именемъ «Исторія европейскихъ государствъ» (еще не оконченная).

Слѣдуетъ упомянуть о сочиненіяхъ, которыя обнимали только нѣкоторыя явленія и событія среднихъ вѣковъ. Такъ, напримѣръ, исторія крестовыхъ походовъ имѣла многихъ писателей; изъ нихъ замѣчательнѣе Геренъ (О вліяніи крестовыхъ походовъ), Мишо (Bibliographie des croisades). Кромѣ того замѣчательны: «Исторія рыцарства» Сентъ-Пале, «Исторія ганзейскихъ городовъ» Сарторіуса, «Исторія инквизиціи» Морента, «Исторія состоянія римскаго права въ средніе вѣки» Савиньи и др.

Третій разрядъ источниковъ собственно лѣтописи, веденныя епископами, монахами, обыкновенными историками среднихъ вѣковъ. Они большею частію находятся неизданныя, въ рукописяхъ, въ ученыхъ архивахъ европейскихъ столицъ; болѣе всего находится въ Парижѣ—въ Королевской Библіотекѣ, много въ Ватиканѣ и, относительно народовъ славянскихъ, въ Имп. Пуб. Библіотекѣ въ Петербургѣ и др. Были предпринимаемы попытки издать ихъ, но полныхъ хорошихъ собраній доселѣ не было. Во Франціи Гизо предпринялъ изданіе всѣхъ французскихъ лѣтописцевъ, начиная отъ Григорія Турскаго и до средины XIII вѣка; но это изданіе еще до сихъ поръ не вышло. Датское «Общество» издало нѣсколько сагъ и эддъ норманскимъ, объясняющихъ начало сѣверной исторіи.

Сверхъ всѣхъ указанныхъ источниковъ, важны для среднихъ вѣковъ, относительно духа времени, жизни частной, сочиненія, относящіяся не прямо къ исторіи; какъ-то: частныя біографіи, извѣстія о состояніяхъ тогдашнихъ искусствъ, ремеслъ, наукъ и проч.

Сюда можно включить также созданія поэтическія, выражающія вѣрно минувшій бытъ народный: историческія баллады, народныя пѣсни, которыми особенно богата христіанская Испанія, Шотландія, народы славянскіе, — народы, терпѣвшіе большія потрясенія и не имѣвшіе гражданскаго образованія. Сюда можно отнесть памятники и развалины временъ феодальныхъ, которыхъ множество находится по Рейну, Дунаю, въ Испаніи, Италіи, Франціи и вообще въ государствахъ, гдѣ жизнь и начала образованности гражданской долго боролись съ неукротимымъ не[illegible].

Писано около 1834 г.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I.

Взглядъ на состояніе римской имперіи въ послѣднее время ея существованія и на причины, произведшія разрушеніе ея.

Всѣ извѣстные народы и земли къ концу древняго міра были совокуплены въ одну монархію—римскую. Ее составляли греки, сиріяне, египтяне, карѳагеняне, всѣ эллинскіе и малоазійскіе и другіе народы, давно утратившіе свою національность и свой прежній образъ въ политическихъ потрясеніяхъ и переворотахъ, и народы, еще не начинавшіе образованной и политической жизни,—народы европейскіе: галлы, бритты и другіе. Политическія тѣла, образованныя этими націями, составляли: 1) придворные, преданные интригамъ, неразлучнымъ съ серальнымъ правленіемъ государства, 2) честолюбивые и корыстолюбивые правители провинцій, поступавшіе съ ними, какъ съ арендами, 3) люди, занятые торговлей, всемірные граждане, равнодушные къ выгодамъ націи, 4) ученые и философы, погруженные въ занятія, совершенно отвлеченныя отъ жизни, 5) сибариты, равнодушные ко всему кромѣ своихъ чувственныхъ наслажденій и жизни совершенно частной, 6) народъ, почти вездѣ находившійся въ состояніи рабства подъ деспотизмомъ сатраповъ, вовсе не входившій въ связь государственную. Словомъ, ничто не обнаруживало въ нихъ здравой политической связи и прочной государственной жизни. Изъ такихъ частей составилась римская имперія. Всѣ эти части, не имѣя въ себѣ ничего цѣлаго, никакой связи, тѣмъ менѣе могли составить во взаимномъ соединеніи общее цѣлое.

Націю преобладающую составляли римляне, — народъ, проведшій суровую воинственную жизнь, съ простыми республиканскими, грубыми и мужественными доблестями, еще не имѣвшій времени и не достигшій развитія жизни гражданственной. Все, что заимствовалъ онъ у побѣжденныхъ народовъ, было блестящее и наружное — роскошь, безъ утонченнаго образа мыслей, понятій и жизни этихъ народовъ. Онъ сократилъ свой собственный переходъ и, не испытавъ мужества, прямо изъ юношескаго состоянія перешелъ къ старости. Отсюда — жадность къ богатству, къ мѣстамъ и почестямъ, доставлявшимъ богатство; спорящіе правители провинцій, консулы, сражающіеся за богатыя земли и верховную власть въ республикѣ; наконецъ совершенная невозможность республиканской формы правленія.

Управленіе такою имперіею могло быть только въ рукѣ одного, и съ оружіемъ въ рукахъ. Это было осуществлено императоромъ Августомъ. Осторожный и опытный умъ его ввелъ правленіе совершенно военное: увеличилъ войска, установилъ префектовъ съ правомъ давать высшій судъ въ городахъ, которые имѣли свою представительность и продолжали управляться своими магистратами; провелъ военныя дороги, разставилъ войска во всѣхъ мѣстахъ имперіи, завелъ четыре флота: равенскій, мизенскій, понтійскій и юліевъ, и такимъ образомъ облекъ имперію въ самовластное и твердое управленіе. Слабость, недостатокъ душевной твердости послѣдующихъ кесарей, оглушенныхъ приливомъ роскоши и страшнаго изобилія имперіи, ихъ серальная жизнь была причиною, что образъ правленія Августа обратился въ деспотизмъ. Начальники преторіанскаго войска увидѣли наконецъ, что имѣютъ власть низводить и свергать императоровъ. Императоры для утвержденія своего стали употреблять два опасныя средства—льстить войску и усыплять чернь зрѣлищами и раздачею денегъ. Отсюда ввелась въ Римъ ужасная праздность, искоренившая всѣ правила въ народѣ, жажда къ наслажденіямъ настоящимъ, начиная отъ двора до низшихъ сословій. Правители богатыхъ провинцій, восточныхъ, африканскихъ, европейскихъ, думали только о своемъ обогащеніи: эгоизмъ сдѣлался всеобщимъ, и жизнь эпикурейская стала выраженіемъ всего общества. Политеизмъ обезсиленный, давно сокрушенный въ своихъ началахъ, исполнялся только наружно. Философія лишилась практическаго примѣненія къ жизни, обременилась терминами, сухими изложеніями и осталась въ школахъ. Мистицизмъ, суевѣріе и даже колдовство воцарились въ нѣдрѣ этого странно-смѣшаннаго общества. Весь міръ римскій обратился въ какое-то усыпленіе, жизнь, преданную настоящему, не означавшуюся никакими сильными порывами. Отнятіе оружія у гражданъ имперіи отняло у нихъ все самочувствіе и унизило духъ ихъ. Уже

войска не набирались изъ южныхъ изнѣженныхъ провинцій; но ограничивались Галліей, Испаніей и вообще сѣверной Европой.

Христіанство произвело сильное внутреннее движеніе и потрясло многосложный составъ имперіи. Христіанство было принято низшимъ сословіемъ, угнетеннымъ, безотвѣтнымъ. Принявшіе его имѣли другія обязанности, другую власть и вовсе отдѣлились отъ языческаго правительства, и такимъ образомъ положено было начало разъединенію государственныхъ стихій; гоненія еще болѣе усилили это разъединеніе. Между тѣмъ правленіе, чѣмъ далѣе, становилось менѣе исполненнымъ твердости и связи: уничтоженіе престолонаслѣдованія, быстрыя перемѣны императоровъ и безсильная ничтожная жизнь ихъ,—словомъ, всѣ элементы, означающіе паденіе; и если, что спасало всемірную имперію, то это неизмѣримая ея огромность и недостатокъ внѣшнихъ силъ, могущихъ дѣйствовать наступательно.

Между тѣмъ изъ-за Рейна и Дуная начинались небольшія нападенія на границы,—нападенія народовъ, нѣкогда трепетавшихъ римскаго оружія. Эти нападенія заставили римскихъ императоровъ почти всѣ войска изъ внутри государства обратить на границы. Потребность безопасности и охраненія границъ такого необъятнаго государства требовала увеличенія войскъ. Увеличеніе войскъ произвело непомѣрные налоги и подати. Механизмъ правленія становился сложнѣе и сложнѣе. Императоръ Константинъ наконецъ рѣшился произвести сильный переворотъ; переворотъ въ образѣ мыслей—торжественнымъ принятіемъ христіанства; переворотъ въ правленіи—преобразованіемъ имперіи въ четыре великія провинціи: восточную, иллирійскую, гальскую, итальянскую, подъ начальствомъ четырехъ префектовъ съ властью почти неограниченною (безъ апелляцій); переворотъ въ состояніи государства—установленіемъ другой столицы, въ Византіи. Принятіе христіанства, спасительное для всего міра, производитъ въ Римѣ противоположное дѣйствіе: языческій, эпикурейскій, изнѣженный образъ мыслей римлянъ, не достигшій высокихъ правилъ христіанства, произвелъ безконечные споры, занявшіе все государство, образовавшіеся въ партіи, равнодушныя къ жизни и выгодамъ государственнымъ.

Установленіе четырехъ неограниченныхъ префектовъ отдаляетъ провинціи отъ непосредственной зависимости императора и вручаетъ ихъ болѣе власти правителей. Установленіе другой столицы и пребываніе въ ней императора поселяетъ незамѣтное начало политическаго раздѣла между восточными и западными провинціями. Гоненія, воздвигнутыя на язычниковъ, пробудили усыпленную жизнь внутри государства и взаимное сильное ожесточеніе между гражданами и заставили Константина вызвать войска, находившіяся на границахъ, и размѣстить ихъ во внутрь государства для прекращенія мятежей. И такимъ образомъ границы имперіи остались открытыми для нападеній. Императоръ Юліанъ новымъ переворотомъ увеличилъ всеобщее разстройство. Ненависть къ прежнему правительству, утѣснявшему его въ юности, заставляла его дѣйствовать совершенно противоположно. Введеніемъ язычества онъ ожесточилъ еще болѣе внутреннюю борьбу уже слишкомъ потрясенной монархіи. Стремленіе европейскихъ варваровъ, накопившихся вслѣдствіе разныхъ переворотовъ еще въ большемъ количествѣ, становится сильнѣе; правленіе такимъ обширнымъ тѣломъ—рѣшительно невозможнымъ при такихъ обстоятельствахъ. И Ѳеодосій, твердымъ характеромъ правленія своего сдержавшій на время его существованіе, рѣшился передъ смертію произвесть новый переворотъ раздѣленіемъ имперіи на восточную и западную,—раздѣленіемъ, давшимъ новое средство и силы европейскимъ варварамъ ее разрушить. Но слѣдуетъ теперь обратиться къ народамъ, причинившимъ ея паденіе.

II.

О ДВИЖЕНІЯХЪ НАРОДОВЪ ГЕРМАНСКИХЪ, ПРИЧИНИВШИХЪ РАЗРУШЕНІЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Вся неримская Европа заселена двумя великими семействами народовъ: германскимъ и славянскимъ. Народы германскіе занимали западъ, народы славянскіе — востокъ. Эти двѣ части Европы совершенно противоположны одна другой: восточная — вся изъ равнинъ и большею частію открытыхъ пространствъ; западная пересѣкается множествомъ горъ, рѣкъ, лѣсовъ, вся состоитъ изъ рубежей. Это имѣло разительное вліяніе на образованіе двухъ великихъ поколѣній народовъ.

Восточно-славянская половина долго оставалась неузнанною для римлянъ, давшихъ ей имя Сарматіи. Западно-германская половина, близостью границъ къ Риму, стала узнаваться ранѣе и наконецъ обратила къ себѣ всю дѣятельность римлянъ. Римляне уже различали разныя наименованія племенъ. По Дунаю они встрѣчали гермундуровъ, квадовъ, маркоманновъ, по Рейну, отъ устья и до впаденія его въ море: вангіоновъ, трибоковъ, неметовъ, матіаковъ, убіевъ, тенктеровъ, узипетровъ и наконецъ батавовъ и фризовъ, въ срединѣ Германіи: хатовъ, херусковъ (обитателей Гарца), фозовъ, сигамбровъ, бруктеровъ, ангриваріевъ, хазуаріевъ и на востокѣ, въ пограничности съ Европой славянской, свевовъ. Это были племена германскія, которыхъ можно привесть въ одно подъ именемъ обожателей Туиста или Тевта, сына Герты.

Племена по морю Балтійскому сдѣлались извѣстными римлянамъ уже послѣ. Ихъ можно назвать племенами Одиновыми, по имени чтимаго ими героя. Они были: саксоны, кимвры (голштины), готы, ругіи, бургунды, ломбарды и герулы. Гдѣ же Европа славянская граничила съ германскою, находились племена, носившія въ себѣ смѣсь двухъ поколѣній. Такимъ образомъ въ вандалахъ, ругіяхъ, свевахъ замѣтно много славянскаго.

Всѣ эти германскія племена имѣли фамильное между собою сходство и рѣзко отличались физическимъ образованіемъ своимъ отъ народовъ южныхъ. Они были хорошо сложены, имѣли свѣтлые глаза и волосы и атлетическую крѣпость членовъ. Всѣ они находились на грубой степени нравственнаго развитія и пребывали долго въ одинаковомъ положеніи по причинѣ дикости страны, отсутствія образованныхъ сосѣдей, образа жизни и занятій.

Жили они разсѣянно, племенами. Иногда племена соединялись въ конфедеративныя общества, но безъ всякаго пожертвованія свободою или имуществомъ. Вся связь состояла въ собраніяхъ при новолуніи или полнолуніи, предсѣдаемыхъ старѣйшинами, жрецами и бардами. Вожди имѣли только власть во время войны; одна личная храбрость возводила его въ это достоинство, оставшееся потомъ навсегда въ его фамиліи; власть его состояла въ исполненіи всеобщаго желанія, доходы — подарки, которые изъ уваженія къ его храбрости присылали ему племена.

Дикое положеніе Европы съ лѣсами и суровымъ климатомъ должны были вдохнуть имъ склонность къ войнѣ. Эта склонность была велика. Подвиги, сила и искусство владѣть оружіемъ были единственною ихъ цѣлію. Храбраго окружали всегда дружины, которыя составлялись иногда въ значительномъ количествѣ и почти никогда не бросали оружія. Время безъ войны посвящалось звѣриной охотѣ и праздности. Поля обработывались рабами и не обращались въ постоянную собственность; но каждый годъ бросаемый жребій перемѣнялъ владѣльцевъ.

Жилища ихъ были землянки, или хижины изъ высушенной на солнцѣ грязи, обыкновенно на берегу рѣки или на рубежѣ лѣса; одежда—звѣриныя кожи. Ихъ пиршества вокругъ пылающихъ дубовъ, на которыхъ они опивались своимъ ячменнымъ напиткомъ или римскимъ виномъ, окан-

чивались междоусобными бранями и нападеніями на сосѣдей. Азартная игра, въ которую проигрывали они себя и семейства свои, показывала слѣпую стремительность воли ихъ дикой природы. Преступленія у нихъ были трусость и пороки, происходившіе отъ слабости души.

Религія ихъ, какъ народа не вполнѣ осѣдлаго, была односложна. Прославившійся битвами получалъ по смерти божескую почесть, и первый вождь ихъ Тевтъ, сынъ Герты, былъ главное божество. Будущая жизнь въ Валгалѣ составляла продолженіе битвъ и подвиговъ; нѣкоторыя божества были потомъ переняты отъ римлянъ.

Такое воинственное развитіе германскихъ племенъ было очень опасно Риму, гдѣ обиліе роскоши, доставленной насильственнымъ образованіемъ, произвело уже слишкомъ сильное разслабленіе нравственное и физическое. Въ продолженіе четырехъ вѣковъ римляне употребляли разныя средства защищенія: ссорили между собою германскихъ вождей, подкупали ихъ, дѣйствовали оружіемъ и хитростью. Адріянъ, Маркъ Аврелій и Каракалла силою оружія потѣснили ихъ далѣе за Рейнъ и Дунай. Эти пораженія заставили племена и отдѣльныя дружины вождей германскихъ соединяться въ большіе союзы, изъ которыхъ прежде показалось соединеніе племенъ придунайскихъ подъ именемъ алемановъ, потомъ прирейнскихъ подъ именемъ франковъ. Съ этихъ поръ движенія ихъ имѣли болѣе единства, а потѣсненіе съ сѣвера сдѣлало нападенія ихъ еще стремительнѣе.

Потрясеніе, произведшее первое большое движеніе народовъ, было сдѣлано племенами Одиноваго происхожденія и прежде всего готами, долго, до того времени, безпокойно блуждавшими въ странахъ Скандинавіи, прибалтійскихъ и финскихъ. Подъ предводительствомъ вождей своихъ они повернули на востокъ, вытѣснивъ прежде вандаловъ и свевовъ, и вступили въ обширныя равнины Европы славянской; неудерживаемые преградами мѣстоположенія ни упорствомъ славянскихъ племенъ, они распространились по всему славянскому востоку и утвердили власть отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Тревожили римско-дунайскія провинціи, пиратствовали на Черномъ морѣ и Босфорѣ и опустошали Малую Азію. Ихъ было три отдѣленія: на востокъ отъ Днѣпра — остроготы, на западъ — визиготы и еще западнѣе — гепиды, тоже готская вѣтвь. Это переселеніе произвело то, что многія племена прибалтійскія показались въ срединѣ Европы, и римляне уже изъ нихъ начали принимать на жалованье въ свои войска, а между тѣмъ франки опустошили части Галліи.

Новый переворотъ произвелъ новое движеніе и всеобщую перемѣну мѣстъ. Переворотъ этотъ произведенъ уже силою азіатскою. Гунны, народъ монголо-калмыцкаго образованія, вслѣдствіе разныхъ переворотовъ въ Средней Азіи, изгнаны къ Каспійскому морю и откочевываютъ оттуда въ славянскую Европу. Сильною конницею, новостью и дикостью своихъ на аденій испровергли обширную власть готовъ и столѣтняго короля ихъ Германриха, утвердивъ на ихъ земляхъ свое владычество. Большая часть визиготовъ и столѣтняго короля ихъ Германриха, утвердивъ на ихъ земляхъ свое владычество. Большая часть визиготовъ съ вождями своими, не желая покориться, выпросили позволенія императора Валенса перейти Дунай съ условіемъ принять аріанство. Они поселились въ двухъ Мизіяхъ, но, недовольные поступками императорскихъ намѣстниковъ, опустошительно прошли владѣніе императора до Адріанополя и умертвили его. Тогда же были сдѣланы нападенія на имперію западную отъ алеманъ и другихъ племенъ, сдвинутыхъ съ мѣстъ своихъ.

Необходимость защиты противъ гунновъ, противъ бунтовавшихъ правителей, противъ императоровъ-самозванцевъ, были причиною, что Имперія терпѣла въ нѣдрѣ своемъ эти дикія орды, завала имъ привилегіи и употребляла въ войска.

Въ это время произошло важное событіе собственно въ римскомъ мірѣ. Императоръ Ѳеодосій, благоразуміемъ и твердостью характера поддержавшій во все время своего царствованія угрожаемую со всѣхъ сторонъ Имперію, наконецъ раздѣлилъ ее между двумя несовершеннолѣтними сыновьями. Восточная, съ греческимъ населеніемъ, утонченною роскошью, ученостью и теологическими спорами досталась старшему—Аркадію; западная, съ преобладаніемъ римскаго населенія, уже мѣшавшимся съ народами варварскими, видѣвшая въ границахъ своихъ когорты германскихъ народовъ, — Гонорію. Верховный надзоръ былъ порученъ Стиликону, зятю императора, происхожденіемъ вандалу, но обладавшему большими достоинствами правителя и полководца. Воспитатель Аркадія Руфимъ, подъ именемъ слабаго государя своего, управлялъ востокомъ: жадностью, скупостью, тиранствомъ и отвлеченіемъ Аркадія отъ верховнаго попечителя Стиликона, жившаго въ Римѣ, онъ вызвалъ его на мщеніе и былъ по тайному его приказанію умерщвленъ. Безспльнаго Аркадія окружили другіе любимцы, разстроившіе Имперію, и открыли поле дѣйствія визиготамъ и честолюбивому вождю ихъ Алариху, который съ толпами своими опустошилъ Ѳракію, Македонію, разрушилъ многіе віотійскіе и пелопоннезскіе города, но былъ разбитъ пришедшимъ на помощь Стиликономъ, обратился на Эпиръ и оттуда заставилъ устрашеннаго императора избрать себя начальникомъ имъ же ограбленныхъ провинцій съ титломъ военачальника иллирійской префектуры. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ вестготы провозгласили его своимъ королемъ.

Облеченный этою двойственною властью, тайно вспомоществуемый византійскимъ дворомъ, Аларихъ обратился на Италію,—Италію, выставившую всѣ войска свои подъ начальствомъ Стиликона защищать Ретію отъ нападенія алемановъ. Онъ безпрепятственно опустошилъ итальянскія провинціи и осадилъ Гонорія въ Миланѣ и потомъ въ Асти, куда императоръ бѣжалъ изъ Милана. Прибывшій Стиликонъ освободилъ своего государя, разбилъ Алариха при Поленціи (403); хитростью, угрозами и снисхожденіемъ заставилъ его удалиться изъ Италіи съ титломъ генерала Гоноріева. Съ этого времени Римъ былъ оставленъ императорами. Гонорій для безопасности перенесъ резиденцію свою въ Равенну, снабженную выгоднымъ портомъ, укрѣпленіями и неприступными болотами.

Между тѣмъ племена свевовъ, а съ ними вандаловъ и другихъ народовъ, предводимые вождемъ своимъ Родогастомъ, перешли тирольскія Альпы и ринулись въ Италію, но, отраженные Стиликономъ, остановились на время между Дунаемъ и Альпами, и, усилившись племенами аланъ и бургундовъ, устремились на Галлію, опрокинули союзныхъ Риму рипуарскихъ франковъ, ограбили Майнцъ, опустошили Галлію, гдѣ бунтовали римскіе правители, и прошли Испанію, наполнивъ ея цвѣтущія провинціи дикими своими толпами. Такимъ образомъ, Испанія населилась свевами, вандалами, аланами. Въ это время Имперія лишилась послѣдней своей защиты: обвиняемый въ честолюбивыхъ видахъ на императорскую корону, Стиликонъ былъ умерщвленъ по повелѣнію слабодушнаго Гонорія. Этимъ скоро воспользовался Аларихъ и вступилъ со своими визиготами снова въ Италію, взялъ голодомъ Римъ, провозгласилъ городового префекта Приска Отала императоромъ; но, склоненный льстивыми обѣщаніями Гонорія, свергъ Отала. Раздраженный вѣроломствомъ Гонорія, взялъ въ третій разъ всемірную столицу, обратилъ цѣлыя толпы жителей въ рабовъ и уже располагалъ отплыть въ Африку для завладѣнія богатыми римскими провинціями, но на этомъ намѣреніи постигла его смерть (въ 411). Гонорій и равенскій дворъ льстивыми обѣщаніями, отдачею руки дочери Ѳеодосія и сестры Гонорія Плацидіи, умѣли преклонить новаго предводителя визиготовъ Атольфа и отправить его въ Галлію противъ возставшихъ одинъ за

другимъ похитителей (Константина, потомъ Іовина), которымъ не въ силахъ былъ противиться храбрый Констансъ. Партія цезарей-самозванцевъ была уничтожена Атольфомъ, и Констансъ искусно умѣлъ избавиться его вліянія, направивъ силы его въ Испанію противъ свевовъ, аланъ и вандаловъ. Тамъ началась долгая борьба между варварскими народами, въ продолженіе которой сильно опустошены римскіе города въ Испаніи, совершенно истреблены алане, прогнаны въ горы астуріи и свевы, сильно прижаты къ морю вандалы, а король визиготовъ Валлія, провозглашенный послѣ убитаго Атольфа, простеръ свои владѣнія по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ: въ южной Франціи и сѣверовосточной Испаніи, между тѣмъ какъ Констансъ съ согласія императора позволилъ бургундамъ (въ 415) поселиться въ земляхъ въ юго-восточной части Франціи и южной Германіи.

При такомъ положеніи дѣлъ умеръ Гонорій. Плацидія, дочь Ѳеодосія, прежде супруга Атольфа, потомъ Констансова, вступила въ правленіе подъ именемъ малолѣтняго императора Валентіана III, своего сына, раздѣляя попечительную власть свою съ двумя сенаторами: патриціемъ Аэціемъ, начальникомъ войскъ, и Бонифаціемъ, правителемъ Африки,—людьми исполненными достоинствъ и вмѣстѣ личной ненависти другъ къ другу. Проникнувъ намѣреніе Аэція сокрушить его власть и не имѣя силъ противустать, Бонифацій призвалъ въ Африку испанскихъ вандаловъ подъ начальствомъ предпріимчиваго вождя ихъ Гензериха. Кочевыя племена независимыхъ мавровъ усилили его войска и помогли ему произвести ужасное грабительство богатыхъ африканскихъ провинцій. Раскаявшійся Бонифацій рѣшился противиться; восточная и западная имперіи выслали въ одно время свои флоты противъ этихъ варваровъ, но ихъ силы были разсѣяны: вандальскій вождь обратилъ Карѳагенъ въ свою столицу, непросвѣщенныя толпы сдѣлалъ обладателями опустошенныхъ городовъ, и Африка погибла для Рима безвозвратно.

Лишившись Африки, западная имперія лишилась житницы, снабдѣвавшей продовольствіемъ разоренныя провинціи Италіи, и пріобрѣла страшнаго сосѣда. Гензерихъ покрылъ Средиземное море своими кораблями, захватилъ острова Балеарскіе, Сицилію, Корсику, Сардинію и пиратствами своими преграждалъ всякое плаваніе. Еще болѣе могъ онъ грозить и содержать въ страхѣ обѣ имперіи своимъ союзомъ съ остроготами и визиготами, а потомъ съ Аттилою, предводителемъ гунновъ. Но обратимся къ гуннамъ.

Въ славянской Европѣ произошло много перемѣнъ. Покорители ея, гунны, мало были связаны съ покоренными народами: кочевали отдѣльно, не смѣшиваясь съ другими племенами, довольствуясь ихъ данью. Но власть ихъ стала обширнѣе, когда предводителемъ ихъ явился Аттила. Проницательный, несмотря на варварскую свою природу и наружность, онъ въ малое время оружіемъ и переговорами успѣлъ покорить всѣ сопредѣльные народы съ славянами, даже татаръ и азіатскія орды до Китая и тѣмъ составляетъ огромное собраніе кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ; обратилъ независимыхъ королей и князей въ исполнителей своихъ намѣреній и придворныхъ; заставилъ вѣрить войска въ неотразимость своего оружія, собиралъ дань съ греческаго императора и грозился потопить его владѣнія несмѣтными силами. Заговоры византійскаго двора и покушенія на жизнь его не имѣли успѣха. Только оружіе Марціана на время отразило его. Отказъ руки сестры императора Валентіана и тайное приглашеніе Гензериха обратили силу его на западъ. Римлянъ обманулъ онъ извѣстіемъ, что идетъ на вестготовъ, но начальникъ римскихъ войскъ Аэцій проникнулъ его намѣреніе, собралъ послѣдніе остатки войскъ въ Галліи, наемниковъ въ Италіи и союзно съ вестготами, франками и бургундами поражаетъ его при Шалонѣ на Марнѣ (451). Обладатель полумира отступилъ съ своими королями, данниками и ордами; чрезъ годъ мстительно ворвался въ Италію, разорилъ Аквилею, обратилъ въ прахъ Падую, Верону, Вечецу, заставивъ убѣжавшихъ жителей основать въ болотахъ при Адріатическомъ морѣ Венецію, но склоненный св. папою Львомъ Великимъ, подарками и обѣщаніями императора, оставилъ Италію. Смерть (453) избавила римлянъ отъ сего опаснаго сосѣда.

Связь, содержавшая вмѣстѣ покоренныя племена, разрушилась съ его смертью. Славяне, остроготы, гепиды возвратили свою независимость; кочевой остатокъ гунновъ снова перешелъ въ Азію, предводимый (455) Ирнакомъ, юнѣйшимъ изъ сыновей Аттилы.

А между тѣмъ императоръ Валентіанъ самъ своею рукою убилъ единственнаго защитника имперіи Аэція, и имѣлъ такую же участь отъ оскорбленнаго имъ патриція Максима, который провозгласилъ себя императоромъ и женился на вдовѣ его; но мстительная императрица тайно пригласила Гензериха. Вандальскій пиратъ прибылъ съ своимъ флотомъ—и все, что было пощажено Аларихомъ и Аттилою, было предано наконецъ совершенному разрушенію. Все, что можно было взять, Гензерихъ увезъ вмѣстѣ съ толпами невольниковъ въ Африку. Ограбленная Италія уже вовсе не была похожа на государство. Нѣсколько римскихъ сенаторовъ и предводителей наемныхъ войскъ провозглашались императорами и свергались, но это уже не имѣло почти никакого вліянія и даже было незамѣтно. Бывшій при Аттилѣ сенаторъ Орестъ свергнулъ Іюлія Непоса, поставленнаго дворомъ византійскимъ, и доставилъ императорство сыну своему Ромулу Момулу, прозванному за малолѣтство Августуломъ; но, не имѣя чѣмъ заплатить небольшому наемному войску, состоявшему изъ геруловъ, ругіевъ, турцелинговъ, и, отказавъ имъ въ 3-ей части итальянскихъ земель, былъ убитъ предводителемъ ихъ Одоакромъ, который сослалъ въ заточеніе малолѣтняго Ромула, корону императорскую и регаліи отправилъ въ Константинополь и, испросивъ отъ восточнаго императора титло римскаго патриція, управлялъ въ качествѣ короля поселившимися на итальянской землѣ варварскими войсками. Такъ (476) окончилась западная римская имперія, существовавшая только по имени.

III.

Взглядъ на земли западной имперіи по занятіи ихъ народами германскими. Отношенія германцевъ къ оставшимся римлянамъ и первыя стихіи новой жизни.

Опустошительные наводненія варварскихъ народовъ совершенно измѣнили видъ земель, составлявшихъ западную римскую имперію. Цвѣтущія римскія деревни, загородные дома, жилища римскихъ патриціевъ были истреблены. Все высшее сословіе, составлявшее классъ privilegii, большею частію выселилось въ разныя времена въ Византію, провинціи восточныя или отчасти вступило въ число обитателей городовъ. Весь низшій классъ былъ или истребленъ, или проданъ и обращенъ въ рабство, или тоже поступилъ въ число обитателей городовъ. Итакъ, единственные остатки римской гражданственности находились въ городахъ, пользовавшихся вначалѣ своимъ городовымъ правленіемъ съ правами республиканскихъ кантоновъ въ отношеніи къ внутреннему бытію, избиравшихъ изъ себя правителей: дуумвировъ, квадруумвировъ, преторовъ, эдилловъ, потомъ ограниченныхъ въ своей власти, зависящихъ совершенно отъ префектовъ провинцій, потомъ утѣсненныхъ контрибуціями,

сильно ограбленныхъ римскими и варварскими войсками и, наконецъ, оставленныхъ на произволъ и возвратившихъ вновь свое старое правленіе. Болѣе сохранилась римская образованность въ трехъ главныхъ городахъ Италіи: Римѣ, Неаполѣ и Равеннѣ, въ городахъ по Рейну и близъ него: Вормсѣ, Майнцѣ, Спирѣ, Страсбургѣ, также въ Тулузѣ, Сарагоссѣ и другихъ городахъ Испаніи. Образованность эта была на низшей степени. Ученые, художники, даже высшія ремесла удалились въ Константинополь; только духовенство было уважено германскими завоевателями, уже принимавшими христіанство. Пребываніе епископовъ въ городахъ доставило покровительство городамъ и обитателямъ ихъ.

По разрушеніи западной имперіи, земли ея являются въ такомъ видѣ: Испанія была занята вестготами, захватившими южную половину Франціи. Свевы удержали сѣверо-западный уголъ Испаніи; Франція была занята въ срединѣ еще оставшимися римскими обитателями и войсками, на юго-востокѣ—бургундами, на сѣверо-востокѣ—франками, на сѣверо-западѣ — арморіканами; бургундское королевство занимало Швейцарію и часть юго-восточной Франціи, отъ Базеля и до самаго моря; аллеманы или швабы составляли корелевство отъ Базеля вдоль до Кёльна. Бавары занимали земли на римской сторонѣ Дуная; остроготы—въ Паннониі и Норикѣ, перешедшіе оттуда въ Италію; къ Нѣмецкому морю — фризы и саксоны. Славяне, ворвавшіеся въ пространство отъ Дуная до Балтійскаго моря и занимавшіе безчисленными племенами всплошь всю юго-восточную Европу. Въ концѣ V вѣка уже во всѣхъ земляхъ прежней римской имперіи была христіанская вѣра.

Занявши земли, бродящіе воины сдѣлались осѣдлыми и обладателями помѣстьевъ, ихъ вожди—королями. Земли вездѣ почти были раздѣлены поровну и розданы по жребію. Оттуда произошло названіе аллодіальныхъ земель, отъ слова loos — жребій (оттуда alod). Прежнимъ жителямъ были оставлены нѣкоторыя части земель, хотя не вездѣ въ одинаково равномъ количествѣ: визиготы и бургунды завладѣли двумя третями земель, половиною лѣсовъ, садовъ, домовъ и третьею частію рабовъ; остроготы и герулы—одною третью; англосаксы раздѣлились съ бриттами поровну. Жители городовъ были почти свободны, состоя въ управленіи епископовъ, и только платили небольшія дани королямъ. Занявши земли, германскія племена не перемѣнили своихъ обычаевъ: занимались только охотою и праздностію. Земледѣльцами были покоренные оружіемъ прежніе рабы или римляне, доставшіеся въ рабство.

Механизмъ правленія почти нигдѣ еще не образовался. Всѣ аллодіальные владѣтели были совершенно независимы, не связаны никакими обязанностями и общественными повинностями и только собирались попрежнему на совѣщанія національныя одинъ разъ въ годъ, въ началѣ весны. Короли имѣли власть во время военныхъ предпріятій и никакой власти надъ имѣніемъ каждаго. Они довольствовались подарками во время годичныхъ собраній и продовольствіемъ во время пребыванія своего въ провинціяхъ. Но власти имъ много прибавляло титло патриція и намѣстниковъ восточныхъ императоровъ, которыхъ они жадно искали для приданія себѣ болѣе значенія между племенами. Увеличенію власти короля способствовало желаніе сохранить свои владѣнія отъ нападеній, и уже при самомъ началѣ ввелись конфискаціи имѣній въ пользу короля. Римскія земли, занятыя германскими племенами, были раздѣлены, хотя безпорядочно, на провинціи, которыя подраздѣлились на графства, у нихъ даже на сотни и десятки. Каждая провинція имѣла свои частныя собранія всякій мѣсяцъ для совѣщанія, произнесенія суда и рѣшенія частныхъ споровъ. Въ провинціяхъ предсѣдали герцоги, въ графствѣ—графы и такъ далѣе. Они вмѣстѣ и предсѣдали на собраніяхъ, и вели на войну. Всеобщія національныя собранія бывали разъ въ годъ и состояли изъ всѣхъ сословій народа, гдѣ предсѣдательствовали старѣйшіе герцоги и графы, а вмѣсто прежнихъ друидовъ и жрецовъ — епископы, положившіе такимъ образомъ начало своего сильнаго вліянія.

Законодательство носило въ себѣ прежніе обычаи германцевъ. Искъ оканчивался штрафомъ или примиреніемъ. Денежный штрафъ былъ положенъ на всѣ преступленія; убійство каралось попрежнему наслѣдственнымъ мщеніемъ, но исполнялось во всей силѣ только у бургундовъ; у другихъ оно замѣнилось платою weregild. Плата соразмѣрялась достоинству убитаго: былъ ли онъ епископъ, король, герцогъ, графъ, вольный, рабъ. Вообще нація побѣдительная имѣла преимущество надъ побѣжденными. Перемѣна жизни, владѣніе землями и множество происшедшихъ оттуда новыхъ отношеній сдѣлали уже совершенно невозможнымъ прежнее немногосложное управленіе и простоту германскихъ обычаевъ. И потому многіе короли рѣшились составить небольшіе письменные кодексы, взятые большею частію изъ кодекса Ѳеодосіева и примѣненные къ національнымъ обычаямъ довольно безпорядочно. Самыя древнѣйшія собранія были: законы салическіе, законы бургундовъ и аллемановъ.

Всеобщее смѣшеніе римлянъ съ народами преобладавшими, несмотря на родъ занятій, совершенно отдѣлявшій двѣ стихіи, произвело, однакожъ, смѣсь въ обычаяхъ и въ языкѣ: вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, они приняли и латинскій языкъ въ церковнослуженіяхъ и даже въ законы. Такое соединеніе римскаго съ преобладающимъ тевтоническимъ произвело испорченное смѣшеніе нарѣчія, названное простонароднымъ или деревенскимъ (rustique), а впослѣдствіи романскимъ, изъ котораго уже произошли всѣ европейскіе языки.

Но разсмотримъ порознь прежнія провинціи римской имперіи и жизнь новыхъ, на лицѣ ихъ образовавшихся, націй до времени, когда Карлъ Великій соединилъ ихъ воедино подъ громкимъ названіемъ «западной имперіи».

IV.

Состояніе Италіи подъ владычествомъ готовъ, греческаго экзархата, ломбардовъ; ихъ вліянія и отношенія къ римлянамъ.

Италія послѣ всѣхъ означенныхъ переворотовъ явилась къ концу V вѣка опустошенною, лишенною почти всѣхъ средствъ существованія для небольшого числа обѣднѣвшихъ ея жителей. Одоакръ роздалъ своимъ войскамъ третью часть земель; для правленія составилъ сенатъ изъ одиннадцати сенаторовъ и въ продолженіе 14 лѣтъ былъ королемъ геруловъ, отражая на сѣверѣ Италіи небольшіе отряды безпокойныхъ племенъ. Между тѣмъ на Востокѣ императоръ Зенонъ, желая избавиться отъ новыхъ сосѣдей своихъ, остроготовъ, установившихся въ Паннониі, еще съ позволенія Марціана, для защиты Дуная, въ 455, обратилъ предводителя ихъ Ѳеодорика на Италію съ правомъ завоевать ее. Вспомоществуемый вестготами, личнымъ искусствомъ и храбростью, онъ овладѣлъ Вероной, Римомъ, разбилъ при рѣкѣ Адижѣ Одоакра, осадилъ его въ Равеннѣ, согласился съ нимъ на миръ и половинный раздѣлъ земель, потомъ умертвилъ его и провозгласилъ себя обладателемъ Италіи. Его успѣхи и слава доставили ему въ одинъ годъ Иллирію, Паннонію, Норикъ, Ретію. Баварцы сдѣлались его данниками, у бургундовъ отнялъ часть Нарбонна, у вестготовъ Прованса и часть Септиманіи. Резиденція его была въ Равеннѣ. Остроготы получили третью часть земель и единственное право нести службу военную; мѣста гражданскія были предоставлены римлянамъ. Въ городахъ были римскіе префекты, въ округахъ и провинціяхъ готскіе графы. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ было замѣтно различіе между двумя націями, римскою и готскою; различіе исповѣданій еще болѣе увеличило раз-

дѣлъ: римская нація была католическая, готская—аріанская. Оттого Италія во все пребываніе готовъ состояла изъ двухъ несливщихся стихій, и ничего готскаго не вошло въ смѣшеніе, составившее итальянскую націю. Ѳеодорикъ строгимъ безпристрастіемъ содержалъ въ согласіи обѣ націи, несмотря на свой аріанизмъ. Воспитанный при дворѣ греческомъ, онъ окружилъ себя просвѣщенными римлянами и запретилъ просвѣщеніе готамъ; былъ возродителемъ исчезнувшей въ Италіи образованности; исправилъ разрушавшіеся памятники. Ученый Боэцій, префектъ Кассіодоръ, Симмахъ, епископъ Эннодій были его сподвижники. Его умъ и слава дали ему значительный перевѣсъ надъ всею Европою. Государи новыхъ королевствъ искали его союза и покорялись его вліянію. Тридцать четыре года правилъ онъ готами и, очернивъ послѣдніе дни свои подозрительностію и гоненіемъ прежнихъ друзей своихъ, умеръ въ Равеннѣ 28-го августа 526. Италія давно не наслаждалась такимъ спокойствіемъ. Ссоры въ его фамиліи, интриги и убійства, ослабившія готовъ, дали средство императору Юстиніану воспользоваться такимъ состояніемъ Италіи для присоединенія ея къ восточной имперіи. Полководецъ его Велизарій, разрушившій въ Африкѣ царство вандаловъ, прибылъ съ войскомъ въ Италію. Король Витигесъ, а послѣ него Тотила сильно отстаивали владѣнія остроготовъ, но все было разсѣяно или разбито. Евнухъ Нарцесъ послѣ битвы при Лентагіо окончилъ покореніе Италіи. Вся Италія была обращена въ правинцію восточной римской имперіи подъ именемъ экзархата. Власть императора восточнаго признавалась во всѣхъ городахъ, его имя упоминалось при церковнослуженіяхъ, изображеніе его было въ правительственныхъ мѣстахъ, его монеты обращались по всей Италіи. Экзархъ представлялъ собою вицеимператора и имѣлъ власть почти неограниченную: утверждалъ папу, назначалъ герцоговъ въ города; Равенна была его резиденція. Нарцесъ, первый экзархъ, управлялъ 15 лѣтъ и, наконецъ, раздраженный немилостью византійскаго двора, тайно пригласилъ въ Италію ломбардовъ, занявшихъ со времени Юстиніана прежнія жилища остроготовъ въ Панноніи. Предводителемъ націи былъ тогда Албоинъ, побѣдитель гепидовъ. При вступленіи ломбардовъ въ Италію неукрѣпленные города сдавались почти добровольно, и скоро болѣе половины земель было въ ихъ власти. Равенну спасли неприступныя болота, Римъ — мужество префектовъ. Албоинъ установилъ свою столицу въ Павіи. 36 первыхъ сподвижниковъ его раздѣлили завоеванныя земли на 36 герцогствъ, изъ которыхъ значительнѣе были Сполето, Фріуль и Беневентъ. Отношенія къ туземнымъ жителямъ остались въ тѣхъ же правахъ, какъ и при готахъ. Такимъ образомъ, они владѣніями своими разорвали надвое владѣнія греческихъ императоровъ. Экзархи удержали пространство Италіи отъ устья По до Арно: Равенну съ городами Генуей, Кремоной и другими, а на другомъ концѣ Италіи Римъ, Неаполь съ окружностями и берегами Кампаніи и Луканіи. По смерти Албоина въ земляхъ ломбардскихъ произошла аристократическая анархія: 30 герцоговъ, обратившихъ свое достоинство въ наслѣдственное, тиранствовали каждый въ своей провинціи, окружили себя военными дружинами своихъ соотечественниковъ, установили въ большихъ городахъ, на мѣсто римскихъ префектовъ, ломбардскихъ графовъ, въ малыхъ—капеляновъ, и въ 10 лѣтъ такого правленія опустошили города, востановленные Ѳеодорикомъ, и разогнали множество христіанскихъ жителей въ Сицилію и Корсику. Когда одна половина Италіи страдала подъ игомъ ломбардскимъ, другая, составлявшая владѣніе императора греческаго, съ отвращеніемъ покорялась утѣснительному правленію экзарховъ, означившихъ себя жадностію, корыстолюбіемъ, скупостію и пренебрежительнымъ обращеніемъ съ римлянами. Положеніе ея становилось еще тягостнѣе отъ безпрестанно тревожившихъ ее безпокойныхъ сосѣдей—ломбардскихъ герцоговъ. Наконецъ, императоръ Константъ II рѣшился освободить итальянскія владѣнія свои отъ ломбардовъ, но, разбитый ими, вмѣсто того ограбилъ Римъ и другіе города и съ похищенными сокровищами искусствъ и художествъ отплылъ изъ Италіи. Жестокость Юстиніана II и другихъ императоровъ становила съ каждымъ годомъ нестерпимымъ ихъ правленіе.

Ломбардскіе герцоги, наскучивъ безпорядочностію своей аристократіи, избрали, наконецъ, короля Отариса. При Агилульфѣ начался переходъ ломбардовъ къ нѣкоторой образованности: была принята христіанская вѣра — событіе, послужившее къ тѣснѣйшему слитію націй римской и ломбардской; показалась всеобщая наклонность къ земледѣлію. Король Ротарисъ уже выдалъ свой кодексъ законамъ на собраніи въ Павіи (643), умноженный потомъ Гримуальдомъ и Луитпрандомъ. Луитпрандъ сильно увеличилъ владѣнія и власть ломбардцевъ. Ломбарды совершенно прикрѣпились къ итальянской землѣ постоянными занятіями и земледѣліемъ. Развалины древней Италіи покрылись пажитями, особенно въ сосѣдствѣ монастырей Монтъ-кассина, Новалеза и Нонантула. Ломбардскіе нравы и обычаи пустили глубокіе корни въ составъ итальянской націи. Луитпрандъ былъ слишкомъ опасенъ для греческаго экзархата своимъ благоразуміемъ, своими союзами и честолюбивыми предпріятіями. Но увеличивавшіяся неудовольствія итальянцевъ противъ императора дали значительный перевѣсъ ломбардамъ, и король Астольфъ, вступившій въ Равенну (въ 752), почти добровольно отворившую ему ворота, окончилъ существованіе греческаго экзархата. Послѣдній экзархъ Евтихій убѣжалъ въ Неаполь, и съ тѣхъ поръ императорскіе герцоги подъ слабою зависимостію сицилійскаго патриція правили Неаполемъ, Гаетою, Амальфи и другими городами, составившими область подъ именемъ Калабріи. Между тѣмъ Астольфъ, а послѣ него Дидіеръ стремились простереть владычество свое и на Римъ, но были остановлены могуществомъ франкскихъ королей, утвердившихъ свое верховное владычество въ Италіи.

V.

Взглядъ на состояніе Рима и начало духовной и свѣтской власти папъ.

Римъ, прежняя столица всего древняго міра, совершенно опустѣлъ. Пребываніе главнаго епископа, стеченіе пилигримовъ, приходившихъ поклониться гробу апостоловъ Петра и Павла, очень мало и медленно споспѣшествовали къ возобновленію ограбленныхъ дворцовъ его и храмовъ. Вліяніе римскаго первосвященника, избираемаго епископами, уже съ самаго начала было сильнѣе, нежели герцога, поставленнаго экзархомъ. Нѣсколько епископовъ святостію своею и примѣрною жизнію увеличили это вліяніе. Григорій Святой и Великій, которому первому приписываютъ принятіе имени папы, ревностью къ вѣрѣ, краснорѣчивыми поученіями, которыя слушала вся Италія, обращеніемъ въ христіанство ломбардовъ, миссіями къ англо-саксамъ и другимъ племенамъ распространилъ духовную власть римскихъ епископовъ. Нѣсколько императоровъ, принявшихъ разныя ереси, встрѣтили оппозицію въ римскихъ папахъ. Ихъ гоненія и жестокіе поступки, мученическая смерть папы Мартына—все это мало-по-малу возрастило нерасположеніе къ нимъ папъ, а утѣсненіе герцоговъ предало ихъ покровительству народъ, ожидавшій только случая отложиться отъ императора. Наконецъ, истребленіе иконъ, произведенное императоромъ Леономъ III, вспомоществуемымъ патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ, возстановило уже явно противъ него папу Григорія II (726), за нимъ весь Римъ и всю Италію. Римляне изгнали изъ города императорскихъ чиновниковъ, установили правленіе, похожее на древнее республиканское, и

главою республики провозгласили папу. Такимъ образомъ римскій первосвященникъ сдѣлался одинъ правителемъ Рима съ правомъ независимаго герцога, и произошло совершенное отдѣленіе западной церкви. Только опасеніе слишкомъ возросшей власти ломбардовъ заставляло папъ признавать по имени владычество императоровъ; но когда византійскій дворъ не въ силахъ былъ доставить никакого вспомоществованія, тогда папа Захарій, а послѣ него Стефанъ II обратились къ власти болѣе сильнѣйшей—къ королю франковъ.

VI.

Состояніе франковъ подъ начальствомъ королей-предводителей. Ихъ отношенія къ завоеваннымъ провинціямъ. Анархія при неимѣющихъ власти королях и владычество меровъ.

Племена германскія, составившія союзъ франковъ, вслѣдствіе опасеній безпрерывныхъ нападеній еще неустановившихся народовъ, слились совершенно въ одну націю. Всѣ имѣли королей-предводителей изъ одной царственной линіи (Меровинговъ) и до Кловиса находились почти постоянно въ границахъ, назначенныхъ имъ императоромъ Іуліаномъ для защиты Рейна; при Кловисѣ сдѣлали нападеніе (486) въ расторгнутую по частямъ Галлію. Тогда сѣверо-западною частью Галліи владѣли арморикане и бретоны, прежніе данники римлянъ; средина Галліи, между Сеной и Лоарой, гдѣ замѣтны были остатки римской цивилизаціи, занята была римляно-галлами и войсками подъ начальствомъ римскаго генерала Сіагрія, правившаго въ качествѣ намѣстника восточнаго императора; бургунды занимали сѣверо-восточную часть отъ устья Лоары до Альпъ; вестготы — юго-западную, собственно три Аквитаніи и часть Нарбонна. Изъ такихъ разнородныхъ началъ составилось впослѣдствіи французское государство.

Франки, подъ начальствомъ Кловиса, разбили Сіагрія при Соассонѣ (486), а потомъ при Толбіакѣ аллемановъ, нападавшихъ на земли франковъ рипуарскихъ, и приняли вмѣстѣ съ вождемъ своимъ христіанскую вѣру. Это облегчило Кловису завоеваніе римскихъ городовъ и приклонило на его сторону духовенство. Нѣсколько разъ поразилъ онъ бургундовъ и, наконецъ, подъ предлогомъ религіозной ревности, повелъ франковъ на аріанъ вестготовъ, отнялъ у нихъ три Аквитаніи, оставивъ имъ только Септиманію. Побѣжденныя націи остались почти на прежнихъ правахъ, но салическіе законы, принесенные Кловисомъ, давали во всемъ преимущество франкамъ предъ римлянами; римляне аквитанскіе пользовались большею независимостью, нежели обитатели Сены и Лоары, гдѣ Кловисъ установилъ центръ своей власти. Безпрерывное начальство надъ войсками и рядъ блестящихъ побѣдъ дали ему средство сохранить власть гораздо болѣе, нежели сколько имѣли ее короли у франковъ. Желая сдѣлать неограниченнѣе эту власть, онъ истребилъ родственниковъ своихъ, получившихъ при раздѣлѣ богатыя земли, и испросилъ у восточнаго императора титло патриція, увеличившее достоинство его въ глазахъ народа и давшее ему право раздѣлить впослѣдствіи Францію между четырьмя своими сыновьями: Тьери царствовалъ въ Мецѣ, въ землѣ восточныхъ франковъ (въ Остразіи), Клодомиръ въ Орлеанѣ, Шильдебертъ въ Парижѣ, Клотарь въ Соассонѣ. Сыновья распространили покореніе: Тьери завоевалъ Турингію и присоединилъ ее къ Остразіи, другіе три соединенными силами покорили и присоединили Бургундію, оставивъ въ ней прежнее правленіе, законы и обычаи; воевали съ вестготами и остроготами и смертью своею доставили Клотарю одному всю власть надъ Франціей (558). Онъ присоединилъ еще нѣсколько земель къ Бургундіи, покорилъ часть южной Саксоніи и раздѣлилъ земли франковъ вновь между четырьмя сыновьями (561): Зижебертъ былъ король Остразіи, Шильперикъ — Соассона, Кариберть—Парижа, Контранъ—Орлеана и Бургундіи. Раздѣленіе было чрезвычайно безпорядочно: земли были черезполосныя, и даже самые города были раздѣлены пополамъ. Это было впослѣдствіи причиною междоусобныхъ войнъ. Смерть Кариберта произвела новое раздѣленіе; вся Франція тогда состояла изъ трехъ частей: Остразіи, принадлежавшей Зижеберту, Нейстріи — Шильперику и Бургундіи—Контрану.

Жены двухъ королей, Зижебертова Брунгильда и Шильперикова Фредегонда, личною ненавистію своею произвели междоусобную народную войну, продолжавшуюся 40 лѣтъ, которую попеременно возжигали неспокойные подданные, любимецъ Брунгильды, римлянинъ Протадіусъ, желавшій унизить франкскихъ аллодіаловъ, и мелочныя распри полудикихъ завоевателей Франціи. Въ продолженіе этой войны было перерѣзано и отравлено происками обѣихъ королевъ множество лицъ королевской фамиліи и сильно увеличили власть свою аллодіалы. Война кончилась перевѣсомъ аристократической, или франкской, партіи,—партіи вассаловъ Остразіи, надъ римско-галльскою, или готоримскою.—И престарѣлая Брунгильда, преданная остразійскими вассалами сыну Фредегонды Клотарю II, была привязана къ дикой лошади и пущена въ поле.

Клотарь II, склонившій на свою сторону остразійскихъ вассаловъ, сдѣлался правителемъ всей Франціи (613). Но уже прежніе аллодіалы много усилили власть свою добытыми на войнѣ и жалованными землями королей. Клотарь для большаго привлеченія къ себѣ далъ и вассаламъ Нейстріи почти такія же права. Все это вело къ тому, что власть королей видимо ослабѣла, а между тѣмъ избираемые во время малолѣтства ихъ попечители или министры двора изъ знатнѣйшихъ левдовъ, или вассаловъ, называвшіеся палатными мерами (majordomes), нечувствительно заняли ихъ мѣсто, предсѣдали въ судилищахъ во время мира и предводили войсками на войнѣ. Короли со времени Дагоберта I, называемые празднолюбцами, почти были невидимы для народа. Одинъ только разъ въ годъ показывались они на всеобщемъ національномъ собраніи, пріѣзжая туда въ германской колесницѣ, запряженной быками, украшенные длинными волосами и бородой, единственными знаками ихъ королевскаго достоинства. Дѣятельность меровъ сдѣлала власть ихъ необходимою. Палатный меръ Эбронинъ долго боролся съ левдами Остразіи, желая ограничить ихъ независимость. Пипинъ Гериталь, происходившій изъ знаменитаго епископскаго дома въ Мецѣ, умѣлъ достоинство мера оставить въ своей фамиліи наслѣдственно. Военныя доблести побочнаго сына его Карла Мартела, его побѣды надъ сарацинами (въ долинахъ между Пуатье и Туромъ), надъ фризами и саксонами прибавили значительность мерскому достоинству. Сынъ его, Пипинъ Короткій, меръ Остразіи, а впослѣдствіи и Нейстріи, исполненный личной храбрости, дальновидности и честолюбія, привлекшій на свою сторону папу Захарія, духовенство и сильныхъ вассаловъ, заставилъ себя провозгласить королемъ въ національномъ собраніи на Мартовскомъ полѣ (752) и вывелъ вмѣстѣ съ собою новую династію Карлоинговъ. Послѣдній Меровингъ Шильдерикъ III окончилъ дни свои въ монастырѣ, но отпрыски царственной фамиліи его сохранились донынѣ въ домѣ Монтескю. Призванный папою Стефаномъ II, Пипинъ явился въ Италіи, побѣдами своими усмирилъ короля ломбардскаго Астольфа и принудилъ уступить захваченныя земли папѣ, и когда Астольфъ отступился отъ своего слова, онъ явился во второй разъ въ Италіи и оставилъ для безопасности своихъ комиссаровъ. Послѣ этого отнялъ у одного изъ потомковъ Кловиса, Рефра, Аквитанію (769). Пользуясь несогласіемъ арабовъ въ Испаніи, присоединилъ къ Франціи Септиманію (759). Для увеличенія власти своей

раздробилъ нѣкоторыя массивныя владѣнія: въ Бургунді замѣстилъ древнихъ герцоговъ и патриціевъ графами; въ землѣ аллемановъ уничтожилъ единство герцога. Честолюбивыхъ дѣйствій его некому было остановить: начинавшіе образовываться владѣтели земель были чужды дѣйствіямъ государственнымъ. Епископы тоже вели жизнь частныхъ франковъ, были заняты небольшими войсками, охотою, домашними отношеніями. Такимъ образомъ Пипинъ оставилъ сыновьямъ своимъ, Карлу и Карломану, такое пространство земель и власти, какого никогда не имѣли Меровинги.

VII.

Состояніе королевства вестготовъ въ Испаніи и завоеваніе ея арабами.

Испанія издавна отличалась смѣшеніемъ націй, разнообразіемъ колоній, трудолюбіемъ жителей, изобиліемъ блестящихъ талантовъ даже во время упадка имперіи. Христіанство, окруженное язычниками и жидами, отличалось стремительною ревностію. Послѣ нѣсколькихъ годовъ гражданской тишины, она вдругъ наводнилась вандалами, свевами и аланами, опустошившими ея провинціи, несмотря на самое упорное сопротивленіе жителей. Готы мужествомъ своихъ вождей и великимъ соединеніемъ силы получили послѣ долгихъ битвъ преобладаніе надъ Испаніей. Вандалы были вытеснены въ Африку, аланы истреблены, свевы выдвинуты къ сѣверо-западной приморской сторонѣ Испаніи. Король Валлія, первый испано-вестготскій король, имѣлъ владѣнія по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ: почти всю Испанію и южную Галлію. Тулуза была столицею. Но по взятіи франками Аквитаніи, она была перенесена въ Толедо. Вестготы взяли отъ туземныхъ жителей двѣ трети земель; законы, организмъ правленія, обычаи остались тѣ же, и обѣ націи пользовались равными правами. Король Аларихъ II (506) поручилъ составить двумъ юрисконсультамъ—одному римскому, другому готскому—кодексъ законовъ (сбивчивый, неудовлетворительный); но, несмотря на это, двѣ націи долго не могли ужиться, и католическіе христіане не могли сносить терпѣливо владычество аріанъ. Король Леовигильдъ, отнявшій у свевовъ послѣднія земли, не могъ совершенно принудить покориться своихъ римскихъ подданныхъ, пока, наконецъ, Рекаредъ не принялъ католической вѣры (527). Тогда епископы получили значительный перевѣсъ въ правленіи, и католики съ энтузіазмомъ начали преслѣдовать аріанъ, жидовъ и язычниковъ, убѣжавшихъ въ горы Астуріи, гдѣ издревле укрывались непокорившіяся банды туземцевъ, христіане, язычники, и гнанники, анахореты. Государство вестготовъ было нестройно, безпорядочно и не составляло политическаго тѣла. Короли были низвергаемы и убиваемы, дворъ исполненъ интригъ. Законы были передѣлываемы нѣсколько разъ при Бернудо II и Бернудо III, подъ вліяніемъ епископовъ; исполнены нетерпимости, сильнаго вліянія духовенства, отозвавшагося впослѣдствіи инквизиціею. Часто дѣла государственныя были рѣшаемы на епископскихъ соборахъ. Безпечность вестготскихъ вассаловъ и графовъ, покоренныхъ жаркимъ испанскимъ климатомъ, изобиліемъ страны, были причиною, что владѣнія вестготовъ не образовывали связаннаго политическаго тѣла и менѣе всего могли представить сильный отпоръ предпріимчивому покорителю. Графъ Юліанъ, правитель города Цеуты, оскорбленный королемъ Родригомъ, похитителемъ престола, и убійствомъ короля Витицы, соединился противъ него съ сыновьями прежняго короля и епископомъ севильскимъ и призвалъ съ запада на помощь аравитянъ. Намѣстникъ эмира Музы Тарикъ прибылъ въ Испанію съ войсками изъ арабовъ, мавровъ и другихъ африканскихъ племенъ и, приставши къ Кальпской скалѣ, далъ ей свое имя: Гибралтаръ, и, несмотря на все упорство, оказанное религіозною ревностію христіанъ и мужествомъ Родрига, разбилъ совершенно готовъ при Ксересѣ и Гвадалетѣ (713); взялъ Толедо и въ качествѣ намѣстника эмировъ африканскихъ правилъ Испаніей. Арабы завели колоніи на опустѣлыхъ земляхъ. Покоренные оружіемъ вестготы должны были платить пятую часть своихъ доходовъ, а покорившіеся добровольно десятину. Несмотря на такое неотяготительное положеніе владычество магометанъ казалось христіанамъ невыносимымъ. Часть вестготовъ, не хотѣвшая покориться, отступила съ оружіемъ въ рукахъ къ горамъ астурійскимъ, скрывалась долго въ пещерахъ нотрдамскихъ и кабадонскихъ, превратилась въ горскихъ наѣздниковъ, подъ предводительствомъ Пелагія и другихъ безпрестанно тревожила владѣнія мусульманъ. Религіозный фанатизмъ положилъ совершенное раздѣленіе между двумя націями. Бандитская и вмѣстѣ пустынническая жизнь, исполненная безпрерывныхъ приключеній, оставила глубокіе слѣды въ характерѣ испанской націи.

VIII.

Состояніе Европы неримской и народовъ, основавшихся на земляхъ, не принадлежавшихъ римской имперіи.

Половина европейскихъ народовъ за Рейномъ и Дунаемъ была еще въ грубомъ и хаосномъ состояніи, почти не показывала признаковъ своего образованія въ политическія тѣла, и причина была та, что они занимали земли, на которыхъ не было никогда еще гражданственной жизни. Изъ германскихъ племенъ сильнѣйшіе были остававшіеся въ сосѣдствѣ франковъ при Нѣмецкомъ морѣ — саксоны, фризы, и въ срединѣ Германіи — бавары. Саксоны были многочисленнѣе и сильнѣе всѣхъ другихъ. Всѣ стремительныя страсти прежнихъ германцевъ сохранились въ нихъ долго вмѣстѣ съ прежнею вѣрою въ Одена. Звѣриная, рыбная ловля и пиратство были ихъ занятія. Въ половинѣ V вѣка часть саксоновъ и англовъ съ нѣсколькими вождями переселились въ Англію, основали нѣсколько королевствъ и показали признаки образованности, но саксоны, остававшіеся въ Германіи, долго оставались въ первобытной дикости. Въ половинѣ VIII столѣтія германскій апостолъ англичанинъ Винфридъ, извѣстный подъ именемъ святого Бонифація, проповѣдывалъ между саксовами, фризами и баварами христіанство и установилъ для того свое епископство въ Майнцѣ, бывшемъ почти на границѣ саксонскихъ и франкскихъ земель; но обращеніе въ христіанство, особенно между саксонами, было чрезвычайно медленно, и онъ былъ умерщвленъ упорными язычниками.

Славяне. Славяне были самые древніе обитатели восточной Европы. Доказательство этого въ ихъ религіи, довольно многосложной, порожденной долгою осѣдлостію. Разсѣянная жизнь, открытыя пространства Россіи, неимѣніе никакихъ союзовъ и взаимной связи между племенами были причиною ихъ безпрерывныхъ покореній многочисленными націями, умѣвшими повиноваться одному вождю. Въ продолженіе двухъ или трехъ столѣтій безпрестанно перемѣнялись властители славянъ, совершенно скрывавшіе ихъ отъ Европы преобладаніемъ своихъ націй. По уничтоженіи гунновъ, когда уже всѣ почти племена германскія ворвались въ предѣлы прежней западной имперіи, племена славянскія постепенно занимали мѣста, оставляемыя германскими, и наполнили Европу отъ Рагузы до Балтійскаго моря и Даніи. Ихъ можно раздѣлить на западныхъ, восточныхъ и южныхъ. Сѣверо-западные или вендскіе — между Эльбою и Балтійскимъ моремъ. Первоначальныя ихъ племена: ободриты въ Мекленбургіи, померяне или вильцы отъ Одера до Вислы, зорбы въ Верхней Саксоніи и лузиціане. Далѣе слѣдуютъ племена юго-западныя: ляхи

или поляки въ нынѣшней Польшѣ, чехи—въ землѣ марковановъ. Южные славяне находились большею частію по Дунаю и назывались антами и дунайскими славянами. Восточные славяне, которыхъ можно раздѣлить на южныхъ, уже занимавшихся земледѣліемъ и стадами, имѣвшихъ религію, занесенную изъ древней языческой Греціи, отличавшихся кроткими нравами и называвшихся разными именами отъ рѣкъ и мѣстъ жительствъ, составившихъ Малую Россію, и сѣверныхъ, ведшихъ суровую жизнь въ срединѣ лѣсовъ, занимавшихся звѣриной ловлей, уже смѣшанныхъ съ племенами финскими, образовавшихъ Великую Россію...

Въ такомъ положеніи находились славяне до того времени, покамѣстъ новый народъ татарскаго или турецкаго происхожденія—авары не вступили въ Европу. Вторженіе ихъ въ срединѣ VI вѣка подвергло славянъ юго-восточныхъ, южныхъ и юго-западныхъ, а также и болгаръ, ихъ владычеству. Ханъ ихъ Баянъ, которому платили дань всѣ означенныя племена, покорилъ гепидовъ, тревожилъ греческаго императора безпрестанными нападеніями и, наконецъ, былъ имъ разбитъ подъ стѣнами Константинополя въ 626 года. По смерти Баяна начались раздоры между аварскими вождями; тогда многія славянскія племена начали отдѣляться и въ томъ числѣ славяне дунайскіе или анты получили отъ императора Ираклія позволеніе поселиться въ Иллиріи и съ этихъ поръ начали называться славянами иллирійскими. Такимъ образомъ произошло начало древнихъ королевствъ или банатовъ Кроаціи, Далмаціи, Славоніи, Босніи и Сербіи. Иллирійскіе славяне пиратствовали по морю Адріатическому и въ Архипелагѣ; славяне венедскіе хищническими нападеніями тревожили владѣнія франковъ; восточные не простирали своихъ дѣйствій внѣ земель своихъ и скоро были вновь покорены народомъ турецкаго происхожденія—козарами.

IX.

Состояніе восточной римской имперіи во время религіозныхъ споровъ, битвъ съ персами и завладѣній арабовъ.

Въ римской восточной имперіи сохранилась еще образованность древняго міра, умноженная выходцами, бѣжавшими изъ западныхъ земель. Верховное величество императора, многолюдный дворъ, проконсулы провинцій, полномочные императорскіе любимцы, цирки, всенародныя зрѣлища, многолюдство черни, непомѣрное богатство и совершенная бѣдность напоминали римскій міръ и представляли рѣзкую противоположность полудикой и младенческой жизни государствъ, основавшихся на земляхъ прежней западной имперіи.

Восточную имперію составляли три счастливые берега трехъ частей свѣта: Европы, Азіи и Африки съ теплымъ и роскошнымъ климатомъ. Азія, великая и малая, доставляла всѣ нѣжныя произведенія людямъ, клонившимся къ утонченной роскоши; кромѣ того, она доставляла искусныхъ ристальщиковъ, художниковъ, комедіантовъ и все, что могло удовлетворить прихоти того вѣка; ея верховная митрополія была Антіохія, первая зиждительница христіанства. Египетъ доставлялъ самую нужную потребность для всей имперіи: хлѣбъ; его митрополія была Александрія, самый шумный и дѣятельный городъ, бывшій издавна узломъ торговли, прибѣжищемъ сектъ и разнородныхъ мнѣній, школъ, ученыхъ, кладовая всей имперіи. Греческая Европа была только потребительницею всѣхъ этихъ богатствъ. Городъ Аѳины былъ воспитателемъ и разсадникомъ всего юношества римско-греческаго. Константинополь былъ жилищемъ придворныхъ, императорскихъ охранительныхъ войскъ, праздной черни, увеселеній и празднествъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на жизнь и мысли, занимавшія общество имперіи. Съ востока, отъ странъ персидскихъ и индѣйскихъ, нечувствительно наносилась мнѣнія гностиковъ, втѣснявшіяся въ тогдашнее христіанство, уже положившія начало сектъ. Споры и пренія становились любопытнѣе и заманчивѣе. Каждый патріархъ производилъ какое-нибудь измѣненіе въ догмахъ, имѣлъ жалкихъ противниковъ и защитниковъ. Эта область споровъ невольно заняла мысли и занятія высшаго класса. Низшій классъ народа обратилъ всю жизнь свою на ристалища и кровавыя представленія со всею силою пристрастія.

Опасные непріятели въ восточной римской имперіи были: съ востока—персы, отдѣленные почти открытыми, не защищенными землями, а съ сѣверной или римской стороны — европейскіе варвары, поперемѣнно занимавшіе земли Панноніи и Даніи.

Таково было состояніе имперіи восточной римской, когда Аркадій, слабый и безхарактерный, началъ собою рядъ императоровъ византійскихъ. Воспитатель его Руфимъ, начальникъ войскъ готъ Кайнасъ и евнухъ Евтропій, одинъ за другимъ, правили имперіей, производя всеобщій ропотъ жадностію, корыстолюбіемъ и деспотизмомъ. Супруга его Евдокія превратила дворъ въ жилище забавъ и разврата. Іоаннъ Златоустъ, вооружившійся громомъ краснорѣчія противъ всеобщаго развращенія двора, заплатилъ изгнаніемъ и заточеніемъ. Аркадій оставилъ престолъ также слабому сыну Ѳеодосію II (408), бывшему все время подъ опекою евнуховъ-любимцевъ и впослѣдствіи умной сестры своей Пульхеріи. Составленные при немъ законы юрисконсультомъ Антіохомъ, подъ именемъ Ѳеодосіева кодекса, были приняты въ обѣихъ имперіяхъ и распространены между варварскими народами. Духовное преніе и споры приняли жаркое направленіе по поводу новаго мнѣнія патріарха константинопольскаго Несторія, дерзко отвергавшаго божественность Дѣвы Маріи; это вооружило сильную оппозицію, предводимую св. Кирилломъ, патріархомъ Александрійскимъ. Соборъ, созванный Ѳеодосіемъ въ Ефесѣ, ниспровергъ Несторія, но скоро новый ересеначальникъ Евтихій провозгласилъ новое ученіе, отстранявшее два естества въ Іисусѣ, вооружилъ снова противъ себя могущественную партію православныхъ, но искусно увернулся на второмъ ефесскомъ соборѣ, прозванномъ соборомъ разбойниковъ. Среди этихъ преній, угрожаемый съ сѣвера нападеніями Аттилы, умеръ Ѳеодосій. Сестра его Пульхерія, предложивъ руку свою храброму генералу Марціану, возвела его на престолъ кесарей. Твердостію своею онъ отразилъ Аттилу и халкидонскимъ соборомъ ниспровергнулъ Евтихія. Съ его смертію прервалась Ѳеодосіева линія на востокѣ и на западѣ. Сынъ ѳракійскаго мясника, дослужившійся почестей съ помощію Аспара, начальника войскъ, провозгласилъ себя императоромъ подъ именемъ Леона I-го, и вооруженіемъ огромнаго флота противъ вандаловъ, стоившаго несмѣтныхъ суммъ и разбитаго Гензерихомъ, нанесъ сильный уронъ имперіи. Послѣ ничѣмъ не замѣчательнаго Зенона вступилъ (491) Анастасій, ѳеологъ и покровитель еретиковъ. Низверженіе православнаго патріарха Македонія и принятіе стороны Евтихіевой усилило ожесточеніе между сектами до того, что уже принимались за оружіе, и битвы между гражданами происходили даже въ улицахъ Константинополя. Уничтоживши кровавыя зрѣлища и сраженія звѣрей, Анастасій далъ мѣсто циркамъ и бѣгамъ на колесницахъ, къ которымъ устремилась вся жизнь общественная. Участіе, принятое въ двухъ спорящихъ ристателяхъ, были такъ сильно, что цвѣтъ платьевъ ихъ, голубого и зеленаго, сдѣлался девизомъ двухъ партій, къ которымъ присоединились и религіозныя причины. Партію голубыхъ большею частію составляли православные; на сторонѣ зеленыхъ были еретики. А между тѣмъ персы, управляемые царями Сассанидами (свергнувшими въ 223

году владычество Парѳовъ-Арзасидовъ), уже начинали вторгаться въ римскую Арменію, тогда какъ съ сѣвера вторгались славяне въ Иллирію и Ѳракію. Противъ персовъ Анастасій употребилъ войска, противъ славянъ выстроилъ стѣну между Мраморнымъ и Чернымъ моремъ. Послѣ него Юстинъ Ѳракіянинъ, необразованный солдатъ, сдѣлавшись государственнымъ казначеемъ, купилъ престолъ на похищенныя изъ казны деньги у евнуха и завѣщалъ государство племяннику своему Юстиніану, государю честолюбивому, получившему блестящее воспитаніе, тщеславному, исполненному мыслей о величіи кесарскаго достоинства. Вступивши на престолъ онъ велѣлъ собрать воедино всѣ законы и постановленія прежнихъ августовъ. Квесторъ Трибоніанъ съ помощію другихъ юрисконсультовъ составилъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ: *Кодексъ* — собраніе постановленій всѣхъ императоровъ (528), *Институціи* — сокращеніе римскихъ законовъ для преподаванія въ школахъ (533), *Пандекты или дигесты* (50 кн.), вмѣщавшіе всѣ прежнія собранія законовъ: Грегоріяново, Ѳеодосіево, Гермогеново, и 2000 трактатовъ разныхъ юрисконсультовъ; *Новеллы* — собственно Юстиніановы постановленія. Разстроенное состояніе варварскихъ государствъ, занявшихъ земли западной имперіи, дали ему мысль о возвращеніи ихъ снова подъ владычество августовъ. Велизарій, уже прославившійся храбрымъ защищеніемъ восточныхъ провинцій противъ персовъ, былъ отправленъ съ 50-ю кораблями и войскомъ, не болѣе 5000, въ Африку для завоеванія царства вандаловъ. Изнеможеніе вандаловъ подъ вліяніемъ африканскаго климата, неимѣніе укрѣпленныхъ городовъ и личное искусство и распоряженіе Велизарія дали ему средства овладѣть Африкой и начать покореніе остроготовъ, оконченное Нарцесомъ. Африка и Италія составили провинцію восточнаго императора, все Средиземное море очутилось вновь во владѣніи римскомъ. Между тѣмъ императоръ рѣшилъ прекратить партіи сектъ, уже составившихъ жизнь государства, остріемъ оружія и силою законовъ, но истощилъ свои собственные и обезлюдилъ провинціи. Принятое имъ покровительство въ циркѣ партіи голубыхъ, дало имъ всю дерзость производить разбойничества и притѣсненія. Зеленые, лишенные покровительства законовъ, составили ожесточенную оппозицію уже противъ самого императора и правительства. Бунтъ и сраженіе, произведенное ожесточеніемъ партій, страшно опустошили Константинополь, истребивъ около 30 тысячъ жителей и обративъ въ пепелъ лучшія зданія въ городѣ. Начавшіяся оборонительныя войны противъ персидскаго Хозроя и на сѣверѣ противъ болгаръ и славянъ такъ истощили казну, что Юстиніанъ долженъ былъ приняться за налоги, несправедливости, и законодатель-императоръ издалъ нѣсколько безчестныхъ законовъ. Взятая имъ изъ театра супруга Ѳеодора еще болѣе усилила несправедливости развратнымъ поведеніемъ своимъ и вмѣшательствомъ въ дѣла правленія. Дряхлый Юстиніанъ, покрытый славою и безславіемъ, умеръ въ 565 году. Его расточительность, страсть къ нововведеніямъ, постройкамъ, перемѣнамъ, слабое, подозрительное и часто жестокое правленіе оставило въ совершенномъ разстройствѣ имперію. При племянникѣ его, Юстинѣ, ломбарды отняли большую часть Италіи, персы опустошительнѣе стали вторгаться въ Сирію. Вступившій послѣ него императоръ Тиберій съ помощію храбрыхъ генераловъ Маврикія и Юстиніана отразилъ персовъ и далъ на время правильное теченіе внутреннему управленію, вновь возмущенному нападеніемъ персовъ при Маврикіѣ и бунтовъ войскъ, возведшихъ похитителя Фоку, котораго низвергъ Ираклій (610) въ то самое время, какъ Хозрой II наводнилъ войсками Сирію и предалъ пламени Антіохію, Дамаскъ, Іерусалимъ и грозилъ ввести на мѣсто христіанства религію маговъ. Послѣ перемѣнъ счастія и многихъ потерь Ираклій перешелъ за Тавръ; соединившись съ хозарами, два раза разбилъ Хозроя при Иссѣ и Моссулѣ и предписалъ сыну его Сирою миръ (628). Этимъ миромъ навсегда окончились брани съ персами. Но скоро новый непріятель, несравненно опаснѣйшій, сталъ на восточныхъ границахъ имперіи. Въ 632 году вступили въ Сирію войска аравитянъ, предводимыя двумя Абубекровыми полководцами: Абу-Обеидахомъ и Каледомъ. Жители, занятые сектами и преніями, облегчили имъ входъ; измѣна намѣстниковъ предала имъ лучшіе города. Многочисленное войско, высланное устрашеннымъ Ираклiемъ, подъ начальствомъ Мануила, все было разбито. Ираклій, лишенный средствъ отразить ихъ, видѣлъ, какъ взята была Антіохія и вся Сирія. Аравитскіе завоеватели перешли въ Африку, взяли Александрію, гдѣ ожесточеніе сектъ было такъ велико, что многіе перешли на сторону непріятелей. Ираклій однимъ годомъ пережилъ ея паденіе и умеръ въ 641 году. Имперія осталась безъ Африки, питавшей все ея народонаселеніе, безъ Александріи, разливавшей дѣятельность и промышленность во всѣ направленія ея, безъ Сиріи и Антіохіи, безъ денегъ, безъ доходовъ и заключалась только въ одной Европѣ да на берегахъ мало-азійскихъ. Два императора изъ Ираклiевой фамиліи въ тотъ же годъ были возведены и умерщвлены. Юстинъ II удержался на престолѣ. Вмѣсто того, чтобы отнять завоеванныя арабами провинціи, онъ съ помощію тягостныхъ налоговъ соорудилъ флотъ и отправился съ нимъ въ Италію, не приносившую никакихъ почти доходовъ, съ намѣреніемъ очистить ее отъ ломбардовъ и даже перенести столицу свою въ Римъ изъ боязни къ мятежному Константинополю; но, разбитый ломбардами, онъ ограбилъ итальянскія провинціи; награбленная добыча вмѣстѣ съ флотомъ досталась арабамъ, и самъ онъ умеръ вдали Константинополя, убитый въ Сиракузахъ возмутившимся войскомъ. При сынѣ его Константинѣ Погонатѣ уже арабскія суда показались подъ стѣнами Константинополя: но огонь, принесенный Калиникомъ, спасъ его. Юстиніанъ II безразсудною жестокостью довершалъ внутреннее разстройство имперіи. Филиппъ Варданъ, умертвившій его (711), былъ въ свою очередь свергнутъ тогда же. Арабы овладѣли уже и послѣднею, вандальскою, Африкою. Анастасій-Артемій (713) хотѣлъ еще употребить всѣ силы противъ похитителей-арабовъ, но былъ убитъ войсками, возведшими простого гражданина Ѳеодосія III. Аравитяне вновь съ несравненно большимъ флотомъ показались подъ стѣнами Константинополя и осадили его; храбрый полководецъ Леонъ въ продолженіе двухъ лѣтъ выдерживалъ осаду: чума и голодъ истребили около 300.000 жителей въ имперіи, но осада была выдержана, арабы отражены, и храбрый Леонъ III провозглашенъ былъ императоромъ. Несмотря на всѣ достоинства свои, онъ произелъ слишкомъ сильное потрясеніе въ изнеможенномъ государствѣ истребленіемъ иконъ. Прежнія пренія были вытѣснены новыми, все государство раздѣлилось на двѣ стороны. Манихеяне, евтихіянцы, несторіяне, яковиты перестали быть дѣйствователями, были только партіи за иконы и противъ иконъ: православные принадлежали къ первой, еретики держались второй, а Леонъ противъ воли сдѣлался сподвижникомъ еретиковъ. Сынъ его Константинъ V Копронимъ даже уничтожилъ было монастыри. Гоненіе противъ иконъ продолжалось и при наслѣдникѣ его, Леонѣ IV, и было причиною совершеннаго уничтоженія власти императоровъ въ Италіи и раздѣла церквей латинской, греческой. Наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ императрицы Ирины (747), открывшей себѣ путь злодѣяніями и привлеченіемъ на сторону свою монаховъ, было прекращено это гоненіе и обращено на противную партію. Такимъ образомъ къ концу этого времени въ Константинополѣ образовалось совершенно духовное государство: монахи засѣдали въ совѣтахъ и вмѣсто важныхъ гражданскихъ дѣлъ были предлагаемы пренія о предметахъ религіозныхъ, отлученія и проскрипціи.

Первобытная жизнь арабовъ, Переворотъ на образованіе націи, произведенный Магометомъ, и завоеванія ихъ.

На образованіе арабовъ произвели глубокое вліяніе почва и климатъ страны. Полуостровъ аравійскій представляетъ сліяніе двухъ сильныхъ противоположностей: растительной и губящей силъ природы. Безводіе, кипящіе пески, каменныя пустыни, смертоносный вѣтеръ самумъ дѣлаютъ почти три четверти земель его вовсе необитаемыми. Оазы очень рѣдки и своимъ небольшимъ пространствомъ земли могли только служить временнымъ убѣжищемъ. Берега Краснаго моря, королевство Іеменъ, берега Персидскаго моря удобны для жизни. Главное произведеніе: ладанъ, кассія, финиковая пальма, кофе, бальзамовое дерево. Рука завоевателя не могла здѣсь найти пищи, и только одна торговля въ отдаленной древности пролагала незамѣтный путь чрезъ пустынный полуостровъ. Уже давно находились города: Саака, или Сааба, Мока, Ятребъ и, среди пустынь, Мекка.

Жители Аравіи отличались рѣзкою особенностію. Они были стройны, худощавы, оливковаго цвѣта, съ глазами и волосами угольной черноты. Прерываемая пустынями и необитаемыми мѣстами земля должна была создать разсѣянную и бродящую жизнь. Обитатели были двухъ родовъ: жители городовъ въ Іеменѣ и вообще въ южной Аравіи, называемые хадрами, и пустынные, бродящіе: бедеви, или бедуины. Арабы жили отдѣльными племенами подъ начальствомъ своихъ шейковъ, избираемыхъ изъ благородныхъ фамилій. Иногда нѣсколько шейковъ съ ихъ племенами признавали надъ собою власть одного независимаго эмира. Взаимной связи между ними было мало. Наслѣдственное мщеніе, подъ тропическимъ вліяніемъ климата, достигало высшей степени; брани были часто съ ожесточеніями, и часто многія племена, боясь мести, удалялись изъ полуострова. Такъ населилась арабами часть Сиріи, а въ Египтѣ Абиссинія. Ихъ отличительныя черты: быстрая воспламеняемость, великодушіе, гостепріимство, заглушаемыя мщеніемъ и жадностію къ корысти, гордость и чувство независимости, вдохнутое необозримымъ пространствомъ пустынь, наконецъ, сильное воображеніе, можетъ-быть, воздвигнутое рѣзкою противуположностію страны.

Религія. Единства религіи не было въ Аравіи. Гоненія и нетерпимость были причиною множества изгнанниковъ разныхъ сектъ, поселившихся въ Аравіи. Эти изгнанныя религіи были: сабеяне, или древніе халден, почитавшіе семь боговъ, или ангеловъ, правящихъ семью планетами, производящими вліяніе на міръ; маги, послѣдователи Зороастра; іудеи, имѣвшіе въ нѣкоторыхъ городахъ свои синагоги, и, наконецъ, христіане, состоявшіе изъ разныхъ угнетенныхъ сектъ: маріонитовъ, манихеянъ, яковитовъ, несторіанъ и др. Всякій арабъ слѣдовалъ своему произволу въ припятіи вѣры. Въ городахъ и южныхъ плодотворныхъ странахъ болѣе преобладала идолопоклонническая, въ пустыняхъ болѣе духовная. Храмъ Кааба въ Мекк[illegible], гдѣ находился знаменитый черный камень, было во всеобщемъ уваженіи и привлекалъ толпы поклонниковъ. Надзоръ надъ нимъ былъ порученъ знаменитой фамиліи шейковъ Корейшитовъ, древнихъ правителей Мекки. Таково было состояніе религіи народа до Магомета, произведшаго всеобщій переворотъ и преобразовавшаго всю Аравію въ одну націю.

Магометъ былъ изъ знаменитой фамиліи Корейшитовъ (род. въ Меккѣ 571), его дѣдъ Гашемъ былъ стражемъ камня Каабы. До 40 лѣтъ своего возраста онъ былъ бѣденъ, путешествовалъ с[illegible] чужими караванами. Поперемѣнно обращаясь съ христіанами, іудеями, магами, находясь то въ городахъ сирійскихъ среди людной греческой жизни, то въ раскаленныхъ пустыняхъ Аравіи, склонный къ мечтательности, онъ получилъ идею о преобразованіи религіи, видя съ соболѣзнованіемъ слабое вліяніе ея надъ арабами и раздробленіе ихъ націи. Онъ началъ проповѣдывать о единствѣ Бога, о своемъ посланничествѣ на землѣ, проповѣдывалъ имъ правила, занятыя у христіанъ, сабеянъ, маговъ, іудеевъ, смѣшанныя съ собственными мечтаніями. Желая сильнѣе дѣйствовать на пламенную, чувственную природу арабовъ, обѣщалъ рай, облеченный всею роскошью восточныхъ красокъ, и сопровождалъ все это рѣчами, исполненными энтузіазма, и звучными стихами. Ему вѣрили сначала жена его Кадиша, невольникъ его Саитъ и двоюродный братъ его 15-лѣтній Али, впослѣдствіи Абубекеръ, одинъ изъ уважаемыхъ гражданъ Мекки, наконецъ, множество народа. Всѣ почти Корейшиты вооружились противъ нововводителя, но Магометъ избѣгнулъ смерти бѣгствомъ въ Ятребъ (Медину), положившимъ начало магометанской эры. Медина, соперница и непріятельница Мекки, приняла его съ восторгомъ. Послѣдователи возросли. Тогда пророкъ взялъ въ руки оружіе и повелъ новыхъ почитателей Мослима на непризнававшую его Мекку. Послѣ многихъ битвъ, гдѣ Корейшиты употребляли всѣ силы противустать ему, Магометъ получилъ верхъ. Король іеменскій отдался ему добровольно; многіе шейки и эмиры подчинили себя его власти, и Аравія увидѣла надъ собою одного повелителя. Пророкъ умеръ (на 63 году), но нація осталась послѣ него соединенною силою религіи и энтузіазма.

Толпы родственниковъ Магометовыхъ изъявляли притязаніе занять его м[illegible]сто. Ближе всѣхъ былъ Али, женатый на дочери его, Фатимѣ, первый изъ правовѣрныхъ и самый жаркій его послѣдователь; но множество противниковъ и вліяніе послѣдней супруги Магомета, Аеши, было причиною, что шейки и эмиры провозгласили мудраго Абубекера калифомъ, или намѣстникомъ пророка. Абубекеръ собралъ всѣ мысли и правила Магомета, его стихи, мечтанія, видѣнія, записанныя въ разное время учениками, въ одну книгу, называемую «Коранъ».

Главныя положенія Корана были: Богъ единъ, безъ всякаго раздѣленія власти; Его министры, исполнители воли — ангелы и небесныя силы; власть Его проявлялась въ мірѣ чудесами и видѣніями; возвѣстили Его воли на землѣ — пророки, изъ которыхъ главнѣйшіе четыре: Авраамъ, Моисей, Іисусъ и Магометъ, послѣдующій былъ выше предыдущаго. Должно было вѣрить въ безсмертіе души, въ воскресеніе, послѣдній судъ, въ наказаніе добрыхъ и злыхъ. Правила, приспособленныя къ жизни и климату, полагались для всякаго правовѣрнаго слѣдующія: молитва пять разъ на день, милостыня, омовеніе, обрѣзаніе, постъ рамадана, воздержаніе крѣпкихъ напитковъ и нѣкоторыхъ мясъ. Алкоранъ состоялъ изъ двухъ частей; къ нимъ послѣ прибавлены сказанія и анекдоты о Магометѣ, составившіе третью часть, подъ именемъ Сунны; это произвело двѣ секты: принявшіе всѣ три назывались суннитами, принявшіе только двѣ первыя — шіитами.

Смерть пророка усилила энтузіазмъ и желаніе распространить защищаемую имъ вѣру. Полководцы Абубекера Абу-Обеидахъ и Каледъ, «Божій Мечъ», вступили въ Сирію и начали покореніе взятіемъ города Бостры. Изнѣженность жителей Сиріи, занимавшія ихъ секты, препія и партіи, измѣна и малодушіе намѣстниковъ открыли свободное поле ихъ дѣйствіямъ. Абубекеръ умеръ; Али опять былъ отстраненъ, взошелъ Омаръ, также тесть Магомета (634). Каледъ окончилъ завоеваніе Сиріи. Дамаскъ, Антіохія были взяты, Омаръ вступилъ во Іерусалимъ и заложилъ мечеть. Другой полководецъ его, Амру, перешелъ въ Африку и осадилъ Александрію, занятую ожесто-

ченными преніями и партіями. Копты и яковиты, преслѣдуемые дворомъ византійскимъ, приняли его сторону. Многочисленное народонаселеніе, необыкновенные источники богатства и морской силы дали возможность Александріи безъ помощи императора выдержать 14-мѣсячную осаду, послѣ чего она была взята (640), и весь Египетъ призналъ власть калифа. Третій полководецъ Омара Заидъ вступилъ въ Персію, разбилъ войска визиря Рустана, разрушилъ столицу Ктезифонъ и основалъ города Куфу и Бассору. Арабы ниспровергали всѣ идолы, статуи, образа, храмы, разрушили 4000 церквей, взяли 36000 городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ. Послѣ Омара опять былъ отстраненъ Али, несмотря на множество приверженцевъ, и провозглашенъ калифомъ слабый и престарѣлый Отманъ, но фанатизмъ придавалъ силу аравитянамъ. Полководецъ Абдала продолжалъ завоеванія въ западной Африкѣ взятіемъ Триполи; другой эмиръ, Моавія, изъ рода Омміадовъ, покорилъ Нубію, овладѣлъ частью Архипелажскихъ острововъ и разрушилъ колоссъ Родосскій. Покореніе Персіи продолжалось. Персидскій царь Ездежертъ долженъ былъ бѣжать изъ столицы своей Истакара (Персеполя). Персія обратилась въ область калифа. Персы приняли исламизмъ, и арабы, примущественно партизаны Али, поселились во множествѣ на персидской почвѣ. Отманъ былъ убитъ. Партія Али сдѣлалась уже слишкомъ сильною и возвела его въ званіе калифа. Исканіе честолюбиваго Моавіи и множество противниковъ возобновили старую вражду. Али былъ умерщвленъ тайно. Моавія провозглашенъ былъ намѣстникомъ пророка. Мученическая смерть Али и сыновей его, почитаемыхъ за истинно правовѣрныхъ, произвела множество новыхъ энтузіастовъ; всѣ шіиты приняли сторону Али. Фамилія Али осталась въ сильномъ уваженіи: многіе искали родства съ ними, чтобъ имѣть право на уваженіе и на престолъ. Зеленый цвѣтъ былъ отличительнымъ ихъ девизомъ.

Моавія началъ собою рядъ калифовъ Омміадскихъ и перенесъ столицу изъ пустынной Аравіи въ Дамаскъ: отселѣ начало перехода арабовъ къ новой гражданственности. На новой почвѣ, подъ новымъ небомъ, Моавія уже началъ оставлять суровую жизнь прежнихъ калифовъ. Доселѣ калифы даже среди цвѣтущихъ покоренныхъ странъ сохраняли простые обычаи: калифъ на расходы получалъ всего пять золотыхъ монетъ, хотя всѣ родственники Магометовы получали на содержаніе большія суммы; остатокъ доходовъ раздавалъ онъ добродѣтельнѣйшимъ людямъ въ государствѣ и нищимъ. Власть калифа была велика, потому что соединяла въ себѣ власть религіозную и свѣтскую: калифъ былъ папа и государь вмѣстѣ. Власть его не была ограничена ни національными собраніями, ни вліяніемъ дворянства, ни привилегіями духовенства, ни конституціями вольныхъ городовъ. Несмотря на разбросанность владѣній арабовъ и отдаленность эмировъ, строгое исполненіе законовъ Корана давало единство далеко раскинутому государству и утверждало верховность калифа. Арабы, принявши во владѣніе земли восточной имперіи, означили ихъ совершеннымъ преобразованіемъ, разрушеніемъ многихъ старыхъ городовъ и постройкою новыхъ въ аравійскомъ вкусѣ. Всѣ туземцы платили арабамъ только десятую долю своихъ доходовъ. Внутреннее правленіе въ городахъ, законы, обычаи и религія остались неприкосновенными; гоненіе арабовъ было только противъ жидовъ. Просвѣщеніе покоренныхъ провинцій произвело глубокое впечатлѣніе на побѣдителей, и они мало-по-малу входили въ жизнь подданныхъ прежней греческой имперіи и начали узнавать языкъ и обычаи ихъ. Моавія въ началѣ царствованія долженъ былъ бороться съ партіей Али; между тѣмъ въ Африкѣ взятъ былъ Карѳагенъ, и эмиръ Акбахъ, доходившій до Атлантическаго океана, построилъ Каироанъ, оставшійся метрополіей западной Африки. Корабли арабовъ подступали подъ Константинополь, но были отражены. При калифѣ Валидѣ Муза окончилъ покореніе Африки; посланный отъ него намѣстникъ Тарикъ покорилъ Испанію, и только мужество Карла Мартела остановило разлитіе арабскаго владычества въ западной Европѣ. Между тѣмъ покоренія продолжались на востокѣ: эмиръ Котаибъ прошелъ Транзоксіану, оттуда въ Туркестанъ и установилъ резиденцію свою въ Самаркандѣ, въ сос дствѣ владѣній императора китайскаго; Казимъ, намѣстникъ Котаиба, вторгнулся въ Индію и овладѣлъ правымъ берегомъ рѣки Инда. Въ Малой Азіи арабы встрѣчали болѣе сопротивленія, и покореніе ея было медленно отъ гористыхъ мѣстоположеній и мужественныхъ жителей; однакожъ, арабы остались обладателями горы Тавра и части Арменіи, сосѣдственной съ Кавказомъ. Всѣ покушенія противъ Константинополя были тщетны, и сильный, многочисленный флотъ калифа Солимана былъ совершенно разбитъ греческимъ огнемъ и храбростью Леона Изаврянина. Царственный домъ Омміадовъ былъ ненавидимъ и почитаемъ за похитителей калифскаго престола; кромѣ партіи Али усилилась еще партія Аббассидовъ, приверженная къ поколѣнію Аббаса, одного изъ дядей пророка. Притязанія Аббассидовъ на престолъ произвели внутреннюю борьбу и частыя брани между черными и бѣлыми, т. е. между Аббассидами и Омміадами, кончившіяся совершеннымъ истребленіемъ Омміадовъ. Только одинъ изъ нихъ, Абдерамъ, убѣжалъ въ Африку, сыскалъ тамъ себѣ приверженцевъ и, пользуясь раздорами испанскихъ арабовъ, утвердилъ тамъ свою власть, отдѣливъ это государство вовсе отъ калифата. Домъ Омміадовъ, продолжавшійся 90 лѣтъ, окончился убіеніемъ 14-го калифа Мервана II. Аббу-Аббасъ-Абдалахъ-Эль-Сафахъ началъ рядъ калифовъ Аббассидовъ. Послѣдовавшій ему братъ его Абу-Джафарь-Алъ-Манзоръ построилъ Багдадъ и перенесъ туда столицу свою изъ Дамаска, обширнаго своего калифата, и вліяніемъ своимъ сильно двинулъ гражданственное развитіе арабовъ.

Писано въ 1834—1835 гг.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ДРЕВНЮЮ ИСТОРІЮ

[ОТРЫВОКЪ].

Всеобщая исторія есть полное изображеніе жизни человѣчества во всѣ времена, во всѣхъ концахъ земли, отъ первоначальнаго его младенчества до нашихъ временъ.

Болѣе семи тысячъ лѣтъ прошло отъ созданія первыхъ двухъ человѣковъ и около половины этихъ лѣтъ совершенно потеряно для исторіи. Только съ появленіемъ первыхъ обществъ (слишкомъ за 2000 до Р. Х.) получаются начальныя свѣдѣнія о человѣчествѣ.

Исторія его заключается вся въ двухъ великихъ отдѣленіяхъ: въ первомъ—міръ древній, во второмъ—новый.

Оба они имѣли свое младенчество и полное развитіе. Для древняго міра младенчествомъ была эпоха восточнаго человѣчества, а зрѣлостью—собственно древній міръ, т. е. міръ грековъ и римлянъ. Для новаго младенчествомъ были времена рыцарства (иначе средніе), а зрѣлостью собственно новый міръ, т. е. тѣ послѣднія столѣтія.

Новый міръ имѣетъ разительное отличіе отъ древняго: другая религія, другіе законы, другіе нравы, другіе народы,—все это отдѣляетъ его совершенно отъ древняго.

Древній міръ даже и во время совершеннаго образованія своего не достигнулъ того просвѣщенія, до котораго досягнулъ новый.

Народы древняго міра всѣ помѣщались вокругъ Средиземнаго моря; имъ извѣстна была только половина Европы, пятая часть Азіи и едва ли четвертая—Африки: а народы новаго міра наполняютъ теперь весь земной шаръ

и владѣютъ землею въ двадцать разъ болѣе извѣстной прежде древнимъ народамъ.

Всю исторію древняго міра можно представить въ пяти періодахъ.

Въ первомъ помѣщается предъисторія или разсмотрѣніе міра до первыхъ обществъ; второй заключаетъ въ себѣ самыя древнія восточныя царства до установленія во всемъ древнемъ мірѣ первой всемірной монархіи — персидской; третій отъ первой всемірной монархіи персидской до второй всемірной монархіи — македонской; четвертый отъ второй всемірной мона[illegible]и до третьей всемірной монархіи— римской; пятый отъ установленія третьей всемірной монархіи—римской до паденія западной ея части и нашествія новыхъ, еще дикихъ народовъ.

Писано около 1834 г.

I. Набросски изъ древней исторіи (1835 г.).

1. Мидія.

Мидія страна выше Персіи. Мидяне назывались всѣ племена, [жившія] за Тигромъ въ этой странѣ. Изъ книги Зендавеста видно, что въ южной ихъ части уже давно существовало образованное государство. Характеръ жителей, поня(тія), черты горцевъ ..... по Геродоту изъ 6 племенъ. Между ними маги составили особенное. Арбакомъ, своимъ сатрапомъ, освобождаются отъ Ассиріи и составляютъ государство. При Дейокѣ (657+) имѣютъ новую столицу: Экбатану: при Фріортѣ покоря(ютъ) Персію (660); Ціаксаромъ обучаются въ военномъ искусствѣ, воюютъ съ лидянами, покоряютъ ассиріянъ, отражаютъ нападенія скиѳовъ и кимеріанъ и [полагаютъ границею] часть Евфрата. Наконецъ Астіагомъ оканчиваютъ свое существованіе и покоряются персами.

2. Вавилонъ.

Вавилонъ покоряетъ ассиріянъ, потомъ захватывается халдеями, воинами-пастухами. Навуходоносоръ возноситъ завоеваніями свою вавилоно-халдейскую монархію и даетъ ей блестящій вѣкъ, завоев(ываетъ) Финикію и разрушаетъ Тиръ, около 590 г. разоряетъ Іерусалимъ и уводитъ въ плѣнъ іудеевъ; опустошаетъ Египетъ, строитъ зданія и роетъ каналы [въ Вавилонѣ]. Послѣ него-[то] начинается время упаданія (sic) этого государства при Евильмеродахѣ-Тиглассарѣ-Лабосоаршадѣ, наконецъ покоряется Киромъ при Набонидѣ (Валтасарѣ) 532.

3. Малая Азія.

Малая Азія различнымъ мѣстоположеніемъ и окруженіемъ со всѣхъ сторонъ моремъ (sic) [наполнялась различными народами]: племена ѳракскія [преобладаютъ] сѣверною частью, на западѣ греческія, и (на) югѣ: въ серединѣ до Галиса — фригій(скія), за Галисомъ — сирокаппадокійскія. До Кира только три государства имѣютъ исторію. Два государства извѣстны въ глубокой древности: небольшое государство Троя, обязанная извѣстно(стью) чрезъ разрушеніе грековъ. Цари: Тейцеръ, Дарданъ, Ерихонъ, Трой, Илъ, Лаомедонъ, Гераклъ и Фриксъ управляли царствомъ [гордіевымъ и мидами] до покоренія Крезомъ.

Но сильнѣе ихъ всѣхъ и замѣчательнѣе лидійцы, вѣтвь карійцевъ. Воюютъ при Гигѣ (680) съ греческими колоніями, терпятъ отъ кимеріянъ при Садіаттѣ и Аліаттѣ, покоряютъ Смирну, при Крезѣ завоев(ываютъ) Эфесъ, распространяются по всей передней Азіи до [Галиса] и составляютъ богатѣйшее государство, покамѣстъ не покоряется Киромъ.

4. Финикіяне.

Положеніе земли и береговое плаваніе дѣлаетъ ихъ рыбаками; ... сильныхъ сосѣдей, заставляетъ искать другихъ земель, живетъ [въ морѣ], раждаетъ предпріимчивость и возражда(ет) охоту къ странствіямъ. Она не составляетъ государст(ва), но множество независимыхъ городовъ, связанныхъ конфедеративно. Тиръ выгодностью положенія... привлекало богатство, а богатствомъ и древностью существованія первенство надъ другими городами. Цари только—верховные начальники республики: [.....] къ аристократіямъ сильныхъ фамилій, какъ во всѣхъ купеческихъ государства(хъ). Посредствомъ [колоній] распространяются по берегамъ Средиземнаго моря. Колоніи образуются изъ необходимости укрѣпить свою торговлю. Онѣ умножаются отъ множества (sic) бѣдняковъ, отъ которыхъ желаютъ избавиться аристократы, отъ политическихъ изгнанниковъ. Колоніи въ древнія времена ихъ на Архипелагѣ; но оттуда [вытѣсняются] греческими: онѣ укрѣпляются въ южной Испаніи. Тартесъ, Кадесъ, Картейя, въ части сѣверной Африки; на западѣ, въ Малой Сиртѣ, заводятъ Утику, Карѳагенъ, Адруметъ; въ сѣверовосточной части Сициліи: Панормусъ, Лилибеумъ. Предполагаютъ ихъ даже на заливѣ Персидскомъ, на островахъ Багарейнскихъ: Тилосѣ и Арадусѣ. Множество новыхъ произведеній въ новооткрытыхъ земляхъ даютъ финикіанамъ монополію европейск(ой) торговли и расширяютъ этимъ самымъ и торговлю ихъ.

Но разсмотримъ торговлю азіатскую. Она производится между образованными и необразованными, (между) благородными и невоздѣланными матеріалами, между Сиріей и Малою Азіей, отдаленною Индіею и Китаемъ съ [.....] военно-купеческими, и центромъ ея служитъ Вавилонъ. Эта торговля двигается и пресѣ(кается) по причинѣ большихъ азіатскихъ переворотовъ: одно госуд(арство) обнимало другія; остальныя не имѣли правильнаго теченія. Предметомъ товаровъ ея было золото, какъ матеріалъ, бывшій въ гораздо большемъ употребленіи, нежели во времена новыя. Его источникъ — Лидія, богатая золотымъ пескомъ изъ горъ на восточныхъ границахъ Бухаріи. На недостаточность его при такомъ употребленіи указываетъ другой источникъ — сѣверъ: Карпатъ, Алтай, Сибирь, облеченный миѳами и баснословіями массагетовъ и аримасповъ, крывшихъ золото у грифовъ. Серебро въ [маломъ] употребленіи получается изъ западной страны Кавказа, Халиба; рудокопни въ Бактріи.

Употребленіе драгоцѣнныхъ камней было чрезвычайною принадлежностью востока: конныя сбруи, военныя украш(енія), [царскихъ] сатраповъ: камни, сарды, ониксы, сародониксы (sic), смарагды и сафиры извлекаются изъ горъ на границахъ Малой Бухаріи. *Жемчугъ*, какъ необходимое (царское) украшеніе; (нить его) изъ Цейлона и Индіи.

Одежды больше бумажныя и шерстяныя. Хлопчатая бумага — изъ Индіи. Множество тонкой козьей шерсти, верблюжьей, было въ Тибетѣ, въ горахъ сѣверной Индіи, въ странѣ Белужской или въ сосѣдствѣ кашемирскихъ овецъ. Верблюды вездѣ; ковры, шали; пестрые и яркіе цвѣта.

Наконецъ [третья] одна изъ важныхъ статей — ароматы, по всеобщей употребительности на жертвоприношенія (ладанъ, смирна, муро, корица, гвоздика) — и на убранство и наряды (Индія и Аравія).

Хлѣбъ въ торговлю поступалъ на время, въ экстренныхъ случаяхъ голода; по громоздкости оставался больше въ неподвижномъ состояніи. Изобиліе его въ берегахъ Евфрата въ Малой Азіи, но болѣ(е) всего въ Африкѣ: въ Египтѣ и (въ) Варваріи. Вино совершало небольшой кругъ торговли. Масло имѣло обширный кругъ по всеоб-

щему употребленію и обычаю (свѣтильни, — уборка головы)—и по незнанью коровьяго—въ пищу (деревянное).

Итакъ, позади Финикіи находилась Азія, плодоносная, уже роскошная и изобрѣтательная, впереди—Европа, еще грубая, съ произведеніями нетронутыми.

Такова (была) торговля и ея обращеніе; (но) незначительный уголокъ Сирійскій, Финикія, мало могъ внести [дани] въ общую торговлю своихъ произведеній; но онѣ, безпрестанно [открывая] новыя и новыя произведенія Европы, дали ему всѣ средства, и онъ вдвинулъ въ Азію присредиземно-морскую Европу и Африку. Они вносятъ бездну серебра испанскаго, англійскаго олова, балтійскаго янтаря и наконецъ пурпуръ, сдѣлавшійся... по всеобщей употребительности роскошнымъ Востокомъ багряницъ. Этими произведеніями своими они противопоставляютъ Востоку равно стоящія..... торговлю въ Тирѣ, дѣлаетъ ее несравненно обширнѣе старыхъ, почти новую половину міра, и быстрымъ морскимъ распространеніемъ на западѣ получаютъ предпріимчивость распространиться на востокъ и, несмотря на всѣ неудобства сухопутной торговли, проникаютъ всюду, какъ жиды въ [новыя] времена, даже входятъ въ неприступный Египетъ, и уже въ древности въ Мемфисѣ находится цѣлый кварталъ, заселенный финикіанами. Пользуясь безпечностью азіатскихъ народовъ и неподвижностью ихъ, захватываютъ совершенно монополію всей торговли и превращаются совершенно массой всей своей націи въ купцовъ. Ихъ отечественную землю опустошаетъ Навуходоносоръ, сноситъ до тла ихъ (городъ) Тиръ. Ихъ облагаютъ данью египетскіе фараоны. Но все это почувствуется въ колоніяхъ, едва чувствуясь въ жителяхъ, которыхъ влечетъ въ торговлю и отдаленная колонія. Города ихъ строятся и вновь мгновенно получаютъ прежній блескъ. Богатство матеріаловъ зараждаю(тъ) фабрики финикійскія тканей, одѣвающихъ весь древній міръ. Совершенно практическое устремленіе жизни производитъ множест(во) изобрѣтеній, относящихся къ жизни практической. Вѣсъ, монеты, счетъ, всѣ улучшенія торговли и мореплаванія букв(ально) принадлежали имъ. Они первые зародили движеніе и вовлекли въ сообщеніе востокъ.

Писано около 1835 г.

АЛЕКСАНДРЪ.

Блистательный характеръ съ эстетическою душою. Окружалъ себя щедростью, чтобы ослѣпить чернь. Искрененъ—какъ ровный съ друзьями: веселый предсѣдатель пиршествъ — для тщеславія, чтобы слышать дивящихся его остротѣ, веселости, уму и непринужденности. Въ отношеніи къ поступкамъ своимъ, сначала—строгъ, и ученъ съ мудрымъ. Словомъ, во всемъ и надо всѣмъ хотѣлъ онъ быть царемъ. Ненасыщаемая жажда быть хвалиму, властвовать разомъ — надъ міромъ вакхическихъ блюдъ за чашей, надъ стоиками, надъ чернью, въ кругу поэтовъ.

Называя себя богомъ, для того, чтобы скорѣе заставить покориться всѣ народы, дорожилъ дружбою аѳинянъ, писалъ самъ письма ко всѣмъ друзьямъ своимъ.

Великое намѣреніе—соединить тѣснѣе міръ и разнесть вездѣ греческое просвѣщеніе; завязать сильнѣе торговлю и устремить со всѣхъ сторонъ въ одно мѣсто народы (для этого — Александрія); если не изгладить, то уменьшить разность въ нравахъ между персами и греками, мирить европеизмъ съ востокомъ: отсюда утрата національности; пламенная религіозность исчезла и вмѣсто ея — одни суевѣрія, шаткая философія, начало схоластизма.

Писано около 1835 г.

О ДВИЖЕНІИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ въ 1834 и 1835 году.

Журнальная литература, эта живая, свѣжая, говорливая, чуткая литература, такъ же необходима въ области наукъ и художествъ, какъ пути сообщенія для государства, какъ ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочаетъ вкусомъ толпы, обращаетъ и пускаетъ въ ходъ все выходящее наружу въ книжномъ мірѣ, и которое безъ того было бы, въ обоихъ смыслахъ, мертвымъ капиталомъ. Она — быстрый, своенравный размѣнъ всеобщихъ мнѣній, живой разговоръ всего тиснимаго типографскими станками; ея голосъ есть вѣрный представитель мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, — мнѣній, безъ нея бы исчезнувшихъ безгласно. Она волею и неволею захватываетъ и увлекаетъ въ свою область девять-десятыхъ всего, что дѣлается принадлежностію литературы. Сколько есть людей, которые судятъ, говорятъ и толкуютъ потому, что всѣ сужденія поднесены имъ почти готовыя, и которые сами отъ себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили. И такъ, журнальная литература во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго пристальнаго вниманія.

Можетъ-быть, давно у насъ не было такъ рѣзко замѣтно отсутствія журнальной дѣятельности и живого современнаго движенія, какъ въ послѣдніе два года. Безцвѣтность была выраженіемъ большей части повременныхъ изданій. Многіе старые журналы прекратились, другіе тянулись медленно и вяло; новыхъ, кромѣ «Библіотеки для чтенія» и впослѣдствіи «Московскаго Наблюдателя», не показалось, между тѣмъ какъ именно въ это время была замѣтна всеобщая потребность умственной пищи и значительно возросло число читающихъ. Какъ ни бѣдна эта эпоха, но она такое же имѣетъ право на наше вниманіе, какъ и та, которая бы кипѣла движеніемъ, ибо также принадлежитъ исторіи нашей словесности. Читатели имѣли полное право жаловаться на скудость и постный видъ нашихъ журналовъ: «Телеграфъ» давно потерялъ тотъ рѣзкій тонъ, который давало ему воинственное его положеніе въ отношеніи журналовъ петербургскихъ; «Телескопъ» наполнялся статьями, въ которыхъ не было ничего свѣжаго, животрепещущаго. Въ это время книгопродавецъ Смирдинъ, давно уже извѣстный своею дѣятельностью и добросовѣстностью, который одинъ только, къ стыду прочихъ недальнозоркихъ своихъ товарищей, показалъ предпріимчивость и своими оборотами далъ движеніе книжной торговлѣ, — книгопродавецъ Смирдинъ рѣшился издавать журналъ, обширный, энциклопедическій, завоевать всѣхъ литераторовъ, сколько ни есть ихъ въ Россіи, и заставить ихъ участвовать въ своемъ предпріятіи. Въ программѣ были выставлены имена почти всѣхъ нашихъ писателей. Профессоръ арабской словесности, г. Сенковскій, взялся быть распорядителемъ журнала; къ нему былъ присоединенъ редакторомъ г. Гречъ извѣстный уже постояннымъ изданіемъ двухъ журналовъ: «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества». Не знаемъ, сами ли они взялись за сіе дѣло, или упрошены были г. Смирдинымъ; но въ томъ и другомъ случаѣ книгопродавецъ, по общему мнѣнію, поступилъ нѣсколько неосмотрительно. Успѣвши соединить для своего изданія такое множество литераторовъ, онъ долженъ былъ предоставить ихъ суду избраніе редактора.

Никто тогда не позаботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ. Журналъ на сей счетъ отозвался глухо обыкновеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и неприличности, — обѣщаніе, которое даетъ всякій журналистъ. Съ выходомъ первой

книжки публика ясно увидѣла, что въ журналѣ господствуетъ тонъ, мнѣнія и мысли *одного*; что имена писателей, которыхъ блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавнаго листка, взята была только напрокатъ, для привлеченія бо́льшаго числа подписчиковъ.

Книгопродавецъ Смирдинъ исполнилъ съ своей стороны все, чего публика въ правѣ была *отъ него* требовать. Ту же самую честность, которая всегда отличала его, показалъ онъ въ изданіи журнала. Журналъ выходилъ съ необыкновенною исправностью: подписчики, вмѣстѣ съ первымъ числомъ каждаго мѣсяца, встрѣчали толстую книгу, какой у насъ въ прежнее время ни одна типографія не могла бы поставить въ два мѣсяца. Вмѣсто обѣщаннаго числа осьмнадцати листовъ въ мѣсяцъ, выходило иногда вдвое болѣе. Теперь разсмотримъ, исполнили ли долгъ тѣ, которымъ онъ ввѣрилъ внутреннее распоряженіе журнала. — Главнымъ дѣятелемъ и движущею пружиною всего журналв былъ г. Сенковскій. Имя г. Греча выставлено было только для формы, — но крайней тѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречъ давно уже сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго, пожилого человѣка приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы. Но какая цѣль была редакціи этого журнала, какую задачу предположила она рѣшить? Здѣсь поневолѣ должны мы задуматься, что̀, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ и читатель. Въ программѣ ничего не сказалъ г. Сенковскій о томъ, какой начерталъ для себя путь, какую выбралъ себѣ цѣль; всѣ увидѣли только, что онъ взошелъ незамѣтно въ первый номеръ и въ концѣ его развернулся, какъ полный хозяинъ.

Впрочемъ, нельзя жаловаться и на это: положимъ, для журналиста необходимъ рѣзкій тонъ и нѣкоторая даже дерзость (чего, однакожъ, мы не одобряемъ, хотя намъ извѣстно, что съ подобными качествами журналисты всегда выигрываютъ въ мнѣніи толпы); но на что̀ преимущественно было обращено вниманіе сего хозяина; какая мысль его пересиливала всѣ прочія; къ чему направлено было его пристрастіе; были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила, безъ коихъ человѣкъ дѣлается безхарактернымъ, которыя даютъ ему оригинальность и опредѣляютъ его физіогномію?

Прочитавши все, помѣщенное имъ въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ, невольно остановимся въ изумленіи: что̀ это такое? что̀ заставляло писать этого человѣка? Мы видимъ человѣка, который беретъ деньги вовсе не даромъ; который трудится до поту лица, не только заботится о своихъ статьяхъ, но даже переправляетъ чужія,—однимъ словомъ, является неутомимымъ. Для чего же вся эта дѣятельность? Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій и скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ качествахъ его статей. Это во всѣхъ отношеніяхъ необходимо.

Г. Сенковскій является въ журналѣ своемъ какъ критикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ, какъ глашатай повостей и проч. и проч., является въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджу-Оглу, А. Бѣлкина, наконецъ, въ собственномъ видѣ. Какъ ученый, г. Сенковскій помѣстилъ довольно большую статью о сагахъ, — статью, исполненную гипотезъ, не собственныхъ, но схваченныхъ наудачу изъ разныхъ бѣгло прочитанныхъ книгъ,— гипотезъ, вовсе не принадлежащихъ русской исторіи. Эти саги, которыя проницательный Шлецеръ, не имѣющій довынѣ равнаго по строгому и глубокому критическому взгляду, призналъ за басни, недостойныя никакого вниманія, — эти саги онъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ русской исторіи и не приводитъ ни одного доказательства, повѣреннаго критикою: онъ вовсе не опредѣлилъ имъ истиннаго и единственнаго достоинства. Саги суть поэтическое созданіе народа, игравшаго великую въ исторіи роль. Эта статья, испещренная реторическими фигурами, поправилась добрымъ, не ограниченнымъ людямъ; а г. Булгаринъ даже написалъ рецензію, въ которой поставилъ г. Сенковскаго выше Шлёцера, Гумбольдта и всѣхъ когда-либо существовавшихъ ученыхъ. Другое весьма важное притязаніе г. Сенковскаго и настоящій конекъ его есть — Востокъ. Здѣсь онъ всегда возвышалъ голосъ, и какъ только выходило какое-нибудь сочиненіе о Востокѣ, или упоминалось гдѣ-нибудь о Востокѣ, хотя бы даже это было въ стихотвореніи, онъ гнѣвался и утверждалъ, что авторъ не можетъ судить и не долженъ судить о Востокѣ, что онъ не знаетъ Востока. Слово, сказанное съ сердцемъ, очень извинительно въ человѣкѣ, влюбленномъ въ свой предметъ и который, между тѣмъ, видитъ, какъ мало понимаютъ его другіе; но этотъ человѣкъ уже долженъ, по крайней мѣрѣ, утвердить за собою авторитетъ. Г. Сенковскому, точно, слѣдовало бы издать что-нибудь о Востокѣ. Человѣку, ничего не сдѣлавшему, трудно вѣрить на-слово, особливо когда его сужденія такъ легковѣсны и проникнуты духомъ нетерпимости; а изъ нѣкоторыхъ его отрывковъ о Востокѣ видны тѣ же самые недостатки, которые онъ безпрестанно порицаетъ у другихъ. Ничего новаго не сказалъ онъ въ нихъ о Востокѣ,—ни одной яркой черты, сильной мысли, геніальнаго предположенія! Нельзя отвергать, чтобы г. Сенковскій не имѣлъ свѣдѣній; напротивъ, очень видно, что онъ много читалъ; но у него нигдѣ незамѣтно этой движущей, господствующей силы, которая направляла бы его къ какой-нибудь цѣли. Всѣ эти свѣдѣнія находятся у него въ какомъ-то броженіи, другъ другу противорѣчатъ, между собой не уживаются. Разсмотримъ его мнѣнія, относящіяся собственно къ текущей изящной литературѣ. Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ отсутствіе всякаго мнѣнія, такъ что ни одинъ изъ читателей не можетъ сказать навѣрное, что̀ болѣе нравилось рецензенту и заняло его душу, что̀ пришлось по его чувствамъ: въ его рецензіяхъ нѣтъ *ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса, — вовсе никакого*. То, что̀ ему нравится сегодня, завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ. Онъ первый поставилъ г. Кукольника наряду съ Гёте, и самомъ же объявилъ, что это сдѣлано имъ потому только, что такъ ему вздумалось. Стало-быть, у него рецензія не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто—слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ. Вальтеръ-Скоттъ, этотъ великій геній, коего безсмертныя созданія объемлютъ жизнь съ такою полнотою, Вальтеръ-Скоттъ названъ шарлатаномъ. И это читала Россія, это говорилось людямъ уже образованнымъ, уже читавшимъ Вальтеръ-Скотта. Можно быть увѣрену, что г. Сенковскій сказалъ это безъ всякаго намѣренія, изъ одной опрометчивости, потому что онъ никогда не заботится о томъ, что̀ говоритъ, и въ слѣдующей статьѣ уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предыдущей.

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій тоже никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами; или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, что̀ предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнилъ, и если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ; надъ ними шутилъ, трунилъ и показывалъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ. Наконецъ, даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ: *сей* и *оный*, которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ русскомъ слогѣ.

Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны имъ были цѣлые трактаты, и статьи его, разсуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія *сей* и *оный* совершенно неприличны. Это напомнило старый процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятиричное *i*, который впослѣдствіи, еще не такъ давно, поддерживалъ одинъ профессоръ. Книга, въ которой г. Сенковскій встрѣчалъ эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ.

Его собственныя сочиненія, повѣсти и тому подобное являлись подъ фирмою Брамбеуса. Эти повѣсти и статьи въ родѣ повѣстей, своимъ близкимъ, неумѣреннымъ подражаніемъ нынѣшнимъ писателямъ французскимъ, произвели всеобщее изумленіе, потому что г. Сенковскій охуждалъ гласно всю текущую французскую литературу. Непостижимо, какъ въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ такъ мало смѣтливости и до такой степени считалъ простоватыми своихъ читателей. Не извѣстно тоже, почему называлъ онъ нѣкоторыя статьи свои фантастическими. Отсутствіе всякой истины, естественности и вѣроятности еще нельзя считать фантастическимъ. Фантастическія сочиненія Б. Браумбеуса напоминаютъ книги, какихъ нѣкогда было очень много, какъ-то: «Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай», и тому подобныя: та же безотчетность и еще менѣе устремленія къ доказательству какой-нибудь мысли. Опытные читатели замѣтили въ нихъ чрезвычайно много похищеній, сдѣланныхъ наскоро, на всемъ бѣгу: авторъ мало заботился о ихъ связи. То, что въ оригиналахъ имѣло смыслъ, то въ копіи было безъ всякаго значенія.

Таковы были труды и дѣйствія распорядителя «Б. для Чт.». Мы почли нужнымъ упомянуть о нихъ нѣсколько обстоятельнѣе потому, что онъ одинъ законодательствовалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», и что мнѣнія его разносились чрезвычайно быстро; вмѣстѣ съ четырьмя тысячами экземпляровъ журнала, по всему лицу Россіи.

Невозможно, чтобы журналъ, издаваемый при средствахъ, доставленныхъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, былъ плохъ. Онъ уже выигрывалъ тѣмъ, что издавался въ большомъ объемѣ, толстыми книгами. Это для подписчиковъ была пріятная новость, особливо для жителей нашихъ городовъ и сельскихъ помѣщиковъ. Въ «Библіотекѣ» находились переводы иногда любопытныхъ статей изъ иностранныхъ журналовъ, въ отдѣлѣ стихотворномъ попадались имена свѣтилъ русскаго Парнасса. Но постоянно лучшимъ отдѣленіемъ ея была *смѣсь*, вмѣщавшая въ себѣ очень много разнообразныхъ свѣжихъ новостей, отдѣленіе живое, чисто журнальное. Изящная проза, оригинальная и переводная, — повѣсти и прочее, — оказывала очень мало вкуса и выбора. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» случилось еще одно, дотолѣ неслыханное на Руси явленіе. Распорядитель ея сталъ переправлять и передѣлывать всѣ почти статьи, въ ней печатаемыя, и любопытно то, что онъ объявлялъ объ этомъ самъ довольно смѣло и откровенно. «У насъ», говоритъ онъ: «въ «Библіотекѣ для Чтенія», не такъ, какъ въ другихъ журналахъ: мы никакой повѣсти не оставляемъ въ прежнемъ видѣ, всякую передѣлываемъ; иногда составляемъ изъ двухъ одну, иногда изъ трехъ, и статья значительно улучшается нашими передѣлками». Такой страшной опеки до сихъ поръ на Руси еще не бывало.

Многіе писатели начали опасаться, чтобы публика не приняла статей, часто помѣщаемыхъ безъ подписи или подъ вымышленными именами, за ихъ собственныя, и потому начали отказываться отъ участія въ изданіи сего журнала. Число сотрудниковъ такъ умалилось, что на другой годъ издатели уже не выставили длиннаго списка именъ и упомянули глухо, что участвуютъ лучшіе литераторы, не означая какіе. Журналъ хотя не измѣнился въ величинѣ и планѣ, но статьи замѣтно начали быть хуже; видно было менѣе старанія. «Библіотеку» уже менѣе читали въ столицахъ, но все такъ же много въ провинціяхъ, и мнѣнія ея такъ же обращались быстро. Обратимся къ другимъ журналамъ.

«Сѣверная Пчела» заключалъ въ себѣ офиціальныя извѣстія и въ этомъ отношеніи выполнила свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, г. Гречъ, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ которую сбрасывалъ всякій все, что ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ «Сѣверной Пчелѣ» пробовали остроту пера разные незнакомцы, скрывавшіеся подъ разными буквами, — безъ сомнѣнія, люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удальства. Они нападали развѣ уже на самаго беззащитнаго и круглаго сироту. Насчетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобы расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя весь грѣхъ такою оговоркою: «Впрочемъ, желательно, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія погрѣшности отиосительно языка и слога», или: «Хорошая книга требуетъ хорошаго изданія», и тому подобное, за что авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ столицѣ, о помадѣ и проч.; сіи извѣстія иногда довольно остроумны и въ шуткахъ своихъ показывали ловкихъ и хорошо воспитанныхъ людей, безъ сомнѣнія, имѣвшихъ основательныя причины быть довольными фабрикантами. Впрочемъ, отъ «Сѣверной Пчелы» больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша; ея дѣломъ было пригласилъ публику, а судить она предоставляла самой публикѣ.

Журналъ, носившій названіе «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива», былъ почти невидимкою во все время. О немъ никто не говорилъ, на него никто не ссылался, несмотря на то, что онъ выходилъ исправно еженедѣльно и что печаталъ такую огромную программу на своей оберткѣ, какую врядъ-ли гдѣ можно было встрѣтить. Въ «Сынѣ Отечества» (говорила программа) будетъ археологія, медицина, правовѣдѣніе, статистика, русская исторія, всеобщая исторія, русская словесность, иностранная словесность, наконецъ просто словесность, географія, этнографія, историческая галлерея, и проч. Иной ахнетъ, прочитавши такую ужасную программу, и подумаетъ, что это огромнѣйшее энциклопедическое изданіе, когда-либо существовавшее на свѣтѣ. Ничуть не бывало: выходила худенькая, тоненькая книжечка въ три листа, начинавшаяся статьею о какихъ нибудь болѣзняхъ, которой не читали даже медики. Критическая статья, а тѣмъ еще болѣе живая и современная, не была въ немъ постоянною. Новости политическія были тѣ же сухіе факты, взятые изъ «Сѣверной Пчелы», слѣдственно уже всѣмъ извѣстные. Помѣщаемыя какія-то оригинальныя повѣсти были довольно странны, чрезвычайно коротенькія и совершенно безцвѣтны. Если попадалось что-нибудь достойное замѣчанія, то оно оставалось незамѣтнымъ. Имена редакторовъ, гг. Булгарина и Греча, стояли только на заглавномъ листкѣ; но съ ихъ стороны рѣшительно не было видно никакого участія. Однакожъ, журналъ существовалъ, сталобыть, читатели и подписчики были. Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди, живущіе въ провинціяхъ, которымъ что-нибудь почитать такъ же необходимо, какъ заснуть часикъ послѣ обѣда или выбриться два раза въ недѣлю.

Издавалась еще въ Петербургѣ, въ продолженіе всего этого времени, газета чисто-литературная, освобожденная отъ всякихъ вторженій наукъ и важныхъ свѣдѣній, — не политическая, не статистическая, не энциклопедическая, любительница стараго, но при всемъ томъ имѣвшая особенный характеръ, Названіе этой газеты: «Литературная прибавленія къ Инвалиду». Въ ней помѣщались легонькія повѣсти, бесѣды деревенскихъ помѣщиковъ о литературѣ, бесѣды часто довольно обыкновенныя, но иногда мѣстами проникнутыя колкостями, близкими къ истинѣ: читатель, къ изумленію своему, видѣлъ, что помѣщики къ концу статьи дѣлались совершенными литераторами, принимали къ сердцу текущую литературу и приправляли свои мнѣнія ѣдкою насмѣшкою. Этотъ журналъ всегда оказывалъ оппозицію противу всякаго счастливаго наѣзднка, хотя его вся тактика часто состояла только въ томъ, что онъ выписывалъ одно какое-нибудь мѣсто, доказывающее журнальную опрометчивость, и присовокуплялъ отъ себя довольно злое замѣчаніе, не длиннѣе строчки, съ восклицательнымъ знакомъ. Г. Воейковъ былъ чрезвычайно дѣятельный ловецъ и, какъ рыбакъ, сидѣлъ съ удой на берегу, не теряя терпѣнія, хотя на его уду попадалась большею частію мелкая рыба, а большая обрывалась. Въ редакторѣ была замѣтна чисто-литературная жизнь, и онъ съ неохлажденнымъ вниманіемъ не сводилъ глазъ съ журнальнаго поля. Я не знаю, много ли было читателей его газеты, но она очень стоила того, чтобы иногда въ нее заглянуть.

Въ Москвѣ издавался одинъ только «Телескопъ», съ небольшими листками прибавленія, подъ именемъ «Молвы»,—журналъ, вначалѣ отозвавшійся живостью, но вскорѣ простывшій, наполнявшійся статьями безъ всякаго разбора, лишенный всякаго литературнаго движенія. Видно было, что издатели не прилагали о немъ никакого старанія и выдавали книжки какъ-нибудь.

Монополія, захваченная «Библіотекою для Чтенія», не могла не задѣть за живое другихъ журналовъ. Но «Сѣверная Пчела» была издаваема тѣмъ же самымъ г. Гречемъ, котораго имя нѣкоторое время стояло на заглавномъ листкѣ въ «Библіотекѣ», какъ главнаго ея редактора, хотя это званіе, какъ мы уже видѣли, было только почетное, и потому очень естественно, что «Сѣверная Пчела» должна была хвалить все, помѣщаемое въ «Библіотекѣ», и настоящаго ея движителя, являвшагося подъ множествомъ разныхъ именъ, называть русскимъ Гумбольдтомъ. Но и безъ того она врядъ ли бы могла явиться сильною противницею, потому что не управлялась единою волею: разные литераторы заглядывали туда только по своей надобности. «Сынъ Отечества» долженъ былъ повторять слова «Пчелы». Итакъ, всего только два журнала могли возстать противъ его мнѣній. Г. Воейковъ показалъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» что-то похожее на оппозицію; но оппозиція его состояла въ легкихъ замѣткахъ журнальныхъ промаховъ и иногда удачной остротѣ, выраженныхъ отрывисто, въ немногихъ словахъ, съ насмѣшкою, очень понятною для немногихъ литераторовъ, но незамѣтною для непосвященныхъ. Нигдѣ не помѣстилъ онъ обстоятельной и основательной критики, которая опредѣлила бы сколько-нибудь направленіе новаго журнала. «Телескопъ» въ соединеніи съ «Молвою» дѣйствовалъ противъ «Библіотеки для Чтенія», но дѣйствовалъ слабо, безъ постоянства, терпѣнія и необходимаго хладнокровія. Въ статьяхъ критическихъ онъ былъ часто исполненъ негодованія противъ новаго счастливца, шутилъ надъ барствомъ г. Сенковскаго, сдѣлалъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно его страннаго подражанія французскимъ писателямъ, но не видѣлъ дѣла во всей ясности. Въ «Молвѣ» повторялись тѣ же намеки на Брамбеуса, часто по поводу разбора совершенно посторонняго сочиненія. Кромѣ того, «Телескопъ» много вредилъ себѣ опаздываніемъ книжекъ, неаккуратностію изданія, и критическія статьи его чрезъ то еще менѣе были въ оборотѣ.

Очевидно, что силы и средства этихъ журналовъ были слишкомъ слабы въ отношеніи къ «Библіотекѣ для Чтенія», которая была между ними, какъ слонъ между мелкими четвероногими. Ихъ бой былъ слишкомъ неравенъ, и они, кажется, не приняли въ соображеніе, что «Библіотека для Чтенія» имѣла около пяти тысячъ подписчиковъ; что мнѣнія «Библіотеки для Чтенія» разносились въ такихъ слояхъ общества, гдѣ даже не слышали, существуютъ ли «Телескопъ» и «Литературныя Прибавленія»: что мнѣнія и сочиненія, помѣщаемыя въ «Библіотекѣ для Чтенія», были расхвалены издателями той же «Библіотеки для Чтенія», скрывавшимися подъ разными именами, расхвалены съ энтузіазмомъ, всегда имѣющимъ вліяніе на большую часть публики; ибо то, что смѣшно для читателей просвѣщенныхъ, тому вѣрятъ со всѣмъ простодушіемъ читатели ограниченные, какихъ, по количеству подписчиковъ, можно предполагать болѣе между читателями «Библіотеки», и ктому же большая часть подписчиковъ были люди новые, дотолѣ не знавшіе журналовъ, слѣдственно принимавшіе все за чистую истину; что, наконецъ, «Библіотека для Чтенія» имѣла сильное для себя подкрѣпленіе въ 4000 экземплярахъ «Сѣверной Пчелы».

Ропотъ на такую неслыханную монополію сдѣлался силенъ. Въ Москвѣ, наконецъ, нѣсколько литераторовъ рѣшились издавать какой-нибудь свой журналъ. Новый журналъ нуженъ былъ не для публики, т. е. для большаго числа читателей, но собственно для литераторовъ, различно притѣсняемыхъ «Библіотекою». Онъ былъ нуженъ: 1) для тѣхъ, которые желали имѣть пріютъ для своихъ мнѣній, ибо *Б. д. Ч.* не принимала никакихъ критическихъ статей, если не были онѣ по вкусу главнаго распорядителя; 2) для тѣхъ, которые видѣли съ изумленіемъ, какъ на ихъ собственныя сочиненія наложена была рука распорядителя, ибо г. Сенковскій началъ уже переправлять, безо всякаго разбора лицъ, всѣ статьи, отдаваемыя въ «Библіотеку». Онъ переправлялъ статьи военныя, историческія, литературныя, относящіяся къ политической экономіи и проч., и все это дѣлалъ безъ всякаго дурного намѣренія, даже безъ всякаго отчета, не руководствуясь никакимъ чувствомъ надобности или приличія. Онъ даже придѣлалъ свой конецъ къ комедіи Фонвизина, не разсмотрѣвши, что она и безъ того была съ концомъ.

Все это было очень досадно для писателей, рѣшительно не имѣвшихъ мѣста, куда бы могли подать жалобу свѣту и читателямъ.

Но уже одинъ слухъ о новомъ журналѣ возбудилъ негодованіе «Библіотеки для Чтенія» и подвинулъ ее къ неожиданному поступку: она увѣряла своихъ читателей и подписчиковъ съ необыкновеннымъ жаромъ, что новый журналъ будетъ бранчивый и неблагонамѣренный. Статья, помѣщенная по этому же случаю въ «Сѣверной Пчелѣ», казалось, была писана человѣкомъ, въ отчаяніи предвидѣвшимъ свою конечную погибель. Въ ней увѣдомляли публику, что новый журналъ хотѣлъ уронить «Библіотеку для Чтенія», потому только, что издатели онаго объявили, что будутъ выпускать таковое же число листовъ, какъ и «Б. д. Ч.». Поступокъ чрезвычайно неосмотрительный! Въ подобномъ дѣлѣ необходимо скрыть свои мелкія чувства искусно и потомъ, выждавъ удобный случай, нанесть обдуманный ударъ. Если я издаю журналъ, зачѣмъ же не издавать его и другому? И какъ могу гнѣваться, если другой скажетъ, что онъ будетъ брать меня въ образецъ? На долженъ ли я, напротивъ, его благодарить? Не показываетъ ли онъ тѣмъ степень уваженія, мною заслуженнаго въ публикѣ? Чѣмъ больше соревнованія, тѣмъ больше выигрыша для читателей и для литераторовъ.

Но разсмотримъ, въ какой степени «Московск. Наблюд.» выполнилъ ожиданія публики, жадной до новизны, ожиданіе читателей образованныхъ, ожиданіе литераторовъ и спасеніе «Библіотеки для Чтенія».

Новый журналъ, несмотря на ревностное стараніе привести себя во всеобщую извѣстность, не имѣлъ средствъ огласить во всѣ углы Россіи о своемъ появленіи, потому что единственные глашатаи вѣстей были его противники «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для Чтенія», которые, конечно, не помѣстили бы благопріятныхъ о немъ объявленій. Онъ начался довольно поздно, не съ новымъ годомъ, слѣдственно не въ то время, когда обыкновенно начинаются подписки; наконецъ, онъ пренебрегъ быстрымъ выходомъ книжекъ и срочною ихъ поставкою. Но важнѣйшія причины неуспѣха заключались въ характерѣ самого журнала. По первымъ вышедшимъ книжкамъ уже можно было видѣть, что предположеніе журнала было слѣдствіемъ одного горячаго мгновенія. Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» тоже не было видно никакой сильной пружины, которая управляла бы ходомъ всего журнала. Редакторъ его виденъ былъ только на заглавномъ листкѣ. Имя его было почти неизвѣстно. Онъ написалъ доселѣ нѣсколько сочиненій статистическихъ, имѣющихъ много достоинства, но которыхъ публика чисто-литературная не знала вовсе. Литературныя мнѣнія его были неизвѣстны. Въ этомъ состояла большая ошибка издателей «Московскаго Наблюдателя». Они позабыли, что редакторъ всегда долженъ быть виднымъ лицомъ. На немъ, на оригинальности его мнѣній, на живости его слога, на общепонятности и общезанимательности языка его, на постоянной свѣжей дѣятельности его основывается весь кредитъ журнала. Но г. Андросовъ явился въ «Московскомъ Наблюдателѣ» вовсе незамѣтнымъ лицомъ. Если желаніе издателей было постановить только почетнаго редактора, какъ вошло въ обычай у насъ на лѣнивой Руси, то въ такомъ случаѣ они должны были труды редакціи разложить на себя; но они оставили всю отвѣтственность на редакторѣ, и «Московскій Наблюдатель» сталъ похожъ на тѣ ученыя общества, гдѣ члены ничего не дѣлаютъ и даже не бываютъ въ присутствіи, между тѣмъ какъ президентъ является каждый день, садится въ свои кресла и велитъ записывать протоколъ своего уединеннаго засѣданія. Въ журналѣ было нѣсколько очень хорошихъ статей; его украсили стихи Языкова и Баратынскаго, эти перлы русской поэзіи; но при всемъ томъ въ журналѣ не было замѣтно никакой современной живости, никакого хлопотливаго движенія; не было въ немъ разнообразія, необходимаго для изданія періодическаго. Замѣчательныя статьи, поступившія въ этотъ журналъ, были похожи на оазисы, зеленѣющіе посреди цѣлаго моря песчаныхъ степей. Притомъ издатели, какъ кажется, мало имѣли свѣдѣнія о томъ, что̀ нравится и что̀ не нравится публикѣ. Статьи часто хорошія дѣлались скучными потому только, что онѣ тянулись изъ одного нумера въ другой съ несносною подписью: *продолженіе впереди*. Вотъ каковъ былъ журналъ, долженствовавшій бороться съ «Библіотекой для Чтенія».

«Наблюдатель» начался оппозиціонною статьею г. Шевырева—о торговлѣ, зародившейся въ нашей литературѣ. Въ ней авторъ нападаетъ на торговлю въ ученомъ мірѣ, на всеобщее стремленіе составить себѣ доходъ изъ литературныхъ занятій. Первая ошибка была здѣсь та, что авторъ статьи обратилъ вниманіе не на главный предметъ. Во-вторыхъ, онъ гремѣлъ противъ пишущихъ за деньги, но не разрушилъ никакого мнѣнія въ публикѣ касательно внутренней цѣнности товара. Статья сія была понятна одимъ литераторамъ, нанесла досаду «Библіотекѣ для Чтенія», но ничего не дала знать публикѣ, не понимавшей даже, въ чемъ состояло дѣло. Причемъ сіи нападенія были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный законъ всякаго дѣйствія. Литература должна была обратиться въ торговлю, потому что читатели и потребность чтенія увеличились. Естественное дѣло, что при этомъ случаѣ всегда больше выигрываютъ люди предпріимчивые, безъ большого таланта, ибо во всякой торговлѣ, гдѣ покупщики еще простоваты, выигрываютъ больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, въ чемъ состоитъ обманъ, а не пересчитывать ихъ барыши. Что литераторъ купилъ себѣ доходный домъ или пару лошадей, это еще не бѣда; дурно то, что часть бѣднаго народа купила худой товаръ и еще хвалится своею покупкою. Должно было обратить вниманіе г. Шевыреву на бѣдныхъ покупщиковъ, а не на продавцовъ. Продавцы обыкновенно бываютъ люди наѣздные: сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ. При этомъ случаѣ сдѣланъ былъ несправедливый упрекъ книгопродавцу Смирдину, который вовсе не виноватъ, который за предпріимчивость и честную дѣятельность заслуживаетъ одну только благодарность. Нѣтъ спора, что онъ далъ, можетъ-быть, много воли людямъ, которымъ приличнѣе было заниматься просто торговлею, а не литературою. Талантъ не искателенъ, но корыстолюбіе искательно. На это такъ же смѣшно жаловаться, какъ было бы странно жаловаться на правительство, встрѣтивши недальновиднаго чиновника. Для таланта есть потомство, этотъ неподкупный ювелиръ, который оправляетъ одни чистые брильянты. Г. Шевыревъ показалъ въ статьѣ своей благородный порывъ негодованія на прозаическое, униженное направленіе литературы, но на большинство публики эта статья рѣшительно не сдѣлала никакого впечатлѣнія. «Библіотека» отвѣчала коротко, въ духѣ обыкновенной своей тактики: обратившись къ зрителямъ, т. е. къ подписчикамъ, она говорила: «Вотъ какое неблагородство духа показалъ г. Шевыревъ, неприличіе и непмѣніе высокихъ чувствъ, упрекая насъ въ томъ, что мы трудимся для денегъ, тогда какъ» и проч... Это обыкновенная политика петербургскихъ журналовъ и газетъ. Какъ только кто-нибудь сдѣлаетъ имъ упрекъ въ корыстолюбіи и въ бездѣйствіи, они всегда жалуются публикѣ на неприличіе выраженій и неблагородство духа своихъ противниковъ; говорятъ, что статья эта писана съ цѣлію только поддѣть публику и забрать отъ читателей деньги, что они почитаютъ съ своей стороны священнымъ долгомъ предувѣдомить публику.

Итакъ, выходка «Московскаго Наблюдателя» скользнула по «Библіотекѣ для Чтенія», какъ пуля по толстой кожѣ носорога, отъ которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши эту пулю «Московскій Наблюдатель» замолчалъ,—доказательство, что онъ не начерталъ для себя обдуманнаго плана дѣйствій и что рѣшительно не зналъ, какъ и съ чего начать. Должно было или не начинать вовсе, или если начать, то уже не отставать. Только постояннымъ дѣйствіемъ могъ «Наблюдатель» дать себѣ ходъ и сдѣлать имя свое извѣстнымъ публикѣ, какъ сдѣлалъ его извѣстнымъ «Телеграфъ», дѣйствуя такимъ же образомъ и почти при такихъ же обстоятельствахъ! «Наблюдатель» выпустилъ вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько нумеровъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не сказалъ ничего въ защиту и подкрѣпленіе своихъ мнѣній. Чрезъ нѣсколько нумеровъ показалась, наконецъ, статья, посвященная Брамбеусу, по поводу одной, давно отпечатанной въ «Библіотекѣ» статьи, подъ именемъ «Брамбеусъ и юная словесность», въ которой Брамбеусъ назвалъ себя законодателемъ какой-то новой школы и вводителемъ новой эпохи въ русской литературѣ.

Это въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно странно. Случалось, что литераторы иногда похваливали самихъ себя, или подъ именемъ друзей своихъ, или даже сами отъ себя, но все же съ нѣкоторою застѣнчивостью, и послѣ сами старались все это какъ-нибудь загресть собственными руками, чувствуя, что нѣсколько провинились. Но никогда

еще авторъ не хвалилъ себя такъ свободно и непринужденно, какъ Брамбеусъ. Эта оригинальная статья слишкомъ была ярка, чтобы не быть замѣченною. Ею занялся «Телескопъ» и потрунилъ надъ нею довольно забавно, только вскользь; съ обыкновенною смѣтливостью о ней намекнулъ и г. Воейковъ; она возродила статью и въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Цѣль этой статьи была доказать, откуда баронъ Брамбеусъ почерпнулъ талантъ свой и знаменитость, какими твореніями чужихъ хозяевъ пользовался, какъ своимъ; другими словами: изъ какихъ лоскутовъ баронъ Брамбеусъ сшилъ себѣ халатъ. Нѣсколько безгласныхъ книжекъ, выходившихъ вслѣдъ за тѣмъ, совершенно погрузили «Моск. Наблюдателя» въ забвеніе. Даже самая «Библіотека для Чтенія» перестала, наконецъ, упоминать о немъ, какъ о безсильномъ противникѣ, продолжала шутить надъ важнымъ и неважнымъ, и говорить все то, что первое попадалось подъ перо ея.

Вотъ каковы были дѣйствія нашихъ журналовъ. Изложивъ ихъ, разсмотримъ теперь, что сдѣлали они въ эти два года такого, которое должно вписаться въ исторію нашей литературы, оставить въ ней оригинальную черту, — какія мнѣнія, какіе толки они утвердили, что опредѣлили и какой мысли дали право гражданства.

Длинная программа, сулящая статистику, медицину, литературу, ничего не значитъ. Извѣщеніе о томъ, что критика будетъ благонамѣренная, чуждая личностей и партій тоже не показываетъ цѣли. Она должна быть необходимымъ условіемъ всякаго журнала. Даже множество помѣщенныхъ въ журналѣ статей ничего не значитъ, если журналъ не имѣетъ своего мнѣнія и не оказывается въ немъ направленіе, хотя даже одностороннее, къ какой-нибудь цѣли. «Телеграфъ» издавался, кажется, съ тѣмъ, чтобы ниспровергнуть обветшалыя, заматорѣлыя, почти машинальныя мысли тогдашнихъ нашихъ старожиловъ, классиковъ; «Московскій Вѣстникъ», одинъ изъ лучшихъ журналовъ, несмотря на то, что въ немъ не много было современнаго движенія, издавался съ тѣмъ, чтобы познакомить публику съ замѣчательнѣйшими созданіями Европы, раздвинуть кругъ нашей литературы, доставить намъ свѣжія идеи о писателяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Здѣсь не мѣсто говорить, въ какой степени оба сіи журнала выполнили цѣль свою: по крайней мѣрѣ, стремленіе къ ней было чувствуемо въ нихъ читателями. Но разсмотрите внимательно издававшіеся въ послѣдніе два года журналы; уловите главную нить каждаго изъ нихъ: сей-то нити и не сыщите. Развернувши ихъ, будете поражены мелкостью предметовъ, вызвавшихъ толки ихъ. Подумаете, что рѣшительно ни одного важнаго событія не произошло въ литературномъ мірѣ. А между тѣмъ:

1) Умеръ знаменитый шотландецъ, великій дѣписатель сердца, природы и жизни, полнѣйшій, обширнѣйшій геній XIX вѣка.

2) Въ литературѣ всей Европы распространился безпокойный, волнующійся вкусъ. Являлись опрометчивыя, безсвязныя, младенческія творенія, но часто восторженныя, пламенныя — слѣдствіе политическихъ волненій той страны, гдѣ рождались. Странная, мятежная какъ комета, неограниченная какъ она, эта литература волновала Европу, быстро облетѣла всѣ углы читающаго міра. Пусть эти явленія будутъ всемірно-европейскія, хотя они отражались и въ Россіи; разсмотримъ литературныя событія чисто-русскія.

3) Распространилось въ большой степени чтеніе романовъ, холодныхъ, скучныхъ повѣстей, и оказалось очень явно всеобщее равнодушіе къ поэзіи.

4) Вышли новыми изданіями Державинъ, Карамзинъ, гласно требовавшіе своего опредѣленія и настоящей, вѣрной оцѣнки такъ, какъ и всѣ прочіе старые писатели наши, ибо въ литературномъ мірѣ нѣтъ смерти, и мертвецы такъ же вмѣшиваются въ дѣла наши и дѣйствуютъ вмѣстѣ съ нами, какъ и живые. Они требовали возвращенія того, что дѣйствительно имъ слѣдуетъ; они требовали уничтоженія неправаго обвиненія, неправаго опредѣленія, безсмысленно повтореннаго въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и повторяемаго донынѣ.

Не сказали ли журналы наши, руководимые строгимъ размышленіемъ, что такое былъ Вальтеръ Скотть, въ чемъ состояло вліяніе его, что такое французская современная литература, отчего, откуда она произошла, что было поводомъ неправильнаго уклоненія вкуса и въ чемъ состоялъ ея характеръ? Отчего поэзія замѣнилась прозаическими сочиненіями? На какой степени образованія стоитъ русская публика, и что такое русская публика? Въ чемъ состоитъ оригинальность и свойство нашихъ писателей?

Напрасно въ этомъ отношеніи читатель станетъ искать въ нихъ новыхъ мыслей или какихъ-нибудь слѣдовъ глубокаго добросовѣстнаго изученія. Вальтеръ-Скотта у насъ только побранили. Французскую литературу они приняли съ дѣтскимъ энтузіазмомъ, утверждали, что модные писатели проникнули тайны сердца человѣческаго, дотолѣ сокровенныя для Сервантеса, для Шекспира... другіе безотчетно поносили ее, а между тѣмъ сами писали во вкусѣ той же школы еще съ бо́льшими несообразностями. Вопросомъ, отчего въ большомъ ходу водяные романы и повѣсти, вовсе не занялись, а вмѣсто того вдобавокъ напустили и своихъ еще собственныхъ. О нашей публикѣ сказали только, что она почтенная публика, и что должна подписываться на всѣ журналы и разныя изданія, ибо ихъ можетъ читать и отецъ семейства, и купецъ, и воинъ, и литераторъ; о Державинѣ, Карамзинѣ и Крыловѣ ничего не сказали или сказали то, что говоритъ уѣздный учитель своему ученику, и отдѣлались пошлыми фразами.

О чемъ же говорили наши журналисты? Они говорили о ближайшихъ и любимѣйшихъ предметахъ: они говорили о себѣ, они хвалили въ своихъ журналахъ собственныя свои сочиненія; они рѣшительно были заняты только собою; на все другое они обращали какое-то холодное, безстрастное вниманіе. Великое и замѣчательное было какъ будто невидимо. Ихъ равнодушная критика обращена была на тѣ предметы, которые почти не заслуживали вниманія.

Въ чемъ же состоялъ главный характеръ этой критики? Въ ней очень явственно было замѣтно:

1) Пренебреженіе къ собственному мнѣнію. Почти никогда не было замѣтно, чтобы критикъ считалъ свое дѣло важнымъ и принимался за него съ благоговѣніемъ и предварительнымъ размышленіемъ; чтобы, водя перомъ своимъ, думалъ о небольшомъ числѣ возвышенно-образованныхъ современниковъ, передъ которыми онъ долженъ дать отвѣтъ въ каждомъ своемъ словѣ. Журнальная критика по бо́льшей части была какимъ-то гаерствомъ. Какъ хвалили книгу покровительствуемаго автора? Не говорили просто, что такая-то книга хороша или достойна вниманія въ такомъ-то и въ такомъ-то отношеніи, совсѣмъ нѣтъ.—«Это книга», говорили рецензенты, «удивительная, необыкновенная, неслыханная, геніальная, первая на Руси; продается по пятнадцати рублей; авторъ выше Вальтеръ-Скотта, Гумбольдта, Гёте, Байрона. Возьмите, переплетите и поставьте въ библіотеку вашу; также и второе изданіе купите и поставьте въ библіотеку: хорошаго не мѣшаетъ имѣть и по два экземпляра».

Бо́льшая часть книгъ была расхвалена безъ всякаго разбора и совершенно безотчетно. Если счесть всѣ тѣ, которыя попали въ первоклассныя, то иной подумаетъ, что нѣтъ въ мірѣ богаче русской литературы, и только черезъ нѣсколько времени противоположные толки тѣхъ же самыхъ рецензентовъ о тѣхъ же самыхъ книгахъ заставятъ его задуматься и приведутъ въ недоумѣніе. Та же самая неумѣренность являлась въ упрекахъ сочиненіямъ писателей, противъ которыхъ рецензентъ питалъ ненависть

или неблагорасположеніе! Такъ же безотчетно изливалъ онъ гнѣвъ свой, удовлетворяя минутѣ му чувству.

2) Литературное безвѣріе и литературное невѣжество. Эти два свойства особенно распространились въ послѣднее время у насъ въ литературѣ. Нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминались имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ, котрые глядятъ на насъ, въ лучахъ славы, вышины своей. Ни одинъ изъ критиковъ не поднялъ благоговѣйно глазъ своихъ, чтобы ихъ примѣтить. Никогда почти не стоятъ на журнальныхъ страницахъ имена Державина, Ломоносова, Фонвизина, Богдановича, Батюшкова. Ничего о вліяніи ихъ, еще остающемся, еще замѣтномъ. Никогда они даже не брались въ сравненіе съ нынѣшнею эпохой, такъ что наша эпоха кажется какъ будто отрублена отъ своего корня, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ начала, какъ будто исторія прошедшаго для насъ не существуетъ. Это литературное невѣжество распространяе ся особенно между молодыми рецензентами, такъ что вообще современная критическая литература совершенно похожа на наносную. Не успѣетъ пройти годъ-другой, какъ толки, вначалѣ довольно громкіе, — уже безгласные, неслышные, какъ звукъ безъ отголоска, какъ фразы, сказанныя на вчерашнемъ балѣ. Имена писателей, уже упрочившихъ свою славу, и писателей, еще требующихъ ея, сдѣлались совершенною игрушкою. Одинъ рецензентъ роняетъ тѣхъ, которыхъ поднялъ его противникъ, и все это дѣлается безъ всякаго разбора, безъ всякой идеи. Иное имя бываетъ обязано славою своею ссорѣ двухъ рецензентовъ. Не говоря о писателяхъ отечественныхъ, рецензентъ, о какой бы пустѣйшей книгѣ ни говорилъ, непремѣнно начнетъ Шекспиромъ, котораго онъ вовсе не читалъ. Но о Шекспирѣ пошло въ моду говорить — и такъ, подавай намъ Шекспира! Говоритъ онъ: «Съ сей точки начнемъ мы теперь разбирать открытую передъ нами книгу. Посмотримъ, какъ авторъ нашъ соотвѣтствовалъ Шекспиру», а между тѣмъ разбираемая книга—чепуха, писанная вовсе безъ всякихъ притязаній на соперничество съ Шекспиромъ, и сходствуетъ развѣ только съ духомъ и образомъ выраженій самого рецензента.

3) Отсутствіе чистаго эстетическаго наслажденія и вкуса. Еще въ московскихъ журналахъ видишь иногда какой-нибудь вкусъ, что-нибудь похожее на любовь къ искусству: напротивъ того, критики журналовъ петербургскихъ, особено такъ-называемые благопристойные, чрезвычайно ничтожны. Разбираемыя сочиненія превозносятся выше Байрона, Гёте и проч.! Но нигдѣ не видитъ читатель, чтобы это было признакомъ чувства, признакомъ пониманія, истекло изъ глубины признательной, растроганной души. Слогъ ихъ, несмотря на наружное, часто вычурное и блестящее убранство, дышетъ мертвящею холодностью. Въ немъ видна живость или горячая замашка только тогда, когда рецензентъ задѣтъ за живое и когда дѣло относится къ его собственному достоинству. Справедливость требуетъ упомянуть о критикахъ Шевырева, какъ объ утѣшительномъ исключеніи. Онъ передаетъ намъ впечатлѣнія въ томъ видѣ, какъ приняла ихъ душа его. Въ статьяхъ его вездѣ замѣтенъ мыслящій человѣкъ, иногда увлекающійся первымъ впечатлѣніемъ.

4) Мелочное въ мысляхъ и мелочное щегольство. Мы уже видѣли, что критика не занималась вопросомъ важнымъ. Вниманіе рецензій было устремлено на цѣлую шеренгу пустыхъ книгъ и вовсе не съ тѣмъ, чтобы разбирать ихъ, но чтобы блеснуть любезностью, заставить читателя разсмѣяться. До какой степени критика занялась пустякам и ничтожными спорами, читатели уже видѣли изъ знаменитаго процесса о двухъ бѣдныхъ мѣстоименіяхъ: *сей* и *оный*. Вотъ до чего дошла, наконецъ, русская критика!

Кто же были тѣ, которые у насъ говорили о литературѣ? Въ это время не сказалъ своихъ мнѣній ни Жуковскій, ни Крыловъ, ни князь Вяземскій, ни даже тѣ, которые еще не такъ давно издавали журналы, имѣвшіе свой голосъ и показавшіе въ статьяхъ своей вкусъ и знаніе: нужно ли послѣ этого удивляться такому состоянію нашей литературы?

Отчего же не говорили сіи писатели, показавшіе въ твореніяхъ своихъ глубокое эстетическое чувство? Считали ли они для себя низкимъ спуститься на журнальную сферу, гдѣ обыкновенно бойцы всякаго рода заводятъ свой шумный бой? Мы не имѣемъ права рѣшить этого. Мы должны только замѣтить, что критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта, имѣетъ равное достоинство со всякимъ оригинальнымъ твореніемъ: въ ней виденъ разбираемый писатель, въ ней виденъ еще болѣе самъ разбирающій. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія. Для исторіи литературы она неоцѣнима. Наша словесность молода. Корифеевъ ея было немного; но для критика мыслящаго она представляетъ цѣлое поле, работу на цѣлые годы. Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму, и, несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражанія, они заключаютъ въ себѣ чисто-русскіе элементы; и подражаніе наше носитъ совершенно сѣверообразный характеръ, представляетъ явленіе, замѣчательное даже для европейской литературы.

Но довольно. Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы съ текущимъ годомъ болѣе показалось дѣятельности и, при большемъ количествѣ журналовъ, явилось бы болѣе независимости отъ монополіи, а черезъ то болѣе соревнованія у всѣхъ соотвѣтствовать своей цѣли. По крайней мѣрѣ, замѣтно какое-то утѣшительное стремленіе уже и въ томъ, что нѣкоторые журналы съ будущимъ годомъ обѣщаютъ издаваться съ бо́льшимъ противу прежняго раченіемъ. Издатели «Сына Отечества», издатель «Телескопа» заговорили объ улучшеніяхъ. Нельзя и сомнѣваться, чтобы при бо́льшемъ стараніи невозможно было сдѣлать бо́льшаго. По крайней мѣрѣ, со всѣмъ чистосердечіемъ и теплою молитвою излагаемъ желаніе наше: да наградятся старанія всѣхъ и каждаго сторицею, и чѣмъ безкорыстнѣе и добросовѣстнѣе будутъ труды его, тѣмъ болѣе да будетъ онъ почтенъ заслуженнымъ вниманіемъ и благодарностью.

Писано въ 1836 г.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАПИСКИ.

1836 года.

I.

...Въ самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу—на край свѣта! Странный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ—здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду; перешла русская столица въ Москву — нѣтъ, и тутъ мало холода: подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сынкомъ! Что это за виды, что за природа! Воздухъ продернутъ туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельникъ, кочки... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловкій европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь-Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко или пушокъ, ту-жъ минуту его прочь. Москва—старая домосѣдка, печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ кресель, о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ; Петербургъ — разбитной малый,

никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинаетъ печь французскіе хлѣбы, которые на завтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужескаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода; если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней — какъ сарайныя двери. Петербургъ — аккуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ, на все глядитъ съ расчетомъ и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—русскій дворянинъ и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ средины. Въ Москвѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки, если же приложатъ, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы нейдутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ, завернувшись въ медвѣжью шубу, и бо́льшею частію на обѣдъ; Петербургъ, въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или «въ должность». Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше второго часа; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разъѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ, по зимнимъ ухабамъ, сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва—кладовая, она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловитъ мелкихъ покупщиковъ. Москва говоритъ: «коли нужно покупщику—сыщетъ»; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ «Ренскимъ погребомъ» и ставитъ извозчичью биржу въ самыя двери вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва—большой гостиный дворъ; Петербургъ — свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи, для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ; Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ будто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется, въ самой серединѣ модной толпы, какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказалъ бы еще кое-что, но—

«Дистанція огромнаго размѣра!..»

II.

Трудно схватить общее выраженіе Петербурга. Есть что-то похожее на европейско-американскую колонію: такъ же мало коренной національности и такъ же много иностраннаго смѣшенія, еще не слившагося въ плотную массу. Сколько въ немъ разныхъ націй, столько и разныхъ слоевъ обществъ. Эти общества совершенно отдѣльны: аристократы, служащіе чиновники, ремесленники, англичане, нѣмцы, купцы — всѣ составляютъ совершенно отдѣльные круги, рѣдко сливающіеся между собою, больше живущіе, веселящіеся невидимо для другихъ.

И каждый изъ этихъ классовъ, если присмотрѣться ближе, составленъ изъ множества другихъ маленькихъ кружковъ, тоже неслитыхъ между собой. Напримѣръ, возьмите чиновниковъ. Молоденькіе помощники столоначальниковъ составляютъ свой кругъ, въ который ни за что́ не опустится начальникъ отдѣленія. Столоначальникъ, съ своей стороны, подымаетъ свою прическу нѣсколько повыше въ присутствіи канцелярскаго чиновника. Нѣмцы-мастеровые и нѣмцы-служащіе тоже составляютъ два отдѣльные круга. Учителя составляютъ свой кругъ, актеры свой кругъ; даже литераторъ, являющійся до сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно. Словомъ, какъ будто бы пріѣхалъ въ трактиръ огромный дилижансъ, въ которомъ каждый пассажиръ сидѣлъ во всю дорогу закрывшись и вошелъ въ общую залу потому только, что не было другого мѣста. Попытка на заведеніе публичныхъ обществъ доселѣ не имѣетъ успѣха. Въ клубъ петербургскій житель идетъ для того только, чтобы пообѣдать, а не провесть время. Что Петербургъ не сдѣлался до сихъ поръ гостиницею, этому виною какая-то внутренняя стихія русскаго человѣка, до сихъ поръ глядящая оригинальностью даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами. Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печалями, нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не пишутъ, потому что у этихъ господъ, въ награду за ихъ дѣятельность, рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ, мимо балы и вечеринки! Обращусь къ тѣмъ увеселеніямъ, послѣ которыхъ долѣе остается воспоминаніе и которыя пріемлются всѣми классами. Театръ, концертъ— вотъ тѣ пункты, гдѣ сталкиваются классы петербургскихъ обществъ и имѣютъ время вдоволь насмотрѣться другъ на друга. Балетъ и опера — царь и царица петербургскаго театра. Они явились блестящѣе, шумнѣе, восторженнѣе прежнихъ годовъ, и упоенные зрители позабыли, что существуетъ величавая трагедія, вдыхающая невольно высокія ощущенія въ согласныя сердца сей безмолвно слушающей толпы; что есть комедія, вѣрный списокъ общества, движущагося предъ нами, комедія, строго обдуманная, производящая глубокостью своей ироніи смѣхъ, — не тотъ смѣхъ, который порождается легкими впечатлѣніями, бѣглою остротою, каламбуромъ, не тотъ также смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для котораго нужны конвульсіи и каррикатурныя гримасы природы, но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо отъ души, пораженной ослѣпительнымъ блескомъ ума, рождается изъ спокойнаго наслажденія и производится только высокимъ умомъ. Зрители правы, что были упоены балетомъ и оперой... На драматической сценѣ являлись мелодрама и водевиль, заѣзжіе гости, которые были хозяевами во

французскомъ театрѣ, а на русскомъ играли чрезвычайно странную роль. Уже давно признано, что русскіе актеры нѣсколько странны, когда представляютъ маркизовъ, виконтовъ и барономъ, какъ, вѣроятно, были бы смѣшны французы, вздумавъ поддѣлаться подъ русскихъ мужиковъ; а сцены баловъ, вечеровъ и модныхъ раутовъ, являющихся въ русскихъ пьесахъ — каковы онѣ? А водевили?.. Давно уже пролѣзли водевили на русскую сцену, тѣшатъ народъ средней руки, благо смѣшливъ. Кто бы могъ думать, что водевиль будетъ не только переводный на русской сценѣ, но даже и оригинальный? Русскій водевиль! право, немножко странно — странно потому, что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у французовъ, націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой, неподвижной физіогноміи; но когда русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляютъ вертѣться петиметромъ... мнѣ такъ и представляется, что нашъ тучный и смѣтливый купецъ съ широкою бородою, не знавши на ногѣ своей ничего другого, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ вмѣсто него узенькій башмачокъ и чулки à jour, а другую ногу свою оставилъ просто въ сапогѣ и сталъ такимъ образомъ въ первую пару во французскомъ кадрилѣ.

Уже лѣтъ пять, какъ мелодрамы и водевили завладѣли театрами всего свѣта. Какое обезьянство! Даже нѣмцы — ну, кто бы могъ подумать, что нѣмцы, этотъ основательный, этотъ склонный къ глубокому эстетическому наслажденію народъ,—нѣмцы теперь играютъ и пишутъ водевили, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодныя мелодрамы! И пусть бы еще повѣтріе это занесено было могуществомъ мановенія генія! Когда весь міръ ладилъ подъ лиру Байрона, это не было смѣшно; въ этомъ стремленіи было даже что-то утѣшительное. Но Дюма, Дюканжъ и другіе стали всемірными законодателями!.. Клянусь, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за эти пять лѣтъ. О, Мольеръ, великій Мольеръ! ты, который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои характеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ, ты, строгій, осмотрительный Лессингъ, и ты, благородный, пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинство человѣка! взгляните, что дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ; посмотрите, какое странное чудовище, подъ видомъ мелодрамы, забралось между насъ! Гдѣ же жизнь наша? гдѣ мы со всѣми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отраженіе ея видѣли мы въ нашей мелодрамѣ! Но лжетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ наша мелодрама...

Непостижимое явленіе: то, что̀ вседневно окружаетъ насъ, что̀ неразлучно съ ними, что̀ обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что̀ случается рѣдко, что составляетъ исключенія, что̀ останавливаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностью среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность. И вотъ жизнь глубокаго таланта течетъ во всемъ своемъ разливѣ, со всею стройностью, чистая, какъ зеркало, отражая съ одинаковою ясностью и темныя, и свѣтлыя облака: у посредственности она влечется мутною и грязною волною, не отражая ни яснаго, ни темнаго.

Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непремѣнно новое, непремѣнно странное, дотолѣ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ! Какъ будто въ наши европейскіе фраки переодѣлись сыны палящей Африки! Палачи, ядъ—эффектъ, вѣчный эффектъ, и ни одно лицо не возбуждаетъ никакого участія! Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель растроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тревожномъ состояніи торопливо садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей. И среди нашего утонченнаго, образованнаго общества такой родъ зрѣлища! Невольно передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя пристилища, на которыя собирался смотрѣть весь Римъ въ эпоху величайшаго владычества своего и притупленнаго пресыщенія. Но, слава Богу, мы еще не римляне и не на закатѣ существованія, но только на зарѣ его! Если собрать всѣ мелодрамы, какія были даны въ наше время, то можно подумать, что это кунсткамера, въ которую нарочно собраны уродливости и ошибки природы, или, лучше—календарь, въ которомъ записаны, съ календарною холодностью, всѣ странныя происшествія, гдѣ противъ каждаго числа выставлено: сегодня было въ такомъ-то мѣстѣ такое-то мошенничество; сегодня отрубили головы такимъ-то разбойникамъ и зажигателямъ; такой-то ремесленникъ зарѣзалъ тогда-то жену свою... и тому подобное. Я воображаю, въ какомъ странномъ недоумѣніи будетъ потомокъ нашъ, вздумающій искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ.

Не удивительно, что балетъ и опера утѣшительнѣе и служатъ отдохновеніемъ: въ нихъ наслажденіе спокойно.— Опера принимается у насъ очень жадно. До сихъ поръ не прошелъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ бросился весь Петербургъ на живую, яркую музыку «Фенеллы», на дикую, проникнутую адскимъ наслажденіемъ, музыку «Роберта». «Семирамида», на которую за пять лѣтъ передъ симъ равнодушно глядѣла публика, «Семирамида» въ нынѣшнее время, когда музыка Россини почти анахронизмъ, приводитъ въ совершенный восторгъ ту же самую публику. Объ энтузіазмѣ, произведенномъ оперою «Жизнь за Царя», и говорить нечего: онъ понятенъ и извѣстенъ уже цѣлой Россіи. Объ этой оперѣ надобно говорить много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыкѣ, ни о пѣніи. Мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты и рецензіи должны быть скучны для самихъ музыкантовъ: въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальныя страсти — не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или, лучше сказать, поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобы, опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу только, что меломанія болѣе и болѣе распространяется. Люди такіе, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ «Жизни за Царя», «Робертѣ», «Нормѣ», «Фенеллѣ» и «Семирамидѣ». Оперы даются почти два раза каждую недѣлю, выдерживаютъ насчестное множество представленій, и все-таки иногда трудно достать билетъ. Ужъ не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди, — возвратъ на русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, привставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: «Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!»

Какую оперу можно составить изъ нашихъ національныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго бы больше было пѣсенъ. Наша Украйна звенитъ пѣснями. По Волгѣ, отъ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Россіи. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и какъ грибы вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ. Все дорожное, дворянство и недворянство, летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами козакъ, заряжая пищаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню. У

насъ ли не изъ чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ русскій и гдѣ полякъ: у одного дышитъ раздольный мотивъ русской пѣсни, у другого опрометчивый мотивъ польской мазурки.

Петербургскіе бал ты блестятъ. Кстати о балетахъ вообще. Постановка балетовъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко; но надо замѣтить, что совершенствуется въ нихъ только богатство костюмовъ и богатство декорацій; самая же сущность балета, изобрѣтеніе его, нейдетъ въ рядъ съ его постановкой; балетные композиторы очень мало новаго показываютъ въ танцахъ. До сихъ поръ мало характерности. Посмотрите, народные танцы являются въ разныхъ углахъ міра: испанецъ пляшетъ не такъ, какъ швейцарецъ, шотландецъ, какъ теньеровскій нѣмецъ, русскій не такъ, какъ французъ, какъ азіатецъ. Даже въ провинціяхъ одного и того же государства измѣняется танецъ. Сѣверный руссъ не такъ пляшетъ, какъ малороссіянинъ, какъ славянинъ южный, какъ полякъ, какъ финнъ: у одного танецъ говорящій, у другого безчувственный; у одного бѣшеный, разгульный, у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый, у другого легкій, воздушный. Откуда родилось такое разнообразіе танцевъ? Оно родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій. Народъ, провелшій горделивую и бранную жизнь, выражаетъ ту же гордость въ своемъ танцѣ; у народа безпечнаго и вольнаго та же безграничная воля и поэтическое самозабвеніе отражаются въ танцахъ; народъ климата пламеннаго оставилъ въ своемъ національномъ танцѣ ту же нѣгу, страсть и ревность. Руководствуясь тонкою разборчивостью, творецъ балета можетъ брать изъ нихъ, сколько хочетъ, для опредѣленія характеровъ пляшущихъ своихъ героевъ. Само собою разумѣется, что, схвативши въ нихъ первую стихію, онъ можетъ развить ее и улетѣть несравненно выше своего оригинала, какъ музыкальный геній изъ простой, услышанной на улицѣ, пѣсни создаетъ цѣлую поэму. По крайней мѣрѣ, танцы будутъ имѣть тогда болѣе смысла, и такимъ образомъ можетъ болѣе образнообразиться этотъ легкій, воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще нѣсколько стѣсненный и сжатый.

Петербургъ — большой охотникъ до театра. Если вы будете гулять по Невскому проспекту въ свѣжее морозное утро, во время котораго небо золотисто-розоваго цвѣта перемежается сквозными облаками подымающагося изъ трубъ дыма, зайдите въ это время въ сѣни Александринскаго театра: вы будете поражены упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ осаждаетъ грудью раздавателя билетовъ, высовывающаго одну руку свою изъ окошка. Сколько толпится тамъ лакеевъ всякаго рода, начиная отъ того, который пришелъ въ сѣрой шинели и въ шелковомъ цвѣтномъ галстукѣ, но безъ шапки, до того, у котораго трехэтажный воротникъ ливрейной шинели похожъ на пеструю суконную бабочку для вытиранія перьевъ. Тутъ протираются и тѣ чиновники, которымъ чистятъ сапоги кухарки и которымъ некого послать за билетомъ. Тутъ увидите, какъ прямо-русскій герой, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, доходитъ, къ необыкновенному изумленію, по плечамъ всей толпы къ окошку и получаетъ билетъ. Тогда только вы узнаете, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И что же дается въ нашихъ театрахъ? — какія-нибудь мелодрамы и водевили!.. Сердитъ я на мелодрамы и водевили.

Положеніе русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой физіономіи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ — великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный—какъ связанный заяцъ... Мы такъ приглядѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ пьесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представятъ какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ, не личность ли это, потому что представляемое лицо совсѣмъ не похоже на какого-нибудь пейзана, театральнаго тирана, ріемоплета, судью и тому подобныя обношенныя лица, которыхъ таскаютъ беззубые авторы въ свои пьесы, какъ таскаютъ на сцену вѣчныхъ фигурантовъ, отплясывающихъ предъ зрителями, съ тою же улыбкою, свое лихо вытверженное, въ продолженіе сорока лѣтъ, па. Если, напримѣръ, сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной, совершенно другой совѣтникъ, даже скажетъ: «Какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекрасный человѣкъ! Какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія!» Какъ будто одинъ можетъ порочить все сословіе! И такая раздражительность у насъ рѣшительно распространена на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните «Ревизора»...

Досадно. Право, пора знать уже, что одно только вѣрное изображеніе характеровъ, не въ общихъ вытверженныхъ чертахъ, но въ ихъ національно-вылившейся формѣ, поражающей насъ живостью, такъ что мы говоримъ: «Да это, кажется, знакомый человѣкъ», — только такое изображеніе приноситъ существенную пользу. Изъ театра мы сдѣлали игрушку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каѳедра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прячущійся порокъ и, при тайномъ голосѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство...

Но довольно о театрѣ. Я заговорился о немъ. Его зимній карнавалъ замыкаетъ шумная недѣля Петербурга, когда онъ одною половиною своего народонаселенія летаетъ на качеляхъ, мчится какъ вихорь съ ледяныхъ горъ, а другою превращается въ длинную цѣпь каретъ и едва движется, равняемый жандармами, когда спектакли даются и днемъ, и вечеромъ, и вся Адмиралтейская площадь засѣяна скорлупами орѣховъ...

Спокоенъ и грозенъ Великій постъ. Кажется, слышенъ голосъ: «Стой, христіанинъ; оглянись на жизнь свою». На улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ прохожаго видно размышленіе. Я люблю тебя, время думы и молитвы! Свободнѣе, обдуманнѣе потекутъ мои мысли. Весь пустой и ничтожный народъ, вѣрно, пролежитъ заспанный и утомленный и позабудетъ зайти потревожить меня пошлымъ разговоромъ о вистѣ, о литературѣ, о наградахъ, о театрѣ.

Постъ въ Петербургѣ есть праздникъ музыкантовъ. Въ это время они съѣзжаются изъ разныхъ сторонъ Европы. Огромный концертъ въ пользу инвалидовъ всегда бываетъ величественъ; четыреста музыкантовъ! это что-то могущественное. Когда согласный ропотъ четырехсотъ звуковъ раздается подъ дрожащими сводами, тогда, мнѣ кажется, самая мелкая душа слушателя должна вздрогнуть необыкновеннымъ содроганіемъ.

Въ продолженіе поста въ петербургскую атмосферу заглядываетъ солнце. Западная сторона съ моря дѣлается яснѣе. Сѣверъ глядитъ съ меньшею суровостью изъ своей Выборгской стороны. Экипажи чаще останавливаются на улицѣ и высаживаютъ на тротуаръ гуляющихъ. Съ 1836 года Невскій проспектъ, этотъ шумный, вѣчно шевелящійся,

хлопотливый и толкающій Невскій проспектъ, упалъ совершенно: гулянье перенесено на Англійскую набережную. Покойный императоръ любилъ Англійскую набережную. Она, точно, прекрасна. Но тогда только, когда начались гулянья, замѣтилъ я, что она немного коротка. Но гуляющіе все въ выигрышѣ, потому что половину Невскаго проспекта всегда почти занималъ народъ мастеровой и должностной, и оттого на немъ можно было получить толчокъ цѣлою третью больше, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ...

Къ чему такъ быстро летитъ ничѣмъ незамѣнимое наше время? Кто его кличетъ къ себѣ? Великій постъ—какой спокойный, какой уединенный его отрывокъ! Чего нельзя сдѣлать въ эти семь недѣль? Теперь, наконецъ, займусь я основательно трудомъ своимъ. Теперь совершу я, наконецъ, то, чего не дали совершить мнѣ шумъ и всеобщее волненіе. Но вотъ уже на исходѣ первая недѣля; не успѣлъ начать я, уже летитъ за нею вторая, уже средина третьей, уже четвертая, уже ярмарка въ Гостиномъ дворѣ, и цѣлая галлерея вербъ съ восковыми фруктами и цвѣтами зацвѣла подъ темными его арками. Когда я проходилъ мимо этой пестрой аллеи, подъ тѣнью которой были навалены топорныя дѣтскія игрушки, мнѣ сдѣлалось досадно. Я сердился и на краснощекихъ нянекъ, шатавшихся толпами, и на дѣтей, радостно останавливавшихся передъ кучами пріятнаго для нихъ сора, и на черномазаго, приземистаго и усатаго грека, титуловавшаго себя молдаванскимъ кондитеромъ, съ его сомнительными и неопредѣленными варенъями. Лежавшія на столикахъ сапожныя щетки, оловянныя обезьянки, ножи и вилки, пряники, маленькія зеркальца мнѣ казались противны. Народъ все такъ же пестрится, тѣснится; тѣ же чувства выражаются на лицѣ его; съ тѣмъ же любопытствомъ глядитъ онъ, съ какимъ глядѣлъ и годъ тому назадъ, два и три, и нѣсколько лѣтъ;—а я, и каждый человѣкъ изъ этого народа уже не тотъ: уже другія въ немъ чувства, нежели были за годъ предъ симъ; уже суровѣе мысли его; менѣе улыбается на устахъ душа его, и что-нибудь да отпадаетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней его живости.

Нева вскрылась рано. Льды, не тревоженные вѣтрами, успѣли истаять почти до вскрытія, неслись уже рыхлые и разваливались сами собою. Ладожское озеро выслало и свои почти въ одно время. Столица вдругъ измѣнилась. И шпицъ Петропавловской колокольни, и крѣпость, и Васильевскій островъ, и Выборгская сторона, и Англійская набережная—все получило картинный видъ. Дымясь влетѣлъ первый пароходъ. Первыя лодки съ чиновниками, солдатами, старухами-нянюками, англійскими конторщиками понеслись съ Васильевскаго и на Васильевскій. Давно не помню я такой тихой и свѣтлой погоды. Когда взошелъ я на Адмиралтейскій бульваръ,—это было наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія вечеромъ,—когда Адмиралтейскимъ бульваромъ достигъ я пристани, передъ которою блестятъ двѣ яшмовыя вазы, когда открылась передо мною Нева, когда розовый цвѣтъ неба дымился съ Выборгской стороны голубымъ туманомъ, строенія стороны Петербургской одѣлись почти лиловымъ цвѣтомъ, скрывшимъ ихъ неказистую наружность, когда церкви, у которыхъ туманъ одноцвѣтнымъ покровомъ своимъ скрылъ всѣ выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой матеріи, и въ этой лилово-голубой мглѣ блестѣлъ одинъ только шпицъ Петропавловской колокольни, отражаясь въ безконечномъ зеркалѣ Невы,—мнѣ казалось, будто я былъ не въ Петербургѣ: мнѣ казалось, будто я переѣхалъ въ какой-нибудь другой городъ, гдѣ уже я бывалъ, гдѣ все знаю, и гдѣ то, чего нѣтъ въ Петербургѣ... Вонъ и знакомый гребецъ, съ которымъ я не видался болѣе полугода, болтается со своимъ яликомъ у берега, и знакомыя раздаются рѣчи, и вода, и лѣто, которыхъ не было въ Петербургѣ.

Сильно люблю весну. Даже здѣсь, на этомъ дикомъ Сѣверѣ, она моя. Мнѣ кажется, никто въ мірѣ не любитъ ее такъ, какъ я. Съ нею приходитъ ко мнѣ моя юность; съ ней мое прошедшее болѣе чѣмъ воспоминаніе: оно передъ моими глазами и готово брызнуть слезою изъ моихъ глазъ. Я такъ былъ упоенъ яспыми, свѣтлыми днями Христова Воскресенія, что не замѣчалъ вовсе огромной ярмарки на Адмиралтейской площади. Видѣлъ только издали, какъ качели уносили на воздухъ какого-то молодца, сидѣвшаго объ руку съ какой-то дамой въ щегольской шляпкѣ; мелькнула въ глаза вывѣска на угольномъ балаганѣ, на которомъ нарисованъ былъ пребольшой рыжій чортъ съ топоромъ въ рукѣ. Больше я ничего не видѣлъ.

Свѣтлымъ Воскресеніемъ, кажется, какъ будто оканчивается столица. Кажется, что все, что ни видимъ на улицѣ, укладывается въ дорогу. Спектакли, балы послѣ Свѣтлаго Воскресенія — больше ничего, какъ оставшіеся хвосты отъ тѣхъ, которые были передъ Великимъ постомъ или, лучше сказать, гости, которые расходятся позже другихъ и проговариваютъ у камина еще нѣсколько словъ, прикрывая одною рукою зѣвающій ротъ свой. Городъ весь высушился, тротуары сухи. Петербургскіе джентльмены, въ однихъ сюртучкахъ, съ разными палками; вмѣсто громоздкой кареты несутся по паркетной мостовой полуколяски и фаэтоны. Книги читаются лѣпивѣе. Уже въ окна магазиновъ, вмѣсто шерстяныхъ чулковъ, глядятъ кое-гдѣ лѣтнія фуражки и хлыстики. Словомъ, Петербургъ, во весь апрѣль мѣсяцъ, кажется на подлетѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленыя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются подоблачныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или увѣнчанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрасная и въ пустынности своей Грецiя... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе дома...

РЕЦЕНЗІИ, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ „СОВРЕМЕННИКѢ“ А. С. ПУШКИНА.

Историческіе афоризмы Михайла Погодина. Москва. Универс. тип. 1836 (8). VIII и 128 стр.

Г. Погодинъ во многихъ отношеніяхъ есть лицо примѣчательное въ нашей литературѣ. Онъ уединенно стоитъ среди писателей нашихъ, не привлекая благорасположенія большинства. Но изъ всѣхъ, посвятившихъ себя исторіи, онъ болѣе всего останавливаетъ на себѣ вниманіе. Онъ первый у насъ сказалъ, что «Исторія должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію этого человѣка во всѣхъ степеняхъ его возраста; что многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіе тысячелѣтій, доставятъ въ такую біографію, можетъ быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историки. Онъ первый говорилъ о великихъ писателяхъ, указавшихъ въ твореніяхъ своихъ на истинное значеніе исторіи. Онъ переводилъ изъ нихъ отрывки для своего журнала; наконецъ, онъ многихъ изъ нихъ перевелъ вполнѣ, почти не заботясь о томъ, что важность ихъ еще мало у насъ чувствовали. Вотъ реестръ изданныхъ имъ сочиненій:

Изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, Іосифа Добровскаго.

О жилищахъ древнихъ руссовъ, собственное сочиненіе.

Критическія изслѣдованія, Эверса.

Начертаніе древней географіи, собств. соч.

Лекціи по Герену.

Начертаніе всеобщей исторіи, Бетигера.

Введеніе въ исторію для дѣтей А. Шлёцера.
Русская исторія для училищъ.
Карты Европы, Риттера.
Гецъ фонъ-Берлихингенъ, соч. Гёте.
Марѳа Посадница, драма.
Димитрій Самозванецъ, исторія въ лицахъ.
Славянская грамматика, Добровскаго, переведенная вмѣстѣ съ г. Шевыревымъ.

Кромѣ того издавалъ онъ:
Московскій Вѣстникъ за 1827, 1828, 1829 и 1830 г.
Уранію, альманахъ на 1826.

Въ его историческихъ критикахъ видно много ума, обдуманная увѣренность, иногда юношескій порывъ вслѣдъ за собственною мыслію.

Изданная нынѣ книжка заключаетъ отдѣльныя мысли и замѣчанія, записанныя имъ въ разное время. Эти мысли помѣщены безъ всякаго порядка; выражены не всегда ясно. Но въ нихъ ощутительно стремленіе къ общимъ идеямъ. Границы, имъ начертанныя для исторіи, обширны. Онъ заключаетъ ее не въ однихъ явленіяхъ политическихъ; онъ видитъ ее въ торговлѣ, въ литературѣ, въ религіи, въ художественномъ развитіи, во всѣхъ многообразныхъ явленіяхъ, въ какихъ оказывается человѣчество. Вотъ его мысли объ исторіи вообще:

«Каждый человѣкъ дѣйствуетъ для себя, по своему плану, а выходитъ общее дѣйствіе, исполняется другой высшій планъ, и изъ суровыхъ, тонкихъ, гнилыхъ нитей біографическихъ сплетается каменная ткань исторіи».

«Исторія для насъ есть поэма на иностранномъ языкѣ, котораго мы не понимаемъ, и только примѣчаемъ значеніе нѣкоторыхъ словъ, много-много эпизодовъ. А сколько мѣстъ искаженныхъ въ нашей рукописи отъ невѣжества, ограниченности переписчиковъ! Исторію надо возстановлять (restaurare), какъ статую, найденную въ развалинахъ Аѳинъ, какъ тексты Виргиліевъ въ монастырскомъ спискѣ».

«Представьте себѣ (я требую возможнаго только въ воображеніи), что человѣкъ, не имѣющій понятія о музыкѣ, но одаренный отъ природы всѣми способностями, чтобъ чувствовать и понимать ее, получаетъ партитуру какой-нибудь огромной ораторіи и всѣ музыкальные инструменты, на коихъ она можетъ быть разыграна, съ голымъ извѣстіемъ, что условными знаками, имъ видимыми (нотами), означаются разные звуки, производимые на данныхъ инструментахъ. Онъ хочетъ по симъ двумъ даннымъ представить себѣ исполненіе (exécution) сего великаго музыкальнаго произведенія. Ему должно, во-первыхъ, испытать всѣ инструменты и узнать всѣ ихъ возможные звуки, перемѣтить ихъ и привести въ порядокъ свои новыя ноты, отыскать посредствомъ соображеній, опытовъ, отношеніе своихъ нотъ къ даннымъ (какъ бы посредствомъ фальшиваго ариѳметическаго правила), узнать, такимъ образомъ, какой звукъ и на какомъ инструментѣ тою или другою данною нотою изображается, разыграть партитуры по частямъ и проч., и проч. Сколько усилій ума потребно, чтобы попасть на сіи средства, сколько потребно труда, чтобы воспользоваться сими средствами! Цѣлыя поколѣнія пройдутъ, пока, наконецъ, внуку внуковъ удастся достигнуть отдаленной цѣли прародителя и насладиться божественною гармоніею».

«Труднѣйшая задача задается историку: онъ самъ долженъ ловить всѣ звуки (лѣтописи, Несторы, Григоріи Турскіе), отличить фальшивые отъ вѣрныхъ (историческая критика, Шлёцеры, Круги), незначительные отъ важныхъ, сложить въ одну кучу (исторія, собранія дѣяній, Ролленя), разобрать сіи кучи по родамъ исторіи (частныя исторіи религіи, торговли, Геренъ), провидѣть, что въ сей кучѣ и кучахъ должна быть система, какой-нибудь порядокъ, гармонія (Шлёцеры, Гердеры, Шиллеры), доказать это положительно a priori (Шеллинги), дѣлать опыты, какъ найти сію систему (Асты, Штуцманы), наконецъ, найти ее и прочесть исторію такъ, какъ глухой Бетховенъ читалъ партитуры».

Въ имперіи византійской г. Погодинъ видитъ продолженіе исторіи древней Греціи. Геній Платона, Аристотеля воскресаетъ въ Іоаннѣ Златоустѣ и Григоріи Назіанзинѣ.

Францію онъ полагаетъ родникомъ всего общественнаго, гражданскаго и политическаго,—землей, гдѣ совершается вѣчный опытъ. Подведенныя въ подтвержденіе событія доказываютъ большую наблюдательность. У франковъ, говорилъ онъ, прежде всего была принята христіанская католическая религія и раньше сдѣлалась государственною; у франковъ прежде началась и развилась феодальная система; коронованный франкъ Карлъ Великій первый возвысилъ папу; отозвавши папу въ Авиньонъ, Франція была отчасти виною его паденія; во Франціи были первыя попытки противъ папской власти (альбійцы); рыцарство развилось блистательнѣе во Франціи; крестовый походъ былъ подвинутъ французомъ, аміенскимъ пустынникомъ; разрушенный феодализмъ прежде всего организовался въ самодержавіе во Франціи; постоянныя войска начались во Франціи; постоянные налоги и королевскій судъ во Франціи; идея о равновѣсіи истекла изъ войнъ итальянскихъ, порожденныхъ Франціей; учрежденіе посольствъ, политическіе журналы, кофейные домы, энциклопедія, языкъ, мода, карты—все родилось во Франціи. Общественное мнѣніе нигдѣ такъ не сильно, какъ во Франціи; Франція остановила революціи своимъ ужаснымъ примѣромъ; виною нынѣшняго тѣснаго соединенія европейскихъ державъ между собою есть Франція и ея Наполеонъ.

Многіе аѳоризмы суть только сближенія сходныхъ и противоположныхъ происшествій, совершившихся въ разныхъ углахъ міра или на одной и той же землѣ; сближеніе отдаленной, почти сокровенной причины съ ея колоссальными слѣдствіями, отозвавшимися чрезъ нѣсколько вѣковъ, всегда разительно. Другіе аѳоризмы суть только вопросы на вопросы. Вездѣ видишь человѣка! обладаемаго величіемъ своего предмета. Это благоговѣйное изумленіе дышитъ на каждой страницѣ. Иногда, пораженный безконечностью науки, онъ какъ будто чувствуетъ безсиліе духа и восклицаетъ: «какъ мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что къ чему клонится. Какъ переплетаются причины и слѣдствія! Повторяю вопросъ: можно ли представить исторію? Гдѣ формы для нея? Исторію вполнѣ можно только чувствовать».

Читатель обыкновенный небрежно и разсѣянно взглянетъ на эту книгу и, отыскавъ двѣ-три незначительныя мысли, дурно выраженныя, можетъ быть, посмѣется надъ нею съ дѣтскимъ легкомысліемъ; но читатель, въ душѣ котораго горитъ пламень любви къ наукѣ, а мысль постигаетъ глубокое значеніе ея, прочтетъ эти страницы съ соучастіемъ, проникнется благодарностью за оживленныя въ душѣ его размышленія, и скажетъ: этотъ человѣкъ видѣлъ и чувствовалъ въ исторіи то, что̀ не всякому дано видѣть и чувствовать.

Плаваніе по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь, сочиненіе Я. Озерецковскаго. С.-П-бургъ, 1836, въ тип. Н. Греча, въ 12 д. л., 54 стр.

Нѣсколько занимательныхъ замѣчаній о сѣверной природѣ. Желательно было бы слышать болѣе о семъ угрюмомъ и знаменитомъ въ нашихъ лѣтописяхъ монастырѣ, гдѣ древле томились въ заточеніи наши опальные патріархи и святители.

Походныя записки артиллериста, съ 1812

по 1816 г., артиллеріи полковника И. Р... Москва, 1835—1836 г., въ 8 д. Четыре части. Стр. 296—348—354—375.

Когда возвратились наши войска изъ славнаго путешествія въ Парижъ, каждый офицеръ принесъ запасъ воспоминаній. Ихъ разсказы всѣ безъ исключенія были занимательны; все наблюдаемо было свѣжими и любопытными чувствами новичка; даже постой русскаго офицера на нѣмецкой квартирѣ составлялъ уже романъ. Донынѣ, если бывшій въ Парижѣ офицеръ, уже ветеранъ, уже во фракѣ, уже съ просѣдью на головѣ, станетъ разсказывать о прошедшихъ походахъ, то около него собирается любопытный кружокъ. Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои разсказы въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они изливаются изустно. То, что́ случилось съ ними, какъ съ людьми частными, почитаютъ они слишкомъ неважнымъ, и очень ошибаются. Ихъ простые разсказы иногда вносятъ такую черту въ исторію, какой нигдѣ не дороешься. Возьмите, напримѣръ, эту книгу: она не отличается блестящимъ слогомъ и замашками опытнаго писателя; но все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ. Ее прочтутъ и тѣ, которые читаютъ только для развлеченія, и тѣ, которые изъ книгъ извлекаютъ новое богатство для ума.

Письма леди Рондо, супруги англійскаго министра при россійскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Переводъ съ англійскаго М. К. С.-П-бургъ, въ тип. III отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, 1836, въ 8, стр. 128.

Книжка замѣчательная. Леди Рондо пишетъ къ пріятельницѣ своей о себѣ, о своихъ чувствахъ, о томъ, что занимательно для нея одной, но мимоходомъ задѣваетъ и исторію. Нѣсколько бѣглыхъ словъ о Петрѣ II, объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о Бирѣнѣ, прибавляютъ новыя черты къ ихъ портретамъ.

Путешествіе вокругъ свѣта, составленное изъ путешествій и открытій Магеллана, Гасмана, Дампьера, Ансона, Байрона, Валлиса, Картере, Бугеньвиля, Кука, Лаперуза, Блейга, Ванкувера, Дантркасто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Головнина, Партера, Коцебу, Фрейсине, Беллинсгаузена, Галля, Деперре, Польдинга, Бичи, Дюмонъ-Дюрвиля, Литке, Диллона, Лапласа, Мореля и проч., издано подъ руководствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, капитана французскаго королевскаго флота, съ картами и многочисленнымъ собраніемъ изображеній, гравированныхъ на мѣди, съ рисунковъ извѣстнаго г. Сенсона, рисовальщика, совершившаго путешествіе съ Дюмонъ-Дюрвилемъ. Изданіе А. Плюшара. Часть первая, С.-П-бургъ, 1836, въ тип. А. Плюшара, въ 4.

Есть книги, пишущіяся для того общества, которое нужно, какъ дѣтей, заохочивать и принуждать къ чтенію. Въ этомъ случаѣ безкорыстнѣе дѣйствовали англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропіей, составляютъ общества для распространенія нравственности, воздержанія и проч., издаютъ и раскускаютъ по свѣту безденежно, или по чрезвычайно низкой цѣнѣ, множество полезныхъ книгъ для народа. Что изобрѣтетъ англичанинъ, то углубитъ, расширитъ и разнесетъ по всему свѣту французъ. Едва появилось во Франціи одно дешевое изданіе, какъ уже на другой годъ нахлынулъ потокъ дешевыхъ изданій. Еще не успѣетъ Европа получить одно, какъ является другое. Къ числу множества такихъ изданій принадлежитъ и вышеозначенное. Оно замѣчательнѣе другихъ потому, что полезнѣе. Это сводъ всѣхъ путешествій, изображеніе всего міра въ его нынѣшнемъ географическомъ, статистическомъ и физическомъ состояніи, словомъ, книга, болѣе всего находящая себѣ читателей, потому что путешествіе и разсказы путешествій болѣе всего дѣйствуютъ на развивающійся умъ. Свѣдѣнія, принесенныя новѣйшими путешественниками, въ этой книгѣ вложены въ уста одного. Быть-можетъ, слишкомъ взыскательному читателю станетъ досадно при мысли, что все это разсказываетъ ему человѣкъ не существующій: свѣжесть впечатлѣній, сохраняемыхъ очевидцемъ, ничѣмъ незамѣнима. Языкъ перевода ясенъ и живъ. Картинки очень хороши. Въ мѣсяцъ выходитъ довольно большая тетрадь въ 4, печатанная въ два столбца. Въ Москвѣ это же самое сочиненіе началъ переводить г. Полевой. Онъ выдалъ уже одинъ томъ; если выйдутъ остальные пять, то и его изданіе будетъ дешевое.

Атласъ космографіи, изд. Ободовскимъ. СПБ. 1836, въ 2, XVI чертежей.

Атласъ этотъ принадлежитъ къ вышедшей за два года предъ симъ космографіи г. Ободовскаго.

Мое новоселье. Альманахъ на 1836 годъ, В. Крыловскаго. СПБ., въ тип. издателя, 296 стр.

Это альманахъ! Какое странное чувство находитъ, когда глядимъ на него: кажется, какъ будто на крышѣ опустѣлаго дома, гдѣ когда-то было весело и шумно, видимъ передъ собою тощаго мяукающаго кота. Альманахъ! Когда-то Дельвигъ издавалъ благоухапный свой альманахъ! Въ немъ цвѣли имена Жуковскаго, князя Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Плетнева, Туманскаго, Козлова. Теперь все новое, никого не узнаешь: другіе люди, другія лица. Въ оглавленіи, приложенномъ къ началу, стоятъ имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловскаго, Грена; кромѣ того написали еще стихи буква С., буква Ш., буква Щ. Читаемъ стихи—подобные стихи бывали и въ прежнее время; по крайней мѣрѣ въ нихъ все было ровнѣе, текучѣе, сочинители лепетали вслѣдъ за талантами. Грустно по старымъ временамъ!..

Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей (Бальзака, Бальоль, Блюмепбаха, доктора Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Цшоке, Ф. Шаля и другихъ); изданы Николаемъ Надеждинымъ. Москва, въ типогр. Степанова, 1836, въ 12, двѣнадцать частей, стр. 287—261—259—287—275—276—262—263—227—246—251—236.

Повѣсти, напечатанныя въ разныхъ номерахъ «Телескопа». Издатель, выбравъ ихъ оттуда, выпустилъ отдѣльными книжками и хорошо сдѣлалъ. Здѣсь имъ лучше, нежели тамъ. Собравшись вмѣстѣ, онѣ представляютъ дѣйствительно что-то разнообразное. Ихъ развезутъ по первой зимней дорогѣ русскіе разносчики во всѣ отдаленные города и деревни; онѣ пріятно займутъ въ долгіе вечера и ночи нашихъ уѣздныхъ барышень, по крайней мѣрѣ, пріятнѣе, нежели наши самодѣльные романы.

Писано въ 1836 г.

РЕЦЕНЗІИ, НАПИСАННЫЯ ДЛЯ „СОВРЕМЕННИКА“ ПУШКИНА.

«Недовольные», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Н. Загоскина. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ 8, 147 стр.

Планъ задуманъ довольно слабо. Дѣйствія нѣтъ вовсе. (Стало-быть, условія сценическія не выполнены). Стихи (довольно легки) мѣстами хороши, вездѣ почти непринужденны, но комическаго [и это-то главное] почти нѣтъ. Лица не взяты съ природы.

Лѣтописи Русской славы со временъ воцаренія на русскомъ престолѣ Благословеннаго Дома Романовыхъ. С.-П-бургъ, 1835, въ тип. Хр. Гинце, въ 16, 87 стр. съ портретами.

Памятная книжка въ родѣ календаря, въ которыхъ подъ каждымъ числомъ каждаго мѣсяца означены случившіяся въ тотъ день сраженія и всѣ подвиги (русскаго) нашего побѣдоноснаго войска. При ней находятся портреты императоровъ и великихъ генераловъ.

Указатель губернскихъ и уѣздныхъ дорогъ въ Россійской имперіи, составленный по новѣйшему учрежденію почтовыхъ дорогъ и станцій г. Савинковымъ, съ приложеніемъ дорожной карты. С.-Пб., 1836, въ 6. осьмушку, 36 грав. страницъ.

Книжка издана довольно укладисто для дороги, хотя бы можно издать еще укладистѣе. Карту не нужно особенно и въ большомъ видѣ. Въ дорогѣ нечего разворачивать—лучше придумать какъ-нибудь помѣстить ее въ страницахъ самой книги, хотя по частямъ, а еще лучше соединить (описаніе съ топографіею).

Правила построенія мореходныхъ и рѣчныхъ пароходовъ. Перевелъ съ англійскаго мореходный мастеръ Василій Берковъ. С.-Пбг., 1836 года, въ тип. Вингебера.

Довольно обстоятельное наставленіе въ строеніи пароходныхъ судовъ, (съ) небольшимъ взглядомъ на начало и усовершенствованіе этого искусства.

Дѣтскій Карамзинъ, или Русская исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Превo, Коммиссіонеромъ Общества Поощренія художествъ, выходитъ тетрадями. С.-Петербургъ, въ тип. Гинце, 1836, въ 8 д. листа.

Издается періодически, въ мѣсяцъ до двухъ тетрадей. Литографія незавидная, но для дѣтей годится.

Онъ и она. Романъ. Москва, въ тип. Селивановскаго. 1835, въ 12, 4 части, 169—170, 183 стр.

Романы въ нашей литературѣ завелись теперь трехъ родовъ: романы пятнадцатирублевые, всегда почти толстые, длинные, солидные, въ 4-хъ частяхъ, по 300 страницъ въ каждой; другіе романы—средней руки, романы восьми- и шестирублевые, тоже иногда въ четырехъ частяхъ, но бываютъ и въ двухъ: въ этихъ частяхъ бываетъ уже только по 160 страницъ, а иногда и меньше. Этого сорта дешевые романы пишутся обыкновенно людьми молодыми; въ нихъ много романтическаго, (сценическаго), не бываетъ недостатка въ восклицаніяхъ и чрезвычайно много точекъ. — Наконецъ, слѣдуютъ романы пяти и четырехрублевые: эти состоятъ большею частію изъ трехъ частей, иногда изъ двухъ; но эти части уже никакъ не бываютъ больше 60 или 90 страницъ, а иногда иная часть удается такъ странно, что въ ней всего бываетъ страницъ 35. Пишутъ большею частію люди пожилые, вовсе не должностные. Это русскій..... своего рода и предводитель сего послѣдняго инвалиднаго войска есть А. А. Орловъ, надъ которымъ очень любятъ подшучивать петербургскіе журналисты.

Разбираемый романъ принадлежитъ къ первому роду, то-есть къ романамъ пятнадцатирублевымъ, хотя авторъ, какъ видно изъ первыхъ страницъ, часто бываетъ очень нетерпѣливъ и никакъ не посидитъ на мѣстѣ и не займется долго однимъ лицомъ. Ничего не осталось въ головѣ послѣ прочтенія половины первой части. Помнится только, что какой-то графъ и какой-то студентъ таскаются по улицамъ въ какомъ-то городѣ, чуть-ли не въ Москвѣ, берутъ Катю и увозятъ; потомъ опять берутъ Катю и, кажется, опять увозятъ. Впрочемъ, кто охотникъ, тотъ можетъ прочесть самъ и узнать, что дѣлается дальше...

Описаніе Прусскаго государства въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, составленное Ардаліономъ Ивановымъ, воспитателемъ и наставникомъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. С.-Пб., въ тип. И Глазунова. 1836, въ 8. Часть первая, стр. 201.

Книга въ родѣ тѣхъ географій, какихъ расходятся на Руси много, и по которымъ учатъ у насъ дѣтей. Кто захочетъ имѣть полное статистическое удовлетворительное понятіе о Пруссіи, тотъ его не отыщетъ въ этой книгѣ. Она что-то среднее: какъ книга для учащагося, она велика; для выучившагося (sic) пахнетъ указкою.

Прекрасная Астраханка, или книжица на берегу Оки. Романъ, взятый изъ истиннаго происшествія. Россійское сочиненіе. Москва, въ Универ. тип., 1836, въ 12, двѣ части, стр. IV и 42+76.

Не романъ, а развѣ романчикъ, потому что въ I-й части 42 страницы, а во II-й—76.

Русскіе классики. Часть I. Кантемиръ. 1836, С.-Пб., въ тип. Гинце.

Намѣреніе очень хорошее—издать Кантемира и другихъ старыхъ писателей нашихъ. Но издается это очень странно: въ мѣсяцъ выходитъ одинъ или два печатныхъ листа. За эти два иста и за обертку къ нимъ, въ которой читателю рѣшительно нѣтъ никакой надобности, читатель платитъ рубль—довольно дорого и неудобно: дорого, потому что небольшой томъ Кантемира будетъ стоить гораздо дороже десяти рублей; неудобно, потому что у насъ не привыкли къ такому мелкому разсчету, и всякій будетъ ожидать лучше всей книги, чтобы купить. На тетрадки обыкновенно разлагаются въ Европѣ огромныя изданія для того, чтобы облегчить взносъ денегъ для читателей, которые—NB всѣ почти люди бѣдные. Притомъ ливрезоны, выпускаемые французами, никогда не издаются по одному листу, но за 1 рубль они представятъ такое количество буквъ, какого не составитъ весь Кантемиръ. Плюшаръ издаетъ «Путешествіе вокругъ свѣта» Дюмонъ-Дюрвиля: въ мѣсяцъ выходитъ тетрадь изъ 10 печатныхъ листовъ довольно густой печати; при нихъ (болѣе) множество картинокъ, — и вся тетрадь обходится по два рубля. Это можно назвать у насъ дешевымъ.

Притомъ издатели очень длятъ это изданіе. Кантемиръ, котораго можно отпечатать всего въ двѣ недѣли, будетъ печататься полгода: кому охота каждый мѣсяцъ (ждать) одного печатнаго листа.

Убійственная встрѣча. Повѣсть Я. А. С.-Пб., 1836 года, въ тип. Артил. Департ. Воен. Мин., въ 8, 113 стр.

(Такъ какъ романы у насъ бываютъ разныхъ родовъ, такъ точно и повѣсти). Эта книжечка вышла, сталобыть, гдѣ-нибудь сидитъ же на бѣломъ свѣтѣ и читатель ея.

Полная ручная кухмистерская книга, выбранная изъ книжекъ: 1) Прибавленіе къ опытному повару; 2) Полный Кухмистеръ и кандитеръ (sic.), и 3) Приложеніе къ книгѣ Полный Кухмистеръ и Кандитеръ; со многими прибавленіями; содержащая объясненіе поварскихъ терминовъ, и рисунковъ печи для Московскихъ калачей, составленная изъ собственныхъ опытовъ Герасимомъ Степановымъ. Москва, въ Универ. тип. 1835, въ 12, стр. VII и 310.

Если воспользоваться всѣми этими рецептами, наставленіями, то можно сварить такую кашу, на которую и охотника не найдешь.

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, совершенное въ XVII столѣтіи Іеродіакономъ Троицкой Лавры. Издано М. Коркуновымъ. Москва, въ Универ. тип., 1836, въ 8, стр. 39.

Путешествіе въ Іерусалимъ производитъ дѣйствіе магическое въ нашемъ народѣ. Это одна изъ тѣхъ книгъ, [которыя] больше всего и благоговѣйнѣе всего читаются. Почти такое производитъ на нихъ впечатлѣніе путешествіе въ Цареградъ,—какъ будто невольная признательная черта, сохранившаяся въ русскомъ элементѣ, за

тотъ свѣтъ, который нѣкогда [истекалъ] оттуда. Нерѣдко русскій мѣщанинъ, промышленникъ, сколько-нибудь знающій, [бросалъ дѣла], отправлялся самъ въ Іерусалимъ и Цареградъ и даже издавалъ книгу, которую жадно покупали у разносчиковъ, пропуская множество картинъ, висящихъ на шнурочкѣ у него на плечахъ, несмотря на то, что многія изъ нихъ разрисованы всякими красками. Прочія книги русскій народъ (уже рѣшительно) читаетъ для того только, чтобы прочитать что-нибудь въ случаѣ показать себѣ и другимъ, что онъ можетъ прочесть по верхамъ то, что̀ другой читаетъ по складамъ, — безъ малѣйшаго вниманія къ содержанію книги. И потому для народа нашего чрезвычайно трудно выбрать чтеніе.

Торговый Адресъ-Календарь, или Всеобщій Коммерческій указатель Россійскаго Государства на 1836 годъ, составленный Викентіемъ Жгерскимъ, чиновникомъ для особыхъ порученій въ Министерствѣ Финансовъ, разныхъ учебныхъ обществъ и иностранныхъ академій дѣйствительнымъ членомъ. Спб., 1836, въ тип. Вингебера, въ 8, стр. 128.

Торговый Адресъ-Календарь, какъ адресъ-календарь, очень (не полонъ) и неудовлетворительно составленъ. При этомъ сюда [вошли] статьи по части промышленности, представлены и даже проекты не безъ достоинствъ, но здѣсь представляющіеся совершенно отрывками, не показывающими именно плана въ изданіи. (Цѣна 10 рублей, очень дорога для книжки, въ которой только 120 страницъ). Продается очень дорого по объему, [какой имѣетъ] книжка.

Исторія поэзіи. Чтеніе Адъюнкта Московскаго Университета Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ Исторію поэзіи Индѣйцевъ и Евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ Западной Европы. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ 8, стр. 111—333.

Замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ. Въ первый разъ является у насъ въ Россіи оригинальный курсъ Исторіи всемірной поэзіи, — курсъ, написанный мыслящимъ, исполненнымъ практическаго ума писателемъ. Изъ всѣхъ доселѣ исключительно занимавшихся у насъ критикою писателей нашихъ безспорно Шевыревъ—первый, котораго имя останется въ лѣтописяхъ нашей литературы. Въ слѣдующемъ томѣ помѣстимъ обстоятельный разборъ этого важнаго сочиненія.

Основаніе Москвы, смерть боярина Степана Ивановича Кучки. Историческій романъ, взятый изъ временъ княженія Изяслава Мстиславовича. Сочиненіе Н.... К....ва. С.П.Б., въ типографіи Вингебера. 1836. Четыре части, стр. VII и 189—149—168—162.

Одинъ изъ тѣхъ романовъ, въ родѣ которыхъ выходитъ очень много, и особенно въ Москвѣ. Сюжетъ ихъ обыкновенно взятъ изъ отечественной исторіи. Они обыкновенно бываютъ худенькіе, тоненькіе, но раздѣлены на четыре части; продаются очень дешево. Авторы ихъ — часто робкіе, молодые, еще не обжегшіеся на огнѣ писатели, и потому выставляютъ часто однѣ только заглавныя литеры своего имени и оканчиваютъ его точками. Авторъ обыкновенно заставляетъ говорить своихъ героевъ слогомъ русскихъ мужичковъ и купцовъ, потому что у насъ въ продолженіе десяти послѣднихъ лѣтъ, со времени появленія романовъ въ русскомъ кафтанѣ, возникла мысль, что наши историческія лица и вообще всѣ герои прошедшаго должны непремѣнно говорить языкомъ нынѣшняго простого народа и отпускать какъ можно побольше пословицъ. Въ послѣдніе года два или три новая французская школа, выразившаяся у насъ во многихъ переводныхъ отрывкахъ и мелодрамахъ въ театрѣ, проявила замѣтное свое вліяніе даже и на нихъ. Отъ этого произошло чрезвычайно много самыхъ странныхъ явленій въ нашихъ романахъ. Иногда русскій мужичекъ отпуститъ такую театральную штуку, что и римлянинъ не сдѣлаетъ. Подымется съ полатей или съ своей печки и выступитъ такимъ... Какой-нибудь Василій Углицкій или Степанъ Ивановичъ Кучка, (бряк-нувши чисто русскую поговорку), послѣ какой-нибудь русской замашки, отпустивши народную поговорку, закричитъ вдругъ: «смерть и адъ».

Въ другомъ мѣстѣ читатель приготовленъ къ тому, что эти мужики засучатъ рукава и потузятъ другъ друга, но вмѣсто того видитъ, что они кинули одинъ на другаго мрачный взглядъ,—«и»... Тутъ обыкновенно авторъ поставитъ нѣсколько точекъ и прибавитъ: «и поняли другъ друга». (А) иногда даже прибавитъ: «и въ этомъ безмолвіи произошла страшная драма», и тому подобное. Въ этомъ уже и упрекать нельзя, что лицо немного похоже на испанца, или француза (или кого-нибудь): этого грѣха не могли избѣгнуть и большіе наши романы и... Общій характеръ этихъ маленькихъ романовъ, которые въ такомъ изобиліи и такъ скоро вырастаютъ на Руси, есть совершенная дѣтскость. Это будетъ очень несправедливо, еслибъ мы сказали, что въ нихъ видна глупость [одна], въ чемъ часто упрекаютъ ихъ наши журналисты. Совсѣмъ нѣтъ: не глупость, но созданіе самаго незрѣлаго дитяти, котораго и то занимаетъ, и другое; и того хочется ему, и другаго: никакой постоянности! Оттуда у него на одной страницѣ столько несообразностей, сколько у другого въ цѣломъ томѣ. Каждая строчка у него (или) ниже цѣлой октавой, или выше другой. У безталаннаго, но опытнаго человѣка, набившаго руку на писаньи, несообразности становятся явны по прочтеніи только многихъ страницъ; у безталаннаго, но неопытнаго и молодаго, ихъ въ одной страницѣ наберется столько, что читатель по нимъ можетъ вывести безошибочно мнѣніе обо всемъ сочиненіи.

Если бы мы привели въ примѣръ оттуда нѣсколько страницъ, онѣ могли бы заставить читателей усмѣхнуться; но зачѣмъ наполнять листокъ нашего журнала плохимъ тогда, когда можно занять мѣсто выпискою чего-нибудь хорошаго? Во всѣхъ этихъ книгахъ видно невинное желаніе написать непремѣнно какой-нибудь романчикъ. Да проститъ Богъ невольныя ихъ прегрѣшенія! Намъ нечего досадовать на нихъ и сердиться, что они неопрятно изданы и тому подобное. И здѣсь потому только почтено необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, чтобы (при) другомъ подобномъ романѣ имѣть случай не говорить о немъ вовсе и сослаться на сказанныя нами нынѣ слова.

Дѣтскій павильонъ. Книжка, содержащая въ себѣ черты изъ Русской Исторіи, разныя повѣсти, разговоры, анекдоты, стихотворенія, сказочки и проч., составленная на 1836 годъ Б. Федоровымъ. С. П. Б., въ тип. Гинце, 1835, въ 16, стр. 320.

Дѣтскій альманахъ, небольшой магазинъ, безъ сомнѣнія, очень пріятныхъ для нихъ вещей... Б. М. Федоровъ—одинъ изъ старыхъ нашихъ литераторовъ: писалъ трагедіи, романы, писалъ и переводилъ стихотворенія во многихъ родахъ; но, наконецъ, почувствовавши, что все на свѣтѣ суета и что нужно имѣть слишкомъ много, чтобы расшевелить взрослое наше поколѣніе, принялся издавать книжки для дѣтей. И изъ нашихъ писателей никто въ этомъ отношеніи не исполнялъ своего дѣла съ такимъ стараніемъ, какъ онъ: онъ издавалъ довольно исправно и постоянно дѣтскій журналъ, всегда къ новому году готовилъ намъ какой-нибудь подарокъ въ видѣ альманаха. Академія Россійская избрала его въ свои члены, хотя онъ и не написалъ такого ученаго разсужденія на шести страницахъ, въ которомъ говорится обыкновенно, что такой-то говоритъ вотъ то-то,

такой-то вотъ то-то, а я полагаю, что этотъ предметъ требуетъ разъясненія. Но при всемъ томъ труды его были полезны и сочиненія его раскупались. Его имя не заслужило никакого упрека. Альманахъ его нынѣшній имѣетъ тѣ же (замѣчательныя) достоинства, какъ и предыдущіе, и дѣти могутъ всѣ изъ него составить себѣ пріятное чтеніе.

Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ, изданное Департ. Удѣловъ. С.-П-бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ 8, 138, съ 4 чер.

Книжка замѣчательная во многихъ отношеніяхъ тѣмъ, что проливаетъ нѣкоторый статистическій свѣтъ на среднія губерніи нашей Россіи. (Книжка для статистики замѣчательна въ томъ отношеніи, что подаетъ нѣкоторую идею о земледѣліи въ разныхъ нашихъ губерніяхъ и отчасти можетъ возродить вопросъ о причинахъ различнаго его положенія въ разныхъ полосахъ государства и, можетъ быть, о средствахъ, какимъ образомъ эта статья должна разрабатываться). Всѣ удѣльныя имѣнія нынѣ округлены и заключены въ средней полосѣ; ихъ нѣтъ ни на югѣ, ни на сѣверѣ. Они большею частію начинаются узкимъ клиномъ отъ Москвы и тянутся на востокъ до Уральскаго хребта, захватывая земли губерній: московской, владимірской, костромской, нижегородской, казанской, симбирской, пензенской, саратовской, вятской, пермской и оренбургской.—Кромѣ того (на западѣ отъ Москвы) есть еще удѣльныя имѣнія въ губерніяхъ остзейскихъ.

Упомянемъ слова два о почвѣ этой земли (какъ о главной основѣ всей промышленности), какъ первыхъ естественныхъ законахъ организаціи государственнаго хозяйства. Центральныя земли, то-есть земли губерній московской, владимірской, отчасти земли костромской и нижегородской, содержатъ почву песчаную, глинистую, [пересѣкаемую] тундрами, [иломъ], кочками; черноземъ почти не встрѣчается,—земли, требующія болѣе всего воздѣлки. Далѣе на юго-востокъ характеръ почвы измѣняется: южная часть имѣній костромской и нижегородской и сѣверная губерній казанской, симбирской и пензенской составляютъ другой отдѣлъ: въ почвѣ меньше глины, меньше тундръ, чаще черноземъ, и углубляется въ землю онъ несравненно далѣе, на шесть вершковъ. Эта почва менѣе требуетъ воздѣлки предыдущей. Южныя имѣнія губерній казанской, симбирской и пензенской и особенно вся саратовская составляютъ почти степныя пространства: почва уже чистый черноземъ, тучный, углубляющійся далеко въ землю; пески и солончаки уже исключенія и находятся только въ саратовской губерніи; земля производитъ безъ всякаго удобренія. Земли трехъ колоссальныхъ губерній: пермской, вятской и оренбургской представляютъ отличительный совершенно отдѣлъ почвы: въ пермской и вятской владычествуетъ лѣсъ, въ оренбургской сила растительной природы мечетъ дикія кормовыя травы по всему своему огромному пространству. Близость Урала и [разрушающаяся] горная природа даютъ новыя силы растительности. Большое количество мергеля представляетъ средство для удобренія. Почва, при небольшихъ трудахъ, можетъ [превзойти] ожиданія.

Но разсматривая въ этой замѣчательной (книгѣ) работающія силы людей, мы видимъ еще глубокое младенческое состояніе земледѣлія, несмотря на средства, доставляемыя правительствомъ. Усилія рукъ безъ сравненія малы относительно пространства земли. Орудія еще много не облегчены; привычка и давность обыкновенія еще держитъ мѣсто испытующаго опыта. Плугъ еще донынѣ тяжелъ; лѣнивый, медленный серпъ, безсильный противъ такихъ огромныхъ пространствъ, еще не изгнанъ косою.

Усилія труда болѣе видны въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ бѣднѣе почва; онѣ слабѣютъ, гдѣ почва богаче, и наконецъ почти не дѣйствуютъ въ губерніяхъ: пермской, вятской и оренбургской, гдѣ люда мало противъ земли, гдѣ дикая природа почвы кладетъ печать дикости и на [самого] человѣка.

Итакъ, что̀ причина такого состоянія земледѣлія? Эта причина заключается, *во-первыхъ*, въ землѣ, — не въ почвѣ земли, но въ необыкновенномъ пространствѣ ея, еще несоразмѣрно [пересиливающемъ] населеніе. На тѣсномъ уголкѣ земли, хотя бы почва была безплодна, земледѣліе возникаетъ и развивается быстро; вначалѣ, вслѣдствіе первой необходимости, оно въ возрастающей степени дѣлается необходимо: его развиваютъ потребности. Какъ и человѣкъ идетъ въ ровной прогрессіи, земля, пробуя всѣ силы его, образуетъ и утрояетъ его развитіе; человѣкъ, получая посредствомъ ея новыя [средства], находитъ безпрестанно средства обогащать его. Итакъ, естественное дѣло, что земледѣліе въ Россіи еще долго будетъ итти медленно, несмотря на всѣ введенныя мѣры правительства, потому что это дѣло вѣковъ...

Вторая главная причина заключается въ людяхъ. Что̀ же такое русскій крестьянинъ? Онъ раскинутъ, или, лучше сказать, разсѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго (sic) будетъ густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдѣленныхъ большими пространствами, удаленныхъ отъ городовъ,—и городовъ мало чѣмъ богатѣе иныхъ деревень. Лишенный живаго, быстраго сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. Возьмите жизнь земледѣльца—скверна и вредна. У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи,—однѣ и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Много ли ему нужно трудовъ и усилій, чтобы достать такую пищу? И какое другое желаніе можетъ занять его по удовлетвореніи этой первой нужды, когда окружающая его глубокая простота никакой не можетъ подать идеи. Онъ способенъ перемѣнить [тотчасъ] свою жизнь, но только когда вокругъ его явятся улучшенія, а побывавши въ городѣ, русскій поселянинъ уже бросаетъ земледѣліе и дѣлается промышленникомъ, и тутъ вдругъ развивается его дѣятельность и оказывается его живая, хлопотливая природа; съ помощью живости и смѣтливости онъ въ непродолжительное время дѣлается богачемъ. — Такимъ образомъ русскій мужикъ дѣлается рѣшительно гражданиномъ всей Руси, не укрѣпляясь ни въ какомъ мѣстѣ.

Итакъ, должно ли удивляться, что у насъ земледѣліе въ младенческомъ состояніи? Часто слышны вопросы: отъ чего у насъ хуже земледѣліе, нежели въ Европѣ, и [мнѣнія], какъ легко сравниться (въ этомъ скоро) съ Европой. Это легко сказать особливо тѣмъ, чей умъ не видитъ страшнаго преобладанія европейскаго населенія надъ землею и страшнаго преобладанія земли надъ жителями въ Россіи. Во всякомъ случаѣ правительство дѣйствуетъ, руководимое глубокою мудростью: оно обращаетъ преимущественное вниманіе на земледѣліе. Земледѣлъ—добрый, крѣпкій корень государства въ политическомъ и нравственномъ отношеніи. Купецъ человѣкъ продажный; всякій промышленникъ человѣкъ подвижный: сегодня здѣсь, завтра тамъ; но земледѣльческій неподвижный элементъ государства. Одно изъ лучшихъ дѣйствій правительства въ этомъ отношеніи есть издаваемые отъ него результаты хозяйственныхъ отчетовъ, къ какимъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно причислить и эту книгу. Онѣ всегда ясно показываютъ дѣло и наводятъ на мысли, что̀ и какъ нужно предпринять для улучшенія дѣла.

Картины міра или полезное и пріятное, чтеніе для юношества. Часть 2. С.-Петербургъ 1836 г. (?).

Заглавіе этой книги показываетъ, что она ошибкою попала въ [нынѣшнюю] литературу.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Руси, такъ же какъ и въ Европѣ, замѣтна была вообще охота къ чтеніямъ нравственнымъ, являвшимся въ видѣ длинныхъ разсужденій и трактатовъ. Психологическія сочиненія, печатавшіяся въ цѣлыхъ огромныхъ томахъ, имѣли значительный перевѣсъ надъ всѣмъ прочимъ. Читатели требовали назидательныхъ, питательныхъ сочиненій. Все прочее, все практическое, все легкое, взятое изъ жизни, считалось пустымъ и недостойнымъ. У насъ въ Россіи въ это время вышло чрезвычайное множество подобныхъ книгъ. Это былъ вѣкъ солидный. Впрочемъ замѣчательно здѣсь то, что при всемъ этомъ нравственность этого вѣка была не очень чиста, и тѣ, которые читали питательныя книги, дѣлали подъ рукою такія шашни и проказы, которыя теперь бы слишкомъ бросились всѣмъ въ глаза. Замѣчательно, что въ одно время съ такимъ множествомъ нравственныхъ сочиненій появлялись такія безнравственныя, что теперь даже отважнѣйшіе изъ французскихъ писателей посовѣстились бы написать. Всѣ старики тогда читали душеспасительныя книги; вся молодежь напротивъ читала Фоблазовъ и другихъ, и при внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось даже, что едва ли старики не обгоняли молодежь въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Такой раздоръ теоріи съ практикою былъ явенъ, повсемѣстенъ въ концѣ 18 столѣтія. Въ 19 столѣтіи масонскія и другія секты, отвлеченныя мистицизмомъ, поддержали существовавшіе подобныхъ философскихъ сочиненій, разсужденій, увѣщаній и трактатовъ, хотя облеченныхъ уже въ другія формы. Они, можно сказать, были виною такого распространенія охоты къ чтенію въ нашемъ обществѣ, потому что требовали постоянства вниманія, нѣкотораго напряженія ума, и потому были удѣломъ немногихъ. Когда Кантъ, Шеллингъ, Гегель, Оккенъ, какъ художники, обрабатывали науку, облекая ее точными опредѣлительными терминами, дробя, раздѣляя и соединяя въ единство великую область мышленія, ихъ мнѣнія распространялись только въ кругу небольшомъ ихъ слушателей, понимавшихъ трудный, немногословный, почти математическій языкъ ихъ. Но когда мысли ихъ начали [разсѣиваться], германскіе писатели, если можно такъ выразиться, средняго класса, люди бо́льшею частію довольно умные, но безъ орлиной мысли и таланта; когда начали они эти мысли плодить, одѣвать собственнымъ мѣриломъ пониманія; когда они облекли эти разсужденія краснорѣчивыми фразами, общеупотребительнымъ языкомъ, часто даже лирическимъ пыломъ души: то эти творенія ихъ распространились повсемѣстно между всѣмъ читающимъ кругомъ, и пріученные мистицизмомъ читатели брались охотно за эти книги. — Въ нашъ вѣкъ почти общимъ сочувствіемъ была признана необходимость воплощенія всякой мысли практически. Они (?) всегда должны торжествовать, какъ прекрасную эпоху, это начинающееся соединеніе теоріи съ практикою, слѣдуя великой, но простой истинѣ, что дѣла болѣе значатъ, нежели слова. Живой примѣръ сильнѣе разсужденія, и никогда мысль не кажется намъ такъ высока, такъ поразительно высока, такъ оглушительна своимъ величіемъ, какъ когда облечена она (видимой формою, олицетворена), когда разрѣшается предъ нами живымъ, знакомымъ [міромъ], когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами изъ цѣлаго созданія поэта. Божественный Учитель и Спаситель нашъ первый открылъ (на землѣ) эту высокую тайну, облекши святыя, божественныя мысли свои въ притчи, которыя слушали и понимали тысячи народовъ. Итакъ, мы, сдѣлавши такіе великіе тысящелѣтніе (sic) обходы, наконецъ возвращаемся къ той истинѣ, которая была сказана еще въ глубинѣ младенческихъ сердецъ нашихъ. И вотъ уже исторія показываетъ усилія соединиться съ философіей и образуетъ великое зданіе. И вотъ уже вездѣ, во всѣхъ нынѣшнихъ попыткахъ романовъ и повѣстей, видно стремленіе осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность [бываетъ] виною, что изысканная и неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой.

Писано въ 1836 г.

НАЧАЛО РЕЦЕНЗІИ, НАПЕЧАТАННОЙ ВЪ „МОСКВИТЯНИНѢ“.

Утренняя Заря, альманахъ на 1842 г., изданный В. Владиславлевымъ. С.-Петербургъ. Въ типогр. III отдѣленія. Собств. Е. И. В. канцеляріи. 1842 г., въ 16-ю, 369 стр.

Альманахъ украшенъ семью портретами. Портретъ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Александровны занимаетъ первое мѣсто. Выраженіемъ и мыслью сквозятъ черты его, и вѣрно русскій наканунѣ Новаго года всмотрится въ нихъ внимательнѣе, какъ во что-то свѣтлое, пророческое. И всѣ прочіе портреты прекрасны; не безъ тайной внутренней гордости разсматриваешь ихъ, видя, что едва ли красавицы Сѣвера не возьмутъ верхъ надъ красавицами, украшающими европейскіе кипсеки. Портретъ графини Елены Михайловны Завадовской блещетъ всею роскошью ея неувядаемой красоты. Свѣтлая ясность простоты отражается въ лицѣ графини Софьи Александровны Бенкендорфъ. Южной полнотой взгляда озарено лицо баронессы Екатерины Николаевны Менгденъ. Наконецъ, типъ чисто-славянской красоты виденъ въ профилѣ княжны Маріи Ивановны Барятинской. Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ есть у насъ дѣло еще новое. Ихъ будетъ разсматривать съ жадностью житель отдаленнаго угла Россіи, куда едва доходятъ слухи о столицѣ, и не одинъ, одаренный высокимъ художественнымъ вкусомъ, полюбуется ими,

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты,

какъ сказалъ Пушкинъ. И всякій на этотъ текущій годъ будетъ еще радостнѣй дарить или получать «Утреннюю Зарю».

Жаль подвергнуть это блестящее издѣліе строгому перу суровой критики. Она передъ нимъ остановится, какъ передъ нѣжнымъ мотылькомъ или цвѣткомъ, боясь дуновеніемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержаніе его вполнѣ соотвѣтствуетъ своему значенію. Это легкое будуарное чтеніе красавицы. Свѣтскій слогъ, гладкость языка, строгое приличіе во многихъ повѣстяхъ и легкая граціозность нѣкоторыхъ стиховъ, словомъ — это сіяющая игрушка.

МЕРИМЕ.

Мериме безспорно замѣчательный писатель 19-го вѣка французской литературы. Пушкинъ уважалъ его много. Онъ называлъ его остроумнымъ и оригинальнымъ писателемъ, а сочиненія—замѣчательными въ нынѣшнемъ униженномъ, жалкомъ упадкѣ французской литературы (смотри: *Сочиненія Пушкина*, томъ IV, въ предисловіи къ «Пѣснямъ Западныхъ Славянъ»). Имя Мериме не было

такъ часто на устахъ Европы, какъ другихъ, менѣе награжденныхъ дарами генія, но болѣе плодовитыхъ писателей, которые мѣтили на эффектъ и желаніе изумить, во что́ бы ни стало. Немного произведеній вышло изъ-подъ пера Мериме; но всѣ они носятъ яркую печать таланта. Много правды, много вѣрности и въ бѣглыхъ и, такъ сказать, мимоходомъ разбросанныхъ замѣткахъ, много познаній и опыта. Драматическія сцены, вышедшія подъ названіемъ «Театра Клары Газюль», блестятъ поэтическими чертами. Многое изъ среднихъ вѣковъ въ нихъ придвинуто чрезвычайно близко и почти рисуется передъ глазами. Вездѣ заключена мысль, и является что-нибудь изъ сильныхъ и отличительныхъ движеній тогдашнихъ характеровъ.

Нынѣ (вышедшее) въ переводѣ: «Души въ чистилищѣ»; безъ всякаго сомнѣнія, поразитъ читателя прекраснымъ поэтическимъ созданіемъ сюжета, живымъ, быстрымъ, увлекательнымъ разсказомъ, свѣжими красками Испаніи, тонкими наблюденіями, острыми и смѣлыми замѣчаніями. И сколько разсыпано ума на этихъ немногихъ страницахъ.

Мериме, какъ очень легко можно видѣть изъ всѣхъ ...., вовсе не былъ занятъ тѣмъ, чтобы угождать вкусу публики; онъ шелъ какъ-то совершенно въ сторонѣ; даже предметы избиралъ не тѣ, которыхъ требовала модная потребность (sic) читателей. Кажется, его не занимали покупатели и слава, какъ будто бы въ однѣ только минуты отдыха отъ жизни и бездѣльно-дѣловаго теченія дней ея писалъ онъ свои произведенія. И сама жизнь его какъ-то не сходится съ общею жизнію Европы. Его имя не попало въ современную политическую сферу; его не слышно въ палатѣ перовъ. Онъ не публицистъ; нѣтъ ни одной рѣчи, имъ произнесенной. Онъ взялъ себѣ должность инспектора памятниковъ и древностей, разсѣянныхъ по Франціи: ихъ обсматривать, доносить о состояніи ихъ, изслѣдовать и поддерживать — вотъ что́ опредѣлилъ онъ своимъ дѣйствіемъ. Мериме обладаетъ кромѣ того той способностью, которая не дается французу, — именно способностью схватывать вѣрно мѣстныя краски, чувствовать народность и передать ее и даже поддѣлаться подъ нее. Всѣмъ извѣстно выданное имъ собраніе славянскихъ пѣсенъ, подъ именемъ: «Гусли». Собраніемъ ихъ онъ поддѣлъ даже самого Пушкина, который принялъ ихъ за подлинныя и съ такою вѣрною простотою передалъ ихъ въ полновѣсныхъ стихахъ своихъ. Почувствовать и угадать духъ славянскій — это уже слишкомъ много и почти невозможно для француза: по природѣ своей эти двѣ націи не сходятся между собою въ характерахъ; къ тому же французу трудно забыть на минуту, что онъ французъ. Съ этой-то стороны Мериме является въ своихъ созданіяхъ далеко выше своихъ писателей-соотечественниковъ.

ДРУЖЕСКОЕ ШУТЛИВОЕ ПАРИ.

«Мы, нижеподписавшіеся, Николай Гоголь-Яновскій и Иванъ Пащенко, сирота, сынъ Григорьевъ, закладъ держали о имѣющемся родиться отъ Николая Прокоповича и супруги его, Маріи, чадѣ, утверждая — первый, что оное чадо будетъ мужеска пола, второй же, Иванъ Пащенко,— что оно имѣетъ быть женскаго пола. А закладъ оный состоялъ въ томъ, что проигравшій угощаетъ обѣдомъ какъ онаго выигравшаго, такъ равномѣрно и четырехъ персонъ, по приличію избранныхъ, со включеніемъ, кромѣ ординарныхъ винъ, бутылки шампанскаго и предоставленіемъ полнаго права выигравшему потребовать себѣ варенья, какого ему будетъ угодно по вкусу и по надобности.

Въ увѣреніе истиннаго соблюденія сего контракта подписались:

Николай Гоголь-Яновскій.
Сирота *Иванъ Пащенко.*
Свидѣтели: *А. Данилевскій.*
Прокоповичъ.

Писане около 1836 г.

НОЧИ НА ВИЛЛѢ.

Ночь 1-я.

Онѣ были сладки и томительны, эти безсонныя ночи. Онъ сидѣлъ больной въ креслахъ. Я при немъ. Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ. Онъ безмолвно и невольно, казалось, уважалъ святыню ночного бдѣнія. Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ него, глядѣть на него. Уже двѣ ночи, какъ мы говорили другъ другу *ты*. Какъ ближе послѣ этого онъ сталъ ко мнѣ! Онъ сидѣлъ все тотъ же кроткій, тихій, покорный. Боже! съ какою радостью, съ какимъ бы веселіемъ я принялъ бы на себя его болѣзнь! И если-бъ моя смерть могла возвратить его къ здоровью, съ какою готовностью я бы кинулся тогда къ ней!

Я не былъ у него эту ночь. Я рѣшился, наконецъ, заснуть ее у себя. О! какъ пошла, какъ подла была эта ночь вмѣстѣ съ моимъ презрѣннымъ сномъ! Я дурно спалъ ее, несмотря на то, что всю недѣлю проводилъ ночи безъ сна. Меня терзали мысли о немъ. Мнѣ онъ представлялся молящій, упрекающій. Я видѣлъ его глазами души. Я поспѣшилъ на другой день поутру и шелъ къ нему, какъ преступникъ. Онъ увидѣлъ меня, лежащій въ постели. Онъ усмѣхнулся тѣмъ же смѣхомъ ангела, которымъ привыкъ усмѣхаться. Онъ далъ мнѣ руку. Пожалъ ее любовно. «Измѣнникъ!» сказалъ онъ мнѣ: «ты измѣнилъ мнѣ». — «Ангелъ мой!» сказалъ я ему: «прости меня. Я страдалъ самъ твоимъ страданіемъ. Я терзался эту ночь. Не спокойствіе былъ мой отдыхъ: прости меня!» Кроткій! онъ пожалъ мою руку! Какъ я былъ полно вознагражденъ тогда за страданія, нанесенныя мнѣ моею глупо проведенною ночью! — «Голова моя тяжела», сказалъ онъ. Я сталъ его обмахивать вѣткою лавра. «Ахъ! какъ свѣжо и хорошо!» говорилъ онъ. Его слова были тогда... что́ они были!.. Что́ бы я далъ тогда, какихъ бы благъ земныхъ, презрѣнныхъ, этихъ подлыхъ, этихъ гадкихъ благъ... нѣтъ! о нихъ не стоитъ говорить! Ты, кому попадутся, — если только попадутся, — въ руки эти нестройныя, слабыя строки, блѣдныя выраженія моихъ чувствъ,—ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебѣ. Ты поймешь, какъ гадка вся груда сокровищъ и почестей, эта звенящая приманка деревянныхъ куколъ, названныхъ людьми. О, какъ бы тогда весело, съ какою-бъ злостью растопталъ и подавилъ все, что́ сыплется отъ могучаго скипетра полночнаго царя, если-бъ только зналъ, что за это куплю усмѣшку, знаменующую тихое облегченіе, на лицѣ его!

«Что ты приготовилъ для меня такой дурной май?» сказалъ онъ мнѣ, проснувшись, сидя въ креслахъ, услышавъ шумѣвшій за стеклами оконъ вѣтеръ, срывавшій благовонія съ цвѣтшихъ дикихъ жасминовъ и бѣлыхъ акацій и клубившій ихъ вмѣстѣ съ листками розъ.

Въ 10 часовъ я сошелъ къ нему. Я его оставилъ за 3 часа до этого времени, чтобъ отдобнуть немного и при-

готовить ему, чтобъ доставить какое-нибудь разнообразіе, чтобы мой приходъ потомъ былъ ему пріятнѣе. Я сошелъ къ нему въ 10 часовъ. Онъ уже болѣе часу сидѣлъ одинъ. Гости, бывшіе у него, давно ушли. Онъ сидѣлъ одинъ. Томленіе скуки выражалось на лицѣ его. Онъ меня увидѣлъ. Слегка махнулъ рукой. «Спаситель ты мой!» сказалъ онъ мнѣ. Они еще донынѣ раздаются въ ушахъ моихъ, эти слова. «Ангелъ ты мой! ты скучалъ?» — «О, какъ скучалъ!» отвѣчалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ его въ плечо. Онъ мнѣ подставилъ свою щеку. Мы поцѣловались; онъ все еще жалъ мою руку.

Ночь 8-я.

Онъ не любилъ и не ложился почти вовсе въ постель. Онъ предпочиталъ свои кресла и то же свое сидячее положеніе. Въ ту ночь ему докторъ велѣлъ отдохнуть. Онъ приподнялся неохотно и, опираясь на мое плечо, шелъ къ своей постели. Душенька мой! Его уставшій взглядъ, его теплый пестрый сюртукъ, медленное движеніе шаговъ его—все это я вижу, все это передо мною. Онъ сказалъ мнѣ на ухо, прислонившись къ плечу и взглянувши на постель: «Теперь я пропавшій человѣкъ». — «Мы всего только полчаса останемся въ постели», сказалъ я ему: «потомъ перейдемъ вновь въ твои кресла». Я глядѣлъ на тебя, мой милый нѣжный цвѣтъ! Во все то время, какъ ты спалъ или только дремалъ на постели и въ креслахъ, я слѣдилъ твои движенія и твои мгновенья, прикованный непостижимою къ тебѣ силою.

Какъ странно-нова была тогда моя жизнь и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ я читалъ въ ней повтореніе чего-то отдаленнаго, когда-то давно бывшаго! Но, мнѣ кажется, трудно дать идею о ней: ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій отрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и дружбы рѣшительно юношеской, полной милыхъ, почти младенческихъ, мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности; когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія, часто даже вовсе непужныя. И всѣ эти чувства, сладкія, молодыя, свѣжія,—увы! жители невозвратимаго міра,—всѣ эти чувства возвратились ко мнѣ. Боже! зачѣмъ? Я глядѣлъ на тебя, милый мой молодой цвѣтъ. Затѣмъ ли пахнуло на меня вдругъ это свѣжее дуновеніе молодости, чтобы потомъ вдругъ и разомъ я погрузился еще въ бо́льшую мертвящую остылость чувствъ, чтобы я вдругъ сталъ старѣе цѣлымъ десяткомъ, чтобы отчаяннѣе и безпалежнѣе я увидѣлъ исчезающую мою жизнь? Такъ угасшій огонь еще посылаетъ на воздухъ послѣднее пламя, озарившее трепетно мрачныя стѣны, чтобы потомъ скрыться навѣки.

Писано въ 1839 г.

НАБРОСКИ, ВЫПИСКИ, ОТРЫВКИ.

I.

Какъ нужно создать эту драму.

Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебряное сіяніе и въ (теплое) роскошное дыханіе Юга.

(Освѣтить) Облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исподнится она вся нестерпимаго блеска!

Освѣтить ее всю минувшимъ и вызваннымъ изъ строя удалившихся вѣковъ, полнимъ старины временемъ, обвить разгуломъ, козачкомъ и всѣмъ раздольемъ воли.

И въ потопъ рѣчей неугасаемой страсти, и въ рѣшительный, отрывистый лаконизмъ силы и свободы, и въ ужасный, дышащій дикимъ мщеніемъ порывъ, и въ грубыя, суровыя добродѣтели, и въ желѣзные несмягченные пороки, и въ самоотверженіе неслыханное, дикое и нечеловѣчески-великодушное.

И въ безпечность забубенныхъ вѣковъ.

Отвѣчаетъ сравн[еніемъ], иносказательно: «Правда, случается, что волъ падалъ, издыхалъ, но подъ рукою человѣка, которому Богъ далъ умъ на то, чтобы сдѣлать ножъ; но никогда еще не случалось, чтобы быкъ погибалъ отъ свиньи».

Дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ рыбы, о запасѣ на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуютъ, о покупкѣ соли, о баштанахъ, хлѣбахъ, о порохѣ, ружьяхъ, кунтушахъ для солдатъ. — «Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая сноровка бунтовать—такъ, чтобы не побунтовать, не можетъ проклятый народъ: такъ вотъ у него рука чешется; дармоѣдничаетъ да повѣсничаетъ по шинкамъ да по улицамъ».

Разсказываютъ про клады и сокровища запорожцевъ. «Уйду на Запорожье, здѣсь всякой чортъ тебя колотитъ».

Монахинямъ такого-то монастыря купить вытканные и шитые утиральники.

Демьянъ превращается въ кашевара, Самко въ. . . . .

Мужики.

Разговоръ между мужиками. «Вздорожало все, дорого. За землю, ей-Богу, не длиннѣе вотъ этого пальца—20 четвериковъ, 4 пары цыплятъ, къ Духову дню да къ Пасхѣ —пару гусей, до 10 съ каждой свиньи, съ меду, да и послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ третьяго вола».

Улицы древней Варшавы.

Въ Старомъ мѣстѣ было домовъ 39.
Улица Новомѣйская домовъ 12.
На Кривомъ Колѣ 18.
Улица S. Яна 6.
Гродская.

Рыцарскіе.

Не поединки, а раздѣлываются драками; набравши съ собою, сколько можно больше, слугъ и выѣхавши на поле, нападаетъ на своихъ противниковъ.

Вдохновенная, небесно ухающая, чудесная ночь! любишь ли ты меня? Попрежнему ли ты глядишь на своего любимца, не измѣнившагося ни годами, ни тратами, и горишь, и блещешь ему въ очи, и цѣлуешь его въ уста и лобъ? Ты такъ же ли, попрежнему ли смѣешься, мѣсячный свѣтъ? О Боже, Боже, Боже! Такіе ли звуки, такіе снуются и дрожатъ въ тебѣ? (Я) Клянусь, я слышалъ эти звуки, я слышалъ ихъ одинъ въ то время, когда я передъ окномъ: на груди рубашка раздернута и грудь, и шея моя — навстрѣчу освѣтительному ночному вѣтру. Какой божественный, какой чудесный и обновляющій, утомительный, дышащій нѣгой и благовоніемъ, рай и небеса—вѣтеръ ночной, дышащій радостнымъ холодомъ вѣтеръ урывками обнималъ меня и обхватывалъ своими объятіями и убѣгалъ, и вновь возвращался обнимать меня, а черныя, угрюмыя массы лѣса, нагнувшись, издали глядѣли и... стоялъ торжественно несмущенный воздухъ. И

вдругъ соловей... О, небеса! Какъ загорѣлось все! какъ вспыхнуло! У, какой громъ!.. А мѣсяцъ, мѣсяцъ!.. Отдайте, возвратите мнѣ, возвратите юность мою, молодую крѣпость силъ моихъ, меня, меня свѣжаго, того, который былъ! О, невозвратимо все, что ни есть на свѣтѣ!

Сказавши монологъ, долго кричитъ. Выходитъ мать. «Дочь, у тебя болитъ голова», и прочее.

«Нѣтъ, не голова. Болѣю я вся: болятъ мои руки, болятъ мои..., болитъ грудь моя, болитъ моя душа, болитъ мое сердце. Огонь во мнѣ. Воды, мать моя, матушка, мамуся! Дай такой воды, чтобы загасила, жгущее меня пламя. О, проклята моя злодѣйка, и проклятъ родъ твой, и прокляты тѣ сво, что кричали! Мать моя, матушка! зачѣмъ ты меня породила такую несчастную? Ты, видно, въ нечистой водѣ искупала[сь], въ ядовитомъ зельѣ, на которомъ проползла гадина.

Входятъ, возвѣщаютъ и совѣтуютъ бѣжать. «Бѣгите и спасайтесь, жены и бабы! Ляхи за нами, и грабятъ и жгутъ». Въ этомъ положеніи находя... Укладывается старушка, плачетъ, разставаясь съ прежнимъ жилищемъ, гдѣ столько пробыла и откуда никуда не выходила.

«Внутри рветъ меня, все немило мнѣ: ни земля, ни небо, ни все, что вокругъ меня».

Отреченіе отъ міра совершенное. А между тѣмъ рисуется прежнее счастіе и богатство, которое могло. Прощаніе слезное съ молодыми лѣтами, съ молодыми радостями, со всѣмъ и строгое покореніе судьбѣ. Обѣты, и какъ будетъ молиться, какъ припадать къ иконѣ: «и все буду плакать, и ничего, никакой пищи бѣдному сердцу, не порадую его никакимъ воспоминаніемъ».

И вдругъ... Здѣсь встрѣча съ соперницей въ уничтоженномъ состояніи, и все вспыхиваетъ вновь во всемъ огнѣ и силѣ. Потоки упрековъ и злобная радость. Потомъ опомнивается и вспоминаетъ объ обѣтахъ, бросается на колѣни и проситъ прощенія.

Выдумать, какъ запала мысль въ голову молодому дворянину. Чисто-козацкое изобрѣтеніе, какъ подговорить. Лукашъ говоритъ, что онъ ничего не значитъ, что нужно склонить полковниковъ. Народъ обступаетъ ихъ дома и вынуждаютъ... И сказать, какимъ же образомъ...

II.

Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти.

Дѣвицы Чабловы, дочери бѣдныхъ родителей, вышли вмѣстѣ изъ института въ одно время и вдругъ очутились среди свѣта, огромнаго, великаго, со страхомъ и робостью въ душѣ. Онѣ были умны. Какимъ образомъ онѣ сдѣлались умны, никто не зналъ. Можетъ-быть, это было внушено имъ отъ рожденія, какъ инстинктъ, или, можетъ-быть, онѣ умѣли извлечь крупицы опытности и здраваго сужденія изъ книгъ, которыя имъ удавалось читать, изъ которыхъ не всякій умѣетъ извлекать что-либо. Дѣло въ томъ, что онѣ задумались о своемъ существованіи и; — въ то время, когда вѣтреная и малодушная бросается на свѣтъ безъ разсмотрѣнія, какъ бабочка на свѣчу, — онѣ уже захотѣли сдѣлать для себя планъ жизни и предначертать заранѣе для самихъ себя правила, въ законахъ которыхъ обращалась бы ихъ жизнь,—вещь, совершенно необыкновенная въ дѣвицахъ осьмнадцатилѣтнихъ.

III.

Начало неоконченной повѣсти.

Можно биться объ закладъ, что читатель, если ему случится только проѣзжать заштатный городишко Погаръ, увидитъ, что изъ окна одного деревяннаго, весьма крѣпкаго, дома съ высокою крышею и двумя бѣлыми трубами, глядитъ весьма полное и безъ всякихъ рябинъ лицо, цвѣтомъ нѣсколько похожее на свѣжую, еще не поношенную подошву. Это—Семенъ Семеновичъ Батюшекъ, помѣщикъ, дворянинъ, губернскій секретарь. Онъ завелъ обыкновеніе глядѣть изъ окна рѣшительно на все, что ни есть на улицѣ. Ѣдетъ ли проѣзжій какой-нибудь дворянинъ, можетъ-быть, тоже губернскій секретарь, а можетъ-быть и повыше, въ коляскѣ покойной, глубокой, какъ арбузъ, изъ которой смотрятъ хлѣбъ, няньки, подушки, или просто жидъ-извозчикъ на облучкѣ рогожаной..... *), съ узкою длинной бородой, въ которой оставили весьма немного волосъ разные господа, одѣтые въ военныя и партикулярныя платья; или пропесется вихремъ на тройкѣ разбойникъ и б...унъ ремонтеръ, — онъ все это разсмотритъ. Если-жъ и никто не проѣдетъ — ничего: это не бѣда,— Семеновичъ посмотритъ и на курицу, и на гусыню, которая пробѣжитъ передъ окномъ,—и весьма внимательно, — отъ головы до хвоста. Когда столкнутся два воза, онъ изъ окна, тутъ же, подастъ благоразумные совѣты: кому податься впередъ, кому [назадъ], и первому проходящему прикажетъ помочь. Если одинъ изъ очень быстрыхъ его глазъ завидитъ, что мальчишка лѣзетъ черезъ заборъ въ чужой огородъ или начкаетъ углемъ на стѣнѣ неприличную фигуру, онъ подзываетъ очень ласковымъ голоскомъ къ себѣ, велитъ потомъ подвинуться ему ближе къ окну, потомъ еще ближе, потомъ протянувши руку, хвать его за ухо и отдеретъ этого бѣднаго такимъ образомъ за ухо, что тотъ унесетъ его домой висящее на одной ниточкѣ, какъ нерадиво пришитая пуговица къ сюртуку. Если подерутся два мужика, то онъ сію-жъ минуту, тутъ же изъ окна, надъ ними судъ: допроситъ, чьи они, велитъ позвать Петрушку и Павлушку, — повара и комнатнаго лакея въ узкой сѣрой курткѣ, неизвѣстно по какой причинѣ съ военнымъ воротникомъ,—и тутъ-же высѣчетъ обоихъ мужиковъ, а другимъ еще прикажетъ придерживать: ему нѣтъ нужды, что не его люди.

Только на два часа въ день прячется это лицо. Это случается во время и послѣ обѣда, когда онъ имѣетъ обыкновеніе отдыхать. Но и тутъ, случись только какое нибудь происшествіе на улицѣ, Семеновичъ, какъ паукъ, къ которому попадается въ паутину муха, вдругъ выбѣжитъ изъ своего угла, и уже такъ знакомое заштатному городишкѣ лицо, цвѣта еще не ношенной подошвы, торчитъ у окна.

Писано въ 1839 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ВЪ „СѢВЕРН. ПЧЕЛѢ“ О ВЫѢЗДѢ.

Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, ищетъ попутчика до Вѣны, имѣющаго собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ; на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ проф. Погодина; спросить Николая Васильева Гоголя.

(Черновой текстъ этого объявленія: Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, желаетъ прокатиться до Вѣны

---

*) Пропущено какое-то слово, вѣроятно: «кибитки».

съ кѣмъ-нибудь, имѣющимъ собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ. Оный нѣкто — человѣкъ смирный и незаносчивый — не будетъ дѣлать во всю дорогу никакихъ запросовъ своему попутчику и будетъ спать вплоть отъ Москвы до Вѣны. Спросить на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ Погодина, Ник. Вас. Гоголя.

Писано въ 1840 г.

УЧЕБНАЯ КНИГА СЛОВЕСНОСТИ.

Проспектъ.

Въ двухъ большихъ томахъ: въ первомъ *часть поэтическая*, во второмъ—*часть прозаическая*.—Каждый томъ состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой половинѣ изложеніе правилъ, или теорія, во второй—примѣры. Первая половина, то-есть правила, должна быть напечатана большими четкими литерами всплошь (sic), не раздѣляя на столбцы, съ широкимъ бордюромъ вокругъ, дабы не слишкомъ велика была квадра,—съ пробѣлами и разстановками; вторая же половина, или примѣры, должна быть напечатана тѣсно въ два столбца мелкимъ шрифтомъ и вокругъ, вмѣсто бордюра, одна тоненькая линеечка или черта. Заглавія тѣ же и въ правилахъ и въ примѣрахъ, и должны быть занумерованы тѣми же номерами,—дабы вдругъ можно было, по прочтеніи правила, найти ему соотвѣтствующіе и принадлежащіе примѣры.

О наукѣ.

Наука у насъ еще не разработывается какъ полное цѣлое; еще не думаютъ о совокупленіи ея въ цѣльное крѣпкое ядро. Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются не переварившіяся европейскія мнѣнія, и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ юстиныхъ спорахъ и разговорахъ; всего нанесено и все не переварилось. А между тѣмъ только въ одной русской головѣ (если только эта голова устоялась) возможно созданіе науки какъ науки, и русскій умъ войдетъ въ сокъ свой. Наука, окинутая русскимъ взглядомъ, всеозирающимъ, расторопнымъ, отрѣшившимся отъ всѣхъ сторонніхъ вліяній...

Ибо русскій отрѣшился даже отъ самого себя, чего не случалось доселѣ ни съ однимъ народомъ. Нѣмцу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, не отрѣшиться отъ нѣмца; французу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, во всѣхъ его мнѣніяхъ и словахъ будетъ слышенъ французъ; англичанину и подавно болѣе всѣхъ нельзя отдѣлиться отъ своей природы. Стало-быть, полное безпристрастіе возможно только въ русскомъ умѣ, и всесторонность ума можетъ быть доступна одному только русскому, разумѣется, при его полномъ и совершенномъ воспитаніи. Къ этому нужно присовокупить нашу способность схватывать живо малѣйшіе оттѣнки другихъ націй и, наконецъ, живое и мѣткое наше слово, не *описывающее*, но *отражающее*, какъ въ зеркалѣ, предметъ. Наука у насъ непремѣнно дойдетъ до своего высшаго значенія и поразитъ самымъ существомъ, а не краснобайствомъ преподавателя, его даромъ разсказывать, или же примѣненіями къ тому, что интересуетъ [моду], и всякими другими нарумяниваніями и подслащиваніями, которыми стараются сдѣлать науку (заманчивою и) удобопроглотимою. Она поразитъ у (насъ всѣхъ) своимъ живымъ духомъ, изъ нея же исходящимъ, и симъ только станетъ доступною всѣмъ: и простолюд(иму), и не простолюдиму (sic). Ея сила будетъ въ ея многозначительномъ краткословіи, а краткословья этого, сколько мнѣ кажется, не добыть никому изъ народовъ кромѣ русскаго, ибо сама природа наша требуетъ его. Намъ не нужно то постепенное, медленное развитіе мыслей, не прерывающійся исходъ и выводъ одного изъ другого, безъ котораго нѣмецъ не ступитъ шаг(а) и не пойдетъ по дорогѣ. У насъ, напротивъ, всякій скучаетъ, начиная отъ образованнаго до простолюдима, когда ему дается [слишкомъ] долгая инструкція, и толкуютъ то, что онъ и самъ уже смекнулъ, и не можемъ итти шагъ за шагомъ, такъ, какъ идетъ нѣмецъ. Отсюда неуспѣхъ всякаго изложенія науки ходомъ нѣмецкой философіи. Прослѣди лучше нашъ ученый самъ въ себѣ науку, прежде чѣмъ сталъ ее проповѣдывать; проживи такъ въ бесѣдѣ съ нею, какъ монахъ живетъ съ Богомъ, наложивъ молчаніе на уста свои. И когда уже совокупилась въ тебѣ самомъ наука въ одно крѣпкое ядро, и содержишь ее въ головѣ всю въ неразрушаемой связи; тогда можешь проповѣдывать ее. И нечего уже тогда [плестись]: не бойсь, нити не потеряешь, когда она въ головѣ. [Несись] ровными и мѣрными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, какъ добрый ямщикъ, который ни лошадей не горячитъ, ни самъ не горячится, несется не подлой рысцей, не во всю прыть, не сломя голову, а тѣмъ веселящимъ сердце летомъ, съ какимъ началъ дорогу, и прилетаетъ на станцію, не заморивъ коней, ни себя самого. Иной ѣзды мы не любимъ. Смѣло поступи, какъ нашъ сказочный конь: мелкіе кусты и терновникъ промежъ ногъ пропускаетъ. Помни, что (говоришь ты русскимъ: смекнутъ)! Не заботься: тебя поймутъ,—смѣтливость—наше свойство, и у насъ давно живетъ пословица: «умный попъ хоть губами шевели, а мы, грѣшные, догадываемся».

Что такое слово и словесность?

Говорится все, записывается немногое, и только то, что нужно. Отсюда значительность литературы. Все, что должно быть передано отъ отцовъ къ сыновьямъ въ ученіе, а не то, что болтаетъ [модный людъ], то должно быть предметомъ словесности. Поэтому только тотъ, кто больше, глубже знаетъ [каждый] предметъ, кто имѣетъ сказать что-либо новое, тотъ только можетъ быть литераторомъ. Поэтому злоупотребленіе, если кто пишетъ безъ надобности или потребности внутренней передать свои (убѣжденія), кто пишетъ только затѣмъ, (чтобы писать). Поэтому для того, чтобы писать, нужно имѣть или очень много свѣдѣній и познаній не общихъ всѣмъ, — тогда писанья его будутъ принадлежать къ области науки; или же изобиліе ощущеній и опытности,—тогда онъ поэтъ, и его произведенія принадлежатъ области поэтической.

Тому и другому необходима способность воображать и живо представлять себѣ предметъ, о которомъ говоритъ.

Письменностью или словесностью называютъ сумму всего духовнаго образованія человѣка, которое передано было когда-либо словомъ или письмомъ. Но въ самомъ дѣлѣ словесность не есть сумма всѣхъ познаній человѣческихъ. Она не есть также сама въ себѣ что-либо существенное. Она есть только *образъ*, которымъ передаетъ человѣкъ человѣку все имъ узнанное, найденное, почувствованное и открытое, какъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій, такъ и въ мірѣ явленій внутреннихъ, происходящихъ въ собственной душѣ его. Ея дѣло въ томъ, чтобы передать это въ видѣ яснѣйшемъ, живѣйшемъ, способномъ остаться навѣки въ памяти. Открытіемъ тайны такового живого передаванія занимается *наука словесности*. Но научить этой тайнѣ не можетъ наука словесности никого, такъ же какъ никакой наукѣ и никакому искусству нельзя научиться въ такой степени, чтобы быть мастеромъ, а не ремесленникомъ,—если не даны къ тому способности и орудія въ насъ самихъ. Но при всемъ томъ наука словесности (такъ же нужна), какъ для всякаго другого знанія нужна наука. Нужно для того, чтобы ввести въ сущность дѣла, показать, въ чемъ дѣло, дабы, если точно есть въ насъ, спо-

собности, силы,—навести ихъ на путь, вдвинуть ихъ въ надлежащую колею; дабы, какъ по углаженной дорогѣ, быстрѣе устремилось бы (sic) ихъ развитіе Если жъ нѣтъ способностей, то чтобы зналъ учащійся, чего требуетъ предметъ этотъ; — видѣлъ бы всю великость того, чего онъ требуетъ, и не отважился бы вслѣдъ за другими приниматься за ея роды высокіе, или же просто несвойственные его свойству (sic), а выбралъ бы оружіе по рукѣ. Ибо словесность обширна, объемлетъ все, и нѣтъ человѣка, который не былъ бы способенъ для какого-нибудь ея рода, если только есть въ головѣ его разсудокъ и можетъ онъ о чемъ-нибудь порядочно размыслить.

Есть два языка словесности, двѣ одежды слова, два слишкомъ отличныхъ рода выраженій: одинъ слишкомъ возвышенный, весь гармоническій, который не только живымъ, картиннымъ представленіемъ всякой мысли, самыми чудными сочетаніями звуковъ усиливаетъ силу (sic) выраженій и тѣмъ живѣй выдаетъ жизнь всего выражаемаго, родъ доступный весьма немногимъ и симъ даже немногимъ доступный только въ минуты глубоко растроганнаго состоянія душевнаго (и гармоническаго) настроенія чувствъ, называемый поэтическимъ, высшимъ языкомъ человѣческимъ, или, какъ называли всѣ народы, языкомъ боговъ;—и другой, простой, не ищущій слишкомъ живыхъ образовъ, картинности выраженія, ни согласныхъ сочетаній въ звукахъ, предающій(ся) естественному ходу мыслей своихъ въ самомъ покойномъ расположеніи духа, въ какомъ способенъ находиться всякій, — родъ прозаическій. Онъ всѣмъ доступный, хотя между тѣмъ можетъ непримѣтно возвыситься до поэтическаго состоянія и гармоніи, ню мѣрѣ (того), какъ доведется къ такому растроганному настроенію душевному, до котораго также можетъ достигнуть всякій человѣкъ въ душевныя, истинныя минуты. Само собою разумѣется, что какъ въ томъ родѣ, такъ и въ этомъ есть тысячи оттѣнковъ и ступеней высшихъ и низшихъ, изъ которыхъ однѣ даются въ удѣлъ только необыкновеннымъ геніямъ, другія—счастливымъ талантамъ, и наконецъ третьи — почти всѣмъ сколько-нибудь способнымъ людямъ. Само собою также разумѣется, что иногда тотъ и другой родъ врываются въ предѣлы другъ друга, и то, что иногда поэзія можетъ снисходить почти до простоты прозаической и проза возвышаться до величія поэтическаго. Но тѣмъ не менѣе они(?) составляютъ два отдѣльные рода человѣческой рѣчи. Отдѣль этотъ слишкомъ явственъ и рѣзокъ. Слова поэзія и проза произносятся въ такомъ же противорѣчащемъ другъ другу значеніи, какъ слова день и ночь.

О поэзіи.

Родникъ поэзіи есть красота. При видѣ красоты возбуждается въ человѣкѣ чувство хвалить ее, пѣснословить и пѣть, — хвалить такими словами, чтобы и другой почувствовалъ красоту имъ восхваляемаго. Поэтъ только тотъ, кто болѣе другихъ способенъ чувствовать красоту творенія. Потребность подѣлиться своими чувствами воспламеняетъ его и превращаетъ въ поэта. (Въ минуту же такого превращенія она освящаетъ и очищаетъ самую душу, потому что самое желаніе заставить и другихъ возчувствовать красоту Божьяго творенія есть уже желаніе высокое, воспаряющее его и дающее (ему) силу. Двумя путями передаетъ онъ другимъ ощущенія: или отъ себя самого лично, — тогда поэзія его лирическая; или выводитъ другихъ людей и заставляетъ ихъ дѣйствовать въ живыхъ примѣрахъ, — тогда поэзія его драматическая и повѣствующая. Третій родъ—такъ называемый описательный, или дидактическій, можетъ входить равно въ оба рода, но не есть самъ по себѣ путь, которымъ передаетъ свои впечатлѣнія поэтъ.

О поэзіи лирической.

Поэзія лирическая есть портретъ, отраженіе и зеркало собственныхъ высшихъ движеній души поэта, его самонужнѣйшія замѣтки, біографія его восторгновеній. Она есть, начиная отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ ея родовъ, не что иное, какъ отчетъ ощущеній самого поэта. Гремитъ ли онъ въ одѣ, поетъ ли въ пѣснѣ, жалуется ли въ элегіи, или же повѣствуетъ въ балладѣ, повсюду высказываетъ личныя тайны собственной души поэта. Словомъ, она есть чистая личность самого поэта и чистая правда. Ложь въ лирической поэзіи опасна, ибо обличитъ себя вдругъ надутостью: тотъ, кто имѣетъ чутье поэта, въ мигъ ее услышитъ и называетъ лжецомъ надѣвшаго маску поэта. Она обширна и объемлетъ собою всю внутреннюю біографію человѣка, начиная отъ его высокихъ движеній, возвѣщающихъ (въ немъ небесное происхожденіе) въ одѣ (и до самыхъ обыкновенныхъ, обличающихъ его чувственное происхожденіе) въ пѣснѣ и въ мелкомъ антологическомъ сочиненіи, почти прозаическихъ и чувственныхъ въ мелкомъ антологическомъ стихотвореніи, въ которомъ онъ желаетъ отыскать сторону поэтическую.

Оды, гимны и лирическія воззванія.

Ода есть высочайшее, величественнѣйшее, полнѣйшее и стройнѣйшее изъ всѣхъ поэтическихъ созданій. Ея предметомъ можетъ послужить только одно высокое: ибо одно высокое можетъ только внушить душѣ то лирическое, торжественное настроеніе души, какое для нея нужно и безъ какого не произвесть оды поэту, какъ бы великъ онъ ни былъ. Посему и предметъ одъ или самъ источникъ всего—Богъ, или то, что̀ слишкомъ близко высотою чувствъ своихъ къ Божественному. Нужно слишкомъ быть проникнуту святыней предмета, нужно долго носить въ себѣ самомъ высокій предметъ, сродниться съ нимъ, облагоухаться имъ самому,—дабы быть въ силахъ произвести оду. Минутное же восторженіе святыней предмета можетъ произвесть гимнъ. а не оду. Ода требуетъ высокаго торжественнаго спокойствія, а не порыва. Она не летитъ вверхъ какъ гимнъ, но какъ бы пребываетъ все на равной высотѣ, паря, а не улетая. И потому всегда въ равносильныхъ и равномѣрныхъ строфахъ и при свободѣ своей сохраняетъ въ себѣ строгій порядокъ. Гимнъ не имѣетъ тѣхъ качествъ. Онъ есть первое изліяніе чувствъ, которыя просятся изъ души въ наружу (sic). Онъ безпорядоченъ, какъ самыя сильно возбужденныя въ насъ чувства, которыя стремятся только поскорѣй выразиться, не думая о томъ, откуда и съ чего приличнѣе начать: и начинается онъ и оканчивается, гдѣ ему вздумается, имѣя вожатаемъ одно вдохновеніе, которое внушило поэту на ту пору обнявшее его чувство. Онъ рѣдко сдерживаетъ себя границами размѣренныхъ строфъ, но льется безстрофно, быстро, какъ ручьи возбужденныхъ чувствъ, и прекращается вдругъ, неожиданно, быстро. Поэтому это изліянье благодаренія душевнаго, чаще всего его предметъ, или же восхваленіе сего, что̀ возбудило въ немъ такое чувство. Гимнъ и восхваленье почти синонимы. Есть еще родъ лирическихъ стихотвореній, которыя составляютъ средину между одой и гимномъ: [только] пріобрѣтаютъ нѣкоторый порядокъ размѣренныя строфы и нѣкоторое спокойствіе,—хотя не имѣютъ еще той великой полноты и просторной рамы, какая принадлежитъ одѣ. Тогда ихъ называютъ поэты стансами, то-есть просто строфами. Наконецъ есть родъ, уступающій всѣмъ тремъ въ полнотѣ, который можно назвать лирическими воззваніями, которыя заключаютъ въ себѣ какъ бы одинъ только кличъ, вопль, возгласъ, приглашеніе или крикъ, возбуждающій къ чему-

либо другихъ. Онъ бываетъ быстръ, кратокъ, но тѣмъ не менѣе возвышенъ, иногда даже слишкомъ высокъ своею лаконическою силою, и чрезъ то имѣетъ право причисляться къ высокому лирическому роду, становясь на ряду съ одою.

Пѣсня.

Пѣсня составляетъ самый богатѣйшій отдѣлъ поэзіи у народовъ славянскихъ. Преобладаніе поэтическаго элемента въ глубинѣ славянской души и особенное мелодическое расположеніе нашего языка были причиною происхожденія безчисленнаго множества пѣсенъ въ нашей словесности, которыя уже и въ древлѣ (sic), когда слова не записывались, и словесность, не переходя въ письменность, оставалась въ буквальномъ смыслѣ словесностью, составляли наше достояніе. Впослѣдствіи, когда болѣе и болѣе наши поэты стали входить въ развитіе собственнаго поэтическаго духа, пѣсня явилась какъ необходимое выраженіе всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя обнимали душу самого поэта, пробуждали въ немъ лирическое чувство. Она сдѣлалась какъ бы исторіей поэтическихъ ощущеній поэта, которыя слишкомъ нѣжны для оды и не восходятъ до той превыспренности,—но зато ощущается гораздо чаще, нежели тѣ, которыя служатъ предметомъ оды. А потому рѣдкій изъ нашихъ поэтовъ не оставилъ прекрасныхъ образцовъ, не говоря уже о Пушкинѣ, который является какъ царь среди этой области и котораго всякое лирическое сочиненіе, какъ только появлялось въ свѣтъ, въ тотъ же мигъ перекладывалось на музыку и распѣвалось отъ необыкновеннаго обилія мелодіи въ звукахъ. Жуковскій, Батюшковъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Языковъ, Козловъ, Баратынскій, Туманскій, Лермонтовъ подарили поэзію нашу множествомъ самыхъ мелодическихъ пѣсенъ. Пѣсня обнимаетъ все: всѣ чувства и ощущенія жизни, и потому можетъ дѣлиться на множество разныхъ родовъ; можетъ изображать уединеніе, внутреннія движенія и поэтическія мечты поэта, можетъ выражать страсть и любовь, можетъ быть застольной, и выражать веселье души и грусть; можетъ изображать картину или состояніе другого, какъ въ романсѣ, переходя отъ діорамба до тихой элегической задумчивости. Словомъ, все, что ни приводитъ къ настроенному состоянію духъ, есть уже ея предметъ,—хотя это не есть та величавая, высокая восторженность, какъ въ одѣ, возвышенная уже самымъ величіемъ взятаго предмета. Въ пѣснѣ восторгъ какъ бы утишенный, — это ликованіе духа уже послѣ самаго дѣла, произведшаго великій восторгъ празднества во время отдыха. Какъ бы позабывъ самый предметъ своей радости, поющій хочетъ потеряться въ гармоническихъ звукахъ. Посему въ пѣснѣ почти музыкальная стройность строфъ, умѣстныя повторенія и счастливыя возвращенія къ тому же составляютъ необыкновенную прелесть пѣсни. Ея строфы гораздо короче, нежели строфы оды. Строфы длинныя или тяжеловѣсныя ей не приличны: чрезъ это пѣсня будетъ не удобна для пѣнья. Она никакъ тоже не должна быть и длинна, потому что и впечатлѣнья всѣ быстры.

Сочиняющій пѣсню долженъ какъ бы слышать въ то же время ея внутреннюю музыку, дающую тайный размѣръ и стихамъ и строфамъ. Лучшія пѣсни сочинялись въ самую минуту пляски, пиршества и вызывались ударомъ смычка, свистомъ волынки, звономъ стакановъ, мѣрнымъ ударомъ стопъ. Отъ этого онѣ получаютъ то невыразимо-мелодическое свойство звуковъ, составляющее такую прелесть въ пѣсняхъ народныхъ.

Самыя поэтическія мечты и нѣжные внутренніе изгибы души своей тогда выражались хорошо и были достойны пѣсни, когда онѣ не мечтались въ его воображеніи, а какъ бы пѣлись въ самой душѣ поэта.

Элегія.

Элегія есть какъ бы покойное изложеніе чувствъ, постоянно въ насъ пребывающихъ, не тѣхъ великихъ и сильныхъ, которыя пробуждаются въ насъ мгновенно при воззрѣніи на предметы великіе, не тѣхъ, которыя, подобно святынѣ, сохранно пребывая въ глубинѣ души, стремятъ на великіе подвиги человѣка,—но тихихъ, болѣе ежедневныхъ, болѣе дружныхъ съ обыкновеннымъ состояніемъ человѣка. Это сердечная исторія то же, что дружеское откровенное письмо, въ которомъ выказываются сами собою излучины и состоянія внутреннія души. Въ сравненіи съ одой и гимномъ она слишкомъ отступила далеко въ лиризмѣ. Лирическій свѣтъ ея передъ свѣтомъ гимна, что свѣтъ луны передъ солнцемъ. Ее бы можно было назвать дидактическимъ и описательнымъ сочиненіемъ, если бы она не была изліяніемъ умягченнаго и слишкомъ нѣжнаго состоянія души, подвигнутаго на тихую исповѣдь, которая не можетъ излиться безъ душевной лирической теплоты. Все въ ней тихо. Что взываетъ какъ бы громомъ гремящаго оркестра въ одѣ, поется въ пѣснѣ, — въ ней произносится речитативомъ. Подобно сердечному письму, (она) можетъ быть и коротка и длинна, скупа на слова и неистощимо-говорлива, можетъ обнимать одинъ предметъ и множество предметовъ, по мѣрѣ того, какъ близки эти предметы ея сердцу. Чаще всего носитъ она одежду меланхолическую, чаще всего въ ней слышатся жалобы, потому что обыкновенно въ такія минуты ищетъ сердце высказаться и бываетъ говорливо.

Дума.

Дума есть родъ стихотвореній, не заимствованный ни откуда, но образовавшійся у славянъ. Пѣсни сѣверныхъ конунговъ имѣютъ съ ней нѣкоторое сходство. Она не есть баллада, которой содержаніемъ избираются таинственныя поэтическія преданія, неясныя, шевелящія и пугающія воображеніе явленія. Въ ней ничего нѣтъ такого, что бы было не объяснено, неопредѣленно и заманивало бы самой поэтической своею неопредѣленностью. Напротивъ, въ ней все опредѣленно и ясно. Ея предметъ — происшествіе истинно историческое, дѣйствительно бывшее, или же преданіе, такъ живо хранящееся въ народѣ, что сама исторія внесла его въ свои страницы. Думы могутъ быть только объ однихъ историческихъ лицахъ. Этотъ родъ можно бы скорѣй причислить къ сочиненіямъ повѣствовательно-драматическимъ, если бы думы не распѣвались, подобно пѣснямъ, нашими старцами-слѣпцами, хотя и речитативомъ, и если бы не писались мѣрными строфами, среди которыхъ многія есть отзывныя и повторяющія, дающія гармоническое округленіе піесѣ — свойство, составляющее неизъяснимую прелесть пѣсни.

Поэзія повѣствовательная или драматическая.

Поэзія повѣствовательная, въ противоположность лирической, есть живое изображеніе красоты предметовъ, движенія мыслей и чувствъ внѣ самого себя, отдѣльно отъ своей личности, до такой степени, что чѣмъ болѣе авторъ умѣетъ отдѣлиться отъ самого себя и скрыться самъ за лицами, имъ выведенными, тѣмъ больше успѣваетъ онъ,

и становится сильнѣй и живѣй въ этой поэзіи; чѣмъ меньше умѣетъ скрыться и воздержаться отъ вмѣшиванья своей собственности, тѣмъ болѣе недостатковъ въ его твореніи, тѣмъ онъ безсильнѣй и вялѣе въ своихъ представленіяхъ. Значительность поэзіи повѣствовательной или драматической увеличивается по мѣрѣ того, какъ поэтъ стремится доказать какую-нибудь мысль и, чтобы развить эту мысль, призываетъ въ дѣйствіе живыя лица, изъ которыхъ каждое своей правдивостью и вѣрнымъ сколкомъ съ природы увлекаетъ вниманье читателя и, разыгрыва(я) роль свою, ему данную авторомъ, служитъ къ доказательству его мысли. По мѣр(ѣ) того, чѣмъ совершается это естественнѣй, и все происшествіе кажется живымъ, естественнымъ случаемъ, недавно случившимся,—между тѣмъ какъ внутренно двигнуто глубокимъ логическимъ выводомъ ума. Тогда сочиненіе живое, драматическое (и) кипящее предъ очами всѣхъ становится съ тѣмъ вмѣстѣ въ высшей степени дидактическое и есть верхъ творчества, доступнаго однимъ только великимъ геніямъ.

Значительность поэзіи драматической или повѣствовательной уменьшается по мѣрѣ того, какъ авторъ теряетъ изъ виду значительную и сильную мысль, подвигающую его на творчество, и есть простой списыватель сценъ, передъ нимъ происходящихъ, не приводя ихъ въ доказательство чего-нибудь такого, что нужно сказать свѣту. Тогда значительность самого происшествія имъ управляетъ, и онъ получаетъ только отъ него свою значительность, хотя она и не въ немъ, но въ происшествіи, и достоинство его въ чутьѣ и умѣньѣ выбрать происшествіе.

Пространство и предѣлы этой поэзіи драматически-повѣствовательной велики. Она объемлетъ въ себѣ безчисленные роды, начиная съ самыхъ величайшихъ: эпопеи и драмы—до самыхъ мелкихъ: басни или притчи.

Эпопея.

Величайшее, полнѣйшее, огромнѣйшее и многосторонѣйшее изъ всѣхъ созданій драматическо-повѣствовательныхъ есть эпопея. Она избираетъ въ героѣ всегда лицо значительное, которое было въ связяхъ, въ отношеніяхъ и въ соприкосновеніи со множествомъ людей, событій и явленій, вокругъ котораго необходимо долженъ созидаться весь вѣкъ его, и время, въ которое онъ жилъ. Эпопея объемлетъ не нѣкоторыя черты, но всю эпоху времени, среди котораго дѣйствовалъ герой съ образомъ мыслей, вѣрованій и даже познаній, какія сдѣлало въ то время человѣчество. Весь міръ на великое пространство освѣщается вокругъ самого героя, и не одно частное лицо, но весь народъ, а (и) часто и многіе народы совокупляются въ эпопею, оживаютъ на мигъ и возстаютъ точно въ такомъ видѣ передъ читателемъ, въ какомъ представляетъ только намеки и догадки исторія. Поэтому-то эпопея есть созданіе всемірное, принадлежащее всѣмъ народамъ и вѣкамъ, долговѣчнѣйшее, не старѣющееся и вѣчно живое, и потому вѣчно повторяющееся въ устахъ.—Высокое совершенство всѣхъ качествъ нужно соединить въ себѣ поэту сверхъ высочайшаго генія. Посему явленія эти слишкомъ рѣдки въ мірѣ и кромѣ одного Гомера, то-есть кромѣ двухъ эпопей «Иліады» и «Одиссеи», врядъ-ли есть другія, вполнѣ вмѣщающія въ себѣ ту полноту, видимость и многосторонность, какой требуетъ эпопея. Сравнивая съ Гомеромъ всѣхъ другихъ эпиковъ, видимъ только, какъ входятъ они въ частности, и несмотря даже на явное желаніе захватить и объять много, стѣсняютъ предѣлы свое(го) значень(я): всемірное уходитъ у нихъ изъ вида, и эпопея превращается даже въ явленіе частное. Съ тѣмъ вмѣстѣ пропадаетъ и та величавая безыскусственная простота, которая является у великаго патріарха всѣхъ поэтовъ, такъ что весь погаснувшій древній міръ является у него въ томъ-же сіяніи, освѣщенный тѣмъ же солнцемъ, какъ бы не погасалъ вовсе, дабы сохраниться навѣки живымъ въ памяти всего человѣчества.

Меньшіе роды эпопеи.

Въ новые вѣки произошелъ родъ повѣствовательныхъ сочиненій, составляющихъ какъ бы средину между романомъ и эпопеей, героемъ котораго бываетъ хотя частное и невидное лицо, но однакоже значительное во многихъ отношеніяхъ для наблюдателя души человѣческой. Авторъ ведётъ его жизнь сквозь цѣпь приключеній и перемѣнъ, дабы предоставить съ тѣмъ вмѣстѣ вживѣ вѣрную картину всего значительнаго въ чертахъ и нравахъ взятаго имъ времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатковъ, злоупотребленій, пороковъ и всего, что замѣтилъ онъ во взятой эпохѣ и времени, достойнаго привлечь взглядъ всякаго наблюдательнаго современника, ищущаго въ быломъ, прошедшемъ живыхъ уроковъ для настоящаго. Такія явленія отъ времени до времени появлялись (sic) у многихъ народовъ. Многія изъ нихъ хотя писаны и въ прозѣ, но тѣмъ не менѣе могутъ быть причислены къ созданіямъ поэтическимъ. Всемірности нѣтъ, но есть и бываетъ полный этическій объемъ, замѣчательный частными явленіями; по мѣрѣ того, какъ они поэтически (sic), поэтъ становится (и въ образѣ поэта) облекаетъ въ стихи.

Такъ Аріостъ изобразилъ почти сказочную страсть къ приключеніямъ и къ чудесному, которымъ была занята на время вся эпоха, а Сервантесъ посмѣялся надъ охотой къ приключеніямъ, оставшимся, какъ рококо, въ нѣкоторыхъ людяхъ, въ то время, когда уже самый вѣкъ вокругъ ихъ перемѣнился, тотъ и другой сжились съ взятою ими мыслью. Она наполняла неотлучно умъ ихъ, и потому пріобрѣла обдуманную, строгую значительность, сквозитъ повсюду и даетъ ихъ сочиненіямъ малый видъ эпопеи, несмотря на шутливый тонъ, на легкость и даже на то, что одна изъ нихъ писана въ прозѣ.

Эклога и Идиллія.

Есть родъ драматическихъ описательныхъ произведеній, которымъ издавна уже дано имя эклогъ и идилій и которыя вообще называются пастушескими. Эти два рода соединяютъ весьма несправедливо вмѣстѣ и еще несправедливѣй смѣшиваютъ одно съ другимъ. Чтобы видѣть существенное различіе между ними, поговоримъ о каждомъ родѣ отдѣльно: сначала объ эклогѣ, потомъ — объ идилліи.

Эклога.

Эклога есть слово греческое и значитъ просто: «избранная піеса». Тѣ сочиненія, которыя назвалъ Виргилій эклогами, имѣютъ только внѣшній видъ сельскихъ или пастушескихъ стихотвореній. Пастухи его препираются другъ съ другомъ въ пѣснопѣніи, и пѣснопѣнья такъ возвышенны, что пріемлютъ видъ одъ, гимновъ, ничуть не уступая въ возвышенности (содержанія) одамъ Горація, такъ что вслѣдствіе сего произвольно взятое имя эклога стало выражать въ нашихъ понятіяхъ состязаніе двухъ или многихъ между собою въ пѣснопѣніи или восхваленіи

чего-либо. Словомъ, какъ бы это было лирическое произведеніе, но облеченное въ драматическую форму. Лица берутся не для нихъ самихъ, но для того, что должны они разсказать. Ихъ собственное драматическое значеніе ничтожно. Они рисуютъ другъ другу, начертываютъ одинъ другому картину того, чего не захотѣлъ поэтъ сказать отъ себя собственно. Они не свои выражаютъ страсти, не сами дѣйствуютъ, но повѣствуютъ о событіяхъ другихъ, и восхваляютъ внѣ ихъ находящіеся предметы, иногда даже вовсе выходящіе изъ быта. Посему эклога есть скорѣй возвышенное стихотвореніе, чѣмъ скромное сельское. Эклогой можно назвать состязаніе Гомера съ Геліодомъ, прекрасно передѣланное изъ Мильвуа Батюшковымъ. Эклогой можно назвать разговоръ двухъ шамановъ о завоеваніяхъ Ермака, Дмитріева. Эклогой можно назвать стихотворенія Катенина, гдѣ поэтъ грекъ и поэтъ славянинъ состязаются другъ съ другомъ въ пѣснопѣніи. Наконецъ эклогами можно назвать всѣ тѣ картинно-лирическія стихотворенія, которыя съ недавняго времени введены нашими поэтами, которыя имѣютъ наружный видъ препираній, разговоровъ и споровъ между предметами неодушевленными, но которыхъ, однакоже, поэтъ одушевляетъ и заставляетъ ихъ разсказывать другъ другу въ картинномъ видѣ событіе, служащее къ проявленію той мысли, которая занимала самого поэта. Таковъ напримѣръ «Споръ» у Лермонтова: Машукъ (sic) съ Шатъгорою (спорятъ) о будущей судьбѣ Кавказа. Таковы споры городовъ и рѣкъ, пріемлющихъ на время видъ одушевленныхъ лицъ, которыя теперь весьма часто являются у нашихъ поэтовъ.

Идиллія.

Хотя съ мыслью объ идилліи соединяютъ мысль о пастушескомъ и сельскомъ бытѣ, но предѣлы ея шире и могутъ обнимать быть многихъ людей, если только съ такимъ бытомъ неразлучны простота и скромный удѣлъ жизни. Она живописуетъ до мельчайшихъ подробностей этотъ бытъ, и какъ, повидимому, ни мелка ея область, не содержа въ себѣ ни высокаго лирическаго настроенія, ни драматическаго интереса, ни сильнаго потрясающаго событія; хотя, повидимому, она не что иное, какъ все первое, попадающееся на глаза наши изъ обыкновенной жизни: но тотъ, однакожъ, ошибется, кто приметъ ее въ одномъ такомъ смыслѣ. Поэтому почти всегда управляла (въ ней) какая-нибудь внутренняя мысль, слишкомъ близкая душѣ поэта, а бытъ и самую идиллію онъ употреблялъ какъ только удобнѣйшія формы. Лучшія идилліи имѣли какое-нибудь историческое значеніе и писались по какому-нибудь случаю. Такъ, Гнѣдича «Рыбаки» заключаетъ въ себѣ случай его собственной жизни, и въ баринѣ, о которомъ говоритъ рыбакъ, онъ изображаетъ русскаго вельможу, привѣтствовавшаго благосклонно первые труды поэта. Такъ, всякая идиллія Дельвига была писана по какому-нибудь поводу, — не говоря уже о прекрасной идилліи: «Изобрѣтеніе ваянія», которая съ перваго заглавія говоритъ о томъ. Идиллія «Купальницы» была написана по поводу понравившагося поэту эстампа, висѣвшаго въ его комнатѣ.

Идиллія не сказка и не повѣсть,—хотя и содержитъ въ себѣ что-то похожее на происшествіе, но живое представленіе тихаго, мирнаго быта, сцена, не имѣющая драматическаго движенія. Ее можно назвать въ истинномъ смыслѣ картиною; по предметамъ, ею избираемымъ, всегда простымъ,—картиной Фламандской.

Романъ.

Романъ, несмотря на то, что въ прозѣ, но можетъ быть высокимъ поэтическимъ созданіемъ. Романъ не есть эпопея. Его скорѣй можно назвать драмой. Подобно драмѣ, онъ есть сочиненіе слишкомъ условленное (sic). Онъ заключаетъ также въ себѣ строго и умно обдуманную завязку. Всѣ лица, долженствующія дѣйствовать, или, лучше, между которыми должно завязаться дѣло, должны быть взяты заранѣ(е) авторомъ; судьбою всякаго изъ нихъ озабоченъ авторъ и не можетъ ихъ пронести и передвигать быстро и во множествѣ, въ видѣ пролетающихъ мимо явленій. Всякій приходъ лица, вначалѣ, повидимому, не значительный, уже возвѣщаетъ о его участіи потомъ. Все, что ни является, является потому только, что связано слишкомъ съ судьбой самого героя. Здѣсь, какъ въ драмѣ, допускается одно только слишкомъ тѣсное соединеніе между собою лицъ; всякія же дальнія между ними отношенія, или же встрѣчи такого рода, безъ которыхъ можно бы обойтись, есть порокъ въ романѣ, дѣлаетъ его растянутымъ и скучнымъ. Оно (?) летитъ, какъ драма, соединеннымъ живымъ интересомъ самыхъ лицъ главнаго происшествія, въ которое запутались дѣйствующі(я) лица, и которое кипящимъ ходомъ заставляетъ самыя дѣйствую(щія) лица развивать и обнаруживать сильнѣй и быстро свои характеры, увеличивая увлеченье. Потому всякое лицо требуетъ окончательнаго поприща. Романъ не беретъ всю жизнь, но замѣчательное происшествіе въ жизни, такое, которое заставило обнаружиться въ блестящемъ видѣ жизнь, несмотря на условное пространство.

Повѣсть.

Повѣсть избираетъ своимъ предметомъ случаи, дѣйствительно бывшіе или могущіе случиться со всякимъ человѣкомъ, случай почему-нибудь замѣчательный въ отношеніи психологическомъ, иногда даже вовсе безъ желанія сказать нравоученіе, но только остановить вниманіе мыслящаго или наблюдателя. Повѣсть разнообразится чрезвычайно. Она можетъ быть даже совершенно поэтическою и получаетъ названіе поэмы, если происшествіе, случившееся само по себѣ, имѣетъ что-то поэтическое; или же придано ему поэтическое выраженіе отдаленностью времени, въ которое происшествіе случилось; или же самъ поэтъ взялъ его съ той поэтической стороны, съ какой можетъ взять только поэтъ, и которая только пребываетъ въ немъ. Такъ повѣсть «Бахчисарайскій Фонтанъ» есть уже поэма по тому теплому роскошному колориту, въ который съ начала до конца облекъ ее всю поэтъ. Она можетъ быть просто живой разсказъ, мастерски и живо разсказанный картинный случай, какова Жуковскаго «Матте(о) Фальк(оне)», Языкова «Сурминъ». Или же беретъ съ сатирической стороны какой-нибудь случай: тогда дѣлается значительнымъ созданіемъ, несмотря на мелочь взятаго случая: такова «Модная жена» (Дмитріева), «Графъ Нулинъ» Пушкина, который сверхъ того имѣлъ значительное выраженіе, какъ живая картина. Иногда даже само происшествіе не стоитъ вниманія и берется только для того, чтобы выставить какую-нибудь отдѣльную картину, живую, характеристическую черту условнаго времени, мѣста и нравовъ, а иногда и собственной фантазіи поэта.

Сказка.

Сказка можетъ быть созданіемъ высокимъ, когда служитъ аллегорическою одеждою, облекающею высокую ду-

ховную истину, когда обнаруживаетъ ощутительно и видимо даже простолюдину дѣло, доступное только мудрецу. Таковы отчасти двѣ повѣсти Жуковскаго о жизни человѣческой. Сказка можетъ быть созданье не высокое по своему содержанію, но въ высшей степени исполненное прелести поэтической, если поэтъ, взявъ народный мотивъ, возлелѣетъ ее воображеніемъ своимъ и усвоитъ вполнѣ себѣ и разовьетъ какъ поэму, какъ напримѣръ «Русланъ и Людмила». Наконецъ сказка можетъ быть созданье значительное, когда содержаніе хотя создано все поэтомъ, но въ духѣ народномъ отгаданы духъ и время, какова Лермонтова: «Про купца Калашникова», и, наконецъ, сказка можетъ быть просто пересказъ почти слово въ слово народной сказки,—созданье менѣе всего значительное, которое выигрываетъ только отъ того, когда поэтъ сумѣетъ пригнести ее въ лучшій порядокъ, вычистить, удержавъ въ ней то, что есть въ ней ея характерное, и отстранивъ то, что прибавлено лишняго. Таковы сказки Жуковскаго (и) Пушкина о царѣ Султанѣ (sic) о царѣ Берендеѣ, и царѣ Салтанѣ, о Спящей царевнѣ и Семи братьяхъ.

Ученыя разсужденія и трактаты должны быть коротки и ясны, отнюдь не многословны. Нужно помнить, что наука для тѣхъ, которые еще не знаютъ ея. Въ послѣднее время стали писать разсужд(енія), начиная съ лединыхъ лицъ. Это большая погрѣшность. Думая через(ъ) это болѣе раскрыть дѣло, болѣе темнятъ. Терминовъ нужно держаться только тѣхъ, которые принадлежатъ міру той науки, о которой дѣло, а не общихъ философскихъ, въ которыхъ (умъ) блуждаетъ, какъ въ лабиринтѣ, и отдаляется отъ дѣла. Приступъ долженъ быть не великъ и съ перваго же раза показать, въ чемъ дѣло. Заключеніе должно повторить дѣло тра тата и въ сокращеньи обнять его снова, чтобы читатель могъ повторить самому себѣ.

II.

Примѣры.

Оды.

«Вечернее размышленіе», Ломоносова.
«Водопадъ», Держ(авина).
«Гимнъ Богу», Дмит(ріева).
» » Капниста.
«Землетрясеніе», Языков(а).
«Пастырь» (?), Пушкина.
«Подражаніе Іову», Ломонос(ова).
«Вельможа», Державин(а).
«Геній», Языкова.
Ода Ломоносова: «На Возстановленіе Дома Романовыхъ лицѣ родившагося Имп(ератора) Павла I» *).
«Осень во время осады Очаков(а)», (Державина).
«Императ(ору) Никола(ю)», Пушки(на).
«Давидову», Языкова.
«На переходъ Альпійскихъ горъ», Держав(ина).
«Поэту», Языкова.
«Благодарность Фелицѣ», Державина.
«Россіи», Хомякова.
» Капниста.
«Пророкъ», Пушкина.
«Фелица», Державина.
«Подражаніе псалму CXXXVI», Языкова.
«Благодарность Фелицѣ», Державина.
«На смерть Мещерскаго», Держав(ина).
«На смерть Орлова», Державин(а).
«Христіанкамъ Россіи», Пушкина.
«Къ нерусскимъ», Языкова.
«Зубову», Державина.

*) *Выноска къ одѣ Ломоносова на рожденіе Императора Павла I.* Рожденіе Императора Павла I было радостнѣйшимъ происшеств(іемъ), какое когда-либо запомнитъ Россія, по сказанію всѣхъ современниковъ. Всѣ единомысленно видѣли въ немъ возстановленіе Дому Романовыхъ, который, кажется, ежеминутно готовился угаснуть за неимѣніемъ наслѣдниковъ мужского пола. Всѣ услышали, что родился тотъ, который упрочилъ надолго и домъ Царскій, подаривъ Россіи мужественное и сильное царское поколѣніе. Вотъ причина, почему вся эта ода у Ломоносова исполнена такого восторга и силы, и онъ пророчитъ младенцу все, что только можно пожелать совершеннѣйшему Государю.

«Наполеонъ», Пушкина.
«Мой истуканъ», Державина.
«Пророкъ», Лермонтова.
«Къ XIX вѣку», Лермонтова.
«Къ » вѣку», М. Лихонина.
«Изображеніе Фелицы», Державина.
«Отвѣтъ Рафаэля пѣвцу Фелицы», Капниста.
«Елисаветѣ», Ломоносова.
«Лебедь», Державина.

Пѣсни.

«Уже со тьмою нощи», Капниста.
«У кого душевны силы», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецк(аго).
«Талисманъ», Пушкина.
«Венеціанская ночь», Козлова.
«Кудри, кудри шелковыя», Дельвига.
«Телѣга жизни», Пушкина.
«По дорогѣ зимней, скучной», Пушкина.
«Цѣпи», Державина.
Жуковскаго. «Отымаетъ наши радости».
«Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ», Батюшкова.
«Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?», Языкова.
«Море близко; гулъ удары», Языкова.
«Ночь». «*Померкла неба синева*», Языкова.
«Я взлелѣянъ югомъ, югомъ», В. Туманскаго.
«Ночь», Жуковскаго.
«Делибашъ», Пушкина.
Русская пѣсня: «*Гой, красна земля Володиміра*», Хомякова.
Дельвига, Пѣсня.
«Я ѣхалъ къ вамъ, живые сны...», Пушкина.
«Ночной зефиръ струитъ эѳиръ», Пушкин(а).
«Пловецъ» («*Нелюдимо наше море*»), Языкова.
Козлова.
«Пѣснь Гаральда», Батюшкова.
«Мечта», Державина.
Двѣ вечернія думы, Хомякова:
1-я «Вчерашняя ночь была такъ свѣтла».
2-я «Сумракъ вечерній тихо взошелъ».
«Ты велишь мнѣ равнодушнымъ», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.
Лермонтова. «Молитва» («*Одну молитву чудную*»).
Лермонтова. «Завѣщаніе» («*Наединѣ съ тобою, братъ*»).
«Зима» («Что ты, муза, такъ печальна?»), Держав(ина).
«Мотылекъ и цвѣты».
(Къ нарисованному изображенію того и другого.) } Жуковскаго.
«Два рыцаря передъ дѣвой», Испанск(ій) романс(ъ), Пушкина.
«Пѣсня пажа», Пушкина.
«Старость и младость», Капниста.

«Прости мнѣ дерзкое роптанье», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.
Карикатура. «Сними съ меня завѣсу, сѣдая старина», Дмитріева.
«Что мнѣ дѣлать въ тяжкой участи моей?» (Тоска ѳельской дѣвушки). } Мерзлякова.
«Многи лѣта, многи лѣта» (народная пѣсня), Жуковскаго.
«Выйду я на рѣченьку», Нелединскаго-Мелецкаго.
«Ахъ, когда-бъ я прежде знала», Дмитріева.
«Унынie», Капниста.
«Дни отрады, гдѣ сокрылись?»
«Ангелъ» («По небу полуночи ангелъ летѣлъ»), Лермонтова.
«Таинственный посѣтитель», Жуковскаго.
«Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ», Богдановича.
«Когда веселій на крылахъ», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.
«Къ младенцу», Дмитріева.
«Чувство въ разлукѣ» («Что не дѣвица въ теремѣ своемъ»), Мерзлякова.
«Къ востоку, все востоку», Жуковскаго.
«Полно льститься мнѣ слезами», Нелѣдинскаго-Мелецкаго.
«Донскому вопинству». («Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою»), Шатрова.
«Съ Миленой позднею порою», Капниста.
«Къ мѣсяцу», Жуковскаго.
«Весеннее чувство», Жуковскаго.
«Сонъ» («Заснувъ на холмѣ луговомъ»), Жуковскаго.

Элегіи.

«Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ», Пушкина.
«Умирающій Тассъ», Батюшкова.
«На смерть королевы Виртембергск(ой)», Жуковскаго.
«На воспоминанье кн. Одоевск(аго)», Лермонтова.
«Пожаръ», Языкова.
«На развалинахъ замка въ Швеціи», Батюшкова.
«Финляндія», Баратынскаго.
«Элегія», Давыдова.
«Ненастный день потухъ. Туманной ночи мгла». } Пушкина.
«Второй переводъ Греевой (элегіи)», Жуковскаго.
«Я берегъ покидалъ туманный Альбіона», Батюшкова.
Элегія, А. Крылова.
«Черенъ», Баратынскаго.
«Лицейская годовщина», Пушкина.
«Минихъ», Плетнева.
Элегія, Баратынскаго.
Элегія («Тоска въ нѣмец(комъ) городкѣ»), Языкова.
Элегія. Пушкина.
» Пушкина.
«О сжальтесь надо мною, о дайте волю мнѣ», Хомякова.
«Арфа», Державина.
«Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день», Пушкина.
«Зима. Что дѣлать мнѣ въ деревнѣ? я встрѣчаю». Пушкина.
«Вечеръ», Жуковскаго.

Эклоги:

«Гомеръ и Гезіодъ» Батюш(кова).
«Ермакъ», Дмитріева.

Идиллiи:

«Рыбаки», Гнѣдича.
«Купальницы», Дельвига.
«Капризъ», Пушкина.
» Катенина.
«Изобрѣтеніе ваянія», Дельвига.
«Споръ» (съ Шатъ-горой), Лермонтова.
Сцены изъ «Цыганъ», Пушкина.
«Олегъ», Языкова.
Послѣднія стихотворенія Пушкина.
«Солдатъ», Дельвига.
«Сторожъ ночной», Жуковскаго.

Думы.

«Олегъ», Пушкина.
«Евпатій», Языкова.
«Острогожскъ», Рылѣева.
«Пиръ на Невѣ», Пушкина.
«Кудесникъ», Языкова.

Антологическія.

«Трудъ», Пушкина.
«Монастырь на Казбекѣ», Пушкина
«Недугъ», Шевырева.
«Къ статуѣ Петра Великаго («Гремящія по всѣмъ концамъ земнымъ побѣды»). } Ломоносова.
«Пиръ Потемкина, данный Екатеринѣ», Державина.
«Домикъ поэта въ Обуховкѣ», Капниста.
«Красавица передъ зеркаломъ», Пушкина.
«Домовому», Пушкина.
«Буря», Языкова.
«Птичкѣ», Ѳ. Тумапскаго.
«Нереида», Пушкина.
«Вдохновеніе» (сонетъ), Дельвига.
«Красавицѣ», Пушкина.
«На спускъ корабля Златоуста», Ломоносова.
«Весна», Языкова.
«Къ статуѣ играющаго въ бабки», Пушкин(а).
«На переводъ Иліады», Пушкина.
«Сонетъ при посылкѣ книги, воспоминанье объ искусствѣ», Батюшкова.
«О милыхъ призракахъ», Жуковскаго.
«Поэту». Сонетъ, Пушкина.
«Къ портрету Жуковскаго», Пушкина.
«Нимфа», Баратынскаго.
«Черта къ біографіи Державина», Державина.
«Послѣдніе стихи», Веневитинова.
Послѣдніе стихи Державина.
«Элегія болѣвшаго ногами поэта», Языкова.
«Сафо», Пушкина.
«Доридѣ», Пушкина.
«Сожженное письмо», Пушкина.
«Ріома», Пушкина.
«Мой голосъ для тебя и ласковый и томный», Пушкина.
«Ты и вы», Пушкина.
«Къ портрету Жуковскаго», Пушкина.
«На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла», Пушкина».

Писано въ 1840 г.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ КАРМАННЫХЪ ЗАПИСНЫХЪ КНИЖЕКЪ.

I.

(изъ записной книжки 1841—1842 г.).

Восходитъ на небо, вѣдомый духомъ, и въ твердомъ дерзновенья души своей зрѣньемъ чудныхъ тамо наслаждается вещей.

Умѣтливъ—говорящій кстати:

Будь въ чужихъ словахъ незамѣтлива,
А въ своихъ проста да умѣтлива.

Кривошлыка:

У меня, младой, свекровушка лихая,
Кривошлыка, непривѣтливая.

Уширилъ еси стопы моя подо мною и не изнемогосте плѣснѣ моя и враговъ моихъ далъ ми еси хребетъ.

Банчишки: *Семпель*—одинъ простой кушъ. *Пе* — карта ровное вдвое. *Пароле* или съ угломъ—выигрывается втрое. *Пароле пе* — вдвое противъ *пароле*. *Загнуть утку* — прибавляетъ... на разъ, на два.

«Съ тобою играть — съ бритвы медъ лизать», употребляютъ съ тѣми, которые играютъ въ *дублетъ*. Играть въ дублетъ—не отдѣлять отъ выигрыша, а пускать вдвое.

Изба раздѣляется на двѣ части: на избу и чуланъ, который отгороженъ перегородкою отъ печи. Посуда помѣщается въ чуланѣ въ низенькомъ шкапчикѣ, который называется судною лавкою. Передъ избы — гдѣ образа,— почетный. — Изба соединяется сѣнями съ подклѣтомъ, строеніемъ хоолоднымъ, въ родѣ кладовой. Если намѣсто его другая изба, то называется горница. *Кирченая*—изба, вытесанная когда бревна стесаны въ гладкую стѣну. Кирчатъ избу тесломъ, — топоромъ, иначе надѣтымъ на ручку. *Лбище* (фронтонъ) избы бываетъ или подшивное, или самцовъ — т. е. изъ такихъ же бревенъ, какъ изба. *Рѣши, рѣшети*—кладеныя вдоль крыши отъ одного лбища къ другому, сверхъ которыхъ кроютъ досками. *Внизу*, гдѣ оканчивается крыша, на края кладется *застрѣхъ*. *Бревно* на верху кровли отъ лбища до другого называется *конекъ*. Крыши кроются *драньемъ*, тесомъ и соломою; въ послѣднемъ случаѣ въ застрѣхъ утверждаются *тычки*. *Подвалка*— чердакъ въ избѣ подъ крышею, гдѣ бабы кладутъ пеньку и пр. *Прикладки*—жерди, накладываемыя сверхъ соломенной крыши. *Пластины* — двѣ половины дерева, распиленнаго на-двое.

Густопсовыя. Чистопсовыя. *Чистопсовыя*—гладкія, съ шерстью длинною на хвостѣ и на ляжкахъ, т. е. на черныхъ мясахъ. *Густопсовыя*—съ шерстью длинною по всей собакѣ. *Крымскія* — съ длинными ушами висячими. *Хортая*—гладкая, короткая шерсть. *Горскія* — безхвостыя и полухвостыя, куцыя и полукуцыя. *Брудастая*—съ усами и съ торчащей шерстью. *Выборзокъ*—смѣсь, ублюдокъ.

Цвѣты: Мазурка—красная собака съ чернымъ рыломъ. *Чертая съ подпалиною* — съ красною мордою. *Муругая* — пѣгокрасна-черная съ чернымъ рыломъ. *Половая* — желтая. *Полопѣтая*—по бѣлому желтыя пятна. *Муругопѣтая*—по желтому черныя пятна. *Краснопѣтая. Черноухая. Сѣроухая.*

Статьи. Голова: *Щипецъ* чтобъ длиненъ и топокъ. *Ребра*: достоинство ребръ — бочковатость, выпукловатость. Лишняя маленькая кость въ боку называется *сарпая* кость,—примѣта рѣзвости; впрочемъ нынѣ опровергается. Толщина и крѣпость черныхъ мясовъ. Ширина собаки въ заду между ключицами и двухъ заднихъ ногъ по крайней мѣрѣ на ладонь. *Хвостъ* называется правиломъ; достоинство его въ тонкости: хорошее правило то, которое *въ серпъ*. *Правило въ серпъ*—хвостъ, имѣющій форму серпа. Достоинство ногъ въ прямизнѣ, сухости и въ сжатости пальцевъ. Когти называются зацѣпами — чѣмъ болѣе она стоитъ на корточкахъ и менѣе захватывается земля. *Лапа въ комкѣ*—сжатая лапа.

Недостатки: Вислозадая—когда задъ свисъ, нѣтъ постепенной (sic!). *Прилобистая*—когда лобъ широкъ. *Подъуздая* — когда рядъ зубовъ нижней челюсти входитъ подъ [illegible]

Клички: Стрѣляй, Обругай, Скосырь, Терзай, Азарной, Наянъ, Буранъ, Нахоръ, Черкай, Мазуръ, Саргушъ, Ахидъ, Северга, Скосырка, Касатка, Награда, Вѣдьма, Крамфа (Крамза?), Юла (во время травли охотникъ зоветъ Юлинькой), Пожаръ.

Охотники: Ловчій — распорядитель охоты. Надъ гончими—*доѣзжачій*. *Стремянные*—въ видѣ адъютантовъ при баринѣ. *Передній заѣздъ* — который заѣзжаетъ впередъ. *Задній заѣздъ*.

Имена гончихъ: Крушило, Водило, Громило, Гудило, Будушка, Кутишка, Заливка, Докучай, Помыкай.

Выраженія: Лѣсъ называется *островъ*, по окруженію его полемъ,—часть лѣса, отдѣленная для лова. *Бросать гончихъ* — значитъ напускать гончихъ. *Имать собакъ* — брать ихъ на смычкѣ. Первый голосъ гончей, нашедшей слѣдъ—*отозвалась*. Вслѣдствіе этого къ ней *подвамываются* гончія. *Сбить собакъ* — значитъ отогнать ихъ отъ слѣда. *Навзрячъ погнать*, погнала навзрячь—завидѣвши глазомъ, а не чутьемъ. *Собака съ замцомъ* — звонкая на голосъ. *Назвать собакъ* — на горячій слѣдъ, если онѣ сбились. *Сколоться со слѣда*—потерять слѣдъ. Наводятъ охотники криками: а, ха, ха, ха: ту, ту, ту! *Заяцъ жируетъ*—когда, прежде нежели лечь, онъ жируетъ — дѣлаетъ петли кругомъ. *Потомъ заяцъ сдвоитъ* или *строитъ:* когда онъ сытъ послѣ жировъ, то идетъ на логово и потомъ сдвоитъ и строитъ—два раза пройдетъ изъ хитрости, чтобы затерять свой слѣдъ. *Скидывается*—значитъ сдѣлать прыжокъ большой съ двойки; послѣ дѣлаетъ нѣсколько сметковъ и ложится. *Кричать по жирамъ. Гонять стайно* — вмѣстѣ гонять. *Перечетъ собака*—собака, которая забѣгаетъ впередъ. *Собака спѣетъ*—когда она слышитъ, что отзывается и подваливается (къ борзымъ). *Собака паратая* — называется такъ быстрота гончей собаки, рѣзвость ея.

О борзыхъ еще не говорено.

Рыщетъ—идетъ одна за охотникомъ. *Привернуть*—привязать къ себѣ собаку. *Высворить*—выучить собаку, чтобы она не бросалась подъ гончихъ. *Оттопать*—вогнать опять въ лѣсъ, чтобы выгнать на барина. *Лазъ*—мѣсто, на которое предполагалъ охотникъ, что заяцъ выбѣжитъ. *Звѣрь вымызъ*—показался изъ лѣсу. *Подозрить* — увидать зайца въ лежащемъ положеніи и атукать.

Слѣды, заячій — маликъ, волчій — тропа, лисій — нарыскъ. *Ѣздить по бѣлотропу. Ѣздить по черноторопу* — осенью, когда нѣтъ снѣгу. *Ѣздить по брызгамъ*—при началѣ весны. *Ѣздить по насту* — когда снѣгъ сверху промерзнетъ.

Садкой заяцъ—увертливый.

Раздѣленіе зайца по возрастамъ: *матерой*—старый; *настовой*—родившійся во время насту: *прибылой* — молодой; *яровой*—родившійся во время ярового посѣва; *листопадъ*—родившійся осенью.

Сцена на печи.

Выглядываетъ изъ-за двери.
— Соцкій!
— Ге!
— То-то ге! Создатель пріѣхалъ.
— Изъ чего-жъ слышно?
— То-то изъ чего! Изъ подушевной.
— Ну, такъ що-жъ?
— То-то що! Курицу слопалъ да другу просыть

Обозъ ѣдетъ, мужикъ остановился с...ь и кричитъ:
— Сенька!
— Що?
— Скажи моей кобылѣ: тпиру!
— Нерзля.

— Да що-жъ нерзля?
— Кроха у ртю.
— Положи ее въ шапку.
— Не влизе.

Встрѣча мужиковъ.

— Сватъ, здорово!
— Здорово, сватъ!
— А что, табакъ-отъ есть?
— Есть.
— Ну еще здорово! *(Нюхаетъ).*
— Да что-жъ ты, сватъ, къ намъ того?..
— Я было того, жена-то таё, такъ ужъ и ну!

Названіе картъ: тузъ червей, пикъ червей, король самъ-бубенъ.

Чумазый—замарашка. Чортъ въ Симбирской—*шишига*. *Сибень*—пирогъ съ фаршемъ, лепешка, загнутая на-двое. *Заварное тѣсто*—тѣсто, прежде замѣшанное круто, опущенное въ горячую воду и потомъ запекённое (sic). *Софронъ*—простакъ. *Строка*—подлая муха желтаго цвѣта, кусающая коровъ подъ хвостомъ: муха строчитъ корову, и корова строчится. *Муха Третьяковскаго*—рыжая съ черными полосками, пребывающая неотлучно на г..... Тимоѳеевна какъ рѣпа ядрена. *Назойливый*—надоѣдливый. *Валикъ*—цилиндрическая подушка. *Сивалдай*—неуклюжій, грубый мужикъ. Дворовыхъ мужики называютъ дармоѣдами.

Комедь «Мужикъ съ медвѣдемъ».

— А какъ маленькія ребятишки коровъ крадутъ?— А какъ бабы парятся?

Блюда.

Моня или *пяня*—желудокъ, бараній или другой, начиняется кашей гречневой, мозгомъ и ножками.—*Сальникъ*—изъ рубленной печенки, иногда прибавляютъ каши и обкладываютъ здоромъ.—*Желудокъ* свиной начиняется рубленнымъ мясомъ свинымъ, кладется много перцу.—*Кулебяка*—изъ одного лука и хвоста сомоваго или плеска, который весь изъ жиру, котораго вбираетъ въ себя всего тѣсто.—*Просяныя булки*—изъ пшена, сваренаго на молокѣ и потомъ протертаго: къ нему прибавляютъ потомъ муки, некутъ и ѣдятъ горячими съ икрою свѣжею.—Задняя часть зайца называется *тушка*. *Головизна*—пирогъ съ головизной, то-есть со всей головой осетра, съ хрящемъ и со щеками и съ потрохами; входитъ и тешка—нижняя часть.

Кулебяка съ маленькой бѣлугой въ 5 пудъ.

Голуби бываютъ *гонные*. Гонные бываютъ *чистые* и *турманы*.

1) *Чистые*: *Бѣлый съ перомъ* значитъ—когда въ хвостѣ одно перо изъ крайнихъ черное; если же въ серединѣ, то—*синехвостый*; если-же между ними попадется бѣлое перо, то—*рыдохвостый*. Ежели два пера съ краю черныхъ—*двуперый*; ежели болѣе, то—*вилунъ*; коли черное въ правильныхъ—*съвига*. Голубь, имѣющій одну сивинку, то—голубь съ сивинкой; если-жъ нѣсколько, то—сивастый.—*Чистые* бываютъ: *синіе*—съ темносивыми плечами; бываетъ онъ съ свѣтлымъ глазкомъ на каждомъ перушкѣ—*сѣрый*, темнѣе—*коноплястый*, еще темнѣе—*смурый*. Смурый бѣлопоясый—красивый. *Скобунчикъ*—весь бѣлый, на плечѣ отмѣтина въ видѣ скобки. *Напёкой*—у котораго одно плечо только сѣрое. *Взлизастый*—у котораго у оконечности отмѣтина бѣлая. *Вишнепокромой*—съ каймой на крыльяхъ вишневаго цвѣта. *Бѣлопоясъ*—свѣтлѣе цвѣта. *Чагравый*—голубь очень темный; сверхъ указныхъ отмѣтинъ имѣетъ отмѣтину на груди. *Пеструшка*—сверхъ пестроты имѣетъ черточки бѣлыя по перу. *Лысый*—у котораго черная полоска на лбу. Великій недостатокъ, коли чистый голов... (недописано).

2) *Турманы всѣ голоногіе; бываютъ красные и черные.* Черные съ бѣлыми хвостами называются *сороками*, *глинистые*—по цвѣту.

Ловля голубей. Зданіе, нарочно устроенное, называется *столбянка*; при столбянкѣ—приполки. Загоняетъ хозяинъ въ колпакѣ, халатѣ и туфляхъ шестомъ, крадясь по-за крышей. *Поднимать голубя*—пойманный голубь, злобный голубь, съ глазами налитыми кровью, всегда возвращается домой; садятъ въ вязки, подшивая крылья иголкой, новаго голубя, или въ рѣзки, подрѣзывая крылья. Увидѣвши чужака, *взгоняютъ*, потомъ кричатъ: «*перетряхни*»! подкидываютъ—онъ падаетъ и приглушается. *Скакунъ*—голубь бойкій и большой глазковоръ.

Жаровка—пустынь, былъ прежде монастырь. Торгуетъ кошками. Бываетъ ярмонка кошья лѣтомъ. Купцы изъ Жаровки разсылаютъ закупать кошекъ—комиссіонеровъ по деревнямъ. Торгъ идетъ мѣной: мѣняютъ ихъ у крестьянъ на боровки, пронизки стеклянныя и всякія ожерелья.—Нищіе-слѣпцы раздѣляются на 20 круговъ и поютъ во время ярмонки духовныя пѣсни. Жаровка—Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Сѣрая кошка лучше; черная бѣлая и сорока.—Кошечьи мѣха идутъ въ Китай, мѣняются на чай. У стародавнихъ помѣщиковъ налагается на крестьянъ кошачья подать въ пользу дѣвичьей, по кошкѣ съ дыму. Всякій мужикъ несетъ сѣрую кошку, изъ которыхъ потомъ шьютъ дѣвкамъ шубы.

Мужикъ подстрекаетъ самолюбіе: «Вы люди ученые; вамъ все извѣстно.—Вашему здоровью все извѣстно».

Рубаха изъ ксандрейки—красной китайки.

Мартынъ—водяная птица, питающаяся рыбою, которую ловитъ не съ налету, какъ рыболовъ, а у береговъ; величиною съ утку; бѣлый съ черной головой, краснымъ носомъ и ногами. *Бакланъ*—больше мартына, пестрый, какъ и мартынъ, съ небольшимъ носомъ; ловитъ рыбу, плывя цѣлымъ флотомъ; гонитъ ее, крича и махая крыльями къ самому берегу: у берега окружаетъ ее полукругомъ и, ныряя, начинаетъ хватать ее.

Хлѣбная продажа.

Около генваря мѣсяца.

Закупщики—всѣ иногородные купцы. Купцы, пріѣхавши на пристань, снимаютъ прежде мельницы, потомъ закупаютъ хлѣбъ, заставляя доставлять его къ себѣ на мельницы. Помѣщики запрашиваютъ огромную цѣну, а купцы, зная хорошо характеръ каждаго помѣщика и сколько у него хлѣба и какого достоинства хлѣбъ и когда ему сроки въ опекунскій совѣтъ,—соображая съ этимъ, даютъ ему цѣны. Въ разъѣздахъ купцовъ и въ запрашиваніяхъ со стороны помѣщиковъ проходитъ все время до генваря. Нанимая мельницу, купецъ нанимаетъ судъ. и потому сими обстоятельствами бываетъ тоже принужденъ приступать къ сдѣлкѣ, ибо суда нанимаются на

срокъ. Въ генварѣ мѣсяцѣ утверждаются цѣны, и начинаются поставки на мельницы. Мельницы мукомольныя и большія по Свіягѣ, потомъ Барышу, по Сызранѣ, по Черемшану, по Майнѣ. Пристань важнѣйшая—*Промзино*: изъ нея хлѣбъ въ одинъ годъ доходитъ (до) Петербурга. По смолотіи, хлѣбъ кладется буптами въ мѣшкахъ на подобіе ядеръ. Какъ весна, бкалываютъ ледъ около судовъ, и суда называются *суряками*. Обколовши, начинаютъ грузить суда и стараются ихъ приготовить, чтобы они вмѣстѣ со льдомъ вышли въ Волгу. Грузка есть праздникъ бурлаковъ; задатки; начинаютъ разгуливать и праздничать; прощаются и разстаются съ женами, которыя приходятъ въ лентахъ, разряженныя подареньемъ любовниковъ и супруговъ. Тутъ же весеннія пѣсни и гульба на пристани между хлѣбами. Обыкновенно идутъ, несутся нарочно съ плывущими льдами до Нижняго. Въ маѣ уже бываютъ въ Нижнемъ, выѣхавъ отъ 15 апрѣля; скорое путешествіе зависитъ отъ бо́льшаго разлива. Въ началѣ іюня уже бываютъ въ Рыбинскѣ. Невзгодья на путь: мели, карши. Мука въ мѣшкахъ, овесъ въ кулѣ кладется сверху, ибо боится подмочки; крупа тоже въ куляхъ; солодъ (зерно, пустившее ростокъ) также въ кулѣ; пшеница и горохъ ссыпаются прямо. Нагрузкой занимаются особые наемщики съ крюками на веревкѣ, которыми подымаютъ мѣшки и кули и взваливаютъ на спину; иногда подымаютъ до 9 пудовъ, при браняхъ, крикахъ и попукапьяхъ. Бурлаки же въ это время гуляютъ съ лентами за шляпой, бабы плетутъ хороводъ. Дѣвки всѣ высокорослы и стройны. [Горохъ идетъ на флотъ—морякамъ.]

Во время бала Наслѣднику втесался туда французъ Гибанъ. Государь Наслѣдникъ, желая пробраться впередъ изъ тѣсноты, взялъ слегка его подъ-бока, прося учтиво позволить пройти ему Гибанъ присѣлъ и сдѣлалъ такую смѣшную фигуру, что Наслѣдникъ захохоталъ и спросилъ его: «Отчего вы присѣли? Вы вѣрно, думали, что я хочу что-нибудь съ вами сдѣлать?»—«Я, Ваше Императорское Высочество, принялъ васъ за губернатора и оттого присѣлъ, потому что губернаторъ всегда имѣетъ привычку меня щекотать». Наслѣдникъ засмѣялся еще пуще; Гибанъ засмѣялся, и,—что любопытнѣе,—самъ губернаторъ Хомутовъ, который тутъ же присутствовалъ, засмѣялся.

Хлѣбопашество.

Начинаютъ съ 15-го апрѣля. Ожидаютъ, чтобы земля прочахла; т. е. чтобы просохла и не слипалась въ грязь. Начинаютъ пахать с хой въ одну лошадь. Прежде всего начинаютъ сѣять овесъ, горохъ и макъ, обождавъ дня два, чтобы земля провѣтрилась. Для гороха и маку еще прежде, т. е. съ осени, разъ вспахиваютъ. Первый разъ вспахать называется вспарить—врѣзываютъ глубже, чѣмъ во второй. Послѣ овса вспариваютъ землю для пшеницы и ячменя, если не успѣли осенью, и потомъ во второй разъ вспахиваютъ въ началѣ мая; называется—засѣять: «сѣмена засѣялъ». Бываютъ уже извѣстные сѣвцы, которые такъ умѣютъ засѣять, что рядовъ совсѣмъ незамѣтно. Хорошіе всходы—коль взошло все ровно; всходы *осклись*—остановились въ ростѣ; *затопьми*—когда отъ бездождья, листочки становятся тонки; жохнуть, *пожохло*—когда еще болѣе отъ бездождья посохло. *Стебли хорошо разгроздились*, когда взошли гроздьями—въ нѣсколько стеблей; *въ однобылку*—когда отъ одного зерна однобылый стебель. *Всходы укрыли землю*—когда все позеленѣло и не видно земли. *Всходы завострились*—когда отъ бездождья верхушки потонѣли и подсохли. *На борозду пробило*—когда дождемъ смочило во всю глубину борозды. Рожь, ячмень, пшеница *колосятся*, когда изъ трубки показывается колосъ. Овесъ *мечется*, а не колосится. *Хлѣбъ пошелъ въ трубку*—когда является колосовая трубка. *Черезъ-зерница*—когда въ одномъ мѣстѣ есть зерно, а въ другомъ пусто; мелкоколосый и крупноколосый.—*Завязалась пяточка*—сначала образуется родъ молочка, когда снизу шелуха начинаетъ затвердѣвать. *Въ половину налила рожь*—когда образуется половина зерна. Просо не колосится, а *кустится*. Для проса пашутъ съ осени; сѣютъ его въ одно время съ пшеницею. *Хлѣбъ сверпуло*—когда хлѣбъ поспѣлъ преждевременно отъ сильнаго жара. Озимой можетъ быть только рожь и пшеница, иногда ячмень. Озимый лучше ярового: тяжеле вѣсомъ и больше зерномъ. *Головня* въ овсѣ—исключительно, когда зерно все почернѣетъ и разсыпается въ пыль; бываетъ отъ дождей и слишкомъ тучной почвы. *Рожки* или *спорынья* во ржи—когда зерно превращается тоже въ черный наростъ. Въ просѣ, пшеницѣ—тоже головня. *Просо брунѣетъ*—когда начинаетъ краснѣть.

Рожь, овесъ, пшеницу и ячмень жнутъ, гречиху косятъ, ленъ и конопель берутъ.

Жнутъ бабы и мужики, коли хлѣбъ взошелъ рано; коли же поздно, то однѣ бабы, ибо мужики заняты вспахиваньемъ подъ озимый. *Хлѣбы травны*—когда весной отъ дождя взойдетъ много травы и предстоитъ отъ того много полотья. *Козлецъ, полынь песика задавила хлѣбъ*—когда эти травы разрастаются сильно въ дождливое лѣто. Зерно бываетъ *дуплястое*, когда отъ дождей его налило сильно и потомъ жаромъ свернуло такъ, что въ серединѣ его остается небольшая пустота: *тощее, толстокорое*—когда, верхняя оболочка толста; бываетъ на черноземѣ; на песчаной землѣ бываетъ всегда *тонкокорое*. Хлѣбъ отъ тонкокораго и бѣлѣе, и лучше, и болѣе муки, меньше отрубей.

Сжавши, складываютъ снопы. Снопъ состоитъ изъ гузовья (отъ гузна) и пояса, которымъ связываютъ. Разные роды складки: *крестами*—въ 25 сноповъ копна; *боровками*—невысокая форма, снопъ къ снопу, гузовья закрываютъ колосьями; *столпками*—гузовьями книзу стоймя: тотъ и другой родъ лучше въ хорошее время. Овесъ кладутъ, коли сухъ, тотъ же часъ въ скирды; въ скирдѣ сто сноповъ—сколько можно взять на возъ. Въ гумнахъ складываютъ кладями, въ двѣсти телѣгъ и болѣе. Хлѣбъ—складывать въ клади, а сѣно—метать стогъ. *Шишъ*—копны вмѣстѣ, конусомъ вверхъ. *Остожье*—шишъ съ жердями, на который мечется сѣно и составляется стогъ. *Валы валять*—соединять ряды скошенной травы—нѣсколько рядовъ въ одинъ валъ. *Копнить* сѣно—изъ валовъ составлять потомъ кучи. *Возилки*—родъ воза безъ колесъ: одна перекладина, соединяющая двѣ хворостины неохмыстанныя, съ листьями, которыя служатъ оглоблями съ комлевой стороны: сѣно накладывается на нихъ и увязывается бечевкою. *Клади хлѣбныя и стоги*—сверху укрываются соломою, сверхъ которой кладутся *перемятины*—двѣ хворостины, связанныя верхушками и перекинутыя—одна на одну, другая на другую, противоположную, сторону клади. Сѣно бываетъ: лѣсное, степное и пойменное; оно бываетъ крупное и мелкое.

Выраженія.

Муха-громотуха—синяя муха большая, шумящая по стекламъ оконъ.

Въ Симбирскѣ назвали одного нѣмца тараканьими мощами. *Шастаный* овесъ—лучшій; шастить, шастенье—очищеніе овса отъ шелухи при пересыпаніи.

На пристаняхъ по Сурѣ народъ побогаче и веселится по воскреснымъ днямъ щегольски; старики сидятъ на завалинкахъ у избъ.

Мужички: Маленкинъ, Ѳыровъ, Удаловъ, Милушкинъ, Шатинъ, Брюхановъ, Рыжовъ.

Кабаки: Зацѣпа, Кружало, Навозной, Агашка, Московскій.

Примѣты дурного управителя.

Василій Сергѣевичъ строгъ при сборѣ холстевъ и яицъ; строго взыскиваетъ, чтобы баба принесла положенный кузовъ грибовъ и проч.

Всегда плохой управитель подозрѣваетъ, что покушаются на его жизнь, и боится, чтобъ его не убили.

Бываетъ покровительствуемъ барыней, потому что строгъ по ея части, то-есть—смотритъ за приносомъ ягодъ; знаетъ хорошо, во сколько пасемъ талька и сколько нужно пасемъ на поставъ (*поставъ*—мѣра аршинъ въ 25); накладывается на бабу въ годъ два поставa. Зимой баба прядетъ и спрядываетъ тальки, а лѣтомъ ткетъ полосушки. Зимой собираются бабы въ чью-нибудь [избу] вмѣстѣ прясть. Это называется *супрядки*, у дѣвокъ—посидѣлки. Дѣвки обкладываются сборомъ грибовъ, ягодъ.

Праздники.

Большой самый праздникъ—*Свѣтлое Воскресеніе*: не работаютъ цѣлую недѣлю. *Троицынъ день и Семикъ*—не работаютъ 3 дня: заплетаютъ вѣнки, поютъ пѣсни; хороводный праздникъ оканчивается бросаньемъ вѣнковъ въ рѣку. *Хороводы* начинаются съ начала весны и всякое воскресеніе продолжаются; оканчиваются Петровымъ днемъ. Съ этихъ поръ время называется дѣловою порою или страдою, отъ слова *страдать* отъ трудовъ.

Выраженіе Ноздрева: «Сыгралъ какъ младой полубогъ» (на бильярдѣ).

Дѣла, предстоящія губернатору.

Главное дѣло—образовать Губернское Правленіе. Дѣла Губернскаго Правленія: полицейская [часть] всей губерніи: что въ городѣ полицмейстеръ, то въ губерніи губернаторъ. Всѣ случавшіяся происшествія: скоропостижныя смерти, пожары, самоуправства, ссоры, убійства, неподчиненія и неповиновенія, всѣ чрезвычайныя происшествія: голодъ, появленія засухъ, погодъ, саранчи, насѣкомыхъ; всѣ донесенія обо всемъ. Объ этомъ всемъ доносятъ по мѣстамъ находящіеся чиновники. Капитанъ-исправникъ то же въ Земскомъ Судѣ, что губернаторъ въ Правленіи, и забираетъ отъ засѣдателей всѣ донесенія.

Губернское Правленіе состоитъ изъ Присутствія и Канцеляріи. Присутствіе—изъ трехъ совѣтниковъ и губернатора. Всѣ совѣтники равны: въ иныхъ губерніяхъ—по уѣздамъ: на каждое равное число уѣздовъ; въ другихъ по матеріямъ: *одному* совѣтнику—герольдія,—все, что относится къ лицамъ служащимъ: назначеніе, опредѣленіе, увольненіе чиновниковъ, преданіе суду, выговоры, замѣчанія (все это не иначе, какъ съ вѣдома присутствія), награды, наказанія, повышенія, преданія суду съ отрѣшеніемъ и безъ отрѣшенія. Всѣ должны присылать послужные списки своихъ подчиненныхъ. *Второму*—происшествія, продовольствіе, магазины запасные, разсмотрѣніе спорныхъ дѣлъ,—куда ихъ относить: въ суды ли, если судебныя, или губернскія,—если распорядительныя; относительно квартированія войскъ и повинностей квартирныхъ, подводныхъ и дорожныхъ, собираніе податей и недоимокъ (которыя нынѣ, можетъ-быть, въ Министерствѣ Имуществъ), побудительныя мѣры ко взысканію ихъ. Рекрутскіе наборы, назначеніе мѣстъ и лицъ для присутствія.—(Главная часть всѣхъ поползновеній на всѣ взятки, общая пожива; выигрывающіе: Предсѣдатель и Членъ Присутствія, Канцелярія, Медикъ, военный депутатъ, казенная палата). Губернское Правленіе больше всего беретъ съ откупщиковъ за назначеніе мѣста, гдѣ, въ какомъ уѣздѣ составить присутствіе, потому что выливается въ это время вина множество. Иногда около 80 тысячъ срываетъ Губернское Правленіе взятки съ откупщика. Остроги и пересылка преступниковъ.—Утвержденіе всѣхъ приговоровъ Уголовной Палаты.

Губернаторъ удерживаетъ власть въ Уголовномъ Судѣ. Уголовная Палата всѣ приговоры свои присылаетъ къ губернатору, который или соглашается, или отмѣчаетъ свое мнѣніе и съ нимъ отсылаетъ въ Сенатъ. Обыкновенно губернаторъ призываетъ предсѣдателя или секретаря и съ нимъ переговариваетъ и соглашается.

Повинности натурою и деньгами: на дороги, мосты,—устройство и содержаніе. Больше всѣ согласны натурою, а не деньгами... копѣйка отъ души или побольше, что дворяне уже съ уѣзднымъ предводителемъ соглашаются между собою. Повинности падаютъ на тѣхъ, которые поближе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нужны мосты и проч. Квартермистръ для назначенія квартиръ ѣздитъ самъ, если новый человѣкъ; если-жъ давно живетъ, то знаетъ и мѣста. Онъ имѣетъ у себя карты подробныя—съ означеніемъ всѣхъ деревень, мѣстъ, ихъ удобствъ. Распоряженія эти дѣлаются съ опредѣленій губернатора, имѣющаго право согласиться или не согласиться, который, утвердивъ это, доводитъ дѣло къ предводителю дворянъ, а предводитель дворянства соглашается объ этомъ съ дворянами въ собраніи. Отъ губернатора [зависитъ]

Приказъ общественнаго призрѣнія.

Имѣетъ у себя больницы, рабочіе дома и богадѣльни и всѣ богоугодныя заведенія. Всѣ заведенія эти образуются изъ вкладовъ добровольныхъ; дѣлаемыхъ умирающими, или дающими обѣтъ, или желающими получить крестикъ и изъ доходовъ: процентовъ съ капитала, процента изъ штрафныхъ денегъ, и со всякихъ сдѣлокъ, крѣпостей. Губернаторъ можетъ дѣлать все: уменьшать расходы, находить всѣ новые пути для извлеченія новыхъ доходовъ. Губернаторъ всѣмъ этимъ любитъ заниматься, потому что на богоугодныя заведенія обращено вниманіе Государя и за это даютъ награды. Правленіе Приказа: Непремѣнный членъ, Секретарь, Засѣдатель отъ дворянства и Засѣдатель отъ купечества.

Отъ Губернатора—города. *Полиція* и *хозяйство.*

Хозяйство: доходы и расходы. Доходы—земли, отдаваемыя городомъ жителямъ, сборъ съ домовъ, съ лавокъ, съ..... Въ рукописи пустое мѣсто. Расходъ—на полицію. Правленіе состоитъ изъ Думы; Дума—изъ Головы съ двумя Засѣдателями, изъ купцовъ и мѣщанъ; предметъ—увеличеніе доходовъ и расходовъ (sic!).

Полицмейстеръ—въ совершенной зависимости отъ губернатора, хотя и назначается Комитетомъ раненыхъ. Предметъ—слѣдствіе всѣхъ дѣлъ и происшествій города; опредѣляетъ наказанія и препровождаетъ всѣ дѣла, выходящія изъ круга мелкихъ происшествій, по принадлежности въ другія мѣста.

Магистраты въ большихъ городахъ: часть судебная, разборъ тяжбъ.

Мѣста, не подвѣдомственныя губернатору, но на которыя онъ можетъ имѣть вліяніе.

Казенная Палата—завѣдываетъ всѣхъ Казначействъ всѣми доходами; хранитъ; казенные подряды, торги и все, что нынѣ составляетъ Палату государственныхъ имуществъ: правленіе казенными крестьянами, оброчныя статьи—въ отдачѣ на подрядъ луговъ, земель, мельницъ,

рыболовствъ. Источники всѣхъ взятковъ—съ подрядчиками.

Правленіе крестьянъ—Голова съ писаремъ: относился письменно и лично, правилъ независимо, просто, безъ всякихъ ограниченій; выбирался міромъ. Случаи для взятковъ: выкупиться отъ постоя, избѣгнуть отъ разныхъ нарядовъ и повинностей. Самая главная часть, донынѣ оставшаяся—откупа.

Откупа.

Винный. Откупщикъ ѣдетъ въ Петербургъ съ залогомъ; беретъ свидѣтельство, утвержденное Гражданской Палатой, состоящее въ описаніи имѣнія и въ томъ, что оно не заложено. Откупщики платятъ помѣщикамъ 8 процентовъ на билеты изъ Банка сохранной казны, за которые тоже процентъ. Чѣмъ онъ бѣднѣе и менѣе къ нему довѣренности, тѣмъ больше даетъ. *Сдѣлки откупщика съ Казенной Палатой.* Откупщикъ долженъ взять извѣстное число вина въ Казенной Палатѣ непремѣнно; остальное или самъ покупаетъ у помѣщиковъ-винокуровъ, или самъ куритъ. Казенная Палата, сдирая чрезмѣрную сумму съ откупщика, ему мирволитъ во всемъ: дозволяетъ открывать кабаки не въ законныхъ мѣстахъ и не въ законные [часы]: во время обѣдни, въ праздники, и до обѣдни, продолжая ярманочные дни: дозволяя разводить водой вино, дозволяетъ употреблять возбуждающее, не закрываетъ вечеромъ ѣзды и проч. Сила откупщика такъ велика, что его нельзя ограничить, потому что онъ лопнетъ, если скрутить его; и потому всѣ даже честные берутъ отъ него взятки. Откупщикъ всѣмъ даетъ; всѣ съ нимъ въ дружбѣ и всѣ имъ довольны. Губернатору, смотря по губерніямъ,—отъ 10 до шестидесяти; въ Казенной Палатѣ вице-губернатору и совѣтнику винныхъ дѣлъ—не меньше самого губернатора, и нисходя до мелкихъ чиновниковъ. Кромѣ того всякій служащій имѣетъ право послать за штофомъ сладкой водки къ откупщику, въ какомъ бы мѣстѣ ни служилъ. Всей полиціи даетъ—и городской, и земской; вся полиція у него на жалованьи.

Правленіе: Вице-губернаторъ и три Совѣтника, одинъ—Губернскій Казначей, Совѣтникъ винныхъ и соляныхъ дѣлъ (ибо продажа соли есть также предметъ Казенной Палаты) и Совѣтникъ казенныхъ крестьянъ.

Губернаторъ можетъ имѣть вліяніе на Палату при подрядахъ и торгахъ, ибо долженъ присутствовать въ качествѣ предсѣдателя—при всѣхъ торгахъ, при закупкѣ вина въ казенное вѣдомство, при подрядахъ на станціяхъ, при всѣхъ оброчныхъ статьяхъ. Кромѣ того, онъ долженъ участвовать при всѣхъ подрядахъ въ губерніи по всѣмъ вѣдомствамъ, которые всѣ производятся или въ Казенной Палатѣ, или въ Губернскомъ Правленіи. Совершенно независимое лицо отъ губернатора—Прокуроръ: не долженъ даже водиться съ губернаторомъ и подчиняться какому-нибудь его вліянію. Есть блюститель выгодъ казны и законовъ. Его обязанность—давать протесты на все то, что дѣлается незаконно. Всѣ дѣла ему посылаются на просмотръ. Онъ смотритъ на двѣ вещи: на законность формъ и на медленность въ производствѣ. Имѣетъ стряпчаго казенныхъ и стряпчаго уголовныхъ [дѣлъ]; никакое слѣдствіе въ губерніи не производится безъ присутствія при немъ губернскаго стряпчаго. Онъ осматриваетъ остроги—чтобы ихъ кормили, не мучили, чтобы дѣла острожниковъ производились, какъ можно, безъ замедленія. Словомъ, онъ—око закона. Никакое производство дѣла не имѣетъ исполненія безъ его помѣтки: «читалъ». Имѣетъ право понуждать о скорѣйшемъ производствѣ. Прямо на имя Государя, черезъ министра юстиціи, посылаетъ еженедѣльно донесеніе о содержимыхъ въ острогѣ. Всѣ протесты посылаетъ на имя министра юстиціи; къ нему посылаются отъ министерства бумаги рѣдко.

Взятки прокурора: 1) *общія*—отъ всѣхъ мѣсть правительственныхъ беретъ взятки; 2) *отъ случайныхъ дѣлъ*; 3) *отъ уѣздныхъ стряпчихъ*, получающихъ много при слѣдствіяхъ; 4) *отъ откупщика.*

Совѣстный Судья по выборамъ не зависитъ отъ губернатора — благодѣтельнѣйшее установленіе. Судитъ всѣ дѣла, гдѣ должны быть смягчены законы, по совѣсти (христіанской): малолѣтнихъ, умалишенныхъ. Судъ его окончателенъ, поэтому стараются охотно препроводить дѣла въ Совѣстный судъ. Жалованія ему нѣтъ; канцелярія содержится отъ дворянъ,—такъ, какъ и сиротское отдѣленіе, находящееся подъ предсѣдательствомъ Предводителя.

Взятки губернатора.

Самыя нестыдныя, неопасныя взятки—съ откупщиковъ, которыя берутъ и честные, потому что отъ этого никому [нѣтъ] утѣсненія, и дѣла шли бы такъ же, какъ и безъ бранья. Они берутся явно.

Взятки съ мерзавцевъ, замѣшанныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, и во всѣхъ слѣдственныхъ дѣлахъ надъ богатыми помѣщиками—губернаторъ и самъ непосредственно, и черезъ секретаря.—Съ старообрядцевъ во время ревизіи и объѣзда всей губерніи, которую онъ долженъ дѣлать разъ въ годъ: тутъ, въ видѣ хлѣба-соли, пукъ ассигнацій запекаютъ въ хлѣбъ; и во всѣхъ экстренныхъ происшествіяхъ и дѣлахъ: тутъ посредствомъ секретаря. Слѣдствія рождаются—о скрытіи священниковъ бѣглыхъ, объ обращеніи въ расколъ православныхъ. Они виновны въ скрытіи бѣглыхъ людей, которыхъ принимаютъ съ желаніемъ обратить ихъ; о постройкѣ новыхъ церквей или позволеніи, которыя раскольникамъ запрещены, часовенъ и молитвенныхъ домовъ—пожива всей полиціи, Губернскаго Правленія, Земскаго суда, прокурора.

Взятки съ чиновниковъ за продажу мѣстъ: губернаторъ беретъ съ капитанъ-исправниковъ, при торгахъ и подрядахъ и при постройкахъ зданій, чтобы утвердить цѣны.

Соблазны губернатору и подъѣзды разныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ, подъ видомъ услугъ и разныхъ заботъ о его хозяйствѣ, всякій хочетъ ему дать взятку.

На что слѣдуетъ обратить вниманіе Губернатору: чтобы свести всѣхъ въ то, что Губернское Правленіе не береть и неподкупно. Къ этому достигнуть—строгимъ смотрѣніемъ и наблюденіемъ за всѣмъ ходомъ дѣлъ,—чтобы Губернское Правленіе не брало взятковъ съ капитанъ-исправниковъ за мирвольства съ его стороны, за ненужные выговоры и проч. При ревизіяхъ губерніи обращать вниманіе на Земскій судъ и на Уѣздный судъ, гдѣ должно вдругъ спросить дѣла нерѣшенныя, которыхъ до 50 и больше—проглядѣть ихъ.

Маски, надѣваемыя губернаторами.

Маска благороднаго и воспитаннаго губернатора: говоритъ о благородствѣ, братается съ благородными; говоритъ о своихъ связяхъ съ благородными, даже употребляетъ слово *мы*: «Мы съ такимъ-то, съ Блудовымъ, съ Дашковымъ». Любитъ литературу; любитъ облагородить все; радъ пріѣзжему литератору. Ихъ *мысли*: взятки вывести можно только воспитаніемъ, просвѣщеніемъ; чиновниковъ нужно необходимо вводить въ общество. Стараются заводить библіотеки; хлопочутъ о губернскихъ вѣдомостяхъ. Весьма рады, когда кто, пріѣдущій изъ столицы, найдетъ, что у нихъ точно такъ же, какъ въ Петербургѣ, ввернетъ французское слово.

Военный генералъ—прямой человѣкъ. Жалуется на то, что всѣ воры и мошенники, что честнаго человѣка нигдѣ нельзя найти, что секретарь его мерзавецъ, но онъ держитъ только такъ, ради того, что другого найти нельзя, и потому совѣтуетъ къ нему обращаться. Хорошъ съ дворянами; играетъ болѣе въ вистъ; обѣды задаетъ, и бываетъ либералъ; въ дрязги и мелочи не входитъ, но называетъ даже это чернильными дѣлами,—и не можетъ заниматься [ими], какъ неблагородными. Но самъ беретъ взятки черезъ секретаря.

Губернаторъ—дѣлецъ. Терпѣть не можетъ дворянъ (который прежде былъ самъ секретаремъ), дѣлаетъ все самъ и беретъ самъ, потому что знаетъ, какъ брать. Любитъ разсказывать свою прежнюю жизнь; видитъ Промыселъ и волю Провидѣнія во всякомъ случаѣ своей жизни и разсказываетъ подвиги правды своей; но скрываетъ всѣ подлости и взятки и даже говоритъ: «Что жъ дѣлать, когда у меня такая прямая душа, что я не могу?» и тому подобное. Имѣютъ двѣ-три собственныя мысли, которыя любятъ повторять, и особенно хлопочутъ, [чтобъ] не было Губернскаго Правленія, но только канцелярія, и любятъ разсказать (sic!), какъ они сдѣлали когда-то страшныя выгоды казнѣ при постройкахъ. Увѣрены вообще въ томъ, что все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы доставить казнѣ денежныя выгоды, увеличить какой-нибудь доходъ, сберечь деньги. Бываютъ безжалостны. Всѣ имѣютъ о себѣ высокое мнѣніе: о своемъ умѣ, о своей дѣльности и дѣятельности и потому.... (не дописано).

Губернскій предводитель мало имѣетъ законной власти, но много можетъ имѣть хорошаго вліянія, если хорошъ съ губернаторомъ. Настоящая полезность велитъ знать всѣхъ дворянъ; для этого долженъ быть хлѣбосолъ. Пріобрѣтя познаніе, онъ можетъ имѣть [вліяніе] на хорошихъ и честныхъ, заставляя ихъ служить, приводя ихъ въ уваженіе какъ у дворянства, такъ и у губернатора; на плохихъ и слабыхъ, уговаривая ихъ, прося другихъ дворянъ;—на чиновниковъ по выборамъ, капитанъ-исправника, усовѣщевая его и напоминая, что его выбрали не съ тѣмъ, чтобы дѣлать пакости. Всюду можетъ онъ грозить именемъ губернатора. Надобно знать, что въ губерніи двѣ партіи: половина дворянъ, скверная, хочетъ выбрать капитанъ-исправниковъ—плутовъ и которые бы потворствовали имъ; другая половина—хотя и честныхъ, но махнувшихъ рукой въ увѣренности, что честнаго ничего нельзя завести и что плуты заведутся. И потому губернскому предводителю, даже и по соглашеніи съ губернаторомъ, бываетъ трудно дѣйствовать. Кромѣ того губернскій предводитель,—и это даже его обязанность,—долженъ обращать вниманіе на обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, увѣщевать жестокихъ и, въ случаѣ, когда все будетъ недостаточно, доносить губернатору, который со своей стороны дѣлаетъ то же и, когда все будетъ недостаточно, прибѣгаетъ къ мѣрамъ—къ установленію опеки. Губернскій предводитель непремѣнно долженъ войти въ тѣсныя сношенія съ губернаторомъ, если губернаторъ истинно честный человѣкъ. Губернаторъ долженъ также помнить, что его выгода быть въ согласіи съ предводителемъ, и онъ долженъ показывать къ нему уваженіе, давать въ иныхъ случаяхъ ему мѣсто впереди: это все нравится дворянамъ, которые въ лицѣ предводителя видятъ уваженіе къ себѣ.

Чѣмъ губернаторъ стѣсненъ при Генералъ-[губернаторѣ]?—Тѣмъ, что это необходимая инстанція между имъ и министромъ: ничто не доходитъ до министра съ мысли губернатора, но съ генералъ-губернаторской. Тѣмъ—можетъ вмѣшаться во все, спрашивать, узнавать и путать, распоряжая чиновниками.

— Дворомъ, образующимъ вокругъ генералъ-[губернатора] око, которое должно быть всюду: его любовницами, женою, женскимъ поломъ и канцеляріею генералъ-губернатора.

По поводу генералъ-губернатора нельзя наказать никого, ни напрасить.

(«Нужно было вамъ впутываться», сказалъ генералъ-губернаторъ Муразову). (Окончанія послѣднихъ словъ неразборчиво написаны).

Генералъ-губернаторъ можетъ много имѣть вліянія нравственнаго, какъ лицо, совершенно первенствующее и стоящее выше личностей,—именно тѣмъ самымъ, чѣмъ они покуда дѣлаютъ вредъ.

2.

(Изъ записной книжки 1842 г.).

Будетъ прокъ, коли докторъ Брокъ.
Виноватъ канифасъ передъ бархатомъ.
Изъ воды сухъ выйдетъ.
Бирюкъ тебя нанюхайся!

(То-есть, чтобы медвѣдь нюхалъ вдоволь прикинувшагося мертвымъ).

Въ Перми пьютъ Сибирскую облѣпиху именинниковъ. Тотъ, за котораго пьютъ тостъ, отвѣчаетъ: «Врешь! мое здоровье двадцать пятое. Пей за другихъ!»

Въ Перьми откалываютъ мазурку.
Шохтить—пить.
Бардадымъ—трефовый король.

Что мужъ-то мой горькій пьяница:
Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ,
Съ воды пьянъ живетъ; съ квасу бѣсится—
Надо мной, младой, все ломается.

Обычай: по окончаніи ярмарки судья, городничій, исправникъ и всѣ чины дѣлаютъ обходъ съ слугами позади—принимать приношенія отъ купцовъ и проч.

Разговоръ рыбаковъ, тянувшихъ неводъ.

Одинъ. Слышь, давича щуку въ три пуда вытащили.

Другой съ другого конца. Сгоните его съ того мѣста; оно хвастливо.

Первый. Да что, вѣдь развѣ въ 3 пуда щукъ не бываетъ? Вѣдь сюда большихъ пускали.

Второй. Какое пускали! Попы чорты пускали.

Объ умершей женѣ: «Добрый былъ конь: ни въ тынъ, ни въ ворота»—никуда не годится.

Въ лапоть звонить.
Или тебя куры опѣли? *(Оглупѣлъ).*
Мальчишка сказалъ кондуктору Д*: «Молчи ты, подколесная пыль!»
«А вѣдь онъ у меня догадка».
Настойка, называемая *ударомъ.*
Съ глазъ-то воровата, а съ разума проста.
На чорта лапоть плететъ.
«Ты пьянъ».—А развѣ ты напоилъ?
Чортъ по ночамъ горохъ молотилъ на рожѣ.
Его вороны исклевали.
Рожна ему хочется.
Непоужинавши, ночью жиды снятся.
Мараль—запачканность.
Мошинальный человѣкъ—мошенникъ.
Трусъ-луковникъ—дрянной трусъ. «Охъ, ты, трусъ-луковникъ!»
Я те шерстяной пагубникъ оборву—усы оборву.
Онъ съ нимъ какъ слѣдуетъ, по порядку: сперва волосяную тяжбу.
Во время склизкой дороги: «Плохая ходьба: какъ разъ лобъ найдешь».

Вѣтры: Западный—съ полуночи; *Сиверской*—сѣверный; вѣтеръ съ востока—восточный; *Полденный*—южный. Сѣверо-западный называютъ *гнилой* уголъ. Если оттуда принесетъ, говорятъ: «Плохое время—идетъ съ гнилого угла». *Маритъ* называется—когда вдругъ пригрѣетъ солнце.

Крики.

Владимірская клюква!
Владимірская крупна!

Эти бабашки!
Брали дѣвушки Наташки.

Нашъ Ѳома пьетъ до дна: выпьетъ, поворотитъ, да въ донышко поколотитъ.

А нашъ Филатъ тому дѣлу и радъ.

Уланы имѣли обычай складываться въ числѣ 20: каждый поочередно покупалъ боченокъ вина, другіе приходили къ нему пить; это называлось «*давить букашку*».

Отвѣтъ купца, катавшагося на лихомъ рысакѣ, на вопросъ: «зачѣмъ у него дурны хомуты?»—мы не изъ благодарности, чтобы касательно хомутовъ.

Не штука дѣло, штука разумъ.
Надулся, какъ воробей на пшу.
Повезли кисель продавать. (Тихо ѣхать, изъ опасенія не разболтать).

Выраженіе квартальнаго: «Люблю деспотировать съ народомъ совсѣмъ дезабилье». (Ив. Григорьевича, моск. книгопрод.).

Выраженіе Кольчугина: Журналъ долго не выходитъ.—«Эти журналисты съ своими книгами, какъ дѣвушка съ платоническою любовью: «люблю, люблю»; а все ничего нѣтъ».

— Я просила Катихизисъ за 1842-й, а вы дали за 1830-й.—«Да вѣдь это все равно, сударыня: катихизисъ такого рода вещь, что тутъ воображеніемъ не разыграешь, хоть самъ Филаретъ»...

Поговорки Михаила Николаевича (Загоскина)?

Необвостря, въ землю тебя вколочу.—Я тебя узломъ завяжу, въ бар ній ро ъ сверну.

Завалился за маковое зерно, да и въ усъ никому не дуетъ. (О человѣ ѣ . . . . . (слово напечатано неразборчиво), кажущемъ изъ себя богатыря.

Сказалъ о Шевыревѣ: «Много ли тебя подъ землею? а на землѣ немно го».

3.

(Изъ записной книжки 1846 г.).

Грусть отъ того, что не видишь добра въ добрѣ.

Мужикъ выразился о чухонцахъ: «Ихъ чортъ въ котлѣ таскалъ; гдѣ уронилъ, тамъ и поселилъ».

Кабацкій завсегдатель.

Іорникъ маленькій—чиновникъ, который денегъ не заплотитъ. Маленькій подлецъ не заплотитъ, потому что и денегъ нѣтъ, а іора не заплотитъ, потому что не хочетъ. Іора—Герой.

Ѣдоки—налегающіе особенно на одни какія-нибудь блюда: кто съѣлаетъ по 300 раковъ, по десятку блиновъ, стерлядей, грибовъ.

Артельщики.

Начальникомъ надъ артельщиками выбрали мастера, и на вопросъ: «Хорошъ поведеньемъ что-ли?»—Нѣтъ не хорошъ.—«Не пьетъ что-ли? «Нѣтъ, пьяница,—«Уменъ?»—Нѣтъ, не уменъ.—«Такъ что-жъ онъ?»—И в лѣвать ум етъ.

Спросилъ у мужика возлѣ купанья одинъ молодой человѣкъ: «можно посмотрѣть въ щелку на бабъ, какъ купаются?»—Что-жъ, смотри: вѣдь они отъ того не линяютъ.

Благодарность за оплеуху: «Давно бы, батюшка, такъ. Благодарю васъ».

Богатые, прежде всего помните, что вы владѣете страшнымъ даромъ. Вспомните евангельское правило о томъ, какъ опасны богатства и какъ трудно спасеніе для богатаго. Но вамъ даны, вы не имѣете права отъ нихъ отказаться. Вы должны помнить, что вы управители у Бога. Горе вамъ, если будете плутовать и красть!

Почему совѣтуетъ Христосъ раздать богатство? Потому что знаетъ, какъ трудно человѣку быть управителемъ, и лучше заранѣе отказаться отъ него, чѣмъ быть приведену потомъ въ искушеніе.

Въ Ярославлѣ хороши и характерны церкви.

Известковыя горы показываются отъ *Сызрани*, идутъ въ Саратовскую губернію. При солнечныхъ лучахъ прекрасны.

Отъ Саратова до Астрахани — степь; деревцо — какъ сирота. Встрѣчаютъ и провожаютъ орлы, плавая по воздуху десятками; отдѣльно отъ нихъ летаютъ ястребы. Степь и степь. Иногда выказывается Волга. Казацкія станицы.

4.

(Изъ записной книжки, подаренной Гоголю Жуковскимъ во Франкфуртѣ на Майнѣ $^{8}/_{20}$ октября 1846 года).

Чіи имена вспомнить у Гр[оба] Св[ятаго]: Матвѣя Александровича, Надежду Николаевну Ш[еремететву], всю родную семью мою, Александру Осиповну С[мирнову], Степана Петровича Ш[евырева], Михаила Пет ов[ича] П[огодина], А ександра Петровича Толстаго, Петра Александровича Плетнева, Василія Андреевича Жуковскаго, Вьельгорскихъ, Аксаковыхъ и всѣхъ близкихъ сердцу друзей и благодѣтелей. Батюшковъ.

Въ Іерусалимѣ: молебенъ о благополучномъ прибытіи. Перечесть все, о чемъ хотѣлось просить. *Купить крестики* изъ перламутра, четки и проч.; и образки всѣхъ сортовъ, освятить ихъ на гробѣ Господнемъ. *Писать* письма: домой, Матвѣю Александровичу, Надеждѣ Николаевнѣ и Жуковскому, Толстому; вторыя: Шевыреву,—и въ немъ Малиновскому,—къ Плетневу.

Въ Назаретѣ дождь задержалъ насъ двое сутокъ.

Статистика обозовъ. Зимніе—съ какими именно припасами приходятъ первые обозы, вторые и третіе? И что вообще предметомъ обозовъ и куда, кромѣ столицъ, они стремятся? Также и объ об захъ лѣ нихъ.

Вопросы Хомякому. о крестьянахъ: вольныхъ, господскихъ, ка енныхъ и удѣльныхъ—ихъ внутреннемъ бытѣ, правленіи, правахъ и преимуществахъ, состоніи нравственности и духѣ, какъ результатѣ (всего) (слово зачеркнуто авторомъ) быта.

Зачѣмъ я оказался учителемъ? Я самъ не помню. Мнѣ показалось, что гибнетъ лучшее, что перо писателя обязано служить исти[нѣ] и безпощад ое жало сатиры коснулось, вмѣстѣ съ искорененіемъ злоупотребленій, и того, что должно составлять святыню; что слишкомъ уже много

увлеклись теченіемъ времени и не останавливаются оглянуться вокругъ себя.

. . . . . Мнѣ такъ стало совѣстно (за мою недѣятельность) (это зачеркнуто авторомъ), мнѣ такъ стали тяжелы упреки, что я остаюсь такъ долго въ бездѣйственности. Я думалъ, что если обнаружу мое состояніе душевное и чѣмъ я занятъ...

Изъ настольной книги.

Гляди и любуйся красотой души сво й, лжесвидѣтель, клятвопреступникъ, первый нарушит ль закона и святыни, думающій быть христіаниномъ и не имѣющій (умѣющій) пожертвовать пылью земной небесному, дорожащій презр нным достояніемъ . . . . . (одного слова нельзя разобрать).

Милосердія! Господи! Ты Милосердъ. Прости все мнѣ, грѣшному!

Сотвори, да помню,
что я одинъ и живу въ тебѣ, Господи; да не возложу ни на кого, кромѣ на одного Тебя мою надежду; да удалюсь отъ міра въ святой уголъ уединенія!

Онъ вспоминалъ,
какъ гренадеръ Коренной, когда уже стихнули со всѣхъ сторонъ французы и офицеры были переранены, закричавши: «Ребята, не сдаваться!» отстрѣливался и потомъ отбивался штыкомъ, когда прижали ихъ тѣснѣе и когда всѣхъ ихъ перебили, одинъ остался и не сдавался; и въ отвѣтъ на предложеніе, схвативши ружье за дуло, отбивался прикладомъ. . . . . (одного слова нельзя разобрать), такъ что не хотѣли погубить, ранили только легкой раной. Взявши въ плѣнъ, Наполеонъ приказалъ выпустить.

Чепышенко въ Турецкую войну 1828 года, будучи раненъ пулей близъ груди, вытащилъ окровавленную пулю и, зарядивъ ее въ ружье, выстрѣлилъ по непріятелю, сказавши: «лети туда, откуда пришла». Самъ перевязалъ рану наскоро и не оставлялъ сраженія до окончанія дѣла.

Рядовой 5-й егерской роты Гавриловъ, находясь конвойнымъ при начальникѣ стрѣлковой цѣпи 2 баталіона, стрѣлялъ рѣдко, говоря: «Берегу патроны вашего благородія: стрѣляю только по тѣхъ, кто на васъ прицѣлится». И, сказавши эти слова, выстрѣлилъ въ ту же минуту и положилъ француза на мѣстѣ, прибавя: «Онъ на васъ цѣлилъ».

Фразеологія.

Бѣлы руки со подносомъ,
Языкъ съ приговоромъ.

«Ты прощай, моя укатъ-гора высокая!» говоритъ невѣста, прощаясь съ катальными горами.

Гуляка, которой ждали цѣлый годъ поселяне, была въ полномъ своемъ разгарѣ («Мертвыя души» 2 часть въ нов. редакціи)?

Зима. И однимъ цвѣтомъ бѣлымъ рисуетъ зима. Бѣдный цвѣтъ, но какъ много . . . . . изобрѣтательность . . . . . (слова не разобраны). Эти роскошныя завѣсы, снѣговыя глыбы, покрывающія отъ корней до верха большія и малыя дерева; это множество жемчугу и бриллянтовъ, сверкающихъ при свѣтѣ солнца и луны; этотъ недвижный, величественный «видъ растеній, какъ будто выточенныхъ изъ слоновой кости; это многозначительное безмолвіе и тишина; этотъ полумракъ днемъ и полусвѣтъ ночью.

И вдругъ яръ среди ровной дороги—обрывъ во глубину и внизъ; и въ глубинѣ лѣса, и за лѣсами—лѣса, за близкими, зелеными — отдаленные, синіе, за ними легкая полоса песковъ серебряно-соломеннаго цвѣта, и потомъ еще отдаленные лѣса, легкіе какъ дымъ, самого воздуха легчайшіе. Надъ стремниной и кучей махала крыльями скрипучая вѣтряная мельница.

Круто выпуклилась степовая равнина, что бы лучше показаться, и полосато пестрѣла гладкая покатость. По зелено-пепельному грунту рѣзко пробивалась темно-красная орань, только-что взрытая плугомъ. За ней лентой яркаго золота—нива сурѣпицы, и вновь блѣдно-зеленый грунтъ и какъ снѣгъ бѣлые кусты.

Ива, плетень и куры. Сорока сѣла на брюхо свиньѣ, но. . . . . (не разобрано) скотина не шевелилась, лежа въ лужѣ, лѣнивымъ хрюканьемъ изъявляя неудовольствіе отъ посторонняго прикосновенія.

Рубецъ во всю дорогу зеленый съ растущими по немъ бодяками и ничего за нимъ, кромѣ безграничной равнины зелено-сѣдоватой: чуть-чуть, какъ точки, какія-то конешки, и вотъ деревцо, и вотъ оживилась равнина: брызнуло по ней золото цвѣтовъ; засинѣла на мигъ, и станетъ поле вишневаго цвѣта отъ множества стоявшихся васильковъ, и потомъ зарябитъ всѣми цвѣтами вдругъ, и опять станетъ одноцвѣтно-зеленое.

Вишневые низенькіе садики, и подсолнечники надъ плетнями и рвами, и соломенный навѣсъ чисто вымазанной хаты, и миловидное, краснымъ обводомъ окруженное окошко. Ты древній корень Руси, гдѣ сердечнѣй чувство и нѣжнѣй славянская природа...

Темныя кудри, черныя брови — и безъ бороды хорошъ славянинъ: закрученные усы, высокая шапка съ червоннымъ верхомъ; весь станъ обтянувшійся ловко, или обойденный въ три раза, и при шароварахъ, богато расположившихся надъ чоботами, при (не разобрано). . . . . съ нахлобучкой.

Бѣлый и желтый рогатый скотъ разсыпался по полю, и, завидя издали на дорогѣ экипажъ, летѣли двѣ собаки, поднявши хвосты, полаять на экипажъ—за тѣмъ, [чтобы] остаться потомъ довольными, какъ всякій, сдѣлавшій доброе дѣло.

Степная чайка съ хохломъ, въ видѣ скобки, поднимается съ дороги.

И вдругъ лѣсная стѣна стала передъ глазами. Свѣтъ и тѣни лежа и на деревьяхъ, то выступавшихъ округленіями....., то уходившихъ..... (не разобраны слова). Дорога врѣзалась въ лѣсъ; пролетѣвъ сквозь клены и дубы, вышла на лугъ, гдѣ подымались тр стники, и вновь врѣзалась въ лѣсъ еще высшій. По лѣвую — дубы, по правую—березы, какъ безпредѣльно-высокій частоколъ. Густой лѣсъ возлетаетъ выше и выше.

Атрибуты комнаты: Маленькое въ четверть аршина зеркало въ рамкахъ изъ зеркальцекъ, выложенныхъ мозаикой. Наугольники и въ углахъ комнаты и грязный утиральникъ на гвоздикѣ съ узорами, по краямъ вышитый красными нитками.

Бѣжитъ обтянутая синей запаской у пояса и трясутся подъ полотномъ трепещущія груди, а лишенныя обуви ноги, обнаженныя до колѣнъ, кровью и здоровьемъ играютъ.

Все поле червонѣло золотомъ отъ ярко-желтѣвшей сурѣпицы, а конецъ его у дороги червонѣлъ (и краснѣлъ) отъ васильковъ и будяковъ съ пушистыми розовыми цвѣтами.

Черты городовъ.

Старые домишки, полусгнившія крыши, поросшія мхомъ, травой и даже кустарникомъ.

Мелочныя лавчонки, гдѣ продавался чай, деготь, сахаръ и хомуты.

Становилось душнѣе по мѣрѣ приближенія къ городу. Воздухъ началъ сгущаться отъ пыльныхъ облаковъ, воздымаемыхъ скрипучими колесами телѣгъ, тяжело нагруженныхъ мѣшками.

Городъ на оврагахъ предсталъ предъ глаза; овраги блистали, какъ бы изъ-поднизу освѣщали[сь] гдѣ-[то] скрывшимся солнцемъ изъ-[за] деревъ. Дерева же темнаго цвѣта—громовой тучи.

Открывшійся городъ какъ бы изъ двухъ состоялъ половинъ: одна выдвигалась длинной цѣпью домовъ и колокольней впередъ, другая позади освѣщалась блестящимъ солнцемъ.

Не твоему носу рябину клевать: это ягода нѣжная.—Не твоей харѣ клюкву ѣсть: морщиться не умѣешь.

Во Владимірской растутъ дрова, да клюква, да можжевельникъ. Владиміецъ съѣздитъ разъ пять-шесть въ зиму съ матеріаломъ, но продаетъ клюкву, ленъ, можжевельникъ; въ обмѣнъ получаетъ орѣхи, соль. Торговля мелочная огромная. Она вся въ рукахъ продавцовъ-крестьянъ; идетъ на милліоны.

Боже, дай полюбить еще больше людей! Дай собрать въ памяти своей все лучшее въ нихъ, припомнить ближе всѣхъ ближнихъ и, вдохновившись силой любви, быть въ силахъ изобразить! О, пусть же сама любовь будетъ мнѣ вдохновеньемъ!

Пословицы малороссійскія.

Брехнею свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься.

До булавы треба головы.

Було да загуло.

А вы думаете легко воровъ выгнать? Царь, который только и думаетъ о томъ, какъ ихъ выгнать, да и тотъ не можетъ, — царь, у котораго и войско, и всякая сила есть! Какъ же вы хотите, безъ всякой силы и власти, это сдѣлать? Что съ-пьяна передушите всѣхъ, думаете поправить? Думаете, лучше будетъ погибнуть? Тѣ, которыхъ шеи потолще, останутся. Что тѣ, святые, что-ль? Еще больше станутъ допекать другъ друга.

На горномъ наклонѣ повиснула живая картина: купа деревъ вмѣстѣ съ избами, прятавшимися подъ ихъ тѣнью, прудъ, плетень и гать, по которой стучалъ ѣхавшій возъ.

Запасаться нужно въ хорошее время на дурное и неурожайное: умѣрять духъ нужно въ веселыя минуты мыслями о главномъ въ жизни—о смерти, о будущей жизни, затѣмъ, чтобы легче и свѣтлѣе было въ минуты тяжелыя.

«А чѣмъ же, скажи, хороша религія?»

«А тѣмъ именно, что подчиняетъ всѣхъ одному закону, что всѣхъ соединяетъ хотя въ одномъ. Безъ нея общество не можетъ существовать, потому что всякій человѣкъ имѣетъ свои идеи, и что ни человѣкъ, то и думаетъ инако и хочетъ строить по своему плану все общество».

«Почему христіанская религія именно лучше всѣхъ другихъ собственно для общества?».

«Она даетъ свои внутренніе законы всякому человѣку, съ которыми онъ можетъ ужиться во всякомъ обществѣ».

«Какъ такъ? Какіе же законы?»

«Любить всѣхъ, какъ братьевъ, прощать обиды».

Съ Далемъ—о сословіяхъ нынѣшнихъ обществъ и пролетаріяхъ въ нашихъ городахъ.

Съ Бенардаки — какъ велики средства Россіи и возможность продовольствовать нынѣшнихъ поядателей всѣхъ сортовъ.

Съ Ко.....мъ — о томъ, что вопросы еще раздаются глухо и нѣтъ возможности посредствомъ литературы: о томъ, что слѣдуетъ многосторонне изучать не въ мемуарахъ, но во всеобщихъ сжатыхъ исторіяхъ. Не отдалятьсяотъ буквально-яснаго значенія.

---

1) Прежде всего обязанности мужа и жены вообще. Обязанности ихъ житейскія: мужъ — хозяинъ своего отдѣленія, жена—хозяйка своего отдѣленія. Тотъ и другая идутъ своею дорогою, соединяются въ семьѣ. Здѣсь еще одна только половина брака.

2) Мужъ, избравши себѣ поприще и путь, избираетъ жену, какъ помощницу, которая, кромѣ того, что, ограждивши его отъ всѣхъ развлекающихъ занятій, доставитъ ему свободное время возложеньемъ на себя всѣхъ заботъ домоводства и мелочей жизни, служитъ ему возбуждающею, стремящею силою, небеснымъ звонкомъ, зовущимъ его ежеминутно къ его дѣлу. Она—часть его мысли, живетъ въ его дѣлѣ.

3) Союзъ освящается Христомъ, стало-быть свыше всѣхъ цѣлей есть идти къ Тому, Кто освятилъ этотъ союзъ. Человѣкъ слабъ и немощенъ, и одному ему безъ помощи..... (не дописано); и ободриться онъ можетъ, ободряя другого, и спастись, спасая другого. И потому, въ основаніи христіанскаго союза должно лежать спасенье души. Въ него вступать какъ въ монастырь, почему не даромъ уподобляетъ апостолъ союзъ супруговъ союзу Христа съ Церковью.

Годъ приготовленья къ супружеству, чтобы осмотрѣть все и вступать какъ въ знакомый домъ, гдѣ извѣстно всякое мѣсто, чтобы быть въ состояніи съ того же дня войти какъ по знакомой дорогѣ, олицетворивъ въ себѣ порядокъ и стройность. Все ра предѣлено впередъ, часъ минута въ минуту, и, осѣнясь крестомъ, приниматься за дѣло, какъ въ строгомъ монастырѣ, какъ въ строгой школѣ. Кто повелѣваетъ . . . . . (не дописано). Но все утверждено еще прежде: оба они невольники установленнаго ими закона.

Филаретъ о русскомъ народѣ: «Въ немъ свѣта мало, но теплоты много».

Разсмотрѣніе хода просвѣщенія въ Россіи.

Петръ открылъ ходъ русскимъ въ Европу просвѣщенную, развитую, получившую гражданственность. Онъ сдѣлалъ пользу. «Бери и забирай все лучшее, что тамъ ни есть готовое; поподняй, чего недостаетъ». Но русскій народъ невоздерженъ: онъ перешелъ границы всего и впалъ въ крайность. Жадно онъ схватился за все, что нужно и не нужно. Втянувшись въ развѣтвленія роскоши и безчисленную мелочь, позабылъ совершенно то, что есть въ своей землѣ: восхитившись оригинальностью и стройностью европейскаго быта, задумалъ перенесть его къ себѣ. Точно, какъ будто возможно! Позабылъ, что Европа развилась отъ того такъ, что развилась изъ своихъ началъ. Россія должна была развиться изъ своихъ началъ. На Европу нужно было глядѣть, не породнивши (?) ее на обезьянничество. Если домъ уже построенъ по одному плану, нельзя ломать его; можно украсить, убрать отлично, отдѣлать всякій

уголокъ, но ломать капитальныя стѣны строенья—это нелѣпость, почти то же, что поправлять дѣло рукъ Божіихъ. Отъ этого произошло, что собственно русское въ Россіи мало подвинулось, несмотря на 100 лѣтъ безпрерывныхъ поправокъ, передѣлокъ, хлопотъ и возни.

Въ наукахъ, искусствахъ, въ образѣ жизни, а пуще всего въ головѣ русскаго человѣка произошло хаотическое смѣшеніе. Всѣ пробы заведеній, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становились неудачны. Отъ того русскій, чѣмъ болѣе входилъ въ европейскую жизнь, тѣмъ болѣе позабывалъ свою землю и тѣмъ менѣе могъ знать, что ей болѣе прилично. Отъ этого всѣ прививки были неудачны и не принимались.

Хозяйство не ушло впередъ. Множество переводныхъ книгъ о земледѣліи и о всѣхъ отрасляхъ домоводства спутали хозяевъ. Каждый переломалъ, перековеркалъ все у себя и ничего не установилъ новаго. Тѣ, которые поумнѣе, перепробовавши все, возвратились къ прежнему простому порядку, близкому къ природѣ той земли, въ которой онъ родился.

Земли стали еще безплодпѣе... (не разобрано), потому что никогда въ Россіи не было вырублено столько лѣса, какъ въ это время ломокъ, перестроекъ, вѣчныхъ переправокъ и передѣлокъ. Отъ того засухи стали сильнѣе; высохнувшія рѣчки перестали разливаться... и (не разобрано) орошать поля.

Стремленье къ обезьянству стало такъ велико, что мы готовы завести желѣзныя дороги прежде, чѣмъ подумали, откуда взять топливо.

Науки не сдѣлали своего дѣла уже потому, что множествомъ своимъ отвлекли отъ жизни; набили головы множествомъ терминовъ; увлекли ихъ въ философство... (не разобрано); стали рѣшать на бумагѣ то, что совершенно иначе разрѣшалось въ жизни; пріучили къ строенію воздушныхъ замковъ и сдѣлали людей неспособными къ практическому дѣлу и пышнымъ громоздомъ своимъ умертвили умъ и способности.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. П. ТОЛСТОМУ.

Отрывокъ, относящійся ко второй части „Мертвыхъ Душъ“.

Васъ удивляетъ, почему я съ такимъ стараніемъ стараюсь (sic) опредѣлить всякую должность въ Россіи, почему я хочу узнать, въ чемъ ея существо? Говорю вамъ: мнѣ это нужно для моего сочиненья, для этихъ самыхъ «Мертвыхъ душъ», которыя начались мелочами и секретарями и должны кончить(ся) дѣлами покрупнѣе, и должностями повыше, и это познаніе точное и вѣрное должностей въ томъ... въ какомъ онѣ должны у насъ въ Россіи быть. Мнѣ бы не хотѣлось дать промаха и погрѣшить противъ правды, тѣмъ болѣе, (что) характер(ы) и люди въ остальныхъ двухъ частяхъ выходятъ покрупнѣе обыкновенныхъ и въ значительныхъ должностяхъ. Я васъ очень благодарю, что вы объяснили должности генералъ-губернатора; я только съ вашихъ словъ узналъ, въ чемъ она истинно можетъ быть важна и нужна въ Россіи. Прежде мнѣ казалось, что и безъ нея организмъ управленія губерніи совершенно полонъ. Кстати разсмотримъ этотъ организмъ, чтобы видѣть, такъ ли точно я его понимаю, какъ есть. Мнѣ кажется, что онъ очень умно соображенъ въ частяхъ, соотвѣтствуетъ духу земли и обнаружива(етъ) въ Государынѣ Екатеринѣ большое пониманье потребностей нашихъ...

РАЗМЫШЛЕНІЯ АВТОРА О НѢКОТОРЫХЪ ГЕРОЯХЪ ПЕРВАГО ТОМА „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

...Онъ даже и не задалъ себ(ѣ) вопроса, зачѣмъ эти люди попал(и) ему на глаза, какъ вообще всѣ мы никогда не спрашиваемъ себя: «зачѣмъ насъ окружили такія-то обстоятельства, а не другія?» «зачѣмъ вокругъ насъ стали такіе-то люди, а не другіе»,—тогда какъ ни малѣйшее событіе въ жизни не [произошло] даромъ, и все вокругъ въ наше наученье и вразумленье. Но слова, что «свѣтъ есть живая книга» повторяются нами ужъ какъ-то особенно безтолково и глупо, такъ что невольно хочешь сказать даже дурака тому, кто это произноситъ... Онъ даже и не задумался надъ тѣмъ, отъ чего это такъ, что Маниловъ, по природѣ добрый, даже благородн(ый), безплодно прожилъ въ деревнѣ, ни на грошъ никому не доставилъ пользы, опошлѣлъ, сдѣлался приторнымъ своею добр(отою), а плутъ Собак(евичъ), ужъ вовсе не благородный по духу и чувствамъ, однакожъ, не разорилъ мужиковъ, не допустилъ ихъ быть ни пьяницами, ни праздношатайками? и отъ чего коллежская регистраторша Коробочка, не читавшая и книгъ никакихъ, кромѣ часослова, да и то еще съ грѣхомъ пополамъ, не выучась никаким(ъ) изящнымъ искусствамъ, кромѣ развѣ гаданія на картахъ, умѣла, однакожъ, наполнить рублевиками сундучки и коробочки, и сдѣлать это [такъ], что порядокъ, какой онъ тамъ себѣ ни былъ, на деревнѣ все-таки уцѣлѣлъ: души въ ломбардѣ не заложены, а церков(ь), хоть и небогатая, была поддержана, и правились и заутрени и обѣдни исправно,—тогда какъ иные, живущіе по столицамъ, даже и генералы по чину, образованные и начитанные, и тонкаго вкуса и [примѣрно] человѣколюб(ивые), безпрестанно заводящіе всякія филантропическія заведенія, требуютъ, однакожъ, отъ своихъ управителей все денегъ, не принима(я) никакихъ извиненій, что голодъ и неурожай,—и всѣ крестья(не) заложены въ ломбардъ и перезаложены, и во всѣ магазины до единаго и всѣмъ ростовщикамъ до послѣдняго въ городѣ должны. Такъ надъ эти(мъ) Чичиковъ не задумался, такъ же, какъ и многіе жители просвѣщенныхъ городовъ, которые обыкновенно любятъ въ этомъ случаѣ повторять извѣст(ное) изреченіе: «трудно даже и повѣрить, какіе у насъ живут(ъ) оригиналы во многихъ губерніяхъ и уѣздахъ!» Помѣщики вылетѣли изъ головы Чичикова, даже и самъ Ноздревъ. Онъ позабылъ то, что наступилъ ему тотъ роковой возрастъ жизни, когда все становится лѣпнѣй въ человѣ(кѣ), когда нужно его будить, будить, чтобъ не заснулъ навѣки. Онъ не чувствовалъ того, что еще не такъ страшно (для) молодого (ретивый нылъ юности, гибкость, не успѣвш(ей) застыть и окрѣпнуть природы, бурлятъ и не даютъ мельчать чувствамъ), — какъ начинающему старѣть, котораго нечувствительно обхваты аютъ, совсѣмъ почти незамѣтно, пошлыя привычки свѣта, условія, приличія безъ дѣла двигающагося обще(ства), которыя до того, наконецъ, всего опутаютъ и облекутъ челов(ѣка), что и не останется въ немъ его само(го), а только куча однѣ(хъ) принадлежащихъ свѣту условій и привычекъ. А какъ попробуешь добраться до души, ея уже и нѣтъ: окременѣвшій кусокъ и весь превратившійся человѣкъ въ страшнаго Плюшкина, у котораго если и выпороснетъ иногда что похожее на чувство, то это не похоже на послѣднее усиліе утопающаго человѣка...

1846 годъ.

Господи, благослови на сей грядущій годъ! Обрати его весь въ плодъ и въ трудъ многотворный и благотворный, весь на служенье Тебѣ, весь на спасенье душъ. Буди милостивъ и разрѣши руки и разумъ, осѣнивъ его свѣтомъ

высшимъ Твоимъ и прозрѣньемъ пророческимъ великихъ чудесъ Твоихъ. Да Святый Духъ снидетъ на меня и двигнетъ устами моими и да освятитъ во мнѣ все, испепеливъ и уничтоживъ грѣховность и нечистоту и гнусность мою и обративъ меня въ святой и чистый храмъ, достойный, Господи, Твоего пребыванія. Боже! Боже! не отлучайся отъ меня! Боже! Боже! вспомни древнюю любовь. Боже! благослови и дай могущество возлюбить Тебя, воспѣть и восхвалить Тебя, и возвести всѣхъ къ хваленью Святого Имени Твоего.

О сословіяхъ въ государствѣ.

Прошло то время, когда идеализировали и мечтали о разнаго рода правленіяхъ, и умные люди, обольщенные формами, бывшими у другихъ народовъ, горячо проповѣдывали: одни—совершенную демократію, другіе—монархію, третьи — аристократію, четвертые — смѣсь всего вмѣстѣ, пятые—потребность двухъ борющихся силъ въ государствѣ и на бореньи ихъ основывали . . . . . Наступило время, когда всякій болѣе или менѣе чувствуетъ, что правленіе не есть вещь, которая сочиняется въ головѣ нѣкоторыхъ, что она образуется нечувствительно, сама собой, изъ духа и свойствъ самого народа, изъ мѣстности — земли, на которой живетъ народъ, изъ исторіи самого народа, которая показыва(етъ) человѣку глубокомысленному, когда и въ какихъ случаяхъ успѣвалъ народъ и дѣйствовалъ хорошо и умно, и требуетъ—внимательно все это обсудить и взвѣсить.

Исторія государства Россіи начинается добровольнымъ приглашеньемъ верховной власти. «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами»,—слова эти были произнесены людьми вольныхъ городовъ. Добровольнымъ разумнымъ сознаньемъ вольныхъ людей установленъ монархъ въ Россіи. Всѣ сословія, дружно требуя защиты отъ самихъ себя, а не отъ сосѣднихъ враговъ, утвердили надъ собой высшую власть съ тѣмъ, чтобы (нелицепріятно) разсудить самихъ себя—потребность чисто (естественна я), понятная среди такого народа, въ которомъ никто не хочетъ уступить одинъ другому, и гдѣ только въ минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, все соединяется въ одинъ человѣкъ (sic) и дѣлается однимъ тѣломъ. Симъ опредѣлена высокая законность монарха-самодержца.

Итакъ въ самомъ началѣ, во время, когда не пробуждается еще потребность организаціи стройной, во время (еще) [неразвитости], когда легко ужиться съ безначаліемъ, уже все потребовало одного такого лица, которое, стоя выше всѣхъ, не будучи связано личною выгодою ни съ какимъ сословіемъ преимущественно, внимало бы всему равно и держало бы сторону каждаго сословія въ государствѣ. Во всю исторію нашу прошла эта потребность третейской власти старцевъ, потребность суда посторонняго человѣка. Великій князь или, просто, умный князь уже требуется какъ примиритель другихъ князей. Духовенство является какъ примиритель между князей или даже между народомъ, и самъ государь судится народомъ не иначе, какъ верховный примиритель между собою. Стало-быть, законность главы была признана всѣми единогласно.

Вопросъ: какія начала правленія слышатся и слышались въ исторіи народа?

Если правленіе переходило сколько-нибудь въ народное, это обнаруживалось совершенною анархіей и полнымъ отсутствіемъ всякаго правленія: ни одного человѣка не бывало согласнаго, все спорило между собою.

Если правленіе переходило совершенно въ монархическое, то-есть, въ правленіе чиновниковъ отъ короля, воспитавшихся на служебномъ письменномъ поприщѣ, государство наполнялось взяточниками, для ограниченья которыхъ требовались другіе чиновники; черезъ года два слѣдовало и тѣхъ ограничивать, и образовывалась необыкновенная сложность, тоже близкая къ анархіи.

Стало быть, вопросъ: гдѣ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ допустить демократическое, народное участіе и гдѣ въ какихъ случаяхъ участвованіе короны и правительствующаго корпуса? То и другое въ рукахъ монарха—и аристократія и демократія; тому и другому онъ господинъ; та и другая ему равно близка. Каковы же и въ чемъ отношенія монарха къ подданнымъ? Это—лицо, которое уже должно жить другою жизнью, нежели обыкновенный червь: онъ долженъ отречься отъ себя и отъ своей собственности, какъ монахъ; его пищей должно быть одно благо его—счастіе всѣхъ до единаго въ государствѣ; его лицо не иначе, какъ священно. Гдѣ особенно и въ какихъ случаяхъ полезна мірская сходка? Тогда, когда уже рѣшенное [опредѣленіе] слѣдуетъ привести въ исполненіе. Никто лучше міра не умѣетъ, какъ разложить и сколько на кого, потому что они знаютъ и свои состоянья и свои силы. Поэтому кто..... наложитъ на каждаго заплатить по рублю, будетъ несправедливъ; но сложивши сумму, которая должна выйти, если положить рубль на человѣка,—потребовать эту сумму со всего міра. Это можно примѣнить ко многому и въ другихъ сословіяхъ. Верховный совѣтъ государства предполагается состоящимъ изъ лицъ, знающихъ нужды своего государства, которыя достигнули этого званія не однимъ письменнымъ поприщемъ и повышеньемъ за выслугу лѣтъ, но имѣя по службѣ, на многихъ поприщахъ внутри государства, случай стоять лицомъ (къ тому), какъ тамъ происходитъ внутри государства. Стало-быть, опредѣленья такого совѣта относительно всего государства могутъ быть менѣе всѣхъ другихъ ошибочны.

Опредѣленіе расходится по лицу Россіи; его требуется исполнить и примѣнить (къ) дѣлу. Вотъ тутъ дѣло упирается на совѣтѣ (sic) тѣхъ, которые должны исполнить и примѣнить къ дѣлу: какъ удобнѣй, какъ возможнѣй, какъ необременительнѣй ни для кого исключительно исполнить. Здѣсь необходимость вѣча, или совѣщанія всего того сословія, къ которому относится дѣло.

Правительство не имѣетъ дѣла (ни съ кѣмъ) порознь изъ сословій, но съ цѣлымъ сословіемъ вмѣстѣ. Все сословіе отвѣчаетъ. Сословіе имѣетъ (право) употребить и полицію, и насильственныя мѣры, къ приведенію въ послушаніе того ослушника, который бы воспротивился.

Вездѣ, гдѣ только примѣнены къ дѣлу постановленья, тамъ необходимо совѣщанье самихъ тѣхъ, на которыхъ должны примѣнять его. Сами они должны изъ себя избрать для того и чиновниковъ, блюстителей и ускорителей, не требовать отъ правительства никакого для этого жалованья и не обременять этимъ сложность государственнаго механизма.

Но гдѣ дѣло касается до опредѣленія постановленій, тамъ совѣщаются одни испытанные въ дѣлахъ государственные мужи, и опредѣленье уже непреложно, если скрѣплено рукой монарха. Сословія могутъ посылать своихъ депутатовъ, которые могутъ предъявлять справедливыя причины упущенія или необходимыя требованія; но они принимаются только къ соображенію и усмотрѣнію. Если они будутъ отвергнуты, сословіе не имѣетъ права на апелляцію. Само собою разумѣется, что правда должна быть на сторонѣ тѣхъ людей, которыхъ... всѣ стороны государства,—особенно, если правда эта узаконена тѣмъ, кто стоитъ выше всѣхъ въ государствѣ и которому равно близки выгоды всѣхъ.

Дѣло въ томъ, чтобы организовались сословія, чтобы почувствовало всякое сословіе свои границы, предѣлы, обязанности, и знали, гдѣ ихъ дѣло и дѣятельность, а потому въ воспитаніе человѣка, съ самаго начала, должны войти обязанности того сословія, къ которому онъ принадлежитъ, чтобы онъ съ самаго начала почувствовалъ, что онъ гражданинъ и не безъ мѣста въ своемъ государствѣ.

Взглянемъ на наши сословія отъ высшихъ до низшихъ. Начнемъ съ дворянства.

Дворянство наше должно было непремѣнно (имѣть) другой характеръ, чѣмъ дворянства другихъ краевъ. Во всѣхъ другихъ земляхъ дворанство образовалось изъ пришельцевъ, изъ народовъ, захватившихъ земли туземцевъ и обратившихъ народъ силою въ своихъ вассаловъ. Оно установило насильственно отдѣльну(ю) касту аристократіи, въ которую уже не допускали никого. У насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же нас[еленія]. Большею частью заслуги передъ царемъ, народомъ и всей землей русской возводили у насъ въ знатный родъ людей изъ всѣхъ рѣшительно сословій. Право надъ другими, если разсмотрѣть глубже, въ основаніи, основано на разумѣ: они не что иное, какъ управители государя. Въ награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему въ управленье крестьяне, даются ему, какъ просвѣщеннѣйшему, какъ ставшему выше предъ другими,—въ предположеніи, что такой человѣкъ, кто лучше другихъ понялъ высокія чувства и назначеніе, можетъ лучше править, чѣмъ какой-нибудь простой чиновникъ, выбираемый въ засѣдатели или капитанъ-исправники. Вольно было помѣщикамъ, позабывши эту высокую обязанность, глядѣть на крестьянъ, какъ на предметъ только дохода для своей роскоши и увеселеній. Этимъ они ничуть не доказали, что государи были неправы, а доказали только, что они сами уронили званье помѣщика.

Итакъ дворянству нашему досталась прекрасная участь заботиться о благосостояніи низшихъ... (Монархъ подѣлился съ ними своимъ попеченьемъ). Вотъ первое, что должно чувствовать это сословіе съ самаго начала. Изъ-за этой самой.... они должны составить между собою одно цѣлое; совѣщанье они должны имѣть между собою объ управленіи крестьянами. Они не должны попустить между собой присутствіе такого помѣщика, который жестокъ или несправедливъ: онъ дѣлаетъ имъ всѣмъ пятно. Они должны заставить его перемѣнить образъ обращенья; они должны поступить такъ же, какъ въ полку общество благородныхъ офицеровъ поступаетъ съ тѣмъ, который обезчеститъ подлымъ поступкомъ ихъ общество: они приказываютъ ему выйти изъ круга, и онъ не осмѣливается преступить этого, ничѣмъ уже не смягчаемаго опредѣленія. Дворянство должно быть сосудомъ и хранит(елемъ) высокаго, нравственнаго чувства всей націи, рыцарями чести и добра, которые должны сторожить сами за собою. Такъ должны быть они въ Россіи, гдѣ не хвастаютъ ни родомъ, ни происхожденіемъ, ни point d'honneur, но какимъ-то нравственнымъ благородствомъ, которое, къ сожалѣнію, обнаруживается только во дни высокихъ самопожертвованій. Это отъ самой юности должно быть внушаемо, какъ въ первую принадлежность (sic).

Послѣдній въ государствѣ и многочисленный классъ,—крестьяне составляютъ также сословіе и имѣютъ много, о чемъ совѣщаться между собою. Состоя подъ управленьемъ помѣщика, они имѣютъ тоже, о чемъ совѣщаться. Установленный сборъ,—повинность, положенную на каждаго человѣка, помѣщикъ долженъ предоставить [принесть] (совсѣмъ) міру, который самъ долженъ и собрать, и принести, потому что они лучше себя знаютъ относительно всякихъ состояній, и помѣщику никогда не... Онъ также долженъ лучше чувствовать свое сословіе, что имѣетъ право законно требовать помѣщикъ, за что долженъ заплатить ему и нанимать, какъ вольнаго человѣка, и переговариваться съ помѣщикомъ цѣлымъ міромъ.

Сословіе гражданъ, самое разнохарактерное, меньше всего получившее опредѣленное выраженіе, отъ неопредѣленности занятій и отъ нѣкотораго безвластія, должно непремѣнно возвыситься до понятія... Оно должно помнить, что они стражи и хранители благосостоянія и должны сами изъ себя избирать чиновниковъ. Полиція тогда только не будетъ брать взятковъ (sic) и грабить, когда сами граждане будутъ исполнять... Лучшая полиція въ Англіи, по признанію всѣхъ, въ Англіи (sic), и то потому, что этимъ занимается городъ, выбирая для этого чиновника и платя ему жалованье отъ себя. Правитель города долженъ требовать отъ магистрата, чтобы сдѣлано было такъ же точно; а магистратъ уже самъ размыслитъ, какъ это сдѣлать такъ, чтобы тягость упала на все сословіе.

Объявленіе объ изданіи русскаго словаря.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ занимаясь русскимъ языкомъ, поражаясь болѣе и болѣе мѣткостью и разумомъ словъ его, я убѣждался болѣе и болѣе въ существенной необходимости такого объяснительнаго словаря, который бы выставилъ, такъ сказать, лицомъ русское слово въ его прямомъ значеніи, освѣтилъ бы ощутительнѣй его достоинство, такъ часто незамѣчаемое, и обнаружилъ бы отчасти самое происхожденіе. Тѣмъ болѣе казался мнѣ необходимымъ такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, такъ мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значенье коренныхъ русскихъ словъ: однимъ приписывается другой смыслъ, другія позабываются вовсе. Академія Наукъ, тремя изданьями своего Словаря, теперь проложила путь къ этому подвигу, безъ того бы неудобоисполнимому и почти невозможному. Послѣднее изданье, полнѣйшее всѣхъ предыдущихъ (по значительному умноженью собранныхъ словъ), опустило, къ сожалѣнью, ту объяснительную часть, которою были такъ примѣчательны первыя изданія; но, принимая въ уваженье то, что (?) было бы невозможно для общества, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свой взглядъ, нельзя упрекнуть Академію. Напротивъ, она поступила благоразумно и добросовѣстно. Объяснительный словарь есть дѣло лингвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключилъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ себѣ самомъ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка. Явленья такихъ лингвистовъ всегда и повсюду бывали рѣдки. Ими отличались какъ-то преимущественно славянскія земли. Словари Линде и Юнгмана останутся всегда безсмертными памятниками ихъ необыкновенныхъ лингвическихъ (sic) способностей. Они будутъ умножаемы, пополняемы, совершенствуемы обществами ученыхъ издателей; но разъ утвержденныя мѣткія опредѣленія коренныхъ словъ останутся навсегда. Это дѣло ихъ созданья.

Не потому, чтобы я чувствовалъ въ себѣ большія способности къ языкознательному дѣлу; не потому, чтобы надѣялся на свои силы претерпѣть подобное имъ; нѣтъ! другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительнымъ словаремъ: ничего болѣе, (какъ) любовь, просто—одна любовь къ русскому слову, которая жила во мнѣ отъ младенчества и заставила меня останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженьемъ. Для меня было наслажденьемъ давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самому собою—и я принялся за перо. Приступая же къ печатанью словаря моего, рѣшился не столько съ намѣреніемъ принесть пользу другимъ, сколько самому себѣ. Издавая его выпусками, какъ опытъ, какъ пробные листки, я могу услышать мнѣнье и судъ другихъ, необходимые въ дѣлѣ такого предпріятія; могу увидѣть всѣ свои недостатки, погрѣшности труда, стало быть, могу получить черезъ то самое возможность продолжать его въ удовлетворительнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ.

Всѣ замѣчанія, какія угодно будетъ сдѣлать соотечественникамъ на мой Словарь, будутъ мною приняты съ благодарностью.

Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ.

Почему нужно хозяйство? Потому что отъ этого зависитъ благосостояніе всего государства, потому что устро-

ится лучше собств(енная) жизнь всякаго человѣка, потому что занятія и безпрестанное движеніе укрѣпляютъ тѣло и здоровье, потому что отъ того самыя умственныя способности въ свѣжести; потому, наконецъ, что этимъ исполняетъ человѣкъ свой долгъ и назначеніе, данное отъ Бога:—«въ потѣ лица снискивать хлѣбъ».

Что происходитъ отъ пренебреженія хозяйствомъ? Отъ пренебреженія хозяйствомъ происходятъ несчастія всей земли, конечное обѣднѣніе ея и разстройство. Засухи без..... временъ разстройство.

Какимъ образомъ?

Тѣмъ, что бросили имѣнья, отдали земли въ руки упра(вителей) и наемниковъ, которые заботятся только о своихъ выгодахъ, о доставленіи временныхъ доходовъ, не обращая вниманья на будущее, все вывозя и ничего не насаждая, какъ уже и случилось въ Россіи, что вырубили множество лѣсовъ; отъ этого обмелѣли рѣки и меньше стали давать нужной влаги, земля стала суше и безплоднѣе, перестали дожди, которые привлекаются обыкновенно лѣсистыми мѣстами.

На что преимущественно нужно обращать въ хозяйствѣ вниманіе?

На то, чтобы не упустить времени. Поэтому нужно знать время, когда что дѣлать.

Что нужно дѣлать весной? . . . .

Помѣщики.

Помѣщики... они позабыли свою обязанность?! Зачѣмъ ты вмѣсто того, чтобы имъ напоминать весь долгъ и приводить въ знанье и себя самого въ ..., сталъ ограничивать ихъ мелочными чиновник(ами) и ограниченьями, завелъ новую сложность дѣлъ, такъ что и у нихъ самихъ закружилось и все перепуталось, и они уже сами позабыли свои выг[оды]. Или нельзя было на нихъ подѣйствова(ть), или они не лучше другихъ воспитали (понятье о чести)? Или не воспріимчивѣе [была] ихъ душа, чѣмъ необразованнаго человѣка? Или на голосъ отчизны [не откликнутся дѣла] ихъ? Или не изъ среды ихъ [мелькнули] Сувор(овы), Мордвиновы, Чичаговы, Орловы, Румянцевы и ряды героевъ самоотверженья, которыхъ не умѣститъ на страницахъ своихъ подробнѣйшая лѣтопись.

Нѣтъ власти: дѣйствуй прямо! Укажи намъ весь нашъ долгъ, но не связывай въ то же время и рукъ нашихъ и не безчесть насъ обиднымъ подозрѣньемъ. Говори съ нами благороднымъ голосомъ, и будетъ благороденъ отвѣтъ.

...«Зачѣмъ же ты не вспомнилъ обо мнѣ,—что я на тебя гляжу, что я твой?! Зачѣмъ же ты отъ людей, а не отъ меня ожидалъ награды и вниманья, и поощренья? Какое бы тогда было тебѣ дѣло обра(щать вниманіе), какъ издержитъ твои деньги земной помѣщикъ, когда у тебя Небесный Помѣщикъ?!.. Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилось, если бы (ты) до конца дошелъ, не устрашившись?.. Ты бы удивилъ величіемъ характ(ера), ты бы наконецъ взялъ верхъ и заставилъ изумиться; ты бы оставилъ имя, какъ вѣчный памятникъ доблести, [дабы] и роняли бы ручьи слезъ [потоки]... и, какъ вихорь, ты бы развѣвалъ въ сердцахъ пламень добра».

Потупилъ голову, устыдился управитель и не зналъ, куда ему дѣться.

И много [вслѣдъ за нимъ] чиновниковъ и благородныхъ, прекрасныхъ людей, начавшихъ служить и потомъ бросившихъ..., печально понурили головы.

Трудъ.

Человѣкъ рожденъ на то, чтобы трудиться. «Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ свой», сказалъ Богъ по изгнаньи человѣка за непослушанье изъ рая, и съ тѣхъ поръ это стало заповѣдью человѣку, и кто уклоняется отъ труда, тотъ грѣшитъ и передъ Богомъ. Всякую работу дѣлай такъ, какъ бы ее заказалъ тебѣ Богъ, а не человѣкъ. Если бъ и не наградилъ тебя человѣкъ здѣсь—не ропчи (sic!); зато больше наградитъ тебя Богъ. Важнѣе всѣхъ работъ—работа земледѣльца. Кто обрабатываетъ землю, тотъ больше другихъ угоденъ Богу. Сѣй и для себя, сѣй и для другихъ, сѣй, хоть бы ты и не надѣялся, что [пожнешь] самъ: пожнутъ твои дѣти; скажетъ спасибо тотъ, кто воспользуется твоимъ трудомъ,—вспомянетъ имя твое и помолится о душѣ твоей. Во всяк(омъ) случа(ѣ) тебѣ выгода: всякая молитва у Бога значитъ. Только трудись съ той мыслью, что трудишься для Бога, а не (для) человѣка, и не смотри ни на какія неудачи: хоть бы все то, что ты нараб(оталъ), и пропало, побито было градомъ,—не унывай и снова принимайся за работу. Богу не нужно, чтобы ты выработалъ много денегъ на этомъ свѣтѣ; деньги останутся здѣсь. Ему нужно, чтобы (ты) не былъ въ праздности и работалъ. Потому, работая здѣсь, вырабатываетъ себѣ Царствіе Небесное, особенно если работаетъ съ мыслью, что онъ работаетъ Богу. Работа—святое дѣло. Когда дѣлаешь работу, говори въ себѣ: «Господи, помоги!» и за всякимъ разомъ говори: «Господи, помилуй!» Заступомъ ли копнешь или ударишь топоромъ, говори: «Господи, удостой меня быть въ раю съ праведниками». Когда дѣлаешь работу, старайся быть такъ благочинну въ мысляхъ, какъ бы ты былъ въ церкви, чтобъ отъ тебя никто не услышалъ браннаго слова, чтобы и грубаго не усл(ышалъ) отъ тебя товарищъ; чтобы во взаимной любви всѣхъ совершалось дѣло: тогда работа—святое дѣло. Тогда такая работа спасетъ твою душу. Такою работою здѣсь—заработаешь ты себѣ Царствіе Небесное тамъ. Аминь.

ПРЕДСМЕРТНЫЯ СТРОКИ.

Аще не будете малы, яко дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное.

Помилуй меня грѣшнаго, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста!

Какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ?

Писано за нѣсколько дней до кончины.

ПОЛТАВА.

Дорога отъ Рѣшетиловки до Полтавы не представляетъ уже того разнообразія въ видахъ, коими изобилуетъ почти вся Малороссія. Это ничего больше какъ одна ровная и безлѣсная степь, испещренная яркими полосами нивъ и разбросанными скирдами хлѣба; по сторонамъ только мелькаютъ—будто облака на чистомъ небѣ, чуть замѣтные вдали хутора, или величественный дубъ—старинный жилецъ Украйны, торжественно и одиноко возносится среди необразимой пустоты. Черноземъ, изъ котораго большею частью состоитъ грунтъ здѣшней земли, бывъ перемѣшанъ съ вязкою глиною, при малѣйшемъ дождѣ превращается въ топкую грязь, особливо въ осеннее время, лѣтомъ же путешественника, при въѣздѣ въ городъ, обхватываютъ облака пыли. Самый видъ Полтавы съ этой стороны мало поражаетъ живописностью своего мѣстоположенія, несмотря на площадь, уставленную большими каменными домами, сдѣлавшими бы честь самой столицѣ, и городъ открывается не прежде, какъ, выѣхавъ изъ селенія *Жуковъ*, подымешься на гору. За то съ другой, противуположной дороги, Полтава представляется въ самомъ живописномъ видѣ. Городъ виситъ на огромной горѣ, у ногъ которой разстилается обширный лугъ, богатый разнообразными группами деревъ, коихъ какъ будто растерялъ близъ стоящій лѣсъ; по лугу извивается рѣка Ворскла, чистая, ясная, знаменитая историческими событіями. Огромная масса

косогору переламывается тремя долинами, дѣлящими городъ на три части: *Городскую*, *Подольскую* и *Заполтавскую*. Скаты косогора, обнажая въ обрывахъ свою красноватую внутренность, мѣстами разцвѣченные яркою зеленью, мѣстами обшитые лѣсомъ, спускаются къ лугу садами, пагнувшимися отъ тяжести вишенъ, яблокъ, сливъ, грушъ и прочихъ плодовъ, произрастающихъ во всей красѣ подъ теплымъ Украинскимъ небомъ.

Къ крайнему сожалѣнію моему я не нашелъ въ Полтавѣ никого изъ своихъ знакомыхъ: князь Н. Г. Р. . . уѣхалъ, Н. . . умеръ. И такъ для осмотрѣнія здѣшняго собора мнѣ оставалось обратиться къ отцу протопопу, который и показалъ мнѣ храмъ сей, не заслуживающій впрочемъ отличнаго вниманія ни по великолѣпію, ни по древности. Только два мѣстные образа Божіей Матери высокой итальянской работы. Въ соборѣ находится также портретъ князя Долгорукаго-Крымскаго, прилагавшаго большое попеченіе о благолѣпіи сего храма и выстроившаго колокольню, которая не можетъ однако похвалится изяществомъ своей архитектуры. За то мѣстоположеніе собора и виды, отсюда представляющіеся, приковываютъ на долгое время взоры очарованнаго путешественника. Странно, какъ гора сія, видимая за 50 верстъ, не избрана для постройки монумента и присутственныхъ мѣстъ, кои сдѣлали бы городу удивительное украшеніе, между тѣмъ какъ теперь великолѣпныя зданія сіи помѣщены на ровной площади, имѣющей даже нѣкоторую впадину. Говорятъ, это и было въ виду правительства, но во-первыхъ убоялись, что гора, исполненная погребовъ и сводовъ, не вынесетъ тяжести столь огромныхъ зданій, а во-вторыхъ, что частные люди, имѣющіе здѣсь дома, весьма задорожили своею собственностью.

Съ благоговѣніемъ приближался я къ древней небольшой церкви, узнавъ, что этотъ предѣлъ оставленъ нарочно отъ того храма, въ коемъ Петръ I принесъ благодарственный молебенъ послѣ Полтавской побѣды.—Она выстроена въ старинномъ вкусѣ; стѣны ея, покрытыя мохомъ, такъ почернѣли и сдѣлались рыхлыми отъ времени (особенно кровля), что, кажется, ежеминутно угрожаютъ паденіемъ. Внутри ея достойны замѣчанія 7 Вселенскихъ Соборовъ, писанныхъ въ 1676 году какимъ-то Герасимомъ нѣмымъ — и довольно хорошо. Весьма любопытно повѣрье, сохранившееся въ народѣ объ этой церкви: одинъ изъ старожиловъ разсказывалъ мнѣ, что она была нѣкогда вдесятеро обширнѣе и великолѣпнѣе и заключала внутри себя нынѣшній остатокъ ея, такъ что подъ сводами церкви составлялась пространная галлерея, обходившая вокругъ всю середину. Одинъ разъ, когда священникъ въ полномъ облаченіи совершалъ тайну Божественной Литургіи — служеніе его было прервано страшнымъ свистомъ, сопровождаемымъ хлопаніемъ бича, и огромный рыдванъ, въ четыре лошади, съ шумомъ и громомъ въѣхалъ въ церковь. По словамъ его, у лошадей изъ ноздрей вылеталъ пламень и черные, какъ уголь, лица людей, сидѣвшихъ въ рыдванѣ, такъ были страшны, что невольный ужасъ пронялъ всѣхъ присутствовавшихъ тогда во храмѣ. Рыдванъ, проѣхавъ по галлереѣ, уже готовъ былъ направить путь свой къ алтарю — какъ внезапно былъ удержанъ невидимою рукою и съ такимъ же шумомъ, свистомъ и хлопаньемъ выѣхалъ вонъ, оставя въ окаменѣніи испуганныхъ зрителей. Натурально, что мѣсто, осквернённое присутствіемъ сатаны, не могло оставаться: церковь была разобрана и только одинъ придѣлъ ея, свидѣтельствующій Полтавѣ донынѣ эпоху ея прославившую, обращаетъ вниманіе любителя отечественныхъ достопамятностей.

Недалеко отсюда возвышается памятникъ въ видѣ пирамиды, поставленный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ, въ которомъ жилъ Полтавскій герой, спаситель отечества. Мнѣ очень понравилась простая лаконическая надпись, начертанная на немъ золотыми буквами: *Здѣсь Петръ Великій отдыхалъ по трудамъ своимъ. Благоговѣй! Мѣсто свято есть.* Но весьма не нравится, что допустили сломать домъ, въ которомъ жилъ онъ и который кажется само Провидѣніе берегло: нѣсколько десятковъ лѣтъ находился онъ безъ крыши и время не посмѣло коснуться къ нему разрушительнымъ перстомъ своимъ: дубовыя бревна, изъ которыхъ срублены стѣны, понынѣ еще сохраняютъ первоначальную свою крѣпость и свѣжесть. Срубъ сей перевезенъ въ деревню Г. Магденкомъ, который предлагалъ неоднократно городу купить его. Домъ сей состоялъ изъ трехъ весьма узкихъ проходныхъ комнатъ, къ которымъ примыкали находившіяся на дворѣ баня и кухня. Петръ, услышавъ однажды плачъ младенца, который былъ дѣдъ нынѣшняго Магденка, приказалъ его подать къ себѣ. Взявъ на руки и покачавъ, повелѣлъ, какъ выростетъ, сказать ему, что Царь его няньчилъ и для того онъ долженъ служить ему усерднѣе.

По другую сторону улицы, насупротивъ монумента, находится церковь во имя Исаакія Далматскаго, въ которой замѣчательна вызолоченная доска, вынутая изъ стараго памятника, существовавшаго до построенія нынѣшняго близъ сей церкви; на ней вырѣзана вся Полтавская баталія, а внизу длинная и скучная надпись, сочиненная Рубаномъ.

Новый памятникъ заслуживаетъ похвалу по своей простотѣ и отдѣлкѣ. Жаль только, что колонна доселѣ не изъ бронзы, какъ предположено было сдѣлать, а выштукатурена и окрашена подъ сей металлъ. Жаль также, что многія вызолоченныя литеры отпали и не брегутъ замѣнить ихъ новыми. Со временемъ изгладятся мѣста ихъ и забудется смыслъ самихъ подписей. Кажется, зданія, окружающія памятникъ, какъ-то домы: генералъ-губернаторскій, губернаторскій, вице-губернаторскій, гимназіи, присутственныхъ мѣстъ и губернскаго собранія, затмѣваютъ своею огромностью, несмотря, что отдѣляются довольно пространною площадью, разбитою на четыре палисадника, съ клумбами, придающими довольно красы самымъ строеніямъ.

Прошло сто лѣтъ—и чтожъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ
Лишь Ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.

Пушкинъ.

Отобѣдавъ, пустился я на шведскую могилу. Она отстоитъ отъ города верстахъ въ шести и состоитъ изъ кургана, вышиною въ 4 саж., и почти столько же въ поперечникѣ верхней площадки. Посрединѣ возвышается крестъ, обитый жестью и выкрашенный бѣлою краскою. Онъ весь исписанъ именами. Видъ съ кургана открытъ на далекое пространство: съ одной стороны выказывается монастырь, а немного правѣе, за лѣсомъ, и самая Полтава. Отсюда начинался лѣсъ, раздѣлявшійся на двѣ части небольшею лощиною, образовавшею родъ отверстія. Отъ одной части до другой были протянуты прямою линіею русскіе редуты, къ которымъ примыкали перпендикулярно другіе; недалеко отсюда началась и шведская армія; за лѣсомъ тянется обширное поле—великій просторъ для военныхъ дѣйствій.

Вечеръ гаснулъ, уступая свое мѣсто величественному владычеству ночи. Длинныя тѣни, ставшіяся по полю, слились въ одну безконечную тѣнь, покойно и торжественно окинувшую весь міръ и наславшую на него забве-

ніе и спокойствіе. Но я не могъ сойти съ кургана, мысль моя была потоплена въ сонмѣ историческихъ воспоминаній; окружающіе предметы оживляли ихъ и вся битва, какъ въ фантасмагоріи, возставала передъ моими глазами. Такую самую ночь провели обѣ арміи, не смыкая ни на минуту бодрственныхъ очей, безпрестанно наблюдая малѣйшее движеніе супротивной стороны. Неукротимый, нетерпѣливый и пылкій Карлъ еще до зари напалъ на русскіе редуты и овладѣлъ двумя недокопченными. Движеніе его было такъ быстро и неожиданно, что шведы съ крикомъ провозглашали побѣду, но упорное сопротивленіе прочихъ заставило отступить Карла, рѣшившагося прорваться между нихъ со всею арміею. Увлеченные запальчивостью шведы погнались за русскими экскадронами и добровольно подвергли себя сильному непріятельскому огню съ батарей, находившихся въ лагерѣ, мимо котораго они проходили. Лошади, впряженныя въ носилки, на которыхъ находился Карлъ, были убиты и тутъ же при громѣ и взвизгиваніи орудій, при свистѣ пуль впряжены были другія. Отъ зоркихъ взоровъ Петра не укрылось, что не вся армія прошла между редутами, что часть, составлявшая конецъ праваго ея фланга, подъ начальствомъ генерала Росса все еще занималась атакою ихъ. Въ 5 часовъ утра уже былъ отправленъ князь Меньшиковъ съ пятью кавалерійскими полками и пятью баталіонами. Шведскій генералъ отступилъ въ лѣсъ, откуда, приведенный въ совершенное разстройство, убѣжалъ въ редуты, прикрывавшіе осадныя работы подъ Полтавою, гдѣ и принужденъ былъ сдаться окружившему его непріятелю. Между тѣмъ россійская армія выстроилась въ двѣ линіи. Центромъ начальствовалъ фельдмаршалъ Шереметьевъ, правымъ крыломъ генералъ Бауръ, лѣвымъ князь Меньшиковъ. У насъ находилось 72 орудія; у шведовъ только 14, 18 баталіоновъ пѣхоты и 14 полковъ кваалеріи. Чтобы скрыть свою малочисленность и не дать окружить себя, король приказалъ пѣхотѣ своей построиться въ одну линію. Въ 9 часовъ утра обѣ арміи сошлись и загорѣлась упорная жаркая битва, долженствовавшая рѣшить участь войны...

И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ подъ градомъ раскаленнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, крики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Пушкинъ.

Русская армія, протянувшись, обогнула съ обоихъ концовъ шведскую линію. Потерявши выгоду своей позиціи, будучи окружены непріятелемъ, подверженные безпрерывному грому нашей артиллеріи, шведы скоро пришли въ безпорядокъ. Напрасно раненый герой ихъ, везомый на носилкахъ передъ рядами своими, силился вдвинуть въ сердца ихъ свое желѣзное мужество, напрасно казался онъ непреодолимымъ, непокорнымъ, насмѣшливо презиравшимъ смерть, летающимъ страшнымъ геніемъ войны передъ своими войсками: въ глазахъ ихъ пушечное ядро растрощило и опрокинуло носилки. Несмотря на боль отъ раны, мгновенно пересѣлъ онъ на лошадь. Шведы еще показали отчаянное сопротивленіе, но оно уже было послѣднее судорожное движеніе, за которымъ послѣдовало общее бѣгство.

Провидѣніе видимо оберегало Петра и его мужественныхъ сподвижниковъ: мѣткою пулею прострѣлена у него шляпа, другая намѣчена была прямо въ грудь вѣнценоснаго героя, но святый крестъ Царя Константина, висѣвшій на персяхъ Его, удержалъ смертоносный ударъ ея. Фельдмаршалу Шереметьеву пуля также пробила насквозь стальную его рубашку, подъ Меньшиковымъ было убито три лошади. Потеря нашихъ простиралась до 1350, шведовъ 9234 человѣкъ, тѣла убитыхъ такъ были перемѣшаны, что не возможно было разобрать, гдѣ русскіе, гдѣ шведы, и для того всѣ вмѣстѣ были собраны въ одну кучу, надъ которою насыпанъ сей высокій курганъ *), долженствующій почитаться основнымъ камнемъ того величія, въ коемъ Россія явилась изумленной Европѣ въ XVIII вѣкѣ. Хотя бы рука времени и уничтожила скромный монументъ сей, но одно мѣсто, на коемъ онъ нынѣ возстается, не престанетъ привлекать сюда позднѣйшее потомство. Патріотъ прольетъ слезы умиленія надъ колыбелью славы своего отечества, а военный будетъ жаднымъ окомъ пробѣгать равнины Полтавскія, гдѣ русскіе восторжествовали надъ первымъ полководцемъ своего времени.

Мѣста сіи удостоились уже посѣщенія двухъ великихъ преемниковъ Петра: Екатерина во время своего, почти баснословнаго, путешествія въ Тавриду повелѣла войскамъ своимъ подъ руководствомъ Суворова и Кутузова произ-

---

*) Изъ прилагаемаго при семъ письма Петра Великаго къ генералъ-адмиралу Апраксину, писаннаго 27 іюня изъ Полтавы, можно видѣть, каковъ былъ уронъ шведовъ:

Господинъ Адмиралъ!

«Объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаемой викторіи, которую Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровать изволилъ, съ малою войскъ Нашихъ кровью, таковымъ образомъ:

«Сего дня на самой утренней зарѣ непріятель нашу конницу со всею арміею и конною и пѣшею атаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, однакоже принуждена была уступить съ великимъ убыткомъ непріятелю; потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагеря, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту мы изъ трантамента вывели и предъ очи непріятелю поставили, а конницу на обоихъ флангахъ, что непріятель увидя, тотчасъ подошелъ атаковать насъ, противъ котораго наши на встрѣчу пошли, и такъ онаго встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили, знаменъ, пушекъ множество взяли, такожъ генералъ-фельдмаршалъ господинъ Рейнъ-Шельдъ купно съ четырьмя генералы, а именно: *Шлипенбахомъ*, *Штакельбергомъ*, *Гомохтономъ* и *Розеномъ*, такожъ первый министръ графъ *Пиперъ* съ секретарями *Гамерлихомъ* и *Цидергемомъ* въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ продробнѣе вскорѣ писать будемъ, а нынѣ за скоростью невозможно, и единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія фаэтоновъ конецъ воспріяла, а о королѣ намъ неизвѣстно еще, съ памиль или съ отцы нашими обрѣтается, а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералъ-поручики князь *Голицынъ* и *Бауръ* съ конницею. И съ сею неслыханною новизною васъ поздравляю, и прошу господъ высшихъ и нижнихъ морскаго и сухаго пути поздравить.

Питеръ.

Изъ Лагеря отъ Полтавы
въ 27 день іюня 1709 году.

P. S. Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе Санктпетербурга положенъ съ помощью Божіею.

вести маневръ, приноравливаясь по возможности къ движеніямъ Петра и Карла. Подобное зрѣлище возобновлено было и въ наше время: въ 1817 году Императоръ Александръ Павловичъ присутствовалъ при таковомъ же маневрѣ, произведенномъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, подъ начальствомъ генерала Сакена. Зрѣлище, какъ увѣряютъ очевидцы, было единственное, возвышавшее сердца къ благороднѣйшимъ порывамъ народной гордости—и на сей разъ справедливой, ибо можно ли было видѣть равнодушно на поляхъ Полтавскихъ стройное движеніе русскихъ легіоновъ, за три года предъ тѣмъ торжествовавшихъ съ Царемъ своимъ въ стѣнахъ Парижа! Конечно тѣнь Петра ликовала тогда въ горнихъ селеніяхъ, зря древо имъ насажденное, принесшимъ столь благодатные плоды!

Въ тотъ же самый день Полтавскій герой торжествовалъ свою побѣду въ кругу доблестныхъ своихъ офицеровъ и полководцевъ. Къ обѣду были приглашены и шведскіе плѣнные генералы и офицеры и въ томъ числѣ графъ Пиперъ, шведскій канцлеръ. За столомъ Петръ, поднявъ бокалъ, произнесъ: пью здоровье моихъ учителей. Шведы спросили кого онъ разумѣетъ подъ именемъ учителей, и когда Петръ отвѣчалъ, что ихъ, тогда графъ Пиперъ примолвилъ: «Худая жъ благодарность учителямъ, не такъ поступаютъ съ ними». Великодушный Монархъ, которому понравился этотъ отвѣтъ, тотъ же часъ возвратилъ имъ шпаги ихъ.

Малороссія большею частью предана была Петру. Мазепу много ненавидѣли и, услышавъ объ измѣнѣ, тотчасъ отложились отъ него, другіе, не смѣя явно отстать, старались всѣми силами вредить шведамъ и не давать успѣвать имъ въ своихъ намѣреніяхъ. Безпрестанно было слышно, какъ казаки грабили и разбивали обозы и пресѣкали всякое сообщеніе между непріятелемъ. Изъ устъ одной пожилой женщины, которой будетъ уже едва ли не около ста лѣтъ, слышалъ я анекдотъ про одного казака именемъ *Дзюбу*, котораго потомки и нынѣ находятся въ сей деревнѣ. Желая прислужиться шведскимъ всадникамъ, обѣщалъ онъ навесть ихъ на спящихъ въ лѣсу русскихъ; но вмѣсто русскихъ привелъ ихъ къ ихъ же соотечественникамъ. Ночь была темная, ненастная; утомленные шведы спали въ безпорядкѣ и были умерщвляемы по одиночкѣ своими. Многіе пробудились и жаркая схватка вспыхнула съ равнымъ ожесточеніемъ, пока наконецъ шведы не узнали обмана. Хватились казака—но его и слѣдъ простылъ.

У малороссіянъ осталось преданіе о неслыханной зимѣ, бывшей того году въ Украйнѣ. Находили почти безпрестанно замерзшіе трупы шведовъ и запорожскихъ казаковъ, конхъ сабли такъ примерзали къ рукамъ, что невозможно было оторвать ихъ, ибо запорожцы имѣли обыкновеніе въ послѣдній часъ кончины своей браться обнаженною рукою за рукоять сабли.

Доказательствомъ безпечности шведовъ могутъ служить двѣ иконы въ церкви, находящейся въ селѣ *Жукахъ*, съ вырѣзанными шашечницами на оборотѣ. На нихъ играли шведы и не слыхали пальбы, такъ что были взяты живыми въ плѣнъ. Петръ опредѣлилъ 12 рублей на свѣчи или лампы къ симъ иконамъ. Такія же самыя иконы съ шашечницами находятся и въ селѣ *Яковцахъ*, въ 3-хъ верстахъ отъ Полтавы. Не должно пропустить безъ вниманія находящееся не такъ далеко отсюда небольшое урочище, гдѣ произошло первое сраженіе, при которомъ шведы сильно были побиты, отчего оно долго было извѣстно въ народѣ подъ именемъ *Побиванницъ*.

Время, въ которое произошла Полтавская битва, долженствовало бы сильно врѣзаться въ памяти народной. Не можетъ быть, чтобы множество происшествій и анекдотовъ любопытныхъ, поясняющихъ въ частности характеръ дѣйствовавшихъ лицъ, особенно Мазепы и его приверженцевъ, также и духъ самаго времени, черты тогдашней народности, не были извѣстны каждому; но къ сожалѣнію моему я почти ничего не могъ узнать; причиною сему можно положить, что никто не старался доселѣ вывѣдывать ихъ отъ старожиловъ, а чрезъ то многому, достойному вниманія, дали исчезнуть въ памяти. Лѣтъ за пятнадцать умеръ въ Полтавѣ стодесятилѣтній старецъ, служившій солдатомъ еще въ первый годъ царствованія Елисаветы; въ малолѣтствѣ своемъ онъ былъ очевидецъ Полтавской битвы, а никто и не подумалъ собрать изъ устъ его свѣдѣнія, можетъ быть драгоцѣнныя.

Здѣшній архитекторъ Амвросимовъ сдѣлалъ проектъ огромнаго памятника на шведской могилѣ: онъ будетъ состоять изъ храма, утвержденнаго на величественной аркѣ въ 16 саженъ, переброшенной черезъ курганъ. Однѣ фигуры апостоловъ предполагаются въ 9 аршинъ. Г. Студенко внесъ уже для выполненія сего проекта 200,000 рублей. Впрочемъ столь гигантское предпріятіе нельзя выполнить и за 2,000,000 рублей, а арка, чтобы была въ состояніи сдержать такую огромную массу, должна быть сдѣлана непремѣнно изъ граниту.

Чрезъ Преображенскій монастырь возвратился я въ городъ. Дорога, хотя грязная и идетъ буераками и горами, но весьма пріятна отъ разбросанныхъ по сторонамъ садовъ и видовъ.—Преображенскій монастырь стоитъ на высокой горѣ и содержитъ ту достопамятность, что изъ церкви его палили шведы въ Полтаву, устроя батареи въ окошкахъ. Едва было не забылъ сказать я объ остаткахъ земляной крѣпости, выдержавшей непріятельскую осаду: она утверждена на крутомъ косогорѣ, обнесена валомъ, окопана рвомъ и со стороны Ворсклы имѣетъ природную защиту, состоящую изъ крутой, утесистой горы. Въ крѣпость велъ подземный ходъ довольно пространный, въ который свободно могли въѣхать повозки, снабженныя фуражемъ.

Съ почтеннымъ здѣшнимъ директоромъ гимназіи статск. совѣт. Иваномъ Дмитріевичемъ Огневымъ я сдѣлалъ разныя обозрѣнія. Во-первыхъ мы осмотрѣли гимназію, которая переведена нынѣ, какъ я выше замѣтилъ, на площадь въ домъ, занимаемый прежде почтамтомъ. При гимназіи находится благотворительное заведеніе или пансіонъ на 100 дворянъ, въ томъ числѣ 30 пансіонеровъ, кои платятъ по 250 рублей за свое содержаніе, пищу и ученіе; а на казенныхъ отпускается только по 100 рублей, и за всѣмъ тѣмъ дѣти содержатся очень хорошо, одѣты опрятно въ губернскіе мундиры, постели у нихъ чистыя, всѣмъ вещамъ запасной цейхгаузъ! секретъ сей состоитъ въ порядкѣ и неусыпномъ попеченіи директора онаго заведенія Ивана Петровича Котляревскаго, извѣстнаго писателя на малороссійскомъ нарѣчіи, а равнымъ образомъ и въ дешевизнѣ всѣхъ жизненныхъ припасовъ. При гимназіи есть довольно изрядный минеральный кабинетъ, коего лучшіе штуфы подарены графомъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ и отличаются тѣмъ, что съ одной стороны ошлифованы, а съ другой оставлены въ натуральномъ видѣ.

Маршалъ показывалъ мнѣ ихъ богоугодныя заведенія, т. е. больницу и богадѣльню. Всего болѣе понравилось мнѣ въ семъ заведеніи, что для каждой болѣзни отведено особенное отдѣленіе, помѣщающееся въ особомъ домикѣ, а въ главномъ корпусѣ находятся женская и мужская богадѣльни, гдѣ старики и старушки, неспособные къ доставленію себѣ пропитанія, содержатся и одѣваются на счетъ Приказа. Тутъ же и церковь. Садъ, окружающій зданія и устроенный для больныхъ, хорошъ и обширенъ. Больныхъ около 150 человѣкъ, въ томъ числѣ и военные, за которыхъ платитъ казна по полтинѣ въ день. При банѣ есть сѣрная ванна.

Отсюда прошли мы въ публичный садъ, который, смѣло можно сказать, есть прекраснѣйшій изъ губернскихъ, какъ расположеніемъ своимъ, такъ пространствомъ и чистотою, съ коею онъ содержится. Но лучшимъ ему украшеніемъ служатъ фруктовыя и виноградныя отдѣленія, кои раз-

ведены кн. Репнинымъ съ тою цѣлью, чтобы распространить по Малороссіи лучшіе роды фруктовъ и винограда, которой доселѣ почитали невозможнымъ разводить въ Полтавѣ по причинѣ суровости климата. Къ счастью попался ему весьма хорошій садовникъ, знающій свое дѣло и прилежный. Три года какъ положено начало садоводству, а уже нынѣшній годъ собрали до 20 пудовъ винограду, котораго уже 18 родовъ разведено, и распродали болѣе 10,000 разнаго рода деревъ по помѣщикамъ. Положеніе оврага, занятаго подъ садомъ, весьма способствуетъ къ умноженію и прозябанію растеній, содержа въ неровностяхъ своихъ, такъ сказать, разнаго рода климаты. Для большаго споспѣшествованія къ улучшенію садоводства заводится огромная школа; польза такового заведенія очевидна, но вмѣстѣ, однакожъ, возбуждаетъ и опасеніе, чтобы заводимая такою обширною и можно сказать гигантскою рукою, она не разстроила и первоначальнаго предмета; ибо зависитъ отъ произвола генералъ-губернатора, а потому можетъ статься, что преемникъ кн. Репнина, будучи не охотникъ до садоводства, не будетъ столь ревностно поощрять сего полезнаго предпріятія.

Для предполагаемой школы выстроенъ уже большой домъ и, кромѣ казенныхъ учениковъ изъ кантонистовъ, предполагается принимать въ нее и господскихъ людей, съ платою по 10 рублей въ мѣсяцъ. Насупротивъ сего дома—дача княгини Репниной, занимающая садомъ всю покатость рва, идущаго къ собору. Садъ несравненно болѣе украсится, когда возобновится прудъ, прежде тутъ бывшій, но исчезнувшій отъ засоренія источниковъ.

Чай пилъ у Котляревскаго, который живетъ въ дѣдовскомъ домѣ, доселѣ еще весьма крѣпкомъ, несмотря, что деревянный. Древность его доказывается перекладиною, на которой начертано славянскими буквами, что хата сія во славу Божію построена въ 1707 году. — Котляревскій было приготовилъ изданіе IV части Енеиды, съ забавными рисунками, но тотъ, которому поручилъ онъ изданіе оныхъ, вѣроятно, затерялъ ихъ. Я совѣтовалъ ему приложить толкованіе многихъ словъ, кои означаютъ разные малороссійскіе обычаи въ значеніи историческомъ, нынѣ совершенно измѣнившіеся, или вовсе изчезнувшіе.

Изъ бесѣды съ симъ единственнымъ малороссійскимъ поэтомъ можно получить много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, касательно духа и характера его земляковъ, которыхъ постигъ онъ совершенно, и кои болѣе всѣхъ народовъ, составляющихъ наше отечество, сохранили оригинальности въ характерѣ, нарѣчіи, нравахъ, обычаяхъ и во всемъ, чѣмъ только могутъ различествовать между собою одно поколѣніе отъ другого.—Своими наружными качествами, лицомъ, окладомъ, стройностью стана, лѣнью и безпечностью малороссіяне болѣе сходны съ роскошными обитателями Азіи, но не имѣютъ тѣхъ буйныхъ, неукротимыхъ страстей, свойственныхъ поклонникамъ исламизма: флегматическая безпечность, кажется, служитъ имъ защитою и преградою отъ неспокойныхъ волненій, и часто изъподъ густыхъ бровей ихъ блеститъ огонь; пробивается смѣлый европейскій умъ; жаркая любовь къ родинѣ, и чувства пламенныя, одѣтыя первоначальною простотою, помѣщаются въ груди ихъ. Эта простота доходитъ нерѣдко до излишества и даетъ право ихъ обманывать и проводить; она породила множество забавныхъ анекдотовъ, исполненныхъ чертами истиннаго добродушія. Напримѣръ: три казака спрятались отъ многочисленной ватаги татаръ, ихъ преслѣдовавшихъ, одинъ за стогъ сѣна, стоявшій на лугу, другой подлѣзъ подъ плотину, третій вскарабкался на дерево. Татары, увидя стогъ, сошли съ лошадей и начали рвать сѣно для корму руками. Долго сидѣлъ казакъ за стогомъ, сильно чесался у него языкъ, смотря на нел вкость татарскую, наконецъ не вытерпѣлъ, чтобъ не сказать: *Та возмы хоть вылы що онъ-онъ стоять крый хаты! Хтожъ такы смыче сино руками?* Татары обрадовались нечаянной находкѣ, схватили по долгомъ сопротивленіи казака и начали вязать его—какъ вотъ слышатъ голосъ другого, сидѣвшаго подъ плотиною: *ей не поддавайся землякъ!* Третій, который былъ несравненно старѣе и благоразумнѣе прочихъ, видя горькую участь своихъ товарищей, происшедшую отъ собственной ихъ безразсудности, произнесъ такимъ голосомъ, отъ котораго всѣ татары приподняли вверхъ свои головы. *Дурни, дурни и чего-бъ такы крычать? мовчать бы було уже обоимъ.* Другой анекдотъ такого же рода, случившійся тоже во время татаръ, можетъ вмѣстѣ служить примѣромъ необыкновенной доброжелательности и учтивства малороссіянъ, которое, кажется, всѣмъ имъ врождено. Одинъ спрятался отъ преслѣдованія татаръ въ тростникѣ, растущемъ около болота. Увидя, что татаринъ нагнулся и пьетъ воду, онъ забылъ и осторожность, и опасность своего положенія и произнесъ довольно громко: *здоровъ бувъ пывъ*—привѣтствіе, обыкновенное у малороссіянъ, когда они видятъ человѣка пьющаго воду.

Языкъ малороссійскій довольно звученъ, несмотря на то, что принялъ много грубыхъ татарскихъ словъ и къ церковному славянскому гораздо ближе, нежели русскій. Находясь подъ вліяніемъ Польши и Литвы, онъ во многихъ мѣстахъ, особливо въ пограничныхъ, потерпѣлъ большое измѣненіе. Полтава можетъ назваться столицею его; здѣсь онъ въ первоначальной чистотѣ своей, безъ постороннѣй примѣси звучитъ по хуторамъ и селамъ. При приближеніи къ Чернигову отъ замѣтно начинаетъ портиться, за Черниговымъ измѣняется въ Литвинскій, въ Кіевѣ смѣшивается съ Польскимъ, а за Кіевомъ совершенно исчезаетъ. Обороты его и фразы, поименованіе цѣлаго изреченія однимъ лаконическимъ словомъ, частыя междометія и мѣстоименія покажутся непонятными даже и не для иностранца: это происходитъ большею частью оттого, что всякій малороссіянинъ думаетъ, что говорящій съ нимъ непремѣнно долженъ понимать его; въ подтвержденіе этого разсказывали одинъ случай, когда помѣщикъ въ довольно затруднительномъ дѣлѣ совѣтовался съ своимъ мужикомъ и требовалъ, чтобы тотъ сказалъ свои мысли. *Та воно добродію,* отвѣчалъ мужикъ по глубокомъ раздумьи, *воно бачите й тее, такъ опять же й те*—и снова углубился въ мысли.—Множество уменьшительныхъ именъ и глаголовъ дѣлаютъ его способнымъ къ выраженію чувствъ нѣжныхъ и кроткихъ, но мелодія его болѣе всего ощутительна въ пѣсняхъ, въ этомъ прекрасномъ достояніи народа, гдѣ онъ выразился съ малѣйшими измѣненіями и оттѣнками во дни тревогъ и мгновеннаго спокойствія, попеременно его волновавшихъ. Невыразимая скорбь, навѣваемая ими, кажется проницаетъ насквозь душу, тоска и болѣзненныя жалобы, какъ будто о невозвратной утратѣ счастья, усиливаемые воспоминаніемъ, составляютъ ихъ характеръ. Въ нихъ вы не встрѣтите такъ, какъ въ русскихъ пѣсняхъ, мечтательности и надежды любовника, ожидающаго свою любезную, но безнадежный плачъ матери или сестры, подъ которыми алегорически всегда разумѣли малороссіяне свою отчизну, разлучающихся съ сыномъ или братомъ, идущимъ на вѣрную смерть. Способность малороссіянъ къ пѣнію и музыкѣ удивительна; извѣстно, что лучшіе пѣвцы наши суть большею частью изъ Малороссіи, которую справедливо называютъ русскою Италіею.

Замѣчательныхъ строеній въ Полтавѣ, кромѣ площади, составленной изъ казенныхъ домовъ, изъ которыхъ лучшимъ можетъ почесться домъ дворянскаго собранія съ прекрасною, богато убранною залою для выборовъ, нѣтъ почти никакихъ. По моему мнѣнію напрасно планируютъ небольшіе города по примѣру большихъ: то, что хорошо для столицы, не всегда идетъ губернскому городу. Широкая улица, обставленная по сторонамъ одноэтажными низенькими домиками, утомительно однообразными, высокіе досчатые заборы, иногда на довольно длинное разстояніе

тянущіеся отъ одного домика до другого, не внушаютъ ничего кромѣ скуки и безжизненности. Почему бы, обстраивая малороссійскій городокъ, не углубиться внимательнѣе въ простую, беззатѣйливую, но исполненную миловидности, архитектуру туземныхъ деревенскихъ хатъ? почему бы не позаимствовать изъ нихъ многаго? Тогда бы городокъ носилъ на себѣ отпечатокъ національности, весело бы было и поглядѣть на него и пожить въ немъ. Теперь же изъ дворянъ почти никто не живетъ въ Полтавѣ, и къ увеличенію скуки нужно присоединить еще грязь, почти никогда невыводимую. Напрасны были старанія всѣхъ генералъ-губернаторовъ истребить это зло. Повелѣно было мостить мостовую, но за недостаткомъ крѣпкаго камня, употребленный хрупкій песчаникъ размололся и растерся въ весьма короткое время, а грязь отъ того ничуть не уменьшилась. Бывали часто примѣры, что мужикъ, пріѣхавшій въ городъ съ легко-нагруженнымъ возомъ, увязнувъ, принужденъ былъ отпрягать воловъ и оставлять возъ среди улицы. Во время только дворянскихъ выборовъ и нѣкоторыхъ ярманокъ оживляются уединенныя улицы Полтавы.

Скажемъ теперь нѣчто объ исторіи Полтавы: время, къ которому именно можно причислить основаніе оной, значится въ лѣтописяхъ разно; одни относятъ его къ 1608 году, другіе утверждаютъ, что Полтава возникла при гетманѣ Конецпольскомъ. Казакъ полку Миргородскаго, прозваніемъ Масло, родомъ изъ-подъ Полтавы, первый пришелъ сюда и поселился съ шестью семьями. Селеніе безпрестанно размножалось, такъ что впослѣдствіи составило родъ маленькаго городка, окопалось рвомъ и уже выдерживало нападенія крымцевъ: но земляную его крѣпость часто разоряли и загнанные жители съ испугу прятались куда ни попало. Это время слишкомъ было памятно для малороссіянъ *).

Во время Мазепы Полтава является уже главнымъ городомъ Полтавскаго полка. Но историческая извѣстность и вмѣстѣ всемірная, начинается со времени знаменитой баталіи 1704 года. По учрежденіи губерній причислили ее къ Екатеринославскому намѣстничеству, въ каковомъ состояніи она и находилась до самаго 1803 года, то есть до времени учрежденія губерніи и переименованія ея въ губернскій городъ. Съ сего времени подъ управленіемъ генералъ-губернаторовъ: князя Куракина, князя Лобанова и князя Репнина она значительно обстроилась и распространилась такъ, что видѣвшіе ее лѣтъ двадцать назадъ, теперь не узнаютъ.

Торговля, производимая Полтавою, слишкомъ мало важна. Ежегодно въ Полтавѣ бываетъ четыре ярманки: *на сплошной недѣлѣ*, въ день *Николая Чудотворца*, 9 мая, въ день *Исакія*, іюня 27, и на Воздвиженіе, 14 сентября; но ни одна изъ нихъ не приносить важныхъ выгодъ и удобности къ сходному сбыту произведеній. Матеріи, сукна, ситцы, расходящіеся на нихъ, большею частью московскіе, ни одной лепты не кладетъ доселѣ Полтава въ промышленность сего рода. Только суконная фабрика въ *Карловкѣ* присылаетъ посильную дань. Сукна, вырабатываемыя на ней, недурны, хотя желательно, чтобы они имѣли болѣе плотности и доброты. О другихъ фабрикахъ нечего и говорить: ихъ такъ мало и онѣ такъ незначительны, что едва ли могутъ составлять отрасль промышленности. Главная причина такого бездѣйствія есть, безъ сомнѣнія, недостатокъ сообщенія. Единственный доходъ помѣщиковъ состоитъ доселѣ въ винокуреніи; но какъ хлѣбъ въ прошломъ году значительно поднялся, а цѣна водки понизилась до 1 р. 80 к. за ведро, то можно ожидать, что многіе помѣщики бросятъ и этотъ промыселъ. Одни только заводы рогатаго скота, рѣшительно имѣющаго право назваться крупнѣйшимъ въ Россіи, заслуживаютъ особенное вниманіе, лучшія голландскія породы были производимы въ окружности Полтавы — и съ успѣхомъ. Изъ заводовъ рогатаго скота неоспоримо беретъ преимущество предъ другими гр. Виктора Павловича Кочубея, находящійся въ 25 верстахъ отъ Полтавы. Въ послѣдніе годы много однакожъ потерпѣли особенно большіе заводы отъ сильнаго скотскаго падежа.

Нѣсколько селитренныхъ заводовъ, находящихся около Полтавы, могутъ обогатить своихъ владѣльцевъ только во время войны; вообще же составляютъ маловажный промыселъ, едва окупающій сопряженныя съ нимъ издержки.

*) Татаръ болѣе всего удивляло чудное устройство малороссійскихъ хатъ, въ которыхъ долго не могли находить спрятавшагося человѣка, пока не отыскался между ними хитрецъ, посовѣтовавшій посыпать золою и по слѣдамъ находить его. Этимъ средствомъ узнали, что прятались обыкновенно за печкою. Вѣроятно, что онѣ были тогда устроены несравненно замысловатѣе нынѣшняго.

Статья «Полтава» помѣщена въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1830 г. (Ч. XLII, Апрѣль, № 120). Хотя послѣ ея заглавія и сказано, что это «изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя», но этотъ очеркъ написанъ Гоголемъ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ самъ Николай Яковлевичъ Прокоповичъ, заявившій о принадлежности «Полтавы» Гоголю — Н. В. Гербелю. Припомнимъ, что въ тѣхъ-же «Отеч. Запискахъ», въ томъ-же году появилась повѣсть Гоголя «Бисаврюкъ», напечатанная также безъ подписи и съ передѣлками издателя, а черезъ годъ возстановленная въ первоначальномъ видѣ въ собраніи повѣстей Гоголя. Если вспомнить характеристику Свиньина, принадлежащую Пушкину, который характеризовалъ Павла Свиньина какъ лжеца, то можно легко предположить, что, заказавъ Гоголю «Полтаву», издатель послѣ небольшихъ передѣлокъ прямо присвоилъ статейку себѣ. Гоголь въ то время былъ начинающимъ писателемъ и врядъ ли могъ протестовать противъ безцеремонности издателя.

„ПРАЧКА“

(Извѣстіе о ненапечатанномъ разсказѣ Гоголя).

«Совершенно случайно намъ удалось узнать, что изъ числа мелкихъ произведеній нашего знаменитаго поэта одинъ небольшой разсказъ подъ заглавіемъ «Прачка» остался не напечатаннымъ. Подробности объ этомъ разсказѣ, которыя мы получили, не составляютъ никакого сомнѣнія въ дѣйствительности существованія «Прачки». Во время пребыванія Гоголя въ Петербургѣ, онъ былъ знакомъ и часто посѣщалъ г. Семенова, бывшаго въ то время однимъ изъ цензоровъ здѣшняго цензурнаго комитета; Гоголь часто читалъ г. Семенову свои произведенія не только какъ хорошему знакомому, но и какъ цензору, спрашивая его мнѣнія о томъ, удобно или неудобно прочитанное къ печати.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, когда у г. Семенова было нѣсколько человѣкъ гостей, Гоголь принесъ свою «Прачку», написанную на нѣсколькихъ почтовыхъ листочкахъ, и читалъ ее вслухъ. Живой и веселый юморъ этого маленькаго разсказа заставлялъ слушателей хохотать до слезъ; но, къ несчастью, нѣкоторая безцеремонность и двусмысленность выраженій была причиною того, что разсказъ не могъ быть признанъ въ то время удобнымъ къ печати. Гоголь хотѣлъ было уничтожить рукопись, но г. Семеновъ попросилъ ее у него себѣ на память; затѣмъ рукопись хранилась у г. Семенова до отъѣзда его изъ Петербурга. Г. Семеновъ, по своей обязанности, имѣя въ числѣ своихъ знакомыхъ многихъ литераторовъ, собралъ отъ нихъ много рукописей и получалъ также много книгъ, которыя онъ, при отъѣздѣ изъ Петербурга, подарилъ своему родствен-

нику Н. Н. Терпигореву, любителю литературы и библіофилу. Г. Терпигоревъ тоже уѣхалъ изъ Петербурга въ свою тамбовскую деревню и увезъ съ собою всѣ книги и рукописи, въ томъ числѣ и «Прачку». Это подтверждается и тѣмъ, что сынъ Н. Н. Терпигорева С. Н. Терпигоревъ, студентъ здѣшняго университета, читалъ эти листочки въ деревнѣ отца и даже помнитъ содержаніе «Прачки», которое, съ его словъ, мы и передаемъ ниже.

Какъ скоро сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ о существованіи ненапечатанной рукописи Гоголя, жизущій въ Петербургѣ родственникъ г. Терпигорева тотчасъ просилъ его письмомъ отыскать рукопись и прислать ее ему; г. Терпигоревъ отвѣчалъ, что при первомъ удобномъ случаѣ онъ займется разборомъ бумагъ и, по отысканіи, пришлетъ рукопись въ подарокъ. Отвѣтъ этотъ былъ предъявленъ намъ, съ обѣщаніями, по полученіи рукописи, сообщить ее для печатанія въ «Русскомъ Мірѣ». На дняхъ получено письмо отъ г. Терпигорева, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что рукопись, за всѣми поисками, не отыскана. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Терпигоревъ неотысканіе рукописи объясняетъ тѣмъ, что онъ переѣхалъ на житье изъ одной деревни въ другую; причемъ всѣ книги и рукописи были уложены въ тюки и остаются еще не разобранными, такъ что рукопись могла затеряться между другими бумагами, или даже утратиться вовсе.

Содержаніе разсказа, по словамъ С. Н. Терпигорева, слѣдующее:

Дѣйствующія лица разсказа—петербургскій чиновникъ и прачка, моющая на него бѣлье; при сдачѣ прачкой вымытаго бѣлья, не оказывается одной штуки; чиновникъ требуетъ ее; прачка обижается, и между ними происходитъ перебранка; оскорбленное самолюбіе прачки доходитъ до высшей степени, сыплятся крупныя слова, колкости и т. п.; чиновникъ требуетъ своей штуки; прачка говоритъ, что у нея нѣтъ никакой его ш т у к и, и чтобы онъ лучше поискалъ ее у себя въ б ѣ л ь ѣ.

Судя по этому содержанію и основываясь на извѣстіи, что разсказъ исполненъ самаго живого и веселаго юмора, можно предположить, что это было изъ произведеній, принадлежащихъ къ лучшей, блестящей порѣ поэтической дѣятельности Гоголя.

Отыщется или не отыщется рукопись разсказа, во всякомъ случаѣ мы сочли долгомъ сообщить все, что знаемъ о ея существованіи; можетъ быть найдется и еще кто-нибудь, кому извѣстна рукопись, и дополнитъ сообщенное нами; такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, получится наивозможно полное свѣдѣніе о неизвѣстномъ донынѣ произведеніи писателя, всякое слово котораго сдѣлалось столь дорогимъ для каждаго русскаго. *Ред*».

Извѣстіе это появилось въ еженедѣльной газетѣ «Русскій Міръ» (1860 г. № 97. Ноябрь. Стр. 618—619), издававшейся Ѳ. Т. Степановскимъ и редактировавшейся Александромъ Степановичемъ Гіероглифовымъ († 1901). Пишущій эти строки наводилъ справку у Гіероглифова объ этомъ извѣстіи о «Прачкѣ», и ему было показано отвѣтное письмо Николая Николаевича Терпигорева, хранившееся у Гіероглифова. Затѣмъ около 1897 года были наведены справки у самого Н. Н. Терпигорева, жившаго въ Кіевѣ, который и подтвердилъ разсказанное о «Прачкѣ» его сыномъ Сергѣемъ Николаевичемъ (Сергѣемъ Атавой), прибавивъ, что все-таки еще надѣется «въ близкомъ будущемъ отыскать рукопись Гоголя». Не такъ давно, однако, Н. Н. Терпигоревъ скончался, и Богъ вѣсть въ чьихъ рукахъ очутятся его бумаги, среди которыхъ не мало документовъ довольно цѣнныхъ.

П. Б.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

	стр.
Авторская исповѣдь	885
Акростихъ на Бороздина. (Се образъ жизни). Стих.	3
Александръ. (Кратк. характеристика)	923
Ал-Мамунъ. (Историч. характеристика)	78
Альфредъ. Начало трагедіи	720
Арабески. Предисловіе.	45
Арабески. Ч. первая	45
Арабески. Ч. вторая	81
Библіографія среднихъ вѣковъ	909
Близорукому пріятелю. (Выбр. мѣста изъ переписки).	845
Борисъ Годуновъ. Поэма Пушкина	18
Введеніе въ древнюю исторію. (Отрывокъ)	921
Великая торжественная минута. (1834). Замѣтки.	41
Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. I. Предисловіе.	135
Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. 2. Предисловіе.	172
Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.	148
Взглядъ на составленіе Малороссіи	63
Вій	288
Въ чемъ же наконецъ существо русск. поэзіи. (Выбр. мѣста изъ переписки)	855
Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями	783
Выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ	910
Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія. Стих.	
Глава изъ историч. романа	53
	2
Двѣ главы изъ повѣсти «Страшный кабанъ».	21
Дополненіе къ 1 т. «Мертвыхъ душъ»	568
Дружеское шутливое пари.	949
Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія Жиро. Переводъ	736
Женитьба. Комед.	617
Женихи. Комедія. (Первообразъ «Женитьбы»).	714
Женщина въ связи. (Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями	789
Женщина. Замѣтка	27
Жизнь. Замѣтка	81
Завѣщаніе. (Выбр. мѣста изъ переписки)	786
Заколдованное мѣсто	221
Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ.	961

	стр.
Занимающему важное мѣсто. (Выбр. мѣста изъ переписки)	846
Записки сумасшедшаго	123
Значеніе болѣзней. (Выбр. мѣста изъ перепи. съ друзьями).	791
Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка.	210
Игроки. Сцена	669
Извлеченія изъ карманныхъ записныхъ книжекъ	949
Изъ альбома В. И. Любича-Романовича. Замѣтка	3
Изъ неоконченной повѣсти. (Былъ апрѣль 1645 г.).	29
Изъ потерянной драмы	713
Историческій живописецъ Ивановъ. (Выбранныя мѣста изъ переписки)	836
Италія. (Италія—роскошная страна). Стих.	17
Карамзинъ. (Выбр. мѣста изъ переписки)	808
Классныя сочиненія	17
Коляска	380
Комедіи.	585
Комната въ домѣ Марьи Александровны. 2 явленія изъ пьесы.	693
Лакейская. Сцена	690
Майская ночь, или утопленница	155
Малороссійскія слова, встрѣчающіяся въ «Миргородѣ».	327
Мериме. (Краткая характерист).	939
Мертвыя души. Замѣтки къ 1 части.	568
Мертвыя души. (Изъ письма къ А. П. Толстому)	959
Мертвыя души. Окончаніе IX главы. (Передѣлка).	568
Мертвыя души. Ч. 1. Передѣлка одной главы	568
Мертвыя души. Ч. 2. Новыя найденныя страницы	580
Мертвыя души. (Размышленія автора).	959
Мертвыя души. Страницы, передѣл. послѣ изд. 1 тома.	577
Миргородъ. Повѣсти. Ч. 1.	227
Миргородъ. Повѣсти. 2	288
Мысли о географіи	101
Наброски, выписки, отрывки.	959
Наброски изъ древней исторіи	922
Напутствіе. (Выбр. мѣста изъ переписки)	854
Начало неоконченной повѣсти. (Можно биться объ закладъ).	942

стр.

Начало рецензіи, напеч. въ «Москвитянинѣ» . . . 939
Не веселъ ты? (Непогода). Стих. 3
Невскій проспектъ. Пов. 84
Непогода. (Не веселъ ты?). Стих. 3
Носъ 331
Ночи на виллѣ. (Отрывки) 940
Ночь передъ Рождествомъ 173
Нужно любить Россію. (Выбр. мѣста изъ переписки). 823
Нужно проѣздиться по Россіи. (Выбр. мѣста изъ переписки). 824
Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ (Выбр. мѣста изъ переписки, ... 798
Нѣсколько словъ о Пушкинѣ 67

Объ архитектурѣ нынѣшняго времени 69
Объ изданіи исторіи малоросс. казаковъ. 42
Объ Одиссеѣ, перев. Жуковскимъ. (Выбр. мѣста изъ переписки). 794
Объявленіе въ «Сѣв. Пчелѣ» (о выѣздѣ Гоголя) . . 942
Объявленіе объ изданіи русскаго словаря 961
О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г. 923
О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка. 112
О лиризмѣ нашихъ поэтовъ. (Выбр. мѣста изъ переписки) 800
О малороссійскихъ пѣсняхъ 99
О помощи бѣднымъ. (Выбр. мѣста изъ переписки) . 793
О преподаваніи всеобщей исторіи 57
О поэзіи Козлова 20
О сословіяхъ въ государствѣ 960
О «Современникѣ» (Письмо къ Плетневу) 879
О среднихъ вѣкахъ 47
О театрѣ и проч. (Выбр. мѣста изъ переписки) . . 808
О томъ же. (Нѣск. словъ о нашей церкви). (Выбр. мѣста изъ переписки) 799
О томъ, что такое слово. (Выбр. мѣста изъ переписки). 791
Отрывокъ изъ письма къ А. П. Толстому (по поводу 2 ч. «Мертв. душъ»). 959
Отрывокъ изъ пьесы. (Комната Марьи Александровны). 693
Отрывокъ. (Я давно уже ничего) 39

Переводныя пьесы 728
Петербургскія записки 1836 г. 929
Письмо къ Жуковскому В. А. 883
Письмо къ Россети А. О. (Выбр. мѣста изъ переписки) 878
Плѣнникъ. (Отрывокъ изъ историч. романа). . . . 109
Повѣсти (1832—1842). 329
Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ (первон. ред.) . . 572
Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ. (Ред., зачеркнутая цензоромъ). 574
Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ 305
Помѣщики. (Отрывочн. замѣтка). 962
Портретъ. 342
Послѣдній день Помпеи. (Картина Брюллова) . . . 106
Похожденія Чичикова или Мертвыя души. Т. 1. . . 403
Похожденія Чичикова или Мертвыя души. Т. 2 . . 514
Предметъ для лирическаго поэта. (Выбр. мѣста изъ переписки). 813
Предисловіе ко 2 изд. 1-го т. «Мертвыхъ душъ» . 405
Предсмертныя строки 962
Программа лекцій по исторіи сред. вѣковъ 907

стр.

Пропавшая грамота 167
Просвѣщеніе. (Выбр. мѣста изъ переписки) 815

Развязка «Ревизора» 639
Развязка «Ревизора». (Дополненіе). 642
Размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ «Мертвыхъ душъ». 959
Размышленія о Божественной литургіи 577
Разныя статьи 905
Ревизоръ. Ком. 587
Ревизоръ. Предувѣдомленіе 638
Ревизоръ. Предувѣдомленіе для артистовъ. 644
Ревизоръ. Приложенія 622
Ревизоръ. Развязка 639
Рецензіи въ «Современникѣ» Пушкина 933
Рецензія въ «Москвитянинѣ». (Начало). 939
Рецензіи для «Современника» Пушкина (не помѣщ.). 935
Римъ. (Отрывокъ). 385
Русскій помѣщикъ. (Выбр. мѣста изъ переписки). . 833

Свѣтлое воскресеніе. (Выбр. мѣста изъ переписки) . 874
Скупарель. Перев. изъ Мольера 728
Сельскій судъ и расправа. (Выбр. мѣста изъ переписки). 842
Се образъ жизни нечестивой. (Акростихъ на Бороздина.) Стих. 3
Скульптура, живопись и музыка 45
Совѣты. (Выбр. мѣста изъ переписки). 815
Сорочинская ярмарка 137
Снюры. (Выбр. мѣста изъ переписки). 806
Старосвѣтскіе помѣщики 227
Страхи и ужасы Россіи. (Выбр. мѣста изъ переписки). 843
Страшная месть 192
Страшная рука. Повѣсть. (Отрывокъ). 39
Сцены и отрывки изъ пьесъ 669

Тарасъ Бульба. Пов. 237
Театральный разъѣздъ послѣ предст. новой комедіи. 698
Трудъ. 962
1834 годъ. (Великая торжественная минута). Заѣтка. 41
1846 годъ. (Господи, благослови). Кр. замѣтка. . . 959
Тяжба. Сцена 687

Утро дѣлового человѣка. Сцена. 684
Учебная книга словесности. (Наброс.). 943

Христіанинъ идетъ впередъ. (Выбр. мѣста изъ переписки). 807
Хромой чортъ. Отрывокъ. 20

Чей удѣлъ на землѣ выше. (Выбр. мѣста изъ переписки) 854
Четыре письма о «Мертвыхъ душахъ». (Выбр. мѣста изъ переписки). 817
Чтенія русскихъ поэтовъ. (Выбр. мѣста изъ переписки) 791
Что такое губернаторша. (Выбр. мѣста изъ переписки). 827
Чѣмъ можетъ быть жена и пр. (Выбр. мѣста изъ переписки). 841

Шинель 366
Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ. 82

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Предисловіе. Жизнеописаніе Н. В. Гоголя I

ЮНОШЕСКІЯ ПОПЫТКИ (1825—1834).

(Бороздину, прозванному Спиридономъ Разстригой). . 3
Непогода. 3
Изъ альбома В. И. Любича-Романовича 3
Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія въ картинахъ. Сочин. В. Алова 3
Италія 17
КЛАССНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.
1. О томъ, что требуется отъ критики 17
2. Изложить законные обряды апелляціи, какъ изъ низшихъ инстанцій въ высшую и въ департ. Сената 18
Борисъ Годуновъ. Поэма Пушкина 18
Хромой чортъ (отрывокъ). 20
О поэзіи Козлова 20
Двѣ главы изъ малороссійской повѣсти. «Страшный Кабанъ». 21
I. Учитель 21
II. Успѣхъ посольства. 24
Женщина 27
Изъ неоконченной повѣсти 29
Начатыя повѣсти (отрывки и наброски) 39
I. Я давно уже ничего не разсказывалъ . . . 39
II. Страшная рука. Повѣсть изъ книги подъ названіемъ «Лунный свѣтъ въ разбитомъ окошкѣ чердака на Васильевскомъ островѣ, въ 16 линіи». 39
1834. Великая торжественная минута 41
Объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ . . . 42

АРАБЕСКИ.

Разныя сочиненія въ двухъ частяхъ. 43

Часть первая.

Собраніе это составляютъ пьесы 45
Скульптура, живопись и музыка. 45
О среднихъ вѣкахъ 47
Глава изъ историческаго романа 52
О преподаваніи всеобщей исторіи 57

стр.

Взглядъ на составленіе Малороссіи 63
Нѣсколько словъ о Пушкинѣ 67
Объ архитектурѣ нынѣшняго времени 69
Ал-Мамунъ (историческая характеристика) 78

Часть вторая.

Жизнь 81
Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ 82
Невскій проспектъ. Повѣсть 84
О малороссійскихъ пѣсняхъ. 99
Мысли о географіи. (Для дѣтскаго возраста) . . . 102
Послѣдній день Помпеи. (Картина Брюлова) 106
Плѣнникъ. (Отрывокъ изъ историческаго романа). . 109
О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка 112
Записки сумасшедшаго 123

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панько.

Часть первая.

Предисловіе 135
Сорочинская ярмарка 137
Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Быль, разсказанная дьячкомъ ***ской церкви 148
Майская ночь, или утопленница 155
Пропавшая грамота. Быль, разсказанная дьячкомъ ***ской церкви 167

Часть вторая.

Предисловіе 172
Ночь передъ Рождествомъ 173
Страшная месть. 193
Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка 210
Заколдованное мѣсто. Быль, разсказанная дьячкомъ ***ской церкви 221

МИРГОРОДЪ.

Повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки».

стр.

Часть первая.

Старосвѣтскіе помѣщики 227
Тарасъ Бульба. Повѣсть 237

Часть вторая.

Вій. 288
Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ 305
Малороссійскія слова, встрѣчающіяся въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки» и «Миргородъ» . . 327

ПОВѢСТИ (1832—1842).

Носъ 331
Портретъ. (Въ окончательной обработкѣ) 342
Шинель 366
Коляска. 380
Римъ. Отрывокъ 385

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ. Поэма.

Томъ первый.

Предисловіе ко второму изданію перваго тома Мертвыхъ душъ (1846 г.). Къ читателю отъ сочинителя 405
Глава I. 406
» II 412
» III 421
» IV 430
» V 443
» VI 452
» VII 462
» VIII 472
» IX 483
» X 491
» XI 500

Томъ второй.

Глава I 514
» II 528
» III 532
» IV 546
Глава 554

Дополненіе къ первому тому „Мертвыхъ душъ“.

1) Замѣтки къ 1-ой части 568
2) Окончаніе IX главы въ передѣланномъ видѣ. 568
3) Глава 568
4) Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ
A. Одна изъ первоначальныхъ редакцій . . 572
B. Редакція, зачеркнутая цензоромъ 574
5) Страницы, передѣланныя Гоголемъ послѣ изданія перваго тома «Мертвыхъ душъ».
1) Отрывки изъ седьмой главы. 577
2) Отрывки изъ восьмой главы. 578

Новыя найденныя страницы изъ 2 части „Мертвыхъ душъ“. 581

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

I.

Комедіи.

Ревизоръ 587
Приложеніе къ «Ревизору». (Объясненія, передѣлки, добавленія и проч.).

стр.

1) Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору 622
2) Двѣ сцены, выключенныя и при первомъ изданіи, какъ замедлявшія теченіе пьесы 624
3) Сцены перваго изданія «Ревизора», передѣланныя авторомъ для изданія комедіи (въ 1842 году) . 625
4) Сцены, написанныя для второго изданія «Ревизора» (1841 г.) и измѣненныя при третьемъ изданіи комедіи 635
5) Сцена, не включенная самимъ писателемъ въ печатныя изданія «Ревизора» 638
6) Предувѣдомленіе 638
7) Развязка Ревизора 639
8) Дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора» 642
9) Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть какъ слѣдуетъ «Ревизора» 644
Женитьба. Совершенно невѣроятное событіе въ двухъ дѣйствіяхъ 647

II.

Сцены и отрывки изъ пьесъ (1832—1837 году).

Игроки 669
Утро дѣлового человѣка 684
Тяжба 687
Лакейская. 690
Комната въ домѣ Маріи Александровны 693
Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. 698
Изъ потерянной драмы. Конецъ IV-го дѣйствія. . . 713
Женихи. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. (Первообразъ «Женитьбы»). 714
Альфредъ. Начало трагедіи изъ англійской исторіи . 720

Переводныя пьесы.

Скупарель или мужъ, думающій, что онъ обманутъ женою. Комедія въ одномъ дѣйствіи Мольера . 728
Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Джіованни Жиро 736

РАЗМЫШЛЕНІЯ О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.

Предисловіе 759
Вступленіе. 759
Проскомидія 759
Литургія оглашенныхъ 764
Литургія вѣрныхъ. 768

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ.

Предисловіе 785
I. Завѣщаніе 786
II. Женщина въ свѣтѣ. Письмо къ .....ой. . 789
III. Значеніе болѣзней. Изъ письма къ гр. А. П. Т....ому 791
IV. О томъ, что такое слово 791
V. Чтеніе русскихъ поэтовъ передъ публикою. Письмо къ Л** 793
VI. О помощи бѣднымъ. Изъ письма къ А. О. См-рн-вой 793
VII. Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ. Письмо къ Н. М. Языкову 794

стр.

VIII. Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ. Изъ письма къ гр. А. П. Т.....му . 798
IX. О томъ же. Изъ письма къ гр. А. П. Т...му. 799
X. О лиризмѣ нашихъ поэтовъ. Письмо къ В. А. Жуковскому. 800
XI. Споры. Изъ письма къ Л**. 806
XII. Христіанинъ идетъ впередъ. Письмо къ Щ...ву. 807
XIII. Карамзинъ. Изъ письма къ Н. М. Языкову. 808
XIV. О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности. Письмо къ гр. А. П. Т....му. 808
XV. Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время. Два письма къ Н. М. Языкову. 813
XVI. Совѣты. Письмо къ С. П. Шевыреву . . . 815
XVII. Просвѣщеніе. Письмо къ В. А. Жуковскому. 815
XVIII. Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ душъ». 817
XIX. Нужно любить Россію. Изъ письма къ гр. А. П. Т.....му 823
XX. Нужно проѣздиться по Россіи. Изъ письма къ гр. А. П. Т...му 824
XXI. Что такое губернаторша. Письмо къ А. О. С...ой 827
XXII. Русскій помѣщикъ. Письмо къ Б. И. Б...у. 833
XXIII. Историческій живописецъ Ивановъ. Письмо къ В. Ю. Балугьянскому 836
XXIV. Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Россіи 841
XXV. Сельскій судъ и расправа. Изъ письма къ М. 842
XXVI. Страхи и ужасы Россіи. Письмо къ графинѣ ...ой. 843
XXVII. Близорукому пріятелю 845
XXVIII. Занимающему важное мѣсто 846
XXIX. Чей удѣлъ на землѣ выше. Изъ письма къ У.....му 854
XXX. Напутствіе 854
XXXI. Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность 855
XXXII. Свѣтлое Воскресеніе 874

Приложеніе.

Письмо къ Аркадію Осиповичу Россети 878
О «Современникѣ». (Письмо къ П. А. Плетневу). . 879
Письмо къ В. А. Жуковскому 883

АВТОРСКАЯ ИСПОВѢДЬ 885

РАЗНЫЯ СТАТЬИ.

Произведенія: 1) не вошедшія въ первое изданіе «Сочиненій Гоголя», 2) напечатанныя послѣ смерти (1834—1852).
Программа лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ. . . 907
Библіографія среднихъ вѣковъ 909
Выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ.
I. Взглядъ на состояніе римской имперіи въ послѣднее время ея существованія и на причины, произведшія разрушеніе ея. . . 910
II. О движеніяхъ народовъ германскихъ, причинившихъ разрушеніе западной римской имперіи. 911
III. Взглядъ на земли западной имперіи по занятіи ихъ народами германскими. Отношенія германцевъ къ оставшимся римлянамъ и первыя стихіи новой жизни 913
IV. Состояніе Италіи подъ владычествомъ готовъ, греческаго экзархата, ломбардовъ; ихъ вліянія и отношенія къ римлянамъ . 914
V. Взглядъ на состояніе Рима и начало духовной и свѣтской власти папъ. 915
VI. Состояніе франковъ подъ начальствомъ королей-предводителей. Ихъ отношенія къ завоеваннымъ провинціямъ. Анархія при неимѣющихъ власти короляхъ и владычество меровъ. 916
VII. Состояніе королевства вестготовъ въ Испаніи и завоеваніе ея арабами 917
VIII. Состояніе Европы неримской и народовъ, основавшихся на земляхъ, не принадлежавшихъ римской имперіи 917
IX. Состояніе восточной римской имперіи во время религіозныхъ споровъ, битвъ съ персами и завладѣній арабовъ 918
X. Первобытная жизнь арабовъ. Переворотъ на образованіе націи, произведенный Магометомъ, и завоеваніе ихъ 920
Введеніе въ древнюю исторію (отрывокъ) 921
Наброски изъ древней исторіи. 1 Мидія, 2 Вавилонъ, 3 Малая Азія, 4 финикіяне. 922
Александръ 923
О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ. 923
Петербургскія записки 1836 года 929
Рецензіи, помѣщенныя въ «Современникѣ» А. С. Пушкина 933
Рецензіи, написанныя для «Современника» Пушкина 935
Начало рецензіи, напечатанной въ «Москвитянинѣ» 939
Мериме 939
Дружеское шутливое пари 940
Ночи на виллѣ 940
Объявленіе въ «Сѣверной пчелѣ» о выѣздѣ . . . 942
Учебная книга словесности 943

Наброски, выписки, отрывки.

Извлеченія изъ карманныхъ записныхъ книжекъ . . 949
Изъ письма къ А. П. Толстому. Отрывокъ, относящійся ко второй части «Мертвыхъ Душъ» . 959
Размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» 959
1846 г. 959
О сословіяхъ въ государствѣ 960
Объявленіе объ изданіи русскаго словаря 961
Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ 961
Помѣщики 962
Трудъ 962
Предсмертныя строки 962
Полтава 962
«Прачка» (извѣстія о ненапечатанномъ разсказѣ Гоголя) 967
Алфавитный указатель . . . . . .

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

А. С. ПУШКИНЪ

А. С. ПУШКИНА

въ одномъ томѣ подъ редакціей П. Н. Краснова. Съ жизнеописан. поэта, портретами и рисунк., относящимися къ его жизни, и съ 35 отд. картинами худ. И. В. Симакова. Ц. въ одномъ изящн. коленк. переплетѣ и въ футлярѣ 3 р.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 2-хъ томахъ (въ одной книгѣ). Подъ редакціей В. В. Чуйко. Съ портр. поэта, его біографіей и 41 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 3 р.

Н. В. ГОГОЛЬ

Н. В. ГОГОЛЯ

въ одномъ томѣ подъ редакціей П. В. Быкова. Съ жизнеописаніемъ писателя, портретами, рисунками, относящимися къ его жизни и съ 32 отдѣльными картинами худ. В. А. Табурина. Первое стереотипное изданіе. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 3 р.

С. Т. АКСАКОВЪ

В. Г. БЕНЕДИКТОВА

въ 2-хъ томахъ подъ редакціей Я. П. Полонскаго. Второе посмертное изданіе съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., въ изящномъ золототисненномъ коленк. переплетѣ 3 рубля.

Н. И. ГНѢДИЧЪ

Н. И. ГНѢДИЧА

въ 6-ти томахъ. Съ портрет. автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ). Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

О. И. МЕДЫНИКОВЪ

ВЛАДИМІРЪ ДАЛЬ

(Казакъ Луганскій)

въ 10-ти томахъ. 1-е посмертное полное изданіе, свѣренное и просмотрѣнное по рукописямъ автора. Съ портретомъ В. И. Даля, критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. И. Мельниковымъ (Андреемъ Печерскимъ) и автобіограф. запиской. Ц. въ 10-ти изящныхъ переплетахъ 12 рублей.

ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

въ 12-ти томахъ. Въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціею П. В. Быкова. Съ портретомъ Гейне, критико-біографическимъ очеркомъ, составл. В. В. Чуйко и многочисленными иллюстраціями художниковъ: проф.: Шумана, І. Грота, К. Бауера и др. Ц. 9 руб., въ переплетѣ 12 рублей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ.

РИСУНОКЪ ПЕРЕПЛЕТА

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ

РИСУНОКЪ ПЕРЕПЛЕТА

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

И. Н. ЛАЖЕЧНИКОВА

въ 12-ти томахъ. Первое посмертное полное изданіе. Съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей, составл. С. А. Венгеровымъ. Ц. 12 руб., въ переплетѣ 15 рублей.

Д. И. СТАХѢЕВА

въ 12-ти томахъ. Съ біографіей М. Никольскаго, критическимъ этюдомъ П. В. Быкова и портретами автора. Ц. 9 руб., въ переплетѣ 12 руб.

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

въ 24 изящно перепл. томахъ. 2-е посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ автора, съ критико-біографическими очерками В. Зелинскаго и П. Анненкова, съ нѣсколькими портретами и автографомъ писателя. Болѣе 7,000 страницъ текста. Ц. 24 рубля.

П. И. МЕЛЬНИКОВА

(Андрея Печерскаго)

въ 14 томахъ. 1-е посмертное полное изданіе, съ критико-біографическимъ очеркомъ П. Усова, характеристикою, составленною А. П. Милюковымъ; съ 4 портретами и 6 рис., относящимися къ жизни П. И. Мельникова. Болѣе 5,000 стр. текста. Ц. 14 руб., въ изящныхъ переплетахъ 18 руб.

М. Н. ЗАГОСКИНА

въ 12 томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ П. В. Быкова и портретомъ пис. Ц. 4 р. 50 к., въ переплетѣ 6 р. 50 коп.

ПРЕОСВ. ИННОКЕНТІЯ

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО и ТАВРИЧЕСКАГО

въ 12 томахъ. Съ портрет. святителя и его біографіей. Ц. 8 р., въ перепл. 12 р.

АДАМА МИЦКЕВИЧА

въ 4-хъ томахъ съ иллюстраціями. Подъ редакціей П. Н. Полевого. Ц. 4 р., въ 2 изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 5 руб. 50 коп.

САМУИЛА СМАЙЛЬСА

въ 6-ти томахъ. Подъ редакціею М. Н. Никольскаго. Съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 4 р. 50 к., въ переплетѣ 6 рублей.

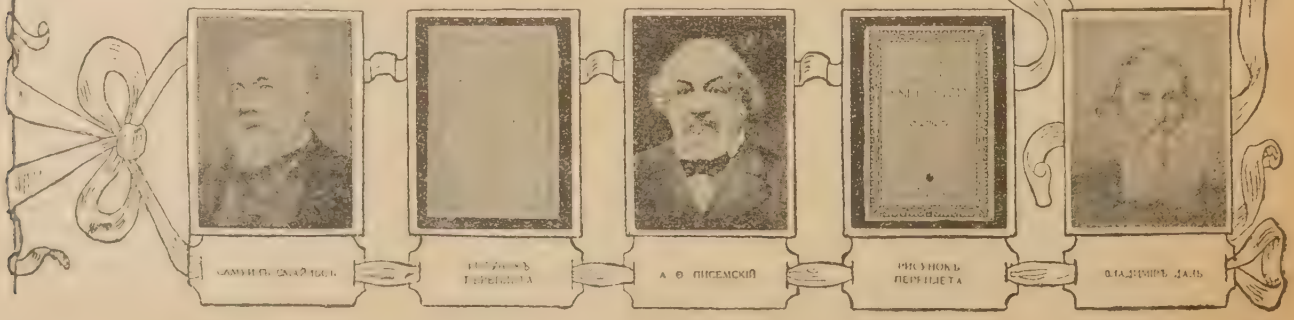
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

В. Г. БЕНЕДИКТОВЪ

Н. И. ГНѢДИЧЪ

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ


САМУИЛЪ СМАЙЛЬСЪ. | РИСУНОКЪ ПЕРЕПЛЕТА | А. Ѳ. ПИСЕМСКІЙ | РИСУНОКЪ ПЕРЕПЛЕТА | ВЛАДИМІРЪ ДАЛЬ